

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

*QCA

55

1847

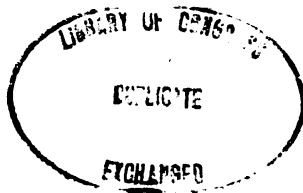
mm

*GCA

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

Копия

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

Beatae plane aures, quae non
vocem foris sonantem, sed intus
auscultant veritatem docentem.

Gersonius.

ТОМЪ LV.

ВЪ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГѢ
ИЗДАНО
ВЪ
ТИПОГРАФИИ
И. ГЛАЗУНОВА

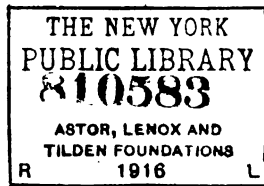
—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ И. ГЛАЗУНОВА И КОМП.

—

1847.

NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ.**

Санктпетербургъ, 31 октября 1847 года.

Ценсоры: А. Крыловъ и А. Мещанинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТЬДЕСЯТЬ-ПЯТАГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

	Стр.		Стр.
I. СЛОВЕСНОСТЬ.		IV. ДОМОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВООБЩЕ.	
✓ Противорѣчія. Повѣсть М. Непанова	1	Взглядъ на современное состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи. <i>Статьи восьмая и девятая.</i> Благорова Э. Унгернъ-Штернберга	1 и 23
Домби и Смиль. Романъ Чарльза Диккенса. Переводъ съ англійскаго А. П. Бутакова. <i>Части четвертая и пятая</i>	91 и 229	V. КРИТИКА.	
Двѣ Діаны. Романъ Александра Дюма. <i>Части восьмая и девятая (последняя).</i>	171 и 313	Опытъ о народномъ богатствѣ или о началахъ политической экономіи. А. Бутовскаго. <i>Статьи первая и вторая (последняя).</i> 1 и 35	
Изъ Записокъ Человѣка. Сто-Одного	300	Справочный Энциклопедическій Словарь. Изд. Крайя. Томъ шестой. Часть I. И, I, Кап, и часть II, Кап-Кях.	67
Хозяйка. Повѣсть Э. М. Достоевскаго. <i>Часть вторая (последняя)</i>	381	VI. БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.	
II. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.		1) <i>Русскія книги, вышедшія въ октябрь и ноябрь 1847 года.</i>	
✓ Антонио Пересъ и Филиппъ II. Соч. Миньё. <i>Статья вторая</i>	1	Калевала. Морица Эмана	1
✓ Физіологія Человѣческаго Мозга. М. С. Волкова. <i>Статьи первая и вторая</i>	34 и	Басни И. А. Крылова, полное второе изданіе	4
Консульство и Имперія. Соч. Тьера. <i>Часть пятнадцатая</i>	95	Морской Разбойникъ, Е. Сю	—
III. СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССІИ.		Первые Опыты Военной Статистики, Д. Милютина	5
Обозрѣніе современнаго движенія русскаго законодательства и распоряженій по государственному управленію за сентябрь и октябрь 1847 года.	1 и 7	Предварительный Курсъ Астрономіи, Д. Первозщикова. Изд. 2.	11
Событія въ отечествѣ за тѣ же мѣсяцы того же года.	4 и 11	Курсъ Физической Географіи, соч. В. Петровскаго	15
		Творенія св. Григорія Богослова, часть пятая (стихотворенія).	18

Стр.		Стр.
	Духовныя Стихотворенія. Н. Голищева	79
18	Учебная Книга Россійскаго Гражданскаго Судостройства и Судебнаго Дѣлопроизводства, соч. П. Дегаа	83
—	Карманная Историческая Библиотека: Исторія Пруссіи, пер. В. Модестовъ	91
19	Исторія Консульства и Имперіи во Франціи, соч. А. Тьера, перев. Коки, Т. VI, Ч. 7	—
20	Логика, соч. Н. Зубовскаго	92
21	Приложеніе Алгебры къ рѣшенію Геометрическихъ Задачь, сост. А. Н. К. Больмаиъ	93
22	Арифметика, сост. А. Кивдеревъ. Изд. 2-е	94
23	Арифметическіе Листки, сост. П. Гурьевымъ. Изд. 2-е	—
25	Начальныя Основанія Геометріи, соч. Сиролла, часть 1.	103
26	Греческо-Русскій Словарь, А. К.	104
27	Краткая Латинская Грамматика. И. Г. Зейденштюкера: Начальныя Правила для обученія французскому языку	110
28	Педагогическая Гимнастика	—
29	Дѣтскія Повѣсти и Стихотворенія Буква В	112
30	Совѣты о Холерѣ	—
32	Наставленіе какъ должно составлять врачебно психологическія свидѣтельства	113
33	Управитель Русскаго Имѣнія	117
34	О Винокуреніи	119
35	Хозяйственныя Опыты тридцатилѣтней практики	—
36	Записки о Екатеринѣ-Великой, А. М. Грибовскаго	118
37	Китай, соч. монаха Іакима	119
38	Путешествіе къ семи церквамъ, упоминаемымъ въ Апокалипсисѣ, А. Норова	—
39	Творенія Святыхъ Отцовъ, годъ пятый, кн. 3.	120
40	Руководство къ познанію Кавказа, М. С., кн. вторая	125
41	Статистическое Обзореніе Коннозаводства въ Россіи	129
42	Краткая дѣтская грамматическая дѣятельности въ Россіи, В. Полюцова	—
43	Греческо-Русскій Словарь, г. Косовича	129
44	Справочный Энциклопедическій Словарь, изд. К. Крайи, т. VI. Новая Пальмовая Оранжерея Имп. С. Петербургскаго Ботаническаго Сада	—
45	Краткое Описаніе Холеры, А. Поля	92
46	Объ употребленіи въ медницѣ паровъ сѣрнаго воздуха, Н. Макакова	93
47	Записки Стратегіи, М. Богдановича	94
48	Очеркъ современнаго состоянія стратегіи, г. Нефлова	—
49	Нѣсколько словъ о военномъ красоворччіи, П. Лебедева	103
50	Исторія Люгни, китайская драма	104
51	Отелло на Пескахъ, П. Каратыгина	110
52	Три Испушенія, вод. И. Аничкова	—
53	Семейная Война, вод.	111
54	Нѣкоторыя изъ духовныхъ стихотвореній П. Михайловскаго	—
55	Иреченія и Анекдоты Великихъ Мужей Древности	112
56	Краткое Начертаніе Исторіи Государства Польскаго	—
57	Руководство къ первоначальному изученію рисованія, К. Т.	113
58	Собраніе разсказовъ и пр. для упражненія въ переводахъ	117
59	Самоучитель Нѣмецкаго Языка	—
60	Карманная книга французско-нѣмецко-русскихъ разговоровъ, по Э. Курсье	118
61	Теорія Бильярдной Игры	119
62	Образцовый Письмовникъ	—
63	Шарженкія Письма, Н. Греча	120
64	Фигурантка, А. Соколовскаго	125
65	Приложенія Ровы-Маріи, соч. Поль-де-Кока	129
66	2) Книги, издаваемыя въ Россіи на иностранныхъ языкахъ:	
67	Memoires de la Société d'Archéologie et de Numismatique, par В. Köhne	—

Cours de littérature française . . .	Стр. 43
Nouvelles morales et historiques, par D. F . . .	46
Mittheilungen de Kaiserl freieh Okonome-Gesellschaft . . .	—
Vermischte Abhandlungen aus dem Gebiete der Heilkunde, von einer Gesellschaft practicher Aerzte zu St. Petersburg . . .	47
Fragmente aus der Geschichte der Medicin in Russland, von M. Heine . . .	48
Die christliche Lehre . . .	50
Hydrographie des Russischen Reiches, von I. Ch. Stuckenberg . . .	129
La Banque française, par Ch. Diemer . . .	130
3) Библиографическія и журнальныя извѣстія . . .	51

VII. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

<i>Французская Литература:</i> Труды по части исторіи философіи и философіи исторіи: Кузень, Де-Жерандо, Давироль, герцогъ Карманъ, Вильмъ. — Исторія Германской Философіи отъ Канта до Гегеля. — Джіордано Бруно, соч. Бартоломесса. — Исторіи Французской Революціи: Лун Блаузъ, Мишлѣ, Барантъ. <i>Германская Литература</i> Исторія Реформации въ Германіи до аугсбургскаго шира, соч. доктора Хр. Вилью Спикера. — Дюгана, соч. графини Идуны Г... Г... и романы графини Ганъ-Ганъ.	1
--	---

VIII. СМѢСЬ.

Рассказы о сибирскихъ золотыхъ приискахъ. <i>Статьи ямал и шестал.</i> (Баратузъ. — Сборы на прииски. — Отправленіе въ минусинскую тайгу. — Переправы. — Комаръ и мошка. — Зимовья. — Ночевка. — Пища — Таежная дорога. — Заявки. — Отправленіе въ шурфовку. — Приисковые врмачики. — Отписывавіе при-	39
--	----

иска. — Рабочіе. — Наемка и расчеты ихъ. — Шурфы. — Какъ копать золото. — Помесовыя партіи — Огражденіе правъ на явленныя шеста — Какъ ищутъ золото — Развѣдка прииска. — Предварительныя работы. — Обзаведеніе прииска. — Приискъ разрабатывающійся. — Заботливость о рабочемъ классѣ. — Фабрика или промыслаи) П. Н. 1 и Редуть-Кале. К. Спасскаго-Автономова	97
Изъ путевыхъ впечатлѣній туриста: Кѣльскій Соборъ. (Пронсхожденіе готическаго водчества; — Египетскія пирамиды. — Архитектура нашего времени; — Сравненіе съ греческою архитектурой). Н. Б Герсеванова. Русскія преданія. Солдатка. К. А. Авдеевой	21
Нѣчто о свеклосахарной промышленности въ Россіи. Б. В. К.	42
Корсунскій Старообрядческій Монастырь на Дибурѣ (Изъ Путевыхъ Записокъ о Крымѣ). Г. Н. Спасскаго	45
Тарантелла. Разсказъ.	124
Наблюденія надъ холерою, Радемахера	127
143	

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Санктпетербургская Академія Художествъ: общее собраніе; теорія изящнаго и отчетъ за 1846-1847 академическій годъ. — Годичная выставка Академіи Художествъ и размышленія по этому поводу. — Нѣсколько словъ объ увертюрѣ Оберновъ, переложенной для фортепьяно Гензельтомъ. — Прималовна санктпетербургской италянскон оперы г-жа Фрецолини. — Г-жа Плесси въ пьесѣ Une Maitresse Apopume. — Уральская экспедиція, отправленная Русскимъ Географическимъ Обществомъ. — Санктпетербургскій Университетъ. — Народныя школы въ	
--	--

Ватской Губернии. — Потребность курить и нюхать табакъ въ Россіи. — Пожарныя цифры 1846 г. — Бѣдствія въ Костромѣ. — Забѣчательная черта благотворительности. — «Ералашъ». — Превращенія: вопроса «о жестокости въ обращеніи съ животными» въ вопросъ «о жестокости вообще и о животныхъ въ особенности»; — толковъ «о древне-болгарской литературѣ» въ толки объученой благонамѣренности; — «Вѣстника» въ «Обозрѣніи», и пр.

Нѣсколько словъ о полнотѣ и характерѣ извѣстій о холерѣ, о метеорологическихъ и другихъ явленіяхъ. — Русское Географическое Общество: лѣтнія занятія Общества, уральская экспедиція, смертность въ С. Петербургѣ, вопросъ объ изученіи Средней-Азійи. — Минералогическое Общество: геогностическія изслѣдованія С. С. Куторги. — Москва въ 1846 году. — Фабрики и мануфактуры въ Россіи. — Состояніе російско-американскихъ колоній. — Одесскій портъ. Сушильня князя Щербатова и графа Долова. — Пожары въ послѣдніе три мѣсяца. — Зимнія дороги. — L'Artiste Russe, г. Гилью. — Отъ В. И. Дала. . . 149

Заграничныя новости: Колетти. — Учебныя заведенія въ Германіи и въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. — Почты въ Англіи. — Гутта-перча. — Каучукъ г. Гудера. — Опыты г. Жака на надъ алмазомъ. — Искусственные камни г. Эбельмена. — Картина Рафаэля «Лоретская Богоматерь». — Французскій те-

51

атръ: распоряженія дирекцій, новыя пьесы: Двумужника (La Femme à deux maris); Внушка Нико (La Filleule de Nicot); Рысый Волосъ (Un Cheveu Blond); Пробужденіе Льва (Le Reveil du Lion). — Итальянская опера въ Парижѣ. — Литературныя новости. — Новая концертная зала въ Парижѣ. — Статистика шампанскаго. — Мелочи. . . . 8

Хлороформъ — новое усыпляющее средство при хирургическихъ операціяхъ. — Опыты Исидора Жофруа Сент-Илера надъ оклиматизированіемъ животныхъ. — Питательный аппаратъ номара. — Браунаускіе аэролаты. — Новыя шлюзные ворота — Крыши безъ стропилъ. — Александръ Броньяръ и его ученые заслуги. — Кантонъ Базель, его торговля и ленточная промышленность. — Новости французской литературы. — Отзывъ г. Пелльтана объ «Исторіи Французской Революціи» Луи Блана; отзывъ автора и возраженіе г. Пелльтана. — Новости парижскихъ театровъ: Дженни Ливль и Альбони, Карлотта Гриси и Фанни Черито; балетъ «Fille de Marbre», комедія «les Aristocraties», трагедія г-жи Эмиль-Жирарденъ «Клеопатра». — Уголовный судъ надъ красодеревцемъ Васисусомъ. — Папа Пій IX и негръ Бако. — Кардиналъ Ламбускини и папа. — Алжирскій журналъ. — Новый слухъ о картинѣ Рафаэля «Лоретская Богоматерь». — Мелочи. . . . 181

Моды (съ двумя парижскими картинками).

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ.

I.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОТНВОРЪЧІЯ.

Повѣсть изъ повседневной жизни.

(В. А. Милютину.)

Natura duce utendum est: hanc ratio observat, hanc consulit: idem est ergo beate vivere, et secundum Naturam.

СНИСЛА, De vita beata, cap. 8.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

По-истинѣ, я нахожусь въ рѣшительномъ затрудненіи передъ вами, читатель. Конечно, я много слышалъ о вашей снисходительности и благосклонности къ пишущей братіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ, видя литературу наводненною отсюду повѣстями съ такъ-называемыми занимательными сюжетцами, я сильно боюсь за мою нехитрую повѣсть. Я самъ согласенъ, что гораздо-лучше было бы, еслибъ и за завтракомъ — шипучаго, и за обѣдомъ — шипучаго, и за ужиномъ — тоже шипучаго; но въ томъ-то и сила, что такое радостное положеніе вещей является только въ видѣ исключенія, и то весьма и весьма рѣдкаго, а въ действительности-то люди болѣею частію обходятся не только безъ шипучаго, но и безъ обѣда... Что же мнѣ дѣлать? какъ выйти изъ затруднительнаго положенія? Рѣшительно, остается одно только утѣшеніе —

Т. LV. — Отд. I.

надежда на добродушіе и снисходительность вашу. Разумѣетея, я могъ бы и вовсе не печатать этой повѣсти, но... но — вотъ видите ли — это «но» еще болѣе увеличиваетъ мое затрудненіе...

А съ другой стороны, трескучіе эффе́кты, кажется, начинаютъ надобѣдать; балаганные динертисманы съ великолѣпными спектаклями выходятъ изъ моды; публика чувствуетъ потребность отдохнуть отъ этого шума, которымъ ее столько времени тѣшили скоморохи всякаго рода, опомниться отъ неистовыхъ воплей и кровавыхъ зрѣлищъ, которые притупили ея слухъ, испортили зрѣніе. Всѣ эти соображенія, вмѣстѣ взятые... Но тутъ перо мое снова отказывается писать, и я поневолѣ нахожусь въ невозможности договорить начатую фразу.

Есть еще одно обстоятельство, которое заставляетъ меня представить читателю предлагающую повѣсть. Человѣкъ, въ ней дѣйствующій, былъ однимъ изъ лучшихъ моихъ друзей, въ которому я не мало былъ нѣкогда привязанъ. Конечно, это была странная и даже нѣсколько тяжелая, неуживчивая натура, но онъ самъ такъ глубоко понималъ свои недостатки, такъ много страдалъ отъ нихъ въ своей жизни, что нельзя было не сочувствовать ему, не сожалѣть объ немъ. Я давно уже потерялъ его изъ виду: гдѣ онъ и что съ нимъ случилось, — что до того? Дѣло въ томъ, что, имѣя въ настоящую минуту въ рукахъ своихъ много бумагъ, относящихся до его жизни, большую часть которыхъ составляютъ его собственныя письма, писанныя къ различнымъ лицамъ, и изучая на свободѣ эту личность, я нашелъ въ ней такъ много примѣчательнаго и достойнаго размышленія, что рѣшился представить ихъ на судъ публики. Понуда издаю только одну часть этихъ бумагъ; отъ приѣма, который онъ заслужитъ у читателей, будетъ завсѣгдѣ видѣть въ печати и еще нѣсколько отрывковъ.

Во всякомъ случаѣ, слагая съ себя всякую отвѣтственность за достоинство и содержаніе предлагаемыхъ писемъ, смѣю увѣрить, что я въ этомъ случаѣ не болѣе, какъ добросовѣстный издатель ихъ.

=

Отъ Нагибина къ г. NN.

Село Рялово.

И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью.....

Вотъ въ какомъ положеніи застало меня любезное письмо ваше! Оно, правда, если хладнокровно разсудить, нынче желѣзнымъ стихомъ никому не угрозишь — не то, что въ бывалое время; да ужъ такъ, болѣе для метафоры, отъ бездѣлья съ языка сорвалось, да и память незабвеннаго поэта почтить чѣмъ-нибудь надо.

Но письмо ваше — эта юная, благоухающая элегія неопытнаго сердца, разогнало мизантропическое настроеніе духа моего; оно напомнило мнѣ лучшіе годы моей молодости, тѣ годы, когда сердце человѣка, полное трепетныхъ предчувствій, полное неяснаго

и несознаннаго еще будущаго, ко всему стремится, все пріемлетъ, и жадно ищетъ предмета, къ которому могло бы оно привязаться, съ которымъ могло бы составить одно нераздѣльное и неслитное цѣлое (въ юности безсмыслица позволительна и даже въ нѣкоторой степени нужна). Это, коли хотите, довольно-неестественное состояніе, но тѣмъ не менѣе полное прелести и обаяніа. Неестественно оно, потому-что пожирающая насъ жажда привязанности не имѣетъ предметомъ чего-либо дѣйствительнаго, напротивъ, мы съ какимъ-то презрѣніемъ отворачиваемся отъ той среды, въ которой живемъ, и создаемъ себѣ особый мечтательный міръ, который населяемъ призраками своего воображенія, въ которомъ находимъ удовлетвореніе всѣмъ лучшимъ, задушевнымъ желаніямъ нашимъ, однимъ словомъ, такой міръ, гдѣ мы волшебники, гдѣ по манію нашему являются уставленные яствами столы, являются чудныя, свѣтлоокія женщины съ распростертыми объятіями, съ жгучими поцалуями и неизсякаемою нѣгою въ глазахъ... Вотъ-съ, какія удивительныя дѣла на яву намъ снятся! Мудрено ли же, что послѣ такихъ вкусныхъ умственныхъ обѣдовъ и не менѣе вкусныхъ объятій, обѣдъ отъ кухмистра ужь и не нравится, а зѣ объятіяхъ какой-нибудь Дунаши (весьма, впрочемъ, достойной дѣвицы) покажется и тѣсно и душно. Душа ищетъ простора и свѣта, а ей дають комнатку въ три аршина и окнами на помойную яму; душа хочетъ сгорѣть отъ томленія и тоски наслажденія, а ей предлагаютъ весьма-умѣренную теплоту, градусовъ въ двадцать по Реомюру. Гдѣ же тутъ сгорѣть, гдѣ тутъ разгуляться? Вездѣ тѣсно, вездѣ холодно! Конечно, ни горѣть, ни гулять не слѣдуетъ, а слѣдуетъ жить и учиться, но, повторяю, все это весьма-извинительно въ молодости, все объясняется и воспитаніемъ, болѣе-наклоннымъ къ пустой мечтательности, нежели къ трезвому взгляду на жизнь, и кругомъ занятій нашихъ, которыя ограничиваются только спекулативными науками, такъ-что человѣкъ, вмѣсто того, чтобъ изучать науку съ начала, изучаетъ ее съ конца, а потомъ и жалуется, что ничего понять не можетъ въ этомъ вавилонскомъ столпотвореніи.

Такое воспитаніе совершенно губить насъ; истощенный безпрестаннымъ умственнымъ развратомъ, человѣкъ уже теряетъ смѣлость взглянуть въ глаза дѣйствительности, не имѣетъ довольно энергій, чтобъ обнажить сокровенныя пружины и объяснить себѣ кажущіяся противорѣчія ея. Спекулативныя науки напыщаютъ умъ человѣка, дѣлають его скептикомъ, такъ-что послѣ онъ ужь и хвалится своимъ скептицизмомъ, и говорить, что въ немъ-то весь шикъ, послѣднее слово философіи. Вотъ, къ какимъ печальнымъ результатамъ приводитъ эта милая юношеская наивность, это простодушное стремленіе любви къ чему и какъ попало, лишь бы любить, а тамъ—хоть пропади и разрусь весь міръ.

Но чтó понятно и извинительно въ молодости, то не всегда прилично человѣку, хоть нѣсколько-вышедшему изъ пеленокъ привычки.

Черезъ шесть лѣтъ по выходѣ изъ школы, оставаться все тѣмъ же студентомъ, все тѣмъ же пламеннымъ поклонникомъ ксиса, говорить только о человѣчествѣ и забывать о человѣкѣ — глупе, не только глупо, но и подло. Нѣтъ! пора пройти періоду животиннаго развитія, пора объяснить себѣ, что старый жилеть все-таки старый жилеть—ни болѣе, ни менѣе, и если былъ онъ свидѣтелемъ какого-либо мгновенія нашей жизни, то совершенно невинно, да и мгновение-то ужь давно прошло. Пора намъ стать твердою ногою на землѣ, а не развращать себя праздными созданіями полупьяной фантазіи; пора объяснить себѣ эту стоглавую гидру, которая зовется дѣйствительностью, посмотреть, точно ли такъ гнусна и неумыта она, какъ описывали намъ ее учителя наши, и если это такъ, то какія причины этой разрозненности частей цѣлаго, и нѣтъ ли въ самой этой борьбѣ, въ самой этой разрывчатости смысла глубокаго и зачатка будущаго... Не-уже-ли всю жизнь сочинять стихотворенія, и не пора ли заговорить простою, здоровою прозою?

Вотъ и вы, на-примѣръ, любезный другъ, настроя лиру свою на тонъ унылый, негодуете на безсмысліе обстоятельствъ, поглотившихъ въ себѣ, какъ въ бездонной пучинѣ, всѣ лучшія свойства человѣка: его способность къ самоотверженію, добродѣтели и любви, и давняго развитіе одному только чувству эгоизма. Милый мой, вы и не замѣчаете, что именно вы потому и ропщете, потому и трудно и тяжело вамъ жить, что нѣтъ выхода ваньему эгоизму. Хотѣть, чтобъ человѣкъ пересталъ быть эгоистомъ, значить хотѣть, чтобъ онъ пересталъ быть человѣкомъ, потому-что эгоизмъ, наконецъ, есть опредѣленіе человѣка, сущность его; въ эгоизмѣ весь человѣкъ, а внѣ его одно безразличіе. Я знаю очень-много господъ, которые, сытно пообѣдавъ, громятъ отъ нечего дѣлать дѣйствительность, меркантильное направленіе вѣка, и разожженная мало-по-малу всякимъ нравственнымъ развратомъ фантазія ихъ разыгрывается, и стоящіе вокругъ съ разинутыми ртами лакеи съ изумленіемъ слушаютъ, какъ господа разсуждаютъ о правахъ всѣхъ и каждаго на наслажденіе жизнью, и всѣмъ обѣщаютъ равенство... въ будущей жизни. Конечно, оно иногда пріятно помечтать о томъ, что было бы, еслибъ было вотъ такъ, а не вотъ этакъ, но вѣдь мечтать обо всемъ можно, даже и о томъ, что было бы, еслибъ ничего не было!

Во всякомъ случаѣ, подобныя разсужденія болѣе пріятны, нежели полезны, потому-что дѣйствительности-то все-таки перемѣнить нельзя, какъ нельзя, чтобъ дважды-два было не четыре, а пять; потому-что она сама не что иное, какъ результатъ, произведеніе, въ которомъ и множитель и множимое равно намъ даны, какъ фактъ глухой, нестерпящій разсужденій.

Человѣкъ не одинъ на землѣ; внѣ его существуетъ другой, отличный отъ него міръ, который онъ долженъ; однакожь, понять, какъ необходимое дополненіе себѣ — скажу болѣе, безъ котораго

онъ самъ себя понимать не можетъ. И въ этомъ-то усвоеніи чело-
вѣкомъ вѣшняго міра, въ этомъ уясненіи отношеній своихъ къ
нему и состоитъ главная задача, весь смыслъ его жизни. Задача
огромная, и согласитесь, что челоѣкъ-младенецъ не могъ рѣ-
шить ея, потому-что не было у него ни опытности, ни знанія
вещей, съ которыми обращался, а дорѣтъ къ пріобрѣтенію и то-
го и другаго безчисленное множество; кто можетъ поручиться,
которая дѣйствительно истинна? Можно ручаться только за то, ято,
разъ избравъ себѣ путь, челоѣкъ не измѣнитъ ему и логически
вѣрно разовѣсть всѣ крайніе предѣлы отправнаго пункта. Вотъ
вамъ и тайна происхожденія зла, вотъ и тайна разумности су-
щаго.

Вы спросите, можетъ-быть, меня, что же будетъ, когда чело-
вѣкъ исполнитъ свою задачу, когда онъ опредѣлитъ свои отноше-
нія къ вѣшнему міру, когда эта столько лѣтъ разрозненная анти-
номія—челоѣкъ и вѣшняя природа сольется наконецъ въ одинъ
величественный синтезъ? Отвѣчаю: тогда прекращается прогрессъ
челоѣка, тогда наступаетъ періодъ его успокоенія, и такъ-какъ
жизнь обуславливается движеніемъ и исключаетъ идею инерціи—
наступаетъ періодъ смерти...

Тяжело мнѣ писать вамъ это, тяжело смущать васъ; но вѣдь
все равно, какъ ни возьмитесь, результатъ все одинъ и тотъ же;
материалистъ ли вы, или идеалистъ, оправдываете ли дѣйствитель-
ность, или не признаете ея разумности; если вы послѣдовательны,
то, хоть противъ себя, а все же прійдете къ одному всепогло-
щающему концу — смерти, ибо, во всякомъ случаѣ, результатомъ
всѣхъ этихъ системъ лежитъ одна и та же вѣнчающая ихъ идея
счастія, равносильная смерти.

Но я, можетъ-быть, и надоѣлъ уже вамъ, самовольно взявъ на
себя роль ментора, и потому, кончая здѣсь письмо свое, обеща-
юсь въ слѣдующій разъ быть менѣе правоучительнымъ и болѣе
разнообразнымъ. Въ настоящую минуту, я еще такъ мало вгля-
дѣлся въ окружающихъ меня людей, что рѣшительно ничего не
имѣю сказать вамъ о житіѣ-бытіѣ своемъ. А впрочемъ, и впе-
редь все-таки за разнообразіе поручиться не могу, потому-что въ
жизни-то его не обрѣтается, потому-что декорации-то ея все одинъ
и тѣ же: сегодня день и завтра день; а въ этомъ я, право, ужъ
не виноватъ!

Отъ того же къ тому же.

... Надо вамъ сказать, что я состою теперь на кондиціяхъ у
одного довольно-богатаго помѣщика, г. Крошина, близкаго сосѣда
моего отца. Онъ даетъ мнѣ пятьсотъ рублей, удовольствіе жить
въ деревнѣ и хорошіи столъ въ-продолженіе трехъ мѣсяцевъ; я же,

съ своей стороны, обязанъ научить въ это время разному ученю двухъ его сыновей и сдѣлать ихъ способными къ поступленію въ гимназію. Обязанность, какъ видите, быть въ нѣкоторомъ смыслѣ волшебникомъ, что не мало льститъ моему самолюбію. Конечно, Крошинъ воображаетъ, что онъ дѣлаетъ этимъ мнѣ и моему семейству благодѣяніе, что онъ, по свойственнымъ всѣмъ такого рода людямъ не деликатности, и далъ мнѣ замѣтить... Впрочемъ, я не обращаю на это большаго вниманія.

Замѣтите, однако, мой милый, что человѣкъ богатый, какъ бы мягокъ и цивилизованъ ни былъ, коль-скоро принимаетъ услуги бѣднаго, непременно дастъ ему почувствовать всю тяжесть своего мнимаго благодѣянія. И въ этомъ отношеніи чѣмъ голье, чѣмъ грубѣе выразится это напоминаніе, тѣмъ оно легче, тѣмъ сноснѣе для того, на кого падаетъ. И образованный человѣкъ, ужь по одному тому, что онъ имѣетъ, а я не имѣю, все-таки не на столько отказался отъ общественныхъ предразсудковъ, чтобъ не видѣть простаго наемника въ человѣкѣ, котораго услугою онъ пользуется; но такъ-какъ онъ понимаетъ, что имѣть и не имѣть вовсе не отъ насъ зависитъ, что ато болѣе игра случая, нежели результатъ разумныхъ причинъ, то и старается всячески сгладить, сдѣлать непримѣтнымъ разстояніе, которое раздѣляетъ имущаго отъ неимущаго. Но увѣряю васъ, этотъ невинный эклектизмъ гораздо-невыносимѣе для человѣка мыслящаго, нежели всякія медвѣжьи выходки степнаго невѣжды, и мнѣ всегда становится неловко, когда я вижу, какъ стережетъ себя, какъ взвѣшиваетъ человѣкъ каждое свое слово, чтобъ не оскорбило оно васъ: и не понимаетъ онъ, добродѣтельный, но глупый, что это-то самое и обличаетъ въ немъ молчаливое признаніе своего превосходства надъ наемникомъ.

Прошу васъ, однакоже, извинить меня за мои отступленія: это ужь такая болѣзнь — ничему не довѣряться, ничего не принимать, не анализировавъ напередъ вещи въ самыхъ малѣйшихъ ея отѣнкахъ. Итакъ, удовлетворивъ этой потребности, продолжаю свой разсказъ. И, во-первыхъ, опишу вамъ семейство Крошинныхъ.

Какихъ, подумаете, нѣтъ на свѣтѣ людей! сколько предметовъ для изученія, сколько оригинальныхъ, совершенно-особенныхъ типовъ остались никѣмъ незамѣченными, никѣмъ неизъясненными! Дѣйствительно, въ публичной жизни эти люди какъ-будто бы стираются, подходятъ подъ общій уровень: ничего яркаго, ничего опредѣленнаго! Всѣ они, съ немногими развѣ исключеніями, какъ-будто вылились въ одну формулу: добрый христіанинъ, почтенный отецъ семейства, благонамѣренный гражданинъ, другъ человѣчества... и болѣе ничего не скажете вы, какъ ни ломайте себѣ голову. И никогда не узнаете человѣка, покуда сѣдите объ немъ только по публичнымъ его отношеніямъ, пока не спуститесь въ самую тѣсную сферу — на задній дворъ его жизни, гдѣ тянется она, блѣдная и вялая, часъ за часомъ, какъ та сказка о черной и бурой коровѣ, кото-

рою надоѣдали намъ въ дѣтствѣ наши мамки. Тамъ-то, среди этого сора и пыли, называемаго хозяйствомъ, полный разгулъ его скопидомскому эгоизму; тамъ цѣлые дни, какъ кротъ, неумынно роется и копышится онъ, весь въ салтѣ и грязи, самъ не отдавая себѣ полнаго отчета—зачѣмъ и почему. И куда дѣвались это благоприличіе, эта благонамѣренность, эта пріятная улыбка, благосклонный взглядъ? Исчезло все, какъ по волшебному манію!.. Осталась какая-то слякоть...

И если вы человѣкъ съ эстетическимъ чувствомъ, съ высшими взглядами на жизнь, если въ природѣ вы хотите изучать только изящную ея сторону—и не подходите близко къ этимъ грязнымъ существамъ: они слишкомъ оскорбятъ нѣжные органы ваши. Если же, напротивъ, вы хотите знать жизнь во всѣхъ ея явленіяхъ; если жизнь, какъ бы уродливо она ни выразилась, сама-по-себѣ есть уже отрада и утѣшеніе; если, говорю я, вы сознаете, что солнце, блистающее въ высотѣ, равно озаряетъ дворцы и помойныя ямы, богатство и нищету, добродѣтель и порокъ, въ такомъ случаѣ вы послѣдуете за мною и съ любовью будете изучать мелкую, кропотливую жизнь этихъ выродившихся людей, и — кто знаетъ? можетъ-быть, изъ этого изученія что-нибудь да и выйдеть!

И что за странныя и, по-видимому, безпричинныя противорѣчя представлятъ вамъ эти будничные характеры! Въ нихъ какъ-то спокойно стоятъ-себѣ рядомъ вещи самыя противоположныя, понятія другъ друга уничтожающія: съ одной стороны, самый холодный, расчетливый эгоизмъ, съ другой—покорность самая униженная, доходящая до совершеннаго отрицанія всякаго человѣческаго достоинства; съ одной стороны, жестокость возмущающая, высочайшее равнодушіе, съ другой—великодушіе, любви! Умное и глупое, высокое и смѣшное — и все это вмѣстѣ, все рядомъ и все во имя одного и того же начала добра...

Представьте себѣ, на-примѣръ, хоть такого человѣка, какъ Крошинъ. Иногда на него нападаютъ минуты, по которымъ незнающій его могъ бы заключить, что онъ человѣкъ съ сильною, по-своему, волею, которая заставляетъ преклоняться передъ своимъ неразуміемъ все, встрѣчающееся ей на пути. Совсѣмъ нѣтъ! это на него, что-называется, такой стихъ нашель, а на дѣлѣ-то онъ почтенный отецъ семейства, и такъ далѣе до безконечности, совершенно подъ башмакомъ у своей жены, ходящій каждое воскресенье въ церковь; подтягивающій басомъ дьячку, подающій отпущенію кадило, и больше ничего... Если взглянуть на его внутреннюю жизнь — тоже ничего самостоятельнаго: все одно да одно; встаетъ онъ рано, Богъ-знаетъ для какихъ причинъ, потому-что въ присутствіи его рѣшительно никто не нуждается; потомъ пьетъ чай, потомъ идетъ въ поле, болѣе для проформы, посмотрѣть на работы, и тутъ непременно выругаетъ мужика-лѣнтя, хотя бы и не было никакой причины ругаться, потомъ обѣдаетъ, и за обѣдомъ

непремѣнно бранится, отдыхаетъ, пьетъ чай и опять спитъ... Сегодня такъ, и завтра такъ: я вамъ говорю, что это добрый семьянинъ и прочая, совершенно немѣющийся своей воли, дѣлающій все безсознательно, по привычкѣ, а не по природѣ необходимый съ своими подчиненными, по привычкѣ покорный до самоуничтоженія своей женѣ, которая не даетъ ему ни копейки денегъ.

Но и у этого человѣка есть свой форсъ, своя блажь, и сохрани Богъ, если кто-нибудь вздумаетъ ему противорѣчить въ этомъ случаѣ: онъ забудетъ все, забудетъ обыкновенную свою кротость и покорность, сдѣлается деспотомъ и избьетъ жену. Блажь эта состоитъ именно въ томъ, чтобъ не прерывали привычныхъ его отвлеченій, и если настала для него часъ ругаться—онъ и ругается, и никакое дѣло не отвлечетъ его; какъ у всѣхъ слабыхъ, упрямство замѣняетъ въ немъ силу воли, и имъ хочетъ онъ выразить, что онъ глава въ домѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, никто ему и не прекословить, никто и не обращаетъ на него вниманія, потому-что всѣ знаютъ, что пройдетъ часъ — и сердце пройдетъ, и будетъ онъ въ слѣдующій часъ опять добродѣтеленъ. И потому, будь самый честный человѣкъ и осмѣлся ему противорѣчить—сдѣлаешься злѣйшимъ врагомъ и сопостатомъ его; а лакей, пьяница и мошенникъ, слыветъ въ его мнѣннн за образцоваго именно потому, что поддакиваетъ ему. Около него образовалась даже какая-то особая шайка дѣтляевъ, которыхъ сама Марья Ивановна, со всею своею гигантскою властью, не можетъ уничтожить, которыхъ минуютъ всякія рекрутства и домашнія расправы, врасплохъ застающія виноватаго лакея. Дѣтей своихъ Игнатій Кузмичъ любитъ тоже по привычкѣ, то-есть, суетъ имъ безпрестанно въ ротъ руку для напечатлѣннн на ней поцалуя; но тѣмъ и ограничивается его участіе въ нихъ. Онъ часто говоритъ объ нихъ, о томъ, какъ бы устроить ихъ, но желанія его самыя глупыя, самыя уродливыя.

Мнѣ рассказывалъ одинъ изъ сосѣдей, что когда умерла его старшая замужняя дочь, онъ сталъ передъ ея гробомъ, по-видимому, весьма-опечаленный такую потерю, но горестъ его выразилась самымъ комическимъ образомъ: «Ужъ за что же», говорилъ онъ: «вы насъ оставили? Ужъ за что жъ вы разсердились на насъ? Маленькія вы были — мы васъ воспитали, мадаму для васъ мы наняли, платья вамъ покупали! подросли вы — замужъ мы васъ выдали, приданое вамъ дали! Ѣздили вы къ намъ — лошадей вашихъ овсомъ кормили! ужъ за что вы насъ оставили, за что жъ разсердились на насъ?» Но когда ее похоронили и всѣ гости разошлись, онъ былъ уже равнодушенъ и только спрашивалъ у своихъ фаворитовъ: «что, братъ, Стѣпъ, или что, братъ, Лѣвка, и вѣдь схоронили-то мы ее, кажется, какъ слѣдуетъ... а? кажется, какъ слѣдуетъ?»... и болѣе ничего, какъ-будто и не было у него дочери, какъ-будто онъ и не плакалъ еще за полчаса передъ этимъ.

Съ первою своею женою Крошинъ обращался жестоко, потому-что она была женщина слабого здоровья, обиды и ругательства,

мужа не разбивались объ нее, какъ объ каменную стѣну, а оскорбляли глубоко, вызывали на глазахъ ея слезы, а ему того-то и надобно было, и не было мѣры его буйству, такъ - что и при жизни вѣяло отъ нея какъ-то могилою, какъ-будто-бы умеръ ужъ давно человѣкъ, да похоронить его забываютъ. Съ Марьей Ивановной ужъ другое... то-есть, не то, чтобъ онъ не былъ грубъ по-прежнему, да на него не обращаютъ вниманія, оставляютъ ему для потѣхи его безсильную брань; за то ужъ во всемъ прочемъ располагаютъ имъ какъ куклою, возятъ куда хотятъ, и не знаетъ онъ, что дѣлается у него въ домѣ и въ какомъ положеніи хозяйство. Коли хотите, онъ никогда не цалуетъ у Марьи Ивановны руки, а самъ заставляетъ ее цаловать свою руку при всякомъ удобномъ случаѣ, поносить ее часто при всѣхъ, не жалѣетъ никакихъ обидныхъ намековъ, отрекается отъ своихъ дѣтей, но тутъ же, впрочемъ, не болѣе какъ чрезъ пять минутъ, обращается къ нимъ съ ласками, проситъ прощенія и со слезами на глазахъ бормочетъ имъ всякій вздоръ.

Иногда на Игнатія Кузьмича вдругъ нападаютъ минуты скептицизма: онъ говоритъ, что читалъ Эккартсгаузена и ужъ знаетъ, какъ созданъ міръ... и начинаетъ выводить силлогизмы не совсѣмъ вѣрные. На-примѣръ, на дилъхъ сидѣли мы за ужиномъ; Крошинъ былъ въ апогее скептицизма. «Охъ, ужъ эти миѣ ученые», говорилъ онъ: «все они выдумали! а что и науки-то, и человѣкъ-то что?—тлѣнь, быліе, животное, червь, а не человѣкъ—и въ писаніи сказано! Да вѣдь и собака тоже животное! Ну, человѣкъ животное, собака—животное, вотъ и выходитъ—что человѣкъ, что собака — все одно, все тлѣнь, все земля и въ землю обратится!»

И всего несносиѣе въ этомъ, что по-большей-части съ подобными разсужденіями онъ ко мнѣ обращается!

Такъ вотъ, каковъ глава семейства, въ которомъ я теперь живу. Что касается до Марьи Ивановны... по признаюся вамъ, вотъ ужъ почти три года я знаю ее, а до-сихъ-поръ еще хорошенько не понималъ. Въ послѣднее время, находясь съ нею въ безпрестанныхъ сношеніяхъ, я пристальнѣе вглядывался въ этотъ странный характеръ, и все-таки ничего не могу сказать объ немъ опредѣлительнаго. Несомнѣнно только одно, что въ ней есть всѣ элементы заботливой матери, хорошей хозяйки, даже доброй жены, но все это покрыто какою-то плѣсенью, все это такъ далеко зарыто, что нужно долго всматриваться, чтобъ изъ-за этой грубой женщины увидѣть мать, изъ-за женщины-кулака—бережливую хозяйку. Конечно, и этой невыгодной метаморфозѣ нужно искать источника въ первоначальномъ воспитаніи, и дѣйствительно, по размысленьи зрѣломъ, метаморфоза оказывается весьма-естественною и даже необходимою. Чтобы понять Марью Ивановну, нужно знать, что она съ юныхъ лѣтъ была брошена на произволъ окружавшихъ ее нянекъ, что отецъ ея былъ старый скряга и воспитывалъ ее на мѣдныхъ деньгахъ. До самаго замужства, она была въ подчиненіи у всѣхъ въ домѣ, начиная

отъ отца-скряги и кончая довѣреннымъ его, Степаномъ-Лысымъ, ежедневно приносившимъ барину отчетъ по дѣламъ. Часто слышала она отъ отца только одни, всегда неизмѣнныя слова: «не дурить, Машка, не дурить, поганка! эй, побью, право, побью, крѣпко побью!» и больше ничего; развѣ иногда, въ праздникъ, Иванъ Семеновичъ подзывалъ ее къ себѣ, и, давая четвертакъ, приговаривалъ: «да ты у меня смотри, береги копейку на черный день! а то, не бойсь, приниковъ купишь, сластолюбвица! на тряпье истратишь, чревоугодница! дьяволу послужишь»... и уходилъ обратнo въ комнату, охая и бормоча себѣ подъ носъ: «о-о-охъ, подлець нынче сталъ человѣкъ, мотыга человѣкъ!» — хотя самъ внутренно и радовался, что подлець и мотыга сталъ человѣкъ, потому-что только на этихъ блестящихъ качествахъ и зиждилось все его благополучіе.

Вышла Марья Ивановна замужъ—и отъ этого не стало ей легче. Конечно, теперь она вздохнула свободно; но этотъ вздохъ былъ не въ ея пользу. Будь у нея другой мужъ — изъ нея, можетъ-быть, и вышло бы что-нибудь; но вы поняли изъ предъидущаго, что такое Игнатій Кузьмичъ, и Марья Ивановна точно такъ же поняла его. Въ дѣтствѣ, она была бита, теперь желаетъ сама проявиться въ личности другихъ; въ дѣтствѣ она была въ подчиненіи и у Ефремки и у Стѣпки, теперь она барыня и задастъ себя знать и Ефремкѣ, и Стѣпкѣ, и чадамъ ихъ. И любо иногда смотрѣть, какъ она распоряжается! Въ дѣтствѣ она жила среди лишеній, и, слѣдовательно, имѣла все время, чтобы поразмыслить, какая сладость заключается въ деньгахъ, что блаженъ, кто имѣетъ, и презрѣнъ, кто не имѣетъ ихъ; поэтому теперь преобладающая въ ней страсть — страсть къ деньгамъ, и нѣтъ того блага, которымъ бы она не пожертвовала въ пользу ихъ. Разумѣется, сначала, куда еще, что-называется, молодо-зелено, она желала денегъ, какъ средства, но потомъ мало-по-малу до того втянулась въ эту бездонную пучину, называемую «благопріобрѣтеніемъ», что деньги изъ средства сдѣлались цѣлью, и цѣлью постоянною, недающею ей ни днемъ, ни ночью покоя. Изъ этого вы видите, что хотя начала она и отъ противнаго, а кончила на томъ же, на чемъ остановился и отецъ ея, съ тою только разницею, что въ ней эта страсть дѣятельная, беспокойная, тогда-какъ въ страсти Ивана Семеновича было что-то безжизненное, апатическое, отъ-чего какъ-то страшно и холодно становилось живому человѣку.

И дѣйствительно, въ сферѣ «благопріобрѣтенія», все существо Марьи Ивановны какъ-будто преобразается; она стряхиваетъ съ себя природную лѣнь, она не спитъ ночи, готова ѣздить въ трясковой телегѣ по сквернѣйшимъ дорогамъ, кланяется и поитъ помычка съ распушею физиономіей и подбитыми глазами, называетъ его благодѣтелемъ, призываетъ на помощь всѣ оболщенія: свою одинокую сиротскую долю, свое женское незнаніе, материнскую

любовь, и когда умиленный повыхчикъ, искрививъ ротъ и подмигивая глазомъ, говоритъ, запинаясь отъ частыхъ возліаній: «а что, матушка, развѣ Игнатій-то Кузьмичъ... того?... дѣла-то плохи...»—Охъ, ужъ не говори мнѣ, батюшка, отвѣчаетъ Марья Ивановна:—ужъ куда ему, старому! ужъ что за мужъ—только видомъ-то мужъ!.. отдали меня молодую, неопытную... Хорошо, родной, что еще Богъ въ чистотѣ поддерживаетъ, а то — сохрани Господи!... И разнѣженный повыхчикъ хлопочетъ, и просьбы противниковъ залеживаются, и дѣло затягивается, а Марья Ивановна торжествуетъ.

И нѣтъ ничего оскорбительнѣе для живаго человѣка, какъ видѣть всю эту жизнь, вѣчно-устремленную на мѣдные гроши, изъ которыхъ неимоверными усиліями составляются рубли, сотни и такъ далѣе. И придутъ наслѣдники, и будутъ тоже составлять изъ копеекъ рубли, и еще наслѣдники, и все тотъ же процессъ благопріобрѣтенія...

А между-тѣмъ, такой типъ женщины—кулака встрѣчается весьма-часто и особенно въ провинціяхъ, гдѣ жизнь женщины исключительно сосредоточена въ узенькихъ рамкахъ фамиліальныхъ ея отношеній. Въ столицѣ, сфера эта обширнѣе; женщина развлекается между семействомъ и обществомъ, у нея есть уже обязанности виѣшнія, законы приличія, которыхъ она не можетъ нарушить. Въ провинціи же, вокругъ нея все тихо, все умерло... Надо же какъ-нибудь доканать, добыть это несносно-тянущееся время, потому-что праздность душитъ, тяготитъ человѣка, каковъ бы онъ ни былъ: вотъ она и погрязаетъ по уши въ своей семейной грязи, и нѣтъ мѣры обвѣщиваньямъ, обмѣриваньямъ, сплетнямъ и тому подобнымъ дрязгамъ!

И по совѣсти, нельзя сказать, чтобъ она на волосъ во всемъ этомъ была виновата: бросьте ее въ одни обстоятельства—будетъ одинъ результатъ; окружите ее другою серединою, и вся физиономія ея внезапно измѣняется: тѣ же струны, да звуки другіе даютъ! Тутъ случайность, а не разумная причина; тутъ просто фатумъ, и она бессильна противъ него... Не дайте человѣку ѣсть, онъ, можетъ-быть, умретъ съ голоду, но скорѣе всего украдетъ и будетъ жить; еслибъ не мириться намъ кое-какъ съ дѣйствительностью, не знаю, много ли осталось бы людей на свѣтѣ! И не говорите мнѣ, что голодъ не примѣръ, что питаіе есть первое и необходимое условіе жизни: примѣръ, милый мой, примѣръ; всѣ потребности — естественныя, или развитыя въ насъ цивилизаціей — равно кричатъ объ удовлетвореніи, какъ и голодъ, а иногда и душе; иногда ложное понятіе о чести рѣшаетъ въ одну минуту участь человѣка: все зависитъ отъ степени развитія человѣка, отъ положенія его въ обществѣ.

Третье лицо, и, конечно, самое интересное, есть дочь Крошина, Таня. Когда я былъ еще ребенкомъ, отецъ мой часто ѣзжалъ со мною къ Крошинымъ, и нерѣдко по цѣлымъ мѣсяцамъ гостилъ я

въ этомъ семействѣ. Тогда Игнатій Кузьмичъ былъ женатъ на первой жепѣ, и у него было двѣ дочери; одну изъ нихъ, младшую, я въ-особенности любилъ, и никогда почти не разставался съ маленькой Таней. Но тому прошло уже лѣтъ двѣнадцать; вы можете себѣ представить, сколько воды утекло съ-тѣхъ-поръ; съ-тѣхъ-поръ я успѣлъ уже перебывать и въ университетѣ, и на государственной службѣ, и многое узналъ, многое испыталъ въ жизни, хотя еще большаго не знаю. Впрочемъ, дѣло не въ томъ, что было во времена давно-минувшаго дѣтства, а въ томъ, что теперь Танѣ семнадцать лѣтъ; теперь у нея мачиха, которая, какъ кажется, не очень объ ней заботится; теперь она одинокая сирота, и, къ довершенію всего, весьма и весьма недурна собою.

Встрѣчаются иногда въ жизни странныя натуры, натуры до крайности робкія, запуганныя, которыя какъ-будто боятся свѣта и всегда бѣгутъ подалѣе въ тѣнь; въ нихъ есть что-то какъ-будто недосказанное, неполное, болѣзненное; какая-то неестественная, невызрѣвшая развитость говорить въ каждой фибрѣ утомленнаго лица, такъ-что вамъ и больно и тяжело дѣлается при видѣ этого хрупкаго, нѣжнаго существа; вы бы ждали по менѣе выраженія — менѣе лихорадочнаго блеска этимъ чернымъ глазамъ и болѣе веселости, болѣе красокъ всему лицу.

Такова именно Таня. Я помню мать ея: она тоже была больная женщина, и, кажется, даже умерла чахоткою; естественно, что здоровье матери имѣло вліяніе на ребенка, и Таня дѣйствительно всегда была, что-называется, пенадежна, а вы знаете, что слабыя дѣти быстрѣе другихъ развиваются, хотя всегда въ ложную сторону. Притомъ же, она была воспитана въ какомъ-то пансіонѣ для благородныхъ дѣвицъ, а вамъ извѣстно, что такое воспитаніе благородныхъ дѣвицъ въ иныхъ пансіонахъ. Все это не мало способствовало одностороннему и довольно-пагубному развитію Тани.

Изъ всѣхъ несчастій, которыя падаютъ на долю человѣка, нѣтъ глубже, нѣтъ страшнѣе горя семейнаго, домашняго. Оно не броасается въ глаза, не выставляетъ на показъ своихъ ранъ, и потому всегда остается незамѣченнымъ. Надо самому много испытать, чтобъ понять, сколько есть подавляющаго въ этихъ, по-видимому, маленькихъ огорченіяхъ, въ этихъ незамѣтныхъ преслѣдованіяхъ, которыя не убиваютъ васъ съ разу, но мало-по-малу отравляютъ всякій мигъ вашего существованія, и наконецъ дѣлаютъ васъ неспособнымъ жить. Нельзя сказать, чтобъ Таня много терпѣла отъ домашнихъ; напротивъ, она ѣсть сколько ей угодно, спитъ тоже по желанію, мачиха особеннаго зла ей не дѣлаетъ, а отецъ даже любитъ, хотя любовь эта выражается какъ-то неуклюже. Но вы понимаете, что такая жизнь — скорѣе отрицаніе жизни, нежели самая жизнь; въ ней только худа нѣтъ, но нѣтъ и добра, и весьма-естественно, что она не можетъ удовлетворить душу Тани, по преимуществу открытую впечатлѣніямъ нѣжнымъ и есте-

тическимъ. И такъ, все соединилось, чтобъ возбудить во мнѣ участіе къ этому прекрасному, заброшенному всѣми цѣвѣткѣ, который начиналъ уже блѣкнуть прежде, нежели успѣлъ развернуться. И я дѣйствительно какъ-то весьма-охотно принялся за ея воспитаніе, хотя и началъ его довольно-пеловко, какъ и все, впрочемъ, за что я ни пріймусь, потому-что до-сихъ-поръ еще никакъ не умѣю поддѣлаться подъ обыкновенныя житейскія требованія и стать въ уровень съ дѣйствительностью. Надняхъ какъ-то шли мы вмѣстѣ, и на дорогѣ повался намъ нищій. Блѣдный и прежде времени сгорбленный, протянулъ онъ изможденную руку свою, простонавъ обычное «Христа-ради»; она вынула изъ кошелька мелкую монету и сунула ему въ руку.

— О! да вы, какъ я вижу, на практикѣ слѣдуете правилу любить ближняго какъ самого-себя, сказалъ я, улыбнувшись.

— А вы находите это смѣшнымъ?

— Помилуйте... за кого вы меня принимаете?... вы слѣдуете влеченію своего сердца... Ужъ не мечтаете ли вы иногда объ организаціи благотворительности?

— А что?

— Ничего... пріятное занятіе.

— Вы сегодня въ дурномъ расположеніи духа, Андрей Павлычъ.

— Да такъ... изволите видѣть, пришло на мысль, что еслибъ вы подумали, вы, можетъ-быть, и не подали бы этому нищему... такія иногда, право, вещи въ голову лѣзутъ.

— Странно!

— Странно? а между-тѣмъ, подумайте, такъ ничего не найдете страннаго.

— Сдѣлайте одолженіе, ужъ подумайте вы за меня, и вразумите меня непонимающую.

— Да вотъ, вамъ не пришло, на-примѣръ, на мысль, что, помогая бѣдному, вы не дѣлаете ему дѣйствительнаго добра. Положимъ, что ваше благодѣяніе на минуту и облегчаетъ его участь, и дѣлаетъ его счастливымъ... разумѣется, относительно; а и не подумаете о томъ, что минута все-таки не цѣлая жизнь, что въ слѣдующее за тѣмъ мгновеніе доля его ужъ гораздо-горче и несноснѣе, нежели была прежде...

— Это какъ?

— Очень-просто: улучшая его участь, вы даете случай развиться въ немъ новымъ потребностямъ, которыхъ онъ до того не имѣлъ; къ прежней-то своей жизни онъ привыкъ и не жаловался... къ чему не привыкають! теперь же другое дѣло: испытавъ сладкаго, онъ не хочетъ ужъ горькаго, не хочетъ возвратиться къ прежней своей безотрадной жизни. А между-тѣмъ, вась-то ужъ и нѣтъ, чтобъ вновь подать ему милостыню: вы точно такъ же исцелили, какъ и встрѣтились съ нимъ на пути его, то-есть, совершенно-случайно!

— Однакожь, развѣ нѣтъ, кромѣ меня, сострадательныхъ людей на свѣтѣ?

— Есть, разумѣется, есть; кто же противъ этого спорить? даже очень-много; да все же вѣдь это случайность, все же это не обезпечиваетъ человѣка; можетъ-быть, есть; можетъ-быть, нѣтъ—вѣдь это шатко, вѣдь такъ нельзя жить!.. Да, притомъ, не-уже-ли вы не видите и другой стороны благотворительности? не-уже-ли не видите, что она приучаетъ жить на чужой счетъ того, на кого обращена, заглушаетъ въ немъ гордость, энергію, все, что дѣлаетъ человѣка человѣкомъ?

— Положимъ, что вы справедливы; но вы забываете, что чувство состраданія является во мнѣ противъ воли; вѣдь не могу же я истребить и выбросить его изъ сердца, какъ негодную и ненужную мнѣ тряпку?

— Ахъ, Боже мой! да кто же сказалъ вамъ, что чувство, которое заставляетъ ваше сердце болѣзненно сжиматься при видѣ лохмотьевъ, худо прикрывающихъ раны нищеты, есть именно состраданіе, а не какое-нибудь другое чувство? А, можетъ-быть, эта мнимая любовь къ ближнему—не болѣе, какъ преобладающее въ васъ чувство изящнаго, возмущающееся страшною картиною безобразія, тѣсно связаннаго съ нищетою? Соболезнуя о страждущемъ и голодномъ, вы, можетъ-быть, о себѣ соболезнуете, потому-что стоны и ропотъ неприятно оскорбляютъ ваши органы, при-выкшіе къ впечатлѣніямъ эстетическимъ...

Но, казалось, въ моихъ словахъ было слишкомъ-много непривычнаго для нея равнодушія и холодности, потому-что на глазахъ ея навернулись слезы.

— Станный вы, право, ребенокъ! сказалъ я, взявъ ее за руки.

Но она ничего не отвѣчала мнѣ и весь вечеръ была печальна и задумчива. Мнѣ самому теперь кажется, что я слишкомъ-круто приступилъ къ ней; но дѣло уже сдѣлано, а раскаяніе — смертный грѣхъ! Тѣмъ не менѣе изъ этого разговора вы видите, что отношенія мои къ дочери Крошина принимаютъ нѣсколько-дружественный характеръ, и что первый шагъ уже сдѣланъ.

Итакъ, вотъ вамъ весь мой внутренній домашній бытъ. Надѣюсь, что я былъ въ этомъ письмѣ разнообразенъ и многообразенъ, и что вы не въ претензіи на меня.

Отрывки изъ дневника Тани.

Кажется, все тѣ же вокругъ меня люди, кажется, и любятъ и ласкаютъ меня, и не на что бы мнѣ жаловаться, а все какъ-будто чего-то не достаетъ, какъ-будто пусто, какъ-будто вымерло все вокругъ меня, и я одна въ этой пустынѣ. Сама не могу себѣ пред-

ставить это что-то, чего просить душа моя, а между-тѣмъ, чувствую, что неполно, холодно мнѣ...

Мнѣ страшно иногда за себя становится, что я такъ задумываюсь, что слезы безъ всякой причины навертываются на глазахъ и какая-то темная тоска сосетъ мое сердце... Посмотрю я на другихъ — или рѣзвятся или дѣломъ занимаются; одна я, какъ-будто отверженная, дичусь и жду людей, и нѣтъ мнѣ дѣла до ихъ веселья и никакого занятіе на мысль не идетъ, сижу отъ всѣхъ въ сторонѣ, точно связанная, скованная...

И нѣкому мнѣ открыться, нѣкому успокоить, ободрить меня... я одна! Какое кому дѣло, что поетъ, плачетъ мое бѣдное сердце; кто возьмется растолковать мнѣ мое горе? всякій живетъ для себя, у всякаго свой интересъ, у всякаго свое дѣло, гораздо-важнѣе пустыхъ бредней мечтательной дѣвочки!

Да еслибъ они и хотѣли, то не могли бы пособить мнѣ: жизнь-то ихъ такая странная, чувство-то въ нихъ такъ зачухло, такъ глубоко спряталось за ежедневными мелкими заботами, что какъ-то боится оно свѣта Божьяго, и не обчистить его отъ налетѣвшей на него пыли!

Ты бы одна поняла, ты бы одна утѣшила меня, милая, добрая мама; на твоей груди могла бы я выплакать свое неотвязное горе... Была бы я и весела и счастлива, да нѣтъ тебя со мною... прошло мое время, прошло навсегда! Видишь ли ты, по-крайней-мѣрѣ, слезы мои? молишься ли, помнишь ли обо мнѣ въ своемъ чудномъ далекѣ? А я бы такъ любила, такъ дѣлала тебя, добрая мама, и какъ полно, какъ тепло было бы у меня на сердцѣ, когда бы ты была со мною! И теперь, одно только воспоминаніе о тебѣ поддерживаетъ мое бѣдное сердце, и теперь тѣ лучшія минуты моей жизни, которыя провожу я на могилѣ твоей. Стоять двѣ березы надъ забытою могилкою, и цѣлый день шумать и шепчуть о чемъ-то такъ грустно, такъ уныло... Разказали ли онѣ тебѣ мое горе, донесли ли онѣ до тебя вѣсточку о твоей дочери? Тяжело мнѣ, мама, страшно сироткѣ твоей одной на свѣтѣ!..

И наступаютъ иногда для меня минуты тяжкаго страданія, и я желаю смерти, и я прошу у Бога, чтобъ взялъ Онъ меня скорѣе къ себѣ. О, какъ бы счастлива, какъ рада бы я была, какъ легко и вольно понеслась бы душа моя на встрѣчу къ тебѣ, милая мама! Быть съ тобою, дышать твоимъ дыханіемъ, сбросить съ себя наконецъ эти тяжелыя цѣпи, которыя приковываютъ меня къ землѣ, и всей превратиться въ одно вѣчное, неизсякаемое чувство восторга... и нѣтъ этой вѣчности конца, и нѣтъ предѣловъ!.. Боже мой! Боже мой! отъ одной этой мысли голова у меня кружится, неизяснимая сладость сходить въ мою грудь, и я дышу свободнѣе и вся преображаюсь, какъ-будто невидимыя крылья поднимаютъ и несутъ меня далеко, далеко, туда, гдѣ вѣчно сияетъ небо въ неизмѣнной красотѣ своей, гдѣ вѣчно грѣетъ и животворитъ веселое солнышко!.. Но тѣмъ печальнѣе, тѣмъ обиднѣе мнѣ,

когда я пробуждаюсь от роскошнаго сна своего, и невыносимо-веселы и малы кажутся мнѣ всѣ эти интересы, которые движутъ и шевелятъ вокругъ меня пеструю массу людей...

Ужъ какъ же я рада, что наступаетъ, наконецъ, лѣто! Тянулась, тянулась эта скучная зима, конца ей не было! Да за то и обрадовалась же я, когда проглянуло ко мнѣ въ комнату солнышко и пахнуло на меня свѣжимъ воздухомъ весны! Вѣдь вотъ оно хоть тусклое, хоть и сѣренькое теперь у насъ небо, хоть и не-весело, и какъ-будто бы не хотятъ смотреть солнце, а все какъ-то теплѣе, легче на сердцѣ, и глядитъ-то все на тебя какъ-будто о праздникѣ, и все чему-то рада, сама не знаешь чему, а рада... Зимой все мертво, все прячется и спѣшитъ скорѣе въ душную комнату, поближе къ огню, и способности всѣ сжаты и вся жизнь-то какая-то неестественная, насильственная жизнь... нѣтъ, не люблю я зимы! то ли дѣло лѣто! А какъ вспомнишь бывалое время, то время, когда была еще у меня моя добрая мама—Боже мой! сколько минутъ невыразимаго блаженства доставляло мнѣ это чудное, лѣтнее время! Бывало, чуть забрежжеть свѣтъ и сверкнетъ на востокѣ огненная полоса, скорѣе бѣжишь вонъ изъ постели и въ садъ; и все забудешь: и ворчанье старой няньки, и сладкій дѣтскій сонъ, и въ головѣ такъ свѣжо и полно силы, и сердце такъ трепетно бьется, какъ-будто вылетѣтъ изъ груди хочеть! И что за чудное утро въ саду! весь мѣръ, кажется, притихъ и притаилъ дыханіе, какъ-будто объятый сладкимъ очарованіемъ; только гдѣ-гдѣ въ кустахъ зашумитъ и зашебечетъ ранняя малиновка, почувавъ близкій восходъ солнца, и больше ни звука, ни шелеста, такъ-что, кажется, слышишь самое незамѣтное дыханіе ночнаго вѣтерка... И съ полчаса, бывало, стоишь на одномъ мѣстѣ неподвижно, какъ-будто боишься осквернить неумѣстнымъ движеніемъ это глубокое, торжественное спокойствіе, покуда не пахнѣтъ въ самые глаза свѣжій вѣтеръ, предвѣстникъ солнечнаго восхода... И встрепенешься вдругъ, какъ-будто отъ сна, и съ изумленіемъ глядишь вокругъ себя, а на небѣ огненной полосы ужъ и слѣда нѣтъ; весь востокъ залитъ огнемъ, снопы нестерпимаго блеска порываются тамъ и сямъ черезъ разорванную тучу... вонъ ужъ освѣтилась и темная верхушка сосноваго лѣса; вонъ и соловей загремѣлъ свою чудную пѣсню, и цвѣты развернули и подняли къ верху свои чашечки, и воздухъ наполнился упительнымъ ароматомъ... Э-ге! да не пора ли разбудить Вареньку! Вставай, Варенька, вставай! пора: ужъ солнышко на небѣ! А Варенька и не слышитъ, только губками лепечетъ во снѣ что-то невнятное, да глазки откроетъ на минуту, да и опять завернется поскорѣе въ теплое одѣяло. Оно и не мудрено! вѣдь она подъ утро только заснула, бѣдная, а то всю ночь глазъ не смыкала: все снились

ей страшные люди, про которых рассказывала нам накануне старая няня!.. И выйдешь, бывало, на балконъ, а солнышко ужъ высоко; вонъ и пастухъ выгналъ стадо и ведетъ его къ рѣкѣ, и выпорхнула изъ высокаго тростника испуганная стая дикихъ утокъ, издалека слышавъ топотъ бѣгушаго стада; вонъ и крестьяне идутъ гурьбой съ косами на плечахъ; вонъ и кузнечикъ затрещалъ въ высокой травѣ; шумъ, говоръ, стукъ... Боже ты, Боже мой! что это какъ весело, жизненно въ сердцахъ! чувствуешь, какъ закипѣло все вокругъ тебя дѣятельностью, какъ все кипитъ и движется и суетится, куда ни обрати глаза свои! и сама какъ-то ощущаешь въ себѣ необыкновенную дѣятельность, и бѣгаешь, и рѣзвишься, и смѣешься такимъ веселымъ и звонкимъ хохотомъ, какъ-будто все существо наводнило и переполнило радостью, какъ-будто мѣста ей нѣтъ въ груди!..

И скорѣе, бывало, спишишь послѣ чая протвердить заданный урокъ, такой длинный и скучный, и все кажется, что конца не будетъ этому классу! А выйдешь въ садъ: погода чудесная, воздухъ знойный, небо такое синее-синее, и такъ далеко раскинулось, и нигдѣ ни облачка! И сладко задремлешь и забудешься, подлѣ убаюкивающее вѣянье густой душистой черемухи, въ чаду восторженныхъ нестройныхъ грезъ; и видятся то далекий, невѣдомый городъ, то звѣздное небо, то ангелы съ радужными крылами, а сладостная дремота, какъ воръ, такъ и подкрадывается къ отяжелѣвшимъ вѣкамъ, покуда рѣзвый хохотъ подругъ не выведетъ изъ этого сладкаго полусна.

И опять шумъ, и опять смѣхъ, а вечеромъ купаться, въ горѣлки играть, кататься по озеру... Боже мой, Боже мой! да гдѣ же, наконецъ, ты, веселое мое время? Куда же исчезла, куда скрылась ты, моя радость? Или никогда не видать мнѣ тебя, или вѣчно быть мнѣ покинутою, оставленною сиротою?.. Мама!.. Мама!..

.....Лицо ея было всегда задумчиво и до того блѣдно, что можно было скорѣе принять его за восковое, чѣмъ за лицо живаго существа; никогда никто не видалъ на губахъ ея веселой улыбки, или чего-нибудь подобнаго; но тогда я была еще такъ мала, что мнѣ не казалось это страннымъ. Помню, что каждый день сажала она меня и покойную сестру около себя и спрашивала у насъ заданные уроки, и мы наперерывъ старались отличиться другъ передъ другомъ, чтобъ утѣшить, развеселить нашу добрую маму... Однажды утромъ, когда мы, по обыкновенію, собрались въ классъ, къ намъ пришла старая няня и сказала, чтобъ мы не шумѣли, потому-что мама нездорова; мы поплакали, но, впрочемъ, тутъ же забыли обо всемъ, побѣжали въ садъ и цѣлый день бѣгали и рѣзвились, какъ ни въ чемъ не бывали. Но вечеромъ насъ позвали домой. Когда мы пришли въ комнату мамы, я едва могла

узнать ее: такъ переѣнилась она въ одинъ день; худая и блѣдная, едва могла дышать она, едва могла сказать намъ нѣсколько словъ; но вообще не жаловалась и не роптала, только изрѣдка, когда страданія ея, по-видимому, возрастали, она едва-внятно говорила: «Господи! умереть!... и такъ рано, такъ рано!» Мы обѣ бросились къ ней и жадно цаловали ея блѣдныя руки. «Я васъ давно жду, дѣти мои», сказала она своимъ ласковымъ голосомъ: «подите сюда, ко мнѣ... поближе, вотъ такъ... вѣдь это, можетъ-быть, въ послѣдній разъ...»

И когда мы рыданіями своими прервали слова ея:

— Полно, полно, продолжала она, сама едва удерживаясь отъ слезъ: — зачѣмъ огорчаться и плакать? Правда, мнѣ жалко оставить васъ, я васъ такъ любила... и вы тоже любите меня, дѣти мои, мои милыя дѣти? Не правда ли, вѣдь вы мои дѣти?..

И она слабою рукою прижимала насъ къ груди своей; но въ особенности меня цаловала она горячо, называла своею милою дочерью, фавориткой и просила не забывать своей матери.

Около часа пробыли мы въ ея комнатѣ; вдругъ она застонала, но такъ жалобно и странно, что всѣ мы вздрогнули, и съѣла на постели, какъ здоровая, и начала разговаривать съ какими-то видѣніями, а потомъ опять легла на постель и стала звать насъ.

Но видно было, что она ужъ угасала: взоръ ея дѣлался все болѣе и болѣе неподвижнымъ; губы шептали какія-то отрывистыя, безсвязныя слова; дыханіе становилось труднѣе и труднѣе...

Наконецъ, ужъ и ничего не стало слышно! Намъ велѣли стать на колѣни и молиться, а черезъ часъ она лежала на столѣ, вся одѣтая въ бѣломъ...

Помню, когда ее похоронили, я цѣлый день ходила изъ угла въ уголъ, ничего не чувствуя, ничего не понимая, и ѣсть ничего не хотѣла; и только спрашивала у всѣхъ, долго ли будетъ пѣнчивать моя маменька, и когда мнѣ отвѣчали, что маменька ужъ не придетъ никогда, я долго не хотѣла вѣрить, и каждый день просила няню пустить меня къ моей доброй, милой мамѣ...

Да! это былъ страшный день въ моей жизни, и вѣчно останется онъ памятенъ мнѣ!

Говорить онъ, что любви нѣтъ, что мы, какъ дѣти, только обманываемъ ею себя, что жизнь наша пуста — вотъ мы для того, чтобъ хоть чѣмъ-нибудь наполнить ее, и выдумали себѣ игрушку и играемъ въ любовь... И многое говоритъ онъ, и все въ этомъ же тонѣ. Не знаю, отъ-чего мнѣ становится и грустно и холодно, когда я съ нимъ; въ словахъ его слышится какая-то неограниченная вѣра въ самого-себя, какъ-будто онъ все уже разрѣшилъ, все опредѣлилъ себѣ, и не осталось въ душѣ его ни тѣни сомнѣнія... Послѣ разговора съ нимъ, чувствуешь себя какъ-то не-

обыкновенно спокойно... да спокойствие-то это какъ-будто могильное... По его, не должно ни увлекаться, ни любить, ни даже чувствовать: все яркое, все, что выходитъ изъ обыкновенной, будничной жизни, для него не существуетъ и исчезаетъ въ какой-то страшной пустотѣ, которую онъ называетъ... «гармоническимъ равновѣсіемъ».

Какъ-будто человекъ изъ того только и бьется, изъ того только и хлопочетъ, чтобы прійти къ смерти!

Нѣтъ, надобно много страдать, много быть обмануто жизнью, чтобы дойти до такого грустнаго результата! Я какъ-то замѣтила ему это мимоходомъ, но онъ отвѣчалъ, что я напрасно такъ думаю, что обмануть онъ никѣмъ не бывалъ, а жизнью доволенъ, потому-что убѣжденъ, что все въ мирѣ существуетъ въ-слѣдствіе извѣстныхъ причинъ и, слѣдовательно, все хорошо и необходимо... Доволенъ жизнью, *потому-что убѣжденъ*, что существующій порядокъ вещей необходимъ! Есть же люди, которые могутъ представлять подобныя оправданія!

Что касается до меня, я бы лучше желала побольше юношескаго избытка силъ и поменьше вѣры въ свой разумъ. Еще когда онъ только-что пріѣхалъ къ намъ, сердце мое невольно сжалось; темное чувство страха овладѣло мною, когда я взглянула на это худощавое, никогда несмѣющееся лицо, на этотъ блѣдный, высокій лобъ, этотъ холодный взоръ, который, кажется, хочетъ проникнуть въ самую душу... Помню, еще въ дѣтствѣ я какъ-то особенно была къ нему привязана, и ребенкомъ онъ никогда не хотѣлъ ничего дѣлать, не обдумать, не разобравъ напередъ малѣйшаго поступка своего; но теперь эта осторожность, эта обдуманность дѣйствій сдѣлалась въ немъ какою-то особенною страстью, похожею на неизлечимую болѣзнь, и жалко смотрѣть на него, какъ взвѣшиваетъ онъ каждый шагъ свой, какъ самъ неотступно стоитъ надъ собою, слѣдитъ за малѣйшимъ своимъ движеніемъ... Блѣдный! онъ не понимаетъ, что самъ создаетъ себѣ призраки, которые мѣшаютъ ему свободно дышать и наслаждаться жизнью! А еще смѣется, называетъ глупыми идеалистами тѣхъ, которые выдумали себѣ какую-то небывалую свободу воли, небывалую силу самоотверженія!..

Сегодня послѣ обѣда сидѣла я у окна въ гостиной и вышивала по канвѣ; братья были въ этой же комнатѣ и проходили свои уроки; Нагибинъ подошелъ ко мнѣ.

— Вы вышиваете? спросилъ онъ.

— Кажется, да, отвѣчала я: — а впрочемъ не знаю: смотрите сами...

— Да; вопросъ былъ нѣсколько-глупъ съ моей стороны, извините... что-нибудь для папеньки? къ дню ангела? сюрпризъ?

— Ни то, ни другое, ни третье...

— Ну, такъ для маменьки?

— Вы знаете, что маменька моя умерла?

— Ахъ, да, я и забылъ... ну, какъ же вы проводите время въ деревнѣ?... наслаждаетесь природой, скучаете?...

Я не отвѣчала.

— Ну, вотъ, вы и разсердились!... Ну, скажите же, вѣрно наслаждаетесь природой?...

— И, помилюйте, Андрей Павлычъ, что вамъ за охота такой вздоръ говорить? вѣдь я знаю, что вы хотите посмѣяться надо мной.

— Отъ-чего же вздоръ? природа большое утѣшеніе для сердецъ вѣжныхъ и любящихъ... Но вотъ, вы опять сердитесь! да что же я сказала такого?

— То, что вы сами не понимаете, что говорите... И что за радость надъ всѣмъ и всегда смѣяться?

— Надъ всѣмъ и всегда! сохрани Боже! что вы это, Татьяна Игнатьевна! Пожалуйста, не говорите этого при другихъ, а то — чего добраго — какъ разъ прозовуть меня волтерьянцемъ и дебоширомъ...

— Пожалуйста, перемѣните разговоръ, Андрей Павлычъ.

— Надъ всѣмъ и всегда! повторилъ онъ медленно.—Вы ошибаетесь, Татьяна Игнатьевна; «надъ весьма-немногимъ и весьма-рѣдко», это будетъ гораздо справедливѣе.

— Какъ рѣдко? да не вы ли смѣялись надо мною, что я досихъ-поръ еще не могу забыть покойную маменьку?

— Смѣялся?.. Ну, не совсѣмъ, чтобъ смѣялся...

— Не совсѣмъ! то-есть, вы говорили, что не понимаете этой странной привязанности къ прошедшему, что она обнаруживаетъ недостатокъ жизненности, отсутствіе пониманія дѣйствительности... А знаете ли что? вѣдь все это что-то очень-похоже на присутствіе глупости... не такъ ли? вѣдь вы это хотѣли сказать?

— Я весьма сожалѣю, что мои слова перетолковываются вами въ такую сторону... Послушайте, Татьяна Игнатьевна, вы не поняли меня; я хотѣлъ только сказать, что воспитаніе ваше дало ложное развитіе вашимъ силамъ, сдѣлало васъ наклопною къ метательности.

— И, помилюйте, Андрей Павлычъ, зачѣмъ же увертываться?

Онъ отошелъ отъ меня и началъ ходить по комнатѣ; но минутъ черезъ пять снова подошелъ къ моимъ пальцамъ.

— Вы на меня сердитесь? спросилъ онъ.

— Да, сержусь, отвѣчала я:—сержусь за то, что вы не можете отстать отъ дурной привычки взвѣшивать каждое свое движеніе.

— Послушайте, да что жъ мнѣ дѣлать?

— Какъ что? отстать отъ этой привычки, принудить себя, предаться влеченію своего сердца!.. мало ли что?..

— Отстать отъ привычки, принудить себя... вѣдь какъ вы легко говорите, Татьяна Игнатьевна! Удивительно, право: взялъ да и бросилъ...

— Попробуйте разъ, пересильте себя: сначала будетъ трудно, а потомъ...

— И потомъ тоже трудно, или, лучше сказать, вовсе невозможно. Отстать отъ привычки! да вѣдь привычка—то эта всосалась въ мою кровь, сдѣлалась моею плотью!...

— Вы сознаётесь, однакожь, что это дурная привычка?

Онъ нѣсколько смутился этимъ вопросомъ, но я сдѣлала видъ, какъ-будто-бы ничего не замѣчаю.

— Коли хотите—да, отвѣчалъ онъ черезъ минуту: — въ томъ отношеніи, что страсть присматриваться ко всему, надъ всѣмъ разсуждать, много открываетъ намъ такого, что нѣсколько мѣшаетъ нашему спокойствію. А впрочемъ, что же и счастье, что и спокойствіе, если оно не сознательно?

— Разумѣтся, разумѣтся, Андрей Павлычъ; и такъ, можно жить и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдать за тѣмъ, какъ живешь? такъ, что ли?..

— Да развѣ я говорю вамъ, что живу? я именно только наблюдаю; что же мнѣ дѣлать, когда для меня только такая жизнь и возможна?..

— Отъ-чего же такъ?

— Отъ-того, что иначе никакъ нельзя посмотрѣть ей прямо въ глаза. А я хочу стоять твердою ногою на землѣ, не ласкаю себя пустыми мечтами и приучаюся дѣйствовать...

— Да зачѣмъ же дѣйствовать, коли все и безъ того хорошо?

— Конечно, все хорошо, все необходимо, но необходимо исторически... зачѣмъ же такъ привязываться къ словамъ моимъ?..

— Такъ, такъ, Андрей Павлычъ; ну, а еслибъ васъ... кто-нибудь ударилъ... вѣдь это было бы необходимо... по-крайней-мѣрѣ, исторически?...

— Да; такъ что же?

— Ну, и вы... снесли бы?

— Послушайте, Татьяна Игнатьевна, это вовсе не примѣръ.

— Почему же? онъ нѣсколько затруднителенъ, потому-что нужно отвѣчать прямо... вѣдь вы бы не снесли?

— Ну, вѣтъ; да что же изъ этого слѣдуетъ? это доказываетъ только, что я отдалъ бы долгъ предразсудку, что кровь во мнѣ была взволнована... и болѣе ничего.

— И болѣе ничего?...

— Да; потому-что, еслибъ я хладнокровно разобралъ дѣло, то увидѣлъ бы, что обида нанесена мнѣ не намѣренно, а или въ-слѣдствіе недостатка умственного въ обидчикѣ, или въ-слѣдствіе заблужденія, или, наконецъ, въ-слѣдствіе какихъ-нибудь дѣйствій съ моей стороны, противныхъ его интересамъ...

— Умно, умно, Андрей Павлычъ! вы чудесный адвокатъ... Однакожь, вы говорите, что все-таки не снесли бы обиды... Ну, что же? вы-то... правы ли?...

— Да; и я правъ.

— Да какъ же это? и вы правы, и онъ правъ... кто же виновать-то по вашему?

— Кто виновать? Въ этомъ-то и загадка вся, вотъ этого-то и невозможно опредѣлить теперь, потому-что средствъ еще нѣтъ... Со-временемъ, это откроется, и виноватый отыщется, а теперь... грустно, тяжело мнѣ признаться, Татьяна Игнатьевна, а въ настоящую минуту я думаю такъ: и черное право, и бѣлое право... Оно, коли хотите, нѣсколько-странно, а вѣрно... И какъ вы ни бейтесь, какъ ни думайте, а не выйдете изъ этого противорѣчія!..

Съ этими словами онъ отошелъ отъ меня и пресерьезно началъ заниматься уроками братьевъ, и цѣлый вечеръ, какъ ни старалась я, никакъ не могла навести его на прерванный разговоръ нашъ.

Отъ Нагнбина къ г. N N.

Читая французскіе и всякіе другіе романы, я нѣкогда удивлялся, что въ основѣ ихъ проведено всегда одно и то же чувство любви. Разбирая природу свою и восходя отъ себя къ типу человѣка, я находилъ, что, кромѣ любви, въ немъ есть другія опредѣленія, столь же ему свойственныя, столь же немолчно требующія удовлетворенія. И человѣкъ казался мнѣ именно тѣмъ гармоническимъ цѣлымъ, гдѣ ничто не выдавалось ярко впередъ, гдѣ всѣ опредѣленія стирались въ одномъ общемъ равновѣсїи.

И я былъ, коли хотите, въ извѣстной степени правъ, потому-что бралъ человѣка, изолированнаго отъ всего внѣ его сушаго. Но я забывалъ, что человѣкъ самъ-по-себѣ ничто, покуда личность его не выразится въ извѣстной срединѣ, которая то же не масса мертвая, но дѣятельный и живой организмъ, стремящійся пребыть въ своемъ эгоизмѣ... Очевидно, что при первой встрѣчѣ этихъ двухъ эгоизмовъ, должно быть неминуемое столкновение, борьба ихъ. Какъ же разрѣшить это вѣчное противорѣчїе жизни, которое мѣшаетъ человѣку дышать, которое гнететъ и давитъ его существованіе? Какъ удовлетворить жаждѣ гармонїи, на которой единственно успокаивается утомленное его сердце, потому-что въ гармонїи счастье человѣка, а счастье — цѣль, къ которой стремится весь его эгоизмъ. Средства къ выходу есть, но они не даны намъ; для человѣка одинъ только фактъ не подлежитъ сомнѣнію — это стремленіе примирить противорѣчїя жизни, выйдти изъ неестественнаго положенія, въ которое онъ ими поставленъ, во что бы ни стало, даже съ пожертвованіемъ своего собственнаго эгоизма. И тутъ-то, въ эти безотрадныя минуты, когда невидимое, но злое горе сосетъ и гложетъ его сердце, когда, задавленный и чуть-дышашій подъ тяжестью уродливаго стеченія обстоятельствъ, онъ не обороняется уже отъ ударовъ судьбы, а мо-

литъ только о пощадѣ — тутъ, въ эти страшныя мгновенія, любовь является ему спасительнымъ средствомъ примиренія и принимаетъ то значеніе, которымъ она пользуется въ обществѣ. Въ нормальномъ положеніи, любовь есть не что иное, какъ взаимное соотвѣтствіе двухъ организмовъ, данное въ извѣстный моментъ и въ извѣстной сферѣ общественныхъ отношеній — симпатія, непредполагающая ни съ какой стороны ни жертвъ, ни страданій; въ настоящее же время, когда она служитъ единственнымъ средствомъ выхода изъ безпрестанныхъ противорѣчій, весьма-естественно, что кругъ ея дѣлается не столь уже ограниченнымъ, естественно, что она является отреченіемъ частнаго человѣческаго эгоизма въ пользу эгоизма собирательнаго, отвлеченнаго, однимъ словомъ, въ пользу общества; слѣдовательно, любовь, какъ главный общественный движитель, оправдывается самымъ направленіемъ общества, и слѣдовательно романисты совершенно правы, насвистывая на эту тему свои болѣе или менѣе старыя варьяціи.

Все это я къ тому говорю, что со мною случилось довольно-странное происшествіе, которое я долженъ рассказать вамъ.

Не думайте, однакожь, чтобъ я былъ влюбленъ: еслибъ это было, я не сталъ бы утруждать васъ своимъ разказомъ, потому-что это старая, избитая сказка, которую вы прочтете въ любомъ французскомъ романѣ. Обстоятельство, которое хочу я вамъ передать, представляетъ довольно-интересный психологическій фактъ; тутъ дѣло идетъ о томъ, живой ли я человѣкъ или мертвый, способенъ или неспособенъ, что, по-моему, совершенно одно и то же. Судите сами.

Недалѣе, какъ третьягодня вечеромъ, сидѣли мы за чаемъ. Крошнѣ былъ не въ духѣ: онъ поспорилъ съ своимъ управляющимъ и цѣлый вечеръ или молчалъ, или произносилъ такія слова, которыя не обозначены даже въ печатныхъ русскихъ лексиконахъ. Марья Ивановна долго крѣпилась и не говорила ни слова; наконецъ терпѣніе ея лопнуло.

— Да помилуй, Игнатій Кузьмичъ, сказала она: — что это ты, батюшка, только и знаешь, день-деньской слоняешься изъ угла въ уголъ, да ворчишь?

— Ворчу... ворчу, бормоталъ Игнатій Кузьмичъ: — ну, хочу ворчать, за дѣло ворчу... ты что понимаешь?... волосъ дологъ... знаешь... а туда же суется баба... я его вотъ какъ...

При этомъ Игнатій Кузьмичъ плюнулъ на ладонь лѣвой руки, ударилъ по ней кулакомъ и показалъ на открытое окно.

— Да помилуйте, что жъ онъ такого сдѣлалъ?..

— Сдѣлалъ, сдѣлалъ... а за что я ему деньги-то плачу, за что я его, подлеца, хлѣбомъ-то кормлю? за что? Да какой же я послѣ этого господинъ? развѣ я не властенъ у себя въ домѣ? То-то, баба... волосъ дологъ, знаешь?... а вѣдь тоже лѣзеть: что жъ онъ такого сдѣлалъ?.. сдѣлалъ!.. да вотъ, ничего не сдѣлалъ, а тушѣдца и блуднаго въ домѣ у себя не потерплю...

Марья Ивановна не возражала.

— Ты знай свой чулокъ... ты баба, насѣдка, тебѣ вмѣшиваться въ эти дѣла не слѣдъ... Ты что? баба, дрянъ... волосъ дологъ... знаешь? а еще суется... Вотъ онъ, продолжалъ Крошинъ, указывая на меня:—можетъ быть судьей въ такомъ дѣлѣ: онъ мужчина; ужь это полъ такой, пользу отечеству приносить... а ты? То-то, вамъ позволъ... волосъ дологъ... знаешь?

Игнатій Кузьмичъ въ волненіи ходилъ по комнатѣ.

— Ну, скажи хоть ты, обратился онъ ко мнѣ: — ну, ты тоже мужчина... Ну, позволелъ ли бы ты своему холопу ослушиваться твоихъ приказаній?.. Ну, скажи!.. Вѣдь я его хлѣбомъ кормлю!.. вѣдь вотъ ты и вольный человѣкъ, а все-таки я тебя нанялъ, такъ ты и мой; говорю: учи ариметикъ—ариетикъ и учи, грамматикъ—такъ грамматикъ, а не какой-нибудь тамъ математикъ... Покуда у меня—ты мой, за то я плачю, я деньги плачю, а не шепки тебѣ, и когда грамматикъ, такъ грамматика и должна быть... А то вотъ ты, баба, насѣдка, суеться... ты знай свой чулокъ... волосъ-то дологъ, ай, дологъ, да умъ-то... знаешь?..

Въ такомъ духѣ и тонѣ была рѣчь Крошина въ-продолженіе всего вечера, отрывистая, но многозначительная и полная глубокой, ему свойственной философіи.

Было довольно-поздно, когда я пошелъ послѣ чая въ садъ. Погода была чудесная; солнце давно уже сѣло; какой-то мягкій полусвѣтъ разливался на окружающіе предметы; тишина была невозмутимая: только изрѣдка раздавался вдалекѣ крикъ болотнаго дергача, да немолчно жужжалъ и стрекоталъ въ густой травѣ предвѣстникъ вѣдра, ночной кузнечикъ. Я сѣлъ на дерновую скамейку и закурилъ сигару; не знаю, вліяніе ли тихаго лѣтняго вечера, или какая другая причина, но никогда не бывало мнѣ такъ хорошо, такъ спокойно, какъ въ эту минуту: передо мной тлнулся лугъ, а за нимъ синѣло озеро, все обрамленное густымъ сосновымъ лѣсомъ. Я еще съ дѣтства симпатизировалъ съ нашею сельскою природою, хотя и нѣтъ ничего въ ней такого, чѣмъ бы особенно можно было похвалиться. Это вѣчно-сѣрое, вѣчно-дождливое небо, эти необозримыя, Богъ-вѣсть куда тянущіяся болота, эти болѣе желтые, нежели зеленые луга скорѣе наполняютъ душу тоскою, нежели изумляютъ и радуютъ ее. Но я люблю ее, эту однообразную природу русской земли, я люблю ее не для нея самой, а для человѣка, котораго воспитала она на лонѣ своемъ и котораго она объясняетъ...

Въ полузабытѣ лежалъ я, когда кто-то назвалъ меня по имени; я поднялъ голову: передо мною стояла Таня. На ней было ея бѣлое кисейное платьице, и полусвѣтъ придавалъ ея лицу какое-то особенно экзальтированное выраженіе. Я всталъ.

— Нѣтъ, ничего; сидите, сидите, сказала она: — я уйду... вы, кажется, объ чемъ-то задумались, а я вамъ помѣшала... Сидите же, я сейчасъ уйду...

— Зачѣмъ же? я вовсе не былъ занятъ... Пожалуйста, садитесь...

Но не смотря на то, что я хотѣлъ казаться равнодушнымъ, мнѣ было неловко съ нею: этотъ предательскій полусвѣтъ, эта невозмутимая тишина приводили въ сильное волненіе кровь мою.

— А мнѣ бы нужно сказать вамъ нѣсколько словъ, Андрей Павлычъ... можно?...

— Отъ-чего же? началъ я, нѣсколько запинаясь: — я съ удовольствіемъ... только не холодно ли вамъ, Татьяна Игнатьевна, не лучше ли пойти въ комнаты?

— Ахъ, нѣтъ, не нужно; здѣсь такъ хорошо, а тамъ... тамъ душно, не то, что бывало прежде, помните?.. при покойной маменькѣ?..

— Послушайте, Татьяна Игнатьевна, зачѣмъ вспоминать объ этомъ? зачѣмъ безъ нужды оравлять свою жизнь? не лучше ли принимать настоящее, какъ оно есть?..

— Да... да, конечно... а, впрочемъ, я совсѣмъ о другомъ хотѣла съ вами говорить... Да, право, не знаю, какъ начать... папенька такой вспыльчивый, онъ самъ не всегда хорошо понимаетъ, что слова его могутъ обидѣть человѣка... а сердце у него, право, доброе... а? не правда ли? скажите, вы не сердитесь на него?

— И, полноте, Татьяна Игнатьевна! не-уже-ли вы можете думать, что я обижаюсь? Я ужъ на столько выросъ, что могу смотрѣть на это равнодушными глазами.

— Да, я знала, что у васъ доброе сердце, что вы простите его... Такъ вы нѣ сердитесь? Прощайте же, Андрей Павлычъ!.. Ахъ, да! я еще что-то хотѣла сказать вамъ, да и растеряла все... дайте вспомнить... да! помните ли вы, какъ мы оба еще были дѣтьми, помните ли вы, какъ мы рѣзвились, бѣгали?.. помните?..

Я рѣшительно былъ смущенъ такимъ вопросомъ; не зная, что отвѣчать, поднялъ я съ земли засохшую вѣтку и началъ чертить ею по песку.

— Забыли?.. а?.. Дурно, Андрей Павлычъ, грѣшно вамъ! А я такъ не забыла: вы меня называли тогда просто Таней... забыли?..

— Это было такъ давно... Послушайте, Татьяна Игнатьевна, переимѣните разговоръ...

— Давно? да, давно, сказала она едва внятно: — а я все-таки помню... Ахъ, посмотрите, какое чудное сегодня небо: синес, ни облачка... Я, кажется, мѣшаю вамъ, Андрей Павлычъ... я уйду... прощайте, прощайте, Андрей Павлычъ!

И между-тѣмъ, она все не уходила; по-прежнему сидѣла она подлѣ меня, по-прежнему смотрѣла на меня своими большими черными глазами, и по-прежнему я молчалъ и чертилъ вѣткою по песку, не зная, какъ выйти изъ своего затруднительнаго положенія.

— А знаете ли что? сказала она послѣ нѣсколькихъ минутъ совершеннаго безмолвія:—знаете ли?.. Странно... а мнѣ кажется... знаете ли, что мнѣ кажется?.. Я вижу, вы не признаётесь, а я увѣрена, что это такъ... Вы поняли меня?.. скажите же хоть что-нибудь!..

Она положила ко мнѣ на плечо свою руку и взглянула мнѣ прямо въ глаза.

— Ради Бога, сказалъ я, задыхаясь отъ внутренняго волненія:— умоляю васъ, кончите этотъ разговоръ... мнѣ тяжело, мнѣ невыносимо тяжело...

— Отъ-чего же вамъ тяжело? У меня, напротивъ, такъ свѣтло, такъ полно на душѣ... Знаете ли, Андрей Павлычъ, вы испортили себя, вы сами дѣлаете себѣ жизнь несносною, вы слишкомъ недовѣрчивы... Ну, признайтесь, вѣдь вы... да, я вижу, я знаю, что вы любите меня...

Я былъ совсѣмъ уничтоженъ; дыханіе занималось въ груди, голова горѣла. Не помня себя, я взялъ ея руку и приложилъ къ головѣ своей.

— Дѣ, горитъ ваша голова, Андрей Павлычъ, и у меня тоже... троньте...

И она прижала мою руку сперва къ головѣ, потомъ къ губамъ и поцаловала ее; и странное дѣло—я находилъ весьма-естественнымъ это дѣйствіе, и не думалъ отнимать руку.

— А знаете ли что? сказала она:—мнѣ пришла въ голову странная мысль: помните ли вы, какъ мы, бывало, бѣгали... еще при маменькѣ? а? какъ вы думаете?..

И, не дожидаясь отвѣта, котораго, впрочемъ, тогда и быть не могло, она какъ серна побѣжала вдоль по аллеѣ; въ глазахъ у меня потемнѣло, я ничего не видѣлъ, видѣлъ только бѣлое платице, мелькавшее передо мною: его одного я хотѣлъ, къ нему одному стремилась мысль моя, все существо мое. Долго бѣжалъ я за нею, то настигая ее, то вновь отставая, и все не давалось, все ускользало отъ меня бѣлое платице; наконецъ, измученный, упалъ я почти безъ чувствъ на траву.

— А-га! упалъ! упалъ! кричала мнѣ Таня изъ-за кустовъ, смѣясь и махая платкомъ:—маменька, маменька!.. Андрюша упалъ! да и куда ему: Андрюша лѣнивеецъ, Андрюша бѣгать не умѣетъ... не правда ли, маменька?.. да вставай же, Андрюша!

Съ этими словами она подошла и взяла меня за руку.

Не помню хорошенько, какое чувство ощущалъ я тогда: было ли то страданіе или радость—не знаю; знаю только, что въ эту минуту я не мыслилъ, не разсуждалъ, и неизвѣстно мнѣ, чѣмъ бы все это кончилось, еслибъ провидѣніе или судьба, въ образѣ дюжанаго деревенскаго лакея, звавшаго насъ ужинать, не прервала этой сцены.

Во всю слѣдовавшую за симъ ночь я думалъ объ этомъ происшествіи; минутное увлеченіе остыло, и по-прежнему обняла ме-

ня всего будничная, кропотливая жизнь моя, со всѣми вопросами, со всѣми придирками; однимъ словомъ, изъ божества, которымъ я былъ въ—продолженіе одного мгновенія, снова сдѣлался я обыкновеннымъ человѣкомъ. Грустно мнѣ признаться вамъ, а плодомъ моихъ размышленій было сознаніе, что любовь для меня невозможна; что я даже вовсе не люблю, а только обманываю себя. Любовь жаждетъ свѣта и не терпитъ сомнѣній; она есть взаимно безотчетное и естественное влеченіе двухъ организмовъ, безъ всякой задней мысли, безъ всякихъ предварительныхъ разсужденій. Любить и наслаждаться своею любовью можетъ только человѣкъ, вполне обладающій высшимъ благомъ въ жизни—безпечностью; гдѣ есть забота, гдѣ сомнѣніе, тамъ нѣтъ любви, тамъ есть мгновенная, лихорадочная вспышка, которая иногда удачно пародируетъ любовь, но недолго, потому—что всегда односторонняя и является требованіемъ не цѣльнаго организма, а одной какой-либо стороны его. Понимая такъ любовь, судите сами, способенъ ли къ ней человѣкъ, котораго жизнь есть непрестанная забота, котораго каждый шагъ есть уже борьба за кусокъ насущнаго хлѣба. Еслибъ я любилъ дѣйствительно, я бы не старался такъ опредѣлить себѣ это чувство, я бы вполне безотчетно предался ему, потому—что хотѣть анализировать, уяснить себѣ какое-либо чувство, значитъ привносить въ него такой элементъ, который наиболѣе ему противенъ—значитъ, не имѣть чувства.

Такое раздвоеніе теоріи и практики, идеала и жизни наиболѣе является необходимымъ въ эпохи переходныя, когда человѣкъ, измученный и обманутый столькими вѣками иллюзій, съ недоувѣрчивостью смотритъ на свои собственные чувства, ищетъ опредѣлить ихъ послѣдствія, ихъ будущность, чтобъ вновь не сдѣлаться жертвою заблужденія и вновь не обречь себя на долгое страданіе. Это, коли хотите, неестественное положеніе, ибо человѣкъ въ этомъ случаѣ живетъ только одною стороною своего организма—да въ ненормальной серединѣ нельзя и требовать цѣльнаго, гармоническаго проявленія дѣятельности человѣка.

Но, обращаясь къ себѣ—самому, къ своему индивидуальному положенію въ обществѣ, я еще болѣе нахожу причинъ, отвергающихъ возможность для меня любви.

Ужъ одно то, что я бѣденъ, что я живу со—дня—на—день, что я не могу сегодня сказать навѣрное, что будетъ со мною завтра, достаточно доказываетъ мнѣ всю несбыточность этой любви. И не думайте, чтобъ эти слова были съ моей стороны школьническимъ желаніемъ блеснуть предъ вами парадоксомъ, вовсе нѣтъ! Я глубоко созналъ истину этого положенія, и скажите мнѣ: «бѣдность», я невольно ужъ слышу за этимъ словомъ неизбѣжный его синонимъ—«смерть». Съ—тѣхъ—поръ, какъ человѣкъ отдѣлилъ для себя уголь и сказалъ: «это мое», онъ одинъ уже пользуется своею собственностью и всею суммою наслажденій, которыя изъ этого пользованія проистекаютъ, и горе тому, у кого нѣтъ ни своего

поля, на своей хижине: право существовать — священное право, дарованное ему самою природою, перестает быть для него действительным, ибо он не имеет чѣмъ осуществить, оправдать его, ибо трудъ его, способности, вся личность тогда только изъ бесплоднаго, чисто-нравственнаго понятія дѣлаются фактомъ осязательнымъ, когда они выражены во внѣшности, когда они дѣйствуютъ... Я хотѣлъ бы трудиться, хотѣлъ бы работать, да не надъ чѣмъ мнѣ трудиться, потому-что нѣтъ у меня ничего своего, потому-что я аномалія, я только отвлеченіе человѣка, или лучше сказать вовсе не человѣкъ, — потому-что для меня нѣтъ внѣшняго міра, въ которомъ бы я могъ выразиться и познать себя. Не правда ли, презабавное положеніе? Вы скажете, что все это, однакожь, не мѣшаетъ мнѣ ни любить, ни быть любимымъ. Мѣшаетъ, милый мой, мѣшаетъ, говорю я вамъ. И въ этомъ я вовсе не обвиняю женщинъ: это такъ естественно, такъ пронстекаетъ изъ самаго свойства любви, что иначе и быть не можетъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, любовь — по преимуществу чувство эстетическое; оно жаждетъ свѣта, жаждетъ свободы, оно требуетъ, чтобъ его поддерживали, подстрекали: иначе оно заглохнетъ, умретъ при самомъ рожденіи. Эта жажда освободиться отъ всѣхъ внѣшнихъ препятствій, утрудняющихъ или останавливающихъ свободное развитіе страсти, есть свойство, столь же общее всякой другой потребности, какъ и любви; я и не спорю противъ этого, и первый говорю, что полное удовлетвореніе какой бы то ни было страсти радикально невозможно при извѣстныхъ условіяхъ жизни; но дѣло въ томъ, что ни одна страсть не предполагаетъ столько разнообразныхъ и прихотливыхъ уступокъ, сколько требуетъ ихъ любовь, и потому-то возможность любви, не болѣзненной и односторонней, а такой, въ которой организмъ человѣка участвовалъ бы всѣми сторонами своимъ, есть уже вѣрный признакъ, что человѣкъ пашель наконецъ окончательную, высшую общественную норму, въ которой всѣ потребности его удовлетворены, въ которой всякое стремленіе его не остается только отвлеченіемъ, а есть действительная плоть и кровь.

Теперь спрашиваю васъ по совѣсти: мое настоящее положеніе и наличность всѣхъ описанныхъ выше условій, не есть ли это два противоположные полюса, двѣ параллельныя линіи, которыя идутъ, но никогда не встрѣчаются? Что скажу, что отвѣчу я женщинѣ, которой судьбу прикую я къ своей жалкой участи, когда пройдетъ первый мигъ увлеченія, когда спроситъ она меня, что сдѣлалъ я съ ея молодостью, зачѣмъ я ее, полную силъ и будущаго, живо погребъ въ могилу страданья, въ могилу нищеты и сопряженнаго съ ней униженія? Что отвѣчу я ей? А это непременно будетъ, потому-что женщина, какъ бы экзальтирована и мечтательна ни была, создана не для одной же любви: ей тоже нуженъ шумъ, блескъ, ей нужно общество, безъ котораго ступить нельзя, безъ котораго душно и тяжело человѣку. Вы можете мнѣ замѣтить, что

порядочная и истинно-любящая женщина никогда не дозволить себѣ ни слезы, ни ропота... Боже мой! я допускаю даже, что она и виду не подастъ, даже... даже не подумаетъ... Да будто пужно чье-нибудь напоминанье въ такомъ дѣлѣ? будто у меня-самого нѣтъ глазъ, нѣтъ ушей, чтобъ видѣть, чтобъ слышать всѣ ужасы этого убійственнаго одиночества! Скажу болѣе: чѣмъ покорѣе судьбѣ является въ этомъ случаѣ любимая женщина, тѣмъ тяжеле будетъ камень на сердцахъ вашихъ... Да! тяжело иногда достается жизнь человѣку: онъ видитъ и не долженъ видѣть, слышитъ и не долженъ слышать, вездѣ и во всякомъ случаѣ безконечныя варьяци на извѣстную басню: «Лисица и Виноградъ».

Всѣ эти соображенія, хотя гораздо-короче и проще, передалъ я на другой день Танѣ, когда мы по утру встрѣтились съ нею въ саду; сказать по правдѣ, я былъ нѣсколько взволнованъ, хотя и желалъ казаться совершенно равнодушнымъ: матерія-то такая, извольте видѣть, деликатная! Но наконецъ я превозмогъ себя, говорилъ съ нею довольно-долго, просилъ ее забыть вчерашнюю сцену и въ заключеніе предлагалъ даже уѣхать назадъ въ Москву, если мое присутствіе можетъ ее тревожить. Внимательно, не прерывая, выслушала она меня отъ слова до слова; но когда я посмотрѣлъ на нее, мнѣ показалось, что она была блѣднѣе обыкновеннаго, и на рѣсницахъ ея дрожали слезы. Я хотѣлъ взять ее за руку, но она робко выдернула руку и покачала головою.

— Такъ вотъ до чего довела васъ недовѣрчивость! сказала она едва внятнымъ голосомъ: — помпите, я вчера вамъ говорила, что вы сами мѣшаете себѣ жить, что вы сами создаете себѣ страданія... Не стыдно ли вамъ?

Она не могла продолжать; слезы, доселѣ удерживаемыя, ручьемъ хлынули изъ глазъ ея; она быстро отвернулась отъ меня и пошла по аллеѣ.

Не могу описать вамъ состоянія, которое овладѣло мною въ эту минуту: мнѣ было и легко, что я сбылъ наконецъ съ рукъ эту тяжесть, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то стало пусто, какъ-будто чего-то не доставало, какъ-будто что-то забылъ, какъ-будто лучшая часть меня-самого погибла, стерлась въ этомъ признаніи. Она заперлась въ своей комнатѣ подъ предлогомъ головной боли; тѣмъ лучше: по-крайней-мѣрѣ, я не видалъ ея; боюсь только, чтобъ она въ-самомъ-дѣлѣ не сдѣлалась больна.

А между-тѣмъ, она была права, говоря, что я самъ дѣлаю себѣ пытку изъ жизни, подвергая анализу всякій мельчайшій фактъ ея, и никогда не довѣряя первому движенію своей природы. Я самъ чувствую, что неестественно живу, самъ понимаю, что творю себѣ препятствія, что недовольно забываю свое положеніе, что память ужъ черезъ-чуръ вѣрно напоминаетъ мнѣ всѣ подробности моей участи. Все это я чувствую и понимаю, и между-тѣмъ не могу ни на волосъ перемѣнить себя. Рефлектерство такъ уже сжилось со мною, сдѣлалось до такой степени принадлежностью мое-

го существа, что безъ него и жизнь мнѣ невозможна. Я надѣюсь, вы понимаете, что вѣдь не по охотѣ же создаю я себѣ тысячи призраковъ, что не по охотѣ же творю свое собственное несчастье: все это дѣлается противъ меня, все это точно такой же актъ моего организма, какъ питаніе, кровообращеніе и проч. А между-тѣмъ, я понимаю, въ чемъ состоитъ истинная жизнь, понимаю, что всякая потребность должна вытекать непосредственно изъ самой природы человѣка, которая не разсуждаетъ, а сама въ себѣ заключаетъ уже непреложный законъ.

И въ этомъ отношеніи я дѣйствительно достоинъ великаго сожалѣнія, хотя и не прошу его. Я, какъ спинозино божество, которое ничего ни любить, ни ненавидитъ, а только все себѣ объясняетъ, ношу въ себѣ всѣ элементы, всѣ стихіи жизни, только все это какъ-то играетъ страдательную роль, подобно тому, какъ еслибъ кто, построивъ машину, забылъ ее завести... Кому она нужна? какую пользу приноситъ этотъ мертвый капиталъ?

Видите ли же вы, что обо всемъ этомъ я уже разсуждалъ, и никто болѣе меня не желалъ бы перемѣнить это тягостное состояніе? Что нужды въ томъ, что я опредѣлилъ себя, и знаю, что я такое, куда иду и на какой конецъ, когда я несчастливъ! А впрочемъ, покоримся необходимости, да и кто знаетъ: можетъ-быть, частное-то мое назначеніе въ жизни въ томъ и состоитъ, чтобъ опредѣлить ее и приготовить возможность пользоваться ею... для другихъ?

Отъ того же къ тому же.

...Все это такъ для меня ново, такъ меня поражаетъ, что рѣшительно я теряюсь, не знаю, что мнѣ предпринять. Послѣ известнаго разговора, меня нѣсколько времени оставляли еще въ покоѣ, и я уже думалъ, что все это такъ и кончится. Дѣйствительно, она казалась совершенно-покойною, но-прежнему говорила со мною, по-прежнему ходили мы вмѣстѣ въ садъ и никогда ни слова о происшедшемъ между нами, какъ-будто-бы ничего и не было, какъ-будто-бы все умерло.

Признаюсь вамъ, меня даже печалило и досадовало нѣсколько такое равнодушіе: все-таки было мнѣ жалъ этой одной минуты, когда все мое существо какъ-будто трепетало и жило новою жизнью, и мнѣ досадно было, что такъ мало оставила она слѣдовъ по себѣ. Коли хотите, такая жалоба съ моей стороны и неестественна, и непослѣдовательна, и несправедлива; да что жъ прикажете дѣлать? видно, нельзя совсѣмъ перестать быть человѣкомъ, видно, нельзя всегда подводить подъ готовую мѣрку всѣ свои движенія. Я очень-хорошо понимаю, что недостойно и неестественно

привязываться къ воспоминашю, что нужно жить только въ настоящемъ, что человекъ чувствуетъ потребность забиться въ своемъ прошедшемъ только или въ-слѣдствіе отсутствія жизненности въ самой натурѣ его, или въ-слѣдствіе бѣдности его настоящаго; знаю я также, что въ этомъ мгновенномъ опьяненіи моихъ чувствъ было болѣе томленія, нежели радости и свѣта, что я самъ желалъ выйти какъ-можно-скорѣе изъ этого неопредѣленнаго положенія и, слѣдовательно, долженъ былъ бы скорѣе радоваться, нежели досадовать на равнодушіе Тани. Сознаю я все это, но въ томъ-то и горечь моего положенія, что я слабъ и не могу побѣдить себя.

Не спору, что, если это равнодушіе продлится, я вовсе перестану, можетъ-быть, думать объ немъ; но въ жизни нашей столько случайностей, малѣйшее обстоятельство подаетъ столько поводовъ къ взрыву затаявшейся и полуугасшей страсти, что невозможно предвидѣть ихъ всѣхъ, невозможно приготовить себя къ нимъ.

Такъ точно теперь и со мной.

На дняхъ какъ-то мы сидѣли вдвоемъ и читали зандовскаго «Компаньона». Помните ли вы тамъ сцену признанія въ любви Маркизы и Амори? помните ли вы обстановку этой сцены, описание ночи, мѣстности и всѣхъ малѣйшихъ подробностей признанія? не правда ли, что въ нашемъ взаимномъ положеніи не могло быть выбора романа болѣе пагубнаго, что въ этой сценѣ есть нѣчто въ высшей степени опьяняющее, что чувствуешь, какъ любовь дошла тутъ до *res plus ultra* раздраженія, что она давитъ, тяготитъ, что ей нужно, непременно нужно высказаться, выразиться наружу... И я видѣлъ, какъ жадно прислушивалась Таня къ моему чтенію, какъ поднималась и опускалась грудь ея, какъ все болѣе и болѣе приближалась она ко мнѣ...

И чувствовалъ и сознавалъ все это, — а все-таки читалъ, тогда какъ мнѣ слѣдовало бѣжать... Знаете ли, я былъ тогда очень-жаждокъ, я дѣйствовалъ по какому-то бевотчетному инстинкту, даже не понималъ болѣе, что читалъ, и когда она положила руку свою ко мнѣ на плечо, когда почувствовалъ я на щекахъ своихъ жаркое дыханіе ея, вся кровь, казалось, хлынула мнѣ въ голову, слова останавливались на губахъ; наконецъ и самая книга выпала изъ рукъ.

И тогда началась между нами одна изъ тѣхъ сценъ, которыя такъ легко и вмѣстѣ такъ трудно описывать, потому-что въ нихъ нѣтъ ни словъ, ни движенія; весь смыслъ ихъ заключается именно въ этомъ упорномъ безмолвіи, когда какъ-будто и языкъ и все существо человекъ скованы — подъ вліяніемъ тяжелаго очарованія. Такое положеніе мнотуно, потому-что тягостно, и человекъ самъ, по невольному, безсознательному инстинкту, дѣлаетъ усиліе, чтобъ выйти изъ него, но тѣмъ неудовимѣе ощущенія, которыя овладѣваютъ душой въ эту страшную минуту, тѣмъ труднѣе дать себѣ въ нихъ отчетъ. Когда я вышелъ изъ этого опьяненія, го-

лова Тани лежала на плечѣ моемъ, на губахъ ея играла едва замѣтная улыбка; но никогда, нигдѣ не встрѣчалъ я столько счастья, столько безмятежной и сладкой увѣренности, сколько выразилось во всякой фибрѣ этого прекраснаго лица. Я былъ дѣйствительно увлеченъ, и когда она спросила, отъ-чего я пересталъ читать, все, что накопило въ груди моей, все, что было исподволь подготовлено во мнѣ этою сценою, вылилось наружу.

— Зачѣмъ читать? отвѣчалъ я, съ трудомъ скрывая свое волненіе: — зачѣмъ читать? развѣ и безъ того не понятно?.. развѣ вы не видите, что я страдаю, что я боленъ? Развѣ не чувствуете вы, что все уже сказано и нечего болѣе объяснять?..

— Ну, видишь ли, отвѣчала она, не поднимая своей головы:— вѣдь я знала, что ты меня любишь; я была увѣрена въ этомъ... и напрасно будешь ты мнѣ говорить, что любовь невозможна для тебя: какъ-будто ей нужно чье-нибудь позволеніе, какъ-будто она въ насъ не противъ насъ!..

Я молчалъ, потому-что въ эту минуту всякое слово ея было для меня истиной.

— Послушай, надо исправиться... нужно болѣе жизни, менѣе разсудка. Зачѣмъ же жить, когда нѣтъ любви? Что же останется человѣку, если отнять у него любовь? на чемъ отдохнуть, на чемъ успокоиться отъ ига жизни, какъ не на любви, этой поэзіи жизни? Не чувствуешь ли ты холода и пустоты своего одинокаго, эгоистическаго существованія? не видишь ли ты смерти въ самой жизни, когда не согрѣта она любовью?.. О нѣтъ, ты любишь, ты любишь меня... Я знаю... правда?

И она то по-прежнему играла моими волосами и прижималась головою къ плечу моему, то вдругъ поднимала мою голову, смотрѣла мнѣ прямо въ глаза и говорила своимъ мягкимъ, ласкающимъ голосомъ: «безъ любви нѣтъ счастья, безъ любви холодно, грустно...»

И мнѣ казалось въ ту минуту холодно и грустно—безъ любви, и я въ ту минуту помолодѣлъ, чувствовалъ себя здоровымъ и веселымъ, и слезы невольно навертывались на глазахъ, и я целовалъ ея руки, целовалъ ея волосы, смѣялся и плакалъ, какъ ребенокъ; въ груди моей что-то какъ-будто порвалось, какъ-будто наводнило радостью все мое существо.

— О, будемъ счастливы, будемъ любить! говорилъ я полный восторга: — любовь смыслъ жизни, а жизнь благо!.. Будемъ же счастливы, и пусть пройдетъ вся жизнь наша, какъ одинъ мигъ—мигъ вѣчнаго самозабвенія и вѣчной любви!..

— Да! будемъ счастливы, будемъ любить, повторила за мною Таня, прижимаясь къ груди моей.

Это были сладкія минуты моей жизни, и ничто тяжелое не помрачало моего существованія! И теперь скажу я, зачѣмъ не вѣчно остается человѣкъ младенцемъ! зачѣмъ приходитъ разсудокъ, чтобъ отравить жизнь его, чтобъ наругаться надъ лучшимъ мгно-

вѣиѣмъ ея! И не оставитъ ничего неприкосновеннымъ этотъ безжалостный судія, до всего коснется, все разоблачитъ неумолима рука его, ни одна струна, ни одинъ мускулъ души не укроется передъ трезвымъ взоромъ его!.. И устремится челоуѣкъ съ растерзаннымъ сердцемъ и горькими-горькими слезами на очахъ, чтобы уловить эти легкія, мимолетныя видѣнія, такъ свѣтло очаровавшія душу его... и не уловитъ ихъ: исчезли, исчезли на вѣки!..

Все это очень-грустно, очень-тяжело, тѣмъ болѣе тяжело, что я самъ понимаю всю уродливость своего положенія, тѣмъ болѣе невыносимо, что я претендую быть всегда логичнымъ, и чувствую, что ничтожнѣйшее обстоятельство можетъ сбить меня съ толку. Я вижу, что нужно мнѣ оставить этотъ домъ, что мнѣ нужно бѣжать отсюда, и между-тѣмъ, рядомъ съ этимъ рѣшеніемъ, предстаетъ передо мною другой, еще болѣе для меня страшный вопросъ: не будетъ ли такое рѣшеніе открытымъ признаніемъ моей слабости, прямымъ обнаруженіемъ несостоятельности столькими годами горькаго опыта добытыхъ убѣжденій. И между этими двумя крайностями я останавливаюсь въ нерѣшимости, не знаю, что предпринять, не дѣлаю ничего ни за, ни противъ.

Вы скажете мнѣ, можетъ-быть, что тутъ есть весьма-простое средство, а именно: остаться и слѣдовать побужденію природы... да въ томъ-то и дѣло все, что этого-то побужденія опредѣлить я себѣ не могу, что, съ одной стороны, несомнѣнно для меня, что я люблю Таню, а съ другой не менѣе вѣрно и то, что любовь для меня поступаетъ въ категорію невозможностей, что она захирѣетъ при самомъ началѣ, потому-что нѣтъмъ мнѣ поддержать, нѣтъмъ воспитать ее. Я страдаю глубоко, не видя выхода изъ этого противорѣчія, и это сознаніе такъ парализировало мои силы, что я остаюсь холоднымъ зрителемъ своего собственнаго несчастія. Вы скажете опять, что я самъ виновникъ своего страданія, что я сознательно и хладнокровно устроиваю его, что я артистически, съ любовію создаю себѣ препятствія. Но вы будете не правы, мой милый, потому-что выборъ того или другаго рѣшенія вовсе не отъ меня зависитъ. Еслибъ я и общество, среди котораго я живу, составляли одно нераздѣльное, необходимое для взаимнаго уразумѣнія цѣлое, тогда, конечно, не сталъ бы я разсуждать, истинно ли такое-то мое побужденіе и какія будутъ отъ него послѣдствія: я зналъ бы навѣрное, что оно истинно, и что послѣдствія, каковы бы они ни были, могутъ принести мнѣ только вѣщнее благосостояніе и пользу. Но теперь, я и дѣйствительность — два понятія совершенно различныя и взаимно другъ друга уничтожающія; и если я желаю, то могу только цѣною крови, цѣною борьбы оправдать свое желаніе. Что насъ убиваетъ — это недостатокъ исхода нашему эгоизму, это то, что всякій шагъ нашъ есть уже борьба, что вся жизнь наша направлена необходимостью на такіе предметы, къ которымъ мы не чувствуемъ ни привязанности, ни склонности. Поэтому всякій трудъ сдѣлался для насъ тягостно невы-

носимою, работою египетскою, и потому куда ни обернетесь вы, вездѣ люди дѣйствуютъ какъ-бы нѣхотя, всѣ движенія ихъ запечатлѣны какимъ-то вялымъ равнодушіемъ, вездѣ долгъ, вездѣ принужденіе, вездѣ скука и ложь... Пора намъ, наконецъ, оправдать себя въ этомъ уродствѣ, пора сознать, что не мы виновники своего несчастія, что такъ-называемая свобода есть просто произведеніе нашей праздно-фантазіи, самообольщеніе горделиваго духа нашего, что вся свобода наша состоитъ въ безмолвномъ повиновеніи царящему надъ всѣмъ сущимъ закону необходимости.

И какъ, на-примѣръ, могу я запретить себѣ анализировать свое положеніе, когда при одномъ словѣ любви въ умѣ моемъ уже возстаютъ тысячи препятствій, тысячи призраковъ? Во-первыхъ, если я позволю себѣ увлечься своимъ чувствомъ, не ждетъ ли меня новая борьба—борьба страшнѣе всего, что я испытывалъ въ жизни ибо доселѣ я старался устроить свое положеніе только такъ, чтобъ въ немъ была возможно-мѣньшая сумма зла, болѣе оборонялся, нежели наступалъ; теперь же я положительно желаю счастья... и вы думаете, что мнѣ дадутъ его, не высосавъ напередъ половины моей крови? Бѣднякъ, и объ чемъ задумалъ! Да, меня удавятъ, а что всего страшнѣе, удавятъ не одного—и Таня за мной пойдетъ! А если и не такъ, то я умру съ голода и ее уморю! Вотъ, какая перспектива передо мною! И напрасно будете вы говорить мнѣ, что можно своими трудами достать себѣ кусокъ хлѣба, хоть и не роскошный, а все-таки съ голоду не умрешь. То-то не роскошный! Вы бы поѣли этого хлѣба! Да и вздоръ, утопія, мой милый, мечтаніе—трудомъ добывать себѣ хлѣбъ! развѣ униженіемъ—это другое дѣло—а на это тоже нужна своя снаровка, нужна опытность, которой я не могъ еще приобрести! Со-временемъ, что мудренаго: сила соломѣ ломить! и я, можетъ-быть, приобрету это волшебное искусство нравиться, искусство проникать въ чужіе карманы, которымъ обладаютъ столь многіе—да вѣдь все это со-временемъ, а теперь...

Разсудите же сами, прилична ли мнѣ любовь, не роскошь ли это для меня, когда я долженъ заботиться о насущномъ хлѣбѣ, когда я на минуту не могу забыться безъ того, чтобъ эта минута не повлекла за собою цѣлой вереницы страданій! И вы думаете, что это совмѣстно? что можно въ одно и то же время и любовь водить и объ обѣдѣ думать? Да знаете ли, вѣдь любовь-то убьетъ во мнѣ всю энергію разсудка, вѣдь я расплывусь въ этомъ чувствѣ, я умру съ голода и она умретъ со мною! И какой точный, опредѣленный языкъ у этой дѣйствительности: или люби, да и умирай же съ голоду; или ѣшь черствый кусокъ хлѣба, да ужъ и не моги помыслить о чемъ-нибудь другомъ! Да-съ, женщина, это, извольте видѣть, такой *objet de luxe*, который можетъ позволить себѣ только богатый человекъ, а бѣдному—тому, для кого она и смыслъ, и значеніе имѣетъ, такая игрушка не позволительна!

Такъ вотъ, къ какимъ результатамъ приводитъ меня трезвый взглядъ на мое положеніе! Конечно, еслибъ я слѣдовалъ только первому своему движенію, я бы давно увезъ Таню, да въ томъ-то и сила человѣка, потому-то онъ и глава созданія, что прежде всего онъ предусмотрителенъ.

А между-тѣмъ, я все-таки ни на чемъ не остановился. Когда я одинъ, когда не волнуется во мнѣ кровь, я спокоенъ, я чувствую въ себѣ рѣшимость и силу; но когда приходитъ ко мнѣ Таня съ своею дѣтски-довѣрчивою улыбкою, съ своими увлажненными глазами, когда, склоняясь головкою на плечо мое и полуулыбаясь, спрашиваетъ она меня: «ну, что, одумался ли ты, невѣрующій человѣкъ, доказалъ ли ты себѣ, наконецъ, что любовь возможна для тебя?» я ничего не нахожу въ отвѣтъ на слова ея, я самъ и смѣюсь и плачу, я самъ дѣлаюсь ребенкомъ такимъ же, какъ и она, цалую ея руки, цалую ея волосы, платье, и по цѣлымъ часамъ бѣгаю какъ безумный съ нею по саду...

Ну, не грустно ли?

Продолженіе дневника Тани.

Чѣмъ болѣе я думаю, какъ отказаться отъ этой несчастной страсти, какъ истребить ее въ сердцѣ своемъ, тѣмъ болѣе преслѣдуетъ она меня и овладѣваетъ всею душою моею. Въ ней вся моя погибель, въ ней же и все мое счастье — кто пойметъ, кто объяснить мнѣ это?

А между-тѣмъ, это такъ. Я чувствую, какъ разбивается жизнь моя объ это чудовищное безсиліе, вижу, что все мое существо гибнетъ и гаснетъ въ этой бесплодной борьбѣ, и, однакожь, я не могу ничего противъ этого, не могу сказать сердцу своему: перестань любить.

Ну, не страшно ли такое положеніе, не въ состояніи ли оно свести въ гробъ самыя цвѣтушія силы, разбить самую крѣпкую грудь? И на чью долю выпало такое страданіе? на долю бѣдной дѣвочки, одинокой, слабой, безъ опоры! Правду сказать, знаетъ же судьба, кого надѣлать своими ударами! И часто, въ тѣ минуты, когда зашевелится и взволнуется вся горечь, которая мало-по-малу скоплялась и зрѣла на днѣ души моей, мнѣ дѣлается тяжело и душно, и я не знаю, куда дѣваться, куда склонить голову отъ тоски, которая гложетъ и изводитъ мое бѣдное сердце.

Куда же ты скрылась, куда исчезла ты, радость моей жизни? Гдѣ, въ какой далекой сторонѣ летаетъ чистая душа твоя, шилая, добрая мама? Счастлива она тамъ, среди Божіихъ ангеловъ; не знаетъ она ни горя, ни страданія: все въ ней радость, все упоеніе! Скажи же мнѣ, мама, я-то зачѣмъ же томлюсь и гибну въ

этой страшной темницѣ, зачѣмъ же у меня нѣтъ крыльевъ, чтобъ полетѣть на это роскошное, синее небо? Раскинулось оно безъ конца и въ даль и въ ширь, все усыянное свѣтлыми звѣздами! Вотъ и она, далекая звѣздочка моей мамы, смотритъ-себѣ ясно и спокойно на людей, и нѣтъ ей дѣла до тревогъ и волненій ихъ! Ей нечего жалѣть, нечего искать, не о чемъ заботиться: въ себѣ-самой обрѣла она и счастье, и спокойствіе, и миръ! Посмотри же на меня, свѣтлая, переходная звѣздочка, брось радостный лучъ надежды въ растерзанную, истомленную грудь мою! Стонетъ, плачетъ мое бѣдное сердце, и нѣтъ конца неисходному горю!

Забвенія, одного забвенія прошу я у жизни: пусть одереветѣетъ, оледенѣетъ мое сердце, пусть спокойствіе хоть могильное сойдетъ на душу, и не надо мнѣ ни радости, ни любви, ничего, чѣмъ красно и сладко существованіе: какъ-нибудь, день за днемъ дотащила бы я до конца безотрадную жизнь.

И между-тѣмъ, сколько силы, сколько молодости растрачено въ этихъ безплодныхъ стремленіяхъ! и никто не узнаетъ, какъ жгуче и невыносимо это молчаливое горе, никто не догадается, что есть въ мірѣ сердце, которому нужна помощь, есть душа, которая вянетъ среди сомнѣній, гнетущихъ ее... Ходятъ, шевелятся вокругъ меня люди, но все это какъ-то злобно, непріязненно смотрятъ на чужое горе, все отворачивается и какъ-будто говоритъ: что ты навязываешься съ своимъ бессильнымъ страданіемъ? посмотри: всѣ вокругъ тебя заняты, всѣ ищутъ и хлопочутъ; ты одна безъ дѣла, ты одна лишняя на свѣтѣ! Боже мой! да виновата ли я, что у меня связаны руки, что спутано и оцѣплено все мое существо? Виновата ли я, что мнѣ заграждены невидимою, но жестокою рукою всѣ пути, чтобъ выйдти изъ тяжкаго моего положенія? Отъ-чего же, за какое страшное преступленіе такъ наказана я? Настанетъ ли, наконецъ, для меня та минута, когда просвѣтлѣетъ и просіяетъ жизнь моя; скоро ли займетъ вновь заря, такъ рано потухшая на блѣдномъ горизонтѣ моего существованія, или долго еще страдать и томиться мнѣ въ этой холодной темницѣ, и никогда не проглянетъ солнце въ черной ночи ея?..

Сегодня вечеромъ всѣ мы, не исключая даже и Марьи Ивановны, катались по озеру. Погода была чудесная; золотые лучи умирающаго солнца дрожали и переливались па едва-примѣтныхъ струйкахъ дремлющаго озера; вечерній вѣтерокъ чуть-чуть рябилъ ровную поверхность воды; какъ неясный, но полный прелести ропотъ, долетали до насъ отдаленныя пѣсни крестьянъ, возвращавшихся съ работы; все дышало такимъ тихимъ, безмятежнымъ спокойствіемъ въ этой чудной картинѣ сельскаго вечера: даже тростникъ, поросшій вокругъ озера — и тотъ какъ-будто притаился и приникъ къ водѣ, и ласточки спрятались въ свои теплыя гнѣзда.

Что́ это, какъ хорошо, какъ отрадно кататься вечеромъ по озеру! какъ легко и свободно дышитъ грудь въ этомъ влажномъ воздухѣ! И всё какъ-будто помолодѣли, повеселѣли мы: и отецъ сталъ какъ-то ласковѣе, добрѣе смотрѣть, и Марья Ивановна только для проформы дѣлала разныя хозяйственныя замѣчаня, а о дѣтяхъ и говорить нечего: смѣются и бѣгаютъ по плоту, и навѣрное опрокинули бы его, еслибъ не слышался нрѣдка строгій голосъ Марьи Ивановны, запрещающій имъ шалить. Одинъ Нагибинъ былъ какъ-то грустнѣе и задумчивѣе обыкновеннаго: во все время не сказалъ онъ почти ни слова, и какъ ни старался отецъ, но не могъ успѣть расшевелить его.

Наконецъ, пора было и къ берегу. Отецъ пошелъ съ Марьей Ивановной домой, а мы съ дѣтьми въ садъ, и когда братья были далеко отъ насъ, Нагибинъ подошелъ ко мнѣ.

— Вы позволите мнѣ сказать вамъ нѣсколько словъ, Татьяна Игнатьевна? спросилъ онъ.

— Сколько угодно, Андрей Павлычъ; сядемте на скамейку.

Но онъ молчалъ и, казалось, обдумывалъ, какъ начать разговоръ.

— Что́ же вы задумались, Андрей Павлычъ? сказала я: — вы хотѣли что-то передать мнѣ?

— Да, я хотѣлъ вамъ сказать... да, право, не умѣю какъ выразить...

— Стало-быть, это очень-дурно, другъ мой, что вы не рѣшаетесь высказать мнѣ мысль свою?

— О, нѣтъ, тутъ нѣтъ ничего дурнаго! да вы все такъ принимаете къ сердцу... Право, я не знаю...

— Боже мой, что это за мука! Да скажете ли вы наконецъ, что васъ такъ сильно занимаетъ?

— Меня занимаетъ... Послушайте, Татьяна Игнатьевна, вы должны одобрить мое рѣшеніе... оно необходимо какъ для вашего, такъ и для моего спокойствія...

— Какое же это рѣшеніе?

— Вотъ видите ли; сегодня я много думалъ, отъ-чего вы такъ грустны съ нѣкотораго времени, отъ-чего вы съ каждымъ днемъ увядаете...

— Ну, такъ что же, Андрей Павлычъ?

— Да вѣдь это я васъ такъ измучилъ, я съ своимъ несноснымъ безсиліемъ; это отъ меня вы такъ страдаете, доброе дитя мое!.. Еще, если бъ я одинъ — я перенесъ бы все; но видѣтъ, какъ вы каждую минуту умираете, какъ вы томитесь — эта мука выше силъ моихъ!

— Такъ вы рѣшились... ѣхать отсюда?..

— Могу ли же я оставаться, милая Таня?

— И вы думаете, что вашъ отъѣздъ поможетъ моему горю, Андрей Павлычъ?

— Кто знает? может-быть... О, это все мое желаніе, все мольба мое! Это дало бы спокойствіе моему сердцу... Время все изглаживает, время великій врачъ всѣхъ недуговъ, особливо сердечныхъ...

— Вы думаете, Андрей Павлычъ? вы думаете, что и вдали отъ васъ мое сердце не будетъ всегда и вездѣ съ вами?

— Кто знает?

— О нѣтъ, я знаю, Андрей Павлычъ. Видите ли, вы никогда не любили въ жизни — вы и не знаете, и не мудро, что вамъ кажется, будто время все изглаживает, все исцѣляетъ... А если оно, вмѣсто того, чтобъ заживитъ мои раны, только растравитъ ихъ?

Я взглянула ему въ лицо и сама ужаснулась его мертвенной блѣдности; казалось, несносная тяжесть удручала и жала ему грудь и не позволяла вздохнуть свободно.

— Что съ вами, Андрей Павлычъ? сказала я, взявъ его за руку: — зачѣмъ же такъ сильно принимать все къ сердцу?

— Что же дѣлать, на что же рѣшиться мнѣ? прошептала онъ едва слышно. — Боже мой, Боже мой! гдѣ же конецъ, гдѣ же граница этому страданію?

— Перестаньте же, Андрей Павловичъ; вы видите, что меня мучитъ ваше страданье; бросьте говорить объ этомъ; пусть будетъ что будетъ — зачѣмъ загадывать впередъ... Вы что-то больны сегодня, другъ мой.

— Да, боленъ я; но въ томъ-то и дѣло, что я всегда такъ боленъ, добрая, милая Таня; въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ конца этой мучительной болѣзни, что я самъ чувствую, какъ сводитъ она меня мало-по-малу въ могилу... Хоть бы поскорѣе, хоть бы разомъ покончила она со мною!

— А я-то, а обо мнѣ-то и забыли вы, Андрей Павлычъ? я-то съ кѣмъ же останусь? и вамъ не жаль меня будетъ? не жаль?.. а, Андрей Павлычъ? что же вы молчите?

— Что же мнѣ отвѣчать вамъ?.. Жаль? мало ли чего мнѣ жаль, Таня, мало ли чего бы я хотѣлъ! Да я такой маленькій человѣкъ, что не долженъ желать чего-нибудь безнаказанно! Сожалѣть? пожалуй, сожалѣй, да что будетъ въ томъ проку, подвижемся ли мы оба хоть на шагъ отъ этого? Ахъ, зачѣмъ свела меня съ вами судьба! шли бы мы каждый своею дорогой, дотянули бы какъ-нибудь до смерти!

— Ахъ, Боже мой! къ чему же эти мысли, другъ мой? Зачѣмъ мы встрѣтились? кто жъ это знает? и зачѣмъ вамъ непременно нужно объяснить себѣ это? Мы встрѣтились — это была случайность; мы полюбили другъ друга — это было необходимымъ послѣдствіемъ нашей встрѣчи! Зачѣмъ же вездѣ хотите вы видѣть что-то особенное, какое-то злобное преслѣдованіе судьбы? зачѣмъ всѣ эти вопросы, Андрей Павлычъ?

— Зачѣмъ? Спросите лучше, зачѣмъ всякое явленіе раздвоится въ моихъ глазахъ, зачѣмъ ни на одинъ вопросъ не можетъ разсудокъ мой отвѣчать откровенно: да иди нѣтъ, зачѣмъ въ одно и то же время рождается въ моей душѣ тысяча оправданій и тысяча опроверженій? Ваше молодое сердце не можетъ постичь, сколько жгучаго страданія въ этой странной жизни, гдѣ нѣ на чемъ успокоиться разсудку, гдѣ безпрестанно думаешь упираться ногами въ землю, и безпрестанно колеблется и уходитъ она изъ-подъ ногъ!

Онъ задумался; голова его медленно опустилась на грудь; на блѣдномъ лицѣ выразилась тихая, безмолвная горестъ; какъ-будто вдругъ сдѣлалось спокойно и свѣтло въ душѣ его, какъ-будто чувствовалось ужъ въ этомъ грустномъ взорѣ будущее примиреніе.

— Ужасны не самыя лишенія, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ: — не сама безцвѣтность и бѣдность жизни гложутъ душу — ужасно сознаніе возможности счастья, сознаніе всей обаятельной сладости удовлетворенной страсти, которое, на горе бѣдному парю, является воображенію его въ самыя трудныя минуты его жизни! Видѣть счастье во всей чудной полнотѣ его, осязать руками эту таинственную чашу блаженства, предметъ столь долгихъ и мучительныхъ помысленій человѣка, и въ то же время сознавать, что никогда губы его не прикоснутся къ ней — вотъ предъ чѣмъ цѣпенѣетъ мысль человѣка, вотъ, гдѣ истинное бѣдствіе его положенія!

И долго удерживаемыя слезы ручьями полились изъ глазъ его.

— Сознать разумность и необходимость любви, сказалъ онъ рыдая: — и сознавать невозможность и неразумность ея! любить и не любить! Да гдѣ же тутъ смыслъ, кто пойметъ это?

И я не могла удержаться, и я съ рыданіемъ упала на грудь его и цаловала ее.

— О, плачьте, плачьте, другъ мой! говорила я: — и пусть въ этихъ слезахъ все до тла выплачется безотвязное горе, которое тяжелымъ камнемъ легло на душу вашу, и пусть никогда не возвратится эта черная туча сомнѣнія, омрачившая свѣтлый день нашей жизни!

И онъ, казалось, повеселѣлъ и помолодѣлъ, улыбаясь сквозь слезы глядѣлъ на меня, и нѣжно прижималъ меня къ груди своей.

— Ты-то что плачешь, Таня? говорилъ онъ: — ты-то объ чемъ горюешь, милое дитя мое? тебя-то за что заставляю я страдать, добрый ангелъ мой?

— О, нѣтъ, я не страдаю, я весела, мнѣ такъ хорошо, такъ спокойно теперь... у тебя на груди... Слышишь, какъ бьется твое сердце, какъ радо оно этимъ теплымъ, живительнымъ слезамъ!

— Да, мнѣ легко, мнѣ свободно въ эту минуту, милая Таня; все во мнѣ любовь и упоеніе, и нѣтъ слѣда тяжелымъ сомнѣніямъ, которыя еще за минуту висѣли надо мною... Повтори же мнѣ, другъ мой, не правда ли, вѣдь его ужъ нѣтъ, онъ не сто-

ить ужь между нами, этотъ страшный призракъ, который мѣшалъ намъ жить, мѣшалъ намъ любить другъ друга? И мы можемъ свободно дышать, можемъ посмѣяться надъ этимъ старымъ пугаломъ, потому-что мы сильны свѣею любовью, и нѣтъ въ мирѣ препятствія, котораго бы не сокрушили мы? Такъ ли, дитя мое, радость моя, такъ ли я разсуждаю теперь? хорошо ли ведетъ себя воспитанникъ твой, стѣить ли онъ поцалуя своей доброй наставницы?

И онъ привлекъ меня къ себѣ и посадилъ на колѣни.

— Вѣдь это все вздоръ, что я прежде говорилъ тебѣ? вѣдь не правда, будто любовь невозможна, будто она неразумна?.. Ахъ, Боже мой! да, стало-быть, она возможна, стало-быть разумна, коли она есть, коли ею живетъ и трепещетъ все существо мое? Такъ ли, добрая Таня?

Я сама удивилась, какъ быстро и какъ совершенно произошла въ немъ такая переменъна, какъ внезапно всякое слово его приняло жизнь и задышало страстью.

— Таня, а Таня, сказалъ онъ, дрожа отъ волненія: — зачѣмъ эта косынка на груди твоей, зачѣмъ она мѣшаетъ?.. Сними ее, брось ее дальше, чтобъ не было ничего между тобою и мною... Ну, полно же, полно, дитя, продолжалъ онъ, удерживая меня: — вѣдь это я такъ... это пройдетъ... ты не сердисься, на меня другъ мой?

И онъ обхватилъ обѣими руками мою голову и долго вглядывался въ глаза мои, какъ-будто хотѣлъ высмотрѣть въ нихъ самую затаенную мысль.

— А знаешь ли, зачѣмъ я такъ долго вглядываюсь въ глаза твои, Таня? Я смотрю, какъ отражается въ нихъ это чудное лѣтнее небо, которое такъ роскошно раскинулось надъ нами... Вонъ блеснула и задрожала въ нихъ далекая звѣздочка. Къ кому-то послана ты, чью-то судьбу хранишь ты?.. Ахъ, вонъ и упала она... и нѣтъ больше звѣздочки! А слыхала ли ты? говорятъ, будто въ минуту паденія звѣзды непременно кто-нибудь умираетъ? Вѣдь не правда это, Таня, вѣдь это все глупые люди выдумали: въ эту минуту всѣ живутъ, всѣ счастливы? такъ ли, Таня? такъ ли, дитя мое?

Но я боялась и не смѣла прерывать это дѣтское упоеніе, которыми онъ самъ, казалось, такъ жадно любовался, какъ-будто страшился потерять одну минуту счастья, какъ-будто всякимъ мгновеніемъ хотѣлъ онъ воспользоваться и извлечь изъ него возможную сумму наслажденія.

— Ахъ, что за чудные, что за мягкіе у тебя волосы, Таня! сказалъ онъ, играя моими локонами и цалуя ихъ: — только одного мнѣ жаль, дитя мое...

— Что же такъ печалитъ тебя, другъ мой?

— Не знаю отъ-чего, сказалъ онъ сквозь слезы: — а мнѣ все приходитъ на мысль, что все-таки намъ жить розно, все-таки не сойдтись.

— Ахъ, Боже мой! опять эти грустные мысли! да брось ихъ, выкинь ихъ изъ головы, другъ мой.

— Нельзя, Таня, нельзя! Вотъ видишь ли: это такъ ясно, такъ очевидно, что само-собою, противъ меня, приходитъ мнѣ на мысль...

И въ голосѣ его было столько страданія, когда онъ говорилъ это, что сердце мое надрывалось отъ горести, и я снова бросилась рыдая къ нему на грудь.

— Ну, вотъ ты и опять плачешь, странный ребенокъ! Жаль мнѣ тебя, милая, жаль, потому-что я замучаю, изведу тебя своими бреднями! Ахъ, брось, забудь меня, Таня... Ну, не горюй же, посмотри на меня, безцѣнное сокровище мое, поцалуй меня...

— Забыть! тебя забыть? говорила я, палуя грудь его:— да что же будетъ тогда съ жизнью моею? не-уже-ли опять возвратится эта пустота, эта неизвѣстность? О, нѣтъ! пусть лучше страданіе, пусть горе, пусть хоть что-нибудь — только не возвращаться къ этой грустной, безцѣльной жизни!

— Бѣдное дитя! да смѣрила ли ты силы свои? станеть ли у тебя бодрости, чтобъ бороться, всегда и вездѣ бороться? Вѣдь это страшная жизнь, вѣдь нужно желѣзные мышцы, чтобъ устоять въ ней! Она рѣжетъ, она давитъ, она отнимаетъ послѣднюю искру разсудка, эта грозная дѣйствительность, и нигдѣ не скроешься, никуда не убѣжишь отъ нея!

— Пусть давитъ, пусть рѣжетъ она! Моя любовь защититъ меня отъ ея ударовъ. Какъ ты не хочешь понять, что я сильна своею любовью, что нѣтъ для нея ни преградъ, ни препятствій?..

— Бѣдная Таня! сказалъ онъ со вздохомъ: — а что, если ты ошибаешься?

И онъ крѣпко прижалъ меня къ сердцу.

Было уже довольно-поздно; таинственный сумракъ спустился на садъ и придавалъ ему какой-то фантастическій, обманчивый колоритъ; холодная вечерняя роса падала на утомленную дневнымъ зноемъ землю; надъ озеромъ виселъ легкій, прозрачный туманъ; изъ аллеи долеталъ до насъ рѣзвый шумъ и хохотъ дѣтей, но какъ-то смутно, невнятно; оба мы были въ какомъ-то упорномъ забвѣніи, и оба не могли сказать другъ другу слова, какъ-будто невидимое очарованіе сковало языкъ и оцѣпило все существо наше.

И величественною красотою блистало надъ головами нашими далекое небо, и весело шумя зелеными листьями склонялась душистая черемуха, осѣняя любовь нашу...

И такъ еще полна вчерашнимъ разговоромъ! передо мною еще такъ живо носится воспоминаніе этой благоухающей минуты, въ себѣ одной поглотившей всю прошедшую, безотрадную жизнь мою! Но странное дѣло! это счастье какъ-то различно дѣйствуетъ на

насъ: во мнѣ оно пролило какой-то невѣдомый избытокъ жизни, дало силу и энергію всему существу; я весела, я радуюсь, я такъ довольна собою, что все готова забыть, все простить, готова всѣхъ обнять и прижать къ сердцу.

Онъ, напротивъ, такъ угрюмо и скучно смотритъ на все, какъ-будто еще бѣльшая тяжесть, бѣльшее бремя налилось ему на душу, и все избѣгаетъ встрѣчъ со мною, и безпрестанно или сидитъ около дѣтей, или нарочно удерживаетъ отца, какъ только видитъ, что намъ приходится остаться наединѣ.

Да погодите же: я поймаю васъ, не увернетесь вы теперь отъ меня, Андрей Павловичъ! Въ васъ опять зашевелились эти несносные вопросительные знаки; вы опять хотите какъ-нибудь отлавировать отъ рѣшительнаго отвѣта, да я васъ не оставлю; я попрошу—таки васъ, поставлю на своемъ, и будете же вы мой, и будете вы чувствовать и разсуждать не такъ, какъ вамъ вздумается, а какъ я позволю. О, вы меня не знаете, Андрей Павловичъ! вѣдь я ужасный деспотъ, у меня все на военную ногу: никогда никакихъ разсужденій, и все дѣлать, какъ приказываетъ начальство!

За то, какъ мы весело, счастливо будемъ жить, другъ мой! какъ будемъ любить другъ друга! И не думайте, чтобъ я воображала себѣ богатство, великолѣпіе — совсѣмъ нѣтъ! Я знаю, что будутъ у насъ лишенія... да, Боже мой! въ чьей же жизни нѣтъ своихъ маленькихъ непріятностей, своихъ огорченій! зачѣмъ же намъ однимъ составлять исключеніе?

И лучше ли было бы, если бы не существовало для насъ этихъ лишеній, если бы все, что бы ни захотѣли мы, являлось вдругъ на встрѣчу желаніямъ нашимъ? Да вѣдь намъ скоро надоѣла бы эта безнуждная жизнь, вѣдь мы соскучились бы, утомились бы, другъ мой; вѣдь только горемъ бываетъ понятна радость, только лишеніемъ дорогого удовлетвореніе!

А я буду такъ лелѣять, холить тебя, любимое, бѣльное дитя мое! и мигомъ сгоню незваное и непрощенное горе съ лица, мигомъ развеселю и утѣшу моего милаго баловня! Вѣдь въ томъ-то и обаяніе любви, въ томъ-то и прелесть любимой женщины, что есть кому повѣрить тайную мысль, есть на чьемъ сердцѣ выплывать безотвязно преслѣдующее сомнѣніе. Вотъ и ты, мой другъ, что теперь въ твоей бѣдной, одинокой жизни? счастливъ ли ты, доволенъ ли? можешь ли хоть на минуту забыться, оторваться отъ грустной дѣйствительности? Нѣтъ, грустенъ, страдаешь ты, потому-что затвердѣлъ на сердцѣ твоемъ этотъ больной наростъ, весь составленный изъ сомнѣній и противорѣчій, и некому расшевелить ихъ, некому облегчить твое бѣдное сердце! Одна любовь можетъ вылечить болѣзнь твою; она одна въ состояніи размягнуть твое сердце, просвѣтлить все существо твое; ея могущество сдѣлаетъ легкимъ тяжелое бремя, которое суждено намъ нести и благимъ жестокое иго, которое тяготѣетъ на насъ!

Да и будто одни лишеныя, оди горести ожидаютъ насъ впереди? Будто въ насъ самихъ не представляется намъ неисчерпаемый источникъ разнообразныхъ и всезамѣняющихъ наслажденій? Будто непременно нуженъ блескъ, нуженъ шумъ для нашей любви, будто не все радость, не все упоеніе въ этой тихой, семейной жизни, среди тѣснаго кружка друзей, гдѣ все мыслить одною мыслью, чувствуетъ однимъ чувствомъ, гдѣ все дышитъ такою свѣтлою, безыскусственною тишиною?.. Ахъ, другъ мой, скорѣе въ этотъ уютный уголокъ! подалеже отъ людей и холодныхъ расчетовъ ихъ! запремся отъ нихъ крѣпко-на-крѣпко въ неприступной крѣпости нашей, и пусть идетъ мимо безсильная злоба ихъ, и не настигнутъ насъ дрожащею отъ зависти рукою пущенныя стрѣлы ихъ!

А притомъ же, вѣдь у насъ будетъ семейство, будутъ дѣти! Вѣдь у насъ будутъ дѣти? не правда ли, непременно будутъ, другъ мой?

Ахъ, что это за чудное чувство быть матерью! Я и теперь такъ люблю этихъ милыхъ крошекъ и смотрю не посмотрю, не люблюсь ими! Что же это будетъ, когда у меня будутъ свои дѣти, свои милые ангельчики, и будутъ они рѣзвиться, бѣгать вокругъ меня, будутъ называть меня своею милою, доброю мамой! Да и будетъ же любить васъ эта баловница-мама, будетъ она цѣлый день играть съ вами, чтобъ ни одной минуты не знали вы скуки, чтобъ всякое мгновеніе вашей жизни было для васъ радостью и счастьемъ! И когда наступитъ ночь и начнутъ смыкаться отъ сна ваши глазки, засыпайте спокойно на маленькой кроваткѣ вашей, и пусть снятся вамъ Божіи ангелы, пусть ничто не смутитъ этого беззаботнаго сна невинности: за вами всю ночь будетъ слѣдить зоркій глазъ вашей мамы, всю ночь не уснетъ она, лишь бы вы были счастливы, свѣтлы мои ангельчики!

И пусть не смѣетъ сердиться старый ворчунъ папа, если ему надоѣстъ вашъ рѣзвый шумъ—не то сейчасъ заставимъ мы его самого играть и бѣгать съ нами! О, мы сдумѣемъ управиться съ нимъ! Вѣдь онъ одинъ, а насъ много, и притомъ у насъ столько средствъ, столько силы!

Голова у меня кружится, сердце бьется въ груди, какъ-будто выскочить хочетъ, когда я думаю обо всемъ этомъ! И какъ весело бѣгаю я одна по саду, прощаюсь съ каждымъ уголкомъ его, какъ-будто и не видать мнѣ его никогда, какъ-будто и началась ужъ для меня эта новая, обаятельная жизнь!

Что же вы-то не развеселитесь, что же вы-то такъ угрюмо, печально смотрите, Андрей Павловичъ? Или вамъ все еще не вѣрится этой полнотѣ счастья, или вы ужъ такъ запуганы жизнью, что боитесь отдаться ей, боитесь, не обманываетъ ли васъ она снова, цѣтъ ли тутъ какой-нибудь хитрости, какого-нибудь силка? Разувѣрься же, милый резонѣръ мой! счастье есть, любовь существуетъ: она бьетъ и рвется ключомъ въ моему сердцу, а ты знаешь, что я не страдаю эгоизмомъ!

И давно ли, давно ли, Боже мой, въ этомъ журналѣ были только печальныя строки? давно ли въ этомъ сердцѣ жили только страданіе и безнадежность? и вотъ ужь два дня, какъ я совершенно счастлива, два дня, какъ всякое слово моего дневника дышитъ радостью и упоеніемъ!

И какъ полно, какъ тепло все смотритъ вокругъ меня! И говорю я не наговорюсь, цѣлый день все бы смѣялась, все бы бѣгала, все бы я болтала безъ умолка! Даже отецъ замѣтилъ Марья Ивановнѣ эту необыкновенную веселость, а Марья Ивановна—такая, право, хитрая! лукаво улыбаясь, отвѣчала:—чего жь тутъ мудреного, батюшка, что дѣвка сама не знаетъ, чему радуется? ужь такіе ея годѣ: пора и къ мѣсту, пора и женишка пріискать! «И отецъ засмѣялся и погрозилъ мнѣ пальцемъ. Бѣдныя! они и не подозрѣваютъ, отъ-чего я такъ весела, они и не воображаютъ себѣ, что тутъ пѣчего ни пріискывать, ни пристроивать, что безъ нихъ ужь все сдѣлано, безъ нихъ пристроено!

Видно, это ты, милая мама, помолилась за меня Богу; видно, донесла до тебя, наконецъ, свѣтлая звѣздочка вѣсть о твоей бѣдной дочери! Посмотри же на меня изъ чудной обители твоей, порадуйся же моему счастью, благослови меня на далекій путь моей новой жизни!

Но пора, однакожь, тушить свѣчу и ложиться спать... Ахъ, Боже мой, какъ не хочется мнѣ нынѣче расставаться съ своимъ журналомъ! А дѣлать пѣчего: нужно! Что-то я буду видѣть во снѣ, увижу ли я васъ, мои свѣтлыя ангельчики, мои милыя дѣти? Буду ли я убаюкивать васъ и пѣть надъ вами тихую колыбельную пѣсенку, или будемъ мы вмѣстѣ рѣзвиться и бѣгать до упада въ нашемъ, крошечномъ, уединенномъ садикѣ?

Отъ Нагибина къ г. NN.

Надняхъ я встрѣтился съ общимъ нашимъ знакомымъ и старымъ товарищемъ, Гуровымъ. Онъ оказывается сосѣдомъ Кропиныхъ и пріѣзжалъ къ нимъ съ отцомъ своимъ. Встрѣча эта много позабавила меня, потому-что рѣдко видалъ я болѣе комическую группу, какъ господа Гуровы, отецъ и сынъ. Оба они престрашные сантименталы, «словечка въ простотѣ не скажутъ, все съ ужимкой»; сынъ, какъ видно, обрадовался свиданью со мною и тотчасъ же рекомендовалъ отцу, какъ собрата своего по Аполлону. Такая неожиданная рекомендація, признаюсь, нѣсколько смутила меня, потому-что, какъ вамъ извѣстно, я довольно давно уже не предаюсь никакому разврату, и въ этомъ духѣ выразилъ я Григорію Александровичу свое сожалѣніе, что не могу оправдать рекомендацію его сына.

— Жаль, очень жаль, почтеннѣйшій Андрей Павлычъ, поэзія — это, такъ-сказать; ядро, центръ нашей жизни, это, изволите видѣть, душа; безъ поэзіи мы простые смертные; безъ нея у души нашей нѣтъ крыльевъ возлетѣть къ своей первобытной отчизнѣ...

На это я отвѣчалъ ему, что не всѣмъ же летать на небо, что тутъ одни избранные, а мнѣ, какъ простому смертному, ничего болѣе не остается, какъ пресмыкаться по землѣ.

Наконецъ, мы какъ-то остались наединѣ съ молодымъ Гуровымъ.

— Ну, что подѣлываете, почтеннѣйшій Николай Григорьичъ? спросилъ я его.

— Право, не знаю, какъ вамъ сказать: пользуюсь воздухомъ, читаю моихъ любимцевъ, и вполне счастливъ; одного только какъ-будто не достаетъ мнѣ, это — любви.

— Только-то? Такъ можно, стало быть, васъ поздравить: вы счастливы?

— Да, я счастливъ, отвѣчалъ онъ со вздохомъ:—пріѣжайте къ намъ, мы вмѣстѣ вспомнимъ о прошедшемъ, позабудемъ въ сладкомъ чаду давно-минувшей юности, вмѣстѣ будемъ бесѣдовать съ природою...

— Извините меня: я что-то ужъ поотвыкъ, да и вообще воспринимательная способность во мнѣ какъ-то туга.

Онъ съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку.

— Вы страдаете, вы разочарованы? сказалъ онъ таинственнымъ голосомъ:—и васъ сломила эта презрѣнная дѣйствительность!.. О, какъ я радъ, что узналъ васъ, что встрѣтилъ, наконецъ, человѣка, который можетъ понять меня!.. И я тоже страдаю, и я разочарованъ, и я несчастливъ!.. Братъ! дай мнѣ руку!

— Съ удовольствіемъ, если это вамъ пріятно, отвѣчалъ я и подалъ ему руку. — Да какъ же вы мнѣ сейчасъ только-что говорили, что вполне счастливы?

— Да; когда я одинъ, когда я далеко отъ этихъ людей-крокодиловъ, какъ сказалъ великій Британецъ, когда я одинъ-на-одинъ съ моею природою, когда надо мною вѣчно зеленія

• Темный дубъ склоняется и шумитъ. •

— Помилуйте, Николай Григорьичъ! да у насъ и не растутъ вовсе дубы!

— О! это ничего! внутри меня вселенная... О, я желалъ бы умереть!..

— Да зачѣмъ же вамъ умирать? Подумайте, что по смерти вы не могли бы ни бесѣдовать съ природою, ни носить въ груди вселенную, что, я думаю, должно быть весьма-лестно, хоть и не легко.

— О, нѣтъ, ты не понимаешь меня, братъ мой! Глаза твои подернуты еще пеленою, которую покрыла ихъ дѣйствительность

холодная и безотрадная!.. Умереть... умереть—уснуть, какъ говорить божественный Гамлетъ... О, будь моимъ другомъ!

—Съ удовольствіемъ; только, право, не знаю, буду ли я въ состояніи удовлетворить вашимъ требованіямъ: я человѣкъ простой, хочу жить, а умирать не желаю.

— О, зачѣмъ говоришь ты мнѣ *вы*? Зачѣмъ называешь ты меня Николаемъ Григорьевичемъ?

•Что имя? Звукъ пустой!•

Ненавистная оболочка, отъ которой я хочу освободиться! Называй меня братомъ своимъ...

— Отъ-чего же? и это можно, любезный братъ мой, отвѣчай я.

Въ это время подошла къ намъ Таня; еще издали увидѣвъ ее, братъ мой сталъ поправлять на себѣ жилетъ и галстухъ и пригладивать свою прическу.

— Здравствуйте, Николай Григорьичъ, сказала Таня: — здоровы ли ваши сестрицы?

— О, онѣ здоровы! отвѣчалъ онъ иронически:—онѣ не могутъ быть больны: имъ неизвѣстны страданія!

— Я очень-рада.

— А я признаюсь вамъ, сударыня, я жалѣю, что имъ незнакомъ этотъ очистительный огонь души...

— Какъ вамъ нравится нашъ садъ? спросила Таня.

— О, прелестенъ! Я только-что говорилъ объ немъ съ моимъ другомъ: онъ вполнѣ меня понимаетъ! Этотъ человѣкъ, продолжалъ Гуровъ съ возрастающимъ жаромъ:—подъ холодною личиною таитъ нѣжное, любящее сердце!

Таня улыбнулась.

— Послушайте, однакожь, Николай Григорьичъ, сказалъ я: — не слишкомъ ли увлекаетъ васъ ваше расположеніе ко мнѣ?

Но онъ ничего не отвѣчалъ: онъ вперилъ свои очи къ небу и былъ, казалось, въ упоеніи; когда Таня ушла, онъ взялъ меня за руку и сказалъ:

— Извини меня, братъ мой, я не открылъ тебѣ лучшей страницы моей жизни: я люблю, я любимъ... Не правда ли, какое чистое, небесное существо?

— Объ комъ это вы говорите?

— Я бы сказалъ: объ ангелѣ, но я на землѣ, а люди называютъ ее Таней... Не правда ли, сколько любви, любви безграничной въ ея глазахъ?.. О, я люблю ее, и отецъ общалъ мнѣ сегодня же поговорить съ Игнатъемъ Кузьмичомъ.

— Отъ-чего вамъ и не жениться? это партія не дурная: у нея пятьсотъ душъ!

— О, нѣтъ, ты не понимаешь меня! Что презрѣнное богатство? я не продаю души своей!...

Въ такомъ духѣ продолжался нашъ разговоръ почти весь день; насилу я могъ освободиться отъ докучливаго любовника природы.

Когда они уѣхали, я разсказалъ Танѣ намѣренія Гурова, подшучивая надъ нею, что я знаю все, что Гуровъ проболтался мнѣ, что она его любитъ. Но она только разсмѣялась на мои слова, назвала меня ревнивцемъ и ушла въ свою комнату. За ужиномъ, однакожь, она была что-то скучна, и когда мы встали изъ-за стола, подошла ко мнѣ и позвала съ собою въ садъ.

— Ты не обманываешь меня, сказала она: — Гуровъ хочетъ просить мою руку?

— Нѣтъ; онъ самъ мнѣ сказалъ это, и я думаю, что отецъ его ужъ говорилъ съ Игнатиемъ Кузьмичомъ.

— И ты такъ равнодушно говоришь объ этомъ?

— Да развѣ плакать надобно? Пожалуй, я...

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Не трудитесь... такъ это вѣрно?

— Зачѣмъ мнѣ обманывать?

Таня заплакала.

— Разумѣется, сказала она дрожащимъ отъ слезъ голосомъ: — зачѣмъ тебѣ обманывать... Увѣрь меня, увѣрь больше... Такъ ужъ это рѣшено? Вѣдь меня отдадутъ ему? Не правда ли?

Не знаю, что было со мною въ этотъ вечеръ: хотѣлъ ли я вознаграждать себя за цѣлый день скуки, только я былъ до чрезвычайности веселъ.

— Послушай, Таня, сказалъ я: — ну, что жъ, если ты и выйдешь за него замужъ?..

— Разумѣется, разумѣется, если я и умру, такъ ничего! кому какое дѣло!.. Никто и слезинки не проронить, какъ-будто-бы и не было Тани, какъ-будто никого и не любила она!

Она замолчала и отвернулась отъ меня.

— За что же ты сердилась на меня, Таня?

Молчаніе.

— Таня! а Таня! что жъ ты молчишь?

— Что мнѣ говорить? Я все ужъ сказала; вѣдь вамъ все равно... Ну, выйду замужъ за Гурова, буду счастлива... Чего же болѣе?..

— Да вѣдь ты его любишь, Таня?

Нѣтъ отвѣта.

— Онъ самъ сказалъ мнѣ это... правда?

— А правда ли, что у васъ подъ холодною личиною таится нѣжное и любящее сердце?

Я засмѣялся, Таня тоже улыбнулась.

— Вѣдь ты обманываешь меня? сказала она:—зачѣмъ же такъ мучить?.. Не стыдно ли? А впрочемъ, знаешь что? мнѣ даже жалко, что Гуровъ не хочетъ на мнѣ жениться?

— Это почему?

— Да ты на что-нибудь рѣшился бы тогда...

— На что же я могъ бы рѣшиться, Таня?

Но Таня улыбнулась и ничего не отвѣчала.

— Впрочемъ, сказала она: — такъ-какъ ничто намъ еще не угрожаетъ, то нечего и говорить объ этомъ.

И мы разстались. Признаюсь вамъ, эти слова не мало меня беспокоятъ; я самъ не знаю навѣрное, будетъ ли просить Гуровъ руки Тани; но это дѣло весьма-возможное, и я ужасаюсь и предугадываю послѣдствія, которыя поведутъ для меня за собою эти переговоры. Прошу васъ, если вы меня любите, дать мнѣ какой-нибудь отвѣтъ, какъ поступить мнѣ въ этомъ случаѣ, потому-что самъ я рѣшительно не могу ничего придумать для своего спасенія. Я столько натерпѣлся въ жизни голода, холода и всякихъ щепетильныхъ преслѣдованій, что признаюсь радъ былъ хоть нѣсколько отдохнуть, и, если не былъ счастливъ, за то и несчастливъ не былъ. А теперь опять заботы, опять хлопоты, опять страданіе! А я было-заперся совсѣмъ и такъ радъ былъ своему спокойствію! Чтò ни говорите, а избѣгать зла въ природѣ человѣка; обладаніе же Таней, въ настоящую минуту, для меня рѣшительное зло. Это такъ несомнѣнно, такъ логически доказалъ я себѣ, что никакіе доводы не убѣдятъ меня въ противномъ. Бога ради, пишите мнѣ, научите, чтò мнѣ дѣлать, потому-что, безъ всякихъ шутокъ, положеніе мое невыносимо: я и себя и ее мучу, и себя и ее обманываю.

Жду письма вашего съ нетерпѣніемъ и надѣюсь, что вы не забудете меня. Помните, что я въ такомъ оцѣпѣніи, что не могу самъ выйти изъ него, что нуженъ какой-нибудь внѣшній толчокъ, чтобъ разбудить меня отъ этой мертвой апатіи и вытолкнуть вновь на ровную дорогу, съ которой я сбился.

Продолженіе дневника Тани.

...Наконецъ, сегодня утромъ позвали меня къ отцу. Онъ сѣдѣлъ въ своемъ кабинетѣ съ Марьей Ивановной; передъ нимъ лежало на столѣ распечатанное письмо, и портретъ покойницы мамы, обыкновенно задернутый занавѣскою, на этотъ разъ былъ открытъ: все заранѣе было рассчитано, чтобъ произвести сильный эффектъ. Отецъ началъ первый.

— Милая, сказалъ онъ торжественнымъ тономъ, который вовсе не шелъ къ его лицу:—въ вѣчной заботливости о твоёмъ счастіи, я и Марья Ивановна...

Онъ остановился, закашлялся и не зналъ какъ продолжать; я тоже стояла и ждала.

— Такъ вотъ, видишь ли, другъ мой, я и Марья Ивановна, заботясь о твоёмъ благополучіи...

И опять остановился.

— Чтò жъ ты, батюшка? языкъ что ли проглотилъ? прервала Марья Ивановна:—чтò это съ тобой сдѣлалось? иной разъ не уймешь, а вотъ какъ дѣло, такъ у него и языка нѣтъ.

— Эка баба, эка проклятая баба! сказалъ отецъ:—слова вымолвить не дасть! Вѣдь это дѣло деликатное, баба ты, баба-насъдка, нужно это дѣло издалека повесть, нужно обдумать... то-то, говорилъ я тебѣ пословицу-то, помнишь? а все суется... экой собачій нравъ!.. Все бы мутила, да пакостила! Чортъ, право чортъ, прости Господи мое прегрѣшеніе! сатана сидитъ у тебя въ сердцѣ, сударыня!

И я все стояла и ждала, къ чему поведетъ это предисловіе.

— Такъ вотъ видишь ли, Таня, снова началъ отецъ:—вотъ мы съ Марьей Ивановной... дьяволъ, а не женщина! сатана, сударыня, сидитъ въ тебѣ! все бы мутить, все бы изгадить...

— Да кончите же, папенька, что вы хотѣли сказать мнѣ?

— Да вотъ все она... эка проклятая баба! слова не дасть сказать; все бы ругаться да лаяться, прости Господи мое прегрѣшеніе!..

— Ну, что-то еще будетъ? сказала наконецъ Марья Ивановна:— ну, продолжай, продолжай, свѣтъ мой; скоро ли все это кончится?

— Я говорю правду, истину говорю: ни въ грошъ меня не ставишь, сударыня, въ Бога не вѣруешь.

— Да, да; ну, нѣтъ ли еще чего?

— Обо всемъ дашь отвѣтъ на томъ свѣтѣ, богомерзкая баба, за все заплатишь. Ты, чай, ждешь не дождешься моей смерти... я тебя насквозь вижу... да вотъ и умерь бы, да на зло тебѣ буду жить, да и тебя еще похороню.

— Объясните хоть вы мнѣ, Марья Ивановна, сказала я: — за чѣмъ меня сюда призвали, чего хотятъ отъ меня?

— Ахъ, милая! видишь ли, что у папеньки есть нужныя дѣла, дай же ему отвезть душу, а мы съ тобой еще подождемъ, еще успѣемъ...

— Ну, говори, говори, проклятая! вишь у тебя языкъ-то чешется; вся въ отца, сейчасъ видно подлое сѣмя.

— Ну, кончилъ, что ли, ты, батюшка? все ли рассказалъ, отецъ мой?

Отецъ хотѣлъ-было опять отвѣчать, но я его удержала.

— Добрый папенька, сказала я:—ради Бога, перестаньте; развѣ вы не видите, что это меня терзаетъ?

— Вотъ только для тебя, Таня; право, только для нея... слышишь ты, проклятая баба! ну, говори же, коли лучше меня умѣешь.

Марья Ивановна начала:

— Вотъ видишь ли, другъ мой, сказала она: — дѣта твои ужъ не дѣтскія, пора тебѣ и пристроиться, найти себѣ партію... да вѣдь тебѣ, я думаю, и самой хочется этого, плутовка! То-то, вотъ какъ ни мила дѣвическая воля, какъ ни тепло подъ крылышкомъ у папеньки и маменьки, а все, чай, лучше, какъ своимъ-то домкомъ?.. Такъ ли, голубушка Таня, а? Что жъ ты не отвѣчаешь, другъ мой?

Но я все еще какъ-то неясно понимала, что хотѣла она сказать этими словами; я чувствовала, что готовится что-то страшное, какой-то неожиданный ударъ, но я такъ мало до-сихъ-поръ думала объ этомъ, что, не смотря на всю ясность словъ Марьи Ивановны, не могла себѣ опредѣлительно растолковать ихъ.

— Я слушаю васъ, Марья Ивановна, сказала я: — только вы, кажется, еще не кончили?

— Нѣтъ, милая, да вѣдь это не долго будетъ... Такъ вотъ, видя, что ты въ лѣта входишь, Игнатій Кузьмичъ и я... вѣдь я хоть и мачиха тебѣ, Таня, а все равно, что родная мать: бываетъ, и матери не заботятся такъ о родныхъ дѣтяхъ, какъ я о тебѣ...

— О, я вѣрю, Марья Ивановна, и благодарю васъ за это.

— Тѣ-то же, другъ мой, я и надѣюсь, что ты не забудешь меня... Такъ мы вотъ думали, думали, какую бы для тебя прискаты повыгоднѣе партію, чтобъ прилично было дѣвушкамъ дворянской фамилии, анъ вотъ женихъ-то и самъ прискался...

— Женихъ? Мнѣ? сказала я, и остановилась, какъ громомъ пораженная; я чувствовала, какъ вдругъ застыла во мнѣ вся жизнь, какъ вдругъ порвались и исчезли всѣ мои силы.

— Да, милая, вотъ и письмо, которое сегодня прислалъ къ намъ Николай Григорьичъ: онъ пишетъ, что увѣренъ въ любви твоей, Таня, а?... А отъ насъ скрывала, плутовка!

И она улыбулась; я взяла письмо и пробѣжала глазами, но не могла ничего понять изъ него: до такой степени въ одинъ мигъ оцѣпенѣли всѣ мои способности, одеревенѣло все существо мое; я не чувствовала въ эту минуту ни горести, ни отчаянія, какъ-будто все умерло, кончилось во мнѣ, какъ-будто все превратилось въ какую-то неестественную слабость.

— Что жъ ты стоишь, милая? сказала Марья Ивановна: — поздравляю тебя, другъ мой; подойди же, поцалуй у папеньки руку, поблагодари его: вѣдь это онъ все такъ объ тебѣ заботится.

Я не знаю, какъ это все сдѣлалось, но я подошла и машинально поцаловала у отца руку, машинально также поцаловала въ губы Марью Ивановну. Отецъ даже что-то сказалъ мнѣ, какъ-будто въ родѣ родительскаго благословенія, но я ничего не поняла: я все думала о томъ, что это за странный рокъ, который такъ обидно забавляется судьбою моею и какъ-будто въ насмѣшку устраиваетъ все такъ, что одна минута счастья влечетъ за собою цѣлую бездну погибели и страданія.

Безсвязно долетали до меня привѣтствія и поздравленія домашнихъ, смутно слышала я слова Марьи Ивановны: «Смотрите, какъ довольна, говорить не можетъ отъ радости... а намъ ни полслова, плутовка! Да ужъ Богъ съ тобой: была бы ты счастлива, была бы ты весела, а намъ старикамъ, пора и на покой! Такъ ли, другъ мой?»

Наконецъ и онъ подошелъ.

— Позвольте васъ поздравить, Татьяна Игнатьевна, сказалъ онъ.

— Съ тѣмъ, Андрей Павлычъ?

— Съ началомъ новой жизни; вѣдь вы съ завтрашняго дня будете объявлены невѣстой.

— Ахъ, да, а я и забыла... благодарю васъ, Андрей Павлычъ, благодарю за участіе.

И онъ еще хотѣлъ что-то сказать мнѣ, но не могъ, потому-что въ-продолженіе цѣлаго дня Марья Ивановна не отступала отъ меня ни на шагъ. Что же хотѣлъ онъ сказать мнѣ?

Не знаю, какъ добила я этотъ несчастный день; насилу-то оставили, наконецъ, меня одну, насилу могу я запереться въ своей комнаткѣ. Говорятъ, будто завтра прійдетъ женихъ, и мнѣ приказано пораньше заснуть, чтобъ быть свѣжѣе и веселѣе... а я больна и, можетъ-быть, вовсе не встану съ постели!

Господи! гдѣ рука Твоя, гдѣ Твоя благодать? Я умираю, я гибну, я по неволѣ подниму на себя руки, если все это не кончится! потому-что нѣтъ мнѣ больше силы терпѣть, потому-что терпѣнье безплодная добродѣтель, надъ которою смѣются, въ которую бросаютъ камнями! Пусть же покажетъ оно лицо свое, пусть явится оно, давно-желанное Провидѣніе, когда нужна его помощь, потому-что тутъ нѣчего ждать, нѣчего медлить, надо скорѣе спѣшить на помощь, потому-что одна минута промедленія будетъ стоить цѣлой жизни человѣку!

Ужъ скоро будетъ недѣля, какъ Гуровъ объявленъ моимъ женихомъ и почти-безвыгъдно живетъ у насъ. Нельзя представить себѣ того мученья, которое я терплю все это время: цѣлые дни онъ какъ тѣнь, ни на шагъ не отходитъ отъ меня, цѣлые дни твердить мнѣ о своей любви, о симпатіи душъ, читаетъ свои стихи, спрашиваетъ у меня совѣтовъ, и когда я молчу, потому-что дѣйствительно не знаю, что отвѣчать на его вопросы, онъ жалобно, почти со слезами говоритъ мнѣ: «Что жъ вы ничего не скажете, Татьяна Игнатьевна? или вы равнодушны къ моему чувству, или вы не любите меня, другъ мой?»

Еслибъ онъ зналъ, какая горькая для него истина заключается въ этихъ невольно-высказавшихся словахъ!

И какъ-будто нарочно Нагибинъ постоянно оставляетъ насъ однихъ, чуть только есть маленькая возможность ускользнуть ему отъ меня!

Отъ-чего же не могу я любить Гурова? отъ-чего онъ жалокъ мнѣ? отъ-чего его любовь кажется приторною, переслащенною, его предупредительность надѣдаетъ мнѣ? И дѣйствительно, въ немъ совершенно нѣтъ никакого внутренняго содержанія и слишкомъ-мало образованности, начитанности, чтобъ хоть сколько-нибудь замѣнить этотъ недостатокъ, такъ-что въ одну минуту, въ одномъ разговорѣ онъ такъ вполне всего себя выскажетъ, что болѣе ни

чего не остается и знать объ немъ. А между-тѣмъ, любовь именно и житье эту невѣдностью, именно въ томъ и обаяніе ея, что безпрестанно думаешь, будто вполне извѣдала всю душу, всю жизнь любимаго человѣка, и безпрестанно открываешь въ немъ новыя стороны, новый, неисчерпаемый источникъ для изученія... До тѣхъ только поръ и житье страсть, покуда она еще не вполне удовлетворена, покуда еще остается ей желать; тогда только и возможна она, когда пробуждаютъ ее отъ полузабытья ея, заставляютъ быть дѣятельною, предприимчивою...

Ничего этого въ Гуровѣ нѣтъ; онъ какъ-будто не понимаетъ этого необходимаго закона любви, какъ-будто не сознаетъ, что любовь нужно поддерживать, подстрекать, иначе она умретъ, зачахнетъ при самомъ своемъ рожденіи. Могу ли же я любить этого человѣка?..

А между-тѣмъ, странное дѣло! каждый день собираюсь я высказать ему все это, разувѣрить его, и никакъ не могу рѣшиться, и едва соберусь съ духомъ и хочу говорить—не могу: языкъ нѣмѣетъ, слова какъ-нарочно не являются на мысль, и поневолѣ откладываю попытку до другаго раза. А другой разъ опять та же исторія: однажды даже я довольно-твердо сказала ему: «Николай Григорьичъ, мнѣ нужно откровенно поговорить съ вами», а между-тѣмъ и сама не понимаю, какъ это сдѣлалось, заговорила со всѣмъ о другомъ: о погодѣ, о стихахъ, и все по-прежнему осталось въ положеніи невѣдности.

Хоть бы кто-нибудь далъ мнѣ совѣтъ, помогъ мнѣ выйти изъ этого тяжелаго положенія, а то, право, я такъ запугана, такъ оробѣла, что и подъ вѣнецъ меня поведутъ, а я ни слова не вымолвлю! Одинъ человѣкъ могъ бы разбудить меня, однимъ словомъ могъ бы разрѣшить всѣ мои недоумѣнія, но онъ не хочетъ сказать это слово, онъ самъ такъ не рѣшителенъ, что за нимъ бы надобно приставить няньку, указывать ему каждый шагъ, чтобъ онъ не споткнулся и не упалъ. И вотъ мы оба страдаемъ, оба мучимся, потому-что давить насъ какой-то тяжкій кошмаръ, который окочалъ всѣ жизненные силы наши!

И отъ-чего онъ такъ чуждается меня? отъ-чего такъ заботливо избѣгаетъ моихъ взоровъ? зачѣмъ, къ-чему все это, Боже мой? Зачѣмъ не объясниться, не сказать разъ-навсегда, что нужно забыть эту несчастную любовь, что она ни къ чему не ведетъ, что ея нѣтъ? По-крайней-мѣрѣ, я знала бы, чего мнѣ держаться; я не надѣялась бы! А то и да, и нѣтъ, и люблю, и не люблю... Богъ-знаетъ, что это за страданіе!

Боже мой, Боже мой! уже-ли же эта минута, въ которую мы оба такъ вполне, такъ совершенно были счастливы, не оставила послѣ себя никакого слѣда! уже-ли все это упоеніе, все это счастье было только обманомъ разстроенаго воображенія, а на самомъ-то дѣлѣ все оставалось по-прежнему: темно, холодно, пусто?..

Съ какою невыносимою грустью перечитываю я тѣ страницы дневника, гдѣ я описывала свое счастье! И что за безуміе было думать, что можетъ выйдти что-нибудь путное изъ этой больной любви и можно ли быть такимъ ребенкомъ, предаваться такимъ дѣтскимъ, несбыточнымъ мечтамъ, зная эту неестественную слабость, это страшное отсутствіе всякой энергій!

А я ужъ было совсѣмъ устроилась въ этой тихой, уединенной жизни и такъ хорошо распорядилась ею, распредѣлила каждую минуту ея, ничего не оставила, ничего не забыла: и былъ у меня тѣсный кружокъ друзей, были дѣти... какое безуміе, какое простодушіе! Я сама была ребенкомъ, когда мечтала объ этомъ, когда такъ искренно предавалась увлекавшей меня волнѣ счастья!

Но я узнала теперь всю глубину этой позорной, постыдной безжизненности! Сегодня улучила я наконецъ минуту, когда Гуровъ говорилъ о какихъ-то дѣлахъ съ отцомъ, чтобъ объясниться съ Нагибнымъ.

Онъ сидѣлъ одинъ въ бесѣдкѣ и такъ углубился въ чтеніе какой-то книги, что и не замѣтилъ сначала, какъ я вошла и сѣла подлѣ него.

— Насилу-то я васъ поймала, Андрей Павлычъ! сказала я: — вы, право, сдѣлались какъ-то неудовимы съ нѣкотораго времени. Думаешь, вотъ улучила наконецъ минуту, вотъ поймала — смотришь, а васъ ужъ и нѣтъ: вы или съ отцомъ говорите, или около дѣтей... какая на васъ напала вдругъ странная охота распространять просвѣщеніе!

Онъ смутился и ничего не отвѣчалъ; видно было, что такое неожиданное нападеніе мучило его, и онъ ждалъ только случая, чтобъ снова ускользнуть изъ рукъ моихъ.

— Что, жь это вы бѣгаете отъ меня? что вы всякій разъ опускаете глаза, когда я смотрю на васъ? съ котораго времени сдѣлалась я такъ страшна, Андрей Павлычъ? съ которыхъ поръ мое присутствие такъ тяготитъ васъ?

— Да я никогда не избѣгалъ васъ, Татьяна Игнатьевна, проговорилъ онъ, запинаясь на каждомъ словѣ: — я боялся помѣшать вашему счастью.

— Моему счастью? позвольте узнать, съ кѣмъ это? Это очень любопытно!

— Да съ Николаемъ Григорьичемъ!...

— А, съ Николаемъ Григорьичемъ! Скажите, пожалуйста... Я и не подозрѣвала!... Такъ вы боялись помѣшать моему счастью? Какой вы, право, добрый, Андрей Павлычъ!

И я посмотрѣла на него, ожидая отвѣта, но онъ опустилъ глаза въ землю и молчалъ.

— И долго вы намѣрены продолжать свое доброе дѣло, долго вы намѣрены меня мучить? Объяснитесь ли вы наконецъ? будетъ ли когда-нибудь предѣлъ вашимъ сборамъ? а?... Да скажите же что-нибудь, Андрей Павлычъ!

— Право, я не знаю, чего вы требуете отъ меня, Татьяна Игнатьевна.

— Чего я требую отъ васъ, чего я хочу! Ахъ, Боже мой, а вы до-сихъ-поръ не догадались, бѣдное, невинное дитя! Да я требую отъ васъ вашего же собственнаго счастья, я требую, чтобъ вы сбросили съ себя эту искусственную мертвенность, которою вы сами сковали всѣ чувства свои, я требую, чтобъ вы ожили!... И вы спрашиваете, чего я хочу, а я столько разъ говорила съ вами объ этомъ — и вы до-сихъ-поръ не догадались!.. Полноте, Андрей Павлычъ, зачѣмъ же такъ открыто, такъ грубо лгать?

— Да коли это невозможно, Татьяна Игнатьевна, коли все, что вы хотите истребить во мнѣ, такъ тѣсно слилось съ моею природою?..

— А кто вамъ сказалъ, что мертвенность есть принадлежность вашей натуры? Вѣдь вы же сами выдумали это, Андрей Павлычъ! А если вы такъ легко могли себя увѣрить въ этомъ, то точно такъ же можете увѣрить себя и въ противномъ: вѣдь это такъ мало стѣбитъ для васъ, которые дѣйствуете только по указаніямъ разсудка; вѣдь вамъ стѣбитъ только слово сказать этому непогрѣшающему судѣ: онъ, право, такой добрый, такой благонамѣренный въ искусныхъ рукахъ вашихъ, что мигомъ разобьетъ въ пухъ и прахъ все это шаткое зданіе увѣжденій и доказательствъ, которое еще за минуту съ такимъ жаромъ отстаивалъ.

— Ахъ, Татьяна Игнатьевна! зачѣмъ же смѣяться надъ тѣмъ, что составляетъ и счастье и несчастье, и славу и позоръ человѣка?

— Скажите просто: несчастье и позоръ. Зачѣмъ тутъ примѣшивать славу и счастье?

— Затѣмъ, что оно такъ на дѣлѣ, Татьяна Игнатьевна, затѣмъ, что я не могу жить иначе, нежели живу, разсуждать иначе, нежели разсуждаю... Коли хотите, я первый соглашаюсь съ вами, что разсудокъ и одинъ разсудокъ—это односторонне, это неполно, да въ такомъ-то полубытіи, въ такомъ-то противорѣчьи разсудка въ жизни и заключается источникъ всего моего счастья и всего моего несчастья... Развѣ я виноватъ хоть сколько-нибудь въ этой односторонности? Развѣ я виноватъ, что разсудокъ мой противорѣчитъ чувству, а не умѣряется имъ?.. вѣдь меня не спрашивали, какія условія жизни желалъ бы имѣть я, когда родился я на свѣтъ; мнѣ заранѣе дали уже готовые условія, готовую средину; для меня же собственно предстоитъ только одна забота — забота, какъ приспособить жизнь свою къ этой односторонности, какъ вынести изъ нея возможно-мѣньшую сумму зла.

— И вы... устроились, Андрей Павлычъ?

— Да; по-крайней-мѣрѣ, я старался...

— Вѣрно, вы много старались, что такъ блистательно успѣли въ этомъ?.. и вы довольны собою?...

— Кто же вамъ говоритъ, Татьяна Игнатьевна, что я доволенъ своимъ положеніемъ? зачѣмъ приписывать мнѣ мысли, которыхъ

я никогда не имѣлъ? И не доволенъ, да будь доволенъ... что жъ съ этимъ дѣлать!

— Да, въ-самомъ-дѣлѣ, дѣлать нечего... Ну, и односторонности эта — кто же въ ней-то виновать, Андрей Павлычъ?

— Ахъ, Боже мой! да какъ же мнѣ объяснить вамъ? это такъ ужь есть, это въ воздухѣ...

— Слѣдовательно, ужь и помочь этому нельзя, стало-быть нечего и говорить объ этомъ? Такъ, что ли, Андрей Павлычъ?

Онъ задумался и долго не отвѣчалъ мнѣ.

— Да что жъ дѣлать, что предпринять мнѣ! Научите меня, Татьяна Игнатьевна, если можете! Чѣмъ же виновать я, что безпрестанно ускользаешь отъ меня эта середина, которой я добиваюсь? что жъ дѣлать, если нѣтъ другаго выхода: или быть вѣчнымъ юношей, или преждевременнымъ старикомъ, или сжечь и разрушить, или оледенить и заморозить все...

И онъ сказалъ это съ видомъ такого глубокаго отчаянія, что слышно было въ звукахъ его голоса, какъ тяготило его самого это безвыходное противорѣчье; но я какъ-то зла была въ эту минуту, я чувствовала потребность вылить наружу всю жолчь, которая мало-по-малу накоплялась въ сердцѣ моемъ.

— Итакъ, рѣшительно нѣтъ для васъ никакого спасенія, Андрей Павлычъ? сказала я.

— Нѣтъ, рѣшительно нѣтъ; по-крайней-мѣрѣ, я не вижу, отвѣчалъ онъ болѣе-спокойнымъ тономъ: — это необходимо, и я долженъ покориться закону необходимости.

— Необходимость? И, полноте, Андрей Павлычъ! можетъ-быть, на вашемъ языкѣ это такъ зовется, а по-просту-то знаете ли, какъ называется подобный законъ?

— Позвольте узнать, сказалъ онъ, насмѣшливо улыбувшись.

— Да... просто, трусостью...

— Что жъ, коли хотите, я съ вами не совѣмъ несогласенъ...

— А! вотъ какъ!..

— Да; потому-что дѣло не въ словѣ, а въ понятіи, которое оно выражаетъ.

— Стало-быть, вы просто трусь, Андрей Павлычъ?

Онъ смутился; но это смущеніе было такъ мгновенно и такъ быстро уступило мѣсто самому твердому спокойствію, что нужно было вглядываться въ его лицо съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, съ какимъ я вглядывалась, чтобъ замѣтить эту краску, которая на одну минуту показалась и скрылась на щекахъ его...

— Коли хотите, сказалъ онъ: — есть разница между обыкновеннымъ трусомъ и человѣкомъ нравственно-обезсиленнымъ въ слѣдствіе горестнаго сознанія невозможности... и даже неразумности борьбы съ необходимостью... Впрочемъ, если вамъ непременно угодно, чтобъ я былъ трусомъ, я и на это согласенъ.

— Итакъ, все кончено между нами, Андрей Павлычъ, и мнѣ нужно будетъ выйти замужъ за Гурова?

— Ахъ, Боже мой! право, я не знаю! Какъ же я могу что-нибудь сказать вамъ за или противъ...

— Да нѣтъ, скажите... мнѣ нужно... Чего же ждать? чего ждать?.. ужь лучше разомъ... кончите разомъ, Андрей Павлычъ! Это послѣдняя моя просьба; вы будете спокойны, я не стану вамъ больше надобѣдать...

И я чувствовала потребность выйти изъ этого тягостнаго положенія, разрѣшить хоть тѣмъ-нибудь эту неизвѣстность, а вмѣстѣ съ тѣмъ желала отдалить приближеніе роковой минуты и какъ смерти ждала и страшилась его отбѣта.

— Ахъ, чего вы отъ меня требуете, Татьяна Игнатьевна! сказалъ онъ, спустя нѣсколько секундъ:—въ свою очередь спрошу я у васъ, не-уже-ли вы изъ всѣхъ моихъ разговоровъ ничего не поняли? не-уже-ли ваше чувство такъ закрыло глаза вашему разуму, что вы не видите, что меня мучить, какой червь гложетъ мое сердце?..

— Такъ вы меня любите? спросила я.

Онъ молчалъ.

— Что жь, не любите вы меня, Андрей Павлычъ?

Но онъ опять не отвѣчалъ на мой вопросъ; наконецъ, мнѣ не стало болѣе силы, глухое рыданіе невольно вырвалось изъ груди моей, и, едва удерживаясь на ногахъ, вышла я вонъ изъ бесѣдки. Я видѣла, что онъ какъ-будто слѣлалъ движеніе, чтобъ удержать меня, видѣла, что онъ также всталъ со скамейки; но когда, прошедши нѣсколько шаговъ, я обернулась, онъ ужь по-прежнему сидѣлъ на мѣстѣ и читалъ свою книгу.

Итакъ, вотъ конецъ всѣмъ моимъ предположеніямъ! Итакъ, мнѣ нужно выйти замужъ за Гурова, нужно покориться закону необходимости!.. Право, такъ! вѣдь это онъ сказалъ, это слова его! Что жь! покоримся ей; пусть будетъ она помыкать нами, если мы сами ничего не можемъ, если мы простыя маріонетки безъ души, безъ воли, безъ чувства! И какъ легко будетъ жить потомъ: надо только убить, заморить всякую искру чувства, уничтожить сознаніе бытія, а потомъ даже и разсуждать не надобно, только во-время поднимай руки и ноги, во-время кивай головой и пр., а тамъ все само-собою устрѣится! Что за чудная, что за спокойная жизнь!

И грустно смотрю я на эти строки, которыя какихъ-нибудь десять дней назадъ писала рука моя, диктовало полное упоенія и радости сердце... и все мнѣ хочется вычеркнуть ихъ, вырвать и бросить куда-нибудь дальше, чтобъ не напоминали онъ мнѣ мое улетѣвшаго счастья! И къ чему вы теперь, дорогія, полныя благоуханной любви строки? Оно ужь прошло и не возвратится никогда, это волшебное время любви, и по-прежнему стонетъ и ноетъ мое бѣдное сердце, и по-прежнему раскрылись едва-зажившія раны его!

Отъ Нагибина къ г. N N.

Знаю я, что совѣтовать въ этомъ дѣлѣ постороннему человѣку нельзя, что лучшіе тутъ совѣтчики собственный разумъ и обстоятельства; коли хотите, скажу вамъ даже, что я и не послушалъ бы вашихъ совѣтовъ, и по-прежнему оставался бы въ нерѣшимости, по-прежнему бы висѣлъ на воздухѣ. Что жъ прикажете дѣлать? бываютъ обстоятельства, которыя приводятъ человѣка въ положеніе такого страннаго оцѣпененія, что онъ, какъ-будто чувствуя, что никакая внутренняя сила не въ состояніи разбудить его, по невольному инстинкту ищетъ, чтобъ что-нибудь внѣшнее вызвало его изъ этого несноснаго страданія, жалуется на свое положеніе, проситъ совѣтовъ, хоть знаетъ, что никакіе совѣты не могутъ имѣть тутъ силы.

Въ такомъ именно положеніи находился я, когда просилъ васъ помочь мнѣ; въ такомъ положеніи, если еще не въ худшемъ, нахожусь я и въ настоящую минуту. Я убитъ, я не въ состояніи не только дѣйствовать, но и разсуждать; я рѣшительно ничего не понимаю: что я, накопецъ, такое, къ-чему я, зачѣмъ я, какъ-будто-бы на зло и себѣ и другимъ, существую?

Вообразите себѣ человѣка, умирающаго отъ голода. Блѣдный, едва укрытый лохмотьями своего рубища, лежитъ онъ на голомъ полу и издыхаетъ, какъ никому ненужная собака, въ предсмертныхъ конвульсіяхъ; въ двухъ шагахъ отъ него разсыпаны безсметныя сокровища, въ двухъ шагахъ отъ него проходятъ люди съ веселіемъ и пѣсню на устахъ; но онъ ничего не видитъ, не видитъ, что у него есть все подъ рукою, чтобъ утолить голодъ, не оскорбляется слухъ его веселіемъ ликующей толпы; равнодушно смотритъ онъ, равнодушно прислушивается ко всему, какъ-будто не его и дѣло, какъ-будто не о немъ и рѣчь идетъ. Онъ создалъ себѣ свой особый кумиръ; ему съ-дѣтства вбивали въ голову, что это такъ есть, что иначе и быть не можетъ: одному жизнь, другому смерть, и онъ не противится, онъ скорѣй согласится умереть съ голода среди довольства и роскоши, но не осмѣлится оскорбить свой кумиръ. Идетъ мимо прохожій и говоритъ ему: «безумный человѣкъ! зачѣмъ же непременно хочешь ты умереть, когда все зоветъ тебя къ жизни? посмотри, оглянись вокругъ себя: передъ тобою, какъ передъ законнымъ властелиномъ, земля разверзаетъ пѣдра свои; тебѣ лучшіе дары, лучшія силы ея; на тебя разсыпаетъ солнце лучшіе лучи свои; передъ тобою склоняется вся природа; ты все имѣешь, все, что можетъ составить счастье и наполнить жизнь человѣка! встань и живи!» И свѣтлая мысль озаряетъ на минуту мысль бѣднаго страдальца, и хочетъ онъ встать, и хочетъ жить, и усиливается подняться на ноги, и медленно простираетъ изможденную руку... Но, увы! тщетны всѣ усилія его: онъ чувствуетъ, какъ гнѣздится уже

смерть въ окостѣвшемъ сердцѣ его, какъ крадется и ползетъ она какъ змѣй по всѣмъ жиламъ его существа; вотъ уже коснѣеть языкъ его, вотъ помутился и померкъ умоляющій взоръ, вотъ и весь онъ вздрогнулъ и вытянулся — и все стихло и смолкло вокругъ него, и слышится только невѣдомый, но страшный голосъ, говорящій надъ нимъ: «смерть ему слабому, неразумному слѣпцу, ибо многое было дано ему, и отъ всего добровольно отказался онъ, самъ потушилъ въ себѣ свѣтъ разума, данный ему природою, и осудилъ себя на вѣчную ночь, на вѣчную тьму!»

Не таково ли же точно и мое положеніе, другъ мой? не умираю ли я отъ апатіи и равнодушія среди жизни и любви, какъ тотъ несчастный отъ голода — среди довольства и пресыщенія? И я чувствую, что умираю, чувствую, что эта неестественная борьба разсудка и жизни втягиваетъ въ себя, какъ въ бездонную пропасть, лучшей сокъ моего существа, и добровольно сознаюсь, что и мнѣ, какъ тому несчастному слѣпцу, можно сказать: «Безумный! тебѣ дано было много, и ты отъ всего отказался; надъ тобою сіяло въ вѣчной красотѣ своей свѣтлое солнце, но ты укрылся отъ лучей его и предпочелъ имъ тьму и холодъ сырой пещеры; вокругъ тебя ключомъ била и блестяла вѣчно-юная, вѣчно-неувядающая жизнь; но ты отвернулся отъ нея, ты проклялъ все, чтѣ носило на себѣ печать жизни, ты создалъ себѣ свой особый міръ, который наполнилъ порожденіями своего мнительнаго разсудка, и заперся отъ всѣхъ съ этими холодными, мертвыми призраками; ты всю жизнь свою исповѣдывалъ одну только доктрину, доктрину смерти. Безумный! опомнись; не время ли перестать возиться съ фантомами? не время ли начать новую жизнь?»

Чувствую всю правду этихъ словъ, желалъ бы возвратиться снова къ этой жизни, полной предразсудковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ обаятельной по полнотѣ юношескаго увлеченія, по довѣрчивости къ самой-себѣ, которыя сопутствуютъ ей; но уже поздно, потому-то слишкомъ забить во мнѣ этотъ страстный огонь юности, слишкомъ огрубѣла и затвердѣла кора сомнѣній и противорѣчій, которая давитъ и гнететъ мое сердце.

Помните ли вы, въ одномъ изъ моихъ писемъ, я упрекалъ васъ въ идеализмъ, въ непониманіи дѣйствительности? Я говорилъ вамъ, что вы съ своимъ всеобщимъ, всевосполняющимъ закономъ любви, которому хотите подчинить все сущее, создаете себѣ призраки, которые мѣшаютъ вамъ бодро и смѣло взглянуть въ глаза дѣйствительности, разобрать одну за одною всѣ сокровенныя, стихійныя части ея. Какъ подумаю теперь и обсужу это дѣло по совѣсти, то всѣ эти упреки едва-ли не болѣе относятся прямо ко мнѣ, нежели къ кому-нибудь другому, потому-что я цѣлую жизнь свою гонялся за дѣйствительностью, цѣлую жизнь объяснялъ ее себѣ, безъ отдыха преслѣдовалъ этотъ необъяснимый фениксъ, безпрестанно исчезающій и безпрестанно возрождающійся, и не

могъ объяснить, не могъ понять его. Коди хотите, я и понялъ дѣйствительность, да только въ исканіяхъ-то своихъ немного ошибся въ расчетъ, и вмѣсто того, чтобъ идти прямымъ путемъ, взялъ немного вкось, можетъ-быть, вправо, можетъ-быть, влѣво, только дѣйствительность-то моя вышла совсѣмъ другая, нежели дѣйствительная дѣйствительность, и вышло, что я тоже создалъ себѣ воображаемый міръ, въ которомъ все устроилъ по-своему, а теперь и жалуясь, что мнѣ тяжело жить, что я, какъ вѣчный жидъ, безпрестанно преслѣдовалъ и старался постичь жизнь, и все таки пришелъ къ одной смерти. И съ горечью вспоминаю я, какъ вѣкогда воображалъ себѣ, что я человѣкъ воли, человѣкъ дѣйствія... вздоръ, мечтаніе все это, другъ мой! для того, чтобъ дѣйствовать, нужно имѣть страсти, нужно имѣть крайности, предразсудки, а у меня давно ужъ и слѣда нѣтъ ни того, ни другаго; я такъ много уничтожилъ, до такой степени все разоблачилъ и обнажилъ, что ничего не оставилъ себѣ на забаву и утѣшеніе, и хожу одинъ-одинѣшенекъ среди этого всеобщаго разрушенія. Да, мои силы до того парализированы, что я могу только созерцать, могу только наблюдать за жизнью, но не жить: сознание свободной, естественной жизни до того полно во мнѣ, что оно ослѣпило меня своимъ блескомъ, поглотило собою все существованіе, и я какъ пораженный остановился передъ величественнымъ образомъ мною самимъ вызваннаго изъ праха міра, и до того забылся въ этомъ одѣпеніи, что бесплодное созерцаніе жизни принялъ за дѣйствительную жизнь.

Право, иногда такъ горько, такъ жутко приходится, что я невольно помышляю о смерти. И въ-самомъ-дѣлѣ, если разсуждать хладнокровно, кому я нуженъ, какую могу я принести пользу? Наконецъ, если даже отложить въ сторону общество и людей, если даже совершенно заключиться въ одномъ своемъ эгоизмѣ, то для себя-то собственно что могу я сдѣлать; не представляется ли мнѣ жизнь скорѣе нестерпимымъ игомъ, нежели радостью и благомъ? Потому-что, если хотите, я и теперь вѣдь не живу, и теперь я мертвъ, только эта смерть медленная, мучительная, минута за минутою отравляющая человѣка: не лучше ли же разомъ покончить съ собою, нежели это тихое, систематическое самоубійство? И на это-то вовсе не надобно особенной силы духа, и я вовсе не хочу выставить себя героемъ, выказывая вамъ эту мысль. Откровенно скажу вамъ: геройство, по-моему, вещь подозрительная, вещь столько же несуществующая, какъ и трусость. Всѣми нами управляють обстоятельства, всѣ мы не что иное, какъ послушные и покорные рабы необходимости, и поэтому величайшій герой дѣлается трусомъ въ такихъ обстоятельствахъ, гдѣ трусъ дѣлается величайшимъ героемъ: все зависитъ отъ характера самаго обстоятельства, отъ развитости человѣка, отъ положенія его въ обществѣ. Въ наше время, для того, чтобъ прослыть трусомъ, нужно иногда гораздо-болѣе храбрости, неже-

ли для того, чтобъ хладнокровно подставить подъ пулю свой лобъ, когда того непремѣнно требуютъ условія общественной жизни. Итакъ, тутъ на-самомъ-дѣлѣ нѣтъ съ моей стороны ни трусости, ни храбрости, а есть просто сознание невыносимой тяжести и даже ненужности жизни при извѣстныхъ условіяхъ. Можетъ-быть, и даже вѣроятно, что я и ошибаюсь; но въ инныя минуты нельзя разсуждать хладнокровно, въ инныя минуты здравый разсудокъ какъ-будто назло оставляетъ человѣка, а это именно большею частию тогда и случается, когда онъ всего болѣе нуженъ. Вы, скажете мнѣ, быть-можетъ, что жизнь благо, данное намъ природою, благо, которымъ мы не можемъ располагать; что каждый изъ насъ имѣетъ свое назначеніе, которое онъ долженъ выполнить?.. Знаю я все это и первый сознаю справедливость такихъ доводовъ; но вѣдь вы забываете при этомъ — обстоятельства, а они-то и управляютъ нами, они-то и дѣлаютъ такъ, что всѣ эти прекрасныя мысли какъ-то исчезаютъ при одномъ приближеніи гнетущей дѣйствительности.

Что же касается до назначенія, которое каждый изъ насъ имѣетъ, то я вамъ скажу, что большая разница между «имѣетъ» и «долженъ имѣть». Говоря а priori, каждый изъ насъ дѣйствительно имѣетъ свою особую, ему одному только свойственную роль, которую онъ долженъ выполнить жизни, роль, съ невыполненіемъ которой рушится чудная гармонія стройнаго общественнаго цѣлаго; но присмотритесь ближе къ этой безпрестанно-движущейся, нестройной массѣ людей, и вы убѣдитесь, что всѣ эти назначенія какъ-то странно перемѣшались, что тотъ, кому природа, казалось бы, дала все, чтобъ быть великимъ мыслителемъ, великимъ государственнымъ человѣкомъ, въ дѣйствительности тачаетъ весьма дурные сапоги, или управляетъ съ козелъ измученною паркою лошадей; вы увидите, что нѣкоторые забрали на свою долю слишкомъ-много назначеній, а другіе вовсе остались безъ всякой опредѣленной роли, живутъ со-дня-на-день и клянутъ ту несчастную минуту, въ которую увидѣли они свѣтъ. Вотъ этимъ другимъ-то — а ихъ очень-много — что жь остается дѣлать, если они притомъ еще сознаютъ эту неумѣстность, всю ненужность ихъ жизни?..

Когда-то мнѣ рассказывали, или я читалъ гдѣ-нибудь, что жилъ на свѣтѣ человѣкъ, который умеръ отъ одного того, что потерялъ свою тѣнь; если въ подобномъ случаѣ возможна смерть, то тѣмъ болѣе возможна она, когда человѣкъ не находитъ смысла и цѣли жизни, когда человѣкъ вдругъ узнаетъ, что онъ обронилъ гдѣ-то или у него украли его назначеніе, что будетъ нѣсколько поважнѣе потеря тѣни.

Обращаясь лично къ себѣ, я нахожу такую странную дезорганизацію во всемъ существѣ своемъ, что съ ужасомъ отступаю отъ своего будущаго, которое обѣщаетъ мнѣ только горестный рядъ преслѣдованій и лишеній, лишеній ничтожныхъ и мелкихъ, если хотите, но тѣмъ не менѣе безпрестанныхъ и безотвязныхъ, отъ которыхъ никакая сила не освободитъ васъ, съ которыми нельзя бороться —

до того онѣ неуловимы, до того ничтожны. Еще, еслибъ меня ждало какое-нибудь сильное несчастье, какое-нибудь явное, наглое преслѣдованіе со стороны судьбы, это вызвало бы, по-крайней-мѣрѣ, мои дремлющія силы, это очертило бы передо мною особую сферу, въ которой я могъ бы дѣйствовать, могъ бы, наконецъ, чувствовать, что я живу; но нѣтъ: меня ждутъ умѣренность и аккуратность, двѣ большія добродѣтели, коли хотите, по въ которыхъ скорѣе слышится отрицаніе жизни, нежеланіе жить. Да, я глубоко, сознательно несчастенъ, несчастенъ тѣмъ болѣе, что даже имѣю достовѣрность, что нѣтъ выхода, нѣтъ спасенія мнѣ отъ гнетущаго меня страданія, что я запертъ въ какомъ-то сказочномъ домѣ безъ дверей и оконъ, и не проникнетъ никогда въ эту холодную темноту радостный лучъ солнца надежды.

Но болѣе всего сокрушаютъ меня непрошенные сожалѣнія, непрошенные совѣты перемѣниться, сбросить съ себя искусственную будто-бы мертвенность, которую я оковалъ все существо свое. Искусственная мертвенность! Да, коли хотите, она искусственна, и во всякомъ случаѣ не нормальна: развѣ я стою за это? развѣ я говорю противное? Да назовите мнѣ, ради Бога, хоть что-нибудь, что было бы не искусственно; назовите хоть одно отношеніе, хоть одно побужденіе, за которое можно было бы поручиться, что оно нормально! Дѣло въ томъ — и этого никакъ понять не хотятъ — что на свѣтѣ искусственность одна только и натуральна, а естественность, напротивъ, совершенно-нестественна; тысячу разъ повторялъ я, что человѣкъ самъ-по-себѣ ничто, пустое отвлеченіе; покуда не выразится во внѣшности, которая, какъ масса живая и дѣятельная, въ свою очередь обуславливаетъ его дѣйствія; тысячу разъ говорилъ я это, да меня понять не хотятъ, убѣждаютъ передѣлать себя, быть инымъ.... Такія несносныя увѣщанія терплю я каждый день со стороны извѣстной вамъ особы, и, признаюсь, это начинаетъ меня наконецъ тяготить! Надо вамъ сказать, что намѣренія Гурова на Таню вовсе не были шуткой, какъ мы предполагали, а выразились весьма-обстоятельно въ формѣ пламеннаго письма, которое онъ адресовалъ, какъ человѣкъ смысленный по-своему и понимающій все значеніе власти родительской, на имя дражайшаго Игнатія Кузьмича. Дѣло въ томъ, что Гуровъ и Таня помолвлены такъ неожиданно, такъ внезапно, что бѣдная совсѣмъ потерялась и оробѣла: безпрекословно и машинально дала она свое согласіе на этотъ бракъ, потому-что не знаетъ, что ей дѣлать, не знаетъ, чего держаться, не увѣрена, буду ли я въ состояніи представить ей надежную опору въ случаѣ ея сопротивленія. Конечно, я чувствую, что и въ этомъ случаѣ виноватый, хотя и безвинно, одинъ только я; но что жъ дѣлать мнѣ? На-дняхъ она требовала отъ меня, чтобъ я рѣшительно, безъ оговорокъ сказалъ ей, люблю я ее, или нѣтъ. Скажите же, на милость, не мученіе ли это! Вѣдь она довольно меня знаетъ, чтобъ понять, что

и безъ того я страдаю отъ неопредѣленности своего положенія, что это-то и составляетъ кошмаръ моей жизни—а между-тѣмъ, хочеть, чтобъ я рѣшительно объяснился! Да что жъ я могу сказать ей? Что я ее люблю—и это будетъ вѣрно; что я не люблю ея—и это справедливо! Она никакъ не можетъ предположить себѣ возможность современнаго существованія столь противоположныхъ крайностей, не можетъ понять, что если я и дѣйствительно люблю ее всѣми силами души, то тѣмъ не менѣе сознаніе неразумности этой любви, при наличныхъ условіяхъ жизни, такъ сковало меня, что я стою какъ пораженный громомъ, и желалъ бы отдаться влеченію своего сердца, и не смѣю противиться слишкомъ яснымъ указаніямъ разсудка. Любовь-то, коли хотите, во мнѣ есть, но она не можетъ выйдти изъ пассивнаго своего состоянія; она всегда останется на степени понятія чисто-нравственнаго, отвлеченнаго.

Но вы мнѣ скажете, можетъ-быть, что и сами видите тутъ необъяснимое противорѣчіе—да развѣ я отказываюсь отъ этого? развѣ я называю это гармоніей? Въ томъ-то и дѣло, что противорѣчіе это необходимо пріостекаетъ изъ самой природы вещей, оно *дѣйствительно* есть и, слѣдовательно, напрасно сталъ бы я противиться такому порядку вещей: онъ есть, и этого уже достаточно для оправданія его! А между-тѣмъ, вѣдь есть же люди, которые упрекають дѣйствительность въ неестественности, и наконецъ изъявляютъ наивное желаніе, чтобъ она исправилась, чтобъ веда себя лучше, какъ-будто она можетъ сдѣлаться иною, нежели какая она на-самомъ-дѣлѣ!

Иногда, видя всю безотрадность своего положенія, и радъ бы я иначе жить, иначе мыслить, да вѣдь закона никто самъ себѣ создать не можетъ, никто не можетъ сказать себѣ: поступай такъ, а не иначе, потому-что для этого нужно бы напередъ знать каждую минуту жизни той среды, въ которой дѣйствуешь, а затѣмъ и каждую минуту жизни вселенной, которая въ свою очередь обусловливаетъ первую и которая ни на одно мгновеніе не остается одною и тою же и никогда на себя не похожа. Потребности, мой милый, никогда не являются по востребованію—взялъ да и создалъ себѣ такую-то и такую забаву: онѣ даны намъ вмѣстѣ съ организмомъ нашимъ и вызываются внѣшнимъ міромъ, который не рождаетъ новыхъ, небывалыхъ желаній, а только развиваетъ, даетъ жизнь тому, что доселѣ существовало не болѣе, какъ въ отвлеченіи.

Но вы, можетъ-быть, остановите меня, другъ мой; вы возразите мнѣ, что съ такимъ началомъ покорности существующему порядку вещей падаетъ всякая вмѣняемость, освящается всякое преступленіе; что послѣ этого каждый злодѣй, присужденный на казнь, имѣетъ полное право спросить общество, зачѣмъ оно не предупредило его злодѣяній, зачѣмъ оно не дало его дѣятельности полезнаго направленія, зачѣмъ развратило и унизило его; за-

тѣмъ не дало ему средствъ къ жизни и сдѣлало для него злодѣяніе привычкой... и такъ далѣе, до безконечности. Вы скажете, что такимъ образомъ можно все оправдать, все подвести подъ законъ необходимости. Вотъ чрезвычайно-естественные вопросы, которые, впрочемъ, рѣшительно ни къ чему не ведутъ. Все, отвѣчаю я, рѣшительно все оправдывается, мой милый, и безъ единого исключенія! оправдывается и общество, которое наказываетъ преступника, не смотря на столько извиняющихъ его обстоятельствъ, потому-что и оно развѣ не въ правѣ отвѣчать ему: «а какъ же я могу предупредить твои злодѣянія, какъ могу я дать тебѣ средства удовлетворить твоему назначенію, когда нѣтъ у меня этихъ средствъ. Поди же прѣчь и клади на плаху свою голову!» И общество и преступникъ будутъ правы, всѣ будутъ правы, другъ мой, и нигдѣ не найдете вы виноватаго!

А самое худое въ этомъ дѣлѣ — то, что когда я обдумываю эту безвыходную коллизію, мнѣ невольно приходятъ всегда на мысль слова стараго разбойника, о которомъ я гдѣ-то читалъ и которому поднесли едва-отсѣченную, еще дымящуюся въ крови голову, сказавъ, что это голова его сына; «мой сынъ» отвѣчалъ онъ: «имѣетъ не одну голову».

Но при всѣхъ этихъ оправданіяхъ, при всей неуклончивости и совѣстливости такого взгляда на жизнь, мое личное положеніе все не дѣлается сносно и легче; самъ-то я все-таки не живу, а созерцаю, потому-что для того, кто вполне предается наслажденію жизни, ненужно оправданія дѣйствительности—скажу болѣе: оправданія и объясненія находятся въ прямомъ противорѣчій съ жизнью, исключаютъ ее.

Представьте себѣ такого человѣка, которому при рожденіи дано было бы свойство, что къ чему бы ни обратился, на что бы ни взглянулъ онъ, все мгновенно разлагалось бы передъ нимъ на стихійныя свои части. Конечно, какъ умный человѣкъ, онъ не могъ бы не видѣть въ этой сложности всякаго живаго организма многознаменательнаго и премудраго закона природы, онъ не могъ бы не оправдать ея, но тѣмъ не менѣе положеніе его было бы ужасно, тѣмъ не менѣе человѣкъ этотъ долженъ бы былъ отъ всего отказываться, потому-что для него не существовало бы строя, не было бы красоты: вездѣ видѣлъ бы онъ грубую грудку самыхъ уродливыхъ элементарныхъ частицъ — въ картинѣ Брюлова увидѣлъ бы онъ только краски, полотно и масло; передъ глазами его нечезъ бы этотъ могущественный синтезъ, который изъ нестройной массы матеріаловъ создаетъ стройное цѣлое, творить неумиряющее чудо красоты. Такъ точно и въ моихъ глазахъ до того раздробляются, размельчаются всѣ явленія жизни, что я могу объяснить себѣ ихъ, могу оправдать ихъ разумность и ответственность причинъ результатамъ, но жить все-таки не могу, потому-что слишкомъ-смѣло снялъ покровы, закрывавшіе дѣйствительность, слишкомъ обнажилъ пружины, двигающія ее.

Да и это было бы еще ничего, и съ этимъ можно бы кое-какъ помириться, еслибъ я остановился на объясненіи себѣ дѣйствительности—а то вѣдь оно служило мнѣ только какъ отправный пунктъ, изъ котораго я пошелъ далеко впередъ, отъ котораго, идя шагъ за шагомъ по горячимъ саѣдамъ развитія человѣчества, я пришелъ къ признанію другой дѣйствительности — дѣйствительности не только возможной, но неперемѣнно имѣющей быть. Вотъ это ужь окончательно сбило меня со стези жизни, окончательно убило во мнѣ всякую возможность свободно и легко предаться влеченіямъ природы своей! И когда я сопоставляю эти двѣ дѣйствительности, столь между собою несходныя, хотя и та и другая носятъ въ себѣ тѣ же сѣмена жизни, тогда я вполне несчастливъ, тогда мнѣ дѣлается несносно и тяжело жить, и невольно приходять въ голову самыя черныя мысли. Не сопоставляя я этихъ двухъ несомнѣстныхъ другъ съ другомъ противоположностей, существуй для меня одно какое-нибудь изъ двухъ представленій дѣйствительности, я былъ бы вполне счастливъ: былъ бы или пелѣнымъ утопистомъ, въ родѣ новѣйшихъ социалистовъ, или прижимистымъ консерваторомъ—во всякомъ случаѣ, я былъ бы доволенъ собою. Но я именно посередкѣ стою между тѣмъ и другимъ пониманіемъ жизни: я и не утопистъ, потому-что утопію свою вывожу изъ историческаго развитія дѣйствительности, потому-что населяю ее не мертвыми призраками, а живыми людьми, имѣющими плоть и кровь, и не консерваторъ quand même, потому-что не хочу застоя, а требую жизни, требую движенія впередъ. Это, если хотите, самый вѣрный взглядъ на вещи, но такъ-какъ у меня отняли всякую возможность дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, такъ-какъ мнѣ заранѣе извѣстно, что этотъ взглядъ долженъ навсегда — крайней-мѣрѣ для меня—остаться только взглядомъ, и никогда не можетъ быть приведенъ въ дѣйствіе, принять плоть и кровь, то и выходитъ, что я, отказавшись отъ утопіи и отвернувшись отъ *status quo*, новисъ на воздухѣ между тѣмъ и другимъ, и чувствую всю вѣрность моихъ понятій о дѣйствительности, а между-тѣмъ шага не могу сдѣлать въ ней, чтобъ не споткнуться и не упасть.

И эта неопредѣленность моего положенія повергаетъ меня иногда въ такое глубокое отчаяніе, что я спрашиваю самъ себя: уже ли іерархія организмовъ есть іерархія несчастія? Дѣйствительно, посмотрите вокругъ себя и вы увидите, что чѣмъ выше, чѣмъ сложнѣе организмъ, тѣмъ сложнѣе его потребности, тѣмъ сложнѣе изысканіе средствъ къ ихъ удовлетворенію, тѣмъ глубже несчастіе... Посмотрите на нисшія ступени бытія: тамъ все само въ себѣ находитъ удовлетвореніе, все само себѣ довлѣетъ; тамъ истинное мѣсто извѣстной вамъ формулѣ: средства пропорціалны потребностямъ. Чѣмъ выше взбираетесь вы по этой безконечной лѣстницѣ, тѣмъ болѣе поражаетъ васъ борьба жизни съ дѣйствительностью, тѣмъ болѣе слышится тайный ропоть неудовлетворенія,

жалоба на недосыгаемость возмoжнаго счастья; наконецъ чело-вѣкъ, это послѣднее, задушевное слово созданія, осуществляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднюю степень этой борьбы: цѣлую жизнь мечется онъ, цѣлую жизнь гоняется за счастьемъ, ищетъ чего-то, и наконецъ разбитый, затертый, складываетъ съ отчаянія на груди руки и не предпринимаетъ ужь ничего, и смотритъ равнодушно, какъ другіе въ свою очередь проходятъ мимо его, гонятся за счастьемъ, ищутъ чего-то и, подобно ему, все-таки ничего не находятъ.

Конечно, на это есть весьма-простой отвѣтъ, именно, что въ натурѣ чело-вѣка вездѣ и безпрестанно искать и никогда вполнѣ не удовлетвориться, что хорошо еще, если есть что искать, что наступитъ наконецъ и для чело-вѣка пора счастья, когда и къ нему можно будетъ примѣнить приведенную мною формулу. Все это такъ: что настанетъ пора счастья, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; что природенная чело-вѣку склонность всего доискаться, все объяснить себѣ—и доказываетъ превосходство его организма; что, наконецъ, если у животныхъ нѣтъ собственно несчастья, за то и счастья въ наличности не имѣется — и это все какъ-нельзя-болѣе справедливо, да чело-вѣкъ-то тѣмъ не менѣе несчастенъ, тѣмъ не менѣе страдаетъ, не смотря на всю неопровержимость этихъ доводовъ, и для меня, на-примѣръ, лично, весьма-плохое утѣшеніе, что будутъ люди, которые будутъ жить цѣльною жизнью, когда я-то и восьмушки этой жизни не имѣю.

Но всего для меня несноснѣе что я совершенно невинно заставляю другихъ страдать. Вотъ ужь почти съ педѣлю, какъ Таня больна и не выходитъ изъ комнаты, потому-что я не могъ сказать ей, не покрививъ душою, что люблю ее, а Гуровъ цѣлые дни ходитъ, какъ сумасшедшій, и все спрашиваетъ у меня совѣтовъ, какъ ему поступить, потому-что все знаетъ про мои отношенія къ Танѣ. Надо вамъ сказать, что Гуровъ, не смотря на свою любовь къ чело-вѣчеству, довольно-грязненское животное; другой, на его мѣстѣ, зная нерасположеніе Тани, или от-казался бы отъ руки ея, или, наконецъ, заставилъ бы ее любить себя, но онъ не хочетъ ни того, ни другаго, не хочетъ отказаться отъ Тани, потому-что хоть и ругаетъ на каждомъ шагу презрѣнное злато, однакожъ, какъ видно, большой до него охотникъ; притомъ же, ему двадцать-четыре года, а въ эту пору, сами знаете, и кровь разыгрывается, и воображеніе рисуетъ такіа соблазнительныя картины... Гурову, какъ истинному идеалисту, непремѣнно нужна самочка, непремѣнно нужно существо, которое утоляло бы въ немъ излишній жаръ—вотъ онъ и рѣшился пріобрѣсть эту необходимую игрушку, но пріобрѣсть безъ всякой съ своей стороны заслуги, безъ всякаго усилія; однимъ словомъ, онъ въ этой спекуляціи надѣялся не столько на свои собственные силы, сколько на безсиліе и даже вовсе несуществованіе другихъ соискателей. Но когда онъ увидѣлъ, что мѣсто занято дру-

гимъ, и что этотъ другой довольно-крѣпко укоренился въ сердцѣ Тани, это неожиданное происшествіе такъ сконфузило его, что онъ самъ не знаетъ, что дѣлать, и ко мнѣ же обращается за со-вѣтами и меня же проситъ помочь ему. Я увѣренъ, что если это продолжится, онъ непременно сѣискалитъ на насъ Игнатю Кузьмичу.

Первый разговоръ нашъ, изъ котораго я узналъ, что Таня открыла ему настоящую причину своей болѣзни, былъ до того исполненъ всякаго рода низостей со стороны Гурова, что я не могу не передать его вамъ, чтобъ вы имѣли хоть поверхностное понятіе объ этомъ человѣкѣ.

Какъ-то, на-дняхъ, я хотѣлъ уже ложиться спать, какъ вдругъ кто-то постучался у дверей моей комнаты, и вслѣдъ за тѣмъ я услышалъ голосъ Гурова: «это я, Андрей Павлычъ, позвольте сказать вамъ нѣсколько словъ».

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ я: — но подѣ условіемъ, чтобъ эти нѣсколько словъ были дѣйствительно не болѣе, какъ нѣсколько словъ.

Я сѣлъ на кровать и ждалъ; но Гуровъ ходилъ большими шагами по комнатѣ съ нахмуренными бровями и ничего не говорилъ.

— Я васъ слушаю, Николай Григорычъ, сказалъ я.

Онъ остановился передо мною и долго смотрѣлъ молча мнѣ въ глаза; наконецъ, взявъ меня за руку и крѣпко пожалъ ее.

— Я все знаю, сказалъ онъ съ чувствомъ.

— А! вы все знаете? ну, я не знаю... позвольте же мнѣ полюбопытствовать, что такое вы узнали?

— Таня мнѣ все рассказала...

— А! Таня? такъ вы только теперь узнали? ну, такъ что жъ?

— Она васъ любитъ, Андрей Павлычъ; она мнѣ сказала, что и вы влюблены въ нее.

— Она сказала вамъ это? Вѣрно не такъ она выразилась, Николай Григорычъ?

— О, нѣтъ; въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія... Я несчастнѣйшій человѣкъ въ мірѣ!

— Отъ-чего же такъ? Право, я не вижу тутъ большаго несчастья. Ну, любитъ она меня; предположимъ даже; что и я влюбленъ, хоть я и не гусаръ и не чиновникъ — что жъ вамъ-то до этого?

— Какъ что? а я-то съ чѣмъ остаюсь? а мои планы, мои надежды?

— Ваши надежды... на что, почтенный другъ мой?

— На ея любовь, на ея сердце, на обладаніе ею!... И все это разбилось, все исчезло, и я одинъ, одинъ...

— О, да вы дѣлаете успѣхи, милый идеалистъ! Вы и забыли, что въ безнадежности-то и шикъ весь идеальной любви! Обладать женщиною... Эи, мой другъ, какъ можно говорить объ этомъ по-

рядочнымъ людямъ: оставимъ это грубымъ матеріалистамъ—вѣдь такъ, кажется, вы называете людей, которые не довольствуются журавлемъ въ небѣ, а хотятъ синицу въ руки.

— Вы меня не поняли, Андрей Павлычъ, вы не поняли, что обладать ею — значить обладать ея душою, значить жить ея жизнью, чувствовать ея чувствомъ... О, это такое блаженство — имѣть подлѣ себя существо, которому понятны всѣ задушевные мысли, которому можно перелить всю душу свою!

— То-то перелить! Экъ васъ разобрало, Николай Григорьичъ!

— И все это рушится, продолжалъ онъ, не отвѣчая на мое замѣчаніе: — все исчезаетъ въ ту самую минуту, когда я думалъ держать въ рукахъ своихъ это счастье, предметъ лучшихъ сновъ моихъ!

Онъ снова началъ ходить по комнатѣ и снова безуспѣшно старался придать лицу своему характеръ глубокаго отчаянія.

— Вы благородный человѣкъ? сказалъ онъ мнѣ голосомъ, который усиливался дѣлать дрожащимъ.

— Право, не знаю, Николай Григорьичъ; это смотря по тому, какъ понимать это слово; а впрочемъ, говорите; можетъ-быть, я и дѣйствительно окажусь тѣмъ, чѣмъ вы меня почитаете.

— Скажите же, что мнѣ дѣлать?

— Вотъ странный вопросъ! вы просите у меня совѣта противъ меня же... это нѣсколько ново и весьма-остроумно.

— Нѣтъ, скажите, что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ?

— На вашемъ мѣстѣ? то-есть, будучи вами, въ вашихъ обстоятельствахъ, съ вашимъ положеніемъ, такъ, что ли?

— Да.

— Я сдѣлалъ бы именно то же самое, что вы дѣлаете въ настоящую минуту, то-есть, попросилъ бы совѣта.

Онъ нѣсколько смутился этимъ отвѣтомъ, и краска негодованія на минуту вспыхнула на лицѣ его; но въ слѣдующее за сямъ мгновеніе онъ былъ уже тихъ и кротокъ по-прежнему.

— Послушайте, Андрей Павлычъ, сказалъ онъ: — зачѣмъ же вы еще смѣетесь надо мною?

— Ничуть, Николай Григорьичъ; я отвѣчаю на вашъ вопросъ по совѣсти, какъ думаю. Впрочемъ, чтобъ вы не думали, что я забавляюсь вашимъ затруднительнымъ положеніемъ, я могу дать вамъ еще совѣтъ.

— Какой же?

— Да очень-простой: женитесь на ней.

— Жениться? Да какъ же это, коли она любитъ васъ?

— Развѣ это что-нибудь значить? развѣ вы не можете своими достоинствами заставить ее забыть про эту любовь?

— Жениться! повторилъ онъ машинально: — ну, а вы-то какъ?

— Что я?

— Ну, да бываютъ разные случаи... я не хочу.

— Эге! вот вы куда махнули, мой милый идеалистъ! Да знаете ли, вы даете мнѣ чудесную идею: въ-самомъ-дѣлѣ, и хорошо, и безъ хлопотъ...—о, да вы гений, Николай Григорьичъ, вы одни можете устраивать подобныя дѣла.

Но онъ облокотился на коммодъ и задумался, закрывъ для эффекта лицо руками.

— Смѣйтесь, смѣйтесь, сказалъ онъ наконецъ: — смѣйтесь, холодный человѣкъ! Вы не знаете, что такое любовь; вы не знаете, какая страшная ревность жжетъ мою внутренность... О, я несчаствѣйшій человѣкъ въ мѣрѣ!

— Такъ вамъ очень-жалко поддѣлиться своею игрушкою, милый ребенокъ? вамъ непременно хочется одному, нереливать свою душу?.. Успокойтесь, никто не будетъ вамъ препятствовать! Я и не думалъ никогда пользоваться вашею беззащитностью; спите же спокойно, никто не притропится къ вашей собственности, рвите ее, буйствуйте надъ нею, сколько душѣ вашей угодно: всякій знаетъ, что она ваше достояніе, и никто не можетъ требовать отъ васъ отчета!

Когда я сказалъ это, онъ какъ-будто весь переродился; въ глазахъ его блеснула животненная радость; онъ все забылъ, забылъ и нелюбовь къ нему Тани, и оскорбительный тонъ, съ которымъ я сказалъ послѣднія слова свои; на лицѣ его мгновенно исчезла вся прежняя озабоченность, пропали слѣды искусственнаго отчаянія, и все поглотилось однимъ чувствомъ—чувствомъ звѣря, добившагося, наконецъ, любимаго куска, на который давно уже скалывалъ онъ зубы, но который долго у него оспаривали.

— Такъ вы отказываетесь? сказалъ онъ, задыхаясь отъ радости.

— Ахъ, отказываюсь, отказываюсь! оставьте меня; мнѣ спать пора!

— За что же вы на меня сердитесь, Андрей Павлычъ?

— Я па васъ сержусь? изъ чего же вы это заключаете?

— Да изъ того, что вы не хотите быть моимъ другомъ, не хотите говорить со мною...

— Послушайте, Николай Григорьичъ, да почему же вы думаете, что я непременно долженъ быть вашимъ другомъ? вѣдь у насъ совершенно различныя понятія: вы любите собственность, вы хотите исключительнаго права обладанія принадлежашею вамъ вещью; вы не спрашиваете у Тани, хочетъ ли она быть вашею подругою: вамъ только бы другіе не обладали ею, а до того, любить ли она васъ, будетъ ли она счастлива—вамъ и дѣла нѣтъ!... Да, вы грубѣе, нежели самый грубый матеріалистъ!

— Помилуйте, Андрей Павлычъ! да какъ же она будетъ любить другаго? да что же я-то? съ чѣмъ же я-то останусь?

— Кто же оспариваетъ ваши права, кто же запрещаетъ ей любить васъ, кто отнимаетъ ее у васъ... Впрочемъ, что объ этомъ говорить! это слишкомъ-длинная и сложная матерія, а теперь скоро полночь, пора спать...

И я сталъ ужъ раздѣваться, но онъ все еще не уходилъ.

— Такъ вы точно отказываетесь, Андрей Павлычъ? сказалъ онъ.

— Да я вѣдь сказалъ ужъ вамъ, что отказываюсь: оставьте же меня, мнѣ пора спать!

— И вы уѣдете?

— Уѣду, уѣду, вотъ только пусть кончится срокъ кондичямъ, уѣду; наслаждайтесь одни, не буду мѣшать вамъ.

— Ну, а ей... я могу сказать, что вы просите ее забыть...

— Дѣ, можете, только при мнѣ, а до-тѣхъ-поръ ни слова... Слышите, Николай Григорьичъ, я самъ хочу быть свидѣтелемъ вашего объясненія... вы общаете ничего не говорить до-тѣхъ-поръ?

— Честное слово.

— Смотрите же, сдержите свое обѣщаніе, а не то я не сдержу своего — скажу, что все это неправда, что я изъ сожалѣнія къ вамъ отказался отъ любви ея.

— Благодарю, благодарю васъ, благороднѣйшій человѣкъ!

— Не стѣбитъ, право, не стѣбитъ.

И я уже лежалъ въ постели и хотѣлъ гасить свѣчу.

— Покойной ночи, Николай Григорьичъ, сказалъ я.

— Ахъ, дѣ, я и забылъ, что вамъ пора почивать...

— Ну, почивать не почивать, а спать дѣйствительно время, да и вамъ, я думаю, хочется.

— О нѣтъ, мнѣ не до сна... прощайте, Андрей Павлычъ!

— Прощайте, прощайте! Да будете молиться Богу, такъ не забудьте меня...

— Не забуду, не забуду: пріятнаго сна, Андрей Павлычъ!

И онъ ушелъ.

Но на-самомъ-дѣлѣ немного я уснулъ въ эту ночь: все мнѣ думалось, какъ же я отдамъ эту чистую, невинную душу въ руки такого гнуснаго, глупаго человѣка, за что же такъ хладнокровно гублю я ея молодость, ея лучшія мечтанія? За то ли, что она такъ исполнила, такъ безвозвратно предалась мнѣ? за то ли, что она отказывается отъ всего, бросаетъ все, чтобъ приковать свой жребій къ моей незавидной, горестной участи? Вотъ что смущаетъ меня, другъ мой, вотъ что какъ раскаленнымъ желѣзомъ рѣжетъ и жжетъ мое сердце!

И послѣ этого гдѣ же благо моей жизни гдѣ оно скрывается? Вѣрно, ужъ очень-далеко, что и духу его не слышно, и тѣни его не замѣтно на ровной, безотрадной пустынѣ жизни! Разрѣшите мнѣ это, другъ мой, если можете; укажите мнѣ хоть признакъ, хоть едва-замѣтную точку, на которой могъ бы остановиться мой взоръ: гдѣ этотъ оазисъ, котораго я столько времени не могу добиться; гдѣ этотъ ручей, у котораго я могъ бы утолить томящую меня жажду? Нѣтъ, не съящете вы мнѣ его, не укажете мнѣ ничего, кромѣ песчаной, тяжелой пустыни, кромѣ бесплодныхъ, обнаженныхъ скалъ!..

И какое, на-примѣръ, мое назначеніе въ жизни? ужь не то ли, чтобъ отъ меня, какъ отъ чумы, все заражалось, все гибло при одномъ моемъ приближеніи? Ужь не въ этомъ ли загадка и смыслъ всего моего существованія! а право, инаго я не вижу! Охъ, грустно мнѣ, грустно! Другъ мой, и денно и ношно стону я подъ бременемъ тяжкаго сознанія безвыходности моего положенія, и все-таки ничего не могу сдѣлать!..

Отъ Тани къ Нагибину.

Странно играетъ иногда нами судьба! Сводитъ она часто такихъ людей, которымъ, для собственнаго ихъ спасенія, и знать бы другъ друга не нужно; и живутъ эти люди рядомъ, безпрестанно сталкиваются между собою, а между-тѣмъ не знаютъ, какъ покончить, какъ разорвать этотъ ненавистный союзъ, и клянуть тотъ несчастный часъ, въ который сошлись и узнали другъ друга. Это положеніе грустно, Андрей Павлычъ, потому-что человѣкъ гибнетъ въ этомъ недоразумѣніи, но все же хоть какъ-нибудь можно объяснить себѣ его. Бываютъ случаи гораздо-мудренѣе: бываетъ, что сближаются люди, которые дѣйствительно такъ удачно подходить одинъ къ другому, что съ перваго взгляда, кажется, не нужно никакого принужденія, чтобъ сдѣлать жизнь одного неподною и непонятною безъ существованія другаго, а между-тѣмъ, странное дѣло, и у нихъ все то же недоразумѣніе, все та же неопредѣленность отношеній, какъ и въ первомъ случаѣ! Коли хотите, они и сблизились, они и поняли, что созданы другъ для друга, да не имѣютъ силы, чтобъ сказать это послѣднее слово, которое бы сняло имъ съ сердца тяжелый камень, какъ-будто стоитъ между ними какой-то страшный призракъ, наводящій ужасъ и оцѣпенѣніе на все существо ихъ. И бѣдные люди чуждаются другъ друга, и готовое слетѣть съ языка слово мгновенно застываетъ на губахъ, потому-что едва успѣетъ раскрыться сердце человѣка, едва успѣетъ расцвѣсти и наполниться радостью все существо его, ужь онъ тутъ, онъ стережетъ всѣ движенія его, этотъ блѣдный призракъ, этотъ вѣчно-бодрствующій спутникъ его жизни, и въ мигъ слетаетъ радость съ лица, и туча заботъ и сомнѣній заройтса тамъ, гдѣ, за минуту передъ тѣмъ, все дышало блаженствомъ и упоеніемъ.

Между мною и вами происходитъ именно такое недоразумѣніе. Вы любите меня, я знаю это, и какія бы ни приводили вы мнѣ противъ этого доказательства, я все-таки буду убѣждена, что вы меня любите; я слышу любовь въ вашемъ голосѣ, вижу ее въ глазахъ вашихъ; каждое ваше движеніе, даже самая настойчивость увѣрить меня въ противномъ, доказываютъ мнѣ существованіе вашей любви. Итакъ, вы любите, и, между-тѣмъ, бонтесь признать-

ся себѣ въ этомъ, и оба мы страдаемъ, оба мучимся, потому-что нѣтъ у васъ вѣры въ меня, нѣтъ между нами откровенности!

Скажите же мнѣ, что сковало вашъ языкъ, что оледенило ваше сердце? Вы приводите мнѣ тысячи доказательствъ, что любовь для васъ невозможна. Какое ребячество, Андрей Павлычъ! стало-быть, возможна, коли она есть! Зачѣмъ же мучить себя? зачѣмъ безпрестанно забѣгаете вы мыслью въ будущее? зачѣмъ взвѣшиваете каждое чувство свое? зачѣмъ за вами слѣдить неотступное: «что будетъ?»

Что будетъ! Мало ли, что можетъ быть! Можетъ быть и горе, можетъ быть и радость: будетъ горе, и тогда успѣемъ нагореваться, другъ мой. Что будетъ! да вѣдь знаете ли, къ чему приведетъ это заглядываніе впередъ? оно приведетъ къ тому, что вы увидите утопающаго человѣка и не спасете его, при всей возможности спасти, *потому-что жизнь его, можетъ-быть, преисполнена несчастій и лишений, и, слѣдовательно, спасеніе послужитъ только къ тому, чтобъ вновь возвратитъ его осаждающимъ со всѣхъ сторонъ преслѣдованіямъ.*

Вы хоть бы то взяли во вниманіе, что меня-то вы совсѣмъ измучили своею нерѣшительностью, что я страдаю, что я дѣйствительно больна и тѣломъ и душою. Вникните въ мое положеніе, поймите, сколько муки должна я терпѣть въ эту минуту! Любить васъ, быть вами любимой, ощущать приближеніе счастья, и видѣть, какъ оно исчезаетъ въ ту самую минуту, когда касаешься до него руками— вотъ истинное бѣдствіе, которое сильнѣе всѣхъ возможныхъ цѣпей и темницъ!

Нѣкогда я страдала отъ неполноты жизни; сердце мое какъ-будто просило и ждало чего-то, что могло бы дать смыслъ и разгадку моему существованію... Я увидѣла васъ, и мнѣ стало понятно все, чего такъ жадно искало все существо мое, и я опредѣлила себѣ, наконецъ, это нѣчто, которое висѣло надо мною и не давало мнѣ ни днемъ, ни ночью покоя. И что жъ? дальше ли я ушла отъ этого? счастливѣе ли я? что нужды, что я узнала на минуту, что такое счастье? вокругъ меня все тотъ же холодъ, все та же пустота, и отъ-чего? отъ-того, что между мною и человѣкомъ, въ рукахъ котораго вся моя жизнь, стоитъ глупое пугало, которое онъ самъ себѣ выдумалъ!.. Ну, не грустно ли это?

А знаете ли что? вы часто говорили мнѣ, что вся ваша жизнь должна быть посвящена изысканію истины (это даже, по-вашему, одна изъ причинъ невозможности для васъ любви), слѣдовательно, открытіе ея должно бы радовать васъ, а я увѣрена, что еслибъ вамъ давали на выборъ, съ одной стороны готовую истину, а съ другой, удовольствіе отыскивать ее; вы бы выбрали послѣднее: до такой степени срослась съ вашей натурой потребность резонѣрства, до такой степени замерло въ васъ всякое свѣтлое чувство жизни!

Часто думаю я, что будетъ изъ всего этого, какая участь ждетъ эту борьбу любви съ безсиліемъ, и, признаюсь вамъ, не могу дать

себѣ никакого отвѣта на всѣ эти вопросы. Со всѣмъ можно бороться, всего можно достигнуть силою воли, неутомимымъ преслѣдованіемъ, но бороться съ безсиліемъ, но преслѣдовать ничтожество... согласитесь сами, вѣдь это значить тратить жизнь свою на воздухъ, значить заранѣе обречь себя на вѣчное стремленіе, вѣчное желаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на вѣчное недостиженіе желаемой цѣли!

Зачѣмъ же мы узнали другъ друга? зачѣмъ мы встрѣтились? вотъ еще вопросы, на которые тоже напрасно стала бы я искать отвѣта. Я сама сознаюся, что лучше бы намъ идти каждому своею дорогой, лучше бы не мѣшать другъ другу; но вѣдь мы встрѣтились, это дѣло конченное; слѣдовательно, тутъ нечего разсуждать что было бы, еслибъ мы не знали другъ друга... Мы встрѣтились; слѣдовательно, нужно принять всѣ послѣдствія этой встрѣчи!

Вспомните, что была я до вашего приѣзда; вспомните, какими людьми была я всегда окружена; представьте, однимъ словомъ, себя на моемъ мѣстѣ, со всѣмъ моимъ прошедшимъ, и скажите тогда, положи руку на сердце, могла ли я не любить васъ, могла ли не привязаться къ вамъ всѣми силами души моею? Одно ваше появленіе среди этихъ людей было для меня такъ же радостно, какъ радостенъ лучъ солнца для томищагося въ темницѣ, какъ радостна кружка воды для усталого путника. Отъ васъ услышала я первое человѣческое слово, вы дали всей моей жизни смыслъ, въ васъ я должна была видѣть все; до васъ я сама не понимала хорошенько, что я такое... И вдругъ очарованіе мало-по-малу исчезаетъ, идеаль незаметно сходитъ до степени обыкновеннаго смертнаго, все, что прежде представлялось въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, такъ оскорбительно уминыятюривается, такъ обидно съуживается, что, право, не вѣришь глазамъ своимъ, и спрашиваешь себя, не-уже-ли это то самое существо, къ которому, еще за минуту передъ тѣмъ, приближалась съ такимъ благоговѣніемъ, о чемъ томилась и мечтала вся душа моя!

Я противъ воли пишу вамъ все это, но нужно же намъ разорвать, наконецъ, завѣсу, которая скрываетъ насъ отъ насъ самихъ, нужно убѣдиться, что положеніе наше жалко и смѣшно, что мы, съ своими правилами и убѣжденіями, похожи на донъ-Кихота, принимающаго вѣтряныя мельницы за рыцарей, созданія празднаго разсудка за дѣйствительность!

Помнится, когда-то вы сами, пораженные неестественностью своей жизни, съ глубокою горестью говорили мнѣ, что сами хорошенько не знаете, мертвый вы или живой человѣкъ... Вопросъ этотъ очень-натурально долженъ былъ прійти вамъ на мысль, хотя послѣ всего, что я отъ васъ слышала, послѣ всѣхъ вашихъ педоумвній, не можетъ, кажется, оставаться никакого сомнѣнія на этотъ счетъ. Вы—или живой человѣкъ и притворяетесь мертвымъ, или, если вы серьезно такъ чувствуете, какъ говорите, то мертвый, совершенно-мертвый, и нѣтъ для васъ надежды когда-ни-

будь воскреснуть. Но я лучше согласна думать, что эта мертвенность случайна въ васъ, что она есть слѣдствіе какихъ-нибудь тайныхъ, застарѣвшихся ранъ, уязвленнаго самолюбія, обманутыхъ надеждъ и другихъ горестей, которыми такъ обильно надѣлена жизнь бѣднаго человѣка. Потому-что неестественно, невозможно же ни во что не вѣрить, потому-что необходима для человѣка вѣра, какъ точка опоры, изъ которой онъ могъ бы развивать свою жизнь: отнимите у него вѣру, и вы отнимете у жизни его цѣль и смыслъ, и все въ немъ будетъ такъ шатко и зыбко, что рухнетъ при первомъ непріязненномъ дуновеніи дѣйствительности...

Видите ли, и я заразилась вашимъ примѣромъ, и я около васъ научилась резонёрствовать, и ваше же оружіе противъ васъ обращаю!

Скажите же, упрямство ли, желаніе ли блеснуть новизною заставляеть васъ такъ настойчиво поддерживать ваши мертвыя теоріи, или просто не хотите вы отказаться отъ нихъ, потому-что горько вамъ сознаться, что все ваше прошедшее ложно, что всѣ ваши убѣжденія, пріобрѣтенныя цѣною столь долгаго опыта, разлетаются какъ дымъ при первомъ нѣскольکو-неповерхностномъ взглядѣ на нихъ?

Но перваго я никакъ не могу себѣ предположить, потому-что уважаю васъ и не могу подозрѣвать въ васъ такое мелочное чувство... Да и притомъ, передъ кѣмъ хотѣли бы вы блеснуть? Передъ простою, деревенскою дѣвочкой, не видавшею ни свѣта, ни людей, пугливою, одичалою... я полагаю въ васъ столько самолюбія, что поймете, что публика слишкомъ незавидна и не блестяща, что не стоить издерживать передъ нею столько ума и способностей.

Слѣдовательно, остается второе предположеніе. Постараюсь откровенно высказать вамъ свою мысль на этотъ счетъ.

Вѣроятно, вы не всегда имѣли одни и тѣ же убѣжденія; вѣроятно, у васъ была своя пора молодости, были другія вѣрованія, другія стремленія, и вы не родились же вѣдь на свѣтъ съ готовыми теоріями, а тоже, какъ и другіе люди, развивались, шли впередъ? Скажите же мнѣ, пожалуйста, что слѣдилось съ этими прежними убѣжденіями, куда дѣвались, куда исчезли онѣ? Не отказались ли вы отъ нихъ, какъ отъ мимолетныхъ, хотя и сладкихъ сновъ юности, во имя новыхъ убѣжденій, болѣе соответствующихъ настоящей степени вашего развитія? А вѣдь и онѣ пріобрѣтены были вами такую же тяжкою цѣною, какъ и теперешнія ваши вѣрованія, и онѣ не дались вамъ даромъ, а выработаны вами въ потѣ и крови лица! Для чего же вамъ теперь такъ стыдно и трудно отказаться отъ своихъ убѣжденій, если вы сами признаете ихъ ложными, если вы сами чувствуете, какъ вы не разъ мнѣ и понимать давали, что онѣ не дають вамъ жить, мѣшаютъ дышать, гнетуть и даютъ грудь вашу?

Но для того, чтобъ не дать вамъ увернуться, я сдѣлаю сама себѣ возраженіе, и тѣмъ легче будетъ это для меня, что, когда побудешь немного въ вашей школѣ, возраженія дѣлаются привычкою и невольно сами собою являются на мысль. Вы скажете мнѣ, можетъ-быть, что прежнія ваши убѣжденія были не болѣе, какъ раздраженіе вашей фантазіи, волненіе крови, и, слѣдовательно, вы должны были отказаться отъ нихъ, какъ отъ заблужденій. Вы прибавите къ этому, что теперешній вашъ образъ мыслей, напротивъ, не простое, юношеское заблужденіе, а истина, основанная на здоровомъ свидѣтельствѣ разсудка... Не заблужденія? Кто же можетъ поручиться въ этомъ? Кто знаетъ, что завтра же это здоровое требованіе разсудка не окажется самымъ юношескимъ заблужденіемъ? Такъ, что ли, другъ мой? не правда ли, вѣдь все это еще неизвѣстно, все это требуетъ еще доказательствъ... Скажите же, правильно ли разсуждаетъ ученица ваша, сдѣлала ли я успѣхи въ великой наукѣ построенія силлогизмовъ?

Но, между-тѣмъ, какъ я съ вами *резонѣрствую*, сердце-то мое вовсе не довольствуется этою скудною пищею: оно проситъ жизни, оно живетъ страстью, и не терпитъ никакихъ разсужденій ни о томъ, ни о другомъ, Шутки въ сторону, сбросьте съ себя эту тяжелую обузу, которую вы добровольно сами надѣли себѣ на плечи, не взвѣшивайте каждаго своего движенія, не подстерегайте въ себѣ каждаго раждающагося чувства! Что будетъ, то будетъ! Стоитъ ли такъ много думать объ этомъ! Можетъ-быть, вы будете имѣть много горя, за то и радость хоть на мгновеніе озаритъ вашу жизнь; теперь же, при вашей нерѣшительности, горе своимъ чередомъ, а радости-то и нѣтъ, радости-то и не бывало!

Вотъ какъ, мой милый, мой безцѣнный другъ! Я знаю, васъ мучитъ какое-нибудь затаенное горе, васъ гложетъ какая-то старая, худо-закрывшаяся рана; что жъ? попробуйте хоть разъ отдаться любви, этому всеисцѣляющему доктору! Кто знаетъ, можетъ-быть, ваша бѣдная Таня сдѣлаетъ чудеса, если вы захотите?

Пишу къ вамъ все это больная, въ постели; желала бы еще многое и многое сказать вамъ, да не могу: голова отяжелѣла, сердце устало, рука не шипеть... а многое бы нужно передать вамъ!

Знаете ли что, другъ мой? Не прійдти ли вамъ завтра, когда всѣ улягутся въ домѣ спать, въ мою комнату? Я такъ давно не видала васъ, и все какъ-будто не достааетъ мнѣ чего-то, все нѣтъ около меня моего бѣднаго резонѣра, нѣкого побранить, нѣ съ кѣмъ ссориться!

А между-тѣмъ, мнѣ кажется, что роли-то наши измѣнились — что не вы мой руководитель, а я принимаю на себя обязанность вашей гувернантки. Не правда ли, вѣдь это довольно забавно? Впрочемъ, всему своя очередь: вчера вы меня учили, нынче я наставляю милое дитя доброй нравственности и хорошему пове-

денію, а коли хотите, не откажусь даже употребить нѣкоторыя понудительныя мѣры, разумѣется, не тяжкія, а сообразныя съ вашимъ возрастомъ, чтобъ не шалилъ ребенокъ и не баловалъ попустому!

Отъ Нагивина къ г. NN.

Москва.

Вы удивитесь, можетъ-быть, другъ мой, увидя слово «Москва», выставленное въ началѣ этого письма. Вы думаете, что я еще въ благословенномъ селѣ Ряпловѣ, по-прежнему разливаю неимущимъ и жаждущимъ свѣтъ просвѣщенія... Ошибаетесь, милый мой, сильно ошибаетесь: я въ Москвѣ, я прогуливаюсь по Тверскому-Бульвару, живу «на-хлѣбахъ» въ одномъ весьма-почтенномъ семействѣ, и не играю уже въ любовь, а занимаюсь, чѣмъ мнѣ всегда слѣдовало заниматься, именно, умерщвленіемъ плоти.

Романъ мой, едва начатой, уже кончился, и кончился, какъ можно было предвидѣть, весьма-балаганнымъ образомъ—съ большимъ спектаклемъ, съ характернымъ дивертиссманомъ, въ которомъ участвовало все почтенное семейство Кропиныхъ.

Вообще, это ужъ такое свойство современныхъ трагедій и комедій, что онѣ достигаютъ именно совсѣмъ-противоположныхъ цѣлей, нежели тѣ, которыя предполагали себѣ; первыя, по размысленіи зрѣломъ, оказываются самыми пустыми и глупыми фарсами, въ родѣ французскихъ водевилей, а вторыя, напротивъ, начинаютъ за здравіе, а кончаютъ за упокой. Это ужъ, видно, вѣкъ такой, что всѣ вещи называются собственными именами, что дѣйствуютъ въ трагедіи не Ахиллы и не Несторы, а какіе-нибудь Акакіи Акакіевичи и Макары Алексѣевичи, а судьба снисходитъ до воплощенія себя въ образъ горничныхъ и неумытыхъ лакеевъ.

То же самое случилось и со мной, да и не могло оно быть иначе, потому-что и я вѣдь подлежу общей категоріи: и я не могу представить никакихъ особыхъ условій, въ-слѣдствіе которыхъ имѣлъ бы право на исключеніе изъ общаго правила.

Началь-то я какъ-будто и по-человѣчески; и въ-самомъ-дѣлѣ, чего тутъ не было: и любовь, и безсиліе, и борьба жизни съ необходимостью—все вопросы, какъ видите, современные, животрепещущіе, а кончилось... о стыдъ, о посрамленіе! Знаете ли, чѣмъ все это кончилось? Вѣдь насъ поймали, мой милый, насъ изловили въ ту самую минуту, когда романъ *чуть-было* не достигъ высшей степени своего паэоса! Но это обстоятельство такъ занимательно, что я непременно хочу передать вамъ всю по порядку и въ совершенной подробности послѣднюю главу моей любви.

Надо вамъ сказать, что, немного спустя послѣ послѣдняго письма моего къ вамъ, я получилъ отъ Тани предлинное посланіе; въ немъ, какъ вы легко можете себѣ представить, были по-старому всѣ возможные убѣжденія перемѣнить себя, оставить свою неестественную жизнь, предаться увлеченію страсти, и прочая, и прочая—однимъ словомъ, письменно повторядись тѣ же самыя вещи, которыя и въ разговорѣ мнѣ такъ страшно надоѣли; въ заключеніе же меня просили прійти ночью, когда всѣ улягутся спать, въ ту завѣтную комнатку, гдѣ находится цѣломудренное ложе... Признаюсь, это приглашеніе встревожило меня, тѣмъ болѣе, что предметъ-то совсѣмъ для меня новый: ночь, тайное свиданіе, луна... вѣдь въ это время я привыкъ спать! Притомъ же, я боялся увлечься, боялся вновь измѣнить предначертанному плану; я слишкомъ-мало увѣренъ въ себѣ, что не поручился за свое чувство, которое могло пробудиться еще съ большою силою. Тысячу разъ брался я за перо, чтобъ отговориться отъ этого свиданія, и тысячу разъ бросалъ его. Какой-то тайный голосъ говорилъ мнѣ съ одной стороны: ты погибъ, если вновь сдѣлаешь уступку этой неразумной страсти; у любви есть неистощимые запасы обольщеній неотразимыхъ, непредвидимыхъ, противъ которыхъ не устоять твоей бѣдной головѣ, которыя все существо твое обхватятъ своею непобѣдимою, влекущею силою: остерегись же, не ставь такъ безразсудно на одну карту спокойствія всей твоей жизни... Но, съ другой стороны, не этотъ ли же самый голосъ предательски шепталъ мнѣ: стыдись, малодушный человѣкъ, иди смѣло и прямо на встрѣчу опасности; не-уже-ли ты допустишь, чтобъ могли тебѣ сказать, что всѣ твои убѣжденія, всѣ твои доводы не болѣе, какъ блѣдныя, незначашіе призраки, созданныя больнымъ разсудкомъ твоимъ; не-уже-ли эти убѣжденія дѣйствительно такъ шатки, что бояться встрѣтиться съ жизнью, бояться, чтобъ она не разбила въ прахъ эфемернаго существованія ихъ? Положеніе, какъ видите, совершенно-однородное съ знаменитою сценою перѣшительности почтмейстера Шпекина при распечатываніи письма Хлестакова, съ тою развѣ разницею, что тутъ тайный голосъ говоритъ слогомъ высокимъ, не гнушается фигуръ и украшеній, а тамъ онъ говорилъ простою, вразумительною прозою: «распечатывай» и не «распечатывай». Однакожь, послѣ долгихъ бореній, я рѣшился идти, можетъ-быть, и потому, что самого меня влекла въ эту сторону задушевная мысль моя, точно такъ же, какъ Шпекина влекло къ распечатанію письма неугомное его любопытство.

И Таня какъ-будто предвидѣла это колебаніе, и едва начали въ домѣ тушить огни, какъ у двери моей послышался голосъ ея горничной, звавшій меня на условленное свиданіе.

Когда я вошелъ, она полусидѣла, полулежала на постели своей, въ одной рукѣ держа какую-то книгу, а другою облокотившись на столикъ; на ней была простая бѣлая кофточка, и волосы ея—

тѣ мягкіе, чудные волосы, которыми я столько любовался въ бывалое время; были тщательно прибраны подѣ маленькимъ почнымъ челчиномъ, накинутымъ на ея головку. Все мое существо какъ-то успокоилось; присмирѣло при входѣ въ эту маленькую комнатку, какъ-будто бы повѣяло на меня тѣмъ дѣвственнымъ плѣмудріемъ, отъ котораго такъ легко и свободно дѣлается на душѣ человѣка, какъ-будто все вдругъ заговорило во мнѣ забытымъ языкомъ давно-прошедшей моей юности... И я не могъ удержатъ себя—я бросился передъ нею на колѣни, съ жадностью схватилъ ея блѣдныя руки и покрывалъ ихъ поцалуями; я плакалъ, я былъ внѣ себя: и радость и горе, и смѣхъ и слезы какъ-то странно смѣшались, какъ-то современно выразились въ эту минуту и едва не задушили меня полнотою своею.

— Ну, полно же, полно, другъ мой! говорила она своимъ мягкимъ, въ душу льющимся голосомъ, а между-тѣмъ и не думала отнимать рукъ своихъ, между-тѣмъ, въ этомъ снисходительномъ «полно» скорѣ слышалось робкое одобреніе, нежели дѣйствительное желаніе, чтобъ я пересталъ.

И я пользовался этимъ позволеніемъ съ какимъ-то ненасытнымъ упоеніемъ, какъ-будто хотѣлъ вознаградить себя за все то время, въ которое не видалъ ея, какъ-будто всю жизнь, всю душу хотѣлъ истратить въ эту одну минуту блаженства и забвенія. О, я былъ тогда дѣйствительно счастливъ, какъ ребенокъ! Все какъ-то исчезло, стерлось передо мною; вся моя вселенная, все мое небо, мое прошедшее, мое будущее—все сосредоточилось въ ней одной, въ ея задумчивомъ взорѣ, въ этой меланхолической улыбкѣ, которая дрожала на губахъ ея! Да, это была истинно-великая минута моей жизни, изъ тѣхъ минутъ, которыя она одна дарила мнѣ, и за которыя никогда образъ ея не изгладится изъ моей памяти.

— Ну, перестань же, успокойся, другъ мой, сказала мнѣ снова Таня: — садись; мнѣ пужно серьезно поговорить съ тобою.

— Говори, милая Таня, говори, безцѣнное сокровище мое; я слушаю тебя. Но не отнимай у меня этой чудной минуты упоенія... Зачѣмъ ты просишь меня успокоиться? зачѣмъ говоришь ты о какомъ-то серьезномъ разговорѣ? Вѣдь успокоиться—значитъ не любить, другъ мой... а мнѣ нужно забыться, мнѣ хочется умереть въ эту минуту отъ полноты счастья...

Но она поспѣшно отняла свою руку отъ губъ моихъ и задумалась.

— Чтò же ты задумалась, дитя? зачѣмъ не хочешь дать мнѣ свою руку? Таня! а Таня! дай мнѣ твою милую ручку... я ничего не прошу болѣе, ничего не желаю... Ручку твою, ручку, милая Таня!

Но, взглянувъ ей въ лицо, я увидѣлъ на глазахъ ея слезы.

— Да объ чемъ же ты плачешь, странный, непонятный ребенокъ? Скажи мнѣ, объ чемъ эти слезы?.. скажи мнѣ, милая, скажи хоть слово! Чтò же ты задумываешься? гдѣ же твоя прежняя веселость, гдѣ увлеченіе?

— Я и сама не знаю, отвѣчала она сквозь слезы:—сама не понимаю отъ-чего, но меня пугаетъ твое упоеніе. Все мнѣ кажется, что оно не живуче, что минута блаженства разомъ поглощаетъ всѣ твои силы, а потомъ опять наступитъ это холодное, убійственное безсиліе... Ты слишкомъ-жадно уживаешься своимъ счастіемъ, другъ мой, и оно скоро надоѣдаетъ тебѣ, потому-что ты не умѣешь распорядиться имъ, извлекаешь изъ него разомъ всѣ лучшіе его соки, а оно и безъ того чуть дышитъ, это бѣдное счастье, и безъ того оно съ каждымъ днемъ хирѣетъ и чахнетъ...

Она замолчала и посмотрѣла мнѣ въ лицо; но, вѣроятно, лицо мое глядѣло не совсѣмъ-то весело, потому-что она улыбнулась и сама привлекла меня къ себѣ.

— Ну, полно же! не смотри такъ угрюмо! сказала она:—вѣдь я для тебя же говорю это, чтобъ твое счастье было полнѣе и продолжительнѣе... вѣдь не даромъ же я писала тебѣ въ письмѣ своемъ, что хочу быть твоею наставницей: вѣдь ты еще молодъ, неопытенъ, за тобою еще нуженъ глазъ да глазъ... такъ, что ли, другъ мой?

А знаете ли, вѣдь она правду сказала, что я не умѣю распорядиться своею жизнью? Дѣйствительно, не скоро можно расшевелить меня, не скоро разбудишь во мнѣ давно-умолкшую струну жизни; но если разъ извлеченъ изъ нея этотъ полный, могучій аккордъ, если разъ умягчилась кора сомнѣній, сдвлавшихъ мое сердце, я совершенно перерождаюсь; съ какимъ-то жаднымъ остревѣніемъ наслаждаюсь я этою чудною гармоніей, такъ-что вся моя энергія вдругъ поглощается въ этомъ упоеніи, силы мои, доведенныя до крайнихъ предѣловъ напряженія, парализируются и угасаютъ, а черезъ минуту исчезаютъ и малѣйшіе слѣды этого волненія, которое такъ недавно заставляло трепетать и дрожать всякую фибру существа моего. Не недостатокъ жизни, но слишкомъ-большое обиліе ея—но не здоровое, а лихорадочное обиліе—причиною моей безжизненности; если хотите, энергія во мнѣ есть, силы имѣются; но все это въ какомъ-то хаотическомъ броженіи, все это неустроено, взаимно другъ друга уничтожаетъ, гложетъ, такъ-что, вмѣсто гармоническаго цѣлаго, на самомъ-то дѣлѣ остается одна пустота, одно безразличіе.

И дѣйствительно, я такъ изнемогъ послѣ этого перваго порыва страсти, что замѣчаніе ея уже застало меня почти-холоднымъ; молча сѣлъ я у изголовья ея кровати, не зная, что дѣлать, что сказать; она посмотрѣла на меня съ безмолвнымъ сожалѣніемъ и покачала головой.

— Что же ты вдругъ такъ задумался, другъ мой? сказала она:—или мое замѣчаніе справедливо и весь запасъ твоего недавняго увлеченія ужъ истощился?

Но я въ смущеніи перебиралъ листы лежавшей передо мною книги, и не отвѣчалъ ни слова.

— Странный ты человек! продолжала она: — все как-то необъяснимо, непонятно въ тебѣ дѣлается: хладнокровіе и страсть, смерть и жизнь — все это как-то странно ужилось въ тебѣ, что незамѣтно даже и перехода отъ одного къ другому. Одно мгновение ты весь трепещешь, ты умираешь подъ огнемъ страсти, и вслѣдъ за этимъ вдругъ снова перерождаешься, сидишь какъ ошибенный, точно спуталъ, связалъ тебя кто-нибудь... Отъ-чего же это, другъ мой? Объясни, растолкуй...

Но я опять ничего не могъ отвѣчать, потому-что внутренно сознавалъ всю справедливость ея замѣчанія; и она вздохнула глубоко, какъ-будто понимая, что въ этомъ молчаніи заключается безвозвратное осужденіе мое.

— А знаешь ли, что я читала? спросила она послѣ нѣсколькихъ минутъ томительнаго безмолвія.

— Нѣтъ, не знаю: а что такое? отвѣчалъ я для того только, чтобъ сказать что-нибудь.

— Я читала моего милаго «Компаньйона», ту сцену... помнишь?.. Дѣ, тогда мы оба были счастливы... Еслибъ всегда было такъ возможно...

Она опустила голову, и на глазахъ ея снова показались слезы.

— Что же ты не отвѣчаешь мнѣ ничего, сказала она дрожащимъ голосомъ: — скажи хоть что-нибудь, хоть слово! не мучь меня за что же... я такъ страдаю!

— А я-то, Таня, развѣ я меньше страдаю, развѣ меньше я достоинъ сожалѣнія, другъ мой?

— Такъ что же намъ дѣлать, по-крайней-мѣрѣ? Что жъ? умереть мнѣ, что-ли? или настанетъ и для меня, наконецъ, минута жизни?.. Скажи, не жалѣй меня: лучше разомъ убить, чѣмъ по-немногу отравлять жизнь мою... Вѣдь самъ же ты столько разъ говорилъ это? Такъ не мучь же меня, скажи ясно, есть ли надежда на спасеніе?

— Право, я не знаю... Вѣдь ты видишь, Таня...

— Дѣ, я вижу, я слишкомъ-хорошо вижу... Ахъ, лучше бы не прерывать мнѣ этого минутнаго увлеченія...

— Помнишь, я говорилъ тебѣ, что намъ нужно разстаться? Я зналъ себя, я понималъ свою нелѣпую натуру, когда умолялъ тебя согласиться на эту разлуку... ты сама не хотѣла!.. Виноватъ ли я, что безпрестанныя встрѣчи еще болѣе растравили раны наши?.. А разлука многое бы излечила, многое изгладила бы изъ памяти...

— Дѣ, дѣ, я виновата; я чувствую, что ошиблась; но вѣдь этого ужъ не воротить... Теперь-то что же намъ дѣлать?

— Послушай, Таня, сказалъ я съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ:— я говорилъ съ Гуровымъ; онъ совсѣмъ не такой пустой человекъ, какъ кажется...

— А, понимаю! такъ и вы хотите, чтобъ я была его женою!.. такъ это весь вашъ совѣтъ? больше ничего-вы не можете сказать мнѣ?

— Откуда же взять мнѣ другаго совѣта? Скажите мнѣ, Татьяна Игнатьевна, что же я могу для васъ сдѣлать? Право, не понимаю вашихъ странныхъ требованій! Увезти что ли я васъ должепъ? Да вѣдь вы ужь слишкомъ большой жертвы требуете отъ меня, вы хотите, чтобы я отказался отъ здраваго смысла, отъ приличій... Я не хочу пользоваться счастьемъ втихомолку, какъ лакей, который, забывшись въ уголь, украдкою ѣсть барскій кусокъ... Какъ же меня-то вы такъ мало уважаете!

— Да, я не уважаю, дѣлать нечего... Ну, такъ оставимте и говорить объ этомъ: что же тратить понапрасну драгоценное время? Вамъ, я думаю, и спать пора...

— Ахъ, Боже мой! вѣдь вы сами не знаете, какъ терзаете меня своимъ насмѣшливымъ тономъ! Ну, положимъ, что я и увезу васъ, положимъ, что я перестану быть человѣкомъ и сдѣлаюсь на время хватомъ... что же будетъ изъ всего этого? что же впереди, какая будущность ждетъ насъ?.. Отвѣчайте, Татьяна Игнатьевна! Вѣдь если ужь разсуждать, такъ не нужно ничего оставлять неяснымъ для себя, нужно опредѣлить себѣ всѣ подробности нашего взаимнаго положенія...

— Что будетъ? Зачѣмъ думать о томъ, что будетъ? Я сколько разъ говорила вамъ, что нужно пользоваться настоящею минутой...

— Да вѣдь мы не въ золотомъ вѣкѣ живемъ, Татьяна Игнатьевна, хоть золотой вѣкъ и впереди насъ, какъ говоритъ одинъ изъ любимѣйшихъ писателей вашихъ... тѣмъ не менѣе онъ все-таки впереди, и Богъ-знаетъ, близко ли это впереди! Зачѣмъ думать о будущемъ? Вотъ прекрасно! Да вѣдь вы никогда не жили, въ настоящемъ-то свѣтѣ, бѣдное дитя мое, а я вотъ столько лѣтъ ужь бьюсь, какъ рыба объ ледъ, объ эту гранитную скалу, называемую жизнью, и до-сихъ-поръ еще не понимаю ея, до-сихъ-поръ не могу устроиться въ ней!.. И вы думаете, что правильное развитіе любви возможно въ такомъ положеніи вещей, что любовь найдетъ въ себѣ-самой столько силы и жизни, что устоитъ подъ неумолимымъ бичомъ дѣйствительности!.. Не думать о будущемъ? да вѣдь я ѣсть хочу, Татьяна Игнатьевна!..

И я посмотрѣлъ на нее: лицо ея было блѣдно какъ полотно, глаза неподвижно устремлены на меня; скорбное, безвыходное отчаяніе говорило въ полураскрытыхъ губахъ ея, въ порывистомъ трепетаніи груди, какъ-будто съ моими словами безвозвратно рушилась для нея всякая надежда.

— Да, да; все это справедливо... я и не подумала объ этомъ, сказала она едва-слышнымъ голосомъ:— да я-то... вѣдь я должна погибнуть!

Я не могъ вынести долже и рыдая бросился къ ней на грудь.

— О, да! крѣпче! крѣпче, говорила она:— прижимай меня, па-луй меня, другъ мой... въ послѣдній разъ... вѣдь это въ послѣдній разъ!

И тихія слезы ручьемъ полились изъ глазъ ея.

— Будь же счастливъ, другъ мой! пусть будетъ тебѣ радостью жизнь твоя! А тамъ... когда-нибудь... вспомни о бѣдной Танѣ... Вѣдь ты не забудешь обо мнѣ... когда меня не будетъ?

— Таня, милая Таня! зачѣмъ эти мысли? И ты будешь весела, и ты будешь счастлива...

— Нѣтъ, для меня ужъ все кончено! Я всю жизнь свою истратила въ этой любви... Что же дѣлать, если она не удалась мнѣ? Видно, Богу такъ угодно... Поцалуй же меня крѣпче, крѣпче... вотъ такъ... вѣдь это въ послѣдній, въ послѣдній разъ...

И она взяла меня за голову, и молча смотрѣла мнѣ въ глаза; шурѣлка только повторяя: «вѣдь это въ послѣдній, въ послѣдній разъ...» Вдругъ она поблѣднѣла и съ пронзительнымъ воплемъ упала навзничь на постель. Я обернулся: въ дверяхъ стояла Марья Ивановна и за нею все семейство Кропиныхъ.

Знаю только, что въ эту ночь я былъ глубоко-несчастенъ. Никогда такъ горько не плакалъ я, никогда не была для меня такъ тяжела и невыносима жизнь; какъ-будто все вокругъ меня вдругъ покрылось такимъ чернымъ, безнадежнымъ колоритомъ, что сердце надрывалось, разумъ погибалъ въ этой повсюдной темнотѣ. И я не стыжусь этихъ слезъ, и откровенно признаюсь передъ вами въ своемъ отчаяннн, потому-что, вѣдь какъ хотите, а я много потерялъ въ одну минуту; вѣдь все-таки эти два мѣсяца, въ-продолженнн которыхъ разыгрывалась моя нехитрая драма, я хоть сколько-нибудь жилъ, хоть половиною, отрицательною жизнью; но все же во мнѣ происходила борьба, я искалъ чего-то; однимъ словомъ, я чувствовалъ, по-крайней-мѣрѣ, что существую, могъ отдать себѣ отчетъ въ своемъ днѣ — а это ужъ очень и очень-много! Теперь мнѣ дѣйствительно остается только заниматься умерщвленнемъ плоти! Конечно, можетъ-быть, я и къ этому привыкну—все можетъ быть; привычка великое дѣло! — да вѣдь все же не болѣе, какъ привыкну; вѣдь тѣмъ не менѣе я буду сознавать, что по привычкѣ только терплю подобную жизнь, а на самомъ-то дѣлѣ она ненавистна мнѣ, на самомъ-то дѣлѣ я бѣжалъ бы отъ нея... хоть на тотъ свѣтъ!

Такого рода мысли занимали меня всю ночь. Какъ нарочно, когда человѣку нужно спокойствнн, нужно присутствнн духа, тутъ-то и являются картины самыя мрачныя, самыя горестныя. Конечно, всякнн—и весьма-основательно—можетъ мнѣ сказать, что я не логически размышляю; что я долженъ былъ бы радоваться, что развязался, наконецъ, съ этою странною, болнною любовью, которая отнимала у меня, безъ всякой нужды, всю энергнн мысли—да что же прикажете дѣлать? Вѣдь я привыкъ къ ней; въ-продолженнн двухъ мѣсяцовъ она была единственнмъ моимъ дѣломъ, единственною мыслью, съ которою я просыпался, и которая покидала

меня только тогда, когда я засыпалъ. Разумѣется, съ-временномъ, когда дѣятельности моеѣ дана будетъ иная сфера, мой печаль обратится на радость—да когда-то дана еще будетъ эта новая сфера, а ужь прошлаго не веротить!

На другой день, когда я проснулся, у крыльца уже стояла кибитка, запряженная парюю деревенскихъ клячь, и всѣ пожитки мои были уложены.

Я пошелъ къ Марьѣ Ивановнѣ.

Она сидѣла въ своей комнатѣ и разливала чай; противъ нея сидѣлъ у стола Игнатій Кузьмичъ въ совершеннѣйшемъ утреннемъ неглиже, которое только можно себѣ представить. Я поклонился, но мнѣ нивнули головой сухо и съ пренебреженіемъ.

— А я думала, батюшка, что вы ужь догадались уѣхать, сказала Марья Иванова.

— Я бы давно и уѣхалъ, но, къ-несчастью, у меня еще есть кой-какіе счеты съ вами...

— Какіе это, батюшка, счеты? что за счеты? возопила Марья Ивановна:—ужь не за деньгами ли, отецъ-мой, пришелъ? чего добраго? Развратилъ испаностилъ весь домъ, на фамилію пятно наложилъ—да еще поди, плати ему за это!

— Такъ, матушка, такъ, сударыня! сказалъ съ своей стороны Игнатій Кузьмичъ, который только-что помоллся и, по-видимому, находился въ періодъ смиренномудрія.

— Однокожъ, все это не мѣшаетъ нашимъ счетамъ, сказалъ я.

— Что ты? что ты? въ своемъ ли ты умѣ, отецъ мой! Чему ты училъ-то? соблазну да скоморошеству! За что же платить-то тебѣ? Вѣдь тебѣ чужихъ денегъ не малъ, а намъ ещѣ родныхъ, кровныхъ... вишь, разставилъ глаза на чужой карманъ!

— Я чужаго, однокожъ, не прешу у васъ, Марья Ивановна, я требую только того, на что дѣйствительно имѣю полное право...

— А кто тебѣ сказалъ, что ты имѣешь право? Да по-твоему, ты, пожалуй, скажешь, что имѣешь право амуриться съ благородною дѣвицей? У тебя губа-то не дура, гелубчикъ! Знаешь, что у нея коко-съ-сокомъ, такъ и подлипаешь... да ибтъ,—не удалось, видно... Богъ тебя накажетъ за это: гордымъ Богъ противится—и въ писаніи сказано!

Я улыбнулся, вмѣсто отвѣта.

— Еще и смѣется!.. къ Бога не вѣруетъ, писанія не читеть... Да что ты-то, сударь, свидишь и ни слова не вымолвишь? Вѣдь ты глава семейства, продолжала она, обращаясь къ мужу.

— Какъ хочешь, матушка, отвѣчалъ Игнатій Кузьмичъ:—намъ тебѣ угодно, сударыня!

— А мы тебя пригрѣли, пригрѣли тебя, какъ роднаго сына въ домъ своей принади! Вотъ, что-называется, не поля, не жерня, верога не наживешь!

— Вѣдь, право, Марья Ивановна, послушать васъ, подумаешь, что я безъ вашей помощи и существовать бы не могъ! Ужь чего

вы для меня не сдѣлали: и одѣли, и напоили, и пригрѣли... разумѣется, этого очень-достаточно, и отдавать деньги, которыя слѣдуютъ мнѣ по условію—совершенно лишнее...

— А ты думалъ, что это такъ тебѣ и пройдетъ, что ты де-скать будешь блудить да широмыжничать, а мы, простофили, еще и денежки тебѣ за это отдадимъ! Да нѣтъ, молодчикъ, не на тѣхъ напалъ! поди-ко, да самъ напередъ поучись у простофиль-то! Я еще тебя проучу! Ты не думай, что отдѣлался отъ меня; я еще тебя упеку!

— Такъ, матушка, такъ сударыня! пробормоталъ Игнатій Кузьмичъ.

— Такъ вы рѣшительно не хотите разсчитать меня?

— Чтò, батюшка, за расчеты! Тебя, чай, съ лихвой расчитала твоя любезная: будь доволенъ и этимъ!

— Одному только удивляюсь я, Марья Ивановна: это той нивости, до которой вы доводите себя, отзываясь такъ грубо о дочери своего мужа, а еще больше тому, что Игнатій Кузьмичъ равнодушно слушаетъ такіе отзывы...

— Такъ, матушка, такъ, сударыня, началъ Игнатій Кузьмичъ по привычкѣ:—такъ...

— Чтò такъ? чтò ты-то, свѣтъ мой? оглуцѣлъ, чтò ли? Твердить себѣ подъ носъ: такъ да такъ... Развратная, сударь, распутная дѣвка! А все твое потворство, все твои слабости! Вотъ теперь и любуйся! Да какъ еще она у тебя давно не сбѣжала!.. Вишь не въ терпѣжъ пришлось, рада всякому лакею на шею повѣситься!

— Ну, однакожь, я не лакей, замѣтилъ я мимоходомъ.

— Чтò жь? дворянинъ, что ли, ты, батюшка? одна своя душа за душою, а туда же: мы, де-скать, дворяне!

— Такъ, истинно такъ, продолжалъ Игнатій Кузьмичъ:—такъ, сударыня!

— Еще хорошо, что такой снисходительный женихъ попался, продолжала Марья Ивановна: — а то не сносить бы тебѣ, молодчикъ, головы!

— Однакожь, слава Богу, она на плечахъ, какъ видите.

— То-то на плечахъ! благодарю за это Бога; я бы не такъ съ тобой радѣлась, ты бы помянулъ у меня царя Давида и всю кротость его.

— Ну, да если вы не хотите исполнить наши условія, такъ мнѣ ничего не остается болѣе, какъ пожелать вамъ добраго здоровья.

— Прощай, батюшка, прощай! счастливаго пути! чай, не помянешь насъ лихомъ! за всѣхъ отблагодарила смиренница-то наша, Татьяна Игнатьевна! Ступай-ко въ Москву развращать мелодыхъ дѣвушекъ: тамъ тебѣ бока-то отломаютъ!

Это было послѣднее пожеланіе, которое я слышалъ въ этомъ богоспасаемомъ домѣ. Черезъ пять минутъ, двѣ крестьянскія клячи тащили меня въ траской телегѣ по проселочной дорогѣ въ Мо-

скву. Когда мы вы́ехали изъ вѣртъ, въ окнахъ завѣтной комнатки показалось знакомое бѣлое платице, и кто-то махалъ мнѣ на прощанье платкомъ. Признаюсь, долго оглядывался я назадъ, желая въ послѣдній разъ наглядѣться на эти мѣста, гдѣ я хоть на одно короткое мгновенье былъ счастливъ; долго слѣдилъ мой взоръ за движеніями бѣлаго платица, мельмавшего въ завѣтномъ окнѣ; долго съ напряженнымъ вниманіемъ всматривался я въ это окно, желая за стеклами различить незабвенныя для меня черты... наконецъ, все скрылось, все слилось въ одну едва-замѣтную черную точку; наконецъ, и она исчезла на туманномъ горизонтѣ, и передо мною неизмѣримою равниною тянулись вспаханныя поля да луга, со всѣхъ сторонъ обрамленные синѣющимъ сосновымъ лѣсомъ... Сердце мое сжалось, какъ-будто здѣсь оканчивался послѣдній актъ моей жизни, какъ-будто тамъ, за этими полями, за этимъ густымъ лѣсомъ, ожидало меня что-то страшное, или, лучше сказать, вѣсело ничего не ожидало... и невольныя слезы горькаго отчаянія полились изъ глазъ моихъ.

— А что, баринъ, больно соскучѣлъ? сказалъ мнѣ сидѣвшій на облучкѣ мужикъ: — али жизнь-то у насъ полюбилась?

Я не отвѣчалъ.

— Али тебя, то-есть, при расчетѣ какъ ни есть обошли?

— А что? спросилъ я машинально.

— Такъ-съ; знамо дѣло, корыстная барыня, своего не упустить! Ну, а барченковъ-то ты на службу царскую что ли справлялъ?

— Нѣтъ.

— Такъ-съ; а вотъ, то-есть, дворовые-то поговариваютъ, что ты и барышню-то справилъ?

Молчаніе съ моей стороны.

— А барышня важнѣющая! сухопаровата немного!

— Не знаю, сказалъ я въ совершенномъ недоумѣніи, что отвѣчать на подобныя вопросы.

— Такъ-съ; да ты съ Дурькина, что ли?

— Да, съ Дурькина.

— Знаемъ и Дурькино; большое село, и господъ много живетъ, да только все дряца, голь такая... да ты Нагибиныхъ, что ли?

— Да, Нагибиныхъ.

— И Нагибиныхъ знаемъ, какъ не знать! и у нихъ бывали, и матку твою, Нагибиху, знаемъ: такая поджарая да хвора! Да, видно, ужъ вашъ родъ такой... Видали, какъ не видать! и къ обѣднѣ туда хаживали, и ярмарки на селѣ важнѣющія по храмовымъ праздникамъ бываютъ.

— Я молчалъ.

— И наши мужички вотъ съ холстомъ ѣздятъ, и деготь тоже продаютъ, и краснымъ торгуютъ... славное, хорошее село, да вотъ господъ-то больно много — видимо-не видимо, словно мухъ... Что жъ ты на Дурькино-то не ѣдешь?

— Нельзя.

— Такъ-съ; примѣрно, въ Москвѣ изволите проживать?

— Да, въ Москвѣ.

— Чай, службу царскую несешь, деньги дерешь... знамое дѣло! Вотъ и намеднись исправникъ прѣзжалъ — такой грозный исправникъ! Все, говорить, снесу, ни кола, ни двора не оставляю, коли не заплатите; да Марья Ивановна — дай Богъ ей здоровья — отстояла: водочки выпилъ, пирогомъ закусилъ, да такъ и уѣхалъ... А вотъ черезъ недѣлю опять прѣдетъ, видитъ Богъ, прѣдетъ! ну, и опять тебѣ водочки поднесутъ... Корыстнаѣ, крѣпкая барыня! отъ своего добра не отступится...

На этомъ и остановилась наша бесѣда. Видя, что я не совсѣмъ разговорчиваго десятка, почтенный возница предпочелъ оставить меня въ покоѣ и во все остальное время обращался съ вопросами болѣе къ своимъ клячамъ.

Итакъ, здѣсь кончается исторія моей любви. Никакихъ слѣдовъ, никакого признака не осталось отъ нея: развѣ одно безплодное воспоминаніе, да и то со-временемъ угаснетъ, и то, какъ все въ жизни, со-временемъ сотрется въ безразличномъ туманѣ прошедшаго. Теперь скажите мнѣ, не правъ ли я былъ, говоря, что никогда, ни къ чему не поведетъ эта странная любовь, взросшая на болотной, тинистой почвѣ горестей и сомнѣній?

Вы скажете, что это испытаніе, этотъ искусь, черезъ который я прошелъ, принесетъ мнѣ пользу, что онъ дастъ крѣпость и полноту моимъ силамъ, что только съ жизнью и опытомъ человѣкъ дѣлается человѣкомъ, и много хорошаго можете вы еще сказать. Все это такъ, и дѣйствительно я вынесу изъ этой борьбы свою долю возмужалости, свою долю трезвости въ возрѣніи на жизнь, все это принесетъ пользу — но кому? вѣдь все-таки не я воспользуюсь плодами посѣяннаго мной, все-таки не мнѣ, а другимъ положить дорогу къ жизни эта опытность, которую я извлеку изъ немудраго моего существованія; я же лично тѣмъ не менѣе утрачу въ этой борьбѣ всякую способность къ жизни; я лично не приобрѣту изъ всего этого ничего, кромѣ преждевременной, медленной смерти. Конечно, я дѣйствовалъ и тутъ, какъ и вездѣ, только по внушенію своего собственнаго эгоизма, и винить на кого, даже самого-себя, не могу, да въ томъ-то и дѣло, что обстоятельства жизни нашей такъ чудно слагаются, что именно тотъ, кто и свѣтъ, и жнетъ — никогда не печетъ и не варитъ, а печетъ и варитъ *другой*, совсѣмъ другой — такой, который и въ глаза не видалъ посѣяннаго!

Съ другой стороны, вѣдь и ея-то мнѣ жалко, потому-что, какъ бы то ни было, хоть совершенно-невинно, а, собственно говоря, вѣдь мое равнодушіе причина ея болѣзни и, можетъ-быть — предстоящей смерти! Я твердо увѣренъ, что она хладнокровно перенесла бы оскорбленія своего семейства; знаю, что не они сведутъ ее въ могилу: ее убьютъ несбывшіяся ея мечтанія, убьетъ негашедшая ни въ комъ отголоска любящая душа ея!

Въ-самомъ-дѣлѣ, ея положеніе жестоко и незаслуженно! Всю жизнь она была одна, всю жизнь томилась ожиданіемъ какого-то свѣтлаго луча счастья, и наконецъ нашла что-то, какъ-будто и похожее на счастье—и улыбнулось и расцвѣло вдругъ это грустное, безцвѣтное существованіе... но что же встрѣтила она съ моей стороны? одно старческое безсиліе, одно отжившее рефлектерство, объ которое разбилась ея свѣжая, нетронутая мощь! Вотъ самое горестное обстоятельство въ этомъ дѣлѣ! остальное еще можно кой-какъ перенести, привыкнувъ немного къ новой жизни, тѣмъ болѣе, что тернѣнья-то мнѣ не занимать стать. Я твердо увѣренъ, что если увижу ее когда-нибудь, то увижу счастливою; но въ томъ-то и дѣло — увижу ли я ее? Да и Богъ-знаетъ, лучше ли будетъ, если она останется жива: мнѣ все, кажется, что это возможно только въ такомъ случаѣ, если она вполнѣ покорится условіямъ грязной, скопидомской жизни, въ которую вступаетъ, а для этого ей нужно совсѣмъ переродиться, нужно перестать быть собою, то-есть, оглупить, потерять всякое сознаніе своего достоинства — а этого я не полагаю возможнымъ. Итакъ, во всякомъ случаѣ, одинъ только выходъ возможенъ для нея—смерть, и какъ ни вертись, а все-таки не отмолишься, не отговоришься ничѣмъ отъ этого грустнаго конца! Вотъ это такъ истинное несчастье!

Однакожь пора мнѣ и кончить и безъ того уже черезъ-чуръ длинное письмо мое. Ничего не пишу вамъ о теперешнемъ моемъ образѣ жизни, потому-что самъ еще достаточно не оглядѣлся вокругъ себя. Все это оставляю до будущихъ писемъ, разумеется, если еще не слишкомъ надоѣлъ вамъ, и вы пожелаете узнать незначительныя подробности моего небогатаго событіями существованія.

Отъ того же къ тому же.

...А между-тѣмъ, я, право, не такъ дурно провожу время, какъ предполагалъ. Надо вамъ сказать, что живу я вмѣстѣ съ общимъ нашимъ товарищемъ по школѣ, Валинскимъ, на-хлѣбахъ у нѣкого г. Вертоградова, служащаго въ одномъ изъ нисшихъ губернскихъ мѣстъ, сутяги страшнаго, нажившаго, по мѣрѣ силъ и трудовъ, маленький деревянный домикъ въ отдаленномъ углу Москвы. У этого Вертоградова весьма-скаредная фizioномія, но въ вознагражденіе премиленькая дочка, которая съ Валинскимъ находится въ довольно-пріятныхъ отношеніяхъ и о которой ниже. Въ настоящее время, у меня понабралось достаточное количество уроковъ, такъ-что и деньги водятся, лишнее съѣсть, лишнее выпить можно... Иногда даже какъ-то неволью дѣлаешься оптимистомъ— и нельзя же иначе: при деньгахъ и на міръ смотрѣть лю-

безное дѣло, и солнце «выглядить» свѣтлѣе, и обои на стѣнахъ какъ-будто безъ заплакъ, и пухлое, красное какъ самоваръ, лице бородатаго купчика такъ добродѣтельно, умильно на тебя смотритъ, что на душѣ дѣлается любо... *Дняны дѣла Теоя, Господи, вся премудростію сотворилъ еси!* Да притомъ же и Валинскій, и Андрей, слугитель, и Маша, хозяйская дочь — все это такъ добродѣтельно, такъ удобно подлаживается одно къ другому, что истинная, невозмутимая гармонія царствуетъ между нами, такая гармонія, которая и на умъ не всходила ни Фурьё, ни Сен-Симону, ни кому-либо изъ подвизавшихся съ честью на этомъ поприщѣ.

И что за чудная душа у Валинскаго! Какъ-будто природа въ немъ одномъ хотѣла выразить всю свѣтлую сторону чловѣка! Это натура простая, откровенная, чуждая всякой зависти и въ высшей степени добрая. Но это не та болѣзненная добродѣтель, которая такъ часто встрѣчается въ наше время и ограничивается бесполезнымъ сѣтованіемъ, проливаньемъ слезъ, подаваніемъ и прочая; такихъ людей очень-много, они встрѣчаются на каждомъ шагу, и, скажу вамъ на ушко, совсѣмъ не такъ безкорыстны, какъ кажется съ перваго взгляда; нѣтъ, это люди тщеславные, которые всѣмъ въ глаза лѣзутъ съ своею добродѣтельною, кичатся ею, люди, которые почитали бы себя несчастнѣйшими существами въ мірѣ, еслибъ не было на свѣтѣ ни бѣдныхъ, ни обиженныхъ, потому-что не на чемъ было бы выразиться ихъ добродѣтели, не о комъ было бы имъ соболѣзновать — а соболѣзнованіе во многихъ случаяхъ весьма и весьма-пріятно.

Въ Валинскомъ все доброе какъ-то легко, безъ усилія прорывается, какъ-будто онъ инстинктивно сознаетъ, что истинная добродѣтель состоитъ не въ прищипываніи чувствительности, а въ законномъ, естественномъ употребленіи всѣхъ силъ своихъ; ни въ одномъ движеніи его вы не замѣтите, чтобъ оно было обдуманно, чтобъ оно было плодомъ долгой борьбы, томительнаго размышленія, а между-тѣмъ каждое дѣйствіе его запечатлѣно такою истиною, какъ-будто онъ и дѣлать иначе не можетъ, какъ-будто всякій другой образъ дѣйствованія противенъ природѣ его. Коли хотите, не доброды въ обыкновенномъ значеніи этого слова, а глубокое чувство справедливости составляетъ главную основу его характера, потому-что такъ-называемая у многихъ добродѣтель — вещь довольно-подозрительная, какъ я замѣтилъ вамъ выше, которую отнюдь не должно смѣшивать съ чловѣчностью. Многие, на-примѣръ, изъ насъ принимаютъ разумность сущаго: и вы, и я очень-хорошо понимаемъ, что все существующее уже по одному тому имѣетъ право на существованіе, что оно есть; что если одинъ чловѣкъ болѣе или менѣе счастливъ, а другой вовсе несчастливъ, то причина этого заключается въ вещахъ, а не въ людяхъ; но мы только что понимаемъ справедливость этихъ положеній, а на самомъ-то дѣлѣ куда какъ

иногда жутко приходится намъ, куда какъ роищемъ мы на эту разумность!

Въ Валинскомъ это трезвое пониманіе дѣйствительности доведено до высшей степени просвѣтлѣнія; оно не осталось для него бесплоднымъ отвлеченіемъ, а проникло въ жизнь его, приняло плоть и кровь. Натура его какъ-то естественно, бессознательно поддается данному порядку вещей, и съ рѣдкою пронизательностью находитъ смыслъ и связь въ явленіяхъ совершенно, по-видимому, разрывчатыхъ, не йдущихъ объ-руку. Поэтому, никогда не слыжалъ я отъ него ни жалобы, ни ропота; поэтому со всѣмъ онъ одинаково естественъ и простъ; богатому и бѣдному — всѣмъ равно и съ тѣмъ же радушіемъ протягиваетъ онъ руку свою, понимая, что какъ тотъ, такъ и другой чисты отъ нареканій, и тотъ и другой оправданы вполнѣ гнетущею ихъ дѣйствительностью.

Да! это не то, что мы съ вами, хоть и мы хорошие люди!

И сообщество Валинскаго принесло мнѣ дѣйствительно неоцѣненную пользу. Въ-самомъ-дѣлѣ, иногда такъ непріятно слагаются въ жизни обстоятельства, что невольно смотришь на все съ черной, непріязненной точки. Тутъ-то, въ эти грустные минуты, непремѣнно нуженъ человѣкъ, который откровеннымъ, неуклончивымъ взглядомъ на вещи разсѣялъ бы всѣ сомнѣнія, вытолкнулъ бы вновь на прямую дорогу — и Валинскій вполнѣ соответствуетъ этому назначенію.

На-дняхъ какъ-то вечеромъ, сидѣли мы оба дома. Конечно, наши сентябрьскіе вечера, особливо подъ конецъ мѣсяца, не то, чтобы плѣняли особенною пріятностью; конечно, и изморозь грустная, мелкая и холодная дребезжить въ окно; конечно, и городъ представляеть непріятный видъ съ поднятыми щелеями пѣшеходовъ, съ ихъ зонтиками, калошами и прочимъ дразгомъ; все это такъ, но всего этого ожидать было должно, все это въ порядкѣ вещей и, слѣдовательно, нѣ на что бы, казалось, сердиться. Однакожь, съ другой стороны, и разсердиться весьма-натурально, потому-что такое стеченіе обстоятельствъ подавляетъ душу человѣка, осуждаетъ ее на бездѣйствіе, налагаетъ несносную тяжесть на все существо его...

И я дѣйствительно разсердился.

— Владиміръ Ивановичъ, сказалъ я: — объясните мнѣ, пожалуйста, отъ-чего бы это такое скверное время? вѣдь это, право, на смѣхъ да въ пику бѣдному человѣку.

Но Валинскій не отвѣчалъ.

— Владиміръ Ивановичъ, продолжалъ я: — скажите мнѣ, отъ-чего бы это люди въ каретахъ ѣздить, а мы съ вами пѣшкомъ по грязи ходимъ?

То же упорное молчаніе,

— Владиміръ Ивановичъ! да что жъ, спите вы, что ли?

— Любезный другъ, оставьте меня, пожалуйста, въ покоѣ!
Вы, кажется, имѣете подолзновеніе заниматься различными со-

идеальными вопросами, а на меня ненастье дремоту наводитъ. Я думаю, что гораздо было бы лучше, еслибъ всѣ ѣздили въ каретахъ... а впрочемъ, знаете ли что? ужь не испорченъ ли у васъ желудокъ, что вы сегодня въ такомъ мрачномъ расположеніи духа?.. Я знаю прекрасное лекарство...

Но, признаюсь, въ эту минуту мнѣ было не до шутокъ: истинная меланхолія овладѣла мною, такъ-что я готовъ былъ хоть въ воду, только бы избавиться отъ этого несноснаго положенія.

— Вы вѣчно съ своими неумѣстными шутками, сказалъ я:— вѣчно съ своимъ оптимистскимъ взглядомъ на вещи!.. Но, Боже мой, скажите же, гдѣ эта жизнь, гдѣ разнообразіе, о которомъ такъ много говорятъ, такъ много пишутъ? Нѣтъ, въ жизни только пустота, а разнообразіе только въ книгахъ!

— И все это по поводу дождя! сказалъ Валинскій:— такъ вамъ очень-досадно, что вы не ѣздите въ каретѣ?

— Ахъ, Боже мой! да не во мнѣ сила, Владиміръ Ивановичъ! Въ основаніи этихъ жалобъ лежитъ нѣчто высшее, нежели мой личный эгоизмъ: этимъ порядкомъ вещей оскорбляется идея справедливости, врожденная мнѣ... Скажите, отъ-чего и А и В и С и сотни другихъ, одинъ другаго ничтожище, одинъ другаго презрѣннѣе, будутъ спокойно и безъ труда наслаждаться жизнью, тогда-какъ мы просиживаемъ долги, безсонныя ночи, чтобъ добыть себѣ черствый кусокъ хлѣба?.. И будетъ жизнь этимъ людямъ сладка, и придутъ они самымъ естественнымъ образомъ къ тому глупому пристанищу, названіе котораго вы можете встрѣтить на губахъ у каждаго, кто въ жизнь свою только и думалъ о томъ, какъ бы повѣрнѣе налутъ и обокрасть своего ближняго.

— Да вѣдь все это есть, любезный другъ; поставьте же вы себя на мѣстѣ этихъ А и В и С: отказались ли бы вы ѣздить въ каретѣ? пожертвовали ли бы вы собою, или богатствомъ своимъ— что рѣшительно все равно— въ пользу человечества? Вы желаете счастья—похвально; но вѣдь и другой ищетъ его!

— Да, вы очень-приятно разсуждаете, Владиміръ Ивановичъ; вы сто-кратно счастливы, что, не пускаясь въ дальнѣйшія разсужденія, приняли жизнь, какъ она есть, и съ философскимъ равнодушіемъ доказываете, что нѣтъ въ мірѣ ничего произвольнаго!

— Послушайте, Андрей Павлычъ, сказалъ Валинскій:— вы не совсѣмъ справедливы ко мнѣ: я вовсе не такъ холоденъ, какъ кажусь... да, вотъ видите ли, жалобы ни къ чему не ведутъ... Знаете ли что? я бы серьезно совѣтовалъ вамъ заняться чѣмъ-нибудь; людямъ въ нашемъ положеніи не годится думать объ удовольствіяхъ: это только горячитъ кровь и разстраиваетъ воображеніе безъ всякой пользы; намъ надобно трудиться, много трудиться, чтобъ въ трудѣ забыть все, что насъ окружаетъ... Въ наше время, трудно и даже невозможно быть полнымъ человекомъ: надо быть или матеріалистомъ, или спиритуалистомъ... я бы охотнѣе желалъ быть первымъ, но для этого нужно имѣть побольше

моего дохода, и потому, хотя въ душѣ я и признаю всѣ права Материн, но въ жизни никогда позволю бываешь спиритуалистомъ, потому-что часто эта одна сторона только и возможна...

— Трудиться!.. да, трудиться!.. Однакожь, это странно: гдѣ есть же люди, которымъ жизнь легка, которымъ каждый мигъ есть новая радость, новое удовольствіе...

— Едва-ли; а если и есть такіе, то во всякомъ случаѣ въ ты-случу разъ болѣе такихъ, которые несравненно-несчастнѣе даже насъ съ вами.

— Несчастнѣе? да; есть многіе, которые, можетъ-быть, въ эту самую минуту умираютъ отъ голода и холода!.. Однакожь, зачѣмъ давать воспитаніе? зачѣмъ развивать потребность новой, лучшей жизни? Ужь если такъ тѣсно жить на свѣтѣ, не лучше ли было бы заранѣе заглушить въ человѣкѣ всѣ человѣческія чувствованія? Тогда, по-крайней-мѣрѣ, мы не понимали бы всей глубины нашего несчастія!..

— Такъ, разумѣется, такъ, отвѣчалъ Валнскій:—но, къ-ста-тію, человечество не рассуждаетъ такъ... Во всемъ этомъ вѣрно и несомнѣнно только одно—что, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, самыя лучшія явленія имѣютъ самыя гибельныя послѣдствія. А жаловаться—то все-таки не на кого...

Что касается до Маши... но прежде позволѣте мнѣ рассказать обстоятельства, въ которыхъ я познакомился съ нею.

Векорѣ послѣ приѣзда моего въ Москву, у Вертоградовыхъ готовилось большое торжество: Ома Омичъ получилъ чинъ коллежскаго ассессора и намѣревался отпраздновать его достойнымъ образомъ. Можете представить себѣ, какой переворотъ во всемъ семействѣ долженъ былъ произвести этотъ вожделѣнный чинъ, предметъ столь долгихъ и томительныхъ ожиданій бѣднаго Вертоградова, который, между нами будь сказано, происхожденія не дворянскаго, какъ это достаточно показываетъ и фамилія его.

И дѣйствительно, съ самаго утра въ домѣ все было вычищено; цѣлый день горѣлъ на кухнѣ неугасаемый огонь, и Авдотья Захарьевна, хозяйка дома, уподобясь весталкѣ-хранительницѣ этого божественнаго огня, безъ усталы бѣгала изъ угла въ уголъ, занимаясь стряпнею пироговъ и другихъ великолѣпныхъ вещей. Уже съ шести часовъ все въ домѣ было готово, и жильцы были одѣты самымъ параднѣйшимъ образомъ, хотя приглашеніе было къ восьми часамъ и только на чашку чая. Ну, и мы съ Валнскимъ начали было одѣваться: посмотримъ, анъ къ намъ явился Пета Блиновъ — пощните, глупый студентъ?

— Что, будете у Вертоградова?

— Будемъ, будемъ! а ты за нами?

— Да, за вами; хорошо, говорятъ, будетъ; Марья Омичевна

на фортепяно будетъ играть; всего кучу наготовилъ, и пуншу много будетъ: и съ ромбъ, и съ кизляркой...

— А тебѣ бы только пуншу! Закури же трубку, пока время есть.

Но было только семь часовъ съ половиной; Блиновъ закурилъ трубку и сѣлъ; разговоръ нашъ, отъ полноты трепетнаго ожиданія, какъ-то не клеился.

— Что, ты былъ вчера у Сережи Сюртукова? обратился ко мнѣ Блиновъ.

— Былъ; да вѣдь ты самъ меня тамъ видѣлъ...

— Да, да; я и забылъ.

Молчаніе.

— Такъ-то-съ, почтеннѣйшій Андрей Павлычъ, сказалъ опять Блиновъ, выкуривъ трубку.

— Да, отвѣчалъ я:—не хочешь ли еще трубочку?

— Да, не худо бы.

Опять молчаніе.

— Скучно, братъ, на этомъ свѣтѣ жить, прервалъ Блиновъ.

— Да, не весело-таки, отвѣчалъ я.—Наконецъ, помолчавъ еще кой о чемъ, мы отправились къ хозяйну.

Боже! кого тамъ не было, въ этой маленькой комнаткѣ! и Петя Мараевъ, и Саша Кузнецовъ, и Яша Позиковъ, и Граша Бедрагинъ! Удивительно даже, какъ могла она вмѣщать въ себя столько прекрасныхъ, а отчасти даже и знаменитыхъ людей! И каждый изъ нихъ отличался какимъ-нибудь качествомъ ума или сердца: Петя Мараевъ славился древностью своей породы; Саша Кузнецовъ вѣрилъ въ жизнь и счастье на землѣ и сочинялъ стихи; Граша Бедрагинъ, напротивъ, былъ скептикъ, на-отрѣзъ отвергалъ благородство природы человѣка и сочинялъ прозой; Яша Позиковъ пользовался популярностью, слылъ славнымъ мальчикъ и душою общества, посѣщалъ театръ и былъ знакомъ съ танцовщицами... Но, право, я не кончилъ бы, еслибъ сталъ пересчитывать вамъ достоинства всѣхъ присутствовавшихъ на этомъ вечерѣ.

Кромѣ кавалеровъ, было много и дамъ, блиставшихъ изобиліемъ желтыхъ лентъ; были и дѣвицы въ бѣлыхъ кисейныхъ платьяхъ, причесанныя à la chinoise, à l'enfant и проч., но между ними, какъ солнце между звѣздами, блистала Маша своею свѣжестью, безыскусственностью своихъ движеній, стройностью стана и полнымъ страсти взоромъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, рѣдко встрѣчалъ я подобныя глаза: голубые, вѣчно-подернутые влагою страсти, они такъ мягко, такъ сладострастно смотрятъ на васъ сквозь густыя рѣсницы, что невольную неловкость ощущаешь во всемъ существѣ, и томительный трепетъ желанія пробѣгаетъ мгновенно по всѣмъ жиламъ; прибавьте къ этому дѣвственную полноту формъ, густые русые волосы, необычайную бѣлизну тѣла и полное граціи личико, и вы будете имѣть приблизительное понятіе объ этой дѣвчкѣ.

Когда мы вошли, Яша Позиковъ смѣшилъ всѣхъ до упада разсказами о своихъ приключеніяхъ съ квартальными надзирателями, будочниками и другими блюстителями общественной тишины и спокойствія.

— Меня знаютъ всѣ, говорилъ онъ: — я душа общества; даже квартальные жмутъ мнѣ руку—право! Намедни, выхожу изъ театра, вдругъ какой-то квартальный съ почтениемъ, ей-Богу! и руку подалъ! каково? а? руку подалъ? вонъ оно куда пошло!

Послѣ нѣсколькихъ незначущихъ привѣтствій господину и госпожѣ Вертоградовымъ, Валинскій подвелъ меня къ Машѣ.

— Маша—хозяйская дочь! сказалъ онъ:—мой пріятель Нагибинъ! прошу любить и жаловать, какъ меня-самого.

— Право? сказала она, улыбаясь и грозя ему пальцемъ:—точно такъ же? Ну, смотрите же, не раскаявайтесь! Очень-рада познакомиться съ вами, продолжала она, обращаясь ко мнѣ. Что это вы никогда къ намъ не побываете? Папенька очень желаетъ, да и я съ своей стороны...

— Не вѣрь, не вѣрь ей, прервалъ Валинскій:—сама не хочетъ прійти ко мнѣ именно потому, что ты живешь со мною... Совѣстно, извольте видѣть, дитя малое, неразумное!

— Это правда? сказалъ я:—и вамъ не стыдно, Марья Оминишна? за что же вы, не зная меня, такъ жестоко наказываете?

— Ахъ, нѣтъ, неправда, неправда! Вы, пожалуйста, не вѣрьте Владиміру: онъ ужасный лгунъ, онъ самъ говорилъ мнѣ, чтобъ я не ходила...

— Кому же изъ васъ долженъ я вѣрить?

— Разумѣтся, мнѣ, отвѣчала она:—какое же въ томъ сомнѣніе!

— Разумѣтся, разумѣтся! что и говорить! сказалъ Валинскій. —Ну, да, впрочемъ, дѣло не въ томъ, кто изъ насъ правъ, кто виноватъ, а въ томъ, что ты будешь ходить теперь ко мнѣ, и постъ мой кончится: мнѣ того только и нужно!

Маша потупилась.

— А! поймалъ, поймалъ тебя, негодная! Вотъ тебѣ впередъ урокъ: не лги, послушествоуй старшимъ!

— Я надѣюсь, что вы будете считать меня своимъ другомъ?

— О, разумѣтся! Я увѣрена, что буду любить васъ! Да притомъ и Владиміръ просилъ любить васъ, какъ его-самого, а его просьба для меня законъ! отвѣчала она, лукаво посматривая на Валинскаго.

— Ладно, ладно! отвѣчалъ онъ:—тамъ что будетъ, то будетъ, а покамѣстъ извольте-ко приходите къ намъ.

— Маша! Маша! слышался изъ другой комнаты голосъ Авдотьи Захарьевны:—куда ты, мать моя, запропастилась? Поди же, займи кавалеровъ.

— А мы точно и не кавалеры! прерорчалъ сквозь зубы Валинскій.—Охъ, Маша, ужъ куда не понутру мнѣ твоя матушка: вѣч-

но кусокъ изъ-подъ носа утащить! Утопилъ бы я ее, право, утопилъ бы, давно бы утопилъ!

— Славная дѣвушка! продолжалъ онъ, когда Маша исчезла:—и какое доброе сердце! вы не повѣрите, а два мѣсяца тому назадъ, когда я былъ боленъ, ночей не спала, украдкой ко мнѣ бѣгала...

И онъ задумался.

— Я бы умеръ, непременно бы умеръ, еслибъ не она! Сами знаете, прилично ли бѣдному человѣку хворать: денегъ нѣтъ, а въ аптеку нужно, обѣдать нужно, да и за квартиру тоже спрашиваютъ... А она и денегъ принесла—выработала, говоритъ, а тамъ—Богъ ее знаетъ! за любовь все простить можно! Все-таки мнѣ ее жалко!

— А что?

— Да такъ; ни за грошъ пропадетъ, бѣдняга... Жениться я на ней не могу, а другой никто не возьметъ...

— Отъ-чего же? спросилъ я.

— Да бѣдна... сверхъ-того, и другаго любила, а люди вѣдь глупы: хотятъ, чтобъ блюдо-то имъ непочатое дали; ну, а она дѣвушка честная—не скроетъ! Повѣрите ли, иной разъ совсѣмъ-грустно сдѣлается, глядя на нее... а она и не думаетъ ни о чемъ, такая веселая ходитъ, и какъ ни въ чемъ не бывала!.. Право, еслибъ не она, я совсѣмъ былъ бы дрянъ-человѣкъ, совсѣмъ опустился бы!

Между-тѣмъ, въ гостиной собрался кружокъ кавалеровъ и дамъ. Яша Позиковъ рассказывалъ, что одинъ его пріятель видѣлъ въ Парижѣ такую обезьяну, которая и брила, и комнату убирала, и кушанье готовила; на что Петя Мараевъ, отличавшійся «ароматомъ свѣтскости», замѣтилъ, что весьма-покойно имѣть подобнаго звѣря, а главное тѣмъ еще хорошо, что нѣтъ ужъ никакой надобности держать при себѣ лакеевъ, которые, по-большей-части, бываютъ плуты и мошенники, обезьяна же, по самой природѣ своей довольствуясь малымъ, не можетъ оказать подобныхъ поползновеній на барскую собственность; ergo, обезьяна, и въ особенности ученая, гораздо-лучше, нежели лакей.

При такомъ неожиданномъ заключеніи, Графиня Бедрягинъ обнялъ Мараева, сказавъ, что онъ самъ того же мнѣнія, и весьма-радъ, что его теорія объ абсолютномъ и относительномъ несовершенствѣ натуры человѣческой нашла себѣ отголосокъ въ сердцѣ такого милаго и образованнаго юноши.

— Да, прибавилъ онъ мрачнымъ и таинственнымъ голосомъ:—самое ничтожное и самое скверное созданіе въ мірѣ — человѣкъ, и это я узналъ по опыту...

— Нѣтъ, отъ-чего же? возразилъ Кузнецовъ, вѣчный противникъ Бедрягина:—человѣкъ вовсе не самое скверное животное; есть многія животныя гораздо-хуже... Развѣ ты хотѣлъ бы сдѣлаться собакою или лошадыю, или чѣмъ-нибудь этакимъ?

На это Бедрягинъ отвѣчалъ, что лошадь животное чистоцотное, и что нѣтъ ничего позорнаго быть лошадыю.

— Ну, а собакой? возразилъ неумолимый Кузнецовъ.

На это Граша Бедрягинъ ничего не отвѣчалъ, но сжалъ кулаки и насупилъ брови, что видя присутствующіе, во избѣжаніе исторіи, поспѣшили перемѣнить разговоръ и предложили Мараеву прочесть стихи его собственнаго сочиненія.

Петя долго отпѣкивался, но наконецъ прочелъ; не могу слово въ слово передать вамъ это стихотвореніе, но, приблизительно, оно было въ этомъ родѣ:

«Тамъ рѣка шумитъ, вѣтеръ воетъ и небо облаками кроетъ; мы «сидимъ съ тобой оба; у тебя кудри такъ развѣваются, и полная «грудь твоя поднимается, и ланиты покрыты пурпуромъ стыдли- «вости... А тамъ рѣка шумитъ, вѣтеръ воетъ и небо облаками «кроетъ.»

Читая, Мараевъ бросалъ страстные взоры на Машу; стихотвореніе произвело эффектъ.

— Ахъ, какъ обворожительно! Ахъ, какая прелесть! говорила Авдотья Захаревна:—дайте, пожалуйста, списать! Маша, попроси Петра Николаича...

Въ это время, Граша Бедрягинъ, соперничествуя съ Мараевымъ на поприщѣ литературы, всталъ съ своего мѣста, и сказалъ съ мрачнымъ видомъ:

— Господа, я тоже сочинилъ на-дняхъ одну вещь, которую хотѣлъ бы подѣлиться съ вами... Это не то, чтобъ повѣсть—нѣтъ, это просто идея, которая пришла мнѣ въ голову въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда сердце бываетъ полно презрѣнія къ чело- вѣку...

Кузнецовъ сомнительно покачалъ головою.

— Коли хотите, продолжалъ Бедрягинъ съ значительнымъ видомъ:—я хотѣлъ тутъ изобразить чело-вѣка, какъ я понимаю его...

Чтеніе началось, но не имѣло желаннаго успѣха, потому, вѣроятно, что слушатели не достигли еще высоты идей Бедрягина; одинъ Кузнецовъ слушалъ внимательно, да и тотъ потому болѣе, что считалъ за нужное возражать своему вѣчному противнику.

Идеальный чело-вѣкъ, котораго хотѣлъ изобразить Граша въ своемъ очеркѣ, сильно напоминалъ своего автора. Уныловъ (такъ назывался онъ) даже страдалъ разлитіемъ желчи, вѣчною болѣзью Бедрягина; характеръ Унылова былъ скептическій и угрюмый.

— Онъ вѣрилъ бы, говорилъ Бедрягинъ дрожащимъ голосомъ:—и въ жизнь (усмѣшка), и въ изящное (усмѣшка, смѣшанная съ легкимъ хохотомъ), и въ благое (просто хохотъ); но онъ зналъ, что это не стоить труда, и предоставилъ это мелкимъ думамъ...

— Нѣтъ, отъ-чего же? возразилъ Кузнецовъ:—не одинъ мелкіи души вѣрятъ въ жизнь и въ изящное, и въ благое! Напротивъ, мнѣ кажется, и исторія доказываетъ...

Графиня злобно взглянула на Кузнецова; впрочемъ, чтеніе кончилось безъ дальнѣйшихъ непріятностей.

— Однакожь, кажется, мы довольно послужили музамъ? сказалъ Яша Позиковъ:—пора бы ихъ и къ... А намъ бы пуншику, Авдотья Захарьевна!.. Послужили музамъ? а? Не правда ли: музамъ? Вѣдь хорошо сказано? а?

— Вамъ не скучно? спросила меня Маша, когда мы отошли нѣсколько въ сторону отъ компаніи.

— Нѣтъ; а вы?

— Да я привыкла; притомъ же, они большею частію хорошіе люди и любятъ меня. Вотъ это платье, чтó на мнѣ теперь, это Мараевъ подарилъ.

— Право? Платье недурно.

— Да; вотъ видите ли... онъ ко мнѣ... только вѣдь я вамъ это по секрету!.. питаетъ слабость... а папенька хочетъ, чтобъ женился, а онъ, разумѣется, не соглашается.

— Отъ-чего же разумѣется?

— Какъ отъ-чего? да онъ человѣкъ съ состояніемъ, сынъ управляющаго графа Д... а я ничего не имѣю—это ужъ и неловко!

— Отъ-чего же неловко? милая Марья Фоминишна?

— Ахъ, какіе вы, право, странные! Какъ же вы не понимаете: онъ богатъ—ну, и ищетъ себѣ партію побогаче... зачѣмъ же ему со мной-то связываться? Я ему не пара...

— Такъ, такъ, Марья Фоминишна; справедливо рассуждаете.

— Насилу-то вы меня поняли! сказала она:—вотъ, еслибъ Владиміръ Ивановичъ... Вотъ это такъ пара! да тоже нельзя: нѣтъ! будетъ жить, папенька не отдастъ!

— И васъ это не волнуетъ?

— Отъ-чего же волновать? Пожалуй, волнуется; вѣдь дѣлу-то все-таки не поможешь!

— Милая Маша...

— Насилу-то вы называете меня просто Машей! а то «Марья Фоминишна», право, скучно! Вы другъ моего Владиміра, я хочу, чтобъ вы были со мною по-просту, безъ церемоній—слышите?

— Слышу, слышу, добрая Маша.

— То-то же! А вотъ я завтра сама приѣду къ вамъ, поближе познакомится... Вѣдь правду-то сказать, я сама не хотѣла приходить къ вамъ...

— Отъ-чего же, милая Маша?

— А зачѣмъ вы сами у насъ не бываете? Мнѣ совѣстно, я васъ не знала... ну, а теперь...

— Теперь вы позволяете мнѣ поцаловать вашу ручку?

— Сколько угодно! даже въ губы; только не теперь: теперь увидятъ, тогда и послѣ нельзя будетъ... а притомъ, мнѣ пора и къ гостямъ. До свиданія! Пожалуйте, не скучайте; я опять скоро приѣду.

Но самый паеосъ вечера выразился въ ужинѣ. Еще за полчаса, едва послышалось вожделѣнное стучаніе тарелокъ, едва начали разставлять въ залѣ столы, все какъ-то вдругъ присмирѣло и замолкло; даже на лицѣ Позикова, обыкновенно ослабляющемся, выразилось нѣчто серьезное, мыслящее. Какъ-будто что ни происходило до-сихъ-поръ, все это было только дрянъ, совершенная дрянъ передъ тѣмъ, что ожидало впереди. За то, когда подали ужинъ, всѣ заняты были однимъ только дѣломъ — ѣдою, и въ комнатѣ, въ полномъ смыслѣ слова, можно было слышать полетъ мухи, еслибъ не звуки, производимые усерднымъ стучаньемъ ножей и вилокъ. Самый голосъ Авдотьи Захарьевны, подь-стать этимъ звукамъ, дѣлался какъ-то жалобенъ и дребезжащъ, когда она обращалась къ гостямъ съ просьбою отвѣдать хитраго соуса, или пирога, называемаго, въ-слабствіе крайней своей воздушности, цпанскими вѣтрами, приготовленію которыхъ научилъ ее въ 1812 году поварь-Французъ.

— Вѣдь вотъ, батюшка, говорила она, обращаясь къ сосѣду своему: — и вражій народъ, а меня научилъ — дай Богъ ему здоровья!

— Да, истинно вамъ скажу, отозвался на другомъ концѣ Оома Оомичъ: — истинно Богъ одинъ спасъ, никто, какъ Богъ! еслибъ не Онъ, Царь небесный, такъ мы бы, кажется, давно...

Оома Оомичъ свиснулъ и махнулъ рукой, изъ чего присутствующіе могли замѣтить, что въ головѣ его происходили какія-то особыя соображенія.

Донскаго было выпито очень-много, крымскія вина тоже лились въ изобиліи, а подъ конецъ даже появилась бутылочка шампанскаго. Едва показалась эта бутылка, лица всѣхъ гостей превратились въ одну самодовольную улыбку, а Оома Оомичъ, бывшій, что называется, подъ куражомъ, взялъ ее, погладилъ, осмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ и сказалъ раскупоривая:

— А, ну-ко ты, долговязая, показывай намъ, что у тебя тамъ есть! Да ты смотри у меня не дури, не то сейчасъ тебя по-нашему, по-свойски! Вѣдь ты французскій народъ, у тебя въ головѣ-то вздоръ бродить...

И точно, вино оказалось послушно уѣщаніямъ Оомы Оомича и не дурило.

— Вѣдь вотъ оно, говорилъ Вертоградовъ, наливая бокалы: — вѣдь вотъ оно и не много его, самая малость, а вѣдь одиннадцать рублей далъ, у Крича въ погребѣ бралъ! Да за то ужъ и вино! Тѣмъ хороши эти Нѣмцы, что сдерутъ, нѣчего и говорить: ой, ой, ой, какъ сдерутъ! да за то и вещь, изволите видѣть, что ни въ ротъ, то спасибо!

И всѣ гости встали вдругъ и закричали ура и долголѣтіе Оомѣ Оомичу.

— Да вы, бабы, шли бы... того, къ себѣ, сказалъ Вертоградовъ, обращаясь къ дамамъ, и запинаясь на каждомъ словѣ: — а

накъ бы вижда, мы бы того... выпили, покалякали... Такъ вы ступайте... а тамъ, коли встрѣтится въ васъ какая ни на есть надобность, такъ мы и пришлемъ...

Послѣ ужина, Ома Омичъ рѣшительно раскуражился.

— А вѣдь оно... того, говорилъ онъ съ стаканомъ въ рукахъ: — ассесорство-то недурно! вѣдь это не то, что прежде. Прежде что? разночинецъ—вотъ-что! А теперъ, поди-ко ты — сунься! анъ вѣтъ: съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью и прочая — изволь-ко, братъ, отваливать! А? такъ, что ли? выпить что ль?

Всѣ молча согласились, что правда, и выпили.

— Эй, Мишка! закричалъ Вертоградовъ маленькому сыну своему, какъ-то случайно очутившемуся въ мужской компаніи: — ты что не пьешь, собачій ты сынъ? Поди-ко ты сюда, сякой такой, говори-ко ты мнѣ, что ты за птица, кто ты таковъ?

— Собачій... отвѣчалъ Миша оробѣвъ.

— Собачій! вѣдь экой ты скотъ! вѣдь я тебѣ говорю «собачій сынъ» такъ, изъ ласки, а ты и за правду вздумалъ! Ну, говори же, кто твой отецъ?

— Ома Омичъ, отвѣчалъ Миша.

— Глупое ты отродье! ассесоръ, коллежскій ассесоръ! ну, отвѣчай, чей же ты сынъ?

— Собачій, снова повторилъ Миша.

— Башка ты пустая! ассесорскій сынъ! ну, говори, кто же ты таковъ?

— Ассесорскій сынъ, отвѣчалъ, наконецъ, Миша.

— Дѣ; ассесорскій сынъ! такъ-то, знай нашихъ! Вина ему! вина ассесорскому сыну!

И Мишѣ дѣйствительно поднесли стаканъ, наполненный какою-то смѣшанною дрянью.

— За здоровье Михайлы Омича Вертоградова! заоралъ во все горло Ома Омичъ, и всѣ, какъ дикіе звѣри, бросились на ребенка съ намѣреніемъ подкидывать его; и я не знаю, что бы случилось, еслибъ мы съ Валинскимъ не освободили его и не увели въ другія комнаты.

Что было потомъ, мнѣ неизвѣстно, потому-что я остался въ женской компаніи и не возвращался болѣе въ залу.

Когда я пришелъ, Маша сидѣла за фортепьяно и пѣла романсъ «Кто могъ любить такъ страстно».

— Какъ вы хорошо поете! сказалъ я, когда она кончила, и мы вышли въ сосѣднюю комнату.

— Дѣ, у меня есть голосъ... впрочемъ, музыка этого романса такая милая...

— А можно теперъ поцаловать вашу ручку?

— Зачѣмъ же ручку? лучше въ губы.

И она подставила мнѣ свои губы.

— А еще лучше и въ губы и въ ручку, сказалъ я, взявъ ея

руку и цалуя ее.

— Такъ вамъ не скучно было у насъ? спросила она.

— О, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Притомъ же, я познакомился съ вами, а это ужъ большое вознагражденіе.

— Да вы бы и послѣ успѣли со мной познакомиться: вѣдь я не утерпѣла бы, пришла бы; вѣдь мнѣ очень-скучно одной, а Владиміръ такъ меня любить...

— А вы его любите? спросилъ я.

— Да, а что?

— Такъ... онъ очень-счастливъ, этотъ Владиміръ!

— Потому-что онъ немногаго требуетъ; онъ простъ, очень-просто, и за это-то я и люблю его такъ...

— А если онъ васъ разлюбитъ?

— Разлюбитъ? не думаю... впрочемъ, можетъ-быть, это и будетъ когда-нибудь; да я, признаюсь вамъ, никогда не думала еще объ этомъ.

— Ну, а если?

— Право, не знаю... да я и не претендую на вѣчную любовь; разумѣется, прійдетъ когда-нибудь это время, но оно еще далеко...

— Вы думаете? Ну, а тогда что?

— Тогда?.. очень-просто: мы разстанемся! Я очень-хорошо понимаю, что онъ не можетъ вѣчно любить меня, да и онъ не требуетъ отъ меня этого... Вотъ видите ли, дѣло въ томъ, чтобъ эта разлука не стоила никому изъ насъ слезъ...

— А почему вы знаете, что тутъ обойдется безъ слезъ?

— О, я увѣрена въ этомъ! Вѣдь не вдругъ же наступитъ эта холодность, а мало-по-малу; притомъ, это все-таки не помѣщаетъ намъ разстаться друзьями...

— О, милая, безпѣнная Маша! вы просто сокровище! сказала я, цалуя ея руку.

— Что жъ это вамъ такъ странно кажется? Я такъ, напротивъ, думаю, что иначе и быть не можетъ.

— Счастливъ Валинскій, что обладаетъ вашею любовью! Я даже бы половину своей жизни, чтобъ достигнуть этого счастья!

— О, да вы, кажется, строите козни своему другу! сказала она, грозя мнѣ пальцемъ и улыбаясь:— что, если онъ узнаетъ это?

Въ эту минуту, Валинскій какъ нарочно вошелъ въ комнату.

— Да вы, кажется, не на шутку подружидесь? сказалъ онъ, взявъ ее за руку и пацаловавъ въ лобъ:— что жъ, онъ изъясняется тебѣ въ любви, что ли?

— Да, есть немножко, отвѣчала она, лукаво смотря на меня;— ну, да ничего, немножко пощадить можно.

— Я такъ и зналъ, что онъ влюбится, увидѣвъ тебя... Это ужъ такая натура, изволите видѣть... Смотрите же, Андрей Павловичъ, не по-старому, не такъ, какъ въ Радловѣ...

Я не отвѣчалъ ничего.

— Ну, а я пришелъ проститься, да и вамъ тоже, Андрей Павлычъ, совѣтую: пора и спать! Надѣюсь, Маша, что ты не будешь больше дичиться его, тѣмъ болѣе, что онъ былъ такъ любезенъ сегодня?

— Нѣтъ, нѣтъ! прійду непременно, завтра же прійду.

— Ну, такъ прощай же, жизнь моя, сказалъ онъ, цалуя ее:—а Авдотья Захарьевна въ такихъ хлопотахъ:— гости развѣзжаются, проводить всякаго надобно.

— Такъ что жъ? для насъ же лучше: не увидятъ. Прощай же, Владиміръ, да спи лучше, а то посмотри на себя, вѣдь ты ни на что не похожъ сталъ: блѣдный, худой... перекрести же меня!

Онъ перекрестилъ ее и снова поцаловалъ въ лобъ.

— А мнѣ-то вы ничего и не скажете на прощаніе? сказалъ я.

— О, нѣтъ, какъ же! и вамъ... Да видите ли, занятіе-то такое важное—некогда было! Впрочемъ, за мною не пропадетъ...

— Прощайте, прощайте, Маша! говорилъ я, цалуя ее въ губы:—не забудьте же своего обѣщанія.

— Не забуду, прійду непременно; ждите меня.

Съ этими словами мы вышли.

Вы можете себѣ представить, какую ночь провелъ я послѣ этого знакомства. Въ-самомъ-дѣлѣ, все въ мірѣ какъ-будто на смѣхъ и на досаду мнѣ дѣлается: и любить-то меня такія, которымъ бы и знать меня вовсе не слѣдовало; а тамъ, гдѣ я могъ бы быть счастливъ, гдѣ я могъ бы сдѣлать счастье другихъ, тамъ ужъ поздно, тамъ и мѣсто давно занято, и я, по-неволѣ, долженъ оставаться одинъ-на-одинъ съ собою, по-неволѣ долженъ забавляться одними сомнѣніями, потому-что забавъ иныхъ не имѣется.

Вообще, все мое существованіе—какое-то неудавшееся, погибшее существованіе; оно, если хотите, и могло бы что-нибудь выйдти изъ него, если бы... да вотъ этого если-то именно и не имѣется. И, признаюсь, мнѣ иногда обидно и больно дѣлается, когда другіе веселятся, когда другіе довольны собою; меня оскорбляетъ чужая радость, какъ обида, лично мнѣ нанесенная въ самую нѣжную, чувствительную струну моего существа! Все мнѣ кажется, что это мое веселье у меня отняли, что моею радостью люди радуются, а я брожу-себѣ въ сторонѣ одинъ-одинѣшенекъ, и все гонюсь за чѣмъ-то, и все ничего не нахожу, какъ тотъ человѣкъ, который вѣчно искалъ потерянную тѣнь свою!

И Маша, какъ нарочно, какъ-будто съ намѣреніемъ, еще болѣе растравляетъ мое бѣдствіе, приходитъ каждый день, и все болѣе и болѣе очаровываетъ меня своею непринужденною, дѣтски-естественною простотою. Часто бросается она ко мнѣ на шею, цалуетъ меня въ губы, и когда я, задыхаясь отъ страсти, въ изнеможеніи падаю въ кресло, она съ хохотомъ вырывается изъ рукъ моихъ, забавляется моимъ смущеніемъ, позволяетъ себѣ всѣ возможныя шутки, и наконецъ снова цалуетъ, снова обнимаетъ меня.

Однажды она пришла, когда Валинскаго не было дома.

— Знаешь ли, Маша, сказала я послѣ обыкновенныхъ привѣтствій:—что я скажу тебѣ?

— Скажи, тогда и буду знать.

— Вѣдь я люблю тебя, Маша.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? да вѣдь я и прежде это знала! Ну, такъ что же?

— Да я не такъ люблю, какъ ты думаешь.

— А то какъ же?

— Да я хотѣлъ бы... вотъ видишь ли, Маша, я самый несчастный человекъ въ мірѣ!

— Ну, нѣтъ; я еще ничего не вижу...

— Да я хотѣлъ бы, чтобъ и ты меня любила...

— А развѣ я не люблю тебя?

— Я хотѣлъ бы, чтобъ ты любила меня, какъ Владиміра.

— Вотъ вздоръ какой! а Владиміръ-то какъ же?

— Ахъ, Боже мой! развѣ я прошу тебя разлюбить его?

— Ой, лукавите, Андрей Павлычъ! право, лукавите...

— Совсѣмъ нѣтъ; я говорю, что чувствую...

— Да какъ же это я буду любить... обонхъ вмѣстѣ?

— Такъ и есть; я говорилъ, что я несчастнѣйшій человекъ въ мірѣ!

— Совсѣмъ нѣтъ... отъ-чего же?

— Какъ отъ-чего? и ты спрашиваешь меня? Я люблю тебя, а ты меня не любишь.

Маша пристально взглянула на меня и задумчиво покачала головою.

— Нехорошо, Андрей Павлычъ, сказала она съ упрекомъ: — дурно изволите поступать!

— Что же мнѣ дѣлать, Маша? вѣдь я люблю тебя! Не могу же я заставить себя быть равнодушнымъ.

— Я такъ и думала, сказала она дрожащимъ отъ слезъ голосомъ: — скажите же мнѣ, Андрей Павлычъ, отъ-чего нельзя никому довѣриться, нельзя ни съ кѣмъ быть откровенною, чтобъ не подать повода къ различнымъ заключеніямъ?

— Да вѣдь я не виновата, милая Маша! что жъ мнѣ дѣлать, если я люблю тебя!

— Ну, такъ мнѣ остается одно только: не приходитъ къ вамъ.

— Маша, да развѣ ты не можешь удѣлить мнѣ частичку своей любви?.. я былъ бы такъ счастливъ...

— Нѣтъ... еслибъ я не любила его, тогда можетъ-быть... Вотъ видите ли, Андрей Павлычъ, это совсѣмъ пельзя... И не думайте, чтобъ я отказывала вамъ изъ того, чтобъ не огорчить Валинскаго... совсѣмъ нѣтъ! я твердо увѣрена, что онъ даже внутренно не былъ бы на меня въ претензіи... Но я не могу любить другаго точно такъ же, какъ его; мы такъ удачно подошли другъ къ другу... Нѣтъ! это невозможно, совсѣмъ невозможно, Андрей Павлычъ, и мнѣ, право, очень жаль, что у васъ могла родиться такая мысль.

— Да какъ же быть-то, милая Маша?

— Какъ быть? Разумѣтся, оставить все времени: когда-нибудь эта блажь и пройдетъ!

— А покуда-то, а до-тѣхъ-то поръ что мнѣ дѣлать, Маша?

— Что дѣлать? быть со мною по-прежнему, быть твердымъ въ бѣдствіяхъ! отвѣчала она улыбаясь.

— Такъ, такъ, Маша; постараюсь; хорошо, если усѣю...

— И, главное, не огорчаться, продолжала она:— а если будешь думать много, никогда не выйдешь у тебя изъ головы... Посмотри на Валинскаго: видалъ ли ты его когда-нибудь въ затруднительномъ положеніи?

— Да ему нѣ на что жаловаться: онъ имѣетъ все, что желаетъ!

— Ну, не совсѣмъ-то все, потому-что любовь далеко не составляетъ еще всего; однакожъ, онъ уживается, дѣлаетъ какъ можетъ и что можетъ, и не жалуется... Отъ-того-то, можетъ-быть, я в любви его такъ...

— Да, я чувствую, что ты права, Маша, да вѣдь природы-то своей не перемѣнишь!

— Разумѣтся, да и мѣнять не нужно! оставимъ это времени. Когда-нибудь она и сама-собою переродится!

— Да вѣдь до тѣхъ-то поръ я все-таки буду несчастенъ!

— Что же дѣлать? Это, видно, ужъ такая твоя доля горемычная! всякому свое, нужно покориться... Общаешься слушаться меня?

— Буду стараться, Маша, а поручиться не могу.

— Ну, такъ я не буду ходить... дѣлать нечего.

— Нѣтъ, нѣтъ, это еще хуже; ужъ лучше я общаюсь.

— Слово?

— Честное слово.

— А къ чему же эта кислая мина?

— Да вѣдь не могу же я радоваться, Маша!.. Маша, а Маша!..

— Что еще?

— Да, право, нельзя ли какъ-нибудь... подумай...

— Опять?

— Ну, ну, не буду; только ты, пожалуйста, приходи по-прежнему.

И повѣрите ли, въ настоящую минуту я дѣйствительно ничего не чувствую къ ней, кромѣ самой почтительной, тихой дружбы; эта дѣвушка своими простыми словами произвела во мнѣ такую перемѣну, что я рѣшительно не узнаю себя.

Такъ вотъ, какъ мы живемъ да поживаемъ здѣсь! А, впрочемъ, и Валинскому надо отдать справедливость: онъ какъ-будто чувствуетъ, что мнѣ нужна помощь, что я еще не совсѣмъ выздоровѣлъ отъ своей прежней тяжкой болѣзни, и окружаетъ меня самыми заботливыми попеченіями, отдалаетъ отъ меня всякую горестную мысль о завтрашнемъ днѣ и другихъ непріятностяхъ, которыя кишмя-кишатъ въ жизни бѣднаго человѣка.

Да и Андрей—служитель—такая, право, добрыйшшая душа! Нандиныхъ курилъ въ комнату чижика, а на окно поставилъ горшокъ

ерани. Все, говорить, веселѣе будетъ: и птичка Божія что ни наестъ споетъ, и по комнатѣ душокъ пріятный отъ растенія будетъ... Право, весело!

А все-таки грустно, что она не любитъ меня! Мнѣ все кажется, что съ нею, именно съ нею одною только и могъ бы я быть счастливъ?..

Какъ вы думаете объ этомъ предметѣ?

Отъ того же къ тому же.

Еще одно послѣднее письмо объ этой странной любви, которая измучила, истомила меня... Въ настоящую минуту, мнѣ такъ больно, я такъ весь изломанъ отъ безпрестанныхъ ощущений, которыя скопились въ послѣднее время, такъ страдаю душевно и тѣлесно, что и до-сихъ-поръ нахожусь какъ-будто подъ вліяніемъ тяжкаго кошмара. И потому прошу васъ не сѣтовать на меня, если письмо мое будетъ несвязно: это извиняется самыми обстоятельствами, въ которыхъ я нахожусь...

Надо вамъ сказать, что недѣли двѣ назадъ, совершенно-неожиданно, получилъ я письмо отъ Гурова. Въ немъ меня извѣщали, что Таня находится при смерти и желаетъ меня видѣть. Не знаю, какъ выразить вамъ ощущение, которое почувствовалъ я при этой вѣсти. Какое-то черное облако пронеслось передъ моими глазами, и страшная, жгучая тоска овладѣла всѣмъ существомъ моимъ. Не знаю, хорошо ли я сдѣлалъ, что поѣхалъ по приглашенію Гурова; знаю только, что въ ту минуту я не могъ иначе сдѣлать, потому-что вся моя жизнь, все мое прошедшее влекло меня въ эту сторону... Я вамъ говорю, что любовь къ ней была единственною свѣтлою минутою моей жизни, единственнымъ счастіемъ моимъ, а отъ счастья, какъ хотите, нельзя отказаться такъ легко. Итакъ, я не думалъ; я скакалъ туда, весь занятой одною только убивавшею меня мыслью — мыслью, что, можетъ-быть, я застану только бездушный трупъ ея... Приѣхавъ, я прямо бросился въ ея комнату.

Она лежала на постели, умирающая, почти мертвая; вокругъ нея молчаливою вереницею стояли Гуровъ и все семейство Крошиныхъ. Было что-то тяжелое, зловѣщее въ этомъ- всеобщемъ безмолвіи. Сторы оконъ были опущены; по всей комнатѣ разливался какой-то неопредѣленный, матовый полусвѣтъ; въ углу тихо теплилась передъ образомъ лампада, и ни малѣйшаго движенія, ни малѣйшаго шороха—какъ-будто оцѣпѣли всѣ мускулы на этихъ суровыхъ, очерствѣлыхъ лицахъ, какъ-будто страшное что-то совершалось въ этихъ стѣнахъ.

Когда я вошелъ, Марья Ивановна приложила палецъ къ губамъ и сдѣлала мнѣ знакъ, чтобъ я не шумѣлъ. Только въ эту минуту могъ я хорошенько рассмотреть это чудное существо, которое я такъ преждевременно свелъ въ могилу. Блѣдная, исхудалая лежала, она въ изнеможеніи на постели; на ней была бѣлая кофточка,

а на головѣ надѣтъ маленькій ночной чепчикъ; въ этомъ нарядѣ, такъ живо напоминавшемъ мнѣ одну изъ лучшихъ минутъ моей прошедшей любви, посреди окружавшаго ее полумрака, она показала мнѣ призракомъ; что-то неземное, улетучивающееся было во всемъ существѣ ея; и потухающій взоръ, и полураскрытый ротъ, подернутый едва замѣтною улыбкой, и медленное, но ровное трепетаніе груди — все вѣяло тихою, безмятежною грустью, сожалѣніемъ объ улетающей жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-будто говорило: мнѣ хорошо, я счастлива, я несусь легко и свободно далеко, далеко на вѣчныя, святаыя небеса!..

Шумъ, произведенный моимъ приходомъ, вывелъ ее изъ легкаго усыпленія, въ которое она до того времени была погружена. Она посмотрѣла на меня, но на лицѣ ея не выразилось ни радости, ни грусти; по-прежнему осталось оно блѣдно и ровно, только едва замѣтное движеніе рукою показало мнѣ, что она желаетъ видѣть меня ближе.

Я подошелъ.

— А я ждала тебя, сказала она чуть внятно:—я думала...

Она остановилась; дыханіе ея сдѣлалось трудно; невольныя слезы полились изъ глазъ моихъ.

— Что жъ ты плачешь? Ребенокъ ты, право, ребенокъ! сказала она:—не плачь... слезами не поможешь... Что жъ дѣлать? видно такъ нужно, другъ мой!.. А я бы хотѣла поговорить съ тобою наединѣ... Мнѣ многое, многое нужно сказать... пока я еще жива...

— Ничего мнѣ не жалко, продолжала она, когда всѣ вышли:— Богъ видитъ, что я безъ горести и безъ сожалѣнія оставляю жизнь; но тебя... съ тобой что будетъ?.. вѣдь ты не вынесешь... Для тебя, для тебя одного хотѣла бы я еще пожить, хоть немного...

И она посмотрѣла на меня, и во взорѣ ея, уже слабомъ и полуугасшемъ, мелькнула искра нѣжности и чувства.

— Въ тебѣ была вся моя радость, сказала она:—съ тобою была легка мнѣ жизнь; все бы снесла, все бы приняла я, ради тебя... Теперь все кончено... Скажи жъ мнѣ, любишь ли, любилъ ли ты меня?

— Люблю, любилъ, одну тебя любилъ, милая Таня! одну тебя и буду любить всю жизнь мою!

— Я и знала, что ты любилъ меня... да вотъ и любилъ, а ничего не вышло... Отъ-того-то и жаль мнѣ тебя, что ты погибнешь одинъ, что ты слабъ, слабъ, какъ дитя... А еслибъ наша любовь была возможна! еслибъ она удалась!.. Бѣдный! ты больше меня достоинъ сожалѣнія! Я, по-крайней-мѣрѣ, умираю... а ты остаешься живъ...

— Таня, милая Таня! простишь ли ты меня? Я много виноватъ передъ Богомъ и передъ тобою!

— О, я давно простила! Да ты и не виноватъ; ты и безъ того много сдѣлалъ для меня: ты далъ смыслъ моему существованію, ты былъ всѣмъ для бѣдной Тани! Притомъ же, ты самъ не-

счастенъ... я вижу, я понимаю, сколько тягости въ этомъ безсильн... Обстоятельства давятъ, другъ мой, обстоятельства жестоки... а мы не виноваты: что невозможно, то невозможно!

Она остановилась и сдѣлала знакъ, чтобъ я ее приподнялъ; я осторожно взялъ ее за талию и посадилъ на постели.

— Похудѣла, подурнѣла я безъ тебя... да я и сама много виновата, сама не все сдѣлала, чтобъ привязать тебя... теперь я и вижу, что для любви нужна пища, да ужь поздно... А все-таки умирать жалко... жалко для тебя!

Она задумалась; чуть-замѣтное облачко печали отуманило на минуту спокойное и свѣтлое лицо ея; рука небрежно откинулась на подушку; кофточка распахнулась, и бѣлое какъ мраморъ плечико показалось изъ-за спущенной сорочки.

— Посмотри, какъ похудѣла я! сказала она, указывая на свою шею: — едва душа въ тѣлѣ держится... Да теперь ужь и не за чѣмъ!.. все кончено! бѣдная Таня!

— О, я не переживу тебя, я соединюсь съ тобой! говорилъ я, покрывая поцалуями ея руки.

— Нѣтъ, не нужно, я не хочу этого, другъ мой!.. Вотъ видишь ли: жизнь такъ хороша, такъ много привлекательнаго, зовущаго въ ней, что грустно, невыносимо тяжело умирать... нѣтъ, ты живи, ты долженъ жить... и Богъ не проститъ тебѣ, если ты задумаешь...

Слабою и дрожащею рукою привлекла она меня къ себѣ.

— А я все смотрю и насмотрѣться на тебя не могу, сказала она сквозь слезы: — вѣдь ты былъ единственною радостью моею жизни!.. Помнишь ли тотъ вечеръ?.. мы были вдвоемъ... ты глядѣлъ мнѣ въ глаза... гдѣ это время?

И когда я, задыхаясь отъ слезъ и рыданія, почти безъ чувства бросился къ ней на грудь, —

— Полно же, перестань, мой другъ, сказала она едва слышно: — въ эту минуту все должно успокоиться... О, я чувствую, чувствую, что конецъ мой близокъ...

И вдругъ она упала навзничь, и лицо ея помертвѣло. Въ испугѣ я схватился за колокольчикъ и хотѣлъ звонить; но она удержала меня.

— Нѣтъ, не нужно, шептала она: — не нужно... Я умираю... я хочу умереть... наединѣ съ тобою...

Глаза ея вперились въ воздухъ и сдѣлались неподвижны.

— Ты видишь, сказала она, вся трепеща отъ страха: — ты видишь... тамъ стоятъ люди... они идутъ, они за мной... Душно мнѣ, душно!.. Прощай, будь счастливъ...

Черезъ полчаса, она лежала на столѣ вся въ бѣломъ, и деревенскій дьячокъ читалъ надъ нею молитвы.

И она умерла! умерла при мнѣ, на моихъ рукахъ!

Такъ кончилась единственная эпоха моей жизни, въ продолженіе которой я имѣлъ право сказать, что я живу.

Въ Москвѣ меня встрѣтили друзья мои: Маша, Валинскій и Андрей. Всѣ они показали много участія въ моей горести, хотя никто и не подумалъ утѣшать меня. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ подобныхъ случаяхъ ничего не можетъ быть несноснѣе, неделакактнѣе утѣшителей: они колютъ глаза, они еще болѣе растрavляютъ ваши раны, противопоставляя вашему горю свое черствое, спокойное довольство. И долгое время сидѣлъ я, запершись въ своей комнатѣ, и не могъ ни съ кѣмъ сказать слово: такъ тяжело давило меня мое горе!

Но теперь, когда я спокойно разсуждаю, правъ ли я, предаваясь такому горькому отчаянiю, то, признаюсь, не могу не рѣшить этого вопроса скорѣе въ отрицательную, нежели въ положительную сторону. Конечно, я многое потерялъ; конечно, въ этомъ минутномъ проблескѣ жизни среди безжизнiя было много увлекательнаго, много младенчески-свѣтлаго и упоительнаго; но вѣдь минута все-таки не заключаетъ въ себѣ цѣлой жизни, все-таки остается минутою. Недостойно и постыдно для человѣка погибнуть и распастся подъ ударомъ слѣпаго, неразумнаго случая; недостойно всю жизнь обратить въ одну только сторону, всю дѣятельность ограничить одною только сферою, когда передъ нимъ разстилается широкая и необозримая дорога, когда ему предстоитъ внести свою долю мысли, сказать свое слово въ общемъ, вѣковомъ трудѣ человѣчества!

И Таня была права, тысячу разъ права, когда говорила, что я долженъ жить, что моя собственная совѣсть накажетъ меня, если я буду отчаяваться! Да, она накажетъ меня сознаниемъ великой бесполезности всего моего существованiя, сознаниемъ, что всѣ трудятся, всѣ, по мѣрѣ силъ, работаютъ на благо общее, и одинъ я лишнiй на свѣтѣ, и, какъ негодный, полусгнившiй членъ тѣла, засвидѣтельствовалъ жизнь свою только тѣмъ, что заражалъ прочя, здоровыя части стройнаго цѣлаго.

А между-тѣмъ, какъ посмотрю я внимательно—какую же пользу могу принести я? какое же слово суждено мнѣ сказать въ общей рѣчи человѣчества? Не вижу, не вижу я ничего! Дѣятельность моя совсѣмъ парализирована! Ужь не говорю я объ волѣ—воли нѣтъ и не можетъ быть—но страсти, энергiи нѣтъ во мнѣ! Весь я одряхлѣлъ, ослабѣлъ, распался, и съ горечью смотрю на развалины моего бесполезнаго прошедшаго!

А отъ-чего все это? Отъ-того, что мнѣ не дано практическаго повиманiя дѣйствительности, отъ-того, что умъ мой воспитали мечтанiями, не дали ему окрѣпнуть, отрезвиться, и пустили на удачу по столбовой дорогѣ жизни! И естественно, что всякiй шагъ былъ для меня камнемъ преткновенiя, что я ничего не понималъ въ дѣйствительности, и сталъ ругаться надъ ея нелѣпостью, проклинать гнетущую ея силу!... И когда навели меня на истинный путь, когда указали мнѣ, что все въ жизни имѣетъ связь и смыслъ, что нелѣпость существуетъ въ моемъ воображенiи, а на дѣлѣ все по-

нятно и стройно, когда я созналъ все это — было уже поздно! Прѣжняя моя праздная и ничтожная жизнь погубила во мнѣ всякую искру дѣятельности, притупила всякую энергію, и я, по-прѣжнему, остался одинъ съ своими сомнѣніями, безпрестанно стараюсь примирить противорѣчіе теоріи и практики; разума и жизни, и всегда безъ успѣха; потому-что между теоріею и жизнью не было посредствующаго члена, не было дѣятельности, которая одна только въ-состояніи совершить великое дѣло примиренія.

Даже и теперь, какъ вы видите, я нахожусь въ подобномъ же положеніи. Меня и убиваетъ смерть Тани (даже отъ отчаянія, отъ самоубійства я, пожалуй, не прочь) и между-тѣмъ не хочу отчаянія, не хочу смерти, потому-что недостойно чловѣка упасть духомъ и ослабѣть передъ ударомъ слѣпago, неразумнаго случая! Видите ли, какое жалкое разсужденіе!

Вездѣ, всю жизнь искалъ я середины, вездѣ хотѣлъ примирить крайности и жизнь разумно — и чего же достигъ? Достигъ того, что сознаю нелѣпность крайностей, отсталъ отъ нихъ, а середины-то, разума-то все-таки не добился, и вишу теперь на воздухѣ, не зная, что я и куда несетъ меня потокъ жизни, и дѣла мнѣ нѣтъ до того, принесетъ ли онъ меня куда-нибудь...

Среди всеобщаго движенія, среди этой вѣчно-трудящейся, безъ отдыха работающей толпы, я совершенный анахронизмъ: вижу много хорошаго, что остается сдѣлать — и не могу ни къ чему приступить; чувствую всю тягость, всю неестественность своей жизни — и не могу сдѣлать ни шага, чтобъ выйти изъ нея... Право, положеніе было бы даже очень-забавно, еслибъ слишкомъ-близко не касалось нѣжнѣйшихъ струнъ существа моего.

Съ грустью и недовольствомъ смотрю я на мое прошедшее, мое настоящее, мое будущее. Что было въ моей прежней жизни? — сомнѣнія! Что въ настоящемъ моемъ? — сомнѣнія! Что въ будущемъ? — сомнѣнія! Нигдѣ ничего вѣрнаго, нигдѣ свѣтлой мысли, на которой можно бы остановить взоръ свой, отдохнуть душою; нигдѣ факта, на который можно было бы опереться и съ гордостью сказать: это мое дѣло, это я сдѣлалъ! Все, что я сдѣлалъ, точно такъ же можетъ быть сдѣлано и ученикомъ на школьной скамейкѣ: и онъ тоже ничего не знаетъ, и онъ ни къ чему приступить не можетъ!.. Да; есть много такихъ характеровъ, которые вдали кажутся и огромными и величественными, а вблизи преобидно умаляются... Что въ томъ, что я много наблюдалъ, многому выучился, многое вычиталъ?.. что въ томъ пользы, говорю я, когда у меня руки не поднимаются, ноги не ходятъ? Все это знаніе больше ничего, какъ слова, слова, слова... Да и вся жизнь моя не болѣе, какъ противорѣчія, противорѣчія, противорѣчія...

М. НЕПАНОВЪ.

ДОМБИ И СЫНЪ.

Романъ

ЧАРЛЗА ДИККЕНСА.

Переводъ съ англійскаго.

=

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА I.

Предметъ изученія любящаго сердца.

Сэръ Барнетъ и лэди Скеттльсъ, очень-добрые люди, жили на хорошенькой дачѣ около Фулэма, на берегахъ Темзы. Мѣсто ихъ жительства было выгоднѣе всѣхъ прочихъ въ то время, когда шляпки гонялись на греблѣ по рѣкѣ; но зато оно имѣло въ другія поры свои маленькія неудобства, въ числѣ которыхъ можно назвать случайное появленіе рѣки въ гостиной и современныя этому исчезновенія луговъ и кустарниковъ.

Сэръ Барнетъ Скеттльсъ обыкновенно выражалъ свою личную значительность древнею золотою табакеркой и неизмѣримымъ шелковымъ носовымъ платкомъ, который вынималъ всегда съ особенною торжественностью, развертывалъ какъ знамя и употреблялъ, держа въ обѣихъ рукахъ. Целью жизни сэра Барнета было постоянное расширеніе круга его знакомства. Сэръ Барнетъ любилъ также знакомить людей другъ съ другомъ. На-примѣръ, если ему удавалось залучить на свою гостепріимную дачу какого-нибудь сельскаго джентльмена или новаго знакома, онъ говаривалъ на дру-

гой же день его посѣщенія: «А что, мой почтенный сэръ, есть ли здѣсь кто-нибудь, съ кѣмъ бы вы желали сойтись? Какого разбора людей предпочитаете вы: писателей, живописцевъ, скульпторовъ, актёровъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ?» Гость, по всей вѣроятности, отвѣчалъ «да» и называлъ кого-нибудь, принадлежащаго къ одному изъ исчисленныхъ разрядовъ. Хотя сэръ Барнетъ имѣлъ съ этимъ писателемъ, артистомъ или ученымъ столько же личныхъ сношеній, сколько съ Птоломеемъ-Великимъ, но онъ увѣрялъ, что знакомъ съ нимъ очень-хорошо и непременно пригласить къ себѣ.

Въ тотъ же день онъ отправлялся къ нему съ визитомъ, оставляя свою карточку и писалъ лаконическую записку: «Почтенный сэръ, «неизбѣжное зло при вашемъ высокомъ значеніи въ области науки (или искусствъ, какъ приходилось)... одинъ изъ друзей моего «дома питаетъ весьма-естественное желаніе, разделяемое мною и леди Скеттльсъ... увѣренъ, что гевій выше свѣтскихъ церемоній... «вы окажете намъ особенное отличіе, доставя намъ удовольствіе «вашего общества, и прочая, и прочая». И такимъ образомъ онъ убивалъ двухъ птицъ однимъ камнемъ.

Вооружившись, по обыкновенію, табакеркой и носовымъ платкомъ, сэръ Барнетъ Скеттльсъ предложилъ свой неизбѣжный вопросъ Флоренсъ, въ первый же день ея пріѣзда. Флоренса, поблагодаривъ его и увѣряя, что у нея нѣтъ особенныхъ друзей, вспомнила съ болью въ сердцѣ о проившемъ безъ вѣсти Валтеръ. Когда сэръ Барнетъ повторилъ свое радушное предложеніе, говоря: «Моя милая миссъ Дѣмби, точно ли вы помните, что нѣтъ никого, съ кѣмъ бы вашъ почтенный папа — которому прошу передать лучшіе наши комплименты — желалъ видѣть васъ болѣе близкою?» — она невольно потушила глаза, и голосъ ея трепеталъ при кроткомъ отрицательномъ отвѣтѣ.

Скеттльсъ-Младшій, въ туго-накрахмаленномъ галстухѣ и съ значительно-укрошеннымъ духомъ, проводилъ каникулы дома. Его не очень радовали убѣжденія почтенной матери, чтобъ онъ какъ можно былъ внимательнѣе къ Флоренсъ. Другимъ горемъ юноши было общество доктора Блимбера и мистриссъ Блимберъ, приглашенныхъ гостить подъ его родительскимъ кровомъ; молодой джентльменъ часто отъивался отъ нихъ, что желаетъ имъ проводить время каникулъ въ Иерихонѣ.

— Не укажете ли вы на кого-нибудь, докторъ Блимберъ? сказалъ ему тогда сэръ Барнетъ.

— Вы очень-любезны, сэръ Барнетъ. Право, я не могу припомнить никого въ особенности. Я люблю изучать своихъ собратій вообще, сэръ Барнетъ. Что говоритъ Теренцій? Каждый, у кого есть сынъ, занимателецъ для меня.

— А не желаетъ ли мистриссъ Блимберъ видѣть какого-нибудь знаменитаго ученаго?

Мистриссъ Блимберъ отвѣчала, что сочла бы себя особенно-сча-

ставлю, еслибъ сэръ Барнетъ могъ познакомить ее съ Цицерономъ; но какъ это неудобносполнимо, то она довольствуется радушиемъ и дружескимъ расположеніемъ, которыми ее удостоиваютъ сэръ Барнетъ и леди Скеттльсъ.

Такимъ-образомъ, сэръ Барнетъ увидѣлъ себя въ необходимости ограничиться собравшимися у него гостями, чему Флоренса была очень-рада, потому-что ей предстояло между ними изученіе одного предмета, весьма-близкаго сердцу и занимавшаго ее больше всѣхъ другихъ.

Въ домъ, гдѣ она гостила, было пѣсколько дѣтей, столько же откровенныхъ и счастливыхъ съ своими отцами и матерями, какъ розовыя личики, на которыя она часто грустно засматривалась черезъ улицу изъ своего уединенія. Дѣти эти не знали принужденія и свободно обнаруживали любовь свою. Флоренса старалась постичь ихъ тайну, добиться, чего не достаетъ ей самой, узнать, какое простое искусство извѣстно имъ и неизвѣстно ей; какимъ образомъ научиться у нихъ показать отцу, что она его любитъ и приобрести себѣ любовь его.

Много дней сряду наблюдала Флоренса этихъ дѣтей. Много разъ, рано по утрамъ, вставала она съ восходомъ солнца, прохаживалась взадъ и впередъ по берегамъ рѣки прежде, чѣмъ кто-нибудь поднимался въ домъ, заглядывала въ окна ихъ комнатъ и думала о спящихъ дѣтяхъ, которыхъ такъ лелѣять, о которыхъ такъ нѣжно заботятся. Флоренса чувствовала себя тогда больше одинокою, чѣмъ въ огромномъ опустѣломъ домѣ; она иногда думала, что ей тамъ лучше, чѣмъ здѣсь, и что она была спокойнѣе, скрываясь тамъ, нежели находясь здѣсь въ обществѣ дѣтей однихъ съ нею лѣтъ и вида, какъ много она отъ нихъ отличается. Но она рѣшилась постичь ихъ тайну и оставалась среди ихъ, терпѣливо надѣясь достигъ своей цѣли.

Но какъ узнать это? Какъ замѣтить начало? Тутъ были дочери, встававшія утромъ и ложившіяся спать поздно вечеромъ; они уже обладали сердцами своихъ отцовъ: имъ не приходилось превозмогать отвращеніе, бояться холодности, разглаживать сердитонахмуренныя брови. По мѣрѣ того, какъ утро подвигалось и роса высыхала на цвѣтахъ, на травѣ, отворялись окна ихъ комнатъ; онѣ бѣгали и рвзвнялись по дугу, и Флоренса, глядя на ихъ юныя, веселыя лица, думала: чему ей можно научиться отъ этихъ дѣтей? Ей у нихъ уже поздно было учиться! Каждая дѣвочка могла безбоязненно подбѣгать къ отцу, протягивать губки для ожидавшаго ихъ поцалуя, обвивать рукою шею, наклонившуюся для принятія этой дѣтской ласки. Она не могла начать такую смѣлостью. О, неужели ей оставалось все меньше и меньше надежды по мѣрѣ того, какъ она наблюдала!

Она очень-хорошо помнила, что даже ограбившая ее старуха—когда еще она была маленькимъ ребенкомъ—старуха, которой домъ, лицо, всѣ слова и жесты остались неизгладимо въ ея памяти,—что и эта

старуха говорила съ нѣжностью о своей далекой дочери; и какъ страшно она плакала въ мученіи безнадежной разлуки съ своимъ дитятей! Но и ея покойная мать любила нѣжно дочь свою. Тогда, по-временамъ, обращаясь мыслями къ безднѣ, отдѣлявшей ее отъ отца, Флоренса начинала трепетать, и слезы выступали у нея на глазахъ, при мысли, что еслибъ мать была жива, то, можетъ-быть, и она охладѣла бы къ ней за недостатокъ того качества, которое могло бы привязать къ ней отца. Она чувствовала, что омрачаетъ этимъ свѣтлую память матери, что это не имѣетъ никакого основанія и вовсе несправедливо; но она до такой степени усиливалась оправдать жестокосердіе отца и считать себя одну виноватою, что была не въ силахъ удержать подобнаго предположенія, промелькавшаго мимолетнымъ зловѣщимъ облакомъ въ умъ ея.

Въ числѣ прочихъ гостей, пріѣхала, вскорѣ послѣ Флоренсы, престланная дѣвочка, годами тремя моложе ея, также сирота, въ сопровожденіи своей тѣтки, почтенной съдой старушки, которая очень ласкала Флоренсу и очень любила (какъ и всѣ) слушать по вечерамъ ея пѣніе. Старушка тогда садилась подлѣ нея и смотрѣла на нее съ истинно-материнскимъ участіемъ. Дня черезъ два послѣ пріѣзда этихъ посятительницъ, Флоренса, сидя въ одно теплое утро въ садовой бесѣдкѣ, и задумчиво глядя сквозь вѣтви ея на рѣзвившихся на лугу малютокъ, услышала голоса прохаживавшихся близехонько подлѣ нея тѣтки и племянницы, которыя говорили о ней. Она вила въ это время цвѣточные вѣнки для одной дѣвочки, любимицы всего общества.

— Флоренса такая же сирота, какъ и я, тѣтушка? спросила дитя.

— Нѣтъ, мой ангелъ. У нея нѣтъ матери, но отецъ живъ.

— Она въ траурѣ по своей бѣдной мамѣ? воскликнула съ живостью дѣвочка.

— Нѣтъ, по брата.

— У нея нѣтъ другаго брата?

— Нѣтъ.

— А сестры?

— Нѣтъ.

— Ахъ, какъ мнѣ жаль ея!

Онѣ приостановились и молча посмотрѣли нѣсколько минутъ на гребниѣ мимо лодки. Флоренса, услышавъ свое имя, встала-было и собрала цвѣты, чтобъ выйти изъ бесѣдки, но сѣла опять и снова принялась за работу, надѣясь не слышать ничего больше. Разговоръ, однако, вскорѣ возобновился.

— Флоренсу здѣсь всѣ любятъ, и она, право, стоить этого, сказала серьезно дѣвочка.—Гдѣ же ея папа?

Тѣтка послѣ краткаго молчанія отвѣчала, что не знаетъ. Выраженіе ея голоса остановило Флоренсу, которая опять хотѣла встать и показаться: она осталась прикованною на мѣстѣ, прижавъ цвѣты обѣими руками къ груди.

— Онъ въ Англии, тѣтушка, надѣюсь?

— Я думаю такъ. Да. Я знаю, что онъ въ Англии.

— Былъ онъ когда-нибудь здѣсь?

— Я полагаю, что нѣтъ... нѣтъ.

— Приведеть онъ къ ней сюда?

— Не думаю.

— Развѣ онъ хромоу, или слѣпоу, или боленъ, тѣтушка?

Цвѣты, которые Флоренса прижимала къ груди, начали высыпаться на землю, когда она услышала эти слова, сказанныя съ такимъ удивленіемъ. Она сжала судорожно цвѣты и въ невыразимой тоскѣ опустила голову.

— Катти, возразила дама послѣ другаго промежутка молчанія:— я скажу тебѣ всю правду о Флоренсѣ, какъ я ее слышала, и вѣрю, что это не выдумка. Только смотри, никому ни слова, моя милая; немногіе знаютъ объ этомъ и она можетъ быть очень-огорчена, если услышитъ, что истина извѣстна здѣсь всѣмъ.

— О, никому, тѣтушка!

— Знаю, знаю. На тебя можно положиться. Я боюсь, Катти, что отецъ Флоренсы мало думаетъ о ней, видитъ ее очень-рѣдко, никогда въ жизни не былъ съ нею ласковъ, а теперь просто набѣгаетъ ея. Она бы нѣжно любила его, еслибъ онъ могъ ее терпѣть, но онъ не хочетъ — хоть тутъ она нисколько не виновата; ее должны любить всѣ добрые и жалѣть о ней.

Еще нѣсколько цвѣтовъ выпало изъ рукъ Флоренсы; оставшіеся были влажны, но не отъ росы.

— Бѣдная Флоренса! милая, добрая Флоренса! кричала дѣвочка.

— Знаешь ли, зачѣмъ я тебѣ объ этомъ рассказала, Катти?

— Чтобъ я была съ нею очень-ласкова и старалась угождать ей. Такъ, тѣтушка?

— Отчасти, но не совсѣмъ. Хоть мы и видимъ ее веселою, съ милою улыбкой для всѣхъ, готовую угождать всѣмъ намъ; хоть намъ кажется, что она здѣсь веселится, а ей не можетъ быть весело и радостно. Какъ ты думаешь, Катти?

— Я боюсь, что нѣтъ.

— И ты можешь понять отъ-чего, когда она видитъ дѣтей, которыхъ любятъ и ласкаютъ родители, которыми гордятся родители — какъ многими здѣсь — отъ-чего ей въ тайнѣ можетъ быть очень-грустно?

— Да, милая тѣтушка, очень-хорошо понимаю. Бѣдная Флоренса!

Еще нѣсколько цвѣтовъ выпало на землю, а оставшіеся въ рукахъ дрожали, какъ отъ дуновенія осенняго вѣтра.

— Катти, сказала дама серьезнымъ, но кроткимъ и спокойнымъ голосомъ, произведшимъ на Флоренсу съ самаго начала такое впечатлѣніе: — изъ всѣхъ дѣтей, которыя здѣсь, ты одна можешь быть для естественнымъ и безвреднымъ другомъ; у тебя нѣтъ такъ вредныхъ средствъ, какія у болѣе-счастливыхъ дѣтей...

— О, тётушка, нѣтъ дѣтей счастливѣе меня! воскликнула дѣвочка, прижимаясь къ тёткѣ.

— Какія у другихъ дѣтей, чтобъ напоминать ей о ея несчастіи. Вотъ почему я хочу, чтобы ты старалась всячески подружиться съ нею. Ты лишилась родителей, когда, благодаря Бога, не могла еще понимать всей тяжести этой потери—вотъ почему ты больше другихъ имѣешь правъ на дружбу бѣдной Флоренсы.

— Но вы меня любите, тётушка, и всегда любили...

— Какъ бы то ни было, мой дружокъ, но твое несчастіе легче, чѣмъ несчастіе Флоренсы: нѣтъ на свѣтѣ сироты больше покинутой, какъ дитя, котораго не хочется любить живой отецъ.

Цвѣты рассыпались на землю, какъ пыль; осиротѣлая Флоренса закрыла себѣ лицо руками, опустила на траву и плакала долго и горько.

Однако, она не отказывалась отъ достиженія своей цѣли; ея господствующею мыслью было: отецъ не знаетъ, какъ она его любить, слѣдственно, должно употребить всѣ усилія, чтобъ рано или поздно сердце отца постигло это; а между-тѣмъ, не должно дозволить себѣ ни одного необдуманнаго слова, взгляда, жеста, нечаяннаго увлеченія чувства, которое могло бы обвинить отца и подать поводъ къ разговорамъ, въ родѣ слышаннаго ею недавно.

Въ обращеніи своемъ съ дѣвочкою, которую она очень полюбила и которую имѣла столько причины помнить, Флоренса не забывала объ отцѣ. Если она будетъ показывать ей свою привязанность слишкомъ-явно, этимъ утвердится въ мысляхъ, по-крайней-мѣрѣ, одной особы мысль, что отецъ ея жестокъ и безчувственъ. Слышанный изъ бесѣдки разговоръ заставилъ ее воздерживать свою собственную склонность къ ребенку, чтобъ охранить репутацію отца.

Когда собирались въ кружокъ для чтенія вслухъ, и въ повѣсти упоминалось о нечадолюбивомъ отцѣ, она страдала, боясь, чтобъ кто-нибудь не примѣнилъ этого мысленно къ ея отцу. Всякое обстоятельство подобнаго рода тревожило ее, и она часто помышляла о возвращеніи въ старыи, опустѣлый домъ, подъ угрюмою тѣнью котораго душа ея нашла бы себѣ отдыхъ и спокойствіе.

Флоренса продолжала изучать свою науку съ терпѣніемъ и постоянствомъ. Она часто выходила рано утромъ, чтобъ наблюдать дѣтей бѣдныхъ и научиться хоть отъ нихъ тому искусству, котораго она никакъ не могла постичь, глядя на собравшееся въ домъ сэра Барнета юное общество. Но и дѣти бѣдныхъ людей ушли для нея слишкомъ-далеко впередъ: ихъ давно уже любили, и передъ ними не было желѣзнаго затвора у входа въ родительское сердце.

Былъ одинъ работникъ, котораго она часто замѣчала трудящимся рано утромъ, и подлѣ него дѣвочку, почти однихъ лѣтъ съ нею. Онъ былъ очень-бѣденъ и не имѣлъ, по-видимому, никакого постояннаго промысла: въ малую воду онъ скитался по обмелзаннымъ берегамъ рѣки и отыскивалъ въ илу и тинѣ об-

рыбки тряпья и кусочки железа; то обрабатывалъ жалкій клочекъ неблагодарной ночвы передъ своею хижиной; то починивалъ или замазывалъ дранную, старую лодку, ему принадлежавшую, или дѣлалъ что-нибудь въ томъ же родѣ для сосѣда, какъ приходилось. Но надъ чѣмъ бы онъ ни трудился, дѣвочка оставалась всегда праздною и сидѣла подлѣ него въ дремотномъ, полубезчувственномъ состояніи.

Флоренсъ часто хотѣлось заговорить съ этимъ бѣднякомъ, но у нея не доставало духу, тѣмъ болѣе, что онъ не дѣлалъ ни шага ей на встрѣчу. Однажды утромъ, случилось ей, однако, очутиться близехонько подлѣ него, когда онъ разогрѣвалъ смолу, чтобъ залить проконопаченную лодку, лежавшую вверхъ килемъ подлѣ разведеннаго огня. Услыша шорохъ ея платья, онъ поднялъ голову и пожелалъ ей добраго утра.

— Добраго утра, отвѣчала Флоренса, подходя къ нему еще ближе. — Вы рано за работой.

— Я бы радъ былъ начинать еще раньше, миссъ, еслибъ только была работа.

— Развѣ ее такъ трудно найти?

— *Мнѣ* трудно.

Флоренса взглянула на его дочь, которая сидѣла неподвижно, съ поджатыми ногами, съ локтями на колѣняхъ и подперши подбородокъ обѣими руками.

— Это ваша дочь?

Онъ съ живостью поднялъ голову, посмотрѣлъ съ прояснившимся лицомъ на дѣвочку, кинулъ ей и отвѣчалъ: «Да». Флоренса также обратилась къ ней съ ласковымъ пріѣтствіемъ, но та проворчала ей что-то въ отвѣтъ сердито, съ недовольнымъ жестомъ.

— И ей также не достаетъ работы?

Онъ покачалъ головою: — Нѣтъ, миссъ, я работаю за двоихъ.

— Развѣ васъ только двое?

— Да, миссъ. Мать ея умерла десять лѣтъ назадъ. Э-гой! Марта! — онъ свиснулъ ей: — скажи-ка что-нибудь этой хорошенькой барышнѣ!

Дѣвочка повела съ нетерпѣніемъ своими сторбленными плечами и отвернула голову. Дурна, безобразна, капризна, оборвана, грязна — но любима! О, да! Флоренса видѣла, какъ бѣднякъ взглянулъ на свою дочь: она знала человѣка, во взглядъ котораго ей никогда не случилось прочитать то же выраженіе.

— Я боюсь, что моей бѣдняжкѣ сегодня утромъ хуже! сказалъ работникъ, оставя свое дѣло и разсматривая дочь съ состраданіемъ, еще болѣе выразительнымъ на его суровомъ лицѣ.

— Она больна?

Отецъ глубоко вздохнулъ. — Не думаю, чтобъ у моей Марты набралось и пяти дней здоровыхъ въ пять лѣтъ.

— Эй, эй, Джонъ! даже и больше, чѣмъ въ пять лѣтъ, сказалъ сосѣдъ, подошедшій помочь ему съ лодкой.

— Правда. Очень можетъ быть. Она такъ давно, давно больна!

— А ты все баловалъ и нажилъ ее, Джонъ, такъ-что она стала въ тягость и тебѣ и всѣмъ.

— Не мнѣ, нѣтъ, не мнѣ! отвѣчалъ отецъ, снова принимался за свое дѣло.

Флоренса понимала — кто могъ понять это лучше ея? — какъ искренни были слова отца. Она придвинулась къ нему и съ радостью готова была пожать его грубую руку, поблагодарить его за нѣжность къ жалкому предмету, на который все смотрѣли совершенно иначе, нежели онъ.

— Кто бы сталъ баловать мою бѣдняжку — если называть это баловствомъ — когда бы я ее бросилъ?

— Да, да, Джонъ. Ты грабишь себя, чтобъ угодить ей. А она объ этомъ и не думаетъ!

Отецъ снова поднялъ голову и свиснулъ дочери. Марта отвѣтила тѣмъ же сердитымъ движеніемъ, и онъ былъ счастливъ.

— За одно это, миссъ, сказалъ сосѣдъ съ улыбкою тайнаго участія: — чтобъ добиться отъ нея только *этого*, онъ никогда не выпускаетъ ее изъ вида.

— Потому-что прійдетъ когда-нибудь день, когда и половина этого отъ моего несчастнаго дитяти будетъ то же самое, что поднимать мертвеца!

Флоренса осторожно положила нѣсколько монетъ на старую лодку и ушла.

Послѣ разговора съ бѣднымъ работникомъ, Флоренса начала думать, что бы почувствовалъ ея отецъ, еслибъ она вдругъ зачмогла и стала гаснуть, какъ ея покойный братъ? Пойметъ ли онъ тогда, какъ она его любила? Сдѣлается ли она ему тогда милъе? Прійдетъ ли онъ къ ея постели, когда зрѣніе ея отуманится? обвинитъ ли ее, пойметъ ли, зачѣмъ она въ позднюю ночь приходила въ кабинетъ его?

Да, она была увѣрена, что онъ смягчится, когда она будетъ при смерти, будетъ тронуть, вспомнивъ послѣднія минуты жизни маленькаго Поля, и скажетъ: «Милая Флоренса, живи для меня, и мы будемъ любить другъ друга, будемъ счастливы, какъ могли бы быть счастливы многіе годы назадъ!»

Золотистыя струйки, игравшія на стѣнѣ спальни маленькаго Поля, представились ея воображенію частицами потока, мирно текшаго къ мѣсту отдохновенія, гдѣ ее ждутъ, держа другъ друга за руку, нѣжно-любящія ее существа. Она помышляла съ благоговѣйнымъ трепетомъ, но безъ ужаса, о той самой рѣкѣ, о которой такъ часто говорилъ ея братъ, что она уноситъ его.

Отецъ и умирающая дочь еще живо представлялись Флоренсѣ, когда, меньше, чѣмъ черезъ недѣлю, сэръ Барнетъ и леди Скеттльсъ предложили ей прогуляться вмѣстѣ съ ними по большой дорогѣ. Флоренса охотно согласилась, и леди Скеттльсъ велѣла сыну своему

немедленно приготовиться къ прогулкѣ. Ничто не восхищало лэди Скеттльсъ столько, какъ ея первенецъ рука-объ-руку съ Флоренсой.

Молодой Барнетъ, правду сказать, вовсе не чувствовалъ себя отъ этого въ восторгѣ; но кротость Флоренсы обыкновенно примиряла молодого джентльмена съ его участью, и потомъ они шли въ веселѣ-дружественномъ расположеніи духа, сопровождаемые до крайности довольными сэромъ Барнетомъ и лэди Скеттльсъ.

То же случилось и въ этотъ разъ. Флоренса почти успѣла успокоить и развеселить юнаго Барнета, какъ провхалъ мимо нихъ верхомъ какой-то джентльменъ, взглянулъ на все общество съ большимъ вниманіемъ, осадилъ лошадь и воротился, держа въ рукѣ шляпу.

Джентльменъ этотъ особенно пристально смотрѣлъ на Флоренсу. Когда маленькое общество пріостановилось, чтобъ пропустить его впередъ, онъ сперва поклонился Флоренсъ, а потомъ сэру Барнету и его супругѣ. Флоренса не помнила, чтобъ когда-нибудь видѣла его прежде, но невольно вздрогнула отъ его приближенія и отступила назадъ.

— Лошадь моя совершенно смирна, миссъ, увѣрю васъ, сказалъ джентльменъ.

Но не лошадь, а что-то въ самомъ джентльменѣ—чего она сама не могла опредѣлить — заставило ее отшатнуться, какъ-будто почувствовала себя ужасенною.

— Я имѣю честь говорить съ миссъ Дѳмби? сказалъ онъ съ самою пльнительною улыбкой. Флоренса кивнула утвердительно. — Мое имя Каркеръ. Я едва могу надѣяться, чтобъ Дѳмби могла меня помнить иначе, какъ по имени — Каркеръ.

Флоренса, чувствуя странную наклонность къ ознобу, хотя день былъ и жаркій, представила Каркера сэру Барнету и лэди Скеттльсъ, которыми онъ былъ принятъ весьма-благосклонно.

— Тысячу разъ прошу извиненія! сказалъ мистеръ Каркеръ. — Но я завтра ѣду въ Лимингтонъ, къ мистеру Дѳмби: считаю лишнимъ говорить, какъ счастливъ я буду, если миссъ Дѳмби удостоитъ меня какимъ-нибудь порученіемъ.

Сэръ Барнетъ угадалъ немедленно, что Флоренса желала бы написать письмо къ отцу, и потому предложилъ воротиться, приглашая мистера Каркера отобдѣвать запросто, въ верховомъ туалетѣ. Мистеръ Каркеръ былъ уже, къ-несчастью, отозванъ; но если миссъ Дѳмби угодно писать, онъ готовъ проводить ее и ждать сколько бы ни было времени. Говоря это съ самою любезною изъ своихъ улыбокъ, онъ наклонился къ Флоренсъ довольно-близко, чтобъ погладить шею лошади; глаза ихъ встрѣтились и ей казалось, будто его взоры высказали ясно: «О «Сынъ и Наслѣдникъ» нѣтъ извѣстій!»

Исчуганная, сконфуженная, отстувившая отъ него по инстинктивному побужденію, Флоренса произнесла едва слышимымъ голосомъ,

что она ему очень-благодарна, но писать не будетъ; ей нечего писать.

— И ничего не пошлете, миссъ Дѣмби?

— Ничего... Скажите ему только, что я его очень, очень люблю!

Не смотря на свое смущеніе, Флоренса подняла голову и обратила къ Каркеру выразительный, умоляющій взглядъ, показывавшій ясно— въ чемъ мистеръ Каркеръ былъ и безъ того убѣжденъ— что между ею и отцомъ нѣтъ никакихъ сношеній. Мистеръ Каркеръ улыбнулся, раскланялся съ величайшею почтительностью и уехалъ, произведя на сэра Барнета и лэди Скеттльсъ весьма-выгодное для себя впечатлѣніе. Флоренсу бросило тогда въ такую дрожь, что сэръ Барнетъ невольно припомнилъ ей народный предразсудокъ, предполагающій, будто въ такихъ случаяхъ кто-нибудь переходитъ черезъ могилу, гдѣ ей суждено поковтѣся. Мистеръ Каркеръ, заворачивая за уголъ, оглянулся назадъ, поклонился и исчезъ, какъ-будто онъ ѣдетъ прямо на кладбище съ этою цѣлію.

ГЛАВА II.

Странная вѣсть о дядѣ Солдѣ.

Капитанъ Коттль, хоть и не лѣнтяй, поднялся, однакожъ, на слѣдующее утро не раньше шести часовъ. Опершись въ своей койкѣ на локоть и протирая глаза, онъ вдругъ раскрылъ ихъ необычайно широко, увидя въ дверяхъ Роба-Точильщика, стоявшаго съ раскраснѣвшимся и встревоженнымъ лицомъ.

— Э-гой! проревѣлъ капитанъ.— Въ чемъ дѣло?

Прежде, чѣмъ Робъ успѣлъ выговорить слово, капитанъ Коттль выскочилъ изъ койки и наложилъ руку на уста его:

— Стопъ, пріятель! Погоди немножко.

Послѣ этого, онъ выпроводилъ его въ другую комнату, заперъ за нимъ двери и черезъ нѣсколько секундъ явился къ нему въ знаменитой синей парѣ платья. Поднявъ руку въ знакъ того, что запрещеніе говорить еще не снято, капитанъ Коттль подошелъ къ шкапнику, налилъ себѣ грокъ, проглотилъ его и поподчивалъ Робъ такимъ же пріемомъ жидкости; потомъ прислонился въ уголъ, устремивъ на вѣстника взоры, блѣдный, какъ только лицо его могло поблѣднѣть, и сказалъ:

— Ну, приводи къ вѣтру!

— То-есть, начать говорить?

— Эй, эй!

— Ну, сударь, рассказывать мнѣ приходится немного, а взгляните сюда!

Робъ вытащилъ связку ключей. Капитанъ осмотрѣлъ ихъ, остался въ своемъ углу и продолжалъ смотреть на Роба.

— И сюда!

Онъ вынулъ изъ кармана запечатанный пакетъ, на который капитанъ вытаращилъ глаза съ такимъ же изумленіемъ, какъ на ключи.

— Когда я проснулся сегодня утромъ, капитанъ, около четверти шестаго, то нашелъ все это у себя на подушкѣ. Дверь лавки была отперта, а мистеръ Джилльсъ уже ушелъ.

— Ушелъ! проревѣлъ капитанъ.

— Пропалъ, сударь, возразилъ струсившій Робъ, невольно отступая назадъ въ другой уголъ.

— «Капитану Коттлю, сударь, написано на ключахъ и на пакетѣ. Клянусь вамъ совѣстью, капитанъ Коттль, больше я не знаю ничего! Хоть тутъ же умереть, капитанъ, ничего не знаю!..»

Капитанъ Коттль взялъ пакетъ, открылъ его и прочелъ:

«Другъ Недъ Коттль. Тутъ моя последняя воля... капитанъ сомнительно взглянулъ на нее:—«и мое завѣщаніе.» Гдѣ завѣщаніе? Что ты съ нимъ сдѣлалъ?

— Я не видалъ его, капитанъ. Не подозревайте невиннаго малюго, капитанъ. Я не дотрогивался до завѣщанія!

Капитанъ Коттль покачалъ головою, выражая, что кто-нибудь долженъ же былъ взять его, и важно продолжалъ читать вслухъ:

«...Котораго не открывай раньше, какъ черезъ годъ, или пока не получишь вѣрнаго извѣстія о моемъ милomъ Валтерѣ, который милъ и тебѣ, Недъ, я увѣренъ.» Капитанъ снова покачалъ головою, очевидно тронутый, но потомъ, какъ-будто желая сохранить свое наружное достоинство, строго взглянулъ на Роба. «Если ты меня больше не увидишь, Недъ, или если обо мнѣ не узнаешь ничего, то вспомни стараго друга, который будетъ помнить и любить тебя до последней минуты. Побереги въ старомъ домѣ хоть съ годъ времени мѣсто для Валтера. Долговъ нѣтъ. Домби все заплачено, а ключи посылаю тебѣ. Не рассказывай объ этомъ и не развѣдывай обо мнѣ: бесполезно. Итакъ, другъ Недъ, вотъ тебѣ все отъ твоего стараго друга Соломона Джилльса.» Въ припискѣ было сказано: «Мальчикъ Робъ, какъ я говорилъ тебѣ, жилъ у меня по хорошей рекомендаціи изъ дома Домби. Если все остальное будутъ продавать съ молотка, Недъ, позаботься о малевкомъ деревянномъ ящикѣ.»

Трудно изобразить положеніе капитана Коттля, который перечиталъ письмо это разъ двадцать отъ начала до конца. Смущенный и разстроенный до крайности, онъ сперва не могъ думать ни о чемъ, кромѣ самаго письма, потомъ, видя передъ собою одного только Роба, онъ почувствовалъ большое облегченіе, вообразивъ его существомъ подозрительнымъ, что выразилъ такъ ясно устремленнымъ на бѣдлага Точильщика взоромъ, что тотъ воскликнулъ:

— О, перестаньте, капитанъ! Какъ вы можете? За что вы на меня такъ смотрите?

— Любезный, не пой, пока тебя не ушибли!

— Да я, право, ни въ чемъ не виноватъ!

— Ну, такъ держи канатъ чисто и отставвайся какъ слѣдуетъ.

Глубоко чувствуя возложенную на него отвѣтственность и желая изслѣдовать дѣло въ подробности, капитанъ рѣшился идти въ лавку пропавшаго инструментальнаго мастера и взять Роба съ собою. Во всю дорогу онъ придерживалъ его за плечо, въ готовности сшибить съ ногъ при малѣйшей попыткѣ къ побѣгу; но какъ подобныхъ покушеній не было, то они пришли въ лавку благополучно.

Отворивъ ставни, капитанъ усялся въ кресла, какъ президентъ грознаго трибунала. Первымъ дѣломъ его было велѣть Робу лечь подъ залавкомъ, точь-въ-точь въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ онъ увидѣлъ на подушкѣ ключи и пакетъ, потомъ отворить двери и показать, какъ онъ тронулся, чтобъ идти къ нему въ Бриг-Плэсъ, предостерегая, однако, Роба, чтобъ онъ не переступилъ черезъ порогъ. Когда все это было сдѣлано и повторено нѣсколько разъ, капитанъ покачалъ головою и рѣшилъ, что обстоятельства затруднительны.

Потомъ, помышляя о возможности найти гдѣ-нибудь трупъ бѣднаго дяди Солля, капитанъ произвелъ тщательный обыскъ по всему дому: осматривалъ со свѣчою погреба, запускалъ свой желѣзный крючокъ за двери, стучался головою о балки и покрылся весь паутиною. Поднявшись въ спальню старика, они нашли, что дядя-Солль не ложился подъ одеяло, но, по-видимому, только прилегъ на покрышку, на которой еще оставался слѣдъ его тѣла.

— А мнѣ сдается, капитанъ, сказалъ Робъ, оглядываясь вокругъ: — что когда мистеръ Джилльсъ входилъ сюда и выходилъ изъ дома такъ часто въ эти послѣдніе дни, то потихоньку выносилъ съ собою разныя маленькія вещи, чтобъ не обратить на себя вниманія.

— Гм! Это почему?

— Да, видите, тутъ нѣтъ его бритвеннаго прибора. Нѣтъ щеточекъ, капитанъ. Нѣтъ рубашекъ. Нѣтъ башмаковъ.

Капитанъ Котль осматривалъ съ особеннымъ вниманіемъ весь туалетъ Роба, чтобъ удостовѣриться, нѣтъ ли на немъ котораго-нибудь изъ исчисленныхъ имъ предметовъ. Но Робъ еще не употреблялъ бритвы, не былъ ни вычищенъ, ни причесанъ, и носилъ костюмъ, уничтожавшій всякое подозрѣніе.

— А ты какъ думаешь, когда онъ вышелъ сегодня отсюда?

— Я думаю, капитанъ, онъ ушелъ вскорѣ послѣ того, какъ я началъ храпѣть.

— А въ которомъ часу это случилось?

— А почему я знаю, капитанъ! Я сначала всегда сплю очень-крѣпко, а потомъ очень-легко. Еслибъ мистеръ Джилльсъ прошелъ

черезъ лавку омоло разсѣта, такъ хотъ иди онъ на ципочкахъ, и бы непременно услышалъ, какъ онъ отворялъ двери.

Обдумавъ должнымъ образомъ это показаніе, капитанъ разсудилъ, что инструментальный мастеръ исчезъ въ-свѣдствіе принятаго раньше намъренія, но куда и зачѣмъ? Припоминая странные приемы старика и прощаніе его съ нимъ самимъ... непостижимо жаркое тогда, но совершенно понятное теперь... капитанъ дошелъ до ужасной мысли, что дядя Солль, подавленный горестью объ отъѣздѣ Валтера и измученный безпокойствомъ на-счетъ его теперешней участи, покусился, въ припадкѣ помъшательства, на самоубійство.

Огорченный и разстроенный до крайности, онъ стелъ справедливымъ освободить Роба изъ-подъ ареста, который наложилъ на него. Нанявъ сидѣльца изъ лавки ростовщика Брогли, чтобъ смотрѣть за инструментальною лавкой въ ихъ отсутствіи, капитанъ взялъ Роба съ собою, и они пошли вмѣстѣ отыскивать брѣнные останки Соломона Джилльса.

Жесткая лакированная шляпа заглядывала во всѣ закоулки Лондона: у пристаней, между судами, на отмеляхъ, вверху по рѣкѣ, внизъ по рѣкѣ, въ рабочіе дома, въ магазины костей, вездѣ и всюду. Цѣлую недѣлю капитанъ читалъ всѣ объявленія о найденныхъ утопленникахъ и самоубійцахъ, а потомъ отправлялся осматривать маленькихъ юнговъ, свалившихся, вѣроятно, за бортъ, или темнобородыхъ иностранцевъ, отравившихъ себя ядомъ, — всѣхъ осматривалъ, чтобъ убѣдиться «точно ли это не старый Солль?»

Наконецъ, капитанъ Коттль оставилъ эти попытки, какъ безнадежныя, и сталъ придумывать, къ чему прибѣгнуть теперь? Перечитавъ еще нѣсколько разъ письмо своего пропавшаго друга, онъ остановился на просьбѣ его «сберечь мѣсто Валтеру въ старомъ домѣ». Но какъ для этого необходимо было покинуть квартиру въ домѣ инстрессъ Мек — Стинджеръ, чему эта рѣшительная женщина непременно сильно воспротивится, то капитанъ принялъ отчаянное намъреніе убѣжать отъ нея.

— Слушай, молодець, сказалъ онъ Робу, рѣшаясь исполнить этотъ замыселъ:—завтра до ночи я не буду на здѣшнемъ рейдѣ... можеть-быть, до полуночи. Но ты стой на вахтѣ, пока не услышишь мой стукъ... тогда сію же минуту бѣги отворишь дверь.

— Очень-хорошо, капитанъ.

— Ты останешься здѣсь на порціи и можешь дождаться производства, если мы будемъ дружно грести заодно. Но только-что ты услышишь стукъ въ двери, смотри же, не зъвай!

— Непременно, будьте спокойны, капитанъ.

— Ты понимаешь, прибавилъ онъ, воротясь назадъ, чтобъ напечатлѣть свои инструкціи еще глубже:—очень можеть быть погоня: меня могутъ захватить, пока я стану ждать у дверей, если ты опоздаешь отворить ихъ.

Робъ снова увѣрилъ капитана въ своей неусыпной бдительности, и капитанъ, сдѣлавъ такія предусмотрительныя распоряженія,

пошелъ домой въ послѣдній разъ подъ кровъ мистриссъ Мэк-Стинджеръ.

Чувствуя, что это въ послѣдній разъ, капитанъ ощущалъ смертельный страхъ при одной мысли о мистриссъ Мэк-Стинджеръ; одинъ шумъ шаговъ ея по лѣстницѣ бросалъ его въ дрожь. Мистриссъ Мэк-Стинджеръ какъ-будто нарочно была въ самомъ оборотительномъ расположеніи духа, кротка, какъ агнецъ. Совесть капитана терзалась невыносимо, когда она пришла къ нему съ вопросомъ, чего онъ желаетъ себѣ къ обѣду.

— Хорошенькій пуддингъ изъ почекъ, кэптенъ Коттль, или кусокъ баранины? Не думайте о моихъ трудахъ.

— Нѣтъ, благодарствуйте, мамъ.

— Или жареную курицу съ начинкой и соусомъ изъ яицъ? Говорите-ка, кэптенъ Коттль! Угощайте себя.

— Нѣтъ, благодарствуйте, мамъ, возразилъ капитанъ очень-смирненно.

— Вы что-то не въ духъ и вамъ нужно возбуждительное: почему бы не выпить бутылочку шерри?

— Прекрасно, мамъ. Если вы будете такъ добры, что выпьете рюмку или двѣ, то можно попробовать. Не сбѣлаете ли вы мнѣ одолженіе, мамъ, спросилъ капитанъ, растерзанный въ клочки совестью: — не примете ли за квартиру впередъ?

— А зачѣмъ, кэптенъ Коттль?

Капитанъ струсилъ до смерти. — Да, знаете, вы меня этимъ очень обяжете: у меня деньги плохо держатся, и я былъ бы вамъ благодаренъ.

— Извольте, кэптенъ Коттль. Какъ хотите. Я не могу отказать вамъ ни въ чемъ.

— И не будете ли вы такъ добры, мамъ, не позволите ли предложить вашимъ маленькимъ по полтора шиллинга на брата? Вслабъ вы могли позвать этихъ детей сейчасъ же, а бы очень былъ радъ видѣть ихъ.

Появленіе невинныхъ маленькихъ Мэк-Стинджеровъ вонзало тысячу иголокъ въ виновную грудь капитана. Они явились толпою и окружили его съ доверчивостью, которой онъ такъ мало заслуживалъ. Взглядъ Александра Мэк-Стинджера, его любимца, былъ невыносимъ капитану; а голосъ Джюльены Мэк-Стинджеръ, похожей какъ двѣ капли воды на мать, превратилъ его въ труса.

Не смотря на то, капитанъ выдерживалъ себя и въ продолженіе цѣлаго часа предоставилъ свою особу игривости дѣтей, которыя съ нею нисколько не церемонились. Даже лакированная шляпа не была ими забыта; двое изъ младшихъ Мэк-Стинджеровъ усадились въ нее какъ въ гнѣздо и барабанили внутри ножками. Наконецъ, капитанъ отпустилъ отъ себя эти невинныя созданія съ печалью и ѣдкимъ угрызеніемъ совѣсти, какъ человѣкъ, котораго ведутъ на казнь.

Въ тишинѣ ночной, капитанъ уложилъ все свое болѣе-грузное имущество въ сундукъ, который заперъ съ намѣреніемъ оставить тутъ, по всей вѣроятности, навсегда... развѣ нашелся бы человекъ достаточно-смѣлый и отчаянный, чтобъ прійти и спросить его. Легкій багажъ онъ связалъ въ узелокъ, а серебро положилъ въ карманы. Наконецъ, въ часъ полуночный, когда Бриг-Плэсъ пошелъ въ сладостномъ снѣ, а мистриссъ Мэк - Стинджеръ почивала, окруженная своими малютками, преступный капитанъ прокрался на цыпочкахъ въ сѣни, отперъ въ потьмахъ дверь, затворилъ ее безъ шума и пустился бѣжать сколько доставало силъ.

Преслѣдуемый образомъ мистрисъ Мэк - Стинджеръ, которую представлялъ себѣ выскочившею изъ постели и пустившеюся, не зная на легкость костюма, въ погоню; преслѣдуемый также сознаниемъ въ своемъ преступленіи, — капитанъ отмигивалъ страшные шаги на пути отъ Бриг - Плэса до вывѣски деревяннаго мичмана. Дверь отворилась по первому его стуку — Робъ караулилъ неусыпно — и капитанъ почувствовалъ себя сравнительно въ безопасности не прежде, какъ когда за нимъ заперлись желѣзные затворы.

— У-у-ухъ! Слава Богу!

— Что случилось, капитанъ? кричалъ оторопѣвшій Робъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчалъ капитанъ Коттль, измѣнившійся въ лицѣ и прислушиваясь къ стуку послышавшихся по троттуару шаговъ. — Но замѣть себѣ, пріятель: если какая-нибудь дама, кромѣ тѣхъ двухъ, которыхъ ты здѣсь видѣлъ, прійдетъ сюда и станетъ спрашивать кэптана Коттля, говори, что такого человека здѣсь нѣтъ и такого имени здѣсь никогда не слышали. Слышишь?

— Слышу, капитанъ.

— Можешь сказать, если хочешь, что прочиталъ въ газетахъ о какомъ-то кэптанѣ Коттль, который отправился въ Австралію вмѣстѣ съ цѣлымъ грузомъ переселенцевъ, и что все они поклались никогда не возвращаться въ Англію, слышишь?

Робъ кивнулъ въ знакъ согласія и готовности. Капитанъ отпустилъ его на постель подъ заставокъ, а самъ пошелъ наверхъ въ спальню дяди Солля.

На другой день, каждая проходившая мимо шляпка приводила его въ страхъ, и онъ убѣгалъ изъ лавки наверхъ, спасаясь отъ воображаемыхъ мистриссъ Мэк - Стинджеръ. Фальшивыя тревоги эти повторались такъ часто, что капитанъ провелъ въ нихъ большую часть дня. Среди такихъ утомительныхъ движеній, онъ нашелъ однако время осмотрѣть товары инструментальнаго мастера, которые велѣлъ Робу чистить безъ поспѣху; потомъ выставилъ у окна нѣсколько привлекательныхъ вещей съ билетиками, на которыхъ были выставлены цѣны отъ десяти шиллинговъ до пятидесяти фунтовъ.

Послѣ такихъ улучшеній въ лавкѣ, капитанъ Коттль, окруженный инструментами, почувствовалъ себя человекомъ утонченнымъ.

Какъ торговецъ Сити, онъ сталъ интересоваться лордсми-меромъ, шерифами и коммерческими компаніями; также точно считалъ обязанностью прочитывать въ газетахъ выписки изъ отчетовъ государственнаго банка, хотя и не могъ дать толку въ цифрахъ, которыми они были испещрены. Флоренсу онъ ожидалъ съ того самаго дня, какъ приналь во владѣніе деревяннаго мичмана, но она была далеко въ гостяхъ.

Такимъ-образомъ началъ капитанъ Коттль новый родъ жизни, не имѣя другаго общества, кромѣ Роба-Точильника. Потерявъ, наконецъ, счетъ времени, какъ люди, подверженные большому перемѣнамъ, капитанъ вскорѣ сталъ помышлять о Валтерѣ, Соломонѣ Джиллсѣ и даже о самой мистриссъ Мак — Стинджерѣ, какъ о предметахъ, перешедшихъ уже въ область прошлаго.

ГЛАВА III.

ТѢНИ ПРОШЕДШАГО И БУДУЩАГО.

— Вашъ покорнѣйшій, сэръ, сказалъ майоръ Бэгстокъ. — Годомъ, сэръ; пріятель моего пріятеля Дѳмби долженъ быть и мѳмъ пріятелемъ. Радъ васъ видѣть!

— Каркеръ, я премного обязанъ майору, объяснилъ мистеръ Дѳмби: — за его общество и бесѣду. Майоръ Бэгстокъ оказалъ мнѣ большую услугу, Каркеръ.

Мистеръ Каркеръ-Управляющій, только-что пріѣхавшій въ Личминтѳнъ и представленный майору, показалъ ему оба ряда своихъ бѣлыхъ зубовъ и выразилъ искреннюю признательность за благопріятную перемишу, найденную имъ въ наружности и расположеніи духа мистера Дѳмби.

— Клянусь Богомъ, сэръ, меня благодарить не за что: тутъ дѣло обоюдное. Такой джентльменъ, какъ Дѳмби, сэръ, укрѣпляетъ и возвышаетъ нравственную сторону человѣка.

Мистеръ Каркеръ ухватился за это выраженіе... Нравственную сторону человѣка. Такъ точно. Именно это онъ самъ сейчасъ хотѣлъ сказать.

— Но когда мой пріятель Дѳмби, сэръ, говоритъ вамъ о майорѣ Бэгстокѣ, онъ подразумеваетъ простаго и прямаго Джое, сэръ — Джое Б. — крутаго и тугаго стараго Джоша, сэръ. Къ вашимъ услугамъ!

Мистеръ Каркеръ почувствовалъ необычайную склонность къ майору, и чувства его выразились на каждомъ зубѣ.

— А теперь, сэръ, вамъ съ Дѳмби навѣрно нужно переговорить о кѣлой чертовщинѣ дѣлъ.

— Несколько, майоръ, замѣтилъ мистеръ Дѳмби.

— Вадоръ, вадоръ! Я эти вещи понимаю. Человѣку вашихъ разноръвъ, Домби — колоссу коммерціи — мѣшать не должно. Ваши минуты безцѣнны. Мы встретимся за обѣдомъ, а между-тѣмъ, старый Джое исчезнетъ. Обѣдъ ровно въ семь часовъ, мистеръ Каркеръ.

Съ этими словами, майоръ вышелъ, но черезъ нѣсколько минутъ снова показался въ дверяхъ и сказалъ:

— Извините, Домби, нѣтъ ли къ намъ какого-нибудь порученія?

Мистеръ Домби съ легкимъ замѣшательствомъ поручилъ майору передать его «лучшіе комплименты».

— Годлемъ, сэръ! нужно что-нибудь теплѣе этого; иначе Джое будетъ плохо принять.

— Ну, такъ мое уваженіе, майоръ.

— Надобно что-нибудь еще теплѣе, хе, хе!

— Ну, такъ скажите все, что сами придумаете, майоръ.

— Нашъ другъ, Джое Богстокъ, лукавъ, сэръ, чертовски-лукавъ. Домби! Завидую вашимъ чувствамъ. До свиданія!

— Вы нашли въ этомъ джентльменѣ большую отраду, сказалъ Каркеръ, слѣдуя за нимъ съ зубастою улыбкой.

— Да, дѣйствительно.

— У него здѣсь есть, безъ сомнѣнія, друзья. Я замѣчаю по его словамъ, что вы здѣсь бываете въ обществѣ. Знаете ли вы, что это меня до крайности радуетъ?

Мистеръ Домби шевельнулъ благосклонно головою и повертывалъ между пальцами свою часовую цѣпочку.

— Вы созданы для общества, продолжалъ Каркеръ. — Я не знаю никого, кто бы такъ хорошо могъ наслаждаться обществомъ по своему положенію, по своимъ качествамъ. Знаете ли вы, что я всегда удивлялся, за чѣмъ вы держали отъ себя общество въ такомъ отдаленіи!

— Я имѣлъ свои причины, Каркеръ. Я былъ одинокъ и равнодушенъ къ обществу. Но вы сами человѣкъ свѣтскій...

— О, л! Съ такимъ человѣкомъ, какъ я, дѣло совершенно другое. Я и не сравниваю себя съ вами!

Мистеръ Домби величественно поправилъ галстухъ, прокашлялся и смотрѣлъ нѣсколько мгновеній молча на своего вѣрнаго слугу и поклонника.

— Каркеръ, проговорилъ онъ наконецъ съ трудомъ: — я буду имѣть удовольствіе представить васъ моимъ... то-есть, друзьямъ майора. Очень-пріятные люди.

— Между ними, вѣроятно, есть дамы?

— Тутъ все—то-есть, онѣ обѣ дамы.

— Только двѣ?

— Только двѣ. Я ограничиваюсь знакомствомъ съ ними. Больше я ни у кого не бываю.

— Онѣ сестры, можетъ-быть?

— Мать и дочь.

Пока мистеръ Дѣмби потупилъ взоры и принялся снова поправлять свой галстухъ, улыбающееся лицо Каркера-Управляющаго вдругъ, безъ всякаго перехода, сдѣлалось жадно-испытующимъ, и на немъ отразилась отвратительная, злобная усмѣшка; но лишь только мистеръ Дѣмби снова поднялъ глаза, оно также мгновенно и неумовимо приняло свое прежнее сладкое выраженіе.

— Вы очень-добры, сказалъ онъ. — Мнѣ будетъ чрезвычайно-пріятно познакомиться съ вами. Кстати, говоря о дочеряхъ, я видѣлъ миссъ Дѣмби.

Мистеръ Дѣмби слегка покраснѣлъ.

— Я взялъ смѣлость посѣтить ее, чтобъ узнать, не вздумаетъ ли она дать мнѣ какое-нибудь маленькое къ вамъ порученіе. Она просила только выразить вамъ ея нѣжную любовь.

— Какія у насъ дѣловыя новости, Каркеръ? спросилъ мистеръ Дѣмби послѣ краткаго молчанія, въ-продолженіе котораго Каркеръ вынулъ нѣсколько записокъ и бумагъ.

— Очень-мало. У Ллойда считаютъ «Сына и Наслѣдника» погибшимъ. Чтѣ дѣлать! Онъ былъ у нихъ застрахованъ отъ князя до флагштоковъ.

— Каркеръ, сказалъ мистеръ Дѣмби, садясь подлѣ него:—я не могу сказать, чтобъ этотъ молодой человекъ, Гэй, произвелъ на меня пріятное впечатлѣніе...

— Ни на меня также, прервалъ Каркеръ.

— Но я бы желалъ, чтобъ онъ не былъ на этомъ кораблѣ; я бы желалъ, чтобъ онъ вовсе не былъ посланъ въ Вестиндію.

— Жаль, что вы не сказали этого во-время, возразилъ Каркеръ хладнокровно.—Какъ бы то ни было, все на свѣтъ къ лучшему. Право, я убѣжденъ въ этомъ. Говорилъ я вамъ, что между мною и миссъ Дѣмби было нѣчто въ родѣ маленькой откровенности?

— Нѣтъ, сказалъ мистеръ Дѣмби строгимъ тономъ.

— Я не сомнѣваюсь, замѣтилъ Каркеръ послѣ выразительнаго молчанія:— что гдѣ бы ни былъ молодой Гэй, онъ тамъ лучше, чѣмъ былъ бы здѣсь, дома. Еслибъ я былъ или могъ быть на вашемъ мѣстѣ, то былъ бы этимъ доволенъ. Я этимъ вполне доволенъ. Миссъ Дѣмби молода и довѣрчива... можетъ-быть, для вашей дочери недостаточно горда—если у нея есть какой-нибудь недостатокъ. Но это, разумѣется, ничего не значить. Хотите просмотрѣть вмѣстѣ со мною эти книги?

Мистеръ Дѣмби откинулся въ креслахъ, вмѣсто того, чтобъ наклониться надъ положенными передъ нимъ бумагами, и устремилъ на своего управляющаго пристальный взглядъ. Каркеръ-Управляющій, приподнявъ слегка вѣки, притворился будто смотритъ на цифры и ждетъ, скоро ли мистеру Дѣмби будетъ угодно заняться дѣлами. Онъ показавъ, что дѣлаетъ это притворно, изъ деликатности, какъ-будто щадя отцовскія чувства мистера Дѣмби. Дѣмби, глядя на него, былъ убѣжденъ въ этой деликатности, безъ которой мистеръ Каркеръ высказавъ бы ему еще многое, о чемъ

самъ онъ не рѣшался спрашивать изъ гордости. Каркеръ имѣлъ такую манеру въ дѣлахъ. Мало-по-малу, взглядъ мистера Дѳмби успокоился, и вниманіе его было привлечено дѣловыми бумагами; но, даже занявшись ими, онъ часто приостанавливался и снова пристально взглядывалъ на мистера Каркера, который каждый разъ обнаруживалъ передъ своимъ великимъ вождемъ тѣ же чувства деликатности, что въ началѣ.

Пока они занимались такимъ образомъ, и гнѣвъ, возбужденный ловкимъ управляющимъ, замѣнилъ въ груди мистера Дѳмби прежнее холодное нерасположеніе къ дочери, майоръ Бэгстокъ, сопровождаемый своимъ туземцемъ, шелъ съ утреннимъ визитомъ къ мистриссъ Скьютонъ. Онъ вошелъ къ ней въ самый полдень и напелъ Клеопатру на обычной софѣ, томно пьющую кофе среди совершеннаго мрака, въ комнату, гдѣ все занавѣсы и шторы были опущены. Витерсъ, тощій пажъ, стоялъ въ углу какъ призракъ.

— Какое тамъ нестерпимое существо входитъ сюда? Кто бы вы ни были, ступайте отсюда; я не могу этого вынести! сказала мистриссъ Скьютонъ.

— Не-уже-ли у васъ достанетъ духа изгнать Джое Б., сударыня?

— А, это вы? Подумавъ еще разъ, позволяю вамъ войти.

Майоръ приблизился къ отцвѣтшей красавицѣ и прижалъ ея очаровательную руку къ устамъ своимъ.

— Садитесь, только подальше отъ меня. Я сегодня утромъ ужасно слаба и нервѣзна, а отъ васъ пахнетъ солнцемъ. Вы совершенно-тропическое чудовище.

— Клянусь св. Георгіемъ, мѣ'эмъ, было время, когда Джое Б. жарило и пекло вестиндское солнце, и онъ процвѣталъ въ этой тепличной температурѣ и былъ вездѣ извѣстенъ не иначе, какъ подъ именемъ *цвѣтка*. Тогда не знали Бэгстока, а знали *цвѣтокъ—цвѣтъ нашего*. Цвѣтокъ, можетъ-быть, уже и позабылъ, но растение все еще тугое и крѣпкое, и постоянно зеленѣетъ какъ сосна.

— А гдѣ мистриссъ Гранджеръ? спросила Клеопатра у пажа.

Витерсъ полагалъ, что она въ своей комнатѣ.

— Хорошо, запри дверь и ступай вонъ. Я занята.

Когда Витерсъ исчезъ, она томно повернула голову къ майору и спросила о здоровьи его пріятеля.

— Дѳмби, мѣ'эмъ, возразилъ майоръ съ веселымъ журчаньемъ въ горлѣ:—здоровъ, какъ можетъ быть здоровъ человекъ въ его положеніи. Онъ въ отчаянномъ положеніи, мѣ'эмъ. Онъ тронуть, пронзенъ насквозь!

Клеопатра бросила на майора быстрый взглядъ, который сильно противорѣчалъ ея томной и протяжной рѣчи:

— Майоръ Бэгстокъ, хоть я мало знакома со свѣтомъ—о чемъ и не жалую нисколько, потому-что свѣтъ злобенъ, коваренъ, и великъ убійственнахъ приличій, уидятожающихъ поэзію сердца—

но я понимаю смыслъ вашихъ словъ. Они касаются моей милой Эднел, моего безцѣннаго дитяти!

— Мэ'эмъ, порода Бэгстоковъ всегда была известна тѣмъ, что рубить съ плеча и говорить на-прямикъ. Вы правы, Джое допускаетъ это.

— Чувствую, какъ я слаба. Чувствую, что у меня нѣтъ той энергій, которая бы должна подкрѣплять истинную мамá такой милой дочери; но я исполню долгъ свой. Дѣло идетъ о счастьи моей Эдвел!

Черезъ краткую паузу, въ-продолженіе которой майоръ пыхтѣлъ, одувался и снова пыхтѣлъ съ самыми апоплексическими признаками, Клеопатра продолжала протяжно:

— Мистеръ Дѳмби былъ такъ любезенъ, что посѣтилъ насъ здѣсь, нѣсколько недѣль тому назадъ — вмѣстѣ съ вами, милый майоръ. Мнѣ—и, безъ сомнѣнія, моей милой Эднел—было чрезвычайно-пріятно принимать его у себя. Мы весьма-естественно почувствовали къ нему особенное влеченіе, и мнѣ показалось, будто я замѣтила въ немъ чувствительность сердца, какой въ нашемъ холодномъ обществѣ уже не встрѣтишь.

— Теперь, мэ'эмъ, у Дѳмби осталось чертовски-мало сердца.

— Злодѣй! замолчите ли вы!

— Джое Б. нѣмъ, мэ'эмъ.

— Мистеръ Дѳмби повторилъ свое посѣщеніе и, вѣроятно, находя нѣкоторую привлекательность въ простотѣ нашихъ вкусовъ и нашей натуральности — все натуральное такъ мило! — сдѣлался по вечерамъ нашимъ постояннымъ гостемъ. Мало я помышляла о страшной ответственности, которую взяла на себя, поощривъ мистера Дѳмби. О, какъ я терзалась послѣ, когда истина открылась мнѣ вполне! Вся жизнь моя сосредоточена въ этомъ ангелѣ, Эднел, и мнѣ было суждено видѣть, какъ цвѣтокъ этотъ поникаетъ съ каждымъ днемъ. Говорятъ, что мы очень-похожи другъ на друга?..

— На свѣтѣ есть человекъ, который никогда не допуститъ мысли, чтобъ кто-нибудь могъ походить на васъ, мэ'эмъ; этотъ человекъ—старый Джое Бэгстокъ!

Клеопатра игриво ударила его въерошъ, улыбулась сладостно и продолжала:

— Нельзя выразить, какая трогательная откровенность, какая симпатическая довѣрчивость между нами! Мы всегда жили между собою скорѣе какъ сестры, чѣмъ какъ мамá и дочь...

— Джое Б. имѣлъ эту самую идею пятьдесятъ тысячъ разъ!

— Не прерывайте, суровое созданіе! Каково же мнѣ было, когда я увидѣла, что моя милая Эднел живеть отъ меня тайны, избѣгаетъ разговоръ объ одномъ только предметѣ! Я стала упрекать себя за свою довѣрчивость къ мистеру Дѳмби, которая повела къ такимъ горестнымъ слѣдствіямъ. Надѣюсь, что мистеръ Дѳм-

бы объясните наконецъ и избавите меня отъ этой пытки, несносной, невыносимой! Что мнѣ дѣлать?

Майоръ Бэгстокъ, обошранный дружескимъ тономъ разрумяненной Клеопатры, протянулъ руку черезъ маленькій столикъ и сказалъ съ широкою улыбкой:

— Посовѣтуйтесь съ Джою, мэмъ.

— Что же вы, чудовище, не говорите мнѣ ничего? возразила Клеопатра, ударивъ его нѣсколько разъ по протянутой рукѣ вѣромъ и потомъ положивъ въ нее свои пальчики. — Вѣдь вы меня поняли? Подскажите же мнѣ что-нибудь!

Майоръ засмѣялся, поцаловалъ руку, которою его ошастливили, и потомъ снова засмѣялся.

— Есть ли у мистера Домби столько сердца, сколько я въ немъ полагаю? сказала она томнымъ и нежнымъ голосомъ. — Дѣйствительно ли онъ имѣетъ виды на мое дитя? Что вы присовѣтуете: заговорить ли съ нимъ объ этомъ, или оставить его въ покоѣ? Говорите!

— Вы желаете, чтобъ мы женили его на Эдиен Гранджеръ?

— Таинственное созданіе! Какъ можемъ мы женить его?

— Вы желаете, чтобъ мы женили его на Эдиен Гранджеръ? повторилъ майоръ.

Мистрисъ Скьютонъ не сказала ни слова, но улыбулась майору такъ завлекательно и кокетливо, что онъ рѣшился напечатлѣть подалуй на ея весьма-красныхъ устахъ и сдѣлалъ бы это, еслибъ она не защитила ихъ вѣромъ съ самою очаровательною стыдливостью.

— Домби, мэмъ, славная добыча.

— О, корыстолюбивый злодѣй!

— И Домби, мэмъ, не шутить. Джою Бэгстокъ, продолжалъ онъ, выкативъ глаза до нѣльзя:—говорить это. Джою Б. убѣжденъ въ этомъ и не спускаетъ его съ прицѣла. Предоставьте Домби самому-себѣ. Домби не уйдетъ. Дѣлайте то же, что и прежде, и ничего больше. На счетъ развязки положитесь на Джою Б.

— Вы дѣйствительно такъ думаете, мой милый майоръ? возразила Клеопатра, глядѣвшая на него очень-пристально и очень-внимательно, не смотря на свою томную небрежность.

— Будьте въ этомъ увѣрены, сударыня. Безподобная Клеопатра и ея Антоній, Джою Бэгстокъ, будутъ съ торжествомъ праздновать свой триумфъ въ богатомъ и щегольскомъ домѣ Эдиен Домби. Правая рука Домби здѣсь, мэмъ, присовокупилъ майоръ, котораго лицо сдѣлалось вдругъ серьезнымъ.

— Онъ прѣхалъ сегодня утромъ?

— Сегодня утромъ. Домби ждалъ его съ большимъ нетерпѣніемъ—Джою Б. замѣтилъ это. Джою Б. чер-тов-ски лукавъ и понималъ съ разу, что Домби желаетъ дать знать своей правой рукѣ обо всемъ, не говоря ему ни слова и не совѣгуясь съ нимъ. Домби гордъ какъ Люциферъ.

— Очаровательное качество—какъ оно напоминаетъ Эднѣ!

— Вотъ, мамъ, я и отпустилъ нѣсколько намековъ, которые правая-рука поняла съ разу. Я подбавлю еще, прежде чѣмъ кончатся день. Дѣмби располагалъ устроить прогулку въ Варвикъ—Кэстль и въ Кенильвортъ завтра утромъ, съ тѣмъ, чтобъ напередъ позавтракать всѣмъ вмѣстѣ, у насъ; онъ поручилъ мнѣ передать вамъ это приглашеніе. Не угодно ли взглянуть?

Майоръ, одуваясь и пыхтя, вынулъ изъ кармана бумажникъ и досталъ изъ него записочку, но въ это время вошла Эднѣ, и мистриссъ Скъютонъ, остановивъ своего снѣга поклонника внезапнымъ «тсс, ни слова!», раскинулась въ креслахъ, какъ-будто у нихъ не было никакого особенно-интереснаго разговора. Эднѣ, прекрасная и величественная, но холодная и надменная, бросила проницательный взглядъ на мать, едва обнаружила, что замѣчаетъ присутствіе матери, подсѣла къ окну, отвела занавѣсы и стала смотрѣть на улицу.

— Мой ангелъ, Эднѣ, гдѣ ты пропадала? Я очень, очень нуждалась въ твоёмъ присутствіи.

— Вы сказали, что заняты, и я оставалась у себя, отвѣчала дочь, не оборачивая къ ней головы.

— Вы поступили жестоко съ Джое, сударыня.

— Да, очень-жестоко, знаю, сказала она, продолжая глядѣть въ окно съ такимъ спокойнымъ презрѣніемъ, что майоръ смутился и не нашелъ что отвѣчать.

— Майоръ Бэгстокъ, моя милая Эднѣ, протянула мистриссъ Скъютонъ: — который вообще самое бесполезное и негодное существо въ свѣтѣ, какъ тебѣ извѣстно...

— Нѣтъ нужды, мамъ, употреблять эти обороты рѣчи. Мы совершенно одни и знаемъ другъ друга.

Презрительное выраженіе ея лица, спокойное, но глубокое, было такъ разительное, что предъ нею упало на игнореніе даже жеманство мистриссъ Скъютонъ.

— Мой милый ребенокъ...

— Не-уже-ли еще не женщина? возразила дочь съ улыбкою.

— Ахъ, какъ ты странна! Позволь сказать тебѣ, мой ангелъ, что майоръ Бэгстокъ принесъ намъ сегодня самую милую записочку отъ мистера Дѣмби, который приглашаетъ насъ завтракать и потомъ ѣхать вмѣстѣ въ Варвикъ и Кенильвортъ. Ты поведешь, Эднѣ?

— Поѣду ли! воскликнула красавица, вспыхнувъ и оглянувшись на мать.

— Я знала, что поведешь, дитя мое. Тутъ нѣчего и спрашивать. Вотъ письмо мистера Дѣмби, Эднѣ.

— Благодарю васъ; я не чувствую ни малѣйшаго желанія читать его.

— Такъ я лучше отвѣчу ему сама, хотъ и намѣревалась просить тебя быть моимъ секретаремъ.

Эднѣ молчала и не двигалась, а потому мистриссъ Скьютонъ попросила майора придвинуть къ ней письменный столикъ и начала писать.

— Что сказать ему отъ тебя, Эднѣ?

— Что хотите, мамá.

Мистриссъ Скьютонъ написала по своему усмотрѣнiю и передала записочку майору, который раскланялся дамамъ съ величайшею любезностью и вышелъ. Мистриссъ Скьютонъ отвѣтила майору съ обычнымъ своимъ жеманствомъ, но дочь ея, сидѣвшая у окна и смотрѣвшая на улицу, шевельнула головою такъ незамѣтно, что майору было бы лестнѣе считать себя вовсе-незамѣченнымъ.

— Что за перемѣны въ ней, сэръ! бормоталъ майоръ дорогою:— это вздоръ; Джое Бэгстока такими пустяками не провести. А что до разлада между ними, гм! годдемъ! кажется, тутъ нѣчего сомнѣваться. Прекрасно, сэръ! Домби и Эднѣ Гранджеръ приходятся подъ пару другъ другу. Посмотримъ, чья возьметъ — Джое Б. за побѣдителя!

Наконецъ, переодѣвшись къ обѣду—при чемъ несчастный туземецъ выдержалъ бомбардированiе всеми возможными метательными снарядами, начиная отъ сапога до головной щетки, и выслушалъ самые живописные эпитеты, заставившіе его удивляться богатству англійскаго языка — майоръ спустился въ столовую, для «оживленiя» Домби и его «правой-руки».

Мистеръ Домби еще не приходилъ, но Каркеръ—Управляющій, встрѣтивъ майора, осканилъ ему зубы съ самою обворожительною любезностью.

— Ну, что, сэръ? Какъ вы провели время послѣ того, какъ я имѣлъ удовольствiе съ вами познакомиться? много вы гуляли?

— Всего какихъ-нибудь полчаса. Мы были отчѣмъ-заняты.

— Все дѣла, ге?

— Да, множество разныхъ дѣлъ.. Знаете ли что? я вообще воспитанъ въ школѣ недоувѣрчивости и не имѣю привычки откровенничать; но съ вами, майоръ, нельзя не быть откровеннымъ.

— Вы дѣлаете мнѣ много чести, сэръ. Можете довѣриться мнѣ вполне.

— Такъ, знаете ли, я нашелъ нашего общаго друга...

— Домби, сэръ? Вы меня видите, мистеръ Каркеръ? Джое Б.

Мистеръ Каркеръ выразилъ, что пользуется этимъ удовольствiемъ.

— Такъ вы видите человека, который готовъ пройти огонь и воду для Домби!

Мистеръ Каркеръ улыбнулся и сказалъ, что нисколько въ этомъ не сомнѣвается.

— Знаете ли, майоръ? продолжалъ онъ:— я нашелъ нашего общаго друга гораздо-менѣе обыкновеннаго внимательнымъ къ дѣламъ. Онъ-чего бы это было?

— Не-уже-ли?

Т. LV. — Отд. I.

— Я нашелъ его развѣданнымъ и какъ - будто не въ своей тарелкѣ...

— Клянусь Юпитеромъ, сэръ! Тутъ замѣшана дама!

— Право, и я начинаю думать то же самое. Я полагаю сначала, что вы шутили, когда намекали на это. Вы, военные люди...

— Веселыя собаки, ха, ха, ха! Потому онъ схватилъ мистера Каркера за пуговицу и сообщилъ ему выразительнымъ шепотомъ, вытаращивъ глаза и пощипавъ до нѣльзя: — Женщина удивительно прелестная, сэръ. Молодая вдова, сэръ. Прекрасной фамилии, сэръ. Дѣмби влюбился въ нее больше чѣмъ по уши, сэръ, и партія прекрасная во всѣхъ отношеніяхъ: у Дѣмби богатство, а у нея красота, кровь и таланты — чего лучше! Майоръ приостановился, услышавъ приближающіеся шаги мистера Дѣмби, и присовокупивъ враскорь, что мистеръ Каркеръ увидать ее самъ завтра утромъ, и тогда будетъ имѣть случай судить обо всѣхъ ея совершенствахъ.

Майоръ, подобно некоторымъ другимъ благороднымъ животнымъ, былъ особенно замѣчательнъ во время корма. Въ продолженіе первыхъ двухъ перемѣнъ онъ обыкновенно оставался серьезецъ; но въ этотъ разъ чувствовалъ себя въ необычайно блистательномъ расположеніи духа, которое выражалось тонкими намеками Каркеру и постоянными намеками мистеру Дѣмби.

— Дѣмби, говорилъ майоръ: — вы сегодня какъ-будто на дітѣ; что это значитъ?

— Благодарю, майоръ, я здоровъ, но сегодня не чувствую большаго аппетита.

— Куда же онъ дѣвался, Дѣмби? Вы не оставили его у нашихъ пріятельницъ... готовъ присягнуть! и онъ ничего не ѣлъ за завтракомъ. По-крайней-мѣрѣ, я могу ручаться за одну изъ нихъ... не скажу за которую.

Тутъ онъ сталъ лукаво подмигивать Каркеру и сдѣлался до такой страшной степени лукавымъ, что туземецъ, опасаясь преждевременной кончины своего господина, рѣшился потрепать его по спинѣ, не дождавшисъ приказаній.

Подъ конецъ обѣда, т. е. когда туземецъ стоялъ у локтя майора съ первою бутылкой шампанскаго, онъ сдѣлался еще лукавѣе:

— Наливай до краевъ, мерзавецъ! Мистеру Каркеру и мистеру Дѣмби также. Годдемъ, джентльмены! мы посвящаемъ эти бокалы божеству, котораго знакомствомъ Джекъ гордится и которому поклоняется издали и съ благоговѣніемъ. Имя ея Эдней — ангелъ Эдней!

— Да здравствуетъ ангелъ Эдней! воскликнулъ улыбающійся Каркеръ.

— За здоровье Эдней, конечно, сказалъ мистеръ Дѣмби.

Появленіе слугъ съ новыми блюдами заставило майора приложить палецъ къ губамъ:

— Хоть между нами, джентльмены, Джекъ Бэгстокъ смѣшиваетъ шутки съ серьезнымъ, говоря объ этомъ предметѣ, однако имя,

которое я сейчас произнесъ, слишкомъ священно для слуха этихъ негодяевъ или кого бы то ни было... Ни слова, сэръ, пока они здѣсь!

Такая почтительность со стороны майора понравилась мистеру Домби, который посматривалъ на своего перваго министра и наблюдалъ, какое впечатлѣніе производилъ на него всѣ эти шутки и намеки. Майоръ Бэгстокъ, убдившись въ благосклонности слушателей, принялся рассказывать самые удивительные полковые анекдоты, отъ которыхъ Каркеръ хохоталъ (искренно или притворно) до изнеможенія, а мистеръ Домби выглядывалъ изъ своего накрахмаленнаго галстука, какъ владѣлецъ майора, или какъ искусникъ, довольный тѣмъ, что его медвѣдь хорошо пляшетъ. Когда майоръ уже охрипъ отъ любезности, собесѣдники встали изъ-за стола и нѣтъ подали кофе. Майоръ спросилъ мистера Каркера-Управляющаго, играетъ ли онъ въ пикетъ.

— О, да, немножко.

— А въ экартэ?

— И въ экартэ также.

— Каркеръ играетъ во всѣ игры, и играетъ хорошо, замѣтилъ мистеръ Домби, разлегшись на софѣ какъ деревянный джентльменъ, у котораго не сгибается ни одинъ членъ.

Каркеръ дѣйствительно сыгралъ съ майоромъ по нѣскольку партій каждой игры и обнаружилъ такое искусство, что тотъ изумился и спросилъ наудачу, не играетъ ли онъ и въ шахматы?

— Да, немножко. Иногда мнѣ случалось играть и даже выигрывать, — но это такъ, шалость, — не глядя на шашешницу.

— Годдемъ, сэръ! воскликнулъ майоръ, выпучивъ глаза: — вы совершенный контрастъ съ Домби, который не играетъ ни во что.

— О, онъ! Онъ никогда не имѣлъ случая выучиться этимъ бездѣлицамъ; а такимъ людямъ, какъ я, онъ иногда могутъ пригодиться. Вотъ, хоть, на-примѣръ, теперь, майоръ Бэгстокъ, когда мнѣ предстоитъ удовольствіе похвѣряться съ вами.

Они сѣли играть въ шахматы, и партія продолжалась до ночи. Мистеръ Каркеръ, хотъ и обыгралъ майора, сталъ въ его мнѣніи такъ высоко, что тотъ велѣлъ туземцу свѣтить ему до самой спальни, вдоль по всему корридору.

ГЛАВА III.

ГОРИЗОНТЪ ТЕМНѢЕТЪ.

Мистеръ Каркеръ-Управляющій всталъ вмѣстѣ съ жаворонками и пошелъ прогуливаться. Размышленія его — а онъ размышлялъ съ нахмуренными бровями — едва-ли поднимались въ высоту вмѣстѣ съ жаворонками, или принимали направленіе въ сторону ихъ полета!

скорѣе, она держались ближе къ своему земному гнзду и оглядывались вокругъ себя, среди пыли и червей. Не было, однако, птицы въ воздухѣ, которая бы пѣла невидимѣе и скрывалась отъ человѣческихъ взоровъ далѣе, чѣмъ скрывались мысли мистера Каркера. Онъ такъ хорошо управлялъ своимъ лицомъ, что о выраженіи его немногіе могли бы сказать съ опредѣлительностью болѣе, какъ то, что оно улыбается, или размышляетъ. Теперь на немъ выразилось напряженное размышленіе. По-мърь-того, какъ жаворонокъ поднимался, Каркеръ глубже погружался въ свои мысли. Чѣмъ яснѣе и звучнѣе были напѣвы жаворонка, тѣмъ серьезнѣе дѣлался мистеръ Каркеръ. Наконецъ, когда жаворонокъ спустился стремглавъ внизъ, съ усиленнымъ потокомъ мелодическихъ звуковъ, Каркеръ пробудился отъ своей мечтательности и оглянулся вокругъ себя съ внезапною улыбкой, исполненной вѣжливости и нѣжности, какъ-будто былъ окруженъ многочисленными наблюдателями, изъ которыхъ предстояла возможность извлечь практическую пользу; послѣ этого онъ уже не впадалъ снова въ раздумье, а прояснялъ лицо какъ человекъ опомнившійся и продолжалъ улыбаться, какъ-будто для практики.

Можетъ-быть, имѣя въ виду важность первыхъ впечатлѣній, мистеръ Каркеръ одѣлся въ это утро особенно-тщательно. Онъ легкими шагами ступалъ по лугамъ, зеленымъ полянамъ и скользилъ между аллеями деревьевъ, пока не подошло время завтрака. Направившись къ гостиницѣ ближайшимъ путемъ, мистеръ Каркеръ продолжалъ идти, провѣтривая свои бѣлые зубы, и сказалъ вслухъ:

— Теперь взглянемъ на вторую мистриссъ Дѳмби!

Мистеръ Каркеръ бродилъ за городомъ, и теперь приближался къ городу по пріятной дорожкѣ, отъѣвленной густою зеленою деревьями, между которыми видѣлись по-временамъ скамьи для желающихъ отдохнуть. Мѣсто это было уединенное, въ особенности рано утромъ, и мистеръ Каркеръ, полагая себя въ немъ совершенно-одинокимъ, брелъ по травѣ вокругъ толстыхъ деревьевъ, какъ человекъ праздный, которому есть еще лишняя четверть часа времени и который не торопится.

Вскорѣ, однако, онъ убѣдился, что былъ въ роищѣ не одинъ. Выходя неслышными шагами изъ-за одного толстаго дерева, котораго старая кора походила на шкуру носорога или какого-нибудь чудовищнаго допотопнаго звѣря, онъ увидѣлъ неожиданную фигуру на скамьѣ, близехонько отъ себя. То была дама, шегольски-одѣтая и прекрасная собою; черные гордые глаза ея были устремлены въ землю, и въ нихъ видѣлась внутренняя борьба сильныхъ страстей. Нижняя губа ея была закушена, грудь волновалась, вѣздрѣ трепетали, голова дрожала, слезы негодованія текли по щекамъ, и ножка упиралась на мохъ, какъ-будто ей хотѣлось раздавить его въ прахъ. Тотъ же взглядъ, который увидѣлъ все это, показалъ ему ту же даму, которая встала съ надменнымъ ви-

деи утомленія и отвернулась отъ него, не выражая на лицѣ своемъ ничего, кромѣ небрежной красоты и презрительной величавости.

Оборванная и безобразная старуха, въ роль бродящихъ по страдѣ нищенствующихъ и ворующихъ, наблюдала украдкою гордую красавицу; лишь-только она встала, старуха очутилась передъ нею, какъ выросшій изъ земли грибъ.

— Позвольте вамъ погадать, хорошенькая леди, сказала старуха, шевеля челюстями, какъ-будто скрывавшаяся подъ ея желтою кожей мертвая голова порывалась выбраться.

— Я знаю свою судьбу сама, былъ отвѣтъ.

— Да, да. Можетъ-быть, да не совсѣмъ-вѣрно. Вы загадывали ее не такъ, когда тутъ сидѣли. Дайте мнѣ шиллингъ, и я вамъ расскажу все. На лицѣ вашемъ видны богатства, богатства!

— Знаю, возразила дама, проходя мимо ея гордо и съ иррациональною улыбкой.—Я знала это и прежде.

— Какъ! вы не дадите мнѣ ничего? Не хотите дать мнѣ шиллинга, чтобъ я вамъ погадала? Сколько же вы мнѣ дадите за то, чтобъ я не сказала вамъ будущаго? Дайте шиллингъ, не то я закричу вамъ вслѣдъ вашу судьбу! кричала старуха сердитымъ, злобнымъ голосомъ.

Мистеръ Каркеръ, мимо котораго проходила красавица, выступилъ къ ней на встрѣчу, вѣжливо снялъ шляпу, и, остановивъ старуху, сказалъ ей, чтобъ она замолчала. Дама отблагодарила его легкимъ наклоненіемъ головы и пошла дальше.

— Такъ дайте вы мнѣ что-нибудь, не то я закричу ей вслѣдъ! кричала старуха, порываясь пройти, не смотря на его протянутую руку. — Или, прибавила она, вдругъ понизивъ голосъ, глядя ему пристально въ глаза и забывъ на минуту предметъ своего гнѣва:—дайте мнѣ что-нибудь; не то я закричу ея судьбу вамъ вслѣдъ!

— *Минь?* возразилъ управляющій, запуская руку въ карманъ.

— Да! Я знаю...

— Что же ты знаешь? спросилъ Каркеръ, бросивъ ей шиллингъ.—Знаешь ли ты, кто эта хорошенькая леди?

Старуха зашевелила челюстями сильнѣе, прислонилась къ обрешетному мохому пню, вытащила изъ тульи шляпки черную трубочку, выскла огня, и, закурявъ молча, глядела пристально на вопросителя.

Мистеръ Каркеръ засмѣялся и отвернулся.

— Хорошо! воскликнула старуха.—Одно дитя умерло, а другое живо; одна жена умерла, а другая наготовѣ. Ступайте къ ней!

Мистеръ Каркеръ невольно оглянулся и остановился. Старуха, продолжавшая курить и шевелить челюстями, какъ-будто разговаривая съ невидимымъ бесомъ, указала пальцемъ въ ту сторону, куда онъ шелъ, и засмѣялась.

— Что ты тамъ бормочешь, ведьма?

Старуха не отвѣчала и продолжала курить, жевать и волочить

подбородкомъ. Пробормотавъ ей прощаніе не изъ самыхъ лестныхъ, мистеръ Каркеръ продолжалъ идти своею дорогою; выходя изъ рошницы, онъ еще разъ оглянулся и увидѣлъ старуху, стоящую въ прежнемъ положеніи, съ трубочкою въ зубахъ, съ протянутымъ впередъ пальцемъ. Ему даже показалось, будто она вскрикнула ему вслѣдъ: «Ступайте къ ней!»

Мистеръ Каркеръ нашелъ въ гостинницѣ все въ готовности къ самому изысканному и роскошному завтраку. Мистеръ Дѣмби и майоръ Бэгстокъ ожидали прибытія дамъ—первый, холодный и спокойный, а товарищъ его пыхтелъ и одувался въ сильной степени раздраженія. Наконецъ, туземецъ отворилъ двери настежъ, и черезъ краткій промежутокъ времени появилась разряженная и томная, но уже не молодая дама.

— Милый мистеръ Дѣмби; я боюсь, что мы опоздали, но Эднѣ пошла выбирать хорошенькій пунктъ для пейзажа и задержала меня. Живѣйшій изъ майоровъ (она подала ему визитецъ), здоровы ли вы?

— Мистриссъ Скьютонъ, сказалъ мистеръ Дѣмби: — позвольте ошастливитъ моего пріятеля Каркера (онъ сдѣлалъ особенное удареніе на словъ «пріятель», какъ-будто выражая: такъ и быть, позволю ему поважничать этимъ отличіемъ), представя его вамъ. Вы слышали отъ меня нѣсколько разъ имя мистера Каркера.

— Очень-рада познакомиться съ мистеромъ Каркеромъ.

Мистеръ Каркеръ былъ, разумется, въ восторгъ.

— Скажите, ради самаго неба, гдѣ Эднѣ? воскликнула мистриссъ Скьютонъ.—О, она у дверей, даетъ Витерсу наставленія на счетъ рамокъ къ этимъ рисункамъ! Милый мистеръ Дѣмби, будьте такъ любезны...

Мистеръ Дѣмби уже отправился за Эднѣю. Онъ вскорѣ воротился, ведя подъ руку ту самую щегольски-одѣтую даму, которую Каркеръ встрѣтилъ въ рошницѣ.

— Каркеръ... началъ мистеръ Дѣмби.—Но они уже узнали другъ друга, и мистеръ Дѣмби остановился въ изумленіи.

— Я обязана этому джентльмену, сказала Эднѣ съ величавымъ поклономъ:—за избавленіе меня сейчасъ отъ докучливости какой-то нашей.

— Считаю за особенное счастье, что могъ оказать такую ничтожную услугу дамѣ, которой гордился бы быть преданнѣйшимъ слугою, отвѣчалъ Каркеръ съ низкимъ поклономъ.

Каркеръ замѣтилъ въ свѣтломъ и испытующемъ взглядѣ красавицы подозрѣніе, что онъ втайнѣ наблюдалъ ее до своего появленія въ минуту докучливости старухи; а она замѣтила по его взгляду, что подозрѣніе ея было не безъ основанія.

— Мнѣ очень-пріятно, сказалъ мистеръ Дѣмби съ напыщенною любезностью:—что джентльменъ, столь близкій ко мнѣ, какъ Каркеръ, имѣлъ счастье оказать малѣйшую услугу мистриссъ Грнджеръ; но я завидую ему и жалѣю, что не имѣлъ этого счастья самъ.

— Клянусь Богомъ, сэръ! воскликнулъ майоръ, увидя слугу, пришедшаго съ извѣстіемъ о завтракъ: — мнѣ странно, что никто не можетъ имѣть чести и счастья перестрѣлять всю эту нащен-ствующую сволочь. Но вотъ руна Джое Б., если мистриссъ Грэнджеръ удостоитъ принять ее, чтобъ вѣсти къ столу!

Съ этимъ словомъ, онъ подалъ руку Эдионъ; мистеръ Дѣмби открылъ шестіе, ведя мистриссъ Скьютонъ, а Каркеръ послѣдовалъ за ними, улыбаясь всему обществу.

— Я очень-рада, мистеръ Каркеръ, сказала Клеопатра за завтракомъ, поглядѣвъ на него въ лорнетъ:—вашему удачному прїѣзду. Вы поведете съ нами; а мы предпринимашъ самую обворожительную экспедицію.

— Всякая экспедиція будетъ обворожительна въ такомъ обществѣ, возразилъ Каркеръ:—но я полагаю, что она сама - по-себѣ чрезвычайно-интересна.

— О! замокъ очарователенъ! Воспоминанія среднихъ вѣковъ и все это... Вы вѣрно въ восторгѣ отъ среднихъ вѣковъ, мистеръ Каркеръ?

— Безъ сомнѣнія.

— Прелестныя времена! Сколько въ нихъ энергіи! сколько живописнаго! Какъ они далеки отъ пошлаго, всѣдневнаго!.. О, еслибъ они оставили намъ хоть часть своей поэзіи!

Во все время этихъ чувствительныхъ возгласовъ, мистриссъ Скьютонъ внимательно слѣдила за мистеромъ Дѣмби, который смотрѣлъ на Эдионъ; та слушала, не поднимая глазъ.

— Какія чудесныя картины въ замкѣ! Вы вѣрно восторженный любитель картинъ, мистеръ Каркеръ?

— Увѣрю васъ, мистриссъ Скьютонъ, сказалъ мистеръ Дѣмби тономъ величаваго снисхожденія: — что Каркеръ большой знатокъ въ картинахъ и самъ очень-искусный художникъ. Я увѣренъ, что онъ будетъ въ восхищеніи отъ вкуса и таланта мистриссъ Грэнджеръ.

— Голдемъ, сэръ! воскликнулъ майоръ Бэгстокъ. — По моему мнѣнію, вы преудивительный Каркеръ и умѣете дѣлать все на свѣтѣ.

— О! улыбнулся Каркеръ смиренно. — Вы слишкомъ-любезны, майоръ. Я умѣю дѣлать очень-немногое. Но мистеръ Дѣмби такъ благосклонно оцѣнитъ все бездѣльные знанія, которыя человеку, какъ я, почти необходимо пріобрѣтать, но которыхъ самъ онъ, въ своей далеко-возвышеннѣйшей сферѣ, гораздо-выше, что...

Мистеръ Каркеръ пожалъ плечами и замолчалъ.

Во все это время, Эдионъ не поднимала глазъ. Но когда Каркеръ пересталъ говорить, она взглянула на мистера Дѣмби. Взглядъ былъ мгновенный, но въ немъ виднѣлось презрительное удивленіе, которое не ускользнуло отъ одного наблюдателя, улыбавашагося за другимъ концомъ стола.

— Вы, къ-несчастью, бывали уже въ Варвикъ, мистриссъ Грэнджеръ? спросилъ мистеръ Дѣмби.

— Несколько разъ.

— Значить, эта поездка вамъ наскутитъ.

— О нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ.

— Милая Эднелъ! Ты совершенно какъ твой кузенъ лордъ Фениксъ. Онъ былъ въ Варвикѣ пятьдесятъ разъ, а еслибъ пріѣхалъ въ Лимингтонъ завтра, то вѣрно посетилъ бы въ пятьдесятъ-первый разъ.

— Мы всѣ большіе энтузіасты, мамъ, не правда ли? возразила Эднелъ съ холодною улыбкой.

— Можетъ-быть, слишкомъ-большіе для нашего душевнаго спокойствія, мой ангелъ; но мы вознаграждаемся ощущеніями.

Мистриссъ Скъютонъ кротко вздохнула и съ невинностью глядѣла на свое дитя. Лицо Эднелъ было обращено къ мистеру Дѳмби, когда онъ адресовался къ ней съ своимъ вопросомъ, и оставалось въ томъ же положеніи, пока она говорила съ матерью, какъ будто оказывая ему вниманіе, если онъ хочетъ сказать еще что-нибудь. Въ манерѣ этой простой вѣжливости было что-то особенное; казалось, будто она была вынуждена, будто она была свидѣтельствомъ противнаго торга, отъ котораго отказаться невозможно; въ ней видѣлась борьба гордости съ невольнымъ, но горькимъ униженіемъ, и все это опять не избѣжало вниманія улыбавагося наблюдателя, который утвердился въ мнѣніи, составленномъ о красавицѣ подлѣ деревьями роши.

Мистеръ Дѳмби, которому нечего больше было сказать, предложилъ тронуться въ путь. Коляска ждала у подъезда, и въ ней усѣлись дамы, майоръ и мистеръ Дѳмби; тощій пажъ и туземецъ помѣстились на козлахъ, а мистеръ Каркеръ поѣхалъ верхомъ.

Мистеръ Каркеръ держался шагахъ во стѣ отъ экипажа и наблюдалъ сидѣвшихъ въ немъ во всю поездку, какъ кошка. Куда бы онъ ни обернулъ голову, притворяясь, будто его интересуютъ луга, поля, жилища или бабочки, онъ не сводилъ края глаза съ чепорной фигуры своего патрона, обращеннаго лицомъ къ нему, и съ пера, которое свѣшивалось такъ презрительно и небрежно съ шляпки красавицы. Разъ только, перескакивая черезъ низкую ограду и пустившись въ галопъ черезъ поле, чтобъ опередить экипажъ и очутиться подлѣ дворецъ, когда онъ остановится у цѣли путешествія, спустилъ онъ съ глазъ предметы своей наблюдательности. Помогая дамамъ выйти, онъ встрѣтилъ удивленный взглядъ Эднелъ, но тотчасъ же, когда она оперлась на его руку, видъ ея показывалъ, что она его вовсе не замѣчаетъ.

Мистриссъ Скъютонъ сама вызвалась показать Каркеру всю красоты замка. Она рѣшилась идти подлѣ руку съ нимъ, а также съ майоромъ, котораго подобные спутники должны были излечить отъ варварскаго неуваженія ко всему поэтическому. Такое случайное распоряженіе оставило мистеру Дѳмби полную свободу вести Эднелъ, съ которою онъ пошелъ по заламъ замка съ чинною величавостію.

Мистриссъ Скъютонъ начала съ Каркеромъ восторженный разго-

зорь о прелести прошедшихъ временъ и ихъ романтизмъ; но такъ-какъ она, не смотря на свое восхищеніе, а онъ, не смотря на свою вѣжливость, наблюдали съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ мистера Домби и Эднѣ, то замѣчанія и отвѣты ихъ часто приходились наудачу и невпопадъ. Разсуждая о портретахъ и картинахъ, Каркеръ вдругъ остановился и воскликнулъ:

— О, сударыня! Если вы говорите о картинахъ, вотъ вамъ группа! Какая галерея въ свѣтъ можетъ похвалиться подобною!

Улыбающійся джентльменъ показывалъ въ это время на мистера Домби и Эднѣ, стоявшихъ наединѣ въ серединѣ другой залы.

Они не обмѣнялись ни взглядомъ, ни словомъ. Стоя вмѣстѣ, рука-объ-руку, они казались раздѣленными болѣе, чѣмъ еслибъ между ними протекали моря. Даже въ гордости ихъ было такое различіе, какъ-будто тутъ стояли самое гордое и самое смиренное созданія во всей вселенной. Она, прелестная и граціозная до нѣльзя, но небрежная къ самой-себѣ, къ нему и ко всему окружающему, съ выраженіемъ негодованія на свою красоту, какъ-будто эта красота была ненавистною ливреей, которую она носила по сверхъ-естественному принужденію; онъ, напыщенный, холодный, натянутый, чопорный, накрахмаленный съ ногъ до головы. Оба были такъ противоположны другъ другу; присутствіе ихъ здѣсь казалось такимъ неестественнымъ столкновеніемъ контрастовъ, что казалось, будто окружавшія ихъ картины выражали эту чудную несообразность. Суровые рыцари и мрачные воины смотрѣли на нихъ искоса. Прелать съ поднятою рукою отвергалъ возможность приближенія такой четы къ алтарямъ Божіимъ. Тихія воды на ландшафтахъ, отражавшія въ себя солнечные лучи, спрашивали: не-уже-ли нѣльзя было утопиться, если не предстало другаго спасенія? Развалины кричали: «смотрите сюда и увидите, что случилось съ нами, обрученными съ враждебнымъ временемъ!» Животныя терзали другъ друга, какъ-будто для морали имъ. Амуры и купидоны улетали въ испугъ, и мученичество не представляло подобныхъ терзаній въ своей живописной исторіи пытокъ.

Не смотря на все это, мистриссъ Скьютонъ была такъ восхищена зрѣлищемъ, на которое Каркеръ обратилъ ея вниманіе, что не могла воздержаться и воскликнула почти вслухъ: «О, какъ это очаровательно, какъ исполнено души!» Эднѣ услышала это, оглянулась и вспыхнула отъ негодованія до самыхъ волосъ.

— Моя Эднѣ знаетъ, что я восхищалась ею! сказала Клеопатра, дотронувшись до нея почти съ робостью парасолемъ. — Милое дитя!

Мистеръ Каркеръ снова увидѣлъ внутреннюю борьбу, которую подмѣтилъ такъ неожиданно въ роцъ. И опять надменная, темная усталость и равнодушіе скрыли ее непроницаемымъ облакомъ. Она не взглянула на Каркера, но слѣзала матери едва-замѣтный знакъ приближенія, что та и исполнила немедленно, вмѣстѣ со своими

кавалерами, и во всю остальную прогулку по замку не отходила отъ дочери.

Общество посѣтителей обошло весь замокъ, останавливалось прѣдъ замѣчательныхъ картинъ, оглядѣло стѣны, башни и проч., наконецъ снова ушло въ коляску и побѣхло любоваться окрестными видами. Мистеръ Дѳмби замѣтилъ перемонно, что очеркъ одного изъ мѣстоположеній, набросанный прелестною рукою мистриссъ Гранджеръ, былъ бы ему пріятнѣйшимъ воспоминаніемъ этого очаровательнаго дня, и безъ того весьма-памятнаго. Тошій Витерсъ, державшій подъ мышкою альбомъ Эдней, тотчасъ получилъ повелѣніе подать его, а экипажъ остановился, чтобъ дать Эдней возможность нарисовать видъ, который мистеръ Дѳмби собирался приложить къ своимъ остальнымъ сокровищамъ.

— Я боюсь, не беспокою ли васъ? сказалъ мистеръ Дѳмби.

— Нисколько. Которую сторону желаете вы имѣть? отвѣчала она, обратившись къ нему съ прежнею принужденною внимательностью.

Мистеръ Дѳмби поклонился такъ, что затрещалъ крахмалъ его тугаго галстука, и изъявилъ желаніе предоставить выборъ прекрасной артисткѣ.

— Нѣтъ, прошу васъ, назначайте сами.

— Въ такомъ случаѣ, положимъ, что хоть отсюда. Пунктъ этотъ очень-хорошъ... или, Каркеръ, какъ вы думаете?

Случилось, что на первомъ планѣ, близехонько отъ нихъ, стояла группа деревьевъ, нѣсколько похожая на ту, среди которой мистеръ Каркеръ встрѣтилъ въ то утро Эдней. У одного дерева стояла скамья, и оно очень походило видомъ и характеромъ на то, подлѣ котораго сидѣла взволнованная красавица.

— Осмѣлюсь ли подсказать мистриссъ Гранджеръ, что съ этого пункта видъ долженъ быть очень-интересенъ, даже любопытенъ?

Взоры ея устремились по направленію хлыстка мистера Каркера, и потомъ она быстро взглянула на него. Это былъ второй взглядъ, которымъ они обмѣнялись послѣ свиданія за завтракомъ, и теперь выраженіе его было еще несомнѣннѣе.

— Хотите, чтобъ я рисовала оттуда?

— Я буду въ восхищеніи.

Коляска поѣхала къ тому мѣсту, которое должно было привести мистера Дѳмби въ восхищеніе. Эдней, не вставая съ мѣста, открыла альбомъ и начала рисовать съ своимъ обычнымъ гордымъ равнодушіемъ.

— Карандаши мои притупились..

— Позвольте мнѣ... или Каркеръ сдѣлаетъ это лучше. Каркеръ, прошу васъ, позаботьтесь о карандашахъ мистриссъ Гранджеръ.

Мистеръ Каркеръ подѣхалъ къ самымъ дверцамъ коляски, съ поклономъ и улыбкой взялъ карандаши у мистриссъ Гранджеръ, и принялся очинивать ихъ. Потомъ онъ подавалъ ей карандаши по мѣрѣ надобности, восхищался ея необыкновеннымъ дарованіемъ,

особенно искусствомъ рисовать деревья, смотрѣлъ на ея работу и оставался все время подлѣ нея. Мистеръ Домби стоялъ въ коляскахъ какъ статуя, а Клеопатра и майоръ вѣжничали между собою какъ древніе голубки.

— Довольны вы этимъ, или желаете бѣльшей отдачки? спросила Эднелъ, показывая рисунокъ мистеру Домби.

Мистеръ Домби объявлялъ, что рисунокъ—совершенство въ томъ видѣ, какъ онъ есть, и не нуждается ни въ какой дополнительной отработкѣ.

— Удивительно, превосходно! восклицалъ мистеръ Каркеръ. Рисунокъ былъ отложенъ въ сторону для мистера Домби, альбомъ и карандаши убраны, экипажъ поѣхалъ дальше, а Каркеръ пріотсталъ и снова поскакалъ легкимъ галопомъ вслѣдъ—за обществомъ, думая, можетъ-быть, что рисунокъ этотъ былъ переданъ его патрону какъ вещь сторгованная и купленная; что, не смотря на паружную готовность красавицы, ея надменное лицо, наклоненное надъ бумагою, или взгляды, бросаемыя на рисунокъ, были лицомъ и взглядами гордой женщины, запутанной въ корыстной и противной ея чувствамъ сдѣлкѣ. Но какъ бы ни думалъ мистеръ Каркеръ, онъ улыбался, и когда казалось, что онъ любитъ природою и вполнѣ наслаждается пріятнымъ воздухомъ и прогулкою, онъ все не сводилъ края глаза съ коляски и ея пассажировъ.

Прогулка по разсаженнымъ Кенильворта и поѣздки къ некоторымъ живописнымъ пунктамъ заключили дневную экспедицію. Мистриссъ Скьютонъ и Эднелъ поѣхали домой; мистеръ Каркеръ получилъ благосклонное приглашеніе Клеопатры посѣтить ее вечеромъ, вмѣстѣ съ мистеромъ Домби и майоромъ, чтобъ послушать музыку Эднелъ; наконецъ, трое джентльменовъ отправились обѣдать въ свою гостиницу. Послѣ обѣда, они пошли къ мистриссъ Скьютонъ, у которой, кромѣ нихъ, не было никого чужаго. Рисунки Эднелъ вѣшались на всѣхъ столѣнкахъ; тощій пажъ Витеръ подавалъ чай; Эднелъ играла на фортепьяно и на арфѣ и пѣла. Но даже самая музыка ея выполнялась какъ-будто по заказу мистера Домби. На-примѣръ:

— Эднелъ, мой милый ангелъ, сказала мистриссъ Скьютонъ черезъ часъ послѣ чая: — мистеръ Домби умираетъ отъ желанія послушать тебя.

— У мистера Домби осталось достаточно жизни, чтобъ изъявить это желаніе самому.

— Я буду обязанъ до крайности.

— Чего же вы желаете?

— Фортепьяно? проговорилъ мистеръ Домби нерѣшительно.

— Что хотите. Выбирайте.

Въ-слѣдствіе чего она съѣла за фортепьяно. То же самое было съ арфою, съ пѣніемъ, съ выборомъ пьесъ или арій, которыя она играла и пѣла. Такое холодное и принужденное, но вмѣстѣ съ тѣмъ скорое согласіе на всѣ желанія мистера Домби не изъбыло на-

блюдательнаго взора Каркера; онъ замѣтилъ также, что мистеръ Дѣмби очевидно гордился своею властью надъ красавицею и не упускалъ случая выказать ее. На разставаньи, мистеръ Дѣмби, отъѣсивъ церемонный поклонъ Эдиен, наклонился надъ креслами Клеопатры и сказалъ ей вполголоса:

— Я просилъ у мистриссъ Грэнджеръ позволенія посѣтить ее завтра утромъ, по особенному случаю — и она назначила двѣнадцать часовъ. Могу ли надѣяться имѣть удовольствіе застать васъ дома послѣ этого времени?

Клеопатра была, разумѣется, взволнована до крайности непонятною рѣчью и могла только закрыть глаза и протянуть мистеру Дѣмби руку; а тотъ, не зная навѣрно, чтѣ съ нею дѣлать, выпустилъ ее.

— Дѣмби, да ступайте же! кричалъ майоръ отъ дверей. — Голдемъ, сэръ! старый Джое чувствуетъ сильное желаніе назвать Ройяль-Отель гостиницею *трехъ веселыхъ холостяковъ*, въ честь нашу и Каркера.

Съ этими словами майоръ потрепалъ по спинѣ мистера Дѣмби, лукаво подмигнувъ черезъ плечо дамамъ и увлекъ за собою товарищей.

Мистриссъ Скьютонъ осталась на софѣ, а Эдиенъ подлѣ арфы, и обѣ сидѣли молча. Мать, играя вѣеромъ, взглядывала часто украдкою на дочь, которая мрачно предавалась своимъ мыслямъ, съ потупленными глазами.

Такъ просидѣли онъ цѣлый часъ, не обмѣнявшись ни однимъ словомъ, пока не явилась горничная мистриссъ Скьютонъ, чтобы постепенно приготовить ей ночной туалетъ. Горничной скорѣе бы слѣдовало явиться скелетомъ, съ косою и песочными часами, нежели женщиной, потому-что прикосновеніе ея походило на прикосновеніе самой смерти: Клеопатра превращалась въ старуху, желтую, изнощенную, кивающую, съ красными глазами, собранную какъ вязанка дряхлыхъ костей въ старую фланелевую кофту. Все тѣло ея съживалось, волосы спадали, темныя дугообразныя брови превращались въ клочки съдыхъ волосъ, и раскрашенная старая кокетка дѣлалась морщинистымъ, отвратительнымъ остовомъ. Даже самый голосъ ея перемѣнился, обратясь къ Эдиен, когда онъ снова остались наединѣ.

— Отъ-чего ты мнѣ не сказала, что онъ прійдетъ сюда завтра утромъ по твоему назначенію? спросила старуха рѣзко.

— Отъ-того, что вы это знаете, мамѣ.

Какое насмѣшливое удареніе сдѣлала она на послѣднемъ словѣ!

— Вы знаете, что онъ меня купилъ, продолжала дочь: — или купить завтра. Онъ обдумалъ эту сдѣлку, показалъ ее своему пріятелю и гордится ею. Онъ думаетъ, что сдѣлка выгодна, покупка достаточно дешева, и завтра все будетъ кончено. Боже! Дожить до этого и понимать это!

Совокупите въ одно прекрасное лицо чувство сознанія своего

униженія и пылающее негодованіе ста женщины, сильныхъ гордостью и страстями: и вотъ оно, закрытое бѣлыми, трепещущими отъ негодованія руками!

— Что ты подь этимъ разумьешь? спросила сердитая мать. — Развѣ ты съ дѣтства...

— Съ дѣтства! сказала Эднѣ, глядя ей прямо въ глаза. — Когда была я ребенкомъ? Какое дѣтство оставили вы на мою долю? Прежде, чѣмъ я начала понимать себя, я уже была женщиною — коварной, лукавой, расчетливой, корыстолюбивой, разставляющей сѣти мужчинамъ. Вы произвели на свѣтъ не младенца, а хитрую женщину. Полюбуйтесь на нее. Она теперь въ полномъ блескѣ!

Говоря это, она ударила рукою по своей роскошной груди, какъ будто хотѣла уничтожить себя.

— Взгляните на меня, никогда не знавшую, что значитъ имѣть благородное сердце и любить. Взгляните на меня, наученную лукавству и расчетамъ въ возрастѣ, когда дѣти предаются только невиннымъ ребяческимъ играмъ. Меня выдали замужъ въ юности за человека, къ которому я не чувствовала ничего, кромѣ равнодушія. Взгляните жь на меня, которую онъ оставилъ вдовою, умерши прежде, чѣмъ перешло къ нему ожидаемое наследство — это было справедливымъ наказаніемъ вамъ! — и потомъ скажите сами, какова была моя жизнь десять лѣтъ послѣ того.

— Мы старались всячески пристроить тебя. Вотъ, въ чемъ прошла твоя жизнь. Теперь ты дождалась этого.

— Нѣтъ невольницы на рынкѣ, нѣтъ лошади у барышниковъ, которую бы въ продолженіе десяти постыдныхъ лѣтъ показывали, выставляли и разглядывали такъ, какъ меня, *мама!* воскликнула Эднѣ съ пылающимъ челомъ и тѣмъ же горькимъ удареніемъ на послѣднемъ словѣ. — Развѣ это не правда? Развѣ я не сдѣлалась поговоркою мужчинъ всѣхъ родовъ? Развѣ глушцы, развратники, мальчишки, сумасброды не бѣгали за мною и потомъ не отставали отъ меня одинъ послѣ другаго, потому-что вы были слишкомъ-просты, не смотря на всю вашу хитрость? Развѣ, наконецъ, мы не приобрѣли себя самой незавидной знаменитости? Чему я не подверглась въ половинѣ сборныхъ пунктовъ публики, которые означены на картѣ Англіи? Развѣ меня не навязывали и не выставляли на продажу всюду и вездѣ, пока во мнѣ не умерла послѣдняя искра уваженія къ самой-себѣ? Теперь я себя ненавижу, презираю! И вотъ, въ чемъ состояло мое позднее дѣтство — другаго я не имѣла!

— Ты бы давно могла быть замужемъ, по-крайней-мѣрѣ двадцать разъ, еслибъ достаточно поощрала искавшихъ твоей руки.

— Нѣтъ! воскликнула дочь со всею энергіей бурной гордости и стыда: — тотъ, кому суждено меня взять, возьметъ, какъ этотъ человекъ, котораго я не завлекала и не заманивала ничѣмъ. Онъ увидѣлъ меня на аукціонѣ и вздумалъ купить — пусть покупаетъ! Когда онъ пришелъ для осмотра своей будущей собственности,

или чтобъ сторговать меня, то потребовалъ списокъ моихъ достоинствъ и пожелалъ удостовѣриться въ нихъ — я непрекословно исполняла его желанія, дѣлала все, чего онъ требовалъ, и больше ничего не намѣрена дѣлать. Онъ покупаетъ меня по своей доброй волѣ, оцѣнивъ по-своему и чувствуя могущество своихъ денегъ. Я не подстрекала его ничѣмъ; ни вы не подстрекали... на сколько я могла не допустить этого.

— Элионъ, ты странно говоришь съ своею матерью.

— И мнѣ такъ кажется; мнѣ это еще страннѣе, чѣмъ вамъ. Но воспитаніе мое кончилось давнымъ-давно. Я теперь уже не молода и упала постепенно такъ-низко, что не могу начать идти другимъ путемъ или остановить насъ на вашемъ. Зародышъ всего, что очищаетъ и облагораживаетъ грудь женщины, никогда не волновалъ меня. Мнѣ нѣчѣмъ поддержать себя, когда я презрительна въ своихъ собственныхъ глазахъ. (Она произнесла слова эти съ трогательною грустью, которая вскорѣ исчезла, когда она прибавила съ дрожащими губами:) И такъ, вы видите, мы знатны, но бѣдны, и я очень-довольна тѣмъ, что мы будемъ богаты при помощи *такихъ* средствъ! Могу сказать только въ свое утѣшеніе одно: я исполнила единственное намѣреніе, на которое у меня достало силы, шивя васъ подлѣ себя — я не искушала этого человѣка.

— Этого человѣка! Ты говоришь, какъ-будто ненавидишь его.

— А вы думали, можетъ-быть, что я его люблю? Сказать ли вамъ, продолжала она, устремивъ неподвижный взглядъ на мать: — кто понялъ насъ насквозь, кто постигъ насъ такъ, что я передъ нимъ чувствую себя еще болѣе униженною, чѣмъ передъ самой-собою?

— Ты, кажется, нападаешь на этого несчастнаго... какъ его зовутъ? Каркера! возразила холодно мать. — Мнѣ кажется, что мнѣніе его о тебѣ не помѣшаетъ тебѣ нисколько пристроиться. Зачѣмъ ты такъ смотришь на меня? Или ты нездорова?

Элионъ вздрогнула какъ ужаленная. Голова ея опустилась, и по всему тѣлу пробѣжалъ судорожный трепетъ. Но это длилось только мгновеніе, и она вышла изъ комнаты своею обыкновенною поступью.

Тогда явилась горничная, которой слѣдовало бы быть костлявымъ олицетвореніемъ смерти, и увела Клеопатру въ спальню. Старуха, надѣвъ фланелевую кофту, какъ-будто переродилась: у ней появились педуги дряхлости, и она побрела, кивая головой и опершись на руку своей служанки.

ГЛАВА IV.

ПЕРЕМѢНЫ.

— Наконецъ, Сузанна, пришло время возвратиться въ нашъ старый, тихій домъ! сказала Флоренса своей неизмѣнной миссъ Нипперъ.

— О, да, миссъ Флой, очень-тихий. До чрезвычайности тихий.

— Когда я была ребенкомъ, сказала задумчиво Флоренса: — случалось ли тебѣ видѣть этого джентльмена, который три раза привѣжалъ сюда, чтобъ меня видѣть? кажется, три раза, Сузанна?

— Три раза, миссъ. Въ первый, когда вы гуляли съ этимъ Скеттль...

Кроткій взглядъ Флоренсы остано­вилъ Сузанну.

— Съ сэромъ Барнетомъ и его лэди, поправи­лась она: — и съ молодымъ джентльменомъ, миссъ. А потомъ еще два раза по вечерамъ.

— Когда я была ребенкомъ и гости бывали у папá, приходилъ къ намъ этотъ джентльменъ, Сузанна?

— Право, миссъ, не помню. Я была тогда новая въ домъ.

— Конечно, ты не могла знать всѣхъ, кто бывалъ въ домъ.

— Нѣтъ, миссъ; но когда мы толковали о господахъ и гостяхъ, я помню, что мнѣ случалось слышать, будто этотъ мистеръ Каркеръ былъ у вашего папá почти такимъ же важнымъ джентльменомъ, какъ теперь. Въ домъ говорилъ, миссъ Флой, будто онъ ведетъ всѣ дѣла вашего па́ въ Сити, и управляетъ всѣмъ, и вашъ па́ смотритъ на него больше, чѣмъ на кого-нибудь—а это ему не очень-трудно, миссъ Флой, извините, такъ-какъ онъ не смотритъ ни на кого. Теперь же я слышала отъ этой курицы Черча—хоть онъ и жалкое созданіе, а знаетъ многое, что дѣлается въ Сити—будто вашъ па́ не дѣлаетъ ничего безъ мистера Каркера и пред­оставляетъ ему всѣ дѣла, и дѣлаетъ все, что мистеръ Каркеръ скажетъ. Вотъ какова птичка мистеръ Каркеръ!

Флоренса, сидѣвшая въ раздумьи у окна, стала слушать съ большимъ вниманіемъ и не потеряла ни слова изъ разсказа миссъ Нипперъ.

— Да, Сузанна, онъ въ довѣренности у папá и вѣрно его другъ.

Она остано­вилась на этой идеѣ, которая не покидала ея нѣ­сколько дней. Мистеръ Каркеръ въ оба визита, послѣдовавшіе за первыиъ, принималъ съ нею особенный тонъ обращенія: онъ общалъ ей украдкою и съ таинственнымъ видомъ, что о «Сынѣ и Наслѣдникѣ» все еще нѣтъ никакихъ извѣстій; показывалъ, будто имѣетъ надъ нею некоторую власть, которую кротко удержи-

васть; будто между ними существуетъ довѣренность... Все это удивляло бѣдную дѣвушку и смущало ее. Она не имѣла никакихъ средствъ освободиться изъ паутины, которою онъ ее опутывалъ: для этого нужно было больше знанія свѣта, нужна была хитрость, которая бы могла бороться съ его ловкостью—а бѣдная Флоренса была невинна и неопытна. Правда, онъ сказалъ ей не болѣе какъ то, что о корабль нѣтъ извѣстій, и его почти навѣрное можно считать погибшимъ; но какимъ образомъ могъ онъ знать, почему этотъ корабль такъ сильно интересуется *ее*? почему онъ имѣетъ право обнаруживать передъ *нею* это знаніе такъ мрачно и вкрадчиво?

Такое поведеніе Каркера и привычка думать о немъ съ удивленіемъ и безпокойствомъ, окружили его въ умѣ Флоренсы страннымъ обаяніемъ; онъ пугалъ ее робкое воображеніе, хоть и ни разу не хмурился на нее и глядѣлъ не съ выраженіемъ неудовольствія или ненависти, но всегда съ любезною и свѣтлою улыбкой.

Флоренса, потерявшая надежды возвратить себѣ любовь отца, тревожилась мыслью, что эта инстинктивная боязнь, которую внушалъ ей другъ и повѣренный его, принадлежитъ къ числу недостатковъ, охладившихъ къ ней родительское сердце. Она старалась преодолѣть чувства, отталкивавшія ее отъ мистера Каркера, и такимъ-образомъ, не имѣя никого, кто бы могъ ей посовѣтовать—она и не рѣшилась совѣтоваться ни съ кѣмъ: это показалось бы жалобой на отца... Бѣдная Флоренса носилась по безпокойному морю сомнѣній и надежды; а мистеръ Каркеръ, подобно чешуйчатому чудовищу водной бездны, плавалъ по глубинѣ и не спускалъ съ нея своего блестящаго взгляда.

Все это усиливало желаніе Флоренсы возвратиться домой, гдѣ одинокая жизнь успокоила бы ее робкую душу. Часто думала она о Валтерѣ, особенно въ темныя и бурныя ночи, но всегда съ надеждою; часто текли изъ глазъ ея слезы при мысли о его страданіяхъ, но рѣдко она оплакивала его какъ умершаго, или, если это и случалось, то никогда не было продолжительно.

Она писала къ старому инструментальному мастеру, но не получила никакого отвѣта,—да и записка ея не требовала отвѣта. Въ такомъ положеніи была Флоренса въ утро своего отъѣзда домой.

Докторъ и мистриссъ Блмберъ отправились уже въ Брайтонъ, въ сопровожденіи весьма-неохотно сопутствовавшего имъ юнаго Барнета. Праздники прошли; большая часть гостившихъ на дачѣ дѣтей разъѣхались по домамъ; наставалъ конецъ и долгому посѣщенію Флоренсы.

Былъ, между-прочимъ, одинъ гость, который, хотя и не жилъ въ домѣ сэра Барнета, но оказывалъ его семейству большое вниманіе: мистеръ Тутсъ. Возобновивъ съ молодымъ Барнетомъ знакомство, начатое на прощальномъ балѣ доктора Блмбера, онъ регулярно черезъ день дѣлалъ визиты сэру Барнету, у дверей котораго оставилъ цѣлую калоду визитныхъ карточекъ.

Мистеръ Тутсъ возмнѣвалъ также счастливую мысль не дать семейству Скеттльсовъ забыть себя. Посоветовавшись съ Чиккеномъ, онъ купилъ шести-весельную шлюпку, на руль которой садился самъ знаменитый Боевой-Пѣтухъ, наряженный въ багроваго цвѣта сюртукъ. Еще прежде, чѣмъ началъ свои прогулки по водѣ, мистеръ Тутсъ спросилъ у своего ментора аллегорически, какое бы имя онъ далъ своей лодкѣ, предположивъ, что онъ, Боевой-Пѣтухъ, былъ влюбленъ въ особу по имени Мери? Чиккенъ отвѣчалъ съ обычными энергическими восклицаніями, что назвалъ бы лодку не иначе, какъ «Поллю» (*) или «Восторгомъ Чиккена». По зрѣломъ размышленіи, мистеръ Тутсъ рѣшился окрестить свою шлюпку именемъ: «Радость Тутса» — это будетъ тонкимъ, деликатнымъ комплиментомъ Флоренсъ.

Въ шегольской шлюпкѣ, развалившись на малиновыхъ подушкахъ и провѣтривая свои башмаки на воздухъ, мистеръ Тутсъ катался ежедневно по Темзѣ, около сада сэра Барнета; а Чиккенъ, правя рулемъ, дѣлалъ эволюціи и завороты, отъ которыхъ все прибрежные жители приходили въ изумленіе. Но каждый разъ, какъ мистеръ Тутсъ замѣчалъ кого-нибудь въ саду, на краю рѣки, онъ притворялся, что очутился тутъ совершенно-нечаянно, по стеченію самыхъ случайныхъ и невѣроятныхъ обстоятельствъ.

— Здравствуйте, Тутсъ! говорилъ сэръ Барнетъ, махая ему рукою съ террасы, между-тѣмъ, какъ лукавый Чиккенъ правилъ прямо къ берегу.

— А, здоровы ли вы, сэръ Барнетъ? Какъ мнѣ удивительно видѣть васъ здѣсь!

Мистеръ Тутсъ всегда изъяслялъ такое удивленіе, какъ-будто это былъ не собственный домъ сэра Барнета Скеттльса, а какой-нибудь древній опустыленный храмъ на берегахъ Нила или Ганга.

— Никогда я такъ не удивлялся! восклицалъ мистеръ Тутсъ: — а миссъ Домби здѣсь?

На этотъ вопросъ являлась иногда сама Флоренса.

— О, Диогенъ совершенно здоровъ, миссъ Домби! крикивалъ ей Тутсъ. — Я заходилъ справиться сегодня утромъ.

— Премного благодарю васъ, отвѣчалъ ему пріятный голосъ Флоренсы.

— Что же вы не выйдете на берегъ, Тутсъ? спрашивалъ сэръ Барнетъ. — Вы вѣрно никуда не торопитесь. Приставайте къ берегу и зайдите къ намъ.

— О, это ничего, благодарю васъ. Прощайте! И бѣдный Тутсъ, которому до смерти хотѣлось бы принять приглашеніе сэра Барнета, но который не имѣлъ смѣлости принять его, удалялся.

«Радость» стояла у садовой пристани въ необыкновенномъ блескѣ въ утро отъѣзда Флоренсы. Спустившись внизъ послѣ приведенна-

(*) Poll — такое уменьшительное Англичане сдѣлали изъ *May*.

го нами разговора съ Сузанною, чтобъ проститься съ гостеприимными хозяевами дома, Флоренса увидѣла мистера Тутса, дожидавшагося ея въ гостиной.

— О, здоровы ли вы, миссъ Дѳмби? Благодарю васъ, я совершенно здоровъ; надѣюсь, и вы также. Діогенъ былъ здоровъ вчера, я справлялся.

— Вы очень-добры, мистеръ Тутсъ.

— О, благодарю васъ, это ничего. Я думалъ, что вы, можетъ-быть, пожелаете воротиться домой водою, миссъ Дѳмби. Погода прекрасная. Въ шляпкѣ будетъ мѣсто и для вашей горничной.

— Я вамъ очень-благодарна, но, право, не могу...

— О, это ничего! Добраго утра!

— Отъ-чего вы не подождете? Лэди Скеттльсъ сейчасъ придетъ сюда.

— О, нѣтъ, благодарю васъ; это ничего.

Мистеръ Тутсъ, когда желаніе сердца его исполнилось, то-есть, когда ему удавалось поговорить съ Флоренсой, былъ всегда такъ робокъ и въ такихъ помыслахъ! Но въ эту минуту вошла лэди Скеттльсъ, и мистеръ Тутсъ почувствовалъ сильный припадокъ страсти спросить о ея здоровьи, пожать ей руку и объявить, что онъ совершенно здоровъ. Вошелъ сэръ Барнетъ. Тутсъ обратился и къ нему съ упорствомъ отчаянія.

— Мы льщаемся сегодня свѣта нашего дома, Тутсъ, сказалъ сэръ Барнетъ, обратясь къ Флоренсѣ.

— О, это ничего... то-есть, нѣтъ, очень-много! Прощайте!

Мистеръ Тутсъ совершенно растерялся и, вмѣсто того, чтобъ уйти послѣ такого рѣшительнаго прощанья, стоялъ какъ вкопанный, глядя вокругъ себя съ отчаяніемъ. Флоренса, чтобъ его выручить, простилась съ лэди Скеттльсъ, поблагодаривъ ее некрепко за любезность, и подала руку сѣру Барнету.

— Могу ли просить васъ, миссъ Дѳмби, сказалъ хозяинъ, утѣживая ее въ карету: — передать вашему милому папѣ мои лучшие комплименты?

Флоренсѣ было больно принять такое порученіе; она только поклонилась сѣру Барнету и поблагодарила его. И опять она подумала, что пустынный и скучный домъ, свободный отъ полюбившихъ затруднительностей и напешиваній о ея горести, будетъ ей лучшимъ убѣжищемъ.

Всѣ оставшіяся пріятельницы Флоренсы прибѣжали проститься съ нею. Всѣ любили ее; даже слуги кланялись, а служанки дома присѣдали ей издали. Отдаившись на все эти ласковыя лица и увидя между ними сѣра Барнета съ лэди Скеттльсъ и Тутсомъ, вытаращившаго глаза вездаль, она вспомнила ночь, когда уѣзжала вмѣстѣ съ маленькимъ Полемъ отъ доктора Блимбера. Когда карета тронулась, лицо ея было влажно отъ слезъ.

Слова груста — вмѣстѣ съ тѣмъ и слезы утѣшенія; старый, скучный отцовскій домъ былъ ей драгоценнѣе по воспоминаніямъ.

которыя пробуждались одно послѣ другаго, по мѣрѣ приближенія кареты къ городу. Какъ долго, казалось Флоренсъ, не ходила она по этимъ безмолвнымъ комнатамъ, гдѣ все говорило ей о матери и братѣ! Даже Сузанна Нипперъ становилась благосклоннѣе къ жилищу, гдѣ провела столько лѣтъ.—Какъ тамъ ни скучно, миссъ, а мнѣ бы не хотѣлось, чтобъ домъ сожгли или срыли.

— Ты пройдешь съ удовольствіемъ по открытымъ комнатамъ, Сузанна?

— Можетъ-быть, миссъ, хоть и очень-вероятно, что я завтра же буду ихъ снова ненавидѣть!

Флоренса чувствовала, что найдетъ душевное спокойствіе внутри высокихъ, мрачныхъ стѣнъ, гдѣ тайна ея сердца не будетъ ежедневно возбуждать любопытства множества счастливыхъ глазъ. Здѣсь, въ святилищѣ тихихъ воспоминаній, сердцу ея будетъ легче, чѣмъ среди снѣгъ веселья, и она съ нетерпѣніемъ ожидала минуты, скоро ли старая темная дверь затворится за нею.

Исполненныя такихъ мыслей, онѣ вѣхали въ длинную и мрачную улицу. Флоренса сидѣла въ каретѣ не на той сторонѣ, которая была ближе къ дому, и выглядывала изъ окна, нища взорами лѣтей, жившихъ насупротивъ. Внезапное восклицаніе Сузанны заставило ее быстро обернуться:—Ахъ, Боже мой! да гдѣ жъ нашъ домъ?

— Нашъ домъ? отозвалась Флоренса.

Сузанна нѣсколько разъ высовывалась изъ окошка, и наконецъ, когда карета остановилась, устремила на свою госпожу взглядъ крайняго изумленія.

Вокругъ всего дома, отъ фундамента до крыши, возвышался настоящий лабиринтъ подмостокъ и лѣсовъ. Цѣлая половина улицы была загромождена кирпичами, известью, бревнами, камнями, мусоромъ. Снаружи и внутри кипѣла работа каменщиковъ, штукатуровъ, плотниковъ, маляровъ, обойщиковъ и драпировщиковъ, отъ погребовъ до чердаковъ.

Флоренса вышла изъ кареты, не вполне увѣренная, точно ли это домъ ея отца. Наконецъ, она узнала Тоулинсона, съ загорѣлымъ отъ солнца лицомъ, ожидавшаго ее у дверей.

— Ничего не случилось? спросила Флоренса со страхомъ.

— О нѣтъ, миссъ.

— Тутъ большія перемѣны?

— Да, миссъ, большія перемѣны.

Флоренса промелькнула мимо него и побѣжала наверхъ по лѣстницѣ. Давно-изгнанный изъ парадныхъ комнатъ свѣтъ озарилъ ихъ снова; вездѣ стояли подмостки, кѣлды, скамьи, подвижныя лѣстницы; на нихъ работали люди въ бѣлыхъ бумажныхъ шапкахъ. Портретъ ея покойной матери былъ снятъ, и на мѣстѣ его видѣлась надпись нѣмой: «Зеленая съ золотомъ». Лѣстница была также лабиринтомъ лѣсовъ и подмостокъ, на которыхъ торчалъ цвѣлый Олимпъ мастеровыхъ. Ея комната не была еще тронута, но, по-видимому,

ожидала общей участи. Флоренса перешла въ другую комнату, гдѣ стояла маленькая кроватка покойнаго Поля. Тамъ она встрѣтила Сузанну Нишперъ, которая объявила, что папá ея дома и желаетъ ее видѣть.

— Дома и зоветъ меня! воскликнула Флоренса съ трепетомъ.

Сузанна повторила свои слова, и Флоренса побѣжала внизъ, съ сильно — бьющимся сердцемъ. Отецъ могъ слышать каждое его биеніе. Еще моментъ, и она бросилась бы къ нему на шею, но онъ былъ не одинъ. Съ нимъ были двѣ дамы, и Флоренса остановилась. Въ это время, Диогенъ ворвался въ комнату съ такими прыжками и шумомъ, что одна изъ дамъ вскрикнула.

— Флоренса, сказалъ отецъ, протянувъ руку такъ холодно, какъ-будто желая этимъ жестомъ отдалить отъ себя дочь: — здорова ли ты?

Флоренса взяла его руку и робко прижала къ губамъ.

— Что это за собака? спросилъ онъ съ неудовольствіемъ.

— Это собака, папá... изъ Брайтона.

— А! и облако пронеслось по его лицу: онъ понялъ ее.

— Она очень-добра, а теперь только обрадовалась мнѣ, сказала Флоренса, обращаясь кротко къ обѣимъ дамамъ. — Простите ее. Взглядъ этотъ показалъ Флоренсъ, что вскрикавшая дама, которая сидѣла, была старуха; а другая, стоявшая подлѣ ея отца — стройная и щегольски-одѣтая красавица.

— Мистриссъ Скьютонъ, вотъ моя дочь Флоренса.

— Очаровательно! какъ натурально! Вы должны поцаловать меня, милая Флоренса.

Исполнивъ желаніе пожилой дамы, Флоренса обратилась къ другой, стоявшей подлѣ ея отца.

— Эднѣ, сказалъ мистеръ Дѣмби: — вотъ моя дочь Флоренса; эта дама будетъ скоро твоею мамá.

Флоренса вздрогнула и взглянула на прекрасное лицо молодой дамы съ удивленіемъ, участіемъ, слезами и неопредѣленнымъ страхомъ. Наконецъ, она воскликнула: — О, папá, будьте счастливы! очень, очень-счастливы, на всю жизнь! и упала рыдая на грудь Эднѣ.

Настало краткое молчаніе. Красавица, остановившаяся-было въ нерѣшимости, подойти или нѣтъ къ Флоренсъ, прижала ее къ сердцу и пожимала руку, которою дѣвушка обхватила ее, какъ-будто желая успокоить и утѣшить бѣдняжку. Она не произнесла ни одного слова, но склонила голову къ Флоренсъ и молча цаловала ея влажные щеки.

— Не угодно ли пройтись по комнатамъ и взглянуть на работы?.. сказалъ мистеръ Дѣмби, предлагая руку мистриссъ Скьютонъ, которая разглядывала Флоренсу въ лорнетъ — а Флоренса все еще рыдала, прижавшись къ груди молодой дамы. Послышался изъ другой комнаты голосъ Дѣмби: — Спросимъ лучше Эднѣ. Ахъ, Боже мой, да гдѣ же она?

— Эдионъ, моя милая! кричала мистриссъ Скытоонъ.—Гдѣ ты? Вѣрно ищешь гдѣ-нибудь мистера Дѣвчѣ. Мы здѣсь.

Красавица высвободилась изъ объятій Флоренсы, поцаловала ее еще разъ и поспѣшно присоединилась къ матери и жениху. Флоренса осталась на мѣстѣ, счастливая, грустная, въ слезахъ. Долго ли это длилось, она сама не помнила; вдругъ подошла къ ней опять ее новая мамá и снова обняла ее.

— Флоренса, сказала она торопливо и глядя ей пристально прямо въ глаза. — Вы не начнете съ того, чтобы меня ненавидѣть?

— Ненавидѣть васъ, мамá! И она обняла ее съ любовью.

— Тсс! Не думайте обо мнѣ дурно. Вѣрьте, что я употреблю всѣ усилія сдѣлать васъ счастливою, что я готова любить васъ, Флоренса. Прощайте. Мы скоро увидимся. Не стойте здѣсь.

Она снова обняла и поцаловала Флоренсу... Красавица говорила торопливо, но съ твердостью, и Флоренса увидѣла, что она вскорѣ присоединилась къ ее отцу въ другой комнатѣ.

Свиданіе это воскресило надежды Флоренсы. Ночью ей снилось, что ее родная мамá смотритъ на нихъ съ лучезарною улыбкой и благословляетъ дочь на новыя усилія!

ГЛАВА VI.

Открытіе глазъ мистриссъ Чиккѣ.

Миссъ Токсъ, незнавшая ничего касательно лѣсовъ, подмостокъ, лѣстяницъ и людей, у которыхъ головы были повязаны носовыми платками, и которые глязли въ окна дома мистера Дѣвчѣ, какъ летучіе гевин или чудныя птицы, и стучали, работали и сорили на пропалую — миссъ Токсъ, позавтракавъ въ одно утро этого достопамятнаго періода, по своему скромному обыкновенію, поднялась наверхъ, съ намѣреніемъ сыграть на клавикордахъ птичій вальсъ, полить цвѣты, стереть отсюда пыль и, вообще, по ежедневной привычкѣ, сдѣлать маленькую гостиную свою образцомъ ящичнаго вкуса во всемъ Принцесс-Плэсъ.

Миссъ Токсъ надѣла пару древнихъ перчатокъ, употреблявшихъ собственно съ этою цѣлью, и во всякое другое время тщательно скрытыхъ въ ящикъ столика, и принялась за дѣло систематически. Она начала съ птичьяго вальса; потомъ, по естественному ходу идей, перешла къ канарейкѣ, весьма голосистой, хотя далеко не молодой и значительно вылинявшей; послѣ этого она занялась фарфоровыми украшеніями своего жилища и, наконецъ, въ свое время, цвѣтами и растеніями, которыя подстригала весьма тщательно ножницами, по какой-то ботанической причинѣ, пользовавшейся съ особеннымъ върваніемъ.

Миссъ Токсъ въ это утро не скоро добралась до своихъ растеній и вообще дѣйствовала какъ-то медлительно. Погода была те-

плая, встрѣ южный, в дыханіе лѣта невольно обращало мысли миссъ Токсъ къ природѣ. Лучъ солнца завернулъ на Принцесс-Плэсъ изъ-за угла широкой сосѣдней улицы, и закопченныя дымомъ трубы запрыгали радостно подѣ его животворнымъ вліаніемъ; мальчикъ изъ гостиницы Принцессиныхъ-Гербовъ полилъ улицу и сообщилъ ей свѣжій запахъ, «совершенно растительный», какъ выражалась миссъ Токсъ. Благоуханіе свѣжаго сѣна, достигшее Принцесс-Плэса послѣ столкновеній по пути съ другими благоуханіями, неизбежными въ большомъ городѣ, достигалъ обонанія миссъ Токсъ и настроилъ мечты ея къ еще бѣльшей воспримчивости впечатлѣній, порождаемыхъ красотами природы.

Миссъ Токсъ усвѣлась на окнѣ и задумалась о своемъ покойномъ папѣ — мистерѣ Токсъ, нѣкогда служившемъ отечеству въ таможенѣ, и о своемъ дѣтствѣ, протекшемъ въ приморскомъ городѣ, среди значительнаго количества смолы и первобытной приморской простоты нравовъ. Она замечталась о лугахъ, покрытыхъ полевыми цвѣтами, изъ которыхъ въ прежніе годы сплетала она гирлянды и вѣнки для своихъ юношескихъ поклонниковъ, клявшихся ей въ вѣчной вѣрности и ходившихъ въ нанковыхъ костюмахъ, а также и о томъ, какъ скоро завяли эти вѣнки и гирлянды, и какъ невѣрны были клятвы юношей, ходившихъ въ нанковыхъ костюмахъ.

Сидя на подоконникѣ и глядя на воробьевъ, прыгавшихъ на солнышкѣ, миссъ Токсъ подумала также о своей покойной мамѣ, о ея добродѣтеляхъ и ревматизмѣ. Когда проходилъ разнощикъ цвѣтовъ съ неуклюжими ногами, неся на головѣ корзину, отъ которой шляпа его сплющивалась въ блинъ, и кричалъ хриплымъ голосомъ о своемъ товарѣ, мысли миссъ Токсъ приняли такое меланхолическое направленіе, что она начала качать головою и подумала о томъ, какъ незамѣтно она можетъ состариться.

Въ такомъ расположеніи духа мысли миссъ Токсъ направились къ мистеру Дѣмби, вѣроятно потому-что майоръ уже воротился домой и сейчасъ только поклонился ей изъ своего окна. Какая другая причина могла бы заставить миссъ Токсъ перейти отъ гирляндъ полевыхъ цвѣтовъ и дней своей юности къ мистеру Дѣмби? Сдѣлался ли онъ веселѣе? Примирился ли онъ съ приговорами судьбы? Вступить ли онъ когда-нибудь во второй бракъ, и если да, то съ кѣмъ? Кому суждено быть его второю супругой?

Лицо миссъ Токсъ зардѣлось внезапнымъ румянцемъ — погода была жаркая — въ то время, какъ, размышляя такимъ образомъ, она увидѣла въ зеркалѣ отраженіе своего задумчиваго лица. Румянецъ этотъ вспыхнулъ снова, когда она увидѣла маленькую карету, вѣвѣжавшую на Принцесс-Плэсъ и направившуюся прямо въ ея дверямъ. Миссъ Токсъ встала, поспѣшно взяла ножницы и чрезвычайно-прилежно подстригала свои растенія въ моментъ поленія миссъ Чиккъ.

— Здорова ли, моя милая, обожаемая подруга? воскликнула миссъ Токсъ, встрѣчая гостью съ распростертыми объятіями.

Въ поступки обожаемой подруги была замѣтна некоторая величавость, но она поцаловала миссъ Токсъ и сказала: — Лукреція, благодарю васъ. Я чувствую себя хорошо. Надѣюсь, и вы также. Гемъ!

У мистриссъ Чиккъ былъ какой-то особенный, односложный кашель, нѣчто въ родѣ предисловія къ настоящему кашлю.

— Какъ рано вы сегодня пріѣхали и какъ это нилло съ вашей стороны! продолжала миссъ Токсъ. — Вы завтракали?

— Благодарю, Лукреція. Я завтракала. Я не завтракала рано... (Тутъ она какъ-будто почувствовала особенную любознательность касательно Принцесс-Плэса и все глядѣла вокругъ себя) вмѣстѣ съ моимъ братомъ, который возвратился изъ Линингтона.

— Надѣюсь, что ему лучше, мой ангелъ?

— Гораздо-лучше, благодарю васъ. Гемъ!

— Моей милой Луизѣ надобно быть осторожною съ этимъ кашлемъ.

— Ничего. Это не больше, какъ отъ близкой перемены погоды. Мы должны ожидать перемены.

— Погоды? спросила простодушно миссъ Токсъ.

— Во всемъ. Разумеется, должны. Свѣтъ очень-переменчивъ. Всякій, кто бы сталъ утверждать противное, удивилъ бы меня значительно и заставилъ бы даже усомниться на-счетъ своего разсудка. Перемены! воскликнула мистриссъ Чиккъ тономъ строго-назидательнымъ.—Ахъ, Творецъ! Что на свѣтъ не переменяется! Даже шелковичный червь, котораго, безъ сомнѣнія, можно полагать равнодушнымъ ко всему, вокругъ него происходящему — даже атомъ, я увѣрена, переменяется постоянно въ разныя неожиданныя виды.

— Моя Луиза всегда удивительна въ своихъ сравненіяхъ.

— Вы очень-добры, Лукреція, возразила мистриссъ Чиккъ, нѣсколько-смягченная. — Надѣюсь, что ни одной изъ насъ не прійдется сомнѣваться въ другой.

— О, я увѣрена въ этомъ!

Мистриссъ Чиккъ кашлянула раза два по-прежнему и принялась чертить на коврѣ разныя линіи кончикомъ парасоля. Миссъ Токсъ, знавшая довольно-хорошо свою обожаемую подругу, которая, будучи отъ чего-нибудь не въ духъ, обыкновенно предавалась многосложной раздражительности, рѣшилась воспользоваться этою паузой и переменить предметъ разговора.

— Извините меня, милая Луиза, но мнѣ кажется, будто я зашла въ каретѣ мужественное лицо мистера Чикка?

— Онъ тамъ; но, пожалуйста, оставьте его въ покоѣ. У него есть газета, следовательно, онъ счастливъ на цѣлые два часа. Продолжайте заниматься вашими пѣвтами, Лукреція, а мнѣ позвольте сидѣть здѣсь и отдохнуть.

— Моя Луиза знаетъ, что между такими друзьями, какъ мы, не можетъ быть вопроса о переμονіи. А потому... а потому миссъ Токсъ заключила фразу дѣломъ, надѣвъ снова перчатки, взявъ ножницы и начавъ подстригать свои растенія съ самымъ микроскопическимъ трудолюбіемъ.

— Флоренса также возвратилась домой, сказала мистриссъ Чиккъ послѣ нѣкотораго молчанія, въ-продолженіе котораго сидѣла, склонивъ голову на одну сторону и не переставая выводить нарасолемъ узоры:—Флоренса уже такъ выросла, что не можетъ продолжать одинокую жизнь, къ которой привыкла. Безъ сомнѣнія, такъ. Конечно. Я готова чувствовать очень-мало уваженія къ тому, кто бы сталъ утверждать противное. Какъ бы я этого ни желала, но не могу уважить такихъ лицъ. До этой степени мы не въ состояніи приневоливать свои чувства...

Миссъ Токсъ согласилась, хотъ и не понимала, къ чему все это клонится.

— Если она дѣвушка странная и мой братъ Поль не можетъ чувствовать себя совершенно-спокойнымъ въ ея обществѣ, послѣ всѣхъ горестныхъ происшествій и ужасныхъ огорченій, чѣмъ на это отвѣтить? Онъ долженъ сдѣлать усиліе. Онъ обязанъ сдѣлать усиліе. Семейство наше всегда было замѣчательно по усиліямъ, которыя оно дѣлало надъ собою. Поль глава семейства, почти единственный, оставшійся представитель его — я себя не считаю: что такое я? Я тутъ особа неважная...

— Мой милый ангелъ...

Мистриссъ Чиккъ отерла глаза, которые были переполнены слезами и продолжала:

— Значитъ, онъ непременно обязанъ сдѣлать надъ собою усиліе. Хотъ это и будетъ для меня уларомъ — у меня натура такая слабая, я такая безумная, я бы скорѣе желала имѣть вмѣсто сердца кусокъ мрамора или камень изъ мостовой...

— Мой ангелъ Луиза...

— Но все для меня будетъ торжествомъ знать, что онъ не измѣнилъ себя и своему имени Дѣмби, хотъ, разумѣется, я въ этомъ всегда была убѣждена. Я только надѣюсь, прибавила она послѣ новой паузы:—что и она сдѣлается достойною этого имени.

Миссъ Токсъ, переливавшая въ это время воду изъ глинянаго кувшина въ лейку, взглянула случайно на подругу и была изумлена выразительностью, которую мистриссъ Чиккъ придала своему лицу и съ которою смотрѣла на нее. Миссъ Токсъ поставила на столъ лейку и сѣла подлѣ нея.

— Милая Луиза, успокоить ли васъ сколько-нибудь мое скромное мнѣніе, если я скажу, что ваша юная племянница подаетъ самыя пріятныя надежды?

— Что вы подъ этимъ разумѣете? возразила мистриссъ Чиккъ съ удвоенною величавостью.—О какомъ моемъ замѣчаніи говорите вы?

— О томъ, что она сдѣлается достойною своего имени, мой ангелъ.

— Если, сказала мистриссъ Чиккъ съ торжественною терпѣливостью: — я выразилась не довольно-ясно, Лукреція, то вина въ этомъ моя. Нѣтъ, можетъ-быть, никакой причины, по которой мнѣ бы нужно было выражаться о такомъ предметѣ, исключая развѣ существовавшей между нами короткости... надѣюсь, Лукреція, ничто не нарушить ея; я даже позволяю себѣ быть убѣжденною въ этомъ. Но я *желаю* выразиться ясно, Лукреція, а потому, возвратившись къ моему послѣднему замѣчанію, прошу васъ понять, что оно вовсе не касалось Флоренсы... никакъ!

— Не-уже-ли?

— Нѣтъ, отвѣчала мистриссъ Чиккъ рѣзко и рѣшительно.

— Такъ извините меня, другъ мой, я не поняла вашихъ словъ. Боюсь, что я стала непонятливою.

Мистриссъ Чиккъ оглядѣла всю комнату, потомъ посмотрѣла на улыбку, на канарейку, на растенія, на лейку и кувшинъ—словомъ, на все, что было въ комнатѣ, не взглянула только на хозяйку дома; наконецъ, взоръ ея остановился на миссъ Токсъ и она произнесла съ величаво-поднятыми бровями:

— Лукреція, когда я говорю о томъ, будетъ ли она достойна этого имени, то подразумеваю вторую жену моего брата Поля. Мнѣ кажется, будто я сказала, или дала уразумѣть, что братъ мой намъренъ вступить во второй бракъ.

Миссъ Токсъ поспѣшно встала со стула и возвратилась къ своимъ растеніямъ, у которыхъ принялась остригать вѣтки и листья безъ разбора и милосердія.

— Почувствуетъ ли она вполнѣ всю важность отличія, которыми ее осчастливили—это другой вопросъ, продолжала мистриссъ Чиккъ также торжественно.

— Я не теряю надежды. Мы обязаны думать хорошо другъ о другѣ, и я не отчаиваюсь. *Могю* совѣта не спрашивали. Еслибъ со мною совѣтовались, то мнѣніе мое было бы принято, конечно, очень-безцеремонно, а потому дѣла лучше, какъ они есть. Я предпочитаю это.

Миссъ Токсъ, не поднимаясь изъ наклоннаго положенія, все еще обстригала вѣтки и листки. Мистриссъ Чиккъ, энергически покачивая по-временамъ головою, продолжала рѣчь, какъ-будто грозно вызывая кого-нибудь попробовать опровергнуть ее.

— Еслибъ мой братъ Поль совѣтовался со мною, что онъ иногда и дѣлаетъ—или, вѣрнѣе, иногда дѣлывалъ: теперь уже это конечно, съ меня снята отвѣтственность (тутъ она начала всхлипывать истерически) благодаря Бога, я не завистлива! Еслибъ братъ мой пришелъ ко мнѣ и спросилъ: Луиза, какихъ качествъ посоветуешь ты мнѣ искать во второй женѣ? Я бы, конечно, сказала: тебѣ нужна жена хорошей фамиліи, съ красотою, съ достоинствомъ, связями. Вотъ именно этими самыми словами я бы и вы-

разилась, хоть везите меня на плаху! Клянусь всѣмъ священнымъ, я бы сказала: «Поль! Тебѣ жениться во второй разъ не на знатной! Тебѣ жениться не на красавицѣ! Тебѣ жениться не имѣя въ виду связей! Надобно быть совершенно безъ ума, чтобъ осмѣлиться подумать, будто такія вещи возможны!»

Слова эти приостановили подстриганіе растений; миссъ Токсъ, скрывая между ними свое лицо, стала прислушиваться очень-внимательно. Можетъ-быть, ей мелькнулъ лучъ надежды въ самой горячности мистриссъ Чиккъ.

— Я не съумасшедшая, продолжала она:—хоть и не смѣю считать себя женщиною высокаго ума, не смотря на странность нѣкоторыхъ людей, которые приписывали мнѣ это качество. И увѣрять меня, будто братъ мой могъ подумать о второмъ бракѣ, который не былъ бы основанъ на этихъ требованіяхъ, — онъ, Поль Дѣмби! Нѣтъ, это было бы слишкомъ-дерзко!

Въ-продолженіе мгновеннаго молчанія, наставшаго послѣ этихъ восклицаній, ножницы миссъ Токсъ слабо стригнули раза два; но лицо ея оставалось незримымъ, а утреннее платье трепетало. Мистриссъ Чиккъ смотрѣла на нее исподтишка, сквозь промежутки въ листьяхъ.

— Братъ мой, Поль, сдѣлалъ, разумеется, то, чего всѣ отъ него ожидали. Сознаюсь, онъ удивилъ меня, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и обрадовалъ. Когда Поль выѣхалъ отсюда, я никакъ не воображала, чтобъ у него могла родиться какая-нибудь привязанность къ Лондону, и, конечно, онъ не былъ здѣсь влюбленъ ни въ кого. Какъ бы то ни было, но партія, по-видимому, очень-приличная. Мать, безъ сомнѣнія, женщина знатная и тонкая, а я не въ правѣ разсуждать, хорошо или дурно она дѣлаетъ, собравшись жить въ домъ моего брата: это дѣло Поля, не мое; что же до предмета его выбора, я видѣла только портретъ, и она должна быть красавица. Имя у нея прекрасное—Эдиель: оно необыкновенно и паразительно, продолжала мистриссъ Чиккъ, энергически трясая головою:—сладостенно, Лукреція, я несколько не сомнѣваюсь въ вашихъ чувствахъ, если скажу, что свадьба будетъ очень-скоро... вы, конечно, будете отъ этого очень-счастливы (опять смѣлая выразительность въ лицѣ и голосѣ мистриссъ Чиккъ). О, конечно! вы должны быть въ восторгѣ отъ близкой переменны къ судьбѣ моего брата, который часто оказывалъ вамъ много любезности!

Миссъ Токсъ не сказала ни слова, но взяла дрожащею рукою лейку и глядѣла вокругъ себя, какъ-будто разсчитывая, какую часть своей мебели улучшить изліаніемъ на нее содержавшейся въ этомъ сосудѣ влаги. Въ моментъ такого кризиса чувствъ миссъ Токсъ, дверь отворилась, она вздрогнула, захохотала громко и дико, и упала въ объятія вошедшаго, къ-счастью, равно безчувственная къ негоднованію мистриссъ Чиккъ и къ мезистофелевской радости майора, глядѣвшаго на эту сцену изъ своего окна въ двойную театральную трубочку.

Не то было съ бѣднымъ туземцемъ, испуганною опорой упавшей въ обморокъ двинщицы, который, входя по порученію майора для освѣдомленія о здоровьѣ прекрасной сосѣдки, очутился тутъ въ самый моментъ катастрофы, повергшей на его коричневыя руки нѣжное бремя, и налившей ему въ башмакъ цѣлое наводненіе. Озадаченный туземецъ прижималъ миссъ Токсъ нѣсколько времени къ сердцу, съ энергіею, сильно противорѣчившею его оторопѣлой наружности. Наконецъ, мистриссъ Чиккъ, достаточно пришедшая въ себя, велѣла ему опустить миссъ Токсъ на софу и выйти; лишь-только онъ исчезъ, она принялась приводить въ чувство свою злополучную подругу.

При этихъ заботахъ, наружность мистриссъ Чиккъ вовсе не показывала того трогательнаго участія, которымъ отличаются дочери Еввы, когда помогаютъ другъ другу въ подобныхъ случаяхъ; тутъ не было того франмасонства обмороковъ, которымъ онъ вообще бывають таинственно связаны—нѣтъ! мистриссъ Чиккъ скорѣе походила на палача, приводящаго въ чувство свою жертву передъ началомъ новыхъ пытокъ, когда подносила къ носу миссъ Токсъ соли, брызгала въ лицо холодную воду и употребляла всѣ испытанныя воскресительныя средства. Когда, наконецъ, миссъ Токсъ открыла глаза и постепенно ожила, мистриссъ Чиккъ отошла отъ нея, какъ отъ преступника, и смотрѣла на нее съ величавымъ негодованіемъ.

— Лукреція! Не хочу скрывать свои чувства. Глаза мои разомъ открылись. Я бы этому не повѣрила, еслибъ услышала даже отъ святаго.

— Какъ смѣшно падать въ обморокъ, проговорила запинаясь миссъ Токсъ.—Но мнѣ сейчасъ будетъ лучше.

— Вамъ сейчасъ будетъ лучше, Лукреція! возразила мистриссъ Чиккъ съ невыразимымъ презрѣніемъ.—Вы воображали, кажется, что я слѣпа? Вы воображали, что для меня уже настало второе дѣтство? Нѣтъ, Лукреція! Я вамъ очень обязана!

Миссъ Токсъ устремила на свою подругу умоляющій, безнадежный взглядъ, и закрыла лицо носовымъ платкомъ.

— Еслибъ кто-нибудь рассказалъ мнѣ это вчера, или даже полчаса назадъ, я бы, право, почувствовала неодолимое желаніе поразить его. Лукреція Токсъ, глаза мои открылись и слѣпота моей довѣрчивости прошла. Ее употребили во зло, ею играли; но теперь всему конецъ!

— О! на что вы намекаете такъ жестокосердо, мой ангелъ? спросила миссъ Токсъ сквозь слезы.

— Лукреція, спросите ваше собственное сердце. Я должна просить васъ перестать адресоваться ко мнѣ въ этихъ фамильярныхъ выраженіяхъ. У меня осталось еще уваженіе къ самой-себѣ, хотя вы, можетъ-статься, и думаете противное.

— О, Луиза! Какъ вы можете говорить со мною такимъ образомъ?

— Какъ могу я говорить съ вами такимъ образомъ? Такимъ образомъ! О!

Миссъ Токсъ жалобно рыдала.

— Вы свернулись, какъ змея, у очага моего брата; обвились вокругъ него, вкрались черезъ меня почти въ его доверенность, Лукреція, чтобъ послѣ тайнѣ имѣть на него замыслы и осмѣлиться подозревать возможность брачнаго союза съ нимъ! Дá, нелѣпность такой идеи почти искупаетъ ея коварство! прибавила мистриссъ Чиккъ съ насмѣшливымъ достоинствомъ.

— Луиза, умоляю васъ, не говорите такихъ ужасныхъ вещей!

— Ужасныхъ вещей? Ужасныхъ вещей! Развѣ не положительный фактъ, Лукреція, одно то, что вы сейчасъ не могли побѣдить вашихъ чувствъ передо мною, набросивъ такъ искусно на глаза мои покрывало?

— Я не жаловалась, всхлипывала миссъ Токсъ. — Я не сказала ничего. Если ваши вѣсти нѣсколько поразили меня, Луиза, и я имѣла какую-нибудь отдаленную мысль, что мистеръ Дѳмби склоненъ ко мнѣ до нѣкоторой степени, то, конечно, Луиза, вы не будете осуждать меня.

— Она хотеть сказать, возразила мистриссъ Чиккъ, адресуясь ко всей мѣбели:—она хотеть сказать, я это вижу, что я поощряла ея сумасбродные замыслы!

— Я не хочу дѣлать упрековъ, милая Луиза. Не хочу жаловаться. Но въ свое оправданіе...

— Да! воскликнула мистриссъ Чиккъ съ улыбкой: — вотъ, что она хотеть выразить! Я это знала. Вы бы лучше высказали все откровенно. Говорите прямо! говорите прямо, Лукреція Токсъ, что бы вы ни были.

— Въ оправданіе свое и только въ защиту противъ вашихъ жестокихъ упрековъ, милая Луиза, я хотѣла спросить, не вы ли сами допускали такую фантазію и даже говаривали, что это могло случиться, судя по всему?

— Есть предѣлъ, за которымъ снисходительность дѣлается не только смѣшною, но даже виновною. Я могу снести многое, но не слишкомъ-многое. Не знаю, что привлекло меня сегодня въ этотъ домъ; но я имѣла предчувствіе, мрачное предчувствіе чего-нибудь особеннаго. Теперь, когда я постигла васъ вполне, Лукреція, лучше для насъ обѣихъ, если мы не станемъ распространяться. Я желаю вамъ добра и всегда буду желать. Но какъ сестра моего брата, какъ будущая родственница его невесты и ея матери, — могу ли я прибавить, какъ одна изъ Дѳмби? — я теперь не могу пожелать вамъ ничего больше, кромѣ добраго утра!

Слова эти, произнесенныя съ язвительною любезностью и чувствомъ высокаго нравственнаго самосознанія, были послѣдними со стороны мистриссъ Чиккъ. Она направилась къ дверямъ, у которыхъ голова ея склонилась, какъ у грознаго призрака, и съела въ

карету, чтобъ найти отраду и утѣшеніе въ объятіяхъ супруга, мистера Чикка.

То-есть, говоря аллегорически: руки мистера Чикка были заняты газетою, почему объятія его не могли быть свободными. Джентльменъ этотъ рѣшался взглядывать на свою супругу только украдкою и не произнестъ ни слова въ ея утѣшеніе. Однимъ словомъ, онъ продолжалъ читать, мурныя отрывки разныхъ арій, по своей всегдашней привычкѣ, и только по-временамъ посматривалъ на жену исподтишка, не говоря ни хорошаго, ни дурнаго, ни равнодушнаго слова.

Мистриссъ Чиккъ, между-тѣмъ, обнаруживала страшное волненіе. Наконецъ, она не выдержала и воскликнула: «О, какъ широко открылись сегодня мои глаза!»

— Какъ широко открылись сегодня твои глаза, моя милая?

— О, не говори со мною! Если у тебя достаетъ духа видѣть меня въ такомъ положеніи и не спросить въ чемъ дѣло, тебѣ лучше замолчать разъ навсегда.

— Да въ чемъ же дѣло, моя милая?

— Только подумать, сказала мистриссъ Чиккъ въ родѣ монолога:—что она могла имѣть подлый замыселъ породниться съ нашею фамиліею посредствомъ брака съ Полею! Подумать, что когда она играла въ лошадки съ милымъ ребенкомъ, который теперь лежитъ въ могилѣ—мнѣ эти игры и въ то время никогда не нравились—она скрывала такія двуличныя намѣренія! Удивляюсь, какъ она не боялась какого-нибудь несчастія въ наказаніе за свое коварство. Право, ей бы слѣдовало ожидать этого!

— Да и мнѣ казалось до сегодняшняго утра, мой другъ, возразилъ съ разстановкою мистеръ Чиккъ, потирая себѣ переносье газетою:—будто и ты сама была однихъ мыслей съ нею, и не считала этого ни несбыточнымъ, ни неприличнымъ.

Мистриссъ Чиккъ немедленно залилась слезами и объявила мужу, что если онъ желаетъ растоптать ее въ прахъ своими каблукми, то сдѣлалъ бы это лучше сейчасъ же, безъ промедленія.

— Но съ Лукреціей Токсъ я кончила все, сказала мистриссъ Чиккъ, предаваясь снова на нѣсколько минутъ своимъ чувствамъ, къ большому ужасу мистера Чикка.—Я могу отречься отъ довѣренности Поля въ пользу той, которая можетъ этого стоить, и которою онъ намѣренъ замѣнить бѣдную Фанни; я могу перенести извѣщеніе объ этомъ, сдѣланное въ обыкновенномъ холодномъ тонѣ моего брата, хотя онъ и не спрашивалъ моего совѣта, а объявилъ о перемѣнѣ своихъ плановъ, когда все было уже рѣшено; но обмана я не могу перенести, и съ Лукреціей Токсъ у меня все кончено. Рука Провидѣнія видна во всемъ: все на свѣтъ дѣлается къ лучшему. Объ онъ изъ знати, и знакомство какой-нибудь миссъ Токсъ могло бы меня компрометтировать. Я сегодня подверглась тяжкому испытанію, но, вообще говоря, не жалуюсь объ этомъ.

Въ такомъ истинно-христіанскомъ расположеніи духа, мистриссъ Чиккъ отерла себѣ глаза, поправила платье и сидѣла какъ прилично женщинѣ, которая покорна Провидѣнію среди ударовъ рока и спокойна въ своихъ горестяхъ. Мистеръ Чиккъ, чувствуя безъ сомнѣнія свою недостойность, велѣлъ кучеру остановиться на первомъ перекресткѣ, вышелъ изъ экипажа и побрѣлъ пѣшкомъ, до-свистывая съ поднятыми превысоко плечами и запустивъ руки въ карманы.

Между-тѣмъ, несчастная миссъ Токсъ, которая, не смотря на страшныя обвиненія въ измѣнѣ своей «подругѣ», была дѣйствительно искренно привязана къ ней и поглощена благоговѣніемъ къ величію мистера Дѳмби,—отверженная миссъ Токсъ орошала свои растенія слезами и чувствовала, что на Принцесс-Плэсъ воцарилась уже зима.

ГЛАВА VII.

Промежутокъ времени передъ свадьбою.

Хотя домъ мистера Дѳмби пересталъ быть заколдованнымъ и обреченнымъ на вѣчное безмолвіе послѣ вторженія въ него рабочаго народа, который съ утра до вечера поднималъ страшный стукъ, трескъ, шумъ, бѣготню—отъ чего Діогенъ лаялъ какъ бѣщій съ восхода до заката солнца—но въ образъ жизни Флоренсы не произошло никакой перемѣны. Ночью, когда рабочіе уходили, домъ снова пустѣлъ и приходилъ въ свой первобытный характеръ; Флоренса, прислушиваясь къ удалявшимся голосамъ мастеровыхъ, рисовала въ своемъ воображеніи веселыя жилища, куда они возвращаются, и дѣтей, которыя ждутъ ихъ дома; ей пріятно было думать, что эти труженики уходили въ веселомъ и довольномъ расположеніи духа.

Она ждала вечерней тишины, какъ стараго друга: но теперь этотъ другъ приходилъ съ измѣнившимся лицомъ и смотрѣлъ на нее ласково. Въ немъ была свѣжая надежда. Красавица, которая утѣшала и цаловала ее въ той самой комнатѣ, гдѣ душа ея была такъ безопасно уязвлена жестокосерднымъ отцомъ, являлась воображенію Флоренсы духомъ благодати. Кроткія видѣнія приближающейся свѣтлой жизни, когда любовь отца будетъ освѣнять ее и все потерянное въ тотъ горестный день, въ который нѣжность матери улетѣла съ ея послѣднимъ вздохомъ, носились вокругъ Флоренсы въ сумерки, и она встрѣчала ихъ съ радостною улыбкой. Взглядывая иногда на розовыхъ дѣтей въ противоположномъ домѣ, она помышляла съ удовольствіемъ о возможности скоро познакомиться съ ними, говорить съ ними; не боялась, какъ въ прежніе годы, показаться имъ, чтобъ не испугать ихъ своимъ одинокимъ, печальнымъ видомъ и глубокимъ трауромъ!

Думая о своей новой матери съ любовью и доверчивостью тихой, невинной души, Флоренса любила болѣе и болѣе покойную мать. Она не боялась соперничества ихъ въ своемъ сердцѣ: новый цвѣтокъ выросъ въ нежѣ изъ глубоко-разросшагося и долго-любимаго корня. Каждое ласковое слово прекрасной молодой дамы отзывалось Флоренсѣ какъ эхо голоса, давно умолкшаго. Какъ могла изгладиться эта милая память и быть вытѣснена другою привязанностью, когда въ ней заключалась вся родительская нежность, какую она когда-либо знала!

Разъ Флоренса сидѣла въ своей комнатѣ одна и думала объ обещанномъ скоромъ посещеніи прекрасной дамы, какъ вдругъ, поднявъ глаза, она увидѣла ее въ дверяхъ.

— Мама! воскликнула дѣвушка радостно, бросившись ей на встрѣчу.

— Еще не мама, возразила Эдиѣ съ серьезною улыбкой, обнимая ее.

— Но скоро будете ею.

— Да, скоро, очень-скоро.

Эдиѣ наклонила голову, прижала щеку свою къ цвѣтущей щекѣ Флоренсы и нѣсколько времени оставалась молча въ такомъ положеніи. Въ наружности и приемахъ ея было столько нежности, что Флоренса была тронута ею еще больше, чѣмъ въ первую ихъ встрѣчу. Эдиѣ подвела ее къ стулу и сѣла съ нею рядомъ. Флоренса смотрѣла ей въ лицо, удивляясь ея красотѣ, и охотно оставила свою руку въ ея рукѣ.

— Ты все оставалась одна, Флоренса, съ-тѣхъ-поръ, какъ я была здѣсь въ послѣдній разъ?

— О, да!

Она смѣшалась и потупила взоры, потому-что новая мама смотрѣла на нее серьезно и задумчиво.

— Я... я привыкла къ этому. Мнѣ это нисколько не скучно. Иногда мы проводимъ цѣлые дни вдводемъ съ Ди. Флоренса могла бы сказать, цѣлыя недѣли и мѣсяцы.

— Ди твоя горничная, мой дружокъ?

— Моя собака, мама, отвѣчала Флоренса смѣясь. — Сузанна моя горничная.

— И это твои комнаты? сказала Эдиѣ, оглядываясь вокругъ себя. — Мнѣ ихъ въ тотъ разъ не показали. Надобно украсить ихъ, Флоренса. Мы сдѣлаемъ ихъ самыми хорошенькими въ цѣломъ домѣ.

— Еслибъ я могла пережвнить ихъ, мама, тамъ наверху есть одна, которая нравилась бы мнѣ больше.

— Развѣ здѣсь не довольно высоко, дитя?

— Та была комната моего брата, и я очень люблю ее. Я хотѣла говорить объ этомъ съ папѣ, когда, возвратясь домой, увидѣла здѣсь рабочихъ и все передвѣла, но... (она потупила глаза, боясь смѣшаться отъ устремленнаго на нее взора) но боялась огорчить его. А такъ-какъ вы сказали, что скоро будете здѣсь, мама, и

распоряжается всѣмъ, то я рѣшилась собраться съ духомъ и просить насъ.

Блестящіе глаза Эдиен смотрѣли ей пристально въ лицо, поза Флоренса не поднимала своихъ: тогда Эдиенъ, въ свою очередь, опустила взоры. Въ это время, Флоренсъ показалось, что красота ея новой мамѣ совершенно въ другомъ родѣ, чѣмъ когда она увидѣла ее въ первый разъ. Тогда красота эта казалась гордою и величавою; но теперь во всѣхъ приемахъ Эдиен было столько ласки и кротости, что будь она даже одного возраста съ Флоренсой, то и тогда не располагала бы къ большей довѣрчивости и откровенности. Иногда только на лицѣ ея показывалась странная принужденность, и тогда казалось, что она чувствуетъ себя какъ-будто униженною передъ Флоренсой, которая едва понимала это, но не могла не замѣтить. Когда Эдиенъ сказала, что она еще не ея мамѣ, и когда Флоренса назвала ее главною распорядительницею въ цѣломъ домѣ, такая перемѣна была даже поразительна; даже теперь, когда Флоренса смотрѣла ей въ лицо, казалось, будто она скорѣе смущена и желаетъ скрыться отъ молодой дѣвушки, чѣмъ готовится любить ее и ищетъ ея довѣренности по праву такого близкаго родства.

Эдиенъ охотно обещала устроить новыя комнаты по желанію Флоренсы и объявила, что сама обо всемъ распорядится. Потомъ она сдѣлала нѣсколько вопросовъ о маленькомъ Полѣ и, наконецъ, пробесѣдовавъ нѣсколько времени, объявила Флоренсъ, что хочетъ увезти ее къ себѣ.

— Мы съ матушкой переѣхали теперь въ Лондонъ и ты проживешь у насъ до моей свадьбы. Я очень желаю познакомиться и сойдтись съ тобою, Флоренса.

— О, какъ вы добры, мамѣ! Какъ я вамъ благодарна!

— Я скажу тебѣ еще одно: можетъ-быть, другаго удобнаго случая къ этому не будетъ, продолжала Эдиенъ, оглядываясь, действительно ли онъ одиъ и понизивъ голосъ: — когда я выйду замужъ и уѣду отсюда на нѣсколько недѣль, сердце мое будетъ спокойнѣе, если ты воротиться домой сюда. Все равно, кто бы ни приглашалъ тебя къ себѣ, переѣжай сюда. Лучше оставаться одною, чѣмъ... то-есть, я хотѣла сказать, милая Флоренса, что тебѣ, безъ сомнѣнія, будетъ пріятнѣе всего жить дома.

— Я переѣду домой въ тотъ же день, мамѣ.

— Да, дружокъ. Полагаюсь на твое обѣщаніе. Теперь готовься ѣхать со мною, милое дитя. Ты найдешь меня внизу, когда соберешься.

Медленно и задумчиво пошла Эдиенъ одна по огромному дому, котораго вскорѣ должна была сдѣлаться госпожою, не обращая вниманія на роскошь и великолѣпіе, начавшія уже обнаруживаться. Та же неукротимая надменность души, то же гордое презрѣніе выражалось въ глазахъ и на устахъ красавицы; та же страшная красота, негодующая на себя и на все ее окружающее, проходила

но пышнымъ чертогамъ. Розы на дорогахъ обаяхъ и узоры на полахъ были для нея окружены колючими шипами, терзавшими ея высокую грудь; въ каждомъ клочкѣ позолоты видѣла она атомы ненавистныхъ денегъ, за которыя ее купили; огромныя зеркала отражали ей во весь ростъ фигуру женщины, въ которой уцѣляли еще основанія благородныхъ качествъ, но которая такъ измѣнила себя и такъ упала, что не могла стать на свою настоящую высоту. Ей казалось, будто все это слишкомъ-ясно для всѣхъ, и одно убъжище ея — гордость: гордость, мучившая ея грудь днемъ и ночью, и поддерживавшая ея въ этой бурной борьбѣ съ самой-собою.

Не-уже-ли это та же самая женщина, которую Флоренса — чистое, невинное дитя — могла укротить до такой степени, что подлѣ нея она дѣлалась другимъ существомъ, съ успокоенными страстями и даже присмирѣвшею гордостью? Не-уже-ли это та самая женщина, которая теперь сидитъ въ каретѣ подлѣ Флоренсы, держитъ ее одной рукою за руку, обнявъ другою ея станъ, и прижимаетъ къ сердцу, умоляя о любви и довѣренности... которая готова отдать жизнь, чтобъ защитить это дитя отъ всякаго зла и огорченія?

О, Эдвель! право, тебѣ лучше умереть въ такія минуты! Тебѣ больше счастья умереть такъ, чѣмъ доживать до конца!

Высокопочтенная мистриссъ Скьютонъ, думавшая о чемъ угодно, кромѣ подобныхъ вещей—она боялась смерти и не позволяла упомянуть при себѣ объ этомъ чудовищѣ—выпросила себѣ для свадьбы домъ въ Брук-Стритъ, на Гросвенор-Сквэрѣ, у одного знатнаго родственника изъ племени Финиксовъ. Родственника этого не было въ городѣ, в онъ охотно согласился на такой заемъ, въ надеждѣ, что онъ будетъ послѣднимъ и избавитъ его отъ всѣхъ будущихъ займовъ и даровъ въ пользу мистриссъ Скьютонъ и ея дочери. Для поддержанія наружнаго блеска фамиліи, мистриссъ Скьютонъ обратилась къ одному почтенному торговцу, ссужающему за сходную цѣну вельможъ и джентльменовъ всѣмъ, начиная съ серебрянаго сервиза до цѣлой арміи лакеевъ. Она избрала у него съдовласаго дворецкаго (которому за это преимущество, дававшее ему видъ стариннаго слуги семейства, платили дороже), двухъ превысокихъ лакеевъ и отборный штабъ кухонной прислуги. Въ-слѣдствіе этихъ распоряженій, пажъ Витерсъ, освобожденный разомъ отъ всѣхъ обязанностей своего многотруднаго положенія, по нѣскольку разъ въ день протираетъ себѣ глаза и щипалъ свои члены, чтобъ удостовѣриться, дѣйствительно ли такое блаженство не сонъ, а пріятная существенность. Разставивъ, гдѣ нужно, фарфоровыя, серебряныя и разныя другія украшенія, добытыя изъ того же источника, и нанявъ весьма приличную карету съ парюю гнѣдыхъ, мистриссъ Скьютонъ расположилась на главной софѣ въ обычной позѣ Клеопатры, готовая принимать кого бы то ни было.

— Здорова ли моя обворожительная Флоренса? сказала она при видѣ Эдиенъ съ ея будущою дочерью.—Вы непременно должны поцаловать меня, мой ангелъ!

Флоренса робко выбирала для поцалуя бѣлое мѣсто на лицѣ мистриссъ Скьютонъ, но та подставила ей ухо и вывела такимъ образомъ изъ затрудненія.

— Эдиенъ, моя милая, право... станьте немножко поближе къ свѣту, моя прелестная Флоренса...

Флоренса повиновалась краснѣя.

— Ты не помнишь, Эдиенъ, какова ты была въ возрастъ нашей безцѣнной Флоренсы?

— Я это давно уже забыла, мамѣ.

— Право, мой ангелъ, я замѣчаю рѣшительное сходство между тобою, когда ты была ея лѣтъ, и нашею до крайности обворожительною Флоренсой. Это показываетъ, что изъ нея еще можно будетъ сдѣлать.

— Да, конечно, отвѣчала Эдиенъ сурово.

Мать, чувствуя себя не на совершенно-безопасномъ поприщѣ, сказала въ родѣ диверсiи:

— Ангелъ мой, Флоренса, вы непременно должны поцаловать меня еще разъ.

Флоренса еще разъ приложила губы къ уху мистриссъ Скьютонъ.

— Вы вѣрно уже слышали, мой прелестный ангельчикъ, что вашъ папѣ, котораго мы рѣшительно обожаемъ, женится ровно черезъ недѣлю на моемъ миломъ дитяти, Эдиенъ?

— Я знала, что это будетъ скоро, но не знала, когда именно.

— Эдиенъ, моя шалуныя, возможно ли? Ты не сказала этого Флоренсѣ?

— Для чего мнѣ было сообщать ей объ этомъ? возразила Эдиенъ такъ рѣзко и сурово, что Флоренса едва рѣшилась вѣрить своему слуху.

Тогда мистриссъ Скьютонъ рѣшилась на другую, болѣе-безопасную диверсiю: она объявила Флоренсѣ, что отецъ ея будетъ у нихъ обѣдать и, безъ сомнѣнiя, придетъ въ восторгъ, увидя тутъ совершенно-неожиданно свою обожаемую дочь. Флоренса смутилась отъ этого извѣстiя; безпокойство ея возрастало по мѣрѣ приближенiя обѣденнаго часа, и наконецъ дошло до того, что она готова была убѣжать домой пѣшкомъ, одна, съ открытою головою, и удержалась только страхомъ объясненiя, въ которомъ неминуемо былъ бы замѣшанъ ея отецъ: такъ боялась ова этой милой неожиданности! Когда приблизилось время обѣда, она едва могла дышать и не осмѣливалась подойти къ окну, боясь быть замѣченною имъ съ улицы; не рѣшалась пойти наверхъ, опасаясь внезапной встрѣчи съ нимъ на лѣстницѣ. Волнуемая внутреннею борьбою, она сидѣла подлѣ софы Клеопатры, стараясь понимать ея пустыя,

гиперболическія рѣчи и отвѣчать на нихъ. Вдругъ она услышала на лестницѣ шаги.

— Онъ идетъ! это его шаги! воскликнула Флоренса вздрогнувъ и поблѣднѣвъ.

Клеопатра, расположенная къ юношеской игривости и неутруждавшая себя изслѣдованіемъ причины волненія Флоренсы, толкнула ее за свое сѣдалище и накинула на нее шаль, чтобъ лучше обрадовать мистера Домби сюрпризомъ. Она сдѣлала это такъ проворно, что черезъ мгновеніе Флоренса услышала въ комнатѣ шаги отца. Мистеръ Домби поздоровался съ будущею тещей и невестой. Отъ звуковъ его голоса Флоренса затрепетала всѣмъ тѣломъ.

— Подите сюда, мой милый Домби, сказала Клеопатра: — и скажите намъ, здорова ли ваша прелестная Флоренса?

— Флоренса здорова, отвѣчалъ онъ, подходя къ софѣ.

— И дома?

— Дома.

— Мой милый Домби, увѣрены ли вы, что меня не обманываютъ? Не знаю, какъ прійметъ моя Эдиѣ такое объявленіе, но увѣрю чество, мой милый Домби, мнѣ придется назвать васъ лживѣйшимъ изъ людей.

Еслибъ мистеръ Домби былъ дѣйствительно уличенъ на мѣстѣ въ самой безчестной лжи, то и тогда не растерялся бы до такой степени, какъ теперь, когда мистриссъ Скьютонъ отдернула шаль и взорамъ его предстала, какъ призракъ, Флоренса, блѣдная и дрожащая. Онъ не успѣлъ прійти въ себя, какъ Флоренса подбѣжала къ нему, обвила его шею руками, поцаловала нѣсколько разъ въ лицо и выбѣжала изъ комнаты. Онъ глядѣлъ вокругъ себя, какъ-будто желая спросить у кого-нибудь объясненія, но Эдиѣ исчезла вслѣдъ за Флоренсою.

— Теперь сознайтесь, мой милый Домби, сказала мистриссъ Скьютонъ, протягивая ему руку: — что вы никогда въ жизни не были такъ удивлены и восхищены.

— Я никогда не былъ такъ удивленъ...

— И восхищены, мой милый Домби?

— Я... да, мнѣ очень-пріятно встрѣтить здѣсь Флоренсу. Потомъ, какъ-будто обдумавъ этотъ предметъ должнымъ образомъ, онъ прибавилъ съ бдальшею рѣшимостью: — Да, мнѣ дѣйствительно очень-пріятно встрѣтить здѣсь Флоренсу.

— Вы удивляетесь тому, какъ она очутилась съ нами?

— Можетъ-быть, Эдиѣ...

— О, догадливый хитрецъ! О, лукавый, лукавый человекъ! Такихъ вещей не должно бы рассказывать: вы, мужичины, удивительно тщеславны! Но вы знаете мою открытую душу, милый Домби... Хорошо, сейчасъ.

Это было сказано одному изъ превысокихъ людей, который пришелъ доложить объ обѣдѣ.

— Но Эдиѣ, мой любезный Домби, продолжала она попотомъ:

— когда не можетъ быть вмѣстѣ съ вами—что, конечно, не всегда возможно, какъ я ей часто говорю — хочетъ по-крайней-мѣрѣ имѣть подлѣ себя кого-нибудь изъ вашихъ. Какъ это обворожительно-натурально! И вотъ почему сегодня ничто не могло удержать Эдию отъ поѣздки за нашимъ ангеломъ, Флоренсой. Не правда ли, какъ это необычайно-мило!

Видя, что она ожидаетъ отвѣта, мистеръ Дѳмби отвѣчалъ: «Чрезвычайно».

— О, благослови васъ Богъ, милый Дѳмби, за такое доказательство чувствительности! воскликнула Клеопатра, пожимая ему руку.— Но я дѣлаюсь слишкомъ-серьезною! Сведите меня съ лѣстницы, какъ ангелъ, и посмотримъ, что эти люди намѣрены дать намъ къ обѣду. О, милый Дѳмби!

Мистеръ Дѳмби взялъ ее подъ руку и повелъ церемонно къ столу. Флоренса и Эдиде были уже тамъ и сидѣли рядомъ. Флоренса хотѣла встать, увидя отца, и уступить ему свой стулъ, но Эдиде положила ей руку на плечо, и мистеръ Дѳмби занялъ мѣсто на противоположной сторонѣ круглаго стола.

За обѣдомъ разговоръ поддерживался почти исключительно издивеніемъ мистриссъ Скьютонъ. Флоренса едва осмѣливалась поднять глаза, чтобъ на нихъ не открылись слѣды слезъ; еще менѣе осмѣливалась она говорить; Эдиде не сказала ни слова, кромѣ развѣ въ отвѣтъ на адресовавшіеся къ ней вопросы. Клеопатрѣ приходилось трудиться не на шутку, и пристройка дочери обошлась ей очень-велегко!

— Итакъ, мой милый Дѳмби, приготовленія ваши почти кончены? сказала мистриссъ Скьютонъ, когда десертъ поставили на столъ и сѣдовласый дворецкій удалился.

— Да, сударыня, все готово, и Эдиде остается только осчастливить насъ назначеніемъ времени свадьбы.

Эдиде сидѣла какъ прекрасная статуя, холодная, безмолвная и неподвижная.

— Мой милый ангелъ, ты слышала, что говоритъ мистеръ Дѳмби? О, мой любезный мистеръ Дѳмби! Какъ ея разсѣянность напоминаетъ мнѣ время, когда это пріятнѣйшее существо, ея папа, былъ въ нашемъ теперешнемъ положеніи!

— Мнѣ нечего назначать. Пусть будетъ по вашему желанію, сказала Эдиде, едва взглянувъ черезъ столъ на мистера Дѳмби.

— Завтра? подсказалъ онъ.

— Если вамъ угодно.

— Или, можетъ-быть, вы предпочтете черѣзъ недѣлю?

— Мнѣ все равно. Когда хотите.

— О равнодушная! возразила мать.— А между-тѣмъ, ты съ утра до вечера въ попыхахъ, и у тебя вѣчныя хлопоты со всеми этими заказами!

— Хлопоты ваши, отвѣчала Эдиде, обратясь къ ней съ легко-

сдвинутыми бровями. — Вы можете уговориться съ мистеромъ Домби.

— Правда, конечно, мой ангелъ, это чрезвычайно-деликатно съ твоей стороны! Моя очаровательная Флоренса, вы непременно должны встать и поцаловать меня еще разъ!

Странная вещь, что всѣ эти порывы нѣжности къ Флоренсѣ случались съ Клеопатрою въ то время, когда Эдией приходилось хоть сколько-нибудь участвовать въ разговорѣ! Конечно, Флоренса никогда въ жизни не наслаждалась столькими обниманьями, и, можетъ-быть, никогда въ жизни, не зная того сама, не была такъ полезна...

Мистеръ Домби былъ далекъ отъ неудовольствія на странныя манеры своей прекрасной невѣсты, находя въ ея холодности и надменности подобіе гамому-себѣ. Его самолюбію льстила мысль о покорности такой женщны, которая, однако, предоставляетъ все его велѣ и по-видимому отказывается для нея отъ своей собственной. Ему пріятно было думать о томъ, какъ эта гордая и величавая женщина, хозяйничая со-временемъ въ его домѣ, будетъ принимать гостей и обдавать ихъ холодомъ не хуже его-самого. Достоинство Домби и Сына не только не упадетъ, но поддержится и возвысится какъ-нельзя-лучше въ такихъ рукахъ.

Такъ думалъ мистеръ Домби, оставшись одинъ за обѣденнымъ столомъ и размышляя о своемъ прошедшемъ и будущемъ. Онъ находилъ себѣ сочувствіе въ мрачной величавости столовой залы; съ темнокоричневыми стѣнами, на которыхъ видѣлись почернѣлыя картины и гербы; съ двадцатью - четырьмя черными старинными стульями, стоявшими угрюмо, подобно *нѣмымъ* въ похоронной процессіи; двумя истертыми неграми, поддерживавшими вѣтви огромныхъ канделябровъ, и господствующимъ въ ней затхлымъ запахомъ, какъ-будто прахъ десяти тысячъ обэдовъ былъ погребенъ въ склепъ подъ поломъ. Хозяинъ дома жилъ часто за границей: воздухъ Англіи рѣдко привлекалъ на долгое время членовъ фамиліи Финиксовъ; столовая зала налѣвала на себя по немъ трауръ постепенно глубже и глубже, и наконецъ слѣлалась до того погребальною, что для полного сходства въ ней не доставало только покойника.

На случай, мистеръ Домби могъ бы очень-удобно заставить за-быть даже и этотъ недостатокъ, если не по положенію своего тѣла, то по его наружной окоченѣлости. Взеры его были безотчетно устремлены на мертвое море краснаго дерева, на которомъ стояли блюда съ фруктами, графины и рюмки; казалось, будто предметы его размышленій то показывались на лакированной поверхности стола, то снова уходили въ глубину. Тутъ онъ видѣлъ Эдией, въ полной величавости гордаго лица и стана; потомъ явилась Флоренса, съ обращенною къ нему робкою головою, какъ въ ту минуту, когда она выбѣжала изъ комнаты послѣ милаго сюрприза, подготовленнаго для него Клеопатрою; глаза Эдией смотрѣли на бѣдную дѣвушку и рука ея была протянута съ видомъ покровительства.

Потомъ появилась маленькая фигура въ низкихъ дѣтскихъ креслахъ, которая смотрѣла на него съ удивленіемъ, а блестящіе глаза и юное личико со стариковскимъ выраженіемъ мерцали какъ при трепетномъ свѣтѣ пламени каминна. Потомъ снова показалась Флоренса и заняла все вниманіе отца. Была ли она созданнымъ на зло ему затрудненіемъ и препятствіемъ; или соперницей, ставшей на пути и могущей мѣшать ему; или его роднымъ дѣтатей, имѣвшимъ право на отцовскую нѣжность; или въ видѣ намека, что онъ хоть по наружности долженъ казаться попечительнымъ о своей крови и плоти передъ новою роднею—это было лучше извѣстно ему самому. Затѣмъ предстали глазамъ его свадебные гости, брачные алтари и картины честолюбія, между которыми все-таки промелькивалъ образъ Флоренсы, вѣчной Флоренсы... Наконецъ, видѣнія стали до того смутны и сбивчивы, что онъ всталъ и пошелъ наверхъ къ дамамъ.

Давно уже было темно, но свѣчей не подавали: мистриссъ Скъютонъ жаловалась, что у нея болитъ отъ нихъ голова. Во весь остатокъ вечера, Флоренса и мистриссъ Скъютонъ разговаривали между собою. Клеопатра особенно старалась держать ее какъ-можно-ближе около себя; иногда Флоренса играла на фортепьяно, къ неописанному восторгу мистриссъ Скъютонъ, не говоря уже о нѣкоторыхъ случаяхъ, когда эта нѣжная дама находила необходимымъ потребовать еще поцалуя каждый разъ, когда Эдиенъ говорила что-нибудь. Впрочемъ, подобныхъ случаевъ было немного: Эдиенъ сидѣла все время въ сторонѣ, у открытаго огня, хотя мать и предостерегала ее очень-часто отъ простуды, и оставалась тамъ до самаго ухода мистера Дѣмби. На прощаньи съ Флоренсою, онъ былъ къ ней необыкновенно-милостивъ, и она ушла спать въ комнату, смежную со спальнею Эдиенъ, до того счастливая и ободренная, что думала о своемъ прошломъ, какъ-будто оно касалось не ея, а другой несчастной, покинутой дѣвушки, заслуживающей состраданія въ своей горести. Флоренса плакала объ этой несчастной, пока не заснула крѣпкимъ сномъ.

Недѣля текла скоро въ повздкахъ по модисткамъ, швеямъ, брильянщикамъ, законникамъ, цвѣточницамъ и кондитерамъ. Флоренсу брали каждый разъ съ собою. Флоренса должна была присутствовать на свадьбѣ, снять трауръ и быть при этомъ случаѣ въ блестящемъ нарядѣ. Идеи модистки на счетъ ея костюма—модистка была Француженка и очень походила на мистриссъ Скъютонъ—были такъ изящны и дѣвственны, что мистриссъ Скъютонъ заказала точь-въ-точь такое же платье для себя. Модистка клялась, что оно будетъ ей восхитительно къ-лицу и что весь свѣтъ пріиметъ ее за сестру прелестной молодой дѣвицы.

Недѣля потекла скорѣе. Эдиенъ не глядѣла ни на что, не заботилась ни о чемъ. Къ ней приносили богатые наряды, которые она примѣрляла и которыми восхищались мистриссъ Скъютонъ и модистки; потомъ ихъ убирали, не услышавъ отъ нея ни одного

слова. Мистриссъ Скьютонъ составляла планы всѣхъ дѣйствій дна и выполняла ихъ. Когда ѣздила за покупками, Эднѣ почти постоянно оставалась въ каретѣ; иногда только, въ необходимыхъ случаяхъ, она входила въ лавки: мистриссъ Скьютонъ вела всѣ дѣла, а Эднѣ смотрѣла на ея хлопоты съ такимъ равнодушіемъ, какъ-будто она была тутъ совершенно-посторонняя. Флоренса могла счесть ее надменною и небрежною, но съ нею она была всегда совершенно-другимъ существомъ, а потому Флоренса подавляла свое удивленіе благодарностью и не позволяла ему обнаружиться.

Недѣля потекла еще скорѣе. Наконецъ, насталъ послѣдній вечеръ передъ свадьбою. Въ темной гостиной—головная боль мистриссъ Скьютонъ по-прежнему не сносила свѣта, хотя она надѣялась выздоровѣть совершенно къ завтрашнему утру—сидѣли Клеопатра, Эднѣ и мистеръ Домби: Эднѣ у открытаго окна, глядя на улицу, мистеръ Домби и Клеопатра тихо разговаривали на софѣ. Становилось поздно, и усталая Флоренса пошла уже спать.

— Милый Домби, вы оставите мнѣ Флоренсу завтра, когда отнимете у меня Эднѣ?

— Съ большимъ удовольствіемъ.

Имѣть ее подлѣ себя, пока вы будете вмѣстѣ въ Парижѣ, и думать, что и мнѣ суждено содѣйствовать образованію ума такого ангела, мой милый Домби, это будетъ мнѣ утѣшительнымъ балзамомъ въ одиночество!

Эднѣ вдругъ обернулась къ нимъ и стала прислушиваться съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Милый Домби, тысячу разъ благодарю за ваше доброе мнѣніе. Я уже боялась, что вы имѣете злоумышленіе, какъ говорятъ эти ужасные законники—ахъ, какая проза!—осудить меня на совершенное одиночество.

— Зачѣмъ вы думаете обо мнѣ такъ несправедливо?

— Потому-что очаровательная Флоренса объявила мнѣ положительно, будто ей непременно надобно возвратиться домой завтра же. Я уже готова была считать васъ настоящимъ пашою.

— Увѣряю васъ, сударыня, я ничего не приказывалъ Флоренсѣ; ослабѣ это и было, то для меня нѣтъ ничего священнѣе вашего желанія.

— О, милый Домби, какой вы куртизанъ! Впрочемъ, нѣтъ, вы не куртизанъ: у куртизановъ нѣтъ сердца, а ваше проявляется во всемъ вашемъ прелестномъ характерѣ. Не-уже-ли вы уже уходите?

— Теперь уже поздно; мнѣ пора.

— Не-уже-ли это фактъ, а не сонъ? Могу ли вѣрить, мой обворожительный Домби, что вы завтра утромъ придете сюда и возьмете мою единственную отраду, мою Эднѣ?

Мистеръ Домби, привыкшій понимать вещи буквально, наполнилъ мистриссъ Скьютонъ, что всгрѣтится съ невѣстою не иначе, какъ въ церкви.

— О, еслибъ вы знали, какъ мучительно разставаться съ единственнымъ дитятей, даже вручая его вамъ, милый Дѣмби! Но я превозмогу себя завтра, будьте спокойны. Благослови васъ небо! Эдиовъ, дитя! закричала она ягрово.—Кто-то уходитъ!

Эдиовъ, снова обратившая голову къ окну, когда разговоръ ихъ пересталъ интересовать ее, поднялась со стула, но не сказала ни слова, не двинулась съ мѣста. Мистеръ Дѣмби, съ достоинствомъ и любезностью, приличными его положенію, направился къ невестѣ, поцаловалъ ея руку и сказалъ: «Завтра утромъ я буду имѣть счастье требовать эту руку, какъ руку мистриссъ Дѣмби». Съ этимъ онъ торжественно раскланялся и вышелъ.

Мистриссъ Скьютонъ позвонила, чтобъ подали свѣчи, лишь-только затворилась за нимъ дверь. Въмѣстъ съ свѣчами явилась горничная, неся юношественное платье, долженствовавшее завтра сбить съ толка весь свѣтъ. Разумѣется, что, нарядившись для примѣрки, она казалась въ этомъ дѣвственномъ костюмѣ гораздо-старѣе и отвратительнѣе, чѣмъ въ своей фланелевой кофѣ. Но мистриссъ Скьютонъ, любуясь на себя въ зеркаль, рассчитывала, какой убійственный эффектъ произведетъ это на майора, и потомъ, приказавъ горничной раздѣть себя и приготовить все для ночнаго покоя, распалась въ развалины, какъ карточный домикъ.

Во все это время, Эдиовъ сидѣла у окна и глядѣла по-прежнему на улицу. Оставшись снова наединѣ съ матерью, она поднялась съ мѣста, на которомъ просидѣла весь вечеръ, направилась къ ней и остановилась прямо противъ зѣвающей, трясущейся, брюзгливой старухи, которая безпокойно встрѣтила устремленный на нее огненный взглядъ дочери.

— Я устала до смерти, сказала мать. — На тебя нельзя положиться ни минуты. Ты хуже ребенка, ребенка! Нѣтъ ребенка, который былъ бы въ половину такъ упрямъ и непокоренъ.

— Выслушайте меня, матушка, возразила Эдиовъ съ такимъ горькимъ презрѣніемъ, которое устривало всякую мысль о шутливости.— Вы должны оставаться одиѣ до моего возвращенія.

— Должна оставаться одиѣ, Эдиовъ, до твоего возвращенія?

— Или именемъ Того, кого я завтра призову въ свидѣтели лживѣйшаго и позорнѣйшаго дѣла — клянусь вамъ, откажу этому человѣку въ самой церкви. Если нѣтъ, пусть я упаду мертвая на помость!

Мать отвѣчала встревоженнымъ взглядомъ, который несколько не успокоился отъ встрѣчи съ непреклоннымъ взглядомъ дочери.

— Намъ довольно быть тѣмъ, что мы есть, сказала Эдиовъ твердымъ голосомъ.— Я не хочу видѣть, какъ юность и непорочность упадутъ до уровня со мною, не хочу видѣть чистое существо испорченнымъ и развращеннымъ для забавы цѣлаго міра матерей. Вы меня понимаете? Флоренса должна возвратиться домой.

— Ты съ ума сошла, Эдиовъ! воскликнула съ сердцемъ мать. —

Не-уже-ли ты воображаешь найдти въ этомъ домѣ спокойствіе, пока она не замужемъ и будетъ жить тамъ?

— Спросите меня, или спросите себя, ожидала ли я когда-нибудь найдти тамъ миръ и спокойствіе?

— Не-уже-ли послѣ всѣхъ моихъ трудовъ и хлопотъ, чтобъ доставить тебѣ независимость (старуха почти кричала и голова ея тряслась какъ листъ), ты скажешь, что во мнѣ заключается зараза и мое общество можетъ только испортить и развратить невзвѣнность? Что жъ ты такое сама? Прошу тебя, скажи, что ты такое?

— Я не разъ дѣлала себѣ этотъ самый вопросъ, возразила Эдиель, блѣдная какъ мертвецъ, указывая на окно:—когда сидѣла тамъ и погибшія подобія моего пола проходили мимо: Богу извѣстно, какой я получила отвѣтъ... О, матушка, матушка! Еслибъ вы предоставили меня моимъ природнымъ влеченіямъ, когда я была дѣвужкой гораздо-моложе Флоренсы, я была бы не тѣмъ, что теперь!

Понимая, какъ бесполезно обнаруженіе гнѣва, старуха принялась плакать и жаловаться, что она прожила слишкомъ-долго, что единственное дитя отрекается отъ нея, и любовь къ родителямъ забыта въ эти злые времена; что упреки эти противны природѣ и заставляютъ ее желать смерти.

— Жить, подвергая себя такимъ спенамъ, невыносимо! Право, лучше придумать какое-нибудь средство кончить мое существованіе. О, Эдиель, ты моя дочь и говоришь мнѣ въ такомъ духѣ!

— Между нами время взаимныхъ упрековъ уже прошло, матушка, возразила горестно Эдиель.

— Такъ зачѣмъ воскрешать его? Ты знаешь, что мучишь меня нестерпимо. Ты знаешь, какъ подобное обращеніе терзаетъ меня—и въ такое время, когда я, естественно, желаю показаться въ самомъ лучшемъ видѣ! Удивляюсь тебѣ, Эдиель. Ты какъ-будто рѣшилась превратить меня въ страшалище въ день твоей свадьбы! Она всхлипывала и отирала себѣ глаза.

Эдиель устремила на нее тотъ же неумолимый взглядъ, и сказала тѣмъ же тихимъ и твердымъ голосомъ, который не возвышался и не упалъ съ той минуты, какъ она заговорила:—Флоренса должна возвратиться домой.

— Пусть она возвращается! воскликнула послѣшно испуганная и огорченная родительница.—Что мнѣ въ этой дѣвочкѣ? Что она для меня?

— А для меня она то, что скорѣе, чѣмъ допустить прикосновеніе къ ней одного атома зла, которое въ моей груди, я бы отреклась отъ васъ такъ же точно, какъ отреклась бы отъ него завтра въ церкви, еслибъ вы подали къ этому поводъ. Оставьте ее въ покоѣ. Пока я могу охранять ее, она не будетъ испорчена уроками, которымъ я училась. Условіе это не очень-тягостно въ такую горькую ночь.

— Еслибъ ты предложила его какъ дочь, Эдиель, конечно, нѣтъ. Но такія до крайности жестокия и язвительныя слова...

— Они прошли и кончились между нами теперь. Дѣлайте, что хотите, матушка; наслаждайтесь своимъ приобретениемъ какъ угодно; будьте счастливы сколько можете. Цѣль нашей жизни достигнута. Станемъ жить каждая по-своему. Съ этой минуты, я не говорю ни слова о прошедшемъ. Прощаю вамъ вашу долю завтрашняго позора. Да проститъ мнѣ Богъ мою!

Безъ малѣйшаго трепета въ голосъ, и поступью, которая какъ-будто попирала всякое нѣжное ощущение, Эдиель пошла въ свою комнату, пожелавъ матери доброй ночи.

Но не къ отдохновенію возвратилась она: въ душѣ ея не воцарилось спокойствіе даже и тогда, когда она осталась одна. Она ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, среди пышныхъ нарядовъ, разложенныхъ для ея завтрашняго убранства; черныя волосы ея распустились и падали въ беспорядкѣ; черныя глаза горѣли бѣшенымъ огнемъ; высокая бѣлая грудь была красна отъ терзанія безпокойной руки, и она ходила взадъ и впередъ, отвернувъ голову, какъ-будто гнушаяся вида своихъ собственныхъ прелестей, которыя ее мучили и были ей ненавистны. Такъ, въ тишинѣ мертвой ночи, боролась Эдиель Гранджеръ съ своимъ неутомимымъ духомъ, безъ слезъ, безъ друзей, безъ жалобъ, безмолвная, гордая, неукротимая!

Случилось подъ конецъ, что рука ея коснулась до незапертой двери комнаты, гдѣ спала Флоренса.

Эдиель вздрогнула, остановилась и заглянула туда.

Въ комнатѣ горѣлъ огонь и освѣщалъ крѣпко-спавшую Флоренсу, въ полномъ цвѣтѣ невинности и красоты. Эдиель притаила дыханіе и почувствовала невольное влеченіе къ Флоренсѣ.

Она приближалась, какъ-будто увлекаемая таинственною силою все ближе и ближе. Наконецъ, наклонившись надъ дѣвужкой, она приложила губы къ ея свѣсившейся съ кровати рукѣ, и тихо обвила ею свою шею. Прикосновеніе это было магическимъ ударомъ: слезы брызнули ручьями, Эдиель опустилась на колѣни и положила страдальческую голову и распущенныя волосы свои на подушку Флоренсы.

Такъ провела Эдиель Гранджеръ ночь передъ свадьбою. Въ такомъ положеніи застало ее солнце на сѣдующее утро.

Д В Ъ Д І А Н Ы .

Романъ Александра Дюма.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ.

=

I.

Роковой турниръ.

При взглядѣ на мрачную и торжественную фигуру молодого графа Монгомері, король почувствовалъ, какъ трепетъ изумленія пробѣжалъ по всѣмъ его жиламъ.

Габріэль сказалъ во второй разъ, своимъ медленнымъ и важнымъ голосомъ:

— Умоляю васъ, ваше величество, не упорствовать въ своемъ вызовѣ?

— Я, однакожъ, упорствую, графъ Монгомері, отвѣчалъ король.

И такъ, онъ еще разъ сказалъ Габріэлю съ преувеличенною твердостью:

— Графъ, готовьтесь сразиться со мною.

Габріэль, внутренно смущенный по-крайней-мѣрѣ столько же, сколько и самъ король, молча поклонился.

Въ эту минуту, подошелъ г. де-Буасси, великій конюшій, и сказалъ королю, что королева послала его умолять съ ея стороны его величество, изъ любви къ ней не сражаться болѣе.

— Доложите королевѣ, сказалъ Генрихъ:—что именно изъ любви къ ней я хочу еще разъ сразиться.

И, оборотившись къ г. де-Вьельвиллю, онъ сказалъ ему:

— Ну, г. де-Вьельвиль, вооружите меня сейчасъ же.

Въ замѣшательствѣ, онъ требовалъ отъ г. де-Вьельвилля услуги, входившей въ разрядъ должностей великаго конюшаго, г. де-Буасси: Удивленный г. де-Вьельвилль почтительно замѣтилъ ему это.

— Правда! сказалъ король.—Гдѣ жъ это у меня память сего-дня?

И продолжалъ съ нетерпѣніемъ:

— Но какъ же! я говорилъ правду! Въдъ г-ну де-Буасси нужно окончить порученіе королевы и передать ей мой отвѣтъ! Я зналъ, что дѣлалъ и что говорилъ! Вооружайте меня, г. де-Вьельвилль.

— Слушаю, государь, сказалъ г. де-Вьельвилль: — и такъ-какъ вашему величеству непременно угодно переломить еще послѣднее копьё, то я осмѣлюсь замѣтить, что моя очередь сразиться съ вами, и я остаюсь при своемъ правѣ. Въ-самомъ — дѣлѣ, г. де-Монгомері явился на аренѣ не въ началѣ состязанія, а уже тогда, когда полагалъ его оконченнымъ.

— Ваша правда, сказалъ съ живостію Габріэль: — и я удаляюсь, уступая вамъ свое мѣсто.

— Нѣтъ! нѣтъ! отвѣчалъ король г. де-Вьельвиллю, топнувъ ногою. — Съ г. де-Монгомері, а не съ другимъ хочу я на этотъ разъ сразиться! И безъ того уже довольно промѣшкали! Вооружайте меня.

Принцъ савойскій также подошелъ къ нему и умолялъ отъ имени Катерины Медичи оставить поле.

И какъ король даже не отвѣчалъ на его убѣжденіе, онъ тихо прибавилъ:

— Госпожа Діана де-Пуатьё, государь, также просила меня тайно убѣдить васъ обратить вниманіе на то, съ кѣмъ на этотъ разъ вы войдете въ состязаніе.

При имени Діаны де-Пуатьё, Генрихъ какъ-будто невольно содрогнулся.

И онъ продолжалъ хранить молчаніе человѣка фѣшительнаго, которому тишетно докучаютъ.

Между-тѣмъ, г. де-Вьельвилль, продолжая вооружать его, говорилъ ему тихимъ голосомъ:

— Государь, клянусь Богомъ живымъ, что вотъ уже три ночи сряду мнѣ о томъ только и снится, что нынче съ вами должно быть несчастіе и что послѣднее число іюля для васъ роковое число (*).

Но король, казалось, и не слушалъ его: онъ былъ вооруженъ и схватилъ уже копьё.

Габріэль держалъ свое и также выступалъ на арену.

Оба противника сѣли на коней и выѣхали на средину...

Тогда въ толпѣ царствовало странное и глубокое молчаніе. Глаза всѣхъ стали внимательнѣе, дыханье притаилось.

(*) Мемуары Венсена Карлуа, секретаря г. де-Вьельвилля.

Никто въ этомъ подражаніи поединку не могъ предвидѣть кровавыхъ послѣдствій. Король, привыкшій къ этимъ безопаснымъ играмъ, въ продолженіи трехъ дней едва ли не сто разъ показывался на аренѣ, при условіяхъ, по-видимому, подобныхъ тѣмъ, которыя и теперъ представлялись.

И, не смотря на то, всѣ неопредѣленно ощущали что-то необыкновенное, ужасное, и всѣ ждали и молчали передъ невѣдомой опасностью. Почему? никто не могъ бы объяснить этого! Но львись въ ту минуту посторонній, онъ при одномъ взглядѣ на эти лица сказалъ бы себѣ: быть какому-нибудь необычному происшествію!

Ужась господствовалъ.

Одно замѣчательное обстоятельство очевидно подало поводъ къ такому мрачному настроенію мыслей въ толпѣ:

При обыкновенныхъ ристаніяхъ, и во все время, какъ они продолжались, рожки и трубы не переставали издавать непрерывные и оглушающіе звуки. То былъ какъ-будто громкій и радостный гудъ самаго турнира.

Но только король и Габріэль выѣхали на поприще, трубы вдругъ всѣ умолкли; не стало ни одной, которая бы звучала, и безсознательно удвоился всеобщій ужась среди этого необыкновеннаго молчанія.

Оба противника ощущали, еще болѣе нежели зрители, странныя впечатлѣнія того смущенія, которое, такъ-сказать, наполняло атмосферу.

Габріэль не думалъ болѣе, не видѣлъ, даже не жилъ почти. Онъ дѣйствовалъ машинально и будто во снѣ, по инстинкту, какъ уже прежде поступалъ въ подобныхъ обстоятельствахъ.

Король былъ еще болѣе страдатемень и потерянь. И у него передъ глазами носилось какое-то облако, и самъ онъ, казалось, двигался среди неслыханной фантазмагоріи, не бывшей ни сномъ, ни дѣйствительностью.

Но все-таки передъ нимъ мелькнула молнія мысли, въ которой онъ ясно и разомъ увидѣлъ предсказанія, передачныя ему третьягодня утромъ королевою, предсказанія при его рожденіи и предсказанія Форкастеля. Вдругъ, освѣщенный какимъ-то страшнымъ блескомъ, онъ понялъ и смыслъ и связь этихъ роковыхъ намековъ. На одинъ мигъ явилось у него желаніе выйти изъ ограда и отказаться отъ боя. Но тысячи вниательныхъ глазъ приковывали его къ мѣсту.

Къ-тому же, г. де-Вьельвилль только-что подалъ знакъ къ начатію.

Жребій выпалъ. Впередъ! и будь что Богу угодно!

Разомъ сорвались съ мѣста и помчались галопомъ оба коня.

Габріэль и король встрѣтились посреди арены. Копья обоихъ скрестились, сломались на кирасахъ, и всадники счастливо разошлись другъ съ другомъ.

Стало-быть, ужасныя предчувствія оказались ложными. Какъ-будто радостный ропотъ вырвался разомъ у всѣхъ изъ облегченной груди. Королева подняла къ небу взглядъ, исполненный благодарности.

Но слишкомъ-рано начали радоваться!

И въ-самомъ-дѣлѣ, всадники были еще въ оградѣ. Достигнувъ каждый конца, противоположнаго тому, черезъ который вѣхали, они на всемъ скаку должны были возвратиться на свои мѣста и, слѣдовательно, еще разъ встрѣтиться.

Только какой же опасности можно было еще бояться? При встрѣчѣ, они уже не сшибались.

Но по несчастію, Габріэль, возвращаясь, не бросилъ, по обычаю, осколка отъ сломаннаго копья. Онъ держалъ его передъ собою на перевѣсѣ...

И на всемъ скаку, увлеченный конемъ, пущеннымъ въ галопъ, возвращаясь, этимъ осколкомъ онъ наткнулся на голову Генриха II!

Силой удара подняло забрало каски, и осколокъ глубоко впился въ глазъ королю и вышелъ изъ уха.

Развѣ только половина зрителей, и то вставшихъ и сбравшихся уже уходить, видѣла этотъ страшный ударъ. Но они громко вскрикнули и тѣмъ предувѣдомили другихъ.

Между-тѣмъ, Генрихъ выпустилъ поводья, уцѣпился за шею своей лошади и такимъ-образомъ проскакалъ по всей аренѣ, на концѣ которой приняла его господя де-Вьельвилль и де-Буаси.

— Ахъ! я умираю! было первымъ словомъ короля.

Онъ прошепталъ еще:

— Не беспокоить г-на де-Монгомери!.. я ему прощаю.

И онъ лишился чувствъ.

Не будемъ описывать послѣдовавшаго за тѣмъ смятенія. Катерину Медичи вынесли полуживую. Король былъ немедленно перенесенъ въ свои турнельскіе покои, и оставался въ безпамятствѣ.

Габріэль, сошедши съ лошади, стоялъ прислонившись къ барьеру, недвижный, уничтоженный и будто самъ ошеломленный ударомъ, имъ же нанесеннымъ.

Послѣднія слова короля были услышаны и повторены. Никто не смѣлъ его беспокоить. Но около него слышался ропотъ и на него посматривали искоса и съ какимъ-то ужасомъ.

Одинъ только адмиралъ Колинъ, присутствовавшій на турнирѣ, осмѣлился приблизиться къ молодому человѣку и, слѣва проходя мимо его, шепнулъ ему:

— Вотъ страшное-то несчастіе, другъ! Знаю, что всему этому виною здѣсь случай; наши идеи и рѣчи, слышанныя вами, какъ сказывалъ мнѣ Ла-Реноди, въ совѣщаніяхъ на Моберовой Площади, ровно ничего не значатъ въ этомъ роковомъ происшествіи! Но все-таки, хоть васъ и нельзя обвинять, берегитесь. Совѣтую

вамъ скрыться на нѣкоторое время, оставитъ Парижъ и даже Францію. Полагайтесь на меня какъ всегда. До свиданія.

— Благодарю васъ, отвѣчалъ Габріэль, не перемѣняя положенія.

Грустная и слабая улыбка задѣла его блѣдныя губы во время разговора съ главою протестантовъ.

Колѣннѣй кивнулъ ему головою и удалился.

Нѣсколько минутъ спустя, герцогъ Гизъ, только-что увидѣвшій, какъ выносили короля, также приблизился къ Габріэлю, отдавая кой-какія приказанія.

Онъ также, справа, прошелъ мимо графа, и, проходя, сказалъ ему на ухо:

— Несчастный ударъ, Габріэль! Но скорѣй жалѣть васъ надобно. Однако, еслибъ кто подслушалъ разговоръ нашъ въ Турнелѣ, какихъ бы ужасныхъ заключеній не вывели злые языки изъ этого простаго, но роковаго случая! Но все равно, теперь я въ силѣ и вамъ преданъ, вы это знаете. Нѣсколько дней нигдѣ не показывайтесь, но не оставляйте Парижа: это бесполезно. Еслибъ кто осмѣлился стать вашимъ обвинителемъ, вспомните, что я вамъ сказалъ: «полагайтесь на меня вездѣ, всегда и въ какомъ бы то ни было случаѣ.»

— Благодарю, вапна свѣтлость, сказалъ еще разъ Габріэль тѣмъ же голосомъ и съ тою же грустною улыбкою.

Между-тѣмъ, герцогъ Гизъ вмѣшался въ смущенныя, окружавшія его группы. Габріэль взглянулъ наконецъ вокругъ себя, увидѣлъ испуганное любопытство, съ какимъ на него смотрѣли, вздохнулъ и рѣшился удалиться изъ этого роковаго мѣста.

Онъ возвратился въ свою отель въ Улицѣ-Жарденъ-Сенъ-Поль, и никто не остановилъ его, никто не сказалъ ему ни слова.

Въ Турнелѣ, въ комнату къ королю никого не впускали, исключая королевы, его дѣтей и хирурговъ, сбѣжавшихся на помощь къ царственному больному.

Но Фернелъ и всѣ другіе медики скоро увидѣли, что не было уже никакой надежды и что нельзя было спасти Генриха II.

Амбруазъ Парѣ былъ въ Пероннѣ. Герцогъ Гизъ и не подумалъ послать за нимъ.

Король оставался четыре дня въ безпамятствѣ.

На пятый день онъ пришелъ въ себя, казалось, для того только, чтобъ отдать кой-какія приказанія, а главное повелѣть, чтобъ немедленно праздновали бракосочетаніе сестры его.

Онъ видѣлся также съ королевой и далъ ей нѣкоторыя наставленія касательно дѣтей своихъ и государственныхъ дѣлъ.

Потомъ его схватила опять горячка, и бредъ, и атонія.

Наконецъ, 10 іюля 1559 года, на другой день послѣ того, какъ сестра его Маргарита въ слезахъ вышла за герцога савойскаго, Генрихъ II скончался послѣ одиннадцати долгихъ дней агоніи.

Въ тотъ же самый день, госпожа Діана де-Кастро удалилась, или, лучше сказать, убѣжала въ свой прежній монастырь сен-кентенскихъ бенедиктинокъ, снова открытый со времени шато-камбрэзскаго мѣра.

II.

Новый порядокъ вещей.

Для королевской фаворитки, такъ же какъ и для фаворита, истинною смертью бываетъ не смерть, но немилость.

Такимъ-образомъ, сынъ графа де-Монгомері достаточнo отмстилъ бы коннетаблю и Діанѣ де-Пуатье за ужасную смерть своего отца, если черезъ него оба виновные пали съ высоты могущества въ изгнаніе, съ высоты блеска въ забвеніе.

Именно этого результата ждалъ Габріэль въ глубокомъ и полномъ думѣ уединеніи своей отелі, гдѣ онъ схоронилъ себя послѣ роковаго происшествія 30-го іюня. Не казни своей страшился онъ въ случаѣ, еслибъ Монморанси и его соучастница остались въ силѣ, но ихъ помилованія. — И онъ ждалъ.

Въ-продолженіи одиннадцати-дневной агоніи Генриха II, коннетабль Монморанси употребилъ всѣ средства къ сохраненію вліянія своего на правительство. Онъ писалъ къ принцамъ крови, увѣщавая ихъ прибыть и занять мѣсто въ совѣтѣ молодаго короля. Особенно уговаривалъ онъ Антуана-Бурбонскаго, короля наваррскаго, ближайшаго наслѣдника престола послѣ королевскихъ братьевъ. Онъ убѣждалъ его спѣшить, потому-что малѣйшее промедленіе можетъ дать власть чужимъ, которой уже нельзя будетъ отнять у нихъ послѣ. Наконецъ, онъ посылалъ курьера за курьеромъ, подговаривалъ однихъ, кланялся другимъ и не пренебрегалъ никакими средствами для составленія партіи, способной устоять противъ партіи Гизовъ.

Діана де-Пуатье, не взирая на горе, помогала ему какъ могла въ этихъ усиліяхъ, потому-что и ея судьба была теперь тѣсно связана съ судьбою ея стариннаго обожателя.

Съ нимъ она еще могла властвовать, хотя и не прямо, по-крайней-мѣрѣ косвенно.

Въ-самомъ-дѣлѣ, когда, 10-го іюля 1559 года, герольды провозгласили королемъ старшаго изъ сыновей Генриха II, молодому принцу было только шестнадцать лѣтъ, и хотя законъ объявлялъ его совершеннолѣтнимъ, но его возрастъ, неопытность и слабость здоровья заставляли предоставить веденіе дѣлъ на многіе годы министру, гораздо могущественнѣйшему подъ его именемъ, нежели онъ самъ.

И такъ, кто будетъ этимъ министромъ, или, лучше, опекуномъ? Герцогъ Гизъ или коннетабль? Катерина Медичи или Антуанъ Бурбонъ?

Вотъ въ чемъ состоялъ вопросъ на другой день смерти Генриха II.

Въ этотъ же день, Франциску II надлежало въ три часа принимать парламентскихъ депутатовъ. Тому, кого онъ представилъ бы имъ, какъ своего министра, они могли по справедливости поклониться, какъ своему настоящему королю.

Дѣло, стало-быть, состояло въ томъ, чтобъ побѣдить, и потому утромъ 12-го іюля Катерина Медичи и Францискъ-Лотарингскій, каждый самъ-по-себѣ, отправились къ молодому королю, подъ предлогомъ изъясненія ему своихъ сожалѣній, на дѣлѣ же, чтобъ надавать ему разныхъ совѣтовъ.

Двова Генриха II для этой цѣли преступила даже этикетъ, предписывавшій ей нигдѣ не показываться въ-продолженіе сорока дней.

Катерина Медичи, притѣсненная и отстраненная мужемъ, уже двѣнадцать дней чувствовала, какъ въ ней пробуждалось то громадное и глубокое честолюбіе, которое наполняло послѣдніе дни ея жизни.

Но какъ она не имѣла возможности быть правительницею при совершеннолѣтнемъ королѣ, то у ней оставался одинъ только случай вѣствовать, именно, посредствомъ министра, преданнаго ея выгодамъ.

Коннетабль Монморанси не долженъ быть этимъ министромъ. Въ предшествующее царствованіе, онъ не мало содѣйствовалъ къ устраненію законнаго вліянія Катерины, съ цѣлью замѣстить его вліяніемъ Діаны де-Пуатье. Королева-мать не могла простить ему этихъ козней, и думала только, какъ бы наказать его за поступки съ нею, всегда грубые и часто безчеловѣчныя.

Антуанъ Бурбонъ могъ бы быть въ рукахъ ея орудіемъ болѣе послушнымъ. Но онъ принадлежалъ къ религіи реформатской; Жанна д'Альбрэ, жена его, была сама женщина честолюбивая; наконецъ, его титулъ принца крови, соединенный съ такою дѣйствительною властью, могъ внушить ему опасныя желанія.

Оставался герцогъ Гизъ. Но признаетъ ли Францискъ-Лотарингскій нравственный авторитетъ королевы-матери, или вовсе откажется отъ раздѣла съ нею власти?

Вотъ на-счетъ чего Катеринѣ Медичи очень хотѣлось бы увѣриться. И потому она съ радостью приняла родъ свиданія, которое случай въ присутствіи короля въ этотъ рѣшительный день устроилъ между ней и Францискомъ-Лотарингскимъ.

Тутъ она могла найти или создать случай испытать герцога и вызнать его расположеніе къ ней.

Но герцогъ Гизъ, съ своей стороны, былъ не менѣе искусенъ въ политикѣ, чѣмъ на войнѣ, и приготовился быть на сторожѣ.

Этотъ прологъ происходилъ въ Луврѣ, въ королевской комнатѣ,

въ которой. Францискъ II наканунѣ помѣстился; дѣйствующими лицами въ немъ были: королева-мать, Балафрѣ, молодой король и Марія Стюартъ.

Сами же Францискъ и его молодая королева, наряду съ эгоистическими и холодными честолюбіями Катерины и герцога Гиза, были только милыми, наивными и влюбленными дѣтьми, которыхъ довѣріе должно было принадлежать первому встрѣчному, ловко сѣумѣющему овладѣть ихъ сердцами.

Они искренно оплакивали смерть короля, своего родителя, и Катерина застала ихъ грустными и огорченными.

— Сынъ мой, сказала она Франциску: — съ вашей стороны похвально чтить слезами память того, о комъ первый изъ всѣхъ вы должны сожалѣть. Вы знаете, раздѣляю ли я эту горестъ! Вспомните, однакожь, и о томъ, что на васъ лежатъ не однѣ сыновнія обязанности. Вы тоже отецъ, отецъ своего народа! Отдавъ прошедшему законную дань сожалѣній, обратитесь къ будущему. Вспомните, наконецъ, что вы король.

— Ахъ, сказалъ, покачавъ головою, Францискъ: — тяжелое бремя скипетръ Франціи для шестнадцатилѣтнихъ рукъ! И ничто не приготовило меня къ мысли, что такая ноша такъ рано отяготѣетъ надъ моею неопытною юностію.

— Государь, продолжала королева: — пріймите съ покорностью судьбѣ, и вмѣстѣ съ благодарностью, Богомъ налагаемую на васъ обязанность; облегчить же ее всѣми силами, присоединить свои стремленія къ вашимъ, и тѣмъ помочь вамъ достойно нести ее — будетъ уже дѣломъ тѣхъ, кто окружаетъ васъ и любитъ.

— Ваше величество... благодарю васъ... проговорилъ молодой король въ затрудненіи, что отвѣчать на такіе доводы.

И машинально онъ обращалъ взоры къ герцогу Гизу, будто прося совѣта у дяди жены своей.

На первомъ шагу царствованія, и даже въ-отношеніи къ своей матери, юный вѣнценосецъ уже инстинктивно чувствовалъ засады на своей дорогѣ.

Но герцогъ Гизъ, нисколько не запинаясь, сказалъ ему тогда:

— Да, вы правы, государь; благодарите, горячо благодарите королеву за ея добрыя и одобрительныя слова. Но не довольствуйтесь одной благодарностью. Смѣло скажите ей, что среди всѣхъ, кто васъ любитъ и кого вы любите, она все же на первомъ мѣстѣ, и что поэтому вы должны разсчитывать и разсчитываете на ея дѣйствительное и материнское соучастіе въ томъ трудномъ дѣлѣ, на которое вы такъ съ-молода призваны.

— Дядя мой Гизъ былъ вѣрнымъ истолкователемъ моихъ мыслей, ваше величество, сказалъ обрадованный король своей матері: — и если я, изъ страха ослабить, не повторяю вамъ его выраженій, считайте ихъ какъ-бы сказанными мною и удостойте общать моею слабости свою драгоцѣнную podporу.

Королева-мать успѣла уже бросить герцогу Гизу взглядъ благоволенія и сочувствія.

— Государь, отвѣчала она сыну: — все мое небольшое знаніе принадлежитъ вамъ, и я буду гордиться и считать себя счастливой всякій разъ, какъ вамъ угодно будетъ попросить у меня совѣта. Но я женщина; у вашего же престола долженъ быть защитникъ со шпагою въ рукѣ. Эту сильную руку, эту мужескую энергію ваше величество безъ сомнѣнія найдете среди тѣхъ, кто по связямъ и по родству составляетъ вашу естественную подпору.

Катерина Медичи тотчасъ же платила герцогу Гизу долгъ свой относительно благорасположенія.

Между ними былъ родъ какой-то вѣмой стачки, заключенной въ одномъ взглядѣ, но которая, надобно сказать, не была искреннею ни съ той, ни съ другой стороны и, какъ увидимъ, не могла быть продолжительною.

Молодой король понялъ мать свою, и, ободренный взглядомъ Маріи, подалъ свою робкую руку герцогу Гизу.

Этимъ онъ отдавалъ ему правленіе Франціею.

Катеринѣ Медичи, однако, не хотѣлось дать сыну слишкомъ далеко зайти, пока самъ герцогъ Гизъ не обезпечитъ ее вѣрными залогамъ въ своемъ расположеніи къ ней.

И потому она успѣла перебить короля, который, по всей вѣроятности, тутъ же утвердилъ бы какимъ-нибудь формальнымъ обѣщаніемъ довѣрчивый жестъ свой, и первая сказала:

— Во всякомъ случаѣ, прежде, нежели вы выберете себѣ министра, государь, мать ваша будетъ просить у васъ не милости, но права сдѣлать вамъ одно напоминаніе.

— Скажите: приказать мнѣ, королева, отвѣчалъ Францискъ II.

— Говорите, прошу васъ.

— Хорошо, сынъ мой, начала Катерина: — дѣло идетъ о женщинѣ, сдѣлавшей много зла мнѣ и еще больше Франціи. Не намъ порицать слабости того, кто для насъ теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, священъ. Но отецъ вашъ, государь, къ-несчастью, уже не существуетъ, воля его уже не властвуетъ во дворцѣ этомъ; а женщина, которую я даже и назвать не хочу, смѣетъ еще жить въ немъ. Во время долгой летаргіи короля, ей не разъ было говорено, какъ неприлично оставаться ей въ Луврѣ. — Король развѣ умеръ? спросила она. — Нѣтъ, еще дышетъ. — Такъ никто кромѣ его не можетъ мнѣ приказывать. — И она осталась.

Герцогъ Гизъ почтительно перебилъ королеву-мать и поспѣшилъ сказать:

— Простите, королева, но мнѣ извѣстны намѣренія его величества на-счетъ той, о которой вы говорите.

И не медля ни мало онъ ударилъ въ металлическую доску. Вошелъ дежурный.

— Доложить госпожѣ де-Пуатье, сказалъ онъ ему: — что королю угодно говорить съ ней сію минуту.

Король, казалось, ни мало не удивлялся и не беспокоился, что у него таким образом и без согласія вырывали власть изъ рукъ. Онъ даже радовался всему тому, что могло уменьшить его отвѣтственность и избавить его отъ труда дѣйствовать.

Герцогу, однако, хотѣлось дать своей выходкѣ силу королевскаго согласія.

— Не правда ли, государь, я не поступилъ слишкомъ самоувѣренно, сказавъ, что мнѣ известна воля вашего величества касательно этого дѣла?

— Нѣтъ, конечно, любезный дядя, послѣдшне перебилъ его Францискъ. — Дѣлайте, что вамъ угодно! я напередъ знаю, что все, что вы ни сдѣлаете, будетъ хорошо сдѣлано.

— И все, что вы ни говорите, хорошо сказано, прошептала Марія Стюартъ на ухо своему мужу.

Францискъ былъ внѣ себя отъ самодовольства и гордости. За одно слово, за одинъ одобрительный взглядъ своей обожаемой Маріи, онъ бросилъ бы и отдалъ всѣ королевства въ мірѣ.

Королева-мать ждала съ нетерпѣливымъ любопытствомъ, на что рѣшится герцогъ Гизъ.

Она, однако, сочла за нужное прибавить, сколько для того, чтобъ прервать молчаніе, столько же, чтобъ лучше обозначить свои намѣренія:

— Та, которую вы только-что позвали, государь, могла бы, кажется, предоставить Лувръ безъ раздѣла единственной законной королевѣ прошедшаго, такъ же-какъ и прелестной королевѣ настоящаго, прибавила она, граціозно поклонившись Маріи Стюартъ. — У великолѣпной и прекрасной дамы вѣдь есть для убѣжища и утѣшенія чудесный Апетскій-Дворецъ, который ужь, конечно, лучше и чудеснѣе моего простаго дома въ Шомонъ-сюр-Луаръ.

Герцогъ Гизъ ничего не отвѣтилъ, но сберегъ въ умѣ своемъ этотъ намекъ.

Надо признаться, что онъ не менѣе Катерины Медичи ненавидѣлъ Діану де-Пуатье. Она до-сихъ-поръ, въ угоду своему конетаблю, всею своею властію задерживала карьеру и планы герцога; она же, безъ-сомнѣнія, оставила бы его навсегда въ тѣни, не разбей только копье Габріэля, вмѣстѣ съ жизнію Генриха II, власти очаровательницы.

Но день отмщенія насталъ, наконецъ, для Франциска-Лотарингскаго, а онъ умѣлъ столько же ненавидѣть, сколько и любить.

Въ эту минуту, докладчикъ громкимъ голосомъ прокричалъ:

— Госпожа герцогиня де-Валентинуа.

Діана де-Пуатье вошла, очевидно смущенная, но по-прежнему высокомерная.

III.

Слѣдствіе Габріелевой мести.

Герцогиня де-Валентинуа легко поклонилась молодому королю, еще легче Катеринѣ Медичи и Маріи Стюартъ, и, казалось, даже не замѣтила присутствія герцога Гиза.

— Государь, сказала она:— ваше величество дозволили приказать мнѣ явиться къ себѣ...

Она остановилась. Францискъ II, смущенный и вмѣстѣ раздраженный высококомѣриемъ ея, замаялся, покраснѣлъ и наконецъ сказалъ:

— Нашему дядѣ Гизу угодно было принять на себя трудъ обвинить вамъ наши намѣренія, герцогиня.

И онъ началъ въ пол-голоса говорить съ Маріею Стюартъ.

Діана медленно оборотилась къ Балафрѣ, и при видѣ тонкой и насмѣшливой улыбки, бродившей у него на губахъ, попыталась было противопоставить ей самый повелительный изъ своихъ взглядовъ разгнѣванной Юноны.

Но Балафрѣ не такъ легко было запугать.

— Герцогиня, сказалъ онъ, низко поклонившись Діанѣ:— королю извѣстно искреннее огорченіе ваше по случаю страшнаго несчастія, постигшаго всѣхъ насъ. Онъ благодаритъ васъ за это. Его величество полагаетъ предупредить жарчайшее ваше желаніе, позволяя вамъ оставить дворъ для уединенія. Вы можете отправиться, когда заблагоразсудите—сегодня вечеромъ, на-примѣръ.

Діана подавила слезу бѣшенства на воспламененномъ глазу.

— Его величество точно исполняетъ мое задушевное желаніе, сказала она. — И что мнѣ дѣлать здѣсь теперь? Я только того и хочу, чтобъ удалиться въ свое изгнаніе, и будьте покойны, м. г., какъ только можно скорѣе!

— Такъ, стало-быть, все къ лучшему, легко и насмѣшливо сказалъ герцогъ Гизъ, играя кистями своего бархатнаго плаща.— Но, герцогиня, прибавилъ онъ серьезнѣе, и давая словамъ своимъ удареніе и значеніе приказа:—вашъ Анетскій-Дворецъ, которымъ вы владѣете, можетъ-быть, есть убѣжище слишкомъ-свѣтское, слишкомъ-открытое и веселое для такой убитой горемъ отшельницы, какъ вы. Такъ вотъ, королева предлагаетъ вамъ взамѣнъ свой Шомон-сюр-луарскій Дворецъ, болѣе удаленный отъ Парижа и потому, думаю, болѣе сообразный съ вашимъ вкусомъ и теперешними нуждами. Онъ будетъ отданъ въ ваше распоряженіе, лишь-только вы пожелаете.

Госпожа де-Пуатъ очень-хорошо поняла, что подъ этой мнимою мѣной скрывалась предполагаемая конфискація. Но что жъ было дѣлать? Какъ противиться? У ней не было болѣе ни креди-

та, ни власти! Всѣ ея вчерашніе друзья стали сегодня врагами! Уступить было нужно. И она уступила.

— Я почитаю себя счастливой, сказала она глухимъ голосомъ: — что могу предложить королевѣ великолѣпное свое помѣстье.

— Принимаю это удовлетвореніе, сударыня, сухо сказала Катерина Медичи, бросивъ холодный взглядъ на Діану и благодарный на герцога Гиза.

Казалось, какъ-будто онъ сдѣлалъ ей этотъ подарокъ.

— Шомон-сюр-луарскій Дворецъ теперь вашъ, сударыня, прибавила она: — и будетъ приведенъ въ состояніе достойно принять свою повую владѣтельница.

— И тамъ — продолжалъ герцогъ Гизъ, чтобъ по-крайней-мѣрѣ противопоставить невинную насмѣшку бѣшеннымъ взглядамъ, которыми пепелила его Діана: — тамъ въ затишьѣ вы будете имѣть возможность, сударыня, на досугѣ отдохнуть отъ заботъ и усталости, причиненныхъ вамъ, какъ мнѣ сказывали, въ это послѣднее время огромною корреспонденціею и совѣщаніями, которыя вы держали вмѣстѣ съ г-номъ Монморанси...

— Я полагаю, что оказывала услугу, подхватила Діана: — совѣщаясь съ великимъ государственнымъ мужемъ, великимъ полководцемъ, на-счетъ всего, что касалось блага королевства.

Но успѣшивъ заплатить острымъ словомъ за острое слово, госпожа де-Пуатье не сообразила, что доставляла этимъ оружіе противъ самой же себя и напоминала злопамятству Катеринѣ Медичи ея другого врага, коннетабля.

— Правда, сказала неумолимая королева-мать: — г. Монморанси наполнилъ своею славою и трудами два цѣлыхъ царствованія! — И уже давно пора, сынъ мой, прибавила она, обращаясь къ королю: — чтобъ вы позаботились дать ему почетную отставку, такъ трудолюбиво имѣ заслуженную.

— Господишь де-Монморанси, сказала съ горечью Діана: — при-готовлень, какъ и я, къ такой наградѣ за свою долгую службу! Онъ былъ у меня въ то время, какъ его величество благоволилъ прислать за мною и долженъ быть еще тамъ; я пойду къ коннетаблю и расскажу, какъ здѣсь расположены къ нему; онъ сейчасъ же будетъ здѣсь, — принести королю свою благодарность и вмѣстѣ съ тѣмъ проститься. Онъ мужчина, онъ коннетабль, онъ одинъ изъ могущественнѣйшихъ людей въ королевствѣ! и, безъ-сомнѣнія, рано ли, поздно ли, найдетъ случай, лучше, нежели словами, доказать свою благодарность королю, такъ справедливому къ прошлымъ заслугамъ, и новымъ совѣтникамъ, которые съ такою пользою содѣйствуютъ ему въ дѣлѣ правосудія и государственныхъ интересовъ.

— Угроза! про себя сказалъ герцогъ. — Эхидна поднимаетъ все еще голову изъ-подъ каблука. Что жъ? Тѣмъ лучше!

— Король всегда готовъ принять г. коннетабля, сказала королева-мать, поблѣднѣвъ отъ негодованія. — И если г. коннетабль

имѣть что-либо напомнить, или замѣтить его величеству, ему стоить только явиться! Его выслушаютъ и, какъ вы говорите, сударыня, ему окажутъ полную справедливость.

— Я сейчасъ пришлю его, отвѣчала тономъ вызова госпожа де-Пуатъе.

Она снова отдала королю и обѣимъ королевамъ свой горделивый поклонъ, и вышла съ поднятымъ челомъ, но съ убитой душою, съ гордостью на лицѣ и съ смертію въ сердцѣ.

Еслибъ Габріэль могъ ее увидѣть въ эту минуту, онъ нашелъ бы, что уже довольно отмстилъ ей.

Даже сама Катерина Медичи, за цѣну этого униженія, соглашалась впередъ менѣе ненавидѣть Діану!..

Только королева-мать съ безпокойствомъ замѣтила, что, при имени конетабля, герцогъ Гизъ замолкъ и не отражалъ болѣе дерзкихъ вызововъ г-жи де-Пуатъе.

Не боится ли ужъ герцогъ коннетабля и не хочетъ ли побережъ его? Не думаетъ ли ужъ заключить союза съ этимъ стариннымъ врагомъ Катерины?

Для Флорентинки важнѣе всего было знать, чего держаться, прежде, чѣмъ безъ боя допустить утвердиться власти въ рукахъ Франциска Лотарингскаго.

И такъ, съ цѣлью испытать его, да и короля также, только-что Діана вышла, она сказала:

— Герцогиня что-то очень дерзка и ужъ слишкомъ надѣется на своего конетабля! И точно, дать сколько-нибудь ему власти, мой сынъ, будетъ значить дать половину этой власти Діанѣ.

Герцогъ Гизъ в туь промолчалъ.

— Что касается до меня, продолжала Катерина:— то я посоветовала бы вашему величеству не раздѣлять своего довѣрія между многими, избрать себѣ въ министры или Монморанси, или своего дядю Гиза, или дядю Бурбона, по своему усмотрѣнію. Но того или другаго, а не тѣхъ и другихъ. Одна воля въ государствѣ, съ волею короля, вспомошествоемаго совѣтами небольшого числа особъ, которыя бы, кромѣ его блага и славы, не имѣли другихъ интересовъ... вы такого же мнѣнія, герцогъ?

— Да, ваше величество, если оно ваше, отвѣчалъ герцогъ Гизъ какъ-будто съ нѣкоторою уступчивостью.

— Такъ и есть! подумала Катерина:— я вѣрно угадала! онъ думалъ опереться на конетабля. Но между нимъ и мною онъ долженъ сдѣлать выборъ, и я не думаю, чтобъ онъ могъ колебаться.

— Мнѣ кажется, герцогъ, продолжала она вслухъ:— вы тѣмъ болѣе должны раздѣлять совѣтъ мой, что онъ вамъ же въ пользу; королю извѣстны мои мысли, и ни конетабля Монморанси, ни Антуана Наварскаго не хотѣлось бы мнѣ видѣть у него въ совѣтѣ. А если я объявляю себя въ пользу исключительности, то ужъ вѣрно не противъ васъ я объявляю себя.

— Государыня, отвѣчалъ герцогъ:— будьте увѣрены въ одно

время и въ моей глубочайшей признательности и въ не менѣе исключительной преданности.

Тонкій политикъ сдѣлалъ удареніе на послѣднихъ словахъ, какъ-будто ужъ рѣшился и окончательно пожертвовалъ конетаблемъ Катеринѣ.

— И прекрасно! сказала королева-мать.—Хорошо бы было, когда явятся парламентскіе господа, чтобъ они нашли между нами такое рѣдкое и трогательное единодушіе въ видахъ и чувствахъ.

— А я-то больше всѣхъ радъ этому согласію! вскричалъ король.

— Мы будемъ царствовать семейно, весело прибавила Марія Стюартъ.

Катерина Медичи и Францискъ Лотарингскій улыбались при такихъ надеждахъ, или, лучше, самообольщеніяхъ своихъ молодыхъ государей. Каждый изъ нихъ успѣлъ уже достигъ, чего домогался: одинъ увѣренности, что королева-мать не воспротивится, если ему будетъ отдано всемогущество, другая убѣжденія, что онъ раздѣлитъ это всемогущество съ нею.

Но тутъ возвѣстили о приходѣ г. Монморанси.

Надобно сказать, что конетабль показалъ сперва болѣе достоинства и спокойствія, нежели г-жа де-Валентинуа. Безъ-сомнѣнія, онъ ужъ былъ предупрежденъ ею и рѣшился по-крайней-мѣрѣ пасть съ честью.

Онъ почтительно поклонился Франциску II и началъ говорить первый.

— Государь, сказалъ онъ:—я зналъ напередъ, что старшій слуга вашего родителя и дѣда не будетъ у васъ пользоваться большою благосклонностью. Не жалуясь на оборотъ счастья, который я предвидѣлъ. Я удаляюсь безъ ропота. Если когда-либо король французскій будетъ имѣть нужду во мнѣ, меня найдутъ въ Шантильи, государь, и мое имущество, дѣти, собственная жизнь, все, чѣмъ я обладаю, будетъ всегда къ услугамъ вашего величества.

Такая умѣренность, казалось, тронула молодаго короля, и онъ, болѣе нежели когда-либо смущенный, обратился къ своей матери съ самымъ плачевнымъ видомъ.

Но герцогъ Гизъ, предчувствуя, что одно его вмѣшательство въ силахъ превратить въ гнѣвъ умѣренность стараго конетабля, сказалъ съ выраженіемъ самой утонченной вѣжливости:

— Такъ-какъ г. Монморанси оставляетъ дворъ, то, я полагаю, онъ не затруднится передъ своимъ отъѣздомъ вручить его величеству королевскую печать, повѣренную ему покойнымъ королемъ, и которая съ нынѣшняго же дня будетъ намъ необходима.

Герцогъ не ошибся. Эти простые слова въ высшей степени взволновали жолчь завистливаго конетабля.

— Печать... вотъ она! сказалъ онъ съ сердцемъ, вынимая ее изъ-подъ своего камзола.—Я и безъ всякихъ напоминаній и просьбъ хотѣлъ отдать ее его величеству; но его величество, я вижу, ок-

руженъ людьми, способными посовѣтовать ему оскорблять тѣхъ, кто имѣетъ право на одну благодарность.

— О комъ это говорить г. Монморанси? спросила съ гордымъ взглядомъ Катерина.

— Э! я говорилъ о тѣхъ, которые окружаютъ его величество, государыня, отвѣчалъ конетабль, возвращаясь къ своей угрюмой и грубой натурѣ.

Но онъ дурно выбралъ время: Катерина только и ждала такого случая разразиться.

Она встала и, безъ всякой умѣренности, начала упрекать конетабля за его всегдашнее грубое и презрительное обхожденіе съ нею, за его ненависть ко всему Флорентинскому, за предпочтеніе, оказываемое имъ другимъ. Она знала, что ему одному должно приписывать всѣ униженія, претерѣнныя послѣдовавшими за ней во Францію! Она знала, что, въ первые годы ея супружества, Монморанси осмѣливался предлагать Генриху II удалить ее, какъ безплодную, что потомъ онъ клеветалъ на нее самымъ низкимъ образомъ!..

На это взбѣшенный и мало привычный къ упрекамъ конетабль отвѣчалъ усмѣшкой, которая была новою обидой.

Между-тѣмъ, герцогъ Гизъ успѣлъ шопотомъ принять кой-какія приказанія отъ Франциска II или, лучше сказать, продиктовать ихъ ему, и въ свою очередь, спокойно возвысивъ голосъ, поразилъ своего противника къ особенному удовольствію Катерины Медичи.

— Господинъ конетабль, сказалъ онъ ему съ своею насмѣшливой вѣжливостію:—ваши друзья и созданія, застѣвавшіе съ вами въ совѣтъ, Бошетель, Обеспинъ и другіе, а главное, его преосвященство хранитель печати Жанъ Бертранди, вѣроятно, вздумаютъ подражать вамъ въ желаніи удалиться. Король поручаетъ вамъ въ-самомъ-дѣлѣ отблагодарить ихъ отъ его имени. Съ завтрашняго же дня, они будутъ совершенно свободны и уже замѣнены.

— Хорошо! проворчалъ сквозь зубы Монморанси.

— Что касается до г-на Колинъи, вашего племянника, который теперь вмѣстѣ губернаторъ и Пикардіи и Иль-де-Франса, продолжалъ Балафрѣ: — то король, принимая въ соображеніе, что такая двойная обязанность точно слишкомъ-тяжела для одного, желаетъ освободить адмирала отъ того или другаго изъ губернаторствъ, по его выбору. Вы вѣрно будете такъ обязательны, что увѣдомите его объ этомъ.

— Какъ же! возразилъ конетабль съ горькою усмѣшкой.

— Вамъ же, господинъ конетабль... спокойно продолжалъ герцогъ Гизъ.

— Не хотятъ ли у меня также отнять и конетабльскіи жезлъ? прервалъ его съ сердцемъ Монморанси.

— О! возразилъ Францискъ Лотарингскій:— вы знаете, что это невозможно и что санъ конетабля не то, что санъ намѣстника королевства: онъ не снимается. Конечно, того же нельзя

сказать, на-примѣръ, о самѣ гресмейстера, въ который вы также возведены. Это мнѣніе его величества и онъ требуетъ у васъ его назадъ, жалуя мнѣ, мнѣ, у котораго нѣтъ другаго сана.

— Все лучше и лучше! отвѣчалъ Монморанси, скрежеща зубами. — Все ли, наконецъ, герцогъ?

— Да, кажется, все, отвѣчалъ садясь Гизъ.

Коннетабль почувствовалъ, что ему трудно долѣе сдерживать свое бѣшенство, что онъ того-и-гляди разразится, проступится противъ уваженія къ королю, изъ опального сдѣлается бунтовщикомъ... Ему не хотѣлось доставить такой радости торжествующему врагу. Онъ коротко поклонился и приготовился выйти.

Однакожь, передъ самымъ выходомъ, будто опомнившись, онъ сказалъ королю:

— Государь, послѣднее слово, послѣдній долгъ къ памяти вашего славнаго родителя. Тотъ, кто поразилъ его смертельнымъ ударомъ, виновникъ нашего общаго отчаянія, быть-можетъ, былъ не съ-проста неловкимъ, государь; я, по-крайней-мѣрѣ, имѣю полное право такъ думать. Въ такую роковую случайность могло войти, по моему мнѣнію, и преступное намѣреніе. Я знаю, что человекъ, котораго я обвиняю, считалъ себя оскорбленнымъ покойнымъ королемъ. Ваше величество, безъ сомнѣнія, нарядитъ изволите строгое слѣдствіе...

Герцогъ Гизъ содрогнулся, услышавъ такое формальное и опасное обвиненіе противъ Габріэля. Но Катерина Медичи взяла на себя трудъ отвѣтить коннетаблю.

— Знайте, милостивый государь, сказала она ему:—что, и безъ вашего вмѣшательства, на это событіе обращено вниманіе тѣхъ, которымъ не менѣе вашего была драгоценна царственная жизнь, такъ жестоко прерванная. Я, вдова Генриха II, я никому въ мірѣ не дамъ упредить себя въ этомъ дѣлѣ. Будьте жь покойны, милостивый государь, васъ уже предупредили. На-счетъ этого можете удалиться съ миромъ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ нечего сказать болѣе, проговорилъ коннетабль.

Ему даже не дозволили удовлетворить глубокую злобу противъ герцога де-Монгомери, стать обвинителемъ виновнаго и мстителемъ своего государя.

Задушаемый стыдомъ и гнѣвомъ, онъ въ отчаяніи вышелъ.

Въ тотъ же вечеръ онъ уѣхалъ въ свое помѣстье Шантильи.

Въ тотъ же день, госпожа де-Валентинуа также покинула Лувръ, гдѣ она царствовала болѣе, чѣмъ королева, и удалилась въ Шомонъ-сюр-Луаръ, глухое и отдаленное мѣсто изгнанія, изъ котораго она уже не выходила до самой смерти.

И такъ, относительно къ Діанѣ де-Пуатьѣ, мечь Габріэля совершилась.

Правда, что экс-фаворитка, съ своей стороны, приготовляла ужасную месть тому, кто такимъ-образомъ низвергъ ее съ высоты величія.

Съ коннетаблемъ Габріэльъ еще не окончилъ и долженъ еще сойдтись съ нимъ въ то время, когда онъ опять будетъ въ силѣ.

Но не будемъ предупреждать происшествій и возвратимся-поскорѣе въ Лувръ, гдѣ Франциску II только-что долежали о прибытіи парламентскихъ депутатовъ.

IV.

ПЕРЕМѢНА ТЕМПЕРАТУРЫ.

По желанію Катерины Медичи, парламентскіе уполномоченные нанли въ Лувръ совершеннѣйшее единодушіе. Францискъ II, сидѣвшій между матерью и женою, представилъ имъ герцога Гиза, какъ намѣстника королевства, кардинала лотарингскаго какъ интенданта финансовъ, и Франсуа Оливье, какъ хранителя печати. Гизъ торжествовалъ, королева-мать улыбалась, смотря на торжество его; все, стало-быть, шло какъ-нельзя-лучше! И ни одинъ признакъ разногласія, казалось, не смущалъ счастливыхъ предзнаменованій царствованія, обѣщавшаго быть и долгимъ и благополучнымъ.

Одинъ изъ парламентскихъ совѣтниковъ, безъ сомнѣнія, полагая, что милосердіе не будетъ гостемъ не-въ-подадь среди такого счастья, проходя мимо короля, вскричалъ изъ толпы:

— Пощади Анну Дюбура!

Но этотъ совѣтникъ забылъ, вѣроятно, какой ревностный католикъ былъ новый министръ. Балафрѣ, по своему обыкновенію, притворился, будто не разслушалъ, и даже не спросилъ ни короля, ни королеву-мать, — такъ онъ былъ увѣренъ въ ихъ согласіи! — отвѣчалъ твердымъ и громкимъ голосомъ:

— Да, господа, да, процессъ Анны Дюбура и всѣхъ соучастниковъ будетъ разсмотрѣнъ и скоро оконченъ, будьте покойны!

Послѣ такого завѣренія, члены парламента вышли изъ Лувра, радостные и печальные, смотря по своимъ мнѣніямъ, но въ полномъ убѣжденіи, что никогда правительствующія лица не были согласнѣе и довольнѣе другъ другомъ тѣхъ, которыхъ они только-что привѣтствовали.

Въ-самомъ-дѣлѣ, послѣ ихъ ухода, герцогъ Гизъ все еще видѣлъ на губахъ Катерины Медичи улыбку, которая, всякій разъ, какъ на него взглядыгала королева-мать, казалась на нихъ стереотипированною.

Что до Франциска II, то онъ всталъ съ мѣста, уже усталый отъ всѣхъ этихъ представленій.

— Ну, сегодня мы, надѣюсь, раздѣлялись съ дѣлами и церемоніями, сказалъ онъ. — Матушка, герцогъ, нельзя ли намъ на-дняхъ бросить не надолго Парижъ, и окончить срокъ нашего траура въ Блуа, на-примѣръ, на берегахъ Луары, которую такъ любитъ Марія! Нельзя ли, въ-самомъ-дѣлѣ, скажите!

— Ахъ! постарайтесь вы всѣ, чтобъ это было можно! сказала Марія Стюартъ. — Въ эти чудные, лѣтніе дни, Парижъ такъ скученъ, а поля такъ веселы.

— Господинъ Гизъ позаботится объ этомъ, сказала Катерина. — Но на сегодня, сынъ мой, ваши занятія еще не совсѣмъ окончены. Я у васъ попрошу еще полчаса времени, тѣмъ болѣе, что вамъ остается еще исполнить одинъ священный долгъ.

— Какой же это, матушка? спросилъ Францискъ.

— Долгъ судіи, государь, сказала Катерина:—долгъ, въ исполненіи котораго конетабль думалъ опередить меня. Но судъ супруги послѣшнѣе суда друга.

— О чемъ это она заговорила? спросилъ самого-себя встревоженный герцогъ.

— Государь, продолжала Катерина:—августѣйшій родитель вашъ умеръ насильственною смертию. Поразившій его несчастливъ ли только, или вмѣстѣ преступенъ? Я, съ своей стороны, стою за послѣднее предположеніе... Но во всякомъ случаѣ вопросъ, кажется, стоить изслѣдованія. Если мы останемся равнодушными къ такому покушенію, не позаботясь даже спросить, было ли оно вольно, или невольно, какимъ опасностямъ подвергаетесь вы первый, государь? И такъ, необходимо изслѣдованіе того, чтó называется несчастіемъ 30-го іюня.

— Но въ такомъ случаѣ, сказалъ герцогъ: — по-вашему, королева, должно немедленно арестовать г-на Монгомери по подозрѣнію въ пареубійствѣ?

— Господинъ Монгомери уже съ самаго утра арестованъ, отвѣчала Катерина.

— Арестованъ! а по чьему приказанію? вскричалъ герцогъ Гизъ.

— По моему приказанію, возразила королева-мать.—Власти еще никакой не было установлено, такъ я взяла на себя отдать это приказаніе. Графъ Монгомери могъ каждую минуту бѣжать, а потому необходимо было предупредить его. Его отвели въ Лувръ безъ всякаго шума и соблазна. Я попрошу васъ, государь, сѣлать допросъ ему.

И, никого неспросясь, она ударила въ металлическую доску, чтобъ позвать, какъ поступилъ за два часа передъ тѣмъ самъ герцогъ.

Но на сей разъ Балафрѣ нахмурилъ брови. Гроза приготовлялась.

— Приказать привести сюда арестованнаго, сказала Катерина Медичи вошедшему дежурному.

Когда тотъ вышелъ, настало затруднительное молчаніе. Король, казалось, былъ въ нерѣшимости, Марія Стюартъ безпокоилась,

герцогъ Гизъ дулся. Одна королева-мать смотрѣла съ достоинствомъ и самоувѣренностію.

Герцогъ Гизъ проронилъ только слѣдующія простыя слова:

— Мнѣ кажется, если бы графъ Монгомери хотѣлъ убѣждать, то легче этого онъ ничего не могъ сдѣлать въ-продолженіи послѣднихъ двухъ недѣль.

Катерина собралась-было отвѣтить ему, но въ ту жь минуту привели Габріэля.

Онъ былъ блѣденъ, но спокоенъ. Утромъ рано четыре гайдука пришли за нимъ въ отель его, къ великому ужасу Алоизы. Онъ послѣдовалъ за ними безъ всякаго сопротивленія и ждалъ съ-тѣхъ-поръ, что будетъ, безъ видимаго смущенія.

Только-что вошелъ онъ твердымъ шагомъ и съ спокойнымъ видомъ, король намѣнился въ лицѣ, отъ волненія ли при видѣ того, кто поразилъ отца его, или отъ ужаса передъ исполненіемъ въ первый разъ долга суди, о которомъ говорила сію минуту мать его. И долгъ, въ-самомъ-дѣлѣ, ужаснѣйшій.

Отъ-того, голосомъ едва-слышнымъ сказалъ онъ Катеринѣ, обратившись къ ней:

— Говорите, матушка, вамъ говорить.

Катерина Медичи немедленно воспользовалась позволеніемъ. Она почитала себя теперь увѣренною во всемогуществѣ своего вліянія на Франциска II и на его министра. И потому сказала Габріэлю судейскимъ и медленнымъ голосомъ:

— Прежде всѣхъ розысковъ, графъ, намъ хотѣлось представить васъ его величеству и самимъ допросить васъ, чтобъ въ послѣдствіи даже не было нужды въ возстановленіи вашей чести, если мы найдемъ васъ невиннымъ, и чтобъ разительнѣе было правосудіе, если мы найдемъ васъ виновнымъ. Необыкновенныя преступленія требуютъ и судей необыкновенныхъ. Готовы ли вы отвѣчать намъ, милостивый государь?

— Я готовъ васъ слушать, ваше величество, отвѣчалъ Габріэль.

Катерина была скорѣе раздражена, нежели разувѣрена такимъ спокойствіемъ человѣка, котораго она уже ненавидѣла прежде, нежели стала черезъ него вдовою, ненавидѣла всею любовью, какою на минуту къ нему почувствовала.

И потому она опять начала съ какою-то оскорбительною горечью:

— Странныя обстоятельства возстаютъ противъ васъ и обвиняютъ васъ, графъ: ваши долги отлучки изъ Парижа, добровольное двухлѣтнее почти изгнаніе отъ двора, присутствіе и таинственность на роковомъ турнирѣ, даже отказы войти въ состязаніе съ королемъ. Какъ это случилось, что вы, привычный ко всѣмъ играмъ и упражненіямъ, что вы упустили изъ вида обычную и необходимую предосторожность отбросить на возвратномъ пути обломокъ копья своего? Какъ растолкуете вы такую странную забывчивость? Отвѣчайте же. Что вы скажете на все это?

— Ничего, ваше величество, отвѣчалъ Габріэль.

— Ничего? промолвила удивленная королева-мать.

— Совершенно ничего.

— Какъ! начала опять Катерина:—стало-быть, вы сознаетесь?.. сознаетесь?

— Я ни въ чемъ не сознаюсь, ваше величество.

— Въ такомъ случаѣ, вы опровергаете?

— Ничего также и не опровергаю. Я молчу.

У Маріи Стюартъ сорвался жестъ одобренія; Францискъ II слушалъ и смотрѣлъ съ какою-то жадностью; герцога Гизъ молчалъ и былъ неподвиженъ.

Катерина снова начала, все болѣе и болѣе жесткимъ тономъ:

— Берегитесь, графъ! Вамъ, можетъ-быть, лучше бы было защищаться и попробовать оправдать себя. Узнайте одно обстоятельство: господинъ Монморанси, который въ нуждѣ можетъ быть свидѣтелемъ въ этомъ дѣлѣ, утверждаетъ, что, сколько ему извѣстно, вы были съ королемъ во враждѣ и имѣли причины лично ненавидѣть его.

— Какія причины, ваше величество? Сказалъ ли господинъ Монморанси, какія были это причины?

— Нѣтъ еще, но онъ, безъ сомнѣнія, ихъ скажетъ.

— Ну, такъ пусть его говоритъ—коли смѣетъ! сказалъ Габріэль съ гордой и спокойной улыбкой.

— Такъ вы совсѣмъ отказываетесь говорить? спросила настойчиво Катерина.

— Отказываюсь.

— Знаете ли, что пытка можетъ побѣдить такое надменное молчаніе?

— Не думаю, ваше величество.

— И предупреждаю васъ, такимъ образомъ вы рискуете жизнью.

— Я и не стану защищать ее, ваше величество. Она болѣе того не стѣбитъ.

— Вы совершенно рѣшились, графъ? Ни одного слова?

— Ни одного, ваше величество, сказалъ Габріэль, покачавъ головою.

— Хорошо! прекрасно! вскричала Марія Стюартъ, будто увлеченная неодолимымъ порывомъ.—Благородно и велико такое молчаніе! достойно дворянина, который не хочетъ даже отстранить подозрѣніе, изъ страха, чтобъ оно его не коснулось. Я утверждаю, что подобное молчаніе есть самое краснорѣчивое изъ оправданій!

Между-тѣмъ, старая королева строго и гнѣвно смотрѣла на молодую.

— Да, я бы, можетъ-быть, не должна была говорить такимъ образомъ, продолжала Марія Стюартъ:—но тѣмъ хуже! Я говорю, что чувствую и думаю. Сердце у меня никогда не заставитъ молчать языкъ. Просторъ нуженъ моимъ движеніямъ и впечатлѣніямъ. Мой инстинктъ—вотъ вся моя политика. А онъ вопіетъ во мнѣ,

что господинъ д'Эксмэ не хладнокровно задумалъ и не преднамѣрено совершилъ такое преступленіе, что онъ былъ только слѣпымъ орудіемъ рока, что онъ считаетъ себя выше всякихъ противныхъ предположеній, и что онъ пренебрегаетъ оправданіемъ. Истинникъ говоритъ это во мнѣ, и я говорю это во всеуслышаніе. Да и почему же не говорить?

Король съ любовью и радостію смотрѣлъ, какъ супруга его краснорѣчиво и увлекательно говорила, отъ-чего становилась въ двадцать разъ прекраснѣе, чѣмъ обыкновенно.

Что касается до Габріэля, онъ вскричалъ глубокимъ и растроганнымъ голосомъ:

— О! благодарю васъ, королева, благодарю васъ! И вы хорошо дѣлаете! Не для мѣня, но для себя—хорошо вы дѣлаете, что такъ поступаете.

— А вѣдь я это знаю! подхватила Марія самымъ граціознымъ голосомъ, какой только можно вообразить себѣ.

— Кончимъ ли мы наконецъ съ этимъ ребячествомъ? вскричала раздраженная Катерина.

— Нѣтъ, сударыня, сказала Марія Стюартъ съ уязвленнымъ самолюбіемъ молодой женщины и королевы: — нѣтъ! если вы уже кончили съ этими ребячествами—мы, которые, слава Богу, малы—мы только начинаемъ. Не такъ ли, мой милый государь? прибавила она, граціозно оборотаясь къ своему молодому супругу.

Король не отвѣчалъ, но задѣлъ губами концы розовыхъ пальцевъ, протянутыхъ ему Марією.

Гнѣвъ Катерины, сдерживаемый до-сихъ-поръ, наконецъ разразился. Она еще не успѣла привыкнуть съ сыномъ, почти ребенкомъ, обходиться какъ съ королемъ; къ-тому жъ, она рассчитывала на подпору герцога Гиза, который до-сихъ-поръ еще не высказывался, и за которымъ она не знала, что онъ преданный покровитель и, такъ-сказать, нѣмой сообщникъ графа Монгомери. И потому она осмѣлилась открыто разгнѣваться.

— А! такъ вотъ какъ! сказала она при послѣднихъ, нѣсколько насмѣшливыхъ словахъ Маріи.—Я требую правосудія, а надо мной насмѣхаются! Я требую со всею умѣренностію, чтобъ убійца Генриха II былъ по-крайней-мѣрѣ допрошенъ, и когда онъ отказывается отъ оправданій, его молчаніе одобряютъ, его превозносятъ! Хорошо же! если ужъ дѣло пошло на то, прочь робкія полуслова и полумѣры! Я во всеуслышаніе объявляю себя обвинительницей графа Монгомери! Не-уже-ли король откажетъ въ правосудіи своей матери потому только, что она мать ему?.. Услышимъ конетабля, услышимъ, если нужно будетъ, госпожу де-Пуатье! Истина выйдетъ наружу; и если въ этомъ дѣлѣ замѣшаны государственныя тайны, у насъ будутъ тайныя судилища, тайное осужденіе. Но за то смерть короля, измѣнительски умерщвленнаго въ глазахъ всего его народа, будетъ отомщена по-крайней-мѣрѣ.

Во все время выходки королевы-матери, грустная и спокойная улыбка бродила на губахъ Габріэля.

И вспомнилъ онъ два послѣдніе стиха изъ предсказанія Нострадамуса:

...И полюбить его и потомъ умертвить
Госпожа короля.

Итакъ, предсказаніе, доселѣ точное, должно до конца совершиться. Катерина заставитъ осудить и погнѣбить того, кого она любила! Габріэль ожидалъ этого, Габріэль приготовился къ тому.

Однакожь, Флорентинка, подумавъ, можетъ-быть, что она далеко зашла, остановилась на минуту, и, обратясь, какъ только могла пріятнѣе, къ молчаливому герцогу Гизу, сказала:

— Но вы ничего не говорите, герцогъ? Вы согласны со мною, не правда ли?

— Нѣтъ, ваше величество, началъ медленно Балафрѣ: — нѣтъ, признаюсь, я не согласенъ съ вами, и вотъ почему не говорилъ ничего.

— А! и вы также!.. и вы противъ меня! возразила Катерина глухимъ и угрожающимъ голосомъ.

— Къ-сожалѣнію, на этотъ разъ, ваше величество, отвѣчалъ герцогъ Гизъ.— Впрочемъ, до-сихъ-поръ вы сами видѣли, что я былъ за васъ и касательно конетабля и госпожи де-Валетинуа совершенно вошелъ въ ваши планы.

— Да, потому-что они были полезны вашимъ, проворчала Катерина Медичи.— Я вижу это теперь, хоть и поздно.

— Но что касается до господина де-Монгомері, спокойно продолжалъ Балафрѣ:— я не могу по совѣсти раздѣлять мнѣній вашего величества. Мнѣ кажется невозможнымъ заставитьъ отвѣчать за совершенно-случайное несчастіе храбраго и благороднаго дворянина. Всякій процессъ будетъ для него торжествомъ, для его обвинителей посмѣяніемъ. А что до опасностей, какими, по-вашему, будетъ угрожать жизни короля снисхожденіе, хотящее скорѣе вѣрять въ несчастіе, нежели въ преступленіе, то, напротивъ, опасно будетъ слишкомъ пріучить народъ къ мысли, что жизнь царя не для всѣхъ въ такой же мѣрѣ невредима и священна, какъ онъ предполагаетъ...

— Вотъ, безъ сомнѣнія, мудрыя политическія правила! перебила съ сердцемъ Катерина.

— Я, по-крайней-мѣрѣ, почитаю ихъ вѣрными и благоразумными, ваше величество, прибавилъ герцогъ:— и ради всѣхъ этихъ и еще другихъ причинъ, я того мнѣнія, что намъ остается теперь только извиниться передъ господиномъ де-Монгомери за неосновательное арестованіе, оставшееся, по счастью, секретнымъ, — но счастью болѣе для насъ, нежели для него! и по принятіи имъ нашихъ извиненій, отпустить его свободнымъ, благороднымъ и уважаемымъ, какимъ онъ былъ вчера, какимъ будетъ завтра, какимъ будетъ всегда. Вотъ мое мнѣніе.

— Превосходно! злобно проговорила Катерина.

И, внезапно обратившись къ королю, спросила его:

— А вы, мой сынъ, что скажете? вы какого мнѣнія?

Поза Маріи Стюартъ, взглядъ и улыбка, которыми она благодарила герцога Гиза, не могли ни на минуту заставить колебаться Франциска II.

— Да, матушка, сказалъ онъ:—признаюсь вамъ, я одного мнѣнія съ герцогомъ.

— Такъ вы измѣняете памяти отца своего? спросила Катерина дрожащимъ и убѣждающимъ голосомъ.

— Напротивъ, я уважаю ее, государыня, сказалъ Францискъ II. —Развѣ первымъ словомъ моего отца послѣ раны не была просьба не безпокоить г. де-Монгомери? Развѣ въ одну изъ свѣтлыхъ минутъ своей агоніи, онъ не повторилъ этой просьбы, или, лучше сказать, приказанія? Позвольте же сыну ему повиноваться.

— А между-тѣмъ, для начала, вы презираете волю своей матери!..

— Ваше величество, прервалъ ее герцогъ Гизъ:—позвольте напомнить вамъ ваши собственные слова: «одна воля въ государствѣ!»

— Но я сказала также, герцогъ, что воля министра должна идти за волей короля, вскричала Катерина.

— Да, подхватила Марія Стюартъ:—но вы прибавили, что воля короля можетъ быть руководима особами, заботящимися единственно о его благѣ и славѣ. А никто, кромѣ меня, его жены, объ этомъ, надѣюсь, не заботится болѣе. И я ему совѣтую, за одно съ герцогомъ Гизомъ, вѣрить скорѣе прямедущію, чѣмъ вѣроломству храбраго и испытаннаго подданнаго, и не начинать своего царствованія несправедливостью.

— И подобнымъ наущеніямъ вы можете поддаваться, сынъ мой! сказала еще Катерина.

— Я уступаю голосу своей совѣсти, матушка, отвѣчалъ король съ большою твердостью, нежели можно было ожидать отъ него.

— Это послѣднее ваше слово, Францискъ? начала опять Катерина.—Подумайте! Если вы отказываете своей матери въ первой ей просьбѣ, если вы съ перваго же раза становитесь для нея независимымъ властелиномъ, а для другихъ послушнымъ орудіемъ—то царствуйте одни съ своими вѣрными министрами! Я болѣе не вхожу ни во что, касающееся короля, или королевства, не буду давать вамъ болѣе совѣтовъ, основанныхъ на опытности и преданности къ вамъ, удалюсь отъ двора и оставлю васъ, Францискъ! Подумайте объ этомъ, подумайте хорошенько.

— Мы крайне пожалѣемъ о вашемъ отсутствіи, но покоримся необходимости, прошептала Марія Стюартъ, такъ-что Францискъ II одинъ только и слышалъ это.

Но влюбленный юноша, какъ вѣрное эхо, повторилъ вслухъ:

— Мы крайне пожалѣемъ о вашемъ отсутствіи, но покоримся необходимости, сударыня.

— Хорошо!.. сказала только Катерина.

И тихо прибавила она, показывая на Габріэля:

— А до него я доберусь, рано ли, поздно ли.

— Я это знаю, ваше величество, отвѣчалъ ей молодой человѣкъ, все еще размышлявшій о предсказаніи.

Но Катерина его не слыхала.

Въ бѣшенствѣ она устала на царственную и прелестную чету и на герцога Гиза взглядъ кровавый и ужасный—взглядъ роковой, въ которомъ предчувствовались всѣ преступленія честолюбивой Катерины и вся темная исторія послѣднихъ Валуа!

Потомъ, послѣ этого молніеноснаго взгляда, она вышла, не сказавъ ни слова.

V.

Гизъ и Колинья.

По уходѣ Катерины Медичи, настало минутное молчаніе. Король, казалось, самъ удивлялся своей смѣлости. Марія, подъ вліяніемъ дѣтскаго страха, не безъ ужаса вспоминала объ угрожающемъ взглядѣ королевы-матери. Одинъ герцогъ Гизъ внутренно радовался, что съ перваго часа своего владычества избавился отъ честолюбивой и опасной соучастницы.

Габріэль, подавшій поводъ къ этому раздору, первый началъ говорить:

— Государь, сказалъ онъ:—и вы, королева, и вы, ваша свѣтлость, благодарю всѣхъ васъ за доброе и великодушное расположеніе къ несчастному, котораго само небо оставляетъ. Но, не смотря на глубокую благодарность, преисполнившую къ вамъ мое сердце, я все-таки говорю: къ-чему отстранять опасности и смерть отъ такого печальнаго и погибшаго существованія, какъ мое? Жизнь моя ни къ чему и ни для кого не годится, даже и для меня-самого. Нѣтъ! Я никогда бы не сталъ оспаривать ее у королевы-матери, потому-что съ-этихъ-поръ она бесполезна...

И въ мысляхъ своихъ, онъ грустно прибавилъ:

— И потому-что когда-нибудь она можетъ стать еще вредною.

— Габріэль, прервалъ его герцогъ Гизъ: — жизнь ваша была славна и прекрасна въ прошедшемъ, и будетъ еще славна и прекрасна въ будущемъ. Вы человѣкъ энергическій, одинъ изъ тѣхъ людей, какихъ много нужно для государей, и какихъ они слышкомъ-мало находятъ.

— И къ-тому же, прибавилъ сладкій и утѣшающій голосъ Маріи Стюартъ: — вы, г. де-Монгомери, вы великій и благородный характеръ. Съ-давнихъ-поръ я уже васъ знаю, и мы часто о васъ говорили съ г-жею де-Кастро.

— Наконецъ, сказалъ Францискъ II: — ваши прежнія заслуги графъ, заставляютъ меня рассчитывать и на ваши будущія заслуги.

ги. Войны, погасшія теперь, могут снова возгорѣться, и я не хотѣлъ бы, чтобъ минута отчаянія, какая бы тому ни была причина, лишила навсегда отечество защитника, столь же благороднаго, я въ этомъ увѣренъ, какъ и храбраго.

Габріэль слушалъ съ какимъ-то меланхолическимъ и серьезнымъ удивленіемъ такія милостивыя слова ободренія и надежды. Онъ поочередно взглядывалъ на каждое изъ высокихъ лицъ, съ нимъ говорившихъ, и казался погруженнымъ въ глубокое размышленіе.

— Да, сказалъ онъ наконецъ:—неожиданная милость, которою вы меня награждаете, вы всѣ, долженствующіе меня, можетъ-быть, ненавидѣть, измѣняютъ мою душу и участь. Вамъ, государь, вамъ, королева, вамъ, герцогъ, доколѣ жить вы будете, эта жизнь, такъ-сказать, подаренная мнѣ вами! Я не родился злымъ! Благодареніе ваше трогаетъ меня до глубины сердца. Я созданъ жертвовать собою, служить орудіемъ прекраснымъ идеямъ и великимъ людямъ — орудіемъ иногда счастливымъ, иногда роковымъ! Увы! одному гнѣву Божьему то было извѣстно!.. Но оставимъ разговоръ о мрачномъ прошедшемъ, такъ-какъ вамъ угодно предполагать во мнѣ будущность. И эта будущность не мнѣ, но вамъ принадлежитъ, и моимъ собственнымъ удивленіямъ и убѣжденіямъ. Я отрекаюсь отъ своей воли. Пусть существа и событія, въ которыя я вѣрую, дѣлаютъ изъ меня что хотятъ. Моя шпага, кровь, смерть, весь я принадлежу имъ. Безвозвратно и безъ огороковъ отдаю я свою руку вашему гению, ваша свѣтлость, какъ душу свою религіи...

Онъ не сказалъ какой религіи. Но слушавшіе его были до того слѣпыми католиками, что мысль о реформѣ ни на одинъ мигъ не могла прійти имъ въ голову.

Ихъ тронуло краснорѣчивое самоотреченіе молодаго графа. У Маріи глаза увлажнились слезами, король радовался, что показалъ твердость и спасъ такое благородное сердце. Что касается до герцога Гиза, то онъ зналъ лучше, чѣмъ кто другой, до чего могло доходить у Габріэля пламенное самопожертвованіе.

— Да, другъ, сказалъ онъ ему:—вы мнѣ понадобятся. Я когда-нибудь объявлю отъ имени Франціи и короля объ этой храброй шпагѣ, которую вы намъ обѣщаете.

— И она будетъ готова, ваша свѣтлость, завтра, сегодня, всегда!

— Поберегите ее нѣсколько времени въ ножнахъ, продолжалъ герцогъ Гизъ.—Его величество уже сказалъ вамъ, что теперь все спокойно, войны и возмущенія прекратились. Отдохните теперь, Габріэль, и дайте также отдохнуть и утихнуть зловѣщему шуму, окружившему въ послѣднее время ваше имя. Конечно, ни одинъ дворянинъ по сану и по сердцу не думаетъ обвинять васъ въ несчастіи. Но ваша истинная слава требуетъ, чтобъ поугасла немножко эта жестокая знаменитость. Позже, такъ, черезъ годъ или два,

я опять выпрошу для васъ у короля должность капитана королевской стражи, которой вы не переставали быть достойнымъ...

— Ахъ! сказалъ Габріэль:—не почестей желаю я, но случаевъ быть полезнымъ королю и Франціи, случаевъ сражаться, и—не смѣю сказать вамъ, изъ страха показаться неблагодарнымъ, случаевъ умереть.

— Не говорите этого, Габріэль, перебилъ его Балафрѣ. — Скажите лучше, что если король позоветъ васъ на враговъ своихъ, вы немедленно явитесь на зовъ его.

— Въ какомъ бы мѣстѣ я ни былъ, и если нуженъ буду—да, ваша свѣтлость.

— Хорошо, сказалъ герцогъ Гизъ: — болѣе я отъ васъ ничего не требую.

— А я, сказалъ Францискъ II:—благодарю васъ за это обѣщаніе, и постараюсь устроить такъ, чтобъ вы въ немъ не раскаявались.

— А я, прибавила Марія Стюартъ: — увѣрю васъ, что довѣріе наше будетъ всегда отвѣчать вашей преданности, и что на наши глаза вы будете такимъ другомъ, отъ котораго ничего не скрываютъ, и которому ни въ чемъ не отказываютъ.

Молодой графъ, растроганный болѣе, нежели самъ хотѣлъ въ томъ признаться, поклонился и почтительно коснулся губами руки, протянутой ему королевою.

Потомъ онъ пожалъ руку герцога Гиза, и, удостоенный милостивымъ жестомъ короля, удалился, преданный съ-этихъ-поръ черезъ благодѣяніе сыну Генриха.

Габріэль нашель у себя адмирала Колиньи, ждавшаго его прибытія.

Алонза рассказала адмиралу, пришедшему посѣтить своего сенкентенскаго товарища, какъ потребовали ея господина утромъ въ Лувръ; сообщила ему также о своихъ опасеніяхъ, и Колиньи рѣшился остаться, пока не возвратится графъ де-Монгомери и не успокоитъ его, вмѣстѣ съ кормилицей.

Габріэля встрѣтилъ онъ съ восторженною радостью и началъ расспрашивать о томъ, что случилось.

Габріэль, не входя ни въ какія подробности, сообщилъ ему только, что по простому объясненію, данному имъ касательно несчастной кончины Генриха II, онъ былъ отнущенъ цѣль и невредимъ и въ своей особѣ и въ чести.

— Иначе и быть не могло, отвѣчалъ ему адмиралъ: — а не то все французское дворянство протестовало бы противъ подозрѣнія, пятнающаго одного изъ достойнѣйшихъ его представителей.

— Полно объ этомъ, сказалъ Габріэль съ грустію и принужденіемъ.—Я очень радъ, что васъ вижу, адмиралъ. Вамъ уже извѣстно, что сердцемъ я давно принадлежу реформатской религіи; объ этомъ я уже говорилъ и писалъ вамъ. Такъ-какъ вы подаете, что я не обезчещу дѣла, въ которое увѣровалъ, то я хочу

и могу теперь сдѣлать свое отреченіе: ваши рѣчи, рѣчи Паре, книги и мои собственные размышленія меня совершенно убѣдили! Я вашъ.

— Добрая новость и приходитъ кстати! отвѣчалъ ему адмиралъ.

— Но мнѣ кажется, продолжалъ Габріэль:—что, для пользы самой религіи, было бы лучше держать нѣкоторое время въ тайнѣ мое отреченіе. Герцогъ Гизъ тоже сейчасъ только мнѣ замѣтилъ, что въ-отношеніи къ моему имени должно на время избѣгать всякой огласки. Къ-тому же, эта отсрочка согласуется съ новыми обязанностями, которыя мнѣ придется исполнять.

— Мы всегда гордились бы публично назвать васъ въ числѣ своихъ, сказалъ Колиньи.

— Но за мною остается право отказаться отъ такого драгоценнаго знака вашего уваженія, или, по-крайней-мѣрѣ, отсрочить его, отвѣчалъ Габріэль.— Я имъ дорожу, какъ залогомъ въ своей задушевной и непоколебимой вѣрѣ и потому еще, что оно даетъ мнѣ право назваться вашимъ братомъ по мысли и по дѣлу.

— И прекрасно! сказалъ Колиньи.— Я попрошу у васъ только позволенія объявить начальникамъ партіи о замѣчательной побѣдѣ, сдѣланной, наконецъ, нашими идеями.

— О! на это я отъ всего сердца согласенъ, отвѣчалъ Габріэль.

— И то сказать, продолжалъ адмиралъ:—принцъ Кондэ, ла-Реноди, баронъ де-Кастельно уже знакомы съ вами и знаютъ вамъ цѣну.

— Увы! я боюсь, чтобъ они ея не преувеличивали: во всякомъ случаѣ, цѣна эта значительно поуменилась.

— Нѣтъ, нѣтъ! прервалъ его Колиньи:—они по справедливости рассчитываютъ на нее. Я самъ развѣ не знаю васъ? Къ-тому же, продолжалъ онъ, понизивъ голосъ:— можетъ-быть, скоро намъ представится случай испытать вашу ревность.

— А! въ-самомъ-дѣлѣ? спросилъ удивленный Габріэль.— Вы знаете, адмиралъ, что можете на меня положиться; однакожь, съ нѣкоторыми ограниченіями, которыя мнѣ необходимо сообщить вамъ.

— У кого жъ ихъ нѣтъ? отвѣчалъ адмиралъ.— Но послушайте, Габріэль. Нынче я у васъ не какъ другъ только, но какъ сектаторъ. Я говорилъ о васъ съ принцемъ и съ ла-Реноди. Даже и до окончательнаго приобрѣтенія вашей особы въ пользу нашихъ принциповъ, мы считали васъ союзникомъ рѣдкаго достоинства и неприкосновенной честности. Наконецъ, всѣ вмѣстѣ, мы согласились смотрѣть на васъ какъ на человѣка, способнаго служить намъ, если будетъ можно, но неспособнаго измѣнить намъ, что бы ни случилось.

— Этимъ послѣднимъ качествомъ я въ-самомъ-дѣлѣ обладаю въ ущербъ первому, сказалъ Габріэль.—Всегда можно полагаться, если не на мою помощь, то, по-крайней-мѣрѣ, на мое слово.

— Потому-то мы и положили никогда не имѣть съ вами секретовъ, сказалъ адмиралъ.—Вы будете у насъ такъ же, какъ-будто начальникъ, посвященный во всѣ наши планы, но связанный только отвѣтственностью молчанія. Вы не такой человѣкъ, какъ другіе, а съ исключительными людьми должно и поступать исключительно. Вы останетесь свободны, а мы одни будемъ связаны...

— Такое довѣріе!.. сказалъ Габріэль.

— Обязуетъ васъ только къ молчанію, повторяю вамъ, перебилъ его адмиралъ.—А для начину, узнайте одно обстоятельство: предположенія, открытыя вамъ въ совѣщаніяхъ на Моберовой Площади, и которыя положено было отсрочить, оказываются теперь исполнимыми. Слабость молодаго короля, дерзость Гизовъ, идеи о гоненіи, которыхъ уже болѣе не скрываютъ, все зоветъ насъ къ дѣятельности, и мы будемъ дѣйствовать.

— Извините! прервалъ его Габріэль.—Я уже вамъ сказалъ, адмиралъ, что я предаюсь вамъ въ извѣстныхъ только границахъ. Прежде, чѣмъ вы приступите къ дальнѣйшимъ сообщеніямъ, я обязанъ объявить вамъ, что я не намѣренъ касаться ни въ чемъ именно политической стороны реформы. Для распространенія нашихъ идей, нашего нравственнаго вліянія, я охотно предлагаю состояніе, время и жизнь. Но я имѣю право видѣть въ реформѣ только религію, а не партію. Францискъ II, Марія Стюартъ и самъ герцогъ Гизъ сейчасъ только поступили со мной великодушно и милостиво. Я не измѣню ихъ довѣренности, точно такъ же, какъ и вашей. Позвольте жь мнѣ отстранить себя отъ дѣйствія и заняться одними идеями. Требуйте отъ меня во всякое время моего свидѣтельства, но дайте мнѣ сохранить независимость моей шпаги.

Колиньи, подумавъ съ минуту, сказалъ:

— Слова мои, Габріэль, были не пустыми словами. Вы свободны и останетесь всегда свободнымъ. Идите жь одни по пути своему, если это для васъ такъ необходимо. Дѣйствуйте безъ насъ, или и вовсе не дѣйствуйте. Отъ васъ мы не потребуемъ никакого отчета. Мы уже знаемъ, прибавилъ онъ съ значительнымъ видомъ: — что у васъ иногда въ характерѣ не хотѣтъ ни союзниковъ, ни совѣтниковъ.

— Что вы хотите этимъ сказать? спросилъ удивленный Габріэль.

— Понимаю ваше положеніе, продолжалъ адмиралъ.— Теперь вы отказываетесь отъ всякаго вмѣшательства въ нашемъ разговорѣ? Пусть такъ! Наша роль, стало-бытъ, ограничится теперь сообщеніемъ вамъ о нашихъ движеніяхъ и проектахъ. Вы всегда узнаете, черезъ письмо ли, или черезъ нарочнаго, когда и какъ вы намъ нужны, и потомъ поступите, какъ вамъ заблагоразсудится. Прийдете вы къ намъ—милости просимъ; будете от-

страняться—никто не упрекнетъ васъ за это. Вотъ что было положено, относительно васъ, у начальниковъ нашей партіи еще прежде, чѣмъ вы сообщили мнѣ о своемъ положеніи. Такія условія, кажется, вамъ можно принять?

— И я ихъ принимаю и благодарю васъ, сказалъ Габріэль.

Въ слѣдующую за тѣмъ ночь, Габріэль, колѣнопреклоненный въ погребальномъ склепѣ графовъ Монгомері, молился передъ могилой отца своего.

VI.

РАПОРТЫ И ДОНОСЫ.

Семь или восемь мѣсяцовъ протекли безъ большихъ приключеній для героевъ нашей книги и для героевъ исторіи...

Но въ-продолженіе этого времени приготавливались происшествія не совсѣмъ неважныя.

Чтобъ узнать и прослѣдить ихъ, намъ стоить только перенестись, 25 февраля 1560 года, въ кабинетъ г. начальника полиціи, которымъ въ то время былъ господинъ де-Браглонь.

И такъ, 25 февраля 1560 года, вечеромъ, г. де-Браглонь, сидя небрежно въ большихъ, обитыхъ кордовской кожей вреслахъ, слушалъ рапортъ мэтра Арпіона, одного изъ секретарей своихъ.

Мэтръ Арпіонъ читалъ:

«Сего числа, знаменитый воръ, Жиль Розъ, былъ схваченъ въ большой дворцовой залѣ въ то время, какъ отрѣзывалъ конецъ пояса съ золотомъ у каноника святой капеллы.»

— У каноника святой капеллы! Смотри, пожалуй! вскричалъ г. де-Браглонь.

— Безбожно, безбожно! сказалъ мэтръ Арпіонъ.

— Но какъ смѣло! возразилъ начальникъ полиціи:—какъ смѣло! каноники всѣ вѣдъ народъ подозрительный. Я вамъ сейчасъ скажу, мэтръ Арпіонъ, какъ нужно будетъ поступить съ этимъ отчаяннымъ плутомъ. Далѣе.

«Дѣвицы, которыя содержатся въ нашихъ конуркахъ, въ улицѣ Grand-Neufeu», продолжалъ Арпіонъ: «открыто взбунтовались...»

— По какой же причинѣ, Бѣже мой?

— Онѣ говорятъ, что подали просьбу о томъ, чтобъ содержать ихъ въ ихъ же квартирахъ, а въ ожиданіи, онѣ разбили или заставили разбить караулъ.

— Смѣшная исторія! сказалъ смѣясь Браглонь.—Но этому легко пособить. Бѣдныя дѣвушки! Далѣе.

Мэтръ Арпіонъ снова началъ:

«Гг. депутаты Сорбонны, явившись въ Парижѣ у госпожи принцессы Кондэ, были неприлично приняты г-мъ де-Сешеллемъ, который, между прочими оскорбленіями, сказалъ имъ, что они ему

правятся, какъ прыщи на носу, и что такіе телата, какъ они, престранные посланники.

— А! вотъ это дѣло важное! сказалъ начальникъ полиціи, вставая. — Оскорблять Сорбонну. Это увеличить вашъ счетъ, г-жа де-Кондэ, а когда мы вамъ представимъ итогъ!.. Все ли, Арпіонъ?

— Слава Богу, все на нынѣшній день. Но ваше превосходительство еще не сказали, что дѣлать съ Жилемъ Розъ?

— Вотъ что, сказалъ Браглонъ:—взять его изъ тюрьмы вмѣстѣ съ искуснѣйшими ворами и мошенниками, какіе только тамъ съ нимъ найдутся, и отослать въ Блуа, гдѣ хотятъ, во время праздниковъ, приготовляемыхъ въ честь короля, потѣшить народъ, заставивъ ихъ показать всю свою ловкость и всѣ приемы.

— Но, ваше превосходительство, а если смѣха-ради они удержатъ у себя украденныя вещи?

— Тогда ихъ повѣсять.

Въ эту минуту вошелъ лакей и доложилъ:

— Господинъ инквизиторъ.

Мэтру Арпіону не нужно даже было говорить, чтобъ онъ вышелъ. Онъ почтительно поклонился и исчезъ куда-то.

Вошедшій былъ въ-самомъ-дѣлѣ важная и страшная особа.

Къ обыкновеннымъ титуламъ доктора Сорбонны и нойонскаго каноника, онъ присоединилъ еще прекрасный, необычайный титулъ великаго-инквизитора во Франціи. И потому, чтобъ обладать и именемъ столь же благозвучнымъ, какъ его титулъ, онъ называлъ себя Демосхаресомъ, хотя назывался просто Антуаномъ де-Муши. Народъ перекрестилъ его клеветовъ въ мушары.

— Ну, господинъ начальникъ полиціи? спросилъ великій инквизиторъ.

— Ну, господинъ великій-инквизиторъ? спросилъ начальникъ полиціи,

— Что новаго въ Парижѣ?

— Именно этимъ вопросомъ я хотѣлъ самъ васъ встрѣтить.

— Это значить, что ничего нѣтъ, снова началъ Демосхаресъ съ глубокимъ вздохомъ. — Ахъ! тяжелыя времена. Ничего нѣтъ. Ни малѣйшаго заговора. Какіе трусы эти гугеноты! Ремесло наше погибаетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ Браглонъ съ убѣжденіемъ.

— Однакожь, возразилъ съ горечью де-Муши:—посмотрите, чѣмъ кончилось ваше вооруженное вторженіе къ реформаторамъ въ Улицѣ-де-Маре. Заставъ ихъ за столомъ среди трапезы, ужъ, кажется, можно было надѣяться уличить ихъ. Что жъ? изъ всей этой прекрасной экспедиціи не вышло ничего!

— Не всегда же имѣешь успѣхъ! сказалъ задѣтый за живое Браглонъ. — Да были ли вы сами-то счастливѣе въ дѣлѣ этого адвоката на Моберовой-Площади, Трульера, что ли? А вѣдь чудесь ждали.

— Признаюсь, сказалъ жадобно Демосхаресъ.

— Вы надѣялись доказать яснѣ дня, продолжалъ Браглонь:— будто этотъ Труляръ выдалъ своимъ единовѣрцамъ двухъ дочерей своихъ; и вотъ свидѣтели, которымъ вы такъ дорого заплатили, ха! ха! ха! вдругъ отрекаются и уличаютъ самихъ же васъ.

— Измѣнники! пробормоталъ де-Муши.

— Сверхъ-того, продолжалъ начальникъ полиціи:— у меня есть документы, наяснѣйшимъ образомъ доказывающіе добродѣтель этихъ двухъ дѣвушекъ.

— Какая подлость! прогремѣлъ Демосаресь.

— Неудача! господинъ великій-инквизиторъ. Неудача! повторялъ Браглонь.

— Ахъ! нетерпѣливо вскричалъ Демосаресь:— если неудача, такъ по вашей же милости.

— Какъ! по моей милости? спросилъ изумленный начальникъ полиціи.

— Да, разумѣется. Останавливаться на рапортахъ, на отреченіяхъ, на пустякахъ! Ну, что жъ за важное дѣло! Ихъ бы все-таки преслѣдовать, и, будто ни въ чемъ не бывало, смѣло обвинять этихъ безбожниковъ.

— Какъ! безъ доказательствъ?

— Да, и осудить ихъ.

— Безъ улики?

— Да! и еще повѣсить.

— Безъ суда?

— Да, тысячу разъ да! безъ суда, безъ улики, безъ доказательствъ! Велика важность вѣшать настоящихъ преступниковъ!

— А какіе крики, какое бѣшенство подымутся тогда на насъ! сказалъ Браглонь.

— А! наконецъ-то я-таки поймалъ васъ, отвѣчалъ торжествующій Демосаресь.— Вотъ красугольный камень всей моей системы, милостивый государь. И въ-правду, что жъ произведутъ всѣ эти крики, о которыхъ вы говорите? заговоры. Что ведутъ за собою заговоры? возмущенія.

— Конечно, смотря съ этой точки зрѣнія!.. сказалъ смѣясь Браглонь.

— Послушайте, продолжалъ докторально Демосаресь:— затвердите хорошенько слѣдующее правило: чтобъ пожинать преступленія, нужно ихъ сѣять. Гоненіе есть сила.

— Эхъ! сказалъ начальникъ полиціи:— мнѣ кажется, что съ самаго начала этого царствованія, мы только и дѣлаемъ, что гонимъ да преслѣдуемъ. Ужъ, кажется, трудно возбудить и раздражить болѣе недовольныхъ всякаго рода, чѣмъ было сдѣлано.

— Фу! Что же сдѣлали? сказалъ великій инквизиторъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ.

— Да развѣ вы за ничто считаете вседневные обыски, вторженія и грабежъ въ домахъ и правыхъ и виноватыхъ гугенотовъ?

— Ну, да! я за ничто считаю все это, сказалъ Демощаресъ:— вы сами видите, съ какимъ кроткимъ терпѣніемъ они переносятъ всѣ эти черезъ-чуръ посредственные нападки.

— А казнь Анны Дюбура, племянника канцлера Франціи, сожженного два мѣсяца тому назадъ на Гревской-Площади: и она ничто по вашему?

— Все-таки и этого мало, сказалъ разборчивый де-Муши.—Что произвела эта казнь? Убийство президента Минара, одного изъ судей, и мнимый заговоръ, котораго и слѣдовъ не нашли. Нѣ изъ чего тутъ дѣлать много шума!

— А послѣднее узаконеніе: что вы о немъ думаете? спросилъ Браглонъ:— послѣднее узаконеніе, задѣвающее не однихъ гугенотовъ, но и дворянство цѣлаго королевства. Что касается до меня, я откровенно сказалъ кардиналу лотарингскому, что нахожу его слишкомъ смѣлымъ.

— Какъ! сказалъ Демощаресъ:— вы говорите объ указѣ, уничтожающемъ пенсіи?

— Совсѣмъ нѣтъ, но о томъ, который предписываетъ всѣмъ просителямъ, и дворянамъ, и разночинцамъ, оставить въ двадцать-четыре часа дворъ подъ страхомъ быть повѣшенными. Сознаться, что это довольно-жестоко.

— Правда, дѣлцо довольно-отважное, сказалъ Демощаресъ.— Признаюсь, пятьдесятъ только лѣтъ назадъ, подобный указъ поднялъ бы дворянство цѣлаго королевства. Но нынче, вы вѣдь видѣли: покричали, покричали, да такъ и оставили. Ни одинъ и не тронулся.

— Вотъ вы и ошибаетесь, господинъ великій-инквизиторъ, сказалъ Браглонъ, понизивъ голосъ:— и если они не трогаются въ Парижѣ, то, я думаю, кипать въ провинціи.

— Ба! вскричалъ де-Муши съ любопытствомъ:— вы имѣете извѣстія?

— Еще не имѣю извѣстій, но жду съ минуты на минуту.

— А откуда?

— Съ Луары.

— У васъ тамъ есть лазутчики?

— Только одинъ, но за то хорошій.

— Одинъ! это рискованно, сказалъ самоувѣренно Демощаресъ.

— По-моему лучше, отвѣчалъ Браглонъ:— платить одному расторопному и вѣрному столько же, сколько двадцати бесполезнымъ. Что прикажете! я всегда такъ дѣлаю.

— Такъ; но кто отвѣчаетъ вамъ за этого человѣка?

— Его голова, во-первыхъ, а потомъ его прежнія заслуги; онъ ужъ показалъ себя на дѣлѣ.

— Все равно, а это рискованно, снова замѣтилъ Демощаресъ.

Матрѣ Арпіонъ тихонько вошелъ во время послѣднихъ словъ де-Муши и сказалъ что-то на ухо своему господину.

— А, а! вскричалъ торжествующій начальникъ полиціи.— Это

хорошо! Арпионъ, сейчасъ же ведите сюда Линьера... Да, при господи́нѣ великомъ-инквизиторѣ! Вѣдь онъ также немного изъ нашихъ.

Арпионъ поклонился и вышелъ.

— Этотъ Линьеръ именно тотъ человѣкъ, о которомъ я говорилъ вамъ, продолжалъ Браглонъ, потирая руки. — Вотъ вы его услышите. Онъ сію минуту изъ Нанта. Вѣдь у насъ нѣтъ секретовъ другъ для друга, не правда ли? и я еще радъ доказать вамъ, что мой способъ стѣитъ другаго.

Тутъ мэтръ Арпионъ отворилъ дверь Линьеру.

Это былъ тотъ самый худенькій, щедущный и черненькій человѣчекъ, котораго мы уже видѣли въ протестантскомъ сборищѣ на Моберовой-Площади — тотъ самый, который еще такъ смѣло показавъ республиканскую медаль, и говорилъ о лиліяхъ, потоптанныхъ ногами.

VII.

Шпионъ.

Линьеръ, войдя, бросилъ сперва холодный и недоуверчивый взглядъ на Демосареса, и поклонившись Браглоню, остался неподвижнымъ и осторожно-молчаливымъ, выжидая, чтобъ его сами начали разспрашивать.

— Очень-радъ, что вижу васъ, господинъ Линьеръ, сказалъ Браглонъ. — Можете безопасно говорить въ присутствіи г-на великаго-инквизитора Франціи.

— О! конечно! вскричалъ съ живостью Линьеръ: — и еслибъ я только зналъ, что нахожусь въ присутствіи знаменитаго Демосареса, повѣрьте, ваше превосходительство, я не сталъ бы мѣшкать.

— Хорошо! сказалъ вскинувъ голову и съ одобрительнымъ видомъ де-Муши, очевидно польщенный почтительнымъ обхожденіемъ шпиона.

— Ну же!.. говорите, господинъ Линьеръ, говорите скорѣе! сказалъ начальникъ полиціи.

— Но, началъ Линьеръ:—господину инквизитору, можетъ-быть, не совсѣмъ извѣстно, что происходило на предпоследнемъ совѣщаніи протестантовъ въ Фертѣ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, мнѣ это не совсѣмъ хорошо извѣстно, сказалъ Демосаресъ.

— Итакъ, если мнѣ будетъ позволено, прибавилъ Линьеръ:— я въ нѣсколькихъ словахъ начну разсказъ съ тѣхъ поръ, и потомъ уже перейду къ отчету о важныхъ событіяхъ послѣдняго времени; такъ будетъ яснѣе и понятнѣе.

Тутъ Браглонъ сдѣлалъ знакъ Линьеру подождать. Эта маленькая отсрочка, правда, не согласовалась съ нетерпѣніемъ начальни-

ка полиціи, но за то льстила его гордости, выказывая передъ великимъ инквизиторомъ высокія способности и даже рѣдкое краснорѣчіе въ его агентахъ. Демошаресь, съ своей стороны, также былъ удивленъ и очарованъ, какъ искусный знатокъ, вдругъ встрѣчающій инструментъ совершеннѣе тѣхъ, какіе онъ употреблялъ до-тѣхъ-поръ.

Линьеръ, подстрекнутый такою высокою милостію, хотѣлъ показаться достойнымъ ея и былъ, въ-самомъ-дѣлѣ, превосходенъ.

— Первое сборище въ Ферте точно не было важно, сказалъ онъ.—Говорились и дѣлались вещи довольно-пустыя, и я сколько ни предлагалъ учредить во Франціи конституцію швейцарскихъ кантоновъ, эхомъ мнѣ были одни лишь ругательства. Остановились предварительно на томъ, чтобъ подать королю просьбу о прекращеніи гоненій противъ протестантовъ, объ отставленіи Гизовъ, о министерствѣ изъ принцевъ крови и о немедленномъ созваніи генеральныхъ штатовъ. Простая просьба, какой тутъ результатъ! Однакожь, всѣхъ переписали и организовали. Это ужъ поважнѣе. Потомъ, дѣло шло о выборѣ начальниковъ. Относительно второстепенныхъ начальниковъ округовъ еще не встрѣчалось никакихъ затрудненій. За то выборъ главнаго начальника, главы заговора, задалъ имъ работы. Адмиралъ Колинъ и принцъ Кондэ, каждый черезъ своихъ представителей, отказались отъ опасной чести, которую вздумали-было имъ сдѣлать. Лучше бы, было сказано отъ ихъ имени, избрать въ это званіе гугенота изъ нѣскольکو нисшей среды. Славный предлогъ для глупцовъ! Они и успокоились, и послѣ долгихъ споровъ выбрали, наконецъ, Годфруа де-Барри, сеньера де-ла-Реноди!

— Ла-Реноди! повторилъ Демошаресь.—Да, это, въ-самомъ-дѣлѣ, одинъ изъ самыхъ жаркихъ коноводовъ у этихъ безбожниковъ. Я его знаю какъ человѣка энергическаго и убѣжденнаго.

— Вы его скоро узнаете какъ Катилину! сказалъ Линьеръ.

— О, о! возразилъ начальникъ полиціи:—мнѣ кажется, вы ужъ о немъ слишкомъ высокаго мнѣнія.

— Сами увидите, началъ опять шпионъ:—сами увидите, слишкомъ ли я высокаго мнѣнія о немъ! Приступаю теперь къ нашей второй сходкѣ, бывшей въ Нантѣ, 5-го числа сего февраля мѣсяца.

— А, а! вскричали въ одно время Демошаресь и Браглонъ.

И оба подвинулись къ Линьеру съ жаднымъ любопытствомъ.

— Дѣло въ томъ, что тамъ, сказалъ Линьеръ съ важнымъ видомъ:—не ограничились однимъ рѣчамъ! Послушайте... но сообщать ли мнѣ вамъ длинныя подробности и доказательства, или прямо перейдти къ результатамъ? прибавилъ Линьеръ, какъ-будто хотѣлъ какъ можно продолжить своего рода обладаніе этими двумя душами.

— Событій, событій! вскричалъ начальникъ полиціи съ нетерпѣніемъ.

— Вотъ они, и вы содрогнетесь. Послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ неважныхъ рѣчей, ла-Реноди началъ говорить, и вотъ что въ сущности сказалъ онъ: «Въ прошедшемъ году, когда шотландская королева намѣревалась судить священниковъ въ Штирлингѣ, всѣ ихъ прихожане рѣшились послѣдовать за ними въ этотъ городъ. Я предлагаю точно такимъ же образомъ начать намъ во Франціи; пусть цѣлыя толпы протестантовъ отправятся въ Блуа, гдѣ находится теперь король, и явятся тамъ безъ всякаго оружія, вручить ему просьбу, въ которой надобно умолять объ уничтоженіи указовъ о гоненіяхъ и о дозволеніи реформаторамъ свободнаго управленія ихъ религіи; а такъ-какъ ихъ ночныя и тайныя сходбища были оклеветаны, то позволить имъ собираться въ храмахъ, въ виду правительства.

— Да это старая пѣсня! прервалъ его Демонарь, съ видомъ обманутаго ожиданія.—Мирныя и почтительныя представленія, которыя ни къ чему не ведутъ! Просьбы! протестаціи! мольбы! такъ вотъ эти страшныя новости, о которыхъ вы насъ извѣщали, Линьеръ.

— Подождите, подождите! сказалъ Линьеръ. — Можете себѣ представить, что и я, подобно вамъ, закричалъ на невинное предложеніе ла-Реноди. Къ чему вели и къ чему поведутъ такія пустыя попытки? Нѣкоторые другіе протестанты то же самое возражали. Тогда восхищенный ла-Реноди открылъ всю глубину своей мысли и сообщилъ смѣлый проектъ, скрываемый имъ подъ такую робкою наружностью.

— Посмотримъ, что за смѣлый проектъ, сказалъ Демонарь съ видомъ человѣка, рѣшившагося не удивляться по пустому.

— Да, стоить того, чтобъ его разстроить, возразилъ Линьеръ.— Между-тѣмъ, какъ вниманіе будетъ развлечено этой толпою робкихъ просителей, которые соберутся безоружные, умоляющіе — пятьсотъ всадниковъ и тысяча пѣшихъ, понимаете, господа, полторы тысячи человѣкъ, — выбранныхъ изъ дворянъ самыхъ рѣшительныхъ и самыхъ преданныхъ реформѣ и принципамъ, соединятся изъ разныхъ провинцій подъ предводительствомъ тридцати предводителей, тихо, различными дорогами прокрадутся въ Блуа, мирно или силою проникнуть въ городъ,—я говорю мирно или силою,—похитятъ короля, королеву-мать и Гизовъ, и вручатъ правленіе принципамъ крови, предоставляя въ-послѣдствіи генеральнымъ штатамъ рѣшить, какую лучше усвоить форму администраціи... Вотъ весь заговоръ, господа. Что вы теперь скажете? Дѣтская ли это шутка? Можно ли оставить ее безъ вниманія? Гожусь ли я къ чему-нибудь, наконецъ, и могу ли какъ-нибудь быть полезнымъ?..

Онъ замолкъ торжествуя. Великій инквизиторъ и начальникъ полиціи поглядывали другъ на друга изумленные и крайне-озабоченные. Настала довольно-долгая пауза, исполненная для нихъ всякаго рода размышленій.

— Клянусь! это удивительно, признаюсь! вскричалъ наконецъ Демощаресъ.

— Скажите ужасно, замѣтилъ Браглонъ.

— Должно принять мѣры! принять мѣры! продолжалъ великій инквизиторъ, вскинувъ голову и съ самоувѣреннымъ видомъ.

— Э! сказалъ Браглонъ:—намъ извѣстны только планы ла-Ренди; но легко угадать, что дѣло пойдетъ иначе, что Гизы будутъ защищаться, что они скорѣе дадутъ изрубить себя въ куски.

— Но вѣдь мы предувѣдомлены! замѣтилъ Демощаресъ.— Все, что эти жалкіе безбожники затѣяли противъ насъ, должно обратиться на нихъ же самихъ, и они должны понасться въ свою же западню. Бьюсь объ закладъ, что господинъ кардиналъ будетъ въ восхищеніи, и что онъ дорого бы далъ за такой случай покончить разомъ съ своими врагами.

— Дай Богъ, чтобъ онъ до конца воскинулся, замѣтилъ Браглонъ.

И, обращаясь къ Линьеру, ставшему человѣкомъ нужнымъ, человѣкомъ важнымъ, онъ сказалъ ему:

— Что касается до васъ, маркизъ (Линьеръ былъ въ-самомъ-дѣлѣ маркизомъ), что касается до васъ, то вы оказали самую важную заслугу. Вы будете достойнымъ образомъ награждены, будьте покойны.

— Да, ужь правда, сказалъ Демощаресъ:—васъ стоить похвалить, маркизъ, вы имѣете полное право на мое уваженіе! Васъ также, господинъ Браглонъ, позвольте отъ всего сердца похвалить за выборъ особъ, вами употребляемыхъ! Ахъ! г. де-Линьеръ имѣетъ право на мое глубочайшее уваженіе!

— Слова ваши служатъ для меня дорогою наградою за все, что я могъ сдѣлать, сказалъ Линьеръ, скромно поклонившись.

— Вы уже знаете, г. Линьеръ, что мы не неблагодарны, продолжалъ начальникъ полиціи.— Но вѣдь вы еще не все сказали? Назначено ли время? Сборное мѣсто?

— Они должны соединиться въ окрестностяхъ Блуа 15 марта, отвѣчалъ Линьеръ.

— 15 марта! Каково! сказалъ Браглонъ.— У насъ и двадцати дней не остается! А господинъ кардиналъ лотарингскій теперь въ Блуа! Въ-продолженіе двухъ дней нужно его увѣдомить и принять отъ него приказанія! Какая отвѣтственность!

— А какой триумфъ, когда окончимъ дѣло! замѣтилъ Демощаресъ.

— Ну, любезнѣйшій г. Линьеръ, спросилъ начальникъ полиціи:—а есть ли у насъ имена предводителей?

— Всѣ записаны, отвѣчалъ Линьеръ.

— Единственный человѣкъ! сказалъ Демощаресъ съ удивленіемъ.—

Линьеръ отпоролъ немного подкладку своего камзола, вынулъ бумаги, развернулъ ихъ и громко прочелъ:

«Списокъ предводителямъ, съ означеніемъ именъ и провинцій, которыми они распоряжаются:

«Кастельно-де-Шалось,—Гасконія.

«Мазерь,—Беарнъ.

«Дю-Мениль—Перигоръ.

«Малье де-Брезе,—Пуату.

«Ла-Шенё,—Менъ.

«Сен-Мари,—Нормандія.

«Коквиль,—Пикардія.

«Де-Ферьеръ-Малины,—Иль-де-Франсъ и Шампанья.

«Шатовъ,—Провансъ, и проч.»

— Вы прочтете и обсудите этотъ списокъ на досугъ, сказалъ Линьеръ, подавая начальнику полиціи списокъ.

— И замѣтите, прибавилъ Линьеръ:—что въ то же время, какъ всѣ шайки направляются къ Блуа, другіе предводители въ каждой провинціи должны быть готовыми подавить всякое движеніе въ пользу Гизовъ.

— Хорошо! мы ихъ всѣхъ покроемъ будто огромною сѣтью! говорилъ Демошаресъ, потирая руки.—Э! какъ вы упали духомъ, г. Браглонъ! Послѣ первой минуты изумленія, объявляю, что для меня было бы крайне-непріятно, еслибъ всего этого не было.

— Но посмотрите, сколько намъ остается времени! сказалъ начальникъ полиціи. — Право, мой добрый Линьеръ, ни за что на свѣтѣ не хотѣлось бы мнѣ дѣлать вамъ упрека, но съ 5-го февраля вамъ бы уже давно можно было предупредить меня.

— А можно ли мнѣ было? отвѣчалъ Линьеръ.—Ла-Реноди давалъ мнѣ болѣе двадцати порученій, начиная съ Нанта до Парижа. Кромѣ того, что я могъ такимъ-образомъ собрать драгоценныя справки,—пренебрегать или опаздывать такими комиссіями значило бы возбудить подозрѣнія; написать вамъ письмо, или прислать нарочнаго, значило бы подвергать опасности наши тайны.

— Справедливо! сказалъ Браглонъ:—вы всегда правы. И такъ, полно говорить о томъ, что сдѣлано, а потолкуемъ лучше о томъ, что прійдется сдѣлать. Вы ничего не сказали намъ о принцѣ Конде? Развѣ его не было съ вами въ Нантъ?

— Былъ, отвѣчалъ Линьеръ.—Но прежде, чѣмъ на что-нибудь рѣшиться, ему хотѣлось видѣться съ Шодьё и англійскимъ посланникомъ, и потому онъ сказалъ, что для этого поѣдетъ вмѣстѣ съ Ла-Реноди въ Парижъ.

— Такъ онъ будетъ въ Парижѣ? Ла-Реноди будетъ въ Парижѣ?

— Еще лучше: онъ уже долженъ быть въ Парижѣ, отвѣчалъ Линьеръ.

— Гдѣ жъ они остановились? съ живостію спросилъ Браглонъ.

— Вотъ этого ужъ я не знаю. Спрашивалъ я, такъ, мимоходомъ, гдѣ мнѣ будетъ найти нашего предводителя, въ случаѣ, еслибъ пришлось сообщить что ему, но мнѣ указали способъ не прямого

сообщения. Безъ-сомнѣнія, Ла-Реноди не хочетъ подвергать опасности принца.

— Надо согласиться, что досаднѣе этого ничего быть не можетъ, замѣтилъ начальникъ полиціи. — Намъ бы должно было до конца не терять слѣда ихъ.

Матръ Арпіонъ вошелъ еще разъ въ эту минуту своимъ легкимъ и таинственнымъ шагомъ.

— Что это значитъ, Арпіонъ? съ нетерпѣніемъ сказалъ Браглонъ. — Вы видите, чортъ возьми, что мы занимаемся важными дѣлами.

— Я и не осмѣлился бы войти безъ чего-нибудь не менѣе важнаго, отвѣчалъ Арпіонъ.

— Посмотримъ, что такое? Говорите скорѣе и громче. Здѣсь все свои.

— Нѣкто Пьеръ дез-Авенель... началъ-было Арпіонъ.

Браглонъ, Демошаресъ и Линьеръ въ одинъ голосъ прервали Арпіона.

— Пьеръ дез-Авенель!

— Тотъ адвокатъ изъ Улицы-Мармуа, у котораго обыкновенно пристають реформаторы въ Парижѣ, сказалъ Демошаресъ.

— И на чей домъ уже съ давнихъ поръ смотрю я зоркимъ глазомъ, замѣтилъ Браглонъ. — Но хитеръ мошенникъ и остороженъ, и всегда увертывается изъ-подъ моего надзора. Чего онъ хочетъ, Арпіонъ?

— Говорить сейчасъ же съ вашимъ превосходительствомъ, сказалъ секретарь. — Миѣ показался онъ въ большомъ смятеніи.

— Онъ ничего не можетъ знать! живо и съ завистью сказалъ Линьеръ. — Къ-тому же, прибавилъ онъ презрительно: — это честный человѣкъ.

— Посмотримъ! посмотримъ! возразилъ инквизиторъ. (Это было его любимое словцо.)

— Арпіонъ, сказалъ Браглонъ: — введите сейчасъ же ко миѣ этого человѣка.

— Сю минуту, ваше превосходительство, отвѣчалъ, выходя, Арпіонъ.

— Извините, любезнѣйшій маркизъ, продолжалъ Браглонъ, обращаясь къ Линьеру: — этотъ дез-Авенель васъ знаетъ и ваше неожиданное присутствіе можетъ смутить его. Къ-тому же, и вы и я должны какъ можно скрывать отъ него, что вы изъ нашихъ. Такъ будьте такъ обязательны, уйдите на время нашего разговора въ кабинетъ Арпіона, тамъ, на концѣ корридора. Я прикажу васъ позвать, только-что мы окончимъ. Вы же оставайтесь, господишь великій-инквизиторъ. Ваше присутствіе будетъ очень-полезно въ этомъ случаѣ.

— Хорошо, остаюсь къ вашимъ услугамъ, отвѣчалъ удовольствованный Демошаресъ.

— А я удаляюсь, сказалъ Линьеръ.—Но вспомните, что я вамъ сказалъ, господинъ начальникъ полиціи: не много выпытаете вы изъ этого дель-Авенеля. Слабая голова! Умъ ограниченный, но честный! Мало проку отъ него! мало проку!

— Все обдѣлаемъ къ лучшему. Но только уходите, уходите, любезный Линьеръ. Онъ идетъ уже.

И точно, Линьеръ едва успѣлъ убѣжать... Вошелъ человекъ весь блѣдный, потрясаемый нервическою дрожью, ведомый, или, лучше сказать, тащимый мэтромъ Арпиономъ.

Это былъ адвокатъ Пьеръ дез - Авенель, котораго мы видѣли въ первый разъ вмѣстѣ съ Линьеромъ въ совѣщаніи на Моберовой Площади, и который, если припомнить, имѣлъ такой успѣхъ своею храбро-робкою рѣчью.

VII.

Переметчикъ.

Въ тотъ день, когда мы его опять встрѣчаемъ, дез - Авенель совершенно оробѣлъ и вовсе уже не храбрился.

Поклонившись чуть не въ землю Демонаресу и Браглоню, онъ сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Я, безъ сомнѣнія, въ присутствіи господина начальника полиціи?..

— И господина великаго-инквизитора, прибавилъ Браглонъ, указывая на Муши.

— О! Иисусе! вскричалъ блѣдный дез - Авенель, поблѣднѣвъ до невозможности. — Ваши свѣтлости видятъ передъ собою великаго преступника, слишкомъ-великаго преступника. Не знаю, могу ли надѣяться на милость? Можетъ ли чистосердечное признаніе загладить мои проступки? Одно ваше милосердіе въ состояніи дать отвѣтъ на это!

Браглонъ сейчасъ увидѣлъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло.

— Одного признанія недостаточно, строго сказалъ онъ: — нужно загладить.

— О, если могу, я это сдѣлаю, ваша свѣтлость! отвѣчалъ дез-Авенель.

— Дѣ; но, чтобъ это сдѣлать, продолжалъ начальникъ полиціи:— нужно оказать намъ какую-нибудь услугу, сообщить какое-нибудь драгоценное извѣстіе.

— Постараюсь сообщить его вамъ, сказалъ адвокатъ хриплымъ голосомъ.

— Трудненько будетъ, отвѣчалъ небрежно Браглонъ: — потому что мы все знаемъ.

— Какъ! вы знаете?

Т. LV. — Отд. I.

— Все! говорю вамъ, и въ положеніи, въ которое вы себя поставили, запоздалое раскаяніе, предупреждаю васъ, не въ состояніи болѣе спасти головы вашей.

— Головы! о, Боже! моя голова въ опасности? Но вѣдь я самъ пришелъ...

— Слишкомъ-поздно! отвѣчалъ непреклонный Браглонъ, — Вы уже не можете быть намъ полезнымъ, и мы напередъ знаемъ, что открыть вы намъ собираетесь.

— Можетъ-быть! сказалъ Авенель. — Простите за вопросъ, что же вы знаете?

— Во-первыхъ, что вы одинъ изъ этихъ проклятыхъ еретиковъ, сказалъ, вмѣшавшись, громовымъ голосомъ Демошаресь.

— Увы! увы! ваша правда! отвѣчалъ дез-Авенель. — Да, я принадлежу къ протестантамъ. Для чего?—и самъ не знаю. Но я отрекись, ваша свѣтлость, даруйте мнѣ только жизнь.

— Это еще не все, сказалъ Демошаресь:—вы укрываете у себя гугенотовъ.

— Сколько ни обыскивали, не могли найти ни одного, съ живостию отвѣчалъ адвокатъ.

— Да, сказала Браглонъ; — въ вашемъ домѣ, вѣроятно, есть какой-нибудь тайный выходъ, скрытый корридоръ, какое-нибудь неизвѣстное сообщеніе съ дворомъ. А вотъ, какъ на-дняхъ мы разберемъ вашъ домъ по камешку, такъ секретъ-то и самъ откроется.

— Самъ я его вамъ открою, сказалъ адвокатъ. — Правда, признаюсь, ваша свѣтлость, иногда я укрывалъ у себя гугенотовъ. Вѣдь платятъ славныя деньги; а процессы что приносить? Надо жить! Но этого больше не будетъ, и если я, наконецъ, отрекись, ужъ ни одинъ гугенотъ, повѣрьте, не постучится болѣе ко мнѣ въ ворота.

— Вы часто также, продолжалъ Демошаресь: — держали рѣши на протестантскихъ сходкахъ.

— Я адвокатъ, сказалъ жалобно дез-Авенель. — Но я всегда стоялъ за умеренность. Вы должны знать это, такъ-какъ уже вамъ все извѣстно...

И, осмѣлившись поднять глаза на обвѣхъ зловѣщихъ особъ, онъ продолжалъ:

— Но простите, мнѣ кажется, вы не все знаете, потому-что говорите только обо мнѣ и умалчиваете о дѣлахъ партій, въ сущности гораздо важнѣйшихъ... Такъ я съ удовольствіемъ вижу, что вамъ еще многое неизвѣстно.

— Въ этомъ вы ошибаетесь, сказалъ начальникъ полиціи: — мы вамъ сейчасъ докажемъ противное.

Демошаресь сдѣлалъ ему знакъ остерегаться.

— Понимаю васъ, г. великій-инквизиторъ, сказалъ онъ ему: — но съ моей стороны нѣтъ неблагоразумія показывать наши карты этому господину, потому-что онъ долго отсюда не выйдетъ.

— Какъ! я долго отсюда не выйду? вскричалъ съ ужасомъ дез-Авенель.

— Разумѣется, нѣтъ, равнодушно отвѣчалъ Браглонъ.— Не-уже-ли вы думаете, что, подѣ предлогомъ кой-какихъ открытій, вы можете спокойно приходить сюда, наблюдать за нами и узнавать, что намъ извѣстно, чтобъ потомъ все переносить своимъ сообщникамъ? Нѣтъ, это не идетъ, любезнѣйшій, и съ этой минуты вы нашъ арестантъ.

— Арестантъ! повторилъ сначала было озадаченный Авенель.

Потомъ, поразмысливъ, онъ успокоился. Нашъ знакомецъ, какъ припомнить, обладалъ въ высшей степени храбростью трусости.

— Такъ что же! И точно, это будетъ лучше! вскричалъ онъ.— Здѣсь я все-таки безопаснѣе, чѣмъ у себя дома, посреди ихъ заговоровъ. И такъ-какъ я ужъ остаюсь у васъ, господинъ начальникъ полиціи, вы вѣрно не откажетесь отвѣчать мнѣ на нѣскольکو моихъ почтительныхъ вопросовъ.— Мнѣ все сдается, что вамъ не все извѣстно, какъ вы полагаете, и что я найду средство доказать вамъ какимъ-нибудь полезнымъ открытіемъ и добрую волю свою и прямодушіе.

— Гмъ! сомнѣваюсь, отвѣчалъ Браглонъ.

— Что вамъ извѣстно, во-первыхъ, о послѣднихъ совѣщаніяхъ гугенотовъ, ваша свѣтлость? спросилъ адвокатъ.

— О нантскихъ что ли вы говорите? сказалъ начальникъ полиціи.

— Ай! вы это знаете. Ну, да хоть о нантскихъ. Что тамъ происходило?

— Не на заговоръ ли, составленный тамъ, вы намекаете? спросилъ Браглонъ.

— Увы! да, и я вижу, что немного мнѣ придется вамъ объ этомъ рассказывать, отвѣчалъ Авенель.—Этотъ заговоръ?..

— Состоитъ въ томъ, чтобъ увезти короля изъ Блуа, замѣнить принцами господъ Гизовъ, созвать генеральные штаты, и прочее... Все это древняя исторія, любезнѣйшій, и она началась уже съ пятого февраля.

— А заговорщики-то такъ увѣрены въ своей тайнѣ! вскричалъ адвокатъ.— Они погибли, и я также. Потому-что, безъ сомнѣнія, вамъ извѣстны имена начальниковъ заговора?

— Начальниковъ тайныхъ и начальниковъ гласныхъ. Тайные начальники—принцъ Кондэ, адмиралъ. Гласные—ла-Реноди, Ка-стельно, Мазерь... Да долго будетъ считать. Вотъ, смотрите проспекъ ихъ именъ и провинцій, которыя они должны возмутить.

— Небесное милосердіе! Какъ хитра полиція, и какъ глупы заговорщики, вскричалъ дез-Авенель.— Не-уже-ли и словечка чего-нибудь новаго не придется сказать вамъ? А знаете ли вы, гдѣ принцъ Кондэ и ла-Реноди?

— Оба въ Парижѣ.

— Это ужасно! Послѣ этого, мнѣ остается только поручить свою душу Богу. Впрочемъ, еще одно слово: гдѣ они въ Парижѣ?

Браглонъ не отвѣчалъ ему немедленно, но яснымъ и проникающимъ взглядомъ, казалось, хотѣлъ выщупать душу и глаза Авенеля.

А онъ еле дыша повторилъ вопросъ свой:

— Знаете ли, ваша свѣтлость, гдѣ въ Парижѣ принцъ Кондэ и ла-Реноди?

— Ужъ мы ихъ отыщемъ, отвѣчалъ Браглонъ.

— Такъ вы ихъ еще не отыскали! вскричалъ восхищенный дез-Авенель. — Ахъ! слава Богу! Я могу еще заслужить прощеніе. Я знаю, гдѣ они, ваша свѣтлость, я!

Взглядъ Демошареса заблесталъ, но начальникъ полиціи скрылъ свою радость.

— Гдѣ же они? спросилъ онъ самымъ равнодушнымъ голосомъ.

— У меня, господа, у меня! сказалъ гордо адвокатъ.

— Я это зналъ, спокойно отвѣчалъ Браглонъ.

— Какъ! что! вы и это знали? вскричалъ поблѣднѣвъ дез-Авенель.

— Разумѣется!.. Мнѣ только хотѣлось васъ испытать, посмотреть, чистосердечны ли вы. Ну, хорошо! я доволенъ вами. Вина-то ваша такая важная! Укрывать у себя подобныхъ преступниковъ!

— Вы сдѣлались столь же преступны, какъ и они! назидательно проговорилъ Демошаресъ.

— Охъ! ужъ не говорите мнѣ объ этомъ, ваша свѣтлость, отвѣчалъ дез-Авенель. — Самъ я понялъ, что оно опасно, рискованно. А какъ узналъ еще страшные замыслы своихъ двухъ постоянцевъ, такъ ужъ съ-тѣхъ-поръ просто не существую. Но я знаю ихъ не болѣе трехъ дней. Никакъ не болѣе трехъ дней, клянусь вамъ. Вамъ должно быть извѣстно, что меня не было на нантскомъ совѣщаніи. Когда принцъ Кондэ и сеньеръ де-ла-Реноди остановились у меня въ началѣ этой недѣли, я зналъ только, что принималъ реформаторовъ, но не заговорщиковъ. Терпѣть не могу заговоровъ и заговорщиковъ. Сначала, они мнѣ ничего не говорили, и вотъ за что я золъ на нихъ. Подвергать такимъ опасностямъ, безъ его вѣдома, бѣднаго человѣка, оказывавшаго имъ однѣ только услуги! Это гадко, дурно! Но чего ждать отъ такихъ знатныхъ особъ.

— Что? спросилъ Браглонъ, считавшій себя весьма-знатною особою.

— Я говорю о знатныхъ особахъ реформы! успѣвши сказать адвокатъ. — Итакъ, они начали съ того, что все отъ меня скрывали. А сами по цѣлымъ днямъ все шептались между собою, дивно и ночью все писали; каждую минуту принимали визиты. Я сторожилъ, подслушивалъ. Словомъ, я угадалъ начало, такъ-что они должны были мнѣ открыть ужъ и конецъ: ихъ сходбища въ Нан-

тъ, ихъ великій заговоръ, все, что вы, наконецъ, знаете, и что, по ихъ мнѣнію, шито-крыто. И вотъ, съ самаго этого открытія, я болѣе не сплю, не ѣмъ, не живу. Стоить только кому войти ко мнѣ — а одному Богу извѣстно, какъ часто ко мнѣ входятъ! я и воображаю, что это пришли за мною, что меня потащатъ къ судьямъ. Ночью, въ рѣдкія минуты лихорадочнаго сна, мнѣ только и снится, что судъ, эшафоты, палачи. И я просыпаюсь, облитый холоднымъ потомъ, и начинаю обдумывать, предусматривать и измѣрять опасности, какимъ я подвергаю себя.

— Опасности, какимъ вы подвергаете себя? сказалъ Браглонъ.

— Но, во-первыхъ, тюрьма...

— Пытка потомъ, подхватилъ Демосаресь.

— Потомъ, вѣроятно, висѣлица, прибавилъ начальникъ полиціи.

— Костерь, можетъ-быть, продолжалъ великій-инквизиторъ.

— А при случаѣ и колесо, сказалъ, желая завершить послѣднее, Браглонъ.

— Заключенъ въ тюрьму! подверженъ пыткамъ! повѣшенъ! сожженъ! колесованъ! восклицалъ при каждомъ словѣ дез-Авенель, будто вытерпѣвая каждую изъ казней, какія ему высчитывали.

— Да вѣдь вы сами адвокатъ, знаете законъ, замѣтилъ начальникъ полиціи.

— Слишкомъ-хорошо знаю! воскликнулъ дез-Авенель. — Потому-то послѣ трехъ мучительныхъ дней я не могъ терпѣть долѣе, созналъ, что такая тайна была слишкомъ-тяжелымъ бременемъ для моей ответственности, и пришелъ сложить ее въ ваши руки, господинъ начальникъ полиціи.

— Этакъ-то вѣрнѣе, сказалъ Браглонъ:— и хоть ваше открытіе, какъ видите, намъ не слишкомъ полезно, мы, однакожъ, примемъ въ соображеніе вашу добрую волю.

Нѣсколько минутъ онъ шопотомъ поговорилъ съ де-Муши, который, казалось, не безъ нѣкоторыхъ затрудненій одобрилъ его намѣренія.

— Больше всего я попрошу у васъ, какъ милости, сказалъ имъ дез-Авенель: — не выдавать меня моимъ старымъ... сообщникамъ; а не то умертвившіе президента Минаре могутъ и со мною сдѣлать такую же штуку.

— Все это мы будемъ держать въ тайнѣ, отвѣчалъ ему начальникъ полиціи.

— А меня вы все-таки арестуете? спросилъ дез-Авенель съ униженнымъ и боязливымъ видомъ.

— Нѣтъ, вы можете сейчасъ же идти къ себѣ, отвѣчалъ Браглонъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? сказалъ адвокатъ. — Въ такомъ случаѣ, я вижу, вы хотите схватить моихъ постояльцевъ.

— И того меньше. Они останутся свободными, какъ и вы.

— Какъ такъ? спросилъ изумленный дез-Авенель.

— Послушайте меня, началъ Браглонъ съ важностью:— и удер-

живте у себя въ памяти, что я буду говорить вамъ. Вы сейчасъ же возвратитесь къ себѣ, чтобъ долгое отсутствіе ваше не возбудило какихъ подозрѣній; не скажете ни слова вашимъ постоянцамъ, ни о своихъ опасеніяхъ, ни объ ихъ тайнѣ. Словомъ, будете поступать и смотрѣть, какъ-будто и не были сегодня въ этомъ кабинетѣ. Хорошо ли вы меня поняли? Не мѣшайте ничему и ничему не удивляйтесь.

— Это не трудно, сказалъ дез-Авенель.

— Только, прибавилъ Браглонъ:—если намъ понадобятся какія поясненія, мы поручимъ ихъ спросить у васъ, или сюда васъ призовемъ, а вы, между-тѣмъ, будьте всякую минуту къ тому готовы. Если потребуется сдѣлать обѣискъ въ вашемъ домѣ, вы намъ поможете.

— Ужь если началъ, такъ кончу, сказалъ со вздохомъ дез-Авенель.

— Хорошо. Одно слово въ заключеніе. Если поведеніе ваше докажетъ, что вы исполнили эти простыя инструкціи, вы получите прощеніе. Но при одномъ подозрѣніи въ нескромности съ вашей стороны, вы будете первый и жесточайшимъ образомъ наказаны.

— Будете сожжены на маломъ огнѣ! сказалъ Демосаресь своимъ зловѣщимъ и твердымъ голосомъ.

— Однакожь!.. хотѣлъ-было сказать содрогнувшійся адвокатъ.

— Довольно, замѣтилъ Браглонъ.— Вы слышали. Помните же. До свиданія:

Онъ сдѣлалъ ему рукою повелительный знакъ. Слишкомъ благородный адвокатъ вышелъ вмѣстѣ и облегченный и озабоченный.

Когда онъ вышелъ, между начальникомъ полиціи и великимъ инквизиторомъ настало минутное молчаніе.

— Вы хотѣли этого, я уступилъ, сказалъ наконецъ первый. — Признаюсь, я все что-то сомнѣваюсь на-счетъ такого образа дѣйствій.

— Нѣтъ, все къ лучшему! возразилъ Демосаресь.— Необходимо, чтобъ это дѣло пошло своимъ порядкомъ, говорю я вамъ, а для этого, главное, нужно не пугать заговорщиковъ. Пусть они будутъ увѣрены въ своей тайнѣ и пусть ихъ дѣйствуютъ. Они воображаютъ, что ходятъ ночью, а мы слѣдимъ за всѣми ихъ движеніями днемъ. Это чудесно! И въ двадцать лѣтъ не представится такого случая однимъ ударомъ разгромить ересь. А на этотъ счетъ мнѣ извѣстны идеи его преосвященства, кардинала лотарингскаго.

— Лучше, чѣмъ мнѣ, это справедливо, сказалъ Браглонъ.— Однакожь, что намъ остается дѣлать?

— Вы, отвѣчалъ Демосаресь: — вы живете въ Парижѣ и наблюдаете черезъ Линьера и дез-Авенеля за своими обоими начальниками заговора. Я черезъ часъ отправлюсь въ Блуа и увѣдомлю господъ Гизовъ. Кардиналъ сначала испугается; но Бала-

оуде будеть тутъ и успокоить его; а поразмысливъ, и самъ онъ прійдетъ въ восхищеніе. Ихъ дѣломъ будеть собрать въ-ти-хомолку, въ-продолженіе пятнадцати дней, около короля всѣ силы, какими они только располагать могутъ. Между-тѣмъ, наши гугеноты и подозрѣвать ничего не будутъ. И всѣ эти ослѣпленные ястребы слетятся вмѣстѣ, или одинъ за другимъ, въ растянутыя сѣти, и будутъ наши! у насъ въ рукахъ! И тогда всеобщая бойня!

Великій-инквизиторъ большими шагами ходилъ по комнатѣ и съ радости потиралъ руки.

— Дай только Богъ, замѣтилъ Браглонъ:—чтобъ какое-нибудь непредвидѣнное обстоятельство не обратило въ прахъ нашихъ великолѣпныхъ плановъ.

— Невозможно, возразилъ Демощаресъ.—Всеобщая бойня! Она у насъ въ рукахъ! — Прикажите, сдѣлайте одолженіе, позвать Лянбера; пусть онъ окончательно доставить намъ всѣ извѣстія, и я ихъ отвезу къ кардиналу лотарингскому. А я считаю уже ересь убитою. Всеобщая бойня!

IX.

Б л у а .

Перелетѣвъ мысленно два дня и сорокъ лѣтъ, мы очутимся 27 февраля въ великолѣпномъ дворцѣ въ Блуа, куда въ это время собрался весь дворъ.

Наканунъ былъ большой праздникъ и разныя увеселенія во дворцѣ; праздникъ, устроенный поэтомъ Антуаномъ де-БаиФъ, съ играми, балетами и аллегоріями.

Отъ-чего въ это утро молодой король и королева, для увеселенія которыхъ данъ былъ праздникъ, встали позже обыкновеннаго и нѣсколько еще утомленные вчерашними удовольствіями.

Къ-счастью, не было назначено никакихъ приемовъ и, отдыхая, они могли на досугѣ перебирать въ памяти всѣ прекрасныя вещи, которымъ наканунъ удивлялись.

— Что до меня касается, говорила Марія Стюартъ: — всѣ эти увеселенія мнѣ показались прекрасными и самыми удивительными въ мірѣ.

— Да, замѣтилъ Францискъ II: — особенно балеты и сѣгн-ранныя сцены. Но сонеты и мадригалы по мнѣ, признаюсь, были немного длинноваты.

— Вотъ! возразила Марія Стюартъ: — увѣрю васъ, они были очень-милы и остроумны.

— Но все такіе похвальные, признайся. Право, не слишкомъ весело слушать по цѣлымъ часамъ все похвалы да похвалы. Прибавь еще, что эти господа—особенно господа де-БаиФъ и де-Ме-

зонфлёръ,—пересыпаютъ свои рѣчи все латинскими словами, которыя я не всегда понимаю.

— Но за то это въ тонѣ, сказала Марія: — показываетъ чело-вѣка ученаго и съ изысканнымъ вкусомъ.

— А! потому-что ты сама ученая, Марія! возразилъ король со вздохомъ. — Пишешь стихи и понимаешь по-латини, чего я не могъ никогда добиться.

— Но для насъ, женщинъ, знаніе есть благо, наслажденіе, такъ, какъ для васъ, мужчинъ и принцевъ, дѣйствіе и власть.

— Все равно! возразилъ Францискъ II: — а мнѣ бы хотѣлось, хоть для-того, чтобъ поравняться въ чемъ-нибудь съ тобою, быть ученымъ — ну, хоть такъ, какъ братъ Карлъ.

— Кстати о братѣ Карлѣ, прервала Марія: — замѣтили ли вы его въ роли аллегоріи о религии, защищаемой тремя богословскими добродѣтелями?

— Да, отвѣчалъ король: — онъ игралъ одного изъ рыцарей, представлявшихъ добродѣтели — кажется, милосердіе.

— Да, да, сказала Марія. — А замѣтили ли вы, государь, съ какою свирѣпостью онъ разилъ голову ереси?

— Да, въ-самомъ-дѣлѣ, когда еще она посреди пламени показалась на смѣшномъ туловищѣ... Карлъ былъ точно внѣ себя.

— А скажите-ка, продолжала королева:—не показалась ли вамъ на кого-нибудь похожею эта голова ереси?

— И въ-правду, отвѣчалъ Францискъ II: — я подумалъ, что ошибся, но она точно имѣла видъ г-на Колинъ, не правда ли?

— Скажите, что это былъ точь-въ-точь адмиралъ.

— А всѣ эти черты, которые его унесли! сказалъ король.

— А радость нашего дяди-кардинала! подхватила Марія.

— А улыбка маменьки!..

— Была просто ужасна! сказала молодая королева. — Ничего, Францискъ, она была все-таки прекрасна, ваша маменька, въ платьѣ изъ крученаго золота и въ креповомъ темно-красномъ вуалѣ! Великолѣпный парядъ!

— Да, возразилъ король: — вотъ я и для тебя выписываю такое же платье изъ Константинополя черезъ г-на де-Граншана; и у тебя будетъ такой же вуаль изъ римскаго газа, какъ у моей матери.

— О! благодарю! благодарю! Конечно, я не завидую участи нашей сестры Елизаветы-Испанской, которая, говорятъ, болѣе двухъ разъ не надѣваетъ одного и того же платья. Однакожъ, мнѣ бы не хотѣлось, чтобъ хоть одна женщина во Франціи—будь даже это мать ваша—казалась, особенно вамъ, лучше меня одѣтою.

— Э! да что нужды тебѣ въ томъ! перебилъ ее король: — равнѣ ты не будешь всегда самою прекрасною?

— Только, кажется, не вчера, возразила Марія: — потому-что послѣ branle au flambeau, который я вчера танцевала, вы мнѣ не

сказали ни одного слова. Надобно предполагать, что онъ вамъ не понравился.

— Какъ не понравился! вскричалъ Францискъ.—Но, Боже мой, что сказалъ бы я послѣ придворныхъ умниковъ, говорившихъ тебѣ комплименты въ стихахъ и прозѣ. Дюбеле увѣрялъ, что тебѣ не нужны факелы, какъ другимъ дамамъ, потому-что довольно однихъ глазъ твоихъ. Мезонфлёръ приходилъ въ ужасъ отъ двухъ свѣтилъ у тебя въ зрачкахъ, которыя не погасали и могли зажечь всю залу. А Ронсаръ прибавилъ, что звѣзды твоихъ взглядовъ должны освѣщать ночь съ ея мракомъ и день съ его солнцемъ. Такъ можно ли было, послѣ такой поэзіи, прійти къ тебѣ и попросту сказать, что ты и твой танецъ мнѣ показались предестынныи.

— Почему жъ и нельзя? возразила Марія.—Ваше простое слово порадовало бы меня болѣе, чѣмъ всѣ ихъ плоскости.

— Такъ это слово говорю я тебѣ сегодня утромъ, и отъ всего сердца, потому-что этотъ танецъ удивителенъ и заставилъ меня почти позабыть испанскую павану, которую я такъ любилъ, и итальянскія пацемени, которыя ты такъ чудесно танцевала съ бѣднjackой Елизаветой. И это отъ-того, что ты все дѣлаешь лучше, чѣмъ другія. Отъ-того, что ты красавица изъ красавицъ, и что самыя хорошенкія женщины кажутся горничными предъ тобою. Да, въ королевскомъ ли костюмѣ, въ этомъ ли простенькомъ де-забиле, ты всегда моя королева, всегда моя любовь. Тебя только и вижу я! одну тебя люблю!

— Мой милый Францискъ!

— Обожаемая Марія!

— Жизнь моя!

— Мое высшее благо! Слушай! Будь ты простою крестьянкой, я бы любилъ тебя болѣе всѣхъ королевъ на свѣтѣ.

— А я, отвѣчала Марія:— еслибъ ты былъ простымъ пажемъ, все ты бы обладалъ моимъ сердцемъ.

— О! Боже мой! сказалъ Францискъ:— какъ люблю я гладить и спутывать эти волосы, такіе мягкіе, такіе свѣтлые, такіе тонкіе. Понимаю, почему твои дамы такъ часто просятъ у тебя поцаловать эту кругленькую и бѣленькую шею, и эти граціозныя и полненькія ручки... Кстати, не позволяй имъ этого болѣе, Марія.

— Почему же?

— Я ревную! отвѣчалъ король.

— Дитя! сказала Марія съ невыразимымъ дѣтскимъ жестомъ.

— Но у меня изъ ума вошь, что намъ нужно окончить еще одно дѣло... дѣло очень-важное, пересланное къ намъ кардиналомъ лотарингскимъ.

— О! о! воскликнулъ король:—это съ нимъ не такъ-то часто случается.

— Развѣ вы не знаете, государь, сказала Марія: — что дяди мои пекутся только объ интересахъ вашихъ и Франціи?

— Какъ же не знать этого? отвѣчалъ король: — они такъ часто повторяютъ мнѣ объ этомъ, что забыть никакъ нельзя. Вотъ, на-примѣръ, нынче день совѣта; мы увидимъ, какъ явится г. кардиналъ лотарингскій, съ своими униженными манерами и преувеличеннымъ почтеніемъ, которое, признаться, не всегда меня забавляетъ, и услышимъ, какъ онъ скажетъ мнѣ своимъ нѣжнымъ голоскомъ и кланаясь на всякомъ словѣ: «Государь, предложеніе, которое я представляю вашему величеству, имѣетъ въ виду только честь вашей короны. Ваше величество не можете сомнѣваться въ рвеніи, одушевляющемъ насъ къ славѣ вашего царствованія и ко благу вашего народа. Государь, блескъ трона и церкви есть единственная цѣль, и пр. и пр.»

— Какъ вы хорошо его представляете! вскричала Марія.

Но болѣе серьезнымъ голосомъ она продолжала:

— Однакожь, Францискъ, нужно быть снисходительнымъ и великодушнымъ. Не-уже-ли вы думаете, что мнѣ также весело, когда мать ваша, Катерина Медичи, съ своей длинной, строгой и блѣдной фигурой, читаетъ мнѣ безконечныя проповѣди о моемъ нарядѣ, о моихъ людяхъ и экипажахъ? Вы услышите, какъ она говоритъ мнѣ, стиснувъ губы: «Вы королева, дочь моя; теперь я только вторая женщина въ королевствѣ; но еслибъ была на вашемъ мѣстѣ, я бы потребовала, чтобъ мои женщины никогда не пропускали обѣдни, вечерни и проповѣди. Будь я на вашемъ мѣстѣ, я не носила бы краснаго бархата, потому-что этотъ цвѣтъ совсѣмъ не солиденъ. Будь я на вашемъ мѣстѣ, я бы передѣлала серебряное и коломбиновое платье à la bouronnaise, потому-что оно слишкомъ-открыто. Будь я на вашемъ мѣстѣ, я никогда бы сама не танцевала, но только-смотрѣла, какъ другія танцуютъ. Будь я на вашемъ мѣстѣ...

— О! вскричалъ король: — какъ это похоже на мать мою! — Но, видишь ли, она все-таки моя мать, и я безъ того довольно-сильно обидѣлъ ее, отстранивъ ее отъ управленія государственнымими дѣлами, которыми завѣдываютъ одни твои дяди. Такъ можно и спустить ей кое-что и снести почтительно ея журенья. Я, съ своей стороны, покораюсь опекѣ кардинала-лотарингскаго единственно потому, что ты его племянница, слышишь?

— Благодарю, дорогой государь, благодарю за эту жертву! промовила Марія.

— А въ-самомъ-дѣлѣ, продолжалъ Францискъ: — со мной бывають минуты, когда мнѣ хочется съѣздить въ Италію.

— Ну, да, въ Италію! продолжала Марія. — Тамъ всегда хорошая погода, всегда тепло. Голубое небо и голубое море! вездѣ цвѣтутъ лимоны, вездѣ музыка, праздниства!

Но въ то самое время, какъ она говорила слова эти, внезапно отворилась дверь, и кардиналъ лотарингскій, отталкивая дежурнаго

докладчика, не успѣвшего даже и доложить о немъ, вошелъ весь блѣдный и запыхавшійся въ королевскіе покои.

Герцогъ Гизъ, болѣе спокойный, но столько же серьезный, слѣдовалъ въ нѣкоторомъ разстояніи за своимъ братомъ; уже слышенъ былъ въ передней его мѣрный шагъ сквозь отворенныя двери.

X.

Конецъ повѣдки въ Италію.

— Что это значить, господинъ кардиналъ, сказалъ съ живостию король: — не-уже-ли и въ этомъ мѣстѣ я не могу имѣть минуты свободы и покоя?

— Государь, отвѣчалъ Шарль-Лотарингскій: — сожалѣю, что долженъ преступить повелѣнія вашего величества, но дѣло, приводящее насъ сюда съ братомъ, до того важно, что не тернитъ отлагательства.

Въ эту минуту, медленно вошелъ герцогъ Гизъ, молча поклонился королю и королевѣ, и сталъ позади своего брата не говоря ни слова, неподвижный и серьезный.

— Хорошо! я васъ слушаю, говорите только, милостивый государь, сказалъ Францискъ кардиналу.

— Государь, началъ послѣдній: — только-что открытъ заговоръ противъ вашего величества; вы не безопасны болѣе въ Блуаскомъ-Дворцѣ: необходимо сейчасъ же оставить его.

— Заговоръ! оставить Блуа! вскричалъ король: — что все это значить?

— Это значить, государь, что злоумышленники покушаются на власть вашего величества.

— Что! сказалъ Францискъ: — они покушаются на корону мою. Кто же эти злоумышленники, господинъ кардиналъ?

— Кому же быть, отвѣчалъ Шарль-Лотарингскій: — какъ не этимъ проклятымъ гугенотамъ и еретикамъ.

— Опять еретики! вскричалъ король. — Увѣрены ли вы, кардиналъ, что не увлекаетесь противъ нихъ неосновательнымъ подозрѣніемъ?

— Увы! отвѣчалъ кардиналъ: — на этотъ разъ, къ-несчастію, нельзя чѣваться.

Юный роль, такъ некстати прерванный такою горькою дѣйствительностью, казался глубоко встревоженнымъ; Марія была вся взволнована перемѣной расположенія его духа, а кардиналъ не приходилъ еще въ себя отъ принесенныхъ имъ новостей. Одинъ Балафрѣ, спокойный и владѣющій собою, выжидалъ послѣдствій, отъ всѣхъ этихъ словъ въ безстрастномъ положеніи.

— Что жь я сдѣлалъ своему народу, что онъ меня не любитъ? началъ опечаленный Францискъ.

— Кажется, я уже сказалъ вашему величеству, что мятежники одни гугеноты, сказалъ кардиналъ лотарингскій.

— Но они такіе же Французы! возразилъ король. — Наконецъ, господишь кардиналъ, я отдалъ вамъ всю свою власть, въ надеждѣ, что вы заставите благословлять ее, а между-тѣмъ, я вижу во-кругъ себя одни только смятенія, жалобы и неудовольствія.

— О! государь! государь! сказала Марія-Стюартъ съ упрекомъ. Кардиналъ лотарингскій началъ съ нѣкоторою сухостию:

— Несправедливо бы было, государь, требовать отъ насъ отвѣтственности въ томъ, что входитъ въ разрядъ бѣдствій эпохи.

— Однакожъ, милостивый государь, продолжалъ король: — мнѣ бы хотѣлось узнать сущность дѣла, и на нѣкоторое время остаться одному, безъ васъ, чтобъ убѣдиться, на кого негодуютъ, на васъ или на меня.

— О! ваше величество! вскричала еще разъ Марія Стюартъ, сильно встревоженная.

Францискъ остановился, упрекая уже себя за то, что слишкомъ далеко зашелъ. Герцогъ Гизъ, не показывая ни малѣйшаго смущенія. Шарль-Лотарингскій, послѣ ледянаго молчанія, началъ съ достойнымъ и принужденнымъ видомъ человѣка, несправедливо обиженнаго:

— Государь, такъ-какъ мы имѣемъ горестъ видѣть наши усилія непризнанными или бесполезными, то намъ, какъ вѣрнопо-даннѣмъ и преданнымъ родственникамъ, остается только удалиться, и дать дорогу болѣе достойнымъ или болѣе счастливымъ...

Смущенный король хранилъ молчаніе, и кардиналъ продолжалъ послѣ недолгой паузы:

— И такъ, ваше величество, благоволите намъ сказать только, въ какія руки угодно передать вамъ наши должности. Что до меня касается, то, безъ сомнѣнія, ничего не будетъ легче, какъ замѣстить меня, и вашему величеству стоить только выбрать между канцлеромъ Оливье, кардиналомъ де - Турнономъ, де-л'Опита-лемъ...

Марія Стюартъ въ отчаяніи закрыла лицо руками, а Францискъ раскаялся. Гордое молчаніе Балафрэ устрашало его.

— Но, продолжалъ Шарль-Лотарингскій:—званіе главнокомандующаго и веденіе военныхъ дѣлъ требуютъ столь рѣдкихъ талантовъ и такой высокой славы, что послѣ брата я едва пахожу двухъ человѣкъ, могущихъ имѣть на то притязаніе—г-на де-Бриссака, можетъ-быть...

— Охъ! ужъ этотъ Бриссакъ, такой всегда ворчливый, сердитый, возразилъ король:—невозможно!

— А второй, по моему мнѣнію, продолжалъ кардиналъ:—господинъ Монморанси, который, за недостаткомъ качествъ, обладаетъ по-крайней-мѣрѣ извѣстностью.

— Э! перервалъ его еще разъ Францискъ: — господинъ конетабль слишкомъ-старъ для меня, и слишкомъ-запросто обходился со мною, когда я былъ еще дофиномъ. Но, господинъ кардиналь, зачѣмъ же вы пропускаете моихъ другихъ родственниковъ, принцевъ крови, принца Кондэ, на-примѣръ?..

— Государь, сказалъ кардиналь:—съ сожалѣніемъ докладываю вашему величеству, что между именами тайныхъ предводителей заговора, первое попадаетъ имя принца Кондэ.

— Возможно ли? вскричалъ изумленный король.

— Государь, это правда.

— Такъ этотъ заговоръ въ-самомъ-дѣлѣ нѣчто важное? спросилъ Францискъ.

— Это почти возмущеніе, государь, отвѣчалъ кардиналь: — и такъ-какъ ваше величество увольняете насъ съ братомъ отъ самой ужасной отвѣтственности, когда-либо тяготѣвшей надъ нами, то долгъ обязываетъ меня умолять васъ назначить какъ-можно-скорѣе нашихъ преемниковъ, потому-что реформаторы черезъ нѣсколько дней будутъ подъ стѣнами Блуа.

— Чтѣ вы говорите? вскричала испуганная Марія.

— Истину, ваше величество.

— А многочисленны мятежники? спросилъ король.

— Государь, поговариваютъ о двухъ тысячахъ человѣкъ, отвѣчалъ кардиналь.—По рапортамъ, которымъ я не могъ вѣрить до полученія изъ Парижа черезъ де-Муши извѣстій о заговорѣ, видно, что ихъ авангардъ уже около Каррельера... И такъ, государь, мы идемъ сейчасъ съ братомъ...

— Какъ! чтѣ! съ живостью сказалъ Францискъ:—вы оба меня оставляете въ минуту подобной опасности?

— Но я понялъ, государь, отвѣчалъ Шарль-Лотарингскій: — что таково намѣреніе вашего величества.

— Чтѣ жъ мнѣ дѣлать? сказалъ король:—мнѣ всегда такъ грустно, когда я вижу, что вы... что я имѣю враговъ!.. Но, полно, не будемъ болѣе говорить объ этомъ, *bel ordre*; расскажите-ка мнѣ лучше подробности объ этомъ дерзкомъ покушеніи мятежниковъ. Чтѣ вы думаете сдѣлать, чтобъ предупредить его?

— Простите, государь! возразилъ затронутый кардиналь:—судя по тому, какъ ваше величество намекнуть изволили, мнѣ кажется, что другіе...

— Эхъ! *bel ordre*, прошу васъ, пусть и помина болѣе не будетъ объ этомъ первомъ движеніи, о которомъ я сожалѣю, сказалъ Францискъ II. — Чтѣ жъ мнѣ еще сказать вамъ? Не-уже-ли жъ мнѣ извиняться и просить у васъ прошенія?

— О! государь, отвѣчалъ Шарль-Лотарингскій:—съ той минуты, какъ ваше величество возвращаете намъ свое драгоценное довѣріе...

— Спозна и отъ всего сердца, прибавилъ король, протягивая кардиналу руку.

— Нужно было терять столько времени! важно сказал герцогъ Гизъ.

Это было первымъ словомъ, произнесеннымъ имъ съ самаго начала свиданія.

И онъ выступилъ впередъ, какъ-будто все происшедшее было только незначительнымъ вступленіемъ, скучнымъ прологомъ, въ которомъ главную роль онъ предоставилъ кардиналу лотарингскому. Но лишь-только кончилась эта ссора, онъ громко и первый взялся за слово.

— Государь, сказалъ онъ королю: — вотъ въ чемъ дѣло: двѣ тысячи мятежниковъ, предводительствуемыхъ барономъ де-ла-Реноди и поддерживаемыхъ тайно принцемъ Конде, на-дѣихъ придутъ изъ Пуату, Беарна и другихъ провинцій, и сдѣлаютъ покушеніе взять приступомъ Блуа и похитить ваше величество.

Францискъ сдѣлалъ движеніе негодованія и изумленія.

— Похитить короля! вскричала Марія Стюартъ.

— И васъ также, государыня, продолжалъ Балафрѣ:—но успокойтесь! мы на стражѣ у вашихъ величествъ.

— Какія мѣры вы предпріймете? спросилъ король.

— И часу нѣтъ еще, какъ насъ предупредили, отвѣчалъ герцогъ Гизъ.—Но первымъ дѣломъ, государь, должно быть обезопасеніе вашей священной особы. И потому необходимо, чтобъ нынѣшній же день вы оставили открытый Блуа и его беззащитный дворецъ, удалились въ Амбуазъ и скрылись въ этомъ укрѣпленномъ замкѣ отъ внезапныхъ покушеній.

— Какъ! сказала королева: — заключить насъ въ Амбуазскомъ-Замкѣ, который такъ мраченъ, такъ скученъ!

— Такъ нужно, государыня.

— Стало-быть, мы обращаемся въ бѣгство передъ мятежниками! сказалъ король, трепеща отъ гнѣва.

— Государь, отвѣчалъ герцогъ Гизъ:—не бѣгутъ отъ непріятеля, когда еще онъ не нападалъ на васъ; когда даже и войны не объявлялъ. Мы показываемъ видъ, что совсѣмъ не знаемъ преступныхъ замысловъ этихъ мятежниковъ.

— Но, однакожъ, мы ихъ знаемъ, сказалъ Францискъ.

— Извольте, ваше величество, положиться на меня во всемъ, что касается вопросовъ чести, отвѣчалъ Францискъ Лотарингскій.—Мы не избѣгаемъ битвы, перемѣняя поле сраженія. И я надѣюсь, бунтовщики потрудятся слѣдовать за нами до Амбуаза.

— Почему вы говорите, что надѣетесь, герцогъ? спросилъ король.

— Почему? сказалъ Балафрѣ съ своей надменной улыбкой:—потому-что тогда представится случай разомъ покончить съ еретиками и ересью, потому-что настало время поражать ихъ иначе, нежели въ изображеніяхъ и въ аллегоріяхъ, потому-что я далъ бы на отсѣченіе два пальца своей руки... лѣвой руки, чтобъ вызвать, безъ всякаго повода съ нашей стороны, на эту рѣшительную борьбу, какую неблагоразумные сами затѣваютъ для торжества нашего.

— Увы! сказалъ король:—все же это междоусобная война.

— Пріймемъ же ее, чтобъ окончить разомъ, государь, сказалъ герцогъ Гизъ. — Въ двухъ словахъ, вотъ мой планъ... но вспомните, ваше величество, что здѣсь мы будемъ имѣть дѣло съ бунтовщиками. Исключая удаленія нашего изъ Блуа, которое, надѣюсь, ихъ не слишкомъ испугаетъ, мы покажемъ видъ, что ничего не знаемъ и считаемъ себя въ совершенной безопасности. И когда они нагрянутъ на насъ, какъ измѣнники, мы сами нагрянемъ на нихъ и захватимъ въ ихъ же западнѣ. И такъ, и вида не подавать смущенія, или бѣгства — это говорю я вамъ въ особенности, государыня, сказалъ онъ, обращаясь къ Маріи.— Приказанія будутъ отданы и ваши люди предувѣдомлены, но тайно. Чтобъ только никто изъ постороннихъ не зналъ о нашихъ приговорахъ и планахъ, и я отвѣчаю за все.

— А въ которомъ часу назначенъ отъѣздъ? спросилъ Францискъ, съ какою-то тяжелою покорностью судьбѣ.

— Въ три часа послѣ обѣда, государь, отвѣчалъ герцогъ Гизъ:—я уже заранѣе распорядился о принятіи необходимыхъ мѣръ.

— Какъ! заранѣе?

— Да, государь, заранѣе, отвѣчалъ съ твердостью Балафрѣ: — потому что заранѣе я зналъ, что ваше величество будете на стороне совѣтовъ благоразумія и чести.

— Хорошо! сказалъ съ слабою улыбкою подчинившійся король:—мы будемъ готовы къ тремъ часамъ, герцогъ; мы во всемъ на васъ полагаемся.

— Государь, отвѣчалъ герцогъ: — благодарю васъ за это довѣріе. Буду достойнымъ его. Но да извинитъ меня ваше величество, минуты теперь сочтены у меня, и мнѣ нужно еще написать съ двадцать писемъ, отдать съ сотню приказаній. И потому, мы съ братомъ униженно свидѣтельствуемъ почтеніе вашему величеству.

Онъ поклонился королю и королевѣ, и вышелъ вмѣстѣ съ кардиналомъ.

Францискъ и Марія, молча и печально, съ минуту глядѣли другъ на друга.

— Ну, душа моя, сказалъ наконецъ король:—а наша прекрасная побѣдка въ Римѣ?

— Ограничивается удаленіемъ въ Амбуазъ, отвѣчала со вздохомъ Марія Стюартъ.

Въ эту минуту вошла г-жа Дайель, первая камеръ-юнгфера королевы.

— Правда ли, ваше величество, что говорятъ? спросила она послѣ обычныхъ поклоновъ. — Мы сейчасъ перебираемся и уѣзжаемъ изъ Блуа въ Амбуазъ?

— И очень правда, бѣдняжка Дайель, отвѣчала Марія.

— Но знаете ли, государыня, что ничего, даже таки-ничего имѣтъ въ этомъ замкѣ. Ни одного исправнаго зеркала.

— Все будетъ нужно взять отсюда, Дайель, сказала королева. — Начипайте-ка писать сейчасъ же списокъ необходимымъ вещамъ.

И, обращаясь къ королю, грустно и задумчиво стоявшему въ амбразурѣ окна, сказала она ему:

— Понимаете ли вы, милый государь, дерзость этихъ реформаторовъ?... но извините, вамъ бы тоже заняться предметами, необходимыми тамъ, чтобъ не натерпѣться нужды по-крайней-мѣрѣ.

— Нѣтъ, сказалъ Францискъ: — объ этомъ пусть позаботится мой слуга Оберъ. Я только и думаю о своемъ горѣ.

— А у меня развѣ его меньше? отвѣчала Марія. — Уже цѣлые вѣка, не правда ли, государь, какъ въ этомъ старомъ Амбуазскомъ Замкѣ не живетъ болѣе дворъ?

— Съ Карла VIII, отвѣчалъ Францискъ:—не думаю, чтобъ хотя одинъ изъ королей Франціи прожилъ въ немъ болѣе двухъ, трехъ дней.

— А кто знаетъ, что мы не останемся тамъ на цѣлый мѣсяцъ! сказала Марія.—Охъ! эти гугеноты! какъ вы думаете, г-жа Дайель?

— Всего лучше, государыня, сказала г-жа Дайель, покачивая головою:—поступать такъ, какъ-будто - бы тамъ ничего не было.

— Но видано ли когда - нибудь, государь, начала королева въ-полголоса, обращаясь къ королю:—чтобъ подданные шли такимъ-образомъ противъ своего государя, и, такъ-сказать, выгоняли его изъ дома?

— Я думаю, никогда, Марія, печально отвѣчалъ король.—Бывали примѣры, что иногда сволочь воспротивится повелѣніямъ короля, какъ пятнадцать лѣтъ тому въ Мерендолѣ и въ Кабриерѣ; но первымъ осаждаютъ короля... признаюсь, я бы даже не вообразилъ этого никогда.

— О! сказала Марія:—стало-быть, дядя Гизъ правъ; прійдется принять противъ этихъ бѣшеныхъ бунтовщиковъ всѣ предосторожности...

XI.

Два зова.

Со времени роковаго турнира 10-го іюля, Габріэль велъ жизнь тихую, уединенную и печальную. Онъ, человекъ энергическій, человекъ движенія и дѣйствія, котораго дни были нѣкогда такъ полны и страстны, онъ довольствовался теперь уединеніемъ и забвеніемъ.

Никогда не являлся онъ ко двору, никогда не посѣщалъ друзей, рѣдко выходилъ изъ дому, гдѣ долгіе часы грустно и однообразно протекали для него въ обществѣ кормилицы Алоизы и пажа Андре, возвратившагося къ нему, лишь-только Діана де-Кастро удалась въ монастырь сен-кентенскихъ бенедиктинокъ.

Габріэль, еще молодой человекъ по лѣтамъ, сталъ старикомъ по горести.

Онъ вспоминалъ, онъ болѣе не надѣялся.

Сколько разъ, въ теченіе этихъ мѣсяцевъ, болѣе долгихъ чѣмъ годы, сожалѣлъ онъ о смерти! Сколько разъ спрашивалъ себя, за чѣмъ герцогъ Гизъ и Марія Стюартъ, ставъ между нимъ и гнѣвомъ Катерины Медичи, наложили на него горькое благодѣяніе жизни! И точно: что онъ дѣлалъ въ этомъ мірѣ? На что былъ нуженъ? Не-уже-ли могила бесплоднѣе бытія, въ которомъ прозябала онъ, если только оно могло назваться бытіемъ?

Были, однакожь, минуты, когда молодость и сила громко вставали въ немъ противъ него самого:

Тогда онъ протягивалъ руки, поднималъ голову и глядѣлъ на шпагу.

И неопредѣленно чувствовалъ онъ, что жизнь его не кончилась, что для него существовала еще будущность, и что жаркіе часы борьбы и, можетъ-быть, побѣды, рано ли, поздно ли, воротятся къ судьбѣ его.

Впрочемъ, пораздумавъ, онъ видѣлъ только два случая, которые могли возвратить его къ истинной жизни, къ дѣятельности—войну иностранную или религіозное преслѣдованіе.

Будь Франція, будь король вовлечены въ какую-нибудь новую войну, въ покушеніе на побѣду или въ отраженіе какого-нибудь нашествія, графъ Монгомери говорилъ самъ себѣ, что его юношескій жаръ безъ труда возродился бы и что ему было бы сладко умереть, какъ онъ жилъ—въ борьбѣ.

А потомъ ему пріятно бы было заплатить также невольный долгъ свой герцогу Гизу и королю Франциску II.

Габріэль думалъ еще, что хорошо бы было также отдать свою жизнь во свидѣтельство новыхъ идей, какими занялась въ послѣднее время душа его. Дѣло реформы, по его мнѣнію, было благороднымъ дѣломъ.

Молодой графъ постоянно читалъ книги религіозныхъ преній и проповѣдей, бывшія въ то время въ большомъ ходу. Онъ пристращался къ великимъ принципамъ, развитымъ въ великопѣрныхъ словахъ Лютера, Меланхтона, Кальвина, Теодора де-Беля и столькихъ другихъ. Книги всѣхъ этихъ мыслителей обольстили его, убѣдили, увлекли. Онъ былъ бы гордъ и счастливъ, еслибъ кровью своею могъ подписать свое убѣжденіе въ вѣрѣ.

Въ благородномъ инстинктѣ этого благороднаго сердца было врожденнымъ качествомъ жертвовать своею жизнію кому-нибудь, или чему-нибудь.

Прежде, онъ сто разъ жертвовалъ собою, желая спасти или отплатить то отца своего, то возлюбленную Діану... (О, вѣчно бодрѣнныя воспоминанія въ его уязвленной душѣ!) Теперь, за неимѣніемъ этихъ дорогихъ существъ, онъ хотѣлъ защищать идеи.

Отечество вмѣсто отца, религію вмѣсто любви. Увы! увy! легко сказать, но это все не одно и то же! Энтузіазмъ за идеи, съ своими страданіями и радостями не стѣитъ нѣжности къ твореніямъ.

Но что нужды! за одно или за другое, за реформу, или за Францію, только Габріэлю хотѣлось пожертвовать собою, и онъ рассчитывалъ на одну изъ этихъ жертвъ для желанной развязки судьбы своей.

6 марта 1560 года, въ дождливое утро, Габріэль, облокотясь на стулъ около камня, перебиралъ въ умѣ эти мысли, ставшія у него постоянными, когда Алоиза ввела къ нему посланнаго, въ сапогахъ со шпорами и покрытаго грязью, будто послѣ долгаго пути.

Курьеръ этотъ прибылъ изъ Амбуаза съ сильнымъ прикрытіемъ и съ письмами его свѣтлости герцога Гиза, намѣстника королевства.

Одно изъ писемъ было адресовано Габріэлю, и вотъ что содержало оно:

«Добрый и дорогой товарищъ,

«Пишу къ вамъ на-скоро, не имѣя ни времени, ни возможности объясниться. Вы сказали королю и мнѣ, что намъ преданы, и что, если мы будемъ нуждаться въ этой преданности, то дали бы только знать вамъ объ этомъ.

«Мы зовемъ васъ теперь.

«Отправляйтесь сейчасъ же въ Амбуазъ, куда король съ королевой только-что прибыли на нѣсколько недѣль. Я вамъ скажу, когда пріѣдете, какую услугу вы можете оказать имъ.

«Разумѣется, во всякомъ случаѣ вы свободны дѣйствовать или не дѣйствовать. Рвеніе ваше для меня такъ драгоцѣнно, что я никогда не захочу ни подвергнуть его нареканію, ни употребить во зло. Но будете ли вы съ нами, останетесь ли постороннимъ, я поступилъ бы противъ долга, поступивъ противъ довѣрія къ вамъ.

«Итакъ, пріѣзжайте какъ-можно-скорѣе, и вамъ будутъ какъ всегда рады.

«Вамъ преданный
«Францискъ Лотарицкій.»

Амбуазъ. 4 февраля 1560 года:

«P. S. У сего прилагается пропускной видъ на случай, еслибы на дорогѣ вы были остановлены какимъ-нибудь королевскимъ отрядомъ.»

Курьеръ герцога Гиза уже отправился по другимъ порученіямъ, когда Габріэль прочелъ письмо это.

Милкій молодой человекъ сейчасъ же всталъ и сказалъ кормилицѣ:

— Прощу тебя, добрая Алоиза, пошли за Андрѣ, прикажи осѣдлать буланаго и приготовить мнѣ боевой чехолъ.

— Вы опять уѣзжаете, государь-графъ? спросила Алоиза.

— Да, кормилица, черезъ два часа въ Амбуазъ.

Нечего было противорѣчить, и Алоиза печально и молча вышла исполнять приказанія своего молодого господина.

Но, во время приготовленій, другой курьеръ попросилъ позволенія тайно поговорить съ графомъ Монгомери.

Этотъ не дѣлалъ никакого шума и не имѣлъ при себѣ прикрытія. Вошелъ онъ молча, скромно, и отдалъ Габріэлю письмо, не говоря ни слова.

Габріэль вздрогнулъ, узнавая въ немъ того самаго человѣка, который прежде принесъ ему отъ ла-Реноди приглашеніе посѣтить протестантское сборище на Мобертовой Площади.

И точно, это былъ тотъ самый человѣкъ, и на письмѣ та же надпись.

Въ письмѣ было слѣдующее:

«Другъ и братъ,

«Мнѣ не хотѣлось оставить Парижа, не повидавшись съ вами; но времени не достало; событія толпятся и влекутъ меня; нужно ѣхать, а я вамъ не пожалъ руки, не рассказалъ ничего о нашихъ проектахъ и надеждахъ.

«Но мы знаемъ, что вы съ нами, и я знаю, какой вы человѣкъ.

«Съ подобными вамъ не нужно ни приготовленій, ни сходбищъ, ни рѣчей. Одного слова довольно.

«Вотъ это слово:—Вы намъ нужны. Пріѣзжайте.

«Будьте отъ 10 до 12 числа сего марта мѣсяца въ Нуазе, около Амбуаза. Тамъ вы найдете нашего храбраго и благороднаго друга Кастельно. Онъ расскажетъ вамъ, въ чемъ дѣло и чего я не могу повѣрить бумагѣ.

«Только съ уговоромъ, что вы совершенно свободны, что имѣете полное право остаться въ сторонѣ, и что всегда можете остановиться, не навлекая на себя ни малѣйшаго подозрѣнія и упрека.

«Но все-таки пріѣзжайте въ Нуазе: я съ вами встрѣчусь тамъ, и если не помощи, попросимъ у васъ совѣтовъ.

«Къ-тому же, что можетъ быть у насъ приведено въ дѣйствіе «безъ увѣдомленія о томъ васъ!

«Итакъ, до скораго свиданія въ Нуазѣ. Мы надѣемся хоть на
Л. Р.

«P. S. Если какой изъ нашихъ отрядовъ встрѣтитъ васъ на дорогѣ, нашъ пароль на этотъ разъ тотъ же: *Женева*, а лозунгъ: *«Божья слава.»*

— Черезъ часъ я ѣду, сказалъ графъ Монгомери молчаливому курьеру, который поклонился и вышелъ.

— Что же все это значитъ? спросилъ себя, оставшись одинъ, Габріэль.—Что значать эти два зова, присланные ко мнѣ отъ двухъ совершенно противоположныхъ партій, и пазначающіе мнѣ свиданіе почти въ одинъ день и въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Все рав-

но! все равно! обязанности мои опредѣлены какъ къ всемогущему герцогу, такъ и къ притѣсненнымъ протестантамъ. Мой долгъ, во-первыхъ, ѣхать. А тамъ будь что будетъ! Какъ ни трудно становится мое положеніе, совѣсти моей хорошо извѣстно, что я никогда не буду измѣнникомъ.

И, часъ спустя, Габріэль отправился въ путь, въ сопровожденіи одного Андрэ.

И онъ не предвидѣлъ страннаго и ужаснаго выбора, какой предстоялъ самому благородству его!

II.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

АНТОНІО ПЕРЕСЪ И ФИЛИППЪ II.

Соч. МННЬЕ.

Статья старая.

Последнія и безуспѣшныя усилія дона-Хуана привести въ повиновеніе Нидерланды.—Смерть его.—Семейство Эсковедо преслѣдуетъ Переса.—Мученія и воязнь Переса.—Нерашимость Филиппа II.—Опала и арестованіе Переса и принцессы д'Эволи.—Паденіе Мартинъ принца д'Эволи и образованіе новаго министерства.—Строгость и снисходительность Филиппа II къ Пересу.—Обвиненіе Переса въ лихоимствѣ.—Слѣдствіе по дѣлу Эсковедо.—Пытаніе Переса.—Бѣгство его въ Арагонію.—Филиппъ II преслѣдуетъ Переса въ Арагоніи.—Насильственное отреченіе Филиппа II отъ иска на Переса.—Обвиненіе Переса въ ереси.—Пересъ въ инквизиціонной тюрьмѣ.—Бунтъ 24 мая 1591 г.—Вторичное заключеніе Переса въ темницѣ маннфестадовъ.

Донъ-Хуанъ австрійскій, полагаясь на письмо Филиппа II, уже поджидалъ къ себѣ Эсковедо, какъ вдругъ доходитъ до него слухъ о смерти его. Какъ и къмъ было донесено дону-Хуану о трагической кончинѣ его любимца, и какое впечатлѣніе произвела она на душу принца, и безъ того встревоженную—неизвѣстно. Дружеская переписка съ Пересомъ прекращается внезапно, и юноша-меланхоликъ сосредоточиваетъ, въ послѣдніе пять мѣсяцевъ своей жизни, всю пылкую дѣятельность души своей на дѣлахъ Фландрій, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе разстраиваемыхъ бесполезными переговорами и медлительностью Филиппа II.

Побѣда при Ганблурѣ осталась безъ всякихъ послѣдствій. Штаты и принцъ оранскій скоро оправались отъ своего смущенія и возобновили свои прежніе переговоры съ Германіей, Англійей и Франціей. Королева Елизавета, какъ мы уже видали, вступила съ ними въ наступательный и оборонительный союзъ противъ Испаніи. Сколько ни старался донъ-Хуанъ убѣдить ее, что помощь, которую она желаетъ оказать крамольникамъ, со-временемъ отзовется ей неизбѣжнымъ зломъ: она пренебрегала, по совету своего министра Борлея, этими угрозами, и отправила въ Нидерланды, подъ начальствомъ Норриса, англійскія и шотландскія войска. Для Нидерландовъ же было въ Германіи сформировано на ея деньги войско принцемъ-палатиномъ Казиміромъ. Между-тѣмъ, какъ протестанты опирались на силы Англии и Германіи, партія валлонскихъ католиковъ искала покровительства во Франціи. Она обратилась къ герцогу алансонскому, отъявленному врагу Гизовъ и Испаніи. Герцогъ благосклонно принялъ поднесенные ему дары и заключилъ съ генеральными штатами трактатъ, по которому онъ, какъ защитникъ бельгийской свободы, согласился выступить къ нимъ на помощь съ 10,000 пехоты и 2,000 конницы.

Донъ-Хуанъ, съ своей стороны, не опускалъ ничего, что могло вредить противникамъ. Онъ писалъ къ императору, чтобы императоръ вызвалъ эрцгерцога Матіаса и не пускалъ германскихъ войскъ во Фландрію; онъ просилъ помощи у Гизовъ, желая уравновѣсить силы герцога алансонскаго, и безпрестанно просилъ Филиппа II прекратить переговоры со штатами и не медлить доставленіемъ требуемыхъ имъ пособій. После битвы при Ганблурѣ, онъ успѣлъ занять многіе города; потомъ, до прибытія герцога алансонскаго въ Монсъ и до перехода принца Казиміра черезъ Рейнъ, не теряя времени, атаковалъ 1 августа непріятельскую армію, расположенную при Рменанъ-на-Демаръ, между Мехельномъ и Аршо, но не могъ овладѣть лагеремъ, въ которомъ она укрѣпилась и который храбро защищали Англичане и Шотландцы Норриса.

Донъ-Хуанъ, потерявъ до восьмисотъ человекъ, отступилъ и сталъ на выгодномъ мѣстѣ близъ Намура. Онъ принялъ оборонительную позицію, и, въ ожиданіи свѣжаго войска, началъ слѣдить за движеніями Казиміра и герцога алансонскаго. «Вся бѣдствія, такъ давно предвидѣнныя мною», писалъ онъ къ Филиппу II отъ 12 сентября: «облегаютъ меня теперь со всѣхъ сторонъ. Этотъ курьеръ вручитъ вашему величеству подробный отчетъ о всемъ, что совершено и слышано мною въ последнее время. Ваше величество не отвергнете, безъ сомнѣнія, самыхъ рѣшительныхъ мѣръ, необходимыхъ при столь важномъ и новомъ стеченіи обстоятельствъ.» Онъ обвинялъ французскій дворъ и въ-особенности мать короля, въ сообщничествѣ съ герцогомъ алансонскимъ.

Жестокое уныніе и крайнее истощеніе физическихъ силъ заставили его лечь въ постель: онъ занемогъ эпидемической лихорадкой, свирѣпствовавшей тогда въ испанскомъ лагерѣ. 20 сентября, одолевъ на мгновеніе болѣзнь свою, онъ писалъ къ Филиппу II письмо, изумительное

какъ по возвышенности чувствъ и краснорѣчію, такъ и по силѣ убѣжденій. «Я былъ одержимъ» говоритъ онъ «лихорадкой и нестерпимой болью въ голову; до-сихъ-поръ не покидаю постели, но при всей слабости надѣюсь на скорое излеченіе. Впрочемъ, смѣю завѣрить ваше величество, что ничье здоровье не въ состояніи вынести столькихъ трудовъ и занатій... Всего же прискорбнѣе то, что не умѣю обратити на себя вашего благосклоннаго вниманія; я, какъ братъ вашего величества и какъ истинный слуга престола, заслуживаю гораздо-болѣе довѣрія и гораздо-лучшей судьбы. Чтѣ же дѣлать, если вашему величеству не угодно было оцѣнить ни моихъ заслугъ, ни моего права на «ваще расположеніе? Не забудьте однако, ваше величество, той завидной доли, которая предстоить намъ: мы падемъ, сражаясь во имя Бога и за честь вашего величества; мы падемъ со славою!.. Но не жизнь наша, а интересы болѣе важныя, заставляютъ меня умолять ваше величество, чтобъ вы ни на минуту не отлагали тѣхъ мѣръ, о которыхъ я имѣлъ честь уже не разъ говорить вамъ... Ради Бога, государь, не «страшитесь затрудненій и не прельщайтесь обманчивыми надеждами; какъ то, такъ и другое гибельно.»

Но отвѣтъ на это письмо, дышавшій непритворной заботливостью и любовью брата, уже не засталъ дон-Хуана въ живыхъ; Филиппъ II писалъ: «Крайне болѣзную о безпокойствѣ, а еще болѣе о разстроенномъ здоровьѣ вашемъ; для меня последнее важнѣе всего въ мірѣ; я люблю васъ; скорбь, ощущаемая мною, прекратится лишь съ исцеленіемъ вашего недуга. Старайтесь же прежде всего возстановить свое здоровье и поддержать его всѣми возможными средствами.» Но когда Филиппъ II писалъ эти радужныя слова къ своему брату, его уже не было въ живыхъ. Онъ умеръ въ лагерѣ, около Намура.

Храбрый военачальникъ, избалованный постояннымъ счастіемъ и заманчивой легкостью побѣдъ, но плохой и нетерпѣливый политикъ, донъ-Хуанъ, оставшись въ виду столь многочисленнаго непріятеля безъ пособій, впалъ въ отчаяніе; это-то отчаяніе, а также и болѣзнь, свели его, 1-го октября 1578 г., на тридцать-четвертомъ году жизни, въ могилу. Хладнокровному и опытному преемнику своему, герцогу пармскому, бывшему столь же глубокимъ политикомъ, какъ и великимъ полководцемъ, онъ предоставилъ трудъ улучшить дѣла, по-видимому, вовсе несправимыя. Филиппъ II скорбѣлъ о немъ не мало. «Меня сильно «огорчило», писалъ онъ отъ 13-го октября къ Варгасу, своему посланнику въ Парижъ: «непріятное извѣстіе о кончинѣ его высочества дон-Хуана; онъ былъ близокъ моему сердцу, и необходимъ при столь дурномъ положеніи нашихъ дѣлъ». Тѣ же самыя чувства выразилъ онъ, спустя нѣсколько дней, и въ другомъ письмѣ: «Я любилъ и уважалъ его; утрата его вознаграждена для меня во всемъ, особенно же «относительно Фландріи».

Не менѣе Филиппа II жалѣлъ о немъ и герцогъ Гизъ. Общіе интересы католицизма во Франціи, Франдріи, Шотландіи и Англіи, необходимо приводили герцога Гиза, какъ главу французскихъ католиковъ, въ безрестанное соприкосновеніе съ правителями Нидерландовъ, началь-

ствовавшими, въ самомъ центръ материка, надъ испанскими католиками. Сношеній своихъ, существовавшихъ между нмъ и дономъ-Хуаномъ, герцогъ не прекратилъ и съ принцемъ парискимъ, принявшимъ на себя, по волю своего дяди Филиппа II, эту трудную должность, въ которой не успѣла ни грозный Альба, ни осторожный Рекесенсъ, ни пылкій донъ-Хуанъ. Александръ Фарнезе принялся за дѣло со всемъ благоразуміемъ и умѣемъ Итальянца. Владѣя искусствомъ выжидать и дѣйствовать, вести переговоры и побуждать, пользуясь разъединеніемъ враговъ и чуждаясь какъ криводушія, такъ и тиранства, онъ надолго возвратилъ владычеству Испаніи десять католическихъ провинцій, и сосредоточилъ весь духъ независимости и возмущенія въ семи протестантскихъ провинціяхъ, для которыхъ принцъ оранскій приготовилъ уже утрехтскимъ союзомъ, съ 7-го января 1579 г., республиканскую конституцію. Но медленно трудился надъ этимъ великимъ дѣломъ и Александръ Фарнезе, получая самыя незначительныя пособія отъ Филиппа II, который неуспѣшно заботился тогда о присоединеніи Португаліи къ испанской державѣ. Это время было блистательнѣйшей эпохой въ жизни Переса. Онъ управлялъ всеми главными дѣлами испанской монархіи; въ вѣдомствѣ его находились: Италія, гдѣ король договаривался съ папой и противодействовалъ Туркамъ; Фландрія, гдѣ Филиппу надобно было тушить возмущенія и зорко наблюдать за Англіей и Франціей; наконецъ, Португалія, гдѣ Филиппъ II хлопоталъ о коронѣ.

Но, при всѣхъ почестяхъ, при всей довѣренности своего государя, Пересъ съ нѣкоторыхъ поръ сталъ тревожиться и смущаться. Враги Переса сговорились погубить его. Они убѣдили молодого Эсковедо, что Пересъ и принцесса д'Эболи—убійцы отца его, и получили семейство убитаго искать удовлетворенія у Филиппа II. Король допустилъ къ себѣ дона-Педро Эсковедо на аудіенцію, выслушалъ съ видимымъ участіемъ его жалобы, и принялъ отъ него просьбу и бумаги, которыя обѣщались передать по законному порядку, на разсмотрѣніе судебныхъ мѣстъ Филиппъ II опасался пустить въ ходъ врученныя ему бумаги и велѣлъ провѣсти по нимъ надлежащее слѣдствіе. Съ этого времени, Филиппъ II находился между двухъ огней — между требованіями суда дона-Педро и опасностью Переса. Къ довершенію же его затруднительнаго положенія, стали осажать его и нѣкоторые изъ высшихъ придворныхъ, вступившіе за семейство Эсковедо по ненависти къ Пересу. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ между ними былъ Матео Васкесъ, секретарь государственнаго кабинета, тайный врагъ и завистникъ Переса, противъ котораго онъ повелъ самую безпощадную войну, нашедши возможность погубить его. Онъ присоединился къ дону-Педро де-Белянда, къ Педро Негрете, къ дону-Нуніесу, и бился изо всѣхъ силъ, чтобъ пошатнуть нерѣшительность Филиппа II.

«Государь», писалъ онъ къ королю: «въ народѣ все болѣе и болѣе подозрѣваютъ этого секретаря (А. Переса) въ убіеніи другаго. Съ самой той поры, онъ, какъ говорятъ, сталъ предостерегаться, а причиною злодѣянія — женщина. Не излишне было бы, по моему мнѣнію, если бъ ваше величество тайно разспросили обо всемъ этомъ Негрете,

«на что вымются у него доказательства... Въ удовлетвореніе мнѣнствъ и всего государства, крайне-оскорбленныхъ этимъ приключеніемъ, а равномѣрно и для совершенно-пнаго направленія мнѣній, «очень-невыгодныхъ и опасныхъ, необходимо, чтобъ ваше величество «немедленно велѣли доискаться, всеми путями и средствами, до истины».

Филиппъ II избралъ съ этого времени самую скользкую дорогу. Онъ ласково выслушивалъ Матео Васкеса, а держался, какъ казалось, стороны Переса. Когда семейство Эсковедо обратилось къ нему съ своими жалобами, онъ тотчасъ же уведомилъ Переса о формальномъ на него донесеніи; потомъ не скрылъ отъ него козней двора и писалъ къ нему: «Пока я живъ — не бойтесь. Пусть себя «вмѣняются другіе, я же никогда не измѣнюсь. Если вы успѣли из-учить меня въ этомъ отношеніи, то, вѣроятно, не усомнитесь «въ моемъ постоянствѣ». Въ томъ же духѣ отвѣчалъ король на извѣщеніе Переса о смерти лосъ-Велеса: «Вы и я терземъ много; но «вы все-таки меньше моего, имѣя во мнѣ вѣрную опору. Вѣрьте тому «свято, и не крушитесь такъ сильно: чего бояться вамъ, пока я съ ва-«ми?» Но Филиппъ II нисколько не думалъ вывести его изъ этого кри-тического положенія. Пересъ, почитая его слабымъ, а, можетъ-быть, и вѣроломнымъ, не таилъ отъ него своихъ мученій. «Не только чело-«вѣкъ» писалъ онъ королю: «но и камень лопнетъ отъ страданій, еже-«дневно испытываемыхъ мною. Кажется, мнѣ прійдется расплатиться «за все одному».—«Вы сегодня, должно-быть, не въ своемъ умѣ» съ фамильярностью отвѣчаетъ ему Филиппъ II: «не вѣрьте тому, что ш-«шете». Пересъ, не смотря на эти увѣренія, предвидѣлъ ожидавшую его участь и снова писалъ къ нему: «Быть-можетъ, въ ту самую ми-«нуту, когда ваше величество пробѣгаете эти строки, уже точится на «меня анжалъ убійцы, и уже торжествуютъ мои завистники; мнѣ не «трудно, застигну васъ въ-расплохъ и рассчитывая на вашу податли-«вость, склонить васъ ко всему; такъ, по-крайней-мѣрѣ, мнѣ думается». На поляхъ этого письма король повторяетъ свои вѣрнѣея слова: «Я уже «сказалъ вамъ, что вы безумствуете; пусть ихъ-себя хлопочуть, сколь-«ко угодно; вѣрьте мнѣ, всѣ хлопоты ихъ напрасны.»

Пересъ и желалъ бы вѣрить ему, да не могъ; онъ зналъ Филиппа II не хуже самого-себя. А потому, онъ сталъ просить короля объ увольненіи своемъ отъ службы. Филиппъ II не согласился. Тогда потребовалъ Пересъ, чтобъ король предалъ его суду, но одного: принцессу д'Эболи онъ хотѣлъ отстранить отъ формальнаго дѣлопроизводства. «Я «не измѣню тайна» говорилъ Пересъ: «убійцы не пойманы, и у до-«носчика нѣтъ на-лицо никакихъ уликъ противъ меня». Но и эта смѣлая, впрочемъ, благородная и замысловатая выдумка Переса, встрѣтила со стороны Филиппа II препятствіе: Филиппъ страшался этого чрезъ-чуръ опаснаго испытанія. Онъ совѣтовалъ Пересу открыть ка-стильскому президенту, дону-Антонио Пасосу, истинныя причины смер-ти Эсковедо съ тѣмъ, чтобъ донъ-Антонио Пасосъ упросилъ сына Эско-ведо отступиться отъ иска, а Матео Васкеса — прекратить вражду свою къ Пересу.

Президентъ Кастиліи, не находя Переса виновнымъ, призвалъ къ себѣ старшаго сына Эсковедо и сказалъ ему: «Сеньйоръ донъ-Педро Эсковедо, король передалъ мнѣ просьбы вашего семейства; вотъ онъ: одна отъ вась, а другая отъ вашей матери; въ нихъ Антоніо Пересъ и принцесса д'Эболи выставлены виновниками смерти вашего отца. Король поручилъ мнѣ сказать вамъ, что вы, не взирая ни на лицо, ни на санъ, ни на полъ, ни на званіе убійцы, получите полное удовлетвореніе. Не имѣете ли вы основательныя доказательства для подтвержденія своихъ показаній, чтобъ, нанося оскорбленіе столь значительнымъ лицамъ, не запутать самихъ-себя? Вѣдь Антоніо Пересъ и принцесса, если обвиненія ваши окажутся слабыми, не оставятъ въ свою очередь этого дѣла втуна, и тогда придется уже вамъ испить эту горькую чашу. Наконецъ, и прежде, чѣмъ вы возразите мнѣ, я скажу вамъ по совѣсти, что принцесса и Антоніо Пересъ — повѣрьте моему епископскому слову — столь же виновны въ этомъ, какъ и я». Эти слова подѣйствовали на Педро Эсковедо. Онъ только подозривалъ Переса и принцессу, но не имѣлъ противъ нихъ ни одного законнаго свидѣтельства. «Если это такъ» сказалъ онъ въ отвѣтъ президенту Кастиліи: «то ручаюсь вамъ за себя, за своего брата и за свою мать, что мы не станемъ болѣе тревожить ни Антоніо Переса, ни принцессы.»

Потомъ, донъ-Антоніо Пасосъ призвалъ къ себѣ Матео Васкеса, и довольно-строго замѣтилъ ему, что отъяскивать убійцъ Эсковедо не обязанъ онъ ни по долгу службы, ни по своимъ отношеніямъ къ покойнику, и что онъ, какъ духовная особа, только пятнаетъ себя этимъ, дѣлаясь въ глазахъ каждаго подозрительнымъ. «Бросьте же все это» прибавилъ онъ: «ибо дѣло въ сущности вовсе не таково, какъ вы полагаете». Но Матео Васкесъ не бросилъ. Онъ настроилъ родственника Эсковедо поднять снова только-что затихшій процессъ объ убійствѣ. Возобновеніе иска встревожило Филиппа II до-нѣльзя; но его выручилъ Антоніо Пересъ; дѣло было замято, и послѣ того въ-продолженіе десяти лѣтъ не появлялось ни одной просьбы по этому предмету. Надменная принцесса д'Эболи сильно жаловалась королю на оскорбительную дерзость, съ какой такъ безоблаженно поносили ее, обвиняя въ преступленіи. «Ваше величество» писала она ему: «почтено ли вамъ все то, что было доведено мною до вашего свидѣнія ко Матео Васкесъ и клеветкахъ его? Они говорили, что стѣдѣть только «перешагнуть за порогъ моего дома, чтобъ лишиться вашего благоволенія. Ваше молчаніе повело ихъ къ дальнѣйшимъ обидамъ: они утверждаютъ, будто Пересъ убилъ изъ-за меня Эсковедо, и не могъ будто бы не сдѣлать этого по своимъ связямъ со мной и потому, что я требовала отъ него этой жертвы. Столь неслышанная наглость обязываетъ ваше величество, какъ короля и благороднаго человека, поступить съ клеветниками примѣрно, поступить такъ, чтобъ молва о томъ могла равняться повсюду. Согласны ли мои понятія съ мнѣніемъ вашего величества, и желаете ли вы поддержать честь моего имени, приобретенную заслугами моихъ предковъ и моего мужа — не знаю: я, по крайней-мѣрѣ сдѣлала, что могла; я передала вамъ слова, подсказан-

«сныя мнѣ чувствомъ собственного достоинства, и передала ихъ, какъ «умѣла, а остальное зависить отъ васъ. Прошу ваше величество при- «слать мнѣ это письмо обратно; оно писано не къ королю, а къ ча- «стной особѣ, благородству которой я поручаю его со всею чувствомъ «нанесеннаго мнѣ оскорбленія».

Въ этомъ же письмѣ, она просила не оставить безнаказаннымъ Ма- тео Васкеса, называя его *маврскимъ псомъ*. Когда король потребовалъ отъ нея, черезъ монаха Діаго де-Чавесо, доказательствъ, она сослалась на толедскаго кардинала-архіепископа, дона-Гаспара Кирогу, и на про- повѣдника Филиппа II, Гернандо дель-Кастальйо, которые и засвидѣ- тельствовали истину словъ ея. Все тягостнѣй и тягостнѣй становилось положе- ніе короля. Въ кабинетъ его закипѣла открытая борьба между Пересомъ и Васкесомъ. Пересъ, будучи въ Эскуріалѣ, послалъ къ Вас- кесу своего чиновника за какой-то дѣловой бумагой, чтобъ подать ее королю. Васкесъ отдалъ нужную бумагу, но приложилъ къ ней, въ ро- дѣ доноса, другую, которая была вся исписана собственной рукой его, и въ которой говорилось, между-прочимъ, что Пересъ не изъ доброй касты (по ега de buena casta). Это выраженіе, почитавшееся у Испан- цевъ самымъ высшимъ оскорбленіемъ, взбѣсило Переса; онъ бросился съ бумагой Васкеса къ королю, и требовалъ или законнаго удовлетво- ренія за эту обиду, или позволенія управиться съ оскорбителемъ само- му. Филиппъ II обѣщавъ удовлетворить Переса, но не тотчасъ, а че- резъ нѣкоторое время.

Намѣреніе его было очевидно. Филиппъ II, любившій проволочки во всемъ, даже въ вещахъ, какъ говоритъ венеціанскій посланникъ Кон- тариани, несправимыхъ ни временемъ, ни силой, оттягивалъ это дѣло, чтобъ не лишиться Матео Васкеса. Онъ дорожилъ имъ за его точную дѣятельность. Матео Васкесъ раскладывалъ по мастамъ все указы и прошенія въ кабинетъ его, отсылалъ ихъ въ различные совѣты, маста или къ министрамъ, и, получая ихъ обратно, подавалъ королю для на- ложенія окончательной резолюціи. Сверхъ-того, Матео Васкесъ, духов- никъ Діаго де-Чавесъ и графъ де-Барайасъ, сдѣланный, по смерти де- лос - Велеса, высшимъ майордомомъ королевы, составляли одинъ изъ тѣхъ придворныхъ союзовъ, которые назывались *амистадами* (друж- бой); эта новая амистада была почти точнымъ снимкомъ съ той, ко- торая существовала между Антонио Пересомъ, маркизомъ де-лос-Ве- лесъ и толедскимъ кардиналомъ Гаспаромъ де-Кирога. Чтобъ прими- рить Переса и принцессу д'Эболи съ Васкесомъ, Филиппъ II избралъ въ посредники между ними монаха Діаго де-Чавеса.

Пересъ, по этимъ признакамъ колеблящагося счастья, уже провидѣлъ свое близкое паденіе. Онъ писалъ королю: «Ваше величество! я слу- «жилъ вамъ всею способностями, дарованными мнѣ Богомъ, и вѣр- «ность моя къ вамъ была безпредѣльна; вы сулили мнѣ тѣмы почестей, «я не разъ завѣряли меня своимъ неизмѣннымъ благоволеніемъ; те- «перь вы расточаете свою милость *другому*; а этотъ другой — оскорби- «тель одной изъ знатнѣйшихъ женщинъ цѣлаго государства и того, кто «искалъ во всю свою жизнь лишь пользы и блага вашего величества,

«не жалѣя себя, извѣстно вашему величеству, до какой степени. Но вы увлечены моею несчастною звездою...» И действительно, Филиппъ II былъ увлеченъ несчастною звездою Переса. Матео Васкесъ уже обнесъ его передъ королемою въ вѣроломствѣ по дѣламъ службы, и открылъ ему короткую связь Переса съ принцессой д'Эболи. Филиппъ II, узнавъ объ истинныхъ причинахъ смерти Эсковедо, не пожелалъ сдѣлаться еще разъ игролищемъ чужой прихоти и рѣшился отбросить отъ себя Переса, какъ уже негодное орудіе своей воли и какъ счастливаго соперника въ любви.

Но гдѣ взять достойнаго преемника Антонио Пересу, и кѣмъ замѣнить маркиза де-лос-Велеса, испутившаго свой духъ въ самыхъ тяжелыхъ изстязаніяхъ скорби и унынія? Филиппъ II вспомнилъ объ одномъ изъ величайшихъ государственныхъ мужей того времени—о кардиналѣ Гранвеллѣ. Сынъ канцлера при Карлѣ V, членъ испанскаго государственнаго совѣта и старшій по герцогу Альбѣ, кардиналъ Гранвелла, бывъ сперва первымъ министромъ Филиппа II въ Нидерландахъ, а потомъ вице-королемъ въ Неаполѣ, находился тогда при римскомъ дворѣ. Филиппъ II написалъ ему слѣдующее письмо: «Высокопочтеннѣйшій отецъ о-Христа кардиналъ Гранвелла, нашъ любезный и добрый другъ... много уважая вашу особу и исполнѣ дѣянъ вашу мудрость въ дѣлахъ государственныхъ, я всегда желалъ имѣть васъ при себѣ; но, къ-несчастію, обстоятельства препятствовали осуществленію моихъ желаній. А такъ-какъ эти обстоятельства, благодаря Бога, теперь измѣнились, и я имѣю въ васъ гораздо-большую нужду, чѣмъ прежде, то и намѣренъ, въ-слѣдствіе совершенной моей довѣренности къ вамъ и того неуспѣшнаго рвенія, съ какимъ вы мнѣ всегда служили, возложить на васъ при особѣ моей трудъ, достойный и вашего ума, и вашей необычайной опытности. Прошу васъ немедленно отправиться въ дорогу, и съ нетерпѣніемъ жду извѣщенія вашего объ отъездѣ.» Филиппъ II, какъ-бы желая еще болѣе выразить свое нетерпѣніе, собственноручно прибавилъ въ концѣ письма: *«Чѣмъ скорѣе придетъ, тѣмъ болѣе меня обрадуетъ.»*

Это письмо, писанное въ Мадридѣ 30 марта, черезъ голъ по смерти Эсковедо, было скрѣплено Пересомъ. Кардиналъ Гранвелла былъ изумленъ и едва-ли не испуганъ возвратомъ королевскаго благоволенія. Имѣя шестьдесятъ-два года отъ роду, нѣхотя разлучался онъ съ Римомъ: Мадридъ страшилъ его исполнскимъ бременемъ трудовъ, ненавистью Испанцевъ, явно-непріязненныхъ къ чужестранцамъ, интригами завистливаго двора и ненадежной дружбой недоувѣрчиваго и нерѣшительнаго Филиппа. Онъ обратился съ разрѣшеніемъ своихъ недоумѣній къ папѣ. Григорій XIII, постигая всю пользу, могущую произойти отъ пребыванія столь опытнаго и преданнаго римскому двору министра при Филиппѣ II въ минуту самой отчаянной борьбы католиковъ съ протестантами, совѣтовалъ ему не оскорблять короля своимъ непослушаніемъ.

16-го мая, Гранвелла выѣхалъ изъ Рима, съ твердымъ намѣреніемъ избѣгать непріятныхъ столкновеній съ придворными и, по возможно-

сти, чуждаться внутренней политики испанской монархіи. Въ Чивита-Векіи онъ сѣлъ на корабль, принадлежавшій къ флоту Андрея Доріа, приплывшаго туда нарочно за нимъ съ двадцатью тремя галерами. Бывъ долго задержанъ противными вѣтрами около устьевъ Роны, онъ вышелъ на берегъ въ Картагенъ и тотчасъ отправился въ Мадридъ, куда пріѣхалъ 28 іюня 1579 года съ дономъ-Хуаномъ Идіакесомъ, котораго Пересъ, какъ опаснаго соперника, старался всегда удалить отъ должности государственнаго секретаря, и который, узнавъ о сомнительномъ положеніи любимца, заблагоразсудилъ, по совѣту самого Гранвелла, явиться ко двору и представиться Филиппу II.

День прибытія ихъ былъ днемъ гибели для Переса, котораго Филиппъ II еще такъ недавно думалъ назначить посланникомъ въ Венецію. Принцесса д'Эболи и Пересъ отвергли предложенія Діаго де-Чавеса примириться съ Васкесомъ. Съ досадою писалъ Пересъ къ королю: «Я возвращаю вамъ обѣщаніе ваше удовлетворить меня; забываю наносимыя мнѣ оскорбленія и за все свои услуги прошу «объ одномъ»: позвольте мнѣ удалиться, сохраняя вашу милость.» Впрочемъ, принцесса д'Эболи вскорѣ образумилась и расположила Переса къ примиренію съ общимъ врагомъ ихъ; Пересъ уже былъ готовъ доложить о томъ королю; но вдругъ постигла его, вечеромъ 28 іюля, внезапная немилость монарха. Филиппъ II, находя упорство въ примиреніи недостаточнымъ предлогомъ для изліанія своего гнѣва, предписалъ придворному экаду, Альваро Гарсія, арестовать Переса и содержать его подъ стражей; это случилось въ одиннадцать часовъ вечера. Въ тотъ же самый часъ была отвезена принцесса д'Эболи въ крѣпость де-Пинто. Филиппъ II нѣкоторымъ образомъ присутствовалъ самъ при этомъ последнемъ арестованіи, тревожно выжидая подъ портикомъ святой Маріи, напротивъ дома принцессы, исполненія своего приказанія. Потомъ онъ воротился домой и, прохаживаясь до пяти часовъ утра взадъ и впередъ по комнатамъ, провелъ всю ночь въ сильномъ волненіи.

Съ паденіемъ Переса окончилось господство политической партіи, образованной принцемъ д'Эболи. Эта партія, довольно мирно управлявшая болѣе двадцать лѣтъ дѣлами испанской монархіи, не досчитывала уже многихъ въ рядахъ своихъ: не стало Рюи Гомеса, мудраго и опытнаго вождя ея, дон-Хуана Австрійскаго, этого юнаго и знаменитаго военачальника; наконецъ, не стало и маркиза де-лоса-Велеса, последней опоры ея. Она уступила свое мѣсто другой партіи, которая, заразившись жестокостію въка и сама усиливъ ее, повела Филиппа II совсемъ инымъ путемъ въ управленіи государствомъ. Главами новой администраціи были: Гранвелла, Идіакесъ и Португалецъ Христоваль де-Мура. Гранвелла первенствовалъ надъ всеми. Получивъ, со дня прибытія своего, президентство въ совѣтъ итальянскомъ, Гранвелла завывалъ по смерти своей, то-есть, до 1586 года, въпшней политикой Филиппа II. Идіакесъ, какъ секретарь «всѣхъ дѣлъ» (*despacho universal*), сталъ предѣлникомъ Переса въ тайной довѣренности короля, а Мура распоряжался преимущественно внутренними дѣлами Испаніи. Они оба сдѣлались, по смерти Гранвеллы, главными совѣтниками Филиппа II.

Идіакость и Мура были люди незначительнаго происхожденія и крайне-посредственнаго ума. Идіакость владѣль, по-крайней-мѣрѣ, навѣкомъ и отличался снисходительностью въ поступкахъ; Мура же, напротивъ, былъ и несвѣдушъ и гордъ; неспособность его искупалась въ глазахъ Филиппа II твердостью характера.

Эти люди, въ числа которыхъ былъ и донъ-Діаго Фернандесъ де-Кабрера, майордомъ (гофмаршалъ) и любимецъ короля, вовлеченные безпредѣльной неукротимостью религіознаго рвенія, слѣпымъ повиновеніемъ воли Филиппа, а можетъ-быть и безразсуднымъ духомъ предприимчивости, въ самыя непростительныя крайности, заставившія ихъ дѣйствовать насильственно и несправедливо, дали самый обширный объемъ системѣ Филиппа II и, желая увеличить, навсегда ослабили испанскую монархію. Оцѣнка, по совету Гранвелли, головы принца Оранскаго въ 30,000 эску; тайныя заговоры противъ королевы Елизаветы; вторженіе герцога Альбы въ Португалію; экспедиція знаменитой *армады* противъ Англій и образованіе святой лиги во Франціи—вотъ чѣмъ были ознаменованы начало и дальнѣйшее развитіе этой администраціи, продолжавшейся до самой кончины Филиппа II.

Четыре мѣсяца содержался Пересъ подъ стражей придворнаго алкада Альваро Гарсиа. Придворныхъ алкадовъ было четверо. Они, на разстояніи пяти миль отъ королевскаго дворца, правили судъ по гражданскимъ дѣламъ, а по уголовнымъ во всей Кастиліи. На немедленное начатіе судопроизводства надъ Пересомъ еще не вышло никакого приказанія отъ Филиппа II. Толедскій кардиналъ, на другой же день по задержаніи Переса, посвятилъ жену его, донью-Хуану Кралью, и завѣрялъ ее именемъ короля, что честь и жизнь мужа ея нисколько не пострадаютъ отъ этой мгновенной невзгоды, накликаемой имъ на себя враждою съ Васкесомъ. Въ такихъ же словахъ Филиппъ извѣстилъ и посланниковъ своихъ объ арестованіи перваго министра. Одинъ изъ нихъ, Христоваль де-Мура, выразилъ ему все наумленіе, произведенное въ Лиссабонѣ столь странной и непредвидѣнной новостью. «Вашему величеству», говоритъ онъ въ концѣ своего письма, «не безызвѣстна моя привязанность къ Антонию Пересу. Но болѣе всего пугаетъ меня вредъ, который вы терпите отъ удаленія своего министра, хотя оно продолжается, продолжимъ, и недолго. Излишнимъ считаю выхвалять передъ вами умъ и способности Переса: ваше величество знаете ихъ наперечетъ и лучше каждаго; но безсовѣстно и непростительно не заступиться за него тому, кто, подобно мнѣ, видѣлъ примѣрное усердіе и преданность его той вашей особѣ.»

Филиппъ II чувствовалъ необходимость объясниться и на счетъ принцессы д'Эболи съ герцогами Инфантадо и Медина де-Сидонія, бывшими въ самомъ близкомъ родствѣ съ нею. Онъ уведомили ихъ обо всемъ происшедшемъ письмами, изъ которыхъ каждое заключалось такъ:

«Видя, что принцесса д'Эболи, наперекоръ моему желанію, отклоняетъ Антонию Переса отъ примиренія съ Матео Васкесомъ, я былъ принужденъ велѣть арестовать и отправить ее, нынѣшней ночью, въ пенитенціальную крѣпость. Сообщивъ причину своего поступка съ вашей род-

«ственицей, не скрою отъ васъ и того, какъ много дорожу опокоемъ ствиемъ и свободой ея, а равномерно и будущностью своего семейства.»

Пересь, въ первые пятнадцать дней своего затворничества, удостоился посещенія королевскаго духовника, который, какъ — бы смѣючися и подшучивая надъ нимъ, замѣтилъ ему, что болѣзнь его вовсе не смертельна. Кроме того, для развлеченія и успокоенія его въ скорби, было дозволено ему видѣться съ своими дѣтьми. Но Пересь, не смотря на это вниманіе и на слабый проблескъ надежды, не устоялъ противъ столь крутаго переворота въ счастіи. Утрата королевской милости, униженіе, невозможность мѣсти, скука и праздность, налегавъ всей своей тяжестью на горлую и пылкую душу его. Онъ заболѣлъ. Филиппъ II велѣлъ перемѣстить его изъ дома алкада въ его собственный, куда, на седьмой день, явился начальникъ королевскихъ тѣлохранителей, требуя отъ Переса формальнаго обязательства отказаться отъ всякой неприязни къ Матео Васкесу и не вредить ему ни лично, ни посредствомъ своихъ родныхъ или знакомыхъ. Пересь былъ согласенъ. Уничтожилась причина ареста—съ ней долженъ былъ уничтожиться и самый арестъ. Такъ было бы, еслибъ Филиппъ имѣлъ только это одно противъ Переса. Но мнимая причина служила только поводомъ, предлогомъ къ обвиненію; Филиппъ II страшился пытливаго и нескромнаго взора людей. И потому, Пересь высылалъ еще восемь мѣсяцевъ подъ самымъ строгимъ надзоромъ. По истеченіи этого времени, надзоръ за нимъ былъ нѣсколько смягченъ. Пересу позволялось прогуливаться и ходить въ церковь. Онъ могъ даже принимать къ себѣ гостей, но самъ отнюдь не смѣлъ показываться въ обществѣ.

Между-тѣмъ, Филиппъ II, лѣтомъ 1580 г., отправился въ Португалію. Незадолго передъ тѣмъ умеръ послѣдній мужской потомокъ бургонской династіи, основавшей португальское государство, кардиналъ-король Генрихъ, и Филиппъ II, по своей матери Изабеллѣ, сестрѣ Генриха и старшей дочери Эммануила-Великаго, объявлялъ себя законнымъ его наследникомъ. Совмѣстникомъ Филиппа II былъ пріоръ донъ-Антонио, побочный сынъ инфанта дона-Лудовика. Донъ-Антонио уже провозглашенъ былъ королемъ, но герцогъ Альба разбилъ его при Алькантарѣ и выгналъ изъ Португаліи. Между — тѣмъ, какъ Филиппъ II воевалъ Португалію и сосредоточивалъ подъ свою державу весь полуостровъ, Пересь усиленно домогался полной свободы и прежняго значенія при дворѣ. Съ этой цѣлью, онъ послалъ къ нему отца Рэнхиппо, извѣстнаго всѣмъ своею безукоризненно-отшельнической жизнью, а въ слѣдъ за нимъ отправилъ свою жену донью-Хуану Ковалью, бывшую уже на-сносахъ. Но Филиппъ II, въ-отношеніи къ нему, оставался такъ же непонятенъ, какъ и прежде. Свѣдавъ о приближеніи доньи - Хуаны Ковальи къ Лиссабону, онъ приказалъ алкаду Тэхадъ задержать ее. Королевское приказаніе было исполнено со строгостью, днемъ, между Альдеа Галиха и Лиссабономъ, въ присутствіи многихъ людей, и жена Переса до того перепугалась, что выкинула. Алкадъ, отобравъ отъ нея на бумагѣ нужные допросы, представлялъ ихъ королю;

но король, не читая, сжегъ ихъ и не провнесь ни полслова изумленному алкаду, который, послѣ этой странной сцены, впалъ въ нервическій припадокъ, оставшійся ему на всю жизнь его и проявлявшійся въмымъ ужасомъ. Филиппъ II, черезъ Ранхиппо, предложилъ донь-Хуанъ Козьмо, возвратиться домой, удостовѣривъ ее своимъ словомъ окончить по прибытіи своемъ въ Мадридъ дѣло Переса.

Отъ президента кастильскаго совѣта, дон-Антоніо Пасоса, Филиппъ II, во все время пребыванія своего въ Португаліи, получалъ довольно-частыя свидѣнія о Пересѣ и принцессѣ д'Эболи. Жестоко поступалъ съ принцессой д'Эболи въ павтской крѣпости. Неволя и дурное обращеніе сгубили здоровье ея. Она тяжело заболѣла въ первыхъ числахъ января 1581 г. Опасенія за жизнь ея, а также и заступничество именитаго и сильнаго родства, нѣсколько облегчили горькую участь страдальцы. Принцесса, въ концѣ февраля, была перевезена въ свое пастранское помѣстье, гдѣ и умерла изгнанницей, 2 февраля 1592 г. Печальны были послѣдніе дни ея. Отреченіе отъ міра и отъ всѣхъ правъ на имущество было непременнымъ условіемъ дарованной ей пощады. Родной сынъ ея, герцогъ де-Пастрана, негодуя на связи ея съ Пересомъ, относился объ ней въ самыхъ унижительныхъ выраженіяхъ, и даже страшалъ убить ее.

Не переставалъ, съ своей стороны, страшить ее и Филиппъ II, писавшій изъ Лиссабона къ Антоніо Пасосу отъ 17 апрѣля 1584 г.: «Мнѣ все что-то кажется, будто Пересъ и принцесса д'Эболи опять затѣяли свои старыя интриги. Втайнѣ развѣдайте, въ чемъ дѣло, и если дѣйствительно существуетъ что-нибудь подобное между ними, прошу васъ, прекратите.» Ревность овладѣла Филиппомъ II: онъ предложилъ ей возвратитъ всю свою прежнюю милость и почести, если она дастъ слово никогда не имѣть никакихъ сношеній съ Пересомъ. «Неопредѣленный отвѣтъ принцессы», гоноря энергическимъ языкомъ Переса, «погрузилъ Филиппа II снова въ прежнюю летаргическую дремоту врожденной недоувѣрчивости.»

Президентъ Пасосъ, помня свою давнюю дружбу съ падшимъ министромъ и душевно болѣя о несчастіи его, самыми трогательными словами молилъ о немъ короля, заклиналъ Филиппа II быть къ Пересу милосерднымъ и даровать ему полную свободу, или, по-крайней-мѣрѣ, позволеніе посѣщать кого нужно, чтобы онъ могъ, для блага семейства, предохранитъ свое состояніе отъ разстройства. Онъ описывалъ ему, какъ заставлялъ у себя въ домъ каждый разъ, по приходѣ своемъ изъ соята, донью-Хуану Козьмо всю въ слезахъ и съ вѣчными мольбами о правосудіи; говорилъ, какъ невысимо-прискорбны подобныя явленія; но Филиппъ II былъ безгласенъ. И тутъ президентъ Кастиліи не поникъ духомъ; вотъ что писалъ онъ отъ 18 ноября 1581 года королю: «Если Пересъ провинился передъ вашимъ величествомъ столь много, что заслуживаетъ смертной казни, то не-уже-ли нѣтъ людей, которые сдумали бы управиться съ нимъ?.. Если же вина его не такъ огромна, то почему не предать всего прошедшаго забвенью?.. Не мое дѣло совѣтовать вамъ въ этомъ; но лишь прощеніемъ Переса»

«можно притупить обоюдоострое оружіе злословія. Сверхъ-того, установите правила, отъ которыхъ онъ не смѣлъ бы отступать ни на шагъ въ своихъ сношеніяхъ съ другими, и ограничьте самый семейный «быть его.» Ответъ короля былъ таковъ: «Еслибъ это дѣло можно было предать обыкновенному судопроизводству, оно съ самаго начала было бы ему предано. По немъ сдѣлано все, что можно было сдѣлать, и «другаго направленія въ настоящее время давать ему не слѣдуетъ.»

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ упрекалъ Переса въ страсти къ игрѣ и въ томъ, что Пересъ ходитъ по городу въ сопровожденіи двадцати-шести пажей, изъ которыхъ многіе были вооружены пиками. Дѣйствительно, Пересъ, не смотря на свое полу-заточеніе и горькіе уроки судьбы, велъ себя неблагоразумно и не покидалъ своего обычнаго образа жизни. Онъ, по увѣренію очевидцевъ, сыпалъ деньгами; въ театрѣ, на всю зиму 1581 г., была откуплена имъ ложа, великолѣпно убранная; въ игрѣ, самая малая ставка его состояла изъ четырехъ дублоновъ. Слова Антонио Пасоса противорѣчили во всемъ этой общей молвѣ, доходившей разными путями до Филиппа II: Пересъ, по донесенію Пасоса, имѣлъ въ своей свитѣ, выходя изъ дома, не болѣе четырехъ человекъ, и самъ не игралъ, а игрой занималъ лишь своихъ посѣтителей. Но Филиппъ II признавалъ истиннымъ первое изъ этихъ двухъ показаній, — показаніе недоброжелателей Переса. Недоброжелатели же убѣдили короля повѣрять честность его, какъ министра. Родриго Васкесъ де-Арсэ, президентъ совѣта фискаловъ, выслушавъ изустное повелѣніе Филиппа II, тайнымъ образомъ приступилъ къ слѣдствію.

Результатъ этого перваго слѣдствія былъ крайне-несвыгоденъ для Переса: явно обнаружился и продажность его, и расточительность, и тѣсная дружба съ принцессой д'Эболи. Было доказано значительными и достовѣрными лицами, что Гонзало Пересъ, умирая, ничего не оставилъ своему сыну, и что состояніе послѣдняго было вовсе несоразмѣрно съ окладомъ получаемого имъ жалованья. «Онъ живетъ», сказалъ графъ Фуэнсалида: «пышнѣе всѣхъ испанскихъ грандовъ. У него несчетное число прислуги; за столомъ множество официантовъ, богатая серебряная посуда, короче: такое великолѣпіе, для котораго «нужно не менѣе тысячи коптосовъ (миллионовъ) мараведи ежегоднаго дохода... Разъ я встрѣтилъ его въ Торреконъ, на дорогѣ въ Толедо; Боже мой! чего тутъ не было: коляски, кареты, носилки, пѣшіе «и конные люди! королевская свита ничто въ сравненіи съ этимъ по-«ездомъ.» Начальникъ королевской испанской гвардіи, донъ-Педро де-Веласко, уподоблялъ отдѣлку его комнатъ убранству дворца; онъ цѣнилъ его движимое имущество въ 140,000 червонцевъ (червонецъ стоилъ около 9 руб. асс.) и полагалъ у него почти столько же ежегоднаго дохода. Архіепископъ севильскій, болѣе осторожный въ своихъ число-«выхъ выкладкахъ, полагалъ на расходы его отъ 15 до 20,000 червон-«цевъ въ годъ; но огромно было по тогдашнему времени и это количе-«ство. Чтобы накопить такое несметное богатство, держать такіе расхо-«ды по дому, мотать такіе страшныя суммы на предметы роскоши и на «игру, Пересъ во зло употреблялъ свое вліяніе на монарха и торговалъ

его щедротами. Лудовикъ Овера донесъ, что самъ вручалъ Пересу четыре тысячи червонцевъ за королевскую граммати, по которой Петръ Медичи назначался шефомъ итальянской пѣхоты; что Андреемъ Доріа ежегодно высылаемое ему немалое число денегъ, въ вознагражденіе за вѣдательство его передъ королемъ; столь же щедро надѣляли его и прочіе владѣтельные князья Италіи; и, наконецъ, онъ, Лудовикъ Овера, самъ отъ нихъ слышалъ, что они предпочитали давать Пересу суммы, которые бы они истратили въ Испаніи, если бы сами туда зашли.

Этотъ розыскъ, начатый въ мѣзъ 1582 г., былъ приостановленъ. Въ слѣдующемъ году, умерла внезапно два лица, хранители всѣхъ тайнъ Переса: одно изъ нихъ былъ астрологъ Педро де-ла-Эра, почти безсмысленный спутникъ его, предрекавшій ему будущность и случайности счастья; другое, берейторъ Переса, Родриго Маргадо, который переносилъ отъ него принцессу д'Эболи въсти, бывалъ самовидцемъ свиданій ихъ, и зналъ о буйныхъ сценахъ, происходившихъ изъ-за Переса между принцессой д'Эболи и Эсковедо, сценахъ, которымъ онъ приписывалъ трагическій конецъ послѣдняго. Астрологъ и берейторъ, по мнѣнію братьевъ ихъ, были отравлены Пересомъ.

Рядъ и сообщники въ убійствѣ Эсковедо. Не долго пользовался Инсости чиномъ прапорщика, даннымъ ему въ возмездіе за совершенное имъ злодѣяніе. Онъ умеръ скоро по прибытіи своемъ въ Сацалию. Мигуэль Боскъ, братъ Антоніо Энрикеса, испыталъ ту же участь въ Каталоніи. Антоніо Энрикесъ, приписывая эту смерть Пересу и самъ страшась того же, рѣшился, изъ злобы и по настоянію дона-Педро де-Кинтаны, родственника Эсковедо, объявить публично, какъ и имъ, нять лѣтъ назадъ, былъ умерщвленъ секретарь дона-Хуана. Энрикесъ, 23-го іюня 1584 г., письмомъ своимъ изъ Сарагоссы, просилъ у Филиппа II опасной граммати для проѣзда въ Мадридъ, и вызывался, избиралъ, въ случаѣ неудачи, позорную смерть висѣльника, обличить передъ судомъ Антоніо Переса въ приказаніи убить Эсковедо. Когда же онъ узналъ, что прапорщикъ Чинчаль, замышлявшій тайныя козни противъ него, прибылъ въ Сарагоссу съ рекомендательными письмами къ герцогу де-Виллаермоса, вице-королю арагонскому, то убѣжалъ въ Лериду, откуда написалъ Филиппу II другое письмо, убѣдительное первое. Въ то же время писалъ королю и капитанъ Кинтана: «Осмѣливаюсь всеподданнѣе просить ваше величество, чтобъ вы, въ уваженіе безчисленныхъ заслугъ, оказанныхъ покойнымъ секретаремъ Эсковедо, соблаговолили подвергнуть законному судопроизводству нашу стѣзбу съ Антоніо Пересомъ, потому-что преступленіе его теперь уже не подлежитъ сомнѣнію. Милостивое вниманіе вашего величества въ моея всеніяжайшей просьбѣ будетъ мнѣ достойнымъ вознагражденіемъ за мою двадцатилѣтнюю службу, проведенную на полѣ брани: Антоніо Пересъ уже ищетъ гибели дона Педро Эсковедо и Энрикеса, чтобъ смертью ихъ потушить все дѣло.»

Филиппъ II отложилъ пока было о смерти Эсковедо, но тѣмъ сильнѣе напали на Переса съ другой стороны. Послѣ слѣдствія о лихоимствѣ,

довольно-оригинально названнаго *моestyщеніемъ* Кастиліи, Филиппъ осудилъ Переса. Вотъ приговоръ судей его: «Выслушавъ и рассмотрѣвъ какъ донесенія на государственнаго секретаря Антонио Переса, такъ и оправданія его противъ обвинителей, мы, съ высочайшаго рѣшенія «его величества, положили: предать его, Переса, двухлѣтнему заточенію въ крѣпость; не числится ему, въ теченіе десяти лѣтъ, на государственной службѣ, и во все это время пребывать на разстояніи тридцати миль отъ дворца; впрочемъ, какъ то, такъ и другое предоставляется усмотрѣнію его величества и волеи наследниковъ престола. Десятилѣтнее отрѣшеніе отъ службы считать со дня заключенія его въ крѣпость. Сверхъ-того, и не далѣе девяти дней по объявленіи ему «этого приговора, онъ долженъ возвратити кому слѣдуетъ присвоенный «нимъ вещи, или заплатити за нихъ всего 12,284,793 мараведи» (*).

Пересъ жестоко жалуется на этотъ приговоръ, но не говоритъ, между-тѣмъ, почти ни слова въ свое оправданіе. За три дня до приведенія его въ исполненіе, два алкада, Альваро Гарсія и Эспиноса, явились къ нему въ домъ, бывшій почти стѣна-объ-стѣну съ церковью святаго Хуста. Эспиноса, чтобъ захватить бумаги Переса, отправился прямо въ кабинетъ, а Альваро Гарсія вошелъ въ большую залу, гдѣ сидѣли Пересъ и донья-Хуана Ковальйо. Алкады объяснили ему причину своего прихода. Въ умъ Переса мгновенно блеснула мысль поручить себя защитѣ церковныхъ законовъ, и тотчасъ же былъ посланъ одинъ изъ слугъ его къ толедскому кардиналу. Въ ожиданіи отвѣта, онъ старался занять алкада разговоромъ. Кардиналъ одобрилъ намѣреніе его. Когда слуга воротился и подалъ ему условленный знакъ, Пересъ, извинившись передъ алкадомъ, вышелъ въ соседнюю комнату, обращенную однимъ окномъ къ храму святаго Хуста. Онъ выпрыгнулъ въ окно, возвышавшееся на восемь или девять футовъ надъ землею, и спрятался въ церковь. Алкады бросались вслѣдъ за нимъ и велики разломать дверь, которой не хотѣли отворить имъ добровольно. Долго искали они Переса, но наконецъ нашли его подъ самой крышей церкви; онъ съѣжившись сидѣлъ на самой верхней перекладнѣ, и былъ весь въ пыли и паутинѣ. Алкады, не смотря на противорачіе и сопротивленіе духовенства, посадили его въ карету и стремглавъ понесли въ Турруэганскую Крѣпость.

Изъ-за этого вспыхнула борьба между духовной и свѣтской властью. На алкадовъ, какъ на злонамѣренныхъ нарушителей церковнаго права, духовный фискаль подалъ жалобу. Судомъ главнаго викарія и нунціатуры, повелѣвалось алкадамъ представить узника невредимымъ въ храмъ святаго Хуста. Но Филиппъ II принудилъ духовные трибуналы оставить всю эту тяжбу и уничтожилъ церковные приговоры противъ алкадовъ.

Пересъ, не понавъ подъ защиту церковной власти, обратился, лѣтомъ 1585 г., съ тою же просьбой къ независимымъ Арагонцамъ. Ху-

(*) Мараведи стоилъ не много болѣе французскаго сантима. Четыре мараведи имѣли цѣнность, равнозначительную пяти сантимамъ ($4\frac{1}{4}$ коп. асс.).

авъ де-Меса, на которомъ также лежала кровь Эсковедо, прискакалъ изъ самой глубины Арагоніи, чтобъ похитить его изъ Турруэганской Крѣпости; съ Месой были два лошади, подкованныя такъ, чтобъ не слышать было звука копытъ ихъ.

Но этотъ замыселъ бѣгства, мастерски обдуманнѣйшій допомъ Балтасаромъ де-Аламось, былъ открытъ и разрушенъ. Еще строже стали держать Переса. Чтобъ принудить его выдать спрятанныя имъ бумаги, которыя могли оправдать его, — посадили въ тюрьму и жену его, страшая вѣчнымъ заточеніемъ, съ пищею въ нѣсколькихъ унціи хлѣба въ день, если она не выдастъ требуемыхъ бумагъ. Особенно же преслѣдовали ее угрозами королевскій духовникъ и графъ де-Баракса, замѣнившій Антонио Пасоса въ президентствѣ кастильскаго совета. Съ твердостью и съ мужествомъ переносила она всѣ лишенія, и врагамъ не владѣть бы никогда послѣднимъ сокровищемъ ея, еслибъ не приказаніе самого Переса; собственноручная записка его, написанная кровью, развязала у нея языкъ: она указала мѣсто, гдѣ хранились требуемые документы. Этимъ поступкомъ хотѣлъ Пересъ вырвать изъ неволи свою жену и облегчить собственное несчастье. Два наглухо запертыя и запечатанные сундука были отнесены къ духовнику, который немедленно препроводилъ ключи отъ нихъ къ Филиппу II. Пересу, по видимому, не оставалось уже болѣе никакихъ средствъ защищаться. Но Пересъ, столь же хитрый, какъ и Филиппъ II, заблаговременно сумалъ помощію вѣрнаго и ловкаго человека заготовить самыя важныя для оправданія своего бумаги и множествомъ королевскихъ писемъ: въ послѣдствіи и тѣ и другія были предъявлены имъ въ верховномъ судилищѣ Арагоніи.

Какъ-только очутились бумаги въ рукахъ у короля, присмотрѣвъ надъ Пересомъ сдѣлался слабѣе. Онъ заболѣлъ въ Турруэганѣ и былъ, по просьбѣ жены своей перевезенъ оттуда въ Мадридъ, гдѣ снова, въ продолженіе четырнадцати мѣсяцевъ, пользовался полусвободой, обитая въ одномъ изъ лучшихъ домовъ города и выдавъ очень-часто съ знаменатѣйшими сацовниками двора. Сверхъ того, во всю страстную недѣлю, онъ присутствовалъ при совершеніи божественной литургіи въ храмѣ Аточской Богоматери. Не мало давились враги Переса этимъ страннымъ, одно другому противорѣчащимъ измѣненіемъ въ жизни его, и Родриго Васкесъ, на вопросъ донна Франсиско де-Фонсека: что бы все это значило? отвѣчалъ: «что мнѣ сказать вамъ на это?.. то торопятъ меня, и твердятъ мнѣ о строгостяхъ да о казняхъ, то удерживаютъ и не велѣтъ ни во что вступаться; не постигаю и никакъ не разберу отнесеній преступника».

Пересу предстояли новыя тревоги. По полученіи отъ Переса бумагъ, Филиппъ полагалъ, что можно приступить опять къ дѣлу, затѣянному родственниками Эсковедо. Снова стѣснили Переса, засадили въ пивтскую крѣпость; потомъ, но не иначе, какъ подъ крапкымъ карауломъ, стали содержать его въ Мадридѣ. Не пощадили и донна-Педро Эсковедо, его обвинителя, котораго отставили отъ должности при советѣ финансовъ и посадили въ тюрьму: онъ злосло-

визъ, какъ говорили, правительство, неказывавшее ему правосудія, и злоумышлялъ противъ жизни Переса. Лѣтомъ 1585 году, началась тайная справка объ убіеніи Эсковедо; Филиппъ II уѣхалъ въ Арагонію на собраніе кортесовъ, и тамъ доставилъ Родриго Васкесу преемственный случай допросить въ Мюнсонъ Антонио Энрикеса, который годъ тому назадъ запрашивался самъ разсказать вся подробности и назвать поименно всѣхъ убійцъ Эсковедо. Въ это-то время было дано этимъ прежнимъ пажемъ Переса показаніе о смерти Эсковедо, помпещенное нами въ первой статьѣ. Сверхъ-того, Васкесу привелось отобрать свидѣнія отъ Херонимо Диаса и Мартина Гутьерреса; одинъ изъ нихъ преванвно распространился о любви Переса и принцессы д'Эболи, а другой высказалъ все, что только зналъ о бѣгствѣ убійцъ Эсковедо въ Арагонію и о сосѣдѣ своемъ донъ-Хуанъ де-Меса, который, помогши Пересу отдѣлаться отъ Эсковедо, пытался освободить его изъ крѣпости туррузгайской.

Когда Діего Мартинесъ, этотъ, по признанію Энрикеса, главный дѣлатель заговора, прибылъ изъ Арагоніи, своей отчизны, въ Мадридъ, затаивъ, чтобъ разсорттировать бумаги Переса и передать ихъ королевскому духовнику, Васкесъ велѣлъ схватить его и подвергнуть допросу. Съ рыдкимъ хладнокровіемъ заперся Діего Мартинесъ во всемъ, и даже не занкнулся сказать, что смерть Эсковедо чрезвычайно опечалила Переса, и что онъ, какъ добрый другъ покойнаго, напротивъ того, старался всеми способами развѣдать о виновникѣ убійства. Пересъ, узнавъ объ арестѣ своего майордома, хранителя всѣхъ тайнъ, былъ встревоженъ до крайности; вотъ, что писалъ онъ королю отъ 20 ноября 1587 года: «Государь! во все время своихъ страданій, я не преступалъ предѣловъ, отдѣляющихъ простаго подданнаго отъ монарха. Самъ-по-себѣ, я подданный; но, кромѣ того, я вашъ служитель... И вотъ почему, съ этого ложа болѣзней и печали, возношу къ вамъ мой голосъ... Податель письма—мой духовникъ; онъ нарочно избранъ мною. Между-тѣмъ, какъ донья-Хуана Ковальо испрашивала въ Мадридѣ позволеніе возстановить искусствомъ врачей мое изсякшее здоровье и жизнь мою, алкадъ Эспиноса задержалъ Діего Мартинеса; который, не виновный ни душой, ни тѣломъ, пріѣхалъ въ Мадридъ по своей надобности... Я вижу во всемъ случившемся не иное что, какъ завадно Эсковедо, поклявшася извести во что бы то ни стало всѣхъ слугъ Антонио Переса. Донья-Хуана была у президента, говорила ему, что Мартинесъ принадлежитъ къ нашему дому; но слова ея нисколько не были приняты въ уваженіе.» Пересъ ничего еще не зналъ о показаніи своего бывшаго пажа, просилъ, чтобъ король не оставлялъ Діего Мартинеса во власти алкада Эспиносы, который былъ первымъ другомъ всего семейства Эсковедо, и котораго онъ подозрѣвалъ въ ненависти къ себѣ. Но когда дошелъ до него слухъ о сознаніи Энрикеса, онъ, страшась за вѣрность Мартинеса, которая легко могла поколебаться отъ истязаній пытки, и въ-особенности, не желая дать Васкесу времени отыскать новыхъ свидѣтелей, снова утруждалъ короля письмомъ; то было 3 февраля 1588 года: «Умоляю ваше величество пред-

отвратить все противное долгу совести и пагубное для узника. Вашему духовнику это дело яснее солнца; потребуйте совета от него, чѣмъ слушать другихъ... Строгость судей не всегда благоразумна; да и къ чему же ставить Мартинеса въ такую опасность?.. Скажу еще болѣе: не приказывайте мучить его; противники, нашедши одного лжепреступника, найдутъ, въ-послѣдствіи, и многихъ. Для нихъ необходима медленность, для васъ—скорость. Скоростью предотвращается все.»

Но Филиппъ II ничего не хотѣлъ предотвращать и велѣлъ Родриго Васкесу разыскивать дело по горячимъ слѣдамъ. Родриго Васкесъ свелъ, въ королевской темницѣ, на очную ставку Діего Мартинеса съ прапорщикомъ Антоніо Энрикесомъ, получившимъ, наконецъ, опасную грамоту для своего провоза. Надменно и презрительно обращался Діего Мартинесъ съ Энрикесомъ, какъ съ неблагодарнымъ рабомъ, подкупнымъ свидѣтелемъ и гнуснымъ злодѣемъ, преступленія котораго онъ брался доказать всему міру. Увѣренія одного и заперательство другаго привели судью въ замѣшательство. Васкесу нуженъ былъ третій свидѣтель. Между-тѣмъ, поваренокъ Хуанъ Рубіо возвратился въ Арагонію, гдѣ проживалъ и аптекарь, изготовившій отраву для Эсковедо. Васкесъ всячески старался заманить ихъ къ себѣ, но судьи Кастиліи не имѣли никакой власти въ Арагонію; Пересъ же, услышавъ о новой бѣдѣ, употреблялъ всю свою хитрость, чтобъ воспрепятствовать ихъ пріѣзду въ Мадридъ. Онъ приказалъ Хуану де-Меса слѣдить за ними; однако, не смотря на его бдительность, боялся, какъ бы не соблазнились они обѣщаніями Васкеса. Въ-слѣдствіе этого, онъ написалъ къ королю письмо, краснорѣчиво умоляя его о помилованіи и о томъ, чтобъ затупить только-что вспыхнувшую искру тяжбы:

«Нѣсколько разъ пытались схватить Хуана Рубіо и выдать его Эсковедо. Я не спускалъ глазъ съ Рубіо и, не докучая вашему величеству, распорядился самъ: Хуанъ де-Меса, этотъ умный и преданный мнѣ человекъ, нянчится теперь съ нимъ, какъ съ ребенкомъ... Если ваше величество не отведете отъ насъ этого новаго бѣдствія, мы, конечно, погибнемъ; Васкесъ, угождая малѣйшимъ желаніямъ Эсковедо, дерзновенно издѣвается надъ самыми священными правами человечества. Иосмотрите, какъ преобразили они, въ короткое время, бѣднаго Мартинеса!.. Мы невинны... Страданіями Христа-Спасителя умоляю ваше величество сжалиться надъ нами, вспомануть о нашей вѣрности, а равно и о заслугахъ моего отца и моихъ предковъ. Меня лишили имущества, почестей, свободы и упрекаютъ въ измѣнѣ; но я не измѣнялъ никогда данной мною присягѣ... Государь, ради самого Бога, сжальтесь надъ нами и чѣмъ-нибудь явите намъ милость свою: она необходима намъ, какъ и самая жизнь. Тварь вашего величества, Антоніо Пересъ.»

Письмо его, какъ новый обвинительный актъ, было отдано Родриго Васкесу. Родриго Васкесъ дѣйствовалъ неусыпно и, не смотря на то, все изысканія его ограничивались лишь слухами или предположеніями о виновности Переса. Свидѣтельства, собранныя имъ, подкрѣпляли собой показанія Антоніо Энрикеса и могли распространить невыгодную молву въ народъ, но не имѣли никакой законной цѣнности и, въ судебномъ

смысла, нисколько не пополняли самого дѣла. Впрочемъ, для Родриго Васкеса были они достаточны: онъ вызвалъ на свѣтъ изъ мрака тѣнственности семилѣтній процессъ, далъ ему совершенно-новый оборотъ и, какъ сътью, опуталъ Переса обвиненіями... 27-го августа 1589 года, осматривали домъ дон-Бенито де-Сиснеросъ, гдѣ содержался Пересъ. Половина, занимаемая узникомъ, при которомъ было не болѣе двухъ алгазилловъ, состояла изъ шестнадцати комнатъ и со двора имѣла два входа. Когда Васкесъ узналъ объ этомъ, и когда донесли ему, что Пересъ ходитъ одинъ по улицамъ, онъ отнесся къ графу де-Барахасъ, съ требованіемъ принять должныя мѣры предосторожности. Графъ де-Барахасъ тотчасъ же велѣлъ заколотить двери и окна темницы и увеличилъ число стражи при Пересѣ.

Васкесъ, принявъ эти мѣры, два раза допрашивалъ Переса. Пересъ не сознавался ни въ чемъ, и явно, хотя и довольно-искусно, намекалъ на истинныя причины смерти Эсковедо. Тревожили по этому дѣлу, но столь же безуспѣшно, и донью-Хуану Коэльйо... 25-го августа, послѣ вторичнаго допроса, сдѣланнаго Пересу, Васкесъ, основываясь на упомянутыхъ нами доказательствахъ Энрикеса, произнесъ надъ обвиняемыми приговоръ, по которому они обвинялись въ преступленіи. Пересу и майордому его было дано десять дней на оправданіе. Вслѣдъ за тѣмъ, поступила на нихъ отъ дон-Педро Эсковедо формальная жалоба. Пересъ и Мартинесъ выбрали адвокатовъ и, для предъавленія своихъ протестовъ, получили, сверхъ дарованнаго имъ времени, восьмидневную отсрочку. Переса, для большей предосторожности, заковали въ цѣпи; но, ручательствомъ своихъ друзей, онъ вскорѣ былъ избавленъ отъ этого. Шесть свидѣтелей, представленныя имъ 7-го сентября, для опроверженія обвиненій, на него возводимыхъ, дали отъ себя отзывъ почти слѣдующаго содержанія: секретарь Эсковедо и Антонио Пересъ были душевные друзья; Пересъ, во время убійства, находился съ маркизомъ де-лос-Велесъ въ Алкаль, и извѣстіе объ этомъ сильно опечалило его; а Антонио Энрикесъ, ставъ, съ той самой поры, неразрывнымъ членомъ семейства Эсковедо, лжесвидѣтельствуетъ и подкупленъ. «Кромѣ насъ» присовокупили они: «подтвердятъ значительныя и достовѣрныя лица, что Антонио Пересъ превосходный человѣкъ, богобоязливъ, добрый христіанинъ и во всю жизнь не дѣлалъ никому зла.» Тѣ же шесть свидѣтелей отставали и майордома Мартинеса.

Не смотря на недоброжелательство судей и ненависть враговъ, трудно было доказать виновность Переса по законамъ: противъ него имѣлось одно положительное свидѣтельство, но и то, порожденное чувствомъ мести, толкалось вкривь и вкось. Не доставало, чтобъ вполне обличить его, показаній аптекаря и Хуана Рубіо: Васкесъ силился болѣе пружаго вызвать ихъ изъ Арагоніи въ Мадридъ. Пересъ же, сознавая свое преимущество и опасаясь новыхъ проволочекъ, настоятельно требовалъ окончательной резолюціи и освобожденія своего изъ-подъ ареста. Снова вступался въ это дѣло духовникъ Филиппа II. Чтобъ выманить отъ самого Переса сознаніе, онъ изложилъ ему свою теорію, которую мы вкратцѣ представляли нашимъ читателямъ въ первой статьѣ. «Зная», такъ гово-

рилъ онъ ему, «долговременныя страданія ваши и вашего семейства, я задалъ себѣ вопросъ: не обязанъ ли я, по долгу христіанскому, навязываться, такъ-сказать, съ своими совѣтами даже къ тѣмъ, которые, быть-можетъ, не захотятъ принять ихъ отъ меня?.. Не долго колебался я сомнѣніями и, наконецъ, придумалъ вотъ-что: вамъ, такъ-какъ вы руководствовались въ этомъ поступкѣ чужимъ произволеніемъ, необходимо исповѣдаться передъ лицомъ всѣхъ и на-чисто то, что служило побужденіемъ къ злодѣянію. Пусть каждый отвѣчаетъ за себя. Господь да сохранитъ, на многія лѣта, вашу милость въ вождельномъ здравіи и спокойствіи, столь необходимыхъ для блага бѣднаго семейства вашего.»

Пересъ не послѣдовалъ этому совѣту, видная искренность котораго была крайне-подозрительна. Но по предварительномъ совѣщаніи съ кардиналомъ толедскимъ, отвѣчалъ Чавесу такъ: «Обвинить самого-себя въ столь важномъ преступленіи и ввергнуть въ явную погибель множество невинныхъ людей, считаю дѣломъ безсовѣстнымъ; да и не безразумно ли обнаружитъ тайну, такъ тщательно скрываемуя. У меня есть другое и гораздо-лучшее средство: сойдтись, какимъ бы то ни было образомъ, съ Эсковедо.»

Эсковедо не могъ не примириться съ Пересомъ: во-первыхъ, онъ не успѣлъ въ-продолженіе одиннадцати лѣтъ обличить Переса въ преступленіи; во-вторыхъ, ему самому угрожало, въ случаѣ неудачи, ужасное наказаніе. Тайно и, безъ сомнѣнія, изворотливымъ противникомъ его было подослано къ нему слѣдующее письмо: «Вы, не зная меня лично, не узнаете и моего имени; на что вамъ оно?.. Словомъ: другъ — замѣняются всѣ наши пустыя прозванія. Позвольте же мнѣ, какъ другу вашему, принять и дружеское участіе въ вашей судьбѣ: бросьте, сдѣлайте милость, тяжбу объ убіеніи своего отца; вамъ ни въ какомъ случаѣ не выиграть этого дѣла. Не-уже-ли вы все еще не понимаете дѣйствій относительно васъ?.. Васъ отрясили отъ должности?.. ничего: дождетесь еще большаго, того же самаго, пожалуй, за что теперь такъ храбро вступаетесь!.. Этимъ заканчиваю свое письмо. Мнѣ остается просить Бога, чтобъ онъ открылъ вамъ глаза. Вашъ другъ, сердечно преданный вамъ и вполне убѣжденный въ истинѣ своихъ словъ.»

Такимъ-образомъ, въ то самое время, когда духовникъ совѣтовалъ Пересу сознаться въ убійствѣ, Пересъ отклонялъ Эсковедо отъ дальнѣйшаго дѣлопроизводства. Эсковедо изъявлялъ на это готовность и продалъ свое право мести за 20,000 червонцевъ... 28 сентября было изготовлено отставнымъ актуаріусомъ Гаспаромъ Реста законное отреченіе Эсковедо отъ тяжбы. Эсковедо уведомили о томъ Родриго Васкеса, придворныхъ алкадовъ и всѣхъ судей, требуя отъ нихъ освобожденія Переса и Діего Мартинеса, съ которыми онъ по собственному религіозному чувству, а также и по просьбамъ именитыхъ государственныхъ мужей, прекращалъ всякую вражду и распрю. Актъ отреченія былъ скрѣпленъ имъ 2-го октября 1589 года.

Духовникъ Филиппа II, видя недействительность своихъ теоретиче-

скихъ доводовъ, находилъ примиреніе съ Эсковедо средствомъ, хотя и плохимъ, но не невозможнымъ: «Не одобрю средства, придуманнаго вами; но почему же и не испробовать его?». Негодовалъ на эту развязку и Родриго Васкесъ. Не помышляя объ освобожденіи Переса, котораго тотъ такъ страстно жаждалъ, онъ писалъ королю: «Мировою съ Эсковедо Пересъ надѣется заглушить народный говоръ. Пусть Пересъ объявитъ причины, которыя заставили лишить Эсковедо жизни. Скажите ему, черезъ меня, письменно или изустно, что вы, ради его собственнѣйшей пользы, желаете обнаруженія этой тайны.»

Толедскій кардиналъ, услышавъ о такомъ неожиданномъ оборотѣ дѣла, нарочно отправился къ духовнику Филиппа II и сказалъ ему: «Святой отецъ, либо я сошелъ съ ума, либо это дѣло безсмысленно. По прошествіи двѣнадцати лѣтъ, когда насильственно похищены у Переса бумага и умерло столько свидѣтелей, требуютъ отъ него изъясненія причинъ, побудившихъ къ злодѣянію. Воскресите сотъ пять мертвецовъ, возвратите ему всѣ документы, не коснувшись до нихъ пальцемъ, такъ и тогда не въ правъ будете дѣлать то, что, къ-несчастію, дѣлается вами.»

Филиппъ II, 4-го января 1590 г., далъ Родригу Васкесу слѣдующее повелѣніе: «Отъ моего имени увѣрьте Переса, что ему не безвѣдѣстны причины умерщвленія секретаря Эсковедо; пусть же онъ высказаетъ ихъ со всѣми малѣйшими подробностями; мнѣ, для собственнаго удостовѣренія и оправданія своей совѣсти, желательно представить ихъ на судъ каждаго благомыслящаго подданнаго. Дозволяю, если Пересъ не повѣритъ вамъ на-слово, показать ему это письмо.»

Усилили присмотръ за Пересомъ. Алгазиламъ Эрисо и Самора было предписано никого не допускать къ нему, и даже самимъ подъ страхомъ смерти не говорить съ нимъ ни слова. Пересу показали королевское приказаніе. Пересъ отвѣтилъ, что, при всемъ благоговѣніи къ словамъ его величества, онъ не постигаетъ, какъ и чѣмъ пополнить свои прежнія показанія, и что причины убійствъ Эсковедо, такъ-какъ онъ не принималъ въ этомъ дѣлѣ никакого участія, совершенно ему невѣдомы. Въмѣстѣ съ тѣмъ, онъ старался отвести отъ слѣдствія Родриго Васкеса, называя его человѣкомъ враждебнымъ и недоброжелательнымъ. Король присоединилъ къ Васкесу лиценціата Хуана Гомеса, члена своего частнаго совѣта. Эти двое судей настоятельно и неоднократно приступали къ Пересу, чтобъ онъ изложилъ и доказалъ сущность и необходимость причинъ, вызвавшихъ своимъ послѣдствіемъ смерть Эсковедо. Пересъ оставался при своемъ. Тогда рѣшились силою вынудить у него признаніе. Родриго Васкесъ и Хуанъ Гомесъ повелѣли 21 февраля алгазиламъ, караулившимъ Переса, заковать его въ цѣпи и приковать къ стѣнѣ. Пересъ, ссылаясь на болѣзненность свою, тщетно молилъ объ освобожденіи его изъ оковъ... 22 февраля, Родриго Васкесъ и Хуанъ Гомесъ, пришедши къ нему въ темницу, еще разъ потребовали отъ него повинновенія волю короля. Пересъ снова отказался. Они стали угрожать ему пыткой, но онъ не устранился и этого. Васкесъ тотчасъ же вышелъ въ ближайшую комнату и оставилъ несчастнаго Переса съ лиценціатомъ Гомесомъ, актуариусомъ Антонио Маркесомъ и палачомъ

Діего Рунсомъ. Переса начали пытати. Отъ слова до слова приводимъ изъ самаго процесса разсказъ о казни:

«Судьи повелѣли казнить его и объявили ему, что вса ответственность, какъ передъ людьми, такъ и передъ Богомъ, падеть единственно на него, если онъ лишится жизни или станетъ калѣкой. Пересъ возставалъ противъ этого, доказывая имъ, что пытати его они не смѣютъ: «во-первыхъ, я» такъ говорилъ онъ: «благороднаго происхожденія; а во-вторыхъ, слабъ и уже безъ того изувѣченъ одиннадцатилѣтнимъ заточеніемъ». Сняли съ него оковы и цѣпь и снова стали требовать, чтобъ онъ присягнулъ и далъ отъ себя показанія. Но онъ упорствовалъ. Тогда палачъ Діего Рунсъ обнажилъ его, оставя на немъ лишь холщевое исподнее платье. Когда палачъ удалился, Пересу сказали, что онъ, въ случаѣ прекословія, подвергнется пытанію веревкой. Онъ все стоялъ на одномъ и томъ же. Немедленно принесли лѣстницу и орудія пытки; палачъ Діего Рунсъ скрестилъ Антонію Пересу руки, и началъ наворачивать на него веревку. Пересъ громко кричалъ, повторяя тысячу разъ: *Боже! я ничего не вѣдаю, не знаю; я умру.* Когда Переса обернули уже четыре раза, судьи возвратились; онъ сильно кричалъ, говоря: *Я ничего не знаю; мнѣ сломали руку. Я безъ руки теперь: спросите о томъ лекарей!.. Хуанъ Гомесъ! ты — христіанинъ; ты — мой братъ! пожалей же меня, Бога ради! я невиненъ.* «Покоритесь волѣ государя» отвѣчали ему судьи: «я васъ перестанутъ мучить»; но онъ твердилъ: *Братъ мой, ты убьешь меня! Сенъйоръ Хуанъ Гомесъ, звадимъ Спасителя умоляю прекратить мою жизнь однимъ ударомъ... Отпустите меня; разскажу все, что угодно; сжался надо мною, братъ мой, сжался, ради Господа Бога!..* Не прежде, какъ послѣ восьмага круга, онъ сталъ просить о пощады. Ему подали одѣться, а палача выслали изъ комнаты, гдѣ производилась пытка. Пересъ остался наединѣ съ ливценціатомъ Хуаномъ Гомесомъ и актуаріусомъ Антонію Маркесомъ.»

Пересъ, побѣжденный муками пытки, сознался въ убіеніи Эсковедо; смерть Эсковедо онъ приписалъ тѣмъ государственнымъ причинамъ, которыя мы обозначили и опровергли выше. «Потомъ приказали ему» — продолжаемъ разсказъ словами процесса — «доказать сущность изложенныхъ имъ причинъ. «Мои бумаги, отвѣчалъ онъ на это: отобраны отъ меня въ продолженіе моего заключенія; а между ними было много такихъ, которыя могли бы подтвердить истину сказаннаго мною; но теперь нѣтъ болѣе достовѣрныхъ свидѣтелей этого происшествія.»

Діего Мартинесъ, этотъ неизмѣнный и въ радости и въ горь соучастникъ Переса, узнавъ о случившемся, подтвердилъ, на слѣдующій же день, разсказъ Антонію Эрикеса. Паденіе Переса было слишкомъ глубоко: ненависть къ нему вскорѣ уступила мѣсто состраданію. Ужасъ и оцѣпененіе овладѣли всѣмъ дворомъ при вѣсти о пыткѣ, совершенной надъ министромъ, любимцемъ короля. Каждый подлежалъ и суду, и расправѣ того же варварскаго правосудія. Сверхъ-того, развѣдали, что и распорядитель казни былъ столь же виновенъ, какъ и тотъ, котораго казнили. Громко и единогласно роптали на это при дворѣ. Придвор-

ный проповѣдникъ говорилъ даже съ каеэдры: «Что суетитесь вы, безумцы, и о чемъ такъ хлопочете? Вы не приходите въ себя? Не видите грозящей вамъ опасности? Нынѣ вы на верху славы и почестей, а завтра предадутъ васъ мученіямъ и пыткамъ. Иной страдаетъ цѣлыя годы въ узлахъ и въ темницѣ: а за что?.. неизвѣстно ни ему, ни другимъ. Чего же вы ищете и желаете?..»

Но перейдемъ опять къ Пересу. Избитый и изуродованный палачомъ, Пересъ боролся съ лихорадкой и томился неугомонной тоской. Онъ вѣдалъ, какъ въ зеркалѣ, свою будущность: на одинъ шагъ отдѣлялась, быть-можетъ, смерть отъ пытки. Вскесъ, выслушавъ новыхъ свидѣтелей, повернулъ дѣло совсѣмъ въ иную сторону: онъ доказывалъ, что причиной убіенія Эскведо была преступная связь Переса съ принцессой д'Эболя, и что Пересъ же былъ виновенъ въ смерти астролога Педро де-ла-Эра и берейтора Родриго Моргадо. Въ этой крайности, Пересъ сталъ пуще прежняго помышлять о бѣгствѣ, какъ объ единственномъ спасеніи отъ позорной казни, его ожидавшей. Но какъ бѣжать?.. У него не дѣйствовали объ руки; онъ былъ боленъ, одинокъ и подъ крѣпкимъ карауломъ. Онъ просилъ, 27 февраля, чтобы, во время болѣзни, позволили ходить за нимъ его собственной прислугѣ. Докторъ Торресъ, посланный для освидѣтельствованія, нашелъ больного *съ сильной лихорадкой и въ опасности...* 2-го марта приставили къ нему пажа, избраннаго Хуаной Коэльйо, которая, не смотря на близость родовъ, нисколько не ослабѣвала въ своемъ самоотверженіи: пажу было запрещено переступать за порогъ темницы и говорить съ посторонними. Когда недугъ—по-крайней-мѣрѣ по-видимому—услылся, донья Хуана Коэльйо, въ половинѣ марта, стала просить, чтобы не отказали ей и дѣтямъ въ послѣдней отрадѣ: закрыть умирающему глаза. Неотвѣзчивость ея восторжествовала надъ всеми препятствіями: въ началѣ апрѣля, Хуана Коэльйо находилась уже при мужѣ. Тогда-то изобрѣтательный умъ Переса приспособилъ къ бѣгству всѣ бывшія на-лицо средства. Пересъ притворился отчаянно-больнымъ... 20-го апрѣля, въ среду на страстной недѣлѣ, около девяти часовъ вечера, онъ, переодѣтый въ женино платье и окутанный мантилей, благополучно миновалъ темничную стражу. У воротъ поджидалъ его одинъ изъ друзей, а поодаль стоялъ, съ осѣданными лошадьми, прапорщикъ Хиль де-Меса. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ темницы попался имъ дозоръ. Другъ Переса, нпмало не смутившись, остановился и завелъ съ полицейскими чиновниками разговоръ; Пересъ же стоялъ молчаливо и почтительно сзади. Счастливо отдѣлавшись отъ этой непредвидѣнной встрѣчи, Пересъ дождался Хиля де-Мессы, сѣлъ съ нимъ на лошадь, и, въ сопровожденіи Гепуэзда Хуана Франсиско Майорини, проскакалъ, не переводя духа, тридцать испанскихъ миль. Наконецъ распахнулось надъ нимъ благословенное небо Арагоніи.

Съ появленіемъ Переса въ Арагоніи, все измѣнилось.

Пересъ, будучи и на свободѣ, питалъ должное уваженіе къ монарху и не тщеславился своей безопасностью. Едва успѣвъ перебраться за границу Кастиліи, онъ написалъ изъ Калатаюда, отъ 24 апрѣля, Филиппу II пись-

мо, исполненное покорности и моленій: «Государь», говорить онъ ему, «предчувствуя развязку своего многолѣтняго заключенія, нисколько не заслуженнаго мною, и не будучи въ состояніи поддержать достоинство своего имени, я, лишенный всѣхъ преимуществъ гражданина и христіанина, рѣшився, какъ вы видите, на бѣгство въ Арагонію; но я и здѣсь все тогъ же, какимъ былъ въ неволѣ и въ узахъ: располагайте мной точно такъ же, какъ располагаетъ рука скудельника послушнымъ ей брениемъ. Надѣясь единственно на милосердіе вашего величества и не упоминая о своихъ ничтожныхъ заслугахъ, всеподданнѣйше прошу васъ защитить меня, преданнаго вамъ душой и тѣломъ, отъ гоненія враговъ и удостоить вашего отеческаго вниманія бѣдную жену и дѣтей, предки которыхъ служили вѣрой и правдой отечеству и престолу. Государь! будьте такъ великодушны, отведите намъ небольшой уголокъ въ обширныхъ владѣніяхъ своего государства, гдѣ бы мы, удаленные отъ міра и тревоженій его, могли посвятить остатокъ своей жизни молитвамъ о долготѣи и благоденствіи вашего величества.» Пересь писалъ, въ тогъ же день, толедскому кардиналу и Діего де-Чавессу: онъ умолялъ ихъ настроить короля въ свою пользу.

Побѣгъ Переса произвелъ всеобщее удовольствіе. Даже шутъ Филиппа II, который, прикидываясь глупымъ, позволялъ себѣ, подобно всѣмъ своимъ соменникамъ, вольность въ обращеніи съ государемъ, сказалъ ему, по этому случаю, въ присутствіи всего двора: «Государь, да что это за Антоніо Пересь? всѣ радуются его освобожденію. Онъ, вѣроятно, не виновенъ: такъ радуйтесь же и вы, глядя на прочихъ». Переса однакожъ вслѣдъ схватили и бросили въ общественную тюрьму жену и всѣхъ дѣтей его. Съ самую горькую и желчную вроніей повѣствуетъ Пересь объ этомъ безчеловѣчномъ поступкѣ: «На слѣдующій день моего побѣга, въ великій-четверкъ (святость дня куда какъ согласовалась съ безбожными дѣланиями!), положили руки на мою жену и дѣтей, изъ которыхъ многія еще не ходили (каждый изъ нихъ, можно вообразить себѣ, такъ и смотрѣлъ сорви-головой или злодѣемъ!). Зрители плакали и роптали. Впрочемъ, пельза было и не предупредить побѣга этихъ Барбаруссовъ и Алучалисовъ (*), этихъ жалкихъ и едва оперившихся птенцовъ; а мать ихъ была еще опаснѣе: на восьмомъ мѣсяцѣ бременности... на первомъ ляхомъ африканскомъ скакунѣ она непременно ускакала бы. Вотъ въ какомъ положеніи арестовали ее съ дѣтьми, и притомъ въ такой день, когда прощаютъ самыхъ ожесточенныхъ грѣшниковъ; повели же ихъ... но это, вѣроятно, съ умысломъ: какъ такому доблестному подвигу быть безъ свидѣтелей!... въ то самое мгновеніе, когда всѣ улицы бывають запружены народомъ; когда кающіеся торжественно и длинной вереницей тянутся вслѣдъ за крестомъ Распятаго: ихъ повели въ общую... въ городскую тюрьму!.. Мѣсто и общество, обыкновенно тамъ встрѣчаемое, были такъ пристойны и званію, и полу, и возрасту новыхъ преступниковъ.» Нѣсколько далее, онъ прибавляетъ

(*) Алжирскіе Денъ.

съ краснорѣчивой энергіей: «Жена, способствовавшая въ бѣгствѣ изъ темницы мужу, такъ долго томившемуся и доведенному до столь бѣдственнаго положенія, оправдывается какъ обще-человѣческимъ, божественнымъ, гражданскимъ закономъ, такъ и частными законами Испаніи. Саулъ, преслѣдуя Давида, не смѣлъ коснуться Мельхолы, своей дочери; а Мельхола спасла мужа отъ безумной ярости своего отца. Естественное, гражданское и каноническое право прощаетъ жену во всемъ, что бы ни сдѣлала она для защищенія мужа. По спеціальному закону графа Фернана Гонсалеса, она — неприкосновенна; а по единодушному признанію всѣхъ народовъ, такіе примѣры самоубвенія и супружеской любви достойны вѣковой и непреходящей памяти. Что же, послѣ всего этого, скажете вы о дѣлахъ, еще невышедшихъ въ-додъ непосредственнаго вліянія матери? Они — и по невѣднію, и по самимъ лѣтамъ — чужды родительскихъ тайнъ; не чужды ли былъ тѣмъ болѣе ребенокъ, сдѣлавшійся до своего появленія на свѣтъ узникомъ? Онъ, не имѣя возможности быть виновнымъ, уже испытывалъ на себѣ казнь: кто могъ ручаться за его жизнь?... и развѣ не уморили одного изъ его братьевъ, когда донья-Хуана Козельо была арестована въ лиссабонской рейдѣ?»

Наконецъ, слѣдуютъ эти, дышащія мщеніемъ, мстительностью угрозы: «Но не обманитесь въ расчетъ: у подобныхъ тюремщиковъ два самые могущественные земные ходатаи — невпичность и злополучіе. Они проникнутъ глубже всѣхъ Цицероновъ и Демосѣеновъ въ тайники сердець, и сильнѣе ихъ взволнуютъ умы, потому-что Богъ даровалъ имъ великое преимущество: непрерывно и во всеуслышаніе вопіять о правосудіи, и быть въ одно время адвокатомъ и благодѣтелемъ; они рѣшатъ, немолчно вопіи о правосудіи, дяво, которому здѣсь пѣтъ другаго судьи, кромѣ Бога. И цѣ полагайтесь, нечестивцы, на шипное косяніе суда Господня: онъ уже близокъ; уже передъ вами тотъ роковой часъ, когда съ лихвою взъщутся съ васъ всѣ неправды ваши и разразятся надъ вами кары суда небеснаго.»

Немедленно начались преслѣдованія противъ Переса. Не прошло десяти часовъ по прибытіи его въ Калатаюдъ, какъ уже былъ полученъ приказъ схватить его, живаго или мертваго, до переправы черезъ Эбро. Пересъ и сотоварищъ его Майорини уже успѣли укрыться въ доминиканскомъ монастырѣ святаго мученика Петра. Калатаюдскій дворянинъ, донъ-Мануэль Сапата, по давнимъ родовымъ отношеніямъ обожалъ омовъ, врагъ Переса, явился въ монастырь, и повѣстия Пересу объ арестѣ.

Погибъ бы Пересъ, еслибъ былъ представленъ арагонскимъ фискаломъ Филиппа II въ королевское судилище! Хиль де-Меса, въ избѣжаніе этой опасности, опрOMETRY пустился въ Сарагоссу, гдѣ ограждалъ Переса и Майорини привилегіей *манифестадовъ*, привилегіей, по которой они, въ силу *фуэровъ* (*fueros*), поручались верховному трибуналу главнаго арагонскаго судьи. Итакъ, между-тѣмъ, какъ помощникъ арагонскаго правителя, послѣзшно пріѣхавшій въ Калатаюдъ, спорилъ съ монахами о выдачѣ королевскихъ арестантовъ, прибылъ туда же,

съ пятьюдесятью солдатами, донъ Хуанъ де-Люна, баронъ де-Пуррой, одинъ изъ депутатовъ арагонской провинціи. Вспомоществуемый калатаюдскою чернью, возставшею во имя своихъ правъ, донъ-Хуанъ де-Люна препроводилъ Переса и Майорини въ Сарагоссу, въ темницу *Фуэро*. Тогда подана была на Переса формальная жалоба: 1) въ убіеніи Эсковедо, ложно воспользовавшись для этого именемъ короля; 2) въ измѣнѣ государю разглашеніемъ государственныхъ тайнъ и передѣлываніемъ депешей; 3) въ бѣгствѣ.

Не смотря на свое могущество, Карлъ V и Филиппъ II не трогали конституціи Арагонцевъ. Изъ среды самихъ же Арагонцевъ избирались ими постоянно и коронные чиновники, и вице-король, какъ представитель власти королевской. Ни одинъ чужеземный солдатъ не впускался во внутренность Арагоніи. Арагонія сама собою управлялась и судилась, сама же себя и охраняла. Кортесы, раздѣляясь на четыре степени, или *brazos*, состояли изъ архіепископовъ, высшаго дворянства, или *ricos hombres*, депутатовъ средняго сословія, въ разрядъ котораго входили *cavalleros* и *hidalgos*, и изъ депутатовъ городскихъ. Черезъ каждые два года, собирались кортесы королемъ, который на ихъ собраніяхъ присутствовалъ самъ, или посылалъ вмѣсто себя одного изъ принцевъ королевскаго дома. Они распределяли налоги, совѣщались о государственныхъ дѣлахъ, и рѣшали миръ и войну. Король, безъ особеннаго и единодушнаго согласія кортесовъ, не распускалъ и не продолжалъ ихъ засѣданій, на которыя обыкновенно полагалось не болѣе четырнадцати дней. По два члена изъ cadaго *brazo* выбирались для особенной комиссіи, совмѣщавшей въ себя, во время двухлѣтняго промежутка, всѣ права этого верховнаго собранія.

Судопроизводство—эта первая, но позже всего удовлетворяемая потребность всѣхъ человѣческихъ обществъ, было организовано въ Арагоніи прочнее и чутливей, чѣмъ гдѣ-либо. Тамъ, какъ и въ прочихъ владѣніяхъ испанской монархіи, были и королевскіе и церковные суды. Но всѣ эти чиновники зависѣли отъ высшаго правительствующаго лица, называвшагося верховнымъ судьей, *justicia mayor*. Верховный судья, происходя изъ дворянъ втораго класса, долженъ былъ покровительствовать народу и стоять за права его. Каждый Арагоонецъ, недовольный рѣшеніемъ высшихъ инстанцій, могъ войти съ апелляціей на нихъ къ нему. Въ такомъ случаѣ, *justicia mayor*, отсрочивая производство казни, разбиралъ, съ пятью помощниками своими, ходъ и сущность дѣла, и отменялъ опредѣленія, противныя народнымъ привилегіямъ. Онъ судилъ публично; ни пытка, ни насиліе не употреблялись при допросахъ его; темница, гдѣ сживали подсудимые ему преступники, именовалась темницей *манифестацин*; а власть его была, съ самыхъ давнихъ временъ, предметомъ самаго страстнаго обожанія. Онъ, постановлялся, конечно, королемъ; но король не смѣнялъ этого грознаго поборника арагонской конституціи. Пыстунъ *фуэровъ*, *justicia mayor* отдавалъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ лишь кортесамъ; одно собраніе кортесовъ, слѣдственно, какъ средоточіе

всей народной силы, увольняло его отъ должности, но и то лишь тогда, когда онъ бывалъ нерадивъ или невѣренъ своему долгу.

Эгда этой-то власти, возложенной тогда на дона Хуана де-ла-Нуса, присъснила собой и Антонио Переса, по прибытія его въ Сарагосу. Въ Сарагоссъ же, съ тѣмъ, чтобъ дать гораздо-большій размѣръ вліанію своего монарха, находился и комиссаръ Филиппа II, донъ-Иниго де-Мендоса, маркизь д'Альменара. Филиппъ II, основавъ въ Мадритѣ верховный арагонскій советъ, слѣдившій за важнѣйшими дѣлами королевства, предпринялъ новое преобразование. Онъ наставлялъ въ правѣ своемъ назначать намѣстникомъ Арагоніи не урожденного Арагонца, а кого ему вздумается. Маркизь д'Альменара долженъ былъ ходатайствовать объ этомъ передъ трибуналомъ верховнаго арагонскаго судьи. Маркизь, получивъ обвинительные документы, а вмѣстѣ съ ними и именное повелѣніе подать на Переса искъ въ верховное судилище Арагоніи, приказалъ приставить къ темницѣ стражу и сталъ дѣйствовать за-одно съ королевскимъ фискаломъ. Началась тяжба. Такъ-какъ можно еще было остановить ходъ процесса, то Пересъ снова сталъ молить о пощады; но къ моленіямъ его примѣшивались уже и угрозы... 8-го и 10-го мая, онъ писалъ касательно этого къ королевскому духовнику. Упомянувъ о гоненіяхъ, однанадцать лѣтъ его преслѣювавшихъ; исчисливъ все обѣщанія, которыми, пока бумаги находились у него, убаюкивали его, и изъ которыхъ ни одно не было выполнено; объявивъ рѣшительно, что не потерпитъ болѣе никакихъ угнетеній, и предупредивъ, что у него, сверхъ чаянія ихъ, есть такіе документы, по которымъ дѣло предстанетъ во всей своей истинѣ, онъ продолжаетъ говорить такъ:

«Прошу васъ поразмыслить, не обязаны ли вы, по совѣсти и по человѣчеству, защищать и надумать меня, что и какъ дѣлать мнѣ въ столь затруднительномъ положеніи. Придумайте средство, къ которому бы я могъ прибѣгнуть въ настоящемъ положеніи дѣла. Глубоко укоренены въ моемъ сердцѣ вѣрность и преданность къ государю, и я, для его блага, готовъ всемъ жертвовать. Разсмотрите, не лучше ли, чѣмъ принуждать меня къ оправданію или представленію остающихся у меня доказательствъ, но лучше ли, говорю, теперь же прекратить весь этотъ процессъ... Не хотите этого, такъ позвольте мнѣ прибѣгнуть къ покровительству церкви: я согласенъ и на то, хотя и наляжетъ на меня, при этомъ, некоторая тѣнь виновности; особенно прошу васъ не медлить рѣшеніемъ моихъ вопросовъ, тѣмъ болѣе, что при началіи процесса затрудненія увеличатся, а при здышнѣкъ судопроизводства и таинственность невозможна. Повѣрьте мнѣ хоть въ этомъ, хотя, вы и не удостоивали меня своей вѣры прежде... Прошу не предпринимать, относительно меня, никакихъ строгостей; пусть дозволятъ мнѣ жить съ женою и съ дѣтьми гдѣ-нибудь въ уголку Испаніи. Въ такомъ случаѣ, я предпочту, безъ сомнѣнія, всему въ мірѣ волю короля и повиновеніе его особѣ, повинновеніе, въ которомъ я присягалъ передъ распятымъ божественнаго Страдалца.»

Но на эти письма не было никакого отвѣта. Хранившіе молчаніе въ

Мадридъ дѣйствовали въ Сарагоссѣ, по подземными путями. Интриги за интригами приводились въ движеніе маркизомъ д'Альменара, чтобы овладѣть Пересомъ и отослать его обратно въ Кастилію. Но всѣ успія маркиза сокрушались. Пересъ полагалъ, что ему не отвѣчаютъ изъ Мадрида и не хотятъ вступать съ нимъ въ переговоры лишь потому, что почитаютъ его вне всякой возможности защищаться. Въ слѣдствіе этого, онъ старался убѣдять своихъ враговъ въ противномъ. Вотъ что писалъ онъ, 10 іюня, Филиппу II: «Государь, дѣло идетъ все впередъ, и я вынужденъ представить мое оправданіе; честь моя, честь моихъ предковъ и «дѣтей... въ опасности. Дѣло это такого рода, что я счелъ неудобнымъ «объяснить его вашему величеству на бумагѣ, а предпочелъ изустное «позвѣщеніе.»

Для изустнаго позвѣщенія, онъ отправилъ къ Филиппу II пріора Готорскаго Монастыря, показавъ ему, подъ крестнымъ цалованіемъ, всѣ свои бумаги. Онъ снабдилъ пріора копіями съ некоторыхъ изъ писемъ, а также и съ тѣхъ писемъ Діега де-Чавеса, которыя прямо относились къ дѣлу. Пересъ, сверхъ-того, вручилъ ему самыя подробныя и мастерски-составленныя выписки изъ показанія, которое намѣреался представить въ судъ, для отклоненія отъ себя обвиненій въ изменѣ, въ убійствѣ и побѣгѣ. «Пусть же, сказалъ онъ ему, «узнаютъ отъ васъ о моихъ сокровищахъ, которыя выставятся мною на показъ передъ цѣлымъ трибуналомъ; я горжусь ими: они поразятъ славу и честь многихъ знаменитостей. Осадивъ мой домъ алгазилами и вырвавъ у меня всѣ документы, враги мои думали вырвать меня въ бездну... Но Господь, передъ которымъ нѣтъ ничего скрытаго, хранитъ навсегда, если то нужно, въ неисчерпаемой сокровищницѣ своего милосердія и правосудія противодіе отъ злобы и коварства людей. И Онъ попустилъ сберечь мнѣ некоторые бумаги, неоцѣнныя для меня и ясно доказывающія мою певнность. Но не смотря на то, что я вижу возможность не только оправдаться, но и явить цѣлому свѣту свою истинно-примѣрную вѣрность къ престолу, я предпочитаю, какъ всегда, пожертвовать самимъ собой для блага короля.»

Готорскій пріоръ, которому Пересъ, въ заключеніе всего, далъ письма къ духовнику и къ толедскому кардиналу, добросовѣстно исполнилъ возложенное на него порученіе. Филиппъ II два или три раза бесѣдовалъ съ нимъ лично, пересмотрѣлъ всѣ бумаги, адресованныя ему, и, по-видимому, былъ чрезвычайно-доволенъ этимъ предувѣдомленіемъ. Но чрезъ нѣсколько же дней былъ обнародованъ противъ Переса слѣдующій приговоръ: «Въ городъ Мадридъ и при дворѣ его величества, короля и нашего государя, дон-Филиппа - Второго, котораго да хранитъ Господь, въ первый день мѣсяца іюля, въ лето отъ Р. Х. 1590, сеньоры: Родриго Васкесъ де-Ареа, президентъ совѣта финансовъ, и лиценціатъ Хуанъ-Гомесъ, членъ совѣта его величества, рассмотрѣвъ процессъ и вину Антоніо Переса, бывшаго секретаремъ его величества, присудили упомянутаго Переса къ смерти на виселицѣ, съ соблюденіемъ таковаго порядка казни: повлечь, какъ то обыкновенно бываетъ, виновнаго улицами города до самой виселицы, и, отрубивъ

ему, по смерти, желѣзнымъ или стальнымъ ножемъ голову, выставить ее передъ цѣлымъ народомъ на томъ мѣстѣ, которое расудать избрать судьи, съ объявленіемъ при томъ смертной казни тому, кто дерзнетъ ее похитить; сверхъ-того, присудили его, Переса, къ лишенію всего имущества, которое, для погашенія издержекъ, потраченныхъ на производство процесса, немедленно же описать въ казну его величества. Такимъ образомъ изрекли, повелѣли привести въ исполненіе и скрѣпили этотъ приговоръ лиценціатъ Родриго Васкесъ и лиценціатъ Хуанъ-Гомесъ.»

Этотъ приговоръ разсѣялъ всякую надежду Переса на прощеніе. А между-тѣмъ, въ Сарагоссѣ процессъ шелъ своимъ порядкомъ. Вынужденный оправдаться, Пересъ составилъ свою знаменитую «Записку» — *Memorial del hecho de su causa*. Онъ не умолчалъ ни о чемъ, и, въ подтвержденіе своихъ словъ, представилъ подлинныя письма Діаго де-Чавеса. Филиппъ II, потребовалъ краткій перечень дѣла и просилъ мисера Баптисту де-ла-Нуса, докладчика при арагонскомъ верховномъ судѣ, чтобъ онъ высказалъ ему о томъ свое мнѣніе. Мисеръ Баптиста де-ла-Нуса, вкратцѣ изложивъ королю сущность процесса, присовокупилъ, что Пересъ, по его мнѣнію, будетъ оправданъ по всемъ обвинительнымъ пунктамъ. Немедленно воспослѣдовалъ приказъ Филиппа II прекратить искъ на Переса, начатый маркизомъ д'Альме-нара.

Въ этомъ приказѣ, писанномъ отъ 20-го сентября, король, выражается такъ: «Антонио Пересъ вздумалъ защищаться публично; «публично же можно было бы и опровергать его: и тогда, конечно, никто не усомнился бы въ важности его преступленій. Но «наши опроверженія неминуемо затронули бы такіа дѣла, которыя «вовсе несомѣстны съ общественнымъ судопроизводствомъ; такіа тай-«ны, которыхъ никакъ нельзя разглашать всенародно; такіа лица, «добрая слава и честь которыхъ гораздо важнѣе, чѣмъ осужде-«ніе Переса: а потому я считаю за приличное отказаться отъ пре-«слѣдованія его передъ судомъ арагонскимъ. Моя справедливость из-«вѣстна. Удостоверяю, что преступленія Переса, и по стеченію обстоя-«тельствъ, и по времени, и по образу выполненія, едва-ли не безпри-«чынны въ лѣтописяхъ государства. Я прекращаю процессъ; но истина, «которую я долженъ покровительствовать, какъ король, и всегда покрови-«тельствовалъ, — всегда и вездѣ должна оставаться непреложной. «И хотя я оставляю теперь уголовное обвиненіе, начатое противу «Антонио Переса, но мои права на него неприкосновенны, и я сохра-«няю при себѣ все свое право и свободу преслѣдовать его передъ вся-«кимъ другимъ судомъ и требовать отъ него отчета въ тѣхъ же самыхъ «преступленіяхъ.»

Арагонскій трибуналъ призналъ Переса правымъ. Шестой день послѣ приказа сего былъ ознаменованъ новымъ гоненіемъ. Хотѣли обвинять Переса въ отравленія астролога Педро де-ла-Эра и Родриго де-Моргадо; но должныя показанія доносчиковъ опроверглись свидѣтельствомъ врачей, доказавшихъ, что они оба умерли естественною смертію.

Не удалось одно, прибѣгли къ другому. Король имѣлъ право судить, въ Арагоніи, тѣхъ изъ своихъ чиновниковъ, которые замѣчались въ лихоимствѣ; ихъ уже не спасала, въ такомъ случаѣ, и привилегія арагонскаго суда. Маркизь д'Альменара затѣялъ подобный процессъ противъ Переса, какъ лихоимца, и сталъ требовать, чтобъ justicia та-жогъ выдалъ ему подсудимаго. Но Пересъ вывернулся и изъ этого: стоявъ всегда на службѣ въ Кастиліи, онъ не могъ быть причисленъ къ разряду королевскихъ чиновниковъ, служившихъ въ Арагоніи, для которыхъ собственно и существовалъ законъ объ изъятіи изъ привилегій арагонскихъ; да, сверхъ-того, у него имѣлись, какъ онъ говоритъ, письма короля, отводившія отъ него всякое подозрѣніе и въ этомъ случаѣ. Обвинить Переса въ лихоимствѣ было столь же неудачно, какъ были неудачны все прежнія мадритскія затѣи. Пересъ сталъ проситься на свободу: были за него и поруки.

Но въ католической Испаніи былъ одинъ трибуналъ, который своимъ религіознымъ характеромъ и всепроникающимъ духомъ владычествовалъ надъ всеми прочими; онъ преслѣдовалъ мысли, а не дѣянія, и почти всегда казнилъ тѣхъ, которыхъ щадила рука свѣтскаго правосудія: мы говоримъ объ инквизиціи. Ее-то подвинули на Переса, который лишь своимъ умомъ, ловкостью и при помощи всеобщаго участія, кое-какъ отыгрывался отъ козней. При изобрѣтательности въ вымыслахъ, при плодovitости и многосторонности толкованій и при таинственности инквизиціоннаго судопроизводства, легче всего можно было обвинить въ ереси. У раздраженнаго Переса, въ присутствіи людей, которыхъ онъ считалъ своими друзьями, вырвались подъ-часъ нѣсколько-неосторожныя слова, заклеянные больше отчаяніемъ, чѣмъ безбожіемъ. Сверхъ-того, онъ и сотоварищъ его въ тюрьмѣ, Хуанъ Франсеско Майорини, желая избавиться отъ новыхъ насилій, думали бѣжать во Францію или Голландію. Этого было достаточно. Кто неостороженъ на словахъ, тотъ, следовательно, и безбожникъ; кто ищетъ пристанища у еретиковъ, тотъ и самъ еретикъ. Таковы были умозаключенія инквизиціи.

Маркизь д'Альменара подкупилъ Діего Бустаменте, восемнадцать лѣтъ находившагося у Переса въ услуженіи, и Хуана де-Басанте, учителя греческой и латинской грамматики въ Сарагоссѣ, выдававшего почти каждый день съ узникомъ. Полагаясь на вѣрность одного и на дружбу другаго, Пересъ — что, впрочемъ, довольно-странно — не тавлъ отъ нихъ ни своихъ помысловъ, ни желаній. Они передали слова и намѣренія его одному изъ арагонскихъ инквизиторовъ, дону-Молина де-Медрано, который, при содѣйствіи маркиза д'Альменара, началъ производить слѣдствіе, между-тѣмъ, какъ королевскій фискаль в Пересѣ рѣшали вопросъ о лихоимствѣ. Инквизиторъ донъ-Молина де-Медрано выслушалъ еще Хуана Лювсъ де-Люна, Автона де-ла-Альменія и шесть другихъ свидѣтелей. По окончаніи розыска, сарагосскій трибуналъ переслалъ это дѣло въ Мадридъ, въ верховное инквизиціонное судилище. Верховный инквизиторъ, донъ-Гаспаръ де-Кирога, отдалъ присланныя бумаги духовнику Филиппа II, мойаху Діего де-Чавесу, который, какъ доклад-

чакъ инквизиціоннаго трибунала, нашелъ въ выраженіяхъ, приписываемыхъ Пересу, преступленіе противъ религіи, крайнюю ересь, и даже безбожіе.

Нашедши также еретическое направленіе въ словахъ и поступкахъ Хуана-Франсеско Майорини, монахъ Діега де-Чавесъ, 4 мая 1591 года, сообщилъ свое сужденіе верховному инквизиціонному совету. Верховный инквизиторъ, донъ-Гаспаръ де-Кирога, и три члена верховнаго трибунала рѣшили, чтобъ Переса и Майорини, для формальнаго судопроизводства надъ ними, посадить въ потаенныя темницы арагонской инквизиціи. Черезъ два дня, прибылъ изъ Мадрита въ Сарагосу курьеръ съ декретомъ верховнаго совета. Инквизиторы, Молина де-Медрано, Уртадо де-Мендоса и Морехонъ, получили этотъ декретъ 23 мая, а 24, утромъ, въ замкѣ Альхаферія, древнемъ дворцѣ маврскихъ владѣтелей, лежавшемъ внѣ города и служившемъ теперь мѣстомъ засѣданій трибунала, уже состоялось слѣдующее приказаніе: «Мы, инквизиторы, властью апостольской поставленные для противо-дѣйствія ереси и богоотступничеству въ Арагонскомъ Королевствѣ, повелеваемъ вамъ, Алонсо де-Геррера, алгазилу святой инквизиціи, чтобъ вы, по полученіи этого предписанія, немедленно отправились въ Сарагосу и овладѣли особой Антонио Переса, бывшаго некогда секретаремъ нашего государя, гдѣ бы онъ, Пересъ, ни укрывался, не смотря ни на святость, ни на привилегіи мѣста; повелеваемъ вамъ также, чтобъ вы, овладѣвъ имъ, препроводили его, съ должной предосторожностью и безопасностью, въ темницы святой инквизиціи, и передали алкаду этихъ темницъ, при одномъ изъ нотаріусовъ тайныхъ *«даль (del secreto)»*».

Алгазилъ Алонсо де-Эррера, съ подобнымъ же предписаніемъ касательно Майорини, явился, съ восемью инквизиціонными приставами, въ темницу манифестадовъ; но узниковъ ему не выдали: то было несогласно съ формальными постановленіями арагонскихъ привилегій. Трое инквизиторовъ, уведомленные объ этомъ отказѣ, дали отъ себя другое приказаніе, прямо относившееся къ самимъ помощникамъ верховнаго судьи. Въ немъ говорилось: «Подъ страхомъ отлученія отъ церкви и со взъисканіемъ штрафа, по двѣ тысячи червонцовъ за каждаго, — кромѣ другихъ наказаній, — предписываемъ вамъ, чтобъ вы, въ продолженіе трехъ часовъ, выдали нашему алгазилу Антонио Переса и Франсеско Майорини, для препровожденія ихъ въ инквизиціонную темницу. Не смѣайте, при этомъ, на такъ-называемую *манифестацию* (*) преступниковъ; эта *манифестация*, стѣсня свободное отправленіе праведныхъ дѣйствій святой инквизиціи, не можетъ имѣть никакого значенія въ дѣлахъ вѣры, особенно столь важныхъ, какъ дѣло настоящее».

Приказаніе инквизиторовъ получено верховнымъ арагонскимъ судьей донъ-Хуаномъ де-ла-Нуса, около девяти часовъ утра; онъ, съ своими

(*) Право, по которому обвиняемые не подвергались никакому другому суду, кромѣ суда верховнаго арагонскаго судьи.

пятью помощниками, былъ уже въ залъ совѣта. Но въ эту же самую ночь имѣлъ онъ тайное свиданіе съ маркизомъ д'Альменара, который уговорилъ его не противиться инквизиціи. Вотъ почему донъ-Хуанъ де-ла-Нуса, посовѣтовавшись, впрочемъ, прежде съ своими помощниками, согласился на ея требованіе. Онъ послалъ секретарей Лансемана де-Сола, Матео Феррера и нотаріуса Мендибе въ темницу манифестадовъ, для выдачи Переса и Майорини инквизиціонному алкаяду. Приказаніе его было исполнено въ точности: описали, какъ водятся, вещь Пересъ; между ними нашли экземпляръ арагонскихъ привилегій, портретъ Гонзало Переса, отца его, в образъ Богоматери *о състьх скорблщей* — предметы, которые, конечно, вразумляли его и укрѣпляли его духъ къ перенесенію страданій. Пересъ и Майорини съели въ карету: она покатила по дорогѣ въ Альхаферія.

Не смотря на поспѣшность и таинственность, съ какими все это совершалось, вѣсть о выдачѣ узниковъ мгновенно разнеслась по всему городу и взволновала жителей Сарагоссы. До Переса доходили слухи прямо изъ инквизиціоннаго дворца, черезъ посредство Франсеско Валлеса, секретаря инквизиціи, обязаннаго ему своимъ мѣстомъ. Инквизиторъ Морехонъ, Араговецъ въ душѣ, былъ расположенъ къ нему также. Пересъ, между-тѣмъ, уведомлялъ своихъ приверженцевъ о всемъ происходившемъ. На его сторонѣ было все высшее дворянство. Трое изъ дворянъ, вѣроятно, поръшительнѣе прочихъ, донъ-Мартинъ де-ла-Нуса, донъ-Педро де-Болеа и донъ-Ибанъ Косконъ, часто посѣщавшіе Переса въ заключеніи, появились на площади, у самой темницы манифестадовъ, въ то время, какъ выдавали пѣнниковъ инквизиторамъ. Они спросили у одного изъ приставовъ инквизиціи, что все это значило? «Не ваше дѣло» отвѣчалъ имъ приставъ: «убирайтесь съ Богомъ своей дорогой». Съ тѣмъ же вопросомъ они обратились къ алкаяду темницы и упрекали его въ нарушеніи *манифестаціи*. Алкаядъ сказалъ имъ, что онъ дѣйствуетъ по приказанію членовъ верховнаго арагонскаго совѣта, воспоминававшему на отношеніе инквизиторовъ.

Тотчасъ же, въ сопровожденіи народа, столпившагося на площади, они пошли во дворецъ верховнаго судьи, бывшій по соседству съ темницей. Верховный судья отвѣчалъ имъ, что онъ поступалъ согласно съ привилегіями, запрещающими ему держать узниковъ, подсудимыхъ инквизиціи, и просилъ ихъ успокоиться и удалиться. Они отправились послѣ того въ залу безсмынной депутаціи, заседавшей въ томъ же самомъ дворцѣ. Депутаты, приведенные ими къ верховному судья, повторили ему слова ихъ. Но таковъ же былъ отвѣтъ верховнаго судьи и депутатамъ.

Донъ-Мартинъ де-ла-Нуса, донъ-Педро де-Болеа, донъ-Ибанъ Косконъ, видя несговорчивость судей, прибѣгли къ помощи народа. Въ Сарагоссѣ вспыхнулъ ужасный бунтъ. Въ нѣсколько минутъ, стеклось безчисленное множество вооруженныхъ людей. Одни изъ нихъ устремились къ дворцу инквизиціи, другіе — къ дому маркиза д'Альменара. Маркизу приписывали и заключеніе въ тюрьму Переса, и тайное посягательство на неприкосновенность провинціальныхъ привилегій.

Между-тѣмъ, другая партія, прибывъ въ Альхаферіа, стала требовать отъ инквизиторовъ выдачи плѣнниковъ. Инквизиторы, запершись въ своемъ украшенномъ замкѣ, прерывающе смотрѣли на бѣснующійся народъ. Чтобъ пробудить ихъ отъ дремоты и самонадеянности, донъ-Педро де-Сесе велѣлъ привести цѣлыя возы дровъ и хотѣлъ поджечь замокъ; народъ, толпясь около инквизиціоннаго дворца, кричалъ: «Кастильскіе сватоши! освободите плѣнниковъ; не то мы сождемъ васъ точно такъ же, какъ вы сжигаете другихъ». Въ это самое время, вице-король донъ-Хамено, испуганный возстаніемъ, пріѣхалъ, съ докторомъ Монреалемъ, оффиціаломъ сарагосскаго архіепископа Бобадильи, къ инквизиторамъ. На домогательство черни, вице-король отвѣчалъ: «Сдѣлаю все, мои дѣти, окажется вамъ правосудіе, и никто не посмѣетъ не уважать вашихъ привилегій.» И дѣйствительно, онъ предложилъ инквизиторамъ выдать узниковъ. Архіепископъ Бобадилья съ своей стороны писалъ имъ: «Домъ маркиза д'Альменара осажденъ и, для отклоненія опасности, угрожающей особѣ маркиза, нѣтъ иного средства, какъ перемѣнить Антоніо Переса въ темницу манифестадовъ.»

Инквизиторы Уртадо де-Мендоса и Морехонъ, казалось, расположены были къ уступкѣ; но неговорячивый Молина де-Медрано отвергъ это предложеніе, какъ слабость, недостойную слугителей инквизиціи и охранителей вѣры. Рѣшились — не освобождать преступниковъ; но опасность вскорѣ увеличилась, и графы д'Аранда и де-Мората нарочно прибыли въ Альхаферію, чтобъ склонить инквизиторовъ на уступку. Въмѣстѣ съ тѣмъ, архіепископъ прислалъ имъ второе письмо, болѣе убѣдительное, чѣмъ первое, и велѣлъ сказать, что дѣла становятся часъ-отъ-часу хуже, что матежники поджидаютъ ночи, намѣриваясь, въ случаѣ невыдачи Переса, поджечь архіепископство, домъ верховнаго судьи, Альхаферію и предаться всякаго рода неистовствамъ. Инквизиторы все еще спорили; какъ вдругъ донъ-Хуанъ Патернои предсталъ предъ нихъ съ третьей и законической запиской отъ Бобадильи: «Освобожденіе Переса необходимо; сейчасъ же отошлите его въ темницу манифестадовъ». Онъ извѣщалъ ихъ притомъ, что маркизъ д'Альменара опасно раненъ. Упорство Молины поколебалось. Пересъ и Майорни, около пяти часовъ вечера были отданы на руки вице-королю и графамъ д'Аранда и де-Мората. Но инквизиторы, уступая узниковъ, не хотѣли уступить своихъ правъ на нихъ: они просили держать еретиковъ подъ крѣпкою стражей, и чтобъ темница манифестадовъ была имъ, въ этомъ отношеніи, не легче инквизиціонной.

ФИЗИОЛОГИЯ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО МОЗГА.

(Письма (*) къ А. И. Валадину.)

Статья первая.

=

Очеркъ нервной системы. — Становой и головной мозгъ. — Составныя части мозга. — Большой мозгъ, или собственно такъ-называемый мозгъ. — Мозжечокъ. — Предметъ *френологии*. — Система Галля. — Вліяніе физическихъ условій мозга на умственные отправления. — Опредѣленіе объема и конфигураціи головы. — Начертаніе топографіи побужденій на тѣлической и на всякой данной головѣ. — Группированіе побужденій и различныя степени ихъ развитія.

Je n'ai pas l'intention de dire que les philosophes, les moralistes et les métaphysiciens n'ont pas rendu des services à la physiologie. Mais il est bien connu que les astrologues ont été utiles à l'astronomie, que les alchimistes ont fait une grande partie des découvertes chimiques, et cependant tout le monde pense que les astronomes ont fait une bonne opération en se séparant des astrologues, et les chimistes une également bonne en se débarrassant des alchimistes. (*Lettres d'un habitant de Genève à ses contemporains*. 1802).

I.

Вамъ еще не наскучило повторять ваши жалобы на мою лѣнь, а я уже усталъ читать ихъ. Не одна лѣнь причиною тому, что я медлилъ удовлетвореніемъ вашего любознѣтства. Вы знаете, чѣмъ и какъ много былъ я занятъ до моего отъѣзда за границу. Могъ ли я найти довольно времени для предмета, въ которомъ не было ничего общаго съ тогдашнею моею спеціальною? Не ожидайте обширныхъ и по-

(*) Изъ Нарама, въ 1846 и 1847 годахъ.

дробныхъ свѣдѣній: я ихъ не имѣю, и сообщу вамъ только часть изъ небольшого моего запаса.

Вы получите сначала поверхностную идею о нервной системѣ вообще. За нею будетъ слѣдовать весьма-краткій очеркъ анатоміи и физиологіи тѣхъ только частей головы челоуѣка, которыя находятся въ ближайшемъ сношеніи съ полушаріями большого мозга. Мы остановимся долѣе на этомъ послѣднемъ предметѣ, о которомъ физиологи говорятъ очень-мало, не смотря на то, что большой мозгъ составляетъ главнѣйшую часть всего животнаго организма. Послѣ того, мы должны будемъ оставить экспериментальную физиологію и обратиться къ предмету непріязни, гоненія и даже неумолимой злобы большаго части новѣйшихъ физиологовъ—однимъ словомъ, къ *френологіи*. Въ ученіи Галля мы найдемъ то, чего не достаетъ у другихъ физиологовъ. Вы увидите, до какой степени я далекъ отъ того, чтобъ принимать безусловно все это ученіе; въ то же время мнѣ нельзя было не признать истинными тѣхъ наблюденій, въ которыхъ я имѣлъ случай положительно удостовѣриться. Я сообщу вамъ усовершенствованія, сдѣланныя въ френологіи послѣ Галля; нѣкоторыя изъ нихъ еще нигдѣ не напечатаны. Приложение френологіи къ животнымъ я отстранилъ вовсе отъ нашего предмета, потому-что оно очень-мало обработано. Имъ занимался одинъ только докторъ *Вимонъ* (Vimont). Приступимъ къ дѣлу.

Замѣчая въ какомъ-нибудь существѣ постепенное развитіе, т. е. зарожденіе, юность, зрѣлость, старость и разрушеніе, мы говоримъ, что это существо *живетъ*, и называемъ *жизнію* процессъ развитія, отъ зарожденія до разрушенія. Процессъ этотъ совершается посредствомъ прибора, называемаго *организмомъ*, заключеннаго въ живущемъ существѣ и наполняющаго его до такой степени, что всѣ части существа безъ исключенія суть, въ то же время, и части прибора, болѣе или менѣе необходимыя для его существованія. Всякая частица живущаго существа представляетъ *вещество органическое*, и обратно, *съ природою* нѣтъ никакого органическаго вещества, которое бы не принадлежало когда-либо существу живущему.

Назвавъ *жизнію* процессъ развитія существа отъ зарожденія до разрушенія его, мы сдѣлали опредѣленіе жизни, общее для всѣхъ органическихъ существъ. Это, въ настоящемъ смыслѣ, жизнь растительная; метафорически же, слово *жизнь* прилагаютъ и къ существованію неорганическихъ тѣлъ. Но въ *животныхъ*, собственно такъ называемыхъ, жизнь проявляется, сверхъ-того, своею особенностью, которая состоитъ въ ощущеніи внѣшнихъ впечатлѣній и въ способности двигаться по внутреннему побужденію. Назовемъ эту жизнь *жизнію сношеній съ внѣшнимъ міромъ*, или *жизнію внѣшнихъ сношеній*.

Слово *животное* происходитъ отъ слова *жизнь*. Живетъ и растение, но его не называютъ *животнымъ*; принято разумѣть подъ этимъ названіемъ тѣ только живущія существа, которыя одарены *жизнію сношеній съ внѣшнимъ міромъ*. *Дышащими* вообще ихъ нельзя назвать, потому-что нѣкоторыя между ними, на-примѣръ, изъ рода моллюсковъ и инфузорій, не имѣютъ дыхательныхъ органовъ. Свойственнае бы было дать имъ

названіе *одушевленныхъ*, съ оговоркою, что подъ словомъ «душа» мы разумемъ здѣсь не возвышенную, безсмертную душу, только челоуку принадлежащую, но причину или начало жизни *есть* животныхъ, начало чисто-матеріальное. И въ челоука мы будемъ разсматривать одно это матеріальное начало.

Иногда животныхъ опредѣляютъ существами, одаренными произвольнымъ движеніемъ; но въ животныхъ высшей организаціи всякое движеніе возбуждается вѣшними или внутренними причинами, которыхъ они не могутъ ни предупредить, ни противиться имъ, точно такъ, какъ *недотрога* (*mitosa*) не можетъ не сжать листьевъ своихъ отъ прикосновенія къ нимъ. Можно ли назвать подобное движеніе произвольнымъ?

Произведите довольно-сильное впечатлѣніе на вѣшнюю оболочку животнаго, и оно сдѣлаетъ движеніе, удостоверяющее, во-первыхъ, въ томъ, что животное ощущаетъ вѣшнее впечатлѣніе, и, во-вторыхъ, въ томъ, что внутри его заключается сила, которою животное приводитъ свое тѣло въ движеніе.

Но всѣ элементы организма животнаго способны передавать впечатлѣнія отъ вѣшней оболочки во внутренность и сообщать движеніе различнымъ частямъ тѣла по внутреннему побужденію. Назначеніе это имѣетъ система проводниковъ, называемыхъ *нервами*, которая распространяется, въ видѣ нитей и скопленій, по всѣмъ частямъ тѣла. Есть множество положительныхъ доказательствъ этого назначенія нервовъ, имъ однимъ принадлежащаго. Такъ, на-примѣръ, пораженные параличомъ члены лишаются чувствительности и движенія, и не смотря на это продолжаютъ жить растительною жизнью.

Между-тѣмъ, и отправленіе растительной жизни животныхъ производится также посредствомъ нервной системы. Въ животныхъ, имѣющихъ низшую организацію, нервная система проста и мало-чувствительна. Въ животныхъ высшей организаціи существуютъ двѣ части нервной системы: одна служитъ для *растительной жизни*, и ее-то одну имѣютъ животныя высшей организаціи, а другая—для *жизни вѣшнихъ сношеній*. Еще и теперь фізіологи раздѣлены между собою на двѣ сильныя партіи: одна, подъ вліяніемъ *Фалентина* (*Valentin*), утверждаетъ, что нервы растительной жизни не составляютъ независимой отъ мозга системы, а другая, возникшая два года тому назадъ, подъ предводительствомъ *Биддера* (*Bidder*) и *Фолькмана* (*Volkmann*), доказываетъ противное. Кажется, что, по новѣйшимъ наблюденіямъ, въ этой системѣ нервовъ заключаются группы, проходящія въ мозгъ, и другія, зависящія не отъ него, а только отъ узловъ, расположенныхъ внутри тѣла, и особенно отъ узловъ большаго симпатическаго нерва, который лежитъ вдоль спиннаго хребта. Кажется также, что если есть нервы, дѣйствующіе независимо отъ головного мозга, то, по-крайней-мѣрѣ, нѣтъ ни одного, на который бы головной мозгъ не могъ имѣть вліянія хотя въ некоторыхъ частныхъ случаяхъ.

Чѣмъ выше организація животнаго, т. е. чѣмъ болѣе большимъ количе-

ствомъ способностей одарено оно, тѣмъ обширнѣе и сложнѣе становится его нервная система.

Такъ-какъ жизнь *одушевленныхъ* проявляется въ ихъ развитіи, ощущеніяхъ и движеніи, и какъ способности эти заключены все въ нервной системѣ, то очевидно, что матеріальная причина или начало жизни, т. е. *одушевленіе* животнаго, находится въ его первахъ. Основываясь на этомъ, животныхъ можно назвать существами, *имѣющими нервную систему*.

Въ животныхъ, одаренныхъ обѣими частями нервной системы, часть ея, предназначенная для растительной жизни, менѣе чувствительна къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, чѣмъ у животныхъ, обладающихъ только этою одною частію. Такъ, на-примѣръ, въ хирургическихъ операціяхъ некоторыхъ внутреннихъ частей тѣла: желудка, пузыря и проч., пациентъ почти вовсе не ощущаетъ дѣйствій оператора. Между-тѣмъ, эти части обнаруживаютъ весьма-большую чувствительность къ впечатлѣніямъ другаго рода; приведемъ, для примѣра, чувствительность желудка къ впекаванію и некоторымъ другимъ лекарствамъ.

Часть нервовъ, служащихъ для внѣшнихъ сношеній, подраздѣляется на два отдѣла: одна сѣть нервовъ служитъ для *движеній* и не имѣетъ никакой чувствительности, а другая для *ощущеній*—весьма-чувствительная. Многие физиологи допускаютъ еще третій отдѣлъ нервовъ, назначенныхъ для того, чтобъ сообщать мозгу сочувствіе состоянія мускуловъ и другихъ внутреннихъ частей организма. Нѣтъ сомнѣнія, что есть нервы для этого отправленія, потому-что отправленіе дѣйствительно существуетъ, а ничто не отправляется безъ помощи нервовъ; но должно ли разсматривать эти нервы какъ составляющіе особый отдѣлъ, или можно причислить ихъ къ прочимъ нервамъ ощущеній? Вотъ въ чемъ вопросъ. Въ станомѣ хребта оба эти отдѣла очень-явственны: различіе ихъ назначенія открыто посредствомъ перерѣзыванія одного или другаго. Но въ развитіи своемъ по всему тѣлу, оба отдѣла нервовъ такъ тѣсно связаны между собою, что до-сихъ-поръ не наша возможность различить ихъ повсемѣстно. Не смотря на это, нѣтъ сомнѣнія, что оба отдѣла нервовъ жизни внѣшнихъ сношеній распространяются почти по всемъ частямъ тѣла, исполняя свое назначеніе независимо одинъ отъ другаго. Въ этомъ могутъ убѣдить примѣры *параличей*, гдѣ члены теряютъ чувствительность, а не движеніе, или лишаются только движенія, сохраняя чувствительность.

Мы сказали выше, что нервная система состоитъ изъ проводниковъ и скопленій. Первые называются собственно *нервами*, а вторыя—*узлами* (*ganglions*). Нервные узлы расположены при всехъ тѣхъ частяхъ животнаго, гдѣ производится какое-либо жизненное отправленіе или движеніе. Число и объемъ узловъ значительнѣе именно тамъ, гдѣ нужно болѣе силъ. По всему видно, что они подкрѣпляютъ нервы, какъ хранилища жизненныхъ силъ. Возьмемъ какое-нибудь животное низшей организаціи, на-примѣръ пиявку. Известно, что она состоитъ изъ колець, имѣетъ одинъ только каналъ вдоль всего тѣла, служащій для отправленій растительной жизни, и, кроме осязанія, не обладаетъ никакими

другими органами для внешних сношеній, на-примѣръ, слухомъ, зрѣніемъ и проч. Каждое кольцо пѣвки можетъ имѣть независимое движеніе: сообразно съ этимъ и нервные узлы расположены въ каждомъ кольцѣ, по одному съ каждой стороны канала. Они соединяются между собою первами, идущими вдоль тѣла, отъ одного узла къ другому; сверхъ того отъ каждаго узла идутъ еще поперечные нервы къ каналу и къ внешней оболочкѣ животнаго. Насъкомое, одаренное зрѣніемъ и слухомъ, имѣетъ при этихъ органахъ новые узлы. Если у животнаго одна нога длиннѣе другихъ, то и узлы при длинныхъ ногахъ болѣе, чѣмъ при короткихъ. У страуса, на-примѣръ, нервные узлы значительнѣе при ногахъ, нежели при крыльяхъ; у орла, напротивъ, узлы при крыльяхъ развиты гораздо-болѣе, чѣмъ при ногахъ.

Вмѣстѣ съ увеличеніемъ дѣятельности способностей, или числа ихъ, возрастаетъ объемъ, или число нервныхъ узловъ. Для зрѣнія существуетъ нервный узелъ сверхъ необходимыхъ для движенія тѣла; слуху соответствуетъ новый узелъ и т. д. Собака одарена высшею степенью обонянія, въ сравненіи съ человекомъ, и нервный узелъ при этой способности болѣе у собаки, чѣмъ у человека. Замѣчательно, что органы, сходные между собою, расположены близко одинъ къ другому, а имѣющіе разнородное значеніе, отдалены. Такъ, на-примѣръ, пищеварительные органы находятся далеко отъ органовъ зрѣнія, слуха, обонянія и вкуса. Эти послѣдніе помѣщены почти вмѣстѣ и имѣютъ соответствующіе имъ нервные узлы одинъ возлѣ другаго, чѣмъ и образуется голова животнаго. Отсюда очевидно, что при болѣе развитіи способностей, или при болѣе числѣ ихъ, вообще долженъ быть значительнѣе и объемъ той части головы, въ которой помѣщаются нервные узлы. Относительныя качества вещества, составляющаго нервы и узлы, нарушаютъ иногда этотъ законъ, но тамъ не менѣе, не смотря на исключенія, его нельзя не признать общимъ.

Интересно было знать, какимъ образомъ дѣйствуютъ нервы? въ чемъ заключается источникъ ихъ жизненной силы, ихъ одушевленія? Съ этою цѣлію разрывали желудочный нервъ животнаго, вскорѣ послѣ принятія пищи, и процессъ пищеваренія не прекратился, не смотря на небольшое разстояніе между оконечностями нерва. Но когда ихъ раздвинули, то дѣйствіе желудка прекратилось, и было восстановлено снова по сближеніи оконечностей разрываннаго нерва. Отсюда очевидно, что жизненное отправленіе происходитъ при содѣйствіи невидимой жидкости, въ родѣ теплорода, свѣта или электричества. Опыты удостовѣрили въ сходствѣ ея съ электричествомъ. При этомъ открыто, что въ отдалѣ нервовъ, служащихъ для движенія, нервные токи идутъ отъ главныхъ узловъ, то-есть, отъ головы; а въ отдалѣ нервовъ, служащихъ для ощущеній, они имѣютъ обратное направленіе. Но въ организмѣ, подобно всѣмъ осязаемымъ тѣламъ, электричество вмѣняетъ нѣкоторыя свои свойства, или, какъ говорятъ, превращается въ животное тѣло (*s'animalise*). Такъ, на-примѣръ, электричество это проводитъ стекломъ, которое не проводитъ минеральнаго электричества. Для отличія, электрическую матерію животныхъ назвали *животнымъ магнетиз-*

моль. Физиологи, не убежденные въ сходствѣ нервной жидкости съ электрическою или магнитною матеріею, не допускаютъ этого названія. Процессу отдѣленія ея дано названіе *иннервации* (innervation). Электричество, такъ какъ и теплородъ, освобождается безпрестанно въ человѣкѣ химическимъ процессомъ въ легкихъ, желудкѣ и проч. Поэтому, животное, въ продолженіе всей жизни своей, содержитъ въ себѣ постоянно зарядъ животнаго магнетизма.

Нынѣ почти никто не сомнѣвается въ томъ, что человекъ можетъ, по произволу своему, изливать содержащуюся въ немъ свободную животво-магнитическую жидкость на окружающіе предметы, и что, передавая ее другому человеку, онъ производитъ въ немъ известныя дѣйствія и ощущенія. Правда, эти дѣйствія еще мало исследованы, но въ существованіи ихъ очень-трудно сомнѣваться и, напротивъ, очень-легко удостовѣриться.

II.

Нервы имѣютъ видъ струнъ молочнаго цвѣта и состоятъ изъ бѣлаго, густаго вещества, обернутаго клетчатою плевою. Толщина нервовъ различна; начиная съ микроскопическихъ размѣровъ, она достигаетъ восьми линій въ діаметрѣ. Нервное вещество само составлено изъ тонкихъ волоконъ, содержащихъ въ себѣ бѣлую мякоть, которая покрыта клетчатою перепонкою, такъ-что нервъ есть совокупленіе множества тончайшихъ нервовъ, снабженныхъ общою оболочкою. Въ нервахъ не существуетъ обращенія оснзаемой жидкости, подобнаго обращенію крови въ жилахъ: они не что иное, какъ проводники нервной невѣсомой матеріи, которую, по сходству ея проявленій съ магнитною, и для отличія отъ инверальныхъ магнитныхъ явленій, мы назвали *животнымъ магнетизмомъ*.

Нервные узлы состоятъ изъ сѣраго вещества. Они представляются въ видѣ утолщеній того же нерва, или находятся въ пересѣченіи нѣсколькихъ нервовъ, или составляютъ почти непрерывную цѣпь, какъ въ большомъ симпатическомъ нервѣ (*nerf grand sympathique*), лежащемъ вдоль спиннаго хребта, или представляютъ густо-сплетенныя сѣти, называемыя *сплетеніями* (*plexus*), или, наконецъ, образуютъ группу, въ видѣ округленной массы, какъ въ головномъ черепѣ. Узловое вещество сѣраго цвѣта, которое они содержатъ въ себѣ, не имѣетъ замѣтнаго волокнистаго сложенія, хотя содержитъ въ себѣ волокна; оно покрыто клетчатою плевою. Къ каждому узлу всегда примыкаютъ нервы. Узлы можно разсматривать какъ хранилища животво-магнитической матеріи, для предупрежденія недостатка ея при произвольномъ, непостоянномъ и неправильномъ распредѣленіи этой матеріи въ нервахъ. Такъ точно, въ системѣ водопроводовъ, водохранилища обеспечиваютъ возможность неравносѣрнаго снабженія водою, по мѣрѣ надобности. Продолжая dalje это сравненіе, замѣтимъ, что въ водопроводахъ главныя водохранилища находятся при источникахъ, меньшіе резервы той же воды при развѣтвленіяхъ, а малые при водосемахъ. Такъ и въ нервной системѣ,

наибольшее хранилище расположено въ головѣ, меньшія по становаму хребту и при главныхъ членахъ, и самыя малыя при различныхъ отправленияхъ меньшей важности.

По новѣйшимъ опытамъ кажется, что въ тѣлѣ есть узлы, которые дѣйствуютъ самобытно и независимо отъ головныхъ; таковы узлы большаго симпатическаго нерва. Узлы этого рода отправляютъ только явленія растительной, а не сознательной жизни.

Въ сравненіи нашемъ, узлы эти можно уподобить побочнымъ, второстепеннымъ хранилищамъ, дѣйствующимъ независимо отъ главнаго, такъ-что еслибъ главное и изсякло, остальная часть системы могла бы еще продолжать некоторое время свое дѣйствіе. Подобный примѣръ видимъ въ продолженіи жизни некоторыхъ обезглавленныхъ животныхъ.

Нервы питаются кровью, которая отдѣляется въ нихъ нервной мякотью, проходя чрезъ сосуды клетчатыхъ оболочекъ нервовъ и узловъ. Цвѣтъ оболочекъ узловъ красноватый, отъ-того, что къ нимъ притекаетъ крови болѣе, чѣмъ къ нервамъ, и что онѣ проникнуты большимъ количествомъ кровеносныхъ сосудовъ, которыми отдѣляется вещество, питающее узлы. Въ головѣ находится наибольшее скопленіе узловаго вещества, и количество притекающей крови тамъ также болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ частяхъ тѣла. Полагаютъ, что по-крайней-мѣрѣ одна десятая часть всего количества крови, вливаемой въ артеріи сердцемъ, постоянно проходитъ чрезъ голову.

Направленіе нервовъ не прямое, но извилистое; это способствуетъ ихъ упругости. Устройство нервовъ сходно съ устройствомъ проволокъ гальванической батареей. Мякоть нервовъ весьма-хорошо проводитъ электричество, а оболочки, напротивъ, очень-дурные проводники его, подобно оболочкамъ изъ каучука или шелка, которыми покрываютъ проволоки гальваническихъ приборовъ.

Опытъ и наблюденія заставляютъ думать, что некоторые нервы сообщаютъ мозгу сочувствія внѣшнихъ, а другіе—внутреннихъ впечатлѣній; особые нервы передаютъ отъ мозга движенія мускуламъ, и, наконецъ, есть группа нервовъ, частью независимая отъ мозга, а частью сообщающаяся съ нимъ, которая управляетъ растительною жизнью, т. е. пищевареніемъ, кровообращеніемъ, отдѣленіемъ желчи и проч. Но въ составъ каждой изъ этихъ группъ входитъ множество отдѣловъ, равнообразныхъ по своимъ отправлениямъ, и весьма-вѣроятно, что каждое первное волокно имѣетъ свое особенное назначеніе, и что отправление каждаго изъ нихъ совершается отдѣльно и независимо отъ прочихъ. До сихъ-поръ еще не могли опредѣлять взаимнаго различія волоконъ и назначеніе каждаго изъ нихъ. Особенно въ узлахъ, гдѣ мало замѣчено волоконъ, чрезвычайно-трудно прослѣдить протяженіе того же волокна отъ какой-нибудь части тѣла, непрерывно до становой мякоти и до мозга, къ которому окончательно примыкаютъ, или изъ котораго исходятъ всѣ нервныя сочувствія и большая часть побужденій. Сочувствія идутъ отъ всѣхъ частей тѣла, безъ исключенія, къ мозгу, а побужденія исходятъ обратно отъ него или другихъ узловъ ко всѣмъ частямъ тѣла и его *периферіи*, т. е. поверхности.

Почти всѣ нервы и узлы расположены попарно, симметрически, съ обѣихъ сторонъ оси тѣла. Оба нерва, составляющіе каждую пару, имѣютъ одинаковое назначеніе, но одинъ для правой, а другой для лѣвой части тѣла. Симметрія животнаго ясно показываетъ, что нервная система должна имѣть въ немъ такое же симметрическое расположеніе и состоять изъ паръ одинаковаго назначенія. Цѣль природы, при этомъ расположеніи, понятна: сила животнаго не только удваивается, какъ въ томъ случаѣ, если оно обладало приборомъ вдвое болѣе сильнымъ, безъ раздѣленія его на двѣ части; но сверхъ того, животное можетъ дѣйствовать по произволу, короткое время съ наибольшимъ усиленіемъ, или, въ продолженіе весьма-большаго времени, съ малымъ усиленіемъ, оставляя попеременно въ покоѣ то правую, то лѣвую сторону организма.

Нервы, проходящіе отъ мозга ко всѣмъ частямъ и оконечностямъ тѣла, можно назвать *продольными*, для отличія отъ *поперечныхъ*, сообщающихъ нервы или узлы той же пары. Эти нервныя *смычки* служатъ для уравновѣшванія и единства дѣйствія паръ. Нервныя сообщенія находятся также между узлами и нервами различныхъ паръ.

Хотя мы и сказали, говоря о продольныхъ нервахъ, что они проходятъ отъ мозга ко всѣмъ частямъ тѣла, но на самомъ дѣлѣ это весьма-вѣроятное предположеніе еще не доказано положительно. Пока непрерывность нервовъ для нѣкоторыхъ физиологовъ еще остается *мыслимъ*, подъ выраженіемъ нашимъ должно разумѣть *несомнѣнную* непрерывность *дѣйствія*, а не непрерывность протяженія нервныхъ волоконъ. Они, можетъ-быть, прерываются узловымъ веществомъ. Иногда, къ узлу примыкаетъ болѣе нервныхъ волоконъ съ одной стороны, нежели съ другой; этотъ фактъ можно объяснить двоякимъ образомъ: или развѣтвленіемъ нервовъ, или прибавленіемъ новыхъ. Вопросъ этотъ остается покуда неразрѣшеннымъ.

Не смотря на разнообразіе назначенія различныхъ нервовъ, между ними не замѣтно ни малѣйшей разности въ составѣ, сложеніи, цвѣтѣ и проч. Какъ въ физическомъ, такъ и въ химическомъ отношеніи, всѣ нервы одного и того же животнаго совершенно однородны. Нельзя объяснить разнообразнаго свойства и назначенія совершенно во всемъ тождественныхъ между собою нервныхъ волоконъ другимъ образомъ, кромѣ дѣйствія на нихъ узловъ, къ которымъ примыкаетъ или отъ которыхъ исходитъ отправленіе волоконъ. Замѣчено, что въ организмѣ каждое отправленіе имѣетъ свой особенный органъ, и если оно сложное, то для каждаго изъ его элементовъ существуетъ особый органъ. Такъ, на-примѣръ, въ языкѣ одинъ нервъ приводитъ его въ движеніе, другой служитъ для чувства-осязанія, а третій для чувства вкуса. До-сихъ-поръ, не открыто ни одного нерваго волокна, которое бы имѣло два различныхъ назначенія. Вотъ причина такого безчисленнаго множества нервныхъ волоконъ, чрезмѣрной тонкости ихъ и соединенія ихъ въ прочности въ связки подъ общою оболочкою. Общій законъ, въ-слѣдствіе котораго каждое частное отправленіе имѣетъ свой исполняющій его нервъ, тождественность нервовъ и общее (кромѣ, можетъ-

быть, некоторых из служащих растительной жизни) прикиновение их къ мозгу, можетъ привести къ предположенію, по аналогіи, что мозгъ состоитъ изъ массы нервовъ и узловъ, и что каждое нервное волокно побуждается къ дѣйствию особымъ нервомъ или узломъ мозга. Анатомія мозга не подтверждаетъ положительно этого предположенія, но и не опровергаетъ его. Изъ нея и изъ физиологіи видно, что зрѣніе, дыханіе, движеніе тѣломъ и интеллектуальныя способности вообще, вмѣстѣ взятыя, подъ названіемъ *интеллекта*, отправляются извѣстными узлами мозга, специально для этого назначенными. По мнѣнію Фалентина и его послѣдователей, нервныя волокна, безъ исключенія, достигаютъ до мозга; противники же его исключаютъ изъ этого некоторые нервы, служащіе для растительной жизни.

Произвольное движеніе имѣетъ первоначальнымъ средствомъ — токъ животно-магнитической матеріи, отдѣляющейся отъ мозга. Химическіе процессы въ легкихъ и въ желудкѣ безпрестанно возобновляютъ магнитическій зарядъ. Излишекъ его также безпрерывно терлется чрезъ поверхность тѣла, особенно при движеніи.

При поднятій, положивъ, руки, къ этому члену устремляется магнитическій токъ и членъ получаетъ количество животнаго магнетизма, большее находящагося въ немъ до движенія, и притомъ сообразное съ количествомъ живой силы, которую мы хотимъ развить при предполагаемомъ движеніи. Точно также и не приводя какого-нибудь члена въ движеніе, человекъ можетъ отдалить въ него, дѣйствіемъ своей воли, болѣе магнитической матеріи, нежели сколько ея въ немъ обыкновенно находится. При подобномъ избыткѣ матеріи въ извѣстномъ членѣ, она можетъ отдалиться изъ него въ болѣею количество и переходить въ первую систему другаго человека или животнаго, или въ неодушевленный предметъ. И если мы дѣйствіемъ воли и посредствомъ собственнаго магнетизма сообщаемъ движеніе нашимъ членамъ, то нисколько не удивительно, что тамъ же средствомъ нашимъ можно производить некоторые дѣйствія и впечатлѣнія въ нервахъ другаго человека, чему я и былъ свидѣтелемъ, какъ это вамъ извѣстно (*).

Такъ-какъ причина нервныхъ отправленій заключается въ животномъ магнетизмѣ, то чѣмъ обильнѣе его токи, тѣмъ, очевидно, чувствительнѣе и дѣятельнѣе отправленіе нервовъ. Нервы, какъ совершенно тождественныя, были бы способны ко всякому отправленію организма, еслибъ въ нормальномъ состояніи мозга каждый изъ нихъ не побуждался къ особенному, опредѣленному отправленію.

При естественномъ или искусственномъ переполненіи нервныхъ узловъ животнымъ магнетизмомъ, имъ сообщается чрезвычайная чувствительность. Вліаніе одного узла на другой до такой степени возрастаетъ, что всѣ физиологическіе законы нарушаются. Побужденія одного узла передаются посредствомъ поперечной нервной связи другому узлу такъ сильно, что примыкающій къ нему нервъ получаетъ способность къ

(*). См. статью: *Животный Магнетизмъ*, въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1843 г., въ отд. Наука.

отправленіямъ, чуждымъ ему въ нормальномъ состояніи мозга. Такимъ-образомъ, естественные или искусственные лунатики, во время своихъ пароксизмовъ, видятъ иногда нервомъ слуха или обонянія, эпигастромъ или надбрюшную частію, и даже всею поверхностью тѣла. Нервы, со-общающіе мозгу сочувствіе состоянія внутреннихъ частей тѣла, обыкновенно почти вовсе не чувствительные, пріобрѣтаютъ чувствительность въ такой степени, что соннамбуль ясно сознаетъ внутреннія части своего собственнаго тѣла.

Чѣмъ совершеннѣе животное, т. е. чѣмъ болѣе оно имѣетъ способностей, тѣмъ сложнѣе и чувствительнѣе его нервная система. Сообразно съ увеличеніемъ чувствительности нервовъ, природа увеличиваетъ и средства ихъ защиты отъ поврежденія. Въ животныхъ низшей организаціи, нервы находятся внутри тѣла; въ высшихъ, важнѣйшія части нервной системы покрыты костяною оболочкою.

Необходимо замѣтить, что, говоря: такой-то нервъ примыкаетъ къ головѣ, къ становой жилѣ, или исходитъ изъ нихъ, или идетъ отъ такого-то узла до другаго и проч., мы вовсе не полагаемъ при этомъ ни начала, ни конца нерва, а выражаемся такъ по необходимости и по неюстатку другихъ выраженій, которыя бы не представляли идея о началѣ и концѣ протяженія. Въ-отношеніи къ направленію животно-матрическихъ токовъ въ нервахъ, нервы движеній нельзя разсматривать исходящими изъ мозга, а нервы сочувствій входящими въ него, потому-что не нервы, а отправленія ихъ исходятъ изъ головного прибора и входятъ въ него. Въ-отношеніи къ приращенію толщины нервовъ, также нельзя разсматривать въ нихъ конца и начала, потому-что нервныя волокна имѣютъ повсюду одну и ту же толщину, а только связи ихъ измѣняются въ толщину, смотря по тому, болѣе или менѣе сдвигается въ нихъ волоконъ. Развѣтвленіе нервовъ происходитъ не иначе, какъ изъ раздѣленія главной связи на нѣсколько меньшихъ, и если отнять оболочки, то найдется, что сумма вѣтвей всегда равна стволу, въ которомъ онъ была вмѣстѣ сложены. Поперечные нервы происходятъ также отъ отдѣленія нѣсколькихъ волоконъ отъ одной связи и соединенія ихъ съ волокнами другой, въ которой они продолжаютъ непрерывно. По наблюденіямъ Фалентина, нервы не имѣютъ окончностей, а обращаются отъ периферіи тѣла назадъ непрерывнымъ путемъ. При этомъ они развѣтвляются до разсыанія всѣхъ элементарныхъ волоконъ поодиначкѣ, и можетъ-быть, что въ этомъ развѣтвленіи нервы сочувствій продолжаютъ съ нервами движеній, такъ точно, какъ развѣтвленіе артерій сопрягается непрерывно съ системою венъ. Въ развитіи нервовъ до рожденія замѣчается, что мозговья части едва бываютъ видны, когда уже поверхностная часть нервной системы значительно образовалась. На основаніи этого, иные полагаютъ, что нервы развиваются отъ периферіи къ центру, а не обратно. Но и это положеніе несправедливо. Мозговья части образуются гораздо-медленнѣе, но все же въ одно время съ периферическими.

III.

Главная часть нервной системы человека, часть, которую можно рассматривать, какъ основаніе его жизненныхъ силъ, есть становой (хребетный или спинной) мозгъ или *мѣлоть* (*moëlle épineière*), и нѣсколько *желваковъ* (*renflements*), неразрывныхъ съ нимъ, заключающихся въ головѣ и называющихся въ общемъ ихъ составѣ *головными мозгомъ* (*encéphale*). Такъ-какъ *становой* и *головной* мозгъ составляютъ продолженіе одинъ другаго и имѣютъ нѣкоторое сходство въ своемъ составѣ, то имъ дали общее названіе *черепно-хребетной оси* (*axe céphalo-spinal*). Они раздѣлены по длинѣ своей на двѣ симметрическія половины: правую и лѣвую, въ-отношеніи къ человеческому стану.

Оболочки черепно-хребетной оси. Черепъ головы заключаетъ въ себя всѣ желваки головного мозга; въ *позвонкахъ* становаго или *спиннаго хребта* лежитъ становой мозгъ. Между внутреннею поверхностью этихъ костей и *черепно-хребетною осью* находятся три оболочки: 1) *твердая оболочка*, прилегающая къ костямъ — роговидная, волокнистаго сложенія; 2) *паутинная оболочка*, влажнаго свойства; 3) *мѣлкая оболочка*, клѣтчато-сосудистая въ черепѣ, и волокнисто-сосудистая въ позвонкахъ становаго хребта.

Твердая оболочка. Въ становомъ хребтѣ она имѣетъ видъ цилиндра и слабо держится на костяхъ въ длинѣ своей, но приросла прочно къ краямъ затылочнаго отверстія черепа, а въ нижнемъ концѣ срослась съ заднею вертикальною связкою (*ligament vertical postérieur*). Съ внутренней стороны, она гладка и покрыта паутинною оболочкою. Въ *черепѣ*, твердая оболочка приросла повсюду, но слабѣе къ краямъ и слабѣе къ срединѣ костей, составляющихъ черепъ. Она состоитъ изъ двухъ тонкихъ листовъ: *внѣшній листъ*, отдѣляясь отъ *внутренняго*, образуетъ *синусы* или *пазухи* для помѣщенія вонъ, и погружается въ мозгъ, раздѣляя его на двѣ половины. Одна изъ этихъ перегородокъ проходитъ по срединѣ черепнаго свода, отъ переносья до затылочнаго бугорка, и называется *серпомъ* твердой оболочки; другая перегородка непрерывная съ первою, но изъ двухъ расходящихся листовъ, отдѣляетъ мозгъ отъ мозжечка и называется *мозжечковымъ наметомъ*. Въ основаніи или корнѣ серпа находится *синусъ*, называемый *продольнымъ*, а въ корнѣ намета другой *синусъ*, который называется *поперечнымъ*. Продольный *синусъ* примыкаетъ къ срединѣ поперечнаго, подъ затылочнымъ бугоркомъ. Третья перегородка есть небольшой *серпъ*, раздѣляющій мозжечокъ на двѣ половины. Твердая оболочка заключаетъ въ себя еще нѣсколько *синусовъ* или *пазухъ* меньшей величины. Въ ней находятся нервы, артеріи, вены и пасочные сосуды.

Паутинная оболочка. Эта оболочка, какъ и всѣ влажныя (*sécesses*), отдѣльно взятая, имѣетъ видъ мышка, зашитаго на-глухо и сложеннаго вдвоицѣ, подобно колпаку. Она состоитъ изъ двухъ непрерывныхъ пленокъ, несодержащихъ въ себѣ ни нервовъ, ни кровеносныхъ сосудовъ; пласки состоятъ единственно изъ клѣтчатой ткани и пасочныхъ сосудовъ.

Верхняя плева чрезвычайно-тонка, прозрачна и такъ крѣпко держится на твердой оболочкѣ, что ее весьма-трудно отдѣлать. Нижняя плева непрерывная съ верхнею, какъ уже было сказано, покрываетъ головной и становой мозгъ, не погружаясь въ складки мозга. Между ею и мягкой оболочкою мозга находится промежутокъ, наполненный жидкостью щелочаго свойства, въ которую погружена еще новая, чрезвычайно-рѣдкая и тонкая клетчатая плева, не составляющая особой оболочки. Она только замедляетъ движеніе мозговой жидкости между паутинною и мягкой оболочками и связываетъ ихъ между собою.

Мягкая оболочка. Видъ ея клетчато-сосудистый въ головѣ и волокнисто-сосудистый въ становомъ хребтѣ. Она покрываетъ весь головной и становой мозгъ, облегая все извилистыя гряды и складки мозга; по этому въ каждой складкѣ его находится двойной листъ мягкой оболочки. На ней лежатъ кровеносные сосуды, проникающіе въ мозгъ. Къ мозгу она придерживается множествомъ топчайшихъ сосудистыхъ волоконъ.

Отправленіе оболочекъ мозга. Твердая оболочка, служа защитою головному и становому мозгу отъ тренія костей, сохраняетъ ихъ нормальный видъ и удерживаетъ жидкость, наполняющую промежутокъ между паутинною и мягкой оболочками: Продольный серпъ не допускаетъ давленія одной половины мозга на другую. Мозжечковый наметъ препятствуетъ остальной части мозга производить давленіе на мозжечокъ. Сверхъ-того, эти перегородки удерживаютъ жидкость на поверхности мозга, не позволяя ей переливаться съ одной половины его на другую. Онѣ же служатъ *ножнами* для венъ, образуя, какъ мы сказали, вазухи или синусы. Паутинная оболочка служитъ сплошнымъ вокровомъ мозгу и препятствуетъ раскрытію складовъ его, не препятствуя однако движенію мозга, который расширяется при каждомъ приливѣ крови въ артеріи и сжимается при отливѣ ея чрезъ вены. Мозговая жидкость не проникаетъ сквозь нижнюю пленку паутинной оболочки. Между объемами пленками этой оболочки находится не капельная, а парообразная жидкость, которая только по смерти субъекта, сгущаясь, обращается въ капельную. Отправленіе этого пара или газа еще неизвестно.

Мягкая оболочка удерживаетъ облегаемые ею изгибы мозга въ неизмѣнномъ видѣ. Она доставляетъ питаніе мозгу, и изъ нея отдѣляется омывающая его мозговая жидкость, которою наполнены все неровности, углубленія и складки мозга. Движеніе мозга облегчается *мозговою жидкостью*. При расширеніи мозга, она уходитъ въ позвоночный каналъ, а при сжатіи втекаетъ обратно въ голову. Жидкость эта подвержена сильному давленію: если просверлить черепъ и оболочки мозга, то она выбивается изъ раны фонтаномъ. Очевидно, что въ-свѣдствіе извѣстнаго свойства жидкостей, мозгъ долженъ претерпѣвать, во всѣхъ точкахъ его поверхности, всегда равномѣрное давленіе, и потому относительное расположеніе его частей и общій видъ его не измѣняются ни отъ частныхъ давленій извнѣ, ни отъ собственнаго движенія мозга. Нормальное образованіе головы происходитъ при равновѣсіи внутренняго давленія съ вѣншимъ. Если давленіе жидкости слабо, то черепъ

вдавливается, а если, напротивъ, оно слишкомъ-сильно, то размеры черепа чрезмерно увеличиваются и представляютъ аномальный видъ, называемый *идросефалическимъ*.

Становой мозгъ или *мякоть* — простирается въ становой хребтѣ отъ края круглаго затылочнаго отверстія, или, выражаясь точнѣе, отъ перваго желвака головного мозга (*renflement encéphalique*), называемаго *позвоночною луковкою* (*bulbe rachidien*). Становой мозгъ имѣетъ видъ бѣлаго неправильнаго цилиндра съ продольными бороздками; цилиндръ этотъ оканчивается продолговатымъ острымъ конусомъ. Онъ представляетъ два утолщенія: одно вверху, гдѣ примыкаютъ къ нему нервы рукъ, а другое ниже, при нервахъ ногъ. Составленъ онъ изъ бѣлаго нервнаго вещества, въ которомъ заключено уловное сѣрое вещество. Бѣлыя части мякоти состоятъ въ свою очередь изъ нѣсколькихъ связокъ нервныхъ волоконъ, къ которымъ примыкаютъ волокна нервовъ, распространяющихся по всемъ частямъ тѣла, кромѣ головы. Переднія связи нервовъ служатъ для сообщенія движенія частямъ тѣла, а заднія передаютъ мозгу внѣшнія впечатлѣнія (*). Посредничество становаго мозга необходимо для бѣженія сердца, кровообращенія, дыханія, питанія, отдѣленія различныхъ жидкостей въ тѣлѣ и для другихъ отправленій растительной жизни, независимыхъ отъ воли человека. Разность между нимъ и прочими нервами состоитъ въ томъ, что становой мозгъ не только проводитъ жизненные силы, но и самъ содержитъ въ себѣ источникъ этихъ силъ, такъ-что, при отсутствіи головного мозга, можетъ исполнять до нѣкоторой степени его отправленія. Обезглавленное животное часто продолжаетъ двигаться, содрогается отъ увлеченія, и проч. Дитя, у котораго была раздроблена голова и вынута по частямъ при рожденіи, нѣсколько минутъ дышало, двигало членами и издавало крикъ. Есть множество доказательствъ, что въ становой мякоти происходитъ бессознательная передача ощущеній, принятыхъ нервами *сочувствій* — *нервамъ движенія*, и что онъ, вмѣстѣ съ головнымъ мозгомъ, составляетъ основаніе или источникъ жизненныхъ силъ, не обнаруживая явленій полного сознанія и воли, находящихся исключительно въ головномъ мозгу. Полагаютъ, что въ становой мякоти, иннервация происходитъ въ сѣромъ веществѣ, заключенномъ въ серединѣ, между связками бѣлыхъ нервовъ, служащихъ только проводниками этой силы.

Головной мозгъ состоитъ изъ желваковъ или узловъ, заключающихся въ черепъ: первый, начиная отъ становой мякоти, есть *луковка* (*bulbe* (**)); второй — *кольцеобразная выпуклость*, или *варолиевъ мостъ*; третій — *четверное возвышеніе* (*tubercules quadrijumeaux*); четвертый — *зрительныя бугорки* (*couches optiques*); пятый — *полосатая тѣла* (*corps striés*); шестой — собственно *мозгъ*, мозговые *полости*, мозговые *полушарія*, или такъ-на-

(*) При онѣйшіи организма животного отъ дыханія имъ сѣрнцатаго воздуха, становой мозгъ приходитъ въ это онѣйшіе послѣ головного мозга, и тогда только животное лишается чувствительности и движенія.

(**) Ее неправильно называютъ *позвоночною*; она лежитъ въ черепѣ, а не въ позвоночнѣ.

зывается *большой мози* (lobes cérébraux, hemisphères cérébrales, le grand cerveau) и *седьмой—мозжечокъ* (le cervelet). Многие анатомисты называютъ *продолговатыми мозгомъ* или *продолженною мязкою* (moëlle allongée) первые пять узловъ головного мозга. Но это названіе не имѣетъ никакого основанія, потому-что нервныя волокна продолжаютъ отъ становой мязки во все части головного мозга, и въ полушарія и въ мозжечокъ. Третій, четвертый и пятый узлы или желваки лежатъ въ желудочкахъ, облегаемыхъ большимъ мозгомъ (*).

Луковка лежитъ на ложбинкѣ въ основаніи черепа, у самаго края затылочнаго отверстія. По длинѣ ея видны бороздки въ продолженіи борозды становой мязки. Она состоитъ изъ продолженія связокъ нервовъ мязки, переложенныхъ крестъ-на-крестъ, такъ-что правыя связки переходятъ на лѣво, а лѣвыя на право. Въ срединѣ луковки находятся два оливкообразныя тѣла. Боковыя связки луковки и оливкообразныя тѣла состоятъ изъ сѣрой узловой матеріи, соединенной съ бѣлыми нервными волокнами; въ составъ прочихъ частей входятъ единственно нервныя волокна. Луковка есть не только проводникъ сочувствій и силы произвольнаго движенія, и не только обладаетъ въ высшей степени такъ называемою *отражательною смлою*, т. е. способностью передачи возбужденія или раздраженія отъ нервовъ сочувствія къ нервамъ движенія, подобно становой мязки, но еще, сверхъ-того, она есть центральный органъ и уравнитель дыхательнаго прибора. Г. Флуранъ, посредствомъ сѣченій луковки у живыхъ субъектовъ, нашелъ, что въ ней находится мѣсто, не болѣе двухъ или трехъ линій по длинѣ луковки, отъ котораго зависитъ дыханіе животнаго (**). Малѣйшее поврежденіе въ этомъ мѣстѣ производитъ немедленную смерть. Если отсѣчь голову ниже или выше его, то или голова или трупъ продолжаютъ оказывать признаки жизни въ-теченіе некотораго времени. Если, напротивъ, сѣченіе сдѣлано какъ разъ по этому мѣсту, то обѣ части тѣла лишаются жизни мгновенно. Поэтому, позвоночную, или, правильнѣе, черепную луковку можно назвать центромъ нервной системы, узломъ жизни (nodus vitae).

Кольцеобразная вымуклость или *саролиевъ мостъ* есть мозговой желвакъ, лежащій поперекъ, впереди и выше луковки, на мозговыхъ ножкахъ и между мозжечковыми ножками. Она составляетъ поперечную смычку (commissure) между половинками мозжечка и состоитъ изъ сѣраго вещества съ продолженіемъ нервныхъ связокъ становой мязки. Цсверхность ея составлена изъ поперечныхъ нервныхъ волоконъ: ето и называютъ *саролиевымъ мостомъ*. Отъ луковки, въ продолженіи

(*) Рисунковъ я не прилагаю; невозможно сдѣлать ихъ такъ хорошо, чтобы вы ихъ поняли, не видѣвъ никогда мозга и его частей. Теперь дѣлаютъ превосходныя изображенія мозга изъ воска: собитую купить такую модель; она принесетъ вамъ болѣе пользы, чѣмъ разсматриваніе настоящаго мозга. Модель эта разбирается всею частями.

(**) Новѣйшіе опыты при помощи усыпленія животныхъ сѣристымъ зенромъ, подтверждаютъ этотъ фактъ. Въ опытии всей нервной системы, луковка сохраняетъ еще чувствительность, но если дыханіе зенра продолжать до окончанія самой луковки, то животное уже не возвращается къ жизни.

заднихъ связокъ становаго мозга, отдѣляются нижнія ножки мозжечка. Другія, среднія ножки, составлены продолженіемъ поперечныхъ волоконъ варолиева моста и, частью, продолженіемъ боковыхъ связокъ луковки. Верхнія ножки мозжечка служатъ для сообщенія его съ большимъ мозгомъ и для сообщенія большого мозга съ становымъ. Съ верху кольцеобразной выпуклости, мозговые ножки отдѣляются въ видѣ толстыхъ бѣлыхъ столбиковъ, расширяющихся къ большому мозгу. Онѣ содержатъ въ себѣ вся волокна, сообщающія большой мозгъ съ остальными частями черепо-хребетной оси. Какъ нервы сочувствій, такъ и нервы движеній проходятъ отъ становой ямки въ большой мозгъ и въ мозжечокъ черезъ луковку, кольцеобразную выпуклость и ножки — мозговья и мозжечковыя.

Кольцеобразная выпуклость не только проводитъ жизненныя силы, посредствомъ нервныхъ волоконъ, проникающихъ сквозь нее, отъ становой ямки къ мозгу и мозжечку, но, сверхъ-того, заключаетъ въ себѣ значительное количество узловой матеріи и сама есть источникъ иннервации. Въ ней происходитъ некоторое ощущеніе впечатлѣній: животное, у котораго были вынуты всѣ верхнія части мозга, до кольцеобразной выпуклости исключительно, не лишалось чувствъ обонянія и осязанія, а кровообращеніе и дыханіе совершались правильно въ-продолженіе болѣе часа. По всему кажется, что кольцеобразная выпуклость содѣлываетъ мозгу въ сочувствіи, которое остается въ ней, хотя и слабое, послѣ отнятія другихъ частей мозга изъ черепа. Въ этомъ состояніи, животное издаетъ крикъ и приходитъ въ безпокойство отъ узавленія. Если поднести къ носу его нашатырь или другое сильно-пахучее вещество, то животное дѣлаетъ движеніе членами, какъ-бы *намървываясь* удалитъ причину непріятнаго ощущенія.

Каждая изъ среднихъ ножекъ мозжечка проводитъ въ тѣло силу иннервации отъ принадлежащей ей половины мозжечка. Покой животнаго есть сдѣлствіе равновѣсія этихъ силъ, и если перерезать одну изъ ножекъ, то животное унадетъ на бокъ и будетъ кататься до истощенія жизненныхъ силъ; но при перерѣзѣ обѣихъ ножекъ вдругъ животное останется на мѣстѣ неподвижно. Двѣ другія пары мозжечковыхъ ножекъ проводятъ къ мозжечку сочувствія. Какъ ножки, такъ и кольцеобразная выпуклость, при раздраженіи или узавленіи ихъ, производятъ боль и конвульсивное движеніе въ тѣлѣ. Мозговья ножки имѣютъ то же значеніе въ-отношеніи къ мозгу, какъ мозжечковыя въ-отношеніи къ мозжечку: отсѣченіе одной изъ нихъ приводитъ животное въ вращательное движеніе.

Четверное возвышеніе находится впереди мозжечка, надъ мозговыми ножками. Оболочка возвышеній бѣлая, изъ нервнаго вещества, а внутренность наполнена узловою сѣрою матеріею, въ которой съ трудомъ можно различить нервныя волокна, идущія поперегъ и вдоль возвышенія. Они суть орудія сочувствія свѣта. Животное, лишенное всѣхъ верхнихъ частей головного мозга надъ этимъ возвышеніемъ, сохраняетъ безсознательное чувство зрѣнія; зрачокъ его сжимается или расширяется отъ присутствія или отсутствія свѣта. Не смотря на это, жи-

вотное дѣйствуетъ какъ слѣпое, потому-что память, распознаваніе, сужденіе, сознаніе и проч., заключаются только въ большомъ мозгу. По уязвленіи четвернаго возвышенія, глаза становятся совершенно-нечувствительными къ впечатлѣнію свѣта.

Зрительные бугорки (*couches optiques*) суть довольно-объемистые желваки или узлы надъ мозговыми ножками, впереди четвернаго возвышенія. Не смотря на свое названіе, они рѣшительно не имѣютъ ничего общаго съ зрительными органами. Ихъ составляетъ сырое вещество, чрезъ которое проходятъ нервныя волокна, въ продолженіи отъ ножекъ мозга. Зрительные бугорки соединяются поперечною Smyчкой изъ белой и узловой матеріи. Бугорки эти суть главнѣйшій центръ начала или источника переноснаго движенія. По отнятіи всѣхъ частей мозга до бугорковъ, животное стоитъ и ходитъ, а если вырѣзать бугорки, оно падаетъ, лишаясь способности передвигаться. Эти узлы не обнаруживаютъ чувствительности при уязвленіи.

Полосатая тѣла (*corps striés*) суть два возвышенія, округленныя спереди и обнимающія зрительные бугорки. Они состоятъ изъ сыраго вещества, которое разделено на двѣ части волокнами, продолжающимися отъ ножекъ мозга. Отправленіе ихъ еще неизвѣстно. Полосатая тѣла нечувствительны къ возбуждательнымъ средствамъ: животное не оказываетъ боли или движенія при уязвленіи этихъ узловъ.

Такъ-какъ спеціальнѣйшій предметъ нашъ — физиология мозга, то я не входилъ въ большія подробности анатоміи описанныхъ частей и не буду говорить о многихъ другихъ, которыя не могутъ быть разсматриваемы какъ отдѣльные узлы или желваки головного мозга, и которыхъ отправленія до-сихъ-поръ неизвѣстны. Таковы: *шишкообразная желвака* (*glande pinéale*), *мозговой сводъ* (*voute à trois piliers*), *крупчатая возвышенность* (*tubercules mamillaires*), и проч. Замѣчу только, что въ желудочки (*ventricules*) мозга проникаетъ *мягкая* его оболочка и устилаетъ (*tapisse*) ихъ стѣнки. Такимъ-образомъ, мозгъ питается кровью, проводимою мягкой оболочкою не только съ своей периферіи, но и съ центральной части. Кровля или потолокъ желудочковъ состоитъ изъ поперечной Smyчки между полушаріями большаго мозга; ее называютъ *мозолистымъ тѣломъ* (*corps calleux*) или *большою Smyчкой мозга* (*la grande commissure du cerveau*). Она составлена изъ нервныхъ волоконъ, идущихъ поперегъ и происходящихъ отъ мозговыхъ ножекъ. Отправленіе ея имѣетъ, вѣроятно, цѣлю сообщеніе полушарій для единства отправленій большаго мозга. Большая Smyчка мозга не обнаруживаетъ никакой чувствительности къ уязвленіямъ и другимъ механическимъ раздраженіямъ и не есть органъ, необходимый для поддержанія жизни, потому-что у птицъ его нѣтъ. Можно привести примѣры совершеннаго отсутствія этой Smyчки въ человѣческомъ мозгѣ.

IV.

Большой мозгъ, или *собственно-такъ-называемый мозгъ*, покрываетъ и обнимаетъ желудочки, содержащіе въ себѣ части головного мозга, которыя описаны въ предъидущемъ письмѣ, исключая луковку и кольцеобразную

выпуклость. Объемъ его несравненно-болѣе объема прочихъ узловъ головного мозга: большой мозгъ представляетъ какъ-бы господствующее увѣщаніе (supponnement) черепо-хребетной оси. Мозгъ чловѣка, по объему и вѣсу, болѣе чѣмъ у другихъ животныхъ, исключая слона и дельфина. У мужчины мозгъ вообще болѣе, чѣмъ у женщины. Онъ растетъ и плотнѣетъ отъ рожденія до зрѣлыхъ лѣтъ; въ старости, объемъ и удѣльный вѣсъ его уменьшаются. Ростъ чловѣка не имѣетъ никакого вліянія на объемъ и вѣсъ его мозга. Г. Лонжэ (Longet) нашелъ, что средній вѣсъ большого мозга, безъ оболочекъ, въ 22-хъ совершенно-лѣтнихъ субъектахъ мужскаго пола, былъ равенъ 2,56 фунтамъ; средній вѣсъ всего головного мозга съ оболочками равняется 3,22 фунтамъ. Поэтому, если пренебречь небольшою, можетъ-быть, существующею разностью въ удѣльномъ вѣсѣ мозговыхъ узловъ, то большой мозгъ долженъ занимать около $\frac{4}{5}$ всей вмѣстимости черепа.

Умственные силы чловѣка зависятъ отъ развитія мозга. Если всѣ условія относительно здоровья, качества мозгового вещества, общаго и частнаго состава и формы мозга, вліянія внѣшнихъ обстоятельствъ, каковы воспитаніе, сообщество и проч., одинаковы, то, вообще, большой объемъ и вѣсъ мозга знаменуетъ большія умственные силы чловѣка.

Мозгъ, какъ мы видѣли, раздѣляется серпомъ твердой оболочки на двѣ симметрическія части, называемыя *полушаріями*, не смотря на то, что форма ихъ подходитъ болѣе къ оvoidальной. Встрѣчаются субъекты, у которыхъ симетрія полушарій несовершенна; есть примѣры, доказывающіе, что отсутствіе симетріи въ общемъ видѣ полушарій не всегда имѣетъ вліяніе на ихъ отправленія, то-есть, на способности чловѣка. Было замѣчено, однако, у нѣкихъ безумныхъ, значительное нарушеніе симетріи полушарій. Есть также примѣры болѣзни и даже совершеннаго разрушенія одного изъ полушарій при сохраненіи способностей чловѣка.

Каждое полушаріе мозга представляетъ выпуклую поверхность, отдѣленную отъ другаго полушарія среднею бороздою, въ которую погруженъ продольный серпъ съ своимъ синусомъ. *Основаніемъ* мозга называютъ поверхность, лежащую на основныхъ частяхъ черепа. Передняя и боковая части полушарій мозга отдѣлены одна отъ другой разсѣлиною, извѣстною подъ названіемъ *сильвиевой борозды* (scissure de Sylvius). Каждое полушаріе мозга раздѣляется на три части или *лопастей* (lobes): *переднюю* (lobe antérieur), *среднюю* (lobe moyen) и *заднюю* (lobe postérieur). Мы раздѣлимъ еще среднюю лопасть на *верхнюю* и *нижнюю*, по направленію сильвиевой борозды. Естественнаго разграниченія между *переднею* и *верхнею среднею*, равно какъ между *заднею* и *обѣими передними* не существуетъ. Нѣкоторые френологи дѣлаютъ произвольное разграниченіе лопастей мозга, но я не нахожу никакой надобности въ точной опредѣлительности этого произвольнаго раздѣленія.

Поверхность мозга представляетъ множество продолговатыхъ, волнистыхъ выпуклостей или *зрядъ* (circonvolutions), раздѣленныхъ между собою извилистыми бороздками, или складками. Глубина складокъ весьма различна у разныхъ субъектовъ, такъ-что при томъ же объемѣ мозга

въ двухъ или нѣсколькихъ головахъ, поверхности его могутъ значительно разниться. Извилистыя борозды расположены одинаковымъ образомъ въ обоихъ полушаріяхъ, и, не смотря на частныя различія, имѣютъ одинаковое положеніе въ каждомъ человѣческомъ мозгу.

Мозговые полушарія представляютъ въ разрьзѣ бѣлую массу, окруженную на поверхности слоемъ сѣраго вещества, или такъ-называемымъ корковымъ слоемъ (*couche corticale*). Этотъ слой имѣетъ почти вездѣ равномерную толщину, такъ-что бѣлая масса ограничивается также изгибами, концентрическими съ изгибами поверхности мозга. Корковый слой состоитъ изъ шести послѣдовательныхъ *прослойковъ* бѣлаго и сѣраго вещества. Сѣрые слои прозрачны, а бѣлые не пропускаютъ свѣта: въ бѣломъ болѣе жира, чѣмъ въ сѣромъ. Сложеніе сѣрыхъ прослойковъ сосудистое и имѣетъ съ тѣмъ зернистое. Бѣлые слои составлены изъ поперечныхъ къ нимъ нервныхъ волоконъ, которыя, по мнѣнію многихъ наблюдателей, проходятъ непрерывно чрезъ сѣрое вещество и бѣлую массу полушарій.

Бѣлое вещество мозга состоитъ изъ волоконъ, соединенныхъ въ видѣ листовъ или пластинокъ, между которыми находится, вѣроятно, клетчатая ткань. Волокна бѣлаго вещества частью продолжаются отъ лучистыхъ волоконъ полосатыхъ тѣлъ и зрительныхъ бугорковъ, частью переходятъ изъ одной извилистой гряды мозга въ другую, и частью продолжаются отъ волоконъ мозговыхъ ножекъ. Нервные волокна проходятъ въ значительномъ количествѣ вдоль каждаго полушарія, другія идутъ поперекъ, продолжаясь чрезъ *мозолистое тѣло*, подъ серпомъ, изъ одного полушарія въ другое. Множество кровеносныхъ сосудовъ погружаются въ мозгъ: ихъ болѣе въ сѣромъ, нежели въ бѣломъ веществѣ.

Цѣль складокъ мозга состоитъ, повидному, въ томъ, чтобъ придавать ему, при томъ же объемѣ, болѣе поверхности, которая, вѣроятно, имѣетъ большое вліяніе на дѣятельность управленій мозга. Изъ наблюдений г. *Лере* (*Leuret*), одного изъ самыхъ жаркихъ противниковъ системы Галля, слѣдуетъ, что вообще присутствіе или отсутствіе складокъ въ мозгу животныхъ тѣсно связано съ развитіемъ ихъ способностей. Въ низшихъ организаціяхъ, мозгъ лишенъ складокъ, а въ высшихъ онъ всегда находится, и у наиболее-разумныхъ животныхъ, какъ, на-примѣръ, у слона, извилистыя гряды мозга, и по числу и по образованію ихъ, наиболее подходятъ къ человѣческимъ. То же самое можно сказать о вѣсѣ и объемѣ мозговыхъ полушарій; даже вѣсъ головного мозга въ челоѣкѣ болѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ животныхъ, кромѣ нѣкоторыхъ, отличающихся необыкновенною огромностію тѣла, какъ, на-примѣръ, дельфина и слона. Относительно величины всего тѣла, у челоѣка головная масса втрое болѣе, чѣмъ у дельфина и въ шестнадцать разъ болѣе, чѣмъ у слона.

Мозгъ живаго субъекта можно безвредно раздражать прикосновеніемъ, разрываніемъ, гальваническими токами, ^и ~~не~~ возбуждая никакого сочувствія или движенія въ организмѣ; между-тѣмъ, какъ болѣзни мозга производятъ боли, конвульсіи, параличи и проч.

Множествомъ опытовъ доказано, что общая чувствительность животнаго къ вѣшнимъ впечатлѣніямъ сохраняется и по отнятіи обонихъ полушарій мозга. Животное чувствуетъ боль отъ уязвленія какой-либо части тѣла, видитъ, слышитъ, но теряетъ чувствительности къ запаху и вкусу, но всѣ чувства его падаютъ въ притупленномъ, *безсознательномъ*, автоматическомъ состояніи.

Въ основаніи головного мозга, безъ сомнѣнія, находятся центры сочувствій, соответствующіе пяти чувствамъ. До-сихъ-поръ, они еще не опредѣлены, кромѣ центра чувства зрѣнія, который, какъ мы видѣли, находится, по всѣй вѣроятности, въ четверномъ возвышеніи (*tubercules quadrjumeaux*). Собственно же такъ-называемый *мозгъ* или *мозговыя полушарія*, или еще *большой мозгъ*, есть органъ усвоенія, сознанія, соображенія, до котораго должны доходить всѣ впечатлѣнія, чтобъ произвести полное свое дѣйствіе, и въ которомъ они распознаются, оцѣниваются и запоминаются.

Кьювѣ говоритъ, что большой мозгъ есть та часть головного мозга, въ которой всѣ сочувствія принимаютъ ясное значеніе, оставляя слѣды и воспоминанія; что онъ есть по этому мѣсто *памяти*, свойства, которымъ мозгъ доставляетъ животному матеріалы для сужденія и рѣшенія. Лишившись полушарій мозга, животное не можетъ воспользоваться своими пятью чувствами и дѣйствуетъ болѣею-частью такъ, какъ-бы ихъ не имѣло; одними только вѣшними средствами можно возбудить въ немъ проявленіе, доказывающее чувствительность, при отсутствіи большого мозга. По вынутіи мозговыхъ полушарій, чувство осознанія перестаетъ проявляться въ животномъ, потому-что для этого необходимо соображеніе.

Всѣ замѣчательнѣйшіе фیزیологи согласны съ тѣмъ, что мозгъ есть необходимое и главное орудіе умственныхъ, чувственныхъ и инстинктивныхъ побужденій. Увеличивающаяся сложность этого органа при переходѣ отъ высшихъ животныхъ къ человѣку, безуміе, сопровождающее всегда бѣдность мозга и проч., доказываютъ, что въ немъ должно предполагать мѣстопребываніе высшихъ способностей одушевленныхъ существъ. Несогласіе между фیزیологами обнаруживается при разсмотрѣваніи мозга, какъ сложнаго органа, и при назначеніи отправленій различныхъ его частей. Локализація способностей или *органологія* мозга, основанная на эмпирическихъ наблюденіяхъ наружнаго вида головы и непризнаваемая болѣею-частью фیزیологовъ, составила отдѣльную вѣтвь фیزیологіи, подъ названіемъ *френологіи* (*): въ сущности, это часть *фмзіологіи мозга* и *мозжечка*. Фیزیологи согласны, что число и глубина складокъ мозга тѣсно связаны со степенью развитія способностей. Они извлекаютъ отсюда возраженіе противъ заключеній френологовъ, замѣчая, что глубина складокъ и толщина верхняго коркового слоя мозга весьма-различны, и что если френологи и означаютъ на головѣ или черепѣ расположеніе извилинъ, то важнѣйшія данныя для сравненій остаются неизвѣстными. Но, во-первыхъ, для заключеній, выводимыхъ

(*) Съ Греческаго φρεν—умъ и λογος—рѣчь.

въ сравненіи выпуклостей той же головы, эти данныя не нужны; вторыхъ, различія въ глубинѣ складокъ и въ составъ мозга у людей находятся, вообще, въ довольно-тѣсныхъ предѣлахъ, и вліяніе ихъ должно быть, въ обыкновенныхъ случаяхъ, несравненно-менше не только вліянія объема и формы мозга, но и другихъ побочныхъ обстоятельствъ, каковы: воспитаніе, здоровье, родъ занятій и проч.

Главная причина несогласій физиологовъ съ френологами происходитъ отъ-того, что ихъ методы изслѣдованія различны. Физиологи хотятъ удостовериться въ истинѣ фактовъ не иначе, какъ посредствомъ живосъщеній (vivisections), раздраженій, патологическихъ наблюденій, сравнительной анатоміи и проч. Но, къ-сожалѣнію, эти способы не могутъ доставить никакихъ положительныхъ свѣдѣній объ отправленіи различныхъ частей большаго мозга.

V.

Намъ остается рассмотреть еще одинъ узелъ головного мозга — мозжечокъ. При образованіи мозжечка, природа заботилась, кажется, еще больше, чѣмъ при образованіи большаго мозга, объ увеличеніи его поверхности при меньшемъ объемѣ. Объемъ мозжечка составляетъ отъ $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{8}$ объема большаго мозга, а поверхность, воображая ео развернутою, составила бы больше $\frac{1}{4}$ развернутой поверхности мозга. Видъ грядъ и складокъ мозжечка не сходенъ съ мозговыми: онъ мельче, прямѣе и не гладки, а морщинисты. Какъ на поверхности мозжечка, такъ и въ бороздахъ его складокъ, морщины эти образуютъ второстепенныя складки. Въ срединѣ мозжечка находится бѣлое вещество, распространяющееся вѣтвями въ средину главныхъ и второстепенныхъ грядъ. Слои сѣраго вещества слѣдуетъ, подобно мозговому, за всеми изгибами складокъ; но количество его, относительно бѣлаго вещества, гораздо-значительнѣе, чѣмъ въ мозгу. Сѣрое вещество есть узловое, то-есть то, въ которомъ преимущественно, и, можетъ-быть, исключительно происходитъ скопленіе животно-магнитической матеріи, или, какъ выражаются физиологи, процессъ иннерваціи; бѣлое же вещество служитъ, можетъ-быть, только проводникомъ иннерваціи: явно, что природа употребила всѣ средства для усиленія дѣятельности мозжечка, не увеличивая его объема. Составъ и строеніе того и другаго вещества таковы же, какъ и въ мозгу. Внутри бѣлой массы мозжечка находится ядро сѣроватаго цвѣта, неправильно-овоидальнаго, зубчатаго вида, покрытое плевчатою оболочкою. Въ него входятъ кровеносныя сосуды чрезъ отверстіе оболочки. Объ половинки мозжечка, непрерывно-соединенныя между собою, сообщаются съ другими частями черепо-хребетной оси посредствомъ двухъ паръ ножекъ, какъ уже было сказано.

Мозжечокъ, подобно мозгу, не обнаруживаетъ чувствительности къ раздраженіямъ. Эти раздраженія мозжечка не возбуждаютъ въ организмѣ ни боли, ни движенія. Приведа множество патологическихъ, экспериментальныхъ, анатомическихъ, сравнительныхъ и аномальныхъ фактовъ, г-нъ Лонже говоритъ: «Если, при постоянномъ состояніи паукъ, намъ позволятъ предпочесть одно изъ вѣложенныхъ мнѣній, мы

изберемъ то, въ которомъ мозжечокъ разсматривается какъ органъ, дѣйствующій специально на правильность передвиженія животныхъ. Но мы далеки отъ-того, чтобъ полагать въ мозжечкѣ одно только это отправление, хотя и не смѣемъ вѣрить, вмѣстѣ съ Галлемъ, чтобъ онъ былъ органомъ инстинкта любви.»

Мозжечокъ придаетъ энергію побужденіямъ и способностямъ, такъ же какъ и тѣлодвиженіямъ. Какъ одинъ изъ значительнѣйшихъ резервуаровъ животно-магнитической матеріи, или производитель иннервации, онъ сообщаетъ силу и дѣятельность всемъ отправлениямъ организма. Стоить только взглянуть на факты, приведенные г-мъ Лонже, чтобъ убедиться въ совершенномъ безспіи методъ, принятыхъ физиологами для открытія отправления мозжечка: въ нихъ встрѣчаются на каждомъ шагу самыя разительныя противорѣчія. И не удивительно: во всѣхъ ихъ наблюденіяхъ, субъекты находятся не въ естественномъ, не въ здоровомъ и не въ правильномъ состояніи, тогда-какъ френологи наблюдаютъ формы головы въ нормальномъ состояніи человека. Можно повѣрить эти наблюденія ежедневно надъ всеми встрѣчающимися вамъ людьми. Вы помните, какъ однажды, осматривая голову Е*, я былъ пораженъ необыкновенно-малымъ объемомъ подзатылочной части черепа; вамъ извѣстно также, какъ сильно развита эта часть головы у М*.

Физиологія и философія не могли имѣть до-сихъ-поръ ничего общаго, какъ два предмета антипатичные по причинѣ противоположности ихъ методъ: въ первой—чисто-экспериментальной, а во второй—чисто-умозрительной. Изученіе мозга въ интеллектуальномъ отношеніи привело къ принятію методы изслѣдовательной, можно сказать средней между двумя крайностями — къ методу наблюдательной, соединенной съ умозрѣніемъ. Какъ философія, такъ и физиологія увидѣли, что френологія вторглась на ихъ, поприще, и сдѣлалась естественными ея врагами. Между-тѣмъ, френологія есть посредница, которая, со-временемъ, сблизитъ философію съ физиологіею мозга къ обоюдной ихъ пользѣ.

Человѣческой черепъ состоитъ изъ восьми костей, соединенныхъ между собою зубчатыми швами, болѣе или менѣе замѣтными на глазъ (*).

1) *Затылочная кость*—имѣетъ въ основаніи круглое отверстіе, чрезъ которое проходитъ черепо-хребетная ось. Черепъ лежитъ, упираясь этимъ отверстіемъ на верхнемъ позвонкѣ становаго хребта, который называется *атласомъ* (atlas). Впереди, отъ самаго края затылочнаго отверстія, виденъ жолобъ, гдѣ лежитъ *луковка* мозга. Затылочная кость загибается отъ своего основанія къ верху, въ видѣ вогнутаго листа. Она раздѣлена вдоль и поперегъ ложбинками съ выпуклыми закраинами, соответствующими положенію синусовъ большаго и мозжечковаго серповъ и мозжечковаго намета. Съ внутренней стороны чере-

(*) Рисунокъ черепа могъ бы только напомнить вамъ видѣнное въ натурѣ, но замѣнить натуру онъ не въ состояніи. Поэтому я его и не прилагаю, советуя вамъ приобрести черепъ, и даже два: одинъ дѣльный, а другой разобранный по частямъ.

па, эти ребра и жолобки ясны, а съ наружной вообще менѣе замѣтны; наглядность необходима для означенія ихъ положенія. Въ точкѣ пересѣченія синусовъ, кость утолщается и представляетъ, съ внѣшней стороны, возвышеніе, называемое *затылочнымъ бугоркомъ*. Въ двухъ нижнихъ отдѣлахъ затылочной кости, происходящихъ отъ раздѣленія ея на четыре части синусами, помѣщаются половинки мозжечка, а въ верхнихъ—затылочная или задняя полость полушарій мозга. Кость утолщается къ срединѣ каждаго изъ этихъ четырехъ отдѣловъ. Два нижніе называются *ямами мозжечка* (*fosses du cervelet*), а верхніе ямами затылочной полости мозга.

2) *Теменная кость*. Затылочная кость спаена съ двумя верхними боковыми костями черепа, соединяющимися между собою по продольной средней линіи головы, т. е. по продольному синусу. Ихъ называютъ *теменными* (*os pariétaux*). Видъ ихъ неправильно-четвероугольный, съ значительною вогнутостію къ срединѣ, которая образуетъ *теменные ямы* (*fosses pariétales*). Къ срединѣ кость дѣлается тоньше; утолщеніе ея къ верхнему краю, гдѣ проходятъ продольный синусъ, значительнѣе, чѣмъ къ тремъ другимъ краямъ.

3) *Лобовая кость* — четвертая кость черепа, спаена съ теменными и сама раздѣлена на двѣ части, по продольному синусу; но это раздѣленіе бываетъ очень-рѣдко замѣтно у взрослыхъ людей. Основаніе лобовой кости состоитъ изъ переносья и сводовъ глазныхъ впадинъ. На сводахъ лежитъ основаніе лобовой или передней лопасти мозга. Внѣшній край сводовъ представляетъ утолщеніе, называемое *верхнею дугою* глазной впадины или *орбиты* (*arcade orbitaire*). Выдающійся внѣшній спай верхней дуги съ нижнею называется *внѣшнимъ угломъ орбиты* (*angle orbitaire externe*). Ребро лобовой кости, идущее вверхъ отъ глазнаго угла, называется *лобовымъ ребромъ* (*crête frontale*): оно есть утолщеніе кости безъ углубленія ея съ внутренней стороны. Надъ глазами и переносьемъ, лобовая кость раздвояется, представляя, въ этомъ мѣстѣ, значительное утолщеніе черепа, называемое *поперечнымъ лобовымъ синусомъ*. По направленію продольнаго синуса, лобовая часть раздѣлена съ внутренней стороны ложбинкою съ возвышенными краями на двѣ половины: въ каждой изъ нихъ находится яма, въ которую входитъ лобовая или передняя лопасть мозга. Кость утончается ко дву этимъ ямъ.

4) *Височныя кости* представляютъ въ основаніи твердую кость, называемую *каменистою частью* (*le rocher*), въ которой помѣщенъ слуховой приборъ. Позади внѣшняго слуховаго отверстія, костяной наростъ, называемый *сосцевиднымъ отросткомъ* (*apophyse mastoïde*), не соответствуетъ никакой особенной впадинѣ съ внутренней стороны черепа. Впередѣ надъ слуховымъ отверстіемъ выдается *скуловая дуга* (*arcade zygomatique*). Наконецъ, собственно височная часть имѣетъ видъ раковины или чешуйчатаго листа и называется *чешуйчатою частью* (*partie écailleuse*). Она кругла, немного выпукла, тонѣе всѣхъ предъидущихъ костей черепа и спаена съ окружающими ее костями *затылочною, теменною и лобовою*, слабѣе, чѣмъ эти кости между собою.

5) *Основная кость* (sphénoïde), составляющая значительную часть основания черепа, расположена впереди затылочной кости и имеет два больших и два малых крыла. На больших крыльях лежит нижняя часть средней лопасти мозга. Верхние малые крылья отдают эту лопасть от лобовой, при входе въ сильвеву борозду: она плотно спаяна съ сводами глазныхъ впадинъ, и на нихъ, такъ же какъ на сводахъ, лежитъ основаніе передней лопасти мозга.

6) Наконецъ, послѣдняя, *восьмая кость* черепа, называющаяся *рѣшетчатой* (ethmoïde), имеетъ поздраватое или рѣшотчатое строеніе. Ею наполняется пространство между сводами глазныхъ впадинъ, сзади переносья.

Спаи или швы черепныхъ костей суть: *стрѣлообразный* — между теменными костями по продольному синусу; *сплечный* — между лобовою и теменными костями, *ламдообразный* — между затылочною и теменными костями; *лобовой* — соединяющій обѣ половины лобовой кости и весьма рѣдко замѣтный у взрослыхъ людей; наконецъ, *височный* — соединяющій височную кость съ затылочною, теменною, лобовою и основною костями.

Главные кости черепа состоятъ изъ двухъ пластинокъ (tables), между которыми расположенъ поздраватый слой, называемый *зубчатимъ веществомъ* (diploë). Толщина этого слоя измѣняется довольно-мало, и этимъ измѣненіемъ часто можно пренебречь, такъ же какъ и некоторыми отпечатками на внутренней поверхности черепа, происходящими отъ кровеносныхъ сосудовъ, желѣзъ и проч., и незамѣтными съ наружной стороны черепа. Величина частей мозга, рассматриваемыхъ въ френологіи, измѣняется отъ половины до двухъ и болѣе дюймовъ, тогда какъ различія въ толщинѣ костей того же черепа рѣдко превышаютъ одну восьмую дюйма, кромѣ лобоваго поперечнаго синуса, о которомъ будетъ говорено особо. Отсюда слѣдуетъ, что эти разности не могутъ быть причиною весьма-большихъ погрѣшностей въ наблюденіяхъ. Толщина оболочекъ черепа равномерна, за исключеніемъ висковъ и затылка, гдѣ находятся мускулы. Френологи принимаютъ въ соображеніе эту разность, такъ же какъ и описанное выше утоненіе височной кости и въ ямахъ прочихъ костей. Вообще, форма головы даетъ почти-всегда достаточное понятіе о формахъ мозга. Впрочемъ, френологическія истины выводятся изъ *сравненія формъ различныхъ череповъ* и, слѣдовательно, выводы будутъ вѣрны, если бы и не была известна относительная толщина костей въ различныхъ точкахъ черепа, т. е. если бы форма головы и не давала понятія о формѣ мозга: нужно только, чтобъ различія въ толщинѣ костей имѣли приблизительно то же взаимное отношеніе во всѣхъ черепахъ. Но если разности толщины костей (кромѣ лобоваго синуса) въ томъ же черепѣ уже довольно-малы, то очевидно, что разность между этими разностями въ различныхъ черепахъ должна быть еще менѣе.

Погрѣшность въ френологическихъ наблюденіяхъ, по поводу различной толщины черепа, можетъ произойти, *во-первыхъ*, отъ различной общей толщины его костей и, *во-вторыхъ*, отъ различной толщины

лобового поперечнаго снуса. Опытный глаз замѣчаетъ необыкновенную толщину черепа по некотораго рода грубоватой поверхности покрывающихъ его оболочекъ. У народовъ дикихъ или мало образованныхъ, также у людей необыкновенно-сильныхъ, чаще встрѣчаются толстокостые черепа.

Перейдемъ теперь ко второй причинѣ погрѣшностей. До двѣнадцати или четырнадцати лѣтъ, лобовой поперечный снусъ такъ малъ, что не препятствуетъ вѣрности наблюдений. Въ некоторыхъ болезняхъ и въ старости, раздвоеніе кости бываетъ иногда необыкновенно-велико; но эти случаи находятся внѣ законовъ френологіи, относящихся только къ здоровому, нормальному состоянію челоуѣка. У взрослыхъ людей, толщина снуса происходитъ всегда отъ выдавшейся верхней пластинки черепа, а не отъ углубленія задней. Наглядность весьма-легко приучаетъ различать возвышеніе пикной полосы лба, происходящее отъ выдавшейся верхней пластинки черепа, и то, которое произведено развитіемъ лежащей позади его лопасти мозга. Въ послѣднемъ случаѣ, возвышеніе ровнѣе и постепеннѣе.

Частныя утолщенія черепа встрѣчаются и по всемъ другимъ снусамъ и швамъ костей. Ихъ никакъ нельзя принять за возвышенія, соответствующія развитію мозга, если только наблюдатель имѣетъ некоторую опытность.

Не смотря на костяную защиту, въ которой мозгъ развивается и растетъ, развитіе его происходитъ свободно. Кость принимаетъ всю его формы, потому-что въ дѣтствѣ она мягка и образуется по мѣрѣ роста мозга.

VI.

Кромѣ черепо-хребетной оси, проходящей чрезъ затылочное отверстіе, изъ головного мозга проникаютъ чрезъ малыя отверстія въ основаніи черепа двѣнадцать паръ нервовъ, называемыхъ *черепными* (стапсіеис). Разсматривая ихъ по порядку, отъ лобовой къ затылочной части мозга, находимъ:

1) *Нервы обонянія* (olfactifs). Они нечувствительны къ уязвленіямъ, но гальваническій токъ производитъ въ нихъ колющ. Часть прибора обонянія, заключающаяся въ черепѣ, состоитъ изъ его корней, ствола и узла въ передней оконечности. Наружная часть составлена изъ множества тонкихъ нервовъ въ видѣ кисти, погружающихся въ мелкія отверстія рѣшетчатой кости черепа, которая составляетъ основаніе носа. *Корней* нерва обонянія два; иные анатомики находятъ три и даже четыре корня: два или три бѣлыхъ и одинъ сѣрый. Одинъ посаженъ въ глубинѣ слѣвѣевои борозды, другой — въ задней оконечности отдаленнѣйшей внутренней грады передней лопасти мозга; третій, сѣрый, въ задней оконечности ложбинки, въ которой лежатъ стволъ нерва обонянія. Стволъ этотъ имѣетъ видъ треугольной призмы: онъ не походитъ на нервы, а содержитъ въ себѣ сѣрое и бѣлое вещество, подобно мозгу, составляя какъ-будто его продолженіе. У некоторыхъ животныхъ, приборъ обонянія такъ великъ, что равняется и даже пре-

гда превосходить величиною мозговья полости. Узлы обонянія оливкообразнаго вида, изъ сѣраго вещества, лежатъ въ передней оконечности ствола, на жолобкахъ рѣшетчатой кости. Бѣлыя волокна проходятъ въ сѣромъ веществѣ узла, которое во всемъ одинаково съ составляющимъ корковый слой мозга. Одна только внѣшняя часть прибора обонянія, т. е. кость, выходящая изъ узла, составлена изъ дѣйствительныхъ нервовъ; ее собственно и можно назвать *нервами обонянія*. Эти нервы находятся въ верхней части носа.

При опытахъ, проаведенныхъ г-мъ Мажанді, онъ замѣтилъ, что по отнятіи у животнаго всего прибора обонянія, животное сохраняетъ чувствительность къ запаху нашатыря и уксуной кислоты (*acide acétique*). Изъ этого г. Мажанді заключаетъ, что чувство обонянія отправляется не первою парюю нервовъ, а другимъ приборомъ. Но, по справедливому замѣчанію г. Лонже, нашатырь и прочіе сильно-пахучіе составы могутъ производить на нервы впечатлѣнія, такъ-сказать, осязательныя и несходныя съ чувствомъ обонянія.

2) *Зрительные нервы* (*nerfs optiques*). Начало ихъ полагаютъ нынѣ въ четверномъ возвышеніи (*Письмо III*). Она обвиваются въ видѣ тонкой и широкой ленты около мозговыхъ ножекъ, заимствуя отъ нихъ нѣсколько волоконъ. Далѣе, эти нервы скругляются и соединяются между собою въ видѣ смѣчки. Раздѣлившись вновь у смѣчки, они входятъ въ глазныя впадины. При входѣ во впадину, нервъ, принятый волокнистымъ кольцомъ, проходитъ въ *глазное яблоко* (*globe oculaire*) и оканчивается плевчатымъ расширеніемъ, на которомъ изображаются видимые предметы. Нервная плева принимаетъ впечатлѣніе свѣта, передаваемое нервомъ мозгу. Въ началѣ своемъ, зрительный нервъ не представляетъ отдѣльныхъ волоконъ и соединенъ на значительномъ протяженіи съ мозговымъ веществомъ. Далѣе, нервъ этотъ ничѣмъ не различается отъ всѣхъ прочихъ нервовъ.

Нервъ зрѣнія можно уязвлять, разрѣзывать, прижигать и проч., во всѣхъ его частяхъ, не возбуждая на малѣйшей боля въ животномъ. Этотъ опытъ весьма-трудно произвести, потому-что нервъ имѣетъ тѣсную связь съ волокнами нервовъ ощущеній. Внѣшнія впечатлѣнія на глазной нервъ, какъ-то: удары, давленіе, треніе и проч., производятъ ощущенія свѣта. Гальваническій токъ, въ темнотѣ, даже въ нѣкоторомъ разстояніи отъ глазъ, возбуждаетъ въ нихъ свѣтлыя призраки.

3) *Нервъ движущій глазъ* (*nerf moteur oculaire commun*). Эта третья пара черепныхъ нервовъ, выходящая изъ срединны мозговыхъ ножекъ рядомъ тончайшихъ волоконъ, происходитъ отъ связокъ нервовъ становаго мозга, которые отправляютъ движеніе организма, то-есть, отъ *нервовъ движенія*. Въ началѣ, нервъ этотъ сплюсненъ, широкъ и обнятъ артеріями, которыя, наполняясь кровью, даютъ нервъ и производятъ онявненіе или тяжесть глазъ, ощущаемыя въ дремотѣ и въ опьяненіи. Далѣе артерій, нервъ округляется, идетъ къ верху въ глазную впадину и раздѣляется почти по всемъ мускуламъ глаза. Отравленіе его состоитъ въ движеніи глазомъ и вѣками. Нервъ этотъ въ началѣ своемъ нечувствителенъ, потому-что состоитъ только изъ однихъ волоконъ дви-

женія, но даѣе, соединившись со многими волокнами ощущеній, дѣлается чувствительнымъ. Известно, что сильное и продолжительное движеніе глаза производить въ немъ бользвенное ощущеніе.

4) *Блоковой нервъ* (*nerf pathétique*). Начало этой пары находится позади четвернаго возвышенія, въ продолженіи волоконъ движенія становаго мозга. Въ глазной впадинѣ нервъ входитъ въ верхній край большаго наклоннаго мускула (*muscle grand oblique*). Онъ служитъ для вращательнаго движенія глазъ и представляетъ явленіе невольныхъ движеній, каково, на-прим., миганіе. Въ немъ не обнаруживается чувствительности къ уязвленію, какъ и во всѣхъ нервахъ движеній.

5) *Тройничный нервъ* (*nerf trijumeau*). Отъ середины верхней части средней мозжечковой ножки выходитъ толстый нервный стволъ, состоящій изъ соединенія двухъ частей: одна называется корнемъ узловымъ или чувственнымъ, или еще толстымъ корнемъ, а другая—малымъ нервнымъ, или корнемъ движенія. Каждая изъ этихъ частей имѣетъ особое происхожденіе, вѣроятно, согласное съ ея отправленіемъ. Узловой корень проникаетъ въ луковку, а нервный или малый примыкаетъ къ мозжечковой ножкѣ на небольшомъ разстояніи отъ узловаго. Этотъ послѣдній корень нельзя прослѣдить даѣе его точки погруженія. Г. Лонжѣ полагаетъ, однакожь, что онъ происходитъ отъ волоконъ движенія.

Вотъ результаты экспериментальной физиологій:

а) Узловая часть нервовъ пятой пары не имѣетъ никакого вліянія на движенія. Волокна ея, проникающія въ мускулы лица, глазъ и проч., проводятъ только ощущеніе и питаніе тѣльнымъ волокнамъ (*fibres charnues*). б) Эта же часть нерва, развѣтвляясь по большей части оболочекъ головы, идетъ къ зубамъ, слюноточивымъ и слезоточивымъ железкамъ и проч. При перерѣзкѣ тройничнаго нерва внутри черепа, чувствительность всѣхъ этихъ частей уничтожается. в) Подобное разсѣченіе нерва уничтожаетъ способность вкуса въ двухъ переднихъ третяхъ языка и производитъ истощеніе въ отдаленіи жидкостей, содѣйствующихъ отправленію приборовъ обонянія, зрѣнія и слуха. д) Механическое раздраженіе узловой части пятой пары нервовъ производитъ нестерпимую боль. е) Малый корень тройничнаго нерва управляетъ движеніемъ нижней челюсти и нѣбною занавѣскою (*oile palatin*).

6) *Отводящій нервъ* (*nerf moteur oculaire externe*), происходитъ отъ продолженія связокъ нервовъ движенія становаго мозга. Каждый нервъ этой пары входитъ въ глазную впадину и развѣтвляется въ внешнемъ прямомъ мускулѣ глаза. Отправленіе его состоитъ въ томъ, чтобъ приводить этотъ мускулъ въ движеніе.

7) *Лицевой нервъ* (*nerf facial*). Начало его въ связкахъ нервовъ движенія при варолиевомъ мостѣ. Пройдя сквозь слуховой проходъ (*conduit auditif*), онъ развѣтвляется внѣ черепа по всѣмъ подкожнымъ мускуламъ лица, ушей, затылка и проч. Чувство осазанія этихъ частей нисколько не зависитъ отъ *лицеваго нерва*. Отправленіе его состоитъ въ томъ, чтобъ приводить въ движеніе всѣ части лица, кромѣ собственно приборовъ зрѣнія, слуха, обонянія и вкуса, которые имѣютъ свои специаль-

ные нервы, описанные выше. Разъясненіе лицеваго нерва приводитъ однако въ разстройство приборы чувствъ, лишая движенія обрѣжающіе ихъ мускулы.

8) *Слуховой нервъ*. Восьмая пара нервовъ производитъ въ мозгъ впечатлѣнія звуковъ. Нервъ этотъ начинается отъ мозгового желудочка. Онъ нечувствителенъ къ уязвленію, но гальванической токъ производитъ въ немъ ощущеніе звуковъ или шума. Сильный и внезапный звукъ, и, вообще, несприятные звуки, такъ сильно раздражаютъ нервъ слуха, что весь нервный организмъ приходитъ въ содроганіе.

9) *Языкоглоточный нервъ* (*nerf glosso-pharyngien*) есть дополнительный къ тройничному, въ отношеніи къ отправленію, потому что назначеніе его состоитъ въ принатіи и проводъ въ мозгъ чувства осязанія отъ тѣхъ частей головы, въ которыя вѣтви тройничнаго не проникаютъ, а именно: отъ средняго уха (*oreille moyenne*), эвстахической трубы, задней трети языка, отъ дугъ мягкаго нѣба (*piliers du voile palatin*) и части глотки (*pharynx*). Онъ начинается у черепной луковки.

10) *Нервъ легочно-желудочный* (*pneumo-gastrique*) есть нервъ ощущеній: онъ начинается отъ связокъ нервовъ на луковкѣ (*corps testiformes*). Гальванической токъ не производитъ движенія въ этомъ нервѣ. Онъ сообщаетъ чувствительность слизистымъ плевамъ (*membranes muqueuses*) желудка, пищевода горла и глотки. Уязвленіе его производитъ сильную боль.

11) *Спинальный нервъ* (*nerf spinal*). Одиннадцатая пара начинается отъ связокъ нервовъ движенія стаповаго мозга. Близъ корня своего, онъ соединенъ съ предыдущимъ, и только въ конечномъ своемъ развѣтвленіи оба нерва дномъ разделяются. Тѣсная связь этихъ нервовъ побудила некоторыхъ физиологовъ описывать ихъ вмѣстѣ. Спинальный нервъ не обнаруживаетъ чувствительности къ раздраженіямъ; отправленіе его состоитъ въ томъ, чтобъ приводить въ движеніе легкія, желудокъ, гортань и другія части тѣла, наиболѣе-необходимыя для жизни животнаго.

12) *Подъязычный нервъ* (*nerf grand hypoglosse*) выходитъ изъ борозды между возвышеніями оливкообразнымъ и пирамидальнымъ. Главное отправленіе его—приводить въ движеніе языкъ.

Г. Лонжé разделяетъ описанныя двѣнадцать паръ черепныхъ нервовъ на три класса:

а) *Нервы специальныхъ ощущений*: обоняніе, зрѣніе и слухъ.

б) *Нервы общаго ощущенія*: узловая часть тройничнаго, языкоглоточный и легочно-желудочный, изъ которыхъ первые два могутъ сверхътого содѣйствовать специальнымъ ощущеніямъ и составляютъ переходъ отъ нервовъ общаго ощущенія къ нервамъ ощущенія специальныхъ.

в) *Нервы движенія*, отправляющіе въ то же время произвольныя и дыхательныя движенія: нервъ движущій глазъ (*moteur oculaire commun*), блоковой (*pathétique*), жевательный (*masticateur*) и узловая часть тройничнаго, отводящій глазной (*moteur oculaire externe*), лицевой (*facial*), спинальный (*spinal*) и подъязычный (*grand hypoglosse*).

Первыя нерваго класса нисколько не обнаруживаютъ къ операціямъ всякаго рода чувствительности, подобной нервамъ втораго класса. Вмѣ-

сто боли, они производятъ явленія, согласныя съ ихъ отправленіями, т. е., возбуждаютъ: при раздраженіи нерва зрѣнія—призраки свѣта; при раздраженіи нервовъ слуха—призраки звуковъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ авторовъ, нервъ обонянія производитъ, при раздраженіи его, призраки запаха; но г. Лонжэ этого не подтверждаетъ. Судя по этому, каждый нервъ чувствъ способенъ только къ одному спеціальному его отправленію. Незвѣстно, говорятъ физиологи, въ какихъ мѣстахъ мозга происходятъ ощущенія, сообщаемыя ему нервами, и гдѣ находится причина ихъ спеціальныхъ способностей: въ нихъ ли самихъ, или въ мозгу, съ которымъ они сообщаются? Физиологическія наблюденія удостоверяютъ, что мозгъ есть органъ сознанія, соображенія, упоминанія и проч. получаемыхъ имъ впечатлѣній, то - есть, что разработываніе принятыхъ нервами впечатлѣній происходитъ въ мозгу. Но причина *качествъ* зрѣнія, слуха и обонянія заключается, по всей вѣроятности, въ большемъ или меньшемъ совершенствѣ вѣншихъ приборовъ этихъ чувствъ и принадлежащихъ имъ нервныхъ проводниковъ. Известно, что чѣмъ толще нервъ спеціального ощущенія, тѣмъ въ большей степени развито чувство животнаго, отправляемое этимъ нервомъ.

VII (').

Всѣ физиологи согласны, что мѣстопробываніе умственныхъ способностей находится въ мозгу, что этотъ органъ есть вещественное орудіе, необходимое для всякаго обнаруженія или проявленія способностей, и что, наконецъ, безъ посредства его, никакой умственный актъ не могъ бы совершаться. Но мозгъ есть тѣло, котораго посредничество зависитъ необходимо отъ его *физическихъ условий*.

Вотъ эти условія:

1. Внутреннее сложеніе мозга.
2. Качество или состояніе веществъ, его составляющихъ.
3. Общій объемъ.
4. Вѣсъ.
5. Относительное расположеніе составныхъ частей мозга.
6. Общій его видъ или конфигурація.

Различія исчисленныхъ нами условій въ разныхъ мозгахъ должны быть разсматриваемы, какъ принадлежащія къ числу органическихъ причинъ умственныхъ различій между людьми, такъ же, какъ и между животными. Вліяніе приборовъ чувствъ и причинъ, находящихся внѣ организма, затрудняетъ иногда распознаваніе вліянія физическихъ условій мозга; впрочемъ, это затрудненіе не помѣшало достигнуть, во многихъ случаяхъ, до удовлетворительныхъ результатовъ.

(') Вмѣсто письма посылаю вамъ извлеченіе изъ брошюры, напечатанной мною на французскомъ языкѣ въ отвѣтъ на сочиненіе г. Флурана: «Examen de la physiologie». Вы найдете въ немъ то, что бы я долженъ былъ изложить въ этомъ письмѣ.

1. Внутреннее сложение мозга не во всехъ своихъ частяхъ одинаково. Вѣроятно, оно измѣняется въ разныхъ мозгахъ и, кроме того, это измѣненіе можетъ обнаруживаться въ нѣкоторыхъ частяхъ мозга болѣе или менѣе, чѣмъ въ другихъ. Поэтому, нисколько не должно казаться страннымъ, еслибъ кто-нибудь вздумалъ изыскивать вліяніе сложения мозга на его отправленія.

2. *Качество* или *состояніе* мозгового вещества имѣетъ весьма-чувствительное вліяніе на его отправленія, потому-что вообще замѣчается очевидная модификація умственныхъ способностей, смотря по лѣтамъ, темпераменту и патологическому состоянію субъекта. Эти модификаціи не только дѣйствуютъ на общую силу разума, но также на ту или на другую умственную способность. Во многихъ случаяхъ они положительно замѣчены; но еще неизвѣстно точнымъ образомъ, въ чемъ состоятъ разности состоянія или качества мозговыхъ веществъ, производящія извѣстныя модификаціи въ отправленіяхъ мозга.

3. Нельзя предполагать, что *общій объемъ* мозга можетъ имѣть вліяніе на несходство умственныхъ отправленій у людей и у животныхъ; по-крайней-мѣрѣ, до-сихъ-поръ никто не выражалъ подобнаго мнѣнія. Что касается до вліянія его на общую силу разума, то оно замѣчено во многихъ случаяхъ, гдѣ сравниваемые субъекты принадлежали къ одному племени и находились въ нормальномъ состояніи здоровья, при *однаковости всѣхъ прочихъ обстоятельствъ*.

Даже въ-отношеніи къ различнымъ породамъ животныхъ найдено, что болѣшій объемъ мозга соответствуетъ почти всегда болѣшему развитію разума, и что мозгъ чловѣка уступаетъ объемомъ своимъ только мозгу слона и дельфина. Вліяніе объема, хотя и общее, не есть однако единственное, и довольно-страннымъ кажется, что нѣкоторые физиологи отвергаютъ его именно потому, что оно не подтверждается во всѣхъ частныхъ случаяхъ. Другіе, признавая общее вліяніе объема, считаютъ необходимымъ принять въ соображеніе отношеніе массы мозга къ массѣ всего тѣла животнаго, для объясненія величины объема мозга слона, сравнительно съ объемомъ чловѣческаго мозга. Но если масса тѣла можетъ имѣть вліяніе на мозгъ, то, конечно, на одно только изъ его физическихъ условій, а не прямо на отправленія мозга. Поэтому, слѣдуетъ разсматривать не тѣло субъекта, а одинъ только мозгъ его.

4) *Вѣсъ* мозга есть результатъ его объема и *относительнаго вѣса*. Отсюда слѣдуетъ, что надобно принимать въ соображеніе относительный вѣсъ, т. е. вѣсъ единицы объема мозга, если хотимъ избѣжать сложныхъ вліяній. Найдется, можетъ-быть, что не только общій относительный вѣсъ, но и вѣсъ различныхъ частей мозга, измѣняются въ различныхъ субъектахъ. Вліяніе его на отправленія органа, въ двоякомъ отношеніи ихъ силы и ихъ различія, будетъ тогда возможно и даже вѣроятно.

5) Многие физиологи допускаютъ, что въ болѣшемъ числѣ случаевъ, относительное расположеніе составныхъ частей мозга становится болѣе и болѣе сложнымъ по мѣрѣ того, какъ мы восходимъ отъ низшихъ

животныхъ къ человѣку. Въ-самомъ-дѣль, у слона, который разумнѣе другихъ животныхъ, гряды мозга гораздо-многочисленнѣе и ближе подходить къ человѣческимъ. Другіе физиологи не согласны съ этимъ общимъ закономъ по той же самой причинѣ, которая заставляетъ ихъ отрицать вліяніе объема мозга на силу умственныхъ отправленій, и именно потому-что въ этомъ законѣ встрѣчаются значительныя исключенія.

Мы сдѣлаемъ имъ тотъ же самый отвѣтъ: расположеніе частей не единственное физическое условіе мозга. Хорошо-определенное вліяніе другихъ условій объяснить, безъ сомнѣнія, большое число кажущихся аномалій.

Сознаемся, по-крайней-мѣрь, что, изучая субъекты одной и той же породы, можно ожидать, что при *всѣхъ прочихъ одинаковыхъ обстоятельствахъ*, выпуклость, ширина, направленіе и пр. грядъ мозга имѣютъ нѣкоторое вліяніе на отправленія этого органа.

Не удивительно, что открывъ въ человѣческомъ мозгу постоянное расположеніе грядъ, физиологи возымѣли мысль, что онѣ могутъ быть средоточіемъ различныхъ умственныхъ способностей. Это, впрочемъ, только предположеніе, и сколь бы вѣроятно оно ни казалось, все-таки не следовало выставлять его, какъ непреложную истину.

Изученіе *грядъ, состава, качества* или состоянія мозговыхъ веществъ и ихъ относительнаго *вѣса*, возможно только послѣ смерти субъекта. Уже одного этого соображенія достаточно для того, чтобы объяснить малый успѣхъ наблюденій надъ вліяніемъ названныхъ нами органическихъ обстоятельствъ на явленія разума.

Подумайте только о пониженіяхъ, сжатіяхъ, порчахъ мозга послѣ смерти, о мягкости его, которая такъ затрудняетъ сниманіе слѣпковъ, о невозможности повторять наблюденія надъ одними и тѣми же субъектами; о трудности получить доступъ къ тѣлу умершаго въ интересныхъ случаяхъ, и проч. Нельзя не согласиться, что подобный родъ труда требуетъ огромнаго времени для достиженія малѣйшаго положительнаго результата.

б) Мы дошли, наконецъ, до главнаго предмета нападений г. Флурана, а именно до зависимости умственныхъ способностей отъ общей конфигураціи мозга. Не-уже-ли, изъ всѣхъ физическихъ условій этого органа, только одна конфигурація мозга не представляетъ никакихъ отношеній съ явленіями разума?

Г. Флуранъ не говоритъ этого; но у него полагается доказаннымъ, въ-слѣдствіе живосъченій, что мозговья полушарія суть, исключительно предъ прочими частями мозга, средоточіе разума. Г. Флуранъ выводитъ отсюда заключеніе, что объемъ и форма головы, выражая объемъ и форму цѣлаго мозга, не могутъ вести къ заключеніямъ о величинѣ и конфигураціи органа разума, составляющаго только часть мозга. Между-тѣмъ, г. Флуранъ не доказалъ, что послѣ такого значительнаго отъятія, каково отдѣленіе части мозга, остальные части продолжаютъ дѣйствовать точно такъ же, какъ и до операціи. Это предположеніе, на чемъ неоснованное, по-крайней-мѣрь сомнительно. Допустимъ его, однако, какъ справедливое.

Если бы конфигурация и объем головы не давали средств судить объ этих самых принадлежностях мозговых полушарий, то надлежало бы прибегнуть опять къ разсѣченію для открытія вліянія ихъ на отправленія мозга. Къ-счастью, мы не находимся здѣсь въ тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ, какъ при другихъ физическихъ условіяхъ мозга. Внутреннія стѣнки (parois) черепа соотвѣтствуютъ вездѣ и почти концентрически вѣншей поверхности мозговыхъ полушарій; вмѣстимость мозговыхъ желудочковъ не составляетъ даже одной пятой части полнаго его объема, и, наконецъ, форма желудочковъ одинакова во всѣхъ мозгахъ субъектовъ одной и той же породы.

Отсюда слѣдуетъ: 1) что для одного и того же субъекта, самыя сильныя возвышенія головы соотвѣтствуютъ вообще большій толщинѣ полушарій мозга; 2) что если отношеніе между вмѣстимостью желудочковъ и полнымъ объемомъ мозга измѣняется при переходѣ отъ одного субъекта къ другому, то нѣтъ причины предполагать значительныхъ разностей въ однихъ и тѣхъ же породахъ животныхъ. Кроме того, отъ насъ зависитъ уменьшить погрѣшность, происходящую отъ этого измѣненія, подвергая наблюденію только весьма-значительныя разности въ объемѣ или конфигураціи головы.

Что бы ни говорили, но разность въ толщинѣ оболочекъ мозга на различныхъ головахъ въ подобно-расположенныхъ точкахъ, незначительна. Когда вы разсматриваете только одну большія разности въ объемѣ и формѣ головъ, принимаете въ соображеніе полноту субъектовъ и пробравя уже навыкъ узнавать избытокъ толщины кожи по ея жесткости, утолщеніе черепа или раздвоеніе его пластинокъ по неровнымъ и постепеннымъ возвышеніямъ, тогда, если бы и произошла ошибка относительно толщины мозга, то развѣ только маловажная.

Не очевидно ли, послѣ всего сказаннаго нами, что для перваго шага въ наукѣ умственныхъ отправленій мозга, необходимо удостовѣриться: нѣтъ ли, при всѣхъ прочихъ одинаковыхъ обстоятельствахъ, постоянной зависимости: 1) между объемомъ головы и умственною силою субъектовъ; 2) между конфигураціею головы и характеромъ, склонностями и другими способностями субъектовъ?

Наблюденія френологовъ вполне доказываютъ существованіе этихъ отношеній. Противники френологіи или не хотѣли ихъ видѣть, или обращали вниманіе только на исключенія и аномаліи, справедливыя или предполагаемыя, чтобъ пользоваться ими для отрицанія общности заключенія френологовъ. Теперь уже немногіе, на основаніи философскихъ заблужденій староі школы, утверждаютъ, что вся люди рождаются съ одинаковыми способностями, и что разность, обнаруживающаяся между ними въ-послѣдствіи, происходитъ только отъ вѣншнихъ вліяній, каковы воспитаніе и сообщество. Это мнѣніе предполагаетъ возможность умственныхъ проявленій безъ посредства мозга, что слишкомъ-нелѣпно и не заслуживаетъ возраженія. Вѣншнія вліянія, несомнѣнно, многочисленны и сильны: френологи принимаютъ ихъ въ соображеніе, равно какъ возрастъ и темпераментъ. Именно такимъ образомъ они дошли

до удовлетворительнаго объясненія многихъ случаевъ, которые безъ того показались бы аномаліями.

Опредѣленіе объема и конфигурація головы есть просто геометрическій вопросъ. Съемка формъ головы можетъ быть сдѣлана по точкамъ, однаково расположеннымъ на каждомъ субъектѣ. Точки эти означаются цифрами или буквами.

Такъ-какъ наблюденія указываютъ на постоянное соотношеніе некоторыхъ умственныхъ способностей, сильно или слабо выраженныхъ, съ значительнымъ развитіемъ или умаленіемъ черепа въ точкахъ определеннаго положенія, то изученіе весьма облегчится, если дать этимъ точкамъ названія, напоминающія ихъ соотношенія съ умственными способностями.

Во всемъ этомъ нѣтъ и помину о многочисленности органовъ, а между-тѣмъ, весьма-ясна необходимость принять языкъ френологовъ, за исключеніемъ, пожалуй, слова *органъ*, въ которомъ нѣтъ никакой необходимости.

Разумъ есть *единъ*, и мозгъ есть *единый* органъ, говоритъ г. Флуранъ. Пусть такъ; но разумъ не одинъ и тотъ же у всехъ субъектовъ; онъ изменяется относительно силы и разнообразія способностей, точно такъ, какъ голова *одна* и мозгъ *одинъ*; по они измѣняются относительно вида и объема. Поэтому, впредь до болѣе-положительнаго доказательства многочисленности органовъ, на локализацию органовъ должно смотрѣть какъ на *методу*, само-по-себѣ превосходную, для выраженія конфигурація головы. Френологи слишкомъ поторопились, принявъ ее за достовѣрный физиологическій фактъ.

По мнѣнію г. Флурана, при отсѣченіи значительной части мозговыхъ полушарій, замѣчается всеобщее ослабленіе умственныхъ способностей. Это доказываетъ только, что масса мозга имѣетъ вліяніе на умственную силу. Между-тѣмъ, увѣряютъ, что отъятіе (*mutilation*) части не измѣняетъ нисколько наклонностей субъекта. Чѣмъ жъ за важность? Это докажетъ только единство органа, а вовсе не то, что его конфигурація не находится въ тѣсной связи съ различными умственными способностями.

Да позволено намъ будетъ положить, для утвердительнаго рѣшенія этого вопроса, подтвержденій со стороны другихъ наблюдателей, менѣе враждебныхъ френологамъ, потому-что здѣсь дѣло идетъ о фактѣ безпримѣрномъ въ нервной системѣ, а именно объ органѣ *единомъ*, в между-тѣмъ, служащемъ для множества весьма-различныхъ отправленій, каковы характеръ, таланты и наклонности людей.

Если вѣрить г. Флурану, то открытіемъ сложности мозговыхъ полушарій ниспровергнется нравственность и религія. Надо имѣть слишкомъ-мало довѣренности къ религіи и нравственности, чтобъ бояться паденія ихъ отъ какого-нибудь физиологическаго открытія. Мы, слава Богу, живемъ не во времена Галилея и подобныя обвиненія кажутся намъ только смѣшными.

Г. Флуранъ противопоставляетъ чувство *единого* — я органологіи Галля. Если мозгъ составленъ изъ многихъ органовъ, то единство я можетъ

объясниться или специальнымъ органомъ, определеннымъ для этого чувствованія, или тѣсною связью между всеми органами.

Г. Флуранъ старается доказать, что нравственная свобода чловѣка не зависитъ отъ органа разума, ссылаясь на Декарта, который ощущалъ въ себѣ свободную волю сильнѣе, чѣмъ всякое другое чувство. У такого великаго чловѣка, какъ Декартъ, это явленіе доказываетъ силу его разсудка и характера. Но то же чувство, имѣй на него притязаніе обыкновенный чловѣкъ, было бы только результатомъ самолюбія и ошибочнаго мнѣнія о собственныхъ умственныхъ способностяхъ.

Необходимо указать на судопроизводство тѣмъ, которые воображаютъ, что все люди *сеида одинаково и стоишь* свободны въ своихъ дѣйствіяхъ. Они увидѣли бы, что наказанія соображаются съ большею или меньшею нравственною свободою, которою располагалъ преступникъ въ минуту преступленія. Нѣтъ страны, въ которой бы уголовные законы не подразумевали въ *практикѣ* той непреложной истины, что нравственная свобода чловѣка зависитъ отъ матеріальнаго состоянія его мозга. И этотъ принципъ до такой степени мало противенъ общественной нравственности, какъ, по-видимому, думаетъ г. Флуранъ, что безъ него правосудіе невозможно. Судья не оправдываетъ преступника, хотя и мало-разумнаго, потому-что не нужно обладать высшею организаціею для воздержанія себя отъ злодѣяства; но иногда позволяетъ себѣ ослабить наказаніе. Онъ, можетъ-быть, пощадитъ несчастнаго, который отмстилъ въ первомъ движеніи за оскорбленную честь свою, но не осудитъ сумасшедшаго или безумнаго отъ рожденія.

Въ одномъ только предположеніи г. Флуранъ соглашается съ френологами, именно: въ предполагаемомъ мѣстопребываніи души. Говоря объ этомъ, онъ даетъ одно и то же значеніе словамъ: *душа* и *разумъ*.

Языческая философія завѣщала намъ идею души совершенно-матеріальную. Употреблять слово *душа* вмѣсто *разумъ*, разсуждать о мѣстопребываніи души, о ея способностяхъ и проч., значитъ мѣшать вѣру съ наукою, невещественное начало съ матеріею, и проч. Это жалкое смѣшеніе словъ господствуетъ еще и понынѣ въ философіи, и френологи подчинялись ему, подобно многимъ другимъ мыслителямъ. Слово *душа* слѣдовало бы употреблять для означенія идеи невещественнаго и безсмертнаго начала, котораго существованіе открывается намъ нашими чувствами, и которыми, по вѣрованіямъ нашимъ, одаренъ только чловѣкъ. Подвѣргая это чувство анализу, вы овеществляете его, потому-что даете ему свойства, отправленія и, наконецъ, назначаете самое мѣсто пребыванія.

Слово *разумъ* (intelligence) должно было бы, напротивъ, прилагаться къ произведеніямъ или результатамъ, проявляющимся чрезъ посредство отправленій органическаго тѣла, которое есть именно мозгъ. Результаты эти, называемые умственными способностями, замѣчаются болѣе или менѣе у всѣхъ *животныхъ*.

Слова *душа* (âme) и *разумъ* (intelligence) должны, стало-быть, для избежанія сбивчивости и смѣшенія понятій, означать двѣ весьма-рав-

личныя идеи: первое—*причину*, находящуюся внѣ положительныхъ или наблюдательныхъ знаній, а второе—*результаты* органическихъ отиравленій, вполне входящія въ область этихъ знаній.

Мы никогда не будемъ въ состояніи узнать что-нибудь на-счетъ тождества или разности душъ, тогда-какъ имѣемъ случай ежедневно замѣчать различія въ *разумъ* субъектовъ. Смѣшивая душу съ разумомъ, г. Флуранъ даетъ животнымъ безсмертную душу и, обвиняя френологію въ противодѣйствіи религіи, становится самъ въ явное противорѣчіе съ догматомъ.

Г. Флуранъ увѣряетъ, что трудъ его называли не только хорошею книгою, но и похвальнымъ поступкомъ. Мы не скажемъ, что его трудъ есть дурной поступокъ, но намъ невозможно раздѣлять мнѣніе тѣхъ, которые считаютъ его добрымъ дѣломъ.

VIII.

Многіе ученые и мыслители догадывались прежде Галля, что мозгъ — не простой, а сложный органъ, и что если не вся, то по-крайней-мѣрѣ нѣкоторыя способности челоука зависятъ отъ физическаго образованія головы. Но еще прежде и, конечно, съ-тѣхъ-поръ, какъ люди начали обращать какое-нибудь вниманіе на формы головы и на соответственныя имъ характеры людей, появились въ языкъ выраженія, доказывающія существованіе постоянныхъ отношеній между способностями челоука и образованіемъ его мозга. Выраженія: *семм плей со лбу*, *une tête sautée*, и множество подобныхъ, которыхъ нравственное значеніе каждому извѣстно, не могли бы войти во всеобщее употребленіе, не будучи основаны на множествѣ наблюденій, искони, безсознательно повторяемыхъ каждымъ челоукомъ. Впрочемъ, не смотря на всѣ догадки, предшествовавшія ученію Галля, честь открытія принадлежитъ ему, потому-что онъ первый доказалъ наблюденіями зависимость способностей челоука отъ устройства его мозга и открылъ порядокъ расположенія складокъ мозга.

Еще въ дѣтствѣ, Галля поразило то, что его братья, сестры и товарищи, не смотря на однообразное воспитаніе, имѣли весьма-различныя наклонности и способности. Къ счастью своему, Галль до зрѣлаго возраста не читывалъ философскихъ сочиненій, въ которыхъ проповѣдывалась невмѣрная нелѣпость, будто всѣ люди рождаются съ совершенно-одинаковыми способностями и качествами. Это обстоятельство очень-важно, потому-что никакое постороннее вліаніе не могло отвратить Галля отъ наблюденій.

Метода изысканій Галля была чисто-эмпирическая. Онъ обратилъ сначала вниманіе на выпуклость глазъ тѣхъ изъ его товарищей, которые скорѣе его выучивали наузусть и лучше сохраняли въ памяти выученное. Это подало ему мысль искать другихъ наружныхъ особенностей, соответствующихъ различнымъ способностямъ, наклонностямъ и характерамъ людей. Галль, естественно, направилъ свои наблюденія на формы мозга, выражающіяся снаружи формами головы. И точно, челоукъ чувствуетъ, что умственные побужденія его находятся въ голо-

въ, такъ, какъ чувствуешь, что онъ ходитъ ногами. Нельзя не удивляться заблужденію многихъ философовъ, помѣщавшихъ чувствованія, страсти, склонности и проч., въ другихъ частяхъ тела.

Въ то самое время, когда Галль и его послѣдователи извлекали факты изъ наблюдений надъ внѣшними формами головы, естественно было обратить вниманіе на изученіе устройства мозга, который, замѣтимъ здѣсь кстати, некогда не былъ принимаемъ фзіологами за причину, но только за *средство* умственныхъ проявленій въ человѣкѣ. Если въ организмѣ для всякаго отправленія существуетъ особый органъ, и если нѣтъ ни одного органа, совершающаго два различныя отправленія, то почему же одинъ только мозгъ былъ бы исключеніемъ изъ этого общаго, по-видимому, закона, и почему вовсе-несходныя между собою способности, каковы, на-примѣръ, воображеніе, осторожность, способность различать колориты, вычислять и проч., не имѣли каждая особаго органа для своего проявленія? Ясно, что и безъ наблюдений *a priori*, можно было прийти къ предположенію, что мозгъ есть органъ сложный, состоящій изъ соединенія многихъ органовъ. Но кажется, что определенныхъ органовъ въ большомъ мозгу нѣтъ, и что для различныхъ его отправленій, которыхъ, конечно, гораздо-болѣе сравнительно съ открытыми до-сихъ-поръ, въ немъ находятся столько же различныхъ нервовъ или узловъ. Общій характеръ отправленія нервовъ потому только могъ быть замѣченъ, что первы сходныхъ отправленій находятся вмѣстѣ. Но такъ-какъ переходъ отъ нервовъ одного характера отправленій къ нервамъ другаго характера совершается почувствительно, да и въ самой группѣ одного характера существуетъ только сходство въ отправленіяхъ, а отнюдь не тождество, то между группами нервовъ и не можетъ быть сдѣлано точнаго раздѣленія. Въ строеніи желваковъ мозга, особенно въ мозговыхъ полушаріяхъ, нѣтъ ничего такого, что можно было бы разсматривать какъ естественныя отдѣлы и назвать органами.

Наблюденія показали френологамъ, что части мозга, въ-отношеніи къ степени дѣятельности ихъ, подчинены одному закону съ прочими органами нервной системы, т. е., что большей способности соответствуетъ болѣе-развитая часть мозга. Такъ-какъ лучистые нервы мозга собираются къ центру нервовъ (къ луковкѣ), а другими концами примыкаютъ къ поверхности мозга, то казалось возможнымъ измѣрять величину определенныхъ частей мозга объемами пирамидъ, которыхъ *основанія* — площади, отмѣченныя отдѣлами на поверхности мозга, а *вершина* — въ центрѣ нервной системы. Наблюденіе дѣйствительно удостоверяетъ въ томъ, что дѣятельность известной способности соразмѣрна съ пространствомъ соответствующаго ей мѣста на черепѣ. Но сколько непреодолимыхъ препятствій встрѣтили френологи, стремясь къ *точному* опредѣленію объема предполагаемыхъ ими органовъ мозга!

Для сравненія величины воображаемыхъ органовъ (которые для насъ не что иное, какъ группы нервовъ сходныхъ отправленій) въ различныхъ головахъ, пужно знать толщину костей и оболочекъ мозга и черепа сравниваемыхъ головъ. Столь же необходимо для вѣрности за-

ключеній объ относительной дѣятельности частей мозга, взять въ соображеніе различіе нервовъ по ихъ качеству, въ различныхъ людяхъ, и большее или меньшее ихъ изогненіе. И приблизительное опредѣленіе этихъ данныхъ представляетъ большія затрудненія. Не только въ мозгу различныхъ субъектовъ, но даже въ одной и той же головѣ, сравненіе объемовъ различныхъ частей мозга не можетъ быть положительнымъ, во-первыхъ, потому-что лучистые нервы мозга направляются не прямо, а по неопредѣленнымъ кривымъ, и нѣтъ никакой возможности разобрать ихъ непрерывное продолженіе; во-вторыхъ, потому-что для многихъ еще сомнительно участіе въ умственныхъ отправленіяхъ всего мозгового прибора, а не однихъ только *полушарій большаго мозга*. Наконецъ, третью причину составляетъ неопредѣленность пространства, занимаемаго предполагаемою группою нервовъ на поверхности головы.

Складки мозга образуютъ на его поверхности извилистыя гряды (*convolutions*), кажущіяся съ перваго взгляда беспорядочными и случайными. Но при ближайшемъ изслѣдованіи открывается, что въ обоихъ полушаріяхъ мозга онѣ расположены вообще довольно-симметрически, и что въ различныхъ головахъ людей, или животныхъ той же породы, извилины имѣютъ подобный видъ, находятся на подобныхъ мѣстахъ, и расположены въ подобныхъ направленіяхъ. Нельзя было не подумать, что, можетъ-быть, каждая изъ этихъ извилистыхъ грядъ содержитъ въ себѣ нервы подобнаго характера въ ихъ отправленіи. И въ-самомъ-дѣлѣ, эмпирическія наблюденія Галля и его послѣдователей надъ выпуклостями или пониженіями нѣкоторыхъ частей черепа, казалось, сначала, подтверждала большею частію эту догадку. Но теперь найдено, что иногда въ той же грядѣ находятся нервы различныхъ отправленій и что иное отправленіе принадлежитъ нѣсколькимъ грядамъ, или соединеннымъ частямъ нѣсколькихъ грядъ. Итакъ, идея, что каждая гряда есть отдѣльный органъ мозга, опровергнута наблюденіями самихъ френологовъ.

Каждая гряда подраздѣляется, естественно, на множество частей, не совершенно-раздѣльныхъ между собою. При перенесеніи на поверхность мозга эмпирическихъ наблюденій надъ формою головы, нѣкоторыя части той же гряды получаютъ одно, а другія—другое значеніе, между-тѣмъ, какъ въ самомъ образованіи грядъ иногда не видно никакой причины для раздѣленія ихъ на части такъ, а не иначе. Отъяснить отправленіе каждаго естественнаго отдѣла въ каждой грядѣ, въ высшей степени затруднительно, и даже, по всей вѣроятности, невозможно, потому-что и теперь начертаніе этихъ грядъ на головѣ только въ общемъ ихъ видѣ весьма—нелегко. Начертаніе это называется *топографіею мозга*.

Мы видѣли уже, что складки мозга увеличиваютъ его поверхность, и что это увеличеніе, вѣроятно, сопровождается большею дѣятельностью мозговыхъ органовъ. Стало-быть, для сужденія и заключенія объ относительномъ развитіи различныхъ грядъ мозга въ той же головѣ, слѣдовало бы къ поверхности ихъ прибавить поверхность, заключающуюся въ складкахъ. Это обстоятельство еще болѣе затрудняетъ опредѣленіе

границъ каждой мозговой гряды, а при сравненіи головъ, различная глубина складокъ мозга, которую угадать невозможно, составляетъ новую причину потрѣнностей.

Много было сдѣлано опытовъ и наблюденій для опредѣленія отправления различныхъ частей большого мозга. Вырѣзывали части его у животныхъ, наблюдали вліяніе поврежденій мозга въ болѣзняхъ, производили давленіе на извѣстныя части головы во время сна, дѣйствовали на каждый изъ назначенныхъ френологами выдѣловъ отдѣльно, магнетизированіемъ; но ни одно изъ этихъ средствъ не привело къ удовлетворительнымъ результатамъ, и до-сихъ-поръ эмпирической способъ Галля — единственный, какой только можно употребить съ успѣхомъ. Онъ требуетъ большого навыка и особой, врожденной способности понимать, сравнивать и помнить наружныя формы предметовъ.

Въ одно время съ открытіемъ Галля, эдинбургскіе философы, занимаясь разборомъ способностей человека, старались открыть, безъ наблюденій, однимъ разсужденіемъ, элементы этихъ способностей. Результаты ихъ умствованій принесли большую пользу Шпурцгейму, которому френологія особенно обязана своими успѣхами. Онъ измѣнилъ наименованія многихъ основныхъ побужденій, открылъ нѣкоторыя новыя особенности формы головы, выражающія извѣстныя отправления, существованіе которыхъ можно было предвидѣть изъ выводовъ эдинбургскихъ ученыхъ, и исправилъ, въ-отношеніи нѣкоторыхъ побужденій, разграниченіе соответствующихъ имъ отдѣловъ поверхности головы, сдѣланное Галлемъ.

Въ френологіи нѣтъ и не можетъ быть ничего точнаго и математически-опредѣленнаго по самому свойству органическихъ тѣлъ, неподчиненныхъ точнымъ, геометрическимъ законамъ. Въ ней все полагается приблизительно, и хотя она уже представляетъ многія важныя, положительныя истины, однако не должно требовать отъ френологіи того, чего она покуда дать не въ состояніи. Указанія френологовъ могутъ заслуживать довѣріе только въ общихъ взглядахъ, и въ случаѣ значительныхъ разностей въ формахъ головы, предполагая при этомъ равными или вполне извѣстными все прочія условія, отъ которыхъ зависитъ дѣятельность отправления мозга. Энтузіасты, представлявшіе результаты френологіи въ слишкомъ-опредѣленномъ видѣ, нанесли ей болѣе вреда, чѣмъ самыя ожесточенные противники Галля.

IX.

Естественное положеніе человека и самое удобное для сужденія объ относительномъ размѣрѣ и расположеніи частей его тѣла, есть то, когда человекъ стоитъ прямо и смотритъ на предметъ, расположенный на одной высотѣ съ его глазами. При этомъ, скуловые дуги головы находятся въ горизонтальной плоскости, проходящей чрезъ слуховыя отверстія (фиг. 1, А). Назовемъ ее *скуловою плоскостью*. Прямая линія (АА), соединяющая слуховыя отверстія, находится въ этой плоскости: мы назовемъ ее *слуховымъ поперечникомъ*. Она проходитъ чрезъ нервный центръ, или такъ близко къ нему, что во всякомъ черепѣ можно

допустить это, безъ чувствительной погрѣшности въ нашихъ дальнѣйшихъ изысканіяхъ.

Продольная пазуха или синусъ черепа и серпъ твердой мозговой оболочки, находятся обыкновенно въ вертикальной плоскости СС, пересѣкающей слуховой поперечникъ подъ прямымъ угломъ, и притомъ посрединѣ его, въ точкѣ, соответствующей *нервному центру*. Назовемъ ее *серповою плоскостью*. Она разделяетъ черепъ на двѣ симметрическія половины. Линія пересѣченія серповой плоскости съ скуловою (ВВ) будетъ называться у насъ *продольнымъ слѣдомъ серповой плоскости*.

Определенное положеніе этихъ плоскостей, линій и точекъ во всякомъ черепѣ, даетъ возможность употребить ихъ для опредѣленія относительныхъ и собственныхъ: положенія, вида, изгибовъ и размѣровъ всякаго даннаго черепа. Если вообразимъ вертикальную плоскость АС, проведенную чрезъ слуховой поперечникъ, назвавъ ее *вертикальною слуховою плоскостью*, то очевидно, что положеніе всякой точки черепа опредѣлится чрезъ измѣреніе разстоянія ея до трехъ плоскостей: *скуловой, серповой и слуховой*, взаимно пересѣкающихся подъ прямыми углами. Само собой ясно, что разстоянія эти измѣряются перпендикулами, опущенными изъ данной точки на три плоскости, или, что одно и то же, линіями, параллельными пересѣченіямъ этихъ плоскостей, т. е. *продольному слѣду (ВВ), слуховому поперечнику (АА) и линіи (СО) пересѣченія слуховой плоскости съ серповою*. Назовемъ эту последнюю линію *вертикальнымъ діаметромъ черепа*. Другой способъ опредѣленія вида и размѣровъ черепа состоитъ въ измѣреніи длины и наклоненія радіусовъ, проведенныхъ изъ нервнаго центра, т. е., изъ точки пересѣченія (О) слуховаго поперечника (АА) съ вертикальнымъ діаметромъ черепа (СО) и съ продольнымъ слѣдомъ (ВВ) серповой плоскости. Выражаясь языкомъ геометріи, мы *относимъ* черепъ къ *тремъ* плоскостямъ или осямъ *координатъ*, которыхъ начало и положеніе постоянны для каждаго черепа, какова бы, впрочемъ, была онъ ни былъ (*).

Видъ человѣческаго черепа, не смотря на разнообразіе его формъ, имѣетъ общій типъ и близко подходитъ къ виду *овоида* (лицеобразному). Пріймемъ основаніе черепа (НН) по приближенію, за плоскость, которою усѣченъ овоидъ. Она проходитъ чрезъ слуховой поперечникъ, составляя съ горизонтальною скуловою плоскостью уголъ отъ 28° до 30°. Вообразимъ теперь плоскость, параллельную плоскости основанія черепа и проходящую чрезъ средину (F) его вертикальнаго діаметра (СО). Здѣсь, очевидно, произойдутъ: овоидальное пересѣченіе (DGD) этой плоскости съ черепомъ; пересѣченіе ея (DD) съ серповою плоскостью, которое образуетъ *продольный діаметръ черепа*, и пересѣченіе (ЕЕ) съ слуховою плоскостью, которая дастъ намъ *поперечный діаметръ черепа*. Такимъ-образомъ, мы имѣемъ теперь *три діаметра: вертикальный (СО), продольный (DD) и поперечный (ЕЕ)*, для сужденія объ общемъ видѣ всякаго разсматриваемаго черепа.

(*) Способъ этотъ принадлежитъ г. Дюмутѣ, хирургу, участвовавшему въ кругосвѣтной экспедиціи Дюмон - Дюрвиля, и имъ еще не изданъ.

При сравненіи общаго вида нѣсколькихъ череповъ, полезно составить себя извѣстный типъ головы, какъ сравнительный предметъ, къ которому будутъ относиться формы другихъ головъ. Кому не случалось замѣчать, что иной человекъ имѣетъ голову узкую; другой—*продолговатую*, отъ лба къ затылку; третій—*высокую*, отъ бровей къ темени, и пр.? Выраженія эти доказываютъ существованіе нѣкоторыхъ типическихъ отношеній между главными измѣреніями головы: *долью*, *поперекъ* и *въ высоту*, къ которымъ глазъ приглядѣлся, какъ къ чаще-встрѣчающимся. По этой причинѣ, голова среднихъ пропорцій кажется намъ обыкновенною, а всякое значительное отклоненіе отъ этихъ пропорцій поражаетъ, какъ исключеніе, какъ уродливость, или какъ красота.

Для насъ, Европейцевъ, типическая форма головы представляется со всѣхъ сторонъ — спереди, сзади, сбоку и сверху въ видѣ довольно-правильнаго овона. Форма этого овона наиболее пріятна для глаза тогда, когда поперечный діаметръ черепа почти равенъ вертикальному, и когда отношеніе длины каждаго изъ нихъ къ длинѣ продольнаго діаметра составляетъ около 5:7, т. е., когда этотъ діаметръ на $\frac{2}{7}$, или около того, длиннѣе поперечнаго и вертикальнаго діаметровъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что породы людей, имѣющія другой, несходный съ нашимъ, типъ формы черепа, находятъ красивѣйшую иную форму и иные относительные размѣры головы; но замѣчительно, что вышѣ съ приближеніемъ къ нашему понятію о красотѣ формъ головы, увеличивается вышѣе, нравственное достоинство человека. Не смѣшивайте типа европейской головы съ красивѣйшею ея формою, которую можно назвать типомъ красоты: типическая форма собственно такъ-называемая, представляется намъ обыкновенною, неотличающеюся ни красотой, ни безобразіемъ.

Голова можетъ быть *больше* или *меньше*, при тѣхъ же типическихъ отношеніяхъ главныхъ размѣровъ черепа. Но если эти отношенія замѣтно нарушены, то представляется еще вопросъ: съ которой стороны существуетъ отступленіе отъ типа, т. е., въ убыль или въ прибыль его? Если продольный діаметръ черепа длиннѣе или короче $\frac{1}{7}$ вертикальнаго діаметра, то увеличеніе или уменьшеніе частей по ту или другую сторону вертикальнаго діаметра, покажетъ—со стороны лба, или со стороны затылка черепъ болѣе или менѣе развитъ, въ сравненіи съ типическою его формою. Если вертикальный діаметръ болѣе или менѣе $\frac{5}{7}$ продольнаго, то относительное уменьшеніе или развитіе черепа можетъ имѣть мѣсто въ вершинѣ головы, или въ основаніи черепа. Объ этомъ можно судить, разсматривая сѣченіе головы слуховою плоскостью; въ немъ видно сейчасъ, какая—верхняя или нижняя часть черепа, уклоняется отъ типическихъ пропорцій.

Приведенныя нами численныя отношенія размѣровъ красивѣйшей формы головы ни въ какомъ случаѣ не должно принимать за *точные*: они даны только для приблизительнаго соображенія. Въ органической природѣ нѣтъ и не можетъ быть того постоянства, той точности и опредѣлительности, которыя представляются наблюдателю, на-примѣръ, въ царствѣ ископаемыхъ.

X.

Для подробнаго изслѣдованія формъ головы, лучше всего, снявъ съ нея гипсовый слѣпокъ, производить на немъ измѣренія и назначать топографію побужденій. Но этотъ способъ требуетъ многихъ приготовленій, а притомъ нужно по-крайней-мѣрѣ остричь коротко волосы: иначе подробности изгибовъ черепа не будутъ вполне выражены. Комбъ придумалъ весьма-простой инструментъ для измѣренія съченій головы прямою плоскостью, въ произвольномъ направленіи. Инструментъ этотъ состоитъ изъ желѣзнаго полукруга, по діаметру котораго продѣты, въ концахъ дуги, подвижныя стержни, а на дугѣ свободно движется скобка съ подвижною иглою, направленною во всякъ положеніяхъ скобки къ центру полукруга. Концы стержней прикладываются къ слуховымъ отверстіямъ, такъ, чтобъ оба стержня выступали на одинаковое отъ дуги разстояніе. Такимъ-образомъ, центръ нервовъ будетъ соответствовать центру полукруга. Если теперь подвинуть конецъ иглы до соприкосновенія съ головою, то разстояніе какой бы то ни было точки на головѣ до нервнаго центра, выразится разностью между радіусомъ полукруга и разстояніемъ отъ окружности полукруга до точки, взятой на головѣ. Дѣленія, означенныя на иглѣ, даютъ эти разстоянія.

Несовершенство экземпляра инструмента Комба, видѣннаго мною въ Парижѣ, у г. Дюмутьѣ, было очевидно: стержни и скобки были небольшое, независимое движеніе и сгибались такъ же, какъ и самая дуга. Г. Дюмутьѣ, которому Парижская Академія Наукъ поручала дѣлать френологическія изслѣдованія формъ головы различныхъ народовъ (*), старался уничтожить эти недостатки. Приборъ, изобретенный имъ и названный *кранометромъ*, чрезвычайно-тяжелъ, неподвиженъ, и потому неудобенъ, но удовлетворяетъ всемъ условіямъ точности. Впрочемъ, въ настоящемъ состояніи френологіи, излишняя точность бесполезна. Гораздо важнѣе имѣть для опредѣленія величины радіусовъ способъ удобный, которому бы никто не затруднялся подвергнуться. Можно, безъ сомнѣнія, сдѣлать тщательнѣе инструментъ Комба; дугу придать болѣшую толщину, чтобъ она не гнулась; нарязать стержни винтомъ и посадить скобку плотно на дугу. Мнѣ кажется, что на дугу можно бы было посадить двѣ скобки, для измѣренія въ одно время: разстояній отъ обѣихъ центровъ каждой пары отдѣловъ до слуховыхъ отверстій, и взаимнаго разстоянія между этими центрами, т. е., поперечника головы.

Направленіе лучистыхъ нервовъ мозга не прямое; но возможность опредѣленія ихъ кривизны заставляетъ судить о длинѣ нервовъ по разстояніямъ отъ точекъ на поверхности головы до нервнаго центра, въ прямомъ направленіи. Разстоянія эти принято называть *радіусами*. Названіе довольно-приличное относительно всей головы; но въ-отношеніи къ мозгу и черепу, лучше было бы назвать ихъ *хордами*, потому что, какъ мы видѣли выше, центръ нервовъ находится въ основаніи черепа и мозга, по срединѣ слуховаго поперечника. Френологи предположили объемы своихъ воображаемыхъ *органовъ* пирамидами, которыхъ осно-

(*) Письмо IX.

оси — площади разграниченных на головъ органовъ, а *высоты* — радиусы головы, взятые отъ центра фигуры обозначеннаго на головъ органа и уменьшенные въ толщину черепа и оболочекъ. Я не устану повторять, что подобныя опредѣленія по геометрической методѣ могутъ быть полезны только для руководства въ наглядности, и что наблюдатель, не пріобрѣтшій большаго навыка въ сравненіи формъ головы, не долженъ слишкомъ довѣрять своимъ наблюденіямъ, сдѣланнымъ на основаніи этой методы. И разграниченіе и положеніе центровъ фигуръ или отдѣловъ, начерченныхъ на головъ и предполагаемыхъ соответствующими извѣстнымъ наклонностямъ, не могутъ быть опредѣлены хоть сколько-нибудь достоверно безъ продолжительнаго практическаго упражненія въ этомъ дѣлѣ. Длина радиусовъ головы, даже при довольно — вѣрномъ ихъ измѣреніи, не представитъ дѣйствительную длину соответствующихъ мозговыхъ нервовъ, по причинѣ ихъ кривизны. По этому же и отношенію между радиусами будетъ всегда только болѣе или менѣе приближаться къ отношеніямъ между дѣйствительными глубинами мозга отъ его поверхности до центра нервовъ, въ срединѣ затылочнаго отверстія, или толщинами полушарій большаго мозга, если въ немъ одномъ совершаются интеллектуальныя отправленія. Къ этому надо прибавить аномаліи, встречающіяся въ расположеніи грядъ мозга; большую или меньшую дѣятельность отъ упражненія той или другой способности, и, наконецъ, вліяніе качества нервовъ, темперамента субъекта и проч., на общую дѣятельность мозга. Самые опытнѣйшіе френологи останавливаются часто въ сужденіяхъ своихъ предъ трудностію безошибочной оцѣнки всѣхъ этихъ элементовъ.

До-сихъ-поръ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что всякій актъ чело-вѣка (какъ въ вещественномъ, такъ и въ умственномъ отношеніи) проявляется сознательно или безсознательно (т. е. одною жизненною силою организма) не иначе, какъ посредствомъ соответствующаго ему матеріальнаго способа. Для проявленія какихъ бы то ни было сужденій, ощущеній, побужденій и проч., необходимъ матеріальный приборъ или инструментъ. Этотъ инструментъ есть мозгъ. Матеріальное жизненное начало, животный магнетизмъ, дѣйствуетъ, вѣроятно, однообразно на всѣ нервы или узлы, или вообще на всѣ составныя части мозга: но отправленіе каждой части различно, сообразно ея назначенію и развитію, при взаимномъ вліяніи другъ на друга.

Другая и не менѣе положительная истина есть группообразное расположеніе нервовъ или частицъ узловаго вещества сходнаго рода отправленій — въ большомъ мозгу. Нервы *умственныхъ способностей* находятся въ передней, лобовой лопасти мозга; нервы *чувствованій* — въ верхней его лопасти; нервы различныхъ *привязанностей* — въ затылочной лопасти большаго мозга, а нервы *враждебныхъ наклонностей* — въ боковыхъ лопастяхъ. Скрытыя части полушарій большаго мозга, находящіяся въ его основаніи, еще не изслѣдованы. Вѣроятно, онѣ имѣютъ вліяніе на автоматическія отправленія организма, на растительные процессы, какковы: пищевареніе, отдѣленіе желчи, кровообращеніе, и проч.

Подраздѣленіе названныхъ нами группъ гораздо-менѣе положительно.

Мы изложимъ его въ томъ видѣ, въ какомъ оно допускается нынѣ френологами. Они замѣняютъ приблизительно-прямые линіи, или болѣе-правильными кривыми, извилины складокъ мозга, ограничивающихъ, по ихъ предположенію, большую часть отдѣловъ головы, которые соответствуютъ основнымъ побужденіямъ.

На каждой площади, соответствующей особому побужденію, пазначается приблизительно центръ фигуры. Относительное расположеніе этихъ точекъ есть результатъ, къ которому клонится разграниченіе отдѣловъ головы. Необходимо приобрести столько навыка, чтобъ, не дѣлая предварительныхъ разграниченій, назначать непосредственно положеніе этихъ точекъ на каждой предложенной головѣ.

Разстояніе между центрами фигуръ отдѣловъ и разстояніе ихъ отъ центра нервовъ, т. е. длина радіусовъ, дадутъ приблизительно понятіе о величинѣ каждого отдѣла мозга, соответствующаго той или другой способности. Но для сужденія объ этихъ величинахъ необходимо имѣть въ виду типъ, въ которомъ относительное разстояніе между центрами и отношенія между ихъ радіусами можно было принять за *среднія*, по умеренности и по равномерности дѣйствія всѣхъ побужденій. Для этого взяли голову Англичанина *Гораса Смита*, человека замѣчательнаго равномернымъ развитіемъ всѣхъ способностей. Но какимъ образомъ, спросите вы, удостовѣрившись въ томъ, что Горасъ Смитъ имѣетъ ко всему равносильныя способности? Въдѣ измѣрять способности нельзя, подобно температурѣ, давленію воздуха, и проч.? Отвѣчаю на это, что предлагаемый типъ, можетъ-быть, и не точно выражаетъ равномерность способностей, но, до отысканія лучшаго, френологи принуждены довольствоваться этимъ (*).

Если мы достигнемъ наглядностию до удержанія въ памяти различныхъ разстояній между центрами отдѣленій и различныхъ отношеній между радіусами типической головы, то намъ будутъ замѣтны всѣ значительныя отступленія отъ этихъ размѣровъ въ каждой головѣ, подвергаемой наблюденію. Впрочемъ, для руководства въ приобретеніи подобнаго навыка и для большей вѣрности въ сужденіяхъ, опредѣленіе разстояній между центрами отдѣловъ и измѣреніе радіусовъ производится геометрически.

XI.

Посредствомъ *координатъ*, т. е. перпендикуляровъ, опущенныхъ изъ центровъ отдѣловъ на три постоянныя плоскости: *скуловую, серповую и слуховую*, можно получить *четыре* проекціи, т. е. *переднее, боковое, заднее и верхнее* изображеніе головы и точекъ, на ней означенныхъ. Кранометръ г. Дюмутьѣ измѣряетъ эти координаты.

Вотъ его способъ для опредѣленія длины радіусовъ графически. Необходимо сначала измѣрить циркулемъ разстояніа между даннымъ центромъ отдѣла и слуховыми отверстіями. Если составимъ послѣ того на бумагѣ

(*) Экземпляръ слѣпка съ головы Гор. Смита былъ выписанъ мною изъ Парижа, въ 1837 году, и форма съ него сдѣлана скульпторомъ Фратини, близъ Казанскаго Моста, въ домѣ Дѣсякова.

треугольник aoo' (фиг. 2) изъ этихъ двухъ разстояній ao и ao' , и слуховаго поперечника oo' , то линия ac , соединяющая взятую на головѣ точку a съ серединою c слуховой линіи oo' , будетъ, очевидно, действительною длиною радіуса.

Я предложилъ вамъ измѣненіе крапометра Комба (письмо X) для измѣренія разстояній отъ точки, взятой на головѣ, до обонхъ слуховыхъ отверстій. Вотъ причина. При измѣреніи головы живаго субъекта, мягкость и подвижность кожи не позволяютъ удерживать ножку обыкновеннаго циркуля френологовъ (фиг. 3) совершенно на томъ же мѣстѣ, оборачивая циркуль сперва въ обонхъ его положеніяхъ, къ одному, а потомъ къ другому слуховому отверстию. Этотъ циркуль можетъ служить только для слѣпковъ съ головъ. Измѣненіе радіуса комбовымъ приборомъ можетъ привести къ невѣрнымъ результатамъ, если игла скобки направлена не совершенно по радіусу полукруга, что очень-трудно. уладить при устройствѣ инструмента и сохранить при продолжительномъ его употребленіи. Я допускаю также не математически-вѣрную нормальность стержней къ дугѣ, потому-что инструментъ мой имѣетъ целью только измѣреніе разстояній между концами стержней. Вообще, графическій способъ опредѣленія радіусовъ не очень-удобенъ и не совсѣмъ-вѣренъ. Онъ можетъ служить только для того, чтобъ найденный графически радіусъ измѣрить циркулемъ и записать его длину. Для сравненія длины радіусовъ, безъ сомнѣнія, не будутъ ихъ становить одинъ возлѣ другаго, а сделаютъ просто таблицу, въ которой размѣстятъ длины радіусовъ по графамъ, содержащимъ, каждая, радіусы, взятые въ подобно-расположенной точкѣ на всѣхъ сравниваемыхъ головкахъ. Поэтому, вмѣсто того, чтобъ чертить на бумагѣ треугольники со всеми ихъ размѣреніями, не короче и не вѣрнѣ ли прибѣгнуть къ вычисленію и получить результатъ безъ всякаго чертежа?

Пусть a и b (фиг. 4) представляютъ разстоянія отъ одной точки, взятой на головѣ, до обонхъ слуховыхъ отверстій. Означимъ буквою c половину слуховаго поперечника, а буквою R радіусъ и возьмемъ начало координатъ въ серединѣ слуховаго поперечника. Получимъ уравненія:

$$\begin{aligned} R^2 &= y^2 + x^2 \\ y^2 &= b^2 - (c + x)^2 \\ y^2 &= a^2 - (c - x)^2 \\ R &= \sqrt{\frac{a^2 + b^2}{2} - c^2} \end{aligned}$$

Откуда

Слѣдовательно, для полученія радіуса въ какой-нибудь точкѣ на головѣ, стѣбитъ только извлечь квадратный корень изъ разности между полусуммою квадратовъ разстояній отъ взятой точки до слуховыхъ отверстій и квадратомъ половины слуховаго поперечника.

Что касается до опредѣленія координатъ точекъ, взятыхъ на головѣ, относительно къ тремъ постояннымъ плоскостямъ, то мы, безъ всякаго сомнѣнія, никогда не встрѣтимъ въ томъ надобности.

Для пріобрѣтенія навыка сравнивать развитіе частей или отдѣловъ мозга въ различныхъ головкахъ, наблюдаются противоположныя органы и

заци; на-примѣръ, двѣ головы: одна—съ очень-сильнымъ, а другая, въ томъ же мѣстѣ, съ весьма-малымъ развитіемъ. Если въ сравниваемыхъ головахъ некоторыя части равномерны, то это еще не даетъ права вывести заключеніе равномерной или одинаковой ихъ дѣятельности, потому-что другія склонности имѣютъ большое вліяніе на каждое побужденіе. Итакъ, если въ одной изъ этихъ головъ разсматриваемая часть мозга уравнивается такими изъ другихъ частей, которыхъ дѣйствіе можетъ умѣрять или останавливать ея побужденія, то проявленія отправления нервовъ, соответствующихъ этой части головы, въ поступкахъ челоука, будутъ слабые, сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ бы она была при меньшемъ развитіи некоторыхъ другихъ частей мозга.

Площади отдѣловъ, такъ же какъ и разстоянія между ихъ центрами, принимаются у френологовъ пропорціональными соответствующимъ имъ радіусамъ. Допустивъ пирамидальный видъ своихъ воображаемыхъ органовъ мозга, френологи должны были допустить также увеличеніе площадей органовъ на голова, по мѣрѣ увеличенія соответствующихъ имъ радіусовъ, потому-что основанія пирамидъ тѣмъ обширнѣе, чѣмъ далье отъ вершины усѣчена пирамида. Сверхъ-того, у френологовъ предполагается, что боковыя грани пирамидъ, соответствующихъ однимъ и тѣмъ же органамъ, составляютъ между собою во всѣхъ головахъ равныя углы. Это предположеніе необходимо для возможности геометрическаго способа начертанія топографіи на всякой голова,

По мнѣнію многихъ френологовъ, изъ сравненія высоты или радіуса, и ширины тѣхъ же грядъ въ двухъ головахъ, можно заключить, что большая высота гряды, или, что все равно, соответствующая ей глубина мозга означаетъ болѣе-постоянное дѣйствіе группы нервовъ, заключающихся въ этой части его, а большая обширность гряды, при меньшей ея высотѣ, болѣшую энергію нервовъ, но меньшую продолжительность ихъ дѣйствія.

Тѣ изъ френологовъ, которые придерживаются методамъ геометрическимъ и хотятъ избѣгнуть упрека въ произволъ при оцѣнкѣ величины или развитія частей мозга, означенныхъ отдѣлами на поверхности головы, отвергаютъ возможность совмѣстности меньшаго основанія съ большимъ радіусомъ, и обратно. Прибавьте къ этимъ несогласіямъ все, что уже было сказано о неопредѣлительности данныхъ, на которыхъ основываются сужденія френологовъ, и вы, можетъ-быть, удивитесь дерзости и рѣшительности его сужденій. Немногіе изъ нихъ открываютъ слабыя стороны своего предмета: поступокъ извинительный, какъ по цѣли привлечь къ себѣ болѣе послѣдователей, такъ и потому-что въ энтузіазмѣ къ предмету своихъ исключительныхъ занятій, люди часто увлекаются незаметно и неумышленно. Въ френологіи досихъ-поръ есть много наблюденій, требующихъ подтвержденія, и она еще не вышла изъ дѣтскаго состоянія, не смотря на болѣшую пользу, уже приспеснвную ею философіи, физиологіи, врачебной наукѣ и проч.

Но вы спросите, чѣмъ же рѣшила мы вопросъ о пропорціональности площадей отдѣловъ съ радіусами, принадлежащими ихъ центрамъ? Вотъ наше рѣшеніе: во-первыхъ, неизвѣстно, точно ли весь головной

мозгъ участвуетъ въ интеллектуальномъ отправленіи его, а не одни только полушарія большого мозга. Во-вторыхъ, пирамидальный видъ какой-либо группы мозговыхъ нервовъ есть предположеніе, нисколько не доказанное строеніемъ мозга; для насъ это просто способъ сравненія объемовъ произвольно-выдѣляемыхъ частей мозга. Въ-третьихъ, дѣйствительно случается встрѣтить обширныя грады мозга при маломъ ихъ возвышеніи и, напротивъ, возвышенныя при мѣньшей обширности. Поэтому-то оцѣнка величинъ мысленно выдѣляемыхъ группъ нервовъ мозга, или такъ-называемыхъ френологами органовъ его, производится не иначе, какъ наглядностью, послѣ большого упражненія, стало-быть, до нѣкоторой степени произвольно. Нѣтъ возможности дать точныхъ правилъ для этой оцѣнки, и она всегда будетъ зависетьъ болѣе или мѣнѣе отъ практическаго таланта френолога.

Съ другой стороны, нельзя не замѣтить, во-первыхъ, что довольно-рядки случаи, въ которыхъ болѣе обширности градь не соответствуютъ болѣе глубины мозга или болѣе возвышенія градь; во-вторыхъ, что отношенія между радіусами головы и соответствующими толщинами полушарій большого мозга не могутъ много разниться, потому-что желудочки мозга занимаютъ мѣнѣе пятой части вмѣстимости черепа. Изъ этого слѣдуетъ, что и въ томъ случаѣ, если одни только эти полушарія отправляютъ интеллектуальныя дѣйствія, отношеніе между радіусами представить приблизительное отношеніе между развитіями мозговыхъ нервовъ или ихъ группъ.

Ни Галль, ни Шпурцгеймъ, ни Комбъ, ни Брюссъ, не дали геометрической методы построенія топографіи мозга на слѣпкѣ съ головы, потому-что она никогда не употребляется френологами. Между-тѣмъ для начинающаго она необходима: иначе невозможно пріобрѣсть навыка и наглядности въ означеніи отдѣловъ головы, соответствующихъ извѣстнымъ побужденіямъ. Но такъ-какъ эта метода построенія можетъ быть употреблена только при предположеніи пропорціональности радіусовъ съ соответствующими площадями отдѣловъ, то мы и допустимъ эту пропорціональность единственно для нашей цѣли, а не какъ естественный анатомическій фактъ.

XII.

Займемся теперь геометрическимъ построеніемъ топографіи побуждений на типической головѣ. Вы найдете въ этихъ построеніяхъ точность, несоответствующую той неопредѣлительности, о которой я нѣсколько разъ говорилъ. Еслибъ вы могли заниматься топографіею головы подъ надзоромъ практическаго френолога, то выучились бы расчерчивать слѣпокъ на глазъ. Но какимъ же образомъ мнѣ издалика дать вамъ правила, не назначая всему довольно-точныхъ размѣровъ? Безъ этого, у васъ вышли бы не тѣ фигуры, и при каждомъ новомъ начертаніи на той же головѣ, выходили бы различныя, такъ-что вы, совершенно сбившись при самомъ началѣ изученія, не могли бы продолжать его. Не пріймите этой точности за дѣйствительную точность френологическаго раздѣленія головы, которой никогда быть не можетъ. Не должно смѣшивать *методу* съ *дѣятельностью*.

Начертите (фиг. 5) сечение горизонтальною скуловою (XX) и вертикальною слуховою (УУ) плоскостями, и обозначьте продольный (SS) и поперечный (S'S') синусы. Проведите потомъ двѣ вертикали: одну (ZZ) чрезъ сосцевидный отростокъ (apophyse mastoïde), а другую (Z'Z') въ шестнадцать линіяхъ (*) разстоянія отъ глазнаго угла. Первая будетъ называться *заушною* (mastoidienne), а вторая *надскульною вертикальюю*.

Вотъ послѣдовательныя построенія, которыми определяются на слѣзкѣ типа мѣста различныхъ отдѣловъ.

Отложимъ по одиннадцати линій отъ точки пересѣченія слуховой плоскости съ продольнымъ синусомъ въ ту и въ другую сторону, по направленію этого синуса. Возставимъ изъ отмѣченныхъ такимъ образомъ двухъ точекъ перпендикуляры къ синусу, длиною тоже въ одиннадцать линій. Отложимъ отъ синуса десять линій *по слѣду* (на поверхности слѣзка) *вертикальной слуховой плоскости*, и проведемъ кривую чрезъ эту новую точку и концы перпендикуляровъ. Пространство, ограниченное такимъ образомъ, будетъ соответствовать *благоговѣйности, уважительности, почтительности* (vénération). Френологи означаютъ его № 14 (**).

Отложимъ отъ передней грани отдѣленія № 14, по продольному синусу, 26 линій. Изъ взятой точки возставимъ перпендикуляръ, равный 10 линіямъ, и соединимъ конецъ перпендикуляра съ внешнимъ переднимъ угломъ предыдущаго отдѣленія кривою, выпуклою извъ. Такимъ-образомъ, получимъ мѣсто *благовольтельности, добродушности, снисходительности* (bienveillance). Наибольшая ширина его въ срединѣ должна быть въ 12 линій.

Отложимъ отъ задней грани № 14, по продольному синусу, 18 линій. Возставимъ изъ отмѣченной точки перпендикуляръ, равный 12 линіямъ, и соединимъ конецъ его съ внешнимъ заднимъ угломъ № 14, выпуклою извъ кривою. Пространство, ограниченное этими линіями, будетъ соответствовать *настойчивости, упорности, твердости* № 15 (fermeté). Наибольшая ширина его въ срединѣ равна 13 линіямъ.

Продолжимъ на 3 линіи задній бокъ № 15 и отложимъ отъ этого бока, по продольному синусу, 18 линій. По соединеніи отмѣченныхъ точекъ кривою, подходящею къ четверти круга, она ограничитъ отдѣлъ *самоуважительности, самолюбія* (estime de soi), *чувства собственнаго достоинства*, № 10.

Раздѣлимъ разстояніе отъ средины затылочнаго бугорка до отдѣла № 10, по продольному синусу, на семь равныхъ частей, а поперечное разстояніе отъ того же бугорка до заушной вертикали на три равныя части. Отъ точки, соответствующей *четвертому* дѣленію, на синусъ, если считать снизу вверхъ, проведемъ кривую почти въ четверть круга до точки, соответствующей *второму* дѣленію по поперечному синусу. Это будетъ отдѣлъ *чадолюбивости, дѣтлолюбія*, № 2 (philogéniture).

Чрезъ точку, соответствующую *шестому* дѣленію на синусъ, если

(*) Ихъ двѣнадцать во французскомъ дюймѣ.

(**) Въ означеніи отдѣловъ цифрами, мы будемъ придерживаться Брюссе.

считать вверх, возставимъ перпендикуляръ въ 12 линій, и чрезъ конецъ его проведемъ линію, параллельную продольному синусу, до предельной отдѣла *чадолюбивости*. Пространство, ограниченное такимъ образомъ, будетъ соответствовать *домашности, осплодлости, хозяйственности, привязанности къ дому, № 3 (habitativité)*.

Средняя лопасть мозга. Отложимъ по слѣду вертикальной слуховой плоскости (УУ) 30 линій, вверхъ отъ слуховаго отверстія, и 24 линіи по вертикальной надскульной линіи (ZZ). Наклонная линія, проведенная чрезъ вершины отложенныхъ вертикалей, будетъ соответствовать *сильбисовой бороздѣ*, т. е. верхнему предѣлу нижней части средней лопасти мозга. Въ углу, составленномъ этою наклонною линіею и надскульною вертикалью, начертимъ кривую, касательную къ нимъ и также касательную къ горизонтальному слѣду скуловой плоскости. Эта кривая ограничитъ переднюю часть средней лопасти мозга. Верхній предѣлъ лопасти обозначится, такимъ-образомъ, кривою немного выпуклою къверху.

Лобовая лопасть и отдѣлъ А. Отъ вѣшняго передняго угла отдѣла *благовоительности* (№ 13), проведемъ діагональ до слуховаго отверстія. Это будетъ слѣдъ плоскости, отдѣляющей мѣстоположеніе *умственныхъ способностей* отъ прочихъ. Назовемъ ее *лобовою плоскостію*. Она пересѣкаетъ среднюю лопасть мозга и ограничиваетъ съ задней стороны мѣстность *питательности* (alimentivité), означенный френологамъ буквою А, потому-что онъ открытъ послѣ всѣхъ нумерованныхъ отдѣленій.

Раздѣлимъ заднюю грань отдѣла А на три равныя части. Слѣдасмъ то же съ частью вертикали отъ слуховаго отверстія до верхней грани средней лопасти мозга. Проведемъ чрезъ эти дѣленія кривыя, параллельныя верхней грани средней лопасти. Это построеніе дастъ намъ три отдѣла: нижній будетъ соответствовать *самохранительности, инстинкту сбереженія своей жизни* (amour de la vie), который означенъ въ френологіи буквами АУ; средний — *разрушительности, гнѣву, злобѣ*, № 6 (destructivité), а верхній, еще неограниченный съ задней стороны, — *скрытности, хитрости, утаиванію*, № 7 (secretivité).

Отложимъ, по лобовой линіи, отъ отдѣла *благовоительности* (№ 13) разстояніе въ 10 линій и проведемъ изъ взятой точки линію, параллельную вѣшной грани № 13. Она ограничитъ съ боку пространство, соответствующее *подражательности, переимчивости*, № 21 (imitation).

Раздѣлимъ часть лобовой линіи, заключающуюся между отдѣлами № 21 и А, на шесть равныхъ частей. Проведемъ отъ вѣшняго передняго угла отдѣла № 14 линію, параллельную слѣду вертикальной слуховой плоскости, остановимся протявъ втораго дѣленія лобовой линіи и окончимъ дугою, примкнутою къ четвертому дѣленію лобовой линіи, считая сверху внизъ. Эта линія ограничитъ отдѣлы *подражательности*, № 21, и *вображенія, идеальности*, № 19 (idéalité).

Отложимъ пять линій на верхней грани средней полости, отъ слѣда вертикальной слуховой плоскости къ затылку. Соединимъ взятую точку съ точкою вѣшняго передняго угла отдѣла № 10, прямою діаго-

налю. Раздѣливъ ее по поламъ, пріймемъ эти половинны за хорды дугъ круга, котораго радіусъ почти равенъ разстоянію средины діагонала отъ средины вѣшной грани отдѣла № 14. Такимъ образомъ, получатся ливія двойной кривизны: верхняя часть ея обращена выпуклостью къ затылку, а нижняя къ переду головы. Раздѣлимъ теперь на семь равныхъ частей отрезокъ слѣда вертикальной слуховой плоскости, отъ № 14 до № 7, и проведемъ, чрезъ третье дѣленіе снизу, и чрезъ средину кривой двойной кривизны, — ливію, выпуклую къ верху. Пространство, ограниченное такимъ-образомъ, будетъ соответствовать *приобрѣтательности, чувству собственности, № 8 (acquisivité)*.

Отъ вѣшняго задняго угла № 14, проведемъ отлогую кривую выпуклую къ затылку, до передняго верхняго угла № 8. Это будетъ мѣсто *чуждестности, чрезвычайности, сверхъестественности, № 18 (merveilleusité)*.

Отъ средины вѣшной грани № 15, проведемъ ливію, параллельную кривой, начертанной для № 18. Это построеніе дастъ намъ мѣсто *совѣстливости, № 16 (conscienciosité), и надѣянности, надежды № 17 (espérance)*.

Раздѣлимъ на четыре равныя части заднюю грань № 16, и проведемъ, чрезъ первое дѣленіе снизу, кривую, вогнутую сверху, до верхняго вѣшняго угла № 3. Это будетъ отдѣленіе *одобренности, желанія одобренія, вкимагіе къ мнѣнію другихъ о себѣ, № 11 (approbativité)*.

Проведемъ отъ средины предыдущей кривой, кривую, выпуклую къ затылку до верхняго задняго угла № 6. Это построеніе дастъ намъ *осмотрительность, осторожность, № 12 (circonspection)*. Отдѣлъ № 7 входитъ въ № 12 и обозначается продолженіемъ его граней на полдюйма, въ видѣ кривыхъ ливій. Физиологи не принимаютъ рѣзкихъ границъ между № 7 и № 12.

Чрезъ средину части кривой грани № 2, внизъ отъ нижняго задняго угла отдѣла № 3, проведемъ ливію, почти нормальную къ кривой № 2. Верхнее пространство, отдѣленное этою ливією, будетъ соответствовать *дружелюбности, № 4 (affectionnivé), а нижнее — противоположности, состязательности, хитрости, № 5 (combativité)*.

Проведемъ подъ поперечнымъ синусомъ кривую отъ *затылочнаго бугорка* до сосцевиднаго отростка, по складкѣ, отдѣляющей затылокъ отъ шев. Это пространство, соответствующее мозжечку, будетъ, въ то же время, соответствовать *органу влюбчивости, № 1 (amativité)*. Это есть действительно отдѣльный органъ мозга.

XIII.

Лобовая часть черепа покрываетъ три группы отдѣловъ: нижняя, *надглазная*, и средняя, *надбровная*, заключаютъ группу *понятій*, а верхняя, *внечная (согонале)*, соответствуетъ *разсудку*.

Надглазная полоса разграничивается слѣдующимъ образомъ. Соединимъ внутренніе глазные углы кривою, проходящею чрезъ переносье. Проведемъ кривую по углубленію между верхнею вѣкою и сводомъ глазной впадины; назовемъ эту кривую *подбровною*. Если провести теперь кривую, вогнутую сверху, отъ вѣшняго глазнаго угла до верхняго

угла отъела А, то эта линія, вмѣстѣ съ предыдущими, ограничить снизу положеніе передней полости мозга, уже ограниченной сверху лобовою наклонною плоскостью. Отложимъ *дѣль* линіи отъ синуса по переносью, и изъ взятой точки проведемъ кривую, почти концентрическую съ подборвною, до точки, отстоящей на 13 линій отъ верхняго глазнаго угла. Эта кривая будетъ называться *надбровною* линіею. Займемся теперь дальнѣйшими построеніями отъеловъ.

Изъ середины нижней вѣки проведемъ вертикаль, отложимъ отъ нея по двѣ линіи въ обѣ стороны по *подбровной* линіи, и изъ взятыхъ точекъ проведемъ линіи, сходящіяся у середины нижней вѣки. Пространство, ограниченное такимъ-образомъ, будетъ соответствовать *сознанію колоритовъ, колоритности, цвѣтности, № 26 (coloris)*.

Раздѣлимъ пространство, заключающееся, между предыдущимъ отъеломъ и внутреннимъ угломъ глаза, на три равныя части, по подборвонной линіи, и проведемъ, чрезъ обѣ точки дѣленія, линіи, сходящіяся, по продолженіи ихъ, у середины нижней вѣки. Такимъ-образомъ получатся отъелы, выражающіе 1) *понятіе образовъ, формъ, фигуръ, или конфигурація, образность, № 23 (configuration)*; 2) *лазодмѣрность, сочувствіе величины пространства, протяженій, разстояній, № 24 (étendue)*, и 3) *сочувствіе тѣлести или ѣса, сокровищенія, усмія вообще; понятіе о плотности тѣлъ, о механическихъ усміяхъ, усміяность, № 25 (resistance)*.

Раздѣлимъ на двѣ равныя части пространство между нижнимъ угломъ № 26 и верхнимъ глазнымъ угломъ, и проведемъ, чрезъ эту средину, линію къ срединѣ нижней вѣки. Она разграничитъ отъелы *порядка, порядочности, № 29 (ordre)*, и *численности, счетности, способности вычислять, считать, № 28 (nombres)*.

Топографія надглазной полосы умственныхъ способностей дополнится горизонтальною линіею, проведенною отъ продольнаго синуса до середины верхней грани отъела, № 25. Эта линія ограничиваетъ *индивидуальность или распознавательность, анализъ, различіе, № 22 (individualité)*.

Внѣчная и надбровная полосы. Раздѣлимъ на семь равныхъ частей разстояніе по продольному синусу между отъелами № 13 и № 23, и потомъ на пять равныхъ частей переднюю грань № 19. Отъ третьяго дѣленія по синусу, считая вверхъ, проведемъ линію до середины пространства, разделяющаго № 19 отъ № 29, и продолжимъ ее въ видѣ кривой вогнутой сверху, до перваго изъ дѣленій грани № 19. Это будетъ *внѣчная линія*; она отдѣляетъ *внѣчную* полосу отъ *надбровной*.

Чрезъ точку, находящуюся въ двухъ линіяхъ разстоянія отъ верхняго нижняго угла № 13, проведемъ кривую, параллельную продольному синусу — до внѣчной линіи. Это будетъ отъелъ *сообразительности, сравнительности, № 34 (comparaison)*.

Проведемъ чрезъ первое дѣленіе передней грани № 19, линію параллельную внешней грани № 34. Это дастъ отъелы *причинности, изслѣдовательности, № 35 (causalité)*, и *веселости, остроумности, юмора, № 20 (gaieté)*.

Между отдѣлами № 34 и № 22, остается три седьмыхъ дѣленія, сдѣланнаго выше. Черезъ первое дѣленіе, считая вверхъ, начертимъ кривую, вогнутую сверху, до вѣшняго нижняго угла № 34. Эта кривая ограничиваетъ мѣсто *случайности, происшествій, событностей, № 30* (éventualité).

Проведемъ отъ вѣшняго угла № 25 вогнутую кривую, до вѣшной грани № 35. Это будетъ отдѣлъ *памяти и созерцанія мѣстностей, № 27* (localité).

Черезъ средину верхней грани № 29 и черезъ точку, взятую на 5 лѣвій вѣз верхняго наружнаго угла того же отдѣла, начертимъ кривую, подходящую къ параболѣ и касающуюся къ нижней грани № 20. Это построеніе дастъ намъ отдѣлы: *звучность, звучности, № 32* (tonalité); *сознаніе времени, временность, № 31* (temps), и *руководьльности, строгительности, работности, № 9* (constructivité).

Проведемъ кривую линію по углубленію между нижней вѣкою и нижнимъ сводомъ глазной впадины. Пространство, ограниченное такимъ образомъ, соответствуетъ *словесности, говоренью, слову, словности, № 33* (langage). Понижая болѣе или менѣе внутреннюю часть глазнаго свода, онъ болѣе или менѣе выдвигаетъ впередъ нижнюю вѣку, которая, при сильно-развитой *словности*, становится выпуклою.

Вотъ вамъ въ заключеніе

Таблица основныхъ побужденій или способностей.

Истиникты.

A. Питательность (Alimentivité); AV. Самохранительность (Amour de la vie); 1. Влюбчивость (Amativité); 2. Чололюбивость (Philogéniture); 3. Домашность (Habitativité); 4. Дружелюбность (Affectionivité); 5. Противоборность (Combativité); 6. Разрушительность (Destructivité); 7. Скрытность (Secretivité); 8. Приобрѣтательность (Acquisivité); 9. Работность (Constructivité).

Чувствованія.

10. Самоуважительность (Estime de soi); 11. Одобренность (Approbativité); 12. Осмотрительность (Circonspection); 13. Благоволятельность (Bienveillance); 14. Почтительность (Vénération); 15. Настойчивость (Fermeté); 16. Совѣстливость (Conscienciosité); 17. Надѣянность (Espérance); 18. Чудесность (Merveillosité); 19. Идеальность (Idéalité); 20. Веселость (Gaité); 21. Подражательность (Imitation).

Умственные способности.

22. Распознавательность (Individualité); 23. Образность (Configuration); 24. Глазomѣрность (Etendue); 25. Усильность (Pésanteur); 26. Колоритность (Coloris); 27. Мѣстность (Localité); 28. Счетность (Nombres); 29. Порядочность (Ordre); 30. Событность (Eventualité); 31. Время (Temps); 32. Звукъ (Tonalité); 33. Слово (Langage); 34. Соображательность (Comparaison); 35. Исследовательность (Causalité).

XIV.

Правила топографіи побужденій, заключающіяся въ предъидущихъ письмахъ, основаны на эмпирическихъ наблюденіяхъ френологовъ, которые соображали раздѣленіе головы на отдѣлы, съ расположеніемъ

грядъ мозга. Нельзя же думать, чтобъ гряды мозга не имѣли *никакою* значенія въ его отправленіяхъ. Въ организмъ нѣтъ ничего бесполезнаго. Противники френологіи говорятъ: «мы не знаемъ, къ чему служатъ гряды мозга; экспериментальная физиологія намъ ничего объ этомъ не открыла, и лучше сознаться, что *не знаемъ*, чѣмъ раздавать, съ френологами, грядамъ мозга назначенія, основанныя на догадкахъ». Конечно, этого нельзя доказать вамъ съ ножемъ въ руку, какъ привыкли доказывать физиологи. Но не-уже-ли они лишены способности сравненія внѣшнихъ формъ тѣлъ? Почему же имъ кажется, что результировать такого сравненія не есть столько же положительное доказательство, какъ и экспериментъ, слѣданный скальпелемъ? Такова сила рутанья; разъ припаятъ способъ изслѣдованія кажется единственнымъ, которымъ можно достигнуть истины, и способы новые отвергаются, какъ ничего не доказывающіе.

Если не вся отдѣленія, означенныя френологами, соответствуютъ, каждое, особой грядъ мозга, то по-крайней-мѣрѣ это можно сказать о большей части ихъ. Этотъ фактъ наводитъ на догадку, что различіе въ отправленіяхъ мозгового вещества, вообще, чаще встрѣчается въ различныхъ грядахъ, нежели въ той же самой грядѣ. Нѣкоторые отдѣлы у френологовъ занимаютъ нѣсколько грядъ; но отправленіе отдѣловъ извѣстно только въ общемъ характерѣ, а не въ частности. Можетъ-быть, и даже вѣроятно, что подраздѣленія отправленій, въ самой природѣ, безчисленны, но мы никогда не будемъ въ состояніи достигнуть до изученія отправленій мозга во *всей* ихъ подробности, а должны довольствоваться только познаніемъ общаго характера значительныхъ группъ его нервовъ. Есть гряды мозга, соответствующія нѣсколькимъ различнымъ побужденіямъ; но побужденія эти болѣе сходны въ своемъ характерѣ, нежели побужденія, соответствующія разнымъ грядамъ. Наконецъ, иной отдѣлъ, по указаніямъ френологовъ, соответствуетъ частямъ нѣсколькихъ грядъ; такъ, на-прим. *настойчивость № 15*, занимаетъ части грядъ, соответствующихъ *совѣстливости № 16*, *надѣянности № 17*. Какъ это объяснить? А я спрошу васъ, какъ объяснить образованіе бѣлаго цвѣта изъ семи радужныхъ цвѣтовъ? Это фактъ неоспоримый и извѣстный всякому съ дѣтства, но не болѣе извѣстный ученому сколько и ребенку. Я желалъ бы, чтобъ гг. умозрительные философы, презирающіе наблюденія, попробовали вывести этотъ фактъ изъ своихъ умствованій. Нѣтъ сомнѣнія, что безъ наблюденій не можетъ быть знанія, точно такъ же, какъ и безъ умозрѣній наблюденія не могутъ принести никакого плода. То и другое необходимо.

Соображая топографію нашу съ расположеніемъ грядъ мозга, мы должны предположить пропорціональность шарнины ихъ съ соответствующею толщиною большого мозга или съ радіусомъ его, если весь головной мозгъ участвуетъ въ отправленіяхъ; и это, повторяю, только для перваго изученія, какъ *способъ*, а не какъ истину. Пропорціональность радіусовъ головы и толщины большого мозга ведетъ необходимо къ предположенію пропорціональности глубины желудочковъ и общей толщины всѣхъ покрововъ мозга. Последнее изъ этихъ предположеній

не будетъ вамъ нужно, когда вы получите навыкъ судить по наружности о толщинѣ кожи, черепа и мускуловъ головы.

Для соглашенія нашей топографіи съ расположеніемъ грядъ мозга, нужно было разсматривать множество субъектовъ. Очевидно, что изученіе подобнаго рода можно производить только при специальныхъ заведеніяхъ — анатомическихъ, хирургическихъ и проч. По этому, до сихъ—поръ, френологія могла обрабатываться преимущественно врачами.

Желая представить вамъ соглашеніе топографіи на типъ съ грядями мозга, я напрасно искалъ такихъ рисунковъ, на которыхъ бы расположеніе грядъ подходило къ принятому вами разграниченію. Въ френологическомъ музеумѣ г-на Дюмутъё находится множество слѣпковъ съ мозговъ; взаимное сравненіе ихъ показываетъ, какимъ—образомъ эмпирическія наблюденія соображены съ устройствомъ мозга для принятаго теперь означенія топографіи побужденій. Вся изданные до—сихъ—поръ рисунки не вполне удовлетворяютъ требованіямъ френологіи. Складки изображены въ нихъ беспорядочно и иногда даже не симметрически въ обѣихъ полушаріяхъ мозга (*).

Въ некоторыхъ изъ слѣпковъ музеума г. Дюмутъё, града, соответствующая чудесности (№ 18), расположена согласно съ нашею топографіею, а въ другихъ продолжается между грядями, соответствующими идеальности (№ 19) и раздражительности (№ 20). Изъ этого примѣра видно, что расположеніе грядъ бываетъ иногда разнообразно. Весьма—трудно открывать такое разнообразіе на черепѣ, и въ этомъ заключается новая причина сомнѣній, новое доказательство необходимости многочисленныхъ наблюденій, продолжительнаго упражненія, большаго навыка.

Вы замѣчаете, что чѣмъ сходнѣе побужденія или способности, тѣмъ ближе находятся выражающіе ихъ на головѣ отдѣлы. Не есть ли это подтвержденіе того, что я сказалъ въ письмѣ VIII объ отправленіи нервовъ мозга, именно: что чѣмъ сходнѣе характеръ ихъ отправленій, тѣмъ они ближе расположены между собою? Достаточно принять это явленіе за непремѣнный законъ для заключенія, что, взявъ любую группу нервовъ мозга, мы найдемъ въ отправленіяхъ ея, не смотря на какое—либо разнообразіе, непремѣнно и общій характеръ.

Вотъ причина, по которой наблюденія френологовъ имѣли успѣхъ и навсегда останутся драгоценнымъ пріобретеніемъ для человѣчества. Тутъ же видна и причина ошибки френологовъ, уравнивая ихъ ученіе въ глазахъ анатомиковъ и физиологовъ; я говорю объ *органономіи*, т. е. о раздѣленіи мозга на органы, раздѣленіи, дѣйствительно не существующемъ въ немъ. Назвать *органомъ* группу нервовъ, не отдѣленныхъ на самомъ дѣлѣ отъ другихъ окружающихъ ихъ, значитъ употребить это слово въ смыслѣ ему непрінадлежащемъ. Весь большой мозгъ можно назвать *органомъ*; мозжечокъ есть также отдѣльный органъ. Но если принять это слово въ смыслѣ френологовъ, то можно было бы назвать

(*) Симметрическое расположеніе грядъ полушарій иные полагаютъ признакомъ совершеннѣйшей организаціи въ интеллектуальномъ отношеніи; но мнѣніе это основано, какъ кажется, на некоторыхъ частныхъ случаяхъ и не признано френологами.

точно также *органомъ* какую-нибудь группу органовъ, показанныхъ френологамъ; на-прим. переднюю полость мозга назвать *лобовымъ органомъ*, группу, называемую у френологовъ *привязанностями*, назвать *органомъ привязанностей* или *затылочнымъ*, и т. д.; однимъ словомъ, всякій совершенно произвольный выдѣлъ мозга можно было бы тогда назвать *органомъ*.

Очевидно, что нельзя допустить названія, введеннаго френологами, да и они ввели его потому-что полагали существованіе дѣйствительныхъ органовъ въ мозгу, и тождество этихъ органовъ съ грядями мозга. Еслибы даже сами френологи не нашли, что та же гряда нерѣдко соответствуетъ различнымъ побужденіямъ, или многія части различныхъ грядъ одному побужденію, то и тогда бы нельзя было назвать мозговые выдѣлы *органами*, потому-что гряды мозга соединяются одна съ другою непрерывнымъ продолженіемъ.

Вы уже видѣли въ письмѣ XIII раздѣленіе всѣхъ наклонностей или способностей чловѣка на три главныя группы. Первую группу *инстинктовъ*, мы можемъ еще подраздѣлить на двѣ: группу *привязанностей*, въ № № 1, 2, 3, 4, и группу *враждебныхъ* наклонностей, подъ № № А, А V, 5, 6 и 7. Дозволивъ себѣ принять № 8 въ число *чувствованій*, мы назовемъ *свокорыстными* чувствованіями: № № 8, 10, 11, 12 и *безкорыстными*: отъ № 13 до 21.

Группа *умственныхъ* способностей раздѣлена френологами на *разсудочныя*, № № 34 и 35, и *понятія*, отъ № 22 до № 33, включительно. Къ группѣ понятій присоединимъ въ этомъ случаѣ № 9. Вы встрѣтите далѣе еще другія группированія. Они полезно способствуютъ краткости въ изложеніи, и я прибѣгаю къ нимъ для этой только цѣли. Мы всегда имѣемъ право по мѣрѣ надобности группировать *побужденія* по произволу.

Замѣчательно, что чѣмъ ниже побужденіе въ нравственномъ отношеніи, тѣмъ ниже расположены въ мозгу отправляющіе его нервы. Понятно, что, замѣтивъ естественную систему расположенія сходныхъ побужденій вмѣстѣ, именно: умственныхъ способностей въ передней части, высшихъ или благороднѣйшихъ склонностей въ верхней, привязанностей въ затылочной и низшихъ инстинктовъ въ боковыхъ и основныхъ частяхъ мозга, наблюдатели значительно облегчили себѣ открытіе частей головы, соответствующихъ извѣстнымъ побужденіямъ. Тогда часть головы, въ которой должно было искать выраженія даннаго побужденія, ограничилась небольшимъ пространствомъ головы.

Теперь вамъ необходимо заняться изученіемъ топографіи на типѣ. Постройте сначала контуры отдѣленій по правиламъ, изложеннымъ въ предыдущихъ письмахъ, и не одинъ разъ, а разъ двадцать. Для этого употребляется карандашъ изъ угля (*fusin*), въ родѣ тѣхъ, которыми рисуютъ крупныя абрисы. Сухая губка удобно стираетъ уголь съ гипса. Циркуль, футъ, раздѣленный на дюймы и линіи, и стальная, очень гибкая линейка, — вотъ все снадобья, нужныя для этой работы.

Каждый разъ, окончивъ разграниченіе отдѣловъ, надобно назначать точки, соответствующія центрамъ ихъ площадей. Для этого можете

отыскивать центр каждой площади отдѣльно, на бумагѣ, геометрически, и переносить потомъ на гипсъ. Погрѣшностей не будетъ, потому что небольшая величина поверхностей отдѣлений позволяет пренебрегать круглотою головы на ихъ протяженіи. Назначеніе центровъ надо выучиться дѣлать вѣрно, на глазъ, въ-продолженіе насколько разъ повторяемаго начертанія топографіи.

Послѣ этого, совѣтую вамъ чертить топографію до двадцати разъ, безъ помощи циркуля и линейки, назначая при этомъ каждый разъ и центры фигуръ. Сначала расчерчивайте топографію въ томъ же порядкѣ, въ которомъ дѣлали построеніе ея по даннымъ правиламъ; потомъ чертите въ порядкѣ произвольномъ. Не худо, при каждомъ начертаніи, надписывать нумера въ центрахъ фигуръ, чтобъ лучше удержать ихъ въ памяти; въ-послѣдствіи, гораздо удобнѣе выразаться, называя побужденія нумерами, а не именами ихъ.

Когда назначеніе границъ и центровъ отдѣловъ будете дѣлать скоро и вѣрно на глазъ, займитесь назначеніемъ однихъ только центровъ, не расчерчивая предварительно головы. Для пріобрѣтенія этого навыка, въ первый разъ, по назначеніи центровъ, начертите топографію отдѣлений по правиламъ; ошибки, сдѣланныя въ назначеніяхъ центровъ, сейчасъ обнаружатся. Повторяйте это назначеніе съ поваркою, до-тѣхъ-поръ, пока назначаемые центры будутъ совпадать съ истинными центрами площадей. По достиженіи такого навыка, вамъ уже не нужно будетъ разграничивать отдѣловъ; это служило только *средствомъ* для вѣрнаго назначенія центровъ. Если у васъ самихъ: *образность* (№ 23) и *глазомерность* (№ 24) слабы, то вамъ понадобится много времени и труда для достиженія этого необходимаго френологу навыка. Замѣтимъ, въ заключеніе, что, пріобрѣта его, вы будете знать топографію только одной типической головы. Для начертанія ея на какой-нибудь другой головѣ, нужны еще нѣкоторые правила и новыя упражненія.

XV.

Я сказалъ уже, что никто изъ френологовъ не предлагаетъ какой-нибудь положительной методы для начертанія топографіи отдѣловъ или отдѣлений на всякой данной головѣ. У нихъ упоминается только слегка о типической формѣ головы, тогда-какъ этотъ типъ долженъ служить главнымъ основаніемъ и сравнительнымъ средствомъ (*terme de comparaison*) изслѣдованій. Можно ли имѣть понятіе о мѣрѣ и вѣсѣ, не имѣя нагляднаго сознанія величины фута, аршина, сажени, пуда, фунта и проч.? Точно также нельзя судить о величинѣ и наружномъ видѣ головы, если въ памяти вашей, какъ-будто передъ глазами, нѣтъ ея типической величины и формы. Этотъ типъ уже сообщенъ вамъ. Онъ до-сихъ-поръ служитъ для анализа головъ нашего европейскаго, или такъ-называемаго *кавказскаго* поколѣнія.

Начертаніе топографіи на какой-нибудь головѣ основывается, при начальномъ изученіи, на предположеніи пропорціональности радиусовъ съ боками отдѣловъ, которымъ они принадлежатъ. Необходимо допустить это предположеніе: оно болѣею частію, хотя и не всегда, даетъ результаты близкіе къ истинѣ. Исключенія или аномаліи обнаружатся при

начертаніи топографіи, когда приобьтете въ этомъ большой навыкъ продолжительнымъ упражненіемъ.

Дѣятельность отдѣловъ мозга предполагается пропорціональною ихъ объемамъ, не только въ одной и той же головѣ, но даже и въ различныхъ головахъ, если вся прочія вліянія на дѣятельность мозга можно принять за равныя. Эти постороннія вліянія на большее или меньшее изощреніе различныхъ побужденій, могутъ быть довольно-вѣрно оценены въ человѣкѣ, когда извѣстны: воспитаніе, которое онъ получалъ, родъ его занятій, общество, въ которомъ онъ находится, и проч. Вліяніе отъ различія темпераментовъ, качества нервовъ, толщины кости черепа и другихъ органическихъ элементовъ, также затрудняютъ вопросъ. Впрочемъ, френологія не есть забавная отгадчица характера людей, какъ ее понимаютъ многіе невѣжды. Она показываетъ физиологу интеллектуальныя отправленія мозга и открываетъ философу истинныя причины мыслей, побужденій и дѣйствій человѣка, и такимъ образомъ даетъ ему положительное основаніе для его умозрній.

Всего проще измѣрять вмѣстимость черепа и объемъ головы, наливая воду въ черепъ, или погружая слѣпокъ въ сосудъ съ водою, котораго вмѣстимость измѣрена и обозначена дѣленіями на стѣнахъ его. Объемы выдѣловъ мозга выражаются хордами черепа или радіусами головы, т. е. прямыми линіями, соединяющими нервный центръ съ центрами отдѣловъ на головѣ, въ-слѣдствіе принятаго нами на время закона пропорціональности радіусовъ съ площадями или боками отдѣловъ. Здѣсь вамъ можетъ встрѣтиться иногда аномалія двухъ родовъ: или при меньшемъ радіусѣ, площадь будетъ болѣе пропорціональной, или, при большемъ радіусѣ, въ сравненіи съ типомъ, площадь будетъ менѣе типической. Дѣятельность побужденій бываетъ также двойная, т. е. продолжительная, постоянная или проявляющаяся порывами, временно, хотя сильно и даже сильнѣе, чѣмъ въ предъидущемъ случаѣ. Постоянство дѣйствія зависитъ, какъ думаютъ, отъ длины радіуса, а сильное, но кратковременное дѣйствіе, отъ обширности площади отдѣла на головѣ.

Аномальность образованія черепа и мозга обнаруживается иногда въ томъ, что серія твердой оболочки полушарій проходитъ не по срединѣ головы и, слѣдовательно, раздѣляетъ мозгъ на два неравныя полушарія. Иногда, напротивъ, серія находится посрединѣ, но объемы полушарій неравны, или представляютъ съ обѣихъ сторонъ головы неравныя выпуклости. Въ подобныхъ случаяхъ должно разсматривать каждую половину отдѣльно; здѣсь не прилагаются наши правила начертанія. Занявшись этими исключеніями въ-послѣдствіи, по приобьтеніи достаточнаго навыка, вы увидите сами, что можно и въ такого рода случаяхъ назначать положеніе отдѣловъ мозга на глазомѣръ, и судить объ отправленіи ихъ по средней величинѣ радіусовъ одинаковыхъ ну-меровъ.

Для руководства при начертаніи топографіи на слѣпкѣ какой бы то ни было головы, советую вамъ поставить предъ собою типъ съ готовымъ разграниченіемъ отдѣловъ и слѣпокъ съ головы, удаляющійся замѣтнымъ образомъ отъ типа. Начертите сначала на этомъ слѣпкѣ ступь-

ную горизонтальную и вертикальную слуховую линіи. Сравните потомъ величину и общую форму этихъ головъ; замѣтьте разности въ слуховомъ поперечникѣ, въ діаметрахъ и радіусахъ. Послеъ этого начертанію топографіи производится тѣмъ же самымъ порядкомъ, о которомъ уже было говорено (Письма XII и XIII): только для каждаго измѣренія надобно опредѣлять радіусъ, и сравнивая съ типомъ, вывести это измѣреніе изъ пропорціональности радіусовъ съ разстояніями между ближайшими къ нимъ точками, подобно-расположенными на обихъ головахъ. Здѣсь, для избѣжанія дробныхъ частей линій, можно принять болѣе чѣмъ пол-линіи за одну линію, пренебрегая также частями меньшими пол-линіи. Въ развитіи лопастей мозга предполагается также пропорціо-овальность. Такъ, на-примѣръ, если слуховой поперечникъ менѣе типическаго, то средняя лопасть мозга развита менѣе и надскульная вертикаль берется въ пропорціо-нально-меньшемъ разстояніи отъ слуховаго отверстія. Точно также высота этой вертикали и высота средней лопасти по слуховой вертикали берутся пропорціо-нально-меньшія, чѣмъ на типѣ.

Послеъ нѣсколькихъ начертаній топографіи по правиламъ, съ назначеніемъ центровъ отдѣловъ, наносите топографію на глазъ, и повѣряйте ее потомъ циркулемъ. Приобрѣтя навыкъ вѣрно разграничивать, приучите себя назначать на той же головѣ одни центры, съ извѣстною повѣркою ихъ положенія. Когда рука и глазъ привыкнутъ къ одной головѣ, возьмите другую и начинайте точно такъ же, какъ и на первой, съ опредѣленія радіусовъ и слѣдуя во всемъ правиламъ начертанія топографіи. Потомъ надо чертить на глазъ, а, наконецъ, назначать одни центры. Когда десятокъ различныхъ по формамъ слѣпковъ пройдутъ черезъ ваши руки, начинайте расчерчивать прямо на глазъ и старайтесь дойти до того, чтобъ на всякой данной головѣ назначать одни только центры отдѣловъ и притомъ такъ, чтобъ по начертаніи топографіи по правиламъ, назначенныя вами точки приходились дѣйствительно въ центрахъ фигуръ. Само-собою разумется, что приобретеніе подобнаго навыка не легко, но возможно ли безъ этого позволить себѣ какія бы то ни было заключенія о наклонностяхъ и способностяхъ неизвѣстнаго чело-вѣка, по одному обзору его головы?

По приобретеніи навыка, о которомъ я такъ много распространялся, можно приступить къ анализу головы живыхъ людей. Но тутъ порядокъ дѣйствій измѣняется. Во-первыхъ, изслѣдуйте объемъ, діаметры и радіусы головы. Волосы не помѣшаютъ вамъ составить себѣ понятіе объ относительномъ развитіи группъ отдѣловъ: *умственныхъ*—разсудочныхъ и понятій; *чувствованій*—своекорыстныхъ и безкорыстныхъ; *привязанностей* и *враждебныхъ побужденій*. Замѣтьте потомъ въ этихъ группахъ тѣ отдѣленія, которыя имѣютъ наибольшіе и наименьшіе радіусы. Сравните, наконецъ, между собою наибольшіе и наименьшіе радіусы и замѣтьте самый сильный и самый слабый изъ отдѣловъ.

Окончивъ этотъ обзоръ, приступайте къ оцѣнкѣ каждаго отдѣла въ частности. Для этого необходимо ощупывать голову подъ волосами, обѣими руками вдругъ, и проходить въ одно время по тѣмъ же отдѣламъ, съ обѣихъ сторонъ головы. При подобномъ изслѣдованіи предполагается три

степени развитія побужденій: первая — *слабое*, вторая — *умеренное*, и третья — *сильное*. Многие френологи допускаютъ болѣе степеней, но въ предметъ столь мало точно, лишнее раздробленіе только затрудняетъ безъ пользы и вовлекаетъ въ большія погрѣшности. Порядокъ оцѣнки побужденій произвольный, смотря потому, къ какому кто привыкъ. Обыкновенно, практическіе френологи разделяютъ побужденія на три серіи, по Шауригейму. Первая серія, какъ уже вы видѣли въ письмѣ XII, состоитъ изъ А, AV и первыхъ десяти номеровъ; она называется *инстинктами*. Вторая серія, заключающая въ себя такъ-называемыя чувствованія, состоитъ изъ слѣдующихъ *дванадцати* номеровъ; наконецъ, третья, изъ остальныхъ *четырнадцати* номеровъ, содержитъ въ себя группу *умственныхъ способностей*. Напишите эти серіи такъ:

Инстинкты: А, AV, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9.

Чувствованія: 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21.

Умственныя способности: 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35.

Подпишите потомъ подъ каждымъ номеромъ степень развитія, напримеръ: А, AV, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, и проч., и составьте, наконецъ,

раздѣленіе номеровъ по степенямъ ихъ естественнаго развитія и по группамъ, слѣдующимъ образомъ:

Инстинкты	А, AV, 7, и проч.	} I-й степени.
Чувствованія	12, 18, 16 и проч.	
Умственныя способности	23, 26, 29 и проч.	
Инстинкты	1, 3, 5, и проч.	} II-й степени.
Чувствованія	13, 14, 17 и проч.	
Умственныя способности	22, 25, 27 и проч.	
Инстинкты	2, 4, 6, и проч.	} III-й степени.
Чувствованія	10, 11, 19 и проч.	
Умственныя способности	24, 28, 30 и проч.	

Таковъ видъ формулъ, по которымъ оцѣниваютъ организацію чело-вѣка въ интеллектуальномъ отношеніи. Но для этого нужно определять отправленіе каждаго побужденія и взаимное ихъ вліяніе одного на другаго.

XVI.

Необходимо сказать еще кое-что объ означеніи топографіи побужденій на всякой данной головѣ. Откладываю описаніе ихъ отправленій до слѣдующаго письма.

Сужденіе объ относительной величинѣ отдѣловъ одной и той же головы, или многихъ головъ, весьма-затруднительно для начинающаго, особенно, если нѣтъ возможности дѣлать измѣренія. Впрочемъ, и при этой возможности, неопредѣленность въ данныхъ все-таки весьма-велика. Замѣтаю, во-первыхъ, что голова, принятая за типъ, не есть совершенство въ-отношеніи къ равновѣсію или равнодѣйствію всѣхъ побужденій. Слепокъ съ головы Гораса Смита подвергался нѣсколько разъ исправленіямъ, потому-что самъ Смитъ, обладавшій, какъ казалось, всеми способностями въ равной степени, не представлялъ того

совершеннаго равновѣсія въ характерѣ, которое необходимо для френологическаго типа. По этой причинѣ, слѣпокъ сравнивали съ другими субъектами и исправляли. Надобно было бы взять нѣсколько сотъ слѣпокъ съ головъ людей, одаренныхъ подобною нормальною организациею, и, сравнивъ ихъ между собою, составить искомый френологическій типъ. Это тамъ болѣе необходимо, что по всей вероятности никогда не найдется человѣкъ, одаренный вполне типическою организациею. Трудъ, о которомъ я говорю, столь же великъ, сколько важенъ; до-сихъ-поръ, френологи не въ состояніи были привести его въ исполненіе.

Во-вторыхъ, нельзя всякій разъ, во время наблюденій, имѣть предъ собою типическую голову; наблюдатели часто по необходимости довольствуются только воспоминаніемъ ея величины и формы. Можно бы было определить верныя отношенія между радіусами отдѣловъ въ типъ, но эти числа не легко удерживаются въ памяти.

Въ-третьихъ, положенія скульной плоскости и поперечнаго затылочнаго синуса определяются легко; нельзя того же сказать о толщинѣ лобоваго надглазнаго синуса, гдѣ черепъ раздвоенъ. Сравнивая этотъ синусъ съ возвышеніями черепа, которыя происходятъ отъ развитія мозга, мы замѣтимъ, что онъ отличается отъ нихъ внезапностію и, такъ-сказать, грубостію изгибовъ. Ощущаемъ это частное возвышеніе надъ бровями и воображимъ, что поверхность верхней части лба продолжается подъ нимъ прямо, безъ изгиба. Эта поверхность пройдетъ близъ внутренней пластинки (table) раздвоеннаго черепа, потому-что при раздвоеніи кости черепа, одна только внѣшняя пластинка отдѣляется впередъ, а нижняя остается на мѣстѣ.

Изъ всего, сказаннаго нами, ясно, что точныя измѣренія не только не отвратятъ многихъ и даже главныхъ причинъ неопредѣлительности данныхъ, но, напротивъ, могутъ вовлечь въ ошибки отъ излишней довѣренности, которую внушаетъ предполагаемая точность методы. Отъ того френологи и полагаются болѣе на пріобрѣтенный навыкомъ глазомеръ и только въ рѣдкихъ, сомнительныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ геометрическимъ способамъ. Безъ-сомнѣнія, они полезны для начинающаго, но я не лишнимъ считаю сказать вамъ, что если вы, послѣ десятикратнаго начертанія топографіи на слѣпокъ, по правиламъ и съ помощію циркуля, не въ состояніи будете чертить ее на глазъ, безъ большихъ ошибокъ, то бесполезно продолжать подобное занятіе. Значитъ, что у васъ способности № 23 (образность) и № 24 (глазомерность) слабы, и что вы никогда не будете практическимъ френологомъ. Однако это нисколько не помѣшаетъ вамъ заняться философическою частію френологіи. Разсуждайте на основаніи топографіи побужденій, т. е. относительной оцѣнки ихъ, сдѣланной практическимъ френологомъ: ваши сужденія могутъ быть глубокомысленнѣе и выводы ярнѣе тѣхъ, которые бы сдѣлалъ френологъ-практикъ, обладающій большимъ чѣмъ вы развитіемъ № 23, 24, но менѣе васъ надѣленный природою въ-отношеніи къ способностямъ № 34 (сообразительность) и № 35 (на-слѣдовательность).

Для руководства при сужденіи о собственной и относительной величинѣ головы и различныхъ ея выдѣловъ, предлагаю вамъ слѣдующія правила. Во-первыхъ, необходимо удержать въ памяти величину тапа до такой степени, чтобъ сейчасъ по осмотру головы со всѣхъ сторонъ можно было оцѣнить объемъ ея въ-отношеніи къ типическому. Во-вторыхъ, представляйте себѣ форму тапа въ воображеніи ясно, такъ же какъ и относительное расположеніе отдѣловъ, разстояніе ихъ центровъ между собою и разстоянія ихъ отъ центра нервовъ и отъ плоскостей продольной, скульной и скуловой.

Объ относительной величинѣ отдѣловъ въ данной головѣ можно судить: 1) по взаимному сравненію длины ихъ радіусовъ; 2) посредствомъ поперечниковъ головы, т. е. горизонтальныхъ линій, перпендикулярныхъ къ долевой плоскости, которыя соединяють центры однозначащихъ отдѣловъ обонхъ полушарій головы; 3) по разстоянію отдѣловъ отъ слуховой плоскости; наконецъ, 4) по разстоянію ихъ отъ скульной плоскости, т. е. по относительной длинѣ перпендикуларовъ, опущенныхъ изъ центровъ отдѣловъ на эту плоскость.

Мы составляемъ себѣ неясное понятіе о длинѣ линій на глазомѣръ, если она очень-коротка, или весьма-длинна; но такъ-какъ втораго случая тутъ не встрѣтится, то должно только избѣгать сравиванія малыхъ разстояній. На-примѣръ, при сужденіи объ относительной величинѣ №№ 2, 3, 13, 14, 15, 10, 34, 30, 22, 23, лучше наблюдать голову съ боку и измѣрять на глазъ относительную величину радіусовъ. Это наблюдение покажетъ, до какой степени отношенія между радіусами разнятся отъ отношеній, соответствующихъ имъ на тицѣ.

Для оцѣнки №№ 1, 5, 12, 16, 17 нужно обозрѣвать форму головы съ затылка и наблюдать ея поперечники, сравнивая ихъ отношенія съ отношеніями подобныхъ поперечниковъ на тицѣ.

Для №№ 13, 21, 18, 19, 6, 7, 8, 9, 28, голову наблюдаютъ со стороны лба, принимая въ соображеніе поперечники и возвышенія этихъ отдѣловъ. Относительная величина №№ 34, 35, 20, 8, 16, 17, 12, 4, 3, 11, наблюдается по поперечникамъ ихъ, смотря на голову сверху. Разстоянія до скульной плоскости дадутъ легко понятіе объ относительномъ развитіи №№ 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29. №№ 31, 32 оцѣниваются и радіусомъ и поперечникомъ и разстояніемъ отъ скуловой плоскости. О № 33 можно судить только по видимой вѣшной выпуклости и обширности нижней вѣки. Впрочемъ, нельзя не прибавить здѣсь, что всякій наблюдатель находитъ, при продолжительномъ упражненіи, самый удобный для себя способъ, примѣняется и привыкаетъ къ нему исключительно. Это есть слѣдствіе различной организаціи людей, которая измѣняется до безконечности разными отгѣнками.

Въ настоящемъ состояніи френологіи, у ней нѣтъ средствъ объяснить вся малѣйшія различія въ способностяхъ и склонностяхъ людей: она ограничивается только указаніемъ на причины *значительныхъ различій*. Многіе физиологи возставали и до-сихъ-поръ продолжаютъ возставать противъ раздробленія отправленій мозга и локализациі побужденій. Съ этой цѣлью, нѣкоторые изъ нихъ, какъ, на-примѣръ,

Лафаргъ, Лёре, Делю и проч., занимались измѣреніемъ мозга у животныхъ и нашли множество несогласій съ положеніями френологовъ. Но, во-первыхъ, они сравнивали различныя породы животныхъ, не принимая въ соображеніе того, что каждая изъ нихъ имѣетъ свой особенный типъ организаціи мозга. Если, на-примѣръ, у льва поперечникъ мозга, въ мѣстоположеніи № 6, меньше, чѣмъ у слона, то отсюда вовсе не слѣдуетъ, что побужденіе № 6 не выражается этимъ мѣстомъ мозга, и очень можетъ быть, что при сравненіи двухъ львовъ, поперечникъ при № 6 у свирѣпѣйшаго изъ нихъ значительно чѣмъ у того, который смиреннѣе. Скажемъ болѣе: если у человека № 6 находится подъ височною костью надъ угломъ, въ видѣ продолговатой гряды, то изъ этого нельзя заключить, что и у всякаго животнаго то же самое побужденіе выражается тѣмъ же самымъ мѣстомъ, хотя это и можетъ случиться. Не только каждая порода животныхъ, но даже различныя поколѣнія людей имѣютъ, вѣроятно, свои особенныя типы, и, судя по типу одного о развитіи другаго, можно впасть въ большія ошибки.

Вся разсужденія, сдѣланныя и дѣлаемыя въ пользу единства и недѣлимости отправленій мозга, не заслуживаютъ возраженій, потому—что они, какъ было уже мною доказано (*Письмо VII*), нисколько не опровергаютъ наблюденій френологовъ. Одними только противоположными фактами можно поколебать основанія френологін; но и въ этомъ случаѣ фактъ отрицательный не уничтожаетъ факта положительнаго, а только уменьшаетъ общность послѣдняго. Итакъ, для рѣшенія вопроса, надобно исчислить факты утвердительные и отрицательные, и сравнить между собою эти числа. Чтò жъ найдется? Найдется, что фактовъ, подтверждающихъ выводы френологін, весьма-много, а фактовъ, противорѣчащихъ имъ, чрезвычайно-мало—такъ мало, что я до сихъ поръ не встрѣтилъ между ними ни одного *справедливаго*.

Френологовъ упрекаютъ въ томъ, что они измѣняли мѣстоположенія побужденій, ихъ опредѣленіе и пр. Но какой наукѣ нельзя сдѣлать подобныхъ упрековъ? Какая наука не совершенствуется, и тѣмъ болѣе нова, едва открытая, которою мало занимаются, и въ исторіи которой находимъ только четырехъ замѣчательныхъ людей: Галла, Шпурцгейма, Комба и Бруссэ, посвятившихъ ей труды свои? Во Франціи, послѣ смерти Бруссэ и Мильтъ-Эдвардса, оставалась надежда на г. Бюльйо (*Buillaud*): къ-сожалѣнію, другія занятія отвлекли этого замѣчательнаго ученаго отъ френологін.

Для убѣжденія большинства въ истинахъ френологін, нуженъ авторитетъ современныхъ знаменитостей; но когда знаменитости, подобныя Флурану, Лёре и пр., вмѣсто безпристрастной повѣрки наблюденій, на-прягаютъ все силы свои, чтобъ поддержать предвзятое, невыгодное для френологін мнѣніе, то не удивительно, что наука эта возбуждаетъ въ публикѣ недоувѣрчивость и даже отвращеніе.

Одна изъ главныхъ причинъ, препятствующихъ распространенію френологін, происходитъ отъ необходимости изучать ее на слѣскахъ съ головъ, а не на рисункахъ. Сверхъ-того, правила начертанія топогра-

ѳія не могутъ привести къ безошибочному разграниченію побужденій, если дѣлать его безъ руководства практика-френолога.

Точныя правила въ этомъ дѣлѣ невозможны: нужна наглядность. Не смотря на указанныя правила топографія, она чертится отчасти, если можно такъ выразиться, *по чувству* (au sentiment). Итакъ, сколько бы вной ни читалъ сочиненій о френологіи и сколько бы ни изучалъ формы головы по рисункамъ и даже по слѣпкамъ, но безъ руководства практика, онъ, можетъ-быть, никогда не достигнетъ до безошибочнаго во всякомъ частномъ случаѣ сужденія объ относительномъ положеніи и величинѣ отдѣловъ на всякой данной головѣ живаго человѣка. Мудрено ли послѣ этого, что противники френологіи, заимствовавшіе понятіе о ней только-изъ книгъ, по неумѣнью вѣрно определять мѣстоположеніе и величину отдѣловъ головы, находятъ несообразности въ положеніяхъ френологовъ, и, не подозревая собственныхъ ошибокъ, обвиняютъ своихъ противниковъ въ заблужденіи? Если бы, для изученія топографіи побужденій, можно было, какъ въ географіи, довольствоваться проекціями или разверзаніемъ поверхности, то сколько бы усовершенствованій сдѣлали въ френологіи замѣчательные умы, которые теперь отличаются только ожесточенными противъ нея выходками? Можно смѣло сказать, что въ непріязни ихъ къ френологіи заключается одна изъ причинъ столь-мало обработаннаго настоящаго состоянія этой науки.

Чтобъ убѣдить ихъ, надо бы представить имъ тысячи слѣпковъ съ головъ; но это физически невозможно, а сами они не имѣютъ ни расположенія, ни времени ходить въ френологическій музеумъ. Да притомъ, что они увидятъ по слѣпкамъ, безъ навыка и, главное, безъ старанія замѣтить различія формъ головы? Необходимо для этой цѣли составить таблицы. Во-первыхъ, нужна таблица, показывающая относительную толщину множества череповъ въ подобныхъ точкахъ, для убѣжденія въ томъ, что толщина эта не такъ много измѣняется, чтобъ препятствовать френологическимъ наблюденіямъ. Во-вторыхъ, надобно, съ множества головъ людей извѣстныхъ, составить таблицу длинъ, радиусовъ и діаметровъ, т. е. разстояній между центрами тѣхъ же отдѣловъ обохъ полушарій. Сравненіе цифръ въ графахъ однимъ взглядомъ покажетъ достоверность наблюденій.

Вы видѣли уже, что при помощи циркуля (фиг. 1) для слѣпковъ и кранометра (фиг. 2) для живыхъ людей, радиусы определяются легко по формулѣ, данной въ Письмѣ XI. Слѣпки брать трудно, составлять коллекція ихъ убыточно, тогда-какъ таблица съ надлежащими къ ней объясненіями дастъ весьма-удовлетворительное понятіе о формѣ головы, и, главное, можетъ повастъ на столъ къ самымъ закоснѣлымъ врагамъ френологіи. Вотъ способъ составить, безъ большихъ издержекъ и очень-скоро, огромную коллекцію френологическихъ наблюденій. Для каждаго субъекта необходимы примѣчанія о толщинѣ кожи, черепа, лобоваго синуса и проч., о темпераментѣ субъекта, породѣ, кастѣ, воспитаніи его и, вообще, всѣ другія положительныя о немъ свѣдѣнія.

Ф.

КАГО ЗА- ОСУДАР- 7 ГОДА.

НЕНІЕ

И указъ на
ада (серій)
р., для по-
устройству
ннстръ фи-
тъ распоря-
авг.)

ищее время
до открытія
Коммерче-
са, на слъ-
дить ссуды

логъ хлѣба, а именно: пшеницы, ржи, муки ржаной и овса. 2) Желающій получить ссуду, подаетъ въ Банкъ объявленіе, съ означеніемъ въ ономъ количества закладываемаго товара и мѣста храненія или склада. 3) При семъ объявленіи прилагается полисъ страховаго отъ огня общества о застрахованіи хлѣба и письменное засвидѣтельствованіе трехъ лицъ купческаго сословія, заслуживающихъ довѣріе, въ томъ: а) что закладываемый хлѣбъ находится налицо въ томъ самомъ количествѣ,

оги не в
если да

Точнь
смотря
можно т
иной ни
мы голо
практик
во всея
и велич
дрено л
илтис о
положе
положе
выяют
топогра
ваться
вершен
теперь
жно см
одна и
научн.

Что
головъ
положе
томъ,
старав
состав
ситель
убьжа
препят
сь ми
радиус
далов
домъ

Вы
крано
по ф
колло
объяв

вы, и, главное, можетъ попасть на столъ къ свѣтъ. Этихъ вра-
гамъ френологія. Вотъ способъ составить, безъ большихъ издержекъ и
очень-скоро, огромную коллекцію френологическихъ наблюдений. Для
каждаго субъекта необходимы примечанія о толщинѣ кожи, черепа,
лобового синуса и проч., о темпераментѣ субъекта, породѣ, касть,
воспитаніи его и, вообще, все другія положительныя о немъ свѣданія.

III.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССИИ.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА СЕНТЯБРЬ 1847 ГОДА.

I. ГУБЕРНСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ. (ИЗМѢНЕНІЕ И ДОПОЛНЕНІЕ СОСТАВА И ПРАВЪ ИХЪ.)

Въ 8-й день августа воспослѣдовалъ именной Высочайшій указъ на имя министра финансовъ о выпускѣ въ обращеніе XI разряда (серій) билетовъ государственнаго казначейства въ 3,000,000 руб. сер., для покрытія части расходовъ, предстоящихъ въ 1847 году по устройству санктпетербурго — московской желѣзной дороги. Нынѣ министръ финансовъ донесъ Правительствующему Сенату, что онъ сдѣлалъ распоряженіе о выпускѣ означенныхъ билетовъ. (Ук. Прав. Сен. 26 авг.)

— Для облегченія затруднительнаго положенія въ настоящее время хлѣбной торговли при санктпетербургскомъ портѣ, повелѣно: до открытія навигаціи будущаго 1848 года, разрѣшить приѣмъ въ залогъ Коммерческаго Банка хлѣба, въ Санктпетербургѣ на складъ находящагося, на слѣдующемъ основаніи: 1) Коммерческій Банкъ имѣеть прозводить ссуды по 1 іюня 1848 года, срокомъ отъ трехъ до девяти мѣсяцевъ, подъ залогъ хлѣба, а именно: пшеницы, ржи, муки ржаной и овса. 2) Желающій получить ссуду, подаетъ въ Банкъ объявленіе, съ означеніемъ въ ономъ количества закладываемаго товара и мѣста храненія или склада. 3) При семъ объявленіи прилагается полисъ страховаго отъ огня общества о застрахованіи хлѣба и письменное засвидѣтельствованіе трехъ лицъ купческаго сословія, заслуживающихъ довѣріе, въ томъ: а) что закладываемый хлѣбъ находится налицо въ томъ самомъ количествѣ,

какое показано въ объявленіи, и б) что оный съ мѣста склада не будетъ ни отпущенъ, ни вывезенъ прежде уплаты полученной ссуды. 4) Для содѣйствія при сей операціи директорамъ Коммерческаго Банка отъ купечества, назначаются два временные директора, избираемые изъ купцовъ 1-й и 2-й гильдіи, оптовою хлѣбною торговлею занимающіеся. Выборъ ихъ возлагается на здѣшнее биржевое купечество, которое и имѣетъ быть къ тому приглашено немедленно Биржевымъ Комитетомъ. 5) По одобреніи директорами Банка отъ купечества, постоянными и временными, кредита какъ залогодателя, такъ и лицъ, подписавшихъ свидѣтельство, Банкъ выдаетъ въ ссуду по 50 коп. за рубль противъ биржевой цѣны на сортъ такого хлѣба, который показанъ въ объявленіи, съ удержаніемъ при оныхъ установленныхъ процентовъ; въ върномъ же платежѣ на срокъ беретъ отъ закладчика надлежащее обязательство. 6) Закладываемый хлѣбъ хранится на мѣстѣ складки его подъ отвѣтственностью хозяина и наблюденіемъ выдавшихъ на оный свидѣтельство трехъ лицъ купческаго сословія. 7) Въ случаѣ невыручки сполна банковаго долга продажею заложеннаго хлѣба, отвѣтствуютъ за недостающую сумму, кромѣ закладчика, и лица, выдавшія ему свидѣтельство. 8) Пересрочка съ меньшаго срока до девяти-мѣсячнаго, передача залога другому лицу, выкупъ онаго до срока и порядокъ взъисканія просроченной суммы производится на основаніи общихъ правилъ, содержащихся Свода Зак. т. XI Уст. Кредит. ст. 767—773, 780—782 и 784 — 792. (Высоч. повел. 26 авг.)

— Высочайше повелѣно: прїѣзжающимъ изъ-за границы иностраннымъ купцамъ, художникамъ и ремесленникамъ, выдавать путевые билеты на проѣздъ прямо до тѣхъ мѣстъ, куда они отправляются, безъ прелѣвленія ихъ въ каждомъ на пути лежащемъ губернскомъ городѣ, не распространяя однако этого замѣненія въ существующемъ порядкѣ на иностранныхъ путешественниковъ, имѣющихъ предметомъ одно лишь любопытство и удовольствіе.

— По вопросу о пріобрѣтеніи правъ на потомственное дворянство дѣтьми иностранцевъ, родившимися въ Россіи, постановлено: 1) отныне впредь тѣ изъ иностранцевъ, которые пріобрѣли или пріобрѣтутъ въ российской службѣ чины, приносящіе потомственное дворянство, не могутъ быть ни сами, ни въ потомствѣ ихъ, утверждаемы въ дворянскомъ достоинствѣ, буде не приняли или не пріимутъ присяги на подданство Россіи. 2) Законныя дѣти тѣхъ изъ означенныхъ иностранцевъ, которые умерли до изданія настоящаго постановленія, не присягнувъ на подданство Россіи, утверждаются въ дворянскомъ достоинствѣ лишь въ томъ случаѣ, когда сами учинили или учинятъ на подданство присягу, и 3) малолѣтныя ихъ, иностранцевъ, дѣти остаются до совершеннолѣтія въ правахъ, пріобрѣтенныхъ службою отцовъ ихъ; буде же, во достиженіи полнаго совершеннолѣтія, въ-теченіе двухъ лѣтъ, присяги на подданство Россіи не пріимутъ, то къ потомственному дворянству не причисляются (Выс. утв. Мн. Гос. Сов. 14 іюля.)

— Высочайше повелѣно: 1) должность директора Императорскихъ санктпетербургскихъ театровъ оставить въ числѣ вторыхъ чиновъ дво-

ра и назначить по оной содержаніе наравнѣ съ вице-президентами придворныхъ конторъ, т. е. жалованья 1145 р. и столовыхъ 2000 р., всего по 3145 сер. въ годъ, съ сохраненіемъ по 858 р. с. въ годъ на экипажъ; но съ тѣмъ, что если занимающій сію должность будетъ, подобно дѣйствительному тайному совѣтнику Гедеонову, имѣть чинъ второго класса и управлять театрами обнхъ столицъ, то считать его въ числѣ первыхъ чиновъ двора, съ званіемъ директора Императорскихъ театровъ и прозводить ему содержаніе, положенное президентамъ конторъ, а именно: жалованья 1430 р. и столовыхъ 2287 р., всего по 3717 р. с. въ годъ, также съ сохраненіемъ 858 р. с. на экипажъ, и 2) должность директора московскихъ театровъ, на случай отдѣльнаго управленія оными, оставить по прежнему въ 4-мъ классѣ, съ жалованьемъ по 858 р., столовыми по 858 р. и на экипажъ по 515 р., всего по 2231 р. с. въ годъ.

II. Губернскія учрежденія. (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ.)

— Во всѣ рыбнпромышленныя становища, лежащія по мурманскому берегу Архангельской-Губерніи, отъ границъ Норвегіи до устья рѣки Попоя, дозволенъ поморскимъ жителямъ сего края привозъ иностранной соли безъ платежа пошлины, въ видѣ опыта, на десять лѣтъ, съ тѣмъ, чтобъ беспошлинный привозъ сей соли ограниченъ былъ количествомъ, соответствующимъ дѣйствительной потребности промышленниковъ въ томъ край. (Выс. утв. пол. Ком. Мин. 8-го іюля.)

— Дозволено допустить пріемъ билетовъ банка, учрежденнаго при Иркутскомъ Сиропитательномъ Домѣ Елизаветы Медвѣдниковой, въ залогъ въ полной ихъ суммѣ для обезпеченія нитейныхъ откуповъ, какъ настоящихъ, такъ и по наступленіи новаго для нихъ періода, не только по сибирскимъ, но и по всѣмъ вообще Великороссійскимъ и привилегированнымъ губерніямъ.

— Нижегородское Отдѣленіе Рыбннской Расправы переименовано въ Судоходную Расправу, съ подчиненіемъ ея, на общемъ основаніи, Правленію VI Округа Путей Сообщенія. (Ук. Сен. 26-го августа.)

— Палатамъ государственныхъ имуществъ предоставлено, при открывающихся въ нихъ вакансіяхъ дѣлопроизводителей, представлять установленнымъ порядкомъ для замѣщенія сихъ должностей трехъ кандидатовъ и только при невозможности принскать такое число ихъ, представлять двухъ или одного кандидата. (Выс. утв. пол. Ком. Мин. 29-го іюля.)

— Для развитія и упроченія торговли города Таганрога и во вниманіи къ ходатайству намѣстника кавказскаго и генерал-губернатора новороссійскаго и бессарабскаго, Высочайше повелѣно: продолжать сему городу на десять лѣтъ ту льготу, какою онъ, по Высочайшему указу 6-го декабря 1829 г. пользовался съ 1837 по 1845 годъ, и на семь основаніи съ 1845 по 1855 годъ взъискивать съ тамошнихъ кушцовъ и мящанъ только половинное число податей. (Выс. пов. 16-го августа.)

— Учреждены станицы: а) на почтовомъ тракѣ между городами Нерехтою и Шуею, черезъ деревню Буцькову три станицы: первая въ селѣ Пасцовѣ, вторая въ деревнѣ Буцьковой и третья въ селѣ Иванова; б) ме-

жду Харьковымъ и слободою Мередою, близъ постоялаго двора помещика Щербинина и в) на московско-ярославскомъ шоссе: первая въ 18 $\frac{1}{2}$ вер. отъ города Ярославля, въ деревнѣ Кормилицынѣ, на мѣсто бывшей въ селѣ Шопшѣ; вторая въ селѣ Макаровѣ, Семибратово тожѣ, въ 19 $\frac{1}{2}$ вер. отъ Кормилицыной и въ 16 отъ Ростова; третья, вмѣсто Дутниковой, въ заштатномъ городѣ Петровскѣ, въ 21 верстѣ отъ Ростова, а четвертая въ деревнѣ Погостъ Владимирской-Губерніи, въ 18 $\frac{1}{2}$ вер. отъ Петровска.

III. Законы относительно службы гражданской.

Постановлено: 1) Чтобъ дѣтей священнослужительскихъ и церковнослужительскихъ, совершившихъ полный учебный курсъ въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ и занимающихъ мѣста наставниковъ въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ, также учителей въ нижнихъ духовныхъ училищахъ и въ сельскихъ приходскихъ училищахъ, признавать принадлежащими къ духовному званію, если не уволены изъ оного по особымъ прошеніямъ и не получали особыхъ правъ по производству въ гражданскіе чины; 2) такъ-какъ они по образованію своему имѣютъ полное право на священнослужительскія мѣста, то и должны пользоваться правами, предоставленными въ законахъ священноцерковнослужителямъ, и 3) въ-слѣдствіе сего и дѣти ихъ пользуются правами дѣтей священнослужительскихъ. (Ук. Пр. Сен. 25 авг.)

— Всемъ отставнымъ, пріобрѣтшимъ какъ въ военной службѣ, такъ и при отставкѣ, чины, приносящіе личное почетное гражданство или личное дворянство, если не имѣютъ сыновей, рожденныхъ по полученіи уже чиновъ или прижитыхъ прежде и находящихся въ свободномъ состояніи, предоставлено право просить о выключкѣ изъ военнаго вѣдомства одного изъ сыновей, прижитыхъ въ нижнемъ званіи и записанныхъ въ кавтонисты или находящихся въ дѣйствительной службѣ. (Ук. Пр. Сен. 20 авг.)

=

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА СЕНТЯБРЬ 1847 ГОДА.

Народное просвѣщеніе. Высочайше повелѣно: 1) Существующіе при Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, на основаніи Высочайшаго указа, даннаго на имя бывшаго министра народнаго просвѣщенія въ 16-й день апрѣля 1832 года, отдѣленіе младшаго возраста, и на основаніи Высочайше утвержденныхъ 12 декабря 1838 г. всеподданнѣйшаго представленія его и 29 декабря 1842 г. положенія Комитета Министровъ, второй разрядъ, какъ учрежденія, исполнившія свое назначеніе и за-

тѣмъ оказывающіяся ненужными, упразднить. 2) Съ приведеніемъ та-кимъ-образомъ Института въ первоначальное состояніе, для доставленія ему большей спеціальности, ограничить его двумя факультетами: историко-филологическимъ и физико-математическимъ, и упразднить факультетъ юридическій; 3) оклады упраздняемыхъ двухъ кафедръ юридическаго факультета обратить на усиленіе по кафедрамъ астрономіи, русской исторіи и славянскихъ нарѣчій, и 4) мѣры сіи привести въ дѣйствіе съ 1-го января будущаго 1848 года.

— Разрѣшено въ Ставропольской Губернской Гимназіи, по примѣру прочихъ гимназій, имѣть почетнаго попечителя по выбору дворянства.

— Коллежскій совѣтникъ Помаскинъ пожертвовалъ три тысячи рублей серебромъ для воспитанія на счетъ процентовъ съ этой суммы въ пансіонъ при Тобольской Гимназіи одного пансіонера. Въ-слѣдствіе сего, Высочайше повелѣно пансіонера этого именовать пансіонеромъ тобольскаго первой гильдіи купца, потомственнаго почетнаго гражданина Михаила Селиванова, и приемъ такого пансіонера допустить изъ дѣтей купческаго званія.

— *Благодѣтельность.* Высочайше утвержденъ новый уставъ кассы, учрежденной въ пользу вдовъ и сиротъ санктпетербургскихъ биржевыхъ маклеровъ, изъ котораго представляемъ краткое извлеченіе. Означенное учрежденіе состоитъ изъ двухъ отдѣленій, именуемыхъ: первое *касса вдовъ и сиротъ* и второе *касса дочерей*. Число членовъ учрежденія не ограничено. Если ихъ будетъ менѣе 60-ти, то для комплектованія этого числа принимаются и купцы; когда же общее число членовъ достигнетъ 60-ти, то принятіе купцовъ не допускается. Каждый членъ платитъ единовременно 60 руб. сер. и ежегодно по 50 руб. сер., и сверхъ того, при уплатѣ ежегодной суммы, обязанъ вносить по 3 руб. сер., изъ которыхъ, въ случаѣ смерти кого-либо изъ членовъ, выдается на погребеніе половина. Если въ-теченіе года смертныхъ случаевъ будетъ болѣе двухъ, то члены доплачиваютъ сколько слѣдуетъ; если же менѣе двухъ, то вносятъ недостающую сумму для того, чтобъ на слѣдующій годъ опять пришлось по 3 руб. сер. на члена. Пособія изъ кассы вдовъ и сиротъ выдаются: а) Извѣстнымъ обществу законнымъ вдовамъ и законно-рожденнымъ дѣтямъ умершихъ членовъ, почему женатый членъ не можетъ прелоставить этого пособия по смерти своей другому лицу, кромѣ законной жены и законно-рожденныхъ дѣтей своихъ. б) Если вдовый членъ дѣтей не имѣетъ, или дѣти его всѣ уже находятся въ совершенномъ возрастѣ, то въ этомъ только случаѣ дозволяется ему назначить другихъ наследниковъ для полученія послѣ смерти его определенныхъ уставомъ выдачъ. Если такихъ постороннихъ наследниковъ имъ назначено не будетъ, то послѣ смерти его, законные его наследники получаютъ определенную выдачу, съ тѣмъ однакожъ, въ этихъ обоихъ случаяхъ, ограниченіемъ, что наследники не могутъ получать пенсій долѣе, какъ въ-продолженіи трехъ лѣтъ. в) Если такой членъ въ-послѣдствіи вступить во второй бракъ, то послѣ смерти его вдова и дѣти отъ втораго брака пользуются, какъ дѣйствительные наследники, всѣми правами вдовъ и сиротъ, хотя бы

прежде сего назначены были членомъ другіе наследники для полученія пособія. г) Каждый членъ, для доставленія своимъ наследникамъ права на ежегодный пенсіонъ, долженъ пробыть въ этомъ званіи полныя пять лѣтъ и заплатить взносъ свой и за шестой годъ. д) Если членъ прійдетъ, отъ старости, болѣзни или иныхъ неотвратимыхъ несчастій въ убожество и не будетъ въ состояніи платить ежегодныхъ взносовъ, то онъ отъ этой обязанности освобождается, съ оставленіемъ ему всѣхъ приобретенныхъ имъ до того времени правъ, и въ случаѣ надобности въ пособіи, получаетъ отъ учрежденія такое пособие, какое слѣдовало бы вдовѣ его; и е) Неженатые также могутъ быть членами, но обязаны, при самомъ вступленіи, объявить, кто именно по смерти ихъ долженъ получать пенсіи, имѣя право назначить для сего только малолѣтнихъ родственниковъ или лица женскаго пола, которыхъ, однакожь, должны быть вдовы или незамужнія. Никакаго рода арестъ или секвестръ не можетъ быть положенъ ни на деньги, назначенныя на погребеніе, ни на единовременныя выдачи и пенсіи, причитающіяся по симъ правиламъ; но онъ должны быть выдаваемы безпрепятственно законнымъ наследникамъ умершаго члена. Касса дочерей учреждается для выдачи пожизненныхъ пенсій совершеннолѣтнимъ, незамужнимъ дочерямъ членовъ учрежденія. Пока вдова или малолѣтнія дѣти умершаго члена пользуются пенсіею изъ кассы вдовъ и сиротъ, дочери такой вдовы не имѣютъ права на особую пенсію изъ кассы дочерей; и только послѣ смерти матери и когда младшій сынъ или дочь вступятъ въ совершеннолѣтія, всѣ несовершеннолѣтнія незамужнія дочери получаютъ изъ втораго отдѣленія пожизненную пенсію. Управление обѣими кассами и производство текущихъ дѣлъ ввѣрется тремъ старшинамъ, избираемымъ исключительно изъ числа маклеровъ, состоящихъ членами учрежденія. Споры между старшинами и членами или ихъ наследниками, когда предметъ спора относится собственно къ дѣламъ учрежденія, рѣшаются въ общемъ собраніи членовъ, которое есть высшая инстанція по дѣламъ учрежденія.

V.

КРИТИКА.

ОПЫТЪ О НАРОДНОМЪ БОГАТСТВѢ ИЛИ О НАЧАЛАХЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. Сочиненіе Александра Бутовскаго. Три тома. Санктпетербургъ. 1847.

Статья первая.

Историческія изысканія о послѣдствительномъ усовершенствованіи нашихъ познаній открываютъ существованіе одного общаго, неизмѣннаго закона, распространяющаго свое дѣйствіе на всѣ проявленія умственныхъ способностей человѣка. По силѣ этого закона, науки, истекающія изъ ума человѣческаго, въ своемъ постепенномъ развитіи, проходятъ черезъ три періода: мнѳологическій, метафизическій и положительный. Эти три періода отличаются другъ отъ друга самыми рѣзкими чертами; особенность каждаго изъ нихъ заключается въ способѣ обработыванія науки и въ существѣ тѣхъ побужденій, которые руководятъ умственную дѣятельность. Различіе между первымъ и вторымъ состояніемъ нашихъ познаній заключается въ томъ, что философія метафизическая развивается преимущественно путемъ отвлеченнаго мышленія и объясняетъ всѣ явленія — самодѣятельностью той внутренней сущности или той абстрактной идеи, которая предполагается присущею каждому внѣшнему феномену. Какъ мнѳологическая, такъ и метафизическая философія, радикально противоположны философіи положительной, которая является всегда, во всѣхъ отрасляхъ знанія, послѣднимъ звеномъ умственнаго развитія и одна заслуживаетъ названіе науки. Отличительный характеръ ея состоитъ въ томъ, что, сознавая несостоятельность

разума для открытія абсолютной истины, и отказываясь от несбыточной надежды проникнуть въ существо и внутреннія причины бытія, она старается только разъяснить совокупнымъ дѣйствіемъ разсудка и наблюденія дѣйствительные законы явленій, или тѣ неизмѣнныя начала, которыми опредѣляются взаимныя отношенія ихъ другъ къ другу. Основныя свойства новой методы, являющейся въ этотъ третій, высшій періодъ развитія науки и состоящей въ анализѣ частныхъ фактовъ, въ раскрытіи ихъ соподчиненія и связи и въ послѣдовательномъ выводѣ изъ нихъ небольшого числа общихъ законовъ, придаютъ всѣмъ началамъ положительныхъ теорій — характеръ строго-доказанныхъ и поставленныхъ внѣ всякаго спора истинъ.

Существованіе этого основнаго закона не подлежитъ сомнѣнію. Оно доказывается прежде всего наблюденіемъ надъ историческою судьбою науки и надъ порядкомъ развитія умственной дѣятельности въ отдѣльныхъ человѣкѣхъ и въ цѣломъ человѣчествѣ. Кромѣ этого эмпирическаго оправданія, можно привести еще оправданіе рациональное, основанное на доказательствѣ логической необходимости такого закона, вытекающей изъ самыхъ свойствъ нашей организаціи. Умъ человѣка никогда не удовлетворяется отрывочнымъ знаніемъ фактовъ, но всегда нуждается въ теоріи, объясняющей эти факты и связывающей ихъ въ одно цѣлое, и притомъ теоріи для него необходима не только, какъ конечная цѣль, но и какъ исходный пунктъ его дѣятельности: отсутствіе теоріи уничтожаетъ возможность самого наблюденія надъ фактами. Если мы возьмемся за анализъ частностей, не усвоивъ себѣ предварительно какихъ-либо общихъ началъ, которыя могли бы руководить нашею аналитическою работою, то, съ одной стороны, мы не въ состояніи будемъ открыть общую связь между нашими частными наблюденіями, которыя останутся, слѣдовательно, совершенно-бес-

плодными и не поведутъ ни къ какимъ результатамъ, а съ другой — не будемъ имѣть возможности, по неизмѣннѣю критериуму для оцѣнки подмѣченныхъ фактовъ, удерживать ихъ въ памяти и судить о степени ихъ важности. Но если, такимъ-образомъ, для успѣшности наблюденій, безусловно-необходимы теоріи, то и, наоборотъ, для правильности теорій безусловно-необходимы множество и правильность наблюденій. Очевидно, что въ этомъ случаѣ между нуждами человѣка и средствами ихъ удовлетворенія находится открытое противорѣчіе. Соединеніе необходимости въ частныхъ наблюденіяхъ для построенія правильныхъ теорій, съ неменѣе-настоятельною необходимостью въ построеніи какихъ-либо теорій для возможности правильности наблюденій, ставитъ человѣка въ кругъ, по-видимому, безвыходный. Средство выхода изъ него одно: образованіе и усвоеніе человѣкомъ мнѣологическихъ идей, неправильныхъ въ своемъ существѣ, но необходимыхъ для того, чтобъ доставить человѣку съ самаго начала точку опоры для его усилій и пиццу для его умственной дѣятельности. Въ этомъ заключается, независимо отъ нравственныхъ и общественныхъ соображеній, доказывающихъ необходимость мнѣологическаго направленія первоначальной науки, самое существенное, логическое условіе этой необходимости. Надо сказать также, что мнѣологическая философія, которая по своей непосредственности и самородности одна только и бываетъ возможна на первыхъ ступеняхъ умственнаго развитія, является внѣсть съ тѣмъ и необходимымъ орудіемъ для пробужденія и приведенія въ дѣйствіе независимыхъ способностей человѣка. Въ настоящую минуту, нашъ разумъ достигъ до такой зрѣлости, что, не нуждаясь въ постороннихъ побужденіяхъ, предпринимаетъ безпрестанно самыя утомительныя работы только для одной цѣли — для сознанія истины, не смотря на то, что всякая опы-

ность доказала ему и въ этомъ отношеніи несбыточность его прежнихъ самолюбивыхъ надеждъ и необходимость довольствоваться изслѣдованіемъ предметовъ, для насъ доступныхъ, не трата понапрасну своихъ силъ на бесплодныя усилія къ рѣшенію вопросовъ, для насъ неразрѣшимыхъ. Но первоначально разумъ человѣка не имѣлъ и не могъ имѣть такой опытности и зрѣлости. Преувеличивая свое могущество, онъ считалъ себя способнымъ къ раскрытію всѣхъ таинствъ природы и къ неограниченному вліянію на высшій міръ. Только это естественное самообольщеніе и могло побудить человѣка къ неутомимой дѣятельности и къ постоянному напряженію умственныхъ силъ своихъ. Не будь этихъ возбуждательныхъ причинъ—человѣкъ никогда не вышелъ бы изъ своего усыпленія. Съ другой стороны, понятно, что, при такихъ самолюбивыхъ притязаніяхъ, онъ не могъ бы съ перваго раза ограничить себя тѣмъ тѣснымъ кругомъ, въ который заключаетъ вашу умственную дѣятельность положительная наука, предполагающая себѣ одну только цѣль — открытіе законовъ взаимнаго соотношенія явленій и уничтожающую самымъ безусловнымъ образомъ всѣ химерическія представленія человѣка.

Что касается до метафизическаго направленія науки, то необходимость его, какъ момента переходнаго, очевидна сама-по-себѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что положительная философія составляетъ высшее звено и конечную цѣль умственнаго развитія во всѣхъ отрасляхъ знаній. Но между теологическимъ и положительнымъ направленіемъ существуетъ такая несомнѣнность, такая радикальная противуположность, что разумъ человѣка, развивающійся всегда медленно и постепенно, не можетъ перейти вдругъ и непосредственно изъ самаго несовершеннаго состоянія въ самое совершенное. Такою невозможностью и обуславливается необходимость посредствующей ступени между этими двумя

крайностями, т. е., такого направленія, которое, по своему двусмысленному и нерѣшительному характеру, было бы способно подготовить мало-помалу переходъ разума отъ исключительно-миеологической къ исключительно-положительной методѣ. Метафизика совершенно удовлетворяетъ этой потребности, потому-что въ объясненіи каждаго явленія вводитъ представленіе о присутствіи соответствующей явленію и неразлучной съ нимъ отвлеченной идеи (сущности). Такой взглядъ на природу представляетъ уже значительный шагъ впередъ. Метафизическія представленія, побуждая человѣка стремиться къ раскрытію внутренняго смысла фактовъ или присущей въ нихъ идеи, приучаютъ его обращать постоянное вниманіе на самые факты. А такъ-какъ, съ другой стороны, по самой силѣ вещей, эти представленія, достигая мало-помалу высшей степени утонченности, раскрываютъ всегда рано или поздно свое ничтожество, и превращаются, наконецъ, для человѣка съ здравымъ смысломъ въ простыя отвлеченныя названія дѣйствительныхъ явленій, то понятно, что метафизическая философія носитъ сама въ себѣ зародышъ уничтоженія и не можетъ никогда имѣть на умъ продолжительнаго вліянія. Ея назначеніе въ каждой наукѣ состоитъ единственно въ отрицаніи миеологическихъ идей и въ подготовленіи положительныхъ знаній. Понятно, на-примѣръ, что построеніе метафизическихъ теорій послужило самымъ естественнымъ средствомъ перехода отъ алхиміи къ химіи, или отъ астрологіи къ астрономіи.

Настоящая цѣль умственной дѣятельности человѣка состоитъ, безъ сомнѣнія, въ томъ, чтобы возвести каждую отрасль познаній на степень науки положительной, т. е., науки въ настоящемъ смыслѣ слова. Сознаніе этой цѣли и стремленіе къ ея достиженію составляютъ отличительный характеръ умственнаго направленія нашей эпохи. Такое направленіе сдѣлалось осо-

бенно-преобладающимъ съ того времени, какъ философскій переворотъ, связанный съ именами Бэкона и Декарта, сообщилъ новое движеніе наукъ, освободивъ ее отъ оковъ схоластики. Съ этого времени, постепенный упадокъ философіи мнелогической и метафизической и постепенное возрастаніе философіи положительной—слѣдствія очевидны. Впрочемъ, не смотря на постоянное и неутомимое стремленіе разума къ изслѣдованіямъ чисто-положительнымъ, до-сихъ-поръ еще истинная метода не успѣла распространиться одинаково на всѣ сферы человѣческихъ свѣдѣній. Въ настоящее время, есть уже много такихъ наукъ, которыя достигли въ извѣстной степени положительнаго состоянія; но самое названіе положительныхъ наукъ, которое обыкновенно имъ дается, показываетъ, что въ другихъ отрасляхъ своей дѣятельности, разумъ чловѣка еще не успѣлъ до-сихъ-поръ попасть на прямой, настоящій путь. И дѣйствительно, мы находимъ еще теперь множество такихъ наукъ, которыя не вышли изъ періода мнелогическо-метафизическаго направленія. Сюда принадлежатъ главнымъ образомъ науки, посвященныя изслѣдованію различныхъ явленій общественной жизни—правовѣдѣніе, политическая экономія, и проч., и проч.; словомъ, та совокупность нашихъ познаній, которая означается обыкновенно именемъ *наукъ общественныхъ*.

Что современное состояніе такъ называемыхъ общественныхъ наукъ неудовлетворительно—въ этомъ никто не сомнѣвается. Остаеся объяснить причины и источникъ такого неудовлетворительнаго состоянія—и это объясненіе можетъ представить только исторія этихъ наукъ, доказывающая, что, пройдя первый періодъ своего развитія, онѣ остановились на второмъ и не успѣли еще вступить въ третій. Развитіе идей сосредоточивалось до-сихъ-поръ въ борьбѣ между двумя противоположными направленіями: мнелогиче-

скимъ и метафизическимъ. Послѣдователи перваго являлись въ этомъ случаѣ представителями идей старыхъ. Послѣдователи втораго являлись представителями идей прогресса и индивидуализма, врагами стараго порядка вещей и провозвѣстниками новаго. Въ существѣ дѣла, между идеями старинны и прогресса, авторитета и индивидуализма, нѣтъ никакой существенной противоположности. Въ наукѣ, эти понятія, съ перваго взгляда противоположныя, должны быть разсматриваемы какъ различныя стороны одного и того же начала; въ жизни, тѣсное и неразрывное слияніе ихъ составляетъ главное условіе. Порядокъ невозможенъ безъ прогресса, точно такъ же, какъ и прогрессъ не имѣетъ другой окончательной цѣли, кромѣ прочнаго установленія порядка. Индивидуализмъ—верховное начало и цѣль чловѣческой дѣятельности; авторитетъ—не что иное, какъ средство для достиженія этой цѣли. Къ-сожалѣнію, какъ въ жизни, такъ и въ наукѣ, эти понятія, въ существѣ своемъ единыя, противопоставляются до-сихъ-поръ одно другому, какъ несовмѣстимыя и взаимно другъ друга отрицающія. Самая узкая исключительность составляетъ общій удѣлъ послѣдователей того и другаго начала. Защитники стараго, отвергая необходимость прогресса, осуждаютъ общество на застою и неподвижность; защитники прогресса, распространяя свои идеи, ведутъ къ произволу. Встрѣчались, правда, въ послѣднее время и попытки къ примиренію этихъ крайностей; но всѣ эти попытки, выходящія изъ ложныхъ началъ дерзшительнаго эклектизма, вовсе не уничтожали того дуализма, который слѣдовало уничтожить, а приводили только къ механическому совокуленію двухъ принциповъ, искажавшему по большей-части дѣйствительное значеніе того и другаго.

Было время, когда общественная наука и общественная жизнь находились

между собою въ самой тѣсной связи: первая служила выраженіемъ и оправданіемъ второй. Но когда историческое значеніе прежняго порядка вещей было уже совершенно исчерпано, общественная наука начала иначе смотрѣть на дѣйствительность, и въ самой сферѣ общественныхъ идей обнаружился глубокий разрывъ между двумя противоположными тенденціями — между уваженіемъ къ старому и жаждою новаго, между подчиненіемъ разума преданію и подчиненіемъ преданія разуму. Этотъ разрывъ идей, породившій въ самой жизни столкнове- ніе противоположныхъ интересовъ, существуетъ и въ настоящее время. Нельзя не сознаться, что этимъ резуль- татомъ обязаны такъ-называемымъ защитникамъ прогресса, которыхъ мы, сообразясь съ принятою терминологіею, можемъ назвать представителями метафизическаго направленія въ идеяхъ. Въ-продолженіе цѣлаго столѣ- тія, они не переставали трудиться наль отрицаніемъ и разрушеніемъ того, что имъ казалось неразумнымъ и что дѣйствительно потеряло уже всякое право на существованіе съ-тѣхъ- поръ, какъ, выполнивъ свою историче- скую задачу, перестало соответство- вать общимъ интересамъ и употребле- ніемъ и сдѣлалось сильнымъ препят- ствіемъ къ ихъ дальнѣйшему разви- тію. Но одно разрушеніе стараго въ этомъ случаѣ было недостаточно; необходимо было замѣнить его чѣмъ- нибудь новымъ, болѣе-разумнымъ и болѣе-сообразнымъ съ требованіями современности. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, общественная наука ока- зывалась до-сихъ-поръ совершенно- несостоятельною. Всѣ современные школы возникли изъ противопоставле- нія идей прогресса — идеямъ непод- вижности; ихъ историческое назна- ченіе заключалось именно въ борь- бѣ противъ устарѣлыхъ началъ. Это назначеніе онѣ выполнили съ успѣ- хомъ, но на немъ и остановились, по- тому-что по своему направленію, ис- ключительно-метафизическому, не бы-

ли способны къ воссозданію того, что разрушили. Основные догматы ихъ ученія отличаются совершеннымъ от- сутствіемъ положительности и творче- ства и преобладаемъ чисто-отрица- тельнаго, критическаго направленія. Въ основаніи всѣхъ ихъ лежитъ одна и таже ошибка: призваніе правильнымъ того переходнаго и аномальнаго со- стоянія, которое является, неизбеж- нымъ удѣломъ въ болѣе или менѣе продолжительный промежутокъ вре- мени, отъ паденія стараго до созданія новаго. Примѣръ основной ошибки экономистовъ школы Адама Смита мо- жетъ всего лучше пояснить нашу мысль. Известно, что сознаніе по- слѣдствій прежняго положенія народ- ной промышленности, побудило эту школу требовать неограниченной сво- боды труда и поставить свой идеалъ экономическаго благосостоянія въ безусловной независимости промышленности. Очевидно, что въ этомъ заключеніи двѣ различныя стороны, которыя долж- ны быть строго отдѣлены другъ отъ друга: первая сторона, чисто-отри- цательная, направленная противъ си- стемы искусственнаго поощренія про- мышленности, совершенно справедли- ва въ своихъ основаніяхъ; вторая, представляющая въ себѣ попытку об- ратить отрицательное начало: laissez- faire, laissez-passer, въ основной за- конъ экономической организаціи, въ высшей степени несостоятельна, какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практи- ческомъ отношеніи. Доказывать при- чины этой несостоятельности было бы здѣсь неумѣстно: достаточно только по- казать, что въ этомъ случаѣ Адамъ Смитъ и его послѣдователи впали въ заблужденіе единственно потому, что, подобно всѣмъ мыслителямъ мета- физической школы, распространили идею свои о злоупотребленіяхъ прин- ципа на самый принципъ и, вмѣсто из- ученія необходимыхъ условій для раз- умной организаціи труда, признали за- ранѣе неразумность всякой организа- ціи экономическихъ отношеній, осно- вавъ свое сужденіе на неразумности

прежнихъ, опровергаемыхъ ими формъ этой организаціи.

Отличительный характеръ общественныхъ наукъ въ нашу эпоху заключается въ крайней противоположности убѣжденій и взглядовъ, въ совершенномъ отсутствіи твердыхъ, обще-признанныхъ истинъ. Въ этомъ случаѣ, нельзя не замѣтить существеннаго различія между состояніемъ наукъ математическихъ, естественныхъ и т. д. съ одной стороны, и состояніемъ наукъ общественныхъ — съ другой. Въ однихъ, несогласіе между учеными обнаруживается только въ-отношеніи къ нѣкоторымъ частнымъ, еще нетронутымъ или недостаточно-обработаннымъ вопросамъ; основныя же ихъ истины уже совершенно доказаны и единогласно признаются всѣми. Въ другихъ, напротивъ, мы не встрѣчаемъ почти никакихъ доказанныхъ и единогласно-признанныхъ рѣшеній; самыя противоположныя начала полагаются различными школами въ основаніе этихъ наукъ, въ которыхъ притомъ запутанность и неопредѣленность идей увеличиваются еще болѣе тѣмъ, что всякъ тутъ судить впривъ и вкось о предметахъ, доступныхъ въ другихъ наукахъ только для небольшого числа людей способныхъ и знающихъ. Разрушеніе прежнихъ началъ, предоставило полный просторъ личнымъ соображеніямъ и фантазіи каждаго, и произвело въ сферѣ общественныхъ идей умственную анархію, достигшую въ послѣднее время до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Слѣды этой анархіи такъ очевидны и преобладаніе метафизическаго направленія въ общественныхъ вопросахъ такъ сильно, что самая мысль о возможности положить предѣлы разногласію, примѣнивъ положительную методу къ рѣшенію этихъ вопросовъ, кажется нынче болѣе-страннымъ людямъ мыслию странною. Общественныя науки представляютъ нашему сознанію чѣмъ-то совершенно-особеннымъ, исключительнымъ, вовсе-неподходящимъ подь об-

щій законъ умственной дѣятельности. Мы такъ привыкли къ господству метафизики въ этой сферѣ, что весьма-равнодушно смотримъ на это не-логическое раздвоеніе человѣческой науки на двѣ непохожія другъ на друга части, изъ которыхъ одна совершенно положительна, другая будто-бы по самому свойству своему чужда всякой положительности. И въ этомъ случаѣ, переходное, аномальное состояніе разума принимается нами за состояніе необходимое и вѣчное. Когда, по рѣдкому исключенію изъ общаго правила, являются люди съ болѣе-широкимъ взглядомъ на вещи, всѣ глубокомысленные публицисты, юристы, экономисты и социалисты пожимаютъ плечами и называютъ требованія ихъ нецѣпными, утопическими. Имъ указываютъ на-примѣръ естественныхъ и математическихъ наукъ: они отвѣчаютъ очень-серьезно, что эти науки — одно, а общественныя науки — другое, что первыя могутъ быть утверждены на прочныхъ началахъ, а вторыя не могутъ. Да почему же не могутъ? Если только потому, что до-сихъ-поръ не могли, такъ это еще не доказательство. Что сказали бы вы, еслибъ я указалъ на десятилѣтняго ребенка и сказалъ, что онъ никогда не можетъ сдѣлаться взрослымъ-человѣкомъ, потому-что въ теченіе десяти лѣтъ не могъ имъ сдѣлаться? Васъ разсмѣшила бы моя наивность. А развѣ не такъ же смѣшно видѣть, какъ люди серьезные въ серьёзныхъ вопросахъ наивно принимаютъ дѣйствительное за критеріумъ возможнаго и дѣлаютъ смѣлыя послыки отъ настоящаго къ будущему? Неужели не суждено намъ никогда избавиться отъ этой логики?..

Что науки общественныя въ настоящее время еще не достигли положительнаго состоянія, что въ нихъ преобладаетъ до-сихъ-поръ метафизическое направленіе — это фактъ несомнѣнный. Но развѣ не прошли чрезъ ту же самую фазу миеологическо-метафизическаго направленія и другія науки, у которыхъ теперь никто

нѣз насъ не осмѣливается отрицать положительнаго характера? Образованію химіи предшествовало господство алхиміи и ложныхъ метафизическихъ системъ; тѣ же ложныя системы подготовили и переходъ человѣческаго разума отъ астрологіи къ астрономіи. Такимъ же точно путемъ развивались и другія положительныя науки. Мы замѣтили, въ самомъ началѣ статьи, что въ этомъ послѣдовательномъ переходѣ разума отъ мистологіи къ метафизикѣ, отъ метафизики къ положительной наукѣ, заключается общій, необходимый законъ развитія умственной дѣятельности. Почему же теперь дѣйствіе этого основнаго закона, который осуществился во всѣхъ сферахъ человѣческаго знанія, не распространится только на сферу идей общественныхъ? Очевидно, что такое предположеніе вѣчнаго младенчества общественныхъ наукъ ничѣмъ не оправдывается и ничѣмъ не можетъ быть оправдано. Было время, когда и другія науки, на-примѣръ, физика и химія, также находились въ состояніи плачевномъ, также представляли смѣсь самыхъ противоположныхъ и произвольныхъ теорій, основанныхъ на отрывочныхъ и неправильныхъ наблюденіяхъ. И объ нихъ говорили также, что имъ не суждено выйти изъ этого жалкаго состоянія, что онѣ по самому свойству своему должны вѣчно оставаться въ непосредственной зависимости отъ личныхъ мнѣній и субъективныхъ взглядовъ. А между-тѣмъ, опытъ доказалъ противное! Въ физикѣ и химіи, мало-по-малу, благодаря успѣхамъ наблюденія и разума, метафизическое направленіе смѣнилось направленіемъ положительнымъ: почему же не признать, что и въ общественныхъ наукахъ рано или поздно совершится такое же преобразование? Очевидно, скептицизмъ нашихъ современниковъ въ-отношеніи къ послѣднимъ точно такъ же неоснователенъ, какъ былъ неоснователенъ скептицизмъ нашихъ предковъ въ-отношеніи къ первымъ.

Насъ спросятъ, можетъ-быть, почему усилія разума преобразовать общественныя науки оказывались до-сихъ-поръ неудачными, между-тѣмъ, какъ въ другихъ отрасляхъ нашихъ знаній, эти усилія увѣнчались самымъ полнымъ и блистательнымъ успѣхомъ? На это есть отвѣтъ очень-простой. Независимо отъ того обстоятельства, что усилія разума къ положительному построенію общественной науки были до-сихъ-поръ весьма-рѣдки, слабы и, главное, весьма-нераціональны, медленность усовершенствованія общественныхъ идей въ сравненіи съ быстротою развитія прочахъ познаній объясняется весьма-естественно основными различіемъ между тѣми и другими. Общій законъ постепеннаго возникновенія положительной науки изъ мистологіи и метафизики имѣетъ одинаковую силу для всѣхъ сферъ познанія; но степень быстроты или медленности этого возникновенія бываетъ различна по различію наукъ. Тутъ все зависитъ отъ самаго свойства явленій, подлежащихъ изученію, отъ большей или меньшей трудности наблюдать надъ ними и раскрывать ихъ соотношенія. Понятно, что чѣмъ проще и общіе явленія, тѣмъ менѣе имѣютъ они связи съ интересами и страстями человѣка, тѣмъ легче наблюдать надъ ними и раскрывать ихъ свойства, тѣмъ доступнѣе они для положительнаго изученія. Наоборотъ, чѣмъ многосложнѣе и специалнѣе явленія, чѣмъ значительнѣе ихъ связь съ интересами и страстями человѣка, тѣмъ труднѣе становится ихъ изученіе, тѣмъ медленнѣе идетъ положительная ихъ разработка. Исторія постепеннаго усовершенствованія нашихъ познаній доказываетъ, что различныя науки достигаютъ положительнаго состоянія именно въ томъ порядкѣ, въ какомъ слѣдуютъ другъ за другомъ самыя явленія, составляющія предметъ ихъ — относительно степени ихъ простоты, общности и независимости, какъ другъ отъ друга, такъ и отъ вліяній

страстей человѣка. Въ категорію положительныхъ наукъ вошли прежде всего математика и астрономія; за ними физика, потомъ химія и, наконецъ, эмбріологія. Но извѣстно, что явленія математическія и астрономическія по своей простотѣ, общности и самостоятельности, имѣютъ огромное преимущество предъ всѣми другими; послѣднихъ, въ отношеніи къ этимъ свойствамъ, первое мѣсто занимаютъ явленія физическія; второе—химическія. Феномены физиологическіе отличаются особенною многосложностью, спеціальностью и зависимостью отъ другихъ явленій; по этому самому и эмбріологія развивалась медленнѣе всѣхъ другихъ наукъ, и только въ нынѣшнемъ столѣтіи труды нѣкоторыхъ ученыхъ, особенно же открытія Галля поставили ее, наконецъ, на степень теорій положительной. Но очевидно съ перваго взгляда, что общественная наука въ этомъ отношеніи уступаетъ даже самой эмбріологіи. Явленія общественныя несравненно-сложнѣе и спеціальнѣе всѣхъ другихъ имѣютъ въ себѣ гораздо-менѣе самостоятельности, находясь въ самой тѣсной зависимости отъ всѣхъ другихъ явленій и въ самой близкой связи съ интересами и страстями человѣка. Этимъ объясняется медленность въ развитіи общественныхъ наукъ и продолжительность ихъ метафизическаго, первѣшительнаго состоянія. По самому свойству своего предмета, онѣ, естественно, не могли освободиться такъ скоро, какъ освободились другія науки, отъ непрочности и шаткости наблюденій—недостатковъ, доставляющихъ возможность невѣжданъ и софистамъ находить мнимоположительныя данныя въ подтвержденіе самыхъ неосновательныхъ софизмовъ и истолковывать совершенно произвольнымъ и одностороннимъ образомъ всѣ совершившіеся и совершающіеся факты.

Если разумъ человѣческій не успѣлъ до-сихъ-поръ утвердить общественной науки на положительныхъ

основаніяхъ, то этотъ неутихшительный фактъ, можетъ быть еще приписанъ и другой причинѣ. Всякая наука основывается на наблюденіяхъ; но для возможности и успѣха наблюденій необходимы обиліе и разнообразіе явленій, подлежащихъ этимъ наблюденіямъ. Въ наукахъ, имѣющихъ предметомъ изученіе вѣшняго міра, это послѣднее условіе не имѣетъ никакого значенія, въ-слѣдствіе постоянства и неизмѣнности самыхъ феноменовъ этого міра, остающихся всегда одинакими какъ по количеству, такъ и по качеству. Если въ такихъ наукахъ невозможны въ первое время правильныя наблюденія, то не отъ недостатка предметовъ для наблюденія, но отъ недостатка способности и умѣнья со стороны самихъ наблюдателей. Совершенно-ное въ наукахъ общественныхъ. Въ нихъ, независимо отъ несостоятельности наблюдателей, самымъ феноменамъ не достаетъ долгое время условій обилія и разнообразія, необходимыхъ для ихъ научнаго изученія. Общественная жизнь развивается медленно и постепенно; въ первое время, она такъ проста и однообразна, что не представляетъ собою достаточной ниши для умственной дѣятельности. И не въ одни первыя времена общественной жизни этотъ недостатокъ матеріаловъ для наблюденія составляетъ препятствіе къ образованію положительной науки: препятствіе это сохраняется весьма-долго во всей своей силѣ и изглаживается только постепенно, мало-по-малу. Можно даже сказать безъ преувеличенія, что только въ наше время сфера общественныхъ явленій достигла, наконецъ, той степени обилія и разнообразія, при которой является уже возможность построить общественную науку на положительныхъ основаніяхъ. Въ этомъ отношеніи, особенно много содѣйствовали къ устраненію указаннаго нами препятствія перевороты прошлаго и нынѣшняго столѣтія. Пока прежній порядокъ вещей оставался еще цѣльнымъ и неприкосновеннымъ, можно было сомнѣваться на-счетъ ис-

тнннаго существа тенденцій человѣчества, тенденцій, которыя недостаточно выказывались въ совокупности прежнихъ историческихъ фактовъ. Съ другой стороны, понятно также, что въ слѣдствіе тѣсной зависимости общественныхъ явленій отъ явленій составляющихъ предметъ другихъ наукъ, первыя слѣдствія доступны для положительнаго ихъ изученія только со времени совершеннаго уразумѣнія и объясненія послѣднихъ. Въ этомъ отношеніи, особенно замѣтна и тѣсна связь, существующая между явленіями общественными и физиологическими. Само-собой разумѣется, что, не изучивъ природы человѣка индивидуальнаго, невозможно было приступить къ изученію человѣка общественнаго. Но физиологическое изученіе человѣка, какъ замѣтили мы выше, достигло надлежащей степени совершенства только весьма-недавно, въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Въ этомъ заключается новое подтвержденіе той мысли, что положительное обработываніе общественныхъ наукъ только въ наше время и сдѣлалось возможно.

Сказанное нами достаточно объясняетъ причины безуспѣшности всѣхъ тѣхъ попытокъ, которыя сдѣланы были до-сихъ-поръ съ цѣлью извлечь общественныя науки изъ ихъ запутаннаго состоянія. Понятно, что всѣ такія попытки до самой настоящей минуты были еще слишкомъ-преждевременны, и уже по одному этому не могли принести никакихъ плодовъ. Такимъ-образомъ, наши общія замѣчанія о причинахъ медленности въ развитіи социальныхъ идей освобождаютъ насъ отъ обязанности перечислять отдѣльно эти попытки и доказывать порознь ихъ нераціональность и бесплодность. Въ настоящемъ случаѣ, мы должны обратить вниманіе только на одну изъ нихъ, именно, на труды той фаланги учёныхъ, которая, ограничивъ кругъ своей дѣятельности одною изъ отраслей общественныхъ явленій, торжественно объявила, что будетъ обрабатывать свой предметъ путемъ поло-

жительной методы и построила на этомъ основаніи особую теорію, которую и старалась выдать на самомъ дѣлѣ за теорію положительную. Мы имѣемъ тутъ въ виду труды такъ-называемыхъ экономистовъ, создавшихъ, въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, новую науку, получившую, какъ извѣстно, названіе политической экономіи.

Адамъ Смитъ, основатель политической экономіи, и всѣ экономисты, его послѣдователи, признали съ самаго начала возможность утвердить свою науку на положительныхъ основаніяхъ и изъяснили намѣреніе постоянно слѣдовать въ изысканіяхъ примѣру учёныхъ, обработывавшихъ науки математическія и естественныя. Твердо убѣжденные въ томъ, что цѣль эта достигнута и что созданная ими политическая экономія отличается характеромъ совершенно-положительнымъ, они обыкновенно восхваляють самымъ превеличественнымъ образомъ свой методу и выставляютъ ежедневно свой способъ изслѣдованій, какъ самый вѣрный для успѣшнаго преобразованія всѣхъ другихъ частей общественной науки. Люди, мало знакомые съ существомъ дѣла, простодушню вѣрятъ этимъ гомерическимъ похваламъ, на которыя никогда не скупятся экономисты, если дѣло доходитъ до оцѣнки ихъ собственныхъ подвиговъ. Въ послѣднее время, правда, усилія новѣйшихъ дѣятелей науки поколебали значительнымъ образомъ прежнее уваженіе къ ученіямъ экономистовъ. Тѣмъ не менѣе, внутри самой школы не перестаютъ до-сихъ-поръ еще вѣровать безпрекословно въ непогрѣшимость методы Рикардо, Мальтуса, Сэ и другихъ свѣтилъ экономической теоріи. По всема-естественному, хотя и совершенно-неосновательному самообольщенію, современные послѣдователи Смита, осуществляющіе, какъ извѣстно, въ гигантскихъ размѣрахъ систему взаимнаго самохваленія, нисколько не смущаются жесткими нападками своихъ противниковъ и, отвѣчая на нихъ

презрительнымъ молчаніемъ, продолжаютъ гордиться твердостью своихъ началъ и называть политическую экономію наукою положительною. Посмотримъ же теперь ближе: заслуживаетъ ли она дѣйствительно это названіе, и есть ли хоть тѣнь справедливости въ хвастливыхъ отзывахъ экономистовъ о совершенствѣ и прочности построенной ими теоріи?

Если приложить къ ученію экономистовъ извѣстную апофеизму: «*fructibus cognoscetis*» и сдѣлать посылку отъ результатовъ ихъ методы къ ея свойствамъ, то легко убѣдиться, что ихъ способъ изысканій не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, который употребляется въ другихъ наукахъ, имѣющихъ полное право называться положительными. Самый простой и вѣстѣ самый вѣрный признакъ зрѣлости науки и ея положительнаго характера состоитъ въ прекращеніи всякаго разногласія между учеными относительно установленія основныхъ принциповъ и рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ. Въ наукѣ положительной, коренныя истинны признаются всѣми одинаково и нигдѣ не оспариваются: въ этомъ именно и заключается преимущество положительной методы надъ метафизической. Но въ политической экономіи напрасно стали бы мы искать этого признака положительности: въ ней разногласіе мнѣній и противоположность взглядовъ доходитъ до самой рѣзкой крайности. Экономическая литература представляла всегда и представляетъ до-сихъ-поръ хаосъ самыхъ разнообразныхъ толковъ, лабиринтъ, изъ котораго трудно выпутаться. Послѣдователи Адама Смита считаютъ себя единственными представителями науки и называютъ расколомъ всякое поповозновеніе къ обосновавію экономической теоріи на новыхъ началахъ; а между-тѣмъ, сами они не могутъ согласиться другъ съ другомъ ни насчетъ настоящаго значенія терминовъ, безпрестанно встрѣчающихся въ ихъ книгахъ, ни насчетъ существа основныхъ идей, составляющихъ ихъ про-

fession de foi. Они требуютъ, на-примѣръ, чтобы политическая экономія отказалась отъ своего прагматическаго призванія и сдѣлалась простою теоріею цѣнностей, а между-тѣмъ, до-сихъ-поръ не могутъ условиться окончательно относительно значенія цѣнности и разграничить это основное понятіе отъ сопряженныхъ съ нимъ понятій полезности и богатства. Въ вопросахъ второстепенныхъ и не столь-существенныхъ, мы встрѣчаемъ между экономистами еще больше разногласія: вопросы о существѣ повемельной ренты, о способѣ измѣренія цѣнностей, объ отношеніяхъ между народонаселеніемъ и средствами пропитанія, о производительности торговой промышленности, о характерѣ неимущественныхъ благъ, и пр. и пр., составляютъ до-сихъ-поръ предметъ самыхъ жаркихъ преній между знаменитѣйшими послѣдователями Адама Смита. Этого мало. Разнообразныя, отчасти даже противоположныя мнѣнія многочисленныхъ учениковъ Смита, исключительно присвоивающихъ себѣ названіе экономистовъ, не составляютъ еще, какъ извѣстно, всей политической экономіи. При нынѣшнемъ состояніи этой науки, существуетъ еще и безчисленное множество другихъ экономическихъ или такъ-называемыхъ социальныхъ школъ, которыя, по словамъ экономистовъ, слѣдуютъ ложному направленію и, какъ выразился не-извѣстный защитникъ г. Бутовскаго въ своемъ «Отвѣтѣ Отеч. Запискамъ», «сильяся совратить науку съ здравыхъ путей», но которыя тѣмъ не менѣе существуютъ и своими существованіемъ доказываютъ отсутствіе единодушія, слѣдовательно и положительности въ способѣ обработыванія политической экономіи.

Говорятъ обыкновенно, что борьба мнѣній и взглядовъ существуетъ во всѣхъ наукахъ, какъ необходимое условіе для ихъ развитія. На это можно замѣтить, во-первыхъ, что въ тѣхъ наукахъ, которыя уже достигли положительнаго состоянія, подобная борьба

служила только подготовленіемъ и средствомъ къ прочному утверженію единогласно-признанныхъ началъ; она въ нихъ существовала и, можетъ-быть, была дѣйствительно необходима, но мало-по-малу прекратилась и сдѣлалась совершенно - невозможною съ тѣхъ-поръ, какъ эти науки достигли извѣстной степени совершенства, состоящаго для нихъ въ опредѣленности и прочности ихъ основаній. Если, въ настоящую минуту, намъ случается встрѣчать иногда и въ наукахъ положительныхъ разногласіе между учеными, то это разногласіе относится всегда не къ основнымъ началамъ науки, воплѣтъ-утвержденнымъ и недопускающимъ спора, но къ рѣшенію нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ, рѣшаемыхъ иногда различно по недостаточности матеріаловъ и малочисленности наблюдений. Вообще, на борьбу мнѣній въ наукѣ должно смотрѣть какъ на фактъ аномальный, какъ на положеніе переходное, необходимое только до-тѣхъ-поръ, пока увеличеніе числа и правильности наблюдений не доставило еще наблюдателямъ возможности утверждать свои мнѣнія на прочныхъ доказательствахъ и превращать ихъ такимъ-образомъ въ несомнѣнныя истины. Но думать, что борьба и разногласіе безусловно необходимы для наукъ—значитъ отвергать всякую возможность положительнаго ихъ построения и повторять общую ошибку всѣхъ философовъ метафизическаго направленія, постоянно смѣшивающихъ, какъ мы уже видѣли, средство съ цѣлю, и случайное, временное состояніе науки съ состояніемъ его конечнымъ и постояннымъ.

Впрочемъ, надо замѣтить, что всѣ ученыя разногласія не могутъ быть подводимы подъ одну и ту же мѣрку; иногда они бываютъ дѣйствительно необходимы для предотвращенія одностороннихъ наблюдений и для просвѣтленія самыхъ идей; такого рода споры сопровождаются полезными результатами и непремѣнно

оканчиваются рано или поздно желаннымъ примиреніемъ. Но бываютъ и такія пренія, которыя ровно ни къ чему не ведутъ и не только не содѣйствуютъ уясненію вопроса, а, напротивъ, запутываютъ его и затемняютъ еще болѣе. Къ послѣдней категоріи должно причислить и тѣ жалкія пренія, которыя волновали и волнуютъ до-сихъ-поръ школу Адама Смита. Исторія экономической полемики подтверждаетъ справедливость нашихъ словъ о преобладаніи чисто-метафизическаго направленія въ трудахъ этой школы. Порядокъ усовершенствованія наукъ, называемыхъ теперь положительными, въ отличіе отъ общественныхъ, какъ неположительныхъ, доказываетъ ясно, что плодотворность, непрерывность существованія и сохраненіе связи со всѣмъ предшествующимъ и послѣдующимъ развитіемъ науки составляютъ отличительный характеръ всѣхъ концепцій истинно-научныхъ и положительныхъ. Поэтому, если въ какой-либо наукѣ открытія повиднѣйшія, вмѣсто того, чтобъ представлять собою естественное послѣдствіе и дальнѣйшее усовершенствованіе прежнихъ открытій, принимаютъ въ рукахъ каждаго отдѣльнаго писателя характеръ убѣжденій совершенно-личныхъ; если, съ другой стороны, основныя понятія науки, вмѣсто того, чтобъ развиваться постоянно, не измѣнялись однако въ своемъ существѣ, безпрестанно подвергаются сомнѣніямъ и спорамъ и порождаютъ безплодные и безконечныя пренія, нисколько неподвигающія вопроса, то можно сказать съ увѣренностью, что въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ передъ собою не положительное ученіе, а теорію чисто-метафизическую. Но спрашивается: развѣ не находимъ мы всѣхъ этихъ признаковъ метафизическаго направленія въ тѣхъ ученыхъ спорахъ, которыми жила политическая экономія въ-теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ? Экономисты нашего времени называютъ себя обыкновенно послѣдователями Ада-

на Смита; но стоить только сравнить внимательно труды самого учителя съ трудами его учениковъ, чтобъ убедиться въ несправедливости такого притязанія. Адамъ Смитъ, собственно говоря, вовсе не имѣлъ въ виду создать особую науку народнаго богатства: вся цѣль его, цѣль, которую онъ блистательно выполнилъ въ своемъ превосходномъ сочиненіи, состояла только въ томъ, чтобъ разъяснить нѣкоторые нетронутые до него вопросы общественной науки и преимущественно тѣ вопросы, которые относятся къ промышленному развитію народовъ. Для достиженія этой цѣли, онъ анализировалъ подробно и точно послѣдствія раздѣленія труда, значеніе монеты въ обществѣ, образъ дѣйствія кредитныхъ учреждений, и нѣкоторые другія экономическія явленія, свойственныя нашей эпохѣ и нашему быту. Но открытіямъ своимъ Смитъ никогда не думалъ придавать значеніе общихъ, необходимыхъ законовъ: онъ видѣлъ въ нихъ только матеріалы для науки, а не самую науку, которая въ его глазахъ, точно такъ же, какъ и въ глазахъ всякаго, знающаго человѣка, не могла ограничиваться однимъ описаніемъ случайныхъ и временныхъ явленій, составляющихъ притомъ не болѣе, какъ одну только отрасль явленій общественныхъ. Но послѣдователи Смита не поняли намѣреній и мысли своего учителя. Они посѣлшились обобщить открытые имъ факты, придала имъ значеніе законовъ и притомъ законовъ неизмѣнныхъ, вѣчныхъ и составили изъ нихъ предметъ особой, самостоятельной науки, которая превратилась въ ихъ рукахъ въ метафизику богатства, въ отвлеченную теорію цѣнностей и обмѣновъ. Оставивъ безъ вниманія всѣ практическіе, реальныя вопросы и обративъ свою дѣятельность на предметы совершенно - абстрактныя, на діалектическія утонченности, чуждыя всякаго положительнаго смысла, они науродовали и исказили теоріи своего учителя, вмѣсто того, чтобъ дополнить

ихъ и усовершенствовать. Безилходные споры ихъ о значеніи самыхъ основныхъ терминновъ науки: полезности, цѣнности, производства и т. д., можно сравнить, безъ всякаго преувеличенія, съ эксцентрическими преніями средневѣковыхъ схоластиковъ о свойствахъ и атрибутахъ вымышленныхъ метафизическихъ существъ. Пришѣръ среднихъ вѣковъ ясно доказавалъ, что всѣ эти безконечныя и нецѣпныя споры о сущности абстрактныхъ понятій, немѣющихся дѣйствительнаго бытія, остаются всегда безплодными и не приносятъ никакой пользы наукѣ. Конечный результатъ ихъ даже положительно-вреденъ, потому-что такіе диспуты въ большей части случаевъ глубоко искажаютъ истинно-вѣрныя внутренія простаго здраваго смысла и превращаютъ ихъ въ неясныя, запутанныя представленія, которыя не могутъ уже предлагаться къ дѣйствительности и порождать только пустую и смѣшную игру словъ. Въ политической экономіи, подобныя споры не прекращались въ теченіе цѣлыхъ пятидесяти лѣтъ; самыя знаменитые экономисты принимали въ нихъ дѣятельное участіе; цѣлыя фоліанты написаны были для установленія точнаго смысла научныхъ терминновъ; а между-тѣмъ, въ настоящую минуту, ни одинъ изъ этихъ терминновъ не имѣетъ твердаго, обще-прізнаннаго значенія; запутанность идей и неопредѣленность словъ достигли до такой крайности, до какой она никогда не достигала въ другихъ наукахъ; даже то, что прежде было ясно и понятно, сдѣвалось теперь въ высшей степени темнымъ и загадочнымъ. Прежде, на-примѣръ, всякій человѣкъ, одаренный здравымъ смысломъ, понималъ ясно точное значеніе словъ: *производство* и *производитель*; съ-тѣхъ-поръ, какъ экономическая метафизика влалась за нихъ научное опредѣленіе, ихъ значеніе, по милости совершенно-ненужныхъ въэтомъ дѣлѣ утонченностей и абстракцій, сдѣвалось такъ темно и неопредѣленно, что лю-

ли совѣстливые, желающіе выразаться яснѣе и точнѣе образомъ, приуждены теперь прибѣгать къ длиннымъ и затруднительнымъ перифразамъ для того, чтобъ избѣжать употребленія терминовъ, въ высшей степени непонятныхъ и двусмысленныхъ. Точно такими же горестными послѣдствіями сопровождались, какъ мнѣ известно, и схоластическіе диспуты среднихъ вѣковъ о метафизическомъ значеніи словъ: анализъ и синтезъ, тѣло и душа, идея и фактъ, и т. д.

Указавъ на виѣшніе признаки метафизическаго направленія политической экономіи, мы бы должны были исчислить вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣ внутреннія, существенныя условія положительности, которыхъ, по нашему мнѣнію, не достаетъ экономистамъ. Но выполнить эту обязанность будетъ гораздо-легче и удобнѣе тогда, когда мы раскроемъ основныя принадлежности истинно-научныхъ теорій и отличительныя свойства положительной методы въ ея приложеніи къ наукамъ общественнымъ. Въ настоящую же минуту, для предупрежденія ложнаго толкованія нашихъ словъ, считаемъ нужнымъ сдѣлать только два предварительныя замѣчанія. Во-первыхъ, не можемъ не замѣтить, что, признавая несправедливость мнѣнія экономистовъ о положительномъ характерѣ созданной ими теоріи, мы вовсе не думаемъ безусловно отрицать заслугу смитовой школы. Безуспѣшность стремленія ея къ положительному изученію экономическихъ фактовъ мы готовы приписать скорѣе преждевременности самой попытки, чѣмъ неспособности или бездарности ея представителей. Съ другой стороны, нѣтъ никакого сомнѣнія, что политическая экономія, если разсматривать ее съ исторической точки зрѣнія и въ видахъ болѣе практическихъ, чѣмъ теоретическихъ, была явленіемъ въ свое время необходимымъ, даже полезнымъ и благотворнымъ. Хотя теперь исключительные принципы неограниченной свободы про-

мысловъ, проповѣдуемые экономистами, сопровождаются въ приложеніи ихъ къ дѣятельности весьма вредными результатами, однако, въ моментъ своего происхожденія, они имѣли безспорно весьма-важное и полезное вліяніе на преобразование экономическихъ отношеній. Каковы бы ни были современныя заблужденія экономистовъ, справедливость требуетъ признать, что въ прежнее время они оказали человечеству дѣйствительную услугу, раскрывъ всю нераціональность устарѣлыхъ экономическихъ формъ, и вмѣстѣ одно изъ самыхъ сильныхъ препятствій дѣятельному развитію промышленныхъ силъ. Мы нарочно выставимъ на видъ эту заслугу экономистовъ, для того, чтобъ не подвергнуться со стороны людей, незнающихъ середины между безусловнымъ одобреніемъ и безусловнымъ порицаніемъ, несправедливому упреку въ пристрастной и односторонней оцѣнкѣ трудовъ этой школы.

Есть и другое замѣчаніе, которое считаемъ нужнымъ сдѣлать теперь же, для предотвращенія всякихъ недоразумѣній относительно нашего образа мыслей. Въ нынѣшнемъ состояніи политической экономіи, самое важное и многозначительное явленіе состоитъ, какъ известно, въ борьбѣ двухъ главныхъ школъ: *старой*, состоящей изъ послѣдователей Адама Смита, и *новой*, образовавшейся только въ послѣднее время подъ вліяніемъ критическаго анализа экономическихъ теорій, сдѣланнаго Сисмонди и его учениками. Мы высказали откровенно свое мнѣніе о методѣ и началахъ писателей первой школы. Изъ того, что мы считаемъ эту методу ложною и начала, ею раскрытыя, неосновательными, нѣкоторые изъ читателей выведутъ, можетъ-быть, заключеніе, что мы признаемъ справедливость методы и начала, усвоенныхъ представителями новѣйшаго направленія политической экономіи. Такое заключеніе будетъ со-

вершенно-несогласно съ настоящимъ существомъ нашего взгляда на науку. Отдавая полную справедливость благородству и возвышенности побуждений, руководящихъ дѣятельностью новой школы и сочувствуя вполне ея цѣли, стремленіямъ и надеждамъ, мы полагаемъ, однакожь, что въ исторіи науки она имѣетъ, какъ и школа экономистовъ, одно переходное, чисто-отрицательное значеніе. Назначеніе такъ — называемыхъ социаль-ныхъ школъ, точно такъ же, какъ и назначеніе предшествовавшихъ имъ школъ экономическихъ, состояло только въ раскрытіи несостоятельности существовавшихъ въ моментъ ихъ появленія началъ и въ содѣйствіи всеобщему признанію необходимости перестроить общественныя науки путемъ новой, положительной методы. Экономисты выполнили свое призваніе, когда доказали вредныя послѣдствія искусственнаго поощренія промышленности и убѣдили отказаться отъ этой ложной и неудачной системы, замедлявшей естественное развитіе и успѣхи производительности. Соціалисты точно также исполнили свою задачу, когда подвергли критическому анализу теорію абсолютнаго невмѣстательства и бездѣйствія правительствъ и доказавъ все ея ученое и практическое ничтожество, воззвали къ жизни цѣлый рядъ новыхъ, петропутьихъ экономистами вопросовъ. Но ни тѣ, ни другіе не сумѣли возвыситься отъ дѣятельности разрушительной къ дѣятельности творческой и доказали ясно самую безуспѣшность своихъ попытокъ окончательно рѣшить общественные вопросы, всю несостоятельность метафизической методы для достиженія этой цѣди. Теоріи новѣйшихъ дѣятелей политической экономіи отличаются тѣмъ же отсутствіемъ положительности, тѣмъ же преобладаніемъ метафизическаго характера, которымъ отличаются, какъ мы уже видѣли, и теоріи ихъ предшественниковъ. Въ доказательство стѣдуетъ только сослаться на без-

численное множество социальныхъ сектъ, на рѣзкое разногласіе ихъ другъ съ другомъ, на совершенную противоположность въ рѣшеніи самыхъ существенныхъ вопросовъ. Въ этомъ отношеніи, прежніе экономисты имѣютъ даже нѣкоторое преимущество надъ своими современными противниками; обрабатывая свою науку чисто-метафизическимъ образомъ, они никогда не сознаютъ въ этомъ, и хотя не понижаютъ истинныхъ свойствъ положительной методы, однако признаютъ открыто необходимость ея употребленія для надлежащаго рѣшенія экономическихъ вопросовъ. Новѣйшіе же писатели социальнаго направленія, кромѣ весьма-немногихъ исключеній, даже не скрываютъ своего прѣзрѣнія къ опытной, эмпирической методѣ, на которую смотрятъ они, обыкновенно, какъ на главный источникъ всѣхъ ошибокъ и промаховъ экономистовъ. Школа Смита старается скрывать свое метафизическое направленіе; школа социальная, совершенно напротивъ, выставляетъ его на показъ и гордится имъ. Нѣкоторые изъ ея послѣдователей вдаются даже въ рѣшительный мистицизмъ и, возставая съ энергіею противъ всего, что носитъ на себѣ слѣды положительнаго изученія фактовъ, стараются дойти до открытія разумныхъ основаній не путемъ наблюденія и разсудка, но путемъ какого-то таинственнаго, вдохновенія.

Такимъ-образомъ, хотя обѣ экономическія школы, собственно-экономическая и социальная, обрабатываютъ науку въ духѣ метафизическаго направленія, однако, между ними есть та существенная разница, что новая школа вовсе не признаетъ необходимости положительнаго перестроенія общественной науки, между-тѣмъ, какъ старая, признавая эту необходимость, имѣетъ совершенно-превратное понятіе о своихъ заслугахъ въ этомъ отношеніи. Что касается до насъ, то мы осуждаемъ одинаково образъ мыслей какъ той, такъ и другой школы. Впрочемъ, нашъ отзывъ тогда

только получить свое полное оправданіе, когда мы раскроемъ во всей подробности истинный характеръ положительной теоріи и существо тѣхъ средствъ, которыя могутъ дѣйствительно извлечь общественную науку изъ ея теперешняго, метафизическаго состоянія. Доказавъ существованіе такихъ средствъ и объяснивъ, въ чемъ именно они состоятъ, мы этимъ самымъ оправдаемъ и исполнѣ наши слова о совершенной несостоятельности всѣхъ экономистскихъ школъ, существующихъ въ настоящее время. Мы покажемъ экономистамъ, что господствующее въ ихъ трудахъ направленіе не имѣетъ ничего общаго съ настоящимъ положительнымъ направленіемъ, и въ то же время опровергнемъ мнѣніе социалистовъ, отрицающихъ пользу положительной методы и докажемъ имъ, что приложеніе этой методы къ общественнымъ наукамъ не только необходимо, но и совершенно-возможно.

Первое, важнѣйшее условіе для возможности положительнаго образованія науки замлчается, безъ сомнѣнія, въ точномъ и ясномъ сознаніи предмета, цѣли и объема послѣдней. Этого сознанія въ-отношеніи къ политической экономіи не существуетъ въ настоящее время. Экономисты и социалисты до-сихѣ-поръ еще не согласились другъ съ другомъ относительно того, въ чемъ заключается предметъ, которымъ должна заниматься политическая экономія, какъ должна она имъ заниматься, и какое отношеніе должно существовать между нею и другими, смежными съ нею науками. Что касается до перваго вопроса, то, отстраняя всѣ второстепенныя, побочныя разногласія въ способѣ опредѣленія политической экономіи, замѣтимъ, что даже самыя противоположныя мнѣнія на этотъ счетъ сходятся между собою въ одномъ пунктѣ—къ томъ, что признаютъ всѣ одинаково иногда прямо, а иногда и косвенно, матеріальную сторону общественной жизни главнымъ предметомъ экономической на-

уки. Дѣйствительно, политическая экономія, какъ указываетъ самое ея названіе, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ наукою, объясняющею матеріальные интересы обществъ, или, что одно то же, явленія экономической сѣеры. Съ этимъ опредѣленіемъ, по причинѣ его общности, согласится навѣрное всѣ читатели, каковъ бы ни былъ ихъ образъ мыслей, признаютъ ли они предметомъ политической экономіи богатство, какъ Сѣ, или матеріальное благосостояніе, какъ Сисмонди. Но теперь рождается новый вопросъ, болѣе-затруднительный: какъ должна изучать наука свой настоящій предметъ—экономическія явленія, и что именно должна она имѣть въ виду при этомъ изученіи? Тутъ уже мы находимъ радикальную, непримиримую противоположность между мнѣніями старой и новой школы и объявляемъ напередъ, что не можемъ согласиться ни съ тѣми, ни съ другими. Экономисты считаютъ обыкновенно простое описаніе экономическихъ фактовъ нашего времени единственнымъ назначеніемъ науки. Правда, нѣкоторые изъ нихъ, въ предисловіяхъ къ своимъ книгамъ, метая гораздо-выше и общають читателямъ распрости передъ ними существо тѣхъ общихъ и необходимыхъ законовъ, по которымъ совершается матеріальное развитіе обществъ; но эти общанія остаются всегда только общаніями и никогда не приводятся въ дѣйствительное исполненіе. Вся дѣятельность экономистовъ ограничивается обыкновенно описаніемъ и объясненіемъ существующаго порядка вещей: они собираютъ отовсюду и разлагаютъ на составныя части современныя явленія экономическаго міра, выводятъ изъ этого анализа познаніе экономическихъ законовъ, дѣйствующихъ въ настоящее время и при нынѣшнихъ условіяхъ общественной жизни, и потомъ, не дѣлая никакого различія между прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ, выдаютъ всѣ открытыя ими правила, по-большей-части временныя и случай-

ныя, за законы общіе, постоянныя, одинаково дѣйствующіе во всѣ времена и на всѣхъ ступеняхъ общественнаго развитія. Нѣкоторые даже не употребляютъ и этой уловки, а объявляютъ прямо, что политическая экономія должна быть наукою чисто-описательною, показывающею порядокъ производства, распределенія и потребления богатствъ въ современныхъ обществахъ. Отказываясь, такимъ образомъ, отъ обязанности восходить отъ наблюденія надъ фактами къ сознанию ихъ законовъ, или употребляя для исполненія этой обязанности совершенно-ложную методу, состоящую въ произвольномъ смѣшеніи частныхъ и временныхъ законовъ съ законами общими и необходимыми, экономисты искажаютъ, кромѣ того, понятіе о своей наукѣ и другимъ образомъ, исключая изъ ея сферы всѣ практическіе вопросы и не обращая никакого вниманія на приложенія ея истинъ къ усовершенствованію экономическаго быта. Соціалисты, съ своей стороны, вдаются въ противоположную крайность и, пренебрегая изученіемъ дѣйствительнаго, существующаго, занимаются единственно изслѣдованіями о будущемъ и возможномъ. Политическая экономія, въ ихъ глазахъ, есть наука чисто-юридическая, опредѣляющая взаимныя права и обязанности общества и его членовъ въ отношеніи къ ихъ матеріальнымъ интересамъ. Основная идея ея — идея права, изъ которой должны быть выведены, по ихъ мнѣнію, рѣшенія всѣхъ общественныхъ и экономическихъ вопросовъ. Однимъ словомъ, политическая экономія, какъ понимаютъ ее соціалисты, принимающіе въ этомъ случаѣ опредѣленіе физиократовъ, есть не болѣе, какъ искусство дѣлать людей богатыми и счастливыми; ея призваніе будетъ достигнуто, если она придумаетъ такой способъ устройства общественныхъ отношеній, который обезпечитъ каждому пользованіе всѣми возможными благами и который будетъ вполнѣ сообразенъ съ требова-

ніями разума и справедливости. Возможно ли такое идеальное устройство? Можетъ ли оно быть согласовано съ существованіемъ тѣхъ неизмѣнныхъ законовъ, которымъ безусловно подчиняется дѣятельность отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ обществъ? — объ этомъ социалисты заботятся весьма-мало, потому-что, наперекоръ экономистамъ, признающимъ все существующее разумнымъ, принимаютъ обыкновенно справедливое за единственный критеріумъ возможнаго.

Не трата по-напрасну много времени и словъ на опроверженіе ложныхъ взглядовъ той и другой школы, окажемъ прямо, въ чемъ заключается настоящее назначеніе политической экономіи. Всякая положительная наука имѣетъ цѣлью раскрыть тѣ общіе законы, которымъ подчиняется извѣстная сфера явленій. Она, правда, собираетъ и самыя явленія, анализируетъ ихъ и описываетъ, но дѣлаетъ это обыкновенно не столько для познанія самихъ фактовъ, сколько для познанія тѣхъ законовъ, которымъ опредѣляется ихъ взаимное соотношеніе. Съ другой стороны, практическія приложенія науки также не составляютъ еще всей науки, относительно которой описаніе фактовъ есть не болѣе, какъ средство, а приложеніе открытыхъ истинъ къ дѣятельной жизни не болѣе, какъ внѣшняя цѣль. На этомъ основаніи и политическая экономія не можетъ ни въ какомъ случаѣ ограничиваться ни однимъ описаніемъ экономическихъ явленій, ни однимъ изслѣдованіемъ практическихъ вопросовъ, ни, наконецъ, эклектическимъ соединеніемъ того и другаго. Настоящее, непосредственное назначеніе политической экономіи заключается въ раскрытіи *экономическихъ законовъ*. Указывая общій порядокъ матеріальнаго развитія обществъ и необходимаго для каждой эпохи условія экономическаго устройства, политическая экономія принимаетъ, между-прочимъ, въ основу своихъ выводовъ непосредственное наблюденіе надъ экономиче-

скими фактами современной эпохи. Но подробное описаніе этихъ фактовъ составляетъ въ рукахъ экономиста не болѣе, какъ одинъ изъ необходимыхъ матеріаловъ науки, которая, по своему свойству, не можетъ ни остановиться на одномъ знаніи отдѣльныхъ фактовъ безъ знанія ихъ взаимныхъ отношеній, ни смѣшать (какъ это сдѣлали экономисты) частные и временные законы съ законами общими и необходимыми. Съ другой стороны, нѣтъ никакого сомнѣнія, что, изучивъ въ подробности дѣйствительныя явленія экономической жизни и достигнувъ этимъ путемъ до сознанія тѣхъ законовъ, измѣненіе которыхъ не зависитъ отъ воли человѣка, экономистъ не только можетъ, но и обязанъ позаботиться о приложеніи своихъ теоретическихъ познаній къ практической жизни. Но понятно опять, что приложеніемъ научныхъ истинъ къ рѣшенію практическихъ вопросовъ не можетъ заниматься исключительно политическая экономія, во-первыхъ, потому что, при такомъ способѣ ея обработыванія, она должна получить характеръ *искусства*, а не *науки*, а во-вторыхъ и потому, что успѣшность практическихъ приложеній зависитъ всегда отъ разумности ихъ теоретическихъ основаній, т. е. отъ сознанія того, въ какой мѣрѣ содѣйствуютъ или препятствуютъ осуществленію надеждъ человѣка въшнія, независяція отъ его воли обстоятельства. Что жъ касается до мнѣнія о возможности обосновать экономическую науку на однихъ началахъ юридическихъ, то это мнѣніе, по своей очевидной односторонности, не заслуживаетъ даже и опроверженія. Идея права — идея совершенно-отвлеченная, изъ которой невозможно вывести рѣшеній для экономическихъ вопросовъ, какъ потому что она понимается въ разные времена и разными людьми различно, такъ и потому что она можетъ только навести на сознаніе идеала общественной организаціи, но не можетъ ни въ какомъ случаѣ ни указывать средства для осуществленія

этого идеала, ни доставить точное познаніе дѣйствительныхъ законовъ экономического міра.

Итакъ, повторяемъ еще разъ, прямая, главная обязанность политической экономіи заключается въ открытіи тѣхъ общихъ, постоянныхъ *законовъ*, по которымъ совершается матеріальное развитіе обществъ. Политическая экономія, при такомъ значеніи, не имѣетъ ничего общаго ни съ описательною наукою экономистовъ, ни съ юридическою наукою социалистовъ. Впрочемъ, какъ экономическіе, такъ и социальныя взгляды не уничтожаются этимъ опредѣленіемъ, а только теряютъ то, что въ нихъ есть исключительнаго, слѣдовательно, ложнаго, и достигаютъ синтетическаго единства въ третьемъ, связующемъ ихъ, но тѣмъ не менѣе самостоятельномъ, понятіи. Политическая экономія изучаетъ экономическіе законы; но *средство* для этого изученія заключается въ описаніи современныхъ фактовъ, а *смыслъ* цель его въ приложеніи открытыхъ истинъ къ жизни и въ преобразованіи экономического устройства сообразно съ требованіями разума и общей пользы.

Остается рѣшить второй основной вопросъ: какое отношеніе должно существовать между политической экономіей и другими частями общественной науки? Тутъ мы встрѣчаемъ опять два различныя мнѣнія. Въ XVIII столѣтіи, Кенѣ и всѣ его послѣдователи-физиократы смотрѣли на общественныя науки, какъ на одно нераздѣльное цѣлое и видѣли въ политической экономіи только одну изъ частей этого цѣлага. Такого же взгляда придерживаются въ настоящее время и школы социальныя. Послѣдователи Смита, напротивъ, требуютъ, чтобъ политическая экономія оставалась наукою самостоятельною, *sui generis*, и отдѣлялась самыми рѣзкими границами отъ всѣхъ другихъ наукъ, съ нею сопрякосновенныхъ. Это требованіе

всего исѣе показываетъ, что экономисты, такъ много толгующіе о необходимости ввести положительную методу въ науки общественныя, нисколько не понимаютъ характера этой методы и условій ея успѣшнаго приложенія. Между различными сторонами общественнаго организма, существуетъ, по самому свойству послѣднато, такая солидарность, что ни одна изъ этихъ сторонъ не можетъ быть изучаема отдѣльно отъ другихъ. Всѣ общественныя явленія тѣсно связаны другъ съ другомъ, и нѣтъ никакой возможности объяснить одно изъ нихъ, не принимая въ соображеніе всѣхъ остальныхъ. Экономисты доказали сами, примѣромъ своей неудачной попытки, что политическая экономія не можетъ быть никогда наукою совершенно-самобытною и отрѣщенной отъ другихъ однородныхъ съ нею по предмету и по методѣ. Стоитъ только вспомнить о ложныхъ и одностороннихъ началахъ, усвоенныхъ экономистами въ слѣдствіе такого изолированія политической экономіи, чтобъ убѣдиться въ совершенной невозможности анализировать съ успѣхомъ матеріальную или промышленную жизнь общества, не прибѣгая въ то же время къ анализу умственной, нравственной и политической его жизни. Само собою разумѣется, что въ умственной сферѣ, точно такъ же, какъ и въ промышленной, раздѣленіе труда составляетъ одно изъ важѣйшихъ условій успѣха, и, слѣдовательно, весьма-возможно и даже необходимо обращать изученіе экономическихъ законовъ въ предметъ особой, специальной дѣятельности людей, преимущественно къ тому способныхъ или склонныхъ. Но при этомъ никогда не должно забывать, что экономическіе законы не иначе могутъ быть поняты, какъ въ связи съ другими законами общественной жизни, и что, упуская изъ вида эту связь, мы осуждаемъ сами себя на односторонность и неполноту выводовъ. Изъ этого необходимо слѣдуетъ, что отдѣльное изученіе экономическихъ фактовъ только

въ томъ случаѣ и можетъ быть допущено, когда можно обезпечить надлежащимъ образомъ безусловную зависимость политической экономіи отъ прочихъ частей науки общественной, науки, въ существѣ своемъ единой и нераздѣльной.

Мы видѣли, что настоящее назначеніе политической экономіи состоитъ въ раскрытіи общихъ экономическихъ законовъ изъ наблюденія надъ частными фактами. Мы также видѣли, что этой цѣли не иначе можно достигнуть, какъ посредствомъ органическаго слянія всѣхъ частей общественной науки въ одно цѣлое. Теперь, для полнаго уясненія и оправданія нашей мысли, остается объяснить возможность положительнаго изученія общественныхъ наукъ. Для этого мы должны показать, во-первыхъ, важѣйшія условія для успѣшности такого изученія и, во-вторыхъ, средства для примѣненія положительной методы къ анализу экономическихъ и социальныхъ явленій.

Что касается до тѣхъ условій, отъ которыхъ зависитъ возможность положительнаго перестроенія общественныхъ наукъ, то самое существенное изъ нихъ состоитъ въ противодѣйствіи метафизическому направленію, господствующему до-сихъ-поръ еще въ этой отрасли познаній. Отличительный характеръ этого направленія относительно методы заключается въ преобладаніи воображенія надъ наблюдательностью, а относительно самой доктрины — въ исключительномъ стремленіи къ раскрытію абсолютныхъ истинъ; практическое послѣдствіе того и другаго состоитъ обыкновенно въ томъ, что наука теряетъ изъ виду существованіе естественныхъ и необходимыхъ законовъ, которымъ подчиняются всѣ явленія, и содѣйствуетъ такимъ-образомъ распространенію мысливозможности произвольнаго, неограниченнаго измѣненія этихъ явленій влѣдствіе и дѣя-

тельностью человека. Понятно, что во всѣхъ этихъ трехъ отношеніяхъ—въ отношеніи къ методѣ, доктринамъ и практическимъ приложеніямъ, общественная наука, при положительномъ ея изученіи, должна получить характеръ совершенно-противоположный метафизическому. Во-первыхъ, относительно способа изысканій, необходимое условие для положительности общественныхъ наукъ состоитъ въ отстраненіи идеализма, какъ главнаго источника современной неустроенности и запутанности нашихъ понятій. Отличительный характеръ истинно-научныхъ исследованийъ заключается всегда, въ противоположность метафизическимъ приемамъ, въ полномъ, постоянномъ подчиненіи воображенія господству методы наблюдательной и опытной, хотя, впрочемъ, и въ положительныхъ наукахъ, правъ воображенія не отрицаются безусловно, а только ограничиваются и стѣсняются. Въ наукахъ естественныхъ, на-примѣръ, всякая ученая теорія основывается всегда на фактахъ и состоитъ отъ нихъ въ совершенной зависимости; самое названіе такихъ теорій заключается единственно въ томъ, чтобы объяснить действительныя явленія, т. е. обнаружить ихъ настоящую связь и взаимныя соотношенія. Но само-собой разумѣется, что тѣхъ же самыхъ правилъ мы должны придерживаться и при рѣшеніи экономическихъ вопросовъ, если только хотимъ действительно возвести общественныя науки на степень наукъ положительныхъ.

Во-отношеніи къ самой доктринамъ, отличительный характеръ положительнаго направленія, въ противоположность метафизическому, состоитъ въ постоянномъ стремленіи къ превращенію всѣхъ понятій абсолютныхъ въ относительныя. Понятно, что въ такой наукѣ, которая старается объяснить внутреннее существо вещей, начальныя и конечныя причины ихъ бытія, все начала должны быть по-необходи-

мости абсолютны, между-тѣмъ, какъ, напротивъ, въ наукѣ, изучающей только одни законы, которымъ подчиняются явленія, всѣ истины должны быть по-необходимости относительны, такъ-какъ въ послѣднемъ случаѣ ученныя понятія постоянно совершенствуются вмѣстѣ съ постояннымъ усовершенствованіемъ наблюдений, что уничтожаетъ всякую возможность полнаго и окончательнаго раскрытія действительности въ сознаніи. Нѣтъ никакой нужды доказывать, что это стремленіе къ безусловности идей—самый вѣрный признакъ отсутствія положительности, преобладаетъ до-сихъ-поръ во всѣхъ писателяхъ, трудящихся надъ обработываніемъ наукъ общественныхъ. Всякому, кто знакомъ съ состояніемъ современной литературы, хорошо извѣстно, что всѣ школы, политическія и экономическія поддерживаютъ, каждая съ своей стороны, какой-нибудь безусловный, неподвижный типъ общественной организаціи и отвергаютъ тѣмъ всякую возможность измѣненія и развитія общественныхъ идей по мѣрѣ измѣненія и развитія самой цивилизаціи. Очевидно, что одно изъ важнѣйшихъ условий для достиженія положительности въ общественной наукѣ состоитъ въ полномъ отреченіи ума отъ этихъ притязаній на безусловность своихъ понятій. До-крайней-мѣры, исторія прочихъ положительныхъ наукъ доказываетъ, что положительнаго состоянія своего онѣ достигли не иначе, какъ путемъ постепеннаго перехода отъ понятій абсолютныхъ къ понятіямъ относительнымъ.

Наконецъ, въ-третьихъ, для возможности положительнаго изученія общественныхъ фактовъ, необходимо отказаться навсегда отъ господствующаго нынче стремленія къ безграничному и произвольному на нихъ вліянію. То же самое стремленіе руководило прежде и всѣми другими науками въ ихъ практическихъ приложеніяхъ. Но, относительно явленій астрономическихъ, физическихъ, химическихъ, да-

же физиологических, это самообольщение человека, естественное в первое время, мало-по-малу исчезло вследствие успехов положительной методы, раскрывшей существование естественных и необходимых законов, которыми подчиняются все явления и которые не могут быть отменены нашим произволом. Но, в сфере общественной, эти несбыточные надежды, к-сожалению, сохраняются до-сих-поръ во всей своей силе. Все политическая и социальная школы постоянно приписывают человеку власть изменять по произволу устройство общественных отношений и навязывать свои личные стремления целым народам или даже целому роду человеческому. Они всегда забывают, что в этой сфере, точно так же, как и во всех других, существует известный порядок вещей, неизменный и необходимый, который ограничивает деятельность человека точными, постоянными пределами. Одна из главных целей приложения положительной методы к общественным наукам состоит именно в том, чтоб доказать существование этих независимых от воли человека законов и уничтожить таким-образом заблуждение относительно неограниченной власти людей над миром общественных явлений. Впрочем, положительная философия, доказав в этом отношении несбыточность самолюбивых притязаний человека, должна доставить ему в замен утрачиваемых им иллюзий, недоступную для него в настоящее время возможность рационального предвидения предстоящих видоизменений. Такое предвидение, ограниченное, разумеется, известными пределами, доступно для человека в-отношении к явлениям астрономическим, физическим, химическим и т. д.; нет никакого сомнения, что оно будет возможно и в-отношении к явлениям общественным, как-скоро наука положительная раскроет действительное со-

отношение этих явлений и тот необходимый, постоянный порядок, которому подчиняется общественная жизнь в своем постепенном развитии.

Таковы важнейшие результаты, к которым должно привести положительное изучение наук общественных! Но мы уже видели, что в наше время существует много людей, вовсе-недопускающих возможности такого изучения. Метода наук положительных говорят они обыкновенно: не может быть никогда применена к наукам общественным, по самому свойству последних. Несправедливость такого мнения откроется сама-собою, когда мы докажем, что средства для подобного применения существуют, и объясним при этом, в чем именно они состоят. Сделать это весьма-нетрудно: стоит только принять в основание способ обработки наук, достигших уже положительного состояния, и применить его к наукам общественным, сделав в нем лишь те необходимые изменения, которые обуславливаются самим существом и назначением последних.

В большей части наук положительных, самое первое и необходимое средство для успешного анализа явления состоит в установлении, при их описании и изучении, двух различных, хотя и тесно связанных между собою точек зрения: *статической* и *динамической*. В физиологии, например, существуют два способа изучения человеческой природы—анатомический, состоящий в исследовании законов организации человека, и собственно-физиологический, состоящий в объяснении самого процесса жизни. То же самое должно необходимо существовать и в науках общественных, которые должны объяснить, во-первых, естественные условия для существования каждого общества и, во-вторых, естественные законы дви-

женія и развитія общественной жизни. Въ частности, если приложить это начало къ сферѣ матеріальныхъ интересовъ, очевидно, что и политическая экономія, какъ одна изъ частей науки общественной, должна раскрыть, во-первыхъ, общія условія всякой экономической организаціи и, во-вторыхъ, общіе законы матеріальнаго развитія обществъ. Впрочемъ, повторяемъ опять, между тѣмъ и другимъ взглядомъ существуетъ самая тѣсная связь, такъ-что каждый изъ нихъ служитъ дополненіемъ другому и въ свою очередь не имѣетъ безъ него никакого значенія. Замѣтимъ также, для болѣе яснаго уясненія этой мысли, что различіе между статической и динамической точкой зрѣнія въ наукѣ совершенно соотвѣтствуетъ различію между идеєю порядка и идеєю прогресса въ дѣйствительной жизни. Само-собой разумѣется, что статическое изученіе общественнаго организма должно привести къ построению положительной теоріи *порядка*, который, по своему существу, означаетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ постоянную гармонію между различными условіями существованія человѣческихъ обществъ. Съ другой стороны, очевидно также, что динамическій взглядъ на жизнь и судьбу человечества долженъ необходимо привести къ образованію положительной теоріи *прогресса*, состоящаго въ постепенномъ развитіи общественной жизни. Но какъ въ дѣйствительности между идеями порядка и прогресса существуетъ тѣсная солидарность, такъ и въ наукѣ между статическимъ и динамическимъ взглядомъ существуетъ постоянное, неразрывное единство. Такая же солидарность, такое же единство существуютъ и между различными отраслями общественныхъ явленій, съ какой бы стороны мы на нихъ ни смотрѣли, со стороны ли непремѣнныхъ условій ихъ организаціи, или со стороны постоянныхъ законовъ ихъ развитія и движенія. Такъ-какъ существованіе этой солидарности между различными

отправленіями общественнаго организма никѣмъ не оспаривается въ настоящее время, то мы имѣемъ полное право признать однимъ изъ самыхъ необходимыхъ условій положительнаго изученія общественной науки—постоянное сохраненіе самой тѣсной связи между всѣми ея частями. Всѣ экономическіе вопросы находятся другъ отъ друга въ такой зависимости, что ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть рѣшенъ отдѣльно, независимо отъ рѣшенія другихъ. На этомъ основаніи, самобытное существованіе политической экономіи, о которомъ такъ хлопочутъ экономисты, не можетъ быть допущено, какъ вредное для науки и несообразное съ ея характеромъ. Поэтому, говоря о политической экономіи, мы разумѣемъ подъ нею не отдѣльную науку, не теорію *sui generis*, но одну изъ частей науки общественной, неразрывно-связанную со всѣми другими ея частями. Впрочемъ, какъ замѣчено выше, мы нисколько не отвергаемъ возможности и даже необходимости раздѣленія занятій въ наукѣ. Мы полагаемъ только, что если можно признать пользу спеціальнаго наблюденія надъ экономическими фактами, то никакъ нельзя надѣяться на возможность полнаго уразумѣнія этихъ фактовъ безъ постояннаго присоединенія къ ихъ анализу—анализа другихъ сторонъ общественной жизни, т. е. умственной, нравственной и политической.

Для положительнаго изученія фактовъ общественной жизни, какъ съ статической, такъ и съ динамической точки зрѣнія, есть средства двоякаго рода: прямыя и косвенныя. Первые состоятъ въ различныхъ способахъ извѣсканія, свойственныхъ общественнымъ наукамъ; вторыя вытекаютъ изъ необходимыхъ отношеній этихъ наукъ съ другими науками положительными, такъ-какъ изученіе послѣднихъ не можетъ не имѣть полезнаго вліянія на развитіе первыхъ. Исчисленіе тѣхъ и другихъ средствъ или пособій для

обработыванія науки познать насъ всего ближе съ истиннымъ существомъ и характеромъ положительной методы въ примѣненіи ея къ познанію общественныхъ законовъ.

Въ наукахъ общественныхъ, точно такъ же, какъ и во всѣхъ наукахъ положительныхъ, важнѣйшія средства для открытія истины заключаются въ употребленіи методъ наблюдательной, опытной и сравнительной. Относительно общественныхъ фактовъ, значеніе и отличительныя свойства каждой изъ этихъ трехъ методъ состоятъ въ слѣдующемъ:

Во-первыхъ, что касается до простаго наблюденія, то надо замѣтить, что роль его въ общественныхъ наукахъ до-сихъ-поръ еще не оценена надлежащимъ образомъ. Въ этомъ отношеніи, надѣлалъ много зла историческій пирронизмъ прошлаго столѣтія, сохранившій до настоящей минуты значительное вліяніе на направленіе умовъ. И теперь еще есть много такихъ людей, которые преувеличиваютъ сверхъ мѣры, относительно общественныхъ явленій, общія затрудненія, свойственныя всѣмъ видамъ наблюденія. Совершенно упуская изъ вида существованіе различныхъ предосторожностей, предохраняющихъ наблюдателей отъ ошибокъ, они отвергаютъ самымъ рѣшительнымъ образомъ достовѣрность всѣхъ наблюдений надъ общественными фактами. Современные приверженцы такого скептицизма непоказываютъ, впрочемъ, этой недоставки къ наблюденіямъ прямымъ и непосредственнымъ и ограничиваются въ большей части случаевъ отрицаніемъ достоинства наблюдений косвенныхъ и посредственныхъ, преимущественно же свидѣтельствъ историческихъ. Неосновательность этого скептического возрѣнія всего яснѣе видна изъ того, что оно въ существѣ дѣла распространяется одинаково на всѣ виды наблюденія и уничтожаетъ,

слѣдовательно, довѣренность не однихъ общественныхъ, но и всѣхъ положительныхъ наукъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, всякая наука, каковъ бы ни былъ ея предметъ, не можетъ ни въ какомъ случаѣ обойтись безъ такъ-называемыхъ историческихъ свидѣтельствъ: самыя положительныя и очевидныя теоріи опираются всегда на такихъ наблюденіяхъ, которыя не были сдѣланы самимъ исследователемъ и были приняты имъ по утвержденію и свидѣтельству первоначальныхъ наблюдателей. Иначе и быть не можетъ, потому-что такой порядокъ вещей основанъ на законѣ раздѣленія занятій, необходимомъ въ каждой наукѣ. Понятно, что наука развивалась бы весьма медленно и даже вовсе не могла бы дѣлать успѣховъ, если бы каждый ученый обязанъ былъ руководствоваться своими личными наблюденіями. Съ другой стороны, несправедливость этой недоставки видна также изъ того, что въ этомъ случаѣ скептическія возрѣнія протекаютъ обыкновенно изъ источника совершенно-ложнаго—изъ неправильнаго смѣшенія двухъ различныхъ понятій: понятія о *доставкѣ* наблюдений съ одной стороны, понятія о *точности* (опредѣлительности) ихъ съ другой. Такъ-какъ наши свѣдѣнія о явленіяхъ общественныхъ, по причинѣ особенной сложности послѣднихъ, никогда не могутъ достигнуть большей точности и опредѣлительности, то предполагаютъ обыкновенно, что эти свѣдѣнія, по самому свойству ихъ, не могутъ быть никогда совершенно-доставны. Но такое заключеніе несправедливо. Во всѣхъ положительныхъ наукахъ, истины, нами приобретаемыя, имѣютъ всегда одинаковую доставность, хотя степень ихъ точности и опредѣлительности можетъ быть весьма-различна. Причина та, что доставность и опредѣлительность вовсе не одно и то же. Научное положеніе можетъ быть въ высшей степени негѣпо и вмѣстѣ

съ тѣмъ весьма-точно, и, наоборотъ, оно можетъ быть само-по-себѣ несомнѣнно, а между-тѣмъ вовсе не имѣетъ надлежащей опредѣлительности. Впрочемъ, это такъ очевидно, что не требуетъ и доказательствъ.

Что касается до опытной 'методы, то она съ перваго взгляда кажется совершенно-недоступною для наукъ общественныхъ. Но если всмотрѣться внимательнѣе въ существо послѣднихъ, то легко убѣдиться, что въ нихъ можетъ имѣть мѣсто и опытъ, если не прямой, то по-крайней-мѣрѣ косвенный. Обыкновенно думаютъ, что для производства опыта необходимо установить искусственно условия феномена. Но это обстоятельство не имѣетъ въ себѣ ничего существеннаго. Какой бы случай мы ни подвергали изслѣдованію, искусственный или естественный, мы всегда будемъ имѣть право сказать, что производимъ не наблюденія, а опыты, какъ-скоро нормальное состояніе рассматриваемаго нами феномена подвергается какимъ-либо опредѣленнымъ измѣненіямъ. При этомъ, намъ нѣтъ никакого дѣла до того, изъ какого источника вышли эти измѣненія: произведены ли они нами, или явились сами собою. Въ томъ и въ другомъ случаѣ мы извлекаемъ одинаковую пользу изъ нашихъ опытовъ, потому-что, изучая аномальное состояніе феномена, разъясняемъ себѣ условия его нормальнаго состоянія. Прямые, искусственно-производимые опыты употребляются рѣдко не въ однѣхъ общественныхъ, но и въ фзіологическихъ наукахъ, по причинѣ необходимой сложности и взаимной солидарности фзіологическихъ явленій. Въ фзіологій, этотъ недостатокъ замѣняется возможностью производить косвенные опыты въ такъ-называемыхъ патологическихъ случаяхъ, т. е. въ случаѣ болѣзни и разстройства человѣческаго организма. То же самое должно имѣть мѣсто и въ наукахъ общественныхъ. Тутъ этотъ патологическій анализъ состоитъ преимущественно въ изслѣдованіи тѣхъ

случаевъ, дѣ-сожалѣнію, весьма-частыхъ, въ которыхъ основные законы, какъ общественной жизни, такъ и общественного развитія, претерпѣваютъ различныя измѣненія отъ вліянія вѣдшихъ и случайныхъ причинъ. Нельзя не сознаться, что этимъ способомъ открытія истины пользовались до-сихъ-поръ весьма-мало въ наукахъ общественныхъ, главнымъ образомъ потому-что сомнѣвались въ возможности расширить дѣйствительные законы общественного организма — научнымъ анализомъ тѣхъ беспорядковъ и кризисовъ, которыми почти-всегда сопровождается его развитіе. Перевороты и кризисы, происходящіе въ обществѣ, говорятъ обыкновенно, не могутъ объяснить намъ условій нормальнаго его состоянія, потому-что во время такихъ кризисовъ приостанавливается или даже вовсе прекращается дѣйствіе обычныхъ законовъ общественной жизни. Такое мнѣніе совершенно-несправедливо, потому-что въ обществѣ точно такъ же, какъ и въ отдѣльномъ человѣкѣ, болѣзненные кризисы не нарушаютъ существеннымъ образомъ основныхъ законовъ нормальнаго организма, а только видоизмѣняютъ въ различныя степени различныя его проявленія, при чемъ даже существо этихъ проявленій и взаимныя ихъ отношенія остаются всегда неприкосновенными. Но если, такимъ образомъ, коренные законы общества сохраняютъ всегда свою силу, даже въ эпохи переворотовъ, то понятно, что наука имѣетъ полную возможность дѣлать логическія посылки отъ анализа уклоняющихся отъ правила явленій къ положительному объясненію нормальнаго существованія общества.

Третій способъ изысканій, свойственный наукамъ общественнымъ и состоящій въ употребленіи сравнительной методы, заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому-что составляетъ самое вѣрное орудіе для объясненія феноменовъ сложныхъ и въ-особенности для изученія свойства жи-

выхъ существъ. Въ общественныхъ наукахъ, есть нѣсколько различныхъ способовъ употребленія сравнительной методы. Первый изъ нихъ, имѣющій наименьшую важность, употребляется всего чаще въ наукахъ физиологическихъ и вовсе не употребляется въ общественныхъ, не смотря на то, что и въ послѣднихъ онъ можетъ принести значительную пользу. Въ физиологии, какъ извѣстно, для объясненія организациі чловѣка прибѣгаютъ весьма-часто къ сравненію ея съ организацией другихъ животныхъ; но въ общественныхъ наукахъ считаютъ неизвѣстно почему, унизительнымъ и притомъ совершенно-безплоднымъ всякое сравненіе между обществами, которыя образуются чловѣкомъ, и тѣми обществами, которыя образуются нѣкоторыми изъ другихъ животныхъ. Несправедливость такого взгляда видна изъ того, что явленія общественныя суть не что иное, какъ естественное дополненіе и послѣдствіе явленій индивидуальной жизни; если сравненіе различныхъ степеней животной іерархіи содѣйствуетъ объясненію явленій второго рода, то оно должно также содѣйствовать и объясненію явленій первого рода. Примѣненіе этой методы къ наукамъ общественнымъ только въ томъ отношеніи недостаточно, что не можетъ принести никакой пользы изученію общества въ динамическомъ отношеніи, потому что общества, образуемая животными, не подлежатъ, подобно чловѣческимъ обществамъ, постоянному и постепенному развитію. За то, въ статическомъ отношеніи, употребленіе такой методы можетъ доставить наукѣ богатую жатву, и хотя до-сихъ-поръ никто еще не пытался воспользоваться этимъ средствомъ для раскрытія естественныхъ законовъ общественной жизни, однако нѣкоторые писатели прежняго времени; напримеръ, Фергюзонъ, понимали вполне возможность такой попытки и анализировали подробно тѣ условія, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ ея.

Второй способъ сравненія въ наукахъ общественныхъ, имѣющій гораздо-болѣе важности и значенія, состоитъ въ рациональномъ сопоставленіи различныхъ, въ одно и то же время существующихъ на земномъ шарѣ обществъ. Этотъ способъ сравненія особенно важенъ въ томъ отношеніи, что имъ можно воспользоваться для того, чтобъ характеризовать съ точностію различные существенные фазы въ постепенномъ развитіи чловѣчества. Извѣстно, что, въ-отношеніи къ этому развитію, одни народы отстали отъ другихъ въ болѣе или менѣе значительной степени, такъ-что въ настоящую минуту, въ-слѣдствіе такого неравенства, мы находимъ у многихъ современныхъ намъ племенъ такое общественное состояніе, которое прошло уже не-возвратно для народовъ, достигшихъ высшей степени цивилизациі. Даже въ одной и той же странѣ, въ одномъ и томъ же городѣ можно иногда сравнивать разные фазы цивилизациі посредствомъ сравнительнаго изученія въ особенности умственнаго быта разныхъ классовъ общества. Дальнѣйшія выгоды этой методы заключаются въ томъ, что, во-первыхъ, она можетъ приносить одинаковую пользу, какъ для статическаго, такъ и для динамическаго изученія общества и, во-вторыхъ, можетъ примѣняться съ равнымъ успѣхомъ ко всѣмъ возможнымъ ступенямъ общественнаго развитія. Между полуживотнымъ состояніемъ Эскимосовъ и образованностію европейскихъ народовъ — безчисленное множество промежуточныхъ формъ общественной жизни, которыя каждымъ народомъ были пройдены въ историческомъ развитіи одна за другою, но которыя въ настоящее время существуютъ одновременно у разныхъ племенъ на разныхъ пунктахъ земнаго шара. Сверхъ того, въ исторіи каждаго образованнаго и развитаго народа, встрѣчается также много интересныхъ для изученія, хотя и второстепенныхъ по своей важности ступеней обществен-

ной жизни, о которыхъ, по недостатку историческихъ свидѣтельствъ, мы можемъ составить надлежащее понятіе не иначе, какъ посредствомъ сравнительнаго изученія сосуществующихъ въ одинъ моментъ времени обществъ. Наконецъ, надо замѣтить и то, что употребленіе такой методы въ высшей степени рационально, потому что основывается на несомнѣнномъ законѣ необходимаго и постоянного тождества въ порядкѣ развитія каждаго общества, не смотря на вліяніе климата, племени и обстоятельствъ историческихъ—вліянія, измѣняющаго не самые законы общественнаго развитія, но только степень быстроты или медленности въ постепенномъ переходѣ народа изъ одного состоянія въ другое.

Третій и самый важный способъ сравнительнаго изученія общественныхъ фактовъ извѣстенъ подъ именемъ *методы исторической*. Метода эта состоитъ въ сравненіи разныхъ ступеней общественной жизни, которыя уже успѣло пройти человечество въ своемъ постепенномъ развитіи. Нѣтъ никакой надобности настаивать на необходимости употребленія этой методы, высокое значеніе которой никѣмъ теперь не оспаривается. Въ этомъ отношеніи, мы должны только замѣтить, что историческому анализу приписываютъ слишкомъ - ограниченное значеніе, когда видятъ въ немъ средство для раскрытія однихъ законовъ человѣческаго развитія, т. е. для объясненія общественныхъ фактовъ съ одной только динамической точки зрѣнія. Въ слѣдствіе тѣсной солидарности, существующей между всѣми частями общественной науки, историческая метода можетъ содѣйствовать также въ значительной степени изученію общественнаго организма въ статическомъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что законы бытія обнаруживаются всего очевиднѣе во время движенія и развитія. Особенная же важность историче-

ской методы состоитъ въ томъ, что рациональное ея употребленіе содѣйствуетъ научному предвидѣнію настоящихъ измѣненій общественнаго устройства. Впрочемъ, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ мы имѣемъ въ виду только то, чѣмъ *должна* быть историческая метода, а вовсе не то, что она *есть* въ настоящую минуту. До сихъ—поръ, этимъ важнымъ орудіемъ для усовершенствованія общественныхъ наукъ пользовались весьма-мало и, главное, весьма-нераціонально и неудачно. Въ примѣръ можно привести экономистовъ школы Смита, которые безпрестанно толковали о необходимости приложить положительную методу къ изученію политической экономіи, а между-тѣмъ почти вовсе не употребляли или употребляли весьма-односторонно важнѣйшее изъ орудій этой методы—историческій способъ изысканій. Всѣ наблюденія ихъ ограничивались до-сихъ—поръ самымъ тѣснымъ кругомъ — экономическими явленіями настоящаго времени и эпохъ, непосредственно предшествующихъ нашему столѣтію. Весьма-немногіе изъ нихъ восходили выше, и то болѣе для археологическихъ цѣлей, нежели для объясненія общихъ экономическихъ истинъ. Даже тѣ, которые занимались спеціально исторією политической экономіи, никогда не сознавали ясно всей важности исторической методы и не умѣли понять, что ихъ изысканія, если бы они, разумѣется, совершались по опредѣленному и рациональному плану, не только могли бы объяснить порядокъ матеріальнаго развитія обществъ, но могли бы также раскрыть общіе экономическіе законы.

Это бѣглое перечисленіе важнѣйшихъ логическихъ орудій, свойственныхъ общественнымъ наукамъ, доказываетъ, что мысль о возможности положительнаго изученія этихъ наукъ вовсе не утопія, что въ средствахъ для такого изученія нѣтъ недостатка, и что мы одни виноваты, если не умѣемъ или не хотимъ восполь-

зоваться этими средствами. Въ прежнее время, употребленіе метафизической мѣтоды въ общественныхъ наукахъ было въ известной степени извинительно, потому что тогда всякая попытка къ положительному ихъ перестроенію была бы преждевременна и неудачна. Но теперь нѣтъ ничего такого, что могло бы воспрепятствовать успѣху подобной попытки, тѣмъ болѣе, что современная положительная наука, въ лицѣ одного изъ замѣчательнѣйшихъ ея представителей, успѣла уже доказать совершенно-научнымъ образомъ и необходимость и возможность употребленія положительной мѣтоды для изученія общественныхъ фактовъ (*).

Впрочемъ, обзоръ однихъ прямыхъ средствъ для открытія истины въ общественныхъ наукахъ не можетъ еще дать надлежащаго понятія о характерѣ и свойствахъ положительной мѣтоды. Кромѣ средствъ прямыхъ, нами указанныхъ, есть еще и средства косвенныя, вытекающія изъ соотношеній науки общественной съ другими науками положительными. Въ настоящее время, по-большой-части или не знаютъ этихъ соотношеній, или пренебрегаютъ ими: общественная наука изучается и обрабатывается обыкновенно, какъ наука отдѣльная, независимая, занимающая совершенно-самостоятельное мѣсто въ энциклопедіи человѣческихъ познаній. Это стремленіе къ изолированію общественной науки чрезвычайно-вредно, потому что выражаетъ въ себѣ отсутствіе одного изъ важнѣйшихъ условій положительности и доставляетъ самое значительное по-

собіе господству метафизическаго направленія. Постоянное подчиненіе философіи общества прочимъ частямъ философіи положительной, съ одной стороны—по свойству взаимныхъ отношеній, существующихъ между этими частями, безусловно необходимо, а съ другой — чрезвычайно-полезно и важно, какъ потому, что каждая положительная наука можетъ доставить много необходимыхъ данныхъ для рѣшенія общественныхъ вопросовъ, такъ и потому, что изученіе этихъ наукъ есть самое лучшее средство для приученія разума къ приемамъ положительной мѣтоды. Мы слишкомъ уклонились бы отъ настоящей цѣли нашей статьи, если бѣ вошли въ подробное разсмотрѣніе тѣхъ отношеній, которыя существуютъ между частями положительной философіи и вмѣстѣ той пользы, которую можемъ извлечь изъ этихъ отношеній, если не станемъ пренебрегать ими и будемъ постоянно имѣть ихъ въ виду. Не можемъ не замѣтить, однако, что необходимость обрабатывать общественную науку въ связи со всѣми другими отраслями нашихъ познаній, основывается на началѣ совершенно рациональномъ и въ высшей степени очевидномъ. Постепенное развитіе общественной жизни представляетъ намъ, какъ известно, рядъ такихъ явленій, которыя необходимо предполагаютъ существованіе двухъ разныхъ силъ, участвующихъ въ ихъ образованіи: во-первыхъ, человѣчества, которое развивается, и, во-вторыхъ, той внѣшней среды, въ которой происходитъ это развитіе. Но послѣ этого понятно, что безъ точнаго познанія свойствъ и образа дѣйствія каждой изъ этихъ двухъ силъ, невозможно изучать положительно соотношенія общественныхъ фактовъ. Съ одной стороны, прямое участіе человѣчества въ образованіи этихъ фактовъ обуславливаетъ собою необходимость непосредственнаго подчиненія социальной науки—наукамъ, изучающимъ свойства органическихъ тѣлъ и объясняющимъ

(*) Мы говоримъ объ Огюстѣ Контѣ (Comte), которому обязана своимъ происхожденіемъ такъ-называемая «положительная философія». Въ трехъ послѣднихъ томахъ своего курса, Контъ объяснилъ весьма-подробно и удовлетворительно способъ положительнаго обработыванія общественныхъ наукъ.

дѣйствительные законы человѣческой природы. Съ другой стороны, влияние физическаго міра на развитіе общественной жизни связываетъ столь же тѣсно связью науки общественныя съ тѣми науками, которыя изслѣдуютъ свойства неорганическихъ тѣлъ и раскрываютъ такимъ-образомъ характеръ внѣшнихъ условій, необходимыхъ для существованія и развитія человѣчества.

Совокупность какъ прямыхъ, такъ и косвенныхъ способовъ изысканія, свойственныхъ общественнымъ наукамъ, составляетъ то, что мы называли до-сихъ-поръ *положительною методою*. Эта метода, при рациональномъ, правильномъ ея употребленіи, можетъ, безъ-сомнѣнія, замѣнить съ успѣхомъ нынѣшнюю *метафизическую* методу, несостоятельность которой обнаруживается съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Прицѣль астрономіи, физики, даже физіологіи доказываетъ, что во всѣхъ сферахъ познанія, міеологическія вѣрованія и метафизическія отвлеченности не доставляютъ надлежащаго удовлетворенія потребности человѣческаго разума, и что только система такихъ свѣдѣній, которыя приобрѣтены путемъ положительныхъ изысканій, заслуживаетъ по праву названіе теоріи, науки. На этомъ основаніи полагаемъ, что насъ никто не обвинитъ въ преувеличеніи и пессимизмѣ, если мы скажемъ, что, по нашему мнѣнію, въ настоящее время не существуетъ общественной науки въ точномъ, широкомъ значеніи этого слова. Надо имѣть очень-узкое и ограниченное понятіе о достоинствѣ и существѣ науки, чтобъ называть этимъ многозначительнымъ именемъ нестройную массу самыхъ противоположныхъ идей и гипотезъ, безпорядочный хаосъ самыхъ разнообразныхъ толковъ и сужденій. Тѣ изъ нашихъ читателей, которые согласятся хоть на минуту отрѣшиться отъ взглядовъ, усвоенныхъ ими а priori, и посмотреть на предметъ съ точки зрѣ-

нія, нами указанной, сознаются, что только одна бѣдность языка можетъ оправдать то смѣшеніе, которое мы дѣлаемъ безпрестанно между двумя совершенно-различными значеніями одного и того же слова. Что касается до насъ, то мы никакъ не можемъ принимать за одно: понятіе о возможности науки и понятіе о дѣйствительномъ ея существованіи; если мы говорили о наукѣ общественной, какъ о чемъ-то дѣйствительно-сущемъ, то потому только, что не хотѣли отступать отъ общепринятой терминологіи и затемнять нашъ языкъ употребленіемъ неологизмовъ. Но повторяемъ еще разъ: мы не считаемъ себя въ правѣ признавать слѣды научности и положительности въ такой методѣ, которая не въ состояніи доставить уму никакихъ прочныхъ и вѣрныхъ результатовъ и которая, даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда наводитъ насъ на сознаніе истинныхъ началъ, не умѣетъ ничѣмъ подкрѣпить эти начала и доказать научнымъ образомъ ихъ справедливость.

Послѣ всего сказаннаго о существѣ и свойствахъ положительной методы, едва-ли нужно доказывать, что эта метода оставалась всегда совершенно-чуждою всѣмъ древнимъ и нынѣшнимъ писателямъ, строившимъ экономическія, политическія и социальныя теоріи. Впрочемъ, для того, чтобъ убѣдиться въ этомъ ближе, мы можемъ прибѣгнуть къ самому легкому и вѣрному средству—къ сравненію современнаго состоянія общественныхъ теорій съ современнымъ состояніемъ наукъ положительныхъ. Просимъ читателей припомнить то, сказанное нами выше о необходимыхъ результатахъ положительнаго изученія каждой науки и посмотрѣть, въ какой мѣрѣ достигли этихъ результатовъ политическая экономія, юриспруденція, политика и всѣ другія отрасли общественной науки; обратилась ли въ нихъ неустойчивость

и запутанность идей, осуществилось ли необходимое подчинение фантазии наблюдениям и опыту, отказались ли современные философы от несбыточных надежд на доступность человеку абсолютных истин... Мы уверены, что найдется много людей, которые никак не согласятся с нашим мнѣніем о необходимости всѣхъ этихъ умственныхъ перемѣнъ для прочности и успѣховъ общественной науки; но уверены также, что ни одинъ изъ людей, знакомыхъ съ современнымъ состояніемъ ученой литературы, не рѣшится утверждать серьезно, будто эти перемѣны (какова бы, впрочемъ, ни была ихъ польза и необходимость) совершились уже на-самомъ-дѣлѣ. Намъ могутъ, конечно, сказать, что мы отъ общественныхъ наукъ требуемъ слишкомъ-многого, что онѣ, по самому свойству своему, никогда не могутъ достигнуть указанного нами состоянія; но во всякомъ случаѣ, даже самый отчаянный и недобросовѣстный оптимистъ не посмѣетъ не сознаться, что при современномъ положеніи этихъ наукъ, ни одна изъ нихъ не удовлетворяетъ нашимъ требованіямъ и не можетъ быть названа *положительною* въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы понимаемъ это слово.

Если теперь, вмѣсто того, чтобы разсматривать общественную науку, какъ одно нераздѣльное цѣлое, обратимъ вниманіе на одну изъ частей ея, политическую экономію, то убѣдимся опять, что теперь нѣтъ ни одной категоріи экономическихъ фактовъ, которая была бы объяснена путемъ настоящей положительной методы. Въ первой рецензій нашей на книгу г. Бутовскаго, мы сказали, между прочимъ, что «для успѣховъ политической экономіи въ настоящее время не достаетъ только одного условія: той истинно-научной и ясной методы, которая одна можетъ, положивъ конецъ и бреднямъ отвлеченной метафизики и грубому обожанію фактовъ, доставить

прочное и надежное средство для раскрытія истинныхъ началъ науки не изъ произвольныхъ и мечтательныхъ соображеній, а изъ действительныхъ и точныхъ данныхъ, собираемыхъ наблюдениемъ и объясняемыхъ разумомъ». Эти слова, настоящій смыслъ которыхъ, сколько намъ кажется, долженъ быть теперь совершенно понятенъ читателямъ, возбудили крайнее негодование въ неизвѣстномъ авторѣ «Отвѣта Отечественнымъ Запискамъ», помѣщеннаго въ «Сѣверной Пчелѣ». Человекъ посторонній и мало знакомый съ предметомъ спора, можетъ подумать, при чтеніи этого «Отвѣта», что, причисляя отсутствіе истинно-научной методы къ важнѣйшимъ причинамъ несовершенства экономическихъ изслѣдованій, мы ввели на политическую экономію самое неосновательное, самое неудачное обвиненіе. А между тѣмъ, тотъ горестный фактъ, на который мы указывали въ этой фразѣ, такъ очевиденъ и неоспоримъ, что даже сами экономисты нисколько не думаютъ отвергать его справедливость. Одинъ изъ нихъ, Россій, въ своемъ разборѣ экономическихъ сочиненій архіепископа Уатлѣ, обвиняетъ, въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, всѣхъ своихъ собратій въ совершенномъ невѣдѣніи правилъ истинной ученой методы. «Въ настоящую минуту» говоритъ онъ съ горечью «нѣтъ никакой методы въ наукѣ экономической; а между тѣмъ, безъ методы не можетъ существовать «я наука» (Journal des Economistes, 1844. Janvier).

Вовсе не раздѣляя мнѣній Россіи относительно того, какая метода должна быть употребляема въ политической экономіи, мы, однако, вполне соглашаемся съ его отзывомъ о несовершенствахъ способа извѣсканій, усвоеннаго нынче экономической наукою, и выписываемъ съ удовольствіемъ этотъ отзывъ, доставляющій возможность подкрѣпить нашу мысль ссылкой на мнѣніе одного изъ извѣстнѣйшихъ экономистовъ настоящаго вре-

мени. Впрочемъ, доказывать подробно эту мысль, послѣ того, что сказали мы о существѣ положительной методы, считаемъ совершенно-безполезнымъ. Экономисты сами краснорѣво доказали свое невѣдѣніе истинныхъ свойствъ положительной науки, когда поставили себѣ въ особенную заслугу такъ не-кстати сдѣланное ими отдѣленіе политической экономіи отъ остальныхъ частей общественной науки. Кромѣ Адама Смита, никогда непринимавшаго, какъ замѣтили мы выше, собранныхъ имъ матеріаловъ для науки за самую науку, всѣ безъ исключенія экономисты слѣдовали обыкновенно, при образованіи экономическихъ теорій, одному изъ трехъ, одинаково-ложныхъ путей: или старались объяснить всѣ факты въ высшей степени произвольными и выведенными совершенно *a priori* гипотезами, или ограничивали кругъ своей дѣятельности однимъ описаніемъ современныхъ экономическихъ явленій, или, наконецъ, держааясь той страшной и анти-логической методы, по которой все условное признается необходимымъ, все временное — вѣчнымъ и все существующее — справедливымъ и разумнымъ.

Согласятся или не согласятся читатели съ нашимъ мнѣніемъ о необходимости перехода общественныхъ наукъ изъ метафизическаго періода въ положительный, во всякомъ случаѣ послѣ всего нами сказаннаго, они поймутъ тѣ причины, которыя побудили насъ признать современное положеніе политической экономіи плачевнымъ, а всѣ экономическія и соціальныя теоріи — односторонними и ложными. Ограничившись оправданіемъ нашего первоначальнаго отзыва о неудовлетворительномъ состояніи экономической науки, мы исполнили бы только половину нашей задачи и оставили бы нерѣшеннымъ вопросъ: слѣдуетъ ли признавать такое состояніе нормальнымъ и необходимымъ? На этомъ основаніи, рѣшились мы изложить

здѣсь въ краткомъ очеркѣ свои мнѣнія о необходимости радикальныхъ перемѣнъ въ направленіи и способѣ обработыванія политической экономіи. Сверхъ того, объяснивъ настоящія свойства положительной методы и показавъ, что она не имѣетъ ничего общаго съ методою экономистовъ, мы этимъ самымъ доказали справедливость своихъ словъ о невозможности признать удовлетворительнымъ сочиненіе г. Бутовскаго, излагающаго политическую экономію въ томъ самомъ духѣ, въ какомъ излагають ее всѣ другіе экономисты. Теперь намъ остается доказать только, что, независимо отъ этого важнѣйшаго недостатка, состоящаго въ исключительной приверженности къ ложнымъ принципамъ и ложной методѣ экономистовъ, «Опытъ о Народномъ Богатствѣ» даетъ вообще весьма-невѣрное понятіе о современномъ состояніи политической экономіи и можетъ быть отнесенъ по справедливости, какъ сказали мы въ нашей первой рецензіи, къ числу компиляцій весьма-неудачныхъ и плохо-составленныхъ.

Но, переходя, такимъ-образомъ, отъ общихъ началъ, высказанныхъ нами для оправданія нашего взгляда на книгу г. Бутовскаго, къ непосредственному разбору самой книги, считаемъ необходимымъ, прежде подробнаго анализа частныхъ промаховъ и недостатковъ этого сочиненія, сдѣлать о немъ предварительно одно *общее* замѣчаніе.

Извѣстно, что при нынѣшнемъ состояніи политической экономіи, въ этой наукѣ существуютъ двѣ противоположныя школы, подраздѣляющіяся на безчисленное множество сектъ. Каждая изъ этихъ школъ и сектъ полагаетъ въ основаніе науки кажде-либо особое начало. Но само-собою разумѣется, что это разногласіе относительно основныхъ началъ науки не могло не отразиться и въ состояніи

всѣхъ частныхъ вопросовъ, входящихъ въ составъ ея. И дѣйствительно, въ этомъ отношеніи, всѣ экономическіе вопросы дѣлятся сами собою на три категоріи, по степени единодушія или разногласія въ способѣ ихъ рѣшенія.

Къ первой категоріи должно отнести тѣ вопросы, которые рѣшаются совершенно - одинаково писателями всѣхъ школъ и направлений, какъ экономистами, такъ и социалистами. Такихъ единогласно-признаваемыхъ истинъ въ политической экономіи встрѣчается весьма-немного; тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать ихъ существованія. Такъ же, какъ и всѣ другія, еще неустановившіяся науки, политическая экономія, при всей своей неустроенности, можетъ указать на небольшое число началъ и фактовъ, совершенно ею доказанныхъ; поставленныхъ внѣ всякаго спора и составляющихъ ея категорическое содержаніе. Сюда принадлежатъ особенно та часть этой науки, которая объясняетъ механизмъ производства и распредѣленія богатствъ въ современныхъ обществахъ и описываетъ различные экономическіе феномены такъ, какъ они проявляются въ наше время и при настоящемъ устройствѣ общественныхъ отношеній. Самые твердые и несомнѣнные результаты, приобретенные политической экономіею, относятся къ той *описательной* части, которая до-сихъ-поръ обращала на себя преимущественно вниманіе всѣхъ экономистовъ, принадлежавшихъ къ школѣ Адама Смита.

Къ слѣдующей за тѣмъ второй категоріи экономическихъ вопросовъ необходимо причислить тѣ изъ нихъ, которые составляютъ настоящей предметъ разногласій и спора между двумя главными школами, на существованіе которыхъ указали мы выше. Вопросы этого рода по-большой-части рѣшаются одинаково всѣми экономистами старейшей школы; но ихъ единоглас-

ныя рѣшенія также единогласно отвергаются писателями новой школы, которые въ свою очередь стараются разрѣшить ихъ по-своему. Такимъ-образомъ, эти вопросы представляютъ въ своей совокупности гипотетическое содержаніе политической экономіи; въ-отношеніи къ нимъ, до-сихъ-поръ положительно дознано наукой только одно: неудовлетворительность прежнихъ рѣшеній и необходимость замѣнить ихъ новыми. Но эти новыя рѣшенія или еще не отысканы, или, если и отысканы, то не всѣми признаны. Главная заслуга новой школы состоитъ именно въ разрушеніи прежнихъ ученій, въ раскрытіи несправедливости тѣхъ началъ, которыя были положены въ основаніе науки Смитомъ и его учениками. Чтò же касается до попытокъ этой школы къ возстановленію разрушеннаго, къ открытію другихъ началъ для замѣны прежнихъ, то всѣ эти попытки оставались до-сихъ-поръ болѣе или менѣе безуспѣшными. Нельзя не сознаться, къ-сожалѣнію, что въ этотъ разрядъ нерѣшенныхъ задачъ входитъ большая часть важнѣйшихъ экономическихъ вопросовъ и особенно всѣ тѣ, которые имѣютъ практическое значеніе и относятся не къ простому изученію настоящаго порядка вещей, а къ рациональной оцѣнкѣ его справедливости и къ отысканію средствъ для его усовершенствованія.

Наконецъ, особую, третью категорію экономическихъ вопросовъ должны составить всѣ тѣ, въ-отношеніи которыхъ существуетъ разногласіе даже между экономистами смитовой школы. Вопросы этого рода составляютъ самую неопредѣленную, самую запутанную часть политической экономіи; каждый писатель рѣшаетъ ихъ по-своему, и въ-отношеніи къ нимъ нельзя найти двухъ экономистовъ, совершенно-согласныхъ другъ съ другомъ. Сюда принадлежатъ особенно, во-первыхъ, общіе вопросы о предметѣ, назначеніи и границахъ политической

экономіи; во-вторыхъ, вся отвлеченная, метафизическая часть этой науки, занимающаяся опредѣленіемъ отвлеченныхъ понятій богатства, полезности, цѣнности и т. д., и наконецъ, въ-третьихъ, даже нѣкоторые пункты чисто-описательной части, какъ, напр., вопросы о народонаселеніи, о поземельной рентѣ, о невестественныхъ промыслахъ, и т. д.

Сочиненіе г. Бутовскаго, какъ видно изъ самаго его заглавія, представляетъ полный курсъ политической экономіи и обнимаетъ всѣ части этой науки. Хотя всего полнѣе изложена въ немъ описательная часть, однако и всѣ другіе экономическіе вопросы разсматриваются авторомъ съ большей или меньшей подробностью. Но самою собой разумѣется, что мнѣнія и выводы г. Бутовскаго нѣмнѣе неодинаковое достоинство, смотря по тому, къ какой категоріи экономическихъ вопросовъ они относятся. Отношеніе автора къ каждой изъ этихъ категорій опредѣляется, естественно, его общимъ направленіемъ, состоящимъ, какъ мы замѣтили прежде, въ исключительной приверженности къ тѣмъ началамъ, на которыхъ основывается ученіе Ж.-Б. Сэ и его современныхъ послѣдователей. (*)

(*) Въ «Отвѣтѣ Отечественнымъ Запискамъ», помѣщенномъ въ 208 номерѣ «Сѣверной Пчелы», сказано было, что г. Бутовскій несправедливо причисленъ нами къ послѣдователямъ Сэ, мнѣнія котораго опровергаются русскимъ экономистомъ во многихъ мѣстахъ его «Опыта». На это мы замѣтимъ, что разногласіе въ нѣкоторыхъ частныхъ пунктахъ науки не можетъ быть принимаемо въ соображеніе, когда дѣло идетъ объ общемъ направле-

Во-первыхъ, во всемъ, что относится къ категорическому содержанию науки, къ истинамъ доказаннымъ и единогласно признаннымъ всѣми, г. Бутовскій повторяетъ только то, что излагается одинаковымъ образомъ у всѣхъ другихъ экономистовъ. Понятно, что въ-отношеніи къ вопросамъ этого рода, мнѣнія г. Бутовскаго не могутъ заключать въ себѣ никакой несообразности, не могутъ подлежать ни малѣйшему спору. Идѣйствительно, въ этомъ отношеніи, кромѣ нѣкоторыхъ частныхъ промаховъ, «Опытъ о Народномъ Богатствѣ» представляется вообще довольно-удовлетворительнымъ. Но эта удовлетворительность относится, только къ содержанию, а вовсе не къ формѣ. Что г. Бутовскій изложилъ безошибочно всѣ общія мѣста политической экономіи, такъ превосходно изложенныя въ прежнихъ сочиненіяхъ — въ этомъ еще мы не видимъ большой заслуги: для этого стоило только взять въ руководство любой курсъ политической экономіи и пересказать своими словами его содержаніе. Въ этой категоріи экономическихъ вопросовъ, самобытность и дарованія писателя могли обнаружиться или въ дополненіе

ніи писателя. Въ рѣшеніи всѣхъ основныхъ, существенныхъ вопросовъ политической экономіи, г. Бутовскій является вѣрнымъ послѣдователемъ школы Ж.-Б. Сэ. Онъ отступаетъ отъ мнѣній этого писателя только въ объясненіи нѣкоторыхъ частныхъ, второстепенныхъ пунктовъ и отступаетъ отъ нихъ не потому, чтобъ самъ открылъ ихъ неудовлетворительность, а потому, что эта неудовлетворительность указана въ сочиненіяхъ позднѣйшихъ послѣдователей Сэ, такъ что даже съ этой стороны книга г. Бутовскаго не представляетъ никакихъ слѣдовъ самобытной ученой дѣятельности.

прежнихъ открытій новыми наблюденіями и изслѣдованіями, или въ лучшемъ, совершеннѣйшемъ способѣ изложеніи открытыхъ другими истинъ и началъ. Ни того, ни другаго не находимъ мы въ книгѣ г. Бутовскаго. Воспользовавшись трудами своихъ предшественниковъ, онъ не прибавляетъ къ нимъ ничего новаго, ничего своего; во всей его книгѣ нельзя найти ни одного оригинальнаго замѣчанія, ни одного мнѣнія, которое бы не было заимствовано изъ сочиненій прежнихъ писателей. Впрочемъ, это отсутствіе самобытности мы не ставимъ въ вину г. Бутовскому: самобытность, какъ удѣлъ таланта, не можетъ быть равно вѣсьмъ доступна. Даже при недостаткѣ этого условія, произведеніе нашего автора могло бы быть признано заслуживающимъ одобренія и признательности, если бы въ немъ чужія открытія и мнѣнія изложены были ясно, просто и общепонятно. Сдѣлать это было весьма-нетрудно при томъ обиліи образцовъ, которые представляеть въ этомъ отношеніи какъ прежняя, такъ и нынѣшняя экономическая литература. Но тутъ-то, къ-несчастью, и обнаруживается вся неудовлетворительность произведенія г. Бутовскаго. Въ-отношеніи къ способу изложенія, книга г. Бутовскаго ниже всякой критики; самыя слабыя руководства, не только иностранныя, но и русскія, имѣють надъ ней несомнѣнныя преимущества. Мы уже указали на напыщенность ея слога и недостатки ея языка. Но этого мало. Въ-отношеніи къ формѣ, сочиненіе г. Бутовскаго отличается еще множествомъ другихъ, болѣе-существенныхъ недостатковъ, именно - чрезмѣрною растянутостію, несоразмѣрностью частей, неискusstvenнымъ ихъ расположеніемъ, отсутствіемъ всякой внутренней системы, и, на-

конецъ, что всего важнѣе, крайней темнотой и неясностью выраженія, и притомъ той темнотою, которая есть слѣдствіе не отвлеченности содержанія, а просто плохаго писателя. Эти именно недостатки (существованіе которыхъ докажемъ мы ниже) и побудили насъ назвать «Опытъ о Народномъ Богатствѣ» плохую и неудачно-составленную компилаціей, неимѣющей никакого значенія для людей, знающихъ политическую экономію, и совершенно - бесполезной для тѣхъ, кто не знаетъ этой науки и желаетъ изучить ея основанія. Последнимъ мы посоветовали и посоветуемъ опять не прибѣгать къ книгѣ г. Бутовскаго, а обратиться лучше къ изученію экономическихъ началъ въ самомъ ихъ источникѣ, то-есть, въ сочиненіяхъ англійскихъ и французскихъ экономистовъ, которыхъ бы вовсе не мѣшало для этой цѣли перевести на русскій языкъ.

. Что касается до экономическихъ вопросовъ, неправильно рѣшенныхъ прежними экономистами и составляющихъ слабую сторону ихъ теорій, то понятно, что г. Бутовскій, какъ вѣрный послѣдователь старой школы, какъ ученикъ Ж.-Б. Сэ, рѣшилъ ихъ совершенно такъ же, какъ рѣшали всѣ его учителя. Нисколько не заботясь о современныхъ требованіяхъ науки, объ открытіяхъ, сдѣланныхъ позднѣйшими писателями, авторъ «Опыта» выдаетъ за несомнѣнныя, безспорныя истины самыя ложныя гипотезы и самыя явныя заблужденія своихъ предшественниковъ. Онъ какъ-будто и не подозреваетъ, что въ послѣднее время экономическая наука сдѣлала огромный шагъ впередъ и путями строгаго, критическаго анализа обнаружила недостатки преж-

ней теоріи, отдѣливъ въ ней произвольное отъ необходимаго и ложное отъ истиннаго. Все, о чемъ писалъ Сисмонди, о чемъ говорили такъ много и такъ энергически сначала критическая, а потомъ социальная школа, осталось, какъ надобно предполагать, вовсе-неизвѣстнымъ автору «Опыта»; новѣйшихъ сочиненій о политической экономіи. Мало того, что всѣ спорные вопросы науки онъ разрѣшилъ въ духѣ прежней школы и не привелъ никакихъ новыхъ доказательствъ въ подтвержденіе своихъ мнѣній: онъ не потрудился даже опровергнуть возраженія, сдѣланныя новыми школами и защитить свои убѣжденія отъ ихъ энергическихъ нападковъ; объ этихъ нападкахъ онъ въ большей части случаевъ даже вовсе и не упоминаетъ, а если и упоминаетъ, то не иначе, какъ измѣняется самымъ неблагоприятнымъ образомъ ихъ значеніе и смыслъ. Отъ-чего происходятъ этомы не можемъ рѣшить. Знаемъ только, что, читая его книгу, находимъ на каждой страницѣ ясныя слѣды крайней односторонности и устарѣлости взглядовъ.

Но всего яснѣе, всего рѣче обнаруживается совершенная неудовлетворительность сочиненія г-на Бутовскаго въ тѣхъ частяхъ науки, которыя составляютъ до-сихъ-поръ предметъ полемики между экономистами смитовой школы. При изложеніи этихъ частей, писателю, принадлежащему къ этой школѣ, предстоитъ сдѣлать одно изъ двухъ: или рѣшить по-своему эти спорные вопросы, или, по-крайней-мѣрѣ, не высказывая собственнаго мнѣнія, изложить подробно всѣ предположенія экономистовъ, означивъ съ ясностію какъ достоинства, такъ и недостатки каждаго изъ нихъ. Г. Бутовскій не сдѣ-

T. LV. — Отд. V.

лалъ ни того, ни другаго. По-большей-части, онъ не высказываетъ самъ никакого мнѣнія, а между-тѣмъ, не-извѣстно почему, считаетъ бесполезнымъ «вдаваться въ полемику» и объясняетъ различныя взгляды извѣстѣйшихъ экономистовъ на тотъ или на другой сомнительный пунктъ науки. Въ такихъ случаяхъ, онъ или безпрестанно противорѣчитъ самъ себя, опровергая на одной страницѣ то, что сказалъ на другой, и напрасно прибѣгая къ эклектизму для примиренія какъ своихъ, такъ и чужихъ антиномій, или, всего чаще, отдѣляется самымъ неумѣреннымъ употребленіемъ реторика въ напыщенныхъ фразахъ, неимѣющихъ никакого внутренняго значенія и замѣняетъ недостатокъ идей излишествомъ словъ. Въ «Опытѣ о Народномъ Богатствѣ» есть нѣсколько главъ, которыхъ рѣшительно невозможно понять; читатель несвѣдущій прійметъ ихъ, можетъ-быть, за глубокую, доступную только для немногихъ премудрость; но читатель опытный, знающій науку, пойметъ сейчасъ, въ чемъ дѣло, и догадается, что въ этомъ случаѣ, въ темнотѣ формы выражается только совершенное отсутствіе содержанія. Читая эти главы, ясно видишь, что, на-счетъ спорныхъ вопросовъ науки, г. Бутовскій рѣшительно не имѣетъ никакого опредѣленнаго убѣжденія; по-крайней-мѣрѣ, никакъ нельзя понять, въ чемъ состоитъ это убѣжденіе и какъ смотритъ авторъ на мнѣнія другихъ экономистовъ, съ которыми изъ нихъ соглашается, которыя отвергаетъ...

Всѣ эти предварительныя замѣчанія служатъ къ опредѣленію той metody, которой должно слѣдовать при разборѣ книги г. Бутовскаго. Читате-

1/3

ли поймутъ, что, для оправданія нашихъ заключеній, нѣтъ никакой нужды разсматривать по-одиначкѣ всѣ безъ исключенія выводы русскаго экономиста. По частямъ можно судить и о цѣломъ; способъ рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ можетъ дать достаточное понятіе и о способѣ рѣшенія остальныхъ. Притомъ же, еслибъ мы захотѣли разбирать всю кни-

гу, главу за главою, страницу за страницей, то намъ пришлось бы дать этому разбору слишкомъ громадный, несоответствующій цѣли объемъ. На этомъ основаніи, мы рѣшаемся, для подтвержденія своихъ выводовъ, разсматрѣть въ слѣдующей статьѣ только самые важныя изъ вопросовъ, рѣшенныхъ г. Бутовскимъ въ его книгѣ.

VI.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

О К Т Я Б Р Ъ .

362) Калевала. Главныя черты из древней финской эпопеи Калевала. Морца Эманна. Гельсингфорсъ, въ тип. С.-меллуса. 1847. Въ 8-ю д. л. 94 и IX стр.

Доктору Ленроту принадлежит исключительно слава сохраненія величайшаго изъ поэтическихъ памятниковъ финскаго народа. Правда, Портанъ, Топеліусъ и Беккеръ еще до него обращали вниманіе на народную поэзію Финновъ, собирая и издавая отрывки финской мифологіи и руны; но всѣ эти собранія не заключали въ себѣ ничего цѣлаго. Топеліусъ болѣе другихъ проложилъ Ленроту дорогу къ отысканію этихъ памятниковъ. «Видъ Финляндіи» говоритъ онъ: «именно въ вѣсколькихъ окологдахъ Архангельской-Губерніи, особливо въ Вуокки-Т. LV. — Отд. VI.

ніемъ, сохраняются еще старинныя обычаи и память героическаго вѣка въ чистомъ, неподдѣльномъ видѣ». Отсюда-то онъ извелъ лучшія руны своего собранія. Эти отрывки, изданныя Топеліусомъ и Беккеромъ, подали Ленроту мысль принять ихъ за отрывки одной огромной поэмы. Путешествуя по указаніямъ Топеліуса, Ленротъ привелъ въ исполненіе свой планъ — соединить всѣ собранныя имъ и другими учеными руны въ одну стройную поэму. Одинаковый размѣръ отрывковъ и послѣдовательность событий, которыя воспѣты въ нихъ, помогали ученому доктору въ его предпріятіи.

Въ 1835 году, онъ издалъ свой трудъ подъ заглавіемъ: «Калевала или Древняя Карельскія Руны». Эта книга заклю-

часть въ себѣ тридцать-двѣ руны, изъ которыхъ только двадцать-девять составляютъ собственно эпопею «Калевалу». Каждая руна «Калевалы» заключаютъ въ себѣ отъ 200 до 705 стиховъ. Переведенная на англійскій, нѣмецкій, французскій и шведскій языки, «Калевала» пробудила въ г-нѣ Эманѣ желаніе передать ее и на русскій. Однакожъ, на первый случай, онъ ограничился только краткимъ извлеченіемъ изъ поэмы, присоединивъ къ своему переводу нѣсколько замѣчаній, дающихъ читателю полную возможность понять тѣ мѣста, которыя могли бы, можетъ-быть, показаться темными.

Въ предисловіи къ своему изданію «Калевалы», Лейротъ говоритъ, что эти руны, вѣроятно, сочинялись въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ слѣдовали происшествія, и предполагаетъ, что «Калевала» есть произведеніе не одного лица, а многихъ. Въ ней воспѣвается, говоритъ онъ, историческое событіе, которое относится къ Біарміи, землѣ богатой сокровищами и извѣстной своимъ кумиромъ. Финскимъ героямъ хотѣлось узвать этотъ кумиръ и сокровища, и потому они предпринимали въ Біармію нѣсколько походовъ.

Нѣкоторымъ хотѣлось видѣть въ «Калевалѣ» аллегорическое изображеніе борьбы добра и зла. Въ сущности, трудно объяснить значеніе этихъ рунъ и опредѣлить древность ихъ происхожденія. Одно только вѣроятно, что эти руны писаны до введенія христіанства на сѣверѣ и, какъ полагаютъ Лейротъ, въ V или VI столѣтіи, когда карельское племя занимало нѣнѣшнія свои жилища въ Финляндіи, и даже, можетъ-быть, они же и сочинили эти пѣсни, потому что онѣ болѣею частью поются у нихъ.

Что же такое значить *Калевала*? Въ финскомъ языкѣ, по замѣчаніямъ г. Эмана, мѣсто жительства, родина, образуется изъ собственныхъ именъ съ прибавленіемъ окончанія *la* или *lä*. *Калевала* происходитъ отъ собственно-

го имени *Калевы*, который былъ родоначальникомъ финскихъ жителей; *Калевала* же значить родина *Калевы*, т. е. Финляндія. Это названіе поимѣ далъ Лейротъ.

Изложеніе содержанія «Калевалы» рѣшительно невозможно въ предѣлахъ библиографической статьи. Замѣтимъ только, что въ «Калевалѣ» описывается брань финскихъ витязей Вайнямейнена, Ильмаринена и Лемминкайнена съ Лоухи, похѣльской колдуньей, обладательницей сокровища Сампо. Эти три героя—типы народнаго вымысла. Въ Вайнямейненѣ представляется мудрая, набожная, магическая сторона народнаго характера. Волшебная сила его не имѣетъ предѣловъ, потому что сама природа покорялась его пѣнію.

«Отъ звуковъ его кантеле (арфы), говоритъ руна (54 стр.) долины возвысились и горы спустились, мѣдныя горы потряслись, всѣ скалы отозвались. Птицы слетались станицами, чтобы наслаждаться пѣніемъ Вайнямейнена, царь лѣсовъ съ мохнатой свитой своей плясалъ на двухъ ногахъ, пока продолжалась игра. Камни по берегамъ треснули, и отрубки плясали. Когда онъ игралъ въ домѣ, то звучали высокія крышки и потряслись окошки, когда же онъ игралъ въ рощѣ, то всѣ деревья поклонились ему, и цѣтцы, тронутыя его очаровательной игрой, ему улыбаются.»

Въ другомъ мѣстѣ, руна говоритъ, что при звукахъ кантеле Вайнямейнена:

«Царь глубокихъ водъ и богиня морей, восхитенные обворожительными звуками, вышли на поверхность воды. Плыла даже и прекрасная дѣва воздуха пригостествомъ богатое солнце, сіяющее на небесномъ сводѣ, и пѣвшая, кроткая луна, узорочно блестящая на краю облачной тучи (49).

«Его самого сила звуковъ превозмогла» прибавляетъ руна: «онъ лилъ слезы, крупныя какъ клюква. Слезы катились по колѣнамъ въ море глубокое, гдѣ превращались въ жемчужины, вѣчно увеселяющія знатныхъ людей.»

Невольно придетъ на мысль сравнить это описаніе финской сати съ сказкою о греческомъ Орпее.

Другой герой — Калевалы — Ильмариненъ, служить представителемъ искусства. Онъ былъ кузнецъ, но кузнецъ-художникъ: волшебный молотъ его выдѣлывалъ чудеса. Когда онъ ковалъ Само, восточный, сѣверный и западный вѣтры раздували мѣхи его. Это греческій Вулканъ, но Вулканъ менѣе-образованный, болѣе-грубый. Въ лѣсу онъ хозяйничалъ, какъ медвѣдь въ своей берлогѣ: еловыя шишки чесали его волосы, вѣтви чистили его платье.

Лемминкайненъ — герой, прекрасный, веселый, любимый женщинами, которыхъ не могли противиться его красота. Смѣлый съ мечомъ въ рукѣ, онъ въ кругу женщинъ мирно шутитъ, участвуетъ въ ихъ играхъ и пляскахъ. Чтобъ дать читателямъ хотя нѣкоторое понятіе о красотахъ «Калевалы», приведемъ нѣсколько мѣстъ. Какъ трогательно рассказываетъ руна о томъ, какъ мать Лемминкайнена искала повсюду своего милого сына, когда онъ былъ убитъ злымъ богомъ Туонамъ, зарубленнымъ въ луски, брошенъ въ море.

«Она ищетъ свое золотое яблочко, свою серебряную трость (опору) на скользкихъ лыжахъ зимой, а лѣтомъ на легкихъ лодкахъ. Она не знаетъ, гдѣ движется ея плоть, гдѣ льется ея кровь. Она бѣгаетъ, какъ волкъ въ обширныхъ пустыняхъ, какъ выдра въ водѣ, какъ бѣлка по вѣтвямъ сосны, какъ горностай въ каменныхъ пещерахъ» (стр. 12).

Островъ, на который мать Лемминкайнена совѣтуетъ укрыться сыну, какъ въ безопасное мѣсто, описанъ такъ: «Море тамъ — медъ, рѣки — пиво, масло льется со всѣхъ холмовъ и каждая скала — синица.»

Сколько милого простодушія въ образѣ похѣльской дѣвушки, невѣсты Ильмаринена! Когда мать, отпускака ея въ домъ жениха, говоритъ ей: «ты младшая сестра моя, ты дѣсны моя, ты зеленая вѣтка», дѣвушка отвѣчаетъ сивозъ слезы:

«Име когда я распрѣтала, мнѣ уже казалося, что я не могу быть вполне женщиной у родимой моей матери, пока не

сдѣлаюсь женою любимаго человѣка... Такую я питала надежду, такую я имѣла цѣль, предвидѣнную, какъ прекрасное лѣто, ожидаемую, какъ урожайный годъ. Теперь исполнилась моя надежда. Одна нога на порогѣ отеческомъ, другая въ саяяхъ жениховыхъ. Однакожъ я съ грустію рассталась съ родимой. Будущая моя судьба темна, какъ темна осенняя ночь, также неизвѣстна, какъ неизвѣстенъ путь по вѣшнему льду куда ѣду, —туда не махнуть меня голосъ отца, оттуда не услышать мать ни радости моей, ни моего сѣтованія. Душа у другихъ невѣстъ бываетъ весела, какъ утренній разсвѣтъ весною, но я печальна, какъ проданный конь; душа моя какъ темная ночь, какъ пасмурный земній день.»

Сколько наивной граціи въ этой задушевнѣйшей думѣ, которую молодая дѣвушка издавна хранила въ своей дѣвственной натурѣ!

Далѣе мать даетъ жениху совѣты, какъ обращаться съ женою.

«Наставляй ее, говоритъ она, въ случаѣ непокорности при запертыхъ дверяхъ; учи ее первый годъ только словами, второй движеніемъ глазъ, на третій постукивай слегка ногою. Если и это не подѣйствуетъ, возьми изъ тростника тростинку и бей кошемъ ее. Если и это останется тщетно, возьми прутья въ лѣсу, возьми въ долиніи березовую вѣтку и принеси ее подъ платьемъ, чтобъ съ чужаго двора не выдали. Этими смягчи женѣ спину, не понадай въ глаза, не касайся уха. Иначе тесть могъ бы спросить тебя: не волкъ ли, не медвѣдь ли опарангалъ ее?»

Подобныхъ мѣстъ въ «Калевалѣ» множество. Какъ произведеніе народа необразованнаго, эта поэма вся проникнута безъискусственной простотой, богата поэтически-неткими сравненіями, яркими картинками, которые дышатъ неподдѣльной прелестью.

На-примѣръ, какъ прекрасно описываетъ руна созданіе кантеле (арфы). Когда Вийямяейненъ, тщетно отыскивая свое кантеле, печальный идетъ домой, онъ слышитъ вдругъ плачь березы.

«О чѣмъ ты зеленая береза, плачешь, спрашиваетъ дружески нѣвецъ; о чѣмъ ты, бѣло-попелая, горюешь?»

«Береза отвѣчаетъ, что она оплакиваетъ свой жребій, опредѣлившій ее стоять безъ защиты отъ холодныхъ порывовъ вѣтра, отъ топоровъ и проч.

«Тебѣ, говоритъ тронутый пѣвецъ, не должно сѣтовать: я обраду твою печаль въ веселіе, твою грусть въ радость.

«Онъ тутъ же срубилъ эту березу и сдѣлалъ изъ нея туловище къ новому кантелю.

«Неподалеку отъ березы стоялъ дубъ. На каждой изъ его вѣтвей было по яблоку, на яблокѣ по золотому шару, а на шарѣ по одной кукушкѣ. Кукушка пѣла разными голосами. Золото и серебро обильно лилися изъ рта ихъ надъ холмами; изъ этаго винты въ кантелѣ.

«Кантеле было готово, не доставало только струнъ. Тогда Вайнамейнень слышитъ изъ роши пѣніе дѣвцы, не совершенно печальное и не вполне веселое. Она пѣла въ ожиданіи заката солнца и въ надеждѣ встрѣчи съ женихомъ.

«Подай мнѣ сказалъ онъ дѣвцѣ, локонъ волосъ твоихъ для струнъ моему новому кантелю, для звуковъ моихъ вѣчно-молодой радости (ст. 53).

«Изъ пяти волосковъ, которые дѣвушка дала Вайнамейнелю, онъ сдѣлалъ струны кантеле.

Описаніе свадьбы Ильмаринена блестяще яркими красками. Поэтическія, бойкія сравненія попадаютъ на каждой страницѣ. Руна говоритъ, что свадебный быкъ былъ не слишкомъ-великъ, не слишкомъ-малъ, а такъ, что ласточка въ пѣвый день едва могла долѣтъ отъ одного его рога до другаго, а легкой векшѣ пришлось бы ночевать во время бѣга по хвосту вола. Изъ этого быка сдѣлано было сто сажень сосисокъ.

На этомъ иру было ниво, которое такъ бродило въ бочкахъ, что нужно было призвать хорошаго пѣвца для его усмиренія.

Вороной конъ жениха былъ быстръ, какъ жаворонокъ. Золотыя кукушки и синія птицы пѣли на дугѣ.

Какое чудное описаніе орла, которымъ Ильмариненъ ловилъ чудовищную щуку въ рѣкѣ Мывалы! «Этотъ орелъ имѣлъ ротъ во сто сажень, съѣлъ подобный шести водопадамъ,

языкъ, какъ пять топорницъ, стальныя когти на подобіе пяти козь; одно крыло раздѣляло волны, а другое тучи небесъ».

Вотъ поэтическія краски, созданныя фантазією финскаго народа. Онѣ просты, ярки и метки; вы чувствуете, что вы на сѣверѣ. Съ дивной силой выразился въ «Калевалѣ» духъ народа, простодушный и скромный, благородный и фантастическій.

Нельзя не благодарить г. Эмана за этотъ прекрасный подарокъ русскому читающему міру. Языкъ перевода правиленъ. Будемъ надѣяться, что со временемъ г. Эманъ передастъ «Калевалу» на русскій языкъ въ полномъ переводѣ.

363) Басни И. А. Крылова въ *IX книгахъ, съ биографією, написанною П. А. Плетневымъ. Второе пополненное изданіе. Санктпетербургъ. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. 1847. Въ 8-ю д. л. XXVIII и 273 стр.*

Что говорить о книгѣ, которую сколько разъ ни издавайте, всегда будетъ читать? Впрочемъ, теперь есть изданіе, въ которомъ басни помѣщены вмѣстѣ съ прочими сочиненіями Крылова; то изданіе для насъ важнѣе.

364) *Морской Разбойникъ и торговля петрами или швейцѣ чернаго невольника. Романъ Евгенія Сю. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. К. Жернакова. Двѣ части. Въ 12-ю д. л. Въ I-й — 159, во II-й — 124 стр.*

«Этотъ романъ знаменитаго французскаго писателя Евгенія Сю, есть первое, и самое лучшее произведеніе плодовитаго пера его, сочиненіе которымъ можно сказать, онъ приобрѣлъ особенную славу... Живыя и драматическія картины и краснорѣчивыя описанія, то пріятныхъ, то ужасныхъ, то трогательныхъ произшествій слѣдуютъ одно за другимъ и не пріятнымъ образомъ увлекаютъ вниманіе читателя».

Такъ говоритъ, въ своемъ предисловіи, русскій переводчикъ этого рома-

ва. Мы уже высказывали не однажды свое мнѣніе о Г. Эженѣ Сю вообще, и о нѣкоторыхъ его романахъ въ-особенности. Въ настоящемъ случаѣ, однакожь, не можемъ не замѣтить г. переводчику, что «Морской Разбойникъ» или лучше «Атар-Гюль» (такъ, по-крайней-мѣрѣ, названъ этотъ романъ авторомъ) далеко не лучшее его произведеніе. Написанный молодымъ человѣкомъ, перешагнувшимъ съ школьной скамьи прямо на бортъ корабля въ особенный міръ, столь чуждый мнѣній, интересовъ и страстей сухопутнаго человѣчества, этотъ романъ носитъ на себѣ всѣ водяные недостатки, правда, таланта, но таланта незрѣлаго, увлекшагося первымъ впечатлѣніемъ. За то, что же и вышло? нѣсколько живописныхъ очерковъ моря, довольно-живо набросанныхъ, двѣ-три удачныя сцены изъ этой почти-всегда однообразной жизни моряковъ, и болѣе ничего. По содержанію, «Атар-Гюль» принадлежитъ къ тысячъ тѣхъ посредственныхъ романовъ, которые такъ обильно и такъ простодушнo пишутся французскими романистами и помѣщаются въ журнальныхъ фельетонахъ. На какомъ характерѣ въ «Атар-Гюль» остановится вниманіе читателя — разумѣется, читателя, нещущаго въ романѣ ничего, кромѣ болѣе или менѣе интересной завязки? Не на героѣ же повѣсти, бѣдномъ невольникѣ, въ характерѣ котораго авторъ бѣдно выразилъ истинность необразованнаго дикаря, преданнаго случайно въ руки злѣйшаго врага его. Другое лицо — капитанъ разбойничьяго корабля, человѣкъ, которому жизнь надоѣла, потому-что онъ убѣдился въ непродолжительность дружбы, въ неизмѣнчивости женскаго сердца, и въ-слѣдствіе этого поклялся не щадить ненавистнаго ему человѣчества, этотъ Бриуаръ какъ-разъ взять изъ той шайки злодѣевъ, которые необходимо присутствуютъ почти въ каждомъ французскомъ романѣ. Онъ и пошлъ, и грубъ, и слишкомъ-глухъ для молодого человѣка, жившаго прежде въ высшемъ обществѣ, лов-

каго, образованнаго. Всѣ другіе характеры ниже посредственности. Теперь понятно, почему этотъ романъ не былъ до-сихъ-поръ переведенъ на русскій языкъ, чему переводчикъ крайне удивляется. О слога переводчика читатель можетъ судить по предисловію переводчика, изъ котораго мы нѣсколько строкъ выписали съ точностью. Изданіе довольно-опрятно и полно грамматическихъ ошибокъ.

365) ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ ВОЕННОЙ СТАТИСТИКИ. Д. Милютинна, *Генеральнаго Штаба полковника, Императорской Военной Академіи профессора. Книжка первая. Съ двумя иллюминированными картами. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. Въ 8-ю д. л. 248 стр.*

«Представляемая книжка *Первыхъ Опытъ Военной Статистики* (говоритъ г. Д. Милютинъ въ своемъ предисловіи) служитъ только началомъ труда обширному, который долженъ состоять въ послѣдательномъ изученіи современнаго состоянія замѣчательнѣйшихъ Европейскихъ Государствъ, съ точки зрѣнія спеціально-военной. Двѣ статьи, помѣщаемыя нынѣ въ первой книжкѣ, должны почитаться лишь *вступительными*. Вслѣдъ за ними, авторъ надѣется представить *вторую* книжку, въ которой будетъ помѣщена Военная Статистика *Прусскаго Королевства*, за тѣмъ, *третью* — предполагается посвящать *Имперіи Австрійской*, и такъ далѣе.

«Прежде, чѣмъ приступить къ отдѣльному изученію означенныхъ двухъ Державъ, необходимо было въ первой книжкѣ изложить общую *политическую и военную систему Союза Германскаго*; но статья эта не можетъ еще служить полнымъ образцемъ того рода изслѣдованій, который, по мнѣнію автора, можетъ составить, если не особую науку, то по крайней мѣрѣ особый видъ Статистики подъ названіемъ *Военной Статистики*. Предположенія свои по этому предмету авторъ подробно объясняетъ въ самомъ *Вступленіи*, заключающемъ въ себѣ *критическое изслѣдованіе значенія Военной Географіи и Военной Статистики*.»

Это «Критическое Изслѣдованіе», которыми начинается книга г. Д. Ми-

лютина, уже прежде было напечатано отдельною брошюрою. Разборъ ея, помѣщенный въ июльской книжкѣ нашего журнала за прошлый годъ, уже познакомилъ читателей съ образомъ мыслей г. Милютина, съ его взглядомъ на значеніе статистики и на отношеніе ея къ другимъ, смежнымъ съ нею наукамъ. Теоретическія соображенія автора относительно предмета и способа обработыванія общей статистики были такъ оригинальны и замѣчательны, что мы сочли долгомъ обратить на нихъ особенное вниманіе, преимущественно съ тою цѣлю, чтобъ показать примѣромъ книги г. Милютина величайшее различіе тѣхъ результатовъ, которыми сопровождается стремленіе къ точному разграниченію наукъ, смотря по тому, вытекаетъ ли это стремленіе изъ внушеній схоластическаго формализма, или изъ желанія объять науку во всей ея полнотѣ, дать ей живой и правильный организмъ. Вопросъ означеніи статистики и объ отношеніяхъ ея къ географіи — вопросъ устарѣлый, избитый, занимающій теперь только тѣхъ людей, которые предпочитаютъ дѣйствительному обработыванію науки — безплодные и безконечныя рассужденія о средствахъ для точнаго, математически-вѣрнаго опредѣленія ея цѣли, предмета, объема и предѣловъ. Въ большей части случаевъ, любовь ученыхъ къ этимъ сухимъ и нисколько-неподвигающимъ науки изысканіямъ, имѣетъ источникомъ ложное понятіе о необходимости размежевать область человѣческихъ знаній по всѣмъ правиламъ поземельнаго межеванія и, ограничивъ область каждой науки самыми точными и неизмѣнными предѣлами, отдѣлить ее китайскою стѣною отъ всѣхъ другихъ наукъ, съ нею соприсносновенныхъ. Совершенно-другія побужденія заставили г. Милютина коснуться въ своей книгѣ запутаннаго вопроса о существѣ статистики. Признавая необходимымъ присоединить къ числу существующихъ нынче высшихъ наукъ

еще новую науку — военную статистику, авторъ долженъ былъ, естественно, изложить подробно свои соображенія по этому предмету, доказать необходимость и возможность построенія такой науки и выставить несправедливость мнѣнія другихъ военныхъ писателей, смѣшивающихъ обыкновенно военную статистику съ военною географіей. Но такъ-какъ, по мнѣнію г. Милютина, между военной статистикой и военною географіей должно существовать точно такое же отношеніе, какое существуетъ между статистикой и географіей вообще, то весьма-понятно, что сама необходимость заставила его обратиться къ критическому изслѣдованію значенія двухъ послѣднихъ наукъ; иначе не было бы никакой возможности понять существо его взгляда на значеніе двухъ первыхъ. Что же касается до самаго рѣшенія вопросовъ о цѣли и объемѣ статистики, то справедливость и логичность такого рѣшенія была уже вполне оцѣнена въ первой нашей статьѣ о книгѣ г. Милютина (іюль 1846). Не желая повторять того, что было уже подробно высказано, замѣтимъ теперь, что въ этой статьѣ мы отдали должную справедливость искусству, съ которымъ умѣлъ г. Милютинъ, не уклоняясь отъ общепринятаго и сообразнаго съ этимологическимъ происхожденіемъ слова — мнѣнія о статистикѣ, рационализировать это мнѣніе и предохранить себя отъ двухъ одинаково-вредныхъ крайностей — излишней узкости въ опредѣленіи наукъ съ одной стороны, и отъ чрезмѣрнаго расширенія ея значенія и объема съ другой. Между прежними публицистами, писавшими о статистикѣ, было весьма-немного такихъ, которые умѣли остановиться на благоразумной серединѣ: въ большей части случаевъ они или ограничивали статистику однимъ описаніемъ фактовъ и превращали ее такимъ-образомъ въ безжизненный агрегатъ сухихъ и бессмысленныхъ цифръ, или, напротивъ, старались возвести ее на степень науки теорети-

ческой, налагающей отвлеченныя истины и общіе законы, произвольно отступали отъ общепринятаго значенія словъ и смѣшивали статистику съ другими политическими или общественными науками. Ни въ той, ни въ другой ошибкѣ нельзя упрекнуть г. Милютину, который, съ одной стороны, признаетъ, что статистика не можетъ снуетиться на степень простаго *анализа* фактовъ, но должна критически *изследовать* ихъ съ опредѣленною цѣлью; а съ другой полагаетъ, что она не можетъ также состоять въ выводѣ законовъ общихъ, по которымъ всякое государство всегда должно развиваться, и должна ограничиваться только указаніемъ *дѣйствительнаго развитія* *цѣльстнаго* *государства* *въ* *одинъ* *лишь* *данный* *моментъ* (всего чаще принимаемый за современную эпоху).

Впрочемъ, не въ этомъ опредѣленіи общей статистики заключается главное достоинство книги г. Милютина. Книга его особенно-замѣчательна потому, что авторъ старается образовать науку совершенно-новую, необходимость которой никѣмъ до настоящей минуты не была сознава съ надлежащей ясностью. Мы видѣли, что этой новой наукѣ авторъ даетъ названіе военной статистики. Важность идей, предложенныхъ имъ по этому предмету, побуждаетъ насъ познакомиться съ ними короче нашихъ читателей, тѣмъ болѣе, что въ первой рецензій мы не вошли въ разсмотрѣніе этой части изслѣдованій г. Милютина и отложили разборъ ея до выхода того самаго сочиненія, которое лежитъ теперь передъ нами.

Въ современной военной литературѣ военная статистика, какъ замѣчено выше, обыкновенно смѣшивается съ военной географіей и никѣмъ не обрабатывается какъ наука особая, самостоятельная. Даже значеніе военной географіи не установилось до-сихъ-поръ вполне и не получило надлежащей опредѣлительности. Всѣ сочиненія, выходившія въ Германіи подъ этимъ названіемъ — не что иное, какъ

сборники фактическихъ свѣдѣній, полезныя или только для справокъ, или для элементарнаго преподаванія. Общей географіи въ примѣненіи къ военнымъ школамъ. Правда, было сдѣлано нѣсколько попытокъ для того, чтобъ придать военной географіи значеніе специальное и самостоятельное; но всѣ эти попытки оказывались совершенно-безуспѣшными, когда дѣло доходило до ихъ дѣйствительнаго исполненія. Многіе изъ военныхъ писателей старались образовать изъ военной географіи такую науку, которая занималась бы критическимъ изслѣдованіемъ мѣстныхъ данныхъ въ отношеніи *стратегическомъ*. Но подобный взглядъ на военную географію явно противорѣчитъ современному состоянію стратегіи; послѣдняя, какъ убѣдились въ послѣднее время, не можетъ ни въ какомъ случаѣ ставить свои начала въ исключительною зависимость отъ мѣстныхъ данныхъ, а должна обнимать всѣ тѣ равнородныя соображенія, которыя могутъ имѣть вліяніе на самый ходъ войны. На этомъ основаніи г. Милютинъ отвергаетъ возможность обрабатыванія военной географіи съ точныя зрѣніи стратегической.

«Если» говоритъ онъ: «сообразно съ этимологическимъ и обще-принятымъ значеніемъ слова, Военная Географія должна ограничиваться только тѣми данными, которыя относятся къ виду земной поверхности, то очевидно, что она не можетъ входить въ стратегическія изслѣдованія, а должна по необходимости оставаться простымъ сборникомъ фактическихъ свѣдѣній, подобно большей части нѣмецкихъ сочиненій, выходившихъ подъ этимъ именемъ; въ такомъ случаѣ, конечно, она не можетъ и составить отдѣльнаго, самостоятельнаго предмета изученія. Еслижъ, напротивъ того, предположенна цѣль должна состоять не въ приобрѣтеніи однихъ фактическихъ свѣдѣній, а въ критическомъ изслѣдованіи театровъ войны или цѣльныхъ государствъ въ отношеніи стратегическомъ, то необходимо уже значительно распространить кругъ соображеній, принявъ въ основаніе ихъ, кромѣ мѣстности, и всѣ тѣ данныя, которыя въ каждомъ государствѣ

вообще определяють его средства и способы къ веденію войны, выгоды и невыгоды географическаго, этнографическаго, политическаго положенія въ отношеніи къ общимъ военнымъ соображеніямъ; а черезъ это изслѣдованія распространяются почти на весь составъ государства и будутъ вести уже къ общей цѣли: къ опредѣленію силы и мощи государства въ военномъ отношеніи. Подобная цѣль можетъ дѣйствительно составить особый и весьма важный предметъ изученія; но собственно мѣстныя данныя, опредѣляющія стратегическія выгоды и невыгоды государства, сильныя и слабыя его стороны, войдутъ въ эти изслѣдованія только какъ часть обширнаго цѣлаго, а слѣдственно, въ такомъ случаѣ уже нельзя назвать подобный родъ изученія *Военною Географіею*, а приличнѣе и правднѣе дать ему названіе *Военной Статистики*. (стр. 31—32).

Такимъ-образомъ, по мнѣнію г. Милюткина, подъ именемъ военной статистики слѣдуетъ понимать особую науку, предметъ которой составляетъ изслѣдованія въ данный моментъ силъ и средствъ государства въ военномъ отношеніи.

«Такъ почти и прежде опредѣляли Военную Статистику; но въ сущности давали ей значеніе весьма тѣсное, разумѣя подъ словомъ *военныя силы* только собственно *вооруженныя силы*; а потому ограничивались исчисленіемъ войскъ и описаніемъ ихъ устройства, тогда какъ предметъ этотъ долженъ составлять только часть Военной Статистики, — точно также какъ одно исчисленіе фабрикъ и заводовъ не можетъ еще составлять хозяйственной статистики государства. Военныя силы обнимаютъ, какъ уже сказано, всѣ вообще средства, которыми государство располагаетъ для обезпеченія своей внѣшней безопасности или для достиженія силою оружія своихъ политическихъ цѣлей; слѣдственно и Военная Статистика обнимаетъ, можно сказать, весь почти составъ государства, рассматривая въ немъ всѣ элементы съ точки зрѣнія военной, въ отношеніи къ средствамъ веденія войны, оборонительной или наступательной. Такимъ образомъ въ Военную Статистику непременно должны входить и всѣ географическія данныя, въ той степени, сколько изслѣдованіе этихъ данныхъ не-

обходимо для опредѣленія стратегическаго положенія государства, къ соседнимъ для соображенія его средствъ обороны и наступленія. При подобномъ опредѣленіи Военной Статистики, отношеніе ея къ Военной Географіи обозначается само собою; ибо послѣдняя дѣлается только, такъ сказать, матеріаломъ для первой; Военная-же Статистика, потеревъ данныя изъ Военной Географіи, занимается изслѣдованіемъ этихъ данныхъ съ опредѣленною цѣлью и въ связи съ различными другими данными. Точно такое же отношеніе между Статистикою и Географіею вообще.» (Стр. 54—55).

Само-собой разумѣется, что военная статистика, если понимать ее такъ, какъ понимаетъ г. Милюткинъ, составляетъ часть или видъ общей статистики, изъ которой она беретъ всѣ данныя, ведущія къ ея специальной цѣли, т. е. къ опредѣленію состоянія государства въ отношеніи къ военнымъ его силамъ и средствамъ. Во многихъ случаяхъ обѣ эти науки имѣютъ дѣло съ одними и тѣми же фактами; различіе между ними состоитъ только въ томъ, что каждая изъ нихъ руководится своею особою цѣлью при изученіи и анализѣ этихъ фактовъ. Поэтому-то г. Милюткинъ и полагаетъ, что военная статистика — такъ-какъ она рассматриваетъ всѣ статистическія данныя съ точки зрѣнія совершенно-специальной — должна быть наукою вполне-самостоятельною, хотя и тѣсно-связанною съ другими отраслями статистики. Развивая дагѣ эту мысль, онъ опредѣляетъ съ большою точностью въ четвертомъ параграфѣ своего «Вступленія» содержаніе, объемъ, систему, методу и способы изслѣдованія военной статистики, и такимъ образомъ, изложивъ весьма-подробную и полную теорію этой новой науки, доказываетъ, въ заключеніе, необходимость ея образованія. Эта необходимость дѣйствительно не подлежитъ никакому сомнѣнію и доказывается всего краснорѣчивѣе крайнею неудовлетворительностью результатовъ, къ которымъ привело ложное направленіе прежнихъ писателей, желавшихъ об-

работать военную статистику вмѣстѣ съ военной географіей и смѣшивавшихъ эти двѣ различныя науки подъ однимъ общимъ названіемъ. Независимо отъ такого обстоятельства, надо сознаться, что еслибъ военная статистика была обработана такъ, какъ желаетъ г. Милютинъ, то она принесла бы безспорно большую пользу во многихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, такъ-какъ военная сила государства есть одно изъ ибриль его политическаго значенія и могущества, то понятно, что, изслѣдовавъ критически состояніе каждаго государства въ отношеніи къ его военной силѣ, мы вмѣстѣ съ этимъ доставили бы необходимое дополненіе общей статистикѣ, которая, въ противномъ случаѣ, не могла бы достигнуть своей настоящей цѣли, т. е. объять *всѣ* безъ исключенія стипіи политической жизни народовъ. Во-вторыхъ, понятно также, что военная статистика могла бы принести много пользы и въ практическомъ отношеніи, доставивъ рѣшеніе важнѣйшимъ современнымъ вопросамъ, административнымъ и политическимъ; извѣстно, что теперь правительства часто бываютъ принуждены, при разныхъ ибрахъ и распоряженіяхъ, руководствоваться соображеніями стратегическими, и притомъ не только въ военное, но и въ мирное время. Наконецъ, въ-третьихъ, очевидно, что въ-отношеніи къ самому военному искусству, военная статистика не можетъ не содѣйствовать въ значительной степени разъясненію многихъ теоретическихъ идей посредствомъ рациональнаго примѣненія теоріи къ изслѣдованію замѣчательнѣйшихъ театровъ войны.

Вообще, все, что говоритъ г. Милютинъ о необходимости и способахъ обработыванія военной статистики, по нашему мнѣнію, справедливо и не можетъ возбудить сомнѣнія. Но само-собой разумѣется, что для полнаго доказательства основательности этихъ предположеній, недостаточо было ограничиться изложеніемъ одного пла-

на военной статистики: необходимо было доказать на-самомъ-дѣлѣ возможность привести этотъ планъ въ дѣйствительное исполненіе. Сознавая такую необходимость, г. Милютинъ приступилъ теперь къ самому построенію той новой науки, теорію которой онъ изложилъ еще въ прошломъ году. Для начала, онъ избралъ предметомъ своихъ изслѣдованій — политическую и военную систему Германскаго Союза: самъ онъ говоритъ въ предисловіи, что этотъ вступительный трудъ не можетъ еще дать надежащаго понятія о значеніи и пользѣ тѣхъ изслѣдованій, изъ которыхъ должна составиться современемъ полная военная статистика европейскихъ государствъ. Не смотря на то, мы можемъ теперь же сказать, основывая свои сужденія на несомнѣнномъ достоинствѣ и интересѣ этого перваго опыта, что каждый очеркъ военной системы Германскаго Союза, сдѣланный г. Милютинымъ, уничтожаетъ всякое сомнѣніе насчетъ дальнѣйшей будущности и возможности успѣшнаго обработыванія военной статистики. Въ подтвержденіе сказаннаго, постараемся въ немногихъ словахъ познакомить читателей съ содержаніемъ этого очерка.

Изложеніе военной статистики Германскаго Союза раздѣлено г. Милютинымъ на пять главъ, сообразно съ его понятіемъ о содержаніи и системѣ изложенія военной статистики вообще. По мнѣнію автора, для того, чтобъ оцѣнить военную силу государства, необходимо, съ одной стороны, рассмотреть самое орудіе войны, т. е. вооруженныя силы и все, что имѣетъ влияние на ихъ устройство, снабженіе, поддержаніе и образъ дѣйствія противъ непріятеля; съ другой стороны, изслѣдовать тѣ мѣстныя данныя, которыя на самомъ театрѣ войны, противъ той или другой державы, должны имѣть влияние какъ на планъ, такъ и на успѣхъ военныхъ дѣйствій. Но понятно, что этимъ спеціальнымъ изслѣдованіямъ должно предшествовать общее обзорѣніе цѣлаго государства

въ военномъ отношеніи, то - есть, разсмотрѣніе общихъ основныхъ элементовъ: территоріи, народонаселенія и государственнаго устройства, съ военной точки зрѣнія, и въ той степени, сколько могутъ они имѣть общее вліяніе на военную силу цѣлаго государства. На этомъ основаніи, въ настоящую минуту, г. Милютинъ начинаетъ свой трудъ общимъ обзоромъ Германіи въ военномъ отношеніи и посвящаетъ этому обзору два первые параграфа. Сначала, онъ разсматриваетъ территорію Германскаго Союза съ военной точки; подъ этою рубрикой объясняется вліяніе, какое имѣютъ на военныя силы Союза топографическій характеръ страны, водяныя и сухопутныя сообщенія, желѣзныя дороги, производительность почвы и обрабатываемость ея, наконецъ, вообще мѣстныя средства края. Разсмотрѣвъ потомъ состояніе народонаселенія — опять таки съ точки зрѣнія специально-военной — авторъ переходитъ къ обзору политической системы Союза и подробнымъ изслѣдованіемъ ея основаній заключаетъ свое общее вступленіе. Во всей этой части онъ излагаетъ тѣ же самыя свѣдѣнія, какія излагаются и въ сочиненіяхъ по предмету общей статистики, но беретъ изъ сочиненій послѣдняго рода только то, что имѣетъ какое-нибудь военное значеніе, и пользуется каждымъ изъ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній для разъясненія какой-либо стороны общаго вопроса о значеніи Германскаго Союза въ военномъ отношеніи.

Третій параграфъ посвященъ обзору общей военной системы Германскаго Союза; четвертый — очерку состоянія вооруженныхъ силъ германскихъ государствъ и всѣхъ способовъ къ устройству ихъ, снабженію, содержанію и приготовленію къ военному времени. Наконецъ, въ пятомъ и послѣднемъ параграфѣ, излагаются общіе выводы о стратегическомъ положеніи Германіи и рѣшаются вопросы: въ какой степени успѣла Германія достигнуть единства въ своей военной системѣ, и какое

стратегическое значеніе имѣютъ различныя ея части? Въ этомъ отдѣлѣ своего сочиненія, г. Милютинъ представляетъ полную, мастерски — очерченную картину современнаго состоянія Германскаго Союза въ военномъ отношеніи. Нельзя не отдать полной справедливости важнѣйшимъ достоинствамъ этой части: съ одной стороны, полнотѣ и послѣдовательности свѣдѣній; съ другой — необыкновенной ясности и живости ихъ изложенія. Скажемъ смѣло, что это военно-статистическое изслѣдованіе г. Милютина можетъ служить образцомъ для статистическихъ изслѣдованій вообще. Въ сочиненіи своемъ, г. Милютинъ не приводитъ ни одного факта ради самаго факта, ни одной цифры изъ любви къ самой цифрѣ. Изъ-за каждаго факта видна мысль, каждая цифра ведетъ къ какому-нибудь результату. По нашему мнѣнію, это достоинство весьма-важное и тѣмъ болѣе важное, что оно встрѣчается весьма-рѣдко въ сочиненіяхъ статистическихъ. Многимъ изъ нашихъ ученыхъ статистиковъ никогда и въ голову не приходитъ подумать о необходимости осмыслить приводимые ими факты и извлечь изъ нихъ какую-либо дѣйствительную пользу для науки. Въ ихъ понятіи, статистика есть ни болѣе, ни менѣе, какъ сборъ всякаго рода цифръ и таблицъ, а потому они полагаютъ, что совершенно выполнили свою задачу, когда успѣли собрать болѣе или менѣе значительное количество сухихъ и бездушныхъ данныхъ, ни для кого ненужныхъ и ни къ чему неведущихъ. Не такъ понимаетъ свои обязанности г. Милютинъ, и потому именно, что онъ понимаетъ ихъ шире и разумнѣе, сочиненіе его представляетъ не одни матеріалы для статистики, но самую статистику въ настоящемъ и обширномъ смыслѣ этого слова.

Къ прекрасному труду г. Милютина приложены двѣ иллюминированныя карты: одна изображаетъ политическое раздѣленіе Германскаго Союза; другая — общій характеръ мѣстности всей центральной Европы. Особенно замѣ-

чательно послѣдняя, на которой, во-первыхъ, обозначены системы желѣзныхъ дорогъ, имѣющихъ, какъ извѣстно, обширное вліяніе на политическія и военныя соображенія и, во-вторыхъ, изображены условными цвѣтами самыя общія и отличительныя черты каждаго рода мѣстности. Сколько намъ извѣстно, это едва-ли не первая карта, на которой характеръ мѣстности изображенъ весьма-удовлетворительно, хотя и въ ограниченномъ масштабѣ. Обыкновенно онъ выражается только на большихъ картахъ топографическихъ, которыя по своей дороговизнѣ не для всякаго доступны, а по подробности своей не всегда удобны для того, чтобъ слѣдить по нимъ общія соображенія военно-статистическія. Къ концу книги приложено довольно-подробное поясненіе этой карты.

366) **Предварительный Курсъ Астрономіи.** Д. Перевощикова. Изданіе второе, исправленное. Москва. 1847. Въ университетской тип. Въ 8-ю д. л. 388 стр.

Д. М. Перевощиковъ давно извѣстенъ русской публикѣ многими сочиненіями по части астрономіи. Изданная теперь книга, какъ видно по заглавію, не совершенно нова—это второе изданіе «Предварительнаго Курса Астрономіи», входившаго въ составъ «Ручной Математической Энциклопедіи», но изданіе значительно исправленное и улучшенное, а потому и составляющее какъ-бы совершенно-новую книгу. Хотя авторъ назначаетъ ее преимущественно для своихъ слушателей; но такъ-какъ мы увѣрены, что она найдетъ очень-много читателей, кромя студентовъ, то считаемъ великимъ образомъ обратить на нее вниманіе публики и указать на нѣкоторыя измѣненія, слѣдующія во второмъ изданіи.

Книга раздѣлена на десять главъ. Первые три главы (Глава I. Предметъ астрономіи. Расположеніе курса. Глава II. О кругахъ на сферѣ небесной. Глава III. О фигурѣ земли) оставлены авторомъ безъ значительныхъ измѣне-

ній противъ перваго изданія; только равныя численные элементы какъ въ этихъ, такъ и въ слѣдующихъ главахъ исправлены соотвѣтственно современному состоянію науки. За то глава IV, о солнцѣ, измѣнена во много. Особенно обращаетъ на себя вниманіе статья о физическомъ состояніи солнца, содержаніе которой должно быть отчасти знакомо читателямъ изъ журналовъ. Не менѣе интересно заключеніе этой главы. Объяснивъ изъ неизмѣняемости вѣданныхъ сутокъ вѣтченіе почти 2000 лѣтъ, что средняя температура земли въ-теченіе этого періода тоже не измѣнилась, показавъ, что большее или меньшее разстояніе солнца отъ земли въ-теченіе года и уменьшеніе эксцентриситета земной орбиты не имѣютъ примѣтнаго вліянія на измѣненія температуры,—даже, что большая ось эллипсиса земнаго неизмѣняема, авторъ дѣлаетъ слѣдующее заключеніе:

«Нѣтъ ни одного астрономическаго явленія, которое бы могло быть причиною ощутительныхъ перемѣнъ въ термометрическомъ состояніи земли, и геологи не должны прибѣгать къ астрономіи для объясненія тѣхъ видоизмѣненій земной поверхности, которыя, по ихъ мнѣнію, несомнѣнно происходили въ прошедшіе вѣка» (стр. 134).

Сблизивъ это съ другими выводами теоретической астрономіи, принадлежащими Лапласу. Именно: среднее движеніе планетъ и среднее разстояніе каждой изъ нихъ отъ солнца не подлежатъ вѣковымъ измѣненіямъ. Далѣе, что «какія бы ни были массы планетъ, вѣковыя возмущенія отъ періодическихъ отличаются только своею продолжительностью; въ сущности, они суть возмущенія продолжительно-періодическія, и величины ихъ содержатся въ весьма-тѣсныхъ предѣлахъ, такъ-что планетная система можетъ только колебаться около своего средняго состоянія, никогда не удаляясь отъ него значительно. Пути планетъ всегда были и навсегда останутся эллипсисами, весьма-мало отличающимися отъ круговъ; ни бѣ-

• на планета не была кометою; эклиптика никогда не совпадетъ съ экваторомъ, и переменна ея наклоненія не можетъ быть болѣе трехъ градусовъ. (Стр. 349). — Не худо принять къ свѣдѣнію эти неизвѣстные выводы небесной механики, ибо не разъ уже гг. геологи пытались объяснить перевороты, бывшіе на землѣ изъ различныхъ небесныхъ причинъ; еще очень-недавно мы читали въ одномъ русскомъ журналѣ статью, въ которой неизвѣстный авторъ хотѣлъ объяснить нѣкогда высокую температуру странъ, теперь нами обитаемыхъ, тѣмъ, что во времена до-историческія эклиптика была перпендикулярна къ экватору. Астрономія весьма-часто убиваетъ самыя блистательныя геологическія теоріи! Дѣлать нечего! надо отказаться отъ неба и поискать на самой землѣ объясненія тѣмъ темнымъ вопросамъ, которыми по-преимуществу богата геологія.

Глава V (о Лунѣ), глава VI (о Затмѣніяхъ) извѣнены во многомъ противъ перваго изданія. Вотъ какъ авторъ описываетъ луну, о которой столько мечтають наши поэты:

«Надобно заключить, что если луна имѣетъ атмосферу, то ея плотность менѣе плотности воздуха подъ стекляннымъ колоколомъ на лучшемъ воздушномъ насосѣ, гдѣ вода и ледъ превращаются въ пары. Итакъ, на лунѣ не могутъ существовать ни вода жидкая, ни вода твердая или ледъ; тамъ нѣтъ ни растеній, ни животныхъ, никакихъ живыхъ существъ, подобныхъ земнымъ растеніямъ или животнымъ».

Въ этомъ случаѣ, авторъ раздѣляетъ мнѣніе мпгихъ астрономовъ, отрицающихъ у луны атмосферу. Что касается до насъ, мы въ этомъ отношеніи не можемъ волюнѣ согласиться съ изложеннымъ заключеніемъ. Дѣйствительно, на основаніи какихъ данныхъ отвергаютъ существованіе лунной атмосферы? Астрономы говорятъ:

«Если бы существовала атмосфера луны, то по-крайней-мѣрѣ въ ея плотнѣйшей части можно было бы наблюдать

преломленіе и уменьшеніе свѣта неподвижныхъ звѣздъ, весьма часто закрываемыхъ луною. Отъ преломленія свѣта, закрываемая звѣзда помрачалась бы постепенно и нѣсколько времени была бы видима *приближающуюся* къ лунному краю: но такого явленія никогда не было замѣчено въ лучшія зрительныя трубы: закрываемая звѣзда исчезаетъ мгновенно» (стр. 144).

На это мы можемъ возразить: ослабленіе въ свѣтѣ неподвижныхъ звѣздъ дѣлается незамѣтнымъ по причинѣ прозрачности и малой плотности лунной атмосферы; но эта плотность все-таки не чрезвычайно-мала. Извѣстно, что сквозь кометы, не смотря на то, что толщина и плотность ихъ гораздо-больше толщины и плотности лунной атмосферы, видны бываютъ самыя-лѣйшія звѣзды, при чемъ эти звѣзды помрачаются самымъ легкимъ туманомъ. Такъ Струве видѣлъ звѣзду одиннадцатой величины чрезъ центральную и, слѣдовательно, самую плотную часть кометы Энке. Относительно же того, что при лунной поверхности не замѣчается никакого преломленія свѣта звѣздъ, то это можно себѣ объяснить слѣдующимъ образомъ. Представимъ плоскость, проходящую чрезъ центръ луны и перпендикулярную къ направленію луча зрѣнія, проходящаго чрезъ центръ этого свѣтила; безъ большой погрѣшности можемъ допустить, что верхній (то-есть, обращенный къ звѣздѣ) и нижній (т. е. обращенный къ землѣ) предѣлы лунной атмосферы параллельны этой плоскости. Плотность различныхъ слоевъ атмосферы нашего спутника будетъ возрастать отъ верхняго предѣла до самой плоскости, проходящей чрезъ центръ, а отсюда до самаго нижняго предѣла будетъ уменьшаться въ той же пропорціи. Послѣ этого, легко понять, что всякое преломленіе въ верхней части атмосферы будетъ вознаграждаться противнымъ въ нижней, т. е. въ обращенной къ землѣ части лунной атмосферы, и, слѣдственно, лучъ при выходѣ слѣзается параллельнымъ своему первоначальному направленію.

И такъ, по изложеннымъ причинамъ, едва ли можно заключить объ отсутствіи атмосферы. Напротивъ, можно привести многое въ пользу противнаго мнѣнія. Такъ, въ описаніи полнаго солнечнаго затмѣнія (1842 г.), упоминается о свѣтломъ вѣнцѣ, окружавшемъ луну. Онъ имѣлъ центромъ самый центръ этого свѣтила, и ширина вѣнца оставалась одна и та же какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ затмѣнія; напряженіе же свѣта измѣнялось постоянно по мѣрѣ приближенія затмѣнія къ концу. Этотъ фактъ говоритъ въ пользу нашего мнѣнія. Съ другой стороны, присутствіе на лунной поверхности горъ лавственнаго вулканическаго происхожденія (въ чемъ не сомнѣваются всѣ астрономы) служить новымъ доказательствомъ существованія атмосферы. Ибо если бы на лунѣ не было ни жидкихъ, ни газообразныхъ частей, то всякія вулканическія явленія сдѣлались бы невозможными, или, по крайней-мѣрѣ, вулканическая дѣятельность никогда не достигла бы тѣхъ колоссальныхъ рабѣтровъ, въ какихъ она обнаруживается на поверхности спутника земли. Что зацѣпило бы пары и газы, упругости которыхъ мы приписываемъ почти всю механическую силу нашихъ вулкановъ? Допустимъ даже возможность противнаго, то и тогда, принимая въ расчетъ число лунныхъ вулкановъ, ихъ величину и то количество газообразныхъ веществъ, которое должно отдѣляться горами огнелышущими, снова доходимъ до заключенія, что луна имѣетъ атмосферу, хотя и не столь плотную, какъ земная. Изъ всего сказаннаго мы, по крайней-мѣрѣ, въ правѣ заключить, что вопросъ: есть ли на лунѣ атмосфера, подобная нашей или нѣтъ, до-сихъ-поръ не рѣшенъ окончательно и вѣроятность того или другаго предположенія одинакова. — Мы нарочно остановились на этомъ предметѣ, ибо еще недавно о немъ были жаркіе споры между заграничными учеными.

Въ VII главѣ говорится о планетахъ. Обращаемъ вниманіе читателей на

статью о физическихъ свойствахъ планеты. Здѣсь же они прочитаютъ исторію знаменитаго открытія Леверрье. Считаемъ нужнымъ исправить одну ошибку: на ст. 239 сказано, что *плотность новой планеты одной четвертью болѣе плотности земли*. Напротивъ, плотность Нептуна почти въ четыре раза менѣе плотности земли.

Глава VIII, о кометахъ, пополнена противъ перваго изданія и читается съ большимъ интересомъ. Между прочимъ, авторъ касается вопроса: можетъ ли комета встрѣтиться съ землею? Пеготрица возможности этого, онаъ говорить, что, по правиламъ теоріи вѣроятностей, вѣроятность такой встрѣчи выражается дробью $\frac{1}{221'000'000}$. Чтобы читателямъ сдѣлать понятнымъ это выраженіе, мы употребимъ сравненіе. Вѣроятность такой встрѣчи такъ же мала (даже еще меньше), какъ мала вѣроятность одною горошинкою попасть въ другую горошинку, находящуюся отъ васъ на разстояніи 20 сажень, предполагая, что вы бросаете вашу горошинку *какъ имъ попало*, не цѣлясь. Ясно, что такое столкновеніе кометы съ землею просто невозможно. — Далѣе авторъ излагаетъ теорію Бюффона, хотѣвшаго объяснить образованіе планетъ столкновеніемъ кометы съ солнцемъ, и остроумную гипотезу Вистона, искавшаго объясненія новаго потопъ въ дѣйствіи кометы 1680 года—и показываетъ существенные недостатки той и другой. Мы увѣрены, что многіе прочтутъ эту главу съ большимъ любопытствомъ.

Глава IX о неподвижныхъ звѣздахъ является во второмъ изданіи почти совершенно въ новомъ видѣ: открытія, сдѣланныя въ послѣднее время въ области звѣздной астрономіи, конечно, потребовали многихъ измѣненій противъ перваго изданія. Вотъ величаны паралаксовъ восьми звѣздъ, определенныхъ на Главной Пулковской Обсерваторіи астрономомъ Петерсомъ:

61 Лебедя
« Лирь

+0", 349 ± 0", 080
+0, 103 ± 0, 083

Полярная зв.	+0,067 ± 0,012
Грумбридж 1830	+0,226 ± 0,141
Капелла	+0,046 ± 0,200
Бол. Медв.	+0,133 ± 0,106
Артур.	+0,127 ± 0,073
α Лебеда	-0,082 ± 0,043

Извѣстно, что опредѣленіе паралаксовъ весьма-важно, ибо на основаніи ихъ опредѣляются разстоянія небесныхъ тѣлъ отъ земли. Нѣсколько лѣтъ назадъ, астрономы сомнѣвались въ томъ, имѣютъ ли звѣзды примѣтные паралаксы; другими словами, они считали эти паралаксы равными нулю и, слѣдственно, допускали, что звѣзды удалены отъ земли на такое огромное разстояніе, что въ сравненіи съ нимъ діаметръ земной орбиты просто нуль. Изъ приведенныхъ величинъ паралаксовъ слѣдуетъ, что разстояніе ближайшей звѣзды, т. е. 61 Лебеда, равняется 15,000,000,000 земныхъ радіусовъ. Это число, по громадности своей, не удобопонятно, и потому, чтобъ составить себѣ приблизительное понятіе о величинѣ такого разстоянія, употребимъ сравненіе—способъ, къ которому нужно всегда прибѣгать въ подобныхъ случаяхъ. Въ этомъ разстояніи содержится столько земныхъ радіусовъ (изъ которыхъ каждый равенъ почти 6,000 верстамъ), сколько самыхъ тонкихъ волосковъ можетъ уложиться на разстояніи отъ Петербурга до Москвы, предполагая, что эти волоски приложены другъ къ другу не концами, а по линіи. Съ другой стороны, чтобъ составить себѣ понятіе, съ какими затрудненіями сопряжены подобнаго рода наблюденія, сколько нужно своронокъ и терпѣнія и какіе усовершенствованные сваряды потребны для этого, замѣтимъ, что на самыхъ большихъ астрономическихъ инструментахъ, дуга 1" занимаетъ около 0,005 линій; принимая, что на линіи укладывается 50 волосковъ, выходитъ, что пространство, занимаемое дугою въ 1", не превосходитъ $\frac{1}{4}$ волоска; а такъ-какъ паралаксъ ближайшей звѣзды изъ вышеприведенныхъ равняется $\frac{1}{4}''$, слѣдовательно, надо было имѣть инстру-

менты такіе, на которыхъ можно было бы наблюдать длины въ двѣнадцать разъ меньшія толщины волоса. Сваряды столь точныя можно найти только на такихъ обсерваторіяхъ, какъ пулковская.

Глава X и послѣдняя посвящена финической астрономіи. Къ-сожалѣнію, эта глава написана сжато, отъ-чего и потеряла много въ занимательности, между-тѣмъ, какъ она могла быть самою интересною частію труда г. Перевощикова при извѣстной способности его писать объ этомъ предметѣ. Сжатость же была причиною нѣсколькихъ обмолвокъ и неточностей. Мы укажемъ только на одну ошибку. На стр. 371, говоря о приливахъ и отливахъ морскихъ, авторъ прибавляетъ:

«Онъ (Декартъ) первый замѣтилъ, что разность въ возвышеніяхъ и пониженіяхъ воды переимѣняется съ лунными фазами: въ полнолуніи и новолуніи приливы достигаютъ большихъ высотъ, нежели во время четвертой луны.»

Древніе то же знали о зависимости явленій прилива и отлива отъ взаимнаго положенія луны и солнца. Не ходя за другими доказательствами, укажемъ только на третью книгу географіи Страбона и на вторую естественной исторіи Плинія.

Впрочемъ, незначительные недостатки десятой главы далеко выкупаются первыми главами этого курса.

Мы увѣрены, что публика приметъ новую книгу Д. М. Перевощикова такъ же благосклонно, какъ она принимала его прежнія сочиненія. Слава ученаго автора такъ упрочена, что мы неприличнымъ считали бы распространяться въ похвалахъ ему и только, воспользовавшись рецензентскимъ обычаемъ, хотѣли-было наловить нѣсколько обмолвокъ, въ доказательство, съ какими вниманіемъ читали мы новое изданіе «Предварительнаго Курса Астрономіи».

367) Курсъ Физической Географіи. Сочиненіе Владиміра Петровскаго. Одесса. Въ тѣх. А. Брауна. 1847. Въ 8-ю д. л. IV и 231 стр.

Географія съ незапамятныхъ временъ, когда все дѣлалось болѣе или менѣе бесовзвательно, и когда содержаніе науки опредѣлялось ея названіемъ (а не наоборотъ) — дѣлится на три части: математическую, физическую и политическую. Опредѣляя географію самымъ словомъ — *Zemlobiscanie*, старались вмѣстѣ въ нее все, что знали о землѣ, не только какъ о чемъ-то самобытномъ, но и объ отношеніяхъ ея къ солнечной системѣ и къ человѣку. При такомъ содержаніи, она, конечно, не могла получить логическаго опредѣленія и сдѣлаться наукою самостоятельную: свою, такъ-называемую, *математическую* часть она совпадаетъ съ астрономіей, а *политическую* — съ статистикой. Почему та и другая входятъ въ составъ географіи? — Рѣшить трудно, не принявъ въ соображеніе, что въ исторіи каждой науки есть періодъ бесовзвательнаго развитія, и что вообще разграниченіе наукъ дѣло до-сихъ-поръ нерѣшенное. Въ ходѣ развитія самыхъ наукъ, въ учебномъ ихъ обработываніи такое нѣшнее неблагоустройство, такая неопредѣленность ихъ границъ не имѣетъ большого вліянія, потому-что это развитіе совершается въ частяхъ, а не въ цѣломъ. Въ дѣлѣ воспитанія, напротивъ, въ отношеніи педагогическомъ — къ преподаванію наукъ и къ составленію «Курсовъ» и «Руководствъ» — вопросъ объ ихъ содержаніи есть вопросъ едва-ли не первой важности. Если на воспитаніе смотрѣть не какъ на *вкушеніе возможно большаго количества догматовъ*, а какъ на *содѣйствіе развитію мыслящей способности*, то система, логическая послѣдовательность изложенія, должна составлять главное, существенное условіе преподаванія. А такой системы, такой послѣдовательности, конечно, не можетъ быть тамъ, гдѣ одна наука обшивается нещѣщими съ нею ника-

кой логической связи доскутками изъ другихъ наукъ.

Далѣе, для того, кто уже успѣлъ узнать и принести въ сознаніе многое, не трудно принести разумное значеніе для отдѣльнаго, отрывочнаго факта; но говорить юношѣ, на-примѣръ, объ отношеніи земли, какъ планеты, къ солнечной системѣ, когда онъ еще не знаетъ астрономіи — значитъ внушить ему тысячу заблужденій и затмить то, что такъ ясно — на своемъ мѣстѣ — въ наукѣ не о землѣ, а о тѣлахъ небесныхъ... Вспомните, какъ вы понимали экваторъ, эклиптику, съ ея осями, рыбами, дѣвами и скорпіонами, безчисленные меридіаны, полюсы, происхожденіе временъ года и вообще все, что старалась внушить вамъ математическая географія?.. Или отъ-чего такъ мучатся дѣти надъ *долбляемъ* политической географіи и такъ скоро забываютъ ее? — Лишенная своего живительнаго, статистическаго элемента, чѣмъ отличается она отъ словаря?..

Наконецъ, отъ неразграниченія наукъ въ ихъ преподаваніи, дѣти не только составляютъ ложныя и неясныя понятія о предметахъ, представленныхъ имъ безъ логической связи и съ ненормальной точки зрѣнія, но часто *за книгой* теряютъ больше времени, нежели въ практической жизни или такъ-называемыхъ развлеченіяхъ, которыя, разумѣется, во всякомъ случаѣ полезнѣе занятій безплодныхъ и въ то же время утомительныхъ и болѣзненно-поражающихъ своею безжизненностью способность развиваться въ самомъ ея корнѣ — въ стремленіи къ познанію, въ любовательности. Вместо того, чтобъ въ географіи говорить о томъ, что есть на землѣ, о ея частяхъ, о различіи ихъ однихъ отъ другихъ и о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ частей между собою — стараются внушить мимоходомъ поверхностныя астрономическія и статистическія свѣдѣнія; и такимъ-образомъ, стѣсняясь тоже ошибочно понимаемою *краткостью* «руководствъ», излагаютъ существенную часть науки неполно, слѣдовательно, опять нека-

жаютъ факты... Что было бы, если бы астрономія, въ свою очередь, говоря о землѣ, какъ о планетѣ, начала толковать *мимоходомъ* о горахъ, долинахъ, рѣкахъ, лѣсахъ и т. п.? — Въ настоящее время, она этого не дѣлаетъ, потому что по простотѣ своихъ элементовъ далеко опередила въ своемъ развитіи болѣе-сложную науку землеописанія; во статистика... Какъ часто встрѣчаются въ ней трактаты объ очертаніяхъ странъ, о горахъ, о климатѣ!..

Итакъ, физическая географія составляетъ существенную, основную часть географіи (*le corps*). Но если опредѣлять ее, какъ дѣлалось во время до, ея названіемъ, заставить ее «разсматривать землю, какъ отдѣльное *физическое тѣло*», то и на ней повторится исторія вавилонскаго столпотворенія. Тогда войдетъ въ ея составъ и геологія, и геогнозія, и метеорологія, и физика, и химія, и всѣ естественныя науки, изъ которыхъ каждая, въ свою очередь, занимается *исслѣдованіемъ «физическихъ свойствъ земли и дѣйствующихъ на ней силъ»*. Но еще шагъ на пути такого схоластическаго обобщенія — и физическая географія сдѣлается матерью всѣхъ наукъ. Называютъ же землю матерью человѣка, а что же такое и всѣ науки, какъ не производенія ума этого человѣка?..

Ничего этого и даже ничего подобнаго не принявъ въ соображеніе г. Петровскій при построеніи, или, какъ онъ думаетъ, при *сочиненіи* своего «Курса Физической Географіи», который, по его словамъ, есть «руководство, составленное съ цѣлью доставить юношеству, воспитывающемуся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ нашего отечества, книгу, которая могла бы служить пособіемъ при слушаніи лекцій физической географіи».

Чтобы опредѣлить значеніе «Курса Физической Географіи» въ отношеніи къ другимъ существующимъ курсамъ, стоить всмотрѣться въ опредѣленіе, какое сдѣлалъ г. Петровскій для своей науки. Бросивъ смѣлый взглядъ на землю, какъ на члена «одного отдѣльна-

го семейства» — солнечной системы, сказать, между-прочимъ, что земля, «двигаясь около центрального свѣтила своего, поочередно освѣщается и обогрѣвается его лучами леденѣющія (?) свои части, *вызываетъ изъ мѣдръ своихъ растительность (?)*, производить (земля-то!) времена года» и т. п. (чего, конечно, и не подовѣрвали юноши, воспитывающіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ), сочинитель говоритъ:

«Теперь займемся болѣе подробнѣе (прежде не было никакого) описаніемъ ея (земли) *свойствъ*, составныхъ частей, силъ, дѣйствующихъ на ней и производящихъ различныя явленія. Посему (потому-что *теперь?*) сперва опишемъ наружный видъ, величину земли и внутренней ея составъ, потомъ перейдемъ къ разсмотрѣнію ея поверхности, а напоследокъ изложимъ свойства наружной ея оболочки, или атмосферы. Откуда явствуетъ (откуда же это?), что Физическая Географія (не господинъ ли Петровскій?) занимается описаніемъ *физическихъ (?)* свойствъ земли, какъ въ цѣлости взятой, такъ и отдѣльныхъ ея частей (юноши, не забывайте грамматики!), *пользуясь сокровищами Физики, Химіи, Минералогіи и отчасти Астрономіи* (въ предисловіи упоминается еще Геогнозія), но не вникая въ подробности, входящія въ сферу каждой изъ этихъ наукъ!!!»

Очевидно, что физика, химія, минералогія и отчасти астрономія, если выбросить изъ нихъ «подробности», суть не что иное, какъ составныя части физической географіи, которая перестала бы существовать, если бы этихъ четырехъ наукъ нельзя было излагать безъ «подробностей»!!!

Но что же это за «подробности», которые такъ невыносимы для физической географіи? Г. Петровскій умалчиваетъ. Изъ «Предисловія» къ его *сочиненію* мы знаемъ только, что ему было очень-трудно ввести «строгую последовательность и постепенность въ изложеніи истинъ, подчеркнутыхъ *не меремьяно* (слушайте, слушайте! *не меремьяно*...) изъ области Физики, Химіи, Минералогіи, Астрономіи и Геогнозіи». И такъ трудно было г. со-

человек приводить въ порядокъ заимствованныя *подчеркнуто* изъ равныхъ наукъ истины, что онъ надѣется, что «свѣдущіе цѣнители поймутъ всю трудность дѣла и, рассматривая съ этой точки зрѣнія его трудъ, будутъ снисходительнѣе судить о его слабыхъ сторонахъ.»

Мало того, «обиліе источниковъ часто» (вѣроятно, на каждомъ шагѣ) «обременяло трудъ и требовало внимательнаго соображенія тамъ» (еще слава Богу, что не вездѣ!), «гдѣ изъ многихъ иногда противорѣчащихъ мнѣній приходилось выбрать болѣе правдоподобное...»

И этого мало; «съ другимъ обстоятельствомъ нужно было бороться на всякомъ шагѣ: это обширность предметовъ, входящихъ въ составъ сего сочиненія, и не позволявшихъ иногда «сжать въ тѣсныя рамы учебника то, что доставляетъ обильный матеріалъ для цѣлаго ученаго трактата.»

Столько трудностей!.. И г. Петровский всѣ ихъ преодолѣлъ, вышелъ изъ нихъ полнымъ побѣдителемъ:

а) Для строгой послѣдовательности и постепенности въ изложеніи истинъ, заимствованныхъ поочередно изъ разныхъ наукъ, «Курсъ Физической Географіи» раздѣленъ на параграфы, которые идутъ одинъ за другимъ въ строгой послѣдовательности и постепенности цифръ 1, 2, 3, 4 и такъ до 179, безъ малѣйшей ошибки въ нумераціи.

б) Затрудненія, представлявшіяся отъ обилія источниковъ и при выборѣ правдоподобнѣйшихъ мнѣній изъ многихъ противорѣчащихъ, устранены: первая въ теоріи заимствованія изъ знаменитыхъ твореній извѣстныхъ писателей; а вторыя посредствомъ исключенія доказательствъ и съ помощію варіантъ *можетъ быть, впрочемъ, иногда правдоподобнѣе, можетъ статьса, очень можетъ статьса* и т. п., стоять на первомъ планѣ въ большей части параграфовъ.

в) Что жъ касается до того, каковы образцы г. Петровскій сжималъ об-

ширные предметы, не позволившіе сжмать себя въ тѣсныя рамы учебника, то... вотъ какъ это дѣлалось: описанію «главнѣйшихъ цѣпей горъ на всемъ земномъ шарѣ» посвященъ въ «Курсѣ Физической Географіи» одинъ 63 параграфъ, занимающій около двухъ съ половиною страницъ; а параграфъ 71, простирающійся на полторы страницы, содержитъ въ себѣ описаніе «всемирнаго океана и его частей». Такого же объема и описаніе способа «очищенія морской воды отъ прочихъ веществъ». Теорія барометра (о которой юношамъ, воспитывающимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, можетъ быть, не удастся узнать изъ лекцій физики) излагается въ «Курсѣ Физической Географіи» на 16-ти страницахъ; геологическія свѣдѣнія о внутреннемъ составѣ земли — на 20 страницахъ...

Нѣчего сказать, потрудился г. Петровский! За то и вышло его сочиненіе — не книга, а кладъ, особенно для юношей, воспитывающихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ, *можетъ статьса*, не узнаютъ они прослѣдить за лекціями астрономіи, геологіи, географіи, физики и химіи... Не найдутъ они въ «Курсѣ Физической Географіи» и того, что изучали по гимназическому руководству, за то узнаютъ нѣчто изъ исторіи астрономіи, кое-что о законѣ всеобщаго тяготѣнія, нѣкоторыя, хотя поверхностныя и ни къ чему неведущія свѣдѣнія о послѣдовательномъ образованіи пластовъ земной коры, о вулканическомъ образованіи нашей планеты; зайдутъ мимоходомъ и палеонтологію и гипотезу Лапласа о происхожденіи солнечной системы; полюбятъ свое отечество, услышавъ объ исследованіяхъ уровня Чернаго и Каспійскаго Морей; постигнутъ, какія бѣдствія происходятъ отъ облаковъ, свѣжыхъ лавинъ и отъ наводненій; узнаютъ абсолютную высоту города Одессы и возвышенность того взгляда, какой имѣетъ г. Петровский на науку вообще, на физическую географію въ особенности,

и на преподаваніе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ-частности...

Чувствуемъ — назоветъ насъ господина сочинитель «Курса Физической Географіи» людьми неблагонамѣренными и несвѣдущими... Не даромъ сказалъ онъ: «Въ какой мѣрѣ мнѣ удалось преодолѣть этого» (помните, каково?) «рода и многія другія трудности, предоставляю судить благонамѣреннымъ и свѣдущимъ людямъ...»

На бѣду, совсѣмъ-быдо мы забыли про лучшую, вриятѣйшую и совершенно-новую сторону разбираемаго сочиненія. Прежде, бывало, говоря о томъ, что горы не мѣшаютъ землѣ быть круглою, объясняли эту мысль неровностями на поверхностяхъ лбллка. Г. Петровский, напротивъ, уподобляетъ горы и пропасти «возвышеніямъ и углубленіямъ, покрывающимъ поверхность коры *правильною большаю померанца...*»

Что касается до слога, то онъ, какъ слѣдуетъ по правиламъ риторики — приличествуетъ содержанію сочиненія, и потому — ровень.

368) Творенія *иже во святыхъ отца нашего Григорія Богослова, архіепископа константинопольскаго. Часть пятая. Стихотворенія. Москва. Въ тип. А. Семени Въ 8-ю д. л. 403 стр.*

Стихотворенія эти, помѣщенные въ «Твореніяхъ Святыхъ Отцовъ», изда ны теперь отдѣльною книжкою. Намъ любопытно въ нихъ и содержаніе и выраженіе. Святой Григорій Богословъ, искусный въ догматическомъ изложеніи богопознанія (за что и получилъ наименованіе богослова), искусенъ и въ поэтической одеждѣ мыслей. Такое соединеніе, въ одной и той же личности, двухъ разнородныхъ душевныхъ способностей — познавательной и творческой — явленіе довольно-рѣдкое. Содержаніе стихотвореній очень-любопытно. Свѣтуетъ ярчесть особенно въ некоторыхъ стихотвореніяхъ вѣсны, напримеръ: «Похвала Дѣвству», «Советы Дѣвственницамъ», «Дѣвамъ», «Советы Олимпіадѣ» и др.

369) Духовныя Стихотворенія Николая Голишева. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1847. Въ 12-ю д. л. 105 стр. Эпиграфъ: *Хвалите Господа во псалтири и услахъ* (пророкъ Давидъ). Посвященіе: *Ея сїятельству Аннѣ Сергѣевнѣ графинѣ Шереметевой:*

Въ лучшихъ авторовъ Европы —
На разныхъ языкахъ — читали,
И знаете всѣ совершенно
Ихъ дивныя произведенія.
Сїятельнѣйшая Графиня!
Робю скромно вамъ представить
Простыя, сельскіе досуги...
Ахъ! къ гармоническому тону,
Вы слухомъ нѣжнымъ такъ привыкли,
Что, думаю, вамъ будетъ скучно
Читать простыя пѣснопѣнья!
Но какъ прекрасною душою
Религіозны вы, графиня,
То это подастъ надежду
Пѣвцу — на ваше происхожденіе...
Съ глубочайшимъ почтеніемъ «Авторомъ»
6 июля 1847 г.»

За симъ слѣдуетъ стихотвореніе къ читателю, которое начинается такъ:

Мой другъ! въ часы благоговѣнья
Я, въ черной хатѣ, лютию бралъ,
И скромно къ Богу пѣснопѣнья,
Подъ звукъ простой ея, слагалъ.

Черная хата и лютиа — не вжуются другъ съ другомъ. Скромныя пѣснопѣнья благодарности и любви къ Богу должны быть выражаемы съ глубокимъ чувствомъ: они не требуютъ риторическихъ фигуръ и вымышленныхъ инструментовъ.

370) Учебная Книга Россійскаго Гражданскаго Судостроительства и Судебнаго Дѣлопроизводства. Соч. П. Дегаля. Санктпетербургъ Въ тип. Фишера. 1847. Въ большую 8-ю д. л. 186 стр.

Въ прошлому году, г. Дегаля напечаталъ «Учебную Книгу Гражданскаго Судопроизводства»; теперь, въ дополненіе къ этому руководству, его похвальная дѣятельность на юридическомъ поприщѣ даритъ насъ «Учебною Книгою Гражданскаго Судостроительства и Судебнаго Дѣлопроизводства». Обѣ книги составляютъ одно цѣлое.

«Въ Учебной книгѣ Россійскаго Гражданскаго Судопроизводства изложены всѣ постановленія, показывающія постепенное развитіе сей отрасли отечественныхъ законовъ. Предлагаемое здѣсь сочиненіе дополняетъ означенную книгу во всемъ, что относится до судоустройства и дѣлопроизводства, предметовъ, по первому взгляду второстепенныхъ, но значительное вліяніе имѣющихъ на успѣхъ самаго судопроизводства: устройство присутствій, порядокъ совѣщаній, отношеніе блюстительной власти къ распоряженіямъ суда и связь судебныхъ дѣлъ съ административною частію, болѣе или менѣе охраняють правдивость, быстроту и стройность судебныхъ дѣйствій.»

«Вѣсть взятыя, сіи сочиненія замѣляютъ слово въ слово, всѣ узаконенія о судебной части, помѣщенные въ 1, 2, 10 и 11 томахъ Свода Законовъ изданія 1842 г. и пополнившихъ оныя семи продолженій. Для избѣжанія излишней полноты сочиненія, изъяты изъ онаго законы о судоустройствѣ и дѣлопроизводствѣ горныхъ, третейскихъ и словесныхъ судовъ, малую связь имѣющихъ съ общимъ гражданскимъ судопроизводствомъ.»

Мы уже говорили о достоинствахъ такого рода трудовъ г. Дегаля при разборѣ его сочиненія о гражданскомъ и уголовномъ судопроизводствѣ. Авторъ остался вѣренъ имъ и при новомъ сочиненіи своемъ о гражданскомъ судоустройствѣ, въ которомъ соблюдены также ясная система и отчетливость въ изложеніи.

371) Карманная Историческая Библиотека. *Исторія Пруссіи. Съ иностранною (?) перевелъ* Василій Модестовъ, Санктпетербургъ. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. 1847. Въ 48-ю д. л. 320 стр.

При видѣ этой книжки, насъ многое поразило, а прежде всего вопросы: что такое *Карманная Историческая Библиотека*? кто ее издаетъ? когда она началась? по какому плану задумана и для кого печатается, для дѣтей или для взрослыхъ? На это мы не находимъ никакихъ отвѣтовъ; нѣтъ введенія, нѣтъ предисловія. «Карманная Историческая Библиотека», а съ нею

и «Исторія Пруссіи» упала передъ нами какъ съ неба. Мы начали читать переведенную съ иностранною исторію, прочли ее и только въ концѣ, на оберткѣ уже нашли слѣдующее:

«Въ слѣдъ за (И)сторіей Пруссіи печатаются (И)сторія Англіи (—) въ двухъ книжкахъ, (И)сторія Австріи (—) въ одной книжкѣ. Потомъ постепенно будутъ выходить *ex nomine esse videtur* (въ какомъ это?) исторія всѣхъ (Е)вропейскихъ, азиатскихъ, и африканскихъ государствъ и Америки, отъ начала ихъ существованія до нашихъ временъ.»

А! слѣдовательно, г. Модестовъ будетъ издавать «Карманную Историческую Библиотеку», и «Исторія Пруссіи» есть начало такой «Библиотеки». Теперь понимаемъ.

За симъ слѣдуетъ еще вопросъ: какія жь это будутъ исторіи, т. е. составленныя ли самимъ г. Модестовымъ, или точно также переведенныя съ иностранною? Если онѣ будутъ переведены, то не мѣшаетъ сказать, какіхъ авторовъ намѣренъ переводить г. Модестовъ—это не послѣднее дѣло, надѣемся. Но, кажется, для издателя «Карманной Библиотеки» это все равно: онъ при «Исторіи Пруссіи» не только не сказалъ, чью онъ исторію перевелъ, но даже назвалъ нужныхъ умолчать, съ какого языка перевелъ. Можноли быть такъ скромнымъ! Насъ, признаемся, это очень безпокоило; не знаемъ почему, но переводъ съ иностранною заставилъ насъ подозревать, что «Исторія Пруссіи» переведена не съ нѣмецкаго... Даже читая исторію Пруссіи, мы, кажется, находимъ улики, на-примѣръ (стр. 309): «Герлеръ... человекъ многосторонняго образованія, философъ, историкъ, литераторъ и проч. Идея объ исторіи человѣчества, *перев. Книгъ 3 кн. 8.*»

Какой это переводъ «Идей» Гердера объ исторіи человѣчества—*Книгъ 3-хъ кн. въ 8?* Развѣ у насъ есть такой переводъ? Мы справились съ реестрами книгъ библиотекъ Смирдина, Ольхина и не нашли такого перевода... *Книгъ... Книгъ... не помнимъ у насъ такого пе-*

реводчика! Мы знаем Француза Кинё, и онъ дѣйствительно перевелъ Гердера, и написалъ прекрасное къ нему предисловіе, но перевелъ все-таки не на русскій, а на французскій языкъ... А г. Модестовъ, перевода исторію Пруссіи, написанную на французскомъ, не замѣтилъ того, что объ этомъ переводѣ было сказано, потому-что исторія была написана для *Французовъ*, а не для Русскихъ. Намъ къ чему это замѣчательное событіе переводъ г. Кинё «Идей» Гердера, особенно, когда дѣло идетъ о значеніи Гердера, какъ философа?

Страница 315: «Главные сочиненія «Канта: Критика чистаго разума; критика практическаго разума; критика сужденія; первыя метафизическія начала о природѣ и проч. Они переведены на *французскій языкъ съ обширными замѣчаніями*». А на русскій? а на англійскій? Мы знаемъ только по-русски да по-англійски? Нельзя ли чего-нибудь сказать о судьбѣ Канта въ Россіи, потому-что «Карманную Библіотеку» вы издаете вѣдь для Русскихъ?..

Такъ вотъ что значить переводить съ *иностраннаго*; мы впередъ такъ и будемъ понимать...

Но оставимъ это; книга можетъ имѣть свое достоинство, съ какого бы языка ни была переведена. Самая исторія Пруссіи рассказана ни дурно, ни хорошо, безъ всякой особенной мысли, въ иныхъ мѣстахъ лучше, чѣмъ у г. Кайданова, въ другихъ хуже. Такииъ-образомъ, кто знаетъ французскій подлинникъ (ибо подлинникъ дѣйствительно — на французскомъ), тотъ не узнаетъ его въ русскомъ, сокращенномъ переводѣ съ *иностраннаго*. При томъ же есть и мѣста, которые показываютъ чрезвычайную небрежность переводчика, въ слѣдствіе которой нельзя рекомендовать читателямъ «Карманную Библіотеку» г. Модестова, на примѣръ:

Стр. 233. «Въ кругу гостей, которыхъ онъ лично и совершенно зналъ, король часто давалъ *еседый годъ серему дузу*...»

Стр. 234. «Терпѣть не могъ никакихъ церемоній и носилъ на себя *платье всегда изъ толстаго сукна и прѣ экономіи съ сукно, слишкомъ далеко недоходящее до голыи; пуговицы на платьѣ были ядныя*».

Иные читатели отъ этого могутъ разучиться говорить по-русски!

А вотъ еса исторія нынѣ-царствующаго короля:

Стр. 302. «Нынѣ царствующій король, Фридрихъ Вильгельмъ IV, родившійся 15 октября 1795 года (,) *показалъ себя государемъ съ отличными достоинствами. Онъ окружилъ себя философами, поэтами, равно какъ и восторженъ былъ съ первыми дни съ великими восторгомъ всего націею; онъ измалѣ многія мудрыя узаконенія; въ 1806 году онъ переправилъ изъ Мемеля въ Кенигсбергъ*».

Что такое значить это событіе 1806 года, когда король переехалъ изъ Мемеля въ Кенигсбергъ? Больше ничего не сказано. Вы видите, что исторія Пруссіи довольно-коротка...

372) Исторія Консульства и Имперіи во Франціи. Сочиненіе А. Тьера. Переводъ Ф. Кони. Томъ IV. Часть седьмая. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. К. Жернакова. Въ 8-ю д. л. 253 стр.

Это только еще первая половина четвертаю тома «Исторіи» Тьера, заключающая въ себѣ событія съ ноября 1801 по февраль 1804 голь. Такъ-какъ русскій переводчикъ принялъ за правило выпускать каждый томъ въ двухъ тетрадяхъ, то помѣщенная въ июньской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» нынѣшняго года первая половина VI-го тома французскаго подлинника составитъ у него *одинадцатую*, а вторая половина того же тома, которую мы напечатаетъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, составитъ *дванадцатую* часть его перевода. Весьма не мѣтало бы издателю поспѣшить выпусками. Теперь вышелъ на французскомъ седьмой томъ «Исторіи» Тьера. Въ переводѣ г. Кони онъ составитъ *тринадцатую и четырнадцатую* части — а до сихъ-поръ русскій переводчикъ вы-

далъ только *седьмую...* Долго ему еще догонять французскій подлинникъ.

373) Логика. Соч. Профессора Мошлевской Семинарiи Никифора Zubовскаго. Санктпетербург, въ типографiи Неврстена. Въ 8-ю д. л. 103 стр.

И въ наше время существуютъ еще люди съ наивнымъ убѣжденiемъ, что логика можетъ научить человѣка мыслить. Вотъ, хотъ бы авторъ разбираемой нами книги: онъ даже признается, что ему «трудно понять», какъ нѣкоторые люди осмѣливаются отнимать у логики законное ея право, тогда какъ эти же самые люди не видятъ ничего смѣшнаго и невозможнаго въ желанiи учить людей эстетическому вкусу. Скажемъ, однакожъ, съ своей стороны г. Zubовскому, что онъ очень ошибается, утверждая, что никому не кажется страннымъ учить эстетическому вкусу. Разумѣется, никто не находитъ ни невозможнымъ, ни предосудительнымъ изученiе законовъ вкуса, никому не прiйдегъ въ голову назвать смѣшнымъ стремленiе познать самого себя, привести въ ясное сознанiе тѣ законы, по которымъ человѣкъ мыслить, чувствуетъ и дѣйствуетъ, по учить мыслить, учить чувствовать... трудную задачу взяли вы на себя, г. Zubовскiй!

Научить человѣка, произвести въ немъ нравственный переворотъ, можетъ только долгая жизнь, долгiй, часто тяжело цѣною приобрѣтаемый опытъ, но отнюдь не логика, не эстетика и т. д. Правильное, здоровое мышленiе вырабатывается въ человѣкѣ непомерно-долго и стѣдитъ немощныхъ усилiй, упорной, настойчивой борьбы. Повѣривъ же на слово г. Zubовскому, подумаешь, что стѣдитъ только брать его книгу, выучить ее отъ доски до доски наизусть—и будешь уменъ, будешь правильно мыслить. Все это происходитъ отъ-того, что господа сочинители логикъ непремѣнно хотятъ, чтобъ наука ихъ была *полезною* наукою, а ужъ подъ пользою Богъ-знаетъ

чего ни разумѣютъ они! Конечно, если смотрѣть на логику, какъ на науку, имѣющую предметомъ открытiе критериума достовѣрности, то она несомнѣнно будетъ имѣть свое практическое приложенiе, но эта-то, можно сказать, главная задача логики именно и ускользаетъ отъ изслѣдованiй близорукихъ ея атлетовъ, и наука по-неволѣ дѣлается сборникомъ разныхъ пустыхъ формальностей и умственныхъ гимнастическихъ упражненiй.

Посмотримъ, однакоже, какимъ образомъ г. Zubовскiй учитъ мыслить своихъ читателей.

Издавна, со временъ Аристотеля, основателя формальной логики, изслѣдователи его признаютъ одну только форму мышленiя—форму силлогизма. Что же такое силлогизмъ? Силлогистическая форма мышленiя, отвѣчаютъ всѣ логики, есть не что иное, какъ извлеченiе изъ одного общаго предложенiя, рассматриваемаго какъ причина, какъ содержащее предложенiя частнаго, принимаемаго какъ слѣдствiе, какъ содержимое. Оба эти термина соединяются между собою третьимъ, который представляетъ ихъ взаимное отношенiе. Въ самомъ опредѣленiи силлогизма видна уже вся его несостоятельность, потому что общее предложенiе, на которомъ все зиждется, не можетъ быть ничѣмъ другимъ, какъ произвольно-взятою ипотезою. Вы хотите, напримеръ, узнать, смертны ли вы—силлогизмъ смѣло отвѣчаетъ вамъ: человѣкъ смертенъ, вы человѣкъ; слѣд., вы смертны... Какимъ образомъ дошелъ онъ до сознанiя, что человѣкъ смертенъ—онъ и самъ не понимаетъ, хотъ иногда и чудится ему, будто сквозь сонъ, что онъ узналъ о смертности человѣка именно потому, что навѣрное знаетъ, что и вы смертны и Иванъ смертенъ, и т. д. Спрашивается: какое изъ двухъ сравниваемыхъ предложенiй одно другое доказываетъ? и что такое самый силлогизмъ, какъ не безконечный, безвыходный кругъ, въ которомъ общее предложенiе доказывается частнымъ

и потому въ свою очередь доказыва-
етъ частное и т. д.

А угодно ли вамъ знать, какимъ об-
разомъ человѣкъ достигаетъ этихъ
непреложныхъ истинъ, которыя ста-
вятся потому въ члѣ силлогизма и
составляютъ основаніе и жизнь его?

На этотъ счетъ мы встречаемъ у
Дюмон-Дюрвиля весьма-поучительный
анекдотъ. Нѣсколько туземцевъ Новой-
Голландіи собрались около утеса и
свистали. Во время этого пріятнаго за-
нятія, утесъ оборвался и, разужьется,
передавиль ихъ всѣхъ. Вы скажете,
что все это произошло весьма-естест-
венно, что утесъ сорвался силою своей
собственной тяжести, отъ уничтоженія
связи, соединявшей его до-тѣхъ-поръ
съ горою... Но вѣдь это говорите вы,
матеріалистъ, а житель Австраліи,
глубокомысленный житель, сейчасъ
воспользуется подмѣченнымъ исправ-
леніемъ и не преминетъ сдѣлать слѣ-
дующій силлогизмъ: «утесъ», скажетъ
онъ себѣ: «стоялъ крѣпко на своемъ мѣ-
стѣ; къ нему подошли люди, начали
свистать, и онъ обвалился; слѣдователь-
но, стоя около утеса, никакъ не надо
дозволять себѣ свистать: иначе, онъ
обрушится и раздавить меня». И бѣд-
ный житель Австраліи, оцѣпленный
этимъ силлогизмомъ, не смѣетъ сдѣлать
свободнаго движенія, отказываетъ се-
бѣ въ удовольствіи свистать; для него
предложеніе «не должно свистать у
подножія утесовъ» уже дѣлается въ
свою очередь общимъ предложеніемъ
и разрождаетъ изъ себя цѣлыя сонми-
ща замысловатыхъ силлогизмовъ.

Но бѣдные жители Европы стро-
ютъ иногда силлогизмы даже почище
бѣдныхъ жителей Полинезіи. Намъ слу-
чилось однажды слышать, какъ одинъ
господинъ весьма-серьёзно увѣрялъ
друга, весьма-почтенной наружно-
сти, но поспиритѣ, что тотъ долженъ
ему повиноваться, дѣлая слѣдующій
силлогизмъ: я человѣкъ, ты человѣкъ;
слѣдовательно, ты рабъ мой. И смир-
ный господинъ повѣрилъ (такова оше-
ломляющая сила силлогизма!) и отдавъ
тому господину все, что у него на бы-

ло: и жену, и дѣтей, и, въ добавокъ,
остался даже очень-доволенъ собою...

Г. Зубовскій, въ свою очередь, ни-
какъ не хочетъ отстать въ изобрѣта-
тельности отъ подобныхъ господъ и
строитъ такого рода силлогизмъ: «всѣ
люди смертны; всѣ смертныя суще-
ства тѣлесны; слѣдовательно, нѣкто-
рыя тѣлесныя существа суть люди». Отъ-чего же «нѣкоторыя»? Логическая
послѣдовательность повелѣваетъ ска-
зать: «всѣ тѣлесныя существа люди». Слѣдуя этой методѣ, можно съ успѣ-
хомъ построить даже и такой силло-
гизмъ: сапоги смертны; человѣкъ не
сапогъ; слѣдовательно, человѣкъ без-
смертенъ.

Но г. Зубовскій и противъ этого при-
думалъ различныя предостерегатель-
ныя мѣры. Онъ предлагаетъ для руко-
водства при упражненіи въ построе-
ніи силлогизмовъ безчисленное мно-
жество гимнастическихъ и стратеги-
ческихъ подробностей, какимъ обра-
зомъ избѣгать силлогизмовъ *ялши-
выхъ, роатыхъ, луновъ, крокодиловъ*, и
т. д. Онъ не споритъ, что такой силло-
гизмъ, какъ, на-примѣръ, «человѣкъ
«есть земля (земля еси и въ землю отъи-
«деши); но земля есть планета, слѣдо-
«вательно, человѣкъ—планета», есть
плѣшивый силлогизмъ, болѣе-прілич-
ный въ устахъ суетнаго водевианста,
нежели въ головѣ здравомыслящаго че-
ловѣка; но спрашивается: чѣмъ же
этотъ силлогизмъ хуже приведеннаго
нами выше и утверждающаго, что нѣ-
которыя тѣлесныя существа суть лю-
ди?..

374) Приложенія Алгебры къ
рѣшенію Геометрическихъ За-
дачъ. Составилъ А. Н. К. Больманъ.
Кіевъ. Въ типографіи І. Вальнера. 1847.
Въ 8-ю д. л. X и 62 стр.

По распоряженію, сдѣланному въ
1845 году г. министромъ народнаго
просвѣщенія, въ гимназическій курсъ
математическихъ наукъ введено слѣ-
дующее прибавленіе

«Приложение Алгебры къ рѣшенію Геометрическихъ задачъ. Законъ однородности которому слѣдуютъ всѣ алгебраическія выраженія протяженій. Построеніе алгебраическихъ выраженій рациональныхъ и иррациональныхъ второй степени, изображающихъ линію, площадь, или объемъ. Построеніе корней уравненій второй степени съ однимъ неизвѣстнымъ.»

Однимъ словомъ, въ шестомъ классѣ гимназій слѣдуетъ преподавать элементарныя основанія аналитической геометріи, которыя обыкновенно и излагаются въ началѣ всѣхъ курсовъ этой науки—въ видѣ введенія. Чтобы доставить гимназистамъ удобовольствіе имѣть въ своей книжкѣ только то, что имъ нужно, стоило обработать такое введеніе, примѣняясь къ ихъ понятіямъ, изложить возможно просто и ясно, и издать, по-крайней-мѣрѣ *порядочно*—особой книжкой.

Господинъ Больманъ понялъ дѣло иначе. Указывая на приведенную статью министерскаго распоряженія, онъ говоритъ:

«Обширная эта статья, составляющая почти цѣлую (?) Т(т)еорію; извѣстнаго до времени Декарта, приложения Алгебры къ Геометріи, не включена въ руководства назначенныхъ для преподаванія...»

Чего?—отгадайте!...

«Не включена въ руководства, назначенныхъ для преподаванія Алгебры...»

Кто же пойдетъ искать въ конкретной наукѣ—алгебрѣ какого бы то ни было приложения? Но не въ томъ дѣло. Г. Больманъ надѣется, что онъ «*поспитъ въ полнѣ все различіе между приложеніемъ Алгебры къ Геометріи (.) извѣстными древними (.) и Аналитическою Геометріею новыми временемъ,*» и потому написалъ «Приложение Алгебры къ рѣшенію Геометрическихъ задачъ» въ вкусѣ древнихъ, усвоивъ этотъ вкусъ не только взгляду на науку вообще и на математику въ особенности, но даже грамматической сторонѣ своей довольно-небрежно изданной книжки. Но

кому подражалъ въ темнотѣ изложенія господинъ Больманъ, не знаемъ.

Послушайте изъ любопытства, какъ передаетъ разбираемая книга элементарныя основанія аналитической геометріи.

«До времени Декарта (для незнающихъ математики особенно полезно слышать объ исторіи ея развитія) знали только приложеніе А(а)лгебры къ опредѣленнымъ (?) геометрическимъ вопросамъ. Отрасль эта (?) древняго А(а)нализа, развиваетъ только умственные способности, (?) *посредствомъ отыскиванія способовъ, облегчающихъ вступаящуюся въ ней затрудненія, не способствуя ни мало развитію и усовершенствованію математическихъ наукъ.* Какъ все это понятно, для юности въ особенности!) Главною *характеристику* и основаніемъ математическаго А(а)нализа, *есть (?) произвольная перемѣна неопредѣленной количества.* Изъ этой общей и нравственной точки зрѣнія (?) въ позднѣйшія времена, согласно съ мыслями, брошенными Лейбницемъ и Ньютономъ, стали (?) разсматривать математику; переходили отъ самыхъ общихъ началъ къ частностямъ болѣе и болѣе подробнымъ, *открывая этимъ средствомъ истины прежде неизвѣстныя, и наконецъ (?) создали (?) самыя изящныя (?) теоріи какъ въ чистой (.) такъ и въ прикладной математикѣ.»* (Стр. 5).

Эту страницу мы заимствовали изъ несущественнѣйшей (теоретической) части книги; а и вся-то книга состоитъ изъ 46 страницъ...

375) Арифметика, составленная А. Киндеревымъ. Изданіе второе, исправленное и умноженное. Санктпетербургъ. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. 1847. Въ 8-ю д. л. 148 стр.

При томъ быстромъ развитіи, которое въ настоящее время обнаруживается во всѣхъ частяхъ педагогическаго, трудно помариться вообще съ вторыми и третьими изданіями учебныхъ руководствъ. Эти книги теперь какъ-то особенно скоро старѣются и послѣ весьма-непродолжительныхъ періодовъ существованія требуютъ не прибавленія и умноженія, а часто совершенной пере-

дѣлки. Сущность второго, исправленнаго и умноженнаго изданія «Арифметики» г-на Киндерера ничѣмъ не отличается отъ сущности ея перваго, неисправленнаго и неумноженнаго изданія, которое, въ свою очередь, ничѣмъ не отличается отъ современныхъ ему курсовъ счетной науки.

Этимъ слѣдовало бы и ограничить нашъ отзывъ о настоящемъ трудѣ г. Киндерера. Но такъ-какъ нѣтъ повода думать, чтобъ эта книга не была издава въ третій и четвертый разъ, а напротивъ все ручается за ея долговѣчность, то не бесполезно будетъ указать на нѣкоторые ея недостатки—хотя на два главнѣйшіе. Къ-тому же, авторъ, какъ педагогъ, не призналъ бы безусловной похвалы справедливою...

Эти недостатки, общіе, впрочемъ, большей части учебниковъ, суть:

1) Неудобопонятныя для дѣтей и потому неумѣстныя въ арифметикѣ метафизическія опредѣленія въ родѣ слѣдующихъ:

«*Величина или количество есть то свойство вещей вообще, по которому онѣ могутъ быть болѣе или менѣе.*»

Учащійся—чего добраго!—подумаетъ, что и то свойство резины или другаго тягучаго вещества, по которому оно можетъ быть болѣе или менѣе, также называется не растяжимостью, а величиною или количествомъ. Или:

«*Опредѣленное понятіе о какой либо величинѣ не иначе можно составить, какъ сравнить ее съ другою опредѣленною и известною величиною.*»

Прошу объяснить ученику, какъ составляются понятія, и что такое сравненіе, опредѣленные и известные величины, особенно если онъ будетъ принимать слово «*величина*» какъ «*свойство вещей быть болѣе или менѣе?*».. Или

«*Математика раздѣляется на чистую и прикладную. Въ первой разсматриваются величины сами въ себя, какъ бы независимо отъ видимой природы; во второй, на основаніи известныхъ (?) физическихъ свойствъ тѣлъ.*»

Трудно представить себѣ, чтобъ мальчикъ, начинающій учиться арифметикѣ, понялъ—какъ бы ни толковали ему—какимъ образомъ величины разсматриваются *сами въ себя* и какъ бы *независимо отъ видимой природы*... Слова: *чистая, прикладная, сами въ себя, видимая и невидимая, на основаніи, физическія, известные, свойства, тѣла*, произведутъ своимъ появленіемъ такой беспорядокъ въ его головѣ, что онъ, конечно, на первой же страницѣ откажется понимать то, что нужно выучить, и, безъ-сомнѣнія, распространитъ этотъ взглядъ на другіе, можетъ-быть, безвинные, удобопонятныя предметы.

2) Другой, столь же важный недостатокъ состоитъ въ безцѣльномъ и ничѣмъ-неоправдаваемомъ размноженіи терминовъ. Вообще термины въ учебникѣ, кажется намъ, то же, что терпінъ на воздѣланномъ полѣ: потому-что они, какъ голыя буквы, какъ слова съ условнымъ значеніемъ, которое нужно помнить и нельзя *поймать*,—не только не развиваютъ мыслящей способности ученика, но скорѣе задерживаютъ ея развитіе, обременяя безплоднымъ заучиваніемъ. Правда, иногда терминъ бываетъ необходимъ, облегчаетъ изложеніе; но какая необходимость заставила автора сдѣлать термины изъ словъ: «*измѣреніе или отнесеніе величины къ единицѣ*», число *отвлеченное*, числа *первыя или простыя, сложныя, первыя между собою, кратныя, составныя (именованныя сами-по-себѣ), предвѣдущія, послѣдующія; единицы большія, единицы меньшія, содержаніе (кромя отношенія)* и т. д.? Сверхъ-того, г. Киндеревъ иногда объясняется съ учениками такимъ образомъ, какъ-будто они прежде арифметики усѣли узнать по-латынѣ и знакомы съ Лжеакдромъ. На-пр.

«*Арифметика есть наука о числахъ, заключающая въ себѣ счисленіе (numeratio) чиселъ*»..

Или, говоря, что нѣтъ никакой разницы, умножить ли 4 на 3 или 3 на 4, онъ объясняетъ:

«Хотя это само собою кажется очевиднымъ, однакожъ некоторые Писатели считали нужнымъ доказать (какъ то сдѣлалъ Лежандръ въ своемъ сочиненіи, извѣстномъ подъ названіемъ: *Тео-рія чиселъ*)»...

Какъ учащійся ребенокъ будетъ помнить этого Лежандра, и какое выгодное понятіе онъ составитъ себѣ какъ о Лежандрѣ, такъ и о *нѣкоторыхъ писателяхъ!*..

3) Главнѣйшая же ошибка почтеннаго автора состоитъ въ томъ, что, *составляя* ариметику съ метафизическими опредѣленіями и даже латинскими терминами, онъ выпустилъ изъ вида мысль объ образованіи дѣтей, о развитіи ихъ способностей. Онъ смотритъ на учениковъ, какъ на существа, которыя не способны сдѣлать шага безъ руководства. Изучая ариметику по этой книгѣ, ребенокъ едва ли почувствуетъ нужду въ своемъ умѣ: ему все сказано и даже больше. Однимъ словомъ, авторъ забылъ основное — *sine qua non* — условіе всякаго учебника: *краткость и полнота*. Если бы намъ пришлось взять эту книгу въ руководство для преподаванія, мы, что-называется, *развѣтили бы* ее, т. е. въ 148 страницъ дали прочесть своему ученику сорокъ, много сорокъ-восемь страницъ, и увѣрены, что самый отсталой юноша зналъ бы вычеркнутое по собственному соображенію. Вычеркнули бы мы страницы такого содержанія, какъ, на-примѣръ, страница 9-ая.

«Здѣсь невзлѣзши показать примѣры сложения чиселъ, изъ которыхъ одинъ не имѣютъ столько цифръ, сколько другія. (Прежде уже было сказано, что единицы пишутся подъ единицами, десятки подъ десятками и т. д.)

« Пустьъ будутъ слагаемыя числа: 456, 7890,

« Порядокъ расположенія оныхъ сдѣлающей:

456
7890
. . . .

« Очевидно, что выводъ сложенія былъ бы тотъ же, если бы принято было иное расположеніе чиселъ.;

«Еслибъ подлежало сложить еще больше чиселъ; то сдѣлавъ нѣсколько частныхъ сложеній, общая сумма всѣхъ частныхъ суммъ покажетъ искомое число.

«*Посторкою сложеніемъ* называется способъ, посредствомъ котораго узнается вѣрность въ вычисленіи. (Чѣмъ же отличается *посторка сложенія* отъ цѣвѣрки вычитанія, умноженія и дѣленія?) Цѣвѣрце (?) это вообще необходимое, дѣлается различнымъ образомъ. Самый обыкновенный для этого способъ состоитъ въ томъ, что данныя числа слагаются вновь начиная снизу вверхъ, или сверху внизъ, смотря потому, какъ въ первый разъ произвели сложеніе сверху внизъ или снизу вверхъ; можно также переставить слагаемая числа въ иной порядокъ и вновь слагать. Во всѣхъ этихъ случаяхъ искомая сумма должна быть та же.

« Цѣвѣрка сложения дѣлается еще помощію вычитанія; объ этомъ сказано будетъ ниже, *послѣ изясненія* вычитанія. »

376) АРИМЕТИЧЕСКІЕ ЛИСТКИ, содержащія въ себѣ собраніе ариметическихъ задачъ, постепенно расположенныхъ отъ легкихъ до трудныхъ. Составлены Петромъ Гурьевымъ. Изданіе второе. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи. Въ 8-ю д. л. 274 и 56 стр.

Книга господина Гурьева — не книга, а... «Листки», вы думаете?—нѣтъ, не книга, а кладъ. У насъ, какъ и вездѣ, сильный недостатокъ въ хорошихъ наставникахъ, особенно для наукъ, которыя не доставляютъ преподавателямъ пріятнаго титула *ученикъ*. При этомъ недостаткѣ, часто не только ариметика, но и самая грамматика, облагороженная такъ-сказать гг. Гречемъ и Востоковымъ, преподаются людьми, для которыхъ иногда трудно выразить самыя простыя, по-видимому, мысли, какъ на-примѣръ:

«Какъ пишутся словами(?) числа: 2, 7, 171, 270 и т. п.?»

«Какъ означаются цифрами числа: тридцать пять, сто, три тысячи сорокъ и т. п.?»

«Что такое сложеніе?»

«Я задумалъ число, если къ которому прибавить еще трижды взятое то же чи-

сло, то будетъ 1000. Какое число я задумалъ?»

«8836—9245=?»

« $\sqrt{5,06}$ =?»

«Почему?»

«А третья?»

Чтобы учителя, затрудняющіеся выраженіемъ такихъ и имъ подобныхъ мыслей, впередъ не затруднялись — г. Гурьевъ составилъ «Листки», съ помощью которыхъ они не только избавятся отъ неприятели сидѣть съ ученикомъ молча, но даже могутъ ему что-называется «внушить»... такъ-что самый бойкій и, слѣдовательно, самый дерзкій мальчикъ зачнетъ, смутится, сконфузится и непремѣнно смирится.

Стѣить, заплативъ однажды-навсегда за труды г. Гурьева 1 руб. 50 коп. серебромъ, задать извѣстнымъ, знакомымъ всякому учителю тономъ вопросъ наъ «Листковъ». На-примѣръ:

«Объясните, какъ отъ повторенія единицъ происходятъ цѣлыя числа?»

«Что бы было, еслибы для изображенія каждаго числа былъ употребляемъ особый знакъ?»

«Какимъ образомъ опредѣляется достоинство цифръ?» и т. д.

Одинъ только промахъ сдѣланъ г. Гурьевымъ: въ концѣ книги у него помѣщенъ «Ключъ къ Арифметическимъ Листкамъ», въ которомъ есть отвѣты на всѣ вопросы, кромѣ послѣднихъ, наши приведенныхъ и имъ подобныхъ... А безъ нихъ что будетъ дѣлать учитель (которому нужны «Листки»), если ученикъ, не давъ отвѣта, попроситъ объяснить?..

Еще — не промахъ, а странность: во *второмъ, исправленномъ* изданіи «Листковъ» встрѣчаются въ числѣ «важнѣйшихъ опечатокъ» слѣдующія:

Вмѣсто: *въ остаткѣ*, напечатано: *въ частномъ*; вмѣсто: *къ меньшей*, напечатано: *къ большей*; вмѣсто: *картофель*, напечатано: *хлебъ*; и два раза вмѣсто «чаю», напечатано: «мукъ».

377) Начальные Основанія Геометріи, сочиненіе Сирода, перевелъ и дополнилъ рѣшеніемъ вопросовъ въ полѣ и съемкою плановъ Францъ Симашко,

артиллерій штабс-капитанъ, преподаватель математики и топографіи въ Павловскомъ Кадетскомъ Корпусѣ и Льскомъ Институтѣ. Часть I. Планиметрія. Санктпетербургъ. Въ тип. Винбергера. 1847. XIII и 250 стр.

Сочиненіе Сирода, говоритъ учебный переводчикъ, приобрѣло во Франціи всеобщую извѣстность и заслужило одобреніе Королевскаго Совѣта Публичнаго Обученія (Conseil royal de l'instruction publique). На русскій языкъ оно переведено въ томъ убѣжденіи, что и у насъ введутъ его въ употребленіе, предпочтительно передъ многими другими курсами геометріи. Этого можно надѣяться и должно желать.

При переводѣ, г. Симашко сдѣлалъ очень-дѣльные замѣчанія на текстъ автора и прибавилъ, какъ видно изъ самаго заглавія книги, полную статью о съемкѣ. Теорію съкущихся линий (transversales), весьма-удачно изложенную Сиродамъ, г. Симашко принялъ въ основаніе и при рѣшеніи вопросовъ въ полѣ. Черезъ это, рѣшенія выиграли въ простотѣ и общности. Эта теорія съ своимъ примѣненіемъ является на русскомъ языкѣ еще въ первый разъ.

Съемка плановъ, по различнымъ своимъ приложеніямъ, вошла въ курсы многихъ учебныхъ заведеній и, можно сказать, составляетъ нынче одинъ изъ предметовъ общаго образованія. Слѣдовательно, г. Симашко весьма-хорошо сдѣлалъ, что вслѣдъ за планиметріей помѣстилъ рѣшеніе вопросовъ въ полѣ и понятіе о съемкѣ менуолою, буссолью, астролябією и экеромъ. Въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ, по частной цѣли ихъ, надобно какъ-можно-раньше занимать учениковъ съемкою, а въ другихъ, гдѣ въ этомъ нѣтъ необходимости, рѣшеніе вопросовъ въ полѣ, посредствомъ кольцевъ, цѣпи и экера, все-таки доставитъ ученикамъ занятіе пріятное и полезное даже въ томъ отношеніи, что оживитъ для нихъ отвлеченную теорію геометріи. Такимъ-образомъ, изданная теперь первая часть курса составляетъ

отдѣльное цѣлое и можетъ совершенно удовлетворить тѣ заведенія, въ которыхъ математика преподается въ сжатомъ объемѣ. Вторую часть составить стереометрiа, съ примѣненiями автора о подобii и симетрiи, и съ приложенiемъ полной теорiи вервьера г. Симашки. Для удобнаго употребленiя книги, чертежи вырѣзаны на деревѣ и помѣщены въ текстѣ, а не особымъ атласомъ.

Мы совершенно раздѣляемъ мнѣнiе переводчика о пользѣ съемки плавновъ, которую онъ изложилъ сжато, но стройно, отчетливо, по новѣйшимъ правиламъ. Книга, о которой идетъ рѣчь, есть второй трудъ г. Симашки; первымъ былъ переводъ *Начальныхъ Основанiй Алгебры* Мейера и Шокэ, также съ примѣчанiями и дополненiями, который и призванъ у насъ лучшимъ руководствомъ по этой части. Геометрiа переведена тѣмъ же правильнымъ языкомъ, съ тою же добросовѣстностью, и потому, безъ сомнѣнiя, получить пальму первенства въ нашей геометрической литературѣ. Изданiе опрiятно, чертежи ясны.

378) Греческо-Русскiй Словарь, (?) А. К. Москва. 1847. Въ тип. Семена. 336 стр.

Странная книга! Никакого ни предисловія, ни поясненiя! Для кого написанъ этотъ лексиконъ? съ какою цѣлю? Рѣшительно не знаемъ. На заглавномъ листѣ, кромѣ выписаннаго нами заглавія, есть еще вишетка; нарисованы книги: однѣ стоятъ на полкахъ, другія лежатъ на полу; одна книга раскрыта; возлѣ чернилица. Престранная книга! Лексиконъ Папе (Pape), отличающійся отъ всѣхъ извѣстныхъ намъ лексиконовъ и сжатостью изложенiя, и умѣстительностью печати; одинъ изъ самыхъ лучшихъ въ настоящее время греко-нѣмецкихъ лексиконовъ, лексиконъ Папе, не претендуя вовсе на совершенную полноту, заключаетъ въ себѣ болѣе 2500 страницъ; а лексиконъ г. А. К. умѣстился всего на *трехстахъ тридцати-шести стра-*

ницахъ. Притомъ, страница словаря г. А. К. не равняется и третьей доли страницы лексикона Папе. Но, можетъ-быть, это краткій словарь? Краткій словарь долженъ имѣть какое-нибудь свое, специальное, особое назначенiе. Какое же назначенiе словаря г. А. К.? Составленъ ли онъ къ какой-нибудь хрестоматiи, или къ какому-нибудь писателю? Станный словарь!

Мы прочли его довольно-внимательно, и вотъ что нашли. Къ греческимъ словамъ прибаваны кое-какія русскія значенiя, но вездѣ неправильно. Полнейшiй нѣтъ никакихъ, рѣшительно никакихъ. Мы взяли на удачу три страницы, 206—208, разсмотрѣли ихъ, и нашли, что на этихъ трехъ страницахъ изъ 180 словъ, помѣщенныхъ на нихъ, 23 такія, какія не употреблялись въ классическомъ аттическомъ языкѣ. Изъ нихъ восемь такихъ, какія встрѣчаются только у греческихъ лексикографовъ: а такія слова, какъ извѣстно всякому, сколько-нибудь знающему греческій языкъ, важны только для ученыхъ изслѣдованiй объ языкѣ. И ученые-то никогда не полагаются безъ достаточной причины на авторитетъ лексикографовъ греческихъ: какъ же попали эти слова въ крошечный словарь г. А. К.? Изъ сказаннаго заключаемъ, что лексиконъ г. А. К. составленъ не съ специальною цѣлю. Иначе не вошли бы въ него слова, *никогда* не встрѣчающіяся у греческихъ писателей. На трехъ тѣхъ же страницахъ нашли мы три грубыя ошибки (о маленькихъ нечего говорить). *ἑοδος*, сказано, значитъ: восемь. Нѣтъ! осмерица (азвините за новое слово; впрочемъ, оно составлено по аналогiи: седмица, пятерица, осмерицный). Напечатано *οἶκος*; вѣсто *οἶκος*; *οἶμι* вѣсто *οἶμοι*. Что въ послѣднемъ случаѣ не опечатка, доказывается мѣстомъ, которое занимаетъ это слово въ словарѣ. Вотъ, что должны мы сказать только о трехъ страницахъ: судите сами, стоить ли послѣ этого говорить о прочихъ? Смотрѣли мы и прочiя: и тамъ то же самое!

Къ чему же составилъ г. А. К. та- или даже въ столицахъ, знавалъ такъ- называемыхъ (простымъ народомъ, т. е., родственниками, знакомыми) ученикъ, тотъ пойметъ причину, заставившую г. А. К. потратить и время и деньги на такой словарь. Чтобы понять, до какихъ крайностей можетъ довести такихъ ученыхъ разладъ науки съ жизнью, нужно повнакомиться съ двумя-тремя подобными господами. Они, обыкновенно, хранятъ въ себѣ нѣсколько вынесенныхъ ими изъ университетовъ или академій мыслей, познаній; хранятъ среди вялой среды, въ которой живутъ, во всякомъ случаѣ почтенную любовь къ занятію, къ наукѣ. По ихъ мысли и познанія становятся, наконецъ (и очень скоро), муміями; ихъ любовь къ наукѣ принимаетъ уродливое направление. Мы знали одного учителя, который, никогда не занимавшій исторію, вздумалъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, написать... введеніе въ исторію. Разумѣется, онъ для этого вовсе не считалъ нужнымъ познакомиться съ фактами, съ философіей исторіи: онъ даже и не могъ этого сдѣлать, не зная почти-вовсе иностранныхъ языковъ; возмѣлся надъ этимъ введеніемъ года четыре, постоянно объ немъ и думалъ, и говорилъ. Наконецъ, кончилъ, и послалъ печатать въ одинъ русскій журналъ. Такъ-какъ «Маяка» тогда уже не существовало, то, разумѣется, введенію мѣста не нашлось ни въ одномъ журналѣ... Онъ долго не понималъ, почему не печатаютъ его введенія!

Пусть извинитъ насъ г. А. К., что мы жестоко отозвались о его книгѣ. Намъ, право, больно не только разбирать, но даже слышать о выходѣ такихъ книгъ. Мы искренно убѣждены въ бесполезности его труда, искренно желали бы, чтобъ Русскіе, которые принимаютъ писать какую-нибудь книгу, предварительно познакомились со всѣмъ, что написано лучшаго о предметѣ ихъ книги, чтобъ они хорошенько опредѣляли, что, какъ и для чего

нѣмъ писать. Или ужъ пусть не пишутъ... Право, больно видѣть книги, подобныя книгѣ г. А. К.

379) Краткая Латинская Грамматика Цумта. Изданіе пятое. Москва. 1847. 232 стр.

Къ этому пятому изданію, г. Кубаревъ, переводчикъ «Краткой Грамматики» Цумта, прибавилъ изъ большой грамматикѣ Цумта же правило объ именахъ перваго склоненія, имѣющихъ въ дательномъ и творительномъ падежахъ множественнаго числа *abus*; потомъ о *nominativus cum infinitivo* и *participium futurum passivi* послѣ глаголовъ *dare, lascare* и тому подобныхъ; кое-гдѣ исправилъ. Неполно, почему такъ долго держатся переводы большой цумтовой грамматикѣ г. Попова и краткой г. Кубарева. Переводъ и г. Попова, и г. Кубарева очень-плохъ. Это извѣстно всякому, кто училъ или учился по этимъ книгамъ. Да и сама-по-себѣ грамматика Цумта порядочно отстала. Послѣ Цумта писали латинскую грамматикѣ Вильротъ, Малвигъ, Вайзеборнъ и многіе другіе. Всѣ позднѣйшія грамматикѣ далеко опередили цумтову. Эта грамматика имѣетъ свои важныя достоинства: она была первою хорошею латинскою грамматикою. Цумту, рѣшившемуся въ первый разъ очистить латинскую грамматикѣ отъ того хлама, которымъ завалили ее прежніе составители, нужно было все пересмотрѣть, перевѣрить, установить. Потому въ большой грамматикѣ своей онъ постоянно доказываетъ и оцѣняетъ: книга его наполнена больше, чѣмъ на половину, критическими изслѣдованіями. Цумтъ проложилъ дорогу для Вильротъ, Малвига. Только послѣ него возможно было написать такія прекрасныя грамматикѣ, каковыя эти двѣ. Но и того мало. Когда писалъ Цумтъ свою книгу, еще не выходили многіе замѣчательные труды нѣмецкихъ филологовъ, касающіеся объясненія и критики текста классическихъ латин-

ских писателей и разных отдѣльных областей латинской филологин. Всѣми этими трудами воспользовались позднѣйшіе грамматикн. Такимъ-образомъ, гнѣтъ, что Пумту нужно было еще доказывать, позднѣйшіе грамматикн пользовались, какъ уже доказаннымъ; что Пумту казалось исключеніемъ, то для нихъ было правиломъ. Отъ-этого, много исчезло въ латинской грамматикѣ исключеній, этой бѣды грамматической. Придедѣтъ время, когда не будетъ въ грамматикѣ, какъ латинской, такъ и во всякой другой, исключеній. Странное дѣло! Почему въ грамматикѣ есть исключенія, когда ихъ нѣтъ въ естественныхъ, на-прим., наукахъ, имѣющихъ дѣло съ чисто-матеріальной природой? Исключенія, по нашему мнѣнію, доказываютъ шаткость, неустойчивость, младенчество науки. Дѣйствительно, всѣ исключенія произошли или въ-слѣдствіе столкновенія, соединеннаго дѣйствія двухъ, трехъ законовъ въ одномъ случаѣ, или въ-слѣдствіе вліянія мѣстности, личности народа (иначе, въ-слѣдствіе географическаго или историческаго вліянія). Первый случай давно уже замѣченъ грамматиками; на второй обращено еще мало вниманія. Покажемъ примѣръ перваго случая хоть на греческомъ языкѣ; обращаемся къ нему, потому-что этотъ языкъ разумнѣе и послѣдовательнѣе всякаго другаго языка. Греческія слова могутъ оканчиваться на гласныя и только на три согласныя (даже, собственно говоря, полусогласныя): *ν, ρ, σ*. Причина этому понятна: Грекъ, заботившійся такъ о благозвучіи, естественно долженъ былъ не терпѣть жесткихъ окончаній на согласную. Это одинъ законъ. А вотъ другой. Именительный падежъ единственнаго числа именъ средняго рода образуется въ извѣстныхъ случаяхъ изъ основы (или корня) безъ всякаго измѣненія. А если основа будетъ оканчиваться на такую согласную, какихъ греческій языкъ въ концѣ не терпитъ, что тогда дѣлать? Разумнѣется, такую согласную

откинуть; если ихъ двѣ, обѣ откинуть: *σματ — σμα, γαλακτ — γαλα*.

Вернемся теперь къ книгѣ г. Кубарева. Мы отъ души желаемъ, чтобъ ничто не помѣшало г. Гофману издать обѣщанную имъ въ предисловіи къ «Донату» (книгѣ, разобранный нами въ прошломъ мѣсяцѣ) полную латинскую грамматикку. Г. Гофманъ, будучи знакомъ со всѣмъ, что написано хорошаго о латинской грамматикѣ, напишетъ безъ сомнѣнія такую книгу, которая вытѣснитъ книги и г. Попова, и г. Кубарева, и г. Снегирева, Беккера, и прочія, и прочія. А пока, мы опять совѣтуемъ всѣмъ, занимающимся латинскимъ языкомъ, замѣнить ихъ «Донатомъ». Лучше этой книги на русскомъ языкѣ теперь нѣтъ.

380) И. Г. Зейденштюкера На-чальныя Правила для обученія Французскому Языку. Курсъ Пер-вый или № I. Въ пользу русскаго юношества составленные и дополненыя. А. Нувелемъ. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. Карла Крайя. Въ 8-ю д. л. 178 стр.

Не одинъ разъ случалось намъ говорить о книгахъ, составленныхъ по методѣ Зейденштюкера для обученія языкамъ французскому, латинскому и нѣмецкому, а можетъ-быть еще и другимъ... право, трудно вспомнить, сколько издано у насъ книгъ, составленныхъ по методѣ этого счастливаго Нѣмца. Еще недавно извѣщали мы о руководствѣ его къ обученію французскому языку, издаваемомъ подъ эгидою книгопродавца Поляковъ; теперь другой книгопродавецъ, г. Петръ Заикинъ, издаетъ то же, но *составленное и дополненное* г-номъ Нувелемъ. И все то благо, все добро!.. Дѣ, мы нисколько не сомнѣваемся, что по всякому руководству можно учиться — все зависитъ отъ того, каковъ учитель. По-крайней-мѣрѣ, методы Зейденштюкера не говорятъ, что по нимъ можно учиться безъ учителя, самоучкой, и не увѣряютъ, что онѣ-то истинныя самоучки-

тели, какъ увѣряютъ нынче многіе, возобновляя старую моду. Но хорошій учитель извлечетъ истинную пользу изъ всякой книги, а плохой ничего не сдѣлаетъ при пособіи всей учебной литературы. Жакотъ беретъ первую книгу, какая попадется, и развиваетъ изъ нея весь языкъ, потому-что, по справедливому его замѣчанію, въ каждой книгѣ заключается весь языкъ. Послѣ этого, книги для изученія языковъ составляютъ только удобство, которое учитель примѣняетъ къ своимъ способностямъ и даже своимъ повѣрѣямъ; а для мастера своего дѣла, книга Зейденштюкера, изданная г-мъ Поляковымъ, или изданная г-мъ Заикинымъ, право, все равно — дай Богъ только, чтобъ въ ней не было какихъ-нибудь грубыхъ ошибокъ и противорѣчій. Мы не замѣтили ихъ въ «Курсѣ I-мъ или № I-мъ»; да и могутъ ли быть они, когда книгу пересматривалъ такой опытный учитель, какъ г. Нувель? Это уже не первый трудъ его. Но дѣйствительно ли принесетъ книга его такую пользу въ рукахъ *всякаго* учителя, какъ въ рукахъ его-самого — это вопросъ № 2-й. Г. составитель книги помѣстилъ въ ней много разныхъ пословицъ; между прочимъ и евангельское изреченіе: *De l'abondance du coeur la bouche parle* (отъ избытка сердца уста глаголютъ) вошло въ разрядъ пословицъ и поговорокъ. Совѣтуемъ ему, вмѣсто этого, поставить известное изреченіе Суворова: «Дѣло мастера боится, а у лѣниваго крестьянина и хлѣбъ не родится». Такая практическая истина всего лучше примѣняется къ учащимъ и учащимся иностранному языку.

Самую методу Зейденштюкера объяснять нечего: она слишкомъ-известна. Сначала заставляютъ ученика выучить: *le père*; потомъ: *bon*; потомъ онъ скажетъ: *le bon père*, и такъ, по одному словечку, дальше и дальше — а наконецъ и выучится. Одинъ учитель математики говорилъ же своимъ ученикамъ: «Государь мой! да выучивайте вы каждый день по одной тео-

ремкѣ, такъ и узнаете всю математику». Такъ велитъ учиться и Зейденштюкеръ. Выучивайте по одной теоремкѣ! Но другой учитель станетъ упражнять въ языкѣ всеми способами, какіе только можетъ употребить, и книга Зейденштюкера все-таки будетъ пособіемъ не хуже другаго. Былъ бы только учитель мастеръ своего дѣла.

381) Педагогическая Гимнастика (,) со включеніемъ плавательнаго искусства. *Руководство къ физическому воспитанію дѣтей, систематически составленное* Ф. Э. Германомъ, учителемъ при Главн. Нѣмец. Училищѣ св. Петра. Съ 32 изображеніями. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. книжнаго магазина Н. Крашенинникова и Комп. Въ 12 ю. л. XIII и 499 стр.

Мы очень-спокойно принялись-было за чтеніе «Педагогической Гимнастики»; но она пробудила въ насъ самую умѣренную веселость, которая, надобно полагать, принадлежитъ также къ гимнастическимъ упражненіямъ, когда ее производить даже чтеніе книги о гимнастикѣ. Судите сами. Г. сочинитель такъ опредѣляетъ излагаемый имъ предметъ:

«Подъ словомъ «гимнастика» подразумевается искусство *тѣлесныхъ упражненій*, или систематически расположенныя правила постепеннаго руководства (?) отъ простыхъ до болѣе сложныхъ упражненій тѣлесныхъ.... *Послѣдовательность уроковъ и правила гимнастики основываются на познаниихъ анатоміи* человеческого организма.»

Нашъ организмъ опять пришелъ въ послѣдовательность веселости отъ тако-го опредѣленія, выраженного, конечно, съ гимнастическою постепенностью. Слѣдующій за тѣмъ «историческій взглядъ», гдѣ г. сочинитель такъ хорошо говоритъ о Спартѣ и Ликургѣ, объ Афинахъ и о Персіанахъ, о Базедорѣ (не Базедовѣ ли?), о *человѣколюбивой мастерской*, о Сальцманѣ (не Зальцманѣ ли?) и Гутемутѣ (не Гутемутѣ ли?), и вообще все, что говорить

онъ о методѣ, которая состоитъ въ томъ, чтобъ дѣти учились играть, произвело въ насъ много новыхъ гимнастическихъ ощущений. Не любопытно ли, на-прим., что въ заведеніи Сальц-мава, пудры, косы, парики и т. п. предметы считали не нужными и лишними вещами? Въ этой школѣ знали компли юношей со всѣми гимнастическими упражненіями, какъ-то: съ лазаніемъ, бораніемъ, качаніемъ, плаваніемъ. Какой-то Янъ называлъ это «турновыиъ искусствомъ» (см. стр. 10)... Короче сказать, прочитавъ «Историческій Взглядъ на Гимнастику», мы уже совершенно убѣдились въ дѣйствительность ея существованія; а слѣдующая за тѣмъ глава: «Выгоды и значеніе тѣлесныхъ упражненій для воспитанія и жизни», открыла намъ еще новыя истины. Вы глядите?—хорошо; но знаете ли, что вы дѣлаете, когда глядите, то есть, что значитъ самый актъ *младьянїа*? Это гимнастика, милостивые государи! Да, гимнастика! И вотъ какъ доказываетъ это г. сочинитель:

«Въ то самое время, когда дитя начинаетъ только употреблять произвольно свои мышцы, и душа его начинаетъ обнаруживать внутреннїя чувствованія *деиженїями*; оно устремляетъ глаза на опредѣленный предметъ, удерживаетъ на немъ взглядъ, если онъ возбуждаетъ вниманіе, улыбаются потомъ, если онъ ему нравится, или обнаруживаетъ свое неудовольствіе скорымъ отвращеніемъ взгляда» (стр. 12—13).

Дитя закричало? Гимнастика! Тутъ-то и надобно начинать учить его правиламъ этого удивительнаго искусства, удивительнаго несомнѣнно, потому что, наконецъ, дитя даже во снѣ продолжаетъ правильныя въ немъ упражненія. Не вѣрите? Послушайте печатнаго:

«Ребенокъ, приыкнувшій въ бодромъ состояніи свободно производить различныя измѣненія въ положеніи своего тѣла, т. е. свободно перемѣняться съ одного бока на другой, распрямляться, сгибать-

ся,—и съ силами *состоянїи*, не прерывая сна, все это *сдѣлать* и легко и удобно» (Стр. 13).

Послѣ этого мы готовы вѣрить всѣмъ чудесамъ гимнастики, и готовы были бы передать ихъ всѣ нашимъ читателямъ; но языкъ Педагогической Гимнастики дѣлается такъ мудренъ, когда начинается описаніе самихъ гимнастическихъ упражненій, что мы кладемъ перо и отдыхаемъ... Надобно собраться съ силами, чтобъ переписывать техническія слова, какъ-то удивительно оканчивающіяся на *анїе*, *анїе*, *инїе*, *елїе* и какъ-то непонятно непроницающія до общаго разумѣнія. Научите насъ сначала провикать такой языкъ, какъ, на-прим., слѣдующія фразы:

«Здоровое дитя обнаруживаетъ свою склонность къ *физическому трудолюбію*; посему не должно запрещать дитяти прыганїе, бѣганїе и скаканїе, пошенїе и тасканїе, наклоненїе и сгибанїе; все это вызываетъ къ дѣятельности физическія его силы, все это своего рода трудолюбіе, работа» (стр. 25).

Но это еще ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что находится въ описаніи упражненій, которыя всѣ, какъ командныя слова, пишутся съ восклицательнымъ знакомъ. На-прим.: «Качаніе на цыпочкахъ! Малое колѣносгибанїе! Большое колѣносгибанїе! Сидячее прыганїе! Скаканіе въ сидячемъ положеніи! Прыганіе съ большимъ колѣносгибанїемъ! Опусканіе на одну ногу! Прыганіе на одной ногѣ! Прямо впередъ съ притягивающими концами ногъ! Поворачиваніе туловища на бедрахъ!..» И такъ далѣе, тысяча-одно *анїе*! Что поймемъ тутъ мы изъ всѣхъ этихъ описаній? Можетъ-быть, вы думаете, что подробности каждаго *анїа* будутъ вамъ понятныя самихъ терминновъ? Извольте, мы представимъ вамъ образчики и подробности. Вотъ, на-прим.,

Прыганїе съ большимъ колѣносгибанїемъ.
«Должно сдѣлать глубокое колѣносгибанїе и сильно раскачивать, распрямляя на

воздухъ ноги; потомъ опускаться плавно на цыпочкахъ, сгибать въ то же время колѣни до большого колѣносгибанія и опять вскакивать; это должно повторяться нѣсколько разъ.»—*Прыганіе на одной ноге!* Должно скакать на одной ногѣ такъ высоко, чтобы другой ударить задницу (?). Прыганіе производить на цыпочкахъ.»—*Прыганіе на обѣихъ ногахъ!* Должно, ставъ на цыпочки, сильно прыгнуть вверхъ, такъ чтобы обѣими пятками ударить задницу, и потомъ опуститься опять на цыпочкахъ, не сгибая колѣнъ.»—*Переменный ударъ!* По этой командѣ должно попеременно ударять пятками задницу. Ляжки не должны быть въ большомъ движеніи и колѣны не подаваться впередъ.»

Воля ваша, мы тутъ ничего не понимаемъ, кромѣ того, что надобно какъ-то ударить себя! Не-уже-ли можно выучиться гимнастикѣ изъ такихъ описаній? Да, вы, можетъ-быть, думаете, что изъ 32 *изображеній* можно лучше понять что-нибудь? Но что они изображаютъ? Какихъ-то стариковъ, въ пресмѣшныхъ и неестественныхъ положеніяхъ, которыхъ такъ же нельзя понять, какъ и словъ, описывающихъ ихъ.

Плаваніе изложено невразумительнѣе гимнастики, и если *плывіе, кричаніе, смѣланіе*, и подобныя тому гимнастическія упражненія производятъ что-нибудь полезное въ гимнастическомъ смыслѣ, то книга Педагогическая Гимнастика можетъ быть очень полезна. Но научиться изъ нея нельзя ни гимнастикѣ, ни плаванію. Это можно сказать навѣрное.

383) Дѣтскія Повѣсти и Стихотворенія Александра Давыдова. Москва. Въ университетской тип. 1847. Въ 12-ю д. л. 150 стр.

Авторъ, имѣющій честь быть во многихъ домахъ Москвы русскимъ учителемъ, думаетъ, что недостатокъ русскихъ дѣтскихъ повѣстей зависитъ отъ недостатка занимательныхъ русскихъ сюжетовъ (ибо, по его странному убѣжденію, русская дѣтская повѣсть дол-

жна быть непременно съ русскимъ сюжетомъ), «но гдѣ взять» говоритъ онъ «этотъ занимательный русскій сюжетъ для дѣтей, которые отъ самой колыбели окружены такими блестящими и величавыми гувернёрами и гувернантками, для дѣтей, которые такъ *зуманно* образованы, такъ отчетливо и ясно знаютъ всю прекрасную Францію съ ея славнымъ городомъ Парижемъ, со всею ея цѣлущею природою, со всѣми ея историческими диковинками — словомъ сказать, со всѣмъ, что есть въ мірѣ кромѣ Россіи — какъ-будто она одна, ихъ отечество, земля невѣдомая и неоткрытая!»

Изъ пролической выходки автора видно, что онъ имѣетъ въ виду преимущественно классъ тѣхъ читателей, которые съ самой колыбели окружены гувернёрами и гувернантками... Мы знаемъ, какой это классъ и вы его знаете; но охота же вамъ, почтенный авторъ, заботиться о тѣхъ, которые нисколько не заботятся о вашихъ заботахъ? Они рѣшительно не имѣютъ нужды ни въ одолженіяхъ, ни въ благодарности за одолженія. Зачѣмъ имъ повѣсти, свои и чужія? У нихъ есть много дѣлъ, кромѣ снисходительности читать посвящаемыя имъ творенія... Если они и читаютъ русскихъ авторовъ, то, болѣею частію, такихъ, которые писали по-французски.

Притомъ, не совсѣмъ они и виноваты, или, говоря проще, не совсѣмъ вы правы. Вы упрекаете ихъ за незнаніе великаго князя Олега или великой княгини Ольги. Конечно, такое незнаніе предосудительно; но, съ другой стороны... попробуйте-ка написать занимательный романъ или хоть занимательную повѣсть, гдѣ бы дѣйствовали Олегъ или Ольга... нѣтъ, трудно. Вотъ вы и написали семь штукъ въ стихахъ и прозѣ, а что въ нихъ интереснаго? Ничего, кромѣ развѣ разговора дѣдушки съ внучкой, когда дѣдушка, указывая ей на блюсть,

говорить пресерьёзно: «сей бютъ представляеть... Какъ послѣ этого звучамъ, не смѣяться...

384) Буква Ъ. *Руководство къ употребленію этой буквы въ письмѣ, составленное А. Бѣлосѣловымъ. Санкт-петербургъ. Въ тип. Гилца. 1847. Въ малую 8-ю д. л. 127 стр.*

Берегъ, берегъ! несчастные пловцы по морю русскаго правописанія! Буква Ъ, т. е. маленькое руководство къ употребленію этой буквы, есть та утлая ладья, которая выноситъ, наконецъ, насъ съ вами, почтенный читатель, изъ хлябей, устроенныхъ нашею грамматикою между буквами е и ѣ. Г. Бѣлосѣловъ искусный кормчій; онъ, опершись на правила употребленія буквы ѣ, какъ на руль, искусно и бережно, подобно вашему доброму генію, доставитъ насъ въ мирную пристань, гдѣ буквы е, ѣ и ѓ не волнуются, не набѣгаютъ другъ на друга, не оспариваютъ другъ у друга завиднаго права играть первую роль въ русской орфографіи, но гдѣ онѣ, построенныя въ рядъ, чинно, по мѣстамъ будутъ приѣтствовать насъ стройными звуками; звуки эти не что иное, какъ правила употребленія ихъ въ письмѣ съ пользою и пріятностію для себя и для другихъ. Да, г. Бѣлосѣловъ могъ бы назвать свою книжечку: «Нѣтъ больше несчастія отъ буквы Ъ», еслибъ у насъ не было книжекъ «Нѣтъ больше геморою» и «Нѣтъ больше несчастія въ любви»; только эти книжки, должно быть, остановили г. Бѣлосѣлова отъ такого справедливаго заглавія. Геморою все еще сильно гнѣздится между усмѣчливыми русскими людьми, любовь все еще дѣлаеть много несчастій въ сердцахъ ювошей, а Буква Ъ доставитъ спасеніе не одному мальчику и избавитъ отъ затрудненія не одного взрослога челоука...

Затрудненію, порождаемому буквою ѣ, давно старались помочь люди благомыслящіе. Въ 1815 году, была издана Россійскою Академіею книжка подъ заглавіемъ: «Правила о Ъ, LV. — Отд. VI.

употребленія въ письмѣ буквы Ъ, составленыя П. С....» Но это изданіе устарѣло для нашего времени и не вполне удовлетворяеть своему назначенію. Въ немъ заключается нѣскольکو общихъ правилъ, гдѣ пишется и гдѣ не пишется эта буква, и «Полная Роспись» словъ, въ которыхъ она встрѣчается. Но дадимъ мѣсто г. Бѣлосѣлову произнести судъ надъ этой книжечкой и правилами, въ ней изложенными:

«Въ этихъ правилахъ есть промахи. На-пр. тамъ сказано: «Глаголы, въ первомъ лицѣ настоящаго времени, кончащіяся на ю и требующіе передъ сею буквою звука буквы е, пишутся во всѣхъ наклоненіяхъ и временахъ чрезъ ѣ, на-пр. шлю, шилъ, шлешь, шлющій» и т. д., между-тѣмъ, какъ есть глаголы, и не кончающіяся на ю, которые пишутся чрезъ ѣ; на-пр. сижу, гляжу, вижу—сидѣлъ, глядѣлъ, видѣлъ: есть и такіе, которые и не требуютъ предъ буквою ю звука е, а между-тѣмъ все-таки, въ другихъ видахъ, пишутся чрезъ ѣ; на-пр. зрю — зрѣлъ, зрѣшь, зрѣшій, смотрю — смотрѣлъ, смотрѣлъ, смотрѣшій, и пр. Вообще же эти правила, будучи написаны слишкомъ кратко и безъ системы, только запутываютъ, а не проясняютъ дѣло.

«Что касается до «Полной Росписи» — она, можетъ-быть, дѣйствительно была полна въ 1815 году. Но съ-тѣхъ-поръ въ языкѣ многое измѣнилось...»

Сверхъ-того, Россійская Академія, въ-слѣдствіе своего ученаго взгляда на букву ѣ и ея употребленіе, помѣстила въ «Росписи» такія слова, которыхъ никогда не употребляютъ, на-примѣръ: «любѣрѣтися, благодѣлати, благоосвоиственнѣй, возмиѣти, врѣати, духовнѣ, доздѣ» и выпустила изъ «Росписи» такія слова, которыхъ употребляютъ. Сверхъ-того, многія слова, которыхъ тогда писались чрезъ букву ѣ, теперь пишутся чрезъ букву е. Все это вызывало новое руководство къ употребленію буквы ѣ. Г. Бѣлосѣловъ написалъ такое руководство для лицъ двухъ родовъ: 1) Для тѣхъ, которымъ нѣтъ охоты и некогда знать, но-
3

чему пишется буква ъ въ известномъ случаѣ, а не е, между-тѣмъ, настоятъ крайняя необходимость узнать въ ту же минуту какъ пишется, или справиться *такъ ли?* Для этихъ лицъ составленъ по азбучному порядку новый *списокъ словъ*, въ которыхъ слѣдуетъ писать букву ъ и вмѣсто общихъ правилъ — *шесть таблицъ*, гдѣ правила представлены въ примѣрахъ. 2) Для тѣхъ лицъ, которыя хотятъ знать, почему употребляется буква ъ; для нихъ приложенъ «особый крошечный трактатъ» о происхожденіи и мѣстѣ буквы ъ въ русскомъ языкѣ и тщательно-составленный *Словарь Корней*, которыя, заключая въ себѣ букву ъ, разсодятъ ее по всѣмъ своимъ производимымъ *отглаголима*, сколько бы ихъ ни было, теперь или *создаки*...

Вообще же, г. Бѣдосеоловъ написалъ свою книжечку для всѣхъ, т. е. и для тѣхъ, которые хотятъ справиться только какъ писать, и для тѣхъ, которымъ нужно знать почему пишется буква ъ—по слѣдующей причинѣ: по крайней дещевизнѣ. «Мое стремленіе» говорить оны: «было пустить эту книжку какъ только можно дешевле, и если ея цѣна покажется кому-нибудь все еще дорогою — это уже не моя вина. Намъ этого не показалось, ибо всѣ правила, разсужденія, таблицы и списки словъ на веленовой бумагѣ стдють только 35 к. с., а на простой бѣлой бумагѣ 25 к. с. Это дѣлаетъ книжку доступною для всѣхъ.

385) *Совѣты о (?) Холенъ. Наставленіе какъ вести себя во время эпидеміи (?) и въ случаяхъ (?) болѣзни. Сочиненіе доктора Ф(Ф)едора Гинце, статскаго совѣтника, старшаго ординатора градской Обуховской Больницы. Переводъ съ нѣмецкаго. Санктпетербургъ. Въ тип. К. Крайя. 1847. Въ 8-ю д. л. 27 стр. Цѣна 20 к. серебромъ.*

Въ наше время, наобно очень и очень мастерски писать наставленіе для народа, и отнюдь не воображать, что написанное нами не подпадетъ

осужденію, а пріймется за алкоранъ. Конечно, все, что приносится на общую пользу, похвально; но когда въ этомъ дарѣ не находишь интереса, то невольно пожалѣешь, что иной досужій сочинитель напрасно тратитъ время; типографщики и продавцы бумага еще никому не совѣтовали беречь деньги: по нимъ печатайте что угодно, лишь бы дозволяла цензура... Обращаемся къ брошюрѣ доктора Гинце, изданной на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ. Въ предисловіи видимъ, что «брошюра написана для народа (?) и не имѣетъ никакихъ притязаній на ученость, на ученое изложеніе и красоту слога; авторъ нарочито старался избѣгать всякихъ техническихъ выраженій» (неправда, какъ видно на стр. 9), «лишь бы остаться понятнымъ свѣтскимъ людемъ» (слѣдовательно, брошюра назначается не для черни) «и въ ясныхъ словахъ описать, какъ должно держать себя во время холерной эпидеміи, особливо же, какъ дѣйствовать въ случаѣ болѣзни самими до врача». Теперь видите, какая цѣль брошюры? Введеніе начинается рѣшеніемъ вопроса: будетъ ли холера въ Петербургѣ, или не будетъ? Докторъ Гинце рѣшаетъ этотъ вопросъ *утвердительно*, т. е. что холера будетъ, и старается объяснить вопреки обѣщанію — не имѣть претензій на ученость — сущность холеры, паралича. Что же такое холера?

«Параличная онемѣлость гангліозной системы (а еще въ предисловіи обѣщано не употреблять техническихъ выраженій!), онемѣлость солнечнаго нервного сплетенія и оттого расслабленіе всего пищеварительнаго снаряда, прекращеніе большаго кровообращенія и зависящей отъ него животной теплоты. Дѣйствіе сердца ограничивается малымъ кровообращеніемъ до тѣхъ поръ, пока и оно подвергнется параличу и сердце перестаетъ биться. Если такова болѣзнь, а она точно такова, то наша задача слѣдующая: прилагать всѣ способы, чтобы остановить начинающуюся или продолжающуюся онемѣлость и выш-

ратъ такіа средства, которыя могутъ доводить сердце до крайняго предѣла его кровообращательной силы, чтобы отогнать (?) кровь въ поверхностныя окрестности сосудовъ большихъ органовъ, у которыхъ мѣстѣ съ натуральнымъ теченіемъ крови быде отнято и условіе жизни.

Изъ этого узнаете ли, что за болѣзнь холера? Въ статьѣ какъ держать себя во время эпидеміи (?) докторъ Гинце представляетъ на страницахъ 12 и 13 сравненіе вышѣшняго 1847 года съ 1831 годомъ, какъ-будто ужъ холера въ гостяхъ у насъ. Что это за средства и способы къ предохраненію себя отъ эпидеміи, предлагаемыя докторомъ Гинце? Извольте читать.

«Первое и главнѣйшее дѣло упорядочить (!!) нашу діету. Грибы, огурцы и всѣ плоды безъ исключенія должны быть изгнаны изъ (съ) нашего стола. Всѣ пучажія(е) овощи, капуста, рѣпа, горохъ, также должны быть употреблены въ пищу съ осторожностію. (Кажется, и огурцы и грибы и всѣ плоды не повредятъ при осторожности?). Главнѣйшею пищею должны служить мясо (конечно, хорошее), рыба (тоже не всѣ виды рыбы и не во всякомъ видѣ ихъ приготовленія?) вмѣстѣ съ молочными и мучными блюдами (это-то наипрѣе сродно русскому народу, а наставленіе, кажется, писано для него). Лучшій напитокъ вода съ виномъ (хлѣбный?) или горькое пиво (а квасъ хорошій?) Крѣпкія вина: португійскіе, мадера, кересъ въ умеренныхъ количествахъ, такъ же, какъ и горькая водка (какая это водка?) поддерживаютъ теплоту желудка, помогаютъ пищеваренію и препятствуютъ вредному образованію пученья (желудка?) и жидкихъ испражнений. Квасъ (такъ ли?) и кислые щи производятъ противное. Шампанское по моему мнѣнію слѣдуетъ вовсе изгнать изъ употребленія, потому-что оно у многихъ производитъ жидкія испражнения и ослабляетъ пищевареніе. Праздники (?) и вечерянки, балы и увеселенія, сами собою прекращаются.»

Вотъ это viscusъ всего, что относится до діеты. Изъ статьи, *Какъ должно вести себя въ случаѣ припадковъ холеры*, вышесказанное одно положеніе:

«Дѣятельность сердца должно усилить до послѣдней возможной степени его реакціонной способности, притомъ такъ, чтобы сердце получило силу снова разжидать кровь, стеснившуюся въ большихъ сосудахъ, и возвратитъ живительную теплоту крови всѣмъ частямъ тѣла, которыя уже поражены мѣстною смертію.»

Поймутъ ли это ширіе? Должны понять: вѣдь это написано для нихъ. Въ заключеніи докторъ Гинце рассказываетъ, какъ онъ лечилъ (1831) холерныхъ больныхъ въ Сомнѣ, въ Новгородской-Губерніи, куда былъ откомандированъ.

Правда, при чтеніи сочиненія доктора Гинце представляется, что у автора haerebat aliquid in mente, но это выразилъ онъ неясно, несвязно; желая передать его мысли на русскомъ языкѣ, услужливый переводчикъ спуталъ ихъ еще болѣе. Но сважомъ серьезно, что пора уже перестать писать наставленія о холерѣ (*).

Что дѣлать, когда появится холерная эпидемія, какъ лечиться отъ нея, обо всемъ этомъ уже напечатано нѣскольکو разъ во всеобщее извѣстіе, — больше не нужно.

386) НАСТАВЛЕНІЕ, какъ должно составлять врачебно-психологическія сѣдательства, чтобы они могли соответствовать цѣли судьи, для судебныхъ врачей и правовѣдовъ. Сочиненіе Гоѣбауера. Переводъ Ивана Арнольда, члена Физиката и пр. Разсмотрѣнный Медицинскимъ Совѣтомъ. Санктпетербургъ. 1847. Въ 8-ю д. л. 39 стр.

«Если врачъ приглашается судьей къ изслѣдованію состоянія души какаго-либо лица и къ обсуживанію этого состоянія

(*) Въ одномъ изъ такихъ наставленій пріятель нашъ нашелъ вотъ какую странность: «Когда есаушеръ извѣщенъ будетъ о заболѣвшемъ холерою, то обязанъ, перекинувъ сумку съ лекарствами чрезъ плечо, немедленно отправиться къ больному». Видите, нельзя взять эту сумку въ руки, а надобно перекинуть чрезъ плечо!

по правилам врачебной науки и опытности, то составленное по этому случаю письменное изложение (?) врачи съ совокупности (?) называютъ *врачебно-психологическимъ свидѣтельствомъ*.

Цѣль такого свидѣтельства та, чтобъ объяснить судьбу, страдаетъ ли въ настоящее время то лицо, о которомъ идетъ дѣло, психическою болѣзнію, или не страдало ли прежде. Такія свидѣтельства требуются по дѣламъ гражданскимъ, уголовнымъ и политическимъ. По дѣламъ гражданскимъ, по мѣшину г. Гофбауера и г. Арнольда, въ слѣдствіе такого свидѣтельства, можно узнать слѣдующее: имѣетъ ли лицо способность управлять своимъ имѣніемъ, или занимать должность, заключить торгъ, контрактъ... (стр. 7). Можно узнать, *кто сумасбродный, кто сузбродный и кто дуракъ* (стр. 12)... Да это просто находка, если только «Наставленіе» не беретъ на себя черевъчуръ много!

387) *Управитель Русскаго Имѣнія. Сочиненіе барона А. Боде. Санкт-петербургъ. 1847. Въ 12-ю д. л. 120 стр.*

Баронъ А. Боде развиваетъ такую мысль, что хорошій управитель — человекъ почтенный и весьма-полезный. Опровергать эту мысль значило бы доказывать, что управитель можетъ быть и не человекъ, или, что еще труднѣе, что хорошій человекъ можетъ быть непочтеннымъ и бесполезнымъ человекомъ. Другими словами: аксіома, которую доказываетъ баронъ Боде, не требовала доказательства, или сочиненіе книжки (это не книга) подъ заглавіемъ «Управитель Русскаго Имѣнія» есть дѣйствіе, неимѣющее *достаточнаго основанія*...

Сочиненіе барона А. Боде, защищая справедливое дѣло, въ то же время оправдываетъ множество господствующихъ въ нашемъ хозяйственномъ мірѣ предрасудковъ... Вопросъ о благоустройствѣ помѣщичьихъ имѣній въ настоящее время сильно занимаетъ насъ,

но мы занимаемся имъ еще слишкомъ-недавно и наши соображенія по этому предмету не успѣли выработаться: почти каждый судитъ по-своему, и почти всѣ сужденія въ логическомъ отношеніи одинаковаго достоинства съ сочиненіемъ барона А. Боде. Мы не отыскали еще ни причинъ неблагоустройства, ни средствъ для ихъ устраненія. Одни стоятъ за церковную грамотность, другіе за патріархальность, третьи за простоту и первобытность правовъ, и голоса два-три за нормальныя отношенія между трудомъ и капиталомъ... Отъ-того, каждое слово, сказанное о сельскомъ хозяйствѣ, какъ бы оно ни было очевидно справедливо или негѣпо, требуетъ доказательства или опроверженія. Между-тѣмъ, подъ фирмою «Управитель Русскаго Имѣнія» излагаются просто *собственными мыслями* барона А. Боде, который, въ подтвержденіе своего образа мыслей, напечатъ только одно доказательство — что онъ «еще теперь съ особеннымъ наслажденіемъ вспоминаетъ довольно продолжительное время, проведенное имъ въ патріархальномъ сельскомъ быту».

Прежде всего, авторъ говоритъ, что нельзя всѣмъ заниматься государственнымъ службою, потому что не достанетъ для всѣхъ вакансій, и еще менѣе такихъ должностей, которыми бы доставляли достаточныя средства для *безнужнаго* содержанія себя и семейства своего *приличнымъ* образомъ, и для доставленія своимъ дѣтямъ *хорошо или прилично воспитанія*; то не лучше ли обратиться къ занятію сельскимъ домоводствомъ, нежели быть въ тягость себѣ и другимъ, или при-ваться за дѣла, отъ которыхъ *придется краснѣть*?

Мы думаемъ, что *недостаточности средствъ для безнужнаго содержанія* составляетъ *примышлять за дѣла, отъ которыхъ придется краснѣть*, такихъ людей, которымъ ни въ какомъ случаѣ нельзя поручить управленія русскихъ имѣній, потому-что вернется за эти дѣла и люди рѣдко-красивющіе. Не смотря на то, въ словахъ автора есть чѣ-

стичка правды, загромождена мысль хорошая. Страсть къ такъ-называемой «дѣловой» жизни, дѣйствительно, обуряла насъ. Обезпеченіе, какое доставляетъ механическій легкій трудъ переписыванія, съ одной стороны, и прихиръ людей, начавшихъ поприще канцелярскими служителями, и достигшихъ «теплаго мѣстечка», въ теченіе опредѣленнаго срока — съ другой, заслоняютъ намъ виды на тучные луга и золотистыя нивы, на привлекательные торговые обороты и вообще на всѣ тѣ пути къ *безнужному содержанию*, которые находитъ человѣкъ, рассчитывающій не на легкость труда или опредѣленность сроковъ, а на свои силы, на вѣрность своихъ соображеній. Отсюда и тотъ ложный, небрежительный взглядъ на званія промышленниковъ, помѣщиковъ, литераторовъ, и т. п., ложность котораго состоитъ именно въ томъ, что, вмѣсто людей-оборышей, пренебрегаютъ ихъ званіе. Этимъ объясняется и то, что баронъ А. Боде счелъ нужнымъ доказывать, какое почетное и полезное назначеніе для человѣка быть хорошимъ управляющимъ. Потому, конечно, и у барона Унгернъ-Штернберга (*) — весьма опытнаго сельскаго хозяина — образовалось убѣжденіе, что какое ни дай человѣку воспитаніе, въ университетѣ или въ земледѣльческомъ институтѣ, а хоро-

шимъ управителемъ онъ не будетъ, если не поспитъ нѣсколько лѣтъ на конюшнѣ въ стойлѣ, не походитъ въ смазаннаго саломъ сапогахъ, ополсанный кушакомъ, на которомъ висятъ ключи, не постоитъ у притолоки, не посидитъ молчаливо за столомъ, изъ-за котораго его вышлютъ послѣ первыхъ двухъ блюдъ, не побываетъ въ полномъ распоряженіи у крестьянина-прикащика; однимъ словомъ, если не научится безпрекословно повиноваться!..

При такомъ взглядѣ на человѣка вообще и на управляющаго въ-особенности, конечно, трудно придумать, какимъ образомъ отвратить ту главную, по мнѣнію барона Унгернъ-Штернберга, «причину упадка въ Россіи дворянскихъ мнѣній, которая состоитъ въ томъ, что помѣщикъ, отвлеченный службою или столичною жизнью, самъ управленіемъ мнѣнія заниматься не можетъ или не хочетъ, а «нежду-тѣмъ, не имѣя никакого понятія о сельскомъ бытѣ и хозяйствѣ, не въ состояніи самъ повѣрять дѣйствіямъ своего управителя». Какимъ образомъ такой *несодущій* помѣщикъ будетъ требовать отъ своего управляющаго *безпрекословнаго* повиновенія?.. И много ли наберется охотниковъ сдѣлаться на такихъ условіяхъ «представителями помѣщика», какъ называетъ управляющихъ баронъ А. Боде?..

Итакъ, хорошихъ управляющихъ мало, потому-что всѣ идутъ въ государственную службу; а всѣ идутъ въ службу потому, что управляющихъ хотятъ держать въ конюшнѣ.... Чтобъ выйти изъ этого затруднительнаго положенія, слѣдуетъ, по мнѣнію барона А. Боде, обезпечить управляющаго и дать ему хорошій процентъ съ доходовъ; по мнѣнію же барона Унгернъ-Штернберга — надѣлать, навоспитать въ особыхъ, по его же проекту устроенныхъ школахъ такихъ управителей, которые бы соответствовали собственному его взгляду на человѣчество...

Первое мнѣніе, какъ говорится, «будетъ почище»; но прислушайтесь хорошевыкъ къ ласковой рѣчи самого ба-

(*) Да не удивятся читатели, что мы здѣсь говоримъ противъ статьи, напечатанной въ нашемъ журналѣ. Принимая за правило не измѣнять безъ согласія авторовъ статей, помѣщенныхъ въ «Отечествен. Запискахъ», если нѣкоторая частіи ихъ противорѣчатъ нашимъ убѣжденіямъ, и не имѣя чести знать лично барона Унгернъ-Штернберга, мы должны были безъ измѣненій напечатать въ прошломъ мѣсяцѣ статью *Управленіе*, входящую въ составъ его «Взгляда на современное состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи», и теперь очень-рады случайно возразить почтенному автору.

рона А. Боде: онъ такъ же, какъ и баронъ Унгервиз-Штернбергъ, не выведетъ васъ изъ затруднительнаго положенія на-счетъ недостатка «представителей». По его мнѣнью, управитель долженъ быть: 1) непоколебимой чести, 2) неутомимой дѣятельности, 3) сколько возможно хладнокровенъ, 4) добрымъ христіаниномъ, не только по наружному соблюденію церковныхъ обычаевъ, но практическимъ исполнителемъ христіанскихъ добродѣтелей, 5) не жестокъ, 6) права не сварливаго, 7) одного сословія съ помышленникомъ, 8) долженъ быть чело-вѣкъ образованный, 9) долженъ имѣть достаточныя свѣдѣнія въ архитектурѣ, въ технологіи и механикѣ, 10) хорошо знать все, что относится до земледѣлія, скотоводства, пчеловодства, 11) хорошо знать счетоводства, 12) долженъ быть довольно *хитеръ*, 13) тревожнаго поведенія и непристрас-тенъ къ карточной игрѣ, 14) женатъ... А спросите барона А. Боде, откуда взять такого благодѣтеля? онъ отвѣтитъ:

«Я не спорю, что трудно будетъ найти управляющаго, который бы вполне соотвѣтствовалъ изложенному здѣсь очерку; не приблизительно, а думаю, не такъ-то трудно найти, лишь бы самому (?) не слишкомъ занестись высоко, не забывая, что нѣтъ чело-вѣка безъ слабостей и недостатковъ, а иногда даже съ пороками, и по этому надобно быть снисходительнымъ съ обѣихъ сторонъ (?), постараться (?), сколько возможно, исправить собственные недостатки и слабости, которые вамъ со-вѣтъ указать (?), чтобъ этимъ дать хоро-шій примѣръ другимъ (!?). Если вамъ попадетъ хотя посредственный управитель, то подарите ему экзем-пляръ этого наставленія (т. е. «Управителя Русскаго Имѣнія»), и, ежели въ немъ (?) есть доброе основаніе, то на-вѣрное постарается, по возможности, при-обрѣсти тѣ достоинства, которыхъ у него еще недостаетъ.»

Подарите — и все устроится къ луч-шему... А если вы не вѣрите въ симпа-тическія средства, то подождите: ба-ронъ А. Боде дастъ другой отвѣтъ на

вашъ вопросъ: онъ «не отказывается разрѣшать, по возможности, вопросы тѣхъ, кому сказанное имъ покажется недостаточнымъ».

Впрочемъ, для разведенія хорошихъ управляющихъ, баронъ А. Боде счита-етъ также весьма полезнымъ, чтобъ правительство поощряло такихъ по-лезныхъ людей лѣтними самолю-бію наградами, по примѣру того, какъ оно поощряетъ по учебной и меди-цинской частямъ и состоящихъ въ государственной службѣ людей, на-ходящихся въ частной службѣ у дво-рянъ...

Лучшее качество «Управителя Рус-скаго Имѣнія», — то, что чрезъ него можно познакомиться съ почтеннымъ авторомъ: живя въ мѣрѣ тревоженіи, отрадно встрѣтиться съ чело-вѣкомъ, который имѣвъ съ *малолѣтства* рѣ-шительное влеченіе къ медицинской наукѣ, приобрѣлъ въ ней довольно об-ширныя свѣдѣнія, и имѣлъ притомъ, что называется, легкую руку... кото-рый охотно признается въ чело-вѣч-ской своей слабости по этому слу-чаю... А какъ иногда говоритъ ба-ронъ А. Боде о томъ, къ чему онъ и не имѣлъ легкой руки!..

«Какъ для помѣщика, такъ и вообще для государства гораздо полезнѣе, чтобы не было чрезъ мѣру ни слишкомъ бога-тыхъ, ни слишкомъ бѣдныхъ членовъ общества; а гораздо лучше, чтобы со-стоянія находились въ болѣе уравнители-номъ отношеніи, такъ чтобы благополу-чствіе было общее, относительно сословія *каждаго члена общества* (?), тогда каж-дый исполнитъ исправнѣе и охотнѣе свои обязанности къ правительству и къ об-ществу.»

388) О Винокурениіи по привле-ченной методѣ новѣйшаго изобрѣ-тенія Д. Ермолаевымъ, действитель-нымъ статскимъ совѣтникомъ (.) быв-шимъ вице-губернаторомъ въ Казанской и Вятской Губерніяхъ, идѣ стромль и начальствовалъ (?) надъ казенными вино-курными заводами. Санктпетербургъ. Въ гуттенберговой тип. 1847. Въ 8-ю д. л. VII и 30 стр. и два чертежа.

Есть на свѣтѣ странные люди, которыхъ называютъ филантропами, и которые, въ увлеченіи страстью къ улучшенію челоѣчества, вопіютъ противъ употребленія крѣпкихъ напитковъ, въ особенности противъ «зелена вина». Хотя люди, называемые подъ именемъ «филантроповъ», въ глазахъ другаго рода людей, такъ-называемыхъ практическихъ, или, по счастливому выраженію Гоголя, «пріобрѣтателей», суть не что иное, какъ мечтатели, утописты, однакожь, если не самыя ихъ мечты, то по крайней-мѣрѣ предметъ, о которомъ они мечтаютъ, заслуживаетъ вниманія людей третьяго разряда, которыхъ слѣдуетъ называть не филантропами, не пріобрѣтателями, а ближе всего — наблюдателями. Такіе люди хорошо помнятъ, что въ послѣднее время производствo и потребленіе хлѣбнаго вина сдѣлалось у насъ предметомъ размышленій, изысканій, превій, высказывавшихся неоднократно и въ периодическихъ изданіяхъ и въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ. Да и дѣйствительно, есть о чемъ подумать. Не подлежитъ сомнѣнію, что на вино истрачивается у насъ нынѣшнимъ сословіемъ нѣсколько сотъ милліоновъ рублей. Куда дѣваются эти истраченные сотни милліоновъ? Чтo оставляютъ онѣ послѣ своего потребленія? На этомъ вопросѣ завязывается борьба филантроповъ и пріобрѣтателей. Съ одной стороны, ополчаются климатами, стужей, дорогами, привычками, работою, и, во имя подкрѣпленія силъ, требуютъ чарки вина для народа. Съ другой, климату противопоставляютъ просто тепло, или какой-нибудь теплый напитокъ, который согрѣвалъ бы тѣло, не разрушалъ бѣднаго челоѣческаго смысла; работу облегчаютъ отдыхомъ, силы подкрѣпляютъ хорошею сытною пищею и правильнымъ распределеніемъ работъ. Поборники трезвости готовы даже снисходительно взглянуть вино чаемъ, предполагая, что каждому выгоднѣе истратить лишнюю гривну въ трактирѣ и сберечь смыслъ, нежели за тѣ же деньги потерять память, употребленіе разсудка, рукъ,

ногъ, быть жертвою перваго мошенника, который можетъ воспользоваться безчувственнымъ состояніемъ слабаго челоѣка, или сдѣлаться предметомъ заботливости полиціи... «Все это теорія, утопія!» отвѣчаютъ гг. практики - пріобрѣтатели. «Скажите жь, гг. филантропы», продолжаютъ они: «куда намъ дѣвать нашъ хлѣбъ?» — А! это дѣло другое! Мы уже вполне сыты, мы не хлопочемъ о приготвленіи хлѣба изъ соломы, исландскаго шха, выжимокъ свекловичны, барды; мы можемъ постоянно нить кусокъ говядины, лучше всякаго вина укрѣпляющей мышцы рабочаго челоѣка. Мы богаты хорошимъ рабочимъ скотомъ, который и не знаетъ, что такое голодъ или гнилая солома съ крышъ; мы не носимъ лаптей, мы имѣемъ хорошую обувь; у насъ и слыхомъ не слышать кривобокихъ небенокъ; мы вывели изъ нихъ телатъ, овецъ и свиней на другія вышнія квартиры; мы давно уже носимъ чистое, опрятное бѣлье, сбросили рѣшетчатую сермагу и носимъ лучшую, прочнѣйшую и красивѣйшую одежду; у насъ все это есть, и при всемъ томъ у насъ хлѣба остается еще много!.. Правда, правда, гг. практики! и потому, утѣшаясь этою правдою, воздадимъ нашу признательность сочиненію. О винокурениіи по привилегированной методѣ новѣйшаго изобрѣтенія: Сочиненіе это научаетъ гнать изъ четверти, вмѣсто семи, до девяти ведръ вина! Два ведра лишнія изъ четверти — гдѣ это почти треть болѣе вымѣшняго! Обольстительно! особенно, когда нѣкуда дѣвать хлѣба. Лишнее вино не бѣда — разойдется... Читайте, господа, читайте сочненіе г. Д. Ермолаева! И наставительно, и пріятно, особенно переписка г. изобрѣтателя съ господиномъ заводчикомъ Костромской-Губерніи «Владиміромъ Іоновичемъ Демьяновымъ», который, будучи любитель и знатокъ искусственной части винокурениіа, сдѣлалъ распорядительность о выучкѣ на заводѣ г. Д. Ермолаева «особаго винокура» (стр. 25). Кто про-

четь брошюру г. Ермолаева, тотъ названъ самъ «сдѣлаеть распорядительность» и обратится въ «любителя и знатока искусственной части винокуренія».

389) *Хозяйственные Опыты тридцатилѣтней практики, или наставленіе для управленія имѣніями, составленое У. Карповичемъ. Изданіе второе. Санктпетербургъ. 1848 (безъ означенія типографіи). Въ 8-ю д. л. XVI и 400 стр.*

Эти «Хозяйственные Опыты тридцатилѣтней практики» — ваши старые знакомые: ровно десять лѣтъ назадъ, т. е. въ 1837 году, они смирно вышли на бѣлый свѣтъ, съ означеніемъ на заглавномъ листѣ типографіи Воробьева. По прошествіи такого почтеннаго срока давности, они снова являются съ перепечатаннымъ заглавіемъ, на которомъ, въ отиѣну противъ перваго изданія, прибавлены слова: *Изданіе второе, выставленъ 1848 году*, хотя книга выпускается въ октябрь текущаго года, и, наконецъ, послѣдняя отиѣна — не означено типографіи. Да и къ чему было означать ее? Никакая новая типографія и не трудилась надъ этимъ твореніемъ; по всему видно, что это не что иное, какъ старые, оставшіеся непроданными экземпляры — продуктъ, можетъ быть, и несуществующей теперь типографіи Воробьева; даже бумага вся пожелтѣвшая отъ лежанія, въ теченіе десяти лѣтъ, въ кладовыхъ.

Такъ-какъ при первомъ появленіи «Хозяйственныхъ Опытовъ тридцатилѣтней практики» критика какъ должно отиѣчила «это книжное издѣліе, и какъ (что еще важнѣе) одно появленіе старо-отпечатанной книги въ новой только оберткѣ есть уже ясное доказательство, что это издѣліе оказалось ненужнымъ для хозяевъ, то на этотъ разъ мы и не видимъ надобности входить въ подробное его разсмотрѣніе. Весь этотъ сѣрый томъ наполненъ самыми важными истинами, аксіомами, противъ которыхъ нечего спорить. На-примѣръ, въ оглавленіи читаемъ, что особый параграфъ посвященъ разрѣшенію вопроса: *что владѣльцы могутъ считать своимъ доходомъ?* Вопросъ, какъ видите, самый важный, важнѣе котораго и нѣтъ въ сельскомъ хозяйствѣ — отомъ искусствѣ извлекать возможно-большій доходъ отъ земли. Хотите знать, какъ г. Карповичъ разрѣшаетъ его, на основаніи своей *тридцатилѣтней практики?*

«Владѣльцы имѣній за главное правило положить себѣ должны, считать годовымъ доходомъ только то, что получать изъ имѣнія наличными деньгами, ибо *статьею этою ничего быть не можетъ*» (стр. 33).

И этимъ кончается параграфъ, послѣ котораго начинается другой: *О нерасходованіи денегъ напрасно* — разумѣется, наполненный столь же глубокомысленными соображеніями и великими истинами; и такъ до окончанія книги. Таковы плоды *тридцатилѣтней практики!*

КНИГИ, ИЗДАНЫЯ ВЪ РОССИИ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

33) *Mémoires de la Société d'Archéologie et de Numismatique de St. Pétersbourg, publiés par V. de Köhne* (Записки Санктпетербургскаго Археологическо-Нумизматическаго Общества, издаваемыя В. Кёне). II. *Съ шестью чертежами, литографированными или вырѣзанными на мѣди. Санктпетербургъ. 1847. Въ 8-ю д. л. 201 стр.*

Вторая (*) книжка «Записокъ» начинается письмомъ г. Кёне къ князю О. Гагарину о греческихъ монетахъ, найденныхъ въ Сициліи и пріобрѣтен-

(*) О первой книжкѣ говорили мы въ юнѣ нынѣшняго года («Отеч. Записки», отд. Библиограф. Хр., стр. 69).

ныхъ (назадъ тому десять лѣтъ) графомъ Шуваловымъ. Монеты эти почти всѣ принадлежатъ къ одному типу коринѣскихъ монетъ, съ изображеніемъ Пегаса. Привода мнѣнія археологовъ, авторъ соглашается съ парижскимъ академикомъ Рауль-Рашетомъ, который монеты съ Пегасомъ, часто находимыя въ Сициліи, относитъ ко времени Тимолеона, знаменитаго возстановителя свободы сицилійскихъ городовъ (346 до Р. Х.), что вполне доказываетъ отдалка этихъ монетъ. Впрочемъ, г-нъ Кёне говоритъ, что тѣмъ Пегаса очень-древній, принадлежитъ собственно Коринѣу и объясняется имѣемъ коринѣскаго героя Беллерофона, побѣдившаго Химеру съ помощію Пегаса. Въ Сицилію завезены оны дѣятельной торговлей, которую велъ Коринѣ съ тамошними городами.

За тѣмъ слѣдуетъ статья того же автора: *Неизданныя памятники Марцелла, племянника и зятя Августа*. Черты этого интереснаго лица остались неясными въ исторіи. Г. Кёне приводитъ свидѣтельство Сенеки о томъ, какъ по смерти Марцелла неутишная скорбь матери его, Октавіи, проявилась страннымъ образомъ: она никакъ не хотѣла, чтобъ сынъ ея былъ воспѣтъ стихами, изображенъ на портретѣ или воспроизведенъ въ статуѣ. Эда-то прихоть отчаянія, но мнѣнію знаменитаго Висконти, а есть причина того, что такъ рѣдко попадаются изображенія Марцелла. Въ Ватиканѣ есть статуя, въ которой Висконти пытался было видѣть Марцелла, но не нашелъ на то положительныхъ доказательствъ. Въ богатомъ музеумѣ графини Лаваль существуетъ мраморный бюстъ съ именемъ Марцелла, представляющій совсѣмъ нѣвыя черты, нежели статуя Ватикана; но и тутъ было сомнѣніе, дѣйствительно ли этотъ бюстъ изображаетъ того самого Марцелла, какъ вдругъ г. Бартоломей сообщаетъ древнюю бронзовую медаль, съ изображеніемъ, совершенно похожимъ на бюстъ, и съ греческой надписью: *Μαρκέλλος*. Послѣ этого, по словамъ г. Кёне, уже

не стало сомнѣнія: бюстъ графини Лаваль и медаль г. Бартоломея принадлежатъ Марцеллу; а статуя Ватикана — сыну Тиверія, Друзу.

Третье мѣсто въ книгѣ занимаютъ нѣскольکو словъ князя Ѡ. Гагарина, *О золотой греческой монетѣ, прислываемой Михаилу IV Пафлагону*, которая, по мнѣнію автора, замѣчательна тѣмъ, что пополняетъ важный пропускъ въ ряду византійскихъ императоровъ.

Четвертая статья, принадлежащая г. Рейхелю, заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія, относящіяся къ русской нумизматикѣ. Это описаніе 52 русскихъ монетъ средняго вѣка, хранящихся въ коллекціи самого автора. Г. Рейхель замѣчаетъ во всѣхъ этихъ монетахъ одну любопытную черту — подражательность, которая доходитъ даже до нѣкоторой странности: мало того, что каждый князь подражалъ своему предшественнику — тутъ еще нѣтъ ничего удивительнаго; но подражали монетамъ, которыхъ совсѣмъ не понимали — восточнымъ. У г. Рейхеля есть монеты, на которыхъ, съ одной стороны, изображеніе князя и его имя, или одно имя безъ изображенія; а съ другой — совершенно-непонятная восточная надпись. Изъ приложенныхъ рисунковъ видно, что эти надписи были болѣею частью куническія; но подъ рукою русскихъ монетчиковъ смыслъ ихъ утратился. Г. Рейхель прибавляетъ, что многія русскія легенды имѣютъ такое же происхожденіе, т. е., оны не что иное, какъ искаженные, потерявшія первоначальный смыслъ заимствованія.

Далѣе: *неизданныя немецкія монеты изъ Ораніенбаумской копи*, статья г. Кёне. — *Монеты княжества Фульда, относящіяся къ XI столѣтію*, соч. доктора Герке. — *Данцискій монц-кабинетъ*, соч. Фоссберга.

Всѣ эти три статьи содержатъ въ себѣ любопытныя для археологовъ свѣдѣнія, но мы минуемъ ихъ, потому что впереди слѣдуетъ восьмая статья, посвящая очень-привлекательное заглавіе: *О важности изученія восточной*

археологич. и восточной нумизматики для Россіи, соч. г. Савельева.

Мы помним «Мухаммеданскую Нумизматику» г. Савельева, о которой онъ, послѣ изданія ея въ свѣтъ, долго еще говорилъ въ засѣданіяхъ Археологическо-Нумизматическаго Общества; и потому, съ первыхъ словъ настоящей статьи, заключаемъ, что авторъ постоянно одушевленъ одною мыслию. Нельзя сказать, чтобъ эта статья повторала «Мухаммеданскую Нумизматику»; но она есть какъ-бы вариация на ту же тему. Дѣло въ томъ, что въ разныхъ мѣстахъ Россіи открывається множество арабскихъ монетъ, и г. Савельевъ говоритъ: «Рядъ «куфическихъ монетъ, найденныхъ въ Россіи, приноситъ двойную пользу наукъ: 1) открывають новыя данныя относительно хронологіи, исторіи и географіи мусульманской Азіи; 2) узнаываетъ на торговые пути, существовавшіе въ древней Россіи между VII и XI столѣтіями.»

Невозможно оспаривать этой мысли, хотя кругъ ея довольно-тѣсенъ для историческихъ соображеній. Хронологія, исторія и географія мусульманской Азіи сами-по-себѣ имѣютъ мало связи съ исторіей Россіи; а что касается до торговыхъ путей, то мы готовы согласиться съ изслѣдованіями г. Савельева въ его «Мухаммеданской Нумизматикѣ». Но авторъ идетъ дальше, и въ доказательство важности находимыхъ въ Россіи арабскихъ монетъ, приводитъ два примѣра. Первый примѣръ: въ 1802 или 1803 г., близъ Великихъ-Луки, на берегу Ловати, туземные жители нашли зарытый въ землѣ котелъ съ серебряными монетами: то были диргеми халифские и другихъ мусульманскихъ династій, принадлежавшіе къ десятому столѣтію. Часть тѣхъ монетъ была просыпана въ рѣку и погибла; оставшіяся авторъ цѣнитъ на сумму до 6,000 рублей серебромъ. Слѣдуетъ заключеніе: въ десятомъ столѣтіи въ Новгородѣ существовали капиталисты, имѣвшіе по 6,000 руб. сереб., что и доказываетъ то-

главное огромное богатство Новгорода! Другой примѣръ: въ 1837 году въ Москвѣ, при рытіи фундамента для храма Спасителя на мѣстѣ древняго Алексѣевского-Дѣвичьего-Монастыря, на глубинѣ 7 или 8 аршинъ, нашли нѣсколько куфическихъ монетъ съ именемъ Мухаммеда-Тагеридскаго и съ означеніемъ 267 года гижры, соотвѣствующаго 862 году христіанской эры. Въ 1835 году, близъ Симонова-Монастыря, также вырыты на глубинѣ 8 аршинъ арабскія монеты. На два аршина глубже открыты ребра и зубы мамонта; а на два аршина выше—слѣды древняго кладбища, въ которомъ самая старинная надпись носитъ 1582 годъ. На три аршина еще выше нашли надгробникъ съ 1700 годомъ. Наконецъ, надъ всѣми этими памятниками существуетъ новое кладбище. Найденныя восточныя монеты современны Рюрику, Аскольду, Дюру и Олегу. Какъ попалъ онъ туда, гдѣ теперь Москва? Конечно, посредствомъ торговли, которая существовала въ древней Россіи съ Востокомъ. Заключеніе: стало-быть, хуторъ боярина Кучко, на мѣстѣ котораго возникла въ 1147 году столица, существовала за нѣсколько лѣтъ до того!

«Эти два примѣра», прибавляетъ г. Савельевъ: «доказываютъ, какъ важны для исторіи куфическія монеты, находимыя въ Россіи!»

Предоставляемъ читателямъ судить о важности результатовъ, выведенныхъ авторомъ изъ двухъ примѣрныхъ фактовъ.

Девятая статья содержитъ въ себѣ мнѣніе г. Кёне о сочиненіи Ашика: *Керченскія древности. Опаиткапойской катакомбъ, украинской фрескама*, изданномъ въ Одессѣ въ 1845 году. Г-нъ Кёне хвалитъ пѣлъ автора, признаетъ очень-любопытными сообщаемыя имъ сужденія, но оспариваетъ всѣ его догадки, какъ совершенно-неосновательныя и, видя въ немъ человека, непривготовленнаго къ поприщу археолога, совѣтуетъ ему продолжать знакомить ученый міръ съ невѣдѣнными еще со-

кровищами древности, но не иначе, какъ посвятивъ себя избранному предмету, а на первый разъ ограничиться простыми описаніями, поясняя ихъ, гдѣ нужно, точными рисунками, не пускаясь въ глубокомысленныя предположенія. По поводу разбора книжки г. Ашика, г-нъ Кёне мимоходомъ, но очень-кстати замѣчаетъ, что нашъ ермитажный музеумъ, содержащій въ себѣ множество останковъ классической Россіи (стр. 201), можетъ похвастаться единственнымъ музеумомъ въ Европѣ по богатству золотыхъ вещей.

За этимъ слѣдуетъ обзоръ новейшей литературы по части нумизматики и древностей, а въ заключеніе приложение бюллетеня засѣданій общества съ 15-го января по 13-е мая нынѣшняго года.

Послѣ всего сказаннаго, остается только желать дальнѣйшихъ успѣховъ нашимъ археологамъ на ихъ многотрудномъ поприщѣ, тѣмъ болѣе, что многотрудность этого поприща не подлежитъ сомнѣнію: даже подлежащая книжка показываетъ, что въ археологическихъ разысканіяхъ, какъ при добываніи рудъ, иногда тяжелая масса грубаго матеріала приноситъ едва-замѣтную крупицу чистаго золота въ сокровищницу науки.

34) Cours de Littérature Française (,) à l'usage des écoles spéciales. Première partie. De la Composition. St. Pétersbourg. 1847. (Курсъ Французской Литературы, для употребленія въ специальныхъ училищахъ. Часть первая. О Сочиненіи.) Санктпетербургъ. Въ тип. Эдуарда Праца. 1847. Въ 8-ю д. л. 205 стр.

Заглавіе этой книги говоритъ со-вѣтъ не о томъ, что въ ней содержится. Взвѣсивъ за нее, вы подумаете, что найдете тутъ картину французской литературы во всѣхъ ея отрасляхъ; но чтеніе самой книги представитъ вамъ, сначала, нѣсколько правилъ о сочиненіи, правилъ старинной реторики, изложенныхъ чрезвычайно кратко (на 14 страницахъ), и притомъ

испещренныхъ рецептами изъ пинтики Буало. Французы искони противорѣчили самымъ дѣломъ своимъ литературнымъ теоріямъ, и, говоря о неизмѣнныхъ, неподвижныхъ правилахъ реторики, шалили въ своихъ сочиненіяхъ окошко хватало силъ. Самый совершенный во время оно представитель ихъ литературы, Вольтеръ, возвращалъ въ прахъ всѣ правила, о которыхъ самъ разсуждалъ иногда съ важностью. Говоря о приличіи и степенности въ слогѣ, онъ повелѣвалъ имъ, какъ человѣкъ, вполне чувствовавшій свои силы, для котораго пути реторики были то же, что веревки Лиллипуттовъ для гиганта. Прославляя классическую простоту древнихъ сочиненій, онъ не думалъ о ней и пролагалъ новыя тропы почти во всѣхъ родахъ литературы. Его историческія и философскія сочиненія были истиннымъ разрушеніемъ, всепожирающимъ огнемъ тѣхъ самыхъ правилъ, которыя признавалъ онъ вмѣстѣ съ цѣлою Франціею. По-крайней-мѣрѣ, онъ чувствовалъ все это и хохоталъ въ своей искренней перепискѣ надъ тѣмъ, чему поклонялся офенціально. Но другіе дѣлали тоже, только не столь властительно и мощно, и между-тѣмъ искренно вѣрвали, что исполняютъ всѣ правила неподвижной школы классицизма. Въ наше время, высокіе умы понимаютъ ясно то, что лишь чувствовали Вольтеръ, Руссо, Дидро, и многіе необыкновенные писатели, прежде и послѣ нихъ. Довольно упомянуть о курсѣ литературы Вильмена, объ исторической картинѣ литературы Баранта, о критическихъ изслѣдованіяхъ Филарета Шала, Назара, Гюго, Жана и многіхъ не столь извѣстныхъ писателей, чтобы увидѣть новый, ясный взглядъ Французовъ на теорію и исторію литературы. Не странно ли, послѣ этого, читать въ новомъ «Курсѣ Французской Литературы:

«Пишутъ и говорятъ для того, чтобы убѣдить, поправиться и тронуть. Убѣждаютъ побѣдительными доказательствами, правятся образомъ мыслей (нравственно-

стью), трогают страстями. Говоря о нравственности писателя, Буало сказал:

«Que votre âme et vos mœurs peintes
dans vos ouvrages
N'offrent jamais de vous que de nobles
images.»

То-есть, что мы всегда должны мыслить, писать и говорить благородно.

«Трогать страстями значит волновать сердце; но чтоб волновать другихъ, надобно быть самому взволновану.

«Буало сказалъ также:

«Pour me tirer des pleurs il faut que
vous pleuriez.»

Но приступить къ сочиненію или *литературе* (?) съ нѣкоторою вѣроятностью въ успѣхъ, можно только вооружившись волею. Что такое воля? Твердое и непремѣнное желаніе побѣдить препятствія, какія можетъ представить развитіе предмета. Упражняя волю, мы успѣваемъ наконецъ объединить идею, имѣть одну ее передъ глазами, заставляя молчать всѣ идеи, чуждыя самому предмету. Посредствомъ воли мы приобретаемъ также присутствіе ума, драгоценное качество, которое позволяетъ намъ непосредственно привлекать къ себѣ второстепенныя идеи, способныя содѣйствовать развитію идеи главной.»

Такого рода мысли наполняютъ всѣ четырнадцать страничекъ трактата о *Сочиненіи*, и надобно согласиться, что если онъ не вовсе событь съ толка, то и научать не многому. Буало, Буало и Буало, послѣ каждаго премудраго правила, какъ секретарь по листамъ, скрѣпляетъ все своими стихами! Тѣмъ и оканчивается теорія *Сочиненія*.

Далѣе слѣдуетъ «Исторія Литературы» — разумеется французской, хотя сочинитель не упоминаетъ о томъ — и только! Въ этомъ состоитъ весь «Курсъ Литературы». Означенная на первомъ листѣ «Часть первая» продолжается, безъ всякой существенной причины, до страницы 51-й, гдѣ, опять безъ всякаго внутренняго основанія, начинается «Часть вторая» и продолжается до 129-й страницы, откуда идетъ уже «Часть третья»; но къ чему служить это раздѣленіе — про это знаетъ развѣ самъ г. сочинитель, а читатель видитъ тутъ одинъ произволъ его. Желая

показать точку зрѣнія сочинителя, переводимъ первыя строки его «Исторіи Литературы».

«Литература — обширная область, объ- емлющая всѣ роды писаній, въ стихахъ и прозѣ. Литература раздѣляется на литературу собственно (?) и на исторію литературы. Эта исторія не иное что, какъ номенклатура писателей, составившихъ эпоху, краткое изложеніе событій литературныхъ, соединенныхъ съ событіями политическими.

«*Поэзія* представляетъ намъ три главныя рода: поэзію лирическую, поэзію эпическую и поэзію драматическую.

«*Проза* раздѣляется на четыре слѣдующія рода: историческій, философскій или *дидактическій* (?), ораторскій, и эпистолярный (!).»

Можно себѣ представить, что разовьется изъ такого раздѣленія! *Поэзія* для г. сочинителя только то, что написано въ стихахъ, *проза* все, что написано прозой! На какомъ основаніи раздѣляется она на четыре исчисленные рода, почему философія и дидактика составляютъ одно и то же, какимъ-образомъ можетъ быть особый родъ сочиненій ораторскій, и что значить родъ эпистолярный (писемъ или посланій) — объясненій нѣтъ никакихъ, и очень-встать, потому-что они только увеличили бы число ненужныхъ словъ.

Въ изложеніи событій исторіи французской литературы и въ оцѣнкѣ писателей, г. сочинитель имѣлъ много превосходныхъ руководствъ. Онъ и заимствовалъ изъ нихъ нѣкоторыя мысли, ярко отличающіяся отъ другихъ легковѣсныхъ французскихъ сужденій. Безъ оразъ не обходитъ у заповѣдалаго Француза никакое дѣло: такъ и здѣсь, наряду съ мыслями здравыми, свѣдѣніями основательными, рассыпано множество звучныхъ, но ничего непоказывающихъ и недоказывающихъ оразъ. Говоря, на-примѣръ, о новѣйшихъ историкахъ, г. сочинитель такъ характеризуетъ Мишлэ:

«Monsieur Michelet est l'historien poète... (Г. Мишлэ историкъ-поэтъ). Son Précis

sur l'histoire moderne est un chef-d'oeuvre de précision et d'analyse. Sa République Romaine, *imitée de Niebuhr*, nous frappe par la science que l'auteur y déployé dans la colonisation primitive de l'Italie. La manière dont il explique les différents règnes des Rois de Rome est neuve et originale. (стр. 200).

Мы нарочно выписываемъ слова сочинителя по-французски, потому-что въ переводѣ они потеряютъ свою прелесть. Видно, что сочинитель писалъ съ голоса другихъ, не имѣя надлежащаго понятія ни о Мишлѣ, ни о различныхъ его трудахъ. Какъ можетъ быть «Римская Исторія» этого писателя *подражаніемъ Нибуру*, и въ то же время *поражать умелостью*? И въ чемъ же новостъ и оригинальностъ, если онъ только *подражалъ* Нибуру? Еслибъ сочинитель потрудился прочесть хоть предисловіе къ книгѣ Мишлѣ, то не написалъ бы своихъ фразъ.

Еще одна характеристика:

«Monsieur de Barante s'est fait connaitre comme historien narrateur. (Г. Барантъ показавъ себя историкомъ-повѣствователемъ). Son Histoire des Ducs de Bourgogne est un excellent ouvrage qui nous a délivrés du soin pénible d'interroger les chroniques du XV-e siècle; elles sont toutes venues se fondre dans cette histoire.»

Эти фразы можно и должно перевести для русскихъ читателей, потому-что, безъ всякихъ поясненій, онѣ какъ нельзя-лучше показываютъ говориваго Француза: «Его (Баранта) Исторія Герцоговъ Бургонскихъ превосходное сочиненіе, которое *избавило насъ отъ тяжелаго труда*—вопросать лѣтописи XV столѣтія: онѣ всѣ слялись въ этой исторіи.» Кажется, такъ и видите моднаго говоруна, который, свободно развалившись въ креслахъ восклицаетъ: «Oh, c'est un homme!..»

Надѣемся еще больше доставить удовольствія читателямъ, выписавъ нѣсколько сужденій сочинителя о новѣйшемъ романѣ. Тутъ увидятъ они повтореніе того же, что говорятъ нѣкоторые наши такъ-называемые писатели, но высказанное такимъ тономъ, послѣ котораго не остается ничего,

кромя пустоты. Истинное наслажденіе читать о новѣйшемъ романѣ такіа сужденія:

«Теорія безобразія погубила этотъ родъ литературы. Господа писатели утомлялись изображать нравы истинныя и припаялись подымать мечты завѣсы въ высшихъ словъ общества: тамъ нашли они нравы, никому неизвѣстные и бывшіе нелюбопытными ни для кого. Семейная жизнь показалась имъ слишкомъ-невинною, а салонъ слишкомъ-порядочнымъ (trop comme il faut), слишкомъ-благонравнымъ: они набрали себѣ героевъ изъ тюремъ и съ каторжныхъ работъ. Тогда всѣ идеи сдѣлались ложными: въ мірѣ, никогда прежде невиданномъ и котораго не должно было никогда видѣть, начали ощущать такіа преувеличенныя чувствованія, что наконецъ стали сомнѣваться въ самихъ себѣ. Особенно молодые люди бросались изображать то, что своимъ безуміемъ правилось ихъ воображенію; увлеченные ложнымъ обольщеніемъ, они пренебрегли идеями основательными и дошли до того, что имъ «противѣла сама истина» (стр. 202).

Видно всякой критики, можно было бы посоветовать г. сочинителю не вводить на сцену того, чего никогда не бывало: это еще могло бы сойти съ рукъ въ какомъ-нибудь водевилѣ, но не въ исторіи. Какимъ-образомъ можетъ онъ представлять современныхъ романистовъ, а вѣстѣ съ ними и читателей ихъ, какими-то сумасшедшими и говорить, что, *le délire plaisait à leur imagination*? Такія стрѣлы отскакиваютъ назадъ... Въ высокопарномъ сужденіи своемъ о славнѣйшихъ современныхъ романистахъ, онъ не находитъ почти никакого дарованія въ Сю, а о Дюма даже и не упоминаетъ. По его мнѣнію, Сю пишетъ только для денегъ, и знаете ли, изъ чего выведено такое заключеніе? «Еслибъ онъ былъ проникнутъ авторскимъ достоинствомъ, то не согласился бы разбрасывать свое дарованіе по фельетонамъ (!!). *И такъ*, онъ отъявленный партизанъ литературной меркантильности (!)».

Даже немногіе Французы сдѣлаютъ такой *домашній выводъ*.

Но послушайте, какъ нашъ строгій аристархъ судитъ о слогѣ и вообще объ искусствѣ Сю: «Monsieur Sue n'est pas bon écrivain, tant s'en faut; son style qui manque de consistance est délayé à l'infini; mais, il faut l'avouer, il est agréable et séduisant, il a de l'éclat... (Г. Сю вовсе не мастеръ писать: слогъ его не твердъ и разжиженъ до безконечности; но, правду сказать, онъ пишетъ пріятно, обольстительно, блестяще...)

Послѣ такихъ *доказательныхъ* сужденій, опытный читатель только посмѣется, но ученикъ наберетъ себѣ въ голову множество идей ложныхъ, которыя послѣ трудно будетъ ему выкинуть изъ памяти; если же, по-несчастью, онъ усвоитъ ихъ себѣ, то сдѣлается однимъ изъ тѣхъ фанфароновъ, которыхъ сужденія о литературѣ бываютъ забавны на минуту, но скоро заставляютъ вѣвать или бѣжать отъ разговоровъ о литературѣ: довольно, что мы встрѣчаемъ чепуху въ книгахъ—неужели надобно еще терпѣть ее и въ разговорахъ?

35) NOUVELLES MORALES ET HISTORIQUES en français et en russe; publiées par F. D. formant la deuxième série des nouvelles enfantines (Нравственныя и Историческія Повѣсти на французскомъ и русскомъ языкахъ, издавныя Ф. Д.). Москва. Въ тип. Семена. Въ 12-ю д. л. 302 стр., съ титюрами.

При разборѣ *Nouvelles enfantines*, изданныхъ тѣмъ же г. Д. («Отеч. Записки» 1846, т. XLV, стр. 37), мы коснулись вообще взгляда французскихъ авторовъ и издателей на нравственность—взгляда очень-легкаго, который, во многихъ отношеніяхъ, долженъ назваться прежнимъ французскимъ. Вѣтхое понятіе о морали, бывшее прежде въ такомъ ходу не въ одной Франціи, сохранено, со всею первобытною свѣжестью, въ новомъ изданіи г. Д. Онъ убѣжденъ, что выбранныя имъ «Повѣсти» способны научить нравственности и исторіи, за-

бавля дѣтей, что онѣ образуютъ юныя сердца, послужатъ имъ руководствомъ на пути счастья и добродѣтели, что въ сборникѣ его мораль легкая для исполненія и совѣты мудрые. Противъ легкости дико спорить не станеть: конечно, та мораль очень-легка, которая передается дѣтямъ въ двѣнадцати повѣстяхъ, instructives et amusantes. Но, какъ говорится, чѣдъ дешево, тѣ гнило, такъ и легкость морали показываетъ, что издатель вмѣстѣ съ авторами повѣстей упустили изъ вида нравственность прочную и трудную, совершенно противоположную тому идеалу совершенства, для котораго издаются дѣтскія повѣсти. Переводъ русскій лучше, нежели въ *Nouvelles enfantines*, хотя все еще въ переводчикѣ не видно близкаго знакомства съ нашимъ языкомъ.

36) MITTHEILUNGEN der Kaiserlichen freien ökonomischen Gesellschaft zu St.-Petersburg. 2-е Tertialheft. 1847. (Записки Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества въ Санктпетербургѣ.) Санктпетербургъ. Въ 8-ю д. л. 158 стр.

Эта вторая книжка на нынѣшній годъ журнала, издаваемаго на нѣмецкомъ языкѣ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ, содержитъ въ себѣ нѣсколько статей разнаго содержания.

Статья г. Юнсона о суицѣ и храненіи хлеба, была представлена въ отвѣтъ на объявленную Обществомъ по этому предмету задачу и удостоилась второй преміи. Это уже достаточно показывать, что статья заслуживаетъ вниманія хозяевъ.

О приотделеніи картофельнаго пива, статья г. Бецольда, является теперь весьма-кстати; болѣзнь картофеля поразила у насъ значительную часть полей въ западной половѣ Россіи, а извѣстно, что такой картофель, тотчасъ по вынутіи изъ земли, еще годенъ для употребленія, но не можетъ долго сохраняться, и потому не можетъ идти на выкуреніе, которое только и возможно зимю; пивовареніе же возможно круг-

лѣй годъ. Употребленіе картофеля на пиво, тотчасъ по уборкѣ овоща, доставить хозяевамъ хоть нѣкоторое вознагражденіе убытка, происходящаго отъ картофельной эпидеміи, а наставленіе г. Бецольда весьма-полю и ясно.

Изслѣдованія о доходѣ и природѣ льса въ Тульской Губерніи, русскаго гв-сничаго, графа Варгасъ де-Ведемара, касаются предмета, весьма-важнаго для безлѣснаго края Россіи и сдѣланы съ знаніемъ дѣла.

Поправки разныхъ ошибокъ въ мнѣніяхъ иностранцевъ о состояніи хозяйства въ Россіи, соч. г. Юнсона, статья, могущая имѣть интересъ только для иностранцевъ. Она посвящена возраженіямъ на разные мелкія журнальныя статьи иностранныхъ газетъ. Маленькая критика на маленькія вещи.

Отдѣлъ *Смѣси и Библиографіи* содержитъ въ себѣ нѣкоторыя любопытныя извѣстія.

37) *VERMISCHTE ABHANDLUNGEN aus dem Gebiete der Heilkunde, von einer Gesellschaft practischer Aerzte zu St. Petersburg. Siebente Sammlung. St. Petersburg, in Commission bei Eggers et Comp. (Труды Общества Нѣмецкихъ Врачей въ Санктпетербургѣ). Часть седьмая, 1847. Въ 8-ю д. л. 425 стр.*

Въ Россіи очень-недавно возникли медицинскія общества; доселѣ считался ихъ три, и между ними старѣйшее — Общество Нѣмецкихъ Врачей, основанное въ 1819 году; за нимъ слѣдуютъ два Общества Русскихъ Врачей, изъ которыхъ одно съ 1833 года также въ Петербургѣ, другое въ Кіевѣ. Труды перваго изъ этихъ обществъ уже давно снискали благосклонный приѣмъ у профессіонныхъ врачей въ Россіи и въ Германіи. Недавняя вышѣ седьмая ихъ часть также богата количествомъ и содержаніемъ статей; да и можетъ ли быть иначе? Общество Нѣмецкихъ Врачей состоитъ изъ первыхъ мелкинскихъ знаменитостей столицы; почетнѣйшіе главные врачи больницъ, нѣкоторые лейб-медики — его члены, и всѣ они не-

давно извѣстны по обширной практикѣ и по занятіямъ медицинскою литературою. Послѣ этого можно ли удивляться богатству, разнообразію и заимательности статей, помѣщенныхъ въ изданномъ вышѣ седьмомъ томѣ «Трудовъ» этого общества? Кого не займетъ, на-примѣръ, написанная лейб-медикомъ Раухомъ (директоромъ общества) статья: *Санктпетербургъ въ медицинскомъ отношеніи отъ 1819 по 1844 годъ?* Въ ней представляется обзоръ больницъ и госпиталей, бывшихъ до 1819 года, и госпиталей, устроенныхъ по 1844 годъ. Народонаселеніе Санктпетербурга, чрезвычайно умножалась, требовало также усиленія и врачебнаго пособія. Весьма-замѣчательно, что въ 1738 году въ Санктпетербургѣ былъ одинъ только врачъ для бѣдныхъ. Нынче же, каждая часть столицы снабжена не только врачами, но и повивальною бабкой; кругъ дѣйствія медико-гигиеническаго комитета расширился.

Вторая статья: *Жизнеописаніе Академика Вуша*, составленное докторомъ Лихтенштедтомъ (секретаремъ общества). Это образецъ того, какъ должно писать біографіи. Статья почтеннаго доктора Мюльгаузена, ветерана въ медицинѣ — *О чумѣ, бывшей (1807) въ Саратовѣ*, показываетъ, какъ далеко можетъ закраться эта болѣзнь изъ странъ, гдѣ ея роднаа, если не будетъ принято надлежащихъ карантинныхъ мѣръ. За этимъ слѣдуютъ *Отчетъ о состояніи Глазной Лечебницы отъ 1841 по 1844 годъ* покойнаго лейб-окулиста Держе, и *Отчетъ о Больницѣ Всехъ Скорблящихъ*, составленный главнымъ ея врачомъ, докторомъ Герцогомъ, и уже извѣстныи русскимъ врачамъ. Весьма-интересно описаніе *тоски по родинѣ* воспитанницъ Общества Благородныхъ Дѣвицъ. Главный врачъ этого учебнаго заведенія, докторъ Корнелиусъ, замѣчалъ это много разъ, и за то, что онъ сообщилъ объ этой душевной болѣзни, заслуживаетъ признательность родителей. Удивительно ли, что дѣвочки, удалена привезенныя въ

Общество Благородныхъ Дѣвицъ и разлучены съ родными своими, могутъ страдать тоскою по родинѣ, когда это же самое замѣчается между рекрутами (особенно изъ Малороссіи), которые долго не могутъ избавиться отъ этой болѣзни?

Особеннаго вниманія заслуживаетъ *Жорча бюрократовъ* (чиновниковъ), описанная извѣстнымъ операторомъ докторомъ Канцелоромъ. Въ новѣйшее время, съ большою точностью выкинули въ болѣзненный припадокъ пальцевъ, находящихся въ сильномъ дѣйствіи во время письма: пальцы сводитъ корча, такъ-что въ-дѣлствіе этого необходимо иному чиновнику отказаться отъ своего занятія.

Въ этой же книгѣ «Трудовъ», между именами нѣмецкими находимъ имя почитаемаго нами соотечественника нашего, Н. И. Пирогова, подъ статью *Объ острой и хронической водяной болѣзни влагалищной оболочки яичка.*—*Извѣстія о состояніи хирургической клиники въ С. Петербургѣ*, сообщенныя ея профессоромъ, докторомъ Соломономъ, весьма-интересны и показываютъ успѣхи хирургіи въ Россіи. По части акушерства—двѣ статьи: одна доктора Окела, другая доктора Валгера, изъ Дерпта.—*Новѣйшія замѣчанія о пользованіи лу-хоньныхъ*, собранныя докторомъ Персономъ въ его путешествіи по Германіи, Бельгіи и Франціи.—Два отчета доктора Вейсса *О состояніи дѣтской больницы въ Санктпетербургѣ*, весьма-интересны и поучительны.

Отчетъ доктора Розенбергера, главнаго врача особенной (сифилитической) женской больницы, основанной въ недавнемъ времени (22 октября 1843 г.), представляетъ весьма-много любопытнаго въ-отношеніи пользованія сифилитической болѣзью. Въ-продолженіе перваго года поступило въ больницу 675 женщинъ; изъ нихъ выздоровѣло 577, умерло 4, осталось на слѣдующій годъ 94. Приложенныя къ отчету статистическія извѣстія о числѣ извѣстнаго рода женщинъ и публичныхъ домовъ въ Петербургѣ, весьма-интересны.

38) *FRAGMENTE aus der Geschichte der Medicin in Russland. Von Dr. Maximilian Heine. St.-Petersburg. Verlag von Eggers et Comp. (Отрывки изъ Исторіи Медицины въ Россіи). Санктпетербургъ. 1848. Въ 8-ю д. л. 147 стр.*

Нѣмецкая медицинская газета, издаваемая въ Россіи съ 1845 года, имѣетъ главную цѣлю — знакомить иностранныхъ врачей со всѣмъ тѣмъ, что можетъ казаться интереснымъ для нихъ, именно: съ правительственными постановленіями по части врачебнаго благоустройства, съ состояніемъ больницъ, госпиталей въ Россіи и наконецъ съ практическими наблюденіями нашихъ врачей. Сколь вѣрна эта газета предначертанному плану, это видѣли мы не одинъ разъ; но еще болѣе дѣлаетъ ей чести то, что она передаетъ статьи, которыя по особенному интересу перепечатываются во многихъ иностранныхъ медицинскихъ журналахъ. Такъ, на-примѣръ, помѣщаемые въ этой газетѣ отчеты о многихъ изъ больницъ нашихъ, составленные со всею подробностію, даютъ истинное понятіе иностранцу о благосостояніи лечебныхъ заведеній, существующихъ въ нашемъ отечествѣ.

Нѣсколько разъ случалось намъ читать въ этой же газетѣ «Отрывки изъ Исторіи Медицины въ Россіи», сообщенныя докторомъ Гейне, однимъ изъ трудолюбивѣйшихъ ея редакторовъ. Въ вышедшемъ теперь сочиненіи, докторъ Гейне предварительно знакомитъ съ планомъ будущаго обширнаго труда. Дѣйствительно, его предпріятіе — написать исторію медицины въ Россіи — дѣло весьма-важное, требующее усерднаго труда, глубокихъ исследований и, главное — источниковъ, откуда можно почерпнуть свѣдѣнія. Покойный профессоръ Рихтеръ, издавшій слишкомъ за тридцать лѣтъ предъ симъ исторію медицины въ Россіи, принесъ большую жертву медицинско-литературѣ (*). Будущій историкъ можетъ пользоваться тѣмъ, что собрано Рихтеромъ; но все ли находится въ его исторіи медицины? Много

труда предстонтъ тому, кто вздумалъ бы въ наше время писать объ этомъ же предметѣ. Рихтеръ пользовался наслѣдованіями своихъ предшественниковъ и съ ихъ помощью довелъ исторію медицины въ Россіи до 1760 года. Но съ помнутаго года и до нашего времени сколько было происшествій по врачебной части! Въ-продолженіе слѣшкомъ восьмидесяти-пяти лѣтъ, измѣнился весь составъ медицинскій въ нашемъ отечествѣ, и при томъ этотъ періодъ времени представляетъ болѣе преобразовавша въ самой наукѣ, нежели предшествовавшія ему времена. Кто не порадуется, видя, что является новый дѣлатель на трудномъ поприщѣ!

Желающіе изучить исторію медицины въ Россіи вѣрно поблагодарятъ доктора Гейне за его полезное предпріятіе. Но, пока это сбудется, представимъ читателямъ краткій обзоръ его «Отрывковъ изъ Исторіи Медицины въ Россіи».

Докторъ Гейне начинаетъ свои отрывки съ самыхъ первыхъ временъ состоянія врачебнаго искусства въ нашемъ отечествѣ, и въ первомъ изъ нихъ описываетъ грубое, невѣжественное состояніе, въ какомъ были сословія общества; этотъ любопытный отрывокъ, из-

ложенъ съ мастерскимъ знаніемъ дѣла. Во второмъ отрывкѣ описываются народный нашъ напитокъ квасъ, паровыя бани, первые (рукописные) лечебники, горшки (повышѣ еще въ баняхъ накидываемые на животъ и друга часть тѣла) и нѣкоторыя лекарства, употреблявшіяся при дворѣ царскомъ. Въ третьемъ отрывкѣ говорится о прибытіи англійскихъ врачей ко двору царскому; въ четвертомъ описывается появленіе (въ XVI и XVII столѣтіяхъ) врачей нѣмецкихъ въ Россіи. Въ пятомъ—извѣстія о первыхъ судебно-медицинскихъ изслѣдованіяхъ. Шестой отрывокъ—самый богатый—посвященъ описанію учрежденныхъ Петромъ Великимъ больницъ, госпиталей и при нихъ медицинскихъ школъ; здѣсь начинается полное европейское образованіе. Самое интересное въ отрывкахъ доктора Гейне составляетъ описаніе чумы, которую слѣдуетъ онъ отъ перваго ея появленія въ Россіи съ XI столѣтія до нашихъ временъ. Въ концѣ сочиненія приводятся біографіи бывшихъ архіатеровъ, между которыми первое мѣсто занимаетъ Робертъ Арескинъ (Эрескинъ). Замѣчательно, что Петръ-Великій высоко цѣнилъ труды этого слуги своего, такъ-что повелѣлъ положить брвенные остатки его на кладбищѣ Александровской Лавры подлѣ Великой Княжны Наталіи (См. жизнеописаніе Эрескина (по настоящему прозванію его фамиліи), составленное докторомъ В. С. Сахаровымъ и напечатанное въ покойномъ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» Плюшара). За Арескиномъ слѣдуютъ Блументросты (отецъ и пять сыновей); изъ нихъ Лаврентій Блументростъ былъ первый президентъ Императорской Академіи Наукъ; потомъ Іоаннъ Ригеръ, Іоаннъ Бернардъ Фишеръ, Германъ Лестокъ (въ-послѣдствіи графъ), Германъ Кау-Бюерговъ, Павелъ Ковловъ и Яковъ Манвей. Авторъ общааетъ продолженіе «Отрывковъ»; ожидаемъ и надѣемся, что будущія его статьи доставятъ намъ такое же удовольствіе, съ какимъ прочитали мы доселѣ изданныя.

(*) При этомъ не должно забыть врачамъ, что они обязаны за исторію медицины въ Россіи благодарностію просвѣщенному министру графу Алексію Кирилловичу Разумовскому, который, въ-слѣдствіе представленія попечителя Московскаго Университетскаго Округа, тайнаго совѣтника Голенищева-Кутузова въ 1814 году, исходатайствовалъ монаршее дозволеніе—профессору Рихтеру пользоваться источниками, хранящимися въ архивахъ; издано же самой книгой пособію Московскаго Физико-Медицинскаго Общества, котораго членомъ былъ покойный профессоръ Вильгельмъ Рихтеръ. Сочиненіе это въ трехъ частяхъ переведено на русскій языкъ (1814 года) профессоромъ Бекетовымъ. Оригиналъ удостоился посвященія Императору Александру I-му.

39) DIE CHRISTLICHE LEHRE nach den Bekenntnisschriften der Evangelisch-Lutherischen Kirche. Ein Handbuch zum Religions-Unterricht. (Auszug aus dem praktischen Handbuche der christlichen Lehre). Von Dr. David von Flittner, General-Superintendent, Vice-Praeses des St. Petersburgischen evangelisch-lutherischen Consistoriums, Pastor der St. Michaelis-Kirche, Consistorialrath und Ritter des St. Annen Ordens 2-ter, St. Stanislaus Ordens mit der Kaiserlichen Krone 2-ter u. des St. Wladimir Ordens 4-ter Classe. St.-Petersburg. 1847. (ХРИСТИАНСКОЕ УЧЕНІЕ, по писаніямъ евангелическо-лютеранской церкви. Ручная книга для преподаванія религіи, извлеченная изъ практической ручной книги христіанска-

го ученія, докторомъ Давидомъ фон-Флиттнеромъ, генерал-суперинтендентомъ, вице-презусомъ Санктпетербургской Евангелическо-Лютеранской Консисторіи, пасторомъ церкви св. Михаила, консисторіальнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ орденовъ св. Анны 2, св. Станислава съ короною 2 и св. Владимира 4 степени). Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. Гинце. Въ 12-ю д. л. 238 стр.

Въ этой книгѣ заключаются краткіи катехизисы доктора Мартина Лютера и принадлежащія къ нему молитвы и объясненія разныхъ предметовъ христіанскаго ученія. Половину книги занимаетъ краткая священная исторія, извлеченная изъ книгъ ветхаго и новаго заветъа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ 1848 году, въ Отечественныхъ Запискахъ, будутъ напечатаны, между прочими, слѣдующія статьи:

Отецъ съ Сыномъ. Повѣсть В. И. ДАЛЯ.

Невскій Проспектъ. Повѣсть въ двухъ частяхъ Я. П. ВУТКОВА.

Тамъ и Здѣсь. Повѣсть въ двухъ частяхъ СТО-ОДНОГО.

Слабое Сердце. Повѣсть Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО.

Три Старухи. Повѣсть А. Н. МАЙКОВА.

Повѣсть А. НЕСТРОЕВА.

Темный Человѣкъ. Повѣсть въ двухъ частяхъ Я. П. ВУТКОВА.

Повѣсть Н. А. ГОНЧАРОВА.

Неточка Незванова. Романъ въ трехъ частяхъ Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО.

Жизнь Человѣческая. Повѣсть Я. П. ВУТКОВА.

Картины изъ русскую быта: 1) Свѣтлый Праздникъ; 2) Цыганка; 3) Воръ; 4) Находка; 5) Крестьянка; 6) Осколокъ льду; 7) Искушеніе; 8) Бѣглянка; 9) Четыре брака; 10) Наша капитанша; 11) Сухая бѣда; 12) Ваша воля, наша доля; 13) Повѣрка; 14) Разсвѣтъ; 15) Подтокъ; 16) Подземное село; 17) Говоръ; 18) Кандидаты; 19) Варнакъ; 20) Одесса. В. И. ДАЛЯ.

Маркизъ Помбаль. Т. Н. ГРАНОВСКАГО (профессора Московскаго Университета).

Обзоръ Исторіи Малороссіи до присоединенія ея къ Московскому Государству. С. М. СОЛОВЬЕВА (профессора Московскаго Университета).

Ученыя и критическія статьи по всеобщей исторіи, П. Н. КУДРАВЦЕ-

ВА (профессора Московскаго Университета).

Положительная Философія, СТО-ОДНОГО.

Нѣсколько критическихъ статей по русской исторіи, К. Д. КАВЕЛИНА (профессора Московскаго Университета).

Общественный Бытъ Петровъ, П. Г. РѢДКИНА (профессора Московскаго Университета).

Несторъ, въ двухъ статьяхъ. К. К—НА.

О расходахъ государства на военныя силы, Д. А. МИЛЮТИНА (профессора Военной Академіи).

Нѣсколько статей изъ *физической географіи* Д. М. ПЕРЕВОЩИКОВА (профессора Московскаго Университета).

Изслѣдованія объ историческомъ развитіи политической экономіи, В. А. МИЛЮТИНА.

Исторія развитія въ Россіи экономическихъ понятій и обзоръ трудовъ русскихъ экономистовъ, К. С. ВЕСЕЛОВСКАГО.

Взглядъ на исторію Испаніи за три послѣдніе вѣка, В. П. ВОТКИНА.

Критическія статьи объ исторіи русской литературы, А. Д. ГАЛАХОВА.

Письма объ Англии и Англичанахъ, А. П. ЗАВЛОЦКАГО.

Рядъ статей изъ *сравнительно-статистическихъ изученій Россіи.* А. П. ЗАВЛОЦКАГО и К. С. ВЕСЕЛОВСКАГО.

Четыре мѣсяца въ Куртиской Стѣпи, БАРОНА УСЛАРА.

Сверхъ-того, изготавлиются переводы *Завоеванія Мексики,* соч. Сѣверо-Аме-

риканца Вильяма Прескотта, — недавно-вышедшаго *Путешествіе къ Южному-полюсу* капитана Россса, — романа АЛЕКСАНДРА ДЮМА: *Сорокъ-пять*, служащаго продолженіемъ «Королевы Марго» и «Графини Монсоро», которые напечатаны были въ «Отечественныхъ Запискахъ» прежнихъ лѣтъ и только на дняхъ вышедшаго въ подлинникъ, — и продолженія *Исторіи Консульства и Имперіи*, соч. Тьера, которое будетъ переводиться по мѣрѣ его выхода во Франціи. Съ одною же изъ первыхъ книжекъ будущаго года мы надѣемся разослать, въ подарокъ читателямъ, отдѣльную книгу: *Разказы о Временахъ Меровингскихъ*, соч. ОГЮСТЕНА ТЬЕРРИ.

Вторая и послѣдняя часть повѣсти Ф. М. Достоевскаго «Хозяйка» и де-

вятая (послѣдняя) часть романа Александра Дюма «Двѣ Діаны» будутъ напечатаны въ сѣдующей книжкѣ.

Насъ просили извѣстить, что въ скоромъ времени будутъ изданы *Сочиненія Е. П. Гребенки*. На-дняхъ выйдетъ первая книжка, содержащая въ себѣ три повѣсти: «Искатель Мѣста», «Вѣрное Лекарство» и «Такъ иногда люди женятся». Въ короткіе промежутки времени будутъ выходить одна за другою такія же книжки. Цѣна каждой 25 коп. серебр. Для облегченія пересылки къ иногороднымъ читателямъ, издатель проситъ ихъ, высылая деньги, прилагать вѣсовыхъ за одинъ фунтъ; требованія же свои обращать въ книжную лавку А. Сорокина, въ Санктпетербургѣ, въ Гостиномъ-Дворѣ по Невскому-Проспекту, № 19-й.

VII.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ТРУДЫ ПО ЧАСТИ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ И ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ.

Плодovitость исторической школы не исчерпана; каждый годъ, почти каждый день ознаменовывается новыми изысканіями о какой-нибудь великой эпохѣ человѣчества. Такимъ образомъ, въ нашихъ глазахъ свершилось открытіе тайнъ древняго міра, и въ то время, какъ наслѣдники Абель-Ремюза и Кольбрука продолжаютъ разработку восточнаго міра, исторія новѣйшей философіи находитъ во Франціи своихъ изыскателей и возбуждаетъ, въ свою очередь, живѣйшее любопытство. До сихъ поръ, Французы были знакомы съ нѣмецкою философіею только поотрывкамъ и извлеченіямъ: теперь г. Видльмъ издавъ цѣлую ея исторію—*Histoire de la philosophie allemande depuis Kant jusqu'à Hegel, par S. Wilm.* Хотя школы XVIII-го вѣка довольно извѣстны Французамъ, однако г. Дамировъ не безъ основанія полагалъ, что еще можно собрать новую и богатую жатву съ этого плодотворнаго поля, и дока-

залъ это своимъ сочиненіемъ, въ которомъ ясно и отчетливо изобразилъ всю цѣпь дѣятелей философіи, отъ главнѣйшихъ до самыхъ ничтожныхъ. Эпоха возрожденія также имѣетъ своихъ изыскателей: любопытныя ученія розысканія г. Бартоломесса о Джордано Бруно достойны уваженія и вниманія читателей. Приготавливается еще нѣсколько сочиненій, которыя принесутъ должную дань Рамусу и Телезіо. Самые древніе вѣка, бывшіе въ такомъ пренебреженіи до XIX-го столѣтія, выходятъ изъ той тьмы, въ которой они такъ несправедливо были забыты цѣлые три вѣка. Герцогъ Караманъ, писатель, желающій обезсмертить свой герцогскій титулъ учеными трудами, рѣшился написать полную исторію философіи въ средніе вѣка, хотя неизвѣстно, можно ли еще теперь начинать такой трудъ. Еще обширнѣйшая попытка была начата ученымъ Де-Жеррандо: онъ хотѣлъ написать всеобщую исторію философіи.

Смерть остановила его на половинѣ пути, но, благодаря достойному наследнику имени Де-Жерандо, исторія философіи немного пострадала отъ смерти этого писателя. Молодой Де-Жерандо издалъ два первые тома важнаго труда, начатаго отцомъ. Эти два тома доводятъ читателя до Спинозы; остальные два, которые еще не вышли, заключать въ себя первые годы настоящаго столѣтія.

XIX-й вѣкъ, едва достигшій половины, уже имѣетъ историковъ и критиковъ своей философіи, которые, впрочемъ, часто походятъ на клеветниковъ. На-прим., аббатъ Вальрожэ выступилъ противъ раціонализма съ огромнымъ томомъ своихъ изысканій. Раціонализмъ ему кажется тѣмъ ужаснымъ привидѣніемъ, которое некоторые писатели называютъ пантеизмомъ. Ему въ помощь послышался Арианъ Френо, съ своею брошюрой, и они вмѣстѣ выступили въ этотъ анахроническій престоловый походъ... Впрочемъ, не стоить толковать о всѣхъ этихъ памфлетахъ: обратимся къ исторіи философіи.

Исторія философіи во Франціи обзавана своимъ движеніемъ Кузену, котораго лекціи вышли теперь третьимъ изданіемъ: это безспорно. Въ 1828 и 1829 годахъ, въ первый разъ исторія философіи во Франціи получила тѣсную связь съ общимъ движеніемъ цивилизаціи, съ ходомъ учрежденій политическихъ и общественныхъ, съ измѣняющимися символами религій, съ постепеннымъ образованіемъ и медленнымъ разложеніемъ учреждений религіозныхъ, съ развитіемъ наукъ и искусствъ. Въ первый разъ, въ это время, былъ начертанъ систематическій планъ исторіи человѣческой мысли; въ первый разъ Франція съ изумленіемъ видѣла множество философскихъ ученій. Эти школы, если разсматривать ихъ со стороны разнообразія, противорѣчій и крайностей, могли показаться сборомъ пустыхъ догадокъ и мечтаній; но онѣ были изложены въ удивительномъ порядкѣ, и потому бы-

ли полны величія. Онѣ образовали естественныя семейства идей, классифицировались въ весьма-небольшомъ числѣ различныхъ единицъ отъ другаго видовъ, развились по очевиднымъ законамъ разума, проявили собою свободное и вмѣстѣ стройное движеніе человѣческаго разумія и съ нимъ вмѣстѣ возрасли, усовершенствовались, очистились. Чудно это разнообразіе понятій, воюющихъ другъ противъ друга и немѣющихъ силы разрушить себя, потому-что многимъ изъ нихъ суждено долго жить.

Этотъ взглядъ, совершенно-новый во Франціи въ ту эпоху, когда началъ свои лекціи Кузенъ, возжегъ въ молодомъ поколѣніи благородное пламя философскаго энтузіазма и распространилъ вкусъ къ обширнымъ предпріятіямъ въ области исторіи. Извѣстно, что Кузенъ къ своимъ общимъ идеямъ о развитіи ума человѣческаго примѣшивалъ часто мѣтвія о философіи, которыя возбудили противъ него жестокою оппозицію. Кузенъ былъ не правъ во многомъ, и обвиненія были справедливы, но онъ упорно стоялъ въ своихъ убѣжденіяхъ, и вотъ причина, по которой онъ это дѣлалъ, — онъ самъ объясняетъ ее: «Изъ трехъ томовъ (говоритъ онъ), первый, содержащій въ себѣ чтенія дѣтскаго семейства въ 1828 году, дѣйствительно пострадалъ отъ увлеченія, съ которыми я и Гизо, оба вмѣстѣ, воспользовались возвращенною намъ свободою говорить. За недостаткомъ времени, необходимаго для приготовленія, я долженъ былъ взять предметъ слишкомъ-общій; я представилъ введеніе въ исторію философіи, въ которомъ важнѣйшіе вопросы разсмотрѣлъ слишкомъ-смыло, и рѣшенія, которыя сдѣлала на нихъ новѣйшая философія, изложилъ общими чертами, но не совсѣмъ-вѣрно. Должно, однакожъ, войти въ положеніе, въ которомъ мы находились въ то время, — оно нисколько не похоже на настоящее. Публика смотрѣла на наши кафедръ, какъ на трибуны. Со временемъ сходя-

стижки не было примѣровъ, чтобъ авторіи Латинскаго - Квартала были наполнены такимъ множествомъ слушателей. Это стеченіе публики необходимо должно было дѣйствовать на профессора. Прибавьте къ тому, что каждая лекція, едва-просмотрѣнная, на другой день разносилась уже повсюду въ печати. Не смотря на все это, я до-сихъ-поръ удерживаю основныя идеи своихъ первыхъ лекцій. Но, во всякомъ случаѣ, мнѣ не нужно имѣть много скромности, чтобъ признаться, что въ нихъ есть множество слишкомъ-смѣлыхъ предположеній, или скорѣе обмолвокъ, произнесенныхъ въ жару увлеченія, и я ихъ медленно уничтожилъ бы, еслибъ клевета, напитавъ ихъ ядомъ, не сдѣлала для меня неприкосновенными. Оскорбленное честолюбіе не позволило мнѣ ихъ исправить, и я долженъ былъ все сохранять, чтобъ ничего не скрывать отъ враждебной критики. Итакъ, я имѣнилъ только нѣкоторыя лишнія подробности; тѣ страницы, на которыя сыпались обвиненія, существуютъ и теперь, хотя съ нѣкоторыми поясненіями, извлеченными изъ моихъ собственныхъ сочиненій, предшествовавшихъ моимъ лекціямъ или написанныхъ вслѣдъ за ними.

Если неоспоримо, что Кузенъ своимъ общимъ взглядомъ и примѣненіемъ его къ частностямъ, былъ двигателемъ исторической школы, то тѣмъ не менѣе должно отдать справедливость нѣкоторымъ писателямъ, которые появились раньше его на этомъ поприщѣ, хотя и не владѣли такою силою увлеченія. Съ 1802 года, у Де-Жерандо была мысль соединить исторію ума человеческого съ вопросомъ о происхожденіи нашихъ познаній. Взглядъ былъ узокъ, и горизонтъ чрезвычайно - ограниченъ: Де-Жерандо чувствовалъ это, и потому въ 1822 году напечаталъ начало полной исторіи философіи. Если оставить въ сторонѣ поверхностный трудъ Деланда, то Де-Жерандо первый сдѣлалъ для ис-

торіи философіи во Франціи то же, что Бруккерь для Германіи.

Сочиненіе 1822 года состояло изъ четырехъ томовъ и остановилось на схоластикѣ; но Де-Жерандо, умирая, оставилъ еще четыре тома почти-оконченные; въ нихъ философія дошла до конца XVIII столѣтія. Если первая часть этого почтеннаго труда немного устарѣла, то должно опасаться, чтобъ другая половина не явилась слишкомъ-повдно. Мы думаемъ, однакожь, что въ ней можно найдти не одно полезное изысканіе о началѣ, еще довольно-темномъ, новѣйшей философіи. Критика Де-Жерандо хотя не сильна, но за то не опрометчива и проникнута благороднымъ образомъ мыслей, любовью къ человѣку и терпимостью — достоинствами, которыми такъ славно отличался XVIII вѣкъ, и которыя отъ него наследовалъ Де-Жерандо.

Сочиненіями профессоровъ Вильма и Дампрона, Французы пополняютъ тотъ пробѣлъ, который оставилъ Де-Жерандо въ исторіи философіи картезианской и нѣмецкой. Трудъ герцога Карамана, относящійся къ среднимъ вѣкамъ, достоинъ вниманія по смѣлости предпріятія. Самый предметъ столько же труденъ, сколько и величественъ. Описать зарожденіе мысли новаго времени, слѣдить за ея развитіемъ и успѣхами ума человеческого среди волненій воинственнаго общества, присутствовать на диспутахъ школъ и постановленіяхъ соборовъ, обнять такихъ діалектиковъ, какъ Абелларъ, такихъ докторовъ, какъ св. Тома, рисовать такіе характеры, какъ св. Бернаръ и Элоиза — это трудъ, который можетъ соблазнить своею прелестью не одно честолюбіе; но за то и важность предмета можетъ испугать не одного смѣльчака. По нашему мнѣнію, прежде бы нужно было испытать себя на предметахъ менѣе-важныхъ и тогда пускаться въ подобное предпріятіе, а благоразуміе совѣтовало бы, можетъ-быть, обнять сперва частицу, а потомъ приступать

къ цѣлому, чтобъ и самому увѣряться въ своихъ силахъ и дать ихъ почувствовать публикѣ; но герцога Карамана не удерживали эти мелочи. Книги и школы среднихъ вѣковъ налагаютъ на историка два условія, совершенно необходимыхъ: во-первыхъ, глубокое знаніе древней философіи, преимущественно сочиненій Аристотеля, и, во-вторыхъ, знаніе богословія изъ источника самыхъ обильныхъ и чистыхъ. Дѣйствительно, философія среднихъ вѣковъ не что иное, какъ смѣсь этихъ двухъ элементовъ. Къ этимъ условіямъ нужно присоединить третье, которое не менѣе необходимо, какъ и два первыхъ: критику основательную для взвѣсиванія всѣхъ идей и свободную отъ увлеченій, для разбора споровъ религиозныхъ и диспутовъ философскихъ. Но герцогъ Караманъ заставляетъ сомнѣваться въ своихъ достоинствахъ въ этомъ отношеніи. Онъ, на-прим., кажется, не читалъ св. Ансельма, извѣстнаго своими двумя великими сочиненіями: *Monologium* и *Proslogium*. Первое не что иное, какъ попытка вывести изъ чистаго разума таинство св. Троицы; но попытки эти не въ родѣ трактатовъ св. Августина, св. Иустина или Боскута, старавшихся, сколько возможно человѣческому разуму, пояснить эту тайну — итъ, эта попытка болѣе смѣла и не имѣетъ ничего подобнаго въ исторіи философіи, кромѣ отважныхъ отвлеченностей Гегеля и Лампѣ. Этотъ трактатъ — выводъ св. Троицы изъ чистаго разума, изложеніе этого начала и объясненіе его во всѣхъ составныхъ частяхъ. *Monologium* — чудо XI-го вѣка. *Proslogium* — попытка въ совершенно другомъ видѣ, но точно также смѣлая и оригинальная. Св. Ансельмъ, основываясь также на чистомъ разумѣ, старается доказать существованіе Бога съ помощью самой отвлеченной логики и не опираясь ни на одно данное въ мірѣ чувство. Въ этой-то маленькой книжкѣ находится то знаменитое доказательство, которое Декартъ и Лейбницъ возобновили въ XVII столѣтіи и которое заключается

въ выводѣ сущности совершеннаго существа изъ одной идеи совершенствованія. Очень-просто, что Гегель воздалъ подобающую честь этому доказательству, оспориваемому Кантомъ, потому-что, для главы абсолютнаго идеализма, идея существа предшествуетъ самому существу; но нельзя не удивляться, что подобная идея могли зародиться въ умѣ монаха XI столѣтія. Съ такими личностями долженъ былъ имѣть дѣло герцогъ Караманъ. Но изъ его труда видно, что онъ очень-мало знакомъ съ ними; даже, повторяемъ, можно подозрѣвать, что онъ вовсе не читалъ въ подлинникѣ Ансельма.

Переходя отъ г. Карамана къ профессору Дамирону, мы дѣлаемъ смѣлый шагъ отъ дилеттанта въ философіи къ опытному извѣстателю. Въ-мѣсто поверхностнаго и недостаточнаго очерка, мы уже находимъ цѣлый рядъ глубокихъ изслѣдованій. Уже болѣе двадцати лѣтъ г. Дамиронъ излагаетъ въ газетѣ *Globe* свой взглядъ на исторію современной философіи. Лицомъ-къ-лицу съ предметомъ болѣе-серьезнымъ, опытный взглядъ автора получилъ болѣе важности. Въ-мѣсто тѣхъ порывовъ и проблесковъ, которые ознаменовываютъ юность, вы чувствуете въ этомъ трудѣ основательность и серьезность зрѣлаго человѣка. И вникъ въ Французовъ не былъ лучше приговоренъ къ такому труду, какъ профессоръ Дамиронъ, т. е. къ исторіи философіи въ XVII столѣтіи. Это предметъ, который онъ читалъ нѣсколько лѣтъ въ Сорбоннѣ; это то время, о которомъ отрывки онъ читалъ въ Академіи Наукъ Правственныхъ и Политическихъ. Наконецъ, г. Дамиронъ назначался философскимъ факультетомъ для оцѣнки сочиненій, представленныхъ на задачи академіи о картезіанизмѣ. Слѣдовательно, г. Дамиронъ имѣлъ подъ руками три рода матеріаловъ: тетради профессора, мемуары академика и свои сужденія, какъ рецензентъ сочиненій, представляемыхъ на конкурсъ. Но о г. Дамиронѣ мы уже говорили въ послѣднемъ обзорѣ французской

литературы; обратимся къ профессору Вильму.

Одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ, который представляетъ новѣйшее время — исторія нѣмецкой философіи. Г. Вильмъ, который предпринялъ сочиненіе по этому предмету, подобно Дамирову принадлежитъ къ такимъ писателямъ, которыхъ пріятно хвалить, потому-что у нихъ всегда найдешь больше того, нежели сколько ожидаешь. Сочиненіе г. Вильма — одинъ изъ самыхъ обширныхъ, самыхъ добросовѣстныхъ и полезныхъ трудовъ, какіе давно не появлялись во французской литературѣ. Въ 1836 г., Академія Нравственныхъ и Политическихъ Наукъ для конкурса задала слѣдующую великую задачу: 1) подробно разобрать главныя философскія германскія системы, которыя появились отъ Канта исключительно до настоящаго времени; 2) преимущественно обратить вниманіе на систему Канта, которую можно назвать главою пророчихъ, и 3) оцѣнить германскую философію, рассмотреть начала, на которыхъ она основана, методу, которую она употребляетъ, результаты, до которыхъ она дошла; отыскать ошибки и истины, которыя въ ней заключаются, и сдѣлать послѣдній выводъ тому, что можетъ остаться отъ новѣйшаго философскаго движенія въ Германіи, что можетъ получить законное существованіе.

Вотъ удивительная задача, которую могъ бы выполнить только гевій. Академія ожидала рѣшенія этихъ вопросовъ два года, потомъ еще два, наконецъ, еще четыре года. Только въ 1844 году она могла располагать наградою въ пользу превосходнаго труда профессора Вильма. Находясь между Франціей и Германіей, въ одномъ изъ нѣмецкихъ городовъ, въ Страсбургѣ, Нѣмецъ по рожденію и по своимъ добросовѣстнымъ и безкорыстнымъ изысканіямъ, совершенный Французъ по своему здравому смыслу и ясному уму, профессоръ Вильмъ какъ-будто назначенъ былъ для того,

чтобы передать Франціи исторію нѣмецкой философіи. Онъ напечаталъ до настоящаго времени только два тома, и теперь занимается обработкой остальныхъ двухъ томовъ. Г. Вильмъ посвятилъ Канту цѣлый томъ; второй томъ занимаютъ Фихте и Якоби. Въ остальныхъ двухъ томахъ будутъ объяснены Шеллингъ, Гербертъ и Гегель.

Г. Ремюзэ замѣтилъ въ своемъ отчетѣ академіи, что раздѣленіе, принятое профессоромъ Вильмомъ, немного искусственно. Съ одной стороны, первая фаза нѣмецкой философіи, включающая Канта, Фихте и противника ихъ Якоби, съ другой, слѣдующая философія Шеллинга и Гегеля и противника ихъ Герберта, представляетъ какую-то поддѣльную симметрію. Сверхъ-того, можно прибавить, что этотъ планъ слишкомъ — исключителенъ. Чтобы выполнить задачу академіи, пожалуй, можно отдѣлаться системами шести философовъ; но чтобы исчерпать такой предметъ, какъ «Исторія Германской Философіи отъ Канта до Гегеля» — этого недостаточно: содержаніе книги должно быть пространнѣе. Можно ли, на примѣръ, исключить изъ исторіи мысли въ Германіи такого оригинальнаго и глубокаго мыслителя, какъ Гердеръ, такого достойнаго критика, какъ Шлейермахеръ, такого высокаго скептика, какъ Шульце, такого мистика, какъ Бадеръ, такихъ знаменитыхъ писателей, какъ Фрисъ, Краузе, Бутервекъ? Въ исторіи нѣмецкихъ идей, нельзя пропустить такого гевія, какъ Гёте: его «Фаустъ» долженъ занять въ ряду ихъ блестящее мѣсто. Гёте не только великій поэтъ, но онъ виѣсть съ этимъ и гевій естественной исторіи, онъ страстно любилъ философію. Какое чтеніе было любимымъ для автора «Вильгельма Мейстера»? Этика Спинозы. Да, этика, т. е. философія, превращенная въ алгебру человѣческой мысли! Подъ ледяными формами этой отвѣченной метафизики, душа Гёте сочувствовала душѣ несчастнаго Еврея, искавшаго внѣ міра, который его отвергалъ, безопаснаго

убѣжища для идеи всеобщаго тождества. Поэтому-то, самыя смѣлыя умозрѣнія нѣмецкой философіи оказывали на гений Гёте рѣшительное вліяніе, которое обнаруживается на каждой страницѣ его удивительнаго произведенія.

Намъ кажется, что философія ничего не потеряла бы, еслибъ ее не слишкомъ отдѣляли отъ литературы, искусства, идей религиозныхъ и общественныхъ и вообще отъ всѣхъ великихъ работъ человѣчества. Вильмъ излагаетъ свою исторію философіи нѣсколько-схоластически. Онъ ни на одну ниву не покидаетъ университетской кафедры, и все его сочиненіе отличается докторальнымъ тономъ. Безсомнѣнія, его метода чрезвычайно-правильна, но за то она немного-монотонна. Рассказавъ довольно-сухо жизнь философа, г. Вильмъ беретъ одно изъ важнѣйшихъ его сочиненій и дѣлаетъ изъ него точное и вѣрное извлеченіе; потомъ онъ сокращаетъ это извлеченіе и кончаетъ нѣсколькими замѣтками, вообще очень-справедливыми. Все это очень-хорошо; но у него нѣтъ того взгляда, который одною чертою, вѣрною и глубокою, обозначаетъ основную идею философа, заключающуюся во всѣхъ его произведеніяхъ, проявляющуюся въ-теченіе всего его поприща; у него нѣтъ тѣхъ великихъ критическихъ взглядовъ; которые бы освящали и господствовали надъ цѣлымъ рядомъ выводовъ. Г. Вильмъ совершенно скрылъ свой взглядъ, чтобъ лучше выказать своихъ героевъ, и охотно жертвовалъ собою въ пользу нѣмецкихъ философовъ.

Только изложеніе философіи Якоби немного смягчаетъ обыкновенную строгость системы г. Вильма; эта часть его книги чрезвычайно-интересна. Авторъ Вольдемара отличается отъ прочихъ Нѣмцевъ тѣмъ, что онъ вовсе не похожъ на Нѣмца. Якоби двумя качествами приближается болѣе къ французскимъ философамъ: онъ не вѣрнѣтъ умозрѣніямъ слишкомъ-отвлеченнымъ и не злоупотребляетъ языкомъ школы. Онъ не можетъ похвастаться, какъ Ге-

гель, что знаетъ послѣднее основаніе вещей; онъ не опредѣляетъ Бога такъ, какъ Шеллингъ: безразличное различнаго. Якоби всю жизнь свою протестовалъ противъ этого догматизма и этихъ формулъ, худо обозначающихъ содержаніе. Какъ Руссо, онъ вѣрнѣтъ одному чувству. Поэтому-то духъ Вольдемара похожъ на духъ Эмиля, и эта сентиментальная философія имѣла успѣхъ, ибо встрѣтила сочувствіе въ двухъ разладахъ людей, рѣшающихъ этотъ роль успѣха: въ женщинахъ и литераторахъ. Г. Вильмъ имѣетъ по-видимому особенную любовь къ Якоби и излагаетъ его идеи съ наслажденіемъ, отъ чего много выигрываетъ и читатель. Но должно замѣтить, что полагать чувство въ основаніе науки и жизни человѣческой слишкомъ-опасно, потому-что чувство есть основаніе подвижное и хрупкое. Отъ этого въ наше время многіе замѣчательные умы доходятъ до того двусмысленнаго положенія, что не могутъ сказать рѣшительно, вѣруютъ ли они въ философію, или отвергаютъ ее. Такимъ-образомъ, изъ двухъ великихъ опоръ, которыми поддерживается умъ и характеръ человѣка, твердая вѣра и разумное убѣжденіе, они не имѣютъ ни того, ни другаго, и проходятъ всю жизнь совершенно завися отъ произвола обстоятельствъ. Но нельзя простить Якоби того, что онъ доказывалъ противъ Мендельсона, будто всякая философія, если только она основана на разумѣ, непремѣнно есть пантеизмъ; а къ этому прибавьте другое не менѣе ложное и опасное убѣжденіе, что пантеизмъ есть то же, что атеизмъ. Какъ! Моё сердце религиозно, а мой разумъ атеистъ? Какъ! атеизмъ не химера, а послѣднее слово разума? Какъ! для того, чтобъ вѣрить въ Бога, должно отказать отъ разума, который Онъ самъ далъ намъ, и этотъ-то разумъ учить насъ тому, чтобъ удалиться отъ своего начала?...

Очевидно, что противъ этихъ парадоксовъ, которые возмущаютъ умъ

г. Вильма, намъ нечего возражать; но то напоминаетъ поленику духовенства во Франціи противъ разума. Нѣкоторые изъ писателей увѣрили себя въ наше время, что они сдѣлали большое открытіе, замѣнивъ слово «философія» словомъ «раціонализмъ» и доказывая, что раціонализмъ ведетъ къ пантеизму, а пантеизмъ тождественъ съ атеизмомъ. Вотъ удивительное открытіе! Но имъ показали, что они доказываютъ, будто изысканіе истинны средствами, данными отъ природы, т. е. разумомъ, должно непременно окончиться нечестіемъ, и что, слѣдовательно, нѣтъ ничего разумнѣе, какъ быть атеистомъ. Они увидѣли ложную сторону своего ученія и обратились къ другой, и ихъ новая поленика обнаружилась въ одной книгѣ, недавно изданной г. Вальрожѣ о раціонализмѣ. Но прежде, нежели они пріймутся за новую атаку противъ раціонализма, имъ не мѣшало бы согласиться въ нѣкоторыхъ пунктахъ между собою, на-примѣръ, о сущности, правахъ и границахъ разума. Въ этомъ отношеніи, въ настоящее время, во Франціи господствуетъ совершенная анархія. Одна часть духовенства совершенно-противоположна другой; одни удѣляютъ нѣсколько правъ разуму и говорятъ только, что онъ недостаточенъ; другіе не находятъ въ естественномъ разумѣ, отдѣленномъ отъ вѣры, никакихъ основаній. Это довольно-старое раздѣленіе; во Франціи оно нѣкогда отдѣляло Паскала отъ прелатовъ картезіанскихъ, а въ наше время оно существуетъ между школами Бональда, Ламне и школами кардинала Люцерна и епископа Горнополиса. Аббатъ Марѣ доказываетъ въ Сарбоннѣ, что разумъ имѣетъ свои права, епископъ Монтбанъ отрицаетъ ихъ. Эти поборники вѣры и разума укоряютъ другъ друга словами: «вы ламнеистъ», а вы «раціоналистъ».

Задача французской академіи — написать исторію новой германской философіи, вытекаетъ необходимо изъ самаго направленія философіи во Фран-

ціи, направленія, занесеннаго изъ Германіи Кузеномъ. Онъ познакомилъ Французовъ съ идеями, развитыми Гегелемъ и его предшественниками о значеніи философіи исторіи и философскими системами Нѣмцевъ. Взглядъ Гегеля на философію исторіи былъ исходнымъ пунктомъ всѣхъ трудовъ по части философіи и исторіи во Франціи. Значеніе исторіи, какъ ряда прогрессовъ ума человѣческаго, было взято отъ Гегеля. Удивительное явленіе, до какой степени этотъ великій архитекторъ отвлеченностей владелъ такимъ глубокимъ инстинктомъ жизни! Никто не чувствовалъ до него въ такой мѣрѣ движенія человѣчества, постепеннаго развитія идей и событій. Эти теоріи, которыя вошли, въ настоящее время, въ область вѣдѣнія всѣмъ общую и доступную, были новы во Франціи не далѣе, какъ сорокъ лѣтъ назадъ. Послѣ Вико почти не было движенія въ исторіи; Гегель ученымъ образомъ доказалъ безпрерывный ходъ того, что онъ называетъ всеобщимъ, мировымъ разумомъ (der Weltgeist). Онъ первый раздѣлил исторію человѣчества на три великія эпохи: на исторію Востока, исторію Греціи и Рима и на исторію германскихъ народовъ. Нельзя сказать, чтобъ знаменитый берлинскій философъ исчерпалъ философію исторіи, чтобъ онъ нашелъ самый законъ развитія человѣчества — нѣтъ; но самая идея этого развитія, чувство этого безпрестаннаго хода, не было никѣмъ доказано съ такою послѣдовательностью и силою. Въ слѣдствіе этой системы, нѣтъ болѣе эпохъ историческихъ безъ всякаго значенія, нѣтъ пустынь и степей въ ряду вѣковъ. Эта теорія теперь господствуетъ и въ исторіи политической, и въ исторіи наукъ и искусствъ: она была приложена и оправдана со многихъ сторонъ; то, что имѣло нѣкоторый видъ фатализма у Гегеля, логическое сцѣпленіе событій, исчезло подъ перомъ французскихъ историковъ, допустившихъ во многомъ вліаніе воли человѣка и старавшихся примирить верховный планъ

Провидѣнія съ свободою человѣческою. Французское историко-философское направление Кувена, труды Гизо и Вильмена не будутъ имѣть исходнаго пункта, если вы ихъ лишите главнаго начала, высказаннаго Гегелемъ. Мысль Гегеля присутствуетъ во всѣхъ историческихъ трудахъ новѣйшей Франціи, и это событіе очень-замѣчательно въ той странѣ, которая въ прошедшемъ столѣтіи уничтожила всеобщую исторію и съ насмѣшкой отказалась отъ взаимной послѣдовательности и сдѣленія эпохъ. Та философія исторіи, веселая и печальная вмѣстѣ, которую *Вольтеръ* заставляетъ высказывать аббата Базена, и *философія исторіи Гегеля*, написанная сорокъ лѣтъ спустя, отдѣлены между собою пространствомъ неизмѣримымъ; разстояніе между полюсами меньше. Вольтеръ доказывалъ, что человечество вѣчно глухо, что исторія всегда была сборомъ грубыхъ сказокъ, что нельзя ничему вѣрить. *Масса человечества была всегда глупа* — вотъ исторія разума человѣческаго, а *глупые еще тѣ, которые хотѣли найдти смыслъ въ этихъ нелпыхъ сказкахъ и оправдать разумомъ глупость* — вотъ философія исторіи. Не прошло полувѣка послѣ того времени, какъ Вольтеръ этими словами старался разсѣять прахъ минувшихъ поколѣній, Гегель, воспроизведя мысль Виндъ, уже торжественно судилъ побѣду всеобщаго разума и его судьбу, вѣчно двигающихся впередъ. Отнынѣ, не мысль Вольтера направляетъ ходъ науки; нашъ вѣкъ горячо вѣритъ въ серьезное значеніе исторіи, и Франція давно уже усвоила эту науку, принесшую ей свои плоды. Отъ этого Французы въ настоящее время все больше и больше начинаютъ цѣнить вѣмецкую философію и стараются знакомиться съ нею. Гегель предсказалъ высокое назначеніе Германіи, и Французы начинаютъ уважать страну Лютера, Гёте и Гегеля. Ихъ журналы часто говорятъ: мы желаемъ дружбы Германіи и думаемъ, что каждый шагъ, который насъ сближаетъ, есть уже побѣда; каждый писатель, каж-

дый поэтъ и публицистъ, ускоряющій это сближеніе, заслужить признательность обоихъ народовъ и будетъ подвизаться въ пользу прогресса Европы. По этому-то каждое новое произведеніе вѣмецкой философіи находитъ отголосокъ во Франціи, какъ на-пр., сочиненія Фейербаха, Арнольда Руге и Макса Штирнера.

Но возвратимся къ другимъ произведеніямъ по части философіи исторіи во Франціи.

Третьимъ замѣчательнымъ явленіемъ послѣ трудовъ гг. Дамирона и Вильма, есть Джордано Бруно, *соч. Бартоломесса*, о которомъ мы уже упомянули въ августовской книжкѣ. Отецъ. Записокъ нынѣшняго года, и которое теперь разсмотримъ подробно.

XVI вѣкъ сдѣлалъ два великія дѣла. Въ области религіи онъ страхнулъ его Рима, въ области философіи онъ разбилъ деспотизмъ схоластики: двойная реформа, дочь одного и того же ума, уничтоживъ два авторитета, она дала просторъ уму и совѣсти...

XVI столѣтіе велико тѣмъ, что оно приготовило зародышъ новаго общества, хотя оно и не имѣло яснаго сознанія своего высокаго назначенія. Какъ большая часть реформаторовъ, люди эпохи возрожденія большею частію неполнѣ понимаютъ то, что они дѣлаютъ. Замѣчательно, что ихъ взоры обращаются не въ будущее, а въ прошедшее. Что дѣлаютъ великіе художники этой эпохи: Брунелески, Микель-Анджело, Пилоны, Леско и Гужоны? Влюбленные въ художественные типы древности, они хотятъ замѣнить дряхлѣющія формы готическаго искусства вѣчно-юными красотами Греціи и Рима. Въ другомъ родѣ реформъ, Лютеръ, Цвингли и Кальвинъ также хлопочутъ въ пользу реставраціи. Посмотрите на сочиненія этихъ отцовъ протестантизма, которыхъ мы называемъ самыми смѣлыми нововводителями — въ нихъ, подъ покровомъ раздражительности партіи, вы найдете строгихъ и тонкихъ богослововъ, мечтающихъ восстановить первобыт-

ное христианство св. Павла, и заскакивающих себя надеждою восстановления первоначальной церкви. Въ филосоіи возрожденія — тотъ же самый контрастъ. Всѣ усилія этихъ смѣлыхъ мыслителей клонятся къ тому, чтобы возстановить хоть одну изъ системъ древности. Правда, трудно найти воображеніе сильнѣе, нежели у Марсила-Фицина, характеръ болѣе предприимчивый, умъ болѣе гибкій и открытый, чѣмъ у Пика-Мирайдола, болѣе тонкости, чѣмъ у Цезальпини, болѣе ума, чѣмъ у Телезіо, болѣе страсти, смѣлости мысли и характера, чѣмъ у Помпонаца, Рамуса, Бруно, Ванни и Кампвеллы. Но что ж! потрудитесь отнять отъ смѣлыхъ возвратчивъ этихъ пылкихъ душъ нѣкоторыя странныя формы, которыя даютъ имъ видимую оригинальность, и вы убѣдитесь, что каждое изъ этихъ возвратчивъ имѣетъ свой источникъ болѣе-близкій или отдаленный въ двухъ великихъ школахъ Греціи — въ филосоіи Аристотеля, или въ филосоіи Платона. Платонизмъ и аристотелизмъ — вотъ два орудія, которыми вооружалась эпоха возрожденія противъ схоластики.

Слѣдовательно, Платонъ и Аристотель побѣдили въ XVI столѣтіи филосоію католицизма. Вотъ странный историческій феноменъ. Какимъ образомъ тотъ самый Аристотель, который въ продолженіе трехъ столѣтій господствовалъ полновластнымъ владыкой въ школахъ, и котораго авторитетъ считался даже церковью непогрѣшительнымъ, тотъ Аристотель, который для среднихъ вѣковъ былъ исключительнымъ и единственнымъ философомъ, и который чуть-чуть не былъ канонизованъ католическою церковію, каковыи-образомъ, говоримъ мы, этотъ Аристотель могъ превратиться изъ толкователя церковной филосоіи въ орудіа самыхъ сильныхъ ея противниковъ? Съ другой стороны, не странная ли вещь, что тотъ же платонизмъ, который такъ сильно способствовалъ христианству въ первые вѣка, сдѣлался въ XVI вѣкѣ его противникомъ?

Могъ ли Джордано Бруно призывать имя этого религіознаго гевія, котораго бл. Августинъ считалъ въ числѣ своихъ учителей?

Объяснить эту видимую аномалію можно было бы очень-просто, еслибы въ настоящее время не затемнили и не измѣнили истиннаго характера филосоіи Аристотеля и Платона. Достаточно сказать въ двухъ словахъ, что Аристотель-схоластикъ, Аристотель-спиритуалистъ былъ ложный Аристотель, на мѣсто котораго эпоха возрожденія поставила Аристотеля истиннаго, и что Платонъ, Марсила-Фицина и Бруно были также испорченный Платонъ, Платонъ александрійской школы. Это простое замѣчаніе объясняетъ все. Но въ наше время опять начинаютъ дѣлать изъ Аристотеля непогрѣшительнаго философа, какъ дѣлали во времена Аверроеса и Альберта-Великаго. Ему воздвигаютъ жертвенникъ, на которомъ приносятъ въ жертву его славу всѣ философскія школы. Въ то время, какъ другія школы рождаются и падаютъ, аристотелизмъ по-видимому безсмертенъ. Стоицизмъ, эпикуреизмъ, академія, александрійская школа — все падаетъ и изнемогаетъ подъ вліяніемъ христианства, одинъ Аристотель остается неподвижнымъ; мало того: говорятъ, духъ христианства есть его духъ; въ немъ выдаютъ не только верховную мудрость древности — нѣтъ, онъ душа новѣйшаго міра и его будущность...

Совсѣмъ другой участи подверглась филосоіа Платона. Платонъ, въ глазахъ нѣкоторыхъ, не что иное, какъ діалектикъ, или, лучше, мечтатель. Ему не отказываютъ въ способности творчества, и потому думаютъ, что онъ сдѣлалъ бы большіе успѣхи въ поэзій, но говорятъ, что наука не была его дѣломъ. Вся его діалектика есть не что иное, какъ игра ума, бесплодная и легкая. Заключась въ поддѣльный міръ, она осуждена питаться пустыми отвлеченностями. Идя путемъ фантастическимъ, на каждомъ шагу удаляясь отъ дѣйствительности, она оканчивается

началомъ, «неизбѣжимымъ» содержаніемъ, мертвою пустотою, самою безплодною отвлеченностью. Она терлется въ томъ бытіи ничтожества, въ которомъ погружена Парменида, въ которомъ блуждала александрійская школа; это бездна, или, лучше, тотъ хаосъ, въ которомъ всё противорѣчія другъ на друга походятъ—божество безъ мысли и безъ любви...

Это Платонъ и Аристотель вторично-ложные. Между тысячею вопросовъ, которые можно сдѣлать этимъ новымъ перипатетикамъ, интересно знать, какъ бы они объяснили философію XVI столѣтія? Какимъ образомъ этотъ Аристотель, такой глубокой христіанствъ по своему ученію, какъ только его начали справедливо цѣнить и какъ только его узнали, сдѣлался противникомъ католицизма? Не-ужь-то Помпонаций, Забарелла, Цезальпини знали Аристотеля меньше, нежели Рабанъ Мауръ и Петръ-Ломбардскій? Не-ужь-то только въ средніе вѣка увидѣли совершенную гармонію между метафизикой Аристотеля и догматами христіанства, а св. Іустинъ, св. Климентъ, св. Аванасій и св. Августинъ несомнѣвались въ этомъ, и они предпочли его Платону? Какое множество несообразностей! Очевидно, еслибъ новѣйшіе перипатетики имѣли основаніе, XVI вѣкъ остался бы неразрѣшимой загадкой.

Постараемся выкинуть въ ученіе Аристотеля и Платона и доказать высказанную нами мысль, что XVI вѣкъ открылъ истиннаго Аристотеля и измѣнилъ истиннаго Платона.

Всѣмъ извѣстно, что средніе вѣка знали одну логику Аристотеля. Но логика совершенно-независима отъ его собственно-философской системы. Проницательный взоръ можетъ открыть въ *категоріяхъ* и особенно въ *аналитикѣ* слѣды аристотелевскаго взгляда на умъ и душу человѣческую, но вообще *Органонъ* остается монументомъ отдѣльнымъ и полнымъ. Логика — территория нейтральная для философовъ. Въ этомъ смыслѣ должно понимать остроумное и глубокое

изреченіе Данта, что и чортъ отличный логикъ. Чтò такое, въ-самомъ-дѣлѣ, силлогизмъ, если не инструментъ, который можетъ безразлично служить самымъ противоположнымъ выводамъ? Слѣдовательно, средніе вѣка не требовали отъ Аристотеля того или другого взгляда на міръ: средніе вѣка имѣли уже свое ученіе, преподаваемое церковью, и горячо въ него вѣровали. Это былъ глубокой и очищенный спиритуализмъ. Надлежало отдать себѣ отчетъ въ этомъ ученіи, развитомъ соборами и постановленіями папъ, согласить всё его начала, объяснить наружныя формы, вывести всё заключенія; ему нужно было дать характеръ науки и формы правльнаго учебника. Вотъ что требовалось для среднихъ вѣковъ, и они находили все это въ логикѣ Аристотеля. Говорятъ, что знаменитый халифъ Арунъ-аль-Рашидъ, желая выразить Карлу-Великому свою признательность и сочувствіе, подарилъ ему *Органонъ*. Подарокъ былъ чрезвычайно выбранъ, и трудно было лучше поддѣлаться подъ умственное и нравственное настроеніе великаго императора. Но если эвземпляръ халифа былъ греческій или арабскій, то никто при дворѣ Карла, ни даже Алкуинъ, не могъ имъ прямо воспользоваться. *Органонъ* въ средніе вѣка знали по латинскимъ переводамъ Воэція, Кассиодора, Марціана и Капеллы. Не смотря на это крайнее невѣжество, а можетъ-быть даже и въ-слѣдствіе такого невѣжества, легко объяснить, почему это искусство анализировать мысль и языкъ, эта наука совершенно-геометрическая законовъ и формъ сужденія, эта теорія доказательствъ столь полная и столь замысловатая, этотъ порядокъ, эта строгость, эта тонкость діалектическая, развѣянная повсюду — почему, говоримъ, все это имѣло успѣхъ удивительный и возбуждало живѣйшій энтузіазмъ? Высокая философія христіанства въ основаніи, высокое искусство Аристотеля для формы — не идеалъ ли это ума человѣческаго среднихъ вѣковъ? Отсюда истек-

ли всё эти *Summae* средних вѣковъ, въ которыхъ великолѣпный рядъ истинъ до мельчайшихъ способностей души человѣческой, до полного свершенія судьбы человечества излагаются въ однообразномъ и строгомъ порядкѣ аристотелевскаго силлогизма: труды, внушающіе почтеніе до настоящаго времени, не смотря на пыль, которая ихъ покрываетъ, и ржавчину, которая ихъ гложетъ, монументы полуразрушившіяся, но и въ самыхъ развалинахъ полныя величія! — Образцовое произведеніе въ этомъ родѣ *Summa Theologiae* св. Тома.

Между тѣмъ, уже съ св. Томаю и съ его учителемъ, Альбертомъ-Великимъ, входимъ мы въ новый періодъ. Среднихъ вѣка просвѣтились. Въ сношеніяхъ съ Востокомъ и преимущественно съ Арабами, они приобрѣли довольно-глубокія познанія въ перипатетизмѣ. Комментаторы арабскіе Аль-Кенди, Аль-Фараба, Ависенъ имѣли дѣло уже не съ однимъ *Органомъ*. *Исторія животныхъ*, *Трактатъ о душѣ*, *Метафизика* были предметомъ ихъ тонкихъ и ученыхъ изслѣдованій, и они передали схоластикѣ выработанное ими сокровище.

Но въ такомъ случаѣ, съ приобретеніемъ этихъ познаній, встрѣтились и затрудненія; Аристотель Арабовъ, болѣе походившій на истиннаго Аристотеля, нежели Аристотель XII вѣка, оказался и болѣе-удаленнымъ отъ догматовъ католицизма. Какимъ-образомъ соединить вмѣстѣ философію, которая допускаетъ вѣчную и необходимую матерію, отвергаетъ Провидѣніе и безсмертіе душъ, съ вѣрованіемъ, которое провозглашаетъ божественнаго Создателя, отца людей и прибѣжище чистой души? Конечно, еслибъ эта проблема была предложена въ такихъ выраженіяхъ Александру Гальскому, Альберту-Великому, св. Томаѣ, Дунсу Скотту, нѣтъ никакого сомнѣнія, они не задумались бы надъ рѣшеніемъ ея и привели бы въ жертву Аристотеля. Но этого не было по различнымъ причинамъ. Во-первыхъ, Арабы дѣлали

комментаріи на Аристотеля съ помощію александрійской школы, то-есть, сглаживая сколько возможно глубокое различіе его отъ Платона, и привѣсивая къ его философіи спиритуалистическія и мистическія идеи, которыя ему радикально противоположны. Умъ Араба тонокъ и уклончивъ, и съ этой стороны онъ какъ нельзя-болѣе гармонировалъ съ перипатетизмомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ же самый умъ есть умъ эквалтированный и энтузіастическій, и отсюда живая увлекательность для него къ неоплатонизму. Понятно, что Аристотель, видоизмѣненный эклектизмомъ александрійскимъ и совершенно проникнутый мистическимъ направленіемъ Аравитянъ, оказалась ученымъ схоластикамъ удобоприимимымъ съ ученіемъ христіанскимъ. Прибавьте къ этому вкоренившуюся привычку слѣдовать во всемъ Аристотелю, энтузіазмъ, который возбуждалъ его гоній, авторитетъ его логики, которая воплотилась въ догматы, и званіе философа, непогрѣшительнаго какъ разумъ, заставлявшаго приписывать ему всякое ученіе, которое казалось святымъ и истиннымъ — и вы поймете тайну этого союза перипатетизма съ схоластикою, Аристотеля съ католицизмомъ, который поддерживался въ-теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. Этотъ союзъ былъ такъ силенъ, что нужно было три столѣтія борьбы, чтобъ разорвать его; слѣды его еще и теперь остались въ языкѣ и ученіи западной церкви.

Чтеніе Аристотеля въ подлинникѣ, съ помощію комментариевъ, слѣданныхъ въ древности, открыло глаза людямъ проникательнымъ и смѣлымъ XV и XVI столѣтія. Когда имъ попались въ руки эти великіе трактаты, которые визавтійскіе изгнанники принесли въ Западную-Европу; когда выучились читать ихъ въ школахъ аргирофиловъ и ласкарисовъ, когда могли толковать Аристотеля съ помощію вѣрныхъ комментаторовъ, каковы Симплицій и Александръ-Афродизскій, когда книгопечатаніе слѣдало доступнѣе и

многочисленнѣе эти памятники, тогда не было уже никакого сомнѣнія насчетъ ученія стагиритскаго философа. Но въ то время новый дух вѣялъ уже въ обновленномъ мѣрѣ; онъ возбуждалъ умы къ наслѣдованію, онъ потрясалъ старыя доктрины, разсуждалъ обо всѣхъ авторитетахъ и призывалъ Европу къ новымъ судьбамъ. Съ этого времени, ученіе Аристотеля перестало дѣлать его подозрительнымъ; оно, напротивъ, сдѣлалось привлекательнымъ. Не одинъ смѣлый умъ, на-примѣръ, Цезальпини, рѣшался проповѣдовать двусмысленныя истины подъ покровомъ имени Аристотеля, подъ защитою его старинной непогрѣшительности. Образовались двѣ великія школы перипатетиковъ: одна принимала за руководство комментатора Алексавра-Афродизскаго, другая слѣдовала подъ знаменемъ Аверроэса; но александристы и аверройсты, воспитанники Цезальпини и Помпонациа, перипатетики смѣлые и робкіе, повсюду, въ Болонни, въ Падуѣ и въ Тулузѣ, для Кременни, для Забареллы, для Ахилини, для Порты, для Ваннини, словомъ — повсюду и для всѣхъ. Аристотель сдѣлался врагомъ папы, орудіемъ новаго духа, оружіемъ противъ католицизма.

Извѣстно, что въ эпоху возрожденія были писатели, которые доказывали, что ученіе Аристотеля согласно съ ученіемъ христіанства, но не возстановляя здѣсь старой вражды Георгія-Требизондскаго и Феодора Газы съ Гемистомъ Плетономъ и кардиналомъ Виссаріономъ, мы ограничимся предложеніемъ трехъ основныхъ вопросовъ: 1) справедливо ли, что основаніемъ ученію Аристотеля служить дуализмъ силы и акта, или, говоря яснѣе, существованіе необходимое и отъ вѣчности соприсущее — матерія и Бога? 2) Справедливо ли, что богъ Аристотеля не знаетъ міра и по-крайней-мѣрѣ полъ этимъ предлогомъ не есть и не можетъ быть его провидѣніемъ? 3) Справедливо ли, что человекъ Аристотеля, утративъ жизнь органиче-

скую, теряетъ память и сознание и, по-крайней-мѣрѣ полъ этимъ предлогомъ, неспособенъ къ бессмертію?

Въ настоящее время, стыдно было бы долго настаивать надъ рѣшеніемъ этихъ вопросовъ и изысканіемъ, на которой сторонѣ истина. Страшно, что долготѣнее изученіе Аристотеля не привело къ уразумѣнію трехъ или четырехъ основныхъ вопросовъ его философіи; да отъ этого историческія науки могутъ родить одно отвращеніе и недовѣріе! Мы знаемъ теперь вполне ученіе Аристотеля; итакъ, оставимъ схоластику и эпоху возрожденія этотъ энтузіазмъ безъ мѣры: нашъ вѣкъ судить Платона и Аристотеля безъ предубѣжденія, безъ фанатизма, руководствуясь однимъ безпристрастіемъ, сколько это возможно.

Обыкновенно впадали, во Франціи, въ двѣ крайности въ сужденіяхъ объ Аристотелѣ. Со времени Декарта, привыкли смотрѣть на противника Платона, какъ на отца сенсуализма, и на этомъ основаніи его прославляли матеріалисты XVIII и нашего вѣка. Въ послѣднее время, были поражены, и очень-справедливо, неточностью этого сужденія; обратили вниманіе на прекрасныя страницы его психологій и теодисей, воздали имъ должную честь — и поступили очень-благоразумно. Но вскорѣ духъ реакціи увлекъ умы, и Аристотеля провозгласили самымъ глубокимъ и самымъ чистымъ спиритуалистомъ древности. Последней границей, этой крайности было то, что на творца *Метафизики* стали смотрѣть какъ на философа по преимуществу религіознаго. Оставалось канонизовать Аристотеля, дагѣ нельзя было уже идти.

Объ эти крайности равнымъ образомъ ошибочны. Аристотель не философъ матеріалистовъ, потому-что онъ признаетъ въ человекѣ начало невидимое, совершенно единое, простое, одушевляющее и управляющее тѣломъ. Пусть матеріалисты, поклонники Аристотеля на-слово, бросятъ взглядъ на его *Трактатъ о душѣ*; они тамъ най-

дуть доказательство самое остроумное и вослѣдовательное о невещественности мысли, и это самое доказательство повторяютъ въ-теченіе вѣковъ въ коллегіяхъ и семинаріяхъ католическихъ, не догадываясь, что его высказалъ азычникъ, Грекъ.

Если уже Аристотель не матеріалистъ, то тѣмъ менѣе онъ атеистъ. Идея, составляющая основаніе психологіи и теодисеи Аристотеля, есть идея конечной причины.

Все движется въ этомъ мірѣ, и каждое движеніе имѣетъ свой конецъ. Этотъ конецъ, или цѣль движенія существъ — совершенствованіе ихъ природы; но каждый видъ существъ имѣетъ свое собственное совершенствованіе, и потому существа идуть въ мірѣ одно за другимъ, одно другаго выше, одно другаго ниже, смотря по тому, большаго или меньшаго совершенства они могутъ достигнуть. Съ каждымъ шагомъ, который дѣлаетъ природа, она восходитъ одною ступенью выше по этой лѣстницѣ, безпрестанно понуждаемая дѣлать новые шаги и какъ-бы свѣдаемая безконечнымъ желаніемъ прогресса и совершенства. Извѣстный видъ существъ для нея не что иное, какъ одинъ изъ способовъ достигнуть цѣли болѣе-высокой, которая въ свою очередь слѣдуетъ ступенью къ цѣли высочайшей. Человѣкъ въ подлунномъ мірѣ есть послѣдній терминъ этого восхожденія природы; онъ — эссенція всѣхъ царствъ природы, онъ ихъ сосредоточиваетъ и увеличиваетъ ихъ красоту; но человѣкъ не есть еще идеалъ для самого-себя. Онъ движется, волнуется, а всякое существо, которое движется, несовершенно. Представьте себѣ выше человѣка существо, которое обязано своимъ движеніемъ своей собственной силѣ, которое совершаетъ это движеніе съ необыкновенною правильностью, котораго мысль полна и совершенна, которое наслаждается этою полнотою мысли: это существо, если только оно движется, не есть еще высшій идеалъ. Должно

сдѣлать послѣдній шагъ и представить себѣ за предѣлами міра видимаго, за предѣлами человечества, даже, даже за міромъ духовъ высшихъ, за границей неба и всего того, къ чему прииѣшивается матерія — умъ самостоятельный и невещественный, составляющій средоточіе всѣхъ цѣлей; дѣятельность этого существа состоитъ въ умственномъ самосозерцаніи и несказанномъ блаженствѣ этого покойнаго самосозерцанія.

Таковъ богъ Аристотеля, и это высокое ученіе, восстановленное въ нашъ вѣкъ, должно, безъ сомнѣнія, очень охладить странное удивленіе, которое оказывали этому гению, не совсѣмъ понятаго, матеріалисты и атеисты. — Но это еще не все ученіе Аристотеля. Ту же душу человеческую, невидимую и духовную, Аристотель нисколько не отдѣляетъ отъ начала жизни органической. Переваривать пищу и мыслить — дѣло одной и той же причины. Начало, которое въ человѣкѣ любитъ благо и поклоняется прекрасному, имѣетъ совершенную аналогію съ тѣмъ началомъ, которое въ животномъ и растеніи съ трудомъ движетъ праздною матеріею. Мысль — вещь божественная, но въ человѣкѣ она сопряжена съ тѣломъ. Этотъ свѣтъ исходитъ свыше, а не изъ природы, и на мгновеніе освѣщаетъ свое привилегированное существо, въ которомъ міръ сосредоточилъ свои силы; но смерть уноситъ этотъ лучъ въ вѣчный мракъ. Дѣйствовать на природу — значило бы, по ученію Аристотеля, прийдти въ движеніе и подвергаться усталости; любить человечество — значило бы раздѣлять его несчастія, волненія и покой, въ которыхъ внешнегаютъ наша слабая природа. Притомъ, какимъ-образомъ, по ученію Аристотеля, Богъ могъ бы знать міръ? Міръ существуетъ внѣ его, своею собственною силою; онъ вѣченъ, и для своего существованія имѣетъ нужду только въ самомъ-себѣ. Одно его движеніе, которое составляетъ его порядокъ и красоту, требуетъ двигателя, или лучше сказать

закона, по которому онъ движется, и идеальный конецъ, гдѣ онъ перестаетъ быть. Слѣдовательно, Аристотель былъ върнъ своимъ основнымъ началамъ метафизики, поставивъ непреходимую границу между своимъ міромъ и своимъ богомъ. Отсюда происходитъ то, что душа человѣческая неспособна выйти изъ круга природы, точно такъ же, какъ богъ Аристотеля не можетъ проникнуть въ міръ; словомъ — богъ безъ любви и душа человѣческая безъ будущности.

Развѣ въ этомъ состоитъ духъ христіанства? не прямое ли это отрицаніе его? Сущность христіанства возстановляетъ между Богомъ и человѣкомъ союзъ, котораго узелъ — любовь. Философы основательно удивляются высокому опредѣленію, которое Богъ даетъ самъ себѣ въ Ветхомъ Завѣтѣ: *азъ есмь сый* (ego sum qui sum). Опредѣленіе Нового Завѣта еще возвышеннѣе; оно говоритъ: Богъ есть любовь (Deus est charitas). Богъ, по ученію Евангелія, любитъ людей. Онъ любитъ ихъ такъ сильно, что воплотился въ нихъ. Онъ выпилъ каплю-за-каплею всю чашу страданій человѣческихъ. Онъ умеръ за людей. Вотъ духъ христіанства, вотъ его сила, вотъ его величіе; поэтому, деревянный крестъ — символъ любви; онъ намъ показываетъ единеніе Бога и человѣка.

Но прежде, нежели апостолами былъ возвѣщенъ міру, этотъ Богъ любящій и справедливый былъ предугаданъ разумомъ нѣкоторыхъ мудрецовъ. Слѣдующіе трактаты Платона: *Тимей*, десятая книга *Законовъ* и *Федонъ*, указываютъ на то. Богъ Платона не есть только одинъ умъ — нѣтъ, онъ неизсякаемый источникъ любви. Его высшій характеръ — быть благимъ. Его имя самое справедливое — отецъ. Онъ оставляетъ покой, въ которомъ пребывалъ, не по волѣ своего всемогущества, не по необходимости своего существа, но по благодати. Когда онъ видитъ міръ, движущійся подъ его рукою, онъ полонъ радости. Этотъ

удивительный образъ, хотя и можетъ вызвать улыбку на устахъ метафизика, тронетъ истиннаго философа, потому-что онъ изводитъ въ глубину сердца идею существа существъ. Въроятно, по поводу этого мѣста св. писанія, бл. Августинъ говоритъ: «У меня было два учителя, Платонъ и Иисусъ Христосъ. Платонъ указалъ мнѣ истиннаго Бога; Иисусъ Христосъ показалъ мнѣ путь, который ведетъ къ нему». — Что прибавить къ этому и какивъ-образомъ доказать лучше тѣсную связь платонизма съ христіанской религіей?

Въ настоящее время, въ *Теодисей*, *Тимей* и въ *Законахъ* не видать ничего, кромѣ блестящихъ аллегорій, которыя создавало воображеніе греческаго артиста, или, по-крайней-мѣрѣ, непослѣдовательности, которую здравый смыслъ ученика Сократа извлекалъ изъ логики діалектика. Богъ платонической діалектики, говорятъ они — абсолютное единство, безъ мысли, безъ дѣйствія и безъ жизни; все остальное не принадлежитъ этой системѣ.

Тѣ, которые обезображиваютъ Платона до такой степени, примѣшиваютъ къ нему такое ученіе, противъ котораго онъ протестовалъ всю жизнь. Они смѣшиваютъ сухую діалектику элеатовъ, возрожденную потомъ въ Александріи, съ методою Платона. Это значить смѣшивать спиритуализмъ съ его крайностями: это значить совершенно не знать истиннаго характера философіи Платона. Діалектика не есть процессъ чистой логики, начинающейся съ отвлеченностей, оканчивающейся и поглощающейся въ отвлеченностяхъ. Это метода опытная и вѣстѣ рациональная, пускающая свои корни въ жизнь дѣйствительную и достигающая на своей вершинѣ начала всего дѣйствительнаго, реальнаго. Неудовлетворенный чувственнымъ міромъ, Платонъ обращается къ сознанию, и отъ этой твердой точки исхода онъ возвышается до идей, т. е. до абсолютныхъ типовъ существующаго. Эти идеи ведутъ его, само-собою раз-

умѣтся, къ ихъ началу, которое есть абсолютное совершенство, благо, солнце міра духовнаго, свѣтъ ума, пища души, начало всякаго порядка, всякаго движенія, всякой красоты. А это развѣ единство безъ содержанія и движенія? «Какъ!» говоритъ Платонъ: «не-ужь-то легко насъ увѣрить, что движеніе, жизнь, душа, умъ не идутъ къ существованію абсолютному? что это существо ни живетъ, ни мыслитъ, что оно пребываетъ неподвижнымъ, неизмѣняемымъ, не принимая участія въ священномъ умѣ?» — Вотъ истинный богъ діалектики. Можетъ-быть, скажутъ, что посредствомъ этой методы Платонъ не разрѣшилъ всѣхъ проблемъ философіи, что онъ выразился неполно, недоказательно объ отношеніи Бога къ міру? Это правда. Можетъ-быть, также скажутъ, что эта діалектическая метода можетъ вести къ мистицизму, къ пантеизму, къ фатализму? И это правда, потому-что эти крайности были воспроизведены александрійскою школою. Уже самъ Платонъ ослабилъ значеніе индивидуальности и слишкомъ презрѣлъ опытъ. Александрія, забывъ всякую границу и потерявъ сократическую умѣренность, достигла тремя шагами отъ Аммонія до Плотина, отъ Плотина до Порфирія и отъ Порфирія до Ямвлиха—до крайнихъ предѣловъ безграничнаго иллюминизма, и сдѣлалась противникомъ христіанства. Это очень-естественно.

Богъ Платона — Богъ совершенно-отличный отъ міра; Богъ Александріи и міръ — одно и то же. Богъ Платона образуетъ міръ изъ матеріи, изъ его существующей; Богъ Александріи производитъ міръ, какъ море производитъ облако, какъ сѣмя производитъ плодъ, какъ переполненная ваза изливаетъ изъ себя часть воды. Сотворенный по подобію Бога свободнаго, человѣкъ, по ученію Платона, идетъ свободно къ своей цѣли, хранимый окомъ Провидѣнія. Человѣкъ и богъ Александріи повинуются закону эманаціи, проявленія, по которому суще-

ства слѣдуютъ другъ другу и развиваются какъ волны, бѣгущія одна за другою, или лучше, какъ иѣдныя звѣзды одной неизбежной цѣпи. Богъ Платона, идеалъ души человѣческой, бережно снимаетъ съ души цѣпи, приковывающія ее къ тѣлу и такимъ образомъ, просвѣтливъ ее сущность, не измѣняя ее индивидуальности, открываетъ ей на своемъ ложѣ вѣчное приобѣжище совершенія и блаженства. Но этотъ священный идеалъ недостаточенъ для Александріи: она не освобождаетъ души, но уничтожаетъ ее; она богъ, сотворившій человѣчество не по своему произволению, поглощаетъ его въ себя, точно такъ же, какъ онъ былъ произведенъ его дыханіемъ, или лучше сказать, здѣсь нѣтъ ни Бога, ни человѣчества: есть бездна, на краяхъ которой вы видите тѣни, вышедшія изъ нея на мгновеніе и безвозвратно въ нее же опять погружающіяся.

Слѣдовательно, въ той мѣрѣ, сколько истинный платонизмъ близокъ христіанству, столько же ложный платонизмъ далекъ отъ него. Вотъ весь секретъ нео-платониковъ XVI-го столѣтія. Философія Марсила-Фицина, Бруно, Патрици, не есть философія Платона, но пантеистическій платонизмъ Александріи. Мы не говоримъ, чтобъ всѣ эти философы сознавали свою оппозицію; но кто бы они ни были, всѣ они подвержены одной крайности. Гемистъ Плетонъ, одинъ изъ первыхъ Византійцевъ, привнесшихъ на Западъ греческія сочиненія, находитъ много общаго между Платономъ и Зороастромъ. Основатель платонической академіи во Флоренціи, Марсилъ-Фицинъ, есть чистосердечный и невинный христіанинъ; но онъ не можетъ рѣшить, къ кому у него больше энтузіазма: къ Платону или Плотину, или лучше сказать, онъ ихъ не различаетъ и, перевода и толкуя обоихъ, прибавляетъ къ Книгѣ Бытія Моисея мистическую космогонію. Патрици принадлежитъ къ числу умовъ сильныхъ, но проповѣдующихъ молъ ирвомъ имени Платона и Гермеса

свои мечтательные планы. Но вот въ платонической школѣ два важныя лица, двѣ главы церкви: кардиналъ Виссаріонъ и кардиналъ Николай Куссъ. Какъ же они толкуютъ *Федона* и *Тимелъ*? вѣрные ли они послѣдователи Платона? Нѣтъ, это питомцы Александріи, переищающіе Платона, Аристотеля и Плотина. Одинъ изъ нихъ видитъ св. Троицу въ *Тимелъ*, другой придумываетъ для себя мистическую троицу, которой основаніе составляетъ плотинино единство; ее онъ завѣщаетъ Джордано Бруно.

Слѣдовательно, общая черта всѣхъ этихъ философовъ та, что они подставили вмѣсто истиннаго Платона—Платона, перетолкованнаго александрійскою школою. И это совершенно объясняется, какъ мы выше сказали, почему платонизмъ XVI столѣтія составлялъ оппозицію противъ католицизма.

Теперь можно себѣ составить вѣрную идею о философіи возрожденія. Эта философія лишена оригинальности. Она отличается только силою и смѣлостью. Она почерпаетъ всѣ свои ideas изъ двухъ великихъ источниковъ — изъ перипатетизма и платонизма; но, замѣнивъ Аристотеля схоластическаго Аристотелемъ истиннымъ, она выводитъ на сцену Платона мистика и пантеиста александрійской школы, восстаетъ сильно и дерзко противъ философіи католицизма и въ защиту свою ставитъ два гевія древности, два имени, увѣчанныя славой.

Посреди всеобщаго движенія наукъ историческихъ, къ которому невольно влечетъ умы вѣкъ вашъ и которое восстановило одну за другою главнѣйшія эпохи мысли человѣческой, которое возсоздало древнія системы, воодушевляло столько воспоминаній, воздвигнуло столько идей — однимъ словомъ, воздѣяло во всѣхъ направленіяхъ поле прошедшаго — посреди этого движенія, XV и XVI вѣка оставались въ какомъ-то пренебреженіи во Франціи. Литература эпохи возрожденія еще не много извѣстна Французамъ, но философія этой эпохи нисколько не-

извѣстна. Теперь ее начинаютъ изучать. Эпоха возрожденія — эпоха переходная: поэтому она не имѣетъ оригинальности; ея умственные творенія не запечатлѣны отпечаткомъ простоты, силы и несокрушимости. Это уже не средне-вѣковой мракъ и не свѣтлый день нашихъ временъ: это разсвѣтъ; въ ней тма еще переищана со свѣтомъ, въ ней много движенія, но движенія, не руководимаго никакими правилами; въ ней много стремленія, но къ цѣли, которую она смутно сознаетъ. Отъ этого-то, ея произведенія болѣе странны, нежели оригинальны: въ нихъ геніальность блеститъ молніями, воображеніе одушевляется и имѣетъ искажающую ученость, несопро-вождаемую критикою; въ нихъ нѣтъ величественной правильности вѣка св. Фомы и нѣтъ разумной свободы вѣка Декарта.

Если этимъ монументальнымъ философскимъ произведеніямъ не достаетъ оригинальности и истиннаго величія, зато можно сказать, что люди этой эпохи стоютъ больше своихъ произведеній. Люди эти—страдалцы. Не доставало правилъ ихъ уму, но увѣренность и сила никогда не оставляли души ихъ. Они не наслаждались правомъ свободы мысли, но страдали и умирали за нее. Читая ихъ произведенія, трудно не быть строгимъ къ ихъ ученію; но когда вы будете слѣдить за ними туда, куда вело ихъ ученіе: въ тюрьмы и на кресты, то невольно будете ихъ оплакивать, удивляться имъ и прощать ихъ. И какая трагедія вся жизнь и смерть этихъ великихъ умовъ XVI столѣтія! Одинъ, осужденный на сожженіе парламентомъ Каласа, идетъ на казнь твердо и безъ горя; крикъ исторгается у него только тогда, когда палачъ вырываетъ щипцами языкъ его; другой двадцать-семь лѣтъ сидитъ въ оковахъ и семь разъ выдержалъ страшныя пытки; третій убитъ въ вареоломеевскую-ночь, и благодарные ученики, подвигнутые фаватизмомъ, изувѣчиваютъ и обещиваютъ его трупъ; наконецъ, еще одинъ смѣлъ и

мощиѣ ихъ всѣхъ, предшествуетъ Галилею въ тюрьмѣ римской вѣнчици, и изживъ восемь лѣтъ страданій, которыя не могли потрясти его духа, преданъ огню посредѣ того самаго Рима, который нѣкогда слушалъ Лукреція, аплодировалъ Цицерону и почиталъ Плотина.

Въ честь этой послѣдней жертвы, молодой французскій писатель Бартоломесъ написалъ свое сочиненіе. Трудъ его о Джордано Бруно — трудъ, исполненный знанія и достоинства. XVI вѣкъ — вѣкъ учености, а г. Бартоломесъ — ученый. Исторія философій той эпохи, которую онъ изучаетъ, т. е. эпохи возрожденія, требуетъ познанія двухъ великихъ языковъ древности, языка и литературы итальянской, англійской и нѣмецкой. Г. Бартоломесъ все это знаетъ и, сверхъ-того, владѣетъ испанскимъ и голландскимъ языками; даже, кажется, знаетъ по-еврейски, что необходимо для того времени, когда кабалистическія идеи играли такую важную роль.

Два великія качества, необходимыя всякому историчу философій, должны составлять особенную принадлежность историка XVI столѣтія: во-первыхъ, умъ свободный, гибкій и провицательный для того, чтобъ понять и оцѣнить самыя смѣлыя и необузданныя попытки ума человѣческаго; во-вторыхъ, критику, довольно твердую для того, чтобъ не обольщаться ложными системами и чтобъ господствовать надъ ними, объясняя ихъ. Авторъ Джордано Бруно владѣетъ первыми изъ этихъ качествъ въ значительной степени, и не лишенъ послѣдняго. У него есть начала твердыя, слѣдовательно, у него есть критика, и онъ не расточаетъ ложной, безтолковой симпатіи и къ тому, что истинно, и къ тому, что ошибочно. Онъ рѣшительный и непоколебимый поклонникъ спиритуализма.

Остановимся передъ человѣкомъ, котораго гевій эпохи возрожденія провозвѣстъ въ полномъ блескѣ. На Джордано Бруно въ настоящее время уже

обыкновенно смотрятъ, какъ на великаго метафизика XVI вѣка. Въ Германіи, въ-теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ, удивленіе, которое онъ возбуждалъ, возрасло до энтузіазма. Якобу подалъ сигналъ. Это можно объяснить только странностями ума Якоба, въ одно и то же время скептическаго и романтическаго, отрицательнаго и сентиментальнаго, избравшаго первыми предметами своей любви Бруно и Спинозу. Шеллингъ воздалъ философу неаполитанскому ту же честь, которую нѣкогда Платонъ оказалъ Тимею, вложивъ въ его уста самыя смѣлыя и самыя блестящія свои теоріи. Гегель уважалъ въ немъ предѣлствія идеализма. Германія имѣетъ много поводовъ такъ хвалить Спинозу и Бруно, потому-что, прославляя ихъ, она прославляетъ себя и привѣтствуетъ въ нихъ зарю той идеи, которая развита ею вполне и пріобрѣтена наукой — идею всеобщей тождественности. И Бруно, въ-самомъ-дѣлѣ, первый бросилъ въ міръ эту идею, одушевленную его поэтическимъ воображеніемъ и фанатическою смѣлостью сектатора. Эта идея посредѣ монастырскихъ стѣнъ рано явилась страстному молодому человѣку. Она воспламенила его и владѣла имъ всю жизнь. Изъ монастыря она бросила его въ міръ, увлекла его на поле сраженія европейской философій, впутала въ споры съ сорбонскими богословами, оксфордскими учеными, виттембергскими реформаторами; она одушевляла и расвѣщчала его діалогъ, поэмы и комедіи; наконецъ, привела его въ венеціанскую тюрьму и наполняла душу его ясностью, ничѣмъ невозмущающагося до самаго костра. Эта устойчивость въ одной и той же идеѣ, эта смѣлость, съ которою онъ провозглашалъ ее; этотъ жаръ, съ которымъ онъ ее проповѣдывалъ; эта твердость, съ которою поддерживалъ ее до конца жизни — вотъ что даетъ Бруно рѣзкую фэзіономію. Посреди этихъ любителей древностей, которыми наполнена эпоха возрожденія, почти онъ одинъ сохраняетъ независи-

мость; посреди этих горячих умовъ, но съ смутными желаніями, онъ самъ себя очень-хорошо понимаетъ, хотя и не всегда; наконецъ, онъ одинъ, посреди всѣхъ этихъ пылкихъ новаторовъ, очень-хорошо знаетъ, почему онъ встаетъ и противъ схоластики, и противъ Аристотеля, и противъ католицизма.

Не раздѣляя увлеченія Германіи къ непопулярному генію, должно, однакожь, признаться, что во многихъ отношеніяхъ, и какъ самый независимый изъ неоплатониковъ, и какъ самый смѣлый изъ противниковъ схоластики, и какъ отецъ школы, которая произвела Спинозу, Шеллинга и Гегеля, наконецъ, какъ самый ревностный поборникъ и герой-страдаецъ философіи, Джордано Бруно занимаетъ высокое мѣсто въ XVI вѣкѣ и представляетъ собою интереснѣйшій предметъ для изученія нашему вѣку.

Германія болѣе прославляла Бруно, но мало изучала его. Брукеръ, который рассказываетъ его жизнь, не понимаетъ его ученія; Теннеманъ, какъ истый кантистъ, презираетъ его. Не такъ исключителенъ другой ученикъ Канта—Буле, но онъ длинновато и тяжело рассказываетъ идеи Бруно, которыя, кажется, самъ не совсѣмъ понимаетъ. Сочиненія Бруно имѣютъ справедливую репутацію трактатовъ чрезвычайно-темныхъ; а нѣкоторые изъ нихъ даже очень-рѣдки; довольно указывать на *Cabala del Cavallo Pegaso*, которая такъ дорого стоила герцогу Лавальеру, и знаменитую *Spaccio de la bestia trionfante* — счастье и отчаяніе библюфиловъ. Вагнеръ, наконецъ, собралъ всѣ итальянскія сочиненія Бруно; но латинскіе его трактаты *De triplici minimo* и *De monade* также чрезвычайно-важны; ихъ обѣщали издать Грѣферъ, но еще не оказалъ этой услуги наукѣ. Г. Бартоломейсъ воспользовался всѣми этими трудами. Подробно рассказывая жизнь Бруно, авторъ представлялъ въ новомъ свѣтѣ множество частности изъ этого бурнаго и вѣчно-беспокойнаго существованія Бруно.

Потомъ помѣщены большія выписки изъ сочиненій неаполитанскаго философа. Сочиненіе оканчивается общимъ изложеніемъ и оцѣнкою философіи Бруно. Посмотримъ на болѣе-выпуклыя черты жизни и ученія этого философа.

Джордано Бруно родился въ Нолѣ близъ Неаполя въ 1550 году, десять лѣтъ послѣ Коперника, котораго открытіями онъ долженъ былъ воспользоваться, и десять лѣтъ до рожденія Бэкона, которому завѣщала свою науку. Судьба, помѣстившая его колыбель у подножія Везувія и возросшая его подъ огненнымъ небомъ, надѣлила его душою пылкою и порывистою, воображеніемъ беспокойнымъ и вѣчно-движущимся. Онъ считалъ себя предназначеннымъ для монастырской жизни и уединенія, и потому вступилъ въ доминиканскій орденъ. Двадцать лѣтъ спустя, другое дитя Италіи, Кампанелли, смущенный тою же самою мыслию, заключилъ подъ монастырской расой жаръ и кипучесть своего генія. Историкъ ордена св. Доминика, Эхартъ, говорить, что Бруно никогда не былъ доминиканцемъ по той единственной причинѣ, которую приводитъ этотъ ученый мужъ, что еслибъ Бруно сдѣлался доминиканцемъ, то ужъ никогда не покинулъ бы этого ордена и всегда бы остался истиннымъ католикомъ... Удивительная наивность! какъ-будто воспитаніе сильнаго духа вѣка и гениальности! Гдѣ христіанская вѣра въ Италіи въ XVI столѣтіи? Не въ ученыхъ ли школахъ Флоренціи, Палум, Козенцы и Рима, около которыхъ группируются ученые изыскатели природы, фанатическіе обожатели древности, эти лица, эти академики de la Cyma и de Segreti? Не посреди ли духовенства католическаго, преданнаго самому глубокому невѣжеству, или посреди этихъ высшихъ прелатовъ, просвѣщенныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ напѣянныхъ богатствомъ, искусствами и изученіемъ древности? Не посреди ли кардиналовъ, которые оставили библію для Цицерона и признаютъ божествомъ

боговъ подъ сводами Ватикана? Нѣтъ, религін въ Италіи XVI вѣка нѣтъ нигдѣ, даже на сѣдалищѣ св. Петра. Есть ученые богословы, глубокіе канонисты, бароніи, беллармины; есть художники, которыхъ воображеніе очаровано типами христіанства. Строятъ св. Петра въ Римѣ и росписываютъ Сикстинскую Капеллу; пишутъ божественныхъ мадоннъ, но не имѣютъ вѣры; Джіото и Чимабуэ кнѣзь свою посвящаютъ религін, а душу Форнаричѣ. Никогда, сверхъ-того, инквизиція римская не была такъ бдительна и строга: она заключала въ тюрьмы, пытала пытками и сожигала на кострахъ еретиковъ; но она сама была ересью, потому-что не имѣла прямой вѣры среднихъ вѣковъ.

Этотъ всеобщій духъ времени овладѣлъ Бруно; въ немъ, вмѣстѣ съ этимъ, соединилась глубокая потребность вѣрить, ненасытимая жажда новаго, открытій, смутное предчувствіе и энтузіазмъ будущаго. Волнуемый нескончаемымъ безпокойствомъ, онъ сдѣлался авантюристомъ и началъ переходить изъ одного мѣста въ другое. Изъ Неаполя онъ бѣжалъ въ Геную, въ Ниццу, въ Миланъ, въ Венецію. Вездѣ его все интересуетъ, всѣхъ онъ удивляетъ и беспокоитъ; повсюду онъ ссызаетъ надъ собою тучи и презираетъ ихъ. Изгоняемый изъ города въ городъ, онъ, наконецъ, тридцати лѣтъ, рѣшается покинуть Италію и никогда уже въ нее не возвращаться—рѣшается идти въ Европу и распространять тамъ свое ученіе.

Какая жь у него цѣль? Бруно не ищетъ никакой политической роли, но онъ сосредоточиваетъ всю свою дѣятельность въ области идей. На этойъ поприщѣ онъ опровергаетъ всѣ авторитеты и смѣло требуетъ всеобщихъ реформъ. Великими авторитетами или силами духовными были: школа, или схоластика, и католицизмъ. Бруно оставляетъ орденъ св. Доминика, отечество, католицизмъ и отправляется въ дростовой европейскій походъ противъ авторитетовъ; его поддерживаетъ

одна рѣшительность и смѣлый характеръ.

Онъ идетъ этимъ путемъ съ быстротою неимоверною; избѣгая одной бури, онъ въ то же время накликаетъ на себя другую: Предпочтительно выбираетъ онъ тѣ страны, гдѣ господствуетъ самый мрачный авторитетъ, гдѣ опасности угрожаютъ сильнѣе. Онъ начинаетъ Женевой, гдѣ царствовалъ подозрительный кальвинизмъ, принесшій въ жертву Серве; онъ нашелъ тамъ не Кальвина, какъ ошибочно думали, а Теодора Беве, который писалъ Рамусу: Женевцы рѣшили одинъ разъ навсегда, что ни въ логикѣ, ни въ какой-либо другой отрасли знанія, они не удаляются отъ Аристотеля.

Издъ Женевы Бруно бѣжитъ въ Ліонъ, въ которомъ не останавливается, потомъ въ Тулузу, которая угрозами встрѣчаетъ его слово; такимъ-образомъ, онъ тотчасъ оставляетъ и этотъ негостеприимный городъ, опасаясь участи Ванини. Онъ ищетъ убѣжища въ томъ городѣ, гдѣ еще дымилась кровь св. Вареоломея. Бруно два раза жилъ въ Парижѣ—первый разъ отъ 1582 до 1583 года, а потомъ, по возвращеніи изъ Англіи, отъ 1585 по 1586 г. Онъ тамъ нашелъ сильныхъ покровителей въ великомъ пріорѣ Генрихѣ-Ангулемскомъ и въ венеціанскомъ посланникѣ Ж. Моро, представившемъ его Генриху III. Благодаря этому высокому покровительству, онъ получилъ отъ ректора университета, Жана Филезана, позволеніе учить философіи.

Бруно имѣлъ большой успѣхъ. Онъ былъ молодъ и красивъ, говорилъ плавно и краснорѣчиво; лицо его было задумчиво, черты вѣжны и тонки, печать глубокой меланхоліи затаена была въ его выраженіи. Его черные глаза искрились; онъ говорилъ стоя. Презирая школьныя формы, онъ вѣрилъ одному минутному вдохновенію, принималъ всѣ тоны—вровнѣ, энтузіазма, шутки, переиживалъ вопросы науки и церкви съ вопросами, взытыми изъ жизни, прикрывалъ метафизическія отвлеченности поэтическими образа-

ми. Но еще больше объясняется его успехъ новостью взгляда. Прочитайте его письмо къ ректору университета — и вы будете имѣть понятіе объ изумительной смѣлости его разсужденій объ эффектѣ, который должно было производить на молодыхъ и энтузіастическихъ слушателей это гордое слово, вылетавшее изъ устъ молодого челоѣка съ воспламененнымъ взглядомъ, вдохновеннаго и энергическаго, которымъ внутри, казалось, владѣлъ какой-то демонъ и котораго языкъ, то отвлеченный, то блестящій поэтическими картинами, открывалъ имъ какъ бы изъ-за облака міръ новый, дивный и пезвакомый.

• Намъ говорить писалъ онъ: во имя авторитета; но истины гораздо больше въ настоящемъ и будущемъ, нежели въ прошедшемъ. Впрочемъ, это древнее ученіе, которое намъ противопоставляютъ — ученіе Аристотеля. Но Аристотель менѣе древнѣе, нежели Платонъ, а Платонъ менѣе, нежели Пифагоръ. Повѣрилъ ли Аристотель на слово Платону? Будемъ подражать Аристотелю и сомнѣваться въ его ученіи. Нѣтъ такого стараго мѣтѣна, которое не было бы когда нибудь ново. Если время есть признакъ и мѣрило истины, то нашъ вѣкъ въ этомъ случаѣ значить больше, нежели вѣкъ Аристотеля, потому что міръ старѣе теперь двадцатью столѣтіями. Притомъ, зачѣмъ всегда призывать авторитеты? Кто долженъ рѣшить, на чьей сторонѣ справедливость — на сторонѣ ли Платона, или на сторонѣ Аристотеля? Верховный судья истины — очевидность. Если очевидности нѣтъ, если чувство и разумъ нѣмы, будемъ умѣть сомнѣваться и ожидать. Авторитетъ не внѣ насъ, но внутри. Божественный свѣтъ блещитъ въ глубинѣ нашей души для того, чтобъ вдохновлять и сопровождать нашу мысль. — Здѣсь Бруно вапалъ на логику Аристотеля и на всѣ идеи, установленныя въ физикѣ и въ астрономіи. Цаагаая съ энтузіазмомъ систему Коперника и развертывая въ этомъ всю гибкость ума, онъ высказы-

валъ идею, которая прельщала и поражала воображеніе какою-то поэтической увлекательностью — идею одного и того же начала, обнаруживавшагося и въ отвлеченныхъ категоріяхъ логики и въ живыхъ феноменахъ природы, силы безконечной, вестоощимой, вѣчно дѣйствующей силы, которая поддерживаетъ и возобновляетъ безчисленные міры въ безграничномъ пространствѣ и времени — единства, не проницаемаго въ самомъ-себѣ и не воплѣтъ-выражаемаго символами релігіозными. Это единство находитъ истинное и самое полное свое выраженіе въ безконечности міра.

Потомъ Бруно отправился въ Англію. Сначала, дѣло шло хорошо. Подъ покровительствомъ французскаго посла Янника Мишеля Кастельно, отъявленнаго приверженца философіи, который въ этотъ вѣкъ кроваваго фанатизма считалъ честью быть переводчикомъ Рамуса и хозяиномъ Джордано Бруно, неаполитанскій философъ былъ представленъ Филиппу Сиднею, другому великодушному челоѣку, всегда готовому на помощь угнетенному, всегда искавшему случая защитить благородное дѣло. Поэтому онъ былъ сначала въ великой милости при дворѣ Елизаветы и питалъ къ ней не менѣе энтузіазма, какъ и Шекспиръ, который называлъ ее прекрасною весталкою, возсѣвшею на западномъ престолѣ. Бруно сравнивалъ ее съ Дианою и находилъ, что въ Елизаветѣ были соединены красота Клеопатры и гениальность Семiramиды. Не будемъ слишкомъ строги къ пылкому итальянцу, расточавшему передъ гениальной королевой утробанныя похвалы: по возвращеніи въ отечество, онъ дорого заплатилъ за тотъ омиамъ, который расточилъ передъ протестанткой. Увѣренный въ покровительствѣ Елизаветы, Бруно поѣхалъ въ Оксфордъ, счастливый тѣмъ, что имѣлъ случай папастъ на перипатетизмъ въ одной изъ самыхъ сильныхъ его крѣпостей. Этотъ университетъ былъ до того привязанъ къ Аристотелю, что въ

одномъ изъ его статутовъ было сказано: *Bachelors and masters of arts*, которые не слѣдуютъ въ точности Аристотелю, платать пени пять шиллинговъ, за каждый пунктъ разногласія или за всякую ошибку, сдѣланную противъ *Organon*. Бруно получилъ позволеніе говорить, и при одномъ торжественномъ случаѣ выказалъ себя въ полномъ блескѣ. Въ Оксфордѣ пріѣхалъ королевскій визитаторъ, и по этому поводу данъ былъ блестящій праздникъ, приуроченный къ характеру этого университетскаго города. Капцлеръ Лейчестеръ водилъ своего гостя по всѣмъ коллегіямъ, которыми путешественникъ можетъ еще и теперь удивляться. Коллегіи одна за другою были театромъ ученыхъ праздниковъ. На одномъ изъ нихъ былъ назначенъ философскій диспутъ: Бруно долженъ былъ состязаться съ опытными профессорами Оксфорда. Схватка была одна изъ самыхъ блестящихъ. Одного изъ докторовъ Бруно пятнадцать разъ побѣждалъ въ схоластическихъ ретраншаентахъ. Смѣшно, что этимъ диспутамъ данъ былъ важный сюжетъ. Бруно, органъ новаго духа, поддерживалъ астрономію Коперника противъ Птолемея, защищаемую вѣрнымъ представителемъ Оксфордскаго Университета.

Всякій день дѣлался смѣлѣе и смѣлѣе, Бруно рѣшился приступить къ вопросу о безсмертіи души. Возобновили пвеагорову метампсихозу, онъ рѣшился провести душу, послѣ этой жизни, изъ тѣла въ тѣло, изъ міра въ міръ, такъ-что личность человѣческая пострадала при этихъ безирестанныхъ преобразованіяхъ безсмертнаго начала. Бруно долженъ былъ оставить Оксфордъ такъ же, какъ оставилъ въ первый разъ Парижъ, какъ потомъ еще разъ оставилъ его и отправился въ Германію, вѣчно избѣгая грозы и вѣчно-неутомимый. Послѣ короткаго пребыванія въ Марбургѣ, гдѣ ректоръ запретилъ ему проповѣдовать свое ученіе по важнымъ причинамъ, онъ прибылъ въ Виттембергъ, колыбель и

оплотъ протестантизма. Лютера уже не было. Меланхтонъ послѣдовалъ за нимъ въ могилу; но онъ оставилъ послѣ себя вроткое и миролюбивое вліяніе. Бруно говоритъ, что нашелъ въ Виттембергѣ, который называется Лейнами Германіи, благосклонный пріемъ и великодушное расположеніе. Лютера назвалъ онъ полубогомъ, который извелъ Церберу изъ мрачнаго Орка и заставилъ его взглянуть на солнце. Изъ этого энтузіастическаго пансирика отцу реформы заключили, что Бруно сдѣлался лютераниномъ. Бартоломессъ очень хорошо доказываетъ противное. Точно такимъ же образомъ предполагали, что Спиноза сдѣлался христіаниномъ, когда онъ оставилъ синагогу и навѣстилъ нѣсколько разъ церковь. Дѣлать такіа предположенія, значитъ не имѣть вѣрной идеи о направленіи этихъ обихъ умовъ. Бруно точно такъ же не принялъ лютеранизма въ Виттембергѣ, какъ не привалъ кальвинизма въ Женевѣ и англиканскаго вѣроисповѣданія въ Оксфордѣ. Религія для него, какъ и для Спинозы, была внѣ всѣхъ формъ религіозныхъ — а протестантизмъ имѣлъ законную силу только потому, что былъ шагомъ къ чистой философіи... Мы не будемъ слѣдить за Бруно ни въ Прагу, ни въ Гельмштедтъ, гдѣ герцогъ брауншвейгскій довѣрилъ ему воспитаніе сына, наконецъ, во Франкфуртъ-на-Майнѣ, гдѣ теряется слѣдъ его скитальческой жизни. Мы его находимъ уже въ Падуѣ въ то самое время, когда начинается печальная трагедія, кончившаяся инквизиціоннымъ коштромъ.

Изъ всѣхъ отважныхъ предпріятій, самымъ отважнымъ было то, что Бруно осмѣлился возвратиться въ Италію. И замѣтите, гдѣ онъ остановился: въ Падуѣ; Падуа — колыбель перипатетизма; Падуа признавала власть Венеціи, и въ ней римская инквизиція содержала свои тюрьмы. Казалось, враждебная судьба была связана съ этимъ предпримчивымъ гениемъ, и она-то гнала его изъ одной опрометчивости

въ другую, пока, наконецъ, не столкнула въ бездну. Подозрительный для духовенства и всѣхъ европейскихъ университетовъ, не имѣя возможности найти спокойствіе въ чужой землѣ, онъ искалъ прибѣжища на своей родинѣ, чтобъ посмотреть на это благословенное небо, о которомъ говорить съ тайнымъ умиленіемъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій.

Неизвѣстно, гдѣ былъ Бруно арестованъ, въ Падуѣ или въ Венеціи, и до настоящаго времени худо знали время его задержанія. Благодаря открытію венеціанскаго документа Леопольдомъ Равке, знаменитымъ историкомъ, документа, обнаруженнаго въ первый разъ г. Бартоломессомъ, много темныхъ обстоятельствъ изъ процесса Бруно озарилось неожиданнымъ свѣтомъ. Въ сентябрѣ 1592 г., отецъ-инквизиторъ въ Венеціи овладѣлъ Бруно и посадилъ его въ тюрьму, которую республика предлагала къ услугамъ братіи. Объ его задержаніи былъ тотчасъ увѣдомленъ великій инквизиторъ, засѣдавшій въ Римѣ, Санторіо, или Сан-Северина. Этотъ инквизиторъ приказалъ тотчасъ отправить его къ нему при первомъ удобномъ случаѣ подъ прикрытіемъ надлежащей стражи. 28 числа того же мѣсяца, представился вѣрный случай, и отецъ-инквизиторъ отправился просить совѣтъ республики о выдачѣ Джіордано по слѣдующимъ уважительнымъ причинамъ. «Этотъ человекъ», говорилъ онъ, «не только еретикъ, но и ересіархъ; онъ написалъ разныя сочиненія, въ которыхъ восхваляетъ королеву англійскую и другихъ еретическихъ государей, сочинилъ различныя вещи относительно религіи, противныя вѣрѣ, хотя и выражался какъ философъ; онъ апостатъ, потому-что былъ прежде доминиканецъ; жилъ нѣскольکو лѣтъ въ Женевѣ и въ Англіи; его преслѣдовало правосудіе въ Неаполѣ и въ другихъ мѣстахъ». Послѣ этого, отецъ-инквизиторъ настаивалъ съ жаромъ, какъ будто онъ зналъ все, что дѣлалось съ Бруно

въ теченіе двадцати лѣтъ. Совѣтъ колебался и увертывался; такимъ образомъ, прошло утро; послѣ обѣда, отецъ-инквизиторъ возвратился и удвоилъ просьбы. Наконецъ *savi* (мудрецы, составлявшіе часть совѣта республики) отказали ему этими словами: «считая дѣло важнымъ и многозначительнымъ, занятія же республики затруднительны и многочисленны, совѣтъ не имѣетъ времени въ настоящемъ положеніи принять никакого рѣшенія».

И этотъ отвѣтъ сдѣлалъ венеціанскій совѣтъ! Не вліяніе ли это Сарпи? Неизвѣстно; но поведеніе Венеціи было для Бруно жесточе самой смерти. Вотъ онъ приговоренъ безъ суда на неопредѣленное заключеніе. Какое наказаніе для человека пылакаго, который имѣлъ потребность въ движеніи и дѣятельности, это тюремное молчаніе! Какое ужасное наказаніе эта неизвѣстность будущаго! И должно себѣ представить, что онъ шесть лѣтъ просидѣлъ въ тюрьмѣ. Венеція его тамъ забыла; но не забывалъ его Сен-Северина. Душа Торквемады ожила въ этомъ злоствомъ и дикомъ Испавцѣ, у котораго изъ рукъ ускользнула тиара, и который съ Белларминомъ стоялъ около Климента VIII, чтобъ состраданіе не приблизилось къ первосвященническому трону. Бруно былъ выданъ въ 1598 году. Чтò въ это время произошло, намъ только извѣстно по краткому разсказу Ссіопіуса; но этому лицу нельзя довѣрять, потому-что онъ весь былъ преданъ іезуитамъ. Допросъ шелъ быстро. Старались обратить Бруно на истинный путь, но напрасно. Потомъ его заставляли, подъ угрозою смерти, объявить, что мнѣнія его ошибочны, сочиненія безбожны, нечлѣны и ложны въ религіозномъ и философскомъ отношеніяхъ — словомъ, заставляли отказаться отъ всего. Первые римскіе теологи на перерывъ усиливались побѣдить его. Ни-что не могло поколебать непреклонной рѣшимости Бруно; онъ не отказывался спорить, но не сдавался. Думали, что онъ хочетъ выиграть время; святое

судилище воображало, что его провоздвигать, и рѣшилось быть неумолимымъ. 9-го февраля 1600 года, Джордано привели въ палатцу, гдѣ жилъ Сан-Северина. Тамъ, въ присутствіи кардиналовъ и богослововъ, совѣтниковъ съ судилища, передъ правителемъ Рима, Бруно былъ силою поставленъ на колѣни, и ему прочитали приговоръ. По окончаніи чтенія, онъ былъ преданъ въ руки свѣтской власти для исполненія приговора «съ возможною укрѣпленностью и безъ пролитія крови *utquam clementissime et citra sanguinis effusionem puniretur* — формула жестоко-ироническая, въ которой такъ и выразился лицемерный, неумолимый духъ инквизиціи; она по-просту значила, что Бруно осужденъ на сожженіе. Восемь дней было отсрочено на исповѣдь грѣховъ. Но Бруно не признавалъ въ себѣ ни одного грѣха, и 17-го февраля 1600 г. былъ церемоніально отведенъ на поле Флоры и сожженъ. Такимъ-образомъ онъ погибъ «съ удовольствіемъ говорить іезуитъ Ссіопиусъ, и прибавляетъ, дѣлая насмѣшку надъ безконечными мірами Брудо: «Я думаю, онъ отправился въ эти выдуманные имъ міры рассказывать, какъ Римляне обыкновенно поступаютъ съ богохульниками и безбожниками».

Твердость Бруно не измѣнила ему ни на одно мгновеніе во время этого ужаснаго убійства. Когда ему прочитали приговоръ, онъ всталъ и, обобравъ спокойнымъ взглядомъ это скопище фанатическихъ прелатовъ, скавалъ имъ съ простотою, ни съ чѣмъ несравненною: «Приговоръ, который вы произнесли, можетъ-быть, смущаетъ васъ больше, нежели меня — *majori forsitan cum timore sententiam in me fertis, quam ego accipiam*. Поведеніе Бруно на полѣ Флоры было достойно этого героическаго слова. На костръ и даже посреди огня, эта желѣзная воля осталась тверда, это молодое и благородное чело сохранило свою ясность.

Какое же было преступленіе Бруно? Посмотримъ. Имя Бруно связано съ

тремя предпріятіями: онъ хотѣлъ замѣнить логику Аристотеля люллизмомъ, астрономію Птолемея астрономіею Коперника, и, вмѣсто католической метафизики, возстановить новый платонизмъ. Эти три предпріятія тѣсно связаны между собою. Бруно не былъ ни астрономомъ, ни математикомъ; онъ поддерживалъ теорію Коперника *« priori*, не възъ опыта, не на основаніи точныхъ исчисленій, но на вѣрѣ идей метафизическихъ. Его астрономія, слѣдовательно, была частію его платонизма. Что касается до возстановленія логики Раймонда Люлля, то она интересна только по пантеистической идеѣ, которую онъ проводилъ въ ней. Известна важная роль, которую играла въ средвіе вѣка *Ars magna* майоркскаго философа. Этотъ замѣчательный романтический человекъ, съ умомъ гибкимъ, воображеніемъ эвальтированнымъ, съ геройскимъ сердцемъ, христіанинъ, но страстный поклонникъ каббалы, алхиміи и миссіонеръ вѣстѣ, выдумалъ, подъ названіемъ «великаго искусства», вѣчто въ родѣ машины для мысли. Это былъ алфавитъ отвлеченныхъ идей, предметовъ и атрибутовъ логическихъ: всѣ они, соединенные известными кругами и раздѣленные известными дивіями, должны были представлять конечныя орудія всякаго сужденія, неисчерпаемые источники для диспутовъ, безконечныхъ сочетаній мысли и цѣлое сокровище новыхъ истинъ. Мы не вѣе будемъ удивляться тому, что геній Бруно, столько же тонкій и эвальтированный, какъ и геній Раймонда Люлля, влюбился въ подобное искусство, если только приведемъ себѣ на память, что подобная же идея соблазнила всю молодость Лейбница, и что этотъ мощный, смѣлый умъ, который долженъ былъ раздвинуть границы математики, никогда не оставилъ своей идеи объ алгебрѣ мысли. Сверхъ-того, Бруно преобразовалъ теорію Люлля новымъ началомъ, будучи увѣренъ, что скрытая логика положена въ основаніе міродому порядку, и что тотъ, кто найдетъ первые

элементы мысли и законы ихъ необходимыхъ сочетаній, достигнетъ сущности вещей. Въ этомъ мы узнаёмъ основную мысль логики Гегеля. Люблимъ Бруно, точно такъ же, какъ и его полемика противъ Аристотеля, какъ его возстановленіе Пифагора и Коперника, все приводитъ насъ къ изслѣдованію его метафизической системы.

Первое начало этой системы состоитъ въ томъ, что превыше видимаго міра, за предѣлами существъ движущихся и противоположныхъ другъ другу, существъ, которыя наполняютъ время и пространство, существуетъ начало безконечное и вѣчное, единство видимое, тождество неизмѣнное, управляющее и господствующее надъ всѣми противорѣчіями. Это существо существо, это единство единствъ, эта монада монада — Богъ.

Бога нельзя доказывать; душа чувствуетъ его и дышетъ имъ въ безконечномъ твореніи. Какимъ-образомъ можно думать, что Бога нѣтъ, когда идея абсолютнаго единства есть условіе всякой мысли? Чтобъ возвыситься къ Богу, не нужно накоплять силлогизмы, какъ дѣлалъ Аристотель: стѣдить созерцать природу и впитать въ себя эхо всеобщей гармоніи. Тогда душа откликается на звукъ безконечнаго, она забываетъ все, что измѣняется; она уже больше не въ мірѣ чувствъ: перенесенная божественнымъ восторгомъ, она тѣсно соединяется съ своимъ началомъ.

Этого Бога, котораго душа чувствуетъ въ глубинѣ самой себя, нельзя описать. Его можно ощущать въ его проявленіяхъ; самъ-по-себѣ, онъ абсолютно недоступенъ. Описать Бога — значитъ его опредѣлить, т. е. означить величину его. Но Богъ выше всякаго опредѣленія и всякой величины; онъ даже, въ крайнемъ значеніи, выше сущности и существа (*super essentialis, super substantialis*). Сказать, что онъ безконечно великъ, все еще значитъ его сравнивать. Онъ, безъ-сомнѣнія, безконечно-великъ, но и безконечно-малъ; онъ — тождество крайней

величины и крайней малости, максимумъ и минимумъ. Въ немъ всѣ крайности вещей соприкасаются, всѣ противорѣчія примираются. Можно его такъ опредѣлить, говорить Бруно: «Онъ есть абсолютное тождество». Онъ — начало, конецъ и средина; онъ — центръ и окружность, безконечная сфера, которой центръ—вездѣ, окружность — нигдѣ.

Богъ не остается заключеннымъ въ глубинѣ своего единства: онъ проявляется въ разумѣ, и его разумъ — источникъ жизни. Такимъ-образомъ, не переставая быть единымъ, Богъ дѣлается тройственнымъ. Онъ, во-первыхъ, есть единство, бытіе, благо, послѣдняя сущность вещей; онъ, потомъ, есть разумъ, который, заключая въ себѣ идею всего, есть уже самъ-по-себѣ все; наконецъ, онъ есть абсолютная дѣйствительность, наполняющая пространство и время своими проявленіями. Единство, разумъ, дѣйствительность — вотъ истинная тройственность.

Абсолютная дѣйствительность Бога—природа. Она отлична отъ Бога, но не отдѣлена отъ него; она — его единственная дочь, *unigenita*; это уже не единство само въ себѣ, это единство воплощенное, единство, которое есть всякая вещь и во всякой вещи — *ogni cosa et in ogni cosa*.

Такъ-какъ есть абсолютная сила все дѣлать, то должно быть и абсолютное расположеніе всѣмъ сдѣлаться. Ни одно изъ этихъ началъ нельзя назвать предшествовавшимъ другому. Они отъ вѣчности нераздѣльны и соприсущи, или, говоря лучше, это двѣ стороны одного и того же начала. Различныя и даже противоположныя въ этомъ относителномъ и конечномъ мірѣ, дѣйтельность и пассивность, форма и матерія, сила и дѣйствительность сливаются въ абсолютномъ. Изъ этого-начала, въ которомъ все — тождество, вѣчная логика выводитъ гармоническій рядъ идей и существъ. Это-то и выражаетъ Бруно слѣдующими словами, которымъ такъ удивлялся Шеллингъ: «Чтобъ проникнуть самымъ глубокія

таинства природы, не нужно утомляться наученіемъ противоположныхъ крайностей вещей. Найти пунктъ соединенія еще не самое важное дѣло; но уметь вывести изъ него всё противоположности — вотъ тайна и торжество искусства. Слѣдовательно, Богъ не вѣшняя причина міра, какъ училъ Аристотель, а внутренняя. Это начало извнутри даетъ форму и фигуру всѣмъ вещамъ. Онъ заставляетъ стебель выходить изъ внутренности корней и сѣмени, вѣтви изъ стебля и почки изъ вѣтвей. Нѣжная ткань листьевъ, цвѣтовъ и плодовъ образуется, готовится и оканчивается во внутренности. Извнутри также онъ извлекаетъ соки плодовъ и листьевъ на вѣтвяхъ, изъ вѣтвей въ стебель и изъ стебля въ корень. Это вѣчный кругъ вещей, переменное движеніе жизни и смерти, восходящая и нисходящая дѣятельность мысли и бытія.

Вкратцѣ, то, что мы называемъ міромъ, есть проявленіе одного божественнаго начала. Богъ ни заключенъ въ природѣ, ни отдѣленъ отъ нея. Она — необходимое слѣдствіе причины; онъ — постоянная причина въ своемъ слѣдствіи. Она — въ собственномъ смыслѣ природа, онъ — натура природы (*la natura de la natura*).

Живое выраженіе безконечнаго Бога, міръ, безконеченъ точно такъ же, какъ и его начало. Абсолютное единство Бога не терпитъ неравенства въ своихъ атрибутахъ. Его разумъ безконеченъ, какъ и существо его; его дѣятельность также должна быть безконечна и осуществлять безгранично все, что его разумъ обнимаетъ, все то, что существо его заключаетъ въ себѣ безмѣрнаго. Какая гордость и какое безуміе послѣ этого заставлять вращаться конечный міръ около неподвижной земли! Развѣ такой міръ достоинъ Бога? Какъ! Богъ — могущество безконечное, а его произведенія конечны? Въ человѣкѣ воля отличается отъ дѣйствія, но это различіе унивало бы божественное единство. Въ Богѣ воля равносильна всемогуществу. Быть въ со-

стояніи сдѣлать — значить хотѣть, а хотѣть — значить дѣйствовать. Скажутъ ли, что Богъ не могъ сотворить безконечнаго міра, или что онъ не хотѣлъ его сотворить безконечнымъ? Онъ не могъ? Значить, его могущество ограничено; но если вы полагаете границы одному божественному атрибуту — значить, вы полагаете границы имъ всѣмъ, его природѣ; слѣдовательно, онъ болѣе не безконеченъ, онъ болѣе не Богъ. Скажутъ, что онъ не хотѣлъ? Но Богъ всеблагъ, онъ не можетъ хотѣть того, что недостойно его. Какимъ образомъ повѣтъ то, что Богъ, имѣя силу сотворить міръ обширнѣе, т. е. различнѣе совершенство и жизнь въ пропорціи съ его безконечнымъ могуществомъ, не хотѣлъ этого? «Зачѣмъ», восклицаетъ Бруно, «зачѣмъ мы будемъ говорить, что божественная сущность праздна? Зачѣмъ мы будемъ думать, что божественная благодѣтельность можетъ распространяться до безконечности, хотѣла быть бережливою и соодедоточиться въ небытіи? Зачѣмъ мы будемъ допускать божественное начало, завистливое и безплодное, начало, которое по сущности своей плодовосно, великодушно, отечески-благо? Зачѣмъ мы будемъ предполагать безграничное желаніе уничтоженнымъ, возможность безконечныхъ міровъ ограниченою? зачѣмъ будемъ допускать неизмѣненнымъ величіе божественнаго образа, который лучше долженъ отсвѣчиваться въ безконечномъ зеркалѣ, сообразно мѣрѣ своего существа безконечнаго, безграничнаго?» (*De l'Infin. universo e mondi, p. 24*).

Такимъ образомъ, ограниченный міръ Аристотеля уничтожился передъ величіемъ Бога. Человѣкъ — не центръ міра; должно возвратиться съ Коперникомъ и Николаемъ Куссомъ къ древней системѣ Пифагора и заставить обращаться землю около солнца; но это солнце — только атомъ посреди міріады другихъ солнцевъ, блестящихъ въ пространствѣ, и вы не найдете границъ вселенной, переходя изъ міра въ міръ, отъ одного солнца на другое, такъ-

как не найдете предѣловъ времени, восходя отъ одного вѣка къ другому.

Чувства возмущаются противъ безграничнаго міра; но чувства не понижаютъ того, что они могутъ обнять. И развѣ чувствамъ долженъ довѣряться философъ? Развѣ сами чувства видѣли и коснулись границъ міра? Посредствомъ опыта, мы можемъ изслѣдовать міръ, но это эмпирическое познаніе никогда не будетъ полнымъ. Скорѣе опытъ утомится наблюдать природу, нежели природа производить. Постарайтесь поставить границы чувствамъ, и вы должны будете вообразить пространство. Но это пространство, развѣ оно пусто? Такая мысль отталкиваетъ васъ. Это пространство, сверхъ-того, есть что-то; слѣдовательно, вы не достигли границъ сущаго? Развѣ вы скажете, что это ничто? Но тогда міръ будетъ содержаться, находится въ чистомъ ничтожествѣ, въ небытіи.

Разумъ, чувство—все насъ удостоиваетъ въ безконечности міровъ. Какъ эта мысль возвышаетъ разумъ и какую высокую ясность вливаетъ она въ душу философа! Она выдыхалась въ этомъ повечномъ мірѣ, недостойномъ ея самой: она свободно дышетъ въ этой безграничной вселенной, предметъ высочайшихъ созерцаній. Пусть Бруно самъ говорить:

« Кто внимательно преслѣдуетъ эти созерцанія, тому нѣчего бояться никакой печали; никакая переменна жребія не встревожитъ его. Онъ знаетъ, что небо повсюду, потому-что со всѣхъ сторонъ безконечность... Не одно ли это владѣніе безконечнымъ открываетъ просторъ чувствамъ, удовлетворяетъ умъ, возвышаетъ и расширяетъ разумъ и ведетъ человѣка къ истинному счастью?... Пусть человѣкъ подниметъ глаза и вперитъ мысль въ небо, которое его окружаетъ, и въ міры, которые летаютъ надъ нимъ. Вотъ картина, вотъ книга, вотъ зеркало, гдѣ онъ можетъ созерцать формы и законы высшаго блага, планъ и распорядокъ совершеннаго цѣлаго. Въ немъ онъ можетъ слышать нескан-

завную гармонію... Изучать высокій порядокъ міровъ и существъ, которые соединяются въ одинъ хоръ и поютъ величіе творца—вотъ самое достойное занятіе нашего ума. Убѣжденіе, что существуетъ начало, которое поддерживаетъ такой порядокъ, веселитъ душу мудреца и заставляеть его презирать смерть—страшилище душъ обыкновенныхъ... Что такое, въ-самомъ-дѣлѣ, смерть? Чистый призракъ. Что касается до сущности, то ея ничто не можетъ уменьшить; всеизмѣняетъ только видъ пробѣгая безконечное пространство. Покорные высшему дѣлателю, мы не должны ни вѣрять злу, ни бояться его; такъ-какъ все отъ него исходитъ, то все благо и все къ лучшему. » (*De l'Infim. Dial. 5. De immenso 1. cap. 1.*)

Здѣсь Бруно съ жаромъ развиваетъ оптимизмъ, полный величія. Онъ называетъ Бога *ultimo efficiente*. Но Богъ преблагодѣи не могъ сотворить внаго міра, кромѣ, превосходнаго. Чувства намъ говорятъ, что есть несовершенство въ мірѣ; но міръ обвиняетъ безконечность пространства и времени, тогда-какъ наши чувства схватываютъ одну частицу этого міра. Безъ сомнѣнія, ни одна вещь ни совершенна, ни позна; каждая часть дополняется, совершенствуется; только цѣлое подно и совершенно.

Изъ вѣдръ верховной монады вѣчно исторгается безчисленное множество монадъ низшихъ. Каждая изъ нихъ есть образъ монады верховной, но каждая отсвѣчиваетъ ее подъ извѣстнымъ угломъ и въ особой шѣрѣ. Онѣ группируются, образуютъ ступени, смотря по ихъ относительному совершенству; каждая изъ нихъ, имѣя свою собственную жизнь, имѣетъ участіе и въ жизни всеобщей; онѣ члены одного тѣла, органы одного живаго существа.

Душа внаетъ безконечное и хочетъ его; она ищетъ повсюду средствъ слѣдаться съ нимъ тождественною; слѣдовательно, она сотворена, чтобъ жить вѣчно, такъ, какъ солнце создано для того, чтобъ вѣчно освѣщать нашъ міръ.

И такъ, все живущее да хвалить и благословляетъ существо высочайшее, безконечное и абсолютное, причину, начало и единство! (*De la causa.*)

Въ ученіи Бруно, судя по этому короткому, но вѣрному очерку, всякій, кто только слѣдилъ за развитіемъ мысли человѣческой, легко различить двѣ вещи: во-первыхъ, Бруно не заслуживаетъ названія атеиста, которыми обременяли его память, и во-вторыхъ, онъ не заслуживаетъ того энтузіазма, который расточала ему современная Германія. Лицомъ-къ-лицу къ двумъ важнымъ предметамъ—къ проблемѣ о существованіи Бога и къ проблемѣ объ отношеніи Бога къ міру, мысль Бруно могла заблуждаться, ватемняться и противорѣчить самой-себѣ; но самыя его ошибки имѣютъ характеръ благородства, и въ этой системѣ чувствуешь, посреди попытокъ несомоуверенной мысли и посреди крайнихъ безразсудствъ, чувство глубокое и безконечное. Бруно не только чистосердечно утверждаетъ свои понятія о началѣ всего сущаго, но онъ самъ вѣритъ, онъ стремится къ нимъ безпрестанно, увлекаемый потокомъ всеобщей гармоніи, въ которую погружается пыльная душа его.

Мы сказали, что Бруно не заслуживаетъ тѣхъ похвалъ, которыя ему расточали въ Германіи, потому-что система его, подобно всѣмъ системамъ XVI столѣтія, не имѣетъ оригинальности. Это не значитъ, чтобъ Бруно былъ чело-вѣкъ обыкновенный; мы думаемъ, что онъ не только былъ умный чело-вѣкъ, какъ съ презрѣніемъ говорилъ Лейбницъ, но что онъ былъ гений. Нельзя спорить, что въ сочиненіяхъ своихъ, точно такъ же поспѣшныхъ, какъ и его страствованія, онъ не бросилъ множества плодоносныхъ взглядовъ и указаній, полныхъ смѣлости и будущности. Очевидность, какъ критеріумъ истины, сомнѣніе, какъ введеніе въ науку, онъ завѣщалъ Декарту. Разницу между природой и натурой природы или мысль о проявленіи божественнаго въ природѣ, онъ оставилъ Спинозѣ; зачатки теоріи мо-

надъ и оптимизма развиты Лейбницомъ. Даже въ наукахъ математическихъ и физическихъ, которыя Бруно зналъ поверхностно, онъ оставилъ свои слѣды: центръ тяготѣнія планетъ, орбиты кометъ, можетъ-быть, первая идея системы вихрей, — также черты его гевія, оправдывающія то титуло, которое онъ принялъ: *excubitor*. Наконецъ, самыя смѣлые мыслители нашей эпохи поставляютъ себѣ въ честь то, что они заимствовали отъ него идею абсолютнаго тождества субъекта и объекта, идеальнаго и реальнаго, мысли и вещи. Конечно, одинъ гений могъ оставить такое наследство и считать въ своемъ потомствѣ такихъ наследниковъ. Не смотря на то, если вы будете смотрѣть не на отдаленныя взгляды Бруно, которые какъ молніи обонячаютъ эту величественную мысль, но на самую доктрину его, вы не найдете той необходимой цѣлости и связи, которая соединяетъ части одною богатою и обильною мыслию, того высокаго преимущества, которое вводитъ въ міръ совершенно-новую идею, матеръ новой системы. Можно сказать, что въ Бруно только воспоминанія и предчувствія; слѣдовательно, нѣтъ ничего, что составляло бы самостоятельно-организованную философію.

Основныя начала науки видимо заимствованы отъ смутнаго александрийскаго платонизма; единство его—единство Плотина и Парменида; тройственность его напоминаетъ тройственность александрийскую. Эта душа міра, изъ которой выходитъ и въ которую возвращается цѣлый потокъ проявленій, въ безпрестанномъ движеніи и замкнутомъ кругѣ — также идея, которую Бруно занялъ у неоплатонической школы. А это все поводы признавать его систему лишенною новости и простоты.

Идея абсолютной тождественности была равнана въ двухъ родахъ системъ. Первая, проникнутая недовольствомъ конечнаго, тщетою видимаго міра и жизни человѣческой, искала убѣжища въ лонѣ божества и видѣла

въ міръ только призракъ и мечту: это мистическая система Плотина. Вторая, пораженная красотою міра, вѣрно приравненная къ индивидуальности и жизни, видѣла въ Богѣ неуловимое начало вещей и сосредоточила въ міръ видимомъ мысль и любовь человѣка; эта система нѣкогда была проповѣдуема стоиками; въ новѣйшее время, къ ней все болѣе и болѣе приближаются послѣдователи Гегеля. Бруно болѣе принадлежитъ къ послѣдней.

Какой же смыслъ философіи XVI вѣка? Зачѣмъ это возстаніе противъ папскаго ученія? зачѣмъ этотъ вѣковой враждебный союзъ истиннаго Аристотеля и искаженнаго Платона? XVI вѣкъ стремился къ болѣе-возвышенной цѣли, нежели къ воспроизведенію того или другаго ученія; уму человѣческому нужно было завоевать высшее благо—право мысли. И этимъ объясняется весь XVI вѣкъ, не только въ своихъ философскихъ попыткахъ, но и въ религиозныхъ волненіяхъ. Лютеръ и Кальвинъ погрѣшали противъ тридентскаго собора не только въ вопросѣ о свободѣ воли и благодати; нѣтъ, они ошибались въ основаніи ученія, точно такъ же, какъ и Бруно. А между-тѣмъ, реформа торжествовала; философія возрожденія также побѣдила, потому-что, не смотря на тюрьмы и костры, она очистила дорогу побѣдоносной философіи Галилея, Бэкона и Декарта.

Да и есть ли абсолютная истина въ мірѣ?

Для поясненія настоящаго вопроса, перейдемъ изъ области философіи въ кругъ исторіи. Чтѣ казалось бы проще написать истинную исторію какой-нибудь эпохи, если только есть достоверные документы — а между-тѣмъ, посмотрите: не только каждый вѣкъ смотритъ различно на жизнь или событія, но даже люди одной и той же эпохи несогласны въ своихъ мнѣніяхъ о прошедшемъ. Гдѣ же безпристрастіе? гдѣ историческая справедливость? можетъ-быть, спросите вы. Право, не знаемъ; это безпристрастіе какъ-то трудно согласить съ извѣстнымъ убѣж-

деніемъ, непремѣнно господствующимъ въ данную эпоху. Существующее убѣжденіе даетъ направленіе ученымъ трудамъ, и всякій трудъ въ этомъ отношеніи непремѣнно пристрастенъ. Любопытно, на-прим., видѣть, какимъ образомъ до настоящаго времени не писали исторіи французской революціи. Она, безъ сомнѣнія, одно изъ важнѣйшихъ событій новѣйшей исторіи, и по этому поводу сужденія о ней еще болѣе подраздѣлились. Кто правъ, кто виноватъ изъ этихъ историковъ, на-прим., Мишлѣ или Луи Бланъ, Ламартинъ или Барантъ? Запутавшись въ горячіе споры, партіи представляютъ историческіе факты въ томъ видѣ, въ какомъ хотятъ, и толкуютъ ихъ въ томъ смыслѣ, который имъ нравится. Нѣтъ человѣка, который бы не подвергался искушенію искать въ прошедшемъ примѣровъ въ свою пользу, побудительныхъ причинъ своихъ убѣженій, оправданія въ своихъ ошибкахъ, авторитетовъ для своихъ страстей. Но всего страннѣе, что умы, по видимому совершенно-покойные и безпристрастные, несогласны между собою въ общемъ и окончательномъ опредѣленіи этого главнаго событія, и что писатели, которые не принадлежатъ или не хотятъ принадлежать ни къ какой партіи, не провозносятъ надъ революціей одинаковаго суда. Время появленія въ свѣтъ такого произведенія часто опредѣляетъ и духъ, которымъ оно пропитано, и главную мысль, въ немъ проявляющуюся. Какъ великіе памятники рукъ человѣческихъ, или какъ горы мѣняютъ видъ и цвѣтъ, по мѣрѣ того, какъ зритель приближается или удаляется отъ нихъ, и смотря по тому, въ какое время онъ на нихъ смотритъ, великія событія преобразуются въ памяти людей, по волѣ того свѣта, который проникаетъ умъ, и того разстоянія, которое отдѣляетъ отъ нихъ прошедшее. Само потомство имѣетъ свои пункты разномыслія и увлеченія; оно не только воспроизводитъ или отвергаетъ поочередно ненависть, страхъ, любовь, гнѣвъ и огорченія, волновавшія совре-

меняниковъ, но оно, въ честь философіи исторіи, считаетъ себя обязаннымъ, по мѣрѣ приобрѣтенія новыхъ фактовъ, а слѣдовательно, и опытности, восходить къ первоначальнымъ временамъ и искать въ нихъ взаимныя причины новѣйшихъ событій. Всякой системѣ, приходящей въ этотъ міръ, нужны предки, такъ-какъ они нужны каждому вновь-рождающемуся человеку. Отсюда происходитъ эта періодическая ревизія исторіи и приспособленіе ея къ новымъ идеямъ. Хотятъ сколько возможно нѣтъ на своей сторонѣ фактическія доказательства и вѣковую опытность. Такія попытки особенно искушаютъ нашу эпоху въ слѣдствіе развитія общественныхъ вопросовъ и взглядовъ на судьбу человечества. Такимъ-образомъ, духъ системы производитъ своихъ расквасиковъ, точно такъ же, какъ и своихъ мыслителей.

Однѣ (*Луи Бланъ*) начинаютъ свою исторію общими разсужденіями о началѣ общественнаго движенія, которое измѣнило въ концѣ прошедшаго столѣтія судьбу Франціи. Не рассказывая фактовъ, онъ восходитъ къ ихъ причинамъ, старается схватить эту цѣпь, которая связываетъ причины и послѣдствія, и которую глазъ философа всегда открываетъ въ видномъ безпорядкѣ волненій человѣческихъ. Такой планъ не всѣ любятъ, и этому нѣчего удивляться, потому-что онъ не совсѣмъ легокъ. Гораздо-легче и выгоднѣе приступать прямо къ событіямъ и поступать съ ними, какъ съ старыми знакомыми; но за то событія въ этомъ случаѣ не совсѣмъ понятны, потому-что они какъ-будто съ неба сваливаются. Итакъ, онъ начинаетъ свою исторію констанцскимъ соборомъ и Иваномъ Гуссомъ. Но справедливо ли это начало французской революціи? На какомъ основаніи принимать эти событія предѣломъ? Отъ-чего не отступить назадъ еще нѣсколько столѣтій? Иванъ Гуссъ первый провозгласилъ начало братства: это служитъ поводомъ начать исторію революціи съ Ивана Гусса.

Герои революціи немалозвумились бы, еслибы, возвратившись въ нашъ міръ, услышали, что они наследники Ивана Гусса. Конечно, ихъ чувства мы не должны были бы принимать на вѣру безъ малѣйшаго контроля. Мы часто носимъ въ себѣ страсти и идеи, которыхъ происхожденія не знаемъ. Что за смѣсь, въ-самомъ-дѣлѣ, этотъ маленюкій міръ, который носитъ въ себѣ чуждыя! Онъ не чуждыя вполне ничему, что только происходило, преимущественно въ европейскомъ обществѣ, которое связано съ прошедшимъ двойнымъ преданіемъ—языка и литературы. Такимъ-образомъ, каждый образованный человекъ тамъ — отчасти Грекъ, отчасти Римлянинъ. Но политическая исторія, восходя къ причинамъ событій, не имѣетъ никакой надобности разбирать въ насъ эти неизвѣстные, перепутанные элементы, скрывающіеся въ глубинѣ нашего сознания. Подобная попытка, еслибы ее кто предпринялъ, оказалась бы скорѣе неудобноисполнимою. Она заставила бы выйти изъ области истинны и обратиться на поприще гипотезъ, что совершенно противно духу исторіи. Происшествія, которыя свершаются въ мірѣ, имѣютъ болѣе или менѣе непосредственное начало, съ которыми и нужно связывать ихъ фактически, для того, чтобы не перебивать хода событій. Но авторъ, начинающій исторію революціи Иваномъ Гуссомъ, положилъ себѣ въ основаніе ту гипотезу, имѣющую, впрочемъ, свою долю истины, что исторія не начинается и не оканчивается нигдѣ: въ такомъ случаѣ, почему не начать ее и Иваномъ Гуссомъ?

Писатель, чувствовавшій себя въ правѣ, по своему взгляду на вещи, начать исторію революціи съ XV столѣтія и его религиозныхъ волненій, кажется, связалъ переворотъ XVIII вѣка съ такимъ началомъ, которое къ нему не идетъ, и такимъ образомъ сблизъ его съ истиннаго пути. Какъ всѣ ереси, волновавшія христіанскій міръ, ересь гусситовъ опиралась на авторитетъ.

Между-тѣмъ, XVIII столѣтіе, не будучи чуждо христіанству, чѣмъ оно и не могло быть и что не должно было быть, отвергло всѣ авторитеты, всѣ преданія, всѣ положительные законы. Оно признавало только разумъ и право, первоначальное и основное, имѣющее свои корни въ челоѣчество. Въ XV вѣкѣ, признавали авторитетъ и законъ письменный; въ XVIII-мъ отвергали все, что противно законному развитію челоѣка.

Далѣе, по мнѣнію этого же писателя, три начала господствовали въ мірѣ и исторіи: авторитетъ, индивидуализмъ и братство. Авторитетъ господствовалъ въ средніе вѣка; Лютеръ уничтожилъ его и на этихъ развалинахъ основалъ индивидуализмъ, который проникъ, въ западной жизни, въ религію, политику, литературу, философію — словомъ, во всю область мысли и господствуетъ нынѣ въ законахъ и институціяхъ. Братство, наконецъ, провозглашено теоріями монтаньяровъ. Но противъ этихъ трехъ началъ говорить многое. Можно ли, напримеръ, сказать, что индивидуализмъ противоположенъ двумъ другимъ началамъ: авторитету и братству? Развѣ индивидуализмъ долженъ быть уничтоженъ, въ какомъ бы то ни было правленіи? Развѣ авторитетъ, въ свою очередь, не играетъ роли въ каждой общественной системѣ? Какое же это братство, котораго мы не знаемъ ни сущности, ни характера? Далѣе, при такомъ дѣленіи, историческіе факты встаютъ противъ этой системы. Генрихъ IV и Ришельё, поднавшіе среднее сословіе, будутъ поборниками индивидуализма. Комюны должны подойти подъ этотъ же самый разрядъ. Слѣдовательно, вы видите, что исторію нужно гнуть подъ такую систему... Не смотря на то, есть мѣста въ этой исторіи, которыя написаны съ удивительною глубиною: таковы администрація Кольбера и система Ло.

Другой писатель (*Мишлѣ*), взявшій тотъ же предметъ, начинаетъ свою исторію также введеніемъ; но это введеніе

совсѣмъ другое, потому-что взглядъ автора на исторію иной. Онъ не ищетъ такъ далеко источника переворота. Онъ старается въ этомъ введеніи показать основныя начала, которыя господствовали въ древнемъ обществѣ. По его мнѣнію, древняя Франція находилась подъ господствомъ двухъ принциповъ, владычествовавшихъ неограниченно въ двухъ отдѣльныхъ сферахъ: христіанства и королевской власти. Міръ религіозный принадлежалъ первому, міръ политическій — второй. То и другое начало были абсолютны: одно владѣло тѣломъ, другое душою, но оба владѣли абсолютно. Конецъ XVIII вѣка возсталъ противъ того и другаго, во имя права, которое восстановляло основныя условія жизни челоѣчества. Но тутъ опять крайность: христіанство пережило XVIII вѣкъ, какъ пережило много вѣковъ, и Франція признаетъ его за одно изъ началъ своей новѣйшей жизни.

Многіе съ изумленіемъ замѣтили, что этотъ писатель удалилъ изъ своей исторіи всѣхъ предводителей партій и исключительно началъ писать исторію народа. За это на него посыпались жестокіе упреки, потому-что во Франціи, какъ и вездѣ, много такихъ великихъ людей, которые боятся, чтобъ у нихъ не украли воспоминанія о собственной ихъ жизни, особенно, если такая метода исторіи восторжествуетъ. Онъ отбрасываетъ этихъ много-великихъ людей, приговаривая: «я видѣлъ, какъ эти блестящіе актёры, выразившіе мысль толпы, ошибочно считались единственными дѣятелями; но они сами больше получали движенія, нежели сообщали его толпѣ. Главный двигатель — народъ. Чѣмъ больше я изслѣдовалъ, тѣмъ больше находилъ, что все то, что хорошо, кроется въ глубинѣ. Нѣтъ ничего смѣлѣе попытки изгнать изъ исторіи эти великія фізіономіи, господствующія надъ массами. Онѣ-то преимущественно обращаютъ на себя взоры писателей; онѣ дѣлаются центромъ происшествій. Этому способу

писать исторію всё повиновались, и, правду сказать, трудно его избѣгнуть; однакожь, беруся, какъ виднѣтъ, и за это.

Но, желая представить примѣръ, мы отвлеклись отъ своей мысли, что каждая эпоха приноситъ свой взглядъ на науку; слѣдовательно, трудно найти безпристрастіе въ историкахъ, и вообще въ людяхъ, подвизающихся за какое бы то ни было начало. Оставивъ въ сторонѣ смѣлыя идеи новаторскихъ системъ, должно сказать, что одно время приноситъ съ собою перемѣны въ манерѣ писать исторію. Умъ самый мудрый, самый умѣренный, самый вѣрный въ наблюденіи не можетъ защититься отъ вліянія своего времени, когда хочетъ разсказать или охарактеризовать другую эпоху. Что бы онъ ни дѣлалъ, онъ непременно находитъ подъ игромъ своей опытности, склонится въ пользу своихъ мнѣній даже тогда, когда наблюдаетъ факты; онъ видитъ какъ думаетъ, и живописуетъ какъ видитъ. Такихъ-образомъ, то, что казалось бы невиннымъ, прошедшее, безпрестанно старѣясь, мѣняется, потому что, для людей, прошедшее — не что иное, какъ воспоминаніе, которое совершенно зависитъ отъ нашихъ страстей и идей. Можно сказать, что исторія каждой эпохи есть не иное что, какъ картина, отъ которой существуетъ одинъ рисунокъ, но которой цвѣта мѣняются безпрестанно.

Вотъ еще одинъ историкъ французской революціи, который хотѣлъ изложить ее безпристрастнѣйшимъ въ мірѣ образомъ: это извѣстный г. Барантъ. Назадъ тому нѣсколько времени, онъ издалъ *Lettres de Louis XVIII au comte de Saint-Priest, précédées d'une notice par M. de Barante* (Письма Людовика XVIII къ графу Сен-При, съ предисловіемъ Баранта). Подъ скромнымъ названіемъ предисловія, г. Барантъ написалъ интересную *Исторію Французскаго Двора* до и во время революціи. Для него революція есть не что иное, какъ перемѣны въ версальскомъ правленіи. Въ

этой сжатой рамѣ, мы видимъ только одну сторону событій, узнаемъ только одну партію; но намъ кажется, что узнаемъ ее очень-хорошо, да при томъ и нетрудно связать весь объемъ событій съ перемѣнами королевской власти. Исторія *дипломатическая*; говоря языкомъ настоящаго времени, можетъ служить центромъ революціонной исторіи.—Изложимъ вкратцѣ такой взглядъ и сужденіе о немъ г. Ремиюа.

Революція французская болѣе, нежели политическое событіе. Это переломъ въ исторіи общества, мысли и цѣлаго человѣчества. Однакожь, ее можно, нисколько не обезобразивая, сократить до исторіи чисто-политической и видѣть въ ней одно преобразование монархіи. Монархія занимала очень-важное мѣсто во Франціи; она касалась всѣхъ вещей, глубоко запечатлѣла своимъ характеромъ законы, нравы и мнѣнія, такъ-что безъ преувеличенія, взявъ королевскую власть за символъ всего стариннаго порядка вещей, можно представить въ ея борьбѣ, успѣхахъ и утратахъ судьбу націй. Исторія Франціи можетъ быть сокращена въ одну картину видоизмѣненія монархическаго начала.

Какое бы ни было происхожденіе этого начала, какою бы борьбу оно ни выдержало съ соперничающими силами, но оно появилось рано преобладающимъ въ исторіи Франціи. Оставимъ въ сторонѣ его продолжительное и трудное возвышеніе и обратимся прямо къ Генриху IV или къ его окончательной побѣдѣ. Этотъ король, замѣчательно великій человекъ изъ своего рода, былъ истиннымъ избавителемъ королевской власти и вывелъ ее побѣдительною изъ гражданскихъ войнъ и покушеній на революцію. Съ-тѣхъ-поръ, какъ королевская власть вышла изъ опасности, ея авторитетъ былъ, если не абсолютный, но крайней-мѣрѣ пересиливающий и рѣшительный. Онъ, т. е. Генрихъ IV, царствовалъ, если не какъ человекъ, который не знаетъ препятствій, за то какъ госпо-

дней, который умѣетъ побѣждать ихъ; ему повиновались потому, что онъ былъ искусенъ; онъ былъ умѣренъ, хоть и оставался побѣдителемъ. Это было великое царствованіе и начало административной монархіи; его царствованіе, однакожь, не было основаніемъ извѣстной формы правленія: Генрихъ IV начево не установилъ. Королевская власть, которая беретъ верхъ, которая увеличиваетъ, которая одолеваетъ препятствія, но совершенно не уничтожаетъ ихъ, которая наблюдаетъ границы, хотя по-временамъ и переступаетъ ихъ, еще не составляетъ прочной организаціи политической: она ни абсолютна, ни умѣренна. Это была переходная форма, временное правленіе, въ которомъ державный авторитетъ шелъ беспрестанно развизаясь и считалъ каждый новый день новымъ успѣхомъ. Свергнутыя имъ древнія препоны не могли подваться, и всякое покушеніе возобновить неравную борьбу должно было обращаться въ пользу побѣдителя. Такимъ образомъ, царствованіе Людовика XIII, или лучше, царствованіе Ришелье было завладѣніе со стороны королевской власти, угнетавшей въ своей побѣдѣ. Начиная съ конца этого царствованія, административная монархія была уже основана, то-есть, сдѣлалась и возможною и единственно-возможною.

Ея исторія извѣстна; герой ея—Людовикъ XIV. Онъ безъ всякаго сомнѣнія представляетъ блестящимъ образомъ наследственную и организирующую королевскую власть; монархія устроивается сама-собою и позволяетъ абсолютной власти господствовать надъ общимъ благомъ. Поэтому, Людовикъ XIV на нѣкоторое время сдѣлался типомъ королей и считался въ глазахъ школы абсолютистовъ за идеалъ. Но эта система могла быть пущена въ ходъ одинъ разъ, и паденіе ея началось со смертію основателя, оставившаго королевскую власть въ самомъ печальномъ видѣ. Сколько бы ни были справедливы нареканія въ егомигъ перва-

го наследника Людовика XIV и скромности втораго, но не всѣ ошибки были на ихъ сторонѣ; оба они наследовали, вмѣстѣ съ скипетромъ, которымъ трудно было владѣть, и развалины монархизма. Ихъ стѣвенная власть, столь сильная, что не позволяла имъ минуты прихотливыхъ дѣйствій и столь слабая, что не могла ода удовлетворять нужды обширнаго правленія, тяготѣла въ ихъ рукахъ, какъ неподвижное орудіе, немѣвшее силы ни покровительствовать, ни быть полезнымъ. Въ старинной монархіи было много произвола и мало порядка. Были сопротивленія, но не было свободы. Благородныя предавія неправильно боролись въ ней съ предразсудками и наследственными неправдами. Ни добрый, ни дурной принципъ не могъ окончательно торжествовать въ этой системѣ правленія безъ кризиса, который бы сломилъ его и унесъ съ собою. Окончательная конституція англійской монархіи начинается почти въ ту же эпоху, въ которую организація Людовика XIV достигла своей всеобщей правильности и полного развитія. Сравните и изучайте вмѣстѣ внутреннюю исторію обѣихъ монархій отъ 1688 года до нашего времени и посмотрите, на которой сторонѣ гарантіи и признаки продолжительности и прогресса, сохраненія безъ упадка и реформъ безъ революціи.

По словамъ г. Баранта, прежнее правленіе также дѣло попытки реформъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, умы правдивые или безразсудные, люди одушевленные любовью къ благу, честолюбіемъ сдѣлать что-нибудь новое, страстью составить себѣ имя, казалось, думали о восстановленіи французскаго правленія посредствомъ улучшеній. Не отдавая себѣ точнаго отчета въ важности этихъ усилій, не нѣмряя опредѣленно всей затруднительности усиха, не разъ предполагали искоренить фундаментальныя злоупотребленія, восстановить существенно новый порядокъ вещей, ввести въ организаціи

учрежденіи перемены, которыя бы измѣнили его сущность. Эта надежда, обольстивъ современниковъ, обманула и историковъ, и между послѣдними можно насчитать многихъ, которые, рассказывая о прошедшемъ, утверждаютъ, что въ известныя эпохи вѣкторые принципы революціи проявлялись въ фактахъ. Такимъ-образомъ, изъ фронды хотѣли сдѣлать преждевременную революцію, а въ постановленіяхъ парижскаго парламента — объявленіе правъ. Конечно, министерская власть, на которую такъ злобствовалъ кардиналъ Ретцъ, погибла бы, еслибъ фронда восторжествовала, но погибла бы въ чью, если не въ королевскую, пользу, которая, въ свою очередь, сдѣлалась бы министерскою властію? Фенелонъ былъ фронтёръ другаго рода, и съ помощію достойныхъ друзей—еслибъ онъ дольше жилъ и еслибъ его благочестивый и кроткій воспитанникъ царствовалъ — онъ, можетъ-быть, предпринялъ бы реформу, о которой мечталъ, и покусілся бы осуществить самую благородную идею, какія только занимали великій умъ. Но кто увѣритъ насъ, что эта филантропическая и вмѣстѣ аристократическая реформа была бы удобоисполнима, и что въ это время была система, средняя между правленіемъ Лудовика XIV и прежнихъ формами, которыя становились непонятными и которыя не могли удержаться? Энтузіастическая любовь Фенелова ко благу, его увѣренность въ собственной своей добродѣтели и въ своемъ гени, его поэтическое воображеніе, его богословскія идеи, его мечты какъ моралиста, его барскія привычки, его характеръ, болѣе способный ввухать почтеніе нежели повинованіе, эта потребность въ достоинствѣ, соединенная съ желаніемъ быть любимымъ, которое дѣлало изъ него самаго поучительнаго оратора — всѣ эти дары, всѣ эти добродѣтели, всѣ эти прелести, всѣ эти слабости едва-ли бы сдѣлали изъ него человѣка способнаго остановить монархію въ ея паденіи. Можно въ этомъ сомнѣваться,

Т. LV. — Отд. VII.

несколько не уменьшая должнаго уваженія къ законодателю Саланти, къ ментору христіанскаго Телемака Версали. Энергическое, но непослѣдовательное царствованіе герцога орлеанскаго, эта странная смѣсь добра и зла, представляетъ историкѣ великіе политическіе виды и съ ними рядомъ предпріятія, сродныя одному авантюристу, желаніе улучшения и злоупотребленія, любовь къ благу и презрѣніе обычаевъ, наконецъ, что-то странное, какое-то величіе безъ всякаго достоинства. Вольтеръ правду говорилъ, что въ регентѣ были проблески гени, и несчастный Дюбуа принадлежалъ къ малому числу людей государственныхъ, которыхъ произвела Франція. Между-тѣмъ, что они сдѣлали, и если отчасти бывали правы, удаляясь отъ началъ правленія Лудовика XIV, за то сколько зла они оставили послѣ себя! Слѣдовательно, не отъ нихъ самихъ и не отъ ихъ смѣлыхъ, но поверхностныхъ нововведеній должно было ожидать начала необходимой реформы.

Во время царствованія Лудовика XV, тѣ, которые принимаютъ участіе въ дѣлахъ, нѣрѣдка думаютъ о возможности измѣненія въ установленномъ правленіи. Идея усовершенствованія постоянно остается чуждою власти. Никогда правительство не думало меньше о собственномъ исправленіи, но за то общество готовилось измѣнить его. Развѣ только въ сочиненіяхъ и мажористскихъ мемуарахъ д'Аржансона можно найти серьёзныя мысли о недостаткахъ правленія и необходимости изгнать произволъ, вторгшійся всюду, но за это, можетъ-быть, остряки того времени и называли его *d'Argenson la bête*. Его вліяніе было посредственно и преходяще. Шуазель, желавшій поддержать дружельные отношенія къ парламенту, не выказалъ ни малѣйшей надежды на обновленіе правительства. Смыслъ перемены, бывшихъ только выраженіемъ одного желанія противорѣчить движенію общества, вдохновлялъ его послѣдователей, и канцлеръ Моу возобновилъ преда-

1/3

внѣ Ришельё и Лудовика XIV, освободивъ корону отъ раздражительнаго, противоположнаго судейскихъ обществъ. Не было момента, въ который бы царствованіе Лудовика XV подадо хотя темную надежду о политическомъ улучшеніи. Шестьдесятъ лѣтъ протекло, и не было принято ни одной мѣры, не было высказано ни одной мысли, запечатлѣнной патріотизмомъ, прозорливостью или благородствомъ. Шестьдесятъ лѣтъ протекло въ рутинѣ, въ безпечности, разсѣваніи... Никогда въ такой мѣрѣ не постигали несчастія какую-либо образованную націю въ мірѣ; но они постигли Францію. «Какое наследство» говоритъ г. Режюа «это недостойное правленіе оставило несчастному преемнику Генриха IV и Лудовика XIV!»

Съ первыхъ же дней царствованія Лудовика XVI, идея перемѣны была во всѣхъ умахъ. Но какой перемѣны? не знали. Вопросъ былъ новъ и труденъ; можно было колебаться. Были реформаторы всѣхъ степеней; но невозможность продолжать *status quo* видѣли всѣ единодушно. Лудовикъ XVI смутно понималъ необходимость царствовать инымъ образомъ. Мнѣніе общественное достигло до него. Неясный инстинктъ собственнаго положенія руководилъ его посреди тысячи препятствій, посреди множества сомнѣній и изворотовъ выборомъ политики Тюрго внутри государства, а Лафаята во вѣдшихъ сношеніяхъ.

Вообще, этими двумя именами можно обозначить двѣ системы, изъ которыхъ та или другая должна была взять верхъ во Франціи. Одна, болѣе умѣренная, болѣе практическая, но болѣе трудная для успѣха, была реформа администраціи. Эта мысль должна была прійти въ голову всѣмъ дѣловымъ людямъ, которые не закрывали глазъ предъ современнымъ просвѣщеніемъ. Высочайшій человекъ этой школы—Тюрго. Его гений и характеръ предназначали его къ такой попыткѣ, къ которой обыкновенно прибѣгаютъ

тогда, или въ эпохи, когда для нея время уже ушло. Тюрго — философъ въ управленіи. Прочтите его несравненные діалоги, въ которыхъ великій ученикъ Сократа описываетъ обязанности и права человека, любящаго добродѣтель въ политикѣ, припомните эти картины короля-философа, т. е. науки въ лицѣ власти и усовершенствованія общественного, производимаго авторитетомъ одного, олицетворяющаго истину — и вѣроятно, вы узнаете въ этомъ идеалѣ государства нѣчто въ родѣ того, какъ Тюрго понималъ свою миссію и свое дѣло.

Но есть другой способъ понимать явленіе реформъ общественныхъ; способъ этотъ требуетъ содѣйствія массъ и событій. Этотъ способъ приходится на долю рѣдкихъ эпохъ и рѣдкихъ людей.

Въ собраніи нотаблей, графъ прованскій, который въ послѣдствіи былъ Лудовикомъ XVIII, спрашивалъ у Лафаята: «Слѣдовательно, вы хотите генеральныхъ штатовъ?» — Немного лучше этого, монсеньёръ, отвѣчалъ Лафаятъ. И это сдѣлала Франція, по инициію г. Баранта.

Изъ двухъ реформъ, послѣдняя была въ духѣ времени. Слѣдовательно, быть Тюрго или Лафаятомъ былъ жребій Франціи; онъ выпалъ въ пользу Лафаята, но за какую цѣну! Слѣдовательно, отсутствіе реформъ привело этотъ кризисъ во Франціи; онъ смутилъ и удивилъ даже тѣхъ, которые его хотѣли. Почти всѣ рѣшительныя событія можно предвидѣть, и во Франціи были предвѣщатели. Сочиненія, мемуары, всѣ переписки XVIII столѣтія обильны предсказаніями немного-общими, но утвердительными, что этотъ вѣкъ долженъ окончиться катастрофою; слѣдовательно, ее можно было ожидать. А между-тѣмъ, революція удивила всѣхъ и смутила даже авгуры, которые читали ее въ будущемъ. Не было ни одного лица, которое приготовилось бы привѣтъ ее, и менѣе всего приготовлялись тѣ, которыхъ она должна была постигнуть и жо-

торые вымывали ее. Нѣтъ ничего обыкновеннѣе: люди, которыхъ постигнетъ политическое бѣдствіе, всегда готовы ускорить его. Кто больше всего боялся происшествій 1830 г. во Франціи, какъ не тѣ, которые были причиною ихъ? кто считалъ монархію въ болѣе опасности, какъ не тѣ, которые погубили ее?

А между-тѣмъ, болѣе извинительныя люди, бывшіе мало приготовленными къ событіямъ 1789 г.; предсказанія такъ далеко не опредѣляли ихъ, такъ мало вѣрили ихъ могущество! Знали, что небо въ грозѣ; но откуда подуетъ вѣтеръ? какъ силенъ онъ будетъ? куда обрушится громъ? Никто не осмѣливался бы сказать этого, и даже тѣ, которые ускорили страшную развязку, тѣ, которыхъ обвиняютъ или хвалить за то, что они привели эти событія — были не мевѣе взумлены. Самые смѣлые философы мало отдавали себѣ отчета въ своей смѣлости. Дидро, по поводу *Писемъ Ненсильванскаго Фермера*, сочиненія, напечатаннаго во время американской революціи, написалъ слѣдующія строки: «Намъ позволяютъ чтеніе этихъ писемъ, и удивятся, если найдутъ насъ, но истеченіи какихъ-нибудь десяти лѣтъ, совѣтъ-другими людьми. Развѣ не чувствуютъ они, съ какою легкостью душа, сколько-нибудь благородная, должна впивать въ себя эти начала и упиваться ими! Ахъ, мой другъ! къ счастью, есть люди, которые болѣе глупы, нежели мы. Они исчезаютъ; уроки великихъ людей приносятъ плоды, и духъ націй возвышается!» Дидро умеръ пятью годами прежде взятія Бастиліи. Онъ, вѣроятно, ожидалъ этого мевѣе всего. Нѣкогда въ салонахъ были совершенно убѣждены, что «Женижба Фигаро» была одною изъ великихъ причинъ революціи; читайте мемуары Бомаршэ и посмотрите, какой страхъ на него наводили событія 1792 года. Слѣдовательно, не должно слишкомъ упрекать министровъ, сановниковъ, придворныхъ и прин-

цевъ въ ихъ непредусмотрительности. Фенелонъ никакъ не думалъ, чтобъ та монархія, которую основалъ Людовикъ XIV, могла долго существовать, но Боссюэтъ смотрѣлъ на нее, какъ на величайшее правленіе. Изъ этого можно заключать, что умъ Фенелона, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, былъ выше ума Боссюэта; но Боссюэтъ могъ удовлетворить самыхъ възвскательныхъ, и они никогда не повѣрили бы, что ошибутся вмѣстѣ съ нимъ.

Не смотря на всѣ эти новоды къ свисходительности, нельзя простить совершеннаго ослабленія правительства, и какъ бы оно дорого за это ни заплатило, оно представляетъ зрѣлище поучительное и интересное въ послѣдніа 25 лѣтъ своего существованія. Удаливъ отъ мысли страшную развязку, вы увидите драму высоко-комическую, и исторію, который будетъ ее рассказывать, будетъ походить на сатирика. Тотъ, кому вышло, какъ двойная ноша, наслѣдіе знаменитаго царствованія Людовика XIV и жалкаго царствованія Людовика XV, былъ предназначенъ присутствовать при самомъ смѣшномъ политическомъ разложеніи, котораго не видывало никакое правленіе. Все около него было противорачіе—обязанности и страсти, интересы и идеи, домогательства и вѣрованія; не было ни одного учрежденія, въ которомъ бы жила та душа, которая должна одушевлять его. Вѣря, какъ король, во власть и мало будучи привязанъ къ ней, какъ человѣкъ, желалъ блага, но не понимая его, образованный, но не умный, добрый, но не любезный, храбрый, но не смѣлый, слабый, но не искусный, притворный, но не ловкій, недовѣрчивый, но не прозорливый, онъ уничтожалъ своими недостатками всѣ добрыя качества, которые въ свою очередь лишали его энергіи и находчивости во всякомъ намѣреніи. А сколько портретовъ около него, и всѣ знамениты одною непослѣдовательностью! Королева и придворныя дамы, принцы и при-

дворные, всё отличались самыми противоположными интересами, идеями и обычаями, и дошли, наконец, до той точки сѣзлости, что не могли больше въ ней оставаться. Этотъ міръ былъ тысячу разъ описанъ, но никогда не устанешь изображать его. «Мы не удивляемся», говоритъ г Рemyза: «что тѣ, которые его видѣли, горячо сожалѣютъ о немъ, и часто представляли его намъ, какъ міръ, стоящій выше всѣхъ сравненій, а преимущество, какъ самый веселый изъ возможныхъ міровъ». Такимъ образомъ, кто читаетъ исторію послѣдняго царствованія прежней монархіи, тотъ не можетъ не желать переворота. Переворотъ является въ будущемъ; какъ натуральная развязка и необходимый результатъ.

Если же, напротивъ, вы переноситесь въ эпоху, которая непосредственно слѣдовала за переворотомъ, тогда вы видите, какъ много надеждъ было обмануто, сколько ранъ осталось неизлеченныхъ, и изъ нихъ еще струится кровь...

Г. Барантъ, у котораго такъ много симпатій ко всему, что заслуживаетъ симпатій, умѣлъ искусно обрисовать эту эпоху, изобразивъ послѣднія минуты прежней монархіи. Впечатлѣніе самое общее, которое слѣдуетъ изъ чтенія его книги—строгий и справедливый судъ о людяхъ отжитаго Франціею правленія, а еще болѣе о началахъ, которые пали виѣсть съ ними. Не только правленіе версальское, но и тѣ, которые олицетворяли это правленіе, обрисованы съ строгостью, осуждающею ихъ, но не оскорбляющею.

Этотъ взглядъ показываетъ, какъ г. Барантъ смотрѣлъ на исторію съ своей точки зрѣнія. Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о *Письмахъ Людовика XVIII къ графу Сен-При*. Подъ этимъ заглавіемъ издано г. Барантомъ нѣчто въ родѣ мемуаровъ прежняго министра. Его біографія

чрезвычайно-искусно восстановлена по его собственнымъ манускриптамъ, и мы узнаёмъ въ немъ чловѣка достойнаго, но служившаго дѣлу несчастному. Сен-При былъ отъ 1763 до 1785 г. министромъ французскаго двора въ Лиссабонѣ, посланникомъ въ Константинополь и Гагъ; онъ поступилъ въ число членовъ совѣта Людовика XVI въ 1788 г., во время втораго министерства Неккера. Въ 1789 г., ему поручено было министерство внутреннихъ дѣлъ, которыми онъ управлялъ около пятнадцати мѣсяцевъ. Въ 1795 г., братъ Людовика XVI, которому предстояло царствованіе, но который считалъ уже себя царствующимъ, далъ ему мѣсто у себя въ качествѣ перваго государственнаго секретаря, въ которомъ и держалъ его до августа 1800 г. Слѣдовательно, Сен-При служилъ въ пользу королевской власти во время прежняго правленія, во время революціи и во время эмиграціи. Вѣрный тѣмъ обязанностямъ, которыя онъ на себя наложилъ, но благоразумный и умѣренный, онъ испыталъ трудный жребій—раздѣлять, въ слѣдствіе своей приверженности, опасности и несчастія, которыя онъ очень-хорошо предвидѣлъ и не старался отъаграть, потому-что не имѣлъ ни силы, которая бы вступила въ заговоръ противъ нихъ, ни страсти, которая бы пренебрегала ими. Печальная вещь—ремесло благоразумнаго чловѣка посреди партій, которыя не отличаются этимъ достоинствомъ въ своемъ поведеніи.

Слѣдите за графомъ Сен-При въ то время, когда онъ находился при Людовикѣ XVI и въ то время, когда онъ былъ уже при Людовикѣ XVIII—зася постоянно поражаетъ одно и то же зрѣлище: борьба здраваго смысла противъ того, что невозможно переимѣнить. Невозможное было въ этомъ случаѣ положеніе несчастнаго Людовика XVI въ отношеніи къ революціи и положеніе счастливаго Людовика XVIII во время эмиграціи.

«Король,» говорить г. Барантъ, «всѣ свои надежды основывалъ на ошибкахъ и крайностяхъ народнаго собранія; онъ думалъ, что оно погибнетъ отъ безпорядковъ, которые увеличивались со дня-на-день и должны были, по его мнѣнью, подорвать народное довѣрiе. Онъ не отказывалъ въ своей санкціи ни одному декрету; часто даже противился совѣтамъ своихъ министровъ, когда они показывали ему очевидныя неудобства какой-нибудь мѣры, принятой собраніемъ. Оно запретило гражданамъ носить титула и имѣть другія имена, кромѣ фамиліи, запретило имѣть лаврен и гербы. Когда этотъ декретъ вышелъ, мнѣнія нѣкоторыхъ людей заставили конституціонный комитетъ измѣнить слишкомъ-общій и абсолютный текстъ; онъ долженъ былъ предложить новый проектъ декрета. Лафаетъ былъ согласенъ на нѣкоторыя измѣненія. Первый декретъ уже былъ переданъ на королевское утвержденіе; о немъ говорили въ совѣтъ; министры единодушно подали голоса, чтобъ подождать исправленія декрета. Неккеръ читалъ свои замѣчанія на проектъ, но вдругъ замѣтилъ, что король, сидѣвшій противъ него, подписывалъ этотъ декретъ. Онъ думалъ, что это по ошибкѣ. «Что вы дѣлаете, ваше величество?» сказалъ онъ. «Утверждаю декретъ», отвѣчалъ король. Онъ тѣмъ болѣе поторопился утвердить его, что декретомъ были недовольны.»

Такимъ-образомъ, король компрометировалъ своихъ министровъ въ то время, когда имъ приписывали на него вліяніе. Слабость его заставила принять такой планъ поведения, который избавлялъ его отъ борьбы и волненій, и между-тѣмъ оставлялъ всю отвѣтственность на министрахъ. Онъ зналъ, что министры вѣрны и преданы ему; между-тѣмъ, онъ не высказывалъ имъ своихъ тайныхъ мыслей, своихъ тайныхъ надеждъ, внушавшихъ ему ролю довѣрiя въ будущность и вѣшавшихъ ему порядочно заниматься настоящимъ. Онъ остерегался довѣрить эти надежды своимъ официальнымъ совѣтникамъ: они, мо-

жетъ-быть, сдѣлали бы ему возраженія, которыя увеличили бы только его недоумѣніе; поэтому-то онъ не вѣрился вполне ни своимъ министрамъ, ни своимъ тайнымъ совѣтникамъ, ни агентамъ, которыхъ употреблялъ, ни интригамъ внутреннимъ, ни шпешеніямъ вѣшнимъ. Нельзя сказать, чтобъ онъ совершенно обманывался. Если онъ пытался противостать революціи, то дѣлалъ попытки эти безъ усилій, безъ характерно; если уступалъ ей, то уступалъ съ отвращеніемъ. Часто говаривалъ онъ: «меня убьютъ». У него были чистыя намѣренія; онъ былъ справедливъ и нравственно добръ, желалъ блага государству, но такъ же безъ энергіи, какъ и собственнаго своего блага; онъ не безпокоилъ себя, не покуда своихъ привычекъ, не бралъ на себя ни труда, ни заботы. Никогда не старался онъ нравиться, никогда не ободрялъ своихъ вѣрныхъ служителей ни участіемъ, ни похвалою, не принималъ иностранцевъ. Его доброта не имѣла ничего увлекательнаго и симпатическаго: это былъ одинъ изъ образовъ его слабости...

Король хотѣлъ совѣтоваться съ королевой. Чѣмъ болѣе положеніе дѣлалось грознымъ, тѣмъ болѣе вліяніе ея было пагубно. Какъ-только приходили минуты успокоенія и видимой безопасности, она живо возобновляла свои мечты, безъ стѣсненія предавалась своимъ мнѣніямъ, надеждамъ и друзьямъ; она ободряла несправедливыя поступки, даже принимала участіе въ нихъ; потомъ, когда наступала опасность и представлялась ея неусленнымъ взорамъ, она пугалась ея тѣмъ болѣе, что не хотѣла ей вѣрить; она безпокоилась, и страхъ ея былъ столько же преувеличенъ, сколько она была надменна передъ тѣмъ. Ненависть народная, ее преслѣдовавшая, представлялась ужасною ея воображенію. Она была осуждена находиться безпрестанно при угрозахъ и оскорбленіяхъ, и должна была казаться въ этомъ случаѣ благородною и великою; но у нея не доставало бодрости, и рѣшимость ея

слабѣла при приближеніи опасности. Это чувство внушило ей такой образъ поведенія, который противорѣчалъ всякой энергической и дѣятельной попыткѣ. «Я не хочу», говорила она, «чтобъ король подвергнулся какой-либо опасности, которую бы я не раздѣляла съ нимъ.» Она вспоминала о мучительныхъ часахъ, которые провела одна въ Версали, въ то время, какъ король, трое сутокъ послѣ взятія Бастиліа, уѣхалъ въ Парижъ въ ратушу.

Это желаніе быть нераздѣльною съ королемъ дѣлало то, что король не могъ рѣшиться ни на одинъ сильный поступокъ и въ своемъ поведеніи покорился тревогамъ, волненіямъ королевы — и погибъ.

Вообще, весь взглядъ г. Баранта на французскую революцію со стороны развитія королевской власти, — чрезвычайно интересенъ, хотя одностороненъ.

VIII.

С М Ъ С Ь.

РАЗСКАЗЫ О СВИРСКИХЪ ЗОЛО- ТЫХЪ ПРИСКАХЪ.

Статья пятая.

**КАРАТУЗЪ. — СБОРЫ НА ПРИСКИ. — От-
правление въ миусинскую тайгу. —
Переправы. — Комаръ и Мошка. —
Зимовья. — Ночевка. — Пинца. — Тяж-
кая дорога. — Заявки.**

Я прїѣхалъ въ Каратузъ, запасшись предварительно и совсѣмъ — печально двумя предписаніями одного золото-промышленника, нѣбующаго въ миусинской тайгѣ свои приски, къ двумъ подчиненнымъ ему лицамъ, о томъ, чтобъ меня принять ласково, снабдить всѣмъ нужнымъ для дороги въ тайгу и обратно, и вообще оказывать мнѣ всякое удовольствіе. Этимъ чрезвычайно-важнымъ для меня облегченіемъ гостепріимный владѣлецъ платилъ мнѣ за ничтожную услугу, которую мнѣ случилось ему оказать.

Миусинскій прискъ нашей компа- нии, на который я теперь собрался для осмотра мѣстности его, находился по системѣ рѣчки Большой-Тюхтетъ; по Большому же Тюхтету былъ располо-

женъ прискъ золотопромышленника, принявшаго во мнѣ такое участіе. Зна- чить, оба приска были въ одной сто- ронѣ и вѣрно близѣхошко другъ отъ друга: такое прїягное сосѣдство ра- душнаго хозяина очень меня радовало. Нашъ прискъ немнѣлъ еще собствен- наго названія, которое обыкновенно дается каждому приску во время его отвода и усваиваетъ ему или имя свя- таго угодника, въ день памяти котора- го прискъ открытъ, или имя важнаго человѣка, въ честь котораго хотятъ назвать прискъ, или, наконецъ, какой- нибудь много-обѣщающій девизъ, осо- бенно заманчивый своею звучностью и таинственнымъ смысломъ.

Одно предписаніе было къ управ- ляющему, находившемуся въ это вре- мя уже на прискѣ; другое къ прожи- вавшему постоянно въ резиденціи ма- териальному прикащику: я у него и остановился въ хозяйскихъ комнатахъ.

Должность материальнаго, т. е. при- кашника, или смотрителя при магази- нахъ — маленькая, но требующая боль- шаго довѣрія со стороны хозяина и че- стности и аккуратности со стороны слу- жителя. Онъ принимаетъ закупленные товары, провѣяетъ, инструменты, ло- шадей, словомъ, все, записываетъ въ своей книгѣ и отправляетъ на приски

по требованію управляющихъ, особенно, если у хозяина не одинъ, а нѣсколь-
ко работающихсяхъ пріисковъ. — Кажется, не головоломное занятіе и не
Богъ-знаетъ какое соблазнительное, а
какъ надобно быть осторожна въ вы-
борѣ матеріальныхъ!.. Это какъ-буд-
то какал-то особеннаго рода болѣзнь
человѣка нашего времени, что онъ вся-
кое мѣсто слушаетъ сдѣлать для себя
тѣпеленькимъ.—И тутъ, какъ и во вся-
комъ быгу, дайте человѣку отличіе,
увеличьте окладъ его жалованья, ла-
скайте его, награждайте; но держите
его непремѣнно въ ежовыхъ рукави-
цахъ. Мало-мальски ослабивъ над-
зоръ, положитесь на честность — какъ
разъ попадетесь въ просакъ.

Мой хозяинъ, Иванъ Петровъ, былъ
не изъ числа подобныхъ людей. Вса-
кій день возился онъ въ амбарахъ и въ
контрѣ: то пересмотритъ книги, то
выколочитъ полушубки, то перетретъ
инструменты, то проверетъ аякы, то,
отъ нечего-дѣлать, провіантъ и фу-
ражъ станетъ переиспывать — цѣлый
день проводить въ хлопотахъ. За-
явившись монѣ отправленіемъ въ тай-
гу, онъ въ одно утро пожаловалъ ко
мнѣ въ комнату и, слѣдуя строго-со-
блюдаемому въ Сибири обычаю тигу-
лованія, сказалъ:

— Такъ какъ же, вашее высокое
благородіе, завтра въ тайгу?

— Завтра въ тайгу! отвѣчалъ я, не
понимая еще, что такое значить тай-
га: рѣка, что ли, это, деревня ли, или
какое-нибудь особенное заведеніе; раз-
спрашивая объ этомъ мнѣ не хотѣлось,
чтобъ не обнаружилъ своего невнанія.
Я довольствовался тѣмъ, что надѣялся
самъ узвать, что это за штука.

— Ну, и ладно! Мнѣ же кстати коѣ-
чего послать на пріискъ. А сколько бы
вамъ лошадокъ надо было?

— У меня тарантасъ прелегонькій:
пары за глаза довольно!

— Какъ пары, вашее высокое благо-
родіе? Христосъ съ вами! На *парь*-то
не можно.

— А сколько же, Иванъ Петровичъ?
Не на одной же ѣхать!.. Жаль, что

здѣсь ящичковъ вовсе нѣтъ, а бы васъ
не беспокоилъ.

— Батюшка, не гнѣвайтесь! да пары-
то нельзя: вѣдь это тайга!

— Что жь, что тайга? Пожалуй, я и на
одной поѣду, да двѣсти верстъ она из-
мучится, и тарантасъ грузновать для
одной.

— О тарантасъ вы, батюшка, беспо-
коться не извольте, мы его запремъ
въ *заведно*, въ сарай, и сбережемъ со-
хранно.

— Какъ запрете? Я-то въ чемъ же
поѣду?

— Да не-ужь-то, батюшка, вашее
высокое благородіе, вы въ тарантасъ
по тайгѣ хотите ѣхать?

— А въ чемъ же прикажете? Не въ
тележкѣ же! Я и безъ того слабъ
здоровьемъ, а тутъ всю душу вытря-
сетъ.

— И въ тележкѣ нельзя: верхомъ
надо ѣхать.

— Какъ верхомъ?

— Да такъ—верхомъ, батюшка.

— Полвоте: а и на лошади ѣсть не
умѣю.

— Сидете, батюшка: право-слово, не-
льзя *ѣлако!*

— Что вы, Иванъ Петровичъ! я ни-
когда верхомъ не ѣзжалъ; мнѣ двухъ-
сотъ верстъ верхомъ не проѣхать: вѣдь
это взадъ и впередъ четыреста верстъ!

— Полегонечку, не торопись, дней въ
пятокъ, Богъ-ласть, доѣдете до мѣста.

— Вотъ тебѣ разъ! Я думалъ въ сут-
ки двѣсти верстъ прокатиться, а тутъ
изволь верхомъ мучиться цѣлые пять
дней. Зналъ бы я — лучше вовсе не
ѣздить.

— *Чего дѣлать!* Теперь ужь, батюш-
ка, не воротитесь-стать! А запаслись
ли вы всѣмъ нужнымъ для дороги: есть
ли у васъ сѣточка?

— Какалъ еще сѣточка?

— Да вотъ что на себя надѣвають.

— Нѣтъ у меня никакой сѣточки.

— Ну, купитъ надо, батюшка. Не то
лошка зайстъ: ее у васъ *дѣлако!* (то-есть
ужасъ какъ много). А есть ли у васъ
сапоги длинные? *Болодѣ* кстати что
вспомнилъ.

— Это еще къ чему?

— Можеть пѣшкомъ пройдитесь захотите, такъ въ вашихъ-то сапогахъ по болотамъ ходить неможѣ, неловко; да при томъ надо ноги хорошенько защитить отъ ударовъ вѣтвей, да отъ воды.

— Сдѣлайте милость, не беспокойтеся! У меня нѣтъ длинныхъ сапоговъ, но, я думаю, и безъ нихъ дѣло обойдется.

— Эка бѣда: безъ нихъ *недождно* (не годится)! Были у меня важнецкіе охотничкіе сапоги, да одинъ сапогъ мыши проклятыя совсѣмъ изгрызли... Но я выберу вамъ хорошіе кунгурскіе сапоги: они тоже ланшныя; мы къ *емля* (нимъ) прашьемъ еще кожаные крагены, чтобъ ноги совсѣмъ были закрыты кожей, вотъ; *саббаль* (въ-самомъ-дѣлѣ) и ладно будетъ! Ну, а есть ли у васъ что на себя надѣть?

— Этого добра у меня довольно; я вьзялъ съ собою весь свой гардеробъ.

— Нѣтъ, ужь, батюшка, вы лучше это придержите, оставьте здѣсь; возьмите сюртучокъ, который не такъ жалко надѣть; не щеголяйте же въ тайгѣ: вѣдь тамъ все надеревет. А вотъ что: я вамъ дамъ хозяйскій *кожмань*, кожаную шинельку и картузь кожаный съ хвостикомъ. Ну, а сѣдла-то у васъ, вашее высокое благородіе, а чай, тоже *своею* нѣтъ?

— И сѣдла нѣтъ!

— Ну, ужь на сѣдлѣ вы, батюшка, не вьщичите—какое есть! А чтобъ вы себѣ чего не ватерли, мы вамъ подушечку маговьюю съ постельки положимъ. А ружьецо-то хотъ есть ли съ вами?

— Со мной пистолеты.

— Пистолетомъ немного дѣла надѣлаешь! Не ровенъ часъ! Медвѣдь попадется — не шибко же ладно!... Впрочемъ, съ вами казакъ нашъ поѣдетъ — у него ружье есть. А покушать-то есть ли у васъ чего?

— На этотъ счетъ вы, Иванъ Петровичъ, будьте совершенно спокойны — я ситъ буду, отаѣчалъ я, полагая на вѣрное, что вездѣ найду себѣ кусокъ

говядины, молока, творогу, яицъ—были бы деньги. Чаю и сахару было у меня довольно своего; я же давно привыкъ къ простымъ блюдамъ.— Вы меня только отправьте какъ слѣдуетъ, сказалъ я Ивану Петровичу.

— Такъ вотъ, батюшка, вашее высокое благородіе; лошадокъ вамъ и понадобится не парочка, а десяточекъ или побольше. Поѣдете вы—вамъ лошадку; человѣку вашему — другую; казаку третью; двумъ конюхамъ, которые будутъ вѣсто *вожакодекъ*, одинъ ошибется въ дорогѣ, другой поправитъ дѣло—это пять лошадей; да двое рабочихъ, это семь; да четыре лошади съ нашею кладью, вьючныя — это одиннадцать; да ваши пожитки положить: шкатунку, погребецъ, чайничокъ, сахарку и другое что — вотъ-те и всѣ двѣнадцать.

Часа за два до разсвѣта меня разбудилъ необычайный шумъ во дворѣ: ловили лошадей, которые отвязывались отъ стойлъ и выбѣгали на улицу, очевидно наѣдшая непріятнаго удовольствія понастъ подъ вьюкъ и путешествовать по знакомой нмъ таежной дорогѣ. Часть людей вьносила изъ амбаровъ разныя вещи, инструменты, крупу, писчую бумагу, сухари, топоры и всякую всячину; они укладывали все это въ кожаныя вьючныя сумы, очень-похожія на портфѣли, вьѣшивали ихъ на вѣсахъ, разставляли по порядку около забора, прибавляли къ нимъ сумы переметныя, поменьше вьючныхъ, хотя совершенно на нихъ похожія, но уже предварительно соединенныя между собою по-парно длинными широкими ремнемъ, для удобнаго помѣщенія на крестцѣ лошади. Сумы эти обыкновенно привѣшиваются или сверхъ вьючныхъ сумъ, или помѣщаются на сѣдлѣ подъ конюхомъ и, разумѣется, должны беспокоить его во всю дорогу.

Другая часть людей занималась собственно лошадьми, безобидно развѣщала на нихъ вьюки такъ, чтобъ тяжесть не превышала вьсу четырехъ пудовъ, и укрѣпляла эти сумы навьюч-

ныхъ сѣдельныхъ доревягахъ вьючными веревками, крѣпкими и длинными. — Въ этомъ случаѣ надо имѣть спорку и опытность: надо, чтобъ вьюкъ былъ крѣпко увязанъ, чтобъ петли не распустились, чтобъ все это не слетѣло съ лошади и не задерживало людей въ дорогѣ, заставляя поминутно поправлять вьюки, и — главное дѣло — чтобъ не испортило спины лошади. Это умное животное, во время навьючиванія, забавно лукавить съ конюхами. Какъ — только начать опутывать вьюкъ и забрасывать концы веревки подъ брюхо лошади, чтобъ сдѣлать узелъ и стянуть его наверху — лошадь натуживается, сдерживаетъ дыханіе и кряхтитъ понемножку, чтобъ показать, что она взнемогаетъ подъ своимъ бременемъ: это для того, чтобъ петли ослабли, веревки распустились, ноша свалилась, и чтобъ такимъ образомъ хитрая лошадица могла избавиться отъ тяжести. Но смелливый конюхъ не податливъ на милосердіе: онъ дастъ ей пинка ногой въ брюхо, заставитъ ее дышать, и кончитъ свое дѣло какъ слѣдуетъ, крѣпко закрутивъ веревки.

Гипофілія нынѣ въ модѣ, и потому долгъ справедливости требуетъ сказать, что въ Сибири лошадь пользуется всѣми правами своей благородной скотской породы и связана узами тѣсной дружбы съ конюхомъ. Мужикъ любитъ ее, ласкаетъ, гѣшитъ въ тайгѣ лишнимъ сухарикомъ, дѣлится съ нею послѣднимъ, ухаживаетъ за нею, какъ за дѣтищемъ, и бережно *хоронитъ* ее. Но, что же дѣлать! безъ маленькихъ неприяностей иногда не обходится. Хоть на-примѣръ взять картинку вьюченія лошадей дикихъ и непокорныхъ. Картина эта возмущаетъ душу. Когда лошадь начинаетъ дрыгать ногами, бить, лагать людей, оступившихъ ее кругомъ, на близкое разстояніе, и не даетъ подступиться къ ней съ сумами — тогда голову ея подтягиваютъ высоко веревками, а ноги привязываютъ къ пиамъ деревь и налагаютъ на бока ея тяжести не въ четыре, а въ семь, въ восемь пудовъ. Когда ее отпугаютъ,

лошадь бѣжитъ что есть духу, не смотря на тяготящее ее бремя, кидается во всѣ стороны, задѣваетъ за стоящія вблизи деревья, разбиваетъ о нихъ всю ношу, и убѣгаетъ за *поскѣтину* въ поле. Ее ловятъ, подвергаютъ прежнимъ мученіямъ и повторяютъ до-тѣхъ-поръ, пока брыкливый конь не угомонится и не сдѣлается совершенно-послушнымъ.

Тутъ непременно приходитъ на память вопросъ: что тяжеле — фунтъ желѣза или фунтъ пуху? Лошадь легко пронесетъ на себѣ шесть пудовъ муки или амуничныхъ вещей; желѣзныхъ вещей она можетъ снести около пяти пудовъ, но четырехъ пудовъ золота — лошадь не пронести, если это количество золота будетъ заключено въ одномъ мѣшкѣ, или въ одной банкѣ. Причина ясная: объемъ тяжести меньше — давленіе сильнѣе на сравнительно мѣньшую площадь опоры.

Вьюченіе приходило къ концу, надо было и мнѣ *оболокаться*.

Я нарядился въ приготовленные мнѣ украшенія. Сѣтка, маска изъ черныхъ конскихъ волосъ или обыкновенное сѣто, было шито въ какія-то тряпки, какъ по всему было видно — обрывки стараго женскаго платья. Она представляла родъ черкесской кольчуги, спускающейся съ маковки головы на плеча до половины груди. Захочется пить или курить — надо просунуть или стаканъ или чубукъ подъ оборыши, или заворотить края сѣтки на голову, или совсѣмъ снать этотъ уборъ, а потомъ ужъ пить или курить. Когда я сверхъ сѣтки надѣлъ кожаный картузъ, къ которому свади пристегнутъ былъ широкій кусокъ кожи для того, чтобъ дождь свободно скатывался на плащъ и не лился за шею, и потомъ облекся въ кожанъ, будучи не въ-состояніи свободно сложить себѣ руки — мнѣ сдѣлалось такъ душно еще до солнечнаго восхода, что я хотѣлъ было все съ себя снать, заранѣе соразмѣряя, какова должна быть жужка въ полдень, когда на солнцѣ въ тѣхъ краяхъ бываетъ до сорока градусовъ

тепла! Иванъ Петровичъ уговорилъ меня остаться въ этотъ костюмъ, урезонивая тѣмъ, что иначе я изорву себѣ все платье и въ добавокъ могу жестоко простудиться.

— А вотъ, вашее высокое благородіе, привяжите вы себѣ въ торока азамъ, на случай, когда дожда не будетъ, а вамъ станетъ жарко; да бѣличій халатъ для ночи; ночи у насъ студёныя; да животикъ перетяните покрѣпче олодской, а то васъ расстрасетъ по нашимъ дорогамъ.

— А развѣ дорога нехороша? спросилъ я, не имѣя о ней никакого понятія.

— Дивно!! отвѣчалъ мнѣ коротко Иванъ Петровичъ, употребляя свое сибирское восклицаніе, многостороннее значеніе котораго я узналъ уже въ послѣдствіи.

— Да отъ-чего жъ люди, которые со мною ѣдутъ, въ однихъ чамбарахъ да азамъ—а я буду кутаться?

— Да люди-то, батюшка, эти привычныя: они иногда въ февралѣ и въ мартѣ, градусовъ въ десять морозу, въ прыжку бѣгутъ чуть не въ одной рубашонкѣ верстъ по сороку въ день по тайгѣ, когда, собираясь на прииски, пропьютъ всю свою одѣжку. Этими людямъ простуда неизвестна; а вамъ не слѣдуетъ рисковать своимъ здоровьемъ: горы, батюшка, вѣтры, золота, дожди... гдѣ вамъ! — *опасно, великій ватериншья!*

Я убѣдился этими доводами и хлопоталъ только, чтобъ мой Никита, мой петербургскій провожатый, не нуждался ни въ чемъ тепломъ и не подвергался сырости. На всякій случай я выпросилъ у Ивана Петровича бутылку рома.

Но только-что я заикнулся передъ нимъ о томъ, что заплачу ему все, что слѣдуетъ, за его хлопоты, какъ Иванъ Петровичъ остановилъ меня словами:

— Не ошибитесь, вашее высокое благородіе; покупать на сторонѣ можете что угодно, а въ домѣ у нашего хозяина деньгами не платятъ. Вы нашъ

гость, я здѣсь то же, что хозяинъ, когда настоящего хозяина нѣтъ; наше дѣло привать и угостить всякаго заѣзжаго человѣка, кто бы онъ ни былъ. Вы, смотрите, батюшка, и въ другомъ мѣстѣ не проговоритесь: за деньги здѣсь чернаго сахара не достанете, а только ближваго обидите. Оголодали? своего поѣсть нечего? такъ и такъ, молъ, напоите, накормите — и накормятъ и напоютъ, да еще за счастье поставятъ: это ужъ у насъ такой законъ. Ну, да Христосъ съ вами! Прощайте, поѣжайте съ Богомъ! Пора! Солнышко всходитъ!... До увиданія.

— Прощайте, Иванъ Петровичъ, благословите! говорилъ старому рабоче, подходя къ нему поодиначкѣ.

Просить благословенія — всеобщій обычай рабочихъ и прикащиковъ, когда они отправляются въ тайгу и прощаются со старшими.

Мы сѣли на коней и съ пѣснями отправились въ дорогу, при звукахъ пистолетныхъ выстрѣловъ, которыми угощалъ насъ Иванъ Петровичъ, полъ мувыку привязанныхъ къ уздечкамъ колокольчиковъ и *боталодъ*—тоже колокольчиковъ, только желѣзныхъ, и не круглыхъ, а продолговатыхъ.

Мы поѣхали гусемъ, одинъ за другимъ. Впереди ѣхалъ вожакъ, конюхъ; за нимъ я, за мной Никита, мой камердинеръ; за нимъ казакъ въ простомъ азамѣ, съ ружьемъ на сошкахъ и въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ, чѣмъ единственно и выказывалось достоинство его сословія; за казакомъ два рабочіе тащили каждый по двѣ вьючныя лошади за чумбуръ; шествіе заключалъ другой конюхъ: онъ гвалъ остальную вьючную.

Конюхи и рабочіе были ссыльно-поселенцы. Лицо, шея и руки были вымазаны у нихъ дегтемъ. Сѣтки довольно-дороги и не всякому рабочему по карману, а пригоршня хозяйскаго дегтя имъ ровно ничего не стоитъ. Деготь — предохранительное средство отъ мошекъ, которыя, при желаніи укусыть человѣка, прилипаютъ къ тѣлу,

взвнуть въ густомъ растворѣ и не могутъ причинить никакого вреда.

Часа два-три времени мы ѣхали по превосходной колесной дорогѣ полями и лугами. Я не понималъ причины, которая побуждала Ивана Петровича мучить лошадей и взыскать на нихъ бока цѣлыя горы тюковъ, тогда-какъ, по моему мнѣнію, все можно было уложить въ телеги и рысцой отправить на привѣзъ съ мѣньшимъ количествомъ народа. — Я думалъ, что мои разсужденія были основательны, но скоро убѣдился, что они ни къ чему не ведутъ.

Близъ Шадатскаго — Караула мы подѣхали къ обрывистой, высокой и отвѣсной скалѣ, составляющей берегъ рѣки Тубы, или Каага-Тубы и назвѣстной подъ именемъ Краснаго Камня (Кызыль-Ташъ). Подѣхали и остановились.

— Ну, что? спросилъ я конюха.

— Не штъ! отвѣчалъ онъ мнѣ хладнокровно.

— Куда же намъ теперь ѣхать?

— На ту сторону, сударь; тамъ тайга.

— А какъ мы туда заберемся? тутъ и пароа нѣтъ!

— Ничего-съ, попадемъ! Самъ съ вьюками переѣдемъ на лодкѣ, а лошадей вплавь пустимъ.

— Тутъ нѣтъ никакой лодки, любезный.

— Какъ нѣту-съ? А звона! въ куستاхъ - то чернѣется! Вотъ я ее подгоню поближе.

— Какая же это лодка? Это корыто! замѣтилъ я, разсмотрѣвъ близя выдолбленное бревно тополя, между тѣмъ, какъ люди развьючивали лошадей.

— Чтѣ за корыто! это важнецкая лодка; пудовъ пятнадцать подниметь.

— Да тутъ и одному не сѣсть?

— Одному не сѣсть — такъ вдвоемъ стоа лихо переберемся.

Туба — рѣка очень-значительная, чрезвычайно-быстрая и гораздо-шире нашей Фонтанки. Въ этомъ мѣстѣ она сѣужена была высокими и крутыми берегами съ обѣихъ сторонъ и съ шу-

момъ катила свои чистыя воды. Переправа черезъ Тубу въ корытѣ, даже не въ челнокѣ, а просто-таки въ корытѣ, управляемомъ обгрызанною лопаткой, стоа и соблюдая равновѣсіе при безпрестанныхъ колебаніяхъ угла суденышка — не представляла никакого особеннаго удовольствія. А нѣчего дѣлать — надо было прокатиться. Лошади, на которыхъ сѣли рабочіе, казакъ и одинъ конюхъ, были уже на той сторонѣ и поджидали вьюковъ. Не заставлялъ же себя ждать: я ступилъ въ выдолбленное бревно и шгомъ на-къ переѣхалъ рѣку — на-къ потому, что насъ несло довольно-далеко. Вожакъ сажень за сто подвигаясь вверхъ по теченію, воротился за Никитой, и съ такою же быстротою доставилъ его на другую сторону.

Далѣе по землѣ не видно было слѣдовъ тележной ѣзды; вездѣ одинаково глухо, и дорога шла нерасчященными лѣсомъ, но такъ широко вырублена, что четвернымъ очень-легко можно было ѣхать рядомъ. Но рядомъ здѣсь не ѣздить; лошади такъ приучены, что рядомъ трудно ихъ удержать: непремѣнно одна перегонитъ другую. Къ этому приучили ихъ вьюки. Если два вьючные новичка вдумають идти рядомъ, то, не соразмѣривъ разстоянія другъ отъ друга, выдерживаютъ на себѣ порядочные толчки, которые навосать другъ другу оттопырившимися боками тяжелаго груза. Послѣ онѣ смекнуть это и стараются другъ друга опередить, когда замѣтятъ, что одна лошадь догнала другую. Случается, что конюхи привязываютъ чумбуръ у недоузка задней лошади къ хвосту передней и такимъ-образомъ составляютъ цѣпь вьючныхъ.

Скоро я началъ узнавать пользу сѣтки. Меня давно, по всей Сибири, преслѣдовали комары в лошадиныя кровопійцы — пауты, огромные оводы; но я ужъ такъ къ нимъ привыкъ, что комаровъ пересталъ бить, а отъ паутовъ только платкомъ отмахивался. Однакомъ преслѣдованіе ихъ стало здѣсь невыносимо. Пауты облѣпляли лоша-

дей сотнями, сосали кровь ихъ безъ всякаго милосердія и старались уязвить насъ самихъ—хотя сквозь сѣтку. Комары жгли нестерпимо малѣйшую часть тѣла, которая какиъ-нибудь случаемъ освобождалась отъ покрововъ. Сивнись перчатки, или, правильнѣе, толстыя кожаныя рукавицы, намѣревался набить трубку—комары сейчасъ же цѣлымъ стадомъ вошьются въ голое тѣло; приподвигнешь сѣтку, желая оскрѣпить немного лицо, пышущее жаромъ—комары и тутъ кучами расядутъ на лбу, полъ носомъ и около ушей. Словомъ, при какиъ бы обстоятельствахъ ни было—они цѣлой гурьбой кинулся на обнаженную часть тѣла и сильно, до-крови искусаютъ человѣка.

Но этотъ бичъ ничто въ сравненіи съ мошками, которыя большимъ облакомъ, миллионами востая надъ водой и лѣсомъ. Маленькое, меньше булавочной головки, насѣкомое терзаетъ животныя и человѣка. При открытѣи лицъ—она заползаетъ въ глаза, вползаетъ въ носъ, забивается въ уши, пугается въ волосахъ бровей, тучей обfliesаетъ жертву и мучительно тиранитъ ее. Одно спасеніе—сѣтка. Но негодная тварь и тутъ найдетъ себѣ дорогу: она проберется чрезъ складки платья, проползетъ за воротникъ, очутится тамъ, гдѣ ея совсѣмъ не ожилаешь и не оставитъ человѣка въ покоѣ до-тѣхъ-поръ, пока не докажетъ дружбы своимъ колючимъ жаломъ. Къ полудню я вышелъ изъ терпѣнія и велѣлъ остановиться.

— Погодите, сударь; еще нельзя, отлѣзай вожакъ.

— Отъ-чего нельзя?

— Отъ-того, что если остановиться, такъ надо обѣдать, а обѣдать рано.

— Не все ли равно, что теперь, что послѣ?

— Маленечко осталось, сударь: тутъ воды вѣтъ хорошей; вотъ, подѣдемъ своро изъ Амылу—по крайности чѣй-ку намъ слѣдуетъ набѣтеть.

— И то правда! подумалъ я, не со-вѣтъ, однакожъ, довѣряя конюху, по-

тому-что мы довольно-часто переходили черезъ маленькіе ручейки. Наконецъ, мы подѣхали къ большому ручью. Ручей, какъ съумасшедшій, только-что сорвавшійся съ цѣпи, съ шумомъ, ревомъ и грохотомъ бѣжалъ по расцелинѣ, влеча на себѣ обломки деревъ, съ яростію ударяя волны объ огромные камни, встрѣченныя имъ на крутомъ паденіи, и далеко разметывая брызги бѣлой пѣны, отбѣненной радужными цвѣтами.

Черезъ ручей не было перекинуто мостика, а таежный мостъ, вѣстное дѣло, не большихъ трудовъ стоитъ: перекинуть два-три бревна съ необрубленными сучьями—мостъ и готовъ. Намъ постройкой тоже некогда было заниматься—авось такъ пройдемъ! къ чему лишніе хлопоты?... Берегъ былъ крутъ: надлежало соскочить въ воду, перейти по ложу и выкарабкаться на другую сторону—какъ умѣешь. Вожакъ далъ лошади нагайку и спустился по расцелинѣ; но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ выбраться на другой берегъ, я съ своей лошадыю былъ уже полѣвъ него, посерединѣ ручья, зачерпнувъ полныя сапоги воды.

— Ступайте впередъ, сударь, или возьмите въ сторону, противъ теченія! закричалъ во все горло конюхъ, голосъ котораго терзая въ ревѣ быстрого потока.

— А что тамъ?

— Да ваша лошадь мою претъ, а моя вашу есадитъ навадъ можетъ; только держитесь противъ теченія, а не те снесетъ и ивобѣтъ коля о камни: вишь ты, какъ ихъ высушудло!

Я свернулъ налѣво и замѣтилъ удобный откосъ, по которому лошадь моя въ два-три прыжка, сильно захватывая струи воздуха, вынесла меня опять на берегъ.

— Теперь, что-ли, мы остановимся? Я ѣсть хочу!

— Только съ версту осталось, сударь: сейчасъ мы выѣдемъ на берегъ Амыла, дадимъ лошадиамъ вдохнуть хорошенкаю; пусть ихъ идутъ теперь шагомъ: вишь своро опять маленькая ра-

ботишка прійметъ, а тамъ славный кормъ будеть.

Поѣхали шагомъ: солвышко стало припекать; я елва сидѣлъ; пробовалъ и пѣшкомъ идти—утомительно!

Въ одномъ мѣстѣ дорога прекращалась: мы были у широкаго и быстрого Алыма.

— Теперь что?

— Теперь на ту сторону, сударь.

— А лодка?

— Лодки нѣтъ.

— Такъ какъ же?

— Да вплавь! Мѣсто не любкое, тутъ бродъ, да выныче, послѣ дождей, воды вездѣ порядкомъ поприбавилось. Поднимите только, сударь, ноги, да протаните ихъ на лошади по спивѣ.

Съ этимъ словомъ конюхъ, безъ церемонии, жиганулъ моего коня нагайкой и самъ выѣхалъ впередъ, направивъ своего пегаса противъ течения.— Не доходя до середины рѣки, лошади наши всплыли. Особенно жаль было тѣхъ, которые были навьючены: бѣдняжки бились до изнеможенія. Подъ однимъ изъ рабочихъ лошадей, подъ конецъ переправы, на настоящемъ бродѣ, споткнулась о подводный камень; рабочий покачнулся и слетѣлъ въ воду. Не теряя присутствія духа, онъ выпрыгнулъ и, ухватившись за гриву, былъ вынесенъ лошадейю на берегъ безъ всякихъ послѣдствій, только весь мокрый.

— Станція! вскричалъ, вожакъ радостно.

Я осмотрѣлся кругомъ: берегъ, трава, деревья, камни—ничего больше. Я вопросительно взглянулъ на жоака... лыкъ у меня, казалось, не ворочался.

— Здѣсь мы, сударь, поотдохнемъ, кони покорятся, мы пообѣдаемъ, часокъ вздремнемъ, а тамъ опять въ дорогу до ночлега.

— А тайга? спросилъ я:—гдѣ жъ она?

— Да мы ужъ въ тайгѣ давно! Мы теперь все тайгой ѣдемъ.

— Такъ это лѣсъ по вашему тайгой называется? Значить, это все равно?

— Никакъ нѣтъ, сударь! Перво-на-перво взять садъ,—садъ, видишь ты, съ

дорожками; другое дѣло роща; а роща изъ одной хвои—это боръ. Больше бору, и гуще в тенѣе—это лѣсъ; а гуще и лѣсу, такъ-что и глазами не окинешь—это по-нашему тайга. Тутъ ужъ всякаго лѣса много, а все-таки больше хвойнаго.

Многомъ разведенъ былъ костеръ изъ сухаго лѣса; въ землю воткнули дѣл жерди; на одной повѣсили на сучкѣ чайникъ для меня, на другой котелъ желѣзный для рабочихъ.

Снявъ съ себя кожаные доспѣхи и облекшись въ алямы, толстый верблюжий армякъ сѣраго цвѣта, я растянулся на травѣ, положивъ подъ голову шинель. Небо было сине и ясно, но мнѣ не до него было: я хотѣлъ пить, ѣсть, спать и успокоить утомленные члены. Лошадей не развьючивали и не разсѣдывали. Онѣ жадно ѣли сочную траву и глотали прохладительныя струи чистыхъ водъ Алыма. Мнѣ подали чай и между-тѣмъ, какъ я докуривалъ трубку и простужалъ стаканъ, мои кровные злобѣи, комары и мошки, привлеченные паромъ ароматическаго настоя, подавали одинъ за другимъ въ кипящую влагу и образовали собою черную пѣну въ ялицѣ толщины. За ложечкой нати было далеко: для этого надо было развязать вьюкъ, гдѣ она находилась, расширять суму, достать, опять уложить, опять шнуровать, опять вьючать. Чтoby не тратить времени, вожакъ срѣзалъ вѣтку, обстрогалъ ее въ видѣ лопаточки и подаль мнѣ выловить мошекъ кровопійцъ. Я пошарилъ около себя: ни въ карманахъ, ни въ сумѣ у меня, кромѣ чая и сахара, крохи съѣстнаго не было. Ъсть до смерти хочется, а нечего, и купить не гдѣ. Церемониться тутъ было нестать.

— Дайте-ка, ребята, поѣсть мнѣ того, что вы ѣдите! сказалъ я, обращаясь къ моимъ провожатымъ.

— Кушать, сударь, не станете! отвѣчалъ изъ нихъ одинъ, исправившій должность кашевара.

— Вотъ вздоръ какой! вѣдь вы ѣдите же?

— Мы-то ѣдимъ, а вамъ врядъ ли наше кушанье полюбится.

— Ничего, давайте, а васъ прощу во всю дорогу распоряжаться моимъ чаемъ.

Рабочіе закопошились и съ перемною торжественностью поднесли мнѣ на большой берестѣ, первообразѣ подноса, берестяную коробку, въ которой налитъ былъ наваръ съ плавающими на поверхности его какими-то крупниками и съ утонувшими невзрачными кусками чернаго мяса. Возлѣ коробки лежала палочка; въ расщелину, сдѣланную съ одного ея конца, всунуть былъ клочокъ бересты, сложенной въ видѣ воронки: это орудіе довольно-хорошо замѣняло собою столовую ложку, только береста частенько болталась на своемъ шаткомъ основаніи. На берестѣ-подносѣ было набросано нѣсколько соли и еще какія-то красно-сизыя стружки.

— Это что за стружки? спросилъ я кашевара.

— Это отличное-съ сухое-вяленое-солёное мясо, отъѣчалъ кашеваръ облизываясь.

— Нѣтъ, другъ мой; дай ужъ мнѣ лучше обыкновеннаго хлѣба, а супомъ своимъ поподчуйте моего Никиту: съ одного чая онъ сытъ не можетъ быть.

— Мы его давеча ужъ зывали на нашу хлѣбъ-соль; овъ-было и подошелъ, да какъ попробовалъ—вѣрно не по нутру показалось; отошелъ, спасибо не сказалъ! Однихъ сухарей наѣлся.

Подали и мнѣ сухарей: печенаго хлѣба не было.

Тѣжные сухари поменьше морскихъ, но, чтобъ справиться съ ними, надо имѣть крѣпкіе зубы и сильный апетитъ; пролежавъ въ амбарѣ около полугодя, они принимаютъ твердость кирпичика и въ случаѣ нѣжды могутъ быть употреблены вмѣсто пуля при взрѣжаніи ружей: на повалъ такъ и убьютъ! Опыты эти мнѣ некогда было дѣлать. Завернувъ ихъ въ перую пошавшуюся тряпку, я истеръ ихъ въ порошокъ, высыпалъ въ стаканъ

съ чаемъ и утолилъ свой голодъ этою особеннаго рода тюрею.

Вокакъ, узнавъ, что со мной не было никакихъ запасовъ, просилъ у меня позволенія возвратиться въ резиденцію и взять все, что для меня нужно, общаясь къ вечеру догнать насъ на дорогѣ. Но я запретилъ ему это дѣлать, не желая тревожить старость Ивана Петровича и полагая, что не теперь, такъ послѣ можно же будетъ купить все нужное.

Отдохнувъ часа два, мы опять пустились въ дорогу.

Дорога замѣтно становилась хуже и хуже. Начали появляться болота. Дорога сворачивала въ мрачныя ущелья горъ. Сиваго неба не стало видно за сплетшимися вѣтвями деревь. Часто приходилось перескакивать черезъ опрокинутыя бурей деревья и истлѣвшіе пни. Рысь надеждало оставить до болѣе-удобнаго случая и плестись шагомъ. Проѣхавъ верстъ восемь, или десять, я предпочелъ идти пѣшкомъ. Подъ гору въ моихъ сапожникахъ идти было сколько; въ гору, или какъ здѣсь говорятъ — *тлѣнцусомъ*, идти тяжело; на сѣдлѣ сидѣть неловко; я перебѣгъ на немъ полушку съ изголовья Ивана Петровича — все то же; снялъ ее прочь — сидѣть отъ боли невозможно. Остановиться на ночь въ этомъ мѣстѣ нельзя было и подумать, потому-что мы, пробираясь опять къ берегу Амыла, не встрѣчали уже въ этихъ хребтахъ воды; да и травы порядочной не было: запачать — ни людамъ, ни конямъ нѣчего было ѣсть. Силы мои совершенно истощились; остановиться нельзя — и я машинально волочилъ ноги впередъ. Отдохнуть еще часъ-другой времени — тоже нельзя: надобно было засвѣтло доѣхать до известнаго мѣста, до станка, гдѣ и воды и травы было довольно; послѣ солнечнаго заката по тайгѣ не ходятъ изъ болони въ совершенной темнотѣ напастъ на медвѣдя или потерять дорогу. Заблудившись одинъ разъ, рискуешь погибнуть въ пустынныхъ лѣсахъ отъ голода или отъ дикихъ звѣрей. Нако-

непцъ, въ то самое время, когда петербургскіе мое и невозможіе, которыя я долженъ былъ тщательно скрывать отъ моихъ провожатыхъ, готовы были довести меня до отчаянія — мы неожиданно очутились передъ избушкой.

Это былъ *стаконъ, зимовье*, гдѣ грѣются и отдыхаютъ рабочіе во время переходовъ въ холодное время на прінски и съ прінсковъ. Подобныя же зимовья строились и въ старые годы казаками въ то время, когда они расширяли границы Россіи въ Сибири и объясачивали инородцевъ. Изъ зимовья дѣлался острожекъ, изъ острожка — крѣпостца; потомъ населеніе увеличивалось, строился храмъ Божій и въ недавней глуши являлись или село, или городъ. Такая же участь ожидаетъ и нынѣшнія зимовья или по-крайней мѣрѣ прінски золотопромышленниковъ. Когда прекратятся всѣ работы иныхъ прінскателей на известномъ какомъ-нибудь мѣстѣ, оставшіяся послѣ нихъ строения будутъ готовы къ принятію новыхъ обитателей, можетъ-быть, новыхъ колонистовъ, которыми правительству угодно будетъ населить отдаленные предѣлы Сибири. Въ Томскомъ-Округѣ Рязановскіе Прінски, въ Минусинскомъ Подсосовскіе, въ южной части Енисейскаго-Округа Щеголевскіе и Асташовскіе, въ Канскомъ-Кузнецовскіе и опять Рязановскіе и во многихъ другихъ мѣстахъ нынѣшнія постройки пригодятся и въ будущемъ для многого, что правительство признаетъ за нужное сдѣлать.

— Переходъ конченъ: прикажете разсѣдывать? спросилъ старшій конюхъ.

— Сдѣлай милость, любезный, и, пожалуйста, поскорѣй чаю! Я думаю, и вы очень устали?

— Съ чего жь это, сударь? У насъ не только что мы, даже хозяева-то, когда ѣдутъ на-легкѣ, весь этотъ переходъ дѣлаютъ до обѣда, а послѣ обѣда другой такой же. Завтра васъ поломаютъ такъ, что не дай Господи, а послѣ завтра все какъ рукой сниметъ: только не скодите съ сѣдла.

Лошади скоро были развьючены, стреножены и отпущены искать себѣ корма. Я пошелъ осмотрѣть свою новую квартиру и вошелъ въ избушку, въ надеждѣ хотя тамъ заказать хорошия для себя ужинъ и расположиться по-привольнѣ отдохнуть. Съ какимъ огорченіемъ я увидѣлъ, что зимовье это пусто и недоступно для обитанія! Не говоря уже про то, что мнѣ пришлось остаться безъ ужина такъ же, какъ я остался и безъ обѣда, мнѣ нельзя было даже укрыться въ этомъ такъ-называемомъ *пріютѣ*. Я съ ужасомъ оттуда вышелъ. Провести ночь въ этой избушкѣ не было никакой возможности: она была темна, грязна, измарана, пропитана какимъ-то отвратительнымъ запахомъ, съ печью, складенною изъ необдѣланныхъ обломковъ разныхъ камней, безъ трубы; съ нѣрачными низенькими и широкими, на которыхъ не только лечь — сѣсть было нельзя: такъ они были грязны и перепачканы. Я рѣшился ночевать подъ деревомъ тѣмъ охотнѣе, что воздухъ былъ чистъ, погода чудная, а на небѣ показалась уже полная луна и обѣщала свѣтлую ночь.

— Не безпокойтесь, сударь, все отлично устроимъ, сказалъ жокакъ и сталъ хлопотать съ народомъ около огня.

Солнышко закатилось. Сумерки тамъ непродолжительны: скоро наступила ночь. Но какая ночь! Подъ ногами шуметь и влещетъ Амьль и, круто поворачивая въ сторону, пребываетъ между утесами широкую и длинную улицу и раскрываетъ передъ глазами дивную панораму своихъ скалистыхъ береговъ, обѣшенныхъ гигантскими кедрами. Чудная перспектива оканчивается черною массою древнихъ лѣсовъ, за которыми другъ изъ-за дружки выглаживаютъ вершины горъ, рѣзко очерченныя на сафирномъ небѣ блѣдными лучами мѣсяца, который медленно переплывалъ съ одной горки на другую. Прямо противъ насъ берега представляютъ сплошную массу отвѣсно стоящихъ громадныхъ камней. За

ними вѣтвь образуется глубокая впадина, окаймленная ближайшими вершинами и освѣщенная какиѣ-то особенныѣмъ, магическимъ свѣтомъ луны, придававшимъ густой зелени лѣсовъ барвовый цвѣтъ; а тамъ, далеко на краю горизонта, *Сибирские-Балки*, высокіе хребты, покрытые вѣчными свѣгомъ, поднимаютъ собою сводъ небесный. Золотая луна дрожить длинною полоскою на черныхъ водахъ бурной рѣки. Мириады звѣздъ яркимъ блескомъ сверкаютъ въ вышинѣ. А здѣсь широкое пламя огромнаго костра оваряетъ краснымъ заревомъ и высокіе кедры, и бѣдную, одинокую вѣбушку, и горсть чуждыхъ другъ другу людей, отрѣшенныхъ теперь отъ цѣлага міра непроходимыми дебрами и соединенныхъ тутъ въ одну кучку одинаковыми интересами — блескомъ золота. Кавказъ лежитъ на берегу вавничъ, свѣсивъ ноги въ воду, закрывъ лицо шапкою и подложивъ руки подъ голову. Смыслные, копатели золота, окружаютъ котель съ несѣдобною пищею, которая для нихъ уже готовилась, и, забывъ утомленіе, въ ожиданіи ужина, заливались веселыми пѣснями, сопровождая ихъ выразительными жестами, подмигиваньемъ и пляскою. Я, безпечный «рачникъ» Невскаго-Проспекта, неожиданно, невѣданно попавшій въ эту компанію, стоялъ поодаль на утесѣ, разинувъ ротъ отъ удивленія передъ дикими красотами сибирской природы и развѣсивъ уши для громкихъ припѣвовъ пѣсней, которыми утѣшала себя горсть сосланныхъ преступниковъ. Въ головѣ моей ронялись тысячи восторженныхъ мыслей, душа моя хотѣла вылиться въ звучныхъ словахъ, пропущенныхъ лиризмомъ, но къ высокимъ помысламъ стали незамѣтно примѣшиваться чувствованія эгонстическія. Гдѣ я очутился? думалъ я. Сколько я преодолѣлъ препятствій? Что можетъ сдѣлать человекъ, полстрекаемый какою-нибудь любимую идею? Нужна только воля — и для него вѣтъ ничего невозможнаго: все ему покорно; онъ властитель міра...

Не успѣлъ я еще всмотрѣться хорошенько въ окружающую меня природу — какъ вдругъ все переѣнилось. Страшная мгла мгновенно налетѣла. Звѣздъ и луны не видно. Молнія въ трехъ мѣстахъ разомъ прорѣзала воздухъ и освѣтила на мгновение свинцовыя тучи, неожиданно набѣжавшія изъ-за горъ, скрытыхъ отъ нашихъ глазъ утесомъ, подъ которымъ мы расположились. Въ то же мгновение раздался оглушительный ударъ грома; люди и лошади пали безсознательно ницъ: все смолкло, все омертвѣло! Не успѣло эхо въ тысячѣ перекатовъ отдать дань первому удару — раздался новый трескъ. Земля валрогнула, застонала. Амылъ всѣхнѣлся, заревѣлъ; вѣковой кедръ вырванъ съ корней и отброшенъ невѣдомою силою далеко въ сторону. Дождь полился крупными каплями и съ шумомъ хлесталъ о выдавшіеся камни утесовъ. Берегъ покрытъ былъ лужами, которые пувыривались и издавали фосфорическій блескъ; пламя нашего костра было уничтожено. Сильный вѣтеръ свистѣлъ въ ущельяхъ и валилъ взрощенные по утесамъ деревья, которыя, не поддаваясь его могучему vaporу, съ пискомъ и скрипомъ колебали своими одинокими верхушками, крѣпко запустивъ корни въ расщелины камней. Громъ раздавался ужасными взрывами; молнія беспрестанно чертила воздухъ зеленокрасными полосами свѣта и оваряла ту же панораму береговъ и горныхъ вершинъ; но панорама имѣла уже не тотъ смыслъ; дѣйствіе ея на чувства, на воображеніе было иное. Веселье и буйные клики превратились въ смиреніе, гордость пала въ прахъ передъ величіемъ природы, мелочной эгоизмъ уступилъ мѣсто благоговѣнію къ Промыслу.

Гроза стихла такъ же быстро, какъ быстро разразилась надъ нами; быстро стихли и волненія души. Не прошло и десяти минутъ отъ перваго громоваго удара — и опять небо прояснилось, опять декорация та же; опять раздались пѣсни рабочихъ; опять че-

ловѣтъ призналъ себя покорителемъ вселенной; опять все засуетилось около чайника съ кипяткомъ и котла съ прародительскимъ отваромъ стараго мяса, если только прародителямъ нашимъ было извѣстно отличное сухое-вяленое-соленое мясо. Блюдо это можно перевести по-русски словомъ—провѣсная солонина, то-есть, соленая говядина или баранина, въ-продолженіе извѣстнаго періода времени высушенная солнечными лучами и обращенная съ виду въ какое-то деревянное вещество, грязное и очень-дурно пахнущее. Прележавъ иногда года три-четыре въ амбарѣ, въ неопрятности, мясо это совершенно чернѣетъ и у человѣка съ долинатнымъ желудкомъ можетъ отбить всякій аппетитъ даже во время голода.

И на этотъ разъ я удовольствовался чаемъ съ черными и чугъ-ли не каменными сухарями. Мой Никита и прожаренные промокли до костей. Связъ етъ себя все до рубахи, они сушили свои пожитки около костра: такъ обыкновенно соблюдаютъ, какъ я узналъ въ-последствіи, всѣ почти рабочіе, во время розъисковъ, свою опрятность. Надъ людьми надо было сжалиться, и я всѣмъ пивъ роздалъ по небольшой порціи рома. Восторгъ ихъ былъ неописанъ. Они ужъ давно не пивали; на пріискѣ, гдѣ они были съ начала лѣта, еще не дошла очередь до порціи, которая раздается раза два-три въ лѣто, а въ резиденціи купить вина было цѣна что, да и заложить начево не случилось—а деньги волята съ пріисковскихъ рабочихъ только въ сентябрѣ мѣсяцѣ и ведутся недолго. Не цѣльная рюмка рома благотворно подѣйствовала на людей, отвыкшихъ отъ крѣпкихъ напитковъ: отъ двойной такой порціи они бы совершенно охмѣлѣли и были бы рѣшительно ни на что не способны.

Для меня рабочіе нарубили съ десятокъ жердеи, устроили изъ нихъ на живую нитку маленькій шалашикъ, обложили его борестюю и пихтовыми вѣтвями; внутри шалаша разложили

войлочные потники изъ-подъ сѣделъ, сравняли неровности почвы; въ головы положили сѣдло съ подушкой Ивана Петровича и недалеко оттуда кинули большую горящую головѣшку, чтобъ выкурить, сколько возможно, мошекъ. Было чувствительно холодно; я надѣлъ бѣличій халатъ, натянулъ кожаную шинель, и въ сапогахъ, сѣткѣ и перчаткахъ, не раздѣваясь, легъ на устроенное ложе, крѣпкое и жесткое до чрезвычайности. Половина туловища моего была въ шалашѣ; остальная часть, за неизбѣжнѣ мѣста, распространилась на чистомъ воздухѣ. Люди расположились около костра, предварительно выстрѣливъ три раза въ три разныхъ стороны, съ тою цѣлю, говорили они, чтобъ отдалить медвѣда, если онъ былъ близко. Каждый выстрѣлъ эхо непрерывно передавало по ущелиямъ по-крайней-мѣрѣ въ-теченіе получинуты.

Ночью я проснулся отъ страннаго шума и чавканья подъ самымъ ухомъ. Ужъ не медвѣдъ ли? вотъ бѣда-то! Я тихонько приподнялся, выползъ изъ-подъ шалаша; смотрю — люди спятъ, составляя одинъ полукругъ около перегорѣвшихъ бревенъ костра; другой полукругъ составляли лошади; онѣ смирно стояли тутъ, уткнувъ головы въ дымъ отъ головней: бѣдняжки спасались отъ мошекъ, которыя успѣли наравить ихъ во всѣ пѣжныя части тѣла. Вѣрно не медвѣдъ, подумалъ я, рассудивъ, что иначе лошади непременно бы разбѣжались. Обойдя кругомъ нашу стоянку, я поймалъ во-ра. Подъ деревомъ, къ которому шалашъ былъ прислоненъ, лежала сума съ сухарями; лошадь набрела на него, распустила, ужъ не знаю какимъ образомъ, ремень и преспокойно изволила убрать сухарики, одинъ за другимъ. Сухари даны были намъ по расчету дней; намъ нельзя было тратить ихъ по пустому; я лошадь прогналъ, суму опять стянулъ, втащилъ къ себѣ въ шалашъ, легъ и опять заснулъ.

На другой день, мы проснулись вѣстѣ съ солнышкомъ. Горы дымились

испарениями, которыя, подобно облакамъ, носились по вѣкатамъ и вѣнчали собою вершины. Туманъ рѣдѣлъ понемногу, быстро поднимаясь къверху, и наконецъ совсѣмъ исчезъ изъ глазъ. Солнышко огромнымъ огненнымъ шаромъ явилось во всемъ блестя ослѣпительныхъ лучей. Оно озлатило окранныя снѣжныхъ горъ, покрыло даль пурпуромъ, вдохнуло въ природу новую жизнь, пробудило все къ новой дѣятельности.

Я всталъ разбитый и голодный. Къ сухарямъ однакожь прибавилъ я парваръ и сырую вяленую говядину, которую уже небрегалъ; мнѣ это блюдо показало даже превосходнымъ—точно вестфальскій окорокъ. Никита тоже поѣлъ его исправно. Рабочіе срубили кедровое дерево, чтобъ попользоваться его шишками. На этомъ деревѣ мало было шишекъ; рабочіе срубили другое: то было поплодовитѣе. Шишки сорвали, положили ихъ печь въ горячую золу, раздѣляли поровну, а срубленные деревья оставили гнить на мѣстѣ.

— Это, сударь, капля въ морѣ, отивчали мнѣ рабочіе, когда я имъ говорилъ, что благоразумиѣе было бы вѣзть на дерево. — А вонъ изволите видѣть на той сторонѣ выгорѣлый лѣсъ? Это наши же братья сожгли: развели костеръ, какъ вотъ и мы, да и ушли, не заливши огня. Поднялся вѣтеръ, головни разметало, пламя показало во многихъ мѣстахъ, и лѣсъ весь выгорѣлъ. А какой лѣсъ-то богатый! какъ на подборъ все строевой: лѣсина къ лѣсинѣ; версты на двѣнадцать въ длину, а въ ширину-то и Богъ вѣсть сколько!

Мы свой костеръ чуть-было тоже не забыли залить и едва не отправились далѣе, оставивъ суму съ сухарями въ шалаши, въ которомъ я провелъ ночь.

Этотъ день мы начали переправой черезъ рѣку, и опять таки вплавь. Въ послѣдствіи времени я двадцать, тридцать разъ переплывалъ рѣки быстрыя и бурныя и все пв-почемъ, какъ-будто такъ и садовало; но въ первое вре-

мя подобныя переправы поселяли во мнѣ очень-непріятныя ощущенія и довольно-неутѣшительныя мысли, особенно при совершенномъ неумѣнн моемъ плавать. При всемъ томъ, нельзя даже придти въ недоумѣніе и обнаружить при постороннихъ душевное волненіе. Рабочіе какъ-разъ на зубокъ поднимаютъ и не замедлятъ подтронуть надъ новичкомъ, конечно, не въ глаза, а такъ, между собою.

— Глядь-ко, паренъ! скажетъ одинъ: — еще баринъ, а трусу празднуетъ!

— Не говори ужъ, подхватитъ другой: — вѣте, то-есть, питтбургскіе, *будь они не ладны!* на словахъ только горячи, а какъ придетъ къ дѣлу—такъ и на попятны!

— Сидѣлъ бы дома, замѣтитъ третій: — *сполитичны* бы было, а то нѣтъ, куда же въ тайгу ползеть! Вотъ анагдысь проѣжалъ, даромъ-что изъ Питера, а смотри-тось какъ закатывалъ: ихъ ты!

Съ противоположнаго берега начиналась такая дорога, о которой, не видѣвъ ея, нельзя себѣ составить яснаго понятія. Мы шли танигусами; они перестѣкались *еланями*, открытыми площадками на склонахъ и вершинахъ горъ; почва была размягчена водными родниками и разбита стадами быковъ, которыхъ гнали, за нѣсколько недѣль до насъ, этимъ путемъ на привски, или, сохраняя мѣстное выраженіе, надобно сказать: *тутю-хъ скота юнли*. Вся дорога иззубрена была уступами изъ перергнилыхъ шей и сплетшихся древесныхъ коряей. Промежутки втой фантастической лѣстницы были переполнены жидкимъ и вязкимъ растворомъ глины и грязи, никогда невысыхающей въ тѣни густыхъ елей, сосенъ, пихты и кедра, перепутавшихся вѣтвями одни съ другими черезъ тропинку, по которой двонимъ невозможно было ѣхать. Въ иныхъ мѣстахъ, тропинка еще болѣе стуживалась. Лошадн, выбирая сами мѣсто, гдѣ бы имъ ступить посуше, приближались къ сторонкѣ. Въючныя задѣвали своєю ношею стволы деревъ, цѣплялись сво-

ими веревками за толстые сучки и задерживали ходъ этимъ безпрестаннымъ препятствіемъ. Верховыя, которыми мы предоставили полную свободу, опустивъ имъ поводья, такъ-какъ дорога была одна и своротить рѣшительно нѣкуда, тоже не хотѣли идти по серединѣ дороги: ступать въ грязь имъ не нравилось; опираться на выдавшіеся гребнемъ корни — невыгодно, потому-что копыто могло или соскользнуть или попасть въ развѣтвленіе корней, а такимъ-образомъ легко вывихнуть ногу; оны и жалісь къ деревьямъ, а мы, по ихъ милости, получали порядочные удары вѣтвей въ лицо и въ голову, если не успѣвали нагнуться на сѣдлѣ или во-время приподнять и распутать тѣ сучья, которые, по гибкости своей, не могли противостоять нашимъ усиліямъ. Особенно страдали наши колѣни, когда лошадь прижимала насъ къ дереву. Подобные удары, весьма-чувствительныя, заставляли насъ опять вѣяться за поводья, чтобъ принудить животныхъ идти серединою.

Выдавались мѣстами, особенно по болотамъ, такіе переходы, что надлежало, по чувству самосохраненія, слѣзая съ сѣдла и идти пѣшкомъ, проваливаясь на каждомъ шагу почти по колѣно и переирывивая съ одной кочки на другую. Раза два случалось развѣивать лошадей и переносить токи на себѣ до лучшаго пути, а бѣдныхъ животныхъ, и безъ того измученныхъ, пускать по топкимъ мѣстамъ безъ груза. Бѣда, если выючая лошадь упадетъ здѣсь вмѣстѣ со выюкомъ; развѣивавъ ее тутъ же, не теряя времени, недостаточно тянуть ее за поводъ: надобно приподнимать ее колыями, запуская ихъ съ обѣихъ сторонъ увязнушаго тѣла. Если ко всѣмъ этимъ удовольствіямъ прибавить опустошенія, причиненныя минувшею бурей, перескакиваніе черезъ опрокинутыя деревья, дождь, который цѣлый день ливня лилъ на насъ и пробилъ насквозь мой кожанъ, и замѣтить, что второй день верховой ѣзды, съ утрен-

ней зари до вечерней — самый тягостный, самый мучительный, то легко можно себѣ вообразить, каково жъ было человѣку, который ѣздилъ верхомъ развѣ только въ малолѣтствѣ, и то на деревянныхъ лошадакахъ въ Екатериногофѣ, и который до-сихъ-поръ безвыѣздно жилъ въ Петербургѣ, не имѣя никакого понятія о прелестяхъ верховой ѣзды въ сибирскихъ тундрахъ! Это не гарцованье по аллеямъ Аѳинскаго Сада или на Елагиномъ-Островѣ, не прогулка изъ Парголова въ Токсово: это непрерывное мученье цѣлый день, скачка верстъ по пятидесяти, по восьмидесяти, а въ случаѣ нужды и болѣе — отъ зари до зари. Здѣсь очень-легко можно попасть и подъ лошадь, когда она, несаясь крупною рысью по фантастической тропинкѣ, упадетъ, заваливаясь въ шлѣ, или поскользнется пробираясь извилинами на крутизнахъ и спукается невѣрнымъ шагомъ подъ гору по камнямъ, которые поминутно катятся изъ-подъ ногъ; можно разбить себѣ голову, когда, послѣ проливныхъ дождей и затопленія всего прибрежья, въ разбухнувшихъ, полныхъ воды сапогахъ, по скользкой травѣ, наматывая хвостъ вѣрнаго коня себѣ на руку, цѣпляешься по крутымъ быкамъ, горнымъ мысамъ, далеко вдавшимся въ рѣку, для того, чтобъ продолжать путь болѣе-удобною дорогою, не берегомъ, а *арбтами*, по гребнямъ горъ; можно даже окунуться не совсѣмъ-удачно въ чистыхъ струяхъ быстрыхъ горныхъ потоковъ и рѣчекъ, которыхъ нельзя миновать и которыя переѣзжаешь по необходимости вставъ, сила на лошади.

На третій день похода, когда мы въ полдень остановились отдохнуть, мѣшъ показалося, что мы еще мало пройшли. Усталость и боль каждой косточки прошли совсѣмъ; я чувствовалъ себя другимъ человѣкомъ, привыкъ къ дороге, къ сырости и сталъ настоящимъ таѣжникомъ, а чай, ржаные сухари и вяленое мясо были для меня единственною и очень-вкусною пищею: аппетитъ мой сдѣлался всепожираю-

щивъ, а желудокъ всепереваривающій. Я уже привыкъ и къ сѣткѣ: она теперь была для меня самою необходимою принадлежностью, не смотря на то, что сначала надѣялся непремѣнно подѣею вдохнуться. Я даже забывалъ о ея существованіи до такой степени, что когда нужно было обойтись посредствомъ платка, какъ выражаются поклонники десяти тысячъ китайскихъ церемоній, я, вмѣсто того, чтобъ схватить себя за носъ, сжималъ платкомъ одну сѣтку, отдаленную отъ лица вершка на два пустаго пространства. Къ ней же, вмѣсто рта, подовошилъ ставалъ съ чаемъ, проливалъ, конечно, его, ошпаривалъ немножко себя и мочилъ прозрачную ткань волосяной кисей. Но подобнымъ происшествіямъ довольно было случиться раздругой, чтобъ приучить человека ко всѣмъ мѣрамъ предосторожности, даже во время сна. А спали мы крѣпко, не смотря на то, что лежать было очень жестко и что дождь мочилъ насъ безъ всякой жалости. Кожа моя такъ разбухъ и до такой степени напитался сыростью, что въ немъ вѣсу было вѣрныхъ полула.

Такъ путешествовали мы и слѣдующіе дни. Ничто не измѣнилось. При видѣ роскошныхъ, плѣнительныхъ для взора и доселѣ неизданныхъ мною растений, которыми нестрѣла каждая долина, какъ-будто подернутая равноцвѣтнымъ ковромъ, — во мнѣ явилась — было потребность собрать гербарій той мѣстности, которую я проѣзжалъ; но до гербарія ли тутъ! когда мнѣ было этихъ заняться? Я думалъ прежде всего, какъ бы скорѣе доѣхать; потомъ сообразилъ, что я могъ убить много чужаго времени, на которое не имѣлъ права; у людей, провожавшихъ меня, прованту было ваято по расчету всего на пять дней: значить, еслибъ мы и одинъ день промѣшляли въ дорогѣ — семь человекъ были бы дѣльный день голодны. Ко всему этому, мнѣ не во что было положить экземпляровъ предполагаемаго гербарія: ничего и не вышло! Скажу только,

какъ про рѣдкость, что въ кустарникахъ по берегу Амыла растетъ дикая, но очень-крупная и сладкая малина. Въ противоположность малинѣ — здѣсь, такъ же какъ въ Енисейскомъ и въ Томскомъ Округахъ, растетъ въ изобиліи черемшъ или колба (*angulare alium*), дикій чеснокъ, трава, придающая всему сильный чесночный запахъ и служащая предохранительнымъ средствомъ отъ цинги: въ немъ простой народъ варитъ щи и употреблять ее вмѣсто салата. Рогатый скотъ ѣсть ее съ аппетитомъ и запахъ ее передаетъ и молоку и мясу: потому часто у богатыхъ и радушныхъ хлѣбосоловъ-золотопромышленниковъ можно познакомиться ростбифомъ съ сильнымъ запахомъ чеснока, кофеемъ съ чесночными сливками или мороженымъ, неприятно отзывающимся. — Изъ числа прочихъ растений замѣчательнъ корень *сардла* (*lylium marlagon*): онъ мучнистъ, на вкусъ пріятенъ и отлично замѣняетъ собою хлѣбъ; у ясачныхъ онъ въ большомъ употребленіи; бѣглымъ рабочимъ съ приска, особенно, когда они въ тайгѣ заблудятся, а хлѣбомъ при побѣгѣ достаточно не запаслись, крѣмъ саранокъ ѣсть больше вѣчего. Вѣстѣ съ черемшомъ и саранками растетъ повсемѣстно кирлякъ (*polygonum convolvulus*), самородная греча, употребляемая въ кашу; въ вѣхихъ мѣстахъ, особенно въ Бійскомъ-Округѣ, растетъ кандыйкъ (*erythronium*), на вкусъ сходный съ картофелемъ, и дикая конопля (*cannabis*); всюду по тайгѣ можно найти чагирскій чай (*phlomis tuberosa*), употребляемый кочевыми племенами, и ревень (*rheum*), игравшій въ прежнія времена важную роль въ нашей коммерціи; но Сибирики хвастаются особенно однимъ растеніемъ: это ягода облыниха (*hipporrhoe hamnoides*), которая, говорятъ, удивительно-хороша въ вареньи.

Точнотакъ же, какъ гербарій, не могла осуществиться и заветная моя мысль. А эта мысль была вотъ какая. Отправляясь въ тайгу, я думалъ: вотъ, молъ, люди бросаютъ привычныя свои закла-

тѣя, тратить деньги, нанимають людей, бродятъ по лѣсу и жадно ищуть по тайгѣ золота. Я неожиданно явился въ Сибирь, со мной есть люди, есть инструменты; я тоже иду въ тайгу, безъ особеннаго пожертвованія капитала, котораго за мной никогда не водилось. Значитъ, счастье само меня преслѣдуетъ. Вотъ, когда я поѣду и увижу такое мѣсто, гдѣ должно быть золото—я и останавлиюсь. Я буду сидѣть да смотрѣть и чай пить, или обѣдать, а люди между тѣмъ станутъ шурфовать. Это слово ужъ и мнѣ стало знакомо: я зналъ, что оно значитъ — посмотреть, есть ли золото. Мы копнемъ тутъ, тамъ, есть золото — идемъ дальше, въ другомъ мѣстѣ поищемъ. Я нисколько не думалъ, что если мнѣ нуженъ отдыхъ, то и для другихъ онъ необходимъ, если я буду обѣдать — то и другимъ ѣсть захочется; я былъ увѣренъ, что не Богъ же знаетъ, какихъ трудовъ и времени стоить отыскивать золото: копнулъ гдѣ-нибудь лопаткой разъ другой — и дѣло въ шляпѣ!

И я не одинъ такъ думалъ. Нѣтъ, много было другихъ людей, которые въ полномъ убѣжденіи, что гдѣ Сибирь — тамъ и золото, раздѣляли мои мысли. Конечно, мы были совершенные невѣжды въ этомъ дѣлѣ; но это-то и доказываетъ ясно, что золотому промыслу съ пользою занимаются преимущественно люди рѣшительно безъ всякихъ специальныхъ познаній и что управленіе и надзоръ за пріисками вѣряются большею частію людямъ, вовсе-непонимающимъ горнаго дѣла. Нисколько не выше насъ въ этомъ отношеніи были и тѣ, которые поручили мнѣ «посмотрѣть на пріискъ», на которомъ никакихъ работъ не производилось: порученіе это ни имъ, ни мнѣ — нисколько не казалось страннымъ. Уже пріѣхавъ на мѣсто и присмотрѣвшись къ дѣлу, я понялъ, невозможно-поздно, что въ этомъ порученіи не было логики, точно такъ же, какъ и въ моей завѣтной мысли. Я узналъ тутъ, что золото не такъ

легко достается: дорого оно стоитъ, много надобно прежде убить трудовъ, времени и денегъ, чтобъ пожать какіе-нибудь плоды. Случалось, что золото и легко доставалось иному, при помощи доносцовъ, также и равныхъ интригъ, но въѣдъ на подобныя мѣры предусмотрительности не всякій въ состояніи рѣшиться! Еслибъ этотъ иной, который нанялъ рабочихъ, заплатилъ за инструменты и отдалъ приказанія управляющему на съ неба свалившемся для него пріискѣ,—подумалъ когда-нибудь, какими тяжкими трудами открыто его золото, сколько поту и крови пролито на этотъ драгоценный металлъ, сколькими горькими слезами смочены эти блестящія зернышки—не съ улыбкой бы самодовольствія, не съ гордымъ бы сознаніемъ своего богатства, не съ любовью бы и восхищеніемъ сталъ онъ любоваться вожделѣнною собственностью, принявшею на Монетномъ Дворѣ привлекательный видъ полунимперіаловъ... Но это въ скобкахъ!..

Мы подвигались впередъ довольно-успѣшно. Дорожныя удобства тѣ же: рѣки безъ мостовъ, болота, опрокинутыя съ давнихъ лѣтъ деревья, которыхъ внутренность давнымъ-давно уже выгнила и которыя при малѣйшемъ напорѣ на нихъ ногою, особенно при желаніи сѣсть на нихъ и отдохнуть — потому-что съ виду тутъ не было ничего подозрительнаго — превращались въ какую-то труху въ томъ мѣстѣ, которое подвергалось большому вліянію, и опрокидывали охотниковъ повѣжиться. Это производитъ такое же ощущеніе, какое испытываетъ человѣкъ, вѣзъ-подъ котораго вытаскиваютъ стулъ въ ту минуту, когда онъ только-что на него садится. Объ ѣздѣ на колесахъ нельзя было осмѣлиться подумать: такая дорога! Дождь шелъ непрерывно; гроза, о которой мы, петербургскіе жители, не можемъ имѣть понятія, бывала часто; въ довершеніе всего, очень-верѣдко попадались слѣды владыки здѣшнихъ лѣсовъ, медвѣдя, съ когорымъ, однакожь, не довелось намъ встрѣтиться лицомъ-къ-

диду: вѣроятно, колокольчики и боталы, шумъ нашего поѣзда и пѣсни рабочихъ помѣшали ему выйти на сцену. Что говорить: я былъ этому очень радъ; но мнѣ хотѣлось бы знать, какую роль разыграетъ храбрый потомокъ завоевателей, который, казаясь, трусилъ отстать отъ насъ сажень какихъ-нибудь на пятьдесятъ, какъ бы это ему иногда и было нужно. Вотъ примѣръ его храбрости.

Однажды, остановившись вечеромъ у какого-то ручья, котораго я позабылъ названіе, и замѣтивъ огромную стаю дикихъ утокъ не въ дальнемъ отъ насъ разстояніи, я попросилъ юнаго воина поклонотать о новомъ блюдѣ къ моему ужину. Онъ осмотрѣлъ внимательно ружье, подошелъ поближе къ лакомому кусочку, утвердилъ ружье на сошкахъ очень-старательно, долго-долго цѣлывъ, прицѣлился... и отошелъ шаговъ на пять назадъ посмотрѣть, ладно ли ружье сидитъ. Потомъ тихохонько подкрался къ нему и, отвернувъ голову, потянулъ за веревочку, по которой спускался курокъ и отъ которой зависѣла участь невинныхъ пернатыхъ. Выстрѣлъ раздался... и, разумеется, утки остались живы и здоровы: онъ только встрепнувшись и отлетѣлъ подалеже.

На четвертый день къ вечеру, мы прибыли на Больше-Тюхтетскій Прискъ: двухъ-сотъ верстъ далеко не было, но за то таежная верста не имѣетъ, а рассчитываемая на обувь, стѣбитъ нашихъ десяти. Теперь я былъ въ пяти съ половиною тысячахъ верстахъ отъ Петербурга.

— Что жъ вы будете дѣлать на вашемъ прискѣ? спросилъ меня на другой день управляющій: — вѣдь у васъ тамъ никакихъ работъ не производится?

— Потому-то мнѣ и поручили посмотреть на него.

— Увѣрю васъ, что вы тамъ ничего не увидите; только проѣдете понапрасну: вода, земля, лѣсъ, горы — больше ничего!

— А золото?

Т. LV. — Отд. VIII.

— Золото въ землѣ: вы его такъ, просто, не увидите; надо шурфовать.

— Я и буду шурфовать!

— Да вѣдь вамъ нечѣмъ: у васъ нѣтъ ни народу, ни лошадей, ни провіанта, ни инструментовъ, ничего нѣтъ! Надобно было все это прежде закупить и доставить сюда, нанять рабочихъ и прикащиковъ, обезпечить ихъ содержаніе, словомъ — приготовиться, употребивъ на это тысячи, а потомъ ужъ, этими средствами, и посмотреть: есть ли въ прискѣ золото. А такъ, какъ вы собираетесь ѣхать, одни, безъ всего — что вы увидите? Небо да землю, траву да деревья!

— Такъ какъ же мнѣ быть? А я, во что бы ни стало, сдержу обѣщаніе и посмотрю хоть на мѣткость.

— Последствій-то никакихъ не будетъ! Другое дѣло, еслибъ у васъ было хоть человекъ восемь рабочихъ: съ хорошими рабочими и съ хорошими инструментами, вы, въ продолженіе цѣлаго лѣта, успѣли бы выбить нѣсколько шурфовъ для того только, чтобъ знать: производить ли шурфовку настоящую, какъ слѣдуетъ, будущимъ лѣтомъ въ обширномъ размѣрѣ, или бросить совсѣмъ прискъ, не рискуя въ будущемъ времени потратить понапрасну капиталъ безъ всякаго толка.

— Такъ-то оно такъ! А нечего дѣлать — я поѣду: вы мнѣ не откажите только въ провожатомъ.

— Мало этого: вы мнѣ позвольте предложить вамъ пять человекъ рабочихъ со всеми инструментами, но не больше, какъ на два дня: я не въ состояніи обезсилить себя безъ особеннаго приказанія хозяина; въ добавокъ ко всему, я самъ съ вами поѣду и покажу вамъ всѣ наши приемы. Теперь я вамъ и свою промывальню не показываю — послѣ будетъ яснѣе. Но какъ вы найдемъ вашъ прискъ? У васъ съ собой планъ на него?

— Плана нѣтъ!

— Ну, такъ хоть копѣи съ заявляю нѣтъ ли?

— Со мной никакихъ бумагъ, кромѣ довѣренности, нѣтъ.

— Какъ же намъ быть? Этакъ мы не отгыщемъ... Вы, проѣзжая сюда, замѣтили ли хоть одинъ присскъ?

— Нѣтъ, ни одного!

— А вы ѣхали золотою розсыпью, проѣхали нѣсколько присковъ, даже переѣзжали по работамъ одного изъ нихъ по Жибижану.

— Я не замѣтилъ.

— Сергѣевскій Присскъ по Жибижану вынѣшней годъ не разрабатывается: онъ, подобно остальнымъ, по которымъ вы проѣзжали, пусть; вы, какъ новый человекъ, и не могли ничего замѣтить, пропустивъ безъ вниманія прежніе *разрѣзы* и рабочія лачужки. Тѣмъ болѣе вы ничего не увидите на вашемъ присскѣ... Какъ же бы намъ его отыскать... Позвольте, найдемъ! Вы только скажите мнѣ, когда и отъ какого прискателя онъ заявленъ, если это вамъ извѣстно; у меня, какъ и у другихъ, есть свои копія со всѣхъ заявокъ нашей системы. Хотя за вѣрность этихъ копій я и не могу поручиться, однакожъ, по нимъ все-таки я вашъ присскъ найду прежде на бумагахъ, запишу всѣ урочища и всѣ особенности, какими этотъ присскъ отличается отъ другихъ, а потомъ, надѣюсь, найду его на-самомъ-дѣлѣ въ природѣ.

Заявку нашли; она была неудовлетворительна и заключала въ себѣ слѣдующее:

«Въ Минусинскій Земскій Судъ

«Довѣреннаго отъ золотопромышленника такого-то Первостатейнаго, такого-то крестьянина Петра Сидорова
«Жгута

«Объявленіе.

«Имѣя дозволеніе на розыскъ золотосодержащихъ песковъ, второй гильдіи купецъ Захаръ Ефимовъ Первостатейный. — Каковыя поиски доверилъ мнѣ, а отъ меня по доверенности вязниковскій мѣщанинъ Иванъ Борисовъ открывши розсыпь въ Минусинскомъ Округѣ, въ вѣдомствѣ Теслянской Волости; при ключикѣ не-

«извѣстнаго наименованія, вливающимся съ правой стороны въ ключъ же Безыменный, текущій съ лѣвой стороны въ рѣчку Безымянку, впадающую съ правой стороны въ рѣчку же Малый Тухтетъ, который съ лѣвой стороны впадаетъ въ Большой-Тухтетъ, а сей вливается въ рѣчку Амыль съ лѣвой стороны, Амыль же впадаетъ въ рѣчку Тубу, текущую въ Енисей (*). Отъ устья ключика до вершины его примѣрно три версты. Починный пунктъ у самаго устья. На ономъ пространствѣ выбито шесть шурфовъ, три съ правой и три съ лѣвой стороны. Изъ перваго шурфа добыто одинъ золотникъ, сорокъ двѣ доли золота, изъ втораго восемьдесятъ восемь долей, въ третьемъ оказались одни признаки, а четвертый, пятый и шестой, за сильными притокомъ воды, до плотяка не пройдены. Сложное содержаніе отъ ста пудъ примѣрно въ одинъ золотникъ. Шурфы биты длиною отъ трехъ до четырехъ аршинъ, шириною отъ трехъ до четырехъ аршинъ, глубиною отъ трехъ до четырехъ аршинъ. Турфу снимается отъ двухъ съ половиною до трехъ аршинъ; золотосодержащій пластъ въ два съ половиною аршина толщины. Порода образуется шкварцу бѣлаго малая часть, камень сѣрый и синій, глина и песокъ желтоватый. Почвенная порода сѣрый шиферъ. Лѣсъ произрастаетъ пихтовый, еловый, кедровый, березовый и рябиновый. Поставленъ столбъ съ вырѣзкой «З. Е. П. 1840, что означаетъ земель изъ первыхъ словъ хозяина. «Партія находилась подъ управленіемъ прикащика Ивана Борисова съ перваго іюня по двѣнадцатое сего же іюня. Въ партіи было шесть человекъ: промывальщикъ, минусинскій мѣщанинъ Василій Просвириинъ, ра-

(*) Амыль, вмѣстѣ съ рѣками Кизиремъ и Книжиромъ, образуетъ рѣчку Тубу, которая впадаетъ въ Енисей выше Минусинска, съ правой стороны.

• бочіе, ясачные Татары Качинской Ду-
• мы Барсукъ Окуневъ и Битка Марты-
• новичъ и Койбальской Думы Туктиш-
• ка Кабаргинъ, Шугай Байновъ и Аб-
• рамъ Савзараевъ. По соображенію
• моему, прискъ сей къ разработкѣ
• уваженъ быть можетъ; о чемъ и объ-
• являю земскому суду. Подать и ко-
• шію получить довѣрѣя служителю
• Егору Иванову. По немнѣию гербо-
• вой бумаги при семъ прилагаю пош-
• ливныхъ мѣдью 52½ копейки.—Кре-
• стьянинъ Петръ Жгутъ.»

Нивѣче не пишутъ ужъ такихъ за-
явокъ: въ восемь лѣтъ много воды утѣ-
ло! Можетъ-быть, подобныя заявкі со-
ставляютъ теперь рѣдкость по тому
наивному обману, которымъ она про-
никнута. Коль-скоро вся яма, шурфъ,
глубиною 3 — 4 аршина и турфовъ, пу-
стой породы, нандеу, земли, снимается
2½ — 3 аршина, то отъ-чего же тол-
щина золотосодержащаго пласта 2 и
2½ аршина? Откуда вывелъ заявитель,
что сложное содержаніе обшлося въ
однакъ золотникъ? Какимъ-образомъ
онъ успѣлъ проѣхаться взадъ и впе-
редъ по тайгѣ, искать тамъ россыпь,
найти ее, вырыть въ ней шесть глу-
бокихъ ямъ, добыть золото и все сдѣ-
лать въ двѣнадцать дней? Обманное и
несколько неуважительное выраженіе
• за притокомъ воды шурфъ не про-
бить до почвы», то-есть до слив-
ной горнокаменной породы, противъ
которой тщетны всѣ усилія золото-
копательныхъ орудій и дальше кото-
рыхъ золотосодержащіе пласты про-
никать не могутъ, но дойти до кото-
рой зависитъ совершенно отъ воли
прискаателя — встрѣчалось, говорятъ,
въ старинные годы сплошь и сряду,
почти въ каждой заявкѣ. Мѣстность
приска не опредѣлялась никакими по-
ложительными особенностями и со-
близила не совсѣмъ-нравственныхъ
искателей на неделикатныя попытки
присвоить себѣ берега рѣчки, заклю-
чающіе въ себѣ золото и открытые
тяжкими трудами настоящаго ихъ хо-
зяина.

Говорятъ, случалось перѣдко, что
столбы заявочные срубали, или срѣ-
зывали вырѣзанныя на нихъ литеры,
ставили другія клейма, прибавляли къ
выбитымъ уже шурфамъ нѣсколько
своихъ и дѣлали заявкі, перифразирова
описание мѣстности, говоря о ней опре-
дѣлительнѣе и, въ случаѣ нужды, на-
мѣняя названіе самой рѣчки; одинъ
называлъ ее «рѣчкой Безъимякой»,
а другой «Ключомъ—неизвѣстнаго на-
именованія», третій присвоивалъ ей
названіе «Павловки», а четвертый кли-
калъ «Петровкой», наконецъ, откры-
валось, что это просто «Черная-Рѣчка»,
а Черныхъ-Рѣчекъ въ Сибири, гово-
рять, такая пропасть, что очень-не-
трудно переимѣнать всѣ мѣстности.
Все это вело къ спорамъ, которые раз-
вивались изъ послѣдней мелочи.

На-примѣръ, могъ быть такой слу-
чай. Одинъ, положимъ, открылъ при-
искъ по рѣчкѣ, которой мѣстное назва-
ніе Жибизанъ. Другой присосѣдился
было тутъ же, но вся мѣстность была
уже занята. Новый открыватель, при-
шедшій по слѣдамъ перваго счастли-
вца, рѣшился на хитрость: подалъ заяв-
ку и назвалъ рѣчку Зибизаномъ. Ка-
жется, ясно, что это одна и та же рѣч-
ка, и что у того, кто выговаривалъ Зи-
бизанъ, или зубъ былъ совсѣдомъ, или
манера говорить немножко-еврейская,
а можетъ-быть, рѣчка и въ-самомъ-дѣ-
лѣ носила оба названія, что не всѣмъ
было извѣстно; а изъ этого ничтожна-
го обстоятельства затѣвается ссора,
завязывается тяжба, возникаетъ дѣло,
исписываются цѣлыя стопы бумаги,
процессъ переходитъ всѣ инстанции...
Между-тѣмъ, каждому противнику хо-
чется работать именно тутъ. Къ не-
счастью праваго владѣльца, у против-
ника его заявка сдѣлана была весьма-
опредѣлительная и рѣдко отличалась
отъ заявки перваго открывателя, у ко-
торого она была тоже подробная и
опредѣлительная. Эта разница прои-
сходила отъ-того, что одинъ описывалъ
долину начиная съ устья рѣчки, отку-
да онъ шелъ, а другой описывалъ ее
же, но только съ вершины, откуда онъ

пріѣхалъ: описанія и вышли разные. Но пока еще успѣли наткнуться на эту мысль, оба противника спорили между собою и доказывали другъ другу, что онъ лжетъ и хочетъ завладѣть чужимъ принскомъ съ богатымъ золотомъ.

— У тебя на Зибивязнѣ принскъ: ты на Зибивязнѣ и работай, а мнѣ не мѣшай. Это мой Жибижанъ; я первый открылъ его, я первый заявку подаю! Это мое!

— Не правда: мое! Это Зибивязнѣ! Это моя рѣчка! Пусти меня! Ступай на свой Жибижанъ; ищи его! У тебя справа горы отвѣсныя, а слѣва покатыя, а здѣсь, видишь ты: отвѣсныя горы стоять съ лѣвой стороны, какъ сказано и у меня въ заявкѣ, сказалъ тотъ, кто описывалъ принскъ съ вершины.

— Да ты погляди хорошенько, возвращай описыватель съ устья, обратившись лицомъ къ истоку рѣчки: у меня въ заявкѣ сказано, что горы свачала съ обѣихъ сторонъ высокія, постепенно къ вершинѣ понижаются — вотъ онъ здѣсь и есть! Вотъ тебѣ и раздвоившаяся сосна, подъ которой у меня тайный знакъ въ янѣ положенъ.

— Пройдемся подальше: а тебѣ у вершины тоже покажи мою тайную заявкѣ; свою-то, можетъ-быть, ты и послѣ сдѣлалъ! Нѣтъ, братъ, не обманешь: это мой принскъ.

Дѣло продолжалось долго, и во все время ни тотъ, ни другой не смѣли разрабатывать принскъ, пока дѣйствительный владѣлецъ, первый открыватель росыши, не былъ возстановленъ во всѣхъ своихъ правахъ.

Сколько было загаданныхъ заявок! Одинъ откроетъ принскъ, положимъ, хоть по Тербижеку, по системѣ рѣки Абакана. Другой, прослышавъ отъ кого-нибудь, что это открытіе весьма хорошее, что Тербижекъ — долгая рѣчка, течетъ болѣе, нежели напятиверстномъ протяженіи — длиннѣе пяти верстъ принскъ не отвалится, — и что, значить, отъ перваго открывателя можно попользоваться «остаточкомъ», достаетъ

заявку счастливаго находчика, перифразируетъ ее и подаетъ свое объявленіе, что онъ нашелъ принскъ тоже по Тербижеку, выше окончательнаго пункта своего предшественника, сочиняетъ число своихъ шурфовъ, выдумываетъ сложное содержаніе золота по стѣ пудахъ песку и, чтобъ показать, что онъ самъ былъ на мѣстѣ, характеризуетъ его такъ: «порода горная, камень бѣлый и сивій, щебнистый. — а гдѣ нѣтъ бѣлыхъ, синихъ и щебнистыхъ камней? Горы крутыя и покатыя или отлогія — разукрѣтся, что всѣ горы или круты или отлогія. Лѣсъ частію кедровый, частію сосновый съ другими произрастеніями. — въ Сибири, въ тайгахъ, лѣсъ почти вездѣ состоитъ изъ кедра, сосны, елей и нихты; рѣдко попадается лственница и тополь, и то въ южныхъ предѣлахъ; а грушевыхъ, яблочныхъ и другихъ плодовыхъ деревьевъ въ цѣлой Сибири вовсе нѣтъ; въ одномъ Иркутскѣ водятся свои яблоки, съ орѣхъ, да и тѣхъ вѣтъ нельзя. Земскій Судъ не въ состояніи выикнуть во всѣ тонкости и подробности заявокъ, поступающихъ часто цѣлыми сотнями, не можетъ, безъ всякаго основанія, сейчасъ же провозвести слѣдствіе — точно ли этотъ господинъ былъ самъ въ тайгѣ — онъ и принимаетъ его заявку къ слѣдствію. А लोकій проситель знойной толпой на Тербижекъ, чтобъ не попасться, если горное начальство, назначивъ отводъ этого принска на будущее дѣло, обнаружитъ незаконныя продѣлки открывателя и, безъ всякихъ разговоровъ и пощады, отдастъ его подъ уголовный судъ: вѣдь горный чиновникъ, человѣкъ высшаго образованія, не то, что земская власть: это какъ небо отъ земли! Избѣгая этой непріятности, промышленникъ забираетъ съ собой людей и частью въ *кошегахъ*, особеннаго устройства саняхъ, или *орденахъ*, салазкахъ, съ устроеннымъ на нихъ помѣщеніемъ для сидѣнья и поклажи изъ жердей, обтянутыхъ рогожами, а частію на лыжахъ, пробирается къ мѣсту своего открытія и кой-какъ улаживаетъ дѣло.

Заной же шурфовать легче: вода не долить.

Чины пускались на продѣлки еще чаще этого. Мы въ разсказывали тоже вотъ какой случай. Одна поисковая партія открыла удивительное богатство по одной рѣчкѣ. Обшурфовавъ мѣстность, главный прикащикъ написалъ заявку и отправилъ ее въ городъ съ служителемъ испытанной преданности, а самъ отправился въ дальнѣйшіе поиски. Служитель по дорогѣ въ тайгѣ встрѣтилъ другую, чужую партію искателей.

— А, часомъ братья, здорово!

— Здорово.

— Куда Богъ несетъ?

— Съ почтой ѣду!

— Ужасна, постой, отдохни съ нами, чайку выпей, обогрѣйся!

— Однако, вѣтъ, спѣшу въ городъ!

— Да почуй съ нами: вишь морочно, скоро вечеръ, а тамъ медвѣдь бродить... не обиходно (не чисто)!

Слово за слово, служитель соблазнился гостеприимнымъ кровомъ, сошелъ съ коня и остался съ партіей ночевать. Выпивъ лишній стаканъ вина, которымъ начальникъ партіи его поподчивалъ, преданный служитель расхвастался подвигами своихъ товарищей, проговорился объ открытіи и разсказалъ, что ѣдетъ съ заявкой. Ужь тутъ, конечно, его изъ рукъ не выпустили! Наполни до вѣльба, положили спать, обшарили всего, вынули заявку, перенесли ее по-своему, въ подпечатанный конвертъ положили чистый листъ бумаги и сейчасъ же послали на богатое открытіе своихъ людей обдѣлать дѣло, какъ слѣдуетъ, а одного изъ нихъ послали съ своей заявкой въ городъ. Преданный служитель на другой день опохмѣлился и, ошупавъ въ карманѣ конвертъ, прогулялъ цѣлый день у гостеприимныхъ хозяевъ, которые чистую бумагу опять замѣнили настоящею заявкой. На третій день, служитель поблагодарилъ за хлѣбъ за все и отправился далѣе. Черезъ нѣсколько дней, онъ пріѣхалъ въ городъ; но будъ не принявъ отъ него заявки, потому-что вакануѣ того дня довѣ-

ренный отъ другаго хозяина записалъ уже свою заявку объ этой же мѣстности...

Но, можетъ-быть, спросить: какъ же это того?.. Да такъ же; доброму вору все въ пору! Впрочемъ, этимъ известнымъ уже всѣмъ анекдотамъ я какъ-то не совѣмъ вѣрю.

Нынѣче, благодаря Бога, вслѣдствіе вновь-изданныхъ правилъ и строгихъ законовъ, все это давно и совершенно вывелось и за малѣйшее попятное посягательство на золотопромышленность и предается сужденію на основаніи Нового Уложения, изъ котораго трудно вывернуться.

П. Н.

РЕДУТЬ-КАЛЕ.

Редуть-Кале, небольшой городокъ, находится на восточномъ берегу Чернаго-Моря, подъ 42° 16' сѣверной широты и 59° 16' восточной долготы отъ Ферро. Онъ занимаетъ обѣ стороны рѣки Хопи, въ полуверстѣ отъ впаденія ея въ море, и составляетъ главную пристань для всѣхъ судовъ съ товарами, идущихъ изъ Средиземнаго, Чернаго и Азовскаго Морей, равно какъ и изъ самаго океана, въ закавказскія области Россійской-Имперіи.

Мѣсто, занимаемое нынѣ поселеніемъ Редуть-Кале, отнято, такъ-сказать, у болотъ и непроходимаго лѣса. Рынокъ и главное поселеніе находится на лѣвой сторонѣ рѣки Хопи и занимаетъ пространство не болѣе ста сажень въ ширину; на правой сторонѣ рѣки пространство населенія вдоволь меньше; далѣе, непроходимый лѣсъ и болота. Лѣсъ перелетены вьющимися и колючими растениями такъ плотно, что нѣтъ почти возможности сдѣлать одного шага впередъ, а

болота угрожают затянуть пѣшеходца въ свою выбучую пропасть.

Первые поселенцы Редута должны были сперва вырубить лѣсъ и выжечь его корни нѣсколько разъ, по причинѣ сильной растительности; потомъ выбкую и грязную почву укрѣпить толстымъ слоемъ насыпи изъ морскаго граца и булыжника съ пескомъ, и наконецъ уже начинать постройки. Вообще, весь здѣшній берегъ такъ ровокъ и плоскъ, что, идя къ морю, думаешь идти не внизъ, а вверхъ. Этого оптимистическiй обманъ еще болѣе усиливается отъ узкой и довольно-возвышенной полосы морскаго песка и мелкаго булыжника, которыми обыкновенно море ограждаетъ себя. По причинѣ низменности берега, при сильныхъ дождяхъ или при крѣпкомъ вѣтрѣ съ моря, рѣка Хопи, выливаясь изъ низкихъ береговъ своихъ, покрываетъ большую часть редутскаго населенiя, сливается съ болотами, и усиливаетъ сырость, а при стоиѣ въ свое русло, оставляетъ значительный слой ила. Волненiе моря также нерѣдко удѣляетъ часть своей горько-соленой воды, перебиваясь въ окружающiя болота.

Въ Редутъ-Кале нѣтъ гавани, а потому суда останавливаются на открытомъ рейдѣ, верстахъ въ пяти и далѣе отъ берега. Когда выйдешь на рейдъ и станешь разсматривать берегъ, то онъ, на протяженiи до 30-ти верстъ, представляется въ видѣ огромной скобы; съ одной стороны, Анаклiйскiй-Мысъ, а съ другой Потiйскiй, довольно-далеко вдаются въ море и составляютъ загибы этой скобы. Оба мыса поросли лѣсомъ, а прочее протяженiе берега покрыто только узкою полоскою деревьезъ и кустарника, но и то не вездѣ; далѣе, почти до самыхъ горъ, верстъ на 20 или 30 въ поперечникѣ, разстилается ровное пространство топкихъ болотъ, покрытыхъ зеленью осоки, камышей и другихъ подобныхъ растений. За болотами опять лѣсъ и горы. Противъ Хопiйскаго-Устья возвышается раздвоенная гряда горы Урты; она отстоитъ отъ моря верстъ на

двадцать-пять; за Уртою поднимаются въ туманѣ — прямо Имеретiйскiя-Горы, подъ разными названiями; справа Гурiйскiя, слѣва Сванетiйскiя; горы эти, сравнительно не слишкомъ-высокия, покрыты лѣсомъ, кустарникомъ и травомъ; за ними поднимаются справа сѣвнныя горы Ахалцыхскiя, отрасли Тавра; а слѣва тянется цѣпь Кавказа; сближаясь между собою въ Имеретiи, онѣ образуютъ огромную трапецию, основанiе которой составляетъ берегъ моря. Кавказъ тянется къ Керченскому-Проливу, а ахалцыхская отрасль Тавра подходит къ морю у Батула, и далѣе терется въ отдаленномъ туманѣ за Трапезунтомъ. Турецкая провинцiя Кабулетъ, и принадлежащiя намъ Гурiя, Мингрелiя и Абхазiя съ частiю Имеретiи занимаютъ все это пространство, ограниченное горами и берегомъ моря.

Еще во времена глубокой древности, черноморская торговля восточнаго берега привлекала на себя вниманiе народовъ. Не безъ основанiя многiе думаютъ, что золотое руно, за которымъ Язонъ столь долго странствовалъ по Понту Эвскинскому, есть не что иное, какъ богатства Закавказскаго-Края, которые, впрочемъ, и въ настоящее время представляютъ то же самое, что россыпи сибирскаго золота, съ тою только разницею, что къ воздѣлыванiю и развѣску здѣшнихъ богатствъ не достаетъ тѣхъ рукъ, которые трудятся въ горахъ и степяхъ сибирскихъ.

Два торговые пути пролегаютъ съ береговъ Чернаго-Моря въ сердце нашихъ закавказскихъ областей—городъ Тифлисъ: изъ Батула, чрезъ Ахалцыхъ (*), и изъ Редута, чрезъ Кутансъ. У Батула наилучшая гавань; но Батумъ не нашъ, хотя и лежитъ отъ на-

(* Не взирая, однакожь, на удобства порта батумскаго, Ахалцыхскiе купцы получаютъ товары — изъ опасенiя разбоить отъ Аджарцевъ — не чрезъ Батумъ, а чрезъ порты трапезондскiй и колкскiй, и города Артыкъ и Ардаганъ.

шей границы всего на двадцать верст; даже самое образование горъ, упирающихся здѣсь въ море, показываетъ естественную границу.

Послѣ Батума, лучшая и безопаснѣйшая пристань на этомъ берегу у Сухумъ-Кале. Но можетъ ли быть Сухумъ-Кале торговымъ мѣстомъ, по отдаленности его отъ прямой тифлисской дороги и другимъ обстоятельствамъ — это составляетъ вопросъ, который можетъ рѣшить только время. Болѣе ста верстъ, дорога отъ Сухума идетъ близь моря лѣсами и болотами; двѣ большія рѣки, Кодоръ и Ингуръ, пересекаютъ ее; а уже не говорю о множествѣ малыхъ рѣкъ, изрѣзывающихъ все это пространство. Чтобы воспользоваться прекрасными удобствами сухумскаго порта, необходимо устроить дорогу вовнутрь Имеретин и Грузин для товарныхъ каравановъ, а для этого нужно прежде всего устроить безопасныя переправы чрезъ Ингуръ и Кодору. На Ингурѣ, впрочемъ, имѣется мостъ, но его часто срываетъ; Кодора же, при низкихъ берегахъ, широкимъ руслѣ, частой переицѣ въ направленіи множества рукавовъ ея, довольно быстрыхъ и стремительныхъ, представляетъ много затрудненій къ устройству хорошей и безопасной переправы. Но преимущества порта сухумскаго покрываютъ всѣ эти неудобства. Намѣстникъ кавказскій, князь Воронцовъ, тотчасъ замѣтилъ всю будущую важность этого порта для Закавказскаго Края и однокъ изъ первыхъ мѣръ его по благоустройству этого края было — озаботиться дорогою изъ Сухума. Тотчасъ посланъ былъ туда одинъ изъ лучшихъ инженеровъ путей сообщенія для составленія проектовъ объ этомъ предметѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что при быстротѣ, съ которою творится все подъ благодѣтельнымъ, истинно-свѣтлымъ и просвѣщеннымъ управленіемъ князя-намѣстника, намъ не долго остается ожидать желаемого пути сообщенія. Послѣ того, безъ сомнѣнія, приступятъ и къ проведенію прямой дороги чрезъ

Цебельду, земли Карачаевцевъ и Хумару въ Кавказскую Область — и тогда Сухумъ-Кале сдѣлается сверхъ-того и пристанью для всей области и нашихъ богатыхъ ланейскихъ поселеній.

Генерал-адъютантъ баронъ Розенъ, въ бытность свою главноуправляющимъ Закавказскаго Края, предполагалъ устроить торговый городъ и складочное мѣсто въ Потн при устьѣ Ріона, древняго Фазиса. Уже положено и начало этому; но почему-то всѣ заведенія изъ Потн переведены по торговой части въ Редутъ-Кале, а по военной въ Озургеты. При первомъ бѣгломъ обзорѣніи и сравненіи Потн съ Редутомъ, это такъ должно быть, и Редутъ-Кале есть до-сихъ-поръ единственный пунктъ на здѣшнемъ берегу для торговыхъ сношеній Закавказскаго Края съ Европою и со всѣми черноморскими областями русскими и турецкими.

Рѣка Хопи при устьѣ своемъ гораздо-глубже Ріона; фарватеръ Хопи менше, чѣмъ ріонскій, забивается напоромъ морскаго волненія, такъ-что мелкія суда, каковы здѣшніе баркасы и турецкія кочеры, безъ всякаго препятствія съ полнымъ грузомъ входятъ въ хопійскую бухту; большія суда, не разгрузивъ, также вводятся въ Хопи на зимовку или для починковъ.

Но ни въ Редутѣ, ни въ Потн, въ настоящее время, нѣтъ безопасной стоянки для судовъ: рейды того и другаго мѣста открыты всѣмъ вѣтрамъ. Рѣдкій годъ проходитъ безъ того, чтобы не было выброшено на берегъ нѣсколько судовъ около Редутъ-Кале, Потн и Укрѣпленія св. Николая.

Что есть возможность устроить въ Редутъ-Кале безопасную гавань, того еще никто не отвергалъ, сколько ни бы случалось говорить объ этомъ, въ бытность мою въ Редутъ-Кале, со всѣми сѣдущимъ по этой части людьми. Не болѣе, какъ въ недувѣрствѣ отъ моря, съ лѣвой стороны, впадаетъ въ рѣку Хопи глубокая рѣчка Цива, которая значительно расширяетъ хопій-

скую бухту; глубина этой бухты не меньше десяти, а ширина до полутора-ста сажень. От слиянія Цивы съ Хопи, вверх по Хопи и вниз къ морю, глубина постепенно уменьшается; но и самый фарватеръ, по личному моему удостовѣренію, мельче не бываетъ отъ 20 до 7 футовъ. Въ хопійской бухтѣ и въ верху рѣки можно помѣстить сотни всякаго рода судовъ: берега Яопи весьма круты; оны, равно какъ и самое дно, состоятъ изъ твердаго глинистаго грунта; глубина Хопи выше слиянія ея съ Цивою, на протяженіи болѣе трехъ верстъ, отъ 9 до 3 сажень. И такъ-какъ устье Хопи, относительно бухты ея, очень-узко, то фарватеръ ея рѣже, нежели на Ріонѣ и Ингурѣ, перемѣняетъ свое мѣсто, такъ-что хотя навигація мелкихъ судовъ здѣсь производится круглый годъ, но лоцмановъ вовсе не зваютъ здѣшніе мореходы и въ нихъ никогда не нуждаются. Узость устья и малозвиѣчивое ложе фарватера, кажется, весьма было содѣйствовали устройству молы, при чемъ можно и необходимо было бы завести землечерпательную машину для углубленія и расчистки фарватера. Рѣчка Цива, при посредствѣ небольшого канала, соединяетъ Хопи съ Ріономъ. Это водяное сообщеніе устроено въ 1812 году; по немъ проведено въ то же время два довольно-значительныя судна съ грузомъ хлѣба для вспоможенія жителямъ Мингреліи и Имеретіи, во время тогдашняго голода; для ввода этихъ судовъ въ устье рѣки Хопи, вмѣсто настоящаго фарватера, устроенъ былъ искусственный каналъ; но онъ недолго держался, по недостатку укрѣпленія берега и по неочисткѣ дна: море забило его своими иесками, а рѣка открыла обыкновенный свой ходъ. Уже и въ настоящее время, изъ Редута поднимаются нѣкоторые товары, путешествующіе на здѣшнихъ камкахъ, или мингрельскихъ нави, вверхъ по Цивѣ въ Ріонъ, и потомъ вверхъ по Ріону до устья рѣки Ценицхали, равно какъ и отсюда внизъ, тѣмъ же путемъ, съ большимъ

удобствомъ. Здѣшніе камки, конечно, самыя углыя рѣчныя суда; Ріонъ, Цива и соединительный каналъ чрезвычайно засорены карчами (потоувши-ми деревьями и корьями); но этому весьма-удобно помочь: русло рѣкъ и канала можно очистить, а камки замѣнить даже рѣчными пароходами. — Этотъ водяной путь только на 40 верстъ не доходитъ до Кутанса.

Сухопутная дорога отъ Редута до Кутанса простирается на 107 верстъ, отъ Усть-Ценицхальскаго Поста гладка какъ столъ и почти-вездѣ составляетъ природное шоссе. Отъ Редуть-Кале до этого пункта сухопутная и прямая дорога идетъ низкими и болотистыми мѣстами; она была прежде въ довольно-хорошемъ состояніи; теперь эта дорога приводится въ лучшее положеніе и предполагается по ней даже настоящее шоссе. — Если усиливающаяся со-дня-на-день торговля при редут-калескомъ портѣ разовьется во всей своей обширности, то, безъ-сомнѣнія, явятся и здѣсь капиталисты и найдутъ средства провести въ море молу, углубить и прочистить хопійскій фарватеръ. Въ такомъ случаѣ, сана-собою устроится на Хопи безопасная гавань, а въ Редуть-Кале складочное мѣсто для торговли Закавказскаго-Края. Климатъ въ Редуть-Кале по всеобщему отзыву и собственному моему опыту въ-теченіе цѣлаго года, гораздо-лучше потійскаго и сухум-калескаго. Быть-можетъ, это происходитъ отъ-того, что въ Редуть-Кале ничто не преграждаетъ теченія морскихъ вѣтровъ, тогда-какъ въ Поті этому препятствуютъ ріонскіе острова, поросшіе лѣсомъ и находящіеся при самомъ устьѣ его, а въ Сухумъ-Кале окружающія горы.

Что Редуть-Кале есть хорошая торговая пристань для Закавказскаго-Края, это доказываетъ постепенное развитіе его торговли, при всѣхъ препятствіяхъ, представляемыхъ мѣстностью и неустройствомъ. Старина Редуть-Кале не глубока: почти однимъ взглядомъ обоймешь весь историческій бытъ его.

Классическая древность на Иагурѣ звучитъ въ имени бѣдой деревушки Алакли, на Рионѣ въ имени овера Палеостова (правильнѣе *Палеонъ-стома*, старое устье [*]). Полуисторія и полу-басня объ аргонавтахъ всѣмъ извѣстны. На рѣкѣ Хопи только названіе мѣстныхъ лодокъ, илцъ канковъ, — *насм* отъзывается тоже древнимъ эллинизмомъ. Быть-можетъ, *насмъ арис* — корабль аргонавтовъ, зайдя въ Рионъ, оставилъ туземцамъ слово *насм*. При слияніи рѣчки Цивы съ Хопи, пріиѣтны основанія двухъ каменныхъ стѣнъ, изъ которыхъ одна омывается Цивой, а другая Хопи. Эти стѣны были сложены внутри изъ булыжника и кирпича, и облицованы кирпичомъ, на весьма-прочномъ цементѣ. Никто не могъ объяснить мнѣ, что напоминаютъ эти остатки. Одни говорятъ, что тутъ была когда-то крѣпость, а другіе, что это была церковь; но кто и когда строилъ ихъ — Богъ-знаетъ.

До занятія Русскими этого берега, т. е. до начала XIX столѣтія, берега Хопи, Цивы и самаго взморья были покрыты дремучимъ и непроходимымъ лѣсомъ, и столько же дики, какъ мѣста новооткрытыхъ необитаемыхъ странъ. На развалинахъ описанныхъ древнихъ стѣнъ и теперь очень-замѣтна значительная насыпь, или возвышеніе. На этомъ возвышеніи минагрельскій князь Джелишъ устроилъ деревянную башню *Кулеси* и содержалъ въ ней караулъ, для наблюденія за берегомъ моря и приходящими случайно турецкими судами. Но эта башня была *вовсе-незамѣтна* съ берега моря за лѣсомъ; къ ней и отъ ней съ моремъ и ближайшею деревнею Хорги сообщеніе производилось посредствомъ канковъ; берега же Хопи такъ же были

непроходимы отъ чащи лѣса и болотъ, какъ нынѣ берега Цивы; огромныя деревья съ обонихъ береговъ перешлетались дѣтьями своими и вьющимися растеніями и надъ тихими водами Хопи и Цивы составляли зеленые своды.

Въ 1804 году, главнокомандующій на Кавказѣ, генералъ отъ инфантеріи князь Цициановъ, по предварительномъ сношеніи съ владѣтелемъ Минагрели, княземъ Дадіаномъ, о занятіи вѣдшнаго берега, отправилъ изъ Тифлиса, подъ начальствомъ штаб-офицера, отрядъ казаковъ, для указанія шедшимъ изъ Севастополя нашимъ кораблямъ извѣстныхъ пунктовъ восточнаго черноморскаго берега. Казаки, прибывъ къ устью Хопи, устроили каланчу и выставили на ней флагъ. Крейсировавшіе у берега корабли высадили на берегъ отрядъ войска, назначенный для занятія этого пункта.

Вышедшее на берегъ войско, по обнаруженіи мѣстности, немедленно заложило редутъ на лѣвомъ берегу Хопи, при самомъ впаденіи ея въ море, гдѣ нынѣ находится карантинъ. Этотъ редутъ и старая джелювская башня — *куле*, или *кале*, дали названіе нынѣшнему городу—Редутъ-Кале.

Высадившееся здѣсь войско не было главнымъ отрядомъ, а только частью его; штаб-квартира же главнаго отряда была расположена въ крѣпости Поти. Значитъ, что сначала Редутъ-Кале былъ не что иное, какъ военный притинъ. Солдаты начали мало-по-малу вырубать лѣсъ около укрѣпленія или редута; всѣ припасы оставленному въ редутѣ войску доставлялись изъ Севастополя на корабляхъ; туземцы на малыхъ своихъ канкахъ, съ бѣдными сельскими произведеніями, очень-рѣдко появлялись изъ лѣсовъ, гдѣ они и теперь живутъ развѣянно въ бѣдныхъ хижинахъ. Въ такомъ положеніи этотъ пунктъ находился до сдачи Туркамъ крѣпости Поти, т. е. до 1812 года.

По сдачѣ Поти Туркамъ, штаб-квартира бывшихъ тамъ войскъ переведена въ Редутъ-Кале; за нею пересели-

[*] По всей вѣроятности, море и Рионъ сливались съ этимъ озеромъ. При разговорѣ объ этомъ, наследникъ и правитель Минагрели сказывалъ мнѣ, что есть преданіе и даже историческое указаніе у Страбона, что въ этомъ озерѣ когда-то змеялась римскій флотъ.

лись изъ Поти сюда нѣкоторые торговцы изъ Грековъ; но весь торгъ ихъ состоялъ въ доставленіи изъ русскихъ черноморскихъ и азовскихъ портовъ муки, соли и другихъ съѣстныхъ припасовъ и нитей для войска. Торговцы эти поселились противъ редута на правомъ берегу рѣки Хопи. Но скоро мѣстное начальство нашло поселеніе это въ опасности отъ нападений Абхазцевъ и перевело его на лѣвый берегъ къ редуту. Здѣсь поселеніе оказалось уже само опаснымъ для крѣпости; поэтому, всѣ частные дома переселены вверхъ по тому же берегу, за рѣку Циву: наконецъ, и на Цивѣ поселеніе найдено почему-то неудобнымъ и переведено на теперешнее мѣсто. Переселенія эти сдѣлались весьма полезными для очищенія и укрѣпленія лѣсистыхъ и болотистыхъ береговъ рѣки Хопи.

Новое занятіе нами Поти, въ 1829 году, весьма-много препятствовало устройству Редуть-Кале, особенно, когда, какъ замѣчено выше, баронъ Розенъ хотѣлъ сосредоточить въ Поти всю закавказскую торговлю. Большая часть редутскихъ торговцевъ, занявъ въ Поти мѣста, начали преимущественно ихъ обстраивать, а заведенія въ Редуть или вовсе оставили, или не обращали на нихъ должнаго вниманія. Пожаръ, случившійся въ 1840 году, истребивъ большую и наилучшую часть редутскихъ домовъ и лавокъ, тоже не мало воспрепятствовало дальнѣйшему ходу устройства и усиленію юнаго русскаго города.

Редуть-Кале въ началѣ называемъ былъ крѣпостью, или укрѣпленіемъ, и управлялся комендантами. Особенную память стяжалъ изъ комендантовъ капитанъ, а въ послѣдствіи майоръ и, кажется, подполковникъ, Левашевъ. Въ 1840 году, при преобразованіи гражданскаго управленія въ Закавказскомъ-Краѣ, Редуть-Кале названъ городомъ: крѣпость упразднена; управленіе поручено городничему. Но городскихъ доходовъ оказалось недостаточно на содержаніе

всего городского штата, и потому въ 1842 году установлено въ Редуть-Кале военно-гражданское управленіе, и командиръ расположенной въ Редуть-Кале одной изъ ротъ линейнаго черноморскаго № 12-го батальона наименованъ военскимъ начальникомъ города.

Первое движеніе торговли въ Редуть-Кале начинается съ 1812 года, т. е. со времени переселенія изъ Поти греческихъ торговцевъ.

Весьма-любопытно прослѣдить, отъ возникновенія до настоящаго усиленія, редутскую торговую дѣятельность, а съ нею вмѣстѣ и успѣхи гражданственности. Въ Редуть-Кале водворили торговлю тагаврогскіе Греки; но изъ нихъ собственно никто не переселялся сюда, а каждый велъ торговлю посредствомъ своихъ прикащиковъ изъ новыхъ греческихъ переселенцевъ. Николай Метакса, съ острова Кефалоніи, изъ селенія Метаксы, былъ первымъ гражданиномъ Редуть-Кале. Онъ и теперь живетъ здѣсь, и преимущественно называется капитаномъ—*капитанъ Николи*, но не въ прежнемъ быту своемъ: море поглотило его корабли и капиталъ, вѣрители разобрали остатки. Впрочемъ, онъ, потому ли, что уже привыкъ къ редут-калескимъ болотамъ, или по другимъ причинамъ, не хочетъ разстаться съ мѣстомъ, гдѣ сдѣлалъ первымъ гражданиномъ; будучи лѣтъ 70, онъ недавно женился на молодой вдовѣ изъ Мингрелекъ и живетъ, какъ слѣдуетъ практическому философу. За этимъ патриархомъ Редута изъ того же мѣста прибыло сюда множество другихъ его родственниковъ и земляковъ съ тою же фамиліею—*Метакса* и съ тѣми же видами на торговую промышленность. Нѣкоторые изъ нихъ, составивъ порядочные капиталы, возвратились на свою родину, или выѣхали въ другія мѣста, а иные и теперь дѣйствуютъ или на здѣшнихъ судахъ, или въ здѣшнихъ магазинахъ. Другой редутскій старожилъ, Стоматій Ковдаури, съ острова Андросъ, также уже сошелъ съ поприща торговой дѣ-

тельности и живеть въ скромномъ семейномъ быту, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ. Сверстники ихъ: Илья Вальвано, Яни Ангелопуло, Яни Аперчедуло, Антоній Сигаило, Антоній Самуркаси, изъ разныхъ мѣстъ Малой-Азіи и острововъ Архипелага, Ованегъ Комаровъ, изъ Артина, покоятся въ сырой землѣ. Всѣ эти лица долго промыслили въ Редуть-Кале, каждый по своимъ способамъ, ограничиваясь сношеніями съ Керчью, Евпаторією, Таганрогомъ и Ростовомъ-на-Дону.

До 1817 года, о заграничной торговлѣ чрезъ Редуть и мысли не было никакой; только нѣкоторые Армяне, имѣвшіе связь съ Константинополемъ, привозили иногда разными путями въ Тифлисъ ромъ и продавали его дорогою цѣною, какъ рѣдкость, — за бутылку брали по червонцу. Въ 1817 году, Стоматій Кондаури привезъ въ Тифлисъ, по чьей-то довѣренности, значительную партію рома. Тифлисскіе граждане, узнавъ, что онъ изъ Редута, бывалъ за границею и понимаетъ морскую торговлю, любопытствовали у него о пути въ Константинополь и о торговлѣ съ нимъ; Кондауровъ, или Кондаури, рассказывалъ имъ, что зналъ о заграничной торговлѣ, рисовалъ мѣломъ на стѣнахъ караван-сарая корабли и другія морскія суда. Между-тѣмъ, правительство, предупреждая частныя желанія и заботясь объ оживленіи торговой промышленности въ Закавказскомъ-Краѣ, испросило, въ видъ опыта на 10 лѣтъ, право облегчительной торговли. Въ 1821 году былъ обнародованъ указъ о дарованіи Закавказскому-Краю облегчительной торговли и объ открытіи редут-калескаго порта для всѣхъ иностранныхъ купеческихъ кораблей; со всѣхъ товаровъ, привозимыхъ моремъ (араванъ съ азіатскими сухопутно-привозимыми товарами) положено было взвѣскивать одну пяти-процентную пошлину съ цѣны товара. Граждане Тифлиса не вдругъ поняли выгоды европейской морской торговли; нѣкоторые изъ нихъ пустились болѣе на уда-

чу, нежели по вѣрнымъ расчетамъ, сухопутно чрезъ Одессу, Броды и Лембергъ въ Лейпцигъ на ярмарку. Изъ этихъ первыхъ дѣателей были граждане: Харавовы, Лорисъ-Меликовы, Абессаломовъ, Хивановъ, Саркисовы и другіе. Получивъ значительныя выгоды отъ европейскихъ товаровъ, не смотря на дороговизну сухопутнаго провоза, Тифлиscopy узнали и сообразили, что гораздо-выгоднѣе изъ самаго Лейпцига везти товары чрезъ Триестъ и моремъ къ редут-калескому порту. Это движеніе началось не раньше 1822 года. Ему болѣе всего, кажется, способствовало прибытіе на редут-калескій рейдъ иностранцевъ съ европейскими товарами; въ числѣ этихъ иностранцевъ были: Французъ Кастелла и Англичанинъ Мааръ. Но они, кажется, не сдѣлали себѣ большой выгоды этою спекуляціею; крайней-мѣрѣ, они указали дорогу тифлискимъ торговцамъ чрезъ Редуть-Кале въ Европу. Такое направленіе закавказской торговли много придало жизни собственно и городу Редуть-Кале.

Въ то же время, т. е. въ 1822 году, присланы были отъ главноуправлявшаго въ Грузіи какія-то бумаги къ редут-калескому коменданту, для доставленія ихъ къ нашему консулу въ Трапезонтъ съ благонадежнымъ человекомъ, знающимъ турецкій языкъ. Выборъ коменданта палъ на Стоматія Кондаури, который, и по своимъ соображеніямъ и по совѣту коменданта, предполагалъ, при посредствѣ консула, закупить въ Турціи разные товары и привезти въ Редуть-Кале. Къ несчастію, консулъ умеръ наканунѣ пріѣзда въ Трапезонтъ Кондаури; проживъ тамъ цѣлый мѣсяцъ и не имѣя ни денегъ, ни большаго кредита, Кондаури, вмѣсто цѣнныхъ предметовъ, радъ былъ взять нѣсколько разной балии; эти товары, по привозѣ ихъ въ Редуть, были разобраны наподхватъ квартировавшими тамъ войсками, съ большою выгодною для хозяина: этотъ опытъ побудилъ редут-калескихъ жи-

телей въ заграничной торговлѣ съ Турціею мелочными товарами. Проживавшій долгое время въ Редуть-Кале Аенасій Метакса, составивъ себѣ разными торговыми оборотами довольно-значительный для того края капиталъ, былъ для Редуткалесцевъ банкиромъ.

Такимъ-то образомъ чрезъ Редуть-Кале и въ немъ самую торговлю, начавъ съ 1812 года свое движеніе, мало-по-малу усиливалась въ-теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ; но въ первое десятилѣтіе ограничивалась удовлетвореніемъ мѣстныхъ потребностей того пункта и его окрестностей, едва выступая за предѣлы Чернаго-Моря. Во второе десятилѣтіе началась, въ-слѣдствіе облегчительной за Кавказомъ торговой системы, транзитная торговля чрезъ Редуть — въ Тифлисъ и въ самую Персію. Но въ послѣднее десятилѣтіе, транзитная торговля въ Персію вовсе прекратилась въ-слѣдствіе введенія за Кавказомъ общаго въ Россіи тарифа на европейскія надѣлія; вмѣстѣ съ тѣмъ, промышленность внутренняя усилилась. Очевидно, что если бы льготная торговля для Закавказскаго-Края и транзитная съ Персіею не прекратилась, Редуть-Кале въ это время весьма бы много выиграла.

Вовсе время существованія облегчительной и транзитной торговли европейскими товарами, главный сборъ пятипроцентной пошлины былъ производимъ во временномъ имеретинскомъ правленіи, которое существовало въ г. Кутамсѣ; въ Редуть-Кале же дозволено было възвѣшивать коменданту пошлину только съ тѣхъ товаровъ, которые назначались собственно для Редуть-Кале и окрестныхъ мѣстъ.

Въ 1831 году, кончился срокъ облегчительной торговли европейскими товарами для Закавказскаго-Края, и введена для этихъ товаровъ охранительная система общаго тарифа, существующаго въ цѣлой Имперіи, съ нѣкоторыми, впрочемъ, облегчительными исключеніями для Закавказья; учрежденъ особый закавказскій таможен-

ный округъ, а въ Редуть-Кале открыта декларационная таможня, которая очищала пошлинною только нѣкоторые сорта товаровъ, а прочіе отпирала на складку въ Тифлисъ. Въ 1835 году, предоставлено редут-калеской таможнѣ не только право очистки всѣхъ дозволенныхъ къ привозу моремъ и сухопутно европейскихъ и азіатскихъ товаровъ, но и право пятимѣсячной складки. Тифлисскіе граждане, ознакомившись съ Константинополемъ и вообще съ Европою, особенно во время второй половины десятилѣтія облегчительной торговли, нашли выгоднымъ для себя продолжать, и даже распространять торговые обороты свои съ европейскими портами и другими торговыми городами даже во время настоящей охранительной системы. Нынѣ съ провозимыхъ чрезъ Редуть-Кале товаровъ пошлины и другихъ казенныхъ сборовъ поступаетъ свыше ста тысячъ рублей серебромъ. Главныя статьи привозныхъ товаровъ составляютъ: напитки, сахаръ, красильныя вещества и мануфактурныя, шерстяныя и шелковыя произведенія. Главныя статьи вывоза составляютъ: шелкъ-сырецъ, буйволовыя сырыя кожи, лѣсъ дубовый, орѣховый и такъ-называемый пальмовый, медъ, воскъ, кубинскіе ковры и шемахинскія шелковыя матеріи.

Въ настоящее время, все народонаселеніе города Редуть-Кале, кромѣ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, простирается до 600 душъ обоюго пола; домовъ, лавокъ и магазиновъ до 150; городскихъ доходовъ до 1700 рублей серебромъ; годовою оборотъ торговыхъ капиталовъ составляетъ свыше ста-пятидесяти тысячъ рублей серебромъ. Само-собою разумется, что здѣсь говорится о мѣстномъ оборотѣ торговыхъ капиталовъ Тифлиса и другихъ мѣстъ Закавказскаго-Края. Главная мѣстная и морская торговля Редуть-Кале въ рукахъ Грековъ, не смотря на то, что Мингрельцы и Имеретинцы составляютъ большую половину населенія: послѣдніе занимаютъ

ся малочию торговлею, закупая всѣ свои товары или съ судовъ, или изъ магазиновъ греческихъ. Русскаго торгующаго сословія единственный представитель въ городѣ Редутъ-Кале есть отставной солдатъ, нѣкто Кубикъ. Изъ теперешнихъ торговыхъ дѣятелей на редут-калескомъ рынкѣ главные суть: Н. Хіоняки съ братомъ, Н. Мазани, Н. Метакосъ, Д. Панандопуло Чинаровъ, Басаяновъ, Бузо-Оглы, Карагювъ Оглы, Мелькововъ, Учардіа-Агани, Каргачъ и Панандопуло. Собственно редут-калескую торговлю составляютъ сибирское желѣзо, донская и керчинская рыба, шерсть крымская и соль, заграничные наптки и сахаръ; въ маломъ количествѣ мануфактурныя русскія и закавказскія произведенія; изъ Россіи, сверхъ означенныхъ статей, привозятся: мука, капуста, картофель; съ греческихъ острововъ и изъ Турціи разнаго рода фрукты.

Всѣ постройки въ Редутъ-Кале производятся изъ пиленаго, а большею частію изъ тесанаго лѣса, т. е. изъ досокъ толщиною отъ 1 до 2 вершковъ, безъ всякой конопатки въ пазахъ, или спалей; а какъ при непрерывныхъ перемѣнахъ погоды, даже и сухой лѣсъ даетъ большія трещины, то бумажные обои составляютъ единственную защиту стѣною отъ рѣзкихъ ненастныхъ морскихъ вѣтровъ въ большей части редутскихъ домовъ; только въ нѣкоторыхъ изъ нихъ русскими чиновниками введена и вводится штукатурка; полы и потолки вездѣ ординарны, крыша изъ лубовой драни. Отъ частыхъ дождей и копоты крыши и другія наружныя части домовъ скоро принимаютъ самый темно-сѣрый и даже черный цвѣтъ, что производитъ довольно-неприятное впечатлѣніе въ первый разъ на зрителя. Копоть происходитъ отъ очаговъ, которые состоятъ изъ простой земляной площадки, гдѣ разводится огонь; не только трубъ не дѣлается надъ этими площадками, но даже и простыхъ отверстій въ потолкахъ и крышѣ не вездѣ найдешь: дыму предоставляется въ такомъ случаѣ вы-

ходить или чрезъ дверь, или чрезъ трещины. Въ лучшихъ домахъ есть камины, а въ нѣкоторыхъ даже печи; въ послѣднее время, стали привозить изъ Таганрога и Ростова желѣзныя и чугуныя печи.

Зима въ Редутъ-Кале не длинна и не слишкомъ холодна, но, при дурномъ устройствѣ домовъ, слишкомъ-безпокойна; да и во всѣ прочія времена года сырость воздуха весьма-чувствительна. Обыкновенно съ послѣдней половины ноября выпадаютъ по-временамъ сильныя съ градомъ и снѣгомъ дожди, а иногда и однихъ снѣгъ; свирѣпствуютъ сѣверо-западные вѣтры и доводятъ холодъ иногда до пяти и болѣе градусовъ по Реомюру. Это продолжается большею частію до половины января. Случается, что и въ декабрѣ бываютъ очень-теплые и ясные дни, когда зыбь моря чуть колыхнется. Но послѣдняя половина января и весь февраль мѣсяць почти-всегда бываютъ ясны, теплы и хороши. Послѣ мартовскаго равноденствія, сопровождается обыкновенно вѣтрами, начинается навигація большими судами и продолжается обыкновенно до послѣдней половины ноября. Вообще, климатъ въ Редутѣ непостояненъ: вѣтры, дожди и сырость составляютъ обыкновенную погоду, роса никогда не пересыхаетъ и въ самые знойные дни; жары начинаются въ послѣдней половинѣ іюня и продолжаются до половины августа; зной доходитъ до тридцати градусовъ по Реомюру; впрочемъ, онъ охлаждается постоянно морскими вѣтрами, которые дуютъ съ десяти часовъ утра до шести часовъ вечера, когда начинаютъ дуть вѣтры береговые. Самый вредный вѣтеръ на вѣдшемъ берегу лѣтомъ бываетъ береговой восточный; онъ дуетъ съ силою урагана, усиливаетъ зной, наноситъ тоску, удушье, расслабленіе и болѣзни, и довольно-похожъ на періодическіе вѣтры знойныхъ странъ.

Будь въ Редутъ-Кале хорошая гавань, большіе корабли, подобно малымъ судамъ, не прерывали бы своего

плавания круглый годъ. Въ лѣтніе мѣсяцы, июль и августъ, бываетъ самое лучшее время плавания; но мореходы, боясь здѣшнихъ лихорадокъ и горячекъ, въ эти мѣсяцы очень-рѣдко посѣщаютъ здѣшній берегъ.

Изъ общественныхъ зданій въ Редуть-Кале первое—православная церковь, которая, впрочемъ, по наружности отличается отъ окружающихъ ее зданій однимъ небольшимъ крестомъ и колокольнею, устроенною при ней на четырехъ высокихъ столбахъ,—Богослужение совершается на греческомъ и грузинскомъ языкахъ двумя священниками изъ Грековъ и Мингрельцевъ. Надобно замѣтить, что хотя мингрельское и гурійское нарѣчія довольно-отличны отъ грузинскаго, но все богослуженіе въ Мингреліи и Гуріи совершается на грузинскомъ языкѣ. Потребность въ религиозномъ утѣшеніи соединяють въ православной церкви христіанъ всѣхъ исповѣданій. Иконостасъ въ церкви хорошей живописи; причаща мѣсту подпись съ верху всего иконостаса большими золотыми буквами: «Разумѣйте, языцы, и покоряйтесь, яко съ нами Богъ!» Церковныя одежды и прочая утварь скудны; освѣщеніе великолѣпное посредствомъ трехъ богатыхъ люстръ, изъ которыхъ одна серебряная, а двѣ хрустальные. Чтеніе греческое пріятно и благозвучно; но къ пѣнію слухъ нашъ не привыкъ, кромѣ нѣкоторыхъ исключеній: когда собираются зимою молодые моряки и поютъ совершенно-новымъ напѣвомъ.

Второе, лучшее во всемъ городѣ зданіе есть выстроенный въ послѣднее время заботами почтеннаго генерала, начальника IV-го отдѣленія черноморской береговой линіи, экономическими средствами, гостинный домъ для пріѣзжающихъ, затруднявшихся въ отъисканіи перваго пріюта, и который долѣе-поръ обыкновенно давалъ имъ и даже въ случаѣ нужды и теперь даетъ изъ доброй воли и радушія, бесплатно, одинъ изъ почетныхъ гражданъ юнаго города Н. М. Хюпаки. По изоби-

лію въ здѣшнихъ лѣсахъ орѣховаго дерева, гостинный домъ выстроенъ изъ толстыхъ орѣховыхъ досокъ.

Для развлеченія, обыкновенно собираютъ въ трактиръ играть на бильярдѣ, въ карты и пить кофе, который пьютъ также еще и въ другой кофейнѣ. Трактиръ и кофейня жалкія заведенія; но, за недостаткомъ лучшихъ, всѣ идутъ и сюда. Для матросовъ же, конечно, эти заведенія вполне удобны.

За тѣмъ общественная дѣятельность сосредоточивается въ карантинѣ, въ таможи и канцеляріи воинскаго начальника.

Карантинъ устроенъ на мѣстѣ упраздненнаго редута, или укрѣпленія, при самомъ впаденіи рѣки Хопи въ море, на лѣвомъ берегу ея. Онъ состоитъ изъ четырехъ отдѣленій: первое, для помѣщенія чиновниковъ, служителей и канцеляріи; второе, для товаровъ, подлежащихъ карантинной очисткѣ; третье, для пассажировъ, выдерживающихъ observationalный карантинъ; четвертое, чумное отдѣленіе. Всѣ зданія довольно-изрядной, хотя не совсѣмъ-хорошей постройки; всѣ деревянные изъ хорошаго лѣса и устроены на деревянныхъ стульяхъ. Зданія эти воздвигнуты были сперва у устья Ріона, напротивъ крѣпости Поти, когда баронъ Розенъ предполагалъ перенести туда торговую дѣятельность. Съ измѣненіемъ этого предположенія, зданія эти перенесены были въ Редуть.

Карантинное управленіе состоитъ изъ комиссара и прикомандированнаго медика, который, собственно, состоитъ при здѣшнемъ лазаретѣ; при нихъ полагается переводчикъ, писецъ, и нѣсколько служителей, или такъ-называемыхъ гвардіоновъ. Противъ карантинна, на правомъ берегу Хопи, у самаго моря, возводятся новыя зданія для таможи и вчернѣ уже отстроены эти зданія скоро будутъ окончены. Теперь же таможня помѣщается въ старомъ домѣ среди города, выше рынка. На берегу моря устроенъ объѣздничій постъ подъ управленіемъ постоваго надзирателя, въ непосредственномъ

вѣдѣніи котораго состоитъ вся дистанція морскаго берега отъ Анаклии до Укрѣпленія св. Николая, на протяжении болѣе 50 верстъ съ 5-ю постами и 13-ю объѣздчиками.

Воинскій начальникъ съ своею канцеляріею помѣщается вблизи настоящей таможи въ казенномъ домѣ, недавно-отстроенномъ съ лучшими удобствами. При немъ по гражданско-полицейскому управленію состоитъ два или одинъ депутатъ отъ городского общества, унтер-офицеръ въ видѣ полицейскаго комиссара и канцелярія. По военной части, подъ командою воинскаго начальника состоитъ два офицера и одна рота, которая помѣщается въ особыхъ казармахъ, на правомъ берегу, противъ дома своего начальника. Казармы устроены изъ турлука, оштукатурены, выбѣлены и представляютъ удобное, хотя и не совсѣмъ-прочное помѣщеніе. Выше казармъ тянется нѣсколько домиковъ жематыхъ солдатъ, чѣмъ и оканчивается поселеніе. — На лѣвой сторонѣ, выше дома воинскаго начальника, довольно-видное зданіе заключаетъ въ себѣ ротный лазаретъ на 30 или 40 кроватей; онъ состоитъ въ непосредственномъ вѣдѣніи медика, при которомъ находится нѣсколько фельдшеровъ и служителей; за тѣмъ нѣсколько матросскихъ домиковъ оканчиваютъ поселеніе и съ этой стороны.

Для успѣшнѣйшихъ письменныхъ сношеній, или такъ-называемой корреспонденціи, въ Редуть-Кале имѣется почтовая въ маломъ видѣ контора; возку почтъ провозводятъ здѣсь казаки; они же наблюдаютъ и пограничную или кордонную линію; для этого устроенъ особый казачій постъ, близъ новыхъ таможенныхъ зданій; онъ состоитъ подъ командою особаго офицера, изъ 20-ти человекъ рядовыхъ съ урядникомъ.

Для продовольствія военныхъ чиновъ устроенъ здѣсь провіантскій магазинъ, а для продовольствія всего края солью, учрежденъ соляной магазинъ, подъ управленіемъ пристава.

Для транспортировки военныхъ орудій и снарядовъ, находится въ Редуть-Кале нѣсколько складочныхъ артиллерійскихъ магазиновъ.

Морской берегъ охраняется отъ контрабандистовъ и непріятелей крейсеровъ двухъ военныхъ галокъ или баркасовъ: для этого въ Редуть-Кале имѣется особая команда авосскихъ казаковъ, состоящая изъ 40 человекъ съ нѣсколькими урядниками, подъ начальствомъ казачьяго офицера.

Растительность въ Редуть-Кале сильная, по причинѣ влажной почвы и теплой температуры; но здѣсь растутъ деревья и травы только тѣ, которыя могутъ расти на болотистыхъ и низкихъ мѣстахъ. Изъ деревьевъ растутъ: букъ, грабъ, дубъ, чинаръ, малорослая пальма; тополь, ольха, плачущая ракита; изъ фруктовыхъ: виноградныя лозы, яблонь, груша; каштановыя и орѣховыя деревья доставляютъ и плоды и строительные матеріалы; фиги, вишни, миндаль, абрикосы и персики; но фрукты вообще грубы и невкусны. Черешневые и гранатовыя деревья растутъ въ дикомъ состояніи, равно кизиль, тернъ, тутовое дерево и множество кустарниковъ, вьющихся и колючихъ растений, и особенно много хмѣля. Изъ Трапезонта и греческихъ остроговъ привозятъ сюда лимонныя и апельсиновые деревья; но они скоро портятся и пропадаютъ. На южномъ скатѣ горы Урты растутъ оливковыя деревья; но они не туземныя, а посажены греческими поселенцами въ незапамятныя времена. Изъ овощей картофель и капуста здѣсь совсѣмъ не родятся; садовые цвѣты разводятся съ успѣхомъ. Въ полуверстѣ отъ оконечности редутскаго поселенія разведенъ довольно-большой садъ на казенной землѣ, стараніемъ и трудами прапорщика Хюнаки, по настоянію его сіятельства намѣстника кавказскаго, когда онъ, еще въ 1836 году, изъ Одессы, какъ частный путешественникъ, обозрѣвалъ здѣшнія мѣста, и раздалъ желающимъ отводки разныхъ европейскихъ виноградныхъ лозъ да-

и лучшихъ породъ, сѣмена разныхъ красильныхъ и другихъ цѣнныхъ и тропическихъ растений; но сѣмена тропическихъ растений всѣ пропали; самыя инородныя виноградныя лозы растутъ неуспѣшно. Быть-можетъ, не достаетъ надлежащаго присмотра и умѣнья со стороны садовниковъ; при всемъ томъ, однакожъ, туземный виноградъ растетъ хорошо. Главное препятствіе къ успѣшному разведенію въ Редуть-Кале нѣжныхъ породъ растительнаго царства составляютъ: сырость, переменчивость климата и, особенно, внезапные холода и морозы въ весеніе мѣсяцы, въ мартъ и апрѣль, а иногда и въ маѣ. При всемъ томъ редутъ-кадескій садъ и въ настоящемъ положеніи представляетъ лучшее мѣсто для прогулокъ. Онъ расположенъ по изгибистому берегу рѣки Хопи, на правой сторонѣ ея; большая половина представляетъ прекрасный лугъ; потомъ тянется длинная аллея изъ вишневыхъ и фиговыхъ деревьевъ; далѣе начинается виноградникъ и опять оканчивается лугомъ; съ одной стороны рѣка, а съ другой непроходимый лѣсъ.

Жизнь въ Редуть-Кале, при настоящемъ его положеніи, по многимъ неудобствамъ и лишеніямъ, вообще скучна; чиновники большею частію люди молодые и холосты; семейственность Грековъ хотя не совсѣмъ представляетъ азіатское затворничество женщинъ и отдѣльности половъ, но не имѣетъ и совершенной свободы европейской. Проходя единственную улицу, вѣрѣдка увидишь выглядывающее изъ-за дверей женское лицо. Если пригласятъ тебя куда-нибудь на обѣдъ, то и здѣсь будешь въ кругу однихъ мужчинъ; недостатокъ свободной бесѣды, за разностию языковъ, еще болѣе усиливаетъ однообразіе и скуку.

Но Греки и въ Редуть-Кале напоминаютъ своихъ предковъ: тѣ же интриги небольшого общества, та же вѣтренность и легкость въ характерахъ. Отъ частыхъ сплетней вдругъ возник-

аютъ равныя исторіи: всѣ принимаютъ живое участіе; все общество дѣлится на партіи; спорятъ, ораторствуютъ по магазинамъ и наконецъ дѣла переносятъ на судъ начальства.

Великолѣпная картина представляется здѣсь во всякое время очамъ наблюдателя; одного только не достаетъ, имено, человѣка со всѣми успѣхами новѣйшей гражданственности! Качался въ легкой лодкѣ, на лонѣ тихой бездны моря, подъ яснымъ голубымъ небомъ, при аркомъ свѣтѣ солнца, чего не обвиняешь здѣсь однимъ взглядомъ? Невидимыя цѣпи горъ, покрытыя вѣчною бѣлизною снѣговъ, тонуть въ нѣжной лазури неба; дремучіе лѣса, обширныя равнины, одѣтыя яркою зеленью, глѣбютъ въ тонкихъ разливахъ знойнаго воздуха; зыбь моря сливается съ низменнымъ берегомъ; равномерный шелестъ тихаго прибоя пріятно отдается въ уши; бѣлые паруса легкихъ судовъ развѣваются тамъ-и-сямъ, по волѣ прохладящаго вѣтра; а тамъ, на краю горизонта, дымится и глухо шумитъ чудо-богатырь новѣйшаго кораблестроенія, плавно несаясь противу вѣтра, глубоко взрывающаю зеркальную поверхность моря. Ежемѣсячное прибытіе пароходовъ въ Редуть-Кале составляетъ особенную новость, сближая Европу съ Азіею.

Не менѣе великолѣпія и даже болѣе разительности представляетъ другая картина въ Редуть-Кале: я говорю о штормѣ, какъ, на-примѣръ, тотъ, котораго я былъ свидѣтелемъ, съ 4-го по 8-е ноября 1844 года. Штормомъ стивъ было выброшено близъ Редуть-Кале съ 5-го на 6-е число два судна, которыя мы, отчасти по обязанности, отчасти изъ любопытства, осматривали во время самаго волненія.

Надобно видѣть грозную картину волнующагося моря — описать ее невозможно. Мы на большомъ баркасѣ спускались внизъ по рѣкѣ: море, какъ только можетъ обнять его взглядъ, въ бѣлыхъ валахъ, страшно клочкотало и шло на насъ. Берега нѣтъ: вездѣ нѣ-

жа и разливъ... Въ первое мгновеніе, нельзя не содрогнуться при видѣ этой картины, даже приготовившись къ ней! Буря такъ сильно вздымала воду, что самыя тихія наши рѣки, Хони и Цива, клокотали морскими волнами и бросали нашъ баркасъ съ 20-ю чело-вѣками какъ легкую щепку. Былъ 11-й часъ утра; солнце, блѣдное какъ мѣсяцъ, видѣлось сквозь несущіяся тучи и облака; весь западный горизонтъ слился съ кипящимъ моремъ; нѣсколь-ко баркасовъ, стоявшихъ у карантина, мандала отъ укрѣпленія, очутились—одинъ у самаго вала, другой внутри укрѣпленія, да и самый карантинъ явился на небываломъ островѣ.

Море сливалось сади карантина съ рѣками; сѣверный бокъ карантиннаго укрѣпленія рвало приливами и отливами рѣчныхъ валовъ. Однимъ изъ этихъ приливомъ бросило нашу лодку на берегъ, и мы выскочили вонъ, кто какъ могъ, почти къ самымъ дверямъ карантина. Вышедъ на юго-западный уголъ бывшаго крѣпостнаго вала, мы увидѣли все необъятное пространство кипящаго моря и разсыпавшагося у берега пухомъ пѣны. Перебѣжавъ въ промежутокъ прилива и отлива большихъ волнъ чрезъ прорву, отдѣлявшую карантинъ отъ дальнѣйшаго берега, мы пошли далѣе уже съ большимъ спокойствіемъ, освоившись съ этимъ явленіемъ и вошедъ въ обыкновенное состояніе духа. — Буря не устала вздымать волны; небо клубилось тучами и облаками; облака мѣшались съ вихрями волнъ; берегъ и лѣсъ стонали отъ напора урагана и моря. На возвратномъ пути, я особенно любовался, какъ по-временамъ быстро-несшіяся тучи открывали цѣпь Кавказа, озаренную лучами блѣднаго солнца; въ эти минуты кипящія морскіе валы казались продолженіемъ свѣжыхъ исполиновъ твердыни.

Наконецъ, мы добрались и до выброшенныхъ судовъ, въ разстояніи трехъ верстъ отъ карантина. Одно изъ нихъ, уже выгруженное силою волненія, поставлено на берегу безъ

всякихъ поврежденій, а другое съ частію груза брошено на бокъ и потерпѣло совершенное крушеніе. По-крайней-мѣрѣ, изъ людей никто не погибъ, и товаровъ значительная часть была спасена.

Смотря на эти горы волнъ, съ такою яростію вздымающихся, съ такою быстротою несущихся, и потомъ съ какимъ-то страшнымъ стономъ разивающихся у берега, я вспомнилъ и восчувствовалъ всю силу и красоту божественнаго глагола къ Іову: *Я сказала ему (мору): досель дойдешь, а далѣе не прейдешь; но въ тебѣ сокрушатся волны твои.* (Іова, гл. XXXVIII, ст. II.)

Въ-самомъ-дѣлѣ, съ перваго взгляда непонятно было, почему горы волнъ не шли далѣе на берегъ! Каждый годъ, по замѣчанію жителей, бываетъ подобное волненіе, по-крайней-мѣрѣ, однажды въ ноябрѣ или декабрѣ мѣсяцахъ.

Въ іюнь мѣсяцъ бываетъ другое явленіе въ Редутъ-Кале, хотя не столь-страшное, но не менѣе-любопытное. Изъ окрестныхъ болотъ, передъ захожденіемъ солнца, поднимаются цѣлыя тучи насѣкомыхъ. Каждое изъ нихъ не болѣе шелкового червя, только тоньше его, голова съ рожками, ротъ съ длинными усами, крылья какъ у стрекозы. Всѣ они вмѣстѣ, несясь къ рѣкѣ и пересѣкая множествомъ своимъ лучи солнца, падали съ какою-то неистовою быстротою въ воду, сбрасывая съ себя рубашку, въ родѣ плеvenaго бѣлаго мѣшечка, кружились то поверхъ воды, то въ самой водѣ, сплываясь между собою цѣлыми кучами. Сперва я испугался при видѣ ихъ, думая, что это саранча. Но жители мнѣ объяснили, что эти насѣкомыя являют-ся ежегодно, проживаютъ не болѣе двухъ часовъ и гибнутъ въ рѣкѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, возвращаясь съ моря по закатѣ солнца, я уже не видалъ этой тучи насѣкомыхъ, а только замѣтилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ совершенной слабости движущихся въ водѣ. На другой день, то же явленіе предъ закатомъ солнца, и то же изчезновеніе этихъ эфемеридъ по солнечномъ закатѣ.

тъ. Они исчезаютъ, какъ кажется, послѣ пряткой, но полной и сладкой жизни.

Окаичная описаніе Редуть-Кале, не могу не бросить болѣе-обширнаго взгляда на прошедшую и будущую судьбу этого края. Съ какой глубокой древности берега Колхиды стали извѣстны просвѣщеннымъ народамъ! Можно предполагать, что подданные царя Аэта, во время путешествія аргонавтовъ, были гораздо-образованнѣе Эллиновъ. Разсказы о чудныхъ садахъ Аэта, гдѣ хранилось золотое руно ома ерикова, а еще болѣе знаніе силы и состава усыпительныхъ снадобій, обнаруженное Мелеею, дочерью Аэта, подтверждаютъ это предположеніе. Болѣе трехъ тысячъ лѣтъ миновало съ тѣхъ-поръ, какъ аргонавты посѣтили этотъ берегъ: сколько царствъ и народовъ возникло и исчезло съ лица земли въ-теченіе этого времени! Быть-можетъ, и на берегахъ рѣки Хопи, нынѣ столь-пустынныхъ и дикихъ, кипѣло нѣкогда такое же могучее народонаселеніе, какое кипитъ нынѣ на берегахъ Дуная! А нынѣ живетъ здѣсь полудикій, тощій, лѣнливый, малосильный и малосмыслящій народъ. Конечно, и у Мингрельцевъ есть исключенія, особенно въ сословіи дворянъ и князей, которые отличаются хитрыми и сметливыми умами и хорошими способностями. Давно ли возникли новыя племена и народы на берегахъ величавыхъ рѣкъ Америки и обновили въ лучшемъ видѣ гражданственную жизнь исчезнувшихъ тамъ поколѣній? Юлій Цезарь живописуетъ намъ дикія картины Галліи и Британіи; Тацитъ описываетъ дремучіе германскіе лѣса и дикіе берега Рейна, гдѣ погибли римскіе легіоны, предводимые Варомъ, описываетъ, какъ страшные разливы океана губили другіе легіоны, предводимые Германникомъ, на пустынныхъ берегахъ Фризовъ; а нынѣ какія перемены!—Юная королева Англіи, подобно царицамъ Шавы и Пальмиры, удивляя великолѣпіемъ своего путешествія образованныхъ Герман-

цевъ, Голландцевъ, Бельгійцевъ и Фравпузовъ, недавно дивилась, въ свою очередь, успѣхамъ ихъ гражданственности—на тѣхъ же, столь-чудно измѣнившихся мѣстахъ! Океанъ огражденъ плотинами, болота обратилась въ луга и плодородныя поля; вездѣ великолѣпные города съ чудными заведеніями мануфактуръ, между ними желѣзныя дороги съ паровозами и электрическими телеграфами!

Читая подобныя извѣстія и переносясь на дикія окрестности недавно оставленнаго мною Редуть-Кале, я воображаю окружающіе его непроходимыя лѣса уничтоженными; справа и слева рѣкъ Хопи и Ріона шлутъ поперечные и продолжные каналы, по которымъ туда-и-сюда несутся рѣчные пароходы; морской берегъ возвышенъ и снабженъ шлюзами; редутскія и потійскія болота стелются роскошными лугами, гдѣ пасутся стада крупнаго скота; на мѣстѣ досчатыхъ магазиновъ и домовъ красуются прекрасныя зданія изъ камня и кирпича; вмѣсто угрюмыхъ и тощихъ физиономій теперешнихъ жителей, мелькаютъ довольныя лица будущихъ образованныхъ капиталистовъ. Словомъ, я воображаю вмѣсто теперешняго Редута, Редутьъ новый, обновленный, оживленный и, можетъ-быть, похожій на несовсѣмъ еще падшую Венецію, тѣмъ болѣе, что положеніе Редуть-Кале и климатъ его, по увѣренію многихъ путешественниковъ, весьма-похожи на положеніе и климатъ Венеціи. Быть-можетъ, въ то самое время, когда полумечтатель излагаетъ свои мысли, жребій Редуть-Кале, по видамъ знаменитаго правителя Закавказскаго-Края и воли мудраго монарха Россіи, измѣняется и направляется къ желанной цѣли. Господь да поможетъ!..

К. Спасскій-Автономовъ.

Тифлисъ.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЙ ТУРИСТА ВЪ 1848 ГОДУ.

Кёльвскій Соборъ.

Я хотѣлъ посвятить обзору города день, назначенный по плану путешествія провести въ Кёльвѣ; лон-лакей прежде всего повелъ меня на площадку, гдѣ стоитъ древній соборъ, и, вмѣсто осмотра города, я провелъ тутъ весь день; нѣсколько разъ лон-лакей напоминалъ мнѣ, что пора идти смотреть другія достопамятности; нѣсколько разъ я уходилъ съ площадки, но опять возвращался, и, кромѣ собора, ничего цѣлый день не видалъ и не хотѣлъ видѣть, поглощенный созерцаніемъ великолѣпнѣйшаго, хотя неоконченнаго памятника готическаго зодчества и религіознаго энтузіазма среднихъ вѣковъ.

Удивительное и вмѣстѣ грустное зрѣлище представляетъ дивный соборъ: это не развалина, а хуже ея; междуброшеннымъ, неоконченнымъ, начинающимъ разрушаться памятникомъ и развалиной, такая же развѣдка, какъ и между тихомъ смертвомъ старца, отжившаго свой вѣкъ, и юношей, полнымъ жизни, души, энергіи, котораго поражаетъ вдругъ злокачественная, неизлечимая болѣзнь.

Какимъ образомъ вольные, но не большіе города, Страсбургъ, Кёльвъ, не бывшіе ни богатыми, ни сильными, могли предпринимать гигантскія работы, созидать храмы, какихъ нѣтъ въ Вѣнѣ, Парижѣ—столицахъ обширныхъ королевствъ? вотъ первый вопросъ, какой задаетъ себѣ туристъ, едва взглянувъ на неоконченный соборъ. Города эти были сильны не торговлей, не многолюдствомъ своимъ, еще менѣе обширностью подвластныхъ земель; все могущество ихъ заключалось въ глубокомъ религіозномъ чувствѣ; вѣра, одна вѣра воздвигла эти величественныя памятники...

Все, что относится къ началу собора въ Кёльвѣ довольно-темно: настоящимъ виновникомъ строенія вывѣшняго храма, вмѣсто прежняго, сгорѣвшаго, считаютъ архіепископа Конрада Гохстадена, заложившаго первый камень около половины XIII столѣтія. Ему, вѣроятно, принадлежитъ мысль воздвигнуть церковь, которая пренесходила бы огромностью всѣ известныя въ то время памятники; колокольня должна была превышать на нѣсколько футовъ большую египетскую пирамиду, высочайшее донынѣ зданіе на землѣ. Въ то время обращали такъ мало вниманія на славу, что имя гениальнаго архитектора, начертавшаго планъ собора, отличающійся строгимъ единствомъ, осталось неизвестнымъ въ исторіи; прелатіе говоритъ, что это былъ Альбертъ-Великій, епископъ регенбургскій, зодчій, физикъ и ученый (*). Въ смутныя времена, работы прерывались нѣсколько разъ. Архіепископство кёльвское было необширно; средства его составляли малую часть суммъ, употребляемыхъ на строеніе храма—религіозный энтузіазмъ замѣнялъ недостатокъ ихъ: большая часть денегъ поступала отъ добровольныхъ даяній; знатные граждане вѣдали по окрестнымъ странамъ, даже въ Англію, собирая привошенія небожныхъ людей; бѣдные стекались со всѣхъ сторонъ и, не имѣя денегъ, работали безъ платы, жертвуя безвозмезднымъ трудомъ; всѣ убѣждены были, что трудятся для благотворнаго дѣла, воздвигая храмъ во славу Бога и трехъ царей-волхвовъ, пришедшихъ поклониться новорожденному Іисусу. Папская булла отпустила на годъ впередъ грѣхи всякому, кто прійметъ участіе въ святомъ дѣлѣ. Энтузіазмъ былъ такъ великъ, что вольноприходившіе каменщики, работавшіе цѣлый день, проводили часть

(*). Однакожь, въ Пантеонѣ великихъ мужей Германіи, въ Ватгаллѣ, Альбертъ Великій поименованъ особо стѣ менавѣстнаго строителя Кёльвскаго-Собора.

ночи въ пѣвнн священныѣ гимновъ, при свѣтѣ зажженныхъ свѣчъ, среди деревь, кружалъ и тачекъ, служившихъ, по недостатку въ помѣщеніи, единственнымъ ихъ убѣжищемъ. Мѣстныя власти не давали остывать одушевленію: богатые люди, давъ, что могли, при жизни, побуждаемы были нарочно изданными для того узаконеніями отказываться еще болѣе по духовному завѣщанію. Въ 1320 году, не смотря на многія затрудненія и неоднократныя остановки, конченъ и освященъ былъ хоръ, часть притвора, заключающаго въ себѣ алтарь, и отдѣленъ отъ неоконченной части каменною стѣною. Но войны того времени истощили совершенно казну; междоусобія раздвинули городъ и дошли до такой степени, что владѣнія архіепископа, духовенство, граждане обѣдѣли, и работы, приостановленныя въ 1438 году на время, не были уже продолжаемы въ течение четырехъ-сотъ лѣтъ. Незащищенная отъ дѣйствія стихій часть храма стала приходить въ разрушеніе, и только въ XVIII столѣтнн начали думать о починкахъ, необходимыхъ для предохраненія отъ дождя внутренности собора. Въ это время, когда вѣра была въ упадкѣ и духъ новѣйшей философіи не признавалъ величія среднихъ вѣковъ, многое передѣлано, испорчено съ намѣреніемъ; имѣли даже мысль сломать одну изъ башенъ, чтобъ расширить площадку, тѣсную для увеличившагося движенія экипажей. Въ революціонныя войны, соборъ служилъ магазиномъ для складки фуража; свинцовая крыша была свята, такъ что вода со всѣхъ сторонъ проникала въ церковь. Наполеонъ велѣлъ, наконецъ, слѣлать новую крышу, чѣмъ и ограничили его дѣйствія для возобновленія храма. Въ 1815 году, прусскій король, тогда еще наслѣдннй принцъ, пораженный величіемъ собора, возымѣлъ мысль довершить его. Въ 1823 году, начаты работы для исправленія необходимаго, а нынѣ производятся онѣ для окончанія или лучше сказать для продолженія его,

по первоначальному плану, безъ мажнйшаго отступленія. Трудомъ предстоить много: конченъ только хоръ, менѣе половины главнаго корпуса собора, да выведена въ вышину третья часть южной башни; другая башня возвышается лишь на нѣсколько десятковъ футовъ отъ основанія. И въ такомъ видѣ храмъ поражаетъ необыкновеннымъ своимъ величіемъ, составляя великолѣпнѣйшій памятникъ готическаго водчества, расширншаго такъ быстро, такъ пышно во всей полнотѣ христіанскаго одушевленія.

Много писали, особенно въ Германіи, о происхожденіи и значеніи готическаго водчества; ученые спорятъ досихъ-поръ о томъ, гдѣ оно возникло и выросло, и ничего еще не объяснили. Оно не могло достигнуть вдругъ такой высокой степени, на какой нынѣ его видимъ; но младенчество искусства, постепенное его развитіе остались незамѣтными, потому что первыя важныя зданія, возведенныя въ новомъ стилѣ, сдѣлались жертвою времени: уцѣлѣли лишь огромныя сооружеія, памятники эпохи высшаго его процвѣтанія. По всей вѣроятности, произошло оно изъ подражанія византійскому вкусу; довольно - правдоподобно, что оттуда вошло въ обычай располагать церкви на востокъ—обычай, не существующій въ другихъ католическихъ церквяхъ. Отечествомъ готическаго водчества признаютъ Германію; можетъ-быть, не менѣе того оно процвѣтало въ то же время въ другихъ странахъ, въ Нидерландахъ, Сѣверовосточной Франціи и Англіи. Происхожденіе готической архитектуры, постепенное усовершенствованіе и значеніе не объяснены еще удовлетворительно. Какой-то ученый, выставлал мнѣніе, что оно получило начало у горныхъ народовъ, думалъ видѣть въ углубленныхъ входахъ и порталахъ подобіе мрачныхъ пещеръ, а въ пирамидахъ и шпнцахъ подражаніе остроконечнымъ утесамъ: мысль, неимѣющая никакого основанія. Вообще, мнѣніе, что архитектура выражаетъ идеи,

удовлетворять потребностямъ народа, кажется, невѣрна. Иначе, какъ могло бы готическое зодчество развиваться такъ роскошно и разнообразно во всѣхъ городахъ Сѣверной-Германіи, части Франціи и Англій. Если оно не проникло даде, и другіе города Южной-Франціи и Германіи не украсились памятниками въ этомъ родѣ, то потому-что были не такъ богаты и не пользовались самобытностью. Какъ могли также Римляне занять почти безъ всякаго измѣненія архитектуру Грековъ, съ которыми они имѣли совершенно-разные вкусы и потребности! Скорѣе можно сказать, что зодчество соотвѣтствуетъ не народу, а эпохѣ въ жизни народовъ, вуждамъ ея, олицетворяетъ ея идеи и наклонности. Смотря съ этой точки, можно сказать, что готическая архитектура есть преимущественно архитектура христіанская, назначенная для церквей. Съ давнихъ временъ, для отличія отъ языческихъ храмовъ, довольно-низкихъ и имѣющихъ почти плоскія крыши, принято въ христіанскомъ мірѣ строить церкви высокія, въ видѣ болѣе или менѣе пирамидъ. При такомъ условіи, существенныя правила готическаго стиля—стрѣльчатыя арки, высокія тонкія подпоры, состоящія изъ связи собранныхъ трубокъ; длинныя, низкія окна; непопулярной вышвыи шпицы, тоневкія башни, и вообще пирамидальность въ частяхъ и въ цѣломъ—какъ-нельзя-лучше удовлетворяютъ потребностямъ христіанства. Труднѣе повять значеніе второстепенныхъ принадлежностей, въ которыхъ орнаментовъ: какое отношеніе къ христіанству имѣетъ пятилистная роза, нарисованная на цѣтвыхъ стеклахъ верхнихъ оконъ въ алтарѣ, или скромный клеверъ, или трилистникъ, служащій первообразомъ большей части украшеній въ окнахъ, дверяхъ и галереяхъ?

Какъ бы то ни было, а несомнѣнно, что архитекторы, изобрѣвшіе и усовершенствовавшіе готическое зодчество, имѣли цѣлю не просто склады-

ваніе камней и вырѣзываніе изъ нихъ разныхъ узоровъ и фигуръ: безчисленное множество листовидныхъ и цѣтвидныхъ украшеній, арабески, звѣздочки, арки наши, вытесанные изъ камня и удивившія и безъ того сложную и многотрудную работу, не могли быть просто игрою прихоти необузданнаго воображенія; исполненные религіознаго одушевленія, архитекторы, строя и украшая храмы въ этомъ стилѣ, имѣли, вѣроятно, въ виду выраженіе мыслей великихъ. По ученію Германцевъ, въ готическомъ зодствѣ есть много символическаго: они видятъ въ цѣломъ храмѣ выраженіе мысли, оторванной отъ земли и возносящейся къ Богу; расположеніе цѣлаго и частей и части сами-по-себѣ имѣютъ свое значеніе и смыслъ иносказательный: алтарь обращенъ къ востоку, что не наблюдается вообще въ католическихъ церквяхъ; храмъ располагается въ видѣ креста (не полтверждаетъ ли это мнѣніе о происхожденіи готическаго зодчества отъ византійскаго); три главныя входа служатъ къ пріятію народа, приходящаго отъ различныхъ странъ свѣта; три шпица соотвѣтствуютъ тремъ лицамъ божества—основному догмату христіанской вѣры (*). Одинъ вѣмецкій архитекторъ, изучивъ съ особенною любовью Кёльнскій Соборъ и переведя на старинную вѣмецкую мѣстную мѣру главнѣйшія его протяженія, нашелъ, что мистическое число семь служитъ основаніемъ всѣхъ измѣреній: внутренняя высота хора $7 \times 23 = 161$ футъ, равна внутренней ширинѣ храма внизу; высота башень $7 \times 76 = 532$ фута, соотвѣтствуетъ всей длинѣ зданія; вышина верхушки кровли $7 \times 33 = 231$ футъ, равна наружной ширинѣ церкви; глубина главнаго входа имѣетъ $7 \times 8 = 56$ футъ и проч. Вѣроятно, это не случайность, а сдѣлано съ измѣреніемъ и имѣетъ таин-

(*) Въ Россіи встрѣчаются, хотя очень-рѣдко, церкви о трехъ главахъ въ честь святой троицы.

ственный смыслъ, для насъ непонятный. Известно, что въ средніе вѣка ремесленники въ городѣ составляли не простой цехъ, необыкновенный ихъ, какъ теперь, ни къ какимъ соединеннымъ дѣйствіямъ, а особыя сословія, связанныя взаимными выгодами и необходимою защищать права свои на каждомъ шагѣ, нерѣдко вооруженною рукою. Архитекторы и каменнаго дѣла мастера, что тогда было почти одно и то же, занимавшіеся постройкою церквей, имѣли при производствѣ своего ремесла особыя повѣія, мистическія формулы, религиозныя повѣрья и предрассудки, составляли родъ франмасонской логи; ключъ къ тайнамъ ихъ затерявъ: въ Вѣнѣ, на-примѣръ, показываютъ на площади остатки бышаго когда-то дѣла, древесный пень, въ который слесарные подмастерья, по окончаніи ученія, вколачивали по гвардику: обычай пошлый, если не было съ нимъ сопряжено какое-нибудь суевѣрное преданіе. Рядъ украшеній, вырѣзанныхъ на галереяхъ и карнизахъ собора, отличается замысловатостью и равнообразіемъ. Быть-можетъ, это сдѣлано не просто съ артистическою цѣлью: быть-можетъ, звѣздочки разнаго вида, величныя, группированныя по три, попарно и по одной, идущія по шпигу, суть іероглифы, расположенныя по особому порядку и знаменующіе какую-нибудь молитву или стихъ изъ Евангелія... Въ средніе вѣка, мистическіе обряды были распространены гораздо болѣе, чѣмъ теперь; при церемоніи освященія хора Кельнскаго-Собора, архіепископъ съ знатнѣйшимъ духовенствомъ вошелъ въ церковь, велѣлъ затворить врата и, отслуживъ молебенъ, начерталъ на церковномъ помостѣ, покрытомъ золою, слѣдующія большіиъ диагоналямъ, весь латинскій алфавитъ и накрестъ его греческій, въ знаменіе того, что храмъ посвященъ на вѣки религіи, которой Иисусъ Христосъ есть начало и конецъ. Конечныя буквы греческаго алфавита обыкновенно означаютъ вѣчность ученія Евангелія; но

зачѣмъ перемѣшаны буквы обонихъ алфавитовъ? вѣроятно, этотъ обрядъ имѣлъ смыслъ болѣе полный, для насъ не совсѣмъ-ясный. Въ тотъ мистическій и восторженный вѣкъ, въ церковныхъ обрядахъ все имѣло свое особое выраженіе, свой духовный смыслъ, почти такъ, какъ въ древнемъ Египтѣ каста жрецовъ писала, а можетъ-быть и говорила особымъ языкомъ, недоступнымъ для простаго народа.

Видъ громаднаго искаженнаго собора наводитъ по неволѣ на мысль, почему въ наше время такихъ церквей не строятъ болѣе? Нынешніе храмы величїною уступаютъ египетскимъ пирамидамъ, а трудностью и изысканностью работы Кельнскому-Собору... Въ Италіи есть огромныя, великолѣпныя церкви, но если взять въ соображеніе обыкновенное обиліе каменотѣсовой работы, медленность производства вѣжной и чрезвычайно-тщательной рѣзбы, то преимущество останется едва ли не на сторонѣ готическаго храма. Религиозныя вѣрованія не такъ сильны теперь, какъ были во времена Фараоновъ и въ средніе вѣка. Пирамиды, выстроенныя, чтобъ служить гробницами царямъ, свидѣтельствуютъ, какъ обыкновенно выражаются, о гордости и деспотизмѣ царей, исторгавшихъ камни изъ вѣдръ горъ. Едва-ли онѣ были только гробницами: не хула ли это на духовную природу чловѣка? Почему не предполагать, что пирамиды были вѣстѣ съ гѣмъ и храмами. Это имѣніе гораздо-правдоподобнѣе, хотя едва-ли оно было высказано. Одно религиозное чувство могло вадвигнуть такіа громады при входѣ въ песчаную степь; а почему вѣра не могла быть такъ же сильна въ Египтѣ, какъ въ Римѣ или Кельнѣ? Въ пирамидахъ не могъ помѣщаться народъ во время богослуженія, правда; а развѣ это необходимо? Развѣ въ древнихъ греческихъ храмахъ было мѣсто для народа? Внутри входили одни жрецы; народъ окружалъ храмъ, укрываясь въ ненастье подъ портиками. Въ теченіе сорока вѣковъ, древніе и новыя исто-

рики удивляются прочности пирамидъ и горделивому безумію фараоновъ, не объясняя главнаго—религіознаго чувства Египтянъ. Такъ и мы теперь едва въ состояніи постигнуть доблести рыцарей въ средніе вѣка, энтузіазмъ крестоносцевъ, стремившихся толпами въ обѣтованную землю, и сооруженіе Кёльнскаго-Собора руками небольшого, но вѣрующаго народа. Не смотря на огромную разницу въ матеріальныхъ средствахъ Египтянъ и жителей Кёльна, христіанскій храмъ гораздо выше, особенно въ художественномъ отношеніи. Въ таинственной долинѣ Нила сложены просто безъ малѣйшаго архитектурнаго изящества огромные камни, которые прочностью своею обязаны климату. Въ Кёльнѣ, искусство достигло во всѣхъ частяхъ полнаго, самобытнаго развитія, дошло до совершенства, отличается эстетическою красотою: вмѣсто четверугольныхъ грубыхъ массъ, камень принялъ здѣсь самыя разнообразныя формы, расположилъ не въ прямой линіи, а въ видѣ бесчисленныхъ выступовъ, переломовъ, переходовъ, углубленій, раскинулся смѣлыми арками, дугами, поддугами, преобразился въ башенки, ниши, кивоты, галереи, вознесся къ небу высокими шпицами и обелисками; и все это украшено съ неимоверною роскошью орнаментами всякаго рода, статуями, арабесками, звѣздочками, розетками, цѣточными вязями, такъ-что камень, особенно въ верхней части зданія, кажется обвить тонкими, прозрачными кружевомъ. Наружность храма составляетъ фантастическую каменную поэму, прекрасную, безукоризненную въ цѣломъ, расположенную съ строгимъ единствомъ, по правиламъ самаго очищеннаго вкуса и блистающую невыразимою прелестью и роскошью въ подробностяхъ. Никогда человѣкъ не воздвигалъ божеству памятника величественнѣе, громаднѣе, совершеннѣе, и по всѣмъ вѣроятіямъ никогда не воздвигнетъ. И это божественное зданіе же кончено, и, увы, никогда не будетъ кончено! Внутренность храма вполне

соотвѣтствуетъ высшему его виду. Здѣсь съ замѣчательною предусмотрительностью все соображено, чтобъ пронавести религіозное впечатлѣніе на входящаго, освободить духъ молящика отъ бремени земныхъ помышлений и внушить ему идеи о вѣчности, бессмертіи души: двойной рядъ столбовъ преграждаетъ доступъ свѣта съ боку; узкія, длинныя пирамиды лучей падаютъ сверху изъ продолговатыхъ оконъ, проходятъ черезъ расписанныя стекла, окрашиваются въ цвѣта радуги—символа примиренія земли съ небомъ, и разгоняютъ лишь въ половину таинственный мракъ, господствующій подъ высокими сводами; статуи всѣ или молятся или лежатъ на крышахъ гробницъ; часть украшеній имѣетъ видъ креста; въ сѣняхъ почиваютъ мощи угодниковъ или тѣла епископовъ; гербоговъ, князей тутъ нѣтъ; на стеклахъ лики святыхъ и другіе рисунки изображены неясно; на стѣнахъ не видно ни знаменъ, ни трофеевъ, отнятыхъ у непріятеля; нѣтъ высокихъ, художественныхъ произведеній, какъ, на-примѣръ, въ Августинской Церкви, въ Вѣнѣ, куда ходятъ удивляться маваніямъ Кановы, а не молятся; ничто не напоминаетъ о здѣшнемъ мірѣ, ничто не развлекаетъ вниманія молящагося; душа исполняется благоговѣніемъ, забываетъ землю, паритъ къ небу...

Нѣтъ никакого сомнѣнія, готическое водчество приличествуетъ какъ-нибудь-болѣе христіанскимъ храмамъ и превосходно выражаетъ эпоху, когда оно процвѣтало. Блестящее время его настаётъ вскорѣ послѣ великаго религіознаго движенія, породившаго крестовые походы, и въ нѣкоторомъ смыслѣ служить имъ продолженіемъ. Эпоха эта продолжилась до реформаци; умственное потрясеніе, произведенное Лютеромъ, охладило религіозный энтузіазмъ. Въ средніе вѣка вѣровали слѣпо не только въ догматы, даже въ мелочные образы и непогрѣшимость католической церкви... Послѣ реформаци, стали сомнѣваться, разсматривать, а

вскорѣ и отвергать многое, чему прежде горячо вѣрили; возникли распри, ссоры, и скорѣ запыхали кровопролитныя войны: весьма-естественно, душевное убѣжденіе ослабѣло у католиковъ и протестантовъ; энтузіазмъ, гдѣ сохранился, принялъ характеръ политическаго фанатизма. Около того же времени, многіе вольные города и области утратили свою самостоятельность, лишились торговли; небольшія германскія церковныя владѣнія вошли въ составъ другихъ значительныхъ державъ; духовенство напрягло умственныя и физическія силы, чтобъ противодействовать реформаціи; средства государства и частныхъ людей истощились въ религиозныхъ войнахъ. Все это удовлетворительно объясняетъ, почему вездѣ охладѣло стремленіе къ построенію обширныхъ церквей, и отъ-чего въ Германіи такъ много неоконченныхъ готическихъ храмовъ: въ Вѣнѣ и Страсбургѣ, вмѣсто двухъ или трехъ башенъ, построено только по одной; въ Регенсбургѣ башни выведены только до двухъ третей; въ Миланѣ соборъ нѣсколько сотъ лѣтъ оставался неоконченнымъ; въ Кельнѣ едва построена третья часть. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ слѣдствіе блестящей эпохи возрожденія искусствъ въ Италіи, въка Медичисовъ, явилось въ Европѣ какое-то особенное пристрастіе къ новоиталіанской архитектурѣ, и готическое водчество, какъ выраженіе варварства среднихъ вѣковъ, оставлено вездѣ, даже въ Англіи, гдѣ оно держалось долѣе, чѣмъ гдѣ-либо.

Время, когда строились готическіе храмы, не походило на нынѣшнее время: архіепископы, духовенство, самыя міряне думали мало о благосостояніи въ здѣшнемъ мірѣ, и много о другой лучшей жизни; сооруженіе храма считалось благочестивымъ подвигомъ; участвовать въ работахъ, споспѣшествовать успѣхамъ ихъ деньгами, вкладами или трудами рукъ было такимъ же богоугоднымъ дѣломъ, какъ постъ, молитва, проповѣданіе слова Божія или покаяніе; о славѣ, невѣдомости за-

ботились такъ мало, что имена художниковъ, изобрѣтшихъ и усовершенствованныхъ готическое водчество, не записаны въ лѣтописяхъ; имя архитектора-поэта, создавшаго планъ Кельнскаго Собора, невѣдомо съ достовѣрностью. Преемники его трудились не изъ тщеславія и ничего не измѣнили въ первоначальномъ планѣ, и отъ-того въ немъ такое единство, гармонія, какихъ не найдете ни въ одномъ подобномъ зданіи. Въ Соборѣ св. Стефана въ Вѣнѣ, видна съ перваго взгляда работа разныхъ вѣковъ и разныхъ художниковъ. Простой каменщикъ, вытесывая изъ твердѣйшаго базальта какой-нибудь узорчатый орнаментъ, работалъ не какъ-нибудь, а съ величайшимъ тщаніемъ и аккуратностью, нѣмъ въ виду не денежную плату за трудъ, а выполненіе священнаго долга или задушевнаго объята. Отъ-того рѣзба въ верхнихъ частяхъ необыкновенно-свѣжа; камни притесаны какъ-нельзя-лучше; отколотыхъ кусковъ нигдѣ не видно; все какъ-будто вчера сдѣлано. Шиллеръ довелъ направленіе этой эпохи, угадалъ мысли ремесленниковъ того времени, ихъ родительскую любовь къ своимъ произведеніямъ, религиозную восторженность — въ прекрасной своей пьесѣ: «Пѣснь о Колоколѣ». Отливъ колоколъ, мастеръ обращаетъ къ нему слово, напоминаетъ о происшествіяхъ въ семь мірѣ, которыхъ онъ будетъ провозвѣстникомъ, о рожденіи, крещеніи, бракѣ, смерти, торжественныхъ случаяхъ, о важности религіи, освящающей всѣ эти событія; видитъ въ немъ не мѣдный товаръ, который надо скорѣе и дороже сбыть съ рукъ, а одушевленное существо, долженствующее долгое время быть безстрастнымъ, но не безмолвнымъ зрителемъ борьбы бѣднаго человека съ жизнью.

Теперь не то время: религиозный энтузіазмъ не имѣетъ прежней силы, церквейъ строить мало, и при сооруженіи ихъ все происходитъ инымъ образомъ. Архитекторъ бываетъ нѣрѣдко иностранецъ, иновѣрецъ, немѣющій понятія о языкѣ и нравахъ народа, а еще

менше о его вѣрѣ и духовныхъ потребностяхъ. Никакая патриотическая или религіозная мысль не одушевляетъ его; побужденіемъ ему служатъ деньги и тщеславіе, рѣдко слава. Еще не кончивъ храма, проситъ онъ мѣста въ подземныхъ склепахъ его для своей могилы; издастъ великолѣпные къ нему рисунки и описанія... Счастіе главнаго архитектора, если онъ успѣлъ кончить начатую имъ церковь, какъ Врекъ кончилъ по собственному плану заложенный имъ Соборъ св. Павла въ Лондонѣ; не то—преемники его изъ тщеславія прибавятъ, убавятъ что-нибудь въ возведенномъ до половины храмѣ, и такъ искажатъ его, что невозможно будетъ угадать начального проекта. Главный архитекторъ можетъ иногда въ наше время имѣть въ виду славу; но помощники его, подрядчики, мастера, работники трудятся единственно изъ денегъ.

Любители неоднократно сравнивали греческую архитектуру съ готическою; правила, на которыхъ онѣ основаны, диаметрально-противоположны; это почти то же, что классическая и романтическая словесность. Въ греческомъ стилѣ владычествуетъ безконечная прямая линия и классическія прямые углы; колонны, неизбѣжныя, какъ судьба, имѣютъ опредѣленные размѣры, отъ которыхъ не позволено отступить; окна и двери лишены всякихъ украшеній; полукруглый сводъ рѣдко употребляется; своды огромны, длинны, но низки. Въ готическомъ водчествѣ совершенно-противное: прямыхъ, параллельныхъ линий, прямыхъ угловъ или вѣтъ, или очень-мало; линии съ изгибами, переходами, выступами; плоскости ограничены граціозными кривыми; колонны снаружи невѣстны; вмѣсто полукруглыхъ однообразныхъ сводовъ, плоскихъ крышъ — острокопечныя арки, шпицы, пирамиды возносятся во множествѣ къ небу; въ украшеніяхъ оконъ и дверей обширное поле фантазій художника; обиліе въ орнаментахъ необыкновенное, въ противоположность

съ греческимъ стилемъ, гдѣ бѣдность въ украшеніяхъ доходитъ до того, что въ большихъ зданіяхъ стѣны кажутся голыми. Которая изъ двухъ архитектуръ прекраснѣе, удовлетворяетъ болѣе эстетическому чувству? Это дѣло вкуса; намъ, Русскимъ, готическое водчество понравится гораздо-болѣе, особенно послѣ Петербурга, гдѣ господствующая въ частныхъ зданіяхъ греческая или ново-итальянская архитектура съ ея прямыми линиями, неизбѣжными колоннами, голыми окнами, монотоніею своею приводитъ любителя въ совершенное отчаяніе. Въ наше время, по какому-то странному пристрастію, преобладаетъ вездѣ ново-итальянскій стиль съ небольшими измѣненіями; готическое водчество вытѣснено отсюда; всѣ государства какъ будто согласились, чтобъ отвергнуть національную архитектуру, и только въ нашемъ отечествѣ видно возвращеніе къ старинному русскому стилю и начинается возникать народная архитектура.

Смотря съ нынѣшней точки на готическое водчество, легко понять, что оно отжило свой вѣкъ; разнообразныя украшенія его излишни, обременительны; цѣточныя ваянія, легкое каменное прозрачное кружево—просто нецѣпость; пирамиды, ниши, башенки, карнизы не имѣютъ никакого смысла; твердый камень, послушный, какъ легкая ткань, попираетъ, занявъ несвойственное ему мѣсто, и долженъ уступить его чугуну, изъ котораго гораздо-легче выдвигать всѣ такіе орнаменты, еслибы они были нужны; но въ нихъ теперь нѣтъ ни малѣйшей нужды. Никакой пользы не приносятъ всѣ эти побочныя украшенія, толкая каменная рѣзба, а отнимаютъ, можетъ быть, въ четыре, пять разъ болѣе времени, трудовъ и денегъ, нежели каменная кладка храма. Теперь строятъ церковь, когда она нужна для украшенія, или когда того требуетъ увеличившееся населеніе. Иногда соглашаются построить и огромный соборъ, но за то не хотятъ ужъ ничего лишнѣ-

го, въ-особенности каменной рѣзбы, требующей необъятнаго труда, который нисколько не бросается въ глаза. Нынѣ важно не строеніе храма, въ чемъ средніе вѣка видѣли святое дѣло, а построеніе его или окончаніе въ кратчайшее время, съ мѣньшими издержками. Отъ-того теперь строятся они довольно-скоро. Соборъ св. Павла въ Лондонѣ оконченъ въ тридцать-пять лѣтъ, Пантеонъ, въ Парижѣ, лѣтъ въ двадцать.

Просвѣщенный любитель наукъ и художествъ, нынѣшній прусскій король, началъ приводить въ исполненіе великую мысль — кончить величественный храмъ по первоначальному плану. Хвала ему и честь! Будетъ ли имѣть успѣхъ великодушное его предпріятіе? Время глубокихъ вѣровавій давно минуло; рѣдко, очень-рѣдко строятъ большія церкви и монастыри; духъ человѣческой принялъ совершенно другое направленіе; капиталы поглощены желѣзными дорогами, фабриками, акціями всякаго рода; два различные свода, употребляемые въ архитектурѣ, олицетворяютъ два вѣка: древняя готическая арка, стрѣльчатая, высокая — символъ среднихъ вѣковъ, когда духъ парилъ къ небу; нынѣшній сводъ эллиптический, необходимый для мостовъ и туннелей, представляетъ новый вѣкъ, когда мысли прикованы къ землѣ, къ средствамъ ускорить сообщенія, усилить матеріальное благосостояніе. Пруссскій король, замышляя о возобновленіи Кёльнскаго Собора, одушевленъ былъ мыслью благородною; но современники смотрятъ на это предпріятіе довольно равнодушно: не взирая на всеобщій миръ и на процвѣтаніе торговли, добровольныя приношенія ничтожны; суммы, ассигнованныя правительствомъ, недостаточны; съ 20,000 талеровъ въ годъ, надо для окончанія храма не одно столѣтіе.

Н. Герсевановъ.

РУССКІЯ ПРЕДАНІЯ.

СОЛДАТКА.

Мы не всегда съ настоящей точки смотримъ на простой народъ, полагая, что въ немъ нѣтъ чувствъ. Странно было бы искать въ простомъ народѣ вѣжливости и пріятнаго обращенія; но подъ грубою корою въ немъ есть много хорошаго. Я разумѣю полъ именемъ простолюдиновъ или простаго народа особенно крестьянъ, и, надобно сказать, не тѣхъ, которые живутъ близъ столицъ и большихъ городовъ: эти не горожане и не настоящіе крестьяне; у нихъ даже образъ жизни и самая одежда измѣнились, нѣтъ простоты и чистыхъ нравовъ; но узнайте крестьянъ, которые всегда жили въ деревнѣ, занимались сельскими работами и не познакомились съ городской роскошью. Люблю я ихъ простые рассказы о деревенскомъ житьѣ-бытьѣ, о ихъ радостяхъ и горѣ!

У меня жила солдатка, вѣтъ крестьянокъ, очень-добрая и усердная женщина. Каждое дѣло она приходила работать въ Москву, а осенью уходила въ свою деревню, и все горевала о своемъ мужѣ, котораго уже восемь лѣтъ какъ отдали въ рекруты. Вотъ ея простой рассказъ:

«Семья была у насъ большая, а все старыи, да малыи. Душъ по реввской сказкѣ было много: старикъ свекоръ, дядя, тоже старикъ, деверь хромои, дѣти у него малыя, да мой мужъ, меньшой братъ, и ему уже было лѣтъ подъ тридцать. Барину не хотѣлось отдавать его въ рекруты, но обыкновенно при отдачѣ очередыныхъ воевать еще подставныхъ. Вотъ взяли и Василья, моего мужа; его возли не одинъ разъ, но все онъ ворочался; взяли и въ этотъ разъ, а онъ намъ говорить: «молитесь Богу, ворочусь». Но не такъ случилось: отдатчини, которые повезли его, покривили душой; тотъ братъ, другой свать, иной сынъ богатаго мужика, могутъ нанять, да еще не приискали;

останется парень, женится у кого-нибудь. Въдь и въ деревнѣ тѣ же люди, какъ въ городѣ! Василій былъ не богатъ, ни бѣденъ: имѣлъ хлѣбъ насущный, а поживиться отъ него было нечѣмъ. Дѣтей у насъ только и была одна дѣвочка. Но въ этотъ разъ у меня сердце такъ и воетъ; я и говорю свекру: «поѣдемъ, батюшка, въ городъ»; а городъ отъ насъ верстъ двадцать. Приѣхали, а ихъ повели уже въ приемъ. Богъ-знаетъ отъ-чего случилось, только какъ моего-то привели въ присутствіе, такъ и сказали: лобъ забрить. Да и дивиться тутъ нечего: молодецъ собой, здоровый и видный. Вотъ какъ вывели ихъ, да мы увидѣли, что у него лобъ забрить, такъ и не вспомнились; а онъ какъ бѣлое полотно, да такъ и трасется какъ въ лихоманкѣ; а слезы-то у него такъ и катятся, слеза слезу побираетъ. Ихъ повели съ старшими солдатами на квартиры, и мы за ними поплелись; весь день мы проплакали, маковой росинки во рту не было. Онъ же, мой родимый, сталъ насъ уговаривать; разуменъ былъ, хоть и грамоты не зналъ. «Видно мнѣ на роду такъ написано; жить буду, ворочусь: вышь, мнѣй черезъ пятнадцать лѣтъ въ бессрочный отпускъ; а можетъ и честь заслужу: буду служить Богу и государю вѣрой и правдой». Прожили мы съ нимъ дня два; наши поѣхали въ деревню, а я сказала свекру, что покуда не вышлютъ Василья, я буду въ городѣ, хоть наглявуся на него. Прожили въ городѣ шесть недѣль; пришелъ приказъ идти въ походъ. Я поѣхала въ деревню, повѣстить своихъ, да привезти дѣвочку. Онъ говорилъ намъ еще прежде: «Не убытчитесь на меня; денегъ мнѣ не надобно; наѣкъ не наградите, а солдату все готовое — аммуниція, хлѣбъ и квартира; но мы все-таки собрали ему съ полсотни: я продала свои холсты, да еще продалъ изъ семьи двухъ коровъ, чтобы хоть на первый случай была копейка всей семьи, опричь малыхъ ребятъ. Приѣхали мы вводить его; я и Дунишу свою взяла. Въ городъ приѣхали мы повдвнмъ

вечеромъ; стучимся въ ворота, Василій и бѣжить отворить; хотѣлъ взять изъ савей Дунишу, а она благимъ матомъ заголосила, не узнала его. Вошли въ избу; онъ ей и прыняка, и галача, такъ вѣтъ, не беретъ! только говорить: «это не мой батюшка; у моего была борода и волосы, какъ у дѣдушки и дяди». Наплакались мы на нее, глупую: не разумѣетъ; извѣстно, ребенокъ! Денька два побыли; рекруты пошли въ походъ, въ губернский городъ: тамъ, говорили, приѣдетъ генералъ, будетъ разбирать, кто куда годевъ. Изъ нашей волости было трое рекрутъ: вашъ Василій, да парень Иванъ, сирота сердечный; его только одна тѣтка провожала. Онъ не больно и горевалъ, тоже за брата пошелъ. Третій былъ сосѣдъ Ефимъ, дѣтина смиренный и работящій, да куда непригожъ! такъ вся деревня чуднщезъ и звала. Дѣвки, бывало, и въ хороводъ не берутъ; а какъ пошли они, то мать ефимова, сердечная, голосомъ воетъ, да причитаетъ: «Ты кому чудо дивное, а мнѣ чадю милое!»

Первый день перешли верстъ двадцать, остановились; на другой день была днѣвка; тутъ, почтай, всѣ простились и домой поѣхали. Я и говорю своимъ: «воротитесь, родимые, а я провожу его еще подальше, чтобы не со всѣми вдругъ ему разстаться; я приѣду съ тѣткой Федорой, ефимовой матерью». Они меня послушались (да и свекру крѣпко нездоровилось), распростились, поѣхали, и Дуню съ собой звали; а мы еще верстъ сорокъ провожали; да все надобно было воротиться. О прощаньѣ вы меня и не спрашивайте; словно все во снѣ вижу! Воротились, такъ будто и свѣту Божьяго не стало. Старикъ нашъ, какъ приѣхалъ домой, больно расхворался, а черезъ недѣлю и душу Богу отдалъ.

Зиму кое-какъ мы прожили, а къ веснѣ, видимъ, хлѣба до новаго у насъ не хватить. Деверь и говоритъ мнѣ: «Марья, ты вольный казакъ; наши бабы идутъ въ Москву; поди и ты съ ними: авось десятка три до петрова-дня заработаешь; вѣдь и

чѣмъ зашибить копейку. Дуня твоя, не бойсь, обижена не будетъ. Подумала и пошла. Пришедши, я нанялась у огородниковъ до петрова-дни за сорокъ рублей; надобно было къ жнитву домой поспѣть. Работала я, наравнѣ съ мужиками, тяжелую работу. Пришла дошой, вижу, дѣло плохо: хлѣба нѣтъ, новый не поспѣлъ; нѣчего дѣлать, отдала деньги въ семью. Съ-тѣхъ-поръ каждый годъ прихожу въ Москву; но, живя здѣсь, все душа не на мѣстѣ. Одинъ годъ, безъ меня Дуня была въ оспѣ; другой разъ былъ опять неурожай, и хоть я оставила рублей пятнадцать, но деньги издержали, а дѣвчонку мою послали побираться по міру. Жить здѣсь съ мнѣмъ паспортомъ мнѣ нельзя круглый годъ, да безъ Дуни я и сама не останусь; а она господская; все думаю скопить деньжонокъ, да выкупить ее.

— Да попытайся, Марья, можетъ-быть, тебѣ и дадутъ паспортъ, съ которыми тебѣ можно будетъ жить въ Москвѣ; а для дочери возьми паспортъ изъ деревни, сказала я ей. Ну, а получала ты письма отъ мужа?

— Всего одну грамотку; да еще былъ въ отпуску солдатъ, латочный изъ нашей деревни, такъ сказывалъ о Васильѣ, что виѣстѣ съ нимъ въ одномъ полку служить, что ему хорошо, но все, говоритъ, что жлетъ не дождется, когда бы уволили въ отпускъ. Да и подшутилъ же надъ нами Матвѣй-солдатъ, что приходилъ. Грамотки онъ изъ дому получалъ, такъ и зналъ, что племянницу его отдали въ деревню, отъ насъ такъ-что версты три будетъ. Вотъ онъ напередъ къ ней и зашелъ: деревня-то на пути; пришелъ въ избу— а у насъ такое заведеніе въ деревняхъ, прохожаго, а колыни паче служиваго, напоить и накормить чѣмъ Богъ послалъ; а онъ же и съ крестикомъ. Ему-то угощеніе и на умъ не йдетъ, и все выспрашиваетъ о своихъ, а не признается, что я-де Матвѣй Бычковъ; да еще говоритъ: «знаю Матвѣя, онъ вамъ челобитые посылаетъ». Старшіе съ нами говорятъ, а молодуха-сноха хо-

дить, да прибирается по домашнему дѣлу. Вотъ онъ и спрашиваетъ: «а что это, никакъ сноха ваша?» — Да, господинъ-служивый, женили сына, вотъ о Покровѣ годъ будетъ. Тутъ ужъ онъ и сказалъ: «Здравствуй, племянница ж крестница!» Она, да старики, такъ и не вспомнились. «Ахъ, ты нашъ родчичъ! да какъ тебя Богъ принесъ? Племянница-то Прасковья ему въ ноги. «Ну, родная, теперь я и ко двору; я вѣдь то и спрашивалъ, всѣ ли живы и здоровы. Иду дорогой, да и думаю: застану ли всѣхъ стариковъ въ живыхъ, чтобъ ихъ порадовать и получить родительское благословеніе? Не бойсь, старѣхоньки? Дѣдушка все еще и скотинку приберетъ, и въ дѣсь за дровами сѣвднитъ. Да что мы здѣсь мѣшкаемъ? пойдемъ скорѣе! — Что ты, Параша, иди пѣшкомъ! Я для сватушки какъ-разъ запрягу лошаду, да и самъ съ вами поѣду; посмотрю на вашу радость. Вишь, Иванъ твой, какъ на грѣхъ, поѣхалъ за сѣномъ. — Приѣхали они; Матвѣй соскочилъ съ телеги, а дѣло было вечеромъ; вся семья сидѣла за столомъ: ужинали и батюшка его съ матушкой. Тутъ я вамъ и сказать не могу, сколько было радости; кажишь, все горе забыли! Вся деревня сбѣжалась. Вотъ онъ мнѣ и говоритъ: «Молись Богу, Марьяюшка, дождошся и ты своего Василья!»... А вотъ тому ужъ два года! Пошла она хлопотать о паспортѣ. Вѣдьно было прійти черезъ недѣлю; а когда пришла, ей и прочитали:

«Рядовой Василій Курьминъ, урожденецъ Большерѣцкой Волости, деревни Громовой, за отличіе произведенъ въ унтер-офицеры и награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена, во время кампаніи за Кавказомъ, въ 18... году, умеръ отъ ранъ въ лазаретѣ».

Ей дали вдовій паспортъ, съ которыми она могла жить, гдѣ хочетъ.

Нельзя было равнодушно смотрѣть на ея горькія слезы. Когда немного она успокоилась, то я ей сказала: «Не плачь, Марья! твоему Василью и на томъ свѣтѣ хорошо, потому-что, какъ ты сказываешь, человекъ былъ онъ

добрый. Вѣдь мы здѣсь въ гостяхъ гостили. — Я, матушка, и сама знаю, да сердце не терпѣть.

Этими словами она опровергла мою мудрость; но послѣ, время пришло на помощь къ ней, и она жила для своей дочери, съ которою переселилась въ городъ и которая утѣшала ее.

К. Авдѣва.

НѢЧТО О СВЕКЛОСАХАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВЪ РОССІИ.

Статья Е. Масляникова, *Взглядъ на свеклосахарную промышленность въ Россіи*, помѣщенная въ 61 номерѣ «Сѣверной Пчелы», неволью вызываетъ на указаніе ошибокъ, невѣрныхъ данныхъ, выводовъ и противорѣчій сочинителя статьи. Впрочемъ, если правда то, чего г. Масляниковъ не оспариваетъ, если правда, что «свеклосахарная промышленность въ Россіи должна быть «нераздѣльна съ земледѣліемъ», и если неоспоримо, какъ говоритъ далѣе сочинитель, что «свеклосахарная промышленность можетъ быть источникомъ выгоды не только частныхъ, но и народныхъ; если она займетъ огромный привозъ въ наше отечество иностраннаго сахарнаго песка, поощритъ трудолюбіе, займетъ сотни тысячъ рукъ, приведетъ въ движеніе капиталы и улучшить внутреннюю торговлю», и если бы было «не простительно оставить безъ вниманія промышленность столь благодѣтельную для народнаго хозяйства», то спрашивается, какимъ образомъ и въ какихъ рукахъ истинно-промышленныхъ людей, по мнѣнію сочинителя, «должна перейти эта отрасль, чтобъ сдѣлаться болѣе народною, и почему въ рукахъ земледѣльцевъ-хозяевъ она не можетъ скоро распространиться, почему она никогда не усовершенствуется до настоящей степени? Кто эти люди въ Россіи, которые

Т. LV. — Отд. VIII.

могли бы имѣть свеклосахарные заводы, не бывъ притомъ земледѣльцами-хозяевами? гдѣ эти заводчики не земледѣльцы, возьмутъ первый матеріалъ, какъ не у помѣщиковъ? Нашъ русскій, казенный крестьянинъ, при его наклонностяхъ, при нынѣшнихъ отношеніяхъ къ его такъ-называемому міру (обществу) никогда не можетъ доставить первый, сырой матеріалъ, то-есть свекловицу. Это корнеплодное растеніе у него не можетъ перейти въ поле при его трех-польной системѣ, при череполосномъ владѣніи съ его сосѣдствъ, при ежегодномъ почти дѣлѣжъ его загоновъ, при недостаткѣ улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій. Спрашивается далѣе, кто же эти истинно-промышленные сосѣди, въ рукахъ которыхъ эта промышленность усовершенствуется и скоро распространится? Купцы? мѣщане? Неужели сочинитель статьи въ самомъ дѣлѣ увѣренъ, что эти два сословія простѣнниче земледѣльцевъ-хозяевъ, т. е. русскаго дворянства? Самое же увѣреніе сочинителя, что свеклосахарная промышленность съ своего начала, 1800 г., находится въ младенческомъ состояніи, доказываетъ имѣть его недостаточное знаніе предмета.

Правда, генералъ Бланкевагелъ еще въ 1797 г. дѣлалъ опыты извлеченія сахара изъ свекловицы и построилъ въ 1802 г. первый заводъ; генералъ Герардъ и Иванъ Акимовичъ Мальцовъ, въ то самое время, какъ и во Франціи, первоначально взялись за эту отрасль, но на томъ остановилось дѣло до 1828 г. Можно ли назвать промышленностью существованіе одного, наконецъ двухъ малѣнькихъ заведеній? Въ 1828 г., когда вышли мерные ученики съ заводовъ Мальцова и Герарда, наслѣдника Бланкевагеля, въ Россіи начинали строить заводы, число которыхъ увеличилось послѣ въ тридцатыхъ годахъ, и теперь ихъ едва ли не до 240.

Въ то время заводчики продавали пудъ бѣлаго сахара отъ 30 до 45 р. ас., теперь онъ продается отъ 18 до 23 р.

Тогда патока продавалась по 5 р. за пудъ; теперь она рѣшительно не продается и не окупает провоза и бочки. Земледѣльцы-хозяева поятъ ею свой домашній скотъ. Какое употребленіе придумаютъ дѣлать изъ нея истинно-промышленные люди г. Масляникова, когда эта промышленность перейдетъ въ ихъ руки? Ромъ, неуступающій иностранному? Прекрасно! Пишущій эти строки нѣтъ въ 1834 г. при своемъ сахарномъ заводѣ водочный заводъ изъ патоки, и хороший мастеръ производилъ отличные ромъ и водки, но продажи не было, а процессовъ и пьяницъ развелось много! Еслибъ сочинитель «Взгляда на свеклосахарную промышленность въ Россіи» не упустилъ изъ вида условій нашихъ откуповъ и самихъ откупщиковъ, то и не упомянулъ бы о возможности дѣлать изъ патоки ромъ и продавать въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ существуютъ откупа.

Если при пониженіи цѣны на песокъ въ одну треть, а даже въ половину, сахарные заводы умножились въ пропорціи, какъ 2 къ 240, не смотря на то, что патока, которая прежде продавалась хорошо и покрывала почти всѣ надержки на покунку дровъ и костей, теперь вовсе не продается, то не слѣдуетъ ли заключить, что эта промышленность усовершенствовалась и доставляетъ выгоды, которыя ожидаетъ г. Масляниковъ отъ какихъ-то рукъ промышленниковъ, хозяевъ не-земледѣльцевъ? Далѣе, сочинитель статьи старается доказать выгоды нашихъ свеклосахарныхъ заводчиковъ не одними сужденіями, а вѣрными расчетами, основанными на положительныхъ знаніяхъ практическаго дѣла, нововывающими неоспоримыя и ясныя доказательства этихъ выгодъ, обращая свое вниманіе на свеклосахарное производство не по званію заводчика, но по практическому знанію дѣла, и беретъ по-вѣрней возможности опредѣлить среднюю цѣну выдѣлки свеклосахарнаго песка на нашихъ русскихъ заводахъ.

До сихъ-поръ полагали, что практическое, положительное знаніе какой-либо отрасли фабрикаціи можно приобрести только на самой фабрицѣ, и до тѣхъ-поръ, пока не будетъ доказано противное, каждому, особливо заводчику, позволено будетъ оспаривать право въ практическомъ знаніи сочинителя того предмета, о которомъ онъ взялся дать неоспоримыя и ясныя доказательства. Разсмотримъ же эти доказательства, основанныя на его же аксіомѣ, что казенная десятина даетъ болѣе 156 берковцевъ свекловицы урожая; берковецъ очищенныхъ корней болѣе 10 фунт. бѣлаго песка, или около 40 пудовъ песка съ десятины. Еслибъ аксіома 156 берк. урожая была вѣрна приблизительно, то должно бы опредѣлить, сколько останется свекловицы очищенной, для поступленія ея на терку, и если по практическому знанію сочинителя, болѣе чѣмъ сомнительному, потери при очищеніи и мытьѣ нѣтъ, то все-таки 156 берк. 10 ф. 1560 ф. 39 пуд. сахарнаго песка; но, по русской пословицѣ, не всякое лыко въ строку!

Въ теченіе девятнадцатилѣтняго существованія моего завода, средней урожай съ десятины въ 2400 сажень не превышалъ 60 берковцевъ. Въ 1834, 1840 и 1841 гг. не было вовсе урожая—*cassida affinis* и земляная блоха истребили все. Въ 1831 г. замерзло болѣе 13 десятинъ свекловицы 17 сентября и не оттаяло до весны, и болѣе 700 берк. мерзлой, въ погребѣ оттаявшей свеклы было кинуту по гнилости. Все это я не привожу въ счетъ средняго урожая: это случилось по несовершенности зрѣлому знанію практическаго дѣла, хотя бы и слѣдовало вычесть потерю изъ средняго урожая, потому-что въ тотъ годъ это приключилось почти со всеми заводчиками, и самому г. Масляникову, какъ знающему практику, это должно быть извѣстно. Остановимся на этихъ 60 берк. въ теченіе 19 лѣтъ средняго сложнаго урожая. Я призываю въ свидѣтели всѣхъ русскихъ заводчиковъ Средней Россіи, что это число и на ихъ

заводахъ — самое среднее число; и если позволено вѣрить въ вѣрные разсчеты, на положительномъ званіи практическаго дѣла не-заводчика г. Масляникова основаннымъ, то, кажется, практическое производство на самомъ заводѣ и собственныхъ вивахъ многихъ заводчиковъ заслуживаетъ еще болѣе довѣрія. Итакъ, на 156 берк., 60 должны служить основаніемъ разсчетовъ, сколько даетъ сахара одна казенная десятина, посѣянная свекловичей. По положенію сочинителя, 1 берк. очищенной свеклы даетъ 10 ф. блага песка; поэтому 600 ф. или 15 пуд. сахарнаго блага песка каждая десятина. И такъ, разниця только въ 23 пудахъ. По опредѣленной цѣнности 8 р. 20 к. с. за пудъ, выходитъ ошибочное предположеніе дохода съ десятины 205 руб. сер., или 717 руб. 50 коп. ассигнаціями.

Легко убѣдиться, что г-нъ Масляниковъ столь же мало знаетъ цѣны на сахаръ, какъ и объ урожаѣ. — Сахарный песокъ большею частію продается въ Москвѣ — центрѣ нашей торговли, и большая часть его съ 54-хъ заводовъ продается черезъ Ивана Богдановича Гошмана, комиссіонера Комитета Сахароваровъ. Нѣкоторые изъ этихъ заводовъ, которые г. Масляниковъ находитъ въ младенческомъ состояніи, доставляютъ произведенія отъ 20 до 40 тысячъ берковцевъ отличнаго песка. По книгамъ Гошмана, лучшій пробѣленный песокъ продавался по 24 руб. ассиг. на 6 мѣсяцевъ въ кредитъ, и по 23 руб. асс. на наличныя деньги. Между тѣмъ, какъ низкій сортъ блага песка продавался по 18 руб. ассиг. Если вычесть дисконто, который въ Москвѣ около 12%, на сто и два процента делькредера — всего 14 процентовъ, что составитъ на 6 мѣсяцевъ отъ 24 руб. за пудъ проданнаго песка 1 р. 56 к., то высшій сортъ продавъ отъ 22 р. 40 к. до 23 р. на наличныя деньги, а низкіе сорта по 18 руб. Стало-быть, средняя цѣна съ 1846-го на 1847-й, въ средней пропорціи, состояла въ 21 р. 50 к. Изъ этой суммы слѣдуетъ вы-

честь два процента за комиссію, 43 к., и около рубля за провозъ; посему сахаръ продавца не свыше 20 руб. асс. — 5 р. 71½, к. сереб., и фабриканту даде десятина свеклы 60 берк. по словамъ г. Масляникова 10 ф. сахара изъ берковца, 15 пудовъ, на девяти 300 р. асс. или 85 руб. 71½, коп. сереб. — Кромѣ книгъ комиссіонера отъ Комитета Сахароваровъ, Гошмана, и его отчетовъ за 54 завода, г. Масляниковъ и каждый можетъ удостовѣриться, что сахаръ продавался не дороже 23 руб. асс., изъ книгъ г. Усачева и другихъ значительныхъ московскихъ торговцевъ; но тамъ онъ увидитъ, что эти господа, покупая сахаръ для торговли, покупали дешевле, чѣмъ Гошманъ продавалъ его самимъ потребителямъ.

Г-нъ Масляниковъ выставляетъ слѣдующія числа: «въ Россіи 60 миліонновъ душъ — для нихъ нужно на каждую по полтора фунта сахара, всего 2,250,000 пудовъ. Заграничнаго было въ 1846 г. въ привозѣ 1,560,000 пуд., на сумму 12,756,000, что составляетъ по 8 руб. 20 коп. сереб. за каждый пудъ, полагая въ этой суммѣ и 2 руб. сереб. таможенной пошлины. За тѣмъ на нашихъ заводахъ выдѣлывается 700,000 пуд. Въ этомъ счетѣ опять недочеты въ 10 тысячъ пудовъ; но, вѣроятно, это для круглаго числа. Однакожъ, какъ сія послѣдняя цифра, 700,000 пудовъ сахара внутренняго производства, даетъ возможность опредѣлить на всюобщую пропорцію средней цѣны обработки собственнаго сахарнаго песка, это мы увидимъ изъ слѣдующихъ словъ сочинителя статьи, который говорить: «Передъ нами лежатъ нѣсколько отчетовъ свеклосахарныхъ заводчиковъ, изъ которыхъ хотя и видны разнообразныя мнѣнія касательно выходовъ свеклосахарнаго песка, но это служитъ только доказательствомъ тому, что знаніе дѣла не слѣзлось еще общими между промышленными людьми. Выгоды же по казаны болѣе или менѣе различныя отъ многихъ причинъ: отъ вліянія климата, отъ почвы земли и отъ спо-

•соба обработки. Повѣряя эти отчеты во всѣхъ видахъ и измѣненіяхъ, мы находимъ сложныя цѣны въ великороссійскихъ и малороссійскихъ губерніяхъ, и по этой сложности выводимъ на все количество, т. е. на 2,250,000 пуд. сахарнаго песку слѣдующее соображеніе. Изъ этой фразы видно, что передъ сочинителемъ лежали отчеты нѣсколькихъ свеклосахарныхъ заводчиковъ, съ разнообразными мнѣніями о выгодахъ песку изъ свекловицы и выгодахъ свеклосахарныхъ заводовъ. Отчетъ есть изложеніе факта при фабричномъ дѣлѣ, цѣлѣрный результатъ всего производства; мнѣніе же есть предположеніе, а не фактъ. Изъ отчетовъ согласныхъ или мало-отступающихъ другъ отъ друга, можно дѣлать заключенія и составлять собственное мнѣніе; но изъ разногласныхъ отчетовъ и при нихъ такихъ же мнѣній заводчиковъ, которые, по словамъ г-на Масляникова, доказываютъ только, что знаніе дѣла не сдѣлалось еще общимъ между ними—стало быть, фабрикантовъ, незнающихъ своего дѣла. Какъ изъ подобныхъ отчетовъ,

или мнѣній—называютъ это какъ вамъ угодно—можно выводить положительные результаты, когда данныя взяты отъ людей незнающихъ (по словамъ сочинителя), и къ-тому же мнѣнія и отчеты разнообразны, когда даже выходы песку и выгоды отъ заводовъ показаны различными? Какъ изъ подобныхъ отчетовъ вѣрно выводить сложныя цѣны въ великороссійскихъ и малороссійскихъ губерніяхъ? Это проблема! Даже трудно повѣрить подобные отчеты во всѣхъ видахъ и измѣненіяхъ; къ-тому же, кажется, повѣрять мнѣнія людей, незнающихъ своего предмета—значитъ терять время и трудъ и выводить вздоръ, изъ котораго нельзя приобрести практическаго знанія дѣла; мудрено даже получить правильное сужденіе и тѣмъ менѣе опредѣлять верными расчетами, основанными на невѣрныхъ данныхъ незнающихъ фабрикантовъ, или дать яснымъ доказательства этимъ выводу, основаннымъ на положительномъ знаніи практическаго дѣла. — Авторъ статьи говоритъ:

Казенная десятина хорошей земли даетъ бѣлаго песку около 40 пудовъ.

19-лѣтній опытъ, начертанный изъ строжайшей истины, а не разнообразныхъ отчетовъ незнающихъ промышленниковъ, доказываетъ, что вѣроатно подтверждать всѣ свеклосахарные заводчики, что десятина въ 2,400 квадратныхъ сажень хорошей земли даетъ среднимъ числомъ 60 берковцевъ, и чтобы не вездѣ оспаривать автора—каждый берковецъ очищенныхъ корней, положимъ, даетъ 10 фун. бѣлаго песку и 15 пуд. съ десятины.

Числа
автора.

Для полученія потребнаго для Россіи сахарнаго песку нужно послать свекловицей 56,000(*)

Полагая ей цѣну за нашъ по 5 руб. серебромъ, получаемъ 280,000

Числа
опытности.

. 150,000

По 5 руб. сереб. нанять огородную, годную подъ свекловицу землю невозможно въ средней Россіи, и потому примемъ 7 руб., какъ самую низкую цѣну: получимъ 150,000 × 7 = 1,050,000

(*) Ошибка небольшая—въ 250 десятинъ, опять для круглыхъ чиселъ.

Опредѣливъ количество земли, нужно опредѣлить работу на воздѣлываніе свекловицы отъ посѣва до перевоза на заводъ; для сей работы потребно работниковъ 1,600,000 челов. съ платой по 17 копѣекъ, работницъ 6,700,000 по 8 коп. и лошадей 1,200,000 по 28 к. сер. въ день, что составитъ сумму на каждую десятину съ небольшимъ 20 руб. сер. на всю сумму. . . 1,120,000

Свекловичныхъ сѣмянъ на 56,000 десятинъ 30,000 пудовъ по 2 руб. 50 копѣекъ. . . . 75,000

Работниковъ 700,000 человекъ по 10 копеекъ 1,400,000

Работницъ и мальчиковъ 20,000 чел. по 10 коп. 200,000

Лошадей 12,000 по 10 коп.. . . 120,000

Дровъ, по словамъ автора, нужно 85,000 куб. сажень, цѣной по 3 руб. съ доставкой къ заводу и перерубкой для толчи по 3 руб. серебромъ . . . 225,000

Извести, животнаго угля, мазута, масла, поправку машинъ, жалованье служащимъ постоянно на заводѣ и проч. мелочные расходы. 750,000

4,170,000

Проценты на эту сумму, какъ оборотный капиталъ по 6% въ годъ. 250,000

Проценты на погашеніе пяти милліоновъ вкладочнаго капитала, т. е. владѣнку на устройствѣ завода по 12% въ годъ. . . 60,000

Всего потребно на производство свекловичнаго сахара, ежегодно. 5,000,000

Здѣсь авторъ совершенно забылъ страхованье отъ огня 5 милліоновъ складочнаго капитала и 8,714,300 оборотнаго по 2%. Нособимъ его памяти . . . 274,286

Такъ какъ на 56,000 десятинъ, а 150,000 нужно посѣять, по 20 руб. $\times 150,000 =$. . . 3,000,000

На 150,000 десятинъ 90,000 пудовъ, по 2 руб. 50 коп. сереб. . . 225,000

Положимъ такъ 1,400,000

Положимъ такъ 200,000

Это не такъ; никто не дастъ свою лошадь въ работу за 10 коп. За эту цѣну кормъ и сбруи не заплачены, и нужно по крайней-мѣрѣ 20 коп., хотя авторъ выше самъ опредѣлилъ по 28 коп. въ день, и посему по 20 коп. выходитъ 240,000

На всѣхъ почти заводахъ нѣзвѣстно и принято въ расчетъ, что на 50 берк. свеклы расходуется одна кубическая сажень, считая обжигу угля, переварку патоки и проч., слѣдовательно 180,000 куб. сажень и средней цѣной по 3 рубля купить нельзя, но не спорю 540,000

Этой суммы 750,000 принято слишкомъ мало, положимъ только 1,000,000

7,655,000

Проценты на оборотный капиталъ по 6%. 459,300

Нѣтъ ни одного порядочнаго завода, устройство котораго стоило бы менѣе 20,000, но большая часть стоитъ сверхъ 50 до 100,000. Положимъ, по численію автора 60,000

Всего потребно на производство свеклольнаго сахара ежегодно 8,714,300

Всего на 8,988,586

Изъ сего расчета видно, что обработка каждаго пуда сахарнаго песка должна обходиться нашему заводчику съ небольшимъ 2 р. 20 к. сер.

Опредѣливъ такимъ образомъ ежегодные расходы на все потребной сахарному песку, перейдемъ къ оцѣнкѣ произведеній сахарныхъ заводовъ. Они состоятъ изъ песка и патоки и получаютъ въ слѣдующемъ количествѣ:

Песку бѣлаго 2,250,000, по 8 руб. 20 коп. 18,450,000

Патоки 1,000,000 пуд. по 70 коп. 700,000

Всего на сумму 19,150,000

Изъ сей суммы слѣдуетъ вычитать ежегодныя издержки на добываніе сахарнаго песку 500,000

За перевозку онаго отъ заводовъ до большихъ рынковъ и до мѣстъ гдѣ этотъ сахаръ будетъ рафинироваться, по 60 коп. съ пуда 1,350,000

Заплатить даже пошлину, какалъ взимается правительствомъ съ ввознаго иностраннаго песка, по 2 руб. съ пуда 4,500,000

Прибавьте къ расходамъ неурожайный 5-й годъ, что составитъ на 1 годъ 1,000,000

Всего 11,850,000

За тѣмъ осталось чистой прибыли 7,300,000

Что составитъ выгоды на употребленный для оборота капиталъ 150%.

«Какое другое заведеніе по части мануфактурной или заводской промышленности (продолжаетъ авторъ) доставитъ такія выгоды? Между тѣмъ заводы, устроенныя въ малороссійскомъ краю, въ маломъ размѣрѣ, составляютъ гораздо болѣе, именно, триста-двадцать процентовъ.»

Изъ сего расчета видно, что пудъ сахарнаго песка приходится заводчику слишкомъ 3 р. 70 коп. сереб.

Перейдемъ къ оцѣнкѣ сахарныхъ произведеній. Они состоятъ изъ песка и патоки; но такъ-какъ песка было 2,250,000 по-выше опредѣленной истинной цѣны 6 руб. 14²/₁₀ коп. на 13,667,928

Патока не имѣетъ никакой цѣны, продается на рѣдкихъ заводахъ; но опредѣлимъ ей цѣну противъ пуда сѣна. По деревнямъ, гдѣ устроены заводы, вездѣ можно купить по 6 коп. и посему 1.000,000 пуд. 70,000

Всего на . 13,737,928

Изъ сей суммы слѣдуетъ вычитать ежегодныя издержки на добываніе песка 8,988,588

Переводъ и коммиссія уже вычтены при опредѣленіи цѣнности песка въ 6 руб. 14²/₁₀ коп. по 85 коп.

Если бы платить пошлину, которая слала Богу и прозрачности нашего непочетнаго правительства, не существуетъ, то на всѣ 4,500,000 сахарныя фабрики остались бы въ 248,452 р. прибыли; но вычитая изъ сего 5-й неурожайный годъ въ 1,000,000

Издержки 14,488,588

Выручка 13,737,928

Убытокъ 700,658

Новое ученіе, что 7,300,000 выгоды на капиталъ въ 11,850,000 составляетъ 150%.

По правиламъ, изложеннымъ въ ариметикахъ, это составляло, до сихъ-поръ, 61²/₁₀%. Но что дѣлать! Авторъ статьи имѣетъ свой урожай, свои положительныя знанія практическаго дѣла, свои неоспоримыя, ясныя доказательства этихъ выгодъ (то-есть, что 11,850,000 руб. издержаннаго капита-

ла 7,300,000 прибыли, составляютъ 150 процентовъ), опредѣляютъ на основаніи передѣлѣ лежащихъ отчетовъ и мѣвній (у автора это все равно), происходящихъ отъ людей (по словамъ автора) незнающихъ своего дѣла, повѣрять эти отчеты во всѣхъ видахъ и измѣненіяхъ. Наконецъ, мы должны вѣрить на слово, что въ малороссійскомъ краю эта промышленность приноситъ именно 320 %. Что дѣлать, когда говорятъ, что промышленность, въ 19 лѣтъ умножившаяся въ пропорціи какъ 2 : 240—находится въ младенчествѣ, что она ожидаетъ только истинно-промышленныхъ людей, Богъ-знаетъ отлуда! что свекловица и ея разработка, на урожаѣ которой авторъ основалъ свои отчеты, должна перейти изъ рукъ земледѣльца къ людямъ истинно-промышленнымъ — которыхъ, впрочемъ, онъ не называетъ, хотя въ той же статьѣ обѣщается поговорить послѣ о особенныхъ ховяевахъ для воздѣлыванія свекловицы. Авторъ предсказываетъ, что, не смотря на эти блистательныя выгоды (что 7,300,000 доходу доставляетъ 150%, отъ 11,850,000) кромѣ ограниченности свеклосахарнаго производства (700,000, $\frac{1}{4}$ -я часть всей потребности Россіи) означенная промышленность, судя по всему, долго будетъ находиться у насъ въ младенчествѣ. Поэтому, вѣроятно, намекаетъ онъ при своихъ расчетахъ на пошлины, которыя, по видимому, желаетъ наложить на эту младенческую промышленность для усиленія ея...

Статья автора полезна, потому что научаетъ насъ слѣдующимъ истинамъ: 1-е) тотъ, кто публично увѣряетъ въ своемъ *практическомъ знаніи дѣла*, не долженъ ожидать безусловнаго довѣрія, а быть готовымъ на то, что его знаніе и всю статью его повѣрятъ. 2-е) Тотъ, кто судитъ о промышленности и выводитъ мильоны въ своихъ расчетахъ, долженъ съ математической точностью заняться цифрами, и при заглавіи статьи — *Политическая Экономія* вѣрнѣе прилагать тройное правило или

исчисленіе процентовъ, ибо 11,850,000 : 7,300,000, какъ 100 : $X \approx 61\frac{1}{2}\%$, а не 150%. 3-е) Разсужденія свои и выводы должно основывать на отчетахъ, сходныхъ между собою, а не противорѣчащихъ показаніямъ людей, незнающихъ своего дѣла (по словамъ автора).

Б. В. К.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Императорская Академія Художествъ 28 прошедшаго сентября имѣла общее собраніе, въ которомъ происходило слѣдующее:

Г. предсѣдательствующій, гг. почетные и дѣйствительные члены собрались въ конференц-залу въ 12 часовъ дня.

При звукѣ трубъ раздачи были награды, и между прочими золотыя медали перваго достоинства — художнику *Рицconi*, за написанную имъ картину, изображающую толкучій рынокъ; втораго достоинства: ученику *Сорокину*, за картину «Давидъ во рау львиномъ»; *Зеллеишу* — за «Сраженіе при Гроховѣ»; *Дорогову*, за картину, изображающую видъ Константинополя; *Жиберу* и *Штальбу*, за архитектурные проекты армаранъ.

Конференц-секретарь прочиталъ отчетъ Академіи за 1846—1847 академическій годъ. Журналъ общаго собранія подписанъ при игравіи музыки.

За тѣмъ г. предсѣдательствующій пригласилъ членовъ къ завтраку, въ продолженіе котораго провозглашено было пять тостовъ; послѣдній — за здравіе почетныхъ любителей и всѣхъ членовъ Академіи, и преуспѣваніе искусствъ въ Россіи къ чести, славѣ и пользѣ отечества.

Въ отчетѣ Академіи г. конференц-секретаря сказалъ:

«Въ Европѣ художества давно скоренны. Тамъ они подвергались различнымъ измѣненіямъ: то возвышались быстро, то останавливались въ ростѣ, то опять давали сѣбіе побѣги, то блекли и, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ вѣсковъ, едва теперь распространялись посемьшаму, хотя и не равно вездѣ процвѣтають!»

«У насъ художества не имѣли еще времени упадка и не упадутъ, очень, очень долго, если не получатъ направленія ложнаго... Художества свободны. Надобно желать только, чтобъ свобода ихъ не была употреблена во зло и чтобы они не возвратились вспять къ тѣмъ временамъ, когда искусства не были на степени, могущей служить примѣромъ. (У каждаго поколѣнія свои примѣры).»

«Всвышній благодѣтельствовалъ человека дарами не для того (пути Господни не исповѣданы), чтобы дары эти служили во вредъ, но и не съ тѣмъ, чтобы развитіе ихъ было задерживаемо мнѣніями временными, не всегда вѣрными. Богъ сотворилъ все прекрасно во вселенной; искусство сотворилъ человекъ силою гевія, ему Богомъ дарованнаго. Гдѣ предѣлъ искусства? Тамъ, гдѣ предѣлъ ума, духа человека. Но развѣ все уже исчерпано человекомъ? и развѣ прекрасное существуетъ лишь для того, чтобы льстить чувственности нашей? Нѣтъ! человекъ на землѣ можетъ провидѣть прекрасное поземное, небесное, чистое, святое и, художникъ! будь чистъ — мысли твои будутъ невинны, произведенія прекрасны, соответственны идеямъ высокаго, добраго и истиннаго, но тебѣ будетъ предстоять еще далекій путь къ совершенству!.. и тамъ, куда достиглауже искусство, не есть граница возможнаго совершенства!.. Идеалы безконечны многообразны. Стремись къ совершенству какъ такъ, чтобы лѣтъ даже палецъ ницъ предъ священнымъ изображеніемъ твоимъ, какъ Циперонъ флосоеъ и витія палецъ нѣкогда предъ завалиемъ Фидія.

«Всѣ изобрѣтенія, всѣ усовершенствованія, какія только творитъ гевій человекъ, не исчерпали возможности новыхъ изобрѣтеній, новыхъ усовершенствованій. Но все, что можетъ быть открыто или усовершенствовано впередъ — возможно лишь въ той мѣрѣ, какая предназначена существію вещей, ихъ природою, свойствомъ.

Какая же это мѣра? Эта мѣра та, которую знаетъ сотворившій все, которую далъ Онъ, которой искать неслѣды Онъ же Премудрый и Преплагій!

«Искусства, Его благостію даны намъ въ отраду на ученіе и наслажденіе чистое (пути Господни не исповѣданы); съ насъ исходятъ части Божественная, творщая духъ, нами дѣйствующій! И мы держимъ сказать духу — остановись, не возвышайся до Божественнаго? Нѣтъ, не должно быть этого!

«Мудрость правительства будетъ знать, какъ вести художества, какъ охранить чистоту искусства, какъ предотвратить уклоненія.

«Мужи мыслящіе, художники призванные, разумѣющіе значеніе искусства не сами собою, но только съ помощію Божіею могутъ опредѣлять типы великаго и святаго.

«Солнце сіяетъ при восходѣ чище, яснѣе, блистательнѣе, лучнаго меркнуть при закатѣ. Не отъ запада же ожидать намъ свѣтлаго полудня въ искусствѣ изящномъ, священномъ...»

Дѣйствительно, ни въ какомъ, можетъ-быть, отношеніи нельзя справедливѣе сравнить развитіе художества съ движеніемъ дневнаго свѣтла, какъ въ-отношеніи стремленія нашихъ художниковъ на западъ Европы, гдѣ, по словамъ почтеннаго конференц-секретаря Академіи — художества давно вкоренены и распространены повсемѣстно. Мудрое правительство всѣми средствами содѣйствуетъ этому нормальному стремленію.

Пансіонерамъ Эпингеру и Бейно, для которыхъ положенный срокъ пребыванія въ чужихъ краяхъ кончился въ августѣ мѣсяцѣ, дозволено еще пробыть за границею для художественныхъ занятій: первому до весны 1848 года, а второму цѣлый годъ, съ производствомъ имъ на содержаніе получаемыхъ по 300 червонныхъ въ годъ.

Находящемуся на своемъ иждивеніи за границею для усовершенствованія въ живописи баталической, оставшему поручику Сверчкову, назначено производить на содержаніе по 300 червонцевъ въ годъ, въ-теченіе трехъ лѣтъ.

Отправлены на казенный счет за границу, для усовершенствованія въ художествахъ, пансіонеры: Коцебу — по живописи баталической; Тихообразовъ, Калковъ и Александръ Каминскій—по живописи исторической.

На свой счет отправлялись за границу: Иванъ Горностаевъ, для усовершенствованія въ архитектурѣ; Стефанъ Делавезъ — въ живописи исторической; Петръ Фурманъ — въ живописи акварельной; Францъ Завадскій — въ портретной; Албертъ Жаметь—въ пейзажной.

Для ободренія художника-любителя, отставшаго подполковника Бориспольца, Академія приобрѣла у него за тысячу рублей серебромъ копію съ картины Тиціана «Положеніе во гробъ Спасителя», находящейся въ луврской галереѣ въ Парижѣ, и, сверхъ-того, поручила ему снять въ Венеціи копію съ одного изъ огромныхъ и совершеннѣйшихъ произведеній Тиціана же: «Убіеніе Петра Доминиканца».

Возвратились изъ чужихъ краевъ: архитекторы Бенуа и Монигетти, пейзажистъ Фрике и историческій живописецъ Серебряковъ.

Не смотря на такое стремленіе нашихъ художниковъ на Западъ, дѣятельность ихъ въ отечествѣ обуславливается потребностями людей, ихъ окружающихъ. Здѣсь, какъ и вездѣ, производительныя силы зависятъ отъ потребленія. На какой родъ сильнѣе запросъ, того рода и художниковъ больше. Такъ изъ получившихъ билеты на посѣщеніе художественныхъ классовъ Академіи, занимались:

Историческую и портретную живописью.	55
Архитектурою.	42
Живописью пейзажною.	3
Скульптурою	3
Медальернымъ искусствомъ.	1
Гравированіемъ на мѣди.	1

Занятія членовъ Академіи оправдываютъ также законъ производительности.

Работами для Исакиевскаго Собора занимались:

1) Профессоръ баронъ Клодтъ фонъ Юргенбургъ — вылѣпилъ барельефъ, представляющій положеніе во гробъ Христа Спасителя. 2) Профессоръ Витали — кончилъ модель внутреннихъ дверей для собора, вылѣпилъ 26 колоссальныхъ фигуръ пророковъ, апостоловъ и ангеловъ, и три круглые колоссальные барельефа съ изображеніями ангеловъ. 3) Академикъ Логановскій — провзвелъ двѣ колоссальныя головы херувимовъ. 4) Заслуженный ректоръ В. К. Шебуевъ — окончилъ картонъ: «Спаситель, исцѣляющій сына вловницы вавилонской». 5) Профессоръ К. Брюловъ писалъ плафонъ въ куполѣ собора, представляющій Божию Матерь во славу. 6) Профессоръ Бруни — написалъ въ той же церкви картины, изображающія потопъ, жертвоприношеніе Ноя послѣ потопа и сотвореніе міра. 7) Профессоръ Басинъ — въ правомъ предѣлѣ написалъ плафонъ, представляющій взятіе Божіей Матери на небо; полукруглую картину: мученіе св. Екатерины и въ аттикѣ картину, изображающую нагорную проповѣдь Иисуса Христа. 8) Профессоръ Марковъ писалъ картину: Иосифъ, принимающій отца своего Іакова и братьевъ въ Египтѣ. 9) Профессоръ Живаго написалъ восемь образовъ св. пророковъ для третьяго яруса главнаго иконостаса. 10) Академикъ Ф. Брюловъ писалъ образа для большаго иконостаса. 11) Академикъ Риссъ нарисовалъ картины: главную половину плафона для малаго купола, съ изображеніемъ прославленной Февроніи, Петра митрополита, благословляющаго великаго князя Іоанна Даниловича Калиту на построеніе въ Москвѣ Успенскаго Собора и пророчествующаго о величій Россіи; оглашеніе св. великаго князя Владиміра въ христіанскую вѣру; предложеніе великому князю Владиміру христіанской вѣры (по послѣднему картону г. Риссъ написалъ уже картину на стѣнѣ Собора въ аркѣ подъ куполомъ) и въ самомъ куполѣ картину, изображающую прославленнаго Исаакія. 12) Академикъ Майковъ писалъ также

образа для Исакиевского Собора, которые будут помещены въ одномъ изъ малыхъ иконостасовъ. 13) Академикъ Нефъ занимался писаніемъ образовъ: Божіей Матери съ младенцемъ Іисусомъ, святыхъ апостоловъ Петра и Павла, св. Исаакія и св. Екатерины, вознесенія Господня и введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы. 14) Академикъ Алексѣевъ написалъ въ аттикѣ собора картину: переходъ Израильскихъ чрезъ Черное-Море и картину, изображающую Вѣру, Надежду и Любовь; кромѣ того дѣлалъ этюды для вновь-предстоящихъ работъ въ соборѣ. 15) Академикъ Плюшаръ написалъ двѣ картины на стѣнѣ собора: Богъ является въ купинѣ Моисею, и принесеніе Авраамомъ въ жертву сына его Исаака. 16) Также занимался живописью образовъ для Исакиевского Собора и академикъ Дуси. 17) Академикъ Шашинъ написалъ картину, изображающую Іисуса Навина, останавливающего солнце. 18) Академикъ Молдавскій, состоя при построеніи Исакиевского Собора рисовальщикомъ, занимался рисованіемъ съ скульптурныхъ произведеній, сдѣланныхъ для собора, также составленіемъ равныхъ историческихъ сюжетовъ, виветокъ и фигуръ акварелью и рисованіемъ для гравировки иглою со статуй, барельефовъ и живописныхъ произведеній, для издавія, предпринятаго главнымъ архитекторомъ собора г. Монферрандомъ, подъ названіемъ: l'Eglise de St. Isaac; началъ писать образа св. архидіаконовъ Стефана и Лаврентія, и приготовляетъ картоны для образовъ четырехъ вселенскихъ учителей. 19) Академикъ Шрейберъ, находясь на службѣ при построеніи Исакиевского Собора младшимъ архитекторомъ, сочинялъ и рисовалъ проекты для утвержденія всѣхъ остальныхъ еще потребныхъ украшеній повнутренности собора, составлялъ проекты и сметы на внутреннія устройства лѣсовъ и новыхъ деревянныхъ и каменныхъ строеній при соборѣ, наблюдалъ и указывалъ всѣ работы и присылалъ всѣ табловы, для украшенія

скульптурныхъ и мраморныхъ работъ. 20) Наконецъ, почетный вольный общникъ де-Монферрандъ управлялъ постройкою и внутреннею отделкою Исакиевского Собора. Кромѣ исчисленныхъ работъ по живописи и скульптурѣ, подъ собственнымъ наблюденіемъ его въ прошедшемъ году исполнено: оканчивались фальшивомраморныя работы на стѣнахъ внутри собора и поставка на мѣсто бронзовыхъ гальванопластическихъ и фальшивомраморныхъ украшеній; производилась мраморная обшивка въ боковыхъ проходахъ и въ амбразурахъ оконъ въ подвалѣ; продолжалась отливка, чеканка и позолота гальванопластическимъ способомъ бронзовыхъ базъ и капителей для колоннъ и пиластръ внутри собора; оканчивалось тѣмъ же способомъ производство 12 колоссальныхъ фигуръ ангеловъ для украшенія внутри главнаго купола, 3 фигуръ, изображающихъ св. апостоловъ Петра и Павла и евангелиста Іоанна для постановки на сѣверномъ фронтонѣ; отлиты и отдѣланы 8 бронзовыхъ фигуръ, изображающихъ евангелистовъ и апостоловъ, для постановки на прочихъ трехъ фронтонахъ; установлены на мѣста два бронзовые барельефа: Несеніе креста и Возвѣщеніе ангелами пастырямъ о рожденіи Спасителя; окончена отливка колоколовъ; изготовлены желѣзные укрѣпленія для украшеній въ сводахъ и сдѣланы изъ мрамора цоколь внутри собора; устроены лѣса для занимающихся живописью въ соборѣ, и проч.

Работами для другихъ церквей занимались:

Вице-президентъ Академіи графъ *Ө. П. Толстой*, занимался лѣшкою входныхъ дверей для московскаго храма Христа Спасителя. Академикъ *Лоановскій* сочинялъ скульптурные образа для наружной стороны того храма. Академикъ Антонъ *Ивановъ* для той же церкви вылѣпилъ въ главѣ образъ верска Божія Матери и приготовилъ въ рисункахъ образа св. Мученика Лавра, св. Сергія Родоневскаго, св. Григорія Двоеслова, св. мученика Хрисан-

оа и св. Іоанна Крестителя. В. К. Шубертъ писалъ священныя картины для церкви Конно-Гвардейскаго Полка, для которой писалъ образъ и профессоръ Марковъ. Академикъ Дусъ занимался живописью для вновь-строющейся церкви на Тентелевскомъ Кладбищѣ. Академикъ Скотти окончилъ иконостасъ для главной соборной церкви нижегородской ярмарки, состоящій изъ 28 образовъ, и приступилъ къ изготовленію двухъ малыхъ иконостасовъ въ придѣлы Конно-Гвардейской Церкви, которые состоятъ изъ 34 образовъ. Профессоръ К. Тонъ продолжалъ наблюдение за постройками по его проектамъ храма Спасителя въ Москвѣ и церкви Конно-Гвардейскаго Полка въ Санктпетербургѣ. Профессоръ Мейеръ занимался проектами церквей для удаленныхъ мѣстъ. Профессоръ Кузьминъ строилъ церковь въ Гатчинѣ и составилъ проекты: церкви для русскаго посольства въ Греціи, въ Аѳонны; сельской церкви для тайнаго совѣтника Селигина и армянской церкви въ южный край Арменіи. Академикъ Болѣ строилъ церковь для князя М. В. Кочубея въ Сергіевской Пустыни. Академикъ Львовъ составилъ проектъ и приступилъ къ постройкѣ каменной церкви на дачѣ княгини Салтыковой. Академикъ Руско окончилъ постройку церкви въ Ивангородской Крѣпости.

По частнымъ заказамъ. Профессоръ Витали сдѣлалъ надгробный памятникъ по заказу княгини Бѣлосельской-Бѣлозерской. Академикъ Тербеневъ выдѣлалъ бюстъ покойнаго санктпетбургскаго военнаго генерал-губернатора М. Е. Храповицкаго, который и началъ высѣкать изъ мрамора. Заслуженный профессоръ Егоровъ написалъ образъ покровы Пресвятыя Богородицы для полковника Шварца. Портреты по частнымъ заказамъ писалъ: профессоръ К. Брюловъ, академики Тыняновъ, Плюшаръ, Дусъ, Будкинъ, Васильевъ, Клиндеръ, Винбергъ и Ланкоуъ. Академикъ Клепиковъ вырѣзалъ нѣсколько дворянскихъ гербовъ на разныхъ камняхъ.

Кромѣ того по части скульптуры:

Профессоръ баронъ Клодъ фон-Юргенсбургъ выдѣлалъ часть барельефа для вновь-выстроеннаго придворно-служительскаго дома при Мраморномъ Дворцѣ и сдѣлалъ колоссальную группу коня съ водничимъ для Аничковскаго Моста.

Профессоръ Витали высѣкъ изъ мрамора два бюста въ Бозѣ почивающей великой княгини Александры Николаевны.

Академикъ Токаревъ сдѣлалъ для Императорскаго Музея колоссальную статую Рафаэля Моргена.

Академикъ Тербеневъ; по вѣренной ему скульптурной гранитной работѣ для того же Музея, привелъ къ окончанію всѣхъ 119 колоссальныхъ термовъ, которые и установлены на мѣста; производилъ колоссальныя гранитныя каріатиды; къ окнамъ Рафаэлевой Галереи выдѣлалъ круглую фигуру, изображающую Славу и нѣсколько медальоновъ; началъ модель фронтона и нѣсколько круглыхъ колоссальныхъ статуй, представляющихъ извѣстныхъ своими твореніями художниковъ и другія украшенія для этого музеума. Кромѣ того, г. Тербеневъ произвелъ для подарка его королевскому высочеству наследному принцу прусскому четыре гранитные колоссальные терма.

Академикъ Нефъ написалъ портреты Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великой Княгини Маріи Николаевны и Великихъ Князей Маріи Михайловны, Екатерины Михайловны и Маріи Максимиліановны.

По живописи пейзажной и перспективной:

Заслуженный профессоръ Воробьевъ окончилъ нѣсколько картинъ изъ видовъ Палермо, написалъ нѣсколько видовъ Рима и другихъ.

Академикъ И. Ивановъ занимался составленіемъ рисунковъ вѣдлѣій для Императорскаго Стекланнаго Завода.

По живописи акварельной:

Академикъ Солнцева, занимаясь рисованьемъ по части археологій и этнографіи, сдѣлалъ 42 рисунка съ древно-

стей, хранящихся въ Москвѣ, Кіевѣ и ризницѣ Санктпетербургскаго Зимняго Дворца; два рисунка украшеній дежурной фрейлянской комнаты для живописи и шпатель для вновь-строющагося Московскаго Дворца; изготовилъ двѣ молитвенныя книжки съ разными рисунками, и теперь составляетъ рисунки серебряныхъ чайныхъ и столовыхъ приборовъ для Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича.

Академикъ Рокитнулъ занимался составленіемъ альбома для Государя Императора изъ рисунковъ древностей, находящихся въ Царскосельскомъ Арсеналѣ.

Академикъ Винбергъ написалъ нѣсколько портретовъ августѣйшихъ членовъ Императорской фамиліи.

По живописи баталической:

Профессоръ Ладурьеръ писалъ военныя сцены и костюмы для Государя Императора.

Академикъ Вилевальде окончилъ картину «Сраженіе при Парижѣ» и приводитъ уже къ окончанію «Сраженіе при Дрезденѣ».

По живописи морскихъ видовъ:

Изъ весьма-многихъ морскихъ картинъ профессора Айвазовскаго особенно замѣчательнъ написанный имъ для Е. И. В. Великой Книжныи Маріи Николаевны видъ отъ Троицкаго-Моста на Неву къ Баржѣ въ лѣтній вечеръ.

По живописи комнатной орнаментной:

Академикъ Медичи производилъ живописныя работы въ Заменскомъ Государыни Императрицы шпѣивъ; на дачѣ Ея Величества Александрии — во дворцѣ, на фермѣ и во вновь-выстроенномъ готическомъ домикѣ Ревелла, въ Ропшинскомъ Дворцѣ, и теперь занимается работами по собственному Его Величества дворцу.

По трафаретной на мѣди:

Заслуженный профессоръ Уткинъ, профессоръ Галактионовъ и академики Ческій и Леонасьевъ.

По части медальернаго искусства:

Профессоръ П. Уткинъ и академикъ Клешиковъ.

По части мозаичскаго искусства:
Академикъ Веклеръ.

По части архитектуры занимались тридцать членовъ Академіи; изъ нихъ, между-прочимъ, профессоръ А. Брюловъ перестраивалъ Мраморный-Дворецъ внутри. Профессоръ Кеніковъ продолжалъ постройку Императорскаго Музеума и дома для Министерства Государственныхъ Имуществъ. Профессоръ Штакеишнейдеръ окончилъ постройку Ревеллы въ Петергофѣ, внутреннюю отдѣлку Итальянскаго-Домика на Ольгиномъ - Островѣ, загороднаго дома въ Гостилицѣхъ; началъ наружную и внутреннюю отдѣлки павильона у Сампсоньевскаго-Бассейна; возобновилъ картинную галерею въ Большомъ Петергофскомъ Дворцѣ и нѣсколько комнатъ и залъ въ большомъ дворцѣ въ городѣ Павловскѣ, оканчивалъ постройку домовъ графа Кушелева и гофмаршала Олсуеьева, составилъ проектъ и началъ перестройку дома наследниковъ князя Бѣлосельскаго-Бѣловерскаго и вынѣ отдѣливаетъ во дворцѣ собственные комнаты Государыни Императрицы.

Профессоръ Желъзевичъ строилъ въ С. Петербургѣ, по собственнымъ планамъ и проектамъ, зданія для локомотивовъ и вагоновъ санктпетербургско-московской желѣзной дороги.

— Съ того же самаго дня, когда былъ прочтенъ приведенный нами отчетъ, началась и годовая выставка въ Императорской Академіи Художествъ. Эта выставка тѣмъ особенно замѣчательна, что объ ней очень-мало говорили, что не произвела она никакихъ толковъ, тогда-какъ наша публика, наши строители и судьи могли найти тамъ не только всѣ тѣ предметы, которыми они привыкли ежегодно восхищаться, но и еще многое, дѣйствительно заслуживающее вниманіе. Во все продолженіе выставки, мало видно было каретъ у академическаго подъѣзда; въ залахъ расхаживали по-большой-части свои люди, художники, и нѣсколько постороннихъ зрителей... но вообще бы-

ло просторно. За исключеніемъ ротонды, въ которой разставлено было нѣсколько пейзажей въ очень-красивыхъ рамкахъ, нигдѣ не группировались зрители... Не видно было почтенныхъ маменекъ съ нисходящей прогрессіей дочекъ, сопровождаемыхъ свѣтскимъ юношей, знакомою въ искусствахъ, лично-знакомымъ чуть не со всѣми художниками, считающимъ своею обязанностью сообщать объ нихъ нѣкоторыя біографическія замѣтки, какой нелюдимъ тотъ-то, какъ навелъ онъ на мысль такого-то и т. п. . Не было и гувернантокъ въ синихъ ватныхъ платьяхъ, съ ломкими таліями ось (taille de guêpe), съ рѣзвыми питомицами въ шотландскихъ юбкахъ и шерстянымъ чулочка въ выше кольтихъ, гувернантокъ, конвоируемыхъ исполненными надеждъ юношей... Не видать было и господина, который въ прежніе годы, обыкновенно, стоя передъ картиной, много говорилъ о заграничныхъ галереяхъ, сыпалъ именами великихъ мастеровъ, восторгался, говоря о живописныхъ мѣстностяхъ... разъ какъ-то съ похвалою отзывался о высотахъ Атласа и тѣмъ уничтожилъ пейзажъ, на которомъ, къ несчастію, изображена была недостойная вниманія природа Кавказа... тутъ же на мѣстѣ скои-фузилъ совѣтъ посторонняго посѣтителя, который въ простотѣ сердца любовался картиной, и черезъ нѣсколько минутъ, въ другомъ концѣ залы, излагалъ самыя смѣлыя мысли о степяхъ Месопотаміи и чуть-ли не о кордильерскихъ дѣсахъ. Даже и этотъ изящный любитель изящныхъ искусствъ не пришелъ! Сначала было даже какъ-то не доко: хотѣлось-было составить отчетливое живіе о ландшафтѣ, изображающемъ шестивесельную гячку, а въ ней офика въ задумчивости... — вотъ, думаю, подойдетъ давно знакомый знатокъ, распространится о Клод-Лоренцѣ, Жозефѣ Вернѣ, Каналетти, Сальваторѣ-Розѣ... прислушаюсь, проникнусь замѣчаніями и — заключу... Но нѣтъ: не дождался галерея Академіи своего обычнаго посѣтителя и цѣнителя,

и намъ пришлось остаться при собственныхъ впечатлѣніяхъ!

Всего замѣчательнѣе, что и тѣ изъ посѣтителей выставки, которые приходили въ Академію не въ видахъ развитія ума и сердца дѣтей, а просто съ желаніемъ посмотреть работы русскихъ художниковъ, даже и эти люди, вовсе неутратившіе впечатлительности, неизбалованные иностранцами галереями и красотами Атласа и Кордильеровъ, даже и они какъ-то особенно спокойно расхаживали отъ картины къ картинѣ. А между тѣмъ, нельзя сказать, чтобъ выставка была не разнообразна: тутъ были и глубоко-задумавные, строго-начертанные картоны для Исакиевской Церкви, и морскіе виды съ луннымъ свѣтомъ и огоньками на берегу и перспектива церквей, и копія съ итальянскихъ мастеровъ, и портреты пріятныхъ людей въ шитыхъ муздирахъ и шелковыхъ платьяхъ, и неизвѣстно которое подражаніе картинѣ г. Михайлова: «крестьянская дѣвушка, ставящая свѣчу передъ образомъ», и виды садовъ, съ посыпанными рововымъ пескомъ дорожками и подстриженнымъ дерномъ, и картины баталій «съ барабанами, солдатами и копами», съ огнемъ и дымомъ; были тутъ и Давидъ во рву со львомъ, и Иродіада со главою Іоанна Крестителя, и пришествіе Маріи въ домъ Захаріа; не доставало только обычныхъ цѣтговъ и плодговъ.

Отъ-чего же, въ-самомъ-дѣлѣ, такая безучастность? Отъ-чего не тѣснились посѣтители передъ картиной, изображающей «внутренность церкви Почтоваго Департамента»? Отъ-чего не заглядывались заходя съ разныхъ сторонъ, свернувъ руку трубкой и приставля къ главу, не приходили въ восторгъ отъ удивительно-отгѣннаго подсвѣчника? Отъ-чего не слышно было трогательныхъ замѣчаній: «вотъ тутъ въ этомъ углу всегда стоитъ Иванъ Ивановичъ»; «посмотрите, какъ натурально горитъ свѣча, хочется въ руки взять», и т. п? Отъ-чего не видать было строгихъ знатковъ подлѣ

картины «Сраженіе при Гроховѣ», не слышно было дѣльных замѣчаній объ ошибкахъ въ строчкѣ перевязи, въ оконкѣ лафета?.. Отъ чего, наконецъ, не пробуждали общаго энтузіазма ландшафты г-на Шульмана, исполненные драматическаго интереса: по словамъ одной газеты?...

По-видимому, фактъ совсѣмъ не утѣшительный, а между-тѣмъ, поразмысливъ, невольно приходишь къ убѣжденію, что въ этомъ равнодушіи заключается самое краснорѣчивое признание достоинства нѣкоторыхъ дѣйствительно-превосходныхъ произведеній нынѣшней выставки, и, что еще важнѣе, оно служитъ доказательствомъ развитію художественнаго вкуса въ большинствѣ публики и необходимо вытекающей изъ того *требовательности*. Тѣ самыя живописныя издѣлія, которыя еще очень-недавно заинтересовали бы любителей отечественнаго искусства, въ настоящее время тѣмъ же самыя любителями были оставлены безъ всякаго вниманія; многіе даже до того удовлетворились видами Кронштадтовъ, Ревелей, всякихъ бурь съ молніями и безъ молній, съ кострами и безъ костровъ, такъ пресытились безчисленными изображеніями. Чересовъ, донскихъ, уральскихъ, линейныхъ и иныхъ казаковъ, въ самыхъ лучшихъ, самыхъ новыхъ мундирахъ, выстроенныхъ во фронтъ, отдыхающихъ на травкѣ, курящихъ трубку, или бющихъ супостата саблею, пикою, застрѣливающихся его изъ ружья или изъ пистолета, — такъ навосхищались картинами, изображающими стаканъ съ водой, вѣтку смородины, зажженную свѣчку или отличные грибы березовые и подосиновые, что въ нынѣшнемъ году предпочли не ходить въ Академію, потому-что они напередъ знаютъ, что тамъ будетъ... Наконецъ, есть картины, содержащія болѣе-серьезнаго, при соображеніи которыхъ слѣдуетъ сосредоточиваться и проникаться чѣмъ-то особеннымъ... Но и въ-отношеніи этихъ картинъ произошла переища въ обра-

зѣ мыслей публики. Съ каждымъ годомъ становилось какъ-то труднѣе ими проникаться; долго, очень долго считали необходимыми, постоять передъ картономъ, изображающимъ натурщика въ самомъ эксцентрическомъ пассажѣ: читающимъ большую книгу in-folio, разсматривающимъ черепъ, или просто созерцающимъ небо, иногда въ сообществѣ вола, большой птицы, или мальчика съ крыльями, постоять и отойти въ сторону, дать отдохнуть глазамъ и позволить себѣ грѣшную мысль о предстоящемъ обѣдѣ съ горячимъ супомъ и стаканомъ вина... Художники въ произведеніяхъ этого рода обращаютъ вниманіе на знаніе анатоміи, на строгость рисунка, вообще на техническую сторону исполненія; но много ли такихъ любителей, которыхъ бы взяла охота идти смотреть картину потому только, что на ней хорошо отгѣнены мускулы!

Съ другой стороны, удивительно ли, что публика, приглядѣвшася къ картонамъ Брюлова, къ его «Взятію на небо», къ его портретамъ, къ ландшафтамъ Калама, къ «Поцалу» и «Русалкѣ» Мюллера, сдѣлалась въискательна?

Добросовѣтность исповнненія, трудность тѣмы не удавать нашихъ любителей, именно потому, что русскій художникъ (если только онъ дѣйствительно художникъ), всегда избираетъ задачи не легкія, для выполненія которыхъ нужно положить много силъ, много труда; даже въ неудачныхъ его опытахъ всегда замѣтны приемы широкіе, выражающіе его убѣжденіе въ необходимости выполнить многостороннія условія художественнаго произведенія. Самая добросовѣтность исполненія въ этомъ случаѣ указываетъ на недостатки. Русскій художникъ, особенно прошедшій всю строгую академическую школу, не умѣетъ шутить искусствомъ. Причина малаго успѣха его произведеній часто происходитъ отъ неудачнаго выбора сюжета, отъ благородной не-привычки выѣзжать на эффектахъ,

отъ неумѣнья распорядиться своими силами, воспользоваться удачными мѣстами своей картины — такъ, чтобы вниманіе зрителя сосредоточилось именно на этихъ мѣстахъ, и замыкать какъ-нибудь остальное, плохо-обдуманное и неподдававшееся вѣсти. Онъ, на-примѣръ, знаетъ, что все должно быть писано съ натуры, и держится этого правила болѣе или менѣе крѣпко; но, попробуй онъ изъ головы съ-размаха написать одну изъ такихъ фигуръ своей картины, и эта фигура будетъ бросаться въ глаза, а не будетъ въ ней подлинности, правдоподобности, не будетъ припрятано по-искуснѣй, какъ то сдѣлалъ бы художникъ другой школы.

Въ каждомъ школьномъ учебникѣ, будь то исторія, теорія словесности, *propeudentica juris*, политическая экономія, непремѣнно, чуть не на первой страницѣ, прописано, что историкъ долженъ быть философъ, долженъ звать науки юридическія, политическія, долженъ быть знакомъ съ иностранными литературами, долженъ писать увлекательно; юристъ обязанъ черпать изъ сокровищницы исторіи и на фактахъ прошедшаго основывать свои выводы; ораторъ, поэтъ, для того, чтобы потрясать сердце, увлекать читателей и слушателей, долженъ глубоко вучить сердце человеческое; коротче, всѣ они должны быть психологами — а въ психологіи опять, во главѣ необходимыхъ вспомогательныхъ наукъ стоятъ исторія, право, анатомія, фибіологія, вообще естественныя науки; да, сверхъ-того, тамъ же сказано, что всѣ эти знанія только въ такомъ случаѣ приведутъ ученаго къ удивительно-творительнымъ результатамъ, если онъ будетъ постоянно и неутомимо изучать людей въ разныхъ сферахъ общества...

На исю дн, какъ день, послѣ этого, что человекъ, поставившій себя платическому искусству, котораго залача та же — плѣнять, увлекать, потрясать сердца — что этотъ человекъ въ свою очередь тоже долженъ быть философомъ и философомъ?

А въ какой мѣрѣ способствуетъ такому всестороннему развитію положеніе, въ которомъ живутъ наши художники, давно уже высказано Гоголемъ въ его повѣсти «Портретъ»:

«Молодой Чертковъ былъ художникъ съ талантомъ, пророчившимъ многое: вспышками и игновеньями его кисть отзывалась наблюдательностью, соображеніемъ, шибкимъ порывомъ приближаться болѣе къ природѣ.

Ему казалось даже, что двѣнадцатый вѣкъ кое-въ-чемъ значительно нхъ (старинныхъ мастеровъ) опередилъ, что подражаніе природѣ сдѣлалось теперь ярче, живѣе, ближе; словомъ, онъ думалъ въ этотъ случай такъ, какъ думаетъ молодость, уже постигшая какъ-то и чувствующая это въ гордымъ опутреннеломъ сознаніи.

Занятый весь своей работой, онъ забывалъ и питье, и пищу, и весь свѣтъ, но . . . когда не на чмд было купить кистей и красокъ, когда неотвязчивый хозяинъ приходилъ разъ по десяти на день требовать платы за квартиру, тогда завидно рисовалась въ голодномъ воображеніи участь богача-живописца; тогда пробѣгала даже мысль, *пробѣгающая часто въ русской голодѣ: бросить все и закупить съ-зарѣ на зло всему!»* (*)

Дѣйствительно, большая часть произведеній, носящихъ на себѣ печать таланта и трудолюбія, не обратила на себя вниманія публики преимущественно потому, что содержаніе, избранное художниками, не соответствовало современной потребности; и нельзя винить ихъ безусловно, что не разгадали они этой потребности... Хорошо ужъ и то, что по этимъ произведеніямъ ясно видно, что намъ грѣхъ жаловаться на безлюдье...

Но пора перейти къ иной дѣйствительности, пора назвать потерпѣливому читателю картины, которыя вышлия намъ эту длинную прелюдію, которая могла бы пойти и еще далѣе, захватить много и другихъ

(*) См. Сочиненія Н. Гоголя, томъ III, стр. 146—8.

завлекательныхъ вопросовъ, но на этотъ разъ довольно....

Въ сотый разъ полюбовавшись художественнымъ крыльцомъ Академіи, мы вступили въ ротонду... Тутъ на самыхъ видныхъ мѣстахъ помѣщены были шесть морскихъ видовъ художника - любителя г. Шульмана. Объ этихъ произведеніяхъ въ 228-мъ № Санктпетербургскихъ Вѣдомостей сказано слѣдующее: «Молодой художникъ, которому мы обязаны этими картинами, бесспорно обладаетъ талантомъ въ призваніи... выкинувъ глубоко въ свой предметъ, онъ сдѣлается замѣчательнымъ художникомъ, пѣномъ моря (?)... и т. п. Какъ это случилось, не знаемъ; но мы, наслаждаясь шестью видами г. Шульмана, четырьмя ландшафтами г. Иванова, внутренностью перкви Почтового Департамента г. Пушкирева, Цыганкою, играющею въ карты г. Делавеза, двумя портретами работы г. Лаврова и еще нѣсколькими морскими видами, съ ярко-вызолоченными волнами, на которыя много изведено кобальту — наглядѣвшись и надумавшись надъ этими совершенно-свѣжими, вновь-полученными издѣліями, мы невольно вспомнили слова того же Гоголя, въ той же повѣсти, слова, несомнѣнно подходящія полъ товъ гаветныхъ фельтоновъ, но которыя мы рѣшаемся привести скрѣпя сердце: «....Кому нужны... эти красные и голубые пейзажи, которые показываютъ какое-то притязаніе на нѣсколько уже высшій шагъ искусства?» и пр. (*)»

Теперь перейдемъ къ дѣйствительной выставкѣ.

1. Видъ Константинополя отъ предмѣстія Яни-Чарши, г. Дорогова.

Константинополь изображенъ г. Дороговымъ ночью, при лунномъ сіяніи. Справа, на первомъ планѣ, домъ фран-

цузскаго посольства; нѣсколько-далѣе монументальное, изящное зданіе архитектора Фовати, въ которомъ помѣщается русское посольство; вдали видна башня Галата; по срединѣ картины, на мѣстѣ болѣе-высшемъ, домъ австрійскаго посольства; слѣва — мусульманское кладбище и мечеть Топ-Хане. Заливъ Золотой-Рогъ отдѣляетъ собственно Византію отъ предмѣстія. Луна роскошно отражается въ тихихъ водахъ его. Надъ городомъ стелется легкій, прозрачный туманъ. Еще лѣвѣе, на второмъ планѣ, виднѣется на противоположномъ берегу — Скаутари, а на заднемъ планѣ цѣлый потокъ блеска въ водахъ пролива, обгибающаго берегъ города, и чуть видны на золотомъ полѣ Острова-Принца и Антигона.

Это превосходное произведеніе молодого художника (удостоевшее Совѣтомъ Академіи *второй* золотой медалі) можетъ служить лучшимъ доказательствомъ того, какъ важно самостоятельное развитіе таланта. Послѣ ландшафтовъ г. Айвазовскаго велегко выходить на судъ избалованной публики съ «Видомъ Константинополя». Не смотря на то, одобрительный говоръ постоянно слышался около картины г. Дорогова; никто не рѣшился это самостоятельное, дышащее силой произведеніе назвать подражаніемъ знаменитому живописателю воды и воздуха. Картину эту по справедливости можно назвать *point culminant* выставки. При обзорѣеи послѣдней академической выставки въ прошлой году, мы упрекали г. Дорогова въ нѣкоторой жесткости и рѣзости: въ нынѣшнихъ пейзажахъ, г. Дороговъ значительно подвинулся впередъ, хотя и въ нынѣшнихъ нѣтъ одинакой оконченности частей картины. Общее направленіе школы заставляло г. Дорогова болѣе всего обращаться къ средней части своей картины, гдѣ море у ногъ выдавагоса Константинополя свѣтится и блещетъ, чѣмъ ко всѣмъ подробностямъ предмѣстія, освѣщеннаго мерцающимъ свѣтомъ луны, которое съ

(*) Сд. Соч. Гоголя, т. III, стр. 138.

частью кладбища составляетъ весь передній планъ. Точно такъ, въ другой картинѣ, гдѣ Арабъ на верблюдѣ торопится уйтти отъ моря, выступающаго вездѣ вокругъ по песчаному прибрежью, самое важное было для г. Дорогова заставить заблестать серебрянымъ цвѣтомъ послѣднюю черту далекаго горизонта, гдѣ море сходится съ небомъ, и еще на той же картинѣ проникнуть розовымъ столбомъ свѣта одинокое облако, несущееся въ ясномъ небѣ. Подробностями этими, столько новыми противъ прежнихъ пейзажныхъ эффектовъ, щеголяетъ на славу нивѣйшее искусство; онѣ, дѣйствительно, исполняютъ все съ большимъ и болѣе совершенствомъ; остается желать, чтобъ столько же таланта и старанія стали обращать и на прочія части морскихъ и вообще водяныхъ ландшафтовъ.

Нельзя также пропустить безъ вниманія:

2. Юмористическія сцены «Толкучаго-Рыбака» г. *Рицони*.

3. «Блудный Сынъ» г. *Горецкаю*.

4. «Пророкъ Давидъ во рву львиномъ» г. *Сорокина*.

5. Ковія съ тицианова «Святія со Креста» г. *Бориспольца*.

6. «Проліада» г. *Майкова*.

7. «Архитектурный проектъ ярмарки» г. *Петцольда*.

8. Рисункъ барельефовъ для севастопольской бібліотеки офицеровъ черноморскаго флота. На одномъ изъ нихъ изображена аллегорическо-исторія всемірнаго мореплаванія и на другомъ исторія русскаго флота, г. *Рамазанова* (?).

(?) Въ послѣдніе дни выставки, въ залѣ Академіи помѣщена была большая картина г. *Дуде*, учителя знаменатаго *Бранна*. Объ этомъ въ высшей степени замѣчательномъ произведеніи мы надѣемся поговорить въ слѣдующей книжкѣ, равно какъ по картинѣ нашего Теньера, г. *Рейсона*.

Т. LV. — Огд. VIII.

— Въ теченіе октября появилось въ продажѣ второе большое переложеніе г. Гензельта, другая увертюра Вебера, увертюра оперы «Оберонъ». Разницы противъ того способа переложенія, о которомъ мы говорили по поводу переложенія увертюры «Фрейшюца», никакой не замѣтно: невѣрности и неточности нѣтъ на каждой страницѣ, такъ-что кажется, будто переложеніе дѣлаво не съ подлинной партитуры, а на память; общій ходъ музыки сохраненъ, но невѣрка почти ни одна, подробностей, не сохранено ни одного отъѣнка этой изумительной увертюры. Кажется еще, что при переложеніяхъ своихъ г. Гензельтъ считаетъ первымъ и единственнымъ условіемъ только *полноту*, а потому болѣею частью вездѣ всѣ аккорды у него расположены *децимами и ундецимами*; но, во-первыхъ, это чрезвычайно-монотонно, какъ монотонна вообще всякая принятая привычка, а, во-вторыхъ, прямо противорѣчить подлиннику, который требуетъ на каждомъ шагѣ самыхъ разнообразныхъ аккордовыхъ сочетаній. Очень часто полноты то Веберъ и хотѣлъ избѣжать, смотря по содержанію такого или другаго мѣста своей увертюры, мѣняющей свою фисіономію какъ настоящая волшебная ткань. А это приводитъ къ заключенію, что г. Гензельтъ ищетъ болѣе всего полноты мимо всѣхъ прочихъ условій, что доказывается *арранжировками*, или точнѣе, *пополненіями* «Полонеза», и «Приглашенія къ танцамъ» Вебера, которыя недавно вышли въ свѣтъ; вся разница противъ оригиналовъ состоитъ кое-гдѣ въ октавахъ и въ аккордахъ *децимами и ундецимами*. Скоро, какъ слышно, должны выйдти въ свѣтъ *арранжировки* многихъ частей самой оперы «Оберонъ» и *пополненное* изданіе знаменатаго «Concertstück» Вебера (Веберъ да Веберъ, и никого, кромѣ Вебера!); вѣроятно, все это будетъ одной методы. Что жъ касается до увертюры «Оберона», самыя неудачными мѣстами мы считаемъ у г. Гензельта, *во-первыхъ*, то мѣсто, гдѣ послѣ появле-

внѣ царицы волшебницъ, красавицы Титани, выраженаго пластическою, чудно-спокойною и кроткою тѣмою *a-dur*, плывущемою на бѣлыхъ тннутыхъ нотахъ оркестра, послѣ маленькой, слѣдующей за тѣмъ тѣмы, порхающей по всему оркестру, изображенъ весь народъ, влущій тяжелою, густою, шумящею толпою, покуда на этомъ *cre-scendo*, падающемъ массивными четвертями, одна за другою, летитъ вверхъ первоначальная, испуганная тѣма аллегро: надобно было сохранить эти тяжелыя четверти, мѣрно падающія все на одной и той же лѣстницѣ, съ одною и тою же густотою и массивностью звука. Г. Гензельтъ не разглядѣлъ важности подобнаго приѣма и, положивъ сначала эти четверти на самыхъ нижнихъ октавахъ, тотчасъ же перенесъ ихъ цѣлою октавою выше и тотчасъ же придался за свои любимыя *децимы*; слѣдовательно, сразу нарушилъ все намѣреніе подлинника. Другой промахъ, болѣе прочій важный—вставленіе собственныхъ аккордовъ совершенно-одинаковой *смыччательной* ватуры съ аккордами, вставленными г. Гензельтоу въ первую *ес-дурную* тѣму увертюры «Фрейшюца». Въ «Оберонѣ» вставка эта сдѣлана почти въ самомъ концѣ, гдѣ послѣ того, какъ оркестръ достигъ самой высокой степени своей силы, поднявшись къ верху огромной бѣгущей гаммой, въ послѣдній разъ является *де-дурная* страстная тѣма въ полномъ блескѣ своей эвергн и стремительности. Переходные аккомпанирующіе аккорды, вставленные г. Гензельтоу, мало того, что здѣсь ненужны, потому что авторъ не хотѣлъ ихъ, но еще придаютъ мелодіи совсѣмъ чуждый ей колоритъ сантиментальности. Наконецъ, всю увертюру г. Гензельтъ завершаетъ *де-дурной* гаммой, которой въ партитурѣ не выдать и которая неизвѣстно зачѣмъ появляется въ переложеніи. Высоко уважая г. Гензельта, какъ первокласснаго пѣлнста нашего времени, мы тѣмъ не менѣе считаемъ обязанностию высказать, что совсѣмъ не его дѣло arran-

жировка и переложеніе: за этимъ нужно обращаться въ изумительнымъ художественнымъ работамъ Листа, которые онъ называетъ *фортельными партитурами*. Нельзя довольно употребить времени на то, чтобъ хорошенько изучить ихъ вполне; если даже не сравнивать переложеніе «Оберона» г. Гензельта съ партитурой, а только съ однимъ листовымъ «Оберономъ», съ перваго же раза увидишь разницу, ничѣмъ невосполнимую. Но листовыя переложенія столько замѣчательны и столько важны въ исторіи искусства, что требуютъ цѣлой отдѣльной статьи, которую мы надѣемся въ послѣдствіи предложить читателямъ.

— Между тѣмъ, есть еще нѣсколько предметовъ, о которыхъ мы должны говорить еще, и, во-первыхъ, объ итальянской оперѣ и прималоннѣ ея, г-жѣ *Фрецолини*.

Первымъ нашимъ словомъ объ этой превосходной пѣвицѣ должно быть сожалѣніе, зачѣмъ она не будетъ пѣть въ «Семильскомъ Цирюльницѣ» Россіи. Мало того, что эта опера любимца всѣхъ европейскихъ публикъ: она еще, сверхъ-того, лучшая опера нашего вѣка, высшее музыкально-драматическое произведеніе первой половины XIX-го столѣтія. Мы не имѣемъ возможности вступить здѣсь въ бой съ Берліозомъ на-счетъ вопроса о «Вильгельмѣ Теллѣ»: причины, заставляющія Берліоза—перваго музыкальнаго критика нашего времени—призывать эту оперу вышшимъ произведеніемъ Россіи, слишкомъ тѣсно связаны съ тѣмъ реформаторскимъ движеніемъ, которое для него составляетъ въ искусствѣ *esse* и которое заставляеть его цѣнить выше всего Глюка, Мейербера, «Вильгельма Телла» Россіи, симфоніи Бетховена, и принуждаеть его самого быть музыкальнымъ композиторомъ; слѣдовательно, весь этотъ вопросъ, вѣтый въ совокупности, не относится къ тому, что можетъ быть сказано о россійской музыкѣ. Реформа въ музыкѣ нашего времени,

начинающаяся Берлиозомъ и Мейерберомъ, только-что зарождается; ни тому, ни другому изъ этихъ необыкновенныхъ талантовъ не суждено осуществить ее; по собственному выраженію Берлиоза, они только застрѣльщики той арміи, которая пойдетъ за ними и которая рѣшитъ сраженіе; слѣдовательно, в тотъ и другой, подобно Глюку, подобно всемъ реформаторамъ, принимая отношеніе ихъ къ цѣлому прошедшему искусству, чувствуютъ готовящееся будущее, и, слѣдовательно, оба эти чело-вѣка не иначе, какъ нѣкоторыми являющимися и пришедшими по современному вкусу частностями могутъ завоевать себѣ любовь своей публики. Еслибъ кто-нибудь взялъ на себя трудъ прослѣдить и высказать, что всегда явилось вездѣ и всѣмъ публикамъ изъ произведеній этихъ двухъ реформаторовъ, тотъ, конечно, указалъ бы на мелочи, которыя никогда не составляли цѣли ихъ энергическихъ стремленій, а были не больше, какъ мелкія подробности въ общей массѣ. И такъ, возвращаясь къ нашему предмету и говоря о томъ, что любить или не любить въ драматической музыкѣ нашего времени, никогда нельзя говорить объ операхъ Мейербера, уже и потому-что Мейерберъ принадлежитъ къ числу талантовъ, которые не въ состояніи воплотить осуществлять свою мысль и у которыхъ исполненіе далеко остается за намѣреніемъ. Съ Россіи прямо наоборотъ: если его полюбили съ первыхъ опытовъ его въ музыкѣ, то полюбили, во-первыхъ, какъ Итальянца, т. е. какъ композитора музыка самой поватной, проникающей въ душу, въ сердце, въ голову e in altri siti, безъ малѣйшаго затрудненія сквозь всѣ поры тѣла — музыки, которая сама-собою ублаживаетъ цѣлую публику, какъ нянька ублаживаетъ ребенка. Во-вторыхъ, кромѣ этого качества, общаго Итальянцамъ, Россіи обладалъ самымъ необыкновеннымъ музыкальнымъ дарованіемъ, которое возводило внутреннюю пошлость итальянской музыки на внимательную высоту, скры-

вало ее отъ вѣхъ гласъ, и нѣтъ ни одного чело-вѣка, который могъ бы не быть проникнутъ до глубины души поразительною красотой и граціею, царствующею въ каждомъ произведеніи Россіи. Красота эта заимѣла у него красоту — общую, ласкательную для всѣхъ принадлежность итальянскихъ оперъ; а такъ-какъ Россіи является тотчасъ послѣ великихъ инструментистовъ XVIII вѣка, Моцарта и Гайдна, и какъ оны доны, хотя самымъ незатѣйливымъ образомъ заимствовала отъ нихъ новооткрытую полноту и блескъ оркестра, то не могъ не сдѣлаться тотчасъ же самымъ рѣшительнымъ любимцемъ всѣхъ на свѣтѣ публики, тѣмъ больше, что, вмѣстѣ съ красотой музыки и роскошнымъ блескомъ оркестра, соединялъ первое, необходимое условіе для очарованія массы: ничтожность содержания и пустоту музыки — условія, безъ которыхъ нельзя быть чѣмъ-нибудь любимцемъ. Но подлѣ ковецъ своей музыкальной карьеры, незадолго до «Вильгельма Телля», Россіи написалъ оперу, которая не должна, подобно прочимъ операмъ его, черезъ нѣсколько лѣтъ исчезнуть со сцены, но которая навсегда останется однимъ изъ лучшихъ сокровищъ музыки, наравнѣ съ произведеніями самыхъ высокихъ художниковъ, — такую оперу, которой все существованіе основывается не на одной вѣншей красотѣ формы, но на истиннѣй и глубиннѣй выраженнаго этой музыкой; притомъ же, въ этотъ періодъ своей дѣятельности, Россіи достигъ полного, возможнаго развитія своихъ силъ, и красота его музыки восходитъ вѣтъ на недосыгаемую степень крѣпости и возмужалости.

Эта опера — Севильскій Цирюльникъ. Сила и окръжность таланта выразились въ ней на каждой мелкой подробности; то, что въ другихъ операхъ подобнаго же направленія не больше, какъ итальянское общепринятое условное бужонство, вѣтъ получаетъ широкіе и благородные развитія искусства. Вростъъ всегдашнюю итальянскую без-

различность, которая съ непостижимымъ хладнокровіемъ пропускаетъ всѣ подробности, встрѣчающіяся въ текстѣ и для каждой отдѣльной части (погсаеи) пьесы держится одного общаго тона, подобно плащу, закрывающему всѣ контуры, всѣ цвѣта, Россіи въ этой оперѣ съ драматическою любовью нашего времени предался всѣмъ безчисленнымъ подробностямъ текста— текста Бомаршэ, столько живущаго именно этими безконечными подробностями; в опера Россіи вышла драгоценнымъ, рѣдкимъ перломъ! Въ немъ было столько силы, что онъ могъ сдерживать въ одной линіи, сводить въ одну фнзіономію чудесной красоты всѣ смѣшяющіяся, разнородныя подробности этого живаго текста и такимъ образомъ останавливался выполненіемъ этой задачи на томъ пунктѣ, съ котораго пойдетъ вся наша будущая драматическая и ораторная музыка. Оперы Моцарта, на столько стоящія выше «Севильскаго Цирюльника», тѣмъ не меньше невозможны нынѣче ни на одной оперной сценѣ: никакая публика не въ состояніи ихъ вынести; онѣ случны по общему ходу своему, и здѣсь все дѣло заключается не въ сущности самой музыки, а въ самомъ оперномъ направленіи. Даже «Женитьба Фигаро», самая живая изъ нихъ, должна казаться на сценѣ чѣмъ-то мертвеннымъ, безжизненнымъ, не смотря на то, что каждая страница ея недосигаемый образецъ. Только со времени «Севильскаго Цирюльника» Россіи начинается *сценическая драматическая музыка*. Условія театра и сцены получаютъ свое существованіе, открываются только въ наше время; только теперь начинается маломалу распутываться этотъ тяжелый вопросъ; но въ послѣдствіи оперномъ произведеніи Моцарта, «Волшебной Флейтѣ», видны уже зачатки новой мысли, новой начинавшейся эры. Это угаданное Моцартомъ направленіе было, впрочемъ, преждевременно; еслибъ онъ даже прожилъ нѣсколько лѣтъ, все-таки не въ состояніи была бы испол-

нить задуманной *новой оперы*; всѣ условія театра, всѣ требованія публики были еще новы, и ему было бы невозможно произвести переворотъ, который стоитъ въ тѣсной связи съ цѣлымъ направленіемъ всеобщихъ эстетическихъ вѣрованій. Отъ этого, не смотря на рѣшительное превосходство «Женитьбы Фигаро» Моцарта передъ «Севильскимъ Цирюльникомъ» Россіи, первая невозможна для сцены ни теперь, ни когда-нибудь въ послѣдствіи, между-тѣмъ, какъ едва ли второй будетъ когда-нибудь вытѣсненъ съ оперной сцены, даже тогда, когда осуществятся въ послѣдствіи всѣ музыкальныя ожиданія Берліозовъ и Мейерберовъ. Конечно, если и теперь уже чувствительна шаткость и случайность инструментовки «Севильскаго Цирюльника», если этотъ недостатокъ можетъ становиться, по мѣрѣ прибавляющейся образованности, чувствительнѣе и чувствительнѣе для мысли, то опера налѣтена такимъ богатствомъ жизни и красоты, что никакіе успѣхи музыки не могутъ пошатнуть ея съ вышшняго пьедестала.

Въ этой оперѣ прежде всего бросается въ глаза то, что, кромѣ двухъ-трехъ фіоритурныхъ, такъ-сказать *фильгранныхъ* нумеровъ, изъ какихъ обыкновенно состоятъ итальянскія оперы (ужь это одно какой подвигъ: двумя-тремя исключеніями поплачаться итальянскимъ привычкамъ!), все прочее состоитъ изъ безчисленнаго множества маленькихъ кусочковъ. Ни одинъ нумеръ не идетъ общею силоюю массою — все разноставное: и ритмъ, и музыка, и тоны, и инструментка остаются, ускоряются, замедляются на каждомъ шагу, музыка дѣлается музыкальнымъ разговоромъ, въ той степени, какую должна допускать музыка, но, конечно, не углубляясь до такой степени въ безконечность подробностей, какъ дѣлаютъ это нѣкоторые современные ультра-драматическіе композиторы, такъ-что, если, на-примѣръ, рѣчь пошла о мечѣ, композиторъ старается выразить мечъ,

если о слезахъ, хотя бы объ этихъ слезахъ дѣйствующее лицо говорило съ улыбкой — онъ принимается выражать слезы; если въ рѣчь зашло одно слово о радугѣ, солнцѣ, бурѣ, и т. д., все это непремѣнно стоитъ и въ музыкѣ. Талантъ художника долженъ руководить его посреди двухъ подводныхъ камней: несконченности и слишкомъ усиленной драматичности. Въ «Севильскомъ Цирюльникѣ», Россини вездѣ шелъ вѣрно, и такитъ-образомъ одянулъ изъ чудеснѣйшихъ провазведеній музыкальныхъ вышла арія дон-Башилю — *la Calunnia*. Не смотря на то, что публика всего меньше обращаетъ вниманіе на эту арію, она лучшая, самая конченная, самая выдержанная часть всей оперы. Нѣтъ ничего выше ея между всѣми музыкальными сценами лучшихъ оперъ Моцарта: съ такой силой выразился въ ней весь давній сюжетъ и характеръ! Но если эта сцена одна стоитъ отдѣльно отъ всѣхъ другихъ въ оперѣ, выше всѣхъ, тѣмъ не меньше къ той же чудесной породѣ принадлежатъ многочисленныя другія сцены, изъ которыхъ сложена опера. Известно, что превосходный пѣвецъ или превосходная пѣвица могутъ посредствомъ незначительныхъ подробностей, но такихъ, которыхъ надобность они одни только почувствуютъ и выразятъ, очертить цѣлыя подробности характеровъ, цѣлыя характеры; но «Севильскій Цирюльникъ» такая опера, которая не нуждается въ дополненіяхъ великихъ исполнителей; она столько полна, что должны считать себя счастливыми тѣ пѣвцы, которые разглядятъ всѣ заманчивыя авторомъ подробности и будутъ въ состояніи пропустить не больше одной четверти изъ числа ихъ.

Новаяя такитъ-образомъ исполненіе «Севильскаго Цирюльника», мы полагаемъ, что надобно считать болѣею потерю, если г-жа Фреццоллини не будетъ исполнять этой оперы. Къ этому заключенію приводитъ насъ воспоминаніе всего, что мы видѣли въ ея исполненіи «Любовнаго Напит-

ка». Дошидзетти—оперы, данной для втораго ея дебюта. Хотя и въ микро-скопическомъ, и притомъ въ сильно-превращенномъ и искаженномъ видѣ, Дошидзетти—копія съ Россини, къ которому онъ еще болѣе приближается именно въ этой небольшой оперѣ-буффъ, написанной на такой милый сюжетъ. Граціозная и кокетливая Адина—отблескъ, хотя и далекій, прелестной и шаловливой Розини. У каждой изъ нихъ есть свои капризы, свои проказы, своя маленькая ревность, разрѣшающаяся чудесными женскими прощеніемъ и свѣтлой радостью влюбленной дѣвушки; есть свои лукавые взгляды, свои ласкающіе звуки голоса, своя настишливость и дразнящій ревнивецъ хохотъ, который заставляетъ раскрыть чудесный ротъ и показать чудные, сверкающіе зубы. Двѣ женскія роли: въ «Севильскомъ Цирюльникѣ» и въ «Любовномъ Напиткѣ» всего меньше могутъ быть исполняемы обыкновенными распѣвающими актрисами: тутъ никакое пѣвіе недостаточно—всякая сцена должна быть играна; не только нужно вылаживать безконечно-много собственного творчества въ каждую исполняемую часть оперы, въ «Севильскомъ Цирюльникѣ» и «Любовномъ Напиткѣ» нельзя ни одной секунды оставаться безъ игры ни Розини, ни Адини. Г-жа Фреццоллини обладаетъ самымъ очаровательнымъ талантомъ для того, чтобъ воплотить собою эти милыя, граціозныя созданія. Природа надарила ее не одною красотою, но и чудеснымъ, самымъ женственнымъ голосомъ, въ полнотѣ котораго лежатъ всѣ средства для очаровательнѣйшихъ тоновъ души: она дала ей грацію юной молодой женщины, грацію, которую въ такой высокой степени проникнута игра г-жи Плесси. Исполненіе г-жею Фреццоллини роли кокетливой, прелестной, любящей Адины, въ «Любовномъ Напиткѣ» имѣетъ что-то родственное съ ролями подобнаго же содержанія изъ богатаго репертуара г-жи Плесси; у обѣихъ мы находимъ чрезвычайную тонкость и нѣжность

въ начертываемомъ характерѣ, необыкновенную привлекательность всего существа, овлаждающую зрителемъ съ перваго момента, находимъ какое-то спокойствіе, носящееся надъ всѣмъ существомъ ихъ, которое разливаетъ и въ зрителѣ вумительное ощущение теплоты и привязанности. Такіе гармонически-настроивающія натуры очень рѣдко встрѣчаются; за то и дѣйствіе ихъ мгновенно: первый взглядъ, первый шагъ, первый звукъ голоса рѣшаютъ все. Нѣтъ надобности вѣучиваться въ ихъ игру, въ ихъ драматическое исполненіе—еще прежде, чѣмъ успѣешь дать себѣ отчетъ въ ощущеніи, къ нимъ уже привязанъ всѣмъ существомъ своимъ, и притягательная, очаровывающая сила эта со всякимъ часомъ можетъ только расти. Невозможно достаточно цѣнить такія рѣдкія, избранныя натуры, которыя всегда могутъ грозить опасностью не прійдись по грубымъ, и толстымъ вкусамъ массы, изъ которыхъ большею частью составлены всѣ на свѣтѣ публики: настоящій инструментъ большинства публики не кларнетъ и не виолончель, а тромбонъ и литавра, цѣтъ — не тотъ драгоценный цѣтъ, который всѣхъ иѣживе и прекраснѣе, но тотъ, который всего больше рѣжетъ глаза и заставляетъ чуть не щуриться. Вотъ почему, дѣтъ двадцать назавъ, Каталани, владѣвшая гигантскимъ голосомъ, всюду называлась цѣвницей и слыхивала около себя такія рукоплесканія, какія наврядъ ли кто-нибудь еще заслужилъ. Когда же дѣло идетъ не объ оловѣ голосѣ, а о дарованіяхъ, точно также всегда были, и вѣроятно долго будутъ, любимцами (по тѣмъ же причинамъ) не тѣ, у которыхъ все остановилось на своей рѣшительной, настоящей точкѣ, но либо тѣ, у которыхъ сентиментальность и расслабленность чувства, ласкающая вкусъ, приобрѣла чудовищные размѣры, или у которыхъ всѣ дарованія направлены къ какимъ-то тромбоннымъ, раздирающимъ проявленіямъ. Кажется, судя по первымъ блестящимъ дебю-

тамъ г-жи Фрецолини, ей, по какой-то счастливой судьбѣ, нѣчего бояться разлада съ публикою: ее у насъ сразу полюбили и, можетъ-быть, дѣйствительно станутъ входить въ сущность этого дарованія, полного граціи и истинны.

Г-жа Фрецолини дѣйствуетъ своимъ голосомъ весьма расчетливо: она не растрчиваетъ его съ безумнымъ мотовствомъ, только чтобъ зала загремѣла рукоплесканіями; знаа про тѣ невознаградимыя потери голоса, которыя слѣдуютъ иногда за неумѣреннымъ покорностію безжалостной публикѣ, она позволяетъ себѣ и не повторять каждую спѣтую ею сцену, какъ бы того хотѣлось набалованнымъ слушателямъ (впрочемъ, отъ этого пора бы, кажется, отвыкнуть: такія повторенія только вредятъ цѣлости и неравномерности впечатлѣнія): отъ-того она сохраняетъ до конца оперы всю свѣжесть, полноту и неусталость голоса. Дѣйствуя безъ принужденія, голосъ этотъ, кажуційся сначала вѣсколько закрытымъ, все больше расширяется и раскрывается, такъ-что послѣднія и самыя важныя аріи по глубинѣ выражаемаго чувства въ «Любовномъ Папикѣ», она въ состояніи исполнить съ такою же выдержанностію и окончательностію, какъ-будто это былъ еще первый актъ. Вся сцена примиренія ея съ Неморино, когда, забывъ свое кокетство, вся въ страхъ потерять его, она высказываетъ ему любовь свою и чудеснымъ движеніемъ, устремивъ на него полные любви глаза, бросается къ нему въ объятія, она исполнила съ такою прелестью простоты и чувства, что нескороможно вспомнить сцену, равную этой, на оперномъ театрѣ. Привадежа, вѣтъ съ недавнею нашею дорогою примадонною, г-жею Влардъ, къ новой школѣ пѣнія и драматическаго исполненія, г-жа Фрецолини необыкновенно-случа на всю эту фіоритурную, филигранную голосовую потѣху, которая прежде составляла въ оперѣ всю цѣль пѣвцовъ и публики и которая до-сихъ-поръ свято сохраняется въ преданіяхъ

немногихъ артистовъ, неслѣдующихъ за общимъ движеніемъ впередъ и упорно удерживающихся въ прежнихъ вѣрваніяхъ. Что касается до г-жи Фрецолини, она держитъ все свое исполненіе въ границахъ самой строгой простоты и драматичности, и когда рѣшается на фюритуры, то фюритуры бывають у ней столько умны, такъ тѣсно связаны съ сценическимъ моментомъ, что всегда кажутся истекающими изъ мысли самого автора, продолженіемъ очерка положенія. Въ этомъ отношеніи, самая замѣчательная фюритура г-жи Фрецолини была въ началѣ одного дѣйства втораго акта «Любовнаго Напѣтка»: снѣдо брошенная ея голосомъ черта была тутъ цѣлымъ прибавленнымъ словомъ къ той плавной рѣчи, которую она потомъ начала со вступившимъ оркестромъ, и эта одна прибавленная музыкальная фраза, опережающая оркестръ, опережающая начинающуюся арію, такъ свита съ цѣлымъ впечатлѣніемъ сцены, такъ нераздѣльно съ нею связана, что ее можетъ изобрѣсти только артистка, не просто пѣвица, но исполнительница, глубоко входящая въ начертаніе характера и положеній его: съ этимъ можетъ сравниться только та драматическая фюритура, доканичивающая мелкія подробности характера Розины, которую Виардо вставляла такимъ блестящимъ образомъ въ первой аріи въ «Севильскомъ Цирюльникѣ» и которая очерчивала однимъ разомъ и нѣжную натуру влюбленной, и рѣшительность этой снѣдой натуры, противъ которой ничто не устоитъ.

Намъ остается упомянуть о мастерствѣ г-жи Фрецолини въ речитативѣ. Это искусство, дающееся весьма-немногимъ, встрѣчающееся очень-рѣдко и которое, кажется, природно между пѣвцами только самымъ чистымъ Итальянцамъ. Если въ этомъ искусствѣ, говоръ все больше и больше теряется, мы видимъ примѣры высшаго совершенства въ лицѣ Рубини и особливо Тамбурини, то нельзя не замѣтить, что въ томъ же отношеніи недале-

ко отъ нихъ остоитъ и г-жа Фрецолини. Каждое слово выходитъ у ней необыкновенно-вѣрно и отчетливо, съ изумительною ясностью. Ни улыбка, ни иногда-взмѣняющіеся, смотря по положенію сцены, черты лица, ни смѣхъ ея прекраснаго рта, ни самое вѣжное *ripassito*, едва-внятное, не лишаютъ речитативовъ ея самой оконченой отчетливости и ясности. Сюда же должно отнести многія слова, не спѣвныя, а выговоренныя въ тѣ мгновенія, когда быстрота чувства или стремительность движенія не даютъ спѣть и позволяютъ только выговорить, точно будто не на оперной сценѣ, одно или два слова. Въ такихъ мѣстахъ, прелесть тона голоса у г-жи Фрецолини поразительна: къ чести нашей публки скажемъ, что ни одно изъ такихъ чудесныхъ словъ не проходитъ незамѣченнымъ.

Хотя, какъ слухи носятъ, г-жа Фрецолини и не будетъ пѣть въ «Севильскомъ Цирюльникѣ», однако, остается ожидать высокаго наслажденія отъ ея «Соннамбулы», въ которой такъ хороша была Виардо, столько схожая съ г-жею Фрецолини по направленію таланта. Если намъ уже не удастся видѣть на г-жѣ Фрецолини костюма Розины, который у ней, вѣроятно, былъ бы столько же оригиналенъ и нетраделенъ, какъ и костюмъ Адины «Любовнаго Напѣтка», то можно надѣяться, что и для Адины будетъ столько же предестный костюмъ итальянской крестьянки. Если она взяла себѣ нынче плетеную красную сѣтку, закрывающую широкимъ кругомъ черную ея кофу, отъ которой спускаются яркія вѣнчальныя ленты, если выбрала себѣ красивый бархатный корсажъ съ блестящею атласною юбкою, спереди открытую маленькимъ передничкомъ, которыми будутъ отираться въ пьесѣ плачущіе черные глаза, то, конечно, для свадьбы Адины остается еще много живописныхъ костюмовъ итальянскихъ крестьянокъ, изъ которыхъ въ каждомъ г-жа Фрецолини будетъ также прекрасна.

— Театральные флѣтоны пишутся у насъ большею частію такъ, что кто самъ не бываетъ въ театрахъ, не можетъ составить себѣ никакого понятія о томъ, что на нихъ дѣлается. Опишите и тѣмъ же безразличнымъ почеркомъ пера расквашивается лучшее нарѣвѣ съ посредственнымъ; а между тѣмъ, кажется, цѣль каждаго отчета не та, чтобъ сказать, что было, но сказать, какъ было. Отъ газетѣровъ, въ слѣдствіе принятыхъ ими привычекъ, ничего подобнаго и ожидать нельзя: всѣ важныя и неважныя явленія тонуть у нихъ въ одной и той же безднѣ. Поэтому, считаемъ обязанностью упомянуть объ одной недавно-данной на французскомъ нашемъ театрѣ пьесѣ, въ которой г-жа Плессі *создала* (а сгѣе, хотя это случилось и въ Петербургѣ) роль художественно. Эта пьеса—довольно-обыкновенная комедія, состряпанная однимъ мало-извѣстнымъ авторомъ, г. Дафиттономъ, и называющаяся: *Une Maitresse amoureuse*. Въ ней г-жа Плессі исполнила роль герцогини Меранъ, влюбленной въ молодого живописца, которому она не можетъ открыть своей любви, и который, самъ будучи въ нее влюбленъ, въ-продолженіе цѣлой пьесы даже не подозреваетъ ея страсти, наконецъ, въ отчаяніи хочетъ жениться на другой. Въ первомъ актѣ, для роли герцогини ничего еще нѣтъ: ей только нужно быть ослѣпительной въ своемъ бальномъ костюмѣ, прекрасной до поразительности, и всякій легко пойметъ, какъ исполнила эту часть своей задачи г-жа Плессі, кто только видалъ ее и знаетъ, какъ она хороша собой и какъ умѣетъ одѣться. Съ своимъ чудеснымъ ростомъ, прелестною лицю и необыкновенною граціею каждаго движенія, входя среди блестящихъ фанфаръ оркестра въ бальную залу, сіяющую огнемъ, она была какъ-нибудь величественнымъ явленіемъ. Но вся пьеса составлена для втораго дѣйствія, и здѣсь мы укажемъ на двѣ сцены, составляющія лучшіе моменты г-жи Плессі; равныхъ имъ нѣдешного можно найти въ иногоч,

сленныхъ роляхъ этой превосходной артистки. Во-первыхъ, сцена кокетства и пластической красоты, когда, облокотясь рукою на подушку оттомана, герцогиня сидитъ передъ молодымъ живописцемъ, снимающимъ съ нея портретъ. Эти немногія минуты свиданія— послѣдняя надежда ея послѣ цѣлаго года ожиданія; если она теперь же не успѣетъ выказать ему свою любовь, если теперь онъ не полюбитъ ея, все пропало безвозвратно. И она, полубогазливая, полуувѣренная въ могущество своей красоты, склонясь немного впередъ, сосредоточиваетъ всю душу свою, всю наполняющую ее страсть въ одну нѣжную взглядъ, полный ожиданія... После такихъ сценъ всегда остается только сожалѣніе, зачѣмъ онѣ не могутъ быть продолжительны. Еще лучше послѣдняя сцена комедіи, когда, получивъ письмо отъ таинственной своей обожаемой, которая приказываетъ ему выйти въ комнату подлѣ будуара, гдѣ писался портретъ, для того, чтобъ наконецъ, по медальйону онъ узналъ, кто она, столько времени преслѣдовавшая его своею таинственною любовью, онъ убѣгаетъ въ эту комнату, гдѣ рѣшится сейчасъ судьба его, потому-что и онъ до безумія влюбленъ въ прелестную герцогиню, и ему всегда казалось, что она хочетъ только заставить его высказать свою любовь и потомъ посямѣяться надъ нимъ. Но она наблюдала за нимъ въ послѣднія минуты; ей теперь кажется, что къ ней обращена вся любовь его, что сейчасъ къ ея ногамъ упадетъ онъ—и однакожь въ груди ея весь прежній страхъ: когда она вошла послѣ него въ эту комнату, теперь пустую, она съ трудомъ можетъ сдѣлать нѣсколько шаговъ; руки ея складываются, какъ для молитвы, сверкающіе слезами глаза поднимаются къ небу: она съ горячностью и ослабляющею надеждою молится, чтобъ онъ могъ полюбить ее, потому-что отъ этой любви теперь зависитъ все ея спокойствіе, все счастье, вся жизнь... Но одну секунду только продолжается эта молитва, и кроткая горячность покрываетъ

возмущающа, измѣняющаеся лицо; обезжелезый ею человекъ видѣлъ уже малайонъ, портретъ ея, онъ уже у ногъ ея, и въ одно мгновение все лицо ея преобразилось: на немъ выразилась такая полнота блаженства, такая мгновенная радость, что, казалось, послѣднее дыханіе вылетитъ изъ ея груди; глаза ея, будто пораженные какимъ-то сіяніемъ, полузакрылись; она улыбалась и не могла выговорить ни одного звука, наконецъ, будто потерявъ всѣ силы, она сиротала на плечѣ мужа идущее лицо свое... Такія минуты — лучшее торжество искусства. Только рѣдкіе избранныя въ состояніи выражать подобное блаженство... Такія сцены всегда напоминаютъ намъ удивительную сцену Гоголя, когда Оксана, вся зардѣвшись счастіемъ, подала руку свою красавцу Вакулюкунцу. Ихъ немного могутъ насчитать въ своемъ репертуарѣ даже гениальные артисты.

Переходимъ къ извѣстіямъ такъ-называемымъ «ученымъ».

— Нашимъ читателямъ уже извѣстно, что въ началѣ нынѣшняго года Русскимъ Географическимъ Обществомъ снаряжена и отправлена экспедиція для ученаго изслѣдованія Сѣвернаго Урала. Вотъ содержаніе первыхъ донесеній этой экспедиціи:

Окончивъ всѣ необходимыя приготовленія, экспедиція вышла изъ Чердыни, 30 мая 1847 г., къ Уральскимъ Горамъ въ двухъ отрядахъ: главный, подъ начальствомъ майора Корпуса Горныхъ Инженеровъ г. Стражевскаго, отправился въ шитякахъ вверхъ по Вишерѣ, а другой, съ г. полковникомъ Гошманомъ, по рѣкѣ Колвѣ. Не смотря на препятствія, которыя представляло сильное весеннее теченіе, г. Гошманъ, при усиленной греблѣ, слѣдовалъ довольно-скоро, поднимаясь вверхъ по рѣкѣ Колвѣ, Вишеркѣ, Вогулкѣ, Волошицѣ, Печорѣ, Уньѣ, Кизвунѣ, и отыскавъ Печорѣ до ея истока. Во время всего этого плаванія, топографъ Брантъ произвелъ вѣрную съѣмку ча-

сти теченія Колвы, Вишеран, Березовки, Вогулки, Волошицы, Печоры отъ Усть-Волошицы до самаго истока Уньи и значительной части Кизвуня. По геогностическому разрѣзу Уньи и Печоры, г. Гошманъ встрѣчалъ тѣ же формации, которыя графъ Кейзерлингъ видѣлъ въ Ильичѣ. Онъ собралъ нѣсколько образцовъ горнокаменныхъ породъ, хотя не считаетъ этого собранія богатымъ, замѣчая, что многіе экземпляры весьма - неважны. Въ горахъ при Усть-Уньѣ, г. Гошманъ нашелъ пещеру, наполненную костями исчезнувшихъ животныхъ, которыя онъ причисляетъ къ породѣ медвѣдей, называемой *ursus spelaeus*. Въ источникахъ встрѣчавшихся на пути, г. Гошманъ наблюдалъ температуру воды. Безпрерывные дожди сопутствовали ему до 9 июня. Тогда съ яснымъ небомъ слѣдовалъ морозъ болѣе одного градуса, который продолжался три дня. Съ теплой погодой наступили дожди и сильныя грозы. 1-го іюля прибыли къ истокамъ Печоры гг. Ковальскій и Брантъ. Они слѣдовали съ главнымъ отрядомъ экспедиціи изъ Чердыни вверхъ по Вишерѣ въ шитякахъ до деревни Усть-Услуж, куда прибыли 10 июня.

Здѣсь отрядъ переложилъ тяжести въ заблаговременно - приготовленныя вишерскія дошки, и 13-го числа сталъ подниматься по рѣкѣ Вишерѣ до города Чавалъ, гдѣ встрѣтили его олени. По невозможности подвѣять разомъ всѣ тяжести, гг. Ковальскій и Брантъ отправились впередъ по гребню горъ съ частью вещей, а г. Стражевскій сталъ подниматься по Вишерѣ, располагая остановиться въ десяти верстахъ отъ ея истока, куда и слѣдовало выслать ему оленей, на которыхъ прибылъ г. Ковальскій. Въ ожиданіи г. Стражевскаго, полковникъ Гошманъ занимался приведеніемъ въ порядокъ журналовъ, собранныхъ предметовъ естественныхъ наукъ, сушилъ и укладывалъ провiантъ и пр. Г. Стражевскій занимался тѣмъ же самымъ при верховьяхъ Вишеры, ожидая возвращенія оленей.

12 июля, оба отряда соединились при истоках Печоры. Начальникъ экспедиціи, видя невозможность слѣдовать впередъ со всеми тяжестими, отдѣлилъ нужнѣйшія вещи и, оставивъ необходимого провіанта на пятьдесятъ дней, отправилъ все прочее въ Верхисвинскѣ-Зимовье. 19 числа экспедиція полагала выступить въ двухъ отрядахъ. Г. Гофманъ долженъ былъ слѣдовать по Иличу, а г. Стражевскій по гребню, съ тѣмъ, чтобы соединиться у подошвы Снѣговыхъ Горъ.

Во время слѣдованія главнаго отряда экспедиціи, г. Ковальскій, не смотря на малое число ясныхъ дней, опредѣлилъ положеніе 24 пунктовъ; топографъ Юрьевъ произвелъ весьма точную съѣмку Вишеры отъ Чердыни до ея истока и оттуда направленія горъ до истока Печоры. Г. Брандтъ, при помощи трехъ барометровъ, произвелъ довольно - полную нивелировку. Г. Стражевскій встрѣчалъ на Вишерѣ тѣ же формации, которыя г. Гофманъ видѣлъ на Уньѣ и Печорѣ; но ему повезло найти цѣлую груду прекрасныхъ окаменѣлостей. Г. Брандтъ собралъ значительное число экземпляровъ 6 породъ плотоядныхъ животныхъ, 45 породъ птицъ и 200 родовъ насѣкомыхъ и растений. Сверхъ того, онъ опредѣлялъ весьма-часто температуру источниковъ и рѣкъ. Относительно общаго вида страны, г. Гофманъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: хребетъ идетъ въ прямомъ направленіи съ юга на сѣверъ. Онъ состоитъ изъ одной цѣпи горъ шириною до 35 верстъ. Горы эти имѣютъ узкое основаніе и конусообразныя вершины. Онѣ отдѣляются одна отъ другой небольшими долинами и достигаютъ высоты 3,000 футовъ. Склоны покрыты лѣсомъ, но верхъ горъ обнажены, и по нимъ рассыпаны камни. Ліянія водораздѣла идутъ изгибами, не слѣдуя направленію хребта, который простирается, какъ сказано, съ юга прямо на сѣверъ. Снѣгъ остается лѣтомъ въ ущельяхъ, но въ нынѣшнемъ году онъ весь растаялъ отъ сильныхъ дождей.

Лѣсъ большею частію хвойный. Всего обыкновенныя хвѣта, сибирская ель, лиственница, сосна и кедръ. Изъ прочихъ деревъ встрѣчаются: береза, рябина, черемуха, осина; рѣже попадаетъ липа. На высотахъ встрѣчается березовый ершикъ, горный можжевельникъ, а въ мѣстахъ болотистыхъ низко-растущія нвы.

Что-то дѣлается по предложенію барона А. К. Мейендорфа—объ изслѣдованіи южной полосы черноземъ?..

— Вышло въ свѣтъ объявленіе о публичномъ преподаваніи наукъ въ Императорскомъ Санктпетербургскомъ Университетѣ на 1847 и 1848 академическій годъ. Изъ него видно, что ученое университетское сословіе состоитъ изъ 22-хъ ординарныхъ профессоровъ (оставили университетъ: прослужившій 25 лѣтъ профессоромъ арабской словесности *О. И. Сенковский* и профессоръ политической экономіи *В. С. Порошинъ*), 7-ми экстраординарныхъ профессоровъ, 5-ти адъюнктовъ, 13-ти лекторовъ и преподавателей, и 2-хъ доцентовъ (всего 49).

Въ прошедшемъ академическомъ году выпущено кончившихъ курсъ: кандидатами 62, действительными студентами 42.

Въ нынѣшнемъ году принято 168 человекъ, съ которыми число всѣхъ посѣщающихъ университетскія лекціи простирается до 706 человекъ. Изъ нихъ 655 студентовъ и 51 слушатель.

По юридическому отдѣленію 306, по камеральному 196, по разряду математическихъ наукъ 46, по разряду общей словесности 46, ориенталистовъ 26, по разряду естественныхъ наукъ 24.

Сверхъ того, 9 человекъ, приготавлиющихся къ званію переводчиковъ для служенія въ Закавказскомъ Краѣ.

По вѣроисповѣданію: православнаго 370, римско-католическаго 180, лютеранскаго 93, реформатскаго 4, Армянъ 4, Евреевъ 2, евангелическаго 1, Мухаммеданца 1.

По сословію: дворянъ 424, сыновей чиновниковъ 63, купцовъ 62, мѣщанъ 33, разночинцевъ 27, духовнаго званія 21, иностранцевъ 19, гражданъ 6.

Изъ русскихъ университетовъ, Санкт-петербургскій, по количеству учащихся, занимаетъ второе мѣсто. Въ послѣдніе два года было:

	1845 г.	1846 г.
Въ Московскомъ . . .	981	1099
— С. Петербургскомъ	657	700
— Дерптскомъ . . .	575	574
Св. Владиміра . . .	443	549
Въ Харьковскомъ . . .	454	486
— Каванскомъ . . .	406	418

Званіе кандидатовъ получили: въ 1845 году 195, въ 1846—168 человекъ. Въ томъ числѣ:

	1845 г.	1846 г.
С. Петербургскаго Унив.	47	33
Дерптскаго	—	34
Харьковскаго	—	38
Московского	—	27
Каванскаго	—	24
Св. Владиміра	—	25

— Въ казенныхъ селеніяхъ Вятской-Губерніи открыто съ 1842 года 143 приходскихъ училищъ, въ которыхъ теперь обучается до 6000 мальчиковъ. Многія школы наполнены Вотяками. Черемисами и Татарами; есть даже дѣти илдопоклонниковъ. Кромѣ сельскихъ школъ, учреждены особыя училища: фельдшерское и ветеринарное; до трехсотъ крестьянскихъ мальчиковъ обучается межеванію, сельскому хозяйству, разнымъ ремесламъ и искусству.

Все это, конечно, есть, въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ, и въ другихъ губерніяхъ; но въ Вятской успѣхи народнаго образованія особенно замѣчательны какъ по отдаленности и пустынности края, такъ и по развородности населенія. Первое обстоятельство затрудняетъ эти успѣхи; второе, болѣе нежели гдѣ-нибудь ихъ требуетъ. Оживленность края всегда зависитъ отъ большаго или меньшаго единенія жителей; а какія же связи проч-

нѣе и тѣснѣе школьныхъ соединяють людей?..

И не одни мальчики учатся въ Вятской-Губерніи: тамъ открыты двѣ школы, двѣ едва-ли не первыя въ Россіи школы для крестьянскихъ дѣвочекъ. Одна—Нолинскаго-Округа въ селѣ Сухахъ; а другая—Вятскаго-Округа въ селѣ Вождгалахъ.

Говоря о крестьянскихъ школахъ, распространяющихся такъ быстро въ казенныхъ мѣстностяхъ, нельзя не пожелать того же и для помѣщичьихъ мѣстностей.

— А вотъ какую роль играетъ у насъ или играла, въ 1846 году, потребность курить и нюхать табакъ:

Привезено табаку иностраннаго въ листьяхъ, стебелькахъ и приготовленнаго въ разныхъ видахъ до 163,157 пудовъ. Вывезено за границу, приготовленнаго въ Россіи и въ листьяхъ, русскаго произрастенія 19,787¼ пуд. — Перевѣсъ привоза 143,369¼ пуд.

Привозной пошлины и за бандероли, наложенные въ таможенныхъ, взято 898,550 р. 8 к.—Отвозной пошлины 219 р. 70 к.—За проданные изъ увѣдныхъ казначействъ бандероли на табакъ внутренняго приготовленія поступило: за курительный 535,720 руб., за сигары 308,110 р., за нюхательный 75,110 р.—За проданныя свидетельства: на 326 табачныхъ фабрикъ 2,445 р., на 1,245 домашнихъ заведеній 1,120 р. 50 к., на 7,031 лавку 21,153 р., на 5,983 лавочки 1,781 р. 50 к.—На право продажи табаку и сигаръ въ трактирныхъ заведеніяхъ и въ портерныхъ расшнучныхъ лавочкахъ 21,010 р.—Все количество дохода отъ табаку 1,885,209 руб. 78 коп.

Сверхъ-того, штрафныхъ по нарушеніямъ акцизныхъ правилъ и вырученныхъ чрезъ продажу конфискованнаго табаку 5,800 р.; а за отдѣленіемъ половины открывателямъ корчмента и ¼ въ капиталъ Департамента Мануфактуръ и Внутренней Торговли 1,450 руб.

— Въ послѣдней книгѣ «Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» помѣщена чрезвычайно-любопытная статья: «Статистика пожаровъ въ Россіи въ 1846 году». Въ мелкихъ подробностяхъ цифры пожаровъ не могутъ имѣть важнаго значенія, какъ потому что нельзя ручаться за полную свѣдѣній, такъ и потому что причины, обусловливающія этотъ родъ несчастій, слишкомъ многочисленны и, при настоящемъ младенческомъ состояніи статистики — вообще не могутъ привести къ положительнымъ результатамъ.

Общій итогъ пожаровъ по всей Имперіи простирается до 7,093 (462-мя болѣе противъ итога 1845 года и 1,280-ю болѣе противъ 1843 года.)

Изъ сравнительной таблицы за послѣднія пять лѣтъ (1842—1846) видно: что меньшее число пожаровъ (не болѣе 50-ти) остается постояннымъ для губерній: Архангельской, Астраханской, Витебской, Грузино-Имеретинской, Енисейской, Смоленской, Херсонской и Эстляндской; а большее (отъ 200 до 300) — для губерній: Виленской, Волынской, Кіевской, Ковенской, Московской, Подольской, Санктпетербургской и Черниговской. Выше 300 цифры заходятъ только по губерніямъ Волынской, Подольской и Санктпетербургской. Въ послѣднихъ двухъ доходить до 450-ти (въ Подольской — въ 1846 году, а въ Санктпетербургской въ 1842 году).

По времени, эти цифры, за послѣдніе четыре года, распределяются такими образомъ: Самое меньшее число пожаровъ было постоянно въ декабрѣ и январѣ (только въ 1844 году онъ уступилъ это первенство январю и февралю). За нимъ по степени истребительности идутъ прочіе мѣсяцы въ слѣдующемъ порядкѣ: февраль, январь, мартъ, июнь, ноябрь, апрѣль, августъ, май, сентябрь, июль и наконецъ октябрь, который въ 1846 году превзо-

шелъ самую большую цифру (августа 1846 г.—827) на 239 и достигъ до 1,066.

Пожары отъ молніи въ 1846 году значительно превысили довольно-постоянные итоги этой категоріи во всѣхъ предшествовавшихъ годахъ. 1845 годъ превосходилъ итоги трехъ прежнихъ лѣтъ двадцатью случаями, а послѣдняя цифра (1846 года)—335—выше его 58-ю случаями. Первое мѣсто по численности пожаровъ отъ молніи прежде занимала постоянно Волынская-Губернія, но теперь она уступила Лифляндской, въ которой такихъ пожаровъ было 24; сама же съ цифрою 23 стала на второмъ мѣстѣ. Гродненская и Ковенская Губернія имѣли каждая по 21; Виленская — 17. Совершенное исключеніе въ отношеніи такихъ случаевъ составляютъ Губерніи: Астраханская, Воронежская, Сибирская, Смоленская, Томская, Херсонская; Области Бессарабская и Каспійская и всѣ градоначальства. Вообще, въ городахъ пожаровъ отъ молніи было только 8. Наибольшее число грозовыхъ пожаровъ, 185, принадлежало июлю мѣсяцу, затѣмъ августу — 59, июню — 48, маю — 23, апрѣлю — 9 и сентябрю — 7.

Итогъ пожаровъ отъ уммышленныхъ поджоговъ составляетъ въ 1846 году цифру 311. Въ этомъ отношеніи, только въ 1843 году противъ 1842 г. замѣчено уменьшеніе въ итогахъ, а съ 1845 года они постепенно возрастаютъ. Настоящая сумма, 311, противъ суммы 845 года больше 61 случаевъ. Губерніи располагаются въ такомъ порядкѣ: Казанская (25), Подольская (17), Черниговская (16), Гродненская (15), Виленская (14), Волынская (13), Рязанская (12), Московская, Каспійская Обл. (по 11), Нижегородская (10), Костромская, Орловская, Пензенская, Саратовская, Харьковская (по 8), Астраханская, Екатеринославская, Псковская, Сибирская, Эстляндская и Область Бессарабская (по 1).

Третье и самое многочисленное подраздѣленіе пожаровъ составляютъ по-

жары отъ неосторожности. Ихъ было въ 1846 году — 6,447. Въ томъ числѣ: собственно отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ 1,071; отъ дурнаго устройства печей и неисправнаго ихъ содержанія 728. Остальные затѣмъ 4,649 случаевъ, отъ причинъ неизвѣстныхъ.

Всего въ 1846 году истреблено пожаромъ 24,598 отдѣльныхъ хозяйствъ, на сумму 4,843,762 руб. сер. Первая цифра выше такой же цифры 1842 года — 5,829-ю, а 1845 — 498-ю, и выше: 1843 года на 2,014, а 1844 г. на 875. Общая цѣнность убытковъ, причиненныхъ пожарами по всей Имперіи, значительно менше, чѣмъ въ три предшествовавшіе года, особенно въ сравненіи съ 1843 годомъ, разность составляетъ 2,671,882 руб. сер.

Различныхъ общественныхъ и казенныхъ зданій сгорѣло или повреждено пожарами — 66, въ томъ числѣ 13 въ Ленкоранѣ (Каспійской Области). Богослужебныхъ зданій всѣхъ исповѣданій — 71; изъ нихъ 25 православныхъ храмовъ сгорѣли совершенно. Лавокъ около 450; фабрикъ, заводовъ и машиностроительныхъ заведеній — 299; питейныхъ заведеній 159. Людей погубило во время пожаровъ 419 человекъ. Изъ нихъ 103 взрослые мужчины, 97 взрослыхъ женщинъ, 101 мальчикъ и 118 дѣвочекъ.

Цѣсныхъ пожаровъ было 74. Въ Санктпетербургской Губерніи — 20; въ Архангельской — 14; въ Тобольской — 9; въ Лифляндской — 7; въ Тверской — 6; а затѣмъ въ двѣнадцати губерніяхъ отъ одного до трехъ.

Въ отношеніи къ народонаселенію, пожары отъ неосторожности распределяются въ слѣдующемъ порядкѣ:

Въ губерніяхъ: *Малороссійскихъ* (Харьковской, Полтавской, Черниговской, Кіевской, Волынской, Подольской) одинъ пожаръ приходится на

4,850 жителей; *Новороссійскихъ* (Екатеринославской, Херсонской, Гавричевской, Области Бессарабской) одинъ на 5,000; *Прибалтійскихъ* (Курляндской, Лифляндской, Эстляндской) одинъ на 5,172; *Сѣверныхъ* (Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой, Санктпетербургской, Новгородской, Псковской) одинъ на 5,375; *Сѣверо-западныхъ* (Вятской, Могилевской, Минской, Виленской, Гродненской, Ковенской) одинъ на 5,665; *Внутреннихъ* (Московской, Тверской, Смоленской, Калужской, Тульской, Орловской, Рязанской, Владимірской) одинъ на 7,179; *Волжскихъ* (Ярославской, Костромской, Нижегородской, Калужской, Симбирской) одинъ на 7,217. *Уральскихъ* (Пермской, Оренбургской) одинъ на 7,446; *Сибирскихъ* (Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской) одинъ на 7,575; *Степныхъ* (Курской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской, Саратовской, Астраханской) 9,174; *Кавказскихъ* (Грузино-Имеретинской, Области Кавказской, Каспійской) одинъ на 19,841 жителя.

Въ отношеніи къ цѣнности убытковъ, причиненныхъ пожарами, эти группы губерній принимаютъ такой порядокъ:

	жит.
Въ волжскихъ губерніяхъ одинъ рубль падаетъ на	5,7
— внутреннихъ	5,8
— сѣверо-западныхъ	7,1
— сѣверныхъ и малороссійскихъ	7,8
— степныхъ	9,8
— прибалтійскихъ	9,9
— сибирскихъ	11
— уральскихъ и новороссійскихъ	12,5
— кавказскихъ	53

Общій выводъ въ среднихъ числахъ:

ГУБЕРНІИ.	Число пожаровъ.			И Т О Г О.	Въ томъ числѣ.		Число сгорѣвшихъ хозяйствъ.	Сумма убытковъ на деньги.	Цѣнность одного пожара.	Цѣнность одного хозяйства.
	Отъ неосторожностей.	Отъ молніи.	Отъ поджоговъ.		Въ городахъ.	Въ селеніяхъ.				
Внутреннія	134	7	7	148	25	123	747	182,596	1374	325
Сѣверныя	116	5	2	123	44	79	282	84,757	466	238
Волжскія	123	5	9	138	13	125	1089	171,885	1198	139
Уральскія	133	4	4	141	8	133	305	83,848	899	245
Степныя	107	2	3	112	15	98	383	105,498	1170	320
Новороссійскія	79	1	3	83	17	66	65	33,171	445	383
Малороссійскія	247	10	11	268	38	229	588	106,009	652	309
Сѣверо-западныя	106	11	7	124	8	115	222	97,768	862	464
Прибалтійскія	68	16	3	87	2	85	98	43,270	634	500
Кавказскія	34	1	6	42	6	36	120	13,639	339	129
Сибирскія	61	2	4	66	11	55	178	45,345	651	319

— Въ томъ же журналѣ напечатано извѣстіе о страшномъ пожарѣ, бывшемъ въ началѣ прошедшаго сентября въ губернскомъ городѣ Костромѣ. Ночью съ 5 на 6 число, на Никольской-Улицѣ вспыхнуло пламя въ томъ мѣстѣ, гдѣ сходится заднія части дворовъ торгующаго крестьянина Антонова и купца Энгерта. При сильномъ вѣтрѣ, пламя быстро охватило всѣ сосѣднія зданія, а вслѣдъ за тѣмъ, отъ летавшихъ искръ и головней, загорѣлись и другія зданія, лежавшія по направленію вѣтра, такъ-что до полудня жертвою пламени сдѣлалось всего 118 домовъ, большею частію каменныхъ, въ томъ числѣ и старинный Боголюбенскій-Монастырь, не считая на окружающую его каменную ограду. Многія семейства совершенно разорились

отъ этого бѣдствія, другія понесли значительныя потери.

• Черезъ три сутокъ послѣ того, 9 числа вечеромъ, близъ Никольской же Улицы, снова вспыхнулъ пожаръ; но его искорѣ успѣли потушить. За тѣмъ, 10 числа вечеромъ, при сильномъ вѣтрѣ, вспыхнулъ опять пожаръ на Книшешемской Улицѣ. На этотъ разъ пламя такъ быстро охватило загорѣвшійся деревянный домъ и помеслось по крышамъ сосѣднихъ съ нимъ полувѣтренныхъ зданій, что не было никакой возможности остановить его опустошеній въ началѣ: сгорѣло всего 35 каменныхъ и 30 деревянныхъ домовъ, строеніе Константиновской Части и полотняная фабрика купца Дурыгина. Но не успѣли еще потушить этого пожара, какъ на разсвѣтъ 11 числа загорѣлся домъ въ Покровской Улицѣ. Пожары дано произошли отъ поджоговъ. .

Въ Симбирскѣ, также въ началѣ сентября, было нѣсколько пожаровъ и между-прочимъ сгорѣлъ цѣлый кварталъ

— А вотъ, между-тѣмъ, доблестный подвигъ керченскихъ Евреевъ.

При распространеніи холеры въ керченскомъ градоначальствѣ, 24 человека Евреевъ, покинувъ свои семейства и занятія, составили небольшую сумму для покупки нужныхъ матеріаловъ и обрели себя на вспоможеніе страждущимъ—безъ различія званій, состоянія и религіи. Во всякое время дня и ночи, по первому призыву, они являлись къ занемогавшему, начинали оттирать, прикладывать горячія припарки и проч. и потомъ, исполняя наставленія медиковъ, продолжали ходить за больнымъ до совершеннаго его выздоровленія, не принимая никакой платы ни за труды, ни за матеріалы, ими употребляемые.

А кажется, ужъ какіе «положительные» люди Евреи, какіе «интересны!».. Между-тѣмъ, дѣло объясняется просто: Евреи связаны съ прочимъ населеніемъ нормальными узамъ *жизни общественной жизни...*

—Что теперь у насъ глубокая осень, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія; краснаго петербургскаго лѣта давно и въ поминѣ нѣтъ, такъ-что и сладостное впечатлѣніе его мимолетнаго зноя и весьма-прохладныхъ вечеровъ совершенно изгладилось; остались нѣкоторыя черты, собранныя добродушно-заботливой рукою на бумагу... да и то въ каррикатурахъ. Та же обильная всякими плодами осень постаралась сохранить на память очеркъ своего блѣднаго предшественника: не будь осени, не было бы, можетъ-быть, и новой тетради *Ералаша*, альбома каррикатуръ г. Неваховича; а не будь новой тетради «Ералаша», не припомнили бы ничего изъ минувшаго петербургскаго лѣта. Въ-самомъ-дѣлѣ, эта на-дняхъ вышедшая тетрадь пробудила въ насъ много воспоминаній:

во-первыхъ, узнали мы знакомый карандашъ, шутливый и развязный, свободно, легко, но рельефно выставляющій смѣшныя черты человѣческихъ образовъ; во-вторыхъ, узнали самого каррикатуриста по нѣкоторымъ избраннымъ фигурамъ, которыя ему или особенно любы, или особенно досадны, по которыя уже не въ первый и даже не во второй разъ являются у него то въ томъ, то въ другомъ положеніи, то въ той, то въ другой роли, постоянно, впрочемъ, выражая самихъ себя. Въ-третьихъ, наконецъ, вспомнили мы многія недавно-бывшія въ полномъ цвѣтѣ, а теперь отъ осенняго холода совершенно свернувшіяся петербургскія удовольствія, какъ-то: дачную жизнь, модныя леченія, полетъ и исчезновеніе Леде, сопровождаемыя долгими хлопотами и безпокойствами о его отысканіи, и проч.

Всѣ эти воспоминанія родились у насъ только при первомъ взглядѣ на листы «Ералаша»; при внимательномъ же разсмотрѣніи, оказалось въ нихъ слѣдующее: полтора листа «Сѣверной Мѣцелогіи», гдѣ, между-прочимъ, въ образѣ Морфея, усыпаящаго какихъ-то трехъ колаконосцевъ чтеніемъ неизвѣстнаго намъ творенія, узнали мы того самого господина, который въ прежнихъ выпускахъ «Ералаша» состоялъ въ званіи «литератора натуральной школы». По какому поводу произведенъ онъ въ настоящій чинъ, несоответствующій прежнему, не понимаемъ; одно можно предположить: не скрывается ли самъ художникъ между усыпленными, не испыталъ ли онъ на себѣ дѣйствіе литературныхъ маговъ? Въ такомъ случаѣ, конечно, уже нельзя спорить. Какъ бы то ни было, но литераторъ-Морфей, кажется, составляетъ цѣлую исторію въ жизни «Ералаша»... Въ той же мѣцелогіи есть еще Немезида, пронзающая кого-то исплински-огромнымъ и толстымъ перомъ. Эта Немезида совсѣмъ-особаго рода: она ходитъ въ мужскомъ костюмѣ, змѣи на головѣ не носятъ; но фигу-

ра ея, въ-самомъ-дѣлѣ, выражаетъ карриатуру Немезиды; въ литографированномъ очеркѣ мы, конечно, видимъ только деревянный профиль и тупые выгаращенные глаза; но къ этимъ признакамъ какъ-то невольно дополняется въ воображеніи и безсознательный азартъ съ отсутствіемъ всякой мысли, и тупой взглядъ полупомѣшаннаго: такъ искусно рисуетъ г. Неваховичъ! Далѣе, «Дачи со всѣми удобствами»: съ отопленіемъ, съ водой, съ освѣщеніемъ, съ услугой. Последняя—дача съ услугой, представляющая двѣ женскія фигуры, граціозна до послѣдней степени. Эта группа просто художественна. Потомъ замѣтимъ «Дѣтскій Театръ». Это насмѣшка надъ бывшими въ дѣтскомъ театрѣ живыми картинами, о которыхъ, если помнить читатели, говорили мы въ апрѣльской книжкѣ «Отеч. Записокъ» нынѣшняго года. За тѣмъ слѣдуетъ «Воздушное путешествіе Леде», гдѣ, кромѣ двухъ совершенно-правдивыхъ картинокъ, выражающихъ разные относительныя выгоды и невыгоды, есть третья, названная: «Земной конвой воздушному вояжеру». Это очень остроумная хорошо исполненная картина. Последній листъ называется: «Гимнастика». Здѣсь много всякихъ шутокъ; но намъ преимущественно понравилась сцена между прѣвѣжимъ господиномъ и сторожемъ гимнастической залы: фигуры обихъ, особливо сторожа, сдѣланы мастерски.

Въ заключеніе остается пожелать дальнѣйшихъ успѣховъ «Ералаша», да еще признаться съ сожалѣніемъ, что мы не все поняли, вѣроятно, отъ того, что не все то знаемъ, чтó извѣстество г. Неваховичу. А что между многими очень-милыми рисунками попадаются и не совсѣмъ-удачныя, и такія, гдѣ карриатура взяла перевѣсъ надъ остротой, то есть, пословица: въ семьѣ не безъ урода, и доказательство этому—существованіе карриатуръ.

— Что касается до новостей нашего литературнаго міра, то и тутъ, если хотите, есть новости... право, есть.

Пря, возникшая между «Санктпетербургскими Вѣдомостями» и «Полицейскою Газетою» въ-слѣдствіе политико-экономическаго вопроса «о жестокости въ обращеніи съ животными», продолжалась и въ прошломъ мѣсяцѣ. Противники еще возразили съ обѣихъ сторонъ, усиливъ, разумѣется, тонъ рѣчи и измѣнивъ нѣсколько основный вопросъ. Отъ жестокости въ обращеніи съ животными—они, самыми естественнымъ путемъ, перешли къ сужденіямъ о жестокости вообще и о животныхъ въ особенности. Но «Полицейская Газета» надо сказать, вела споръ умѣренный. «Вѣдомости», напротивъ, измѣнивъ своему характеру, дѣйствовали такъ, какъ-будто слѣдовало не опровергать, а переспорить противника. Однажды въ нихъ вотъ что было сказано:

«Хотя писавшіи эти замѣчанія (въ Полиц. Газ.) скрытъ грѣхи своего остроумія полъ буквами N. N, однако же (же-то лишнее) въ нихъ обрисовалась очень ластенно одна изъ тѣхъ нравственныхъ фазіономій, которыя, къ сожалѣнію, еще довольно часто встрѣчаются въ простонародіи!!!...»

Почему именно непріятныя фазіономіи встрѣчаются только въ простонародіи—этого мы не беремъ рѣшать...

Какъ было ожидать такого тона отъ противника, отстаивавшаго мягкость нравовъ Европейцевъ и ихъ умѣнье обращаться даже съ животными?..

Были у насъ въ прошедшемъ мѣсяцѣ и такія мнѣнія, что Ричардъ Кобденъ «въ своемъ отечествѣ не болѣе, какъ хозяинъ набивной фабрики, на которой выдѣлываются, такъ-называемыя, запарныя надѣлія посредственнаго разбора»; «а сирѣ Робертъ Пиль—сынъ фабриканта...» На эти мнѣнія прекрасно отвѣчали «Санктпетербургскія Вѣдомости» въ 245 №.

Н. И. Гречъ тоже писалъ «Парижскія Письма», въ которыхъ, между прочимъ, объяснялъ, что во время его отсутствія изъ Парижа тамъ «нѣкоторые писатели, употребляющіе со зломъ

свои таланты, толковали о страданіяхъ народа (во время голода) и т. п. ».

Наконецъ, — новость совершенно въ другомъ, совсѣмъ-новомъ родѣ :

Начало ея восходитъ ко временамъ отдаленнымъ. Еще въ февралѣ текущаго года г. Куникъ сдѣлалъ Академіи Наукъ «Предложеніе объ изданіи статей (.) служащихъ пособіемъ къ познанію древне-болгарскаго языка и литературы».

«Въ одномъ изъ засѣданій прошедшаго года» говоритъ г. Куникъ : «я имѣлъ честь положить Историко-филологическому классу мое мнѣніе о важности древне-Болгарскаго языка и Литературы для Всепобщей Словенской философіи и Словенскихъ древностей, равно и для познанія источниковъ Русской Исторіи. Теперь, шдѣ кажется, пора (?) приступить къ изданію представленнаго мною въ то время разсужденія, которое, какъ я уже и объявилъ тогда, должно (?) служить введеніемъ къ изученію древне-Болгарскаго языка и Литературы. Занятія этого (?) рода, исключая трудовъ нѣкоторыхъ ученыхъ, шли до сихъ поръ не соотвѣтственно современнымъ требованіямъ науки (?). По этому теперь (?) было бы весьма хотая, этимъ разсужденіемъ, содержащимъ въ себѣ ясный (?) критическій обзоръ изслѣдованій о происхожденіи (genesis) Церковно-Словенскаго языка, открыть рядъ статей, служащихъ пособіемъ къ познанію древне-Болгарскаго языка и Литературы, которыя, если это одобрено будетъ классомъ, могли бы выходить въ свѣтъ безсрочными (?) выпусками. Цѣль этихъ статей двоякая: филологическая и чисто-историческая. Въ филологическомъ отношеніи онѣ должны (?) знакомить особенно Нѣмецкихъ (?) и Западнo-Словенскихъ филологовъ съ тѣмъ, что сдѣлано Русскими учеными по части языка Церковно-Словенскаго. Германскіе Лянгвисты, уже давно обратившіе вниманіе на Церковно-Словенскій языкъ, при сравненіи языковъ Индо-Германскихъ, увидятъ (?) наконецъ, что она вовсе не знали до сихъ поръ свойствъ Церковно-Словенскаго языка въ первомъ — древне-Болгарскомъ его развитіи. Крімъ того я предполагаю сообщить образцы ново-Болгарскаго языка, находящагося въ живомъ употребленіи въ собственной Болгаріи, Македоніи, Эссалии, потому, что съ помо-

щю этихъ образцовъ можно будетъ лучше и точнѣе обозначать свойства разныхъ древне-и средне-Болгарскихъ нарѣчій. Если наука откроетъ, какъ этого можно ожидать, дѣйствительную связь между ново-Болгарскимъ и между средне-и древне-Болгарскимъ, связь, о которой до сихъ поръ (а теперь?) болѣе догадывались и говорили по намекамъ, тѣмъ доказывали положительно, — то и Историки освободятся отъ затрудненій, какія они встрѣчаютъ теперь при классификаціи древне-Болгарскихъ рукописей по времени и мѣсту ихъ происхожденія.

«Въ историческомъ отношеніи цѣль изданія преимущественно состоитъ въ томъ, чтобы въ обширномъ объемѣ древне-Болгарской Литературы выставить то, что заслуживаетъ особеннаго (?) вниманія историка при обработкѣ Исторіи вліянія Византійскаго образованія на южныхъ и восточныхъ Словенъ. Въ особенности же нужно пробудить вопросы, до сихъ поръ еще столь темные, объ отношеніи историческихъ источниковъ южныхъ и восточныхъ Словенъ, куда естественно относятся и житія святыхъ, къ Византійскимъ источникамъ: тогда и ученые ель Россіи могутъ яснѣе увидѣть необходимость критической обработки Византійскихъ источниковъ.

«Что касается извлоченій или переводовъ, какіе надобно будетъ сдѣлать изъ памятниковъ Церковно-Словенской Литературы, или изъ новѣйшихъ ученыхъ сочиненій, то я испрашиваю отъ класса позволенія поручить эти труды нѣкоторымъ живущимъ въ Петербургѣ особамъ, имѣющимъ ученое образованіе. Такъ какъ выпуски изданія будутъ выходить отъ времени до времени, то вознагражденіе за эти труды не будетъ обременительно для Академической кассы.

«Первый выпускъ будетъ (?) содержать, кромѣ вышеозначеннаго моего сочиненія, напечатанное въ 1820 году и сдѣлавшее эпоху (?) Разсужденіе А. Востокова о Словенскомъ языкѣ; потому что это сочиненіе долженъ (?) изучать всякій, кто не хочетъ потеряться въ хаосѣ Церковнаго языка и Литературы. За тѣмъ послѣдуетъ мое сочиненіе: «Объ употребленіи филологическихъ и историческихъ терминовъ: Турко-Болгарскій, древне-Болгарскій, Церковно-Словенскій или Словенскій, древне-Словенскій (?)». Мнѣ казлось необходимо нужнымъ подвергнуть

строгой критикѣ нынѣ употребляемые термины: Болгарскій, Церковно-Словенскій, древне-Словенскій (?) и т. д., потому что эти (?) термины часто служили поводомъ къ заблужденіямъ тѣхъ ученыхъ, которые не дѣлали въ этой (?) области самостоятельныхъ (?) изысканій. Руководясь исторіей, я старался показать шаткость и произвольность въ употребленіи этихъ (?) терминовъ въ сочиненіяхъ Русскихъ и иностранныхъ ученыхъ.

«По отпечатаніи перваго выпуска я предложу на разрѣшеніе класса, вполнѣ, или въ сжатомъ изложеніи (?) должно ли будетъ издать на Русскомъ языкѣ оба вышеупомянутыя мои разсужденія.»

Если принимать въ соображеніе только положительную сторону этого «предложенія» (т. е. то, что есть или на что можно разсчитывать съ увѣренностью), то содержаніе его можно выразить слѣдующимъ образомъ:

Для распространенія между нѣмецкими и западно-словенскими филологами истинныхъ помятій о церковно-словенскомъ языкѣ въ первомъ—древнеболгарскомъ его развитіи,—слѣдуетъ или должно (неизвѣстно почему) издать два вышепоименованныя сочиненія г. Куника и одно—напечатанное въ 1820 г., г-на Востокова.

Одинъ журналъ объявилъ объ этомъ «предложеніи» г-на Куника въ слѣдующихъ, весьма-лестныхъ и неизменныхъ благородства выраженіяхъ:

«Всякому извѣстно, какъ важна древнеболгарская письменность для изученія церковно-славянскаго языка и лѣтописи Несторовой, и какъ еще мало изучали ее. Большая часть рукописей древнеболгарскихъ доселѣ оставалась неизданными. Теперь г. Куникъ предложилъ Академіи изданіе въ свѣтъ сборника, подъ заглавіемъ: «Матеріалы для узнанія древнеболгарскаго языка и литературы». Цѣль этихъ бѣгстроговъ, говоритъ г. Куникъ: есть двоякая: филологическая и чисто-историческая. Они впрочемъ, предназначаются не для русскихъ ученыхъ, а для нѣмецкихъ и западно-славянскихъ филологовъ. По отпечатаніи этого сборника на нѣмецкомъ языкѣ, рѣшено будетъ, слѣдуетъ ли выдать это изданіе и по-русски, вполнѣ или въ извлеченіи.»

Въ слѣдствіе ли той же причины, по которой слово *долженъ* не требуетъ доказательства: почему долженъ? или въ слѣдствіе чего другаго—не знаемъ, но господину Кунику не полюблилось объявленіе этого журнала, и такъ не полюблилось, что онъ написалъ статью подъ юмористическимъ заглавіемъ «Толки объ Ученой Благонамѣренности» (Санктпетербургскія Вѣдомости, № 225), въ которой называетъ «Объявленіе» «выходкою, толкованіемъ, причину котораго онъ знаетъ...» говорить, «что это «все происходитъ отъ зависти или отъ «какого-нибудь другаго безотчетнаго субъективнаго направленія»; объясняетъ, «что онъ съ разныхъ сторонъ узналъ, что отзывъ этого журнала далъ поводъ нѣкоторымъ ученымъ, которыхъ онъ уважаетъ за ихъ познанія и заслуги, дѣлать весьма «странныя для него заключенія»; изъясняетъ «свое удивленіе, что ученые, «которымъ онъ до сихъ поръ не отказывалъ въ критическомъ духѣ (?), «увлеклись къ такому опрометчивому сужденію о его предпріятіи, основываясь только на «тейкѣ журнала, въ то время, какъ г. Куникъ ожидалъ, что они потрудятся прочесть вполнѣ его «Предложеніе», въ которомъ вовсе не идетъ дѣло ни объ оскорбленіи личности (?), «ни объ униженіи русской учености (?);» прибавляетъ, «что строгая наука не можетъ допустить никакой субъективной или эгоистической точки зрѣнія(?)... советуетъ прочесть статью о византійской хронологіи, которая недавно была напечатана въ Бюллетенѣ и скоро выйдетъ отдѣльно... упоминаетъ объ изданіи Реймскаго Евангелія... о томъ, какъ опыты доказали, что въ Петербургѣ иногда можно скорѣе выписать книгу изъ Мадрита, Афинъ, Калькутты и Норвегій, чѣмъ изъ Москвы, Кіева или Одессы... наконецъ заключаетъ такъ:

«Довольно обо этихъ (да какихъ же?) толкахъ. О томъ, почему еще нерѣшено

было въ засѣданіи Академіи, выдать ли двѣ мои статьи на Русскомъ языкѣ «вполнѣ или въ сжатомъ извлеченіи» предоставляю каждому и впредь судить, какъ угодно... И какъ бы ни было принято это объясненіе (!), я остаюсь — и, можетъ быть, не безъ одобренія многихъ благонамѣренныхъ любителей науки — при своемъ положеніи: *обстоятельства и духъ нарцій могутъ разединить ученыхъ, а наука и прорастающее изъ нея образованіе ихъ соединяетъ.*»

Немногое можно понять изъ «Толковъ объ Ученой Благонамѣренности». Странно, не правда ли?..

— Еще есть новость. Съ 1845 г. у насъ издается журналъ, литературно-ученый журналъ, подъ названіемъ «Финскій Вѣстникъ». Этому журналу не полюбилось собственное его, данное ему при рожденіи, имя. Съ будущаго 1848 г., онъ намѣренъ измѣниться: оставаясь при прежней программѣ, онъ будетъ выходить въ свѣтъ не какъ «Финскій Вѣстникъ», а какъ «Сѣверное Обзоріе». Итакъ, если въ будущемъ году случится вамъ встрѣтить «Сѣверное Обзоріе», то не забудьте, что это не кто иной, какъ старинный знакомый «Финскій Вѣстникъ».

Впрочемъ, новость этимъ не кончается. Объявляя о перемѣнѣ фамиліи, дитя Сѣвера насчитываетъ до шестидесяти сотрудниковъ. И тутъ-то именно много новаго, т. е. много такихъ именъ, которыя никому не удавалось видѣть въ печати. Это, значить, все новыя ученые и литераторы. Давайте Богу больше!

Редакція надѣется приобрести по многимъ частямъ участіе еще и другихъ сотрудниковъ».

Эта новость особенно должна порадовать тѣхъ, которые ждутъ продолженія изданія «Ста Русскихъ Литераторовъ»; финскіе или сѣверные литераторы тоже, въ нѣкоторомъ смыслѣ, русскіе литераторы: почему бы и не исполнить ими комплекта?..

Но и этимъ не кончается новость о «Финскомъ Вѣстникѣ»... Какому-то го-

сподину Н. И**, полюбился этотъ журналъ больше всѣхъ другихъ журналовъ. Тутъ, конечно, нѣтъ еще ничего особеннаго. Но г-нъ Н. И** проявился не столько со стороны вкуса, сколько со стороны доброго, мягкаго, правдоподобнаго сердца и желанія «устроить все къ лучшему». Замѣтивъ, что «немногіе читаютъ» его любимый журналъ, г. Н. И** обратилъ съ письмомъ... къ «Полицейской Газетѣ» и пишетъ: «я читалъ «Финскій Вѣстникъ» два года постоянно, и нисколько не жалую о томъ. Хотите сотрудничать вашимъ разработать дѣло; вѣдь другіе журналы не сдѣлаютъ этого ради (?) русскаго направленія «Финскаго Вѣстника», не большаго удовольіа Западу...» и т. д. А въ заключеніи:

«Право всѣ статьи «Финскаго Вѣстника» мнѣ и моимъ знакомымъ пріятно читать, чѣмъ декламации «Отечественныхъ Записокъ» (*).

Наконецъ, «Сѣверная Пчела», при наступленіи времени подписки, сильно хлопочетъ о томъ, чтобъ никто не выписалъ себѣ на будущій годъ «Отечествен. Записокъ», увѣряетъ, что скоро очарованіе, произведенное этимъ журналомъ, исчезнетъ, и всѣ обратятся на путь истинны, т. е. всѣ будутъ читать только «Библиотеку для Чтенія», «Сынъ Отечества» и «Сѣверную Пчелу»... Но вѣдь это ужъ не новость: это повторяется ежегодно при наступленіи времени подписки. Не новость также и то, что все это проходитъ мимо слуха читателей, и что мы не обращаемъ на это вниманія, давъ обѣщаніе, ровно за годъ предъ симъ, не отвѣчать на выдумки этой газеты ни однимъ словомъ. Но не можемъ не дать мѣста доставленному намъ «объясненію» одного изъ почтенныхъ русскихъ лите-

(* Что касается до «Отеч. Записокъ», то, право, мы и наши знакомые перестали бы работать, еслибъ судьба заставила насъ работать только для удовольствія г. Н. И**.

раторовъ, переводчику «Записокъ Герцогини д'Абрантесъ», известному и многими другими литературными трудами своими. Вотъ это—

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ.

Въ 230-мъ № Сѣверной Пчелы, въ «Журнальной Всякой Всячины», напечатано: «Въ переводѣ Записокъ Герцогини Абрантесъ на русскій языкъ есть такая неоцѣненная вещь (?), за которую мало заплатить миліонъ рублей! Il était canonisé, т. е. онъ былъ причисленъ къ лику святыхъ, переведено: «онъ былъ разстрѣлян пушками». —Неизвѣстно, о какомъ переводѣ «Записокъ г-жи Абрантесъ» говорить сочинитель «Всякой Всячины»: можетъ-быть, у него есть рукописный переводъ тѣхъ «Записокъ»; но въ напечатанномъ, русскомъ переводѣ ихъ, нѣтъ той неоцѣненной вещи, которую «Всякая Всячина» цѣнитъ въ миліонъ рублей. Это чистая выдумка, и только жаль, что не новая: уже лѣтъ пятнадцать назадъ, когда еще и не существовалъ русскій переводъ «Записокъ г-жи Абрантесъ», одинъ журналъ (Молва) упрекалъ другой журналъ, что въ немъ фраза: Il était canonisé, была переведена: «его разстрѣляли изъ пушекъ». Ту же выдумку повторила и «Всякая Всячина» въ одномъ журнальномъ спорѣ, не такъ давно. Она еще разъ стрѣляетъ изъ тѣхъ же пушекъ стародавнюю выдумку. Неужели и выдумать нельзя чего-нибудь по-новѣе и по-острѣе? Жаль, что «Всякая Всячина» начинаетъ жить выдумками, выбираемыми изъ старыхъ журналовъ!

Переводчикъ «Записокъ Герцогини Абрантесъ».

ЗАГРАНИЧНЫЯ НОВОСТИ.

12 сентября (по новому стилю) умеръ Колетти, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей нашего времени: одинъ изъ виновниковъ возрожденія Греціи. Вотъ краткій очеркъ его жизни.

Іоаннъ Колетти родился 1788 г. въ Саракко, маленькомъ городкѣ Эпира. Рано потерялъ онъ отца, и это помогло развиться въ немъ самостоятельному, рѣшительному характеру, какъ обыкновенно бываетъ съ тѣми, кому смолода приходится разсчитывать только на самихъ себя. Бѣдствія родины запали въ душу молодого Эпирца; присоединившись къ *іотеріи* (*), основанной въ 1797 г. поэтомъ Ригасомъ, онъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими Греками, пытался во время пребыванія Наполеона въ Миланѣ привлечь его вниманіе и участіе къ Греціи. Наполеонъ подарилъ имъ маленькую надежду, но послѣ не могъ или не захотѣлъ осуществить ее. Въ послѣдствіи, Колетти изучалъ медицину въ Пизѣ, Болоньѣ и Павіи, блистательно выдержалъ экзаменъ въ Болоньѣ и получилъ степень доктора. Надо сказать, что знаніе врачей въ большомъ почетѣ у Турковъ: только врачамъ дана возможность безъ всякаго опасенія проникать въ частную жизнь суровыхъ мусульманъ и своими услугами спасать себя отъ ихъ деспотизма. Это было единственное поприще, которое могло въ то время обѣщать молодымъ Грекамъ сколько-нибудь вѣрную будущность, и потому множество врачей оказалось въ члелѣ пламенныхъ защитниковъ Греціи; въ числѣ ихъ былъ и Колетти. Находясь долгое время при семействѣ знаменитаго наши яминскаго Али-Тебелена, въ этой школѣ коварства и интригъ онъ изучилъ враговъ своего отечества и развилъ въ себѣ способность политическа-

(*) *Египта*.

го дѣтеля. Наконецъ, ему представился случай употребить въ дѣло свои природныя качества, усовершенствованныя счастливымъ опытомъ. Въ 1821 г. онъ одинъ изъ первыхъ подъявъ знамя возмущенія, призвавъ къ оружію жителей Сарако, и съ этой минуты постоянно, неутомимо шель къ дѣлу возстановленія отечества.

При первомъ извѣстїи о возмущенїи въ Сарако, Куршидъ - Паша двинулся съ страшнымъ войскомъ. Колетти одушевляеть соотечественниковъ, склоняеть ихъ съечь собственные дома, пробивается съ ними сквозъ ряды Турковъ и скрывается въ дѣсахъ этольскихъ, а вслѣдъ за тѣмъ соединяется съ главными виновниками возстанія и дѣлать съ ними труды и опасности. То яляется онъ проникательнымъ, глубокомысленнымъ государственнымъ мужемъ, поражаетъ дальновидностью на конгрессѣ въ Каламатѣ, удостоивается, въ февралѣ 1829 г., почетнаго назначенія, въ числѣ четырехъ гражданъ, для составленія въ Эпидаврѣ конституціи, которая объявляетъ Грецію свободною, и наконецъ достигаетъ званія военнаго министра во время президентства Маврокордато; то энергическимъ, побѣдоноснымъ вождемъ идетъ впередъ всѣхъ, силою слова и собственнаго мужества прїобрѣтаетъ неотразимое вліяніе надъ солдатами и пользуетъся ими для общаго дѣла; твердо и истово удерживаетъ въ порядкѣ паликаровъ и клефтовъ, полныхъ одушевленія, но незнакомыхъ съ дисциплиной.

Въ 1824 году, когда Турки угрожали высадкою Атикѣ, Маврокордато, боясь могущества Колетти, послалъ его защищать берега Эвбеи. Переправившись въ Каристо, онъ, съ нѣсколькими тысячами горцевъ, на-голову разбилъ непрїятеля въ ожесточенномъ бою, и съ того дня съ именемъ его соединено званіе генерала.

Уже возникали соперничества и несогласія между тѣми, отъ кого Греція ждала только освобожденія. Въ число

ѣтихъ людей попалъ Колетти; во время возмущенія морейскихъ сановниковъ, при его содѣйствїи, Кондуриоти домогался президентства. Съ этой эпохой связанъ характеристическій анекдотъ. Колетти шель съ нѣсколькими отрядами противъ возмутившихся; но такъ-какъ его солдатамъ не слишкомъ хотѣлось встрѣчаться съ храбрымъ Колокотрони, то онъ обѣщалъ имъ денежную раздачу и приказалъ провести мимо всѣхъ отрядовъ двухъ мудоу, навьюченныхъ мѣшками съ драхмами. Мужество пробудилось: Колокотрони разбить два раза, убить одинъ изъ его сыновей, самъ онъ взятъ въ плѣнъ и отведенъ въ Гидру.

Приходитъ время расплаты; Колетти соглашается; люди его бросаются на мѣшки, развязываютъ ихъ и находятъ камень. Но цѣль уже достигнута, и паликары принимаются хохотать во все горло хитрой выдумкѣ генерала.

Когда Капо д'Истріа, благодаря вліянію Россїи, былъ избранъ президентомъ, онъ оцѣнилъ Колетти и не разъ потомъ вѣрялъ ему разныя значительныя должности. По смерти президента, Колетти могъ бы самъ искать власти, но самолюбїе уступило въ немъ мѣсто преданности отчизнѣ, а можетъ-быть и просто благоразумію. Онъ уклонился отъ путей, которые были ему открыты, и продолжалъ, въ качествѣ члена временной комиссіи, вмѣстѣ съ Августиномъ Капо д'Истріа и Колокотрони, готовить путь короля, котораго Европа назначала тогда Греціи. Онъ разогналъ еще разъ мятежныя толпы Колокотрони, смирилъ Атикку и возмутившихся Румелиотовъ. Эти заслуги доставили ему при Оттонѣ мѣсто предсѣдателя совѣта, гдѣ онъ ознаменовалъ себя полезными мѣрами, между которыми было введеніе свободы вѣроисповѣданій. Но въ 1835 году, онъ лишился мѣста, и занялъ его вновь въ 1845 году. Въ этотъ промежутокъ, онъ нѣсколько лѣтъ былъ посломъ при французскомъ дворѣ. Одинъ изъ его парижскихъ друзей довольно-вѣрно начертилъ его портретъ.

«Колетти» говорить онъ : «смѣсь строгости и добродушія. Вспыхнуть ли у него глаза — и кроткое лицо его приметъ грозное выраженіе война; захочетъ ли онъ ласково обойтись съ кѣмъ — глаза его становятся влажны; и такъ привѣтливо смотрятъ на васъ, что нельзя не поддаться ихъ влиянію. Черные, густые усы очень идутъ къ его смуглому лицу; осанка его благородна, поступь воинственна. Мушкетерская шея съ силой и граціей подымается надъ широкими плечами. Стройный станъ кажется еще красивѣе надъ плотно-обтягивающимъ его синимъ камзолемъ, живописно отдѣляющимся отъ фустанеллы (бѣлая одежда съ полными складками). Красивая феска завершаетъ нарядъ. Рѣчь его остра; насмѣшка умна, лесть увлекательна. Нѣтъ другаго Грека, который былъ бы такъ любезенъ съ дамами, но нравы его безукоризненны».

Возвратясь на родину послѣ переворота 1843 года, онъ, сначала во главѣ оппозиціи, а потомъ въ качествѣ перваго министра, старался упрочить возрожденіе прекрасной, благородной Греціи, которую онъ любилъ какъ страстный и преданный сынъ. Разумѣется, онъ зналъ всю трудность обязанности, выпавшей на его долю. «Прагматическому» сказалъ онъ разъ г-ну Одилюну Барр: «неизвѣстны всѣ трудности, которыя его окружаютъ. Въ Греціи все надо создать, даже средства сообщенія. А что касается до государственнаго долга, то прежде, нежели наважить всѣ доходы на уплату займовъ, нужно упрочить способъ осуществить эти доходы, а у насъ все еще сборъ налоговъ производится натурой, не полно, даже невѣрно». У Колетти доставало и мужества и воли; было у него много плановъ въ будущемъ... Но смерть помѣшала ихъ исполненію.

На смертной постели, онъ говорилъ французскому министру Пискаutori: «Дѣло мое не кончено. Еслибъ я началъ его двѣнадцать лѣтъ раньше, те-

перь бы умеръ спокойно...» А между тѣмъ, смерть его была уже такъ близко-близко!..

«Не могу больше говорить» продолжалъ онъ: «а многое хотѣлось бы сказать; уложите меня, я усну...»

Это были послѣднія слова. Бюстъ Колетти будетъ поставленъ въ Версальскомъ Музеѣ, въ числѣ европейскихъ знаменитостей.

— Изъ «Учебныхъ Вѣдомостей», издаваемыхъ въ Берлинѣ, видно, что въ Германіи считается 62,000 школъ для первоначальнаго обученія, и въ нихъ 62,250 учителей и около 6 милліоновъ воспитанниковъ; 500 училищъ для дѣтей средняго возраста, въ которыхъ считается 4,250 учителей и 75,000 учениковъ; 25 университетовъ, при которыхъ состоитъ 1,400 профессоровъ и получаютъ образованіе 18,000 студентовъ; 123 нормальныя школы, для образованія учителей: въ нихъ до 500 наставниковъ и 6,00 воспитанниковъ; наконецъ 400 школъ коммерческихъ, въ которыхъ 2,000 учителей и 46,000 учениковъ; все это въ сложности составляетъ около 70,400 учащихся и 6,139,000 учащихся. Сюда надо прибавить еще до 36 семинарій, 20 лицеевъ, 70 училищъ для глухонѣмыхъ, и 21 для слѣпыхъ, не считая воскресныхъ школъ и школъ посѣщаемыхъ взрослыми. И такъ, учащіе и учащіеся составляютъ шестую часть всего населенія Германіи. Ежегодный расходъ на эти заведенія составляетъ до 23 милліоновъ талеровъ (около 90 милліоновъ франковъ). Цѣнность зданий, занимаемыхъ школами всѣхъ разрядовъ, составляетъ сумму до 80 милліоновъ талеровъ (до 300 милліоновъ франковъ).

Въ сѣверной части Сѣверо-Американскихъ Штатовъ есть школы, въ которыхъ дѣти обучаются даромъ и которыя содержатся на-счетъ суммъ, определенныхъ для публичнаго образованія. Въ Пенсильваніи, напримеръ, число дѣтей, отъ пяти до пятнадцатилѣтняго возраста, простирается почти до 320,000, при народонаселеніи въ

полтора милліона. Правительство употребляет на годовое содержаніе публичныхъ школъ до 540,000 долларовъ (2,750,000 франк.), что составляетъ болѣе чѣмъ 110,000 фунтовъ стерлинговъ, тогда-какъ Англія при народонаселеніи въ 25-милліоновъ издерживаетъ на этотъ же самый предметъ только 50,000 фунтовъ (1,250,000 фр.). Въ новыхъ штатахъ конгрессъ опредѣляетъ въ пользу школъ по 640 акровъ земли на каждую общину, заключающую въ себѣ 6 англ. кв. миль. Къ этому капиталу присоединяются новыя суммы, назначаемыя правительствомъ, или собираемыя по подпискѣ.

По словамъ доктора Юліуса, въ Коннектикутѣ капиталъ, назначаемый для публичнаго обученія простирается до 2 милліоновъ долларовъ (11 мил. фр.). Проценты съ этого капитала покрываютъ издержки на содержаніе 1,500 училищъ, въ которыхъ считается до 90,000 воспитанниковъ отъ четырехлѣтняго до шестнадцатилѣтняго возраста. Соединеныя республики Массачузетсъ, Менъ, Вермонтъ, Нью-Гэмпширъ, Рад-Эйлендъ и Коннектикутъ, при населеніи въ 2,230,000 душъ, содержатъ 12,000 школъ, въ которыхъ безденежно обучаются 500,000 воспитанниковъ. Въ Нью-Йоркѣ жителей около 2,429,000 душъ. Училищный капиталъ до двухъ милліоновъ долларовъ (11 милліоновъ фр.). Проценты съ этого капитала, вмѣстѣ съ суммами, ассигнуемыми правительствомъ и частными приношеніями, составляютъ сумму въ 1,400,000 долларовъ, употребляемую на содержаніе 9,000 народныхъ школъ, въ которыхъ считается 537,000 воспитанниковъ отъ четырехлѣтняго до шестнадцатилѣтняго возраста. Въ 1840 изъ всего населенія Коннектикута только 526 старѣе 20 лѣтъ не знали грамоты. Въ противоположность этому Венедей, нѣмецкій авторъ, недавно посѣтившій Англію, утверждаетъ, что въ этой странѣ почти половина изъ вновь-сочетавшихся бракомъ не умѣетъ подписать своего имени. Въ подтвержденіе этого факта, онъ представ-

ляетъ таблицу браковъ съ 1839 по 1841 годъ, изъ которой видно, что на 122,482 пары оказалось въ 1841 году 40,089 мужчинъ и 59,896 женщинъ, неумѣвшихъ писать.

— Городъ Пестъ (въ Венгріи) заключилъ съ домоу Ротшильда въ Вѣнѣ заемъ въ 2 милліона флоринновъ наличною монетою (5,200,000 франковъ). Доходъ съ этой суммы исключительно назначенъ на учрежденіе школъ и другихъ заведеній съ цѣлю народнаго образованія.

— Недавно въ Ливерпулѣ давали обѣдъ въ честь г. Роуландъ-Гула, при проѣздѣ его черезъ городъ. Человѣкъ этотъ былъ прежде простымъ гражданиномъ, но тѣмъ не менѣе голосъ его былъ услышанъ, и онъ сдѣлался первымъ учредителемъ почтовой системы, которую и принялъ, не смотря на затрудненія, сопряженныя съ этою реформою. Въ числѣ прочихъ интересныхъ фактовъ администраціи, которую онъ теперь завѣдуетъ, онъ сообщилъ, что до введенія единообразнаго почтового сбора (penny-postage) число писемъ вообще, кромѣ афраншированныхъ, простиралось ежегодно до 75 милліоновъ. Въ прошедшемъ году, число это дошло до 299,500,000, т. е. учетверилось. Конечно, этого еще недостаточно для того, чтобъ почтовое управленіе (Post-office) выручало такую огромную сумму, какъ прежде, но зато въ какомъ колоссальномъ размѣрѣ увеличилось число всякаго рода сношеній, а слѣдовательно, и дѣятельность англійскаго населенія! Теперь въ лондонскомъ округѣ, радіусъ котораго 12 миль, по одной почтовой Конторѣ св. Мартина Великаго получаютъ писемъ столько же, сколько расходовъ ихъ во всемъ соединенномъ королевствѣ при прежней системѣ. Усильхъ постоянный и быстрый. Въ прошломъ году, писемъ было 28 милліонами больше предъидущаго. Введеніе однообразнаго сбора нисколько не препятствуетъ, какъ это думали, прочимъ нововведе-

нѣмъ по этой части. Большіе города, отправлявшіе прежде въ Лондонъ по одному чемадану, посылаютъ теперь по два, и число почтовыхъ конторъ въ Англіи изъ 2,000 возвысилось до 4000.

Со времени введенія въ Англію однообразнаго сбора, не нужно афраншировать письма на почтѣ: стоитъ налѣпить на адресѣ марку со штемпелемъ, которыя продаются по пенни—единицѣ таксы за внутреннія письма. Почтовое управленіе еще болѣе упростило нынѣшнюю систему выпуска такыхъ же штемпелеванныхъ марокъ для афраншированія заграничныхъ писемъ; ихъ начали продавать съ 13 сентября по шиллингу и для отличія отъ прежнихъ дѣлаютъ зеленого цвѣта восьмиугольными. — По надобности могутъ они употребляться и для внутреннихъ писемъ, но главное назначеніе ихъ для писемъ въ Индію, Соединенные-Штаты, Китай, Восточную Индію, Новыя-Южныя-Валисы, Новую-Зеландію и другія мѣста, письма въ которыя афраншировать стоитъ шиллингъ. Скоро будутъ еще марки, кажется, въ 4 и 6 пенсовъ, для набѣжанія теперешняго неудобства—ставить цѣлый рядъ штемпелей въ пенни на внутреннихъ письмахъ, всѣхъ ихъ выше положеннаго вѣса.

— Есть въ природѣ вещества, которыя созданы, кажется, въ видахъ особенной пользы для человѣка. Таковъ каучукъ, таково недавно-введенное въ Европѣ въ употребленіе вещество — *гутта-перча*. Осенью 1843 года, оно было въ первый разъ представлено на испытаніе Лондонскаго Общества Ремеслъ. Докторъ Монгомери разсказываетъ исторію открытія слѣдующимъ образомъ: «Въ 1843 году, въ Сингапурѣ, я замѣтилъ у одного Малайца-дровосѣка *парангъ* (топоръ) съ рукояткой, слѣзанной изъ вещества, котораго я до-тѣхъ-поръ нигдѣ не видывалъ. Я спросилъ дровосѣка; онъ отвѣчалъ, что это гутта-перча, и что этому веществу весьма-легко придать всякую форму: стоитъ только опустить его въ горячую воду и разогрѣть, отъ-

чего оно дѣлается мягкимъ, какъ глина; а когда остынетъ, снова дѣлается твердымъ и крѣпкимъ. Оставивъ при себѣ рукоятку паранга, я попросилъ дровосѣка достать еще образчиковъ гутта-перчи, и, послѣ нѣсколькихъ опытовъ, убѣдился, что если оно не рѣдко, то можетъ принести огромную пользу.» Открытіе, сообщенное сначала медицинскому управленію въ Калькуттѣ, а потомъ Лондонскому Обществу Ремеслъ, возбудило всеобщее вниманіе. Слѣданы значительныя заказы — и новая отрасль торговли возникла.

Дерево, изъ котораго добывается гутта-перча, принадлежитъ, по мнѣнію сэра У. Д. Гукера, къ роду *sarothées*. Оно въ изобиліи растетъ во многихъ мѣстахъ острова Сингапура и въ густыхъ лѣсахъ, покрывающихъ южную часть Малайскаго Полуострова. Докторъ Монгомери просилъ знаменитаго Брука узнать, нѣтъ ли этого дерева въ Саравакѣ и на западномъ берегу Борнео? Брукъ отвѣчалъ, что оно, у жителей Сараваки извѣстно подъ именемъ *лато*, но они не знаютъ свойствъ его сока. Дерево это довольно-велико и достигаетъ до шести футовъ въ діаметрѣ. Его много въ Саравакѣ и, вѣроятно, на всемъ островѣ Борнео. Говорятъ, что оно самое толстое изъ тамошнихъ деревьевъ, но мягко и пористо, и потому негодно для построекъ. Туземцы употребляютъ только его плоды, изъ которыхъ добываютъ густое масло. Для выдѣлки гутта-перчи срубаютъ деревья старыя — отъ пятидесяти до ста лѣтъ; сдираютъ кору, и сокъ, выступающій изъ него, на воздухѣ сгущается. Каждое дерево даетъ круглымъ числомъ отъ двадцати до тридцати фунтовъ гутта-перчи. Этотъ нелѣпый, опустошающій способъ добыванія успѣлъ сильно распространиться, потому что ежегодный вывозъ доходитъ до нѣсколькихъ сотъ бочекъ. Послѣдствія такого производства предвидѣть не трудно: если непріймутся рѣшительныя мѣры къ устраненію зла, то гутта-перча выйдетъ изъ ряда пред-

метовъ правильной торговли, и сдѣляется любопытною рѣдкостью кабинетовъ или мастерскихъ. Между-тѣмъ, по всей вѣроятности, вмѣсто срубковъ дерева, достаточно дѣлать на немъ такіе же надрѣзы, какіе дѣлаются для добыванія каучука.

Гутта-перча привозится въ двухъ видахъ: или въ тонкихъ пластинкахъ, или въ сверткахъ изъ склеившихся пластинокъ. Если вещество чисто, то пластинки прозрачны и нѣсколько-упруги; цвѣтъ ихъ переходитъ изъ блѣловато-желтаго въ розовый. Въ сверткахъ, гутта-перча рѣдко бываетъ очищеною отъ постороннихъ примѣсей, каковы: куски дерева, частички листьевъ и т. п. Для употребленія, его нужно очистить. Съ этою цѣлью опускаютъ массу въ теплую воду, въ которой однѣ частицы растворяются, другія всплываютъ, и черезъ нѣсколько минутъ получается тагуаля, мягкая масса блѣловато-сѣраго цвѣта. Приготовленная такимъ-образомъ, гутта-перча получаетъ любопытныя свойства: при температурѣ ниже 50° Фаренгейта, она тверда какъ дерево, хотя можно на ней провести черту ногтемъ. Гнется она только въ тонкихъ пластинкахъ; въ массѣ получаетъ видъ рога. Въ равномѣрно мало-жидката, и значительное сопротивленіе тренію дѣлаетъ ее весьма-удобною для рукоятокъ обиходныхъ орудій. При высшей температурѣ, она дѣлается гибкою, и, не достигая градуса кипѣнія воды, становится мягкою, какъ воскъ. Въ такомъ видѣ ее можно рѣзать ножомъ, и обрѣзки соединять снова въ массу. При охлажденіи, гутта-перча удерживаетъ данную ей форму. Шарикъ одного дюйма въ діаметрѣ, размягченный въ горячей водѣ въ теченіи десяти минутъ, дѣлается по-прежнему твердымъ — въ полчаса. И эти измѣненія гутта-перча можетъ переносить безъ всякаго ущерба безчисленное множество разъ. Недостатокъ упругости ставить ее въ совершенный контрастъ съ каучукомъ. Крѣпость ея изумительна: ничтожная пластинка, толщиною въ

одну восьмую дюйма, выдерживаетъ тяжесть сорока двухъ фунтовъ и ломается только отъ пятидесяти-двухъ. Гутта-перча трудно растягивается, но, вытянутая однажды, уже не съжимается. Въ естественномъ состояніи, ее трудно рѣзать или пилить. Горитъ она, какъ и каучукъ, весьма-ярко, отдѣляя запахъ, похожій на запахъ каучука. Въ эфирѣ растворяется весьма-мало, а въ терпентинномъ маслѣ чрезвычайно-легко.

Что касается до употребленія гутта-перчи, то растворъ ея, какъ и растворъ каучука, идетъ для приготовленія непромокаемыхъ матерій. Въ твердомъ видѣ, Малайцы употребляютъ его преимущественно на рукоятки инструментовъ: они предпочитаютъ его не только дереву, но и рогу. Весьма-вѣроятно, что во многихъ случаяхъ гутта-перча можетъ замѣнить кожу: разнаясь съ ней во многихъ отношеніяхъ, она въ нѣкоторыхъ значительно ее превосходитъ. Въ Англіи взято уже шесть привилегій на различныя примѣненія гутта-перчи. Ее употребляютъ въ составы цементовъ и мастикъ; дѣлаютъ изъ нея ткани, ленты, бумагу и проч.; замѣняютъ ею каучукъ въ приготовленіи непромокаемыхъ вещей и т. д. Но самая важная изъ этихъ привилегій — привилегія Говкокка, который дѣлалъ въ высшей степени любопытные опыты надъ гутта-перчею. Соединяя ее съ каучукомъ и другимъ веществомъ, называемымъ *jintawan*, онъ получаетъ вещество упругое, непромокаемое, нерастворимое въ водѣ, вещество, твердость и упругость котораго зависитъ отъ большаго или меньшаго количества гутта-перчи. При другихъ соединеніяхъ, происходитъ вещество легкое, губчатое, годное для набивки тюфяковъ, вресель и т. п. Дѣлаютъ пружины для маятниковъ, пояса, подвязки... Намѣня способъ приготовленія, получаютъ составъ чрезвычайно твердый, который можно употреблять вмѣсто слоновой кости и дѣлать изъ него рамы, трости немногѣрвой прочности, рукоятки

для ножей, сабель, пуговицы, гребни, флейты и т. п. Дѣлаютъ азбуки и карты съ выпуклыми буквами и фигурами — для слѣпыхъ, формы для медалей и монетъ; пломбируютъ зубы... Въ соединеніи съ известнымъ количествомъ сѣрной кислоты, воска или сала, это вещество дѣлается удобо-растворимымъ и превращается въ превосходный, совершенно-непромокаемый лакъ. Гонкоккъ думаетъ, что этотъ растворъ можно употреблять еще для того, чтобъ предохранять отъ линіянія цѣтныя матеріи... А что думаютъ другіе многіе?...

Каучукъ, не-смотря на разнообразія примѣненія его въ промышленности, до-сихъ-поръ имѣлъ некоторые недостатки, по причинѣ которыхъ и употребленіе его было не такъ удобно: упругость его незначительна; онъ становится жестокъ на холодѣ, размягчается отъ жара и разлагается отъ соприкосновенія съ жирными веществами.

Американецъ Гудеръ (Goodyear), извѣстный своими каучуковыми издѣліями, нашелъ способъ выдѣлывать каучукъ такимъ-образомъ, что невыгодныя свойства его исчезаютъ, и получается какъ-бы новое, иное вещество, упругое и крѣпкое до такой степени, что полоска толщиной въ 6 сантиметровъ, сильнѣйшимъ давленіемъ доведенная до чрезвычайной толщины, а именно до толщины въ 2 миллиметра, немедленно по прекращеніи давленія получаетъ прежній объемъ. Каучукъ, приготовленный такимъ-образомъ, не подлежитъ вліянію жара и холода, равно какъ и разложенію отъ прикосновенія жирныхъ веществъ; а потому и употребленіе его въ этомъ видѣ, можетъ быть несравненно-разнообразнѣе. Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и въ Англіи онъ уже извѣстенъ подъ названіемъ *вулканизованнаго каучука* и примѣняется къ тампонамъ, помѣщеннымъ сзади вагоновъ, гдѣ онъ съ большимъ удобствомъ и выгодой замѣняетъ репуссуары. Во Франціи уже взята особая привилегія на фабрика-

цію этихъ снарядовъ. Всѣ издѣлія, въ которыхъ входитъ обыкновенный каучукъ полосами, листами и т. п., для сообщенія имъ упругости или непромокаемости, съ выгодною могутъ быть приготовляемы изъ каучука вулканизованнаго.

— До-сихъ-поръ не всѣ химики соглашались съ стариннымъ мнѣніемъ, что алмазъ есть уголь, окристаллизовавшійся при недостижимой для искусства температурѣ. Гитовъ де-Морво считалъ уголь окисломъ алмаза; Біодъ и Араго полагали, что алмазъ есть соединеніе угля съ водородомъ. Недавно г. Жаклей подвергъ алмазъ дѣйствию гальванической баттарей Бунзена, раскалилъ его и—получилъ чистый уголь. Это открытіе особенно важно тѣмъ, что весьма-просто объясняетъ происхожденіе алмазовъ—посредствомъ гальваническаго тока, образовавшагося въ землѣ отъ близости металловъ.

— Г. Эбельменъ представилъ Парижской Академіи Наукъ записку о приготовленіи искусственныхъ камней. Основываясь на свойствахъ борной кислоты растворять сухимъ путемъ металлическіе окислы и сильно испаряться при высокой температурѣ, онъ предложилъ сдѣлать опытъ кристаллическаго осажденія окисловъ, пользуясь въ этомъ случаѣ борной кислотой при высокой температурѣ, точно такъ же, какъ пользуются раствореніемъ въ водѣ нѣкоторыхъ солей при обыкновенной температурѣ для полученія кристалловъ этихъ солей. Опытъ его удался совершенно. Онъ бралъ на 1 часть расплавленной борной кислоты 2 части смѣси глинозема и магнезіи, такъ, чтобъ химическое соединеніе послѣднихъ составляло $Al^2 O^3 Mg O$. При опытахъ г. Эбельменъ прибавлялъ еще отъ половины сотой части до одной цѣлой сотой двухромистаго кали. Тщательно перемѣшавъ все это, онъ клалъ смѣсь на листокъ платины и въ фарфоровой чашкѣ ставилъ въ самый жаръ обжигательныхъ печей (на сѣверскомъ фарфоровомъ заводѣ).

Поверхность полученнаго состава была покрыта кристалловидными пластинками, а внутри его образовались впадины, усѣяныя кристаллами, которыхъ форма представлялась явственно въ увеличительное стекло. Кристаллы эти были розоваго цвѣта, прозрачны, имѣли форму восьмигранниковъ, рѣзали кварцъ и не плавилась на паятельной трубкѣ... Изъ всего этого, кажется, весьма легко заключить о тождествѣ этихъ кристалловъ съ шпинелевымъ рубиномъ.

Замѣняя магнезію окисломъ марганца (protoxide), г. Эбельменъ получилъ кристаллы въ видѣ широкихъ пластинокъ, имѣющихъ форму равностороннихъ треугольниковъ или правильныхъ шестиугольниковъ. Кристаллы эти также рѣзали кварцъ. Г. Эбельменъ считаетъ ихъ *марганцовымъ шпинелемъ* $Al^2 O^3 Mn O$, котораго до-сихъ-поръ не встрѣчали въ природѣ.

Замѣняя магнезію окисломъ кобальта, онъ получалъ правильные осмиугольные кристаллы самаго темнаго синяго цвѣта. Кристаллы эти также рѣжутъ кварцъ.

Замѣняя магнезію глицинемъ въ пропорціи хризоберила $Al^2 O^3 Gl O$, Эбельменъ получилъ чрезвычайно блестящіе кристаллы, рѣзущіе и кварцъ, и топазъ, и совершенно - сходные съ природнымъ хризобериломъ (супрафане).

Нѣкоторые кремнистыя соединенія, неплавищіяся въ лабораторныхъ печахъ, кажется, могутъ быть также кристаллизованы этимъ способомъ. Такъ, на-примѣръ, расплавляя составныя части изумруда съ половиною по вѣсу борной кислоты, при той же температурѣ, какъ и въ предыдущихъ опытахъ, получимъ кристаллы, которые также рѣжутъ кварцъ.

Г. Эбельменъ, какъ человекъ ученый и положительный, остерегается сказать утвердительно, что онъ открылъ средство дѣлать искусственнымъ образомъ драгоцѣнные камни; онъ говоритъ только, что нашелъ способъ образовывать прозрачныя и твер-

дые кристаллы, подобныя драгоцѣннымъ камнямъ, при температурѣ даже нисшей противъ той, которая употребляется на желѣзныхъ заводахъ. Опыты его были дѣланы въ маломъ видѣ; но промышленность, вѣроятно, повторитъ ихъ въ огромномъ размѣрѣ.

Наука извлекаетъ изъ опытовъ г. Эбельмена такое заключеніе, какъ и изъ опытовъ г. Жакаена, т. е., что въ природѣ многія минеральныя вещества могли образоваться въ кристаллахъ при температурахъ гораздо-нисшихъ противъ той, при которой они начинаютъ плавиться.

Заключеніе важное, общающее скорый переворотъ въ вѣданіи химіи, построенной на кирпичахъ, сдѣланныхъ искусствомъ, а не на камняхъ, созданныхъ *хитрою* природою. Пора химикамъ выгладнуть изъ лабораторій на свѣтъ Божій!

— Картина Рафаэля, известная подъ названіемъ «Лореттской Богоматери», долгое время считалась пропавшею или украденною. Существуетъ множество копій, которыя принимали за подлинникъ. Наконецъ оригиналъ отысканъ, въ Генуѣ, маркизомъ Спинеллою, президентомъ Альбертинской Академіи Художествъ.

Знаменитый любитель искусствъ не увлекся эгоистическимъ желаніемъ украсить этой картиной собственную коллекцію, но, желая сдѣлать оригиналъ Рафаэля общимъ достояніемъ, представилъ королю Карлу-Альберту, который и купилъ его.

Картина находилась въ самомъ жалкомъ положеніи: она почти вся покрыта черными пятнами и жирнымъ слоемъ, сквозь которые трудно было разглядѣть свѣлость контуровъ, чистоту формъ и невыразимую словами особенностью кисти Рафаэля. Стараніями и искусствомъ г. Орланди, которому предоставлена была реставрація картины, пятна и наслоившаяся грязь сведены, и, за исключеніемъ немногихъ поврежденій, впрочемъ, незначительныхъ, происшедшихъ отъ треснувшей

рамы, главных мѣста картины выступили въ настоящемъ свѣтѣ и оказались въ совершенной цѣлости.

Всѣ туринскіе художники признали подлинность этой картины.

— Въ прошломъ мѣсяцѣ, мы жаловались на бѣдность французскаго репертуара, не смотря на многочисленность вновь-являющихся пьесъ. Понимая всю непріятность повтореній, весьма желали бы мы теперь сказать другое; но никакимъ образомъ не можемъ, тѣмъ болѣе, что даже сами Французы, какъ, на-пр., Шарль де-Мотабель, поютъ тѣмъ же голосомъ. Послушайте, что онъ говоритъ въ одномъ изъ фѣльетоновъ газеты «Siècle»: «Мы по несчастью такъ приучены къ обильной производительности, такъ привыкли встрѣчать множество быстро другъ за другомъ появляющихся драматическихъ пьесъ, что малѣйшая остановка въ непрерывномъ движеніи, малѣйшее замедленіе кажется уже намъ признакомъ упадка того неистощимаго ума, вѣчно-живаго и остраго, который нѣкогда создалъ водевилъ, это балованное дитя нашей національной шаловливости. Можно подумать, что драматическая производительность идетъ слѣдомъ за общимъ движеніемъ дѣлъ промышленныхъ, коммерческихъ, политическихъ и другихъ... Радоваться ли этому? Кто знаетъ, не приближаемся ли мы къ той счастливой порѣ, когда писатели будутъ облумывать, вынашивать свои сюжеты, положить на то время, когда искусство займетъ мѣсто ремесла, когда золотая, а не то шелковая нить прекрасныхъ, разумныхъ вымысловъ замѣнитъ грубую бечевку, неизбежную въ драматическомъ лабиринтѣ? — Не готовятся ли намъ съ-часу-на-часъ врѣды художественныя произведенія, стройныя, полныя жизни и веселости, той граціозной, не оскорбляющей эстетическаго вкуса веселости, которая такъ рѣдка стала въ послѣднее время?.. Или, можетъ-быть, въ этой порѣ востоя таятся роковое безсиліе, глубокое изнеможеніе, усталось, нева-

бѣжная послѣ той безпорядочной производительности, которая съ 1830 года наводила сцены французскихъ театровъ? Мы сейчасъ сказали, что въ настоящую минуту театръ ощущаетъ тяготящую на немъ промышленную сухотку. Не-уже-ли же суждено ему отражать на себѣ всѣ фазы движенія современныхъ дѣлъ? Вѣкъ нашъ — вѣкъ паровъ, и развѣ мы не видѣли драматическую дѣятельность, несущуюся словно по желѣзной дорогѣ? развѣ не видѣли, какъ длинная вереница пьесъ, сопровождаемая суровымъ свистомъ, съ непостижимой быстротой летѣла къ своей будто преднамѣренной цѣли—ничтожеству?.. Сосчитать тѣ изъ нихъ, которые удалось прожить на свѣтѣ какой-нибудь мѣсяцъ — дѣло невозможное. Кажется, будто никто ни о чемъ больше не заботится, какъ только о томъ, чтобъ наполнить драматическій вагонъ, отправить его и гнать до новой нагрузки. — Такова драматическая дѣятельность послѣднихъ пятнадцати лѣтъ!»

Разсужденіе г. фѣльетониста идетъ дальше и клонится къ разъясненію причинъ эфемерности, ничтожности новыхъ театральныхъ пьесъ. Оспаривать его мы не думаемъ; но и подтверждать его положеній тоже не намѣрены, потому-что они не совсѣмъ проникаютъ въ сущность дѣла. Но — вотъ предметъ послѣднихъ толковъ въ театральныхъ фѣльетонахъ парижскихъ газетъ: новая дирекція «Théâtre-Français» и новое устройство такъ-называемаго комитета чтенія (comité de lecture). Это — судъ для оцѣнки представляемыхъ пьесъ, рѣшающій вопросъ: принять подлежащую пьесу на сцену, или отвергнуть ее. Но прежде, нежели вновь-устроиваемый комитетъ начнетъ задавать себѣ подобные вопросы, нужно рѣшить вопросъ предварительный: кому вручится эта власть — рѣшать и вязать судьбы драматическихъ писателей? Будетъ ли она въ рукахъ артистовъ или литераторовъ; или исклучать Google

и тѣхъ и другихъ, и составить его просто изъ *почтенныхъ* людей? Вопросъ важный, и о немъ-то преимущественно толкуютъ фельетоны. Впрочемъ, не всё: явные, на-примѣръ, фельетоны газетъ — la Presse — беретъ выше и говоритъ: «каковъ бы янъ былъ комитетъ чтенія, все въ немъ есть нѣчто оскорбительное для самолюбія, хотя бы даже онъ и принялъ пьесы. Оскорбительна крайне-скучная церемонія: должно предстать предъ лицо трибунала, видѣть свой жребій въ роковой урнѣ.. правду скажутъ, только суровой стражи не достаетъ для полноты подобной церемоніи!... До-сихъ-поръ, театры были такою неприступностью, столько въ нихъ было отталкивающаго, столько скуки и всякаго рода неприятностей, что гордо-пугливые умы, т. е. поэты, всё мало по-малу удалились отъ нихъ. Развѣ не странно, что Викторъ Гюго, Альфредъ де Виньи, Ламартины, Альфредъ де-Мюссе и много-много другихъ давнымъ-давно отшатнулись отъ сцены? Причина этой отчужденности, конечно, въ составѣ комитета, если не въ самомъ комитетѣ. Разумно представлять пьесу директору, который бы принялъ или отвергъ ее, смотря потому, найдетъ ли ее для себя выгодною или нѣтъ; но тяжело подчиняться суду людей, которые, можетъ-быть, не стоятъ васъ и ужъ навѣрное меньше васъ смыслятъ въ томъ, надъ чѣмъ произносятъ приговоръ. Скажите больше: самъ директоръ долженъ брать за рѣшительную оцѣнку произведеній однихъ только невѣстныхъ авторовъ. Всякій литераторъ, уже доказавшій свой талантъ и пріобрѣтшій иял, долженъ быть принимаемъ на театръ безъ всякихъ формальностей: это только и спасетъ оригинальность. Мысль о необходимомъ судилищѣ можетъ убить свободное творчество. Къ автору прививается невольное опасеніе, желаніе убѣждать того, что можетъ не поправиться его сульъ—прививается и вредить и парализируетъ творческую дѣятельность. Много найдется сюжетъ,

родственныхъ, близкихъ природѣ художника, способныхъ развиться въ стройное созданіе и улечь публику — и авторъ долженъ бросать ихъ потому только, что они не по вкусу оцѣнщикамъ!»

Такия-то разсужденія вызываетъ современное состояніе драматической литературы! И какъ ему не вызывать? Вотъ, для примѣра, послѣдніе образчики этой литературы:

Двуумилица (la Femme à deux maris), волевиъ Поль-де-Кока и Бойера. Негоціантъ Балло женатъ и очень счастливъ. Но возмутилось это счастье съ-тѣхъ-поръ, какъ грѣхъ попуталъ его прочесть *Робинсона*. Мадамъ Балло прежде была за капитаномъ Бриаронъ, который гдѣ-то погибъ. Г. Балло начинаетъ воображать, что Бриаронъ какъ-нибудь тамъ не погибъ, и что вотъ вотъ онъ явится. У мадамъ Балло есть кузина, у которой есть мужъ—тоже Бриаронъ; а г. Балло не знаетъ, что кузину зовутъ Бриаронъ (удивительное стеченіе обстоятельствъ!). Кузина поссорилась съ мужемъ, убѣжала отъ него и укрылась у мадамъ Балло. Бриаронъ провадалъ, приходитъ въ распλοхъ, предъявляетъ свои права и требуетъ мадамъ Бриаронъ, свою законную жену. Ну, можете себѣ представить, какая произошла смута, какой эффектъ произвела она на сценѣ, и какъ все это кончилось благополучно, т. е. какъ гладко прокатилась пьеса по сценѣ, будто по рельсамъ, къ необходимому пункту исчезновенія.

Еще—произведенія Эжена Деливи: *Вилучка Никол* (La Filleule de Nicol), волевиъ Ламартина, въ Исторіи Жирондистовъ, есть очень-милый эпизодъ о томъ, какъ у одного заслуженнаго офицера Фернанъ Сен-Клера были двѣ молоденькія дочери; какъ Фернанъ былъ сдѣланъ начальникомъ отряда національной гвардіи и ушелъ въ походъ; какъ дочки стосковались безъ отца и, томимыя страхомъ за его жизнь, придумали отчаянное средство увидѣться и не расставаться съ нимъ:

онъ переодѣлся въ мужское платье и вступили въ его отрядъ. Дрались, отличались, потомъ — были открыты (эффектная и трогательная сцена) и, по представлеию Бёрнувила, награждены. Этого эпизода было совершенно достаточно г-ну Делинъ, чтобъ нагрузить «драматическiй вагонъ» и спровести его по тѣмъ же рельсамъ къ той же успокоительной Летѣ. Счастливыи путь!

Но никто такъ не отличился въ отношеи ловкости, какъ... кто бы вы думали? — Леонъ Говланъ, сочинивъ одну актъ, подъ заглавiемъ: *Русый Волосъ* (*Un Cheveu blond*). Какой-то герцогъ женится на какой-то маркизѣ; женихъ и невѣста любятъ другъ друга и все идетъ хорошо, какъ вдругъ маркиза замѣчаетъ на рукѣ герцога русый волосъ. Разрывъ. Отчаянiе. Но тутъ же все устроилось къ лучшему, ибо оказалось, что волосъ принадлежитъ сестрѣ герцога. Видно, что авторъ глубоко задумалъ и вполне выносилъ свою пьесу; и было надъ чѣмъ подумать, не правда ли? Вѣдь не всякому удастся задумать и выполнить такой сюжетъ!

Впрочемъ, между всѣми этими прелестями, замѣтили мы одинъ водевильчикъ, который хорошъ по — крайнемѣрѣ тѣмъ, что весь пропитанъ французскимъ духомъ и даетъ возможность развернуться всей граци и гибкости французскаго ума, хотя предметъ пьесы не новъ, содержанiе ея легко, очень легко. водевиль называется *Le Reveil du lion* (Пробужденiе Льва); сочинители его Баяръ и Жемъ. Эрнестъ Фовбланшъ, достойный юноша, украшенный всѣми качествами достойнаго юноши, непорочный, немножко-сантиментальный; онъ безмолвно и робко вздыхаетъ, т. е. любитъ молоденькую, но бѣдную сосѣдку; у него есть дядя милiонеръ и графъ; есть также у него много друзей-повѣсъ, разгульной молодѣжи. Эрнестъ даетъ пирь, на которомъ друзья собираются покутить въ волю. Идутъ приготовления, все суетится, и Эрнестъ суетится. Вдругъ, ка-

тится дорожный экипажъ; изъ экипажа выказывается старая фигура, укутанная въ шелки и фланели: это его дядюшка графъ Фовбланшъ. «Я, дитя мое, приѣхалъ въ Парижъ» говоритъ онъ «по одному досадному дѣлу — по незаконному процессу, которому будетъ ли когда конецъ, про то знаютъ чиновники и адвокаты. Останусь у тебя, будемъ жить вдвоемъ, тихо, спокойно, уединенно, безъ шума.» Эрнесту бы это ничего; но... день такой случился! Чтò тутъ дѣлать? Беретъ онъ перо и пишетъ къ Гектору Молеону и Гюставу ***, распорядителямъ праздника; чтобъ они спасли его отъ бѣды; а самъ, по порученiю дяди, отправляется къ его адвокату. Посланный безъ него приноситъ отвѣтъ; графъ думаетъ, что это къ нему, распечатываетъ и читаетъ:

«Любезный другъ! Такъ-какъ дряхлая мумiя пала на тебя, будто бомба, то мы, съ нашимъ веселымъ братствомъ, отточемъ къ Вефуру. Уложи свою мумiю, ублажай ее ради эку, приодѣнь ее, приголубь ее, убаюкай ее; а когда убаюкаешь мумiю, приходи къ намъ.»

«P. S. Молчи про мою жену, что она талась въ Муленѣ: со мной будетъ Сен-Люкъ.»

Графъ было-разгорячился, хотѣлъ уѣхать; но подумалъ и сробразилъ, что, можетъ-быть, племянникъ совсѣмъ не похожъ на этого сорванца. Приходитъ Эрнестъ, и старикъ говоритъ ему: «Я узналъ отъ твоей прислуги, что у тебя сегодня пирушка; въ добрый часъ! распоржайся, я тебѣ не мѣшаю; пойду отдохну и приодѣнусь; а къ обѣду выйду.»

Такъ все и случилось. Стали собирать гости; явился и Молеонъ, объ-руку съ Сен-Люкомъ. Молеонъ въ некоторомъ родѣ левъ и довольно-непобѣдимый, искусившiйся въ ланскнѣ и разныхъ другихъ искусствахъ и занятияхъ. Сен-Люкъ — вдовушка, пережившая трехъ мужей, ничего не имѣющая, проживающая тамъ, гдѣ весело, молодод и полно вслжимъ довольствомъ. Поднялся разговоръ, свернулся на приѣз-

жаго гостя-хозяина, и пошлн трунить надъ старикомъ. Но доложили о графѣ. Явился старикъ, бодрый, гордый, съ самоувѣренной поступью, одѣтый крайне-прилично, современно, безукоризненно. Для каждой дамы нашлось у него по любезности, для каждого молодого человѣка по привѣтливому слову; одному Молеону досталась брошенная вскользь, но меткая, провзительная эпитграмма. Эрнестъ озадаченъ этимъ превращеніемъ; но, къ довершенію чуда, отворяются двери, входитъ Леонія (очаровательница - сосѣдка). Эрнестъ изумленъ; другъ его, Гюставъ, объясняетъ, что Леонія имъ приглашена. Между-тѣмъ, графъ продолжаетъ преслѣдовать Молеона своими неотразимыми колкостями; рассказывать про свои прошлыя похождения, дуэль, изъ которыхъ послѣдняя оставила въ немъ неизгладимыя воспоминанія. Молодой человѣкъ, назадь тому лѣтъ двадцать, оскорбилъ его на оперномъ балѣ; онъ вызвалъ его и убилъ; послѣ убитаго осталась жена съ ребенкомъ; графъ тутъ же написалъ, что все его достояніе принадлежитъ вдовѣ; но съ-тѣхъ-поръ онъ не слыхалъ о ней ни слова.

Идутъ къ столу, и въ-продолженіе всего обѣда эпитграммы графа осыпаютъ Молеона; послѣ обѣда, онъ шалить, играетъ на скрипкѣ, танцуетъ, полькируетъ, и все, что ни есть на балѣ, восхищено, очаровано, подавлено его вліяніемъ. Начинается игра; счастливецъ и знатокъ Молеонъ собираетъ дань со всѣхъ и всю ее принужденъ передать небожимо-счастливому старику. Возбѣшенный, выведенный изъ терпѣнія, Молеонъ почти вызываетъ графа, и графъ отвѣчаетъ ему: «Дитя, дай мнѣ тупую рапиру, потому-что убить я никого больше не хочу; но дамъ тебѣ урокъ въ фехтовальномъ искусствѣ.» И скоро платѣ Молеона украсилось свѣжими отгѣтинами, и общество остридио смѣлосъ.

Пока все это происходило, Леонія была какъ-то оскорблена Гюставомъ и

прибѣжала искать защиты у графа; скоро все объяснилось: Леонія приглашена графомъ, потому-что она—тогъ самый ребенокъ, который остался сиротой послѣ жертвы послѣдней дуэли графа. Она—его наслѣдница, невеста Эрнеста и проч., и проч. Молеонъ уѣхалъ въ Муленъ къ женѣ.

Но довольно! Ясно, что эта пьеса—игрушка, которою можно полюбоваться, и только. Оставляемъ рѣчь о драматургіи и съ любовію переходимъ къ заключенію, въ которомъ особенно-пріятно намъ помянуть нѣкоторыя знакомыя имена. Вотъ, что пишутъ, между прочимъ, въ Парижѣ: «Торжество очаровательнаго, дивнаго контраalto продолжается. Не скажемъ, чтобъ это торжество увеличивалосъ, потому-что дадѣе извѣстнаго предѣла прогрессъ невозможенъ; а успѣхъ г-жи *Албоки* съ перваго вечера возросъ до *non plus ultra*», и проч.

Далѣе: «*Лючія*. Г-жа *Кастеланъ* воскресила сцену Итальянскаго-Театра. Она можетъ выполнить весь репертуаръ Персіани, которой не будетъ она ни соперницей, ни повтореніемъ, а только раздѣлитъ съ ней ея трудное амплуа. Г-жа *Кастеланъ* прекрасна и имѣетъ превосходный, обработанный голосъ; слава, пріобрѣтенная ею въ Лондонѣ, повторится въ Парижѣ.»

Наконецъ, балетъ. Дебютировала давно-желанная *Фанни Черрито*. Жюль Жаненъ въ восторгѣ отъ нея. Онъ говоритъ, что она танцуетъ, какъ птичка летаетъ, какъ золотая рыбка гуляетъ въ прозрачной волнѣ, и много-много говорить рѣчистый цѣвитель—до того говорить, что даже въ порывѣ восхищенія называетъ обольстительную артистку *кумушкой* (*coquette*). Вѣдь это сливки любезности, не правда ли?..

— Изъ новыхъ литературныхъ произведеній замѣчательны: *Histoire naturelle des mollusques terrestres et d'eau douce qui vivent en France* (Естественная исторія моллюсковъ земляныхъ и живущихъ въ пресной водѣ, находящихся во Франціи), соч. аббата Дююи, про-

ессора естественной исторіи, съ литографированными чертежами Дюло-ра. Часть I, въ 4-ю д. л. Сочиненіе это представляетъ результаты многочисленныхъ изслѣдованій и наблюденій, произведенныхъ авторомъ въ разныхъ провинціяхъ Франціи. Къ нему приложенъ будетъ атласъ, въ которомъ всѣ роды раковинъ безъ исключенія будутъ изображены съ должною отчетливостью и во всевозможныхъ видахъ.

Elemens de morphologie humaine (Основанія морфологіи человѣка). До сихъ-поръ вышла только первая часть этого интереснаго сочиненія, въ которой авторъ излагаетъ теорію формы человѣческаго тѣла, а вторая часть будетъ посвящена теоріи формъ всего животнаго царства.

Manuel de l'histoire de l'art chez les anciens (Исторія искусства у древнихъ). Посмертное сочиненіе графа де-Кларá, ученаго хранителя древностей въ Королевскомъ Музеумѣ, издаваемое Викторомъ Тексье. Плоды пятнадцатилѣтнихъ трудовъ ученаго антикварія составляютъ четыре тома. Въ вышедшихъ нынѣ первыхъ двухъ томахъ помѣщено: описаніе луврскихъ музеумовъ древней и новой скульптуры; хронологическій списокъ художествъ, писателей и вообще историческихъ лицъ; генеалогія Птоломеевъ и знаменитыхъ римскихъ фамилій.

Projet de création d'une armée des travaux publics (Проектъ сформированія арміи для производства публичныхъ работъ), сочиненіе инженера путей сообщенія Кранца. Вотъ основныя мысли, занимавшія автора: 1) показать неудобства существующаго способа производства публичныхъ работъ; 2) доказать выгоды сформированія арміи работниковъ; 3) указать способы осуществленія этого проекта. Для этого онъ предлагаетъ набирать партіи работниковъ по всѣмъ ремесламъ, сначала изъ молодыхъ преступниковъ, а потомъ и изъ вольноопредѣляющихся, постановивъ закъномъ годичный комплектъ работниковъ, и сколько чело-вѣкъ долженъ выставить каждый де-

партаментъ. Такая армія не будетъ ни копейки стоить государству: содержаніе этихъ людей съ избыткомъ окупится ихъ работою. Мысль превосходная, которая безъ сомнѣнія найдетъ сочувствіе во Франціи, какъ центрѣ современнаго движенія. Книга эта служить продолженіемъ прежде-изданному сочиненію того же автора, подъ заглавіемъ: «*Etude sur l'application de l'armée aux travaux publics*» (О употребленіи войска на производство публичныхъ работъ).

Réforme électorale. Le présent et l'avenir (Электоральная реформа. Настоящее и будущее). Соч. г. Франсье. Сочиненіе раздѣлено на двѣ части, существенно отличныя одна отъ другой. Въ первой, подъ названіемъ «Настоящее», излагаются причины существующаго зла, во-второй, подъ именемъ «Будущее», указаны средства къ осуществленію электоральной системы, слѣдствіемъ которой должно быть установленіе во Франціи самаго могущественнаго, либеральнаго представительнаго правительства. Авторъ глубоко убѣжденъ, что общество имъ достигнетъ состоянія, въ которомъ каждый найдетъ возможность жить сообразно своимъ способностямъ и потребностямъ... послѣднее будетъ горьче перваго.

Sketches of Ireland sixty years ago. Собраніе совершенно-неизвѣстныхъ характеристическихъ фактовъ послѣднихъ шестидесяти лѣтъ жизни Ирландіи. «On croit rêver en lisant ces révélations parfaitement dignes de foi», говоритъ французскій журналъ, изъ котораго мы заимствуемъ это извѣстіе.

The lands of the Bible visited and described, by the Rev. Dr. Wilson. Вильсонъ, обладая полнымъ знаніемъ восточной литературы и языковъ, объѣхалъ Палестину съ цѣлью: опредѣлить тѣ мѣста, гдѣ дѣйствительно происходили событія священной исторіи. Говорятъ, книга его, снабженная картами, планами и чертежами, лучшая въ своемъ родѣ.

Memoirs of the Private Life and Opinions of Louisa, Queen of Prussia, by

М. Charles Richardson. Въ высшей степени интересная биографія прусской королевы Луизы. Въ Англии эта книга имѣла полный успѣхъ.

— Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, въ парижскихъ гостиницахъ много говорили о проектѣ большой залы для публичныхъ баловъ и концертовъ, потому-что всѣ прежнія залы не соответствуютъ своими размѣрами нынѣшнимъ огромнымъ и многолюднымъ собранимъ. По рассказамъ, проектъ этотъ былъ похожъ на инженерную поэтическую мечту. Но мечта скоро уже осуществится: постройка идетъ быстро, и къ началу зимы зданіе будетъ открыто. Строитель его г. Бартельми — и инженеръ и поэтъ-художникъ вмѣстѣ. Первая задача состоитъ въ томъ, что размѣры залы должны соответствовать числу посѣтителей; а такъ-какъ это число не можетъ быть постояннымъ, то нижняя окружность залы должна измѣняться въ величинѣ, смотря по надобности. Вторая задача была — помѣщеніе оркестра, особенно для баловъ, такъ, чтобъ онъ былъ слышенъ вездѣ, не оглушалъ близъстоящихъ и не заглушался ничѣмъ для противоположнаго конца. Зала устроивается совершенно-правильнымъ эллипсоидомъ, и оркестръ будетъ помѣщенъ на люстрѣ, въ самомъ центрѣ зданія. Этотъ *люстр-оркестръ* — вещь поразительно-новая и смѣлая; онъ будетъ сообщаться со сводомъ залы посредствомъ винтовой лѣстницы, обвивающей цѣпь люстры; платформа люстры для оркестра будетъ сдѣлана съ двойнымъ дномъ для резонанса и съ отверстиями въ верхнемъ днѣ. Отверстія могутъ закрываться и открываться по волѣ капельмейстера. Пишутъ, что зала эта, устроиваемая на Сен-Мартенскомъ Бульварѣ, сзади Шато-д'О (Chateau-d'Eau) и уже нанята городскимъ начальствомъ Парижа для Орфеона. Открытіе назначено прежде 1-го декабря нынѣшняго года.

— Управленіе косвенными налогами Департамента Рѣки-Марны сообщаетъ

Т. LV. — Отд. VIII.

интересныя данныя о торговлѣ шампанскими шипучими винами.

Главное производство этихъ винъ сосредоточено въ трехъ округахъ (arrondissements): Шалона, Эперна и Реймса.

Съ 1 апрѣля 1846 года по 1 апрѣля 1847 года, отправлено: изъ Шалона 2,497,355 бутылокъ, изъ Эперна 2,187,553, изъ Реймса 4,090,577. Всего: 8,775,485 бутылокъ.

Изъ этого количества двѣ трети отправляются за-границу.

Торговля эта производится повсемѣстно: шампанское везутъ въ Китай, въ Персію, въ Океанію... но главные его потребители — Англія и Россія.

Назадъ тому лѣтъ тридцать, число домовъ, производившихъ торговлю шампанскими винами, было весьма-незначительно: ихъ насчитывалось не болѣе пятнадцати или двадцати; теперь оно возросло до 300.

Въ-теченіе пятнадцати лѣтъ, производство шампанскаго вина почти удвоилось, и, безъ сомнѣнія, пропорціонально запросу, потому-что цѣны, взятыя въ сложности, оставались тѣ же и измѣнялись ежегодно сообразно съ урожаемъ и качествомъ винограда.

Промышленники, желающіе имѣть вина высокаго качества, скупаютъ виноградъ въ гроздяхъ и сортируютъ его до начала производства.

— Въ послѣднее время, въ кантонѣ Аргау, одинъ поджигатель былъ приговоренъ къ смерти — и казнь была исполнена. Онъ принадлежалъ къ новой сектѣ „Антонистовъ“, которая, получивъ начало въ Бернскомъ-Кантонѣ, распространилась въ окрестностяхъ. Одна изъ мистическихъ глубинъ этой секты состоитъ въ отысканіи маленькаго цвѣтка, который цвѣтетъ, будто бы на лугахъ каждый мѣсяцъ. Чашечка его наполняется каплей росы, имѣющей свойство, какъ они думаютъ, превращать все въ золото. Но у этой секты существуютъ другіе ученія и обряды, которыхъ еще не успѣли узнать.

— Число израильскаго народонаселенія, разбросаннаго по поверхности земнаго шара, простирается до шести милліоновъ душъ. Изъ этого числа, только двѣсти тысячъ пользуются всѣми правами гражданъ, а именно: тридцать тысячъ — въ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ, двадцать тысячъ — въ Англіи (еще не совершенно эманципированныхъ), пятьдесятъ тысячъ — въ Голландіи, десять тысячъ въ Бельгіи и девяносто тысячъ во Франціи. Всѣ другіе подчинены законамъ исключительнымъ, и считаются за отдѣльныхъ членовъ въ обществѣ.

— Изъ Калькутты пишутъ, что въ провинціи Азамъ открыли новый и очень замѣчательный родъ риса, который имѣетъ свойство расквашивать, или лучше сказать, дѣлаться мягкимъ, какъ-бы посредствомъ дѣйствительной варки, при простомъ погруженіи его на двадцать минутъ въ холодную воду или въ молоко. Если оставить зерна лежать въ жидкости долѣе, то они рас-

надаются на части, какъ переварившіяся, и наконецъ, превращаются въ массу или кисель. Питательное свойство этого особеннаго видоизмѣненія риса не менѣе того, какимъ отличается обыкновенный рисъ, составляющій главнѣйшій питательный продуктъ Индіи.

— Французская газета *La Presse* придумала особенный способъ собирать для себя извѣстія, и, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ увеличить число подписчиковъ. Она объявляетъ, что каждый годъ, 1 октября, будетъ раздавать медали: одну золотую въ 500 фр. и 10 серебряныхъ, тѣмъ изъ подписчиковъ или читателей, которые доставятъ редакціи извѣстія самыя важныя и вѣрныя, политическія или вѣтъ, но такія, которыя бы могли быть напечатаны у ней прежде, нежели въ другихъ газетахъ. Всѣ расходы на пересылку по почтѣ извѣстій вычитаются при подпискѣ на газету.

М О Д Ы.

Салоны съ кашшонами или съ иѣш-
нами, кажется, будутъ въ большомъ
употребленіи нынѣшнюю зиму. Фа-
сонъ ихъ разный; но первое условіе —
если салонъ шить изъ бархата, сукна
и вообще тяжелой матеріи, онъ дол-
женъ быть безъ сборовъ наверху.
Сборки допускаются только на сало-
нахъ изъ легкихъ матерій, кановы:
атласъ, гроденансъ и др.; въ такомъ
случаѣ и рукава иѣляютъ своей формѣ;
они нвого принускаются въ шарину
и собираются у сгиба руки, тогда какъ
рукава у бархатныхъ салоновъ дѣла-
ются довольно-узкіе и безъ сборовъ.
Теплые иѣховые салоны почти всѣ съ
сборками наверху, но безъ воротничковъ.
Лучшая уборка для салоновъ теперь
состоитъ изъ кружевовъ, агрананта и
шелковой тесьмы, которая преимуще-
ственно идетъ для салоновъ изъ шер-
стяной матеріи.

Но мало поговорить что-нибудь о
шляпкахъ, или, лучше сказать, многое.
Фасонъ шляпокъ такъ перемѣнился, что
и сравнивать нельзя съ прошлогоднимъ
фасономъ — впрочемъ, не къ лучшему.
Во-первыхъ, поля такъ широки, что
сходятся у подбородка; тулья немного-
сжатая на верху и съ выпуклымъ
деиышкомъ, что очень — некрасиво;
уборка подъ полями привалывается
очень-высоко, выше висковъ, и не
очень — пышная (иначе она примет-
ся полями), небогѣе какъ по одно-
му небольшому цвѣтку, что все иѣ-
стѣ дѣлаетъ шляпку очень-изящною;
но, не смотря на это, шляпки опи-
санныя нами фасона преимуществен-

но разбираются въ магазинахъ, а шляп-
ки другихъ фасоновъ остаются. Не
думайте, чтобъ шляпки этого фасона
болѣе нравились — совсѣмъ нѣтъ: ка-
ждая дама съ ужасомъ отступаетъ, ко-
гда модистка послѣ длиннаго и красно-
рѣчиваго извѣщенія о новостяхъ, по-
кажетъ ей такую шляпку; но, подумавъ
немного, каждая покупаетъ ее,
потому что это ново. Можетъ-быть, че-
резъ нѣсколько времени и мы пригласи-
мся къ этому фасону, и намъ онъ не
будетъ казаться такимъ безобразнымъ.

Цвѣтныя кружева и тють преимуще-
ственно теперь употребляются на
уборку шляпокъ. Біе изъ матеріи при-
шивается наверху полей и подъ поля-
ми; шляпки же вообще всѣ дѣлаются
на кулисахъ, даже бархатныя; но ку-
лисы отставляются на большое раз-
стояніе другъ отъ друга.

Цвѣтныя кружева очень идутъ для
чепчиковъ и наколокъ; вотъ, на-при-
мѣръ, чепчикъ изъ синихъ кружевъ съ
гирляндой білыхъ цвѣтовъ, переш-
шанныхъ съ синими; не правда ли,
онъ очень-красивъ, особенно съ си-
нимъ платьемъ? Вотъ еще очень-кра-
сивая накладка изъ черныхъ кружева,
которыя, съ одной стороны, собраны
довольно-густой фалболой, но съ дру-
гой положена гирлянда изъ розановъ
съ зеленью, и если къ этой уборкѣ вы
прибавите еще по три докона съ каж-
дой стороны, немногосбитые, то бу-
дете куафрованы превосходно.

Многія любятъ убирать чепчики и
накладки гирляндами изъ серебряныхъ
или золотыхъ лентъ; конечно, при

огнѣ эта гарлянда блестятъ очень-хорошо—и только; но о вкусахъ спорить нельзя...

Платья очень-многія начали убирать бархатомъ въ вѣсколко рядовъ; но уборка изъ бубъ также въ большой модѣ, и вотъ совершенно-новый родъ уборки на картинкѣ, приложенной къ выѣшней книжкѣ нашего журнала. Рукава этимъ фасонмъ также многимъ нравятся; маленькіе жокен всегда очень-красивы на рукавахъ.

О бальныхъ платьяхъ говорить теперь еще нечего: многія дамы недавно только переѣхали съ дачъ и не отгрызали баговъ, да и рано но; за то наслаждаются верховой ѣздой, и въ-самомъ дѣлѣ, теперь самое лучшее время для верховой ѣзды: въ манежѣ не жарко и не пыльно, не холодно и не грязно; по этому случаю и чамазонскіе костюмы теперь обращено большое вниманіе. Какъ хорошъ этотъ фасонъ амазонскаго платья на картинкѣ модъ, приложенной къ выѣшней книжкѣ нашего журнала! Верхній камизолъ напоминаетъ времена Лудовика XIII и Лудовика XIV, и къ выѣшнему осеннему времени такой

нарядъ очень идетъ: лѣтомъ въ немъ было бы немного тяжело; но за то теперь, вѣсто соломенной фуражки, надѣньте сѣрую пуховую шляпу съ перомъ или съ кокардой; шляпы эти дѣдаются съ большимъ вкусомъ. Но, остава красота этого костюма, надобно обратить вниманіе на его удобства: въ немъ должно быть ловко управлять лошадыю; потому-что ваши плеча совсѣмъ не стануты, какъ у обыкновеннаго амазонскаго платья: имъ дана совершенная свобода; но таія отъ этого нисколько не потеряла своей красоты; напротивъ, эта свобода придаетъ ей еще болѣе гибкости и дѣлаетъ несравненно-лучшею.

О чемъ еще сказать? развѣ напоминать, что косынки все болѣе и болѣе входятъ въ употребленіе; ихъ вышиваютъ и обшиваютъ бахрамой, точно такъ, какъ видно на приложенной при семъ картинкѣ модъ, и не вышиваютъ, а только обшиваютъ кружевами, какъ было видно на картинкахъ модъ, приложенныхъ къ нашему журналу въ прошлыхъ мѣсяцахъ. Еще прибавимъ, что ботинки непредѣнно дѣлаются съ каблуками.

ВЪ ПОЛЪЗУ САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ДѢТСКОЙ БОЛЬНИЦЫ,

къ 1-му декабря 1847

ВЫЙДЕТЬ ВЪ СВѢТЪ КНИГА, ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ:

ГРИГОРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

ПОТЕМКИНЪ-ТАВРИЧЕСКІЙ.

Историческая повѣсть для дѣтей. Соч. П. Р. Фурмана, въ двухъ частяхъ, съ 20-ю картинами, рисованными известнѣйшимъ художникомъ Р. К. Жуковскимъ, и отпечатанными въ два тона.

СОДЕРЖАНІЕ:

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Молодость. глава I. Праздникъ Богоявленія — гл. II. Гриша. — гл. III. Антонычъ. — гл. IV. Дуняша. — гл. V. Прощаніе. — гл. VI. Отъездъ. — гл. VII. Москва. — гл. VIII. Разлука. — гл. IX. Письмо Гриши. — гл. X. Ссора и дружба. — гл. XI. Жить значить трудиться. — гл. XII. Перемена званія.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Блистательная судьба. глава I. Темлякъ. — гл. II. Старый слуга. — гл. III. Почести. — гл. IV. Странное названіе. — гл. V. Жалобы завистниковъ. — гл. VI. Путешествіе Императрицы. — гл. VII. Буря. — гл. VIII. Неустрашимость Государыни. — гл. IX. Императрица на родинѣ князя Таврическаго. — гл. X. Война съ Турками. — гл. XI. Великоколѣнный ширъ. — гл. XII. Закатъ солнца. — Заключеніе.

Цѣна экземпляру безъ картинъ 1 руб., съ картинами, отпечатанными въ два тона, 1 р. 50 к., съ раскрашен. 1 р. 75 к. серебромъ, за пересылку ничего не прилагается.

Вслѣдъ за книгою, заглавіе которой выписано выше, выйдетъ:

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

СУВОРОВЪ-РЫМНИКСКІЙ.

Историческая повѣсть для дѣтей. Соч. П. Фурмана, въ 2-хъ част., съ 20-ю картинами, рисованными Р. К. Жуковскимъ, и отпечатанными въ два тона.

СОДЕРЖАНІЕ:

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. глава I. Занятія. — гл. II. Нелюди. — гл. III. Мифы стариковъ. — гл. IV. Заступникъ. — гл. V. Благословеніе отца. —

гл. VI. Молодой солдатъ. — гл. VII. Письмо Александра Суворова къ своему отцу. — гл. VIII. Часовой. — гл. IX. Суворовъ на войнѣ. — гл. X. Въ лѣсу. — гл. XI. Въ Польшѣ. — гл. XII. На балу. — гл. XIII. Слово Государыни. — гл. XIV. Побѣдителя не судятъ. — гл. XV. Голосъ народа. — гл. XVI. Пугачевъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. глава I. Катихизисъ Суворова. — гл. II. Кинбурнъ. — гл. III. Очаковъ. — гл. IV. Орокшаны и Рышникъ. — гл. V. Измаилъ. — гл. VI. Взятіе Измаила. — гл. VII. Быстрый отвѣтъ. — гл. VIII. Какарикъ. — гл. IX. Побѣды въ Польшѣ. — гл. X. Прага и Варшава. — гл. XI. Донесеніе и отвѣтъ. — гл. XII. Фельдмаршалъ. — гл. XIII. Горестное событіе. — гл. XIV. Спаситель царей. — гл. XV. Въ Италіи. — гл. XVI. Требія. — гл. XVII. Нови. — гл. XVIII. Въ Швейцаріи. — гл. XIX. Тайное совѣщаніе. — гл. XX. Слава, слава, слава. — Заключеніе.

Цѣна экземпляру безъ картинъ 1 руб., съ картинами, отпечатанными въ два тона, 1 р. 50 к., съ раскраскою 1 р. 75 к. серебромъ и съ пересылкою.

Имена особъ, отъ которыхъ требованія поступить прежде отпечатанія вышеозначенныхъ книгъ, будутъ напечатаны.

Подписка принимается въ конторѣ Санктпетербургской Дѣтской Больницы, въ Большой Подъяческой, близъ Измайловскаго Моста.

Т а м ѣ - ж е п р о д а ю т с я :

АЛЕКСАНДРЪ ДАНИЛОВИЧЪ МЕНШИКОВЪ. Историческій романъ для дѣтей. Соч. П. Р. Фурмана, въ 3-хъ частяхъ, съ 20-ю разкрашенными картинами. Спб. 1847 г. Ц. 3 р. сер.

СЫНЪ РЫБАКА, МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЛОМОНОСОВЪ. Повѣсть для дѣтей. Соч. П. Р. Фурмана. Съ 8 ю картинами, отпечатанными въ два тома. Изданіе второе. Спб. 1847. Ц. 50 к. серебромъ.

АЛЬМАНАХЪ для ДѢТЕЙ, составленный П. Р. Фурманомъ, въ двухъ частяхъ, съ 8-ю картинами, отпечатанными въ два тона, и 70-ю полтаиажными рисунками. Спб. 1847. Ц. 1 р. 50 к. сер.

Особы, приобретающія всѣ пять сочиненій вмѣстѣ, получаютъ 1 р. сер. уступки съ показанной цѣны.

(Собщено отъ г-на попечителя Санктпетербургской Дѣтской Больницы.)

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

ПОЛУЧЕННЫЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ КОММИССІОНЕРА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ И ГВАРДЕЙСКАГО КОРПУСА

Я. А. ИСАЕВА.

Въ Санктпетербургѣ, въ Гостиномъ-Дворѣ, № 22.

(Цѣны означены на серебро, безъ пересылки.)

	P. R.		P. R.
TRAITÉ ÉLÉMENTAIRE DES ACTIONS PRIVÉES en droit romain, par Domenget. Un vol. 12. Paris. 1847	1 13	ducteurs, etc., etc., par Richard. Un vol. 8. Paris. 1847	2 25
CODE DES PONTS ET CHAUSSÉE ET DES MINES, ou collection complète des lois, arrêtés, etc., par Ravinet, 4 vol. 8. Paris. 1847.	10 .	DE LA MARNE, de sa véritable nature, de son emploi et des diverses substances confondues avec elle, par Desvaux. Un vol. 8. Paris. 1847 70
DICIONNAIRE DES ARTS ET MANUFACTURES. Description des procédés de l'industrie française et étrangère, par une Société de Savants, 2 forts vol. gr. in 8 avec 2000 figures dans le texte. Paris. 1846—47.	17 15	COURS DE MULTIPLICATION et de perfectionnement des principaux animaux domestiques, etc., par Gronier. Un vol. 8. Paris.	
CICERON,—morale et politique, par Lezaud. Un vol. 8. Paris. 1847	1 40	DES MALADIES DE POITRINE, spécialement de la phthisie pulmonaire, catarrhe, asthme, etc., par Tirat. Un vol. 8. Paris. 1847.	1 45
TRAITÉS DE MORALE, par Plutarque, trad. par Ricard, 2 vol. 12. Paris. 1847	1 70	DICIONNAIRE DE MÉDECINE PRATIQUE, par une société de médecins sous la direction de M. Hoefler. Un vol. 12. Paris. 1847	1 15
DE L'INFLUENCE DES CAPITAUX ANGLAIS sur l'industrie Européenne, par Wilson. Un vol. 8. Paris. 1847	1 15	TRAITÉ THÉORIQUE, ET PRATIQUE D'AUSCULTATION OBSTÉTRICALE, par Depaul. Un vol. 8 avec 12 plan. Paris. 1847.	1 40
DU LIBRE-ÉCHANGE et des résultats que l'adoption de ce système aurait pour l'agriculture, le commerce, etc., par Hantule. Un vol. 8. Paris. 1847. 85	TRAITÉ DES FRACTURES ET DES LUXATIONS, par Malgaigne, 2 vol. in 8 avec un atlas de 30 planches. Paris. 1847.	9 50
DES GLACIERS ET DES CLIMATS, ou des causes atmosphériques en géologie, par Lecoq. Un vol. 8. Paris. 1847	2 15	TRAITÉ DE L'HYSTÉRIE, par Brachet. Un vol. 8. Paris. 1847	2 15
DE LA CONFORMATION DU CHEVAL suivant les lois de la physiologie et de la mécanique,—haras, courses, types repro-		COURS DE CHIMIE APPLIQUÉE, par Payen, rédigé par MM. Delisse et Poinso. Un vol. 8 et atlas de 52 grandes planches in folio. Paris. 1847	8 50

	P. K.		P. K.
ELÉMENTS DE GÉOMÉTRIE DESCRIPTIVE , par Bertaux-Levillain. Un vol. 8. Paris. 1847.	1 70	L'ESPAGNE PITTORESQUE , artistique et monumentale, mœurs, usages et costumes, par Cuendias et Féréal. Un vol. gr. in 8 orné de 25 pl. imprimées à plusieurs teintes, de 25 costumes, color. et un grand nombre de vignettes. Paris. 1847 . . .	5 15
TRAITÉ ÉLÉMENTAIRE D'ASTRONOMIE PHYSIQUE , par Biot, tome 4-c. Paris. 1847. . . .	4 50	HISTOIRE DE LA VIE , des écrits et des doctrines de Luther, par Audin, 5-e édition, 3 forts vol. in 8. Paris.	7 40
EXPÉRIENCES SUR LES SHRAPNELS faites chez la plupart des puissances de l'Europe, par Decher. Un vol. 8 avec pl. Paris. 1847	2 25		
CHOIX D'ÉDIFICES PUBLICS construits ou projetés en France, publié par livrais. in folio de 6 planches, prix de la livrais. à	1 40		
VOIES DE COMMUNICATION AUX ÉTATS-UNIS , étude technique et administrative, par Stucklé. Un vol. 8. Paris. 1847	2 25		
		ПОМАНЫ.	
		<i>Dumas.</i> DEUX DIANES, 10 vol. . .	6 .
		<i>Balsac.</i> LE COUSIN PONS, 2 vol.	1 20
		<i>Féval.</i> LE MENDIANT NOIR. Un vol. 60

НУВЕЛЛИСТЪ.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

М. БЕРНАРДОМЪ.

Восемь лѣтъ существованія Нувеллиста, при возрастающемъ числѣ подписчиковъ и одобреніяхъ, которыми онъ постоянно пользуется со стороны публики, обеспечиваютъ прочный успѣхъ этого журнала и на будущее время.

Напрасно было бы входить въ подробности объ обширной пользѣ этого изданія. Сдѣжемъ надѣяться, что не много найдется любителей музыки, незнакомыхъ съ Нувеллистомъ, и потому скажемъ только нѣсколько словъ о его содержаніи.

Каждая тетрадь Нувеллиста, выходящаго ежемѣсячно, непременно въ первомъ числѣ, заключаетъ въ себѣ:

- 1) ТРИ или ЧЕТЫРЕ ПЬЕСЫ, болѣе или меньше трудности, для фортепіано;
- 2) ДВѢ ПЬЕСЫ для модныхъ танцевъ;
- 3) ДВА РОМАНСА для пѣнья, одинъ русской, другой французской;
- 4) ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ;
- 5) Тетрадь, отдѣльную отъ Нувеллиста, подъ названіемъ:

АЛЬБОМЪ МОЛОДЫХЪ ПИАНИСТОВЪ,

содержащій ежемѣсячно ДВѢ ЛЕГКІЯ ПЬЕСЫ для дѣтей, съ аппликатурою, обозначенною редакторомъ.

- 6) Отъ времени до времени, прилагаются къ журналу ПОРТРЕТЫ, РИСУНКИ, и пр.
- и 7) КАТАЛОГЪ новѣйшихъ музыкальныхъ сочиненій для всѣхъ инструментовъ.

Обнимая всѣ части фортепіанной музыки, Нувеллистъ есть изданіе необходимое для каждаго любителя музыки, доступное для всѣхъ возрастовъ способностей и удовлетворяющее разнообразіемъ содержанія вкусу каждаго.

Нувеллистъ заключаетъ въ себѣ собраніе новѣйшихъ пьесъ для фортепіано, избранныхъ, съ строжайшею отчетливостію, изъ множества музыкальныхъ новостей, выходящихъ во Франціи и Германіи. Образцовыя пьесы помѣщаются въ Нувеллистѣ только заслуживъ одобреніе извѣстнѣйшихъ нашихъ артистовъ. Такимъ образомъ, въ концѣ года подписчикъ имѣетъ собраніе превосходныхъ произведеній для фортепіано: фантазій, ноттурно, варицій, мелодій, танцевъ, романсовъ, и проч., вышедшихъ въ теченіе года въ Европѣ.

Редакція заключила условія не только съ русскими, но и со многими иностранными композиторами, которые обѣщались доставлять произведенія, написанныя собственно для Нувеллиста.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИВЛЕЧЕНІЕ.

раздаваемое при Нувеллиста, содержитъ въ себѣ извѣстія объ операхъ русскихъ, итальянскихъ и нѣмецкихъ, и концертахъ, даваемыхъ въ С. Петербургѣ и Москвѣ; извѣстія о событіяхъ въ области музыки; критическіе разборы новыхъ оперъ и балетовъ, даваемыхъ въ главныхъ городахъ Европы; біографіи знаменитыхъ музыкантовъ; объявленія о новыхъ музыкальныхъ сочиненіяхъ, выходящихъ въ Россіи и за границую; описанія ново-изобрѣтенныхъ инструментовъ; корреспонденціи и проч.

Въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ столицъ, любители музыки находятъ въ большомъ затрудненіи относительно выбора пьесъ. Часто, вѣря одному громкому имени автора или пьесы, они выписываютъ сочиненія—и обманываются въ своихъ ожиданіяхъ. Журналъ нашъ устраняетъ эти неудобства, доставляя пьесы, которыя прошли сквозь критику знатоковъ музыки. При томъ и самая цѣна Нувеллиста, по своей умѣренности, соответствуетъ выгодамъ подписчика; онъ получаетъ болѣе ста мѣсѣ (до 500 страницъ нотъ) за 10 рублей серебромъ, тогда какъ, по общепринятой цѣнѣ, тоже число нотъ обошлось бы ему по-крайней-мѣрѣ въ шесть разъ дороже.

Въ продолженіе восьми лѣтъ, каждый № Нувеллиста выходилъ въ срокъ, то-есть въ первое число каждаго мѣсяца съ такою же точностью онъ будетъ выходить въ 1848-мъ году. Изящество изданія будетъ вполнѣ сообразоваться съ внутреннимъ достоинствомъ журнала.

Цѣна годовому изданію Нувеллиста, состоящему изъ двѣнадцати тетрадей, 10 руб. сер., съ пересылкою или доставкою въ домъ 11 р. 50 к. сер.

Подписка принимается исключительно:

въ С. ПЕТЕРБУРГѢ: въ конторѣ Нувеллиста, состоящей въ магазинѣ М. Бернарда, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ Паскаля № 11.

въ МОСКВѢ: у П. Ленгольда,

Иногородные благоволятъ адресоваться въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта.

Редакція отвѣтствуетъ за вѣрную доставку тѣхъ только экземпляровъ, на которые подписка принята въ означенныхъ мѣстахъ.

На полгода подписка не принимается.

Редакторъ М. Бернардъ.

55²

1847

Handwritten scribble

Dev.

1547

ДОМНИ И СЫНЪ.

РОМАНЪ

ЧАРЛЗА ДИККЕНСА.

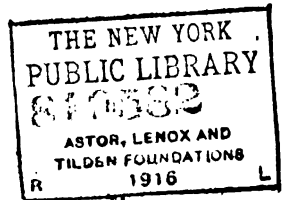
Переводъ съ англійскаго.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

=

ГЛАВА I.

СВАДЬБА.

Разсвѣтъ, съ своимъ блѣднымъ и безстрастнымъ лицомъ, крадется продрогнувъ къ церкви, подь которою покоится прахъ маленькаго Поля и его матери, и заглядываетъ въ окна. Холодно и темно. Ночь медлитъ еще на мостовой и сидитъ пригорюнившись въ углахъ и закоулкахъ угрюмага зданія. Колокольня съ часами возвышается надъ окрестными строеніями, какъ сѣрый маякъ, поставленный тутъ, чтобъ замѣчать скорость теченія моря времени; но во внутрь дверей разсвѣтъ можетъ сначала заглянуть только ночью, какъ-будто для того, чтобъ удостовѣриться, дѣйствительно ли она тамъ.

Порхая слабо вокругъ церкви и заглядывая въ нее, разсвѣтъ горюетъ о своемъ кратковременномъ владычествѣ, и слезы его стекаютъ по стекламъ оконницъ; прислонившіяся къ церковной стѣнѣ деревья склоняютъ головы и крутятъ свои многочисленныя руки изъ сочувствія. Ночь, блѣднѣя передъ нимъ, исчезаетъ постепенно изъ церкви, но все медлитъ внизу подь сводами склеповъ и упрямо сидитъ на гробницахъ. Но вотъ приходитъ свѣтлый

279 SHP

день, полируетъ башенные часы, румянитъ шпигъ колокольни, высушиваетъ слезы разсвѣта и задушаетъ его толкованія; спугнутый разсвѣтъ, слѣдуя за ночью, которую выгоняетъ изъ нея послѣдняго убѣжища, спасается самъ подъ своды могильныхъ склеповъ и скрываетъ испуганное лицо свое между мертвецами, пока не возвратится ночь съ свѣжими силами и не выгнать его въ свою очередь.

И теперь мыши, которыя хлопотали около молитвенниковъ больше, чѣмъ ихъ хозяева, и около подушекъ, на которыхъ зубки ихъ оставили больше слѣдовъ, чѣмъ человѣческія колѣни, мыши прячутъ свои блестяшіе глазки въ норы и толпятся въ страхъ при громовомъ стукѣ церковныхъ дверей. Ихъ отворилъ сторожъ, челоуѣкъ важный, пришедшій въ церковь рано утромъ вмѣстѣ съ могильщикомъ; туда же пришла и мистриссъ Миффъ, маленькая, престарая и пресухая отворяльщица загороженныхъ скамей, которая прождала у дверей цѣлые полчаса, какъ и слѣдуетъ, пока не явился церковный сторожъ.

У мистриссъ Миффъ укуренное лицо, огорченная шляпка, скудно выкроенный костюмъ, и душа, мучимая жаждою къ шиллингамъ и шестипенсовикамъ. Привычка приглашать выразительными знаками разбредшихся богомольцевъ, чтобъ они помѣщались на загороженныхъ скамьяхъ, придала мистриссъ Миффъ таинственный видъ; въ глазахъ ея всегда выражается мысль о сбереженномъ мѣстечкѣ съ мягкими подушками, но вмѣстѣ съ тѣмъ и намекъ на денежное вознагражденіе. Такого факта, какъ мистеръ Миффъ, нѣтъ на свѣтѣ; его нѣтъ уже цѣлые двадцать лѣтъ, и мистриссъ Миффъ говоритъ о немъ неохотно. По-видимому, онъ былъ зараженъ вольнодумствомъ касательно цррожныхъ мѣстъ въ церкви; хотя мистриссъ Миффъ и надѣется, что онъ отправился на верхъ, въ селенія праведныхъ, но не берется утверждать этого положительно.

Хлопочеть въ это утро мистриссъ Миффъ у церковныхъ дверей, выколачивая пыль изъ покрыва алтаря, изъ ковра и подушекъ, и стараясь дать всему этому самый пристойный видъ; много у нея разсказовъ о свадьбѣ, которая совершится сегодня. Мистриссъ Миффъ слышала, будто новая мебель и передѣлки въ домѣ жениха стоили полныя пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ; да, кромѣ того, ей разсказывали вѣрные люди, что у невѣсты нѣтъ и шести пенсовъ для ея собственнаго благоденствія. Мистриссъ Миффъ помнить, какъ-будто это случилось вчера, похороны первой жены, и потомъ крестины, и потомъ опять похороны. Церковный сторожъ, мистеръ Соундсъ, сидѣвшій во все это время на ступеняхъ наперти, одобряетъ рѣчь мистриссъ Миффъ и спрашиваетъ, слышала ли она, что невѣста преудивительная красавица? Утвердительный отвѣтъ мистриссъ Миффъ произвелъ пріятное впечатлѣніе на мистера Соундса, челоуѣка весьма-добродѣтельнаго и тучнаго, жено записнаго любителя прекраснаго пола.

Въ домѣ мистера Домби суета и суматоха, особенно между женщинами: ни одна изъ нихъ не сомкнула глазъ съ четырехъ часовъ утра, и всѣ были уже въ полномъ парадѣ въ шесть часовъ. Тоулинсонъ кажется интереснѣе обыкновеннаго служанкѣ дома, а кухарка замѣчаетъ, что одна свадьба влечетъ за собою многія. Тоулинсонъ скрываетъ свои чувства и только сердится на усатаго иностранца-лакея, нанятаго для сопровожденія счастливой четы въ Парижъ, увѣряя, будто отъ иностранцевъ никто еще не видалъ добра. Въ доказательство, онъ приводитъ примѣръ Бонапарте: а до чего онъ дожилъ?

Кондитеръ трудится неутомимо въ похоронной столовой залѣ Брук - Стрита, а весьма-высокіе молодые люди смотрятъ на его приготовленія весьма-внимательно. Отъ одного изъ нихъ уже сильно пахнетъ хересомъ, и рѣчи его становятся сбивчивы.

Звонари и оркестръ странствующихъ музыкантовъ также принимаютъ свадьбу и практикуются съ величайшимъ усердіемъ. Ожиданіе и тревоженія распространились на далекое разстояніе. Комторскій разсылный Перчъ привезъ мистриссъ Перчъ, чтобъ доставить ей удовольствіе видѣть свадьбу и провести день въ обществѣ прислуги мистера Домби. Мистеръ Тутсъ наряжается на своей квартирѣ, какъ-будто и онъ по меньшей мѣрѣ женихъ: онъ рѣшился смотрѣть на церемонію изъ потаеннаго уголка галереи и привести туда Чиккена, которому хочетъ во что бы ни стало показать Флоренсу; а Чиккенъ, между-тѣмъ, уписываетъ на его кухнѣ бѣстексъ цѣлыми фунтами. На Принцесс-Плэсъ, миссъ Токсъ уже встала, и, не смотря на свою горькую печаль, также готовится дать шиллингъ мистриссъ Миффъ и получить отъ нея мѣстечко въ какомъ-нибудь уединенномъ уголку. Подъ вывѣскою деревяннаго мичмана всѣ на ногахъ: капитанъ Коттль, въ парадныхъ сапожникахъ съ кисточками, сидитъ за завтракомъ и слушаетъ Робертчилика, которому велѣлъ читать вслухъ брачное богослуженіе, чтобъ понять вполнѣ торжественность предстоящей церемоніи, при чемъ онъ предоставилъ «аміни» себѣ и произносить ихъ громко съ самодовольнымъ видомъ.

Кромѣ всего этого и многого другаго, двадцать молодыхъ корничковъ изъ улицы мистера Домби общались двадцати молодымъ матерямъ, только-что разрѣшившимся отъ бремени, посмотрѣть свадьбу и рассказать все до малѣйшихъ подробностей. Дѣйствительно, церковный сторожъ, мистеръ Соундсъ, имѣетъ основательную причину чваниться, помѣстившись торжественно и въ полномъ парадѣ на паперти, въ ожиданіи свадебнаго поѣзда! Дѣйствительно, мистриссъ Миффъ имѣетъ основательную причину гнѣваться на неугомонныхъ ребятишекъ, дерзающихъ появляться слишкомъ-близко около церкви!

Кузенъ Финиксъ пріѣхалъ на свадьбу нарочно изъ-за границы. Кузенъ Финиксъ былъ уже взрослымъ юношей, лѣтъ за сорокъ; но приемы и наружность его такъ юношественны, онъ такъ хоро-

но сохранился, что незнакомые съ нимъ люди удивляются, когда открываютъ морщины на лицѣ милорда, или замѣчаютъ въ немъ несовершенно увѣренность, туда ли онъ идетъ, куда нужно, когда онъ переходитъ черезъ комнату. Но кузень Финиксъ въ началѣ своего утренняго туалета и кузень Финиксъ по окончаніи туалета—люди совершенно-непохожіе другъ на друга.

Мистеръ Дѣмби выходитъ изъ уборной и разгоняетъ своимъ появленіемъ собравшуюся на лѣстницѣ толпу женщинъ; одна только мистрисъ Перчъ, находясь въ «интересномъ положеніи», не въ силахъ удалиться, и очутилась передъ нимъ; она низко присѣдаетъ въ невыразимомъ смущеніи и подвергаетъ значительной опасности будущаго члена дома Перча. Мистеръ Дѣмби переходитъ въ гостиную, для ожиданія назначеннаго часа, и смотритъ необыкновенно-великолѣпно въ новомъ синемъ фракѣ и лиловомъ жилетѣ; по всему дому разносится шопоть, что волосы его завиты.

Двойной стукъ въ двери возвѣщаетъ пріѣздъ майора Бэгстока, также разряженнаго до нельзя, посиблага еще болѣе, съ чудовищнымъ букетомъ въ петличкѣ фрака и также круто-завитаго.

— Дѣмби! восклицаетъ онъ, протягивая обѣ руки: — какъ вы себя чувствуете?

— Здравствуйте, майоръ.

— Клянусь Юпитеромъ, сэръ! Джое Б. сегодня утромъ въ такомъ расположеніи духа, что, голдэмъ! онъ чуть не намѣренъ сыграть двойную свадьбу, сэръ, и жениться на матери.

Мистеръ Дѣмби улыбается — но слабо даже для него: мистеръ Дѣмби чувствуетъ, что вступаетъ въ родство и съ матерью, надъ которою, при настоящихъ обстоятельствахъ, подшучивать не позволительно.

— Дѣмби, обѣщаю вамъ счастье! восклицаетъ майоръ, замѣтившій это.—Поздравляю васъ, Дѣмби! Клянусь Богомъ, сэръ, вамъ сегодня можно позавидовать больше, чѣмъ кому-нибудь въ цѣлой Англіи!

Мистеръ Дѣмби допускаетъ и это съ нѣкоторымъ ограниченіемъ: онъ дѣлаетъ дамѣ своего выбора большую честь и, безъ сомнѣнія, ей должно завидовать еще больше.

— А что до Эдиои Гранджеръ, сэръ — нѣтъ во всей Европѣ женщины, которая бы не отдала охотно свои уши и серьги, чтобъ только быть сегодня на мѣстѣ Эдиои Гранджеръ!

— Вы очень-любезны, майоръ.

— Дѣмби, вы это сами знаете. Между нами не должно быть ложной деликатности. Вы это знаете... Знаете ли вы это, или нѣтъ, Дѣмби? возразилъ майоръ почти съ гнѣвомъ.

— О, право, майоръ...

— Голдэмъ, сэръ! Извѣстенъ ли вамъ этотъ фактъ, или нѣтъ? Дѣмби! Джое вашъ другъ или нѣтъ? Позволяется ли крутому и тугому Джое Б. говорить прямо, или ему держаться въ сторонѣ, на церемоніяхъ?

— Любезный майоръ Бэгстокъ, сказалъ мистеръ Домби съ самодовольнымъ видомъ:—вы начинаете горячиться.

— Годдэмъ, сэръ! Я разгорячился. Джошъ Б. не опровергаетъ этого, Домби. Онъ расходился. Такой случай, сэръ, долженъ вызвать наружу всё чувства симпатіи, какія только остались въ этомъ старомъ, изношенномъ, адскомъ, разбитомъ туловищѣ тугаго Джоэ. Я вамъ скажу вотъ что, Домби: въ такія эпохи, человѣкъ долженъ выболтать долой съ души все, или надѣть намордникъ, а Джозефъ Бэгстокъ говорить вамъ въ глаза, Домби, такъ же, какъ говорить въ своемъ клубѣ у васъ за спиною, что онъ никогда не надѣнетъ намордника, когда дѣло идетъ о Полѣ Домби. Теперь, годдэмъ, сэръ, заключилъ майоръ съ грозною твердостью:—что вы на это скажете?

— Майоръ, увѣряю васъ, я вамъ премного благодаренъ. Я все не имѣлъ въ мысляхъ удерживать вашу слишкомъ-пристрастную дружбу.

— Все не пристрастную, сэръ! Нѣтъ, Домби, я этого не признаю!

— Тогда я скажу: вашу дружбу, любезный майоръ. Я очень помню, какъ много ей обязанъ.

— Домби, вотъ рука Джозефа Бэгстока—простаго, стараго Джоэ Б., сэръ! Вотъ рука, о которой его королевское высочество покойный герцогъ йоркскій осчастливилъ меня замѣчаніемъ, сэръ, его королевскому высочеству покойному герцогу кентскому, что это рука Джоша, крутаго и тугаго стараго забіяки. Домби, да будетъ это мгновеніе наименѣе-несчастливымъ въ нашей жизни! Благослови васъ Богъ!

Входитъ мистеръ Каркеръ, разодѣтый и улыбающійся какъ истинный свадебный гость. Онъ едва можетъ рѣшиться выпустить руку мистера Домби, которую пожимаетъ съ самыми теплыми поздравленіями; потомъ жметъ руку майора такъ искренно, что голова его дрожитъ, скользя по бѣлымъ зубамъ.

— Самый день радуется нашей радости, говоритъ мистеръ Каркеръ. — Погода ясная и веселая! Надѣюсь, я не опоздалъ ни однимъ мгновеніемъ?

— Пунктуальны до-нельзя, сэръ, отвѣчаетъ майоръ.

— Очень-радъ. Я боялся, что опоздалъ нѣсколько секундъ—меня задержала цѣлая процессія телегъ, и я взялъ смѣлость объѣхать кругомъ черезъ Брук-Стричь, чтобъ оставить нѣсколько рѣдкихъ цвѣтовъ для мистриссъ Домби. Человѣкъ въ моемъ положеніи, отличенный честью приглашенія, приноситъ съ гордостью какой-нибудь знакъ своего вѣрноподданничества; такъ какъ мистриссъ Домби, навѣрно, одарена безъ счета всѣмъ дорогимъ и великолѣпнымъ—онъ бросилъ странный взглядъ на своего патрона—то надѣюсь, что самая бѣдность моего приношенія доставитъ ему милостивый пріемъ.

— Мистриссъ Домби, то-есть, будущая, мистриссъ Домби, воз-

разилъ снисходительно мистеръ Дѣмби: — навѣрно будетъ вамъ признательна за такое вниманіе, Каркеръ.

— А если ей суждено быть мистриссъ Дѣмби сегодня утромъ, то намъ пора ѣхать, сэръ! замѣтилъ майоръ.

Мистеръ Дѣмби, майоръ Бэгстокъ и мистеръ Каркеръ поѣхали въ церковь вмѣстѣ. Церковный сторожъ, мистеръ Соундсъ, встрѣтилъ ихъ на паперти, держа свою треугольную шляпу въ рукѣ. Мистриссъ Миффъ присѣдаетъ и предлагаетъ стулья въ ризницѣ, но мистеръ Дѣмби предпочитаетъ подождать въ самой церкви. Когда взоръ его обратился къ органу, миссъ Токсъ на галереѣ отшатнулась назадъ и спрятала лицо за колонной. Капитанъ Коттль, напротивъ, встаетъ и махаетъ своимъ крючкомъ въ знакъ привѣтствія и одобренія. Мистеръ Тутсъ извѣщаетъ Боеваго-Пѣтуха, что важный джентльменъ отецъ предмета его страсти, а тотъ отвѣчаетъ хриплымъ шопотомъ, что по его мнѣнію, хоть этотъ господинъ и смотреть «надежно», но наука боксѣрства предлагаетъ ресурсы, которыми его можно «сдвоить» хорошимъ тычкомъ «въ жилетъ».

Мистеръ Соундсъ и мистриссъ Миффъ смотрятъ на мистера Дѣмби въ почтительной дистанціи. Раздался стукъ колесъ на улицѣ, и мистеръ Соундсъ вышелъ. Мистриссъ Миффъ, встрѣтя взглядъ мистера Дѣмби послѣ того, какъ онъ останавливался на мгновеніе на юродивомъ капитанѣ Коттлѣ, раскланивавшемся съ такою любезностью, отвѣшиваетъ книксенъ и сообщаетъ ему, что это, вѣроятно, пріѣхала его «добрая лэди». Народъ столпился и шепчется у дверей, и «добрая лэди» входитъ.

На лицѣ ея не видно ни малѣйшаго слѣда страданій прошлой ночи; въ осанкѣ и приемахъ ея нѣтъ и тѣни той женщины, которая опустилась на колѣни и успокоила свою бурную голову въ прекрасномъ samozабвеніи, на подушкѣ спящей дѣвушки. Дѣвушка эта, прелестная, кроткая, невинная, подлѣ нея — рѣзкая противоположность съ ея собственною презрительною и горделивою фигурей, которая стоитъ прямо, спокойно, съ непреклонною волей, блестящая и величественная въ зенитѣ предестей, но презрительно попирающая возбуждаемый ими восторгъ.

Настаетъ краткая пауза, пока мистеръ Соундсъ пошелъ за пасторомъ и его помощникомъ. Мистриссъ Скьютонъ воспользовалась этимъ и говоритъ мистеру Дѣмби выразительнѣе обыкновеннаго, придвигаясь ближе къ Эдмонъ:

— Мой милый Дѣмби, я боюсь, что должна отказаться отъ нашего ангела Флоренсы и отпустить ее домой, какъ она сама желала. Послѣ моей сегодняшней утраты, милый Дѣмби, у меня не останется силъ даже для ея общества.

— Развѣ ей все-таки не лучше оставаться у васъ? возражаетъ женихъ.

— Не думаю, милый Дѣмби. Нѣтъ. Мнѣ лучше оставаться одной. Кромя того, Эдмонъ будетъ въ претензіи. А, Эдмонъ?

Нѣжная мамá жметъ руку дочери, можетъ-быть, для того, чтобъ обратить хорошенько ея вниманіе на слова свои.

— Нѣтъ, милый Домби. Я откажусь отъ нашего обворожительнаго дитяти, чтобъ на него не пала часть моей грусти. Мы это сейчасъ рѣшили. Она понимаетъ это вполнѣ. Эдмонъ, мой ангелъ, она понимаетъ это вполнѣ?

Нѣжная мамá опять жметъ руку дочери. Мистеръ Домби не дѣлаетъ возраженій, потому-что являются пасторъ и его помещикъ. Мистриссъ Мифъ и церковный сторожъ идутъ на свои мѣста къ рѣшеткѣ.

— Кто отдастъ эту женщину въ замужство за этого мужчину? произнесъ пасторъ.

Это лордъ Финиксъ, пріѣхавшій нарочно для свадьбы изъ Баден-Бадена. — Чортъ возьми! говорилъ тамъ лордъ Финиксъ, существо очень-добродушное:—когда богатый малый изъ Сити поступаетъ къ намъ въ родню, ему надобно оказывать кой-какое вниманіе.

— Я отдаю эту женщину въ замужство за этого мужчину, отвѣчаетъ онъ пастору, при чемъ въ разсѣянности чуть не подбѣлъ къ жениху одну старую дѣвицу, только десятью годами моложе мистриссъ Скьютонъ, дальнюю родственницу, взятую въ свидѣтельницы бракосочетанія.

— И будутъ ли они, предъ лицомъ неба, любить..?

Дѣ, будутъ. Мистеръ Домби говоритъ, что будутъ. А Эдмонъ?.. И она также.

Итакъ, съ сего дня на будущее время, въ радости и горѣ, въ богатствѣ и бѣдности, въ здоровьи и болѣзни, они клянутся предъ лицомъ Всевышняго любить другъ друга неизмѣнно, пока смерть не разлучитъ ихъ. Все кончено. Они обвѣчаны!

Твердою, свободною рукою невѣста подписываетъ свое имя въ свадебномъ реестрѣ, когда они перешли въ ризницу. У Флоренсы рука дрожитъ во время подписи. Наконецъ, подписываются всѣ присутствующіе, и лордъ Финиксъ послѣ всѣхъ: онъ изображаетъ свое вѣроятное имя не тамъ, гдѣ нужно, и свидѣтельствуешь, будто-бы онъ родился въ это самое утро.

По принятому старинному обычаю, всѣ подходятъ цаловать молодую супругу. Майоръ дѣлаетъ это съ воинственною любезностью; прищипу его слѣдуютъ кузенъ Финиксъ и даже мистеръ Домби. Наконецъ, подходитъ къ Эдмонъ мистеръ Каркеръ, котораго зубы блестятъ, какъ-будто онъ располагаетъ укусить ее скорѣе, чѣмъ вкусить сладость съ устъ ея.

На гордой щекѣ Эдмонъ зардѣлся румянецъ, и глаза сверкнули огнемъ, который долженъ бы былъ остановить мистера Каркера, но не остановилъ его, и онъ сдѣлалъ свое дѣло какъ всѣ прочіе, и пожелалъ ей всякаго счастья.

— Если желанія, прибавилъ онъ въ полголоса:—не будутъ исполнены; когда дѣло идетъ о такомъ бракѣ.

— Благодарю васъ, сударь, отвѣчала она, сжавъ губы и съ волнующеюся грудью.

Не чувствуетъ ли Эдионъ по-прежнему, какъ въ ту ночь, когда она знала о намѣреніи мистера Дѳмби просить ея руки, что Каркеръ постигаетъ ее насквозь, читаетъ въ ея сердцѣ, и что она унижена его проникательностью больше, нежели чѣмъ-нибудь? Не по этой ли причинѣ надменность ея упадаетъ передъ его улыбкой и повелительный взглядъ опускается, встрѣчая его взглядъ, и невольно смотритъ въ землю?

— Вижу съ гордостью, говоритъ мистеръ Каркеръ съ подобострастнымъ наклоненіемъ головы, которое уличаетъ во лжи его глаза и зубы:—вижу съ гордостью, что мое смиренное приношеніе ослѣдствлено рукою мистриссъ Дѳмби и пользуется такимъ завиднымъ мѣстомъ при такомъ радостномъ случаѣ.

Хотя она и склоняетъ въ отвѣтъ голову, но по движенію руки замѣтно, что ей бы хотѣлось раздавить эти цвѣты и бросить съ презрѣніемъ на полъ. Она кладетъ свою руку подъ руку своего новаго супруга, который стоялъ подлѣ и разговаривалъ съ майоромъ, и снова горда, неподвижна и безмолвна.

Кареты подѣзжаютъ къ церковной паперти. Мистеръ Дѳмби ведетъ подъ руку молодую супругу черезъ густую толпу зрителей и зрительницъ. Клеопатра и кузень Финиксъ садятся въ ту же карету. Въ слѣдующей помѣщаются Флоренса, дальняя родственница, чуть непопавшая въ невѣсты, майоръ и мистеръ Каркеръ. Лошади играютъ и горячатся; кучера и лакеи блестятъ новыми богатыми ливреями, букетами и бантами. Экипажи съ громомъ покатались по улицамъ; тысячи головъ оборачиваются, чтобъ взглянуть на поѣздъ, и тысячи моралистовъ-холостяковъ утѣшаютъ себя въ безбрачномъ состояніи мыслью, что такое счастье не можетъ быть долговременно.

Миссъ Токсъ выходитъ изъ-за колонны, когда все затихло, и медленно спускается съ галерей. Глаза ея красны, а носовой платокъ мокрѳхонекъ. Она огорчена, но не озлоблена, и надѣется, что новая чета будетъ счастлива. Она внутренно допускаетъ преимущество красоты Эдионъ передъ своими собственными увядшими прелестями; но величавый образъ мистера Дѳмби въ лиловомъ жилетѣ все рисуется передъ ея мысленными взорами, и она снова плачетъ подъ вуалью, направляясь домой къ Принцесс-Плэсу. Капитанъ Коттль, котораго хриплый голосъ присоединялся ко всѣмъ «амінямъ», очень доволенъ собою и проходитъ черезъ церковь съ миромъ въ душѣ и лакированной шляпой въ рукахъ. Щеголеватый Тутсъ оставляетъ храмъ въ сопровожденіи Чиккена, терзаемый страданіями любви. Чиккенъ еще не изобрѣлъ способа овладѣть сердцемъ Флоренсы, но крѣпко держится за первоначальную мысль касательно «сдвоенія» мистера Дѳмби посредствомъ классическаго тычка «въ жилетъ». Прислуга мистера Дѳмби выѣзжаетъ изъ своихъ обсервационныхъ пунктовъ и готовится

отправиться въ Брук-Стритъ; но ее задержало внезапное недоровье мистриссъ Перчъ, которая возбуждаетъ серьезныя опасенія; однако мистриссъ Перчъ скоро поправилась и уведена благополучно. Мистриссъ Миффъ и мистеръ Соундсъ садятся на ступеняхъ паперти и считаютъ приобретенное въ этотъ достопамятный день, а могильщикъ начинаетъ похоронный звонъ въ колокола.

Кареты подъѣзжаютъ къ дому невѣсты; странствующая музыка гремитъ, маріопетки дѣйствуютъ на-пропалую; народъ зѣваетъ, толпится и толкается, чтобъ не упустить случая взглянуть, какъ торжественно мистеръ Домби ведетъ мистриссъ Домби въ чертоги Финиксовъ, куда слѣдуетъ за ними все остальное свадебное общество. Но отъ-чего мистеръ Каркеръ, проходя черезъ толпу къ дверямъ, подумалъ о старухѣ, съ которою встрѣтился въ рошѣ около Линингтона? Или отъ-чего Флоренса, идучи за отцомъ, подумала съ трепетомъ о своемъ дѣтствѣ, когда она заблудилась, и о лицѣ «доброй» мистриссъ Броунъ?..

Въ домѣ поздравленія возобновляются; число гостей прибываетъ, но не очень; всѣ оставляютъ гостиную и располагаются въ темно-коричневой столовой залѣ, которую никакія усилія не могутъ освѣтить или заставить смотрѣть веселѣе. Тамъ въ совершенной готовности роскошный завтракъ. Въ числѣ прочихъ гостей, къ обществу присоединились мистеръ и мистриссъ Чиккъ. Мистриссъ Чиккъ удивляется, что Эдиэе создана самою природою такою совершенною Домби; она любезна и разговорчива съ мистриссъ Скьютонъ, которая свалила съ плечъ гору и не отказывается отъ шампанскаго. Все общество, однако, холодно и спокойно, и избыткомъ веселости не оскорбляетъ почернѣлыхъ картинъ и гербовъ. Кузень Финиксъ и майоръ Бэгстокъ веселѣе всѣхъ, а мистеръ Каркеръ улыбается всему обществу; но для молодой супруги у него особенная улыбка, которую она встрѣчаетъ очень-рѣдко.

Кузень Финиксъ встаетъ, когда столъ очищенъ и слуги вышли; онъ смотритъ необыкновенно-моложаво въ своихъ маншетахъ и съ румянцемъ шампанскаго на щекахъ.

— Клянусь честью, начинаеть онъ:—хоть такія вещи и довольно-необыкновенны въ домѣ частнаго джентльмена, но я долженъ просить позволенія пригласить васъ выпить, что называется... то-есть, я предлагаю тостъ!

Майоръ хрипло выражаетъ свое одобреніе. Мистеръ Каркеръ, наклонясь надъ столомъ въ сторону лорда Финикса, улыбается и киваетъ головою нѣсколько разъ.

— То-есть, что называется, но въ сущности это не... тутъ кузень Финиксъ замолчалъ.

— Слушайте его, слушайте! воскликнулъ майоръ тономъ глупаго убѣжденія.

Мистеръ Каркеръ тихонько аплодируетъ, улыбается еще слаше

и старается выразить, что послѣднее замѣчаніе лорда Финникса не дѣйствовало на его умъ особенно благотворительно.

— То-есть, оказія, въ которой общепринятая обыкновенія можно нѣсколько оставить въ сторонѣ, заговорилъ опять кузень Финниксъ:—хоть я и никогда не былъ ораторомъ, даже сидя въ нижнемъ парламентѣ, гдѣ имѣлъ честь поддерживать своимъ голосомъ адресь, послѣ чего захворалъ на двѣ недѣли съ полнымъ убѣжденіемъ въ неудачѣ...

Майоръ и мистеръ Каркеръ пришли въ такой восторгъ отъ этого отрывка индивидуальной исторіи, что кузень Финниксъ засмѣялся и, обращаясь собственно къ нимъ, продолжалъ:

— Въ сущности, я былъ чертовски боленъ. А между-тѣмъ, знаете, чувствую, что на мнѣ лежитъ обязанность. А когда обязанность лежитъ на истинномъ Британцѣ, то, по-моему, онъ обязанъ исполнить ее какъ можетъ. Прекрасно! Сегодня наша фамилія имѣла пріятность соединиться родствомъ, черезъ особу моей прелестной кузины, которую, что называется, я теперь вижу передъ собою...

Общія рукоплесканія.

— Передъ собою. Родствомъ... съ человекомъ, что называется... то-есть, который... я хочу сказать, на котораго палецъ презрѣнія никогда... въ сущности, съ моимъ почтеннымъ другомъ Дѣмби, если онъ позволитъ мнѣ называть его такимъ образомъ.

Кузень Финниксъ поклонился мистеру Дѣмби, который торжественно отвѣтилъ тѣмъ же.

— Я не имѣлъ случая познакомиться короче съ моимъ другомъ Дѣмби, котораго качества дѣлають одинаковую честь его головѣ и, то-есть, въ сущности, его сердцу; это отъ-того, что несчастіе привело меня—какъ мы говаривали въ мое время въ нижнемъ парламентѣ, когда не было обычая подшучивать надъ верхнимъ и парламентскія дѣла шли получше теперешняго—то-есть, я былъ въ другомъ мѣстѣ!

Съ майоромъ сдѣлались судороги отъ восторга.

— Но я знаю достаточно моего друга Дѣмби и убѣжденъ, что онъ... то-есть, въ сущности... можетъ назваться... что называется... купцомъ—британскимъ купцомъ и... и мужемъ. И хотя я жилъ нѣсколько лѣтъ за границей, мнѣ будетъ особенно пріятно принять моего друга Дѣмби и всѣхъ здѣсь присутствующихъ, въ Баден-Баденѣ, гдѣ я имѣю случай представить всѣхъ великому герцогу. Однако, я знаю достаточно мою прелестную родственницу и убѣжденъ вполне, что она обладаетъ всѣми качествами, которыя могутъ осчастливить мужа, и что бракъ ея съ моимъ другомъ Дѣмби по склонности и взаимной привязанности съ обѣихъ сторонъ...

Мистеръ Каркеръ участилъ свои улыбки.

— А потому я поздравляю фамилію, которой имѣю честь быть членомъ, съ приобретеніемъ моего друга Дѣмби. И поздравляю

моего друга Домби съ бракомъ съ моею прелестною кузиной, и беру смѣлость пригласить всѣхъ васъ, то-есть, въ сущности, по-здравить моего друга Домби и мою прелестную родственницу!

Рѣчь лорда Финикса заслужила общее одобреніе, и мистеръ Домби благодарить его за себя и за мистриссъ Домби. Вскорѣ послѣ того Джозефъ Б. предлагаетъ выпить за здоровье мистриссъ Скьютонъ. Когда это кончилось, краткое оживленіе завтрака замерло снова, оскорбленные гербы отомщены, а Эдиѣ встала и пошла одѣваться по-дорожному.

Между-тѣмъ, вся прислуга завтракала внизу; шампанское едѣлось тамъ до невѣроятной степени обыкновеннымъ и не обращало на себя ни чьего особеннаго вниманія. Всѣ развеселились, особенно дамы, на лицахъ которыхъ господствовала значительная краснота. Кухарка мистера Домби предложила отправиться послѣ завтрака въ театръ, на что согласились всѣ, не исключая туземца, котораго вино превращаетъ въ тигра, и котораго глаза наводятъ ужасъ на дамъ. Одинъ изъ превысокихъ молодыхъ лакеевъ предлагаетъ послѣ театра балъ, и никто, даже не исключая мистриссъ Перчъ, раскрасившейся больше прочихъ, не находитъ тому препятствій. Наконецъ, среди тостовъ, рѣчей и веселья, приходитъ извѣстіе, что молодые уѣзжаютъ, и всѣ бѣгутъ на крыльцо.

Карета у подъѣзда. Молодая спускается въ залу, гдѣ ее ждетъ мистеръ Домби. Флоренса на лѣстницѣ и готова ѣхать домой въ сопровожденіи Сузанны Нипперъ, неучаствовавшей въ завтракѣ внизу. Когда явилась Эдиѣ, Флоренса спѣшитъ къ ней, чтобъ проститься.

Развѣ Эдиѣ озябла, что она такъ дрожить? Развѣ есть что-нибудь сверхъестественное или злокачественное въ прикосновеніи Флоренсы, отъ чего прекрасныя формы молодой какъ-будто скорчиваются судорогами? Не-уже-ли Эдиѣ до того торопится ѣхать, что успѣваетъ только махнуть рукой, пробѣжавъ черезъ стѣны въ окнажъ, который быстро умчалъ ее изъ глазъ съ новымъ супругомъ?

Мистриссъ Скьютонъ, которую одолѣли материнскія чувства, опускается на софу въ позѣ Клеопатры и проливаетъ нѣсколько слезъ, услыша стукъ колесъ отъѣзжающей кареты. Майоръ старается успокоить ее, но она ни за что не хочетъ быть успокоенною, и потому майоръ откланивается и уходитъ. Кузнецъ Финиксъ и мистеръ Каркеръ также откланиваются и уходятъ; за ними и всѣ гости. Клеопатра, оставшись одна, чувствуетъ легкое головокруженіе и засыпаетъ крѣпкимъ сномъ.

Головокруженіе начинаетъ господствовать и внизу; всѣ пировавшіе мужчины и женщины упадаютъ духомъ. Мысль дурнаго дѣла преслѣдуетъ всѣхъ, и каждый смотритъ на сотоварища въ веселіи, какъ на сотоварища въ преступленіи; всѣ избѣгаютъ другъ друга и думаютъ, какъ бы разстаться и потомъ вовсе не сходиться. Ни-

кто и не помышляетъ о театрѣ, а еще менѣе о балѣ. Наконецъ, всѣ улетаются во-свои.

Наступаетъ ночь. Флоренса, прогулявшись по вновь-отдѣланному шегольскому дому отца изъ покоя въ покой, отыскиваетъ свою комнату, гдѣ заботливость Эдиен окружила ее всевозможными удобствами и роскошью. Снявъ блестящій нарядъ, она надѣваетъ свое простое траурное платье по милости Поля, и садится читать; Діогенъ разлегся на полу подлѣ и подмигиваетъ. Но чтеніе не идетъ ей на умъ. Домъ кажется ей новымъ и чужимъ, и въ немъ раздаются громкіе отголоски. На сердцѣ ея бремя; она не знаетъ, почему и что это такое — но ей тяжело. Флоренса закрываетъ книгу, и косматый Діогенъ начинаетъ къ ней ласкаться. Но нѣсколько времени она видитъ его какъ-то неясно: между нимъ и ея глазами носится туманъ, въ которомъ сіяютъ, какъ ангелы, образы ея покойной матери и маленькаго Поля. Валтеръ также, бѣдный, странствующій, терпѣвшій кораблекрушеніе Валтеръ... о, гдѣ онъ?

Майоръ не знаетъ этого. Да ему и нѣтъ дѣла. Продремавъ весь вечеръ, онъ отобѣдалъ поздно въ своемъ клубѣ, гдѣ поймалъ какого-то скромнаго юношу, который не знаетъ, какъ отъ него избавиться, и рассказываетъ ему съ ожесточеніемъ анекдоты о Бэгстокѣ, сэрѣ, на свадьбѣ у Дѳмби, и о лордѣ Финиксѣ, чертовски джентльменистомъ пріятелѣ стараго Джое Б. А лордъ Финиксъ, которому слѣдовало бы спать спокойно въ отели Лонга, очутился, самъ не зная какъ, передъ игорнымъ столомъ, къ которому его привели своенравныя ноги, можетъ-статься, даже наперекоръ его собственному желанію.

Ночь, какъ исполинъ, наполняетъ церковь отъ помоста до крыши и владычествуетъ въ часы тишины и общаго спокойствія. Бѣдный разсвѣтъ снова заглядываетъ въ окна; потомъ уступаетъ мѣсто дню, видитъ, какъ ночь скрывается подъ сводами склеповъ, слѣдуетъ за нею, выгоняетъ ее, и прячется между мертвецами. Робкія мыши снова толпятся между собою, когда церковная дверь отворяется съ громомъ, и входятъ мистеръ Соундсъ и мистриссъ Миффъ. Опять треугольная шляпа одного и огорченная шляпка другой стоятъ поодаль во время свадебной церемоніи, и опять этотъ мужчина беретъ въ замужество эту женщину, на торжественномъ условіи:

«Съ сего дня на будущее время, въ радости и горѣ, въ богатствѣ и бѣдности, въ здоровьи и болѣзни, передъ лицомъ Всевышняго, любить другъ друга неизмѣнно, пока смерть не разлучитъ ихъ.»

Эти уже самыя слова повторяетъ мистеръ Каркеръ, ѣдущій верхомъ по городу, съ зубами, оскаленными до-нельзя.

ГЛАВА II.

ДЕРЕВЯННЫЙ МЯЧМАНЪ РАЗБИВАЕТСЯ.

Честный капитанъ Коттль, не заирая на многія недѣли, пронесшіяся надъ его укрѣпленнымъ убѣжищемъ, продолжалъ по-прежнему принимать предосторожности противъ внезапнаго нападенія со стороны мистриссъ Мэк-Стинджеръ. Капитанъ полагалъ свое настоящее спокойное положеніе слишкомъ-непрочнымъ, зная, что въ штиль надобно всегда ожидать крѣпкаго вѣтра: увѣренный въ непреклонномъ характерѣ мистриссъ Мэк-Стинджеръ, онъ не могъ допустить, чтобы она отреклась отъ мысли отыскать его и взять въ плѣнъ. Въ-слѣдствіе того, капитанъ Коттль велъ самую уединенную и затворническую жизнь, рѣдко выходилъ изъ дома до сумерекъ, да и то отваживался только пускаться по самымъ темнымъ улицамъ; по воскресеньямъ онъ не выходилъ вовсе, и вообще избѣгалъ женскихъ шляпокъ внутри и внѣ мѣста своего укрывательства, какъ-будто подъ этими шляпками точили на него зубы голодные львы.

Капитану и во снѣ не грезилась возможность воспротивиться мистриссъ Мэк-Стинджеръ, еслибъ она вдругъ атаковала его на улицѣ. Онъ чувствовалъ, что этого нельзя сдѣлать никакъ. Воображеніе рисовало ему картину, какъ его въ такомъ случаѣ преспокойно усадятъ въ наемный кабріолетъ и повезутъ на старую квартиру: если онъ разъ туда попадется, ему нѣтъ спасенія; лакированная шляпа исчезнетъ; мистриссъ Мэк-Стинджеръ не спуститъ его съ глазъ ни днемъ, ни ночью; юные Мэк-Стинджеръ засыплютъ его упреками, и онъ будетъ преступнымъ предметомъ недоувѣрчивости и подозрѣнія — чудовищемъ въ глазахъ дѣтей и уличеннымъ измѣнникомъ въ глазахъ ихъ матери.

Сильная испарина и унылое расположеніе духа находили на капитана Коттля каждый разъ, какъ подобная мрачная картина носилась передъ его умственными взорами. Это начиналось всегда передъ тѣмъ, какъ онъ собирался выйти украдкой на улицу для освѣженія своего тѣла моціономъ. Понимая всю великость опасности, капитанъ въ такихъ случаяхъ имѣлъ обыкновеніе прощаться съ Робомъ-Точильщикомъ торжественно, какъ прилично человѣку, который не знаетъ навѣрно, суждено ли ему воротиться или нѣтъ: онъ увѣщевалъ Роба, еслибъ ему пришлось потерять его, капитана Коттля, надолго изъ вида — идти путемъ добродѣтели и хорошенько чистить мѣдные инструменты.

Чтобъ не отказаться навсегда отъ вѣроятности спасенія и имѣть возможность сообщаться съ внѣшнимъ міромъ въ случаѣ бѣды, капитанъ Коттль вознималъ счастливую мысль научить Роба ка-

кому-нибудь секретному опознательному сигналу, посредствомъ котораго этотъ подчиненный могъ бы дать знать о своемъ присутствіи и неизмѣнной преданности бѣдствующему командиру. После долгого размышленія, капитанъ придумалъ, что лучше всего выучить Роба-Точилыцка насвистывать методію известной матросской пѣсни, общепринятой при тягѣ стеньг-вантъ или задрайкѣ найтововъ, и оканчивающейся припѣвомъ: «Ой-о-го! Ой-о-го!» Когда Робъ достигъ въ этомъ упражненіи приблизительнаго совершенства, до какого могъ дойти житель берега, капитанъ далъ ему слѣдующія инструкціи:

— Ну, приятель, не зѣвай на брасахъ! Если я какимъ-нибудь случаемъ буду взятъ...

— Взятъ, капитанъ? прервалъ Робъ, раскрывъ преширока свои круглые глаза.

— Гм! сказалъ капитанъ мрачно: — если я когда-нибудь уйду съ тѣмъ, чтобъ воротиться къ ужину, и не явлюсь на горизонтѣ черезъ сутки, ступай ты на Бриг-Плэсъ и свищи эту музыку около того мѣста, гдѣ я прежде былъ ошвартовленъ — да дѣлай это не такъ, понимаешь? чтобъ оно казалось съ намѣреніемъ, а какъ-будто тебя случайно надрейфовала туда. Если я отвѣчу тѣмъ же, поворачивай черезъ фордешидъ и уплывай, а потомъ приходи опять черезъ сутки; но если я отвѣчу другимъ напѣвомъ, ты будешь лежать то на одномъ, то на другомъ галсѣ, и ждать новыхъ сигналовъ. Понимаешь?

— Гдѣ же я буду лежать то на чемъ-то одномъ, то на другомъ, капитанъ? Подлѣ троттуара?

— Вотъ умная голова! воскликнулъ капитанъ, бросивъ на него строгій взглядъ. — Да ты не знаешь азбуки! Это значитъ отойди немножко и потомъ приходи назадъ, попеременно—понялъ наконецъ?

— Понялъ, капитанъ.

— Такъ смотри же, не забывай, и дѣлай, какъ я тебѣ сейчасъ толковалъ, сказалъ капитанъ, видимо смягченный.

Желая лучше впечатлѣть свои наставленія въ умъ Роба, капитанъ удостоивалъ иногда дѣлать по вечерамъ, когда лавка была заперта, репетиціи этимъ сценамъ: онъ нарочно удалялся въ кабинетъ, какъ-будто въ жилище мнимой мистриссъ Мэк-Стинджеръ, и тщательно наблюдалъ исходтишка за дѣйствіями своего союзника. Робъ выполнялъ свою роль такъ умно и отчетливо, что послѣ подобныхъ экзаменовъ получалъ отъ капитана въ разныя времена семь шестипенсовиковъ, въ знакъ его благоволенія. Наконецъ, капитанъ предался волѣ Божіей, какъ человѣкъ, приготовившійся къ худшему и принявшій противъ ударовъ неумолимаго рока всѣ внушаемыя благоразуміемъ предосторожности.

Не смотря на то, капитанъ Коттль не искушалъ злой судьбины безразсудною отвагой и былъ остороженъ по-прежнему. Хотя онъ считалъ непремѣнною обязанностию — будучи другомъ семейства и

человѣкомъ, нечуждымъ свѣтскихъ обычаевъ — присутствовать на свадьбѣ мистера Дэбби (о которой узналъ отъ Перча) и показать этому джентльмену приятную и одобрительную мишу съ галереи; но поѣхалъ въ церковь въ наемномъ кабріолетѣ, у котораго подпалъ и завѣсилъ обѣ рамы; онъ врядъ ли бы рискнулъ даже и на это, еслибы не вспомнилъ, что мистриссъ Мак-Стинджеръ считается усердною почитательницею Мельхиседеа, благочестиваго проповѣдывателя «выспренняго убѣжденія», и отъ-того, по всей вѣроятности, не удостоитъ заглянуть въ англиканскій храмъ.

Капитанъ Коттль возвратился домой благополучно и опять пошелъ по всегдашней колеѣ своей новой жизни, нетревожимый ничѣмъ, кромѣ ежедневно-появляющагося количества женскихъ шляпокъ на улицѣ. Но за то другіе предметы лежали тяжкимъ бременемъ на душѣ капитана. О «Сынѣ и Наслѣдникѣ» не было никакихъ вѣстей; о Солдѣ Джильсѣ также. Флоренса даже не знала, что бѣдный старикъ исчезъ, а у капитана Коттля не стало духу сказать ей объ этомъ. Капитанъ, по-мѣрѣ-того, какъ его собственные надежды на спасеніе благороднаго, отважнаго юноши, котораго онъ любилъ на свой суровый ладъ съ самаго его ребячества, стали угасать и гасли съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе, чувствовалъ инстинктивную, болѣзненную боязнь встрѣтиться съ Флоренсою. Имѣя онъ для нея добрыя вѣсти, то не побоялся бы великолѣпнаго ново-отдѣланнаго дома и богатой мебели — что все, вмѣстѣ съ надменнымъ видомъ молодой сурруги мистера Дэбби, наводило на капитана благоговѣйный страхъ — и прервался бы къ Флоренсѣ. Но теперь, онъ едва-ли бы испугался посѣщенія мистриссъ Мак-Стинджеръ болѣе, чѣмъ посѣщенія Флоренсы.

Былъ темный, холодный, осенній вечеръ, и капитанъ Коттль велѣлъ развести огонь въ каминѣ маленькаго кабинета, больше чѣмъ когда-нибудь похожаго на каюту. Дождь дробилъ шумно и вѣтеръ ревелъ изо всѣхъ силъ; поднявшійся наверхъ, въ образуемую бурями спальню своего стараго друга, капитанъ почувствовалъ невольное замираніе сердца и упалъ духомъ. Вышелъ на парадетъ, обратясь лицомъ къ холодному вѣтру и хлещущему дождю, и взглянувъ, какъ мокрые шквалы проносились надъ крышами сосѣднихъ домовъ, капитанъ тщетно искалъ какой-нибудь утѣшительной надежды. Видъ подлѣ, подъ рукою, былъ не отраднѣе: голуби Роба-Точильщика, жавшіеся въ чайныхъ и другихъ ящикахъ, ворковали какъ плачущіе зефиры; ржавый флюгеръ-мичманокъ съ телескопомъ у глаза, нѣкогда замѣтный съ улицы, но теперь давно уже заслоненный кирпичными постройками, стоналъ на своемъ изъѣденномъ временемъ и непогодами желѣзномъ штырѣ, дико вращаемый рѣзкими, немилосердными порывами. На синей штормовой курткѣ капитана, холодныя дождевыя капли дробились какъ стальные четки, и самъ онъ едва устоялъ противъ напора крѣпкаго норд-веста, снѣливагося сбить его съ ногъ на

мостовую. «Если въ этотъ вечеръ надежда жива гдѣ-нибудь, то, конечно, забралась въ мѣстечко потеплѣе, а не торчитъ за дверьми», подумалъ капитанъ и воротился въ комнату.

Медленно спустился капитанъ въ кабинетикъ и сѣлъ въ кресла противъ камина; потомъ закурилъ трубку, попробовалъ успокоиться стаканомъ грока—но надежда не проглядывала ни въ красноватомъ пламени, ни въ облакахъ табачнаго дыма, ни на днѣ стакана. Онъ прошелся раза два по лавкѣ и сталъ искать надежды между инструментами; но они упрямо вели счисленіе пропавшаго «Сына и Наслѣдника» къ «пришедшему пункту», который находился на днѣ бурнаго моря.

Вѣтръ продолжалъ луть и дождь дробить въ закрытые ставни дома; капитанъ привелъ въ дрейфъ противъ поставленнаго на ночь на залавокъ деревяннаго мичмана и подумалъ, отирая рукавомъ мокрый мундиръ этого офицера, сколько протекло лѣтъ, въ теченіе которыхъ деревянные глаза его не видали тутъ почти никакой перемѣны, а теперь всѣ перемѣны пришли какъ-будто разомъ, въ одинъ день! Давно ли въ кабинетѣ сидѣло всегдашнее его маленькое общество, а теперь оно разбросано Богъ-знаетъ куда: теперь нѣкому слушать балладу объ «очаровательной Пегъ», еслибъ и нашелся охотникъ спѣть ее—а нѣкому спѣть, потому что, по внутреннему убѣжденію капитана, онъ одинъ могъ это сдѣлать, но ему было не до балладъ. Теперь въ домѣ не видать веселаго лица «Вал'ра»... при мысли о немъ рукавъ капитана перешелъ на минуту съ мундира деревяннаго мичмана къ его собственной щекѣ; парикъ и очки дяди Солля сдѣлались уже видѣніемъ прошлыхъ временъ; Ричардъ Виттингтонъ, трижды лорд-мэръ Лондона, разбить на голову; всѣ планы и замыслы, зародившіеся подъ вывѣскою деревяннаго мичмана, дрейфуютъ безъ мачтъ и руля по водной пустыни!

Мысли эти вертѣлись въ головѣ капитана, и онъ продолжалъ тереть рукавомъ мундиръ маленькаго деревяннаго мичмана, отчасти въ разсѣянности, отчасти изъ нѣжности къ старому знакомцу, какъ вдругъ раздался у дверей стукъ. Робъ, сидѣвшій на залавкѣ съ вытарашенными на капитана круглыми глазами и обдумывавшій въ пятисотый разъ, не лежитъ ли на его душѣ смертоубійство, что совѣсть его такъ безпокойна и онъ всегда прячется — Робъ привскочилъ съ мѣста въ испугѣ.

— Это что? сказалъ тихо капитанъ.

— Кто-то стучится, отвѣчалъ Робъ-Точильщикъ.

Капитанъ Коттль, съ робкимъ и преступнымъ видомъ, немедленно убрался на ципочкахъ въ кабинетъ и заперся въ немъ. Робъ, отворивъ дверь, приготовился вступить въ переговоры, на случай, еслибъ это была посѣтельница; но, увидя мужчину, онъ впустилъ его безпрепятственно, и тотъ вбѣжалъ, весьма-довольный, что укрылся отъ проливнаго дождя.

— Новая работа Боргессу и Компани! сказала онъ, глядя съ состраданіемъ на свой забрызганный грязью костюмъ.

— О! здоровы ли вы, мистеръ Джилльсъ?

Вопросъ этотъ адресовался къ капитану, выходявшему изъ кабинета съ самымъ прозрачно-притворнымъ безпечнымъ видомъ.

— Благодарствуйте, продолжалъ джентльменъ, не перевода духу.—Я совершенно здоровъ, очень вамъ благодаренъ. Мое имя Тутсъ—*мистеръ Тутсъ!*

Капитанъ припомнилъ, что видѣлъ его на свадьбѣ, и поклонился. Мистеръ Тутсъ сконфузился по своему обыкновенію, задышалъ тяжело, долго трясъ капитана за руку и потомъ, какъ-будто не находя другаго средства выпутаться изъ бѣды, бросился на Робаточильщика и сталъ трясти и его руку съ самымъ радушнымъ видомъ.

— Послушайте, мистеръ Джилльсъ, мнѣ надобно переговорить съ вами, знаете, о миссъ Д. О. М., понимаете?

Капитанъ съ приличною важностью и таинственностью указалъ мистеру Тутсу крючкомъ на дверь кабинета и вошелъ туда вмѣстѣ съ нимъ.

— О! извините, однако! сказалъ Тутсъ, глядя въ лицо капитану и усѣвшись противъ каминна:—вы, можетъ-быть, вовсе не знаете Боеваго-Пѣтуха?

— Пѣтуха?

— Да.

Капитанъ покачалъ головою отрицательно, и мистеръ Тутсъ объяснилъ, что Боевой-Пѣтухъ, иначе Чиккенъ, тотъ самый знаменитый боксеръ, который побѣдилъ Нобби изъ Шропшира, чѣмъ капитанъ былъ, по-видимому, не весьма просвѣщенъ.

— Онъ за дверьми, вотъ и все, сказалъ мистеръ Тутсъ:—но это ничего; онъ, можетъ-быть, не слишкомъ промокнетъ.

— Можно позвать его.

— О, еслибъ вы позволили ему посидѣть въ лавкѣ вмѣстѣ съ вашимъ молодымъ человѣкомъ! А то онъ разсердится. Я позволю его, мистеръ Джилльсъ?

Съ этими словами онъ подошелъ къ дверямъ лавки и свиснулъ особеннымъ образомъ въ темноту осенней ночи. На этотъ сигналъ явился стоической комплекціи джентльменъ въ бѣломъ косматомъ сюртукѣ, низенькой шляпѣ, весьма-коротко обстриженный, съ нереломленнымъ переносемъ и значительнымъ пустоороженнымъ пространствомъ за обоими ушами.

— Садитесь, Чиккенъ.

— А что, нѣтъ здѣсь ничего подручнаго? спросилъ въобщемъ, не адресуясь ни къ кому, усаживающійся Чиккенъ. — Такаа ночь крута для человѣка, который живетъ своимъ званіемъ.

Капитанъ Коттль предложилъ стаканъ рома, который Чиккенъ выпилъ въ себя залпомъ, какъ въ бочку, произнеся краткій тостъ:

Т. LV. — Огд. I.

17

«Намъ!» Мистеръ Тутсъ и капитанъ возвратились въ кабинетъ, и Тутсъ началъ:

— Мистеръ Джилльсъ...

— Стопъ такъ! Мое имя Коттль.

Мистеръ Тутсъ сконфузился до нельзя, а капитанъ продолжалъ съ важностью:

— Кэптенъ Коттль мое имя; Англія моя нація, а вотъ здѣсь я живу. Поняли?

— О! А мнѣ нужно видѣть мистера Джилльса! Могу ли его видѣть? Мнѣ...

— Еслибъ вы могли видѣть Солля Джилльса, сказалъ выразительно капитанъ, положивъ тяжкую руку на колено мистера Тутса:—то-есть, стараго Солля, замѣтите—вашими собственными глазами, я бы обрадовался вамъ больше, чѣмъ заштилѣвшій корабль вѣтру съ кормы. Но вы не можете видѣть Солля Джилльса. А почему?—А потому-что онъ невидимъ.

— О!

— Да. Я смотрю здѣсь за него, по его запискѣ. И хоть онъ былъ мнѣ все равно, что родной братъ, а я не знаю, куда онъ ушелъ и зачѣмъ ушелъ. Зачѣмъ ли, чтобъ искать своего племянника, или просто отъ разстройства въ головѣ — объ этомъ я знаю не больше васъ. Разъ на разсвѣтѣ онъ отправился за бортъ, безъ всплеска и круговъ! Я искалъ этого человѣка вездѣ, на водѣ и на берегу, и съ того дня не видалъ и не слыхалъ его.

— О! Но, Боже мой, миссъ Дѣмби и не знаетъ...

— А спрошу васъ, если въ васъ есть христіанская душа, зачѣмъ ей знать объ этомъ? Зачѣмъ ей знать, когда горю помочь нечѣмъ? Она такъ полюбила стараго Солля Джилльса, привязалась къ нему такъ нѣжно—эта милая, добрая, удивительная... да что вамъ толковать?.. Вы ее сами знаете.

— Надѣюсь, проговорилъ Тутсъ, вспыхнувъ дальше ушей.

— И вы пришли отъ нея?

— Да.

— Ну, такъ вотъ что я вамъ скажу: вы пришли сюда по сигналу настоящаго ангела!

Мистеръ Тутсъ съ живостью схватилъ капитана за руку и сталъ просить его дружбы.

— Увѣряю васъ честью, я буду вамъ очень-обязанъ, если вы согласитесь быть знакомымъ со мною. Я бы очень-очень желалъ этого, капитанъ. Право, я нуждаюсь въ другѣ. Маленькій Дѣмби былъ мнѣ другомъ у стараго Блимбера, и былъ бы имъ и теперь, еслибъ не умеръ, бѣдняжечка! Чиккенъ, продолжалъ онъ печальнымъ шопотомъ: — очень-хорошъ, удивителенъ въ своемъ родѣ, всѣ говорятъ, что нѣтъ удара и манеры, которыхъ бы онъ не зналъ—но я не знаю... онъ не все. Такъ, она сущій ангелъ, капитанъ! Если есть гдѣ-нибудь ангелъ, это миссъ Дѣмби. Вотъ что

я всегда говорилъ! Но, право, капитанъ, я буду вамъ очень обязанъ, если вы согласитесь быть короче знакомы со мною!

Капитанъ Коттль принялъ это предложеніе учтиво, но не сдавался еще. Онъ сказалъ только: «Есть такъ, пріятель! Посмотримъ, посмотримъ! Эй, эй!» Послѣ этого онъ напомнилъ мистеру Тутсу о цѣли его посѣщенія.

— Дѣло въ томъ, отвѣчалъ Тутсъ: — что я пришелъ отъ той молодой женщины, знаете, Сузанны Нипперъ... Не отъ миссъ Домби, а отъ нея.

Капитанъ кивнулъ головою, какъ-будто желая выразить, что эта особа пользуется особеннымъ его уваженіемъ.

— И я вамъ скажу, какъ это случилось. Знаете, я иногда дѣлаю визиты миссъ Домби. Не то, чтобъ я ходилъ нарочно для этого, знаете, а мнѣ очень-часто случается быть тамъ по родственству. А когда я бываю въ тѣхъ мѣстахъ, ну, вотъ... вотъ я и захожу.

— Натурально, замѣтилъ капитанъ.

— Вотъ я и зашелъ сегодня подъ вечеръ. Клянусь вамъ честью, невозможно составить себѣ понятія, какимъ ангеломъ миссъ Домби была сегодня подъ вечеръ!

Капитанъ махнулъ крючкомъ, давая знать, что ему легко составить себѣ объ этомъ понятіе.

— Когда я вышелъ оттуда, молодая женщина, знаете, Сузанна Нипперъ, вдругъ повела меня неожиданно въ чуланъ.

Капитану, по-видимому, это обстоятельство не совсѣмъ понравилось; откинувшись назадъ въ креслахъ, онъ смотрѣлъ на мистера Тутса съ недовѣрчивымъ, если не съ угрожающимъ лицомъ.

...—Куда она принесла вотъ эту газету и говорить, что прятала ее нѣкій день отъ миссъ Домби, найдя въ ней какія-то особенныя извѣстія, о чемъ-то извѣстномъ ей и миссъ Домби. Она прочитала ихъ мнѣ. Хорошо. Потомъ она сказала... постойте минуту, что такое она сказала?..

Мистеръ Тутсъ встрѣтилъ въ это время устремленный на него строгій взглядъ капитана, смутился и чуть не потерялъ окончательно нить своего разсказа.

— О! А! Да! продолжалъ онъ послѣ долгаго припоминанія. — Да! Она сказала, что не совсѣмъ вѣрить истинѣ написаннаго тутъ въ газетѣ; а такъ-какъ сама не можетъ выпутаться изъ затрудненія и боится испугать миссъ Домби, то и проситъ меня сходить въ эту улицу, къ мистеру Соломону Джилльсу, инструментальному мастеру, дядѣ молодаго джентльмена, о которомъ онѣ заботятся, и спросить у него, правду ли говоритъ газета, и не знаютъ ли чего-нибудь вѣрнѣе въ Сити. Она сказала, что если мнѣ не удастся поговорить съ мистеромъ Джилльсомъ, то отыскать капитана Коттля, то-есть васъ!

Капитанъ взглянулъ съ безпокойствомъ на газету, которую мистеръ Тутсъ держалъ въ рукѣ.

— Ну, вот! А я здѣсь такъ поздно, потому-что зашелъ напередъ въ Фінчли, гдѣ растетъ превосходнѣйшій курослѣпъ, и купилъ его для птички миссъ Дѳмби. Вы видѣли газету?

Капитанъ, неохотно читавшій газеты, опасаясь найти въ нихъ публикацію на свой счетъ со стороны мистриссъ Мэк-Стинджеръ, затрясъ головою.

— Прочитать вамъ то мѣсто, капитанъ?

На утвердительный знакъ его, мистеръ Тутсъ прочиталъ слѣдующее:

«Соутамптонъ. Барка Дефайэнсъ, капитанъ Генри Джемсъ, пришла сегодня въ нашъ портъ съ грузомъ сахара, кофе и рома, и «увѣдомила, что, заштилѣвъ на шестой день перехода отъ Ямайки, «въ широтѣ и долготѣ такой-то, знаете...»

— Есть такъ! Наполняй паруса, пріятель!

«...Широтѣ и долготѣ такой-то, часовой на бакѣ замѣтилъ, за полчаса до солнечнаго заката, нѣсколько обломковъ разбитаго судна, которые несло волненіемъ въ разстояніи около мили. Такъ-какъ погода была ясная и судно штилевало, то спустили шлюпку съ приказаніемъ осмотрѣть видѣнный предметъ: нашли, что онъ «состоялъ изъ нѣсколькихъ рангоутныхъ деревьевъ и части вооруженія грот-мачты, а также части кормы; на которой ясно можно было прочесть надпись «Сынъ и На...». На обломкахъ не «нашли мертвыхъ тѣлъ. По шканечному журналу Дефайэнса видно, что, послѣ задушаго ночью вѣтерка, обломки были унесены «изъ вида. Нѣтъ сомнѣнія, что брикъ «Сынъ и Наслѣдникъ», изъ «Лондона, шедшій въ Барбадось, погибъ невозвратно, что онъ утонулъ въ прошедшій ураганъ, и что всѣ бывшіе на немъ погибли.»

Капитанъ Коттль, какъ и все человѣчество, не зналъ самъ, сколько надежды таялось въ немъ при всемъ его прежнемъ уныніи, пока она не получила окончательнаго смертельнаго удара. Пока мистеръ Тутсъ читалъ параграфъ газеты, и съ минуту послѣ, капитанъ смотрѣлъ на него какъ человѣкъ отуманенный; потомъ, поднявшись вдругъ и надѣвъ лакированную шляпу, которую снятъ было изъ вѣжливости къ посѣтителю, повернулся къ нему спиною и опустилъ голову на доску камина.

— О, клянусь честью! воскликнулъ Тутсъ, котораго доброе сердце было глубоко тронуто неожиданною для него горестью капитана:—что это за несчастный свѣтъ! Вѣчно кто-нибудь умираетъ, или пропадаетъ, или страдаетъ. Еслибъ я зналъ это, то, право, не сталъ бы столько хлопотать о своемъ наслѣдствѣ. Я никогда не видалъ такого ужаснаго свѣта; право, въ немъ хуже, чѣмъ у Блимбера.

Капитанъ Коттль, не перемѣняя своего положенія, просилъ Тутса не обращать на него вниманія.

— Вал'ръ, мой милый малый, прощай! Прощай, Вал'ръ, дитя мое; я любилъ тебя! Онъ не былъ моимъ сыномъ, продолжалъ капитанъ,

глядя на огонь:—но я чувствую то же самое, что чувствуетъ отецъ, когда терять сына. А почему? А потому-что тутъ не одна потеря, а цѣлая дюжина потерь. Гдѣ этотъ розовый мальчикъ съ кудрявыми волосами, который бѣгалъ, бывало, сюда изъ школы каждую недѣлю, такой веселый, такой рѣзвый? Утонулъ съ Вал'ромъ! Гдѣ этотъ свѣжій бойкій малый, который не уставалъ ни отъ чего и такъ краснѣлъ, когда мы подшучивали надъ нимъ на счетъ нашей удивительной миссъ? Утонулъ съ Вал'ромъ! Гдѣ этотъ молодецъ съ такимъ огнемъ, который не хотѣлъ допустить, чтобъ старикъ Соля ни на минуту не выходилъ изъ вѣтра, и совсѣмъ забылъ про себя? Утонулъ съ Вал'ромъ! Тутъ былъ не одинъ Вал'ръ, а цѣлая дюжина Вал'ровъ, которыхъ я зналъ и любилъ, и всѣ они утонули!

Мистеръ Тутсъ молчалъ, и только свертывалъ и складывалъ зловѣщую газету.

— А Соля Джилльсъ, бѣдный старикъ, куда дѣвался ты? Последнія слова Вал'ра были: «берегите дядюшку Соля»,—гдѣ ты? Что я напишу о тебѣ въ шканечномъ журналѣ, на который смотритъ сверху Вал'ръ?

Капитанъ тяжело вздохнулъ.

— Послушайте, молодецъ, скажите этой молодой женщинѣ прямо и честно, что несчастный вѣсти слишкомъ-вѣрны. Видите, они о такихъ вещахъ не пишутъ небылицъ: извѣстiе взято изъ шканечнаго журнала, а это самая вѣрная книга, какая только есть на свѣтѣ. Завтра утромъ я пойду собирать справки, да это ни къ чему не послужитъ! Ничего и думать. Присутствуйте сюда завтра поутру, а молодой женщинѣ скажите отъ капитана Коттля, что все кончено... кончено!

И капитанъ, вынувъ изъ лакированной шляпы носовой платокъ, отеръ имъ свою сѣдую голову и потомъ снова бросилъ платокъ въ шляпу съ равнодушиемъ глубокаго отчаянiя.

— О! увѣряю васъ, право, мнѣ сто очень-жаль, хотя и не зналъ этого джентльмена, сказалъ мистеръ Тутсъ. — Какъ вы думаете, капитанъ Джилльсъ... я хочу сказать мистеръ Коттль, это очень опечалитъ миссъ Домби?

— Богъ съ вами, возразилъ капитанъ, какъ-будто сострадая о невинности Тутса:—да оба они были вотъ такіе маленькіе, а ужъ любяли другъ друга какъ голубки.

— О! ис-уже-ли? сказалъ мистеръ Тутсъ, котораго лицо значительно вытянулось при этомъ извѣстiи.

— Они были какъ-будто нарочно созданы другъ для друга. Да что въ этомъ теперь!

— Клянусь вамъ честью, право, я теперь огорченъ еще больше, чѣмъ прежде. Знаете, капитанъ Джилльсъ, я, я просто обожаю миссъ Домби; я, я совершенно боленъ любовью къ ней, а потому меня очень, очень огорчаетъ всякое ея огорченiе, какая бы ему ни была причина. Знаете, капитанъ, я люблю ее безъ эгоизма: для

меня, капитанъ Джилльсъ, было бы величайшей радостью, еслибъ меня задавили лошади... или... или расшибло чѣмъ-нибудь, или... или меня бы сбросили съ очень-высокаго мѣста, или все, что хотите, для миссъ Дѳмби. Вотъ въ какомъ родѣ я люблю ее!

Все это мистеръ Тутсъ проговорилъ въ-полголоса, не желая, чтобъ слышалъ его Чиккенъ, который не допускалъ нѣжныхъ ощущеній. Капитанъ Коттль, невольно тронутый такою безкорыстною любовью, потрепалъ его по спинѣ и совѣтовалъ ободриться и привести круче къ вѣтру.

— О, благодарю васъ, капитанъ Джилльсъ! Вы не можете себѣ представить, какъ я вамъ благодаренъ. Вы очень-добры, что говорите такъ, не смотря на ваше собственное горе. Я, право, нуждаюсь въ другѣ и буду очень-счастливъ вашимъ знакомствомъ. Хотя денегъ у меня довольно, продолжалъ онъ съ большою энергійей:—вы не можете вообразить, что я за жалкое животное! Глупая толпа считаетъ меня удивительнымъ счастливецомъ, когда видитъ вмѣстѣ съ Чиккеномъ или другими въ родѣ его; но я просто несчастливъ. Я мучусь отъ миссъ Дѳмби, капитанъ Джилльсъ. Обѣды мнѣ надоѣдаютъ; портной мой также наскучилъ, и я часто плачу, когда остаюсь одинъ. Увѣряю васъ, я съ радостью приѣду къ вамъ завтра и готовъ приѣхать хоть пятьдесятъ разъ!

Мистеръ Тутсъ, съ этими словами, пожалъ капитану руку, постарался скрыть по возможности отъ пронизательнаго взгляда Чиккена слѣды своего волненія и присоединился къ нему въ лавкѣ. Боевой-Пѣтухъ, которому очень не хотѣлось потерять даже часть своего прибыльнаго вліянія надъ Тутсомъ, смотрѣлъ на капитана Коттля, видя, какъ онъ прощался съ его патрономъ, очень-немилоостиво. Они вышли, не говоря ни слова и оставя капитана подѣвленнаго горестью, а Роба-Точильщика восторженнымъ до нѣльзя отъ счастья, что ему удалось выпучить глаза въ-продолженіе цѣлага получаса на побѣдителя знаменитаго Нобби изъ Шропшира.

Робъ давно спалъ крѣпкимъ сномъ подъ залавкомъ, а капитанъ Коттль все еще смотрѣлъ на огонь камина; огонь давно уже погасъ, а капитанъ все продолжалъ смотрѣть на ржавыя желѣзныя полосы, съ печальными мыслями о Валтерѣ и дядѣ Солѣ. Капитанъ не нашелъ успокоенія наверху, въ штормовой спальнѣ, и всталъ на другое утро грустный и неосвѣженный благодѣтельнымъ сномъ.

Лишь-только отперлась конторы въ Сити, капитанъ Коттль отправился въ принадлежавшія фирмѣ Дѳмби и Сына. Въ то утро ставни деревяннаго мичмана не отворялись: Робъ-Точильщикъ, по приказанію капитана Коттля, оставилъ ихъ закрытыми, и домъ смотрѣлъ домомъ смерти.

Случилось, что мистеръ Каркеръ входилъ въ конторы въ то самое время, когда къ нимъ приблизился капитанъ, который молча и серьезно принялъ зубастую улыбку управляющаго, и взялъ смѣлость послѣдовать за нимъ въ кабинетъ.

— Ну, что, капитанъ Коттль? сказалъ мистеръ Каркеръ, уста-

вась въ своемъ обычномъ положеніи противъ камина и не снимая шляпы:— плохія дѣла!

— Вы прочитали новость въ газетѣ, сэръ?

— Да, мы ее получили! Это справедливо. Страховщики въ значительномъ убыткѣ. Намъ очень-жаль. Нечего дѣлать! Такова жизнь!

Мистеръ Каркеръ занялся обдѣлкой перочиннымъ ножичкомъ своихъ нѣжныхъ ногтей и смотрѣлъ съ улыбкою на стоявшаго въ дверяхъ капитана.

— Мнѣ очень-жаль бѣднаго Гэя и всего экипажа. Я слыхалъ, что тамъ было нѣсколько человекъ изъ нашихъ лучшихъ людей. Много семейныхъ также. Утѣшительно, что у бѣднаго Гэя не было семейства, капитанъ Коттль!

Капитанъ стоялъ, потирая себѣ подбородокъ и глядя на управляющаго. Управляющій взглянулъ на нѣсколько нераспечатанныхъ писемъ, положенныхъ на письменный столъ, и взялъ газету.

— Могу я сдѣлать для васъ что-нибудь, капитанъ Коттль? спросилъ онъ съ ласковымъ и выразительнымъ взглядомъ на дверь.

— Я хотѣлъ успокоить свою душу, сэръ, на счетъ одной вещи, которая ее тревожитъ.

— А! что же это такое? Только вамъ надобно поспѣшить рассказывать, капитанъ. Я очень занятъ.

— Вотъ видите, сэръ. Прежде, чѣмъ мой пріятель Валъръ отправился въ свой несчастный вояжъ...

— Полноте, капитанъ! зачѣмъ говорить о несчастныхъ вояжахъ? Здѣсь намъ дѣлать нечего съ несчастными вояжами, мой любезный. Вы вѣрно принялись очень-рано за свою дневную порцію, если забыли, что всѣ путешествія, по землѣ и по водѣ, подвержены случайностямъ. Вы вѣрно не мучитесь мыслью, что молодой... какъ его зовутъ, погибъ въ дурную погоду, которая поднялась противъ него въ этихъ конторахъ, не правда ли? Перестаньте, капитанъ! Сонъ и сода-ватеръ самыя лучшія лекарства отъ безпокойствъ такого рода.

— Если вы, возразилъ съ разстановкою капитанъ:—шутите надъ такими вещами, то вы не тотъ джентльменъ, какимъ мнѣ сначала показались, и мнѣ есть о чемъ безпокоиться. Дѣло вотъ въ чемъ, мистеръ Каркеръ. Прежде, чѣмъ мой Валъръ снялся съ якоря, онъ все увѣрялъ меня, будто идетъ не на счастье и не ждетъ себѣ ничего хорошаго; я ему не вѣрилъ и пошелъ сюда; а какъ вашего главнаго губернатора не было дома, то я и рѣшился сдѣлать вопроса два вамъ. Вы отвѣтили какъ нельзя попутнѣе. Теперь, когда все кончено, я и хочу успокоить свою совѣсть, и попросить васъ сказать мнѣ прямо, былъ ли Валъръ правъ или нѣтъ? Точно ли хорошій вѣтръ дулъ ему въ паруса изъ вашихъ конторъ, когда онъ поднялъ марсафалы и снялся съ якоря въ Барбадось? Мистеръ Каркеръ, мы съ вами сошлись въ тотъ разъ такъ хорошо... если я теперь не имѣю той пріятности, по случаю бѣдствія моего Валъра,

или если я какъ-нибудь промахнулся передъ вами; то имя мое Эд'рдъ Коттль, и я прошу у васъ прощенія.

— Капитанъ Коттль, возразилъ управляющій со всевозможною вѣжливостью: — я долженъ просить васъ объ одномъ одолженіи.

— А чѣмъ могу служить, сударь?

— Убратся отсюда, если вамъ угодно, и перенести вашъ бредъ куда-нибудь въ другое мѣсто.

Каждая шишка на лицѣ капитана побѣлѣла отъ изумленія и негодованія; даже красный рубецъ на лбу сталъ исчезать, какъ радуга среди сгущающихся тучъ.

— Я вамъ скажу вотъ что, капитанъ Коттль, сказалъ управляющій, грозя ему пальцемъ и показывая всѣ зубы, но все еще улыбаясь съ любезностью: — я былъ съ вами слишкомъ-снисходителенъ, когда вы пришли сюда въ первый разъ. Вы принадлежите къ разбору людей лукавыхъ и интригующихъ. Желая спасти молодого... какъ его зовутъ, отъ неудовольствія быть прогнаннымъ въ шею отсюда, мой любезный капитанъ, я оказалъ вамъ снисхождение; но только на одинъ разъ, понимаете? не больше. Теперь, ступайте вонъ, мой любезный!

Капитанъ какъ-будто приросъ къ полу и не могъ выговорить ни слова.

— Ступайте, сказалъ добродушный управляющій, подбирая фалды и раздвинувъ ноги передъ каминомъ:—какъ человѣкъ разсудительный, и не заставляйте насъ прибѣгать къ неприятымъ мѣрамъ, въ родѣ изгнанія васъ силою. Еслибъ самъ мистеръ Дѣмби былъ здѣсь, то вамъ пришлось бы уйти отсюда болѣе-неприятнымъ образомъ; но я очень-добръ и говорю только: ступайте!

Капитанъ, положивъ себѣ на грудь огромную ручищу, чтобы облегчить спершееся дыханіе, оглядѣлъ мистера Каркера съ головы до ногъ и потомъ осматривался вокругъ себя, какъ-будто не понимая, гдѣ онъ и съ кѣмъ.

— Вы хитры, капитанъ Коттль, продолжалъ Каркеръ съ развязною откровенностью свѣтскаго человѣка, котораго не приведетъ въ негодованіе никакое открытіе дурныхъ поступковъ, если они не касаются непосредственно его собственной особы: — но до дна вашей хитрости можно еще достать лотомъ, такъ же какъ и до замысловъ вашего отсутствующаго друга. Что вы дѣлали съ вашимъ отсутствующимъ другомъ, а?

Капитанъ снова наложилъ руку на грудь. Переведя съ трудомъ духъ, онъ проговорилъ шопотомъ:—«Не зѣвай на брасахъ!»

— Вы составляете премиленькіе заговоры, держите между собою премиленькіе совѣты и принимаете у себя премиленькихъ посѣтительницъ, капитанъ, а? Но являться сюда послѣ этого уже слишкомъ-дерзко, и это не отзывается вашимъ всегдашнимъ благоразуміемъ! Вы, заговорщики и хитрецы и бѣглецы, должны бы были посметливѣе. Не угодно ли обязать меня вашимъ уходомъ?

— Пріятель! проговорилъ капитанъ задыхающимся и дрожа-

щимъ голосомъ, между-тѣмъ, какъ на стиснутомъ кулакѣ его происходило странное движеніе:—я бы желалъ сказать тебѣ многое, но не знаю, въ какой части трюма завалены у меня слова. Пріятель мой Вал'ръ утонулъ и это сбиваетъ меня съ курса, какъ видишь. Но мы съ тобою еще сойдемся когда-нибудь въ жизни борть-о-борть!

— Это будетъ вовсе-неразсчитливо съ вашей стороны, любезный капитанъ, возразилъ управляющій съ тою же откровенностью:—потому-что въ такомъ случаѣ, пріимите честное предостереженіе: я открою и обнаружу васъ. Я нисколько не имѣю притязаній быть добродѣтелище моихъ ближнихъ, любезный капитанъ; но довѣренность этого дома, или кого-нибудь изъ его членовъ, не будетъ употреблена во зло, пока я пользуюсь глазами и ушами. Добраго дня! И онъ кивнулъ очень-дружески головою.

Капитанъ Коттль, посмотрѣвъ пристально на мистера Каркера, который смотрѣлъ ему въ глаза также прямо и пристально, вышелъ изъ комнаты; мистеръ Каркеръ остался съ раздвинутыми ногами передъ огнемъ, спокойный и любезный, какъ-будто на душѣ его не было ни малѣйшаго пятнышка, точно такъ же, какъ на тонкомъ бѣлоснѣжномъ бѣльѣ. Проходя черезъ конторы, капитанъ взглянулъ на письменный столъ, за которымъ обыкновенно сидѣвалъ Валтеръ: мѣсто его занималъ теперь другой мальчикъ, съ такимъ же свѣжимъ и бодрымъ лицомъ, какъ у него, когда они распивали втроемъ, въ кабинетикѣ дяди Соля, предпоследнюю бутылку знаменитой мадеры. Воспоминанія эти принесли капитану большую пользу: онъ укротили его гнѣвъ и вызвали слезу на глаза.

Пришедъ снова къ деревянному мичману и усѣвшись въ темномъ углу лавки, капитанъ почувствовалъ, что негодование его, какъ оно ни было сильно, не могло устоять противъ горести. Гнѣвъ казался ему оскорбленіемъ памяти погибшаго юноши, а всѣ на свѣтѣ живые лжецы и плуты были ничто въ-сравненіи съ честностью и правдивостью одного мертвого друга.

Въ такомъ состояніи духа, честный капитанъ понялъ несомнѣнно-ясно одно, кромѣ потери Валтера: что съ нимъ вмѣстѣ утонулъ почти весь міръ капитана Коттля. Если онъ упрекалъ себя иногда за содѣйствіе невинному обману Валтера, то утѣшался мыслью о томъ мистерѣ Каркерѣ—не теперешнемъ—котораго уже никакія моря не могли возвратить; или о томъ мистерѣ Домби, который, какъ онъ началъ постигать, унесся также далеко; или объ «удивительной миссъ», съ которою ему уже никогда не прійдется видѣться; или объ «очаровательной Пенъ», этой крѣпко-выстроенной изъ тѣка балладъ, которая теперь разбилась въ дребезги объ утесистый подвѣтренный берегъ. Капитанъ, сидя въ темной лавкѣ, думалъ обо всѣхъ этихъ вещахъ, забывъ совершенно о нанесенной незадолго ему самому горькой обидѣ, и смотрѣлъ

печально въ землю, какъ-будто мимо его проносились за корму обломки всего, что доставляло ему отраду.

Капитанъ Коттль вспомнилъ, однако, о требуемыхъ обычаемъ приличіяхъ, которыя рѣшился соблюсти въ честь бѣднаго Валтера. Поднявъ на ноги Роба-Точильщика, храпѣвшаго изо всѣхъ силъ въ темнотѣ искусственныхъ сумерекъ среди бѣлаго дня, капитанъ направился вмѣстѣ съ нимъ къ ветошнику и купилъ немедленно двѣ пары траурныхъ костюмовъ—одну для Роба, непомерно узкую и короткую, и другую для себя, непомерно широкую. Онъ также купилъ для Роба шляпу, соединявшую въ себѣ удобства головныхъ уборовъ моряковъ и угольщиковъ, и вообще извѣстную подъ техническимъ названіемъ «зюйд - вестки» — явленіе совершенно-новое въ инструментальномъ мастерствѣ. Оба немедленно надѣли этотъ трауръ и возбуждали удивленіе всѣхъ, съ кѣмъ встрѣчались на улицахъ идучи домой.

Въ такомъ преобразенномъ состояніи, капитанъ принялъ мистера Тутса. «Меня теперь обстѣяло, пріятель», сказалъ онъ ему: «новости худыя. Скажите молодой женщинѣ, чтобы она осторожнѣе сказала объ этомъ своей госпожѣ, и чтобы объ онѣ вовсе перестали обо мнѣ думать».

Капитанъ отложилъ до другаго удобнѣйшаго времени упроченіе знакомства своего съ мистеромъ Тутсомъ и отпустилъ его отъ себя. Правду сказать, капитанъ Коттль до того упалъ духомъ, что въ этотъ день не принималъ почти никакихъ предосторожностей противъ вторженія мистриссъ Мэк-Стинджеръ. Къ вечеру, однако, онъ нѣсколько поправился и долго говорилъ о Вал'рѣ Робу-Точильщику, котораго при этомъ случаѣ похвалилъ за внимательность и вѣрность. Шпіонъ Робъ выслушалъ эти похвалы не краснѣя, выпуча на капитана глаза и притворившись растроганнымъ, а между-тѣмъ старался не забыть ни одного его слова, съ предательствомъ, подававшимъ самыя блистательныя надежды.

Когда Робъ расположился на постели подъ залавкомъ, капитанъ зажегъ свѣчу, надѣлъ очки (онъ считалъ необходимою носить очки сдѣлавшись продавцомъ оптическихъ и другихъ инструментовъ, хотя имѣлъ зрѣніе соколиное) и открылъ въ молитвенникѣ погребальное богослуженіе. Читая его потихоньку про себя, въ маленькомъ кабинетикѣ, и пріостанавливаясь по-временамъ, чтобы отереть глаза, капитанъ мысленно предалъ тѣло Валтера вѣчному покою въ волнахъ.

ГЛАВА III.

Противоположности.

Обратимъ взоры на два жилища, отдѣленные большимъ разстояніемъ другъ отъ друга, хотя оба весьма-недалеки отъ предѣловъ огромнаго города Лондона.

Первое находится въ зеленой и лѣсистой сторонѣ около Норвуда. Это не барскій замокъ; въ немъ нѣтъ притязаній на великолѣпіе, но устроено оно превосходно и содержится съ самымъ изящнымъ вкусомъ. Лугъ, отлогій, мягкій скатъ, цвѣтникъ, клумбы деревьевъ, гдѣ видны граціозныя формы ивы и клѣна, оранжерей, сельская верранда, по столбамъ которой вьются благоухающія ползучія растенія; простая наружность дома, хорошо-устроенныя службы — все это обнаруживаетъ комфортъ, котораго было бы достаточно для дворца. Тотъ, кому это покажется; не ошибется: внутри дома дѣйствительно нарстуетъ самая изящная роскошь. Богатыя цвѣта, чрезвычайно-искусно перемѣшанные между собою, встрѣчаютъ взоры на каждой шагѣ — на превосходной мѣбели, удивительно соразмѣренной съ величиною маленькихъ комнатъ, на стѣнахъ, на полахъ; они вездѣ облегчаютъ и дѣлаютъ пріятнымъ для глазъ свѣтъ, входящій сквозь окна и стеклянныя двери. Тамъ можно также видѣть нѣсколько отличныхъ картинъ и гравюръ; въ уютныхъ уголкахъ нѣтъ недостатка въ книгахъ; есть бильярдъ, столики для разныхъ игръ, требующихъ счастья или искусства, какъ-то: шахматы фантастическихъ фигуръ, карты, кости, трикракъ и т. п.

А между-тѣмъ, среди всего утонченнаго комфорта, есть въ самомъ воздухѣ что-то производящее непріятное впечатлѣніе — отъ того ли, что ковры и подушки слишкомъ-мягки и безшумны, такъ-что ступающіе по нимъ, или покаящіеся на нихъ, дѣйствуютъ какъ-будто исподтишка, — отъ-того ли, что гравюры и картины не изображаютъ великихъ подвиговъ, не олицетворяютъ великихъ идей, или не передаютъ природы въ ландшафтахъ и видахъ, а дышатъ однимъ только сладострастіемъ, — отъ-того ли, что на раззолоченныхъ переплетахъ книгъ видны заглавія, дѣлающія ихъ приличными сотоварищами гравюръ и картинъ, — отъ-того ли, что среди повсемѣстнаго изящества и роскоши видно тамъ-и-сямъ намѣреніе обнаружить смиреніе, которое такъ же лживо, какъ лицо того слишкомъ-вѣрно написаннаго портрета, или оригинала его, сидящаго въ креслахъ за завтракомъ, — или, можетъ-быть, отъ-того, что ежедневное дыханіе хозяина оставляетъ на всемъ отдѣляющіяся при этомъ тонкія частицы его-самого, которыя напечатлѣваютъ на всѣ предметы общее выраженіе его собственнаго характера!

Въ креслахъ сидитъ мистеръ Каркеръ-управляющій. Отличный попугай карабкается по проволокамъ полированной клѣтки, терзать ихъ клювомъ и вскрикиваетъ по-временамъ; но мистеръ Каркеръ не обращаетъ на него вниманія, а смотритъ съ задумчивою улыбкой на картину, повѣшенную на противоположной стѣнѣ.

— Какое странное случайное сходство! сказалъ онъ.

Можетъ-быть, это Юнона; можетъ-быть, жена Пентефрія; можетъ-быть, какая-нибудь надменная нимфа — смотря потому, какъ задумали окрестить ее продавцы картинъ. Это женская фигура не-

обыкновенной красоты, которая, отворачиваясь, но съ обращеннымъ къ зрителю лицомъ, бросаетъ ему гордый взглядъ.

Она походить на Эдию.

Мистеръ Каркеръ сдѣлалъ рукою жестъ, адресовавшійся къ картинѣ... Какъ! угроза? Нѣтъ; однако нѣчто похожее на угрозу. Знакъ торжества? Нѣтъ; однако нѣчто еще болѣе похожее на него. Наглое привѣтствіе? Нѣтъ; однако похоже и на это. Потомъ онъ принялся снова за прерванный ненадолго завтракъ и ласково крикнулъ разгнѣванной птицѣ, которая вошла въ подвѣшенное подъ вершинкою кѣтки позолоченное кольцо — похожее формою на обрубальное — и начала раскачиваться взадъ и впередъ къ большому удовольствію своего хозяина.

Другое жилище — у противоположной стороны Лондона, около мѣсть, гдѣ большая сѣверная дорога въ столицу, нѣкогда кипѣвшая дѣятельностью, теперь почти-совершенно запустѣла и оживляется только взрѣдка пѣшеходами. Тутъ бѣдный маленькій домикъ, скудно мѣблированный, но чрезвычайно-опрятный; видно, однако, желаніе украсить его, обнаруживающееся въ простыхъ цвѣтахъ, насаженныхъ у входа и въ тѣсномъ палисадникѣ. Мѣстоположеніе домика не имѣетъ въ себѣ ничего ни сельскаго, ни городскаго — это ни городъ, ни деревня. Городъ, какъ исполнить въ дорожныхъ сапогахъ, перешагнувъ черезъ него и уперъ свою кирпично-известковую пятую далеко впереди; а промежуточное пространство между его ступнями — не городъ, а только пустырь. Здѣсь-то, посреди нѣсколькихъ высокихъ трубъ, изрыгающихъ днемъ и ночью черный дымъ, посреди кирпичныхъ заводовъ и аллей, гдѣ вырѣзываютъ турфъ, гдѣ обваливаются заборы, гдѣ растутъ покрытая пылью крапива, гдѣ еще виднѣются плетни, куда заходятъ иногда птицеловы — здѣсь можно найти это второе жилище.

Живущая въ немъ обитала нѣкогда въ первомъ жилищѣ, но оставила его, рѣшившись послѣдовать сюда за отверженнымъ братомъ. Съ нею удалился изъ перваго дома его духъ-искупитель, а изъ груди его хозяина одинокій ангелъ; но хотя онъ пересталъ любить сестру за то, что называетъ неблагодарнымъ бѣгствомъ, и хотя теперь совершенно ее оставилъ, однако даже онъ не можетъ забыть ее окончательно. Доказательство этому ея цвѣтникъ, въ который нога его нѣкогда не ступаетъ, но который поддерживаетъ среди всѣхъ дорогихъ передѣлокъ и измѣненій точь-въ-точь въ томъ видѣ, какъ-будто она только вчера его оставила!

Гэрриетъ Каркеръ перемѣнилась съ-тѣхъ-поръ, и на красоту ея легла тѣнь тяжеле той, которую налагаетъ время само-по-себѣ, какъ оно ни всемогуще — тѣнь горести и безпокойства и ежедневной борьбы съ бѣдностью. Но все-таки это красота — кроткая, тихая, скромная красота, которую надобно пайдти, потому-что сама она не можетъ себя выказывать, или еслибъ и могла, то была бы тѣмъ же, что теперь, не больше.

Да. Эта стройная, легкая фигура небольшого роста, съ ангелъ

скимъ терпѣніемъ, одѣтая въ простыя ткани и выражающая въ своей наружности только скудныя домашнія добродѣтели, въ которыхъ такъ мало общаго съ принятыми понятіями о героизмѣ и величій души (развѣ, если лучъ ихъ блеснетъ иногда въ жизни великихъ, и тогда онъ превращается въ созвѣздіе, за которымъ слѣдятъ прямо въ небеса)—эта стройная, легкая фигура небольшого роста, съ ангельскимъ терпѣніемъ на лицѣ, опирающаяся на мужчину не стараго, но уже сѣдаго и отжившаго—сестра его, та самая сестра, которая одна изъ цѣлаго свѣта присоединилась къ нему въ его позорѣ, вложила руку въ его руку и съ кроткою рѣшимостью повела его, какъ ангелъ благодати, по пустынному жизненному пути.

— Еще рано, Джонъ, сказала она. — Зачѣмъ ты уходишь такъ рано?

— Немногими минутами раньше обыкновеннаго, Гэрриетъ. Если достанетъ времени, мнѣ бы хотѣлось—это фантазія—пройти разъ мимо дома, гдѣ я съ нимъ простился.

— Какъ жаль, что я никогда не знала и не видала его, Джонъ.

— Вспомни его участь. Лучше, другъ мой, такъ, какъ оно есть.

— Но еслибъ я даже знала его, то не могла бы жалѣть о немъ больше теперешняго. Развѣ твое горе не мое горе, Джонъ? Мы бы тогда могли говорить о немъ, и это было бы для тебя отрадою, и тебѣ было бы со мною не такъ скучно.

— Милая сестра, не-уже-ли есть на свѣтѣ что-нибудь, чѣмъ бы ты могла сдѣлаться мнѣ отраднѣе или ближе? Я чувствую, ты какъ-будто знала его, Гэрриетъ, какъ-будто раздѣляла мою къ нему привязанность.

Она обвила рукою, покоившеюся на плечѣ брата, его шею и отвѣчала съ легкою нерѣшимостью:

— Нѣтъ... не совсѣмъ.

— Правда, правда! Ты думаешь, что я не сдѣлалъ бы ему никакого вреда, допустивъ познакомиться съ собою покороче?

— Думаю? Я увѣрена въ этомъ.

— Но репутація его была для меня такъ драгоценна, что я не могъ губить ее такимъ образомъ, и мнѣ легче на совѣсти... Онъ приостановился, стараясь одолѣть свою грусть, и прибавилъ съ улыбкой: «до свиданія!»

— До свиданія, милый Джонъ! Вечеромъ я встрѣчу тебя по дорогѣ домой, въ обыкновенное время. До свиданія.

Радужное лицо, поднявшееся для братскаго поцалуя, было его домогъ, жизнью, вселенной, но вмѣстѣ съ тѣмъ частью его горя и наказанія: въ облакѣ на немъ—хоть это облако было ясно и спокойно, какъ самое лучезарное облако при закатѣ солнца—въ постоянномъ самоотверженіи ея и въ пожертвованіи всѣми удобствами и увеселіями жизни, изобиліемъ и надеждою, видѣлъ онъ горькіе плоды своего стараго преступленія, плоды постоянно-зрѣлые и свѣжіе.

Она стояла на порогѣ и смотрѣла ему вслѣдъ, сложивъ небрежно руки. Каждый разъ, какъ онъ оглядывался—это случилось раза два—радушное лицо сестры освѣщало ему сердце животворнымъ лучомъ; но когда онъ скрылся изъ вида по своему неровному пути и не могъ ее видѣть, на глазахъ ея выступили слезы.

Задумчивая Гэрриетъ Каркеръ не долго оставалась праздною у дверей. Ей предстояло отправление ежедневныхъ обязанностей, въ которыхъ не было и тѣни героической поэзи—и она дѣлательно предалась смиреннымъ домашнимъ заботамъ. Сдѣлавъ все, что было нужно и приведя бѣдный домикъ въ чистоту и порядокъ, она пересчитала свой скудный денежный капиталъ и пошла съ задумчивымъ лицомъ за покупками для стола, разсчитывая, какъ бы по возможности сберечь нѣсколько пенсовъ. Вотъ какъ жалко существованіе такихъ смиренныхъ душъ, которыя не только не кажутся великими въ глазахъ своихъ лакеевъ или горничныхъ, но не имѣютъ даже ни лакеевъ, ни горничныхъ, передъ которыми имъ хотѣлось бы казаться великими!

Пока она была въ отсутствіи и домъ оставался пустымъ, къ нему приближался по дорогѣ, противоположной взятому Джономъ Каркеромъ направленію, одинъ джентльменъ больше чѣмъ среднихъ лѣтъ, но съ прямымъ станомъ и здоровымъ, открытымъ лицомъ, которое сіяло добродушіемъ. Брови его были еще черны, такъ же какъ часть волосъ, хотя между ними просѣдъ была уже очень замѣтна и очень шла къ его широкому лбу и честнымъ глазамъ.

Постучавшись въ дверь и не получивъ отвѣта, джентльменъ сѣлъ на скамью подъ навѣсомъ крыльца. Особенное движеніе пальцевъ, которымъ онъ сопровождалъ по скамейкѣ разнымъ отрывкамъ мелодій, обозначала, по-видимому, музыканта, а необыкновенное удовольствіе, доставленное ему какимъ-то весьма-протяжнымъ напѣвомъ, который было бы очень-трудно разобрать, показывало ученаго музыканта. Джентльменъ пробовалъ какую-то тѣму, которую варіировалъ на разные лады, не останавливаясь ни на одномъ, какъ показала Гэрриетъ, возвращавшаяся домой. Онъ всталъ и пошелъ къ ней на встрѣчу съ обнаженной головою.

— Вы опять пришли, сударь! сказала она, запинаясь.

— Да, я осмѣлился. Могу ли просить удѣлать мнѣ пять минутъ вашего досуга?

Послѣ краткой нерѣшимости, она отворила дверь и впустила его въ свою маленькую приемную. Джентльменъ сѣлъ противъ нея, и голосомъ, вполне соответствовавшимъ его наружности, съ чрезвычайно-привлекательною простотою сказалъ:

— Миссъ Гэрриетъ, вы не можете быть горды, хоть и говорили это, когда я посѣтилъ васъ въ то утро. Простите, если скажу, что я смотрѣлъ вамъ тогда въ лицо, и что оно вамъ противорѣчило. Я смотрю на него опять, и оно противорѣчитъ вамъ больше и больше.

Она смутилась и не нашла отвѣта.

— Липо ваше—зеркало истины и кротости. Простите, что я ввѣрился ему и возвратился.

Тонъ, которымъ онъ сказалъ это, совершенно отнималъ у его словъ характеръ комплимента. Онъ говорилъ просто, серьезно, чистосердечно, и Гэрриетъ наклонила голову, какъ-будто благодаря за искренность.

— Разница въ нашихъ лѣтахъ и прямота моего намѣренія позволяютъ мнѣ высказать мои мысли. Я такъ думаю, и вотъ почему вы видите меня въ другой разъ.

— Есть особенный родъ гордости, сударь, или то, что можно назвать гордостью, но что дѣйствительно составляетъ только чувство долга. Надѣюсь, что я не имѣю другой гордости.

— Для себя?

— Для себя.

— Но, извините меня... для вашего брата Джона?

— Я горжусь его любовью, сударь, возразила Гэрриетъ, глядя гостю прямо въ глаза и съ твердостью, отъ которой голосъ ея нѣсколько дрожалъ: — я горжусь имъ. Вы, сударь, которому, по страннымъ обстоятельствамъ, извѣстна исторія его жизни...

— Я рассказалъ ее вамъ единственно для того, чтобъ получить право на вашу довѣренность. Ради Бога, не думайте...

— Я увѣрена, что вы воскресили ее въ моемъ воспоминаніи съ благороднымъ намѣреніемъ. Я убѣждена въ этомъ.

— Благодарю васъ, отвѣчалъ онъ, поспѣшно пожавъ ей руку: — вы отдаете мнѣ справедливость, будьте увѣрены. Вы хотѣли сказать, что я, которому извѣстна исторія Джона Каркера...

— Можете удивиться, когда я говорю, что горжусь имъ. Но это правда. Было время, когда этого не было, когда этого не могло быть, но оно прошло. Смирненіе многихъ лѣтъ, безжалобное искушеніе, истинное раскаяніе, ужасная горестъ, страданіе, которое ему причиняетъ даже моя привязанность (онъ воображаетъ, что она стѣбитъ мнѣ дорого, когда Небу извѣстно какъ я счастлива, еслибъ только не печаль его!.. о, сударь, послѣ всего, что я видѣла, умоляю васъ, если вы человѣкъ съ вліяніемъ надъ ближними, не наказывайте никогда, ни за какое преступленіе, наказаніемъ безвозвратнымъ!

— Вашъ братъ сталъ другимъ человѣкомъ, возразилъ джентльменъ съ состраданіемъ.—Я никогда въ этомъ не сомнѣвался, увѣряю васъ.

— Онъ былъ другимъ человѣкомъ, когда сдѣлалъ свой проступокъ, но теперь онъ сталъ тѣмъ, чѣмъ создалъ его Богъ, вѣрете мнѣ.

— Но мы, сказалъ посѣтитель, потирая себѣ лобъ и говоря какъ-будто про себя, и потомъ начиная барабанить по столу пальцами: —мы живемъ какъ заведенныя часы, день за днемъ, и не можемъ слѣдить за этими переменами, ни замѣчать ихъ хода. Онъ... онъ метафизическаго свойства; а мы... намъ на это нѣтъ времени, да и

не достаетъ духу. Этому не учать въ школахъ, и мы не знаемъ, какъ приняться за такія наблюденія. Короче, мы такой чертовски-дѣловой народъ! воскликнулъ онъ, подойдя съ досадою къ окну и потомъ опять усѣвшись на свое мѣсто.

— Право, продолжалъ онъ послѣ краткой паузы и снова потирая себѣ лобъ: — эта машипальная, работающая жизнь, все та же день за днемъ, примирить человѣка со всѣмъ па свѣтѣ. Не видишь ничего, не слышишь ничего, не знаешь ничего—вотъ несомнѣнный фактъ! Мы все дѣлаемъ по привычкѣ, хорошее и дурное. Единственнымъ оправданіемъ передъ совѣстью, когда мнѣ прійдется разсчитываться съ нею на смертномъ одрѣ, будетъ привычка. Привычка, скажу я; я былъ глухъ, нѣмъ, слѣпъ, безчувственъ къ миллиону вещей по привычкѣ. Все это очень-хорошо, и очень по дѣловому, мистеръ... какъ васъ зовутъ, скажетъ совѣсть, да это здѣсь не принимается!

Джентльменъ всталъ, опять подошелъ къ окну и потомъ вернулся назадъ, серьезно-разстроенный, хотя это разстройство и выражалось такъ оригинально.

— Миссъ Гэрриетъ, сказала онъ, усѣвшись снова подлѣ нея: — позвольте чѣмъ-нибудь служить вамъ. Взгляните на меня! Я долженъ смотрѣть честнымъ человѣкомъ, потому-что въ эту минуту, право, убѣжденъ въ своей честности. Такъ ли?

— Да, отвѣчала она съ улыбкой.

— Я вѣрю каждому вашему слову. Упрекаю себя какъ-нельзя-больше за то, что могъ бы знать то и другое, видѣть то и другое, и зпать васъ давнымъ-давно въ-теченіе этихъ двѣнадцати лѣтъ, а между-тѣмъ не замѣчалъ и не видѣлъ ничего, и не зналъ васъ. Я, право, едва постигаю, какъ очутился здѣсь, будучи рабомъ не только своихъ привычекъ, но привычекъ другихъ людей! Но, очутившись здѣсь, прошу васъ позволить мнѣ что-нибудь сдѣлать. Я прошу объ этомъ со всѣмъ почтеніемъ, которое вы мнѣ внушаете въ высочайшей степени. Позвольте мнѣ быть вамъ полезнымъ.

— Мы довольны, сударь.

— Нѣтъ, нѣтъ, не совѣмъ. Я увѣренъ, что не совѣмъ. Есть разные мелочные комфорты, которые могутъ уладить жизнь вамъ и ему... И ему! повторилъ онъ, думая произвести этимъ больше впечатлѣнія.—Я имѣлъ привычку думать, что для него ничего нельзя сдѣлать, что все уже сдѣлано... короче, я имѣлъ привычку не думать объ этомъ вовсе. Теперь, я другой человѣкъ. Позвольте сдѣлать что-нибудь для него. Вы сами, прибавилъ онъ съ осторожностью:—должны беречь свое здоровье ради его, а я боюсь, что оно слабѣетъ.

— Кто бы вы ни были, сударь, отвѣчала Гэрриетъ, смотря ему въ глаза:—пріймите мною глубокую благодарность. Я вполне убѣждена, что ваша единственная цѣль—сдѣлать намъ добро. Но годы прошли съ-тѣхъ-поръ, какъ мы начали эту жизнь; отнять у

моего брата хоть часть того, чѣмъ онъ сдѣлался для меня до такой степени драгоценнымъ, чѣмъ доказалъ рѣшимость загладить прежнее, отнять хотя часть достоинства его безпомощнаго, темнаго, забытаго перерожденія, значило бы уменьшить отраду, которая будетъ его и мовимъ удѣломъ, когда настануть минуты, о которыхъ вы сейчасъ говорили. Слезы эти выразятъ вамъ мою благодарность лучше словъ. Вѣрьте имъ, прошу васъ.

Джентльменъ былъ растроганъ и съ благоговѣніемъ прижалъ къ губамъ протянутую ему руку.

— Если ему когда-нибудь, хоть отчасти возвратятъ положеніе, котораго онъ лишился...

— Возвратить! воскликнулъ гость съ живостью. — Какъ можно этого надѣяться? Въ чьихъ рукахъ власть сдѣлать это? Я убѣжденъ въ словахъ своихъ, если скажу, что безцѣнная отрада жизни вашего брата есть главная причина ненависти, которую обнаруживаетъ къ нему братъ его!

— Вы коснулись предмета, о которомъ даже между нами никогда не говорится ни слова.

— Прошу прощенія. Я бы долженъ былъ понимать это. Забудьте мою неумышленную ошибку. Теперь, переставъ настаивать (я не имѣю на это права), прошу позволить мнѣ, человѣку чужому для васъ, хотя и не совсѣмъ-чужому, просить о двухъ милостяхъ.

— О какихъ?

— Первая: если вы увидите какую-нибудь причину отступить отъ вашей теперешней рѣшимости, допустите меня быть вашею правою рукою. Тогда имя мое будетъ къ вашимъ услугамъ; оно бесполезно теперь и весьма-незначительно всегда.

— Мы не можемъ затрудняться въ выборѣ друзей, отвѣчала Гэрриетъ съ грустною улыбкой. — Принимаю ваше первое предложеніе.

— Вторая милость состоитъ въ томъ, чтобъ вы позволили мнѣ иногда—скажемъ, хоть по понедѣльникамъ, утромъ, въ девять часовъ... опять привычка!—непремѣнно надобно дѣлать все по дѣловому... проходя мимо, видѣть васъ у окна или у дверей. Не прошу позволенія входить, такъ-какъ въ эти часы вашего брата уже не будетъ дома; но прошу позволенія говорить съ вами; я желаю только одного, для своей собственной душевной отрады, видѣть, что вы здоровы и напоминать вамъ, безъ докучливости, что вы имѣете друга, пожилаго друга, уже сѣдлаго и сѣдющаго все больше и больше, которыхъ вы всегда можете располагать.

Радушное лицо взглянуло на гостя, повѣрило ему и обѣщало.

— Я подразумѣваю по-прежнему, сказалъ гость вставая: — что вы не располагаете говорить о моемъ посѣщеніи Джоу Каркеру, котораго, конечно, можетъ огорчить знакомство мое съ его исторіей. Я этому отчасти радъ, такъ-какъ это выходитъ изъ обыкновеннаго порядка вещей, и— снова привычка! заключилъ онъ съ не-

терпѣнїемъ:—какъ—будто нѣтъ порядка вещей лучше обыкновеннаго порядка!

Съ этимъ онъ пошелъ не надѣвая шляпы до самой улицы, и простился съ Гэрриетъ съумѣвъ такъ удачно соединить безпредѣльную почтительность съ непритворнымъ участіемъ, которому не можетъ научить никакое воспитаніе, которому не можетъ не довѣрить прямодушіе, и которое можетъ выразить только чистое и благородное сердце.

Посѣщеніе его возбудило въ душѣ сестры Джона Каркера многія полузабытыя чувства. Прошло уже столько времени съ-тѣхъ-поръ, какъ ни одинъ гость не переступалъ черезъ порогъ ихъ жилища; столько времени съ-тѣхъ-поръ, какъ ни чей голосъ участія не раздавался прїятною музыкой въ ухахъ ея! Фигура гостя рисовалась передъ ея воображеніемъ долго послѣ его ухода, когда она сидѣла подлѣ окна, усердно работая иголкою; ей казалось, что все имъ сказанное повторяется слово-въ-слово въ ея слухъ. Онъ дотронулся до пружины, открывавшей всю жизнь ея, и если она потеряла его изъ вида на короткое время, то онъ скрылся только между многими другими образами одного великаго воспоминанія, изъ котораго была составлена эта жизнь.

Размышляя и работая попеременно, то принуждая себя на долгій промежутокъ времени къ непрерывному движенію иголки, то роняя работу изъ рукъ и уносясь воображеніемъ вслѣдъ за болѣдѣтельными мыслями, Гэрриетъ Каркеръ сидѣла, не замѣчая теченія часовъ и не видя, какъ утро замѣнялось днемъ. Утро, ясное и свѣтлое, постепенно подернулось облаками; задулъ рѣзкій вѣтеръ, полился дождь и холодная пасмурность, павшая на отдаленный городъ, скрыла его изъ вида.

Она часто смотрѣла съ состраданіемъ въ такую погоду на пробиравшихся къ Лондону путниковъ. Они брели по большой дорогѣ, усталые, съ разболѣвшимися отъ ходьбы ногами, и смотрѣли боязливо впередъ, на огромный городъ, какъ—будто предчувствуя, что ихъ собственныя страданія тамъ будутъ не больше, какъ капля въ морѣ, или песчинка на побережьѣ; они шли впередъ, ёжась и кутаясь отъ сердитой погоды, и смотря такъ, какъ-будто самыя стѣхи Лондона отвергають ихъ. День-за-днемъ тянулись мимо ея такіе странники, но всегда, ей казалось, по одному направленію, всегда къ городу. Поглощаемые въ томъ или другомъ фазисѣ его неизмѣримости, къ которой ихъ тянуло, по-видимому, отчаяннымъ обаяніемъ, они никогда не возвращались. Какъ-будто обреченные для богаделень, кладбищъ, тюремъ, dna рѣки, горячекъ, сумасшествія, порока и смерти, они влеклись впередъ, къ ревущему въ отдаленіи чудовищу — и гибли.

Пронзительный вѣтеръ вылъ, дождь лилъ ливнемъ, и день угрюмо темнѣлъ, когда Гэрриетъ, поднявъ глаза отъ работы, которою давно уже занялась съ упорнымъ прилежаніемъ, увидѣла приближеніе одного изъ этихъ скитальцевъ.

Это была женщина, одинокая женщина лѣтъ тридцати, высокая, хорошо-сложенная, прекрасная собою, нищенски-одѣтая; разнородная почва многихъ проселочныхъ дорогъ въ разные погоды, пыль, мѣлъ, грязь, глина, дресва—налипли слоємъ на ея скромъ плащъ и стекали съ него, разведенныя мокротою; голова безъ шляпки и роскошныя черныя волосы защищались отъ дождя только оборваннымъ платкомъ; раздувающимися концами его и волосами вѣтръ ослѣплялъ ее, и она часто останавливалась, чтобъ отодвинуть ихъ назадъ и смотрѣть на дорогу, по которой шла.

Въ одну изъ такихъ минутъ, ее замѣтила Гэрриетъ. Когда руки странницы, раздѣляясь на загорѣломъ отъ солнца лбу, отирали лицо и освобождали его отъ докучливыхъ помѣхъ, на немъ видѣлись беззаботная, дикая красота, безстрашное и развратное равнодушіе больше, чѣмъ къ одной только погодѣ, озлобленное пренебреженіе ко всему, чѣмъ бы ни могли разразиться надъ ея обнаженною головою небо и земля—все это, вмѣстѣ съ ея одиночествомъ и нищетою, тронуло сердце сестры—женщины. Гэрриетъ подумала обо всемъ, что было развращено и унижено внутри странницы; такъ же какъ и на ея наружности, о скромныхъ украшеніяхъ души, теперь ожесточенной и закаленной, какъ прелести тѣла, о многихъ дарахъ Творца, брошенныхъ въ добычу вѣтрамъ, какъ въ беспорядкѣ разметанныя волосы, обо всей прекрасной нравственной развалинѣ, на которую теперь вѣяла буря и напускалась ночь.

Думая объ этомъ, Гэрриетъ не отвернулась съ сентиментальнымъ негодованіемъ, слишкомъ-обыкновеннымъ у многихъ изъ прѣкраснаго пола, но пожалѣла о ней.

Падшая сестра приближалась, глядя далеко впередъ, стараясь пронзить одѣвавшій городъ туманъ жадными взорами и посматривая по временамъ на обѣ стороны съ одичалымъ и недоумѣвающимъ видомъ чужеземца. Хотя поступь ея была смѣлая и беззаботна, но она казалась весьма-утомленною и, послѣ минутной нерѣшимости, сѣла на грудь камней, не ища убѣжища отъ дождя и давъ ему полную волю мочить себя сколько угодно.

Это случилось противъ самаго дома Каркера-Младшаго. Поднявъ голову, которую поддерживала нѣсколько секундъ обѣими руками, скиталица встрѣтилась взорами съ Гэрриетъ.

Въ одно мгновеніе Гэрриетъ очутилась у дверей; скиталица, по ея знаку, поднялась и медленно пошла къ ней, съ прежнимъ ожесточеннымъ выраженіемъ лица.

— Зачѣмъ вы остаетесь на дождѣ? кротко спросила Гэрриетъ.

— Затѣмъ, что мнѣ нѣкуда укрыться.

— Но здѣсь по близости много убѣжищъ. Здѣсь, указывая на свой маленькій навѣсъ: — вамъ будетъ лучше, нежели тамъ, гдѣ вы сидѣли. Отдохните здѣсь.

Скиталица взглянула на нее съ недоувѣрчивостью и удивленіемъ, но безъ малѣйшей тѣни выраженія благодарности. Свѣвъ подъ навѣсомъ, она сняла одинъ изъ своихъ изношенныхъ башма-

ковъ, чтобъ вытряхнуть набившіеся въ него камни и песокъ. Нога была изрѣзана, и изъ нея текла кровь.

На сострадательное восклицаніе Гэрриетъ, путница подняла голову съ презрительною и недовѣрчивою улыбкой.

— Что мнѣ такое разсѣченная нога? И что значить разсѣченная нога у такой, какъ я, для такой, какъ вы?

— Войдите, обмойте ногу, отвѣчала Гэрриетъ ласково:— и позвольте принести что-нибудь, чѣмъ перевязать ее.

Женщина схватила ея руку, притянула къ своимъ глазамъ, закрыла ихъ ею и заплакала—заплакала не какъ женщина, но какъ суровый мужчина, невзначай поддавшійся такой слабости—съ бурнымъ волненіемъ груди и усиленіемъ превозмочь себя, показавшимъ, какъ подобныя ощущенія были ей несвойственны.

Она допустила ввести себя въ домъ, и тамъ, очевидно больше изъ благодарности, чѣмъ изъ заботливости о самой-себѣ, обмыла и перевязала больное мѣсто. Тогда Гэрриетъ поставила передъ нею что нашлось изъ ея собственнаго скромнаго обѣда, и когда странница поѣла очень-умѣренно, просила ее, чтобъ она прежде, чѣмъ пойдетъ дальше, обсушила платье передъ огнемъ. Опять, больше изъ благодарности, чѣмъ изъ малѣйшей заботливости о самой-себѣ, она сѣла передъ каминномъ и развязала на головѣ платокъ; густые мокрые волосы высыпались ниже пояса, и она выжимала ихъ руками, вперивъ глаза на пламя.

— Я полагаю, вы думаете, что я нѣкогда была хороша, сказала она, внезапно поднимая голову.—Я то же думаю; я знаю, что была хороша. Смотрите сюда!

Она сурово приподняла свои волосы, какъ-будто хотѣла вырвать ихъ изъ головы, потомъ откинула ихъ назадъ, какъ связку амбѣй.

— Вы въ здѣшнемъ мѣстѣ чужая? спросила Гэрриетъ.

— Чужая! возразила та, пріостанавливаясь послѣ каждаго отрывистаго отвѣта и глядя на огонь.—Да; чужая, лѣтъ десять или двѣнадцать... У меня не было календарей тамъ, гдѣ я была... Десять или двѣнадцать лѣтъ. Этихъ мѣстъ я не знаю. Они много перемѣнились послѣ меня.

— Вы были далеко?

— Очень-далеко. Мѣсяцы за мѣсяцами на морѣ и потомъ очень-далеко внутри берега. Я была тамъ, куда ссылаютъ преступниковъ, прибавила она, глядя прямо въ глаза своей хозяйкѣ. — Я сама была ссыльная.

— Да простить и поможетъ вамъ Богъ! былъ кроткій отвѣтъ.

— О, да! Да простить и поможетъ мнѣ Богъ! возразила она, кивая головою на огонь.—Еслибъ люди помогли намъ хоть немножко больше, то Богъ прощалъ бы насъ, можетъ-быть, скорѣе.

Но ее смягчило кроткое, сострадательное, радушное лицо, на которомъ не было тѣни осужденія, и она сказала нѣсколько-спокойнѣе:

— Мы должны быть однихъ лѣтъ съ вами. Если я старше, то не больше, какъ годомъ или двумя. О, подумайте объ этомъ!

Она раздвинула руки, какъ-будто желая видомъ своей наружности показать, до какой степени она упала нравственно; потомъ, руки ея опустились и она понурила голову.

— Нѣтъ ничего безнадежно-неисправимаго, сказала Гэрриетъ: — никогда не поздно исправиться. Вы каетесь...

— Нѣтъ, не каюсь! Не могу и не хочу каяться! За что я буду каяться, а весь свѣтъ будетъ гулять на свободѣ? Мнѣ говорятъ о раскаяніи — а кто кается за все зло, которое мнѣ было сдѣлано?

Она встала, повязала голову платкомъ и повернулась, чтобъ выйти.

— Куда же вы идете? спросила Гэрриетъ.

— Туда, отвѣчала она, указывая рукою: — въ Лондонъ.

— У васъ есть тамъ домъ?

— У меня есть, кажется, мать. Она столько же мать, сколько ея жилище—домъ, отвѣчала несчастная съ горькимъ смѣхомъ.

— Возьмите это, воскликнула Гэрриетъ, всовывая ей въ руку нѣсколько денегъ.—Старайтесь не тратить по-пустому. Этого очень мало, но достанетъ вамъ на одинъ день.

— Вы замужемъ? сказала странница слабымъ голосомъ, принимая деньги.

— Нѣтъ. Я живу здѣсь съ братомъ. У насъ самихъ очень немного; иначе я дала бы вамъ больше.

— Вы мнѣ позволите поцаловать васъ?

Не видя на лицѣ Гэрриетъ ни презрѣнія, ни отвращенія, предметъ ея милосердія склонился надъ нею, дѣлая этотъ вопросъ, и приложилъ губы къ ея щекѣ. Потомъ, несчастная снова схватила благодѣтельную руку и закрыла ею свои глаза—потомъ вышла...

Вышла на темнѣющую ночь, на воющій вѣтеръ и дробный дождь, спѣша впередъ, къ одѣтому туманомъ городу, гдѣ мерцали тусклые огни; черные волосы и развѣвающіеся концы платка, служившаго ей головнымъ уборомъ, раздувало вѣтромъ по ея буйно-безстрашному лицу.

ГЛАВА IV.

Еще мать и дочь.

Въ гадкой и темной горещкѣ, старуха, такъ же гадкая и угрюмая, сидѣла прислушиваясь къ вѣтру и дождю, пожимаясь передъ скуднымъ огнемъ. Болѣе преданная послѣднему занятію, чѣмъ нервному, она не перемѣняла своей позы и только по-временамъ, когда заблудившіяся капли дождя упали съ шипѣніемъ на тлѣющія головни, она приподнимала голову съ возобновленнымъ вниманіемъ къ свисту и стуку за дверьми; потомъ, голова ея опускалась ниже, ниже и ниже, по-мѣръ-того, какъ она погружалась

въ раздумье, въ которомъ обращала на разнородный шумъ ночи такъ же мало вниманія, какъ человекъ, усѣвшійся для созерцанія на прибережьѣ, мало вниманія обращаетъ на однообразный шумъ моря.

Комнатка освѣщалась только огнемъ этого костра. Разгараясь сердито отъ времени - до-времени, какъ глаза полусоннаго дикаго звѣря, онъ не озарялъ ничего, достойнаго лучшаго освѣщенія. Груда тряпья, груда костей, жалкая кровать, два или три изувѣченныя стула или табурета, черныя стѣны и потолокъ еще чернѣе, вотъ и все. Когда старуха, которой исполинская и изуродованная тѣнь отражалась вполонину на стѣнѣ, вполонину на потолокъ, сидѣла наклонившись надъ разсыпанными кирпичами очага, среди которыхъ горѣли головни, она казалась вѣдьмою, наблюдающею доброе или злое предвѣщаніе; одно только слишкомъ-частое движеніе ея трясшихся челюстей и подбородка показывало, что это не химера, порожденная мерцающимъ свѣтомъ, который то мелькалъ на лицѣ ея, то исчезалъ съ него и освѣщалъ ея неподвижное тѣло.

Еслибъ Флоренса могла стоять тутъ и видѣть оригиналъ тѣни, отражавшейся на стѣнѣ и крышѣ, который сидѣлъ съѣжившись надъ огнемъ, то одинъ взглядъ напомнилъ бы ей лицо «доброй» мистриссъ Броунъ; не смотря на то, что ея дѣтскія воспоминанія о страшной старухѣ были такимъ же уродливымъ искаженіемъ истины, какъ тѣнь на стѣнѣ. Но Флоренсы тутъ не случилось; добрая мистриссъ Броунъ осталась неузнанною и сидѣла, незамѣченная, глядя на свой огонь.

Пробужденная дробною стукотнею дождя за дверьми, который захлесталъ сильнѣе обыкновеннаго, когда струйка воды скатилась на огонь по трубѣ, старуха нетерпѣливо подняла голову, чтобъ прислушаться съ свѣжимъ вниманіемъ. Въ этотъ разъ, голова ея не одуслалась снова: на дверяхъ была рука, и въ коморку кто-то вошелъ.

- Кто тамъ? спросила старуха, оглянувшись черезъ плечо.
- Тотъ, кто несетъ тебѣ вѣсти, отвѣчалъ женскій голосъ.
- Вѣсти? Откуда?
- Издалека.
- Изъ-за морей? воскликнула старуха, вздрогнувъ.
- Да, изъ-за морей.

Старуха поспѣшно поправила огонь, подошла вплотъ къ поспѣтельницѣ, которая остановилась посреди каморки, заперевъ за собою двери, наложила руку на ея вымокшій плащъ и поворотила къ огню несопротивляющуюся фигуру, чтобъ разсмотрѣть ее лучше. Она нашла, по-видимому, не то, чего ожидала, что бы то ни было, ибо оставила плащъ и испустила жалобный крикъ.

- Ну, что такое? спросила гостя.
- Охо-хо! кричала старуха съ ужаснымъ воемъ.
- Да что такое? повторила гостя.

— Это не моя дѣвка! кричала старуха, ломая руки съ отчаяніемъ. — Гдѣ моя Алиса? гдѣ моя хорошенькая дочка? Они убили ее!

— Они ее еще не убили, если твое имя Марвудъ.

— Такъ ты ее видѣла? Она писала ко мнѣ?

— Она сказала, что ты не умѣешь читать.

— Правда, не умѣю! воскликнула старуха съ горестью.

— А что, у тебя здѣсь нѣтъ свѣчки?

Старуха, тряся головою, пережевывала челюстями и, бормоча про-себя о своей красоткѣ-дочери, достала свѣчку изъ шкафа въ углу, поднесла ее къ головнямъ трясущеюся рукою, зажгла съ трудомъ и поставила на столъ. Грязная, заплывшая саломъ свѣ-тильня горѣла сначала тускло; наконецъ, когда загноившіеся и ослабѣвшіе глаза старухи могли различать предметы, она увидѣла гостью, сидѣвшую съ сложенными руками и вперенными въ землю взорами, а платокъ, которымъ голова ея была повязана, лежалъ подлѣ на столѣ.

— Такъ она послала мнѣ слово, моя дѣвка, Алиса? проворчала старуха, подождавъ нѣсколько секундъ.—Что же она сказала?

— Гляди, возразила гостья.

Старуха повторила это слово съ сомнительнымъ видомъ; заслонивъ глаза рукою, она посмотрѣла на гостью, оглядѣлась вокругъ себя и потомъ снова посмотрѣла на гостью.

— Алиса сказала: гляди, еще разъ, мать— и она устремила на нее пристальный взглядъ.

Старуха еще разъ оглянулась въ каморкѣ, посмотрѣла на гостью и снова оглядывалась вокругъ себя; потомъ, схвативъ торопливо свѣчку, поднесла ее къ лицу гостьи, громко вскрикнула, поставила свѣчку и бросилась на шею дочери!

— Это моя дѣвка! Моя Алиса! Это моя красотка-дочь! Она жива и воротилась! кричала старуха, метаясь то на ту, то на другую сторону груди, которая холодно встрѣчала эти ласки. — Это моя дѣвка! Это моя Алиса! Моя хорошенькая дочка! Она жива и воротилась! повторила старуха, опустясь передъ дочерью на полъ, обнимая ея колѣни, прижимаясь къ нимъ головою и метаясь со стороны на сторону, со всѣми неистовыми изъясненіями, къ какимъ только была способна ея жизненность.

— Дá, мать! возразила Алиса, нагнувшись на мгновение впередъ и поцаловавъ старуху, но стараясь даже при этой ласкѣ высвободиться изъ ея объятій.—Я здѣсь, наконецъ. Оставь, мать, оставь. Встань и сядь на стулъ. Ну, что въ этомъ хорошаго?

— Она воротилась еще жестче, чѣмъ была когда ушла! воскликнула мать, поднявъ на нее глаза и все держа ее за колѣни.— Она меня знать не хочетъ, послѣ всѣхъ этихъ лѣтъ и всей горькой жизни, которую вела я!

— Что же, мать! сказала Алиса, тряся оборванныя полы своего плаща, чтобъ освободить ихъ изъ рукъ старухи: — въ этомъ двѣ

стороны. Были годы и для меня такъ же, какъ для тебя, и была горькая жизнь для меня, какъ и для тебя. Встань, встань!

Мать встала, плакала, ломала себѣ руки и смотрѣла на нее, отойдя поодаль. Потомъ, она снова взяла свѣчку, ходила вокругъ дочери и оглядывала ее съ головы до ногъ съ тихимъ стономъ; потомъ поставила свѣчку, сѣла на свое прежнее мѣсто, хлопала руками, какъ-будто подъ ладъ жалобному напѣву, и перекачивалась со стороны на сторону, продолжая стѣнать и сѣтовать про себя.

Алиса встала, сняла свой мокрый плащъ и положила его въ сторону. Послѣ этого она сѣла по-прежнему, скрестила руки, устремивъ глаза на огонь и слушая молча, съ презрительнымъ лицомъ, невнятные сѣтованія своей старой матери.

— Развѣ ты ожидала увидѣть меня такою же молодою, какою я ушла? сказала она наконецъ, обратясь къ старухѣ. — Развѣ ты воображаешь, что жизнь, какъ моя тамъ, была хороша для красоты? Слушая тебя, можно это подумать!

— Не то! кричала мать. — Она знаетъ это!

— Такъ что же такое? Лучше, если это будетъ что-нибудь недлинное; иначе дорога моя вонъ отсюда будетъ легче, чѣмъ дорога сюда.

— Слушай ее! Послѣ всѣхъ этихъ годовъ, она грозитъ бросить меня въ ту самую минуту, какъ воротилась!

— Я тебѣ скажу, мать, еще разъ: были годы для меня такіе, какъ и для тебя. Воротилась жестче прежняго? Разумѣется, воротилась жестче. Чего другаго могла ты ожидать?

— Жостче ко мнѣ! къ своей родной матери!

— Не знаю, кто началъ дѣлать меня жестче, чѣмъ бы я была, если не моя любезная родная мать, возразила дочь, скрестивъ руки, нахмуривъ брови и стиснувъ зубы, какъ-будто затѣмъ, чтобъ изгнать изъ своей груди силою всякое болѣе-нѣжное чувство. — Выслушай два слова, мать. Если мы поймемъ другъ друга теперь, то, можетъ-быть, и не разрознимся больше: Я ушла отсюда дѣвчонкой, а воротилась жепщиной. Я ушла довольно-непокорною дочерью и воротилась не лучше— въ этомъ ты можешь присягнуть. Но была ли ты сама почтительна ко мнѣ?

— Я! воскликнула старуха. — Къ моей родной дѣвкѣ? Мать почтительна къ своему родному ребенку?

— Оно звучитъ мудро, не правда ли? возразила дочь, хладнокровно обратя къ ней суровое, гордое, затвердѣлое, но прекрасное лицо. — Однако, я думала объ этомъ, иногда въ мои одинокіе годы и наконецъ попривыкла къ этому. Я часто слыхала и слышу теперь, какъ толкуютъ о покорности, долгѣ и тому подобное; но все это было только о моей покорности и моемъ долгѣ къ другимъ. Я по-временамъ удивлялась — такъ, отъ скуки — не-уже-ли нѣтъ на свѣтѣ никого, кто бы былъ чѣмъ-нибудь обязанъ въ-отношеніи ко мнѣ?

Мать сидѣла, шевеля, кивая челюстями и тряся головою; но нельзя было угадать, выражало ли это досаду, угрызеніе совѣсти, или отрицаніе, или просто физическую немощь.

— Былъ когда-то ребенокъ, котораго звали Алисою Марвудъ, сказала дочь съ горькимъ хохотомъ и глядя на себя съ ужасающею насмѣшливостью:— ребенокъ этотъ родился и вскормленъ въ нищетѣ и небрежности. Никто не училъ его, никто не сдѣлалъ для него шага, никто не позаботился о немъ.

— Никто! отозвалась мать, указывая на себя и ударяя себя въ грудь.

— Одна заботливость, которую эта дѣвочка испытала, возразила дочь:— состояла въ томъ, что ее иногда били, ругали и обдѣляли; она могла бы гораздо-лучше обойтись и безъ этой нѣжности. Она жила въ домахъ въ родѣ этого, или на улицахъ, въ толпѣ маленькихъ дѣвчонокъ такихъ же, какъ она. Между-тѣмъ, она вынесла изъ *такого* дѣтства хорошенькое личико. Тѣмъ хуже для нея. Лучше, еслибъ ее загнали и замучили до смерти за уродливость...

— Продолжай! продолжай!

— Я продолжаю. Была потомъ дѣвушка, которую звали Алисою Марвудъ. Она была хороша собою. Ее учили слишкомъ-поздно и научили всему худому. Ее берегли черезъ-чуръ, ей помогали слишкомъ-хорошо, за нею ухаживали слишкомъ-много. Ты ее очень любила — въ тѣ дни дѣла твои были лучше теперешняго. Что случилось съ этою дѣвушкой, то дѣлается каждый годъ съ тысячами—она сгубла: она для этого и родилась.

— Послѣ столькихъ лѣтъ! всплакалась старуха.— Вотъ, съ чего начинается моя дѣвка!

— Она скоро договорить. Была преступница, которую звали Алисою Марвудъ — еще молодая дѣвушка, но брошенная всѣми и отверженная. Ее судили, приговорили. И Боже мой, какъ объ этомъ толковали джентльмены въ судѣ! Какъ важно смотрѣлъ судья, когда говорилъ о ея обязанностяхъ, и о томъ, какъ дурно она воспользовалась дарами природы — какъ-будто онъ не понималъ лучше всякаго другаго, что эти-то проклятые дары природы и погубили ее! И какъ онъ проповѣдывалъ о сильной рукѣ закона, которая такъ «сильно» помогала ей, когда она была невиновнымъ и беспомощнымъ ребенкомъ! Какъ торжественно и религиозно все это было! Я думала объ этомъ много разъ послѣ того, право!

Она плотнѣе скрестила руки на груди и захохотала такимъ хохотомъ, при которомъ завыванія старухи казались пріятною мелодіей.

— Ну, вотъ, мать, Алису Марвудъ увезли за моря, продолжала дѣвушка:—чтобъ она научилась тамъ хорошему, увезли туда, гдѣ въ двадцать разъ меньше хорошаго и больше зла, мерзостей и поворота, чѣмъ здѣсь. И Алиса Марвудъ воротилась взрослой женщиной

— такою женщиной, какой должно было ожидать послѣ всего этого. Придетъ опять свое время, и снова будутъ торжественно за-сѣдать, и опять толковать такъ разумно о сильной и твердой рукѣ закона, и тогда съ нею, вѣроятно, покончатъ; но этимъ джентльменамъ нѣчего бояться, что они останутся безъ дѣла. Есть тѣмъ мальчишекъ и дѣвчонокъ, которые растутъ на улицахъ, гдѣ и живутъ, и дадутъ имъ работу, пока они не разбогачьются.

Старуха оперлась локтями на столъ, закрыла себѣ лицо обѣими руками и обнарудила сильнѣйшую горестъ — можетъ-быть, она ее и чувствовала.

— Ну, мать! Я кончила, сказала дочь, махнувъ рукою, какъ-будто отпуская отъ себя предметъ разговора. — Я сказала довольно. Теперь намъ обѣимъ можно перестать толковать о покорности, что бы мы ни начали. Твое дѣтство было, я думаю, въ родѣ моего. Тѣмъ хуже для насъ обѣихъ. Я не хочу осуждать тебя или оправдываться передъ тобою... къ чему? Все это прошло давнымъ-давно. Но я теперь женщина — ужь не дѣвочка — и намъ нѣчего выставлять на позоръ свою исторію и корчить этихъ джентльменовъ, которые въ судѣ-то. Мы знаемъ о ней все какъ-нельзя-лучше!

У этого погибшаго и такъ-низко упавшаго существа оставалась еще красота въ лицѣ и формахъ, которой нельзя было не признать, взглянувъ на него съ малѣйшимъ вниманіемъ. По-мѣрѣ-того, какъ несчастная погружалась въ молчаніе, суровое выраженіе лица ея успокоивалось; въ черныхъ глазахъ, устремленныхъ на огонь, исчезъ оживлявшій ихъ бурный пламень и замѣнился чѣмъ-то похожимъ на грусть; сквозь все утомленіе и нищету, промелькивалъ слабый отблескъ исчезнувшей лучезарности падшаго ангела.

Мать, глядѣвшая на нее молча нѣсколько времени, отважилась протянуть къ ней черезъ столъ свою костлявую руку; видя, что дочь допускаетъ это, она коснулась ея лица и пригладила ей волосы. Чувствуя, по-видимому, что старуха была искренна въ этихъ знакахъ участія, Алиса не шевелилась и позволила ей продолжать. Такимъ-образомъ, мать постепенно приближалась къ ней, поправила ей волосы, сняла съ ея ногъ мокрые башмаки, накинула ей на плечи что-то сухое, и ходила вокругъ нея смиренно, бормоча про-себя и узнавая въ ней болѣе и болѣе прежнія черты лица и прежнее выраженіе.

— Ты очень-бѣдна, мать, я вижу, сказала Алиса, оглянувшись вокругъ себя послѣ довольно-продолжительнаго молчанія.

— Горько бѣдна, моя дорогая, отвѣчала старуха.

Она любовалась своею дочерью съ боязнью. Можетъ-быть, восхищеніе ея, каково бы оно ни было, имѣло весьма-отдаленное начало и переносилось къ тому времени, когда она открыла въ Алисѣ признаки красоты среди тяжкой борьбы съ нищетою ея первоначальнаго существованія. Можетъ-быть, боязнь относилась отчасти къ обзорнью прошлыхъ дней, услышанному ею сейчасъ изъ

устъ дочери. Какъ бы то ни было, она стояла передъ дочерью съ покорностью и смиреніемъ, наклонивъ голову, какъ-будто жалобно умоляя пощадить ее отъ дальнѣйшихъ упрековъ.

— Какъ ты жила?

— Милостынею, моя дорогая.

— И воровствомъ, мать?

— Иногда, Алли, такъ, помаленьку. Я стара и труслива. Я иногда отнимала у дѣтей кой-какія бездѣлицы, моя дорогая, но не часто. Я караулила.

— Караулила? возразила дочь, взглянувъ на нее.

— Не выпускала изъ глазъ одно семейство, моя дорогая, сказала мать еще покорнѣе и смиреннѣе.

— Какое семейство?

— Тсс, тсс, мое дитятко! Не сердись на меня. Я дѣлала это любя тебя... въ память моей бѣдной дѣвочки, которая за морями. Она протянула руку, какъ-будто упрасивая дочь о пощадѣ, и потомъ приложила ее къ губамъ.

— Много лѣтъ назадъ, моя дорогая, продолжала старуха, боязливо поглядывая на обращенное къ ней суровое и внимательное лицо: — я наткнулась на его дочь, случаемъ.

— На чью дочь?

— Не *его*, Алли; не смотри на меня такъ, моя дорогая; не его. Какъ можно на его дочь? Ты знаешь, что у него нѣтъ дочери.

— Ну, такъ на чью же? Ты сказала: его.

— Тсс, Али! ты пугаешь меня, дитя. Мистера Дѳмби— только мистера Дѳмби. Послѣ того, моя дорогая, я видала ихъ часто. Я видала и *его*.

Произнося это послѣднее слово, старуха съѣжилась и отшатнулась назадъ, какъ-будто отъ внезапнаго страха, что дочь хочетъ ее ударить. Но хотя лицо дочери было обращено къ ней и выражало самый бурный гнѣвъ, она не шевельнулась: только скрещенныя на груди руки стиснулись еще сильнѣе, какъ-будто этимъ она хотѣла удержать ихъ отъ нанесенія вреда самой-себѣ или кому-нибудь, въ слѣпомъ порывѣ бѣшеней злобы, которая вдругъ овладѣла ею.

— Мало онъ воображалъ, кто я такая! проговорила старуха, тряся сжатою рукою.

— И мало думалъ объ этомъ! проворчала сквозь зубы дочь.

— Но тамъ мы сошлись лицомъ-къ-лицу. Я говорила съ нимъ, а онъ говорилъ со мною. Я сидѣла и караулила его, когда онъ уходилъ вдоль длинной аллеи, и за каждымъ его шагомъ посылала проклятія его душѣ и тѣлу.

— Ему будетъ хорошо наперекоръ всему этому, возразила презрительнымъ тономъ дочь.

— Да, ему хорошо.

Старуха замолчала, видя, какъ бѣшенство обезобразило лицо и формы сидѣвшей передъ нею дочери. Казалось, будто грудь ея

хотѣла разорваться отъ внутренней борьбы. Усиліе, которое удерживало эти порывы, казалось столько же страшнымъ, какъ самое бѣшенство, и обнаруживало не менѣе его буйный и опасный характеръ женщины, способной къ такой ненависти. Но возненіе мало-по-малу затихло, и она спросила послѣ пѣкотораго молчанія:

— Онъ женатъ?

— Нѣтъ, Алли.

— Ну, такъ женится?

— Не знаю, моя дорогая. Но его господинъ и пріятель женатъ.

О, мы можемъ пожелать ему радости! Мы можемъ поздравить ихъ всѣхъ! кричала старуха, трепля себя отъ восторга тощими руками.—Отъ этой свадьбы намъ будетъ весело! Вспомни меня!

Дочь смотрѣла на нее вопросительно.

— Но ты измокла и устала; тебѣ хочется ѣсть и пить, сказала старуха, ковыляя къ шкапу: — а тутъ найдется немного, да и тутъ—запустивъ руку въ карманъ и вытаскивая оттуда нѣсколько полулепешекъ, которые бросила на столъ — и тутъ немного. Есть у тебя сколько-нибудь денегъ, Алиса, дитя?

Алчное, угловатое, жадное лицо, съ которымъ она сдѣлала этотъ вопросъ и смотрѣла, какъ дочь вынула изъ-за пазухи маленькій подарокъ, такъ недавно ею полученный, высказалъ почти столь же хорошо всю исторію матери и дочери, сколько дочь выразила словами.

— И это все?

— Больше у меня нѣтъ. И это милостыня.

— Только милостыня, а? моя дорогая? сказала старуха, наклонясь торопливо надъ столомъ, чтобъ взглянуть на деньги. Казалось, будто она чувствовала недовѣрчивость, видя, какъ дочь держитъ ихъ въ рукѣ и смотритъ на нихъ.—Гм! шесть да шесть двѣнадцать, да еще шесть, восемнадцать — ну, надобно сдѣлать изъ этого все, что можно. Я пойду и куплю чего-нибудь.

Съ большею расторопностью, чѣмъ бы можно было ожидать судя по ея наружности (старость и нищета сдѣлали ее столько же дряхлою, какъ безобразною), она припалась завязывать дрожжащими руками загрязненныя тесемки гадкой шляпки и обвертѣла себя оборванною шалью, все не спуская глазъ съ денегъ, бывшихъ въ рукѣ дочери, и съ тѣмъ же скарднымъ выраженіемъ.

— Какого же веселья дождемся мы отъ этой свадьбы, мать? Ты еще не досказала.

— Веселья, моя дорогая, что любви тамъ вовсе нѣтъ, а много гордости и ненависти. Веселья, что между ними будетъ много ссоръ и стычекъ—оба такъ горды,—и опасности... опасности, Алли!

— Какой опасности?

— Я видѣла то, что видѣла. Я знаю то, что знаю! хикала мать съ злобнымъ восторгомъ. — Пусть кое-кто смотритъ въ оба глаза!

Пусть кое-кто остерегается. Моя дѣвка можетъ еще быть въ хорошей компаніи!

Потомъ, замѣтивъ, что при изумленіи, съ которымъ дочь слушала, рука ея невольно сжала деньги, старуха поспѣшила овладѣть ими и прибавила: — Но я пойду и куплю чего-нибудь; я пойду и куплю чего-нибудь!

Она стала передъ дочерью съ протянутою рукою, и дочь, взглянувъ на деньги еще разъ, поднесла ихъ къ губамъ прежде, чѣмъ отдала старухѣ.

— Чтò, Алли! Ты цалуешь ихъ? Это по-мòему, я часто дѣлаю то же самое. О, это намъ такъ хорошо! продолжала старуха, втискивая свои замасленные полупепсы назадъ въ карманъ:—такъ годится на все, хоть и не приходится кучаами!

— Я цалую ихъ, мать, или поцаловала тогда... прежде я этого никогда не дѣлала... ради того, кто ихъ тогда.

— Того, кто ихъ далъ, а? возразила старуха, которой мутные глаза залоснились, когда она взяла деньги.—Да! и я готова поцаловать ихъ ради того, кто далъ, лишь бы только онъ продолжалъ давать ихъ намъ чаще. Но я пойду и куплю на нихъ чего бы съѣсть, да выпить, моя дорогая. Я сейчасъ ворочусь.

— Ты какъ-будто говоришь, что знаешь многое, мать, сказала дочь, провожая ее до дверей глазами.—Ты стала очень-умна съ тѣхъ-поръ, какъ мы разстались.

— Знаю ли! каркала старуха, сдѣлавъ шага два назадъ.— Я знаю больше, чѣмъ ты думаешь. Знаю даже больше, чѣмъ онъ воображаетъ, моя дорогая. Я сейчасъ расскажу тебѣ все. Я о немъ все знаю.

Дочь улыбнулась недовѣрчиво.

— Я знаю про его брата, Алиса, сказала старуха, протянувъ шею съ алымъ взглядомъ, котораго можно было испугаться:— онъ могъ бы быть тамъ, гдѣ ты была, за то, что укралъ деньги... Онъ живетъ вмѣстѣ съ сестрою, туда, далеко, у сѣверной дороги къ Лондону.

— Гдѣ?

— У сѣверной дороги къ Лондону, моя дорогая. Ты можешь посмотреть на его домъ, если хочешь. Имъ нечего похвастать: онъ не такъ хорошъ, какъ у *того*. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! кричала старуха со смѣхомъ, трясая головою и видя, что дочь ея вскопчила:—не теперь; это слишкомъ-далеко; это тамъ, гдѣ свалены каменья и мусоръ; завтра мы пойдемъ туда, Алли, если погода будетъ хороша и ты будешь въ духѣ. Но я пойду и...

— Стой! закричала дочь, бросившись на нее съ прежнею необузданною яростью.—Сестра смазливый дьяволъ съ темными волосами?

Струсившая старуха кивнула головою.

— Я вижу тѣнь *ею* у нея на лицѣ! Это темно-красный домъ, въ сторонѣ. Передъ дверьми маленькій зеленый навѣсъ?

Старуха снова кивнула.

— Въ которомъ я сегодня сидѣла! Отдай мнѣ назадъ деньги!

— Алиса! дитя!

— Отдай деньги; не то тебѣ худо будетъ!

Съ этими словами она вырвала деньги изъ рукъ матери и, не заботясь нисколько о мольбахъ и жалобахъ старухи, накинута на себя снятую одежду и бросилась опретью въ дверь.

Мать послѣдовала за нею, ковыляя сколько позволяли ей силы и производя на дочь столько же вліянія своими доводами, сколько имѣли на нее вліянія окружавшіе ихъ дождь и мракъ. Упорная и неукротимая, равнодушная ко всему постороннему, дочь шла, не взирая на погоду и разстояніе, какъ-будто не помнила ни долгой ходьбы своей, ни усталости, направляясь къ дому, гдѣ ей оказали гостепріимство. Черезъ четверть часа, запыхавшаяся старуха попробовала удержать ее за полу плаща, но это не помогло, и онѣ продолжали идти рядомъ, молча, сквозь дождь и темноту. Если у матери вырывалось по-временамъ слово жалобы, она старалась задушить его, чтобъ дочь не бросила ее и не оставила за собою. Дочь не выговорила ни слова.

Былъ уже часъ за полночь или около того, когда городскія улицы остались у нихъ назади, и онѣ пошли по нейтральной почвѣ, гдѣ находился домъ. Городъ былъ въ отдаленіи, мрачный, модерннутый мглою; холодный вѣтеръ вылъ на открытошъ пространствѣ; все кругомъ было дико, черно, угрюмо.

— Вотъ мѣсто по мнѣ! воскликнула дочь, пріостановившись и оглянувшись вокругъ себя.—Я это подумала, когда была здѣсь въ первый разъ.

— Алиса, дружокъ, кричала мать, подергивая ее за полу. — Алиса!

— Ну, что такое, мать?

— Не отдавай назадъ денегъ, моя дорогая, сдѣлай милость. Намъ нельзя этого дѣлать. Намъ нуженъ ужинъ, дружокъ. Деньги все-таки деньги, кто бы ихъ ни далъ. Говори, что хочешь, только оставь деньги у себя.

— Смотри сюда! былъ отвѣтъ дочери.—Вотъ домъ, о которомъ я говорила. Тотъ ли?

Старуха кивнула утвердительно, и нѣсколько шаговъ привели ихъ къ порогу. Виднѣнъ былъ свѣтъ отъ камина и свѣчки въ комнатѣ, гдѣ сидѣла Алиса, когда обсушала свое платье. Она постучала скобою въ дверь, и Джонъ Каркеръ вышелъ на крыльцо.

Онъ изумился, увидѣвъ такихъ посѣлительницъ въ такой поздній часъ, и спросилъ Алису, что ей нужно.

— Мнѣ нужно вашу сестру — женщину, которая сегодня дала мнѣ денегъ.

При звукѣ ея возвысившагося голоса вышла Гэрриетъ.

— О, ты здѣсь! Помнишь ты меня?

— Да, отвѣчала та, не понимая.

Лицо, которое такъ недавно смиралось передъ нею, смотрѣло на нее теперь съ такою неукротимою ненавистью и злобой; рука, которая нѣжно касалась ея руки, была стиснута съ такимъ очевиднымъ враждебнымъ намѣреніемъ, какъ-будто хотѣла броситься и задушить ее, что Гэрриетъ безсознательно прижалась къ брату, ища его защиты.

— И я могла говорить съ тобою и не узнать тебя! Могла стоять подлѣ тебя и не чувствовать, какая кровь въ твоихъ жилахъ, по отзыву моей собственной! воскликнула Алиса съ угрожающимъ жестомъ.

— Чтѣ вы хотите сказать? Чтѣ я сдѣлала?

— Чтѣ сдѣлала! Ты сидѣла подлѣ меня у огня, ты дала мнѣ пищу и денегъ: ты оказала мнѣ состраданіе! Ты! на чье имя я плюю!

Старуха, съ злостью, отъ которой безобразіе ея сдѣлалось ужа-сающимъ, грозила костлявымъ кулакомъ брату и сестрѣ, въ под-крѣпленіе словъ своей дочери, а между-тѣмъ не переставала по-дергивать дочь за платье, умоляя, чтобъ она не отдавала назадъ денегъ.

— Если я уронила слезу на твою руку, пусть рука твоя отъ нея отсохнетъ! Если я сказала тебѣ ласковое слово, пусть оно оглушитъ тебя! Если я дотронулась до тебя губами, пусть поцалуй мой будетъ тебѣ ядомъ! Проклятіе этому дому, который укрылъ меня! Горе и стыдъ на твою голову! Гибель всѣмъ, кто тебѣ до-рогъ!

Говоря эти слова, она бросила деньги на землю и топтала ихъ ногами.

— Я втопчу ихъ въ пыль; я бы не взяла ихъ, еслибъ онѣ да-же уместили мнѣ дорогу на небо! Я бы желала, чтобъ изъязвлен-ныя ноги, которыя привели меня сегодня сюда, отгнили прежде, чѣмъ я дошла до твоего дома!

Гэрриетъ, блѣдная и дрожащая, удерживала своего брата и дала ей полную свободу говорить.

— Хорошо, что обо мнѣ сострадали и меня простили ты, или кто бы ни былъ твоего имени, въ первыя минуты моего возвра-щенія! Хорошо, что ты разыграла со мною милосердную госпожу! Я отблагодарю тебя, когда буду умирать: тогда я помолюсь за тебя и за все твое отродье, можешь быть увѣрена!

Она дико махнула рукою, какъ-будто разсыпая на землю нена-висть и обрекая этимъ на гибель всѣхъ, тутъ стоявшихъ, взгляну-ла еще разъ на черное небо и снова углубилась въ темноту бур-ной ночи.

Мать, которая безуспѣшно дергала ее за платье и смотрѣла на валявшіяся деньги съ поглощающею жадностью, охотно осталась бы рыскать около дома, пока бы въ немъ не погасли огни, чтобъ рыться въ грязи, въ надеждѣ отыскать брошенныя дочью со-кровища; но дочь увлекла ее, и онѣ направились прямо назадъ, къ своему жилищу. Старуха плакалась и тужила, горюя, сколько

осмѣливалась, о непокорномъ поведеніи ея красотки-дочери, которая лишила ее ужина на первую же ночь ихъ свиданія послѣ столькихъ лѣтъ разлуки.

Старуха легла спать, утоливъ голодь кой-какими черствыми крохами, которыя чавкала и пережевывала, сидя передъ скуднымъ огнемъ, долго послѣ того, какъ непокорная дочь ея спала крѣпкимъ сномъ,

Не были ли эта жалкая мать и эта жалкая дочь только. олицетвореніемъ, на нисшей ступени жизни, извѣстныхъ общественныхъ пороковъ, которые господствуютъ въ слояхъ выше? Въ этомъ кругломъ свѣтѣ многихъ круговъ, вращающихся внутри другихъ круговъ, не дѣлаемъ ли мы утомительнаго странствія отъ высокихъ разрядовъ къ низкимъ, затѣмъ только, чтобъ добраться наконецъ до убѣжденія въ томъ, какъ они близки другъ къ другу, какъ крайности сходятся и какъ конецъ нашего мысленнаго путешествія есть не болѣе, какъ начало, отъ котораго мы тронулись? Допустите большую только разницу въ матеріи и узорѣ — развѣ образчики этой ткани не повторяются вовсе между тѣми, въ чьихъ жилахъ течетъ болѣе-благородная кровь?

Отвѣчай на это, Эдиовъ Дѳмби! И Клеопатра, нѣжнѣйшая изъ матерей, нельзя ли намъ воспользоваться вашимъ высокороднымъ свидѣтельствомъ?..

ГЛАВА V.

Счастливая чета.

Темное пятно на длинной улицѣ исчезло. Палаты мистера Дѳмби, если продолжаютъ быть въ родѣ прогалины—выражаясь аллегорически—между сосѣдними жилищами человѣческими, то потому только, что ни одно изъ нихъ не можетъ спорить съ ихъ пышностью, которая надменно отталкиваетъ отъ себя все остальное. Если старинную пословицу: «дѳма все-таки дѳма, какъ бы тамъ бѣдно ни было» примѣнить къ противоположной крайности и сказать, что дѳма все-таки дѳма, какъ бы великолѣпно тамъ ни было, то какой алтарь домашнимъ божествамъ воздвигнуть здѣсь!

Въ этотъ вечеръ, огни блестятъ во всѣхъ окнахъ; красноватое пламя каминовъ отбрасываетъ яркое зарево на дорогіе занавѣсы и мягкіе ковры; обѣдъ въ готовности и столъ накрытъ съ величайшею роскошью, хотя только на четыре прибора, а съ боку буфетный столъ ломится отъ серебряной посуды. Со времени окончанія передѣлокъ, домъ приготовился въ первый разъ сдѣлаться обитаемымъ, и счастливую чету ждутъ съ минуты на минуту.

Вечеръ этотъ, по занимательности для всѣхъ домашнихъ мистера Дѳмби и ожиданіямъ ихъ, можетъ стать на ряду только развѣ съ свадебнымъ утромъ. Мистриссъ Перчъ пьетъ на кухнѣ чай;

она уже обошла по всему дому, оцѣнила по ярдамъ (*) всѣ шелковые и штофныя матеріи, бархаты и ковры, и уже истощила весь словарь междометій, выражающихъ восторгъ и удивленіе. Подмастерье обойщика, оставившій подъ стуломъ въ залѣ свою шляпу съ носовымъ платкомъ, то и другое сильно пропитанные запахомъ лака, рыскаетъ по чертогамъ, смотритъ вверхъ на раззолоченные карнизы и внизъ на ковры, и поврежденъ, въ безмолвномъ восхищеніи, вынимаетъ изъ кармана складной ярдъ и прикидываетъ на него дорогіе предметы украдкою и съ чувствами невыразимыми. Кухарка въ выпрепленномъ расположеніи духа и говорить: «дайте ей мѣсто, гдѣ бы было большое общество—а она готова прозакладывать шестипенсовикъ, что здѣсь будетъ собираться — большое общество, такъ-какъ она женщина живаго характера, была такою съ самаго дѣтства, и мало заботится о томъ, знаетъ ли кто объ этомъ или нѣтъ»; на эту рѣчь мистриссъ Перчъ отзывается отвѣтственнымъ ропотомъ подтвержденія и удовольствія. Все, чего надѣется служанка дома, это «счастья имъ»; но супружество—лотерея, и чѣмъ больше она о немъ думаетъ, тѣмъ больше чувствуетъ преимущество независимости одинокой жизни. Мистеръ Тоулинсонъ угрюмъ и мраченъ; онъ говоритъ, что и самъ держится того же мнѣнія, по дайте ему въ добавокъ войну и къ чорту Французовъ!.. этотъ молодой человекъ питаетъ убѣжденіе, что всякій иностранецъ долженъ быть непременно Французомъ и не можетъ быть ничѣмъ другимъ, по законамъ природы.

При каждомъ новомъ стукѣ колесъ всѣ умолкаютъ, о чемъ бы ни шла рѣчь, и прислушиваются; не разъ уже всѣ вскакивали съ восклицаніемъ: «вотъ они!» Но это все еще не они; кухарка начинаетъ уже сокрушаться объ обѣдѣ, который отставляла два раза, а подмастерье обойщика продолжаетъ рыскать по комнатамъ, непрерываемый никѣмъ въ своихъ блаженныхъ мечтаніяхъ!

Флоренса готова принять отца и свою новую мамá. Она сама не знаетъ, радость или горе волнуетъ ея встревоженную грудь; но трепещущее сердце оживляетъ усиленнымъ румянцемъ ея щеки и придаетъ особенный блескъ глазамъ ея; домашняя прислуга внизу, сближаясь головами (они всегда говорятъ о ней въ-полголоса) восклицаетъ: «какъ хороша сегодня вечеромъ миссъ Флоренса, и какую милою миссъ она сдѣлалась, бѣдняжка!» Настаетъ пауза; тогда кухарка, какъ президентъ домашней челяди, чувствуя, что присутствующіе ждутъ ея мнѣнія, удивляется какъ можно... тутъ она умолкаетъ. Служанка также удивляется, и мистриссъ Перчъ также. Мистриссъ Перчъ имѣетъ счастливый талантъ удивляться всегда вмѣстѣ со всѣми, не погружаясь въ особенно-глубокомысленныя изслѣдованія касательно предметовъ своего удивленія. Мистеръ Тоулинсонъ, открывающій теперь возможность

(*) Ярдъ—три фута.
F. LV. — Отд. I.

привести общее расположеніе духа въ такое же пасмурное состояніе, въ какомъ находится его собственный, говорить угрюмо:

— Посмотримъ и увидимъ!

Кухарка вытягиваетъ изъ груди вздохъ и произноситъ въ-полголоса:

— Охъ! чуденъ нашъ свѣтъ, право! Когда же эта мысль обошла вокругъ всего стола, она прибавляетъ увѣщательнымъ тономъ: — Однако, Томъ, не можетъ же миссъ Флоренсъ сдѣлаться хуже отъ какой бы ни было перемѣны!

Тоулинсонъ отвѣчаетъ на это съ зловѣщею значительностью:

— О, конечно! и чувствуя, что пророчественцѣ этого простой смертный не можетъ выразиться, погружается снова въ молчаніе.

Мистриссъ Скъютонъ, приготовившаяся принять милую дочь и очаровательнаго зятя съ распростертыми объятіями, нарядилась по этому случаю въ самый дѣвственный костюмъ съ короткими рукавами. Покуда зрѣлыя прелести Клеопатры процвѣтаютъ въ тѣни ея покоевъ, изъ которыхъ она не выходила ни раза съ-тѣхъ-поръ, какъ въ нихъ водворилась — а это произошло за нѣсколько часовъ назадъ — она уже начинаетъ брюзгливо сердиться на отлагательство обѣда. Горничная ея, которой слѣдовало бы быть скелетомъ съ косою, но которая въ сущности пухленькая и свѣжая дѣвица, напротивъ, чувствуетъ себя въ самомъ любезномъ состояніи духа, помышляя о большомъ обезпеченіи своего жалованья и еже-трехмѣсячныхъ награжденій, и предвидя значительное улучшеніе въ столѣ и содержаніи.

Гдѣ же счастливая чета, которую ждетъ этотъ домъ съ такимъ нетерпѣніемъ? Не-уже-ли паръ, вѣтръ, теченія и кони умѣряютъ свою быстроту, чтобъ долѣе насладиться вчужѣ такимъ блаженствомъ? Или рои амуровъ и грацій и *смыховъ* толпятся вокругъ нихъ и задерживаютъ нарочно ихъ приближеніе? Или веселый путь ихъ усыпанъ розами безъ шиповъ и ароматнѣйшими цвѣтами, до того, что лошади едва въ силахъ подаваться впередъ?

Наконецъ, вотъ они! Раздается стукъ колесъ, и карета останавливается у подъѣзда. Громовой ударъ скобою въ двери, произведенный ненавистнымъ иностраннымъ лакеемъ, предупреждаетъ стремленіе Тоулинсона, уже бросившагося отворять; мистеръ Дѣмби и супруга его выходятъ изъ экипажа и вступаютъ рука-объ-руку въ свои чертоги.

— О, милая Эдиенъ! О, безцѣннѣйшій Дѣмби! восклицаетъ взволнованный голосъ на лѣстницѣ, и короткіе рукава обнимаютъ съ восторгомъ счастливую чету.

Флоренса также спустилась въ сѣни, но не смѣетъ идти впередъ, откладывая свое робкое привѣтствіе до окончанія этихъ болѣе-близкихъ и болѣе-нѣжныхъ восторговъ. Но Эдиенъ увидѣла ее съ самаго порога; она удовлетворила свою чувствительную родительницу небрежнымъ поцалуемъ въ щеку, потомъ поспѣшила къ Флоренсъ и обняла ее съ чувствомъ.

— Здорова ли ты, Флоренса? сказалъ мистеръ Дѣмби, протягивая ей руку.

Флоренса, поднимая съ трепетомъ руку отца къ губамъ, встрѣтила его взглядъ, холодный и довольно отталкивающий, правда; но сердцу ея показалось, какъ-будто въ немъ выражается нѣсколько-больше участія, чѣмъ она привыкла видѣть когда-нибудь; въ немъ отразилось даже нѣчто въ родѣ изумленія, безъ примѣси неудовольствія, при видѣ ея. Она не рѣшалась взглянуть на него еще разъ, но чувствовала, что онъ опять смотритъ на нее и опять не менѣе благосклонно. О, какимъ восторгомъ прониклось все существо ея, оживленное этимъ подтвержденіемъ ея надежды, что современемъ она пріобрѣтетъ любовь отца при посредствѣ своей новой и прекрасной мамы!

— Вы будете недолго переодѣваться, надѣюсь, мистриссъ Дѣмби? сказалъ мистеръ Дѣмби.

— Я сію минуту буду готова.

— Подавать обѣдъ черезъ четверть часа.

Съ этими словами, мистеръ Дѣмби направился въ свою гардеробную, а мистриссъ Дѣмби поднялась по лѣстницѣ къ себѣ. Мистриссъ Скьютонъ и Флоренса пошли въ гостиную, гдѣ эта нѣжкійшая изъ матерей сочла необходимымъ пролить нѣсколько неудержимыхъ слезъ, долженствовавшихъ выразить ея восторгъ отъ счастья дочери; она весьма-жеманно отирала глаза кружевнымъ угломъ носоваго платка, когда вошелъ ея зять.

— А каково понравилось моему безцѣнному Дѣмби въ этомъ очаровательномъ Парижѣ? спросила она, преодолевая свое внутреннее волненіе.

— Тамъ было холодно.

— Весело, какъ всегда, разумѣется?

— Нельзя сказать. Мнѣ онъ показался скучнымъ.

— О, мой безцѣнный Дѣмби! скучнымъ!

— Онъ произвелъ на меня такое впечатлѣніе, сударыня, сказалъ мистеръ Дѣмби съ величавою учтивостью. — Кажется, что и мистриссъ Дѣмби нашла Парижъ скучнымъ; она говорила это раза два.

— Какъ, шалунья! кричала мистриссъ Скьютонъ, обратясь къ входившей въ это время дочери: — какія невѣроятно-еретическія вещи говорила ты о Парижѣ?

Эдмъ подняла брови съ видомъ утомленія. Прощедъ мимо отпертыхъ настежь дверей, въ которыя видѣлась великолѣпная анфилада комнатъ въ новомъ и пышномъ убранствѣ и едва удостоивъ ихъ взгляда, она сѣла подлѣ Флоренсы.

— Милый Дѣмби, сказала мистриссъ Скьютонъ:—какъ оборотительно исполнили эти люди каждую идею, на которую мы только намекнули! Положительно можно сказать, они превратили этотъ домъ въ настоящій дворецъ.

— Да, онъ хорошъ, сказалъ мистеръ Дѣмби, оглядываясь вокругъ себя.—Я велѣлъ не шадить издержекъ, и, кажется, все, что деньги могли сдѣлать, сдѣлано.

— Чего же онѣ не могутъ сдѣлать, милый Дѣмби? замѣтила Клеопатра.

— Онѣ могутъ все, сударыня.

Онъ взглянулъ съ торжественнымъ видомъ на жену, но та не сказала ни слова.

— Надѣюсь, мистриссъ Дѣмби, продолжалъ онъ, обратясь къ жещѣ послѣ краткаго молчанія и говоря особенно отчетливо:—эти передѣлки удостоились вашего одобренія?

— Онѣ такъ хороши, какъ только могутъ быть, отвѣчала жена съ надменною небрежностью.—Онѣ иначе и не должны быть, разумѣется; я полагаю, что все это прекрасно.

Презрительное выраженіе казалось свойственнымъ ея гордому лицу и никогда не оставляло его; но презрѣніе, которое являлось на немъ каждый разъ, когда мистеръ Дѣмби ожидалъ отъ нея восторга, почтенія или удивленія, основанныхъ на его богатствѣ — все равно, какое бы пустое или обыкновенное обстоятельство ни было къ тому поводомъ — было выраженіемъ новымъ и особеннымъ даже на ея лицѣ, превосходившемъ энергіею все, что могло на немъ отражаться. Понималъ ли это мистеръ Дѣмби, убѣжденный въ своемъ исполинскомъ величій, или нѣтъ, ему не было недостатка въ случаяхъ, которые могли просвѣтить его умъ на этотъ счетъ; теперь было бы на то достаточно одного взгляда черныхъ глазъ, которые, окинувъ бѣгло и небрежно предметы его самодовольствія, остановились вскользь на немъ самомъ. Онъ могъ прочесть въ одномъ этомъ взглядѣ, что все его богатство — будь оно хоть вдесятеро колоссальнѣе — не прибрѣтетъ ему для него самого ни одного кроткаго и радужнаго взгляда женщины, которая прикована къ нему, но которой душа возмущается противъ него всѣми своими силами. Онъ могъ ясно прочесть въ одномъ этомъ взглядѣ, что даже, не смотря на паденіе свое передъ богатствомъ, она пренебрегаетъ имъ, считая высшую степень его могущества своимъ правомъ — низкимъ и ничтожнымъ вознагражденіемъ за то, что она продала себя и сдѣлалась его женою. Онъ могъ прочесть въ этомъ взглядѣ, что она, обнажая свою голову передъ молніями, которыми ее поражаютъ ея собственная гордость и презрѣніе, считаетъ себя, при каждомъ новомъ и даже невинномъ намека на могущество его богатствъ, униженною больше и больше въ своемъ собственномъ мнѣніи, что это только усиливаетъ горькую пустоту ея души и терзаетъ ее новыми пытками.

Но пришли доложить объ обѣдѣ. Мистеръ Дѣмби церемонно повелъ Клеопатру; за ними послѣдовали Эдионъ и Флоренса. Проходя мимо золотыхъ и серебряныхъ демонстрацій буфетнаго стола, какъ мимо груды нечистоты, и не удостоивъ ни однимъ взглядомъ всей окружавшей ее роскоши, она въ первый разъ заняла за

его столомъ мѣсто хозяйки и просидѣла цѣлый обѣдъ какъ статуя.

Мистеръ Домби, и самъ значительно-походившій на статую, видѣлъ не безъ удовольствія холодную и гордую неподвижность своей красавицы-супруги. Манеры ея были вообще изящны и граціозны, а эта величавость, какъ обращикъ обращенія со всѣми, была ему пріятна. Потому, предсѣдательствуя за столомъ съ обычнымъ достоинствомъ и не разогрѣвая своей супруги ни однимъ проблескомъ теплоты или веселости, онъ исполнялъ обязанности хозяина съ холоднымъ самодовольствіемъ; словомъ, первый обѣдъ новобрачныхъ, хотя внизу его и не считали предвѣстникомъ особенно-завиднаго супружескаго блаженства, прошелъ прилично, чинно, церемонно и морозно.

Вскорѣ послѣ чая, мистриссъ Скьютонъ, представлявшая себя слишкомъ-утомленною и растроганною отъ душевныхъ восторговъ, возбужденныхъ видомъ счастья милой дочери, соединенной съ предметомъ ея сердечнаго выбора, удалилась на отдыхъ; вѣроятно также, ей показался нѣсколько-скучнымъ этотъ семейный кружокъ, который заставилъ ее цѣлый часъ зѣвать безпрестанно втихомолку и закрываться вѣромъ. Эдиѣ также ушла, не сказавъ никому ни слова, и больше не возвращалась. Такимъ образомъ, случилось, что Флоренса, которая была наверху, чтобъ побесѣдовать кое-о-чемъ съ Діогеномъ, возвратясь въ гостиную съ своимъ рабочимъ ящичкомъ, не нашла тамъ никого, кромѣ отца, прохаживавшагося взадъ и впередъ въ пустынномъ величіи.

— Извините, папá. Прикажете мнѣ уйдти? сказала Флоренса слабымъ голосомъ, остановившись въ нерѣшимости у дверей.

— Нѣтъ, возразилъ мистеръ Домби, оглянувшись на нее черезъ плечо:—ты можешь приходить сюда и уходить отсюда когда захочешь, Флоренса. Это не мой кабинетъ.

Флоренса вошла и сѣла съ работою за отдаленнымъ столикомъ. Она увидѣла себя въ первый разъ въ жизни, въ первый разъ, сколько она помнила себя съ самаго младенчества, наединѣ съ отцомъ. Она, его естественный товарищъ и единственное дитя, которая въ одиночествѣ печальнаго существованія уже испытала мученія растерзаннаго сердца; которая, видя любовь свою отринутую отцомъ, всегда провозносила имя его въ ночныхъ молитвахъ съ теплыми благословеніями, ложившимися на него тяжеле проклятій; которая молила Бога, чтобъ онъ далъ ей умереть въ юности, лишь бы она только умерла въ объятіяхъ отца; которая отплачивала за холодность, небрежность и отвращеніе только кроткою, терпѣливою любовью, извиняя его и оправдывая, какъ добрый ангелъ!

Флоренса трепетала, и въ глазахъ ея потемнѣло. Фигура отца, ходившая по комнатѣ, казалась ей выше и массивнѣе: то подергивалась она туманомъ, то снова обрисовывалась ясными очерками; иногда Флоренсѣ чудилось, будто все это происходило когда-то прежде, точь-въ-точь какъ теперь, много лѣтъ назадъ. Она рва-

дасть къ нему душою, а между-тѣмъ боялась его приближенія. Естественно такое чувство въ дитяти безвинномъ! Безчеловѣчна рука, управляющая острымъ плугомъ, который немилосердо избородилъ ея кроткое сердце для посѣва сѣмень своихъ!

Стараясь не огорчать и не оскорблять его видомъ своего внутренняго волненія, Флоренса превозмогла себя и спокойно занялась работой. Пройдясь еще нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатѣ, мистеръ Дѳмби удалился въ теплый уголь поодаль, развалился въ спокойныхъ креслахъ, накрылъ себѣ лицо носовымъ платкомъ и приготовился вздремнуть.

Для Флоренсы было достаточно того, что она можетъ тутъ сидѣть и бодрствовать надъ нимъ; она по-временамъ устремляла взоры на его кресла, глядѣла на него мысленно, когда лицо ея наклонялось надъ работою, и грустно радовалась, что онъ можетъ спать, когда она тутъ, и не тревожится ея непривычнымъ и давно-запрещеннымъ присутствіемъ.

Что бы подумала она, еслибъ знала, что онъ не сводитъ съ нея глазъ, что покрывало на его лицѣ, случайно или съ намѣреніемъ, дозволяетъ ему видѣть свободно, и что взоры его пристально и внимательно устремлены на нее, что, когда она смотрѣла на него въ темный уголь, то ея краснорѣчивые глаза, выражавшіе въ своей трогательной и безсловесной рѣчи болѣе, чѣмъ выражаютъ всѣ витійства ораторовъ цѣлаго свѣта, и проникавшіе его тѣмъ глубже своимъ нѣмымъ говоромъ, встрѣчаются безъ ея вѣдома съ его глазами,—что, когда снова наклонялась она надъ шитьемъ, онъ переводилъ духъ свободнѣе, не смотрѣлъ на нее также пристально, на ея чистое, бѣлое чело, свѣсившіеся локоны, хлопотливыя руки, и взоры его однажды прикованные ко всему этому, не имѣли уже силы оторваться!

А какія мысли занимали его въ это время? Съ какими чувствами продолжалъ онъ смотрѣть втайнѣ и пристально на незнакомую ему дочь? Читалъ ли онъ себѣ упрекъ на ея спокойномъ лицѣ и въ кроткихъ глазахъ? Началъ ли онъ чувствовать справедливость ея пренебреженныхъ правъ, тронули ли они его наконецъ до души и возбудили ли въ немъ какое-нибудь сознаніе въ его немилосердой жестокости?

Есть минуты чувствительности въ жизни самыхъ суровыхъ и безчувственныхъ людей, хотя они часто хранятъ это въ непроницаемой тайнѣ. Видъ Флоренсы въ ея дѣвственной красотѣ, почти сдѣлавшейся взрослою женщиной безъ ея вѣдома, могъ извлечь нѣсколько такихъ мгновеній даже изъ его жизни, посвященной одной только гордости. Мимолетная мысль, что и у него есть подъ рукою сердечный уголокъ благодѣтельнаго духа, склоняющагося у ногъ его—духа, котораго онъ забылъ въ своемъ накрахмаленномъ и сердитомъ высокомѣрїи,—такая мысль могла въ немъ тогда зародиться. Эту мысль, можетъ-быть, призадержало простое краснорѣчіе, внятное, хотя высказанное только ея глазами, нечувствовавшими, что онъ

въ нихъ читаетъ: «Смертныи одрами, у которыхъ я бодрствовала, страдальческимъ дѣтствомъ моимъ, полночною встрѣчею нашей въ этомъ пустынномъ домѣ, крикомъ, исторгнутымъ изъ меня мѣкою сердца—отецъ! умоляю, обратись ко мнѣ и пожелай найти отраду въ любви моей, пока еще это не поздно!» Другая, болѣе-низкая мысль могла прійти ему въ голову—мысль, что его умершій сынъ замѣненъ теперь новыми узами и онъ въ состояннн простить ей мѣсто, занимаемое ею въ сердцѣ мальчика, на любовь котораго онъ одинъ считалъ себя имѣющимъ право. Можетъ-быть даже, для этого было достаточно предположенн, что она будетъ хорошимъ украшеннемъ его пышнаго и великолѣпнаго дома. Какъ бы то ни было, но, глядя на нее, онъ смѣчался болѣе и болѣе. Глядя на нее, онъ почувствовалъ, что образъ дѣчери началъ сливаться въ его воображенн съ образомъ младаго, утраченнаго сына, и онъ уже едва могъ различать ихъ другъ отъ друга. Глядя на нее, онъ увидѣлъ ее на мгновенье въ болѣе-ясномъ и чистомъ свѣтѣ, ненаклоняющемся, какъ его соперникъ, надъ подушкою умирающаго малютки... чудовищная мысль! но какъ ангела его дома, ухаживающаго и за нимъ самимъ, когда онъ сидѣлъ уныло, подперши голову рукою, подлѣ этой незабвенной маленькой кровати. Онъ чувствовалъ желанн говорить съ нею, позвать ее къ себѣ. Слова: «Флоренса, пойдн сюда!» уже поднимались къ его устамъ медленно и трудно, они были ему такъ несвойственны... но ихъ остановилъ шорохъ на порогѣ.

То была жена его. Она уже замѣнила обѣденный нарядный костюмъ широкимъ капотомъ и распустила волосы, которые свободно свѣшивались на ея шеѣ и плечахъ. Но не эта переменна заставила его вздрогнуть.

— Флоренса, дружокъ мой, сказала она:—я искала тебя вездѣ.

Она сѣла подлѣ Флоренсы, наклонилась и поцаловала ея руку. Онъ едва узналъ свою жену, такъ она переменилась. Не одна ея улыбка была для него новостью, хотя онъ никогда не видалъ ея улыбки; но ея манеры, звукъ голоса, выраженн блеска ея глазъ, участн, довѣренность, плѣнительное желанн приобрѣсти любовь невинной дѣвушки—пѣтъ, это не Эдиень!

— Тнше, милая мамá. Папá уснулъ.

Теперь это Эдиень. Она взглянула въ его уголь, и онъ узналъ какъ-нельзя-лучше лицо ея и осанку.

— Я едва думала, чтобъ ты могла быть здѣсь, Флоренса.

Опять, какъ она переменилась и смягчилась въ одно мгновение!

— Я ушла отсюда раньше, продолжала Эдиень:—нарочно за тѣмъ, чтобъ посидѣть и побесѣдовать съ тобою наверху. Но, войдя въ твою комнату, я нашла, что моя птичка улетѣла; я все дождалась тамъ, скоро ли она воротится.

Еслибъ Флоренса была дѣйствительно птичкой, Эдиень и тогда не могла бы прижать ее къ своему сердцу вѣжнѣе, бережнѣе и съ болѣею кротостью.

— Пойдемъ, дружокъ.

— Когда папá проснется, то вѣрно не будетъ ожидать найдти меня здѣсь, сказала Флоренса нерѣшительно.

— А ты какъ думаешь, Флоренса? возразила Эдиёв, глядя ей прямо въ глаза.

Флоренса опустила голову, встала и убрала въ ящичекъ свою работу. Эдиёв обвила ее рукою, и онѣ вышли изъ комнаты, какъ сестры. Мистеръ Домби, провожая ихъ глазами до дверей, подумалъ, что даже поступъ жены его совершенно перемѣнилась.

Онъ просидѣлъ въ своемъ темномъ углу такъ долго, что церковныя часы пробили четыре прежде, чѣмъ онъ ушелъ къ себѣ. Все это время, глаза его были упорно устремлены на то мѣсто, гдѣ сейчасъ сидѣла Флоренса. Комната стала темнѣть по-мѣрѣ того, какъ догорали и гасли свѣчи; но лицо его подернулось мракомъ гораздо-глубже ночнаго, и ничто не могло его разсѣять.

Флоренса и Эдиёв, устѣвшись передъ каминномъ въ отдаленной комнатѣ, гдѣ умеръ маленькій Поля, долго разговаривали между собою. Диогенъ, принадлежавшій къ ихъ обществу, сначала не соглашался впустить Эдиёв, и даже, повинуясь приказанію своей повелительницы, дозволялъ ей войти не иначе, какъ продолжая протестовать ворчаніемъ. Наконецъ, выходя мало-по-малу изъ своего логовища въ передней, онъ, по-видимому, вскорѣ постигъ, что далъ промахъ, отъ какого иногда не избавляются наилучшимъ образомъ организованныя собачьи умы; въ доказательство чего онъ помѣстился между дамами, на самомъ жаркомъ мѣстѣ передъ огнемъ, и сталъ прислушиваться къ разговору, высунувъ языкъ, дыша коротко и съ самымъ глупымъ выраженіемъ морды.

Разговоръ шелъ сначала о книгахъ и любимыхъ занятіяхъ Флоренсы, и о томъ, какъ она провела время послѣ свадьбы. Последнее навело ее на предметъ, который, какъ она говорила, былъ очень-близокъ ея сердцу, и она сказала со слезами на глазахъ:

— О, мамá! Послѣ того дня я испытала большое горе.

— Ты..., большое горе, Флоренса?

— Да. Бѣдный Валтеръ утонулъ.

Она закрыла лицо обѣими руками и плакала отъ души. Много слезъ пролила она втайнѣ объ участи Валтера, и все-таки плакала снова каждый разъ, когда думала или говорила о немъ.

— Но скажи мнѣ, другъ мой, спросила Эдиёв, стараясь ее успокоить:—кто былъ этотъ Валтеръ? Что онъ былъ для тебя?

— Онъ былъ для меня братомъ, мамá. Послѣ смерти Поля, мы сказали другъ другу, что будемъ между собою какъ братъ и сестра. Я знала его еще очень-давно, когда сама была маленькимъ ребенкомъ. Онъ зналъ Поля, который очень любилъ его; Поля сказалъ почти передъ самымъ концомъ: «Не забудьте Валтера, милый папá! Я любилъ его!» Валтера привели къ нему, и онъ былъ тогда... въ этой самой комнатѣ.

— А онъ заботился о Валтерѣ? спросила Эдиень строгимъ тономъ.

— Папа? Онъ послалъ его за границу. Валтеръ утонулъ на пути въ кораблекрушеніи, возразила Флоренса, рыдая.

— Онъ знаетъ о его смерти?

— Не знаю, мамâ. Мнѣ это не можетъ быть извѣстно... Милая мамâ! воскликнула Флоренса, прижимаясь къ ней, какъ-будто ища опоры и скрывая лицо свое на ея груди: — я знаю, что вы видѣли...

— Пстой! Пстой, Флоренса!.. Эдиень до того поблѣднѣла и говорила такъ серьезно, что Флоренсъ не было нужно руки, которую та наложила ей на уста.—Напередъ скажи мнѣ все о Валтерѣ; дай мнѣ понять всю эту исторію съ пачала до конца.

Флоренса рассказала эту исторію и все, что могло къ ней касаться, не забывъ даже дружбы мистера Тутса, о которомъ, не смотря на свою горестъ и на всю питаемую къ нему благодарность, не могла говорить иначе, какъ улыбаясь сквозь слезы. Когда она кончила свой рассказъ, который Эдиень выслушала съ напряженнымъ вниманіемъ, держа ее за руку, и когда настало снова молчаніе, Эдиень спросила:

— О чемъ хотѣла ты говорить, что я видѣла, Флоренса?

— Что я не любимое дитя, мамâ, возразила Флоренса съ тою же нѣмою мольбой и также быстро скрывая лицо свое на груди Эдиень. — Я никогда не была любимымъ дитятей. Я не сумѣла дойти до этого, и меня нѣкому было научить. О, скажите мнѣ, какъ это сдѣлать! Научите меня—вы такъ добры! И снова, прижимаясь къ ея груди и произнося невнятные слова благодарности и нѣжности, Флоренса, открывшая ей свою печальную тайну, плакала долго, но не такъ горько, какъ прежде, въ объятіяхъ новой мамâ.

Блѣдная, даже съ поблѣднѣвшими губами, съ лицомъ, которое по-видимому волновалось внутренними чувствами, стараясь казаться спокойнымъ, пока ея гордая красота не установилась съ неподвижностью смерти, смотрѣла Эдиень на плачущую дѣвушку и поцаловала ее. Потомъ, высвобождаясь постепенно и отводя рукою Флоренсу, она сказала, спокойная и величавая, какъ мраморная статуя, голосомъ, котораго выраженіе дѣлалось глубже помѣръ-того, какъ она говорила, но который не обнаруживалъ въ себѣ никакого другаго признака душевнаго волненія:

— Флоренса, ты не знаешь меня! Избави тебя Богъ у меня учиться!

— Учиться у васъ? повторила изумленная Флоренса.

— Избави Богъ, чтобы я стала учить тебя, какъ любить или какъ быть любимой! Еслибъ ты могла научить этому меня, было бы лучше; но теперь это уже слишкомъ-поздно. Ты для меня очень-дорога, Флоренса. Я никогда не думала найти существо,

къ которому могла бы привязаться такъ, какъ привязалась къ тебѣ въ это короткое время.

Видя, что Флоренса хочетъ говорить, она остановила ее рукою и продолжала:

— Я всегда буду тебѣ вѣрнымъ другомъ, буду любить тебя столько, сколько могъ бы любить тебя кто-нибудь на свѣтѣ. Ты можешь на меня положиться—я въ этомъ убѣждена и говорю это, другъ мой, со всею довѣрчивостью даже твоего чистаго сердца. Есть много женщинъ лучше и непорочнѣе меня во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, на которыхъ оцъ могъ жениться, Флоренса; но нѣтъ ни одной, которая могла бы прійти сюда, какъ его жена и которой сердце билось бы болѣе искреннею и надежною привязанностью къ тебѣ, какъ мое.

— Я это знаю, милая мам! вскричала Флоренса.—Я это поняла съ того перваго и счастливаго дня...

— Счастливаго дня! Эдионъ, по-видимому, повторила эти слова невольно и безсознательно, и продолжала: — Хотя достоинство этого не на моей сторонѣ... я мало думала о тебѣ, пока тебя не увидѣла... пусть мнѣ незаслуженною наградой будетъ любовь твоя и довѣренность. И теперь, Флоренса—я должна высказать это въ первую же почъ пребыванія моего здѣсь—говорю тебѣ въ первый и въ послѣдній разъ...

Флоренса, не зная сама почему, почти боялась слушать дальше; но взоры ея остались прикованными къ прекрасному лицу, которое такъ пристально на нее смотрѣло.

— Не вѣщи во мнѣ никогда, сказала Эдионъ, положивъ ея руку себѣ на грудь:—того, чего здѣсь нѣтъ. Никогда, если ты можешь это сдѣлать, Флоренса, не покидай меня за то, что этого нѣтъ здѣсь. Мало-по-малу, ты узнаешь меня лучше; прійдетъ время, когда ты узнаешь меня такъ, какъ я сама себя знаю. Тогда будь ко мнѣнисходительна сколько можешь и не превращай въ горечь единственнаго утѣшительнаго воспоминанія, которое у меня остается.

Слезы, выступившія въ глазахъ ея, устремленныхъ на Флоренсу, доказывали, что спокойное лицо было только прекрасною маской; но она не сбрасывала ее и продолжала:

— Я видѣла то, о чемъ ты говоришь, и знаю, что это правда. Но, вѣрь мнѣ—ты скоро это поймешь, если не можешь постигнуть теперь — нѣтъ на свѣтѣ существа, которое могло бы помочь тебѣ меньше, чѣмъ я. Не спрашивай меня никогда почему, и впередъ не говори мнѣ никогда объ этомъ, или о моемъ мужѣ. Касательно этого между нами должно быть молчаніе такое же ненарушимое, какъ въ могилѣ.

Она просидѣла нѣсколько времени не говоря ни слова. Флоренса едва осмѣливалась дышать, между-тѣмъ, какъ смутные призраки истины, со всѣми ея ежесекундными слѣдствіями, пронеслись въ ея испуганномъ, но все еще неубѣжденномъ воображеніи. По-

что тотчасъ же послѣ того, какъ она замолчала, лицо Эдиен начало успокаиваться, смягчаться и принимать то кроткое выраженіе, которое было на немъ всегда, когда она оставалась наединѣ съ Флоренсою. Послѣ этой перемѣны, она закрыла лицо обѣими руками; потомъ встала, обняла Флоренсу съ нѣжностью, пожелала ей доброй ночи и вышла изъ комнаты скорыми шагами, не оглядываясь ни раза назадъ.

Но когда Флоренса была уже въ постели и комната освѣщалась только огнемъ камина, Эдиен воротилась и, сказавъ, что ея спальня слишкомъ—пуста, что она не можетъ уснуть, придвинула къ камину кресла и смотрѣла, какъ мало-по-малу догорали въ немъ уголья. Флоренса также смотрѣла на нихъ изъ постели, пока они, вмѣстѣ съ сидѣвшею передъ ними съ распущенными волосами благородною фигурой, не сдѣлались неясными и не скрылись во снѣ.

Даже во снѣ, Флоренса не могла освободиться отъ смутнаго воспоминанія того, что произошло такъ недавно. Предметъ этотъ являлся ей въ сновидѣніяхъ то въ одномъ, то въ другомъ видѣ—но всегда угнеталъ ея грудь и всегда возбуждалъ страхъ. Ей снилось, что она ищетъ отца своего въ пустынѣ, или слѣдуетъ за нимъ на страшныя высоты и потомъ въ глубокія пѣди и пещеры; что у нея есть какая-то вещь, которая должна избавить его отъ невыразимаго страданія—она не знала, какая именно вещь и почему—а между-тѣмъ, она никакъ не можетъ добраться до цѣли и помочь ему. Потомъ она видѣла его мертвымъ въ этой самой комнатѣ, на этой самой кровати, и знала, что онъ никогда, до послѣдней минуты, не любилъ ея; но она упала на его холодную грудь и плакала горячими слезами. Потомъ видѣніе перемѣнилось: передъ нею текла рѣка, и жалобный, знакомый, милый голосъ кричалъ: «Она все течетъ впередъ, Флой! Она не останавливалась вовсе! Ты движешься вмѣстѣ съ нею!» И она видѣла, какъ онъ издали протягивалъ къ ней ручонки, а между-тѣмъ, похожая на Валтера фигура стояла подлѣ него, страшно спокойная, неподвижная, ясная. Во всякомъ видѣніи являлась и исчезала Эдиенъ, то къ ея радости, то къ горю, пока обѣ не очутились однѣ на краю глубокой могилы; Эдиенъ указала ей туда пальцемъ; она взглянула и увидѣла... что?.. другую Эдиенъ, которая лежала на днѣ.

Въ ужасѣ отъ этого страшнаго сновидѣнія, она вскрикнула и проснулась, какъ ей казалось. Кроткій голосъ шепталъ ей на ухо: «Флоренса, милая Флоренса, это только сонъ!» Протянувъ обѣ руки, она отвѣчала на ласки своей новой мамы, которая вышла за двери, когда уже начало свѣтать. Съ минуту, Флоренса просидѣла въ постели, удивляясь, дѣйствительно ли это было на яву, или нѣтъ; но она могла убѣдиться только въ сѣромъ свѣтѣ утра, въ томъ, что почернѣвшіе остатки огня оставались на рѣшеткѣ камина и что она была въ комнатѣ одна.

Такъ прошла ночь, въ которую счастливая чета воротилась домой.

ГЛАВА VI.

ОБНОВЛЕНІЕ ДОМА.

Прошло много дней въ такомъ же порядкѣ; много визитовъ было сдѣлано и принято; мистриссъ Скьютошъ принимала гостей въ своихъ покояхъ, гдѣ майоръ Бэгстокъ былъ частымъ посѣтителемъ, и Флоренсъ ни разу не удалось встрѣтить взгляда отца, хотя она и видѣлась съ нимъ каждый день. Ей не случалось также имѣть продолжительныхъ разговоровъ съ новой мамѣ, которая была надменна и повелительна со всѣми въ домѣ, исключая ея—этого Флоренса не могла не замѣтить. Хотя Эдиенъ всегда посылала за нею или приходила къ ней сама, возвращаясь домой послѣ визитовъ; хотя она всегда заходила въ ея комнату передъ тѣмъ, чтобъ идти спать, въ какой бы ни было поздней часъ; хотя она не пропускала ни одного случая быть съ нею вмѣстѣ, однако часто просиживала въ ея обществѣ въ безмолвной задумчивости.

Флоренса, основывавшая такія надежды на женитьбѣ отца, не могла удержаться, чтобъ не сравнить иногда настоящаго великолѣпія дома съ угрюмостью и запустѣніемъ его въ прежніе дни; она спрашивала себя невольпо, настанетъ ли въ немъ когда-нибудь настоящая домашняя жизнь, которой до-сихъ-поръ тутъ не было ни для кого, хотя все шло по заведенному порядку и на самую роскошную ногу. Часто, днемъ и ночью, со слезами унынія и утраченной надежды, Флоренса убѣждалась въ справедливости такъ сильно выраженнаго увѣренія ея новой мамѣ, что нѣтъ на свѣтѣ существа, которое было бы менѣе ея способно научить Флоренсу искусству приобрести любовь отца. Скоро Флоренса начала думать, или, вѣрнѣе, рѣшилась думать, что такъ-какъ никто лучше Эдиенъ постигнуть не могъ невозможность преодолѣть холодность къ ней отца, то она сдѣлала ей это предостереженіе и запретила говорить о немъ изъ одного только состраданія. Чуждая себялюбія въ этомъ случаѣ, какъ и во всемъ, Флоренса лучше хотѣла переносить боль отъ новой сердечной раны, чѣмъ допустить невольпо вкрадывавшуюся мысль, которая обвиняла отца. Она была къ нему неизмѣнно нѣжна, даже въ своихъ блуждающихъ мысляхъ. Что до его дома, она надѣялась, что жизнь сдѣлается въ немъ семейнѣе и домашнѣе, когда пройдетъ періодъ новизны и непривычности. О самой-себѣ она думала мало и ни на что не жаловалась.

Если никто изъ новаго семейства не чувствовалъ себя дома въ частности, то рѣшили, что мистриссъ Дѳмби должна безъ отлагательства чувствовать себя дома въ обществѣ. Мистеръ Дѳмби и мистриссъ Скьютошъ составили проектъ ряду пиршествъ, должен-

ствовавшихъ произойти для празднованія бракосочетанія; этимъ увеселеніямъ рѣшили начать съ того, что мистриссъ Дѳмби будетъ дома въ извѣстный вечеръ, и, сверхъ того, мистеръ и мистриссъ Дѳмби пригласятъ въ тотъ же день къ обѣду многочисленное общество, составленное изъ самыхъ неудобосмѣшиваемыхъ элементовъ.

Въ-слѣдствіе чего мистеръ Дѳмби представилъ списокъ нѣсколькихъ «восточныхъ» магнатовъ (*), которыхъ онъ намѣренъ пригласить съ своей стороны, тогда-какъ мистриссъ Скъютонъ, дѣйствовавшая за милую дочь, которая оставалась надменно-равнодушною ко всему, приложила «западный» списокъ, заключавшій въ себѣ и кузена Финикса, все еще несобравагося воротиться въ Баденъ-Баденъ, къ большому вреду его личнаго имущества; кромѣ того, Клеопатра пригласила цѣлый рой мошекъ разныхъ разборовъ и возрастовъ, которыя въ разныя времена кружились около свѣта ея прелестной дочери или ея собственнаго, обжигая слегка и не надолго свои крылышки. Флоренса была въ числѣ обѣдненныхъ гостей по повелѣнію Эднѳи, вызванному минутною нерѣшимостью мистриссъ Скъютонъ; Флоренса, уливляясь и постигая инстинктивно все, что только задѣвало заживо ея отца, въ какой бы ни было легкой степени, приняла безмолвное участіе въ пиршествѣ того дня.

Дѣло началось съ того, что мистеръ Дѳмби, въ необыкновенно-высокомъ и накрахмаленномъ галстухѣ, прохаживался безъ отдыха по гостиной до назначеннаго обѣденнаго часа. Лишь-только часъ пробилъ, явился одинъ изъ директоровъ Остиндской Компаніи, несметно-богатый, въ нанковомъ жилетѣ, сооруженномъ, по-видимому, скорѣе простымъ плотникомъ, нежели портнымъ; его припаялъ одинъ мистеръ Дѳмби. Потомъ мистеръ Дѳмби послалъ свои «комплименты» мистриссъ Дѳмби, съ точнымъ извѣщеніемъ о времени; при этомъ случаѣ, остиндскій директоръ повергся ницѣ—въ разговорномъ смыслѣ; а такъ—какъ мистеръ Дѳмби не находилъ нужнымъ поднимать его, то оставилъ въ покоѣ, оставившись передъ каминомъ и не сводя съ него глазъ, пока не явилась мистриссъ Скъютонъ. Директоръ, на первый случай, принялъ ее за мистриссъ Дѳмби и привѣтствовалъ съ энтузіазмомъ.

Послѣ него явился одинъ изъ директоровъ Лондонскаго Банка, пользовавшійся репутациею, что онъ въ состояніи купить все на свѣтѣ, все человѣчество вообще, еслибъ забралъ себѣ въ голову дѣйствовать на денежный курсъ по этому направленію; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ необыкновенно скромнъ,—хвастливо-скромнъ,—

(*) Въ восточной части Лондона находятся всѣ коммерческія конторы, домъ Остиндской Компаніи, доки, складочныя магазины и проч. Тамъ же живутъ богатѣйшіе купцы. Западную часть, или Вест-Эндъ, занимаетъ аристократія.

и говорилъ о своемъ «домикѣ» въ Кингстонѣ-на-Темзѣ, какъ-будто въ немъ только бы и нашлось, что постель и кусокъ ростбифа, еслибъ мистеръ Дѣмби вздумалъ навѣстить его тамъ. «Дамъ» говорилъ онъ «не можетъ рѣшиться пригласить къ себѣ человѣкъ, привыкшій къ такому тихому и простому образу жизни; но еслибъ мистриссъ Скьютонъ и мистриссъ Дѣмби случайно очутились въ тѣхъ мѣстахъ, то ошастливили бы его премного, удостоивъ заглянуть на кой-какіе кустарники, да на цвѣтничокъ, да на скромное подражаніе ананасной теплицѣ, и тому подобныя двѣ или три безпритязательныя попытки.» Выдерживая свой характеръ, джентльменъ этотъ одѣвался чрезвычайно-просто: обрѣзокъ кембрика служилъ ему шейнымъ платкомъ; онъ ходилъ въ толстыхъ башмакахъ, во фракѣ слишкомъ-просторномъ, и въ панталонахъ слишкомъ-короткихъ; на какое-то замѣчаніе мистриссъ Скьютонъ объ итальянской оперѣ, онъ сказалъ, что бываетъ тамъ очень-рѣдко: такая расточительность была бы ему не по состоянію. По-видимому, онъ говорилъ такія вещи съ большимъ наслажденіемъ, весело поглядывая на своихъ слушателей и запуская руки въ карманы съ особенною лучезарностью въ глазахъ.

Наконецъ, явилась мистриссъ Дѣмби, прекрасная, гордая и презрительная ко всѣмъ. На лицѣ ея было написано неукротимое выраженіе, какъ-будто цвѣточная гирлянда ея головнаго убора имѣла внутри стальныя иглы, вдавленные въ нее для того, чтобъ исторгнуть согласіе, которому она скорѣе предпочитаетъ смерть. Съ нею была Флоренса. Когда обѣ онѣ вошли, лицо мистера Дѣмби подернулось такою же мрачною тѣнью, какъ въ ночь его пріѣзда; но это не было ими замѣчено: Флоренса не рѣшалась поднять на него глазъ, а Эднѣ была такъ выпренно-равнодушна, что не удостоивала его малѣйшимъ вниманіемъ.

Гости съѣзжались толпою. Еще директоры и предсѣдатели важныхъ компаній, пожилыя дамы съ головами, обремененными наряднымъ уборомъ, кузень Финиксъ, майоръ Бэгстокъ, подруги мистриссъ Скьютонъ, съ такими же, какъ у нея, искусственно-цвѣтущими лицами и весьма-дорогими жемчугами и брильянтами на весьма-морщинистыхъ шеяхъ. Въ числѣ ихъ была шестидесяти-пятилѣтняя дѣвица, замѣчательно-прохладно одѣтая касательно плечъ и спины: она говорила съ увлекательнымъ шепеляньемъ, а зрачки глазъ ея никакъ не могли успокоиться, и манеры были исполнены прелестной вѣтрености, столь очаровательной въ молоденькихъ и хорошенькихъ дѣвушкахъ. Такъ-какъ большая часть гостей списка мистера Дѣмби была склонна къ молчаливости, а большая часть гостей списка мистриссъ Дѣмби была склонна къ разговорчивости, и между обѣими сторонами не проявлялось никакого сочувствія, то общество мистриссъ Дѣмби, по тайному магнитизму, составило наступательный союзъ противъ общества мистера Дѣмби, которое бродило по комнатамъ, искало убѣжища въ углахъ, сталкивалось со вновь-прибывавшими гостя-

ми, и черезъ это попадалось въ западни за софами и креслами, получало въ лобъ удары внезапно отворявшихся за разбросанными членами его дверей и вообще подвергалось разнымъ неудобствамъ.

Когда доложили объ обѣдѣ, мистеръ Домби повелъ къ столу весьма-пожилую даму, походившую на малиповую бархатную подушку, начиненную банковыми билетами; кузень Финиксъ повелъ мистриссъ Домби; майоръ Бэгстокъ взялъ мистриссъ Скьютонъ; дѣвица съ обнаженными плечами досталась въ родѣ гасильника остиндскому директору; прочія дамы остались въ гостиной на произволь прочихъ джентльменовъ, пока не являлись отчаянные удаальцы, отваживавшіеся вести ихъ къ обѣду; эти герои съ своими призами загородили дверь столовой, изъ которой вытѣснили семерыхъ кроткихъ джентльменовъ въ сѣни. Наконецъ, когда всѣ усѣлись, явился одинъ изъ этихъ кроткихъ джентльменовъ: не зная куда пріютиться, онъ конфузно улыбался и обошелъ раза два вокругъ всего стола, сопровождаемый дворецкимъ, пока не отыскалъ себѣ свободнаго стула, который нашелся по лѣвую сторону мистриссъ Домби. Усѣвшись, этотъ кроткій джентльменъ уже не рисковалъ поднять глаза во время всего обѣда.

Обширная столовая съ обществомъ, сидящимъ за великолѣпно-убраннымъ столомъ и трудящимся съ серебряными и позолоченными ложками, ножами, вилками и тарелками, походила на сцену представленій Тома Тидлера, гдѣ дѣти подбираютъ серебро и золото. Самъ мистеръ Домби выполнялъ какъ-нельзя-лучше роль Тидлера: длинный серебряный замороженный подносъ, уставленный вазами и мерзлыми купидонами, который отдѣлялъ его отъ молодой супруги, между-тѣмъ, какъ купидоны подавали имъ цвѣты безъ запаха, могъ доставить прекрасные матеріалы для аллегорическихъ сравненій.

Кузень Финиксъ былъ, какъ говорится, особенно «въ ударѣ» и смотрѣлъ необыкновенно-моложаво. Въ такомъ расположеніи духа, онъ рѣдко обдумывалъ свои рѣчи; память его бродила такъ же свободно, какъ ноги, и въ этотъ разъ онъ бросилъ въ дрожь все общество. Вотъ какъ это случилось. Дѣвица съ обнаженной снinou, заглядывавшаяся на кузена Финикса съ чувствомъ особенной нѣжности, ловко направила своего остиндскаго директора къ мѣсту подлѣ него, а потомъ, въ знакъ благодарности, забыла о кавалерѣ, который очутился отѣненнымъ съ другой стороны тещею и безсловесною дамой въ огромномъ мрачномъ токъ съ перьями и съ вѣеромъ въ рукѣ; злополучный директоръ упалъ духомъ и погрузился въ самого-себя. Кузень Финиксъ и дѣвица были очень-веселы и разговорчивы, и дѣвица такъ усердно хохотала отъ одного изъ анекдотовъ, что майоръ Бэгстокъ спросилъ отъ имени мистриссъ Скьютонъ (они сидѣли насупротивъ, нѣсколько-ниже), нельзя ли сдѣлать этотъ анекдотъ общественною собственностью.

— Что жь, клянусь жизнью! сказалъ кузѣнъ Финиксъ: — тутъ нѣтъ ничего особеннаго, не стоить повторять. Весь фактъ состоитъ въ томъ, что это анекдотъ про Джека Адамса. Смѣю сказать, пріятель мой Дѳмби — общее вниманіе сосредоточилось на кузѣнѣ Финиксѣ—вѣроятно помнитъ Джека Адамса. Джека Адамса, а не Джое: тотъ былъ его братъ. Ну, вотъ, Джекъ, маленькій Джекъ—человѣкъ съ бѣльмомъ на одномъ глазѣ и слегка косноязычный—онъ сидѣлъ въ парламентѣ по выбору какого-то мѣстечка. Мы называли его въ мое парламентское время W. P. Адамсомъ, въ слѣдствіе того, что онъ былъ *нагрѣвальникомъ* (*) одного несовершеннолѣтняго юноши. Можетъ-быть, нашъ другъ Дѳмби зналъ этого человѣка?

Мистеръ Дѳмби, который столько же могъ знать Гюйя Фаукеса, знаменитаго виновника «пороховаго заговора», отвѣчалъ отрицательно. Но одинъ изъ семи кроткихъ джентльменовъ, вдругъ, неожиданно, отличился, сказавъ, что онъ зналъ Джека Адамса, и еще присовокупилъ: «всегда носилъ гессенскіе сапоги!»

— Такъ точно, возразилъ кузѣнъ Финиксъ, наклонясь впередъ, чтобъ рассмотреть кроткаго джентльмена и пославъ ему поощрительную улыбку на другой конецъ стола. — Это былъ Джекъ. А Джое носилъ...

— Съ отворотами! воскликнулъ кроткій джентльмень, возвышаясь съ каждою минутой въ общемъ мѣшии.

— Совершенно! сказалъ кузѣнъ Финиксъ. — Вы были съ нимъ коротко знакомы?

— Я зналъ ихъ обоихъ, отвѣчалъ кроткій джентльмень, съ которымъ мистеръ Дѳмби выпилъ немедленно рюмку вина.

— Чертовски-добрый малый Джекъ! сказалъ кузѣнъ Финиксъ, снова наклоняясь впередъ и улыбаясь.

— Превосходный! возразилъ другой, дѣлаясь смѣлѣе отъ своего неожиданнаго успѣха.

— Такъ вы знаете исторію?

— А вотъ, увижу, милордъ, когда услышу, что вы будете рассказывать. Съ этими словами онъ откинулся назадъ на своемъ стулѣ и сталъ улыбаться, глядя въ потолокъ, какъ-будто зная исторію навзустъ и внутренно потѣшаяся ею.

— Въ сущности факта, это вовсе не исторія, сказалъ кузѣнъ Финиксъ, улыбувшись всѣмъ присутствующимъ и весело трянувъ головою:—она не стоить даже предисловія. Но главное, она показываетъ, что за опредѣлительный малый былъ Джекъ. Фактъ состоитъ въ томъ, что Джека пригласили на свадьбу — кажется, въ Баркширъ?

— Шропширъ, поправилъ ободрившійся кроткій джентльмень, къ которому адресовался этотъ вопросъ.

(*) *Warming-Pan* — нагрѣватель.

ДОМЪ И СЫНЪ,

Романъ

ЧАРЛЗА ДИККЕНСА.

Переводъ съ англійскаго.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

=

ГЛАВА I.

СВАДЬБА.

Разсвѣтъ, съ своимъ блѣднымъ и безстрастнымъ лицомъ, крадется продрогнувъ къ церкви, подъ которою покоится прахъ маленькаго Поля и его матери, и заглядываетъ въ окна. Холодно и темно. Ночь медлитъ еще на мостовой и сидитъ пригорюнившись въ углахъ и закоулкахъ угрюмага зданія. Колокольня съ часами возвышается надъ окрестными строеніями, какъ сѣрый маякъ, поставленный тутъ, чтобъ замѣчать скорость теченія моря времени; но во внутрь дверей разсвѣтъ можетъ сначала заглянуть только ночью, какъ-будто для того, чтобъ удостовѣриться, дѣйствительно ли она тамъ.

Порхая слабо вокругъ церкви и заглядывая въ нее, разсвѣтъ горюетъ о своемъ кратковременномъ владычествѣ, и слезы его стекаютъ по стекламъ оконницъ; прислонившіяся къ церковной стѣнѣ деревья склоняютъ головы и крутятъ свои многочисленныя руки изъ сочувствія. Ночь, блѣднѣя передъ нимъ, исчезаетъ постепенно изъ церкви, но все медлитъ внизу подъ сводами склеповъ и упрямо сидитъ на гробницахъ. Но вотъ приходитъ свѣтлый

день, полируетъ башенные часы, румянитъ шпичъ колоколни, высушиваетъ слезы разсвѣта и задушаетъ его толкованія; спугнутый разсвѣтъ, слѣдя за ночью, которую выгоняетъ изъ ея послѣдняго убѣжища, спасается самъ подъ своды могильныхъ склеповъ и скрываетъ испуганное лицо свое между мертвецами, пока не возвратится ночь съ свѣжими силами и не выгонитъ его въ свою очередь.

И теперь мыши, которыя хлопотали около молитвенниковъ больше, чѣмъ ихъ хозяева, и около подушекъ, на которыхъ зубки ихъ оставили больше слѣдовъ, чѣмъ человѣческія колѣни, мыши прячутъ свои блестящіе глазки въ норы и толпятся въ страхъ при громовомъ стукѣ церковныхъ дверей. Ихъ отворилъ сторожъ, человѣкъ важный, пришедшій въ церковь рано утромъ вмѣстѣ съ могильщикомъ; туда же пришла и мистриссъ Миффъ, маленькая, престарая и пресухая отворяльщица загороженныхъ скамей, которая прождала у дверей цѣлые полчаса, какъ и слѣдуетъ, пока не явился церковный сторожъ.

У мистриссъ Миффъ укусное лицо, огорченная шляпка, скудно выкроенный костюмъ, и душа, мучимая жаждою къ шиллингамъ и шестипенсовикамъ. Привычка приглашать выразительными знаками разбредшихся богомольцевъ, чтобъ они помѣщались на загороженныхъ скамьяхъ, придала мистриссъ Миффъ таинственный видъ; въ глазахъ ея всегда выражается мысль о сбереженномъ мѣстечкѣ съ мягкими подушками, но вмѣстѣ съ тѣмъ и намекъ на денежное вознагражденіе. Такого факта, какъ мистеръ Миффъ, нѣтъ на свѣтѣ; его нѣтъ уже цѣлые двадцать лѣтъ, и мистриссъ Миффъ говоритъ о немъ неохотно. По-видимому, онъ былъ зараженъ вольнодумствомъ касательно порожныхъ мѣстъ въ церкви; хотя мистриссъ Миффъ и надѣется, что онъ отправился на верхъ, въ селенія праведныхъ, но не берется утверждать этого положительно.

Хлопочетъ въ это утро мистриссъ Миффъ у церковныхъ дверей, выколачивая пыль изъ покрыва алтаря, изъ ковра и подушекъ, и стараясь дать всему этому самый пристойный видъ; много у нея рассказовъ о свадьбѣ, которая совершится сегодня. Мистриссъ Миффъ слыхала, будто новая мѣбель и передѣлки въ домѣ жениха стоили полныя пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ; да, кромѣ того, ей рассказывали вѣрные люди, что у невесты нѣтъ и шести пенсовъ для ея собственнаго благоденствія. Мистриссъ Миффъ помнить, какъ-будто это случилось вчера, похороны первой жены, и потомъ крестины, и потомъ опять похороны. Церковный сторожъ, мистеръ Соундсъ, сидѣвшій во все это время на ступеняхъ паперти, одобряетъ рѣчь мистриссъ Миффъ и спрашиваетъ, слыхала ли она, что невеста преудивительная красавица? Утвердительный отвѣтъ мистриссъ Миффъ произвелъ пріятное впечатлѣніе на мистера Соундса, человѣка весьма-добродѣтельнаго и тучнаго, но записнаго любителя прекраснаго пола.

Въ домѣ мистера Дѳмби суета и суматоха, особенно между женщинами: ни одна изъ нихъ не сомкнула глазъ съ четырехъ часовъ утра, и всѣ были уже въ полномъ парадѣ въ шесть часовъ. Тоулинсонъ кажется интереснѣе обыкновеннаго служанкѣ дома, а кухарка замѣчаетъ, что одна свадьба влечетъ за собою многія. Тоулинсонъ скрываетъ свои чувства и только сердится на усатаго иностранца-лакея, нанятаго для сопровожденія счастливой четы въ Парижъ, увѣряя, будто отъ иностранцевъ никто еще не видалъ добра. Въ доказательство, онъ приводитъ примѣръ Бонапарте: а до чего онъ дожилъ?

Кондитеръ трудится неутомимо въ похоронной столовой заглѣ Брук - Стрита, а весьма-высокіе молодые люди смотрятъ на его приготовленія весьма-внимательно. Отъ одного изъ нихъ уже сильно пахнетъ хересомъ, и рѣчи его становятся сбивчивы.

Звонари и оркестръ странствующихъ музыкантовъ также пронохали свадьбу и практикуются съ величайшимъ усердіемъ. Ожиданіе и тревоженія распространились на далекое разстояніе. Конторскій разсылный Перчъ привезъ мистриссъ Перчъ, чтобъ доставить ей удовольствіе видѣть свадьбу и провести день въ обществѣ прислуги мистера Дѳмби. Мистеръ Тутсъ наряжается на своей квартирѣ, какъ-будто и онъ по мѣньшей мѣрѣ женихъ: онъ рѣшился смотрѣть на церемонію изъ потаеннаго уголка галереи и привести туда Чиккена, которому хочетъ во что бы ни стало показать Флоренсу; а Чиккенъ, между-тѣмъ, уписываетъ на его кухнѣ бифтексъ цѣлыми фунтами. На Принцесс-Плэсѣ, миссъ Токсъ уже встала, и, не смотря на свою горькую печаль, также готовится дать шиллингъ мистриссъ Миффъ и получить отъ нея мѣстечко въ какомъ-нибудь уединенномъ уголку. Подъ вывѣскою деревяннаго мячмана всѣ на ногахъ: капитанъ Коттль, въ парадныхъ сапожникахъ съ кисточками, сидитъ за завтракомъ и слушаетъ Робаточильщика, которому велѣлъ читать вслухъ брачное богослуженіе, чтобъ понять вполне торжественность предстоящей церемоніи, при чемъ онъ предоставилъ «аміни» себѣ и произносить ихъ громко съ самодовольнымъ видомъ.

Кромѣ всего этого и многого другаго, двадцать молодыхъ кормилицъ изъ улицы мистера Дѳмби обѣщали двадцати молодымъ матерямъ, только-что разрѣшившимся отъ бремени, посмотреть свадьбу и рассказать все до малѣйшихъ подробностей. Дѣйствительно, церковный сторожъ, мистеръ Соундсъ, имѣетъ основательную причину чваниться, помѣстившись торжественно и въ полномъ парадѣ на саперти, въ ожиданіи свадебнаго поѣзда! Дѣйствительно, мистриссъ Миффъ имѣетъ основательную причину гнѣваться на неугомонныхъ ребятишекъ, дерзающихъ появляться слишкомъ-близко около церкви!

Кузень Финиксъ пріѣхалъ на свадьбу нарочно, изъ-за границы. Кузень Финиксъ былъ уже взрослымъ юношей, лѣтъ за сорокъ; но приемы и наружность его такъ юношественны, онъ такъ хоро-

шо сохранился, что незнакомые съ нимъ люди удивляются, когда открываютъ морщины на лицѣ милорда, или замѣчаютъ въ немъ несовершенную увѣренность, туда ли онъ идетъ, куда нужно, когда онъ переходитъ черезъ комнату. Но кузень Финниксъ въ началѣ своего утренняго туалета и кузень Финниксъ по окончаніи туалета—люди совершенно-непохожие другъ на друга.

Мистеръ Дѳмби выходитъ изъ уборной и разгоняетъ своимъ появленіемъ собравшуюся на лѣстницѣ толпу женщинъ; одна только мистриссъ Перчъ, находясь въ «интересномъ положеніи», не въ силахъ удалиться, и очутилась передъ нимъ; она низко присѣдаетъ въ невыразимомъ смущеніи и подвергаетъ значительной опасности будущаго члена дома Перча. Мистеръ Дѳмби переходитъ въ гостиную, для ожиданія назначеннаго часа, и смотритъ необыкновенно-великолѣпно въ новомъ синемъ фракѣ и лиловомъ жилетѣ; по всему дому разносится шопотъ, что волосы его завиты.

Двойной стукъ въ двери возвѣщаетъ пріѣздъ майора Бэгстока, также разряженнаго до нельзя, посиѣлаго еще болѣе, съ чудовищнымъ букетомъ въ петличкѣ фрака и также круто-завитаго.

— Дѳмби! восклицаетъ онъ, протягивая обѣ руки: — какъ вы себя чувствуете?

— Здравствуйте, майоръ.

— Клянусь Юпитеромъ, сэръ! Джое Б. сегодня утромъ въ такомъ расположеніи духа, что, годдэмъ! онъ чуть не намѣренъ сыграть двойную свадьбу, сэръ, и жениться на матери.

Мистеръ Дѳмби улыбается — но слабо даже для него: мистеръ Дѳмби чувствуетъ, что вступаетъ въ родство и съ матерью, надъ которою, при настоящихъ обстоятельствахъ, подшучивать не позволительно.

— Дѳмби, обѣщаю вамъ счастье! восклицаетъ майоръ, замѣтившій это.—Поздравляю васъ, Дѳмби! Клянусь Богомъ, сэръ, вамъ сегодня можно позавидовать больше, чѣмъ кому-нибудь въ цѣлой Англій!

Мистеръ Дѳмби допускаетъ и это съ нѣкоторымъ ограниченіемъ: онъ дѣлаетъ дамѣ своего выбора большую честь и, безъ сомнѣнія, ей должно завидовать еще больше.

— А что до Эдиен Грэнджеръ, сэръ — нѣтъ во всей Европѣ женщины, которая бы не отдала охотно свои уши и серьги, чтобъ только быть сегодня на мѣстѣ Эдиен Грэнджеръ!

— Вы очень-любезны, майоръ.

— Дѳмби, вы это сами знаете. Между нами не должно быть ложной деликатности. Вы это знаете... Знаете ли вы это, или нѣтъ, Дѳмби? возразилъ майоръ почти съ гнѣвомъ.

— О, право, майоръ...

— Годдэмъ, сэръ! Извѣстенъ ли вамъ этотъ фактъ, или нѣтъ? Дѳмби! Джое вашъ другъ или нѣтъ? Позволяется ли крутому и тугому Джое Б. говорить прямо, или ему держаться въ сторонѣ; на церемоніяхъ?

— Любезный майоръ Бэгстокъ, сказалъ мистеръ Дѣмби съ самодовольнымъ видомъ:—вы начинаете горячиться.

— Годдэмъ, сэръ! Я разгорячился. Джошъ Б. не опровергаетъ этого, Дѣмби. Онъ расходился. Такой случай, сэръ, долженъ вызывать наружу всѣ чувства симпатіи, какія только остались въ этомъ старомъ, изношенномъ, адскомъ, разбитомъ туловищѣ тугаго Джое. Я вамъ скажу вотъ что, Дѣмби: въ такія эпохи, человекъ долженъ выболтать долой съ души все, или надѣть намордникъ, а Джозефъ Бэгстокъ говоритъ вамъ въ глаза, Дѣмби, такъ же, какъ говоритъ въ своемъ клубѣ у васъ за спиною, что онъ никогда не надѣнетъ намордника, когда дѣло идетъ о Полѣ Дѣмби. Теперь, годдэмъ, сэръ, заключилъ майоръ съ грозною твердостью:—что вы на это скажете?

— Майоръ, увѣрю васъ, я вамъ премного благодаренъ. Я все не имѣлъ въ мысляхъ удерживать вашу слишкомъ-пристрастную дружбу.

— Все не пристрастную, сэръ! Нѣтъ, Дѣмби, я этого не признаю!

— Тогда я скажу: вашу дружбу, любезный майоръ. Я очень помню, какъ много ей обязанъ.

— Дѣмби, вотъ рука Джозефа Бэгстока — простаго, стараго Джое Б., сэръ! Вотъ рука, о которой его королевское высочество покойный герцогъ Йоркскій осчастливилъ меня замѣчаніемъ, сэръ, его королевскому высочеству покойному герцогу кентскому, что это рука Джоша, крутаго и тугаго стараго забіяки. Дѣмби, да будетъ это мгновеніе наименѣе-несчастливымъ въ нашей жизни! Благослови васъ Богъ!

Входитъ мистеръ Каркеръ, разодѣтый и улыбающійся какъ истинный свадебный гость. Онъ едва можетъ рѣшиться выпустить руку мистера Дѣмби, которую пожимаетъ съ самыми теплыми поздравленіями; потомъ жметъ руку майора такъ искренно, что голосъ его дрожитъ, скользя по бѣлымъ зубамъ.

— Самый день радуется нашей радости, говоритъ мистеръ Каркеръ. — Погода ясная и веселая! Надѣюсь, я не опоздалъ ни однимъ мгновеніемъ?

— Пунктуальны до-нельзя, сэръ, отвѣчаетъ майоръ.

— Очень-радъ. Я боялся, что опоздалъ нѣсколько секундъ — меня задержала цѣлая процессія телегъ, и я взялъ смѣлость объѣхать кругомъ черезъ Брук-Стритъ, чтобъ оставить нѣсколько рѣдкихъ цвѣтовъ для мистриссъ Дѣмби. Человекъ въ моемъ положеніи, отличенный честью приглашенія, приноситъ съ гордостью какой-нибудь знакъ своего вѣрнопопданничества; такъ-какъ мистриссъ Дѣмби, навѣрно, одарена безъ счета всѣмъ дорогимъ и великолѣпнымъ—онъ бросилъ странный взглядъ на своего патрона — то надѣюсь, что самая бѣдность моего приношенія доставитъ ему милостивый пріемъ.

— Мистриссъ Дѣмби, то-есть, будущая, мистриссъ Дѣмби, воз-

разилъ снисходительно мистеръ Дѣмби: — навѣрно будетъ вамъ признательна за такое вниманіе, Каркеръ.

— А если ей суждено быть мистриссъ Дѣмби сегодня утромъ, то намъ пора ѣхать, сэръ! замѣтилъ майоръ.

Мистеръ Дѣмби, майоръ Бэгстокъ и мистеръ Каркеръ поѣхали въ церковь вмѣстѣ. Церковный сторожъ, мистеръ Соундсъ, встрѣтилъ ихъ на паперти, держа свою треугольную шляпу въ рукѣ. Мистриссъ Миффъ присѣдаетъ и предлагаетъ стулья въ ризницѣ, но мистеръ Дѣмби предпочитаетъ подождать въ самой церкви. Когда вѣдоръ его обратился къ органу, миссъ Токсъ на галереѣ отшатнулась назадъ и спрятала лицо за колонной. Капитанъ Коттль, напротивъ, встаетъ и махаетъ своимъ крючкомъ въ знакъ привѣтствія и одобренія. Мистеръ Тутсъ извѣщаетъ Боеваго-Пѣтуха, что важный джентльменъ отецъ предмета его страсти, а тотъ отвѣчаетъ хриплымъ шопотомъ, что по его мнѣнію, хоть этотъ господинъ и смотритъ «вадежно», но наука бовсѣрства предлагаетъ ресурсы, которыми его можно «сдвоить» хорошимъ тычкомъ «въ жилетъ».

Мистеръ Соундсъ и мистриссъ Миффъ смотрятъ на мистера Дѣмби въ почтительной дистанціи. Раздался стукъ колесъ на улицѣ, и мистеръ Соундсъ вышелъ. Мистриссъ Миффъ, встрѣтя взглядъ мистера Дѣмби послѣ того, какъ онъ останавливался на мгновеніе на юродивомъ капитанѣ Коттлѣ, раскланивавшемся съ такою любезностью, отвѣшиваетъ книксенъ и сообщаетъ ему, что это, вѣроятно, пріѣхала его «добрая лэди». Народъ столпился и шепчется у дверей, и «добрая лэди» входитъ.

На лицѣ ея не видно ни малѣйшаго слѣда страданій прошлой ночи: въ осанкѣ и пріемахъ ея нѣтъ и тѣни той женщины, которая опустилась на колѣни и успокоила свою бурную голову въ прекрасномъ самозабвеніи, на подушкѣ спящей дѣвушки. Дѣвушка эта, прелестная, кроткая, невинная, подлѣ нея—рѣзкая противоположность съ ея собственною презрительною и горделивою фигурой, которая стоитъ прямо, спокойно, съ непреклонною волей, блестящая и величественная въ зенитѣ прелестей, но презрительно попирающая возбуждаемый ими восторгъ.

Настаетъ краткая пауза, пока мистеръ Соундсъ пошелъ за пасторомъ и его помощникомъ. Мистриссъ Скьютонъ воспользовалась этимъ и говоритъ мистеру Дѣмби выразительныѣ обыкновеннаго, придвигаясь ближе къ Эдию:

— Мой милый Дѣмби, я боюсь, что должна отказаться отъ нашего ангела Флоренсы и отпустить ее домой, какъ она сама желала. Послѣ моей сегодняшней утраты, милый Дѣмби, у меня не останется силъ даже для ея общества.

— Развѣ ей все-таки не лучше оставаться у васъ? возразилъ женихъ.

— Не думаю, милый Дѣмби. Нѣтъ, мнѣ лучше оставаться одной. Кромѣ того, Эдмъ будетъ въ претензіи. А, Эдмъ?

Нѣжная мамá жметъ руку дочери, можетъ-быть, для того, чтобъ обратить хорошенько ея вниманіе на слова свои.

— Нѣтъ, милый Домби. Я откажусь отъ нашего обворожительнаго дитяти, чтобъ на него не пала часть моей грусти. Мы это сейчасъ рѣшили. Она понимаетъ это вполне. Эднѣ, мой ангелъ, она понимаетъ это вполне?

Нѣжная мамá опять жметъ руку дочери. Мистеръ Домби не дѣлаетъ возраженій, потому-что являются пасторъ и его помощникъ, Мистриссъ Мифъ и церковный сторожъ идутъ на свои мѣста къ рѣшеткѣ.

— Кто отдаетъ эту женщину въ замужство за этого мужчину? произнесъ пасторъ.

Это лордъ Финиксъ, пріѣхавшій нарочно для свадьбы изъ Баден-Бадена. — Чортъ возьми! говорилъ тамъ лордъ Финиксъ, существо очень-добродушное:—когда богатый малый изъ Сити поступаетъ къ намъ въ родню, ему надобно оказать кой-какое вниманіе.

— Я отдаю эту женщину въ замужство за этого мужчину, отвѣчаетъ онъ пастору, при чемъ въ разсѣянности чуть не подвелъ къ жениху одну старую дѣвицу, только десятью годами моложе мистриссъ Скьютонъ, дальнюю родственницу, взятую въ свидетельницы бракосочетанія.

— И будутъ ли они, предъ лицомъ неба, любить..?

Да, будутъ. Мистеръ Домби говоритъ, что будетъ. А Эднѣ?.. И она также.

Итакъ, съ сего дня на будущее время, въ радости и горѣ, въ богатствѣ и бѣдности, въ здоровьи и болѣзни, они клянутся предъ лицомъ Всевышняго любить другъ друга неизмѣнно, пока смерть не разлучитъ ихъ. Все кончено. Они обвѣнчаны!

Твердою, свободною рукою невѣста подписываетъ свое имя въ свадебномъ реестрѣ, когда они перешли въ ризницу. У Флоренсы рука дрожитъ во время подписи. Наконецъ, подписываются всѣ присутствующіе, и лордъ Финиксъ послѣ всѣхъ: онъ изображаетъ свое вельможное имя не тамъ, гдѣ нужно, и свидетельствуетъ, будто-бы онъ родился въ это самое утро.

По принятому старинному обычаю, всѣ подходятъ цаловать молодую супругу. Майоръ дѣлаетъ это съ воинственною любезностью; примѣру его слѣдуютъ кузень Финиксъ и даже мистеръ Домби. Наконецъ, подходитъ къ Эднѣ мистеръ Каркеръ, котораго зубы блестятъ, какъ-будто онъ располагаетъ укусить ее скорѣе, чѣмъ вкусить сладость съ устъ ея.

На гордой щекѣ Эднѣ зардѣлся румянецъ, и глаза сверкнули огнемъ, который долженъ бы былъ остановить мистера Каркера, но не остановилъ его, и онъ сдѣлалъ свое дѣло какъ всѣ прочіе, и пожелалъ ей всякаго счастья.

— Если желанія, прибавилъ онъ въ-подголоса:—не будутъ, изъ лишними, когда дѣло идетъ о такомъ бракѣ.

— Благодарю васъ, сударь, отвѣчала она, сжавъ губы и съ волнующею грудью.

Не чувствуетъ ли Эдиен по-прежнему, какъ въ ту ночь, когда она знала о намѣреніи мистера Дѳмби просить ея руки, что Каркеръ постигаетъ ее насквозь, читаетъ въ ея сердцѣ, и что она унижена его проникательностью больше, нежели чѣмъ-нибудь? Не по этой ли причинѣ надменность ея упадаетъ передъ его улыбкой и повелительный взглядъ опускается, встрѣчая его взглядъ, и невольно смотритъ въ землю?

— Вижу съ гордостью, говоритъ мистеръ Каркеръ съ подобострастнымъ наклоненіемъ головы, которое уличаетъ во лжи его глаза и зубы:—вижу съ гордостью, что мое смиренное приношеніе осчастливлено рукою мистриссъ Дѳмби и пользуется такимъ завиднымъ мѣстомъ при такомъ радостномъ случаѣ.

Хотя она и склоняетъ въ отвѣтъ голову, но по движенію руки замѣтно, что ей бы хотѣлось раздавить эти цвѣты и бросить съ презрѣніемъ на полъ. Она кладетъ свою руку подъ руку своего новаго супруга, который стоялъ подлѣ и разговаривалъ съ майоромъ, и снова горда, неподвижна и безмолвна.

Кареты подъѣзжаютъ къ церковной паперти. Мистеръ Дѳмби ведетъ подъ руку молодую супругу черезъ густую толпу зрителей и зрительницъ. Клеопатра и кузень Финиксъ садятся въ ту же карету. Въ слѣдующей помѣщаются Флоренса, дальняя родственница, чуть непопавшая въ невѣсты, майоръ и мистеръ Каркеръ. Лошади играютъ и горячатся; кучера и лакеи блестятъ новыми богатыми ливреями, букетами и бантами. Экипажи съ громомъ покатались по улицамъ; тысячи головъ оборачиваются, чтобъ взглянуть на поѣздъ, и тысячи моралистовъ-холостяковъ утѣшаютъ себя въ безбрачномъ состояніи мыслью, что такое счастье не можетъ быть долговременно.

Миссъ Токсъ выходитъ изъ-за колонны, когда все затихло, и медленно спускается съ галереи. Глаза ея красны, а носовой платокъ мокрѣхонекъ. Она огорчена, но не озлоблена, и надѣется, что новая чета будетъ счастлива. Она внутренне допускаетъ преимущество красоты Эдиен передъ своими собственными увядшими прелестями; но величавый образъ мистера Дѳмби въ лиловомъ жилетѣ все рисуется передъ ея мысленными взорами, и она снова плачетъ подъ вуалью, направляясь домой къ Принцесс-Плэсу. Капитанъ Коттль, котораго хриплый голосъ присоединялся ко всѣмъ «амінямъ», очень доволенъ собою и проходитъ черезъ перковь съ миромъ въ душѣ и лакированную шляпой въ рукахъ. Щеголеватый Тутсъ оставляетъ храмъ въ сопровожденіи Чиккена, терзаемый страданіями любви. Чиккенъ еще не избрѣлъ способа овладѣть сердцемъ Флоренсы, но крѣпко держится за первоначальную мысль касательно «сдвоенія» мистера Дѳмби посредствомъ классическаго тычка «въ жилетъ». Прислуга мистера Дѳмби выдѣзаетъ изъ своихъ обсервационныхъ пунктовъ и готовится

отправиться въ Брук-Стритъ; но ее задержало внезапное нездоровье мистриссъ Перчъ, которая возбуждаетъ серьезныя опасенія; однако мистриссъ Перчъ скоро поправилась и уведена благополучно. Мистриссъ Миффъ и мистеръ Соундсъ садятся на ступеняхъ паперти и считаютъ приобрѣтенное въ этотъ достопамятный день, а могильщикъ начинаетъ похоронный звонъ въ колокола.

Кареты подъѣзжаютъ къ дому невѣсты; странствующая музыка гремитъ, маріонетки дѣйствуютъ на-пропалую; народъ зѣваетъ, толпится и толкается, чтобъ не упустить случая взглянуть, какъ торжественно мистеръ Домби ведетъ мистриссъ Домби въ чертоги Финиксовъ, куда слѣдуетъ за ними все остальное свадебное общество. Но отъ-чего мистеръ Каркеръ, проходя черезъ толпу къ дверямъ, подумалъ о старухѣ, съ которою встрѣтился въ рошѣ около Лимингтона? Или отъ-чего Флоренса, идучи за отцомъ, подумала съ трепетомъ о своемъ дѣтствѣ, когда она заблудилась, и о лицѣ «добрый» мистриссъ Броунъ?..

Въ домѣ поздравленія возобновляются; число гостей прибываетъ, но не очень; всѣ оставляютъ гостиную и располагаются въ темно-коричневой столовой залѣ, которую никакія усилія не могутъ освѣтить или заставить смотрѣть веселѣе. Тамъ въ совершенной готовности роскошный завтракъ. Въ числѣ прочихъ гостей, къ обществу присоединились мистеръ и мистриссъ Чиккъ. Мистриссъ Чиккъ удивляется, что Эднѣе создана самою природою такою совершенною Дѣмби; она любезна и разговорчива съ мистриссъ Скьютонъ, которая свалила съ плечь гору и не отказывается отъ шампанскаго. Все общество, однако, холодно и спокойно, и избыткомъ веселости не оскорбляетъ почернѣлыхъ картинъ и гербовъ. Кузенъ Финиксъ и майоръ Бэгстокъ веселѣе всѣхъ, а мистеръ Каркеръ улыбается всему обществу; но для молодой супруги у него особенная улыбка, которую она встрѣчаетъ очень-рѣдко.

Кузенъ Финиксъ встаетъ, когда столъ очищенъ и слуги вышли; онъ смотритъ необыкновенно-моложаво въ своихъ маншетахъ и съ румянцемъ шампанскаго на щекахъ.

— Клянусь честью, начинаетъ онъ:—хоть такія вещи и довольно-необыкновенны въ домѣ частнаго джентльмена, но я долженъ просить позволенія пригласить васъ выпить, что называется... то-есть, я предлагаю тостъ!

Майоръ хрипло выражаетъ свое одобреніе. Мистеръ Каркеръ, наклонясь надъ столомъ въ сторону лорда Финикса, улыбается и киваетъ головою нѣсколько разъ.

— То-есть, что называется, но въ сущности это не... тутъ кузенъ Финиксъ замолчалъ.

— Слушайте его, слушайте! воскликнулъ майоръ тономъ глубокаго убѣжденія.

Мистеръ Каркеръ тихонько аплодируетъ, улыбается еще слаше

и старается выразить, что последнее замѣчаніе лорда Финикса по-дѣйствовало на его умъ особенно благотѣльно.

— То-есть, оказія, въ которой общепринятая обыкновения можно нѣсколько оставить въ сторонѣ, заговорилъ опять кузень Финиксъ:—хоть я и никогда не былъ ораторомъ, даже сидя въ нижнемъ парламентѣ, гдѣ имѣлъ честь поддерживать своимъ голосомъ адресъ, послѣ чего захворалъ на двѣ недѣли съ полнымъ убѣжденіемъ въ неудачѣ...

Майоръ и мистеръ Каркеръ пришли въ такой восторгъ отъ этого отрывка индивидуальной исторіи, что кузень Финиксъ засмѣялся и, обращаясь собственно къ нимъ, продолжалъ:

— Въ сущности, я былъ чертовски боленъ. А между-тѣмъ, знаете, чувствую, что на мнѣ лежитъ обязанность. А когда обязанность лежитъ на истинномъ Британцѣ, то, по-моему, онъ обязанъ исполнить ее какъ можетъ. Прекрасно! Сегодня наша фамилія имѣла пріятность соединиться родствомъ, черезъ особу моея прелестной кузины, которую, что называется, я теперь вижу передъ собою...

Общія рукоплесканія.

— Передъ собою. Родствомъ... съ человѣкомъ, что называется... то-есть, который... я хочу сказать, на котораго палецъ презрѣнія никогда... въ сущности, съ моимъ почтеннымъ другомъ Дѣмби, если онъ позволитъ мнѣ называть его такимъ образомъ.

Кузень Финиксъ поклонился мистеру Дѣмби, который торжественно отвѣтилъ тѣмъ же.

— Я не имѣлъ случая познакомиться короче съ моимъ другомъ Дѣмби, котораго качества дѣлаютъ одинаковую честь его головѣ и, то-есть, въ сущности, его сердцу; это отъ-того, что несчастіе привело меня — какъ мы говаривали въ мое время въ нижнемъ парламентѣ, когда не было обычая подшучивать надъ верхнимъ и парламентскія дѣла шли лучше теперешняго—то-есть, я былъ въ другомъ мѣстѣ!

Съ майоромъ сдѣлались судороги отъ восторга.

— Но я знаю достаточно моего друга Дѣмби и убѣжденъ, что онъ... то-есть, въ сущности... можетъ назваться... что называется... купцомъ — британскимъ купцомъ и... и мужемъ. И хотя я жилъ нѣсколько лѣтъ за границей, мнѣ будетъ особенно пріятно принять моего друга Дѣмби и всѣхъ здѣсь присутствующихъ, въ Баден-Баденѣ, гдѣ я имѣю случай представить всѣхъ великому герцогу. Однако, я знаю достаточно мою прелестную родственницу и убѣжденъ вполне, что она обладаетъ всеми качествами, которыя могутъ осчастливить мужа, и что бракъ ея съ моимъ другомъ Дѣмби по склонности и взаимной привязанности съ обѣихъ сторонъ...

Мистеръ Каркеръ участилъ свои улыбки.

— А потому я поздравляю фамилію, которой имѣю честь быть членомъ, съ приобрѣтеніемъ моего друга Дѣмби. И поздравляю

моего друга Домби съ бракомъ съ моею прелестною кузиной, и беру смѣлость пригласить всѣхъ васъ, то-есть, въ сущности, поздравить моего друга Домби и мою прелестную родственницу!

Рѣчь лорда Финикса заслужила общее одобреніе, и мистеръ Домби благодаритъ его за себя и за мистриссъ Домби. Вскорѣ послѣ того Джозе Б. предлагаетъ выпить за здоровье мистриссъ Скьютонъ. Когда это кончилось, краткое оживленіе завтрака замерло снова, оскорбленные гербы отомщены, а Эдионъ встала и пошла одѣваться по-дорожному.

Между-тѣмъ, вся прислуга завтракала внизу; шампанское сдѣлалось тамъ до невѣроятной степени обыкновеннымъ и не обращало на себя ни чьего особеннаго вниманія. Всѣ развеселились, особенно дамы, на лицахъ которыхъ господствовала значительная краснота. Кухарка мистера Домби предложила отправиться послѣ завтрака въ театръ, на что согласились всѣ, не исключая туземца, котораго вино превращаетъ въ тигра, и котораго глаза наводятъ ужасъ на дамъ. Одинъ изъ превысокихъ молодыхъ лакеевъ предлагаетъ послѣ театра балъ, и никто, даже не исключая мистриссъ Перчъ, раскрасившейся больше прочихъ, не находитъ тому препятствій. Наконецъ, среди тостовъ, рѣчей и веселья, приходитъ извѣстіе, что молодые уѣзжаютъ, и всѣ бѣгутъ на крыльцо.

Карета у подъѣзда. Молодая спускается въ залу, гдѣ ее ждетъ мистеръ Домби. Флоренса на лѣстницѣ и готова ѣхать домой въ сопровожденіи Сузанны Нипперъ, неучаствовавшей въ завтракѣ внизу. Когда явилась Эдионъ, Флоренса спѣшитъ къ ней, чтобы проститься.

Развѣ Эдионъ озябла, что она такъ дрожитъ? Развѣ есть что-нибудь сверхъестественное или злокачественное въ прикосновеніи Флоренсы, отъ чего прекрасныя формы молодой какъ-будто скрѣпляются судорогами? Не-уже-ли Эдионъ до того торопится ѣхать, что успѣваетъ только махнуть рукой, пробѣжавъ черезъ сѣни въ экипажъ, который быстро умчалъ ее изъ глазъ съ новымъ супругомъ?

Мистриссъ Скьютонъ, которую одолѣли материнскія чувства, опускается на софу въ позѣ Клеопатры и проливаетъ нѣсколько слезъ, услыша стукъ колесъ отъѣзжающей кареты. Майоръ старается успокоить ее, но она ни за что не хочетъ быть успокоенною, и потому майоръ откланивается и уходитъ. Кузенъ Финиксъ и мистеръ Каркеръ также откланиваются и уходятъ; за ними и всѣ гости. Клеопатра, оставшись одна, чувствуетъ легкое головокруженіе и засыпаетъ крѣпкимъ сномъ.

Головокруженіе начинаетъ господствовать и внизу; всѣ пировавшіе мужчины и женщины упадаютъ духомъ. Мысль дурнаго дѣла преслѣдуетъ всѣхъ, и каждый смотритъ на сотоварища въ веселіи, какъ на сотоварища въ преступленіи; всѣ избѣгаютъ другъ друга и думаютъ, какъ бы разстаться и потомъ вовсе не сходиться. Ни-

кто и не помышляетъ о театрѣ, а еще менѣе о балѣ. Наконецъ, всѣ улетаются во-свояси.

Наступаетъ ночь. Флоренса, прогулявшись по вновь-отдѣланному шегольскому дому отца изъ покоя въ покой, отыскиваетъ свою комнату, гдѣ заботливость Эдины окружила ее всевозможными удобствами и роскошью. Снявъ блестящій нарядъ, она надѣваетъ свое простое траурное платье по милomъ Полѣ, и садится читать; Диогенъ разлегся на полу подлѣ и подмигиваетъ. Но чтеніе не идетъ ей на умъ. Домъ кажется ей новымъ и чужимъ, и въ немъ раздаются громкіе отголоски. На сердцѣ ея бремя; она не знаетъ, почему и что это такое — но ей тяжело. Флоренса закрываетъ книгу, и косматый Диогенъ начинаетъ къ ней ласкаться. Но нѣсколько времени она видитъ его какъ-то неясно: между нимъ и ея глазами носится туманъ, въ которомъ сіяютъ, какъ ангелы, образы ея покойной матери и маленькаго Поля. Валтеръ также, бѣдный, странствующій, терпѣвшій кораблекрушеніе Валтеръ... о, гдѣ онъ?

Майоръ не знаетъ этого. Да ему и нѣтъ дѣла. Продремавъ весь вечеръ, онъ отобѣдалъ поздно въ своемъ клубѣ, гдѣ поймалъ какого-то скромнаго юношу, который не знаетъ, какъ отъ него избавиться, и рассказываетъ ему съ ожесточеніемъ анекдоты о Бэгстокѣ, сэрѣ, на свадьбѣ у Дѳмби, и о лордѣ Финиксѣ, чертовски джентльменистомъ пріятелѣ стараго Джоэ Б. А лордъ Финиксъ, которому слѣдовало бы спать спокойно въ отели Лонга, очутился, самъ не зная какъ; передъ игорнымъ столомъ, къ которому его привели своенравныя ноги, можетъ-статься, даже наперекоръ его собственному желанію.

Ночь, какъ исполнитъ, наполняетъ церковь отъ помоста до крыши и владычествуетъ въ часы тишины и общаго спокойствія. Бѣдный разсвѣтъ снова заглядываетъ въ окна; потомъ уступаетъ мѣсто дню, видитъ, какъ ночь скрывается подъ сводами склеповъ, слѣдуетъ за нею, выгоняетъ ее, и прячется между мертвецами. Робкія мыши снова толпятся между собою, когда церковная дверь отворяется съ громомъ, и входятъ мистеръ Соундсъ и мистриссъ Миффъ. Опять треугольная шляпа одного и огорченная шляпка другой стоятъ поодаль во время свадебной церемоніи, и опять этотъ мужчина беретъ въ замужство эту женщину, на торжественномъ условіи:

«Съ сего дня на будущее время, въ радости и горѣ, въ богатствѣ и бѣдности, въ здоровьи и болѣзни, передъ лицомъ Всевышняго, любить другъ друга неизмѣнно, пока смерть не разлучитъ ихъ.»

Эти уже самыя слова повторяетъ мистеръ Каркеръ, ѣдущій верхомъ по городу, съ зубами, оскаленными до-нѣльзя.

ГЛАВА II.

ДЕРЕВЯННЫЙ МИЧМАНЪ РАЗБИВАЕТСЯ.

Честный капитанъ Коттль, не взирая на многія недѣли, пронесшіяся надъ его укрѣпленнымъ убѣжищемъ, продолжалъ по-прежнему принимать предосторожности противъ внезапнаго нападенія со стороны мистриссъ Мэк-Стинджеръ. Капитанъ полагалъ свое настоящее спокойное положеніе слишкомъ-непрочнымъ, зная, что въ штиль надобно всегда ожидать крѣпкаго вѣтра: увѣренный въ непреклонномъ характерѣ мистриссъ Мэк-Стинджеръ, онъ не могъ допустить, чтобъ она отеклась отъ мысли отыскать его и взять въ плѣнъ. Въ-слѣдствіе того, капитанъ Коттль велъ самую уединенную и затворническую жизнь, рѣдко выходилъ изъ дома до сумерекъ, да и то отваживался только пускаться по самымъ темнымъ улицамъ; по воскресеньямъ онъ не выходилъ вовсе, и вообще избѣгалъ женскихъ шляпокъ внутри и внѣ мѣста своего укрывательства, какъ-будто подъ этими шляпками точили на него зубы голодные львы.

Капитану и во снѣ не грезилась возможность воспротивиться мистриссъ Мэк-Стинджеръ, еслибъ она вдругъ атаковала его на улицѣ. Онъ чувствовалъ, что этого нельзя сдѣлать никакъ. Воображеніе рисовало ему картину, какъ его въ такомъ случаѣ преспокойно усадятъ въ наемный кабріолетъ и повезутъ на старую квартиру: если онъ разъ туда попадетъ, ему нѣтъ спасенія; лакированная шляпа исчезнетъ; мистриссъ Мэк-Стинджеръ не спуститъ его съ глазъ ни днемъ, ни ночью; юные Мэк-Стинджеры засыплютъ его упреками, и онъ будетъ преступнымъ предметомъ недовѣрчивости и подозрѣнія — чудовищемъ въ глазахъ дѣтей и уличеннымъ измѣнникомъ въ глазахъ ихъ матери.

Сильная испарина и унылое расположеніе духа находили на капитана Коттля каждый разъ, какъ подобная мрачная картина носилась передъ его умственными взорами. Это начиналось всегда передъ тѣмъ, какъ онъ собирался выйти украдкою на улицу для освѣженія своего тѣла моціономъ. Понимая всю великость опасности, капитанъ въ такихъ случаяхъ имѣлъ обыкновеніе прощаться съ Робомъ-Точильщикомъ торжественно, какъ прилично челоуѣку, который не знаетъ навѣрно, суждено ли ему воротиться или нѣтъ: онъ увѣщевалъ Роба, еслибъ ему пришлось потерять его, капитана Коттля, надолго изъ вида — идти путемъ добродѣтели и хорошенько чистить мѣданные инструменты.

Чтобъ не отказаться навсегда отъ вѣроятности спасенія и имѣть возможность сообщаться съ внѣшнимъ міромъ въ случаѣ бѣды, капитанъ Коттль возмимѣлъ счастливую мысль научить Роба ка-

кому—нибудь секретному опознавательному сигналу, посредствомъ котораго этотъ подчиненный могъ бы дать знать о своемъ присутствіи и неизмѣнной преданности бѣдствующему командирѹ. Послѣ долгаго размышленія, капитанъ придумалъ, что лучше всего выучить Роба-Точильщика насвистывать мелодію извѣстной матросской пѣсни, общепринятой при тягѣ стеньг-вантъ или задрайкѣ найтововъ, и оканчивающейся припѣвомъ: «Ой-о-го! Ой-о-го!» Когда Робъ достигъ въ этомъ упражненіи приблизительнаго совершенства, до какого могъ дойти житель берега, капитанъ далъ ему слѣдующія инструкціи:

— Ну, пріятель, не зѣвай на брасахъ! Если я какимъ-нибудь случаемъ буду взятъ...

— Взятъ, капитанъ? прервалъ Робъ, раскрывъ прешироко свои круглые глаза.

— Гм! сказалъ капитанъ мрачно: — если я когда-нибудь уйду съ тѣмъ, чтобъ воротиться къ ужину, и не явлюсь на горизонтѣ черезъ сутки, ступай ты на Бриг-Плэсъ и свищи эту музыку около того мѣста, гдѣ я прежде былъ ошвартовденъ — да дѣлай это не такъ, понимаешь? чтобъ оно казалось съ намѣреніемъ, а какъ-будто тебя случайно надрейфовало туда. Если я отвѣчу тѣмъ же, поворачивай черезъ фордевиндъ и уплывай, а потомъ приходи опять черезъ сутки; но если я отвѣчу другимъ напѣвомъ, ты будешь лежать то на одномъ, то на другомъ галсѣ, и ждать новыхъ сигналовъ. Понимаешь?

— Гдѣ же я буду лежать то на чемъ-то одномъ, то на другомъ, капитанъ? Подлѣ троттуара?

— Вотъ умная голова! воскликнулъ капитанъ, бросивъ на него строгій взглядъ. — Да ты не знаешь азбуки! Это значить отойди немножко и потомъ приходи назадъ, попеременно—понялъ наконецъ?

— Понялъ, капитанъ.

— Такъ смотри же, не забывай, и дѣлай, какъ я тебѣ сейчасъ толковалъ, сказалъ капитанъ, видимо смягченный.

Желая лучше напечатлѣть свои наставленія въ умѣ Роба, капитанъ удостоивалъ иногда дѣлать по вечерамъ, когда лавка была заперта, репетиція этимъ сценамъ: онъ нарочно удалялся въ кабинетъ, какъ-будто въ жилище мнимой мистриссъ Мак-Стинджеръ, и тщательно наблюдалъ исподтишка за дѣйствіями своего союзника. Робъ выполнялъ свою роль такъ умно и отчетливо, что послѣ подобныхъ экзаменовъ получалъ отъ капитана въ разныя времена семь шестипенсовиковъ, въ знакъ его благоволенія. Наконецъ, капитанъ предался волѣ Божіей, какъ человекъ, приготовившійся къ худшему и принявшій противъ ударовъ неумолимаго рока всѣ внушаемые благоразуміемъ предосторожности.

Не смотря на то, капитанъ Коттль не искушалъ злой судьбины безразсудною отвагой и былъ остороженъ по-прежнему. Хотя онъ считалъ непрѣмѣнною обязанностью—будучи другомъ семейства и

человѣкомъ, нечуждымъ свѣтскихъ обычаевъ — присутствовать на свадьбѣ мистера Домби (о которой узналъ отъ Перча) и показать этому джентльмену пріятную и одобрительную мину съ галереи, но поѣхалъ въ церковь въ наемномъ кабріолетѣ, у котораго подъялъ и завѣсилъ обѣ рамы; онъ врядъ ли бы рикнулъ даже и на это, еслибъ не вспомнилъ, что мистриссъ Мэк-Стинджеръ считается усердною почитательницею Мельхиседека, благочестиваго проповѣдывателя «выспренняго убѣжденія», и отъ-того, по всей вѣроятности, не удостоитъ заглянуть въ англиканскій храмъ.

Капитанъ Коттль возвратился домой благополучно и опять пошелъ по всегдашней колеѣ своей новой жизни, нетревожимый ничѣмъ, кромѣ ежедневно-появлявшагося количества женскихъ шляпокъ на улицѣ. Но за то другіе предметы лежали тяжкимъ бременемъ на душѣ капитана. О «Сынѣ и Наслѣдникѣ» не было никакихъ вѣстей; о Соллѣ Джиллсѣ также. Флоренса даже не знала, что бѣдный старикъ исчезъ, а у капитана Коттля не стало духу сказать ей объ этомъ. Капитанъ, по-мѣрѣ-того, какъ его собственныя надежды на спасеніе благороднаго, отважнаго юноши, котораго онъ любилъ на свой суровый ладъ съ самаго его ребячества, стали погасать и гасли съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе, чувствовалъ инстинктивную, болѣзненную боязнь встрѣтиться съ Флоренсою. Имѣя онъ для нея добрыя вѣсти, то не побоялся бы великолѣпна наново-отдѣланнаго дома и богатой мебели — что все, вмѣстѣ съ надменнымъ видомъ молодой супруги мистера Домби, наводило на капитана благоговѣйный страхъ — и провалился бы къ Флоренсѣ. Но теперь, онъ едва-ли бы испугался посѣщенія мистриссъ Мэк-Стинджеръ болѣе, чѣмъ посѣщенія Флоренсы.

Былъ темный, холодный, осенній вечеръ, и капитанъ Коттль велѣлъ развести огонь въ каминѣ маленькаго кабинета, больше чѣмъ когда-нибудь похожаго на каюту. Дождь дробилъ неумолчно и вѣтеръ ревѣлъ изо всѣхъ силъ; поднявшисъ наверхъ, въ обдуваемую бурями спальню своего стараго друга, капитанъ почувствовалъ невольное замираніе сердца и упалъ духомъ. Выпедъ на парашетъ, обратясь лицомъ къ холодному вѣтру и хлещущему дождю, и взглянувъ, какъ мокрые шивалы проносились надъ крышами сосѣднихъ домовъ, капитанъ тщетно искалъ какой-нибудь утѣшительной надежды. Видъ подлѣ, подъ рукою, былъ не отраднѣе: голуби Роба-Точильщика, жавшіеся въ чайныхъ и другихъ ящикахъ, ворковали какъ плачущіе асыры; ржавый флюгеръ-мичманокъ съ телескопомъ у глаза, нѣкогда замѣтный съ улицы, но теперь давно уже заслоненный кирпичными постройками, стоялъ на своемъ извѣденномъ временемъ и непогодами желѣзномъ штырѣ, дико вращаемый рѣзкими, немилосердными порывами. На синей штормовой курткѣ капитана, холодныя дождевыя капли дробились какъ стальные четки, и самъ онъ едва устоялъ противъ напора крѣпкаго норд-веста, сдлившагося сбить его съ ногъ на

мостовую. «Если въ этотъ вечеръ надежда жива гдѣ-нибудь, то, конечно, забралась въ мѣстечко потеплѣе, а не торчитъ за дверями», подумалъ капитанъ и воротился въ комнату.

Медленно спустился капитанъ въ кабинетикъ и сѣлъ въ кресла противъ камина; потомъ закурилъ трубку, попробовалъ успокоиться стаканомъ грока—но надежда не проглядывала ни въ красноватомъ пламени, ни въ облакахъ табачнаго дыма, ни на днѣ стакана. Онъ прошелся раза два по лавкѣ и сталъ искать надежды между инструментами; но они упрямо вели счисленіе пропавшаго «Сына и Наслѣдника» къ «пришедшему пункту», который находился на днѣ бурнаго моря.

Вѣтръ продолжалъ дуть и дождь дробить въ закрытые ставни дома; капитанъ привелъ въ дрейфъ противъ поставленнаго на ночь на залавокъ деревяннаго мичмана и подумалъ, отирая рукавомъ мокрый мундиръ этого офицера, сколько протекло лѣтъ, въ теченіе которыхъ деревянные глаза его не видали тутъ почти никакой переменны, а теперь всѣ переменны пришли какъ-будто разомъ, въ одинъ день! Давно ли въ кабинетѣ сидѣло всегдашнее его маленькое общество, а теперь оно разбросано Богъ-знаетъ куда: теперь нѣкому слушать балладу объ «очаровательной Пегъ», еслибъ и нашелся охотникъ спѣть ее—а нѣкому спѣть, потому-что, по внутреннему убѣжденію капитана, онъ одинъ могъ это сдѣлать, но ему было не до балладъ. Теперь въ домѣ не видать веселаго лица «Валяра»... при мысли о немъ рукавъ капитана перешелъ на минуту съ мундира деревяннаго мичмана къ его собственной шекѣ; парикъ и очки дяди Солля сдѣлались уже видѣніемъ прошлыхъ временъ; Ричардъ Виттингтонъ, трижды лорд-мэръ Лондона, разбитъ на голову; всѣ планы и замыслы, зародившіеся подъ выѣскою деревяннаго мичмана, дрейфуютъ безъ мачтъ и руля по водной пустынѣ!

Мысли эти вертѣлись въ головѣ капитана, и онъ продолжалъ тереть рукавомъ мундиръ маленькаго деревяннаго мичмана, отчасти въ разсѣянности, отчасти изъ нѣжности къ старому знакомцу, какъ вдругъ раздался у дверей стукъ. Робъ, сидѣвшій на залавкѣ съ вытарашенными на капитана круглыми глазами и обдумывавшій въ птисотый разъ, не лежитъ ли на его душѣ смертоубійство, что совѣсть его такъ безпокойна и онъ всегда прячется — Робъ привскочилъ съ мѣста въ испугѣ.

— Это что? сказалъ тихо капитанъ.

— Кто-то стучится, отвѣчалъ Робъ-Точильщикъ.

Капитанъ Коттль, съ робкимъ и преступнымъ видомъ, немедленно убрался на ципочкахъ въ кабинетъ и заперся въ немъ. Робъ, отворивъ дверь, приготовился вступить въ переговоры, на случай, еслибъ это была посѣтельница; но, увидя мужчину, онъ впустилъ его безпрепятственно, и тотъ вбѣжалъ, весьма-довольный, что укрылся отъ проливнаго дождя.

— Новая работа Боргессу и Компани! сказалъ онъ, глядя съ состраданіемъ на свой забрызганный грязью костюмъ.

— О! здоровы ли вы, мистеръ Джилльсъ?

Вопросъ этотъ адресовался къ капитану, выходявшему изъ кабинета съ самымъ прозрачно-притворнымъ безпечнымъ видомъ.

— Благодарствуйте, продолжалъ джентльменъ, не переводя духу.—Я совершенно здоровъ, очень вамъ благодаренъ. Мое имя Тутсъ—*мистеръ* Тутсъ!

Капитанъ припомнилъ, что видѣлъ его на свадьбѣ, и поклонился. Мистеръ Тутсъ сконфузился по своему обыкновенію, задышалъ тяжело, долго трясъ капитана за руку и потомъ, какъ-будто не находя другаго средства выпутаться изъ бѣды, бросился на Роба-Точильщика и сталъ трясти и его руку съ самымъ радушнымъ видомъ.

— Послушайте, мистеръ Джилльсъ, мнѣ надобно переговорить съ вами, знаете, о миссъ Д. О. М., понимаете?

Капитанъ съ приличною важною и таинственною указалъ мистеру Тутсу крючкомъ на дверь кабинета и вошелъ туда вмѣстѣ съ нимъ.

— О! извините, однако! сказалъ Тутсъ, глядя въ лицо капитану и усѣвшись противъ камина:—вы, можетъ-быть, вовсе не знаете Боеваго-Пѣтуха?

— Пѣтуха?

— Да.

Капитанъ покачалъ головою отрицательно, и мистеръ Тутсъ объяснилъ, что Боевой-Пѣтухъ, иначе Чиккенъ, тотъ самый знаменитый боксеръ, который побѣдилъ Нобби изъ Шропшира, чѣмъ капитанъ былъ, по-видимому, не весьма просвѣщенъ.

— Онъ за дверьми, вотъ и все, сказалъ мистеръ Тутсъ:—но это ничего; онъ, можетъ-быть, не слишкомъ промокнетъ.

— Можно позвать его.

— О, еслибъ вы позволили ему посидѣть въ лавкѣ вмѣстѣ съ вашимъ молодымъ человѣкомъ! А то онъ разсердится. Я позову его, мистеръ Джилльсъ?

Съ этими словами онъ подошелъ къ дверямъ лавки и свиснулъ особеннымъ образомъ въ темноту осенней ночи. На этотъ сигналъ явился стоической комплекціи джентльменъ въ бѣломъ косматомъ сюртукѣ, низенькой шляпѣ, весьма-коротко обстриженный, съ нереломленнымъ переносемъ и значительнымъ пустопорожнимъ пространствомъ за обоими ушами.

— Садитесь, Чиккенъ.

— А что, нѣтъ здѣсь ничего подручнаго? спросилъ вообще, не адресуясь ни къ кому, усаживающійся Чиккенъ:—Такая ночь крута для человѣка, который живетъ своимъ званіемъ.

Капитанъ Коттль предложилъ стаканъ рома, который Чиккенъ влилъ въ себя залпомъ, какъ въ бочку, промзнеся краткій тостъ:

«Намъ!» Мистеръ Тутсъ и капитанъ возвратились въ кабинетъ, и Тутсъ началъ:

— Мистеръ Джилльсъ...

— Стопъ такъ! Мое имя Коттль.

Мистеръ Тутсъ сконфузился до нѣльзя, а капитанъ продолжалъ съ важностью:

— Кэптенъ Коттль мое имя; Англія моя нація, а вотъ здѣсь я живу. Поняли?

— О! А мнѣ нужно видѣть мистера Джилльса! Могу ли его видѣть? Мнѣ...

— Еслибъ вы могли видѣть Солля Джилльса, сказалъ выразительно капитанъ, положивъ тяжкую руку на колено мистера Тутса:—то-есть, стараго Солля, замѣтите—вашими собственными глазами, я бы обрадовался вамъ больше, чѣмъ заштилѣвшій корабль вѣтру съ кормы. Но вы не можете видѣть Солля Джилльса. А почему?—А потому-что онъ невидимъ.

— О!

— Да. Я смотрю здѣсь за него, по его запискѣ. И хоть онъ былъ мнѣ все равно, что родной братъ, а я не знаю, куда онъ ушелъ и зачѣмъ ушелъ. Зачѣмъ ли, чтобъ искать своего племянника, или просто отъ разстройства въ головѣ — объ этомъ я знаю не больше васъ. Разъ на разсвѣтѣ онъ отправился за бортъ, безъ всплеска и круговъ! Я искалъ этого человѣка вездѣ, на водѣ и на берегу, и съ того дня не видалъ и не слыхалъ его.

— О! Но, Боже мой, миссъ Дѳмби и не знаетъ...

— А спрошу васъ, если въ васъ есть христіанская душа, зачѣмъ ей знать объ этомъ? Зачѣмъ ей знать, когда горю помочь нечѣмъ? Она такъ полюбила стараго Солля Джилльса, привязалась къ нему такъ нѣжно—эта милая, добрая, удивительная... да что вамъ толковать?.. Вы ее сами знаете.

— Надѣюсь, проговорилъ Тутсъ, вспыхнувъ дальше ушей.

— И вы пришли отъ нея?

— Да.

— Ну, такъ вотъ что я вамъ скажу: вы пришли сюда по сигналу настоящаго ангела!

Мистеръ Тутсъ съ живостью схватилъ капитана за руку и сталъ просить его дружбы.

— Увѣряю васъ честью, я буду вамъ очень-обязанъ, если вы согласитесь быть знакомымъ со мною. Я бы очень-очень желалъ этого, капитанъ. Право, я нуждаюсь въ другѣ. Маленькій Дѳмби былъ мнѣ другомъ у стараго Блимбера, и былъ бы имъ и теперь, еслибъ не умеръ, бѣдненькій! Чиккенъ, продолжалъ онъ печальнымъ шопотомъ: — очень-хорошъ, удивителенъ въ своемъ родѣ; всѣ говорятъ, что нѣтъ удара и манеры, которыхъ бы онъ не зналъ—но я не знаю... онъ не все. Такъ, она сущій ангелъ, капитанъ! Если есть гдѣ-нибудь ангелъ, это миссъ Дѳмби. Вотъ что

я всегда говорилъ! Но, право, капитанъ, я буду вамъ очень обязанъ, если вы согласитесь быть короче знакомы со мною!

Капитанъ Коттль принялъ это предложеніе учтиво, но не сдаваясь еще. Онъ сказалъ только: «Есть такъ, пріятель! Посмотримъ, посмотримъ! Эй, эй!» Послѣ этого онъ напомнилъ мистеру Тутсу о цѣли его посѣщенія.

— Дѣло въ томъ, отвѣчалъ Тутсъ: — что я пришелъ отъ той молодой женщины, знаете, Сузанны Нипперъ... Не отъ миссъ Домби, а отъ нея.

Капитанъ кивнулъ головою, какъ-будто желая выразить, что эта особа пользуется особеннымъ его уваженіемъ.

— И я вамъ скажу, какъ это случилось. Знаете, я иногда дѣлаю визиты миссъ Домби. Не то, чтобъ я ходилъ нарочно для этого, знаете, а мнѣ очень-часто случается быть тамъ по сосѣдству. А когда я бываю въ тѣхъ мѣстахъ, ну, вотъ... вотъ я и захожу.

— Натурально, замѣтилъ капитанъ.

— Вотъ я и зашелъ сегодня подъ вечеръ. Клянусь вамъ честью, невозможно составить себѣ понятія, какимъ ангеломъ миссъ Домби была сегодня подъ вечеръ!

Капитанъ махнулъ крѣпкимъ, давая знать, что ему легко составить себѣ объ этомъ понятіе.

— Когда я вышелъ оттуда, молодая женщина, знаете, Сузанна Нипперъ, вдругъ повела меня неожиданно въ чуланъ.

Капитану, по-видимому, это обстоятельство не совсѣмъ понравилось; откинувшись назадъ въ креслахъ, онъ смотрѣлъ на мистера Тутса съ недовѣрчивымъ, если не съ угрожающимъ лицомъ.

...—Куда она принесла вотъ эту газету и говорить, что прятала ее пѣлый день отъ миссъ Домби, найдя въ ней какія-то особенныя извѣстія, о чемъ-то извѣстномъ ей и миссъ Домби. Она прочитала ихъ мнѣ. Хорошо. Потомъ она сказала... постоитъ минуту, что такое она сказала?..

Мистеръ Тутсъ встрѣтилъ въ это время устремленный на него строгій взглядъ капитана, смутился и чуть не потерялъ окончательно нить своего разсказа.

— О! А! Да! продолжалъ онъ послѣ долгаго припоминанія. — Да! Она сказала, что не совсѣмъ вѣрить истинѣ написаннаго тутъ въ газетѣ; а такъ-какъ сама не можетъ выпутаться изъ затрудненія и боится испугать миссъ Домби, то и проситъ меня сходить въ эту улицу, къ мистеру Соломону Джилльсу, инструментальному мастеру, дядѣ молодого джентльмена, о которомъ онъ заботится, и спросить у него, правду ли говоритъ газета, и не знаютъ ли чего-нибудь вѣрнѣе въ Сити. Она сказала, что если мнѣ не удастся поговорить съ мистеромъ Джилльсомъ, то отыскать капитана Коттля, то-есть васъ!

Капитанъ взглянулъ съ безпокойствомъ на газету, которую мистеръ Тутсъ держалъ въ рукѣхъ.

— Ну, вотъ! А я здѣсь такъ поздно, потому-что зашелъ напередъ въ Фінчли, гдѣ растетъ превосходнѣйшій мурослѣпъ, и купилъ его для птички миссъ Дѳмби. Вы видѣли газету?

Капитанъ, неохотно читавшій газеты, опасаясь найти въ нихъ публикацію на свой счетъ со стороны мистриссъ Мэк-Стинджеръ, затрясъ головою.

— Прочитать вамъ то мѣсто, капитанъ?

На утвердительный знакъ его, мистеръ Тутсъ прочиталъ слѣдующее:

«Соутамптонъ. Барка Дефайэнсъ, капитанъ Генри Джемсъ, пришла сегодня въ нашъ портъ съ грузомъ сахара, кофе и рома, и «увѣдомила, что, заштилѣвъ на шестой день перехода отъ Ямайки, «въ широтѣ и долготѣ такой-то, знаете...»

— Есть такъ! Наполняй паруса, пріятель!

«...Широтѣ и долготѣ такой-то, часовой на бакѣ замѣтилъ, за полчаса до солнечнаго заката, нѣсколько обломковъ разбитаго судна, которые несло волненіемъ въ разстояніи около мили. Такъ-какъ погода была ясная и судно штилевало, то спустили шлюпку съ приказаніемъ осмотрѣть видѣнный предметъ: нашли, что онъ «состоялъ изъ нѣсколькихъ рангоутныхъ деревьевъ и части вооруженія грот-мачты, а также части кормы, на которой ясно можно было прочесть надпись «Сынъ и На...». На обломкахъ не «нашли мертвыхъ тѣлъ. По шанечному журналу Дефайэнса видно, что, послѣ задувшаго ночью вѣтерка, обломки были унесены «изъ вида. Нѣтъ сомнѣнія, что брикъ «Сынъ и Наслѣдникъ», изъ «Лондона, шедшій въ Барбадось, погибъ невозвратно, что онъ утонулъ въ прошедшій ураганъ, и что всѣ бывшіе на немъ погибли.»

Капитанъ Коттль, какъ и все человѣчество, не зналъ самъ, сколько надежды таилось въ немъ при всемъ его прежнемъ уныніи, пока она не получила окончательнаго смертельнаго удара. Пока мистеръ Тутсъ читалъ параграфъ газеты, и съ минуту послѣ, капитанъ смотрѣлъ на него какъ человѣкъ отуманенный; потомъ, поднявшись вдругъ и надѣвъ лакированную шляпу, которую снялъ было изъ вѣжливости къ посѣтителю, повернулся къ нему спиною и опустилъ голову на доску камня.

— О, клянусь честью! воскликнулъ Тутсъ, котораго доброе сердце было глубоко тронуто неожиданною для него горестью капитана:—что это за несчастный свѣтъ! Вѣчно кто-нибудь умираетъ, или пропадаетъ, или страдаетъ. Еслибъ я зналъ это, то, право, не сталъ бы столько хлопотать о своемъ наслѣдствѣ. Я никогда не видалъ такого ужаснаго свѣта; право, въ немъ хуже, чѣмъ у Блимбера.

Капитанъ Коттль, не перемѣняя своего положенія, просилъ Тутса не обращать на него вниманія.

— Вал'ръ, мой милый мальчъ, прощай! Прощай, Вал'ръ, дитя мое, я любилъ тебя! Онъ не былъ моимъ сыномъ, продолжалъ капитанъ.

глядя на огонь:—но я чувствую то же самое, что чувствуетъ отецъ, когда терять сына. А почему? А потому-что тутъ не одна потеря, а цѣлая дюжина потерь. Гдѣ этотъ розовый мальчикъ съ кудрявыми волосами, который бѣгалъ, бывало, сюда изъ школы каждую недѣлю, такой веселый, такой рѣзвый? Утонулъ съ Вал'ромъ! Гдѣ этотъ свѣжій бойкій малый, который не уставалъ ни отъ чего и такъ красивъ, когда мы подшучивали надъ нимъ на счетъ нашей удивительной миссъ? Утонулъ съ Вал'ромъ! Гдѣ этотъ молодецъ съ такимъ огнемъ, который не хотѣлъ допустить, чтобъ старикъ Солль ни на минуту не выходилъ изъ вѣтра, и совсѣмъ забылъ про себя? Утонулъ съ Вал'ромъ! Тутъ былъ не одинъ Вал'ръ, а цѣлая дюжина Вал'ровъ, которыхъ я зналъ и любилъ, и всѣ они утонули!

Мистеръ Тутсъ молчалъ, и только свертывалъ и складывалъ зловѣщую газету.

— А Солль Джилльсъ, бѣдный старикъ, куда дѣвался ты? Последнія слова Вал'ра были: «берегите дялюшку Солля»,—гдѣ ты? Что я напишу о тебѣ въ шканечномъ журналѣ, на который смотритъ сверху Вал'ръ?

Капитанъ тяжело вздохнулъ.

— Послушайте, молодецъ, скажите этой молодой женщинѣ прямо и честно, что несчастный вѣсти слишкомъ-вѣрны. Видите, они о такихъ вещахъ не пишутъ небывлицъ: извѣстiе взято изъ шканечнаго журнала, а это самая вѣрная книга, какая только есть на свѣтѣ. Завтра утромъ я пойду собирать справки, да это ни къ чему не послужитъ! Нечего и думать. Приспуститесь сюда завтра поутру, а молодой женщинѣ скажите отъ капитана Коттля, что все кончено... кончено!

И капитанъ, вынувъ изъ лакированной шляпы носовой платокъ, отеръ имъ свою сѣдую голову и потомъ снова бросилъ платокъ въ шляпу съ равнодушiемъ глубокаго отчаянiя.

— О! увѣрю васъ, право, мнѣ его очень-жаль, хотя и не зналъ этого джентльмена, сказалъ мистеръ Тутсъ. — Какъ вы думаете, капитанъ Джилльсъ... я хочу сказать мистеръ Коттль, это очень опечалитъ миссъ Домби?

— Богъ съ вами, возразилъ капитанъ, какъ-будто сострадая о невинности Тутса:—да оба они были вотъ такiе маленькiе, а ужъ любили другъ друга какъ голубкi.

— О! не-уже-ли? сказалъ мистеръ Тутсъ, котораго лицо значительно вытянулось при этомъ извѣстiи.

— Они были какъ-будто нарочно созданы другъ для друга. Да что въ этомъ теперь!

— Клянусь вамъ честью, право, я теперь огорченъ еще больше, чѣмъ прежде. Знаете, капитанъ Джилльсъ, я, я просто обожаю миссъ Домби; я, я совершенно боленъ любовью къ ней, а потому меня очень, очень огорчаетъ всякое ея огорченiе, какая бы ему ни была причина. Знаете, капитанъ, я люблю ее безъ эгоизма; для

меня, капитанъ Джилльсъ, было бы величайшей радостью, еслибъ меня задавили лошади... или... или расшибло чѣмъ-нибудь, или... или меня бы сбросили съ очень-высокаго мѣста, или все, что хотите, для миссъ Дѳмби. Вотъ въ какомъ родѣ я люблю ее!

Все это мистеръ Тутсъ проговорилъ въ-полголоса, не желая, чтобъ слышалъ его Чиккенъ, который не допускалъ нѣжныхъ ощущеній. Капитанъ Коттль, невольно тронутый такою безкорыстною любовью, потрепалъ его по спинѣ и совѣтовалъ ободриться и привести круче къ вѣтру.

— О, благодарю васъ, капитанъ Джилльсъ! Вы не можете себя представить, какъ я вамъ благодаренъ. Вы очень-добры, что говорите такъ, не смотря на ваше собственное горе. Я, право, нуждаюсь въ другѣ и буду очень-счастливъ вашимъ знакомствомъ. Хотя денегъ у меня довольно, продолжалъ онъ съ большою энергійей:—вы не можете вообразить, что я за жалкое животное! Глупая толпа считаетъ меня удивительнымъ счастливецемъ, когда видятъ вмѣстѣ съ Чиккеномъ или другими въ родѣ его; но я просто несчастливъ. Я мучусь отъ миссъ Дѳмби, капитанъ Джилльсъ. Обѣды мнѣ надоѣдаютъ; портной мой также наскучилъ, и я часто плачу, когда остаюсь одинъ. Увѣряю васъ, я съ радостью прийду къ вамъ завтра и готовъ прийдти хоть пятьдесятъ разъ!

Мистеръ Тутсъ, съ этими словами, пожалъ капитану руку, постарался скрыть по возможности отъ пронизательнаго взгляда Чиккена слѣды своего волненія и присоединился къ нему въ лавкѣ. Боевой-Пѣтухъ, которому очень не хотѣлось потерять даже часть своего прибыльнаго влiянiя надъ Тутсомъ, смотрѣлъ на капитана Коттля, видя, какъ онъ прощался съ его патрономъ, очень-немилостиво. Они вышли, не говоря ни слова и оставя капитана подавленнаго горестью, а Роба-Точильщика восторженнымъ до нѣльзя отъ счастья, что ему удалось выпучить глаза въ-продолженiе цѣлаго получаса на побѣдителя знаменитаго Нобби изъ Шропшира.

Робъ давно спалъ крѣпкимъ сномъ подъ залавкомъ, а капитанъ Коттль все еще смотрѣлъ на огонь камина; огонь давно уже погасъ, а капитанъ все продолжалъ смотрѣть на ржавыя желѣзныя полосы, съ печальными мыслями о Валтерѣ и дядѣ Соллѣ. Капитанъ не нашелъ успокоенiя наверху, въ щтормовой спальнѣ, и всталъ на другое утро грустный и неосвѣженный благодѣтельнымъ сномъ.

Лишь-только отперлись конторы въ Сити, капитанъ Коттль отправился въ принадлежавшiя фирмѣ Дѳмби и Сына. Въ то утро ставни деревяннаго мичмана не отворялись: Робъ-Точильщикъ, по приказанiю капитана Коттля, оставилъ ихъ закрытыми, и домъ смотрѣлъ домомъ смерти.

Случилось, что мистеръ Каркеръ входилъ въ конторы въ то самое время, когда къ нимъ приблизился капитанъ, который молча и серьезно принявъ зубастую улыбку управляющаго, и взявъ смѣлость послѣдовать за нимъ въ кабинетъ.

— Ну, что, капитанъ Коттль? сказалъ мистеръ Каркеръ, уста-

вась въ своемъ обычномъ положеніи противъ камина и не снимая шляпы:— плохія дѣла!

— Вы прочитали новость въ газетѣ, сэръ?

— Да, мы ее получили! Это справедливо. Страховщики въ значительномъ убыткѣ. Намъ очень-жаль. Нечего дѣлать! Такова жизнь!

Мистеръ Каркеръ занялся обдѣлкой перочиннымъ ножичкомъ своихъ нѣжныхъ ногтей и смотрѣлъ съ улыбкою на стоявшаго въ дверяхъ капитана.

— Мнѣ очень-жаль бѣднаго Гэя и всего экипажа. Я слыхалъ, что тамъ было нѣсколько человекъ изъ нашихъ лучшихъ людей. Много семейныхъ также. Утѣшительно, что у бѣднаго Гэя не было семейства, капитанъ Коттль!

Капитанъ стоялъ, потирая себѣ подбородокъ и глядя на управляющаго. Управляющій взглянулъ на нѣсколько нераспечатанныхъ писемъ, положенныхъ на письменный столъ, и взялъ газету.

— Могу я сдѣлать для васъ что-нибудь, капитанъ Коттль? спросилъ онъ съ ласковымъ и выразительнымъ взглядомъ на дверь.

— Я хотѣлъ успокоить свою душу, сэръ, на счетъ одной вещи, которая ее тревожитъ.

— А! что же это такое? Только вамъ надобно поспѣшить разсказывать, капитанъ. Я очень занятъ.

— Вотъ видите, сэръ. Прежде, чѣмъ мой пріятель Валъръ отправился въ свой несчастный вояжъ...

— Полноте, капитанъ! зачѣмъ говорить о несчастныхъ вояжахъ? Здѣсь намъ дѣлать нечего съ несчастными вояжами, мой любезный. Вы вѣрно принялись очень-рано за свою дневную порцію, если забыли, что всѣ путешествія, по землѣ и по водѣ, подвержены случайностямъ. Вы вѣрно не мучитесь мыслью, что молодой... какъ его зовутъ, погибъ въ дурную погоду, которая поднялась противъ него въ этихъ конторахъ, не правда ли? Перестаньте, капитанъ! Сопъ и сода-ватеръ самыя лучшія лекарства отъ безпокойствъ такого рода.

— Если вы, возразилъ съ разстановкою капитанъ:—шутите надъ такими вещами, то вы не тотъ джентльменъ, какимъ мнѣ сначала показались, и мнѣ есть о чемъ безпокоиться. Дѣло вотъ въ чемъ, мистеръ Каркеръ. Прежде, чѣмъ мой Валъръ снялся съ якоря, онъ все увѣрялъ меня, будто идетъ не на счастье и не ждетъ себѣ ничего хорошаго; я ему не вѣрилъ и пошелъ сюда; а какъ вашею главнаго губернатора не было дома, то я и рѣшился сдѣлать юпрота два вамъ. Вы отвѣтили какъ нельзя попутѣе. Теперь, когда все кончено, я и хочу успокоить свою совѣсть, и попросить васъ сказать мнѣ прямо, былъ ли Валъръ правъ или нѣтъ? Точно ли хорошій вѣтръ дулъ ему въ паруса изъ вашихъ конторъ, когда онъ поднялъ марсафалы и снялся съ якоря въ Барбадосъ? Мистеръ Каркеръ, мы съ вами сошлись въ тотъ разъ такъ хорошо... если я теперь не имѣю той пріятности, по случаю бѣдствія моего Валъра,

или если я какъ-нибудь промахнулся передъ вами, то нима мое Эд'раъ Коттль, и я прошу у васъ прощенія.

— Капитанъ Коттль, возразилъ управляющій со всевозможною вѣжливостію: — я долженъ просить васъ объ одномъ одолженіи.

— А чѣмъ могу служить, сударь?

— Убратся отсюда, если вамъ угодно, и перенести вашъ бредъ куда-нибудь въ другое мѣсто.

Каждая шишка на лицѣ капитана побѣлѣла отъ изумленія и негодованія; даже красный рубецъ на лбу сталъ исчезать, какъ радуга среди сгущающихся тучъ.

— Я вамъ скажу вотъ что, капитанъ Коттль, сказалъ управляющій, грозя ему пальцемъ и показывая всѣ зубы, но все еще улыбаясь съ любезностію: — я былъ съ вами слишкомъ-снисходителемъ, когда вы пришли сюда въ первый разъ. Вы принадлежите къ разбору людей лукавыхъ и интригующихъ. Желая спасти молодого... какъ его зовутъ, отъ неудовольствія быть прогнаннымъ въ шею отсюда, мой любезный капитанъ, я оказалъ вамъ снисхождение; но только на одинъ разъ, понимаете? не больше. Теперь, ступайте вонъ, мой любезный!

Капитанъ какъ-будто приросъ къ полу и не могъ выговорить ни слова.

— Ступайте, сказалъ добродушный управляющій, подбирая фалды и раздвинувъ ноги передъ каминомъ:—какъ человѣкъ разсудительный, и не заставляйте насъ прибѣгать къ неприятымъ мѣрамъ, въ родѣ изгнанія васъ силою. Еслибъ самъ мистеръ Дѳомбъ былъ здѣсь, то вамъ пришлось бы уйти отсюда болѣе-неприятнымъ образомъ; но я очень-добрь и говорю только: ступайте!

Капитанъ, положивъ себѣ на грудь огромную ручищу, чтобы облегчить спешееся дыханіе, оглядѣлъ мистера Каркера съ головы до ногъ и потомъ осматривался, вокругъ себя, какъ-будто не понимая, гдѣ онъ и съ кѣмъ.

— Вы хитры, капитанъ Коттль, продолжалъ Каркеръ съ развязною откровенностію свѣтскаго человѣка, котораго не приведетъ въ негодованіе никакое открытіе дурныхъ поступковъ, если они не касаются непосредственно его собственной особы:—но до двѣ вашей хитрости можно еще достать лотомъ, такъ же какъ и до замысловъ вашего отсутствующаго друга. Что вы дѣлали съ вашимъ отсутствующимъ другомъ, а?

Капитанъ снова наложилъ руку на грудь. Перевода съ трудомъ духъ, онъ проговорилъ шопотомъ:—«Не зѣвай на брасахъ!»

— Вы составляете премиленькіе заговоры, держите между собой премиленькіе совѣты и принимаете у себя премиленькихъ посѣтительницъ, капитанъ, а? Но являться сюда послѣ этого уже слишкомъ-дерзко, и это не отзывается вашимъ всегдашнимъ благороднымъ уміемъ! Вы, заговорщики и хитрецы и бѣглецы, должны бы были посметливѣе. Не угодно ли обязать меня вашимъ уходомъ?

— Пріятель! проговорилъ капитанъ задыхающимся и дрожащимъ

щимъ голосомъ, между-тѣмъ, какъ на стиснутомъ кулакѣ его происходило странное движеніе:—я бы желалъ сказать тебѣ многое, но не знаю, въ какой части трюма завалены у меня слова. Пріятель мой Вал'ръ утошулъ и это сбиваетъ меня съ курса, какъ видишь. Но мы съ тобою еще сойдемся когда-нибудь въ жизни борть-о-борть!

— Это будетъ вовсе-неразсчитливо съ вашей стороны, любезный капитанъ, возразилъ управляющій съ тою же откровенностью:—потому-что въ такомъ случаѣ, пріймите честное предостереженіе: я открою и обнаружу васъ. Я нисколько не имѣю притязаній быть добродѣтельнѣе моихъ ближнихъ, любезный капитанъ; но довѣренность этого дома, или кого-нибудь изъ его членовъ, не будетъ употреблена во зло, пока я пользуюсь глазами и ушами. Добраго дня! И онъ кивнулъ очень-дружески головою.

Капитанъ Коттль, посмотрѣвъ пристально на мистера Каркера, который смотрѣлъ ему въ глаза также прямо и пристально, вышелъ изъ комнаты; мистеръ Каркеръ остался съ раздвинутыми ногами передъ огнемъ, спокойный и любезный, какъ-будто на душѣ его не было ни малѣйшаго пятнышка, точно такъ же, какъ на тонкомъ бѣлоснѣжномъ бѣльѣ. Проходя черезъ конторы, капитанъ взглянулъ на письменный столъ, за которымъ обыкновенно сидѣвалъ Валтеръ: мѣсто его занималъ теперь другой мальчикъ, съ такимъ же свѣжимъ и бодрымъ лицомъ, какъ у него, когда они распивали втроемъ, въ кабинетикѣ дяди Солля, предпоследнюю бутылку знаменитой мадеры. Воспоминанія эти принесли капитану большую пользу: онъ укротили его гнѣвъ и вызвали слезу на глаза.

Пришедъ снова къ деревянному мичману и усѣвшись въ темномъ углу лавки, капитанъ почувствовалъ, что негодование его, какъ оно ни было сильно, не могло устоять противъ горести. Гнѣвъ казался ему оскорбленіемъ памяти погибшаго юноши, а всѣ на свѣтѣ живые лжецы и плуты были ничто въ-сравненіи съ честностью и правдивостью одного мертваго друга.

Въ такомъ состояніи духа, честный капитанъ понялъ несомнѣнно-ясно одно, кромѣ потери Валтера: что съ нимъ вмѣстѣ утонулъ почти весь міръ капитана Коттля. Если онъ упрекалъ себя иногда за содѣйствіе невинному обману Валтера, то утѣшался мыслью о томъ мистерѣ Каркерѣ—не теперешнемъ—котораго уже никакія моря не могли возратить; или о томъ мистерѣ Домби, который, какъ онъ началъ постигать, унесся также далеко; или объ «удивительной миссъ», съ которою ему уже никогда не прійдется видѣться; или объ «очаровательной Пегъ», этой крѣпко-выстроенной изъ тика балладѣ, которая теперь разбилась въ дребезги объ утесистый подвѣтренный берегъ. Капитанъ, сидя въ темной лавкѣ, думалъ обо всѣхъ этихъ вещахъ, забывъ совершенно о нанесенной незадолго ему самому горькой обидѣ, и смотрѣлъ

печально въ землю, какъ-будто мимо его проносились за корму обломки всего, что доставляло ему отраду.

Капитанъ Коттль вспомнилъ, однако, о требуемыхъ обычаемъ приличіяхъ, которыя рѣшился соблюсти въ честь бѣднаго Валтера. Поднявъ на ноги Роба-Точильщика, храпѣвшаго изо всѣхъ силъ въ темнотѣ искусственныхъ сумерекъ среди бѣлаго дня, капитанъ направился вмѣстѣ съ нимъ къ ветошнику и купилъ немедленно двѣ пары траурныхъ костюмовъ—одну для Роба, непомятно узкую и короткую, и другую для себя, непомятно широкую. Онъ также купилъ для Роба шляпу, соединявшую въ себѣ удобства головныхъ уборовъ моряковъ и угольщиковъ, и вообще извѣстную подъ техническимъ названіемъ «зюйд-вестки» — явленіе совершенно-новое въ инструментальномъ мастерствѣ. Оба немедленно надѣли этотъ трауръ и возбуждали удивленіе всѣхъ, съ кѣмъ встрѣчались на улицахъ идучи домой.

Въ такомъ преобразенномъ состояніи, капитанъ принялъ мистера Тутса. «Меня теперь обстенило, пріятель», сказалъ онъ ему: «новости худыя. Скажите молодой женщинѣ, чтобъ она осторожнѣе сказала объ этомъ своей госпожѣ, и чтобъ обѣ онѣ вовсе перестали обо мнѣ думать».

Капитанъ отложилъ до другаго удобнѣйшаго времени упроченіе знакомства своего съ мистеромъ Тутсомъ и отпустилъ его отъ себя. Правду сказать, капитанъ Коттль до того упалъ духомъ, что въ этотъ день не принималъ почти никакихъ предосторожностей противъ вторженія мистриссъ Мак-Стинджеръ. Къ вечеру, однако, онъ нѣсколько поправился и долго говорилъ о Вал'рѣ Робу-Точильщику, котораго при этомъ случаѣ похвалилъ за внимательность и вѣрность. Шпіонъ Робъ выслушалъ эти похвалы не краснѣя, выпуча на капитана глаза и притворившись растроганнымъ, а между-тѣмъ старался не забыть ни одного его слова, съ предательствомъ, подававшимъ самыя блистательныя надежды.

Когда Робъ расположился на постели подъ залавкомъ, капитанъ зажегъ свѣчу, надѣлъ очки (онъ считалъ необходимою носить очки сдѣлавшись продавцомъ оптическихъ и другихъ инструментовъ, хотя имѣлъ зрѣніе соколиное) и открылъ въ молитвенникѣ погребальное богослуженіе. Читая его потихоньку про себя, въ маленькомъ кабинетикѣ, и пріостанавливаясь по-временамъ, чтобъ отереть глаза, капитанъ мысленно передалъ тѣло Валтера вѣчному покою въ волнахъ.

ГЛАВА III.

Противоположности.

Обратимъ взоры на два жилища, отдѣленные большимъ разстояніемъ другъ отъ друга, хотя оба весьма-недалеки отъ предѣловъ огромнаго города Лондона.

Первое находится въ зеленой и лѣсистой сторонѣ около Норвуда. Это не барскій замокъ; въ немъ нѣтъ притязаній на великолѣпие, но устроено оно превосходно и содержитъ съ самымъ изящнымъ вкусомъ. Лугъ, отлогій, мягкій скать, цвѣтникъ, клумбы деревьевъ, гдѣ видны граціозныя формы ивы и клѣна, оранжерея, сельская верранда, по столбамъ которой выются благоухающія ползучія растенія; простая наружность дома, хорошо-устроенныя службы — все это обнаруживаетъ комфортъ, котораго было бы достаточно для дворца. Тотъ, кому это покажется, не ошибется: внутри дома дѣйствительно нарстуетъ самая изящная роскошь. Богатые цвѣта, чрезвычайно-искусно перемѣшанные между собою, встрѣчаютъ взоры на каждомъ шагу — на превосходной мѣбели, удивительно соразмѣренной съ величиною маленькихъ комнатъ, на стѣнахъ, на полахъ; они вездѣ облегчаютъ и дѣлаютъ приятнымъ для глазъ свѣтъ, входящій сквозь окна и стеклянныя двери. Тамъ можно также видѣть нѣсколько отличныхъ картинъ и гравюръ; въ уютныхъ уголкахъ нѣтъ недостатка въ книгахъ; есть бильярдъ, столики для разныхъ игръ, требующихъ счастья или искусства, какъ-то: шахматы фантастическихъ фигуръ, карты, кости, триктракъ и т. п.

А между-тѣмъ, среди всего утонченнаго комфорта, есть въ самомъ воздухѣ что-то производящее непріятное впечатлѣніе — отъ-того ли, что ковры и подушки слишкомъ-мягки и безшумны, такъ-что ступающіе по нимъ, или покоящіеся на нихъ, дѣйствуютъ какъ-будто исподтишка, — отъ-того ли, что гравюры и картины не изображаютъ великихъ подвиговъ, не олицетворяютъ великихъ идей, или не передаютъ природы въ ландшафтахъ и видахъ, а дышать однимъ только сладострастіемъ, — отъ-того ли, что на раззолоченныхъ переплетахъ книгъ видны заглавія, дѣлающія ихъ приличными сотоварищами гравюръ и картинъ, — отъ-того ли, что среди повсемѣстнаго изящества и роскоши видно тамъ-и-сямъ намѣреніе обнаружить смиреніе, которое такъ же лживо, какъ лицо того слишкомъ-вѣрно написаннаго портрета, или оригинала его, сидящаго въ креслахъ за завтракомъ, — или, можетъ-быть, отъ-того, что ежедневное дыханіе хозяина оставляетъ на всемъ отдѣляющіяся при этомъ тонкія частицы его-самого, которыя папечатлѣваютъ на всѣ предметы общее выраженіе его собственнаго характера!

Въ креслахъ сидитъ мистеръ Каркеръ-управляющій. Отличный попугай карабкается по проволокамъ полированной клѣтки, тербить ихъ клювомъ и вскрикиваетъ по-временамъ; но мистеръ Каркеръ не обращаетъ на него вниманія, а смотритъ съ задумчивою улыбкой на картину, повѣшенную на противоположной стѣнѣ.

— Какое странное случайное сходство! сказалъ онъ.

Можетъ-быть, это Юнонэ; можетъ-быть, жена Пентефія; можетъ-быть, какая-нибудь надменная нимфа — смотря потому, какъ вздумали окрестить ее продавцы картинъ. Это женская фигура не-

обыкновенной красоты, которая, отворачиваясь, но съ обращеннымъ къ зрителю лицомъ, бросаетъ ему гордый взглядъ.

Она походить на Эднѣ.

Мистеръ Каркеръ сдѣлалъ рукою жестъ, адресовавшійся къ картинѣ... Какъ! угроза? Нѣтъ; однако нѣчто похожее на угрозу. Знакъ торжества? Нѣтъ; однако нѣчто еще болѣе похожее на него. Наглое привѣтствіе? Нѣтъ; однако похоже и на это. Потомъ онъ принялся снова за прерванный ненадолго завтракъ и ласково крикнулъ разгнѣванной птицѣ, которая вошла въ подвѣшенное полъ вершинкою клѣтки позолоченное кольцо — похожее формою на обручальное — и начала раскачиваться взадъ и впередъ къ большому удовольствію своего хозяина.

Другое жилище — у противоположной стороны Лондона, около мѣстъ, гдѣ большая сѣверная дорога въ столицу, нѣкогда кипѣвшая дѣятельностью, теперь почти-совершенно запустѣла и оживляется только изрѣдка пѣшеходами. Тутъ бѣдный маленькій домикъ, скудно меблированный, но чрезвычайно-опрятный; видно, однако, желаніе украсить его, обнаруживающееся въ простыхъ цвѣтахъ, насаженныхъ у входа и въ тѣсномъ палисадникѣ. Мѣстоположеніе домика не имѣетъ въ себѣ ничего ни сельскаго, ни городскаго — это ни городъ, ни деревня. Городъ, какъ исполнивъ въ дорожныхъ сапогахъ, перешагнувъ черезъ него и уперъ свою кирпично-известковую пяту далеко впереди; а промежуточное пространство между его ступнями — не городъ, а только пустырь. Здѣсь-то, посреди нѣсколькихъ высокихъ трубъ, изрыгающихъ днемъ и ночью черный дымъ, посреди кирпичныхъ заводовъ и аллей, гдѣ вырѣзываютъ турфъ, гдѣ обваливаются заборы, гдѣ растетъ покрытая пылью крапива, гдѣ еще виднѣются плетни, куда заходятъ иногда птицеловы — здѣсь можно найти это второе жилище.

Живущая въ немъ обитала нѣкогда въ первомъ жилищѣ, но оставила его, рѣшившись послѣдовать сюда за отверженнымъ братомъ. Съ нею удалился изъ перваго дома его духъ-искупитель, а изъ груди его хозяйина одинокій ангелъ; но хотя онъ пересталъ любить сестру за то, что называетъ неблагодарнымъ бѣгствомъ, и хотя теперь совершенно ее оставилъ, однако даже онъ не можетъ забыть ее окончательно. Доказательство этому ея цвѣтникъ, въ который нога его никогда не ступаетъ, но который поддерживается среди всѣхъ дорогихъ передѣлокъ и измѣненій точь-въ-точь въ томъ видѣ, какъ-будто она только вчера его оставила!

Гарриетъ Каркеръ перемѣнилась съ-тѣхъ-поръ, и на красоту ея легла тѣнь тяжеле той, которую налагаетъ время само-по-себѣ, какъ оно ни всемогуще — тѣнь горести и безпокойства и ежедневной борьбы съ бѣдностью. Но все-таки это красота — кроткая, тихая, скромная красота, которую надобно найти, потому-что сама она не можетъ себя выказывать, или еслибъ и могла, то была бы тѣмъ же, что теперь, не больше.

Да. Эта стройная, легкая фигура небольшого роста, съ ангель-

скимъ терпѣнiемъ, одѣтая въ простыя ткани и выражающая въ своей наружности только скучныя домашнiя добродѣтели, въ которыхъ такъ мало общаго съ принятыми понятiями о героизмѣ и величii души (развѣ, если лучъ ихъ блеснетъ иногда въ жизни великихъ, и тогда онъ превращается въ созвѣздіе, за которымъ слѣдятъ прямо въ небеса)—эта стройная, легкая фигура небольшого роста, съ ангельскимъ терпѣнiемъ на лицѣ, опирающаяся на мужчину не стараго, но уже сѣдаго и отжившаго—сестра его, та самая сестра, которая одна изъ цѣлаго свѣта присоединилась къ нему въ его позорѣ, вложила руку въ его руку и съ кроткою рѣшимостью повела его, какъ ангелъ благодати, по пустынному жизненному пути.

— Еще рано, Джонъ, сказала она. — Зачѣмъ ты уходишь такъ рано?

— Немногими минутами раньше обыкновеннаго, Гэрриетъ. Если достанетъ времени, мнѣ бы хотѣлось—это фантазія—пройти разъ мимо дома, гдѣ я съ нимъ простился.

— Какъ жаль, что я никогда не знала и не видала его, Джонъ.

— Вспомни его участь. Лучше, другъ мой, такъ, какъ оно есть.

— Но еслибъ я даже знала его, то не могла бы жалѣть о немъ больше теперешняго. Развѣ твое горе не мое горе, Джонъ? Мы бы тогда могли говорить о немъ, и это было бы для тебя отрадою, и тебѣ было бы со мною не такъ скучно.

— Милая сестра, не-уже-ли есть на свѣтѣ что-нибудь, чѣмъ бы ты могла сдѣлаться мнѣ отраднѣе или ближе? Я чувствую, ты какъ-будто знала его, Гэрриетъ, какъ-будто раздѣляла мою къ нему привязанность.

Она обвила рукою, покоившеюся на плечѣ брата, его шею и отвѣчала съ легкою нѣрѣшимостью:

— Нѣтъ... не совсѣмъ.

— Правда, правда! Ты думаешь, что я не сдѣлалъ бы ему никакого вреда, допустивъ познакомиться съ собою покороче?

— Думаю? Я увѣрена въ этомъ.

— Но репутація его была для меня такъ драгоценна, что я не могъ губить ее такимъ образомъ, и мнѣ легче на совѣсти... Онъ пріостановился, стараясь одолѣть свою грусть, и прибавилъ съ улыбкой: «до свиданiя!»

— До свиданiя, милый Джонъ! Вечеромъ я встрѣчу тебя по дорогѣ домой, въ обыкновенное время. До свиданiя.

Радушное лицо, поднявшееся для братскаго поцалуя, было его домомъ, жизнью, вселенной, но вмѣстѣ съ тѣмъ частью его горя и наказанiя: въ облакѣ на немъ—хоть это облако было ясно и спокойно, какъ самое лучезарное облако при закатѣ солнца—въ постоянномъ самоотверженiи ея и въ пожертвованiи всеми удобствами и увеселiями жизни, изобилiемъ и надеждою, видѣлъ онъ горькіе плоды своего стараго преступленiя, плоды постоянно-зрѣлые и свѣжіе.

Она стояла на порогѣ и смотрѣла ему вслѣдъ, сложивъ небрежно руки. Каждый разъ, какъ онъ оглядывался—это случилось раза два—радушное лицо сестры освѣщало ему сердце животворнымъ лучомъ; но когда онъ скрылся изъ вида по своему неровному пути и не могъ ее видѣть, на глазахъ ея выступили слезы.

Задумчивая Гэрриетъ Каркеръ не долго оставалась праздною у дверей. Ей предстояло отправленіе ежедневныхъ обязанностей, въ которыхъ не было и тѣни героической поэзіи—и она дѣятельно предалась смиреннымъ домашнимъ заботамъ. Сдѣлавъ все, что было нужно и приведя бѣдный домикъ въ чистоту и порядокъ, она пересчитала свой скудный денежный капиталъ и пошла съ задумчивымъ лицомъ за покупками для стола, рассчитывая, какъ бы по возможности сберечь нѣсколько пенсовъ. Вотъ какъ жалко существованіе такихъ смиренныхъ душъ, которыя не только не кажутся великими въ глазахъ своихъ лакеевъ или горничныхъ, но не шмѣютъ даже ни лакеевъ, ни горничныхъ, передъ которыми имъ хотѣлось бы казаться великими!

Пока она была въ отсутствіи и домъ оставался пустымъ, къ нему приближался по дорогѣ, противоположной взятому Джономъ Каркеромъ направленію, одинъ джентльменъ больше чѣмъ среднихъ лѣтъ, но съ прямымъ станомъ и здоровымъ, открытымъ лицомъ, которое сіяло добродушіемъ. Брови его были еще черны, такъ же какъ часть волосъ, хотя между ними просѣдъ была уже очень замѣтна и очень шла къ его широкому лбу и честнымъ глазамъ.

Постучавшись въ дверь и не получивъ отвѣта, джентльменъ сѣлъ на скамью подъ навѣсомъ крыльца. Особенное движеніе пальцевъ, которымъ онъ аккомпанировалъ по скамейкѣ разнымъ отрывкамъ мелодій, обозначала, по-видимому, музыканта, а необыкновенное удовольствіе, доставленное ему какимъ-то весьма-протяжнымъ напѣвомъ, который было бы очень-трудно разобрать, показывало ученаго музыканта. Джентльменъ пробовалъ какую-то тѣму, которую варіировалъ на разные лады, не останавливаясь ни на одномъ, какъ показала Гэрриетъ, возвращавшаяся домой. Онъ всталъ и пошелъ къ ней на встрѣчу съ обнаженной головою.

— Вы опять пришли, сударь! сказала она, запинаясь.

— Да, я осмѣлился. Могу ли просить удѣлить мнѣ пять минутъ вашего досуга?

Послѣ краткой нерѣшимости, она отворила дверь и впустила его въ свою маленькую пріемную. Джентльменъ сѣлъ противъ нея, и голосомъ, вполне соответствовавшимъ его наружности, съ чрезвычайно-привлекательною простотою сказалъ:

— Миссъ Гэрриетъ, вы не можете быть горды, хоть и говорили это, когда я посѣтилъ васъ въ то утро. Простите, если скажу, что я смотрѣлъ вамъ тогда въ лицо, и что оно вамъ противорѣчило. Я смотрю на него опять, и оно противорѣчитъ вамъ больше и больше.

Она смутилась и не нашла отвѣта.

— Лицо ваше—зеркало истины и кротости. Простите, что я вѣрнулся ему и возвратился.

Тонъ, которымъ онъ сказалъ это, совершенно отнималъ у его словъ характеръ комплимента. Онъ говорилъ просто, серьезно, чистосердечно, и Гэрриетъ наклонила голову, какъ-будто благодаря за искренность.

— Разница въ нашихъ лѣтахъ и прямота моего намѣренія позволяютъ мнѣ высказать мои мысли. Я такъ думаю, и вотъ почему вы видите меня въ другой разъ.

— Есть особенный родъ гордости, сударь, или то, что можно назвать гордостью, но что дѣйствительно составляетъ только чувство долга. Надѣюсь, что я не имѣю другой гордости.

— Для себя?

— Для себя.

— Но, извините меня... для вашего брата Джона?

— Я горжусь его любовью, сударь, возразила Гэрриетъ, глядя гостю прямо въ глаза и съ твердостью, отъ которой голосъ ея нѣсколько дрожалъ: — я горжусь имъ. Вы, сударь, которому, по страннымъ обстоятельствамъ, извѣстна исторія его жизни...

— Я рассказалъ ее вамъ единственно для того, чтобъ получить право на вашу довѣренность. Ради Бога, не думайте...

— Я увѣрена, что вы воскресили ее въ моемъ воспоминаніи съ благороднымъ намѣреніемъ. Я убѣждена въ этомъ.

— Благодарю васъ, отвѣчалъ онъ, поспѣшно пожавъ ей руку: — вы отдаете мнѣ справедливость, будьте увѣрены. Вы хотѣли сказать, что я, которому извѣстна исторія Джона Каркера...

— Можете удивиться, когда я говорю, что горжусь имъ. Но это правда. Было время, когда этого не было, когда этого не могло быть, но оно прошло. Смирение многихъ лѣтъ, безжалобное искушение, истинное раскаяніе, ужасная горестъ, страданіе, которое ему причиняетъ даже моя привязанность (онъ воображаетъ, что она стоитъ мнѣ дорого, когда Небу извѣстно какъ я счастлива, еслибъ только не печаль его!.. о, сударь, послѣ всего, что я видѣла, умоляю васъ, если вы человѣкъ съ вліяніемъ надъ ближними, не наказывайте никогда, ни за какое преступленіе, наказаніемъ безвозвратнымъ!

— Вашъ братъ сталъ другимъ человѣкомъ, возразилъ джентльменъ съ состраданіемъ.—Я никогда въ этомъ не сомнѣвался, увѣряю васъ.

— Онъ былъ другимъ человѣкомъ, когда сдѣлалъ свой проступокъ, но теперь онъ сталъ тѣмъ, чѣмъ создалъ его Богъ, вѣрете мнѣ.

— Но мы, сказалъ поствититель, потирая себѣ лобъ и говоря какъ-будто про себя, и потомъ начиная барабанить по столу пальцами: —мы живемъ какъ заведенныя часы, день за днемъ, и не можемъ слѣдить за этими переѣнами, ни замѣчать ихъ хода. Онъ... онъ метафизическаго свойства; а мы... намъ на это нѣтъ времени, да и

не достаёт духу. Этому не учатъ въ школахъ, и мы не знаемъ, какъ приняться за такія наблюденія. Короче, мы такой чертовски-дѣловой народъ! воскликнулъ онъ, подойдя съ досадою къ окну и потомъ опять усѣвшись на свое мѣсто.

— Право, продолжалъ онъ послѣ краткой паузы и снова потирая себѣ лобъ: — эта машипальная, работающая жизнь, все та же день за днемъ, примирить человѣка со всѣмъ на свѣтѣ. Не видишь ничего, не слышишь ничего, не знаешь ничего—вотъ несомнѣнный фактъ! Мы все дѣлаемъ по привычкѣ, хорошее и дурное. Единственнымъ оправданіемъ передъ совѣстью, когда мнѣ прійдется разсчитываться съ нею на смертномъ одрѣ, будетъ привычка. Привычка, скажу я; я былъ глухъ, нѣмъ, слѣпъ, безчувственъ къ миллиону вещей по привычкѣ. Все это очень-хорошо, и очень по дѣловому, мистеръ... какъ васъ зовутъ, скажетъ совѣсть, да это здѣсь не принимается!

Джентльменъ всталъ, опять подошелъ къ окну и потомъ вернулся назадъ, серьезно-разстроенный, хотя это разстройство и выражалось такъ оригинально.

— Миссъ Гэрриетъ, сказалъ онъ, усѣвшись снова подлѣ нея: — позвольте чѣмъ-нибудь служить вамъ. Взгляните на меня! Я долженъ смотрѣть честнымъ человѣкомъ, потому-что въ эту минуту, право, убѣжденъ въ своей честности. Такъ ли?

— Да, отвѣчала она съ улыбкой.

— Я вѣрю каждому вашему слову. Упрекаю себя какъ-нельзя-больше за то, что могъ бы знать то и другое, видѣть то и другое, и знать васъ давнымъ-давно въ-теченіе этихъ двѣнадцати лѣтъ, а между-тѣмъ не замѣчалъ и не видѣлъ ничего, и не зналъ васъ. Я, право, едва постигаю, какъ очутился здѣсь, будучи работъ не только своихъ привычекъ, но привычекъ другихъ людей! Но, очутившись здѣсь, прошу васъ позволить мнѣ что-нибудь сдѣлать. Я прошу объ этомъ со всѣмъ почтеніемъ, которое вы мнѣ внушаете въ высочайшей степени. Позвольте мнѣ быть вамъ полезнымъ.

— Мы довольны, сударь.

— Нѣтъ, нѣтъ, не совѣмъ. Я увѣренъ, что не совѣмъ. Есть разные мелочные комфорты, которые могутъ уладить жизнь вамъ и ему... И ему! повторилъ онъ, думая произвести этимъ больше впечатлѣнія.—Я имѣлъ привычку думать, что для него ничего нельзя сдѣлать, что все уже сдѣлано... короче, я имѣлъ привычку не думать объ этомъ вовсе. Теперь, я другой человѣкъ. Позвольте сдѣлать что-нибудь для него. Вы сами, прибавилъ онъ съ осторожностью:—должны беречь свое здоровье ради его, а я боюсь, что оно слабѣетъ.

— Кто бы вы ни были, сударь, отвѣчала Гэрриетъ, смотря ему въ глаза:—пріймите мною глубокую благодарность. Я вполне убѣждена, что ваша единственная цѣль—сдѣлать намъ добро. Но годы прошли съ-тѣхъ-поръ, какъ мы начали эту жизнь; отнять у

моего брата хоть часть того, чѣмъ онъ сдѣлался для меня до такой степени драгоценнымъ, чѣмъ доказаль рѣшимость загладить прежнее, отнять хотя часть достоинства его безпомощнаго, темнаго, забытаго перерожденія, значило бы уменьшить отраду, которая будетъ его и моимъ удѣломъ, когда настануть минуты, о которыхъ вы сейчасъ говорили. Слезы эти выразятъ вамъ мою благодарность лучше словъ. Вѣрьте имъ, прошу васъ.

Джентльменъ былъ растроганъ и съ благоговѣніемъ прижалъ къ губамъ протянутую ему руку.

— Если ему когда-нибудь, хоть отчасти возвратятъ положеніе, котораго онъ лишился...

— Возвратятъ! воскликнулъ гость съ живостью. — Какъ можно этого надѣяться? Въ чьихъ рукахъ власть сдѣлать это? Я убѣжденъ въ словахъ своихъ, если скажу, что безцѣнная отрада жизни вашего брата есть главная причина ненависти, которую обнаруживаетъ къ нему братъ его!

— Вы коснулись предмета, о которомъ даже между нами никогда не говорится ни слова.

— Прошу прощенія. Я бы долженъ былъ понимать это. Забудьте мою неумышленную ошибку. Теперь, переставъ настаивать (я не имѣю на это права), прошу позволить мнѣ, человѣку чужому для васъ, хотя и не совсѣмъ-чужому, просить о двухъ милостяхъ.

— О какихъ?

— Первая: если вы увидите какую-нибудь причину отступить отъ вашей теперешней рѣшимости, допустите меня быть вашею правою рукою. Тогда имя мое будетъ къ вашимъ услугамъ; оно бесполезно теперь и весьма-незначительно всегда.

— Мы не можемъ затрудняться въ выборѣ друзей, отвѣчала Гэрриетъ съ грустною улыбкой. — Принимаю ваше первое предложеніе.

— Вторая милость состоитъ въ томъ, чтобъ вы позволили мнѣ иногда—скажемъ, хоть по понедѣльникамъ, утромъ, въ девять часовъ... опять привычка!—непремѣнно надобно дѣлать все по дѣловому... проходя мимо, видѣть васъ у окна или у дверей. Не прошу позволенія входить, такъ-какъ въ эти часы вашего брата уже не будетъ дома; но прошу позволенія говорить съ вами; я желаю только одного, для своей собственной душевной отрады, видѣть, что вы здоровы и напоминать вамъ, безъ докучливости, что вы имѣете друга, пожилаго друга, уже сѣдаго и сѣдѣющаго все больше и больше, которымъ вы всегда можете располагать.

Радужное лицо взглянуло на гостя, повѣрило ему и обѣщало.

— Я подразумеваю по-прежнему, сказалъ гость вставая: — что вы не располагаете говорить о моемъ посѣщеніи Джону Каркеру, котораго, конечно, можетъ огорчить знакомство мое съ его исторіей. Я этому отчасти радъ, такъ-какъ это выходитъ изъ обыкновеннаго порядка вещей, и—снова привычка! заключилъ онъ съ не-

терпѣнїемъ:—какъ—будто нѣтъ порядка вещей лучше обыкновеннаго порядка!

Съ этимъ онъ пошелъ не надѣвая шляпы до самой улицы, и простился съ Гэрриетъ съумѣвъ такъ удачно соединить безпредѣльную почтительность съ непритворнымъ участіемъ, которому не можетъ научить никакое воспитаніе, которому не можетъ не довѣрить прямотушіе, и которое можетъ выразить только чистое и благородное сердце.

Посѣщеніе его возбудило въ душѣ сестры Джона Каркера многія полузабытыя чувства. Прошло уже столько времени съ-тѣхъ-поръ, какъ ни одинъ гость не переступалъ черезъ порогъ ихъ жилища; столько времени съ-тѣхъ-поръ, какъ ни чей голосъ участія не раздавался прїятною музыкой въ ухахъ ея! Фигура гостя, рисовалась передъ ея воображеніемъ долго послѣ его ухода, когда она сидѣла подлѣ окна, усердно работая иглою; ей казалось, что все имъ сказанное повторяется слово-въ-слово въ ея слухѣ. Онъ дотронулся до пружины, открывавшей всю жизнь ея, и если она потеряла его изъ вида на короткое время, то онъ скрылся только между многими другими образами одного великаго воспоминанія, изъ котораго была составлена эта жизнь.

Размышляя и работая понеремѣнно, то принуждая себя на долгій промежутокъ времени къ непрерывному движенію иглки, то роняя работу изъ рукъ и уносясь воображеніемъ вслѣдъ за болѣдѣтельными мыслями, Гэрриетъ Каркеръ сидѣла, не замѣчая теченія часовъ и не вида, какъ утро замѣнялось днемъ. Утро, ясное и свѣтлое, постепенно подернулось облаками; задулъ рѣзкій вѣтеръ, похлынул дождь и холодная пасмурность, павшая на отдаленный городъ, скрыла его изъ вида.

Она часто смотрѣла съ состраданіемъ въ такую погоду на пробиравшихся къ Лондону путниковъ. Они брели по большой дорогѣ, усталые, съ разболѣвшимися отъ ходьбы ногами, и смотрѣли болязненно впередъ, на огромный городъ, какъ—будто предчувствуя, что ихъ собственныя страданія тамъ будутъ не больше, какъ капля въ морѣ, или песчинка на побережьѣ; они шли впередъ, ёжась и кутаясь отъ сердитой погоды, и смотря такъ, какъ-будто самыя стѣхи Лондона отвергають ихъ. День-за-днемъ тянулись мимо ея такіе странники, но всегда, ей казалось, по одному направленію, всегда къ городу. Поглощаемые въ томъ или другомъ фазисѣ его немѣлкости, къ которой ихъ тянуло, по-видимому, отчаяннымъ обаяніемъ, они никогда не возвращались. Какъ-будто обреченные для богаделень, кладбищъ, тюремъ, дна рѣки, горячекъ, сумасшествія, порока и смерти, они влеклись впередъ, къ равущему въ отдаленіи нудовищу—и гибли.

Пронзательный вѣтеръ вылъ, дождь лилъ ливнемъ, и день угрюмо темнѣлъ, когда Гэрриетъ, поднявъ глаза отъ работы, которою давно уже занялась съ узорнымъ прилежаніемъ, увидѣла приближеніе одного изъ этихъ скитальцевъ.

Это была женщина, одинокая женщина лѣтъ тридцати, высокая, хорошо-сложенная, прекрасная собою, нищенски-одѣтая; разнородная почва многихъ проселочныхъ дорогъ въ разные погоды, пыль, мѣлъ, грязь, глина, дресва—налипли слоємъ на ея сѣромъ платьѣ и стекали съ него, разведенныя мокротою; голова безъ шляпки и роскошные черные волосы защищались отъ дождя только оборваннымъ платкомъ; раздувающимися концами его и волосами вѣтръ ослѣплялъ ее, и она часто останавливалась, чтобъ отодвинуть ихъ назадъ и смотрѣть на дорогу, по которой шла.

Въ одну изъ такихъ минутъ, ее замѣтила Гэрриетъ. Когда руки странницы, раздѣляясь на загорѣломъ отъ солнца лбу, стирали лицо и освобождали его отъ докучливыхъ помѣхъ, на немъ видѣлись беззаботная, дикая красота, безстрашное и развратное равнодушіе больше, чѣмъ къ одной только погодѣ, озлобленное пренебреженіе ко всему, чѣмъ бы ни могли разразиться надъ ея обнаженною головою небо и земля—все это, вмѣстѣ съ ея одиночествомъ и нищетою, тронуло сердце сестры—женщины. Гэрриетъ подумала обо всемъ, что было развращено и унижено внутри странницы, такъ же какъ и на ея наружности, о скромныхъ украшеніяхъ души, теперь ожесточенной и закаленной, какъ прелести тѣла, о многихъ дарахъ Творца, брошенныхъ въ добычу вѣтрамъ, какъ въ беспорядкѣ разметанные волосы, обо всей прекрасной нравственной развалинѣ, на которую теперь вѣяла буря и напускалась ночь.

Думая объ этомъ, Гэрриетъ не отвернулась съ сентиментальнымъ негодованіемъ, слишкомъ-обыкновеннымъ у многихъ изъ прекраснаго пола, но пожалѣла о ней.

Падшая сестра приближалась, глядя далеко впередъ, стараясь пронзить одѣвавшій городъ туманъ жадными взорами и посяматривая по временамъ на обѣ стороны съ одичалымъ и недоумѣвающимъ видомъ чужеземца. Хотя поступь ея была смѣла и беззаботна, но она казалась весьма-утомленною и, послѣ минутной нерѣшимости, сѣла на груду камней, не ища убѣжища отъ дождя и давъ ему полную волю мочить себя сколько угодно.

Это случилось противъ самаго дома Каркера-Младшаго. Поднявъ голову, которую поддерживала нѣсколько секундъ обѣими руками, скиталица встрѣтилась взорами съ Гэрриетъ.

Въ одно мгновеніе Гэрриетъ очутилась у дверей; скиталица, по ея знаку, подпаясь и медленно пошла къ ней, съ прежнимъ ожесточеннымъ выраженіемъ лица.

— Зачѣмъ вы остаетесь на дождѣ? кротко спросила Гэрриетъ.

— Затѣмъ, что мнѣ нѣкуда укрыться.

— Но здѣсь по близости много убѣжищъ. Здѣсь, указывая на свой маленькій навѣсъ: — вамъ будетъ лучше, нежели тамъ, гдѣ вы сидѣли. Отдохните здѣсь.

Скиталица взглянула на нее съ недоумѣнностью и удивленіемъ, но безъ малѣйшей тѣни выраженія благодарности. Сѣвъ подъ навѣсомъ, она сняла одинъ изъ своихъ изношенныхъ башма-

ковъ, чтобъ вытряхнуть набившіеся въ него камни и песокъ. Нога была изрѣзана, и изъ нея текла кровь.

На сострадательное восклицаніе Гэрриетъ, путница подняла голову съ презрительною и недовѣрчивою улыбкой.

— Что мнѣ такое разсѣченная нога? И что значить разсѣченная нога у такой, какъ я, для такой, какъ вы?

— Войдите, обмойте ногу, отвѣчала Гэрриетъ ласково:—и позвольте принести что-нибудь, чѣмъ перевязать ее.

Женщина схватила ея руку, притянула къ своимъ глазамъ, закрыла ихъ ею и заплакала—заплакала не какъ женщина, но какъ суровый мужчина, невзначай поддавшійся такой слабости—съ бурнымъ волноніемъ груди и усиліемъ превозмочь себя, показавшимъ, какъ подобныя ощущенія были ей несвойственны.

Она допустила ввести себя въ домъ, и тамъ, очевидно больше изъ благодарности, чѣмъ изъ заботливости о самой-себѣ, обмыла и перевязала больное мѣсто. Тогда Гэрриетъ поставила передъ нею что нашлось изъ ея собственнаго скромнаго обѣда, и когда странница поѣла очень-умѣренно, просила ее, чтобъ она прежде, чѣмъ пойдетъ дальше, обсушила платье передъ огнемъ. Опять, больше изъ благодарности, чѣмъ изъ малѣйшей заботливости о самой-себѣ, она сѣла передъ каминомъ и развязала на головѣ платокъ; густые мокрые волосы высыпались ниже пояса, и она выжимала ихъ руками, вперивъ глаза на пламя.

— Я полагаю, вы думаете, что я нѣкогда была хороша, сказала она, внезапно поднявъ голову.—Я то же думаю; я знаю, что была хороша. Смотрите сюда!

Она сурово приподняла свои волосы, какъ-будто хотѣла вырвать ихъ изъ головы, потомъ откинула ихъ назадъ, какъ связку змѣй.

— Вы въ здѣшнемъ мѣстѣ чужая? спросила Гэрриетъ.

— Чужая! возразила та, приостанавливаясь послѣ каждаго отрывистаго отвѣта и глядя на огонь.—Да; чужая, лѣтъ десять или двѣнадцать... У меня не было календарей тамъ, гдѣ я была.. Десять или двѣнадцать лѣтъ. Этыхъ мѣстъ я не знаю. Они много перемѣнились послѣ меня.

— Вы были далеко?

— Очень-далеко. Мѣсяцы за мѣсяцами на морѣ и потомъ очень-далеко внутри берега. Я была тамъ, куда ссылаютъ преступниковъ, прибавила она, глядя прямо въ глаза своей хозяйкѣ. — Я сама была ссыльная.

— Да простить и поможетъ вамъ Богъ! былъ кроткій отвѣтъ.

— О, да! Да простить и поможетъ мнѣ Богъ! возразила она кивая головою на огонь.—Еслибъ люди помогли намъ хоть немножко больше, то Богъ прощалъ бы насъ, можетъ-быть, скорѣе.

Но ее смягчило кроткое, сострадательное, радушное лицо, на которомъ не было тѣни осужденія, и она сказала нѣсколько-спокойнѣе:

— Мы должны быть однихъ лѣтъ съ вами. Если я старше, то не больше, какъ годомъ или двумя. О, подумайте объ этомъ!

Она раздвинула руки, какъ-будто желая видошъ своей наружности показать, до какой степени она упала нравственно; потомъ, руки ея опустились и она понурила голову.

— Нѣтъ ничего безнадежно-неисправимаго, сказала Гэрриетъ: — никогда не поздно исправиться. Вы каетесь...

— Нѣтъ, не каюсь! Не могу и не хочу каяться! За что я буду каяться, а весь свѣтъ будетъ гулять на свободѣ? Миѣ говорятъ о раскаянн — а кто кается за все зло, которое *миѣ* было сдѣлано?

Она встала, повязала голову платкомъ и повернулась, чтобъ выйти.

— Куда же вы идете? спросила Гэрриетъ.

— Туда, отвѣчала она, указывая рукою: — въ Лондонъ.

— У васъ есть тамъ домъ?

— У меня есть, кажется, мать. Она столько же мать, сколько ея жилище—домъ, отвѣчала несчастная съ горькимъ смѣхомъ.

— Возьмите это, воскликнула Гэрриетъ, всовывая ей въ руку нѣсколько денегъ.—Старайтесь не тратить по-пустому. Этого очень мало, но достанетъ вамъ на одинъ день.

— Вы замужемъ? сказала странница слабымъ голосомъ, принимая деньги.

— Нѣтъ. Я живу здѣсь съ братомъ. У насъ самихъ очень немного; иначе я дала бы вамъ больше.

— Вы миѣ позволите поцаловать васъ?

Не видя на лицѣ Гэрриетъ ни презрѣннн, ни отвращеннн, предметъ ея милосерднн наклонился надъ нею, дѣлая этою вопросъ, и приложилъ губы къ ея щекѣ. Потомъ, несчастная снова схватила благодарительную руку и закрыла ею свои глаза—потомъ вышла...

Вышла на темнѣющую ночь, на воющнй вѣтеръ и дробннй дождь, спѣша впередъ, къ одѣтому туманомъ городу, гдѣ мерцали тусклые огни; черные волосы и развѣвающнсея концы платка, слыжившаго ей головннмъ уборомъ, раздувало вѣтромъ по ея буйно-безстрашному лицу.

ГЛАВА IV.

Еще мать и дочь.

Въ гадкой и темной горенкѣ, старуха, такъ же гадкая и угрюмая, сидѣла прислушиваясь къ вѣтру и дождю, пожимаясь передъ скуднымъ огнемъ. Болѣе преданная послѣднему занятню, чѣмъ первому, она не перемѣняла своей позы и только по-временамъ, когда заблудившнся капли дождя упали на шипѣннемъ на глѣющня головни, она приподнимала голову съ возобновленнымъ вниманнемъ къ свисту и стуку за дверьми; потомъ, голова ея опускалась ниже, ниже и ниже, по-мѣрѣ-того, какъ она погружалась

въ раздумье, въ которомъ обращала на разнородный шумъ ночи такъ же мало вниманія, какъ человекъ, усѣвшійся для созерцанія на побережьи, мало вниманія обращаетъ на однообразный шумъ моря.

Комнатка освѣщалась только огнемъ этого костра. Разгараясь сердито отъ времени - до - времени, какъ глаза полусоннаго дикаго звѣря, онъ не озарялъ ничего, достойнаго лучшаго освѣщенія. Груда тряпья, груда костей, жалкая кровать, два или три изувѣченные стула или табурета, черныя стѣны и потолокъ еще чернѣе, вотъ и все. Когда старуха, которой исполинская и изуродованная тѣнь отражалась вполонину на стѣнѣ, вполонину на потолокъ, сидѣла наклонившись надъ разсыпанными кирпичами очага, среди которыхъ горѣли головы, она казалась вѣдьмою, наблюдающею доброе или злое предвѣщаніе; одно только слишкомъ-частое движеніе ея трясшихся челюстей и подбородка показывало, что это не химера, порожденная мерцающимъ свѣтомъ, который то мелькалъ на лицѣ ея, то исчезалъ съ него и освѣщалъ ея неподвижное тѣло.

Еслибъ Флоренса могла стоять тутъ и видѣть оригиналъ тѣни, отражавшейся на стѣнѣ и крышѣ, который сидѣлъ събѣжившись надъ огнемъ, то одинъ взглядъ напомнилъ бы ей лицо «доброй» мистриссъ Броунъ; не смотря на то, что ея дѣтскія воспоминанія о страшной старухѣ были такимъ же уродливымъ искаженіемъ истины, какъ тѣнь на стѣнѣ. Но Флоренсы тутъ не случилось; добрая мистриссъ Броунъ осталась неузнанною и сидѣла, незамѣченная, глядя на свой огонь.

Пробужденная дробною стукотнею дождя за дверьми, который заклесталъ сильнѣе обыкновеннаго, когда струйка воды скатилась на огонь по трубѣ, старуха нетерпѣливо подняла голову, чтобъ прислушаться съ свѣжимъ вниманіемъ. Въ этотъ разъ, голова ея не опускалась снова: на дверяхъ была рука, и въ комнату кто-то вошелъ.

- Кто тамъ? спросила старуха, оглянувшись черезъ плечо.
- Тотъ, кто несетъ тебѣ вѣсти, отвѣчалъ женскій голосъ.
- Вѣсти? Откуда?
- Издалека.
- Изъ-за морей? воскликнула старуха, вздрогнувъ.
- Да, изъ-за морей.

Старуха поспѣшно поправила огонь, подошла вплотъ къ посѣтительницѣ, которая остановилась посреди каморки, заперевъ за собою двери, наложила руку на ея вымокшій плащъ и поворотила къ огню несопротивляющуюся фигуру, чтобъ рассмотреть ее лучше. Она нашла, по-видимому, не то, чего ожидала, что бы то ни было, ибо оставила плащъ и испустила жалобный крикъ.

- Ну, что такое? спросила гостя.
- Охо-хо! кричала старуха съ ужаснымъ воемъ.
- Да что такое? повторила гостя.

— Это не моя дѣвка! кричала старуха, ломая руки съ отчаяніемъ. — Гдѣ моя Алиса? гдѣ моя хорошенькая дочка? Они убили ее!

— Они ее еще не убили, если твое имя Марвудъ.

— Такъ ты ее видѣла? Она писала ко мнѣ?

— Она сказала, что ты не умѣешь читать.

— Правда, не умѣю! воскликнула старуха съ горестью.

— А что, у тебя здѣсь нѣтъ свѣчки?

Старуха, тряся головою, пережевывала челюстями и, бормоча про-себя о своей красоткѣ-дочери, достала свѣчку изъ шкафа въ углу, поднесла ее къ головнямъ трясущеюся рукою, зажгла съ трудомъ и поставила на столъ. Грязная, заплывшая саломъ свѣтильня горѣла сначала тускло; наконецъ, когда загноившіеся и ослабѣвшіе глаза старухи могли различать предметы, она увидѣла гостью, сидѣвшую съ сложенными руками и вперенными въ землю взорами, а платокъ, которымъ голова ея была повязана, лежалъ подлѣ на столѣ.

— Такъ она послала мнѣ слово, моя дѣвка, Алиса? проворчала старуха, подождая нѣсколько секундъ.—Что же она сказала?

— Гляди, возразила гостья.

Старуха повторила это слово съ сомнительнымъ видомъ; заслонивъ глаза рукою, она посмотрѣла на гостью; оглядѣлась вокругъ себя и потомъ снова посмотрѣла на гостью.

— Алиса сказала: гляди, еще разъ, мать— и она устремила на нее пристальный взглядъ.

Старуха еще разъ оглянулась въ каморкѣ, посмотрѣла на гостью и снова оглядывалась вокругъ себя; потомъ, схвативъ торопливо свѣчку, поднесла ее къ лицу гостьи, громко вскрикнула, поставила свѣчку и бросилась на шею дочери!

— Это моя дѣвка! Моя Алиса! Это моя красотка-дочь! Она жива и воротилась! кричала старуха, метаясь то на ту, то на другую сторону груди, которая холодно встрѣчала эти ласки. — Это моя дѣвка! Это моя Алиса! Моя хорошенькая дочка! Она жива и воротилась! повторила старуха, опустясь передъ дочерью на полъ, обнимая ее колѣни, прижимаясь къ нимъ головою и метаясь со стороны на сторону, со всѣми неистовыми изъявленіями, къ какимъ только была способна ея жизненность.

— Дá, мать! возразила Алиса, нагнувшись на мгновеніе впередъ и поцаловавъ старуху, но стараясь даже при этой ласкѣ высвободиться изъ ея объятій.—Я здѣсь, наконецъ. Оставь, мать, оставь. Встань и сядь на стулъ. Ну, чтó въ этомъ хорошаго?

— Она воротилась еще жестче, чѣмъ была когда ушла! воскликнула мать, поднявъ на нее глаза и все держа ее за колѣни.— Она меня знать не хочетъ, послѣ всѣхъ этихъ лѣтъ и всей горькой жизни, которую вела я!

— Что же, мать! сказала Алиса, тряся оборванные полы своего плаща, чтобъ освободить ихъ изъ рукъ старухи: — въ этомъ двѣ

стороны. Были годы и для меня такъ же, какъ для тебя, и была горькая жизнь для меня, какъ и для тебя. Встань, встань!

Мать встала, плакала, ломала себѣ руки и смотрѣла на нее, отойдя поодаль. Потомъ, она снова взяла свѣчку, ходила вокругъ дочери и оглядывала ее съ головы до ногъ съ тихимъ стономъ; потомъ поставила свѣчку, сѣла на свое прежнее мѣсто, хлопала руками, какъ-будто подъ ладъ жалобному напѣву, и перекачивалась со стороны на сторону, продолжая стѣнать и стѣновать про-себя.

Алиса встала, сняла свой мокрый плащъ и положила его въ сторону. Послѣ этого она сѣла по-прежнему, скрестила руки, устремивъ глаза на огонь и слушая молча, съ презрительнымъ лицомъ, невнятныхъ стѣнованій своей старой матери.

— Развѣ ты ожидала увидѣть меня такою же молодою, какою я ушла? сказала она наконецъ, обратясь къ старухѣ. — Развѣ ты воображаешь, что жизнь, какъ моя тамъ, была хороша для красоты? Слушая тебя, можно это подумать!

— Не то! кричала мать. — Она знаетъ это!

— Такъ что же такое? Лучше, если это будетъ что-нибудь недлинное; иначе дорога моя вонъ отсюда будетъ легче, чѣмъ дорога сюда.

— Слушай ее! Послѣ всѣхъ этихъ годовъ, она грозитъ бросить меня въ ту самую минуту, какъ воротилась!

— Я тебѣ скажу, мать, еще разъ: были годы для меня такіе, какъ и для тебя. Воротилась жестче прежняго? Разумѣется, воротилась жестче. Чего другаго могла ты ожидать?

— Жестче ко мнѣ! къ своей родной матери!

— Не знаю, кто началъ дѣлать меня жестче, чѣмъ бы я была, если не моя любезная родная мать, возразила дочь, скрестивъ руки, нахмуривъ брови и стиснувъ зубы, какъ-будто затѣмъ, чтобъ изгнать изъ своей груди силою всякое болѣе-нѣжное чувство. — Выслушай два слова, мать. Если мы поймемъ другъ друга теперь, то, можетъ-быть, и не разрознимся больше. Я ушла отсюда дѣвчонкой, а воротилась жепициной. Я ушла довольно-непокорною дочерью и воротилась не лучше— въ этомъ ты можешь присягнуть. Но была ли ты сама почтительна ко мнѣ?

— Я! воскликнула старуха. — Къ моей родной дѣвкѣ? Мать почтительна къ своему родному ребенку?

— Оно звучитъ мудроно, не правда ли? возразила дочь, хладнокровно обратя къ ней суровое, гордое, затвердѣлое, но прекрасное лицо. — Однако, я думала объ этомъ иногда въ мои одинокіе годы и наконецъ попривыкла къ этому. Я часто слыхала и слышу теперь, какъ толкуютъ о покорности, долгѣ и тому подобное; но все это было только о моей покорности и моемъ долгѣ къ другимъ. Я по-временамъ удивлялась — такъ, отъ скуки — не-уже-ли нѣтъ на свѣтѣ никого, кто бы былъ чѣмъ-нибудь обязанъ въ-отношеніи ко мнѣ?

Мать сидѣла, шевеля, кивая челюстями и тряся головою; но нельзя было угадать, выражало ли это досаду, угрызеніе совѣсти, или отрицаніе; или просто физическую немощь.

— Былъ когда-то ребенокъ, котораго звали Алисою Марвудъ, сказала дочь съ горькимъ хохотомъ и глядя на себя съ ужасающею насмѣшливостью:— ребенокъ этотъ родился и вскормленъ въ нищетѣ и небрежности. Никто не училъ его, никто не сдѣлалъ для него шага, никто не позаботился о немъ.

— Никто! отозвалась мать, указывая на себя и ударяя себя въ грудь.

— Одна заботливость, которую эта дѣвочка испытала, возразила дочь:— состояла въ томъ, что ее иногда били, ругали и обдѣляли; она могла бы гораздо-лучше обойтись и безъ этой нѣжности. Она жила въ домахъ въ родѣ этого, или на улицахъ, въ толпѣ маленькихъ дѣвчонокъ такихъ же, какъ она. Между-тѣмъ, она вынесла изъ такого дѣтства хорошенькое личико. Тѣмъ хуже для нея. Лучше, еслибъ ее загнали и замузили до смерти за уродливость...

— Продолжай! продолжай!

— Я продолжаю. Была потомъ дѣвушка, которую звали Алисою Марвудъ. Она была хороша собою. Ее учили слишкомъ-поздно и научили всему худому. Ее берегли черезъ-чуръ, ей помогали слишкомъ-хорошо, за нею ухаживали слишкомъ-много. Ты ее очень любила — въ тѣ дни дѣла твои были лучше теперешняго. Что стало съ этою дѣвушкой, то дѣлается каждый годъ съ тысячами—она сгибла: она для этого и родилась.

— Послѣ столькихъ лѣтъ! всплакалась старуха.—Вотъ, съ чего начинается моя дѣвка!

— Она скоро договорить. Была преступница, которую звали Алисою Марвудъ — еще молодая дѣвушка, но брошенная всѣми и отверженная. Ее судили, приговорили. И Боже мой, какъ объ этомъ толковали джентльмены въ судѣ! Какъ важно смотрѣлъ судья, когда говорилъ о ея обязанностяхъ, и о томъ, какъ дурно она воспользовалась дарами природы — какъ-будто онъ не понималъ лучше всякаго другаго, что эти-то проклятые дары природы и погубили ее! И какъ онъ проповѣдывалъ о сильной рукѣ закона, которая такъ «сильно» помогала ей, когда она была виновнымъ и беспомощнымъ ребенкомъ! Какъ торжественно и религиозно все это было! Я думала объ этомъ много разъ послѣ того, право!

Она плотнѣе скрестила руки на груди и захохотала такимъ хохотомъ, при которомъ завыванія старухи казались пріятною мелодіей.

— Ну, вотъ, мать, Алису Марвудъ увезли за моря, продолжала дѣвушка:—чтобъ она научилась тамъ хорошему, увезли туда, гдѣ въ двадцать разъ меньше хорошаго и больше зла, мерзостей и порока, чѣмъ здѣсь. И Алиса Марвудъ воротилась взрослой женщиной

— такою женщиной, какой должно было ожидать послѣ всего этого. Придетъ опять свое время, и снова будутъ торжественно за-сѣдать, и опять толковать такъ разумно о сильной и твердой рукѣ закона, и тогда съ нею, вѣроятно, покончатъ; но этимъ джентльменамъ нѣчего бояться, что они останутся безъ дѣла. Есть тьма мальчишекъ и дѣвчонокъ, которые растутъ на улицахъ, гдѣ и живутъ, и дадутъ имъ работу, пока они не разбогатѣютъ.

Старуха оперлась локтями на столъ, закрыла себѣ лицо объими руками и обнаружила сильнѣйшую горестъ — можетъ-быть, она ее и чувствовала.

— Ну, мать! Я кончила, сказала дочь, махнувъ рукою, какъ-будто отпуская отъ себя предметъ разговора. — Я сказала довольно. Теперь намъ объимъ можно перестать толковать о покорности, что бы мы ни начали. Твое дѣтство было, я думаю, въ родѣ моего. Тѣмъ хуже для насъ обѣихъ. Я не хочу осуждать тебя или оправдываться передъ тобою... къ чему? Все это прошло давнымъ-давно. Но я теперь женщина — ужъ не дѣвочка — и намъ нѣчего выставлять на позоръ свою исторію и корчить этихъ джентльменовъ, которые въ судъ-то. Мы знаемъ о ней все какъ-нельзя-лучше!

У этого погибшаго и такъ-низко упавшаго существа оставалась еще красота въ лицѣ и формахъ, которой нельзя было не при-знать, взглянувъ на него съ малѣйшимъ вниманіемъ. По-мѣрѣ-того, какъ несчастная погружалась въ молчаніе, суровое выраженіе лица ея успокоивалось; въ черныхъ глазахъ, устремленныхъ на огонь, исчезъ оживлявшій ихъ бурный пламень и замѣнился чѣмъ-то похожимъ на грусть; сквозь все утомленіе и нищету, промелькивалъ слабый отблескъ исчезнувшей лучезарности падшаго ангела.

Мать, глядѣвшая на нее молча нѣсколько времени, отважилась протянуть къ ней черезъ столъ свою костлявую руку; видя, что дочь допускаетъ это, она коснулась ея лица и пригладила ей волосы. Чувствуя, по-видимому, что старуха была искренна въ этихъ знакахъ участія, Алиса не шевелилась и позволила ей продолжать. Такимъ-образомъ, мать постепенно приближалась къ ней, поправила ей волосы, сняла съ ея ногъ мокрые башмаки, накинула ей на плечи что-то сухое, и ходила вокругъ нея смиренно, бормоча про-себя и узнавая въ ней болѣе и болѣе прежнія черты лица и преж-нее выраженіе.

— Ты очень-бѣдна, мать, я вижу, сказала Алиса, оглянувшись вокругъ себя послѣ довольно-продолжительнаго молчанія.

— Горько бѣдна, моя дорогая, отвѣчала старуха.

Она любовалась своею дочерью съ боязнью. Можетъ-быть, вос-хищеніе ея, каково бы оно ни было, имѣло весьма-отдаленное на-чало и переносилось къ тому времени, когда она открыла въ Али-сѣ признаки красоты среди тяжкой борьбы съ нищетою ея перво-начальнаго существованія. Можетъ-быть, боязнь относилась отча-сти къ обзорѣнію прошлыхъ дней, услышанному ею сейчасъ изъ

устъ дочери. Какъ бы то ни было, она стояла передъ дочерью съ покорностью и смиреніемъ, наклонивъ голову, какъ-будто жалобно умоляя пощадить ее отъ дальнѣйшихъ упрековъ.

— Какъ ты жиди?

— Милостынею, моя дорогая.

— И воровствомъ, мать?

— Иногда, Алли, такъ, помаленьку. Я стара и труслива. Я иногда отнимала у дѣтей кой-какія бездѣлицы, моя дорогая, но не часто. Я караулила.

— Караулила? возразила дочь, взглянувъ на нее.

— Не выпускала изъ глазъ одно семейство, моя дорогая, сказала мать еще покорнѣе и смиреннѣе.

— Какое семейство?

— Тсс, тсс, мое дитятко! Не сердись на меня. Я дѣлала это любя тебя... въ память моей бѣдной дѣвки, которая за морями. Она протянула руку, какъ-будто упрасивая дочь о пощадѣ, и потомъ приложила ее къ губамъ.

— Много лѣтъ назадъ, моя дорогая, продолжала старуха, беззлively поглядывая на обращенное къ ней суровое и внимательное лицо: — я наткнулась на его дочь, случаемъ.

— На чью дочь?

— Не *его*, Алли; не смотри на меня такъ, моя дорогая; не его. Какъ можно на его дочь? Ты знаешь, что у него нѣтъ дочери.

— Ну, такъ на чью же? Ты сказала: его.

— Тсс, Алли! ты пугаешь меня, дитя. Мистера Дѳмби— только мистера Дѳмби. Послѣ того, моя дорогая, я видала ихъ часто. Я видала и *его*.

Произнося это послѣднее слово, старуха съѣжилась и отшатнулась назадъ, какъ-будто отъ внезапнаго страха, что дочь хочетъ ее ударить. Но хотя лицо дочери было обращено къ ней и выражало самый бурный гнѣвъ, она не шевельнулась: только скрещенныя на груди руки стиснулись еще сильнѣе, какъ-будто этимъ она хотѣла удержать ихъ отъ нанесенія вреда самой-себѣ или кому-нибудь, въ слѣпомъ порывѣ бѣшеней злобы, которая вдругъ овладѣла ею.

— Мало онъ воображалъ, кто я такая! проговорила старуха, тряся сжатою рукою.

— И мало думалъ объ этомъ! проворчала сквозь зубы дочь.

— Но тамъ мы сошлись лицомъ-къ-лицу. Я говорила съ нимъ, а онъ говорилъ со мною. Я сидѣла и караулила его, когда онъ уходилъ вдоль длинной аллеи, и за каждымъ его шагомъ посылала проклятія его душѣ и тѣлу.

— Ему будетъ хорошо наперекоръ всему этому, возразила презрительнымъ тономъ дочь.

— Да, ему хорошо.

Старуха замолчала, видя, какъ бѣшенство обезобразило лицо и формы сидѣвшей передъ нею дочери. Казалось, будто грудь ея

хотѣла разорваться отъ внутренней борьбы. Усиліе, которое удерживало эти порывы, казалось столько же страшнымъ, какъ самое бѣшенство, и обнаруживало не менѣе его буйный и опасный характеръ женщины, способной къ такой ненависти. Но волненіе мало-по-малу затихло, и она спросила послѣ нѣкотораго молчанія:

— Онъ женатъ?

— Нѣтъ, Алли.

— Ну, такъ женится?

— Не знаю, моя дорогая. Но его господинъ и пріятель женатъ. О, мы можемъ пожелать ему радости! Мы можемъ поздравить ихъ всѣхъ! кричала старуха, трепля себя отъ восторга тощими руками. — Отъ этой свадьбы намъ будетъ весело! Вспомни меня!

Дочь смотрѣла на нее вопросительно.

— Но ты измокла и устала; тебѣ хочется ѣсть и пить, сказала старуха, ковыляя къ шкапу: — а тутъ найдется немного, да и тутъ—запустивъ руку въ карманъ и вытаскивая оттуда нѣсколько полуненсовъ, которые бросила на столъ — и тутъ немного. Есть у тебя сколько-нибудь денегъ, Алиса, дитя?

Алчное, угловатое, жадное лицо, съ которыми она сдѣлала этотъ вопросъ и смотрѣла, какъ дочь вынула изъ-за пазухи маленькій подарокъ; такъ недавно ею полученный, высказалъ почти столь же хорошо всю исторію матери и дочери, сколько дочь выразила словами.

— И это все?

— Больше у меня нѣтъ. И это милостыня.

— Только милостыня, а? моя дорогая? сказала старуха, наклонясь торопливо надъ столомъ, чтобъ взглянуть на деньги. Казалось, будто она чувствовала недовѣрчивость, видя, какъ дочь держитъ ихъ въ рукѣ и смотритъ на нихъ. — Гм! шесть да шесть двѣнадцать, да еще шесть, восемнадцать — ну, надобно сдѣлать изъ этого все, что можно. Я пойду и куплю чего-нибудь.

Съ болѣею расторопностью, чѣмъ бы можно было ожидать судя по ея паружности (старость и нищета сдѣлали ее столько же дряхлою, какъ безобразною), она припалась завязывать дрожащими руками загрязненныя тесемки гадкой шляпки и обвертѣла себя оборванною шалью, все не спуская глазъ съ денегъ, бывшихъ въ рукѣ дочери, и съ тѣмъ же скареднымъ выраженіемъ.

— Какого же веселья дождемся мы отъ этой свадьбы, мать? Ты еще не досказала.

— Веселья, моя дорогая, что любви тамъ вовсе нѣтъ, а много гордости и ненависти. Веселья, что между ними будетъ много ссоръ и стычекъ—оба такъ горды,—и опасности... опасности, Алли!

— Какой опасности?

— Я видѣла то, что видѣла. Я знаю то, что знаю! хикала мать съ злобнымъ восторгомъ. — Пусть кое-кто смотритъ въ оба глаза!

Пусть кое-кто остерегается. Моя дѣвка можетъ еще быть въ хорошей компаніи!

Потомъ, замѣтивъ, что при изумленіи, съ которымъ дочь слушала, рука ея невольно сжала деньги, старуха поспѣшила овладѣть ими и прибавила: — Но я пойду и куплю чего-нибудь; я пойду и куплю чего-нибудь!

Она стала передъ дочерью съ протянутою рукою, и дочь, взглянувъ на деньги еще разъ, поднесла ихъ къ губамъ прежде, чѣмъ отдала старухѣ.

— Чтò, Али! Ты цалуешь ихъ? Это по-мòему, я часто дѣлаю то же самое. О, это намъ такъ хорошо! продолжала старуха, втискивая свои замасленные полупенсы назадъ въ карманъ:—такъ годится на все, хоть и не приходится кучами!

— Я цалую ихъ, мать, или поцаловала тогда... прежде я этого никогда не дѣлала... ради того, кто ихъ далъ.

— Того, кто ихъ далъ, а? возразила старуха, которой мутные глаза залоснились, когда она взяла деньги.—Да! и я готова поцаловать ихъ ради того, кто далъ, лишь бы только онъ продолжалъ давать ихъ намъ чаще. Но я пойду и куплю на нихъ чего бы сѣсть, да выпить, моя дорогая. Я сейчасъ ворочусь.

— Ты какъ-будто говоришь, что знаешь многое, мать, сказала дочь, провожая ее до дверей глазами. —Ты стала очень-умна съ тѣхъ-поръ, какъ мы разстались.

— Знаю ли! каркала старуха, сдѣлавъ шага два назадъ. — Я знаю больше, чѣмъ ты думаешь. Знаю даже больше; чѣмъ онъ воображаетъ, моя дорогая. Я сейчасъ расскажу тебѣ все. Я о немъ все знаю.

Дочь улыбнулась недовѣрчиво.

— Я знаю про его брата, Алиса, сказала старуха, протянувъ шею съ злымъ взглядомъ, котораго можно было испугаться: — онъ могъ бы быть тамъ, гдѣ ты была, за то, что укралъ деньги... Онъ живетъ вмѣстѣ съ сестрою, туда, далеко, у сѣверной дороги къ Лондону.

— Гдѣ?

— У сѣверной дороги къ Лондону, моя дорогая. Ты можешь посмотреть на его домъ, если хочешь. Имъ нечего похвастать: онъ не такъ хорошъ, какъ у *тебя*. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! кричала старуха со смѣхомъ, тряся головою и видя, что дочь ея вскоčila:—не теперь; это слишкомъ-далеко; это тамъ, гдѣ свалены каменья и мусоръ; завтра мы пойдемъ туда, Али, если погода будетъ хороша и ты будешь въ духѣ. Но я пойду и...

— Стой! закричала дочь, бросившись на нее съ прежнею необузданною яростью.—Сестра смазливый дьяволъ съ темными волосами?

Струсившая старуха кивнула головою.

— Я вижу тѣнь *его* у нея на лицѣ! Это темно-красный домъ, въ створѣ. Передъ дверьми маленькій зеленый навѣсъ?

Старуха снова кивнула.

— Въ которомъ я сегодня сидѣла! Отдай мнѣ назадъ деньги!

— Алиса! дитя!

— Отдай деньги; не то тебѣ худо будетъ!

Съ этими словами она вырвала деньги изъ рукъ матери и, не заботясь нисколько о мольбахъ и жалобахъ старухи, накинула на себя снятую одежду и бросилась опрометью въ дверь.

Мать послѣдовала за нею, ковыляя сколько позволяли ей силы и производя на дочь столько же вліянія своими доводами, сколько имѣли на нее вліянія окружавшіе ихъ дождь и мракъ. Упорная и неукротимая, равнодушная ко всему постороннему, дочь шла, не взирая на погоду и разстояніе, какъ-будто не помнила ни долгой ходьбы своей, ни усталости, направляясь къ дому, гдѣ ей оказали гостепріимство. Черезъ четверть часа, запыхавшаяся старуха попробовала удержать ее за полу плаща, но это не помогло, и онѣ продолжали идти рядомъ, молча, сквозь дождь и темноту. Если у матери вырывалось по-временамъ слово жалобы, она старалась задушить его, чтобъ дочь не бросила ее и не оставила за собою. Дочь не выговорила ни слова.

Былъ уже часъ за полночь или около того, когда городскія улицы остались у нихъ назади, и онѣ пошли по нейтральной почвѣ, гдѣ находился домъ. Городъ былъ въ отдаленіи, мрачный, подернутый мглою; холодный вѣтеръ вылъ на открытомъ пространствѣ; все кругомъ было дико, черно, угрюмо.

— Вотъ мѣсто по мнѣ! воскликнула дочь, пріостановившись и оглянувшись вокругъ себя.—Я это подумала, когда была здѣсь въ первый разъ.

— Алиса, дружокъ, кричала мать, подергивая ее за полу.— Алиса!

— Ну, что такое, мать?

— Не отдавай назадъ денегъ, моя дорогая, сдѣлай милость. Намъ нельзя этого дѣлать. Намъ нуженъ ужинъ, дружокъ. Деньги все-таки деньги, кто бы ихъ ни далъ. Говори, что хочешь, только оставь деньги у себя.

— Смотри сюда! былъ отвѣтъ дочери.—Вотъ домъ, о которомъ я говорила. Тотъ ли?

Старуха кивнула утвердительно, и нѣсколько шаговъ привели ихъ къ порогу. Виднѣнь былъ свѣтъ отъ камина и свѣчки въ комнатѣ, гдѣ сидѣла Алиса, когда обсушала свое платье. Она постучала скобою въ дверь, и Джонъ Каркеръ вышелъ на крыльцо.

Онъ изумился, увидѣвъ такихъ посѣтительницъ въ такой поздней часъ, и спросилъ Алису, что ей нужно.

— Мнѣ нужно вашу сестру — женщину, которая сегодня дала мнѣ денегъ.

При звукѣ ея возвысившагося голоса вышла Гэрриетъ.

— О, ты здѣсь! Помнишь ты меня?

— Да, отвѣчала та, не понимая.

Лицо, которое такъ недавно смирялось передъ нею, смотрѣло на нее теперь съ такою неукротимую ненавистью и злобой; рука, которая нѣжно касалась ея руки, была стиснута съ такимъ очевиднымъ враждебнымъ намѣреніемъ, какъ-будто хотѣла броситься и задушить ее, что Гэрриетъ бессознательно прижалась къ брату, нища его защиты.

— И я могла говорить съ тобою и не узнать тебя! Могла стоять подлѣ тебя и не чувствовать, какая кровь въ твоихъ жилахъ, по отзыву моей собственной! воскликнула Алиса съ угрожающимъ жестомъ.

— Что вы хотите сказать? Что я сдѣлала?

— Что сдѣлала! Ты сидѣла подлѣ меня у огня, ты дала мнѣ пищу и денегъ: ты оказала мнѣ состраданіе! Ты! на чье имя я плюю!

Старуха, съ злостью, отъ которой безобразіе ея сдѣлалось ужа-сающимъ, грозила костлявымъ кулакомъ брату и сестрѣ, въ под-крѣпленіе словъ своей дочери, а между-тѣмъ не переставала по-дергивать дочь за платье, умоляя, чтобъ она не отдавала назадъ денегъ.

— Если я уронила слезу на твою руку, пусть рука твоя отъ нея отсохнетъ! Если я сказала тебѣ ласковое слово, пусть оно оглушить тебя! Если я дотронулась до тебя губами, пусть поцалуй мой будетъ тебѣ ядомъ! Проклятіе этому дому, который укрылъ меня! Горе и стыдъ на твою голову! Гибель всѣмъ, кто тебѣ до-рогъ!

Говоря эти слова, она бросила деньги на землю и топтала ихъ ногами.

— Я втопчу ихъ въ пыль; я бы не взяла ихъ, еслибъ онѣ да-же уместили мнѣ дорогу на небо! Я бы желала, чтобъ изъявлен-ныя ноги, которыя привели меня сегодня сюда, отгнили прежде, чѣмъ я дошла до твоего дома!

Гэрриетъ, блѣдная и дрожащая, удерживала своего брата и дала ей полную свободу говорить.

— Хорошо, что обо мнѣ страдала и меня простила ты, или кто бы ни былъ твоего имени, въ первыя минуты моего возвра-щенія! Хорошо, что ты разыграла со мною милосердную госпожу! Я отблагодарю тебя, когда буду умирать: тогда я номолюсь за тебя и за все твое отродье, можешь быть увѣрена!

Она дико махнула рукою, какъ-будто рассыпая на землю нена-висть и обрекая этимъ на гибель всѣхъ, тутъ стоявшихъ, взгляну-ла еще разъ на черное небо и снова углубилась въ темноту бур-ной ночи.

Мать, которая безуспѣшно дергала ее за платье и смотрѣла на валявшіяся деньги съ поглощающею жадностью, охотно осталась бы рыскать около дома, пока бы въ немъ не потаеши огни, чтобъ рыться въ грязи, въ надеждѣ отыскать брошенная дочьерью со-кровища; но дочь увлекла ее, и онѣ направилась прямо назадъ, къ своему жилищу. Старуха плакалась и тужила, горюя, сколько

осмѣливалась, о непокорномъ поведеніи ея красотки-дочери, которая лишила ее ужина на первую же ночь ихъ свиданія послѣ столькихъ лѣтъ разлуки.

Старуха легла спать, утоливъ голодь кой-какими черствыми крохами, которыя чавкала и пережевывала, сидя передъ скуднымъ огнемъ, долго послѣ того, какъ непокорная дочь ея спала крѣпкимъ сномъ,

Не были ли эта жалкая мать и эта жалкая дочь только олицетвореніемъ, на высшей ступени жизни, извѣстныхъ общественныхъ пороковъ, которые господствуютъ въ слояхъ выше? Въ этомъ кругломъ свѣтѣ многихъ круговъ, вращающихся внутри другихъ круговъ, не дѣлаемъ ли мы утомительнаго странствія отъ высокихъ разрядовъ къ низкимъ, затѣмъ только, чтобъ добраться наконецъ до убѣжденія въ томъ, какъ они близки другъ къ другу, какъ крайности сходятся и какъ конецъ нашего мысленнаго путешествія есть не болѣе, какъ начало, отъ котораго мы тронулись? Допустите большую только разницу въ матеріи и узорѣ — развѣ образчики этой ткани не повторяются вовсе между тѣми, въ чьихъ жилахъ течетъ болѣе-благородная кровь?

Отвѣчай на это, Эднѣ Дѣмби! И Клеопатра, вѣжливѣйшая изъ матерей, нельзя ли намъ воспользоваться вашимъ высокороднымъ свидѣтельствомъ?..

ГЛАВА V.

Счастливая чета.

Темное пятно на дѣльной улицѣ исчезло. Палаты мистера Дѣмби, если продолжаютъ быть въ родѣ прогалины—выражаясь аллегорически—между сосѣдними жилищами человѣческими, то потому только, что ни одно изъ нихъ не можетъ спорить съ ихъ пышностью, которая надменно отталкиваетъ отъ себя все остальное. Если старинную пословицу: «дѣма все-таки дѣма, какъ бы тамъ бѣдно ни было» примѣнить къ противоположной крайности и сказать, что дѣма все-таки дѣма, какъ бы великолѣпно тамъ ни было, то какой алтарь домашнимъ божествамъ воздвигнуть здѣсь!

Въ этотъ вечеръ, огни блестятъ во всѣхъ окнахъ; красноватое пламя каминовъ отбрасываетъ яркое зарево на дорогіе занавѣсы и мягкіе ковры; обѣдъ въ готовности и столъ накрытъ съ величайшею роскошью, хотя только на четыре прибора, а съ боку буфетный столъ ломится отъ серебряной посуды. Со времени окончанія передѣлокъ, домъ приготовился въ первый разъ сдѣлаться обитаемымъ, и счастливую чету ждутъ съ минуты на минуту.

Вечеръ этотъ, по занимательности для всѣхъ домашнихъ мистера Дѣмби и ожиданіямъ ихъ, можетъ стать на ряду только развѣ съ свадебнымъ утромъ. Мистриссъ Перчъ пьетъ на кухнѣ чай;

она уже обошла по всему дому, оцѣнила по ярдамъ (*) всѣ шелковые и штофныя матеріи, бархаты и ковры, и уже истошила весь словарь междометій, выражающихъ восторгъ и удивленіе. Подмастерье обойщика, оставившій подъ стуломъ въ залѣ свою шляпу съ носовымъ платкомъ, то и другое сильно пропитанные запахомъ лака, рыскаетъ по чертогамъ, смотритъ вверхъ на раззолоченные карнизы и внизъ на ковры, и повременамъ, въ безмолвномъ восхищеніи, вынимаетъ изъ кармана складной ярдъ и прикидываетъ на него дорогіе предметы украдкою и съ чувствами невыразимыми. Кухарка въ выпрепнемъ расположеніи духа и говоритъ: «дайте ей мѣсто, гдѣ бы было большое общество—а она готова прозакладывать шестипенсовикъ, что здѣсь будетъ собираться — большое общество, такъ-какъ она женщина живаго характера, была такою съ самаго дѣтства, и мало заботится о томъ, знаетъ ли кто объ этомъ или пѣтъ»; на эту рѣчь мистриссъ Перчь отзывается отвѣтственнымъ ропотомъ подтвержденія и удовольствія. Все, чего надѣется служанка дома, это «счастья имъ»; но супружество—лотерея, и чѣмъ больше она о немъ думаетъ, тѣмъ больше чувствуетъ преимущество независимости одинокой жизни. Мистеръ Тоулинсонъ угрюмъ и мраченъ; онъ говоритъ, что и самъ держится того же мнѣнія, но дайте ему въ добавокъ войну и къ чорту Французовъ!.. этотъ молодой человекъ питаетъ убѣжденіе, что всякій иностранецъ долженъ быть непременно Французомъ и не можетъ быть ничѣмъ другимъ, по законамъ природы.

При каждомъ новомъ стулкѣ колесъ всѣ умолкають, о чемъ бы ни шла рѣчь, и прислушиваются; не разъ уже всѣ вскакивали съ восклицаніемъ: «вотъ они!» Но это все еще не они; кухарка начинаетъ уже сокрушаться объ обѣдѣ, который отставляла два раза, а подмастерье обойщика продолжаетъ рыскать по комнатамъ, непрерываемый никѣмъ въ своихъ блаженныхъ мечтаніяхъ!

Флоренса готова принять отца и свою новую мамá. Она сама не знаетъ, радость или горе волнуетъ ея встревоженную грудь; но трепещущее сердце оживляетъ усиленнымъ румянцемъ ея щеки и придаетъ особенный блескъ глазамъ ея; домашняя прислуга внизу, сближаясь головами (они всегда говорятъ о ней въ-полголоса) восклицаетъ: «какъ хороша сегодня вечеромъ миссъ Флоренса, и какую милою миссъ она сдѣлалась, бѣдняжка!» Настаетъ пауза; тогда кухарка, какъ президентъ домашней челяди, чувствуя, что присутствующіе ждутъ ея мнѣнія, удивляется какъ можно... тутъ она умолкаетъ. Служанка также удивляется, и мистриссъ Перчь также. Мистриссъ Перчь имѣетъ счастливый талантъ удивляться всегда вмѣстѣ со всѣми, не погружаясь въ особенно-глубокомысленныя изслѣдованія касательно предметовъ своего удивленія. Мистеръ Тоулинсонъ, открывающій теперь возможность

(*) Ярды—три фута.
Т. LV. — Огд. I.

привести общее расположение духа въ такое же пасмурное состояніе, въ какомъ находится его собственный, говорить угрюмо:

— Посмотримъ и увидимъ!

Кухарка вытягиваетъ изъ груди вздохъ и произноситъ въ-полголоса:

— Охъ! чуденъ нашъ свѣтъ, право! Когда же эта мысль обошла вокругъ всего стола, она прибавляетъ увѣщательнымъ тономъ: — Однако, Томъ, не можетъ же миссъ Флоренсъ сдѣлаться хуже отъ какой бы ни было переменны!

Тоулинсонъ отвѣчаетъ на это съ зловѣщею значительностью:

— О, конечно! и чувствуя, что пророчественнѣе этого простой смертный не можетъ выразиться, погружается снова въ молчаніе.

Мистриссъ Скьютонъ, приготовившаяся принять милую дочь и очаровательнаго зятя съ распростертыми объятіями, нарядилась по этому случаю въ самый дѣвственный костюмъ съ короткими рукавами. Покуда зрѣлыя прелести Клеопатры процвѣтаютъ въ тѣни ея покоевъ, изъ которыхъ она не выходила ни раза съ-тѣхъ-поръ, какъ въ нихъ водворилась — а это произошло за нѣсколько часовъ назадъ — она уже начинаетъ брюзгливо сердиться на отлагательство обѣда. Горничная ея, которой слѣдовало бы быть скелетомъ съ косою, но которая въ сущности пухленькая и свѣжая дѣвица, напротивъ, чувствуетъ себя въ самомъ любезномъ состояніи духа, помышляя о большомъ обезпеченіи своего жалованья и еже-трехмѣсячныхъ награжденій, и предвидя значительное улучшение въ столѣ и содержаніи.

Гдѣ же ечастливая чета, которую ждетъ этотъ домъ съ такимъ нетерпѣніемъ? Не-уже-ли паръ, вѣтръ, теченія и кони умѣряютъ свою быстроту, чтобъ долѣе насладиться вчужѣ такимъ блаженствомъ? Или рои амуровъ и грацій и смѣховъ толпятся вокругъ нихъ и задерживаютъ нарочно ихъ приближеніе? Или веселый путь ихъ усыпанъ розами безъ шиповъ и ароматнѣйшими цвѣтами, до того, что лошади едва въ силахъ подаваться впередъ?

Наконецъ, вотъ они! Раздается стукъ колесъ, и карета останавливается у подъѣзда. Громовой ударъ скобою въ двери, произведенный ненавистнымъ иностраннымъ лакеемъ, предупреждаетъ стремленіе Тоулинсона, уже бросившагося отворять; мистеръ Дэмби и супруга его выходятъ изъ экипажа и вступаютъ рука-об-руку въ свои чертоги.

— О, милая Эдиэ! О, безцѣннѣйшій Дэмби! восклицаетъ взволнованный голосъ на лѣстницѣ, и короткіе рукава обвинаютъ съ восторгомъ ечастливую чету.

Флоренса также спустилась въ сѣни, но не смѣетъ идти впередъ, откладывая свое робкое привѣтствіе до окончанія этихъ болѣе-близкихъ и болѣе-нѣжныхъ восторговъ. Но Эдиэ увидѣла ее съ самаго порога; она удовлетворила свою чувствительную родительницу небрежнымъ поцалуемъ въ щеку, потомъ поспѣшила къ Флоренсъ и обняла ее съ чувствомъ.

— Здорова ли ты, Флоренса? сказалъ мистеръ Домби, протягивая ей руку.

Флоренса, поднимая съ трепетомъ руку отца къ губамъ, встрѣтила его взглядъ, холодный и довольно отталкивающий, правда; но сердцу ея показалось, какъ-будто въ немъ выражается нѣсколько-больше участія, чѣмъ она привыкла видѣть когда-нибудь; въ немъ отразилось даже нѣчто въ родѣ изумленія, безъ примѣси неудовольствія, при видѣ ея. Она не рѣшалась взглянуть на него еще разъ, но чувствовала, что онъ опять смотритъ на нее и опять не менѣе благосклонно. О, какимъ восторгомъ прониклось все существо ея, оживленное этимъ подтвержденіемъ ея надежды, что современемъ она приобрететъ любовь отца при посредствѣ своей новой и прекрасной мамѣ!

— Вы будете недолго переодѣваться, надѣюсь, мистриссъ Домби? сказалъ мистеръ Домби.

— Я сію минуту буду готова.

— Подавать обѣдъ черезъ четверть часа.

Съ этими словами, мистеръ Домби направился въ свою гардеробную, а мистриссъ Домби поднялась по лѣстницѣ къ себѣ. Мистриссъ Скьютонъ и Флоренса пошли въ гостиную, гдѣ эта нѣжная изъ матерей сочла необходимымъ пролить нѣсколько неупержимыхъ слезъ, долженствовавшихъ выражать ея восторгъ отъ счастья дочери; она весьма-жеманно отирала глаза кружевнымъ угломъ носоваго платка, когда вошелъ ея зять.

— А какво понравилось моему безцѣнному Домби въ этомъ очаровательномъ Парижѣ? спросила она, преодолевая свое внутреннее волненіе.

— Тамъ было холодно.

— Весело, какъ всегда, разумѣется?

— Нельзя сказать. Мнѣ онъ показался скучнымъ.

— О, мой безцѣнный Домби! скучнымъ!

— Онъ произвелъ на меня такое впечатлѣніе, сударыня, сказалъ мистеръ Домби съ величавою учтивостью. — Кажется, что и мистриссъ Домбишла Парижъ скучнымъ; она говорила это раза два.

— Какъ, шалунья! кричала мистриссъ Скьютонъ, обратясь къ входившей въ это время дочери: — какія невѣроятно-еретическія вещи говорила ты о Парижѣ?

Эднѣе подняла брови съ видомъ утомленія. Прощедъ мимо открытыхъ настежь дверей, въ которыя виднѣлась великолѣпная анфилада комнатъ въ новомъ и пышномъ убранствѣ и едва удостоивъ ихъ взгляда, она сѣла подлѣ Флоренсы.

— Милый Домби, сказала мистриссъ Скьютонъ:—какъ оборотительно исполнили эти люди каждую идею, на которую мы только намекнули! Положительно можно сказать, они превратили этотъ домъ въ настоящій дворецъ.

— Да, онъ хорошъ, сказалъ мистеръ Дѣмби, оглядываясь во-кругъ себя.—Я велѣлъ не щадить издержекъ, и, кажется, все, что деньги могли сдѣлать, сдѣлано.

— Чего же онѣ не могутъ сдѣлать, милый Дѣмби? замѣтила Клеопатра.

— Онѣ могущественны, сударыня.

Онъ взглянулъ съ торжественнымъ видомъ на жену, но та не сказала ни слова.

— Надѣюсь, мистриссъ Дѣмби, продолжалъ онъ, обратясь къ женѣ послѣ краткаго молчанія и говоря особенно отчетливо:—эти передѣлки удостоились вашего одобренія?

— Онѣ такъ хороши, какъ только могутъ быть, отвѣчала жена съ надменною небрежностью.—Онѣ иначе и не должны быть, разумѣется; я полагаю, что все это прекрасно.

Презрительное выраженіе казалось свойственнымъ ея гордому лицу и никогда не оставляло его; но презрѣніе, которое являлось на немъ каждый разъ, когда мистеръ Дѣмби ожидалъ отъ нея восторга, почтенія или удивленія, основанныхъ на его богатствѣ — все равно, какое бы пустое или обыкновенное обстоятельство ни было къ тому поводомъ — было выраженіемъ новымъ и особеннымъ даже на ея лицѣ, превосходившемъ энергією все, что могло на немъ отражаться. Понималъ ли это мистеръ Дѣмби, убѣжденный въ своемъ исполинскомъ величій, или нѣтъ, ему не было недостатка въ случаяхъ, которые могли просвѣтить его умъ на этотъ счетъ; теперь было бы на то достаточно одного взгляда черныхъ глазъ, которые, окинувъ бѣгло и небрежно предметы его самодовольствія, остановились вскользь на немъ самомъ. Онъ могъ прочитать въ одномъ этомъ взглядѣ, что все его богатство—будь оно хоть вдесятеро колоссальнѣе — не прибрѣтетъ ему для него-самого ни одного кроткаго и радушнаго взгляда женщины, которая прикована къ нему, но которой душа возмущается противъ него всѣми своими силами. Онъ могъ ясно прочитать въ одномъ этомъ взглядѣ, что даже, не смотря на паденіе свое передъ богатствомъ, она пренебрегаетъ имъ, считая высшую степень его могущества своимъ правомъ—низкимъ и ничтожнымъ вознагражденіемъ за то, что она продала себя и сдѣлалась его женою. Онъ могъ прочитать въ этомъ взглядѣ, что она, обнажая свою голову передъ молніями, которыми ее поражаютъ ея собственная гордость и презрѣніе, считаетъ себя, при каждомъ новомъ и даже невинномъ намекѣ на могущество его богатствъ, униженною больше и больше въ своемъ собственномъ мнѣніи, что это только усиливаетъ горькую пустоту ея души и терзаетъ ее новыми пытками.

Но пришли доложить объ обѣдѣ. Мистеръ Дѣмби церемонно повелъ Клеопатру; за ними послѣдовали Эдиѣ и Флоренса. Проходя мимо золотыхъ и серебряныхъ демонстрацій буфетнаго стола, какъ мимо груды нечистоты, и не удостоивъ ни однимъ взглядомъ всей окружавшей ее роскоши, она въ первый разъ заняла за

его столомъ мѣсто хозяйки и просидѣла цѣлый обѣдъ какъ статуя.

Мистеръ Домби, и самъ значительно-походившій на статую, видѣлъ не безъ удовольствія холодную и гордую неподвижность своей красавицы-супруги. Манеры ея были вообще изящны и граціозны, а эта величавость, какъ обращикъ обращенія со всѣми, была ему пріятна. Потому, предсѣдательствуя за столомъ съ обычнымъ достоинствомъ и не разогрѣвая своей супруги ни однимъ проблескомъ теплоты или веселости, онъ исполнялъ обязанности хозяйна съ холоднымъ самодовольствіемъ; словомъ, первый обѣдъ новобрачныхъ, хотя ввиду его и не считали предвѣстникомъ особенно-завиднаго супружескаго блаженства, прошелъ прилично, чинно, перемонно и морозно.

Вскорѣ послѣ чая, мистриссъ Скъютонъ, представлявшая себя слишкомъ-утомленною и растроганною отъ душевныхъ восторговъ, возбужденныхъ видомъ счастья милой дочери, соединенной съ предметомъ ея сердечнаго выбора, удалилась на отдыхъ; вѣроятно также, ей показался нѣсколько-скучнымъ этотъ семейный кружокъ, который заставилъ ее цѣлый часъ звать безпрестанно втихомолку и закрываться вѣеромъ. Эдиѣ также ушла, не сказавъ никому ни слова, и больше не возвращалась. Такимъ образомъ, случилось, что Флоренса, которая была наверху, чтобъ побесѣдовать кое-о-чемъ съ Діогеномъ, возвратясь въ гостиную съ своимъ рабочимъ ящичкомъ, не нашла тамъ никого, крошѣ отца, прохаживавшагося взадъ и впередъ въ пустынномъ величіи.

— Извините, папá. Прикажете мнѣ уйти? сказала Флоренса слабымъ голосомъ, остановившись въ нерѣшимости у дверей.

— Нѣтъ, возразилъ мистеръ Домби, оглянувшись на нее черезъ плечо:—ты можешь приходить сюда и уходить отсюда когда захочешь, Флоренса. Это не мой кабинетъ.

Флоренса вошла и сѣла съ работою за отдаленнымъ столикомъ. Она увидѣла себя въ первый разъ въ жизни, въ первый разъ, сколько она помнила себя съ самаго младенчества, наединѣ съ отцомъ. Она, его естественный товарищъ и единственное дитя, которая въ одиночествѣ печальнаго существованія уже испытала мученія разтерзаннаго сердца; которая, видя любовь свою отринутую отцомъ, всегда произносила имя его въ ночныхъ молитвахъ съ теплыми благословеніями, ложившимися на него тяжеле проклятій; которая молила Бога, чтобъ онъ далъ ей умереть въ юности, лишь бы она только умерла въ объятіяхъ отца; которая отплачивала за холодность, небрежность и отвращеніе только кроткою, терпѣливою любовью, извиняя его и оправдывая, какъ добрый ангелъ!

Флоренса трепетала, и въ глазахъ ея потемнѣло. Фигура отца, ходившая по комнатѣ, казалась ей выше и массивнѣе: то подергивалась она туманомъ, то снова обрисовывалась ясными очерками; иногда Флоренсѣ чудилось, будто все это происходило когда-то прежде, точь-въ-точь какъ теперь, много лѣтъ назадъ. Она рва-

лась къ нему душою, а между-тѣмъ боялась его приближенія. Естественно такое чувство въ дитяти безвинномъ! Безчеловѣчна рука, управлявшая острымъ плугомъ, который немилосердо избородилъ ея кроткое сердце для посѣва сѣмянъ своихъ!

Стараясь не огорчать и не оскорблять его видомъ своего внутренняго волненія, Флоренса превозмогла себя и спокойно занялась работой. Пройдясь еще нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатѣ, мистеръ Дѣмби удалился въ теплый уголокъ поодаль, развалился въ спокойныхъ креслахъ, накрылъ себѣ лицо носовымъ платкомъ и приготовился вздремнуть.

Для Флоренсы было достаточно того, что она можетъ тутъ сидѣть и бодрствовать надъ нимъ; она по-временамъ устремляла взоры на его кресла, глядѣла на него мысленно, когда лицо ея наклонялось надъ работою, и грустно радовалась, что онъ можетъ спать, когда она тутъ, и не тревожится ея непривычнымъ и давно-запрещеннымъ присутствіемъ.

Что бы подумала она, еслибъ знала, что онъ не сводитъ съ нея глазъ, что покрывало на его лицѣ, случайно или съ намѣреніемъ, дозволяетъ ему видѣть свободно, и что взоры его пристально и внимательно устремлены на нее, что, когда она смотрѣла на него въ темный уголокъ, то ея краснорѣчивые глаза, выражавшіе въ своей трогательной и безсловесной рѣчи болѣе, чѣмъ выражаютъ всѣ витійства ораторовъ цѣлаго свѣта, и проникавшіе его тѣмъ глубже своимъ нѣмымъ говоромъ, встрѣчаются безъ ея вѣдома съ его глазами,—что, когда снова наклонялась она надъ шитьемъ, онъ переводилъ духъ свободнѣе, не смотрѣлъ на нее также пристально, на ея чистое, бѣлое чело, свѣсившіеся локоны, хлопотливыя руки, и взоры его однажды прикованные ко всему этому, не имѣли уже силы оторваться!

А какія мысли занимали его въ это время? Съ какими чувствами продолжалъ онъ смотрѣть втайнѣ и пристально на незнакомую ему дочь? Читалъ ли онъ себѣ упрекъ на ея спокойномъ лицѣ и въ кроткихъ глазахъ? Началъ ли онъ чувствовать справедливость ея пренебреженныхъ правъ, тронули ли они его наконецъ до души и возбудили ли въ немъ какое-нибудь сознание въ его немилосердой жестокости?

Есть минуты чувствительности въ жизни самыхъ суровыхъ и безчувственныхъ людей, хотя они часто хранятъ это въ непроницаемой тайнѣ. Видъ Флоренсы въ ея дѣвственной красотѣ, почти сдѣлавшейся взрослою женщиною безъ ея вѣдома, могъ извлечь нѣсколько такихъ мгновений даже изъ его жизни, посвященной одной только гордости. Мимолетная мысль, что и у него есть подъ рукою сердечный уголокъ благодѣтельнаго духа, склоняющагося у ногъ его—духа, котораго онъ забылъ въ своемъ накрахмаленномъ и сѣдитомъ высокомеріи,—такая мысль могла въ немъ тогда зародиться. Эту мысль, можетъ-быть, придержало простое краснорѣчіе, внятное, хотя высказанное только ея глазами, нечувствовавшими, что онъ

въ нихъ читаетъ: «Смертными одами, у которыхъ я бодрствовала, страдальческимъ дѣтствомъ моимъ, полночною встрѣчею нашей въ этомъ пустынномъ домѣ, крикомъ, исторгнутымъ изъ меня мѣкою сердца—отецъ! умоляю, обратись ко мнѣ и пожелай найти отраду въ любви моей, пока еще это не поздно!» Другая, болѣе-низкая мысль могла прійти ему въ голову—мысль, что его умершій сынъ замѣнитъ теперь новыми узами и онъ въ состояніи простить ей мѣсто, занимаемое ею въ сердцѣ мальчика, на любовь котораго онъ одинъ считалъ себя имѣющимъ право. Можетъ-быть даже, для этого было достаточно предположенія, что она будетъ хорошимъ украшеніемъ его пышнаго и великолѣпнаго дома. Какъ бы то ни было, но, глядя на нее, онъ смягчался болѣе и болѣе. Глядя на нее, онъ почувствовалъ, что образъ дочери началъ сливаться въ его воображеніи съ образомъ милаго, утраченнаго сына, и онъ уже едва могъ различать ихъ другъ отъ друга. Глядя на нее, онъ увидѣлъ ее на мгновенье въ болѣе-ясномъ и чистомъ свѣтѣ, ненаклоняющемся, какъ его соперникъ, надъ подушкою умирающаго малютки... чудовищная мысль! но какъ ангела его дома, ухаживавшаго и за нимъ самимъ, когда онъ сидѣлъ уныло, подперши голову рукою, подлѣ этой незабвенной маленькой кровати. Онъ чувствовалъ желаніе говорить съ нею, позвать ее къ себѣ. Слова: «Флоренса, пойдн сюда!» уже поднимались къ его устамъ медленно и трудно, они были ему такъ несвойственны... но ихъ остановилъ шорохъ на порогѣ.

То была жена его. Она уже замѣнила обѣденный нарядный костюмъ широкимъ капотомъ и распустила волосы, которые свободно свѣшивались на ея шеѣ и плечахъ. Но не эта перемѣна заставила его вздрогнуть.

— Флоренса, дружокъ мой, сказала она:—я искала тебя вездѣ.

Она сѣла подлѣ Флоренсы, наклонилась и поцаловала ея руку. Онъ едва узналъ свою жену, такъ она перемѣнилась. Не одна ея улыбка была для него новостью, хотя онъ никогда не видалъ ея улыбки; но ея манеры, звукъ голоса, выраженіе блеска ея глазъ, участіе, довѣренность, плѣнительное желаніе пріобрѣсти любовь невинной дѣвушки—нѣтъ, это не Эдиень!

— Тихе, милая мамá. Папá уснулъ.

Теперь это Эдиень. Она взглянула въ его уголь, и онъ узналъ какъ-нельзя-лучше лицо ея и осанку.

— Я едва думала, чтобъ ты могла быть здѣсь, Флоренса.

Опять, какъ она перемѣнилась и смягчилась въ одно мгновенье!

— Я ушла отсюда раньше, продолжала Эдиень:—нарочно за тѣмъ, чтобъ посидѣть и побесѣдовать съ тобою наверху. Но, войдя въ твою комнату, я нашла, что моя птичка улетѣла; я все дожидалась тамъ, скоро ли она воротится.

Еслибъ Флоренса была дѣйствительно птичкой, Эдиень и тогда не могла бы прижать ее къ своему сердцу нѣжнѣе, бережнѣе и съ большею кротостью.

— Пойдемъ, дружокъ.

— Когда папá проснется, то вѣрно не будетъ ожидать найти меня здѣсь, сказала Флоренса нерѣшительно.

— А ты какъ думаешь, Флоренса? возразила Эдиень, глядя ей прямо въ глаза.

Флоренса опустила голову, встала и убрала въ ящичекъ свою работу. Эдиень обвила ее рукою, и онѣ вышли изъ комнаты, какъ сестры. Мистеръ Дѳмби, провожая ихъ глазами до дверей, подумалъ, что даже поступъ жены его совершенно переѣвилась.

Онъ просидѣлъ въ своемъ темномъ углу такъ долго, что церковныя часы пробили четыре прежде, чѣмъ онъ ушелъ къ себѣ. Все это время, глаза его были упорно устремлены на то мѣсто, гдѣ сейчасъ сидѣла Флоренса. Комната стала темнѣть по-штрѣтого, какъ догорали и гасли свѣчи; но лицо его подернулось мракомъ гораздо-глубже почнаго, и ничто не могло его разсѣять.

Флоренса и Эдиень, усѣвшись передъ каминомъ въ отдаленной комнатѣ, гдѣ умеръ маленькій Поль, долго разговаривали между собою. Диогенъ, принадлежавшій къ ихъ обществу, сначала не соглашался впустить Эдиень, и даже, повинуясь приказанію своей повелительницы, дозволилъ ей войти не иначе, какъ продолжая протестовать ворчаніемъ. Наконецъ, выходя мало-по-малу изъ своего логовища въ передней, онъ, по-видимому, искорѣвъ постигъ, что далъ промахъ, отъ какого иногда не избавляются наилучшимъ образомъ организованные собачьи умы; въ доказательство чего онъ помѣстился между дамами, на самомъ жаркомъ мѣстѣ передъ огнемъ, и сталъ прислушиваться къ разговору, высунувъ языкъ, дыша коротко и съ самымъ глупымъ выраженіемъ морды.

Разговоръ шелъ сначала о книгахъ и любимыхъ занятіяхъ Флоренсы, и о томъ, какъ она провела время послѣ свадьбы. Последнее навело ее на предметъ, который, какъ она говорила, былъ очень-близокъ ея сердцу, и она сказала со слезами на глазахъ:

— О, мамá! Послѣ того дня я испытала большое горе.

— Ты.., большое горе, Флоренса?

— Да. Бѣдный Валтеръ утонулъ.

Она закрыла лицо обѣими руками и плакала отъ души. Много слезъ пролила она втайнѣ объ участи Валтера, и все-таки плакала снова каждый разъ, когда думала или говорила о немъ.

— Но скажи мнѣ, другъ мой, спросила Эдиень, стараясь ее успокоить:—кто былъ этотъ Валтеръ? Чтò онъ былъ для тебя?

— Онъ былъ для меня братомъ, мамá. Послѣ смерти Поля, мы сказали другъ другу, что будемъ между собою какъ братъ и сестра. Я знала его еще очень-давно, когда сама была маленькимъ ребенкомъ. Онъ зналъ Поля, который очень любилъ его; Поль сказалъ почти передъ самымъ концомъ: «Не забудьте Валтера, милый папá! Я любилъ его!» Валтера привели къ нему, и онъ былъ тогда... въ этой самой комнатѣ.

— А онъ заботился о Валтерѣ? спросила Эдиѣ строгомъ тономъ.

— Папá? Онъ послалъ его за границу. Валтеръ утонулъ на пути въ кораблекрушеніи, возразила Флоренса, рыдая.

— Онъ знаетъ о его смерти?

— Не знаю, мамá. Мнѣ это не можетъ быть извѣстно... Милая мамá! воскликнула Флоренса, прижимаясь къ ней, какъ-будто ища опоры и скрывая лицо свое на ея груди: — я знаю, что вы видѣли...

— Пстой! Пстой, Флоренса!.. Эдиѣ до того поблѣднѣла и говорила такъ серьёзно, что Флоренсѣ не было нужно руки, которую та наложила ей на уста.—Напередъ скажи мнѣ все о Валтерѣ; дай мнѣ понять всю эту исторію съ начала до конца.

Флоренса рассказала эту исторію и все, что могло къ ней касаться, не забывъ даже дружбы мистера Тутса, о которомъ, не смотря на свою горестъ и на всю питаемую къ нему благодарность, не могла говорить иначе, какъ улыбаясь сквозь слезы. Когда она кончила свой рассказъ, который Эдиѣ выслушала съ напряженнымъ вниманіемъ, держа ее за руку, и когда настало снова молчаніе, Эдиѣ спросила:

— О чемъ хотѣла ты говорить, что я видѣла, Флоренса?

— Что я не любимое дитя, мамá, возразила Флоренса съ тою же нѣмой мольбой и также быстро скрывая лицо свое на груди Эдиѣ. — Я никогда не была любимымъ дитятей. Я не сумѣла дойти до этого, и меня нѣкому было научить. О, скажите мнѣ, какъ это сдѣлать! Научите меня—вы такъ добры! И снова, прижимаясь къ ея груди и произнося невнятные слова благодарности и нѣжности, Флоренса, открывая ей свою печальную тайну, плакала долго, но не такъ горько, какъ прежде, въ объятіяхъ новой мамá.

Блѣдная, даже съ поблѣднѣвшими губами, съ лицомъ, которое по-видимому волновалось внутренними чувствами, стараясь казаться спокойнымъ, пока ея гордая красота не установилась съ неподвижностью смерти, смотрѣла Эдиѣ на плачущую дѣвушку и поцаловала ее. Потомъ, высвобождаясь постепенно и отводя рукою Флоренсу, она сказала, спокойная и величаяя, какъ мраморная статуя, голосомъ, котораго выраженіе дѣлалось глубже по мѣрѣ-того, какъ она говорила, но который не обнаруживалъ въ себѣ никакого другаго признака душевнаго волненія:

— Флоренса, ты не знаешь меня! Избави тебя Богъ у меня учиться!

— Учиться у васъ? повторила изумленная Флоренса.

— Избави Богъ, чтобъ я стала учить тебя, какъ любить или какъ быть любимой! Еслибъ ты могла научить этому меня, было бы лучше; но теперь это уже слишкомъ-поздно. Ты для меня очень-дорога, Флоренса. Я никогда не думала найти существо,

къ которому могла бы привязаться такъ, какъ привязалась къ тебѣ въ это короткое время.

Видя, что Флоренса хочетъ говорить, она остановила ее рукою и продолжала:

— Я всегда буду тебѣ вѣрнымъ другомъ, буду любить тебя столько, сколько могъ бы любить тебя кто-нибудь на свѣтѣ. Ты можешь на меня положиться—я въ этомъ убѣждена и говорю это, другъ мой, со всею довѣрчивостью даже твоего чистаго сердца. Есть много женщинъ лучше и непорочнѣе меня во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, на которыхъ оцѣ могъ жениться, Флоренса; но нѣтъ ни одной, которая могла бы прійти сюда, какъ его жена и которой сердце билось бы болѣе искреннею и надежною привязанностью къ тебѣ, какъ мое.

— Я это знаю, милая мам! вскричала Флоренса.—Я это поняла съ того перваго и счастливаго дня...

— Счастливаго дня! Эдиень, по-видимому, повторила эти слова неволью и безсознательно, и продолжала: — Хотя достоинство этого не на моей сторонѣ... я мало думала о тебѣ, пока тебя не увидѣла... пусть мнѣ незаслуженною наградой будетъ любовь твоя и довѣренность. И теперь, Флоренса—я должна высказать это въ первую же ночь пребывания моего здѣсь—говорю тебѣ въ первый и въ послѣдній разъ...

Флоренса, не зная сама почему, почти боялась слушать дальше; но взоры ея остались прикованными къ прекрасному лицу, которое такъ пристально на нее смотрѣло.

— Не ищи во мнѣ никогда, сказала Эдиень, положивъ ея руку себѣ на грудь:—того, чего здѣсь нѣтъ. Никогда, если ты можешь это сдѣлать, Флоренса, не покидай меня за то, что *этого* нѣтъ здѣсь. Мало-по-малу, ты узнаешь меня лучше; прійдетъ время, когда ты узнаешь меня такъ, какъ я сама себя знаю. Тогда будь ко мнѣ снисходительна сколько можешь и не превращай въ горечь единственнаго утѣшительнаго воспоминанія, которое у меня остается.

Слезы, выступившія въ глазахъ ея, устремленныхъ на Флоренсу, доказывали, что спокойное лицо было только прекрасною маскою; но она не сбрасывала ее и продолжала:

— Я *видѣла* то, о чемъ ты говоришь, и знаю, что это правда. Но, вѣрь мнѣ—ты скоро это поймешь, если не можешь постигнуть теперь — нѣтъ на свѣтѣ существа, которое могло бы помочь тебѣ меньше, чѣмъ я. Не спрашивай меня никогда почему, и впередъ не говори мнѣ никогда объ этомъ, или о моемъ мужѣ. Касательно этого между нами должно быть молчаніе такое же ненарушимое, какъ въ могилѣ.

Она просидѣла нѣсколько времени не говоря ни слова. Флоренса едва осмѣливалась дышать, между-тѣмъ, какъ смутные призраки истины, со всѣми ея ежедневными слѣдствіями, проносились въ ея испуганномъ, но все еще неубѣжденномъ воображеніи. По-

что тотчасъ же послѣ того, какъ она замолчала, лицо Эдиенъ начало успокоиваться, смягчаться и принимать то кроткое выраженіе, которое было на немъ всегда, когда она оставалась наединѣ съ Флоренсою. Послѣ этой перемѣны, она закрыла лицо обѣими руками; потомъ встала, обняла Флоренсу съ нѣжностью, пожелала ей доброй ночи и вышла изъ комнаты скорыми шагами, не оглядываясь ни раза назадъ.

Но когда Флоренса была уже въ постели и комната освѣщалась только огнемъ камина, Эдиенъ воротилась и, сказавъ, что ея спальня слишкомъ—пуста, что она не можетъ уснуть, придвинула къ камину кресла и смотрѣла, какъ мало-по-малу догорали въ немъ уголья. Флоренса также смотрѣла на нихъ изъ постели, пока они, вмѣстѣ съ сидѣвшею передъ ними съ распущенными волосами благородною фигурой, не слѣпались неясными и не скрылись во снѣ.

Даже во снѣ, Флоренса не могла освободиться отъ смутнаго воспоминанія того, что произошло такъ недавно. Предметъ этотъ являлся ей въ сновидѣніяхъ то въ одномъ, то въ другомъ видѣ—но всегда угнеталъ ея грудь и всегда возбуждалъ страхъ. Ей снилось, что она ищетъ отца своего въ пустынѣ, или слѣдуетъ за нимъ на страшныя высоты и потомъ въ глубокія пѣди и пещеры; что у нея есть какая-то вещь, которая должна избавить его отъ невыразимаго страданія—она не знала, какая именно вещь и почему—а между-тѣмъ, она никакъ не можетъ добраться до цѣли и помочь ему. Потомъ она видѣла его мертвымъ въ этой самой комнатѣ, на этой самой кровати, и знала, что онъ никогда, до послѣдней минуты, не любилъ ея; но она упала на его холодную грудь и плакала горячими слезами. Потомъ видѣніе перемѣнилось: передъ нею текла рѣка, и жалобный, знакомый, милый голосъ кричалъ: «Она все течетъ впередъ, Флой! Она не останавливалась вовсе! Ты движешься вмѣстѣ съ нею!» И она видѣла, какъ онъ издали протягивалъ къ ней ручки, а между-тѣмъ, похожая на Валтера фигура стояла подлѣ него, страшно спокойная, неподвижная, ясная. Во всякомъ видѣніи являлась и исчезала Эдиенъ, то къ ея радости, то къ горю, пока обѣ не очутились одиѣ на краю глубокой могилы; Эдиенъ указала ей туда пальцемъ; она взглянула и увидѣла... что?.. другую Эдиенъ, которая лежала на двѣ.

Въ ужасѣ отъ этого страшнаго сновидѣнія, она вскрикнула и проснулась, какъ ей казалось. Кроткій голосъ шепталъ ей на ухо: «Флоренса, милая Флоренса, это только сонъ!» Протянувъ обѣ руки, она отвѣчала на ласки своей новой мамѣ, которая вышла за двери, когда уже начало свѣтать. Съ минуту, Флоренса просидѣла въ постели, удивляясь, дѣйствительно ли это было на яву, или нѣтъ; но она могла убѣдиться только въ сѣромъ свѣтѣ утра, въ томъ, что почернѣвшіе остатки огня оставались на рѣшеткѣ камина и что она была въ комнатѣ одна.

Такъ прошла ночь, въ которую счастливая чета воротилась домой.

ГЛАВА VI.

ОБНОВЛЕНИЕ ДОМА.

Прошло много дней въ такомъ же порядкѣ; много визитовъ было сдѣлано и принято; мистриссъ Скьютонъ принимала гостей въ своихъ покояхъ, гдѣ майоръ Бэгстокъ былъ частымъ посѣтителемъ, и Флоренсъ ни разу не удалось встрѣтить взгляда отца, хотя она и видѣлась съ нимъ каждый день. Ей не случалось также имѣть продолжительныхъ разговоровъ съ новой мамá, которая была надменна и повелительна со всѣми въ домѣ, исключая ея—этого Флоренса не могла не замѣтить. Хотя Эдионъ всегда посылала за нею или приходила къ ней сама, возвращаясь домой послѣ визитовъ; хотя она всегда заходила въ ея комнату передъ тѣмъ, чтобъ идти спать, въ какой бы ни было поздній часъ; хотя она не пропускала ни одного случая быть съ нею вмѣстѣ, однако часто просиживала въ ея обществѣ въ безмолвной задумчивости.

Флоренса, основывавшая такія надежды на женитьбѣ отца, не могла удержаться, чтобъ не сравнить иногда настоящаго великолѣпія дома съ угрюмостью и запустѣніемъ его въ прежніе дни; она спрашивала себя невольно, настанетъ ли въ немъ когда-нибудь настоящая домашняя жизнь, которой до-сихъ-поръ тутъ не было ни для кого, хотя все шло по заведенному порядку и на самую роскошную ногу. Часто, днемъ и ночью, со слезами унынія и утраченной надежды, Флоренса убѣждалась въ справедливости такъ сильно выраженнаго увѣренія ея новой мамá, что нѣтъ на свѣтѣ существа, которое было бы менѣе ея способно научить Флоренсу искусству пріобрѣсти любовь отца. Скоро Флоренса начала думать, или, вѣрнѣе, рѣшилась думать, что такъ-какъ никто лучше Эдионъ постигнуть не могъ невозможность преодолѣть холодность къ ней отца, то она сдѣлала ей это предостереженіе и запретила говорить о немъ изъ одного только состраданія. Чуждая себялюбія въ этомъ случаѣ, какъ и во всемъ, Флоренса лучше хотѣла переносить боль отъ новой сердечной раны, чѣмъ допустить невольно вкрадывавшуюся мысль, которая обвиняла отца. Она была къ нему неизмѣнно нѣжна, даже въ своихъ блуждающихъ мысляхъ. Чтò до его дома, она надѣялась, что жизнь сдѣлается въ немъ семейнѣе и домашнѣе, когда пройдетъ періодъ новизны и непривычности. О самой-себѣ она думала мало и ни на что не жаловалась.

Если никто изъ новаго семейства не чувствовалъ себя дома въ частности, то рѣшили, что мистриссъ Дѳмби должна безъ отлагательства чувствовать себя дома въ обществѣ. Мистеръ Дѳмби и мистриссъ Скьютонъ составили проектъ ряду пиршествъ, должен-

ствовавшихъ произойти для празднованія бракосочетанія; этимъ увеселеніямъ рѣшили начать съ того, что мистриссъ Домби будетъ дома въ извѣстный вечеръ, и, сверхъ того, мистеръ и мистриссъ Домби пригласятъ въ тотъ же день къ обѣду многочисленное общество, составленное изъ самыхъ неудобосмѣшиваемыхъ элементовъ.

Въ-слѣдствіе чего мистеръ Домби представилъ списокъ нѣсколькихъ «восточныхъ» магнатовъ (*), которыхъ онъ намѣренъ пригласить съ своей стороны, тогда-какъ мистриссъ Скьютонъ, дѣйствовавшая за милую дочь, которая оставалась надменно-равнодушною ко всему, приложила «западный» списокъ, заключавшій въ себѣ и кузена Финикса, все еще несобравшагося воротиться въ Баденъ-Баденъ, къ большому вреду его личного имущества; кромѣ того, Клеопатра пригласила цѣлый рой мошекъ разныхъ разборовъ и возрастовъ, которыя въ разныя времена кружились около свѣта ея предестной дочери или ея собственнаго, обжигая слегка и не надолго свои крылышки. Флоренса была въ числѣ обѣденныхъ гостей по повелѣнію Эдионъ, вызванному минутною нерѣшимостью мистриссъ Скьютонъ; Флоренса, удивляясь и постигая инстинктивно все, что только задѣвало заживо ея отца, въ какой бы ни было легкой степени, приняла безмолвное участіе въ пиршествѣ того дня.

Дѣло началось съ того, что мистеръ Домби, въ необыкновенно-высокомъ и накрахмаленномъ галстухѣ, прохаживался безъ отдыха по гостиной до назначеннаго обѣденнаго часа. Лишь-только часъ пробилъ, явился одинъ изъ директоровъ Остиндской Компаніи, несметно-богатый, въ нанковомъ жилетѣ, сооруженномъ, по-видимому, скорѣе простымъ плотникомъ, нежели портнымъ; его принялъ одинъ мистеръ Домби. Потомъ мистеръ Домби послалъ свои «комплименты» мистриссъ Домби, съ точнымъ извѣщеніемъ о времени; при этомъ случаѣ, остиндскій директоръ повергся ницъ—въ разговорномъ смыслѣ; а такъ — какъ мистеръ Домби не находилъ нужнымъ поднимать его, то оставилъ въ покоѣ, уставившись передъ каминомъ и не сводя съ него глазъ, пока не явилась мистриссъ Скьютонъ. Директоръ, на первый случай, принялъ ее за мистриссъ Домби и привѣтствовалъ съ энтузіазмомъ.

Послѣ него явился одинъ изъ директоровъ Лондонскаго Банка, пользовавшійся репутациею, что онъ въ состояніи купить все на свѣтѣ, все человѣчество вообще; еслибъ забралъ себѣ въ голову дѣйствовать на денежный курсъ по этому направленію; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ необыкновенно скромень, — хвастливо-скромень, —

(*) Въ восточной части Лондона находятся всѣ коммерческія конторы, домъ Остиндской Компаніи, доки, складочныя магазины и проч. Тамъ же живутъ богатѣйшіе кушцы. Западную часть, или Вест-Эндъ, занимаетъ аристократія.

и говорилъ о своемъ «домикѣ» въ Кингстонѣ-на-Темзѣ, какъ-будто въ немъ только бы и нашлось, что постель и кусокъ ростбифа, еслибъ мистеръ Дѳмби вздумалъ навѣстить его тамъ. «Дамъ» говорилъ онъ «не можетъ рѣшиться пригласить къ себѣ человѣкъ, привыкшій къ такому тихому и простому образу жизни; но еслибъ мистриссъ Скьютонъ и мистриссъ Дѳмби случайно очутились въ тѣхъ мѣстахъ, то осчастливили бы его премного, удостоивъ заглянуть на кой-какіе кустарники, да на цвѣтничокъ, да на скромное подражаніе ананасной теплицѣ, и тому подобныя двѣ или три безпритязательныя попытки.» Выдерживая свой характеръ, джентльменъ этотъ одѣвался чрезвычайно-просто: обрѣзокъ кембрика служилъ ему шейнымъ платкомъ; онъ ходилъ въ толстыхъ башмакахъ, во фракѣ слишкомъ-просторномъ, и въ панталонахъ слишкомъ-короткихъ; на какое-то замѣчаніе мистриссъ Скьютонъ объ итальянской оперѣ, онъ сказалъ, что бываетъ тамъ очень-рѣдко: такая расточительность была бы ему не по состоянію. По-видимому, онъ говорилъ такія вещи съ большимъ наслажденіемъ, весело посматривая на своихъ слушателей и запуская руки въ карманы съ особенною лучезарностью въ глазахъ.

Наконецъ, явилась мистриссъ Дѳмби, прекрасная, гордая и презрительная ко всѣмъ. На лицѣ ея было написано неукротимое выраженіе, какъ-будто цвѣточная гирлянда ея головнаго убора имѣла внутри стальныя иглы, вдавленные въ нее для того, чтобъ исторгнуть согласіе, которому она скорѣе предпочитаетъ смерть. Съ нею была Флоренса. Когда обѣ онѣ вошли, лицо мистера Дѳмби подернулось такою же мрачною тѣнью, какъ въ ночь его пріѣзда; но это не было ими замѣчено: Флоренса не рѣшалась поднять на него глазъ, а Эдиѳъ была такъ выспренно-равнодушна, что не удостоивала его малѣйшимъ вниманіемъ.

Гости съѣзжались толпою. Еще директоры и предсѣдатели важныхъ компаній, пожилыя дамы съ головами, обремененными наряднымъ уборомъ, кузень Финиксъ, майоръ Бэгстокъ, подружки мистриссъ Скьютонъ, съ такими же, какъ у нея, искусственно-цвѣтущими лицами и весьма-дорогими жемчугами и брилліантами на весьма-морщинистыхъ шеяхъ. Въ числѣ ихъ была шестидесяти-пятилѣтняя дѣвица, замѣчательно-прохладно одѣтая касательно плечъ и сины: она говорила съ увлекательнымъ шепеляньемъ, а зрачки глазъ ея никакъ не могли успокоиться, и манеры были исполнены прелестной вѣтрености, столь очаровательной въ молоденькихъ и хорошенькихъ дѣвушкахъ. Такъ-какъ большая часть гостей списка мистера Дѳмби была склонна къ молчаливости, а большая часть гостей списка мистриссъ Дѳмби была склонна къ разговорчивости, и между обѣими сторонами не проявлялось никакого сочувствія, то общество мистриссъ Дѳмби, по тайному магнетизму, составило наступательный союзъ противъ общества мистера Дѳмби, которое бродило по комнатамъ, искало убѣжища въ углахъ, сталкивалось со вновь-прибывавшими гостя-

ми, и черезъ это попадалось въ западни за софами и креслами, получало въ лобъ удары внезапно открывшихся за разбросанными членами его дверей и вообще подвергалось разнымъ неудобствамъ.

Когда доложили объ обѣдѣ, мистеръ Домби повелъ къ столу весьма-пожилую даму, походившую на малиновую бархатную подушку, начиненную банковыми билетами; кузень Финиксъ повелъ мистриссъ Домби; майоръ Бэгстокъ взялъ мистриссъ Скьютонъ; дѣвица съ обнаженными плечами досталась въ родѣ гасильника остиндскому директору; прочія дамы остались въ гостиной на произволъ прочихъ джентльменовъ, пока не являлись отчаянныя удальцы, отваживавшіеся вести ихъ къ обѣду; эти герои съ своими призами загородили дверь столовой, изъ которой вытѣснили семерыхъ кроткихъ джентльменовъ въ сѣни. Наконецъ, когда всѣ усѣлись, явился одинъ изъ этихъ кроткихъ джентльменовъ: не зная куда пріютиться, онъ конфузно улыбаясь и обошелъ раза два вокругъ всего стола, сопровождаемый дворецкимъ, пока не отыскалъ себѣ свободнаго стула, который нашелся по лѣвую сторону мистриссъ Домби. Усѣвшись, этотъ кроткій джентльмень уже не рисковалъ поднять глаза во время всего обѣда.

Обширная столовая съ обществомъ, сидящимъ за великолѣпно-убраннымъ столомъ и трудящимся съ серебряными и позолоченными ложками, ножами, вилками и тарелками, походила на сцену представленій Тома Тидлера, гдѣ дѣти подбираютъ серебро и золото. Самъ мистеръ Домби выполнялъ какъ-нельзя-лучше роль Тидлера: длинный серебряный замороженный подносъ, уставленный вазами и мерзлыми купидонами, который отдѣлялъ его отъ молодой супруги, между-тѣмъ, какъ купидоны подавали имъ пѣты безъ запаха, могъ доставить прекрасные матеріалы для аллегорическихъ сравненій.

Кузень Финиксъ былъ, какъ говорится, особенно «въ ударѣ» и смотрѣлъ необыкновенно-моложаво. Въ такомъ расположеніи духа, онъ рѣдко обдумывалъ свои рѣчи; память его бродила такъ же свободно, какъ ноги, и въ этотъ разъ онъ бросилъ въ дрожь все общество. Вотъ какъ это случилось. Дѣвица съ обнаженной спиною, заглядывавшаяся на кузена Финикса съ чувствомъ особенной нѣжности, ловко направила своего остиндскаго директора къ мѣсту подлѣ него, а потомъ, въ знакъ благодарности, забыла о кавалерѣ, который очутился отъѣннымъ съ другой стороны тошею и безсловесною дамой въ огромномъ мрачномъ токъ съ перьями и съ вѣромъ въ рукѣ; злополучный директоръ упалъ духомъ и погрузился въ самого-себя. Кузень Финиксъ и дѣвица были очень-веселы и разговорчивы, и дѣвица такъ усердно хохотала отъ одного изъ анекдотовъ, что майоръ Бэгстокъ спросилъ отъ имени мистриссъ Скьютонъ (они сидѣли насупротивъ, нѣсколько-ниже), нельзя ли сдѣлать этотъ анекдотъ общественною собственностью.

— Что жь, кляпуть жизнию! сказалъ кузѣнъ Финиксъ: — тутъ нѣтъ ничего особеннаго, не стоить повторять. Весь фактъ состоитъ въ томъ, что это анекдотъ про Джека Адамса. Смѣю сказать, пріятель мой Дѳмби — общее вниманіе сосредоточилось на кузѣнѣ Финиксѣ—вѣроятно помпнуть Джека Адамса. Джека Адамса, а не Джое: тотъ былъ его братъ. Ну, вотъ, Джекъ, маленькій Джекъ—человѣкъ съ бѣлымъ на одномъ глазѣ и слегка косноязычный—онъ сидѣлъ въ парламентѣ по выбору какого-то мѣстечка. Мы называли его въ мое парламентское время W. P. Адамсомъ, въ слѣдствіе того, что онъ былъ *нагрѣвальникомъ* (*) одного несовершеннолѣтняго юноши. Можетъ-быть, нашъ другъ Дѳмби зналъ этого человѣка?

Мистеръ Дѳмби, который столько же могъ знать Гюйя Фаукеса, знаменитаго виновника «пороховаго заговора», отвѣчалъ отрицательно. Но одинъ изъ семи кроткихъ джентльменовъ, вдругъ, неожиданно, отличился, сказавъ, что онъ зналъ Джека Адамса, и еще присовокупилъ: «всегда носилъ гессенскіе сапоги!»

— Такъ точно, возразилъ кузѣнъ Финиксъ, наклоняясь впередъ, чтобъ разсмотрѣть кроткаго джентльмена и пославъ ему поощрительную улыбку на другой конецъ стола. — Это былъ Джекъ. А Джое носилъ...

— Съ отворотами! воскликнулъ кроткій джентльменъ, возвышаясь съ каждою минутой въ общемъ мѣнни.

— Совершенно! сказалъ кузѣнъ Финиксъ. — Вы были съ нимъ коротко знакомы?

— Я зналъ ихъ обоихъ, отвѣчалъ кроткій джентльменъ, съ которымъ мистеръ Дѳмби выпилъ немедленно рюмку вина.

— Чертовски-добрый малый Джекъ! сказалъ кузѣнъ Финиксъ, снова наклоняясь впередъ и улыбаясь.

— Превосходный! возразилъ другой, дѣлаясь смѣлѣе отъ своего неожиданнаго успѣха.

— Такъ вы знаете исторію?

— А вотъ, увижу, милордъ, когда услышу, что вы будете рассказывать. Съ этими словами онъ откинулся назадъ на своемъ стулѣ и сталъ улыбаться, глядя въ потолокъ, какъ-будто зная исторію наизусть и внутренно потѣшаяся ею.

— Въ сущности факта, это вовсе не исторія, сказалъ кузѣнъ Финиксъ, улыбнувшись всѣмъ присутствующимъ и весело тряхнувъ головою:—она не стоить даже предисловія. Но главное, она показываетъ, что за опредѣлительный малый былъ Джекъ. Фактъ состоитъ въ томъ, что Джека пригласили на свадьбу — кажется, въ Баркширъ?

— Шропширъ, поправилъ ободрившійся кроткій джентльменъ, къ которому адресовался этотъ вопросъ.

(*) *Warming-Pan* — нагрѣвательникъ.

отъ васъ — необыкновенное и, по-крайней-мѣрѣ по-видимому, жестокое и опасное.

— И не-уже-ли нѣтъ другаго средства? сказала Марія, тредеща отъ испуга.

— Нѣтъ! Но черезъ двадцать четыре часа, черезъ двѣнадцать часовъ и это послѣднее средство будетъ поздно. Въ головѣ короля скопился гной, и если не выпустить паровъ немедленно быстрою операціей, смерть короля неминуема.

— И такъ, хотите вы тотчасъ приступить къ операціи? сказалъ кардиналъ. — Но прежде всего, я не принимаю на себя одного: ответственности въ этомъ дѣлѣ.

— Вы уже начинаете сомнѣваться? сказалъ Амброазъ: — нѣтъ, для операціи мнѣ надобенъ дневной свѣтъ, а нынче ночью я долженъ многое обдумать и сдѣлать одинъ или два опыта, для упражненія руки... Но завтра утромъ въ девять часовъ я могу быть здѣсь. Потрудитесь присутствовать здѣсь, королева, и вы также, кардиналъ; пускай находятся здѣсь также лица, которыхъ привязанность къ королю уже доказана; но другихъ — никого. Постарайтесь также, чтобъ здѣсь было какъ-можно-меньше медиковъ. Тогда я объясню все, что я намѣреваюсь дѣлать; и если вы все одобрите мое предложеніе, тогда, съ помощію Бога, я рѣшусь на послѣднее средство, которое намъ еще оставилъ Богъ.

— А до завтра не будетъ опасности? спросила королева.

— Нѣтъ, государыня, сказалъ Парé: — только для этой операціи королю необходимо отдохнуть и собраться съ силами. Въ питье, которое стоитъ здѣсь на столѣ, я волю двѣ капли вотъ этого эликсира, — прибавилъ онъ, дополняя слова дѣйствіемъ: — пускай король прійметъ все это сейчасъ же, и вы увидите, какъ онъ погружится въ самый спокойный и глубокий сонъ. Наблюдайте, ваше величество, наблюдайте сами, чтобъ этотъ сонъ не былъ нарушаемъ ни подъ какимъ предлогомъ.

— Будьте спокойны, я отвѣчаю за это, сказала Марія Стуртъ: — я не сойду съ этого мѣста въ-продолженіе всей ночи.

— Теперь мнѣ здѣсь нечего дѣлать, сказалъ Амброазъ Парé: — и я попрошу у васъ позволенія удалиться: мнѣ должно подумать о королѣ и приготовиться къ своей великой обязанности.

— Идите, г. Парé, идите, отвѣчала Марія: — благодарю и благословляю васъ заранѣе. Завтра увидимся.

— Завтра, сказалъ Амброазъ: — надѣйтесь, королева.

— И васъ также благодарю еще разъ, сказала Марія, обратясь къ Габріэлю: — вы изъ числа тѣхъ, о которыхъ говорилъ Парé, изъ числа людей, преданныхъ королю. Итакъ, будьте здѣсь завтра; своимъ присутствіемъ вы можете поддержать вашего славнаго друга.

— Буду, государыня, сказалъ Габріэль, поклонившись королевѣ и кардиналу и уходя съ хвругомъ.

— И я также буду! сказала про себя Катерина Медичи за дверью, въ которую она наблюдала за тѣмъ, что дѣлалось. — Да, я буду.

X.

Катерина Медичи все еще наблюдала, хотя въ комнатѣ короля остались только Марія Стюартъ и кардиналъ, но не видела и не слышала ничего любопытнаго. Королева подала усыпительное питье Франциску, который, какъ общалъ Амброазъ Парё, казался, заснувъ въ ту же минуту. Потомъ все затихло. Кардиналъ сидѣлъ, погруженный въ размышленіе; Марія молилась на коленяхъ.

Королева-мать тихо удалилась въ свою комнату, чтобъ, подобно кардиналу, обдумать многое.

Еслибъ она пребыла здѣсь еще нѣсколько секундъ, она была бы свидѣтельницей сцены, вполне достойной королевы.

Марія Стюартъ, окончивъ теплую молитву, встала и сказала кардиналу:

— Ничто не заставляетъ васъ, дядюшка, сидѣть здѣсь со мною, потому что я намѣрена остаться здѣсь до пробужденія короля. Врачи и прислуга находятся въ сосѣдней комнатѣ, и сдѣлаютъ все, что понадобится. Вы можете нѣсколько отдохнуть; я предупрежу васъ, если будетъ необходимо.

— Нѣтъ, сказалъ кардиналъ:—герцогъ Гизъ хотѣлъ зайти сюда, и я общалъ дожидаться его прихода... Кажется, я слышу его шаги...

— О, ради Бога, чтобъ онъ не дѣлалъ шума! сказала Марія, побѣжавъ навстрѣчу къ герцогу.

Дѣйствительно, герцогъ Гизъ вошелъ въ комнату, блѣдный и взволнованный, поклонился королевы, но, будучи занятъ какою-то мыслию, не спросилъ ни слова о королѣ, а подошелъ прямо къ брату и отвелъ его въ широкую амбразуру окна.

— Ужасная новость, громовый ударъ! сказалъ Гизъ.

— Еще что? спросилъ Шарль Лотарингскій.

— Коннетабль Монморанси уѣхалъ изъ Шантальи съ тысячью пятьюстами дворянъ, сказалъ Гизъ:—и, чтобъ лучше скрыть свой слѣдъ, онъ миновалъ Парижъ и отправился изъ Экуана и Корбея въ Питивь черезъ Эссонскую Долину. Завтра онъ будетъ съ войскомъ передъ воротами Орлеана. Меня уже уведомили.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, это ужасно! сказалъ кардиналъ: — старый хитрецъ хочетъ спасти голову своего племянника. Я увѣренъ, что его предупредила королева-мать!.. И мы не въ состояніи ничего сдѣлать противъ этой женщины!

— Еще не время дѣйствовать противъ нея; теперь мы должны покаивать дѣйствовать для себя, сказалъ Балафрѣ. — Какъ намъ поступать?

— Идите съ войскомъ навстрѣчу коннетаблю, отвѣчалъ Шарль Лотарингскій.

— Не беретесь ли вы удержать Орлеанъ, когда меня тамъ не будетъ съ войскомъ? спросилъ герцога.

— Увы, нѣтъ! отвѣчалъ кардиналъ:—жители Орлеана—народъ дурной, гугеноты и Бурбоны въ душѣ. Но, по-крайней-мѣрѣ, штаты на нашей сторонѣ.

— И Лопиталь противъ насъ, подумайте объ этомъ, любезный братъ. Положеніе трудное!.. Каково здоровье короля? спросилъ онъ нахонецъ.

— Дурно, отвѣчалъ Шарль Лотарингскій: — но Амброазъ Парѣ, прибывшій изъ Орлеана по приглашенію королевы — я объясню вамъ это — надѣется спасти его завтра странною, но необходимою операціей, которая можетъ имѣть счастливыя послѣдствія. Будьте здѣсь, братъ, въ девять часовъ, чтобъ, въ случаѣ надобности, поддержать Амброаза.

— Непременно, отвѣчалъ Гизъ: — на него наша единственная надежда. Наша власть умретъ вмѣстѣ съ Францискомъ II и, однакъ, не мѣшало бы утѣшить, а можетъ-быть, и заставить отступить коннетабля, пославъ ему навстрѣчу голову его прекраснаго племянника, принца Кондѣ.

— Да, это было бы краснорѣчивое извѣстіе, сказалъ кардиналъ задумчиво.

— Но проклятый Лопиталь мѣшаетъ всему! замѣтилъ герцога.

— Еслибъ, вмѣсто его подписи, на приговорѣ принца была подпись короля, сказалъ Шарль Лотарингскій: — ничто не препятствовало бы намъ исполнить приговоръ завтра утромъ, до пріѣзда Монморанси и попытки Амброаза Парѣ... не правда ли, братъ?

— Это было бы не совсѣмъ справедливо, однакъ, возможно, отвѣчалъ Гизъ.

— Итакъ, сказалъ съ жаромъ Шарль Лотарингскій: — оставьте меня здѣсь одного; вамъ здѣсь нѣчего дѣлать въ эту ночь, и вамъ надо отдохнуть; на колокольнѣ Балльежа бьетъ одиннадцать часовъ. Вамъ должно беречь свои силы для завтрашняго дня. Уйдите и оставьте меня; я тоже хочу поискать лекарства своему счастью.

— Что это значить? спросилъ герцога Гизъ: — пожалуйста, не предпринимайте ничего рѣшительнаго, не посоветовавшись, по-крайней-мѣрѣ, со мною, любезный братъ.

— Будьте покойны; если въ моихъ рукахъ будетъ то, чего я желаю — въ такомъ случаѣ я разбуду васъ завтра утромъ, и мы переговоримъ.

— Давно бы такъ! отвѣчалъ Гизъ: — при такомъ общаніи, я могу уйти, потому-что, сказать правду, я очень утомленъ. Но только—благоразуміе!..

Гизъ приблизился къ Маріи Стюартъ, сказалъ ей нѣсколько утѣ-

пительныхъ словъ и вышелъ изъ комнаты на ципочкахъ, чтобъ не произвести ни малѣйшаго шума.

Между-тѣмъ, кардиналъ сѣлъ къ столу и снялъ копію съ приговора комиссіи, потомъ всталъ и пошелъ къ постели короля.

Но Марія остановила его повелительнымъ движеніемъ руки.

— Куда вы? сказала ему королева тихимъ и въ то же время твердымъ и угрожающимъ голосомъ.

— Необходимо, чтобъ король подписалъ эту бумагу, отвѣчалъ кардиналъ.

— Королю необходимо теперь одно, чтобъ его не беспокоили, сказала Марія.

— Только подписать имя внизу этой бумаги, ваше величество — и я не буду его беспокоить.

— Но вы разбудите его, прервала королева: — и я не хочу этого. Притомъ, онъ теперь не въ силахъ держать перо.

— Все равно, я буду держать за него, отвѣчалъ Шарль-Лотарингскій.

— Говорю вамъ: я не хочу! произнесла повелительнымъ голосомъ Марія Стюартъ.

Кардиналъ остановился на минуту, удивленный противодѣйствіемъ, котораго никакъ не ожидалъ, и послѣ минутной паузы сказалъ убѣдительнымъ голосомъ:

— Послушайте, королева, выслушайте меня, любезная племянница; я объясню вамъ, въ чемъ заключается дѣло. Вы понимаете, что я не потревожилъ бы спокойствія короля, еслибъ не побуждала меня къ тому крайняя необходимость. Здѣсь рѣшается вопросъ о нашемъ и вашемъ благополучіи, о нашемъ и вашемъ счастьи. Послушайте. Король необходимо долженъ подписать эту бумагу до разсвѣта — или мы пропали — клянусь вамъ, пропали!

— Для меня это все равно, спокойно сказала Марія.

— Но, говорю вамъ еще разъ, наша гибель будетъ гибелью и для васъ... какое вы дитя!

— Чтѣ за дѣло! сказала Марія: — развѣ я думаю о вашемъ честолюбіи?... У меня только одно желаніе — спасти того, котораго я люблю, спасти его жизнь, а пока хранить его спокойствіе. Амброазъ Парэ поручилъ мнѣ наблюдать за сномъ короля — и я запрещаю вамъ, кардиналъ, нарушать этотъ сонъ! Я запрещаю вамъ!.. Умереть — умереть король и моя власть — для меня это все равно... Но до-тѣхъ-поръ, пока въ немъ еще есть дыханіе жизни, я буду защищать это послѣднее дыханіе противъ всѣхъ ненавистныхъ искательствъ и вашихъ придворныхъ интригъ. Я помогала, дядюшка, окрѣпить власти въ вашихъ рукахъ, пока мой Францискъ ходилъ и былъ здоровъ; но я отнимаю всю эту власть съ той минуты, когда теряютъ уваженіе къ послѣднимъ, можетъ-быть, часамъ спокойствія, которые даритъ ему Богъ въ здѣшней жизни. Король, сказалъ Амброазъ Парэ, долженъ собраться къ завтрашнему дню съ остаткомъ своихъ силъ, и никто въ мірѣ, подъ ка-

книгъ бы ни было предлогомъ, не осмѣлятся нарушить этотъ спасительный сонъ.

— Но если это предметъ до такой степени важный и необходимый... сказалъ кардиналъ.

— Какая бы ни была причина, никто не посмѣетъ разбудить короля!.. прервала Марія.

— Но мнѣ это необходимо, сказалъ Шарль Лотарингскій, досадуя, что такъ долго его останавливаетъ ребенокъ, его племянница: — интересы государства должны иногда брать верхъ надъ чувствомъ сердца. Мнѣ нужна подпись короля, и она будетъ у меня немедленно!

— Не будетъ, господинъ кардиналъ, сказала Марія.

Кардиналъ сдѣлалъ еще шагъ къ постели короля.

Марія Стюартъ снова заступила ему дорогу.

Королева и министръ съ минуту смотрѣли другъ на друга, дрожа отъ гнѣва.

— Я пройду, сказалъ отрывистымъ голосомъ Шарль Лотарингскій.

— Такъ вы осмѣлитесь положить на меня руку?

— Племянница!

— Не племянница, но ваша королева.

Эти слова были сказаны Маріей съ сознаниемъ своего достоинства. Уничтоженный кардиналъ отступилъ.

— Да, ваша королева! возразила Марія: — и если вы сдѣлаете еще одинъ шагъ, еще одно движеніе, я подойду къ двери, призову стражу—и будете ли вы мой дядя, министръ или кардиналъ—я прикажу васъ арестовать, какъ преступника, посягающаго на права величества.

— Какой стыдъ, прошепталъ устранный кардиналъ.

— Но кто же изъ насъ двоихъ хотѣлъ этого?

Глаза королевы сверкали, грудь волновалась; все доказывало, что молодая королева непременно исполнила бы свою угрозу.

А какъ была прекрасна Марія! Въ лицѣ ея было столько гордости, что мѣдное сердце кардинала было побѣждено, обезоружено.

Мужчина уступилъ ребенку; политика уступила голосу природы.

— Хорошо, сказалъ съ глубокимъ вздохомъ кардиналъ:— я подожду пробужденія короля.

— Благодарю, отвѣчала Марія съ печальнымъ и нѣжнымъ выраженіемъ, къ которому она привыкла со времени болѣзни короля.

— Но, по-крайней-мѣрѣ, какъ только онъ проснется... продолжалъ Шарль Лотарингскій.

— Если онъ будетъ въ состоявіи слушать васъ и отвѣчать вамъ, дядюшка, я не стану мѣшать вамъ.

Кардиналъ, принужденный удовольствоваться такимъ обещаніемъ, сѣлъ къ столу. Марія воротилась къ своему молитвеннику; онъ ждалъ; она надѣялась.

Францискъ II не просыпался въ-продолженіе всей ночи. Значитъ, Амброазъ Парé обѣщалъ не по напрасну; уже много ночей король не наслаждался такимъ продолжительнымъ и глубокимъ сномъ.

Отъ-времени-до-времени, онъ пошевеливался, вздыхалъ и повторялъ одно слово: «Марія».

Но почти въ ту же минуту онъ впадалъ въ безчувствіе, и кардиналъ, поднимаясь съ бумагою, опять возвращался на свое мѣсто, и нетерпѣливо мялъ въ рукѣ бесполезный приговоръ, роковой приговоръ, который, безъ подписи короля, долженъ былъ, пожалуй, упасть на него самого...

Мало-по-малу, свѣчи догорали и блѣднѣли, и холодное декабрьское утро блѣло въ окна.

Наконецъ, въ восемь часовъ, король пошевелился, открылъ глаза и сказалъ:

— Марія, ты еще здѣсь, Марія?

— Да, отвѣчала Марія Стуртъ.

Шарль Лотарингскій подошелъ съ бумагою въ рукѣ. Время еще, можетъ-быть, не ушло! Эшафотъ построить не долго...

Но въ то же мгновеніе, Катерина Медичи вошла изъ своей комнаты въ спальню короля.

— Уже поздно! сказалъ про себя кардиналъ:—счастіе измѣнилось намъ, и если Амброазъ Парé не спасетъ короля—мы погибли!

XI.

СМЕРТНЫЙ ОДРЪ.

Королева-мать, въ эту ночь, не потеряла времени. Сперва она послала къ королю наваррскому кардинала Турнона, свое созданіе, заключить условіе съ Бурбонами. Потомъ, на разсвѣтъ, она увидѣлась съ канцлеромъ Лопиталемъ, сообщившимъ ей о скоромъ приближеніи коннетабля, ея союзника, къ Орлеану. Лопиталь, по совѣтамъ королевы-матери, обѣщалъ быть въ девять часовъ въ большой залѣ Балляжа, находившейся передъ спальнею короля, и привести туда приверженцевъ Катерины, сколько ихъ можетъ тамъ помѣститься. Наконецъ, королева-мать приказала собраться къ половинѣ девятаго Шаплюну и еще двумъ-тремъ придворнымъ медикамъ, заклятымъ врагамъ генія Амброаза-Парé.

Принявъ свои предосторожности, Катерина вошла первая въ спальню короля, который только-что проснулся. Подошелъ къ постели сына, она нѣсколько секундъ смотрѣла на него, качая головою, какъ опечаленная мать, поцаловала его повисшую руку, и, стеревъ съ глазъ двѣ-три слезы, свѣла, но такъ, чтобъ не терять его изъ вида.

Теперь и она, какъ Марія Стюартъ, хотѣла сдѣлать, но только по-свѣдѣму, за этою драгоценною жизнію.

Почти въ ту же минуту пришелъ герцогъ Гизъ. Обмѣнявшись нѣсколькими словами съ Маріей, онъ подошелъ къ брату.

— Вы не сдѣлали ничего? спросилъ онъ кардинала.

— Къ-сожалѣнію, не могъ ничего сдѣлать! отвѣчалъ Шарль Лотарингскій.

— Въ такомъ случаѣ, все противъ насъ, сказалъ Гизъ: — сегодня утромъ было множество народа въ пріемной Антуана-Наварр-скаго.

— Не знаете ли чего новаго о Монморанси?

— Ничего. Можетъ-быть, теперь онъ уже у городскихъ воротъ.

— Если Амброазу Парэ не удастся операція—прощай наше счастье! съ выраженіемъ отчаянія произнесъ Шарль Лотарингскій.

Въ это время, пришли медики, призванные Катериною Медичи.

Она сама подвела ихъ къ постели короля, котораго страданія и стоны начинались по-прежнему.

Врачи одинъ за другимъ осмотрѣли царственного страдальца, и потому столпились въ углу для совѣщаній. Шапленъ предложилъ катапласму, для извлеченія испареній наружу; два другіе медика утверждали, что въ ухо надо шприцевать какой-то водою, и уже согласились на это послѣднее средство, какъ неожиданно въ комнату вошелъ Амброазъ Парэ, сопровождаемый Габріелемъ.

Осмотрѣвъ больнаго, хирургъ присоединился къ своимъ собратьямъ.

Амброазъ Парэ, хирургъ герцога Гиза, уже пріобрѣтшій себѣ значительность, былъ теперь авторитетомъ, на который слѣдовало разсчитывать. Медики сообщили ему свое рѣшеніе.

— Лекарства этого недостаточно, сказалъ Амброазъ Парэ громкимъ голосомъ: — а между-тѣмъ, надо поторопиться, потому-что мозгъ наполнится раньше, нежели какъ я думалъ.

— О, ради самаго неба, поспѣшите! вскричала Марія Стюартъ, услышавъ разговоръ.

Королева-мать и двое Гизовъ вѣшались въ группу медиковъ.

— Но есть ли у васъ, господинъ Парэ, сказалъ Шапленъ: — средство, которое дѣйствовало бы лучше и скорѣе нашего?

— Есть, отвѣчалъ Парэ.

— Какое?

— Надо просверлить черепъ короля, сказалъ Амброазъ Парэ.

— Просверлить черепъ короля! вскричали съ ужасомъ три медика.

— А въ чемъ заключается эта операція? спросилъ герцогъ Гизъ.

— Она пока еще мало извѣстна, герцогъ, отвѣчалъ хирургъ: — дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ, посредствомъ изобрѣтеннаго мною инструмента, называемаго трепаномъ, сдѣлать въ темени головы щель въ боковой сторонѣ мозга отверстію, шириною въ ноготь.

— Боже милосердый! вскричала съ негодованіемъ Катерина Медичи: — поднять оружіе надъ головою короля!.. И вы осмѣлитесь на это?

— Да, отвѣчалъ Амброазъ.

— Но вѣдь это убійство! сказала Катерина Медичи.

— Но просверлить голову съ знаніемъ и предосторожностью, сказалъ Амброазъ: — развѣ не значить сдѣлать то же самое, что ежедневно дѣлаетъ на полѣ битвы шпага, слѣпая и жестокая? Однакожь, сколько ранъ мы исцѣляемъ?

— Наконецъ, отвѣчаете ли вы за жизнь короля, господинъ Парé? спросилъ кардиналъ лотарингскій.

— Жизнь и смерть человѣческая зависятъ отъ одного Бога; вы лучше меня знаете это, господинъ кардиналъ. Я могу сказать только, что это послѣдняя и единственная попытка спасти короля. Да, это единственная попытка, но, помните, только попытка.

— Однакожь, говорите вы, Амброазъ, эта попытка можетъ имѣть успѣхъ? спросилъ герцогъ: — удавалась ли вамъ она въ практикѣ?

— Да, господинъ герцогъ, отвѣчалъ Амброазъ Парé: — еще недавно надъ господиномъ Бретеско, въ Улицѣ-Ла-Гарпъ, надъ Розъ-Ружъ, и, что еще лучше извѣстно вамъ, при осадѣ Калé я сдѣлалъ такую операцію надъ Пэнномъ, который былъ раненъ въ брешь.

Амброазъ Парé, можетъ-быть, не безъ цѣли пробудилъ воспоминаніе о Калé. Но дѣло въ томъ, что хирургъ успѣлъ въ своемъ желаніи, и герцогъ Гизъ, казалось, былъ убѣжденъ его словами.

— Да, дѣйствительно, помню... сказалъ онъ: — съ-тѣхъ-поръ я не сомнѣваюсь болѣе въ вашемъ искусствѣ, и соглашаюсь на операцію.

— И я также, сказала Марія Стуртъ, внимавшая голосу своего любящаго сердца.

— Но я не соглашаюсь! вскричала Катерина Медичи.

— Но если это *наша* послѣдняя надежда! замѣтила Марія.

— Ктò сказалъ вамъ это? прервала королева-мать: — Амброазъ Парé — еретикъ!.. Съ нимъ не согласны придворные врачи.

— Нѣтъ, ваше величество, сказалъ Шапленъ: — и мои товарищи, и я самъ возражаемъ противъ средства, предложеннаго господиномъ Парé.

— Видите! вскричала торжествующая Катерина.

Гизъ, видъ себя отъ гнѣва, подошелъ къ королевы-матери и отвелъ ее въ амбразуру окна.

— Пбслушайте, ваше величество, сказалъ онъ глухимъ голосомъ сквозь зубы: — вы хотите, чтобъ вашъ сынъ умеръ, а принцъ Кондé былъ живъ!.. Вы сговорились съ Бурбонами и Монморанси!.. Торгъ заключенъ, выгоды раздѣлены заранѣе!.. Я знаю все. Беритесь! Мнѣ извѣстно все, говорю вамъ!..

Катерина Медичи была не изъ числа тѣхъ, на которыхъ можно навести робость, и герцогъ Гизъ обманулся въ расчетъ. Она еще лучше поняла, что теперь, когда врагъ снялъ съ нея и съ са-

ного-себя маску, необходима смѣлость. Королева-мать бросила сверкающій взоръ на Гиза, и ускользнувъ отъ него быстрымъ движеніемъ, подбѣжала къ двери и распахнула ее настежь.

— Господинъ канцлеръ! вскричала Медичи.

Лопиталь, по ея приказанію, находился въ большой залѣ, съ собранными имъ приверженцами королевы-матери и принцевъ.

По призыву Катерины, онъ тотчасъ подошелъ къ ней, и группа вельможъ съ любопытствомъ собралась у растворенной двери.

— Господинъ канцлеръ, продолжала Катерина громкимъ голосомъ, чтобъ лучше можно было ее слышать: — нѣкоторые дозволяютъ сдѣлать ужасную и отчаянную операцію надъ особою короля. Врачъ Парё предлагаетъ просверлить инструментомъ голову короля. Я, мать его величества, и три медика, присутствующіе здѣсь, возстаемъ противъ такого преступленія... Господинъ канцлеръ, запишите мое требованіе.

— Запереть эту дверь! вскричалъ герцогъ Гизъ.

Габріэль исполнилъ приказаніе герцога, не смотря на ропотъ дворянъ, собравшихся въ большой залѣ.

Канцлеръ одинъ только остался въ спальнѣ короля.

— Господинъ канцлеръ, сказалъ ему Гизъ: — операція, о которой вамъ говорятъ, необходима, и королева и я, генерал-наместникъ королевства, отвѣчаемъ если не за операцію, то по-крайней-мѣрѣ за хирурга.

— И я принимаю, въ настоящую минуту, всякую отвѣтственность, которую захотятъ наложить на меня, вскричалъ Амброазъ Парё:—да, я готовъ отвѣчать своею жизнію, если мнѣ не удастся спасти жизнь короля. Но уже пора!.. давно пора... Взгляните на короля...

Въ-самомъ-дѣлѣ, Францискъ II, блѣдный, неподвижный, съ угасшими глазами, казалось, ничего больше не видѣлъ, ничего не слышалъ, не существовалъ. Онъ не отвѣчалъ ни на ласки, ни на слова Марин.

— О, скорѣе, сказала опа Амброазу:—именемъ Бога умоляю васъ, постарайтесь спасти жизнь короля; я буду защищать вашу собственную жизнь.

— Я не имѣю права ни въ чемъ препятствовать, равнодушно сказалъ канцлеръ:—но мой долгъ исполнить требованіе королевы-матери.

— Господинъ Лопиталь, вы больше не канцлеръ, холодно отвѣчалъ герцогъ Гизъ.—Начните, Амброазъ; сказалъ онъ хирургу.

— Послѣ этого мы уходимъ, сказалъ Шапленъ отъ имени врачей.

— Прекрасно, отвѣчалъ Амброазъ:—мнѣ нужно спокойствіе. Не угодно ли вамъ, господа, удалиться: будучи одинъ во вня искусства, я буду одинъ и отвѣчать.

Катерина Медичи въ-продолженіе нѣсколькихъ минутъ не произносила ни одного слова, не дѣлала ни малѣйшаго движенія. Она

сидяла возлѣ окна, смотря на дворъ Бальяжа, гдѣ происходила большая тревога; но въ настоящую минуту никто, кромѣ королевь-матери, не прислушивался къ вѣшнему шуму. Всѣ, и самъ канцлеръ, не сводили глазъ съ Амброаза Парэ, который съ величайшимъ хладнокровіемъ геніальнаго хирурга приготовлялъ свои инструменты.

Но въ ту минуту, какъ онъ наклонился къ Франциску II, раздался шумъ въ соседней комнатѣ. Злобная и радостная улыбка мелькнула на блѣдныхъ губахъ Катерины. Дверь распахнулась настежь, и коннетабль Монморанси, вооруженный какъ для битвы, явился грозно на порогъ.

— Я пришелъ встать!.. вскричалъ коннетабль.

— Что это значитъ? произнесъ герцогъ Гизъ, хватаясь за шпагу.

Амброазъ Парэ былъ принужденъ остановиться. Двадцать дворянъ вошли за коннетаблемъ даже въ самую спальню короля. Возлѣ Монморанси стояли Антуанъ Бурбонскій и принцъ Кондэ. Къ этой группѣ присоединились королева-мать и канцлеръ Лопиталь. Не оставалось никакихъ средствъ овладѣть комнатою короля.

— И я удаляюсь въ свою очередь, сказала съ отчаяніемъ Амброазъ.

— Господинъ Парэ, вскричала Марія Стуртъ — я, королева, приказываю вамъ продолжать операцію.

— Я имѣлъ честь докладывать вашему величеству, отвѣчалъ хирургъ:—что мнѣ необходимо совершенное спокойствіе... А посмотрите...

Онъ указалъ на коннетабля и его свиту.

— Господинъ Шапленъ, сказалъ онъ старшему врачу: — попробуйте ваше шприцованье.

— О, это минутное дѣло, съ живостію сказалъ Шапленъ. — Все приготовлено для операціи.

И онъ, въ присутствіи двухъ товарищей, тотчасъ сдѣлалъ отверстіе въ ухъ короля.

Марія Стуртъ, Гизы, Габріэль, Амброазъ не вмѣшивались и молчали, какъ-будто окаменѣлые.

Одинъ только коннетабль болталъ безъ умолку.

— Давно бы такъ! говорилъ онъ, довольный принужденнымъ послушаніемъ Парэ:—безъ меня вы вскрыли бы черепъ короля, но такъ поражаютъ королей Франціи только на полѣ сраженія... да!.. Только мечъ непріятеля можетъ касаться ихъ, а ножъ хирурга — никогда!..

И, наслаждаясь униженіемъ герцога Гиза, онъ прибавилъ:

— Да, я поспѣлъ во-время, слава Богу! А, господа, вы хотѣли, говорятъ, отрубить голову моему любезному племяннику, принцу Кондэ,—но вы разбудили стараго льва въ пещерѣ—и вотъ онъ! Я освободилъ принца; я говорилъ штатамъ, которые вы притѣсняете; я, какъ коннетабль, удалилъ часовыхъ, разставленныхъ вами у воротъ Орлеана... Скажите, давно ли заведено ставить стра-

жу вокругъ короля, какъ-будто онъ не можетъ быть въ безопасности посреди своихъ подданныхъ?..

— О какомъ королѣ говорите вы? спросилъ Амброазъ Парэ: — скоро не будетъ другаго короля, кромѣ короля Карла IX, потому-что, видите, господа, сказалъ онъ врачамъ:—не смотря на шприцованье, въ мозгу начинается воспаленіе.

Катерина Медичи вполне поняла изъ отчаяннаго выраженія лица Амброаза, что больше нѣтъ никакой надежды.

— Ваше царствованіе кончается, герцогъ, сказала она Гизу, будучи не въ силахъ скрыть свою мысль.

Въ это время, Францискъ II быстро приподнялся, открылъ большіе блуждающіе глаза, пошевелилъ губами, какъ-будто произнесъ чье-то имя, и потомъ тяжело упалъ на подушку.

Онъ умеръ.

Амброазъ Парэ печальнымъ движеніемъ руки передалъ это извѣстіе присутствующимъ.

— О, вы убили, вы убили свое дитя! вскричала Марія Стуртъ, бросаясь къ Катеринѣ Медичи.

Королева-мать бросила на нее ледяной и ядовитый взоръ, выражавшій всю ненависть, которую питала она къ Маріи въ-продолженіе восемнадцати мѣсяцевъ.

— Вы больше не имѣете права, моя милая, говорить такимъ тономъ, слышите ли? вы больше не королева, сказала ей Катерина:—ахъ, въ-самомъ-дѣлѣ, вѣдь вы королева шотландская—и мы поскорѣ отошлемъ васъ царствовать въ вашихъ туманахъ.

Марія Стуртъ, послѣ этого дерзкаго порыва печали, рыдая и въ изнеможеніи припала къ постели, на которой лежалъ король.

— Госпожа Фіески, спокойно сказала Катерина:—позовите сейчасъ же герцога орлеанскаго.

И потомъ, смотря на герцога Гиза и на кардинала, продолжала:

— Господа, штаты, принадлежавшіе, можетъ-быть, за четверть часа вамъ, теперь принадлежать намъ, чего, вѣроятно, вы ожидали и прежде. Герцогъ бурбоискій и я, будущая регентша, условились, кто будетъ генерал-намѣстникомъ королевства. Но вы, г. Гизъ, еще не сдали своей должности, и потому, исполняя обязанность своего званія, извѣстите о смерти короля Франциска II.

— Король скончался! произнесъ Гизъ глухимъ голосомъ.

Герольдмейстеръ, по правиламъ церемоніала, повторилъ громкимъ голосомъ на порогѣ большой залы:

— Король скончался! король скончался! король скончался! Молитесь Господу за успокоеніе его души.

И въ ту же минуту, первый камергеръ произнесъ:

— Да здравствуетъ король!

Въ это время, г-жа Фіески подвела герцога орлеанскаго къ королевы-матери, которая, взявъ его за руку, представила придворнымъ, и тѣ закричали:

— Да здравствуетъ король Карлъ IX!

— Вотъ паденіе нашего счастья! печально сказалъ кардиналъ своему брату, который стоялъ съ нимъ позади прочихъ.

— *Нашего*, можетъ-быть, но не паденіе счастья нашего дома, отвѣчалъ честолюбецъ:— теперь надо подумать объ очищеніи дороги для моего сына.

— Но какъ помириться намъ съ королевой-матерью? спросилъ Шарль Лотарингскій.

— Поссорить ее съ Бурбонами и гугенотами, отвѣчалъ Гизъ.

И они вышли въ боковую дверь, продолжая разговаривать...

— Увы! проговорила Марія Стюартъ, цалуя охладѣвшую руку Франциска II: — здѣсь нѣ кому, кромѣ одной меня, плакать надъ нимъ... Бѣдняжка, онъ такъ страстно любилъ меня!..

— А я развѣ не раздѣляю вашей скорби? сказалъ съ глазами полными слезъ Габріэль Монгомери, стоявшій до-тѣхъ-поръ въ отдаленіи.

— О, благодарю васъ! произнесла Марія, устремивъ на него взоръ, въ которомъ отражалась вся ея душа.

— И не ограничусь однѣми слезами, сказалъ въ-полголоса Габріэль, слѣдя издали гнѣвнымъ взглагомъ за коннетаблемъ Монморанси, гордо стоявшимъ возлѣ Катерины Медичи. — Да, я отищу ему, можетъ-быть, возобновивъ неоконченное дѣло моей собственной мести. Коннетабль сдѣлался силенъ — значитъ, борьба между нами не кончилась.

И Габріэль также ташъ, въ присутствіи умершаго короля, свою личную мысль.

Да, Ренѣ ла-Планшъ былъ правъ, сказавъ, что въ царствованіи Франциска II Франція была театромъ, гдѣ разыгрывалось много ужасныхъ трагедій, которымъ потомство, по справедливости, будетъ удивляться и, въ то же время, смотрѣть на нихъ съ отвращеніемъ.

ХИ.

Прости, Франція!..

Спустя восемь мѣсяцевъ послѣ смерти Франциска II, 15-го августа 1561, Марія Стюартъ готовилась въ Калѣ къ отъезду въ свое королевство, Шотландію.

Эти восемь мѣсяцевъ она вымолила по днямъ и, такъ сказать, по часамъ у Катерины Медичи и у своихъ дядей, желавшихъ, по различнымъ причинамъ, чтобъ она скорѣе оставила Францію. Но Марія не рѣшалась удалиться изъ страны, въ которой она была такою счастливой и любимой королевой. Эти драгоценныя мѣста были для нея прелесть и поэзію, отъ которыхъ она не могла

оторваться, даже при видѣ печальныхъ предметовъ, напомнившихъ ей равную потерю мужа.

Марія Стюартъ не только чувствовала эту поэзію, но и выражала ее; бѣдная королева не только оплакивала смерть Франциска II, какъ его жена, но и воспѣвала ее, какъ муза. Брантомъ сохранилъ намъ нѣжную элегію, которая написана Маріей Стюартъ по этому случаю, и можетъ стоять наряду съ замѣчательнѣйшими стихотвореніями того времени:

En mon triste et doux chant,
D'un ton fort lamentable,
Je jette un deuil tranchant
De perte incomparable,
Et en soupirs croissants
Passent mes meilleurs ans.

Fut-il un tel malheur
De dure destinée,
Ni si triste douleur
De dame fortunée,
Que mon coeur et mon oeil
Voit en bière, en cercueil!

Que dans mon doux printemps,
A fleur de ma jeunesse
Toutes les peines sens
D'une extrême tristesse,
Et en rien n'ai plaisir
Qu'en regret et désir.

Ce qui m'était plasant
Me devient peine dure!
Le jour le plus luisant
Est pour moi nuit obscure!
Et n'est rien si exquis
Qui de moi soit requis!

.....

Эта гармоническая и трогательная жалоба написана въ Реймсѣ, куда Марія Стюартъ сначала удалась къ своему дядѣ лотарингскому. До окончанія весны, она пребыла въ Шампани. Потомъ, религиозныя смуты, вспыхнувшія въ Шотландіи, сдѣлали необходимымъ присутствіе Маріи Стюартъ въ этой странѣ. Съ другой стороны, удивленіе, почти доходившее до страсти, которое Карлъ IX обнаруживалъ, говоря о своей свояченицѣ, сильно безпокоило мрачную правительницу Катерину Медичи. Марія Стюартъ принуждена была рѣшиться на отъездъ.

Въ іюнѣ она простилась съ сен-жерменскимъ дворомъ, и выраженіе преданности и почти обожанія, съ которыми она была здѣсь встрѣчена, еще увеличили ея печаль, если только было возможно ее увеличить.

Имяніе, назначенное ей въ пожизненное владѣніе въ Пуату, могло приносить ей въ годъ двадцать тысячъ ливровъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, она везла въ Шотландію драгоцѣнные камни, и такая добыча могла подстрекнуть какого-нибудь пирата. Кромѣ того, она сасалась за Марію, чтобъ она не испытала жестокости со стороны Елизаветы англійской, видѣвшей въ молодой шотландской королеви свою соперницу. Многие изъ дворянъ изъявили готовность сопровождать Марію до ея королевства, и когда она прибыла въ Калѣ, то увидѣла вокругъ себя не только своихъ дядей, но также герцога немурскаго, Данвилля, Брантома и лучшую часть французскаго визашнаго и рыцарскаго двора.

Въ гавани Калѣ, Марію ожидали двѣ галеры, готовыя отправиться по ея первому приказанію; но она пролегла въ Калѣ еще шесть дней: такъ тяжело было сопровождавшимъ Марію разстаться съ нею въ этотъ роковой срокъ.

Отъѣздъ, какъ мы уже сказали, былъ назначенъ 15-го августа. День былъ сѣрый и печальный, но безъ вѣтра и безъ дождя.

На берегу, еще не всходя на палубу корабля, Марія захотѣла отблагодарить всѣхъ, слѣдовавшихъ за нею до границъ отечества, позволивъ каждому изъ нихъ поцаловать ея руку въ знакъ прощанья.

Всѣ съ печалью и уваженіемъ становились передъ нею на колѣни, и одинъ за другимъ прикладывали губы къ этой нѣжной рукѣ.

Послѣ всѣхъ подошелъ дворянинъ, который не оставлялъ свиты Маріи отъ самаго Сен - Жермена, но ѣхалъ постоянно позади прочихъ, завернувшись въ плащъ, закрывъ лицо шляпою, и ни съ кѣмъ не говорилъ ни слова.

Но когда, въ свою очередь, онъ сталъ на колѣни передъ королевой, держа въ рукѣ шляпу, Марія узнала Габріэля Монгомері.

— Какъ! это вы, графъ? сказала она:—о, какъ я счастлива, что еще разъ вижу васъ, вѣрный другъ, который плакалъ вмѣстѣ со мною у постели умершаго короля. Но если вы ѣхали вмѣстѣ съ моими спутниками, зачѣмъ не показались мнѣ?

— Мнѣ надо было видѣть васъ, но не быть видимымъ, отвѣчалъ Габріэль:—вдали отъ прочихъ, я лучше могъ погрузиться въ свои воспоминанія и вливалъ въ себя сладость исполненія такого вриятнаго долга къ вашему величеству.

— Благодарю, еще разъ благодарю васъ за это последнее доказательство привязанности, графъ, сказала Марія Стюартъ:—я хотѣла бы выразить вамъ свою признательность лучше, нежели словами,—но я не могу сдѣлать ничего больше, и предлагаю вамъ только, если хотите, слѣдовать за мною въ мою бѣдную Шотландію, съ Анвиллемъ и Брантомомъ.

— О, это самое пламенное мое желаніе! вскричалъ Габріэль:—но, государыня, еще другой голосъ удерживаетъ меня во Франціи: одна драгоцѣнная и священная для меня особа, которую не выдалъ я уже два года, ждетъ меня теперь...

— Дана де-Кастро? съ живостию спросила Марія.

— Да, государыня, сказалъ Габріэль:— въ письмѣ, которое получилъ я отъ нея въ Парижѣ, въ прошломъ мѣсяцѣ, она просила меня быть въ Сен-Кентенѣ сегодня, 15-го августа. Я прѣйду къ ней не раньше, какъ завтра. Какая бы причина ни заставляла ее звать меня, но я увѣренъ, она проститъ мнѣ, когда узнаетъ, что я не хотѣлъ оставлять васъ до-тѣхъ-поръ, пока вы не оставите Франціи.

— Милая Дана! задумчиво произнесла Марія:— да, она очень любила меня, она была для меня сестрою. Господинъ Монгомері, передайте ей отъ меня это кольцо, и поѣзжайте къ ней поскорѣе. Можетъ-быть, она теперь нуждается въ васъ, и съ-тѣхъ-поръ, какъ дѣло идетъ о Данѣ, я не хочу удерживать васъ. Прощайте.—Прощайте, мои друзья, прощайте всѣ. Меня зовутъ. Надо ѣхать, увѣ... надо...

Марія оторвалась отъ прощаній, которыми еще старалась удержать ее, стала на доску и перешла на галеру капитана Мевиль-Иона, сопровождаемая вельможами, которые хотѣли слѣдовать за нею до самой Шотландіи.

Но какъ Шотландія не могла замѣнить Франціи для Маріи, такъ и тѣ, которые отправлялись вмѣстѣ съ королевой, не могли заставить ее позабыть о тѣхъ, кого она покидала. Марія, стоя на кормѣ галеры, не переставала махать платкомъ, которымъ она вытирала свои влажные глаза, разставаясь съ родными и друзьями, оставленными ею на берегу.

Наконецъ, галера вступила въ открытое море.

Взоръ Маріи невольно остановился на кораблѣ, входившемъ въ пристань, которую она только-что оставила. Марія слѣдила за нимъ глазами, завидуя его участи, какъ вдругъ корабль качнулся впередъ, какъ-будто получивъ подводный толчокъ, и задрожавъ отъ кили до мачты, началъ, при крикахъ цѣлаго экипажа, погружаться въ воду. Все это произошло такъ быстро, что онъ пропалъ изъ вида прежде, нежели Мевильионъ спустилъ лодку на помощь ему. На мѣсть, гдѣ потонулъ корабль, всплыли черныя точки, пробыли нѣсколько мгновеній на поверхности воды, потомъ опустились, одна за другою, прежде, чѣмъ могли достигнуть до нихъ, такъ-что лодка воротилась, не успѣвъ спасти ни одного утопающаго.

— Господи, Господи! вскричала Марія Стюартъ:— что значитъ это предзнаменованіе?

Въ это время подулъ вѣтеръ свѣжее и галера пошла на нарусахъ. Марія, видя, какъ быстро корабль удалялся отъ земли, облокотилась на руль и, обративъ къ пристани глаза, омраченные крупными слезами, не переставала повторять:

— Прощай, Франція! Прощай, Франція!

Въ такомъ положеніи она провела пять часовъ, то-есть, до той минуты, когда начало смеркаться и, навѣрно, она не вздумала бы уйти сама, еслибъ Брантомъ не извѣстилъ ее, что пора ужинать.

— Теперь, моя любезная Франція, сказала Марія, зарыдавъ сильнѣе прежняго:—теперь я теряю тебя навсегда; ночь, завидуя моему послѣдному счастью, набрасываетъ черное покрывало на мои глаза, чтобъ лишить меня отрады. Итакъ, прощай, любезная Франція; я никогда тебя больше не увижу!

Потомъ, подавъ Брантому знакъ, что она пойдетъ за нимъ, Марія взяла свою записную книжку, вынула карандашъ, села на скамейку и, при послѣднихъ лучахъ дня, написала эти извѣстные стихи:

• Adieu, plaisant pays de France!
 O ma patrie
 La plus chérie,
 Qui a nourri ma jeune enfance!
 Adieu, France! adieu, mes beaux jours!
 La nef qui disjoint nos amours
 N'a eu de moi que la moitié:
 Une part te reste, elle est tienne,
 Je la fie à ton amitié,
 Pour que l'autre il te souviennne. »

(Прощай, отрадная страна, Франція, моя драгоценная родина, которая взлелеяла мое дѣтство! Прощай, Франція, прощайте, мои прекрасные дни. На корабль, который разлучаетъ насъ, находится только одна половина меня самой; другая остается у тебя, и я посвящаю эту часть твоей дружбѣ, съ тѣмъ, чтобъ первая вспоминала о тебѣ).

Марія сошла въ каюту и приблизилась къ спутникамъ, ожидавшимъ ее къ столу.

— Я поступаю совершенно противно царицѣ кареагенской, сказала она:—потому-что Дидона, когда Эней покидалъ ее, не переставала смотреть на волны, между-тѣмъ, какъ я не могу оторваться взоромъ отъ земли.

Марію пригласили сѣсть за столъ, но она не хотѣла ничего ѣсть, и удалилась въ свою комнату, приказавъ кормчему разбудить себя на разсвѣтъ, если еще будетъ видна земля.

Счастье, по-крайней-мѣрѣ, въ этомъ отношеніи, благопріятствовало бѣдной Маріи, потому-что вѣтеръ былъ слабъ и галера шла на веслахъ, такъ-что при разсвѣтѣ она еще находилась въ виду Франціи.

Кормчій вошелъ въ комнату королевы, какъ было ему приказано; но Марія уже проснулась и сидѣла на постели, смотря въ отворенное окно на любимый берегъ.

Но радость эта была непродолжительна; вѣтеръ окрѣпъ и скоро Франція пропала изъ вида. Маріи оставалась только одна надежда,—именно, что многочисленный англійскій флотъ заставитъ галеру воротиться; но и эта послѣдняя надежда исчезла, какъ всѣ другія: на морѣ былъ такой густой туманъ, что невозможно было видѣть съ одного конца галеры что дѣлается на другомъ и, что

еще удивительнѣе, такой туманъ былъ посреди жаркаго лѣта. Галера плыла на удачу, подвергая себя опасности принять ложный путь, и въ то же время стараясь быть незамѣченною непріателемъ.

На третій день, когда туманъ разсѣялся, галера шла между утесовъ, и навѣрно разбилась бы о камни, еслибъ кормчій не прибавилъ двухъ кабельтовоу. Потомъ, вымѣривъ долготу, онъ удостоуверился, что судно находится у береговъ Шотландіи, и съ большимъ искусствомъ вывелъ изъ рифовъ, куда оно зашло, присталъ къ Лейту, близъ Эдинбурга.

Марію вовсе не ожидали здѣсь, и она съ своею свитою принуждена была ѣхать изъ Эдинбурга на ослахъ, изъ которыхъ нѣкоторые были даже не осѣдланы, а поводья и стремена были наскоро сдѣланы изъ веревоу. Смотри на эту бѣдную упряжь, Марія не могла не вспомнить о красивыхъ лошадяхъ, которыхъ она привыкла видѣть во Франціи на охотѣ и турнирахъ, и уронила еще нѣсколько слезъ, сравнивая страну, которую она покинула, съ тою, куда теперь вступила. Но въ ту же минуту, стараясь улыбнуться сквозь слезы, Марія сказала съ невыразимою прелестью:

— Надо терпѣливо привыкать къ дурному, если я уже перемѣнила рай на этотъ адъ.

Такъ вступила Марія Стюартъ въ Англію. Въ другомъ мѣстѣ (*) мы уже рассказали остальные дни ея жизни и показали, какъ Англія, этотъ роковой бичъ всего, что только есть священнаго для Франціи, убила въ лицѣ Маріи Стюартъ красоту, какъ прежде убила вдохновеніе въ лицѣ Жанны д'Аркъ, и какъ должна была, въ послѣдствіи, убить геній въ Наполеонѣ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

На слѣдующій день, 16-го августа, Габріэль прибылъ въ Сен-Кентенъ.

У городскихъ воротъ встрѣтилъ его Жанъ Пеуа.

— А, наконецъ-то вы здѣсь, графъ! сказалъ честный ткачъ:— я былъ увѣренъ, что вы пріѣдете, — но, къ несчастью, очень-поздно, да, очень-поздно!

— Какъ, очень-поздно? спросилъ пораженный его словами Габріэль.

— Да, къ сожалѣнію: госпожа Діана де-Кастро, кажется, просила васъ прибыть сюда 15-го августа?

— Но, сказалъ Габріэль:— она не обращала особеннаго вниманія на это число; она не говорила, для чего нужно ей мое присутствіе.

— Графъ, продолжалъ Жанъ Пеуа:— вчера, 15-го августа, го-

(*) Les Stuarts.

Т. LV. — Отд. I.

спожа де-Кастро, или, вѣрнѣе, сестра Беата, дала вѣчный обѣтъ, по которому она сдѣлалась монахиней невозвратно для свѣта.

— А! поблѣднѣвъ вскричалъ Габріэль.

— Но еслибъ вы были здѣсь, сказалъ Жанъ Пекуа: — можетъ-быть, вы успѣли бы остановить то, что теперь уже совершенно навсегда.

— Нѣтъ, мрачно отвѣчалъ Габріэль: — нѣтъ, я не могъ бы, не долженъ былъ бы, я не захотѣлъ бы противиться ея намѣренію. И нѣтъ сомнѣнія, что само Провидѣніе удержало меня въ Калѣ. Сердце мое дѣйствительно разбилося бы отъ своего безсилія передъ такою жертвой, и бѣдная душа, посвятившая себя Богу, можетъ-быть, больше страдала бы отъ моего присутствія, нежели сколько она должна была страдать въ эту торжественную минуту отъ моего удаленія.

— О, сказалъ Жанъ Пекуа: — она была не одна.

— Да, отвѣчалъ Габріэль: — вы тоже были тамъ, ты, Жанъ, и Бабетта, и ея друзья...

— Не мы одни были тамъ, графъ, замѣтилъ Жанъ Пекуа: — возлѣ сестры Беаты находилась и ея мать.

— Ктѣ! госпожа де-Пуатѣ? вскричалъ Габріэль.

— Да, графъ, сама госпожа Пуатѣ. Получивъ письмо отъ своей дочери, она тотчасъ пріѣхала изъ своего уединенія Шомонъ-сюр-Оаза, и присутствовала вчера при обрядѣ посвященія. Вѣроятно, теперь ее можно встрѣтить у новопосвященной.

— Но зачѣмъ, вскричалъ съ ужасомъ Габріэль: — зачѣмъ госпожа де-Кастро посылала за этою женщиной?

— Но, сударь, она сказала Бабеттѣ, что все-таки эта женщина приходится ей матерью.

— Все равно! сказалъ Габріэль: — теперь я начинаю думать, что мнѣ должно было пріѣхать сюда. Если госпожа де-Пуатѣ пріѣхала, то вѣрно не за тѣмъ, чтобъ сдѣлать добро или исполнить свой долгъ. Сейчасъ же отправляюсь въ монастырь бенедиктинокъ. Хотите ли ѣхать со мною, любезный Жанъ? Я спѣшу больше, чѣмъ когда-нибудь, увидѣть госпожу де-Кастро. Кажется, она нуждается во мнѣ. Скорѣе въ дорогу!

Габріэль Монгомери, котораго ждали еще наканунѣ, былъ введенъ безъ всякаго затрудненія въ пріемную комнату монастыря.

Диана уже была здѣсь съ своею матерью.

Габріэль, увидѣвъ Диану послѣ столь долгой разлуки, блѣдный и печальный, въ порывѣ неудержимаго увлеченія, упалъ на колѣни передъ рѣшоткою, навсегда разлучившею ихъ другъ отъ друга.

— Сестра! сестра! проговорилъ онъ.

— Братъ мой! отвѣчала ему съ нѣжностью сестра Беата.

Слеза медленно покатиалась по ея щекѣ, но въ то же время Диана улыбалась ангельскою улыбкой.

Габріэль, обернувшись немного, примѣтилъ другую Диану — го-

спожу де-Пуатьё. Она смѣялась, какъ могутъ смѣяться только демоны.

Но Габріэль съ беззаботнымъ презрѣніемъ отвернулся отъ нея, и взоромъ и мыслью предался сестрѣ Беатѣ.

— Сестра моя! повторилъ онъ съ жаромъ и тоскою.

— Вѣроятно, вы называете ее сестрою по Иисусу Христу, потому-что еще вчера она называлась госпожею де-Кастро? холодно замѣтила Діана де-Пуатьё.

— Чтѣ хотите вы сказать? Боже мой, чтѣ хотите вы сказать? спросилъ Габріэль, вставъ и дрожа невольно.

Діана де-Пуатьё, не давая прямого отвѣта, обратилась къ своей дочери:

— Дитя мое, теперь, я думаю, настала минута обнаружить тайну, о которой говорила я тебѣ вчера, и которую, кажется, я не въ-правѣ больше скрывать отъ васъ.

— О, чтѣ все это значить? вскричалъ въ безпамятствѣ Габріэль.

— Дитя мое, спокойно продолжала госпожа де-Пуатьё: — не затымъ только, чтобъ благословить тебя, я вышла изъ убѣжища, въ которомъ живу почти два года, благодаря графу Монгомері.

— Не ищите никакой насмѣшки въ моихъ словахъ, милостивый государь, сказала она иронически, отвѣчая на движеніе Габріэля. — Я знаю, что вы довольны, успѣвъ извлечь меня, силою или нѣтъ, изъ міра безчестнаго и развратнаго. Теперь я счастлива! На меня сошла милость Божія, и любовь къ Богу наполняетъ все мое сердце. Въ благодарность за это, я спасаю васъ отъ грѣхъ, можетъ-быть, даже отъ преступленія.

— О, чтѣ это значить? сказала въ свою очередь сестра Беата, дрожа отъ ужаса.

— Дитя мое, продолжала Діана де-Пуатьё съ адскимъ равнодушіемъ: — еще вчера я могла бы однимъ словомъ остановить на твоихъ губахъ священный обѣтъ, который ты готовилась произнести. Но смѣла ли я, бѣдная грѣшница, такъ счастливая теперь освобожденіемъ отъ всѣхъ земныхъ оковъ, — смѣла ли я отнять у небесъ душу, свободную и цѣломудренную, которая отдавала себя имъ? Нѣтъ — и я молчала.

— Не смѣю догадываться, не смѣю!.. прошепталъ Габріэль.

— Но сегодня, мое дитя, продолжала бывшая любимица короля: — сегодня я прерываю молчаніе, видя, что печаль и гнѣвъ господина Монгомері обнаружили вамъ вполнѣ его мысль. Но вамъ должно забыть другъ друга, да, вамъ должно. Еслибъ онъ постоянно дѣлялъ себя мыслию, что ты можешь быть его сестрою, дочерью графа Монгомері, онъ, не чувствуя упрековъ совѣсти, вспомнилъ бы о тебѣ, — и это было бы преступленіемъ!.. преступленіемъ, въ которомъ я не хочу быть соучастницею, я, только вчера вступившая на дорогу спасенія. Итакъ, знай, Діана: ты не сестра графа, не дѣйствительно дочь Генриха II, убитаго графомъ на роковомъ гурнарь...

Сестра Беата вскрикнула въ ужасъ и закрыла лицо объими руками.

— Вы лжете! съ гнѣвомъ вскричалъ Габріэль:— да, вы лжете!.. Гдѣ доказательства, что не лжете?

— Вотъ они, спокойно отвѣчала Діана де-Шуатье, подавая ему бумагу.

Габріэль схватилъ бумагу дрожащею рукою и съ жадностью началъ читать.

— Это, какъ видите, письмо, написанное вашимъ отцомъ за нѣсколько дней передъ смертію, продолжала госпожа де-Шуатье:— онъ жалуется, какъ видите, на мою строгость, но рѣшается терпѣть, въ надеждѣ, что я скоро буду его женою и что любовникъ только сберегъ вполне чистое блаженство для супруга... Въ подлинности чиселъ и имени, написанныхъ здѣсь, кажется, нельзя сомнѣваться; не правда ли? Теперь вы видите, господинъ Монгомері, что вамъ грѣшно было бы мечтать о сестрѣ Беатѣ, потому-что никакія узы крови не соединяли васъ съ тою, которая теперь не принадлежитъ здѣшнему міру. Избавляя васъ отъ такого грѣха, надѣюсь, что я вполне и даже слишкомъ отплатила вамъ за блаженство, которымъ наслаждаюсь, благодаря вамъ, въ своемъ уединеніи. Теперь мы квиты, графъ, и больше мнѣ нѣчего говорить вамъ.

Въ-продолженіе этой насмѣшливой рѣчи, Габріэль уже прочиталъ роковое письмо; сомнѣваться было напрасно: оно говорило Габріэлю, какъ годось его отца, вставшаго изъ гробницы засвидѣтельствовать истину.

Когда несчастный молодой человѣкъ поднималъ блуждающіе глаза, Діана де-Кастро лежала безъ чувствъ у наоя.

Габріэль бросился къ ней, но, остановленный толстою желѣзною рѣшоткой, онъ обернулся, и увидѣлъ на губахъ Діаны де-Шуатье улыбку гнуснаго самодовольствія.

Обезумѣвъ отъ печали, онъ съ поднятою рукою подошелъ на два шага къ госпожѣ де-Шуатье, но вдругъ остановился, ужаснувшись самого-себя, ударилъ себя рукою по лбу и вскричалъ:

— Прости, Діана! Прости!.. и убѣжалъ изъ залы.

Еще одна секунда, и онъ убилъ бы эту безстыдную мать, какъ ехидну.

У воротъ монастыря, Жанъ Пекуа съ безпокойствомъ ждалъ графа Монгомері.

— Не спрашивайте меня, не спрашивайте ни о чемъ! закричалъ ему Габріэль, и видя, что честный Пекуа смотрѣлъ на него съ печальнымъ удивленіемъ, прибавилъ нѣсколько спокойнѣе:— прости мнѣ, Жанъ; кажется, я теряю рассудокъ. Видишь ли, я не хочу думать, и чтобъ скрыться отъ своей мысли, бѣгу въ Парижъ. Если хочешь, другъ, проводи меня до воротъ города, гдѣ я оставилъ свою лошадь. Но, ради Бога, не говори обо мнѣ, говори о себѣ..

Почтенный ткачъ, столько же изъ послушанія Габріэлю, сколько

изъ желанія развлечь его, рассказал о томъ, какъ Бабетта живетъ въ добромъ здоровьи и сдѣлалась матерью маленькаго Пекуа; какъ братъ его, Пьеръ, завелъ оружейную фабрику въ Сен-Кентенъ; какъ, наконецъ, въ прошломъ мѣсяцѣ, они получили отъ одного пикардійскаго рейтара извѣстiе о Мартенъ-Геррѣ и услышали, что онъ живетъ счастливо съ своею Берtrandой.

Но должно признаться, что Габріэль, оглушенный горестью, не ясно понималъ или разслушалъ этотъ радостный рассказъ.

Однакожь, прибывъ съ Жаномъ Пекуа къ парижскимъ воротамъ, онъ дружески подалъ руку горожанину.

— Прощай, другъ мой, сказалъ ему Габріэль: — благодарю за доброе расположеніе. Напомни обо мнѣ всѣмъ, которыхъ ты любишь... Я счастливъ, узнавъ о твоёмъ счастіи... Вы, которымъ дано въ удѣлъ благоденствовать, вспоминайте иногда обо мнѣ, которому суждено страдать...

Слезы брызнули изъ глазъ Жана Пекуа... Габріэль не дожидаясь другаго отвѣта, вскочилъ на лошада и помчался въ галопъ.

Судьба какъ-будто хотѣла, чтобъ всѣ несчастія разомъ обрушились на голову Габріэля. Кормилица его, Алоиза, не дождавшись возвращенія своего господина, умерла, послѣ краткой болѣзни, до его пріѣзда въ Парижъ.

На другой день, Габріэль пошелъ къ адмиралу Колинви.

— Господинъ адмиралъ, сказалъ ему Монгомері:— я знаю, что преслѣдованіе и религіозныя войны не замедлятъ начаться снова, не смотря на всѣ усилія предупредить ихъ. Теперь я могу отдать не только свою мысль, но и шпагу за защиту реформы. Жизнь моя годится только служить вамъ: возьмите ее и не щадите. Притомъ, въ вашихъ рядахъ мнѣ всего лучше сражаться противъ одного изъ своихъ враговъ, и окончательно наказать другаго.

Габріэль думалъ о королевѣ-правительницѣ и коннетаблѣ.

Напрасно было бы говорить, что Колинви съ восторгомъ привялъ неопытнаго помощника, столько разъ уже доказавшаго ему свою храбрость и энергію.

Исторія графа дѣлается съ — этихъ — поръ исторіей религіозныхъ войнъ, обогрившихъ кровью царствованіе Карла IX.

Габріэль Монгомері игралъ страшную роль въ этихъ войнахъ, и его имя, произносимое при каждомъ важномъ событіи, заставляло блѣднѣть Катерину Медичи.

Когда, послѣ рзни, бывшей въ Васси, въ 1562 году, Руанъ и вся Нормандія открыто объявила себя въ пользу гугенотовъ, главнымъ виновникомъ возстанія всей провинціи былъ — графъ Монгомері.

Въ томъ же году, графъ Монгомері оказалъ чудеса храбрости въ битвѣ при Дрѣ.

Онъ же, какъ говорятъ, выстрѣломъ изъ пистолета ранилъ коннетабля Монморанси, главнокомандующаго войсками, и окончатель-

но довершалъ бы его участь, еслибъ принцъ Парсвень не защитилъ коннетабля.

Извѣстно также, какъ черезъ мѣсяцъ послѣ этой битвы, гдѣ Ба-лафрѣ вырвалъ побѣду изъ неискusstныхъ рукъ коннетабля, благородный герцогъ Гизъ былъ предательски убитъ, у Орлеана, фанатикомъ Польтрѣ.

Монморанси, избавившись отъ своего соперника, но въ то же время лишившись своего союзника, былъ, въ 1567 году, еще несчастливъ въ битвѣ при Сен-Дени, нежели въ сраженіи при Дрѣ.

Шотландецъ, Робертъ Брюсъ, принуждалъ его сдаться. Монморанси отвѣчалъ на это предложеніе, ударивъ Брюса въ лицо ефесомъ шпаги. Въ то мгновеніе кто — то выстрѣлилъ изъ пистолета: пуля впилась въ бокъ коннетаблю; и онъ упалъ смертельно-раненный.

Сквозь облако крови, которая бросилась въ глаза Монморанси, онъ узналъ лицо Габріэля.

Коннетабль умеръ на слѣдующій день...

Графъ Монгомері не замедляя ударовъ противъ своихъ прямыхъ враговъ, непобѣдимый, неотразимый.

Когда Катерина Медичи спросила, кто возвратилъ Беарнъ королю ваваррской и заставилъ признать принца беарнскаго генералиссимусомъ гугенотовъ, — ей отвѣчали: Монгомері.

Когда, на другой день послѣ варооломѣевской ночи (1572 г.), королева-мать, пылая нетерпѣливымъ мщеніемъ, спрашивала имена не тѣхъ, которые погибли, но тѣхъ, которые спаслись — ей называли прежде всѣхъ графа Монгомері.

Монгомері, вмѣстѣ съ Лану, бросился въ Ла-Рошель. Городъ выдержалъ девять большихъ приступовъ, и королевская армія потеряла сорокъ тысячъ человекъ. Наконецъ, Ла-Рошель получилъ свободу по капитуляціи, и Габріэль вышелъ невредимый изъ огня битвы.

Потомъ Габріэль проникъ въ Сансерръ, осажденный губернаторомъ беррійскимъ. Монгомері, какъ уже извѣстно читателямъ, владелъ искусствомъ защищать крѣпости. Горсть Сансеррцевъ, вооруженныхъ только палками съ желѣзнымъ остриемъ, противодѣйствовала, въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ, корпусу, составленному изъ шести тысячъ солдатъ. Крѣпость сдалась на капитуляцію, и жители Сансерра, подобно жителямъ Ла-Рошели, получили свободу и обезпеченіе ихъ личности.

Катерина Медичи съ возрастающимъ гнѣвомъ видѣла, какъ ускользалъ отъ ея рукъ старинный и неуловимый непріятель.

Монгомері оставилъ воспламененный Пуату и отправился раздуть огонь въ усмиреной Нормандіи.

Отправившись изъ Сен-Ло, онъ въ три дня взялъ Карантанъ и истребилъ всѣ военные припасы въ Валонь. Все нормандское дворянство стало подъ его знамена.

Катерина Медичи и король тогчасъ собрали три арміи и прика-

зали обнародовать въ Першъ и Манвъ всеобщее ополченіе. Начальникомъ королевскихъ войскъ былъ сдѣланъ герцогъ Мартиньонъ.

Въ этотъ разъ, Монгомері не сражался болѣе. Двѣйствуя въ рядахъ реформаторовъ, онъ имѣлъ, однакожь, свою армію, такъ же какъ король свою.

Габріэль задумалъ удивительный планъ, обѣщавшій блистательную побѣду.

Предоставивъ Мартиньону осаждать Сен-Ло, Монгомері тайно оставилъ городъ и пошелъ на Данфоръ, куда Францискъ дю-Галло долженъ былъ привести къ нему всю конницу изъ Бретани, Анжу и области Ко. Съ такою силою, Габріэль намѣревался неожиданно напасть у Сен-Ло на королевскую армію, которая, находясь между двумя огнями, была бы истреблена окончательно.

Но измѣна сразила непобѣдимаго. Какой-то предатель извѣстилъ Мартиньона о тайномъ отъѣздѣ Монгомері въ Данфоръ, въ сопровожденіи только сорока всадниковъ.

Мартиньонъ не столько заботился о взятіи Сен-Ло, сколько о взятіи самого Монгомері, и, поручивъ осаду одному изъ своихъ генераловъ, поспѣшилъ къ Данфору съ двумя полками, шестьюстами всадниковъ и сильною артиллеріей.

Всякій, на мѣстѣ Габріэля Монгомері, сдался бы тотчасъ, не пытаясь на бесполезное сопротивленіе; но Габріэль, съ четырьмя десятками людей, захотѣлъ состязаться съ арміей.

Надо читать въ исторіи Де-Ту разсказъ объ этой невѣроятной осадѣ.

Данфоръ держался двѣнадцать дней. Въ теченіе этого времени, графъ Монгомері сдѣлалъ семь отчаянныхъ вылазокъ. Наконецъ, когда городскія стѣны были пробиты насквозь, и качаясь уже принадлежали непріятелю, Габріэль оставилъ ихъ и удалился сражаться въ башню, называемой башнею Гильйома де-Беллема.

Съ Монгомері было только тридцать человекъ.

Мартиньонъ приказалъ начать атаку. У него было пять большихъ пушекъ, пять-сотъ кирасировъ изъ дворянъ, семь-сотъ мушкетеровъ и сто никеровъ.

Осада продолжалась пять часовъ. Старая башня выдержала шесть-сотъ пушечныхъ выстрѣловъ.

Вечеромъ, у Монгомері осталось только шестнадцать человекъ, но онъ еще не сдавался и провелъ ночь, поправляя брешь, какъ простой работникъ.

Приступъ начался поутру. Между-тѣмъ, Мартиньонъ получилъ ночью новыя вспомогательныя войска, такъ-что вокругъ башни Гильйома де-Беллема и ея семнадцати воиновъ стояло пятнадцать тысячъ солдатъ и восемнадцать пушекъ.

Осажденнымъ недоставало не мужества, но пороха.

Монгомері, не желая достаться живымъ въ руки непріятелей, хотѣлъ приколоть себя шпагою; но Мартиньонъ послалъ къ нему

парламентера, который поклялся Габріэлю именемъ своего началь-
ника, что онъ получить полную свободу удалиться.

Монгомері сдался, поверивъ клятвѣ. Ему должно было бы, од-
накожъ, вспомнить примѣръ Кастельно.

Въ тотъ же день, Габріэля связали и отослали въ Парижъ. На-
конецъ, онъ былъ въ рукахъ Катерины Медичи! Правда, его за-
хватили предательски, но для нея это было все равно! Карлъ IX
умеръ, Генрихъ III еще не возвратился изъ Польши, и Катерина
была всемогущею королевой-правительницей.

Монгомері, представленный на судъ парламента, былъ пригово-
ренъ къ смерти, 26 іюня 1574 года.

Четырнадцать лѣтъ онъ сражался съ женою Генриха II.

27-го іюня, графъ Монгомері былъ возведенъ на эшафотъ и обез-
главленъ, а тѣло его четверговали.

Катерина Медичи присутствовала при совершеіи казни.

Такъ кончилъ свою жизнь этотъ необыкновенный человекъ, одинъ
изъ самыхъ сильныхъ и самыхъ прекрасныхъ характеровъ шест-
надцатаго столѣтія. Онъ постоянно являлся на второмъ планѣ, но
являлся достойнымъ перваго.

Смерть Габріэля вполне оправдала слова Нострадамуса:

...Enfin, l'aimera, puis, las! le tuera
Dame du roy.

.....

Діана де-Кастро не узнала объ его казни: она умерла въ предъ-
идушемъ году, настоятельницей монастыря бенедиктинокъ въ Сен-
Кентенъ.

ХОЗЯЙКА.

Повесть.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ.

=

ГЛАВА I.

— Что ты? что съ тобою? говорилъ Ордыновъ, очнувшись со-
всѣмъ, все еще сжимая ее въ своихъ крѣпкихъ и горячихъ объ-
ятіяхъ:—что съ тобой, Катерина? что съ тобою, любовь моя?

Она тихо рыдала, потупивъ глаза и преча разгорѣвшееся лицо у
него на груди. Долго еще она не могла говорить и вся дрожала,
какъ-будто въ испугѣ.

— Не знаю, не знаю, проговорила она, наконецъ, едва-слыш-
нымъ голосомъ, задыхаясь и почти невыговаривая словъ:—не по-
мню, какъ и къ тебѣ зашла я сюда...—Тутъ она еще крѣпче, еще
съ большимъ стремленіемъ прижалась къ нему и въ неудержи-
момъ, судорожномъ чувствѣ цаловала ему плечо, руки, грудь;
наконецъ, какъ-будто въ отчаяніи, закрылась руками, прина-
ла на колѣни и скрыла въ его колѣняхъ свою голову. Когда же Ор-
дыновъ, въ невыразимой тоскѣ, нетерпѣливо приподнялъ и поса-
дилъ ее возлѣ себя, то дѣлымъ заревомъ стыда горѣло лицо ея,
глаза ея плакали о помилованіи, и насильно пробивавшаяся на гу-
бѣ ея улыбка едва силилась подавить неудержимую силу новаго
ощущенія. Теперь она была какъ-будто снова чѣмъ-то испугана,
недовѣрчиво отталкивала его рукой, едва взглядывала на него и
отвѣчала на его ускоренные вопросы потупивъ голову, боязливо
и шопотомъ.

— Ты, можетъ-быть, видѣла страшный сонъ, говорилъ Орды-
новъ:—можетъ-быть, тебѣ привидѣлось что-нибудь... да? Можетъ-

быть, онъ испугалъ тебя... Онъ въ бреду и безъ памяти... Можетъ-быть, онъ что-нибудь говорилъ, что не тебѣ было слушать?... Ты слышала что-нибудь? да?

— Нѣтъ, я не спала, отвѣчала Катерина, съ усиленіемъ подавляя свое волненіе. Сонъ и не шелъ ко мнѣ. Онъ все молчалъ и только разъ позвалъ меня. Я подходила, окликала его, говорила ему; мнѣ стало страшно; онъ не просыпался и не слышалъ меня. Онъ въ тяжеломъ недугѣ, подай Господь ему помощи! Тогда мнѣ на сердце стала тоска западать, горькая тоска! Я жъ все молилась, все молилась, и вотъ это и нашло на меня.

— Полно, Катерина, полно, жизнь моя, полно! Это ты вчера испугалась...

— Нѣтъ, я не пугалась вчера!..

— Бываетъ это съ тобою другой разъ?

— Да, бываетъ.—И она вся задрожала и опять въ испугъ стала прижиматься къ нему, какъ дитя.—Видишь, сказала она, прерывая рыданія:—я не напрасно пришла къ тебѣ, не напрасно тяжело было оставаться одной, повторяла она, благодарно сжимая его руки.—Полно же, полно о чужомъ горѣ слезы ронять! Прибереги ихъ на черный день, когда самому одинокому тяжело будетъ и не будетъ съ тобой никого!.. Слушай, была у тебя твоя любя?

— Нѣтъ... до тебя я не зналъ ни одной...

— До меня... ты меня своей любой зовешь?

Она вдругъ посмотрѣла на него, какъ-будто съ удивленіемъ, что-то хотѣла сказать, но потомъ тотчасъ утихла и потупилась. Мало-по-малу, все лицо ея снова зардѣлось внезапно-запылавшимъ румянцемъ; ярче, сквозь забытыя, еще неостывшія на рѣсницахъ слезы, блеснули глаза, и видно было, что какой-то вопросъ шевелился на губахъ ея. Съ стыдливимъ лукавствомъ взглянула она два два на него и потомъ вдругъ снова потупилась.

— Нѣтъ, не бывать мнѣ твоей первой любой, сказала она:—нѣтъ, нѣтъ, повторяла она, покачивая головою, задумавшись, тогда какъ улыбка опять тихо прокрадывалась по лицу ея:—нѣтъ, сказала она наконецъ разсмѣявшись:—не мнѣ, родной, быть твоей любушкой.

Тутъ она взглянула на него; но столько грусти отразилось вдругъ на лицѣ ея, такая безвыходная печаль поразила разомъ всѣ черты ея, такъ неожиданно закипѣло изнутри, изъ сердца ея отчаяніе, что непонятное, болѣзненное чувство состраданія къ горю невѣдомому захватило духъ Ордынова, и онъ съ невыразимымъ мученіемъ глядѣлъ на нее.

— Слушай, что я скажу тебѣ, говорила она голосомъ пронзающимъ сердце, сжавъ его руки въ своихъ рукахъ, усиливаясь подавить свои рыданія.—Слушай меня хорошо, слушай, радость моя! Ты укроти свое сердце и не люби меня такъ, какъ теперь любишь. Тебѣ легче будетъ, сердцу станетъ легче и радостиѣе, и отъ лютаго врага себя сбережешь, и любя-сестрицу себѣ наживешь.

Буду къ тебѣ приходиться, коль захочешь, миловать тебя буду и стыда на себя не возьму, что спозналась съ тобой. Была же съ тобою два дня, какъ лежалъ ты въ зломъ недугѣ! Спознай сестрицу! Не даромъ же мы братались съ тобой, не даромъ же я за тебя Богородицу слезно молила! другой такой не нажить тебѣ! Миръ изойдешь кругомъ, поднебесную узнаешь — не найдти тебѣ другой такой любви, коли любви твое сердце просить. Горячо тебя полюблю, все какъ теперь любить буду, и за то полюблю, что душа твоя чистая, свѣтлая, насквозь видна; за то, что какъ я взглянула впервой на тебя, такъ тотчасъ спознала, что ты моего дома гость, желанный гость и не даромъ къ намъ напросился; за то полюблю, что, когда глядишь, твои глаза любятъ и про сердце твое говорятъ и когда скажутъ что, такъ я тотчасъ же обо всемъ, что ни есть въ тебѣ, знаю, и за то тебѣ жизнь отдать хочется на твою любовь, добрую волюшку, затѣмъ, что сладко быть и рабыней тому, чье сердце нашла... да жизнь—то моя не моя, а чужая, и волюшка связана! Сестрицу жь возьми и самъ будь мнѣ братъ, и меня въ свое сердце прійми, когда опять тоска, злая немочь нападетъ на меня; только самъ сдѣлай такъ, чтобъ мнѣ стыда не было къ тебѣ приходиться и съ тобой долгую ночь какъ теперь просидѣть. Слышалъ меня? Открылъ ли мнѣ сердце свое? Взялъ ли въ разумъ, что я тебѣ говорила?.. Она хотѣла еще что-то сказать, взглянула на него, положила на плечо ему свою руку, и наконецъ, въ безсиліи припала къ груди его. Голосъ ея замеръ въ судорожномъ, страстномъ рыданіи, грудь волновалась глубоко, и лицо всныхнуло, какъ заря вечерняя.

— Жизнь моя! прошепталъ Ордыновъ, у котораго зрѣніе помутилось и духъ занялся.—Радость моя! говорилъ онъ, не зная словъ своихъ, не помня ихъ, не понимая себя, трепеща, чтобъ однимъ дуновеніемъ не разрушить обаянія, не разрушить всего, что было съ нимъ и что скорѣе онъ принималъ за видѣніе, чѣмъ за дѣйствительность: такъ отуманилось все передъ нимъ!—Я не знаю, не понимаю тебя, я не помню, что ты мнѣ теперь говорила, раз, умъ тускнѣетъ мой, сердце поетъ въ груди, владычица моля.

Тутъ голосъ его опять пресѣкъся отъ волненія. Она все крѣпче, все теплѣе, горячѣе прижималась къ нему. Онъ привсталъ съ мѣста и, уже не сдерживая себя болѣе, разбитый, обезсиленный восторгомъ, упалъ на колѣни. Рыданія судорожно, съ болью прорвались наконецъ изъ груди его, и пробившійся прямо изъ сердца голосъ задрожалъ, какъ струна, отъ всей полноты невѣдомаго восторга и блаженства.

— Кто ты, кто ты, родная моя? откуда ты, моя голубица? говорилъ онъ, силясь подавить свои рыданія: —изъ какого неба ты въ мои небеса залѣтѣла? Точно сонъ кругомъ меня; я вѣрить въ тебя не могу. Не укоряй меня... дай мнѣ говорить, дай мнѣ все, все сказать тебѣ!.. Я долго хотѣлъ говорить... Кто ты, кто ты, радость моя?.. Какъ ты нашла мое сердце? Расскажи мнѣ, давно ли

ты сестрица моя?.. Расскажи мнѣ все про себя, гдѣ ты была до сихъ-поръ, — расскажи, какъ звали мѣсто, гдѣ ты жила, что ты тамъ полюбила сначала, чѣмъ рада была, и о чемъ тосковала?.. Былъ ли тамъ тепелъ воздухъ, чисто ли небо было?.. кто тебѣ были милыя, кто любили меня до тебя, къ кому тамъ впервые твоя душа запросилась?.. Была ль у тебя мать родная и она ль тебя дитятей лелѣяла, или, какъ я, одинокая, ты на жизнь оглянулась? Скажи мнѣ, всегда ль ты была такова? Что случилось, о чемъ гадала ты впередъ, что сбылось что не сбылось у тебя— все скажи... По комъ заняло первый разъ твое дѣвичье сердце и за что ты его отдала? Скажи, что же мнѣ отдать тебѣ за него, что мнѣ отдать тебѣ за тебя?.. Скажи мнѣ, любушна, свѣтъ мой, сестрица моя, скажи мнѣ, чѣмъ же мнѣ твое сердце нажить?..

Тутъ голосъ его снова изсякъ, и онъ склонилъ голову. Но когда поднялъ глаза, то нѣмой ужасъ оледенилъ его всего разомъ, и волосы встали дыбомъ на головѣ его.

Катерина сидѣла блѣдная какъ полотно. Она неподвижно смотрѣла въ воздухъ, губы ея были сини, какъ у мертвой, и глаза заволоклися нѣмой, мучительной мукой. Она медленно привстала, ступила два шага и съ пронзительнымъ воплемъ упала предъ образомъ... Отрывистыя, несвязныя слова вырывались изъ груди ея. Она лишилась чувствъ. Ордыновъ, весь потрясенный страхомъ, поднялъ ее и донесъ до своей кровати; онъ стоялъ надъ нею не помня себя. Спустя минуту, она открыла глаза, приподнялась на постели, осмотрѣлась кругомъ и схватила его руку. Она привлекла его къ себѣ, силилась что-то прошептать все еще блѣдными губами, но голосъ все еще измѣнялъ ей. Наконецъ, она разразилась градомъ слезъ; горячія капли жгли похолодѣвшую руку Ордынова.

— Тяжело, тяжело мнѣ теперь; часъ мой приходитъ послѣдній! проговорила она наконецъ, тоскуя въ безвыходной мукъ.

Она силилась еще что-то проговорить, но окостенѣлый языкъ ея не могъ произнести ни одного слова. Съ отчаяніемъ глядѣла она на Ордынова, непонимавшаго ея. Онъ нагнулся къ ней ближе и вслушивался... Наконецъ, онъ услышалъ, какъ она прошептала явственно:

— Я испорчена, меня испортили, погубили меня!

Ордыновъ поднялъ голову и съ дикимъ изумленіемъ взглянулъ на нее. Какая-то безобразная мысль мелькнула въ умѣ его. Катерина видѣла судорожное, болѣзненное сжатіе его лица.

— Да! испортили, продолжала она:—меня испортилъ злой челоуѣкъ — онъ, погубитель мой!.. Я душу ему продала... Зачѣмъ, зачѣмъ ты объ родной моей помянулъ? что тебѣ было мучить меня? Богъ тебѣ, Богъ тебѣ судья!..

Черезъ минуту, она тихо заплакала; сердце Ордынова билось и ныло въ смертной тоскѣ.

— Онъ говорить, шептала она сдерживаемымъ, таинственнымъ

голосомъ: — что когда умереть, то прійдетъ за моею грѣшной душой... Я его, я ему душой продалась... Онъ мучилъ меня, онъ мнѣ въ книгахъ читалъ... На, смотри, смотри его книгу! вотъ его книга. Онъ говорить, что я сдѣлала смертный грѣхъ... Смотри, смотри...

И она показывала ему книгу; Ордыновъ не замѣтилъ, откуда взялась она. Онъ машинально взялъ ее, всю писанную, какъ древнія раскольничьи книги, которыя ему удавалось прежде видѣть. Но теперь онъ былъ не въ силахъ смотрѣть и сосредоточить вниманіе свое на чемъ-нибудь другомъ. Книга выпала изъ рукъ его. Онъ тихо обнималъ Катерину, стараясь привести ее въ разумъ.

— Полно, полно! говорилъ онъ: — тебя испугали; я съ тобою; отдохни со мною, родная, любовь моя, свѣтъ мой!

— Ты не знаешь ничего, ничего! говорила она, крѣпко сжимая его руки: — я такая всегда!.. Я все боюсь... Полно, полно тебѣ меня мучить!..

— Я тогда къ нему иду, начала она черезъ минуту, переводя духъ.—Иной разъ онъ просто своими словами меня заговариваетъ, другой разъ беретъ свою книгу, самую большую, и читаетъ надо мной. Онъ все грозное, суровое такое читаетъ! Я не знаю что, и понимаю не всякое слово; но меня беретъ страхъ, и когда я вслушиваюсь въ его голосъ, то словно это не онъ говорить, а кто-то другой, недобрый, кого ничѣмъ не умягчишь, ничѣмъ не замолишь, и тяжело-тяжело станеть на сердцѣ, горить оно... Тяжелѣй, чѣмъ когда начиналась тоска!

— Не ходи къ нему! Зачѣмъ же ты ходишь къ нему? говорилъ Ордыновъ, едва созная слова свои.

— Зачѣмъ я къ тебѣ пришла? Спроси—тоже не знаю... А онъ мнѣ все говорить: молись, молись! Иной разъ я встаю въ темную ночь и молюсь долго по цѣлымъ часамъ; часто и сонъ меня клонить; но страхъ все будить, все будить меня, и мнѣ все чудится тогда, что гроза кругомъ меня собирается, что худо мнѣ будетъ, что разорвутъ и затерзаютъ меня недобрые, что не замолишь мнѣ угодниковъ, и что не спасутъ они меня отъ лютаго горя. Вся душа разрывается, словно распаяться все тѣло хочетъ отъ слезъ... Тутъ я опять стану молиться, и молюсь и молюсь до той поры, пока Владычица не посмотритъ на меня съ иконы любовнѣе. Тогда я встаю и отхожу на сонъ какъ убитая; иной разъ и засну на полу, на колѣняхъ предъ иконой. Тогда, случится, онъ проснется, подзоветъ меня, начнетъ меня голубить, ласкать, утѣшать, и тогда ужъ мнѣ и легче становится, и прійди хоть какая бѣда, я ужъ съ нимъ не боюсь. Онъ властенъ! Велико его слово!

— Но какая жъ бѣда, какая жъ бѣда у тебя?.. И Ордыновъ ломалъ руки въ отчаяніи.

Катерина страшно поблѣднѣла. Она смотрѣла на него какъ приговоренная къ смерти, не чая помилованія.

— Меня?.. я дочь проклятая, я душегубка; меня мать прокляла! Я родную мать загубила!..

Ордыновъ безмолвно обнялъ ее. Она трепетно прижалась къ нему. Онъ чувствовалъ, какъ судорожная дрожь пробѣгала по всему ея тѣлу, и казалось, душа ея разставалась съ тѣломъ.

— Я ее въ сырую землю зарыла, говорила она вся въ тревогѣ своихъ воспоминаній, вся въ видѣнїяхъ своего безвозвратно-прошедшаго: — я давно хотѣла говорить, онъ все заказывалъ мнѣ моленіемъ, укоромъ и словомъ гибѣливымъ, а порой самъ на меня же подниметь тоску мою, точно мой врагъ и супостатъ. А мнѣ все—какъ и теперь ночью—все приходитъ на умъ... Слушай, слушай! Это давно уже было, очень-давно, я и не помню когда, а все, какъ-будто вчера передо мною, словно сонъ вчерашній, что сосалъ мнѣ сердце всю ночь. Тоска надвое время длить. Сядь, сядь здѣсь, возлѣ меня: я все мое горе тебѣ расскажу; разрази меня, проклятую, проклятіемъ матернимъ... Я тебѣ жизнь мою предаю...

Ордыновъ хотѣлъ остановить ее, но она сложила руки, моля его любовь на вниманіе, и потомъ снова, еще съ большей тревогой начала говорить. Разказъ ея былъ безсвязенъ, въ словахъ слышалась буря душевная, но Ордыновъ все понималъ, затѣмъ, что жизнь ея стала его жизнію, горе ея его горемъ, и затѣмъ, что врагъ его уже вѣявъ стоялъ передъ нимъ, воплощался и росъ передъ нимъ въ каждомъ ея словѣ, и какъ-будто съ неистощимой силой давилъ его сердце и ругался надъ его злобой. Кровь его волновалась, заливала сердце и путала мысли. Злой старикъ его сна (въ это вѣрнѣе Ордыновъ) былъ вѣявъ передъ нимъ.

— Вотъ такая же ночь была, начала говорить Катерина:—только грознѣе, и вѣтеръ вылъ по нашему лѣсу, какъ никогда еще не удавалось мнѣ слышать... или ужъ въ эту ночь началась погибель моя! Подъ нашимъ окномъ дубъ сломало, а къ намъ приходитъ старый, сѣдой старикъ-нищій, и онъ говорилъ, что еще малымъ дитяемъ помнилъ этотъ дубъ, и что онъ былъ такой же, какъ и тогда, когда вѣтеръ осилилъ его... Въ эту же ночь — какъ теперь все помню!—у отца барки на рѣкѣ бурей разбило, и онъ, хоть и немочь ломала его, поѣхалъ на мѣсто, какъ-только прибѣжали къ намъ на заводъ рыбаки. Мы съ матушкой сидѣли одни, я дремала, она объ чемъ-то грустила и горько плакала... да, я знала о чемъ! Она только-что хворала, была блѣдна и все говорила мнѣ, чтобъ я ей саванъ готовила... Вдругъ слышенъ въ полночь стукъ у воротъ; я вскочила, кровь залила мнѣ сердце; матушка вскрикнула... я не взглянула на нее, я боялась, взяла фонарь, пошла сама отпирать ворота... Это былъ онъ! Мнѣ стало страшно, затѣмъ, что мнѣ всегда страшно было, какъ онъ приходилъ, и съ самаго дѣтства такъ было, какъ только память во мнѣ родилась! У него тогда еще не было бѣлаго волоса; борода его была какъ смоль черна, глаза горѣли словно угли, и ни разу до-той-поры онъ ласково на меня не

взглянулъ. Онъ спросилъ: «дома ли мать?» Я, затворяю калитку, говорю, что «отца нѣту дома». Онъ сказалъ: «знаю», и вдругъ гдѣнулъ на меня, такъ глянулъ... первый разъ онъ такъ глядѣлъ на меня. Я шла, а онъ все стоитъ. «Что ты нейдешь?» — Думу думаю. Мы ужь въ свѣтелку всходимъ. «А зачѣмъ ты сказала, что отца нѣту дома, когда я спрашивалъ дома ли мать?» Я молчу... Матушка обмерла — къ нему бросилась... онъ чуть взглянулъ, я все видѣла. Онъ былъ весь мокрый, издрогшій: буря гнала его двадцать верстъ—а откуда и гдѣ онъ бываетъ, ни я, ни матушка никогда не знали; мы его ужь девять недѣль не видали... бросилъ шапку, скинулъ рукавицы—образамъ не молится, хозяйевать не кланяется—сѣлъ у огня...

Катерина провела рукою по лицу, какъ-будто что-то гнело и давило ее, но черезъ минуту опять подняла голову и опять начала:

— Онъ сталъ съ матерью говорить по-татарски. Мать умѣла, я же не понимала ни слова. Другой разъ, какъ онъ приходитъ, меня отсылали; а теперь мать родному дѣтишу слова сказать не посмѣла. Нечистый купилъ мою душу, и я, сама-себѣ хвалясь, смотрѣла на матушку. Вижу, на меня смотрять, обо мнѣ говорятъ; она стала плакать; вижу, онъ за ножъ хватается, а ужь не одинъ разъ, съ недавняго времени, онъ при мнѣ за ножъ хватался, когда съ матерью говорилъ. Я встала и схватилась за его поясъ, хотѣла у него ножъ его вырвать нечистый. Онъ скрипнулъ зубами, вскрикнулъ, и хотѣлъ меня отбить — въ грудь ударилъ, да не оттолнулъ. Я думала, тутъ и умру, глаза заволокло, падаю на земь — да не вскрикнула. Смотрю, сколько силъ было видѣть, снимаетъ онъ поясъ, засучиваетъ руку, которой ударилъ меня, ножъ вынимаетъ, мнѣ даетъ: «На, рѣжь ее прочь, натѣшься надъ ней, во сколько обиды моей къ тебѣ было, а я, гордая, за то до-земи тебѣ поклонюсь». Я ножъ отложила; кровь меня душитъ начала, на него не глянула, помню, усмѣхнулась губъ не разжимая, да прямо матушкѣ въ печальныя очи смотрю, грозно смотрю, а у самой смѣхъ съ губъ не сходитъ безстыдный; а мать сидитъ блѣдная, мертвая...

Ордыновъ съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ несвязный рассказъ; но мало-по-малу тревога ея стихла на первомъ порывѣ; рѣчь стала покойнѣе; воспоминанія увлекли совсѣмъ бѣдную женщину и разбили тоску ея по всему своему безбрежному морю.

— Онъ взялъ шапку не кланяясь. Я опять взяла фонарь его провожать, вмѣсто матушки, которая, хоть больная сидѣла, а хотѣла за нимъ идти. Дошли мы съ нимъ до воротъ; я молчу, калитку ему отворила, собакъ прогнала. Смотрю—снимаетъ онъ шапку и мнѣ поклонъ. Вижу, идетъ къ себѣ за пазуху, вынимаетъ коробокъ красный, сафьянный, задвижку отводитъ; смотрю: бурмицкія зерна,—мнѣ на поклонъ. «Есть» говорить «у меня въ пригородѣ красавица, ей везъ на поклонъ, да не къ ней завезъ; возъ-

ми, красная дѣвица, пожелѣй свою красоту, хоть ногой растопчи, да возьми». Я взяла, а ногой топтать не хотѣла, чести много не хотѣла давать, а взяла какъ ехидна, не сказала ни слова на что. Пришла и поставила на столъ передъ матерью—для того и брала. Родимая съ минуту молчала, вся какъ платокъ бѣла, говорить со мной словно боится. «Что жь это, Катя?» А я отвѣчаю: — тебѣ, родная, купецъ приносилъ, я не вѣдаю. Смотрю, у ней слезы выдавились, духъ захватило. «Не мнѣ, Катя; не мнѣ, дочка злая, не мнѣ». Помню, такъ горько, такъ горько сказала, словно всю душу выплакала. Я глаза подняла, хотѣла ей въ ноги броситься, да вдругъ окаянный мнѣ подсказалъ: «Ну, не тебѣ, вѣрно батюшкѣ; ему передамъ, коль воротится; скажу: купцы были, товаръ позабыли...» Тутъ какъ всплачетъ она, родная моя... «Я сама скажу, что за купцы прїѣзжали и за какимъ товаромъ прїѣхали... Ужь я скажу ему, чья ты дочь, беззаконница! Ты же не дочь мнѣ теперь, ты мнѣ змѣя подколодная! ты дѣтище мое проклятое!» Я молчу, слезы нейдуть у меня... ахъ! словно все во мнѣ вымерло... Пошла я къ себѣ въ свѣтлицу и всю-то ноченьку бурю прослушала, да подъ бурей свои мысли слагала.

«А между-тѣмъ пять дѣнь прошло. Вотъ ввечеру прїѣзжаетъ черезъ пять дѣнь батюшка, хмурый и грозный, да немочь-то дорожной сломила его. Смотрю, рука у него подвязана; смекнула я, что дорогу ему врагъ его перешель; а врагъ тогда утомилъ его и немочь наслалъ на него. Знала я тоже, кто его врагъ, все знала. Съ матушкой слова не молвилъ, про меня не спросилъ, всѣхъ людей созвалъ, заводъ остановить приказалъ и домъ отъ худаго глаза беречь. Я почувала сердцемъ въ тотъ часъ, что дома у насъ нездорово. Вотъ ждемъ, прошла ночь, тоже бурная, выжонная, и тревога мнѣ въ душу запала. Отворила я окно—горитъ лицо, плачутъ очи, жжетъ сердце неугомонное; сама какъ въ огнѣ: такъ и хочется мнѣ вонъ изъ свѣтлицы, дальше, на край свѣта, гдѣ молонья и буря родятся. Грудь моя дѣвичья ходенѣмъ ходить... вдругъ, ужъ поздно — я какъ-будто вздремнула, иль туманъ мнѣ на душу запалъ, разумъ смутилъ—слышу, стучать въ окно: отвори! Смотрю, человекъ въ окно по веревкѣ вскарабкался. Я тотчасъ узнала, кто въ гости пожаловалъ, отворила окно и впустила его въ свѣтлицу свою одинокую. А былъ онъ! Шапки не снялъ, сѣлъ на лавку, запыхался, еле духъ переводить, словно погоня была. Я стала въ уголъ и сама знаю, какъ вся поблѣднѣла. — Дома отецъ? «Дома.» — А мать? «Дома и мать.»—Молчи же теперь; слышишь.—«Слышу.»—Что? «Свистъ подъ окномъ!»—Ну, хочешь теперь, красная дѣвица, съ недруга голову снять, батюшку родимаго кликнуть, душу мою загубить? Изъ твоей дѣвичьей воли не выйду; вотъ и веревка, вяжи, коли сердце велить за обиду свою заступиться.—Я молчу.—Что жь? промолви, радость моя? «Чего тебѣ нужно?»—А нужно мнѣ вѣрога уходить, съ старой любовью по добру по здорову проститься, а новой, молодой, какъ ты крас-

ной дѣвицѣ, душой поклониться... Я засмѣялась; и сама не знаю, какъ его нечистая рѣчь въ мое сердце дошла. — Пусти жь меня, красная дѣвица, прогуляться внизъ, свое сердце извѣдать, хозяйкамъ поклонъ отнести. — Я вся дрожу, стучу зубомъ объ зубъ, а сердце словно желѣзо каленое. Пошла, дверь ему отворила, впустила въ домъ, только на порогѣ черезъ силу промолвила: «На, вотъ! возьми свои зерна, и не дари меня другой разъ никогда» и сама ему коробокъ во слѣдъ бросила.

Тутъ Катерина остановилась перевести духъ; она то раздраживалась какъ листъ и блѣднѣла, то кровь всходила ей въ голову, и теперь, когда она остановилась, щеки ея пылали огнемъ, глаза блистали сквозь слезы, и тяжелое, прерывистое дыханіе колебало грудь ея. Но вдругъ она опять поблѣднѣла, и голосъ ея упалъ, задрожавъ тревожно и грустно.

— Тогда я осталась одна, и будто буря меня кругомъ обхватила. Вдругъ слышу крикъ, слышу, по двору люди до завода бѣгутъ, слышу говоръ: «заводъ горитъ». Я притаилась, изъ дома всѣ убѣжали; осталась я съ матушкой. Знала я, что она съ жизнью разстается, третьи сутки на смертной постели лежить, знала я, окаянная дочь!.. Вдругъ слышу крикъ подъ моей свѣтлицы, слабый, словно ребенокъ вскрикнулъ, когда во снѣ испугается, и потомъ все затихло. Я задула свѣчу, сама леденѣю, закрылась руками, глянуть боюсь. Вдругъ слышу крикъ подлѣ меня, слышу съ завода люди бѣгутъ. Я въ окно свѣсилась: вижу, несутъ батюшку мертваго, слышу, говорятъ межъ собою: «оступился, съ дѣтницы въ котель раскаленный упалъ; знать, нечистый его туда подтолкнулъ.» Я принала на постель: жду, сама вся замерла, и не знаю чего и кого ждала, только тяжело у меня было въ этотъ часъ. Не помню, сколько ждала; помню, что меня вдругъ всю колыхать начало, головѣ тяжело стало, глаза выѣдало дымомъ; и рада была я, что близка моя гибель! Вдругъ, слышу, кто меня за плеча подымаетъ. Смотрю сколько глядѣть могу: онъ весь опаленный и кафтанъ его, горячій на ошупь, дымится.

— «За тобой пришелъ, красная дѣвица; уводи жь меня отъ бѣды, какъ прежде на бѣду наводила; душу свою я за тебя сгубилъ. Не отмолишь мнѣ этой ночи проклятой! Развѣ вмѣстѣ будемъ молиться!» Смѣялся онъ, злой человекъ! «Покажи» говоритъ, «какъ пройти, чтобъ не мимо людей!» Я взяла его за руку и повела за собой. Прошли мы корридоръ—со мной ключи были—отворила я дверь въ кладовую, и показала ему на окно. А окно наше въ садъ выходило. Онъ схватилъ меня на могучія руки, обнялъ и выпрыгнулъ со мною вонъ изъ окна. Мы побѣжали съ нимъ рука въ руку, долго бѣжали. Смотримъ: густой, темный дѣсъ. Онъ сталъ слушать: «погоня, Катя, за нами! погоня за нами, красная дѣвица; да не въ этотъ часъ намъ животы свои положить! Поцалуй меня, красная дѣвица, на любовь да на вѣчное счастье!»—«А отъ-чего у тебя руки въ крови?»—«Руки въ крови, мой

родимая? а вашихъ собакъ порѣзалъ; разлаялись больно на поздняго гостя. Пойдемъ!» Мы опять побѣжали; видимъ, на тропинкѣ батюшкинъ конь, узду перервалъ, изъ конюшни выбѣжалъ; знать ему горѣть не хотѣлось! «Садись, Катя, со мной! Богъ нашъ намъ помочь послалъ!» Я молчу. «Аль не хочешь? я вѣдь не нехристь какой, не нечистый; вотъ перекрещусь, коли хочешь,» и тутъ онъ крестъ положилъ. Я сѣла, прижалась къ нему и забылась совсѣмъ у него на груди, словно сонъ какой нашелъ на меня, а какъ очнулась, вижу, стоимъ мы у широкой-широкой рѣки. Онъ слѣзъ, меня съ лошади снялъ, и пошелъ въ тростникъ: тамъ онъ лодку свою затаилъ. Мы ужъ сѣли. «Ну, прощай, добрый конь, ступай до новаго хозяина, а старые всѣ тебя покидаютъ!» Я бросилась къ коню батюшкину и крѣпко на разлuku обняла его. Потомъ мы сѣли, онъ весла взялъ, и мигомъ стало намъ береговъ не видать. И когда стало намъ береговъ не видать, смотрю, онъ весла сложилъ, и кругомъ, по всей волѣ осмотрѣлся.

— «Здравствуй» промолвилъ «матушка, бурная рѣченька, Божьему люду повила, а моя кормилица! Скажи-ка, берегла ль ты мое добро безъ меня, цѣлы ль товары мои!» Я молчу, очи на грудь опустила: лицо стыдомъ, какъ полымемъ пышетъ. А онъ: «Ужь и все бъ ты взяла, бурная, ненасытная, а дала бъ мнѣ обѣтъ беречь и дѣлѣть жемчужину мою многоцѣнную!.. Урони жъ хоть словечко, красная дѣвица, просій въ бурю солнцемъ, разгони свѣтомъ темную ночь!»—Говорить, а самъ усмѣхается; жгло его сердце по мнѣ, да усмѣшки его, со стыда, мнѣ стерпѣть не хотѣлось; хотѣлось слово сказать, да сробѣла, смолчала. «Ну, мнѣ быть такъ!» отвѣчаетъ онъ на мою думу робкую, говоритъ будто съ горя, самого будто горе беретъ. «Знать, съ силы ничего не возьмешь. Богъ же съ тобой, спѣсивая, голубица моя, красная дѣвица! Видно сильна ко мнѣ твоя ненависть, иль ужъ такъ не люблю твоимъ свѣтлымъ очамъ приглянулся.» Слушала я и зло меня взяло, зло съ любви взяло; я сердце осилила, промолвила: любовь иль не любовь ты пришелся мнѣ, знать не мнѣ про то знать, а вѣрно другой какой неразумной, безстыжей, что свѣтлицу свою дѣвичью въ темную ночь опозорила, за смертный грѣхъ душу свою продала, да сердца своего не сдержала безумнаго; да знать про то вѣрно моимъ горячимъ слезамъ, да тому, кто чужой бѣдой воровски похваляется, надъ дѣвичьимъ сердцемъ насмѣхается! Сказала да не стерпѣла, заплакала... Онъ помолчалъ, поглядѣлъ на меня такъ, что я какъ листъ задрожала. «Слушай же» говоритъ мнѣ «красная дѣвица»—а у самаго чудно очи горятъ—не прайдное слово скажу, а дамъ тебѣ великое слово: на сколько счастья мнѣ подарить, на столько буду и я тебѣ господинъ, а не влюбись когда—и не говори, словъ не роняй, не трудись, а двинь только бровью своей соболиною, поведи чернымъ глазомъ, мизинцемъ однимъ шевельни, и отдамъ тебѣ назадъ любовь твою съ золотою волюшкой; только будетъ тутъ, краса моя гордая, несно-

сидя, и моей жизни конецъ! И тутъ вся плоть моя на его слова усмѣхнулась...

Тутъ глубокое волненіе прервало-было разсказъ Катерины; она перевела духъ, усмѣхнулась новой думѣ своей и хотѣла — было продолжать, но вдругъ сверкающій взглядъ ея встрѣтилъ воспаленный, прикованный къ ней взглядъ Ордынова. Она вздрогнула, хотѣла-было что-то сказать, но кровь залила ей лицо... Словно въ безпамятствѣ закрылась она руками и бросилась лицомъ на подушки. Все потрясло въ Ордыновѣ! Какое-то мучительное чувство, смятеніе безотчетное, невыносимое разливалось какъ ядъ по всѣмъ его жиламъ и росло съ каждымъ словомъ разсказа Катерины: безвыходное стремленіе, страсть жадная и невыносимая захватила думы его, мутила его чувства. Но грусть тяжелая, безконечная въ то же время все болѣе и болѣе давила его сердце. Минутами онъ хотѣлъ кричать Катеринѣ, чтобъ она замолчала, хотѣлъ броситься къ ногамъ ея и молить своими слезами, чтобъ она возвратила ему его прежнія муки любви, его прежнее, безотчетное, чистое стремленіе, и ему жаль стало давно уже высохшихъ слезъ своихъ. Сердце его ныло, болѣзненно обливалось кровью и не давая слезъ уязвленной душѣ его. Онъ не понималъ, что говорила ему Катерина; и любовь его пугалась чувства, волновавшаго бѣдную женщину. Онъ проклялъ страсть свою въ эту минуту: она душила, томила его, и онъ слышалъ, какъ растопленный свинецъ вмѣсто крови потекъ въ его жилахъ.

— Ахъ, не въ томъ мое горе, сказала Катерина, вдругъ приподнявъ свою голову: — что я тебѣ говорила теперь, не въ томъ мое горе, продолжала она голосомъ, зазвенѣвшимъ какъ мѣдь отъ неваго неожиданнаго чувства, тогда-какъ вся душа ея разрывалась отъ затаившихся, безвыходныхъ слезъ:—не въ томъ мое горе, не въ томъ мѣла, забота моя! Что, что мнѣ до родимой моей, хоть и не нажать мнѣ на всемъ свѣтѣ другой родной матушки! что мнѣ до того, что прокляла она меня въ часъ свой тяжелый, послѣдній! что мнѣ до золотой прежней жизни моей, до теплой свѣтлицы, до дѣвичей волюшки! что мнѣ до того, что продалась я нечистому и душу мою отдала погубителю, за счастье вѣчный грѣхъ понесла! ахъ, не въ томъ мое горе, хоть и на этомъ велика погубитель моя! А то мнѣ горько и рветъ мнѣ сердце, что я рабыня его опозоренная, что позоръ и стыдъ мой самой безстыдной мнѣ любовь, что люблю жадному сердцу и вспоминать свое горе, словно радость и счастье—въ томъ мое горе, что нѣтъ силы въ немъ и нѣтъ гнѣва за обиду свою!..

Духъ занялся въ груди бѣдной женщины, и судорожное, истерическое рыданіе пресѣкло слова ея. Горячее, порывистое дыханіе палило ея губы, грудь подымалась и опускалась глубоко, и непонятнымъ негодованиемъ сверкнули глаза ея. Но столько очарованія озолотило лице ея въ эту минуту, такимъ страстнымъ потокомъ чувства, такой невыносимой, неслыханной красотою задрожала ка-

ждая линия, каждый мускулъ его, что разомъ угасла черная дума и замолкла чистая грусть въ груди Ордынова. Сердце его рвалось прижаться къ ея сердцу и страстно въ безумномъ волненіи забыться въ немъ вмѣстѣ, застучать въ ладъ тою же бурей, тѣмъ же порывомъ невѣдомой страсти и хотъ замереть съ нимъ вмѣстѣ. Катерина встрѣтила помутившійся взоръ Ордынова и улыбнулась такъ, что удвоеннымъ потокомъ огня обдало его сердце. Онъ едва помнилъ себя.

— Пожалѣй меня, пощади меня! шепталъ онъ ей, сдерживая дрожащій свой голосъ, наклоняясь къ ней опершись рукою на ея плечо, и близко, близко такъ, что дыханіе ихъ сливалось въ одно, смотря ей въ глаза:—ты сгубила меня! Я твоего горя не знаю и душа моя смутилась... Чтѣ мнѣ до того, объ чемъ плачешь твое сердце! Скажи, что ты хочешь... я сдѣлаю. Пойдемъ же со мною, пойдемъ, не убей меня, не мертви меня!..

Катерина смотрѣла на него неподвижно; слезы высохли на горячихъ щекахъ ея. Она хотѣла прервать его, взяла его за руку, хотѣла сама что-то говорить и какъ-будто не находила словъ. Какая-то странная улыбка медленно появилась на ея губахъ, словно смѣхъ пробивался сквозь эту улыбку.

— Не все жъ я, знать, тебѣ рассказала, проговорила она наконецъ прерывистымъ голосомъ.—Еще расскажу; только будешь ли, будешь ли слушать меня, горячее сердце? Послушай сестрицу свою! Знать мало спозналъ ты ея лютаго горя! Хотѣла бъ я рассказать, какъ я съ нимъ годъ прожила, да не стану... А минулъ годъ, ушелъ онъ съ товарищами внизъ по рѣкѣ, и осталась я у названной матушки его во пристани ждать. Жду его мѣсяцъ, другой— и повстрѣчалась я въ пригородѣ съ молодымъ купцомъ, взглянула на него и вспомнила про былые годы золотые.—«Любушка-сестрица!» говоритъ онъ, какъ два слова перемолвилъ со мной: «я Алеша, твой названный суженой, насъ дѣтми старики на словахъ повѣнчали; забыла меня, вспомни-ка, я изъ вашего мѣста... А чтѣ говорятъ обо мнѣ въ вашемъ мѣстѣ?—«А говоритъ людской толкъ, что ты нечестно пошла, дѣвичій стыдъ позабыла, съ разбойникомъ, душегубцемъ спозналась» говоритъ мнѣ Алеша, смѣясь.—А ты что про меня говорилъ?—«Много хотѣлъ говорить, какъ сюда подѣзжалъ»—и смутилось въ немъ сердце—«много сказать захотѣлось, а теперь душа у меня помертвѣла, какъ завидѣлъ тебя; стубила ты меня!» говоритъ. «Купи жъ и мою душу, возьми ее, хотъ насмѣйся надъ сердцемъ, любовью моею, красная дѣвица. Я теперь сиротинушка, хозяйнъ свой, и душа-то моя своя, не чужая, не продавалъ ея никому, какъ иная, что память свою загасила, а сердце не покупать статься, даромъ отдамъ, да видно дѣло оно наживное!» Я засмѣялась; и не разъ и не два говорилъ—цѣлый мѣсяцъ въ усадьбѣ живеть, бросилъ товары, своихъ отпустилъ, одинъ-одинѣшенекъ. Жаль мнѣ стало его сиротскихъ слезъ. Вотъ и сказала я ему разъ поутру: жди меня, Алеша, какъ стемнѣетъ ночь,

пониже у пристани; поѣдемъ съ тобой въ твое мѣсто! опостылѣла мнѣ жизнь моя горемычная! Вотъ ночь пришла, я узелокъ навязала, и душа забыла, заиграла во мнѣ. Смотрю, входитъ хозяинъ мой, неожиданно, невѣдомо.—Здравствуй; поѣдемъ; на рѣкѣ будетъ буря, а время не ждетъ. Я пошла за нимъ; къ рѣкѣ подошли, а до своихъ было далеко плыть; смотримъ: лодка и знакомый въ ней гребецъ сидитъ, словно поджидаетъ кого. «Здравствуй, Алеша, Богъ въ помощь тебѣ! Чтѣ? аль на пристани запоздалъ, на суда свои поспѣшаешь? Довези-ка, добрый человекъ, вотъ меня да съ хозяйшкой, къ своимъ въ наше мѣсто; лодку свою я отпустилъ, а вплавь пойдти не умѣю.—«Садись» сказалъ Алеша, а у меня вся душа изныла, какъ слышала я голосъ его. «Садись и съ хозяйшкой; вѣтеръ для всѣхъ, а въ моемъ терему и для васъ будетъ мѣсто.» Сѣли; ночь была темная, звѣзды попрятались, вѣтеръ завывалъ, встала волна, а отъ берега мы съ версту отъѣхали. Всѣ трое молчимъ.

— «Буря!» говорить мой хозяинъ: «и не къ добру эта буря! Такой бури я сродясь еще на рѣкѣ не видалъ, какая теперь разыгралась! Тяжело нашей лодкѣ! не сносить ей трюмхъ!»—Да, не сносить, отвѣчаетъ Алеша: и одинъ изъ насъ, знать, лишній выходитъ; говорить, а у самого голосъ дрожить какъ струна.—«А чтѣ, Алеша? зналъ я тебя малымъ дитѣй, братался съ твоимъ роднымъ батюшкой, хлѣбъ-соль вмѣстѣ водили — скажи мнѣ, Алеша, дойдешь ли безъ лодки до берега, иль сгинешь ни за что, душу погубишь свою?»—Не дойду! А ты, добрый человекъ, какъ случится, неровень часъ и тебѣ порой водицы испить, дойдешь или нѣтъ?»—«Не дойду; тутъ и конецъ моей душеньки, не сносить меня бурной рѣкѣ!»—Слушай же ты теперь, Катеринушка, жемчужина моя многоцѣнная! помню я одну такую же ночь, только тогда не колыхалась волна, звѣзды сіяли и мѣсяцъ свѣтилъ... Хочу тебя такъ спраста спросить, не забыла ли ты?»—Помню, я говорю... «А какъ не забыла ея, такъ и уговора не забыла, какъ училъ одинъ молодецъ одну красну дѣвицу волюшку свою похитить назадъ у немилова?»—Нѣтъ и того не забыла, говорю, а сама ни жива ни мертва.—«А не забыла! такъ вотъ теперь въ лодкѣ намъ тяжело. Ужъ не пришло ли чье время? Скажи, родная, скажи, голубица, проворкуй намъ по голубиному, свое слово ласковое...

«Я слова моего не сказала тогда!» прошептала Катерина блѣднѣя... Она не докончила.

— Катерина! раздался надъ ними глухой, хриплый голосъ. Ордынъвъ вздрогнулъ. Въ дверяхъ стоялъ Муринъ. Онъ былъ едва закрытъ мѣховымъ одѣяломъ, блѣденъ какъ смерть и смотрѣлъ на нихъ почти-обезумѣвшимъ взглядомъ. Катерина блѣднѣла больше и больше и тоже смотрѣла на него неподвижно, какъ-будто очарованная.

— Иди ко мнѣ, Катерина! прошепталъ больной едва-слышнымъ голосомъ и вышелъ изъ комнаты. Катерина все еще смотрѣла не-

подвижно въ воздухъ, все будто-бы еще старикъ стоялъ передъ нею. Но вдругъ кровь мгновенно опалила ея блѣдныя щеки, и она медленно приподнялась съ постели. Ордыновъ вспомнилъ первую встрѣчу.

— Такъ до завтра же, слезы мои! сказала она, какъ-то странно усмѣхаясь:—до завтра! Помни жь, на чемъ перестала я: «выбирай изъ двухъ кто любовь или не любовь тебѣ, красная дѣвица!» Будешь помнить, подеждешь одну ночку? повторила она, положивъ ему свои руки на плеча и вѣжно смотря на него.

— Катерина, не ходи, не губи себя! Онъ сумасшедшій! шепталъ Ордыновъ, дрожа за нее.

— Катерина! раздался голосъ за перегородкой.

— Что жь? зарѣжетъ, не бось? отвѣчала смѣясь Катерина.—Доброй ночи тебѣ, сердце мое ненаглядное, голубь горячій мой, братецъ родной! говорила она, вѣжно прижавъ его голову къ груди своей, тогда-какъ слезы оросили вдругъ лицо ея.—Это послѣднія слезы. Переспи жь свое горе, любезный мой проснешься завтра на радость. И она страстно поцаловала его.

— Катерина! Катерина! шепталъ Ордыновъ, упавъ передъ ней на колѣни и порываясь остановить ее.— Катерина!

Она обернулась, улыбаясь кивнула ему головою и вышла изъ комнаты. Ордыновъ слышалъ, какъ она вошла къ Мурину; онъ затаилъ дыханіе, прислушиваясь; но ни звука не услышалъ онъ болѣе. Старикъ молчалъ или, можетъ-быть, опять былъ безъ памяти... Онъ хотѣлъ-было идти къ ней туда, но ноги его подкашивались... Онъ ослабѣлъ и присѣлъ на постели...

II.

Долго не могъ онъ узнать часа, когда очнулся. Были разсвѣтъ или сумерки: въ комнатѣ все еще было темно. Онъ не могъ означить именно сколько времени сна, но чувствовалъ, что сонъ его былъ сномъ болѣзненнымъ. Опомнясь, онъ провелъ рукой по лицу, какъ-будто снимая съ себя сонъ и ночныя видѣнія. Но когда онъ хотѣлъ ступить на полъ, то почувствовалъ что какъ-будто все тѣло его было разбито, и истомленные члены отказывались повиноваться. Голова его болѣла и кружилась, и все тѣло обладало то мелкою дрожью, то пламенемъ. Въсѣтъ съ сознаниемъ воротилась и память, и сердце его дрогнуло, когда въ одинъ мигъ пережилъ онъ воспоминаніемъ всю прошлую ночь. Сердце его такъ сильно билось въ отвѣтъ на его раздумье, такъ горячи, свѣжи были его ощущенія, что какъ-будто не ночь, не долгіе часы, а одна минута прошла по уходѣ Катерины. Онъ чувствовалъ, что глаза его еще не обсохли отъ слезъ—или новых, свѣжихъ слезы брызнули какъ родникъ изъ горячей души его? И; чудное дѣло! ему даже сладостны были муки его, хотя ноъ глухо

слышала всѣмъ составомъ своимъ, что не вынесетъ болѣе такого насилія. Была минута, когда онъ почти чувствовалъ смерть и готовъ былъ встрѣтить ее, какъ свѣтлую гостью : такъ напряглись его впечатлѣнія, такимъ могучимъ порывомъ закипѣла по пробужденіи вновь его страсть, такимъ восторгомъ обдало душу его, что жизнь, ускоренная напряженною дѣятельностью, казалось, готова была перерваться, разрушиться, истлѣть въ одинъ мигъ и угаснуть на-вѣки. Почти въ эту жь минуту, какъ-бы въ отвѣтъ на тоску его, въ отвѣтъ его задрожавшему сердцу, зазвучала знакомый — какъ та внутренняя музыка, знакомая душѣ человѣка въ часъ радости о жизни своей, въ часъ безмятежнаго счастья — густой, серебряный голосъ Катерины. Близко, возлѣ, почти надъ изголовьемъ его, началась пѣсня, сначала тихо и заунывно... Голосъ то возвышался, то опадалъ, судорожно замирая, словно тай про себя и нѣжно лелѣя свою же мятежную муку ненасытнаго, сдавленнаго желанія, безвыходно затаеннаго въ тоскующемъ сердцѣ; то снова разливался соловьиною трелью и весь дрожа, пламенія уже несдержимую страстию, разливался въ цѣлое море восторговъ, въ море могучихъ, безпредѣльныхъ, какъ первый мигъ блаженства любви, звуковъ. Ордыновъ отличалъ и слова : они были просты, задушевные, сложенные давно, прямымъ, спокойнымъ, чистымъ яснымъ самому-себѣ чувствомъ. Но онъ забывалъ ихъ, онъ слышалъ лишь одни звуки. Сквозь простой, навный складъ пѣсни, ему сверкали другія слова, гремѣвшія всѣмъ стремленіемъ, которое наполняло его же грудь, давшія откликъ сокровеннѣйшимъ, ему же невѣдомымъ, изгибамъ страсти его, прозвучавшимъ ему же ясно, цѣлымъ сознаниемъ, о ней. И то слышался ему послѣдній стонъ безвыходно-замершаго въ страсти сердца, то радость воли и духа, разбившаго цѣпи свои и устремившагося свѣтло и свободно въ неисходимое море невозбранной любви; то слышалась первая клятва любовницы съ благоуханнымъ стыдомъ за первую краску въ лицѣ, съ молениями, со слезами, съ таинственнымъ, робкимъ шопотомъ; то желаніе вакханки, гордое и радостное силой своей, безъ покрова, безъ тайны, съ сверкающимъ смѣхомъ обводящее кругомъ опьянѣвшія очи....

Ордыновъ не выдержалъ окончанія пѣсни и всталъ съ постели. Пѣсня тотчасъ затихла.

— Доброе утро съ добрымъ днемъ прошли, мой желанный! зазвучала голосъ Катерины: добрый вечеръ тебѣ! Встань, прійди къ намъ, пробудись на свѣтлую радость; ждемъ тебя я да хозяйня, люди все добрые, твоей волѣ покорные; загаси любовью ненависть, коли все еще сердце обидой болитъ. Скажи слово ласковое!..

Ордыновъ уже вышелъ изъ комнаты на первый окликъ ея, и едва понялъ онъ, что входитъ къ хозяйкамъ. Передъ нимъ отворилась дверь, и ясна какъ солнце, заблестѣла ему золотая улыбка чудной его хозяйки. Въ этотъ мигъ онъ не видалъ, не слышалъ

никого, кромѣ ея. Мгновенно вся жизнь, вся радость его слились въ—одно въ его сердца — въ свѣтлый образъ его Катерины.

— Двѣ зари прошло, сказала она, подавая ему свои руки: — какъ мы попросились съ тобой; вторая гаснетъ теперь, посмотри въ окно. Словно двѣ зари души красной дѣвицы, примолвила смѣясь Катерина: — одна что первымъ стыдомъ лицо разрумянить, какъ впервину скажется въ груди одинокое дѣвичье сердце, а другая, какъ забудеть первый стыдъ красная дѣвица, горитъ словно по-лымемъ, давить дѣвичью грудь и гонить въ лицо румяную кровь... Ступай, ступай въ нашъ домъ, добрый молодецъ! Чтѣ стоишь на порогѣ? Честь тебѣ да любовь, да поклонъ отъ хозяйна!

Съ звонкимъ, какъ музыка, смѣхомъ взяла она руку Ордынова и ввела его въ комнату. Робость вошла въ его сердце. Все пламя, весь пожаръ, пламенѣвшій въ груди его, словно истлѣли и угасли въ одинъ мигъ и на одинъ мигъ; онъ съ смущеніемъ опустилъ глаза и боялся смотрѣть на нее. Онъ чувствовалъ, что она такъ чудно—прекрасна, что не сносить его сердцу знойнаго ея взгляда. Никогда еще онъ не видалъ такъ своей Катерины. Смѣхъ и веселье въ первый разъ засверкали въ лицѣ ея и засушили грустные слезы на ея черныхъ рѣсницахъ. Его рука дрожала въ ея рукѣ. И еслибъ онъ поднялъ глаза, то увидѣлъ бы, что Катерина съ торжествующей улыбкой приковала свѣтлыя очи къ лицу его, отуманенному смущеніемъ и страстью.

— Встань же, старый! сказала она наконецъ, какъ-будто сама только опомнившись:—скажи гостю слово привѣтливое. Гость что братъ родной! Встань же, непоклонный, спѣсивый старинушка, встань, поклонись, гостя за бѣлыя руки возьми, посади за столъ!

Ордыновъ поднималъ глаза и какъ-будто теперь лишь опомнился. Онъ теперь только подумалъ о Муринѣ. Глаза старика, словно потухавшіе въ предсмертной тоскѣ, смотрѣли на него неподвижно; и съ болью въ душѣ вспомнилъ онъ этотъ взглядъ, сверкнувшій ему въ послѣдній разъ изъ-подъ нависшихъ черныхъ, сжатыхъ, какъ и теперь, тоскою и гнѣвомъ бровей. Голова его слегка закружилась. Онъ оглядѣлся кругомъ и теперь только сообразилъ все ясно, отчетливо. Муринъ все еще лежалъ на постели, но онъ былъ почти одѣтъ и какъ-будто уже вставалъ и выходилъ въ это утро. Шея была обвязана, какъ и прежде, краснымъ платкомъ, на ногахъ были туфли. Болѣзнь очевидно прошла, только лицо все еще было страшно—блѣдно и желто. Катерина стояла возлѣ постели, опершись рукою на столъ, и внимательно смотрѣла на обоихъ. Но привѣтливая улыбка не сходила съ лица ея. Казалось, все дѣлалось по ея мановенію.

— Да! это ты, сказалъ Муринъ, приподымаясь и садясь на постели.—Ты мой жилецъ. Виновать я передъ тобою, баринъ, согрѣшилъ и обидѣлъ тебя незнамо—невѣдомо, пошалилъ намерни съ ружьемъ. Кто жь те зналъ, что на тебя тоже находить черная немочь? А со мною случается, прибавилъ онъ хриплымъ, болѣз-

неннымъ голосомъ, хмурия брови свои и невольно отводя глаза отъ Ордынова.—Бѣда идетъ, не стучить въ ворота, какъ воръ подползеть! Я и ей чуть ножа ономнися въ грудь не всадилъ... при молвилъ онъ, кивнувъ головой на Катерину. — Болень я, припадокъ находить, ну, и довольно съ тебя! Садись — будешь гость!

Ордыновъ все още пристально смотрѣлъ на него.

— Садись же, садись! крикнулъ старикъ въ петерѣвнн:—садись; коли ей это любо! Ишь вы побратались, еднноутробныи! Слюбнлись словно любовники!

Ордыновъ сѣлъ.

— Видишь, сестрица какая, продолжалъ старикъ, засмѣившнсь и показавъ два ряда своихъ бѣлыхъ, цѣлыхъ до единого зубовъ.— Милуйте, родные мои! Хороша ль у тебя сестрица, баринъ? скажи, отвѣчай! На, смотри-ка, какъ щеки ей полымемъ пышетъ. Да огляннсь же, почествуи всему свѣту красавицу! Покажи, что болить по ней ретиво!

Ордыновъ нахмурилъ брови и злобно посмотрѣлъ на старика. Тотъ вздрогнулъ отъ его взгляда. Слѣпое бѣшенство закипѣло въ груди Ордынова. Онъ какимъ-то животнымъ инстинктомъ чуялъ близъ себя врага-на-смерть. Онъ самъ не могъ понять, что съ нимъ дѣлается, разсудокъ отказывался служить ему.

— Не смотри! раздался голосъ сзади его. Ордыновъ оглянулся.

— Не смотри же, не смотри, говорю, коли бѣсъ науцаеть, пожалѣй свою любу, говорила смѣясь Катерина, и вдругъ сзади закрыла рукою глаза его; потомъ тотчасъ же отняла свои руки и закрылась сама. Но краска лица, какъ будто пробивалась сквозь ея пальцы. Она отняла руки, и вся горя какъ огонь попробовала свѣтло и нетрепетно встрѣтить ихъ смѣхъ и любопытные взгляды. Но всѣ трое молча глѣдѣли на нее—Ордыновъ съ какимъ-то изумленнмъ любви, какъ-будто въ первый разъ такая страшная красота пронзала сердце его; старикъ внимательно, холодно. Ничего не выражалось на его блѣдномъ лицѣ; только губы синѣли и слегка трепетали.

Катерина подошла къ столу уже не смѣясь болѣе, и стала убирать книги, бумаги, черпилицу, все, что было на столѣ, и сложила все на окно. Она дышала скоро, прерывисто, и по-временамъ жадно впывала въ себя воздухъ, какъ-будто ей сердце тѣснило. Тяжело, словно волна прибрежная, опускалась и вновь подымалась ея полная грудь. Она потупила глаза, и черпцы, смолистые рѣспицы, какъ острия иглы, заблнстали на свѣтлыхъ щекахъ ея...

— Царь-дѣвица! сказалъ старикъ.

— Владычица моя! прошепталъ Ордыновъ, дрогнувъ всѣмъ тѣломъ. Онъ омоннлся, слышавъ на себѣ взглядъ старика: какъ молнн сверкнулъ этотъ взглядъ на мгновенне—жадный, злой, холодно-презрительный. Ордыновъ привсталъ-было съ мѣста, но какъ-будто невидимая сила сковала ему ноги. Онъ снова усѣлся. Порой

онъ сжималъ свою руку, какъ—будто недоувѣряя дѣйствительности. Ему казалось, что кошмаръ его душитъ, и что на глазахъ его все еще лежитъ страдальческій, болѣзненный сонъ. Но, чудное дѣло! ему не хотѣлось проснуться...

Катерина сняла со стола старый коверъ, потомъ открыла сундукъ, вынула изъ него драгоценную скатерть, всю расшитую яркими шелками и золотомъ, и накрыла ею столъ; потомъ вынула изъ шкафа старинный, прадѣдовскій, весь серебряный поставецъ, поставила его на средину стола и отдѣлила отъ него три серебряныя чарки — хозяйну, гостю и чару себѣ; потомъ важнымъ, почти—задумчивымъ взглядомъ посмотрѣла на старика и на гостя.

— Кто жь изъ насъ кому любовь иль не любовь? сказала она: — кто не любовь кому, тотъ мнѣ любовь и со мной будетъ пить свою чару. А мнѣ всякъ изъ васъ любовь, всякъ родной: такъ пить всѣмъ на любовь и согласие!

— Пить, да черную думу въ винѣ топить! сказалъ старикъ измѣнившимся голосомъ. — Наливай, Катерина!

— А ты велишь наливать? спросила Катерина, смотря на Ордынова.

Ордыновъ молча подвинулъ свою чарку.

— Стой! У кого какая загадка и думушка, пусть по его же хотѣнью и сбудется! сказалъ старикъ, поднимая свою чару.

Всѣ стукнули чарками и выпили.

— Давай же мы теперь выпьемъ съ тобой, старина! сказала Катерина, обращаясь къ хозяйну: — выпьемъ, коли ласково твое сердце ко мнѣ! выпьемъ за прожитое счастье, ударимъ поклонъ прожитымъ годамъ, сердцемъ за счастье, да любовью поклонимся! Вели жь наливать, коли горячо твое сердце ко мнѣ!

— Винцо твое крѣпко, голубица моя, а сама только губки помочишь! сказалъ старикъ, смѣясь и подставляя вновь свою чару.

— Ну, я отхлебну, а ты пей до дна!... Что жить, старинушка, тяжелую думу за собой волочить; а только сердце ноетъ съ думы тяжелой! Думушка съ горя идетъ, думушка горе зоветъ, а при счастья живется безъ думушки! Пей, старина! Утопи свою думушку!

— Много жь, знать, горя у тебя накупѣло, коли такъ на него ополчаешься! Знать, разомъ хочешь покончить, бѣлая голубка моя. Пью съ тобой, Катя! А у тебя есть ли горе, баринъ, коль позволишь спросить?

— Что есть, то есть про себя, прошенталь Ордыновъ, не сводя глазъ съ Катерины.

— Слышалъ, старинушка? Я и сама себя долго не знала, не помнила, а пришло время, все спознала и вспомнила; все, что прошло, ненасытной душой опять прожила.

— Дѣ, горько, коль на бываломъ одномъ пробиваться начнешь, сказалъ старикъ задумчиво. — Что прошло, какъ вино пропито! Что въ прошломъ счастья? Кафтанъ износилъ, и долой...

— Новый надо! подхватила Катерина, засмѣявшись съ натуги, тогда какъ двѣ крупныя слезинки повисли какъ алмазы на сверкнувшихъ рѣсницахъ. — Знать, вѣку минутой одной не прожить, да и дѣвичье сердце живуче, не угоняешься въ ладъ! Спозналъ, старина? Смотри, я въ твоей чарѣ слезинку мою схоронила!

— А за много ль счастья ты свое горе купила? сказалъ Ордыновъ, и голосъ его задрожалъ отъ волненія.

— Знать, у тебя, баринъ, своего много продажнаго! отвѣчалъ старикъ: — что съешься непрощеный. И онъ злобно и неслышно захохоталъ, нагло смотря на Ордынова.

— А за что продала, то и было, отвѣчала Катерина, какъ-будто недовольнымъ, обиженнымъ голосомъ. — Одному кажется много, другому мало. Одинъ все отдать хочетъ, взять нечего, другой ничего не сулитъ, да за нимъ идетъ сердце послушное! А ты не кори человѣка, примолвила она, грустно смотря на Ордынова: — одинъ такой человѣкъ, другой не тотъ человѣкъ, а будто знаешь, зачѣмъ къ кому душа просится! Наливай же свою чару, старикъ! Выпей за счастье твоей дочки, любезной, рабыни твоей тихой, покорной, какъ впервинки была, какъ съ тобой спознавалась. Подымай свою чару!

— Инъ быть такъ! Наливай же свою! сказалъ старикъ, взявъ вино.

— Стой, старина! подожди пить, дай прежде слово сказать!...

Катерина облокотилась руками на столъ и пристально, разгорѣвшись, страстными очами смотрѣла въ глаза старику. Какая-то странная рѣшимость сіяла въ глазахъ ея. Но всѣ движенія ея были безпокойны, жесты отрывисты, неожиданны, скоры. Она была вся словно въ огнѣ, и чудно дѣлалось это! Но какъ-будто красота ея росла вмѣстѣ съ волненіемъ, съ одушевленіемъ ея. Изъ полуоткрытыхъ улыбною губъ, выказывавшихъ два ряда бѣлыхъ, ровныхъ какъ жемчугъ зубовъ, вылетало порывистое дыханіе, слегка приподымая ея ноздри. Грудь волновалась; коса, три раза обернутая на затылкѣ, небрежно слегка упала на лѣвое ухо и прикрыла часть горячей щеки. Легкій потъ пробивался у ней на вискахъ.

— Загадай, старина! Загадай мнѣ, родимый мой, загадай прежде, чѣмъ умъ пропъешь; вотъ тебѣ ладонь моя бѣлая! Вѣдь недаромъ тебя у насъ колдуномъ люди прозвали. Ты же по книгамъ учился и всякую черную грамоту знаешь! Погляди же, старинushка, расскажи мнѣ всю долю мою горемычную; только смотри, не солги! Ну, скажи какъ самъ знаешь — будетъ ли счастье дочкѣ твоей, иль не простишь ты ее и накличешь ей на дорогу одну злую долю кручинushку? Скажи, тепелъ ли будетъ мой уголь, гдѣ обживусь, иль, какъ пташка перелетная, весь вѣкъ сиротинushкой буду межъ добрыхъ людей своего мѣста искать? Скажи, кто мнѣ недругъ, кто любовь мнѣ готовитъ, кто зло про меня замышляетъ? Скажи, въ одиночку ль моему сердцу, моло-

дому, горячему, вѣкъ прожить и до-вѣка заглохнуть, или найдетъ оно ровню себѣ, да въ ладъ съ нимъ на радость забьется... до новаго горя! Угадай ужь за одинъ разъ, старинушка, въ какомъ синемъ небѣ, за какими морями-лѣсами соколъ мой ясный живетъ, гдѣ, да и зорко ль себѣ соколицу высматриваетъ, да и любовно ль оцъ ждетъ, крѣпко ль полюбить, скоро ль разлюбить, обманетъ или не обманетъ меня? Да ужь за-разъ, все къ одному, скажи мнѣ въ послѣдній, старинушка, долго ль намъ съ тобой вѣкъ коротать, въ углу черствомъ сидѣть, черныя книги читать; да когда миѣ тебѣ, старина, низко кланяться, по добру по здорову прощаться; за хлѣбъ-соль благодарить, что поцалъ, кормилъ, сказки сказывалъ?... Да смотри же, всю правду скажи, не солги; пришло время, стой за себя!

Одушевленіе ея росло все болѣе и болѣе до послѣдняго слова, какъ вдругъ ея голось пресѣлся отъ волненія, будто какой-то вихрь увлекалъ ея сердце. Глаза ея сверкнули и верхняя губа слегка задрожала. Слышно было, какъ злая насмѣшка змѣлилась и пряталась въ каждомъ словѣ ея, но какъ-будто плачь звенѣлъ въ ея смѣхѣ. Она наклонилась черезъ столъ къ старику, и пристально, съ жаднымъ вниманіемъ, смотрѣла въ помутившіеся глаза его. Ордыновъ слышалъ, какъ вдругъ застучало ея сердце, когда она кончила; онъ вскрикнулъ отъ восторга, когда взглянулъ на нее, и привсталъ—было со скамьи. Но бѣглый, мгновенный взглядъ старика опять приковалъ его къ мѣсту. Какая—то странная смѣсь презрѣнья, насмѣшки, петерфильваго, досаднаго безпокойства и вмѣстѣ съ тѣмъ злаго, лукаваго любопытства свѣтились въ этомъ бѣглому, мгновенномъ взглядѣ, отъ котораго каждый разъ вздрагивалъ Ордыновъ, и который каждый разъ наполнялъ его сердце жолчью, досадою и бессильною злобой.

Задумчиво и съ какимъ-то грустнымъ любопытствомъ смотрѣлъ старикъ на свою Катерицу. Сердце его было уязвлено, слова были сказаны. Но даже бровь не шевельнулась въ лицѣ его! Онъ только улыбку, когда она кончила.

— Много жь ты разомъ захотѣла узнать, птеникъ мой оперившійся, пташка моя встрепенувшаяся! Наливай же миѣ скорѣе чару глубокою; выпьемъ сначала на размирье, да на добрую волю; не то чѣмъ-нибудь глазомъ чернымъ, печистымъ мое пожеланіе испорчу. Бѣсъ сидень! далеко ль до грѣха!

Онъ поднялъ свою чару и выпилъ. Чѣмъ больше пилъ онъ вина, тѣмъ становился блѣднѣе. Глаза его стали красны, какъ угли. Видно было, что лихорадочный блескъ ихъ и внезапная, мертвенная синева лица предвѣщала скоро новый припадокъ болѣзни. Вино жь было крѣпкое, такъ—что съ одной выпитой чарки все болѣе и болѣе мутились глаза Ордынова. Лихорадочно-воспаленная кровь его не могла долѣе выдержать: она заливала его сердце, мутила и путала разумъ. Безпокойство его росло все сильнѣе и сильнѣе. Онъ налилъ и отхлебнулъ еще, самъ не зная что дѣ-

ласть, чѣмъ помочь возраставшему волненію своему, и кровь еще быстрѣе полетѣла по его жиламъ. Онъ былъ какъ въ бреду, и едва могъ слѣдить, надрывая все вниманіе, за тѣмъ, что происходило между странныхъ хозяевъ его.

Старикъ звонко стукнулъ серебряной чаркой объ столъ.

— Наливай, Катерина! вскричалъ онъ:—наливай еще, злая дочка, наливай до упаду! Уложи старика на покой, да и полно съ него! Вотъ такъ, наливай еще, наливай мнѣ, красавица! Выпьемъ съ тобой! Что жъ ты мало пила? Али я не видалъ...

Катерина что-то отвѣчала ему, но Ордыновъ не разслышалъ что именно; старикъ не далъ ей кончить; онъ схватилъ ее за руку, какъ-бы не въ силахъ болѣе сдержатъ всего, что тѣснилось въ груди его. Лицо его было блѣдно; глаза то мутились, то вспыхивали яркимъ огнемъ: побѣлѣвшія губы дрожали, и неровнымъ, смятымъ голосомъ, въ которомъ сверкала минутами какой-то страннѣйшій восторгъ, онъ сказалъ ей:

— Давай ручку, красавица! давай загадаю, всю правду скажу. И впрямь колдунъ; знать, не ошиблась ты, Катерина! знать, правду сказало сердечко твое золотое, что одинъ я ему колдунъ, и правды не потаю отъ него простаго, нехитраго! Да одного не спознала ты: не мнѣ, колдуну, тебя учить уму-разуму! Разумъ не воля для дѣвицы и слышитъ всю правду, да словно не знала, не вѣдала! У самой голова — змѣя хитрая, хоть и сердце слезой обливается! Сама путь найдетъ, межъ бѣдой ползкомъ проползетъ, сбережетъ волю хитрую! Гдѣ умомъ возьметъ, а гдѣ умомъ не возьметъ, красой затуманитъ, чернымъ глазомъ умъ опьянитъ, — краса силу ломитъ; и желѣзное сердце, да по-поламъ распяется! Ужъ и будетъ ли у тебя печаль со кручинушкой? Тяжела печаль человѣческая! Да на слабое сердце не бываетъ бѣды! Бѣда съ крѣпкимъ сердцемъ знакомится, въ тихомолку кровавой слезой отливается, да на сладкій позоръ къ добрымъ людямъ не просится; твое жъ горе, дѣвица, словно слѣдъ на песокъ, дождемъ вымоетъ, солнцемъ высушитъ, буйнымъ вѣтромъ снесетъ, замететъ!— Пусть и еще скажу поколдую: кто полюбитъ тебя, тому ты въ рабыни пойдешь, сама волюшку свяжешь, въ закладъ отдашь, да ужъ и назадъ не возьмешь; въ нору во время разлюбить не стумьешь; положишь зерно, а губитель твой возьметъ назадъ цѣлымъ колосомъ! Дитя мое нѣжное, золотая головушка, схоронила ты въ чаркѣ моей свою слезинку-жемчужинку, да по ней не стерпѣла, тутъ же сто пролила, словцо красное потеряла, да горемъ-головушкой своей похвалилася! Да по ней, по слезинкѣ, небесной росинкѣ, тебѣ и тужить-горевать не приходится! Отольется она тебѣ съ лихвою, твоя слезинка жемчужная, въ долгую ночь, въ горемычную ночь, когда стапетъ грызть тебя злая кручинушка, нечистая думушка — тогда на твое сердце горячее, все за ту же слезинку капнетъ тебѣ чья-то иная слеза, да кровавая, да не теплая, а словно топлѣный свинецъ; до крови бѣлу грудь разожжетъ, и

до утра, тоскливаго, хмураго, что приходитъ въ ненастные дни, ты въ постелькѣ своей прометаешься, алу кровь точка, и не залежишь своей ранки свѣжей до другаго утра! Налей еще, Катерина, налей, голубица моя, налей мнѣ за мудрый совѣтъ; а дальше, знать, словъ терять нечего...

Голось его ослабѣлъ и задрожалъ; казалось, рыданіе готово было прорваться изъ груди его... Онъ налилъ вина и жадно выпилъ новую чару; потомъ снова стукнулъ чаркой объ столъ. Мутный взглядъ его еще разъ вспыхнулъ пламенемъ.

— А! живи какъ живется! вскричалъ онъ:—что прошло то ужъ съ плечъ долой! Наливай мнѣ, еще наливай, все подноси тяжелую чару, чтобы рѣзала головушку буйную съ плечъ, чтобы вся душа отъ нея замертвѣла! Уложи на долгую ночь, да безъ утра, да чтобы память совсѣмъ отошла. Что пропито, то прожито! Знать, заглохъ у купца товаръ, залежался, даромъ съ рукъ отдаетъ! А не продалъ бы своей волей-вольною его тотъ купецъ ниже своей цѣны; отлилась бы и вражья кровь, пролилась бы и кровь неповинная, да въ придачу положилъ бы тотъ покупатель свою погибшую душеньку! Наливай, наливай мнѣ еще, Катерина!..

Но рука его, державшая чару какъ-будто замерла и не двигалась; онъ дышалъ тяжело и трудно, голова его невольно склонилась. Въ послѣдній разъ онъ вперилъ тусклый взглядъ на Ордынова, но и этотъ взглядъ потухъ наконецъ, и вѣки его упали, словно свинцовыя. Смертная блѣдность разлилась по лицу его... Еще нѣсколько времени губы его шевелились и вздрагивали, какъ-бы силась еще что-то промолвить — и вдругъ слеза, горячая, крупная, нависла съ рѣсницъ его, порвалась и медленно покати-лась по блѣдной щекѣ... Ордыновъ былъ не въ силахъ выдержать болѣе. Онъ привсталъ и пошатнувшись ступилъ шагъ впередъ, подошелъ къ Катеринѣ и схватилъ ее за руку; но она и не взглянула на него, какъ-будто его не примѣтила, какъ-будто не признала его...

Она какъ-будто тоже теряла сознание, какъ-будто одна мысль, одна неподвижная идея увлекла ее всю. Она припала къ груди спящаго старика, обвила своей бѣлой рукой его шею, и пристально, словно приковалась къ нему, смотрѣла на него огненнымъ, воспаленнымъ взглядомъ. Она будто не слыхала, какъ Ордыновъ взялъ ее за руку. Наконецъ, она повернула къ нему свою голову и посмотрѣла на него долгимъ, пронзающимъ взглядомъ. Казалось, что она поняла наконецъ его, и тяжелая, удивленная улыбка тягостно, какъ-будто съ болью выдавилась на губахъ ея...

— Поди, поди прочь, прощептала она: — ты пьяный и злой! Ты не гость мнѣ!.. Тутъ она снова обратилась къ старику и опять приковалась къ нему своими очами.

Она какъ-будто стерегла каждое дыханіе его и взглядомъ своимъ ледяла его сонъ. Она какъ-будто боялась самадохнуть, сдерживая вскипѣвшее сердце. И столько изступленнаго любованія

было въ сердцѣ ея, что разомъ отчаяніе, бѣшенство и неистощимая злоба захватили духъ Ордынова...

— Катерина! Катерина! звалъ онъ, сжимая какъ въ тискахъ ея руку.

Чувство боли прошло по лицу ея; она опять подняла свою голову и посмотрѣла на него съ такою насмѣшкой, такъ презрительно-нагло, что онъ едва устоялъ на ногахъ. Потомъ она указала ему на спящаго старика и—какъ-будто вся насмѣшка врага его перешла ей въ глаза — терзающимъ, леденящимъ взглядомъ опять взглянула на Ордынова.

— Что? зарѣжетъ, не бось? проговорилъ Ордыновъ, не помня себя отъ бѣшенства.

Словно демонъ его шепнулъ ему на ухо, что онъ ее понялъ... И все сердце его засмѣялось на неподвижную мысль Катерины...

— Куплю жъ я тебя, красота моя; у купца твоего, коль тебѣ души моей надобно! Не бось, не зарѣзаетъ ему!..

Неподвижный смѣхъ, мертвившій все существо Ордынова, не сходилъ съ лица Катерины. Неистощимая насмѣшка разорвала на части его сердце. Не помня, почти не сознавая себя, онъ облокотился рукою объ стѣну и снялъ съ гвоздя дорогой, старинный ножъ старика. Какъ-будто изумленіе отразилось на лицѣ Катерины; но какъ-будто въ то же время злость и презрѣніе впервые съ такой силой отразились въ глазахъ ея. Ордынову дурно становилось смотря на нее... Онъ чувствовалъ, что какъ-будто кто-то вырываетъ, подмываетъ потерявшуюся руку его на безумство; онъ вынулъ ножъ... Катерина неподвижно, словно не дыща болѣе, слѣдила за нимъ....

Онъ взглянулъ на старика...

Въ эту минуту ему показалось, что одинъ глазъ старика медленно открывался и смѣясь смотрѣлъ на него. Глаза ихъ встрѣтились. Нѣсколько минутъ Ордыновъ смотрѣлъ на него неподвижно... Вдругъ ему показалось, что все лицо старика засмѣялось и что дьявольскій, убивающій, леденящій хохотъ раздался наконецъ по комнатѣ. Безобразная, черная мысль какъ змѣя проползла въ головѣ его. Онъ задрожалъ; ножъ выпалъ изъ рукъ его и зазвенѣлъ на полу. Катерина вскрикнула, какъ-будто очнувшись отъ забытья, отъ кошмара, отъ тяжелаго, неподвижнаго видѣнья... Старикъ, блѣдный, медленно поднялся съ постели и злобно оттолкнулъ ногой ножъ въ уголъ комнаты. Катерина стояла блѣдная, помертвѣлая, неподвижная; глаза ея закрывались; глухая, невыносимая боль судорожно выдавилась на лицѣ ея; она закрылась руками и съ крикомъ, раздрающимъ душу, почти бездыханная упала къ ногамъ старика...

— Алѣша! Алѣша! вырвалось изъ стѣсненной груди ея...

Старикъ обхватилъ ее могучими руками и почти сдвинулъ на груди своей. Но когда она спрятала у сердца его свою голову, такимъ обнаженнымъ, безстыднымъ смѣхомъ засмѣялась каждая

черточка на лицѣ старика, что ужасомъ обдало весь составъ Ордынова. Обманъ, расчетъ, холодное, ревнивое тиранство и ужасъ надъ бѣднымъ, разорваннымъ сердцемъ—вотъ что понялъ онъ въ этомъ безстыдно-нетаившемся болѣе смѣхъ...

— Сумасшедшая! пропенталъ онъ, задрожавъ какъ листъ, обмирая отъ ужаса, и выбѣжалъ вонъ изъ квартиры.

III.

Когда Ордыновъ, блѣдный, встревоженный, еще неопомнившійся отъ вчерашней тревоги, отворилъ на другой день, часовъ въ восемь утра, дверь къ Ярославу Ильичу, къ которому пришелъ, впрочемъ, самъ не зная за чѣмъ, то отшатнулся отъ изумленія и какъ вкопанный сталъ на порогъ, увидя въ комнатѣ—Мурина. Старикъ былъ еще блѣднѣе Ордынова и, казалось, едва стоялъ на ногахъ отъ болѣзни; впрочемъ, сѣсть не хотѣлъ, не смотря ни на какія приглашенія вполне-счастливаго такимъ посѣщеніемъ Ярослава Ильича. Ярославъ Ильичъ тоже вскрикнулъ, завидѣвъ Ордынова, но почти въ ту же минуту радость его прошла, и какое-то замѣшательство застигло его вдругъ, совершенно врасплохъ, на полдорогѣ отъ стола къ сосѣднему стулу. Очевидно было, что онъ не зналъ что сказать, что сдѣлать, и вполне сознавалъ всю неприличность—сосать въ такую хлопотливую минуту, оставивъ гостя въ сторонѣ, одного какъ онъ есть, свой чубучокъ, а между-тѣмъ (такъ сильно было смущеніе его) все-таки тянулъ изъ чубучка что было силы и даже почти съ нѣкоторымъ вдохновеніемъ. Ордыновъ вошелъ наконецъ въ комнату. Онъ бросилъ бѣглый взглядъ на Мурина. Что-то похожее на вчерашнюю злую улыбку, отъ которой и теперь бросило въ дрожь и въ негодование Ордынова, проскользнуло по лицу старика. Впрочемъ, все враждебное тотчасъ же скрылось и сгладилось, и выраженіе лица его приняло видъ самый неприступный и замкнутый. Онъ отвѣсилъ пренизкій поклонъ жильцу своему... Вся эта сцена воскресила наконецъ сознание Ордынова. Онъ пристально посмотрѣлъ на Ярослава Ильича, желая вникнуть въ положеніе дѣла. Ярославъ Ильичъ затрепеталъ и замялся.

— Войдите жъ, войдите, примолвилъ онъ наконецъ: — войдите, драгоценнѣйшій Василій Михайловичъ, освѣтите прибытіемъ и положите печать... на всѣ эти обыкновенные предметы... проговорилъ Ярославъ Ильичъ, показавъ рукой въ одинъ уголъ комнаты, покраснѣвъ какъ махровая роза, сбившись, запутавшись въ-сердцахъ на то, что самая благородная фраза завязла и лопнула даромъ, и съ громомъ подвинувъ стулъ на самую средину комнаты.

— Я вамъ не мѣшаю, Ярославъ Ильичъ, я хотѣлъ... на двѣ минуты.

— Помилуйте! возможно ли вамъ мнѣ помѣшать-съ... Василій

Михайловичъ! Но—позвольте чайку-съ! Эй! служба!.. Я увѣренъ, что и вы не откажетесь еще одну чашечку!

Муринъ кивнулъ головою, давъ знать такимъ образомъ, что со-всѣмъ не откажется.

Ярославъ Ильичъ закричалъ на вошедшую службу и нанстро-жайшимъ образомъ потребовалъ еще три стакана, за тѣмъ сѣлъ возлѣ Ордынова. Нѣсколько времени онъ вертѣлъ свою го-лову, какъ гипсовый котенокъ, то вправо, то влѣво отъ Мурина къ Ордынову и отъ Ордынова къ Мурину. Положеніе его было весьма-неприятное. Ему очевидно что-то хотѣлось сказать, по иде-ямъ его весьма-шекогливое, по-крайней-мѣрѣ для одной стороны. Но при всѣхъ усиліяхъ своихъ, онъ рѣшительно не могъ вымол-вить слова... Ордыновъ тоже какъ-будто находился въ недоумѣ-ніи. Была минута, когда оба они разомъ вдругъ принялись гово-рить... Молчаливый Муринъ, наблюдавшій ихъ съ любопытствомъ, медленно расправилъ ротъ и показалъ зубы свои всѣ до еди-наго...

— Я пришелъ объявить вамъ, вдругъ началъ Ордыновъ: — что по самому неприятному случаю принужденъ оставить кварти-ру, и...

— Представьте себѣ, какой странный случай! перебилъ вдругъ Ярославъ Ильичъ.—Я, признаюсь, былъ вѣ себя отъ изумленія, когда этотъ почтенный старикъ объявилъ мнѣ сегодня поутру ва-ше рѣшеніе. Но...

— Онъ объявлялъ вамъ? спросилъ съ изумленіемъ Ордыновъ, смотря на Мурина.

Муринъ поглядилъ свою бороду и засмѣялся въ рукавъ.

— Да-съ, подхватилъ Ярославъ Ильичъ: — впрочемъ, я могу еще ошибаться. Но, смѣло скажу, для васъ—честью моею могу вамъ ручаться, что для васъ въ словахъ этого почтеннаго старика не было ни тѣни обиднаго!..

Тутъ Ярославъ Ильичъ покраснѣлъ и черезъ силу подавилъ свое волненіе. Муринъ, какъ-будто патѣшась наконецъ вдоволь замѣшательствомъ хозяина и гостя, ступилъ шагъ впередъ.

— Я вотъ про то, ваше благородіе, началъ онъ, съ вѣжливо-стію поклонившись Ордынову:—ихъ благородіе на вашъ счетъ ма-ленько утрудить посмѣлъ... Оно того, сударь, выходитъ — сами знаете—я и хозяйка, т. е. рады бы душою и волею, и слова бы сказать не посмѣли... да житье-то мое какое, сами знаете, сами видите, сударь! А право, только-что животы Господь бережетъ, за то и молимъ святую волю его; а то сами видите, сударь, взвытъ мнѣ что ли приходится? Тутъ Муринъ опять утеръ рукавомъ свою бороду.

Ордынову почти дѣлалось дурно.

— Да, да, я вамъ самъ про него говорилъ: больной, т. е. это malheur... т. е. я было хотѣлъ выразиться по-французски, но из-вините, я по-французски не такъ свободно, т. е...

— Да-съ...

— Да-съ, то-есть...

Ордыновъ и Ярославъ Ильичъ сдѣлали другъ другу по полупоклоу, каждый съ своего стула и нѣсколько на бокъ, и оба прикрыли возникшее недоумѣніе извинительнымъ смѣхомъ. Дѣловой Ярославъ Ильичъ тотчасъ поправился.

— Я, впрочемъ, подробно спрашивалъ этого честнаго чело-вѣка, началъ онъ: — онъ мнѣ говорилъ, что болѣзнь той женщины...

Тутъ щекотливый Ярославъ Ильичъ, вѣроятно, желая скрыть маленькое недоумѣніе, опять возникшее на лицѣ его, быстро, восторженно-просительнымъ взглядомъ устремился на Мурина.

— Да, хозяйки-то нашей...

Деликатный Ярославъ Ильичъ не настаивалъ.

— Хозяйки, т. е. бывшей хозяйки вашей, я какъ-то, право... ну, да! Она, видите ли, больная женщина. Онъ говоритъ, что она вамъ мѣшаетъ... въ вашихъ занятіяхъ, да и онъ самъ... вы отъ меня скрыли одно важное обстоятельство, Василій Михайловичъ!

— Какое?

— На счетъ ружья-съ, промолвилъ почти шопотомъ, самымъ снисходительнымъ голосомъ Ярославъ Ильичъ, съ одной миллионной долей упрека, нѣжно-завенѣваго въ его дружескомъ тенорѣ. — Но, прибавилъ онъ поспѣшно: — я все знаю, онъ мнѣ все рассказалъ, и вы благородно сдѣлали, отпустивъ ему его невольную вину передъ вами. Клянусь, я видѣлъ слезы на глазахъ его!

Ярославъ Ильичъ снова покраснѣлъ; глаза его засіяли, и онъ съ чувствомъ повернулся на стулѣ.

— Я, т. е. мы, сударь, ваше благородіе, т. е. я, примѣромъ сказать, да и хозяйка моя ужъ и какъ за васъ Бога молимъ, началъ Муринъ, обращаясь къ Ордынову, покаместъ Ярославъ Ильичъ подавлялъ обычное волненіе свое, и пристально смотря на него: — да сами знаете, сударь, она баба хвора, глупая; меня самого еле ноги носятъ...

— Да я готовъ, сказалъ въ нетерпѣнны Ордыновъ: — полноте, пожалуйста; я хоть сейчасъ!..

— Нѣтъ, т. е. сударь, многимъ вашей милости довольны (Муринъ пренизко поклонился). Я, сударь, вамъ не про то; я вотъ хотѣлъ слово вымолвить — вѣдь она, сударь, мнѣ-то почти изъ родни, т. е. изъ дальней, примѣромъ, какъ говорится, седьмая вода, т. е. ужъ не побрезгайте словомъ нашимъ, сударь, люди мы темные—да съ измалѣтства такая! Головенька больная, задорная, въ лѣсу росла, мужичкой росла все межъ бурлаковъ, да заводчиковъ; а тутъ ихъ домъ сгори; мать, сударь, ейная погори; отецъ свою душу опали—подика-съ, она и нѣвѣсть что расскажетъ вамъ... Я только такъ не мѣшаюсь, а ее хи-хир-руг-гичкой совѣтъ на Москвѣ смотрѣлъ... т. е., сударь, совсѣмъ повредила, вотъ что! Я только у ней и остался, со мной и живетъ. Живемъ, Бога мо-

лимъ, на всевышнюю силу надѣмся; ужь я ей и не поперечу со-всѣмъ...

Ордыновъ измѣнился въ лицѣ. Ярославъ Ильичъ смотрѣлъ то на того, то на другаго.

— Да я не про то, сударь... нѣтъ! поправился Муринъ, важно покачавъ головою: — она, примѣромъ сказать, такой вѣтеръ, ви-хоръ такой, голова такая любовная, буйная, все милого дружка, — если извинительно будетъ сказать — да зазнобушку въ сердце ей подавай: на томъ и помѣшана. Я ужь ее сказками улещаю, т. е. какъ улещаю. А я вѣдь сударь, видѣлъ, какъ она — ужь простите, сударь, мое глупое слово, продолжалъ Муринъ, кланяясь и утирая рукавомъ бороду: — примѣрно, спознавалась-то съ вами; вы, т. е. примѣромъ сказать, ваше сѣятельство, относительно любви къ ней польнуть пожелали...

Ярославъ Ильичъ вспыхнулъ и съ упрекомъ взглянулъ на Мурина. Ордыновъ едва усидѣлъ на стулѣ.

— Нѣтъ... т. е. я, сударь, не про то... я, сударь, спроста, мужикъ, я изъ вашей воли... конечно, мы люди темные, мы, сударь, ваши слуги, примолвилъ онъ, низко кланяясь: — а ужь какъ съ женой про вашу милость Бога будемъ молить!.. Чтò намъ? Были бы сыты, здоровы, роптать не *роптаемъ*; — да мнѣ-то, сударь, чтò жь дѣлать, въ петлю лѣзть чтò ли? Сами знаете, сударь, дѣло житейское, насъ пожалѣйте, а это ужь чтò жь, сударь, будетъ, какъ еще съ полюбовникомъ!.. Грубое-то, сударь, вы слово простите... мужикъ, сударь, а вы баринъ... вы, сударь, ваше сѣятельство, человекъ молодой, гордый, горячій, а она, сударь, сами знаете, дитя малое, неразумное — долго ль съ ней до грѣха! Баба она ядрѣная, румяная, милая, а меня, старика, все немочь беретъ. Ну, чтò? бѣсъ ужь, знать, вашу милость попуталъ! я ужь ее сказками все улещаю, право, улещаю. А ужь какъ про вашу милость съ женой стали бы Бога молить! Т. е. вотъ какъ молить! Да и чтò вамъ, ваше сѣятельство, хоть она бы и милая, а все жь мужичка она, баба немытая, поневица глупая, мнѣ мужику чета! Не вамъ, примѣрно, сударь, батюшка-баринъ, по мужичкамъ якшиться! А ужь какъ съ ней стали бъ про вашу милость Бога молить, во какъ молить!..

Тутъ Муринъ поклонился низко-низко и долго не разгибалъ спины, непрерывно утирая рукавомъ бороду. Ярославъ Ильичъ не зналъ гдѣ стоялъ.

— Да-съ, этотъ добрый человекъ, замѣтилъ онъ весь замѣшавшись: — говорилъ мнѣ о какихъ-то существовавшихъ между вами безпорядкахъ-съ; я не осмѣливаюсь вѣрить, Василій Михайловичъ... Я слышалъ, вы все еще больны-съ, быстро перебилъ онъ со слезящимися отъ волненія глазами, въ неистощимомъ замѣшательствѣ смотря на Ордынова.

— Да-съ... Сколько я долженъ вамъ? быстро спросилъ Ордыновъ у Мурина.

— Что вы, батюшка-баринъ? полноте! мы вѣдь не хриstoppо-
давцы какіе-нибудь. Что вы, сударь, насъ обижаете! Постыди-
лись бы, сударь; чѣмъ мы съ супружницей васъ обижали? По-
милуйте-сь!

— Но, однакожь, это странно, другъ мой; вѣдь они же у васъ
нанмали; чувствуете ли вы, что отказомъ своимъ вы ихъ обижаете?
вступился Ярославъ Ильичъ, долгомъ почитая показать Мури-
ну всю странность и щекотливость его поступка.

— Да помилуйте жь, батюшка! что вы, сударь, баринъ? помилуй-
те-сь! ужь и чѣмъ же мы не угодили про вашу честь? Ужь и
такъ старались—старались, животы надорвали, помилуйте-сь! Пол-
ноте, сударь; полноте, свѣтъ-баринъ, Хриstoppъ васъ помилуетъ!
Что мы, невѣрные, что ли какіе? Пусть бы жилъ, кушалъ бы
у насъ наше яство мужицкое на здоровье, пусть бы лежалъ —
ничего бъ не сказали, и... и слова не молвили бъ; да нечистый
попуталъ, хворый я человекъ, да и хозяйка моя хворая—что бу-
дешь дѣлать! Услужить-то бы не кому было, а рады бы, душою
бы рады были. А ужь какъ мы съ хозяйкой будемъ про вашу
милость Бога молить, т. е. въ какъ молить!

Муринъ поклонился въ полясь. Слеза выдавилась изъ восторжен-
ныхъ глазъ Ярослава Ильича. Съ энтузіазмомъ посмотрѣлъ онъ
на Ордынова.

— Скажите, какаѧ благородная черта-сь! Какое святое госте-
примство почло-сь... на русскомъ народѣ-сь!

Ордыновъ дико взглянулъ на Ярослава Ильича. Онъ почти
ужаснулся... и осматривалъ его съ головы до ногъ.

— А и право, сударь, гостепримство, именно, чтишь, т. е. вотъ
какъ чтишь, сударь! подхватилъ Муринъ, заслоняя всѣмъ рука-
вомъ свою бороду:—право, вотъ теперь дума идетъ: погостили бъ
вы у насъ, сударь, ей-Богу бъ, погостили, продолжалъ онъ, под-
ступая къ Ордынову: — да и я, сударь, ничего; денѣкъ другоѧ,
ничего, право бъ ничего не сказалъ. Да грѣхъ больно попуталъ,
хозяйка—то ишь моя нездорова! Ахъ, ка-бы не хозяйка! Вотъ
былъ бы, примѣрно, одинъ я: ужь и какъ бы я вашу милость
уважилъ, ужь и какъ бы ходилъ, т. е. въ какъ ходилъ! Кого жь
намъ, коли и не вашу милость уважить? Ужь я бы васъ вылечилъ,
право бы вылечилъ, я и средство знаю... Право бы погостили,
сударь, ей-Богу, вотъ великое слово, у насъ погостили бы!..

— Въ-самомъ-дѣлѣ, штъ ли какого средства? замѣтилъ Яро-
славъ Ильичъ... да и не докончилъ.

Ордыновъ сдѣлалъ напраслину, съ дикимъ изумленіемъ оглядѣвъ
не задолго до того съ ногъ до головы Ярослава Ильича. Это былъ,
конечно, чествѣйшій и благороднѣйшій человекъ, но онъ теперь
понялъ все, и, признаться, положеніе его было весьма-затрудни-
тельно! Ему хотѣлось, что—называется, лопнуть со смѣха! Будь онъ
одинъ-на-одинъ, вмѣстѣ съ Ордыновымъ — два такіе друга! ко-
нечно, Ярославъ Ильичъ не вытерпѣлъ бы и неумѣренно пре-

дался бы порыву веселости. Во всякомъ случаѣ, онъ сдѣлалъ бы это весьма благородно, съ чувствомъ пожалъ бы послѣ смѣха руку Ордынова, искренно и справедливо увѣрилъ бы его, что чувствуется удвоенное уваженіе къ нему, и что извинаятъ во всякомъ случаѣ... да, — наконецъ, и глядѣть не будетъ на молодость. Но теперь, при извѣстной своей деликатности, онъ былъ въ самомъ затруднительномъ положеніи и почти не зналъ куда скрыть себя...

— Средства, т. е. снадобья! подхватилъ Муригъ, у котораго все лицо шевельнулось отъ неловкаго восклицанія Ярослава Ильича.—Я, т. е. сударь, по глупости моей мужицкой, вотъ что сказалъ бы, продолжалъ онъ, ступивъ еще шагъ впередъ: — книжекъ вы, сударь, больно зачитались; скажу, умны больно стали; оно, т. е. какъ по-русски говорится у насъ, по-мужицкому, умъ за разумъ зашелъ...

— Довольно! строго прервалъ Ярославъ Ильичъ...

— Я иду, сказалъ Ордыновъ:—благодарю васъ, Ярославъ Ильичъ; буду, буду у васъ, непременно, говорилъ онъ на удвоенныя вѣжливости Ярослава Ильича, который былъ не въ силахъ долѣе его удерживать.—Прощайте, прощайте...

— Прощайте, ваше благородіе; прощайте, сударь; не забудьте насъ, навѣстите насъ грѣшныхъ.

Ордыновъ не слыхалъ ничего болѣе. Онъ вышелъ какъ полумный.

Онъ не могъ вынести болѣе; онъ былъ какъ убитый; сознаніе его цѣпенѣло. Онъ глухо чувствовалъ, что его душитъ болѣзнь, но холодное отчаяніе воцарилось въ душѣ его, и только слышалъ онъ, что какая-то глухая боль ломитъ, томитъ, сосетъ ему грудь. Ему хотѣлось умереть въ эту минуту. Ноги его подкосились, и онъ присѣлъ у забора, не обращая болѣе вниманія ни на проходившихъ людей, ни на толпу, начинавшую собираться возлѣ него, ни на оклики и разспросы любопытныхъ, его окружившихъ. Но вдругъ изъ множества голосовъ раздался надъ нимъ голосъ Мурина. Ордыновъ поднялъ голову. Старикъ дѣйствительно стоялъ передъ нимъ; блѣдное лицо его было важно и задумчиво. Это ужъ былъ совсѣмъ другой человекъ, чѣмъ тотъ, который такъ грубо глумился надъ нимъ у Ярослава Ильича. Ордыновъ привсталъ; Муригъ взялъ его за руку и вывелъ изъ толпы...

— Тебѣ еще нужно свой скарбъ захватить, сказалъ онъ, искося взглянувъ на Ордынова.—Не горюй, баринъ! вскрикнулъ Муригъ.—Ты молодецъ, чего горевать!

Ордыновъ не отвѣчалъ.

— Обижаетесь, баринъ? Знать больно зло тебя взяло... да нечему; всякъ свое холить, всякъ свое добро бережетъ!

— Я не знаю васъ, сказалъ Ордыновъ: — я не хочу знать вашихъ тайнъ. Но она! она!.. проговорилъ онъ, и слезы градомъ, въ три ручья потекли изъ глазъ его. Вѣтеръ срывалъ ихъ одну за

другой съ его щекъ... Ордыновъ утиралъ ихъ рукой. Жестъ его, взглядъ, произвольныя движенія дрожавшихъ посинѣлыхъ губъ— все предсказывало въ немъ помѣшательство.

— Я ужъ тебѣ толковалъ, сказалъ Муринъ, стиснувъ брови:— она полоумная! Отъ-чего и какъ помѣшалась... зачѣмъ тебѣ знать? Только мнѣ она и такая — родная! Возлюбилъ я ее больше жизни моей и никому не отдамъ. Понимаешь теперь!

Огонь на мгновеніе сверкнулъ въ глазахъ Ордынова.

— Но зачѣмъ же, зачѣмъ же я... зачѣмъ я теперь, словно жизнь потерялъ? Зачѣмъ же болитъ мое сердце? Зачѣмъ я спозналъ Катерину?

— Зачѣмъ? Муринъ усмѣхнулся и задумался.

— Зачѣмъ, я и самъ не знаю зачѣмъ, вымолвилъ онъ наконецъ.— Женскій норовъ не морская пучина, распознать его распознаешь, да хитеръ онъ, стоекъ, живучъ! На, дескать, вынь да положь! Знать и впрямь, баринъ, она съ вами хотѣла уйдти отъ меня, продолжалъ онъ въ раздумьи. — Побрезгала старымъ, изжила съ нимъ все, на сколько можно изжить! Приглянулись вы, знатъ, ей больно сначала! Аль ужъ такъ, вы ли, другой ли... Я вѣдь ей же перечу ни въ чемъ; птичья молока пожелаетъ и молока птичья достану; птицу такую самъ сдѣлаю, коли нѣтъ такой птицы! Тщеславна она! За волюшкой гонится, а и сама не знаетъ, о чемъ сердце блажить. Анъ и вышло, что лучше по старому! Эхъ, баринъ! молодъ ты больно! Сердце твое еще горячо, словно у дѣвчкы, что рукавомъ свои слезы утираетъ, покинутая! Спознай, баринъ: слабому человѣку одному не сдержаться! Только дай ему все, онъ самъ же прійдетъ, все назадъ отдастъ; дай ему полцарства земнаго въ обладаніе, попробуй—ты думаешь что? Онъ тебѣ тутъ же въ башмакъ тотчасъ спрячется, такъ умалится. Дай ему волюшку, слабому-человѣку — самъ ее свяжетъ, назадъ принесетъ. Глуному сердцу и воля не въ прокъ! Не прожить съ такимъ норовомъ! Я тебѣ это все такъ говорю—молоденекъ ты больно! Ты что мнѣ? Ты былъ да пошелъ — ты иль другой все равно. Я и сначала зналъ, что будетъ одно. А перечить нельзя! Слова молвить нельзя поперегъ, коли хошь свое счастье сберечь. Оно вѣдь, знашь, баринъ, продолжалъ философствовать Муринъ:—только все такъ говорится; и чего не бываетъ? За ножъ возьмется въ сердцахъ, не то безоружный, съ голыми руками на тебя какъ баранъ подѣзаетъ, да зубами глотку врагу перерветъ. А пусть те дадутъ этотъ ножъ-отъ въ руки, да врагъ твой самъ предъ тобою широкую грудь распахнетъ: не бось, и отступишься!

Они вошли во дворъ. Татаринъ еще издали завидѣлъ Мурина, снялъ передъ нимъ шапку и лукаво, пристально смотрѣлъ на Ордынова.

— Что мать дома? закричалъ ему Муринъ.

— Дома.

— Скажи, чтобъ ему скарбъ его перетащить помогли! Да и ты пошелъ; двигайся!

Они взошли на лестницу. Старуха, служившая у Мурина и оказавшаяся действительно матерью дворника, возмалась съ пожитками бывшего жильца и ворчливо взяла ихъ въ одинъ большой узелъ.

— Подожди; я-те еще изъ твоего принесу, тамъ осталась...

Муринъ вошелъ къ себѣ. Черезъ минуту онъ воротился и подалъ Ордынову богатую подушку, всю вышитую шелками и гарусомъ — ту самую, которую положила ему Катерина, когда онъ сдѣлался боленъ.

— Это она тебѣ шлетъ, сказалъ Муринъ. — А теперь ступай по добру, по здорову, да смотри жъ, не шатайся, прибавилъ онъ въ полголоса, отеческимъ тономъ: — не то худо будетъ.

Видно было, что ему не хотѣлось обижать жильца. Но когда онъ бросилъ на него послѣдній взглядъ, то невольно видно было, какъ приливъ нестоимой злобы закипѣлъ на лицѣ его. Почти съ отвращеніемъ затворилъ онъ дверь за Ордыновымъ.

Черезъ два часа, Ордыновъ переѣхалъ къ Нѣмцу Шписъ. Тинхенъ ахнула, взглянувъ на него. Она тотчасъ спросила его о здоровьѣ и узнавъ, въ чемъ дѣло, немедленно расположилась лечить. Старикъ Нѣмецъ самодовольно показалъ жильцу своему, что онъ только-что хотѣлъ идти къ воротамъ и снова налѣзть ярылокъ, затѣмъ, что сегодня аккуратнo въ копейку вышелъ задатокъ его, высчитывая изъ него каждый день найма. Причемъ старикъ не проминулъ дальновидно похвалить нѣмецкую аккуратность и честность. Въ тотъ же день Ордыновъ занемогъ и только черезъ три мѣсяца могъ встать съ постели.

Мало-по-малу, онъ выздоровѣлъ и сталъ выходить. Жизнь у Нѣмца была однообразна, покойна. Нѣмецъ былъ безъ особаго порока; хорошенькая Тинхенъ, не трогая нравственности, была всѣмъ, чѣмъ угодно — но какъ-будто жизнь навѣки потеряла свой цвѣтъ для Ордынова! Онъ сталъ задумчивъ, раздражителенъ; впечатлительность его приняла направленіе болѣзненное, и онъ непримѣтно впадалъ въ злую, очерствѣлую ипохондрію. Книжки не раскрывались иногда по цѣлымъ недѣлямъ. Будущее было для него заперто; деньги его выходили, и онъ опустилъ руки заранѣе; онъ даже не думалъ о будущемъ. Иногда прежняя горячка къ наукѣ, прежній жаръ, прежніе образы, имъ-самимъ созданные, ярко возставали предъ нимъ изъ прошедшаго, но они только давили, душили его энергію. Мысль не переходила въ дѣло. Созданіе остановилось. Казалось, всѣ эти образы нарочно выросли гигантами въ его представленіяхъ, чтобъ смѣяться надъ безсиліемъ его, ихъ же творца. Ему невольно приходило въ грустную минуту сравненіе самого-себя съ тѣмъ хвастливымъ ученикомъ молдуна, который, укравъ слово учителя, приказалъ метѣ носить воду и захлебнулся въ ней, забывъ какъ сказать: «пере-

стань». Можетъ-быть, въ немъ осуществилась бы цѣлая, оригинальная, самобытная идея. Можетъ-быть, ему суждено было быть художникомъ въ наукѣ. По-крайней-мѣрѣ, прежде онъ самъ вѣрилъ въ это. Искренняя вѣра есть ужь залогъ будущаго. Но теперь онъ самъ смѣялся въ инныя минуты надъ своимъ слѣпымъ убѣжденіемъ и—не подвигался впередъ.

За полгода передъ тѣмъ, онъ выжилъ, создалъ и набросалъ на бумагу стройный эскизъ созданія, на которомъ (по молодости своей) въ петворческія минуты строилъ самыя вещественныя надежды. Сочиненіе относилось къ исторіи церкви, и самыя теплыя, горячія убѣжденія легли подъ перомъ его. Теперь онъ перечелъ этотъ планъ, передѣлалъ, думалъ о немъ, читалъ, рылся, и наконецъ отвергъ идею свою, не построивъ ничего на развалинахъ. Но что-то похожее на мистицизмъ, на предопредѣленіе и таинственность начало проникать въ его душу. Несчастный чувствовалъ страданія свои и просилъ исцѣленія у Бога. Работница Нѣмца, изъ Русскихъ, старуха богомольная, съ наслажденіемъ рассказывала, какъ молится ея смиренный жилецъ, и какимъ образомъ, по цѣлымъ часамъ лежитъ онъ словно бездыханный на церковномъ помостѣ...

Онъ никому не говорилъ ни слова о случившемся съ нимъ. Но порой, особенно въ сумерки, въ тотъ часъ, когда гулъ колоколовъ напоминалъ ему то мгновеніе, когда впервые задрожала, запыла вся грудь его дотогѣ невѣдомымъ чувствомъ, когда онъ сталъ возлѣ нея на колѣняхъ въ Божіемъ храмѣ, забывъ обо всемъ, и только слышалъ, какъ стучало ея робкое сердце, когда слезами восторга и радости омылъ онъ новую, свѣтлую надежду, мелькнувшую ему въ его одинокой жизни — тогда буря вставала изъ уязвленной навѣки души его. Тогда содрогался его духъ, и мученіе любви жгучимъ огнемъ снова пылало въ груди его. Тогда сердце его грустно и страстно болѣло, и — казалось, любовь его возрастала вмѣстѣ съ печалью. Часто по цѣлымъ часамъ, забывъ себя и всю обыденную жизнь свою, забывъ все на свѣтѣ, просиживалъ онъ на одномъ мѣстѣ, одинокій, упылый, безнадежно качалъ головой и, роняя безмолвныя слезы, шепталъ про-себя: «Катерина! голубица моя ненаглядная! Сестрица моя одинокая!..»

Какая-то безобразная мысль стала все болѣе и болѣе мучить его. Все сильѣе и сильѣе преслѣдовала она его и съ каждымъ днемъ воплощалась передъ нимъ въ вѣроятность, въ дѣйствительность. Ему казалось—и онъ, наконецъ, самъ повѣрилъ во все, — ему казалось, что невредимъ былъ разсудокъ Катерины, но что Муринъ былъ по-своему правъ, назвавъ ее слабымъ сердцемъ. Ему казалось, что какая-то тайна связывала ее съ старикомъ, но что Катерина, не сознавъ преступленія, какъ голубица чистая перешла въ его власть. Кто они? Онъ не зналъ того. Но ему безпрерывно силалась глубокая, безвыходная тиранія надъ бѣднымъ, беззащитнымъ созданіемъ, и сердце смущалось и трепетало без-

сильнымъ негодованіемъ въ груди его. Ему казалось, что передъ испуганными глазами вдругъ-прозрѣвшей души, коварно выставляли ея же паденіе, коварно мучили бѣдное, слабое сердце, толковали передъ ней вкривь и вкось правду, съ умысломъ поддерживали слѣпоту, гдѣ было нужно, хитро льстили неопытнымъ наклонностямъ порывистаго, смятеннаго сердца ея и мало-по-малу рѣзали крылья у вольной, свободной души, неспособной, наконецъ, ни къ возстанію, ни къ свободному порыву въ настоящую жизнь...

Мало-по-малу, Ордыновъ одичалъ еще болѣе прежняго, въ чемъ, нужно отдать справедливость, его Нѣмцы нисколько ему не мѣшали. Онъ часто любилъ бродить по улицамъ, долго, безъ цѣли. Онъ выбиралъ преимущественно сумеречный часъ, а мѣсто прогулки — мѣста глухія, отдаленныя, рѣдко посѣщаемыя народомъ. Въ одинъ ненастный, нездоровый, весенній вечеръ, въ одномъ изъ такихъ закоулковъ встрѣтилъ онъ Ярослава Ильича.

Ярославъ Ильичъ примѣтно похудѣлъ, пріятные глаза его потускнѣли и самъ онъ какъ-будто весь разочаровался. Онъ бѣжалъ въ попыткахъ за какимъ-то нетерпящимъ отлагательства дѣломъ, промокъ, загрязнился, и дождевая капля, какимъ-то почти фантастическимъ образомъ, уже цѣлый вечеръ не сходила съ весьма-приличнаго, но теперь посинѣвшаго носа его. Къ-тому же, онъ отрастилъ бакенбарды. Эти бакенбарды да и то, что Ярославъ Ильичъ взглянулъ такъ, какъ-будто избѣгалъ встрѣчи съ стариннымъ знакомымъ своимъ, почти поразило Ордынова... чудное дѣло! даже какъ-то уязвило, разбило его сердце, ненуждавшееся доселѣ ни въ чемъ состраданіи. Ему, наконецъ, пріятнѣе былъ прежній человекъ, простой, добродушный, наивный, рѣшимся сказать наконецъ откровенно, немножечко-глупый, но безъ претензій разочароваться и поумнѣть. А непріятно, когда *глупый* человекъ, котораго мы прежде любили, можетъ-быть, именно за глупость его, *другъ поумнѣть*, рѣшительно непріятно. Впрочемъ, недоувѣрчивость, съ которою онъ смотрѣлъ на Ордынова, тотчасъ же сгладилась. При всемъ разочарованіи своемъ, онъ вовсе не оставилъ своего прежняго норова, съ которымъ человекъ, какъ извѣстно, и въ могилу идетъ, и съ наслажденіемъ полѣзъ, такъ какъ былъ, въ дружескую душу Ордынова. Прежде всего онъ замѣтилъ, что у него много дѣла, потомъ, что они давно не видались; но вдругъ разговоръ опять принялъ какое-то странное направление. Ярославъ Ильичъ заговорилъ о лживости людей вообще, о непрочности благъ міра сего, о суетѣ суетъ, мимоходомъ, даже болѣе чѣмъ съ равнодушіемъ не преминулъ отозваться о Пушкинѣ, съ нѣкоторымъ цинизмомъ о хорошихъ знакомствахъ, и, въ заключеніе, даже намекнулъ на лживость и коварство тѣхъ, которые называются въ свѣтѣ друзьями, тогда-какъ истинной дружбы на свѣтѣ и сродясь не бывало. Однимъ-словомъ, Ярославъ Ильичъ поумнѣлъ. Ордыновъ не противорѣчилъ ни въ чемъ, но не-

сказанно, мучительно-грустно стало ему : какъ-будто онъ схоронилъ своего лучшаго друга !

— Ахъ ! представьте — я было-совсѣмъ позабылъ рассказать, молвилъ вдругъ Ярославъ Ильичъ, какъ-булто припомнивъ что-то весьма-интересное : — у насъ новость ! Я вамъ скажу по секрету. Помните домъ, гдѣ вы жили ?

Ордыновъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ.

— Такъ вообразите же, недавно открыли въ этомъ домѣ цѣлую шайку воровъ, т. е., сударь вы мой, ватагу, притонъ съ ; контрабандисты, мошенники всякіе, кто ихъ знаетъ ! Иныхъ переловили, за другими еще только гоняются ; отданы строжайшія приказанія. И можете себѣ представить : помните хозяина дома, богомольный, почтенный, благородный съ виду...

— Ну !

— Судите послѣ этого о всемъ человѣчествѣ ! Это и былъ начальникъ всей шайки ихъ, коноводъ ! Не нелѣпо ли это-съ ?

Ярославъ Ильичъ говорилъ съ чувствомъ и осудилъ за одного все человѣчество, потому-что Ярославъ Ильичъ и не можетъ иначе сдѣлать ; это въ характерѣ.

— А тѣ? а Муринъ ? проговорилъ Ордыновъ шопотомъ.

— Ахъ, Муринъ, Муринъ ! Нѣтъ, это почтенный старикъ, благородный. — Но, позвольте, вы проливаете новый свѣтъ...

— А что? онъ тоже былъ въ шайкѣ ?

Сердце Ордынова готово было пробить грудь отъ нетерпѣнья...

— Впрочемъ, какъ же вы говорите... прибавилъ Ярославъ Ильичъ, пристально вперивъ оловяныя очи въ Ордынова — признакъ, что онъ соображалъ : — Муринъ не могъ быть между ними. Ровно за три недѣли онъ ухалъ съ женой къ себѣ, въ свое мѣсто... Я отъ дворника узналъ... этотъ татарченокъ, помните?

Ф. ДОСТОЕВСКІЙ.

КОНСУЛЬСТВО И ИМПЕРІЯ.

Соч. ТЪЕРА.

Статья двѣнадцатая (*).

=

АУСТЕРЛИЦЪ. Дѣйствіе, произведенное извѣстіями изъ арміи. — Финансовый кризисъ. — Банкротство многихъ торговыхъ и банковскихъ домовъ во Франціи. — Встревоженная публика увѣрена въ Наполеонъ и ожидаетъ отъ него какого-нибудь блестящаго подвига, который возстановитъ кредитъ и дастъ миръ. — Продолженіе военныхъ дѣйствій. — Положеніе дѣлъ въ Пруссіи. — Мнимое нарушеніе неприкосновенности земель Аншпахъ даетъ предлогъ къ возстанію военной партіи. — Императоръ Александръ пользуется тѣмъ и отъѣзжаетъ въ Берлинъ. — Онъ увлекаетъ прусскій дворъ въ обязательства съ коалиціей. — Потсдамскій трактатъ. — Отъѣздъ г-на Гаугвица въ главную квартиру Наполеона. — Великая рѣшимость Наполеона при извѣстіи о новыхъ опасностяхъ, угрожающихъ ему. — Онъ ускоряетъ движеніе свое къ Вѣнѣ. — Успѣхи Массены въ Италіи. — Походъ великой арміи черезъ долину Дуная. — Переходъ черезъ Иннъ, Траунъ, Энсъ. — Наполеонъ въ Линцѣ. — Движеніе, которое могли бы сдѣлать эрцгерцоги Карлъ и Юлианъ для остановленія наполеонова похода. — Предосторожности его при сближеніи къ Вѣнѣ. — Расположеніе корпусовъ его на обоихъ берегахъ Дуная и посреди Альповъ. — Русскіе переходятъ черезъ Дунай въ Кремсъ. — Опасное положеніе корпуса Мортъе. — Сраженіе подъ Дирнштейномъ. — Вступленіе въ Вѣну. — Неполное овладѣніе дунайскими мостами. — Наполеонъ хочетъ воспользоваться тѣмъ и отрезать отступленіе генералу Кутузову. — Мюратъ и Ланцъ вблизи Голлабруна. — Мюратъ дается въ обманъ, когда предлагаютъ ему перемиріе, и допускаетъ русскую армію удалиться. — Наполеонъ отвергаетъ перемиріе. — Крѣпкое сраженіе подъ Голлабруномъ. — Прибытіе французской арміи въ Брюннъ. — Превосходныя распоряженія Наполеона при занятіи Вѣны, охраненіи себя со стороны Альповъ и Венгрии отъ эрцгерцоговъ, и для противоборства Русскимъ со стороны Моравіи. — Ней занимаетъ Тироль. — Отъѣздъ Наполеона въ Брюннъ. — Попытка вступить въ переговоры. — Высокомѣріе русскаго главнаго штаба. — Рѣшимость Русскихъ дать битву. — Мѣстность, напередъ избранная Наполеономъ. — Аустерлицкая битва 2 декабря (20 ноября). — Подробности ея. — Пора-

(*). Однинадцатая статья помѣщена въ 6-й книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1847 года (томъ LII).

ЖЕНІЕ АВСТРО-РУССКОЙ АРМІИ. — СЛѢДСТВІЯ ТОГО. — ИМПЕРАТОРЪ АВСТРІЙСКІЙ НА ВЪСАХЪ НАПОЛЕОНА. — ПРЕМИРИЕ, ПРИ ОБЪЯВЛЕНІИ ЗАКЛЮЧИТЬ ВСКОРѢ МИРЪ. — ПЕРЕГОВОРЫ ВЪ БРЮННѢ И ВЪНЪ. — УСЛОВІЯ, ОБЪЯВЛЕННЫЯ НАПОЛЕОНОМЪ. — ТРАКТАТЪ СЪ ПРУССІЕЮ. — МИРНЫЙ ТРАКТАТЪ СЪ АВСТРІЕЮ, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ ВЪ ПРЕСБУРГѢ. — РАСПОРЯЖЕНІЯ НАПОЛЕОНА ВЪ ВЪНЪ. — ОТЪѢЗДЪ ЕГО ВЪ МЮНХЕНЪ. — БРАКОСОЧЕТАНІЕ ЕВГЕНІЯ БОГАРНЕ СЪ ПРИНЦЕССОЮ АВГУСТОЮ САВАРСКОЮ. — ВОЗВРАЩЕНІЕ НАПОЛЕОНА ВЪ ПАРИЖЪ. — ТОРЖЕСТВЕННАЯ ВСТРѢЧА ЕМУ ВО ВСѢХЪ ГОРОДАХЪ.

Извѣстія съ береговъ Дуная наполнили Францію удовольствіемъ; извѣстія въ Кадикса опечалили ее; но ни тѣ, ни другіи не удивили. Все го надѣялись отъ нашихъ армій, постоянно побѣдоносныхъ съ самаго начала революціи, и ничего не ожидали отъ нашихъ флотовъ, такъ несчастливыхъ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ. За то, съ морскими событиями не соединяли никакихъ важныхъ послѣдствій, и, напротивъ, почитали удивительные наши успѣхи на твердой землѣ рѣшительными. Вся видѣли, что они удаляли отъ нашихъ границъ непріятельскія дѣйствія, разстроивали коалицію съ самаго начала ея, сокращали войну и дѣлали близкимъ миръ на твердой землѣ, возвращая надежду и на ширь морской. Но удаленіе армій въ Австрію, на встрѣчу Русскимъ, заставляло предвидѣть новыя и великія событія, которыхъ ожидали съ живымъ нетерпѣніемъ. Впрочемъ, довѣренность къ генію Наполеона умѣряла все тягостныя мысли.

Эта довѣренность была необходима для поддержанія кредита, глубоко потрясеннаго. Мы означили тогдашнее затруднительное положеніе нашихъ финансовъ. Различныя мѣры и особливо патріотическія пособія богатыхъ гражданъ и банкировъ поддержали нравительство въ его оборотахъ, но не могли отвратить многихъ частныхъ бѣдствій, быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ, и увеличившихъ общее униженіе. Несостоятельность г. Рекамье, банкира, извѣстнаго своею честностью, обширностью своихъ дѣлъ, блестящимъ образомъ своей жизни и сдѣлавшагося жертвою обстоятельствъ болѣе, нежели своихъ финансовыхъ оборотовъ, произвела самое тягостное впечатлѣніе. Неблагодарность приписывала это сношеніямъ его съ казною, которыхъ никогда и не бывало. Много другихъ банкротствъ, не столь значительныхъ, послѣдовали за упадкомъ г. Рекамье, въ Парижѣ и въ провинціяхъ, и произвели какой-то паническій ужасъ. Будь правительстве не такъ твердо, не такъ могущественно, какъ наполеоновно, этотъ переломъ повлекъ бы за собою послѣдствія самыя прискорбныя. Но въря фортуна и генію повелителя, никто не сомнѣвался въ сохраненіи общественнаго порядка; все ожидали какого-нибудь блестящаго подвига, который могъ возстановить кредитъ, и отвратительный родъ тѣхъ спекулянтовъ, которые дѣлаютъ худшимъ всякое положеніе, основывая свои расчеты на упадкѣ кредитныхъ бумагъ, не осмѣливался пускаться въ биржевую игру, страшаясь побѣдъ Наполеона.

Глаза всѣхъ были обращены къ Дунаю, гдѣ готовилось рѣшеніе судьбы Европы. Оттуда ожидали новыхъ событій и развязки финансовою и политическаго перелома. Надѣялись увидѣть развязку благопріят-

ную, особливо послѣ того, какъ въ нѣсколько дней цѣлая армія была взята почти безъ выстрѣла, дѣйствіемъ одного маневра. Но въ самомъ этомъ маневрѣ было обстоятельство, породившее непріятное недоуманіе съ Пруссіею, и угрожавшее намъ еще однимъ непріателемъ. Обстоятельство это было: переходъ корпуса маршала Бернадотта черезъ прусскую область Аншпахъ.

Направляя свои колонны во флангъ австрійской арміи, Наполеонъ нѣсколько не почиталъ затрудненіемъ пройти черезъ прусскія области во Франконіи. Дѣйствительно, въ силу конвенціи о нейтралитетѣ, заключенной Пруссіею съ воюющими державами въ послѣднюю войну, области Аншпахъ и Байрейтъ не были включены въ нейтралитетъ Сѣверной Германіи. Причина была проста: области эти находились на неизбежной дорогѣ армій французскихъ и австрійскихъ, такъ-что почти невозможно было не переходить черезъ нихъ. Могли требовать только, чтобъ онъ не сдѣлался театромъ непріятельскихъ дѣйствій, и чтобъ ихъ проходили быстро, плата за все, что тамъ возьмутъ. Если на этотъ разъ Пруссія желала другаго распоряженія, она была бы должна сказать о томъ. Впрочемъ, какъ она еще недавно вступила въ переговоры о союзѣ съ Франціею, и даже готова была взять предложенный ей Ганноверъ, то и не имѣла права переменить прежнихъ правилъ своего нейтралитета, дѣлая ихъ въ — отношеніи къ Франціи болѣе строгими, нежели въ 1796 году. Такой поступокъ былъ бы непостижимъ, и потому она молчала, изъ приличія не осмѣливаясь изъявлять въ самый разгаръ переговоровъ о союзѣ такія требованія, какихъ не было во время величайшей къ намъ ея холодности. Наполеонъ, основываясь на прежней конвенціи и на признакахъ искренности, которой долженъ былъ вѣрить, не почиталъ перехода черезъ Аншпахъ нарушеніемъ неприкосновенности страны. Искренность его въ этомъ случаѣ доказывается тѣмъ, что по нуждѣ онъ могъ бы и не касаясь прусской области пройти, стѣснивъ немного свои колонны, и почти такъ же вѣрно окружилъ бы Магга.

Но положеніе Пруссіи между Наполеономъ и императоромъ Александромъ дѣлалось затруднительнѣе съ каждымъ днемъ. Первый предлагалъ ей Ганноверъ и свой союзъ; второй требовалъ пропустить черезъ Силезію одну изъ своихъ армій, и давалъ чувствовать, что волею или неволею надобно присоединиться къ коалиціи. Фридрихъ-Вильгельмъ былъ въ величайшемъ смущеніи. Желаніе увеличить свое могущество привлекало его къ Наполеону, а дворскія отношенія сблизжали съ коалиціею: онъ надавалъ общаіи всѣмъ и увидѣлъ себя въ затруднительномъ положеніи, изъ котораго единственнымъ выходомъ была для него война съ Россіею или съ Франціею. Это тревожило его, потому-что онъ былъ недоволенъ и другими и самимъ собою, съ ужасомъ помышляя о войнѣ. Но Россія угрожала ему, и онъ велѣлъ приготовить къ войнѣ 80 тысячъ человекъ. Въ такомъ положеніи дѣлъ узнавая въ Берлинѣ о мнимомъ нарушеніи неприкосновенности прусской земли. Оно было для прусскаго короля новымъ огорченіемъ, уменьшая силу несоглашеній его на требованія Александра. Конечно, онъ могъ пропустить Французовъ черезъ Аншпахъ по такимъ соображеніямъ, ко-

торыя не существовали въ-отношеніи къ Россіи. Но въ минуты увлеченія не всегда господствуетъ вѣрное сужденіе, и когда въ Берлинѣ слышали, что Французы прошли черезъ Аншпахъ, при дворѣ возоціли, что Наполеонъ оскорбилъ Пруссію и поступаетъ съ нею, какъ привыкъ поступать съ Неаполемъ или Баденомъ; что перенести обиду значитъ обезчестить себя, и наконецъ, что если не хотятъ войны противъ Наполеона, то придется восвать съ Александромъ, который не потерпитъ пристрастія, ибо ему отказываютъ въ томъ, что дозволяютъ его противнику, и что если уже надобно рѣшиться, то было бы странно и недостойно чувствъ короля перейти на сторону притѣснителей Европы противъ ея защитниковъ. Фридрихъ-Вильгельмъ, говорилъ при томъ, всегда изъявлялъ другія чувствованія, и въ Мемель, и послѣ того, въ изліяніяхъ души своей съ новымъ своимъ другомъ Александромъ.

Фридрихъ-Вильгельмъ, искренно-раздраженный нарушеніемъ неприкосновенности земель Аншаха, отнимавшимъ у него лучшее возраженіе противъ требованій Россіи, поступилъ по обыкновенію людей слабыхъ: онъ употребилъ вмѣсто оружія свой гнѣвъ, и старался показать себя раздраженнымъ больше, нежели былъ раздраженъ въ-самомъ-дѣлѣ. Его поступки съ двумя представителями Франціи были искусственны до смѣшнаго (1). Не только онъ отказался принимать ихъ, но и г. Гарденбергъ не хотѣлъ допустить ихъ въ свой кабинетъ для объясненій. Гг. Лафоре и Дюрокъ очутились какъ-будто въ опалѣ и были лишены всѣхъ сношеній, даже съ кабинетнымъ секретаремъ г. Ломбаромъ, черезъ котораго производились тайныя сношенія, когда дѣло шло о вознагражденіяхъ германскихъ или о Ганноверѣ. Говорили, что королю не смѣютъ ничего представлять о Французахъ.

Гг. Лафоре и Дюрокъ долго и тщетно требовали объясненія съ г. Гарденбергомъ. Наконецъ, они имѣли съ нимъ свиданіе и нашли его въ изученномъ положеніи чловѣка, едва владѣющаго своимъ негодованіемъ. Послѣ множества горькихъ жалобъ, онъ какъ — будто невольно высказалъ, что Пруссія почитаетъ себя свободною отъ всѣхъ обязательствъ, и впредь будетъ руководствоваться только выгодами собственной своей безопасности. Постепенно, кабинетъ берлинскій довелъ до свѣдѣнія обонхъ французскихъ уполномоченныхъ, что онъ рѣшился открыть Русскимъ Силезію и занять Ганноверъ прусскою арміею, будто бы желая не допустить пламени войны вторгнуться въ самое сердце государства. Не договаривали только, что Франція должна почитать счастіемъ, расплачиваясь за все такую цѣною!

Поступка берлинскаго кабинета были недостойны праводушія короля и могущества Пруссіи (2), но послѣ первой вспышки, формы начали улуч-

(1) Передаемъ слова г. Тьера во всей ихъ смѣшной дерзости: они показываютъ, какія понятія имѣютъ бывшій первый министръ Франціи о дипломатическихъ дѣйствіяхъ! Дерзость же выраженій падаетъ только на его нравственный характеръ.

Прим. перес.

(2) Такъ думаетъ г. Тьеръ, но не такъ будетъ судить исторія, зная вселенія и грабежи Наполеона во всѣхъ государствахъ Европы.

Прим. перес.

шаться, не только потому-что, по принятому плану, подобно было смягчиться, но и потому-что изумительные успѣхи Наполеона внушали всѣмъ дворамъ не легкомысленныя размышленія.

Событія берлинскія съ быстротою молвіи передавались въ Пулаву. Александръ, желавшій увидѣться съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ прежде, нежели Франція дала Пруссіи поводъ жаловаться на себя, теперь еще больше желалъ преднамѣреннаго свиданія. Онъ падѣлся имѣть большое вліяніе на короля, и не думая пазпачать мѣста на равномъ разстояніи отъ Пулавы и Берлина, немедленно самъ пріѣхалъ въ прусскую столицу.

Фридрихъ-Вильгельмъ пожалѣлъ, что падѣлалъ много шума и тѣмъ привлекъ къ себѣ посѣщеніе лестное, но опасное. Наполеонъ начиналъ войну такъ быстро и рѣшительно, что неохотно было соединяться съ его непріятелями. Но невозможно было отказаться отъ предупредительности государя, которому говорили, что любить его нѣжно. Александръ въѣхалъ въ прусскую столицу 25 октября, при громѣ пушекъ, среди рядовъ королевской прусской гвардіи. Юный король спѣшилъ на встрѣчу къ нему и обнялъ его искренно, при рукоплесканіяхъ берлинскаго народа, который сначала благосклонно думалъ о Французахъ, но начиналъ увлекаться направленіемъ двора, тысячу разъ слыша повторенія, что Наполеонъ нарушалъ неприкосновенность земель Аншпахъ изъ презрѣнія къ Пруссіи. Александръ обѣщалъ себѣ развить при томъ все свои средства, желая соединить выгоды берлинскаго двора съ своими. Онъ успѣлъ въ томъ (3). Онъ еще не пробылъ въ Берлинѣ двухъ дней, какъ уже весь дворъ занимался только имъ, хвалилъ его прелесть, его умъ, его великодушную пылкость въ дѣлѣ Европы. Онъ окружилъ своею внимательностью всѣхъ родственниковъ великаго Фридриха, посѣтилъ герцога Брауншвейгскаго, фельдмаршала Моллендорфа, и почтилъ въ нихъ вождей прусской арміи. Молодой принцъ Лудовикъ, племянникъ короля, напередъ преданный Россіи и отличавшійся жестокою ненавистью къ Французамъ и пламенною любовью къ славы, волновался еще больше обыкновеннаго. Какое-то общее увлеченіе предавало прусскій дворъ Александру. Фридрихъ-Вильгельмъ начиналъ устрашаться того, а ожидая предложеній, какія долженъ былъ породить общій энтузіазмъ, молчалъ, боясь минуты объясненія. Онъ вызвалъ опять къ себѣ Гаугвица и совѣщался съ нимъ. Гаугвицъ, разбирая дѣйствія своего неблагодарнаго ученика, Гарденберга, говорилъ, что за нѣсколько мѣсяцевъ были слишкомъ Французами, а теперь сдѣлались слишкомъ Русскими. Но какъ выйдти изъ затрудненія и вырваться изъ объятій юнаго императора? Затрудненіе увеличивалось съ каждымъ часомъ и нельзя было разрѣшить его безпрорывными отсрочками. Александръ дорожилъ

(3) Да, успѣлъ правотою своей души, чистотою своихъ намѣреній и своими необыкновеннымъ умомъ. Такими высокими качествами Александръ очаровывалъ всѣхъ, кто имѣлъ счастье приближаться къ нему. Г. Тьера, какъ видно, изумляютъ высокія качества ума и души? *Прим. перев.*

временемъ, потому-что каждый день возвышалъ о новыхъ шагахъ Наполеона къ Дунаю и новой опасности для Австріи и для русскихъ армій, пришедшихъ къ Инну. Онъ открылъ свои намеренія прусскому королю и велѣлъ своему министру иностранныхъ дѣлъ приступить къ искусному и коварному графу Гаугвицу. Легко догадаться, какую тѣму развивала они. Пруссія, по ихъ мнѣнію, не могла отдѣлать своихъ выгодъ отъ европейскихъ; она не могла своею недѣятельностью доставить торжества общему врагу, который шадитъ ее, хотя и очень-мало, что доказываетъ переходъ черезъ Анспахъ, но уничтожить тотчасъ, какъ только избавится отъ Австріи и Россіи. Пруссія, правда, подлѣ ударами Наполеона; но на помощь ея пришли съ 80-ти тысячною армією, и пришли именно для нея. Армія, собранная въ Пулавъ, на границѣ Силезіи, не угроза, а великодушное вниманіе Александра, который не хочетъ вовлечь друга въ тяжелую войну, не предлагая ему средствъ противъ опасностей (4). У Наполеона, впрочемъ, довольно враговъ: онъ въ страшной опасности на Дунаѣ, если соединенные Австріицы и Русскіе противопоставятъ ему твердую преграду, а Пруссія обратится въ тылъ его во Франконіи: поставленный между двухъ огней, онъ непременно погибнетъ. При такомъ вѣроятномъ случаѣ, общимъ избавленіемъ будутъ обязаны Пруссіи и сдѣлаютъ для нея все, что обѣщаетъ Наполеонъ и чего не думаетъ исполнить онъ: ей отдадутъ земли, которыми льстилъ онъ справедливому честолюбію бранденбургскаго дома, отдадутъ Ганноверъ. (Въ-самомъ-дѣлѣ, уже писали въ Лондонъ, стараясь побудить Англію къ такому пожертвованію.) Лучше же приобрести столь прекрасное увеличеніе земель отъ законнаго владѣтеля, въ награду за спасеніе всѣхъ, нежели отъ похитителя, раздающаго чужое въ награду вѣнны.

Къ этимъ убѣжденіямъ вскорѣ присоединилось новое вліаніе: послѣдній пріѣздъ изъ Вавы въ Берлинъ эрцгерцога Антонія. Онъ рассказывалъ объ ульмскихъ бѣдствіяхъ, о быстрыхъ успѣхахъ Французовъ, объ опасностяхъ австрійской монархіи, по великости своей уже общихъ всей Германіи, и съ жаромъ ходатайствовалъ о сближеніи двухъ главныхъ нѣмецкихъ державъ.

Дипломатическая сѣть была разставлена такъ хорошо, что прусскій король не могъ избѣгнуть отъ нея. Но онъ и г. Гаугвицъ сопротивлялись упорно, какъ-бы предчувствуя бѣдствія, вскорѣ поразившія прусскую монархію. Много было переговоровъ, споровъ, даже горькихъ жалобъ. Король и его министръ говорили, что хотятъ погубить и конечно погубятъ Пруссію, потому-что даже вся соединенная Европа не въ силахъ сопротивляться Наполеону; что если они уступаютъ, то единственно насилію, дѣлаемому ихъ разсудку, осторожности, патриотизму. Они возіали также противъ намеренія увлечь ихъ, волею или неволею,

(4) Читатели оцѣнятъ сами болтовню г. Тьера, ни на чемъ не основанную. Кто свѣдѣлъ ему, что такъ происходили переговоры? гдѣ акты, гдѣ свидѣтельства на то? *Прим. перес.*

для чего русская армія, собранная на границь Силезіи, служила орудіемъ (5).

Предупредительность, отрицанія, и особливо дѣйствіе постороннихъ причинъ, какъ-то фразы принца Людовика, восклицанія молодыхъ людей главнаго штаба прусскаго, наконецъ побѣды г-на Гаугвица и заставили его раздѣлать намѣренія союзниковъ. Но король хотѣлъ сохранить послѣднее средство для избѣжанія отъ новыхъ обязанностей, и по совѣту Гаугвица принималъ планъ предложить посредничество, это огромное лицемерство, которое употребляли тогда вся державы, когда хотѣли скрыть планы коалиціи противъ Франціи (6). Рѣшено было, что Пруссія, ссылаясь на невозможность жить спокойно между двумя ожесточенными противниками, которые не уважали даже неприкосновенности ея земель, рѣшается принудить ихъ къ миру. Начево не могло быть лучше; но какія условія мира предложить она? Въ томъ состоятъ весь вопросъ. Еслибъ Пруссія сообразовалась съ трактатами, подписанными ею съ Наполеономъ и утверждавшими настоящее состояніе французской имперіи, въ замѣну приобритеній Пруссіи въ Германіи, то противъ этого нечего было бы и сказать. Но она хотѣла предложить условіями мира новое разграниченіе австрійскихъ владѣній въ Ломбардіи, что повлекло бы за собою раздробленіе итальянскаго королевства, вознагражденіе королю сардинскому и, сверхъ-того, обыкновенныя условія самого Наполеона въ случаѣ всеобщаго примиренія, т.е. независимость Неаполя, Швейцаріи, Голландіи. Это было уже двѣмъ нарушеніемъ взаимныхъ обезпеченій между Пруссіею и Франціею, утвержденныхъ не въ неудавшихся проектахъ союзовъ, но въ подлинныхъ конвенціяхъ, подписанныхъ по случаю вознагражденій въ Германіи.

Русскіе и Австрійцы желали бы большаго; но зная, что Наполеонъ никогда не согласится и на эти условія, они были увѣрены, что и имъ влелекутъ Пруссію въ войну. Они согласились также, чтобъ въ переговорахъ съ Франціею не было и слова о Великобританіи; согласились и на послѣднее требованіе короля — отсрочить на мѣсяць все дѣйствіе Пруссіи. Эта предосторожность, самая важная и самая двусмысленная, была слѣдствіемъ совѣтовъ герцога Брауншвейгскаго, который объявилъ, что прусская армія можетъ быть готова не раньше начала декабря, и г-на Гаугвица, который совѣтовалъ помедлать, чтобъ видѣть, какой оборотъ пріймутъ дѣла на Дунаѣ между Французами и Русскими. Съ такимъ проговоромъ; какъ Наполеонъ, событія не могли замедлиться и, выгадавъ только одинъ мѣсяць, можно было надѣяться выйдти изъ замыслительства какимъ-нибудь неожиданнымъ и окончательнымъ рѣше-

(5) Здѣсь слова г-на Тьера похожи на какую-то шутовскую рѣчь. Неужели такъ пишутъ исторію? *Прим. персе.*

(6) Любопытно, что всѣ дипломатическія мѣры противъ Франціи называются у г. Тьера коварствомъ, лицемерствомъ, и подобными вѣжливыми именами, тогда-какъ насилія и козни притѣснителей Европы кажутся ему только дипломатическими мѣрами. Безпристрастіе истинно-историческое! *Прим. персе.*

ніємъ дѣлъ. Положили, что черезъ мѣсяць отъ дня, въ который г. Гаугвицъ отправится изъ Берлина съ предложеніемъ посредничества, Пруссія начнетъ военные дѣйствія, если Наполеонъ не дастъ удовлетворительнаго отвѣта. Къ мѣсяцу легко было прибавить еще нѣсколько дней, замедливъ подъ разными предлогами отъѣздъ г. Гаугвица; а сверхъ-того, Фридрихъ-Вильгельмъ полагался на своего министра, на его осторожность, ловкость, при которыхъ первыя слова съ Наполеономъ не могли сдѣлать разрыва неизбежнымъ и немедленнымъ.

Эти условія, недостойныя прямодушія Пруссія (!), потому-что, повторяемъ, они были противны переговорамъ формальнымъ, за которые Пруссія получила богатыя земли, в особливую противную сближенію, которое Наполеонъ могъ почитать искреннимъ—эти условія были внесены въ двойную декларацію, подписанную въ Потсдамѣ 3 ноября. Текстъ ихъ никогда не былъ обнародованъ, но послѣ Наполеонъ узналъ ихъ содержаніе. Декларация сохранила названіе потсдамскаго трактата. Наполеонъ, конечно, ошибся относительно Пруссія: онъ ласкалъ ее, предоставлялъ ей много выгодъ, и упустилъ не одинъ случай связать ее безвозвратно. Но онъ оказалъ ей существенное благорасположеніе и былъ всегда прямодушенъ въ сношеніяхъ съ нею (7).

Александръ и Фридрихъ-Вильгельмъ жили въ Потсдамѣ. Тамъ, въ прелестномъ убажищѣ великаго Фридриха, воспламенили они другъ-друга и заключили трактатъ, столь противный политикѣ и выгодамъ Пруссія. Изворотливый Гаугвицъ былъ отъ него въ отчаяніи, и извинялъ самого-себя въ подписаніи такого трактата только надеждою отвратить его послѣдствія. Король, смущенный, разстроенный, не зналъ самъ куда идти. Его еще больше смутила сцена надъ гробницею великаго Фридриха. Александръ, вмѣстѣ съ королемъ, пришелъ подъ своды церкви въ Потсдамѣ, заплакалъ, обнялъ своего друга, клялся ему и заставилъ его поклониться въ вѣчной дружбѣ — надъ гробомъ Фридриха-Великаго (8). Эта сцена вскорѣ стала извѣстна въ цѣлой Европѣ и утвердила мнѣніе, что между двумя монархами существуетъ тѣсный союзъ.

Англія узнала о перемѣнѣ въ политикѣ Пруссія, о переговорахъ, такъ счастливо веденныхъ съ берлинскимъ дворомъ, и признала въ томъ событіе важное, которое могло рѣшить жребій Европы. Тотчасъ отправила она для переговоровъ самого лорда Гаррауби, министра иностранныхъ дѣлъ. Лондонскій кабинетъ соглашался на все, только бы привлечь на свою сторону берлинскій дворъ: уступалъ Ганноверъ, обещалъ Голландію, предлагалъ вспомогательныя деньги. Но, разсуждая о

(7) Особенно, когда коварно опутывалъ ее невозможными условіями, и за сопротивленіе разорилъ и привелъ на край гибели. Но г. Тьеръ увѣренъ, что Наполеонъ былъ агнецъ невинный! *Прим. персе.*

(8) Умилительное изліаніе чувствъ двухъ добродѣтельныхъ монарховъ надъ гробницею великаго человѣка, г. Тьеръ называетъ *сценою!* Впрочемъ, все сочиненіе его показываетъ, что онъ не способенъ понять такіа сцены. Простимъ его!

Прим. персе.

будущемъ, старался извлечь для пастоящаго существенное, т. е. укрепить союзъ съ Пруссіею, и торопил г. Гаугвица къ отъезду. Между-тѣмъ, императоръ Александръ, пробывъ въ Берлинѣ десять дней, отправился 5 ноября въ Веймаръ, для свиданія съ великою княгинею сестрою своею, особою высокихъ достоинствъ: она жила въ Веймарѣ, окруженная превосходными гениями германскими, наслаждалась бесѣдою ихъ, которой была достойна. Монархи руссійскій и прусскій разстались съ изъявленіемъ совершеннаго дружества. Александръ отправлялся въ армию, окруженный участіемъ, естественнымъ при такомъ отъездѣ. Въ немъ приветствовали юнаго героя, готоваго встрѣтить величайшія опасности за общее дѣло царей.

Между-тѣмъ, Лафоре, французскій министръ, и Дюрокъ, обер-гофмаршалъ императора, были совершенно оставлены. Дворъ продолжалъ оказывать имъ оскорбительную холодность. Обычая сохранять въ тайнѣ потсдамскіе переговоры, Русскіе не могли, однакожъ, не изъявлять удовольствія, и вездѣ говорили, что Пруссія соединена съ ними неразрывно. При томъ военная дѣятельность стараго герцога брауншвейгскаго, даже несообразная съ его лѣтами, доказывала, что присутствіе Александра въ Потсдамѣ было не безуспѣшно. Гарденбергъ не показывалъ французскимъ уполномоченнымъ; но Гаугвицъ принималъ ихъ къ себѣ. На вопросъ, что должно думать о распространяемыхъ Русскими слухахъ, онъ отрекался отъ всего. Онъ говорилъ, что дѣло идетъ объ извѣстномъ уже проектѣ посредничества, но не объяснялъ условій его, и только увѣрялъ, что заботится сдѣлать ихъ сообразными силѣ и славѣ того великаго человека, къ которому самъ отправляется съ ними.

Ясно было только одно, что Силезія открыта Русскимъ, въ показаніе за переходъ французскихъ войскъ черезъ Анспахъ, и что Ганноверъ вскорѣ будетъ занятъ прусскою арміею. Въ тамошней крѣпости Гамельнѣ былъ 6-ти-тысячный французскій гарнизонъ, и г. Гаугвицъ, не говоря стануть ли осаждать крѣпость, общалъ только величайшее вниманіе къ Французамъ, прибавляя, что надѣется того же и отъ нихъ.

Дюрокъ видѣлъ, что ему нечего больше дѣлать въ Берлинѣ и отправился оттуда въ главную квартиру Наполеона. Наполеонъ—это было въ началѣ ноября—управившись съ первою австрійскою арміею, готовился обрушиться на Русскихъ, сообразно своему плану. Когда онъ узнавалъ, что происходило въ Берлинѣ, онъ чрезвычайно изумился, искренно вѣря, что переходомъ черезъ Анспахъ не нарушилъ принятыхъ обычаевъ. Не думая, чтобъ раздраженіе Пруссіи было искренно, онъ былъ убѣжденъ, что имъ только прикрывали наклонность Пруссіи къ коалиціи. Но поколебать его не могли никакія предположенія, и онъ показалъ въ этомъ случаѣ все величіе своего характера.

Мы уже видѣли общій планъ военныхъ дѣйствій, предначертанный имъ; но вышательство Пруссіи могло сильно измѣнить этотъ планъ, еслибъ она, черезъ Франконію или Богемію, обратилась въ тылъ Наполеона, когда онъ шелъ къ Вьнѣ. При извѣстїи о томъ, что происходило въ Берлинѣ, обыкновенный полководецъ остановился бы, отсту-

пиль на ближайшую позицію къ Рейну, опасаясь быть обойденнымъ, и ожидалъ бы тамъ со всеми своими войсками послѣдствій потсдамскаго трактата. Но, дѣйствуя такимъ образомъ, онъ сдѣлалъ бы невзбѣжными тѣ опасности, которыя были только предположительными; онъ далъ бы время обѣимъ русскимъ арміямъ, Кутузова и Александра, соединиться, эрцгерцогу Карлу перейти изъ Ломбардіи въ Баварію на срединѣ съ Русскими, Пруссакамъ время и смѣлость обратиться къ нему съ невозможнымъ предложеніемъ и выступить на поприще. Черезъ мѣсяць у него было бы на рукахъ 120 тысячъ Австрійцевъ, 100 тысячъ Русскихъ, 150 тысячъ Пруссаковъ, собранныхъ въ Верхнемецъ-Цфальцъ или въ Баварію, и громада силъ, вдвое превосходящая его силы, подавила бы его. Упорно оставаться при своей мысли, т. е. идти впередъ, отбросить на оконечность Германіи главные силы союзниковъ, выслушать жалобы Пруссіи въ Вѣнѣ и вмѣсто отвѣта указать ей на свои победы: такая рѣшимость была самою благоразумною, хотя и казалась самою дерзкою. Великія рѣшенія бывають возможны только великимъ людямъ: обыкновенные люди пали бы исполняя ихъ; кромѣ того, они требуютъ превосходнаго генія, соединеннаго съ верховною властью: для свободы и твердости въ движеніяхъ надобно быть ередоточіемъ всѣхъ движеній, всѣхъ извѣстій, всей власти, надобно быть подководцемъ и главою имперіи, надобно быть Наполеономъ и императоромъ.

Наполеонъ возражалъ на требованія Пруссіи сообразно твердымъ своимъ рѣшеніямъ. Онъ переехалъ изъ Ульма въ Аугсбургъ, изъ Аугсбурга въ Мюнхенъ, для распоряженій походомъ. Главнокомандующій италійской его арміи, Массена, дѣйствовалъ противъ эрцгерцога Карла съ обыкновенною своею дерзостью, но удачно, такъ-что эрцгерцогъ, получивъ извѣстіе объ ульмскомъ бѣдствіи, началъ отступать. Такимъ-образомъ, другая часть наполеонова плана исполнилась съ точностью, какъ и первая: эрцгерцогъ Карлъ, отодвинутый къ Австріи, принужденъ былъ отступать и идти на помощь къ угрожаемой столицѣ.

Наполеонъ не терялъ ни минуты въ Мюнхенѣ для окончательныхъ распоряженій. Онъ торопился перейти черезъ Иннъ, разбить Русскихъ и разстроить берлинскіе замыслы новыми успѣхами, столько же быстрыми, какъ успѣхи подъ Ульмомъ. Корпусъ генерала Кутузова, бывший передъ нимъ, состоялъ при началѣ похода едва изъ 50-ти тысячъ человекъ, хотя Россія и объявляла, что онъ будетъ гораздо многочисленнѣе (9). На переходѣ отъ Моравіи до Баваріи, онъ оставилъ пять или шесть тысячъ человекъ больныхъ и отсталыхъ, но къ нему присоединился австрійскій отрядъ Квинмайера, изгнанный ульмскаго

(9) Но не самъ ли г. Тьеръ, нѣсколько прежде, говоритъ, что въ арміи Кутузова было 60,000 человекъ? Мы уже имѣли случай замѣтить эту ошибку (О. З. іюль 1847 г. стр. 71) и доказать, что г. Тьеръ играетъ арміями и числомъ ихъ, какъ нѣсками; какъ же вѣрить выводамъ его изъ такихъ безпрерывно ложныхъ и противорѣчивыхъ указаній? *Прим. ижев.*

бѣдствія. Г. Мерфельдъ соединилъ еще нѣсколько войскъ съ этимъ отрядомъ и принялъ начальство надъ нимъ. Всего могло быть тутъ до 65-ти тысячъ солдатъ, русскихъ и австрійскихъ — слишкомъ-мало для спасенія монархіи отъ 150-ти тысячъ Французовъ, изъ которыхъ по-крайней-мѣрѣ сто тысячъ шли одною громадою. Генераль Кутузовъ командовалъ арміею. Это былъ человекъ довольно старый, лишенный одного глаза отъ раны въ голову, очень толстый, лѣнивый, безпутный (*dissolu*), жадный (10), но прощательный, развязный умомъ столько же, какъ тяжелый тѣломъ, счастливый на войнѣ, ловкій при дворѣ, и довольно способный начальствовать тамъ, гдѣ надобны были осторожность и удача (11). Помощниками его были люди посредственные (!), кромѣ трехъ: князя Багратіона и генераловъ Дохтурова и Милорадовича. Князь Багратіонъ, Грузинецъ по происхожденію, былъ герой мужествомъ и замѣнялъ опытностью недостатокъ образованности(12): въ авангардѣ и въ аррьергардѣ, его роль была всегда самою трудною. Генераль Дохтуровъ былъ воинъ благоразумный, скромный, образованный и твердый. Генераль Милорадовичъ, Сербъ родомъ, блестятельный храбростью, но не имѣвшій никакихъ военныхъ позваній, былъ человекъ безпутный жизнью, и соединялъ въ пороки образованности со всеми пороками варварства (13). Характеръ солдатъ русскихъ довольно соответствовалъ характеру ихъ генераловъ. Въ нихъ была храбрость, дикая и худо-направленная. Артиллерія русская была неповоротлива, кавалерія плоха. Вообще, генералы, офицеры, солдаты, составляли армію необразованную, но удивительно страшную своею пре-

(10) Этотъ нелѣпый портретъ одного изъ достопамятѣйшихъ людей своего времени былъ достойно осмѣянъ и осужденъ въ журналахъ и въ нѣтъмъ всѣхъ читавшихъ г-на Тьера. Такова награда легкомысленному историку! *Прим. перев.*

(11) Полководецъ, уничтожившій, обратившій въ прахъ Наполеона, кажется, не имѣетъ надобности въ оправданіи передъ безсальною ненавистью какого-нибудь Французика, который не знаетъ, что Кутузовъ всегда принималъ начальство надъ арміями въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, и только гениальныя дарованія его доставляли ему торжество. *Прим. перев.*

(12) Багратіонъ имѣлъ гений военный, и образованность его доказана на всѣхъ поляхъ, гдѣ сражался онъ. Но кто же были образованные генералы у Наполеона? Ланнъ? Ней? Ожеро, и почти всѣ другіе, выслужившіеся изъ простыхъ солдатъ, и по обращенію походяшіе на буйныхъ мужиковъ, а не генераловъ? Гдѣ они приобрѣли образованность? Не въ трактирахъ ли и рабочихъ мастерскихъ, гдѣ выросли? *Прим. перев.*

(13) Предки Милорадовича были Сербы, но онъ былъ сынъ малороссійскаго помещика, заслуженнаго генерала екатеринивскаго, и послѣ домашняго воспитанія учился 4 года въ Кенигсбергѣ, подъ руководствомъ Канта, потомъ въ Геттингенѣ, у знаменитѣйшихъ профессоровъ, а для узнанія военныхъ наукъ нѣсколько лѣтъ провѣлъ въ Мюнхъ и Страсбургѣ, гдѣ были лучшіе тогда военные профессоры; наконецъ въ Парижѣ онъ блисталъ при дворѣ Маріи-Антуанетты, и всегда былъ благороднѣйшимъ, честнѣйшимъ изъ людей; храбрость же его была равно извѣстна и въ непріятельской и въ нашей арміи. На такого рыцаря безъ страха и укоризны г. Тьеръ осмѣливается шаргать свои клеветы? *Прим. перев.*

данностью (14). Въ-послѣдствіи, русскія войска научились воевать, воюя съ нами, и начали соединять знаніе съ мужествомъ (15).

Кутузовъ до послѣдней минуты не зналъ объ ульмскомъ бѣдствіи, потому-что эрцгерцогъ Фердинандъ и генералъ Маккъ еще наканунѣ несчастія извѣщали его только объ успѣхахъ. Истина открылась, когда генералъ Маккъ явился самъ возвѣстить объ истребленіи главной австрійской арміи. Кутузовъ, справедливо отчаявшись спасти Вѣну, не скрылъ тогда отъ императора Франца, который прискакалъ въ русскую главную квартиру, что надобно пожертвовать столпцемъ. Онъ намѣревался самъ какъ-можно-скорѣе выйти изъ угрожавшей ему опасности, перешедши на лѣвый берегъ Дуная, гдѣ хотѣлъ соединиться съ резервами, подходившими черезъ Богемію и Моравію. Но императоръ Францъ и совѣтъ его рѣшились пожертвовать Вѣною только въ послѣдней крайности, и думали, что, замедливъ походъ Наполеона всеми средствами, какія могла представить оборонительная война, дали бы время эрцгерцогу Карлу перейти въ Австрію, русскимъ резервамъ прійти на Дунай, и, соединивъ все союзныя войска, дать битву, которая, можетъ-быть, спасла бы столицу и монархію. Кутузовъ, соображаясь съ желаніями главнаго союзника своего государя, общалъ противопоставить Французамъ всякое сопротивленіе, которое только не вовлекло бы въ большую, общую битву, и рѣшился, для задержанія непріятеля, воспользоваться всеми притоками Дуная, впадающими въ него съ Альповъ. Для этого стоило только разламывать мосты и затруднять сильными аррьергардами переходъ Французовъ открытою силою, всегда трудный въ такое время года, когда рѣки бурлятъ и несутъ на себя льдины.

Наполеонъ расположилъ свой походъ слѣдующимъ образомъ. Онъ долженъ былъ идти между Дунаемъ и цѣпью Альповъ, по дорогѣ, сжатой между рѣкою и горами. Идти впередъ съ многочисленною арміею по этой тѣсной дорогѣ, было затруднительно въ-отношеніи къ продолжительности и опасно для похода, потому-что, кромѣ эрцгерцога Карла, который могъ перейти изъ Ломбардіи въ Баварію и устремиться въ нашъ тылъ, въ Тироля было около 25 тысячъ человекъ подъ начальствомъ эрцгерцога Юаина. Наполеонъ принялъ противъ этого благо-разумную предосторожность, поручивъ корпусу Нея завоевать Тироль.

(14) Русская армія давно предупредила всѣ клеветы на нее, разбивъ пресловутыхъ Французовъ на всѣхъ поляхъ Европы, и потомъ великодушно защищая ихъ самихъ отъ внутреннихъ междоусобій, послѣ окончательной ссылки Наполеона.

Прим. перес.

(15) Но какими же образомъ были они Французовъ почти при всякой встрѣчѣ: били ихъ въ Италіи, прежде наученія, о которомъ говоритъ г. Тьеръ, били и въ 1805, и 1806 — 7-мъ, и окончательно добились въ 1812, 13-мъ и 14-мъ годахъ? Еще прежде они били и побѣждали Шведовъ, Турковъ, Пруссаковъ, Поляковъ, Персіанъ, всѣхъ, съ кѣмъ только встрѣчались. Странные это ученики, которые побѣждаютъ учителей! На какомъ же основаніи г. Тьеръ навываетъ нашу армію 1805 года необразованною? Эти самые необразованные незадолго разбили и Моро, и Жубера, и Магодальда, и забрали въ плѣнъ нѣсколькихъ будущихъ маршаловъ Наполеона.

Прим. перес.

Онъ предписалъ маршалу выйти изъ Ульма на Кемптенъ и проникнуть въ Тиролю такъ, чтобъ разрѣзать на двое войска, разсыянныя въ тамошней длинной странѣ. У Ней, безъ дивизіи Дюпона, способствовавшей Мюрату преслѣдовать эрцгерцога Фердинанда, оставалось около 10-ти тысячъ человекъ. Но Наполеонъ, доверяя твердости его и 14-ти тысячамъ Ожеро, подходившимъ изъ Франціи, полагалъ, что такихъ силъ достаточно для предполагаемой цѣли. Послѣ занятія Тироля, онъ назначилъ Бернадотту проникнуть въ Зальцбургъ, и приказалъ ему идти изъ Мюнхена къ Инну и переправиться черезъ него въ Вассербургъ или въ Розенгеймъ. Такимъ-образомъ, Наполеонъ обезпечивалъ себя двѣ выгоды: совершенно прикрывалъ себя со стороны Альповъ и оставался повелителемъ верхняго Инна, причемъ Австро-Руссы не могли защищать нижняго теченія рѣки противъ главныхъ силъ нашей арміи. Самъ онъ, съ корпусами маршаловъ Даву, Сульта и Ланна, съ резервомъ кавалеріи и гвардіею, прямо выступалъ противъ великой преграды Инна, располагаясь перешагнуть черезъ нее между Мюльдорфомъ и Браунау. Мюратъ, съ драгунами генераловъ Вальтера и Бомона, тяжелою кавалеріею генерала Гопу и поптонами, получилъ приказаніе двинуться прямо на Мюльдорфъ, следуя изъ Мюнхена по большой дорогѣ черезъ Гогеплинденъ и поля, прославленныя генераломъ Морд. Маршалъ Сультъ долженъ былъ подкрѣплять его въ одномъ переходѣ позади. Даву пошелъ лѣвѣе, Ланцъ еще лѣвѣе Даву. Дивизія Дюпона двинулась ввысь по Дунаю, для овладѣнія Пассау. Наполеонъ съ гвардіею слѣдовалъ за Мюратомъ и Сультомъ, по большой мюнхенской дорогѣ.

Еще не выступая изъ Аугсбурга, Наполеонъ устроилъ систему военныхъ депо, и обращалъ на все тѣмъ болѣе вниманія, чѣмъ болѣе распространялись его дѣйствія. Въ Баваріи, на Лехѣ, онъ избралъ Аугсбургъ и распорядился необходимою защитою этого довольно крѣпкаго и многочисленнаго города, куда велѣлъ свозить все комиссаріатскіе и сѣстные запасы, и гдѣ велѣлъ устроить госпитали. Принявъ такія мѣры предосторожности, полезныя во всякомъ случаѣ, онъ отправился за своими корпусами, шедшими на одинъ или два перехода впереди.

Движенія его арміи исполнялись по его предначертанію. 26-го октября она вся приближалась къ Инну. Австро-Руссы не оставили цѣлымъ ни одного моста; но солдаты наши, кидаясь сильными отрядами въ барки, вездѣ переплывали подъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ, очпщали противоположный бѣрегъ и готовили возстановленіе мостовъ, рѣдко гдѣ совершенно истребленныхъ непріателемъ при поспѣшномъ его отступленіи. Бернадоттъ, встрѣчая не много препятствій, перешелъ черезъ Иннъ 28 октября, въ Вассербургъ, а маршалы Сультъ, Мюратъ и Даву въ Мюльдорфъ и Ней-Эттингенъ. Ланцъ направился къ Браунау, и нашедши мостъ разломаннымъ, послалъ на нѣсколькихъ отнятыхъ баркахъ отрядъ къ другому берегу. Отрядъ переправился черезъ рѣку и явился у воротъ Браунау. Каково было удивленіе нашихъ солдатъ, когда они нашли открытою эту крѣпость, совершенно вооруженную, приведенную въ осадное состояніе и снабженную значительными запасами. Тотчасъ овладѣли ею и заключили изъ такого страннаго со-

бѣгѣ, что непріятель отступаетъ съ поспѣшностью, близкою къ безпорядку.

Наполеонъ, восхищенный столь-важнымъ пріобрѣтеніемъ, прискакалъ самъ въ Браунау, удостовѣриться лично въ томъ, какія средства представляла ему эта крѣпость. Онъ осмотрѣлъ ее и приказалъ перевозить въ нее большую часть запасовъ, которые сначала хотѣлъ собрать въ Аугсбургъ, предпочитая для такого назначенія Браунау. Онъ оставилъ тамъ гарнизонъ и назначилъ командиромъ его своего адъютанта Лористона, возвратившагося изъ морской кампаніи, гдѣ находился онъ при адмиралѣ Вилльневъ. Онъ ввѣрилъ ему не простое командованіе крѣпостью, а правленіе, простиравшееся на всъ резервы, бывшіе сзда арміи. Военные снаряды, съѣстные припасы, раненные, рекруты, шедшіе изъ Франціи, плыныя, отсылаемые туда, все должно было проходить черезъ Браунау, подъ надзоромъ генерала Лористона.

Ноября 5-го, главная квартира Наполеона была уже въ Линцѣ, занятомъ Французами безъ сопротивленія. При движеніи своемъ впередъ, Наполеонъ безпрестанно принималъ новыя предосторожности. До-сихъ-поръ, онъ шелъ по правому берегу Дуная, не заботясь о лѣвомъ. Но слышно было, что въ Богеміи собираются войска, подъ начальствомъ эрцгерцога Фердинанда, вышедшаго изъ Ульма съ нѣсколькими тысячами кавалеріи. Говорили также о второй русской арміи, приведенной Императоромъ Александромъ въ Богемію. Итакъ, надобно было остерегаться и съ этой стороны. Наполеонъ приказалъ дивизіи Дюпона, посланной въ Пассау, идти по лѣвому берегу Дуная, держась на одной высотѣ съ арміею и посылая рекогносцировать дороги изъ Богеміи. Къ Дюпону должны были присоединиться Голландцы, отдѣленные отъ Мармона. Полагая, что и этого недостаточно, Наполеонъ отдавалъ дивизію Газана отъ корпуса Ланна, и также послалъ ее на лѣвый берегъ, вмѣстѣ съ дивизіею Дюпона, отдавъ объ ихъ подѣ начальство маршала Мортъё. Не желая оставить ихъ отдѣленными отъ большой арміи, занимавшей правый берегъ, онъ вздумалъ составить изъ судовъ, собранныхъ на Иннѣ, Траунѣ, Энсѣ, Дунаѣ, многочисленную флотилію, гдѣ были съѣстные припасы, снаряды и всѣ усталые. Идя по Дунаю наравнѣ съ арміею, флотилія могла въ одинъ часъ высадить на правый или лѣвый берегъ десять тысячъ человекъ, соединяла оба берега и служила въ одно время средствомъ сообщенія и перевозки.

Всѣми такими предосторожностями Наполеонъ отвратилъ неудобство марша наступательнаго по узкой и длинной дорогѣ, между Альпами и Дунаемъ. На вершинѣ Альповъ былъ у него корпусъ Мармона; на половинѣ возвышенія ихъ корпусъ Даву, а у подошвы корпуса Сульта, Ланпа, Бернадотта, гвардія, кавалерія Мюрата и наконецъ флотилія связывала все, что двигалось по обоимъ берегамъ рѣки и что трудно было тащить за собою. Въ такомъ грозномъ видѣ приближался онъ къ Вьнѣ.

Когда готовились выехать изъ Линца, въ главную квартиру прибылъ посланный отъ германскаго императора. То былъ генералъ Гюлай, взятый съ другими при Ульмѣ, отпущенный, и рассказавшій своему госу-

дарю о мирныхъ расположеніяхъ Наполеона, слышанныхъ имъ, такъ-что императоръ Францъ рѣшился послать его съ предложеніемъ перемирія. Гюлай не выражался ясно, но явно желалъ, чтобъ Наполеонъ оставовился не входя въ Вѣну, хотя не представлялъ съ своей стороны никакого ручательства въ близкомъ и сообразномъ съ обстоятельствами мирѣ. Наполеонъ не отказывался немедленно говорить о мирѣ съ уполномоченнымъ согласиться на необходимыя пожертвованія; но заключить перемиріе, безъ ручательства получить должное вознагражденіе за военныя издержки, значило дать время другой русской арміи присоединиться къ первой, а эрцгерцогамъ примкнуть къ Русскимъ подъянами Вѣны. Не такой человекъ былъ Наполеонъ, чтобъ сдѣлалъ онъ подобную ошибку. Онъ объявилъ, что остановился бы у воротъ Вѣны и не перешелъ бы за нихъ, еслибъ къ нему явились съ искренними предложеніями мира, но что иначе онъ прямо идетъ къ своей цѣли, которую была столица имперіи. Г. Гюлай упоминалъ о необходимости согласиться съ императоромъ Александромъ прежде, нежели будутъ утверждены условія, которыя примутъ въ воюющія державы. Наполеонъ отвѣчалъ, что императоръ Францъ напрасно подчиняетъ свои рѣшенія императору Александру, находясь въ опасности, которой тотъ не видитъ; что его дѣло думать о своей монархіи, и спасти ее соглашеніемъ съ Франціею, предоставивъ французскимъ арміямъ заботу проводить русскихъ домой. Наполеонъ не сказалъ, какими условіями удовлетворяется онъ, но все знали, что онъ желалъ венеціанскихъ областей. Эти области составляли дополненіе Италіи. Для пріобрѣтенія ихъ, онъ не началъ бы войны; но когда Австрія сама вызвала на нее, то естественно, что онъ желалъ законнаго возмездія за свои победы. Впрочемъ, онъ отдалъ г. Гюлаю письмо къ императору Францу, письмо важливое, краткое, но довольно-ясное касательно условій мира.

Прежде отъезда, Наполеонъ принималъ также курфирста баварскаго, который не могъ застать его въ Мюнхенѣ и пріѣхалъ въ Линцъ, изъяснить ему свою признательность, свое удивленіе, свою радость и особливо надежды на увеличеніе своего государства.

Наполеонъ оставался въ Линцъ только три дня, именно сколько было необходимо для отданія приказаній. Но корпуса его не переставали идти, и перешедъ Иннъ 28 и 29 октября, Траунъ 31, Энсъ 4 и 5 ноября, они приближались въ этотъ самый день къ Амштеттену и Сен-Цельтену. Въ Амштеттенѣ, Русскіе хотѣли дать аррьергардное сраженіе, надѣясь выиграть время и спасти свои обозы. Большая вѣнская дорога проходила черезъ сосновый лѣсъ. Русскіе заняли позицію на подянь, между лѣсомъ, гдѣ было свободное пространство на право и на лѣво отъ дороги. Посреди этого пространства, впереди находилась артиллерія Русскихъ, подкрѣпленная кавалеріею, а позади, къ лѣсу, лучшая въ пѣхота (16). Мюрать и Ланцъ, выступивъ на поляну съ драгуна-

(16) Обыкновенная пѣхота — армейскіе полки. Но г-ну Тьеру хотѣлось назвать ее *лучшею*, для жи, которую увидимъ сейчасъ. *Прим. перес.*

ми и съ гренадерами Удино, увидѣли распоряженіа непріятеля. Они въ первый разъ встрѣтились съ Русскими и снѣжили показать имъ, какъ сражаются Французы (17). Драгуны и конные егеря пустились по большой дорогѣ на артиллерію и кавалерію непріятельскую. Не смотря на картечный огонь, наши храбрые кавалеристы скоро взяли пушки, изрубили русскую кавалерію и очистили пространство (18). Надобно было еще сломить пѣхоту, прислоненную къ сосновому лѣсу. Гренадеры Удино взяли это на себя. Послѣ жесточайшаго ружейнаго огня, они пошли на штыки противъ Русскихъ, которые показали рѣдкую храбрость, бились въ рукопашной схваткѣ и долго сопротивлялись, пользуясь частымъ лѣсомъ. Наконецъ, наши гренадеры вытѣснили ихъ изъ этой позиціи, обратили въ бѣгство, и убили, ранили и взяли въ плѣнъ у нихъ тысячу человекъ (19).

Мюратъ и Ланнъ шли вмѣстѣ, первый съ своею пеусыпною, хотя извуренною кавалеріею, второй съ своими страшными гренадерами. Они продолжали преслѣдовать непріятеля 6, 7 и 8 ноября, но нигдѣ не могли настичь его. «Русскіе» висали Ланнъ къ Наполсону, «бѣгутъ еще скорѣе, нежели мы преслѣдуемъ ихъ; эти ничтожные ни разу не остаются по-даться» (20). 8 числа, передъ Сен-Пельтепомъ, Ланнъ и Мюратъ увидѣли ихъ въ боевомъ порядкѣ, но-видному, готовыхъ вступить въ сраженіе. Оба начальника нашего авангарда, не смотря на свою пылкость, не осмѣлились вступить въ битву безъ императора, тѣмъ болше, что не имѣли достаточныхъ средствъ дать се. Весь день 8 числа оставались другъ передъ другомъ, вблизи красиваго Мѣльскаго Аббатства.

Разные слухи извѣстили Мюрата, что Русскіе не намѣрены держаться въ Сен-Пельтепъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, они приняли важное рѣшеніе. Уничтоженіемъ мостовъ и аррьергардными сраженіями задержавъ походъ Французовъ, и исполнивъ желаніе императора австрійскаго, который хотѣлъ, чтобъ какъ-можно-долѣе оспаривалъ большую вѣнскую дорогу, Русскіе думали, что сдѣлали уже довольно и помышляли о собственной своей безопасности. Они переправились черезъ Дунай въ Кремсъ, тамъ, гдѣ опъ, окончивая свой загибъ къ сѣверу, снова направляется къ востоку. Больше всего побудило ихъ къ тому извѣстіе, что часть

(17) Французы уже встрѣчались съ Русскими на поляхъ Италіи и были разбиты ими, слѣдовательно, показали свою храбрость! *Прим. перес.*

(18) Все это чистая ложь! Никогда кавалерія не ходитъ прямо на пушки, не шла и тутъ, слѣдственно, не взяла ихъ, и что еще лучше: на всемъ отступленіи Кутузова отъ Брауннау до Ольмюца, Русскіе не потеряли ни одной пушки! Слышите ли, г-нъ Тьеръ: ни одной! Не во снѣ ли видѣли вы, что ваши кавалеристы брали гдѣ-нибудь пушки? *Прим. перес.*

(19) Сколько тутъ правды, можно судить потому, что подъ конецъ сраженія при Амштеттепѣ Французы отступили въ безпорядкѣ и были преслѣдуемы нашими. Могли ли они забрать плѣнныхъ въ своемъ бѣгствѣ? См. основанное на офенціальныхъ документахъ *Описаніе Войны 1805 года*, соч. ген.-лейт. Михайловскаго-Данилевскаго, стр. 93-я. *Прим. перес.*

(20) Хвастовство, недостойное образованнаго генерала, который долженъ былъ знать, что не робость побуждала Русскихъ къ отступленію. *Прим. перес.*

Французской арміи перешла на лѣвый берегъ Дуная. Въ-самомъ-дѣлѣ, они могли опасаться, что Наполеонъ неожиданнымъ маневромъ перенесетъ главныя силы свои на лѣвый берегъ и отрѣжетъ ихъ отъ Моравіи и Богеміи. Въ-слѣдствіе того, они перешли черезъ Дунай въ Кремсъ и сожгли за собою мостъ. Другаго средства не было, потому — что укрѣпленія для защиты моста и прочаго обладанія имъ были едва начаты. 9 числа совершили они свой переходъ, оставивъ во всемъ австрійскомъ эрцгерцогствѣ страшныя слѣды своего пребыванія (21). Они грабили, опустошали, даже убивали, словомъ, поступали какъ варвары, такъ-что жители почитали Французовъ почти освободителями своими (22). Русскіе обходились съ австрійскими войсками совсѣмъ не какъ друзья, а чрезвычайно высокомерно и сдѣлали на нихъ весь бѣдствіи похода. Офицеры и генералы русскіе выражались на этотъ счетъ съ оскорбительною и ни мало незаслуженною заносчивостью, потому-что если Австрійцы не оказывали такой стойкости, какъ русскіе пѣхотинцы, то были выше ихъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ (23).

Австрійцы не ладили съ Русскими и отдѣлились отъ нихъ: они пошли защищать вѣнскіе мосты, и г. Мерфельдъ съ своимъ корпусомъ отступилъ по штейерской дорогѣ на Леобенъ (24). За нимъ шли Мармонъ и Даву. Прямая дорога въ Вѣну была открыта Французамъ: въ два перехода они могли быть у воротъ австрійской столицы, и никто не сталъ бы оспаривать у нихъ вступленія въ нее.

Искушеніе было слишкомъ-велико для Мюрата. Могъ ли онъ устоять противъ желанія кинуться впередъ и показать столицѣ Австріи себя, всегда самаго виднаго на смотрахъ и въ опасностяхъ? Никогда армія, пришедшая съ запада, не проникала до столицы германской имперіи. Моро въ 1800 г. и генералъ Бонапарте въ 1797 г. подписали перемирія передъ самымъ входомъ въ нее. Только Турки были подъ стѣнами ея, но не прошли за нихъ. Мюратъ не устоялъ противъ искушенія, и 10 и 11 шедъ къ Вѣнѣ, побуждая Сульта и Ланна идти за собою. Онъ, однакожъ, остерегся вступить въ нее и остановился въ Буркерсдорфѣ, въ гористой дефилеѣ Каленберга, въ двухъ лѣ отъ Вѣны.

(21) Война всегда и неизбежно оставляетъ страшныя слѣды послѣ себя.

Прим. перев.

(22) Вотъ уже это жестокая пропія г. Тьера надъ своими земляками! Русскіе, проливавшіе свою кровь за Австрійцевъ—губили ихъ, а Французы, которые въ Россіи оставили вездѣ послѣ себя только пожары и пустыни, не уваживъ даже никакой святини—Французы, противъ которыхъ нѣсколько разъ возставали Австрійцы и наконецъ возсталъ вся Европа, были освободители Австрійцевъ!

Прим. перев.

(23) Могли ли Русскіе говорить съ уваженіемъ объ австрійскихъ войскахъ тотчасъ послѣ Ульма? Могли ли и до самаго окончанія войны почитать ихъ равными себѣ въ мужествѣ и военномъ искусствѣ? Дѣла говорятъ лучше словъ. *Прим. перев.*

(24) Почему же здѣсь г. Тьеръ умалчиваетъ о совершенномъ пораженіи графа Мерфельда? Почему лишаетъ себя еще одного доказательства, что Русскіе тогда должны были почитать равными себѣ Австрійцевъ, всюду поражаемыхъ.

Прим. перев.

Поспешность бесполезная и даже опасная. Непредвидѣнная перемена, открытая въ движеніи непріятеля, стоила того, чтобъ остановиться и ждать приказаній императора. Сверхъ-того, корпусъ маршала Мортъе и флотилія, назначенная соединять его съ арміею, оставались далеко назадъ; а между-тѣмъ, завязавъ глаза, Мюрать кидался между Русскими, перешедшими на другой берегъ Дуная, и Австрійцами, отброшенными въ горы.

Дѣйствительно, въ это время сильная схватка угрожала маршалу Мортъе, бывшему на лѣвомъ берегу Дуная и подошедшему къ Штейну, гдѣ находились Русскіе, перешедшіе черезъ рѣку въ Кремсъ. Опасность, какой подвергся Мортъе, произошла не прямо отъ Мюрата, хотя онъ способствовалъ ей и увеличилъ ее своимъ поспѣшнымъ движеніемъ къ Ваизъ, но отъ небрежности, почти никогда не встрѣчаемой въ дѣйствіяхъ, управляемыхъ Наполеономъ, однако случившейся въ этотъ разъ, потому-что бывають промахи въ самой неутомимой и постоянной бдительности.

При тысячь разнообразныхъ заботъ, Наполеонъ отступилъ отъ одного изъ самыхъ неизмѣнныхъ своихъ обычаевъ: удостовѣриться въ исполненіи отданныхъ имъ приказаній. Онъ предписалъ въ общихъ выраженіяхъ соединить корпусъ изъ дивизій Газана, Дюпона и Дюмоисо, составить флотилію для связи колоннъ, шедшихъ по обоямъ берегамъ рѣки, и слишкомъ положился на своихъ помощниковъ въ соглашеніи всего этого. Мюрать двинулся впередъ слишкомъ-скоро; Мортъе, увлеченный ли движеніемъ Мюрата, или не давшій точныхъ предписаній Дюпону, оставилъ интервалъ на цѣлый переходъ между дивизіею Газана, которая была при немъ, и дивизіями Дюпона и Дюмоисо, которыя должны были присоединяться къ нему. Флотилію трудно было соединить и она оставалась далеко назадъ.

Наполеонъ быстро замѣтилъ эти неточности, поспѣшилъ въ Мелькъ и, угадавъ опасность Мортъе, хотя еще не зналъ о ней, остановилъ корпусъ Сульта, который Мюрать хотѣлъ увлечь за собою, и послалъ адъютантовъ къ Мюрату и Ланну замедлить ихъ движеніе. Онъ опасался не только за корпусъ, кинутый на лѣвый берегъ Дуная, но и за самый авангардъ, неосторожно вступившій въ дефилеи Каленберга.

Нигдѣ ошибки не бывають такъ скоро наказаны, какъ на войнѣ, потому-что нигдѣ причины и дѣйствія не сблизаются такъ быстро. Русскіе, ведомые на земля Австрій однимъ изъ лучшихъ офицеровъ австрійскаго генеральнаго штаба, полковникомъ Шмитомъ (1), тотчасъ замѣтили, что одна французская дивизія остается отдѣльною на лѣвомъ берегу Дуная, и рѣшились разгромить ее. Обезпеченные истребленіемъ моста въ Кремсъ, безъ котораго французская армія не могла помочь отдѣленной дивизіи, и не вида большаго числа судовъ, которыя замѣняли бы мостъ, они остановились воспользоваться торжествомъ, по-видимому легкимъ. Въ дивизіи Газана считалось едва 5000 человекъ; Русскихъ было еще около 45 тысячъ послѣ отдѣленія отъ нихъ Австрійцевъ. Мѣстность способствовала ихъ намѣреніямъ. Дунай течетъ въ этомъ мѣстѣ среди утесистыхъ береговъ, сжатый горами Богеміи съ

одной стороны и Альпами Штирии съ другой. Отъ Дирнштейна къ Штейну и Кремсу, дорога лѣваго берега, тѣсная, видъ изъясненная въ скалы, заперта между рѣкою и горами, повелевающими ею. Экипажи съ трудомъ провзажаютъ по ней. Потому-то Мортъе, проходившій тутъ съ дивизіею Газана, поставилъ на суда единственную батарею, которою могъ располагать. Лошадей вели за дивизіею.

11-го ноября, когда Миуратъ спѣшилъ по правому берегу къ воротамъ Вьны, Мортъе на лѣвомъ берегу прошелъ Дирнштейнъ, гдѣ есть развалины замка, въ которомъ содержался плѣнникомъ Ричардъ-Львиное-Сердце. Около Дирнштейна высоты нѣсколько удаляются отъ берега и оставляютъ пространство между своею подошвою и рѣкою. Дорога то углубляется, то идетъ выше почвы, по шоссе. Французская дивизія, зашедшая на эту дорогу, замѣтила дымъ Кремскаго-Моста, который еще горѣлъ. Вскорѣ она увидѣла Русскихъ, и уже не сомнѣвалась, что они перешли тутъ черезъ Дунай. Не давая себѣ полного отчета, что такое было передъ нею, она, воспламененная общимъ жаромъ, увлекавшимъ всю армію, желала только идти впередъ и сражаться (25). Мортъе отдалъ приказаніе и тотчасъ все было готово къ бою. Артиллерійскій офицеръ, въ-послѣдствіи генералъ Фавье, начальникъ батареи при дивизіи Газана, выгрузилъ свои пушки и поставилъ ихъ на позицію. Русскіе сжатою массою ринулись на французскую дивизію. Огонь артиллеріи произвелъ въ ихъ рядахъ жестокое опустошеніе. Они кинулись на пушки и старались захватить ихъ; пѣхота линейныхъ полковъ 100-го и 103-го защищала ихъ съ чрезвычайною твердостью. На тѣсвой дорогѣ завязался отчаянный рукопашный бой. Пушки были взяты и немедленно опять отбиты. Едва вырвали ихъ у Русскихъ, какъ опять начали стрѣдать почти въ упоръ и произвели тѣмъ страшное дѣйствіе. Французы, поставленные на всѣхъ малѣйшихъ возвышеніяхъ, наносили ружейнымъ огнемъ своимъ пораженіе такое же, какъ огнемъ своей артиллеріи. Полъ-дня сражались на этомъ пунктѣ, и суда по числу равныхъ, найденныхъ на другой день, непріятель потерпѣлъ большую потерю. У него захватили 1500 человекъ въ плѣнъ (26). Окончательно удержали за собою мѣсто сраженія, и думали, что могли отдохнуть.

Сражаясь ушли впередъ до Штейна. 4-й легкій полкъ, разсыпанный на высотахъ, господствующихъ надъ рѣкою, поддерживалъ тамъ сильный ружейный огонь, который ежеминутно дѣлался живѣе. Скоро объяснилась и причина этого, сначала неспостижимая. Русскіе обошли высоты. Двумя колоннами, составлявшими отъ 12-ти до 15-ти тысячъ человекъ, они спустились позади дивизіи Газана и вошли въ Дирнштейнъ, пройденный ею утромъ. И такъ, она была окружена и отдалена отъ дивизіи Дюпона, оставшейся на одинъ переходъ позади. На

(25) Все дѣло подъ Кремсомъ показываетъ только грубое дѣйствіе Мортъе-столѣтняго его вѣдѣнныихъ, такъ же какъ искусство и храбрость Русскихъ. Но посмотрѣть бою, конечно сейчасъ г. Тьеръ будетъ расхваливать Мортъе за глупое его дѣло. ne jougâbe

Прим. перес. 186.

(26) Просто — неправда! Прим. перес.

Дунай не было видно никакой части флотилии, и, следовательно, оставалось мало надежды спастись (27). Приближалась почь; положение было ужасно, и притом не сомневались, что были посреди целой армии. В такой крайности, явной для всякаго, не пришло в голову никому, ни офицеру, ни солдату, сдаться. Единственный выбор перелъ глазами этих храбрых людей былъ — умереть всѣмъ, до послѣдняго, но не сдаться — таковъ былъ геройскій духъ всей армии (28). Маршалъ Мортъе думалъ, какъ его солдаты, и, какъ они, рѣшился лучше умереть, нежели отдать Русскимъ свою маршальскую шпагу. Онъ приказалъ идти колонною и пробиваться на штыкахъ, возвращаясь къ Дирнштейну, гдѣ должно было соединиться съ дивизіею Дюпона. Настала почь. Въ темнотѣ снова начали бой, давший Русскимъ поутру, только въ противоположномъ направленіи. На этой тѣсной дорогѣ кипѣлъ рукопашный бой, и люди были такъ близо другъ къ другу, что часто схватывались за горло. Сражаясь такимъ образомъ, приближались къ Дирнштейну. Но, пробившись сквозь нѣсколько громадъ непріятеля, отчаявались достигнуть цѣли и открыть себѣ дорогу, непрерывно замыкающуюся. Нѣкоторые офицеры Мортъе, не провидя спасенія, предлагали ему одному свѣсть въ лодку и извѣстить по-крайней-мѣрѣ самого себя отъ Русскихъ, ревнуя не дать имъ такого трофея, каковымъ былъ бы маршалъ Франціи.—«Нѣтъ» отвѣчалъ знаменитый маршалъ: «съ такими храбрыми людьми не расстаются. Или спасаются, или погибаютъ вмѣстѣ съ ними.» Со шпагою въ рукѣ, онъ сражался впереди своихъ гренадеровъ и непрерывно наступалъ вновь, пробиваясь въ Дирнштейнъ, когда вдругъ послышался позади Дирнштейна сильнѣйшій ружейный огонь. Надежда возродилась тотчасъ, потому-что, по всѣмъ вѣроятіямъ, это была дивизія Дюпона. Въ-самомъ-дѣлѣ, эта храбрая дивизія шла цѣлый день, когда на пути узнала объ опасномъ положеніи маршала Мортъе и послѣдила на помощь къ нему. Генералъ Маршанъ, съ 9-мъ легкимъ и 96-мъ и 32-мъ линейными полками, тѣми самыми, которые отличались при Газлахъ, бросился въ тѣснину. Одни шли прямо по дорогѣ къ Дирнштейну, другіе по отлогостямъ горъ; бой въ дефилеяхъ съ этой стороны завязался столько же свирѣпый, какъ и съ другой, въ дивизіи Газана. Наконецъ, 9-й легкій полкъ пробился въ Дирнштейнъ, куда съ другой стороны входилъ Мортъе. Обѣ колонны соединились и опознали одна другую при блескѣ огня. Солдаты обнимались, въ радости, что избѣгли такого бѣдствія.

(27) Некусно приготовилъ себѣ такое положеніе Мортъе? Не некусны были Русскіе? Кажется, это не показываетъ армию необразованной, какъ называлъ ее г. Тьеръ.

Прим. перев.

(28) Хвастовство нестерпимое! Не только солдаты и офицеры, которые упранивались, Мортъе бѣжали, но полковники и генералы были постигнуты паническимъ страхомъ, даже бѣжали, но были при томъ захвачены въ плѣнъ, какъ-то: генералъ Грепскіихъ и другіе. См. Описаніе войны 1805 года, соч. генерала Михайловскаго-Данищевъ. до, стр. 107. Тамъ кремское сраженіе описано по официалнымъ свидѣніямъ.

Прим. перев.

этомъ ма

Потери были жестоки съ обѣихъ сторонъ, но слава не равна, потому-что 5000 Французовъ сопротивлялись больше нежели 30,000 Русскихъ (29), и пробившись, спасли свои знамена (30). Вотъ примѣры, на которые должно вечно указывать (31). Солдаты, рѣшившіеся умереть, всегда могутъ спасти свою честь и часто успѣваютъ спасти свою свободу и жизньъ.

Мортъѣ пашель въ Дирштейнъ 1500 пѣхотныхъ, взятыхъ имъ утромъ. Русскіе потеряли убитыми, ранеными и плѣнными около 4,000 человекъ (35). Въ томъ числѣ былъ полковникъ Шмитъ. Непріятеля не могли испугать болѣе чувствительной потерей и вскорѣ пришлось имъ горько пожалеть о ней. Французы насчитывали 3,000 выбывшихъ изъ строя, убитыми и ранеными. Въ дивизіи Газана убыла половина людей.

Наполеонъ, бывшій въ Мѣлькѣ, узналъ развязку этой встрѣчи, и успокоился, потому-что страшился совершеннаго истребленія дивизіи Газана. Онъ восхищался поступками Мортъѣ (33) и его солдатъ, и поставилъ самыя блестящія награды обѣимъ дивизіямъ, Газана и Дюпона. Онъ перевелъ ихъ на правый берегъ Дуная, дать имъ время перевязать свои раны, и назначилъ Бернадотта замѣнить ихъ на лѣвомъ берегу. Но онъ негодовалъ на Мюрата за безсвязность въ общемъ движеніи различныхъ колоннъ арміи. Характеръ Наполеона былъ снисходителенъ, но умъ его строгъ. Онъ предпочиталъ блестящей храбрости простое, твердое, разсудительное мужество, хотя пользовался всякаго рода храбростью, какую только встрѣчалъ въ своихъ арміяхъ. Онъ обыкновенно былъ строгъ къ Мюрату и не любилъ его легкомыслія, хвастовства, безпокойнаго честолюбія, отдавая всю справедливость прекрасному его сердцу и блестящему мужеству. Онъ написалъ къ нему письмо жестокое и не совсѣмъ заслуженное... «Не могу одобрить вашего похода. Вы идете какъ бѣшеный, и не взвѣшиваете приказаній,

(29) По г. Тьеръ самъ сказалъ, что въ одной дивизіи Газана было 3000 человекъ, да, конечно, не меньше въ дивизіи Дюпона, безъ которой Мортъѣ навѣрно былъ бы истребленъ или взятъ. Успѣхъ Русскихъ былъ бы еще больше, еслибъ Шмитъ, котораго такъ хвалятъ г. Тьеръ, не завелъ Дохтурова самъ не зная куда. См. Описаніе войны 1805 г., стр. 104.

(30) Пѣть, одно знамя было взято московскимъ мушкетерскимъ полкомъ.

Прим. перев.

(31) Какъ на примѣръ грубой оплошности — можно указывать на Мортъѣ подлѣ Кремля, гдѣ онъ попалъ въ ловушку и спасся единственно отъ неискusstва г-на Шмита, который завелъ Богъ-знаетъ куда Дохтурова и далъ время прійти Дюпону.

Прим. перев.

(32) Пѣхотныхъ у Французовъ не могло быть, когда они были разбиты, оббидены, и если бы прежде взятые ими пѣхотные находились въ Дирштейнѣ, то они освободились бы по взятіи города Дохтуровымъ. Напротивъ, Русскіе взяли въ плѣнъ 1500 Французовъ. У насъ выбыло изъ строя всего около 2000 человекъ. См. Описаніе войны 1805 года., стр. 108.

Прим. перев.

(33) Едва-ли! Наполеонъ побольше г-на Тьера понималъ военное дѣло. Достовернѣе французскіе писатели описываютъ гибель его при извѣстіи о кремскомъ боѣ, который самъ онъ называлъ въ своемъ 22-мъ бюллетенѣ: Cette journée a été une journée de massacre. См. Описаніе войны 1805 года., стр. 108 и 112.

Прим. перев.

«мною вамъ отданныхъ. Русскіе не стали прикрывать Вьны и перешли черезъ Дунай въ Кремсъ. При такомъ необыкновенномъ обстоятельстве могли бы вы понять, что не можете дѣйствовать безъ новыхъ инструкцій... Не зная намѣреній непріятеля, не зная моеї воли при этомъ новомъ оборотѣ дѣлъ, вы заноситесь съ моею армією къ Вьнѣ... Вы думаете только блеснуть входомъ въ Вьну... Но слава тамъ, гдѣ опасность, и нѣтъ славы вступать въ беззащитную столицу.»

Мюрать искупалъ тутъ ошибки всѣхъ. Онъ, конечно, шелъ слишкомъ-скоро; но когда бы остался передъ Кремсомъ безъ мостовъ и безъ судовъ, то немного пособилъ бы Мортъе, который былъ въ бѣдѣ особенно отъ большаго разстоянія, оставленнаго между дивизіями Газана и Дюпона, и отъ удаленія флотиліи. Мюрать очень опечалился. Наполеонъ узналъ о томъ отъ своего адъютанта Бертрана, и поправилъ обязательными словами дѣйствіе своего жестокаго выговора.

Желая извлечь выгоду изъ самой ошибки Мюрата, Наполеонъ предписалъ ему, что какъ онъ уже былъ въ виду Вьны, то не входить туда, а пройти вдоль городскихъ стѣнъ и захватить большой мостъ на Дунаѣ, наведенный въ предместьи. По занятіи моста, приказывалъ онъ, немедленно выступить на моравскую дорогу и прежде Русскихъ прійти на тотъ пунктъ, гдѣ дорога изъ Кремса соединяется съ большою ольмюцкою дорогою. Занятіе моста и потомъ быстрый маршъ давали возможность преградить отступленіе Кутузова въ Моравію, и подвергнуть его такому же бѣдствію, какъ генерала Макка. Мюрать имѣлъ тутъ случай заглядеть свою вину и спѣшилъ воспользоваться тѣмъ.

Невѣроятно было, однакожь, чтобъ Австрійцы не востребовали вьнскихъ мостовъ, и Наполеонъ, отдавая приказаніе занять ихъ, не надеялся, чтобъ можно было исполнить его.

Австрійцы не стали защищать Вьны. Эта прекрасная и огромная столица окружена правильно стѣною, тою самою, которая удержала Турковъ въ 1683 году; но съ-тѣхъ-поръ, она увеличилась обширными предместьями, также окруженными невысокою стѣною, въ видѣ редантовъ. Все это послужило бы плохую защитою, и потому императоръ Францъ поручилъ графу Врбнѣ принять Французовъ и условиться съ ними о мирномъ занятіи столицы; но рѣшено было оспаривать у нихъ переходъ черезъ рѣку.

Вьна расположена въ некоторомъ разстояніи отъ Дуная, текущаго лѣвѣе города, среди лѣсистыхъ острововъ. Большой деревянный мостъ черезъ различные рукава рѣки служитъ для сообщеній одного берега съ другимъ. Австрійцы были готовы взорвать его при появленіи Французовъ и стояли на лѣвомъ берегу съ заряженными пушками: тутъ было семь или восемь тысячъ человекъ подъ командою графа Ауэрберга.

Мюрать легко приблизился къ мосту, не заходя въ городъ. Тогда со всѣхъ сторонъ распространялись слухи о перемиріи. Наполеонъ, по прибытіи въ Шёнбрунскій-Дворецъ, находящійся на дорогѣ около Вьны, принималъ депутацію жителей, пришедшую просить его о снисхожденіи. Онъ прінялъ ихъ со всеми знаками уваженія къ образо-

ванному народу; выслушалъ также г. Гиула, прибывшаго повторить предложенія, сдѣланныя имъ въ Линцѣ. Такимъ-образомъ, мысль омермири, предвѣстникъ мира, быстро распространилась. Въ то же время, Наполеонъ возобновилъ Мюрату и Ланну приказанія захватывать, если можно, мосты; но они не имѣли надобности въ новыхъ подстреканіяхъ. Поставивъ гренадеровъ Удино за рощами, обрамляющими Дунай, сами они, съ нѣсколькими адъютантами, подѣхали къ предмостному укрѣпленію. При появленіи ихъ, сторожевой гусарь выстрѣлилъ изъ карабина и ускакалъ. За нимъ гнались до большаго моста, перекинутаго черезъ главный рукавъ, гдѣ австрійскій унтер-офицеръ артиллеріи, съ важненнымъ фитилемъ, готовился взорвать мостъ, подъ которымъ были приготовлены зажигательныя вещества. Унтер-офицера схватили и такъ достигли другаго берега, гдѣ сказали австрійскимъ канонерамъ, что перемиріе подписано или немедленно будетъ подписано, что идутъ переговоры о мирѣ, и что надобно объясниться о томъ съ генераломъ, начальствующимъ войсками.

Изумленные Австрійцы оставались въ недоумѣніи и провели генерала Бертрана къ графу Ауэрсбергу. Австрійцевъ убаюкивали разговорами, стоя передъ жерлами ихъ пушекъ, когда вдругъ появилась изъ-за деревьевъ колонна гренадеровъ. Канонеры хотѣли открыть пальбу, но Ланнъ, Мюратъ и офицеры ихъ бросились къ нимъ, уговарили и дали время своей колоннѣ подойти, захватить и обезоружить артиллеристовъ. Графъ Ауэрсбергъ, не понимая самъ, какъ это случилось, въ смущеніи отступилъ съ своими войсками отъ берега.

Наполеонъ съ восхищеніемъ узналъ о неожиданномъ занятіи мостовъ на Дунаѣ, и немедленно велѣлъ резерву кавалеріи, корпусамъ Ланна и Сульта, идти на Голлабрунъ, отрезать Кутузову отступление. Самъ онъ оставался въ Шёнбрунскомъ-Дворцѣ и поручилъ генералу Кларку главное начальство надъ Вѣною, предоставивъ полицейскій надзоръ городской милиціи. Онъ приказалъ наблюдать строжайшую дисциплину и не позволилъ прикасаться къ частной собственности, присвоивъ себѣ только государственную казну и арсеналы. Въ большомъ арсеналѣ вѣнскомъ были неисчислимыя богатства: сто тысячъ ружей, двѣ тысячи артиллерійскихъ орудій, снаряды всякаго рода. Удивлялись, что они не вывезены были по Дунаю и завладѣли ими для арміи.

Наполеонъ расположилъ потомъ свои войска такъ, что они крѣпко охраняли столицу, наблюдали дорогу отъ Альповъ, откуда вскорѣ могли прійти эрцгерцоги, дорогу изъ Венгріи, откуда могли они прійти неслѣ, и наконецъ изъ Моравіи, на которой Русскіе были въ большихъ силахъ.

Генералъ Кутузовъ принялъ направленіе къ Моравіи, а не къ Богеміи, потому-что и другая русская армія обратилась къ Ольмюцу, на границѣ Моравіи и Галлиціи. Онъ приближался къ Голлабруну, шви въпереди князя Багратиона, и съ изумленіемъ и ужасомъ узналъ, что Французы уже на большой дорогѣ, по которой хотѣлъ онъ идти, следовательно, могъ быть узнанъ, что ему отрадутъ путь. Онъ употребилъ противъ Мюрата хитрость, которую тотъ употребилъ противъ

Австрийцевъ при запятіи мостовъ на Дунавъ. При немъ былъ генералъ Винцингероде, тотъ самый, который условливался о планъ похода. Онъ послалъ его къ Мюрату (34) повторять выдумки, обманувшія графа Ауэрсберга, что въ Шёнбруннѣ уполномоченные готовы подписать миръ. Онъ предложилъ Мюрату перемиріе, основанное на томъ, чтобъ оставаться на тѣхъ мѣстахъ, какія занимали войска, такъ-что прекращеніе военныхъ дѣйствій не переменяло ничего. Въ случаѣ возобновленія ихъ, обязывались извѣстить другъ друга за шесть часовъ впередъ. Винцингероде искусно льстилъ Мюрату, который, сверхъ-того, почиталъ за честь быть первымъ посредникомъ мира, и принялъ перемиріе, только съ условіемъ, чтобъ императоръ утвердилъ его. Справедливость требуетъ прибавить довольно-важное соображеніе, особенно побудившее къ этому ошибочному поступку. Корпусъ Сульта еще не пришелъ, и Мюратъ боялся, что съ своею кавалеріею и гренадерами Удино онъ будетъ не въ силахъ заслонить Русскимъ дорогу. Немедленно послалъ онъ адъютанта въ главную квартиру съ проектомъ перемирія.

На другой день посѣщали другъ друга. Князь Багратионъ пріѣхалъ къ Мюрату, оказывалъ много предупредительности и любознѣтства видѣть французскихъ генераловъ, особливо знаменитаго маршала Ланна (34). Тотъ былъ очень-простъ въ обращеніи, но тѣмъ не менѣе въжливъ какъ воинъ: онъ сказалъ Багратиону, что еслибъ былъ одинъ, то они въ это время сражались бы, а не размынивались учтивостями. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ это время, русская армія, прикрываясь аррьергардомъ Багратиона, который казался неподвижнымъ, быстро уходила позади такого прикрытія и достигала дороги въ Моравію. Такъ Мюратъ, обманутый въ свою очередь, допустилъ непріятеля отплатить себя за вѣнскій мостъ.

Вскорѣ прибылъ адъютантъ императора, генералъ Лемарруа, съ жестокимъ выговоромъ Мюрату за ошибку его и съ приказаніемъ ему и маршалу Ланну атаковать непріятеля немедленно, въ какой бы часъ ни пришло это повелѣніе. Ланнъ послалъ, однакожъ, къ Багратиону офицера, предупредить его о полученномъ приказаніи. Распоряженія къ атакъ были сдѣланы тотчасъ. У Багратиона было отъ 7 до 8 тысячъ человекъ, но онъ хотѣлъ окончательно прикрыть движеніе Кутузова и принялъ благородную рѣшимость лучше погибнуть, нежели уступить. Ланнъ двинулъ на него своихъ гренадеровъ. Построить войскъ пельзамъ было иначе, какъ въ двѣ линіи пѣхоты, развернутыя одна противъ другой и нападающія одна на другую почти на ровной почвѣ. Нѣсколько времени, они производили другъ въ друга сильный и убійственный

(34) Первоначально самъ Мюратъ прислалъ съ предложеніемъ перемирія, въ свѣдѣствіе чего и былъ отправленъ къ нему Винцингероде. См. Описаніе войны 1805 г., стр. 125. *Прим. перс.*

(35) Начега этого не было, и никогда Багратионъ не ѣздилъ въ лагерь Французовъ, въ которыхъ онъ видѣлъ не только непріятелей, но враговъ своего отечества и цѣлаго міра. Эта жестокость его, объясняемая обстоятельствами, лучше всего показываетъ сколько правды въ словахъ г. Тьера. *Прим. перс.*

ружейный огонь, потом ударили въ штыки и, что рѣдко бывасть на войнѣ, обѣ громады пѣхоты съ рѣшимостью шли на встрѣчу одна противъ другой, и сошлись безъ колебанія. Въ рукопашной схваткѣ, гренадеры Удино одолѣли багратионовыхъ пѣхотинцевъ и нанесла имъ пораженіе. Потомъ, почью, при свѣтъ пожара, оспаривали другъ у друга сожженную деревню Шёнграбенъ, которая наконецъ осталась во власти Французовъ (36). Русскіе сражались мужественно. Они потеряли при этомъ почти половину своего аррьергарда, около 3 тысячъ человекъ, изъ которыхъ 1,500 остались на полѣ сраженія (37). Князь Багратионъ, своею рѣшимостью, явилъ себя достойнымъ соперникомъ маршала Мортё при Дириштейнѣ (38). Кровавое сраженіе шёнграбенское происходило 16 ноября. Въ слѣдующіе дни, шли впередъ, на каждомъ шагѣ забирая пленныхъ, и 19 числа вступили въ Брюннъ, столицу Моравіи. Тамъшнюю крѣпость нашли вооруженною и въ ней множество всякихъ запасовъ. Цесарьтеми и не думали защищать ея. Они оставили Наполеону важную позицію, откуда онъ властвовалъ Моравію и могъ свободно наблюдать и ожидать движенія Русскихъ.

Наполеонъ получилъ извѣстіе о послѣднемъ сраженіи и повѣхалъ въ Брюннъ, потому-что изъ Италіи доносили ему о дѣльномъ отступленіи эрц-герцоговъ въ Венгрію; и онъ постигъ, что главное дѣло будетъ у него съ Русскими. Онъ измѣнилъ нѣсколько расположеніе корпуса Даву вокругъ Вьны. Дивизію Гюдена, которая уже це была необходима на дорогѣ въ Штирію послѣ отступленія эрц-герцоговъ, отправилъ онъ къ Пресбургу. Дивизію Фріана, того же корпуса, поставилъ онъ передъ Вьною, на моравской дорогѣ. Дивизія Биссона (временно дивизія Каэфарелла) была отдалена отъ корпуса Даву и послана къ Брюнну, на смѣну въ корпусъ Лавна дивизіи Газана, оставленной въ Вьнѣ.

По прибытіи въ Брюннъ, Наполеонъ перенесъ туда свою главную квартиру 20 ноября. Генералъ Гюлай, уже вмѣстѣ съ господиномъ Стадіономъ, явился къ нему говорить о мирѣ болѣе основательнымъ образомъ. Наполеонъ изъявлялъ обоимъ вмѣ свое желаніе положить оружіе и возвратиться во Францію, по объяснилъ и условія, которыя необходимы для того. Онъ уже не допускалъ, чтобы Италія, раздѣленная между Францію и Австрію, оставалась предметомъ недовѣрчивости и войны между ними. Онъ желалъ ее всю, до Изонцо, то-есть, требовалъ венеціанскихъ областей, единственной части Италіи, которую оставалось ему завоевать. Онъ не сказалъ, чего потребуетъ для своихъ со-

(36) Цѣль Багратиона была—отступать сражаясь, и потому естественно, что онъ оставилъ Шёнграбенъ. *Прим. перес.*

(37) Вся потеря Багратиона, до самаго присоединенія къ Кутузову, превышала не много болѣе 2000 человекъ. См. Описание Войны 1805 г. *Прим. перес.*

(38) Никакого подобія нѣтъ между сраженіями подъ Кремсомъ и Шёнграбеномъ. Тамъ Мортё былъ окруженъ, разбитъ и едва не истребленъ отъ собственной оплошности, при чемъ онъ сражался по неволѣ и чуть не сдѣлся въ плѣнъ. Подъ Шёнграбеномъ, Багратионъ свободно принялъ сраженіе, продолжалъ его, пока считалъ то нужнымъ, и отступилъ, совершивъ геройскую защиту арміи, прославившую его. Какое же тутъ соревнованіе съ Мортё? *Прим. перес.*

юзниковъ, курфирстовъ баварскаго, виртембергскаго и баденскаго, но въ общихъ выраженіяхъ объявлялъ, что надобно обезпечить ихъ положеніе въ Германіи и положить конецъ всѣмъ вопросамъ, нерешеннымъ между ними и императоромъ со времени новой германской конституціи 1803 года. Гг. Стадіонъ и Гюлай возстали противъ жестокости такихъ условій; но Наполеонъ не показывалъ ни малѣйшаго расположенія отступить отъ нихъ, и далъ разумѣть, что, неуклонно занимаясь войною, онъ не желаетъ имѣть вблизи переговорщиковъ, которые въ сущности были не иное что, какъ военные шпіоны, посланные наблюдать его движенія. На такомъ основаніи онъ пригласилъ ихъ отправиться въ Вьну, къ Талейрану, только-что пріѣхавшему туда. Наполеонъ, мало обращая вниманія на привычки своего министра, который не любилъ ни работы, ни тяжелой жизни въ главныхъ квартирахъ, призвалъ его сначала въ Страсбургъ, потомъ въ Мюнхенъ и наконецъ въ Вьну. Онъ поручилъ ему безконечные переговоры, обыкновенно предшествующіе значительнымъ сдѣлками дипломатическихъ совѣщаній.

Во время разговоровъ съ Наполеономъ, одинъ изъ австрійскихъ уполномоченныхъ какъ-то неосторожно выразился и явно показалъ, что Пруссія связана трактатомъ съ Россією и Австрією. Наполеону писали изъ Берлина, что было нѣчто подобное, но совсѣмъ не такъ определенно, какъ онъ тутъ узналъ объ этомъ. Такое открытіе внушило ему новыя мысли и больше расположило къ миру, но не заставило отказаться отъ своихъ существенныхъ требованій. Неловко было ему сдѣлать за Русскими дальше Моравіи, то-есть, въ Польшу, потому-что эрц-герцоги могли отразить ему сообщеніе съ Вьною. Онъ рѣшился ждать прибытія г. Гаугвица и дальнѣйшаго развитія военныхъ предпріятій Русскихъ. Онъ не отказывался отъ переговоровъ на выгодныхъ условіяхъ, но готовъ былъ и разрубить горліевъ узелъ коалиціи великою битвою, если непріятели дадутъ къ тому случай. Такъ провелъ онъ нѣсколько дней, изучая съ совершеннымъ вниманіемъ самъ и заставляя своихъ генераловъ изучать мѣстность, на которой они находились: тайное предчувствіе говорило ему, что тамъ можетъ быть рѣшительная битва. Въ то же время онъ давалъ отдыхъ своимъ войскамъ, изнуреннымъ усталостью, страдавшимъ отъ холода и иногда отъ голода, и прошедшимъ въ три мѣсяца почти пять-сотъ льѣ. Зато и ряды его солдатъ были очень неполны, хотя изъ нихъ оказалось отсталыхъ гораздо меньше, нежели въ какой-нибудь другой арміи. Съ открытія похода, не доставало палицо почти пятаго человека. Всѣ военные согласятся, что это было очень немного послѣ такихъ изнуреній. Впрочемъ, чуть гдѣ останавливались, какъ ряды вскорѣ пополнялись, благодаря ревности отстававшихъ присоединиться къ своимъ корпусамъ.

Съ своей стороны, императоры русскій и австрійскій, съхавшись въ Ольмюцъ, разсуждали, что должно было имъ дѣлать. Кутузовъ совершилъ отступленіе, въ которомъ испытывалъ онъ только ар-

рберггардныя пораженія (39), но привелъ съ собою немного больше тридцати тысячъ человекъ, уже привыкшихъ сражаться, хотя истощенныхъ усталостью. Итакъ, онъ потерялъ 12 или 15 тысячъ человекъ убитыми, ранеными, пленными, усталыми (40). Александръ, въ корпусъ Буксгевдена и въ русской императорской гвардіи, привелъ 40 тысячъ (41), что составляло около 75 тысячъ Русскихъ. Пятнадцать тысячъ Австрійцевъ, изъ остатковъ корпусовъ Кинмайера и Мерфельда, и одна превосходная дивизія кавалеріи, дополняли австро-русскую армію подъ Ольмюцомъ, такъ-что всѣ силы ея состояли изъ 90 тысячъ человекъ (42).

Здѣсь мѣсто замѣтить, какъ несоразмѣрны были требованія Россіи на Европу съ существенными ея силами. Она хотѣла поддерживать равновѣсіе между державами, и вотъ сколько выставляла солдатъ на поле битвы, гдѣ рѣшались судьбы міра! При началѣ войны, въ разныхъ частяхъ Европы, всѣ силы ея простирались до 125 тысячъ человекъ и до 100 тысячъ, если вѣрять показанію Русскихъ послѣ пораженія ихъ. Австрія собрала больше 200 тысячъ человекъ; Пруссія могла выставить 150, Франція одна 300 тысячъ. Говоримъ о числѣ солдатъ не по спискамъ (что дѣлаетъ разницу почти на половинѣ), но о числѣ ихъ подъ огнемъ въ день битвы. Правда, что русская пѣхота была крѣпка; но со ста тысячамъ человекъ, храбрыхъ и невѣжественныхъ (43), нельзя было тогда думать о господствѣ въ Европѣ.

Неурожай тяготѣлъ надъ восточными областями австрійской монархіи. Въ Ольмюцѣ пужались въ необходимомъ, и Русскіе доставали себѣ продовольствіе не съ ловкостью французскаго солдата, смѣшленнаго мародѣра, рѣдко жестокаго (44).

(39) Пораженій не было ни гдѣ. «Отъ Браунау до Брюнна наше войско отражало Французовъ на каждомъ шагу, ни гдѣ не давая имъ ни малѣйшей поверхности.» См. Описаніе Войны 1805 года, стр. 134. *Прим. перев.*

(40) «Потеря Кутузова отъ Браунау до Брюнна состояла въ 3840 убитыхъ и раненныхъ». См. Описаніе Войны 1805 года, гдѣ всѣ подобныя указанія извлечены изъ строевыхъ рапортовъ, а въ нихъ не бываетъ утайки. Но для г. Тьера нѣсколько тысячъ человекъ ни по чей! *Прим. перев.*

(41) Въ корпусѣ Буксгевдена было 26,828 человекъ, въ отрядѣ гвардіи 8500 человекъ, всего 35,328 человекъ. *Прим. перев.*

(42) Въ соединенной подъ Ольмюцомъ руссійско-австрійской арміи было Русскихъ 68,500 человекъ, Австрійцевъ 14,000, всего 82,500 человекъ. См. Описаніе Войны 1805 года, стр. 146. *Прим. перев.*

(43) Невѣжественныхъ (ignorants), говоритъ г. Тьеръ; но въ ратномъ дѣлѣ Русскіе солдаты уже тогда были первыми въ Европѣ. Указываемъ опять на всѣ войны наши въ XVIII столѣтіи, со временъ Петра. *Прим. перев.*

(44) Не смѣшно ли, что здѣсь г. Тьеръ хвалитъ своихъ земляковъ, какъ ловкихъ грабителей? И точно, слова: *maraudeur, maraudeur*, были изобрѣтены ими во время войны, слѣдовавшихъ за революціею, потому-что прежде не бывало такого систематическаго военнаго грабежа, какимъ отличались тогдашніе Французы. Вотъ лучшее объясненіе, отъ-чего были они ненавистны во всѣхъ странахъ, гдѣ вели войну. Въ этомъ можно отдать имъ преимущество передъ всѣми другими солдатами.

Прим. перев.

Такимъ-образомъ, въ австро-русскомъ лагерь не были настроены къ принятію благоразумныхъ рѣшеній.

Какъ военные успѣхи Фридриха-Великаго приписывали теоріи общеческаго построенія, о которой онъ и не думалъ, такъ победы Наполеона приписывали одному манёвру, и рассуждали только о томъ, какъ надобно обходить непріятеля. По увѣренію повыхъ знатоковъ, они изобрѣли новую науку и даже новое названіе для нея: это была *стратегія*, которую предлагали они государямъ подъ своимъ руководствомъ. Нѣмецъ Вейротеръ убѣждалъ приверженцевъ Александра, что у него готовъ прекрасный и вѣрный планъ для истребленія Наполеона. Онъ говорилъ объ огромномъ манёврѣ, посредствомъ котораго надобно было окружить императора Французовъ, отрезать его отъ вѣнской дороги, отбросить въ Богемію, разбитаго и отдаленнаго навсегда отъ войскъ, остававшихся у него въ Австріи и Италіи.

Можно представить себѣ, какъ молодые, тщеславные умы рассуждали о важномъ, предстоявшемъ тогда вопросѣ: должно или не должно было давать битву Наполеону? Безсмертныя картины, переданныя намъ древностію, гдѣ видимъ, какъ юная римская аристократія, въ безумномъ тщеславіи своемъ, принудила благоразумнаго Помпея дать Фарсальскую битву — эти картины не представляютъ ничего больше великаго и поучительнаго, нежели то, что происходило въ Ольмюцѣ, въ 1805 году, вокругъ императоровъ Александра и Франца. Всѣ рассуждали о вопросѣ: избѣгать ли или искать битвы, и всѣ выражали свое мнѣніе. Сообщество Долгорукихъ не затруднилось (45). По его словамъ, не дать битвы значило бы оказать трусость и сдѣлать ошибку. Во-первыхъ, нельзя было болѣе жить въ Ольмюцѣ: армія гнила тамъ отъ недостатковъ и теряла духъ. Оставаясь въ Ольмюцѣ, отдавали Наполеону и честь войны, и три четверти австрійской монархіи, и всѣ ея обильныя средства. Вместо того, идя впередъ, вдругъ вступали опять въ обладаніе всеми средствами продовольствія, и наступательное движеніе возстановляло духъ и увѣренность арміи, всегда столь могущественные. И развѣ не видѣли, что настала минута помѣниться ролями? Наполеонъ, всегда столь быстрый, неотступный въ преслѣдованіи непріятеля, вдругъ остановился, колеблется, утраченъ — это явно! Утвердившись въ Брюннѣ, онъ не смѣетъ идти къ Ольмюцу, навстрѣчу русской арміи. Дирнштейнъ, Голлабрунъ привели его въ раздумье, да и армія его потрясена, какъ онъ самъ. Знали навѣрно, что она была изнурена усталостью, уменьшилась на половину, несловольна, ропщетъ.

Таковы были рѣчи, которыя высказывали эти юноши съ непостижимою самоувѣренностью (46). Нѣсколько человекъ благоразумныхъ, имен-

(45) Прежде г. Тьеръ изрыгалъ порицанія на одного, благороднаго князя Петра Петровича Долгорукаго; здѣсь онъ уже находитъ много Долгорукихъ (les Dolgorouki); но какихъ же? Такъ не излагаютъ событій историческихкихъ. *Прим. перев.*

(46) Здѣсь только самоувѣренность и легкомысліе г. Тьера изумительны! Не основываясь ни на чемъ, и самъ не зная о комъ, онъ рассказываетъ сказку, а не исторію. *Прим. перев.*

но, князь Чарторискій, такъ же молодой, но больше Долгорукихъ рѣзмышляющій (47), противорѣчили немногими, простыми доводами, которые могли бы образумить всякаго, непораженного самымъ страшнымъ ослѣпленіемъ. Не обращая вниманія, говорили они, на солдатъ, за которыми, однакожь, осталось поле сраженія и въ Дирнштейнѣ и въ Голлабрунѣ, и передъ которыми отступали отъ сѣвера Мюнхена до Ольмюца (48); не обращая вниманія и на генерала ихъ, побѣдителя всѣхъ европейскихъ генераловъ, опытнѣйшаго, если не величайшаго изъ всѣхъ современныхъ полководцевъ, потому-что онъ начальствовалъ во ста битвахъ, а теперешніе его противники не начальствовали ни въ одной (49); не обращая вниманія ни на солдатъ, ни на полководца, можно еще не торопиться по двумъ убѣдительнымъ причинамъ. Первая и самая явная, что черезъ нѣсколько дней еще истечетъ мѣсяцъ, условленный съ Пруссіею, и она должна будетъ объявить свое рѣшеніе. Кто знаетъ, что проигранная битва не дастъ ей случая уклониться отъ обещаній? Напротивъ, по истеченіи назначеннаго срока, 150 тысячъ Пруссаковъ вступятъ въ Богемію, Наполеонъ будетъ принужденъ отступить, и для этого не понадобится подвергать себя случайностямъ битвы. Другая причина для медленія та, что вскорѣ подойдутъ эрцгерцоги съ восьмьюдесятью тысячами Австрійцевъ изъ Венгріи, и тогда можно будетъ сражаться съ Наполеономъ, имѣя двухъ и, можетъ-быть, трехъ человекъ противъ одного. Трудно жить въ Ольмюцѣ; но если и точно нельзя пробыть тамъ еще нѣсколько дней, то стоить только отойти въ Венгрію, на встрѣчу эрцгерцогамъ. Тамъ найдется и хлѣбъ и восемьдесятъ тысячъ подкрѣпленія. Увеличивая такимъ образомъ разстоянія, противопоставили бы Наполеону самое страшное для него препятствіе. Доказательствомъ того служитъ сама неподвижность его по вступленіи въ Брюннъ. Если онъ не идетъ впередъ, то не потому-что боится. Только неопытные военные могутъ утверждать, что такого человека удерживаетъ боязнь. Онъ не идетъ впередъ, потому-что находится разстояніе и безъ того уже слишкомъ-великимъ.

Что отвѣчать на такіе доводы? Конечно, ничего. Но на умы предубѣжденные не дѣйствуютъ никакіе доводы. Очевидность раздражаетъ ихъ, но не убѣждаетъ. Окружавшіе Александра рѣшили, что надобно дать битву. Императоръ Францъ также согласился на это. Ему выгод-

(47) Почему тамъ утвердительно и съ исключительною хвалою говоритъ г. Тьеръ объ этомъ человѣкѣ, вообще порицая всѣхъ другихъ, истинныхъ приверженцевъ императора русскаго? *Прим. перев.*

(48) Одно это сужденіе какнхъ-то благоразумныхъ показало бы, что они не знали о чемъ говорили: при отступленіи обыкновенно оставляютъ поле сраженія, но отступление, какъ военный маневръ, ведетъ иногда къ торжеству. Довольно указать въ примѣръ на нашу отечественную войну. Наполеонъ погибъ въ Россіи, хотя и называлъ завоеваніемъ и побѣдою всѣ преднамѣренно-оставленные ему города. *Прим. перев.*

(49) Кутузовъ, Багратионъ, Милорадовичъ и многіе уже славные въ 1805 году наши генералы не начальствовали въ битвахъ!... Зачѣмъ говорить г. Тьеръ о томъ, чего не знаетъ? *Прим. перев.*

но было, чтобъ вопросъ рѣшили скорѣе, потому-что государство его ужасно страдало отъ войны; онъ хотѣлъ также, чтобъ Русскіе помирлись съ Французами и показали себя (50). Рѣшили—оставить ольмюцкую позицію, очень-хорошую, гдѣ можно было легко отражать нападающую армію, какъ ни была бы она велика, и намѣревались атаковать Наполеона въ его позиціи подѣ Брюнномъ, которую онъ уже много дней изучалъ тщательно.

Русская армія двинулась пятью колоннами отъ Ольмюца къ Брюнну, для сближенія съ французскою арміею. Ноября 18-го, въ Вишау, на одинъ день пути отъ Брюнна, внезапно напали на авангардъ, состоявшій изъ кавалеріи и слабаго отряда пѣхоты, поставленныхъ тутъ маршаломъ Сультомъ. Ихъ окружили тремя тысячами кавалеристовъ, и потомъ, съ однимъ батальйономъ пѣхоты, пробившись въ самый Вишау. Сотня Французовъ была захвачена въ плѣнъ. Генералъ-адъютантъ Додгорукій принималъ главное участіе въ этомъ подвигѣ. Эта легкая поверхность совершенно повернула молодыя головы русскаго главнаго штаба, и рѣшимость сражаться сдѣлалась неотклонимою (51). Атаковать Наполеона располагались въ его позиціи подѣ Брюнномъ, слѣдуя плану, приготовляемому Вейротеромъ. Сдѣланъ былъ еще одинъ переходъ впередъ, и тамъ остановились передъ замкомъ Аустерлицомъ.

Наполеонъ обладалъ рѣдкою проницательностью для угадыванія плановъ своихъ непріятелей: онъ видѣлъ, что союзники желаютъ рѣшительнаго боя съ нимъ, и былъ тѣмъ очень-доволенъ. Но его занимали преднамѣренія Пруссін, окончательно непріязненныя по послѣднимъ извѣстіямъ изъ Берлина, и движенія прусской арміи, приближавшейся къ Богеміи. Онъ не могъ терять времени: ему надобны были или громовая битва или миръ. Мало сомнѣвался онъ въ послѣдствіяхъ битвы; но миръ былъ все-таки върнее. Австрійцы предлагали его съ видомъ искренности, но касательно условій ссылались на Россію. Наполеонъ желалъ узнать, что происходило въ головѣ Александра, и послалъ въ русскую главную квартиру своего адъютанта, генерала Савари, привѣтствовать императора, завести разговоръ съ нимъ, и узнать навѣрное чего онъ хочетъ.

Савари отправился немедленно, явился парламентаремъ на аванпосты, и не безъ труда достигъ до императора Александра. Ожидая допуска къ нему, онъ могъ судить о расположеніи молодой аристократіи московской, о безумномъ ослѣпленіи ея, о желаніи побывать въ большой битвѣ (52). Она надѣялась не меньше какъ разбить Французовъ и отогнать къ границамъ Франціи. Савари съ большимъ хладнокровіемъ

(50) Какія ребячскія сужденія! И зачѣмъ навязываетъ г. Тьеръ свои мѣщанскія сужденія военнымъ и государственнымъ людямъ? Прим. перев.

(51) Все это вранье такъ очевидно, что не требуетъ опроверженія. Прим. перев.

(52) Савари, полицейскій агентъ Наполеона — могъ судить о блестящей, благовоспитанной аристократіи, окружавшей Императора Александра! Сейчас увидимъ изъ словъ самого г-на Тьера, умѣлъ ли Савари исполнить и то, что поручили ему.

Прим. перев.

слушалъ эти разсказы, наконецъ былъ допущенъ къ императору, передалъ ему слова своего государя, и нашелъ его тихимъ, вѣжливымъ, но уклончивымъ. При повторительныхъ увѣреніяхъ, что Наполеонъ одушевляется самыми мирными расположеніями, Александръ желалъ знать, на какихъ условіяхъ былъ бы возможенъ миръ. Савари не могъ отвѣчать на это, и просилъ императора отправить одного изъ своихъ адъютантовъ во французскую главную квартиру, для совѣщанія съ Наполеономъ. Онъ увѣрялъ, что слѣдствія такого поступка были бы самыя удовлетворительныя. Послѣ длиннаго переговора, при чемъ Савари, отъ излишняго усердія, сказалъ больше, нежели было поручено ему (53), Александръ назначилъ ѣхать съ нимъ самого князя Долгорукаго, главное лицо новаго сообщества, которое оспаривало благосклонность царя у гг. Чарторискаго, Строганова, Новосильцова (54). Князь Долгорукій, одинъ изъ самыхъ пылкихъ крикуновъ (55) русскаго главнаго штаба, тѣмъ не меньше почелъ особенно лестнымъ отправиться съ порученіемъ къ императору Французовъ. Онъ похалъ съ генераломъ Савари (56) и былъ представленъ Наполеону, когда тотъ, окончивая обзораніе своихъ аванпостовъ, былъ въ самомъ простомъ костюмѣ и не могъ ничѣмъ поразить обыкновеннаго ума. Наполеонъ слушалъ, какъ этотъ молодой человекъ, лишенный сметливости и не знавшій умѣренности, высказывалъ ему, неприлично и некстати, идеи, нахватавныя имъ кой-гдѣ, питавшія русскій кабинетъ, и уже объясненныя нами при изложеніи проекта о новомъ европейскомъ равновѣсіи. Если Франція захочетъ мира немедленно, то надобно, какъ увѣрялъ онъ, чтобъ она уступила Италію; если она продолжитъ войну и не будетъ счастлива въ ней, то должна будетъ возвратитъ Бельгію, Савойю, Пьемонтъ, чтобъ могли образоватъ вокругъ и противъ нея оборонительныя преграды. Эти мысли, чрезвычайно-неловко выраженыя, показались Наполеону явнымъ требованіемъ немедленнаго возвращенія Бельгій, уступленной Франціи нѣсколькими трактатами, и раздражили его до глубины души; но онъ удержалъ себя, полагая, что собственное достоинство не дозволяло ему разразиться гнѣвомъ при такомъ переговорщикѣ. Онъ сухо отпустилъ его отъ себя, говоря, что не въ дипломатическихкихъ переговорахъ будутъ рѣшены несогласія, раздѣляющія политику обѣихъ имперій. Наполеонъ былъ взбѣшенъ, и думалъ уже только объ одномъ: дать отчаянную битву.

Послѣ внезапнаго нападенія на Вимау, онъ подвинулъ свою армію назадъ, въ позицію, превосходно избранную для битвы. Движенія его показывали какую-то нервнѣтельность, непохожую на обычную смѣ-

(53) Вотъ какъ искусенъ былъ Савари, который, въ послѣдствіи, бывъ министромъ полиціи Наполеона, допустилъ запереть себя въ тюрьму! *Прим. перев.*

(54) Откуда могъ узнать это г. Тьеръ? Базъ доказательствъ слова его — сказка. *Прим. перев.*

(55) Мы уже говорили, каковъ былъ въ дѣйствительности умный и благородный князь П. П. Долгорукій. См. «Отеч. Записки» июнь 1847 г., стр. 72. *Прим. перев.*

(56) Онъ похалъ къ Наполеону не вѣсть съ Савари, а отдѣльно. *Прим. перев.*

лость его предпріятій. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ поступкомъ Саваря, еще больше воспламенило умы, перпенствовавшіе въ русскомъ главномъ штабѣ. Вокругъ императора Александра вся только и восклицали о войнѣ. Наполеонъ отступаетъ, говорили тамъ; онъ въ полномъ отступленіи; надобно обрушиться на него, задавить его.

Съ своей стороны, французскіе солдаты, переполненные одушевленіемъ, ясно увидѣли, что вскорѣ доидеть у нихъ до схватки съ Русскими, и были въ восторгѣ. Съ обѣихъ сторонъ приготовлялись къ решительному сраженію.

Наполеонъ получалъ отъ природы военный даръ и усовершенствовавъ его опытностью: руководствуясь имъ избралъ онъ изъ всѣхъ позицій вокругъ Брюнна ту, которая обѣщала величайшія послѣдствія въ случаѣ нападенія непріятелей, что вкорѣ сдѣлалось несомнѣнно.

За ручьемъ, обтекавшимъ позицію Французовъ съ фронта, мѣстность представляла сначала, противъ лѣваго фланга ихъ, равнину съ легкими возвышеніями, пересѣкаемую ольмюцкою дорогою; далье, противъ центра, мѣстоположеніе возвышалось постепенно и образовывало противъ праваго фланга плоскую возвышенность, называемую праценскою, по имени деревни, лежащей тамъ на полу-горѣ, въ оврагѣ. Возвышенность окапчивалась, на право, обрывомъ къ озерамъ, а на другой сторонѣ склопнялась къ Аустерлицу, гдѣ виднѣлся Аустерлицкій-Замокъ.

Тамъ замѣтно было много войскъ. Ночью пылали тамъ безчисленные огни, а днемъ видно было большое движеніе людей и лошадей. Глядя на это, Наполеонъ не сомнѣвался больше о намѣреніяхъ Австро-Руссовъ (57). Явно было, что они хотѣли сойти съ занимаемой ими позиціи, и перешедъ черезъ гольдбахскій ручей между озерами и нашимъ правымъ крыломъ, отрезать насъ отъ вѣпской дороги. Въ такомъ случаѣ онъ рѣшился самъ дѣйствовать наступательно, пройти за ручей черезъ деревни Жирковницъ и Цунтовницъ, подняться на праценскую возвышенность, между-тѣмъ, какъ Русскіе оставляютъ ее, и овладѣть ею. Еслибъ удалось это, то непріятельская армія была бы разрѣзана на двое, часть ея отброшена на-лѣво, въ долину, по которой идетъ ольмюцкая дорога, а часть на-право, въ озеро. Тогда битва была бы ги-

(57) Здѣсь г. Тьеръ, въ примѣчаніи, упоминаетъ о французскомъ переводѣ сочиненія г-на генерал-лейтенанта Михайловскаго-Даниловскаго (Описание Войны 1805 года), и опровергаетъ мнѣніе нашего историка, что Наполеонъ еще наканунѣ зналъ предначертанный союзниками планъ битвы. Г. Тьеръ утверждаетъ, что Наполеонъ не могъ знать нашего плана, разосланнаго русскимъ военачальникамъ въ ночь передъ битвою. Здѣсь смѣшиваетъ онъ два предмета, совершенно различные и неопытные для него, какъ для человѣка невоеннаго: планъ битвы и диспозицію. Русскимъ военачальникамъ была разослана ночью диспозиція, составленная Вейротеромъ, но планъ битвы былъ извѣстенъ гораздо-прежде. Одного намека о главномъ направленіи нашихъ войскъ было достаточно для Наполеона. Иначе нельзя было бы объяснить себѣ, по какому указанію Наполеонъ къ утру перевелъ за гольдбахскій ручей корпусъ Бернадотта и Сульта, и еще наканунѣ написалъ въ своемъ приказѣ: «Союзники станутъ обходить мое правое крыло?» Согласился, что Наполеонъ былъ гений, но не могъ же онъ предвидѣть будущаго. *Прим. перс.*

бельна для Австро-Руссовъ. Но для этого падобно было, чтобъ они не ограничились половиною ошибки. Осторожное, даже робкое положеніе Наполеона возбуждало въ нихъ безразсудную самоувѣренность и должно было вовлечь ихъ въ полную ошибку.

Этотую идею руководствовался Наполеонъ въ своихъ распоряженіяхъ. Уже двои сутки ожидая нападенія, онъ приказалъ Бернадотту оставить въ Иглау, на границѣ Богеміи, одну баварскую дивизію, а съ другими войсками идти усиленными маршами къ Брюнну. Даву приказалъ онъ двинуть дивизію Фриана, а если можно, то и дивизію Гюдена, къ Гросс-Райгернскому Аббатству, — на дорогѣ изъ Вьны къ Брюнну, противъ озеръ. Бернадоттъ прибылъ на мѣсто 1-го декабря. Гюденъ былъ слишкомъ-далеко къ Пресбургу, и потому одинъ Фрианъ, извѣщенный въ-время, тотчасъ отправился, и въ сорокъ-восемь часовъ прошелъ тридцать-шесть мѣ, раздвѣляющихъ Вьну отъ Гросс-Райгерна. Дорогою, солдаты иногда падали отъ усталости, но при малѣйшемъ звукѣ, похожемъ на пушечные выстрѣлы, бодро-вставали и спѣшили на помощь своимъ товарищамъ, уже бывшимъ, какъ говорили, въ кровавомъ бою. Вечеромъ, 1-го декабря, въ жестокой холодъ, они бивакировали въ Гросс-Райгернѣ, въ полуторыхъ мѣ отъ поля битвы. Никогда пѣхота не совершала такого удивительнаго перехода: по восемнадцати мѣ въ день, двое сутокъ сряду.

Декабря 1-го, Наполеонъ, усиленный корпусомъ Бернадотта и дивизію Фриана, могъ считать у себя 65 или 70 тысячъ человекъ подъ ружьемъ, противъ 90 тысячъ человекъ Русскихъ и Австрійцевъ, также бывшихъ подъ ружьемъ (58).

На лѣвомъ флангѣ его, Ланцъ, съ дивизіями Сюшэ и Каффарелли, занималъ ольмюцкую дорогу, и долженъ былъ сражаться въ волнистой равнинѣ, по обѣимъ сторонамъ шоссе. Наполеонъ придалъ ему кавалерію Мюрата, гдѣ были кирасиры генераловъ Гопу и Нансути, драгуны Вальтера и Бомона, егеря Мило и Келлермана. Онъ предвидѣлъ, что на этой плоской мѣстности будетъ большая схватка кавалеріи. На холмѣ, названномъ французскими солдатами *Сантонъ* (по воспоминанію о Египтѣ), господствующемъ частью мѣстности и увѣчанномъ часовнею Бозеницъ, онъ поставилъ 17-й легкой полкъ, подъ командою генерала Клапареда (59), съ 18-ю орудіями, и велѣлъ ему присягнуть въ томъ, что онъ будетъ защищать эту позицію до смерти. Въ-самомъ-дѣлѣ, здѣсь былъ опорный пунктъ лѣваго фланга.

Въ центрѣ, позади гольдбахскаго ручья, онъ построилъ дивизіи Вандама и Сент-Илера, принадлежавшія къ корпусу Сульта. Имъ назначилъ онъ перейти ручей въ деревняхъ Жирковицъ и Пунтовицъ, и овладѣть праценскою возвышенностью, когда настанетъ для того время. Нѣсколько дальше, позади болота Кобельница и замка Сокольника, онъ

(58) Напротивъ, въ русской арміи было съ небольшимъ 80,000 человекъ, а во французской до 90,000. *Прим. перес.*

(59) Того самаго, который въ 1812 году сопровождалъ изъ Москвы награбленныя тамъ Французами сокровища, и между прочимъ крестъ съ Ивана-Великаго.

Прим. перес.

поставилъ 3-ю дивизию Сульта, генерала Лейбана. Онъ усилилъ ее двумя батальонами стрѣлковъ, известныхъ подъ именемъ егерей рѣки По и егерей корсиканскихъ, и отрядомъ легкой кавалеріи генерала Маргарона. Только 3-й линейный полкъ и корсиканскіе стрѣлки должны были оставаться въ Тельницѣ, ближайшемъ пунктѣ къ озерамъ, куда Наполеонъ желалъ привлечь Русскихъ. Далеко позади, въ полуторахъ льѣ, находилась дивизія Фриана, въ Гросс-Райгернѣ.

Итакъ, имѣя десять дивизій пѣхоты, Наполеонъ выставилъ впередъ только шесть дивизій. Позади Лаина и Сульта, онъ беретъ въ резервъ гренадеровъ Удино, корпусъ Бернадотта, и свою гвардію, то-есть 25 тысячъ человекъ, готовясь двинуть ихъ по надобности, и особливо на высоты праценскія, которыми хотѣлъ овладѣть во что бы то ни стало, если Русскіе не оставятъ ихъ сами. Самъ онъ бивакировалъ въ резервъ.

Окончивъ распоряженія, онъ даже объявилъ о нихъ своимъ войскамъ въ прокламаціи, исполненной величіемъ приготовлявшихся событій.

Въ тотъ же самый день, онъ принималъ г-на Гаугвица, наконецъ пріѣхавшаго во французскую главную квартиру, увидѣвъ въ льстивомъ разговорѣ его всю обманчивость прусскаго двора; и еще больше убѣдился въ необходимости одержать блестящую побѣду. Онъ встрѣтилъ прусскаго посланника очень-важливо, сказалъ, что завтра у него сраженіе, что послѣ онъ увидится съ нимъ, если какое-нибудь ядро не снесетъ ему головы, и что тогда будетъ время уладить все съ берлинскимъ кабинетомъ. Онъ пригласилъ его отправиться въ ту же ночь въ Вьну, адресовалъ его къ г-ну Талейрану, но велѣлъ провезти черезъ поле сраженія въ Пфлабрунъ, представлявшее зрѣлище ужасное. «Пусть этотъ Пруссакъ увидитъ своими глазами» писалъ онъ къ Талейрану, «какъ мы ведемъ войну».

Вечеръ провелъ онъ на бивакѣ, съ своими маршалами, но хотѣлъ побывать и у солдатъ, чтобъ видѣть ихъ нравственное расположеніе. Это было 1-го декабря вечеромъ, наканунѣ дня его коронованія. Сближеніе чиселъ было странное, и Наполеонъ не искалъ его, потому-что онъ принималъ битву, а не предлагалъ ея. Ночь была холодная и мрачная. Первые увидѣвшіе его солдаты хотѣли освѣтить ему дорогу, схватили соломѣ съ своихъ биваковъ, зажгли ее въ видѣ факеловъ и воткнули въ дула своихъ ружей. Въ нѣсколько минутъ сдѣлала то же вся армія, и обширный фронтъ нашей позиціи заблесталъ этою чудною иллюминаціею. Солдаты шли за Наполеономъ съ криками: «да здравствуетъ императоръ!» и обѣщали ему показать себя на другой день достойными его и себя. Всѣ были проникнуты энтузіазмомъ, шли въ опасность, какъ и должно, съ удовольствіемъ и увѣренностью.

Наполеонъ удался, чтобъ заставить своихъ солдатъ сколько нибудь отдохнуть, и ожидалъ въ палаткѣ своей зарѣ дня, который долженъ былъ сдѣлаться однимъ изъ величайшихъ и въ его жизни, и въ исторіи.

Огни и крики ясно различали съ высотъ, занятыхъ русскою арміею.гда немногіе благоразумные военачальники почли это пагубнымъ предзнаменованіемъ. Таковы ли бывають признаки арміи, упавшей духомъ и отступающей? спрашивали они.

Между-тѣмъ, начальники русскихъ корпусовъ, собранные у генерала Кутузова, въ деревнѣ Кресновицъ, принимали инструкціи на слѣдующій день. Старый Кутузовъ былъ въ глубокой дремотѣ, и генераль Вейротеръ, разложивъ карту страны передъ окружавшими его, высокопарно читалъ записку обо всемъ планѣ битвы. Мы почти изложили его впередъ, описывая распоряженія Наполеона. Правое крыло Русскихъ, подъ начальствомъ князя Багратиона, бывшее противъ нашего лѣваго крыла, должно было двинуться противъ Ланна, по обѣимъ сторонамъ ольмюцкой дороги, отнять у насъ *Сантонъ* и прямо идти на Брюннъ. Кавалерія, соединенная въ одну громаду между корпусомъ Багратиона и центромъ русской арміи, должна была занять ту самую долину, гдѣ Наполеонъ поставилъ Мюрата, и связать лѣвое крыло Русскихъ съ центромъ. Главныя силы арміи, состоявшія изъ четырехъ колоннъ, подъ начальствомъ генераловъ Дохтурова, Ланжерона, Пржибышевскаго и Колловрата, и бывшія въ это время на праценскихъ высотахъ, должны были сойдти съ нихъ, перейти черезъ болотистый ручей, описанный нами, взять Тельницъ, Соколяницъ и Кобельницъ, обойдти правое крыло Французовъ, двинуться въ тылъ имъ и отрезать вискую дорогу. Сборное мѣсто всѣхъ корпусовъ было назначено подъ стѣнами Брюнна. Великій князь Константинъ Павловичъ, съ русскою гвардіею, гдѣ было девять или десять тысячъ человекъ, долженъ былъ на разсвѣтъ выступить изъ Аустерлица и стать позади центра соединенной арміи, въ резервъ.

Генераль Вейротеръ окончилъ свое чтеніе въ присутствіи начальниковъ русскихъ корпусовъ, но только одинъ изъ нихъ, Дохтуровъ, былъ внимателенъ, и одинъ, Ланжеронъ, былъ готовъ возражать и оспаривалъ планъ Вейротера. Ланжеронъ, французскій эмигрантъ, служившій противъ своего отчества (60), спорщикъ и хорошій генераль, спросилъ, думаетъ ли Вейротеръ, что все сдѣлается какъ онъ пишетъ, и съ своей стороны очень сомнѣвался въ томъ. Вейротеръ отставалъ мысль всего главнаго штаба русскаго (61), что Наполеонъ отступаетъ, и что въ такомъ случаѣ распоряженія превосходны. Но Кутузовъ кончалъ всю распрю, отославъ корпусныхъ командировъ въ ихъ квартиры, и приказалъ, чтобъ копій съ инструкцій были къ нимъ отправлены ко всѣмъ. Этотъ опытный вождь зналъ цѣну такимъ понятіямъ и распоряженіямъ о битвахъ, но допускалъ дѣйствовать другихъ, хотя и отъ своего имени.

Съ четырехъ часовъ, Наполеонъ вышелъ изъ своей палатки, желая видѣть собственными глазами, вдаются ли Русскіе въ ошибку, къ которой онъ поощрялъ ихъ такъ искусно. Онъ спустился до деревни Пунтовицъ, на берегу ручья, разделявшаго обѣ арміи, и замѣтилъ, что на праценскихъ высотахъ почти угасли огни Русскихъ. Очень слышный стукъ пушекъ и топотъ лошадей показывали движеніе слѣва вправо, къ

(60) Ланжеронъ былъ эмигрантъ: это слово показываетъ, что онъ служилъ не противъ отчества, а противъ революціи, ослѣдствовавшей Францію. *Прим. перес.*

(61) Всего? Но не самъ ли г. Тьеръ говоритъ, что Кутузовъ молчалъ и будто бы глѣздрѣмалъ; а мы знаемъ изъ «Описанія войны 1805 года», что многіе генералы русскіе не раздѣляли убѣжденій Вейротера. *Прим. перес.*

прудамъ, а онъ пмсно желалъ, чтобъ туда шли Русскіе. Обрадованный, что предвдѣніе его оправдывается, онъ возвратился на возвышенную мѣстность своего бивака, откуда обнималъ онъ взглядомъ все протяженіе поля битвы. Маршалы были подлѣ него, верхомъ. День едва запылался. Земной туманъ покрывалъ даль, и только возвышенныя части мѣстности выказывались изъ этого тумана, какъ острова изъ моря. Разныя корпусы французской арміи были въ движеніи и сходили съ ночной позиціи своей къ ручью, разделявшему ихъ отъ Русскихъ. Но они останавливались въ углубленіяхъ, скрытые мракомъ и удерживаемые приказаніями императора, покада не настала минута, благопріятная для атаки.

На оконечности линіи, около озеръ, уже слышалась чрезвычайно-сильная перестрѣлка. Движеніе Русскихъ противъ нашего праваго крыла обозначилось. Даву поспѣшно ускакалъ двинуть дивизію Фріана изъ Грос-Райгерна на Тельницъ и подкрѣпить 3-й линейный полкъ и корсиканскихъ егерей, противъ которыхъ обращалась значительная часть непріятельской арміи. Маршалы Лаппъ, Мюрать и Суальтъ, со своими адъютантами, окружали императора, ожидая приказанія начать бой въ центръ и на лѣвомъ крылѣ. Наполеонъ умѣрялъ ихъ пылкость, давая Русскимъ довершить ошибку, которую дѣлали они на правомъ флангѣ нашего, и хотѣлъ, чтобъ они безвозвратно зашли въ эти углубленія, куда уже входили. Наконецъ, явилось солнце и, разсѣвая туманъ, облило светомъ поле битвы. То было солнце Аустерлица, столько памятное по описаніямъ нынѣшнему поколѣнію, и, конечно, незабвенное для всѣхъ будущихъ поколѣній. Войска на высотахъ Працена рѣдѣли. Русскіе, исполняя свой планъ, сошли къ руслу Гольдбаха и стремились овладѣть бывшими на немъ деревнями Тельницомъ и Сокольниковомъ. Тогда Наполеонъ далъ знакъ къ атакѣ, и маршалы его поскакали къ своимъ корпусамъ.

Три русскія колонны, назначенныя атаковать Тельницъ и Сокольниковъ, выступили съ мѣста въ 7 часовъ утра. Онѣ были подъ начальствомъ генераловъ Дохтурова, Ланжерона и Пржибышевскаго, и подъ главнымъ предводительствомъ Буксгевдена, генерала плохого и недѣлительнаго (62), командовавшаго лѣвымъ крыломъ русской арміи такъ же мало, какъ мало командовалъ Кутузовъ всѣми войсками. Буксгевденъ былъ при колоннѣ Дохтурова, крайней въ русской линіи, и первой, назначенной въ дѣло. Онъ нисколько не заботился о другихъ колоннахъ и о согласеніи различныхъ ихъ движеній, что было для насъ большимъ счастіемъ, потому-что еслибъ онѣ дѣйствовали дружно и вмѣстѣ обхватили Тельницъ и Сокольниковъ, когда дивизія Фріана еще не подошла туда, то могли бы занять на правомъ нашемъ флангѣ мѣста больше, нежели было полезно отдать его.

(62) Не обращаемъ вниманія на вздорныя клеветы, и здѣсь и далѣе высказанныя г. Тьеромъ противъ заслуженнаго генерала, бывшаго въ послѣдствіи главнокомандующимъ русской арміи въ Финляндіи. По характеру книги вы видите, что въ ней систематически порицаютъ все русское, и мы должны во многихъ мѣстахъ читать ее, какъ любопытную небылицу о насъ-самихъ. *Прим. перса.*

Колоппа Дохтурова биваковрала вмѣстѣ съ другими на высоту Працпа. У подошвы этой высоты, въ углубленіи, отдаляющемъ ее отъ нашего праваго крыла, находилась деревня Аугестъ, а въ ней стоялъ авангардъ, подъ начальствомъ генерала Кипмайера, состоявшій изъ пяти батальйоновъ и четырнадцати эскадроновъ австрійскихъ. Ему назначено было очистить равнину между Аугестомъ и Тельницомъ, покуда колоппа Дохтурова будетъ сходить съ высоты. Австрійцы ревновали показать Русскимъ, что сражаются не хуже ихъ, и подошла къ Тельницу съ большою рѣшимостью. Надобно было пройти за ручей, протекающій тутъ въ рвахъ, и потомъ взобраться на высоту, покрытую виноградниками и домами. Тутъ были, съ нашей стороны, кромѣ 3-го линейнаго полка, егеря корсиканскіе, искусные стрѣлки, которые, пользуясь мѣстностью, хладнокровно прицѣлывались, стрѣляли въ гусаровъ, высланныхъ впередъ, и положили на мѣсть много ихъ, такъ же, какъ часть шкелерова пѣхотнаго полка. Черезъ полчаса, земля была усыяна непріятельскими трупами, и Австрійцы, утомленные этимъ убійственнымъ и бесполезнымъ боемъ, бросились на Тельницъ соединенною громадою своихъ пяти батальйоновъ, но также не успѣли проникнуть туда, встрѣченные 3-мъ линейнымъ полкомъ съ твердостью и мужествомъ испытаннаго войска. Покуда авангардъ Кипмайера истощался въ безсильныхъ пападеніяхъ, колоппа Дохтурова, состоявшая изъ 24 батальйоновъ, подъ предводительствомъ генерала Буксгевдена, явилась, заставивъ ждать себя болѣе часа, и помогла Австрійцамъ овладѣть Тельницомъ, котораго уже не могъ защитить 3-й полкъ. Перешедъ за ручей, Кипмайеръ пустилъ свои четырнадцать эскадроновъ по равнинѣ за Тельницомъ, противъ легкой кавалеріи Маргарона. Она храбро выдержала нѣсколько атакъ, но не могла устоять противъ такой громады кавалеріи. Дивизія Фриана еще не пришла изъ Гросс-Райгерна, и наше правое крыло было совершенно обойдено. Но генералъ Буксгевденъ, заставивъ долго ждать себя, долженъ былъ въ свою очередь ждать второй колоппы генерала Ланжерона, задержанной странною случайностью. Громада кавалеріи, назначенная занять равнину направо отъ Русскихъ и палъво отъ Французовъ, худо поняла приказъ, и сначала остановилась на самомъ Працпѣ, посреди биваковъ колонны Ланжерона. Замятивъ свою ошибку, кавалерія двинулась къ настоящему своему мѣсту, по отрѣзала и долго задерживала колонны Ланжерона и Пржибышевскаго. Наконецъ, Ланжеропъ прѣшелъ къ Сокольницу и атаковалъ его. Но тогда уже Фрианъ прѣбжалъ съ своею дивизіею, составленною изъ пяти пѣхотныхъ и шести драгунскихъ полковъ. Австро - Руссы, побѣдоносные въ Тельницѣ, оставляли за собою Гольдбахъ и обходили 3-й полкъ и кавалерію Маргарона, когда 1-й драгунскій полкъ, приблизившись къ непріятелю, быстро кинулся въ атаку и отбросилъ въ Тельницъ все, что пыталось выступить изъ него. Генералы Фрианъ и Гёлле съ первою бригадою вошли въ Тельницъ безъ выстрѣла, прогнали на штыкахъ Русскихъ и Австрійцевъ смѣшанною толпою за рѣвины, составляющія русло Гольдбахъ, и снова овладѣли мѣстностью, покрытою мертвыми и ранеными. Къ-несчастію, туманъ, разсѣявшійся

почти вездѣ, еще покрывалъ углубленія. Въ Тельницѣ были въ немѣ, какъ въ облакѣ. 26-й легкій полкъ дивизіи Леррана, пришедшій на помощь 3-му полку, замѣчая, что за ручьемъ двигаются какія-то войска, не могъ разглядѣть цвѣта мундировъ ихъ, и открылъ огонь по 108-му полку, думая, что стрѣляетъ въ непріятеля. Такая неожиданная атака поколебала 108-й полкъ, и онъ отступилъ, опасаясь быть обойденнымъ. Русскіе и Австрійцы воспользовались этимъ обстоятельствомъ и, имея тутъ двадцать-девять батальионовъ, перешли въ наступательное дѣйствіе и выгнали изъ Тельница бригаду Гёде, между-тѣмъ, какъ Ланжеронъ, съ двенадцатью русскими батальионами, подошелъ къ деревнѣ Сокольніцу, на томъ же ручьѣ, и пробился въ нее. Тогда оба колонны, Дохтурова и Ланжерона, начали выступать, одна изъ Тельница, другая изъ Сокольніца. Въ то же самое время, колонна генерала Пржибышевскаго атаковала и взяла замокъ Сокольніцъ, повыше деревни того же имени. Тогда генералъ Фріанъ, геройски - дѣйствовавшій въ этотъ день, какъ и во многіе другіе, ринулъ генерала Бурсье, съ шестью французскими полками, на колонну Дохтурова, которая уже развертывалась за Тельницомъ. Русскіе встрѣтили штыками нашихъ драгуновъ, но повторительныя, отчаянныя атаки кавалеристовъ помѣшали имъ распространиться и поддержали бригаду Гёде, бывшую съ нашей стороны. Фріанъ повелъ бригаду Лоше на колонну Ланжерона, уже прошедшую деревню Сокольніцъ, вогналъ ея туда, вошелъ за нею, вытѣснилъ ее и отбросилъ за Гольдбахъ. Занявъ Сокольніцъ, Фріанъ поручилъ 48-му полку охранять деревню, и пошелъ съ третьею бригадою, Кистера, оспоривать у Пржибышевскаго замокъ Сокольніцъ. Ему удалось отодвинуть и его. Но куда онъ оставался въ схваткѣ съ войсками Пржибышевскаго, передъ сокольніцкимъ замкомъ, колонна Ланжерона снова атаковала деревню и одолевала 48-й полкъ, который засѣлъ въ домахъ деревни и защищался съ удивительнымъ мужествомъ. Фріанъ воротился туда и освободилъ 48-й полкъ. Этотъ храбрый генералъ, и знаменитый начальникъ его, маршалъ Даву, безпрестанно переносясь отъ одного пункта къ другому на гольдбахской линіи, столь сильно оспориваемой, сражались, съ 7 или 8 тысячами пѣхоты и 2800 кавалеристами, противъ 35 тысячъ Русскихъ (63). Дѣйствительно, дивизія Фріана, послѣ сдѣланнаго ею перехода на 36 лѣ, уменьшилась до 6 тысячъ человекъ, и съ 3-мъ линейнымъ полкомъ въ ней было не больше 7 или 8 тысячъ человекъ подъ ружьемъ. Но отсталые безпрестанно подходили, слыша пушечныя выстрѣлы, и постепенно наполняли убылыя мѣста, являвшіяся въ ихъ рядахъ отъ непріятельскаго огня.

Во время этого ожесточеннаго боя на нашемъ правомъ крылѣ, маршалъ Сультъ началъ на позицію центра, отъ которой зависѣлъ жребій битвы. По сигналу Наполеона, дивизіи Вандама и Сент-Илера, постро-

(63) Противъ Даву сражались не всѣ войска Буксегедена, а только передовые едрады ихъ, следовательно, тутъ показаніе г-на Тьера пристрастно и не кстатн хва-стливо. Если отъ ста-тысячной арміи отдѣлать сто человекъ для дѣйствія, то кто скажетъ, что сражались всѣ 100,000 человекъ? Это ясно! *Прим. перес.*

енныя въ колонны, прошли бѣглымъ шагомъ по покатости праценовской высоты. Дивизія Вандама взяла влѣво, а Сент-Илера вправо отъ деревни Праценъ, находящейся глубоко въ оврагъ, оканчивающемся подлѣ Пунтовица гольдбахскимъ ручьемъ. Когда Французы шли впередъ, центръ непріятельской арміи, состоявшій изъ пѣхоты австрійской Колловрата и русской Милорадовича, въ числѣ двадцати-семи батальионовъ, подлѣ личнымъ предводительствомъ Кутузова и обонхъ императоровъ, развертывался на праценовской возвышенности, занимая мѣсто трехъ колоннъ Буксгевдена, спустившихся въ углубленія. Французы, не отвѣчая на ружейный огонь, производимый въ нихъ, продолжали взбираться на высоту, и своимъ живымъ, рѣшительнымъ подступленіемъ изумили непріятельскихъ генераловъ, ожидавшихъ увидѣть ихъ отступающими.

Не останавливаясь прошли они черезъ деревню Праценъ. Генералъ Моранъ повелъ дальше 10-й легкой полкъ и построился на плоскости. Генералъ Тиебо слѣдовалъ за нимъ съ своею бригадою и, подвигаясь впередъ, вдругъ сзади былъ встревоженъ ружейнымъ залпомъ двухъ русскихъ батальионовъ, скрывавшихся въ оврагъ, въ глубинѣ котораго находится деревня Праценъ. Тиебо остановился на минуту, отвѣчалъ на ружейный залпъ огнемъ почти въ упоръ, и вступилъ въ деревню съ однимъ изъ своихъ батальионовъ. Онъ разсыпалъ или забралъ Русскихъ, занимавшихъ ее, и воротился подкрѣпить Морана. Съ своей стороны, бригада Варе, другая въ дивизіи Сент-Илера, прошла влѣво отъ деревни и выстроилась передъ непріятелемъ, между-тѣмъ, какъ Вандамъ, со всею своею дивизіею, потянувшись еще лѣвѣе, занялъ позицію подлѣ небольшого холма Старый-Винобради, который господствуетъ праценовскою плоскостью. Русскіе занимали этотъ холмъ пятью батальионами и многочисленною артиллеріею.

Непріятельская пѣхота была расположена въ двѣ линіи. Сулътъ, не теряя времени, двинулъ впередъ дивизіи Сент-Илера и Вандама. Генералъ Тиебо составлялъ съ своею бригадою правое крыло дивизіи Сент-Илера, и имѣя батарею изъ двѣнадцати орудій, велѣлъ зарядить ихъ ядрами и картечью. Губительный огонь ее скоро произвелъ безпорядокъ въ рядахъ Австрійцевъ, которые сначала отступали и потомъ въ замѣшательствѣ бросились на склонъ плоскости. Вандамъ тотчасъ пошелъ на бывшаго противъ него непріятеля. Храбрая его пѣхота шла хладнокровно, остановилась, сдѣлала много губительныхъ залповъ и двинулась противъ Русскихъ въ штыки. Она опрокинула первую ихъ линію на вторую и заставила бѣжать обѣ на склонъ праценовской плоскости, бросивъ артиллерію. При этомъ движеніи, Вандамъ оставилъ влѣво холмъ Старый-Винобради, защищаемый многими русскими батальионами и уставленный пушками. Онъ воротился къ нему, и когда генералъ Шинеръ обходилъ его съ 24-мъ легкимъ полкомъ, самъ онъ пошелъ на него съ 4-мъ линейнымъ. Убийственный огонь не помѣшалъ ему войти на холмъ, сбить съ него Русскихъ и овладѣть ихъ орудіями.

Такъ, меньше нежели въ одинъ часъ, двѣ дивизіи корпуса Сулъты овладѣли праценовскою возвышенностью и преслѣдовали Русскихъ и Ав-

стрийцевъ, въ безпорядкѣ отброшенныхъ на покатоки этой возвышенности, склоняющейся къ Аустерлицкому Замку.

Императоры австрийскій и русскій, свидетели этого быстрого дѣйствія, тщетно старались остановить своихъ солдатъ. Имъ не внимали въ сумятицѣ, и Александръ уже могъ замѣтить, что присутствіе государя въ такихъ случаяхъ не можетъ замѣнить присутствія хорошаго генерала (64). Милорадовичъ, всегда блестящій въ бою, скакалъ по полю битвы, взрываемому ядрами, и усиливался воротить бѣжавшихъ. Кутузовъ, раненный пулю въ щечку, видѣлъ, какъ сбывается предвидѣнное имъ бѣдствіе, котораго не предупредилъ онъ отъ недостатка въ твердости. Онъ спѣшилъ призвать къ себѣ императорскую русскую гвардію, расположенную передъ Аустерлицомъ, желая соединить за нею свой разбитый центръ (65). Еслибъ вождь австрийско-русской арміи, котораго достоинство ограничивалось необыкновенною хитростью подъ наружнымъ вѣдомъ безопасности, былъ способенъ къ быстрымъ и вѣрнымъ рѣшеніямъ, то ему надобно было обратиться къ своему лѣвому флангу; бившемуся съ нашимъ правымъ, освободить три колонны Буксгевдена изъ углубленій, куда запропастили ихъ, вывести ихъ на праценскую возвышенность, и съ пятьюдесятью тысячами человекъ попытаться сдѣлать рѣшительное успіе снова занять позицію, потому что иначе армія его была разрываемая на двое. Если бы это и не удалось, то, по-крайней-мѣрѣ, онъ отступилъ бы къ Аустерлицу въ порядкѣ, по надежной дорогѣ, и не оставилъ бы своего лѣваго крыла припертымъ къ безднѣ. Но онъ только пособлялъ бѣдѣ, бывшей передъ его глазами, только соединялъ свой центръ за гвардією (66), гдѣ было девять или десять тысячъ человекъ, тогда-какъ Наполеонъ устремилъ все вниманіе на праценскую возвышенность, и въ подкрѣпленіе Сульта, уже побѣдоноснаго, велъ корпусъ Бернадотта, гвардію, гренадеръ Удино, то-есть, двадцать-пять тысячъ человекъ отборнаго войска.

Между-тѣмъ, какъ наше правое крыло оспаривало у Русскихъ голдбахскую линію, а нашъ центръ отнималъ у нихъ праценскую возвышенность, Ланцъ и Мюратъ, на лѣвомъ крылѣ нашемъ, бились съ княземъ Багратиономъ и со всюю австрийско-русскою кавалерією (67).

На этомъ пунктѣ ожидали битвы, подобной египетской, потому-что

(64) Наполеонъ былъ въ то время государемъ, и прежде него Фридрихъ-Великій, Густавъ-Адольфъ и много другихъ государей развѣ не были сами полководцами своихъ арій? *Прим. перес.*

(65) Это несправедливо. Русская гвардія не была призвана Кутузовымъ, потому-что оставалась слишкомъ-далеко отъ него, и имѣла совсѣмъ другое назначеніе — подкрѣплять конницу князя Лихтенштейна, что далѣе говорить и самъ г. Тьеръ, смѣшавъ всѣ событія такъ, что наконецъ изъ его описанія нельзя понять ничего. У него перемѣшаны и часы битвы, и корпуса, и всѣ дѣйствія этого сложнаго и громаднаго дѣла. *Прим. перес.*

(66) Повторяемъ, что этого не было, слѣдовательно, г. Тьеръ критикуетъ собственную свою выдумку. Предположеніе же его о присоединеніи къ Кутузову войскъ Буксгевдена, ушедшихъ на нѣсколько верстъ впередъ, показываетъ только, что онъ не имѣлъ въ событіи аустерлицкой битвы и не имѣетъ понятія о военномъ дѣлѣ. *Прим. перес.*

(67) Главная масса кавалеріи была дѣлѣ Багратиона, къ Працеву. *Прим. перес.*

видѣли восемьдесятъ-два эскадрона русскихъ и австрійскихъ, построены въ двѣ линіи, подъ начальствомъ князя Лихтенштейна. Это заставило дивизіи Сюше и Каффарелли развернуть многіе батальіоны, а за интервалами ихъ поставитъ другіе батальіоны въ колонны, для поддержанія и фланкированія первыхъ. Артиллерію разставили по фронту обѣихъ дивизій. Легкая кавалерія Келлермана и драгунскія дивизіи находились вправо на равнинѣ, а тяжелая кавалерія Нансути и Гопу въ резервъ.

Въ такомъ грозномъ порядкѣ, Ланнъ двинулся, лишь только услышалъ выстрѣлы на Прадцѣ, и проходилъ, какъ на учебномъ полѣ, эту равнину, освѣщенную яркимъ зимнимъ солнцемъ. Князь Лихтенштейнъ заставилъ себя ждать, по ошибкѣ, отъ которой австро-русская кавалерія бесполезно переезжала съ праваго на лѣвый флангъ. Въ его отсутствіе, русская гвардія замѣстила пространство, оставшеся между центромъ и правымъ крыломъ соединенной арміи. Наконецъ, Лихтенштейнъ пришелъ, увидѣлъ движеніе ланнова корпуса, и пустилъ улановъ великаго князя Константина на дивизію Каффарелли. Смѣлые кавалеристы бросились, когда передъ этою дивизіею была бригада легкой кавалеріи Келлермана. Одинъ изъ искуснѣйшихъ пашихъ кавалерійскихъ генераловъ, Келлерманъ, рассчиталъ, что его отбросятъ на пѣхоту и, можетъ-быть, заставятъ привести ее въ беспорядокъ, если онъ неподвижно встрѣтитъ такой страшный ударъ; потому онъ повернулъ свои эскадроны, провелъ ихъ съвозъ интервалы батальіоновъ Каффарелли, и перестроилъ на лѣвомъ флангѣ, выжидая минуты для атаки. Уланы подскакали быстро, но, вмѣсто кавалеріи, встрѣтили непоколебимую ливію пѣхоты, которая, даже не свертываясь въ каре, обдала ихъ убійственнымъ ружейнымъ огнемъ. Четыреста кавалеристовъ пали передъ фронтомъ дивизіи. Впереди ихъ, русскій генералъ, Эссенъ былъ смертельно раненъ. Остальные въ беспорядкѣ разсыпались направо и нѣлѣво. Тутъ Келлерманъ, пользуясь мгновеніемъ, атаковалъ улановъ сълѣва и изрубилъ многихъ. Лихтенштейнъ послалъ на помощь уланамъ еще часть своихъ эскадроновъ. Тогда двинулись наши драгуны противъ непріятельской кавалеріи, и нѣсколько минутъ происходила ужасная, рукопашная схватка. Наконецъ, туча кавалеристовъ разсыпалась и каждый припкнулъ къ своей линіи; поле было усыяно убитыми и ранеными, большею частію русскими и австрійскими (68). Наши двѣ громады пѣхоты двинулись впередъ твердымъ и размереннымъ шагомъ. Русскіе встрѣтили ихъ огнемъ сорока орудій. Одинъ выстрѣлъ унесъ всѣхъ барабанщиковъ перваго полка Каффарелли. На эту грозную канонаду отвѣчали огнемъ всей нашей артиллеріи. Въ такой битвѣ пушечными выстрѣлами, генералу Валуберу раздробило ядромъ лѣшкку. Нѣсколько солдатъ хотѣли отнести его. «Оставайтесь на своихъ мѣстахъ», сказалъ онъ: «я съумю умереть и одинъ. Для одного человека не надобно лишаться шестерыхъ». Послѣ этого пошли на ле-

(68) Вся эта схватка представлена невѣрно. См. «Описаніе Войны 1805 года», стр. 192. *Прим. перес.*

ревню Блазовицъ, бывшую вправо отъ равнины, гдѣ мѣстность начи-наетъ возвышаться къ Працену. Блазовицъ, какъ и всѣ окружныя де-ревни, лежитъ въ глубокомъ оврагѣ: онъ виднѣ былъ только по пла-мени, пожиравшему его. Отрядъ русской гвардіи занималъ его утромъ, въ ожиданіи кавалеріи князя Лихтенштейна. 13-й легкій полкъ по приказанію Ланна двинулся взять его, но тутъ убитъ былъ командиръ полка, полковникъ Кастексъ, пулею въ лобъ. Солдаты его бросились въ штыки и овладѣли Блазовицею, гдѣ захватили нѣсколько сотъ че-ловѣкъ въ плѣнъ (69).

На другомъ крылѣ ланнова корпуса, Русскіе, предводительные княземъ Багратиономъ, пытались овладѣть холмомъ, который наши солдаты назвали *Сантономъ*. Русскіе спустились въ долину у подошвы холма, взяли тамъ деревню Бозеницъ, и бесполезно размѣивались ядрами съ многочисленною артиллеріею, покрывавшею холмъ; но они не думали вѣдти противъ ружейнаго огня 17-го полка, такъ утвердившагося, что къ нему не смѣли подступать близко.

Багратионъ построилъ остальную свою пѣхоту на ольмюцкой дорогѣ, противъ дивизіи Сюше. Принужденный отступать, онъ тихо подавался назадъ передъ ланновымъ корпусомъ, шедшимъ безъ торопливости, стройно и непрерывно выигрывая мѣстность.

По взятіи Блазовица, Ланнъ велѣлъ взять Голубицъ и Крухъ, де-ревни вдоль ольмюцкой дороги, и наконецъ подошелъ къ багратионо-вой пѣхотѣ. Тутъ онъ раздѣлялъ свою линію, составленную изъ двухъ дивизій, и послалъ одну дивизію, Сюше, косвенно влѣво, а другую, дивизію Каффарелли, косвенно вправо. Этимъ расходящимся движеніемъ, онъ отдалялъ пѣхоту Багратиона отъ кавалеріи Лихтенштейна, и от-бросилъ первую налѣво отъ ольмюцкой дороги, а вторую направо, къ покатоствамъ праценскаго возвышенія.

Кавалерія Лихтенштейна хотѣла сдѣлать послѣднюю попытку, и всѣ кинулась на дивизію Каффарелли, которая приняла ее съ обыкновен-нымъ своимъ искусствомъ и остановила ружейнымъ огнемъ. Много-численные эскадроны Лихтенштейна, разсыянные, были опять соеди-нены своими офицерами и поспешили на наши батальоны. По прика-занію Ланна, кирасиры генераловъ Гопу и Навсути обскакали нашу пѣхоту сзади, построились на правомъ ея флангѣ, и пустились въ га-лопъ. Земля задрожала подъ тяжестью четырехъ тысячъ всадниковъ, затянутыхъ въ желѣзо; ударъ ихъ сбилъ, разсыялъ австро-русскіе эска-дроны, и заставилъ удалиться къ Аустерлицу, откуда они уже и не по-казывались цѣлый день.

Въ то же самое время, дивизія Сюше подошла къ пѣхотѣ Багратио-на, направила на нее меткіе выстрѣлы своего огня, который войска наши, столько же обученныя, сколько привыкшія къ войнѣ, произво-дили съ удивительною вѣрностью, и потомъ ударила въ штыки. Рус-скіе подвигались назадъ, уступая стремленію нашихъ батальоновъ, но не разстроивались и не славились. Они представляли смѣшанную толпу,

(69) Къ чему преувеличивать небывалыми частными успѣхами общій большой успѣхъ Наполеона? *Прим. перев.*

лвсь ружей, и надобно было отдвигать ихъ, но взять въ плвнъ было нельзя. Ланнъ, освободившись отъ восьмидесяти двухъ эскадроннхъ Лихтенштейна, спвшилъ перенести тяжелую кавалерію Гоу съ праваго конца равнины на лввій, и послалъ ее рвшительно прогнать Русскихъ. Кирасиры во всвхъ направленіяхъ атаквали этихъ упорныхъ пхотинцевъ, отступавшихъ большими отрядами, и заставляли нвсколько тысячъ человекъ положить оружіе (70). Такъ на лввомъ нашемъ флангъ, Ланнъ одинъ далъ цвлую битву и забралъ четыре тысячи человекъ въ плвнъ (71). Земля была вокругъ усъана двумя тысячами убитыхъ и рапенныхъ Русскихъ и Австрійцевъ.

Между-твмъ, на праценой возвышенности бой возобновился между непріятельскимъ центромъ и корпусомъ Сульта, усиленнымъ всми резервами, лично приведенными Наполеономъ. Кутузовъ, не помышляя, какъ мы упоманули, о возвращеніи къ себъ трехъ колоннъ Доктурова, Ланжерона и Пржибышевскаго, зашедшихъ въ углубленія, думалъ только какъ бы соединить свой центръ, опираясь на императорскую гвардію. Одна бригада Каменскаго (72), услышавъ въ тылу своемъ жаркую стрвльбу, остановилась, и вдругъ обратилась къ праценой возвышенности. Извщщенный о томъ, Ланжеронъ самъ повелъ ее, и оставилъ къ Сокольніцъ свою колонну.

При возобновленіи боя въ центръ, Французы должны были сражаться съ бригадою Каменскаго, пахотою Колловрата и Милорадовича, и съ русскою гвардією. Бригада Тиебо, занимавшая крайній правый флангъ сультова корпуса и отдаленная отъ бригады Варе деревнею Праценъ, очутилась посреди огненнаго угла, потому-что передъ нею былъ фронтъ Австрійцевъ, а справа часть войскъ Ланжерона. Нвсколько минутъ была она въ страшнй опасности. Когда она сама перестроивалась угломъ, чтобъ выставить фронтъ непріятелю, офицеръ 36-го полка, Лабади, опасаясь, что батальионъ его поколеблется подъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ, поражающимъ на тридцати шагахъ, схватилъ знамя, сталъ съ нимъ какъ жалонёръ, и вскрикнулъ: «Солдаты! вотъ ваша боевая линія». Батальионъ развернулся въ совершенномъ порядкѣ. Другіе послвдовали его примврю; бригада заняла позицію и нвсколько минутъ продолжался между нею и непріятелемъ убійственнй ружейнй огонь на разстояніи полувыстрвля. Но три полка бригады скоро уничтожились бы отъ перекрестнаго огня, еслибъ бой продолжился. Генералъ Сент-Илеръ, взумлявшій всю армію рыцарскою храбростію, разсуждалъ съ генералами Тиебо и Мораномъ, что имъ дѣлать, когда полковникъ Пузе сказалъ ему: «Пойдемъ впередъ, въ штыки, или мы пропали». — Да, впередъ, отвччалъ Сент-Илеръ. Тотчасъ взяли ружья на-перевъсь, бросились вправо на Русскихъ Каменскаго, прямо на Австрійцевъ Колловрата, и сбвли первыхъ въ углубленія Сокольніца и

(70) Этого не было. Но у г. Тьера тысячи войскъ ни по чемъ! *Прим. перес.*

(71) Ланнъ такъ же далъ битву на этомъ мвствѣ, какъ и князь Багратионъ.

Прим. перес.

(72) Какъ все это перепутано! Двйствіе Каменскаго происходило почти при началѣ сраженія. *Прим. перес.*

Тельница, вторыхъ на покатохъ працеской возвышенности, къ аустерлицкой дорогѣ (73).

Покуда бригада Тисбо такъ счастливо и мужественно выходила изъ своего затруднительнаго положенія, бригада Варс и дивизія Вандама, съ другой стороны деревни Працеса, безъ особеннаго труда отражали новое нападеніе Австро-Русскихъ, и вскорѣ сбили ихъ къ подошвѣ возвышенности, на которую тщетно старались они взобраться. Въ пылу, одушевлявшемъ наши войска, первый батальионъ 4-го линейнаго полка, отъ дивизія Вандама, увлекся, преслѣдуя Русскихъ, на покатохъ, покрытыя випоградниками. Великій князь Константинъ тотчасъ послалъ отрядъ гвардейской кавалеріи, и батальионъ, внезапно атакованный посреди випоградниковъ, былъ опрокинутъ, прежде нежели успѣлъ свернуться въ каре. Въ суматохѣ, знаменщикъ полка былъ убитъ. Одинъ унтер-офицеръ хотѣлъ взять у него орла, но былъ также убитъ. Солдаты выхватили его изъ рукъ унтер-офицера, но и онъ палъ: кавалеристы великаго князя овладѣли трофеемъ.

Наполеонъ, съ высоты, гдѣ находился онъ, замѣтилъ эту схватку и сказалъ Раппу: «Тамъ безпорядка: надобно поправить се». Раппъ, съ мамелюками и конными егерями гвардіи, полетѣлъ выручать батальионъ. Бессьеръ слѣдовалъ за нимъ съ конными гренадерами. Дивизія Друэ, отъ корпуса Бернадотта, шла во второй линіи, и все это направилось противъ русской гвардіи.

Неприятельская кавалерія рубила нашихъ пѣхотинцевъ, лежавшихъ на землѣ. Когда явился Раппъ, она обратилась противъ него съ четырьмя пушками. Запѣ картечью не остановилъ Раппа: онъ сбилъ императорскую кавалерію и проскакалъ дальше мѣста, занятаго остатками 4-го батальиона. Тамъ снова атаковала его гвардія. Это была кавалергарды Александра, подъ начальствомъ своего полковника, князя Рейнина (74). Они сбили конныхъ егерей, причемъ былъ убитъ храбрый Морлацъ, ихъ полковникъ. Но тутъ подскакали конные гренадеры, предводимые Бессьеромъ. Эти великолѣпные всадники, на огромныхъ лошадяхъ, равновали помѣряться съ кавалергардами Александра. Нѣсколько времени длилась схватка между ними, и свидѣтельница этого жестокаго боя, пѣхота русской гвардіи не смѣла стрѣлять, опасаясь попасть въ своихъ. Наконецъ, наполеоновы конные гренадеры, старые солдаты, испытанные во ста сраженіяхъ, сломили молодыхъ всадниковъ Александра, разсылали и оставили довольно много падшими въ бою.

Наполеонъ видѣлъ этотъ бой и былъ въ восторгѣ, что русская молодежь наказана за свое самохвальство (75). Окруженный штабомъ, онъ встрѣтилъ Раппа, раненаго, покрытаго кровью, сопровождаемаго пѣ-

(73) Во всемъ этомъ описаніи путаница: г. Тьеръ опровергаетъ самъ себя, когда послѣ взятія Суальтомъ Працеса, опять выставляетъ тутъ нашу гвардію и Колло-врата. *Прим. перес.*

(74) Князь Рейнинъ командовалъ эскадрономъ, а не полкомъ. *Прим. перес.*

(75) Наполеонъ былъ въ такомъ отдаленіи, что не могъ видѣть подробностей сраженія одного полка, и различить молодые или старые воины сражались тутъ, особенно же какой именно полкъ былъ въ схваткѣ. *Прим. перес.*

нымъ княземъ Рѣпиннымъ (76), в громко выразилъ ему свое удовольствіе. Между-тѣмъ, три полка дивизіи Друэ, приведенные полковникомъ Жераромъ, поспѣли пѣхоту русской гвардіи къ деревнѣ Кресповицу, взяли эту деревню и побрали много людей въ плѣнъ. Былъ часъ пополудни, и победа казалась уже несомнѣнною (77), потому-что Ланнъ и Мюратъ овладѣли равниною на лѣвомъ флангѣ, Сульта, поддерживаемый весьма резервомъ, занялъ працескую возвышенность: оставалось только подвинуться вправо и сбить въ озера три колонны Буксгевдена, тщетно упорствовавшія отрезать намъ вѣнскую дорогу. Тогда Наполеонъ, оставляя корпусъ Бернадотта на працеской возвышенности и обращаясь вправо съ корпусомъ Сульта, гвардією и гренадерами Удино, хотѣлъ самъ собрать плодъ своихъ глубокихъ соображеній, и пошелъ тою дорогою, по которой слѣдовали колонны Буксгевдена спускаясь съ працеской возвышенности, ударить на нихъ съ тыла. И было время прійти ему, потому-что Даву, съ помощникомъ своимъ Фрианомъ, безпрестанно переходя отъ Кобельница къ Тельницу и не допуская Русскихъ за Гольдбахъ, вскорѣ пали бы передъ нимъ. Четыре лошади были убиты подъ Фрианомъ. Онъ истощался въ послѣднихъ усиліяхъ, когда Наполеонъ вдругъ появился съ громадою всесокрушающихъ войскъ. Русскіе, въ изумленіи и отчаяніи, пришли въ страшное сматеніе. Колонна Пржибышевскаго вся и половина ланжеронской, оставаясь передъ Соколицомъ, были окружены безъ всякой надежды спастись, потому-что Французы шли въ тылъ ихъ по тѣмъ дорогамъ, которыми они сами проходили утромъ. Обѣ колонны разсылались; часть ихъ была взята въ плѣнъ въ Соколицѣ; другая нѣбжала къ Кобельницу и была окружена подлѣ тамошнихъ болотъ; третья направилась къ Брюнпу, и принуждена была положить оружіе близъ вѣнской дороги (78), именно тамъ, гдѣ Русскіе назначили мѣсто соединенія своего въ надеждѣ победы.

Ланжеронъ, съ остатками бригады Камовскаго и нѣсколькими батальйонами, выведенными имъ прежде пораженія, удался къ Тельницу и озерамъ, близъ того мѣста, гдѣ былъ Буксгевденъ съ колонною Дохтурова. Неспособныйъ начальникъ лѣваго крыла Русскихъ, гордась, что съ 29-тью батальйонами и 22-ма эскадронами оспаривалъ деревню Тельницъ у пяти или шести французскихъ батальйоновъ (79), оставаясь не-

(76) Наполеонъ увидѣлъ князя Рѣпина, когда возвращался съ працескихъ высотъ въ свою главную квартиру въ Позоржицъ, по окончаніи битвы. *Прим. перев.*

(77) Нѣтъ, г. Тьеръ! мы такъ чтимъ военное дарованіе Наполеона, что безпристрастно скажемъ: побѣда была рѣшена имъ въ 10 часу утра, когда онъ разгромилъ центръ русской арміи. *Прим. перев.*

(78) Никакая часть русской арміи не положила оружія подлѣ Аустерлицомъ, и самъ Наполеонъ сказалъ о ней, черезъ много лѣтъ потомъ: «L'armée russe d'Austerlitz n'aurait pas perdu la bataille de la Moskwa». Войска, которымъ отдавалъ справедливость врагъ ихъ въ дни своего бѣдствія, не были способны класть оружіе.

Прим. перев.

(79) Здѣсь нелѣзность разсказа доходить до невѣроятности. Самъ г. Тьеръ говоритъ (см. выше), что у Фриана было 7 или 8 тысячъ пѣхоты, кромѣ подходившихъ къ нему отсталыхъ, и двѣ тысячи восемь-сотъ кавалеріи; какъ же тутъ превратились они въ 5 или 6 батальйоновъ? Куда дѣлась кавалерія? Сверхъ-того, каковы

подвиженъ, ожидая успѣха колоннъ Ланжерона и Пржибышевскаго. Ланжеронъ прискакалъ, и съ живостью рассказывалъ ему, что дѣлается. «Вы всегда видите только непріятелей» грубо отвѣчалъ Буксгевденъ. — А вы не въ состояніи видѣть ихъ нигдѣ, возразилъ Ланжеронъ (80). Но въ эту минуту явился корпусъ Сульта на отлогости возвышенія къ озерамъ и двинулся на колонну Дохтурова, желая сбить ее туда. Опасность была несомнѣнная. Буксгевденъ, съ четырьмя полками, которые онъ оставлялъ при себѣ, пытался воротиться на прежнюю свою дорогу, проходившую черезъ Аугестъ, между подошвою праценской возвышенности и озеромъ Сачаномъ. Онъ поспѣшно бросился туда, приказывая Дохтурову спастись какъ можетъ. Ланжеронъ присоединился къ нему съ остатками своей колонны. Буксгевденъ проходилъ черезъ Аугестъ въ ту минуту, когда дивизія Вандама, сходя съ высоты, вступала туда съ своей стороны. Поражаемый огнемъ Французовъ, онъ успѣлъ уйти только съ частію своихъ войскъ. Большая часть, вмѣстѣ съ остатками ланжероновыхъ людей, была остановлена Вандамомъ, овладѣвшимъ Аугестомъ. Тогда всѣ бросились къ замерзшимъ озерамъ и старались тамъ открыть себѣ путь. Ледъ, покрывавшій озера, ослабленный теплотою солнечнаго дня, не сдержалъ тяжести людей, лошадей, пушекъ, проломился въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и Русскіе тонули тамъ или спасались на оставшихся крѣпкими мѣстахъ.

Наполеонъ пріѣхалъ самъ на праценскія покатоки къ сторонѣ озеръ, и увидѣлъ гибель, такъ хорошо имъ приготовленную. Онъ велѣлъ гвардейской батарее стрѣлять ядрами въ непроломленные части льда, и тѣмъ довершилъ бѣдствіе несчастныхъ, убѣжавшихъ туда. Около двухъ тысячъ человекъ погибли подъ сломаннымъ льдомъ (81).

Между французскою арміею и этими недоступными озерами оставалась еще несчастная колонна Дохтурова, которой часть спаслась съ Буксгевденомъ (82), и часть погибла подъ льдомъ. Оставленный въ такомъ ужасномъ положеніи, Дохтуровъ оказалъ самое благородное мужество. Ближе къ озерамъ, мѣстность возвышается, составляя родъ опоры. Дохтуровъ прислонился къ этому естественному окопу и построилъ свои войска въ три линіи, помѣстивъ кавалерію въ первой, артиллерію во второй, пѣхоту въ третьей (83). Въ такомъ порядкѣ, онъ

бы ни были 29 батальйоновъ и 22 эскадрона, но естественно ли, чтобы они не уничтожили пяти батальйоновъ? Вотъ до чего доводитъ хвастовство и желаніе писать о предметѣ, котораго не знаетъ авторъ! *Прим. перес.*

(80) Въ русской арміи подобныя выраженія между старшимъ и младшимъ не допускаются ни въ какомъ случаѣ. Никогда не могло быть такого разговора, и наши военныя лѣтописи не представляютъ примѣра, чтобы подчиненный дерзнулъ противорѣчить начальнику; безпрекословное, слѣпое, благоговѣнное повиновеніе старшему составляетъ крѣпость и основу нашего военнаго устройства. *Прим. перес.*

(81) Кто сосчиталъ сколько погибло людей при этомъ случаѣ? Не вырвалъ ли на дно озера тотъ, кто сообщилъ г. Тьеру такую подробность? *Прим. перес.*

(82) Никакая часть колонны Дохтурова не пошла съ Буксгевденомъ, а всѣ были ведены Дохтуровымъ вокругъ Сачанскаго-Озера. *Прим. перес.*

(83) Такого построенія никогда не бываетъ въ войнѣ. Тутъ все перемѣшано, хотя не къ умнженію Дохтурова. Это не исторія, а сказка о какихъ-то небывавшихъ

твердо отбивался отъ Французовъ, а между-тѣмъ послалъ нѣсколько эскадроновъ отъискивать путь между озерами Сачаномъ и Меницомъ.

Тутъ завязался послѣдній, жестокий бой. Драгуны дивизіи Бомона, приведенные отъ Мюрата съ лѣваго фланга на правый, атаковали австрійскую кавалерію Кинмайера, который, исполнивъ свой долгъ, отступилъ подъ покровительствомъ русской артиллеріи. Она громилла картечью драгуновъ, тщетно покушавшихся захватить ее. Пѣхота Сульта двинулась на нее въ свою очередь, и не смотря на выстрѣлы почти въ упоръ, овладѣла артиллеріею и прогнала русскую пѣхоту къ Тельницу. Съ своей стороны, Даву вступилъ въ Тельницъ съ дивизіею Фриана. Тогда Русскимъ оставалось бѣжать по тѣсному промежутку между Тельницомъ и озеромъ. Нѣкоторые бросились туда толпою, и погибли тамъ. Другіе успѣли отступить по пути, открытому между озерами Сачаномъ и Меницомъ. За ними погналась французская кавалерія. Въ глинистой почвѣ, растаявшей днемъ и превратившейся въ густую грязь, вязли люди и лошади. Русская артиллерія погрязла тамъ. Наши кавалеристы забрали при этомъ пораженія три тысячи пленныхъ и множество пушекъ (84). Одинъ изъ дѣйствующихъ въ этой ужасной сценѣ, Ланжеронъ, воскликнулъ: «Я видѣлъ нѣсколько проигранныхъ сраженій, но не имѣлъ понятія о такомъ пораженіи» (85).

Въ-самомъ-дѣлѣ, отъ одного до другаго фланга русской арміи, сохранился порядокъ только въ корпусѣ Багратиона, котораго Ланнъ не преслѣдовалъ, не зная, что происходило на правомъ крылѣ арміи. Все остальное было въ страшномъ безпорядкѣ, выпускало дикіе крики и грабило деревни на дорогѣ, доставая себѣ пища. Оба государя, россійскій и австрійскій, удалились съ поля битвы, гдѣ слышали оны крики Французовъ: *Да здравствуетъ императоръ!* Александръ былъ глубоко унылъ. Императоръ Францъ, больше спокойный, переносилъ бѣдствие хладнокровно. Въ общемъ несчастіи, онъ имѣлъ по-крайней-мѣрѣ то утѣшеніе, что Русскіе уже не могли приписывать всю славу Наполеона трусости Австрійцевъ (86). Оба императора ѣхали черезъ поля Моравіи въ непроницаемой темнотѣ, отдаленные отъ своей свиты. Императоръ австрійскій, видя все погибшимъ, взялъ на себя отправить князя Лихтенштейна къ Наполеону, просить перемирія и обѣщать миръ

происшествіяхъ. Наши генералы не нуждаются въ фантастическихъ, хотя и похвальныхъ разсказахъ о нихъ: истина представляетъ довольно славныхъ подвиговъ ихъ.

Прим. перес.

(84) Что значитъ: «множество пушекъ» (*une grande quantité de canons*)? Историкъ долженъ сказать сколько именно.

Прим. перес.

(85) Жаль, что не помнено: гдѣ видѣлъ проигранныя сраженія графъ Ланжеронъ? Въ арміи Рошамбо, сражаясь подъ знаменами Вашингтона, или въ арміи принца кобургскаго, сражаясь съ революціонерами? Находясь въ русской службѣ, онъ видѣлъ только побѣды—свидѣтельство тому Фокшаны, Римникъ, Очаковъ, Измаилъ.

Прим. перес.

(86) Развѣ, погибая въ отчаянномъ, кровопролитномъ бою, Русскіе оправдывали тѣмъ своихъ союзниковъ, которые почти безъ боя сдались подъ Ульмомъ, и тѣмъ доставили Наполеону неизмѣримыя преимущества? Прогреть сраженіе, даже быть побѣждену — не безчестіе; но сдаваться въ плѣнъ безъ боя и не отстаивать грудью своей страны — другое дѣло.

Прим. перес.

черезъ нѣсколько дней потомъ. Онъ поручилъ ему также изъяснить Наполеону желаніе свое имѣть съ нимъ свиданіе на аванпостахъ.

Князь Лихтенштейнъ, честно исполнившій свою обязанность въ битвѣ, могъ съ честью предстать побѣдителя и поспѣшилъ въ главную квартиру Французовъ. Наполеонъ, побѣдоносный, объѣзжалъ поле битвы, приказывая подбирать раненныхъ. Онъ не хотѣлъ дать себѣ отдыха, покуда не оказалъ своимъ солдатамъ всѣхъ попеченій, столько заслуженныхъ ими. Подкорствуя его приказаніямъ, ни одинъ изъ нихъ не оставлялъ радостей для отношеній раненныхъ во время сраженія. Оттого земля была покрыта ими на протяженіи слишкомъ трехъ льѣ. Особенно покрывали ее трупы Русскихъ. Страшно было поле битвы, по старымъ наипрѣ революціонные солдаты глядели на него равнодушно. Раны, смерть казались имъ, привыкшимъ къ ужасамъ войны, естественнымъ слѣдствіемъ сраженій, и пустяками посреди побѣды. Упоенные удовольствіемъ, они оглашали воздухъ кликами при видѣ группы генераловъ, показывавшей присутствіе Наполеона. Возвращеніе его въ главную квартиру, учрежденную въ Позоржицѣ, въ почтовомъ домѣ, походило на триумфальное шествіе.

Эта душа, предназначенная испытать самыя тяжкія прискорбія послѣ самыхъ живыхъ радостей, услаждалась тогда успѣхомъ самымъ великопѣльнымъ и самымъ заслуженнымъ, потому-что, если побѣда часто бываетъ благосклонностью случая, то здѣсь она была наградою удивительныхъ соображеній. Въ-самомъ-дѣлѣ, Наполеонъ гениально проникнулъ намѣреніе Русскихъ отнять у него дорогу къ Вѣнѣ, постигъ, что тогда они станутъ между нимъ и озерами, къ чему онъ поощрялъ ихъ самымъ положеніемъ своимъ, и потомъ, ослабляя свое правое крыло, усиливая центръ, онъ кинулся съ главными силами на прапечскія высоты, оставившия непріятелямъ, разрывалъ ихъ тамъ на двое, и сбросилъ въ пропасть, изъ которой они не могли выйти (87). Главная часть его войскъ, сбереженная въ резервъ, почти не действовала: такъ вѣрная мысль сдѣлала крѣпкимъ его положеніе, такъ мужество его солдатъ позволяло ему выставлять ихъ противъ непріятеля въ меньшемъ числѣ. Можно сказать, что изъ 65,000 Французовъ, 40,000 или 45,000 сражались, потому-что корпусъ Бернадотта, гренандеры и пѣхота гвардіи только размѣнялись нѣсколькими ружейными выстрѣлами съ непріятелемъ (88). Такъ 45,000 Французовъ побѣдили 90,000 Австро-Русскихъ (89).

Слѣдствія этого дня были неизмѣримы: 15 тысячъ убитыхъ, утонувшихъ и раненныхъ, около 20 тысячъ плѣнныхъ, между которыми 10 полковниковъ и 8 генераловъ, 180 орудій, безмѣрное число лошадей, артиллерійскихъ возозокъ и обозовъ — таковы были потери непріятеля

(87) Здѣсь авторъ противорѣчитъ самъ-себѣ, ибо въ подробностяхъ онъ, какъ мы видѣли, рассказываетъ это иначе. *Прим. перес.*

(88) Напротивъ, всѣ они также были въ пылу сраженія, на Прапечѣ, и комично не танцовали передъ русскимъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ. *Прим. перес.*

(89) Нелѣпное хвастовство, котораго не требуетъ блестящій подвигъ Наполеона. *Прим. перес.*

и троен Французовъ (90). Наша потеря простиралась до семи тысячъ человекъ убитыхъ и раненныхъ.

Наполеонъ, возвратившись въ свою главную квартиру въ Позорницъ, принялъ тамъ князя Лихтенштейна, но принялъ какъ побѣдителя самый важливый, и условился о свиданіи черезъ день съ императоромъ австрійскимъ на аванпостахъ обѣихъ армій. Перемиріе должно было заключиться только послѣ свиданія и объясненій императоровъ Франціи и Австріи.

На другой день, Наполеонъ перенесъ свою главную квартиру въ Аустерлицъ, замокъ, принадлежащій фамиліи Каупцовъ. Онъ поселился тамъ, и хотѣлъ дать имя этого замка битвѣ, которую солдаты уже называли битвою трехъ императоровъ. Въ-послѣдствіи, она названа и будетъ называться въ вѣкахъ тѣмъ именемъ, какое далъ ей безсмертнѣй полководецъ, выигравшій ее.

Въ назначенный день, императоръ Францъ, съ согласія своего союзника, императора російскаго, отправился для свиданія съ Наполеономъ, и нашелъ его на бивакѣ, подлѣ огня, разложеннаго солдатами. Наполеонъ оказалъ важность, явившись туда первый, пошелъ на встрѣчу австрійскому императору, и когда тотъ вышелъ изъ кареты, онъ поцаловалъ его. Ободренный приѣмомъ своего всемогущаго непріятеля, монархъ австрійскій вступилъ съ нимъ въ продолжительный разговоръ. Главные генералы обѣихъ армій стояли въ отдаленіи и съ любопытствомъ смотрѣли на необыкновенное зрѣлище, какъ побѣжденный преемникъ цезарей просилъ мира у коронованнаго солдата, возведеннаго французскою революціею на верхъ чловѣческихъ почестей.

Наполеонъ извинялся передъ императоромъ Францомъ, что принимаетъ его въ такомъ помѣщеніи. — Ваше величество заставляете меня три мѣсяца жить въ этомъ дворцѣ, сказалъ онъ. — Вы живете въ немъ не безъ успѣха, и не можете за то сердиться на меня, возразилъ австрійскій монархъ. — Разговоръ обратился на общность положенія. Тотъ и другой увѣряли, что не желали войны и начали ее поневолю. Наполеонъ объявилъ, что на условіяхъ, уже сказанныхъ г-ну Гиулау, онъ готовъ подписать миръ. Императоръ Францъ, не объясняясь о томъ, хотѣлъ знать расположеніе Наполеона относительно русской арміи. Наполеонъ тотчасъ потребовалъ, чтобы Австрія отдала свои выгоды отъ выгодъ Россіи, чтобы русская армія выступила въ назначенные дни изъ австрійскихъ владѣній, и обѣщавъ при такомъ условіи заключить перемиріе. Миръ съ Россіею можно устроить послѣ, прибавилъ онъ: — потому что это къ ней одной относится. — Поварьте мнѣ, сказалъ Наполеонъ — что вамъ не надобно смѣшивать своихъ дѣлъ съ дѣлами императора Александра. Теперь въ Европѣ одна Россія мо-

(90) Покажемъ безпристрастіе наше г-ну Тьеру, и пояснимъ, что Русскіе потеряли при томъ 133 орудія, хотя въ самомъ бюллетенѣ Наполеона число орудій показано меньше. Убитыхъ, плѣнныхъ, раненныхъ, словомъ — выбывшихъ изъ строя было у насъ до 21,000 человекъ. Все это обнаружено у насъ въ составленномъ и напечатанномъ по Высочайшему повелѣнію «Описаніи первой войны Императора Александра съ Наполеономъ въ 1805 году», генерал-лейтенантомъ Михайловскімъ-Давыдовскимъ.

Прим. переж.

жетъ *создать* изъ прихоти. Побѣдить ее, она удалится въ свои пустыни, а вы расплачиваетесь за войну своими областями.

Остроумныя выраженія Наполеона очень-хорошо поясняли отношенія европейскія. Императоръ Францъ далъ слово не начинать болѣе войны, и за себя и за Александра заключилъ перемиріе, при чемъ условіемъ было, что Русскіе отступятъ въ назначенные дни, а кабинетъ австрійскій тотчасъ пошлетъ въ Брюннъ переговорщиковъ, уполномоченныхъ подписать отдѣльный миръ съ Франціею. Императоры разстались, взявша я другъ другу знаки искренности. Наполеонъ посадилъ въ карету императора, называемаго имъ братомъ, а самъ верхомъ возвратился въ Аустерлицъ.

Военныя дѣйствія прекратились окончательно, но переговоры о мирѣ, немедленно послѣдовавшіе за тѣмъ, встрѣтили безчисленныя затрудненія, при столкновеніи различныхъ выгодъ Франціи, Австріи и Пруссіи, также принимавшей большое участіе въ устройствѣ для Средней-Европы. Императоръ русскій, предоставивъ своему союзнику вступить въ переговоры съ побѣдителемъ, направилъ свои войска къ предѣламъ Россіи и выхалъ изъ Голыча въ Петербургъ. Наполеонъ продолжалъ переговоры съ Пруссіею и Австріею настойчиво и упорно. Самъ онъ отправился въ Вьну и призвалъ въ Брюннъ Талейрана, для совѣщаній тамъ съ гг. Гюлаемъ и Лихтенштейномъ. То была опасная минута для мудрости Наполеона. Человѣкъ, который своимъ гениемъ и храбростію своихъ солдатъ могъ производить такіа событія, какъ Маренго и Аустерлицъ, будетъ ли соображаться съ кѣмъ-нибудь на землѣ? Тщетно думалъ Талейранъ умѣрить страсти его. Наполеонъ, въ изумительныхъ дерзостію и искусствомъ личныхъ переговоровъ съ Гаугвицомъ въ Вьнѣ, вырвалъ у Пруссіи миръ, согласный съ его намереніями. После множества разныхъ измѣненій, переговоры съ австрійскимъ кабинетомъ были продолжаемы въ Пресбургъ, а тамъ былъ заключенъ 26 декабря 1805 года пресбургскій мирный договоръ, одинъ изъ славнѣйшихъ договоровъ Наполеона.

Австрійская монархія, потерявшая все свои владѣнія въ Италіи, лишенная уступкою Тироля повелительныхъ мѣстъ среди Альповъ, отброшенная за Иннъ, немѣвшая болѣе никакихъ передовыхъ твердынь въ Швабін и феодальныхъ связей, подчинявшихъ ей государства Южной Германіи, понесла въ то же время неизмѣримыя потери вещественныя и политическія. Она лишилась 4 милліоновъ подданныхъ изъ 24, 15 милліоновъ флоринновъ дохода изъ 103. Трактатъ былъ хорошо обдуманъ для сноискствія Италіи и Германіи, и только одинъ недостатокъ ярко выказывался въ немъ, а именно, излишнее угнетеніе побѣжденнаго, при чемъ онъ не могъ искренно предаться судьбѣ своей. Австрійскіе уполномоченные, при подписаніи трактата, ограничились только присоединеніемъ къ нему письма, общаго подписаннаго ими, гдѣ поручали они великодушію Наполеона неаполитанскій королевскій домъ. Декабря 27, въ одномъ изъ вѣнскихъ дворцовъ, Наполеонъ принималъ эрцгерцога Карла, и изъявлялъ все знаки уваженія, должныя его высокому сану и военной его славы. Разговоръ ихъ болѣе всего былъ обращенъ на военное искусство, что, впрочемъ, казалось естественнымъ при свиданіи двухъ знаменитыхъ полководцевъ; но эрцгерцогъ удалялся, не сказавъ ни одного слова о дѣлахъ обихихъ имперій.

Все распоряженія немедленно оставить Австрію были сдѣланы. На-

полковъ велѣлъ отправить по Дунаю два тысячи пушекъ и сто тысячъ ружей, взятыхъ въ вѣнскомъ арсеналѣ. Онъ назначилъ полтораста пушекъ въ Пальма-Нова, для вооруженія этой важной крѣпости, повѣлавшей венеціанскими областями на твердой землѣ. Онъ расположилъ возвратный походъ своихъ солдатъ такъ, чтобъ они шли небольшими переходами, потому-что не хотѣлъ заставить ихъ возвращаться какъ они пришли—бѣглымъ шагомъ. По дорогѣ были сданы вся необходимыя распоряженія доставить имъ обильное продовольствіе. Наполеонъ велѣлъ раздать два милліона франковъ своимъ офицерамъ, чтобъ каждый изъ нихъ могъ тотчасъ насладиться плодами победы. На Бертьѣ были возложены вся попеченія о возвратномъ походѣ арміи во Францію. Она должна была выступить изъ Вьны въ-продолженіе пяти дней, и черезъ двадцать дней уже перейти черезъ Иннъ. При переговорахъ условились, что крѣпость Брауну останется въ рукахъ Французовъ до полной выплаты 40 милліоновъ контрибуціи.

По окончаніи всѣхъ распоряженій, Наполеонъ отправился въ Мюнхенъ, гдѣ встрѣтили его съ восторгомъ. Баварцы, которымъ суждено было оставить его въ дни нашихъ бѣдствій и принудить перейти черезъ нихъ при Ганау, оглушая своими рукоплесканіями и преслѣдовали самымъ пламеннымъ любопытствомъ побѣдителя, того, кто спасъ ихъ отъ вторженія непріятелей, возвеличалъ ихъ на степень королевства, обогащалъ отнятымъ у побѣжденной Австріи! Онъ присутствовалъ при бракосочетаніи принцессы Августы, дочери короля баварскаго, съ Евгениемъ Богарне, вице-королемъ Италіи, пасынкомъ завоевателя и любимцемъ его сердца. Насладившись счастьемъ драгоценнаго ему сына, удивленіемъ народовъ, жаждавшихъ видѣть грознаго побѣдителя, насладившись даже лестью своихъ непріятелей, Наполеонъ отправился въ Парижъ, гдѣ ожидалъ его восторгъ Франціи.

Походъ, длившійся только три мѣсяца, вмѣсто войны нѣсколькихъ годовъ, какъ опасались сначала; твердая земля обезоруженная; французская имперія, распространенная въ границахъ, которыхъ она не должна была бы никогда преступать; ослѣпительная слава, усилившая блескъ нашего оружія; общественный и частный кредитъ, возстановленный какъ-бы чудомъ; новые виды и надежды на спокойствіе и благосостояніе, открытые народу, при уважаемомъ цѣлымъ міромъ и могущественномъ правительствѣ — вотъ за что хотѣли отблагодарить Наполеона тысячекратными кликами: «Да здравствуетъ императоръ!» Онъ слышалъ эти клики въ Страсбургѣ, при самомъ переездѣ черезъ Рейнъ, и они сопровождали его до Парижа, куда пріѣхалъ онъ 26 января 1806 года. Это было то же, что маренгское возвращеніе. Въ-самомъ-дѣлѣ, Аустерлицъ для имперіи былъ то же, что Маренго было для консульства. Маренго утвердило консульскую власть въ рукахъ Наполеона, Аустерлицъ обезпечилъ императорскую корону на головѣ его. Маренго въ одинъ день перенесло Францію изъ угрожаемаго положенія въ положеніе спокойное и великое; Аустерлицъ въ одинъ день уничтожилъ грозную коалицію и произвелъ послѣдствія не меньше великія. Для умовъ размышляющихъ и спокойныхъ, если оставались еще они при такихъ событіяхъ, единственный предметъ опасенія заключался въ известномъ непостоянствѣ счастья, и—что еще гораздо страшнѣе—въ слабости человеческого ума, который иногда не падаетъ и подъ бременемъ несчастія, но рѣдко переноситъ благополучіе не впадая въ великія ошибки.

ФИЗИОЛОГИЯ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО МОЗГА.

Статья вторая (*).

=

ОБЩИЯ И ЧАСТНЫЯ ПРОЯВЛЕНІЯ ИЛИ ОТПРАВЛЕНІЯ *тридцати-семи* ОСНОВНЫХЪ ПОВУЖДЕНІЙ. НУМЕРАЦІЯ И НОМЕНКЛАТУРА ПОВУЖДЕНІЙ. ИСТОРИЯ ИХЪ ОТКРЫТІЯ.—ОБЩИЙ ВЗГЛЯДЪ НА ПРОЦЕССЪ ИНТЕЛЛЕКТА. ВЛІЯНІЕ ПОКОЛѢНІЯ, КЛИМАТА, ВОЗРАСТА, ЗДОРОВЬЯ, ПРОИСХОЖДЕНІЯ, ВОСПИТАНІЯ, ГОДА ЖИЗНИ, ТЕМПЕРАМЕНТА И ПРОЧ. НА ОТПРАВЛЕНІЯ МОЗГА.—ПРЕДМЕТЪ УМОЗРИТЕЛЬНОЙ ИЛИ СПЕКУЛЯТИВНОЙ ЧАСТИ *френологии*. СОДѢЙСТВУЮЩІЯ ИЛИ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЯ, И ПРОТИВОДѢЙСТВУЮЩІЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ОТНОСИТЕЛЬНО КАЖДАГО ИЗЪ *тридцати-семи* ОСНОВНЫХЪ ПОВУЖДЕНІЙ.

XVII.

Всего бы лучше изложить подробную исторію значенія каждаго отдела поверхности головы, означеннаго френологами; рассказать, какъ, и когда это значеніе было открыто; собрать рисунки нѣсколькихъ головъ, на которыхъ относительное развитіе черепа въ разсматриваемой точкѣ соответствуетъ извѣстной склонности человѣка и, наконецъ, исчислить множество подтверждающихъ случаевъ, указавъ также на всѣ извѣстные изъ противорѣчащихъ. Къ-сожалѣнію, подобный трудъ, по обширности своей и недостатку матеріаловъ, не можетъ быть мною исполненъ такъ удовлетворительно, какъ бы я хотѣлъ. Въ особенностяхъ мнѣ трудно бы было привести примѣры аномальческіе, потому-что я, покуда, не нашелъ ни одного истиннаго. Передамъ вамъ все, что могу, не выходя изъ границъ краткаго обзора френологіи, но въ такомъ объемѣ, чтобъ вы получили довольно-вѣрное понятіе о степени достовѣрности каждаго предположенія френологовъ относительно интеллектуальныхъ отправленій головного мозга.

Ограничимся, по необходимости, краткимъ объясненіемъ значенія каждаго побужденія, имѣя въ виду предположенное выше раздѣленіе дѣятельности его на три степени. Вы увидите, что объясненія эти не всегда вполне достаточны и что они не представляютъ всей желаемой полноты и однообразія. Что же дѣлать? Френологія еще слишкомъ мало обработана и нуждается въ снисходительности отъ начинающихъ изучать ее.

Нумерація побужденій различна у разныхъ авторовъ. Ее измѣняли по мѣрѣ открытій новыхъ побужденій и по разнымъ философическимъ соображеніямъ. Настоящій, принятый нами порядокъ, конечно, не удо

(*) Первая статья помѣщена въ предъидущей книжкѣ (ноябрь, 1847).

встворяетъ вполне никакому условію и кажется совершенно-произвольнымъ; но не все ли равно, какимъ бы знакомъ ни было означено каждое отдѣленіе головы? Система тутъ почти несколько не облегчала бы изученія. Гораздо полезнѣе держаться постоянно одного и того же, разъ навсегда припятаго, обозначенія точекъ на головѣ числами и буквами; тогда не нужно будетъ, при чтеніи каждаго новаго сочиненія, затверживать новое ихъ обозначеніе. Основываясь на этихъ причинахъ, мы будемъ слѣдовать нумераціи, принятой Шпурцгеймомъ, Бруссэ, Комбомъ, Дюмутье и другими френологами.

Названіе побужденій представляло и представляетъ еще большія затрудненія. Не легко приискать слово, выражающее удовлетворительно цѣлый рядъ мыслей, иногда довольно-разнообразныхъ. Въ предъидущихъ письмахъ, я старался сдѣлать сколько можно близкій переводъ французской номенклатуры, близкій не столько къ слову, сколько къ понятію, нѣтъ выражаемому. Но Французы придумывали новыя слова для названія побужденій: русскимъ языкомъ нельзя распорядиться съ такою же смѣлостью, и подобныя барбаризмы ему несвойственны. Впрочемъ, и на французскомъ языкѣ, для названія многихъ побужденій, не могли приискать новыхъ словъ. Таковы: *fermeté, estime de soi, bienveillance, imitation* и проч., такъ-что названіе побужденія есть одно изъ многихъ другихъ словъ, которыми объясняется его проявленіе. Новыя, не принадлежащія языку слова, выгодны тѣмъ, что, напоминая до нѣкоторой степени общій характеръ побужденія, могутъ разсматриваться какъ знаки. Если вы запомните нумера побужденій, то названія ихъ будутъ для васъ почти бесполезны. Означеніе нумерами или буквами очень-удобно: оно сокращаетъ рядъ, и, главное, даетъ способъ обвинять однимъ взглядомъ цѣлую группу побужденій въ короткой строкѣ цифръ.

Общія вѣсмы побужденіямъ проявленія суть: память, вниманіе, внутренне, желаніе или хотѣніе, склонность или наклонность, способность или сноровка, предпочтеніе и пристрастіе, удовольствіе и неудовольствіе, радость и печаль. А вотъ проявленія каждаго побужденія въ особенноти:

А. Питательность.

Общая цѣль этого побужденія состоитъ въ возстановленіи тѣла пищею. Галль и Шпурцгеймъ полагали, что бессознательное влеченіе къ принятію пищи не можетъ быть слѣдствіемъ какихъ-либо другихъ побужденій, но должно быть элементарнымъ, основнымъ, самобытнымъ инстинктомъ. Разсматривая мозгъ животныхъ, Комбъ замѣтилъ, что обонятельный нервъ славается съ основаніемъ средней полости мозга, и подумалъ, что, можетъ-быть, эта часть мозга соотвѣтствуетъ инстинкту питательности. О человѣкѣ заключили по аналогіи. Докторъ Гоппе (Норре), въ Копенгагенѣ, и докторъ Крукъ (Stook), въ Лондонѣ, доказали разсужденіями и наблюденіями, что инстинктъ этотъ находится въ тѣсной связи съ ощущеніями голода и жажды, но отличенъ отъ нихъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, человѣкъ часто есть и пьетъ съ удовольствіемъ, будучи совершенно сытъ. Положеніе части мозга, выражающей это побуж-

деніе, опредѣлено всѣми тремя френологами одинаково: оно находится въ скульныхъ ямахъ черепа, впереди ушей, подъ скульными дугами. Штурцгеймъ не былъ совершенно убѣжденъ въ вѣрности этого положенія, но оно продолжаетъ подтверждаться наблюденіями.

Умѣренное развитіе. Побужденіе отъискивать, различать, изготовлять и принимать пищу. Употребленіе пищи въ нужномъ количествѣ. Сужденіе о вкусѣ и запахѣ кушанья. Способность распознавать истинативно, т. е. безсознательно, вредность и полезность вкушаемаго. Эта же степень производитъ изысканность или деликатность вкуса.

Сильное развитіе. Невоздержность, употребленіе въ пищу несвойственнаго къ питанію или излишество въ количествѣ пищи; обжорство, пьянство, неестественность вкуса и обонанія.

Слабое развитіе. Равнодушіе къ пищѣ, къ вкусу, чрезмѣрное воздержаніе, неразборчивость въ пищѣ, отвращеніе отъ изысканности кушанья.

AV. Самохранительность.

Кто не знаетъ, что люди не все равно привязаны къ жизни? Галль не подозревалъ существованія отдѣльнаго побужденія охранять свое существованіе. Оно казалось ему сладствіемъ слабаго развитія побужденій: противоборности, разрушительности и твердости. Штурцгеймъ колебался между этимъ мнѣніемъ и предположеніемъ самобытнаго истината самохранительности. Комбъ приводитъ случай одной 60-ти лѣтней женщины, которая чрезвычайно боялась смерти. У ней, въ основаніи мозга, нижняя горизонтальная гряда средней полости мозга надъ слуховымъ отверстіемъ (*) была чрезвычайно-выпукла и лежала въ глубокомъ, соответствующемъ ей жолобѣ черепа. Это наблюденіе послало Комбу поводъ предположить въ означенномъ нами мѣстѣ отдѣленіе головы, соответствующее самохранительности. Вимонъ открылъ то же самое у животныхъ, а по аналогіи и у людей, и приписываетъ себѣ первенство открытія. Г-нъ Дюмутъ подтверждаетъ догадку Комба и Вимона множествомъ собранныхъ имъ примѣровъ: самоубійць съ необыкновенно-малымъ, и эгоистовъ и трусовъ съ чрезвычайно-большимъ поперечникомъ головы между ушами.

Умѣренное развитіе. Избѣганіе опасностей для жизни, отвращеніе отъ мыслей о смерти.

Сильное развитіе. Чрезмѣрная привязанность къ жизни, боязливость или трусость, мнительность въ болезняхъ. Расположеніе къ эгоизму.

Слабое развитіе. Пренебреженіе и даже отвращеніе отъ жизни, равнодушіе при приближеніи смерти. Отъ этой же степени развитія происходятъ: меланхолія, спянь и посяганіе на самоубійство.

№ 1. Влюбчивость.

Этимъ номеромъ означенъ мозжечокъ. Бруссэ разсматриваетъ его прежде большаго мозга, т. е. прежде A и AV, потому-что онъ составляетъ совершенно-отдѣльный органъ головного мозга. Я помещаю его здѣсь единственно для порядка нумераціи. Отравленіе № 1 открыто

(*) Эта гряда не имѣла до-сихъ-поръ никакого значенія во френологіи.

Галлемъ. Оно состоитъ, по наблюденію френологовъ, въ цѣловомъ возбужденіи. Физиологи, не признающіе этихъ наблюденій, утверждаютъ, что мозжечокъ уравниваетъ движенія животнаго и доказываютъ это экспериментами, приведенными мною въ V письмѣ. Но вы видите, что не одинъ мозжечокъ имѣетъ вліяніе на движенія животнаго (письмо VI); стало-быть, несправедливо приписывать ему исключительно это отправленіе. Сверхъ-того, нельзя предположить уравниванія движеній или придаванія имъ правильности безъ участія полушарій большого мозга. Разумная стройность движеній не можетъ происходить безъ разумной цѣли, а главные элементы интеллекта заключаются въ отправленіяхъ большого мозга. Френологи отнюдь не отвергаютъ участія мозжечка въ движеніяхъ тѣла вообще; но, по наблюденіямъ ихъ, нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что онъ имѣетъ весьма-сильное вліяніе на движенія особаго рода, клонящіяся къ извѣстной цѣли. Мозжечокъ находится въ связи съ внѣшнимъ приборомъ и съ большимъ мозгомъ, посредствомъ продолженія нервъ. Эта связь такова, что возбужденіе прибора осазаніемъ, или мозговыхъ полушарій—видимымъ предметомъ, воображаемымъ образомъ и мыслію, возбуждаетъ и отправленіе мозжечка. Дѣйствіе отправленія есть, въ подобномъ случаѣ, реактивное. Обратно, непосредственное раздраженіе мозжечка, случающееся во многихъ болѣзняхъ, возбуждаетъ его отправленіе, обнаруживающееся какъ въ внѣшнемъ приборѣ, такъ и въ мысляхъ субъекта. Безъ участія мозжечка не можетъ произойти никакого результата, ни въ приборѣ, ни въ интеллектѣ. По этой причинѣ, кастрація, произведенная въ то время, когда мозжечокъ развился вполне, не вовсе уничтожаетъ извѣстной способности; впрочемъ, послѣ операціи замѣчается некоторое уменьшеніе объема мозжечка. Очень можетъ быть, что мозжечокъ управляетъ и многія другія потребности организма; но до-сихъ-поръ нѣтъ сомнѣній въ томъ, что въ немъ находится причина полового влеченія. Число положительныхъ фактовъ слишкомъ-велико, чтобы можно было въ этомъ сомнѣваться. Френологи признаютъ также вліяніе мозжечка на энергію человека вообще.

Умѣренное развитіе. Симпатія между обоими полами; стремленіе къ совокупленію, и также къ любви цѣломудренней.

Сильное развитіе. Безмърная влюбчивость; расположеніе къ непристойнымъ рѣчамъ, поступкамъ, манерамъ и ко всемъ неадаптациямъ и аблужденіямъ зрѣтвизма.

Слабое развитіе. Расположеніе къ цѣломудрію, къ холостой жизни, безплодность и даже отвращеніе отъ всего, что относится къ супружеству.

№ 2. Чадолубивость.

Галль первый открылъ ту форму головы, которая выражаетъ это возбужденіе. Его поразила относительно-большая вышуклость затылочной кости надъ срединною поперечнаго синуса у женщинъ сравнительно съ мужчинами. Галль долго думалъ о томъ, какой истинный обликъ быть у женщинъ сильнѣе, нежели у мужчинъ? Наблюдая головы обывальщъ, онъ замѣтилъ подобную же вышуклость и въ томъ же мѣстѣ у

тылка. Наконецъ, вниманіе Галла обратилось на замѣчательнѣйшую черту натуры этихъ животныхъ: любовь къ дѣтенышамъ. Мысль блеснула въ его наблюдательной головѣ; онъ на нѣсколько дней оставилъ все свои обязанности, чтобы заняться единственно слѣченіемъ черепокъ своей коллекціи, и убѣдился въ томъ, что та же разность въ формѣ ватылка существуетъ у самокъ и самцовъ всѣхъ животныхъ, какъ у женщинъ и у мужчинъ. Догадка Галла о назначеніи отдала головы подл № 2 оправдалась потому множествомъ примѣровъ какъ малаго, такъ и сильнаго развитія побужденія любить дѣтей.

Умѣренное развитіе. Расположеніе любить дѣтей вообще, а своихъ къ особенностямъ и терпѣливо переносить вся непріятности ихъ воспитанія. Любовь дѣтей къ родителямъ; любовь братская и родственность.

Сильное развитіе. Расположеніе къ излишней снисходительности къ дѣтямъ, къ баловству ихъ, къ чрезмерному сожалѣнію о разлукѣ съ ними, о потерѣ ихъ. Побужденіе воспитывать чужихъ дѣтей и усыновлять ихъ, не смотря на недостатокъ способовъ для приличнаго ихъ воспитанія. При этомъ развитіи, за немнѣніемъ дѣтей, человекъ призывается къ домашнимъ животнымъ и ухаживаетъ за ними, какъ за дѣтьми.

Слабое развитіе. Равнодушіе къ дѣтямъ; отвращеніе отъ пристрастія за дѣтьми, отсутствіе родственныхъ чувствъ, антипатія къ своимъ собственнымъ дѣтямъ и несправедливость въ отношеніи къ нимъ.

№ 3. Домашность.

«Вся природа должна быть обитаема», сказалъ Шпурцгеймъ: «а для этого необходимо, чтобы животныя инстинктивно побуждались предпочитать одно мѣсто другому для жительства». Космополиты рѣдки и между людьми; люди большею частію любятъ домашнюю жизнь, привязываются къ мѣсту своего жительства и неохотно съ нимъ расстаются. У человека еще можно бы было найти хоть и недостаточныя причины этого предпочтенія въ побочныхъ обстоятельствахъ: въ его разсудкѣ, привычкахъ и проч. Нельзя объяснить такимъ же образомъ инстинкта животныхъ. Побужденіе это основное, а такъ-какъ всякая склонность есть результатъ отравленія мозга, то и должна существовать некоторая особенность его формы, соответствующая расположенію къ осѣдлости или къ домашней жизни. Шпурцгеймъ, послѣ множества наблюденій, назначилъ мѣсто мозга, которое выражаетъ этотъ инстинктъ, въ затылкѣ надъ челолюбвостью. Комбъ находитъ, что то же самое мѣсто выражаетъ способность сосредоточивать вниманіе другихъ способностей, или отравленій мозга. По словамъ его, онъ повѣрялъ свое предположеніе на множество субъектовъ. У Комба этому побужденію дано названіе *сосредоточенности* (*concentrativité*). Вниманіе нашло его также у животныхъ, но думаетъ, что оно выражается не всѣмъ отдѣломъ головы, соответствующимъ *домашности*, но только верхнею его частью. Итакъ, мнѣнія френологовъ здѣсь несогласны. Нужно еще продолжать наблюденія. Мы не примемъ пока отдѣльной способности *сосредоточиваться*, а отнесемъ ее къ общему отравленію мозга, кото-

рое названо *опиманіемъ*, свойственнымъ каждому побужденію, и къ *твердости* характера (№ 15).

Умьренное развитіе. Побужденіе къ осядлости, любовь къ отечеству, къ родительскому дому, къ мѣсту своего рожденія, привязанность къ мѣсту жительства, къ домашней жизни. Расположеніе къ гостепривѣтству, къ избранию постоянного мѣстопребыванія.

Сильное развитіе. Слѣпая привязанность къ отечеству, къ дому, къ утварямъ, вѣщамъ и проч. При чрезмѣрномъ развитіи этого побужденія, человѣкъ скучаетъ вездѣ внѣ своего пепелища, и предается тоскѣ по отчизнѣ, даже по утраченной вѣщѣ, къ которой привыкъ.

Слабое развитіе. Равнодушіе къ своему дому, къ хозяйству, къ отечеству. Отвращеніе отъ домашней жизни. Въ этой степени развитія заключается причина космополитизма.

№ 4. Дружелюбность.

Мѣсто, соответствующее побужденію къ дружелюбію, назначено Галлемъ. Онъ разумѣлъ собственную дружбу, но Шпурцгеймъ расширилъ предѣлы этого отправления мозга, показавъ, что общая цѣль его состоитъ въ сближеніи людей между собою для составленія общества. Въ немъ заключается любовь къ ближнему, безсознательная и безкорыстная. Френологи полагаютъ обозначеніе его на головѣ вполне доказаннымъ наблюденіями.

Умьренное развитіе. Расположеніе къ привязанности, къ дружбѣ, къ супружеству, къ общежитію, къ филантропій, къ ассоціціямъ, къ собратству и проч.

Сильное развитіе. Причина страстныхъ привязанностей, расположеніе къ филоманіи, къ простодушію, къ простосердечію, къ радушію, къ неутихой скорби о потерѣ друга. При этой степени развитія, человѣкъ способенъ имѣть чувство, подобное дружбѣ, къ животнымъ и неодушевленнымъ предметамъ.

Слабое развитіе. Равнодушіе къ дружественнымъ связямъ, необходимость, нелююдность, расположеніе къ уединенію, отшельничеству, къ мизантропій.

Для удобства и краткости объясненій, употребляютъ одно выраженіе для означенія нѣсколькихъ побужденій. Назовемъ А, AV в 1 *нѣскими животными инстинктами, побужденіями чувственными, плотскими* и т. п. Группа 1, 2, 3 и 4 называется вообще *привязанностями*. Побужденія 1, 2 и 3 назовемъ *фамилльностью* или *семейностью, родственностью*. Побужденія А, AV, 1 и 2 необходимы для размноженія и сохраненія человѣчества. № 1 и 2 образуютъ семейный кругъ; № 3 производятъ осядлость, а № 4—сближеніе различныхъ семействъ и составленіе общинъ. Между нѣкоторыми животными видимъ подобныя этимъ побужденія и тѣ же результаты. Что у насъ *община*, то у нихъ *стадо*.

XVIII.

Разсмотримъ остальные инстинкты:

№ 5. Противоборность (или составительность).

Галль открылъ и обозначилъ это побужденіе, сравнивая головы лю-

лей, склонныхъ къ спору, шуму, дракъ, съ головами людей миролюбивыхъ. Положеніе его подтвердилось множествомъ наблюдений и вы сами можете повѣрять его ежедневно. Противоборность всегда необходима человеку въ умеренной степени, для того, чтобы поддерживать уваженіе къ себѣ и не поддаваться обидамъ нахаловъ, перьдко встрѣчающихся въ общества. Въ противоборности заключается всякаго рода мужество, какъ военное, такъ и гражданское. Единбургскіе философы также признавали въ человекѣ это побужденіе основнымъ.

Умеренное развитіе. Побужденіе не соглашаться, сопротивляться, противодействовать, нападать или защищаться, проявленіе мужества, храбрости, смѣлости. Эта степень развитія располагаетъ также къ терпѣливому перенесенію физическихъ и нравственныхъ страданій.

Сильное развитіе. Расположеніе къ противорѣчію; спору, забіячеству, дерзости, ссорѣ, дракъ, вызову, нападенію безъ достаточной на то причины, матамъ, ярости, бѣшенству.

Слабое развитіе. Следствія его: робость, малодушіе, боязливость, трусость, уныніе.

№ 6. Разрушительность.

Открытие этого побужденія принадлежитъ Галлю. Шпурцгеймъ насколько измѣнилъ положеніе отдыга головы подъ номеромъ 6-мъ, подвинувъ его немного впередъ. У Галля онъ названъ *побужденіемъ къ убійству*, потому что первое наблюденіе, послѣ наблюденія животныхъ, было произведено надъ головою разбойника; впрочемъ, Галль давалъ ему значеніе болѣе обширное. Главная цель этого побужденія состоитъ въ доставленіи животному и человеку способа пріобрѣтать себѣ пищу. Въ соединеніи съ противоборствомъ, оно придаетъ характеру энергію и имѣетъ большое вліяніе на силу всѣхъ дѣйствій, побужденій и поступковъ человека. Нельзя не признать самостоятельности побужденія къ разрушенію, потому что ни одно почти животное не могло бы существовать безъ этого инстинкта. «Сцена міра», говоритъ Брюссъ, есть сцена безпрестаннаго разрушенія животными—растеній и другихъ животныхъ». Для френологовъ нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что града мозга, выражающая своею полнотою силу этого побужденія, находится въ нижней части его средней полости, надъ ухомъ.

Умеренное развитіе. Эта степень развитія располагаетъ къ истребленію или разрушенію всего вреднаго для человека, или того, что онъ намеренъ употребить въ свою пользу, на-примѣръ, для постройкн жилища, для пищи и т. п. Наклонность разрушать распространяется какъ на неодушевленные, такъ и на одушевленные тѣла. Она внушаетъ хирургическіе способы исцѣленія, анатомическія изслѣдованія и проч. Она обнаруживается во всехъ случаяхъ, когда человекъ измѣняетъ для извѣстной цели видъ или составъ веществъ, или предметовъ;—следовательно, почти во всехъ промышленныхъ издѣліяхъ. Эта же степень развитія побуждаетъ къ охотничеству, къ изученію владѣть оружіемъ и т. п. Вліяніе ея обнаруживается при опредѣленіи и исполненіи наказаній за проступки и преступленія.

Сильное развитіе. Расположеніе къ гнѣву, злобѣ, бесполезному и безотчетному истребленію разныхъ предметовъ; чрезмѣрная страсть къ охотѣ, къ войнѣ. При этой степени развитія № 6-го, человекъ находитъ наслажденіе въ жестокостяхъ, истязаніяхъ; придумываетъ пытки, казни; смотритъ равнодушно и даже съ удовольствіемъ на пролитіе крови. Отъ него же раждается расположеніе къ убійству, зажигательству. Вліяніе его придаетъ энергію и другимъ побужденіямъ.

Слабое развитіе. Стараніе избѣгать всѣхъ разрушительныхъ дѣйствій и насильственной смерти, даже животныхъ. Она содѣйствуетъ боязливости и трусости. При этой степени развитія, человекъ не можетъ сердаться, чувствовать гнѣвъ, видѣть кровь свою или другихъ людей, или животныхъ.

№ 7. Скрытность.

Галль открылъ это побужденіе и назвалъ *хитростью*; первыя наблюденія были сдѣланы Галлемъ надъ товарищами его въ училищѣ. Штурцгеймъ измѣнилъ только названіе, потому - что побужденіе это имѣетъ несравненно обширнѣйшій кругъ дѣйствія. Оно состоитъ вообще въ удерживаніи прочихъ истинятковъ отъ немедленнаго дѣйствія и проявленія, и въ способности проявлять мысли, чувства, желанія, которыхъ не имѣетъ. Отправленіе это, подобно тому, которое увидимъ въ № 12-мъ, означающемъ осмотрительность, и дѣйствительно, какъ соответствующія имъ отдѣленія головы, такъ и интеллектуальные ихъ результаты до нѣкоторой степени сливаются или совпадаютъ. Разность въ томъ, что осмотрительность есть побужденіе болѣе нравственное и болѣе дѣйствуетъ на высшія способности, на разумъ, тогда-какъ скрытность имѣетъ менѣе подобнаго вліянія, и характеръ его болѣе животный, истинятивный, нежели нравственный. Осмотрительность есть источникъ мудрости, и въ излишествѣ своемъ не дѣлаетъ человека унизительнымъ. Скрытность же, какъ причина *ловкости въ поступкахъ* (*le savoir-faire*), не можетъ нравственно возвысить человека, а въ излишествѣ непременно унижаетъ его, дѣлаетъ безнравственнымъ. Хитрому человеку, *ловкость* кажется высшимъ достоинствомъ для успѣха въ жизни: онъ ее принимаетъ за мудрость, тогда-какъ нравственный человекъ гнушается ею и достигаетъ своихъ цѣлей осмотрительностью, осторожностью, которая никогда не можетъ оскорбить его нравственнаго чувства. Однако, для человека необходимость истинятка или способности скрывать очевидна, и осмотрительность во многихъ случаяхъ не можетъ замѣнять ее. Такъ, на-примѣръ, въ общественныхъ сношеніяхъ, иногда необходимо не только удерживаться отъ выраженія своего чувства или мысли, но даже принять такой видъ и такъ выражаться, чтобъ и не подозрѣвали истиннаго вашего мнѣнія или чувства. Но человекъ нравственный пользуется этою способностію разумно, для доброй цѣли и весьма-умѣренно. Лишенные этой способности часто подвергаются въ обществѣ неудачамъ, непріязни, обманамъ. Они не подозрѣваютъ и существованія хитрости и не въ состояніи различить истину отъ лжи, когда ложь не противна разуму; не въ состояніи открывать интригъ, промаки и принимать противъ нихъ мѣры. Это побу-

женіе, какъ въ отпращиваніяхъ, такъ и въ отношеніи къ выраженію его формою головы, есть одинъ изъ предметовъ, въ которомъ всѣ эрснологи совершенно согласны.

Умыренное развитіе. Побужденіе къ скромности, скрытности, ловкости въ воступкахъ, утонченности ихъ, къ притворству, необходимому въ обществѣ, безвредному лукавству, къ умысленной защитѣ неправды для дознанія истины, преувеличиванію добра для открытія зла. Эта степень развитія внушаетъ благонамѣренныя хитрости, нечаянности или неожиданныя уловки, увертки, уловка, и проч.; проявляется въ рѣчахъ, взглядахъ и тѣлодвиженіяхъ.

Сильное развитіе. Расположеніе къ кознямъ, коварству, лжи, утайкѣ, скрыватьству, прояскамъ, обману, лицемерству, подлогу, влутовству, взманъ, предательству, ко всему тайному, даже до скрыватья безъ всякой цѣли, для одного удовольствія скрыватьничать. Содѣйствіе ея обнаруживается въ ляхомствѣ, воровствѣ, поддальничествѣ, подслушываніи, шпионствѣ, и проч.

Слабое развитіе. Свѣтская нелѣзкость, безпритворство, нескромность, наивность, впаданіе въ просакъ, если позволите такъ выразиться. Неспособность избѣгать козней, хитростей, обмана, и проч.

№ 8. Приобрѣтательность.

Метафизики не предвидѣли существованія чувства *собственности* — непосредственнаго, самобытнаго. Множество животныхъ собираютъ и охраняютъ собранное. Они чувствуютъ неудовольствіе, когда у нихъ отнимаютъ то, что ими присвоено, и это относится не только къ пищѣ, или къ жилищу животнаго, но даже иногда къ предметамъ для него безполезнымъ. Иные думаютъ, что понятіе о собственности произошло отъ соединенія людей въ устроенное общество, и что оно почерпается изъ законодательства. Но какимъ же образомъ имѣютъ его дѣти съ самаго малаго возраста? Ничто не могло устроиться въ обществѣ, и никакіе законы не могли быть предуманы людьми безъ участія ихъ побужденій; если существуютъ законы относительно понятія и права собственности, то потому именно, что человекъ имѣетъ въ своемъ организмѣ врожденное чувство собственности, а не обратно, т. е. не потому онъ имѣетъ это чувство, что оно объяснено законами, или же составленными. Метафизика не въ силахъ была объяснить вполне скупость, потому-что, съ ихъ точки зрѣнія, этотъ порокъ иногда не имѣлъ бы никакой причины. Копать, для одного только удовольствія обладать чѣмъ бы то ни было, даже вовсе безполезнымъ, нельзя объяснить иначе, какъ чрезвычайно-сильнымъ чувствомъ собственности, или побужденіемъ къ приобретенію, которое можетъ проявляться само-собою, отдѣльно, безсознательно и независимо ни отъ какихъ другихъ склонностей, способностей или разсужденій. Еслибъ человекъ не былъ одаренъ этимъ инстинктомъ, то, повинуясь другимъ побужденіямъ, онъ имѣлъ бы только необходимое для существованія, и добывъ это необходимое оставался бы въ бездѣйствіи. Въ этомъ случаѣ, способности его не могли бы развиться до доставленія ему того благосостоянія, которымъ онъ теперь пользуется. То, что теперь для него кажется почти необходимостью, казалось бы

тогда излншествомъ, роскошью, и онъ оставался бы всегда въ днкомъ состоянн, тмъ болзе, что, при отсутствн чувства собственности, онъ, не сохраняя ничего, былъ бы ежмнвутно занятъ единственно отысканнемъ дневнаго пропитанн себя и семейству. Побужденн это помщчно въ числн нстинктонъ, потому-что оно замъчается почти у всахъ животныхъ, и у многихъ въ весьма-сильной степени, и еще потому-что оно имъеть прямою цълью личную выгоду человека, или не болзе, какъ ннтересъ его семейства. Нужны другн высшн побужденн для того, чтобъ возвыснть этотъ, какъ и всакнй другой, нстинктъ, до цълн обширной, обнимающей цълое общество, государство, человечество. Галль открылъ это, какъ и многня другн побужденн, и форму головы, соответствующую имъ, паблюдая людей простаго класса. Онъ полагаель весьма-справедливо, что люди безъ воспитанн несравненно-болзе выражаютъ склонности врожденныя и сохранившн всю свою естественную сплу. Галль угощель ихъ, говорилъ съ нмн ласково и велъ себя такъ, что она забывали его присутствн в обращель между собою, какъ-бы ихъ никто не подслушываль, чего, впрочемъ, нмъ нельзя было и подозревать. Замъчая различн характеронъ этихъ людей и сравнивая формы ихъ головъ, онъ приходель къ догадкамъ о выраженн извастныхъ побуждений некоторыми особенностями формы головы. Конечно, большая часть этихъ догадокъ не повела на къ чему, но некоторня подтверднлись дальнншнми наблюденнми. Названн, которое далъ Галль № 8-му, много повредель его ученн; онъ назваль его *побужденнемъ къ воровству*, что былъ несвойственно, потому-что для такого порочнаго побужденн нужно содънствн другнхъ нстинктонъ и отсутствн многихъ чувствованнй, какъ вы увидете позже. Сперва Шурцгеймъ, потомъ Маккензи (MacKenzie) исправили ошибку Галля, слышкомъ-односторонно разсматривашаго побужденн къ прнобрътенню.

Умпренное развитн. Побужденн къ прнобрътенню посредствомъ труда и промысла. Расположенн къ экономн, къ желанню прнбытка, къ торгамъ и спекуляцнмъ, къ сохраненню собственности, къ собнранню разнаго рода коллекцнй.

Сильное развитн. Побужденн копнть безъ нужды что бы то на было. Жадность или алчность къ богатству, расположенн къ скупости, скряжничеству, ростовщичеству. Эта степень развитн содънствуетъ другимъ побужденнмъ въ страсти къ нгръ, въ взяткахъ, въ воровствъ. Она есть причина неутъшности отъ потери состоянн, или небольшой его части, или даже какой бы она было, хоть маловажной собственности.

Слабое развитн. Недостатокъ бережливости, забвенн собственной выгоды, щедрость, расточительность, беспечность въ-отношенн къ прнобрътенню или увеличенн своего благосостоянн; неспособность сохранять свое нущество.

№ 9. Работательность (или работность).

Галль замътилъ сначала, что ширина головы въ вискахъ равна шнрнн ея между скулами у людей искусно-владеющихъ руками и други-

ми членами своего тѣла, или всякими инструментами, машинами и пр.; у имѣющихъ необыкновенную способность къ какимъ-нибудь работамъ, къ искусному или правильному расположенію частей или матеріаловъ, для составленія цѣлаго или для извѣстной цѣли; у людей совершенствующихъ и изобрѣтающихъ машины, постройки, способы исполненія или производства работъ ремесленныхъ, художественныхъ и пр. Тогда еще Галлемъ не было открыто основное начало френологіи: что матеріальная причина проявленія всѣхъ способностей заключается единственно въ отправленияхъ мозга. Въ-послѣдствіи, онъ удостовѣрился, что выпуклость головы въ № 9-мъ, происходящая отъ полноты мозга въ этомъ мѣстѣ и рассматриваемая независимо отъ скуль и отъ покрывающаго ее мускула, выражаетъ способность къ исполненію и изобрѣтенію всякаго рода работъ. Положеніе это столько разъ было оправдано наблюденіемъ, что сомнѣваться въ истинѣ его невозможно. Способность эта имѣетъ характеръ, отличающій ее отъ другихъ инстинктовъ тѣмъ, что она проявляется въ людяхъ весьма-разнообразно. Изъ различныхъ ея проявленій, многія объясняются содѣйствіемъ сильнаго побужденія къ созерцанію образовъ (№ 23); но множество другихъ особенностей, на-прим.: быстрые успѣхи въ игрѣ на скрипкѣ и неспособность къ игрѣ на фортепьяно одного и того же субъекта, френологія до-сихъ-поръ объяснить не можетъ. Способность не зависитъ отъ образованія членовъ тѣла, если въ нихъ нѣтъ чрезмѣрнаго уродства. Нерѣдко встрѣчаются люди безъ нѣсколькихъ пальцевъ, гораздо-лучше работающіе остальными, чѣмъ другой, вполне обладающій этими естественными орудіями. Между птицами, различная способность къ постройкѣ гнѣздъ нисколько не зависитъ отъ образованія ихъ носа и пр. Нельзя полагать, что какія-либо врожденные особенности интеллекта не имѣютъ причины своей въ соответствующей особенности мозга; но, во-первыхъ, мы рассматриваемъ только внѣшнюю форму мозговыхъ полушарій, тогда какъ вы видѣли въ письмѣ VII, что остается еще изслѣдовать неизвѣстное до-сихъ-поръ вліяніе многихъ другихъ матеріальныхъ обстоятельствъ этого главнаго органа нервной системы. Во-вторыхъ: еслибъ всѣ малѣйшія интеллектуальныя различія людей и выражались частными особенностями формы мозга, то невозможно было бы оцѣнивать эти послѣднія, по причинѣ мелкости ихъ, особенно въ сравненіи съ толщиной кости и другихъ покрововъ органа.

Френологи называютъ побужденіе № 9 *строительностью* (constructivité), но это слово не имѣетъ довольно общаго значенія. Какъ приписать его къ игрѣ на инструментѣ, къ вязанію чулка и т. п.? Я позволилъ себѣ назвать его *работательностью*, и если вы не найдете это слово слишкомъ-дерзкимъ барбаризмомъ, то прошу принять его за болѣе удовлетворительное означеніе имъ разнообразныхъ отправленій, обнимаемыхъ побужденіемъ № 9. Привычка употреблять его изгладитъ первое непріятное впечатлѣніе, которое оно могло возбудить въ васъ. Это побужденіе, по мнѣнію Брюссэ, имѣетъ въ своихъ отправленияхъ много сходнаго съ умственными способностями, съ понятіями. Самое положеніе его въ передней лопасти мозга, между умственными побу-

женіями, какъ-бы показываетъ принадлежность его къ этой группѣ. Впрочемъ, оно крайнее изъ нихъ, наиболее удаленное отъ высшихъ умственныхъ способностей и ближайшее къ собственно такъ-называемымъ *инстинктамъ*. Животныя имѣютъ соответствующую этой способность и многіе изъ нихъ въ весьма высокой степени; приведу въ доказательство постройки бобровъ, гнѣзда птицъ, ткань пауковъ и пр.

Умѣренное развитіе. Расположеніе къ руководялю или вообще къ механической ручной работѣ, ловкости, проворству. Эта степень развитія способствуетъ правильному сужденію объ оконченности и отдалкѣ ремесленныхъ произведеній, и производитъ ловкость рукъ, наклонность и способность къ промышленнымъ искусствамъ, къ механикѣ, къ ремесламъ, художествамъ, архитектурѣ, къ постройкамъ разнаго рода и пр.

Сильное развитіе. Страсть къ изобретеніямъ и постройкамъ и къ автоматической дѣятельности рукъ, пальцевъ или другихъ членовъ.

Слабое развитіе. Равнодушіе къ искусствамъ и ремесламъ, къ отдалкѣ и оконченности работы, неловкость въ ручной работѣ.

Френологи дали названіе *инстинктовъ* описаннымъ мною въ этомъ и предъидущемъ письмѣ *одинадцати* побужденіямъ. Слово *инстинктъ* означаетъ, какъ извѣстно, невольное, безсознательное побужденіе. Правда, что каждое отправление мозга можетъ производить подобное побужденіе, но френологи приписываютъ наклонностямъ А, AV, и отъ *А* 1 до 9, высшія побужденія, которыхъ ближайшая цѣль состоитъ болѣе въ личныхъ видахъ, нежели въ видахъ общаго блага. Такъ, на-примѣръ, дружелюбіе и родственное чувство, принадлежащая къ числу высшихъ инстинктовъ, побуждая къ соединенію въ семейства и малыя общины, служатъ первымъ основаніемъ социальности, но не могутъ произвести болѣе, какъ сборища. Для обширной социальной организаціи, для признанія условныхъ сношеній и нравъ между людьми, неизвѣстными другъ другу и живущими въ отдаленіи, то-есть, для составленія общества въ самомъ обширномъ значеніи этого слова, необходимы высшія побужденія, которыя мы назвали чувствавленіями. Мы займемся ими въ слѣдующихъ письмахъ.

Группу побужденій 5, 6 и 7 можно бы было назвать *враждебною*, или группою *враждебныхъ наклонностей*. Группу 7, 8 и 9 можно выразить словами: ловкость (9) пріобрѣтаетъ (8) тайно (7) и назвать группою *хищничества*. Группу 1, 5 и 6 можно выразить однимъ словомъ *энергія*.

Необходимо замѣтить, что отправление каждого побужденія отдѣльно, равно какъ и отправление группъ, обнаруживаются во всей своей силѣ и въ полнѣ соответственно сдѣланному имъ опредѣленію тогда только, когда прочія не препятствуютъ ихъ дѣятельности. Чѣмъ болѣе существуетъ обстоятельство, способствующихъ или содѣйствующихъ какому-нибудь изъ побужденій или ихъ группъ, тѣмъ сильнѣе проявляется дѣйствіе послѣднихъ. Познакомившись съ отправлениями всѣхъ побужденій, я покажу для каждого изъ нихъ извѣстныя до-сихъ-поръ противодействующія и содѣйствующія обстоятельства.

XIX.

Разсмотримъ теперь нумера, назначенные на верхней или темной части головы.

№ 10. Самоуважительность.

Чувство самолюбія было признано всѣми философами. Въ прошедшемъ столѣтіи, ему приписывали даже слишкомъ-много вліянія и полагали его основаніемъ всѣхъ побужденій и поступковъ чловѣка, что весьма-несправедливо и безправственно. Хорошо-понятый эгоизмъ (*l'égoïsme bien entendu*)—вотъ идея, извлеченная изъ этого односторонняго воззрѣнія философовъ. Она объясняла эгоизмомъ какъ дурныя, такъ и добрыя дѣла людей. Чувство собственнаго превосходства или самолюбія есть побужденіе довольно-общее всѣмъ людямъ и играетъ важную роль во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ; но результаты его весьма-различны, смотря по силѣ прочихъ побужденій чловѣка. Умѣренное развитіе самоуваженности внушаетъ уваженіе къ чловѣку, тогда-какъ чрезмѣрное возбуждаетъ отвращеніе и ненависть, а недостаточное—презрѣніе. Галль нашелъ форму головы, выражающую слишкомъ-высокое мнѣніе о своемъ достоинствѣ, наблюдая одного лицаго, который былъ рожденъ въ изобиліи, и потому только разорился, что находилъ унижательнымъ заниматься своими дѣлами. Не смотря на молодость и здорѣвье, онъ оставался нищимъ, сознаваясь, что не въ силахъ вывести униженія прокармливать работой. Сначала Галль не вѣрилъ ему, не постигая возможности быть нищимъ по причинѣ непреодолимой гордости. Странность этого явленія происходила отъ чрезвычайной слабости умственныхъ способностей при неопытномъ самоуваженіи. Въ послѣдствіи, множество другихъ наблюденій надъ другими субъектами убѣдили Галля въ существованіи—самобытнаго побужденія уважать себя и соответствующей ему особенности въ формѣ головы. Вимонъ полагаетъ, что отдѣленіе головы подъ № 10, назначенное для выраженія этого побужденія, следовало бы немного подвинуть впередъ; нужны новыя наблюденія для повѣрки замѣчанія Вимона.

Умѣренное развитіе. Сознаніе относительнаго своего превосходства, самодовольствіе, самоуваженность, самолюбіе, чувство собственнаго достоинства. Эта степень развитія производитъ *осаиность* и возбуждаетъ желаніе искать приличнаго званія, начальствовать, управлять, распоряжаться. Отъ нея же происходятъ: самобытность, самостоятельность, независимость, благородство души; она побуждаетъ къ соревнованію, къ отличію, къ благопристойности, къ соблюденію приличій и къ устраниенію фамильярности съ низшими, желаніе прославиться, быть замѣчательнымъ, обратитъ на себя вниманіе.

Сильное развитіе. Побужденіе преувеличивать свои действительныя достоинства, пахать трудъ унижательнымъ, расположеніе къ надменности, высокомерію, гордости, чрезмѣрной самоуваженности, оригинальности, грубости, паглости, важничанью, пахальству, запосываюста, безмѣрной амбаціи, властолюбію, эгоизму, зависти, нетерпимости; къ осужденію, униженію и презрѣнію другихъ, къ клеветѣ, ищению, и проч.

Слабое развитіе. Расположеніе къ скромности (*modestie*) и равнодушію къ высшимъ званіямъ. Эта степень производятъ также взлѣтливую педваренность въ себя, спусходительность, уступчивость, уничтоженіе, нечувствительность къ презрѣнію, рабство, низость и подлость. Она проявляется въ колынопрсклоненіяхъ, земныхъ поклонахъ, и проч.

№ 11. Одобренность.

Галль, занимаясь наблюденіями относительно предъидущаго побужденія, видѣлъ одну сумасшедшую, которая воображала себя королевою. Къ удивленію своему, онъ не нашелъ у ней возвышенности на головѣ въ № 10. Напротивъ, черепъ былъ тутъ какъ-бы вдавненъ, а по сторонамъ этой впадины находились спясныя возвышенности. Изучая болѣе характеръ сумасшествія несчастной, онъ убѣдился, что въ немъ нѣтъ никакой гордости; напротивъ, она старалась нравиться, хвасталась, была чрезвычайно тщеславна, но нисколько не вадменна. Галль приведенъ былъ этимъ къ догадкѣ, что желаніе одобренія и самоуваженіе суть два различныя побужденія. Другія наблюденія не позволили болѣе сомнѣваться въ истинѣ предположенія. Галль назвалъ № 11 *суетностью* (*vanité*), полагая отправление его слѣшкомъ огривиченнымъ. Шпурцегеймъ исправлялъ эту ошибку и далъ отарытому имъ побужденію имя *одобренности* (*arrogativité*) (*). Между этими побужденіемъ и самоуважительностью есть нѣкоторое сходство: на-прим., оба побуждаютъ говорить часто о себя. Но тоузъ выраженія и звукъ голоса различны въ томъ и другомъ случаѣ. Галль дѣлаетъ превосходную параллель между этими побужденіями, развитыми въ высшей степени: «гордецъ смотритъ на всѣхъ свысока, съ презрѣніемъ и равнодушіемъ; тщеславный чрезвычайно заботится о мнѣніи другихъ и ищетъ одобренія съ живѣйшимъ стараніемъ. Гордецъ ожидаетъ, что весь родъ чловѣческій обратитъ на него вниманіе и оцѣнитъ его достоинства; тщеславный хлопочетъ и старается самъ привлечь къ себя вниманіе и воспользоваться малѣйшимъ отличіемъ. Гордецъ презираетъ милости и награды, которыми тщеславный прельщается. Гордецъ показываетъ отвращеніе къ грубой лести, а тщеславный наслаждается ею, какъ бы она ни была приторна.»

Умѣренное развитіе. Побужденіе быть замѣченнымъ, одобреннымъ, нравиться, дорожить мнѣніемъ другихъ о себя, желать похвалъ, почестей, отличій, наградъ. Эта степень развитія есть источникъ моды; она побуждаетъ къ спускиванію уваженія, она страшится несогласій, осужденій, критики. Отъ нея же происходятъ: наблюденіе првлчій, прстойность и хорошіи тоузъ въ обращеніи.

Сильное развитіе. Расположеніе къ хвастовству, суетности, кокетству, тщеславію, чванству, самохвальству, оригинальничанью. Отсюда происходятъ также ненасытное желаніе похвалы, лести, честолюбіе и лож-

(* Изъ двухъ словъ, представлявшихся для выраженія побужденія № 11: *одобрительность* и *одобренность*, я предпочелъ второе, потому что первое выражаетъ болѣе одобреніе другихъ, относящееся къ № 13, чѣмъ спускиваніе одобренія себя.

ная щекотливость чести (*le faux point d'honneur*). Въ-судствіе ея многіе заимствуютъ и выказываютъ пошлое обращеніе и ухватки низшаго круга, для того только, чтобъ приобрести одобреніе въ этомъ кругу.

Слабое развитіе. Равнодушіе къ мнѣнію другихъ о себѣ, къ молѣ, къ одобренію, къ почестямъ, отличіямъ, соревнованію и ко всему, что составляетъ принадлежность первыхъ двухъ степеней развитія № 11.

№ 12. Осмотрительность.

Въ Вань, Галль былъ знакомъ съ однимъ прелатомъ, который, изъ боязни сказать что-нибудь лишнее, необдуманное, говорилъ нѣсколько вло, съ повтореніями, разстановками, останавливаясь иногда внезапно посреди начатой фразы. Никогда онъ не давалъ свободнаго хода своимъ мыслямъ. Его поступки были точно также осторожны до крайности; онъ окружалъ ихъ безконечными предосторожностями, справками, и т. п. Этотъ прелатъ находился въ сношеніяхъ по дѣламъ съ однимъ совѣтникомъ, извѣстнымъ также своею чрезвычайною нерѣшительностью. Однажды, на какомъ-то экзаменѣ, оба пріятеля сидѣли рядомъ. Галль былъ пораженъ огромною толщиной ихъ головы въ томъ мѣстѣ, гдѣ, съ обѣихъ сторонъ, назначили мы № 12. Въ другихъ частяхъ головы сходства не было. Это наблюденіе навело Галля на мысль, что замѣченная особенность формы обѣихъ головъ соответствуетъ, можетъ-быть, осмотрительности, или предусмотрительности. Шпурцгеймъ отбросилъ второе наименованіе, и справедливо, потому-что для предвиданія, или предусматриванія, недостаточно одной осмотрительности, а нужно еще дѣйствіе разсудка. Догадка Галля подтверждается ежедневно. Но отправление этого побужденія теперь несравненно лучше определено. Больше всѣхъ занимался имъ Бруссѣ, вѣроятно потому-что хотѣлъ какъ-можно-лучше изучить свой собственный недостатокъ: у него № 12 былъ слабо развитъ. До Бруссѣ, френологи приписывали этому побужденію только осторожность, нерѣшительность и боязливость; а недостатку его — опрометчивость. Бруссѣ показалъ, что общая черта отправления осмотрительности есть обуздываніе или удерживаніе отъ произведенія словами и поступками всѣхъ побужденій человека безъ исключенія. Многіе смѣшиваютъ это побужденіе съ трусостью; иные думаютъ, что оно есть слѣдствіе разсужденія; другіе приписываютъ ему склонность къ самоубійству; но мнѣнія эти опровергнуты. Оно имѣетъ иногда сходство съ скрытностью (№ 7); однако, для френолога, удерживаться отъ изъясненія и скрывать чувства или мнѣнія—суть два различныя акта. Въ первомъ нѣтъ явкогда намѣренія враждебнаго, но оно можетъ быть во второмъ.

Удѣренное развитіе. Побужденіе къ осторожности, сомнѣніямъ; къ предварительному обдумыванію поступка или рѣчи, къ воздержности въ мнѣніяхъ, словахъ и поступкахъ, къ принятію мѣръ предосторожности.

Сильное развитіе. Побужденіе къ подозрительности, недовѣрчивости, ибранительности, боязливости; чрезвычайная воздержность въ сношеніяхъ съ людьми не только посторонними, но и близкими и даже родными.

Слабое развитіе. Безпечность, неосторожность, нескромность, вѣтренность, опрометчивость, расположеніе къ безграницной доверливости.

№ 13. Благовольтельность.

Одинъ изъ друзей Галля просилъ его рассмотреть форму головы слуга, который болѣе десяти лѣтъ служилъ въ домъ, отличался необыкновенною добротою и благотворительностью. Ничто не могло сравниться съ кротостью его нрава. Въ то время, Галль не полагалъ, чтобы добродушіе было побужденіемъ основнымъ и завѣвающимъ отъ организаціи мозга. Ему пришелъ на память одинъ молодой человекъ, котораго зналъ въ дѣтствѣ и который, между множествомъ своихъ братьевъ и сестеръ, отличался чрезмѣрною добротою. После того, случилось Галлю слышать въ одномъ семействѣ, что одинъ изъ дѣтей былъ также необыкновенно-добръ. Галль рѣшился заняться наблюденіемъ побужденія къ добру, взялъ слѣпки съ этихъ трехъ головъ и искалъ между ними сходства въ формѣ. Сходство найдено имъ въ сильномъ возвышеніи надъ лбомъ, посрединѣ головы (№ 13), тогда-какъ въ другихъ мѣстахъ, головы были различнаго вида. Множество другихъ наблюденій подтвердили открытіе Галля, и положеніе френологовъ о благовольтельности есть одно изъ достовѣрнѣйшихъ. Шпурцгеймъ опредѣляетъ его какъ-нельзя-лучше: желаніемъ блага другимъ, удовольствіемъ доставлять его и содѣйствовать ему.

Умѣренное развитіе. Доброта, кротость, состраданіе, чувствительность къ нравственной скорби. Эта степень развитія побуждаетъ къ терпимости, снисхожденію, попеченію о ближнемъ, а также и къ откровенности. Изъ нея же проистекаетъ расположеніе къ привѣтливости, угожденію, вниманію, радушію, предупредительности, благодарности, признательности, жалостливости, милосердію, благотворности, великодушію, благотворительности. Вообще, это побужденіе укрощаетъ энергію характера.

Сильное развитіе. Побужденіе къ излишней откровенности, чрезмѣрной чувствительности, расположеніе къ нерадѣнію и облошности. Другія слѣдствія: слабость характера и чрезмѣрное огорченіе въ томъ случаѣ, когда обстоятельства заставляютъ отказать въ важной услугѣ, или когда получается непріязненный отказъ. Расположеніе къ страданію не только отъ злобной обиды, оскорбленія, поношенія и проч., но и отъ малѣйшаго недоброжелательства.

Слабое развитіе. Нечувствительность, нетерпимость, жестокосердіе, грубость, непреклонность, жестокость, равнодушіе къ добродушію, къ кротости, милосердію, расположеніе къ неблагодарности.

№ 14. Почтительность.

Занимаясь отыскиваніемъ основныхъ элементовъ интеллекта, Галль вспоминалъ, между-прочимъ, что одинъ изъ его братьевъ имѣлъ непреодолимую, врожденную склонность къ религіознымъ идеямъ. Несмотря на всѣ принужденія родителей заниматься торговлею, продолжавшіяся съ дѣтства и до двадцати-трех-лѣтняго возраста его; онъ не

измѣнился, покинулъ домъ родительскій и сдѣлался сначала отшельникомъ, потомъ поступилъ въ семинарію и достигъ, наконецъ, сана священника. Галль припоминаетъ также, что въ училищѣ многіе ученики были невнимательны къ урокамъ изъ религіи, тогда-какъ другіе съ жалостью ихъ слушали. Думая объ этихъ фактахъ, пришло ему на мысль, что религіозное чувство можетъ быть врожденно человеку. Чтобы открыть особенность формы головы, соответствующую этому побужденію, Галль ходилъ по церквамъ и внимательно разсматривалъ форму головы усердно-молящихся. Такимъ-образомъ, онъ открылъ, наконецъ, что возвышеніе темени въ срединѣ темной части головы (означенной у насъ № 14), выражаетъ чувствоваіе религіозное. Онъ назвалъ его *теософією* (theosophie); но Шпурдгеймъ и въ этомъ, какъ во многомъ, усовершенствовалъ ученіе Галля, назвавъ № 14 *почтительностью*. Весьма-понятно, что взглядъ Галля, какъ творца совершенно-новой отрасли человѣческихъ знаній, былъ часто одностороннимъ. Общее и первоначальное проявленіе этого побужденія состоитъ въ уваженіи или почитаніи кого и чего бы то ни было. Оно не въ состояніи дать человеку какой-нибудь идеи о предметѣ почитанія, но только внушаетъ желаніе почитать что-либо. Впрочемъ, и ни одно изъ разсмотрѣнныхъ нами побужденій, такъ же какъ и большая часть остальныхъ, не проявляетъ мысли. Мышленіе происходитъ помощью особенныхъ для того природою способностей, которыя мы разсмотримъ далѣе. Необходимость *почтительности* выразилъ Бруссэ превосходно на своей лекціи: «помните, ради Бога, что это единственный органъ, который дѣлаетъ возможнымъ прочное основаніе государствъ». Слова эти были произнесены въ Парижѣ, въ началѣ тридцатыхъ годовъ.

Умѣренное развитіе. Расположеніе къ уваженію, почтительности; къ набожности, благочестію, побужденіе къ благоговѣнію, молитвѣ, обожапію. Уваженіе властей, законовъ, старшихъ, родителей, людей замѣательныхъ, словомъ, всего, что составляетъ основу существованія образованнаго общества.

Слабое развитіе. Проявленіе его: ханжество, восторженность, суевѣрство, идолопоклонство, фанатизмъ и проч. Уваженіе чуждыхъ обычаевъ, страсть ко всему древнему, старинному, отвращеніе отъ всякаго нововведенія, улучшенія; неподвижность мнѣній, безпрестанная ссылка на авторитетъ. Чрезмѣрное уваженіе къ родословнымъ, къ древности фамиліи и пр.

Слабое развитіе, замѣчается въ равнодушіи къ религіи, въ нечестіи, святотатствѣ, богохульствѣ, богоотступничествѣ, атеизмѣ. Неуваженіе старшихъ, начальства, родителей. Неуваженіе законовъ, талантовъ, учености и достоинствъ. Равнодушіе къ древности, къ исторіи, къ великимъ дѣламъ предковъ и пр.

№ 15. *Настойчивость (или твердость).*

Еще Ласатеръ замѣтилъ форму головы, соответствующую твердости характера. Галль только подтвердилъ истину этого замѣчанія. Метафиз-

зани не догадывались о существованіи подобнаго свойства интеллекта, потому-что ихъ способъ изслѣдованія не наблюдательный. Настоящность френологи условилась называть, вмѣстѣ съ другими побужденіями, описанными здѣсь и въ слѣдующемъ письмѣ, *чувствованіями*. Это побужденіе имѣетъ характеръ, одному ему принадлежащій. Оно не проявляетъ особаго спеціального чувства, не есть само-по-себѣ, ни склонность, ни отдѣльная сила интеллекта, и не можетъ проявляться независимо отъ прочихъ побужденій. Твердость рождастъ постоянство и поддерживаетъ продолжительность дѣйствія всякаго другаго побужденія. Въ ней заключается причина, какъ несправимости дурнаго нрава, такъ и сопротивленія нравственнаго человѣка искушенію, выражаясь въ первомъ случаѣ—упрямствомъ, а во второмъ—твердостью духа. Она придаетъ силу разсудку, который дѣйствуетъ обратно и на нее, укрощая или усыпывая его по своимъ соображеніямъ и направляя его дѣйствія на то или другое побужденіе. Но въ интеллекта, то-есть, не въ умственномъ, а во внѣшнемъ мірѣ, твердость не имѣетъ, подобно прочимъ побужденіямъ, предмета для дѣйствія. Довольно забавно видѣть, какъ Брюссѣ, при назначеніи мѣстоположенія органа постоянности, сожалѣетъ о томъ, что онъ сбиваетъ систематическое раздѣленіе мозга на органы, не соответствуя, *къ-несчастью*, отдѣльной градѣ мозга, но частямъ трехъ смежныхъ градъ». Это обстоятельство доказываетъ, что френологамъ не слѣдовало бы съ такимъ упорствомъ отставать свое положеніе объ органахъ мозга. Незвѣстно, существуютъ ли на самомъ дѣлѣ органы отдѣльно или пять и, вѣроятно, никогда невозможно будетъ отыскать ихъ анатомическимъ путемъ. И какая нужда? Если известная выпуклость головы положительно и всегда соответствуетъ известному побужденію, то чего же вамъ болѣе, и къ чему силиться найдти опредѣленный, очертанный природою въ мозгу органъ, подобный глазу, уху и пр.? Невѣроятнымъ кажется, чтобы она и была, какъ я объяснилъ въ письмѣ VIII.

Умѣренное развитіе. Постоянство, твердость характера. Эта степень развитія поддерживаетъ отправленія другихъ побужденій.

Сильное развитіе. Побужденія къ упрямству, упорству, непреклонности, несправимости.

Слабое развитіе. Слѣдствія его: слабость характера, переменчивость, непостоянство, легкомысліе, послушность, подчиненность, рабство.

№ 16. Совестьность (или совѣстливость).

Честь открытія этого чувствованія принадлежитъ Шнурцгейму. У Галля былъ поставленъ въ этомъ мѣстѣ головы вопросительный знакъ, который находится также на чертежѣ, приложенномъ къ переводу соч. Комба, съ англійскаго на французскій докторомъ Лабб (Paris, 1844). Удивляюсь, какъ могли приложить такой ложный во всѣхъ отношеніяхъ чертежъ къ превосходному сочиненію Комба! Множество противниковъ френологій, не читавъ текста, писали опроверженія на основаніи вѣрнаго чертежа. Можете себя представить, какъ такое невежество должно забавлять френологовъ.

Чрезвычайно занимательно прочесть у Комба, въ статьѣ *совѣстливости*, краткій очеркъ множества разнообразныхъ и противорѣчащихъ мнзній философовъ, объ этой нравственной способности человека, отъ Гоббса (Hobbes) до Мэвингтоша (Maskintosh). Изъ него ясно видно, что метода единственно-умозрительная не въ силахъ объяснить интеллектуальныя свойства человека вполне. Нельзя укорять философовъ прошедшихъ вѣковъ, незнавшихъ никакого способа для повярки своихъ выводовъ. Но съ-тѣхъ-поръ, какъ сдѣлалось извѣстно открытіе Галля, и при послѣдовавшихъ за тѣмъ успѣхахъ френологіи, непростительно философамъ упорствовать въ своей исключительной и чрезвычайно-односторонней методѣ; они продолжаютъ блуждать въ потемкахъ, тогда-какъ свѣтъ возлѣ нихъ. Въ нашемъ вѣкѣ, науки наблюдательныя такъ далеко ушли впередъ, что философамъ, претендующимъ на обладаніе наукою наукъ, стыдно бы оставаться позади всеобщаго движенія. Жаль видѣть, какъ они удивляются, что ни одна наука ровно ничего отъ нихъ не заимствуетъ и между-тѣмъ быстро развивается, и что они остаются съ своими мечтаніями безъ вліянія, безъ вниманія и даже осмысленныя за неоправдывающіеся на дѣлѣ притязанія. Когда убѣдятся философы, что безъ наблюденія дѣйствительности внѣшняго міра ни въ какомъ званіи невозможно сдѣлать положительныхъ успѣховъ? Умозрѣнія должны имѣть основаніе, а основаніе это должно быть взято нашими пятью чувствами изъ окружающихъ предметовъ, а не изъ разсматриванія одной только своей индивидуальности, которая не есть всеобщая, а только частная, личная, исключительная. Все, что на ней основано, по необходимости должно быть односторонне.

Прямое отправленіе совѣстливости состоитъ въ чувствѣ справедливости и несправедливости, чувствѣ долга и нравственныхъ обязанностей. *Совѣстность* не зависитъ ни отъ разсужденій, ни отъ боязни наказаній, не подчиняется никакимъ интересамъ, и проистекаетъ единственно изъ одного инстинктивнаго, безсознательнаго, безкорыстнаго побужденія.

Умѣренное развитіе. Побужденіе къ совѣстливому исполненію своихъ обязанностей, понятіе о правѣ, долгѣ, чести, справедливости, правосудіи. Расположеніе къ чувствительности въ случаѣ упрековъ и наказаній, къ раскаянію, покаянію, желанію исправиться, отвращенію отъ несправедливости, огорченію при видѣ ея въ-отношеніи къ себѣ или другимъ.

Сильное развитіе. Побужденіе не удовлетворяться правосудіемъ людей, находить вездѣ и во всемъ неправду и беззаконіе, Расположеніе къ упрекамъ и угрызеніямъ совѣсти, разнаго рода лишеніямъ и истязаніямъ себя безъ достаточныхъ на то причинъ, и даже вовсе безъ причины. Эта степень развитія содѣйствуетъ меланхоліи. Расположеніе къ чрезвычайной възыскательности, къ тому, чтобы видѣть проступокъ тамъ, гдѣ только ошибка и т. п.

Слабое развитіе. Равнодушіе къ праву, долгу, чести, выговорамъ, наказаніямъ; неспособность чувствовать раскаяніе, упрека совѣсти. Причина несправедливости, лицепріятія, пристрастія.

XX.

Окончимъ здѣсь обзоръ второй главной группы побужденій, назван-
ной *чувствованіями*.

№ 17. *Надѣянность.*

Въ № 17 у Галля оставлено пустое мѣсто. Не полагая даже, чтобы надѣянность была отдѣльнымъ побужденіемъ, онъ видѣлъ въ ней одно изъ общихъ отправленій каждаго побужденія, подобно вниманію, желанію, памяти и проч., которыя до-сихъ-поръ считаются у френологовъ общими, хотя, можетъ-быть, со временемъ и для этихъ отправленій найдутся выражающія ихъ формы головы. Шпурцгеймъ убѣдился сперва умозрительно въ томъ, что *желаніе*, произведенное каждаымъ побужденіемъ, не есть еще *надежда*; что можно желать сильно и не имѣть никакой надежды на исполненіе желанія. Многочисленныя наблюденія подтвердили выводъ Шпурцгейма и дали возможность определить мѣсто головы, выражающее надѣянность. Это—чувство надежды вообще, или склонность вѣрить въ исполненіе желаній, происходящихъ отъ прочихъ побужденій.

Умѣренное развитіе. Побужденіе ожидать и вѣрить въ будущее удовлетвореніе какихъ-либо желаній. Расположеніе терпѣть и переносить неудовольствія и прискорбія въ ожиданіи лучшаго. Отсюда же происходитъ неопредѣленное понятіе о будущности и вѣчности.

Сильное развитіе. Сладствія его: страсть къ проектамъ, или прожектерству, къ воздушнымъ замкамъ; расположеніе представлять себя все въ лучшемъ видѣ.

Слабое развитіе. Расположеніе къ нетерпѣливости, унынію, отчаянію, меланхоліи, иногда даже къ отвращенію отъ жизни.

№ 18. *Чудесность.*

Вниманіе Галля на это побужденіе обратилъ докторъ Форстеръ, замѣтившій, что нѣкоторые люди воображаютъ видѣть призраки и вѣрять въ привидѣнія. Какимъ образомъ люди, одаренные сильнымъ разсудкомъ могутъ предаваться такимъ заблужденіямъ? Развѣ обманываютъ они? Нѣтъ ли, скорѣе, какой-нибудь особенности въ организмѣ, которая беретъ верхъ надъ разсудкомъ? Такъ разсуждалъ Галль, и у пер-
ваго встрѣтавшагося ему фанатика замѣтилъ онъ необыкновенное воз-
вышеніе въ части головы, соответствующей нашимъ нумерамъ 18 и 19. Галль не различалъ *идеальности* отъ *чудесности*. Первое названіе побужденія № 18 было *сверхъестественность*; но послѣ Шпурцгейма замѣтилъ, что оно часто имѣетъ предметомъ естественныя обстоя-
тельства и возбуждаетъ удивленіе къ происшествіямъ, иногда вовсе неуди-
вительнымъ для другаго. Поэтому, № 18 получалъ у Шпурцгейма названіе *чудесности*. Мы бы могли, кажется, назвать его еще *вѣрнее* *чрезвычайностью*: смыслъ этого слова отличается большею общностью. Психологи, философы и метафизики не воображали эту способность отдѣльнымъ качествомъ интеллекта. Бруссѣ объясняетъ ихъ упущеніе тѣмъ, что мыслители, находясь сами подъ вліяніемъ этого побужденія,

разсматривали его, как составляющего самую сущность интеллекта. Действительно, метода их изслыдованій состояла въ сужденіи о *всѣхъ* по одной *своей* личности; другими словами, они по *частности* заключали объ *общемъ*. Поэтому, если въ ихъ организаціи, побужденіе къ сверхъестественному было значительно, или изощрено умствованіями о предметъ, по мнзнію ихъ, незначительномъ, то они непременно должны были, въ-слѣдствіе своей методы, полагать, что и у *всѣхъ* людей чудесность всегда одинаково-присуща интеллекту.

Умпренное развитіе. Отсюда происходитъ пріятное ощущеніе при видѣ чего-либо поваго, неизвѣстнаго, великаго, чрезвычайнаго, непостижимаго. Способность удивляться и восхищаться, находить что-либо очаровательнымъ. Эта степень развитія рождасть неясно — определенное сознаніе возможности существовать внѣ осязаемой природы; располагаетъ къ выраванію безъ испытанія и къ убъжденію безъ доказательствъ. Она содѣйствуетъ религіозности, обожанію, созерцанію, восторгу, предчувствію, вдохновенію, также шабожности, поэтическому увлеченію въ изобретеніяхъ, усовершенствованіяхъ всякаго рода.

Сильное развитіе. Пристрастіе къ чрезвычайностямъ. Побужденія удивляться песму, находить во *всѣхъ* необыкновенность, *всѣмъ* восхищаться; побужденіе къ мистицизму, иллюминатству, фантастическимъ вымысламъ, сверхъестественности, суеврію, предразсудкамъ. Расположеніе вѣрять колдовству, ворожбѣ, чародѣйству, привидѣніямъ, демонамъ, прорѣкамъ. Эта степень развитія замѣчается почти всегда въ людяхъ подверженныхъ бреду и во *всѣхъ* случаяхъ религіозной монаманіи.

Слабое развитіе. Равнодушіе ко *всему* необыкновенному, чрезвычайному. Расположеніе къ невррію, скептицизму и материализму.

№ 19. Идеальность.

Первый поэтъ, обратившій на себя вниманіе Галля, былъ одинъ изъ его друзей. Онъ импровизировалъ стихи и пріобрѣлъ этимъ некоторую извѣстность, не отличаясь, впрочемъ, большимъ умомъ. Лобъ его подымался вертикально отъ переносицы до половины своей высоты, потомъ опрокидывался назадъ и, расширяясь въ обѣ стороны, образовалъ съ каждой стороны надъ висками выпуклость, какъ-бы прибавленную къ головѣ. Та же форма была замѣчена Галлемъ въ бюстѣ Овидія. Позже, разсматривая головы другихъ поэтовъ, онъ убѣдился, что форма лба въ первыхъ двухъ наблюденіяхъ была только случайно сходна, но что даръ поэзіи выражается выпуклостями по обѣимъ сторонамъ головы надъ висками, гдѣ у насъ № 19. Галль назвалъ ихъ *органомъ поэзіи*. Шпурцгейму показалось невозможнымъ, чтобъ поэзія могла быть результатомъ отправления одного только побужденія. Находя, что названіе галлево не выражаетъ собственнаго отправления № 19, Шпурцгеймъ предложилъ назвать его *идеальностью*, т. е. стремленіемъ къ идеально-прекрасному. Это побужденіе у Бруссъ изслыдовано лучше, чѣмъ у другихъ френологовъ. Сперва изложилъ онъ вкратцѣ разнообразныя явленія о дѣйствіи воображенія, между-прочимъ явленіе Мень-

де-Бирана (Maine de Biran), у котораго, вмѣсто положительнаго изслѣдованія, одишь только паеось, доказыающій, что новѣйшіе философы поэтизируютъ, а не философовуютъ. Потому, основываясь на общепринятомъ значеніи слова *воображеніе*, Брюссэ разобралъ приложенія этой способности къ различнымъ произведеніямъ ума: къ поэзіи, художествамъ, краснорѣчію, естественной исторіи, романамъ, сказкамъ, исторіи, медицинѣ, религіи, и, наконецъ, вывелъ изъ всего этого, что къ опредѣленію Шпурцгейма, «проявленіе идеальности есть вкусъ, стремленіе къ прекрасному и къ совершенству въ произведеніяхъ», должно еще прибавить: страсть производить то, что возбуждаетъ удивленіе, сопровождаемое *душевными движеніемъ* (emotion). Въ заключеніе, Брюссэ рассмотрѣлъ способы, которыми достигается результатъ, желаемый идеальностью, и указалъ условія, необходимыя для произведенія прекраснаго, и также случаи, въ которыхъ результаты этого побужденія только смѣшны и жалки, на примѣръ, при слабыхъ умственныхъ способностяхъ.

Предупреждаю васъ, не пріймите побужденія къ идеальности за способность получать идеи или мысли. До-сихъ-поръ, и долго еще, мы будемъ разсматривать способности, которыя сами-собою никакой идеи произвести не могутъ, но служатъ только матеріалами для идей или мыслей, и, слѣдовательно, даютъ имъ направленіе, характеръ.

Вимонъ раздѣлялъ № 19, выражающій идеальность, на двѣ части: верхняя представляетъ, по его мнѣнію, поэтическое чувство, а нижняя, художественный вкусъ. Надо ожидать подтвержденія этого подраздѣленія новыми наблюденіями.

Умѣренное развитіе. Стремленіе къ изящному, высокому, прекрасному; вѣщество вкуса, расположеніе къ совершенствованію, къ отыскыванію лучшаго, совершеннѣйшаго, къ тому, чтобы превзойти самого-себя. Эта степень развитія придастъ увлекательность рѣчи, блескъ воображенію, вымысламъ и мыслямъ; въ пей заключается одна изъ причинъ гениальности, а также искусства или формы, въ которыхъ гений проявляется.

Сильное развитіе. Восторженность, энтузіазмъ, экстазъ, расположеніе къ бреду, сумасбродству, болѣзненному сомнамбулизму. Кажется, что эта степень дѣятельности возбуждается дѣйствіемъ магнитизма и проявляется въ искусственно-произведенномъ сомнамбулизмѣ.

Слабое развитіе. Ограниченность ума и чувствованій, недостатокъ дѣятельности, вялость, неспособность понимать и производить великое, равнодушіе къ красотамъ искусства или природы; неспособность поэтизировать и возвышаться до созерцанія высшаго и художественно-изящнаго.

№ 20. Вещелость.

Галль открылъ выраженіе этого побужденія формою головы Раблѣ, Сервантеса, Буало, Расина, Сувѣта, Стерна и Вольтера. У всѣхъ ихъ замѣчательно развитъ лобъ въ мѣстѣ, означенномъ нами № 20. Разсматривая Буало, какъ сатирика, и Расина, какъ сочинителя комедій

Сумми (*Les plaideurs*), Галль заключилъ, что *ядкость ума* (*causticity*) есть отдѣльная и самобытная способность. Мнѣнiя объ отправленияхъ этого побужденiя весьма-различны. Галль назвалъ его собственно *умомъ и ядкостью*, и вмѣсто опредѣленiя указалъ только на остроумiе Раблѣ, Сервантеса и проч., для того, чтобъ дать идею о способности, производящей этого рода умъ. Шпурцгеймъ назвалъ ее *веселостью и остроумiемъ*. По мнѣнiю Галля, при чрезвычайномъ развитiи головы въ № 20, человекъ чувствуетъ непреодолимое побужденiе влѣзть во всею смѣшную сторону. Комбъ доказываетъ, что всякое побужденiе способно производить смѣхъ, чуждый всякой забавной мысли, точно такъ же, какъ каждое изъ побужденiй можетъ приводить въ слѣзы. Онъ же приводитъ примѣры чрезвычайно-остроумныхъ выходокъ, которыхъ нѣсколько не возбуждаютъ смѣха, или веселости, и въ противоположность, черты нѣсколько не остроумныя, но которыя не могли не возбудить смѣха. Въ опроверженiе Локка, опредѣлившаго умъ—способностью быстро соединять мысли, въ которыхъ есть сколько-нибудь аналогiи; и представлять такимъ-образомъ картины, удовлетворяющiя воображенiю, Комбъ приводитъ примѣры прекрасныхъ, но вовсе не остроумныхъ стиховъ, которые, однако, удовлетворяютъ вполне опредѣленiю Локка. Метафизики считаютъ двумя различными способностями ума—способность сравнивать и способность схватывать малѣйшiя различiя; этого мнѣнiя держались Мальбраншъ, Локкъ, Бэконъ и проч. Наконецъ, Ветти (*Beattie*), Кампбелъ, Томасъ, Браунъ и френологъ *Скоттъ* (*Scott*) полагаютъ, что острота ума состоитъ въ сознании различiй. По мнѣнiю Скотта, во всемъ, что мы называемъ остротою, есть всегда смѣсь сходнаго съ несходнымъ (*incongru*), или истиннаго съ нелѣпнымъ; что, следовательно, остроумiе состоитъ въ удовлѣненiи различiй тамъ, гдѣ другой вовсе ихъ не думаетъ встрѣтить. Въ этой-то способности находить различiя или разности, и состоитъ, по мнѣнiю Скотта, отправление побужденiя № 20. Поэтому, согласно съ умозрѣнiемъ метафизиковъ, нѣкоторые френологи полагаютъ, что способности сознавать подобiя и различiя суть двѣ отдѣльныя, самостоятельныя, и что первая выражается отдѣленiемъ головы подъ № 34, а вторая № 20. Метафизики думаютъ, сверхъ-того, что умъ, способный замѣчать малѣйшiя различiя, основательнѣе и глубже, тогда-какъ тотъ, который видитъ только сходства, есть умъ поверхностный. По мнѣнiю Скотта, способности соображать или сравнивать (34), вслѣдывать (35) и острить (20), всѣ три производятъ *сравненiя*, но съ различною целью; первая—для отысканiя сходства, вторая—для открытiя связи или отношенiй, а третья—для сближенiя несходствъ. Шпурцгеймъ думаетъ, напротивъ, что та же способность, посредствомъ которой постигается сходство, сознаетъ и различiя. Онъ полагаетъ, что побужденiе № 20 есть чувствованiе, располагающее человека къ веселости; что не должно смѣшивать его съ довольствомъ или удовольствiемъ, происходящимъ отъ удовлетворенiя какого бы то ни было побужденiя. Шпурцгеймъ замѣчаетъ еще, что можно возбудить веселость не только сближая несходности, но и сравнивая сходства, и что если бы № 20 соответствовалъ спо-

способности различать, то для побужденія къ веселости должно было бы искать особаго признака на головѣ. Уатсонъ (Watson) опровергаетъ идеи Скотта примѣромъ головы поэта Мура (Moore), у котораго острота ума (№ 20) умеренно выражается формою головы, тогда-какъ его творенія показываютъ чрезвычайное сознание противоположностей. Въ своемъ собственномъ взглядѣ на рассматриваемое побужденіе, Уатсонъ приписываетъ ему несравненно-обширнѣйшее вліяніе; указываетъ на него, какъ на одну изъ важныхъ принадлежностей философскаго ума, и возводитъ это побужденіе до степени *проницательности*. Бруссэ не согласенъ съ тѣмъ, чтобъ острота ума внушала только такія выходы; она возбуждаетъ, по его мнѣнію, одинаково какъ невинный, такъ и злобный смѣхъ: самое направленіе остроты зависитъ отъ дѣйствія другихъ побужденій. Для Бруссэ, это есть начало, дополняющее и отвлекающее умъ, которое замѣняетъ главные вопросы второстепенными или побочную цѣль выставляетъ вмѣсто главной; наконецъ, по мнѣнію его, это чувство имѣетъ вездѣ сравненія и сближенія самыя необыкновенныя. Но этого довольно, чтобъ показать вамъ трудность вопроса о ближайшемъ, первоначальномъ, собственномъ отправленіи побужденія № 20. Окончательно Бруссэ опредѣляетъ его: «потребностью смѣха, удовлетвореніемъ этой потребности невинно или съ злобою, смотря по господству прочихъ побужденій.» У Комба въ окончательномъ результатѣ читаемъ: «френологи согласны, что проявленія ума, запечатлѣныя веселостью, происходятъ отъ *остроумія*.» Такъ называлъ онъ побужденіе № 20, тогда-какъ Бруссэ называетъ его *веселостью*. Последнее названіе кажется болѣе удовлетворительнымъ. Шпурцгеймъ доказывалъ, что № 20 не соответствуетъ особой градѣ въ мозгу и занимаетъ часть грады, соответствующей идеальности.

Умеренное развитіе. Веселое расположеніе духа; страсть къ играмъ, забавамъ, повѣсничеству, шалостямъ; тонкость ума, остроуміе, способность къ игрѣ словъ, къ каламбурамъ. Эта степень дѣятельности побуждаетъ замѣчать и схватывать смѣшныя стороны предметовъ и располагать къ комизму.

Сильное развитіе. Побужденіе къ безпрестанному смѣху, къ шуткамъ и насмѣшкамъ, даже въ такихъ предметахъ, которые, по натурѣ своей, вовсе не возбуждаютъ шутокъ. Расположеніе къ сарказму, ироніи, сатирѣ, склонность употреблять ихъ некстати и во зло, подымать на смѣхъ, дурачить, дѣлать каррикатуры. Эта степень развитія выражается невольнымъ, невиннымъ или сардоническимъ смѣхомъ.

Слабое развитіе. Серьезность и равнодушіе къ забавамъ. Эта степень замѣчается въ людяхъ, подверженныхъ меланхоліи. Тяжелость ума, монотонія, неспособность понимать или дѣлать такія насмѣшки, находить быстрые и острые отвѣты, схватывать забавныя стороны предметовъ и проч.

№ 21. Подразжательность.

Одинъ изъ друзей Галля, Ганнибаль (Hannibal), показалъ ему на своей головѣ необыкновенную выпуклость надъ лбомъ, въ нашемъ №

21. Эгогь человекъ имѣлъ удивительный талантъ перенчивости. За шесть недель передъ тѣмъ, въ институтъ глухо-нѣмыхъ поступилъ воспитанникъ, обратившій на себя вниманіе необыкновенною способностью къ мимикѣ. Галль немедленно отправился посмотреть его, и нашелъ точно такую же выпуклость на его головѣ. Послѣ того, онъ вездѣ, гдѣ только могъ, повторялъ свои наблюденія и наконецъ, вмѣстѣ съ Штурцгеймомъ, убѣдился въ истинѣ перваго предположенія. По мнѣнію нѣкоторыхъ френологовъ, это—способность переннимать и исполнять пантомиму; а другіе видятъ въ этомъ способность выражать наши мысли и чувстваванія жестами. Оба мнѣнія подтверждаются наблюденіемъ. Можетъ-быть, когда-нибудь отдѣленіе подъ № 21 будетъ подраздѣлено на двѣ части.

Умьренное развитіе. Побужденіе къ подражанію, перенчивости. Склонность схватывать выраженіе въ игрѣ физиономіи, въ живописи, музыкѣ, поэзіи и проч. Эта степень развитія проявляется въ искусствѣ пантомимы и мимики: она необходима драматическимъ артистамъ. Отъ нея происходитъ расположеніе къ воспримчивости, способность придавать выраженіе и естественность въ художественныхъ произведеніяхъ.

Сильное развитіе. Расположеніе къ передразниванію, къ представленіямъ всякаго рода, къ переодѣванію, маскарадамъ и пр. Страсть къ гротеску, гримасамъ, кривляньямъ и пр. Безсознательная перенчивость всякихъ привычекъ, ухватокъ, походки и пр.

Слабое развитіе. Равнодушіе къ подаваемому примѣру; холодность, незначительность или отсутствіе выраженія; нечувствительность къ образнымъ произведеніямъ искусства.

Френологи называютъ чувстваваніями 12 побужденій, описанныхъ здѣсь и въ предыдущемъ письмѣ. Эти чувстваванія, такъ же какъ и инстинкты, проявляются побужденіями и пр., возражающимися въ насъ отъ вѣшнихъ впечатлѣній; они производятъ также ощущеніе, обнаруживающееся удовольствіемъ или неудовольствіемъ при удовлетвореніи желаній. Комбъ несправедливо думаетъ, что нѣкоторые чувстваванія не производятъ вовсе побужденія, а другія не производятъ ощущенія или такъ-называемаго *душевнаго движенія* (emotion). Опредѣленіе *чувствовавшей* выраженіемъ: *высшіе инстинкты*,—не положительно и неясно. Брюссэ лучше другихъ различаетъ чувстваванія отъ инстинктовъ, говоря, что первыя имѣютъ болѣе обширный кругъ дѣйствія, нежели вторыя и суть причины гражданственности, порядка, устройства въ обществахъ; причины, не только соединяющія людей въ народы и націи, но и содѣйствующія водворенію всеобщаго братства и согласія между ними. Однимъ словомъ, ими возбуждается въ людяхъ *человѣческое чувство*, или *человѣчность*, *человѣчанность*.

Чувстваванія различаются отъ *умственныхъ способностей* тѣмъ, что отпавленія ихъ происходятъ съ нѣкоторою живостью, горячностью, жаромъ и страстью, тогда какъ отпавленія умственныхъ обнаруживаются и дѣйствуютъ съ меньшимъ увлеченіемъ. Нельзя не сознаться, что это различіе, сдѣланное Комбомъ, не совсемъ удовлетворительно.

Напр. побужденіе № 32 (звукъ), соответствующее способности къ музыкѣ, не уступаетъ чувствованіямъ, относительно увлеченія и живости ощущеній, а между-тѣмъ, помѣщается въ число *умственныхъ способностей*. Способность № 20, какъ видно изъ описанія отправленій, можно бы было отнести къ числу умственныхъ, тѣмъ болѣе, что она расположена въ мозгу въ группѣ послѣднихъ. Побужденіе № 19 (идеальность) имѣетъ болѣе общаго съ умственными способностями, нежели съ чувствованіями. Вообще, классификація побужденій, раздѣленіе ихъ на однородныя группы, опредѣленіе выраженій: *побужденіе, чувствованіе, инстинктъ, склонность* и пр., вы, можетъ-быть, найдете не довольно обработанными.

Многіе френологи полагаютъ, что начало волосъ отъ лобовой части головы не имѣетъ никакого соотношенія къ разграниченіямъ группъ побужденій; однако не смотря на исключенія, волосы вообще не растутъ на лобовой части головы, и если принять волосы границею группы умственныхъ способностей, то въ число ихъ войдутъ №№ 19 и 20, а № 9, который, какъ я уже сказалъ въ предъидущемъ письмѣ, Брюссэ полагаетъ принадлежащимъ къ умственнымъ, останется въ числѣ инстинктовъ, что по общности и сильной дѣятельности его у животныхъ кажется основательнымъ.

Группируя органы чувствованій, мы можемъ назвать №№ 10 и 11—личными чувствованіями; №№ 13, 14, 15 и 16—нравственными; №№ 17 и 18—религиозными; №№ 19 и 21—художественными. Френологи называютъ №№ 19, 20 и 21—театральными способностями.

Вся инстинкты и чувствованія можно бы было назвать собственно *склонностями*, для отличія отъ *умственныхъ способностей*, хотя выраженіе это употребляется для означенія проявленія всѣхъ вообще побужденій безъ исключенія.

XXI.

Мы разсмотрѣли въ предъидущихъ письмахъ побужденія, составляющія группы *инстинктовъ* и *чувствованій*. Намъ остается заняться отправленіями остальныхъ четырнадцати—названныхъ въ френологіи *умственными способностями*. Они раздѣлены на два разряда, подъ названіемъ *понятій* и *разсудка*. Разсмотримъ сперва *понятія*.

№ 22. Распознавательность.

У Галля это отдѣленіе головы не отличено отъ смежнаго съ нимъ нумера 30, и оба были названы имъ *способностью къ принятію образованія (éducabilité)*. Штурдгеймъ предложилъ назвать *индивидуальностью (individualité)* сознаніе недѣлимыхъ (individû), чувство, которое мы различаемъ одно недѣлимое отъ другаго. Это побужденіе, въ соединеніи съ другими, имѣетъ полезную цѣль, но само-собою оно возбуждаетъ только желаніе распознавать предметы въ ихъ отдѣльной *существованности*. Безъ него, все было бы для насъ перепутано, и мы не могли бы даже отличить своего существованія отъ прочихъ предметовъ.

Это есть потребность различать одну вещь от другой; она прилагается какъ къ конкретному или существенному, такъ и къ отвлеченному или абстрактному. Я назвалъ № 22 *распознавательностью*, потому-что это слово ясно означаетъ *распознаваніе* всего, что имѣетъ отдѣльное отъ всего другаго существованіе.

Умьренное развитіе. Способность различать, анализировать, распознавать, подраздѣлять, различать индивидуальныя существованія, различать я отъ не я, и сознать физическую существенность тѣлъ. Эта степень развитія располагаетъ къ наблюденію, анализу всякаго рода, изученію подробностей.

Сильное развитіе. Страсть всё раздѣлять, подраздѣлять, заниматься одними подробностями; быть мелочнымъ, хлопотливымъ, привязчивымъ, вздорнымъ и дѣйствовать въ видахъ короткихъ и ограниченныхъ. Неспособность къ общимъ и обширнымъ взглядамъ на предметы и событія.

Слабое развитіе. Пренебреженіе подробностями, неспособность наблюдать, разбирать, анализировать. Расположеніе къ смѣшаванію идей и предметовъ. Эта степень развитія привела нѣкоторыхъ философовъ къ отрицанію дѣйствительности или существенности всего вещественнаго въ природѣ.

№ 23. Образность.

У Галля: *память физиономій*, потому-что онъ замѣтилъ выпуклость въ № 23 у тѣхъ, которые скоро узнаютъ людей послѣ продолжительнаго отсутствія. Шпурцгеймъ показалъ, что способность эта относится ко всякимъ наружнымъ формамъ или *образамъ* безъ исключенія.

Умьренное развитіе. Способность понимать и удерживать въ памяти наружный видъ, формы, очерки, фигуры и проч., схватывать черты лица, походку, позу и т. п. Эта степень развитія содѣйствуетъ изображенію знаковъ для выраженія мысли: она проявляется въ живописи, въ скульптурѣ и во всѣхъ механическихъ искусствахъ и ремеслахъ.

Сильное развитіе. Побужденіе давать всему формы и все олицетворять: атрибуты, качества, добродѣтели, пороки, явленія, отвлеченныя идеи. Такъ олицетворяютъ духъ, душу, ангеловъ и даже идею о Богѣ.

Слабое развитіе. Неспособность сознать различіе формъ, припоминать выраженіе физиономій. Отсюда происходитъ неспособность къ художествамъ, къ аллегорическимъ олицетвореніямъ, символамъ и эмблемамъ, равно какъ и неспособность понимать, изучать или изобрѣтать знаки для выраженія мыслей.

№ 24. Глазомьрность.

Шпурцгеймъ замѣтилъ, что инстинктивное сознаніе формъ можетъ существовать независимо отъ сознанія пространства. Та и другая способности различны, и есть много людей, у которыхъ сознаніе формъ превосходно, а глазомьръ плохъ, или обратно. Комбъ приводитъ нѣсколько такихъ примьровъ въ подтврженіе. По мнѣнію Макензи (Mackenzie) эта способность относится къ пространству вообще, т. е.

къ объему, толщинѣ, длинѣ, высотѣ, глубинѣ и проч. Вмѣстѣ предпологается способность для сознанія разстояній (distances), — отдаленную отъ сознанія пространствъ (étendues), но предположеніе его еще не признано другими френологами.

Умѣренное развитіе. Сознание отношеній между различными протяженіями. Способность определять глазомѣрно отношенія между размѣрами и направленіями. Эта степень развитія содѣйствуетъ вѣрности глазомѣра, вкусу къ симметріи, порядку, точности и проч.

Сильное развитіе. Побужденіе отъискивать во всемъ и всюду симметрію, точность, правильность, перьялокъ, размѣръ и проч., распространяя это даже на тѣ предметы, которые, по натурѣ своей, не могутъ быть подчинены подобнымъ условіямъ.

Слабое развитіе. Невѣрность глазомѣра, неспособность намѣрять и вѣрно оцѣнивать отношенія между протяженіями и направленіями.

№ 25. Усильность.

Френологъ Симпсонъ (Simpson), болѣе всѣхъ другихъ своихъ собратьевъ занимался изслѣдованіемъ этого побужденія. Одни френологи называютъ его сознаніемъ *тяжести*, другіе — *сопротивленія*, нѣкоторые — *плотности* и проч. Мнѣ кажется, что слово *усильность* довольно хорошо выражаетъ побужденіе къ познанію и произведенію всякаго рода усилій или силъ. Галлю оно не было извѣстно. Къ догадкѣ о существованіи этого побужденія привела мысль, что *вѣсъ* есть свойство совершенно отличное отъ другихъ свойствъ тѣлъ, и что сознаніе его нельзя объяснить какими-либо другими способностями. Мѣсто головы, выражающее *усильность*, некаки, естественно, въ группѣ способностей сознать прочія свойства тѣлъ. Соедѣство его съ глазомѣрностью кажется разумнымъ, потому-что они дѣйствуютъ болѣею частью вѣсело. Такъ, на-примѣръ, нѣтъ намѣреніе перескочить черезъ канаву, вы соразмѣряете ваши усилія съ шириною канавы. Есть множество примѣровъ сосуществованія (coëxistence) выпуклости въ № 25 съ способностью къ механикѣ, къ эквилибристикѣ, къ взвѣшиванію отъ руки и пр. Не смотря на то, что никто еще не указалъ ни на какой противорѣчающій случай, френологи до-сихъ-поръ не признаютъ положенія № 25 несомнѣнно определеннымъ.

Умѣренное развитіе. Понатіе о собственномъ и относительномъ вѣсѣ, о силахъ вообще. Сознаніе и оцѣнка различій въ вѣсѣ, сопротивленія, плотности и твердости. Эта степень развитія превлется въ сознаніи того усилія мускуловъ, которое нужно употребить для уравновѣшанія или для побужденія сопротивленія. Отъ нея происходитъ также сознаніе густоты, вязкости, негладкости и т. п. Она содѣйствуетъ легкости руки, ловкости въ тѣлодвиженіяхъ, гимнастическому таланту, танцовальному искуству.

Сильное развитіе. Побужденіе безпрестанно употреблять мускульныя усилія или другія силы, заниматься изрѣдченіемъ вѣса безъ всякой пользы. Въ немъ заключается причина необыкновенной способности къ эквилибристикѣ.

Слабое развитіе. Отсюда происходят неловкость, неправильность движеній, несоразмѣрность усилій для преодоленія какого-нибудь сопротивленія, и вообще, невѣрное понятіе о сопротивленіи, вѣсъ, плотность.

№ 26. Колоритность.

Открытіе этого побужденія принадлежать Галлю. Оно принято всеми френологами.

Умѣренное развитіе. Понятіе о цвѣтахъ, о колоритѣ. Способность различать цвѣта, ихъ сочетанія, оттѣнки, постигать и чувствовать, выражаясь технически, *гармонію тоновъ*.

Сильное развитіе. Страсть къ яркимъ цвѣтамъ, или къ одному какому-нибудь цвѣту исключительно. Эта степень развитія играетъ важную роль въ призракахъ, въ бреду и въ экстаическихъ видѣніяхъ.

Слабое развитіе. Равнодушіе къ цвѣтамъ, неспособность постигать ихъ оттѣнки, чувствовать красоты и несовершенства колорита. Отсюда происходятъ также неспособность сознать нѣкоторые цвѣта, или aberracia, т. е. ошибочность или обманъ зрѣнія, которое приписываютъ несвойственно главному прибору.

№ 27. Мѣстность (или мѣстностность).

Галль имѣлъ большую склонность къ естественной исторіи, хаживалъ часто въ лѣсъ для наблюденій, и при всемъ своемъ вниманіи никакъ не находилъ тамъ мѣстъ, въ которыхъ ему случалось бывать по нескольку разъ. Онъ принужденъ былъ приглашать съ собою одного изъ товарищей, который имѣлъ необыкновенный даръ помнить мѣстности. Въ надеждѣ открыть признакъ этой способности въ формѣ головы, Галль снялъ слѣпокъ съ головы товарища. Въ послѣдствіи, познакомился онъ съ пейзажистомъ Шёнбергеромъ и съ писателемъ Мейеромъ, которые имѣли также сильную память и вкусъ къ мѣстоположеніямъ. Слѣпки съ головъ этихъ двухъ замѣчательныхъ людей, и первый слѣпокъ, были сравнены Галлемъ, и во всѣхъ трехъ найдена выпуклость лба, соответствующая нашему № 27. Дальнѣйшія наблюденія подтвердили догадку эту до такой степени, что теперь никто изъ френологовъ не сомнѣвается въ ея справедливости. Галль приписывалъ этому побужденію только способность обознаться (v'orienter) въ извѣстной мѣстности, но Бруссэ замѣчаетъ, что отправленіе № 27 имѣетъ болѣе обширный кругъ дѣйствія. Въ немъ заключается причина воспоминанія цѣлой картины мѣстности, какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ. Оно же возбуждаетъ желаніе видѣть красоты природы, живописныя страны, избирать выгоднѣйшія для картины точки зрѣнія и т. п. Комбъ находить съ однимъ изъ орудій въ геометріи вообще, а не въ однахъ только егемкахъ, какъ мнѣ это кажется. По этому поводу, и довольно не кстатъ, онъ говоритъ объ односторонности математиковъ и о томъ, что ихъ наука несправедливо приписываютъ вліаніе на логическое направленіе ума. Комбъ правъ потому только, что имѣетъ въ виду одни начальныя основанія математики, которыя действі-

тельно не могутъ развить умственныхъ способностей вообще. Онъ, конечно, сказалъ бы совсѣмъ другое, еслибъ обратилъ вниманіе на весь кругъ приложений математики, особенно въ физико-математическихъ вопросахъ.

Умьренное развитіе. Понятіе объ относительномъ расположеніи предметовъ, способность избирать кратчайшее направленіе, удерживать въ памяти мѣстности, виды, пейзажи и т. п., расположеніе къ изученію географіи, къ описаніямъ путешествій. Эта же степень возбуждаетъ склонность къ путешествіямъ, если домашность (№ 3) не сильна.

Сильное развитіе. Побужденіе безпреставно желать перемены мѣстоположеній, пейзажей, видовъ, описывать мѣстности съ безчисленными подробностями. У многихъ авторовъ замѣтно такое чрезмѣрное предпочтеніе къ мѣстностямъ, гдѣ происходило дѣйствіе разсказа.

Слабое развитіе: Слѣдствія его: равнодушіе къ красотамъ живописныхъ странъ, неспособность упавать мѣстность, въ которой прежде бывали, припоминать мѣстность или расположеніе предметовъ, соображать, какимъ путемъ дойти до извѣстнаго мѣста и т. п.

XXII.

Въ этомъ письмѣ я окончу разсмотрѣніе *понятій*.

№ 28. Численность (или счетность).

Первая догадка Галля о существованіи способности къ вычисленію, независимо отъ прочихъ умственныхъ способностей, была основана на наблюденіяхъ надъ двумя дѣтьми девяти и пяти лѣтъ, имѣвшими необыкновенный даръ вычислять въ умѣ, тогда-какъ во всѣхъ другихъ предметахъ они нисколько не были дальновиднѣе другихъ дѣтей. Замѣтивъ у обохъ выпуклость у внѣшняго конца бровей, Галль обратилъ вниманіе на эту особенность формы черепа, и съ-тѣхъ-поръ занимался постоянно повѣркою своей догадки. Она подтвердилась вполне. Психологи думали, что способность вычислять есть результатъ высшихъ умственныхъ силъ, но наблюденія френологовъ показываютъ, напротивъ, что она есть способность независимая отъ разума и представляющаяся въ людяхъ весьма-ограниченныхъ. Мнѣніе Галля, разсматривавшаго ее, какъ способность къ математикѣ вообще, опровергнуто. Въ высшихъ математическихъ соображеніяхъ численность служитъ, такъ-сказать, только грубымъ инструментомъ, и ни одинъ изъ великихъ математиковъ не имѣлъ способности къ вычисленію, подобной многимъ дѣтямъ-вычислителямъ. У Ньютона, Декарта, Паскаля, Лагранжа, Лейбница и проч., главное развитіе замѣчается въ высшихъ силахъ разума.

Умьренное развитіе. Понятіе о числахъ. Способность къ ариметикѣ и алгебрѣ. Сознаніе и различеніе численныхъ количествъ, способность изображать ихъ цифрами, буквами или другими знаками, запоминать и дѣйствовать ими.

Сильное развитіе. Отсюда происходятъ способность къ вычисленію въ умѣ; побужденіе прилагать исчисленія вездѣ и ко всему; искать от-

ношеній между фактами и числами, подобныхъ астрономическимъ гороскопамъ; допускать вліяніе чиселъ на событія. Вообще, въ этой степени развитія встрѣчается числоманія.

Слабое развитіе. Слѣдствія его: равнодушіе, небреженіе, лѣнь, неспособность къ исчисленію и къ пониманію численныхъ знаковъ; непреодолима трудность вспоминать числа и правила для дѣйствія ими.

№ 29. Порядочность.

Множество фактовъ удостовѣрили Галль, что склонность къ порядку должна быть самобытнымъ побужденіемъ; но онъ не могъ назначить соотвѣтственнаго ему мѣста на черепѣ. Онъ предвидѣлъ однако, что № 29-й долженъ находиться подъ бровью, вѣроятно по тому соображенію, что цѣль этой способности, какъ и прочихъ, выражается бровою частью мозга, состоятъ въ познаніи качествъ и принадлежностей окружающихъ насъ предметовъ. Галль ссылаясь на трудности наблюденія (такъ-называемыхъ имъ) органовъ, покрытыхъ бровью, и на малость этого органа въ особенности. Шпурцгейму принадлежитъ опредѣленіе положенія № 29. Бруссэ показалъ, что эта способность прилагается точно такъ же къ умственнымъ произведеніямъ: краснорѣчію, литературѣ, поэзіи и проч., и къ нравственнымъ побужденіямъ, какъ и къ вещественнымъ предметамъ.

Умренное развитіе. Побужденіе приводитъ въ порядокъ, устраивать, разбѣщать, распорядиться. Откуда же происходятъ: точность, аккуратность, пунктуальность, порядокъ, чистота, метода, классификація.

Сильное развитіе. Нетерпимость безпорядка, неточности, нечистоты.

Слабое развитіе. Безпорядокъ, неаккуратность, равнодушіе ко всякому несовершенству.

№ 30. Событность.

Мы уже видѣли, что Галль не отдѣлилъ № 30 отъ № 22. Шпурцгеймъ показалъ основное отправление способности № 30, котору мы назовемъ *событностью* (*). Бруссэ весьма-хорошо различаетъ отправления № 22 и № 30; предметъ перваго, по словамъ его—*имена существительныя*, а предметъ втораго—*исключенія*. Первое сознаетъ существованіе тѣль, а второе ихъ измѣненія, соединенія, вліянія и проч.

Умренное развитіе. Способность сознать дѣйствіе и вліяніе одного предмета, обстоятельства и проч.; наблюдать и удерживать въ памяти факты, событія, происшествія, дѣйствія, явленія, обстоятельства, случаи, приключенія и пр. Эта степень развитія возбуждаетъ любознательность, любопытство, даетъ практическое направленіе уму, содѣй-

(*) Я долго думалъ о выраженіи слова *éventualité*, по-русски. *Случайность* даетъ идею о томъ, что безъ связи съ прошедшимъ, тогда-какъ, напротивъ, № 30 занимается именно этою связью. Зайсь дѣло идетъ о *событіи* (*événement*), а не о *случае* (*hasard*). *Приспособленія, факты*—слишкомъ-тѣсно. *Событіе* заключаетъ и то и другое, и всякое явленіе.

ствуетъ блестящей рѣчи, располагаетъ къ изученію исторіи какого бы ни было предмета, даетъ вкусъ къ разсказамъ, повѣстямъ и пр.

Сильное развитіе. Побужденіе обременять разсказъ эпизодами; тенденція на знаніе всего, на сужденіе обо всемъ, страсть къ болтовнѣ, сплетнямъ.

Слабое развитіе. Рѣшительная неспособность къ наблюденію событій; совершенное отсутствіе любознательности. Эта степень развитія замѣчается у людей безумныхъ отъ рожденія.

№ 31. Временность.

Галль говорилъ о сознаніи времени, какъ о самобытномъ чувствѣ; но у Шпурцгейма опредѣлена соотвѣтственная ему особенность формы головы. Бруссэ справедливо замѣчаетъ, что въ этомъ вопросѣ френологи отстали отъ умозрѣній философовъ, и могутъ съ пользою заимствовать изслѣдованія послѣднихъ. Временность есть, во-первыхъ, сочувствіе, производимое въ насъ послѣдовательностью и разнообразіемъ впечатлѣній; во-вторыхъ, оно есть понятіе одного рода съ пріемными способностями, т. е. съ тѣми, посредствомъ которыхъ мы входимъ въ сношеніе съ внѣшнимъ міромъ, и это тогда, когда къ сознанію времени присоединяется сознаніе пространства, или когда время измѣряется пройденнымъ пространствомъ.

Умьренное развитіе. Понятіе о продолженіи времени, о послѣдовательности, объ одновременности. Точность, пунктуальность въ періодическихкихъ занятіяхъ, въ исполненіи чего-либо въ назначенное время. Эта степень развитія проявляется въ синхронизмѣ, хронологіи, музыкальномъ ритмѣ и размѣрѣ.

Сильное развитіе. Излишняя мелочность во всемъ, что относится до времени, датовъ или означеній времени въ хронологіи; безпрестанныя и неумѣстныя ссылки на свѣдѣнія этого рода.

Слабое развитіе. Трудность понимать музыкальный ритмъ и размѣръ; небрежность въ датахъ и ихъ соглашеніи; забывчивость времени и отношеній между продолженіями времени.

№ 32. Звукъ.

Галль открылъ это побужденіе и мѣсто, соотвѣтствующее ему въ лобовой части мозга. Въ то время, когда, по мнѣнію Галля, память составляла отдѣльное и самобытное свойство человѣка, ему показали ребенка, который, при неимовѣрной музыкальной памяти, не имѣлъ на головѣ своей предполагаемаго Галлемъ признака памяти вообще. Это заставило Галля принять за истину, что музыкальная память, какъ и память въ другихъ предметахъ, есть отправленіе каждой способности.

Умьренное развитіе. Способность распознавать звуки и ихъ качество. Память напѣва или мотива, композиція и импровизація мелодій. Эта степень содѣйствуетъ различенію отношеній и отбѣнковъ, модуляцій, гармоній, сочетанія звуковъ.

Сильное развитіе. Побужденіе къ исключительному занятію музыкою, къ диллетантизму. Отсюда происходятъ: меломанія и несносныя ощущенія при малѣйшемъ несоблюденіи законовъ гармоніи.

Слабое развитіе. Слѣдствія его: равнодушіе къ музыкѣ, мелодіи и гармоніи; неспособность изучать музыку; недостатокъ, называемый обыкновенно невѣрностію уха.

№ 33. Словность.

Открытія Галля начались этимъ побужденіемъ. Онъ назвалъ его памятью словъ. Этой способности обязанъ человѣкъ составленіемъ языка, т. е. изобрѣтеніемъ знаковъ или звуковъ для выраженія мыслей письмомъ или словомъ. По мнѣнію Брюссэ, обширность глазной впадины, равно какъ и выпуклость глазъ, означаетъ сильное развитіе въ № 33.

Умьренное развитіе. Отправленія этого побужденія состоятъ, вообще, въ способности выражать и передавать мысли знаками условными, начертанными и произносимыми. Отсюда происходятъ: память словъ, номенклатура, синонимы, идиотизмы и пр., способность къ изученію языковъ, краснорѣчіе, хорошій слогу и проч.

Сильное развитіе. Многословіе, плодовитость, болтовня, скороговорка, страсть къ монологамъ:

Слабое развитіе. Неправильность выраженій, трудность объясниться, отсутствіе памяти словъ, именъ и пр.; неспособность выучивать наизусть. Въ меланхоліи, эта степень развитія производитъ упорное молчаніе; она совпадаетъ также часто съ занканиемъ и нѣмотою.

Къ разсмотрѣнной въ этомъ и предъидущемъ письмѣ категоріи побужденій, названной *понятіями*, можно бы прибавить, по мнѣнію нѣкоторыхъ френологовъ, № 9-й (работность), № 20-й (веселость) и № 19-й (идеальность); но мы оставимъ ихъ въ тѣхъ рядахъ, къ которымъ принадлежатъ соотвѣтствующіе имъ нумера въ принятомъ порядкѣ, не имѣя достаточныхъ причинъ для перемѣщенія ихъ въ другія группы.

Названіе *понятій*, приданное 12-ти побужденіямъ, выражаемымъ лобовою полостью мозга, кромѣ верхней средней его части (въ которой остаются еще не разсмотрѣнными два отдѣленія) не вполне удовлетворительно. Брюссэ замѣтилъ очень-справедливо, что отправленіе нервовъ мозга, соотвѣтствующихъ понятіямъ, состоитъ не только въ *пониманіи*, но еще и въ *дѣйствіи* на нервную систему организма. Такъ, напримѣръ, музыкантъ не только *понимаетъ* гармонію, но и самъ ее *производитъ*. Есть люди, слушающіе съ большимъ удовольствіемъ и понимающіе музыку, но неспособные исполнять и сочинять ее, хотя они и одарены всѣми вспомогательными способностями, необходимыми для всякаго виртуоза, каковы №№ 31, 19 и 9-й. Очевидно, что каждая способность должна состоять изъ двухъ частей: *пассивной* и *дѣятельной*. Только первой изъ нихъ слѣдовало называться *понятіемъ*. Но части эти не могли быть до-сихъ-поръ различены осязательно, на головѣ. За неимѣніемъ другаго слова для означенія вообще отправленія обѣихъ частей, принято это. Посредствомъ *понятій* познаются свойства внѣшнихъ предметовъ.

Шпурцгеймъ дѣлитъ *понятія* на двѣ группы: *понятія свойствъ* предметовъ (№№ 22, 23, 24, 25 и 26) и *понятія соотношеній* между предметами и ихъ свойствами (№№ 27, 28, 29, 30, 31, 32 и 33). Комбъ замѣчаетъ, что №№ 30, 31 и 33 не подходятъ ко второй группѣ Шпурцгейма, а № 22 не вполне соотвѣтствуетъ опредѣленію первой.

Внѣшніе приборы пяти чувствъ передаютъ или проводятъ только первыя *впечатлѣнія*, произведенныя на нихъ внѣшнимъ міромъ. Въ мозгу существуютъ особыя нервы или узловая матерія для принятія этихъ впечатлѣній. Они находятся, можетъ-быть, въ основаніи полушарій, или въ другихъ желвакахъ головного мозга. Эти первыя впечатлѣнія не имѣютъ памяти. Другими словами: сколько бы разъ ни представлялся имъ предметъ, онъ всегда для нихъ кажется новымъ. Но принятые впечатлѣнія передаются въ полушарія мозга и принимаются нервами, которыхъ отправленіе имѣетъ характеръ болѣе интеллектуальный. Въ нихъ впечатлѣніе становится понятіемъ, но только не въ полномъ смыслѣ этого слова. Понятіе это *безсознательное*; его не должно бы называть, вмѣстѣ съ Бруссэ, идеею или мыслію, но онъ въ этомъ случаѣ не далъ слову *идея* всего его значенія, и употреблялъ его какъ-бы за немѣніемъ другаго. Примѣромъ такого безсознательнаго понятія можетъ служить извѣстный оптический обманъ—кажущееся увеличеніе луны по мѣрѣ приближенія ея къ горизонту. Въ этомъ явленіи глазной приборъ принимаетъ образъ луны одинаковой величины при всѣхъ ея высотахъ надъ горизонтомъ. Нервы или узлы, принявшіе впечатлѣнія, также одинаково впечатлѣваются; но высшія части полушарій, получившія сочувствіе отъ предъидущихъ, производятъ *безсознательное понятіе*, результатъ котораго есть—оптический обманъ. Именно: нервы, отправляющіе понятіе объ отдаленіи предметовъ (24), *принуждены понимать* разстояніе до видимаго неба болѣшимъ при его горизонтѣ, потому-что нервы, отправляющіе понятіе *колоритности* или оттѣнковъ (26), показываютъ его пологимъ куполомъ. А такъ-какъ нервы, *понимающіе* величину тѣлъ (тотъ же № 24, хотя гораздо вѣроятнѣе, что всякое отправленіе принадлежитъ особому нерву), видятъ луну въ дѣйствительно-переданной глазнымъ приборомъ величинѣ, одинаковой во всѣхъ ея положеніяхъ на небѣ, то изъ совокупности этихъ отправленій и происходитъ обманчивое, безсознательное понятіе, что будто-бы луна увеличилась. Вотъ вамъ, если угодно, идея, но идея безсознательная. По-крайней-мѣрѣ, мы не можемъ назвать это *мыслію*. Таковы-то способности, названныя понятіями, и которымъ френологи приписываютъ мышленіе. Мышленіе это совершенно несправедливо. Въ нихъ есть *сочувствіе* и *созерцаніе*, но *цѣлѣннаго сознанія* нѣтъ. Мышленіе начинается тогда, когда вы спросите: почему же луна увеличивается, приближаясь къ горизонту? Этотъ вопросъ, доказывающій сознаніе явленія, происходитъ *изъ отъ* этихъ отправленій, которыя, слѣдуя френологамъ, мы назвали *и*, *наприм.*, а отъ способностей разсудочныхъ, о которыхъ намъ еще какое же ся говорить. Животныя высшей организаціи, каковы: собаки. У Фран-

на и проч., видятъ, безъ сомнѣнія, точно такой же оптической обманъ, но не имѣютъ о немъ никакой мысли. Будь это истинное сознаніе, полная идея, мысль, тогда оптической обманъ исчезъ бы немедленно по его объясненіи, но онъ, напротивъ, остается, не смотря на совершенное убѣжденіе въ его прозрачности. Можно привести множество подобныхъ доказательствъ тому, что всѣ безъ исключенія разсмотрѣнныя до-сихъ-поръ побужденія, неспособны произвести мысли, а только доставляютъ матеріалы или данныя для мыслей. Во всѣхъ ихъ проявляется память, реакція на нервы дѣйствующіе, такъ же какъ реакція дѣйствующихъ нервовъ на нервы принимающіе, или *понимающіе*.

Категорія умственныхъ способностей, называемая *понятіями*, опредѣлена у френологовъ—способностями, вводящими насъ въ сношенія съ внѣшнимъ міромъ, или еще: способностями, которыми мы познаемъ всѣ свойства, принадлежности и обстоятельства окружающихъ насъ вещественныхъ предметовъ. Вы видите недостатки этого опредѣленія. Во-первыхъ, нѣкоторыя изъ чувствованій и инстинктовъ относятся прямо къ познанію свойства тѣла; таковы: *питательность* (А), познающая запахъ и смакъ тѣла; *работность* (9) познающая качество или доброту отдѣлки вещи. Во-вторыхъ, чтобы понять извѣстное нравственное состояніе человѣка, а для другаго онъ есть также вещественный предметъ, нужно имѣть чувствованіе или инстинктъ, подобный тому, подъ вліяніемъ котораго находится наблюдаемый. Въ этомъ случаѣ, конечно, понятіе происходитъ не непосредственно, а посредствомъ понятій объ образѣ, цвѣтѣ, звукѣ и проч., но не менѣе того участіе чувствованій въ понятіяхъ безсознательныхъ—очевидно. Увидѣвъ человѣка въ страхѣ, вы невольно чувствуете подобное впечатлѣніе, и если бы у васъ не было даже слѣда такого побужденія, то вы не поняли бы и состоянія испуганнаго, или, пожалуй, поняли только посредствомъ разсудка и опытности, изучивъ и запомнивъ выраженіе наружности испуганныхъ людей. Въ этомъ случаѣ, вы отнесете слово *страхъ* только къ извѣстному выраженію наружности, но въ-отношеніи къ самому *чувству*, слово это будетъ для васъ мертвымъ знакомъ, точно такъ, какъ слово *сѣнь* есть мертвый знакъ явленія, неизвѣстнаго слѣпому. Этотъ примѣръ показываетъ вамъ также, что безъ безсознательнаго понятія не можетъ быть и сознательнаго.

Въ побужденіяхъ или способностяхъ, названныхъ *понятіями*, мы видимъ и инстинктивную сторону и ощущенія, подобныя чувствованіямъ. Названіе группы понятій *умственными способностями*, по преимуществу, также несправедливо. Почему способности къ цвѣтамъ, порядку, и славу и проч. полагать болѣе *умственнымъ* отпращиваніемъ, нежели всѣ способности къ добродушію, подражанію, веселости и проч.? И такъ, сносительныхъ раздѣленій на категоріи не существуетъ, но человѣку свойственна система раздѣленія, группированія и пр.; иначе онъ не могъ бы запомнить фактовъ природы, ни видѣть ихъ соотношенія, ни даже зажать дальнѣйшія изслѣдованія этихъ фактовъ. Мы должны обихъ раздѣленіе френологовъ, какъ условное, для этой цѣли. Опредѣленія видя ему здѣсь, оправдываетъ безразличное употребленіе словъ:

способность, понятіе, склонность, инстинктъ, побужденіе, чувство и пр., когда рѣчь идетъ о какомъ бы то ни было свойствѣ интеллекта.

XXIII.

Френологи нашли, что мѣсто головы, выражающее разсудокъ, занимаетъ небольшое пространство по срединѣ верхней части лба. Это пространство раздѣлено ими только на два отдѣленія, соотвѣтствующія двумъ группамъ нервовъ сходныхъ отправленій. Покровы мозга, въ-особенности черепъ, никогда не позволяютъ достигнуть до большей подробности въ опредѣленіи отправленій мозгового вещества, и всегда должно будетъ довольствоваться приблизительнымъ, общимъ характеромъ до-вольно-большихъ отдѣловъ мозга, для возможности наблюденія.

№ 34. *Сообразительность* (*).

Галль былъ знакомъ съ однимъ ученымъ, который всякій разъ, затрудняясь въ доказательствахъ, прибѣгалъ къ сравненію, и осуществляя такимъ-образомъ свои мысли, убѣждалъ слушателя скорѣе и легче, нежели одними доводами. Наведенный на идею, что это есть характеристическая черта ума, Галль принялся осматривать форму головы ученаго, и нашелъ необыкновенное возвышеніе по срединѣ верхней части лобовой кости. Въ-послѣдствіи, догадка Галля подтвердилась наблюденіями надъ многими другими субъектами, и Галль назвалъ открытый имъ, какъ выражается онъ, органъ, *прозорливостію, промнцательностію, сравнительнымъ умомъ.*

Весьма-трудно опредѣлить общее отправленіе этого, такъ же какъ и слѣдующаго элемента разсудка (№ 35). Мы судили разсудкомъ о всѣхъ прочихъ побужденіяхъ, но теперь разсудокъ долженъ судить о самомъ себѣ. Каждая изъ прочихъ способностей имѣетъ чувство сравненія, т. е. сходства и различія, но оно безсознательное. Сверхъ-того, каждое изъ прочихъ побужденій чувствуетъ сходство и различіе только въ своей сферѣ отправленій; такъ, на-примѣръ, глазомѣръ чувствуетъ различіе разстояній, а не различіе событій, звуковъ и т. п. Но элементъ разсудка, названный нами *сообразительностію*, во-первыхъ, возвышаетъ безсознательныя понятія о сходствѣ и различіи прочихъ способностей интеллекта, въ сознательныя, въ полныя идеи, въ мысли; во-вторыхъ, онъ сближаетъ и сознаетъ сходства и различія между всѣми разнородными чувствами прочихъ способностей. У Брусса опро-

(*) Я думалъ сначала назвать № 34 *сравнительностію*, съ французскаго: *comparaison*. Вотъ причины, которыя заставили меня переимѣнить мое названіе: *сравненіе* есть принадлежность каждой способности. № 34 не *сравниваетъ*—только: онъ *сообразяетъ*. По словамъ Брусса «онъ *сравниваетъ разнородное, тогда-какъ другія отправленія сравниваютъ предметы входящія въ область только частнаго ихъ назначенія, на-прим. колоритность—цвѣта, глазомѣрность—протяженія.* № 34, напротивъ, *сравниваетъ: цвѣта съ протяженіями, звуки съ числами и пр.* Но какое же сравненіе можетъ быть между разнородными? Это *сообразженіе, а не сравненіе.* У Французовъ нѣтъ подобнаго слова. Тѣмъ хуже для нихъ.

вергается мнѣніе нѣкоторыхъ френологовъ, что отвлеченія, абстракціи, происходятъ отъ *распознавательности* (№ 22); по мнѣнію его, въ этой способности, такъ же какъ и во всѣхъ прочихъ, заключается понятіе о ближайшихъ, ограниченныхъ отвлеченностяхъ; таковы, на-примѣръ, понятіе о звукѣ отвлеченно отъ его силы, качества, высоты; понятіе объ отдѣльномъ существованіи двухъ тѣлъ, отвлеченно отъ всѣхъ ихъ качествъ, принадлежностей, каковы: форма, цвѣтъ, плотность и проч. Но высшія отвлеченности, каковы, на-примѣръ, вещество, народъ и проч., принадлежать, по мнѣнію Бруссэ, разсудку и притомъ не *соображательности*, но *изслѣдовательности* (№ 35). Отсюда видно, что Бруссэ приписываетъ прочимъ побужденіямъ нѣкоторую степень *сознанія, мышленія*. Едва-ли не справедливѣе полагать (*), что знаніе заключается въ одномъ лишь разсудкѣ, а во всѣхъ прочихъ отвлеченностяхъ мозга происходитъ только понятіе *безсознательнос*. Такое *понятіе* можетъ точно такъ же обнимать высшія отвлеченности, каковы: вещество, государство и пр., какъ и низшія: тѣло, звукъ и пр., но тѣмъ не менѣе *сознаніе* ихъ принадлежитъ исключительно разсудочнымъ способностямъ. Бруссэ отрицаетъ у соображательности способность къ отвлеченностямъ (абстракціямъ): она *показываетъ* намъ предметъ, говоритъ онъ, *объясняетъ* его. И дѣйствительно, абстракція часто заставляетъ подразумевать, что она послѣдствіе *заключенія*. Такъ, на-примѣръ, соображательность сознаетъ сходства, различія и измѣненія тѣлъ и замѣчаетъ, что тѣла переходятъ изъ одного вида въ другой, оставаясь тѣлами же; но не она заключаетъ: что въ тѣлахъ должно быть нѣчто общее не смотря на ихъ разнообразіе. Заключеніе это и изображающая его отвлеченность: *вещество*, произведены другимъ элементомъ разсудка: *изслѣдовательностью* (№ 35). Тѣ отвлеченности, которыя выражаютъ только обобщеніе, каковы, на-примѣръ, народъ, войско, матеріалы и пр., кажется, не требуютъ изслѣдовательности. Вы видите одного человѣка и много людей вмѣстѣ, — развѣ недостаточно одного сравненія, чтобъ сказать: это человѣкъ, а это толпа?

Умѣренное развитіе. Полное сознаніе и сравненіе дѣйствій всѣхъ прочихъ способностей, такъ же какъ и всѣхъ впечатлѣній, производимыхъ на насъ предметами внѣшняго міра. При содѣйствіи его, человѣкъ соображаетъ, смекаетъ, обобщаетъ, открываетъ сходства, тождества, аналогіи, различія, дѣлаетъ предположенія; употребляетъ метафоры. Эта способность возбуждаетъ вопросы, *какимъ образомъ* то или другое происходитъ, *какъ* что существуетъ, располагаетъ къ отвѣтамъ на подобныя вопросы и находитъ ихъ скоро, вѣрно, проникательно, положительно.

Сильное развитіе. Побужденіе чрезмѣрно обобщать, дѣлать невозможныя отвлеченности, употребляетъ метафоры некстати и съ излишествомъ, отыскивать во всемъ аналогію и сходство. Отсюда же происходитъ рационализмъ, предположительная или гипотетическая метафизика.

(*) Въ предъидущемъ письмѣ я приводилъ примѣры въ доказательство.

Слабое развитіе: Слѣдствія его: трудность и неспособность разсуждать, слѣдовать за разсужденіемъ, соображать, сравнивать, дѣлать отвлеченія, постигать сходства, тожества и аналогію, неспособность отыскивать процессъ дѣйствія, обобщать не теряясь въ подробности, равнодушіе къ знанію, какъ что происходитъ или существуетъ.

№ 35. Изслѣдовательность.

Гораздо-прежде Галля было извѣстно, что люди, обладающіе обширнымъ и глубокимъ разумомъ, имѣютъ широко-развитую верхнюю часть лба. Галль замѣтилъ сперва, что отличнѣйшіе изъ учениковъ Канта имѣли значительное возвышеніе въ части лба, возлѣ отдѣленія № 34, соотвѣтствующаго *соображательности*. Потомъ наблюдалъ онъ, вмѣстѣ съ Шпурцгеймомъ, слѣпокъ съ головы самого Канта, у котораго это мѣсто головы было необыкновенно выпукло. Позже они познакомились съ Фихте, у котораго подобная же выпуклость была еще болѣе, нежели у Канта. Безчисленное множество другихъ наблюденій не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что эта особенность формы черепа соотвѣтствуетъ высшей интеллектуальности, которую Галль называлъ *глубокомысліемъ* и *метафизическимъ умомъ*, а Шпурцгеймъ — *изжсканіемъ причинъ* (*causalité*). Название *изслѣдовательности*, которое мы дадимъ этому побужденію, можетъ показаться двусмысленнымъ, потому-что говорится: изслѣдовать что-либо, какъ оно происходило? Въ этомъ случаѣ *изслѣдовать* то же, что *прослѣдить*. Но когда мы говоримъ: изслѣдовать, *почему* что-либо произошло *такъ, а не иначе?*—тогда слово это значитъ — вывести слѣдствія изъ извѣстныхъ *причинъ* или открыть *причины* извѣстныхъ *слѣдствій*. Характеръ произведенія или рѣчи въ духѣ перваго смысла нельзя назвать изслѣдовательнымъ: онъ есть *описательный*, въ немъ дѣйствовала *соображательность*; произведенія же въ духѣ втораго смысла имѣютъ характеръ *изслѣдовательный*. По этому-то мы и можемъ, кажется, принять это слово для означенія отправленія мозга, состоящаго въ постиженіи связи причинъ съ послѣдствіями. *Изслѣдовательность* въ нашемъ смыслѣ есть, очевидно, высшая способность интеллекта. Человѣкъ открываетъ прошедшее и будущее, потому-что отъ тѣхъ же причинъ происходятъ тѣ же слѣдствія; безъ нея не было бы никакихъ наукъ, а было бы только сознаніе сходствъ и несходствъ, сближеніе, соображеніе безъ всякаго вывода или заключенія.

Умѣренное развитіе. Эта способность открываетъ послѣдовательность, связь идей между дѣйствіемъ и его причиною. Она возбуждаетъ желаніе знать *почему* и *отъ-чего* что происходитъ или существуетъ; въ ней заключается отысканіе или изслѣдованіе причины, начала, источника, закона фактовъ или явленій, логическій порядокъ идей, восхождение отъ причинъ къ слѣдствіямъ и обратно, и пр. Сюда же принадлежитъ сознаніе отвлеченныхъ понятій: безконечность, вещество, Богъ, и проч.

Сильное развитіе. Чрезмѣрная отвлеченность ума. Неумѣренное и не-

скромное любопытство; страсть все узнавать, все объяснять, доказывать, заниматься единственно конечными причинами всего, началами онтологий, или науки о существѣ.

Слабое развитіе. Расположеніе пренебрегать причинами, не призывать ихъ; неспособность возвышаться до мысли о началахъ, принципахъ и слѣдовать за ходомъ разсужденій въ ихъ логическомъ порядкѣ.

Теперь, когда мы прошли весь процессъ интеллекта, выведенный изъ наблюденій надъ другими людьми, а не надъ самимъ собою только, какъ дѣлаютъ еще до-сихъ-поръ метафизики, вы видите ясно, что всѣ системы и теоріи философовъ о свойствахъ души, качествахъ человѣка, дѣйствіяхъ разума, происхожденіи различныхъ наклонностей, побужденій, способностей и проч., должны быть повѣрены наблюденіемъ, дѣйствительностью. При этомъ, получивъ другое, положительное, истинное основаніе, результаты умствованій должны будутъ также измѣниться. Никакими доводами и разсужденіями невозможно уничтожить фактовъ, и умозрѣніе должно имъ подчиниться. Самыя названія наукъ: *метафизика*, *психологія*, *онтологія* и проч., должны быть замѣнены другими: *физиологію интеллекта*, *френологію*, *физиологію мозга* и т. п.

Бросимъ теперь общій взглядъ на процессъ интеллекта. Первый или предварительный актъ передъ началомъ процесса совершается въ приборахъ пяти чувствъ, которыя принимаютъ дѣйствованіе на насъ внѣшняго міра. Отправленія этихъ приборовъ такія же, какъ и отправленія неодушевленныхъ приборовъ, изобрѣтенныхъ человѣкомъ, на-примѣръ, зрительной трубы, зеркала, натянутой струны и т. п.; и тѣ и другія не имѣютъ никакого ощущенія. Одни эти приборы, безъ связи ихъ съ первою системою животнаго, ни къ чему бы не служили; а съ другой стороны нервная система безъ приборовъ пяти чувствъ не имѣла бы никакой цѣли, не могла бы проявить никакого отправленія, и тѣло животнаго не отличалось бы ни чѣмъ отъ тѣла неодушевленныхъ. Поэтому-то существа, неимѣющія ни одного изъ приборовъ пяти чувствъ, не имѣютъ также и нервной системы, совершенно для нихъ бесполезной. Мы уже видѣли, что приборы пяти чувствъ состоятъ изъ двухъ частей: собственно прибора, и нерва-проводника явленій, проходящихъ въ приборѣ, къ мозгу. Имѣютъ ли эти нервы какое-либо ощущеніе проводимыхъ ими явленій, или дѣйствуютъ совершенно механически, какъ самые приборы? Мы уже это разсматривали, и кажется, что послѣднее предположеніе вѣроятнѣе. Нервы-проводники пяти чувствъ—примыкаютъ, наконецъ, къ головному мозгу, и тутъ начинается процессъ интеллектуальный. Тѣ мѣста мозга, еще не вполне открытыя, въ которыхъ передаточныя пары нервовъ сливаются съ мозговымъ веществомъ; отправляютъ *первую, низшую степень* сочувствія, которую мы называемъ *впечатльнѣе*. Эта степень сочувствія доказывается наблюденіемъ животныхъ по отнятіи у нихъ обонихъ мозговыхъ полушарій. Они не проявляютъ никакого слѣда понятій, но движенія ихъ, при сильномъ раздраженіи приборовъ чувствъ, доказы-

вають существованіе впечатлѣній и механическую реакцію на нервы движенія. Жизнь животнаго при однихъ только этихъ впечатлѣніяхъ не можетъ быть имъ самимъ поддержана, потому—что животное не можетъ управлять собою, ни имѣть какой-либо цѣли дѣйствія, произвольнымъ внутреннимъ побужденіемъ.

Вторая степень интеллектуальнаго процесса есть понятіе, хотя еще безсознательное, впечатлѣній, полученныхъ отъ внѣшняго міра. Каждому изъ пяти чувствъ соотвѣтствуютъ особыя отправленія въ мозгу, для понятія впечатлѣній. Зрѣнію — образность (23), глазомѣръ (24), цвѣтность (26); слуху — звучность (32); обонянію и вкусу, какъ полагають до-сихъ-поръ, питательность (А); осязанію — можетъ-быть, усильность (25). Подвергая сомнѣнію справедливость *назначенія* частей мозга, одаренныхъ этими отправленіями, нельзя сомнѣваться въ томъ, что мозгъ проявляетъ ихъ и, слѣдовательно, содержитъ въ себѣ нервы, исполняющіе эти отправленія, гдѣ бы, впрочемъ, они ни находились. Безсознательныя понятія имѣють память, чувствуютъ удовольствіе и неудовольствіе, влеченіе и отвращеніе, и проч., и не только принимаютъ ощущенія, но обращаются также и по внутреннему побужденію къ міру внѣшнему, и, сверхъ-того, дѣйствуютъ реактивно на нервную систему. Эта степень развитія интеллекта необходима для существованія животнаго. Не всѣ пять чувствъ ему равно необходимы; одни только чувства осязанія и вкуса не могутъ отсутствовать при жизни, и они должны быть, по-крайней-мѣрѣ, въ степени безсознательныхъ понятій. Примѣръ этого состоянія мы видимъ въ едва-рожденныхъ. Ощущеніе впечатлѣнія и понятіе его отправляются различными частями или нервами мозга, вѣроятно для того, чтобъ нервы понятій не раздражались впечатлѣніями, но свободно, спокойно и, такъ-сказать, хладнокровно исполняли свое назначеніе. Ощущенія эти не выходятъ изъ области внѣшняго міра: они относятся къ цвѣту тѣлъ, къ ихъ величинѣ, формѣ, плотности, вкусу, запаху, звучности и проч. Безъ нихъ не могли бы проявляться прочія безсознательныя побужденія, наклонности, инстинкты, чувствованія, понятія и пр., что составляетъ *третью степень* интеллектуальнаго процесса.

Ни одно изъ побужденій не можетъ имѣть ни способа, ни цѣли проявленія, если животное лишено понятія о внѣшнемъ, осязаемомъ мірѣ. Впечатлѣніе, на-примѣръ, свѣта, переданное непосредственно нервамъ, отправляющимъ, положимъ, побужденіе къ скрытности, не произвело бы никакого въ нихъ ощущенія, потому—что тѣ же самыя нервы не имѣють различныхъ отправленій, по общему ихъ физиологическому закону, и еслибъ не было первыхъ пріемныхъ способностей, познающихъ атрибуты тѣлъ, то всѣ прочіе нервы мозга оставались бы въ совершенномъ бездѣйствіи. Тогда только, когда *обученіе* (если можно такъ выразиться) прочихъ побужденій произведено первыми пріемными способностями, или безсознательными понятіями внѣшняго міра,—тогда только могутъ они дѣйствовать уже сами собою, собственнымъ побужденіемъ и, реактивно, на нервную систему. Тогда являються

новья бессознательныя же понятія, которыя мы назвали: 1) *инстинктами*: чадолюбивость, домашность, дружелюбность и проч., 2) *чувствованіями*: благовоительность, почтительность, осмотрительность и проч., и 3) *умственными способностями*, каковы: порядокъ, численность, событность и проч. Мы сказали выше, что всѣ побужденія обучались понятіями атрибутовъ тѣмъ: въ подтвержденіе можно привести то, что мы не можемъ иначе говорить о нихъ, какъ придавая имъ эти же самыя атрибуты: *блестящее* воображеніе, *глубокое уваженіе*, *непоколебимая* твердость духа, и тому подобныя метафоры. Бруссэ несправедливо заключаетъ отсюда, что мы почерпаемъ *всѣ* наши мысли во *внѣшнемъ* мірѣ. Онѣ рождаются и въ насъ самихъ, но для проявленія ихъ необходимо предварительное познаніе міра внѣшняго.

Наконецъ, *четвертая, высшая степень* интеллектуальнаго процесса совершается разсудкомъ, которымъ понятія *сознаются* и происходитъ *мысленіе*. Въмѣсто словъ: *сознательное понятіе*, мы можемъ употребить слово: *разумніе*. Разсудокъ при *полныхъ* данныхъ или матеріалахъ сужденія, сообщаемыхъ ему *всѣми* прочими бессознательными понятіями, можно назвать *разумомъ*.

Мы уже видѣли, что еслибъ не было бессознательнаго понятія, то не было бы и сознательнаго, т. е. *разумнія*; безъ прочихъ способностей, разсудокъ долженъ оставаться въ бездѣйствіи. Съ другой стороны, безъ разсудка не было бы никакой мысли, никакаго полнаго сознанія. Таково, на-примѣръ, состояніе насѣкомаго, которое летитъ на огонь, сколько бы разъ ни обожглось имъ. Въ этомъ случаѣ, бессознательное понятіе о свѣтѣ имѣетъ память цвѣтности, но такъ-какъ оно не имѣетъ *сознанія, мысли*, то и не можетъ связать понятія о свѣтѣ съ понятіемъ о жарѣ, чувствуемомъ при приближеніи къ свѣту. Очевидно, что тѣ животныя, которыя не представляютъ подобнаго этому явленія, одарены разсудкомъ, хотя въ степени несравненно меньшей, нежели человекъ.

XXIV.

Я говорилъ уже о постороннихъ вліяніяхъ на отправленія *мозга*. Главнѣйшія изъ нихъ: поколѣніе, въ антропологическомъ отношеніи, климатъ и общественная организація отечества или страны, въ которой человекъ живетъ съ давняго времени, возрастъ его, состояніе здоровья, происхожденіе или каста, въ которой онъ родился, воспитаніе, сообщество, родъ жизни и занятій, темпераментъ, и, наконецъ, полъ субъекта.

Разберемъ теперь отдѣльно каждое изъ этихъ вліяній.

I. Антропологи относятъ нынѣ къ тремъ главнѣйшимъ типамъ всѣ различія обитателей земнаго шара. Это типъ *кавказскій*, или *бѣлая* порода; типъ *монгольскій*, или *желтая* порода; типъ *эвѳонскій*, или *черная* порода. Первая обладаетъ высшею, а послѣдняя низшею организацію мозга. Впрочемъ, при разсѣденіи народовъ происходило, и до

схвъ-поръ происходитъ, смѣшеніе породъ, и въ настоящее время рѣдко встрѣчаются семейства, въ которыхъ первоначальный типъ сохранился во всей его чистотѣ. Признано общимъ закономъ, что при смѣшеніи двухъ различныхъ породъ, высшая или совершеннѣйшая имѣетъ болѣе вліянія на смѣсь, чѣмъ низшая, такъ-что въ природѣ какъ-будто существуетъ стремленіе къ сліянію всѣхъ породъ въ одну, совершеннѣйшую. Френологи судятъ о свойствахъ людей другихъ породъ по типу своей, т. е. кавказской породы. Нельзя сказать, чтобъ сужденія ихъ противорѣчили наблюденіямъ, но нерѣдко между ними встрѣчаются несогласія и, безъ-сомнѣнія, лучше бы было составить особый типъ головы для каждой изъ трехъ первоначальныхъ породъ, сдѣлать сравнительную оцѣнку организма между этими типами, и относить послѣ того формы головъ каждаго поколѣнія къ ихъ особому типу. Замѣчу здѣсь кстати, что нѣкоторыя племена, на-примѣръ, Караибы, имѣютъ обычай придавать головѣ неестественную форму разными насильственными средствами.

II. Вліяніе климата на организмъ весьма-чувствительно; многіе ученые приписываютъ ему даже слишкомъ-большое вліяніе. Южный климатъ увеличиваетъ дѣятельность всѣхъ отправленій мозга, но только до нѣкотораго предѣла: превзойдя его, организмъ впадаетъ въ лѣнность и въ нѣкоторый родъ оцѣпенѣнія или апатіи. Сѣверный климатъ располагаетъ организмъ къ медленности отправленій, къ меньшей энергіи и къ меньшей дѣятельности; очевидно, что въ этомъ случаѣ разсудокъ долженъ имѣть болѣе власти надъ другими побужденіями. Всѣмъ извѣстны пылкость южныхъ народовъ и разсудительность сѣверныхъ. Однако, въ чрезмѣрно-холодномъ климатѣ, самыя умственные способности какъ бы подавляются суровостью окружающей природы. Не смотря на это неотрицаемое вліяніе климата, мы безпрестанно видимъ семейства южныхъ странъ на сѣверѣ, или, обратно, семейства сѣверныхъ странъ на югѣ, въ которыхъ (если только не было смѣшенія ихъ съ туземцами) проявляются всѣ отличительныя черты южнаго или сѣвернаго происхожденія. По этому, допуская вліяніе климата на различіе организма людей, надобно допустить также, что вліяніе это требуетъ чрезвычайно-продолжительнаго времени для замѣтнаго проявленія.

III. Общественное устройство, обычаи, общественныя мнѣнія, предразсудки и проч., имѣютъ большое вліяніе на развитіе тѣхъ или другихъ способностей. Такъ, на-примѣръ, въ странѣ, поставленной обстоятельствами въ необходимость вести частыя войны; въ странѣ, гдѣ каждый гражданинъ долженъ быть готовъ къ защитѣ себя оружіемъ, *противоборность* (№ 5), *разрушительность* (№ 6) и вообще энергія чловѣка должна быть, при томъ же объемѣ головы, болѣе дѣятельна отъ большаго упражненія отправляющихъ ее нервовъ, чѣмъ въ странѣ, въ которой, какъ, на-примѣръ, въ Китаѣ, народъ, такъ-сказать, отвыкъ съ давнихъ поръ владѣть оружіемъ. Точно также, у одного и того же народа, но въ различныхъ эпохахъ его жизни, замѣчается преобла-

даніе нѣкоторыхъ идей, и, въ—слѣдствіе этого, дѣятельность нервовъ, соотвѣтствовавшихъ направленію или духу вѣка, должна была необходимо быть значительнѣе, хотя бы величина ихъ, или тиническая форма головы людей оставалась неизмѣнною въ—продолженіе дѣлаго ряда вѣковъ и эпохъ.

Галль не вѣритъ въ безконечное совершенствованіе человѣчества. Его мнѣніе основано на нераздѣльной связи способностей съ организмомъ, а организмъ человѣка и всѣхъ животныхъ подверженъ тѣмъ же постояннымъ законамъ, какъ и міръ неодушевленный, въ которомъ извѣстные кристаллы всегда имѣли и будутъ вѣчно принимать тѣ же самыя формы. Опираясь на исторію, Галль доказываетъ, что люди въ различныя времена развивали нѣкоторыя изъ своихъ способностей преимущественно передъ прочими. Такъ, на—примѣръ, были эпохи художественныя, религіозныя, промышленныя и проч.; но это частное развитіе нѣкоторыхъ способностей посредствомъ упражненія, происходитъ не иначе, какъ на—счетъ другихъ, остающихся безъ изощренія, и въ итогѣ—способности человѣка нисколько не увеличиваются. Галль думаетъ, что сумма умственныхъ силъ человѣка не измѣняется даже при переходѣ его изъ дикаго въ образованное состояніе. Успѣхи наукъ, нравственныхъ идей и общественнаго устройства всякаго рода открытія, ничто, однимъ словомъ, не измѣняетъ, по мнѣнію Галля, матеріальныхъ границъ организма, и, слѣдовательно, способностей человѣка. Наука безконечна, какъ сама природа; но люди, открывающіе ея таинства, остаются тѣ же: только каждый начинаетъ съ той точки, на которой остановился его предшественникъ. Въ подкрѣпленіе своей мысли, Галль приводитъ тѣ отрасли человѣческихъ знаній, въ которыхъ совершенствованіе зависитъ преимущественно отъ естественныхъ способностей человѣка, и заключаетъ, что человѣкъ во всѣ времена могъ достигъ и достигалъ крайняго совершенства, выше котораго послѣ не поднимался. Таковы зодчество и скульптура въ древней Греціи, вѣкъ Рафаэля въ живописи, и проч. Галль доказываетъ ограниченность способностей человѣка и тѣмъ, что въ наше время, при столь плодотворномъ размноженіи отраслей человѣческихъ познаній, люди принуждены ограничиваться каждый какою—нибудь специальностью.

Односторонность есть неминуемый результатъ подобнаго стремленія. Къ какимъ слѣдствіямъ поведетъ дальнѣйшее безпредѣльное размноженіе различныхъ отраслей наукъ и искусствъ? Теперь люди составляютъ общества для обработыванія наукъ, имѣющихъ между собою нѣкую связь. Общества эти подраздѣляются опять на другія, въ которыхъ предметомъ занятій служатъ науки, тѣснѣе между собою связанныя. Въ этихъ частныхъ обществахъ, по мѣрѣ увеличенія массы знаній, произойдетъ необходимо новое подраздѣленіе на спеціальныя занятія, и т. д., до того, что, наконецъ, предметъ занятій одного человѣка едва—ли возбудитъ въ другомъ любопытство осведомиться о его успѣхахъ. Подобное раздробленіе интереса въ наукѣ есть естественное

ное слѣдствіе ограниченности силъ человѣка и неподвижности его организма. Если Галль правъ и организмъ человѣка долженъ на вѣчныя времена сохранить свою опредѣленную отъ созданія ограниченность, то самый успѣхъ наукъ сдѣлается рано или поздно причиною паденія всѣхъ наукъ вмѣстѣ, или, по-крайней-мѣрѣ, послѣдовательно одной за другою, и, по мѣрѣ переполненія сферы знаній человѣчества сверхъ силъ его, новыя свѣдѣнія будутъ приобрѣтаться на-счетъ паденія прежде приобрѣтенныхъ. Не только успѣхъ какой-либо отрасли наукъ или искусствъ, но даже сохраненіе ея въ той же степени совершенства, тогда только возможны, когда множество людей принимаютъ въ ней участіе. Скульптура упала со времени Грековъ, конечно, не въ-слѣдствіе какого-либо измѣненія въ организмѣ человѣка, но единственно потому-что она въ настоящее время не составляетъ уже одной изъ главныхъ потребностей общества. Нѣтъ надобности опровергать очевидно-нелѣпую мысль, будто способности человѣка могутъ совершенствоваться безпредѣльно *независимо отъ организма*. Утверждая, что проявленіе какой-либо способности можетъ произойти изъ матеріальныхъ средствъ для этого проявленія, мы допустили бы слѣдствіе безъ причины, механическое дѣйствіе безъ сопротивленія, и тому подобныя нелѣпости. Стало-быть, вопросъ о безпредѣльномъ совершенствованіи человѣка можно понимать двоякимъ образомъ. Во-первыхъ, безконечно ли приобрѣтеніе новыхъ знаній, открытій, способовъ жизни, новыхъ идей и пр.? Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ самой природѣ. Возможно ли полагать, что когда-нибудь всѣ истины вещественнаго и невещественнаго міра будутъ исчерпаны? Человѣчество никогда не достигнетъ крайняго предѣла своего прогресса, какъ вѣтъ иперболы не достигнетъ никогда своей ассимптоты. Итакъ, если *во-столянный* прогрессъ человѣчества есть одинъ изъ законовъ природы, то прогрессъ этотъ *не имѣетъ предѣла*. Предѣлъ его—въ *Болю*. Во-вторыхъ, при другой воззрѣніи на вопросъ о безконечномъ совершенствованіи человѣка, спросимъ: измѣняется ли самая натура человѣка, т. е. умножаются ли и увеличиваются ли его способности, или, обратно, могутъ ли онѣ сокращаться или уменьшаться? Предложенный вопросъ однозначущъ съ слѣдующимъ: «можетъ ли организмъ человѣка измѣняться такъ, чтобъ число нервовъ или узловъ мозга умножалось (въ прогрессѣ), или сокращалось (въ паденіи), или такъ, чтобъ величина ихъ приращалась или уменьшалась?» На этотъ-то вопросъ Галль отвѣчаетъ, что число такъ-называемыхъ имъ органовъ остается навсегда то же, какъ число граней извѣстнаго кристалла, и что величина ихъ, и, слѣдовательно, дѣятельность отправленія, никогда не превзойдетъ извѣстнаго предѣла. Но извѣстно, что у людей въ грубомъ состояніи и у людей той же самой породы, достигшихъ нѣкоторой степени образованности, организмъ представляетъ значительную разность. Такъ, на-примѣръ, у первыхъ кости черепа толще, нервы ихъ менѣе воспріимчивы и пр.; при кастраціи замѣчено сжатіе мозжечка, равно какъ ослабленіе и осадка затылочной кости. Наконецъ, многіе утверждаютъ, что при изощреніи съ-дѣтства какой-нибудь способности, соответству-

юцій ей мозговой выдѣлъ получаетъ матеріальное приращеніе, и что, напротивъ, группа нервовъ, оставленная безъ упражненія, со временемъ уменьшается. Нѣтъ сомнѣнія, что толщина мускуловъ и костей увеличивается отъ гимнастическаго упражненія членовъ тѣла: развѣ нельзя допустить, по аналогіи, что и нервная система представляетъ такое же явленіе? По-крайней-мѣрѣ, нельзя опровергнуть подобное предположеніе, какъ нецѣпность. Но можетъ ли это матеріальное развитіе мозга быть общимъ для всего человѣчества и передаваться въ потомство? Еслибъ таковъ былъ законъ природы, то матеріальныя условія для проявленія способностей человѣка постоянно бы развивались и способности его возрастали бы безпредѣльно. Можетъ-быть, человѣкъ существуетъ еще слишкомъ-малое время, чтобъ возможно было извлечь изъ наблюденій матеріальныя законы его развитія, но до-тѣхъ-поръ положительный отвѣтъ на предложенный вопросъ невозможенъ. Еще менѣе возможно оспаривать Галля въ томъ, что человѣкъ не приобретаетъ новыхъ и не утрачиваетъ данныхъ ему при созданіи органовъ. Предположивъ такое измѣненіе организма, вы бы допустили превращеніе породъ изъ одной въ другую.

Письмо мое, кажется, довольно длинно. Откладываю окончаніе разбора постороннихъ вліяній до слѣдующаго.

XXV.

IV. Возрастъ имѣетъ большое вліяніе на отправленія мозга. Въ дѣтствѣ и старости эти отправленія не таковы, какъ въ зрѣломъ возрастѣ, и пропорціональность ихъ объема съ дѣятельностью отправленій нарушается. Одно изъ общихъ отправленій, *вниманіе*, бываетъ обыкновенно очень-слабо въ дѣтствѣ: дитя не въ силахъ обращать долгое время вниманіе на одинъ и тотъ же предметъ, или внимательно вслушиваться продолжительную рѣчь. Причина этого—*незрѣлость нервовъ мозга*. Въ старости, напротивъ, замѣчается чрезмѣрное сосредоточеніе вниманія на одномъ какомъ-нибудь предметѣ. Старики долго говорятъ объ одномъ и томъ же; многіе изъ нихъ даже не въ состояніи занять чѣмъ-нибудь, кромѣ нѣкоторыхъ предметовъ, совершенно-поглощающихъ ихъ вниманіе. Таковы слѣдствія *перезрѣлости нервовъ мозга*. Въ первые годы жизни ребенка, наибольшую дѣятельность имѣютъ *инстинкты*: сначала *питательность* (A), и потомъ *самосохраненіе* (AV). Вслѣдъ за этими побужденіями, необходимѣйшими для существованія, появляется дѣятельность другихъ инстинктовъ, исключая означенныя нумерами 1 и 2. Тогда же становятся замѣтны отправленія *мысли* и *чувствованій*. Вообще, отправленія *существованія* начинаютъ проявляться позже *инстинктовъ* и ранѣе *мыслительныхъ способностей*. Послѣднія созрѣваютъ одновременно съ *мыслительнымъ* дѣніемъ № 1, и позже всѣхъ другихъ. Изъ умственныхъ способностей, у дѣтей дѣятельнѣе: *слово* (№ 33), *распознавательность* *сущностей* или *предметовъ* (№ 22) и *событностъ*, какъ необходимѣйшія для обрѣтенія познаній. Быстрѣе всего, какъ уже я замѣтилъ выше,

виваются инстинкты, за исключеніемъ № 1. Чувствованія развиваются медленно, но самое продолжительное развитіе дѣятельности происходитъ *съ разсудкъ* (№№ 34 и 35): оно продолжается до самыхъ зрѣлыхъ лѣтъ. Въ старости, дѣятельность способностей слабѣетъ въ обратномъ порядкѣ, т. е. позже созрѣвшія группы нервовъ (№№ 1, 34, 35) слабѣютъ прежде, а эгоистическіе инстинкты переживаютъ онѣмѣніе всѣхъ прочихъ побужденій.

V. Несомнѣнно вліяніе здоровья на отправленія мозга. До-сихъ-поръ еще нельзя было опредѣлять въ точности это вліяніе, дѣйствующее иногда на нѣкоторыя, а иногда и на всѣ отправленія мозга. Поэтому, френологическій анализъ головы предполагаетъ вполнѣ здоровое состояніе субъекта. Не надобно, впрочемъ, забывать, что мы говоримъ о законахъ, общихъ человѣческой природѣ; въ частности бываетъ много исключеній и встрѣчаются люди, которые въ болѣзни, въ старости, и даже въ юности своей, обладали высшими способностями, наравнѣ съ людьми въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и здоровья.

VI. Нельзя не признать сильнаго родоваго вліянія на организмъ людей. Въ этомъ заключается коренная причина раздѣленія людей на касты, или по происхожденію. Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, существовало и существуетъ понятіе о различіи людей по ихъ происхожденію. Не смотря на всѣ политическіе перевороты, стремленія къ равенству правъ и уничтоженіе привилегій, понятіе это сохранилось, потому-что фактъ природы продолжается и не можетъ быть уничтоженъ. Понятіе это выражаютъ словами: патриціи и плебеи, аристократія и демократія, благородное или высшее сословіе и чернь и пр. Подобное различіе не есть условное: оно не основано на одномъ различіи имущества, способностей, силы или власти, образованія и т. д. Кромѣ всего этого, есть еще различіе по *рожденію*, или *происхожденію*, явленіе чисто-физиологическое. У человѣка, котораго предки съ отдаленнѣйшихъ временъ жили въ довольствѣ, въ почестяхъ, пользовались уваженіемъ, господствовали надъ другими, — однимъ словомъ, принадлежали къ высшему классу или состоянію, — у такого человѣка, въ наружности и чувствованіяхъ его, вы откроете почти всегда нѣчто отличающее его отъ другаго, рожденнаго въ нисшемъ классѣ, каково бы ни было различіе ихъ воспитанія, образованности, способностей и пр. Родовое улучшение или огрубѣніе организма требуетъ весьма-продолжительнаго времени для своего проявленія: поэтому печать происхожденія остается въ потомствѣ на долгія времена, не смотря на переходъ рода изъ одного состоянія въ другое. Вліяніе происхожденія на отправленіе мозга состоитъ, кажется, въ томъ, что въ нисшихъ классахъ инстинкты обуздываются менѣе внѣшними условіями общественной жизни, и, въ-слѣдствіе этого, они, при равномъ органическомъ развитіи, дѣятельнѣе, чѣмъ у субъектовъ, принадлежащихъ къ высшимъ слоямъ общества, гдѣ необходимость скрывать свои недостатки, выказывать несуществующія чувства и пр., развиваютъ *осмотрительность* (№ 12), *скромность* (№ 7), *чувство приличія* (№ 21). Въ человѣкѣ низкаго происхожденія, эти наклонности обра-

щаются въ недоверчивость (№ 12), амтрость (№ 7), притворство (№ 21).

VII. Вліяніе воспитанія, общества, рода жизни и занятій на отправленія мозга, неоспоримо. Но такъ какъ вліяніе это ограничивается организаціею человѣка, то въ случаѣ крайнихъ предѣловъ слабого или сильнаго развитія мозга, можно до нѣкоторой степени пренебречь имъ. Анализируя посредственно-развитыя побужденія, и не зная достаточно постороннихъ вліяній, произносите сужденія ваши условно, съ большою осмотрительностію и не упускайте изъ виду того, что вѣдшія причины имѣютъ всегда сильнѣйшее вліяніе на мозгъ средней величины. Но, въ противномъ случаѣ, т. е. при извѣстныхъ вѣдшнихъ обстоятельствахъ, должно обсудить на какія именно изъ способностей они могли имѣть вліяніе. Этимъ способностямъ приписывается тогда большая дѣятельность, сравнительно съ тою, которую бы они имѣли, судя только по одной относительной величинѣ соответствующихъ имъ отдѣловъ мозга.

VIII. Френологи разсматриваютъ четыре рода темпераментовъ: *лимфатическій* или *посоочный*, *сангвиническій* или *многокровный*, *желчный* и *нервный*. Въ *первомъ*, наибольшая дѣятельность организма замѣчается въ желѣзахъ и въ усваивающихъ органахъ (*organes assimilateurs*); во *второмъ* господствуютъ легкія, сердце и кровеносные сосуды; въ *третьемъ* преобладаютъ мускулы и волокнистыя системы; наконецъ, *последній* отличается преимущественною дѣятельностію мозга и нервовъ.

Вѣдшіе признаки обличаютъ темпераментъ человѣка. Въ субъектахъ лимфатическаго темперамента, формы тучны и округлены, мускулы мягки, клѣтчатая плева наполнена жиромъ, волосы обыкновенно бѣлокурые; цвѣтъ тѣла болѣе или менѣ блѣдный. *Многокровный* темпераментъ выражается изяществомъ формъ тѣла, умѣренною тучностію, нѣкоторою плотностію тѣла; волосы большею частію русые или рыжеватые, глаза голубые и цвѣтъ лица свѣжій. Признаками *желчнаго* темперамента служатъ: смуглость тѣла, черные волосы, толстые и твердые мускулы. Человѣкъ *нервнаго* темперамента имѣетъ тонкіе и свѣтлые волосы; кожа у него нѣжная, мускулы мало-объемисты, но весьма-дѣятельны; лицо блѣдное и здоровье часто слабое.

При лимфатическомъ темпераментѣ замѣчается томность жизненныхъ силъ, слабость и медленность кровообращенія. Эти медленность и слабость дѣйствія всего организма отражаются на мозгѣ. Многокровному темпераменту соответствуетъ вообще быстрое кровообращеніе, живость и дѣятельность субъекта: мозгъ раздѣляетъ это общее одушевленіе организма. Выраженіе наружности многокровнаго человѣка представляетъ вообще довѣрчивость и веселое расположеніе духа. Желчные темпераменты выражаются нѣкоторою жесткостію характера; всѣ отправленія организма происходятъ въ нихъ съ большею энергіею; во всѣхъ дѣйствіяхъ подобныхъ людей видна сила и рѣшительность. При *нервномъ* темпераментѣ, вся нервная система одарена большою энергіею и умственныя отправленія совершаются съ равномерною ей дѣятельностію.

Чаще всего темпераментъ людей бываетъ сложный; но въ подобныхъ

случаяхъ всегда преобладаетъ который-нибудь изъ элементовъ. Такъ, на-примѣръ, *нервно-железнымъ* называютъ темпераментъ, въ которомъ желчный элементъ развитъ болѣе нервнаго; *нервно-сангвисическимъ*, — въ которомъ многокровіе преобладаетъ надъ энергіею нервовъ и проч.

Очевидно, что при равныхъ объемахъ и формахъ головы, нервный темпераментъ придаетъ отправленіямъ мозга несравненно болѣе дѣятельности, чѣмъ прочіе, изъ которыхъ лимфатическій притупляетъ особенно эти отправленія. Стало-быть, меньшій объемъ головы, при нервномъ темпераментѣ, можетъ обнаруживать столько же и даже болѣе умственныхъ силъ, чѣмъ объемъ головы гораздо-большій, но при пасочномъ темпераментѣ. Мы не имѣемъ, къ-сожалѣнію, никакого средства для измѣренія силы дѣйствія темперамента. Вообще, всѣ вліянія на отправленія мозга, всѣ элементы, дѣйствующіе въ нравственномъ процессѣ, результатъ котораго проявляется въ *поступкахъ* человѣка, — всѣ, *кромя объема и формы головы*, оцѣниваются неопредѣленно, предположительно, по догадкамъ. Одни только объемъ и форма *головы* (я не говорю мозга) могутъ быть опредѣлены вѣрно, геометрическимъ способомъ. Если всѣ прочіе элементы въ двухъ субъектахъ совершенно одинаковы, то различіе объемовъ и формъ ихъ головы выразить довольно опредѣлительно различіе характеровъ, способностей, наклонностей, и т. д. Можетъ-быть, никогда не встрѣтится *совершенно* одинаковость прочихъ элементовъ; но, не смотря на то, вліяніе величины и вида головы на характеръ такъ сильно, въ-сравненіи со всѣми прочими вліяніями, что при не чрезмѣрно-рѣзкой разности послѣднихъ, сужденіе по объему и формѣ головы почти всегда бываетъ весьма-близко къ истинѣ. Впрочемъ, и при большемъ различіи тѣхъ вліяній, принятыхъ въ оцѣнку даже неопредѣленно, а приблизительно, можно получить результатъ, довольно-согласный съ дѣйствительностію.

Темпераментъ, по мнѣнію Комба, дѣйствуетъ на всю массу мозга одинаково и, стало-быть, относительная дѣятельность какого-либо органа въ одной и той же головѣ отъ него не зависитъ. Не думаю, однакожь, чтобъ можно было согласиться безусловно съ мнѣніемъ Комба. Въ темпераментахъ — лимфатическомъ и нервномъ, дѣйствительно не замѣтно измѣненіе относительной дѣятельности органовъ; но въ темпераментѣ многокровномъ, самъ Комбъ сознаетъ болѣе веселаго расположенія духа, болѣе добѣрчивости, радушія и пр. Надобно полагать по этому, что многокровный темпераментъ увеличиваетъ дѣятельность частей мозга, соотвѣтствующихъ №№ 20 и 13, или слабость частей его подъ №№ 6 и 12. Въ субъектахъ желчнаго темперамента, Комбъ сознаетъ крутость и жесткость характера, силу и рѣшительность: нельзя ли заключить отсюда, что этотъ темпераментъ усиливаетъ отправленіе мозга преимущественно въ №№ 5, 6, 15 и 1, или ослабляетъ въ №№ 20, 13 и 4? Дѣйствіе темперамента на нѣкоторыя части мозга болѣе чѣмъ на другія, не объяснено, такъ же какъ и самая причина различія темпераментовъ.

IX. До-сихъ-поръ не замѣчено, чтобъ различіе пола было однимъ изъ главныхъ элементовъ, имѣющихъ вліяніе на отправленія органовъ

мозга. Общее различіе нравственныхъ силъ въ обоихъ полахъ объясняется покаместъ удовлетворительно тѣми же самыми элементами, которые служатъ для объясненія различій между субъектами того же пола. Такъ, на-примѣръ, въ женщинахъ при вообще-меньшемъ объемѣ головы, сравнительно съ мужскою, часто встрѣчается болѣе нервной дѣятельности, возвышающей ихъ умственные способности до дѣятельности, которая свойственна мужской организаціи. Любовь къ дѣтямъ у женщинъ вообще сильнѣе чѣмъ у мужчинъ и часть головы, означенная № 2, вообще болѣе. Передняя часть головы женщинъ вообще менѣе объемиста, чѣмъ у мужчинъ, сравнительно съ темною и затылочною частями: согласно съ этимъ образованіемъ головы, чувствованія и привязанности въ женщинѣ вообще сильнѣе разсудочныхъ способностей. Въ этомъ состоитъ какъ низшая степень (*infériorité*), такъ и преимущество женской природы передъ мужскою.

XXVI.

Френологію можно раздѣлять на двѣ различныя части: одна изъ нихъ есть собственно *физиологія мозга*, и въ ней излагаются отправленія мозга какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ; вліянія на эти отправленія—собственного состоянія мозга, его образованія, вида и проч., равно какъ и вліянія вѣшнихъ обстоятельствъ, въ которыхъ человекъ находится или находится; наконецъ, способы опредѣленія всѣхъ этихъ данныхъ и оцѣнка ихъ въ каждомъ частномъ случаѣ. Таковъ былъ до-сихъ-поръ предметъ моихъ писемъ. Другая часть френологіи состоитъ въ приложеніи выводовъ физиологіи мозга къ познанію человека, т. е. къ объясненію причинъ его поступковъ и предъзнаванію, какимъ образомъ онъ будетъ поступать въ извѣстныхъ обстоятельствахъ. Первая часть имѣетъ предметомъ открытіе естественныхъ фактовъ организаціи, а вторая, чисто-спекулятивная, состоитъ изъ умозрательныхъ сужденій о слабостяхъ взаимнаго дѣйствія различныхъ побужденій или наклонностей въ одномъ какомъ-либо субъектѣ, или въ цѣломъ народѣ, или, наконецъ, во всемъ человечествѣ. Первая принадлежитъ къ естественнымъ, опытнымъ наукамъ, а вторая къ философскимъ, умозрительнымъ.

У болѣе части френологовъ, это раздѣленіе не принято. Описывая предлагаемые ими органы, они включаютъ тогда же въ это описаніе—и собственное отправленіе органа, и результаты дѣйствій его при вліяніи двухъ органовъ и постороннихъ обстоятельствъ.

Начнемъ спекулятивную часть френологіи съ показанія *содѣйствующихъ или вспомогательныхъ, и противодѣйствующихъ* обстоятельствъ, относительно каждаго изъ 37 основныхъ побужденій.

А. Питательность. Побужденіе къ *принятію пищи*, въ томъ случаѣ, когда оно превосходитъ естественную потребность организма, или, напротивъ, когда оно слабѣе этой потребности, можно объяснить только предположеніемъ, что мозгъ есть высшій возбудитель инстинкта *питательности*, и что въ его образованіи, въ его физическихъ условіяхъ, заключается причина побужденія. Очевидно, что человекъ, у котораго

умственные способности значительны, будетъ вѣдѣть вредныя слѣдствія неумѣренности, но для подавленія своей страсти ему необходима твердость характера (15). Значительное развитіе *осмотрительности* (12) и *встинькта самосохраненія* (AV) сильно противоудѣствуютъ излишеству въ пищу. Наклонности усиливающія развитіе побужденія А, суть *самонадѣяность* (17), *веселое расположеніе духа* (20), *воображеніе* (19) и *разрушительность* (6). Наклонности, поддерживающія отвращеніе отъ пищи, принадлежатъ къ числу высшихъ чувствованій; таковы: *расположеніе къ релігіозной восторженности* (14 и 18); *убѣжденіе въ сверхъестественномъ благѣ* (18), *ожидающемъ человека въ награду за его лишенія въ этомъ мірѣ*.

При разсматриваніи какой-нибудь наклонности, я или рѣдко или вообще не буду говорить о вліяніи на нее *недостаточности* развитія побужденій, потому-что это вліяніе само-собою ясно, какъ противоположное вліянію при сильномъ ихъ развитіи, о которомъ говорится подробно.

Въ одномъ изъ первыхъ моихъ писемъ было сказано, что френологи никогда не принимали мозгъ за причину побужденій и разсматривали его только какъ *средство* для проявленія различныхъ наклонностей. Между-тѣмъ, здѣсь, говоря о побужденіи А, я выразился, что въ образованіи мозга заключается причина, побуждающая къ принятію пищи или къ пятанію. Не сочтите этого противорѣчіемъ. Когда первоначальная причина не упоминается и не можетъ быть предметомъ изслѣдованія, то по-необходимости говорить о средствѣ, ближайшемъ къ ней, какъ о самой причинѣ. Приведу для оправданія своего примѣръ: инструментъ работника есть *средство*, а не *причина* произведенной работы, но качество инструмента бываетъ часто причиною качества работы.

AV. *Самохранительность*. Этотъ встиньктъ поддерживается всѣми *эгоистическими побужденіями*, т. е. *одобренностію* (11), *осторожностію* (12), *приобрѣтательностію* (8) и *разрушительностію* (6). Противныя ему побужденія суть всѣ *привязанности*, т. е. *влюбчивость* (1), *чадолубивость* (2), *домашность* (3) и *дружелюбность* (4); также *противоборность* (5), *твердость* (15), *восторженность* (14 и 18) и *умственные способности*. Увеличиваютъ слабость этого побужденія *привязанности* (1, 2, 3, 4), *твердость* (15) и *восторженность* (14 и 18). Противоудѣствуютъ слабости его: *осторожність* (12), *питательность* (A) и *умственные способности*.

Замѣчу здѣсь, что френологи разсматриваютъ наклонности, соудѣствующія и противоудѣствующія каждому побужденію, въ среднемъ ихъ развитіи. Очевидно, что побужденіе, противящееся сильной дѣятельности другаго побужденія, не всегда уменьшаетъ его дѣятельности и при слабомъ его развитіи. Такъ, напримѣръ, *умственные способности* умѣряютъ чрезмѣрно-сильное побужденіе къ самосохраненію, и противятся слѣдствіямъ недостатка въ этомъ встиньктѣ. *Осторожність* (12) противится излишнему расположенію къ пищѣ; равнодушіе къ принятію пищи ею уменьшается. Именно по этому я нахожу нужнымъ

разсматривать, въ некоторыхъ случаяхъ, вліаніе побужденій на слабое развитіе наклонностей.

№ 1. Влюбчивость. По мнѣнію Бруссэ, влюбчивости содѣйствуютъ какъ вся остальная *привязанности* (2, 3, 4), и особенно *чадолюбивость* (2), такъ и *перемчивость* (21), *веселость* (20), *воображеніе* (19), *помятія* вообще и особенно *звукѣ* (32), и *добродушіе* (13). Противными *№ 1* побужденіями Бруссэ считаетъ *вспыльчивость* (слѣдствіе развитія *№ 5* и 6), *нещивость* (слѣдствіе развитія *№ 6*, при слабости *№ 2, 3, 4*), *хитрость* (7) и *осторожность* (12). Два послѣднія побужденія возбуждаютъ разсужденіе, во время котораго истиннѣе слабѣетъ. Бруссэ считаетъ также чувство *собственности* (8) противнымъ *влюбчивости*, потому, что у скупыхъ замѣтно равнодушіе къ женщинамъ. Мнѣ кажется, что это замѣчаніе не совсемъ справедливо. *Скупость* (8), какъ увидимъ далѣе, подавляется *привязанностями* (1, 2, 3, 4), которыхъ слабость, на оборотъ, позволяетъ ей развиться во всей ея естественной силѣ. И такъ, чрезмѣрная пріобрѣтательность сопровождается обыкновенно слабостію *№ 1*. Нельзя сказать, однако, чтобъ она обуздывала дѣятельность этого послѣдняго инстинкта, кромѣ того только случая, въ которомъ, для удовлетворенія вѣдѣстныхъ его побужденій, необходимы бы были пожертвованія. Бруссэ замѣчаетъ весьма-вѣрно, что недостатокъ въ *самоуверенности* (слабость 10 и 15), *стыдливость* (16) и недостатокъ *смѣлости* (слабость 5), часто ограничиваютъ дѣятельность *№ 1*.

Замѣчательно также вліаніе противоположной организаціи. Сильное развитіе *твердости* (15), *самоуваженія* (10) и *противоборности* (5); слабость *совѣстливости* (16), и, кромѣ этого, *самонадѣянность* (17), придаютъ инстинкту влюбчивости большую энергію и рѣшительность. Этимъ оправдывается общее мнѣніе, что хвастуны (*fats*), гордецы и даже глупцы, славятся своими успѣхами у женщинъ, конечно не продолжительными, хотя и полными.

Усиленные умственные упражненія и, вообще, всякаго рода занятія, требующія нервнаго напряженія, ослабляютъ наклонность къ *влюбчивости*, тогда-какъ праздность, при сильномъ воображеніи (19), привлекаетъ къ ней человека.

№ 2. Чадолюбивость. Ей противятся: большая часть *эгоистическихъ наклонностей* (5, 6, 8, 11, AV), а содѣйствуютъ *привязанности* (1, 3, 4) и *добродушіе* (13). Я долженъ бы былъ сказать еще въ началѣ этого письма, что разсудокъ (34, 35) укрощаетъ властество и, на оборотъ, побуждаетъ къ дѣятельности слабое развитіе всякой наклонности.

№ 3. Домашность. Ей противодѣйствуютъ навболѣе страсть къ созерцанію видовъ мѣстностей (27), а подкрѣпляютъ прочія *привязанности* (1, 2, 4), *порядокъ* (29) и *разсѣтливость* (28).

№ 4. Дружелюбность. Вся прочія *привязанности* (1, 2, 3) содѣйствуютъ дружелюбности. *Добродушіе* (13), *веселость* (20) и *любовь къ бѣдѣ*, *разговорами* (33), также подкрѣпляютъ ее. Напротивъ, *осмотрѣ-*

тельность (12), *противоборность* (5) и прочія *эгоистическія* наклонности (6, 7, 8, 10, А, АУ) протѣвлятся *дружелюбности*.

№ 5. *Противоборность*. Ее обуздываютъ: *самосохраненіе* (АУ), *привязанности* (1, 2, 3, 4), *осторожность* (12), *добродушіе* (13), *совѣстливость* (16). Содействуютъ: многія *эгоистическія* и *враждебныя* побужденія (А, 6, 7, 10, 11), *твердость* (15) и *надѣянность* (17). Слабость разсматриваемаго истиннаго возрастаетъ отъ всчисленныхъ нами *противодѣйствующихъ* побужденій: однако, между ними *привязанности* иногда, напротивъ, возбуждаютъ мужество для защиты любимыхъ предметовъ. Религіозныя чувства придаютъ также человѣку необыкновенное мужество, въ слѣдствіе и върованія въ высшую помощь.

№ 6. *Разрушительность*. По мнѣнію Бруссэ, *разрушительность* имѣетъ вспомогательными побужденіями: *противоборность* (5) и *голодь* (А). *Хитрость* (7) часто присоединяется къ потребности *разрушать*. Наконецъ, *гордость* (10) — и *зависть* (11) также возбуждаютъ *разрушительность*. Противодѣйствующія ей побужденія суть: *дружелюбіе* (4), *добродушіе* (13), *почтительность* (14), *совѣстливость* (16).

№ 7. *Скрытность*. *Предусмотрительность* (12) содействуетъ *скрытности*. Противодѣйствуютъ ей: *добродушіе* (13), *совѣстливость* (16). *Злоба* (6) и *самолюбіе* (10) сильные враги *скрытности*; извѣстно, что въ *привязкѣ* гнѣва и при оскорбленномъ *самолюбіи*, люди неспособны, какъ говорится, удерживать то, что у нихъ на сердцѣ. Нельзя соглашаться съ Бруссэ, чтобы *дружелюбіе* (4) и *чадолюбіе* (2) были, болѣею частію, противниками *скрытности*. Кажется, напротивъ, что эти *привязанности* побуждаютъ нерѣдко къ *скрытности*, *хитрости* и пр., если этимъ можно доставить пользу ближнему.

№ 8. *Приобрѣтательность*. Наклонность къ *приобрѣтенію* возбуждается *эгоистическими* наклонностями (10, 11; 12, А). Излишеству ея противодѣйствуютъ *доброта* (13) и *совѣстливость* (16). *Привязанность* къ семейству (2, 4) противится *скуности*, и, напротивъ, возбуждаетъ къ *приобрѣтенію*, когда эта наклонность слаба, для обезвеченія благосостоянія семейства.

№ 9. *Работательность*, *руководливость* или *строительность*, не имѣетъ противодѣйствующихъ побужденій. Само-собою разумѣется, что каждое побужденіе уменьшаетъ дѣятельность, *каждому* другаго, потому только, что человекъ, занимаясь однимъ какимъ-нибудь предметомъ, необходимо отвлекается отъ другихъ. Но мы говоримъ здѣсь о тѣхъ только побужденіяхъ, которыя прямо — противоположны. Наклонность *измѣнять* (modifier) вещественные предметы для пользы или удовольствія, которую мы назвали *работательностью* или *строительностію*, вспомоществуется *порядкомъ* (29), способностями сознать *протяженія* или *измѣренія* (24), *внѣшнія формы* (23), *мѣстности* (27). Наклонность къ *остыдлости* (3) возбуждаетъ *строительность*; страсть къ *музыкѣ* (32) также возощрѣетъ № 9, потому что *провертвѣе* и ловкость пальцевъ зависятъ именно отъ этой способности.

XXVII.

Перейдемъ теперь къ группѣ чувствованій.

№ 10. *Самоуважительность*. Содействующими самоуваженію могутъ почитаться та побужденія, которыя производятъ энергію, т. е. *противоборность* (5) и *разрушительность* (6). Тѣлесная сила также подкрѣпляетъ чувство *собственнаго достоинства*. Въ томъ случаѣ, когда какое-либо благопріятное событіе удовлетворяетъ наши *эмоціонскія* чувствованія (8, 11, 12), наша *гордость* возвышается. Самоуважительность сильно развивается общественностью. Вездѣ, гдѣ возникла общность, товарищества, народность и т. п., тамъ проявляется чувство, известное подъ именами: національной гордости, достоинства касты, чести званія или ремесла, даже чести одежды, если какое-нибудь сословіе носить костюмъ, отличный отъ употребляемаго другими. Такъ, на-примѣръ, въ военномъ сословіи, честь мундира имѣетъ высокій нравственный смыслъ. Самоуваженіе до того возбуждается общественностью или товариществомъ, что одно общество или сословіе презираетъ другое, становится чрезмерно обидчиво, завосчиво и пр. Отсюда происходятъ борьба партій и вѣчная вражда специальностей.

Противодействуютъ излишней дѣятельности самоуваженія: *предусмотрительность* (12), *одобренность* (14) и *скрытность* (7). Опытъ также уменьшаетъ *гордость* чловѣка, который много разъ въ своей жизни пилъ случаи убѣдиться въ своемъ несовершенствѣ. Чѣмъ просвѣщеннѣе чловѣкъ, тѣмъ менѣе предается онъ побужденію считать себя выше другихъ; напротивъ, невѣжда пренеполненъ *надменности*. Чувство это воспаляется отъ ничтожныхъ причинъ и побуждаетъ къ вреднымъ поступкамъ.

№ 11. *Одобренность*. Желаніе быть одобряемымъ другими—френологи называютъ *уваженіемъ къ мнѣнію другихъ*, или просто *уваженіемъ* другихъ. Не могу согласиться съ этимъ опредѣленіемъ. Мнѣ кажется, что уваженіе другихъ происходитъ отъ наклонности, которую мы называли *благоговѣйностію* или *почтительностію* (14). Снискиваніе одобренія едва-ли зависить отъ уваженія къ одобрятелямъ. Желаніе быть одобреннымъ людьми достойными, есть слѣдствіе совокупнаго дѣйствія *разсудка* (34, 35), *почтительности* (14), *самоуваженія* (10) и *одобренности*. Собственно, прямое побужденіе разсматриваемаго чувствованія состоитъ въ *потребности одобренія*, или въ желаніи правиться кому бы то ни было. Чловѣкъ, у котораго это побужданіе слабо, а *почтительность* (14) значительна, не презираетъ другихъ людей, но только не заботится о ихъ мнѣніи. Напротивъ, чловѣкъ одаренный *силы мнѣнія* желаніемъ *одобренія*, можетъ вовсе не чувствовать *уваженія къ другимъ* (14) и между-тѣмъ имѣть главною цѣлю своихъ поступковъ—одобреніе, похвалу, лестный отзывъ. *Презрѣніе* къ мнѣнію другихъ происходитъ отъ слабой *почтительности* (14), при сильномъ *самоуваженіи*.

Вспомогательными побужденіями № 11 могутъ быть также, по моему мнѣнію: *почтительность* (14), *влюбчивость* (1), *хитрость* (17). Френологи считаютъ также содействующими побужденіями, *добродѣтели* (13) и *предусмотрительность* (12). По мнѣнію ихъ, *уничженіе* отъ

не иное что, какъ сильно развитая *одобренность*. Врядъ ли это сра-
вѣдливо. Какъ бы ни была велика въ человѣкѣ страсть къ *одобренію*,
онъ не увидитъ себя для того, чтобъ *похвалиться*, если не лишень
чувства *собственной достоинства* (10). Въ число противодействующихъ
побужденій можно поставить враждебныя наклонности (А, 5, 6). Чув-
ство *собственной достоинства* (10) подавляетъ страсть *похвалиться*, а,
наоборотъ, придаетъ силу этому побужденію, когда оно слабо, и когда
человѣкъ находитъ оправданіе высокаго о себѣ мнѣнія въ своихъ ум-
ственныхъ способностяхъ.

№ 12. *Осмотрительность*. *Скрытность* (7) занимаетъ первое мѣсто
между побужденіями, содѣйствующими *осмотрительности*. *Разсудокъ*
(34,35) возбуждаетъ *осмотрительность* посредствомъ опытности, при-
обрѣтаемой въ частныхъ сношеніяхъ съ людьми. *Самоуваженіе* (10)
и *одобренность* (11) также содѣйствуютъ *осмотрительности*, внушая опа-
сеніе лишиться уваженія другихъ или потерять его къ самому-себѣ.
Противодействуютъ ей: *разрушительность* (6), источникъ *инveja*, говоритъ
Бруссэ, но не *противоборность* (5) — причина *храбрости*. Мнѣ кажется
однако, что *противоборность* (5) разсматриваемая какъ страсть къ *спору*,
прекрасловію, не можетъ не нарушить, во многихъ случаяхъ, мѣръ
предосторожности.

№ 13. *Благоволительности* или *доброты* содѣйствуютъ всѣ *привязан-*
ности (1,2,3,4), а протвѣтятся — *враждебныя наклонности* (А, АV, 5,6,7)
и *свокорыстныя чувствованія* (8,10,12).

№ 14. *Почтительность* поддерживается побужденіемъ *вѣрить въ*
необыкновенное, чудесное (18). Ей содѣйствуютъ также *благоволитель-*
ность (13) и *привязанности* (1,2,3,4). Расположеніе къ *боязливости*
(AV) усиливаетъ *почтительность*, внушая опасеніе прогнѣвить уважае-
мое существо. Чувство *собственной достоинства* (10) можетъ возбу-
ждать *почтительность* тогда только, когда оно обращено къ самому
себѣ, напримеръ, у людей, воображающихъ себя предсказателями, вдох-
новенными и т. п. Очень-часто *самоуваженіе* мѣшаетъ *уважать другихъ*.
Злоба (6) присоединяется къ *самолюбію* (10) и *почтительности*, поддер-
живаемой *чудесностью* (18); отсюда происходятъ насильственные мѣры
вмѣсто убѣжденій, въ-отвошенія къ лицамъ, неуважающимъ предме-
товъ нашего обожанія. По этой же причинѣ, обожасное существо во-
ображается часто неумолимымъ гонителемъ непризнающихъ его.

Сильнѣйшій противникъ *чрезмѣрной почтительности* есть *разсудокъ*
(34,35); *покипательныя* или *пріемныя* умственныя способности, которыя
мы назвали собственно *помятіями* (22—33), нисколько не протвѣтятся
почтительности. Для умѣренія ея необходимы: *соображательность* (34)
и *изслѣдовательность* (35). *Гнѣвъ* (6) и *противоборность* (5) противо-
действуютъ *почтительности*, когда она слаба; но при сильномъ развитіи
этого побужденія, присоединяются къ нему и дѣйствуютъ за-одно.
Наклонность къ забавнымъ выходкамъ и вообще *остроуміе* (20), ослаб-
ляетъ *почтительность*. *Подражательность* или *переимчивость* (21) также
ей не благопріятствуетъ.

№ 15. *Настойчивость, твердость*. Кромѣ умственныхъ способностей

(22 до 31), френологи не находят пока въ другихъ побужденіяхъ причинъ усиленія слабого и обуздыванія чрезмѣрнаго развитія *твердости, настойчивости* или *упорства*. Это побужденіе придаетъ, очевидно, много силы другимъ. Содѣйствовать ему должны, кажется, *самоуваженіе* (10) и всѣ тѣ побужденія, которыя производятъ *энергію* характера (А, 5, 6); противодѣйствующими можно считать *осторожность* (12), *доброту* (13) и *одобренность* (11).

№ 16. *Совѣстливость*. *Уваженіе къ самому себѣ* (10) и *стараніе снискивать уваженіе другихъ* (11) содѣйствуютъ *совѣстливости*. *Осмотрительность* (12) также способствуетъ проявленію *совѣстливости*, предупреждая опрометчивость въ поступкахъ и даетъ побужденію время, такъ-сказать, осмотрѣться. Источникъ побужденій, противныхъ *совѣстливости*, находится въ высшихъ наклонностяхъ, каковы: *коварство* (7), *злоба* (6), *скудость* (8), *трусость* (AV). *Привязанности* (1, 2, 3, 4) часто противятся *правосудію*, побуждая предпочитать ближнихъ *постороннимъ*.

№ 17. *Надѣянность*. *Надежда* или *надѣянность* находятъ подпору въ *чудесности* (18). Въ религіозномъ отношеніи, они питаютъ вѣрованіе въ будущее безконечное блаженство, и въ мірскихъ дѣлахъ содѣйствуютъ ожиданію немовѣрнаго успѣха. *Воображеніе* (19) сильно подкрѣпляетъ *надежду*, которая, посредствомъ *краснорѣчія* (33), сообщается и другимъ людямъ. По мнѣнію Бруссэ, способность съ легкостью изъясняться (33), усиливаетъ *самонадѣянность*. Такъ, напримѣръ, лжець, рассказывая какую-нибудь выдумку, принимаетъ ее наконецъ и самъ за истину.

Надѣянности противодѣйствуетъ *осмотрительность* (12), побуждающая къ сомнѣнію и недовѣрчивости. Сильно-развитыя *надежда* и *наклонности къ чрезвычайному* (18), при слабости *разума* и *осмотрительности* (12), замѣчаются у энтузіастовъ, которыхъ многіе могутъ принять за сумасшедшихъ.

№ 18. *Чудесность*. Главныя побужденія, содѣйствующія наклонности ко всему *необыкновенному, чудесному*, и т. п., суть: *надежда* (17) и *воображеніе* (19). *Даръ слова* (33) и *музыка* (32) сильно содѣйствуютъ этой наклонности, какъ средства возбуждающія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поддерживающія расположеніе къ *таинственному, непостижимому*. *Почтительность* (14) также содѣйствуетъ *чудесности*, и производитъ вмѣстѣ съ нею *обожаніе* и *восторженность*. *Чудесности* способствуютъ еще *колориты* (26), *образы* (23) и *мстности* (27), которыя необходимы для составленія поражающихъ украшеній, нарядовъ, картинъ и проч.

Между противодѣйствующими наклонностями, послѣ разсудка, *важнѣйшее* мѣсто занимаетъ *осмотрительность* (12). *Понятія* (отъ 22 до 33), при сильномъ *разсудкѣ* (34, 35) противятся, а при слабомъ—поддерживаютъ наклонность къ *чудесному*. Дѣйствіе *осмотрительности* (12) состоитъ въ томъ, что оно удерживаетъ порывы *чудесности*: мысли, внушаемыя ею, замедляются въ ихъ проявленіи и разсудокъ имѣетъ время обсудить ихъ.

№ 19. *Идеальность*. *Идеальности* или *воображенію* противодѣйству-

ють *осторожность* или *осмотрительность* (12), *чрезмѣрная тордость* (10) и *страсть нравиться* (11). При двухъ послѣднихъ побужденіяхъ, человекъ благоразумный всегда недоволенъ произведеніемъ своего *воображенія*, тогда какъ *самолюбіе* (10, 11), при слабомъ разсудкѣ, ослабляетъ его на счетъ собственныхъ созданій. Надо замѣтить, однако, что и въ случаѣ обширныхъ умственныхъ способностей, когда твореніе уже исполнено и сдѣлалось извѣстнымъ, авторъ, одаренный сильнымъ самолюбіемъ, переходитъ отъ скромности къ надменности и глубоко оскорбляется непризнаваніемъ совершенства его труда. Причина та, что уже нельзя уничтожить разъ пущенное въ свѣтъ. Авторъ тогда только расположенъ видѣть несовершенство въ своемъ созданіи, когда оно одобряется другими. Замѣчанія наши относятся ко всякаго рода произведеніямъ воображенія, каковы музыка, живопись, поэзія и проч. Я уже сказалъ однажды, что умственныя способности обуздываютъ *чрезмѣрность* всякаго побужденія. Холодный разсудокъ (34, 35) есть сильнѣйшій противоборникъ *воображенія*.

Воображеніе извлекаетъ пользу изъ многихъ другихъ способностей; *чуждость*, въ-особенности, служить ему сильною опорой. Ею возбуждаютъ также всѣ *нравственности* (отъ А до 9) и *чувствованія* (отъ 10 до 21); но для разумнаго дѣйствія *воображенія* необходимо сознаніе *порядка* (29) и *последовательности* (35).

№ 20. *Веселость*. Юморъ или *веселое расположеніе духа* подкрѣпляется *перемчивостью* (21) и *воображеніемъ* (19). *Желаніе нравиться* (11) часто управляетъ *веселостью*, возбуждая ее или обуздывая, сообразно расположенію духа другихъ. *Осмотрительность* (12) всегда укрощаетъ юморъ, а *доброта* (13) препятствуетъ ему быть *ядкимъ* и *обиднымъ*. *Хитрость* (7), удерживая часто отъ явной насмѣшки, сильно дѣйствуетъ въ томъ родѣ *издѣванія*, который называютъ *мистификаціею Самоуваженія* (10) сильно протавится *шуткамъ*; люди надменные боятся уронить свое достоинство, допуская *фамиллярность*, которая ведетъ за собою всегда обманъ *шуточныхъ выраженій*.

№ 21. *Подражательность*. Побужденія, содѣйствующія способности *перенимать* или *подражать*, суть *воображеніе* (19) и юморъ (20). Эти три способности вмѣстѣ составляютъ необходимую принадлежность хорошаго актера. *Перемчивость* или *передразниваніе* обуздывается *осмотрительностію* (12), которая во многихъ случаяхъ внушаетъ опасеніе обидѣть кого-либо. *Хитрость* (7) и *одобренность* (11) возбуждаютъ иногда талантъ *перемчивости*, а иногда удерживаютъ его для своей цѣли. *Самоуваженіе* (10), возвышенное до *гордости*, не допускаетъ *подражанія*, внушая желаніе быть всегда самимъ собою. *Почтительность* (14) не позволяетъ *передразнивать* *уважаемыхъ людей*, и *вліяніе* ея обнаруживается, напротивъ, желаніемъ *подражать* имъ.

XXVIII.

№ 22. *Распознавательность*. Способность различать предметы, по-стывать отдѣльное, собственное или индивидуальное существованіе ихъ, какъ въ *вещественномъ* (конкретномъ), такъ и въ *отвлеченномъ* (аб-

страктномъ) міра, требуетъ помощи или содѣйствія въ первомъ случаѣ, т. е. для міра вещественнаго: *помятій* (отъ 22 до 33), или способностей, посредствомъ которыхъ мы входимъ въ сношенія съ внѣшнимъ, вещественнымъ міромъ; а для міра отвлеченнаго—*разсудка* (34, 35), т. е. способности постигать отвлеченныя понятія, разсуждать о предметахъ и о нашихъ собственныхъ способностяхъ. *Строительность* или *работность* (9), равно какъ способность къ *механическимъ движеніямъ и производствомъ* (25), содѣйствуютъ индивидуальности. Протавятся ей: *воображеніе* (19) и *чудесность* (18). Наклонность къ *обобщенію* (*généralisation*), сказалъ бы не-френологъ, есть главный противникъ наклонности къ *раздробленію*, но мы сказать этого не можемъ, потому-что *обобщеніе*, точно противоположное *подробленію*, не есть основная способность, а происходитъ отъ умѣренного развитія *индивидуальности*, при сильномъ *разсудкѣ* (34, 35).

№ 23. *Образность*. Способности понимать и запоминать *внѣшній видъ, форму или конфигурацію тѣлъ*, содѣйствуютъ *глазомеръ* (24) и *воображеніе* (19). Кажется, что не существуетъ склонностей, противодѣйствующихъ № 23.

№ 24. *Глазомерность*. Френологи не находятъ ни прямо-содѣйствующихъ, ни противодѣйствующихъ побужденій *глазомеру*.

№ 25. *Усильность*. Способность сознавать степень *сопротивленія, величину вѣса, напряженія, и проч.*, не имѣетъ также, ни вспомогательныхъ, ни противодѣйствующихъ побужденій.

№ 26. *Колоритность*. То же самое можно сказать о способности къ *колоритамъ*; но она, равно какъ и всякая другая способность, пользуется содѣйствіемъ различныхъ способностей, смотря по предмету занятій человека. Такъ, на-примѣръ, въ живописи способность *колоритнаго* вспомоществуется *глазомеромъ* (24), *воображеніемъ* (19), *подражательностію* (21), и проч.; въ практической механикѣ, сознаніе *усилій или сопротивленій* (25) требуетъ содѣйствія *работности или строительности* (9), *разсчета* (28), *порядка* (29), и проч. Въ геодезіи, къ сознанію *пространствъ или разстояній* (24) присоединяются, какъ вспомогательныя, способность къ сознанію *конфигураціи или изгибовъ поверхности земли* (23), *память мѣстностей* (27), и т. д.

№ 27. *Мѣстность*. Памяти мѣстностей содѣйствуетъ *глазомеръ* (24), *образность* (23), *колоритность* (26). Слабое развитіе *домашности* (3) даетъ полную свободу наклонности къ *мѣстностямъ*, возбуждающей желаніе путешествовать. Наклонность къ осадлой жизни (3) противостоитъ этому побужденію.

№ 28. *Счетность*. Необходимое пособіе для этого побужденія есть способность къ изобрѣтенію *условныхъ знаковъ* (23) и *словъ* (33). *Наблюдокъ* (29), *осмотрительность* (12) и *сообразительность* (34), могутъ считаться самыми дѣтельными помощниками *исчисленій*. Во многихъ случаяхъ, *хитрость* (7), въ смыслѣ французскаго слова: *artifice*, помогаетъ вычисляющему. Выраженіе *artifice du calcul*, можно перевести *уловкою вычисленія*.

Воображеніе (19), склонность къ чудесному (18) и веселость (20), противодѣйствуютъ наклонности къ исчисленіямъ.

№ 29. *Порядочность*. Порядку содѣйствуютъ: *сообразительность* (34), *пріобрѣтательность* (8), *работность* (9), *осмотрительность* (12), *ослѣдность* (3), *разсчетливость* (28), сознание *формъ* (23) и *разстояній* (24). Противодѣйствуютъ сценническія способности (19, 20, 21) и вся сильныя страсти, особенно *влюбчивость* (1), равно-какъ и *враждебныя побужденія* (AV, 5, 6).

№ 30. *Событность*. Способность къ событності (*), вспомошествовается болѣе всего способностью *извѣснаться* (33). Вся *помятія* доставляютъ матеріалы для этой наклонности. *Осмотрительность* (12) удерживаетъ отъ чрезмѣрныхъ разсказовъ. *Самоуваженіе* (10) и желаніе *одобренія* (11) также противятся излишней страсти къ разсказамъ. *Хитрость* (7) управляетъ ею для своихъ видовъ. Все это относится къ разсказамъ и описаніямъ происшествій, анекдотовъ, исторій, и проч., т. е. къ соединенію этой способности съ *словомъ* (33). Но, въ собственномъ смыслѣ, побужденіе заниматься *происшествіями*, изучать, наблюдать и созерцать ихъ, не имѣетъ другаго обуздывателя, кромѣ *разсудка* (34, 35), который, какъ я сказалъ уже однажды, умѣряетъ силу и усиливаетъ слабость всякой способности или наклонности, когда находитъ для этого разумную причину.

№ 31. *Время*. Сознаніе *протяженій* или *разстояній* (24) необходимо для сознанія *времени*: иначе оно не могло бы быть введено въ соображеніе точныхъ наукъ. Инстинктивнымъ потребностямъ, каковы, принятіе пищи, сонъ, и проч., побуждаютъ къ сознанію *времени*: того же требуетъ упражненіе въ *музыкѣ* (32). *Самоуваженіе* (10), желаніе быть *уважаемымъ* (11) и *совѣстливость* (16) побуждаютъ оцѣнивать время, быть точнымъ, во-время исполнять свою обязанность, и проч. Числа (28), очевидно, необходимы для *времени*. въ хронологіи, музыкѣ и проч.

Сознанію времени препятствуютъ чрезмѣрныя: *веселость* (20), *прилежанности* (1, 2, 3, 4) и *враждебныя вистянты* (AV, 5, 6). *Осмотрительность* (12), *скрытность* (7) и *порядокъ* (29), не препятствуя сознанію *времени*, сообщаютъ ему правильность и управляютъ имъ, какъ *гравителъ* или регуляторъ.

№ 32. *Звуки*. Способность къ музыкѣ требуетъ содѣйствія: сознанія *времени* (31); для исполненія необходимы еще *ловкость рукъ* (9) и *озваніе усилій* или *сопротивленій* (25). Безъ этихъ вспомогательныхъ способностей, человекъ, одаренный наклонностію къ *звукамъ*, находитъ удовольствіе слушать и производить ихъ, обращая вниманіе только на качество звуковъ и не заботясь ни о продолженіи или размѣрѣ ихъ, ни объ отгѣнкахъ, ни объ искусствѣ исполненія. Чтобы сдѣлать виртуозомъ и композиторомъ сколько-нибудь не дюжиннымъ, не-

(*) Вамъ, конечно, не покажется страннымъ это выраженіе. Вы уже знаете, что *особность* упоминаетъ происшествія, случаи, факты, побужденіе искать случая итѣ *нхъ* свидѣтелемъ, читать ихъ описанія, разсказывать объ нихъ, и проч., есть но *нхъ* главныхъ умышленныхъ свойствъ человека.

обходимо еще содѣйствіе *воображенія* (19), *чуждестности* (18) и *веселости* (20). Прочія склонности придаютъ извѣстный характеръ музыкѣ или картинкамъ, которыя она представляетъ воображенію. Такъ, на-прим., *приязанности* (1, 4) побуждаютъ къ выраженію любви, заботливости, и проч.; *враждебныя инстинкты* (5, 6) внушаютъ сюжеты трагическіе; *благоговѣйность* (14) — религіозныя, и т. д.

Осмотрительность (12) обуздываетъ чрезмерную наклонность къ *звучкамъ*, такъ же какъ и всякую другую страсть. Желаніе *похвалъ* или *одобренія* (11) то побуждаетъ, то удерживаетъ расположеніе къ музыкѣ. Сознаніе *своею достоинствомъ* или *самоуверенностью* (10) развиваетъ смѣлость, необходимую для виртуоза. По мнѣнію Брюссэ, *разсудочныя способности* противятся *музыкальной*. Мнѣ кажется, напротивъ, что онѣ необходимы во всякомъ дѣлѣ безъ исключенія; безъ нихъ человекъ не сдѣлаетъ ни въ чемъ значительныхъ усилій.

№ 33. Слово. Вся понятія и, особенно, склонность къ *событіямъ* (30) даютъ пищу *слову*. Ему содѣйствуютъ также очень-сильно спещическія способности: *веселость* (20), *воображеніе* (19), *перемѣнчивость* (21). Впрочемъ, человекъ обращаетъ *разговоръ* обыкновенно на предметъ, соответствующій наиболее развитой въ немъ склонности, и потому, всякая сильная способность или наклонность можетъ служить побудителемъ № 33. *Осмотрительность* (12) и *скрытность* (7) обуздываютъ говоруна.

№ 34. *Сообразительность*. Вся понятія содѣйствуютъ *сообразительности* или сравненію разнородныхъ предметовъ. По мнѣнію френологовъ, чувствованія и инстинкты также содѣйствуютъ *сообразженію*; но это мнѣніе неправильно. Безъ способностей, владычащихъ насъ въ отношеніи съ внѣшнимъ, чувственнымъ міромъ, соображенія невозможны, тогда какъ *чувствованія* и *инстинкты* могутъ только дать направленіе *сообразженію*, но нисколько не усиливаютъ его. Чувствованія и инстинкты, каковыя *доброта*, *совѣстливость*, *осторожность*, *иньявъ*, и проч., суть явленія *нервныя*, а не тѣла и не вещественныя явленія, какъ *колориты*, *числа*, *порядокъ*, *звуки*, и проч. Между тѣмъ, *сообразженіе*, разсматривая *порядокъ*, часто придаетъ имъ, такъ-сказать, *вещественность*, въ чемъ ему содѣйствуютъ *понятія* о тѣлахъ: именно потому мы и говоримъ *влюбленная любовь*, *жесткій нравъ*, *гибкость ума*, *плодовитость воображенія*, и проч. Сознаніе внѣшняго міра: *колоритовъ*, *чиселъ*, *порядка звуковъ*, и проч., есть также явленіе *нервное*, и одного порядка съ *сознаніемъ доброты*, *совѣсти*, *осторожности*, *иньявъ*, и проч. Но въ первомъ случаѣ, сознаваемое находится внѣ насъ, въ мірѣ *вещественномъ*, а во второмъ, оно есть произведеніе или явленіе *нервное*, происходящее въ насъ самихъ. Еслибъ мы не имѣли пяти чувствъ, которыя сообщаютъ намъ съ *вещественнымъ міромъ*, то *понятія* наши не могли бы предмета и не могли бы проявляться, а безъ нихъ *разсудокъ* и *сообразительность*, одинъ изъ его элементовъ, оставался бы бездѣйственнымъ.

Воображеніе (19) и *веселость* (20) побуждаютъ часто къ *сравненіямъ* разнороднаго, на-прим., въ дровя и въ шугомъ.

предметахъ. Страсти къ сравненію противодействуютъ, кромѣ осторожности (12), обуздывающей всякое изліяшество, способность открывать связь между причинами и ихъ слѣдствіями (35). Эта же способность подкрѣпляетъ слабое расположеніе къ соображенію, потому-что изслѣдованіе или послѣдовательность нуждается въ соображеніи.

№ 35. *Изслѣдовательность*. Вся понятія содѣйствуютъ изслѣдованію причинъ и слѣдствій; безъ нихъ нѣтъ средствъ и расположенія пріобретать свѣдѣнія, и, стало-быть, нѣтъ матеріаловъ для сужденія. Безъ этой помощи изслѣдованіе обратится на одни слова или условные знаки и, при содѣйствіи *воображенія* (19), впадаетъ въ мечтательность, въ чрезмѣрную отвлеченность, въ утомію, и проч. *Сообразительность* (34), *осмотрительность* (12) и слово (33) содѣйствуютъ способности сознать связь и отношенія причинъ и слѣдствій.

Есть два рода побужденій, противодействующихъ № 35: *восторженность* (14), *гордость* (10), *имъев* (6) и, вообще вся *страсти*, дѣютъ ложное направленіе *изслѣдовательности*; со стороны *васелости* (20), *чуждестности* (18), *подражанія* (21) и *воображенія* (19), встречаемъ другаго рода противодействіе *изслѣдовательности*, которая разоблачаетъ и разочаровываетъ, показывая истинную сущность вещей.

XXIX.

Я сообщилъ вамъ все, что могъ, относительно взаимнаго содѣйствія или противодействія различныхъ склонностей и способностей челоуѣка. Вы, безъ сомнѣнія, найдете трудъ мой неполнымъ, немолченнымъ; замѣтите недостатокъ въ положительныхъ доказательствахъ, пропуски, и, легко можетъ-быть, не во всемъ будете со мною согласны. Но это не моя вина: нельзя вдругъ вырастить ребенка и въ несколько мѣсяцевъ изъ колыбели поставить на ноги и сдѣлать зрымъ и мужественнымъ атлетомъ. Предметъ занятій нашихъ есть вообще, наука *наблюдательная*, а не чисто-спекулятивная; а для наблюденій потребны — большое терпѣніе и продолжительное время. Въ то время, какъ спекулятивные философы, созерцая только самихъ-себя, быстро воздвигаютъ пространствыя системы, отъ которыхъ въ-послѣдствіи останется одинъ только прахъ, наблюдатели, вопрошающіе природу вездѣ, гдѣ только она имъ доступна, не дѣлая шага, который бы не былъ оправданъ ею, совершаютъ медленно путь свой. Но за то, открытое ими остается прочнымъ пріобрѣтеніемъ челоуѣчества, какъ истина, основанная на вѣчныхъ и постоянныхъ законахъ природы, а не какъ шаткое созданіе воображенія.

Не подумайте, что все сказанное мною о содѣйствіи и противодействіи побужденій, было слѣдствіемъ однихъ умозрѣній, и что можно, безъ всякихъ свѣдѣній о физиологіи мозга и безъ наблюденій, составить подобный очеркъ сродства и противоположностей между побужденіями. Наблюденія формы головъ и оближенія ихъ съ цѣступками и произведеніями людей, служили почти вездѣ основаніемъ моего очерка. Еслибъ не существовало этого непремѣннаго условія, этой необходимой повѣрки умозрѣнія наблюденіями, то представленный вамъ очеркъ отли-

чался бы большою полнотою, однообразіемъ, порядкомъ и проч.; но эти достоинства были бы только призракомъ, который исчезаетъ при первомъ свѣтѣ наблюденія. Если вамъ покажется, что выводы и заключенія мои согласны до такой степени съ простымъ здравымъ смысломъ, что онъ одинъ привелъ бы васъ къ тѣмъ же самымъ результатамъ, то это мнѣніе сильно подкрѣпитъ положеніе френологовъ, по которому: *известнымъ формамъ головы соответствуютъ опредѣленные побужденія.*

Я могъ бы часто ссылаться, для доказательства, на форму головы известныхъ людей, но мнѣ не хотѣлось затруднять этимъ чтеніе писемъ безъ всякой для васъ пользы. Вы, во-первыхъ, не имѣете слѣжковъ съ этихъ головъ, и слѣдовательно, не можете повѣрять моихъ ссылокъ, а во-вторыхъ, одного примѣра недостаточно для доказательства: нужны десятки фактовъ, подтверждающихъ заключеніе, а факты эти извлекаются очень-часто изъ наблюденій надъ живыми, большою частию невѣстными людьми, и нерѣдко безъ ихъ вѣдома. Впрочемъ, я приведу въ слѣдующихъ письмахъ и примѣры организаціи известныхъ людей.

Надобно замѣтить, что при двухъ сильныхъ побужденіяхъ, противодействующихъ другъ другу, результатъ, т. е. поступокъ чловѣка, не всегда бываетъ слѣдствіемъ умѣренного дѣйствія одного изъ нихъ, или, разсуждая о побужденіяхъ, какъ о механическихъ силахъ, поступокъ не всегда будетъ слѣдствіемъ дѣйствія силы *равнодѣйствующей* тѣхъ двухъ *составляющихъ* или *слабѣешихъ* силъ. Напротивъ, весьма часто то одна, то другая, попеременно и временно, прекращаетъ свое дѣйствіе и чловѣкъ поступаетъ въ-слѣдствіе только одного изъ двухъ побужденій. Именно по этому, въ поступкахъ людей заключаются часто несообразности и противорѣчія.

Нѣтъ ни одного побужденія, которое бы не могло прогиводѣйствовать всякому другому, хотя бы тѣмъ только, что для удовлетворенія одному, вниманіе отвлекается отъ прочихъ. Точно также нѣтъ ни одной способности, которая бы не могла, *въ нѣкоторыхъ случаяхъ*, содѣйствовать всякой другой: вы уже видѣли, что способность *хитрить* (7) можетъ иногда способствовать способности къ *исчисленію* (28), хотя съ перваго взгляда казалось бы, что между ними нѣтъ ничего общаго. Возьмемъ еще совершенно разнородныя способности, означенныя № 3 (*чадолубіе*) и № 25 (*силы*): я могу указать вамъ на отца, который, въ заботливости своей о ростѣ и здоровьѣ дѣтей, взвѣшиваетъ ихъ по временамъ. *Чадолубіе* ли возбуждаетъ въ немъ наклонность къ *взвѣшиванію* или, обратно, сильная степень этой наклонности прилагается имъ къ *чадолубію*? въ этомъ онъ и самъ не можетъ дать отчета; но нѣтъ сомнѣнія, что форма головы его выражаетъ въ сильной степени объ эти наклонности. Возьмите наиболѣе противоположныя одна другой наклонности: *благоволительность* (13) и *противоборность* (5). Мы видимъ часто людей, дѣлающихъ добро другимъ противъ ихъ желанія: чѣмъ болѣе встрѣчаютъ они сопротивленія, тѣмъ сильнѣе навязываютъ свою одолжительность. И здѣсь такъ же, какъ въ предъидущемъ примѣрѣ,

каждое изъ двухъ побужденій можетъ возбуждать другое. Вы заматите, можетъ-быть, что я не взялъ—для примѣра противоположныхъ и иногда содѣйствующихъ другъ другу—такихъ побужденій, каковы *доброта* (13) и *злоба* (6). Но доброта и злоба суть только частныя стороны склонностей, означенныхъ № № 13 и 6, которыя, кромѣ того, содержатъ въ себѣ: *первая* — *простодушіе, благосклонность, снисхожденіе* и проч., а *вторая* — *разрушительность, злость, инльв, энергію* и проч. Конечно, злоба не можетъ возбудить снисхожденіе, и гнѣвъ—доброту; но вы видите хирурга, который ищетъ случая подать помощь страждущему: его подстрекаетъ склонность къ хирургическимъ операціямъ; въ этомъ случаѣ *разрушительность* (6) явно содѣйствуетъ *благоволительности* (13).

Въ предложенномъ вамъ очеркѣ противодѣйствій и содѣйствій, я долженъ былъ ограничиться способностями, ближайшими по согласію и отдаленнѣйшими по несогласію, и при томъ въ общихъ, а не въ исключительныхъ случаяхъ, т. е. такими, которыя почти *сеида* противорѣчатъ или содѣйствуютъ извѣстной наклонности.

Вліяніе одной наклонности на другую не ограничивается только *ослабленіемъ* или *обуздываніемъ*: вы уже видели, что иногда это вліяніе состоитъ въ *направленіи* дѣйствія склонности, безъ усиленія или возбужденія ея. Направленіе это можетъ проявляться въ *улучшеніи* способности, въ *болѣе-правильномъ* ея дѣйствіи, въ *обращеніи* ея дѣйствія на тотъ или другой предметъ, и проч. Слѣдовало бы рассмотреть и это вліяніе для каждаго побужденія въ очеркѣ, составляющемъ предметъ послѣднихъ писемъ: я не сдѣлалъ этого потому только, что не имѣю достаточнаго числа данныхъ.

Въ заключеніе, нельзя не сказать еще разъ, что только для избежанія повтореній, я не упоминалъ о вліяніи *разсудка* (34, 35). Онъ обуздываетъ, возбуждаетъ и направляетъ каждую склонность, когда дѣятельность его достаточна и не превозмогается другими побужденіями. Столь же важно содѣйствіе *осмотрительности* (12), какъ уравнителя всѣхъ побужденій. Я указывалъ довольно-часто на эту способность, но должно дать ей еще болѣе значенія и еще большее вліяніе. Самый разсудокъ не всегда въ состояніи удержать челоуѣка отъ опрометчивости и отъ вредныхъ паклонностей, если ему не содѣйствуетъ осмотрительность. Для разсужденія нужно время: осмотрительность, удерживая отъ дѣйствія, даетъ это время разсудку; безъ осмотрительности и разсудительный челоуѣкъ поступаетъ часто безразсудно, т. е. прежде что-вѣбудь сдѣлаетъ или скажетъ, а потомъ, но уже поздно, осуживаетъ сдѣланное или сказанное. Осмотрательный челоуѣкъ, даже съ посредственнымъ разсудкомъ, можетъ почестъся *мудрымъ*, тогда-какъ сильнѣйшій разсудокъ, безъ осмотрительности, не удержитъ отъ необдуманыхъ поступковъ. *Твердость* (15) есть также побужденіе, дѣйствующее всегда и на всякую склонность: вліяніе это можно назвать одностороннимъ; оно состоитъ въ подкрѣпленіи всякаго желанія. *Слово* (33) содѣйствуетъ каждому побужденію, каждой способности, какъ необходимѣйшее средство для обмена мыслей между людьми. *Одобрѣнность* (11) управляетъ всеми побужденіями

для единственной цели своей быть одобренными, подкрепляя, обуздывая или направляя съ этою целью каждую склонность. *Скрытность* (7) точно также подчиняетъ себя все другія побужденія для достиженія своихъ целей. Цель ея зависитъ, конечно, отъ прочихъ побужденій, но служа имъ, скрытность управляетъ всеми, даже тѣми побужденіями, для удовлетворенія которыхъ она действуетъ. Вліяніе *совѣстливости* (16) обнаруживается на все, безъ исключенія, поступки и произведенія человека; она управляетъ всеми побужденіями, склоняя ихъ къ справедливости, истинѣ, безпристрастію. Остальныя способности не имѣютъ постоянного, общаго вліянія на все побужденія.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА ОКТЯБРЬ 1847 ГОДА.

==

1. ГОСУДАРСТВЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ. (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ.)

Высочайше повелѣно на будущее время пропускать въ Россію тѣхъ только изъ иностранныхъ подмастерьевъ (Gesellen), работниковъ и высшихъ сословій людей, которые будутъ выписываться изъ-за границы извѣстными мѣстнымъ начальствамъ фабрикантами нашими и держателями ремесленныхъ заведеній, и на этотъ конецъ постановить слѣдующія правила: 1) каждый фабрикантъ или ремесленникъ, встречающій надобность въ вызовѣ изъ чужихъ краевъ подмастерья или работника, обязывается предварительно испросить на то дозволеніе мѣстнаго полицейскаго начальства, съ означеніемъ въ своемъ прошеніи имени и мѣста пребыванія выписываемаго имъ лица, и вмѣстѣ съ тѣмъ представить подписку въ томъ, что онъ принимаетъ на себя полную отвѣтственность за образъ его мыслей и поведеніе. 2) По полученіи испрашиваемаго дозволенія, за подписаніемъ полицейскаго начальства, фабрикантъ или ремесленникъ долженъ отправить оное къ выписываемому лицу для испрошенія отъ миссій и консульствъ нашихъ паспорта на въѣздъ въ Россію, или же для засвидѣтельствованія національнаго его вида. 3) Исключаются изъ сего одни природные Англичане, и, слѣдовательно, дѣйствию означенныхъ правилъ подлежать всѣ лица, принявшія англійское подданство изъ другихъ націй. (Ук. Прав. Сен. 9-го окт.)

— Высочайше утверждены табели дорожнаго сбора съ провѣжающихъ по шоссе отъ Тулы до Орла и по шоссе отъ Рязани до Коломны, которыя окончатально будутъ устроены и для вѣзды открыты, одно 1-го ноября, а другое 15-го ноября сего года.

— Высочайше утверждены штаты для учрежденнаго при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ Временнаго Люстраціоннаго Комитета. Исчисленная по сему штату сумма 12,000 руб. сер. отпускается изъ государственнаго казначейства на-счетъ возврата изъ частныхъ повинностей съ помѣщичьихъ имѣній Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Кіевской, Ковенской, Минской, Могилевской и Подольской Губерній, по расчету числа помѣщичьихъ душъ въ каждой изъ нихъ.

— Обнародована декларация, подписанная 28 марта (9 апрѣля) сего года и размѣненная $\frac{2}{14}$ мая, о равенствѣ правъ русскихъ и тосканскихъ купеческихъ судовъ въ портахъ Россіи и тосканскихъ владѣній. Восемь-лѣтній срокъ условій этой деклараціи постановлено считать съ 1-го января новаго стilia 1846 года, такъ какъ съ того времени означенное равенство правъ уже соблюдается въ обоихъ государствахъ.

II. ГУБЕРНСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ. (ИЗМѢНЕНІЕ И ДОПОЛНЕНІЕ СОСТАВА И ПРАВЪ ИХЪ.)

— Для побужденія молодыхъ людей, имѣющихъ по учебнымъ ихъ аттестатамъ право на классныя чины, начинать службу въ губернскихъ мѣстахъ, Высочайше повелѣно: опредѣлять ежегодно до десяти молодыхъ людей, обучавшихся въ университетахъ и получившихъ степень дѣйствительныхъ студентовъ, при тѣхъ изъ гражданскихъ и уголовныхъ палатахъ, въ которыхъ болѣе дѣлъ, съ преимущественнымъ правомъ на занятіе вакансій столоначальниковъ и съ выдачею, до открытія вакансій, до 300 руб. сер. содержанія каждому, изъ экономическихъ суммъ сенатской типографіи, не обязывая ихъ никакимъ срокомъ служенія по мнпованіи того, который установленъ для узванія порядка губернской службы, и не воспрещая имъ тогда переходить въ другія вѣдомства дозволивъ постепенно умножать въ-послѣдствіи число сихъ молодыхъ людей, по мѣрѣ того, какъ позволятъ средства Министерства Юстиціи, и по предварительномъ и заблаговременномъ сношеніи министра юстиціи съ министромъ народнаго просвѣщенія. (Ук. Прав. Сен. 19 сент.)

— Определенный въ книгѣ VI, части 1-й Свода Мѣстныхъ Узаконеній Остзейскихъ надзоръ ливонскаго губернскаго прокурора и узданныхъ фискаловъ или стряпчихъ повелѣно распространять на всѣ присутственныя мѣста, которымъ подвѣдомо сельское сословіе въ Ливондіи, на слѣдующемъ основаніи: 1) Непосредственный надзоръ ливонскаго губернскаго прокурора распространяется только на Департаментъ Крестьянскихъ Дѣлъ Ливонскаго Гофгерихта. 2) Для надзора за порядкомъ производства дѣлъ во всѣхъ узданныхъ и приходскихъ судахъ Ливондіи, включая сюда и эзельскіе, также къ высшей степени суда по дѣламъ крестьянъ, находящагося при Эзельской Ландратской Коллегіи, назначается при каждомъ уздномъ судѣ по одному товарищу стряпчаго, а именно въ уздахъ: Ряжско-Вольмарскомъ, Вендено-Валковомъ, Дерпту-Верроскомъ, Перново-Фелланскомъ и Аренбургскомъ. 3) Товарищи узданныхъ стряпчихъ утверждаются министромъ юстиціи изъ кандидатовъ, представляемыхъ губернскимъ правленіемъ, по одобренію ихъ генерал-губернаторомъ, которому предоставляется право, на мѣсто

неодобряемыхъ имъ, назначать въ кандидаты извѣстныхъ ему благонадежныхъ лицъ. 4) Должность товарища стряпчаго причисляется по разряду в мундиру къ X класу, а по пенсiи къ VIII разряду. Они приводятся къ присягѣ въ уѣздномъ судѣ. 5) Товарищи уѣздныхъ стряпчихъ получаютъ жалованье изъ государственнаго казначейства, по 257 руб. 29 коп. сер. въ годъ; но генерал-губернатору предоставляется дополнять эту сумму до 350 руб. по своему усмотрѣнiю, назначая столовые и квартирные, какъ товарищамъ стряпчихъ, такъ и самимъ уѣзднымъ стряпчимъ, въ случаѣ усердной и полезной службы, требуя эти деньги изъ государственнаго казначейства. 6) Обязанности товарищей стряпчихъ относительно судовъ, подвѣдомственныхъ ихъ надзору, суть тѣ же, какъ и самихъ стряпчихъ относительно прочихъ уѣздныхъ мѣстъ, опредѣленныхъ въ ст. 1728 и 1730 ч. I Свода Мѣстныхъ Узаконенiй Остзейскихъ, съ слѣдующими дополненiями: а) товарищи уѣздныхъ стряпчихъ обязаны объѣзжать по-крайней-мѣрѣ каждые два мѣсяца все приходскiе суды, просматривать дѣлопроизводство, по мѣрѣ надобности, настаивать о скорѣйшемъ рѣшенiи дѣлъ между крестьянами, и ходатайствовать по тѣмъ дѣламъ, кои производятся между крестьянами и лицами другихъ сословiй, руководствуясь въ этомъ ст. 2186 и 2974 Св. Зак. Т. X (изд. 1842). б) Товарищи уѣздныхъ стряпчихъ имѣютъ право входить во всякое время въ приходскiе, и въ случаѣ надобности, въ мiрскiе суды и требовать для просмотра подлинныя дѣла и справки; но они не должны затруднять суды требованiями о присылкѣ этихъ дѣлъ и справокъ въ постоянное ихъ мѣстопробыванiе и вообще всякою излишнею перепискою. в) Товарищи стряпчихъ, находясь въ разъѣздахъ, не обязаны просматривать постоянно журналы уѣздныхъ судовъ. г) Они отнюдь не вмѣшиваются въ производствя мызныхъ (волостныхъ) правлений. д) Товарищи уѣздныхъ стряпчихъ, состоя въ вѣдомствѣ министра юстици, подчинены непосредственно губернскому правленiю и губернскому прокурору, наравнѣ съ уѣздными стряпчими; но въ тѣхъ случаяхъ, когда уѣздные стряпчiе, по принадлежащимъ надзору ихъ уѣзднымъ мѣстамъ, доносятъ губернскому прокурору, товарищи ихъ представляютъ по крестьянскимъ дѣламъ отдѣленiю крестьянскихъ дѣлъ, находящемуся при управленiи генерал-губернатора, а по предметамъ особенной важности доносятъ и губернскому прокурору. 7) Въ случаѣ назначенiя для производства мѣстныхъ слѣдствiй, товарищъ стряпчаго получаетъ прогоныя и суточные деньги, на томъ же основанiи, какъ уѣздный стряпчiй; а при разъѣздахъ для срочныхъ обзорнiй приходскихъ судовъ, они руководствуются постановленiями, существующими для членовъ ордуниггерихтовъ. 8) Товарищъ арнсбургскаго уѣзднаго стряпчаго, сверхъ обязанностей, общихъ съ товарищами прочихъ стряпчихъ, имѣетъ еще надзоръ за производствомъ дѣлъ въ высшей степени крестьянскаго суда, при Эзельской Ландратской Коллегiи находящагося. 9) Товарищъ рижскаго уѣзднаго стряпчаго имѣетъ, на томъ же основанiи, надзоръ за приходскимъ судомъ патримонiальнаго округа города Риги; но наблюденiе за производствомъ дѣлъ въ городскихъ инстанцихъ принадлежатъ городскому фискалу. 10) Въ случаѣ отсутствiя или

болѣзни узднѣхъ стряпчихъ, товарищи исправляютъ ихъ должность на общемъ основаніи.

— Высочайше повелѣно: въ посадахъ Черниговской-Губерніи Стародубскаго-Уѣзда: Дужкахъ, Воропъ и Еленъ и Новозыбковскаго Чуровичахъ образовать особыя полиціи. 2) Въ посадахъ и слободахъ той же губерніи Новозыбковскаго Уѣзда Климовой, Митьковъ, Злынкъ, Шеломехъ и Тимошкиномъ-Перевозъ, Городницкаго-Уѣзда Добрянкъ и Радуль, Суражскаго Клинцахъ, Арлонъ и Свяцкомъ и Стародубскаго Млинкъ, усилить способы земской полиціи; 3) потребныя на сіе издержки 10,890 руб. сер. въ годъ отвести на особый сборъ съ жителей помянутыхъ посадовъ и слободъ.

— Учреждены ярмарки: 1-я, въ городъ Рязани съ 16 по 30 августа и 2-я, въ Устьсысольскъ Вологодской-Губерніи, вмѣсто существовавшей георгіевской, благовѣщенская съ 25 марта по 5 апрѣля.

III. Законы относительно службы гражданской.

— Въ дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановлено что канцелярскимъ и другимъ нижнимъ служителямъ и некласснымъ должностнымъ лицамъ гражданского вѣдомства, вступившимъ въ службу не изъ дворянъ, но пріобрѣтшимъ дворянство послѣ того по службѣ отцовъ ихъ, срокъ выслуги для производства въ первый классный чинъ на правъ дворянъ, считается лишь со времени пріобрѣтенія отцами ихъ дворянства, безъ зачета прослуженныхъ ими дотола лѣтъ, съ тѣмъ однакоже, что если кто изъ нихъ достигнетъ означеннымъ выше образомъ дворянскаго достоинства въ-теченіе послѣднихъ уже лѣтъ, остающихся до выслуги срока на классный чинъ по праву не дворянскому, такъ-что срокъ на полученіе онаго по новому дворянскому званію будетъ далѣе прежняго срока, то у такихъ лицъ выслуга до полученія ими дворянства не вычитается и они производятся въ чинъ по прошествіи определенныхъ для не-дворянъ лѣтъ отъ времени вступленія въ службу, считая оную во всякомъ случаѣ съ 16-ти лѣтняго возраста. (Высоч. утв. мн. Гос. Сов. 7 іюля.)

IV. Законы уголовныя.

— Содержащихся по дѣламъ уголовнымъ арестантовъ дозволено по прошеніямъ ихъ допускать къ рукоприкладству на общемъ основаніи, съ такимъ, впрочемъ, предостереженіемъ, чтобы арестанты во время рукоприкладства находились подъ постояннымъ наблюденіемъ назначенныхъ для того чиновниковъ, безъ всякаго сношенія съ другими, подъ личною отвѣтственностью какъ сихъ чиновниковъ, такъ и председателя судебного мѣста, въ случаѣ какихъ либо безпорядковъ. или злоупотребленій. (Ук. Прав. Сен. 1 сентябр.)

— По вопросу объ удовлетвореніи кормовыми деньгами чиновниковъ, содержащихся подъ стражею, постановлено: 1) чтобы вся мѣста и лица, по распоряженію конхъ подсудимые чиновники отправляются для содержанія въ тюрьмахъ, немедленно по отсылкѣ ихъ туда доставляли смотрителямъ оныхъ удостовѣренія о дѣйствительности званія и чина арестантовъ.

2) На основаніи сихъ удостовѣреній, отпускъ немущему чиновнику кормовыхъ денегъ, въ установленномъ размѣрѣ, производится смотрителемъ замка съ собственною арестованнаго лица роспискою въ книгу. 3) Женамъ и семействамъ сихъ чиновниковъ выдается половинный противу послѣднихъ окладъ, также смотрителемъ замка и не иначе, какъ по удостовѣренію, что они не имѣютъ никакого состоянія. Удостоверенія сіи дѣлаются мѣстною полиціею, т. е. въ городѣ надзирателемъ и частнымъ приставомъ, а въ уѣздѣ становымъ приставомъ и исправникомъ. 4) Кормовыя деньги для удостовѣренія чиновниковъ, содержащихся въ тюремныхъ замкахъ, ассигновываются изъ казенныхъ палатъ и уездныхъ казначействъ по требованію тюремныхъ комитетовъ, а гдѣ ихъ нѣтъ— по требованіямъ городничихъ и полицеймейстеровъ. 5) Изъясненный порядокъ выдачи кормовыхъ денегъ чиновникамъ, содержащимся въ тюремныхъ замкахъ, наблюдается и въ отношеніи тѣхъ изъ нихъ, которые арестованы при полиціяхъ; но въ семъ случаѣ требованіе денегъ производится чрезъ полицеймейстера или городничаго, которые и выдаютъ ихъ какъ арестованнымъ лицамъ, такъ и семействамъ ихъ. (Ук. Прав. Сен. 24 сент.)

=

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА ОКТЯБРЬ 1847 ГОДА.

Промышленность.—При казенныхъ и частныхъ заводахъ хребта Уральскаго, въ первой половинѣ сего года добыто: золота съ заводовъ казенныхъ — 66 пудъ 39 фун. 36 зол.; съ заводовъ частныхъ — 95 пуд. 14 фун. 89 зол. 53 доли, всего золота 162 пуда 14 фун. 29 зол. и 53 доли. — Серебра: комиссіонерства заозерской компаніи по имѣніямъ и дѣламъ Всеволожскихъ 47 зол. Платины: съ завода казеннаго 3 фун. 90 золот., съ заводовъ частныхъ: 25 фун. 72 зол. 25 доли, а всего платины 29 фун. 66 золот. 24 доли. Осмійстаго вридія: съ заводовъ казенныхъ 5 фун. 10 зол., съ заводовъ частныхъ 8 фун. 66 золот., а всего 13 фун. 76 золотынковъ.

— Въ Тифлисѣ 14 сентября на рѣкѣ Куръ спущенъ небольшой, но весьма-красивый паромъ, сооруженный на двухъ круглодонныхъ лодкахъ. До сего времени Жура, на пространствѣ 65 верстъ между Тифлисомъ и Краснымъ-Мостомъ, не имѣла ни одной переправы; переездъ же въ городъ былъ возможенъ только для грузинскихъ аровъ, и то въ самое сухое время года. По этому многочисленныя стада барановъ, отправляемыя ежегодно изъ Кахетіи и Тушетіи на лѣтнія пастбища въ

горы, совершая трудный путь свои чрезъ ущелья, прохода отъ кавказской до зриванской заставы по самымъ теснымъ улицамъ города, чрезъ что даламъ кругу болѣе 20 верстъ.

— На нынѣшней коренной ярмаркѣ было покупателей, продавцовъ и богомольцевъ разныхъ націй, состояній и половъ, всего 20,226 человекъ. Товаровъ привезено на 6,052,300 р. сер., продано на 2,718,625 руб. сер., осталось непроданныхъ на 3,533,675 руб. сер. Въ теченіе ярмарки отъ найма лавокъ, балагановъ и мѣсть собрано дохода 29,850 руб. 55³/₄ сер., въ томъ числѣ за наемъ на будущій 1848 годъ — 9,869 руб. 51 к. Сверхъ того поступило въ прошедшемъ году за наемъ лавокъ на нынѣшній — 11,268 р. 18 к. Такимъ образомъ, нынѣшняя ярмарка принесла всего государственнаго и городского дохода, — 31,249 руб. 22³/₄ к. сер.

ВЗГЛЯДЪ НА СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ РОССИИ.

Статья восьмая.

(Окончаніе.)

=

ПОЛЕВОДСТВО И ЛУГОВОДСТВО ВООБЩЕ.

УДОБРЕНІЕ ПОЛЕЙ.—Свойства разнаго рода удобреній.—Русское гуано.—Смѣсь навозовъ или компостъ.—Вспомогательныя постилки.—УДОБРЕНІЕ ЗЕМЛИ ВЪ ЗАГОНАХЪ.—Перегной животныхъ.—Поземы растительныя.—Болотистый и рѣчной черноземъ.—УДОБРЕНІЕ ТОРФОМЪ.—Примѣсь песка.—Дѣйствіе удобренія известью.—Мергель.—Земля, находящаяся въ лощинахъ при большихъ рѣкахъ.—УДОБРЕНІЕ АЛБАСТРОМЪ.—Селитра.—Металлическія соли.—Кислоты.—Зола.

Растенія получаютъ свое питаніе отъ перегноя разрушающихся животныхъ и растительныхъ веществъ; сила и количество каждаго произрастенія сообразуются съ количествомъ питательнаго вещества, въ землѣ находящагося. Подъ словомъ питательнаго вещества должно почитать ту часть перегноя, которая можетъ уже переходить въ растенія, и которая есть настоящая причина плодоносія, богатства и силы почвы. Всякое полевое произрастеніе уменьшаетъ количество питательнаго вещества, въ землѣ находящагося. Известно, что пшеница истощаетъ землю болѣе, нежели рожь; рожь болѣе, нежели ячмень; ячмень болѣе, нежели овесъ. По разсмотрѣнію разныхъ хлѣбныхъ породъ, количество питательныхъ началъ находится въ нихъ въ слѣдующемъ содержаніи:

Т. LV. — Отд. IV.

3

Въ озимой пшеницѣ на 100 частей отъ 70 до 80 частей.				
» Озимой ржи	» — »	» 65 » 70	»	»
» Ячмень	» — »	» 62 » 70	»	»
» Овсь	» — »	» 52 » 60	»	»
» Чечевицѣ	» — »	» 70 » 74	»	»
» Горохъ	» — »	» 72 » 75	»	»
» Турецкихъ бобакъ (Фасоль)	» — »	» 83 » 85	»	»
» Русскихъ бобакъ	» — »	» 68 » 70	»	»
» конскихъ	» — »	» 70 » 75	»	»

Слѣдовательно, 16 гарнцевъ или 2 четверика пшеницы — имѣя вѣсу 100 фунтовъ—содержать въ себѣ 82 части питательныхъ соевъ;

Ржи	имѣя вѣсу	98 ф.	содер.	въ себѣ	68 част.	пит. с.
Ячменя . . .	»	82 »	»	»	55 »	»
Овса	»	59 »	»	»	34 »	»
Гороха . . .	»	114 »	»	»	86 »	»
Бобовъ конскихъ	»	118 »	»	»	86 »	»

Здѣсь принимается въ соображеніе самый полновѣсный и очищенный хлѣбъ.

Основываясь на этихъ выводахъ, хлѣбныя зерна изнуряютъ почву въ слѣдующемъ содержаніи:

Озимая пшеница	. 13
Озимая рожь	. . . 10
Ячмень 7
Овсь 5

Изъ чего слѣдуетъ, что 12 четверик. ржи = 9 четвер. пшеници.
 — » » 17 » ячменя.
 — » » 24 » овса.

Существуетъ некоторая соразмѣрность въ истощеніи земли, производимая урожаем; отъ-того, послѣ сильнаго урожая самаго хлѣба, рѣдко получаютъ сильный урожай ярогого.

Результатъ трехпольнаго сѣвооборота съ мертвымъ паромъ въ продолженіи девяти лѣтъ безъ удобренія:

СѢВОБОРОТЪ.	Урожай за включеніемъ сѣмянъ.	Истощеніе почвы по количеству и качеству урожая.	Прибавилось дося доносилъ.	Осталось плодотворна.
1-й годъ — паръ.	»	— »	10 град.	100 град.
2-й годъ — рожь. 6 четвертей.	30 градуc.	— »	»	80 »
3-й » — ячмень. 5 »	17 ⁵⁰ / ₁₀₀	— »	»	62 ⁵ / ₁₀₀
4-й » — паръ. — »	— »	10 »	»	72 ⁵ / ₁₀₀
5-й » — рожь. 3 ⁸¹ / ₁₀₀	19 ⁵ / ₁₀₀	— »	»	53 ⁴⁵ / ₁₀₀
6-й » — овсь 4 ⁴ / ₁₀₀	11 ¹¹ / ₁₀₀	— »	»	42 ⁴ / ₁₀₀
7-й » — паръ. — »	— »	10 »	»	52 ⁴ / ₁₀₀
8-й » — рожь. 2 ⁵ / ₁₀₀	13	— »	»	39 ⁴ / ₁₀₀
9-й » — овсь. 3 ³ / ₁₀₀	7 ⁵⁸ / ₁₀₀	— »	»	31 ⁵ / ₁₀₀

Изъ этого видно, что почва, которая за девять лѣтъ имѣла 100 градусовъ силы, чрезъ девять лѣтъ оставила $31\frac{7}{10}$ градуса силы. Вотъ послѣдствія трехпольнаго сѣвооборота безъ удобренія, если особыя причины не приведутъ къ изъятіямъ.

Горохъ, при пяти-четвертномъ урожаѣ извлекаетъ изъ земли 20 градусовъ силы; но, какъ широколиственное растеніе, возвращаетъ почвѣ 10 градусовъ силы.

Картофель, при урожаѣ 8 четвертей, извлекаетъ изъ земли 30 градусовъ силы, а возвращаетъ 10, по случаю обработки земли.

Впрочемъ, всѣ эти правила подвержены измѣненіямъ, которыя происходятъ отъ разныхъ случайныхъ причинъ силы, роста и погоды.

Разсмотримъ девяти-польный сѣвооборотъ, назначенный мною для сѣверозападной полосы Россіи, при неизмѣннѣ въ достаточномъ количествѣ природныхъ луговъ для прокормленія скота, единственно содержащагося на корму, который производить поле безъ луговъ.

СѢВОБОРОТЪ.	Урожай	Истощеніе	Прибав-	Осталось
	за ис- ключени- емъ сѣ- мень.	количеству и качеству урожаевъ.	плодо- носія. +	
	Четвертей.	Градусовъ.	Градус.	Градус.
Почва имѣла питательныхъ соковъ	—	—	—	100
1-й годъ 4-й разъ перепаханный паръ	—	—	10	110
2000 пудовъ удобренія на десятину.	—	—	50	160
2-й годъ рожь	6	30	—	130
3-й годъ картофель	80	30	—	100
Удобренія въ бороздахъ 1,000 пудовъ на десятину	—	—	20	120
Отъ обработки картофеля прибавилось	—	—	10	130
4-й годъ ячмень	7	24	—	106
5-й годъ, клеверъ съ тимоеевою травою покосъ	—	—	13	119
6-й годъ, клеверъ съ тимоеевою травою покосъ	—	—	13	132
7-й годъ, клеверъ, пастбище	—	—	17	149
Удобренія по 2,000 пуд. на десятину	—	—	50	199
8-й годъ, рожь	6	30	—	169
9-й годъ, овесъ	10	16	—	153

По истеченіи 9 лѣтъ осталось болѣе 53 градусовъ питательнаго сока въ землѣ, если картофель скормленъ; но на слѣдующій годъ на паръ поступитъ уже не 2,000 пуд., а около 3,000 пудовъ навоза, чрезъ что сила плодородія увеличится еще 20 градусами. По мнрѣ увеличенія корма, слѣдуетъ увеличить число скота, а кормъ увеличится уже при второмъ покосѣ клевера, такъ-что при посѣвѣ

ржи можетъ дать на седьмой годъ вторичное удобрение; тогда останется, по истеченіи девяти лѣтъ, 153 град. питательной силы въ землѣ.

Приступимъ теперь къ разсмотрѣнію трехпольнаго сѣвооборота для сѣверо-восточной полосы Россіи, при изобильныхъ природныхъ лугахъ, которые могутъ содержать скотъ въ такомъ количествѣ, что на каждую десятину пароваго поля придется удобрить по 2,000 пуд. навоза на десятину.

	Градус.
Почва имѣла питательной силы	+100
1-й годъ, паръ при обработкѣ далъ	+10
Паровое удобрение 2,000 пуд. навоза на десятину дало	+50
Въ первомъ году приобрѣтено всего питательной силы	60
Во второмъ году рожь, при шести четвертяхъ урожая, уничтожила плодородной силы	-30
Въ третьемъ году ячмень и овесъ уничтожили плодородной силы при семи четвертяхъ урожая	-20

При этомъ сѣвооборотѣ остается послѣ девяти лѣтъ 110 градусъ плодородной силы.

При винокурении прибавится еще въ значительномъ количествѣ навозъ и поля придутъ еще въ тучнѣйшее состояніе.

Для удобрения одной десятины 2,000 пудъ навоза, слѣдуетъ держать четыре головы рогатаго скота, или 40 овецъ, при кормѣ, равняющемся питательной силою 20 фунт. сѣна на каждую скотину; слѣдовательно, при трехпольной запашкѣ по сту десятинъ въ полѣ, чтобъ дать полное удобрение, т. е. на 100 десятинъ пару, слѣдуетъ содержать до 400 головъ рогатаго скота, для которыхъ должно накапываться на природныхъ лугахъ сѣтая на каждую голову по 68 пудовъ сѣна, что составляетъ на 400 головъ 27,200 пуд. сѣна, и сѣнолей опять до 15,000 пуд. соломы. Только при такомъ количествѣ луговъ доступенъ трехпольный сѣвооборотъ въ сѣверной полосѣ Россіи; въ противномъ же случаѣ необходимо приступить къ искусственнымъ лугамъ, и для того избрать плодотворный сѣвооборотъ.

При девяти-польномъ сѣвооборотѣ, считая на 300 десятинъ пахатной земли, придется подъ клеверомъ 66 десятинъ, которыя дадутъ, считая по 300 пудовъ съ десятины, 19,800 пудовъ клевернаго сѣна, равняющихся питательной силой 20,780 пуд. луговаго сѣна, и 35 десятинъ картофеля, по 50 четвертей, что, за исключеніемъ сѣменъ, составитъ 1650 четвертей, и равняется питательной силой 4,000 пуд. сѣна.

Изъ вышеозначеннаго вывода видно: чтобъ унавоживать запашку изъ 300 десятинъ, необходимо содержать при ней 400 головъ крупнаго скота, или 4,000 головъ мелкаго скота. Если, въ первыхъ годахъ, урожай клевера не будутъ соответствовать ожиданіямъ хозяевъ, то необходимо на прокормленіе скота пожертвовать

картофелемъ, покуда поля не прійдутъ въ порядокъ и не дадутъ надлежащаго урожая.

Отъ тучности полей увеличивается произрастительная сила, а отъ произрастительной силы увеличивается урожай зерна, соломы и кормовыхъ травъ, отъ увеличенія которыхъ увеличивается и число скота.

Одна корова доставляетъ, какъ и 10 овецъ, удобренія на 600 квадратныхъ сажень. Навозъ вывозится въ поле два раза въ годъ — при теплыхъ хлѣбахъ, гдѣ онъ успѣваетъ перепрѣвать; первая возка производится въ январь мѣсяцъ, и ставится въ десяти мѣстахъ на десятинѣ. Въ каждое мѣсто складывается по 200 пудовъ, не въ конусы, но въ четырехугольныя отрубистыя формы въ видѣ кирпича, чтобъ дождевая и снѣжная вода поддерживала въ нихъ влагу; кладка не должна производиться выше двухъ аршинъ. Въ лѣсистыхъ мѣстахъ хорошо перестидать навозъ собраннымъ листомъ, въ болотистыхъ мхомъ, въ степныхъ дерномъ, который заготовляется осенью и при навозной возкѣ зимою перевозится на поля. При наступленіи жаркой погоды покрывать эти кучи соломой, чтобъ въ жаркіе дни навозъ не испарялся. При разброскѣ кучь солома собирается и идетъ въ-послѣдствіи на подстилку.

Въ другой разъ, навозъ вывозится изъ хлѣвовъ во второй половинѣ іюня, разбрасывается не медля по полю и запахивается на слѣдующій день. По окончаніи этой работы развозятся по полю зимнія кучи навоза, которыя также не медля по разброскѣ запахиваются. Правилкомъ нужно положить, чтобъ разбросанный навозъ болѣе сутокъ не лежалъ въ полѣ.

Цѣнность навоза постепенно увеличивается, потому что навозъ умножается самъ собою. Навозъ не только увеличиваетъ урожай зерновыхъ посѣвовъ, но еще увеличиваетъ количество матеріаловъ для составленія вновь еще большаго количества навоза. Равнозрѣно и оскудѣніе въ навозахъ производитъ въ-послѣдствіи еще болѣшій недостатокъ въ нихъ. Оскудѣніе въ навозѣ имѣетъ слѣдствіемъ недостатокъ въ соломѣ и въ кормовыхъ травахъ, и производитъ уменьшеніе въ навозѣ; это происходитъ постепенно, пока почва совершенно не истощится: Изъ этого слѣдуетъ, что на первое унавоживаніе истощенной земли хозяйнъ не долженъ чуждаться расходовъ. Умноженіе скота увеличиваетъ количество навоза и возвышаетъ прибыль отъ произведеній земли; равнымъ образомъ и возвышеніе урожаевъ, умножая количество произведеній, употребляемыхъ для пищи скоту, увеличиваетъ доходъ отъ скотоводства.

Эти два предмета, имѣющіе взаимное одинъ на другой вліяніе, суть два главные дѣйствителя въ хорошо-устроенномъ хозяйствѣ, усиленіе которыхъ сообщаетъ ему дѣятельность во всѣхъ частяхъ и умножаетъ способы и урожай въ хозяйствѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что количество навоза находится всегда въ соразмѣрности съ количествомъ кормовъ и содержащихся въ нихъ питательныхъ соковъ, и

съ количествомъ постилочной соломы, въ которую принимаются различныя скотскія изверженія. Занимаясь теперь общими только положеніями хозяйства, мы не можемъ распространиться здѣсь о постилкахъ другаго рода.

При сухомъ кормѣ соломою и сѣномъ, одинъ пудъ корма, приблизительно, доставляетъ пять пудовъ навоза. Отъ картофеля получается навоза не болѣе, какъ вдвое противъ его прежняго вѣса.

Можно полагать, что 100 фунтовъ сѣна, 200 фунтовъ картофеля (пять четвериковъ), 50 фунтовъ свекловицы, 370 фунтовъ рутабага, содержатъ въ себѣ одинаковую питательность. Но эти два послѣднія растенія, кромѣ корней своихъ, даютъ еще много листьевъ, которые также служатъ пищею скоту. 600 фунтовъ бѣлой капусты соотвѣтствуютъ 100 фунтамъ сѣна. 500 фунтовъ, въ сыромъ видѣ, клевера, скошеннаго при расцвѣтаніи, даютъ 100 фунтовъ клевернаго сѣна. Кормовой горошекъ, скошенный до цвѣта, равняется въ питательной силѣ клеверу.

Для опредѣленія количества навоза, доставляемаго скотиною, содержащую на пастбищѣ, взвѣшенъ былъ пометъ, полученный въ одинъ сутки отъ одной коровы, находившейся на тучномъ пастбищѣ, и оказалось, среднимъ числомъ, помета $42\frac{1}{2}$ фунта, что составитъ въ пять мѣсяцевъ или въ 153 дня $162\frac{1}{2}$ пуда. Дневной и ночной пометъ были также взвѣшены порознь, и перваго оказалось отъ 24 до 27, а послѣдняго отъ 17 до 18 фунтовъ.

Этотъ пометъ, извергаемый скотиною днемъ и ночью на обыкновенныхъ пастбищахъ, пропадаетъ напрасно. Но если земледѣлецъ обращаетъ попеременно пастбище подъ пашню и пашню подъ пастбище, то онъ можетъ отъ него получить пользу. Если же скотина загоняется на ночь въ стойла или на дворъ, то отъ этого необходимо должно послѣдовать въ хозяйствѣ нѣкоторое приумноженіе навоза, которое отъ коровы, получающей на пастбищѣ изобильный кормъ, равняется $71\frac{1}{2}$ пуду, а отъ коровы, получающей на пастбищѣ средственный кормъ, каковой бываетъ на обыкновенныхъ пастбищахъ, равняется 43 пудамъ, не считая при томъ приумноженія отъ постилочной соломы.

Скотина худая и истощенная, получивъ то же самое количество кормовъ, какое дано скотамъ сытой и доброй, не можетъ доставить ни того количества, ни столь сильнаго и изобилующаго животными частями навоза, какъ послѣдняя.

Овцы, при одинаковомъ количествѣ корма противъ рогатой скотины, даютъ сильнѣе дѣйствующій навозъ; но дѣйствіе его не продолжительно. Впрочемъ, овцы, кажется, съ большею выгодною могутъ быть употреблены для удобренія пастбища, потому что извергаемый ими навозъ ровнѣе раздѣляется на поля, не столь удобно обращается въ прахъ, лучше перемѣшивается съ землею и сильнѣе дѣйствуетъ на произрастенія.

На поляхъ, гдѣ пасется скотъ, рѣдко встрѣчается ржаного червь, который такъ разорителенъ въ западной половѣ Россіи. Овечій

пометь истребляет его зарождение, а выдупившійся червякъ при-
давливается копытцомъ овцы.

Когда овецъ, содержимыхъ на пастбищѣ, загоняютъ на ночь въ загородку или овчарню, то отъ нихъ получается въ ту ночь больше навоза, нежели отъ соразмѣрнаго количества рогатаго скота, разумѣется, если пространство пастбища ихъ было одинаково; по этому-то въ Англіи замѣтили, что выгоны овецъ съ загородками, въ которыхъ, по обыкновенію этой страны, загоняютъ овецъ на ночь, мало-по-малу удачаются и могутъ прокармливать годъ-отъ-года большее количество овецъ; а когда эти загоны вспахиваютъ, то оказывается, что земля приобрѣла гораздо-болѣе питательныхъ соковъ, нежели пастбища, на которыхъ паслись коровы.

Полагаютъ, что 1,200 овецъ, проведя двѣ ночи въ загородкахъ, доставляютъ осминнику земли половину удобренія навозомъ, а 2,400 овецъ удобряютъ изобильно.

Остатки, получаемые отъ нѣкоторыхъ техническихъ заведеній, соединенныхъ съ сельскимъ хозяйствомъ, могутъ съ великою выгодною быть употреблены для прокормленія скота и часто доставлять весьма-дешево навозъ. Подобныя заведенія никогда столько не могутъ доставить прибыли, какъ соединенныя съ сельскимъ хозяйствомъ. Въ особенности же, если для винокуренія и пивоваренія употребляется не хлѣбъ, удобно перевозимый, но сочныя корнеплодные растенія, которыя можно получать въ хозяйствѣ въ великомъ количествѣ. Въ такомъ случаѣ, ни одно подобное заведеніе, устроенное въ городѣ, не можетъ выдержать совмѣстничества съ заведеннымъ въ деревнѣ, гдѣ первые матеріалы обходятся гораздо-дешевле, а остатки могутъ быть употреблены въ пользу.

Еслибъ скотину содержать единственно для полученія навоза, то навозъ и получаемыя посредствомъ его растительныя произведенія обходились бы непомерно дорого; напротивъ, если животныя произведенія, получаемыя отъ убойной или молочной скотины, оплачивали бы вполне издержки, употребленныя на содержаніе ея, а навозъ не употреблялся бы для произведенія вновь скотскихъ кормовъ и другихъ произрастеній, тогда въ странахъ воздѣланныхъ животныя произведенія обходились бы столь дорого, что должно бы содержаніе скота предоставить жителямъ степныхъ мѣстъ. Но посредствомъ взаимнаго содѣйствія произрастеній и животныхъ произведеній, облегчены для насъ способы добывать тѣ и другія, и мы столь же выгодно, какъ и жители степныхъ мѣстъ, можемъ приобретать животныя произведенія, а полученіе навозовъ можетъ обходиться намъ даже дешевле, нежели имъ. Чѣмъ дѣятельнѣе и быстрѣе содѣйствуютъ животныя произведенія къ добыванію произрастеній, а эти, на оборотъ, къ добыванію животныхъ произведеній, тѣмъ болѣе получается выгоды и тѣмъ болѣе умножается взаимно-дѣйствующее другъ на друга количество питательныхъ, растительныхъ и животныхъ произведеній.

Изъ этого слѣдуетъ, что главною цѣлью земледѣльца должно быть пріобрѣтеніе такого количества навоза, посредствомъ котораго можно было бы пріобрѣсти наибольшій урожай растительныхъ веществъ, и притомъ такъ, чтобъ цѣна навоза обходилась сколько возможно дешевле, и чтобъ для пріобрѣтенія навоза употреблять сколько можно меньшую часть тѣхъ произведеній, которыя непосредственно поступаютъ въ продажу.

Этой цѣли достигаетъ хозяинъ: 1) если отъ малаго пространства земли своей умѣетъ добыть наибольшее количество скотскихъ кормовъ;

2) Если достигаетъ до этого какъ возможно съ меньшими трудами и издержками;

3) Если корма эти получаетъ съ такихъ участковъ земли, которые не препятствуютъ воздѣлыванію другихъ произведеній;

4) Если онъ избираетъ такіа кормовыя растенія, обработка которыхъ приготовляетъ землю для прочихъ растеній, такъ-что труды, для этого употребленные, обращаются на пользу послѣдующихъ жатвъ;

5) Если отъ скотины, для которой употребляетъ корма, умѣетъ онъ получить животныя произведенія въ наибольшемъ количествѣ, или имѣющія высшую цѣнность;

6) Если онъ содержитъ свою скотину такъ, что пометы, отъ нея получаемые, доставляютъ его почвѣ и его жатвамъ самое приличное удобреніе; если онъ смѣшиваетъ и складываетъ эти пометы сколько можно соотвѣтственнѣе цѣли и приводитъ ихъ въ потребную степень броженія.

7) Если онъ сколько возможно скорѣе обращаетъ добываемые имъ навозы на произведенія, поступающія въ продажу, или служащія къ произведенію вновь навозовъ; наконецъ, если онъ ускоряетъ, по мѣрѣ возможности, кругообращеніе, по которому питательные соки передаются отъ земли растеніямъ, отъ растеній животнымъ, и отъ животныхъ обратно землѣ.

Всѣ эти предначертанія могутъ быть приведены въ исполненіе единственно посредствомъ избранія такой хозяйственной системы, которая соотвѣтствуетъ мѣстнымъ обстоятельствамъ.

Такъ ли поступаютъ многіе изъ нашихъ агрономовъ? Советовалъ бы тѣмъ, которые безъ точныхъ изслѣдованій пользы и приличія принялись за крутыя измѣненія своихъ хозяйствъ, чтобъ они въ умѣ своемъ взвѣсили силу смысла приведенныхъ здѣсь словъ.

По случаю разности свойствъ навоза, лучше всего, передъ вывозкою, смѣшивать его, чтобъ дѣйствія были равны. Для того необходимо: вычищаемый конскій и свиной навозъ бросать въ скотные загоны, чтобъ онъ перемѣшивался съ навозомъ рогатаго скота.

Гуано собирается въ весьма-маломъ количествѣ отъ домашнихъ птицъ; по обычаю, оно разсывается вмѣстѣ съ хлѣбомъ въ равномъ количествѣ. Во Владимірской и Ярославской Губерніяхъ, крестьяне мѣняютъ его на пшеницу, четверникъ за четверякъ, и предпо-

читаютъ голубиный навозъ всякому птичьему, сушатъ его въ печахъ, толкутъ въ порошокъ, перемѣшиваютъ съ сѣменною пшеницею и разсываютъ по полю. По сдѣланнымъ замѣчаніямъ, четверть голубиного навоза, разсыпаннаго на десятину, даетъ лишняго урожая двѣ четверти на десятину. Онъ содержитъ въ себѣ большую часть бѣлковину; дѣйствія его весьма-сильны. Чтобы вполне воспользоваться этимъ пометомъ, надо сколько возможно дробить его, и мелкою пылью вмѣстѣ съ хлѣбомъ разсывать по пашнѣ; лучше, если передъ сѣвомъ смочить зерно, чтобы мелко растертое гуано пристало къ зернамъ.

О смѣси навозовъ или компостъ. Они состоятъ изъ слоевъ мха, листа, опилокъ, торфа, словыхъ иголъ, всякихъ дряней изъ растительныхъ и животныхъ царствъ и проч., вывозимыхъ въ поле и сложенныхъ въ четырехугольныя кубическія фигуры, перестлаанныя навозомъ, вывозимымъ изъ скотныхъ дворовъ. Если при хозяйствѣ окажется падалъ, то хорошо ее закапывать въ компостныя кучи: чрезъ это летучія и жидкія части соломистаго навоза лучше сохраняются. Когда для примѣси къ навозу употребленъ мохъ, то летучія частицы лучше могутъ соединиться, особенно когда будетъ приложено къ смѣси нѣсколько негашеной извести, ибо тогда скорѣе, нежели безъ того, произойдутъ разныя разложенія и новыя соединенія.

Входящія въ составъ ихъ вещества, и въ особенности мохъ, разстилаютъ внизу навозныхъ кучъ, потомъ кладутъ на него па-земъ и сверху закрываютъ его мохомъ.

Вещества, назначенныя для компоста, накладываютъ слоями одни на другія въ такомъ порядкѣ: кладется слой земли или мха, который закладывается шире кучи на 5 или 6 фут. во всѣ стороны; на него кладется слой сѣвжаго навоза, толщиною въ одинъ футъ; на навозъ кладется слой земли или мха, а на него вещества, могущія перегнивать; потомъ опять слой навоза, и накладываютъ до-тѣхъ-поръ, пока куча будетъ около 6 футъ, которую покрываютъ землею. Къ компостамъ нерѣдко прибавляютъ негашеную известь, такъ, однако, чтобы она не находилась въ непосредственномъ прикосновеніи съ навозомъ, который она можетъ скоро разложить и уменьшить его количество. Посему известь должно класть между двухъ слоевъ земли, или между землею и другими веществами, меньше гніющими, каковы древесные листья и тому подобное. Положенныя въ основаніе кучи земля и мохъ питаются навознымъ сокомъ; тогда взлишекъ сего основанія, выдавшійся изъ-за кучи, вскидывается на верхъ оной.

Опыты доказали, что лучше употреблять компостъ, разстланный по поверхности поля и не запахивая. При вывозкѣ его послѣ паханья, предшествующаго посѣву, разбрасывать прямо съ телеги вокругъ ея. Немедля послѣ сего производить посѣвъ сѣменъ и заборонивать или запахивать ихъ неглубоко. Можно также разбрасывать по полю компостъ и послѣ посѣва; а по озимому полезно

его разбрасывать и весной, когда хлебъ начнетъ уже идти въ ростъ.

Вспомогательныя постилки. Заменить обыкновенную постилку можно разными другими растительными веществами, какъ для постилки и принятія скотскихъ испражнений, такъ и для умноженія количества навоза; всякія растенія, назначенныя для умноженія навоза, скорѣе приходятъ въ гніеніе и обращаются въ перегной, будучи соединены съ скотскими изверженіями, нежели безъ нихъ; изъ этого рода веществъ чаще всего употребляются: древесный листъ, иглы хвойныхъ деревъ, мохъ, торфъ, верескъ и картофельная ботва; въ лѣсистыхъ и болотистыхъ странахъ, древесный листъ и мохъ составляютъ главную постилку, а вся солома употребляется на зимній кормъ скотинѣ. Многія другія растенія употребляются на постилку, какъ то: камышъ, сить, дрокъ, бѣлоусъ, папоротникъ, также водяныя растенія и тростникъ. Обметки съ гумна должно выкидывать съ крайнею осмотрительностью, чтобъ не умножить тѣмъ сорныхъ травъ въ поле. Безопаснѣе употреблять ихъ для удобренія луговъ.

Объ удобреніи земли въ загоняхъ. Къ животнымъ тукамъ должно отнести еще и удобреніе земли паствою въ загоняхъ. Для этого запираютъ скотину на ночь въ тѣсныя загородки, дѣлаемыя изъ жердей и прутьевъ, или еще лучше изъ веревочныхъ сѣтей, чрезъ что не только пометъ, но и самыя испаренія животныхъ соединяются, и чтобъ они лучше вошли въ землю, то, обыкновенно, предъ тѣмъ ее вспахиваютъ.

Такимъ-образомъ запираютъ въ загородкахъ обыкновенно овецъ; но дѣлаютъ нѣчто подобное и съ другими животными, для удержанія испражнений и полученія чрезъ то больше навоза, какъ то: рогатую скотину, откармливаемую на мясо, запираютъ на ночь въ твердыхъ загоняхъ, находящихся по близости самаго обильнаго ея пастбища, или кормовыхъ полей, для нея назначенныхъ, постылая въ этихъ загоняхъ солому.

Овцы наши, даже и мериносы, хотя могутъ выдерживать ночное пастбище въ загородкахъ, но должно согласиться, что онѣ бываютъ здоровѣе, когда могутъ бѣгать на свободу, или почевать подъ крышею въ овчарнѣ, и навоза отъ нихъ получается болѣе; особенно такое пастбище вредно для ягнать. Въ овчарнѣ, испражнения ихъ смѣшиваются съ соломою, и если не столько они дѣйствительны, какъ пастбищныя, за то дѣйствіе ихъ гораздо продолжительнѣе.

Пастбище въ загородкахъ имѣетъ только то преимущество, что избавляетъ отъ перевозки навоза въ поле, а это важно при отдаленныхъ поляхъ и при дурныхъ къ нимъ дорогахъ; почему и при бѣгаютъ къ употребленію огороженныхъ пастбищъ въ мѣстахъ гористыхъ, а также гдѣ есть недостатокъ въ постилкѣ, для чего и нужно соображаться съ мѣстными обстоятельствами.

Загородки, которыми обносится пастбище, должны быть не длин-

нѣе 10 или 12 футовъ, чтобъ пастухъ могъ переносить ихъ подъ мышкою и вколачивать въ землю. При большомъ числѣ овецъ нужно менѣе, по соразмѣрности, загоронокъ. Предположимъ, что каждое звѣно загородки длиною въ 10-ть футовъ; овца же должна имѣть мѣста для себя 10 квадратныхъ футовъ; то для 200 овецъ надобно 18 такихъ загоронокъ, а для 300 только 20, если ихъ поставить четверугольникомъ. Кроме того, для какого бы ни было количества овецъ, нуженъ только одинъ пастухъ и одна двухколесная крытая повозка, такъ, что трудъ и издержки на обнесеніе пастбища загородками уменьшаются по мѣрѣ прибавленія числа овецъ. Посему—то невыгодно пасти въ загородкахъ менѣе 300 овецъ.

Удобреніе, сообщаемое землѣ паствою въ загонахъ, весьма различно. Его опредѣляютъ по числу загоновъ, въ которыхъ запираютъ животныхъ, и продолжительностью паствы на томъ же мѣстѣ; но этого недостаточно, ибо количество помета соответствуетъ изобилію корма, получаемаго скотиною. При тучномъ выгонѣ одинаковое количество овецъ въ одну ночь унавозитъ землю болѣе, нежели при скудномъ въ двѣ ночи. Это всякому должно быть ясно; впрочемъ, мы ничего болѣе опредѣлительнаго не можемъ сказать объ этомъ предметѣ. Овцы вгоняются въ загоны при захожденіи солнца и выпускаются изъ нихъ утромъ, когда обсохнетъ роса, которая могла бы повредить овцамъ тѣмъ, что онѣ съ жадностію бросающа въ траву. Передъ выпускомъ изъ загона ихъ гоняютъ въ немъ, для того, чтобъ они опростались и не растеряли бы помета дорогою; къ наблюденію этого надобно приучить пастуховъ.

Удобраютъ иногда съ выгодною загонами луга, лежащіе на высотахъ, также и искусственные луга, особенно, когда трудно перевозить на нихъ удобреніе, по отдаленности отъ нихъ усадьбы.

Перегной животныхъ. Хозяева, одобряющіе вполне удобреніе земли пометомъ въ загонахъ и имѣющіе недостаточно соломы для подстилки, а притомъ желающіе удобрить поля отдаленныя или гористыя, дѣлаютъ по близости ихъ неподвижные загоны, и настилаютъ ихъ соломою, загоняя овецъ и на ночь и въ полдень, если надъ загонами есть тѣнь отъ деревъ. Черезъ это безъ большаго труда получаютъ навозъ вблизи своихъ полей, потому—что перевозка соломы несравненно дешевле перевозки навоза. Подобныя неподвижные загоны можно дѣлать гораздо просторнѣе, и овцамъ лежать на соломѣ здоровѣе, нежели на голой землѣ.

Животныя вещества — весьма сильныя туки. На сколько бы увеличилось плодородіе земли и количество ея произведеній, еслибъ не только испражненія животныхъ, но и всѣ тѣла умирающихъ изъ нихъ, также остатки на бойняхъ, непринносящіе никакой пользы, употреблялись тщательно вмѣсто навоза, и еслибъ никакая часть ихъ не пропадала, не принеся удобрения.

Еслибъ умершихъ животныхъ собирать въ обнесенныя стѣною мѣста, особенно по близости живодеренъ, гдѣ ихъ много собирается, и еслибъ ихъ засыпать негашеною известью и смѣшивать съ

землю, а по прекращеніи запаха, который отъ известки скоро истребляется, переворачивать эту смѣсь и дробить, то получили бы поземъ весьма-сильный. Когда же тѣла эти закапываютъ въ землю или бросаютъ въ воду, или они истлѣваютъ на открытомъ воздухѣ, то они выходятъ изъ кругообращенія органическихъ веществъ и теряются для произведенія основныхъ началъ жизни.

Кости животныхъ дѣлаются мягкими, когда ихъ пережигиваютъ съ негашеною известью, почему легко ихъ раздробить въ порошокъ; удобреніе же имъ земель производить хорошее дѣйствіе. Иногда кости, собранныя подлѣ живодеренъ, пережигаютъ, и тогда зола отъ нихъ, конечно, можетъ служить удобреніемъ, состоя существенно изъ фосфорно-кислой извести; но животная студенина, столь дѣйствительная для удобренія, при пережиганіи уже со всѣмъ теряется.

Оскребки съ выдѣлываемыхъ кожъ — одно изъ сильнѣйшихъ удобреній, которое также въ видѣ компоста можетъ быть употреблено для поверхностнаго удобренія почвы.

Поземы растительныя. Дѣйствія чисто-растительныхъ поземовъ (туковъ) гораздо продолжительнѣе, но они не имѣютъ ни силы, ни дѣйствительности поземовъ животныхъ.

По-видимому, они производятъ перегной болѣе постоянный, который, разлагаясь медленно, входитъ во всасывающіе сосуды растений. Прибавленіемъ къ растительнымъ поземамъ веществъ животныхъ, извести и щелочей, разложеніе ихъ ускоряется. Удобреніе земли этими поземами лучше сохраняетъ ея плодородіе; они возвращаютъ ей истощенныя изъ нея соки на продолжительнѣе время, нежели чрезъ удобреніе поземами животными. Посему-то сильно-истощенная земля лучше поправляется оставаясь въ залежѣ, или отдыхая, нежели съ помощію навоза.

При посѣяннн приличныхъ растений, достигающихъ большой силы и развитія, обильнѣе и скорѣе удобряется земля, нежели тогда, когда или прямо запахиваютъ ихъ во время цвѣта, или напередъ стравливаютъ ихъ на корнѣ и притаптываютъ скотиною, а потомъ тотчасъ ихъ запахиваютъ. Способъ удобрения этого дошелъ къ намъ отъ древнихъ временъ и былъ въ величайшей славѣ у Римлянъ. Онъ даже и донынѣ употребляется въ Италіи, и такое удобреніе почитается тамъ, даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ недостатка въ животномъ поземѣ, чрезвычайно полезнымъ для доведенія земли до высочайшаго плодородія. Конечно, тамошній климатъ болѣе благопріятствуетъ этому способу, нежели нашъ, давая возможность производить такіе посѣвы послѣ ранней жатвы, ибо и тогда остается еще довольно времени, чтобъ имъ вырасти. Изъ всѣхъ употребляемыхъ для этого растений, наиболѣе славится бѣлый солнечникъ или люпинъ, разводимый отъ самыхъ древнихъ временъ досихъ-поръ единственно съ этою цѣлію; но по причинѣ вяжущаго вкуса, нельзя употреблять человеку и скоту въ пищу ни травы, ни плода его.

Есть еще много растеній, которыя могутъ также служить для этой цѣли. Они должны имѣть слѣдующія свойства:

а) Избираемая для сего растенія должны соответствовать почвѣ въ силѣ, степени ея сырости и ея положенію, дабы они росли на ней не скудно, а изобильно.

б) Сѣмена ихъ должны быть дешевы, т. е. удобно добываемы, или чтобъ небольшого количества ихъ было довольно для засѣянія поля.

в) Надобно, чтобъ растеніе въ возможно-кратчайшее время достигало надлежащей величины и развитія, для того, чтобъ, бывъ посѣяно на пару, не препятствовало во время производить нужное паханье, или могло бы быть посѣяно въ томъ же году послѣ другаго какого-либо посѣва.

г) Надобно, чтобъ оно содержало землю въ рыхломъ состояніи, сильно проникало ее своими корнями и доставляло ей тѣнь своюю травою.

е) Надобно, чтобъ оно содержало въ себѣ много клейкости, или вещества, подобнаго животной натурѣ.

и) Чтобъ скоро приходило въ гніеніе.

Кромѣ шпергеля, или полевой торицы, никакое растеніе не соединяетъ въ себѣ до извѣстной степени всѣхъ этихъ свойствъ, и отъ-того надъ нимъ произведены были у насъ наиболѣе удачныя опыты. Предъ запахиваніемъ шпергеля можно гопять на него скотъ, оставляя его на полѣ и ночью, если хотятъ получить полный успѣхъ.

Для удобренія земли употреблялись многія и другія растенія, при чемъ замѣчено, что дакція маслянистое сѣмя особенно дѣйствительны, на-прим., сурепица и пр. Послѣ этихъ были употреблены другія, изъ класса діадельфій, двубрачныхъ: горохъ, кормовой горошекъ, бобы. Въ Англии весьма-употребителяца запахка растеній въ землю; однакожъ, тамъ обыкновенно скармливаютъ ихъ напередъ всякаго рода скотомъ, особенно свиньями; безъ таковаго употребленія этихъ растеній, издержки на сѣмена ихъ были бы слишкомъ-велики.

Употреблялась также для этого гречиха, которая, будучи еще въ зеленѣ, доставляетъ скоту весьма-питательный кормъ.

Способъ удобренія этого совершенно заслуживаетъ, чтобъ его не предавали забвенію, но изслѣдовали бы съ большимъ вниманіемъ. Думаютъ, что расточительно закатывать каткомъ, или затаптывать зеленый посѣвъ, который можно было бы скосить и дать въ кормъ скоту, полагая, что земля не лишится удобренія, когда посѣянные травы будутъ напередъ употреблены для корма скота, и это справедливо. Но травы сѣять всегда можно больше, нежели сколько употребляется ея при ограниченномъ, по-большой-части, числѣ скота, и сколько по числу работниковъ можно ея убрать. Притомъ же, по замѣчанію Итальянцевъ, для нѣкоторыхъ почвъ полезнѣйшимъ кажется, чтобы онѣ, по-временамъ, получали од-

но — растительное удобрение, не безъ причины называемое въ Италіи прохладяющимъ.

Для удобрения отдаленныхъ, вновь-поднятыхъ или истощенныхъ земель, совѣтовали многіе употреблять способъ этотъ; но онъ мало окажетъ дѣйствія надъ землею, которой сила совсемъ истощилась, потому-что на такой землѣ съемыя для удобрения растенія всходятъ очень-плохо. Чтобы земля произвела удобряющую силу, для этого, какъ и во всѣхъ прочихъ случаяхъ, нужно, чтобы она еще содержала ее въ себѣ, и потому способъ этотъ скорее можно употребить для сохраненія плодородія земли, нежели для первоначальнаго произведенія его, и, вѣроятно, по этой-то причинѣ онъ донынѣ столь мало введенъ у насъ въ употребленіе. Впрочемъ, не трудно отгадать, какое этотъ способъ можетъ оказать дѣйствіе, когда посмотримъ на часто-засѣянное такого рода растеніями зеленѣющее поле, и вообразимъ себѣ, что эта зеленая масса будетъ запахана въ землю.

Къ числу дѣйствительнѣйшихъ средствъ удобрения принадлежатъ также травы, растущія какъ въ соленыхъ, такъ и въ прѣсныхъ озерахъ; изъ первыхъ особливо полезны морскіе злаки изъ рода лишаевъ, изъ послѣднихъ такъ-называемая морская тина, всегда подернутая известковою клейкою матеріею. Травы эти должно приводить въ гніеніе однѣ, или въ смѣшеніи съ животнымъ пометомъ.

Болотистый и рѣчной черноземъ. Къ удобрению растительными средствами принадлежитъ черноземъ, находимый отчасти въ прудахъ подъ водою. Хотя онъ, чего, впрочемъ, и желать можно, иногда бываетъ смѣшанъ съ животными частями и почти всегда содержитъ въ себѣ большое количество различныхъ родовъ земли того свойства, изъ какого состоятъ почвы окрестной страны; однако, перегнившее растительное вещество, если не по количеству, то по качеству, имѣетъ въ немъ перевѣсъ. Отъ-того онъ въ дѣйствіи своемъ всего ближе подходитъ къ растительному помету, т. е. онъ менѣе горячъ и возбуждающъ, но дѣйствуетъ продолжительнѣе и даетъ болѣе питательности, нежели животный пометъ. По этой причинѣ его называютъ прохладяющимъ и болѣе сохраняющимъ плодородіе.

Находить у себя на землѣ такое сокровище плодотворнаго вещества, собраннаго самою природою въ-продолженіе тысячелѣтій, весьма-выгодно, и сколько ни велики труды и издержки, потребныя для того, чтобы извлечь его и доставить на ниву, но они всегда вознаграждаются и приносятъ великую прибыль, если только кто въ состояніи употребить на то капиталъ. Однакожь, надобно признаться, что часто бываетъ нуженъ для этого капиталъ значительный, который не всегда хозяинъ можетъ возвратитъ себѣ въ первые годы.

При извлеченіи чернозема, главное затрудненіе состоитъ въ томъ, чтобы освободитъ его напередъ отъ воды, ибо рѣдко случается на-

ходить его достаточно сухимъ. Иногда можно бываетъ совершенно достигнуть того посредствомъ прокапыванія каналовъ для спуска воды; но по-большой-части долины, въ которыхъ онъ лежитъ, такъ окружены возвышеніями, что слишкомъ-трудно сдѣлать въ нихъ довольно-глубокіе прокопы. Здѣсь надобно прибѣгнуть къ пособію вычерпывающихъ машинъ и тому подобнаго, отъ чего, конечно, много прибавляется работы. Черноземъ достаютъ лѣтомъ, или даже и зимою, во время морозовъ. Весной и осенью, когда работники должны стоять въ водѣ; эта работа, по причинѣ холода, почти невозможна. Въ жаркое лѣто, перегной, особенно лежавшій подъ водою, и который нескоро можно совсѣмъ высушить, издаетъ отъ себя весьма-нездоровыя испаренія, которыя работникамъ и въ сосѣдствѣ живущимъ людямъ часто причиняютъ болѣзни, особенно лихорадку. Поэтому, во многихъ случаяхъ удобнѣйшимъ образомъ можно производить работу зимою, спустивъ воду въ концѣ осени. Однакожъ, работа увеличивается тогда тѣмъ, что надобно бываетъ вырубать замерзшій перегной и вывозить вмѣстѣ съ нимъ ледъ.

Полезно перевозить черноземъ съ копки прямо на пашню только тогда, когда онъ совершенно сухъ; почему сырой всегда напередъ кладутъ въ сухое мѣсто и оставляютъ его тамъ, по-крайней-мѣрѣ, до-тѣхъ-поръ, пока сырость его совершенно испарится; тогда онъ очень осядетъ и перевозить его будетъ легче, что дѣлается или на обыкновенныхъ садовыхъ тележкахъ, или на запряженныхъ въ одну лошадь.

Добытый черноземъ, совершенно-разложившійся, раскладываютъ кучками, чтобъ онъ скорѣе высохъ и большею частию своей поверхности былъ подверженъ вліянію атмосферы. Если же въ немъ находится много неразложившихся частей, какъ-то мха и водныхъ растений, то, просушивъ его нѣсколько, кладутъ въ большія кучи, чтобъ онъ тотчасъ согрѣлся и пришелъ въ броженіе, отъ чего растительныя вещества истлѣваютъ; это можно ускорять, прибавляя къ чернозему нѣсколько свѣже-пережженной извести, золы или даже свѣжаго лошадиного навоза.

Особенно бываетъ нужно прибавленіе этихъ веществъ, когда черноземъ содержитъ въ себѣ кислоту, даже хотъ бы онъ былъ и совершенно разложившійся.

Ко всякому чернозему вообще весьма-нужно прибавлять животнаго помета или щелочей и щелочныхъ земель, ибо отъ-того онъ получаетъ способность скоро разлагаться и становится, какъ говорятъ, живымъ. Однакожъ, если черноземъ мягокъ, то не всегда нужно смѣшивать его съ этими веществами въ кучахъ, а можно разсыпать его по полю, и сверху насыпать ими, а потомъ запахать и заборонить землю нѣсколько разъ, чтобъ перемѣшать его съ этими веществами. Удобреніе черноземомъ съ прибавкою мергеля, особливо содержащаго въ себѣ много извести, также съ пережженной известью или животнымъ навозомъ, всегда оказывало удиви-

тельное дѣйствіе. Но при этомъ надобно употреблять навозу немного — вполонину противъ обыкновеннаго; если же положить его побольше и потомъ посѣять хлѣбъ, то онъ, выросши, поляжетъ. Напротивъ, когда удобряютъ однимъ черноземомъ, не прибавляя къ нему ничего, то часто, при первомъ и даже при второмъ посѣвѣ не оказывается никакого дѣйствія; а если сверхъ того черноземъ имѣетъ еще въ себѣ и кислоту, то дѣйствіе отъ него бываетъ вредное. Вообще, однакожъ, хорошее дѣйствіе его начинается оказываться только въ послѣдствіи — по-большой-части съ третьяго года, и бываетъ продолжительно.

Количество, въ какомъ черноземъ употребляли для удобрения, и въ какомъ должно его употреблять, опредѣляется весьма-различно: въ одномъ мѣстѣ очень большое: по 16 кубич. футовъ на квадратную сажень, въ другомъ очень-малое, по три фута; но тамъ слишкомъ на дюймъ толщиною, а здѣсь только отъ одной до двухъ линій. Тутъ надобно больше всего смотрѣть на качество чернозема: велика ли въ немъ примѣсь разныхъ родовъ земли, или онъ, большею частію, состоитъ изъ пастоящаго перегноя. Часто случается, что совершенный черноземъ содержитъ въ себѣ только восемь процентовъ настоящаго перегноя, а остальное все состоитъ изъ земли. При всемъ томъ, удобреніе такимъ черноземомъ можетъ быть чрезвычайно-дѣйствительно, особливо, когда въ немъ содержитсяъ земля противоположнаго свойства удобряемой; на-примѣръ, когда она состоитъ изъ глины, неимѣющей въ себѣ вла, и кладется на песчаную почву. Если же онъ содержитъ въ себѣ только кремнистую землю, то отъ нея на песчаномъ грунтѣ нельзя ожидать никакой пользы, и въ такомъ случаѣ входитъ въ расчетъ только количество собственнаго перегноя.

Черноземъ всѣмъ бываетъ различный; чѣмъ меньше въ немъ примѣси, тѣмъ онъ легче, особливо же, когда содержитъ въ себѣ еще не совсѣмъ истлѣвшія вещества. По этой причинѣ, величину воза надобно опредѣлять не количествомъ массы, но всѣмъ.

Весьма важно, чтобъ черноземъ совершенно перемѣшался съ удобряемою землею въ тотъ же годъ, ибо если онъ не тотчасъ раздробится и смѣшается съ землею, то скатывается въ глыбы, которыя, особливо въ плотной землѣ, часто весьма долго не распадутся въ порошокъ и не разравниваются по полю, а до-тѣхъ-поръ онъ мало производитъ дѣйствія, или и совсѣмъ никакого. И потому сѣять что-нибудь тотчасъ послѣ первой, или даже послѣ второй перепахки чернозема, есть, безъ сомнѣнія, большая погрѣшность. Напротивъ того, должно оставлять такую землю на долго въ пару, и стараться, чтобъ перегной совершенно перемѣшался съ нею, для чего и нужно вспахивать и боронить ее многократно. Особенно нужно это для землянистаго чернозема; несовершенно разложившійся мшистый черноземъ скорѣе можно оставить не совсѣмъ разбитымъ на пашнѣ, потому-что онъ, при дальнѣйшемъ своемъ разложеніи, больше раздробляется.

Удобреніе торфомъ. Также съ выгодою употребляется для удобрения и торфъ, особливо рыхлый, и высыпашійся изъ него черноземъ. Но вещество это, когда оно имѣетъ въ себѣ кислоту, а еще болѣе, когда въ немъ есть смолистыя части, должно долго оставлять въ кучахъ, и въ такомъ положеніи мѣшать или съ пережженою известью, или съ скотскимъ навозомъ, въ которомъ много соломы, или съ большимъ количествомъ песку. Часто одной послѣдней примѣси, какъ говорятъ, бывало достаточно. Надобно содержать кучи въ умеренной, но не слишкомъ большой сырости; всего лучше для этого поливать ихъ уриною или навозною жижею. Весьма полезно также перемишивать кучи торфа съ известковымъ мергелемъ и часто ихъ переворачивать.

Пыль, выпадающая изъ торфа, полежавшаго долго въ кучахъ, сама-по-себѣ и безъ другихъ примѣсей можетъ служить удобрениемъ, особливо на плотной, глинистой почвѣ.

Торфяныя мѣста, находящіяся въ близкомъ разстояніи отъ пашни, весьма-выгодны по малымъ издержкамъ на перевозку изъ нихъ удобрения.

Поземъ минеральный. Въ какомъ бы то ни было родѣ земли, излишество можетъ составить недостатокъ въ физическихъ свойствахъ почвы, въ ея плотности, способности удерживать въ себѣ сырость, и т. д., что и поправляется придаченіемъ землѣ противоположныхъ качествъ. Можно назвать это физическимъ улучшеніемъ почвы, въ противоположность химическому, подъ которымъ разумѣется собственное удобреніе поземомъ, или питательными, растительными веществами, и именно такими, посредствомъ которыхъ питательныя части раскрываются и становятся удобными къ переходу въ растенія.

Вышеупомянутое улучшение свойства почвы посредствомъ смѣшенія ея съ противоположнымъ родомъ земли, конечно, возможно, но не во многихъ случаяхъ можетъ быть съ выгодою произведено.

Только отъ такой глины можно ожидать удобряющаго дѣйствія, которая въ земляныхъ валахъ, землянкахъ и т. п. нѣсколько лѣтъ сряду находилась подъ влияніемъ атмосферы, особливо вблизи жилищъ и скотныхъ дворовъ, и привлекла въ себя изъ атмосферы плодотворныя вещества. Такая глинистая земля и распадается легче, и легче смѣшивается съ почвою.

Черезъ испытаніе пережигать жирную, глинистую землю, прочно улучшали почву физически. Глина отъ пережженія теряетъ свойство удерживать воду и быть вязкою, и притомъ, хотя въ ней и остаются крупинки, но она относительно своихъ физическихъ качествъ становится подобною песку, почему и почва дѣлается рыхлею.

Примѣшеніе песку. Чаще всего съ наибольшею пользою употребляли песокъ для удобрения сильной, но неплотной и слишкомъ подверженной сырости перегнистой и черноземной почвы. Наво-

женный песокъ мало-по-малу самъ-собою осѣдаетъ и проникаетъ черноземную почву, сжимая вмѣстѣ съ тѣмъ ея поздреватость. По этой причинѣ песокъ надобно сколько возможно удерживать на поверхности почвы. Онъ оказывалъ лучшее дѣйствіе, когда его не запахивали, но разсыпали по поверхности земли, оставленной подъ сѣнокосъ; какъ песокъ служить для нея лучшимъ удобрѣніемъ, то и трава росла отъ-того лучше и обильнѣе. Многіе опыты показали, что на почвахъ такого рода песокъ производить несравненно больше дѣйствія, нежели самый сильный поземъ, который въ этомъ случаѣ часто бываетъ даже вреденъ.

Какимъ образомъ дѣйствуетъ удобрѣніе известью. Находящаяся въ почвѣ известь, конечно, имѣетъ значительное вліяніе на ея физическое качество, но въ искусственномъ примѣшеніи извести къ почвѣ мы должны смотреть только на ея химическое дѣйствіе, потому-что ее никогда нельзя употребить въ такомъ большомъ количествѣ, чтобъ она могла произвести значительную перемену въ плотности почвы.

Химическое или собственно удобряющее дѣйствіе извести, по-видимому, также бываетъ двухъ родовъ. Съ одной стороны, она дѣйствуетъ на перегной просто, какъ разлагающее средство, раз-рѣшая его, приводя въ дѣятельность и въ такое состояніе, что онъ удобно переходитъ въ растенія. По этой причинѣ, удобрѣніе известью бываетъ тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ болѣе въ почвѣ перегной, и тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ неразрѣшимѣе былъ этотъ перегной по своему свойству. Особенно известь служить къ освобожденію кислаго перегной отъ его кислоты, посредствомъ чего онъ только и становится плодотворнымъ.

Съ другой стороны, весьма вѣроятно, что известь также дѣйствуетъ нѣсколько своею угольною кислотою и посредствомъ ея доставляетъ дѣйствительную пищу растеніямъ. Въ жизненной дѣятельности корней, особливо нѣкоторыхъ прозябаемыхъ, по-видимому, находится сила отнимать у извести углеродъ, который, однакожъ, она въ той же мѣрѣ опять привлекаетъ изъ атмосферы, почему нельзя отрицать, чтобъ удобрѣніе известью не производило нѣкотораго дѣйствія и на такой почвѣ, которая содержитъ въ себѣ весьма немного перегной; это замѣтно даже при повторенномъ удобрѣніи известью, хотя дѣйствіе ея бываетъ здѣсь гораздо слабѣе, нежели въ почвѣ, содержащей перегной, или гдѣ онъ прѣдается ей посредствомъ попеременнаго удобренія растительнымъ и животнымъ поземомъ. Далѣе, мы знаемъ, что нѣкоторые роды растеній получаютъ особенную силу отъ извести, проникаютъ корнями своими въ известковый камень въ природномъ его состояніи, и нѣкоторымъ образомъ разлагаютъ его. Особенно замѣтно это въ эспарцетъ, или пътушьемъ гребешкѣ, который своимъ главнымъ корнемъ проникаетъ въ известковый камень на 10—20 футовъ и пускаетъ пучки побочныхъ корней, отъ которыхъ известковый камень становится дряблымъ и крошится; трава же отъ этихъ кор-

ней растеть тѣмъ обильнѣе, чѣмъ глубже они входятъ въ камень, хотя бы онъ былъ покрытъ весьма неглубоко и бесплодную землею.

Освобожденная отъ своей угольной кислоты, пережженная известь удобряетъ сильнѣе, нежели не пережженная. Въ пережженномъ состояніи, она, конечно, гораздо-скорѣе разлагаетъ и больше дѣйствуетъ на органическія вещества, однакожь, надобно думать, что сильнѣйшее ея дѣйствіе имѣетъ еще и другую причину. Безъ сомнѣнія, она въ короткое время опять привлекаетъ въ себя потерянную ею угольную кислоту, особенно, когда бываетъ смѣшана съ землею въ видѣ мелкаго порошка; но эта вновь привлеченная угольная кислота, вѣроятно, не столь крѣпко съ нею соединяется, и потому известь удобнѣе передаетъ ее растеніямъ. Въ этомъ случаѣ, она опять тотчасъ принимаетъ въ себя ту же кислоту, и такимъ образомъ происходитъ постоянное передаваніе ея между известью, корнями и атмосферой. Этимъ объясняется, почему почва, содержащая въ себѣ даже очень-много извести, замѣтнымъ образомъ становится плодороднѣе отъ удобренія пережженою известью, и почему все еще оказывается нѣкоторое дѣйствіе отъ новаго прибавленія извести, хотя бы отъ предъидущаго удобренія очевидно оставалось ея еще довольно въ пахатной землѣ.

Правильно или нѣтъ представленное здѣсь объясненіе различныхъ дѣйствій извести, но не имѣется другихъ способовъ объяснить ея дѣйствія на удобреніе земли. Известь всего сильнѣе и замѣтнѣе дѣйствуетъ на почву, содержащую въ себѣ много кислаго перегноя, бесполезнаго для прозябаемыхъ, потому на такія почвы, которыя прежде болѣе или менѣе были удобряемы навозомъ, но никогда известью или тому подобными веществами! Въ этомъ случаѣ, известь часто бываетъ дѣйствительнѣе новаго удобренія навозомъ, но она истощаетъ почву на будущее время и, по-крайней-мѣрѣ, дѣлаетъ нужнымъ удобреніе ея чрезъ нѣсколько лѣтъ какимъ-либо сильнымъ поземомъ другаго рода. Во всякой обработанной почвѣ, хотя бы она и казалась тощею, все еще остается нѣсколько, вѣроятно, съ трудомъ разрыхляющагося перегноя, и потому удобреніе известью въ первый разъ должно оказывать замѣтное дѣйствіе даже и на тощихъ почвахъ. Самое слабое, но все нѣкоторое дѣйствіе бываетъ замѣтно и при повтореніи его въ скоромъ времени; но оно тѣмъ слабѣе становится, чѣмъ чаще повторяется безъ прибавленія въ землю перегноя.

Удобреніе известью имѣетъ на нѣкоторые посѣвы сильнѣйшее вліяніе, нежели на другіе; по замѣчаніямъ, сдѣланнымъ разными хозяевами, оно дѣйствуетъ меньше на озимый хлѣбъ, нежели на яровой, всего же сильнѣе на огородные овощи, на дытлану и на растенія этого рода.

Впрочемъ, почва, содержащая въ себѣ много глинны, лучше выноситъ многократное удобреніе известью, нежели такая, въ которой болѣе песку; этому причиною отчасти физическое дѣйствіе извести, потому-что она есть родъ разрыхленной земли, отчасти же

химическое, потому-что глина гораздо-упорнѣе удерживаетъ перегной. Осушенная болотистая почва также выноситъ неоднократно, сильное удобрение известью, потому-что въ ней все еще остается довольно количество разложимыхъ веществъ, на которыя известь можетъ дѣйствовать. Для такихъ земель, известь на долгое время будетъ дѣйствительнѣе навоза. Напротивъ того, если нѣсколько разъ удобрить известью тощую, песчаную почву, то она наконецъ совсѣмъ испортится, не взирая на то, что при каждомъ такомъ удобрении все еще оказывается тотчасъ небольшое дѣйствіе. Если известь не встрѣтитъ органическаго вещества, на которое она могла бы дѣйствовать, и если притомъ найдеть и мало глины, съ которою она, вѣроятно, скорѣе составляетъ мергель, то, соединяясь съ пескомъ, образуетъ мергель или цементъ (известку), который съ трудомъ разлагается. Отъ-того, на такой удобренной известью землѣ выпахиваются безпрестанно куски мергеля, которые едва можно раздробить, а потребно нѣсколько удобрений навозомъ для того, чтобъ снова привести эту землю въ состояніе приносить порядочный урожай. Многія пашни и цѣлыя помѣстья въ Силезіи представляютъ тому доказательство; то же самое развѣтливо обнаруживалось и въ Англіи, въ тѣхъ графствахъ, гдѣ введено трехпольное хозяйство при маломъ числѣ скота и при изобиліи въ извести.

Обыкновенно употребляютъ известь свѣже-пережженую, или не имѣющую въ себѣ угольной кислоты, отчасти потому-что она въ такомъ состояніи, какъ выше сказано, дѣйствительнѣе, отчасти же потому, что только такая известь распадается въ мелкій порошокъ и совершенно смѣшивается съ пашенною землею. По этой причинѣ надобно, со всевозможною поспѣшностью, доводить известь до того, чтобъ она распадалась, и потомъ мѣшать ее съ землею или же съ органическими удобряющими веществами.

Есть два главные способа смѣшивать известь съ землею на пашнѣ, при чемъ, конечно, бываютъ различныя измѣненія.

Одинъ состоитъ въ томъ, что куски извести сносятся въ кучу, вблизи такого мѣста, гдѣ можно было бы достать довольно воды. Потомъ обливаютъ известь водою столько, сколько нужно для погашенія ея, т. е. для того, чтобъ превратить ее въ мелкій порошокъ, но не въ тѣсто. При этомъ надобно ее перерывать, вынуть большіе, цѣльные куски, опять сложить ихъ въ кучу и снова помочить, чтобъ все превратилось въ мелкій порошокъ. Тутъ известь снова получаетъ потерянную ею чрезъ пережиганіе кристаллизационную воду, но угольной кислоты своей возвращаетъ мало и, слѣдовательно, остается еще въ своемъ ненасыщенномъ состояніи. Отъ-того она, конечно, дѣйствуетъ самымъ сильнымъ и разрушающимъ образомъ на органическія вещества въ почвѣ, на наскомыхъ, на растительныхъ волокна и, вѣроятно, даже на съмена многихъ негодныхъ травъ, разрушая ихъ, разлагая и превращая въ плодотворный перегной. Послѣ того тотчасъ перево-

зять ее въ телегахъ на пашню и съ телегъ разсыпають лопатами по вспаханному полю. Такъ-какъ известковая пыль чрезвычайно вредна, то при перевозкѣ надлежитъ стараться идти по направленію вѣтра, такъ, чтобъ онъ отвѣвалъ ее отъ людей, употребляемыхъ для разсыпанія ея, и отъ лошадей.

Для полученія отъ извести желаемого и сколько возможно сильнѣйшаго дѣйствія, необходимо подобно самымъ совершеннымъ и тѣснѣйшимъ образомъ перемѣшать ее съ папенною землею, такъ, чтобъ каждая тончайшая частичка ея была въ прикосновеніи съ каждою частичкою земли, и чтобъ онѣ взаимно дѣйствовали одна на другую. По этому здѣсь потребно величайшее вниманіе.

О количествѣ извести, нужномъ для удобренія почвы, мнѣнія весьма-различны. Наименьшее, съ пользою употреблявшееся, было по 32 четверика на осмишникъ; а наибольшее, особенно же у Англичанъ, по 300 четвериковъ на осмишникъ, въ особенности когда земля только-что обрабатывается въ пашню. Это зависитъ: отъ качества извести, довольно ли она чиста, или смѣшана съ большимъ количествомъ глины или песку, а также, если разсматривать объемъ массы, то плотнѣе ли она или рыхлѣе; далѣе, отъ рода почвы, потому-что плотная, глинистая и содержащая въ себѣ много неразложившихся растительныхъ частей, болотная, по осушенная почва (ибо на сырой извести не производитъ совсѣмъ никакого полезнаго дѣйствія), можетъ съ пользою выносить весьма-сильное удобреніе известью, а для почвы болѣе песчаной нужно удобреніе слабѣе.

Несогласны также мнѣнія и о дѣйствіи пережженной извести, употребляемой для посыпки луговъ. Неизвѣстно, дѣланы ли были надъ этимъ тщательные опыты съ различными измѣненіями, но только, кажется, можно заключить изъ произведенныхъ въ разные времена и въ разныхъ мѣстахъ попытокъ, что надобно поступать при томъ осторожно и что употребленіе негашеной извести въ большомъ количествѣ легко можетъ сдѣлаться опаснымъ. Напротивъ того, легкая посыпка известью производила, какъ сказываютъ, на сухихъ лугахъ весьма хорошее дѣйствіе, на сырыхъ же не оказывала совсѣмъ никакого, и въ особенности замѣчено, что чрезъ нее усиливался ростъ растений изъ рода дятлины и журавлинаго горшка.

Мергель, какъ известно, состоитъ изъ глины и углекислой извести, въ весьма различныхъ содержаніяхъ, тѣсно между собою смѣшанныхъ, ибо, въ противномъ случаѣ, онъ не заслуживаетъ и названія мергеля. Этими составными частями, какъ удобряющее средство, онъ дѣйствуетъ двоякимъ образомъ: физически, посредствомъ глины, увеличиваетъ плотность въ рыхлой землѣ весьма надолго, и химически, посредствомъ извести, въ собственномъ смыслѣ, удобряетъ; но это дѣйствіе его мало-по-малу уменьшается и наконецъ совсѣмъ прекращается. Оба дѣйствія надлежитъ тщательно различать: мергель оказываетъ болѣе то или другое, смотря

потому, глина или известь имѣетъ въ немъ перевѣсъ. Чтобы въ значительной степени произвести первое изъ этихъ дѣйствій посредствомъ глинистаго мергеля, естественно надлежитъ употреблять его гораздо-большее количество, нежели известковаго мергеля, отъ котораго можно ожидать только химически-удобряющаго дѣйствія. И вышеупомянутое физическое прочное улучшение бываетъ только въ такой почвѣ, которая имѣетъ въ немъ нужду; напротивъ того, для почвы, которая сама-по-себѣ уже слишкомъ-много содержитъ въ себѣ глины, прибавленіе глинистаго мергеля можетъ причинить только вредъ, по-крайней-мѣрѣ, по прекращеніи дѣйствія извести.

Тѣсное смѣшеніе обихъ составныхъ частей мергеля доставляетъ ему предъ простою глиною и предъ углекислою известью, или предъ искусственнымъ смѣшеніемъ ихъ, то великое преимущество, что онъ самъ собою совершенно раздробляется, распадается въ самый мелкій порошокъ и удобенъ къ смѣшенію съ пашенной землею въ самомагнѣйшихъ частицахъ.

Добываніе и перевозка мергеля есть трудное и съ большими издержками сопряженное дѣло, почему и должно стараться найти его въ мѣстѣ, ближайшемъ къ удобряемому полю. Если предположить, что въ такомъ мѣстѣ онъ лежитъ очень-глубоко и отъ-того трудно его добывать и класть на воза, то это вознаградится близостию перевозки. Особенно должно принимать въ разсужденіе это въ такомъ случаѣ, когда намѣрены добыть большое количество глинистаго мергеля, для поправленія неплотной почвы глинистыми его частями. Къ-счастію, въ тѣхъ странахъ, гдѣ глинистый мергель оказывается въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ, онъ находится почти и повсюду, скрываясь болѣе или менѣе глубоко подъ поверхностью земли; напротивъ того, известковый и каменистый мергель часто лежитъ по нѣкоторымъ только особымъ мѣстамъ, и его надобно бываетъ привозить издалека, что, однакожь, по небольшому количеству, какое его потребно, не представляетъ неудобствъ.

Если разница въ разстояніи не очень-велика, то мѣсто для выкапыванія мергеля надобно выбирать такое, гдѣ онъ лежитъ ближе къ поверхности и гдѣ вырытая яма будетъ всего менѣе подвержена притеченію воды. Во всѣхъ негористыхъ странахъ мергель всего ближе къ поверхности находится по верхамъ холмовъ и, по-большой-части, такихъ именно, у которыхъ поверхность отличается бурюю глиною, распускающеюся при умѣренной сырости.

Прежде, нежели положено будетъ начало мергелю копи, надлежитъ удостовѣриться посредствомъ бурава, или чрезъ выкапываніе небольшихъ ямъ, одна подлѣ другой: находится ли тамъ мергель желаемаго свойства и значительными слоями. Рѣдко, однакожь, случается находить его въ совершенно непрерывныхъ пластахъ, такъ, чтобы не было, особенно въ верхнихъ слояхъ, вромужутковъ, состоящихъ изъ жилъ и слоевъ песка. Это не должно останавливать работы, ибо при разработкѣ мергелю копи

годное легко можно отбрасывать къ сторонѣ, и даже съ пользою употребить потомъ на засыпку глубоко-выкопанныхъ ямъ.

Затѣмъ должно изслѣдовать: сколько какихъ частей содержитъ въ себѣ найденный мергель. Онъ рѣдко бываетъ совершенно одинаковъ, и по мѣстамъ измѣняется. Потому надобно разложить нѣсколько кусковъ его и опредѣлить вообще его содержаніе кругомъ, ибо онъ, при выниманіи, значительно перемѣшивается. Чѣмъ песчанѣе земля, на которую вывозится мергель, тѣмъ полезнѣе мергельная глина, заключающая въ себѣ мало известковыхъ частицъ, и она уже годится, если содержитъ въ себѣ отъ двѣнадцати до пятнадцати процентовъ извести, хотя въ этомъ случаѣ, для достиженія дѣйствія извести, надлежитъ употреблять его въ большомъ количествѣ. Для такой почвы не годится только мергель, заключающій въ себѣ много песка. Напротивъ того, на глинистой землѣ глинистый мергель былъ бы негоденъ, и въ такомъ случаѣ надобно искать такого, который содержалъ бы по-крайней-мѣрѣ сорокъ процентовъ извести, а если болѣе, то еще лучше. Здѣсь, напротивъ того, песчаный мергель, часто имѣющій въ себѣ много извести, не вреденъ и даже преимущественно годенъ къ употребленію. Каменистый мергель въ гористыхъ странахъ особенно приличенъ для глинистой почвы, потому-что обыкновенно содержитъ въ себѣ мало глинистой земли, а по-большой-части известь и тонкую кремнистую землю. Только иногда онъ не скоро распадается.

Удостоверившись, что мѣсто и заключающійся въ немъ мергель соответствуютъ цѣли, полагаютъ основаніе мергельной копи, срывая землю, находящуюся на поверхности. Эту землю должно рыть до того, пока дойдешь до собственнаго мергельнаго пласта, заключающаго въ себѣ мергель потребнаго качества. Выкопанная земля часто служитъ для наполненія ложицъ, обыкновенно находящихся вблизи мергельныхъ пригорковъ. Въ противномъ случаѣ, выкладываютъ ее по краямъ копи, въ такомъ разстояніи, чтобъ она не давила боковъ ея, но и не слишкомъ-далеко, потому-что въ-послѣдствіи ее можно съ пользою употребить для наполненія глубоко-выкопанныхъ ямъ. Какъ всѣ работы при этомъ дѣйствіи, такъ и выкапываніе земли должно, по возможности, стараться производить наймомъ; за эту работу платятъ посаженно. Если не имѣютъ намѣренія употребить выкопанную землю для какой-либо особенной цѣли, гдѣ-нибудь подалѣе, то ее вывозятъ не на лошадяхъ, а въ садовыхъ тележкахъ, и даже иногда выбрасываютъ только на края копи. Въ такомъ случаѣ и на это подражаютъ тѣхъ же работниковъ. Часто можно бываетъ съ пользою употребить для этого ровнялку.

Сажень 7 ширины и 9 длины составляютъ умѣренно-большую мергельную копи. Бываютъ однакожь случаи, когда ее дѣлаютъ вдвое больше. Сверхъ того нужно сдѣлать въ копи подъездъ и выѣздъ, для того, чтобъ не поворачивать въ ней телегъ.

Потребное для удобренія количество мергеля весьма-различно.

Оно зависитъ отъ качества мергеля, отъ свойства почвы и отъ того, какой цѣли хотять посредствомъ его достигнуть. Чѣмъ больше мергель содержитъ въ себѣ извести, тѣмъ меньше его потребно, ибо тутъ берется въ разсужденіе только удобряющая сила известковыхъ частей. Потому отъ 20 до 25 возовъ, по 18 кубическихкихъ футовъ каждый, на осмьинникъ, почитаются уже достаточнымъ удобреніемъ; но въ такомъ случаѣ мергель долженъ содержать 60 или болѣе процентовъ извести, и быть употребленъ на глинистой почвѣ.

Продолженіе дѣйствія мергеля бываетъ различно, по обстоятельствамъ. Физическія свойства песчаной почвы отъ значительнаго количества прибавленнаго къ ней мергеля навсегда улучшаются, и урожай на ней постоянно бываетъ лучше, если при томъ въ свое время будутъ ее удобрять навозомъ. Химическія дѣйствія мергеля, смотря потому, больше или меньше привезли его на пашню, продолжаются отъ 10 до 12 лѣтъ. Дѣйствіе известковаго мергеля на глинистую почву вообще полагаютъ на 12 лѣтъ. Дѣйствіе мергеля обыкновенно увеличивается постепенно до трехъ лѣтъ; потомъ три года оно находится въ полной своей силѣ, предполагая, что землю удобряютъ какъ слѣдуетъ; а послѣ мало-по-малу оно начнетъ ослабѣвать. Впрочемъ, много зависитъ и отъ-того, скоре или медленнѣе распадается мергель въ порошокъ. Полную силу свою онъ оказываетъ тогда только, когда совершенно смѣшется съ почвою, почему многое зависитъ и отъ обработки земли съ вывезеннымъ на нее мергелемъ.

Съ особеннымъ тщаніемъ нужно разравнивать мергель на полѣ, и потомъ разборонить его въ сухую погоду, а если останутся комки, то раздробить катками, и потомъ, когда упадетъ на него дождь и высохнетъ, то опять взборонить. Послѣ надобно его сколько можно мельче запахать, и потомъ землю, по-крайней-мѣрѣ, еще раза три перепахать и каждый разъ заборонить. Послѣ того тѣнѣйшее соединеніе мергеля съ землею произведетъ уже сама натура. Если же онъ останется въ комкахъ, то перемѣшеніе съ землею, мало-по-малу, произойдетъ уже при послѣдующихъ обработкахъ; но пока мергель не смѣшется съ почвою въ видѣ порошка, до-тѣхъ-поръ не только онъ не дѣйствителенъ, но положительно вреденъ промарастанію.

Наконецъ, есть еще одна земля, весьма-сильно удобряющая почву: которая содержала въ себѣ значительное количество извести, и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма богата перегноемъ. Ее находятъ при большихъ рѣкахъ въ лощинахъ, которыхъ дно, безъ сомнѣнія, образовалось отъ осадки или при разлитіи воды. Земля эта цвѣтомъ синевата и похожа на тощую, рассыпчатую глину, однакожь мягкую на ошупь. Нерѣдко она бываетъ перемѣшана съ маленькими раковинами. Она обыкновенно лежитъ не подъ верхнимъ слоемъ земли, но между нимъ и ею еще находится слой бесплодной глины, который надобно съ нея снять и свозить прочь.

При разложеніи этой земли, взятой въ Тульской-Губерніи, оказалось: мелкаго песку, половину отмытаго и половину вывареннаго, 36 проц., углекислой извести 14, перегною 5, жирной глины 44, гипсу 1 проц. = 100%.

Перегной явно былъ изъ животныхъ остатковъ и при горьніи издавалъ вонючій запахъ.

Предполагаемъ, что такую землю можно найти во многихъ мѣстахъ тамъ, гдѣ ея вовсе еще не знаютъ. Она образовалась изъ чернозема водяныхъ растений, изъ рыбъ и раковинъ, отъѣла въ лощинахъ съ тонкимъ и мягкимъ пескомъ, и потомъ была покрыта протекающими съ высотъ водами. Стоитъ труда отыскать эту землю во всѣхъ долинахъ, которыя прежде, по всей вѣроятности, были подъ водою.

Такого рода черноземъ вывозятъ слѣдующимъ образомъ: прежде дѣлаютъ яму аршинъ трехъ ширины и аршинъ шести длины, снимаютъ верхній слой и бесплодную глину, которыя иногда бываютъ глубиною на четыре или пять футовъ, и потомъ выкапываютъ черноземъ, обыкновенно весьма-глубокій, такъ, чтобъ не было опасности отъ обвала стѣнъ; потомъ продолжаютъ далѣе копать яму, и срытою сверху землю заравниваютъ прежнюю, а черноземъ вывозятъ на поля.

Земля эта, сама-по-себѣ, особенно въ началѣ, вовсе не плодородна, но перемѣшанная съ пахатною почвою и хорошо воздѣланная, она производитъ необыкновенное плодородіе и долго отличается имъ предъ другими.

Удобреніе алебастромъ. Удобреніе гипсомъ (алебастромъ) или сернокислою известью не есть новое изобрѣтеніе: извѣстно, что и въ древнія времена употребляли его на небольшихъ пространствахъ, но свѣдѣнія о томъ не распространились. Только послѣ половины восемнадцатаго столѣтія, почтенный для земледѣльцевъ пасторъ Майеръ, изъ Купферцелля, въ княжествѣ Гогенлоэ, сдѣлалъ извѣстнымъ употребленіе гипса, черезъ переписку свою съ графомъ Шуленбургомъ фонъ-Геленъ, что въ Ганноверѣ, гдѣ, неподалеку отъ Гёттингена, близъ Нидека, давно было введено въ употребленіе удобреніе гипсомъ. Майеръ распространилъ извѣстность его посредствомъ своихъ сочиненій, и оно особенно принято было въ Швейцаріи, гдѣ Чифелли, вмѣстѣ съ другими, дѣлали опыты надъ дѣйствіемъ гипса и напечатали объ нихъ въ запискахъ Бернскаго Общества Сельскаго Хозяйства. Въ Германіи Шубертъ фонъ-Клефельдъ въ-особенности сдѣлалъ извѣстнымъ дѣйствіе гипса на клеверъ.

Нигдѣ столь быстро не распространилось употребленіе гипса, какъ въ разныхъ американскихъ штатахъ, и нигдѣ не встрѣчено оно съ болѣею холодностію, какъ въ Англіи.

Опыты относительно удобряющей силы гипса, конечно, представляютъ много противорѣчій, и, безъ сомнѣнія, многія еще не совершенно изслѣдованныя обстоятельства весьма измѣняютъ

ихъ. По-крайней-мѣрѣ, известно то, что гипсъ болѣе дѣйствуетъ на сухую, нежели на мокрую почву, и болѣе въ сухую, нежели въ сырую погоду, которая, по-крайней-мѣрѣ, останавливаетъ дѣйствія его и, кажется, совсѣмъ ихъ уничтожаетъ, особенно, если употребленъ былъ гипсъ пережженный. На истощенной землѣ, неимѣющей, или весьма-мало имѣющей перегноя, гипсъ совершенно недействителенъ. На нѣкоторыя растенія дѣйствія его почти не примѣтны, но на другія, напротивъ, весьма-ощутительны. Къ послѣднимъ принадлежатъ все овощныя растенія и имѣющія кресто-видныя цвѣтки (списіфегае).

Нѣтъ сомнѣнія, что гипсъ дѣйствуетъ на самыя растенія особенно сильно, когда пыль его насядетъ на листки и долго на нихъ остается.

Какимъ образомъ гипсъ дѣйствуетъ на землю? Вѣроятно, что онъ входитъ въ медленное, взаимное другъ на друга дѣйствіе съ перегноемъ, который разлагаетъ кислоту гипса и образуетъ углеродъ, или другое болѣе сложное начало, котораго мы не знаемъ, и можетъ-быть, по его скорой разложимости, никогда и не узнаемъ. Лишенная кислоты сыра, вѣроятно, соединяется съ известью и другою частию оводорожденного угля. Отъ этого разложенія, вѣроятно, также происходитъ и сильная вонь, производимая гипсомъ, когда его прибавляютъ къ гниющимъ веществамъ. Эта угольная кислота и эти новыя соединенія, вѣроятно, въ-особенности служатъ пищею для нѣкоторыхъ растеній. Поэтому, и гипсъ дѣйствуетъ только подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ въ землѣ находились или гниющія растенія, или перегной.

Гипсъ преимущественно употребляютъ для клевера и ему подобныя, также и для стручковыхъ растеній. Какъ онъ замѣтно дѣйствуетъ на все растенія изъ рода капусты, то полагаютъ, что употребленіе его весьма-прилично для колзы, хотя и неизвѣстно, чтобъ были дѣланы опыты надъ нею.

Гипсъ употребляютъ и жженный и не жженный; содѣйствіе его въ томъ и другомъ видѣ кажется одинаково, только бы на рассыпанный и жженный гипсъ не упалъ вскорѣ дождь и не смылъ его съ листьевъ, отъ-чего онъ опять превращается въ крѣпкую массу. Для дѣйствія гипса весьма-важно то, чтобъ превратить его совершенно въ тонкій порошокъ или пыль, что легче сдѣлать съ жженымъ, нежели съ сырымъ гипсомъ.

Дешевле всего толочь гипсъ въ водяныхъ толчеяхъ, а гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ въ ручныхъ ступахъ или въ маслобойняхъ, или, наконецъ, раздавливать его на ребро поставленнымъ, старымъ жерновомъ, надѣтымъ на рычагъ, прикрѣпленный къ вертикально-поставленному валу, приводимому въ движеніе. Растолокши его, просѣвають сквозь сито, а крупныя остатки опять толкутъ. Приготовленный такимъ-образомъ алебастръ или гипсъ надобно держать въ сухомъ мѣстѣ, чтобъ онъ, чрезъ привлеченіе къ себѣ сырости, опять не сложался.

Потомъ, выбравъ тихій безвѣтренный день, рано поутру, или поздно вечеромъ, при сильной росѣ, разсыпаютъ гипсъ рукою, особенно на клеверъ, дабы онъ прилипъ къ мокрымъ его листочкамъ.

Вѣтренной и дождливой погоды должно при этомъ избѣгать. Тогда въ-особенности замѣчается отличное дѣйствіе разсыпки гипса, когда клеверъ уже хорошо покрылъ землю своими листьями, слѣдовательно, въ маѣ мѣсяцѣ. Впрочемъ, многіе разсыпали гипсъ и осенью, по молодому, въ томъ же году посѣянному клеверу. Также посыпали гипсомъ и скошенный уже однажды клеверъ, и тогда второй укосъ, не смотря на худшій прежде видъ его, выходилъ лучше перваго.

Если гипсъ превращенъ совершенно въ пыль, то довольно его разсыпать по четыре четверика на десятину; а если не такъ мелко истолченъ, то надобно употребить болѣе, и даже вдвое.

Опыты показали очевидный успѣхъ отъ дѣйствія гипса на растенія, если употребили его какъ должно и если за разсыпкою не послѣдовала неожиданно ненастная погода. Поэтому, для усиленія роста клевера, рѣшительно всѣмъ рекомендуется употреблять гипсъ, если за полтора четверика его, потребнаго для одного осминника, надобно заплатить не дороже отъ 1 до 1 р. 50 коп., потому-что навѣрное положить можно, что съ клевернаго поля неслашкомъ хорошаго соберется съ осминника отъ 18 до 24 будовъ клевернаго съна болѣе, нежели безъ удобренія гипсомъ, предполагая, однакожь, что клеверъ взошелъ густо, потому-что гипсъ можетъ усилить его ростъ, а не засѣять поля. Если на одномъ квадратномъ футѣ будетъ хотя по одному полному растенію клевера, то, при помощи гипса, можно надѣяться, что все поле во время цвѣта закроется клеверомъ.

На хлѣбныя растенія, по всѣмъ сдѣланнымъ опытамъ, гипсъ производитъ весьма-слабое непосредственное дѣйствіе, т. е. когда его разсыпаютъ по нимъ. Но всѣ согласны въ томъ, что клеверное огипсенное пожниво, будучи запахано, даетъ несравненно лучшій урожай, особенно пшеницы, нежели не огипсенное. Это, вѣроятно, происходитъ отъ большей толстоты корней и прочихъ остатковъ огипсеннаго клевера, ибо извѣстно, что урожай послѣдующаго по клеверу хлѣба всегда соответствуетъ силѣ укуса его. Посему удобреніе гипсомъ хорошо и для хлѣбныхъ растеній, хотя и посредствующимъ образомъ; въ-особенности же оно хорошо для нихъ умноженіемъ корма, отъ котораго получается болѣе навоза для удобренія земли.

Поэтому гипсъ, какъ удобряющее вещество, весьма-важенъ въ хозяйствѣ, ибо его можно привозить и изъ дальнихъ мѣстъ, по небольшому количеству, потребному для удобренія.

Объ удобряющей силѣ солей. Гипсъ подаетъ намъ поводъ говорить объ удобряющей силѣ другихъ солей, которыми, впрочемъ,

кроме остатковъ изъ солончакъ, трудно пользоваться по причинѣ ихъ цѣнности.

Поэтому, опыты съ солями производимы были на малыхъ пространствахъ. Относительно поваренной соли, изъ этихъ опытовъ извѣстно слѣдующее: сильная посыпка ею сначала уничтожаетъ всякую прозябаемость; но по разведеніи соли дождемъ, и частію, можетъ-быть, по разложеніи ея перегноемъ, оказывалось въ-послѣдствіи на той землѣ роскошное прозябаніе растеній. Слабая посыпка соли на богатую землѣ производила явное, но непродолжительное дѣйствіе; на тощей же землѣ не оказывала никакого. Поэтому и подлѣ солончакъ, гдѣ остатки отъ соли продаются очень дешево, весьма-рѣдко употребляли ихъ для удобренія.

Отъ естественнаго удобренія, производимаго морскою водою, безъ сомнѣнія посредствомъ содержащейся въ ней соли, ощути-тельно весьма-замѣтное дѣйствіе на при-морскихъ берегахъ. Солонныя болота въ особенности предпочитаютъ другимъ низменностямъ для пастбища скота. Растущую на нихъ траву животныя ѣдятъ жадно, и свѣжую и въ сѣнь, и бываютъ отъ того очень-здоровы. Впрочемъ, и въ приморскихъ мѣстахъ соль такъ скоро вымывается изъ земли, что при разложеніи ея едва примѣтны слѣды соляныхъ частицъ. Но молоко получаетъ непріятный вкусъ.

Опыты съ селитрою показали, что она несравненно дѣйствительнѣе поваренной соли, будучи употреблена въ весьма-малыхъ количествахъ. Впрочемъ, такое удобреніе практически невозможно, и объ немъ упоминается здѣсь только для доказательства естественнаго плодородія селитряной почвы. Надобно замѣтить, что часто предполагали находить селитру на такихъ поляхъ, гдѣ ея вовсе не было. Многіе принимали за нее блѣднѣющее вещество, оказывающееся на черноземныхъ почвахъ. Но это есть родъ пороста или мха (*lichen humous*), легко производимый на такихъ земляхъ и, конечно, означающій сильное плодородіе ихъ. Образуетъ въ землѣ селитра легко опять выщелачивается, отъ-чего, при разложеніи почвы, рѣдко встрѣчаютъ ее. Чаще находятъ селитру въ растеніяхъ, собранныхъ съ почвы, производящей селитру; Впрочемъ, она составляетъ въ нихъ случайную и постороннюю, а не существенную составную часть, какъ, напр., въ свекловицѣ.

О другихъ естественныхъ соляхъ и упоминать излишне. Теперь о составленіи солей имѣютъ уже определенное понятіе, и весьма-рѣдко случается находить въ почвѣ соли, даже въ ничтожномъ количествѣ; поэтому слѣдовало бы наконецъ перестать толковать о соляхъ въ почвѣ и навозѣ, также и о маслѣ навозномъ, котораго вовсе въ немъ нѣтъ. Это производитъ только сбивчивыя понятія.

Металлическія соли, въ особенности желѣзный купоросъ. Въ новейшее время вошла между хозяевами въ славу металлическія соли, и въ особенности желѣзный купоросъ и сернокислѣе желѣзо. Прежде почитали купоросъ весьма-вреднымъ для растеній, и безплодную почву, иногда и не безъ причины, называли купоросною

Недавно, какъ теорія, такъ и современныя опыты научили употребленію купороса. Когда примѣчено, что кислородъ (оксигенъ) дѣйствуетъ на разверзаніе съмени и на произрастаніе молодыхъ растеній, то полагали, что кислородъ можно употреблять для этого посредствомъ окисей, кислотъ и кислыхъ солей. Но опредѣленное дѣйствіе его на растенія видели только отъ однихъ окисей и кислотъ, легко разлагающихся и освобождающихся изъ себя излишній кислородъ. Что касается до кислотъ и кислыхъ солей, то, по сдѣланнымъ опытамъ, дѣйствіе ихъ на прозябаніе или разверзаніе ростка еще весьма-сомнительно. Распущенный въ водѣ, желѣзный купоросъ, какъ удобряющее средство, при опытахъ также оказалъ различныя дѣйствія; иные не замѣтили ихъ вовсе, другіе замѣтили вредныя, а нѣкоторые испытатели замѣтили весьма-полезныя отъ него дѣйствія. Большая часть этихъ опытовъ была сдѣлана безъ опредѣленнаго означенія количества употребленнаго купороса и безъ разложенія смоченной имъ земли. Но то и другіе столь необходимо, что безъ этого невозможно разрѣшить противорѣчащихъ одинъ другому послѣдствій опытовъ.

Случайныя испытанія, сдѣланныя съ удобряющею силою ископаемыхъ, проникнутыхъ желѣзнымъ купоросомъ, придали этому дѣлу практическую важность, которой бы они безъ того никогда не имѣли. Именно въ Англіи нашли торфъ, содержащій въ себѣ желѣзный купоросъ, а въ Германіи, въ графскомъ эйнзидельскомъ помѣсть Рейберсдорфъ, такой же каменный уголь, которые, будучи употреблены въ малыхъ количествахъ, оказались сильными удобряющими средствами.

Изъ этихъ опытовъ видно, что желѣзный купоросъ производитъ на произрастаніе весьма-сильное дѣйствіе, если онъ тѣсно соединенъ съ углемъ. Здѣсь, при содѣйствіи свѣта и воздуха, вѣроятно, происходитъ разложеніе серной кислоты, которой кислородъ соединяется съ углеродомъ и образуетъ или угольную кислоту, или ей подобное, весьма-питательное для растеній вещество. Сѣра и уголь, не безъ вѣроятности, составляютъ посредствомъ водорода, въ углѣ находящагося, новое благодѣтельное для произрастанія соединеніе.

Равнымъ образомъ и чистый желѣзный купоросъ можетъ также соединяться съ перегноемъ, находящимся въ почвѣ, и чрезъ то дѣйствовать на нее полезнымъ образомъ; но безъ перегноя дѣйствіе его будетъ только вредно. Точнѣйшіе опыты могутъ пояснить это дѣйствіе и въ особенности показать, полезно ли, и при какихъ именно условіяхъ полезно удобреніе почвы купоросомъ.

Большая и рѣшительная польза каменнаго угля и торфа, содержащихъ въ себѣ желѣзный купоросъ, должны поощрять къ отысканію ихъ и къ употребленію для удобренія земли.

Отысканный уголь разбиваютъ въ порошокъ и разсыпаютъ его по полю, передъ посѣвомъ или послѣ посѣва, но не запахиваютъ.

Относительно количества употребляемаго угля, надобно быть

осторожнымъ. Большое количество его для полей вредно, и гдѣ кучи съ купоросомъ соединеннаго угля пролежатъ нѣсколько дней или часовъ, на тѣхъ мѣстахъ нѣсколько лѣтъ ничего не родится; почему надобно его сваливать на межки или по краямъ дорогъ. На глинистую и известковую землю можно разсыпать этого угля отъ 60 до 70 четвериковъ на осминникъ, а на песчано-известковую только отъ 30 до 36 четвериковъ на восьминникъ.

Кислоты. Почва, взятая для опытовъ, содержала въ себѣ известъ, на которую сѣрная кислота дѣйствовала очень хорошо. Она производила здѣсь гипсъ, освобождая угольную кислоту, изъ чего, слѣдовательно, по аналогіи, можно было объяснить полезное дѣйствіе кислотъ. Почва же, на которую кислоты произвели вредное дѣйствіе, нисколько не содержала въ себѣ известъ.

Зола. Наконецъ, къ сильнымъ и часто употребляемымъ удобряющимъ средствамъ принадлежитъ зола.

Выжженная зола состоитъ изъ земель и поташа, къ которымъ иногда бывають примѣшаны металлическія окиси и различныя соли. Между землями преимущественно находится въ золѣ известъ, хотя бы растенія, давшія золу, росли и не на известковой почвѣ.

Поташъ, какъ разлагающее средство, безъ-сомнѣнія, можетъ производить сильно-удобряющее дѣйствіе. Но по-большой-части для этого употребляютъ уже выщелоченную золу, которая, однакожь, также сильно дѣйствуетъ на растительную землю, хотя и слабѣе невыщелоченной. По этому въ выщелоченной золѣ должно быть особенное, доселѣ неизвѣстное намъ свойство, по которому она дѣйствуетъ сильнѣе, нежели въ такомъ же количествѣ особо-взятая земля, составляющія золу. Можетъ-быть, въ ней заключается непримѣтный нашимъ чувствамъ остатокъ растительной жизни. Эта мысль, кажется, подтверждается тѣмъ наблюдениемъ, всѣми вообще сдѣланнымъ, что зола, пережигаемая медленнымъ огнемъ и безъ свободного протеченія воздуха, гораздо дѣйствительнѣе для удобрения, нежели пережженная сильнымъ, голымъ огнемъ.

Для увеличенія силы не выщелоченной золы перѣдко смѣшиваютъ ее съ свѣже-пережженою и обращенною въ порошокъ известью и смачивають немного ихъ водою, отъ чего зола дѣлается ѣдкою. Это средство, въ маломъ, впрочемъ, количествѣ, иногда употребляютъ для удобрения, особенно дятлины, или клевера. Также посыпають иногда известью и выжженные дуга.

Чаще всего употребляется на удобрение выщелоченная зола, остающаяся на мыловарняхъ. Она очень-мало содержитъ въ себѣ поташа, но смѣшана съ известью, и, по-большой-части, съ студенистыми и другими остатками отъ топленнаго жира, какіе бывають на свѣчныхъ и мыльныхъ заводахъ. Обыкновенно, съ этою золою мѣшаютъ также всякій домашній соръ и помой, но отъ этого она не дѣлается лучше. Удобряющая сила ея столь всѣмъ извѣстна, что такую золу отыскивають и привозять изда-

лека, хотя лѣтъ за тридцать во многихъ мѣстахъ ее выбрасывали, какъ бесполезный соръ.

Она чаще всего употребляется для посыпки луговъ, на которыхъ содѣйствуетъ къ сильному произрастанію, вмѣсто моха, хорошихъ травъ и особенно изъ рода дяглины.

Не менѣе она дѣйствительна и на пахатныхъ поляхъ. Только ее должно, какъ и всѣ подобныя удобренія, хорошенько перемѣшать съ землею, и на первый разъ запахать какъ можно мельче, такъ, чтобъ доставать ее бороною. Ее разсыпаютъ отъ тридцати-шести и не болѣе сорока четвериковъ на восемникъ. На тощей землѣ она не принесетъ пользы. По этому-то зола эта и вошла въ славу тамъ, гдѣ поля сами-по-себѣ были плодоносны, въ такомъ случаѣ разъ и дѣйствіе ея продолжительнѣе, и, какъ увѣряютъ, замѣтно отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ, однакожь, конечно, не безъ удобренія земли навозомъ, какъ говоритъ Бенкендорфъ.

Въ каждомъ домѣ, впрочемъ, собирается нѣсколько выщелоченной золы, и хотя ея не много, однакожь, она стѣбитъ того, чтобъ ее собирали и должнымъ образомъ употребляли въ пользу. Гдѣ бросаютъ ее комками на скотный дворъ, тамъ она мало приноситъ пользы, ибо золу непременно надобно употреблять въ видѣ порошка, если хотятъ видѣть отъ нея хорошее дѣйствіе; положенная же на землю кучею, она дѣлаетъ то мѣсто бесплоднымъ.

Торфяная зола не только весьма-отлична отъ древесной, потому-что, при всѣхъ извѣстныхъ испытаніяхъ, въ ней не найдено свободнаго поташа, но и въ разныхъ родахъ торфа составныя части ея весьма-различны. Если въ торфѣ не много песку, то известъ есть главная, составная часть его золы, въ которой она находится въ свободномъ углекисломъ, сѣрнокисломъ, фосфорно и уксуоки-сломъ состояніи. Она содержитъ въ себѣ также значительную часть желѣзнаго окисла, а иногда и желѣзнаго купороса, если онъ, при сильномъ раскаленіи торфа огнемъ, не разложился.

Въ Англіи приписали такую большую силу золѣ вмѣстѣ съ дѣйствіемъ огня, что начали совѣтовать не только сжигать на поляхъ остающееся пожниво, но и всю солому послѣ обмолоченнаго хлѣба вывозить опять на поля и сжигать на нихъ, полагая по нѣкоторымъ опытамъ, что сожженная солома даже полезнѣе вывезенной въ навозъ. Мы оставимъ это замѣчаніе безъ возраженія, потому-что съ однимъ только можно согласиться, что лишь при нѣкоторыхъ условіяхъ иногда не худо сжигать солому, и то на весьма-тучныхъ земляхъ. Въ Венгріи, въ отличво-хлѣбородныхъ мѣстахъ, также употребляется пожегъ жнива.

Остатки въ солонварняхъ, накипь въ котлахъ и очистки съ шестовъ, часто смѣшанные съ золою, принадлежатъ къ числу сильно-удобряющихъ средствъ и покупаются сосѣдними хозяевами. Осадокъ на котлахъ и накипь, прилипающая къ стѣнамъ солонварень, хотя и состоятъ болѣе изъ гипса, но всегда смѣшаны, и съ

другими соляными частицами. Иные цѣнятъ ихъ выше гипса, а другіе едва наравнѣ съ нимъ.

Имѣя гипсъ, при легкой заправкѣ его въ богатую отъ природы землю, можно продолжить въ ней силу къ произведенію клевера, или дятлины. Я не говорю уже о навозѣ, какой можно получать имѣя хозяйство по близости городовъ, ни объ удобряющихъ остаткахъ съ нѣкоторыхъ мануфактуръ.

Впрочемъ, никакъ нельзя брать себѣ за образецъ такихъ хозяйствъ, которые имѣютъ всѣ средства пользоваться со стороны навозами, и получаютъ отъ-того блестящіе успѣхи, которыхъ они нѣрѣдко требуютъ и отъ другихъ, неимѣющихъ возможности подражать имъ въ приобрѣтеніи и употребленіи удобреній.

БАРОНЪ ФЕДОРЪ УНГЕРНЪ-ШТЕРНБЕРГЪ.

ОПЫТЪ О НАРОДНОМЪ БОГАТСТВѢ ИЛИ О НАЧАЛАХЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. Сочиненіе Александра Бутовскаго. Три тома. Санктпетербургъ. 1847.

Статья вторая и послѣдняя.

=

Оканчивая первую статью о книгѣ г. Бутовскаго, мы указали въ немногихъ словахъ на важнѣйшіе ея недостатки и обѣщали подтвердить свое мнѣніе подробнѣйшими доказательствами. Приступая теперь къ исполненію этого обѣщанія, просимъ читателей припомнить содержаніе тѣхъ заключеній, оправданію которыхъ мы посвящаемъ эту статью. Сообразно съ этимъ содержаніемъ, мы должны теперь доказать, во-первыхъ, что г. Бутовскій относительно всѣхъ вопросовъ, рѣшаемыхъ различноэкономистами, не предлагаетъ самъ никакихъ опредѣленныхъ рѣшеній и противорѣчитъ себѣ на каждомъ шагѣ; во-вторыхъ, что во всѣхъ частяхъ науки, обработанныхъ новыми школами, онъ придерживается устарѣлаго и неправильнаго взгляда прежнихъ писателей, и наконецъ, въ-третьихъ, что даже объясненіе категорическаго, безспорнаго содержанія политической экономіи не можетъ быть признано удовлетворительнымъ, по причинѣ неполноты и безпорядочности изложенія, темноты и напыщенности слога и даже, мѣстами,

безграмматичности языка—недостатковъ, характеризующихъ сочиненіе г. Бутовскаго со стороны формы.

Докажемъ сначала первое изъ этихъ заключеній. Для этого достаточно будетъ разобрать двѣ первыя главы «Опыта о Народномъ Богатствѣ», въ которыхъ излагаются общія понятія о политической экономіи и предварительныя опредѣленія важнѣйшихъ экономическихъ терминовъ. Въ этихъ двухъ главахъ, предметъ которыхъ составляютъ самые запутанные и спорные вопросы науки, всего яснѣе обнаруживается искусство г. Бутовскаго прикрывать недостатокъ убѣжденій и незнаніе дѣла наборомъ громкихъ и пустыхъ фразъ. Съ другой стороны, вопросы, рѣшаемые въ этихъ главахъ, принадлежать, какъ видно съ перваго взгляда, къ числу самыхъ важныхъ, самыхъ существенныхъ вопросовъ, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ и самый взглядъ на науку, и способъ ея изложенія. Поэтому, намъ кажется, что дѣло г. Бутовскаго будетъ совершенно проиграно въ мнѣніи читателей, если мы успѣемъ доказать, что онъ не

успѣлъ ни составить себѣ ясной идеи о предметѣ, методѣ и предѣлахъ политической экономіи, ни опредѣлить точнымъ и вѣрнымъ образомъ основныя понятія своей науки — понятія о полезности, цѣнности и богатствѣ.

Слѣдуя порядку изложенія, принятому самимъ авторомъ, начнемъ съ перваго параграфа его «Вступленія», въ которомъ разсматривается, какъ сказано въ оглавленіи, предметъ науки «народнаго богатства или политической экономіи». Считаемо лишнимъ предупредить читателей, что въ отношеніи къ этому вопросу существуетъ нѣсколько разныхъ мнѣній. Одни признаютъ предметомъ политической экономіи — богатство (школа Смита); другіе — матеріальное благосостояніе или довольство (Сисмонди, Дрозъ, Видалъ); третьи — общественную жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ (новѣйшія школы). Надо замѣтить притомъ, что, въ слѣдствіе различныхъ опредѣленій слова «богатство», экономисты школы Смита, по-видимому, согласные другъ съ другомъ въ существѣ дѣла, понимаютъ весьма неодинаково настоящій предметъ своей науки. При такомъ разногласіи, естественно рождается вопросъ: котораго изъ этихъ мнѣній придерживается г. Бутовскій въ своемъ опредѣленіи? Выписываемъ его собственныя слова.

«Политическая экономія (такъ оканчивается онъ свой первый параграфъ) развивая идею полезнаго, откроетъ законы, по которымъ люди, не измѣняя всѣмъ прочимъ условіямъ усовершенности рода человеческого, обрѣтаютъ въ своей собственной дѣятельности и въ природѣ ихъ окружающей, средства къ удовлетворенію своимъ потребностямъ.»

«Последняя наука составляетъ предметъ нашего изложенія.» (Стр. VI).

Остановимся на этомъ опредѣленіи и замѣтимъ прежде всего, что имъ вовсе не рѣшается тотъ вопросъ, который мы сейчасъ себѣ задали и который долженъ бы быть рѣшенъ именно этимъ опредѣленіемъ, какъ видно изъ самаго заглавія параграфа. Г. Бу-

товскій какъ-будто нарочно употребилъ такія неопредѣленные и неясныя выраженія, чтобъ не высказать прямо своего мнѣнія и оставить читателей въ недоумѣніи, чьихъ началъ онъ придерживается: Сэ, Сисмонди, или новѣйшихъ школъ? Нѣчего и говорить, что читатель, вовсе-незнакомый съ политической экономіей и только-что приступающій къ ея изученію, не будетъ имѣть возможности составить себѣ ясное понятіе объ этой наукѣ, основываясь на опредѣленіи г. Бутовскаго, опредѣленіи, поражающемъ многочисленностью собранныхъ въ немъ признаковъ и неопредѣленностью каждаго изъ нихъ въ частности. По всего замѣчательнѣе, что выписанныя нами строки, въ которыхъ рѣшается самый основной вопросъ науки, вопросъ объ ея предметѣ, представляютъ уже въ себѣ какъ-бы предвзвѣшеніе тѣхъ рѣзкихъ противорѣчій, которыми наполненъ «Опытъ о Народномъ Богатствѣ». Въ нихъ говорится, что политическая экономія съ одной стороны—развиваетъ идею полезнаго, а съ другой — открываетъ законы, по которымъ люди обрѣтаютъ средства для удовлетворенія своимъ потребностямъ. Не говоря уже о томъ, что выраженіе: «развить идею полезнаго» не имѣетъ рѣшительно никакого значенія, замѣтимъ только, что при такомъ опредѣленіи сомнѣваются два понятія, изъ которыхъ одно есть только видъ другаго. Идея полезнаго въ обширномъ смыслѣ есть идея сообразности средства съ цѣлью вообще, какова бы ни была эта цѣль. Но, по словамъ г. Бутовскаго, къ сферѣ политической экономіи принадлежатъ только тѣ средства, которыя сообразны съ цѣлями человѣка, т. е. съ его стремленіемъ къ удовлетворенію своихъ потребностей. Очевидно, что, основываясь на одной и той же фразѣ, мы можемъ по произволу дать политической экономіи или обширное или тѣсное значеніе, признать предметомъ ея идею цѣлесообразности вообще, смѣшавъ ея такимъ образомъ съ метафизической и естественной теологіей, или, напротивъ,

ограничить кругъ ея дѣятельности изслѣдованіемъ того только, что полезно въ отношеніи къ человѣку, что сообразно съ ея цѣлями. Г. Бутовскій могъ бы весьма-легко избѣжать такого противорѣчія, еслибъ вспомнилъ кстати о словахъ Росси, съ мнѣніями котораго онъ соглашается въ большей части случаевъ. «Цѣнность» говоритъ Росси (Cours d'écon. pol. Leçon III) «есть не что иное, какъ полезное, разсматриваемое въ его специальномъ отношеніи къ удовлетворенію нашихъ нуждъ: сдѣлательно, это—идея не столь обширная, какъ идея о безусловно-полезномъ. Слово полезное можетъ быть принимаемо, въ его отвлеченномъ и общемъ смыслѣ, къ такимъ вещамъ, которыя не возбуждаютъ въ насъ ни желанія, ни страха. Если намъ изложить систему міра, мы можемъ назвать полезнымъ для механизма вселенной существованіе извѣстнаго числа солнечныхъ системъ; но это будетъ не болѣе, какъ актъ нашего разума, немѣющій никакой связи съ удовлетвореніемъ нашихъ потребностей.»

Итакъ, опредѣленіе предмета политической экономіи, сдѣланное г. Бутовскимъ, по неясности и различію соединенныхъ въ немъ признаковъ, не можетъ еще быть названо опредѣленнымъ. Вопросъ о взглядѣ автора на предметъ науки остается еще, сдѣлательно, нерѣшеннымъ. Поищемъ же для его рѣшенія другихъ данныхъ, болѣе-удовлетворительныхъ. Одну изъ такихъ данныхъ представляетъ самое заглавіе книги, которое ясно показываетъ, что г. Бутовскій считаетъ предметомъ политической экономіи «народное богатство» (*). И дѣйствитель-

(*) Не мѣшало бы замѣтить, что г. Бутовскій далъ своей книгѣ два заглавія. Что-нибудь одно: или эти два заглавія означаютъ одно и то же, и тогда одно изъ нихъ совершенно бесполезно, или между ними есть различіе, и тогда мы имѣемъ полное право предполагать, что г. Бутовскій не имѣетъ яснаго понятія о зна-

но, въ двухъ первыхъ частяхъ «Опыта» есть много мѣстъ, подтверждающихъ справедливость такого заключенія. Въ предисловіи, на-примѣръ, г. Бутовскій говоритъ, что «его цѣлью было представить въ сколь-можно-ясномъ и простомъ изложеніи естественные законы производства, обращенія, распределенія и потребленія *богатства народнаго*». Далѣе, какъ въ первыхъ двухъ главахъ, такъ и въ послѣдующихъ, г. Бутовскій часто употребляетъ выраженіе: «политическая экономія или наука о народномъ богатствѣ». Наконецъ, въ девятомъ параграфѣ второй главы (стр. 57) онъ повторяетъ снова, что цѣль науки народнаго хозяйства состоитъ въ томъ, чтобъ изложить естественные законы «производства, обращенія, распределенія и потребленія *богатства* въ обществѣ». Такое мнѣніе, въ существѣ своемъ несправедливое, весьма-понятно со стороны послѣдователя Св; непонятно только, что г. Бутовскій въ одной и той же главѣ — мало того, въ одномъ и томъ же періодѣ, высказываетъ на этотъ счетъ мнѣнія, взаимно другъ друга уничтожающія. Въ фразѣ, выписанной нами изъ предисловія, къ тѣмъ словамъ, въ которыхъ говорится, что авторъ имѣлъ цѣлью изложить законы производства, распределенія, обращенія и потребленія *богатства* народнаго, присоединены слова: «и тѣ логическія условія этого движенія, отъ которыхъ наиболѣе зависятъ степень общественнаго *благодостоянія*». Далѣе, во второмъ параграфѣ «Вступленія», въ которомъ доказывается, что политическая экономія принадлежитъ къ разряду наукъ нравственно-политическихъ, говорится уже прямо, что *благодостояніе* есть настоящій предметъ этой науки.

ченіи изложенной имъ науки. Это предположеніе тѣмъ правдоподобнѣе, что слово «политическая экономія» въ буквальномъ его смыслѣ вовсе не означаетъ науки «о народномъ богатствѣ».

«Политическая экономія или наука о народномъ богатствѣ, исключительно посвящающая себя изученію средствъ, помощью которыхъ люди, въ обществѣ живущіе, достигаютъ возможнаго *благополучія* (*), принадлежить къ подраздѣленію наукъ политическихъ.» (Стр. X, XI).

Такимъ-образомъ, г. Бутовскій на одной страницѣ признаетъ, вмѣстѣ съ Сэ, предметомъ политической экономіи богатство, а на другой соглашается съ мнѣніемъ противника Сэ — Сисмонди, доказывающаго, какъ извѣстно, что наука о богатствѣ должна быть названа хрематистикою, а не политической экономіей, и что послѣдняя должна заниматься исключительно *благополучіемъ* чловѣка, живущаго въ обществѣ, а вовсе не богатствомъ. Но это еще не все. Стоить только вникнуть глубже въ смыслъ фразы г. Бутовскаго, выписанной нами изъ перваго параграфа, чтобы убѣдиться, что онъ вовсе не думаетъ отвергать мнѣніе новѣйшихъ школъ, признающихъ необходимымъ соединить всѣ общественныя науки въ одно цѣлое. Въ этой фразѣ, онъ говоритъ прямо, не дѣлая никакихъ оговорокъ, что политическая экономія должна заботиться объ открытіи законовъ, по которымъ люди обрѣтаютъ *средства для удовлетворенія своимъ потребностямъ*. Но

(*) Въ томъ, что г. Бутовскій употребилъ здѣсь слово «благополучіе», нельзя видѣть простой случайности: то же выраженіе употребляется имъ и во многихъ другихъ мѣстахъ «Вступленія». На стр. XXVI онъ говоритъ, что теорія политической экономіи образуется «изъ общихъ законовъ, по которымъ люди стремятся къ обезпеченію своего *благополучія* въ жизни общественной», а на стр. XXXVII повторять, что она «излагаетъ законы, на которыхъ утверждается *благополучіе* народное». Еще рѣзче выражается г. Бутовскій въ седьмой главѣ перваго тома, гдѣ говоритъ, что «цѣль всѣхъ вообще промысловъ заключается въ самомъ чловѣкѣ, въ доставленіи ему наибольшей степени *благополучія*».

очевидно, что подъ этими словами онъ разумѣетъ какъ вещественныя, такъ и невещественныя средства, какъ физическія потребности чловѣка, такъ и потребности его умственные, нравственные, и т. д.; въ противномъ случаѣ онъ выразился бы безъ сомнѣнія иначе и сказалъ бы, что *вѣдѣнію* политической экономіи подлежатъ одни только вещественныя средства, служащія къ удовлетворенію матеріальныхъ потребностей чловѣка. Опустивъ эти эпитеты, онъ выразилъ тѣмъ самымъ, что раздѣляетъ вполне не только прежній, но и позднѣйшій образъ мыслей учителя своего Сэ, который, какъ извѣстно, признавъ политическую экономію, въ своемъ первомъ «Трактатѣ», наукою о богатствѣ, отступилъ въ послѣдствіи отъ этого мнѣнія и въ своемъ послѣднемъ «Курсѣ» включилъ въ сферу экономическаго науки всѣ различныя отправленія общественнаго организма. Г. Бутовскій и тутъ остался вѣренъ ученію Сэ, высказавъ, подобно ему, два мнѣнія совершенно-противоположныя о самомъ существѣ вопроса науки. Не дѣлая никакого различія между матеріальными и нематеріальными потребностями чловѣка, г. Бутовскій говоритъ о потребностяхъ вообще. Но самъ же онъ утверждаетъ, что въ чловѣкѣ, кромѣ физическихъ нуждъ, существуютъ еще многообразныя потребности — потребность знать истину, потребность наслаждаться изящнымъ, потребность осуществлять въ своихъ поступкахъ и въ отношеніяхъ къ другимъ людямъ идею добра, идею права. Тѣ различныя науки, которые, какъ сознается самъ же авторъ, указываютъ средства для удовлетворенія *нравственныхъ, умственныхъ, эстетическихъ потребностей*, т. е. философія, эстетика, правоученіе, и т. д. — входятъ, следовательно, по понятію г. Бутовскаго, въ составъ политической экономіи, заслуживающей, безъ сомнѣнія, въ такомъ случаѣ названія «общественной науки». Съ этимъ мнѣніемъ наше

совершенно согласны, но не можемъ понять одного: почему въ началѣ страны онъ говоритъ о наукѣ народнаго богатства, какъ о наукѣ самостоятельной, а въ концѣ той же страны уничтожаетъ ея самостоятельность и соединяетъ ея съ философией, нравученіемъ, правовѣдніемъ и эстетикой въ одну науку, которой даетъ общее, впрочемъ, весьма-неправильное названіе политической экономіи?

Основываясь на томъ, что мы сейчасъ сказали, имѣемъ полное право заключить, что г. Бутовскій признаетъ предметомъ политической экономіи — богатство, вмѣстѣ съ послѣдователями Смита, благосостояніе вмѣстѣ съ Сисмонди и всѣ общественныя явленія вмѣстѣ съ новѣйшими школами. Очевидно, что онъ не успѣлъ составить себѣ опредѣленнаго понятія о настоящемъ предметѣ той науки, изученію которой посвятилъ какъ говоритъ самъ нѣсколько лѣтъ своей жизни.

Но погодите: это еще не все. Вмѣстѣ съ вопросомъ о предметѣ политической экономіи тѣсно связанъ другой, также основной вопросъ, о назначеніи и обязанностяхъ этой науки въ отношеніи къ ея предмету. Мы уже видѣли, что и на-счетъ этого вопроса существуетъ нѣсколько противоположныхъ мнѣній. Школа Смита, ограничивая кругъ своей дѣятельности описаніемъ существующаго порядка вещей, требуетъ, чтобъ политическая экономія не заботилась объ оцѣнкѣ его разумности и объ указаніи средствъ для исправленія его недостатковъ. Новѣйшія школы, напротивъ, придаютъ политической экономіи назначеніе исключительно-практическое и хотятъ, не изучая существа экономическихъ законовъ, открыть вѣрныя средства для обезпеченія возможно-большаго благосостоянія всѣмъ членамъ общества. Признавъ несправедливымъ какъ то, такъ и другое мнѣніе, мы сказали (въ нашей первой статьѣ), что какъ вся общественная наука, такъ и одна изъ частей ея — политическая экономія — должны собствен-

но изучать дѣйствительные законы общественной жизни, съ тою, впрочемъ, цѣлью, чтобъ, не ограничиваясь однимъ удовлетвореніемъ любопытства, примѣнить приобретенныя познанія къ усовершенствованію общественнаго быта. По нашему мнѣнію, дѣятельность практическая, о которой всего болѣе хлопочутъ социалисты, не составляетъ исключительнаго назначенія науки, но входитъ, однако, въ кругъ ея вѣдѣній, какъ одинъ изъ самыхъ необходимыхъ элементовъ. Для большаго уясненія нашей мысли, можемъ сказать, что общественная наука должна, по нашему понятію, раздѣлиться на двѣ части: первой, теоретической, должно достаться въ удѣлъ простое изученіе и изложеніе общественныхъ (въ настоящемъ случаѣ — экономическихъ) законовъ; второй, практической, — указаніе надлежащихъ средствъ для освобожденія общественнаго организма отъ современныхъ его болѣзней и недостатковъ. Такой взглядъ можетъ, по нашему мнѣнію, примирить экономистовъ съ социалистами и отдѣлить въ каждомъ изъ этихъ мнѣній — справедливое и основательное отъ того, что въ нихъ есть слишкомъ-безусловнаго и исключительнаго (*). Но г. Бутовскій вовсе не допускаетъ необходимости такого примиренія; онъ говоритъ весьма-рѣшительно, что политическая экономія не должна подавать никакихъ прямыхъ совѣтовъ, а должна излагать простосущественныя законы производства, распределенія и употребленія богатствъ.

(*) Какъ безусловны въ этомъ случаѣ сужденія экономистовъ, видно изъ слѣдующихъ словъ Сэ и Сеньйора: «Когда экономія (говоритъ Сэ) взяла на управленіе государство, понятно, что она могла внушать опасенія власти; но этой опасности нечего бояться теперь, когда наука состоитъ единственно въ описаніи того, что и какъ происходитъ въ обществѣ». — Экономистъ (говоритъ Сеньйоръ) не можетъ дать ни одного практическаго совѣта; выведенныя имъ заключенія не даютъ ему на то ни малѣйшаго права».

(стр. 34). Онъ раздѣляетъ ее на двѣ части: теоретическую и прикладную; но прикладная часть, такъ, какъ онъ ее опредѣляетъ, не имѣетъ ничего общаго съ частію практической, такъ, какъ мы ее понимаемъ. По его словамъ (стр. XXX), прикладная политическая экономія должна прилагать общія теоретическія свѣдѣнія не къ открытію средствъ для усовершенствованія общественной организаціи, но единственно къ объясненію различныхъ результатовъ, которыми сопровождаются экономическіе законы, въ существѣ своемъ одинакіе при различныхъ обстоятельствахъ мѣста, времени и народа. На этомъ основаніи, г. Бутовскій энергически вооружается противъ тѣхъ писателей, которые, кромѣ прикладной части, допускаютъ еще и существованіе особой собственно-практической части. Онъ считаетъ ихъ «противниками науки» и называетъ «практическую экономію» — «наукою мнимую», говоритъ прямо, что не только не можетъ признать ее, но не можетъ даже и дать себѣ отчета въ ея существованіи, независимомъ отъ теоріи» (стр. XXVIII). Послѣднія три слова не должны вводить въ заблужденіе. Г. Бутовскій нападаетъ не на разрывъ практики съ теоріею, но на самое стремленіе сообщать политической экономіи практическое значеніе. Это видно изъ предъидущихъ его словъ, нами выписанныхъ, и еще болѣе изъ всего содержанія его книги, въ которой, согласно съ общаніемъ, сдѣланнымъ на стр. 34, не подается почти ни разу ни одного прямого совѣта, а излагается просто нынѣшній порядокъ производства и распредѣленія богатствъ въ современныхъ обществахъ.

Но если такъ, то почему же г. Бутовскій, столь рѣшительно возстающій противъ людей, которые допускаютъ существованіе практической экономіи, говоритъ самъ на стр. XI, что политическая экономія «исключительно посвящаетъ себя изученію *средствъ*, помощью которыхъ люди, въ обществѣ живущіе, достигаютъ возможнаго бла-

госостоянія? Если действительно исключительное назначеніе политической экономіи состоитъ въ изученіи средствъ для достиженія благосостоянія, то ясно, что она—наука исключительно практическая, вовсе неимѣющая теоретическаго характера. Г. Бутовскій можетъ намъ сказать, что мы привязываемся къ словамъ, случайно у него вырвавшимся; но на это мы отвѣтимъ, что такой случайности въ употребленіи словъ нельзя допустить въ фразѣ, гдѣ предлагается прямое опредѣленіе науки, тѣмъ болѣе, что совершенно такія же фразы встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ его «Вступленія». Для примѣра можно привести стр. XXV, на которой читаемъ слѣдующее:

«Она (политическая экономія) предохраняетъ ихъ (правителей) отъ множества заблужденій, ошибокъ; открываетъ намъ настоящія причины множества фактовъ, ихъ занимающихъ, указываетъ спрылишія средства къ отращенію различныхъ неудобствъ, съ которыми они принуждены бороться (стало-быть, практическая экономія не есть наука «мнимая»?); Даже не принимаяемая, и тогда, когда ея совѣты раздаются въ пустыню (стало-быть политическая экономія имѣетъ право давать совѣты?), политическая экономія предлагаетъ драгоценное содѣйствіе людямъ государственнымъ:—они видятъ въ ней критику на существующее (стало-быть, политическая экономія состоитъ не въ одномъ простомъ изложеніи экономическихъ законовъ?), и могутъ судить о тѣхъ недостаткахъ въ устройствѣ общественномъ, которыхъ отвратить не позволяютъ обстоятельства, отъ нихъ независимыя. Въ такомъ случаѣ они, по крайней мѣрѣ, могутъ издаека приготовить благотворныя перемѣны, которыми воспользуется потомство.

Не правда ли, какъ клеветы эти слова съ тѣмъ, что говорилъ авторъ на стр. XXVIII о невозможности допустить существованіе практической экономіи? Да послужитъ это новымъ примѣромъ готовности г. Бутовскаго приносить логику въ жертву электизму! Ясно, что русскій экономистъ такъ же мало понимаетъ настоящее назначеніе

политической экономіи, какъ мало понимаетъ онъ и существо ея предмета!

Съ такою же логичностію рѣшенъ авторомъ и вопросъ о методѣ, свойственной экономической наукѣ. Мы уже видѣли, что и въ этомъ отношеніи существуютъ два противоположныя мнѣнія. Большая часть экономистовъ настаиваетъ на необходимости употреблять въ изслѣдованіи экономическихъ вопросовъ методу эмпирическую, опытную. Соціалисты, напротивъ, возстаютъ съ негодованіемъ противъ «грубаго» эмпиризма своихъ противниковъ и выводятъ всѣ экономическія начала изъ идеи разума и права. Что касается до г. Бутовскаго, то, не придерживаясь исключительно ни одного изъ этихъ мнѣній и не заботясь также о ихъ примиреніи, онъ разомъ принимаетъ и разомъ отвергаетъ то и другое... Странно, а между-тѣмъ такъ! Идущъ авторъ, съ одной стороны, беретъ въ эпиграфъ къ своему сочиненію слова Гумбольдта: «Законы природы должны быть не избрѣтаемы а priori, но открываемы наблюдениемъ» и повторяетъ въскольکو разъ, слѣдуя экономистамъ, что настоящее оружіе для усовершенствованія политической экономіи заключается въ наблюденіяхъ, опытѣ и анализѣ. Съ другой стороны, въ своемъ «Вступленіи» онъ, по примѣру соціалистовъ, сильно вооружается противъ эмпиризма и нападаетъ на него безпрестанно, кстатн и некстатн, въ самыхъ рѣзкихъ и энергическихъ выраженіяхъ. Подобно физическимъ, нравственные науки, говоритъ онъ на стр. III, «восходятъ отъ разсѣпанныхъ фактовъ къ законамъ, помощью наблюдений и анализа». Прекрасно! Значитъ, въ политической экономіи, по мнѣнію автора, должно слѣдовать не идеализму, а методѣ эмпирической? Нѣтъ, возражаетъ авторъ, эмпирическая метода есть метода ложная и вредная.

«Надо свергнуть нго эмпиризма!» (стр. IV). «Эмпиризмъ и ложныя системы — вотъ камни преткновенія, которыхъ должны избѣгать науки физическія. Эмпи-

ризмъ, ложныя системы и вліяніе страстей на убѣжденія — вотъ тучи затмевающія настоящіе законы, по которымъ должна слѣдовать свободно-разумная дѣятельность человѣка: ихъ-то стремятся разсѣять науки нравственныя. (Стр. V, VI). — Въ новѣйшія времена наука народного хозяйства разсѣяла наконецъ тучи эмпиризма и системъ, се затмевавшихъ. (Стр. XVIII). — Въ изслѣдованіи законовъ экономическихъ... должно бороться съ эмпиризмомъ, который угрожаетъ этой наукѣ болѣе, чѣмъ всякой другой. (Стр. XXII). — Въ послѣднее время политическая экономія, отбываясь отъ эмпиризма..... и т. д.» (Стр. XXXVII).

Спрашивается теперь: какъ примирить эпиграфъ сочиненія съ этими рѣзкими выходками противъ эмпиризма? Ясно, что г. Бутовскій или не хорошо знаетъ значеніе техническихъ терминовъ науки, или, что гораздо вѣрнѣе, не имѣетъ самъ опредѣленнаго мнѣнія на-счетъ экономической метода и только бессознательно повторяетъ съ чужаго голоса самыя противоположныя сужденія и толки.

Впрочемъ, исчислить всѣ противорѣчія, встрѣченныя нами въ книгѣ г. Бутовскаго, рѣшительно невозможно: они попадаются на каждомъ шагѣ, на каждой страницѣ. Сдѣланныя нами выписки достаточно показываютъ, что г. Бутовскій — электикъ попреимуществу, и притомъ такой электикъ, который соединяетъ бѣлое съ чернымъ безъ всякаго умысла, а просто, потому-что не отличаетъ ясно одного отъ другаго. Съ другой стороны, очевидно также, что «Вступленіе» г. Бутовскаго не разрѣшаетъ ни одного изъ основныхъ вопросовъ, которые слѣдовало въ немъ разрѣшить, не опредѣляетъ ни предмета политической экономіи, ни ея названія, ни, наконецъ, ея методы. Въ замѣтъ этого, мы находимъ во «Вступленіи» (которое, надо замѣтить, занимаетъ восемь параграфовъ и 39 страницъ) длинныя и весьма краснорѣчивыя разсужденія о предметахъ, о которыхъ собственно не слѣдовало бы и разсуждать. Въ немъ говорится весьма подробно и, разумѣт-

ся, высокимъ слогомъ о томъ, что политическая экономія есть наука нравственно-политическая, что она имѣетъ тѣсное соотношеніе съ другими нравственными и физическими науками, что она проливаетъ свѣтъ на исторію и статистику, что наука она важная и полезная, что изучать ее очень трудно, что писать экономическія руководства еще труднѣе, и проч., и проч. Не смотря на то, что всѣ эти истины давно сдѣлались аксіомами, г. Бутовскій доказываетъ ихъ справедливость систематически, самыми убѣдительными доводами. Все это, впрочемъ, весьма понятно. Надо же, чтобы было какое-нибудь вступленіе! надо же чѣмъ-нибудь его наполнить! А если не можешь рѣшить основные, спорные вопросы науки, то поневолѣ станешь распространяться о вопросахъ второстепенныхъ, невозбуждающихъ ни малѣйшаго спора. А въ этомъ отношеніи нельзя не отдать должной справедливости г. Бутовскому: онъ имѣетъ удивительную, рѣдкую способность говорить много и хорошо о предметахъ, по-видимому, совершенно ничтожныхъ — способность, которую можно назвать, говоря высокимъ слогомъ, — краснорѣчіемъ... Впрочемъ, для того, чтобы яснѣе доказать читателямъ это умѣнье нашего автора прикрывать цѣлтами риторики отсутствіе убѣжденій, и познакомиться ихъ съ языкомъ, слогомъ и манерою изложенія русскаго экономиста, мы изложимъ содержаніе перваго параграфа его книги, частію своими словами, частію (гдѣ будетъ нужно) словами самого автора.

Этотъ первый параграфъ носитъ, какъ сказано, слѣдующее заглавіе: «Предметъ науки народнаго богатства или политической экономіи». Само собою разумѣется, что, не опредѣливъ предмета науки, нельзя приступить и къ ея изложенію. Но вопросъ въ томъ, какъ опредѣляетъ его г. Бутовскій? Въ такомъ важномъ и спорномъ вопросѣ, ему предстало сдѣлать одно изъ двухъ: или привести всѣ мнѣнія писателей и, разобравъ каждое изъ нихъ,

высказать, въ заключеніе; свой собственный взглядъ, или, наоборотъ, начавъ съ развитія своихъ собственныхъ мнѣній, перейти потомъ къ оцѣнкѣ чужихъ взглядовъ, несогласныхъ съ этими мнѣніями. Ни того, ни другаго не сдѣлалъ г. Бутовскій. Параграфъ свой онъ наполнилъ совершенно-посторонними разсужденіями, имѣющими весьма-мало связи съ опредѣленіемъ предмета политической экономіи. Читатель, мало знакомый съ этой наукой и желающій познакомиться съ нею ближе, жестоко ошибется, если, попадѣвъ на заглавіе этого параграфа, будетъ ожидать отъ него точнаго опредѣленія политической экономіи. Видѣсто подобнаго опредѣленія, г. Бутовскій предлагаетъ рядъ такихъ мыслей, которые вовсе не ведутъ къ рѣшенію встоящаго вопроса. Онъ начинаетъ съ того, что доказываетъ необходимость постановленія предѣловъ каждой науки и раздѣляетъ всю сферу познаній на двѣ половины, причисля къ одной науки физическія, къ другой — науки нравственныя. Не считая нужнымъ доказывать правильность такого дѣленія наукъ, въ существѣ дѣла весьма-нелогическаго и давно уже отвергнутаго современными учеными, онъ продолжаетъ такъ:

«Какъ не замѣтить тутъ важнаго различія между науками физическими и нравственными. Первые обогащаютъ умъ наши познаніями; (,) открываютъ таинства природы; (,) объясняютъ ея законы; (,) передаютъ намъ ея силы; въ борьбѣ разума съ вещественностію эти науки можно уподобить перламъ, по которымъ впечатлѣнія внѣшнія проникаютъ до мозгу. Онѣ-то указываютъ людямъ все, что можетъ быть полезно или вредно въ природѣ; (,) все, что можетъ служить къ достиженію различныхъ цѣлей; (,) все, чего должно избѣгать. Вторыя, излагая въ стройномъ порядкѣ пути, по которымъ должна направляться свободно-разумная дѣятельность человѣка для достиженія, или избѣжанія различныхъ результатовъ, не только обогащаютъ насъ познаніями, но также руководятъ насъ въ жизни, въ сношеніяхъ съ природою и намъ подобными, провозглашаютъ законы развитія нашихъ силъ

и познаній. Ихъ можно уподобить мускуламъ, пріемлющимъ движеніе отъ мозга и сообщающимъ его членамъ огромнота тѣла челоѣчества». (Стр. II—III.)

Да въ чемъ-же состоитъ это *важное различіе* между науками физическими и нравственными? спросите вы. Выписанныя нами слова не дадутъ никакого отвѣта на этотъ вопросъ. Различіе по предмету уже прежде указаво было авторомъ. Различіе между первыми и мускулами весьма-фигурно, но вовсе не ясно. Притомъ же, давно извѣстно, что *comparaison n'est pas raison!* А кромѣ этой метафоры во всей выпискѣ нѣтъ ни одного слова, которое могло бы уяснить значеніе этого важнаго различія. «Науки физическія обогащаютъ нашъ умъ познаніями; но и науки нравственныя обогащаютъ насъ тѣмъ же; послѣднія не только обогащаютъ насъ познаніями, но и руководятъ насъ въ жизни, въ сношеніяхъ съ природою и намъ подобными; да вѣдъ и первыя также указываютъ людямъ все, что можетъ быть полезно или вредно въ природѣ; все, что можетъ служить къ достиженію различныхъ цѣлей, все, чего должно избѣгать». Изъ словъ автора должно заключить даже, что различія собственно нѣтъ никакого, что науки нравственныя суть только отрасль физическихъ, потому-что послѣднія указываютъ *все*, что можетъ служить къ достиженію различныхъ цѣлей. Притомъ же, если бы различіе и было указаво дѣйствительно, то спрашивается: какую пользу принесло бы оно для опредѣленія предмета политической экономіи?

Послѣ краткаго и опять таки ничѣмъ-недоказаннаго раздѣленія челоѣческой дѣятельности на пять категорій (полезное, правое, доброе, изящное, истинное), г. Бутовскій пользуется на счетъ эмпиризма, который представляется ему, неизвѣстно почему, самымъ важнымъ препятствіемъ къ *усмотрѣнію* законовъ нравственнаго міра и потому прибавляетъ:

«Другія важныя препятствія къ усмотрѣнію настоящихъ законовъ міра нравственнаго заключаются въ нашихъ страстяхъ, въ побужденіяхъ, сильно увлекающихъ свободно-разумную волю, въ которыхъ источникъ не въ разумѣ, но въ тѣлесной половинѣ нашего существа или въ воображеніи».

Странно! Какимъ же образомъ страсти и побужденія, въ которыхъ, какъ сказано было выше, кроется начало свободно-разумной дѣятельности челоѣка, увлекаютъ теперь свободно-разумную волю и препятствуютъ усмотрѣнію законовъ нравственнаго міра? Замѣчательно также, что, по опредѣленію автора, воображеніе и тѣлесная половина нашего существа — одно и то же. Но продолжаемъ выписки:

«Множество степеней представляетъ развитіе страстей. Вы откроете въ этихъ апормальныхъ (!! стало-быть, нормальный челоѣкъ долженъ быть безстрастенъ?) побужденій и въ *тихомъ*, почти *незамѣтномъ*, *внушеніи* *свокорыстія*, и въ *бурныхъ* *порывахъ зависти*, *мщенія*, въ *молчаливомъ* *сопротивленіи* *скрытаго самолюбія*, и въ *неистовыхъ* *продленіяхъ* *гордости*; въ *смутной* *наклонности* *къ лѣтъ* и *удобствамъ жизни*, и въ *сластолюбіи* *Сарданапала*».

Не правда ли: какъ хорошо и сильно сказано? Вотъ образецъ истинно-ученаго слога, соединяющаго точность выраженія съ живостью и рельефностью образовъ! Особенно нравится намъ фраза о «сластолюбіи Сарданапала»: въ двухъ словахъ показаны разомъ и знаніе риторика, и уваженіе къ нравственности, и ненависть къ чревоуголію, и глубокія свѣдѣнія въ исторіи. Прекрасно! Одного только не можемъ понять: почему именно авторъ считаетъ *внушенія* *свокорыстія* — «*тихими*, почти *незамѣтными*», *порывы* *зависти* и *мщенія* — «*бурными*»; *самолюбія* — «*серпытимъ*», а *наклонность* къ *лѣтъ* и *удобствамъ* жизни — *наклонностію* «*смутною*». Почему также, по его мнѣнію, *самолюбіе* *сопротивляется* и притомъ *сопротивляется* *молчаливо*; а *гордость* *проявляется* *неистовымъ* *образомъ*. Намъ кажется,

что фраза вышла бы еще лучше, если бы авторъ перестановилъ какъ-нибудь всѣ эти эпитеты, положимъ, хоть такъ:

«Вы откроете вліяніе этихъ аномальныхъ побужденій и въ бурныхъ порывахъ своекорыстія, и въ неистовыхъ провѣдѣніяхъ зависти, мщенія, и въ смутныхъ влущеніяхъ скрытаго самолюбія, и въ молчаливомъ сопротивленіи гордости, въ тихой, почти незамѣтной наклонности къ лѣнь и удобствамъ жизни и въ сластолюбіи Сардаинавала».

Если желаете, можете переставить слова иначе — смыслъ ихъ нисколько не измѣнится; одно только должно оставаться неприкосновеннымъ: это — эффектная фраза о сластолюбіи Сардаинавала...

Но хорошаго понемногу! Не выписываемъ слѣдующей за тѣмъ выходки противъ страстей, хотя и въ ней есть много замѣчательнаго, на-примѣръ, хоть то, что въ тѣ торжественныя минуты, когда разумъ, созидающій науку, дѣйствуетъ свободно и царственно, — человекъ *возвышается надъ собственнымъ существомъ*, т. е. перестаетъ быть человекомъ. Не выписываемъ также и вторичной выходки автора противъ бѣднаго эмпиризма, которому жестоко достается на каждомъ шагѣ. Замѣтимъ только, что вслѣдъ за этими вставочными разсужденіями о вредномъ вліяніи страстей и эмпиризма, авторъ переходитъ прямо къ опредѣленію различныхъ нравственныхъ наукъ (къ числу которыхъ относитъ между прочимъ и философію) и говоритъ: *«Такъ (въ чему относится это такъ — неизвѣстно), руководимая свѣтильникомъ разума философія укажетъ настоящіи стези для достиженія повзвѣща истиннаго, какъ въ мірѣ физическомъ, такъ и въ мірѣ нравственномъ»* (полно въ этомъ ли состоитъ предметъ философіи? не смѣшивается ли ея авторъ съ логикою?); *«эстетика въ обширномъ значеніи слова отягощаетъ людей (законы?) гармоніи, согласія и т. д.»* Фраза оканчивается опредѣленіемъ предмета политической экономіи, или, лучше ска-

зать, подобіемъ опредѣленія, потому что, какъ мы видѣли, въ немъ соединено множество признаковъ, совершенно-безцѣльныхъ по своей малости общности и, сверхъ того, рѣзко противорѣчащихъ одинъ другому. Спрашивается теперь: къ чему ведетъ весь этотъ параграфъ и не лучше ли было бы, если бы авторъ, вмѣсто своихъ краснорѣчивыхъ възгласовъ о гнусности страстей и эмпиризма, высказывалъ коротко и ясно, сообразно съ заглавіемъ параграфа, мнѣніе свое о настоящемъ предметѣ политической экономіи?

Переходимъ теперь къ разбору главы: *«О богатствѣ вообще»*. Въ этой главѣ опредѣляется значеніе важнѣйшихъ терминовъ политической экономіи, выражающихъ основныя ея понятія. Кто не понимаетъ смысла этихъ терминовъ, тотъ не пойметъ и самой науки. Посмотришь же теперь: имѣетъ ли авторъ *«Опыта»* сколько-нибудь опредѣленное понятіе о значеніи словъ: *«полезность»*, *«цѣнность»* и *«богатство»*.

Въ первомъ параграфѣ этой первой главы, г. Бутовскій доказываетъ, по своему обыкновенію, весьма-краснорѣчиво, что человекъ *«влечитъ цѣни организмъ»*, что онъ имѣетъ потребности, что потребности эти разнообразны, что счесть ихъ невозможно, и т. д.: — все, какъ видите, истины несомнѣныя, но истины совершенно-извѣстныя и вовсе не требующія доказательства. Что изложенію политической экономіи должно предшествовать изложеніе теоріи потребностей — въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но въ такомъ случаѣ надо или сказать все, или ничего не говорить; а выбрать благоразумную (?) середину и высказывать нѣсколько пустыхъ фразъ, по вашему мнѣнію, совершенно бесполезно. Весь этотъ параграфъ о потребностяхъ можетъ быть пропущенъ при чтеніи, и читатель ничего отъ этого не проиграетъ. Ошибаемся: онъ проиграетъ въ томъ отношеніи, что лишитъ себя эстетическихъ наслаж-

деиѣ, которая можетъ доставить ему счастье г-на Бутовскаго. Онъ пропустилъ, на-примѣръ, поэтическое улучшение человеческой души «музыкальному инструменту, въ которомъ образованіе настраиваетъ множество струвъ, которыя безъ него (безъ инструмента?) оставались бы въ вѣчномъ безмолвіи.»

Въ слѣдующемъ за тѣмъ параграфѣ опредѣляется, какъ сказано въ заглавіи, «понятіе о полезномъ». Начинается съ того, что авторъ полагаетъ различіе между нуждами и желаніями человека. Различіе—дѣйствительно важное; но, во-первыхъ, не мѣшало бы опредѣлить его поточнѣе, а во-вторыхъ, вѣзачѣмъ было и упоминать о немъ, если не выводить изъ него никакихъ послѣдствій. А послѣдствій г. Бутовскій не вывелъ рѣшительно никакихъ и указалъ на это различіе только для того, чтобъ сдѣлать по этому случаю быстрый набѣгъ въ область изящнаго и распространиться съ своимъ обыкновеннымъ краснорѣчіемъ о бурныхъ и пламенныхъ проявленіяхъ страсти, о томленіи и скорби, ощущаемыхъ человѣкомъ, и пр. и пр. Впрочемъ, тутъ же, послѣ локкаго набѣга въ область изящнаго, нашъ эгопомистъ рѣшился также сдѣлать набѣгъ (не совѣтъ, впрочемъ, удачный) и въ область философій.

«Пораженные (говоритъ онъ) мрачною стороною потребностей, томленіемъ, которое предшествуетъ ихъ сознанію (почему томленіе предшествуетъ сознанію потребности?) и которое неразлучно съ ихъ тщетностію, Діогенъ и его послѣдователи привнмали за идеалъ счастья отсутствіе нуждъ и желаній. Всѣ усилія ихъ ученія клонились къ тому, чтобъ освободить человека отъ ига потребностей и приблизить его къ состоянію тѣла неодушевленнаго. Но не смотря на самоотверженіе, съ которымъ книжки (отъ-чего же не циники?) старались поддержать свой софизмъ, прилагая примѣръ къ софтамъ (стало-быть, книжкамъ дѣйствительно удалось приблизиться къ состоянію тѣла неодушевленнаго?) ихъ ученіе къ счастью не имѣло успѣха. Опираясь на фактъ справедлив-

ный, на тягостное ощущеніе, сопровождающее всякую неудовлетворенную потребность, эта школа забывала, что наслажденіе, приносимое удовлетвореніемъ потребностей, перевѣшиваетъ тягость ихъ сознанія (въ сознаніи потребности нѣтъ ничего тягостнаго; тягостно только сознаніе невозможности удовлетворить потребности), а еще болѣе то, что по сущности своей человекъ долженъ безпрестанно совершенствовать самого себя, и что нельзя допустить въ немъ усовершенности, заключивъ его въ тѣсный кругъ немногихъ нуждъ, которыхъ невозможно избѣгнуть. Гораздо правильнѣе судили стоики, допускавшіе это развитіе (какое развитіе?) во всей его полнотѣ, но подъ скипетромъ разума и въ постоянной покорности его внушеніямъ» (стр. 4, 5).

Во-первыхъ, все, что говорится здѣсь противъ ученія к(и)дниковъ нашимъ Кикеровомъ, совершенно противорѣчитъ тому, что говорилъ онъ выше о гнусности страстей и вредномъ ихъ вліяніи. Если страсти безпрестанно бросая волю людей то въ ту, то въ другую сторону, запутываютъ или подкупляютъ (?) соображенія разума, заглушаютъ его внушенія, воздвигаютъ стѣну между знаніемъ истинныхъ законовъ и предубѣжденіями современниковъ (?), значитъ к(и)дники совершенно правы, утверждая, что человекъ долженъ подавить въ себѣ страсти и отказаться отъ ихъ удовлетворенія. Если же, напротивъ, въ страстяхъ человека заключается главная причина его усовершенности, его постоянного стремленія къ лучшему, то вѣзачѣмъ было нападать на страсти и распространяться съ такимъ многословнымъ краснорѣчіемъ о губительныхъ ихъ послѣдствіяхъ. Что-нибудь одно: страсти или хорошая вещь, или дурная, надо или радоваться ихъ вліянію на человека, или сожалѣть объ этомъ вліяніи. Но соединять оба эти мнѣнія—значитъ идти наперекоръ самымъ очевиднымъ законамъ логической наблюдательности. Если г. Бутовскій надѣялся избѣгнуть противорѣчія, положивъ различіе между страстями и потребностями, и думалъ, что

выходки противъ первыхъ не мѣшаютъ ему признавать законность вторыхъ, то онъ жестоко ошибся и, что еще хуже, ошибся умышленно, прибѣгнувъ къ пустой игрѣ словъ... Основное начало страстей и потребностей — одно и то же; страсть та же потребность, но потребность, достигшая высшей степени энергій и настоятельности. Если страсть явленіе аномальное, если она не имѣетъ никакого права требовать себѣ удовлетворенія, то и потребность, какъ пишущая ступень страсти, не имѣетъ также этого права, не можетъ быть никогда признана закономъ. Признавать законность удовлетворенія потребностей, какъ дѣлаетъ г. Бутовскій, и отвергать въ то же время законность удовлетворенія страстей — значитъ противорѣчить самому-себѣ и приносить логику въ жертву предрасудкамъ.

Во-вторыхъ, нельзя не замѣтить, что, восхваляя нравственное ученіе стоиковъ, г. Бутовскій не совѣтъ вѣрно и ясно представляетъ себѣ его настоящее значеніе. Если нашъ экономистъ не удовольствовался своимъ загладываньемъ въ область изящнаго и захотѣлъ еще заглянуть въ область философіи, то не мѣшало бы лучше ознакомиться съ этой областью хоть посредствомъ какого-нибудь руководства къ исторіи философіи. Это избавило бы его отъ той ошибки, въ которую онъ впалъ неволью, по недостаточному знанію исторіи греческой философіи и внутренняго содержанія стоическаго ученія. Съ чего всталъ онъ, что стоики допускали полный развитіе страстей и потребностей въ человѣкѣ? Какъ можно было противоположить систему стоиковъ системѣ циниковъ, когда первая была только дальнѣйшимъ развитіемъ второй, точно такъ же какъ эпикуреизмъ былъ дальнѣйшимъ развитіемъ ученія Аристиппа и школы киренской?.. Для оправданія нашихъ словъ, выпишемъ изложеніе нравственнаго ученія стоиковъ изъ книги, по которой учатся и которую знаютъ учащіеся въ нашихъ университетахъ:

«... Нравоученіе стоиковъ имѣетъ въ виду одно только всеобщее, разрушая, расширяя все особенное, индивидуальное въ человѣкѣ. Жить согласно со всеобщей природою — вотъ самое первое выраженіе ихъ нравственнаго начала! Но чего же требуетъ общій законъ природы отъ вѣстнаго рода существъ? Это опредѣляется особенною природою каждого существа, въ коей всеобщая природа какъ бы открываетъ свою волю. Отсюда новое выраженіе стоическаго, нравственнаго начала: жить согласно съ человѣческой природою. Но особенную природу человѣка составляетъ не другое что, какъ здравый разумъ. И такъ жить согласно съ здравымъ разумомъ — вотъ послѣднее стоическое выраженіе нравственнаго начала! Но одно согласіе дѣяній со всеобщей природою, или съ природою человѣка, или съ требованіями здраваго разума, не составляетъ еще существа добродѣтели, какъ понимаютъ ее Стоики. Они различаютъ два рода дѣяній: пристойныя дѣянія и дѣянія совершенныя. Пристойнымъ называютъ они все то, что происходитъ согласно съ природою, и дѣянія сего рода приписываютъ не только дѣтямъ, но и неразумнымъ животнымъ и даже растеніямъ. Такія дѣянія сами по себѣ еще не могутъ быть названы ни добрыми, ни худыми. Добрыми дѣлаются они отъ того, что предпринимаются въ слѣдствіе одобренія разума, и тогда-то получаютъ достоинство дѣяній совершенныхъ. Твердое, неистинное расположеніе души дѣйствовать можетъ только по внушеніямъ здраваго разума, есть характеръ стоическаго добродѣтели. *Человѣкъ совершенно свободный отъ страстей, т. е. отъ неразумныхъ, суетныхъ движений сердца, ничто, не возмущаемый въ спокойствіи своей разумной дѣятельности, поставленный въ благо въ добродѣтели, есть въ сущности стоикомъ, мужъ истинно-добродѣтельный, истинный мудрецъ».* (Энциклопедія Брокгауза и Ефрона. Т. I., стр. 238.)

Не правда ли, какъ согласно съ духомъ этого строгаго ученія г. Бутовскаго, объявившаго намъ, что стоики дѣлаютъ свое развитіе страстей и потребностей подъ скипетромъ разума и въ стоической покорности его внушеній? И какъ кстаті экономисту, и

щему средства для удовлетворенія матеріальныхъ потребностей человека, придерживаясь такого ученія, которое отвергаетъ законность этихъ потребностей, проповѣдуетъ презрѣніе къ вѣшнимъ благамъ и отдаетъ полное предпочтеніе жизни соверцательной предъ жизнью дѣятельной, дѣятельностью внутренней предъ дѣятельностью вѣшной? Соединеніе стоицизма и политической экономіи — вотъ по истинѣ явленіе рѣдкое и небывалое!

Изъ области философіи г. Бутовскій снова возвращается къ политической экономіи и тотчасъ послѣ изложенія системы стоиковъ опредѣляетъ экономическое значеніе слова «полезность». Нельзя не сознаться, что переходъ отъ одной матеріи къ другой не совсѣмъ логиченъ и естественъ. Но дѣло не въ томъ: гораздо-любопытнѣе знать, какъ опредѣляетъ нашъ авторъ понятіе о полезности. Замѣтимъ, что это—основное понятіе науки, по сознанію самого же г. Бутовскаго, что, слѣдовательно, обязанность экономиста состоитъ въ томъ, чтобъ опредѣлить его самымъ точнымъ и яснымъ образомъ и предупредить своимъ опредѣленіемъ всякую двусмысленность, всякое недоразумѣніе или сомнѣніе. Замѣтимъ также, что само-по-себѣ значеніе этого слова весьма-ясно, что оно употребляется всегда и всѣми для означенія одного и того же понятія о сообразности средства съ цѣлью вообще или съ цѣлью человѣка въ-особенности. Въ отягощеніи къ употребленію этого термина, собственно говоря, могутъ родиться только два вопроса: во-первыхъ, можно спросить: какъ должно понимать слово «полезность» въ политической экономіи? Слѣдуетъ ли соединять съ нимъ идею о цѣлесообразности вообще, или только идею объ удовлетвореніи потребностей человѣка? Во-вторыхъ, необходимо рѣшить также, къ чему именно относится названіе полезности — къ самому ли предмету, удовлетворяющему потребности, къ присутствующему ли предмету, *своей* удовле-

творить потребности, или, наконецъ, къ самому понятію о томъ и другомъ, къ *сужденію* нашего ума, признающаго извѣстный предметъ способнымъ къ удовлетворенію потребностей? Посмотримъ, какъ рѣшаетъ оба эти вопроса г. Бутовскій?

«Идею *блага* или *полезности* должно естественно относить ко всему, что отражаетъ недостатокъ, порождающій въ насъ нужду или желаніе; ко всему, въ чемъ содержится условіе нашего довольства; короче, ко всему тому, что можетъ служить къ удовлетворенію нашихъ потребностей.»

Изъ этого опредѣленія выводимъ мы два заключенія: во-первыхъ, благо и полезность, по мнѣнію г. Бутовскаго, синонимны; во-вторыхъ, полезностью называется все, что служитъ къ удовлетворенію нашихъ потребностей. На двухъ слѣдующихъ страницахъ, г. Бутовскій повторяетъ нѣсколько разъ выраженіе: «блага или полезности». Все это доказываетъ, что г. Бутовскій называетъ полезностью — самый предметъ, служащій къ удовлетворенію нашихъ потребностей. Убѣжденіе это высказано, какъ видите, весьма-опредѣленно и довольно-рѣшительнымъ тономъ. Но эта опредѣленность и рѣшительность убѣжденія не болѣе, какъ миражъ, оптический обманъ. Стоитъ только перевернуть страницу, чтобъ убѣдиться, что и тутъ, точно такъ же, какъ въ другихъ случаяхъ, г. Бутовскій не имѣетъ опредѣленнаго и рѣшительнаго мнѣнія. Не болѣе, какъ черезъ нѣсколько строкъ, онъ совершенно отрицаетъ то, что сказалъ выше о значеніи полезности. На страницѣ 8, онъ говоритъ, что «полезность есть *мысліе*», а на стр. 6 выражается такимъ образомъ: «человѣкъ признаетъ полезность въ данномъ предметѣ» (стало-быть, полезность не есть самый предметъ, а существуетъ въ предметѣ, не есть самое благо, а есть свойство блага) «тогда только, когда съ одной стороны ощущаетъ потребность, ей соотвѣтствующую, а съ

• другой постигаетъ соотношеніе между этою потребностью и этимъ предметомъ существующее». Очевидно, что г. Бутовскій называетъ полезностью въ одно и то же время и самый предметъ, и свойство предмета и, наконецъ, понятіе челоѣка объ этомъ свойствѣ. Вотъ, что называется яснымъ и точнымъ опредѣленіемъ! Не забудьте, что такъ опредѣляется основной, важнѣйшій терминъ науки, выражающій ту экономическую идею, изъ которой вытекаютъ и на которой основываются всѣ остальные.

Переходимъ ко второму вопросу. Изъ опредѣленія, нами выписаннаго, видно, что г. Бутовскій употребляетъ слово «полезность» въ тѣсномъ смыслѣ, примѣняетъ его только къ тому, что удовлетворяетъ потребности челоѣка. Но онъ вслѣдъ за этимъ говоритъ слѣдующее:

«Въ значеніи безусловномъ, мы не можемъ постигнуть во всей полнотѣ блага или полезности. Ограниченность нашихъ познавательныхъ силъ, съ одной стороны заглушая въ насъ самихъ нѣкоторыя понятія о лучшемъ, изъ которыхъ рождаются потребности, съ другой не позволяя намъ отличать полезнаго свойства множества предметовъ, будетъ всегда къ тому преградой неодолимою. Восходя до высшихъ отвѣченностей, умъ убѣждается, что въ твореніи нѣтъ ничего безполезнаго, что премудрость Создателя связала все существо тѣсными узами; но эти узы для насъ сокрыты. Наши наблюденія могутъ слѣдить за безконечною нитью творенія; но при всѣхъ усиліяхъ умозрѣнія и учености, намъ не открыты множества такихъ полезностей, которыхъ отсутствіе однако причинило бы важное разстройство въ нашемъ бытіи. Правда, кругъ нашихъ познаній расширяется и, по временамъ, въ него входятъ открытія важныя, озаряющія благодѣтельнымъ свѣтомъ дѣятельность людей; но сколько законовъ, сколько элементовъ въ природѣ и въ насъ самихъ еще покрыты завѣсою неизвѣстности. Вотъ почему для насъ понятіе о полезномъ всегда останется условнымъ».

Что это такое? Къ чему тутъ вся эта метафизика, и какъ согласить ее съ

тѣмъ, что сказано выше? Идею блага или полезности должно относить ко всему, что служитъ къ удовлетворенію нашихъ потребностей — говоритъ г. Бутовскій. Прекрасно! Значитъ, понятіе о полезности есть понятіе условное и не можетъ быть никогда безусловнымъ. Нѣтъ, продолжаетъ г. Бутовскій, понятіе о полезности есть собственно понятіе безусловное, но условнымъ оно является только въ слѣдствіе ограниченности нашихъ познавательныхъ способностей. Ясно, что г. Бутовскій смѣшиваетъ два понятія совершенно различныя: онъ хочетъ сказать, что челоѣкъ, въ слѣдствіе ограниченности своихъ способностей, не всегда можетъ открыть въ предметѣ присущую предмету полезность, или, если называть полезностью самый предметъ, не всегда понимаетъ, что тотъ или другой предметъ есть дѣйствительно полезность и благо. Другими словами, онъ хочетъ сказать, что наши понятія о полезности суть понятія неполныя, несовершенныя, что въ мірѣ есть множество предметовъ, которые бы могли быть весьма для насъ полезны, но полезности которыхъ мы не замѣчаемъ, не видимъ. Мысль, какъ видите, весьма-справедливая и простая; но г. Бутовскій пожелалъ выразить ее философскимъ языкомъ — и выразилъ совсѣмъ не то, что хотѣлъ выразить. Въмѣсто того, чтобъ говорить о невозможности постигнуть во всей полнотѣ настоящее отношеніе потребностей челоѣка къ средствамъ ихъ удовлетворенія, онъ заговорилъ о безусловной полезности творенія, о цѣлесообразности природы — и вышло нехорошо, очень-нехорошо! Если уже разъ дано полезности значеніе «всего, что служитъ къ удовлетворенію потребностей челоѣка», то не зачѣмъ уже перепутывать понятія и придавать полезности значеніе цѣлесообразности, употреблять слово это для означенія такого свойства, которое не имѣетъ ровно никакого отношенія къ потребностямъ челоѣка. Потому, что за необыкновенная, дивовидная фило-

софія! Ограниченность познавательныхъ способностей человѣка такова, что при всѣхъ усиліяхъ умозрѣнія и учености, мы никогда не въ состояніи будемъ понять полезность, т. е. цѣлесообразность всего существующаго. Какимъ же образомъ послѣ этого умъ человѣка, восходя до высшихъ отвлеченностей (?), убѣждается, что въ твореніи нѣтъ ничего бевполезнаго, что все существующее связано тѣсными узами; *но эти узы для насъ сокрыты*. Какъ же тутъ понять? Если «эти узы для насъ сокрыты», то какимъ образомъ мы можемъ убѣдиться въ ихъ существованіи? Если вы предполагаете, что умъ человѣка никогда не постигнетъ и не въ состояніи постичь полезность всего существующаго, то откуда же вышло у васъ убѣжденіе, что дѣйствительно все существующее — полезно? Умъ дошелъ до такого убѣжденія, до котораго онъ не можетъ дойти! Какъ вамъ нравится такой силлогизмъ? Ясно, что тутъ прикосновеніе къ философіи со стороны г. Бутовскаго еще неудачнѣе прежняго!

«Человѣкъ (продолжаетъ г. Бутовскій) признаетъ полезность въ данномъ предметѣ тогда только, когда съ одной стороны, ощущаетъ потребность ей соответствующую, а съ другой постигаетъ соотношеніе между этой потребностью и этимъ предметомъ существующее. Подъ этимъ только должнымъ условіемъ, понятіе полезности ставится на степень интереса и побуждаетъ людей къ ея приобрѣтенію и употребленію.»

Что значитъ фраза: «понятіе полезности становится на степень интереса» — мы рѣшительно не понимаемъ: оборотъ совершенно-неясный. Мы поняли изъ всей этой фразы только то, что г. Бутовскій смѣшиваетъ полезность съ цѣнностью. Въ кускѣ хлѣба я признаю полезность во всякую минуту дня, потому-что признаю въ немъ способность удовлетворять вѣдѣющую потребность, которую я себѣ могу представить всегда, но которую не всегда ощущаю. Однакожь, когда изъ сужденію моего ума присоединяется порывъ воли, когда во-

мѣ рождается аппетитъ, и я ощущаю потребность ѣсть, тогда не останавливаясь на одномъ признаваніи полезности въ кускѣ хлѣба, я признаю въ немъ уже цѣнность, стараюсь приобрѣсти его и употребить въ дѣло. Другими словами: человѣкъ признаетъ въ данномъ предметѣ полезность, когда постигаетъ соотношеніе, существующее между этимъ предметомъ и какою-либо потребностью. Этимъ онъ ограничивается до-тѣхъ-поръ, пока не ощущаетъ самъ этой потребности; какъ скоро онъ ощущаетъ ее дѣйствительно, какъ скоро скоро назначаетъ предметъ для удовлетворенія этой потребности, онъ признаетъ уже въ этомъ предметѣ не одну только полезность, но и цѣнность. Но изъ словъ г. Бутовскаго выходитъ, что полезность и цѣнность — совершенно одно и то же! Впрочемъ, удивительный взглядъ нашего эконоμισа на значеніе цѣнности будетъ разобранъ въ своемъ мѣстѣ. Теперь ограничимся обзоромъ его мнѣнія о значеніи полезности.

«Что люди не всегда правильно усматриваютъ полезность (продолжаетъ онъ), что во множествѣ случаевъ они заблуждаются въ самомъ свойствѣ своихъ потребностей и увлекаются грубыми инстинктами или страстями, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Тогда они руководятся низкими или только минутными интересами, которыми часто приносятъ въ жертву свое будущее благосостояніе. Опытность, разсудительность, добродѣтель во всѣхъ положеніяхъ общественныхъ дѣйствуютъ въ противную сторону (?) и, указывая человѣку на его настоящіе интересы, уклоняютъ его дѣятельность отъ путей ложныхъ и опасныхъ. Другой цѣль не имѣютъ науки нравственно-политическія, (стало быть это — науки чисто-практическія?), которыя суть не что иное, какъ систематическое изложеніе выводовъ вѣковой опытности народовъ. Тамъ, гдѣ наиболѣе господствуетъ началъ, ими усмотрѣніе и доказанныя, наиболѣе также господствуетъ между людьми здравыхъ понятій объ истинно-полезномъ.»

Поразительныя противорѣчія! Давно ли, кажется, г. Бутовскій отдѣ-

лялъ такъ рѣзко начало *полезнаго* отъ начала *добраго*, и нападалъ на Сисмонди за его претензіи соединить эти два начала въ экономическихъ изслѣдованіяхъ? (см. «Вступленіе»). Давно ли называлъ онъ полезностью все то, что служить къ удовлетворенію нашихъ потребностей? А теперь, вы видите, онъ говоритъ уже совсѣмъ другое. Изъ его словъ выходитъ, что полезное и нравственное одно и то же, и что не всякая полезность дѣйствительно полезность. На стр. 5, нашъ экономистъ признавалъ полезнымъ все, что удовлетворяетъ потребности; на стр. 6, онъ дѣлаетъ различіе между потребностями и отдѣляетъ потребности, внутренныя опытностью, разсудительностію и добродѣтелью, отъ потребностей, внушаемыхъ грубыми страстями и инстинктами; что удовлетворяетъ первыя, то истинно-полезно, а что удовлетворяетъ вторыя, то мнимо-полезно, въ существѣ дѣла даже бесполезно. Мысль чрезвычайно оригинальная! Впрочемъ, не смотря на новизну такой мысли, мы предпочитаемъ прежнюю, старую, ту, которая выражена г. Бутовскіимъ на стр. 5. Смѣемъ думать, что, говоря о полезности, нѣчего обращать вниманіе на свойство и источникъ потребностей, нѣ для чего отдѣлять потребности нравственныя отъ безнравственныхъ, хорошія отъ дурныхъ? А не то, прійдешь, пожалуй, къ самымъ страннымъ и не совсѣмъ-согласнымъ съ дѣйствительностью результатамъ. Вино удовлетворяетъ потребности челоука, и полезность его признается всѣми единогласно. Но по системѣ г. Бутовскаго выходитъ, что люди въ вишѣ «неправильно усматриваютъ полезность», что они руководятся въ этомъ «грубыми инстинктами и страстями», что науки нравственно-политическія и вѣковая опытность народовъ, раскрывая вредныя послѣдствія пьянства, доказываютъ тѣмъ самымъ, что не въ вишѣ, а въ чистой водѣ заключается истинная полезность. Любопытно было бы послушать: что скажутъ о та-

комъ выводѣ наши откупщики и вино-торговцы (*)?

Въ заключеніе этого параграфа «о полезности» г. Бутовскій доказываетъ, что значеніе блага или полезности нельзя ограничить тѣснымъ кругомъ вещественности, что, кромѣ благъ вѣшнихъ, люди еще нуждаются въ благахъ внутреннихъ, что здоровье, познанія, добрыя привычки суть также полезности и блага. Въ подтвержденіе этого мнѣнія, онъ ссылается на авторитетъ Шторха. Но что было совершенно умѣстно въ сочиненіи Шторха, то вовсе неумѣстно въ сочиненіи г. Бутовскаго. Здоровье, образованность и нравственность были дѣйствительно причислены Шторхомъ, вмѣстѣ съ богатствомъ, къ полезностямъ или благамъ. Но Шторхъ былъ въ этомъ случаѣ совершенно последователемъ самъ себя. Онъ считалъ предметомъ политической экономіи не одно богатство, но и благоденствіе народовъ, т. е., какъ богатство ихъ, такъ и цивилизацію. Поэтому и курсъ свой раздѣлил онъ на двѣ части: въ первой изложилъ теорію благъ вещественныхъ, во второй теорію благъ невестественныхъ. Но г. Бутовскій называетъ политическую экономію—наукою о народномъ богатствѣ и излагаетъ въ своемъ «Опытѣ» только одни законы производства, распредѣленія и потребленія богатствъ. Если же, какъ говоритъ онъ на стр. 9, внутреннія блага принадлежать также къ числу полезностей, а развитіе идеи полезнаго составляетъ предметъ политической экономіи, то ясно, что онъ не долженъ былъ въ своемъ курсѣ политической экономіи ограничиваться однимъ изло-

(*) На стр. 46 г. Бутовскій говоритъ: «Моралисты, можетъ быть, упрекнутъ насъ въ томъ, что мы называемъ благомъ предметы, того не заслуживающіе въ смыслѣ нравственномъ; но въ этомъ опредѣленіи мы имѣемъ въ виду одніе только потребности, не входя въ разсчетъ рѣшніе ихъ свойствъ». Противорѣчія на каждаго шагу!

женіемъ хрематистики, а долженъ былъ, сообразно съ своимъ взглядомъ на науку, изложить вмѣстѣ съ этимъ, какъ теорію народной образованности, такъ и теорію народной нравственности. Другими словами, г. Бутовскій, признающій на-самомъ-дѣлѣ богатство и одно только богатство предметомъ политической экономіи, противорѣчитъ самъ себѣ, когда, согласно съ мнѣніемъ Шторха и новѣйшихъ школъ, распространяетъ понятіе полезности на блага внутреннія и невещественныя, доказывая такимъ-образомъ невозможность отдѣльнаго существованія политической экономіи и необходимость соединенія всѣхъ общественныхъ наукъ въ одно органическое цѣлое.

Переходимъ теперь къ третьему параграфу первой главы, въ которомъ дается «понятіе о цѣнности». Указавъ весьма-многословно и не совсемъ-ясно на различіе благъ безмездныхъ и естественныхъ отъ благъ пріобрѣтенныхъ или произведеній, г. Бутовскій говорить:

«Отъ трудности добыванія предмета, въ которомъ признана полезность, зависитъ его *цѣнность*.

«Адамъ Смитъ различаетъ двѣ цѣнности: *цѣнность потребительную* и *цѣнность рыночную*. Последнюю мы займемся ниже. Первой онъ придаетъ обширное значеніе *полезности*. Для ясности, кажется, лучше оставить *цѣнности* значеніе исключительно ей свойственное. Въ моемъ изложеніи она всегда будетъ выражать полезность, которой пріобрѣтеніе сопряжено съ трудностями, и не будетъ ни въ какомъ случаѣ относиться къ благамъ природнымъ и безмезднымъ, которыя безъ всякаго усилія достаются людямъ.»

И далѣе:

«...Цѣнность исчезаетъ, едва прекратится полезность или потребительность предмета, въ которомъ она оказалась. По сему можно сказать, что основаніе цѣнности заключается въ полезности, что оно (т. е. основаніе) есть качество, исключительно свойственное предметамъ полезнымъ или потребительнымъ, но оказывается въ нихъ по мѣрѣ трудности, сопряженной съ ихъ пріобрѣтеніемъ. Съ одной сто-

роны полезность, съ другой трудность добыванія — вотъ два условія, изъ совокупности которыхъ въ какомъ-либо предметѣ образуется цѣнность: ея не можетъ быть тамъ, гдѣ нѣтъ одного изъ этихъ условій» (стр. 11, 12 и 13).

Мы очень-хорошо понимаемъ, что можно превосходно знать науку во всей ея полнотѣ и впадать иногда въ ошибки и промахи при изложеніи нѣкоторыхъ частныхъ, второстепенныхъ ея пунктовъ. Но ошибаться въ самомъ основномъ понятіи своей науки, въ ея азбукѣ — этого мы рѣшительно не понимаемъ и не можемъ понять! Оспоривать ли опредѣленіе цѣнности, сдѣланное г. Бутовскимъ? Право, если подумаешь о достоинствѣ и назначеніи критики, то убѣдишься, какъ для нея невыгодно опровергать серьезными доказательствами такіа мнѣнія! Не серьезными доказательствами встрѣтили бы мы сочиненіе математическое, въ которомъ утверждалось бы, что прямая линія не есть кратчайшее разстояніе между двумя точками, — а вѣдь опредѣленіе цѣнности въ политической экономіи совершенно соотвѣтствуетъ опредѣленію прямой линіи въ математикѣ! Но... мы зались разобратъ подробно ошибки и промахи г. Бутовскаго и не можемъ остановиться на половинѣ дороги, не можетъ пропустить безъ вниманія самые крупныя недосмотры его книги. Дѣлать нечего! Станемъ излагать экономическія аксіомы, азбуку политической экономіи испросивъ напередъ извиненія у читателей, знающихъ эту науку.

Для выраженія основной идеи политической экономіи и различныхъ ея оттѣнковъ существуетъ, кромѣ слова *полезность*, еще и другой терминъ: *цѣнность*. Цѣнность бываетъ двоякаго рода: во-первыхъ, *цѣнность въ потребленіи* или потребительная (*valeur en usage, valeur d'utilité*), во-вторыхъ, *цѣнность въ обмѣнѣ* или рыночная (*valeur en échange*). Эти три термина: полезность, цѣнность потребительная (или просто цѣнность) и цѣнность рыночная выражаютъ, собственно говоря, одно и то же

оняте—поняте объ отношеніи потребности человека къ предмету, служащему для ея удовлетворенія; но каждый изъ нихъ выражаетъ это общее поняте особымъ образомъ, т. е. выражаетъ различные его отгѣнки и стороны, различные моменты его развитія. Самое обширное значеніе имѣетъ слово - полезность: оно прилагается о всему, что можетъ служить къ удовлетворенію человеческихъ нуждъ; въ томъ, какъ мы видѣли уже выше, согласны всѣ экономисты; и единственный упрекъ, который имъ можно слѣгать на этотъ счетъ, состоитъ въ томъ, то по неточности выраженія они весьма - часто называютъ полезностью какъ самый предметъ, въ которомъ она существуетъ, такъ и приговоръ нашего ума объ ея существованіи, между тѣмъ, какъ въ существѣ дѣла полезность, въ техническомъ, точномъ и значеніи, выражаетъ только особое свойство предмета — такое свойство, въ слѣдствіе котораго онъ является пособнымъ къ удовлетворенію той ли другой потребности того или другаго человека. Но самое этимологическое, букввальное значеніе слова доказываетъ, что не всякая полезность есть цѣнность, что между этими двумя названіями есть какое-то различіе. Въ имомъ дѣлѣ, силою разсудка мы можемъ открыть въ данномъ предметѣ существованіе полезности и можемъ въ то же время не признавать въ этомъ предметѣ цѣнности, не цѣнить его. Цѣнить предметъ, значитъ — желать имѣть его, желать приобрести его и владѣть имъ. Но есть множество предметовъ, которые каждый изъ насъ признаетъ полезными и которыхъ, однакожъ, онъ вовсе не желаетъ имѣть или приобрести. Сужденіе ума о полезности предмета не всегда соединяется съ порывомъ воли къ этому предмету, съ существованіемъ потребности въ его употребленіи и усвоеніи. Силою разсудка я постигаю полезность стариннаго, истертаго экземпляра книги, перепечатанной помимъ, лучшимъ изданіемъ. Понимаю,

что существуетъ известная потребность, которой можетъ удовлетворить этотъ экземпляръ, что есть антикваріи, которые собираютъ подобныя рѣдкости и дорожатъ ими. Поэтому, я не усомнюсь ни на минуту признать въ этомъ экземплярѣ существованіе полезности. Но это сужденіе моего ума есть еще не болѣе, какъ сужденіе. Оно не возбуждаетъ во мнѣ никакой потребности, не порождаетъ во мнѣ никакого желанія, оставляетъ меня холоднымъ и спокойнымъ. Я знаю, что этотъ истертый экземпляръ будетъ имѣть цѣнность для антикварія, и не признаю въ немъ никакой цѣнности для себя, потому-что предпочитаю новую книгу — старой и вовсе не желаю обладать библиографическими рѣдкостями. Такимъ образомъ, если призываніе полезности, какъ дѣло ума, есть призываніе, дѣлающееся одинаково всѣмъ, то призываніе цѣнности, какъ дѣло воли, зависитъ уже совершенно отъ дѣйствительнаго существованія известной потребности въ известномъ лицѣ, въ индивидуумѣ: полезностью мы называемъ вообще свойство вещи удовлетворять потребности, какія бы то ни было и чьи бы то ни было; цѣнностью мы называемъ въ частности такое свойство вещи, въ слѣдствіе котораго признаемъ ее способною для непосредственнаго удовлетворенія потребностей, въ насъ существующихъ. Но очевидно, что въ томъ случаѣ, когда, не признавая въ предметѣ цѣнности, мы признаемъ въ немъ, однако, полезность, мы дѣлаемъ это только потому, что, не ощущая потребности, соответствующей предмету, знаемъ, что есть другіе люди, которые ощущаютъ эту потребность. Понятно, что для такихъ людей предметъ, нами пренебрегаемый, имѣетъ цѣнность; а такъ-какъ эти люди могутъ въ свою очередь обладать предметами, имѣющими цѣнность только для насъ, а не для нихъ, то понятно, что, посредствомъ обмѣна, каждый изъ насъ можетъ получить въ свои руки тотъ предметъ, который

имѣть для него не одну полезность, но и цѣнность. Миѣ достался въ руки старый экземпляръ старинной книги; для меня онъ не имѣть никакой цѣнности, потому-что не можетъ доставить непосредственнаго удовольствіи ни одной изъ моихъ потребностей; но я знаю, что антикварій, признающій цѣнность въ этомъ экземплярѣ, обладаетъ старою монетою, которая, подобно экземпляру, имѣть цѣнность не для того, кто ею обладаетъ, но для меня, лица посторонняго. Узнавъ это обстоятельство, я сознаю въ то же время, что экземпляръ книги, которымъ до сихъ-поръ пренебрегалъ, можетъ принести миѣ пользу, можетъ быть обмѣненъ мною на монету, которую миѣ хочется имѣть; сознаю, слѣдовательно, что этотъ экземпляръ, немѣющій для меня никакой непосредственной, прямой цѣнности, можетъ имѣть для меня цѣнность косвенную, можетъ удовлетворить мою потребность *посредственно*, доставивъ миѣ, путемъ обмѣна, монету, слѣдовательно, предметъ для меня непосредственно-нужный и полезный. Такимъ-образомъ рождается понятіе о цѣнности въ обмѣнѣ, о *цѣнности мѣнливой*.

Цѣнностью мѣнливою, по единогласному опредѣленію всѣхъ экономистовъ, называется такое свойство предмета, въ слѣдствіе котораго, не признавая въ немъ для себя никакой прямой цѣнности, мы можемъ, однакожъ, извлечь изъ него пользу, посредствомъ его обмѣна на другіе предметы, способные къ непосредственному удовлетворенію нашихъ нуждъ. Само-собою слѣдуетъ изъ этого опредѣленія, что цѣнность мѣнливая существуетъ только тамъ, гдѣ есть прямая цѣнность и, слѣдовательно, полезность. Владѣтель монеты не согласится промѣнять ее на мой экземпляръ, если онъ вовсе не желаетъ приобрести этотъ экземпляръ и владѣть имъ; если нѣтъ ни гдѣ такого человека, который бы признавалъ прямую для себя цѣнность въ этомъ экземплярѣ, то онъ не можетъ имѣть никакой цѣнности, ни прямой, ни ко-

свенной, ни потребительной, ни мѣнливой. Съ другой стороны, понятно также, что не всякій предметъ, имѣющій прямую цѣнность, имѣть и цѣнность мѣнливую. Портретъ лица миѣ близкаго можетъ имѣть для меня цѣнность значительную, но я не найду ни одного человека, который бы пожелалъ имѣть этотъ портретъ и согласился пожертвовать для его приобрѣтенія частью своей собственности. Наконецъ, самое важное отличіе цѣнности мѣнливой отъ прямой заключается въ томъ, что послѣдняя можетъ существовать во всякомъ предметѣ, имѣющемъ полезность, между-тѣмъ, какъ первая никогда не существуетъ въ такъ-называемыхъ безвозмездныхъ, естественныхъ и неограниченныхъ благахъ. Воздухъ имѣть прямую цѣнность, но не имѣть мѣнливой, именно потому, что онъ данъ человеку самою природою въ обиліи и безвозмездно, такъ-что каждый человекъ можетъ имъ пользоваться, не дѣлая для этого никакихъ усилій и не мѣшая другимъ пользоваться этимъ воздухомъ. Понятно, что въ отношеніи къ такимъ предметамъ, не можетъ существовать обмѣнъ, потому-что обмѣнъ предполагаетъ жертвованіе однимъ предметомъ для приобрѣтенія другаго, а никто не согласится жертвовать благами, приобрѣтеніе которыхъ стоило ему извѣстныхъ усилій, за такія блага, которыми онъ пользуется безмездно и въ количествѣ неограниченномъ. Изъ этого слѣдуетъ, что мѣнливая цѣнность можетъ существовать только въ такомъ предметѣ, въ которомъ соединены два необходимыхъ условія: во-первыхъ, полезность и, во-вторыхъ, болѣшая или меньшая трудность добыть, приобрести такой предметъ.

Не смотря на разногласіе между экономистами относительно опредѣленія этихъ важнѣйшихъ терминовъ науки, всѣ они согласны, что мѣнливая цѣнность предмета зависитъ отъ трудности его добычанія, и что въ этомъ именномъ заключается различіе между цѣнностью прямою и косвенною. Самый трудный

и спорный вопрос—вопрос о различии между полезностью и цѣнностью прямою или потребительною. Предложенное нами теперь рѣшеніе этого вопроса основывается, съ одной стороны, на буквальномъ, общепринятомъ значеніи словъ «полезность» и «цѣнность», а съ другой на необходимости различать въ наукѣ то, что есть не болѣе, какъ сужденіе ума, отъ того, что является выраженіемъ воли, или, говоря точнѣе, выраженіемъ дѣйствительной потребности, существующей въ индивидуумѣ. Притомъ же, и сами экономисты по-большей-части противопоставляютъ цѣнность полезности въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ и мы противопоставили эти два понятія, хотя на словахъ имъ почти никогда не удается опредѣлить въ ясныхъ и точныхъ выраженіяхъ существо отношенія между полезностью и цѣнностью. Если экономисты часто отступаютъ отъ этихъ началъ, основанныхъ на авторитетѣ здраваго смысла и общепринятой терминологіи, то потому только, что не всегда заботятся о точности и опредѣленности выраженій. Къ этому недостатку присоединяется и другой, еще болѣе содѣйствующій сбивчивости и запутанности научныхъ терминовъ. Страсть къ отвлеченностямъ и къ метафизикѣ часто заставлятъ экономистовъ пренебрегать требованіями здраваго смысла, забывая о необходимости придерживаться по возможности этимологическаго и вулгарнаго смысла словъ и не давать каждому термину произвольныхъ и различныхъ значеній. Такъ, въ настоящемъ случаѣ, многіе изъ экономистовъ, и въ томъ числѣ самъ Адамъ Смитъ, придумавъ два разные термина: полезность и цѣнность, для выраженія двухъ разныхъ понятій, въ послѣдствіи потеряли изъ виду это различіе и стали употреблять въ своихъ сочиненіяхъ безъ разбора одно слово вмѣсто другаго. Такимъ образомъ, понятія о полезности и цѣнности такъ перемутались что нѣкоторые писатели рѣшились объявить прямо, что эти два слова въ сущности дѣла означа-

ютъ одно и то же. Такъ Мальтусъ, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «Объ опредѣленіяхъ въ политической экономіи», говоритъ безъ обиняковъ, что «цѣнность въ потребленіи есть синонимъ полезности», что «она рѣдко является въ политической экономіи», и что, говоря просто о цѣнности, безъ приложенія къ ней особаго эпитета, онъ понимаетъ подъ этимъ выраженіемъ не потребительную, но мѣтовую цѣнность. — Точно то же признаетъ и Шторхъ въ своемъ сочиненіи «Du revenu national» (стр. 6).

«Мы принимаемъ» говоритъ онъ: «только одинъ видъ цѣнности: цѣнность мѣтовую; слово: потребительная цѣнность кажется намъ совершенно излишнимъ. Висамомъ-дѣлѣ, что такое цѣнность въ потребленіи, какъ не полезность вещи? Но если такъ, то слово «полезность» совершенно достаточно. Тѣ, которые принимаютъ два вида цѣнности, утверждаютъ, что полезность вещей есть только способность ихъ служить къ удовлетворенію потребностей человека, между-тѣмъ, какъ цѣнность означаетъ полезность признающую. Эта утонченность (subtilité) не имѣетъ никакого основанія. Никогда не дѣлается вещь полезною только потому, что она можетъ имѣть это свойство; для этого необходимо, чтобы свойство это было признано тѣмъ, для котораго вещь можетъ быть полезна.»

Съ такимъ мнѣніемъ невозможно согласиться, потому-что ни одинъ писатель не имѣетъ права исключить изъ науки, по произволу или капризу, тотъ или другой терминъ. Если терминъ существуетъ и употребляется,—значитъ, съ нимъ связано понятіе, необходимое въ наукѣ. Если два различныхъ слова употребляются однимъ писателемъ какъ синонимы, другимъ—какъ выраженія совершенно различныхъ, то слѣдуетъ не исключать одно изъ этихъ словъ, а установить разъ-навсегда для каждого изъ нихъ точное, опредѣленное значеніе, соображаясь, разумѣется, какъ съ общепринятымъ ихъ значеніемъ, такъ и съ существомъ самыхъ понятій, требующихъ для себя выраженія. Самъ Шторхъ чувствовалъ, что

невозможно исключить изъ политической экономіи слово «цѣнность», и старался потому въ своемъ «Курсѣ» разграничить его ясными чертами отъ слова «полезность». Придуманное имъ для этого средство не имѣло никакого успѣха между экономистами, потому что было совершенно произвольно въ основаніи и не совсѣтъ-согласно съ обычнымъ употребленіемъ словъ. Воспользовавшись нѣкоторыми намеками Кондильяка и Гарнэ, Шторхъ придалъ слову цѣнность весьма опредѣленное, но совершенно новое и ничѣмъ неоправданное значеніе. По его словамъ (*Cours d'économie politique. Introduction générale. T. I, p. 36—38*):

«Полезностію называется то свойство вещей, которое дѣлаетъ ихъ способными къ удовлетворенію нашихъ потребностей. Но полезность вещей не обнаруживается сама собою; надо открыть ее. Это — дѣло разсудка. Истинникъ, такъ, съ случайностію замѣняютъ иногда разсудокъ; но за исключеніемъ истинника, непогрѣшимаго во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ необходимъ для нашего сохраненія, другіе руководители часто ошибаются, когда не призываютъ разсудка къ себѣ на помощь. Такимъ образомъ, отношеніе, существующее между нашими нуждами и полезностію вещей открываемъ мы силою ума, и въ этомъ именно заключается отличительный характеръ человѣка. У животныхъ для раскрытія этого отношенія существуетъ только истинникъ; это — руководитель вѣрный, но покидающій ихъ съ той минуты, какъ перестаетъ быть необходимымъ для ихъ сохраненія. — Приговоръ, произносимый нашимъ разсудкомъ насчетъ полезности вещей, даетъ этимъ вещамъ цѣнность и превращаетъ ихъ въ блага. Для того, чтобы вещь имѣла цѣнность, недостаточно, чтобы она существовала и могла быть полезною: необходимо также, чтобы эта полезность была признана. Отсюда мы выводимъ то важное послѣдствіе, что цѣнность имѣетъ источникомъ не тѣ причины, которыя даютъ бытіе вещамъ, но сужденіе лицъ, желающихъ употребить эти вещи для удовлетворенія своихъ потребностей. Всякая вещь, имѣющая цѣнность, получила свое бытіе или отъ природы или отъ человѣческаго труда и одолжена сво-

ей полезностію одной изъ этихъ двухъ причинъ; но отсюда нельзя заключить, что во всякой вещи, произведенной природою или трудомъ, есть уже и цѣнность. Такимъ образомъ, для того, чтобы создать цѣнность, необходимо соединеніе трехъ условий: 1-е, нужно, чтобы человѣкъ имѣлъ или ощущалъ потребности; 2-е, чтобы существовала вещь, способная удовлетворить эту потребность, и 3-е, чтобы полезность этой вещи была признана разсудкомъ. И такъ, цѣдность вещей есть не что иное, какъ ихъ относительная полезность, та полезность, которую признаютъ въ нихъ лица, употребляющія ихъ для удовлетворенія своихъ нуждъ.»

Какъ ни ясно, какъ ни справедливо съ перваго взгляда это предположеніе Шторха, но при внимательномъ разсмотрѣніи оно является неудовлетворительнымъ и нерѣшающимъ вопроса. Цѣнность, говоритъ онъ, есть относительная полезность; но сама полезность, какъ выраженіе неизвѣстнаго отношенія между нуждами человѣка и средствами ихъ удовлетворенія, есть свойство также относительное; слѣдовательно, выраженіе: «относительная полезность» не имѣетъ въ этомъ случаѣ никакого смысла. «Цѣнность», говоритъ даже Шторхъ, «есть признанное разсудкомъ свойство вещи удовлетворять наши потребности». Но очевидно, что онъ въ этомъ случаѣ придалъ цѣнности значеніе полезности; оставалось опредѣлить смыслъ послѣдняго слова, и тутъ-то Шторхъ не сумѣлъ выпутаться изъ затрудненія, которое самъ для себя создалъ. Изъ его словъ слѣдуетъ, что полезность есть также свойство вещи удовлетворять наши потребности, во свойство, еще не открытое человѣкомъ, еще не признанное разсудкомъ. Но что еще не признано, не раскрыто разсудкомъ, то не можетъ имѣть и мѣста въ наукѣ. Къ-чему намъ такой терминъ, который выражаетъ свойство, неизвѣстное намъ, недоступное для насъ? Онъ совершенно бесполезенъ, и придалая полезности то значеніе, какое придаетъ ей Шторхъ, мы можемъ весьма-легко обойтись безъ этого сло-

ва. Справедливость этого замѣчанія всего яснѣе видна изъ того, что самъ Шторхъ призналъ ее въ своемъ позднѣйшемъ сочиненіи: *Du revolutionarischen* и объявилъ, какъ мы уже видѣли, что полезность и цѣнность имѣютъ одно и то же значеніе, что послѣднее слово совершенно бесполезно, и что мнѣнія тѣхъ, которые видятъ въ ней признаванію рассудкомъ полезность, есть не болѣе, какъ утонченность, неимѣющая никакого основанія.

Такимъ образомъ, ссылаясь на то, что мы сказали выше, имѣемъ право заключить теперь, что всѣ мнѣнія экономистовъ о значеніи цѣнности и объ отношеніи ея къ полезности, могутъ быть подведены подъ четыре категоріи. Одни, какъ, на-примѣръ, Адамъ Смитъ, дѣлая различіе между этими двумя терминами, неясно опредѣляютъ это различіе и употребляютъ ихъ часто безъ разбора, одинъ вмѣсто другого. Другіе, какъ, на-примѣръ, Мальтусъ, признаютъ рѣшительно и прямо оба эти слова—синонимами и ставятъ на ихъ необходимость исключить изъ политико-экономической терминологіи то или другое изъ нихъ. Къ третьей категоріи слѣдуетъ отнести мнѣніе Шторха, который видитъ въ цѣнности полезность относительную и признаваную рассудкомъ челоуѣка. Наконецъ, къ четвертой категоріи принадлежатъ тѣ писатели, которые раздѣляютъ мнѣніе, высказанное нами выше и считаютъ необходимымъ отдѣлить въ наукѣ результатъ дѣятельности всеобщаго ума отъ выраженія дѣйствительныхъ потребностей каждаго недѣлимаго порознь, связавъ съ первымъ понятіемъ названіе полезности; со вторымъ — названіе цѣнности.

Такъ-какъ послѣднее мнѣніе намъ кажется самымъ логическимъ и справедливымъ, то весьма-полагно, что тѣ же самыя причины, которыя приведены нами въ оправданіе этого взгляда, заставляютъ насъ отвергнуть заранѣе всякую теорію, съ этимъ взглядомъ

несогласную. Еслибъ г. Бутовскій не сошелся съ нами въ своемъ опредѣленіи цѣнности и усвоилъ себѣ мнѣніе Мальтуса или Шторха, мы сказали бы, что его опредѣленіе неправильно, и что его неправильность доказывается какъ исторіей науки, такъ и началами, изложенными нами выше изъ подтвержденіе нашего мнѣнія. Къ-сожалѣнію, мы не можемъ ограничиться теперь такимъ отрывкомъ находя у русскаго экономиста не только одну сторону и неправильность взгляда, но и промахи противъ самыхъ элементарныхъ, общезвѣстныхъ началъ политической экономіи. Авторъ *Опыта* не захотѣлъ ни смѣшивать полезность съ цѣнностью, по примѣру большей части экономистовъ, ни признавать эти два термина однозначашими, по примѣру Мальтуса, ни, наконецъ, различать ихъ такъ, какъ различаетъ ихъ Шторхъ. Не довольствуясь обычнымъ опредѣленіемъ этихъ понятій, съ котораго начинается всякій экономистъ свой курсъ и отъ котораго всегда отстываетъ страницы черезъ двѣ, много черезъ четыре, г. Бутовскій опредѣляетъ значеніе слова «цѣнность» по-своему и старается объяснить ея отношенія къ полезности новымъ, совершенно-оригинальнымъ образомъ. Хотя вопросъ этотъ мы считаемъ уже вполне-рѣшеннымъ и все-не требующимъ новаго рѣшенія, однако стремленіе г. Бутовскаго къ самобытности скорѣе возбудило бы въ насъ сочувствіе, еслибъ, разумеется, оно не приводило къ результатамъ, доказывающимъ такую несамодѣятельность мышленія. Мы никакъ не можемъ допустить со стороны писателя право прилавать тому или другому термину науки произвольное, основанное только на личномъ взглядѣ, значеніе. Но еще менѣе можемъ мы допустить такое право въ-отношеніи къ терминамъ, вполне-установившимся, имѣющимъ для всѣхъ и каждаго значеніе ясное, опредѣленное, вовсе неподлежащее сомнѣнію или спору. Если же является писатель, который, подъ предлогомъ установленія

смысла неопредѣленныхъ, не одинаково понимаемыхъ словъ, переищиваетъ всѣ понятія и термины и придаетъ выраженіямъ техническимъ, безспорнымъ — значеніе совершенно новое и неправильное, то весьма-естественно, что попыткѣ такого писателя мы не только можемъ, но и должны прогнать поставивъ самое безусловное осужденіе. Если же это смѣшеніе понятій и отрицаніе общепринятаго смысла терминовъ дѣлается безъ всякаго умысла, безсознательно и наивно, то, очевидно, оно должно уже быть приписано къ излишней самонадѣянности, а чему-нибудь другому... Подъ этотъ послѣдній случай приходится подвести къ сожалѣнію, и попытку г. Бутовскаго къ новому, оригинальному разграниченію значенія словъ «полезность» и «цѣнность».

Утверждая, что цѣнность предмета зависитъ отъ трудности его добыванія, и что блага природныя и безмездныя, при всей своей полезности, не имѣютъ цѣнности, г. Бутовскій доказалъ яснымъ и положительнымъ образомъ, что онъ плохо знакомъ съ политической экономіей, что онъ перепутываетъ даже тѣ сочиненія, изъ которыхъ составилъ свою компиляцію, смѣшиваетъ цѣнность потребляемую съ цѣнностью мѣнновой, и что еще хуже, съ цѣною вещи, т. е. съ ея мѣнною цѣнностью, выраженною въ деньгахъ. Разныя экономическія школы, нынѣ существующія, во многомъ и очень во многомъ не согласны другъ съ другомъ; но опредѣленіе мѣнновой цѣнности принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ пунктовъ, которые не могутъ и возбуждать спора, въ отношеніи къ которымъ согласны другъ съ другомъ писатели всѣхъ школъ; всѣхъ направленій. Г. Бутовскій опредѣляетъ цѣнность потребительную совершенно такъ, какъ опредѣляютъ *все* другіе писатели — цѣнность мѣннову! По его словамъ, потребительную цѣнностью называется такая полезность, приобретеніе которой сопряжено съ извѣстными труд-

ностями; по словамъ всѣхъ экономистовъ, безъ исключенія, въ этой трудности добыванія именно и заключается главный признакъ, характеризующій цѣнность мѣннову и отличающій ее отъ цѣнности потребительной. Гарнье, одинъ изъ современныхъ экономистовъ, говоритъ, между прочимъ, въ своемъ руководствѣ (въ которомъ, замѣтимъ мимоходомъ, высказаны только начала, единогласно признаваемые всею школою Смита), что «цѣнность мѣнновая» (мы переводимъ буквально) «имѣетъ два источника: 1) полезность вещей; 2) большую или меньшую трудность ихъ добыванія; и можно сказать вмѣстѣ съ Дженезви, что единственныя вещи, неимѣющія мѣнновой цѣнности, суть тѣ, которыя не удовлетворяютъ наши нужды, или хотя и удовлетворяютъ, но существуютъ для всякаго въ изобиліи». (pag. 13) То же самое и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ повторяли и повторяютъ всѣ экономисты, прежніе и нынѣшніе, Ад. Смитъ, Рикардо, Мальтусъ, Меккохъ, Сеньйоръ, Боченейъ, Сэ, Росси, Дрозъ, Дюноае, и пр., и пр. Мы были бы очень-благодарны г. Бутовскому, еслибъ онъ указалъ намъ хоть на одного экономиста, отступающаго отъ этого общаго опредѣленія мѣнновой цѣнности и опредѣляющаго цѣнность въ потребленіи такъ, какъ онъ самъ ее опредѣляетъ. Не думаемъ, чтобъ онъ могъ удовлетворить это требованіе. Не думаемъ также, чтобъ онъ могъ подкрѣпить чѣмъ бы то ни было авторитетомъ свой взглядъ на блага естественныя, какъ на предметы, вовсе неимѣющіе цѣнности. Что въ этихъ благахъ нѣтъ цѣнности мѣнновой — съ этимъ мы совершенно согласны; но утверждать, что въ нихъ нѣтъ и прямой цѣнности, значить предполагать, что они не имѣютъ полезности, а сдѣлать такое предположеніе можетъ только тотъ, кто, неясно понимая значеніе техническихъ терминовъ, употребляетъ ихъ непонявъ и потому впадаетъ въ самыя странныя ошибки. Въ этомъ случаѣ

мы сошлемся на авторитетъ всѣхъ экономистовъ, всѣхъ послѣдователей Адама Смита. Вотъ что говоритъ одинъ изъ нихъ, Гарнье:

«Кромѣ цѣнности въ потребленіи, вещь иногда имѣетъ еще и цѣнность мѣбовую, потому-что она производится въ количествѣ ограниченномъ, потому-что всѣ не могутъ пользоваться ею въ равной степени. Воздухъ полезенъ, но не имѣетъ цѣнности мѣбовой, потому-что каждый вообще можетъ имъ дышать по мѣрѣ своихъ нуждъ. Вода изъ Сены, въ Парижѣ, принадлежитъ всѣмъ и каждому; но такъ-какъ ее нужно принести, а для этого необходимо сдѣлать пожертвованіе или предпринять трудъ, то большая часть жителей соглашаются платить за нее; слѣдовательно, въ Парижѣ вода имѣетъ цѣнность мѣбовую. Подобно воздуху, она имѣла цѣнность естественную; водоносъ далъ ей новую полезность, или, точнѣе, цѣнность, — цѣнность мѣбовую. На этомъ-то основаніи Ж. Б. Сэ призналъ существованіе двухъ цѣнностей, цѣнности естественной и цѣнности данной.» (Par. 12).

Эти слова Гарнье доказываютъ, что экономисты не признаютъ въ благахъ естественныхъ и неограниченныхъ — цѣнности мѣбовой, но признаютъ въ нихъ всегда цѣнность естественную или прямую. Г. Бутовскій серьёзно полагаетъ, что онъ высказалъ новый, оригинальный взглядъ на значеніе цѣнности, между-тѣмъ, какъ на-самомъ-дѣлѣ сдѣлалъ только забавную ошибку, смѣшавъ понятіе цѣлности съ понятіемъ цѣлы. Конечно, трудно повѣрить, что подобный промахъ могъ сдѣлать экономистъ, посвятившій изученію политической экономіи нѣсколько лѣтъ своей жизни. Но, къ-сожалѣнію, параграфъ о цѣнности въ книгѣ г. Бутовскаго представляетъ на каждомъ шагѣ ясныя, неопровержимыя, доказательства этой ошибки. Утверждая, что «воздухъ имѣетъ огромную полезность, но не имѣетъ цѣнности (т. е. цѣнности мѣбовой)», авторъ прибавляетъ:

«Заключите человѣка въ смирную темницу, куда воздухъ скупо проникаетъ, и воздухъ, которымъ онъ не дорожилъ на свободѣ, вдругъ получить для него цѣн-

ность огромную: несчастные узники развѣ не платятъ большихъ суммъ тюремщикамъ за одно дозволеніе подышать свѣжею атмосферою и взглянуть на свѣтлое небо.»

Разоблачите смыслъ этой фразы, нѣсколько затемненный риторикой, и выйдете слѣдующее: воздухъ не продается и не покупается, слѣдовательно, не имѣетъ цѣнности мѣбовой, слѣдовательно не имѣетъ и прямой цѣнности. Заключенный въ темницѣ платитъ деньгами за позволеніе подышать чистымъ озоухомъ, и въ этомъ случаѣ воздухъ имѣетъ цѣну, слѣдовательно и цѣнность. Вотъ силлогизмъ г. Бутовскаго, силлогизмъ, безъ сомнѣнія, незаслуживающій и опроверженія. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно то мѣсто параграфа, въ которомъ г. Бутовскій утверждаетъ, что «между благами приобрѣтенными «наиболѣе цѣнности мы видимъ не на «сторонѣ тѣхъ, въ которыхъ наиболѣе «заключается полезности», что «нигдѣ «человѣкъ не можетъ обойтись безъ «хлѣба», что «гораздо менѣе нуждается онъ въ золотѣ и серебрѣ», но что «вездѣ однако послѣднія цѣнятся «ише первую»!!!!... Припомните, что тутъ дѣло идетъ не о ходачей цѣнѣ золота и хлѣба, а о цѣнности ихъ, о цѣнности прямой и потребительной. По мнѣнію г. Бутовскаго, въ золотѣ и серебрѣ больше прямой цѣнности, чѣмъ въ хлѣбѣ!!!!... Что сказать о такомъ заключеніи? Что сказали бы о немъ Адамъ Смитъ и его послѣдователи?...

Говорить ли о взглядѣ г. Бутовскаго на сущность и значеніе богатства? Послѣ его опредѣленія цѣнности, опредѣленіе богатства уже не можетъ возбудить ни малѣйшаго удивленія. Долго останавливаться на немъ рѣшительно не стоить: мы и то разобрали слишкомъ-подробно первые параграфы книги. Замѣтимъ только, что мнѣніе автора о богатствѣ ничѣмъ не лучше его мнѣнія о полезности и цѣнности. И тутъ встрѣчаются на каждомъ шагѣ самыя поразительныя противорѣ-

чя. Г. Бутовскій начинаетъ, наприм., съ того, что, задавъ себѣ вопросъ: въ чемъ состоитъ богатство? отвѣчаетъ на него установленіемъ двухъ разныхъ значеній этого слова. Богатство, по его мнѣнію, означаетъ, съ одной стороны, извѣстное *положеніе* челоуѣка, то есть «обладаніе средствами болѣе или менѣе существенными къ удовлетворенію потребностей», — съ другой, самый *предметъ*, т. е. «блага приобретенныя, полезности, для снисканія которыхъ необходимо должно одолѣть въ некоторыя препятствія». Вслѣдъ за тѣмъ онъ говоритъ, что «блага, полезность и богатство суть синонимы». Да какъ же это такъ? Если богатство есть синонимъ блага, то какимъ образомъ случается, что это слово означаетъ, по словамъ автора, извѣстное положеніе или состояніе челоуѣка? И притомъ довольно странно-выставлять на показъ такой нелогической дуализмъ. Нѣтъ никакой возможности придавать два совершенно различныя значенія слову, выражающему такое понятіе, которое составляетъ предметъ науки и отъ котораго она даже заимствуетъ иногда свое названіе. Читатель имѣетъ полное право потребовать отъ г. Бутовскаго, чтобы онъ, излагая науку о народномъ богатствѣ, соединялъ съ словомъ «богатство» только одно значеніе, значеніе—опредѣленное и постоянное; въ противномъ случаѣ, читая книгу, будешь встрѣчать недоразумѣнія и неясности на каждомъ шагѣ. А съ другой стороны, непонятно и то, зачѣмъ г. Бутовскій отступаетъ въ этомъ случаѣ отъ общепринятаго обыкновенія называть богатствомъ — не самое состояніе челоуѣка, но предметы, одаренные свойствомъ полезности и служащіе къ удовлетворенію нашихъ нуждъ. Въ этомъ случаѣ, мы можемъ еще разъ противопоставить ему авторитетъ самихъ же экономистовъ, Адама Смита, Сэ, Мекколоха, Гарнье, Росси. Последній говоритъ въ своемъ курсѣ, что «цѣнность и богатство суть понятія сопрягающіяся, хотя и не однозначачія.

«Цѣнность не есть богатство, точно такъ же, какъ непроницаемость не есть тѣло, точно такъ же, какъ вѣсимость не есть камень. Цѣнностью называемъ мы отношеніе; богатствомъ—совокупность всѣхъ предметовъ, въ которыхыхъ это отношеніе осуществляется. Вотъ что говоритъ намъ здравый смыслъ, отъ котораго въ настоящемъ случаѣ наука не имѣетъ права отклоняться.» (4-me leçon). — Богатствомъ или благами «говоритъ Гарнье называютъ все то, что служитъ къ удовлетворенію нашихъ потребностей... Цѣнность есть не что иное, какъ выраженіе того отношенія, которое существуетъ между нашими нуждами и вещами, составляющими богатство.» (Р. 2 — 10). Въ своихъ «Исслѣдованіяхъ» Адамъ Смитъ называетъ постоянно богатство «ежегоднымъ продуктомъ труда и земли». Наконецъ, по словамъ Мекколоха (Note sur Adam Smith I. p. I.) слово «богатство» означаются всегда всѣ товары или продукты, необходимые, полезные или пріятные для челоуѣка и сверхъ того одаренные мнѣною цѣнностью». Очевидно, что при всемъ разнообразіи этихъ опредѣленій, всѣ экономисты сходятся между собой въ томъ, что означаютъ словомъ «богатство» не положеніе, а предметъ или вещь. Очевидно также, что г. Бутовскій, удалившись отъ общепринятаго значенія, которое принадлежитъ этому термину въ экономической терминологіи, весьма-неправильно смѣшиваетъ слово *богатство* съ словомъ *благосостояніе!*

Далѣе, г. Бутовскій говоритъ о значеніи богатства слѣдующее: «Благо, полезность, богатство суть синонимы. Нѣтъ предмета, способнаго къ удовлетворенію какой-либо изъ нашихъ потребностей, къ которому нельзя было бы отнести эти выраженія». Въ другомъ мѣстѣ находимъ такое опредѣленіе: «Какъ предметъ, какъ цѣль нашей дѣятельности, богатство состоитъ исключительно въ благахъ приобретенныхъ, въ полезностяхъ, для сниска-

вія которыхъ необходимо должно одолѣть нѣкоторыя препятствія, и потому имѣющихъ цѣнность». Но мы уже видѣли, что не всякая вещь, способная къ удовлетворенію нашихъ нуждъ, имѣеть, по мнѣнію г. Бутовскаго, цѣнность. Что же такое богатство? спросимъ мы еще разъ послѣ этихъ двухъ опредѣленій, изъ которыхъ одно явно противорѣчитъ другому...

Такое же противорѣчіе встрѣчается и ниже. «Съ точки зрѣнія общественной» говоритъ г. Бутовскій, согласный въ этомъ случаѣ съ другими экономистами школы Смита: «къ нему (къ богатству) должно относить одні цѣнности потребительныя, *мнѣновыя*» (стр. 42). Черезъ нѣсколько страницъ, заключая послѣдній параграфъ первой главы, г. Бутовскій выражается слѣдующимъ образомъ:

«Для Государства всего выгоднѣе, чтобъ препятствія къ добыванію благъ приобретаемыхъ безпрестанно уменьшались, чтобъ цѣнность ихъ, вслѣдствіе того, понижалась и чтобъ онѣ приближались къ свойству благъ неограниченныхъ, безмездныхъ; всякій разъ когда дѣятельность народная можетъ достигнуть подобнаго результата, она умножаетъ богатство, наслажденія и благосостояніе лицъ, народъ образующихъ. Напротивъ, для Государства, въ смыслѣ экономическомъ, всегда невыгодно усиленіе препятствій къ добыванію благъ приобретаемыхъ, каковъ бы ни былъ источникъ этихъ препятствій; оно поднимаетъ ихъ цѣнность, дѣлаетъ ихъ менѣе доступными потребленію, а вслѣдствіе того уменьшаетъ богатство, наслажденія и благосостояніе народа.

«Посему частный интересъ никогда не находится въ противорѣчій съ интересомъ общественнымъ, пока разсматривать цѣнность благъ приобретаемыхъ съ точки зрѣнія потребительной. Между ними можетъ быть противорѣчіе, когда эта цѣнность разсматривается съ точки зрѣнія мнѣновой. Руководясь соображеніями перваго разряда, люди заботятся о возможномъ умноженіи полезностей съ наименьшими усиліями; увлекаясь соображеніями втораго разряда, они болѣе заботятся объ умноженіи цѣнности, нежели полезности и принималъ первую за богатство, тогда какъ она есть только выраженіе отноше-

нія между этими богатствомъ и нашими потребностями, впадаютъ часто въ заблужденія и сами создаютъ новыя препятствія къ благосостоянію народному» (стр. 49—50).

Эти строки, открыто противорѣчатъ всему, что говорится на стр. 42. И потому, если цѣнность не надо смѣшивать съ богатствомъ, если первая означаетъ только отношеніе между богатствомъ и потребностями, то какимъ же образомъ сказано выше, на той же 42 страницѣ, что богатство состоитъ изъ цѣнностей, и притомъ богатство индивидуальное изъ цѣнностей потребительныхъ, а богатство общественное изъ цѣнностей мнѣновыхъ?.. Непонятно!

Но всего замѣчательнѣе въ параграфѣ о богатствѣ слѣдующая фраза: «богатство начинаетъ имѣть цѣнность, по мѣрѣ усилій, требуемыхъ съ нашей стороны, для приобретенія» (стр. 47). Богатство, замѣтьте, *начинаетъ имѣть* цѣнность; слѣдовательно, можетъ быть и такой моментъ, когда богатство ея не имѣеть; и необходимо прибавить, что такое предположеніе сорвалось не случайно съ пера автора, а развито съ довольно-большою подробностью и повторяется нѣсколько разъ. Какимъ образомъ можетъ случиться, что предметъ, неимѣющій цѣнности, дѣлается богатствомъ—этого мы рѣшительно не понимаемъ. Да и довольно трудно понять эту фразу, потому—что она противорѣчитъ значенію богатства въ наукѣ. Ни одному изъ экономистовъ не приходило еще въ голову утверждать, что богатство можетъ состоять изъ вещей, неимѣющихъ цѣнности. Мысль эта—мысль самого г. Бутовскаго, и въ этомъ случаѣ онъ являетъ уже не послѣдователемъ экономистовъ, а писателемъ совершенно-самобытнымъ. Не даромъ объявилъ онъ въ своемъ предисловіи, что «для выполненія своего плана, руководился не только уроками ученыхъ, которыми» «рымъ наука политической экономіи обязана своимъ существованіемъ и

« своими успѣхами, но старался по-
« рить ихъ на дѣль собственными наблю-
« деніями. » Теперь мы уже знаемъ, въ
чемъ состояли « собственные наблюде-
нія » г. Бутовскаго и къ какимъ резуль-
татамъ они привели его!

Но довольно! Подробнымъ разборомъ
Вступленія и первой главы « Опыта » мы
утомили, можетъ-быть, читателей, но
достигли вполнѣ своей цѣли. Каждый,
кто прочтетъ нашъ разборъ, убѣдится,
что г. Бутовскій ошибочно понимаетъ
какъ предметъ и цѣль политической
экономіи, такъ и о значеніи основныхъ
и важнѣйшихъ ея терминовъ: Такимъ
образомъ, первое изъ трехъ заключе-
ній, къ которымъ привело насъ чтеніе
« Опыта о Народномъ Богатствѣ », счи-
таемъ мы вполнѣ оправданнымъ и до-
казаннымъ. Переходимъ теперь къ оп-
равданію втораго и постараемся дока-
зать основательность нашего отзыва о
крайней устарѣлости мнѣній и взгля-
довъ г. Бутовскаго, составляющей
одинъ изъ самыхъ важныхъ и существ-
венныхъ недостатковъ его книги.

Нѣсколько разъ уже имѣли мы слу-
чай говорить объ односторонности и
невѣрности направленія, принятаго г.
Бутовскимъ, и объ исключительной
приверженности его къ экономической
теоріи, созданной Ж. Б. Сэ и его по-
слѣдователями. Г. Бутовскій принадле-
жить, по своимъ убѣжденіямъ, къ шко-
лѣ тѣхъ писателей, которыхъ называ-
ютъ въ настоящее время экономистами,
принимая это слово въ тѣсномъ и спе-
ціальномъ его значеніи. Причины, за-
ставляющія насъ признавать ученіе
такъ-называемыхъ экономистовъ одно-
стороннымъ и ложнымъ, изложены въ
нашей первой статьѣ, и повторять ихъ
въ настоящемъ случаѣ было бы без-
полезно. Что же касается до привер-
женности г. Бутовскаго къ этому уче-
нію, то она доказывается всей его
книгой, и вѣроятно самъ онъ не бу-
детъ оспаривать этого пункта: по-
крайней-мѣрѣ, неизвѣстный сотруд-
никъ « Сѣверной Пчелы », принявшій
на себя защиту « Опыта о Народномъ
Богатствѣ », поставилъ автору его въ

особенную заслугу его исключитель-
ную приверженность къ теоріямъ эконо-
мической школы. Если же г. Бутов-
скому, какъ мы видѣли выше, случает-
ся иногда отступать отъ мнѣній эконо-
мистовъ и возвѣщать такіа идеи, кото-
рыя каждому изъ послѣдователей Сми-
та показались бы странными ошибка-
ми, то всѣ эти неудачныя отступленія
должны быть почитаемы отступленіа-
ми совершенно безсознательными и не-
вольными. Источники ихъ заключаются
единственно въ томъ, что авторъ « Опы-
та », составляя свою книгу изъ сочине-
ній экономистовъ, не всегда понималъ
значеніе ихъ теорій, и въ особенности
не всегда умѣлъ, при переводѣ ихъ
идей на русскій языкъ, сохранить съ
на лежащей точностью смыслъ и со-
держаніе подлинника.

Въ настоящемъ случаѣ, говоря объ
устарѣлости мнѣній г. Бутовскаго, мы
разумѣемъ подъ этимъ словомъ не одну
только приверженность его къ нача-
ламъ экономистовъ, но нѣчто другое,
въ нашихъ глазахъ еще менѣе извиня-
тельное. При существованіи въ поли-
тической экономіи множества различ-
ныхъ школъ, мы не удивляемся, что г.
Бутовскій примкнулъ къ одной изъ
нихъ, объявивъ себя ревностнымъ, вѣр-
нымъ ея послѣдователемъ. Мы удив-
ляемся только, что, согласившись съ
началами экономической школы, онъ
не потрудился познакомиться съ нача-
лами другихъ школъ, не потрудился,
слѣдовательно, приобрести надлежащее
свѣдѣніе объ историческомъ раз-
витіи и современномъ состояніи науки.
Намъ кажется, что въ этомъ заклю-
чается самая первая, самая важная
обязанность каждаго писателя, како-
вы бы ни были его убѣжденія, къ ка-
кой бы изъ существующихъ школъ
ни принадлежалъ онъ. Еслибъ г. Бу-
товскій, рѣшившись писать о полити-
ческой экономіи, выяснилъ себѣ съ са-
мага начала ея теперешнее положеніе,
начала каждой изъ господствующихъ
въ ней системъ и потомъ уже, убѣди-
вшись въ справедливости одной изъ
нихъ и въ несправедливости всѣхъ дру-

гихъ, сталъ излагать свои личныя убѣжденія, какъ истины непреложныя и несомнѣнныя, мы бы только пожалѣли о томъ, что онъ сдѣлалъ неудачный и ошибочный выборъ. Совершенно другое должны мы сказать теперь, когда видимъ, что авторъ «Опыта» поддерживаетъ такъ горячо начала экономистовъ только потому, что не ознакомился съ началами, имъ противоположными, не знаетъ исторической судьбы науки и того дальнѣйшаго развитія, которое получила она послѣ Смита и Ж. Б. Сэ. Въ такомъ случаѣ, говоря о книгѣ Бутовскаго, мы не напрасно употребили слово «устарѣлость»; да, мы видимъ тутъ устарѣлость, которая происходитъ единственно отъ недостаточнаго знанія отъ рѣшимости автора говорить и писать о предметѣ, извѣстномъ ему только съ одной его стороны. Это оправдывается всею его книгой.

Въ подтвержденіе своихъ словъ укажемъ съ самаго начала на странный пропускъ, уже прежде замѣченный нами въ книгѣ г. Бутовскаго. Ни въ одной изъ ея частей не нашли мы изложенія исторіи науки и существа системъ, возникшихъ въ послѣднее время. Правда, авторъ «Опыта» можетъ въ этомъ случаѣ подтвердить слова своего неизвѣстнаго защитника и сказать, что, по его понятію, исторія науки не можетъ и не должна предшествовать самому ея изложенію. Но на это мы имѣемъ полное право отвѣтить, что такое понятіе о политической экономіи совсѣмъ несогласно съ теперешнимъ ея состояніемъ. Когда въ наукѣ существуетъ одновременно нѣсколько различныхъ партій, когда всѣ эти партіи развились исторически одна изъ другой, тогда объясненіе причинъ и значенія спора, происходящаго между ними, является первою обязанностью каждаго писателя, желающаго познакомиться своихъ читателей съ началами и содержаніемъ науки. Въ противномъ случаѣ, т. е. если писатель не выполняетъ этой обязанности, можно сказать смѣло, что онъ вводитъ своихъ чи-

тателей въ заблужденіе и выдастъ имъ за несомнѣнныя, общепризнаваемыя истины, такого рода начала, которыя въ существѣ дѣла поддерживаются только одною партією и оспариваются всѣми другими. Мы не думаемъ, чтобъ писатель какой бы то ни было партіи могъ поступать такимъ образомъ съ своею публикой и скрывать отъ нея существованіе и важность происходящей передъ его глазами.

Впрочемъ, гораздо-лучше ничего не говорить о началахъ своихъ противниковъ, нежели выставить ихъ въ ложномъ видѣ или опровергать рѣзко, ничѣмъ не доказывая. Когда писатель объявляетъ себя послѣдователемъ извѣстнаго ученія и позволяетъ себѣ отзываться самымъ строгимъ образомъ о системахъ, этому ученію противоположныхъ, на немъ лежитъ обязанность объяснить читателямъ значеніе этихъ системъ и подробно изложить причины, заставляющія его отвергать ихъ справедливость. Въ противномъ случаѣ, увижася достоинство науки и ученый споръ превращается въ размѣнъ пустыхъ словъ. Лучше молчать о томъ, чего не знаешь, нежели отзываться объ этомъ съ самоувѣренностью; ничѣмъ не подтверждая справедливости своихъ словъ. Съ этимъ согласится всякій; не согласается только г. Бутовскій, приписывая своимъ противникамъ такія идеи, которыхъ они вовсе не имѣли и произносилъ противъ нихъ жесткіе приговоры, ни на чемъ не основанные и ничѣмъ не подкрѣпленные. Мы уже видали, что авторъ «Опыта» вовсе не считаетъ нужнымъ знакомить читателей съ мнѣніями и взглядами своихъ противниковъ. Это нѣсколько не мѣшаетъ ему, однакожъ, отзываться о нихъ слѣдующимъ образомъ:

«Поверхостный мыслитель оплакиваетъ неизбѣжное неравенство благъ; грубый коммунистъ проповѣдуетъ настоящее возстаніе бѣдныхъ противъ богатыхъ (?); социальность, увлекаемый несбыточными мечтами, громоздитъ фантастическія системы, изводитъ разумъ на степень инстинкта,

и хочетъ превратить мѣръ человѣческой въ пчелиный улей, гдѣ всѣмъ будетъ дозволено меду и цвѣтовъ. Жалкія и безплодныя усилія ума человѣческаго!—Какъ эти люди, между которыми безъ сомнѣнія есть много добросовѣстныхъ и даже разсудительныхъ, если отвлечь ихъ отъ упрямой мечты, не замѣчаютъ, что не люди сдѣлали этотъ мѣръ — который они мечтаютъ преобразовать, такимъ, какъ онъ есть. Творецъ подчинилъ человѣчество законамъ, столь же логическимъ, если можно такъ выразиться, какъ и всѣхъ другихъ тварей: мы можемъ только распознавать, разгадывать эти законы, и сообразуя съ ними нашу свободно-разумную дѣятельность, избѣгать слѣзгаго руководства инстинктовъ, и гибельныхъ послѣдствій, иногда съ нами неразлучныхъ: другой цѣли, кромѣ изслѣдованія этихъ законовъ, не имѣютъ науки нравственно-политическія, и въ томъ числѣ политическая экономія, такъ точно, какъ изслѣдованіе законовъ міра вещественнаго составляетъ предметъ отдѣла наукъ эмпирическихъ. И тѣ, и другія могутъ ошибаться, дурно усматривать истину и выводить ложныя заключенія, по ни тѣ, ни другія не стремятся измѣнить твореніе, котораго законы хотѣтъ изслѣдовать. Системы, нами упомянутыя, начинаютъ съ того, что создаютъ себѣ мысленно какието небывалыхъ людей, провозглашаютъ (!) по всему, что намъ указываютъ ж-физиологія и психологія, и на этомъ духомъ, воображаемомъ фундаментѣ строятъ въ своей мечтѣ новый обществу, какъ дѣти строятъ домики изъ картъ. Фантазія всегда и вездѣ играла людямъ: подобныя системы возникали, цвѣли, шумѣли въ древности и въ средніе вѣки, какъ и нынѣ; слѣды ихъ эфемернаго существованія откроемъ у Китайцевъ, у Индійцевъ, у Грековъ, у Римлянъ, на западѣ и на востокѣ, на сѣверѣ и на югѣ; вездѣ поприще наукъ устлано ихъ развалинами; но человѣчество не измѣнилось; оно вездѣ одно и тоже: и подѣ варварской оболочкой дикаря, какъ и подѣ лоскомъ самаго утонченнаго просвѣщенія, вездѣ найдете въ немъ одни и тѣ же инстинкты, одиѣ и тѣ же побужденія, и благодаря небо, вездѣ одну и ту же способность свободно-разумную» (Т. III, стр. 396, 397).

Нѣсколько-выше г. Бутовскій говоритъ слѣдующее:

«Разбитые на одномъ пунктѣ, эмпиризмъ и ложныя системы переносятъ свои знамена на другое поприще: убѣжденные въ бессиліи эмиграцій противъ нарушенія равновѣсія между числомъ людей и средствами къ благосостоянію и продовольствію, они хотѣтъ найдти врачеваніе въ мнимыхъ улучшеніяхъ порядка распредѣленія богатствъ. Вы сѣтуете, гласятъ они, на слишкомъ слабую долю однихъ; вы напомиаете бѣдному о его скудости и приглашаете его къ воздержности и благоразумію; но по какому поводу вы терпите богатыхъ, забирающихъ себѣ львиную долю изъ народнаго производства? уменьшите достатокъ однихъ, увеличьте достатокъ другихъ, дайте всѣмъ по ровну, и всѣ будутъ довольны и счастливы; опасенія кончатся; предосторожности стануть бесполезны. Вотъ идея, которую жнвутъ цѣлыя группы системъ, и которую каждая настраиваетъ на свой ладъ. Мы не станемъ ни исчислять, ни описывать этихъ странныхъ и часто забавныхъ учений: чтобъ выставить ихъ превратность, представимъ только нѣсколько окончательныхъ соображеній о вліяніи распредѣленія богатства на движеніе народонаселенія и вообще на число и благосостояніе людей» (Т. III, стр. 390, 391).

На всю эту филиппику г. Бутовскаго противъ современныхъ ученій, мы отвѣтимъ только: ни одинъ писатель не можетъ требовать отъ своихъ читателей, чтобъ они вѣрили на-слово его приговорамъ, когда эти приговоры приведены безъ всякихъ доказательствъ и когда не изложено даже содержаніе той системы, которая уничтожается ея критикомъ. Г. Бутовскій говоритъ, что онъ «не станетъ ни исчислять, ни описывать этихъ странныхъ и часто забавныхъ учений». Если такъ, то какъ же онъ рѣшается нападать рѣзко и диктаторскимъ тономъ на эти ученія, которыхъ онъ не хочетъ даже и излагать своимъ читателямъ? И потомъ, на чемъ основано это пренебреженіе нашего экономиста къ теоріямъ новѣйшихъ школъ? Что онѣ неудовлетворительны и неполны — съ этимъ мы и сами соглашаемся; но каковы бы ни были ихъ недостатки, онѣ тѣмъ не менѣе существуютъ, приобрѣ-

каждымъ днемъ новыхъ по-
стелей, поддерживаются людьми
блжми и даровитыми и, слѣдова-
тельно, вовсе не принадлежатъ къ чис-
лу тѣхъ отсталыхъ идей, съ которы-
ми можно обходиться безъ церемоній,
ничѣмъ не стѣсняясь. Намъ просто ка-
жется, что г. Бутовскій отзывается такъ
лаконически о новѣйшихъ школахъ
только потому, что не имѣетъ о нихъ на-
лежащаго повятія. По-крайней-мѣрѣ,
намекн на идеи этихъ школъ, изрѣдка
встрѣчающіеся въ его фразахъ, ясно
показываютъ, что всѣ эти современ-
ныя идеи представляются ему вовсе не
тѣмъ, что онѣ — на-самомъ-дѣлѣ.

Мы уже говорили прежде (въ нашей
первой рецензіи) о забавной ошибкѣ,
сдѣланной г. Бутовскимъ по поводу
опроверженія теоріи коммунистовъ.
Авторъ «Опыта» нападаетъ на нихъ за
то, что они требуютъ *равнаго раздѣла
богатства*, между-тѣмъ, какъ они, со-
вершенно напротивъ, *отвергаютъ равен-
ство благъ* и считаютъ необходимымъ
распредѣлять богатства различными
долями, смотря по нуждамъ и потреб-
ностямъ cadaго. Замѣтимъ теперь,
что г. Бутовскій предполагаетъ вооб-
ще, что основная идея всѣхъ другихъ
системъ состоитъ также въ требованіи
равнаго раздѣла богатствъ между всѣ-
ми членами общества. Мы уже видѣ-
ли, что, по его словамъ, новѣйшія шко-
лы будто-бы говорятъ экономистамъ
слѣдующее: «уменьшите достатокъ од-
нихъ, увеличьте достатокъ другихъ,
• дайте всѣмъ по ровну, и всѣ будутъ
• довольны и счастливы; опасенія кон-
• чатся; предосторожности сдѣлаются
• бесполезны. Вотъ идея, которою жи-
• вутъ цѣлыя группы системъ и кото-
• рую каждая настраиваетъ на свой
• ладъ». Можеть увѣрить почтеннаго
автора, что онъ въ этомъ случаѣ силь-
но ошибается и напрасно приписыва-
етъ новѣйшимъ дѣтелямъ науки такіа
идеи. Кромѣ одной школы, доказыва-
ющей справедливость уравненія не бо-
гатствъ, а задѣльной платы, нѣтъ въ
настоящее время ни одной системы,
которая поддерживала бы устарѣлую

и давно уже отвергнутую мысль о воз-
можности раздѣлить общественное бо-
гатство поровну между всѣми. Однѣ
изъ новѣйшихъ школъ считаютъ са-
мымъ справедливымъ распределені-
емъ богатствъ — распределеніе ихъ по
мѣрѣ способностей и труда; другія —
по мѣрѣ труда, капитала и таланта;
третьи, наконецъ, по мѣрѣ самыхъ по-
требностей, требующихъ себѣ удовле-
творенія. Но нѣтъ между современны-
ми писателями ни одного, который бы
защищалъ утопію абсолютнаго равен-
ства благъ, утопію столько же неосво-
дательную въ теоретическомъ отноше-
ніи, сколько ничтожную въ отношеніи
практическомъ.

Вообще, каждая глава «Опыта о На-
родномъ Богатствѣ» доказываетъ, что
авторъ этой книги незнакомъ съ новѣй-
шими сочиненіями ополитической эконо-
міи. Это видно изъ того, что, нала-
гая различныя начала, высказанныя
экономистами, онъ по-большой-части
и не упоминаетъ объ аргументахъ,
противопоставленныхъ имъ въ новѣй-
шее время, и нисколько не считаетъ
нужнымъ разбирать эти аргументы и
стараться объ ихъ опроверженіи. Но
между-тѣмъ извѣстно, что важнѣйшая
заслуга Сисмонди и всѣхъ школъ, вы-
званныхъ его книгою, состояла имен-
но въ критической оцѣнкѣ экономиче-
ской теоріи, въ раскрытіи всѣхъ про-
маховъ ея и недостатковъ. Г. Бутов-
скій, скажутъ намъ, не признаетъ
основательности этой критики: пре-
красно! Но развѣ это освобождаетъ
его отъ обязанности пересмотрѣть сдѣ-
ланныя на его теорію обвиненія, или,
по-крайней-мѣрѣ, упомянуть объ нихъ,
чтобъ читатель зналъ, что не всѣми
признается одинаково непогрѣши-
мость экономическихъ началъ. При-
томъ же, надо замѣтить, что основа-
тельность нѣкоторыхъ изъ обвиненій,
сдѣланныхъ критической школою, при-
знана въ настоящее время самими эконо-
мистами; но даже и объ этихъ обви-
неніяхъ не говорятъ ничего г. Бутов-
скій: такъ устарѣли уже теперь тѣ
руководства, которыя онъ выбралъ

для составленія своей книги! Почти всѣ экономисты, напримѣръ, отказались уже отъ той странной мысли, будто увеличеніе чистаго дохода, т. е. уменьшеніе издержекъ производства и задѣльной платы выгодиѣ для общества, нежели увеличеніе дохода валоваго. Г. Бутовскій, между-тѣмъ, вторяетъ съ голоса прежнихъ писателей, что чистый доходъ увеличиваетъ «въ одно время богатство и благосостояніе народное и что къ его усиленію должны стремиться всѣ старанія «промышленности» (Т. III, стр. 6). Точно также самыя замѣчательныя изъ современныхъ экономистовъ, наприм., Росси, вполне уже согласились съ новѣйшими школами относительно логической и практической невозможности включить задѣльную плату въ понятіе о капиталѣ, а г. Бутовскій продолжаетъ по-прежнему поддерживать это ошибочное начало прежнихъ экономическихъ теорій (Т. I, пар. 41). Наконецъ, даже вредное вліяніе раздѣленія труда, машинъ и неограниченной конкуренціи на участь работниковъ и въ особенности на пониженіе задѣльной платы ускользнуло отъ его вниманія, не смотря на то, что факты новѣйшей экономической исторіи доказали ясно дѣйствительность этого вліянія, котораго даже сами экономисты въ настоящую минуту уже не рѣшаются отрицать безусловно.

Вообще, доказывать подробно устарѣлость и односторонность мнѣній г. Бутовскаго рѣшительно невозможно, потому-что въ такомъ случаѣ пришлось бы разбирать и опровергать каждую главу, каждую фразу его сочиненія. Того, что до-сихъ-поръ мы скавали, будетъ достаточно для каждого изъ читателей...

Остается поговорить о недостаткахъ книги г. Бутовскаго относительно ея формы. Но и въ этомъ отношеніи нѣтъ никакой надобности подтверждать нашъ отзывъ подробными докательствами; выписки, сдѣланныя нами выше изъ «Опыта о Народномъ Богатствѣ», служатъ полнымъ оправданіемъ

всѣхъ нашихъ заключеній. Доказывать, что мѣста, приведенныя нами изъ книги г. Бутовскаго, написаны языкомъ не совсѣмъ грамотнымъ, кудреватымъ, напыщеннымъ, растаятымъ и, слѣдовательно, вовсе не ученымъ—совершенно бесполезно. Странно было бы доказывать то, что не требуетъ доказательствъ!

Въ заключеніе этого длиннаго разбора считаемъ необходимымъ сдѣлать одну оговорку. Не смотря на наши неблагоприятныя отзывы о книгѣ г. Бутовскаго, мы должны сознаться, что, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, она заключаетъ въ себѣ и нѣчто хорошее. Это «хорошее» состоитъ, на-примѣръ, въ нѣкоторыхъ практическихъ, весьма-полезныхъ совѣтахъ, которые подаетъ авторъ. Опыта людямъ, занимающимся писаніемъ и сочиненіемъ плохихъ книжонокъ и вообще всякому, кто, глѣнясь извѣстностью ученою и литературною, пускается на такое поприще, на которомъ не можетъ дѣйствовать успѣшно какъ по недостатку таланта, такъ и по ограниченности познаній. Размышленія, предлагаемыя по этому поводу г. Бутовскимъ, не совсѣмъ новы; но они такъ вѣрны сами-по-себѣ, такъ сильно высказаны что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать нѣкоторыя изъ нихъ, въ заключеніе нашего разбора.

«Удовольствіе» говорить г. Бутовскій, «сопровождающее нѣкоторыя занятія, умножаетъ число лицъ, имъ предающихся. Художества, литература (и наука — надо прибавить) принадлежатъ къ этому ряду. Многіе увлекаются въ это званіе страстью, не только не обладая настоящимъ талантомъ, но даже не имѣя довольно терпѣнія, ни довольно средствъ для полнаго и основательнаго изученія искусства, которое должно служить для нихъ средствомъ къ пропитанію самихъ себя и своихъ семействъ. Бѣдность артистовъ, поетовъ вошла въ пословицу, кромѣ не многихъ исключеній истинныхъ талантовъ и даже гениевъ, не признаваемыхъ и гонимыхъ, оно большей частію постигаетъ посредственность, которая стремится за вѣнцомъ славы, извѣстности и

богатства, стараетъ на оныя соперничество какъ мотылекъ на свѣчкѣ. На одного Пушкина, которому платили по червонцу за стихъ, на одного Рафаэля, котораго картины покрывались дублонами, сколько жалкихъ ремесленниковъ и плохихъ вѣдыхателей проживаютъ вѣкъ въ бѣдности и неизвѣстности, сколько мнимыхъ живописцевъ принуждены выйти на степень маляровъ, вупражить свою кисть на лавочныхъ вывѣскахъ.»

«Преувеличенныя надежды на успѣхъ дѣйствуютъ на людей едва-ли еще не сильнѣе страсти..... Такъ вездѣ множество лицъ, одержимыхъ обманчивою увѣренностью въ своей звѣздѣ, метая въ знаменитости всякаго рода, ученыхъ, литературныхъ, государственныхъ и скользятъ на покатохъ, гдѣ можетъ удержаться одна только твердость воли или истинное призванье» (Т. II, стр. 392, 393).

Въ политической экономіи, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, подобныя явленія встрѣчаются особенно часто.

«Ей» (т. е. политической экономіи) говорить г. Бутовскій) «грозитъ важная опасность отъ самихъ ея сподвижниковъ, и въ особенности отъ тѣхъ, которые, будучи поражены блистательной стороной ея выводовъ, принимаютъ ихъ безусловно, не углубляясь въ ихъ значеніе, не прибавляя къ нимъ критики собственнаго разума, не восходя до началъ науки; разносятъ эти выводы, подобно знаменамъ по ратному полю словопревенія, и рѣзкостью своихъ заключеній, докторальностью тона, неловкостью объясненія, возбуждаютъ недоверіе къ самой наукѣ. Какъ правильно можемъ мы повторить вмѣстѣ съ наукой, слова баснописца:

Набави, Боже, насъ отъ станихъ друзей!..

«Къ числу этихъ друзей нельзя не причислить и тѣхъ, которые вмѣняютъ себя

въ воображаемый долгъ излагать свои неполныя и не складныя мнѣнія въ брошюрахъ или въ книгахъ, годныхъ болѣе для затмѣнія истины, нежели для ея проясненія. Если эти сочиненія отличаются талантомъ изложенія, залекаемостью слога, то ихъ по справедливости можно назвать опасными, не для людей серьезныхъ, знакомыхъ съ началами науки, но для толпы, которая впрустъ въ печатное, и которой подобныя книги, открывая единаго улова истины, не объясняя въ точности связи между различными ея проявленіями, внушаютъ понятія сбивчивыя и пресранныя» (Т. I, стр. 35).

Последнее замѣчаніе г. Бутовскаго намъ кажется особенно справедливымъ и оно-то, замѣтивъ, побудило насъ посвятить его книгѣ такой подробный разборъ. Надо еще прибавить, что авторъ «Опыта» выбралъ въ этомъ случаѣ самое выгодное предположеніе, допустивъ, что экономическія руководства, плохія по содержанію, отличаются, однако, талантомъ изложенія и завлекательностью слога. Бываетъ вѣдь и такъ, что сочиненіе плохо по своему содержанію и еще плоше по формѣ. Вотъ тогда-то уже можно смѣло сказать, что авторъ такого сочиненія «скользитъ по покатохъ» выбраннаго имъ поприща и «стараетъ на огнѣ соперничества, какъ мотылекъ на свѣчкѣ».

Вообще, всѣ размышленія г. Бутовскаго о необходимости строго преслѣдовать писателей, «вмѣняющихъ себя въ воображаемый долгъ излагать свои неполныя и не складныя мнѣнія въ брошюрахъ или въ книгахъ», — въ высшей степени основательны и справедливы. Съ этимъ мнѣніемъ теперь вѣроятно всѣ будутъ согласны.

СПРАВОЧНЫЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ. *Издание*
К. Крайя. *Томъ шестой. Часть I, II, I, K—Кап, и часть II,*
Кап—Кях. *Санктпетербургъ. 1847.*

=

Бумага, форматъ и шрифтъ для «Справочнаго Словаря» выбраны хорошо; типографія исполнила свое дѣло не роскошно, но чисто, тщательно. Перелистывая это опрятное, довольно-красивое изданіе, невольно надѣешься, что и содержаніе книги соотвѣтствуетъ ей наряду; не напрасно же заботился издатель о наружномъ ея достоинствѣ... Къ-сожалѣнію, эта надежда, какъ и тысяча другихъ надеждъ, исчезаетъ тотчасъ, когда приглядишься поближе къ тому, что напечатано такъ красиво.

Первый томъ «Словаря», какъ извѣстно, наполненъ статьями безъ поднеси ихъ составителей и безъ указанія источниковъ. Одно имя редактора, г-на Старчевскаго, было выставлено передъ публикою, какъ ручательство за достоинство и вѣрность статей по всемъ отраслямъ человѣческихъ знаній. Нѣкоторые журналы справедливо жаловались на таинственность въ такомъ дѣлѣ, гдѣ каждое слово должно быть непременно подтверждено. Всѣ лучшіе иностранные энциклопедическіе словари, на-примѣръ, «Энциклопедія Эрша и Грубера», «Словарь Пирпера», «Encyclopédie du dix-neuvième siècle», «Encyclopédie des gens du monde» и проч., выставляютъ подъ статьями имена авторовъ, или указы-

ваютъ на спеціальныя сочиненія и источники, изъ которыхъ заимствованы свѣдѣнія въ составъ словаря. Хотя и говорится, что дѣло не въ именахъ, однакожь, когда въ «Encyclopédie du XIX siècle» подъ статьею, относящеюся къ физикѣ, видите имя Пеклѣ, подъ статьею естественной исторіи—Декандоля, Бленвиля; далѣе встрѣчаете имена Шарля Дюпена, Токвиля, Беккереля, Берье, Пуквиля, Пужула, Ламартина, Жюля Жанена, Шанпаньи, Кастиль-Блаза, Низара и т. д., то беретесь за эту книгу съ увѣренностью найти въ ней свѣдѣнія болѣе-опыныя, чѣмъ въ сборникѣ, составленномъ людьми въ точномъ смыслѣ «неизвѣстными», изъ источниковъ невѣдомыхъ. Чтѣ же дѣлать съ этимъ сборникомъ, если онъ, въ добавокъ, испещренъ, *пресмыцелъ* (какъ говорятъ химики) явными погрѣшностями всѣхъ возможныхъ видовъ? какъ въ немъ справляться? Если же вы и попадете случайно на вѣрную статью, то множество поразительныхъ ошибокъ, безпрестанно бросающихся въ глаза, все-таки наведетъ на васъ сомнѣніе, заставитъ справиться съ другой книгой. Такимъ-образомъ, нашъ «Справочный Словарь» всегда грозитъ вамъ или ошибочными свѣдѣніями, или двойною справкой, и вы невольно приходите къ вопросу:

не лучше ли вовсе не справляться съ «Справочнымъ Словаремъ»?

Вышедшій теперь шестой томъ еще загадочнѣе перваго. На немъ нѣтъ уже и имени редактора: на заглавномъ листѣ стоитъ только «Изданіе К. Крайя», а на оборотѣ его: «Печатапо въ типографіи К. Крайя» — и дѣло съ концомъ. За все, про все отвѣчаетъ публикѣ г. К. Край, или его типографія. Остался ли г. Старчевскій редакторомъ, или его замѣнило другое лицо, столько же таинственное, какъ и сотрудники — не знаемъ; не знаемъ также, почему въ нѣкоторыхъ газетныхъ объявленіяхъ извѣщается, что «Справочный Словарь издается для всѣхъ сословій, подъ редакціей г. Старчевскаго»: ничего этого нѣтъ на заглавныхъ листахъ «Словаря», и только на оберткѣ его сказано, что «для удобства въ употребленіи, VI томъ раздѣленъ на двѣ части; при каждой части особый титулъ» (т. е. заглавный листъ); «желающіе же переплестъ обѣ части въ одинъ томъ» (кажется, иначе и переплестъ нельзя: вторая часть начинается стр. 497 такъ: *пьяная изъ холодной воды, въ медицинскомъ отношеніи и т. д.*) «найдутъ приложенный въ концѣ общій титулъ» (т. е. заглавный листъ) «тома; въ VI томѣ, вмѣсто обѣщанныхъ 30 листовъ, 63 листа; не смотря на то, цѣна остается прежняя, т. е. три рубли серебромъ за весь томъ». Все это говорится отъ лица издателя и относится къ улучшеніямъ, которыя онъ почелъ полезными для своего изданія. Имени редактора мы не нашли, не нашли также ни обѣщанныхъ исправленій перваго тома, ни извѣстій о томъ, какія мѣры приняты, чтобъ слѣдующія части «Словаря» были лучше первой. Да и зачѣмъ публикѣ все это знать? Не довольно ли для нея, что въ изданіи исчезло имя редактора? Если такъ, то не уже ли для окончательнаго улучшенія его стоитъ только при слѣдующемъ томѣ уничтожить и имя издателя?..

Жалкая участь досталась на Руси энциклопедическимъ словарямъ, кото-

рые на Западѣ безпрестанно появляются въ разныхъ видахъ и объемахъ. Въ тридцатыхъ годахъ, г. Селивановскій, въ Москвѣ, началъ было издавать словарь по образцу нѣмецкаго «Конверсационнаго Лексикона». и напечаталъ уже три тома, какъ вдругъ огромное и громкое предпріятіе г-на Плюшара остановило скромное московское изданіе. Лексиконъ г. Плюшара, какъ всему свѣту извѣстно, былъ также недолговѣченъ: сперва появился раздоръ между сотрудниками и редакціей, начатый, кажется, художниками; потомъ пошли перемѣны въ общихъ редакторахъ, а тамъ и все дѣло остановилось. Вотъ теперь передъ нами другой томъ «Справочнаго Энциклопедическаго Словаря», и мы смотримъ на него съ недоумѣніемъ не безъ причины.

Постараемся поставить нашихъ читателей въ возможность судить о внутреннемъ достоинствѣ VI тома. Впрочемъ, считаемъ нужнымъ предупредить ихъ, что замѣчанія наши будутъ относиться преимущественно къ вѣрности фактовъ въ отдѣльныхъ статьяхъ. О системѣ и порядкѣ въ цѣломъ говорить нечего: ихъ не было въ виду при самомъ началѣ изданія, какъ замѣчено нами при разборѣ перваго тома, нѣтъ теперь, и поправить это дѣло уже невозможно.

Оставивъ въ покоѣ Китайцевъ И и Татаръ Ибаковъ, на первой страницѣ тома, взглянемъ на статью Неврійцы (стр. 2), съ которою находятся въ связи статьи Испанія и Кельтиберійцы. Въ первой сказано, что Иберійцы поселились на Пирейскомъ Полуостровѣ въ глубокой древности, въ послѣдствіи соединились съ Кельтами и составили въ Испаніи одинъ съ ними народъ Кельтовъ-Иберійцевъ. По словамъ второй статьи (стр. 197), Иберійцы, вѣроятно, произошли (въ Испаніи) изъ смѣшенія древнихъ колоній африканскихъ, финикійскихъ и галльскихъ. Наконецъ, въ третьей статьѣ (стр. 643) говорится, что въ борьбѣ, происшедшей между Галлами или Кельтами и Ибе-

• рійцами, послѣдніе были побѣждены первыми. Галлы перешли Пиренеи (,) и тѣ изъ нихъ, которые утвердились въ двухъ углахъ полуострова, юго-вост. и сѣв. вост., удержали свое • прежнее названіе (Галловъ или Кельтовъ?), тѣ же, которые поселились въ • среднѣхъ (чего?), между покоренными • Иберійцами, приняли названіе Кельтиберійцевъ или Лузитанцевъ. Кельтиберійцы упорно защищали свою • независимость отъ Римлянъ. Кельтиберія составляла часть Таррагоніи (,) и границы ея полагали (?) съ сѣв. р. Эбро, съ юга Контестана и Оретави, съ востока Эдетани, и съ запада Карпетани. •

Что жъ это такое? По смыслу первой статьи, Иберійцы были первобытными жителями Испаніи, и потомъ уже, смѣшавшись съ Кельтами, составили народъ Кельтовъ-Иберійцевъ; по второй, тѣ же Иберійцы произошли изъ смѣшенія колоній африканскихъ, финикійскихъ и галльскихъ (Справочный Словарь не полагаетъ никакого различія между словами Галлы и Кельты); третья же статья называетъ Кельтиберійцами тѣхъ Галловъ или Кельтовъ, которые поселились между покоренными Иберійцами, а не смѣсь этихъ двухъ народовъ. Въ немногихъ словахъ много противорѣчій!

Новѣйшія историческія изслѣдованія показали, что все галльское народонаселеніе дробилось на отдѣльные племена или поколѣнія, *tribus*. Эти племена, какъ почти всегда бываетъ у младенчествующихъ народовъ, заимствовали имена свои, большею частію, отъ свойствъ страны, въ которой жили. Такимъ образомъ, названіе *Кельты* (*Celtes*), значило «жители лѣсовъ», «лѣсяки», точно то же, что у Славянъ «Древляне»; *Арморикіи*, приморское племя, «Поморяне»; *Аллоброи*, люди высокой земли, «Горцы», и т. д. (*). Слѣдовательно, названія «Галлы» и «Кельты» нельзя безъ разбора замѣ-

нять одно другимъ: первое относится ко второму, какъ родъ къ виду. Условившись въ этомъ, вотъ какъ объясняютъ древнее населеніе Испаніи. Иберы или Иберійцы, аборигены Пиренейскаго-Полуострова, еще въ до-историческія времена заняли также большую часть нынѣшней Франціи (*). Галлы, по всей вѣроятности, народъ азиатскаго происхожденія, отняли у нихъ эту страну и сообщили ей названіе Галліи. Иберійское племя, Аквитаны, удержалось, однако, на самомъ юго-западѣ, въ углу между Западными Пиренеями, Атлантическимъ-Океаномъ и полукруглымъ изгибомъ Гаронны. Ближайшими его сосѣдями изъ Галловъ сдѣлались Кельты. Они-то первые прорвались черезъ Пиренеи и заняли сѣверную и центральную части полуострова, между Эбро и Идубедскими-Горами (*Сьерра-де-Ока*); но Иберійцы покорились не скоро. Продолжительная и жестокая борьба утомила и побѣжденных и побѣдителей; они начали сближаться между собою, и изъ смѣшенія ихъ произошелъ новый народъ, Кельтиберы.

Вслѣдъ за Кельтами двинулись въ Испанію и другія галльскія племена. Галлы заняли наконецъ весь западный берегъ, отъ Аквитанскаго-Залива до Геркулесовыхъ-Столбовъ (Гибралтарскій-Проливъ). Орды Кельтовъ, двигавшіяся впереди другихъ, утвердились наконецъ въ юго-западномъ углу полуострова и сохранили свое народное имя, *Cellici*, потому-что туземцы бѣжали въ страхъ изъ своей родины. Другія племена Галловъ—какія именно, неизвѣстно—овладѣли также обезнародѣвшимъ сѣверо-западнымъ угломъ, который и теперь носитъ названіе Галисіи. На всемъ протяженіи западнаго берега только въ серединѣ

(*) Въ «Справочномъ Словарѣ» въ статьѣ «Италія», на стр. 233, также сказано, что Иберы жили на сѣверо-западѣ Италіи, а въ статьѣ «Иберійцы» объ этомъ не упоминается. Вотъ какъ согласены статьи!

(*) *Histoire des Gaulois*, par Amédée Thierry, Paris, 1828. T. I.

удержалась часть природных жителей. Они, смѣшавшись съ побѣдителями, составили особый народъ, Лузитанцевъ.

Если слышите оба разсказа, нашъ и «Справочнаго Словаря», то увидите, что 1) Иберійцы не могли происходить отъ галльскихъ колоній, потому что послѣ нихъ пришли въ Испанію; 2) Иберійцы смѣшались не исключительно съ Кельтами, а также и съ другими галльскими племенами; иначе, какъ объяснить, почему въ одномъ углу сохранилось имя «Кельтики», а въ другомъ «Галисія»? 3) Нельзя говорить и писать «Кельтиберійцы или Лузитанцы»: оба народа различались мѣстомъ жительства, а отчасти и происхожденіемъ; 4) Галлы утвердились не въ сѣверо-восточномъ и юго-восточномъ углахъ Пиренейскаго-Полуострова, а совершенно напротивъ — въ сѣверо-западномъ и юго-западномъ. Не ввелъ ли въ такой грѣхъ французское слово *ouest*, «западъ»? Не переводится ли оно въ «Справочномъ Словарѣ» востокъ?... Догадка наша основывается на томъ, что статья «Азія» представляетъ точно такую же географическую несообразность... Объ ней скажемъ послѣ. Наконецъ, 5) границы Кельтиберіи, кромѣ рѣки Эбро, обозначены именами: Контестани, Оретани, Эдетани и Карпетани. Что это за имена? Посмотримъ въ «Справочномъ Словарѣ»: передъ нами лежитъ томъ, въ которомъ помѣщены всѣ слова на букву К. Ищемъ — и не находимъ ни «Контестани», ни «Карпетани». Контестаны, Оретаны, Эдетаны и Карпетаны (*Contestani, Oretani, etc.*) были иберійскія племена; но въ статьѣ «Иберійцы» объ нихъ, какъ мы уже видѣли, нѣтъ и поминна. Правильное же окончаніе народныхъ именъ буквою *и*, вмѣсто *ы*, позволяетъ думать, что ужь не принялъ ли «Справочный Словарь» эти имена за названія рѣкъ, горъ или другихъ урочищъ?..

Отъ «Иберійцевъ» перейдемъ къ страшъ «Иберія». Въ «Словарѣ» напечатано: «Иберія, греческое названіе Испаніи, отъ рѣки Ибера. Иберія заклю-

чала въ себѣ собственно только приморскіе берега отъ Геркулесовскихъ-Столбовъ до самыхъ Пиренеевъ (только!); прочая часть Испаніи называлась Тартессидой (*Tartessus*)». Трудно уловить точное значеніе этихъ неопредѣленныхъ, несогласныхъ между собою выраженій. Кажется, по смыслу статьи, Иберіей называлась береговая часть Испаніи, вся отъ Геркулесовыхъ-Столбовъ до Галліи, а прочая, т. е. внутренняя, Тартессидой. На это замѣтимъ: 1) Греки называли Пиренейскій-Полуостровъ Гесперіей, «стравою вечернею, западною», хотя употребляли также и названія «Испанія», и «Иберія»; 2) Древніе географы говорятъ, что названіе «Иберія» не греческое, а финикійское, и произошло отъ слова *Iber* или *Eber*, которое соответствуетъ латинскому *ultra*, «по ту сторону». Отъ этого же корня производятъ названія рѣки Ибера (Эбро) и жителей Испаніи, Иберовъ или Иберійцевъ, *Iberi*; 3) Тартессидой, по Страбону, называлась юго-западная, приморская часть Испаніи, которую посѣщали Финикійяне, а потомъ Картагеняне. Самое слово *tartessus* финикійское. Слѣдовательно, Тартессидой была то же, что Бетика, что нынче Андалузія и Гранада. 4) «Справочный Словарь» вовсе забылъ, что Иберіей называлась также страна на Кавказскомъ-Перешейкѣ, между Колхидой, которая занимала восточный берегъ Чернаго-Моря, и Албаніей, которая лежала на западномъ берегу Каспійскаго. Римляне знали эту землю довольно хорошо: Помпей покорилъ ее. Полагаютъ, что Тифлисъ стоитъ на мѣстѣ древняго иберійскаго города Залисы. Однимъ словомъ, это нынѣшняя Грузія. Пропустивъ Иберію кавказскую, Словарь пропустилъ также «Иверскую Землю», хотя императоръ всероссійскій титулуется «Государь Иверскія Земли».

Такіе пропуски могутъ ввести читателя въ странное *qui pro quo* (мы не боимся упрека за эту поговорку: она объяснена въ «Справочномъ Словарѣ», а по-русскому азбучному порядку,

статья Qui pro Quo занимает мѣсто между статьями «Квинкии» и «Квинналь»). Напримѣръ, въ наше золотопромышленное время легко можетъ случиться, что понадобится справка, гдѣ была Колхида, благословенная страна, съ золоторуннымъ бараномъ? Заглянемъ въ «Справочный Словарь»; вотъ желанное слово: «Колхида», страна Малой-Азійи, лежавшая на мѣстѣ нынѣшней Мингрелии, на Востокъ отъ Понта Эвксинскаго и на Западъ отъ Иберіи». А Иберія что такое? Словарь отвѣчаетъ: это древнее названіе Испаніи. Тутъ и станешь въ тупикъ, гдѣ же была Колхида?.. На востокъ отъ Чернаго-Моря и на западъ отъ Испаніи?! Въ статьѣ же Цимертія сказано, что она занимала часть древней Иберіи... Дѣло, какъ видите, запуталось еще болѣе. Не беремся распутывать этого узла, потому-что надобно будетъ коснуться другихъ статей, а тамъ мы уже посмотрѣли новыя несходства въ показаніяхъ Словаря, по милости которыхъ пришлось бы намъ изъ Иберіи пуститься въ кругосвѣтное путешествіе. Здѣсь сдѣлаемъ только два замѣчанія: 1) Колхида всегда причислялась географами къ Великой-Азійи, а не къ Малой, т. е. не къ Анатолиіи. Назвать Колхиду страной Малой-Азійи, все то же, что помѣстить Мингрелию въ Анатолиію. Да и въ 1-мъ томѣ Словаря, въ статьѣ «Аргонавты» скатано: «они плавали въ Колхиду (нынѣшнюю Грузію)» — а развѣ Грузія лежитъ въ Малой-Азійи? 2) Странно выдавать несомнѣнный историческій фактъ, что «въ 1330 г. до Р. X. сюда (въ Колхиду) плавалъ Язонъ за золотымъ руномъ». А хронологія? Вѣдь походъ Аргонавтовъ полагается около половины тринадцатаго вѣка до Р. X. т. е. около 1250 года, а не въ 1330 году. Если не вѣрите, посмотрите въ какой-нибудь учебной книжкѣ, на-пр. хоть у г. Смарагова, на стр. 143 первой части.

Разбирая толики Словаря объ Иберійцахъ и Иберіи, мы уже коснулись исторіи Испаніи; теперь въ немногихъ словахъ покончимъ съ нею дѣло (Т. VI,

стр. 197). Въ этой исторіи едва сдѣланъ намекъ на «колоніи финикійскія», тогда-какъ Финикіяне, сколько вѣдаетъ исторія, были первыми иностранцами въ Испаніи. Они пристали къ берегамъ ея за XI вѣковъ до Р. X. Открытіе Испаніи было для нихъ тѣмъ же, чѣмъ для Европы сдѣлалось открытіе Америки. Далѣе, въ борьбѣ туземцевъ Испаніи съ Римлянами не упомянуто о Виріатѣ, который десять лѣтъ непобѣжденный защищалъ независимость своего отечества. Въ продолжительный періодъ римскаго владычества, говоритъ «Справочный Словарь», «Испанія достигла высшей степени благоденствія». Теперь мы понимаемъ, что «высшая степень благоденствія» то же самое, что и высшая степень истощенія». Кому не извѣстно, что подъ именемъ мира и покоя римское иго отнимало всѣ силы у народовъ? Это ясно доказывается и примѣромъ Испаніи. Въ 412 г. по Р. X., когда ворвались въ нее германскія племена, весь полуостровъ подчинился имъ почти безъ сопротивленія. Могло ли это случиться, еслибъ цѣлая страна находилась, если и не на высшей, то по-крайней-мѣрѣ на какой-нибудь степени благоденствія? Отдѣленіе испанскаго халифата показано невѣрно. Абд-аль-Рахманъ признанъ халифомъ въ Кордовѣ не въ 456 году, какъ означено въ «Справочномъ Словарѣ», а въ 755 году по Р. X. — разнича триста лѣтъ! Окончательное соединеніе Аррагоніи и Кастиліи произошло на стр. 199 въ 1469, а на стр. 201, въ 1474 году. Которое же изъ этихъ двухъ показаній вѣрно? Ни то, ни другое. Въ 1469 Фердинандъ-Аррагонскій вступилъ въ бракъ съ наследницею кастильскою Изабеллою; въ 1474 Изабелла вступила на престолъ кастильскій; соединеніе же обоихъ королевствъ въ одну монархію произошло въ 1479 году. Въ царствованіе Фердинанда-Католика, совершились два чрезвычайно-важныя событія; отъ которыхъ зависѣла вся послѣдующая судьба Испаніи; это — открытіе Америки и учрежденіе инквизиціи.

эровомъ «Справочный Словарь» ичился фразой «геній Колу(о)мба дилъ ее (Испанію) Новымъ Свѣто второмъ—ограничился соверымъ молчаніемъ. О Карлѣ V скаонъ совершенно уничтожилъ ія постановленія Кастиліи и Ара(см. Кортесы)». А статья Корвъ своихъ семи строкахъ ровно о не говоритъ о Карлѣ V, и нине сходится съ тѣми словами, отъ ихъ на нее сдѣлана ссылка. Даитаемъ, что происки Альберони вели войну въ 1717 году, въ которойское оружіе покрылось нѣкотоловою, и что «трактатами севильг (1729) и вѣнскимъ (1713?) былиены раздоры, тяготившіе ЕвроРаздоры съ Франціею окончены 20, и испанскій король, по услодолженъ былъ прогнать своегого министра, вѣроятно, потомузружіе испанское покрылось нѣою славою», а съ имперіей помиИспанія въ 1725. Важнѣйшіиіи трактатъ, которымъ дон-Карпризнавъ королемъ Обѣихъ-Си, заключенъ не въ 1738, а въ 1737.ытно также, что король Карлъбудучи честнымъ человѣкомъ, ноынный всѣхъ качествъ, которымиенъ отличатьсѣ король (?), вмѣсто, чтобъ повелѣвать, необходимоенъ былъ руководствоваться соми другихъ (надобно повелѣвать, градивая ничьихъ совѣтовъ!) (?).ому вручилъ судьбу королевствагенитому (!) Эмануэлю Годою,денному въ-послѣдствіи въ *звалѣя мира* (неслыханное званіе!).его правленіемъ, котораго своеи просвѣщенное направленіеупорно не признавали, Испаніямомъ началъ разорвала узы, свлшія ся съ Франціей, чтобъитъ въ общее дѣло съ Европоюивъ кровавой авархіи, угрожавгогда обществу, послѣ же свѣоагилась къ своей связи съ Франкакъ только правильный образенія замѣнилъ республиканскіяи». А базельскій миръ, къ кото-

рому Испанія приступила 22 (11) іюли 1795? Значить, въ это время во Франціи отмѣнены были республиканскія власти! И Годой, великій человѣкъ, и правленію его дано было свободное и просвѣщенное направленіе—все такъ, да за что же его ненавидѣла цѣлая нація? Не-уже-ли ненависть народовъ заключаетъ въ себѣ такъ мало смысла, что «Справочный Словарь» въ правѣ, безъ всякой церемоніи, называть Годой знаменитымъ? О послѣднихъ событіяхъ Испаніи сказано, что «донъ-Карлосъ, съ помощію «европейской системы неограниченной власти, absolutisme (?), въ про-долженіи нѣсколькихъ лѣтъ, велъ жестокою междоусобную войну въ своемъ отечествѣ». О регентствахъ Христины и Эспартеро и о всѣхъ современныхъ событіяхъ не упоминается, въ томъ чаяніи, что объ нихъ не требуется справокъ. Это вовсе не удивительно, когда и *іюльская революція* не попала въ «Словарь».

Въ такомъ же родѣ изложены судьбы Италіи и Ирландіи, главныя статьи европейской исторіи въ VI томѣ «Спр. Словаря». Разсмотримъ еще одну статью этого отдѣла: «Крестовые Походы», событіе всемірное, которое приводило въ движеніе всю Европу двѣсти лѣтъ, сильно колебало Азію и Африку, и во всѣхъ отношеніяхъ положило начало новому порядку вещей.

«Справочный Словарь» начинаетъ извѣстіемъ, что крестовые походы продолжались съ конца XI до исхода XII столѣтія (!), потомъ самъ же рассказываетъ, что они начались въ 1096 году, а окончились паденіемъ Птолемаиды въ 1291 году, т. е. въ исходѣ XIII вѣка. Не-уже-ли трудно считать время по столѣтіямъ? А вѣдь невольно задумаешься, когда совершенно ту же ошибку встрѣчаешь не одинъ разъ! Въ I-мъ томѣ Словаря сказано, что Авраамій, смоленскій чудотворецъ, умеръ въ концѣ XII вѣка, а извѣстно, что онъ преставился 21 августа 1292 года... Но обратимся къ крестовымъ походамъ. Вѣро-

ятно, сокращение крестовых походов на цѣляхъ сто лѣтъ даю возможность умѣстить ихъ въ Словарѣ на полуторѣ страницѣ, когда Измайловымъ, русскимъ дворянамъ, отведено въ помѣстное владѣніе шесть съ половиною страницъ! Не ищите въ «Словарѣ» главныхъ, внутреннихъ причинъ центрального событія новой исторіи, которыми только и можно объяснить его величественный характеръ; не ищите взгляда на предшествовавшее состояніе европейскаго общества и мухаммеданства—взгляда, изъ котораго раскрылась бы передъ вами необходимость, неизбежность столкновенія этихъ двухъ половинъ тогдашняго политическаго міра: «Справочный Словарь» доводится тѣмъ, что производитъ крестовые походы изъ желанія европейскихъ христіанъ «погрузиться въ Иорданъ и (...) по благоговѣнному посѣщеніи важнѣйшихъ мѣстъ Свящ. Исторіи, возвратиться на родину съ пальмовою вѣтвью благополучною путешествія».

Далѣе:

«Папа Григорій VII приглашалъ французскаго и нѣмецкаго королей поднять оружіе на защиту Святой Земли. Но споры папы съ Генрихомъ IV помѣшали исполненію предпріятія». Нѣмецкій король, котораго приглашалъ папа поднять оружіе, и Генрихъ IV, съ которымъ тотъ же папа спорилъ — одно лицо, германскій императоръ Генрихъ IV! Замѣчательно описанъ и клермонскій соборъ, на которомъ папа «не успѣлъ докончить рѣчи о бѣдствіяхъ христіанъ и пензѣ бѣжной нуждѣ освободить Св. землю и тѣмъ получить отпущеніе своихъ(?) грѣховъ. Не докончивъ рѣчи, папа сталъ раздавать кресты красной шерсти». На тѣхъ, кто осмѣлился бы препятствовать священному предпріятію, «наложено апостольское проклятіе». Вы спросите: кто же произнесъ это проклятіе? Какой апостолъ жилъ въ то время? Не безпокойтесь, дѣло очень просто: вмѣсто «апостольское проклятіе» понимайте апостольское,

т. е. папское. Разумѣется, виновато слово apostolique, которое на французскомъ языкѣ значитъ и апостольскій и апостолическій, папскій. «Лотарингцы первые двинулись подъ начальствомъ Готфрида Буйльонскаго, который въ августѣ 1096 провелъ черезъ Венгрію 80,000 чел. пѣхоты и 10,000 конницы». Кажется, всего войска было 80,000, а пѣхоты только 70,000. «Слѣдствіями 1-го похода было основаніе трехъ латинскихъ княжествъ на востокѣ: Эдесскаго, Антиохійскаго и Іерусалимскаго». Вмѣсто этого, слѣдовало сказать, что основано феодальное королевство іерусалимское, къ которому причислены, какъ лены, княжества Антиохія, графство Эдесса и въ послѣдствіи княжество Триполи. «Главные предводители втораго похода были два короля, нѣмецкій Конрадъ и французскій Людовикъ VII». Эту фразу также надобно замѣнить другою: «Главными предводителями во второмъ походѣ были германскій императоръ Конрадъ III и французскій король Людовикъ VII». Вѣдь императорскій титулъ принятъ еще Оттономъ I, въ 962 году. Называть германскаго императора нѣмецкимъ королемъ все то же, что величать римскаго императора Октавія Августа королемъ латинскимъ! Сказавъ по нѣскольку словъ объ остальныхъ пяти походахъ, «Справочный Словарь» заключаетъ статью такимъ общимъ выводомъ:

«Если собственно цѣль походовъ не была достигнута и миллионы людей пали безплодными жертвами этой цѣли, за те походы имѣли благотворнѣйшія послѣдствія для европейскихъ народовъ. Они развили рыцарство до его паллаго расцвѣта, особенно произвели духовные рыцарскіе ордена, содѣйствовали торговлѣ и промышленности, распространили полезныя познанія и утонченныя нравы, и приготовили народы къ наступающему просвѣщенію.»

Послѣ этого заключенія странно замѣтить, что во всей статьѣ нѣтъ даже и слова ни о расцвѣтѣ рыцарства, ни о произведеніи духовныхъ рыцарскихъ орденовъ; нѣтъ никакого намека на то,

что крестовые походы должны были содѣйствовать развитію торговли, промышленности и утонченныхъ нравовъ; а надо согласиться, что безъ объясненія трудно понять, почему въ походахъ распространились утонченные нравы... Остается также загадочнымъ, откуда, почему и вѣкаго наступало просвѣщеніе. Однимъ словомъ, между разсказомъ о ходѣ крестовыхъ походовъ и выводомъ слѣдствій отъ нихъ нѣтъ совершенно никакой связи. Поэтому сомнительно, чтобъ «Справочный Словарь» руководствовался какимъ-нибудь изъ тѣхъ семи лучшихъ сочиненій о крестовыхъ походахъ, на которые указываетъ въ концѣ статьи; а вѣдь при такомъ богатствѣ матеріаловъ можно было бы составить что-нибудь порядочное! Въ «Справочномъ Словарѣ» нѣтъ и слова о тѣхъ крестовыхъ походахъ, которые въ послѣдствіи предпринимались противъ Альбигойцевъ, идолопоклонниковъ прибалтійскихъ, и проч.

Въ исторіи Франціи среднихъ вѣковъ представляется особенно-привлекательнымъ одинъ прѣкрасный, поэтический характеръ — Юліана д'Аркъ. Сумѣ, Шиллеръ и переводчикъ его, Жуковский, поэтизировали «Дѣву Орлеанскую» въ трагедіяхъ, Саути (Southey) въ поэмѣ; Казимиру Делавиню доставила она предметъ для трогательной элегіи, Миньѣ — для ученаго трактата и — «Справочному Словарю» для плохой статьи. По его словамъ, Юліана была не пастушкой, какъ говорятъ ея біографы, а *служанкою епископальницы* до 19-ти лѣтняго возраста; не видѣнія необычайныя, чудесныя пробудили въ простой деревенской дѣвущкѣ рѣшимость спасти отечество, а такъ, просто, она «предалась этой мысли», и только губернаторъ вокулѣрскій замѣтилъ въ ней что-то необыкновенное. Къ чему худо-скрытый скептицизмъ? Зачѣмъ наводить тѣнь сомнѣнія на весьма-понятную религиозную восторженность Юліанны? Зачѣмъ тутъ пустыя фразы: «Карль VII, очарованный (въ какомъ смыслѣ?) Юліанною, отдалъ

ей начальство арміи, и она сооружилась съ войс до головы въ видѣ прелестной Амазонки?». Вотъ какъ пишется исторія. Мы замѣтимъ, однакожъ, что прелестной Амазонкѣ вѣрили начальство сперва не надѣясь войскою арміей, а надѣясь незначительнымъ отрядомъ, съ которымъ она при всемъ томъ успѣла въ восемь дней освободить Орлеанъ отъ осады. Это произошло въ 1429 году. Въ «Справочномъ Словарѣ» не сказано, что Юліана провела Карла въ Реймсъ сквозь неприятельскія войска, и послѣ коронованія его хотѣла удалиться на родину, какъ исполнившая свое призваніе, но была протгнѣ желанія удержана просьбами короля, который потому, по непонятной причинѣ, не сдѣлалъ никакихъ усилій къ ея спасенію, когда она попала въ плѣнъ Англичанамъ. Въ этой статьѣ, взятіе Юліанны въ плѣнъ показано вѣрно въ маѣ 1430 года; за то въ статьѣ *Компиенъ* (стр. 796) то же самое случилось въ 1431 году.

Вотъ еще замѣчательная біографія: «Игнатій Лойола, святой западной церкви, основатель ордена іезуитовъ; родился въ 1491 году (.) въ бискайскомъ городѣ (не замкн ли?) Лойола, въ Испаніи; былъ въ военной службѣ и оставилъ ее въ 1521 г.; потомъ (.) въ 1528 (.) вступилъ въ духовное званіе въ Парижѣ. Папа Павелъ III (1537) утвердилъ основанное имъ (?) братство (.) подъ именемъ *Братство Лисуса*. Игнатій умеръ въ 1556, оставивъ нѣкоторыя духовныя сочиненія.» Вотъ и все. Видѣтъ ли тутъ Испанецъ съ религиознымъ чувствомъ и пламеннымъ воображеніемъ, пожираемый пылкими страстями? Лойола воевалъ противъ «невѣрныхъ», былъ раненъ при осадѣ Пампелуны въ 1521 году и удалился въ Монсерратскій Монастырь, въ Каталонскихъ-Горахъ, въ пустыню почти непреступную. Тамъ погрузился онъ въ набожныя размышленія читалъ сочиненіе «О подражаніи Христу», и въ своихъ восторженныхъ видѣніяхъ, боролся съ искушеніями дьявола. Какъ Герку-

лесь, поставленный между добродѣтелью и порокомъ, Лойола избралъ благую часть, рѣшился сдѣлаться воеводою христовымъ. Онъ посѣтилъ святые мѣста въ 1524, а на тридцать третьемъ году отъ-роду принялся въ Парижѣ за изученіе богословія. Первое общество изъ его послѣдователей, Французовъ и Испанцевъ, составилось въ 1534 году. Павелъ III утвердилъ это общество въ 1540, а не въ 1537 году. Игнатій умеръ отъ истощенія силъ до крайности строгою жизнью. Онъ канонизированъ папою Григоріемъ XV; память его празднуется западною церковью 31 июля. О сочиненіяхъ Лойолы также слѣдовало сказать, потому-что его «Постановленія Иезуитовъ» есть образцовое твореніе объ управленіи.

Жизнь знаменитаго Кольбера, которому Франція обязана своими фабриками и торговлею, и о которомъ Маазарини на смертномъ одрѣ сказалъ Лудовику XIV: «Je dois beaucoup à votre majesté, mais je crois m'acquitter envers elle en lui faisant connaître Colbert.»—жизнь Кольбера описана въ 36 строкахъ. Изъ этой біографіи, конечно, ничего нельзя узнать о финансовыхъ мѣрахъ Кольбера, о его заслугахъ и ошибкахъ, въ которыя онъ впалъ отъ того, что въ его время политическая экономія находилась еще въ дѣтствѣ.

Вся жизнь Карла Великаго (стр. 546) описана въ 29 строкахъ, императора Карла V въ 32-хъ (стр. 543); Карлъ Смѣлый, герцогъ бургундскій въ 15-ти (стр. 550); о Карлѣ XII, королѣ шведскомъ, сказано, что онъ родился въ 1628 году (стр. 547), слѣдовательно, при началѣ сѣверной войны былъ 72-хъ-лѣтнимъ старикомъ, а убить на 90 году отъ роду! Но, по сказаніямъ той же статьи, Карлъ былъ признанъ совершеннолѣтнимъ тотчасъ по смерти отца своего, когда ему минуло только пятнадцать лѣтъ, а Карлъ XI умеръ въ 1697 г. Несправедливо и то, будто Карлъ XII убить въ одномъ изъ рововъ, окружающихъ крѣпость Фридрихсгалъ: онъ убить въ траншеяхъ, которыя велись Шведами про-

тивъ этой крѣпости. Такіе недосмотры и о такихъ лицахъ, по справедливости, можно назвать непростительными.

Въ статьѣ Карфагенская республика говорится положительно, что Карфагенъ основанъ въ 878 году до Р. X. Дидоною, дочерью финикійскаго царя, рассказываются разныя басни, какъ историческіе факты, и даже не забыта любовь Дидоны къ Энею. Это можно было бы помѣстить въ біографіи Дидоны; но въ исторической статьѣ о Карфагенской Республикѣ не слѣдовало посвящать баснямъ 29-ти строкъ, ровно столько же, сколько удѣлено жизнеописанію Карла-Великаго. Тутъ же находится слѣдующій періодъ: «Такъ-какъ колонисты (Карфагеняне) прибыли изъ Тира, то могли немедленно плавать по океану». Сознаемся, что этого логическаго заключенія мы не понимаемъ. О нападѣнн Агатокла (т. е. Агаоокла) на Карфагенъ рассказывается такъ, какъ-будто оно было послѣ войны съ Пирромъ. Трудно также понять разсказъ о Карфагенскихъ соборахъ. На первомъ соборѣ, который былъ около 215 г., предметомъ сужденій было мнѣніе о поворотѣ крещенія надъ еретиками, съ чѣмъ не соглашался Кипріанъ въ 71 письмѣ къ Квинту. Вотъ и все. Второй соборъ, около 251 г., по дѣлу надшихъ, и только. Третій соборъ около 252 г.; на немъ было рѣшено, въ случаѣ необходимости (?), допускать надшихъ къ единенію. Четвертый соборъ, около 253 года, въ сентябрѣ мѣсяцъ... Эти около и сентябрь мѣсяцъ напоминаютъ графа Звонова, который забылъ годъ и мѣсяцъ своего подвига, а твердить только, что это было числа... числа седьмаю, какъ дѣло началось съ поста передоваю.—На соборѣ 525 года, утверждена кабальческая стѣра отцовъ (?) и опредѣлены приселеніи различными монастырями. Все это кажется намъ недостаточнымъ и неяснымъ.

О Кавдіумъ (правильнѣе Кавдіи), самнійскомъ городѣ, рассказывается,

что близъ него въ 321 году римское войско было стѣснено Самнитянами въ горномъ ущельѣ и принуждено выполнить постыдное условіе: *положить оружіе и пройти черезъ узкое ущелье*. Когда-то посмѣивался надъ Кайдановымъ за то, что онъ названіе пресловутаго ущелья *Furculae Caudinae*, т. е. кавдійскія вилы, перевелъ каудинскими фуркулами; но вотъ и въ наше время говорятъ; что Римляне должны были *пройти черезъ узкое ущелье*, когда надобно сказать, что войско римское прошло подъ игомъ, или сквозь иго, т. е. между двумя копыями, воткнутыми въ землю, къ которымъ было привязано третье копые, въ видѣ перекладины. Каждый воинъ, сложивъ свое оружіе на землю и снявъ верхнюю одежду, долженъ былъ, нагнувшись, пройти подъ перекладиной. Это дѣйствительно почиталось у Римлянъ величайшимъ униженіемъ.

Камиллъ, полководецъ римскій, по словамъ «Справочнаго Словаря», покорилъ 372 латинскіе города, а всѣмъ, сколько-нибудь знакомымъ съ исторіей, извѣстно, что союзъ Латинцевъ состоялъ изъ 30 городовъ. Не много требовалось соображенія, чтобъ догадаться, что въ Лации, небольшой области Италіи, никогда не могли существовать 372 города.

Въ ст. «Карловицъ» сказано: «въ 1699 г. здѣсь заключенъ миръ между Австріею, Польшею, Венеціею и Турціею, по которому императоръ Леопольдъ I получилъ въ безспорное владѣніе Славонію и Трансильванію, а Польшѣ возвращенъ (къмъ?) Каменецъ, Украина и Подолье». А Венеція? Почему не сказано, что она удержала весь Целопоннесъ, островъ Эгину и еще нѣкоторые приморскіе города? Кромѣ Трансильваніи, австрійскій домъ получилъ городъ Бѹду, прежнюю столицу Венгріи, острова на Тиссѣ и Марошѣ, и нѣсколько пограничныхъ крѣпостей. Да и вообще, этотъ важный миръ заслуживалъ бы изложенія болѣе-полнаго. Переговоры тянулись одиннадцать лѣтъ и не разъ перерывались.

Посмотримъ, что сказано о другомъ мирномъ договорѣ, славномъ для Россіи; мы разумѣемъ миръ въ Кучукъ-Кайнарджи. На стр. 406 напечатано: «Кайнарджи или Кучукъ-Кайнарджи, мѣстечко въ Бугаріи, близъ Силистріи, замѣчательно по миру, заключенному здѣсь между Россіею и Турціею (,) 21 іюля 1774 г. (см. Турецкія войны)». Прочтя это, мы подумали, что условія мира будутъ описаны въ ст. «Турецкія Войны»; но потомъ, къ изумленію нашему, встрѣтили особую статью: «Кучукъ-Кайнарджискій Миръ»; въ ней объясняется, что этотъ трактатъ заключенъ (гдѣ?) Турціею съ Россіею 10 іюля 1774 г. Конечно, несогласіе въ числахъ произошло отъ того, что въ первомъ показаніи принять по-вышій стиль, а въ послѣднемъ старшій; но вѣдь надобно же было означить это. Вообще, хронологія «Справочнаго Словаря» крайце-ненсправна, какъ мы видѣли и какъ увидимъ дальше.

Помирившись съ Турціею по старому и по новому стилю, дустимся на Востокъ. Но «Справочный Словарь» всегда самъ себѣ равенъ: въ которую сторону ни обратись, онъ вездѣ въ двухъ, трехъ словахъ задастъ такую задачу, что прійдется писать объ ней цѣлую диссертацию. Между статьями о Востокѣ, одно изъ главныхъ мѣстъ безспорно принадлежитъ Исламу; взглянемъ же, что объ немъ сказано въ Словарѣ. На стр. 185 сказано: «Исламъ, Исламизмъ — религія Турковъ, Монголовъ, Арабовъ, Персовъ и Египтянъ, составленная арабійскимъ уроженцемъ Магометомъ изъ «корейшизма, іудсизма и частию христіанства, въ 602 г. по Р. X. Началомъ «Ислама» и мухаммеданскаго глѣтосчисленія принимается гиджра, бѣгство же-пророка изъ Мекки въ Медину, какъ началомъ христіанства принимается Рождество Христово. Мухаммедъ объявилъ себя пророкомъ въ 611 году, а бѣжалъ изъ Мекки въ ночь съ 13 на 16 іюля 622 года по Р. X. Не угадываемъ, по какому соображенію «Справочный Словарь» считаетъ на-

чаломъ Ислама 602 годъ. «Исламъ — религія Турковъ, Монголовъ, Арабовъ, Персовъ и Египтянъ». Какіе народы должно тутъ разумѣть подъ названіемъ Турковъ и Монголовъ? Буяты и Калмыки, народы монгольскаго поколѣнія, исповѣдуютъ буддизмъ; значитъ Монголы, слѣдовательно, и Турки принимаются здѣсь въ тѣсномъ смыслѣ: собственно-Монголы, у границъ Китайской-Имперіи, и Турки западные, Османлы. Въ такомъ случаѣ, въ числѣ народовъ Ислама пропущены Джагатайцы, Киргизцы, Туркменцы, Татары (въ Россіи), наркавскіе Горцы и проч. Персы никогда не исповѣдывали ислама, по самой простой причинѣ: монархія Персовъ разрушена Александромъ-Великимъ чуть не за тысячу лѣтъ до Мухаммеда. Нынешніе жители Ирана точно мухаммедане; но они называются Персіянами. Нельзя же нынѣшнихъ Французовъ называть Франками, Русскихъ — Руссами. Населеніе Египта не однородное; оно не все исповѣдуетъ исламъ: Копты, потомки древнихъ Египтянъ, христіане. О распространеніи ислама между народами Сѣверной и Внутренней Африки, Индіи и по островамъ — не сказано. Судите же теперь, ясна ли и опредѣлена ли фраза: «Исламъ — религія Турковъ, Монголовъ, Арабовъ, Персовъ и Египтянъ». Въ составъ ислама вопиеть «корейшизмъ»; вы желаете знать, что такое корейшизмъ? Въ Словарѣ найдете слово *Корейши*; это имя родоначальника славнаго рода Корейшитовъ, которые въ сѣверной Аравіи достигли первенства; узнаете, что коранъ написанъ на корейшитскомъ діалектѣ, но больше ничего; о корейшизмѣ нѣтъ ни слова; даже не сказано, было ли у корейшитовъ какое-нибудь особое вѣроученіе. О догматахъ мухаммеданства (однимъ изъ нихъ запрещаются какія-то жаркія игры» (стр. 185), сказано коротенько въ статьѣ «Исламъ», и почти то же повторено въ статьѣ «Коранъ». Ни исторіи ислама, ни раздѣленія его на двѣ отрасли, суннитовъ и шиитовъ, ни іерархиче-

скаго устройства, ни числа послѣдователей этой вѣры въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, ни вліянія ея на нравы, на семейный бытъ и на политическую жизнь народовъ — ничего этого не ищите въ статьѣ «Исламъ»; а въ статьѣ «Коранъ» не узнаете былъ ли онъ переведенъ на европейскіе языки, что объ немъ писано, не узнаете никакихъ мусульманскихъ повѣрій объ этой священной книгѣ: на-примѣръ, списываніе ея почитается дѣломъ благочестивымъ; нѣкоторые турецкіе султаны, для душевнаго спасенія, оставили собственноручные экземпляры корана, которые благоговѣнно хранятся въ тѣхъ склепахъ, гдѣ поконтся прахъ трудившихся вѣщеносцевъ. Наконецъ, вы не найдете даже, что такое «Исламъ» и «Коранъ» въ буквальный значеніи, въ переводѣ.

Изъ этого можно заключить, какъ обработанъ въ «Справочномъ Словарѣ» «міръ восточный», хотя при первомъ томѣ и было объявлено, что «міръ *иностранный* (къ которому, безъ сомнѣнія, относится и Востокъ) развитъ въ Словарѣ въ самомъ обширномъ объемѣ»...

Только чтобъ избѣжать упрека за осужденіе цѣлаго разряда статей по разбору двухъ, мы не переходимъ теперь же къ другимъ отраслямъ знаній. На 3-й стр. VI тома передъ нами нѣсколько Ибрагимовъ. «Ибрагимъ» есть неизмѣнная форма имени Авраамъ; но «Справочный Словарь» не почелъ нужнымъ сказать объ этомъ. Вотъ одинъ Ибрагимъ, «по смерти Мурада, сдѣлался сутаномъ въ 1640, и царствовалъ до 1649 г.». Почему жъ онъ пересталъ султанствовать? Пожалуй, мы договоримъ: жестокости и развратъ этого султана произвели возмущеніе; онъ былъ свергнутъ съ престола, и черезъ нѣсколько дней удушенъ. Не худо бы также упомянуть, что въ его правленіи происходила осада Азова (1641) и кандійская война противъ Венеціи. Вотъ Ибрагимъ-паша, египетскій полководецъ, который угрожалъ Константинополю.

• Тогда европейскія державы воору-
 • жились противъ Ибрагима-паша (?!);
 • австрійская и англійская эскадры
 • соединились подъ Бейрутомъ и вы-
 • тѣснили его (Бейрутъ?) изъ Сиріи въ
 • Египеть». Пусть все это такъ, но за-
 чѣмъ забыто, что Россія спасла Тур-
 цію отъ честолюбія Мехмеда-Али.
 Графъ Орловъ и пятнадцатитысячный
 корпусъ русскихъ войскъ, по просьбѣ
 султана, явились на азіатскомъ бере-
 гу Константинопольскаго-Пролива, у
 Юмша-Дагы, или Великановой-Горы,
 на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ вѣкогда
 раскидывались шатры крестовосцевъ.
 Ибрагимъ-Паша тотчасъ согласился
 подписать мирный трактатъ въ Хю-
 кляръ-Искелеси и повелъ свое войско
 въ обратный путь. Ибрагимъ-Бей,
 знаменитый предводитель Мамлюковъ,
 во время египетскаго похода Бонапар-
 те, лишенный власти въ 1805 году ны-
 нѣшнимъ египетскимъ вице-королемъ,
 пропущенъ. Это еще не бѣда; но бѣда
 въ томъ, что пропущены также цѣлыя
 восточныя династіи: Идриситы или
 Амиды, Икшидиты, Келабиты или
 Мардашиты, даже Каджары, ны-
 нѣшняя персидская династія; пропу-
 щены родоначальники династій, на-
 примѣръ, Ибрагимъ-ибн-Аглабъ,
 родоначальникъ Аглабидовъ, Кей-Ко-
 балъ, основатель династіи Келлидовъ,
 Керимъ-Шахъ, основатель зендской
 династіи; Касемъ-Эддоуль-Ак-санчаръ,
 основатель династіи сирійскихъ Ата-
 бековъ; нѣтъ крымскихъ хановъ *Ина-
 стъ-Гирелъ*, двухъ *Исламъ-Гиреевъ*,
Капланъ-Гирелъ, *Кара-Девлетъ-Гирелъ*,
 а вѣдь исторія ихъ тѣсно свя-
 зана съ русскою; нѣтъ объясненія
 такихъ словъ, которыя весьма-часто
 встрѣчаются въ исторіи Востока, или
 въ путешествіяхъ по восточнымъ стра-
 намъ, на-примѣръ, *Исмаилиты*, сек-
 та, *Курултай*, сеймъ монгольскихъ
 хановъ, *Куруджии*, персидское войско,
 въ родѣ янычаровъ, *Кіатиби*, турецкіе
 писцы, *Кулули*, «солдатскія дѣти»,
 въ Алжиріи, *Кудуки*, колоды въ сред-
 не-азиатскихъ степяхъ, *Кафиръ*, невѣр-
 ный, *Кейфъ* и т. д. Забыты путеше-

ственники по Востоку: *Кайль*, René
 Saille, который проникъ во внутрен-
 ность Африки, получилъ отъ Париж-
 скаго Географическаго Общества въ
 награду 10,000 франковъ, за описаніе
 своего путешествія въ 1830 г., и
 умеръ лѣтъ десять назадъ, отъ болѣ-
 зни, нажитой въ путешествіи; *Макс.
 Кохъ*, другой путешественникъ по
 Африкѣ, умеръ въ 1844 г.; *Каналли*,
 также путешественникъ по Востоку;
Кер-Портеръ, ученый изслѣдователь
 восточныхъ древностей. Взаимъ все-
 го этого находимъ въ Словарѣ, что,
 по самому неопровержимому родосло-
 вію, нѣкто «Илакъ, четвертый сынъ
 Турка, іафетова внука, поселился въ
 нынѣшнемъ Туркестанѣ и, какъ пола-
 гають, первый ввелъ въ употребленіе
 соль, послѣ того какъ у него однаж-
 ды упалъ кусокъ мяса въ соль и по-
 казался ему вкуснѣе обыкновеннаго».
 Этого мало; въ «Справочномъ Слова-
 рѣ» есть и Илингъ-Ханъ, сынъ Іафе-
 та; есть Кайталъ, мнимый царь Рус-
 совъ, котораго, по словамъ персидска-
 го стихотворца XII вѣка, изалъ въ
 плѣвъ Александръ-Великій, — и из-
 вольте видѣть, «эта сказка свидѣтель-
 ствуетъ, что Русскіе уже въ XII вѣкѣ
 славились могуществомъ въ Персіи»;
 есть въ Словарѣ и «Азулевичъ, ав-
 торъ книги, написанной въ заки-
 ту Татаръ, въ 1630 г., противъ Магпа-
 Чиженскаго, который въ сочиненіи,
 напечатанномъ въ 1616 г., обвинялъ
 ихъ въ чародѣйствѣ къ исцѣленію
 Христіанъ, и въ ужаснѣйшихъ пре-
 ступленіяхъ, признавая весь родъ ихъ
 достойнымъ истребленія». Мы выжи-
 сали статью вполнѣ. Кто эти великіе
 соперники Азулевичъ и Чиженскій, не
 знаемъ; но увѣрены, что Татары цѣ-
 лые 14 лѣтъ были въ смертельномъ
 страхѣ передъ грознымъ Чиженскимъ,
 пока Азулевичъ не явился ихъ спаси-
 телемъ. Воображаемъ, съ какимъ на-
 слажденіемъ читали они сочиненіе
 его, написанное, вѣроятно, по-латинѣ!
 Географія Востока такъ же непол-
 на, какъ и его исторія. Для при-
 мѣра неполноты указываемъ на ге-

ографію Анатолиі, какъ такой части Азіи, которая находится съ Россією въ непрерывныхъ сношеніяхъ. Мы не нашли въ Словарѣ городовъ: *Избарта* (Спарта), *Кангора* или *Чангора*, *Исникъ*, древняя *Никея*, *Исникмидъ*—*Никомедія*, *Кадиквай*—*Халкедонъ*, *Книдъ* (Порто-Геновезе, Кріо), *Кодусъ* или *Кедизъ* (городъ и рѣка, древній *Негмас*), *Кодж-Гиссаръ*, *Кони* или *Кониэ*, древній *Иконій*, *Караманъ*, *Кизикъ* и другихъ; *Карамбисъ* или *Керембе*, Капо-Пизелло, мысъ въ Черномъ-Морѣ, *Кельдиръ* или *Чильдиръ*, древній *Паріадрскій Хребетъ*; рѣкъ: *Карунъ*, *Кидисъ* (Сейханъ), *Кызыль-Ирмакъ*, древній *Галисъ*, острововъ: *Икарія* (Никаріэ), *Косъ* (Станкюй) и т. д. По другимъ странамъ назовемъ главнѣйшіе пропуски: *Каракорумъ*, бывшая столица монгольскихъ хановъ, *Кулча*, городъ въ китайскомъ Туркистанѣ, *Кеджъ*, главный городъ въ Мекранѣ, *Куль-Кунъ*, горный хребетъ въ Азіи, *Кверра* или *Джоллиба* и *Коанса*, рѣки въ Африкѣ, *Келатъ* или *Келати-Насиръ*, городъ, ханство въ Белуджиставѣ, *Кечъ*, *Cutch*, земля и заливъ въ Индустанѣ, *Кильбурта*, главный городъ въ Биджапурѣ, *Комканъ* и *Кайра*, округи въ Бомбей, *Кони*, мусульманское государство въ Африкѣ, *Конуджъ*, древняя *Канакубжа*, городъ въ Индустанѣ, *Киндейша*, область тамъ же, *Катуша* или *Эю*, владѣніе въ Африкѣ, *Касембасъ*, тамъ же, *Шюльный-Мысъ*, *Sabo das Alguhas*, южная оконечность Африки, *Иви* или *Джебель-Дизъ*, мысъ въ Алжиріи, *Кескеры*, народъ, подвластный Аѳганцамъ, *Карены* или *Карьянъ*, жители береговъ Салуэна, *Карамнаша* (у *Арріана Comnenase*), *Караннаша*, проклятая рѣка, въ Индустанѣ и проч. Не нашлось также ни *Кипчака*, *Кипчацкой-Степи*, ни *Кипчацкой-Орды*!

Пересматривая географическія статьи объ Азіи, мы должны были нѣсколько разъ обращаться къ общей статьѣ объ этой части свѣта, и считаемъ необходимымъ сказать оней кое-что. По словамъ «Справочнаго

Словаря», Азія на западѣ отдѣляется отъ Европы Уральскимъ-Хребтомъ, степями, Чернымъ и Средиземнымъ Морями. Итакъ, «степи» составляютъ границу между Азіей и Европой! Черта отъ Уральского-Хребта къ Черному-Морю, на-пр., къ устью Днѣпра — больше и провестъ ее въ Европѣ нѣ куда — отдѣляетъ къ Азіи губерніи: Астраханскую, Ставропольскую, часть Саратовской, Землю Войска Донскаго, Крымъ, вопреки всѣмъ новѣйшимъ географамъ, которые западную границу Азіи ведутъ по направленію Урала до Каспійскаго-Моря, а отъ него до Чернаго-Моря по хребту Кавказскихъ-Горъ. Да и самъ Словарь говоритъ въ статьѣ «Каспійское Море», что оно «лежитъ на границахъ Южной-Европы и Средней-Азіи», а въ статьѣ «Кавказскія-Горы», что «главная ихъ цѣпь составляетъ естественное предѣлы (естественный предѣлъ?) между Азією и Европою». Разнорѣчіе статей встрѣчается на каждомъ шагу, какъ-будто Словарь далъ слово непременно во всемъ себѣ противорѣчить! Встарину точно ограничивали Европу съ востока, между Ураломъ и Азовскимъ-Моремъ: Общимъ-Сыртомъ, огромомъ Урала, притоками Волги, Ерусланомъ и Сарпою, Манычемъ и низовьемъ Дона. Но это было встарину, а теперь это несогласно даже съ общепринятымъ раздѣленіемъ Россіи на европейскую и азіатскую, несогласно съ настоящимъ устройствомъ и бытомъ странъ между Ураломъ и Чернымъ-Моремъ: тамъ теперь почти нѣтъ и степей въ собственномъ смыслѣ; да еслибъ и были, то все-таки «степи» не могутъ составлять границу между частями свѣта, которую мы не можемъ себѣ представить иначе, какъ въ видѣ черты. Не-уже-ли «степи» находятся между Европой и Азіей, не принадлежатъ ни той, ни другой? Безъ точныхъ границъ, безъ опредѣленія астрономическаго положенія Азіи градусами долготы и широты, мы ничего не можемъ сказать о числахъ, которыми «Справочный Словарь» означаетъ

ея протяженія и населеніе, хотя нѣкоторыя изъ этихъ цифръ кажутся весьма сомнительными. Потомъ дальше. • Весь юго-западъ Азіи составляетъ возвышенную страну и имѣетъ двѣ главныя плоскости (не плоскости, а плоскія возвышенности, plateau): одна начинается на правомъ берегу Инда и оканчивается у Геллеспонта. На восточной сторонѣ Курдистана начинается другая аравійско-сирійская долина (?) и ограничивается на югъ аравійскими высотами. Проведите же на географической картѣ двѣ черты: одну отъ Инда до Геллеспонта, другую отъ восточной стороны Курдистана до аравійскихъ высотъ — онѣ пересѣкутся; слѣдовательно, плоскости, по направленію этихъ линій, составятъ одну плоскость, или плоскую возвышенность, пожалуй, съ четырьмя отрогами или мысами. Не понимаемъ, какъ Курдистанъ попалъ въ аравійско-сирійскую долину, если въ немъ-то и начинается альпійская страна Персін. Дальше: • На сѣверо-западъ отъ иранской равнины (о которой, впрочемъ, прежде ни слова не сказано) лежитъ турецкая плоская возвышенность, состоящая большею частью изъ степей; она граничитъ на сѣверѣ съ Сибирью, которая также есть огромная равнина, поднимающаяся къ сѣверу. На сѣверо-западъ отъ иранской плоской возвышенности находится Закавказье и Анатолія; но онѣ не состоятъ изъ степей • и не граничатъ на сѣверѣ съ Сибирью. Всякому извѣстно, что гористая Анатолія и Сибирь не сосѣдки. • Справочный Словарь перекрестилъ Туранъ въ Турецкую плоскую возвышенность • и перенесъ съ сѣверо-востока отъ Ирана на сѣверо-западъ; съ Тураномъ двинулась вмѣстѣ и Сибирь. Вотъ какъ произошло это замѣчательное перемѣщеніе! Теперь просимъ вспомнить, что мы выше замѣтили о переводѣ слова ouest. Когда же все пошло наизворотъ, то Сибирь, изъ равнины, склоняющейся къ Ледовитому Морю, обратилась въ равнину, поднимающуюся къ сѣверу, и берега ея, по-

крытые тундрами, почти въ-уровень съ поверхностью моря, сдѣлались выше Южной-Сибири, выше Алтайскаго Хребта, изъ котораго рѣки: Обь, Енисей, Лена потекли снизу вверхъ, по поднимающимся равнинамъ!.. Такія ошибки рѣдкость, но только не въ Справочномъ Словарѣ. — Въ описаніи Азіи пропущены: Мертвое-Морѣ, всѣ заливы, проливы, полуострова, мысы, волканы. Между замѣчательнѣйшими рѣками • не нашли мѣста: Аму-Дарья, Амуръ, Хуан-Ху, Дзянь (Кіангъ), Камбоджа, Брахмапутра, Куръ съ Араксомъ. Въ отдѣльной статьѣ объ Аму-Дарѣ сказано, что Аральское-Море соединяетъ ее черезъ Сыръ-Дарью съ восточными базарами Средней-Азіи. Море соединяетъ рѣку, черезъ другую рѣку, съ базарами! — Растительное царство въ Азіи заключаетъ въ себѣ всѣ растенія, свойственныя жаркому поясу, до тундръ и мелкихъ кустарниковъ, покрывающихъ Сѣверную Сибирь. Итакъ, тундры, вмѣстѣ съ мелкими кустарниками, вошли въ царство растеній! Въ политическомъ раздѣленіи Азіи названы государствами: Суматра, Туркистанъ, Целебесъ, Малакка, острова Малдивскіе, острова Южнокайскіе, острова Андоманскіе, а нѣтъ средне-азіатскихъ, аравійскихъ и нѣкоторыхъ другихъ независимыхъ владѣній. Азіатская-Турція причисляется къ европейскимъ государствамъ: между азіатскими объ ней и не упоминается! Замѣчательенъ также порядокъ, въ какомъ поименованы азіатскія государства; вотъ онъ: 1) Китай; 2) Японія; 3) Анамская Имперія; 4) Персія; 5) Лагоръ; 6) Суматра; 7) Афганистанъ; 8) Туркистанъ; 9) Синдъ; 10) Бирма; 11) Сіамъ; 12) Целебесъ, 13) Непалъ; 14) Белуджистанъ; 15) Малакка и т. д. Между авторами лучшихъ географическихъ сочиненій о Сибири, Кавказѣ и Азіи вообще, нѣтъ Крашенинникова, Врангеля, О. Іакинѣва Бичурина, Тимковского, Ханыкова, Легкобытова и Григорьева и другихъ Русеныхъ. Чудная исторія! Слѣдовало бы еще рассмотреть довольно-стра-

ную статью Азіятскіе Языки; но довольно объ Азіи,—пора возвратиться въ Европу. Начнемъ опять съ Испаніи.

Въ географическомъ описаніи этого государства (стр. 193), не показано ни границъ его, ни величины площади, а только означены протяженія отъ сѣвера къ югу и отъ востока къ западу въ лѣ, а въ какихъ лѣ не сказано. Теченіе рѣкъ также распределено въ неизвѣстныхъ лѣ. Орографія перепутана и не сходится съ отдѣльными статьями. Количество пахатныхъ земель и произведеній показано въ гектарахъ, килограммахъ и гектолитрахъ; чтобъ привести ихъ въ наши мѣры, потребуется много труда и терпѣнія. Вообще, въ Справочномъ Словарѣ попадаются всѣхъ родовъ вѣсы, мѣры, монеты, географическая долгота по разнымъ первымъ меридіанамъ, температура въ градусахъ разныхъ термометровъ. Нельзя придумать лучшаго способа отбить у всякаго охоту сличать и свѣрять всѣ эти показанія! Выпишемъ только слѣдующій статистическій фактъ (стр. 195): «Неккеръ въ 1782 полагалъ звонкой монеты во Франціи на 2,200,000 фр.; а Испанія въ то же время считала у себя только 450 мил. фр. Ясно (не очень!), что лѣтъ въ пять эта сумма удвоилась бы, еслибъ сокровища Нового-Свѣта оставались во владѣніи Испаніи. Это приведено въ доказательство того, что Испанія оказывалась въ обладаніи наличной монеты вчетверо или впятеро менѣе ея сосѣдки, Франціи». Такими политико-экономическимъ выводамъ и такой ариеметикѣ, по которымъ 2,200,000 вчетверо или впятеро больше 450,000,000, мы рѣшительно не вѣримъ; не вѣримъ и тому, что всѣхъ городовъ считается въ Испаніи 230; всѣхъ же на все 145», какъ напечатано на стр. 196, гдѣ оба числа раздѣлены только двумя строками. Ошибочно утверждается и то, будто переломы новѣйшаго времени нанесли мало ущерба богатству духовенства. Объидлившее государство давно уже

собираетъ самыя тяжкія подати съ церковныхъ имѣній, восходившія нерѣдко до 75 процентовъ всего дохода. На 15 большихъ провинцій дѣлили Испанію вовсе не географы, какъ говорится въ Словарѣ: это дѣленіе было историческое и существовало дѣйствительно съ XV вѣка до новаго раздѣленія государства въ 1833 году, которое въ Словарѣ означено неточно: вмѣсто 43 провинцій, надобно считать 44, а вмѣсто 13 генерал-капитанствъ 12. Испанскія владѣнія внѣ Европы забыты.

Объ Италіи (стр. 231) разсказывается, будто въ царствованіе императора Константина Верхняя Италія была раздѣлена на три провинціи: Иллирію, Африку и Италію. Рѣкъ и озеръ, которыхъ имена безпрестанно попадаютъ въ глаза, Тессинъ, Адда, Ольйо, Минчіо, Требія, Изонцо, Піаве, Brenta, Баккильоне, Гарильяно, Вултурно, Пескара, Офанто, Изео, Лекко въ Справочномъ Словарѣ нѣтъ. Раздѣленіе Италіи на Верхнюю, Среднюю и Нижнюю ни на чемъ не основано. Вся нынѣшняя географія и статистика Аппенинскаго-Полуострова занимаетъ меньше страницы.

Не хотите ли узнать, какъ описаны столичные города? Извольте. Копенгагенъ (Copenhagen), столица датскаго королевства, въ 159 миляхъ отъ Стокгольма, имѣетъ укрѣпленную цитадель (а бывають цитадели неукрѣпленныя?) и около 120,000 жителей, изъ которыхъ 2,400 Евреевъ. Гавань его можетъ вмѣщать 500 кораблей. Между замѣчательными заведеніями отличаются (:) арсеналъ, королевская бібліотека (содержитъ сто-тридцать томовъ и три тысячи рукописей), университетъ, политехническая школа, королевская академія хирургіи, академія наукъ и искусствъ. Въ немъ находятся фабрики фарфора, бумажныхъ матеріи, суконъ, бумаги и проч. Основанный въ XII вѣкѣ матросами, Копенгагенъ былъ разрушенъ пожаромъ въ 1728 г.; послѣ чего выстроенъ вновь. Статья выписана отъ слова до слова.

Почтено излишнимъ сказать, что Копенгагенъ, Kjöbenhavn, находится подъ 55° 41' сѣверной широты, на восточномъ берегу острова Зеландіи, при узкомъ проливѣ, которымъ отдѣляется отъ Зеландіи небольшой островъ Амагъ (Amager). «Справочному Словарю» показалось достаточнымъ опредѣлить положеніе столицы Даніи разстояніемъ ея отъ Стокгольма! По какому направлению считать это разстояніе, въ какихъ миляхъ? Почему положеніе Копенгагена отнесено къ Стокгольму, а не къ Петербургу, Лондону, Лиссабону, Константинополю? Не можемъ отгадать. Гаванью городу служитъ проливъ Штротъ или Стрѣмень, черезъ который устроены три деревянные моста. Просимъ догадаться по описанію «Справочнаго Словаря», что Копенгагенъ вообще выстроенъ превосходно и принадлежитъ въ этомъ отношеніи къ лучшимъ городамъ въ свѣтѣ. Между замѣчательными зданіями забыты въ Словарѣ очень-многія, на-примѣръ: королевскій замокъ Христиансбургъ, въ которомъ поставленъ превосходный торвальдсеновъ барельефъ, изображающій входъ Александра Великаго въ Вавилонъ, и помѣщаются богатое собраніе сѣверныхъ древностей и королевская библіотека, не съ *сто тридцатю томами и тремя тысячами рукописей*, а съ 400,000 (по инымъ 500,000) томовъ и съ 16,000 манускриптовъ; 4,000 рукописей и 100,000 (60,000) томовъ составляютъ университетскую библіотеку, которая помѣщается въ залѣ надъ сводомъ церкви Св. Троицы. Готическій замокъ Розенбургъ, хранилище коронныхъ сокровищъ, множество художественныхъ произведеній и превосходнаго минералогическаго кабинета; прекрасная биржа въ готическомъ стилѣ; церковь Христа Спасителя, превосходное зданіе, съ башнею въ 48 саженъ вышиною; женская церковь, вновь выстроенная послѣ англійскаго бомбардированія 1807 года, украшенная гениальными произведеніями Торвальдсена, колоссальными изваяніями Спасителя

и апостоловъ, о которыхъ, вѣроятно, слышалъ каждый образованный челевѣкъ—всѣ эти предметы не обратили на себя вниманія «Справочнаго Словаря», который притомъ никакъ не можетъ справиться съ хронологіей. Въ описаніи Копенгагена только два хронологическія указанія: одно объ основаніи города въ XII вѣкѣ, другое о пожарѣ 1728. Первое невѣрно, второе неполно. Копенгагенъ основанъ въ 1043 году, въ день Рождества Христова, слѣдовательно, въ XI вѣкѣ; городомъ сдѣлался въ 1284, т. е. въ XIII вѣкѣ. Немногіе города потеряли столько отъ пожаровъ, какъ Копенгагенъ. Особенно онъ пострадалъ въ 1728, 1795 и 1807. Въ первомъ, выгорѣлъ не весь городъ, а только часть его, которая называется «Старымъ Городомъ»; въ 1795 опять сгорѣло около 950 домовъ, а при ужасномъ бомбардированіи Англичанъ, въ три дня сожжено до 400, и повреждено 2,000 домовъ. Ни слова не сказано и о торговлѣ Копенгагена, которая до послѣднихъ европейскихъ войнъ была чрезвычайно-обширна; да и теперь, по выгодному своему положенію, столица Даніи принадлежитъ къ первостепеннымъ торговымъ городамъ Европы.

«Константинополь, главный городъ Турецкой-Имперіи, лежитъ на берегу Константинопольскаго-Пролива, соединяющаго Черное-Море съ Мраморнымъ — а въ какой географической широтѣ и долготѣ? Это нужно для справки, чѣмъ извѣстие, что *треугольный мысъ*, на которомъ построенъ городъ, *развѣтлелся какъ-то на семь холмовъ*. Исторіи Константинополя вовсе нѣтъ; даже не сказано, что прежде онъ назывался Византіей, не сказано, когда сдѣлался столицею Римской-Имперіи и когда взятъ Турками. За то нѣтъ и дѣла съ хронологіей. Однакомъ, позволите. Вы говорите, что Церковь Св. Софіи построена Юстиніаномъ въ 538 году, но не сказали, что Константинъ-Великій, посвятивъ свой городъ св. Дѣвѣ Маріи, почелъ для себя святымъ долгомъ соорудити

великолепный храм Св. Софiи, вѣчной премудрости Божiей, а императоръ Юстинiанъ перестроилъ его вновь. Работы при немъ продолжались безъ малаго шесть лѣтъ. Вы говорите также, что мечеть Сулейманiе (т. е. Солиманова) построена въ 1500 году; вотъ это ужъ чистая неправда: Солиманъ I вступилъ на престолъ въ 1520, а умеръ въ 1566 году. Стѣны, съ 548 башнями, построенныя императоромъ Θεодосiемъ, теперь большею частью разрушены; они имѣютъ 28 воротъ. Такъ ли? Большая стѣна, для защиты Константинополя съ сухаго пути, построена первоначально Константиномъ-Великимъ; Θεодосiи только расширили ее, такъ-что все протяженiе стѣны отъ Мраморнаго-Моря до Золотого-Рога составило верстъ восемь. Число башень, кажется, преувеличено; ихъ едва-ли болѣе 60; дѣйствительно, если допустить, что на восемь верстахъ построено 548 башень, то разстоянiе отъ центра одной башни до центра другой составитъ съ небольшимъ семь сажень: явная несообразность. Въмѣсто 28 воротъ, не довольно ли счесть семь или восемь, по числу дорогъ, которыя сходятся въ Константинополь изъ разныхъ городовъ?

Изъ Константинополя отправимся на островъ Кефалонiю. Онъ лежитъ между 38°15' сѣв. долг. и 18°15' восточной широты. Есть ли на земномъ шарѣ восточная широта и сѣверная долгота? Можно ли опредѣлять положенiе мѣста между такимъ-то градусомъ долготы и такимъ-то широты? Эти вопросы рѣшаются въ высшихъ классахъ училища, гдѣ учатъ географiи.

Какой городъ и крѣпость во Францiи, при самомъ узкомъ мѣстѣ (въ 7 часахъ разстоянiя) пролива Ламанша. Не знаемъ, откуда надо отправиться, чтобъ въ 7 часовъ прибыть къ самому узкому мѣсту Ламанша; но знаемъ, что ширина канала между Кале и Дувромъ составляетъ 31 километръ, съ небольшимъ 29 верстъ; въ

ясную погоду изъ Кале видны берега Англии, и для переѣзда туда достаточно двухъ часовъ. Нельзя согласиться съ Словаремъ, что Кале ведетъ невозможную торговлю. Этотъ портъ дѣятельно торгуетъ хлѣбомъ, виномъ, масломъ и отправляетъ суда для ловли трески.

Въ статьѣ Кентербери сказано, что этотъ городъ «главное (?) мѣстопробыванiе архiепископа примаса королевства»; но извѣстно, что архiепископъ кентерберiйскiй, примасъ и первый пэръ Англии, обыкновенно живетъ въ Лондонѣ.

Краонъ, городъ во Францiи, замѣчательный по сраженiю 1814 года, пишется по-французски Сгаонне, а не Сгаон. Это не одно и то же. Сгаон, древнiй *Cradonensis vicus*, родина Вольнѣ, лежитъ верстахъ въ 17 отъ Шато-Готье, гораздо-подальше другаго Краона, Сгаонне; отъ него заимствовали имя севiйоры краонскiе.

Обратившись къ географiи Россiи, мы замѣтимъ прежде всего неполноту. Не говоря уже о разныхъ примѣчательныхъ урочищахъ, въ Словарѣ не оказалось городовъ: 1) нынѣшнихъ: *Кий, Коричинъ, Коротъ, Короча, Котковъ, Красноборскъ, Красногорская Крѣпость, Краснокутскъ, Красный-Холмъ, Кузница, Кунда*, гавань Эстляндской-Губернiи; 2) древнихъ: *Каминъ, Коранъ, Коричевъ, Красинъ*; 3) финляндскихъ: *Кастельюльмъ, Кристинestadъ*; не нашлось и такой статьи, которая объяснила бы, что значить въ императорскомъ титулѣ и Государь и Великiй Князь *Кондiйскiй*. Увидѣвъ въ Словарѣ описанiя нѣкоторыхъ горныхъ заводовъ, мы вздумали свѣрить, довольно ли полны свѣдѣнiя по этой части, и наши огромные пропуски: забыты заводы чугуноплавильные и желѣзодѣлательные — *Ибердскiй, Ирбитскiй, Пстимскiй, Каинскiй* и т. д., до 15; мѣдиплавильные: *Кананигальскiй, Курашмскiй, Кулойскiй* соловаренный, *Квасцово-купоросные* заводы, *Керченскiя* и *Кимбурскiя* соляныя самосадочныя озера... Вотъ какъ налагается горное и соляное дѣло!

тавленъ въ городѣ для защиты корпусъ Дохтурова (на смѣну Раевского), усиленный дивизіями Невѣровскаго и Коновнищина. Коновнищынъ составилъ резервъ, а при очищеніи Смоленска въ ночь распоряжался арьергардомъ, и потомъ съ дивизіей обратился къ своему корпусу (Тучкова 1). Между Смоленскомъ и Бородинымъ первый отпоръ Наполеону данъ при Лубинѣ Тучковымъ 3; Коновнищынъ только былъ посланъ ему на подкрѣпленіе и прекратилъ бой, когда поздно вечеромъ Тучковъ, ударившій на неприятеля въ штыки, былъ опрокинутъ, проколотъ штыкомъ и взятъ въ плѣнъ. Потомъ арьергардомъ командовалъ атаманъ Платовъ; Коновнищынъ смѣнилъ его 16 августа, на отступленіи отъ Вязьмы къ Цареву-Займищу. Въ бородинской битвѣ лѣвѣмъ флангомъ командовалъ князь Багратионъ, а потомъ Дохтуровъ; Коновнищынъ же только временно распоряжался на этомъ флангѣ, когда Багратионъ былъ раненъ, а Дохтуровъ еще не прибылъ на его смѣну. Неопытно, какъ можно было въ исторіи отечественной войны, обстоятельно разобранной русскими и иностранными писателями, надѣлать столько ошибокъ, сколько ихъ встрѣчается въ «Справочномъ Словарѣ», даже въ біографіяхъ такихъ особъ, какъ императоръ Александръ I и великій князь цесаревичъ Константинъ Павловичъ. О цесаревичѣ сказано, что онъ въ 1812 году не начальствовалъ никакою отдѣльною частью, а извѣстно, что онъ командовалъ 5-мъ или гвардейскимъ корпусомъ до соединенія обѣихъ западныхъ армій подъ Смоленскомъ, присутствовалъ въ военномъ совѣтѣ вмѣстѣ съ обѣими главнокомандующими, въ которомъ рѣшено было движеніе къ Руднѣ, и отъѣхалъ отъ армій тогда уже, когда Смоленскъ достался въ руки неприятелей. Въ біографіи императора Александра рассказывается, будто *Наполеонъ хотѣлъ идти въ Калугу, но подѣ Тарутинымъ былъ отбитъ*. Нападеніе на Мюрата изъ тарутинскаго лагеря предпринято Кутузовымъ, по предло-

женію Беннигсена, когда главнокомандующій не могъ еще и знать о приготовленіяхъ Наполеона къ выступленію изъ Москвы. Оставивъ столицу, Наполеонъ не наступалъ къ Тарутину, а спѣшилъ перейти съ старой калужской дороги на новую, чтобъ обойти тарутинскій лагерь сълѣва и достигнуть Калуги черезъ Боровскъ и Малоарославецъ. При этомъ-то послѣднемъ городѣ, всѣ успія Французовъ пробиться были отражены, и здѣсь-то совершился переломъ похода. По разсказу Словара, *при переправѣ черезъ Березику Французы были такъ истреблены, что изъ пол-милліона вошедшихъ въ Россію, едва десятая часть ихъ возвратилась въ Вильно*. Слѣдовательно, 450,000 Французовъ погибли при Березинѣ (?), и только 50,000 возвратились изъ Россіи въ Вильно. Какъ - будто Вильно не въ Россіи! *Посль такого блистательнаго пораженія Французовъ, Пруссія и Швеція приступили къ союзу съ императоромъ Александромъ*. Швеція была вѣрною союзницею Россіи съ самаго начала войны, и еще въ первыхъ числахъ іюля послѣдній принцъ шведскій предлагалъ императору Александру I сдѣлать высадку въ тылу Наполеона, а 18 августа, при личномъ свиданіи государя съ послѣднимъ принцемъ шведскимъ, подписанъ въ Або договоръ, скрѣпившій союзъ Россіи съ Швеціей. Нельзя также сказать, что на вѣскомъ конгрессѣ *Россія возразило герцогу Варшавскому*: прежде оно ей не принадлежало и отнято у нея не было; Россія приобрѣла вновь Царство Польское.

Графъ Каменскій, полководецъ, рѣшившій участь финляндской войны своимъ высокимъ дарованіемъ, умный, образованный, пышавшій властью, самонадѣянный, врагъ совѣтовъ (см. Мих. Данилевскаго «Описание Финляндской Войны»), изображенъ въ «Справочномъ Словарѣ» тѣмъ же *послужнымъ тономъ*, какъ и сотни другихъ лицъ, заимствованныхъ изъ адрес-календаря.

Котляревскій, герой Кавказа, гроза Персіянъ и Турковъ, не нашелъ мѣста въ «Справочномъ Словарѣ». Пу-

шкінъ, непроглядѣвшій ничего великаго въ Россіи, отметилъ Котляревскаго стихомъ своимъ; но и это, какъ видно, не помогло. «Справочному Словарю» нѣтъ дѣла ни до военныхъ писателей, ни до поэзіи Пушкина, а формулярный списокъ Котляревскаго, вѣроятно, сданъ въ архивъ, потому что изранный герой давно сошелъ съ поприща побѣдъ.

На стр. 464, во второмъ столбцѣ, въ 10 строкѣ сверху напечатано: *Онъ воспиталъ все наше новое поколѣніе*. Кто бы, вы думали, совершилъ этотъ подвигъ? — Иванъ Калыдановъ!

Статьями о древностяхъ русскихъ Словарь также похвалиться не можетъ. На-примѣръ, въ статьѣ Казна вовсе не упомянуто о бывшихъ при царяхъ въ Москвѣ: казнѣ большой, казнѣ царской, парицной, царевичей, постельной; забыты: Гранікво, царевн или любовное мѣсто въ Москвѣ, Кулафья или патриаршая башня, Кулаванъ, старинный сосудъ и т. д. О московскомъ Кремлѣ сказано только, что онъ *вособенности* замѣчательнъ. Изъ русскихъ святителей и іерарховъ пропущены очень многіе. Для примѣра возьмемъ имена Иларіонъ и Иннокентій. Въ Словарѣ помѣщено 11 лицъ перваго имени и 6 втораго, принадлежащихъ российской церкви, и пропущено, по-крайней-мѣрѣ, 8: Иларіонъ Роголевскій, архіепископъ казанскій, а потомъ черныговскій, 5 епископовъ: астраханскій (ум. 1755), сарскій (между 1411 и 1413), коломенскій (ум. 1409) и два ростовскіе (одинъ въ 992, другой въ 1355); Иннокентій Полянскій, бывшій ректоромъ Александро-Невской Духовной Академіи и потомъ епископомъ воронежскимъ (ум. 1794), и Иннокентій Нероновичъ, епископъ прутскій (ум. 1741). Многіе предметы, относящіеся къ церковной исторіи и богослуженію, объяснены подъ такими названіями, которые вовсе несвойственны энциклопедическому словарю. Кому, на-прим., придетъ въ голову справляться, что значить: И во вѣки вѣковъ? между-тѣмъ, въ «Справочномъ Слова-

рѣ» этотъ возгласъ составляетъ названіе статьи. Не выражается ли этимъ отсутствие всякаго соображенія о томъ, что и какъ должно входить въ словарь? Иглины уши, выраженіе Евангелія (Мате. XIX, 24), Извѣденіе оглашенныхъ изъ храма, передъ интургіей вѣрныхъ, Извѣдетъ въ побѣду судъ, текстъ, Извѣствую, славянскій глаголъ, Изрядно о Пресвятѣй, Изъятіе частей изъ просфоръ, Изъясненіе Св. Писанія, Исправленіе священнаго текста, Исправленіе церковныхъ книгъ въ Россіи—всѣ эти свѣдѣнія, безъ сомнѣнія, необходимы, но ихъ слѣдовало помѣстить не въ теперешнемъ видѣ, а отнести къ статьямъ: «Оглашенные», «Вѣрные», «Проскомидія», «Просфора», «Св. Писаніе», «Церковныя Книги» и т. д. Захотите ли вы прочесть въ Словарѣ жизнь Иисуса Христа, вы должны будете безпрестанно прерывать свое чтеніе и обращаться къ другимъ статьямъ, разъясняемымъ по всѣмъ 12 томамъ Словаря. Дѣйствительно, вся земная жизнь Спасителя умѣстилась почти на пол-страницѣ; но въ этой коротенькой статьѣ *десять* ссылокъ, и потому черезъ каждыя двѣ-три строки надо браться за другой томъ; тамъ вы должны найдете слѣдующія статьи: 1) Сынъ Божій, 2) Вылеемъ, 3) Рождество Иисуса Христа, 4) Чудеса І. Х., 5) Страданія І. Х., 6) Избавитель, 7) Воскресеніе, 8) Явленія І. Х. послѣ воскресенія, 9) Вознесеніе. Зачѣмъ такое дробленіе? Опять-таки не понимаемъ!

Статьи политической экономіи, какъ, на-примѣръ, Капиталъ и Кредитъ, такъ слабы, что и разбирать ихъ жалъ. По *законодѣннью* нѣкоторыя статьи написаны со смысломъ; къ нимъ причисляемъ: Коллегія, Кабала и другія, хотя вообще должно замѣтить, что статьи этого отдѣла, болшею частію одностороннія, рѣдко касаются законовъ римскихъ или ново-европейскихъ, и растянуты выпискою изъ «Свода» положительныхъ нашихъ узаконеній, тамъ, гдѣ достаточно было бы

то законы, *сведенные* въ астрономію? Мы не нашли *именованныхъ чиселъ*, а встрѣтили Крайніе члены (?) — почти то же, что «И во вѣки вѣковъ»! Надѣмся, читатели согласятся съ нами, что назвать наложеніе математическихъ статей «Словаря» не популярнымъ, какъ сдѣлали мы, значить быть очень, очень-снисходительнымъ.

Естественныя науки... но, право, становится тяжкимъ дѣлать невыгодныя отзывы. Вотъ изъ химіи: «Кремній, химическое простое тѣло, въ природѣ встрѣчается только въ окисленномъ состояніи. Добывается изъ кремнотористаго кали. Имѣетъ видъ темнубураго порошка; отъ дѣйствія жара не измѣняется. Ни удѣльнаго вѣса, ни формулы нѣтъ. Кремневая кислота см. «Кремнеземъ»; а въ Кремнеземѣ о ней ни слова, хотя она и входитъ во многія соединенія. Вотъ изъ минералогіи: «Иттигеритъ, минералъ, состоящій (по Гмеліну)... Въ правильныхъ видахъ не встрѣчается. Уравнительный (т. е. относительный, удѣльный) вѣсъ = 2, 3. Блескъ стеклянный; цвѣтъ пепельный; изломъ плоско раковистый. Встрѣчается въ Кайзерштуль, въ Брейсгау». Почему бы не сказать, что названіе минералу дано въ честь Иттигера, котораго биографія помѣщена на той же страницѣ, и который замѣчательнѣе уже и тѣмъ, что родился подъ Бингенемъ, а умеръ подъ Костницемъ, какъ рассказываетъ «Справочный Словарь». Шутки въ сторону, сухо и почти безъ всякихъ приложеній къ обществу и промышленности написаны химическія и минералогическія статьи; многое совсѣмъ забыто, и между статьями физики пропущены: *Испаренія, Капельныя или каплеобразныя жидкости, Кулоубъ или Колоубъ, его крутильные вѣсы, Изморозь* и проч. Механика пострадала еще больше отъ пропуска машинъ: *Клинь, Коперъ, Колеса зубчатая, наливная, подливная, колесо парсидское* и проч. Изъ зоологіи и ботаники предметы выхвачены какъ-будто на уда-

чу; попадаютъ подробности о мелочахъ, а нѣтъ предметовъ самыхъ обыкновенныхъ, самыхъ необходимыхъ, какъ: *Козель* (цѣлый родъ), *Крыса, Крокъ, Кроликъ, Клочъ, Клестъ, Кобуза* (родъ ястреба), *Колмица, Кориюшка, Клецакъ или Клещъ; Куланъ или джигетай, дикій видъ коня, водащійся въ средне-азиатскихъ степяхъ, Кушгаръ* или расъ, странное животное Памирской-Равнины; *Касилъ*, родъ грызуновъ, къ которому принадлежатъ: свинушка, или морская свинка, вывезенная къ намъ изъ Америки и теперь расплодившаяся въ ручномъ состояніи, водосвинка, южно-американское животное, самое большое изъ разряда грызуновъ, ростомъ съ большую свинью; *Каллуа*, рыба, въ рѣкахъ Восточной-Сибири. Въ области ботаники забыты: *Кленъ, Иланъ, Илица* или мышіи тернъ (*Ruscus aculeatus*), *Иллишиксъ* или стальная трава, *Нюлка придорожная* (*Rhamnus cathartica*), *Индивій* (*Cichorium indivia*), *Карика* (*Sargica, L.*), родъ растений, къ которому принадлежитъ Папая (*C. Papeya*); *Кернера* (*Kernera, Willd.*), также родъ растений, *Клоповникъ, Козелецъ* (*Rodospertum, Dc.*), *Котоюка* (*Cotonea Шинія*), и т. д. Другія статьи неполны: въ родѣ Кошка не названы: *Леопардъ, Кугуаръ, Оцелотъ, Барсъ, Барсъ гривистый*; не упомянуто ни о дикой кошкѣ, отъ которой, вѣроятно, происходитъ домашняя, ни о бухарской. Глаза у звѣрей кошачьяго рода (не глаза у звѣрей, а звѣри) такъ же хорошо видятъ ночью, какъ и днемъ. Отъ-чего? Слѣдовало сказать, что узкая трещина зрачка, ихъ въ темнотѣ сильно расширяется и принимаетъ столько же лучей свѣта ночью, сколько и днемъ. Куница *балошейка* (или лучше *балодушка*) названа *балошейкой*, чуть не гризеткой! Въ статьѣ Игрушки не названо ни одного вида; не полна ихъ и характеристика. Можно привести много такихъ примѣровъ. *Калугеръ, Кларгійникъ, Кларсы, Кервель* и ин. др. переработаны изъ «Лексикона Гордскаго и

сельскаго хозяйства, Двигубскаго, без всякихъ ссылокъ на этотъ трудъ московскаго профессора. Нѣкоторые объясненія предметовъ зоологii, физиологii, технологii, коммерцii взяты буквально изъ «Церковно-славяно-россійскаго Словаря» П. Соколова, какъ будто въ словарь языка достаточно объясняются подобные предметы.

Чтобъ дать понятiе, какъ обработаны анатомiя и физиологiя животныхъ и растений, достаточно сказать, что въ «Справочномъ Словарѣ» пропущены: *Кровь, Кровеобращенiе, Кровеносные сосуды, Клетчатка* или *Клетчатая ткань, Кишки, Кожа, Кожница* (epidermis), *Кости, Клыки* (зубы и бивни), *Копыто, Корень, Испарина* и т. д.

Врачебныя средства (травы, смолы, щелочи и пр.) описаны также очень неполно; этотъ недостатокъ усматривается не только въ-отношенiи ихъ употребленiя, но даже и названiй. Приведемъ примѣры. Iодъ, извѣстный въ новѣйшее время, какъ единственное средство отъ золотухи и другихъ болѣзней, описанъ лишь въ десяти строкахъ; Каломель — столь необходимая папацелъ, въ семи строкахъ; вѣроятно, только для справки, есть ли въ лексиконѣ iодъ и каломель? Еще, «Ивановскiй чай», строго запрещаемый, поддѣлываемый на подобiе китайскаго чаю изъ березовыхъ листовыхъ распуколокъ и другую статью «Капорскiй (т. е. копорскiй) чай, иначе называемый Иванъ-чай (вотъ это названiе такъ), поддѣльный чай русскаго произведенiя, дѣлаемый изъ листьевъ Ильмы, имѣющихъ сходство съ листьями чайными». Видно, Справочному Словарю неизвѣстно, что китайскiй чай поддѣлывается листьями кипрея узколистнаго или копорскаго (epilobium angustifolium), ибо въ описанiи Кипрея нѣтъ ни слова о томъ, что онъ употребляется для поддѣлки чая. Извѣстно ли составителю лексикона, что сколько ни случалось производить изслѣдованiе поддѣльнаго чая, всегда

открывали въ послѣднемъ кипрей? — Описание болѣзней, само-по-себѣ недостаточное, не только не удовлетворяетъ желающаго найти въ немъ полезный совѣтъ, но, напротивъ, можетъ послужить во вредъ тому, кто хотѣлъ бы руководствоваться наставленiями Словаря, который, вѣроятно, предполагалъ сдѣлать большое одоженiе указанiемъ дiететическихъ и врачебныхъ средствъ, какiя употреблять надобно въ случаѣ заболѣванiя. Къ сожалѣнiю, все это сдѣлано in via Minerva! Что заимствуетъ читатель изъ описанiя Каменной болѣзни, Ковтуна, Крупа и проч.? Есть тутъ же и болѣзни, названныя неправильно, на-пр., *Исхурiя*, что это? Можетъ быть, ошибка, описка. Къ описанiю «Ковтуна» присоединена литература этой болѣзни; похвально, но за чѣмъ, кромѣ сочиненiй Карла Марциновскаго, Иоанна Очановскаго и Марiана Закржевскаго, не приведены сочиненiя ни одного изъ прочихъ писателей? Мы были бы довольны указанiемъ хоть на одного Юсифа Франка, который долго былъ профессоромъ въ Вильнѣ и тамъ изучилъ ковтуны, болѣзнь столь общую въ Польшѣ и въ нашихъ западныхъ губернiяхъ. Опредѣливъ, что такое Кашель, Словарь указываетъ, чѣмъ должно лечить его и предлагаетъ самое простое, дешевое и сладкое средство — Бюергавовъ сахаръ!!! Коликъ два экземпляра, съ тѣмъ лишь отличiемъ, что одна зовется по-латинѣ colica, а другая entalgia. Описание этихъ двухъ видовъ колики совершенно сходно, а леченiе самое простое. Что Корь и Красуха представлены въ скиццахъ, умалчиваемъ, хотя не маловажны эти болѣзни для cadaго семейства, гдѣ есть дѣти. Такая же неполнота и въ описанiи кроваваго поноса. Словарь совѣтуетъ лечить Кровотеченiе жидкостью, останавливающею кровь, изобрѣтенною профессоромъ Нелюбнымъ. Если бы всѣ виды кровотеченiй были одинаковы, сходны между собою, то можно было бы и лечить ихъ

однимъ и тѣмъ же средствомъ.—Всего неудачнѣе статья о Крупъ. Когда Наполеонъ назначилъ (1807) эту болѣзнь предметомъ задачи, съ премією въ 12,000 франковъ, то изъ 83 сочиненій, поступившихъ къ соизнанію награды, лишь два удостоились половинной преміи. Знаетъ ли это «Справочный Словарь»?

Въ этомъ томѣ помѣщены біографіи двѣнадцати врачей; между ними только двое Русскихъ, а въ каждомъ желательнѣе найти въ Словарѣ болѣе отечественнаго, роднаго. Да и двѣ-то біографіи, Каменецкаго и Карпинскаго, составлены неполно, недостаточно; а оба эти врача заслуживаютъ порядочной страницы въ исторіи медицины въ Россіи. Каменецкій замѣчательнѣе уже и тѣмъ, что первый изъ Русскихъ удостоился званія лейб-медика, какъ самый опытный и искусный врачъ въ свое время и величайшій филантропъ. Второй прославился ученостію и изданіемъ рѣдкой въ свое время фармакопей русской. Кромѣ этого, забыты еще трое лейб-медиковъ — три знаменитости медицинскія — именно: Кондонди, Крейтонъ (Александръ) и Крейтонъ (Мельхіоръ), со славою служившіе въ Россіи. Если въ первомъ томѣ «Справочнаго Энциклопедическаго Лексикона» помѣщены біографіи здравствующихъ врачей, то за что жь въ VI томѣ не удостоены этой чести нѣкоторые изъ здравствующихъ же? тогда-какъ другіе живые люди, не-медики, упоминаются. Конечно, этого бы не случилось, еслибъ для всего изданія былъ припятъ въ основаніи законъ-нибудь плащъ.

Здѣсь кстати укажемъ еще на важные пропуски, о которыхъ не пришлось сказать прежде. Вотъ они: *Клавикорды, Клависинъ, Клависшъ, Клавистура*... бѣдная музыка, во времена итальянской оперы! *Кладъ, Кладбище, Квартиль, Квартиры*, нашъ народный *Квасъ, Классификація, Классики, Классическая литература, Классицизмъ, Корень* (въ грамматическомъ смыслѣ), *Клей, Клевка, Клеймо, Клейноды, Клю-*

чаръ, Колоколъ (церковный, водоизный, въ физическихъ приборахъ), *Клиръ, Клубокъ, Кливеръ, Исполнъ, Избраніе, Избирательное правленіе Няма* (часть рѣчи), *Изобразительная* (служба церковная), *Изобрѣтеніе* (исторія изобрѣтеній), *Иколонисъ, Имперскіе чины, князя и города, Ивалдонный домъ въ Парижѣ, Клубы* (политическіе и англійскіе), *Конунги* и проч. Въ I томѣ, при словѣ *Аиель* сдѣлана ссылка, см. *Имяники*: въ VI томѣ, въ статьѣ *Ковчегъ заветъ*, сдѣлана ссылка на статью *Ковчегъ заветъ*, но ни Ковчегъ Заветъ, ни Имяники въ своихъ мѣстахъ не оказались.

Теперь ясно, что пропуски по всѣмъ частямъ, пропуски неистощимые, составляютъ отличительную черту VI тома «Справочнаго Словаря». И видно, что «Энциклопедическій Словарь» г. Плюшара не доведенъ до буквъ П, І, К!.. Но тутъ рождается вопросъ: чѣмъ же наполнены 63 листа (вмѣсто обѣщанныхъ 30) VI тома? Посмотрите на стр. 8 и слѣдующія: вотъ одинъ изъ Ивалновыхъ занимался переводами съ французскаго языка; другой написалъ повѣсть въ стихахъ «Ужасные Гости»; третій перевелъ съ французскаго «Путешествіе Аламузы на островъ Правды»; четвертый перевелъ съ латинскаго «Судъ Совѣсти»; пятый занимался переводами съ греческаго и т. д. Вотъ еще Ивалновъ, Борисъ дворецкій Годунова, весьма-замѣчательный: въ 1500 г. онъ встрѣтилъ на середней лѣстинѣ кызылъ-башкиныхъ послевъ, пріѣзжавшихъ къ великому конюшему». Подъ царю ему Игнатъева, Софія. О ней упоминается при описаніи третьей свадьбы Іоанна IV въ 1571 г.; Софія была вѣнчана сважкою и несла къ мѣсту кнуку, со всѣмъ народомъ, на серебряномъ блюдѣ. Столько же поучительны статьи о князьяхъ Игоряхъ (стр. 28 и 29): объ одномъ въ «Никоновской Лѣтописи» сказано, что онъ сдѣлался наследникомъ брата своего Давида, въ 1147 г., а Карамзинъ замѣчаетъ, что ни того, ни другаго князя не было;

другой Игорь, по словамъ Татищева, убить во время битвы съ Венграми и Лахами, а больше о немъ нигдѣ и ничего неизвѣстно; третій Игорь, по словамъ Татищева, былъ братъ князя владимірскаго Давида Ростиславича; но въ летописяхъ объ немъ не упоминается; наконецъ, князь Игорь Ярославичъ (стр. 30) замѣчательнъ тѣмъ, что о немъ ничего неизвѣстно... • Иршенкъ, крестьянинъ, изобрѣтшій крылья для летанія по воздуху, въ началѣ царствованія Петра I, и наказанный за неудачу; • Истакъ, этимъ именемъ Киргизы называютъ Башкирцевъ; • Карачи, такъ назывались у Татаръ вельможи, главные царскіе (?) совѣтники; • Калега, такъ называется брѣвня въ Витебской-Губерніи; • Клараминкъ, такъ называютъ Татары растение кипрей узколистный или копорскій, и проч. и проч. Прибавьте сюда біографіи живыхъ должностныхъ лицъ, да два раза помѣщенные статьи (Какоринъ и Кокоринъ, Кайнарджи и Кучукъ-кайнарджискій миръ, Ивановскій чай и Копорскій чай, Колика, Княжанка и Княженца и пр. и пр.), и вы увидите, что въ «Словарѣ» цѣлыя сотни бесполезныхъ, никому ненужныхъ статей. Если же сличить оба вышедшіе тома Словаря, то повтореній найдется многое множество.

Еще мы забыли указать на два существенные недостатка Словаря: одинъ относится къ географіи, другой къ біографіямъ. При нынѣшнихъ названіяхъ городовъ, рѣкъ, озеръ и горъ очень-рѣдко показаны древнія ихъ имена, и наоборотъ древнія географическія названія не приурочены къ нынѣшнимъ; отъ этого потеряна исторія городовъ, разорвана всякая связь между древнимъ и настоящимъ ихъ положеніемъ. Многія біографіи не окончены; люди, давно переселившіеся въ другой міръ, числятся въ живыхъ, напримѣръ, лингвистъ и археологъ Юлій Иделеръ, историческій живописецъ Камуччини, лордъ Каткартъ (названный въ Словарѣ Каткарромъ, какъ будто онъ былъ Французъ), Г. Э.

Квитка (Основьяненко), нашъ мореплаватель О. Коцебу и другіе. Первый умеръ въ 1842, второй въ 1844, третій и четвертый въ 1843, а Коцебу въ 1846 году.

Чтобъ избѣжать нареканія въ целоброжелательствѣ, мы должны были войти въ такія подробности, которыя утомили насъ, и, вѣроятно, наскучили читателямъ; а еще остается говорить о литературѣ. Дать отчетъ о литературныхъ понятіяхъ «Справочнаго Словаря» въ немногихъ словахъ—дѣло невозможное. Основательный разборъ одной такой статьи, какъ Итальянская Литература требуетъ цѣлаго трактата. Съ этимъ согласиться всякій, кто знаетъ дѣло, когда мы скажемъ, что въ ней поэзія раздѣлена на 14 родовъ, а съ подраздѣленіями едва ли не на 40, проза на 7. Вотъ таблица этого раздѣленія, совершенно въ томъ видѣ, какъ оно находится въ Словарѣ:

I. Поэзія.

- a) Эпосъ
- aa) классическая эпосъ
- bb) романтическій или рыцарскій эпосъ
- cc) комическій эпосъ
- b) повѣсть
- c) романъ
- d) лирическая поэзія
 - сопеты и мадригалы
 - cc) канцонны
 - dd) стансы
 - ee) гимны
 - ff) оды
 - gg) пѣсни
 - hh) духовныя пѣсни
 - ii) кантаты
- e) элегія
- f) идиллія
- g) андактическая поэзія
- h) поэтическія описанія
- k) героическія поэмы
- l) сатира итальянская
 - aa) шуточная народная, подраздѣляется на:
 - 1) poesia burchiellesca,
 - 2) poesia pedantesca,
 - 3) poesia contadinesca, или villanesca,
 - 4) poesia boschereccia,
 - 5) poesia massaronica.
 - bb) римская или ученая сатира
- m) эпиграммы
- n) басни
- o) аллегорическіе рассказы
- p) итальянская драма

- aa) comedia dell'arte, искусствошная,
- bb) comedia erudite
- cc) трагедія
- dd) пастушеская драма
- ee) опера и мелодрама.

II. Проза.

- a) Разговоры
- b) посланія
- c) краснорѣчіе
- d) исторія
- e) филологія
- f) археологія
- g) философія ..

Настоящее вавилонское столпотворение и смѣшеніе языков! — Можно ли коротко объяснить о такихъ литературныхъ чудесахъ, какія встрѣчаются въ Словарѣ? Напримѣръ, Клинистъ въ своихъ одахъ подражалъ *возраженности слова* Державина (видите ли — вотъ и высокій слогъ!) и заимствовалъ остроуміе у Фон-Визина (въ одахъ?); комедія Клиниста «Ябеда» сдѣлалась въ Россіи классическою, наравнѣ съ «Недорослемъ» Фон-Визина и т. д. Главную часть біографіи Н. А. Крылова составляетъ... что бы вы думали?... *прохождение службы*, показанія, когда онъ получалъ чины и кресты; къ этому примѣшана опись его сочиненій (не напрасно ли? Довольно и того, что мы будемъ знать, каковъ-то былъ чиновникъ Иванъ Крыловъ), а о томъ, что былъ Крыловъ въ-самомъ-дѣлѣ, сказано вотъ что: «Въ басняхъ своихъ Крыловъ является единственнымъ и неподражаемымъ писателемъ, не только по мысли, изяществу отдѣлки (?), но и по языку, котораго отдѣлки *становятся* неудовимыми *ни въ для какого другаго языка*, а нравученія его (будто нравученія?) обрратились въ пословицы». И это печатается послѣ всего, что говорено о Крыловѣ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ! И эту послѣднюю біографію инныя газеты расхваливаютъ... Подождемъ, можетъ-быть, узнаемъ, какъ и чѣмъ служилъ Гомеръ или Омиръ. Начало уже сдѣлано въ «Справочномъ Словарѣ» статью «Иліада», которая очень походить на канцелярскую выписку изъ дѣла. Для любопытствующихъ перепечатаемъ ее:

«Иліада, знаменитая эпическая поэма, описывающая происшествія войны

Троиццевъ съ Греками (за 1195 — 85 до Р. Х.). Она дѣлится на 24 пѣсни и оканчивается смертью Гектора. Иліада есть лучшее произведеніе древности и приписывается Гомеру. Вотъ краткій обзоръ каждой пѣсни. Пѣснь I. Хризь, великій жрецъ Аполлона, является къ Агамемнону за свою дочерью, имъ похищеною; царь отказывается выдать ее (,) и Аполлонъ отищаетъ за своего жреца моровою язвою въ греческомъ станѣ. Агамемнонъ требуетъ у Ахиллеса пѣвицу Бризеиду. Послѣ отказа его, Агамемнонъ похищаетъ ее, а Ахиллесъ удаляется въ свою палатку, *решаясь* не сражаться съ Троиццами до тѣхъ поръ (,) пока ему не будетъ возвращена пѣвица. Пѣснь II.... III.... XIV Приамъ, царь Тром, плетъ къ Ахиллесу и умоляетъ его возвратитъ тѣло сына; обѣдатель соглашается. Вопль и плачь Троиццевъ, потерявшихъ послѣдняго защитника. Погребальное пиршество въ городѣ».

Тутъ все, что объ «Иліадѣ» вѣдать надлежитъ; позволено забыть и о переводѣ Гейдича,

Старца великаго тѣмъ *не чужь* смущенной душой.

а требуется только убѣжденіе, что «Иліада» есть собраніе реляцій о войнѣ, которая продолжалась отъ такого-то года до такого-то, раздѣляется на 24 пѣсни и оканчивается смертью полковника Гектора.

Теперь, надѣмся, читатели согласятся съ нами, что отчетливый разборъ литературныхъ статей «Справочнаго Словаря» завлекъ бы насъ слишкомъ-далеко. Итакъ... съ непритворною радостью восклицаемъ: берегъ! берегъ! Вырвавшись изъ неистощимаго хаоса, въ которомъ пришлось на каждой новой строкѣ останавливаться надъ противорѣчимъ строкѣ прочитанной, чувствуешь себя въ такомъ же положеніи, какъ при выходѣ изъ комнаты, наполненной чадомъ. Если въ Словарѣ и есть нѣсколько толковито и правильно написанныхъ статей, то ихъ немного и онѣ совершенно заглушаются плохими, и достоинство ихъ остается безплоднымъ.

Шестой томъ «Справочнаго Словаря» подтверждаетъ наше мнѣніе, высказанное при разборѣ перваго тома, что исправленіе этого изданія рѣшительно невозможно.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Н О Я В Р Ъ .

390) Записки о Екатеринѣ-Великой, состоящая при ея особѣ статья-секретаря и кавалера Адриана Моисеевича Грибовскаго. Съ присоединеніемъ отрывковъ изъ ея жизни. Москва. Въ университетской тип. 1847. Въ 8-ю д. л. 110 стр.

Великія дѣла истекаютъ изъ великой души, и на этомъ основаніи вамъ всегда хочется знать личность того человѣка, который для васъ великъ или какъ монархъ, или какъ государственный дѣятель, какъ полководецъ, ученый, поэтъ... Отъ такого ближайшаго знакомства всѣ эти великія лица большею частію выигрываютъ... за исключеніемъ, кажется, только однихъ ученыхъ и поэтовъ, которые, къ-несчастью, теряютъ много пріятности и величія отъ внимательнѣйшаго разсмотрѣнія ихъ душевныхъ качествъ. Должно быть, это оттого, что поэты и ученые писали много такихъ прекрасныхъ вещей, которыхъ бы они сами не сдѣлали, что въ

Т. LV — Отд. VI.

ихъ дѣятельности исключительно участвовали только воображеніе и умъ, а не сердце и благородная воля, и такимъ-образомъ жизнь ихъ двоилась. Но Богъ съ ними! вотъ «Записки о Екатеринѣ-Великой», которыя неоспоримо доказываютъ, что человѣкъ, котораго вы любите за великія дѣла, достоинъ любви и въ частной жизни; за-мѣтьте, кого вы любите — мы не говоримъ кому вы только удивляетесь...

Пока у насъ нѣтъ подробной исторіи царствованія императрицы Екатерины-Великой и подробныхъ записокъ о ея жизни, мы рады каждому сочиненію, которое открываетъ намъ сколько-нибудь новыхъ чертъ изъ ея жизни. Записки статс-секретаря Грибовскаго относятся не къ царствованію, а къ жизни императрицы. Грибовскій былъ недолго статс-секретаремъ, но многое подмѣтилъ; по-крайней-мѣрѣ онъ рассказалъ довольно-подробно обыкновенный порядокъ жизни великой императрицы, и мы узнаёмъ теперь привычки, желанія, занятія и

увеселенія ея—словомъ, узнаёмъ, какъ проводила время эта Великая государыня...

• Много писано о Екатеринѣ-Великой; но никто почти изъ писавшихъ о ней не былъ при ея особѣ, а многіе изъ нихъ и никогда съ нею не говорили. Всѣ они замѣшествовали свѣдѣнія о сей монархинѣ изъ публичныхъ происшествій, или изъ ея законовъ, уставовъ и другихъ сочиненій. Отъ-того она представлена въ этихъ описаніяхъ торжествующею побѣдительноницею, премудрою законодательницею, одаренною величайшимъ гениемъ и проч. Все сіе, конечно, справедливо; но на ображеніе прекрасныхъ свойствъ ея, отъ которыхъ проистекли всѣ великія ея дѣянія, увѣчившія ее неуязвимою славою, изображеніе которыхъ наиболѣе для челоѣчества поучительно и для cadaго возжелѣнно, почти непримѣтно въ означенныхъ сочиненіяхъ. Бывшіе приближенные къ ея особѣ по дѣламъ государственнымъ, князь Потемкинъ, Зубовъ, графъ Безбородко и статс-секретари ея Поповъ, Трощинскій и другіе, имѣли, конечно, возможность узнать сіе ея свойство во всѣхъ отношеніяхъ, вѣрно и подробно, но оставили земное свое поприще, не оставя для публики никакихъ о великой благотворительницѣ ихъ записокъ (стр. 5 и 6).

• Но чтобы узнать и познать приватный характеръ сей необыкновенной особы, надобно было видѣть ее каждый день съ 9 часовъ утра, въ своей спальнѣ, сидя въ утреннемъ уборѣ, когда она за выгнаннымъ маленькимъ столикомъ занималась государственными дѣлами съ докладчиками: статс-секретаремъ, съ вице-канцлеромъ, съ генерал-прокуроромъ, когда рѣчь шла о мѣрахъ безопасности и благосостоянія государства, о военныхъ дѣйствіяхъ во время войны и пополненіи недостатковъ государственныхъ доходовъ, о новыхъ рекрутскихъ наборахъ, о исправленіи упущеній вышшихъ или судебныхъ мѣстъ или начальствующихъ лицъ, когда надлежа-

ло утвердить или отмѣнить сдѣланный о дѣяніяхъ приговоръ: тогда и власть и величіе императрицы чудно сливались съ чувствами челоѣка и во всей полнотѣ открывали самыя сокровенныя мысли и ощущенія души и сердца ея. Только въ сихъ случаяхъ можно сдѣлать справедливое о характерѣ сей монархини заключеніе.

Нѣтъ этихъ немногихъ словъ вы видите, что Грибовскій, подобно другимъ современникамъ, имѣвшимъ случай стоять близко у трона императрицы, не можетъ говорить о ней безъ восторга. Что жъ за обаяніе было въ этой великой женѣ, которая такъ легко умѣла заслуживать высокую награду монарховъ — любовь народную? Многіе заставили трепетать своего имени, многіе заставили удивляться своей гениальности, она заставила любить себя?

• Любовь и обожаніе ея подданныхъ говоритъ Грибовскій (стр. 27): «а въ арміи любовь и пламенный восторгъ ея воиновъ, вспоминаются. Я видѣлъ сихъ послѣднихъ, въ траншеяхъ пренебрегающихъ пули нейтральныхъ и переносящихъ всѣ жестокости стикій утѣшенными и ободренными призываніемъ ихъ матушки, ихъ божества!»

Будемъ слѣдить за Грибовскимъ шагъ за шагомъ; будемъ повѣрять каждое его ощущеніе; будемъ смотрѣть, какимъ-образомъ онъ дошелъ до такого воззрѣнія на императрицу. Мы найдемъ множество обстоятельствъ видимому ничтожныхъ, въ отдѣльности представляющихъ ничего важнаго, но въ сущности составляющихъ одно цѣлое, которое легко пояснить, почему современники Екатерины не могутъ вспомнить о ней безъ восторга. Въ первый разъ имѣлъ я счастье услышать разговоръ императрицы, когда представился для принесенія ей благодарности за удостоеніе меня быть при ея величествѣ. Это было въ Таврическомъ Дворцѣ, въ 10 часовъ утра. Государынѣ было угодно, чтобы я вошелъ въ кабинетъ, гдѣ она находилась, не чрезъ уборную, а чрезъ камеру-

юнгерскую комнату. Государыня сидѣла за большимъ письменнымъ столомъ, въ утреннемъ платьѣ. «Вы такъ много трудитесь» сказала она, взглянувъ на меня своими голубыми глазами и вѣстѣ съ тѣмъ подала мѣ руку, которую ставъ на колѣни, поцѣловала: «хорошо, прибавила она: съ этого времени мы часто будемъ видѣться, а теперь подите съ Богомъ». Последніе слова были почти обыкновенная ея рѣчь при разставаніи. Когда хотѣлъ я выйти первымъ путемъ, то она сказала: «зовите сюда графа Алексѣя Григорьевича» и взглянула на противоположную дверь, почему изъ кабинета вышелъ я въ уборную, гдѣ тогда находились уже давно въ собраніи всѣ бывшіе при собственныхъ ея величества дѣлахъ, или имѣвшіе для доклада дѣла особыя или по другому случаю во дворецъ пріѣхавшія особы, какъ-то: графъ Безбородко, Поповъ, Троицкій, Турчаниновъ; тутъ же находился и графъ Орловъ, который въ первый разъ по пріѣздѣ изъ Москвы во дворецъ пріѣхалъ. Всѣ они не мало удивились, увидѣвъ, что я вышелъ изъ кабинета, въ который не знали, какъ я вошелъ. Хотя я никогда не видалъ еще графа Орлова, но не могъ ошибиться по высокому росту и нарочитому въ плечахъ дородству и по шраму на лѣвой щекѣ я тотчасъ узналъ въ немъ героя чесменскаго...

«Графъ Алексѣй Григорьевичъ хотя былъ и въ отставкѣ и обыкновенно жилъ въ Москвѣ, но находился въ особенной милости у государыни; писалъ къ ней письма и всегда получалъ отъ нея собственно-ручные отвѣты... (стр. 29 и 30).

«Князь Потемкинъ въ собственноручныхъ письмахъ къ государынѣ писалъ: «матушка родная, прошу тебя» и проч. Государыня къ нему въ приватныхъ собственноручныхъ письмахъ писала: «Другъ мой, князь Григорій Александровичъ!» также «во второмъ лицѣ, что было знакомъ особенной милости» (стр. 32). Въ письмѣ, въ которомъ были описаны собственноручно

распоряженія императрицы по поводу послѣдней шведской войны, она спрашивала у князя Потемкина. «Хорошо ли я сдѣлала, учитель? (стр. 16).

«Образъ жизни императрицы въ послѣдніе годы былъ одинаковъ (стр. 37). Въ зимнее время имѣла она пребываніе въ большомъ Зимнемъ-Дворцѣ, въ среднемъ этажѣ, надъ правымъ малымъ подъѣздомъ, противъ бывшаго брусоскаго дома, гдѣ нынѣ находится экзерциргаузъ. Собственныхъ ея комнатъ было не много; взоидя на малую лѣстницу, входилъ въ комнату, гдѣ на случай скорого отправленія приказаній государыни стоялъ за ширмами для статс-секретарей и другихъ дѣловыхъ особъ письменный столъ съ приборомъ; комната сія окнами къ маленькому дворику; изъ ней входъ въ уборную, которой окна были на дворцовую площадь; здѣсь стоялъ уборный столикъ; отсюда были двѣ двери, одна на-право въ бриллиантовую комнату, а другая на-лѣво въ спальню, гдѣ государыня обыкновенно дѣла слушала. Изъ спальни входили прямо во внутреннюю уборную, а на-лѣво въ кабинетъ и зеркальную комнату, изъ которой одинъ ходъ въ нижніе покои, а другой прямо, чрезъ галерею въ такъ-называемый «ближній домъ»; въ сихъ покояхъ государыня жила иногда до весны, а иногда и прежде въ Таврической-Дворецъ переезжала. Дворецъ сей построилъ княземъ Потемкинымъ, на берегу Невы. Главнѣйшій корпусъ онаго былъ въ одинъ этажъ, важется, нарочно, дабы государыня высокимъ входомъ не была обезпечена» (стр. 39).

«Во всѣхъ мѣстахъ ея пребыванія, время и занятія императрицы распределены были слѣдующимъ порядкомъ. Она вставала въ седьмомъ часу утра и до девятаго занималась въ кабинетѣ письмомъ (въ послѣднее время сочиненіемъ сенатскаго устава). Дважды, она между разговорами сказала: что не подписавши нельзя и одного дня просидѣть. Въ это же время пила одну чашку кофею безъ сливокъ; въ девять

часовъ переходила въ спальню, гдѣ у самаго почти входа изъ уборной, подлѣ стѣны сѣла на стулъ, имѣя предъ собою два выгибные столика, которые впадинами стояли: одинъ къ ней а другой въ противоположную сторону, и предъ симъ послѣднимъ поставленъ былъ стулъ. Въ сіе время, на ней обыкновенно былъ бѣлый гродетуровый плафрокъ или капотъ, а на головѣ фѣровый бѣлый же чепецъ, нѣсколько по лѣвую сторону наклоненный. Не смотря на 65 лѣтъ, государыня имѣла довольно въ лицѣ свѣжесть, руки прекрасныя, всѣ зубы въ цѣлости, отчего говорила твердо, безъ шамшанья, только нѣсколько мужественно; читала въ очкахъ, и притомъ съ увеличительнымъ стекломъ. Однажды, позвавъ будучи съ докладами, увидѣвъ ее читающе такимъ образомъ. Она улыбаясь сказала: «Вѣрно вамъ еще не нуженъ этотъ снарядъ? Сколько вамъ отъ роду лѣтъ?» И когда я сказалъ: двадцать-шесть, то она прибавила: «А мы въ долговременной службѣ государству притупили зрѣніе и теперь принуждены по необходимости очки употреблять». Мнѣ показалося, что мы было сказано не для изъясненія величества, а въ противномъ смыслѣ. Въ другой разъ, отдавая мнѣ собственноручную записку о прискавіи нѣкоторыхъ справокъ для сочиненнаго ею устава для Сената, она сказала: «Ты не смѣйся надъ моею русскою орфографіею. Я тебѣ скажу, почему я не успѣла ее хорошенько узнать: по прїѣздѣ моемъ сюда, я съ большимъ прилежаніемъ начала учиться русскому языку. Тѣтка Елизавета Петровна, узнавъ объ этомъ, сказала моей гофмейстеринѣ: поаю ее учить, она и безъ того умна. Такимъ образомъ могла я учиться русскому языку только изъ книгъ, безъ учителя, и это есть причина, что я плохо знаю правописаніе». Впрочемъ, государыня говорила по-русски довольно чисто и любила употреблять простыя и коренныя русскія слова, которыхъ она много знала» (стр. 40 и 41).

Государыня, занявъ вышедшее свое мѣсто, звонила въ колокольчикъ и стоявшій безотходно у дверей дежурный камердинеръ туда входилъ, и вышелъ, звалъ, кого приказано было. Въ сіе время собирались въ уборную ежедневно обер-полиціймейстеръ и статс-секретари; въ одинадцатомъ же часу прїѣзжалъ графъ Безбородко; для другихъ же чиновъ назначены были въ недѣлѣ особые дни: для вице-канцлера, губернатора, губернскаго прокурора Петербургской Губерніи—суббота; для генерал-прокурора—понедѣльникъ и четвергъ; среда для синодальнаго обер-прокурора и генерал-рекетмейстера; четвергъ для главнокомандующаго въ Санктпетербургѣ. По всѣмъ сіимъ чинамъ въ случаѣ важныхъ и ветерпацихъ времени дѣла могли и въ другіе дни прїѣзжать и по онымъ докладывать» (стр. 43).

Первый по позыву явился къ государынѣ обер-полиціймейстеръ, бригадиръ Глазовъ, съ словеснымъ донесеніемъ о благосостояніи столицы и о другихъ происшествіяхъ и съ запиской на одной четверткѣ листа, написанной въ полиціи некрасиво и неправильно о прїѣхавшихъ и выѣхавшихъ изъ города.

По выходѣ обер-полиціймейстера, статс-секретари, имѣшіе дѣла, чрезъ камердинера докладывались и по-одиначкѣ были призваны: въ семь чиселъ и я находился (стр. 44). При входѣ въ спальню наблюдался слѣдующій обрядъ: дѣлалъ государынѣ низкій поклонъ, на который отвѣчала она наклоненіемъ головы, съ улыбкою подавала мнѣ руку, которую я взявъ въ свою, цаловалъ и чувствовалъ сжатіе моей собственной руки, потомъ говорила мнѣ садитесь. Сѣвши на поставленномъ противъ нея стулѣ, клалъ и на выгибной столикъ бумаги и начиналъ читать. Я полагаю, что и прочіе докладчики при входѣ къ государынѣ то же самое дѣлали и такой же пріемъ имѣли.»

Фельдмаршалъ Суворовъ вошедши дѣлалъ три земные поклона передъ

образомъ; а потомъ обратясь, дѣлалъ земной поклонъ государынѣ, которая никакъ не могла его уговорить такъ низко не кланяться. «Помилуй, Александръ Васильевичъ, что ты дѣлаешь!» говорила она, поднимая его. — «Матушка! отвѣчалъ онъ: послѣ Бога ты одна моя надежда». — Государыня подавала ему руку, которую онъ цаловалъ, какъ святыню и просила его на вышеозначенномъ стулѣ противъ нея садиться и чрезъ двѣ минуты его отпускала. Сказывали, что такой же поклонъ дѣлалъ и графъ Безбородко и въ некоторые другіе, только безъ земныхъ поклоновъ передъ Казанскою. При сихъ докладахъ и представленіяхъ, въ Зимнемъ и Тарическомъ Дворцахъ, военные чины были въ мундирахъ со шпагами и въ башмакахъ, въ праздникі же въ сапогахъ; а статскіе въ будни въ простыхъ французскихъ кафтанахъ, а въ праздничные дни въ нарядныхъ плагьяхъ: но въ Царскомъ-Селѣ, въ будни, какъ военные, такъ и статскіе носили фракы и только въ праздникі надѣвали: первые—мундиръ, а послѣдніе—французскіе кафтаны со шпагами. (стр. 46).

Государыня занималась дѣлами до двѣнадцати часовъ, потомъ дѣлала своей туалетъ.

Обѣденный столъ ея былъ въ сіе время во 2-мъ часу пополудни. Въ будни обыкновенно приглашаемы были къ столу изъ дамъ камерфрейлина Протасова и графиня Браницкая, а изъ мужчинъ тѣ, кои съ нею кушала, были каждый разъ приглашаемы: дежурный генерал-адъютантъ П. В. Пасекъ, А. А. Нарышкинъ, графъ Строгановъ, два эмигранта французскіе: добрый графъ Эстергази и черныи маркизъ де-Ламбертъ; иногда вице-адмиралъ Рибасъ, генерал-губернаторъ польскихъ губерній Тутолминъ и наконецъ гофмаршалъ князь Барятинскій; въ праздничные дни сверхъ сихъ были званы еще и другіе изъ военныхъ и статскихъ чиновниковъ, въ Петербургѣ бывшихъ, до 4-го и въ

чрезвычайными торжества до 6-го часа Ежедневный обѣдъ государыни не болѣе часу продолжался. Въ пищѣ она была крайне воздержна: никогда не завтракала и за обѣдомъ не болѣе какъ отъ трехъ или четырехъ блюдъ умѣренно кушала; изъ винъ же одну рюмку рейнвейну или венгерскаго вина пила и никогда не ужинала; чрезъ что до 65-ти лѣтъ, не смотря на трудолюбивый образъ жизни, была довольно здорова и бодря. (Стр. 48.)

Послѣ обѣда всѣ гости тотчасъ уѣзжали. Государыня оставалась одна; лѣтомъ иногда почивала, но въ зимнее время никогда; до вечера же собранія иногда слушала иностранную почту, которая два раза въ недѣлю приходила; иногда книгу читала, а иногда дѣлала бумажные слѣпки съ камеевъ, что случалось и при слушаніи вочты, которую часто читали или П. А. или графъ Марковъ или Поповъ, который, однако же, по худому выговору французскаго языка, рѣдко былъ для чтенія этого привозимъ, хотя въ это время всегда почти въ секретарской комнатѣ находился. Въ шесть часовъ собиравлись вышеупомянутыя и другія, извѣстныя государынѣ и ею самою назначаемыя особы для препровожденія вечернихъ часовъ. (Стр. 49.)

Сверхъ-того, до шести часовъ императрица читала любимыхъ своихъ писателей...

Она очень была разборчива въ своихъ чтеніяхъ: не любила ничего ни грустнаго, ни слишкомъ-вѣснаго, ни утонченностей ума и чувствъ; любила романы Десажа, сочиненія Мольера, Корнеля и Виланда. «Расмѣй не мой авторъ», говорила она: «исключая Миридата». Нѣкогда Рабеле и Скаронъ ее забавляли, но послѣ она не могла о нихъ вспомнить. Она мало помнила пустое и маловажное, но ничего не забывала достопамятнаго Любиа Плутарха, переведеннаго Амютомъ, Тацита и Монтая. «Я северная голова» говорила она нѣтъ: разумно только старинный французскій языкъ, и носогло не пови-

маю. Я хотѣла поучиться отъ вашихъ умныхъ господъ и испытала это; нѣ-которыхъ сюда къ себѣ приглашала и иногда къ нимъ писала: они навели на меня скуку и не поняли меня, кромя одного столько добраго моего *покровителя* Вольтера. Знаете ли, что это онъ ввелъ меня въ моду. Онъ очень хорошо мнѣ заплатилъ за вкусъ мой къ его сочиненіямъ и многому научилъ меня заваятъся. • (Стр. 22.)

• Императрица знала почти наизусть Первиза, Ликурга, Солона, Монтеस्कьё, Локка, и славныя времена Афинъ, Спарты, Рима, новой Италіи и Франціи и исторіи всѣхъ государствъ и обвиняла себя въ невѣжествѣ; но только для того, чтобы имѣть поводъ къ шуткамъ и шутить надъ врагами, надъ академіями, надъ полуучеными и надъ важными знатоками. • (Стр. 17.)

Выше сказано, что въ шесть часовъ собирались во дворецъ на вечеръ...

• Въ эрмитажные дни, которые обыкновенно были по четвергамъ, былъ спектакль, на который приглашаемы были многія дамы и мужчины, которые послѣ спектакля доброй уѣзжали; въ прочіе же дни собраніе было въ покояхъ государыни. Она играла въ рикомболъ или вистъ по большой части съ П. А., Е. В. Чертковымъ и съ графомъ А. С. Строгановымъ; также и для прочихъ гостей столы съ картами были поставлены. •

Сумароковъ въ своемъ «Обозрѣніи царствованія и свойствъ Екатерины Великой» говоритъ (т. I. стр. 182), что она предпочитала играть съ графомъ Строгановымъ и Чертковымъ, потому что они отбивали игры, заставляли брать кости, дѣлать рেমизы. Послѣдній всегда шумѣлъ, горячился, спорилъ, доказывалъ, что она играть не умѣетъ и часто съ досадою бросалъ карты. Въ эрмитажѣ, говоритъ тотъ же Сумароковъ (II. 59) всякій дѣлалъ что хотѣлъ, какъ у себя дома; отстраивалась всякая принужденность. На прибитой черной доскѣ былъ написанъ законъ, состоявшій изъ десяти правилъ, между которыми замѣчательны слѣдую-

ція: «Шляпы, трости, чины оставить за дверьми.—Не вставать передъ императрицею, когда она къ кому подойдетъ, обходиться съ нею, какъ съ равною.—Не казать пасмурнаго вида.—Не горячиться.—Не спорить.— Не досаждать.—Сору изъ избы не выносить. •

• Всего болѣе • говоритъ Грибовскій (стр. 16) «противоположность простоты ея бесѣды въ обществѣ съ великими ея дѣлами была въ ней очаровательна. Она смѣялась отъ сказаннаго къмъ-нибудь неловкаго слова, даже глупости и развеселялась отъ мелочи; смѣшивалась въ самыя малыя шутки и сама очень смѣшно ихъ повторяла. «Что мнѣ дѣлать» говорила она: намзель *Гардель* болѣе этого меня не выучила. Эта моя гофмейстерина была старосвѣтская Французенка: она по худому мнѣя приготовила для замуства въ нашемъ сосѣдствѣ; но право, ни дѣвица *Гардель*, ни я сама не ожидали всего этого. •

• Въ десятомъ часу, государыня уходила во внутреніе покои; гости уѣзжали; въ одиннадцатомъ часу она была уже въ постели, и во всѣхъ чертогахъ царствовала глубокая тишина. • (Стр. 50).

И этотъ образъ жизни, должны мы прибавить, не измѣнялся въ теченіе 34-хъ лѣтъ.

Вотъ почти все содержаніе «Записокъ о Екатеринѣ». Сверхъ-того, въ «Запискахъ, касающихся до службы статс-секретаря А. М. Грибовскаго и прочихъ лицъ, съ 1792 г.», разсказано много новыхъ свѣдѣній о приближенныхъ императрицы, о графѣ П. П. Салтыковѣ, графѣ П. А. Остерманѣ, графѣ Безбородко, статс-секретарѣ Поповѣ и князѣ Потемкинѣ. О послѣднихъ двухъ, на-прихѣръ, говорится:

• Въ 1779 году, князь Г. А. Потемкинъ взялъ къ себѣ Попова правителемъ своей канцеляріи, и если не нашелъ въ немъ глубокихъ свѣдѣній и отличныхъ дарованій, коихъ онъ не имѣлъ, то увидѣлъ въ немъ необыкновенную къ дѣламъ привязанность и неусыпность, такъ-что новый секре-

таря его не зная почти своей квартиры и мало раздвигая, и безвыходно почти находился въ канцелярїи, бывшей въ одной покояхъ съ княземъ, готовъ будучи во всякій часъ ночи, которыя князь проводилъ часто отъ бессонницы безъ сна, во всей формѣ предъ нимъ явиться, какъ скоро онъ это спроситъ. Симъ средствомъ и скорымъ и точнымъ исполненіемъ дѣлъ снискалъ онъ у князя почти неограниченную довѣренность, которую до самой смерти пользовался. . . По все сіе ничего не значило съ чрезвычайными выгодами, которыя онъ, какъ главный правитель вѣшнихъ и внутреннихъ дѣлъ и денежныхъ суммъ, въ полномъ и безотчетномъ распоряженіи бывшихъ имѣлъ. Суммы же, бывшія у князя и поступавшія въ расходъ по запискѣ Попова, были, во-первыхъ, экстра-ординарная военная, которую возили всегда вслѣдъ за княземъ, серебромъ и золотомъ до 8,000,000 рублей; во-вторыхъ, доходы Екатеринославской-Губерніи и Таврической-Области, до двухъ милліоновъ въ годъ, предоставленныя на улучшеніе сего края, и третья, до 12-ти милліоновъ серебромъ, ежегодно отпускаемыхъ изъ провинтской канцелярїи, въ распоряженіи своемъ имѣлъ.

• Необычайныя издержки правителя дѣлъ (Попова) на столъ, игру и прочее доказывали, что рѣшетилевскихъ доходовъ его (Попову пожалована была деревня Рѣшетилевка изъ 1,500 посполитыхъ Малороссійанъ) для издержекъ сихъ и на одинъ мѣсяцъ не могло бы достать. Часто на игру приносилъ онъ изъ своего кабинета полныя шляпы червонцевъ, которые никогда въ оный не возвращались. Впрочемъ, сей человекъ не имѣлъ дарованій своего образца: свѣдѣнія его во всѣхъ частяхъ дѣлъ были посредственны, о наукахъ же онъ не имѣлъ почти никакого понятія. Писанныя имъ отъ фельдмаршала бумаги состояли въ краткихъ генераламъ ордерахъ касательно военныхъ операций; иногда сочинялъ онъ и донесенія къ императрицѣ, но слогъ

его былъ сухъ, ни мало не похожъ на цвѣтушій и благозвучный слогъ писанныхъ Безбородко манифестовъ; всѣ же военныя бумаги, по военной и политической части самъ князь писалъ собственноручно; стиль его былъ простъ, но силенъ; въ сихъ сочиненіяхъ видна была обширность его превосходнаго ума и глубокость свѣдѣній во всѣхъ частяхъ; и изъ всѣхъ тогдашнихъ вельможъ онъ одинъ писалъ чисто и правильно по-русски. Изъ сего видно, что князь Потемкинъ требовалъ отъ своего секретаря вѣрнаго и неуспынаго воли своей исполненія, ни высокихъ талантовъ, ни строгихъ добродѣтелей въ немъ не искалъ... (Стр. 80—83).

Вотъ что говоритъ статс-секретарь Грибовскій о графѣ Безбородко:

• Второй приеутствующій (первый по смерти графа Панина былъ вице-канцлеръ графъ Остерманъ) въ Иностранной Коллегіи былъ дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Безбородко... При острой памяти и въ-которомъ знавіи латинскаго и русскаго языковъ, не трудно ему было отличиться легкимъ сочиненіемъ указовъ тамъ, гдѣ бывшіе при государствѣ вельможи, кромѣ князя Потемкина, не знали русскаго правописанія. Матерія для указовъ обыкновенно была обрабатываема въ Сенатѣ или другихъ департаментахъ основательно и съ присоединеніемъ приличныхъ къ оной законовъ и обстоятельствъ; стоило только сократить его записки и въ-сколько поглаже написать; часто вадобно было одѣть только сіи записки въ указную форму. Конечно, не довольно было одного кievскаго и семинарскаго ученія для успѣшнѣйшаго отправления государственныхъ бумагъ: потребна была память, острота ума, конии Безбородко щедро былъ награжденъ и при помощи которыхъ въ скоромъ времени поималъ онъ хорошо весь кругъ государственнаго управленія, такъ что въ продолженіи двадцати лѣтъ, съ 1776 по 1796 годъ, достигъ онъ первѣйшихъ чиновъ и приобрѣлъ

богатѣйшее состояніе и несметныя сокровища въ вещахъ и деньгахъ, но терялъ ихъ своей репутациа.

«Всѣ почти внутреннія дѣла, особенно тяжбы о имѣніяхъ, доходившія до разрѣшенія государыни, должны были чрезъ него ей представляемы и чрезъ него окончаніе свое получали; равнымъ образомъ чрезъ него же выходили указы о виновныхъ откупахъ и другихъ важнѣйшихъ казенныхъ подрядахъ и поставкахъ и на градахъ. Сверхъ-того, какъ членъ иностраннаго министерства, при каждахъ съ иностранными дворами заключенныхъ трактатахъ, получалъ онъ немалые подарки червонцами и брильянтами; сверхъ-того, по званію директора почти распорядился онъ всѣми суммами сего департамента нѣсколько лѣтъ сряду. Предъ кончиною Государыни имѣлъ уже онъ крестьянъ 16,000 душъ, соляныя овера въ Крыму и рыбныя ловли въ Каспійскомъ Морѣ. Къ сему императоръ Павелъ прибавилъ въ Орловской Губерніи упраздненный городъ Дмитріевъ съ 12,000 крестьянъ. Однимъ словомъ, ему около 20-ти лѣтъ рѣкою лилось богатство; да и надобны были чрезвычайныя суммы, чтобъ удовлетворить тогдашней прихоти и притомъ собрать горы серебра и осыпать себя брильянтами. Всѣмъ извѣстны праздники, даваемые имъ, въ 1793 году, по случаю мираго съ Турками торжества, и прѣзда въ 1795 году въ Петербургъ шведскаго короля. Во многихъ залахъ видны были горки (вышиною въ шесть и шириною въ три аршина), уставленныя старинными золотыми и серебряными сосудами необыкновенной величины. Самъ онъ въ торжественныя правдники прѣзжалъ ко двору въ великолѣпной позолоченной восьмистекольной каретѣ, имѣя на себѣ андреевскую афѣду, погонь для ленты, пуговицы на кафтанѣ, аэсезъ на ищагѣ и яряжки башмачныя всѣ изъ брильянтовъ, не уменьшая о драгоценныхъ вещахъ, въ ищагахъ у него лежавшихъ, и которыхъ необыкновен-

ная цѣна нумляла италіянскихъ отъ знатныхъ обществъ не любилъ. окромя торжественныхъ правдниковъ, гдѣ сама императрица присутствовала, никогда въ оныхъ не бывалъ, да и вовсе для нихъ не годился, по своей невольности... Онъ не былъ жевать и, кажется, былъ одинъ изъ первыхъ дѣловыхъ людей, которые въ сіе время подавали другимъ приторъ въ вольной жизни. Въ дѣтское время, на дачѣ его, на Выборгской-Сторонѣ, бывали большія пирушки, часто съ пущечной пальбой, на которыя приглашены были всѣ его угодники, имъ взисканныя и обогащенные; по большей части также съ своими пріятелями. Чтoby имѣть помятіе о его щедрости къ своимъ, скажу, что италіянскою пѣвицѣ Давин давалъ онъ мѣсячно на прожитокъ по 2,000 руб. золотомъ, и при отпускѣ ея въ Италію подарилъ ей деньгами и брильянтами на 500,000 рублей! (стр. 68—72...).

Вообще, записки Грибовскаго представляютъ такъ много интересныхъ подробностей о частной жизни великой вѣка Екатерины-Великой, что невольно зачитываешься, жалѣешь объ одномъ, что онъ такъ коротокъ, что онъ обвиняютъ жизнь только немногихъ съ то время савоитыхъ людей... Статс-секретарь Грибовскій, какъ мы сказали выше, раздѣлялъ общую любовь окружавшихъ дворъ и народа къ императрицѣ Екатеринѣ—любовь, доходившую до обожанія. Такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, стр. II, что «еслибы пользъ Екатерины-Великой дозволялъ ей имѣть дѣятельность мужины, который можетъ самъ все видѣть и входить во всѣ подробности лично, тогда въ ея имперіи не было бы ни одного злоупотребленія, что исключалъ сін мелочи, она была, безъ сомнѣнія, выше Петра I...». Въ другомъ мѣстѣ, онъ говоритъ:

«Сила ея разсудка являлась въ томъ, что несвойственно называють слабостью сердца. Между тѣмъ, которае, во время ея отдохновенія или для раздѣленія трудовъ, удостоивались ея са-

мой близкой довѣренности и жили въ ея дворцѣ, ни оцнѣ не имѣлъ ни власти, ни кредита. Но когда кто-либо ея приученъ былъ къ дѣламъ государственными и былъ испытанъ въ тѣхъ предметахъ, для которыхъ угодно ей было его предназначать, таковой уже былъ ей полезенъ. Тогда выборъ сей, дѣлающій честь обѣимъ сторонамъ, давалъ право говорить правду и его слушали.

• Она говорила: «Минная моя расточительность есть на самомъ дѣлѣ бережливость: все остается въ государствѣ и со временемъ возвращается ко мнѣ; есть еще и нѣкоторый запасъ.» (стр 19).

391) Китай въ гражданскомъ и нравственномъ состояніи. Сочиненіе монаха Іакіноа. Санктпетербургъ. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. 1848. Четыре части. Въ 8-ю д. л. Въ I-й 157, во II-й—128, въ III-й—152, въ IV-й—177 стр.

Кхунъ-цзы или Кхунъ-фу-цзы (какъ учить писать отецъ Іакіноа, а не Конфуцій), какъ неправильно прежде писали, Кхунъ-цзы, великій законодатель и политикъ китайскій, говорилъ, что государствомъ должно управлять точно на томъ же основаніи, на какомъ управляютъ провинціями, а провинціями управлять точно такъ же, какъ отецъ управляетъ семействомъ, т. е. политика должна быть основана на нравственности, олицетворяемой въ видѣ отца семейства, его дѣтей и домашнихъ. Китайцы приняли это ученіе за 550 лѣтъ до Р. X. и неизмѣнили въ немъ ни йоты до настоящаго времени. Этотъ принципъ одушевляетъ обширную имперію въ настоящее время; онъ составлялъ ея жизнь въ прошедшемъ и удержался, не подвергшись вліянію времени, пространства и перемѣны династій. Это—самый первоначальный принципъ человѣческихъ обществъ, принципъ патріархальный, во всей своей силѣ полнотѣ; это—основной законъ имперіи. Въ Китаѣ къ этому принципу не примѣшивается

ся вліяніе божества, какъ это было въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ Азіи: онъ сохраняется въ своей первоначальной формѣ и заключаетъ въ себѣ земной авторитетъ императора и общаго отца всѣхъ китайскихъ поколѣній. Императоръ ничѣмъ неограниченъ въ своемъ государствѣ; его воля есть законъ, и онъ можетъ сдѣлаться по своему произволу источникомъ счастья и безднаго зла. Такъ думали разные родоначальники племенъ, такъ устроено китайское государство. Первая добродѣтель Китайцевъ—безусловное повиновеніе дѣтей общему отцу. Этотъ принципъ дѣтскаго повиновенія проникаетъ всѣ семейства, и поэтому мать столько же уважается, какъ и отецъ. Особа императора есть олицетвореніе господствующаго принципа. Мавларны—его старшіе сыновья, обязанные управлять своими младшими сыновьями. Самые жестокія наказанія положены за преступленія дѣтей въ обширномъ смыслѣ противъ родителей—тоже въ пространномъ значеніи. Такихъ—образомъ 200,000,000 жителей представляютъ одно семейство, въ которомъ каждый, за исключеніемъ императора, есть отецъ и вмѣстѣ сынъ въ политическомъ значеніи. Отецъ въ Китаѣ есть неограниченный господинъ надъ своими дѣтьми и надъ всѣмъ, что имъ принадлежитъ; всѣ отцы, въ отношеніи къ императору—дѣти. Онъ одинъ отвѣчаетъ за все доброе и злое; что принадлежитъ его дѣтямъ. Императоры поставили себя наконецъ на мѣсто божества, окружили блескомъ и потребовали колѣнопреклоненій предъ своимъ трономъ, какъ предъ трономъ Вѣчнаго. Переходъ отъ власти отца къ власти перваго жреца и, слѣдственно, перваго служителя неба былъ естественъ.

У насъ о Китаѣ болѣею частію знаютъ только, что тамъ есть тысячи церемоній, исполненіемъ которыхъ занимаются 200, а можетъ-быть и болѣе тысячъ людей, что императоръ китайскій есть сынъ неба, что въ правленіи китайскомъ не мало важную роль

играетъ бамбуковая трость, наконецъ, знаютъ всё, что въ Китаѣ самый лучшій чай. Но многіе ли знаютъ, какъ поддерживается это двухсотмилліонное семейство, какою іерархіею власти оно опутано, какъ сохраняется въ теченіе тысячелѣтій это огромное, дряблѣе, извѣженное семейство—одна масса людей, гонимыхъ голодомъ, прикованныхъ какою то сверхъестественною силою къ извѣстному пространству, никогда непокидающихъ своей родины и недопускающихъ никого въ свою средину? какъ ихъ не соблазнять другіе нравы, другіе законы, другія страны? Говоримъ, какъ существуетъ и поддерживается это мнѣгосударство?

Поэтому мы сдѣлаемъ коротенькій очеркъ китайскаго правленія, основываясь на давнихъ, представленныхъ отцомъ Іакинѣомъ.

Глава китайской имперіи—государь самодержавный, имѣющій власть издавать новые, пополнять и отмигать прежніе законы. Каждая династія, при своемъ вступленіи на престолъ, издастъ законы по всѣмъ вѣтвямъ государственнаго управленія. Сверхъ-того, постановленія, могущія служить пополненіемъ и поясненіемъ законовъ, представляются богдо-хану отъ палатъ и начальниковъ губерній; они предварительно поступаютъ въ государственный кабинетъ съ мнѣніемъ, прилагаемымъ къ докладу въ особой запискѣ. Въ кабинетѣ, повѣривъ представляемое дѣло съ законами, присовокупляютъ къ нему записку съ своимъ мнѣніемъ, въ видѣ государева рѣшенія или проекта указа. Въ запискахъ кабинета, при губернскихъ докладахъ, требующихъ дальняго разсужденія, обыкновенно предписывается палатамъ и приказамъ обсудить дѣло и представить съ своимъ мнѣніемъ. Мнѣніе, положенное государственнымъ кабинетомъ, представляется государю на утвержденіе для превращенія въ законъ. Власть исполнительная и судебная также принадлежатъ главѣ имперіи. Высшую администрацію составляютъ находя-

щіеся въ Пекинѣ правительственные мѣста: 1) княжеское правленіе, завѣдывающее дѣлами князей изъ царствующаго нынѣ дома, 2) *государственный кабинетъ* (государственный совѣтъ), 3) *военный комитетъ* (военно-походная канцелярія), 4) *палата чиновъ* (инспекторскій департаментъ), 5) *палата финансовъ* (министерство финансовъ), 6) *палата нарядовъ* (министерство просвѣщенія), 7) *военная палата* (морское и военное министерство), 8) *уголовная палата*, 9) *строительная палата* (пути сообщенія и публичныя зданія). — Шесть вышеозначенныхъ палатъ суть шесть министерствъ, или, лучше, коллегій, потому-что они имѣютъ устройство коллегіальное. Каждая палата состоитъ изъ присутствія, канцеляріи и нѣсколькихъ отдѣленій. Потомъ есть еще *приказъ въпшикихъ сношеній*, *прокурорскій приказъ* (министерство юстиціи), *юстиціонный судъ*, занимающійся пересмотромъ смертныхъ приговоровъ по дѣламъ уголовнымъ, и *дворцовое правленіе*, завѣдывающее дѣлами двора.

Это государственныя учрежденія, посредствомъ которыхъ богдо-ханъ дѣйствуетъ на цѣлый Китай. Изъ раздѣленія управленій вы уже замѣчаете систематическую стройность дѣлопроизводства; посмотрите на губерніи, области и уѣзды, и вы еще болѣе утвердитесь въ этой мысли. Управленіе губерній вѣрено генерал-губернаторамъ и губернаторамъ. Предсѣдатель казенной палаты и предсѣдатель уголовного суда считаются помощниками начальника губерній. Въ каждой области поставленъ областной, въ округѣ — окружный, въ уѣздѣ—уѣздный правитель. Генерал-губернаторы и губернаторы о важныхъ дѣлахъ непосредственно представляютъ государю или относятся въ палаты, а въ управленіи губерніею дѣйствуютъ чрезъ казенную палату, уголовный судъ и прокуроровъ (потому-что въ Китаѣ есть и прокуроры, которые наблюдаютъ за правильнымъ теченіемъ дѣлъ). Палаты и прокуроры дѣйствуютъ чрезъ областныя и окружныя правленія; уѣздныя

же правленія приводить въ исполненіе предписанія областныхъ и окружныхъ правленій по всѣмъ вѣтвямъ государственнаго управленія. Всѣ эти правительственные и судебныя мѣста дѣйствуютъ по правиламъ, указаннымъ ими законами и какъ за нарушение, такъ и за неисполненіе правилъ, подвергаются отвѣтственности, предаются суду. Коренныхъ законовъ, за нарушение которыхъ само правительство могло бы подвергнуться отвѣтственности, нѣтъ; но какъ верховная власть вѣрена главѣ имперіи, а государственный кабинетъ есть орудіе власти его, то, въ случаѣ крайней опасности для государства, происшедшей отъ неосторожныхъ распоряженій министровъ, государственныя чины имѣютъ власть призвать ихъ къ суду, что, впрочемъ случается весьма рѣдко.

Кому же открыта дѣятельность китайскихъ властей? всѣ ли Китайцы могутъ наслаждаться почестями и сидѣть въ одной изъ палатъ? По закону, пути къ государственнымъ должностямъ открыты для всѣхъ, кромѣ четырехъ родовъ людей, имѣющихъ предосудительное происхожденіе и сомнительное поведеніе, какъ-то: невольниковъ, сторожей при судебныхъ мѣстахъ, актѣровъ и музыкантовъ. Но Китаецъ, желающій поступить на службу, долженъ быть ученъ, и потому преимущественное право поступленія на службу имѣютъ:

1) *Магистры* по китайской словесности и кандидаты по переводамъ на языкъ манчжурскій и монгольскій.

2) *Кандидаты* по китайской словесности и по военной гимнастикѣ.

3) *Гражданскіе студенты*, подъ разными именованіями.

4) *Казенные воспитанники военныхъ училищъ, военные студенты и канцелярскіе служители*, получившіе на испытаніи степень магистра и кандидата, также студенты педагогическаго института считаются *идущими прямою дорогою*. Въ столицѣ къ нѣкоторымъ должностямъ исключительно опредѣляютъ магистровъ, къ другимъ магистровъ и

кандидатовъ, а къ прочимъ допускаются и студенты. Вообще, студенты, канцелярскіе служители и кунавшіе чинъ чрезъ *пожертвованіе*, считаются *идущими побочною дорогою*. Въ канцелярскіе служители прививаются изъ разночинцевъ по испытаніи въ приказной письменности. — Въ Китаѣ чинъ есть мѣстѣ и должность, по-крайней-мѣрѣ повышаемый изъ одного чина въ высшій, долженъ оставить прежнюю должность и ожидать другой, соотвѣтствующей новому чину.

Но читателямъ нашимъ, вѣроятно, интересно знать, что такое китайскіе магистры, кандидаты и студенты словесности? Это тѣмъ болѣе интересно, что вся китайская іерархія властей наполнена людьми учеными? Какими сокровищами мудрости владѣютъ китайскіе магистры, кандидаты и студенты? чему ихъ учать и какъ ихъ учать?

Воспитаніе въ Китаѣ имѣетъ одну цѣль: приготовленіе людей, способныхъ для государственной службы. Училища раздѣляются на три разряда: на народныя, уѣздныя и губернскія. Достигнувъ достаточнаго образованія въ народныхъ училищахъ или у домашнихъ учителей, являющихся въ своей областной или окружной городъ на испытаніе, на которомъ получившіе первую ученую степень поступаютъ въ уѣздныя училища въ число штатныхъ учениковъ, подъ названіемъ *усовершенствующихъ способности*, или студенты. По полученіи степени студента, они теряютъ право располагать выборомъ состоянія и должности для себя, а, считаясь кандидатами государственной службы, обязаны продолжать дальнѣйшее образованіе подъ руководствомъ казенныхъ учителей, подъ непосредственнымъ надзоромъ начальства по учебной части. Въ училищахъ занимаютъ воспитанниковъ наиболѣе словесностью, которая смѣшанно содержитъ въ себѣ сущность всѣхъ наукъ, болѣе извѣстныхъ въ Китаѣ и необходимыхъ для чиновниковъ, потому-что китайская политика требуетъ отъ каждого

чиновника способности ко всѣмъ должностямъ, установленнымъ въ государствѣ. Нравственность, обряды религиозные и музыка предпочитаются всѣмъ наукамъ. Все немужное на службѣ отечеству считается бесполезнымъ. Полезнымъ для службы считаются слѣдующія классическія книги: четырехкнижіе—Сы-шу и пять каноническихъ книгъ Ву-цзянъ, которыя, по своей древности и важности содержания признаны основными, и предъ другими книгами имѣютъ такое же достоинство. Чжу-си, одинъ изъ знаменитыхъ ученыхъ XII вѣка; написалъ изъясненіе на всѣ классическія книги и такимъ образомъ далъ китайской словесности и вмѣстѣ педагогикѣ единство въ понятіяхъ. Эти изъясненія употребляются донынѣ въ училищахъ безъ всякихъ измѣненій. Въ настоящее время, четырехкнижіе и пять классическихъ книгъ — единственные книги, изъ которыхъ малолѣтныя дѣти начинаютъ учить на память одиѣ тексты, а съ 13 года преодолеваютъ имъ то же съ толкованіемъ, причемъ они начинаютъ учиться сочинять. Этого курса считается достаточно для всѣхъ родовъ китайской службы. — Разсужденіе, сочиняемое на испытаніи, должно содержать въ себѣ не болѣе 700, а отвѣтъ на политическое предложеніе не болѣе 300 буквъ. Предложеніе начинается въ третьей кѣткѣ отъ верха. Если предложеніе длинное, то послѣ второй строки еще понижается одною кѣткою. Въ отвѣтѣ на политическую задачу запрещается употреблять нѣкоторыя буквы. Слова: «Небо, предокъ» (имѣнъ царствующей династии) должно выносить выше обличивенныхъ словъ въ третью кѣтку; слово: «императоръ» выносить во вторую кѣтку; слова: «дворъ, дворецъ, тронная» — въ первую кѣтку. Не дозволяется въ выносимыхъ буквахъ дѣлать приписокъ и подчистокъ. Такимъ же образомъ поступать и въ переводскіхъ царскихъ поученій. Предложеніе и выносныя буквы и въ черновомъ сочиненіи должно писать полууставомъ.

Сверхъ классическихъ книгъ и правилъ сочиненія, воспитанникамъ вводятъ начала доброй нравственности, уваженія къ родителямъ; учатъ быть вѣрными подданнымъ, для чего и приводятъ изъ исторіи приклады вѣрности престолу, учатъ студентовъ благонавію, съ помощію котораго и можетъ произойти дѣйствительная польза отъ ученія, учатъ терпѣнію и рекомендуютъ принимать съ искреннимъ сердцемъ преподаваемое ученіе. — Всѣ эти правила увлекательно изложены въ сочиненіяхъ, на это въ концѣ издаваемыхъ, таковы: 1) Наставленія учащимся, сочиненныя государемъ Дженъ-ди; 2) шестнадцать главъ царскихъ поученій; 3) пространныя поученія государя Сянь-ди, состоящія изъ 10,000 буквъ; 4) разсужденіе о словахъ, сочиненное тѣмъ же государемъ; 5) наставленія учащимся, изданныя государемъ Шунъ-ди. Ежегодно 1-го и 15-го числа учащіе должны собрать студентовъ въ храмъ древняго учителя (Кхуэу цзы), совершить три колѣнопрямленія съ девятью земными поклонами и прочесть наставленія.

Когда такіа многоразличныя познанія и наставленія сдѣлаютъ молодого человѣка достаточно ученымъ, т. е. кандидатомъ или магистромъ, тогда онъ — совершеннѣйшій человекъ китайской имперіи! Онъ все знаетъ, а если бы чего и не зналъ, то можетъ пополнить свой умственный недостатокъ тѣми книгами, которыя сочиняетъ и печатаетъ *Приказъ ученыхъ*. Въ этомъ приказѣ сосредоточивается вся мудрость китайская. Посмотрите на его составъ и цѣль. Приказъ ученыхъ раздѣляется на присутствіе и канцелярію. Въ присутствіи вѣздуютъ *государь-управляющій*, назначаемый самимъ государемъ изъ министровъ и два *сѣнши*. Канцелярія раздѣляется на *ученый комитетъ* и *камеры*: *журнальную* и *коррентурную*. Ученый комитетъ состоитъ изъ 25 членовъ, въ числѣ которыхъ 10 Маньчжуровъ и 15 Китайцевъ. При нихъ находится *неопредѣленное* число старшихъ и младшихъ

сочинителей и корректоров. После каждого дворцового испытанія на степень магистра, первый магистръ первого разряда поступаетъ въ старшіе сочинители. Второй и третій магистръ, также магистры 2-го разряда поступаютъ въ младшіе сочинители. Магистры 3-го разряда поступаютъ въ корректоры. Изъ членовъ комитета составляются частныя комиссіи, которымъ поручается сочиненіе книгъ, правительствомъ издаваемыхъ. Отъ вачала выпѣщней династіи въ Китаѣ до настоящаго времени, 1664—1847 г., трудами ихъ издано 132 сочиненія, какъ-то: исторія и статистика Китая, разные словари и энциклопедіи, разныя историческія описанія, естественная исторія съ чертежами, изъясненія на всѣ священныя, т. е. классическія книги, и проч. Но первое мѣсто между всеми сочиненіями занимаетъ полное собраніе всѣхъ до настоящаго времени изданныхъ книгъ, составляющее дворцовую бібліотеку, собранное трудами приказа ученыхъ. Сверхъ того, члены комитета обяваны сочинять молитвы, для случайныхъ жертвоприношеній; 2) грамоты на полученіе царской печати; 3) грамоты на возведеніе въ княжеское достоинство; 4) молитвы возсылаемыя государемъ покойной особѣ, удостоиваемой имъ жертвоприношенія. Членамъ ученаго комитета, не смотря на то, что они мудрейшіе въ мирѣ люди, производится испытаніе. На этомъ испытаніи самъ богдоханъ даетъ имъ предложеніе для двухъ пьесъ стиховъ, и для разсужденія. По этому испытанію, однихъ наказываютъ, другихъ награждаютъ.

Всѣ книги, издаваемые по богдоханскому повелѣнію, рассылаются въ училищныя бібліотеки, чтобы учащіеся могли пользоваться ими. Книгопродавцамъ дозволяется перепечатывать ихъ. Книги, рассылаемыя по губерніямъ состоятъ въ многообразныхъ изъясненіяхъ или примѣчаніяхъ на классическія книги и исторію китайскаго народа. Начальникамъ губерній поставлено въ обязанность наблюдать,

чтобы никто не смѣлъ печатать классическихъ и другихъ книгъ, сокращенныхъ частными людьми. Вообще печатаніе несообразныхъ изъясненій на классическія книги, вольнодумныхъ сочиненій, соблазнительныхъ повѣстей — словомъ всякихъ книгъ, противныхъ духу древнихъ святыхъ, строжайше запрещается. Также запрещено ставить подвижныя сцены на рынкахъ и улицахъ и при свѣтѣ фонаря играть комедіи. Актѣрамъ запрещается представлять лица государей и государынь прежнихъ династіи, древнихъ святыхъ и мудрецовъ, вѣрныхъ вельможъ; дозволяется имъ только представлять духовъ, мужичинъ, цѣломудренныхъ женщинъ, послушныхъ сыновей и покорныхъ внуковъ, какъ примѣры, поощряющіе въ благоправію. — Все это должно быть справедливо, потому что объ этомъ намъ говоритъ отецъ Іакинѣвъ (ч. III. стр. 120). Это такъ же строго запрещено какъ игра въ бакъ, драки перепеловъ, вѣтуховъ и сверчковъ. — За возмутительныя и безразсудныя сочиненія въ Китаѣ удавливаютъ.

Вотъ мѣры для поддержанія государства и системы китайскаго управленія; но мы сказали, что государство устроено по образцу семейства, следовательно, необходимы также мѣры для поддержанія послѣдняго — и правительство опирается всѣми данными ему средствами для сохраненія семейнаго счастья.

Кромѣ жены, каждый Китаецъ имѣетъ право жить съ наложницею, которая считается побочною женою и въ семействѣ имѣетъ половину правъ противъ законной жены. Если отъ законной жены, достигшей 30 лѣтъ, нѣтъ сына, то мужъ имѣетъ право, для продолженія рода, назначить преемникомъ по себѣ сына отъ наложницы. Если и отъ наложницы нѣтъ сыновей, въ такомъ случаѣ законъ дозволяетъ усыновить старшаго изъ ближнихъ однофамильныхъ родственниковъ. Но если у кого нѣтъ и родственниковъ, способнаго по законамъ къ усыновленію,

то дозволяется усыновить незаконнорожденного сына, т. е. рожденного от служанки, и сделать его полным по себѣ наследникомъ. Изъ этого вы видите права Китайца, жреца и главы семейства; для него законъ освятилъ не только права на одну жену, но даже на наложницу «служанку»,—это для того, чтобы семейство всегда существовало, чтобы оно не разрушилось, за недостаткомъ родственничковъ. — Если по смерти чьей-либо осталось движимое и недвижимое имѣніе, то сыновья, не разбирая, отъ законной или побочной жены родились, при раздѣлѣ имущества получаютъ равныя части, а незаконнорожденнымъ даютъ половинныя. Но такъ-какъ Китай, по китайскимъ понятіямъ, есть одно семейство, а богдоханъ — общій всѣмъ отецъ и глава, министры же — старшіе его сыновья, правители губерній — младшіе и т. д., то, въ родственномъ смыслѣ, глава имперіи имѣетъ самое большое значеніе; поэтому онъ въ правѣ имѣть четырехъ наложницъ или побочныхъ женъ; князю первой степени дозволяется имѣть четырехъ женъ, его преемнику и князю третьей степени по три, преемнику послѣдняго двухъ; прочимъ князьямъ и чиновникамъ по одной наложницѣ. Простолюдинъ можетъ имѣть только одну наложницу и взять ее въ такомъ только случаѣ, когда отъ законной жены, преступившей за 40 дѣтъ, не будетъ имѣть сына для продолженія рода.

Но не забудьте, этия еще не ограничили права мужчины, главы семейства и жреца; законъ для него очень снисходителенъ: онъ имѣетъ право развестись съ женою если докажетъ, что она 1) не родитъ сыновей, 2) *сладо-страстна* (между-тѣмъ, мужъ можетъ жить съ женою, наложницею и служанкою и не быть передъ закономъ сладо-страстенъ), 3) не почитаетъ свекра и свекрови, 4) вадорлива, 5) имѣетъ страсть къ воровству, 6) имѣетъ злое сердце, 7) имѣетъ приличивую болѣзнь. Забудьте, что все обрушивается на несчастную женщину, и неопредѣ-

ленность причинъ развода можетъ всегда лишитъ жену всѣхъ правъ ея, опозоритъ ее въ глазахъ общества, между-тѣмъ, какъ, по этимъ же самымъ причинамъ, мужчина только выигрываетъ, потому-что будетъ въ состояніи вступить въ новый бракъ. Слѣдовательно, первое явленіе, которое вы встрѣчаете — потеря правъ женщины.

Идите далѣе; посмотрите на отношенія старшихъ и младшихъ родственниковъ и вы увидите точно такое же уничтоженіе личности. По китайскимъ законамъ, смертная казнь опредѣляется за *неуваженіе къ родителямъ*; подъ неуваженіемъ же къ родителямъ понимается между прочимъ: а) поношеніе дѣда и бабы, отца и матери, также мужнина дѣда и бабы, свекра и свекрови, б) перемѣна родины (въ слѣдствіе чего человѣкъ ускользаетъ отъ тягостной власти родительской), в) отказъ въ пропитаніи отца и матери. Скажите: первый пунктъ о поношеніи старшихъ родственниковъ не даетъ ли имъ совершеннаго права надъ младшими, права также неопредѣленнаго и безграничнаго, потому-что слово *поношеніе* имѣетъ объемъ слишкомъ обширный? Далѣе, по жалобамъ въ дракахъ между собою старшій родственникъ наказывается легче одною степенью, а младшій тяжеле одною степенью противъ положительныхъ законовъ. Если старшій родственникъ убьетъ младшаго въ намѣреніи завладѣть его имѣніемъ или получить чинъ и должность его, то судится за намѣренное и умышенное убійство на основаніи положительныхъ законовъ; если же младшій убьетъ старшаго *защитил себя*, то, вмѣсто смертной казни, съсылается на отдаленную границу въ гарнизонъ. Но въдѣ Китай — одно семейство; слѣдовательно, классы народа, въ-отношеніи другъ къ другу, представляютъ старшихъ и младшихъ родственниковъ, и поэтому въ дракѣ между благороднымъ и неблагороднымъ, также по взаимному блудодѣнію между ними, благородный, оказавшійся живымъ, наказывается

легче одною степеню, а неблагородный тяжеле одною степеню противъ положительныхъ законовъ. Родственники, живущіе не въ раздѣлѣ, также дѣдъ и баба женины, тестъ и тѣща, внуки отъ дочери, зять по дочери, внучина жена, деверья и жены ихъ могутъ скрывать преступленія другъ друга. Невольники, невольницы и наемные работники, таившіе о преступленіи своихъ господъ, избавляются отъ суда, и самое дѣло, открытое по этому предмету, оставляется безъ судопроизводства. Даже еслибъ преступникъ въ бѣгствѣ скрывался у родственниковъ, и это не ставится имъ въ вину. Преступника, приговореннаго къ смертной казни, но имѣющаго отца или дѣда выше 70-ти лѣтъ, или тѣмъ больныхъ и увѣчныхъ, требующихъ услуги, и если притомъ въ семействѣ нѣтъ возрастнаго выше 15 лѣтъ—дозволяется освободить отъ смертной казни. Такой преступникъ наказывается только двухмѣсячнымъ ношеніемъ колодки на шею и 40 бамбуками. Если сынъ доноситъ на отца или мать, внукъ на дѣда или бабу, жена и вложница на мужа, также на мужнина дѣда и бабу, свекра и свекровь, младшіе на старшихъ родственниковъ—всѣ эти доносители предаются суду, хотя бы ихъ доносы были справедливы, а обвиняемые освобождаются отъ суда. Этотъ же законъ простирается на невольниковъ и невольницъ, когда они доносятъ на своихъ господъ.

Гдѣ, казалось бы, болѣе заботятся о семействѣ и семейныхъ добродѣтеляхъ, гдѣ больше осяцены родственныя узы и кровная любовь? А вѣдъ семейство есть разсадникъ всѣхъ добродѣтелей, школа кротости и нѣжности; что выводитъ изъ всѣхъ этихъ заботъ?..

Законы уголовные въ Китаѣ жестоки; преступленій неисчислимое множество. Отецъ Іакинѣвъ говоритъ, что въ Китаѣ преступленій, наказываемыхъ малою бамбуковою палкою 351, большою бамбуковою палкою 925, времен-

ною ссылкою 435, вѣчною ссылкою 115, ссылкою въ неволю 115, ссылкою въ гарнизоны 267, смертію 644. Итого 2852. Кровосмѣшеніе до того велико, что за него положена смертная казнь, отъ которой самъ богдоханъ не можетъ освободить всемилющѣйшимъ манифестомъ.

«Развращеніе есть необходимое слѣдствіе безженнаго многолюдства, не смотря на то, что совершенно запрещено содержать во внутренности городовъ дома, служащіе прибѣжищемъ разврату, и что полицейскіе законы не терпятъ таковыхъ домовъ и въ предмѣстіяхъ. Особенно жители южныхъ странъ, при наклонности ихъ къ шумному пьянству, предамы, необузданному сладострастію, а законы на общую наклонность народа къ какому-нибудь пороку часто смотрятъ сквозь пальцы. Еще удивительнѣе покажется, что при законномъ дозволеніи кромѣ жены имѣть наложницу и служавокъ, удивляющее твореніе сладострастія, противное природѣ, столь усилилось, что положенное за сей порокъ самое легкое наказаніе рѣдко исполняется.» (Ч. IV, стр. 165.)

Обманы и подлоги столь многоразличны, что въ Китаѣ есть общая поговорка: «*нѣтъ вещей безъ подлога*» (стр. 168).

Подавленная личность въ семействѣ лишила китайца той благородной гордости, которая служитъ челоуѣку и источникомъ нравственности и челоуѣческаго достоинства; онъ погрязъ въ порокахъ, отвратительномъ сладострастіи, мошенничествѣ и ничтожности. А что же дѣлаютъ кандидаты и магистры китайской мудрости, съ такою тщательностію воспитываемые для государственныхъ должностей, которыхъ велятъ почитать отцами и старшими родственниками? На это намъ отвѣчаетъ такъ отецъ Іакинѣвъ.

«... Мало по малу образовались въ управленіи разныя злоупотребленія, которыя потомъ приняли законный видъ, и такимъ образомъ укоренились столь глубоко, что впоследствии и лучшимъ жалованьемъ невозможно было исторгнуть корня ихъ. Съ продолженіемъ времени сія часть доведе-

на до такой определенности, что нынѣ находятя точныя росписанія, сколько каждая должность въ губерніяхъ приносить положительнаго дохода въ годъ: и по сему росписанію определенны пеннугемыя издержки при опредѣленіи къ должности, получаемой впрочемъ законнымъ образомъ. Въ Пекинѣ находятя страховыя конторы, которыя снабжаютъ новоопредѣленныхъ чиновниковъ деньгами, съ обязательствомъ уплатить долгъ предъ вступленіемъ въ должность на мѣстѣ. Чиновники по прибытіи къ мѣсту, скоро вознаграждаютъ столичныя издержки по должности, не прибѣгая къ притѣснительнымъ мѣрамъ. Купечество, торгующее въ городахъ, ничего не платитъ ни за право торговли, ни за содержаніе города, и по этой причинѣ добровольно принимаетъ на себя путевыя издержки новопробывшихъ чиновниковъ, опредѣляетъ имъ содержаніе подѣя предлогомъ закупки вещей по узаконеннымъ цѣнамъ и дѣлаетъ имъ при случаѣ подарки. Если присовокушимъ въ этому разныя побочныя доходы, приобрѣтаемые вѣтками, злоупотребленіями и акцизами, то же покажется удивительнымъ, что уѣздный правитель, при выгодномъ мѣстѣ, получаетъ отъ 50 до 200 тысячъ руб. серебромъ въ годъ. По уѣздныя правители обязаны дѣлать подарки своимъ начальникамъ, отъ областного правителя до начальника губерніи, и количество этихъ подарковъ, состоящихъ наиболѣе въ серебрѣ и золотѣ, изданаго определенно сообразно съ доходами мѣста. Такимъ же образомъ и начальники губерній обязаны отправлять подарки въ Пекинъ, только болѣе вещами, а не серебромъ и золотомъ.» (стр. 169.)

И вотъ китайская патріархальность и китайское образованіе, не признавая въ человѣкѣ достоинства гражданина, губятъ его въ сѣтяхъ родственныхъ отношеній, не давая человѣческаго образованія людямъ правящимъ, держать Китайъ въ той гнилой неподвижности, которая охраняетъ его отъ приѣма новой жизни, невольно проникающей безчисленное состарѣвшееся населеніе, названное Небесною-Имперіей... Патріархальный бытъ!

Обращаясь въ симъ къ книгѣ отца Іакинѣа, мы должны сказать въ похвалу ея, что мы, Русскіе, не знали до

него о Китаѣ много такихъ вещей, которыя въ первый разъ высказалъ онъ въ своей книгѣ. Она содержитъ въ себѣ описаніе государственнаго правленія Китая, гражданскихъ правъ Китайцевъ, уголовныхъ законовъ, судоустройства и судопроизводства: наконецъ, изъ нея вы получаете понятіе объ системѣ китайскаго образованія, о общественной и частной жизни. Однимъ-словомъ, она обнимаетъ собою возможно полно китайскую жизнь, за что нельзя не благодарить ея автора. Намъ странными только показались три вещи: 1) зачѣмъ первая часть книги написана въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ? На-пр. Вопросъ: «Кому и кѣмъ доверѣются три власти: блестительная, исполнительная и судная?»

Отвѣтъ: «Власть блестящая, исполнительная и судная — верхняя (?) вѣрена главѣ имперіи.»

Или. Вопр.: «Можетъ ли кто-либо быть лишень жизни свободы и собственности безъ суда?»

Отв. «Никто и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть лишень жизни, свободы и собственности безъ суда.»

Зачѣмъ это повтореніе однихъ и тѣхъ же словъ, какъ-будто книга написана для дѣтей? Этими вопросами безпрестанно прерывается систематическое изложеніе, котораго, должно замѣтить мимоходомъ, мало въ книгѣ отца Іакинѣа, потому-что у него, въ томъ же отдѣленіи, гдѣ разсматривается верховная власть, задаются читателю и такіе вопросы: въ чемъ состоятъ *гражданскія права* жителей Китая, существуютъ ли *митки*, сколько преступленій, влекущихъ за собою смертную казнь, есть ли *кредитныя* установленія? Очевидно, что все это не подходитъ подѣя рубрику государственнаго устройства. Между-тѣмъ, судоустройство занимаетъ отдѣльную главу, и въ этой самой главѣ рѣшаются такіе вопросы: какъ прилагаются законы къ рѣшенному дѣлу, въ рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ принимаются ли обстоятельства въ уваженіе?.. очевид-

но, вопросы, принадлежащіе къ судо-производству, а не судоустройству.

Во-вторыхъ, намъ страннымъ иногда кажется взглядъ автора на Китайцевъ; на-пр. (Ч. IV, стр. 173) онъ говоритъ:

«Вообще же должно сказать, что въ китайскомъ народѣ много хорошаго и довольно дурнаго; но сторона хорошая преобладываетъ дурную. Это приписать должно тому, что благонравіе, поселенное въ дѣлахъ училищнымъ воспитаніемъ, поддерживаемое въ возрастныхъ надзорахъ начальства, утверждается дѣйствіемъ законовъ, въ запретительныхъ, а поощрительныхъ.»

Между-тѣмъ, самъ же онъ такъ описываетъ училищное воспитаніе и нравственность начальства, что невольно приходишь къ совершенно-противоположнымъ результатамъ, въ чемъ, вѣроятно, и читатели наши съ нами согласятся, не смотря на то, что мы немало рассказали фактовъ, и что подробно развивать нашу мысль не позволяють прѣдѣлы статьи. Въ-третьихъ, отецъ Іакинъ такъ много приводитъ статистическихъ данныхъ и текстовъ закона, что намъ было бы очень-интересно знать источники, изъ которыхъ онъ почерпалъ эти свѣдѣнія. За исключеніемъ всего этого, книга читается съ большимъ удовольствіемъ, и по прочтеніи ея въ остатекъ вполне благодарны нашему ученому синологу за его трудъ.

392) Путешествіе къ Семи Церквамъ, упоминаемымъ въ Апокалипсисѣ. Авраама Норова. Изданіе II. Крашевскаго и К°. Санктпетербургъ. Въ тип. III Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канц. 1847. Въ 8-ю д. л. 302 стр.

Г. Норовъ извѣстенъ уже читателю русской публикѣ двумя прежними своими сочиненіями: «Путешествіемъ по Святой Землѣ» и «Путешествіемъ по Египту и Нубіи». Оба эти сочиненія пользовались заслуженнымъ успѣхомъ. Изданное нынѣ «Путешествіе къ Семи Церквамъ» написано рѣшительно съ тѣми же цѣлями и въ томъ же полномъ христіанскаго смиренія духѣ, какъ и прежнія. Святая Земля — Т. LV. — Отд. VI.

спеціальность г. Норова; ни одинъ замѣчательный камень, ни одинъ историческій памятникъ, ни одна развалина не укрылись отъ испытующаго его взора. А такая спеціальность, какъ Палестина — немаловажное дѣло! Здѣсь каждый шагъ есть уже историческое воспоминаніе; здѣсь родилось христіанство, здѣсь страдали первые мученики, здѣсь протекала полная непрестанной борьбы и духовныхъ подвиговъ жизнь распространителей ученія Христова, здѣсь все говоритъ путешественнику о прошедшемъ, потому что все носитъ на себѣ печать мысли и дѣятельности человѣка... Правда, дѣятельность эта миновалась теперь; правда, въ настоящее время все мертво и глухо въ этой, по истинѣ, классической странѣ христіанства; правда, по-большой-части, исчезли даже самыя слѣды этой мысли, которая полнымъ потокомъ кинула въ былое время въ Палестинѣ; но у человѣка есть воображеніе, котораго обязанность именно въ томъ и состоитъ, чтобъ воскресить эту оцепенѣвшую и тѣмъ не менѣе все еще роскошную страну, и заставить говорить эти мертвыя развалины въ пользу и назиданіе погрязшей въ суетахъ и прелестяхъ міра души человѣка.

И душа человѣка несомнѣнно очищается, и дѣлается онъ самъ способнымъ къ величайшимъ духовнымъ подвигамъ, и начинаетъ дѣйствительно понимать всю суетность своего мелкаго эгоистическаго существованія, потому что передъ нимъ встаютъ грандіозныя воспоминанія о тѣхъ великихъ людяхъ, которыхъ вся жизнь была постоянная любовь, постоянное самоотверженіе. Въ этомъ — результатъ именно и состоитъ глубоко-практическая польза подобныхъ путешествій.

Воображеніе г. Норова не измѣнило ему и на этотъ разъ. Онъ съ удивительнымъ искусствомъ умѣетъ найти въ вещи самую сущность ея, отличить временное и преходящее отъ вѣчнаго и непреложнаго. Вѣчно и непреложно въ мірѣ только одно — истина, заклю-

чающаяся въ христіанскомъ ученіи; она одна свѣтитъ только тѣмъ чистымъ свѣтомъ, который, по счастливому выраженію автора «проникаетъ душу невыразимою сладою, превосполняетъ ее величіемъ Божиимъ, и растворяетъ ее любовью Сына Божія къ человѣкамъ, простирающеюся за предѣлы вѣчности». Все же прочее есть не что иное, какъ брѣнная оболочка, соблазнительный, но суетный миражъ, имѣющій значеніе въ той же мѣрѣ, на сколько выражаетъ собою самую сущность, причину причинъ, простирающуюся за предѣлы вѣчности...

Именно съ этой точки зрѣнія разсказываетъ намъ г. Норовъ свои путешествія. Вы не найдете въ его сочиненіяхъ ни статистика описываемой имъ земли, ни нравовъ и обычаевъ ея жителей—настоящему нѣтъ мѣста въ его книгѣ: настоящее бѣдно и грустно, настоящее холодно и безотрадно, настоящее мелко и ничтожно, такъ ничтожно, что все стерлось подъ тяжестью громаднаго, величественнаго прошедшаго.

Вотъ мысли, на которыя навело насъ «Путешествіе къ Семи Церквамъ, упоминаемымъ въ Апокалипсисѣ». И эти мысли совершенно натуральны, ибо всякій изъ насъ еще смолоду обращался воображеніемъ къ этой чудной землѣ, откуда впервые устремился на обращенное невидѣніемъ человечество тотъ свѣтъ, о которомъ мы упоминали выше; ибо если всякая мѣстность, освещенная мыслью и дѣятельностью человѣка, должна быть дорога намъ, то тѣмъ болѣе должна возбуждать все наше сочувствіе мѣстность, носящая на себѣ печать таковой мысли, отъ которой зависитъ и настоящая и будущая (загробная) жизнь наша...

Приступимъ, однакожъ, къ разбору самаго труда г. Норова, потому что, еслибъ мы хотѣли высказать здѣсь всѣ мысли, которыя онъ породилъ въ насъ, то для этого нужно было бы цѣлыя томы.

Семи церквей, о которыхъ упоминается въ Апокалипсисѣ, основаны самыми любимыми ученикомъ Христа, евангелистомъ Іоанномъ; онъ самъ рукополагалъ въ нихъ епископовъ, самъ правилъ ими. Церква эти суть: Воесть, Лаодикія, Сардисъ, Пергамъ, Фіатира, Смирна, Филасьейя. Всѣ онѣ, въ послѣдствіи, подпали подъ иго Турковъ, и совершенно нынѣ разрушены, такъ что даже о существованіи этихъ городовъ, нѣкогда изумлявшихъ своихъ великолѣпнѣемъ, свидѣлствуютъ только ихъ развалины. Одна Филасьейя спаслась черезъ свою твердость; граждане ея защищали свою вѣру и свободу почти въ продолженіе цѣлаго столѣтія и исторгли отъ предводителя Оттомановъ, Орхана, достославную капитуляцію. Историческое обзорѣніе этихъ церквей и составляетъ собственно предметъ путешествія г. Норова.

Ученый авторъ начинаетъ свое сочиненіе описаніемъ плаванія изъ Байрута въ Кипръ; въ челѣ описанія находится слѣдующій эпиграфъ, взятый изъ Дѣяній Апостольскихъ: «приста-
• хомъ въ Сидонѣ... и оттуду отвезеши
• въ Кипръ, зане вѣтры бяху противъ
• ны». Здѣсь онъ разсматриваетъ мимоходомъ вопросъ объ Атлантидѣ и предлагаетъ свое собственное, весьма обдуманное и основанное на несомнѣнныхъ давнихъ изслѣдованіи по этому темному дѣлу. Ссылаясь, между прочимъ, на свидѣтельство языческаго мудреца Платона, авторъ показываетъ рѣшительный примѣръ терпимости — отзываясь объ немъ съ похвалою, не смотря на то, что Платонъ язычникъ. Читатель, конечно, замѣтилъ — говорить г. Норовъ: «во многихъ мѣстахъ этого разсказа (объ Атлантидѣ,—приведеннаго изъ плагиона «Тимей») проблески библейской первобытной исторіи. Известно, что язычники исказили многія мѣста Священнаго Писанія и еврейскіе обряды, приворотивъ ихъ къ баснословной исторіи и идолопоклонничеству». Совершенно вѣрная мысль! Въ твореніяхъ нѣкоторыхъ знаменитыхъ языческихъ писа-

сая одно изъ замѣчательнѣйшихъ своихъ посланій. Въ этомъ посланіи, апостолъ укоряетъ Колоссянъ въ ереси, которой предметомъ было проповѣданіе необходимости обрѣзанія и еще той мысли, будто бы, по чувству смиренія, должно прибѣгать съ молитвами непосредственно къ Богу, а не иначе, какъ черезъ посредство ангеловъ. Черезъ три года послѣ предостереженія апостола Павла, городъ Колоссы былъ почти до основанія испровергнутъ землетрясеніемъ, и такимъ образомъ Колоссяне окончательно убѣдились, что они совращены съ пути истиннаго. Сверхъ-того, въ Колоссахъ совершилось и другое чудо: вода, направленная язычниками на храмъ св. архистратига Михаила, была поглощена развѣтшеюся, по молитвамъ св. Архангела, землею, отъ чего и произошло названіе мѣста—Хоне, т. е. погруженіе.

Приступая къ описанію Лаодикии, авторъ краснорѣчиво выражаетъ горестныя чувства, которыя возбуждилъ въ немъ видъ этого города, гдѣ находилась одна изъ семи церквей. «Но многіе (говорить онъ) изъ сихъ свѣтильниковъ уже сдвинулись съ мѣста гнѣвомъ Іеговы, и Ангелы церквей Азійскихъ прекратили свое служеніе между ними и небомъ. Но звѣзды сихъ церквей, возгораясь каждую ночь надъ ними, не перестаютъ ожидать ихъ возрожденія. Когда опять настанетъ часъ ихъ свѣтлнн?». . . . Не вдаваясь въ дальнѣйшія разысканія, авторъ рассказываетъ очень-подробно исторію Лаодикии, ея прошелшее величіе, и тутъ же приводитъ нѣсколько стихотвореній, принадлежащихъ къ незаданному собранію духовныхъ стихотвореній брата его. Выписываемъ одно изъ нихъ:

Ты говоришь: Я изобиленъ,
Разбогатѣлъ, и здравъ, и силенъ,
Но ты и слѣпъ, и нищъ, и нагъ.
Совѣтую тебѣ купить бы
Живаго злата у Мени,
Очищеннаго отъ огня,
И разой бялою прикрыта бы

Твою язгуу срамоту
И мазью жолчи нецѣлить бы
Очей отверстыхъ слѣпоту.
Кого люблю, тѣхъ немытую.
Встань! полубратій не хочу,
Ревнивъ будь, какъ Я самъ ревную;
Стою за дверью и стучу!..
Чья дверь чутка на стукъ всегдашній,
Къ тому войду, какъ другъ домащій,
И вечерять мы съядемъ съ нимъ.

Стихи эти проникнуты первобытною простотою, и желательнѣе было бы, чтобы почтенный авторъ посвѣтилъ издаваемъ ихъ: навѣрное найдутся люди, которые воспользуются его благими и полезными совѣтами.

По случаю пребыванія своего въ Иераполисѣ, авторъ рассказываетъ истинное происшествіе, случившееся съ римскимъ императоромъ, Маркомъ-Авреліемъ, во время войны его съ Маркоманами и Кавдами. Армія его немогала отъ зной и жажды и постепенно упала духомъ; въ это время милитійскій легіонъ, составленный изъ христіанъ, преклонилъ колѣна, вознесъ свои молитвы къ Богу въ виду всей арміи. Внезапно тучи спустились, разразился громъ, заблестали молніи и полился проливной дождь, который утолилъ жажду римскихъ воиновъ...

Вторая церковь, которую посѣтилъ г. Норвѣ, была Филадельфія: это единственная церковь, сохранившаяся и донынѣ въ первобытной чистотѣ своей. Пужуля рассказываетъ, что очень недавно, въ 1836 г., протестантскіе библісты, прибывъ въ Филадельфію, предложили тамошнимъ греческимъ священникамъ значительную сумму денегъ съ тѣмъ, чтобы они не предубѣждали противъ нихъ христіанъ Филадельфійскихъ. Но деньги были отвергнуты, и распространители протестантизма не нашли ни одного приверженца въ Филадельфіи. Про этотъ именно городъ сказаны слѣдующія замѣчательныя слова въ Апокалипсисѣ: «Ако малу имашу силу и соблюду еси свое слово, и не отверглася еси имже мого...»

Не можемъ мы также не указать вѣсь на приведенный г. Норовымъ отрывокъ изъ слова о *скровенномъ во Христв дѣланіи*, припадасжащаго знаменитому Филадельфійскому епископу Теолепту.

Вотъ онъ:

«Умъ, удаляясь отъ вѣшняго и собираясь во внутренняя, возвращается къ себѣ, то есть соединяется съ своимъ словомъ, находящимся въ мысли по естеству: черезъ оное слово совокупляется съ молитвою: и молитвою восходитъ въ разумъ Божій со всюю любительною силою и усердіемъ. Тогда похоть плотн погасаетъ, всякое чувственное желаніе сладости исчезаетъ, и всѣ красоты земныя являются непріятными.

Вотъ какое понятіе имѣли знаменитые пастыри церкви объ удовольствіяхъ міра!

Изъ вѣстѣ, гдѣ стоялъ великолѣпный вѣкогда Сардисъ, ученый путешественникъ нашъ нашелъ только развалины. Между ними особенно замѣчательны развалины храма *Кивелы, матери боговъ*, по чудному выраженію Софокла, *земли-кормилицы всѣхъ вещей, обитающей на берегахъ златоноснаго Пактола*. По поводу Сардиса, передъ нашими глазами автора возсталъ живописный и истомленный роскошью образъ Крева, и онъ вспомнилъ поучительный разговоръ его съ глубоко мысленнымъ философомъ Солономъ, и знаменитыя слова: «о Соломъ, Соломъ!» Полный этихъ грустныхъ размышленій, авторъ не безъ основанія заключаетъ свое описаніе Сардиса слѣдующими замѣчательными словами: «гробницы царей Сардиса, подобно какъ и пирамиды Е(г)ипетскія, пережили царства, которыхъ давноиннувшій блескъ отражается только на этихъ гигантскихъ могилахъ; — смерть сдѣлалась вѣрломъ славы вѣчныхъ державъ.»

Слѣды Фіатиры, четвертой изъ семи церквей, упоминаемыхъ въ Апокалипсисѣ, едва совсѣмъ не исчезли съ лица земли. Только въ концѣ семнад-

цатаго столѣтія, англійскій консулъ въ Смирнѣ, Рикъ, наведенъ былъ изысканіями своими на Ак-Гиссаръ, гдѣ довольно - большое количество древнихъ надписей съ именемъ Фіатиры обнаружилось ея прошедшее существованіе на этомъ мѣстѣ. Авторъ подробно рассказываетъ въ своемъ сочиненіи судьбы Фіатирской церкви.

По вотъ путешественникъ достигъ Мелеса, «вспомнишаго своимъ струями несравненнаго Омира». Г. Норовъ черпаетъ изъ струй поэтического потока, и тутъ же напоминаетъ слова Бартеlemi (*Voyage du jeune Anacharsis*) о томъ, что онъ Синоэ, и гармонія стиховъ Омира часто ускользаетъ отъ его грубыхъ органовъ. Приѣхавъ въ Смирну, авторъ съ такою же ученою, но неутомляющею, впрочемъ, подробностью, какъ и вѣдѣ, рассказываетъ исторію смирской церкви. Особенно замѣчательна показалась намъ твердость одного изъ пастырей, Піонія. Выписываемъ въ отрывкахъ этотъ трогательный рассказъ:

«Тѣмъ, которые старались устрашить Піонія смертію и принизить къ сладостямъ жизни, онъ отвѣтствовалъ: «Я не считаю жизнь сію временную сладкою, но несравненно сладчае для насъ христіанъ та, которую мы получаемъ жеедаемъ. Свѣтлость міра сего я признаю «отрадною и веселою, но несравненно веселѣе и отраднѣе для насъ тотъ свѣтъ истинный, который мы увидѣть надѣемся. Мы не говоримъ, чтобы все, что мы видимъ тѣлесными очами, не было «прекрасно, мы не ненавидимъ творенія Божія, но есть міръ иной, невидимый, который превосходитъ красотою все нами видимое. Такъ, борясь оружіемъ духовнымъ увѣщеній противу своихъ враговъ, Піоній съ братьями былъ приведенъ въ темницу, гдѣ нашелъ обреченныхъ узамн, пребывавшихъ въ вѣрѣ, пресвитера Лина и жену, называемую Македонія.» (Стр. 203).

Далѣе:

«Привлеченный среди поруганій въ темницу, скорбь святаго мученика была невыразима (*оборотъ не русскій*), когда ему

показали на епископа, отступника Евктимона, поклонившагося идоламъ. Преданному истязаніямъ, ему (?) сказалъ иѣкто (оборотъ латинскій): «Почто, Піоній, ты спишишь къ смерти?» «Не къ смерти, но къ животу поспѣшаю», отвѣчалъ страдалецъ, котораго тѣло было строгоемо жемъ. Пригвождаемому ко кресту, ему говорили (омятъ латинскій оборотъ): «Отрекись, Піоній, мы изъемъ гвозди и врачмъ исплать тебѣ!» Святой же, помолчавъ, отвѣчалъ: «услнуть желаю, да лучший востану въ общее воскресеніе!» Распятый на крестѣ ученикъ былъ преданъ огню, но повѣствуютъ, что усопшее тѣло обрѣлось нетлѣннымъ.» (Стр. 204).

Твердость, по истинѣ, геройская! тѣмъ болѣе, что тутъ движителемъ былъ вовсе не матеріальный и близкій интересъ, а интересъ чисто духовный и по самой природѣ своей отдаленный!

Въ Пергамѣ особенно замѣчательна церковь во имя св. Іоанна. Мусульмане нѣсколько разъ пытались обратиться въ мечеть, но Господь, видимо покровительствующій пергамской церкви, не допустилъ ихъ выполнить это намѣреніе.

Но всего болѣе вниманіе автора обратилъ на себя Эфесъ. Тутъ онъ вспомнилъ, какииъ - образомъ чародѣи эфесскіе, завидуя славѣ апостола Павла, стали, подобно ему, «закливать «злыхъ духовъ именемъ Господа Іисуса, но злой духъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: Іисуса я знаю и Павла мнѣ «нвѣстентъ, а вы кто? И человекъ, въ «которомъ былъ злой духъ, бросился «на нихъ, и они, обнаженные и избитые, выбѣжали изъ дома. Не тотъ ли «самый злой духъ» (воскликаетъ авторъ) «разбилъ и разметалъ здѣсь такъ, «до горамъ и по долинамъ, этотъ славный Эфесъ?» (стр. 234).

Въ одномъ мѣстѣ, описывая Эфесъ авторъ столь же краснорѣчиво, какъ и въ началѣ своего путешествія, восклицаетъ: «Долго ли еще будетъ належать на землѣ апостольской, и еще болѣе, на землѣ христовой, столь тяжело лежащеея подъ мое перо: по-

рабочніе?.. Отвѣта нѣтъ! Отвѣта нѣтъ! Ины въ свою очередь скажутъ: время крестовыхъ походовъ ужъ миновалось!

Г. Норвъ заключаетъ свое путешествіе островомъ Патмосомъ, въ которомъ св. евангелистъ Іоаннъ, по повелѣнію нечестиваго Доміціана, находился въ заточенія въ продолженіе восемнадцати мѣсяцевъ, и въ которомъ, по выраженію автора, онъ «прорывалъ въ вѣчность». И доселѣ сохранилась еще пещера, въ которой, по существующему преданію, божественный Іоаннъ начерталъ Апокалипсисъ.

Этимъ кончается новый трудъ г. Порова—трудъ пріятный, составляющій одно изъ тѣхъ отдаленныхъ впечатлѣній, которыя, къ истинному прискорбію всѣхъ смиренномудрыхъ христіанъ, такъ рѣдко являются въ наше время. Книга написана чрезвычайно хорошо; рѣчь ея всегда идетъ въ уровень съ высокимъ своимъ предметомъ; порою она простодушна и безыскусственна, какъ сама истина, порою веетъ и излишаетъ справедливый свой гнѣвъ на похоти и соблазны міра, порою меланхолична...

Но вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣчаются иногда и недостатки, да и гдѣ ихъ нѣтъ! Мы указывали на нихъ въ приведенныхъ нами примѣрахъ, и читатели видѣли, что они состоятъ, по-большой части, въ употребленіи латинизмовъ.

Въ заключеніе, отъ всей души просимъ у автора извиненія, что не могли указать на всѣ красоты его сочиненія: предѣлы библиографической статьи не дозволили намъ сдѣлать это.

Книга издана великолѣпно.

393; Творенія Св. Отцевъ въ русскомъ переводѣ, съ прибавленіями духовнаго содержанія, издаваемыя въ Московскои Духовнои Академіи. Годъ пятый. Книжка 5. Москва. Въ тип. Семена. 1847. Въ 8-ю д. л. 192, 271—378 стр.

Въ первомъ отдѣлѣ этой книжки помѣщены письма Василія-Великаго къ разнымъ лицамъ, писанныя прежде и

во время епископства, и составляющая шестую часть творений Святителя. Въ «Прибавленіяхъ», вромѣ трехъ словъ Филарета, митрополита московскаго (О трудолюбіи, въ день обрѣтенія мощей преподобнаго Сергія, и читанное въ московскихъ церквахъ 14-го сентября сего года, по случаю приближающейся эпидемической болѣзни), очень любопытна статья: «Писанія преподобнаго Іосифа Волоколамскаго». Авторъ статьи дѣлитъ ихъ на три отдѣла: одна касается вноческой дѣятельности Іосифа, другія—его борьбы съ живодствующими еретиками; прочія писаны по частнымъ обстоятельствамъ его жизни и по сношеніямъ съ различными лицами. Отличительное ихъ свойство — ревность о славіи Божіей и вѣчномъ благѣ своихъ братіи. Эта ревность, въ томъ вѣкѣ, когда жилъ Іосифъ, и при тѣхъ обстоятельствахъ, которыя дали ей поводъ обнаружиться, имѣла особенное значеніе, которое въ настоящее время можетъ показаться малопонятнымъ: такъ науряженна ея степень и такъ отвлеченна отъ земли основа ея... Сила ревности является преимущественно въ четырехъ послѣднихъ словахъ противъ ереси (всѣхъ словъ 16. имъ дается обыкновенно общее наименованіе: «Просвѣтитель»); въ пятнадцатомъ, на пр., доказывается что вѣрнѣшимъ и есквернѣшимъ еретикамъ новгородскимъ, аще и покаются, не подобаетъ въ святую церковь входить, ниже божественныхъ таинъ причащаться, должеде вся совершится о нихъ, якоже божественныя правила полагиваютъ о семъ; въ шестнадцатомъ, написанномъ противъ тѣхъ, которые говорили, что принесшихъ покаяніе надобно «сподобить милости», доказывається, что покаяніе, вынужденное страхомъ наказанія, не освобождаетъ кающагося отъ наказанія.

Чтобъ ближе познакомить съ писаніями преподобнаго Іосифа, авторъ статьи извелъ изъ нихъ нѣкоторыя мысли о предметахъ догматическихъ и нравственныхъ, положивъ, въ русскомъ переводѣ, его ученіе: объ источ-

никахъ христіанскаго ученія, о святой Троицѣ, о воплощеніи Сына Божія, о почитаніи св. иконъ и храмовъ, о монашествѣ, объ общественной молитвѣ и вообще объ обязанностяхъ христіанна.

Не можемъ здѣсь не изъяснить желанія, чтобъ кто-нибудь изъ нашихъ ученыхъ взялся сличить ученіе бывшихъ у насъ ересей, особенно ученіе ереси жидовской, съ положеніями философіи: Много любопытнаго открылось бы изъ показанія ихъ отношеній...

394) Руководство къ Познанію Кавказа. М. С. Книжка вторая. Санктпетербургъ. Въ тип. Морскаго Кадетскаго Корпуса. 1847. Въ 8-ю д. л. 304 стр.

Вы, безъ сомнѣнія, помните въ Героѣ Нашего Времени, добраго Максима Максимыча, штаб-капитана, рассказавшаго такъ много повѣсть о Борѣ, которую Печоринъ похитилъ изъ аула. Вы помните, какой славный человекъ этотъ Максимъ Максимычъ, какая у него была добрая, чувствительная душа, какъ, не смотря на свои дѣта, на простой складъ ума и весьма недалекое образованіе, онъ умѣлъ понимать и глубоко принимать всѣ впечатлѣнія, могъ привязаться къ человеку до вѣрчиво, всѣмъ сердцемъ, и всѣмъ сердцемъ чувствовать красоты окружающей его природы Кавказа... Это лицо слишкомъ-ярко и мастерскою рукою нарисовано Лермонтовымъ: его забыть нельзя, точно такъ же, какъ и его простыхъ разсказовъ. Но для дальнѣйшаго развитія этого характера, знаете, что надо было бы сдѣлать? Надобно было бы заставить его написать то, что онъ рассказывалъ, или что вообще въ теченіе своей жизни видѣлъ на Кавказѣ, находясь безпрестанно въ столкновеніи съ его коренными жителями, съ его замучительной природой. И знаете ли, какая бы тогда вышла странность: его описанія отнюдь не были бы похожи на его безыскусственныя и даустныя разсказы—у него явилось бы непреодолимое

желаніе щегольнуть слогомъ и пере-
сыпать рѣчь философскими разсужде-
ніями, вычурными описаніями, под-
дѣльными восторгомъ, и изъ всего это-
го вышла бы примѣрная голословница.
Описаніе кавказской природы, мы
увѣрены, онъ сдѣлалъ бы такимъ об-
разомъ:

«Мы надѣемся, что всякій добросовѣст-
ный человекъ, бывавшій въ Кабардѣ, дол-
женъ сознаться, что трудно представить
себѣ, что-нибудь восхитительнѣе велико-
лѣпныхъ ровнинъ ее(я): растительная сна
является во всемъ своемъ могуществѣ и
очарованіи..... Сдѣлаю далѣе къ Екате-
ринодару, видите съ правой стороны го-
ры, прорѣзывающія своия бѣлыми гла-
зами тучи; ниже онѣ(,) покрытыя сѣ-
рымъ туманомъ, выказываютъ разнообраз-
ные свои пласты и дѣла. Съ дороги видъ
невыразимо-чудесный; никакая ендоліа
не можетъ съ ними сравниться. Давая
волю воображенію, для силы и красоты
Кавказа, можете представить изъ ве-
днственныхннхъ его громаданъ, въ чистомъ
небѣ во всемъ неизобразимомъ величіи
и славѣ Всемогущаго Создателя съ Бо-
жественнымъ Его сыномъ, окруженнымъ
безчисленнымъ сонмомъ Ангеломъ, Херу-
вимомъ и Серафимомъ; лучше сказать въ
томъ владычествѣ, какъ самъ Господь-Все-
держитель, устами Св. Іоанна Богослова,
предсказалъ Апокалипсисомъ свое высо-
кое на землю пршествіе, для милости-
ваго или грозваго суда падѣ нромъ.
Вспомниъ святое пророчаніе, смнрнѣе,
съ глубокимъ благоговѣніемъ, свое чело-
вѣчество, страсти наднне въ зелено пуши-
стый долъ, и славослова мнроздателя, съ
искренностью, слезами, молитесь Отцу
Небесному о пррочаніи, кайтесь въ грѣ-
хахъ...» (Рук. къ Поем. Кавк. стр. 3).

Помните, какъ Максимъ Максимычъ
началъ разсказъ свой о Болѣ: «да, го-
ворить, бывало!... а это «бывало» —
къ книгѣ своей (предполагая, что онъ
сталъ бы писать книгу) — онъ замѣ-
нилъ бы вотъ какимъ оборотомъ:

«Раскрывъ левенникъ нашей жизни,
читаемъ, что вытерпѣвъ мучительную
нытку перепада по горнымъ дорогамъ.....
мы наконецъ достигли мѣстечка Холъ.....»
(Стр. 103).

О женщинахъ Максимъ Максимычъ
письменно выражался бы очень-осто-
рожно, чтобъ читателя не сдѣлали не-
выгоднаго заключенія о его нравствен-
ности, хотя въ изустномъ повѣствованіи
онъ былъ бы удивительно-хорошъ
и говорилъ бы сильно и живописно.
«Разсматривая природу» написалъ бы
онъ: «мы замѣчаемъ, что въ мирѣ безъ
женщины не можетъ быть удоволь-
ствія и счастья» (стр. 128).

Еслибъ онъ увидѣлъ купающихся
женщинъ, то написалъ бы про нихъ
такимъ образомъ:

«Въ тѣни лавра, орѣха, пшнря и пер-
сика, сидятъ десять Колхидянокъ (Мак-
симъ Максимычъ, разумеется, на письмѣ
Мингрелю всегда бы называлъ Колхидой,
чтобы блеснуть знаніемъ исторіи), онѣ(ъ)
разсуждаютъ съ чувствомъ. Вотъ привста-
ли.... плутъ..... лачканъ (?) ихъ развѣаютъ-
ся... Онѣ(ъ) ростомъ высоки, имѣютъ брови
черныя, подчерненные хитро, глаза
огненные, каріе, бѣлизна лица слита съ
самыми нѣжными розанями. Святаясь
дружно, плутъ (?) къ рѣчкѣ: длинными
ихъ платья или кабы какъ бы съ тлей-
фами, катнбе или Г(г)рузійская мантлья
съ разрѣзными рукавами, около тонкой
какъ стебель талин, стянута вышитыми
кушаками, которыхъ два длиннее конца
касаются земли. Если бы онъ назмачилъ
(онъ могъ бы сказать: откомандировали,
какъ-бы по казенному порученію) для
выбора трехъ грацій, то не совѣсти вы-
брали бы изъ нихъ. Наконецъ онѣ подо-
шли къ рощѣ и ручей зашумѣлъ всле-
дками: у васъ передъ глазами новыя на-
длы, гораздо красивѣе дресннхъ, мнреван-
нческнхъ: каштановые ихъ волосы спуска-
лись локонами до пояса и возмншали не-
отнческую любовь со встмъ вымыслами
бѣлизны и снтьжести. (?!)... Да простнть
читатель нашей натуралности (?!...);
впрочемъ мы не отказались еще креовн-
снть Премудрѣйшаго Творца въ его твор-
реніяхъ и любимъ выставнть то, что пре-
красно, назмашо и что славнть Его въ
неворочной, нгрной чнстотѣ своей. Та-

(?) Лачика есть узкая длинная вуаль,
которая прищипывается булавками сзади
грузійскаго кокошника и спускается по
спннѣ до пояса.

какая картина повседневной, патриархальной жизни, (?) характеризует гармонию (?) силъ. Здѣсь изступленіе страсти (?) прохладено трудомъ, заботой и приличіемъ; кромѣ того, въ удивленіи, вамъ открывается скрытая прелесть природы и, *вашему иногда разсерженному духу*, нашептываетъ услада въ ручьяхъ и *цвѣткахъ....*» (Стр. 125—126).

Но это еще не все. Описывая разныя преданія и историческіе факты, Максимъ Максимычъ не оставилъ бы ихъ совсѣмъ безъ вниманія: онъ долготъ бы счелъ разобрать ихъ критически—и вы нашли бы у него совершенно-оригинальный историко-философскій взглядъ. Этотъ взглядъ былъ бы совершенно въ этомъ родѣ:

«Дорога къ Гелатіи слѣдуетъ по каменистому берегу Ріона или Фазиса, на которомъ видны красныя пятна. Имѣретапы, согласно преданію, увѣряютъ, что это влившаяся кровь ихъ предковъ, мучениковъ за святую вѣру, спасавшихся отъ Персіанъ въ Гелатскій монастырь. Дѣйствительно мягковатые камни (,) *закмочая поры или скважность* (,) могутъ ввунуть кровавую краску, отчего въ древнія времена на Кавказѣ высѣчены были безъ большаго труда и малымъ числомъ народа, внутри скалистыхъ горъ, обширные, удивительные храмы, которыхъ остатки мы видимъ теперь; но преданіе, мнѣніе Имѣретинъ подлежатъ сомнѣнію, ибо *года* (,) *вдущая* съ горъ водопадомъ или каскадомъ, спускающаяся въ Ріонъ, всегдашняя туманная влажность здѣшняго воздуха, могли временемъ смыть кровь; но она осталась; что заставляеть отнести иптва вѣрнѣе къ игрѣ природы; но впрочемъ ручат(ь)ся за это положеніе нельзя, ибо Господь для чуда, могъ совершить даже невозможное мыслямъ...» (Стр. 75).

Книга, изъ которой мы заимствовали эти выписки, напомнившія намъ добраго Максима Максимыча, есть вторая часть «Руководства къ Познанію Кавказа». О первой части его мы уже говорили и старались извлечь изъ нея все, что казалось намъ новымъ и занимательнымъ посреди смѣси разныхъ свѣдѣній и цитатъ, приводимыхъ авторомъ. Во второй, вышедшей

въ свѣтъ нынѣ, заключается описаніе пути черезъ Кавказскія Горы, и по восточному берегу Чернаго-Моря въ Крымъ, и описаніе шестнадцати главныхъ племенъ западнаго Кавказа, ихъ нравовъ и обычаевъ. Изъ матеріаловъ, находящихся въ этомъ описаніи, можно было бы составить очень-любопытную книгу, если откинуть наполняющіе ее возгласы, размышленія, изображенія природы и размышленія г-на М. С., напоминающія Максима Максимыча. Изъ одиннадцати главъ, на которыя раздѣлена вся вторая часть, мѣстами попадаются страницы, писанныя понятнымъ и простымъ языкомъ и съ логикою въ изложеніи фактовъ—качествами рѣшительно отсутствующими въ другихъ главахъ. Таково описаніе нравовъ, обычаевъ и религіозныхъ вѣрованій Осетинъ (стр. 28—55) и религіи Черкесовъ (стр. 248 и далѣе). Этотъ пріятный сюрпризъ для читателя объясняется очень-просто: при описаніи Осетинъ сказано авторомъ въ выноскѣ: «за эти замѣчанія мы очень благодарны академику Шегреню»; о религіи Черкесовъ г. М. С. заимствовалъ изъ сочиненія армяно-грегоріанскаго священника Іоанна, жившаго между Черкесами и обращавшаго ихъ въ христіанство, которое они нѣкогда исповѣдывали, и еще изъ записокъ одного горца, полковника русской службы.

Къ оригинальностямъ «Руководства къ Познанію Кавказа» принадлежатъ эпитафы, сочиненные самимъ авторомъ книги, при каждой новой главѣ; вмѣсто того, чтобъ означить ея содержаніе, г. М. С. ставитъ свое размышленіе, въ родѣ слѣдующаго:

Эпитафъ къ главѣ XV: «Науки и искусства ипугу взаимной помощи, и часто, подобно грапіамъ, близнецамъ красоты, они съ сочувствіемъ подають другъ другу руку.—Такое сочувствіе и соединеніе случаетъся съ тѣми, въ которыхъ *духовная и сердечная сторона болѣе развиты въ Христіанскомъ благочестіи.*» (Стр. 249).

Самое любопытное, что мы нашли во второй части «Руководства», есть похвальное слово, произносимое надъ покойникомъ при похоронахъ у Осетинъ. Осетины находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Грузіей и получили отъ нея христіанство; отъ Кабардинцевъ они заимствовали исламызмъ; къ христіанству и исламызму присоединились ихъ собственные вѣрованія, такъ-что изъ всѣхъ этихъ ученій образовалась странная смѣсь. Многие, наприм., называютъ себя христіанами и имѣютъ по нѣскольку женъ, дѣлаютъ омовенія и брѣютъ бороду, а при свадьбахъ и похоронахъ приносятъ жертвы кумиру, сопровождая ихъ своими языческими обрядами. Часто они не знаютъ Христа, а почитаютъ Михаила Архангела и пророка Ілію, который считается покровителемъ скотоводства и земледѣлія. Рѣчь, произнесенная надъ покойникомъ, представляетъ то, что сдѣлало воображеніе горцевъ, до которыхъ доходили, какъ эхо, отголоски разныхъ цивилизацій:

«Господь Богъ! сегодня померъ хороший человекъ; онъ былъ очень хороший человекъ, такой, какому подобный есть одинъ на небѣ(а)сакъ, (;) присутствующіе (объ немъ) плачутъ, (;) онъ былъ очень хороший человекъ, хлѣбосоль, (;) его всѣ любили и онъ всѣхъ примиралъ; съ нимъ Св. Георгій сдѣлалъ присягу на братскую дружбу. Теперь Св. Георгій на небесахъ, кто же дастъ ему знать о томъ, что пріятель его скончался? никто такъ скоро не извѣститъ Св. Георгія, какъ Нартъ-Зерватекъ (ласточка). И вотъ, только что ему объ этомъ сказали, онъ тотчасъ поспѣхалъ извѣститъ Св. Георгія. Въ это время всѣ святые были на угощеніи у одного святаго Кудраля-Агона (мѣдника), который, сарнивъ большой котелъ пива, пригласилъ ихъ къ себѣ и прислуживалъ имъ, подавалъ пиво Св. Георгію; вдругъ прилетаетъ Зерватекъ, и сѣвъ на правое плечо Св. Георгію, говоритъ: твой другъ померъ и ему надо теперь лошадь, ружье, шапку и пистолеть. И вотъ Св. Ілія далъ тотчасъ ружье, которое никогда не дастъ промаха; Кудраль-Агонъ подарилъ такую шапку, что ее можно согнуть какъ обручъ; смѣхъ солнца—Магометъ, подарилъ сѣдло

со всѣмъ приборомъ. Смѣхъ луны Хшатканъ подарилъ потники и серебряную уздечку; Св. Георгій собралъ всѣ вещи и послалъ въ Турцію Зерватека выбрать хорошаго коня и послать къ пріятелю.» (Стр. 49).

На оберткѣ второй части «Руководства» напечатано: «Авторъ принужденнымъ находится сказать, что въ «ходъ третій (сей) книги, (?) зависитъ отъ разбора первыхъ двухъ», но онъ упустилъ изъ вида, что для разбора (т. е. распродажи) всякой книги, необходимо, чтобъ она была писана толково, и читателю не приходилось бы за одно дѣльное свѣдѣніе заплатить чтеніемъ нѣсколькихъ страницъ высоконарныхъ и ничего-неговорящихъ фразъ.

395) Статистическое Обзорніе Коннозаводства въ Россіи. *Издано отъ Управленія Государственнаго Коннозаводства. Во французской тип. Санктпетербурга. 1847. Въ 8 ю д. л. 348 стр.*

Въ 1843 году, для развитія и усовершенствованія одной изъ важнѣйшихъ отраслей народнаго хозяйства, именно, коннозаводства, Высочайше утверждено особое, высшее по этой части управленіе. Управленіе государственнаго коннозаводства, приступивъ къ исполненію возложенныхъ на него обязанностей, сочло необходимымъ собрать предварительно сколь возможно - точныя и полныя свѣдѣнія о положеніи коннозаводства въ каждой губерніи. Изъ этихъ свѣдѣній было составлено частное обзорніе коннозаводства по каждой губерніи и потомъ новѣрено чрезъ мѣстныхъ начальства. По совокупленіи же такихъ обзорній въ одно цѣлое, составлено «Статистическое Обзорніе Коннозаводства въ Россіи», изъ котораго и статистики и хозяева въ первый разъ могутъ получить положительныя свѣдѣнія о состояніи этой отрасли народнаго хозяйства, и о тѣхъ мѣрахъ и средствахъ, которыми попечительное правительство дѣйствуетъ къ развитію и улучшенію ихъ. Паладиадъ нѣтъ книга раздѣляется собствен-

но на два отдѣленія: въ первомъ излагаются свѣдѣнія о состояніи коннозаводства въ губерніяхъ; во второмъ— свѣдѣнія о мѣрахъ улучшенія государственнаго коннозаводства.

Въ отношеніи состоянія коннозаводства, губерніи раздѣлены на два класса: губерніи коннозаводственныя и неконнозаводственныя; въ каждой показано число жителей, поверхность, мѣстныя удобства къ содержанію лошадей, число лошадей, способъ ухода за ними, число заводовъ, конскія ярмарки— словомъ, всѣ данныя, необходимыя для соображенія статистика и хозяина.

Вотъ показанія о числѣ лошадей въ губерніяхъ коннозаводственныхъ перваго разряда: Херсонской до 270,000, Екатеринославской 73,170, Полтавской 60,840, Харьковской 110,200, Подольской 95,420, Черниговской 285,320, Воронежской 1,131,920, Тамбовской 951,680, Пензенской 390,080, Симбирской 615,200, Орловской 480,360, Тульской 476,760, Курской 565,570, Саратовской 681,590, Оренбургской 1,407,930, Вятской 632,930, Пермской 635,800, Вологодской—число не показано.

Второго разряда: въ Таврической до 157,770, Астраханской 78,260, Бессарабской Обл. 64,650, Кіевской губ. 112,030, Волынской 223,760, Нижегородской (свѣдѣній не имѣется), въ Каванской 896,660, Ярославской 262,110, Тверской 537,450, Смоленской 397,500, Витебской 193,500, Могилевской 386,620, Гродненско 177,180, Минская 110,770, Виленской 129,140

Губерніи не-коннозаводственныя: Московская 260,240, Владимірская 277,200, Калужская 307,070, Костромская 247,760, Новгородская 197,720, Цковская 192,130, Санктпетербургская 129,130, Олонецкая 51,800, Архангельская 35,590, Эстляндская 34,400, Ливонская 135,180, Курляндская 110,330.

Всего вообще въ показанныхъ губерніяхъ общее число лошадей простирается до 15,000,000. Частныхъ конскихъ заводовъ числится въ губерні-

яхъ коннозаводственныхъ 1-го разряда 1672, коннозаводственныхъ 2-го разряда 365; неконнозаводственныхъ 70, всего 2,107.

Государственныхъ конскихъ заводовъ 7; они находятся въ губерніяхъ: Нижегородской, Харьковской и Воронежской. Земскія конюшни, числомъ 23, обнимаютъ 28 губерній. Испытаніе лошадей высшаго сорта на императорскіе призы производится въ 5-ти мѣстахъ на сумму 23.199 руб.; испытаніе лошадей низшаго сорта: троичныя, вольныя и бѣговныя, на призы отъ управленія государственнаго коннозаводства производится почти во всѣхъ коннозаводскихъ губерніяхъ, на сумму 3,060 р. сер. Конскихъ ярмарокъ считается 179. Важнѣйшія изъ нихъ бываютъ: въ *Балтѣ*, Подольской-Губерн., *Ростовѣ*, Екатеринославской, *Харьковѣ*—Крепцвенская, *Лебедли*, коренная близъ *Курска*.

396) Краткая Лѣтопись Грамматической Дѣятельности въ Россіи. Виктора Половцова. С. Петербургъ. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. 1847. Въ 16-ю д. л. 78 стран.

Книжечка двояльно-оригинальная, какъ большею частію все, что пишетъ авторъ «Русской Грамматики для Русскихъ». У него какой-то особенный взглядъ на предметы, и это отражается въ его мысляхъ, въ слогѣ, даже въ заглавіяхъ и разныхъ подробностяхъ его книжекъ. Угадайте, напримѣръ, кому посвятилъ онъ свою «Лѣтопись грамматической дѣятельности»? Памяти Ломоносова, или хотъ Мелетія Смотрицкаго, какъ праотцевъ русскихъ грамматикъ? Нѣтъ, онъ посвятилъ свою книжечку «Памяти сестры и друга!» Изліяніе сердца прекрасное, но какъ-то не клеится оно съ юмористическою его лѣтописью. Мы называемъ ее «юмористическою», потому что она вся написана въ полшутливомъ тонѣ, и въ иныхъ мѣстахъ читатель ея приходитъ въ недоумѣніе: смѣется, или въ правду говорить авторъ?

Прежде всего, дѣтописецъ какъ будто самъ подсмѣивается надъ своею мыслью и спрашиваетъ: «Какую же цѣль можетъ имѣть дѣтопись грамматической дѣятельности въ Россіи?» По удивительному логическому выводу, онъ наконецъ приходитъ къ тому, что дѣтопись имѣетъ цѣлью *изслѣдывать этотъ элементъ нашей православной народности*. И такъ, появленіе, перепечатываніе и неизбѣжное забвеніе книжекъ, называемыхъ русскими и россійскими грамматиками, есть элементъ нашей народности? Довольно-оригинально!.. Но почтенный авторъ говоритъ: «Дѣтопись грамматической дѣятельности въ Россіи есть малая лепта, которую одинъ изъ дѣлателей приносить на алтарь отечественнаго просвѣщенія... Польный признательности за воспитаніе, полученное въ Главномъ инженерномъ училищѣ, могъ ли онъ не заняться хотя дѣтописью?» Иной сказалъ бы: могъ, потому что не всѣ же выражаютъ свою признательность составленіемъ дѣтописи грамматической дѣятельности: не многимъ даже прійдетъ въ голову, что этимъ можно выражать свою признательность. «Историки языка найдутся» говоритъ сочинитель, «а исторія грамматики, сколько извѣстно, не обработана ни *в* (у) однимъ (одного) народѣ (народа)». — не обработана, потому что въ исторіи языка заключается и исторія грамматики. Вообще, г. сочинитель имѣетъ какое-то странное понятіе о грамматикѣ: онъ почитаетъ ее чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ языка, придаетъ великую важность даже плохимъ книжонкамъ, называемымъ грамматиками, и думаетъ, что онѣ подвигаютъ впередъ языкъ. Равнодушно вноситъ онъ въ свою дѣтопись всѣ изданія грамматики Меморскаго и думаетъ измѣрять успѣхи просвѣщенія числомъ изданій подобныхъ грамматикъ! Во времена безотчетной схоластики, позволительно было полагать, что «грамматика есть наука, научающая насъ читать, писать и говорить»; но въ наше время знаютъ, что грамматика, особен-

но грамматика языка мало-обдѣланнаго, есть только систематическое собраніе записокъ о языкѣ, извлеченное изъ самаго языка и измѣляющееся по мѣрѣ его успѣховъ. Языку научаются не изъ грамматикъ, а изъ жизни, изъ ученія вообще, изъ чтенія, изъ обращенія съ людьми. Грамматика служитъ при всемъ этомъ только руководствомъ въ первыхъ возрастахъ человѣка, и всего больше старается научить самого учащагося наблюдать и замѣчать законы языка. Кто не научится такими образомъ самъ наблюдать и замѣчать, тотъ никогда не выучится языку, и всю жизнь будетъ знать его не лучше Кутейкина. Потому-то, въ наше время, въ училищахъ не довольствуются упражненіемъ дѣтей въ склоненіяхъ, спряженіяхъ и исключеніяхъ, а стараются ознакомить ихъ съ законами языка посредствомъ практическихъ упражненій, анализа, и, напиримѣръ, для русскаго языка, указываютъ имъ на самые элементы его, для чего и обращаются къ языку церковно-славянскому. Въ полгода можно выучить всѣ правила любой грамматики; но не-уже-ли тотъ знаетъ языкъ и умѣетъ писать правильно, кто выучилъ эти правила? Такъ думали прежде, и отъ-того-то заставляли бѣдлыхъ дѣтей потѣть надъ правилами, которыя угодно было изобрѣсти гг. А. Б. В. Правила были точно *изобретенныя*, и доказательствомъ того служить сама «Грамматическая Дѣтопись», гдѣ находимъ слѣдующее любопытное замѣчаніе:

«Домоносовъ говоритъ: склоненій въ пемехъ яма: четыре для существительныхъ и одно для прилагательныхъ.

«Академія гласитъ: четыре, принимаятъ же склоненія для однихъ только существительныхъ именъ.

«Борнъ и Греть, слѣдую Шлецеру, принимаютъ три склоненія, различая ихъ по окончаніямъ именительнаго падежа.

«Востоковъ только два, и различаетъ ихъ по творительному падежу.

«Половцовъ — одно склоненіе.

«Едва окончился періодъ упрощенія началось противоположное движеніе:

«Павскій гласить: Распределение именъ существительныхъ на пять склоненій такъ свойственно нашему языку, что всякое отступленіе отъ сего счета необходимо внести въ склоненія сбивчивость.»

«Рейвъ въ Этимологическомъ Лексиконѣ и Гречъ въ Краткой Грамматикѣ (10 изданія) считаютъ три склоненія для именъ существительныхъ и три для именъ прилагательныхъ, слѣдовательно по Ломоносовски — шесть!»

«Нѣкоторые уклоняются отъ наименованія числа склоненій. Ивановъ и другіе принимаютъ три, но не точно Гречевы, Калайдовичъ четыре, но не академическія; Павскій пять, но не Ломоносовы.»

Ясно ли, что во всемъ этомъ не было и нѣтъ истинныхъ правилъ, извлеченныхъ изъ законовъ языка? Всякій придумывалъ что казалось ему легче и удобнѣе, а опытъ опровергалъ такія изобрѣтенія, и до-сихъ-поръ продолжается та же исторія. Въ спряженіяхъ, въ правописаніи, въ объясненіи разныхъ частей рѣчи, даже въ правилахъ синтаксиса — разногласіица, какъ и во всемъ. Что утверждаетъ одинъ, то опровергаетъ другой! И такъ, учась грамматикѣ, только принимали безотчетно правила, изобрѣтенныя тѣмъ или другимъ, а когда дѣло доходило до практики, до приложенія къ дѣлу затверженныхъ правилъ, тогда-то они и не ладилъ съ языкомъ! Часто надобно было разуचितаться тому, чему учились цѣлые годы, потому-что искусственныя правила вводили въ ошибку и противорѣчили истиннымъ законамъ языка. Намъ памятно слова А. Пушкина: «Я только тогда узналъ русскій языкъ, когда самъ для себя сочинилъ его грамматику». Вѣроятно, то же случилось со всѣми литераторами, для которыхъ не каждое печатное слово законъ. Главная польза отъ изученія книжекъ, называемыхъ грамматиками, та, что даже самая плохая изъ нихъ служитъ сводомъ разныхъ указаній и заставляетъ размышлять и трудиться почти надъ всѣми вопросами касательно языка. Къ такому взгляду на грамматику привела сама необходимость, и, въ слѣдствіе

его, даже въ нисшихъ училищахъ брошенъ прежній способъ — учить или зубрить шаткія, произвольныя правила, а учать языку, стараясь оамакормить съ правилами и законами его посредствомъ упражненій, а не приказаній слушаться какого-нибудь изобрѣтателя.

Чѣмъ же восхищаться послѣ этого, что въ наше время издается грамматикъ больше, нежели прежде? Мы видѣли, что онѣ не подвигаютъ впередъ языка, который образуется и возвышается отъ общей образованности народа и отъ появленія въ немъ превосходныхъ писателей. Покуда у насъ не было Ломоносова — не было вовсе правильного языка; покуда не было Карамзина — не было хорошаго языка; покуда не явились новыя, большія, разнообразныя дарованія — не было языка вполне образованнаго. Вотъ гдѣ успѣхи, и вотъ гдѣ можетъ быть дѣтопись языка — а не въ книжкахъ, часто бывшихъ только мученіемъ для цѣлыхъ поколѣній... Не угодно ли, мы станемъ восхищаться увеличеніемъ числа типографій въ Россіи, и по числу печатаемыхъ въ нихъ листовъ будемъ судить объ успѣхахъ языка и даже литературы? Но вы примете это за шутку, назовете комедію, которой смыслъ столько же печаленъ внутренне, сколько веселъ наружно! Гораздо важнѣе и утѣшительнѣе было бы для дѣтописи грамматической дѣятельности, если бы она сказала: «Въ наше время приняты въ учебныхъ заведеніяхъ двѣ или три русскія грамматики, признанныя лучшими; но очевидный успѣхъ въ изученіи языка представляетъ то обстоятельство, что печатныя руководства вообще служатъ только для справокъ, для напоминаній, а не для ученія дѣтей, которыхъ учать не по книжкѣ того или другаго, а по методъ, сообразной возрасту учениковъ и естественному развитію способностей человѣческихъ». Здѣсь выразилась бы и та истина, что учителя языка въ наше время знаютъ свое дѣло и не заставляютъ дѣтей вы-

утверждать такіе выводы, которые понятны не всякому взрослому уму, но которыми необходимо наполнены грамматики. Каждый вывод объясняется ученику изъ практики, и для этого почти каждый учитель придумывает самъ средства, сообразныя съ способностями и понятіями его-самого и учениковъ его. Важны не средства, а слѣдствія, т. е. успѣхи, и кто не умѣетъ вести своихъ учениковъ къ успѣхамъ, тотъ не будетъ учителемъ. Правда, немногіе учителя печатаютъ свои руководства или методы; но всѣ, достойные этого почтеннаго званія, имѣютъ ихъ и сами занимаются своимъ дѣломъ, не предоставляя его схоластическимъ сборникамъ. Вотъ гдѣ истинныя начала распространенія грамотности въ Россіи! Не въ книжкахъ, а въ учебной дѣятельности основаніе явилось, которое въ послѣдствіи укрѣпляется практикою и постепенно совершенствуется естественными успѣхами народа, идущаго впередъ по пути просвѣщенія. Наши современники знаютъ русскій языкъ лучше современниковъ Ломоносова, потому что жевутъ лѣтъ сто позже ихъ. Покуда образованность идетъ въ народѣ непопятнымъ шагомъ, до-тѣхъ-поръ и языкъ совершенствуется, очищается, принимаетъ новыя, болѣе-разнообразныя формы; вмѣстѣ съ упадкомъ просвѣщенія, онъ грубѣетъ, застыиваетъ, и наконецъ дѣлается способнымъ къ выраженію только вещественныхъ и животныхъ потребностей. Все это приводитъ къ неоспоримому заключенію, что языкъ есть выраженіе нравственнаго состоянія народа вообще и каждаго человѣка отдѣльно. Отъ-чего простолюдинъ не умѣетъ выразить самыя обыкновенныя мысли и обо всемъ говорить неправильно—отъ плохой своей образованности вообще. Слѣдовательно, чтобы вполнѣ понимать и выражать всѣ свои мысли и впечатлѣнія, надобно не только выучить наизусть правила какой-нибудь печатной грамматики, но провести сквозь свой умъ и душу все современное про-

свѣщеніе, быть наравнѣ съ образованностью своего народа. Таковы требованія языка, если только онъ есть выраженіе живаго, чувствующаго и мыслящаго существа.

Опускаясь съ такой высоты къ книжкамъ, называемымъ русскими и російскими грамматиками, мы находимъ въ нихъ основательнымъ только то, что заимствовано изъ всеобщей грамматики, утвержденной на неизмѣннѣныхъ законахъ духа человѣческаго; находимъ нѣсколько дѣльныхъ практическихъ замѣтокъ о разныхъ подробностяхъ русскаго языка; но метода изученія грамматики, раздѣленіе разныхъ частей ея, таблицы, исключенія изъ правилъ—все это такъ искусственно и шатко, что необходима коренная реформа во всемъ. До-сихъ-поръ повторяется въ грамматикахъ нашихъ то же самое, что писалъ Ломоносовъ въ своей грамматикѣ, и почти всѣ усовершенствованія заключаются въ новыхъ ошибкахъ касательнаго склоненій и спряженій. Г. Востоковъ поступилъ очень-умно, когда обратился опять къ ломоносовскому раздѣленію спряженій, потому-что, если оно такъ же ошибочно, какъ всѣ другія, то крайней-мѣрѣ остроумнѣе всѣхъ другихъ, не меньше ошибочныхъ и запутаннѣхъ раздѣленій нашихъ глаголовъ. Покуда не внесена въ наши грамматики естественная метода склоненій и спряженій, безъ всякаго искусственнаго раздѣленія и безъ всякихъ исключеній въ нихъ—до-тѣхъ-поръ надобно же будетъ забывать искусственное и условное и переучиваться вновь изъ практики и живаго языка. А не все ли равно, забывать изобрѣтеніе Ломоносова, или гг. Греча и Меморскаго?

Читая «Лѣтопись грамматической дѣятельности», думаешь, что въ иныхъ мѣстахъ сочинитель раздѣляетъ мнѣнія, изложенныя нами здѣсь; но въ другихъ мѣстахъ онъ рѣзко противорѣчитъ имъ и самому-себѣ, выражаясь съ восторгомъ о плохихъ грамматикахъ. Вы подумаете, что читаете

какую-нибудь поему, когда онъ говоритъ:

«Если бы была возможность собрать свѣдѣнія, то стоило бы указать: въ какомъ количествѣ были книги (грамматки) печатаны, въ какую страну отечества разошлись онѣ, какъ часто тоуили въ рѣкѣ забвенія, или куда попадали, что, кому и какъ передали, гдѣ и что сотворили (1). Ясно однако жъ, что утолая жажда Руси, азетки языкоученія ни сколько неумалаялись на огромномъ деревѣ отечественнаго просвѣщенія: одни слетали, желѣли и предавались тлѣнью, другіе высказывали на свѣтъ, любовались своею жизнью, пѣялись, обращались на пользу, и уступали мѣсто своей меньшей братіи. Случалось, что сучки и цѣлыя вѣтви засыхали и отрѣзывались, а другіе разрастались на диво.»

Не правда ли: это • Георгики • Виргинія? это • Маргаритка • Бориса? Но къ концу книги, пересчитавъ всѣ сотни тысячъ печатныхъ грамматикъ, дѣлописецъ пережѣиваетъ тонъ и говорить:

«На счетъ грамматическихъ учебниковъ всего лучше было бы назначить на каждое пяти или десятилѣтіе хотя небольшую премию, и допускать къ сенсателъству ее какъ духовныхъ такъ и свѣтскихъ, какъ гражданскихъ такъ и военныхъ, какъ благородныхъ такъ и нижнихъ чиновъ (1). А теперь многіе учителя кантонистовъ, служащіе цѣлымъ свой вѣкъ въ этомъ званіи, и не мыслятъ о подобномъ сенсателъствѣ и состязаніи, хотя могли бы до-классной части научить многихъ учениковъ (Стр. 7).

Видимъ, что курсъ на ученыхъ грамматикѣвъ очень упадаетъ; о восторгѣ уже помина нѣтъ... На послѣдокъ, вотъ выводъ окончательныхъ строкъ всей книжки:

«Въ числѣ послѣдствій отъ распространенія новѣйшихъ грамматикъ, почти соотвѣствующахъ потребностямъ времени, заключается и то, что метода преподаванія отечественнаго языка, особенно въ нѣкоторыхъ учебныхъ округахъ, значительно каммилежол. Практическія упражненія въ языкѣ предшествуютъ наученію правилъ, и самое теоретическое созерцаніе языка (?) по возможности облегчается тѣмъ, что наставники привыкаютъ къ

слабымъ силамъ учениковъ своихъ, и уже гораздо рѣже прежняго обисаютъ съ несчастными головами дѣтей то, что въ устахъ малютокъ является иногда самою безсмысленною болтовнею.»

Такъ вотъ каковы • послѣдствія распространенія новѣйшихъ грамматикъ! Ихъ откладываютъ къ сторонѣ, какъ • безсмысленную болтовню въ устахъ малютокъ! Такъ вотъ что значать • почти соотвѣствующахъ потребностямъ времени грамматикѣ! Выржажась не такъ рѣзко, и не съ противорѣчіемъ самимъ себѣ, мы пришли къ тому же выводу изъ нашихъ наблюденій и умозаключеній. Вѣроятно, таковы будутъ окончательныя сужденія всѣхъ, кто займется разсмотрѣніемъ русскихъ грамматикъ относительно пользы ихъ для изученія и познанія языка. Но, конечно, никто не съумѣетъ такъ по-виргиніевски выражать свои мысли, какъ умѣетъ выражать свои оригинальныя взгляды и логическія сближенія авторъ • дѣлописи грамматической дѣятельности въ Россіи •.

397) Греческо-Русскій Словарь, изданный изданіемъ Императорскаго Московскаго Университета. Москва. Въ университетской тип. 1847. Въ 1-ой части 1095, во II-ой 904 стр.

Изъ коротенькаго предисловія въ восьми строкахъ, мы узнаемъ, что • содѣйствіе и поощреніе высшаго начальства дало жизнь настоящему труду, котораго цѣль состоитъ въ томъ, чтобъ облегчить у насъ изученіе греческаго языка по руководствамъ отечественнымъ, что первая буква, отъ А до предлога и, принадлежать г-ну Кагану А. Коссовичу, остальное же частію Словаря занимался братъ его, г. Игнатій А. Коссовичъ. Въ концѣ прибавлено: • добросовѣстные ученые, безъ сомнѣнія, оцѣнятъ добросовѣтныи трудъ •.

Г. К. Коссовичъ извѣстенъ въ нашей литературѣ переводомъ элементарной грамматики Кюнера, а еще болѣе переводами съ санскритскаго языка, помѣщавшимися въ • Москвитинѣхъ • и

въ «Современникъ» (въ то время, когда «Современникъ» издавался еще г-мъ Плетневимъ); всего же болѣе—переводомъ санскритской драмы: «Торжество Свѣтлой Мысли», помѣщеннымъ во второмъ томѣ «Московского Сборника»; въ немногихъ экземплярахъ «Торжество Свѣтлой Мысли» было напечатано съ большими замѣненіями и отдѣльно. Братъ его, г. И. Коссовичъ, надалъ въ прошломъ году академическую рѣчь: «О пользѣ греческаго языка», и книгу: «Греческій глаголъ въ своемъ развитіи». Какъ о рѣчи, такъ и о глаголѣ мы представили довольно полный отчетъ въ первой книжкѣ нашего журнала на выѣздившій годъ. Тогда же, если помнить читателей, мы извѣщали о скоромъ выходѣ словаря греческо-русскаго, которымъ, сколько намъ извѣстно, г. Коссовичъ занимался нѣсколько лѣтъ. Теперь, наконецъ, словарь его вышелъ, и выходу его мы очень обрадовались. До-смѣхъ-поръ, у насъ былъ только словарь г. Ивашковского, словарь, какъ мы постараемся доказать ниже, довольно-плохой. Самый форматъ его крайне неудобенъ: четыре неуклюжіе фоліанта, напечатанные разговисто и притомъ неисправно. Тѣмъ не менѣе такова потребность въ Россіи на греческо-русскій словарь, что книга г. Ивашковского, изданная въ 1838 году, скоро раскуплена, и уже давно трудно достать ее. Еще скорѣе, мы думаемъ, раскупится словарь г. Коссовича, т. е. И. Коссовича (такъ-какъ братъ его, К. Коссовичъ, составилъ не болѣе четверти всего словаря, то мы, безъ обиды ему, можемъ приписать составленіе его г-ну И. Коссовичу).

Прежде, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію словаря г. Коссовича, считаемъ полезнымъ и необходимымъ изложить исторію лексикологіи за границею, особенно въ Германіи, странѣ, гдѣ такъ много людей занималось и занимается классической филологіею: филологію германскую можно сравнить съ моремъ, въ которое вливаются филологіи другихъ странъ, хотя и зна-

чительныя, но въ-сравненіи съ филологіею германскою такъ же незначительныя, какъ незначительны даже большія рѣки въ-сравненіи съ моремъ. Исторію лексикографіи заграничной мы положимъ вкратцѣ: болѣе вниманія обратимъ на лучшіе теперь, въ настоящее время, лексиконы. Обратимъ на это вниманіе считаемъ мы полезнымъ и потому, что, зная по опыту, немногіе въ Россіи ознакомились съ этими лексиконами; считаемъ необходимымъ въ настоящемъ случаѣ, — потому что такимъ-образомъ получить мы нѣтъ, критеріумъ, по которому можемъ уже судить о лексиконѣ г. Коссовича.

Если спроситъ читатель, почему мы не хотимъ судить о словарѣ безъ нѣрки, безъ критеріума, безотносительно—потому, отвѣтимъ мы, что не только мы, но едва-ли кто-нибудь, не только въ Россіи, но даже за границею, можетъ безотносительно (въ волюмъ смысла) оцѣнить греческій словарь. Причина въ томъ, что до-сихъ-поръ, не смотря на успѣхи, сдѣланные филологіею въ послѣднее время, многого еще не объяснено, не доказано. Какъ же, послѣ этого, судить безотносительно о греческомъ словарѣ, который долженъ заключать въ себѣ всѣ добытые наукою результаты? Нѣтъ, теперь мы можемъ только судить относительно того состоянія, въ которомъ находится филологія и лексикографія въ настоящее время. Какъ судить безусловно, безотносительно, когда, на-примѣръ, въ такомъ даже писателѣ, какъ Эсхилъ, есть по-крайней-мѣрѣ десятая доля стиховъ, о которыхъ господа комментаторы судятъ весьма-различнымъ образомъ?

Еще древніе (александрійскіе и позднѣйшіе Греки) писали словари, которые послужили основаніемъ для словарей новаго времени. Древніе лексикографы обращали преимущественно вниманіе на слова рѣдко-встрѣчающіяся. Поэтому словари ихъ далеко не полны. На болѣе-части, вошли въ нихъ слова, почти никогда не встрѣчающіяся у писателей, дошедшихъ до

насть. Иное назначеніе имѣли словари, возникшіе вскорѣ послѣ такъ-называемаго возрожденія наукъ. Первый замѣчательный изъ такихъ словарей принадлежитъ Фаворину Камерсу; онъ составленъ изъ схолий, т. е. примѣчаний древнихъ грамматиковъ къ классическимъ писателямъ, и вышелъ въ первой четверти XVI столѣтія, въ Римѣ. Потомъ, вскорѣ, Будей издалъ свои: *Commentarii linguae graecae*, въ Базелѣ. Эти комментаріи вошли въ словарь такъ-называемый *Septem Virorum*. Самое замѣчательное лексикографическое твореніе есть: *Henrici Stephani Thesaurus linguae graecae*, вышедшее въ 1572 году въ Женевѣ, въ двухъ томахъ. «Сокровищница» Генрика Стефана дополнялась и перепечатывалась нѣсколько разъ. Наконецъ, въ 1830 году, Дидо, предпринявшій и теперь почти на половину исполнившій прекрасное изданіе всѣхъ замѣчательныхъ классическихъ писателей (въ этомъ изданіи участвуютъ почти всѣ знаменитости германской филологіи: текстъ и латинскій переводъ греческихъ писателей въ изданіи Дидо считается теперь самымъ лучшимъ), задумалъ новое изданіе «Сокровищницы» Генрика Стефана съ новыми дополненіями и поправками. Трудъ капитальный: въ немъ принимаютъ участіе всѣ знаменитые въ настоящее время филологи. Онъ еще не конченъ.

Но «Сокровищница» Генрика Стефана, особенно въ послѣднемъ своемъ изданіи, такъ огромна, что для школы не годится. Поэтому постоянно издавались менѣе-объемистые словари. Особенно были въ ходу словари Конрада Шревелліа и Бенж Гедерика. Словарь Шревелліа, далеко уступающій словарю Гедерика, особенно часто перепечатывался, потому-что въ немъ показано даже начало всѣхъ сколько-нибудь трудныхъ формъ: Шревелліа какъ-будто рассчитывалъ на самыхъ бѣготливыхъ учениковъ. Лексиконъ Шревелліа вышелъ въ первый разъ въ 1670 году, Гедерика — въ 1722 г. Тотъ
T. LV. — Огд. VI.

и другой перепечатывались даже въ Россіи, для духовныхъ училищъ.

Замѣчательно, что въ Германіи первый греко-нѣмецкій словарь изданъ былъ въ 1784 году: до того времени даже въ словаряхъ хрестоматій переводились греческія слова на латинскій языкъ.

Первый удовлетворительный греко-нѣмецкій словарь изданъ былъ въ 1797—1798 годахъ Шнейдеромъ. Шнейдеръ передѣлалъ для Нѣмцевъ «Сокровищницу» Генрика Стефана. Поэтому лексиконъ его немного уступалъ ей въ объемѣ. Потребность въ болѣе-краткомъ, но удовлетворительномъ словарѣ была такъ велика, что Пассовъ и Римеръ почти въ одно время принялись сокращать лексиконъ Шнейдера. Римеръ, человекъ очень-остроумный, не столько заботился о точности и дѣльности, сколько объ острогахъ: въ этомъ отношеніи, словарь его очень-любопытенъ. Не таковъ былъ Пассовъ. Этотъ добросовѣстный и трудолюбивый ученый, не полагаясь вполнѣ на авторитетъ Генрика Стефана и Шнейдера, внимательно пересмотрѣлъ Гомера, Гезіода и нѣсколько книгъ Геродота. Болѣе онъ тогда не могъ сдѣлать. И потому, если словарь его неудовлетворителенъ, на-примѣръ, для аттическихъ писателей, за то удовлетворителенъ вполнѣ для Гомера, Гезіода и нѣсколькихъ книгъ Геродота. Тѣмъ не менѣе, онъ надолго оставался первымъ по достоинству греческимъ словаремъ.

Словарь Пассова очевидно не удовлетворялъ всѣхъ потребностей, и потому отъ времени до времени появлялись новые словари. Самые замѣчательные, далеко превосходящіе всѣ прочіе словари, суть три словаря греко-нѣмецкіе, вышедшіе въ послѣднее уже время: 1) словарь Якобика и Зейлера, начавшійся въ 1839 году, сперва по плану Пинцгера, потомъ, по смерти Пинцгера, по новому плану, составленному посмертными его издателями; 2) словарь Панае: изданіе его началось съ 1842 года; наконецъ 3) словарь Пассова передѣлываютъ теперь трое уче-

ныхъ: Ростъ, Пальмъ и Крейсслеръ. Первые два лексикона окончены; послѣдній лексиконъ выйдетъ, кажется, самымъ лучшимъ. Но такъ-какъ онъ еще не вышелъ весь, то мы не станемъ говорить о немъ. Изъ первыхъ двухъ лексиконовъ, почти равныхъ достоинствомъ, по нашему мнѣнью, лучше лексиконъ Папе. На него-то и обратимъ теперь вниманіе. Тѣмъ болѣе считаемъ это нужнымъ, что намъ кажутся образцовыми приемы, порядокъ, объясненія Папе; въ настоящее время, по словарю Папе можно получить самое лучшее понятіе о томъ, какъ составлять греческій словарь.

Лексиконъ Папе состоитъ изъ трехъ частей. Первые двѣ части содержатъ въ себѣ нарицательныя имена; третья — собственныя. Третья часть продается и отдѣльно. Цѣна въ Германіи за первые двѣ части шесть талеровъ; за третью — 1½ тал. Цѣна очень умеренная; бумага плотная, веленевая; корректура исправна въ высшей степени; печать компактная, но ясная и четкая. Сжатость изложенія и умѣстительность печати таковы, что *двѣсти* печатныхъ листовъ этого лексикона равняются *двумъ-стамъ-семидесяти-пяти* листамъ лексикона Пассова. Не смотря на все это, лексикона Папе все-таки нельзя назвать полнымъ. Впрочемъ, Папе и не имѣлъ этого въ виду. Замѣтимъ мимоходомъ, что даже огромный лексиконъ Генриха Стефана не заключаетъ въ себѣ всѣхъ греческихъ словъ: въ немъ иногда не найдешь даже слова, встрѣтившагося у какого-нибудь изъ такихъ писателей, которые наиболѣе читаются. Папе, подобно Якобцу и Зейлеру, хотѣлъ только составить такой словарь, который удовлетворялъ бы вполне при чтеніи писателей, жившихъ до Аристотеля: потому-что, какъ мы сказали уже, до выхода словарей Якобца и Папе можно было найти всѣ слова во всѣхъ значеніяхъ — только гомеровы и гезіодовы. Папе не обратилъ особеннаго вниманія на Пиндара, трагиковъ, комиковъ, Геродота, Фукидиду, Платона, Ксенофонта и аттиче-

скихъ ораторовъ. Относительно Гомера и Гезіода положимся на авторитетъ Пассова. Для Платона пользовался онъ специальнымъ словаремъ Аста, для Софокла такимъ же словаремъ Эллента; словари Аста и Эллента лучшіе въ настоящее время специальные словари. Много полезней ему былъ также специальный словарь къ Ксенофону, Штурца — прекрасный словарь, но теперь уже немногo-устарѣлый. Для Пиндара и Эсхила онъ пользовался известными указателями (indices) — бѣковымъ къ Пиндару и веллауеровымъ къ Эсхилу. Сверхъ-того, пригодились ему сго предварительныя занятія антологическими поэтами: онъ далъ имъ въ словарь своей мѣста болѣе, чѣмъ сколько слѣдовало бы по плану. Писателей, для которыхъ еще нѣтъ хорошихъ специальныхъ словарей, онъ перечелъ самъ. Такимъ-образомъ, прочелъ онъ Ксенофонта, Фукидиду, аттическихъ ораторовъ и главнѣйшія сочиненія Аристотеля, Лукіана, Плутарха и Полибія. Другими позднѣйшими писателями, кромѣ исчисленныхъ нами и антологическихъ поэтовъ, онъ занимался мало: такъ на позднѣйшихъ философовъ, историковъ и отчасти поэтовъ онъ даже не обратилъ вниманія. Глоссы, т. е. слова съ поясненіями, встрѣчающіяся только у греческихъ лексикографовъ, приняты имъ во всѣ: опущены трудно-объяснимыя и виднo-испорченныя глоссы. Какого огромнаго труда стоило Папе выполнить все это — очевидно. Но этого мало: въ словарь его нѣтъ ни одной ссылки на какое-нибудь сочиненіе того или другаго писателя, которой бы онъ не прочиталъ самъ. Замѣтимъ, что иногда нѣсколько пожелтѣвъ ссылаются на такое мѣсто, которое вовсе не идетъ къ дѣлу; ссылались иногда, хотъ и рѣдко, даже на такія мѣста, которыхъ вовсе нѣтъ: такъ долго ученые упоминали какую-то главу Ливія — теперь не упоминаемъ — которой въ Ливіи вовсе нѣтъ. Вотъ почему Папе перебралъ ссылки. Когда онъ по какой-нибудь причинѣ считалъ ненужнымъ приписки-

вать мѣсто, то выставлялъ только имя писателя, не прибавляя, изъ какого сочиненія этого писателя взято оно. Наконецъ, Папе пополнилъ одинъ важный недостатокъ прежнихъ греческихъ словарей: въ нихъ помѣщалось всегда очень-немного примѣровъ изъ писателей — весьма, особенно сравнительно съ словарями латинскими. Въ словарь Папе, примѣровъ очень-много. Приводя ихъ, онъ обращалъ, разумеется, особенное вниманіе на употребленіе какого-нибудь слова до Аристотеля. Съ этимъ онъ соединилъ еще другую важную выгоду: краткии, но чрезвычайно-попытными означеніями показалъ онъ исторію каждаго слова, особенно до Аристотеля. Цитаты, сверхъ-того, показываютъ еще объясненія, сдѣланныя самими классическими писателями, схоластиками или лексикографами; различіе синонимичныхъ словъ, противоположныя слова, характеристичныя предикаты, грамматическія конструкціи, и такъ далѣе.

Много могли бы мы и еще поговорить о Папе, но, думаемъ, достаточно и сказаннаго нами, чтобъ оцѣнить просвѣщенный трудъ, обдуманность, тщательность и терпѣніе его. Но... мы должны отвернуться отъ этого, въ которомъ смыслъ ралующаго душу явленія — явленія, впрочемъ, нѣбавкаго за границею, и обратиться къ словарю г. Ивашковского, о которомъ должны тоже сказать нѣсколько словъ, чтобъ оцѣнить словарь г. Коссовича.

Написать вполне-хорошій греко-русскій лексиконъ въ настоящее время, не смотря на многочисленныя пособія заграничныя, невозможно, потому-что и русскій-то языкъ нами еще плохо обработанъ: у насъ нѣтъ ни сноснаго русскаго словаря, ни сносной грамматики; да и греческій языкъ остается пока безплоднымъ для русскаго языка и литературы: у насъ, кромѣ г. Карпова, никто еще не перевелъ порядочно ни одной греческой пьесы. А пока не будетъ хорошихъ переводовъ, какъ выразить

по-русски въ словарѣ всѣ отгѣнки греческаго слова? Когда мы будемъ имѣть хорошіе переводы главнѣйшихъ греческихъ классиковъ, когда обработается хоть сколько-нибудь наша грамматика, тогда возможенъ будетъ и хорошій греко-русскій словарь. Не можетъ при этомъ не пожалѣть, что прекратился переводъ Платона, начатый г. Карповымъ съ рѣдкимъ, особенно у насъ въ Россіи, умѣньемъ и знаніемъ дѣла, прекратился на второмъ томѣ. Его тогда не оцѣнили наши ученые, по-крайней-мѣрѣ печатно! А явись такой переводъ за границею, его поставили бы наряду съ лучшими переводами... Странное впечатлѣніе производить на Русскаго, занимающагося греческимъ языкомъ, сличеніе греческаго языка съ русскимъ: его поражаетъ оригинальность, бойкость русскаго слова и выраженія; онъ видитъ часто сходство греческаго языка съ русскимъ тамъ, гдѣ нѣтъ ничего сходнаго въ греческомъ языкѣ съ другими, даже съ латинскимъ — языкомъ, съ которымъ болѣе чѣмъ съ другими языками сравнивали языкъ греческій, и въ то же время ему становится досадно, просто больно, что такъ мало разработана еще русскій языкъ. Въ немъ есть много оборотовъ, которые, не смотря на обширное употребленіе ихъ, рѣшительно не замѣчены нашими грамматиками. Кто, по-примѣръ, обратилъ вниманіе на всѣ случаи употребленія нашего неопредѣленнаго наклоненія? Оно часто употребляется тамъ, гдѣ въ греческомъ или латинскомъ, да и въ другихъ языкахъ, употребляется сослагательное наклоненіе. Примѣры: *если разсудить дѣло хладнокровно, что мнѣ дѣлать?* *quid faciam?* *провѣляю тебѣ бы не покупать:* *frumentum ne emissas* (Cic)... Но объ этомъ, особенно о сличеніи греческаго языка съ русскимъ, намъ прійдется, вѣроятно, поговорить еще въ послѣдствіи; прибавимъ только, что у насъ собрано нѣсколько шлютизмовъ, особенно разговорнаго греческаго языка, которые какъ-вѣлья лучше переводятся на русскій языкъ,

тогда-какъ для не-Русскихъ они почти непонятны. Только мы вовсе не думаемъ, будто причина этого сходства заключается въ томъ, что мы образованіе свое получили первоначально отъ Грековъ. Теперь доказано, кажется, окончательно, что переводъ греческихъ книгъ на русскій языкъ имѣлъ незначительное вліяніе на русскую рѣчь, и что одленизація священныя книгъ началась съ Максима Грека. Еще: возможность замѣтить сходство греческаго разговораго (на-примѣръ, аристофановскаго) языка съ русскимъ разговорнымъ открылась только съ появленіемъ въ русской литературѣ сочиненій Гоголя. Впрочемъ, до-сихъ-поръ, греческія и латинскія слова переводятся у насъ словами устарѣлыми, невѣрно: причиною этому много... Эти устарѣлыя слова переходятъ преимущественно отъ одного поколѣнія къ другому. Укажемъ на одинъ примѣръ: латинское слово *mones* до-сихъ-поръ переводится чрезъ *увѣщаю*, хотя *mones* совсѣмъ не значитъ: *увѣщаю*. Нельзя не пожалѣть, наконецъ, о равней кончинѣ даровитаго профессора Московскаго Университета, Д. А. Крюкова: слушатели его долго будутъ помнить, съ какимъ мастерствомъ переводилъ онъ римскихъ классиковъ на лекціяхъ. Мы слышали, что онъ готовилъ русскій переводъ Тацита: это было бы драгоцѣннымъ приобретеніемъ для русской литературы.

Разговорились мы обо всемъ этомъ для того, чтобъ показать, какъ трудно написать теперь вполне-хорошія греко-русскія лексиконъ. Чего же можемъ мы требовать отъ греко-русскаго словаря, составленнаго въ настоящее время? Полноты—нельзя: мы сказали уже, что теперь нѣтъ ни въ какой литературѣ полнаго греческаго словаря. Признанія къ русскому языку, примѣненія вполне-удовлетворительнаго, тоже не можемъ требовать: на это выставили мы достаточныя причины. Даже нельзя требовать, чтобъ въ греко-русскій словарь входили всѣ слова, вошедшія, на-примѣръ, въ лексиконъ Папе.

Словаря греко-русскаго еще очень-недостаточно для дѣльнаго занятія греческимъ языкомъ: нужны для этого еще комментаріи, грамматикн и другія филологическія сочиненія. Русскому, который захочетъ изучитъ дѣльно греческій языкъ, нужно для этого хорошо знать хоть латинскій и нѣмецкій. Чтò жъ должно теперь войти въ греко-русскій словарь? Этотъ вопросъ приводится къ слѣдующему вопросу: для кого долженъ быть назначаемъ греко-русскій словарь? А на этотъ послѣдній вопросъ отвѣтитъ уже легко послѣ сказаннаго нами выше. Составитель греко-русскаго словаря долженъ имѣть въ виду преимущественно тѣхъ, кто начинаетъ только учиться греческому языку, и потому тѣхъ, кто не намѣренъ посвятить цѣлую жизнь изученію греческаго языка, а довольствуется только такимъ знаніемъ, которое даетъ ему возможность читать въ подлинникъ и понимать, хотя не глубоко, но все-таки вѣрно и отчетливо, греческихъ писателей. Поэтому въ греко-русскій словарь настоящаго времени должны войти всѣ слова, встречающіяся у классическихъ писателей, со всѣми ихъ значеніями, со всѣми отгѣнками; для этого же нужно помѣстить какъ можно-больше примѣровъ: однимъ словомъ — какъ слѣдано это въ лексиконѣ Папе. За то можно, воплнѣ можно выкинуть *всѣ* глоссемн, даже всѣ слова, встречающіяся только у позавѣйшихъ писателей. Потому, само-собою разумѣется, что со стороны составителя греко-русскаго словаря должно быть приложено все стараніе, чтобъ удовлетворить современныя заграничныя требованія науки. Лексиконъ—дѣло капитальное: принимающійся за него долженъ воспользоваться всѣми результатами заграничной науки. Небрежность въ этомъ дѣлѣ ничѣмъ неизвинима.

Теперь обратимся къ греко-русскимъ словарямъ гг. Ивашковскаго и Коссовича. Лексиконъ г-на Ивашковскаго очень-плохъ. На каждой страницѣ встречается не только совершен-

ное непониманіе лексикографическихъ требованій, а просто школьныя ошибки. Объ этомъ словарь много и говорить нечего: онъ, просто, не знаетъ хорошенько вѣмецкаго языка, а пользовался, какъ самъ говоритъ въ предисловіи, греко-вѣмецкими словарями. Укажемъ на нѣсколько ошибокъ:

• *Ἐπιδρομία*, *ων*, *τά*, бѣгавіе вокругъ, пятый день послѣ рожденія младенца, въ который повивальныя бабы съ нимъ около стада бѣгали. Надобно было сказать: *около очага*. Г. Ивашковскій смѣшалъ *der Heerd*—очагъ, и *die Heerde*—стадо!..

• *Ἄξιος*, *α*, *ισ*, топору принадлежашій, отъ *ἄξω*. А *ἄξω*, сказанно у самого же г. Ивашковского, значить: *осъ*. Странная метаморфоза *оси* въ *топоръ*! Дѣло въ томъ, что по вѣмцамъ *zug Achse gehörig*. Г. Ивашковскій смѣшалъ *die Achse osъ*, и *die Axt топоръ*. И такая небрежность на первыхъ страницахъ словаря!

• *Ἑπτάπους*, *ου*, *ὀ* или *ἑπτάπους*, *δ*, *ή* съ семью ногами, семиногій. По вѣмцамъ: *sieben Fuss lang*, то-есть: семифутовой!..

Кто захочетъ найти еще нѣсколько такихъ ошибокъ, пусть сличитъ съ лексикономъ г. Коссовича слѣдующія слова: *φυλλορραγίω*, *ἵπυραρμα*, *τίτις*, *πταίρα*, *προμαγτα*, *παραγονάτιον* и такъ дагѣ, и вообще — пусть сличитъ нѣсколько страницъ лексикона г. Ивашковского съ лексикономъ г. Коссовича. Мы сличали и нашли, что въ послѣднемъ ошибокъ г. Ивашковского нѣтъ.

Жаль, что г. Ивашковскій употребилъ трудъ (а трудился онъ, разумеется, не мало) на такое бесполезное дѣло. Всего замѣчательнѣе, что въ предисловіи г. Ивашковскій претендуетъ на полноту — а мы сказали, что полнаго греческаго лексикона теперь нѣтъ. Онъ думаетъ, что помѣстилъ всѣ слова и равныя нужнѣйшія выраженія, какія только встрѣчаются въ твореніяхъ греческихъ писателей, начиная отъ Омира до паденія владычества

Эллиновъ, или лучше до порабощенія ихъ Османами!..

Теперь перейдемъ къ словарю г. Коссовича. Г. Коссовичъ, видно, постоянно виѣлъ въ виду словарь г. Ивашковского; словарь этотъ былъ для него, такъ сказать, фаросомъ, маякомъ. Поэтому онъ избѣжалъ всѣхъ главныхъ ошибокъ г. Ивашковского. Намъ понравилась также точность и опредѣлительность новаго словаря: онъ не наполненъ множествомъ синонимичныхъ, ни къ чему неведущихъ выраженій, что составляетъ недостатокъ многихъ словарей, издававшихся въ Россіи — особенно латино-русскаго словаря г. Кроненберга. Всего болѣе жалѣемъ, что г. Коссовичъ написалъ такое коротенькое предисловіе. Ему слѣдовало бы написать большое предисловіе. Книга его въ этомъ очень нуждается. Да и вообще, предисловія у насъ — гдѣ что человекъ, тѣ и мнѣніе, по выраженію Гоголя — необходимѣе чѣмъ за границею, гдѣ образованіе получается болѣе-одинаковое, болѣе-общее. Не понимаемъ, какъ на это не обратятъ вниманія тѣ, которые задаютъ, у насъ равныя книги! Въ слѣдствіе того, что г. Коссовичъ не предпослалъ своему словарю никакого предисловія, мы теперь не знаемъ, какъ долго составлялъ онъ свой словарь, чѣмъ пользовался, какой виѣлъ планъ, для кого назначалъ. Мы слышали (но можно ли полагаться на то, что только слышали?), что составленіемъ словаря г. Коссовичъ занимался долго. И въ-самомъ-дѣлѣ, вѣроятно, онъ началъ составлять его еще до выхода словарей Якобца и Зейлера и Папе. Этими мы только объясняемъ, почему въ первой части обращено болѣе вниманія на гомеровъ языкъ, чѣмъ въ послѣдней, и наоборотъ, почему въ послѣдней части обращено болѣе вниманія на аттическій языкъ, чѣмъ въ первой. Сперва, вѣроятно, онъ руководствовался преимущественно Пассовомъ, потомъ — Якобцемъ и Зейлеромъ и Папе.

Дагѣ, очевидно, г. Коссовичъ иначе, чѣмъ мы, смотритъ на то, какія

слова и въ какомъ общедѣ должны входить въ греко-русскій словарь. Онъ помѣстилъ всѣ, какія вышли въ существующихъ теперь словаряхъ, греческія слова, даже глоссымы. Объясненія же словъ, по нашему мнѣнію, слишкомъ-коротки. На слово, на-примѣръ, *ἄλι* у него употреблено три строки, у Папе — 40; на *φύσι* 22 строки у г. Коссовича, у Папе болѣе 80 строкъ; на *εβρα* 6 строкъ у г. Коссовича, 30 у Папе, и такъ далѣе. Притомъ, нужно замѣтить, что строка г. Коссовича вдвое-меньше строки Папе.

При словарѣ г. Коссовича не только нѣтъ предисловія, нѣтъ даже объясненія тѣхъ сократительныхъ знаковъ, которые употребляются имъ. Уже-ли онъ думалъ, что многіе поймутъ такія означенія: В. А. (Bekkeri Anecdota Graeca), Nic. Al. (Nicandri Alexipharmaca), Philp. 12 (IX, 290)? У Папе болѣе 6 столбцовъ употреблено на объясненіе такихъ знаковъ; и во всякомъ хорошемъ иностранномъ словарѣ они объясняются, а у насъ еще болѣе нужно объясненіе ихъ: мы такъ мало знакомы съ греческой литературой!

Приводя, у-кого употребляется то или другое слово, г. Коссовичъ не слѣдовалъ, сколько мы замѣтили, определеннымъ правиламъ. Большею частію показаво только у какого писателя встрѣчается слово, а въ какомъ мѣстѣ встрѣчается, рѣдко показаво. Даже не означено этого при такихъ словахъ, которыя встрѣчаются только *однажды* у какого-нибудь *одного* писателя. Примѣры: *δρακίτις*, *ἕβρα*, *Λεκανίδιον* и пр. Слова, приводимыя изъ Аеенея, означены просто: Ath. Но въдѣ Дипсософистъ Аеенея заключаетъ въ себѣ множество отрывковъ изъ поэтовъ, и потому многія слова принадлежать вовсе не ему, а поэтамъ, мѣста изъ которыхъ онъ приводитъ съ удержаніемъ, конечно, подлинныхъ ихъ выраженій и даже съ удержаніемъ нарѣчій, на которыхъ они писали. Такъ *ἄβριον* принадлежитъ Евнипію, *ἰδαρίς* — Антифану, *ἰδρυχός* — Еврипиду, и т. д.

Но самый важный недостатокъ словаря г. Коссовича состоитъ въ томъ, что онъ не выставилъ надъ греческими словами знаковъ количества. Кто занимался греческимъ языкомъ, тотъ понимаетъ, какъ важно знать количество. Безъ этого невозможно читать поэтотъ, невозможно поставить вѣрно ударенія. Тотъ же недостатокъ и въ словарѣ г. Ивашковского.

Опечатокъ немного. Большею частію онѣ состоятъ въ томъ, что надъ словами, начинающимися съ гласной, не выставлено придыханія. Знаю, какъ много бываетъ обыкновенно опечатокъ въ греческихъ книгахъ, издающихся въ Россіи, мы даже увидели малому числу опечатокъ въ словарѣ г. Коссовича.

Г. Коссовичъ, очевидно, только перелѣвывалъ иностранныя греческія лексиконы. На сходствѣ греческаго языка съ русскимъ, на примѣненіи греческаго языка къ русскому не обращено у него никакого вниманія. Даже не сказано, что русскія частицы, отвѣчающія греческимъ: *ἄν*, *πρίν*, *ὅτε* и г. п. требуютъ такъ же, какъ и по-гречески, иногда неопредѣленнаго наклоненія. Всего болѣе удивило насъ, что при объясненіи частицы *ἄν* приведены разныя мудренныя нѣмецкія толкованія (въ родѣ слѣдующихъ: ежели будетъ тебѣ угодно — случалось, такія были обстоятельства, что — въ этомъ случаѣ), а ни слова не сказано о томъ, что часто переводится *ἄν* по-русски черезъ *бы*, *было*, *бывало*. Даже не сказано, что *ἄν* значить *бы*. Г-нъ Коссовичъ говоритъ: «по русски передается отчасти словами: *ежели*, *когда*; примѣръ: *ἔγραπται, ἐπιπέδον ἔγραπται — ἔγυθ' ἂν καὶ καταλλέτω*, спрашиваешь меня, откуда я скажу (ежели будетъ тебѣ угодно)». Мы кажется, да я думаю, и всякому покажется, что г. Коссовичъ перевелъ *καὶ* (= *ἄν*) не черезъ *ежели*, а черезъ «ежели будетъ тебѣ угодно», т. е. есть, не словомъ, а предложениемъ. Странно и то, что у г. Коссовича на ту частицу, о которой столько написано

Нѣмцы книгъ (знаменитый О. Германъ написалъ объ ней три тома), примѣровъ всего — четыре, и изъ нихъ только одинъ такой, который представляетъ обыкновенное, употребительное ея значеніе. Еслибъ наша рецензія не была такъ велика, мы доказали бы г. Коссовичу справедливость своего мнѣнія (впрочемъ, что мы сказали — болѣе, чѣмъ *миліоніе*). Теперь удовольствуемся только тѣмъ, что посоветуемъ ему попробовать перевести на русскій языкъ условныя греческія предложенія съ *ἄν* — тогда онъ увидитъ, какъ кстата тутъ *бы*, и перевести Agistoph. Kap. 1022. Nub. 55, 853, 977 — 87, Soph. Phil. 289, Herod. I, 196, чтобы видѣть, какъ кстата тутъ *быало!* Желательное съ *ῥ* всегда почти переводится по-русски черезъ *бы*.

Сказаннаго нами о словарѣ г. Коссовича, кажется, довольно. Окончательнаго заключенія о достоинствѣ его дѣлать не станемъ, потому что кто прочтетъ вашу рецензію отъ начала до конца, тотъ самъ выведетъ заключеніе.

Мы увѣрены, что словарь этотъ раскупится скоро, и скоро понадобится второе изданіе. Потому-то мы совѣтовали бы г. Коссовичу приступить къ передѣлкѣ своего словаря и приготовить ко второму изданію такой словарь, который болѣе настоящаго удовлетворялъ бы и современныя требованія науки, и настоящую потребность Россіи.

398) Справочный Энциклопедическій Словарь (.) Изданіе К. Крайя (.) Томъ шестой (.) Часть I-я. И, I, К—Клп. Часть II-я. Клп—Клх. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. К. Крайя. Въ 8-ю д. л. Въ I-й части 1—496, во II-й 497—996 стр.

Въ объявленіи объ этомъ томѣ «Словаря» сказано, что «для удобства въ употребленіи, VI томъ раздѣленъ на двѣ части; при каждой части особый титулъ. Желающіе же переплестъ обѣ части въ одинъ томъ, найдутъ приложенный въ концѣ общій титулъ то-

ма», — а между-тѣмъ первая часть оканчивается полусловомъ: *притомъ*, вторая же начинается другою половиною этого слова: *ллелл*; слѣдственно, не было надобности и переплестать томъ въ двѣ отдѣльныя обложки, если онъ не дѣлится по содержанию своему на двѣ части, вышедшія впрочемъ въ одно время. Что же касается до заботливости издателя объ удобствахъ употребленія «Словаря», то намъ кажется, что онъ лучше бы сдѣлалъ, постаравшись приложить къ каждому тому алфавитъ всѣхъ словъ, въ этомъ томѣ находящихся, чего до-сихъ-поръ нѣтъ ни при одномъ томѣ.

Впрочемъ, подробный разборъ шестаго тома «Справочнаго Словаря» читатели найдутъ въ отдѣлѣ Критики этой же книжки нашего журнала.

399) Новая Пальмовая Оранжевка Императорскаго Санктпетербургскаго Ботаническаго Сада. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. К. Крайя. Въ 8 ю д. л. 31 стр.

Пріятно бываетъ встрѣтиться съ знакомымъ человѣкомъ и переговорить о томъ, что случилось со времени послѣдняго свиданія. Но если бы, чего Боже сохрани! былъ у васъ такой знакомый, который бы имѣлъ привычку при каждомъ новомъ свиданіи, повторять слово-въ-слово разговоръ, веденный въ послѣдній разъ? Какое первое движеніе при подобной встрѣчѣ? Конечно, свернуть въ сторону — и вы непременно свернете, развѣ только обязанность будетъ требовать пойдти прямо, раскланяться и выслушать.

Съ авторомъ предлагающей брошюрки мы въ первый разъ познакомились въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» (29 и 30 №№ нынѣшняго года), гдѣ помѣстилъ онъ описаніе *новой пальмовой оранжевки*, которая тогда была совершенно-нова, и сооруженіе которой было совершенною новостью. Мы тогда же и говорили объ этой новости. Теперь во второй разъ имѣемъ удовольствіе читать г. И. Неронова, во второй разъ слышимъ отъ

него о новой пальмовой оранжереѣ, и слово-въ-слово то самое, что слышали прежде:

«Замѣчательно въ области астрономическаго Пулковской обсерваторіи, воздвигнуто А. Брюловымъ; но еще болѣе того замѣчательна въ области ботаники пальмовая оранжерея...»

Такъ обыкновенно начинаетъ авторъ. А мы всегда при этомъ спрашиваемъ: почему же болѣе?

«...болѣе (отмѣчаетъ авторъ) потому что несравненно многотруднѣе было принять створеніе къ обитанію жмыелъ существъ, каковы растенія, и къ свободному ихъ произрастанію, нежели къ возмѣщенію неодошественныхъ предметовъ, каковы астрономическіе инструменты, и къ механизму для удобнѣйшаго ихъ дѣйствованія...»

Прежде мы уважали первую минуту увлеченія автора дѣйствительно-прекраснымъ произведеніемъ, и потому не возражали. Но теперь—другое дѣло; въ теченіе полугодя было время перестроить неправильный силлогизмъ, найдти другую причину, почему «болѣе»; а если таковой причины не имѣется, такъ ужъ лучше не повторять того, что неудачно сорвалось съ языка. Въ противномъ случаѣ, выйдетъ вотъ что: если построятъ обсерваторію легче, нежели оранжерею потому только, что въ первой помѣщаются неодошественные предметы, а въ послѣдней «живыя существа», то значитъ—построить караульную будку труднѣе, нежели обсерваторію и оранжерею, потому что въ будкѣ помѣщается существо не только живое, но и чувствующее, имѣющее несравненно-болше потребностей, требующее гораздо-болше удобствъ, нежели растеніе...

Отправившись отъ такого глубокаго силлогизма, авторъ всякій разъ впадаетъ въ родъ лирическаго восторга и начинаетъ разяснять созданіе обсерваторіи и оранжереи психологически, т. е. изслѣдуетъ самый процессъ творчества того и другаго художника, старается доискаться, что вдохновило ихъ, и тутъ же рѣшаетъ, что одного вдох-

новило «звѣздное небо», другаго — «масса растеній»...

Такъ, такъ! совершенно такъ! Звѣздное небо и масса растеній; особенно масса «сильно дѣйствуетъ на воображеніе и расположеніе духа человѣческаго». Отъ-того-то пальмовая оранжерея и оказалась выше Пулковской Обсерваторіи, отъ-того-то г. Нероновъ и вдохновился вдохновеніемъ строившаго ее архитектора, до такой степени, что перепечатавъ свою газетную статью въ отдѣльную брошюрку весьма-удовлетворительнымъ шрифтомъ на весьма-изрядной бумагѣ, и пустилъ ее въ свѣтъ, восклицая:

«Слава художнику за могущественную племъ! Слава директору сада за колоссальныя пальмы!...»

Слава г-ну Неронову за могущественно-колоссальный силлогизмъ, слава!

400) Краткое Описаніе Холееры, наставленіе какъ лечить эту болѣзнь, какія мѣры нужно брать во время ея свирѣпствованія и правила для народа, какъ себя предохранять отъ оиды. Медицины и хирургіи доктора А. Полл. Изданіе второе. Москва. Въ университетской типографіи. 1847. Въ 12-ю д. л., 50 стр.

Холеера, по справедливому выраженію одного изъ моихъ знакомыхъ, есть такая болѣзнь, которая держитъ всѣхъ въ ложномъ положеніи—то, что Французы называютъ une fausse position. Она сбиваетъ съ толку обычныхъ ходъ мыслей, дѣлъ и чувствъ. Думаешь: завтра начну строить домъ — и потомъ тутъ же прійдетъ вліяніе холерныхъ предостереженій: нѣтъ, лучше положу, какъ прійдетъ и пройдетъ эпидемія. Надобно писать статью въ «Отечественныя Записки», сейчасъ сажусь за нее — но за статью однакожь не сядешь, а пойдешь къ роднымъ или друзьямъ узнать, здоровы ли они и въ хорошемъ ли состояніи духа обрѣтаются. Готовяшъ распоряженія на предбудущіе годы — и внезапно эти распо-

рженія прерваны, поражены заросомъ: ну, если умрешь, какъ придеть холера? что будетъ тамъ въ той сторонѣ, откуда нѣтъ пришлецовъ?.. Однимъ словомъ, нехорошо, очень нехорошо!

До сихъ поръ не найдено радикальнаго средства противъ холеры. Тѣмъ пріятнѣе объявлять мнѣ, что я нашелъ его. Слушайте, слушайте, и еще разъ слушайте! Самое вѣрное, неподлежащее никакимъ исклеченіямъ, короче, радикальное средство состоитъ въ томъ, *чтобъ... не думать о холерѣ.*

Вотъ прекрасно! воскликнуть со всѣхъ сторонъ. Да мы бы и рады не думать, но думаемъ невольно. Ваше лекарство самое дорогое, дороже тѣхъ, которыя прописываются иногда безъ всякой пользы. Научите, *какъ сдѣлать, чтобъ не думать о холерѣ.*

Дѣйствительно, признаю справедливость замѣчанія и заранѣе приготовилъ ему разрѣшеніе. Употребляю для этого способъ строго логическій. Чтобы найти средство не думать о холерѣ, надобно прежде рѣшить, отъ чего мы думаемъ о холерѣ. Мы думаемъ о ней изъ опасенія смерти, изъ страха разстаться съ жизнью. Уничтожьте опасеніе, страхъ—вы уничтожите и пагубную мысль. Но каждый предметъ уничтожается предметомъ противоположнымъ: безденежье деньгами, смыслъ оригинала безсмысленнымъ переводомъ, и т. п. Слѣдовательно и опасеніе умереть мыслью о разлуцѣ съ жизнью уничтожается радостью жить, мыслью о прелестьяхъ жизни. Полюбите жизнь такъ, чтобъ она устремляла на себя все ваше вниманіе, найдите въ ней такой счастливый, веселый, благодатный предметъ, который бы занялъ вашу голову и сердце—и вы спасены. А такихъ предметовъ не мало: думаетъ ли невѣста наканунѣ свадьбы о смерти своей или жениха своего? думалъ ли Архимедъ о страшномъ непріятелѣ, обложившемъ Сиракузы, когда всею мыслью погруженъ въ рѣшеніе математической задачи? Вы скажете, что преданность задачѣ не спасла великаго математика отъ смерти: Римляне убили его. Да

вѣдь то Римляне, а не холера! Римляне потому и убили Архимеда, что онъ не думалъ о нихъ, а холера убиваетъ именно тѣхъ, которые о ней думаютъ. Она не любитъ, чтобъ о ней думали и занимались ею. Что жъ дѣлать? таково свойство болѣзни!

На этотъ существенный признакъ указываютъ, кажется, и разные совѣты, которые обращаются около главнаго, не сознавая однакожъ всей его важности. Вы услышите: не предавайся печали, сохраняй спокойствіе духа, и тѣи пріятныя развлеченія. Все это темные намеренія на радикальное наше средство. Ясная формула будетъ слѣдующая: найди такой предметъ жизни, который бы отвлекъ совершенно твою мысль отъ страха смерти.

Не у всякаго, конечно, и не во всякое время могутъ находиться такіе важные предметы, какъ у невѣсты женихъ, у Архимеда задача. Однакожъ кто ищетъ, тотъ обрящетъ. Даже между физическими дѣйствіями нашей натуры (не говоря уже о романтическихъ и математическихъ) есть такіа, при которыхъ забывается весь міръ. . Объ этомъ можно посоветоваться съ Адамомъ Адамычемъ... Если жъ вы неспособны исполнить совѣты Адама Адамыча, въ такомъ случаѣ—извольте умереть: сами виноваты!

401) Объ употребленіи въ оперативной медицинѣ паровъ сѣрнаго ээира. Соч. Н. Млякова. Москва. Въ типографіи Н. Степанова, 1847. Въ 12-ю д. л. 119 стр.

Въ славномъ нѣкогда романѣ В. Гюго: «Notre Dame de Paris», одно изъ дѣйствующихъ лицъ (мы забыли имена ихъ), указывая другому на книгу и потомъ на Парижскій Соборъ Богоматери, говоритъ: *ceci tuera cela* (т. е. книгопечатаніе убьетъ архитектуру). Такъ и мы, при мысли объ употребленіи паровъ сѣрнаго ээира въ операціяхъ, думаемъ: *это убьетъ то*. Не только убьетъ, но ужъ убило. Подъ тѣмъ мы разумемъ всѣ фантастическія утѣшенія въ несчастіяхъ; подъ

эммизм—действительное облегченіе бѣдствій. Оптимизмъ, который въ дурномъ положеніи жизни утѣшалъ человѣка мыслью о томъ, что могло бы быть еще хуже, уступилъ свое мѣсто способамъ отвращать дурное, или ослаблять его силу, или переводить его въ хорошее. *Все къ лучшему* — формула, которую ублаживалось только воображеніе, которой давалось только счастье мечтательное, счастье въ выдуманной системѣ, въ мысли, а не на дѣлѣ, — измѣнилась теперь въ другую формулу: *хорошо только действительно-хорошее*. И потому сѣрный взоръ несравненно-лучше всѣхъ утѣшеній, которыя оптимисты предлагали страждущему отъ болѣзней, потому-что эти утѣшенія были въ родѣ слѣдующаго: твоя боль избавила тебя, можетъ быть, отъ вѣдшей болѣзни или спасла отъ здоровья, которое, можетъ-быть, привело бы тебя въ бѣдну пороковъ и несчастій, и проч., и проч.

402) Записки Стратегіи. *Правила ведения войны, извлеченныя изъ сочиненій Наполеона, эрцгерцога Карла, генерала Жюмпи и другихъ военныхъ писателей. Составилъ М. И. Богдановичъ, Императорской Военной Академіи профессоръ. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. К. Крайя. Двѣ части. Въ 8-ю д. л. Въ I-й XII и 176, во II-й — 354 стр.*

403) Очеркъ Современнаго Состоянія Стратегіи. *Генеральнаго Штаба капитана Неелова. Отдѣлы I и II. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. Въ 8-ю д. л. 134 стр.*

Что такое стратегія и возможна ли ея теорія? — вотъ вопросъ, рождающийся при появленіи каждаго новаго стратегическаго сочиненія. Нѣтъ, говорятъ иные: геній полководца становится выше правилъ, создаваемыхъ теоретиками; для людей же посредственныхъ—и теорія не замѣнить генія; слѣдовательно, стѣбитъ ли искусственно создавать такую науку, кото-

рая служить не болѣе, какъ утѣшитель (и притомъ очень ненадежный) для бездарности?

Правда, геній полководца не покрывается рабски правиламъ теоріи: онъ дѣйствуетъ по вдохновенію, иногда даже, *по-видимому*, наперекоръ правиламъ теоретическимъ; нѣрѣдко успѣхъ на войнѣ есть просто результатъ счастливой случайности. Все это такъ. Но не-уже-ли, въ-самомъ-дѣлѣ, всѣ великія дѣйствія знаменитыхъ полководцевъ, были дѣломъ одной случайности? не-уже-ли вся слава ихъ основана на такомъ шаткомъ фундаментѣ? Въ такомъ случаѣ, въ чемъ же можетъ состоять изученіе искусства?... Между-тѣмъ, мы видимъ, что и самые великіе полководцы изучали прилежно и глубоко тайны своего ремесла, изучали точно такъ же, какъ великіе живописцы изучаютъ не одно составленіе красокъ, не одинъ механизмъ рисовки, но и самыя тайны высокаго и прекраснаго въ живописи, какъ водичѣ учатся не одному лишь механизму строгительнаго искусства, а питаютъ свое вдохновеніе изученіемъ образцовъ истинно-изящнаго въ архитектурныхъ произведеніяхъ. Такъ точно и полководцу недостаточно выучить элементарную тактику, или техническія вспомогательныя науки военныя, т. е. артиллерию и артификацію: и ему остается еще или *угадать* или *выискать* тайну тѣхъ высокихъ и смѣлыхъ соображеній, которыми великіе воители всѣхъ временъ обязаны в своихъ успѣхахъ, и своею славою, тѣхъ соображеній, которыя, по-видимому, не начинаютъ никакимъ строгимъ и точнымъ развѣртамъ, никакимъ математически-очевиднымъ и опредѣлительнымъ правиламъ, а потому самому и составляютъ въ военномъ искусствѣ то именно, что можно назвать *le sublime de l'art*, то же самое, что изящное въ живописи, водчества и т. д.

Въ чемъ же состоитъ изученіе этой стороны военнаго искусства, для которыхъ совсѣмъ-недоступное? Живописи

сецъ изучаетъ произведенія великихъ живописцевъ; водчій изучаетъ произведенія великихъ водчихъ; поэтъ изучаетъ произведенія великихъ поэтовъ; полководецъ изучаетъ дѣйствія великихъ полководцевъ. Какъ въ живописи, водчествѣ, поэзии — одно это изученіе не создаетъ великаго художника, если не одаренъ челоуѣкъ гениемъ, такъ и посредственный полководецъ не сдѣлаетъ ничего великаго, какъ бы ни старался изучать тайны своихъ великихъ предшественниковъ; тѣмъ не менѣе, всякій живописецъ, всякій водчій, всякій поэтъ стремится къ тому, чтобъ образовать себя, изощрить свой вкусъ и *развить свои дарованія*, какъ бы они ни были: точно также и всякому полководцу, гениальному или посредственному, необходимо приготовить себя *изученіемъ* своего искусства, чтобъ *развить свои дарованія*. Поэтому, и для самаго гениальнаго полководца существуютъ великіе уроки прошедшаго: изучая исторію, онъ вникаетъ въ безчисленное множество самыхъ разнообразныхъ, благопріятныхъ и неблагопріятныхъ случайностей, въ которыя можетъ быть поставленъ военачальникъ во время войны; онъ старается разгадать, какъ умѣли великіе полководцы всѣхъ временъ оцѣнить свое собственное положеніе, воспользоваться всякимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, отстранить невыгоды всякой неблагопріятной случайности. Сличая и глубоко обдумывая эти положенія, будущій полководецъ невольно усваиваетъ себѣ нѣкоторыя *основныя начала искусства*, и въ послѣдствіи эти самыя начала, почерпнутыя изъ уроковъ исторіи, напутствуютъ его во всѣхъ случаяхъ почти незамѣтно, безоотчетно для него-самого. Основныя эти начала нисколько не стѣсняють его свободнаго вдохновенія, не оковываютъ полета гениальныхъ его соображеній, ибо примѣненіе ихъ къ самому дѣлу можетъ быть разнообразно до безконечности; въ этомъ-то примѣненіи и обнаруживается находчи-

вость полководца, вѣрный взглядъ его, умѣнье ежеминутно пользоваться обстоятельствами и направлять ихъ къ своей выгодѣ. Такое непрерывное намѣненіе обстоятельствъ во время самыхъ дѣйствій требуетъ отъ полководца постоянного напряженія всѣхъ его душевныхъ и умственныхъ силъ, всей энергии и силы воли; ибо съ каждымъ новымъ обстоятельствомъ, для него неожиданнымъ, онъ долженъ, не теряя ни мгновенія, рассчитать въ умѣ своемъ всѣ шансы и неудачи борьбы и сообразно съ ними намѣнить свои дѣйствія — никогда рѣшаться на самыя отважныя и даже дерзкія предпріятія. Такимъ-то образомъ, верѣдко, въ дѣйствіяхъ великихъ полководцевъ находить какъ-будто отступленія отъ правилъ, и въ этихъ отступленіяхъ — видать будто-бы опроверженіе самыхъ правилъ. Но, въ сущности, это доказываетъ только, что правила были, можетъ-быть, положены слишкомъ-односторонно, что надобно было ихъ *обусловить* многими обстоятельствами и предоставить непосредственное примѣненіе ихъ къ самому дѣлу — вдохновенію и дарованіямъ военачальника.

Итакъ, въ военномъ *искусствѣ*, точно такъ же, какъ и во *всякомъ* другомъ, дарованіе развивается изученіемъ; но дѣло въ томъ, чтобъ избрать вѣрный путь въ этомъ изученіи. Бѣда, если теорія, основанная на однихъ умозаключеніяхъ, выведенныхъ а priori, увлечетъ въ лабиринтъ софизмовъ, ложныхъ въ своихъ основаніяхъ, вредныхъ и опасныхъ въ своихъ примѣненіяхъ практическихъ! Эти заблужденія въ теоріи проистекають именно отъ односторонняго взгляда на предметы, отъ-того, что правила формулируются окончательно, какъ судейскіе приговоры, прежде, чѣмъ изысканы всѣ обстоятельства и данныя, которыми обуславливаются эти правила. Вотъ почему во всѣхъ искусствахъ *теоріи* одностороннія не только бесплодны, но и вредны; не-уже-ли жъ это можетъ служить доказательствомъ, что теоріи вовсе не могутъ и не должны

существовать для искусства? Во всякомъ искусствѣ, какъ вы видите, есть своя тайна, свои основныя истины, которыя разгадываются изученіемъ историческимъ; но сама исторія есть только путь къ достиженію истины; факты исторія — не болѣе, какъ матеріалъ, который сортируется и связывается цементомъ критическаго анализа; самое влѣніе, воздвигаемое изъ этого матеріала — *теорія*. Теорія есть послѣднее, окончательное выраженіе тѣхъ истинъ, которыя служатъ основными началами самому искусству, и безъ которыхъ самое гениальное произведеніе — не болѣе какъ явленіе случайное, безотчетное. Такъ вырабатывается постепенно, цѣлыми вѣками, теорія всѣхъ искусствъ; мало-по-малу, инстинктивное влѣніе природы обрабатывается въ законъ моральный; мѣсто произвола случайнаго и безотчетнаго заступаетъ разумный и сознательный расчетъ, который и формируетъ идеалъ великаго художника, подъ вліаніемъ гениальнаго настроенія души его. Точно такимъ же путемъ должна была слѣдовать въ развитіи своемъ и теорія военнаго искусства. Посмотримъ же, дѣйствительно ли она такъ доселѣ слѣдовала и на какомъ пути находится въ наше время?

Большая часть военныхъ писателей, вѣнчавшихся стратегіею, какъ наукою, будучи сами военными по ремеслу и свидѣтелями гениальныхъ успѣховъ Фридриха-Великаго и Наполеона, находились, естественно, подъ вліаніемъ ближайшихъ событій, обращали исключительное вниманіе на какое-нибудь случайное обстоятельство, которое, по ихъ мнѣнію, было главною причиною успѣха; они полагали, что нашли, наконецъ, тайну побѣды, старались обратить эти случайныя обстоятельства въ неизмѣнныя истины, строили системы, приводили въ подтвержденіе ихъ примѣры изъ древнихъ и новѣйшихъ походовъ, и, наконецъ, сами же видели, что системы эти, годныя въ некоторыхъ случаяхъ, не прилагаются къ важнѣйшимъ зада-

чамъ военнаго искусства. Такъ, напримеръ, эрцгерцогъ Карлъ принималъ въ основныя своей теоріи мѣстность, какъ единственную постоянную данность. «Основывайте свои соображенія на мѣстности» говорилъ онъ, «и тогда они будутъ столько же неизмѣнны, какъ самая мѣстность». Ллойдъ, Бюловъ, Ронья имѣли въ виду преимущественно продовольствованіе арміи и важность сообщеній; Жюини — матеріальную силу войска, то-есть, быстрое и удобное сосредоточеніе массъ на данномъ пунктѣ. И что же? — Эрцгерцогъ Карлъ въ 1809 г. дѣйствовалъ вопреки своей собственной теоріи; опроверженіемъ мнѣній Бюлова, Ллойда и Ронья о безусловной важности сообщеній — были почти всѣ походы Наполеона до 1812 г. и даже при началѣ этой кампаніи; ибо, не смотря на отступленіе первой западной русской арміи во фланговую позицію при Дриссѣ, Наполеонъ направился къ Полоцку, потомъ къ Витебску и Смоленску, и русская армія должна была послѣдшій выйдти къ нему на встрѣчу на смоленскую дорогу; наконецъ, генералу Жюини суждено было видѣть, что въ 1813 г. Наполеонъ находился именно въ томъ положеніи, которое, по его мнѣнію, было причиною всѣхъ побѣдъ Фридриха: Наполеонъ занималъ центръ, а союзники находились на окружности круга; но какъ союзныя арміи были слабѣе-сильнѣе наполеоновой, предводители ихъ дѣйствовали искуснѣе австрійскихъ полководцевъ въ семилѣтнюю войну, а французскіе генералы были чуть ли не хуже тогдашнихъ Австрійцевъ, и притомъ Богемія, принадлежавшая Австріи, была какъ бы укрѣпленнымъ лагеремъ, откуда русско-австрійская армія могла дѣйствовать въ тылъ оборонительной линіи Наполеона за рѣкою Эльбою, то и центральное положеніе Наполеона не принесло ему никакой выгоды, а послѣ развитія маршаловъ его при Кацбахѣ, Денневицѣ и Кульмѣ, самъ онъ былъ разбитъ подъ Лейпцигомъ и принужденъ отступить во Францію. Здѣсь, въ

1814 году. хотя обстоятельства и позволили ему воспользоваться выгодами центрального положенія и поразить разбросанные корпуса союзниковъ при Монмираль, Этомъ, Вошанъ и Шатотьеры, однакожь, всѣ эти успѣхи самъ генералъ Жомини считалъ только случайными, чему доказательствомъ служатъ то, что въ послѣднемъ своемъ сочиненіи «Tableau analytique des principales combinaisons de la guerre», онъ отступился отъ своего убѣжденія, или, что все равно, ограничилъ свое общее правило столькими исключеніями, что самое удачное примѣненіе его будетъ не больше, какъ исключеніемъ.

Блестательное паденіе всѣхъ военныхъ теорій передъ всемогущею дѣйствительностью было причиною, что, послѣ войны 1815 года, явились новые стратегическіе писатели, которые, соединяя различныя одностороннія теоріи, думали создать полную и общую теорію военнаго искусства. Сюда принадлежатъ: Ксиландеръ, Водонуръ и самъ генералъ Жомини; но всѣ эти труды были не болѣе, какъ компіляціи, гдѣ, вмѣсто одной, односторонней, предлагалось нѣсколько одностороннихъ системъ, и тѣмъ исполнѣ подтвердилось правило, что выбранное изъ неудачнаго едва-ли можетъ само быть въ сущности удачнымъ. Появленіе записокъ Наполеона, въ которыхъ геніальный полководецъ отвергъ возможность теорій для веденія войны, совершенно явнѣннло взглядъ на стратегію; вмѣсто прежнихъ безусловныхъ системъ и правилъ, стали выводить заключенія изъ аналитическаго разбора военной исторіи, опредѣляя, какія начала, всегда и во всякое время, имѣютъ вліаніе на военныя соображенія и служатъ такимъ основаніемъ успѣха; безъ котораго всѣ успѣхи гевія разобьются безъ послѣдствій. Къ ряду писателей, изслѣдовавшихъ теорію стратегіи въ этомъ смыслѣ, принадлежатъ Деккеръ, Вагнеръ и Клаузевицъ; но и они не избѣгли бѣдственной привычки нѣмецкихъ ученыхъ: они внесли въ область стратегіи свой Standpunkt и умѣли сдѣ-

лать свои сочиненія, въ нѣкоторомъ смыслѣ, также односторонними.

Однакожь, и въ стратегіи, какъ науки, заключающейся въ себѣ основныя начала высшихъ военныхъ соображеній, мало-по-малу беретъ верхъ тотъ духъ строгаго анализа, основаннаго на эмпирическомъ изученіи фактовъ, который составляетъ отличительную черту нашего вѣка, и которому всѣ почти науки обязаны быстрыми своими успѣхами и перерожденіемъ въ послѣднее время. Это начало стараются вынѣ внести также въ область военныхъ наукъ, — и можно смѣло сказать, что честь этого новаго взгляда на стратегію принадлежитъ нашимъ русскимъ военнымъ писателямъ. Болѣе всего способствовала этому Императорская Военная Академія.

Дѣтъ за четвертьнацать назадъ, то есть, до учрежденія Академіи, у насъ знали только сочиненія Ллойда, Бюлова, Жомини, и то лишь по весьма-плохимъ переводамъ; на основаніи этихъ-то авторитетовъ, судили вернѣ и въсь обо всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ. Но вотъ, что читаемъ мы теперь въ сочиненіи г. Неелова:

«Въ 1832 г. генералъ Мелемъ, занявъ кафедру тактики, стратегіи и военной исторіи въ нашей академіи, съ перваго года ея открытія, далъ совершенно новое направленіе преподаванію теоріи стратегіи. Онъ понялъ невыгоды принятаго вездѣ способа преподаванія, и для того, чтобъ лучше развить соображеніе и мышленіе своихъ слушателей, началъ разсматривать въ историческомъ обзорѣ всѣ сочиненія, выходившія по части теоріи стратегіи, и избѣгая при этомъ положительныхъ правилъ, ограничивался критическимъ разборомъ каждаго сочиненія, разборомъ краткимъ, но безпристрастнымъ, часто удивительно глубокимъ и вѣрнымъ, представляя дѣлать выводы самимъ учащимся. Въ послѣдствіи, при чтеніи курса военной исторіи, онъ подтверждалъ сверхъ того свои замѣчанія историческими фактами и, можно сказать утвердительно, что генералъ Мелемъ сталъ своимъ способомъ преподаванія выше всѣхъ способовъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ западной Европы и положилъ

блестящее и прочное осознание теории военных наук для военных людей цѣлой Россіи.»

Послѣдствія оправдываютъ слова г. Неелова: въ 1836 году, появилось *Обзорныя известнѣйшихъ правилъ и системы стратегіи*, генерала Мелема—сочиненіе европейское, о которомъ подробнѣе скажемъ ниже; въ 1837 году, генералъ Мелемъ издалъ *Чистую Тактику*, а въ 1838 свою *Прикладную Тактику*; движеніе, сообщенное имъ нашей военной литературѣ, дѣятельно поддерживается его послѣдователями и учениками: въ 1839 году, появилась *Высшая Тактика* г-на Веймарна (вскорѣ будетъ напечатана, какъ мы слышали, новый курсъ тактики); кромѣ многихъ военно-историческихъ сочиненій полковника Богдановича, профессора стратегіи въ той же Академіи, теперь лежатъ передъ нами его же *Записки о Стратегіи*, и *Очерки современнаго состоянія стратегіи* капитана Неелова. Два сочиненія эти должны обратить на себя вниманіе не только у насъ, но и въ Европѣ, а потому мы долгомъ считаемъ познакомиться съ ними читателей. Но какъ они имѣютъ тѣсную связь съ сочиненіемъ генерала Мелема, то необходимо дать сперва краткое о немъ понятіе. Вотъ какъ говоритъ генералъ Мелемъ въ своемъ «Обзорнѣи» о современномъ состояніи стратегіи:

«При нынѣшнемъ состояніи военной литературы трудно получить о стратегіи понятія ясныя и удовлетворительныя. Кто, въ наѣвреніи научиться стратегіи, образовалъ отчасти мысли свои по одному какому-нибудь сочиненію, тотъ, при чтеніи другихъ, будетъ очень удивленъ, встрѣчая на каждомъ шагѣ понятія, вовсе съ прежними несогласныя, либо явно имъ противныя. Эти разпорѣчія и несообразности простираются иногда до такой степени, что если бы читатель не встрѣчалъ во временахъ слова: *война, армія, операціонная линія* и т. п., то ему могло бы показаться, что тутъ дѣло идетъ о какомъ-нибудь другомъ предметѣ, а вовсе не о стратегіи. Такимъ образомъ, чѣмъ онъ читаетъ далѣе, тѣмъ

болѣе запутывается своимъ понятіемъ, и въ головѣ его сдѣлается наконецъ совершенный хаосъ, если онъ успѣетъ разсудка, догадливости и размышленій не будетъ умѣть пособить себѣ и не составитъ изъ этого разногласія, такъ сказать, свою собственную стратегію.»

Книга генерала Мелема состоитъ изъ двухъ частей: изъ обзорнѣи характера важнѣйшихъ теорій стратегіи, и собственнаго мнѣнія автора объ этой наукѣ, изложеннаго въ заключеніи. Послѣ краткаго историческаго очерка о началѣ стратегіи, какъ искусства и науки, авторъ разсмотрѣлъ всѣ известныя до того времени сочиненія о стратегіи и раздѣлилъ писателей на три категоріи, которыя, по нашему мнѣнію, можно бы отличить названіями: *основателей системъ* (Лойдъ, Бюловъ, эрцгерцогъ Карлъ, Жюмьянъ въ первомъ своемъ сочиненіи, Роньянъ, *составителей* или *компиляторовъ* (Ксиландеръ, Водонкуръ, Жюмьянъ во второмъ своемъ сочиненіи) и *преобразователей* теоріи стратегіи (Наполеонъ, Деккеръ, Вагнеръ, Клаузевицъ). При разборѣ каждой системы, авторъ разсужденіями и историческими примѣрами доказываетъ ложность ея основанія и выводитъ, что изъ всѣхъ правилъ, предложенныхъ военными писателями за безусловныя и постоянныя, нѣтъ ни одного, которое бы не подвергалось совершеннымъ и бесчисленнымъ измѣненіямъ отъ обстоятельствъ или отъ такъ-называемыхъ *стратегическихъ элементовъ*. Заключение содержитъ въ себѣ собственныя мысли автора о сущности стратегіи и невозможности ея теоріи; выволъ этотъ становится вполне-яснымъ только тогда, когда мы познакомимся съ мнѣніемъ автора о стратегіи.

«Ни одна изъ наукъ, имѣющихъ цѣль практическую, не могла быть создана на началѣхъ чисто умозрительныхъ; исторія известныя дѣянія, опыты познанныя, должны были служить ей оплотненіемъ. Даже математика, наука неиздѣлимому болѣе основанная на умозрѣніи, не имѣла инаго начала: поводомъ къ открытію ея законовъ служилъ лавинный

ра действительнаго. Стратегія—наука по цѣли своей чисто практическая, отличается отъ математики и другихъ подобныхъ наукъ тѣмъ, что основывается на данныхъ неположительныхъ, непостоянныхъ, но подверженныхъ частымъ измѣненіямъ. Цѣль войны, составъ и сила войска, его вооруженіе и образъ дѣйствія, его нравственная сила, расположение и физическія свойства театра войны, средства для превосходства и т. п. составляютъ тѣ предметы, на которыхъ основываются соображенія стратегіи. Очевидно, что большая часть этихъ предметовъ должна измѣняться съ каждою войною, и что ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть постояннымъ во всё время и во всёхъ случаяхъ. Это доказывается и военною исторіею.

Такимъ-образомъ. основною идеею сочиненія генерала Мелема, принятою имъ за аксіому, есть *невозможность опредѣлительной теоріи стратегіи*, и что постоянныя правила для дѣйствій, имѣющія цѣлю замѣнить собственныя соображенія полководца, существовать не могутъ. Объяснивъ потомъ, что равнѣмъ онъ подъ *безусловными* правилами, г. Мелемъ говоритъ, что изъ этого отнюдь не слѣдуетъ заключать, будтобы дѣйствія искусныхъ полководцевъ были слѣдствіемъ слѣпой удачи, или, что наученіе стратегіи, то-есть, совокупнаго вліянія началъ, или элементовъ ея на военныя соображенія, было бы бесполезно.

«По нашему мнѣнію, тотъ, кто основываетъ каждое свое дѣйствіе на новомъ, глубокомъ соображеніи всёхъ средствъ и обстоятельствъ, дѣйствуетъ гораздо искуснѣе и вѣрнѣе нежели слѣпой удачѣ, нежели тотъ, кто, не смотря ни на какое измѣненіе обстоятельствъ, постоянно слѣдуетъ однажды на всегда принятымъ правиламъ... Всѣ великіе полководцы были истинно великими, именно потому, что основывали своихъ дѣйствій не на заблаговременно—предначертанныхъ правилахъ, по единственно на искусномъ соображеніи всёхъ средствъ и обстоятельствъ, имѣющихъ вліяніе на военныя дѣйствія. Каждый изъ нихъ имѣлъ свою собственную стратегію, носившую отпечатокъ современныхъ обстоятельствъ.»

Вотъ какъ защищаетъ онъ необходимость изученія стратегіи:

«Еслибы кто утверждалъ, что для врачебнаго искусства познанія безполезны, потому что невозможно ни свести леченіе болѣзней въ одну общую систему, ни подчинить его постояннымъ безусловнымъ правиламъ, то подобная мысль показалась бы смѣшною всѣмъ, и каждый вѣроятно бы отвѣчалъ, что во всякомъ случаѣ, для искуснаго леченія, необходимо знать анатомію, свойства человѣческаго тѣла, дѣйствія различныхъ лекарствъ и проч., словомъ, что изученіе всёхъ предметовъ, составляющихъ сущность медицины, остается необходимымъ, не смотря на отверженіе постоянныхъ правилъ для леченія болѣзней. — Къ этому можно еще прибавить, что тотъ, кто, подобно доктору Санградо въ «Жилблазѣ», будетъ лечить всёхъ своихъ больныхъ по одному какому-либо постоянному правилу, скорѣе можетъ обойтись безъ познаній, чѣмъ тотъ, кто для каждого случая прискиваетъ новыя соображенія и долженъ припоминать многоразличныя свои познанія, чтобы на нихъ основать способъ леченія.»

Такимъ-образомъ, критическій разборъ существующихъ стратегическихъ системъ, цовѣрка выводовъ уроками военной исторіи и объясненіе свойства и совокупности вліянія стратегическихъ началъ (элементовъ) на военныя соображенія и дѣйствія—вотъ чѣмъ долженъ былъ, по мнѣнію генерала Мелема, ограничиться тотъ, кто бы захотѣлъ узнать теорію стратегіи въ настоящемъ ея хаотическомъ положеніи.

Съ замѣреніемъ распространились мы объ этомъ замѣчательномъ сочиненіи, ибо труды гг. Богдановича и Нелова, по самому содержанію и цѣли, суть его продолженіе. Г. Мелемъ, не предлагая никакой теоріи стратегіи, указывалъ только путь, по которому должны были слѣловать новыя дѣтели этой науки; теперь предстоялъ вопросъ: какъ было приступить къ рѣшенію задачи, предложенной генераломъ Мелемомъ? разобрать ли послѣдовательно всё стратегическія сочиненія, или составить общій сводъ мыслей замѣчательнѣйшихъ писателей и вы-

весть отсюда заключение о сущности и влиянии стратегических начал на военные соображения и действия? Первый способ был принять г. Богдановичем в его «Записках Стратегии», второй г. Нееловым в «Очеркѣ Современнаго Состоянія Стратегии». Вотъ какъ каждый изъ нихъ оправдываетъ свой выборъ:

«Представленіе свода мнѣній замѣчательнѣйшихъ военныхъ писателей (говоритъ г. Богдановичъ) неизбежно сопряжено съ измѣненіемъ послѣдовательности мыслей, принятой писателями; а разборъ этихъ сочиненій требуетъ иногда повторенія одинаковыхъ мыслей и правилъ, встрѣчающихся въ различныхъ сочиненіяхъ. Слѣдя выгоды и неудобства обоихъ способовъ, очевидно, что послѣдній заслуживаетъ преимущество, потому что этотъ способъ, не заставляя изучать какой-либо болѣе или менѣе односторонній общій выводъ изъ правилъ веденія войны, и не превращая его въ систему, ведущую къ методизму, знакомитъ читателя со всею литературою теоріи Стратегіи» (Часть I, стр. VII).

Съ своей стороны г. Нееловъ говоритъ (II отдѣлъ, стр. 6):

«Мы полагаемъ, что въ наше время, послѣ того, какъ мы имѣемъ уже превосходное сочиненіе генерала Медема, для представленія современнаго состоянія Стратегіи какъ науки, недостаточно уже изложить въ краткомъ обзорѣ собраніе всѣхъ замѣчательнѣйшихъ произведеній по части этой науки, и указать на односторонность направленія, принятаго тѣмъ или другимъ сочиненіемъ, и на несообразность нѣкоторыхъ только мыслей и правилъ, но должно: во первыхъ, изслѣдовать критически, не только духъ и направленіе извѣстныхъ сочиненій, но и всѣхъ замѣчательныхъ мыслей и правилъ, относящихся къ разбору каждаго предмета въ особенности. И во вторыхъ, не ограничиваясь правилами и мыслями, заключающимися только въ извѣстныхъ сочиненіяхъ, снова обратиться къ самому искусству веденія войны, выискнуть въ существенныхъ его части, и указать на новыя его стороны, которыя до сего времени оставались мало, или вовсе неизслѣдованными стратегическими писателями, чтобъ чрезъ это, сколько возможно, пополнять самую на-

уку и придать ей истинное ея значеніе, которое она должна имѣть въ ряду другихъ наукъ, политическихъ и военныхъ».

Изъ этого видно, что г. Богдановичъ считаетъ наукою послѣдовательный сборъ системъ, дополненныхъ примѣханіями, тогда какъ г. Нееловъ смотритъ на это, какъ на трудъ *предюжительно-исследовательный*, какъ на матеріалъ, изъ котораго воссоздается новая наука стратегіи. Прибавимъ къ этому, что хотя для насъ вовсе не очевидно, почему сводъ мнѣній ведетъ къ методизму, и что стратегію необходимо обратить въ архивъ, куда должны быть сложены всѣ стратегическія сочиненія съ пометками: *хорошо, дурно, посредственно*; но, принимая во вниманіе настоящее состояніе нашей военной литературы, полагаемъ, что и трудъ г. Богдановича можетъ быть весьма-полезенъ, какъ шагъ переходный въ литературѣ стратегіи—а именно, какъ сборъ матеріаловъ для послѣдующихъ изысканій, тѣмъ болѣе, что многія изъ стратегическихъ сочиненій, рассмотрѣнныхъ г. Богдановичемъ, до-сихъ-поръ вовсе не были извѣстны на русскомъ языкѣ. Что жъ касается до основной идеи г. Неелова, то она заслуживаетъ особое вниманіе, какъ болѣе-рѣшительный шагъ къ новому изученію стратегіи. Оба автора, въ видѣ вступленія къ своимъ сочиненіямъ, предлагаютъ краткую исторію стратегіи, вторая, однако, далеко уступаетъ штерскому очерку исторіи стратегіи, сдѣланному генераломъ Медемомъ; сверхъ-того, при изслѣдованіи системъ, раздѣленіи писателей на категоріи, и даже въ приговорахъ объ относительныхъ достоинствахъ ихъ сочиненій, оба автора, почти-буквально слѣдуя генералу Медему, дополняютъ его сужденія своими поясненіями. Мы не понимаемъ, однако, зачѣмъ въ сочиненіи г. Богдановича, вслѣдъ за исторію стратегіи, помѣщена весьма-мелкая и неполная стратегическая терминологія? Для людей, знакомыхъ съ предметомъ, она излишня и раздражаетъ послѣдовательность разсужденій; а

для несведущихъ она даетъ весьма не-
полное понятіе. Что жъ касается до
изложенія стратегическихъ системъ у
г. Богдановича, то онъ сдѣлалъ это
ясно и отчетливо, помѣтивъ въ нача-
лѣ každого, въ видѣ примѣчанія, крат-
кую біографію автора, а въ концѣ об-
щей выводъ, который, однако, ограни-
чивается указаніемъ основной идеи со-
чиненія и весьма - поверхностною ея
оцѣнкою. Г. Богдановичъ, совѣтливо
передавая намъ духъ и идею различ-
ныхъ авторовъ, дѣлается непомѣрно-
робкимъ, когда ему приходится выска-
зывать свое собственное мнѣніе. Для при-
мѣра укажемъ на 8 страницу II-й ча-
сти гдѣ, передавъ слова Наполеона о
томъ, чтобъ вести войну, какъ вели ея
Александръ, Аннибалъ, Цезарь, Гу-
ставъ-Алолъфъ, Тюренъ, принцъ Евге-
ній, Фридрихъ, авторъ прибавляетъ:
«я ны осмѣлился причислить къ снмъ
«знаменитымъ полководцамъ самого
«Наполеона и двухъ нашихъ вождей—
«Великаго Петра и незабвеннаго Суво-
«рова». Тутъ нечего осмѣливаться, по-
чтенный авторъ! дѣлайте это во имя
науки, которая, вѣроятно, сочла бы
большую снѣдостью, еслибы вы про-
пустили этихъ двухъ полководцевъ...

Кромѣ авторовъ, разобранныхъ въ
сочиненіи генерала Мелеза, г. Богда-
новичъ разобралъ сочиненіе самого ге-
нерала Мелеза и прусскаго полковни-
ка Виллизена, который, желая соеди-
нить мнѣнія *всѣхъ* стратегическихъ пи-
сателей и слить ихъ въ одну систему,
впалъ въ односторонность. Странно,
что ни г. Богдановичъ, ни г. Нееловъ
не обратили вниманія на появившееся
въ 1845 году сочиненіе маршала Мар-
шова: *Esprit des Institutions Militaires*,
сочиненіе, по новости взгляда и по во-
енной опытности автора заслуживаю-
щее особенное вниманіе и стоящее го-
раздо-выше Виллизена, котораго си-
стема должна считаться обратнымъ ша-
гомъ въ стратегію.

Книга г. Богдановича оканчивается
общимъ выводомъ о сущности страте-
гіи и указаніемъ, какъ понимали ея
уроки великіе полководцы. При этомъ
Т. LV. — Отд. VI.

случаѣ, авторъ впадаетъ въ краснорѣ-
чивый пафосъ, вовсе несоотвѣтствующій
общему тону его сухаго и поло-
жительнаго сочиненія.

Изъ краткаго этого обзора видно,
что трудъ г-на Богдановича, какъ
матеріалъ для изученія стратегіи,
пополнить собою существенный не-
достатокъ въ нашей литературѣ; при-
бавимъ, что трудъ этотъ исполненъ
хорошо и съ знаніемъ дѣла: въ-осо-
бенности обработана система Клаузе-
вица; сверхъ - того, г-нъ Богдано-
вичъ, положивъ рѣзкое различіе меж-
ду стратегіею, какъ наукой и искус-
ствомъ, далъ возможность тѣснѣе опре-
дѣлить сферы той и другой, но велья
не сознаться, что замѣчанія автора,
помѣщенные въ текстъ, мало поясня-
ютъ дѣло, а выводы не отличаются
опредѣлительностью и вообще доволь-
но безцѣпны. Книга эта, не смотря на
ея относительное достоинство, служить
яснымъ доказательствомъ, что подоб-
ный способъ изученія стратегіи есть
не болѣе, какъ *переходный*, и что,
вслѣдъ за нимъ, необходимо такое со-
чиненіе, гдѣ бы всѣ сужденія страте-
гическихъ писателей, полтергнутыя
строгому анализу, были представлены
въ общемъ сводѣ. Дѣйствительно, по-
смотримъ, къ чему поведетъ послѣдо-
вательное разсмотрѣніе *всѣхъ* сочине-
ній о стратегіи: каждый послѣдующій
писатель долженъ будетъ увеличивать
свою книгу, помѣщая въ новыя сочи-
ненія о стратегіи, и черезъ нѣсколько
лѣтъ подобный сборникъ достигнетъ
огромныхъ размѣровъ, а изученіе по-
добной компиліаціи будетъ едва ли не
труднѣе китайской грамматики...

Вотъ почему мы и сказали, что по-
пытка г. Неелова — представить стра-
тегію въ общемъ очеркѣ, заслуживаетъ
особое вниманіе, какъ шагъ болѣе рѣ-
шительный въ развитіи науки, шагъ,
дающій ей возможность выйти изъ
настоящаго состоянія застоя. Но,
изъ-сожалѣнія, не можемъ еще про-
извести объ этой книгѣ окончательнаго
приговора, потому-что главная часть
ея (половина втораго и третій отдѣлы)

ще не вышла въ свѣтъ, и, сколько намъ кажется по началу труда, всегдѣ онъ составляетъ только какъ бы-вступленіе въ особое большое сочиненіе о стратегіи; но это предпріятіе уже по самой идее своей кажется намъ такъ важнымъ, что мы считаемъ необходимымъ оставить вниманіе на теперешнемъ вступительномъ трудѣ г. Неелова, въ надеждѣ, что наши замѣчанія, высказываемыя во имя науки, могутъ послужить въ пользу автору при новой обработкѣ его прекраснаго и замѣчательнаго сочиненія.

Первый отдѣлъ посвященъ краткому обзору стратегическихъ системъ: видно, что разборъ этого сдѣланъ человекомъ, знающимъ дѣло, хотя въ главныхъ и существенныхъ чертахъ онъ много сходствуетъ съ сочиненіями генерала Мелема и полковника Богдановича; видно, что взглядъ учителя на каждый шагъ руководилъ и учениковъ; это отразилось и въ недостаткахъ ихъ: такъ, на-прим., г. Нееловъ, въ пяти или шести мѣстахъ своего сочиненія, говоритъ, что слово *стратегія* значитъ *военная хитрость*, тогда-какъ у Грековъ оно означало *войну*, а *военная хитрость* называлась *стратагемок*; притомъ, намъ кажется, что и приговоръ г. Неелова составленъ дредней стратегіи, какъ науки, основанъ годко на поверхностномъ обзорѣ древнихъ походовъ, а не на изученіи древнихъ авторовъ.

Второй отдѣлъ посвященъ стратегической терминологіи, ибо, говоритъ г. Нееловъ, такъ-какъ главная причина разногласія мнѣній авторовъ происходила отъ дѣлаемыхъ ими опредѣленій различнымъ предметамъ, опредѣленій нѣредко ложныхъ, которыя вводили въ заблужденіе послѣдующихъ писателей и давали совершенно одностороннее направленіе всему ихъ сочиненію, или порождали между ними споры и недоумѣнія, то предварительно надобно себя пояснить всѣ эти опредѣленія, разсмотрѣвъ ихъ не только какъ техническія слова, но разбирая и самое значеніе, которое они могутъ

имѣть въ области науки, и вслѣдъ за тѣмъ разсмотрѣть всѣ извѣстнѣйшіе стратегическіе терминны. Оглавая полную справедливость начитанности и върному взгляду автора, мы не можемъ войти въ подробное указаніе всѣхъ частности, гдѣ, по мнѣнію нашему, особенно видна ловкость, съ которою онъ распутываетъ многіе запутанные и темные вопросы; но въ то же время не можемъ не считать и всѣ тѣ мѣста, гдѣ не вполне соглашаемся съ почтеннымъ авторомъ, или гдѣ онъ самъ впадаетъ въ сбивчивость и неопредѣлительность. Такія частыя замѣчанія впрочемъ не могутъ уронить достоинства его сочиненія. ибо кто понимаетъ всѣ трудности предпріятія, на которое рѣшается г. Нееловъ, тотъ, конечно, отъ души извинилъ бы ему в гораздо-болѣе-важные промахи. Притомъ, большая часть замѣчаній нашихъ относилась бы къ вопросамъ еще спорнымъ, которыхъ разборъ требовалъ бы слишкомъ обширнаго развитія и, слѣдовательно, вышелъ бы изъ предѣловъ журнальной статьи. Сверхъ-того, это вошло бы въ такія утонченности, которыя могутъ быть занимательны только для весьма небольшого круга людей спеціальныхъ. Скажемъ лучше, что, въ своѣхъ различныхъ мнѣніяхъ о стратегическихъ предметахъ, авторъ не ограничивается только буквальнымъ повтореніемъ сказаннаго каждымъ писателемъ: у него встрѣчаются весьма многіе сужденія и взгляды самостоятельныя, изъ которыхъ наука извлечетъ выгоды существенныя. Многія страницы его втораго отдѣла можно назвать даже образцовыми, какъ-будто вырванными изъ *будущей* науки стратегіи, только ожидаемой и желаемой нами вѣсѣтъ съ г. Нееловымъ. Прочтите хоть, на-примѣръ, страницы 38—42, и вы скажете, что такъ именно должна быть написана вся теорія стратегіи. Не спросимъ отъ читателей, что во многомъ сочиненіе г. Неелова еще пока не разрѣшаетъ существенныхъ вопросовъ о томъ, какъ именно стратегія должна быть создана; какую именно дол-

жна она получить систему, форму и методу исследования; все это должно проясниться, впрочем, только из последующих частей труда г. Неелова; но нам кажется, что уже во втором отделе своего труда автор не вполне удержался в пределах предположенного им исследования: судя по заглавию, мы ожидали найти только критическое исследование различных определений и технических слов — а между тем, во многих статьях находим разбор самой сущности важнейших стратегических вопросов, которые уже вовсе не относятся к терминологии науки. По нашему убеждению, автору и не следовало бы стеснять себя разбором одной терминологии; ибо что такое терминология в науке? — условный язык, которым выражается самая сущность ее; поэтому, можно ли терминологию разбирать отдельно от исследования самой сущности важнейших вопросов науки? Очевидным доказательством тому служит самый труд г. Неелова. Ему следовало, по нашему мнению, прямо проникнуть в сущность дела, и тогда технические термины, как формулы совершенно-условныя, объяснились бы сами собою. Что поняли бы ученики, еслибы учитель начал им объяснять последовательно значение всех условных знаков алгебраического языка? Чтоб объяснение это было им сколько-нибудь понятно, пришлось бы учителю пройти всю алгебру. Это ясно, как день; а потому мы и опасаемся, чтоб вторая часть второго отдела сочинения г. Неелова не была большею частью повторением или перифразом того, что уже заключается в первой части. Положим этой второй части, чтоб высказать окончательно свое мнение, и для пользы науки желаем искренно, чтоб ожидание наше не было продолжительно: мы вполне согласны с автором, что избранный им путь — в настоящее время единственный, возможный для дальнейшего развития теории стратегии. Совершенно согласны с автором и

въ томъ, что начатый имъ очеркъ современнаго состоянія стратегіи послужить «ступенью для воссозданія самой науки». Скромный авторъ прибавляетъ: «Считаемъ предлагаемый нами очеркъ не болѣе, какъ одною только въ этомъ родѣ попыткою, и оправдываемъ свое предпріятіе тѣмъ, что еслибъ каждый понимающій сколько-нибудь науку и мыслящій о ней, имѣло бы самолюбія опасаясь встрѣтить какинъ-либо противорѣчія, таялъ свои убѣжденія про себя, то дальнѣйшее развитіе науки было бы невозможно. И потому, если эта слабая попытка возбудитъ критику, мы съ удовольствіемъ примемъ всякое добросовѣстное замѣчаніе, служащее къ разясненію науки, хотя бы оно было совершенно не въ нашу пользу». Да, вѣрьте въ полную искренность нашихъ замѣчаній, въ полное желаніе наше пользы для науки, и сами, не оставляя своего намѣренія, идите твердо къ благой цѣли! Наша бѣда именно въ томъ и состоитъ, что не всѣ думаютъ какъ вы, а изъ числа тѣхъ, которые и думаютъ такъ, не всѣ рѣшаются дѣйствовать. Многіе люди съ дарованіями и познаніями лучше хотятъ быть спокойными зрителями и судьями, чѣмъ дѣйствующими лицами въ современномъ движеніи науки.

404) Нѣсколько Словъ о военномъ краснорѣчій. Составилъ (?) П. Лебедевъ. Санктпетербургъ. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. 1847. Въ 8-ю д. л. 24 стр.

Вотъ очень-немного словъ о военномъ краснорѣчій, да и тѣ Богъ-знаетъ за чѣмъ составлены въ нашъ мирный вѣкъ, дѣятельность котораго направлена совсѣмъ не къ военному краснорѣчійю. Но положимъ, что авторъ любить военное краснорѣчіе и тщательно собираетъ его образчики: это его наклонность, и мы противъ нея ничего не говоримъ; есть же вѣдь люди, которые собираютъ старопечатныя книги и дорожатъ ими... Но для публики важны результаты, которые

можно извлечь изъ такихъ специальныхъ наклонностей... Не хотѣлъ ли г. Лебедевъ найти въ своемъ собраніи образчиковъ военнаго краснорѣчія и правила для военнаго краснорѣчія вообще?.. Въ одномъ мѣстѣ, привелъ нѣсколько примѣровъ изъ новѣйшей исторіи, онъ говоритъ (стр. 12): «приведенные нами примѣры, которыхъ можно бы насчитать гораздо болѣе, показываютъ какой родъ краснорѣчія наиболѣе приличенъ настоящему времени. — Развѣ можно показывать предѣлы и видъ краснорѣчія въ данное время, когда само краснорѣчіе не имѣетъ правилъ, предѣловъ, измѣняется въ устахъ каждаго человѣка, смотря по его личному характеру, важности и прелесть дѣла, которое онъ защищаетъ, и совершенно зависитъ отъ мгновеннаго одушевленія?»

405) *Исторія Лютии, китайская драма, сочиненіа Као-Тонгъ-Кіа. Буквально перевелъ В. М. — С. Петербургъ. Въ тип. Мордвилова. 1847. Въ 4-ю д. л. 104 стр.*

Китайская драма—на русскомъ языкѣ!.. воля ваша, это изъ-рукъ-вонъ!.. Невольно вспомнишь, какъ кто-то скавалъ, что ничего на свѣтѣ нѣтъ безтолковѣе иныхъ литературъ... Не было бы удивительно, еслибъ явилась китайская или японская драма на французскомъ или на англійскомъ языкахъ; было бы въ порядкѣ вещей, еслибъ какой-нибудь Нѣмецъ убилъ всю жизнь свою надъ переводомъ ея, и наконецъ представилъ ученому міру въ нѣмецкомъ или латинскомъ переводѣ, снабдивъ ее множествомъ комментарий. Все бы это было явленіемъ, невыходящимъ изъ обыкновеннаго порядка вещей, даже отраднѣмъ. Если публика, занятая другими вопросами и своими дѣлами, не обратила бы на нее надлежащаго вниманія, то все-таки, по поводу этого перевода, могла бы завязаться ученая переписка какого-нибудь гёттингенскаго гелертера съ берлинскимъ синономъ, и изъ этого, въ свою очередь,

свѣтъ получилъ бы въ подарокъ нѣсколько новыхъ филологическихъ открытій. Въ Европѣ существуетъ то, что въ старину называлось *gepublica litteraria*, въ которой исчезаютъ всѣ народности, каждая наука имѣетъ своихъ адептовъ, каждая отрасль знанія своихъ обработывателей. И въ этомъ кругу оцѣняется всякій трудъ, подобный тому, какой совершилъ г. В. М.; потому-что, хотя бы ученые тамъ и никогда не видали другъ друга, однако всѣ они трудятся какъ-то съобща, переписываются между собою, передаютъ другъ другу свои изысканія, открытія, просятъ совѣта другъ у друга, и т. д. А у насъ—для кого и для чего совершилъ г. В. М. этотъ трудный подвигъ? — для отца Іакинѣа и двухъ-трехъ синологовъ? Но отецъ Іакинѣа и тѣ два-три синолога или читали въ подлинникѣ *Исторію Лютии*, если она одно изъ лучшихъ произведеній китайской литературы; если же оно не изъ лучшихъ, то они не прочтутъ ея и въ русскомъ переводѣ, сдѣланномъ языкомъ тяжелымъ, испещреннымъ, вѣроятно, китаизмами въ конструкціи фразъ и въ самой орфографіи... Для публики?—публики не увлечешь китайской драмой! Да притомъ явленіе китайской драмы въ русскомъ переводѣ, которое бы въ мѣрѣ кабинетной учености Европы произвело эпоху и послужило переводчику монументомъ его будущей славы, у насъ—будетъ имѣть судьбу просто неудавшейся вещи, *une destinée manquée*... Къ нашимъ словамъ могутъ привязаться, обвинить насъ, что мы въ журналѣ своемъ выражаемъ мнѣніе невѣжественной толпы, и что, вопреку, просвѣщенная критика должна была бы указать публикѣ на то, что она, занятая ежедневными хлопотами, не замѣтитъ и оцѣнитъ не можетъ... Но такое толкованіе будетъ близоруко. Китайская драма на русскомъ языкѣ скорѣе производитъ въ насъ грустное впечатлѣніе, а отнюдь не вызываетъ порицанія невѣжи, обрашающагося съ насмѣшкой къ тому, чего онъ не

понимаетъ. Мы говоримъ: грустное впечатлѣніе, потому-что постигаемъ значеніе ученаго, занимающагося такою отраслью знаній, которая или совершенно чужда окружающимъ его людямъ, или не можетъ имѣть правильного развитія въ слѣдствіе другихъ обстоятельствъ; мы чувствуемъ, что этотъ же ученый и тѣ же самыя труды его имѣли бы свое достоинство и должную оцѣнку въ другую эпоху, въ другомъ мѣстѣ... Трудъ всегда почтенъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, при видѣ челоука, трудящагося въ потѣ лица надъ дѣломъ, въ которомъ другимъ нѣтъ ни нужды, ни пользы—становится жаль потеряннаго труда и растроченныхъ силъ... Это то же самое грустное чувство, которое возбуждаетъ въ насъ рядъ классическихкихъ твореній разныхъ литературъ въ изящномъ переводѣ и въ изящныхъ изданіяхъ на европейскихъ языкахъ: зачѣмъ они не являются на русскомъ въ такомъ же изящномъ видѣ? зачѣмъ, на-примѣръ, Плутархъ—не настольная книга у нашего юношества? зачѣмъ Тацитъ—не его воспитатель и образователь? Правда, и Плутархъ и Тацитъ переведены на русскій языкъ; но вспомните, когда, какимъ слогомъ, и какъ они изданы!!!!

Возвращаемся къ китайской драмѣ и постараемся изучить ея отличительныя черты, т. е. то, чѣмъ она различается отъ драмы европейской. Европейецъ—эгоистъ; онъ какъ-будто присвоилъ себѣ область мысли и едва даетъ право гражданства другимъ народамъ; онъ кичливо считаетъ только себя способнымъ читать извѣстныхъ, чисто-человѣческихъ чувства, и съ удивленіемъ видитъ ихъ проявленіе въ другихъ породахъ людей. Не смотря на свою образованность и гуманитарность, мы все-таки похожи на дѣтей: покажите имъ островитянъ Тихаго-Океана—они будутъ удивляться, что эти дикіе ходятъ, говорятъ, кашляютъ, чихаютъ...

Это отъ-того, что Европейцы еще недавно начали знакомиться съ литературами Востока. На долю Китая вы-

палъ особенно-печальный жребій. Въ прошедшемъ столѣтіи, европейскія миссіи дали Европѣ первыя сколько-нибудь дѣльныя свѣдѣнія о небесной имперіи; но миссіонеры обратили особенное вниманіе на историческіе, религиозные и философскіе памятники китайской литературы—а эти памятники составляютъ въ ней то, что у насъ называется *древностями*, *antiquitates*; они не обращали никакого вниманія на новѣйшую, собственно-свѣтскую литературу и отзывались о ней всегда невыгодно; между-тѣмъ она относится къ изученнымъ ими памятникамъ, какъ литературы новѣйшія относятся къ греческой и римской. Только съ 1815 года стали являться въ переводахъ произведенія чисто-литературныя, и оказалось, что число этихъ произведеній въ Китаѣ больше, чѣмъ во всѣхъ европейскихъ литературахъ. Драматическая же литература особенно богата.

Китайцы такіе же охотники до театра, какъ Парижане, но театровъ въ Пекинѣ гораздо-больше, чѣмъ въ Парижѣ. Правительство хотя и не содержитъ отъ себя труппы, однако поощряетъ учрежденіе новыхъ зрѣлищъ. Не обходится ни одного религиознаго праздника безъ того, чтобъ благочестивые Китайцы не окончили его театральнымъ представленіемъ: вокругъ храмовъ вдругъ съ немовѣрною быстротою являются балаганы изъ бамбука, и на нихъ разыгрываются разныя пьесы для разныхъ сословій зрителей. Такая быстрота въ постройкѣ театровъ объясняется тѣмъ, что китайскіе зрители не очень-взыскательны къ постановкѣ и обстановкѣ пьесы. Декорациа у нихъ употребляется очень-рѣдко; сверхъ-того, многое зрители должны понимать воображеніемъ. Китайцы народъ серьезный: они довольствуются простымъ намекомъ. Такъ, на-пр., въ одной пьесѣ посылаютъ какого-то мандарина въ отдаленную провинцію имперіи: онъ беретъ бичъ, хлопаетъ, протягиваетъ руки, будто держитъ возжи, и бѣгаетъ нѣ-

сколько разъ вокругъ сцены, при громѣ барабана и литавръ; потомъ останавливается передъ публикой и объявляетъ, что онъ прѣѣхалъ. Чтобъ представить взятіе города, четверо солдатъ ложатся одинъ на другаго. и зрители должны понять, что они изображаютъ городской валъ. За то костюмы всегда хорошо прибраны и иногда очень-великолѣпны. Представленіе одной пьесы нѣсколько продолжается нѣсколько дней. Актёры большою частію странствуютъ изъ города въ городъ труппами отъ десяти до двѣнадцати человекъ. Нанкинскіе актёры считаются первоклассными. Женскія роли исполняются молодыми людьми или евиухами. Сверхъ-того, въ Китаѣ есть особенности, очень-нелишнія, какъ, на-примѣръ, прологъ, съ котораго начинается драма, переведенная г. В. М.

Прологъ этотъ состоитъ въ томъ, что директоръ театра отворяетъ дверь въ залу и входитъ съ актёрами.

Директоръ.

Господа, какое историческое событіе представимъ мы сегодня? Хотите ли вы разыграть драму изъ династїи Тонговъ?

Нѣсколько актёровъ.

Сыграемъ исторію лютии или три взмѣны.

Директоръ.

О! о! исторію лютии! Вспомните, что гораздо легче заставить людей смѣяться, чѣмъ плакать. Впрочемъ, пожалуй, представимъ исторію лютии, но позвольте, я прочту сейчасъ содержаніе этой драмы. Надо по крайней мѣрѣ, чтобы публика знала содержаніе пьесы.

(вызодитъ на сцену.)

(Зрителямъ.)

Милостивые государи! Императорскіе актёры представляютъ вамъ драму: «Исторія Лютии». Слушайте ея содержаніе...

И онъ вкратцѣ излагаетъ содержаніе пьесы; потомъ возвращается въ залу и дѣлаетъ наставленіе актёрамъ:

«Господа, я не хочу, чтобъ это представленіе продолжалось недолго, старайтесь его окончить сегодня, но не исключайте изъ него ничего».

Послѣ пролога начинается драма.

Герой драмы — Цзе-Юнгъ, ученый, китайскій Фаустъ; онъ выходитъ на сцену и глубокомысленно произноситъ:

«Что есть міръ?

(Поетъ.)

«Я все изучилъ; книги, которыя я прочелъ, составить не менѣ десяти тысячъ тетрадей, но никогда я не думалъ гоняться за славой и почестями. Теперь одно только меня огорчаетъ видѣть родителей моихъ приближающимися къ закату дней своихъ. Гдѣ я найду цвѣтокъ мечика (?) (*). Кто укажетъ мнѣ дерево Тшюнь и дерево Гіуень? (**).

(въ сильномъ волненїи)

«Небо! сердце мое разрывается. Кому же открою я мои горести?.. Но между-тѣмъ, какъ я предаюсь этимъ мыслямъ, я вижу господина Тшанга.»

Входитъ г. Тшангъ, другъ дома, и за нимъ родители Цзе-Юнга. Отецъ объявляетъ ученому сыну, что императоръ открылъ конкурсъ, на который съзываются ученые со всѣхъ провинцій имперїи, и что сынъ его долженъ тоже отправиться для «стяжанія академической палмы». Мать противится этому, представляя очень-основательно, что они бѣдны, и что, безъ помощи сына, умрутъ съ голода. Сынъ изъявляетъ тѣ же опасенія и объясняетъ при этомъ случаѣ, въ чемъ состоитъ сыновняя любовь.

«Отецъ мой, я, Цзе-Юнгъ, буду отвѣчать на вопросъ вашъ. Вотъ въ чемъ заключаются обязанности сына въ отношенїи его родителей. Обязанность сына есть: чтобы, какъ зимой, такъ и лѣтомъ родители его пользовались всеми удобствами жизни; чтобы каждый вечеръ, онъ самъ перебивалъ постель, на которой они отдыхаютъ; чтобы каждое утро, при первомъ пѣніи цвѣтучовъ, онъ справлялся въ самыхъ привѣтливыхъ выраженїяхъ о ихъ здоровьѣ; потомъ въ продолженїи дня, чтобы онъ ихъ спрашивалъ чаще: не чув-

(*) Цвѣты, которые, по словамъ поэтовъ, могутъ возвращать къ жизни умершихъ.

Прим. перев.

(**) Гдѣ найду я другаго отца и другую мать? Прим. перев.

струють ли они холода, или не беспокоить ли ихъ жаръ. Обязанность сына бѣжать надъ родителями, когда они хотятъ; любить то, что они любятъ; уважать того, кого они уважаютъ; любить даже лошадей и собакъ, которыхъ любить отецъ его. Сынъ, пока живы отецъ и мать его, не осмѣлится оставлять обитаемаго ими дома. Вотъ сыновья любовь у древнихъ, такъ они думали и дѣйствовали.»

Отецъ замѣчаетъ ему, что это обязанность черни, что это только первая степень сыновней любви, что вторая степень есть—служеніе князю; третья—пріобрѣтеніе достоинства, сохраненіе въ чистотѣ тѣла, полученнаго отъ отца и матери, избѣжаніе всего, что можетъ клонить его къ преждевременному разрушенію. «Но все это есть только начало сыновней любви; но — достигать почестей, укрѣпляться въ добродѣтели, передать славу свою вънамъ послѣдующимъ, чтобы прославить имя отца и матери—вотъ конецъ и вѣнецъ ея. И такъ, заключаетъ отецъ, ежели твоими достоинствами ты достигнешь званія mandarina и преобразуешь въ веселое жилище убогій кровъ твоихъ отца и матери, тогда ты исполнишь всѣ возложенныя на тебя обязанности, или я лишень о нихъ всякаго помятій.»

Въ этомъ заключается основа китайской драмы: сынъ стремится исполнить всѣ свои обязанности въ-отношеніи родителей и встрѣчаетъ въ судьбѣ сильныя препятствія. Въ чемъ состоятъ эти препятствія, эта китайская «судьба», *fatum*, увидите ниже. Здѣсь замѣтимъ только, что они—чисто-китайскія. Повинуясь родителямъ, китайскій Фаустъ, изучившій 10,000 тетрадей, отправляется въ Пекинъ на конкурсъ ученыхъ, оставляя дома «нѣжно-любимую» жену, съ которой всего два мѣсяца какъ сочетался бракомъ... Но не угодно ли прочесть спешно разставанія его съ родителями?

Цзе-юньгъ-вѣ (отецъ).

Послушай, сынъ мой, мои совѣты, и приготовься скорѣе къ путешествію.

Цзе-юньгъ (сынъ).

Отецъ мой! мать моя! Человѣкъ живетъ до ста лѣтъ, но предназначено ли вамъ это множество дней? Счастливы и тотъ и другая, достигнуть средней старости (80 лѣтъ)! Надобно, чтобы сынъ вашъ, слѣдуя правилу Арендшихъ, радовался и печалился въ одно и то же время, о годахъ вашихъ.

(говоритъ молитву)

О, родители мои! сынъ вашъ испытываетъ чувство радости, смѣшанное (обращивается къ нимъ спиною) съ чувствомъ горести!

(обращивается къ нимъ лицомъ)

Онъ молился о продолженіи дней вашихъ!.. и т. д.

Говорить обращиваясь спиною къ тому, съ кѣмъ происходитъ разговоръ, значить, на китайскомъ театрѣ, говорить въ сторону.

Бакалавръ уходитъ въ Пекинъ. Тутъ дѣйствіе переносится то въ столицу, то опять на родину Цзе-юньга, и за нимъ слѣдить чрезвычайно-трудно. Изъ этого видно, что китайская мудрость не дошла еще до трехъ единствъ, что, замѣтимъ мимоходомъ, приводило въ отчаяніе европейскихъ миссіонеровъ, ученыхъ прошедшаго столѣтія, которые описывали Китай...

Далѣе слѣдуетъ нѣсколько сценъ, изъ которыхъ зритель узнаетъ, что случилось съ молодымъ бакалавромъ на дорогѣ, и что происходило между тѣмъ въ домѣ г-на Шюу, государственнаго министра, наставника императорской фамиліи; для увеселенія зрителей, дѣйствующія лица продъываютъ разныя церемоніи, бражятся, ирятся, разсуждаютъ о важныхъ матеріяхъ; отъ-времени-до-времени сыплются остроты, каламбуры и удары бамбукомъ. Наконецъ, открывается зала экзамена, на которомъ присутствуютъ 500 бакалавровъ; экзаменаторъ объявляетъ, что онъ изъ числа тѣхъ сановниковъ, которые любятъ удовольствія и веселость, а потому, вмѣсто вопросовъ о литературѣ, нравственности и политикѣ, онъ предлагаетъ конкурентамъ: во-первыхъ, сочинить экспромтомъ второй стихъ дву-

стишия, котораго первый стихъ онъ скажетъ; во-вторыхъ, разгадать загадку; въ-третьихъ, сѣть пѣсню на заданный голосъ. Тотъ, кто окончитъ двестише, разгадаетъ загадку и споетъ пѣсню, тотъ будетъ возведенъ въ званіе джуанъ-юана; онъ будетъ носить золотые цвѣты на своей шапкѣ; онъ воссядетъ во дворцѣ императорскомъ на великолѣпной скамьѣ докторовъ. Но тому, кто не выдержитъ испытанія, испачкаютъ лицо чернилами и палочными ударами выгонять изъ залы». Цзе-ионгъ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ экзамена; конкуррентамъ его приказывается выщачкать лицо чернилами и бить ихъ палками...

Но тутъ начинается преслѣдовать бакалавра китайская «судьба» совершенно-оригинальнымъ образомъ.

Слава молодого бакалавра достигла до императора, который въ награду жалуетъ его мѣстомъ сборщика податей, требующимъ его присутствія въ столицѣ, и сверхъ-того, не смотря на то, что Цзе-ионгъ женатъ, повелѣваетъ жениться на дочери вельможи Ниеу...

Молодой бакалавръ, въ отчаяніи, рѣшается подать просьбу императору, и приходитъ во дворецъ, гдѣ встрѣчаетъ его евнухъ.

Евнухъ.

«Господинъ джуанъ-юанъ, что вамъ здѣсь угодно?»

Цзе-ионгъ.

«Аудиенціи у Императора. Я, Цзе-ионгъ, возведенный въ званіе джуангъ-юана, пришелъ просить у Его Величества милости дозволить оставить мнѣ дворъ и возвратиться на мою родину, чтобъ служить тамъ моему отцу и матери. Вотъ почему вы видите меня на порогѣ залы аудиенціи...

Евнухъ.

«Знаете ли вы, что чиновникъ утруждающей просьбою Императора, долженъ исполнить танецъ, держа въ рукѣ своей дощечку изъ слоновой кости? (чтобы не выдать лица сына Солнца).

Цзе-ионгъ.

«О, я исполню танецъ! я исполню танецъ!.... едва замѣчу я одежды Сына

Неба, чешую дракона и двойные зрачки ока, издавающіе яркій свѣтъ, какъ я ударюсь лбомъ объ полъ! ударюсь лбомъ объ полъ!

Евнухъ.

«Прекрасно; что вы сдѣлаете потомъ?»

Цзе-ионгъ.

«Если святой человѣкъ удостоитъ взглянуть на мою просьбу, я слуга ему, и слуга его, ударюсь другой разъ лбомъ объ полъ, когда услышу звукъ издаваемый бирюзью», и т. д.

Но вотъ раздается звукъ, издаваемый бирюзью. Евнухъ приноситъ Цзе-ионгу указъ Сына Солнца:

«Ежели любовь сыновняя есть основа всѣхъ добродѣтелей, то улучшеніе правовъ заключается въ служеніи своему князю.

«Въ служеніи князю встрѣчается безчисленное множество затрудненій и препятствій, которыя нужно преодолѣть! Вѣрный чиновникъ имѣетъ ли всегда время къ исполненію своихъ обязанностей въ отношеніи своего отца и своей матери? Цзе-ионгъ! ты торжественно показалъ твое знаніе и способности; я, чтобы воспользоваться твоими сдѣланіями и поправить мои (?) ошибки, призвалъ тебя къ исправленію должности государственнаго сборщика податей. До конца жизни ты долженъ сохранять твою должность; страшись настойчиво упорствовать въ твоемъ отказѣ; тебѣ сдѣланы брачное предложеніе, исполни желаніе государственнаго министра. Уважай этотъ указъ; да утѣшится твое сердце!..»

Не смотря на просьбы, слезы, отчаяніе, любовь къ первой женѣ и желаніе исполнять свои обязанности къ родителямъ, Цзе-ионгъ женится на дочери Ниеу и живетъ въ Пекинѣ, занимая довольно-видное мѣсто. Ослушаться онъ не можетъ, потому-что иначе «судьба» повелитъ убить и его, и его родителей, и всѣхъ его родственниковъ—за то, что это дурной родъ, и даже сжечь мѣстечко, гдѣ онъ родился, дома и деревья, которыя были свидѣтелями рожденія и воспитанія изверга... Такъ проходитъ три года.

Между-тѣмъ, какъ сынъ, скрѣпя сердце, наслаждается всѣми благами китайской образованной столичной жизни—ѣсть вареные языки орангу—

танговъ и жареные зародыши леопардовъ, а голова его обѣнена трех-ярнымъ зонтикомъ, когда онъ выѣзжаетъ изъ дома—онъ постоянно терзается о престарѣлыхъ родителяхъ и оставленной женѣ. Но въ хижинѣ его дряхлаго отца происходитъ совсѣмъ другое. Надобно замѣтить, что въ китайской драмѣ событія слѣдуютъ въ продолженіе трехъ лѣтъ параллельно, такъ-что зритель слѣдитъ попеременно за тѣмъ, что случается съ героемъ, и что происходитъ въ то же время за десять тысячъ ли, на другомъ концѣ имперіи, въ домѣ его родителей. Тутъ обрисовывается довольно-граціозное созданіе, оставленная жена Цзе-ионга—идеалъ китайскихъ добродѣтелей. Постоянно преслѣдуемая свекровью, она всячески старается замѣнить старикамъ сына, и одна питаетъ несчастныхъ. Годомъ опустошаетъ провинцію, гдѣ они живутъ: она отдаетъ имъ послѣдніе остатки пшена, которое приобретаетъ, продавая всѣ свои вещи, сама питается только шелухою пшена и постоянно удерживаетъ гнѣвъ родителей на пропавшаго безъ вѣсти сына, ея мужа. Наконецъ, старики умираютъ, узнавъ и оцѣнивъ добродѣтели невѣстки, и благословляютъ ее передъ смертью. Эта сцена въ-самомъ-дѣлѣ трогательная; и не одни Китайцы пролили бы слезы при видѣ признанной и торжествующей добродѣтели: у насъ зрители плачутъ и отъ болѣе-растянутыхъ слезливыхъ сценъ... Отецъ, благословивъ, однако, невѣстку, вручаетъ свою палку другу дома: «Когда неблагодарный сынъ возвратится на родину» говоритъ онъ: «ударьте его моею тростью... и изгоните его изъ дома!» Это были его послѣднія слова.

Со смертью стариковъ еще не кончили обязанности въ-отношеніи къ нимъ Тшао, невѣстка, отрѣзываетъ себѣ волосы и продаетъ ихъ, чтобъ на вырученные деньги сдѣлать погребеніе; кромѣ того, надобно воздвигнуть памятникъ... И вотъ представляется

кладбище. Молодая женщина силится соорудить могильный холмъ.

«И вотъ я одна» говоритъ она: «собираю сырую землю въ мрачномъ жилищѣ!.. ее такъ мало умѣщается въ полость цѣпковаго тюника моего, что мнѣ будетъ слишкомъ трудно воздвигнуть пирамиду... Ни одного живаго существа я не вижу у этихъ безмолвныхъ могилъ; ни одного человека, плачущаго на могилѣ отца своего..... Выдали ли когда нибудь сына, который бы не присутствовалъ при погребеніи своихъ родителей!.. Кто обходилъ три раза кладбище? Гдѣ предсказатель, который, прозрѣвъ будущее, указалъ бы мѣсто для вырѣтія могилы?..... Едва собралъ я десять горстей глины, какъ же могу я воздвигнуть мавзолей вышиною въ нѣсколько футовъ?.. Потъ, проникающій мон одежды, крупными каплями каплетъ съ моего тѣла! О! не смотря на мои слабыя силы, я заставляю людей сказать... о, я заставляю людей сказать, что Тшао-у-Нангъ упражнялась въ добродѣтели...»

Изнеможенная работою, молодая женщина засыпаетъ, и во время ея сна является геній, посланный отъ владыки неба, который, будучи тронуть ея добродѣтелью, приказалъ собрать «милицію мрачнаго царства», чтобъ она соорудила мавзолей. Являются тигръ и обезьяна, предводители духовъ, и сооружаютъ холмъ, на четырехъ углахъ котораго сажаютъ ель и кипарисы. Послѣ этого Тшао, по повелѣнію генія, идетъ въ столицу отъискывать мужа. Для этого она переодевается монахиней, беретъ лютню, и странствуетъ, воспѣвая въ городахъ и селахъ о дѣтской привязанности...

Между-тѣмъ, вторая жена Цзе-ионга, узнавъ о причинѣ печали мужа, угориваетъ его ѣхать къ родителямъ, о которыхъ онъ три года не получалъ никакого извѣстія. Дорогой обѣ жены встрѣчаются... Наше развращенное европейское воображеніе уже рисуетъ страшную сцену встрѣчи двухъ соперницъ; мы воображаемъ тутъ и ревность, и ненависть, и мщеніе; но въ благонаправномъ Китаѣ дѣло обходится иначе. Тшао знаетъ, съ кѣмъ она говоритъ, и рассказываетъ своей соперницѣ трогательную повѣсть о вѣкто-

ромъ мужъ, объ оставленной имъ женѣ, потомъ, какъ эта оставленная жена ходила за дряхлыми стариками и упражнялась въ добродѣтели. Вторая жена Цзе-ионга была тронута до слезъ, и благоговѣя передъ этой женщиной, воскликнула, что сочла бы себя счастливою видѣть ее. «Гдѣ она?» — Она передъ вами!» отвѣчаетъ Тшао... Вторая жена въ сильномъ волненіи восклицаетъ: «Вы, сударыня! вы не обманываете меня?... такъ садитесь, прошу васъ, чтобъ принять привѣтствія рабыни вашей...»

Тшао-у-Ніангъ садится и принимаетъ привѣтствія Ниеун-ши.

Любопытно, какъ разыгрываютъ эту сцену встрѣчи китайскія Волыниезы и Плесей...

За тѣмъ слѣдуютъ безконечныя сцены: Цзе-ионгъ сидитъ одинъ и разсуждаетъ на цѣлыхъ двухъ страницахъ большаго in 4° мелкой печати; вторая жена приготовляетъ его къ встрѣчѣ съ первою женою, и наконецъ, они встрѣчаются. Онъ получаетъ отпускъ отъ императора и, сопровождаемый обѣими женами, ѣдетъ довершать погребальныя почести на могилѣ родителей. Пьеса оканчивается словами Цзе-ионга, который восхваляетъ добродѣтели и поступки Тшао, и говорить, что историографы увѣковѣчатъ о ней память.

Вотъ содержаніе драмы...

Мы прослѣдили ее съ нѣкоторою подробностію, для того, чтобъ показать существенное отличіе китайской сцены отъ европейской, и, признаемся, не будъ въ ней исполненія десяти тысячъ пережоній—зрѣлища для насъ новаго, мы бы столько же скучали, какъ и при чтеніи произведеній отечественныхъ драматурговъ. Та же мораль, та же реторика... даже и китайскій юморъ, выражающійся въ томъ, что дѣйствующихъ лицъ бьютъ бамбукомъ, не былъ для насъ, знакомыхъ съ нашею сценою, зрѣлищемъ совсѣмъ новымъ... Подъ конецъ тоже приходится сказать: «и поучительно, и скучно!...»

406) *Отелло на Пескахъ. Водевиль П. Каратыгина. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. Импер. Академіи Наукъ. Въ 16-ю д. л. 80 стр.*

А вотъ, не угодно ли посмотрѣть, что сдѣлали Китайцы съ знаменитымъ шекспировымъ «Отелло»? — Вотъ видите ли: Россіини вздумалъ написать музыку для «Отелло», а для музыки надобно либретто; ну—а либретто, вы знаете, какъ пишется... Это либретто попало, ужъ неизвѣстно какъ, вѣроятно черезъ Кантонъ, въ Китай; Китайцы переложили его на свои нравы, пересыпали своими китайскими островами, каламбурами, стихами и пр.; изъ Китая черезъ Кахту, съ чаемъ, перевезенъ былъ «Отелло», въ китайскомъ изданіи, въ Россію, и теперь является въ «буквальномъ переводѣ» съ китайскаго. Этого не сказано на заглавномъ листѣ, но это сейчасъ видно по духу и тону остротъ, по легкости куплетовъ; да и кто, кромѣ Китайцевъ, способенъ такъ мало цѣнить Шекспира и Россіини, чтобъ передѣлывать Отелло въ Отылова, Кассіо въ Касьяна Ивановича Касина, и меланхолическій романсъ Дездемоны: «Azisisa a piè d'un salice» передать такимъ образомъ:

Ахъ, я Касьяна Савича
Должна ль навѣкъ забыть?
Какъ могъ меня онъ дачею
Такъ сильно огорчить?
Ему ли ревновать меня,
Когда лишь въ немъ одномъ—вся жизнь
моя,

и т. д., все въ китайскомъ родѣ!

407) *Три Искушенія. (Les trois péchés du diable). Фантастическій и волшебный водевиль въ одномъ дѣйствіи, съ машинными и превращеніями. Переводъ съ французскаго Н. А. Авичкова. Москва. Въ типографіи скоропечатанія В. Кириллова. 1847.*

Единственно-возможный интересъ, который остается на нашу долю при передѣлкахъ и переводахъ, интересъ остроумія, улетучивается, переходя на новую почву: вамъ такъ же труд-

но поймавъ его, какъ завить стриженаго или схватить за волосы плѣшиваго. А сюжетъ, содержаніе? О, они очень невелики! для нихъ давно Гоголь придумалъ формулу, которая приходитъ всегда на мысль, когда мы по горькой обязанности, читаемъ театральную пьесу: «одинъ спрятался подъ столъ, а другой вытащилъ его за ногу». И между тѣмъ, для этихъ пустѣйшихъ пьесъ есть своего рода публика, которая восхищается, аплодируетъ, вызываетъ, которая довольна, счастлива. . какъ мало нужно ей для довольства и счастья!

Пускай бы, за отсутствіемъ остроумія, выходилъ хоть стихъ порядочный: вѣтъ этого! Вотъ, какъ говорить молодой человекъ:

Изъ сотни истинныхъ друзей,
Что въ дружбѣ съ клятвой уверяють,
Безъ промаха сказать: ей, ей,
Девяносто девять надувають.

Девяносто девять!... да это, должно быть, гораздо-больше ста.

408) Семейная Война или все на своихъ мѣстахъ. *Водевиль въ одномъ дѣйствии. Переводъ съ французскаго. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. Штаба Одд. Корпуса Внутр. Стражи. Въ 8-ю д. л. 50 стр.*

Объ этомъ переводѣ на синей оберткѣ сказано, что онъ *передланъ* съ французскаго; на выходномъ же листѣ онъ названъ *переводомъ*. Это несогласіе можетъ быть объяснено развѣ такъ: имена дѣйствующихъ лицъ *передланы на русскіе нравы*, т. е. вы встрѣчаете Марью Андрьевну Веселовскую, Василья Федоровича Замоскворѣцкаго, а текстъ просто переведенъ. Но въ какихъ правахъ вышелъ текстъ, это Богъ-знаетъ, и вѣроятно никому не будетъ нужды того доискиваться.

409) Нѣкоторыя изъ Духовныхъ Стихотвореній Николая Михайловскаго. *С. Петербургъ. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. 1847. Въ 12 ю д. л. 35 стр.*

Каково бы ни было чувство, которое человекъ хочетъ выразить вышнимъ образомъ, стихами или прозой, какъ скоро оно получаетъ вышнее выраженіе, оно необходимо подчиняется общимъ законамъ искусства. Религиозное содержаніе стихотворенія отнюдь не освобождаетъ поэта отъ соблюденія законовъ формы, общихъ для всякаго поэтическаго произведенія: поэтому и въ религиозныхъ пѣснопѣніяхъ, кромѣ чувства, мы требуемъ и образа—словомъ, полной, художественной мысли. Если прекрасное чувство автора выразилось въ такой же прекрасной формѣ — автору и заботиться нечего о томъ, чтобы его духовныя стихотворенія принесли кому-нибудь какую-нибудь пользу: въ нихъ будетъ польза сама-по-себѣ, какъ во всякомъ художественномъ созданіи.

Нѣкоторыя изъ Духовныхъ Стихотвореній не обнаруживаютъ въ авторѣ никакого поэтическаго дарованія, а потому о пользѣ ихъ заботиться нечего; они служатъ еще болѣешиимъ доказательствомъ, что и при прекрасныхъ побужденіяхъ очень-легко впасть въ простой и скучный наборъ словъ, въ реторику. Взглядъ автора на міръ, какъ на царство зла, съ искушеніями котораго должна бороться душа, все не новый; но избранные люди съ твердымъ убѣжденіемъ и поэтическимъ даромъ выражали это въ пламенныхъ строфахъ, и умѣли найти въ немъ высокую поэзію...

Г. Михайловскій, не будучи поэтомъ, не нашелъ поэзіи въ этомъ взглядѣ. Приведемъ хоть его «Утѣшеніе»:

Не смѣю, Боже мой, не смѣю
Къ Тебѣ о помощи звать;
Я много отъ Тебя имѣю,
И болѣе — мнѣ грѣхъ желать.

Ты знаешь, Господи всю мѣру
Наказывать и награждать;
Такъ, надобно хранить мнѣ въру
Въ Твою любовь и Благодать.

Когда ты посылаешь съ неба
Мнѣ наказаніе, мой Богъ!
Въ минуту первую мой жребій
Тяжелъ мнѣ, — плакать я готовъ.

Но вспомню лишь, что Ты творенью
Шлешь наказанье по-долому,
Тогда Твой гнѣвъ, бѣду, лишенье
Я признаю святымъ добромъ.

Тогда за гнѣвъ Твой благодарность
Я приношу Тебѣ, Творецъ;
Ты не забылъ меня — мнѣ радость,
Я чувствую, что Ты Отецъ! (Стр. 29).

Если трудно сказать что-нибудь новое на эту тему послѣ того, что уже было давно сказано болѣе-галантливыми людьми, то точно также трудно читателямъ исполнить просьбу автора, выраженную имъ въ предисловіи: «Прошу строгихъ и взыскательныхъ читателей простить мнѣ простоту, слабость и неподноту стихотвореній моихъ, умудривъ, усиливъ и дополнивъ что нужно, отъ источниковъ своего сердца и ума. Только я въ томъ увѣренъ, что изданіемъ этихъ произведеній мысли и пера моего, обрадую родныхъ, и знаемыхъ моихъ заставлю сказать про меня: «у него не одно злое на душе; есть и доброе.» Больше этого мнѣ, пожалуй, и не надобно!»

Если такъ, то наше дѣло сторона!

410) *Нареченія и Анекдоты великихъ мужей древности (историческіе очерки). Книга первая. Москва. Въ типографіи Н. Степанова. 1847. Въ 12-ю д. л. 113 стр.*

Довольно-хорошій сборникъ любопытныхъ біографическихъ случаевъ, которые всегда такъ нравятся дѣтямъ. Поэтому можно рекомендовать его родителямъ и наставникамъ для чтенія ихъ воспитанниковъ.

411) *Краткое Начертаніе Исторіи Государства Польскаго отъ Наста до Станислава Августа IV (Понятовскаго), послѣднюю ея (кого?—исторіи?) короля (,) Украшенное 40 портретами польскихъ государей, гравированными на деревѣ. (,) Съ присовокупленіемъ исторической карты Польши, представляющей (Польшу?) различныя ея (карты?) раздѣлы. Санктпетербургъ. 1847. Продается IV Адм. Ч. 4-ю кв., по Офицерской-Улицѣ, въ собственномъ*

домѣ издателя (а какъ его фамилія?), подъ № 38 — Санктпетербургъ. Въ тип. И. Фишера. Въ 12-ю д. л. VIII и 71 стр.

Что такое краткость по понятіямъ автора? для чего и преимущественно для кого начертана *Исторія съ послѣдними ея королями* и съ 40 такими портретами, которые весьма-легко можно было замѣнить двумя-тремя? кто, наконецъ, издатель этой книжки, у котораго собственный домъ по Офицерской-Улицѣ?.. Отвѣчать на эти вопросы такъ же трудно и такъ же почти невозможно, какъ проникнуть сквозь мракъ, покрывающій истинное происхождение древнихъ народовъ, изъ которыхъ составила прежняя (?) Польша. По мнѣнію наиболѣе правдоподобному (*невозможность съ стороны!*), обитатели ея суть древніе Славяне, поселившіеся тамъ въ разное время, пришедши изъ отдаленнѣйшихъ странъ Азіи. Впрочемъ, дѣло въ томъ, что эти Славяне въ девятомъ столѣтіи уже вышли изъ кочеваго состоянія, вели жизнь осѣдлую, занимались земледѣіемъ и начали строить города, а черезъ тысячу лѣтъ потомъ—въ XIX-мъ столѣтіи, начали писать книжки *каждый про себя*: что одинъ напишетъ, за то другой хоть не принимайся...

Къ числу такихъ книжекъ принадлежитъ «Краткое Начертаніе Исторіи», доведенной до послѣднюю ея вероля. Исторіи государства польскаго не узнаютъ изъ «Начертанія» и люди знающіе, не только дѣти, для которыхъ оно — какъ можно догадываться—начертано и написано. Краткость непостижимая!.. Вотъ, напримеръ, какъ очеркнулъ неизвѣстный авторъ тѣ событія, которые ярче другихъ выступаютъ въ исторіи Польши и по справедливости могутъ назваться ея *характеристическими чертами*:

«Междоцарствіе.

1035 — 1040.

«Во время междоцарствія (не прежде ли?) начались народныя смуты: многіе изъ сельскихъ жителей, раздраженные

притѣсненіями (какими? отъ кого?), отпалъ отъ принятой вѣры и умершался Христіанъ и духовныхъ (не христіанъ?). Богемцы овладѣвъ Силезію, и подъ предводительствомъ Севера, продолжали свои опустошительные набѣги до Гиѣла. Руссы опустошали границы и *Маслава* или *Момслава* провозгласилъ (откуда взялся? почему провозгласилъ?) себя удѣльнымъ Княземъ Мазовецкимъ. Среди сихъ неустройствъ знатнѣйшее дворянство, въ главѣ котораго былъ Епископъ Краковскій, рѣшило (?) призвать наследника Престола и объявить его Королемъ.

Междоцарствіе.

1290 — 1295.

«Оставались еще три искателя престола Польской Монархіи. Право Владислава Локотка было признаваемо (почему?) со времени Казимира Справедливаго; Вацлавъ, Король Чешскій, опирался на мнимое (?) завѣщаніе Лешка Чернаго женою его, которая будто бы (?) уступила Вацлаву свое право. Премыславъ основывался на послѣдней волѣ Генриха.

Междоцарствіе.

1382 — 1384.

«По смерти Лудовика (Венгерскаго) многие домогались престола; (: Сигизмундъ, сынъ Императора Карла IV; мужъ Маріи, дочери Лудовика; Земовитъ, Князь Мазовецкій; Болеславъ Князь Опольскій и другіе. Велико-Поляне обѣщали (?) прежде Корону Сигизмунду, а послѣ согласились (?) избрать Земовита, Князя Мазовецкаго. Между тѣмъ Сигизмундъ опустошилъ Мазовію; Литовцы также не замедлили воспользоваться неустройствами. Тогда Поляки составили Конфедерацію, названную *Калишокомъ* (Kalug) въ знакъ печали (?), и избрали (?) на престолъ Ядвигу младшую дочь Лудовика.»

И такъ, совершенно такъ описаны и объяснены прочія «междоцарствія». Объ остальномъ, о біографіяхъ королей, и говорить нечего: онѣ такъ же сходны между собою, какъ и портреты.

Для болѣе точнаго опредѣленія достоинства «Краткаго Начертанія» выписываемъ еще послѣднія строки:

«Въ 1797 г. Станиславъ Августъ пріѣхалъ (?) въ С. Петербургъ, гдѣ жилъ въ

Мраморномъ дворцѣ до своей кончины, случившейся 1798 г., *имѣя отъ роду 66 лѣтъ* и 26 дней. Онъ родился 17 Января 1732 года, въ Волчинѣ, въ Воеводствѣ Брестъ-Литовскомъ. Тѣло его погребено въ С. Петербургѣ, въ Римско-Католической церкви Св. Екатерины.

«И такъ бурное царствованіе сего Государя кончилось уничтоженіемъ самостоятельности Польши, и соображая событія, безъ труда можно убѣдиться, что главнѣйшими причинами этой печальной катастрофы были слабость короля и необузданное своеволие, продолжительность и внутренніе раздоры самихъ Поляковъ.»

412) Руководство къ Первоначальному Изученію Рисованья, *С(с)опавленіе К. Т. Санктпетербургъ. 1847. Въ 8-ю д. л. 44 стр.*

«Живопись, одно изъ такъ называемыхъ свободныхъ художествъ, одна изъ тѣхъ прекрасныхъ, вѣчно-юныхъ сестеръ, которыя (,) по изцѣльному представленію (?) древнихъ Грековъ, *находится всегда въ улыбѣ, и ходитъ рука объ руку, улыбаясь другу другу*; живопись, имѣющая цѣлю изображать на плоской поверхности предметы такъ, какъ они представляются намъ въ природѣ, достигаетъ сего двумя существенными средствами. Средства сіи суть: рисунокъ и освѣщеніе.»

Не знаемъ, въ какой мѣрѣ нужно знать начинающему рисовать, что «живопись есть одна изъ прекрасныхъ, улыбающихся сестеръ...» Что же касается до грамматики, то она *вѣдомо* необходима и нечитающему книжекъ и тетрадокъ о «свободныхъ художествахъ». Очень и очень не мѣшало бы оберечься отъ построения хоть бы такой фразы:

«Предметы въ природѣ *представляются* намъ... *имѣя* (т. е. имѣющими) «извѣстный во всѣхъ частяхъ своихъ» объемъ... *имѣя* какой нибудь цѣвѣтъ. и т. д. И какъ, наконецъ, подалось слово: *извѣстный во всѣхъ частяхъ своего объема въ пространствѣ?*

Впрочемъ, положимъ, что грамматика, которая не принадлежитъ къ числу «вѣчно-юныхъ сестеръ», не далась автору; но какъ объяснить себѣ слѣдующее опредѣленіе рисунка и освѣщенія:

Рисунокъ дѣлается карандашомъ разнаго роду; освѣщеніе производится разными красками, кистью? Не слѣдуетъ ли изъ этихъ словъ заключить, что гравированная или налитографированная картина не освѣщена, потому что дѣлана не кистью, не красками?.. Все-го же страннѣе что на той же страницѣ авторъ говоритъ:

«Свѣтъ, разсыпаясь по предмету (.) не только производитъ безконечное разнообразіе одного и того же колера, но (.) измѣнялся (в) каждое мгновение, представляетъ столько трудностей, чтобы уловить въ извѣстный моментъ колеръ всѣхъ частей предмета, что для облегченія начинающаго вмѣсто нѣсколькихъ колеровъ употребляютъ одинъ, и вмѣсто кисти карандашъ...»

Слѣдовательно, автору извѣстно, что освѣщеніе рисунка возможно и безъ помощи кисти, но все-таки изъ его словъ можно заключить, что, по его мнѣнію, гравированіе, литографія, рѣзба на деревѣ и т. п. избрѣнены для облегченія начинающихъ рисовать!..

Впрочемъ, можетъ-быть, всѣ эти недоразумѣнія исчезнутъ, когда авторъ объяснитъ намъ происхождение и развитіе искусства живописи.

«Многіе ученые, любители, знатоки, артисты желали знать начало этого искусства: гдѣ, на какой почвѣ впервые поднялся этотъ великолѣпный цвѣтокъ чело-вѣческой дѣятельности, и многіе рѣшительно положили (.) что отечествомъ живописи была Греція, древняя Эллада, благословенная чудеснымъ климатомъ, развѣшанная подъ своимъ небомъ лучшій (?) народъ древняго міра... По мы съ своей стороны думаемъ, что начало этого искусства имѣло у каждого народа свой отдѣльный моментъ, ибо потребность въ немъ (въ комъ?) лежитъ въ духѣ каждого народа...»

Такъ вотъ мысль, которую за волюю сообщаетъ авторъ, какъ ему исключительно принадлежащую! Итакъ, отъ Винкельмана до Энгера всѣ ученые изслѣдователи художественныхъ памятниковъ ходили въ потьмахъ, оставаясь при одномъ желаніи узнать, на какой почвѣ поднялся великолѣпный цвѣтокъ чело-вѣческой дѣятельности, или твердо дѣржали, что живо-

пись одолжена своимъ началомъ древней Эладѣ, разившей лучшій народъ древняго міра», что родоначальницей всѣхъ живописцевъ была дочь горшечника Дюбутада и Телеванъ Сикіанскій, имѣвшій благородную склонность чертить углемъ... И вотъ, въ лѣто отъ Р. X. 1847, г. Т. Ч. прислужился добрымъ людямъ и сообщилъ совершенно новую, никѣмъ до того неодоумрѣвавшуюся мысль, что начало живописи имѣло у каждого народа свой отдѣльный моментъ, и что потребность искусства прирождена чело-вѣку!

Можетъ-быть, вы пожелаете знать, что способствовало высокому развитію пластическаго искусства въ Греціи? Вотъ вамъ и разрѣшеніе задачи.

«Въ Греціи искусство это произошло вышша (?) произведенія, ибо страна, какъ и народъ ея, были дарены болѣе всѣхъ. (точка.)»

Чѣмъ одарены? спросите вы: болѣе чѣмъ одарены? и что такое вышша произведенія, и откуда узналъ авторъ и какъ докажетъ, что лучшія или «вышшія» произведенія живописи произведены Греками? Плачь, грамматика! плачь, догма! взвиграйте, вѣчно-юныя, улыбающіяся сестры!

А какъ вы думаете, какую цѣль имѣетъ живопись? О, живопись имѣетъ цѣль высокую, живопись, дающая намъ возможность имѣть не только изображеніе великолѣпнаго мѣста, но обладаемъ; разлучась съ чело-вѣкомъ, имѣть его подобіе, но даже имѣть образы, которыхъ нѣтъ на землѣ... И такъ, г. Айвазовскій, цѣль вашей живописи доставлять желающимъ изображенія мѣстностей, которыми они, по несчастію, не обладаютъ. Пріймите къ свѣдѣнію!

Недѣзя оставить безъ вниманія и другое маленькое противорѣчіе въ словахъ автора. На стр. 3 сказано: «Цѣль живописи изображать на плоской поверхности предметы такъ, какъ самъ представляются намъ въ природѣ», а на стр. 6-й цѣлю живописи оказывается: «изображеніе образовъ... которыхъ нѣтъ на землѣ» (?).

«Опредѣлить цѣль и происхождение искусства (каково!) приступимъ къ главному предмету нашего руководства, къ изложенію способа преподаванія.»

«Первый и главный законъ (какъ строга!) ученика : начинать рисовать прямо съ натуры.»

Кажется, ясно сказано, *начинать прямо съ натуры*. Но какъ вамъ это покажется: на той же страницѣ, рекомендуя для начала рисованіе геометрическихъ тѣлъ (изъ картона или дерева), авторъ преспокойно говоритъ: «чтобъ *облегчить* сколько возможно начало, *займите* ученика *всего* черченіемъ *нѣкоторое* время *тѣхъ* линій, изъ которыхъ состоитъ *внѣшній* видъ предмета.»

Какъ растолковать такое рѣзкое противорѣчіе собственнымъ словамъ? Поставивъ *главнымъ* закономъ рисованіе съ натуры и тутъ же сознаться, что, не приступая къ рисованію съ натуры, нужно приучить ученика водить карандашомъ по бумагѣ! За кого принимаетъ г. К. Т., не говорю читателей, но покупателей своей тетрадки? Но, подождемъ конца.

«... Всѣ предметы, которые вы дадите вашему ученику рисовать, должны *правиться* ему.»

Оставляя въ сторонѣ двусмысленность этой фразы, замѣтимъ только, что нѣтъ никакой возможности согласить это правило съ выборомъ предметовъ, которые предлагаетъ авторъ для рисованія съ натуры. Откуда взялъ онъ, что совершенно-правильные, отлично-сдѣланные изъ картона или дерева конусы, кубы, пирамиды, цилиндры (хотя бы они и были, по совѣту автора, *вырашены* *блѣдой* *матовой* *краской*), понравятся ученику? Точно такъ же, какъ непонятно, почему «тѣ предметы, *какія* (т. е. которые) находятся *вблизи* *отъ* ученика, на-примѣръ, въ его *классѣ*, или *классѣ*, какъ болѣе ему «*важные*» должны интересовать его? Не говоря уже объ отвлеченныхъ геометрическихъ фигурахъ, неспособныхъ подѣйствовать на воображеніе ребенка (если только не позволите вы ему

сложить изъ нихъ домикъ или что-нибудь другое, дѣйствительно существующее и затѣйливое, башню, крѣпость и мало ли что...), кажется и табуретъ, и каедрa, и желѣзная кровать съ извѣстнымъ шкафикомъ не заохотятъ его рисовать съ натуры. Мы нисколько не опровергаемъ основательности методы учить рисовать съ натуры, не отвергаемъ и пользы геометрическихъ картонныхъ фигуръ, но трудно понять, какимъ образомъ г. К. Т., проникшія прелестью «вѣчно-юныхъ сестеръ» и считающій необходимымъ «занять, прельстить или *поразить* воображеніе» ученика — какимъ образомъ онъ не сообразилъ, что правильная восьмигранная призма, равно какъ и правильный четырехугольный табуретъ *не могутъ* поразить воображеніе ученика, мало того, *не могутъ* ему нравиться, хотя черченіемъ этихъ фигуръ онъ и можегъ приобрести *вѣрность* глазъ и твердость руки!

Также наивно объясняетъ авторъ и послѣдовательность въ занятіяхъ ученика:

«... Когда онъ не совершенно, но *должно* *снѣло* будетъ рисовать *нач* (линіи, изъ которыхъ *состоитъ* *внѣшній* *видъ* предмета) (*), *позвольте* ему *рисувать* предметъ съ натуры, *изяснивъ* *перспективное* *положеніе* предмета...»

Можно объяснить ученику правила линейной перспективы; но что такое *перспективное* *положеніе* предмета и какъ слѣдуетъ его объяснять ученику — дѣло темное.

«... *послѣ* чего (.) *поправивъ* *нарисованное*, *заставить* (*) *вновь* *нарисовать* (что?). И *поступайте* такъ *дальше*; (.) *п(П)ерерисовавъ* *всѣ* (сколько же ихъ?) *геометрическія* *тѣла*, *съ* *первыхъ* *приемовъ* *не* *требуяте* *совершенно* *правильнаго* *рисунка*, *чтобъ* *не* *наскучить* *воображенію* *на-*

(*) *Рисовать* *линіи*!... Такъ не сказалъ бы и Телеванъ Сикіанскій и Дюбутада, дочь горчешника!

(*) *До-сихъ-поръ* *шли* глаголы въ повелительномъ *наклоненіи*: *слѣдовало* бы *сказать* *заставьте*...

чинающего (т. е. просто, не наскучить ученику). — Окончив во второй раз *ест* фигуры, заставьте рисовать их (кого заставить? фигуры?....) снова, и на этот раз будьте выскателем, но — все не в такой степени, как послѣ, въ третій или четвертый раз.... *Поступая такимъ образомъ, ученикъ вашъ, видя самъ съ простой линіи приращеніе къ дѣлу (???) пойметъ значеніе и смыслъ ея, и научитъ скоро самъ соображать.*

Всѣ эти путаницы можно понять 1) или такимъ образомъ, что «учитель» долженъ заставлять ученика нѣсколько разъ перерисовывать одну и ту же фигуру; 2) или, что «фигуры» рисуютъ по указаніямъ учителя; 3) или, что «ученикъ» заставляеть кого-то рисовать. Во всякомъ случаѣ видно, что рисующій (кто бы онъ ни былъ, учитель, ученикъ, или геометрическая фигура) долженъ по нѣскольку разъ чертить одинъ и тотъ же предметъ, для того, *чтобы съ простой линіи увидѣть приращеніе къ дѣлу*, или проще, для того, *чтобы пріобрѣсть нѣкоторый навыкъ въ рисованіи, а учитель долженъ поправлять ошибки ученика. Не эта ли гениальная, тоже совершенно — новая мысль подвигнула г. Т. К. нвать «Руководство къ Изученію Рисованія»?*

«Отъ рисованія фигуръ каждой отдѣльно, сложить изъ нихъ сколь воз-можно-изящныя группы, перейдите къ ихъ изображенію (!)».

Въ чемъ состоитъ переходъ отъ *рисованія* къ *изображенію* рисунка? Понимайте какъ хотите.

«Копировать съ эстамповъ или отличныхъ рисунковъ. (*) можно отъ времени до времени, чтобъ приучить его къ *серьезнымъ линіямъ тушкови (!)*, и смѣлымъ

(*) Какъ понимать эти слова? Такъ ли, что эстампы суть отличные рисунки, или, что эстампы сами по-себѣ, а отличные рисунки сами-по-себѣ, и что такимъ-образомъ позволительно копировать съ отличныхъ рисунковъ и съ *какихъ бы то ни было эстамповъ*? Вотъ она, грамматика-то!

контурамъ. — Перехода отъ простыхъ формъ къ изящнѣйшимъ и труднѣйшимъ, *чтобы постоянно имѣть въ виду преодоленіе рисованія съ натуры, сколь возможно послѣдовательнымъ, легкимъ образомъ, прежде чѣмъ начнете рисовать съ натуры фигуры живые (я) (,) т. е. движущіе (я)ся, рисуйте съ гипсовыхъ фигуръ.... Не позволяйте себѣ говорить много объ искусствѣ, (:) юный ученикъ не пойметъ (?) васъ....»*

Послѣдняго замѣчанія мы никакъ не ожидали отъ г. Т. К. Напротивъ, мы думали, что въ первый урокъ такъ-таки и слѣдуетъ внушить ученику, *чтоде живопись, одна изъ вѣчно-юныхъ сестеръ, есть великолѣпный цвѣтокъ человеческой дѣятельности*; что въ древней Элладѣ это искусство произвело *высшія произведенія*; что конечная цѣль его *изображать образы, которыхъ нѣтъ на землѣ*; что для достиженія этой высокой цѣли нужно первоначально увидѣть *въ простой линіи приращеніе къ дѣлу*; *приучиться къ серьезнымъ линіямъ тушкови* и почувствовать прелесть возможности передавать натуру искусствомъ... И въ-самомъ-дѣлѣ, если всѣ эти *прелести* не слѣдуетъ внушать ученику, то для кого же писалъ ихъ г. Т. К.? Не-уже-ли для учителя?!... И въ чемъ состоитъ особенность его «Руководства», если не въ изяществѣ слога и глубинѣ исследованій и выводовъ о происхожденіи и цѣли искусства? Чтò новаго узнаеть изъ этой тетрадки учитель? По итѣнію г. Т. К., надобно учить рисовать съ натуры, но сначала приучить руку ученика къ черченію, слѣдовательно, рисовать съ оригиналовъ... Полезно заставлять ученика срисовывать геометрическія фигуры, сдѣланныя изъ картона или дерева, а также и всякую вещь, которая у него постоянно на глазахъ. Еще полезнѣй рисовать съ гипсовыхъ фигуръ, но не должно пренебрегать и копированіемъ эстамповъ. Однимъ словомъ, *чтобы выучиться рисовать, не нѣшаеть рисовать и то, и другое, и третье...*

413) СБОРНИКЪ РАЗСКАЗОВЪ, АНЕКДОТОВЪ И ОТРЫВКОВЪ, *выбранныхъ изъ лучшихъ русскихъ писателей, для упражненія дѣтей въ переводахъ съ русскаго языка на французскій и нѣмецкій, и русско-французско-нѣмецкій словарь.* Пятое исправленное изданіе употребляемое во всѣхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Санктпетербургъ. Въ типографіи К. Крайя. 1847. Въ 12-ю д. л. 119 стр.

— Ключъ къ Упражненіямъ въ Переводахъ. (точка!) Съ русскаго языка на французскій (,) по книжкѣ (:) Собраніе разсказовъ, анекдотовъ и пр., С(с) въ объясненіемъ грамматическихъ свойствъ французскаго языка сравнительно съ русскимъ. Второе изданіе (,) С(с) совершенно переработанное и умноженное значительнымъ числомъ упражненій. Санктпетербургъ, въ типографіи К. Крайя. 1847. Въ 12-ю д. л. 235 стр.

Обѣ означенныя здѣсь книги составляютъ одно цѣлое, или, по-крайней-мѣрѣ, пособляютъ одна другой. Въ первой изъ нихъ помѣщены разсказы, анекдоты и отрывки на русскомъ языкѣ, и въ концѣ прибавленъ словарь русско-французско-нѣмецкій, такъ-что учащійся можетъ, съ помощью его, переводить съ русскаго на французскій и нѣмецкій, если только онъ довольно-знакомъ съ синтаксисомъ обонхъ языковъ. Въ упражненіяхъ своихъ онъ будетъ имѣть еще ту выгоду, что большая часть русскаго текста выбрана изъ лучшихъ нашихъ писателей; логическое теченіе мыслей и правильность оборотовъ облегчаютъ ученика гораздо - больше, нежели какия-нибудь вздорцы, называемые легкими, но въ существѣ трудные, когда написаны неправильно. Неправильности такъ же трудно понимать, какъ и переводить на другой языкъ; но ученикъ не встрѣтитъ этого въ отрывкахъ изъ «Писемъ Русскаго Путешественника» и «Исторіи Государства Россійскаго», Карамзина, или въ прозаическихъ сочиненіяхъ Батюшкова; а Карамзинъ и Батюшковъ занимаютъ главное мѣ-

сто въ «Собраніи Разсказовъ, Анекдотовъ и Отрывковъ».

Въ другой книгѣ, названной «Ключъ къ Упражненіямъ въ Переводахъ», помѣщены тѣ же самые отрывки во французскомъ переводѣ, и точно такъ же раздѣлены на 122 урока, соотвѣтственно раздѣленію ихъ въ первой книгѣ. Кромѣ того, къ каждому уроку прибавлены разговоры, фразеологія и грамматическія правила, извлеченныя изъ самого урока. Всѣ уроки раздѣлены на четыре части, и послѣ каждой изъ нихъ находится сводъ грамматическихъ правилъ, заключающихся въ пройденныхъ урокахъ. Онъ расположенъ въ вопросахъ (на французскомъ и русскомъ), и учащійся долженъ отвѣчать на нихъ. Такимъ-образомъ, обѣ книги составляютъ полный курсъ французскаго языка. Отъ искусства учителя будетъ зависѣть употребить его съ пользою. Вѣроятно, составитель намѣренъ издать такой же «Ключъ» и для нѣмецкаго языка, назвавъ свою первую книгу не для одного французскаго.

414) САМОУЧИТЕЛЬ НѢМЕЦКАГО ЯЗЫКА или руководство научиться, безъ помощи учителя, читать, писать и говорить по-нѣмецки. Санктпетербургъ. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. 1847. Въ 16-ю д. л. 236 стр.

Когда же, наконецъ, увѣрятся у насъ, что безъ помощи учителя нельзя научиться читать, писать и говорить на какомъ бы то ни было иностранномъ языкѣ? Если книги, называемыя «Самоучителями», только спекуляціи на легковѣрность людей, то неужели нѣтъ другихъ болѣе-невиныхъ спекуляцій? Выдумайте какіе-нибудь новые жестяные *набрюшники*, какую-нибудь гутта-перчу, или львиною помаду, отъ которой вырастаютъ волосы на плѣшивой головѣ; позачѣмъ вы хотите сбивать съ толку юные или неопытныя умы, заставляя ихъ терять время надъ безтолковыми и смѣшными самоучителями, которые ни чему не научаютъ? Все, что съ величайшимъ

трудомъ узнаеть учащійся изъ такой книжицы, надобно будетъ послѣ выкидывать изъ памяти и даже изъ слуха; если же онъ останется только съ тѣми свѣдѣніями въ иностранномъ языкѣ, какія почерпнетъ изъ самоучителя, то и будетъ знать столько же, сколько знаютъ иностранный языкъ училыные и гостинодворскіе *моншеры*. Надобно избѣгать такого знанія; оно хуже добраго, прямого невѣдѣнія — а у насъ находятся люди, которые хотятъ поддерживать его!.. Мы не могли удержаться отъ такой мысли, взявшись за новаго «Самоучителя Нѣмецкаго Языка», но, пересмотрѣвъ эту книжонку, нашли ее столько смѣшною, что ни за кого не опасаемся: она никого не введетъ въ заблужденіе. Тутъ, какъ-говорится, *le remède est à côté du mal* — лекарство подлѣ болѣзни, и смѣшное книжки испѣлитъ отъ желаній учиться по ней. Произношеніе нѣмецкихъ словъ изображено въ ней русскими буквами, и изъ этого выходитъ такая путаница, что нельзя удержаться отъ смѣха! Сочинитель воображаетъ, что онъ передаетъ нѣмецкія слова, когда заставляеть говорить слѣдующимъ образомъ: *Взглянь на маннифалтионъ лустбаркэй-монъ на манне (man) ауфъ дѣмъ ландъ лабѣль камль. — Ихъ ферттээ (verstehe!) си диезъ бешфтануитъ истъ дѣмъ мѣннѣнъ мѣннѣнъ ундъ мюцлихъ!* И при всѣхъ этихъ образцовыхъ фразахъ нѣтъ ни одного знака препинанія, отъ-чего онѣ кажутся еще лучше! Угодно ли знать смыслъ, хоть напримѣръ, послѣдней изъ нихъ? Вотъ онъ, по сказанію «Самоучителя»: «Понимаю (NB. знаковъ препинанія нѣтъ!) такое упражненіе для человѣка нужно и полезно.» Прочитавъ нѣсколько подобныхъ фразъ, похожихъ и видомъ и звуками и смысломъ на отаитанскія, не опасайтесь больше «Самоучителя», и спокойно кладите критическое перо свое. Разсѣяться даже полезно.

415) Карманная Книга французско-нѣмецко-русскихъ разговоровъ. По

Эдуарду Курзье. *Силкиттербургъ. 1847. у Эверса и Копп. Въ тип. Академіи Наукъ. Въ 12-ю д. л. 132 стр.*

Въ предисловіи къ этой книгѣ говорится съ такою важностью о собраніи разговоровъ, какъ-будто о высокомъ ученномъ предметѣ.

«Мы перебрали всѣ лучшія, по этой части донынѣ вышедшія въ Германіи и Франціи, руководства. Выборъ нашъ палъ на предлагаемыя нынѣ просвѣщенному вниманію публики, *Разговоры Г. Курзье*, какъ на трудъ, представлявшій намъ двоякое достоинство: новую систему въ расположеніи предметовъ и богатый запасъ съ фразеологическомъ отношеніи. Эта послѣдняя, исключительно имъ принадлежащая, особенность, замѣнить, можетъ быть, на нѣкоторое время недостатокъ нашихъ, особливо Нѣмецко-русскихъ, лексиконовъ.»

Позволяемъ себѣ не повѣрять ни первому, ни второму, ни третьему, ни четвертому. Невозможно было перебрать *всѣ* руководства, то-есть разговоры, изданные въ Германіи и Франціи. Разговоры г. Курзье (а не *Курзье*) не представляютъ ни новой системы, ни богатой фразеологій: это все тѣ же разговоры, которые тысячу разъ повторяются подъ разными названіями. Они даже слишкомъ-устарѣлы, и пора бы замѣнить ихъ чѣмъ-нибудь болѣе-близкимъ къ разговорамъ хорошаго общества, если уже надобно учить наизусть разговоры. Наконецъ, ни въ какомъ отношеніи не могутъ они замѣнить лексиконовъ.

«Въ похвалу *творенія* (!) г. Курзье. «мы могли бы сказать, что оно принято» то въ руководство въ большей части «учебныхъ заведеній Германіи...» Позвольте опять не повѣрять: въ Германіи тысячи учебныхъ заведеній, а если въ большей части ихъ брали по одному экземпляру «Разговоровъ Курзье», то эти «Разговоры» издавались бы сотнями тысячъ экземпляровъ — а этого не слышно. Не думаемъ также, чтобы, при нынѣшнемъ усовершенствованіи методъ языкоученія, гдѣ-нибудь были они въ числѣ классическихъ книгъ.

«...Отдѣленіе французскихъ фразъ •представить всевозможные оттѣнки языка, столь *блѣдно* словами, но столь •богатаго оборотами и красотою выраженій.»

Еще разъ не можемъ согласиться. Въ «Разговорахъ Курсье» находятся только пошлыя, общія фразы, не всегда отличенныя лучшимъ современнымъ языкомъ. Почему, въ-самомъ-дѣлѣ, гг. составители разговоровъ не выбираютъ фразъ изъ лучшихъ современныхъ писателей, особенно драматическихъ? Почему не заимствуютъ разговоры изъ сочиненій Сю, Дюма, Жоржа Занда, Жанена, Скриба и множества другихъ авторовъ? Тогда могли бы они показать всю прелесть и очарованіе французскаго разговора и были бы въ правѣ предлагать свой выборъ за образецъ французскихъ разговоровъ. Не-уже-ли изъ всѣхъ французскихъ писателей нельзя выбрать книжки разговоровъ, гдѣ были бы не одни пошлыя, тысячу разъ повторенныя: «Où allez-vous? Parlez-vous français?»

Допотопная мысль, что французскій языкъ *блѣденъ* словами — не требуетъ никакого опроверженія.

416) Теорія Бильярдной Игры. *Руководство для желающихъ сдѣлаться первоклассными игроками. Съ таблицею чертежей. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. Эдуарда Праца. Въ 12-ю д. л. 84 стр.*

Не знаемъ, потому ли, что мы со временемъ не желаемъ сдѣлаться первоклассными игроками на бильярдѣ, или потому что порядочное «руководство» вообще рѣдкость, но «Теорія Бильярдной Игры» показалась намъ премилою книжкою—лучше сотенъ существующихъ «руководствъ» для наставленія юношества. Авторъ, видимо, хорошо знаетъ то, о чемъ пишетъ, и потому объясненія его понятны даже для людей совершенно-темныхъ въ дѣлѣ зеленыхъ сукновъ, партій, биллій, шаровъ, киевъ, лузъ и тому подобныхъ хитростей. Къ-тому же, книжка издана

опрятно, и чертежи весьма-удовлетворительны.

Одна только мысль мѣшаетъ намъ поздравить автора; эта мысль—сомнѣніе: любятъ ли вообще читать люди, желающіе сдѣлаться первоклассными игроками?.. Намъ кажется, что это народъ большею частію *практическій*, считающій всякую *теорію* за нелѣпость, а книжки — за *сухую матерію*. Какъ-разъ *поздравить* они автора по-своему, съ положительнымъ убыткомъ!..

417) Образцовый Письмовникъ или *аристоматія писемъ, содержащая въ себѣ письма на разные случаи жизни общественной. Въ трехъ отдѣленіяхъ. Съ присовокупленіемъ формы необходимыхъ судебныхъ и коммерческихъ письменныхъ сношеній. Второе изданіе исправленное и дополненное приложеніемъ (?) описанія фармакокт, таблицъ исчисления процентовъ, переложенія ассигнацій на серебро и цѣнности гербовой бумаги. Санктпетербургъ. Въ тип. Виннебера. 1847. Въ 8-ю д. л. 327 стр.*

• Милостивая Государыня!

• Долго боролся я съ своею страстію •и непокорная внушеніямъ разсудка, •тяжело давила она мое сердце, возни- •кая съ новою силою, съ новыми стра- •даніями!.. Наконецъ я рѣшаюсь пи- •сать къ вамъ... Пусть даже отвѣтомъ •на письмо мое будетъ убійственное •молчаніе, безотвѣтная холодность, и •тогда я не перестану любить васъ, и •въ терзаніи безнадежьи одно воспоми- •наніе о васъ уже даетъ мнѣ силы не- •сти тяжелое бремя жизни до того ве- •ликаго дня, когда сложу его у пре- •стола предвѣчной Любви, съ надеж- •дою сладкаго успокоенія на лонѣ вѣч- •ности.... Нѣтъ! вотъ уже три года •какъ я питаю страсть кровью сво- •его растерзаннаго сердца...»

Такъ совѣтуетъ писать письма любви г. составитель «Письмовника»; начинайте однимъ восклицательнымъ знакомъ и кончайте тысячами восклицаній — это доказываетъ, что сердце ваше томится, изнываетъ, страдаетъ, наконецъ исходитъ кровью. Даже чи-

шите всегда, что вы влюблены три года, ни больше, ни меньше — въ этомъ вся сила. Пусть вы всего еще два дня только какъ влюблены, ничего — пишете, что вы пьете кровью своею страсть три года; это дѣйствуетъ на женское сердце... Но чтѣ будетъ, если нѣсколько человѣкъ купятъ этотъ «Письмовникъ», влюбятся въ одну и ту же прекрасную особу и напишутъ ей, что они три года...? Оставляемъ на рѣшеніе той дамѣ, которая получитъ такіе письма.

Въ «Письмовникѣ» есть письма, основанныя на чувствѣ, и письма безъ всякаго чувства; къ послѣднимъ авторъ относитъ письмоводство присутственныхъ мѣстъ, дѣловыя сношенія, письма коммерческія, крѣпостные акты, довѣренности, вѣрющія письма, духовныя завѣщанія, квитанціи и росписки, контракты и договоры, заемныя письма и купція крѣпости. Къ первымъ, т. е. къ письмамъ, основаннымъ на чувствѣ, авторъ относитъ письма любви, дружбы, письма къ родителямъ, дѣтскія письма, поздравленія съ новымъ годомъ, поздравленія жениха... Намъ показалось, что въ безчувственныхъ письмахъ больше толка, а въ чувственныхъ мало здраваго смысла.

418) Парижскія Письма, съ замѣтками о Даніи, Германіи, Голландіи и Бельгіи. Н. Греча. Изданіе П. И. Мартынова. Санктпетербургъ. Въ тип. Карла Крайя. 1847. Въ 8-ю д. л. 592 стр.

Кажется, вся читающая публика убѣждена, что ничего нѣтъ труднѣе въ наше время, какъ описывать путешествіе, особенно по Европѣ: трудно сказать что-нибудь новое, особенно у насъ, потому что никто, можетъ-быть, изъ европейскихъ народовъ такъ не знакомъ съ Европой, какъ русская читающая публика. Хотя бы мы и никогда не путешествовали, никогда не видали красоты различныхъ странъ Европы, но все мы знаемъ, гдѣ природа развернула дивную кар-

тину, гдѣ искусство произвело что-нибудь достойное удивленія, какое мѣсто освящено воспоминаніемъ замѣчательнаго историческаго событія. Слѣдовательно, въ письмахъ путешественниковъ можетъ занимать читателя не описаніе красоты природы и произведеній искусства, не перечень историческихъ происшествій, а взглядъ путешественника на то, что онъ встрѣчаетъ въ своемъ странствованіи... Кто у насъ не знаетъ Парижа? Французскіе романы, французскія газеты ежедневно знакомятъ насъ съ тѣмъ, что дѣлается на томъ концѣ Европы; самое разнообразіе этихъ газетъ, издаваемыхъ разными партіями, и удаленіе наше отъ мѣста дѣйствія даютъ намъ возможность слѣдить безпристрастно о всемъ, что тамъ происходитъ. Но наше сужденіе объ этихъ явленіяхъ — другое дѣло; тутъ интересъ другого рода. Вотъ въ этомъ-то отношеніи самое любопытное описаніе путешествія на русскои языкѣ принадлежитъ г. Погодину. *Послѣ* него, бесспорно, первое мѣсто за г-мъ Гречемъ.

Впрочемъ, оба путешественника существенно отличаются другъ отъ друга. Г. Погодинъ путешествовалъ какъ ученый, отыскивавшій въ Европѣ Славянъ, и какъ предвѣщатель: онъ предсказалъ скорое паденіе новому Вавилону, смотря на него съ высоты востражной башни. Г. Гречъ... оцѣнилъ его путешествія вѣдѣ положительно не сказано въ его книгѣ...

Грамматическіе труды г. Греча въ Россіи придали ему какое-то независимое мнѣніе въ русской литературѣ и оцѣнены достойно его друзьями и недрузьями: и тѣ и другіе признали за нимъ единогласно титулъ «стража русскаго языка», который, впрочемъ, приписывается ему его же газетою. Это самое независимое мнѣніе сохраняетъ г. Гречъ и за границей: онъ, какъ судья, проноситъ свой приговоръ всему, признаетъ и не признаетъ разные парламентскіе акты, трактаты и проч.; даже въ 1843

году, онъ, коснувшись самостоятельности Бельгін и говоря о Бельгін и Голландіи, очень часто повторяетъ: «напрасно они отдѣлились». Такой оригинальный взглядъ, разумѣется, составляетъ тайну занимательности путешествія г. Греча.

Итакъ, не описанія мѣстъ и предметовъ должны интересовать насъ въ «Письмахъ» г. Греча, а его личный взглядъ на вещи. Поэтому, для уравнивнн его впечатлѣній, должно отыскать ключъ къ его сужденіямъ, и это не трудно, потому-что, пока г. Гречъ еще ѣхалъ по Даніи, Германіи, Голландіи и Бельгін, онъ высказывалъ свои мнѣнія со всею полнотою убѣжденія и стройностью русской рѣчи. На 57-й страницѣ мы находимъ этотъ ключъ.

«... Прусское Правительство, желая уредить права всѣхъ своихъ подданныхъ, составило проектъ общаго У(у)головнаго У(у)ложенія для всей М(м)онархіи, и предложило его на разсмотрѣніе провинціальныхъ сеймовъ. Въ собственной Пруссіи, Бранденбургѣ, Помераніи, Силезіи, и пр., это уложеніе принято съ удовольствіемъ и благодарностью, потому что въ немъ исправлены многіе недостатки прежняго, но въ Рейнской Провинціи, гдѣ имѣетъ силу У(у)ложеніе Ф(ф)ранцузское (Code Napoléon), встрѣтило оно противрѣчія и оппозицію. Особенно неприятели было бы здѣсь введеніе тѣлесныхъ наказаній, не существующихъ во Ф(ф)ранцузскомъ уложеніи. Между тѣмъ многіе юристы защищали эти наказанія, и кажется, не безъ основанія. Я увѣренъ, что въ Парижѣ было бы гораздо менѣе *шалостей*, неустойчивъ и даже возстаній противъ законной власти, если бы *шалуны* и *буяны* опасались розогъ. Тюремное заключеніе не устрашаетъ...» (Стр. 87—88).

Можетъ-быть, дѣйствительно, еслибъ Европа, какъ думаетъ г. Гречъ, наказывала розгами всѣхъ *шалуновъ* и *буяновъ*, то избѣгла бы многихъ *волъ*! Тогда и Бельгія не отдѣлилась бы, можетъ-быть, отъ Голландіи... Вотъ мнѣніе г. Греча объ этомъ событіи.

... Я разговорился объ этомъ съ однимъ спутникомъ, человѣкомъ среднихъ лѣтъ, пріятной наружности. Въ послѣдствіи я узналъ, что это былъ Г. ванъ-деръ-Бергенъ, гентскій уроженецъ, употреблявшій, съ нѣкоторыми согражданами своими, всѣ возможные средства для воспріятствованія отдѣленію Бельгін отъ Голландіи. *Это отдѣленіе было для Бельгін чрезвычайно бѣдственно*: промышленность и торговля ея остановились; многіе богатые негоціанты переселились въ Голландію; важныя фабрики прекратили свои дѣйствія; и еслибъ Правительство не *додалось* оживить дѣятельность страны желѣзными дорогами, бѣдствія ея были бы еще значительнѣе. «Но нѣтъ сомнѣнія, сказалъ одинъ молодой Нѣмецъ, вмѣшавшійся въ нашу бесѣду, что многіе Бельгійцы желали этой перемѣны.» — «Да кто? возразилъ Г. ванъ-деръ-Бергенъ: *негодли, пьяницы* начали бунтъ въ Брюсселѣ; къ нимъ присоединилась чернь; адвокаты и другіе безпокойные люди этия воспользовались, чтобъ возвыситься на общій счетъ, а Правительство, благоудѣльствовавшее Бельгію, не могло вообразить возможность отпаденія, и потому не употребило въ началѣ всѣхъ своихъ средствъ: въ послѣдствіи уже было поздно...» (Стр. 135—136).

Ясно, что, еслибъ Голландцы держались системы, выраженной на стр. 58, касательно *шалуновъ* и *буяновъ*, то не выпустили бы изъ рукъ Бельгін!.. Но видно Голландцы были другаго мнѣнія; Бельгійцы, въ заблужденіи своемъ, тоже иными глазами смотрѣли на предметъ: они даже увѣковѣчили событія 1830 года памятникомъ... Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ г. Гречъ:

«Въ возвышенной части города находится такъ называемый паркъ.... Нынѣ возбуждаетъ онъ горестныя чувства: большая часть деревъ его носитъ слѣды пилы, поцавшихъ въ нихъ во время борьбы мятежниковъ съ королевскими войсками, въ Сентябрѣ 1830 года; на стволахъ нѣкоторыхъ деревъ, пораженныхъ ядрами, видишь цинковые листы, *въ родѣ пластыря*. Грустныя воспоминанія! Тѣла несчастныхъ жертвъ революціи погребены на одной площади, неподалеку отъ моей гостиницы; надъ ними воздвигнутъ оц-

ромный памятник; площадь назвали Площадью Мучеников (la Place des Martyrs). Лучше было бы назвать ее la Place des Dupes (Площадью Олуховъ) (!!!...). Падшіе въ сіи дни голландскіе солдаты были дѣйствительно мучениками своего долга, а эти бѣдные брюссельскіе поленщики, разбошники, ремесленники и лавочники! За кого они сражались, сами не знаютъ. Что приобрѣли побѣдою, то еще менѣе видятъ...» (Стр. 163).

Но отъ-чего же г. Гречъ такъ же благоволяетъ къ Бельгіи? Причина, какъ мы увидимъ въ-послѣдствіи, заключается въ неприязности, которой подвергся нашъ путешественникъ въ Брюссель, и за которую онъ никакъ не хочетъ простить Бельгіи ея существованія въ видѣ особеннаго королевства, хотя, независимо отъ той неприязности, г. Гречъ готовъ признать, какъ умный человѣкъ, невозможнымъ соединеніе двухъ націй, Голландцевъ и Бельгійцевъ. На-примѣръ:

«Бѣдствія южныхъ Нидерландовъ прекратились въ 1598 году, когда они поступили подъ благотѣльную власть Д(а)ома А(а)встрийскаго. Сѣверные Нидерланды или Семь Соединенныхъ Провинцій, составили отдѣльную республику, Голландію, и съ теченіемъ дуетъ еякоже эти дѣль, части прежняго цѣлаго до того сдѣлались чуждыми одна другой языкомъ, правами, законами, религіею, что воссоединеніе ихъ въ 1815 году рушилось при первомъ случаѣ! (Стр. 173).

«Теперь сношенія между Голландіею и Бельгіею установились, какъ кажется, на прочномъ основаніи. Дѣла коммерческія, ученые и семейственныя происходятъ между подданными двухъ государствъ безпрепятственно и ко взаимному удовольствію. Бельгійцы тайно въдыхаютъ о своей слауности, а явно стараются показать, что они счастливы и довольны. Голландцы, сохранивъ честь свою, обезпечивъ свои вещественныя выгоды, на нихъ не сердятся. Но искренню, единодушную согласія между сими двумя націями никогда не будетъ: въ нихъ сталкиваются и отражаются двѣ противоположныя стихіи: это вода и огонь, масса и воздухъ.» (Стр. 187).

Посѣтивъ Академію Художествъ въ Брюжѣ, или Брюгге, и осмотрѣвъ вы-

ставленные произведенія тамошнихъ живописцевъ, г. Гречъ восклицаетъ: «Удивительно, какая дѣятельность, какой геній художественный возникъ въ Бельгіи!» (стр. 207).

Это же, въ другомъ мѣстѣ, тотъ же г. Гречъ называетъ «юрькими ядами независимости» Бельгіи отъ Голландіи (стр. 191).

Г. Гречъ, какъ человѣкъ строго-логическій, могъ бы замѣтить, что слова его противорѣчатъ одинъ другому, и что, слѣдовательно, если обѣ націи, Голландцы и Бельгійцы, противоположны другъ другу какъ вода и огонь, какъ масса и воздухъ, то отдѣленіе ихъ произошло не отъ *шалуновъ* и *булоновъ*, которыхъ бы слѣдовало наказывать розгами, а въ-слѣдствіе другихъ причинъ... Но мы сказали, что нерасположеніе къ Бельгійцамъ произошло у г. Греча, какъ кажется, отъ маленькаго неудовольствія, которое причинилъ ему таможенный солдатъ въ Брюссель. Вотъ, какъ рассказываетъ это самъ г. Гречъ. Онъ былъ за городомъ на дачѣ у знакомаго, и оттуда возвращался въ-шкормъ, вѣстѣ съ хозяйномъ дачи, г. Серве, и музыкантомъ г. Классомъ, который дорогой выхвалялъ нѣтъ переворотъ 1830 года и изъявлялъ неудовольствіе на прежнее голландское правительство.

... «Мы подошли къ заставѣ. Глухая пьяная фигурка въ таможенномъ мундирѣ остановила насъ: «Куда идете?» — «Въ городъ», отвѣчалъ Серве, показывая билетъ. «Вы можете пройти, а съ собою пропустить не смѣю. За Г. Классомъ человѣкъ несъ скринку въ футлярѣ. «Что это за пош! возразилъ Г. Классъ: это скринка! — Нужды нѣтъ» отвѣчалъ сторожъ: «е можно пронести только черезъ такія ворота, гдѣ есть акцизъ со състныхъ припасовъ.» — «Да что это за състные припасы?» — «Не пушу!» закричалъ сторожъ съ запальчивостію. Нечего было дѣлать; мы пошли вдоль городскаго рва къ заставѣ, отстоявшей версты на двѣ. Терпѣнье Серве лопнуло. — «Вотъ, закричалъ онъ, хваленая ваша законность и свобода! Всякій пьяница можетъ, подъ самымъ ничтожнымъ предлогомъ, остановить и оскорбить порядочныхъ людей.

Видѣли ли вы, съ какою злобною радостью этотъ пьяный негодяй смотрѣлъ на ленточку въ моей петлицѣ? Вотъ ваши революціи, ваши представительныя правленія, ваша свобода и равенство! — Можетъ ли случиться что подобное, напримѣръ, въ Россіи? Скажутъ учтиво: не приказано; обратитесь къ офицеру, и онъ пропустить...

Теперь объясняются противорѣчія, заключающіяся въ словахъ г. Греча.

Но вотъ г. Гречъ въ Парижѣ. Онъ предупреждаетъ вопросъ своихъ читателей: «какъ вамъ понравился Парижъ, послѣ шести лѣтъ, какъ вы его не видали?» и спѣшитъ отвѣчать на него: «Къ удовольствію моему, отчасти сбылось предсказанное мною: здѣсь произошли перемѣны, и почти всё къ лучшему... Полиція здѣсь теперь находится въ совершенномъ благоустройствѣ: бдительна, осторожна, и притомъ тиха и учтива» (стр. 216).

... Полиція употребляетъ всё средство для очищенія улицъ, для наблюденія опрятности — тщетно...» (стр. 218).

Но... да позволено намъ будетъ остановиться на этихъ впечатлѣніяхъ г. Греча въ Парижѣ. Читая его письмо теперь во второй разъ (потому что они въ свое время были прочтены всюю публикою «Сѣверной Пчелы»), вы такъ и будете сорываться входить по слѣдамъ одного изъ нашихъ соотечественниковъ на высотуوترдамскаго собора, и прокричать всемірному городу: «горе тебѣ, новый Вавилонъ!... Это такой водоворотъ, гдѣ все исчезаетъ, гдѣ никому нѣтъ дѣла до другихъ, гдѣ пропадаетъ даже самъ путешественникъ, а письма его, выражавшія его личныя убѣжденія, высказывавшія даже его сокровенныя мысли въ то время, когда писались изъ молчаливой Германіи, Данціи и Флегматической Голландіи — эти самыя письма загромаждаются кипами журналовъ и газетъ, такъ что автору остается только выписывать. Едва-едва можетъ онъ уловить ми-

нуту, чтобы на свободѣ упрекнуть палату депутатовъ и погромить розгами шалунами и буллами, которые своими путнями, спорами, журнальными статьями и другими средствами стараются нарушить порядокъ и спокойствіе благомыслящихъ гражданъ. Рѣдко, рѣдко даже случится ему подать хорошій совѣтъ Франціи для ея же блага, — напримѣръ, чтобы оказывали болѣе предпочтенія людямъ порядочно - одѣтымъ передъ людьми одѣтыми въ блузу, при допущеніи публики присутствовать при судопроизводствѣ (стр. 284), или при другомъ случаѣ, какъ на стр. 417: «желательно было бы, чтобы чинѣншій префектъ полиціи, почтенный Делесеръ, послѣдовалъ примѣру своего предшественника, и выгналъ изъ парижскихъ театровъ эту подлую союлочь...» Это все, наконецъ, дѣйствуетъ чрезвычайно во вредъ важнательности Парижскихъ Писемъ: они получаютъ совершенно фельетонный характеръ, и, привыкнувъ встрѣчать ихъ въ газетѣ г. Греча съ 1843 г. по нынѣшній, съ разными промежутками, мы никакъ не думали, чтобы они могли когда-нибудь явиться отдѣльной книжкой: всё привыкли смотрѣть на нихъ, какъ на парижскій фельетонъ «Сѣверной Пчелы», что, вмѣстѣ съ субботникомъ, петербургскимъ ея фельетономъ, дѣлало эту газету самымъ любопытнымъ чтеніемъ для всякаго образованнаго человека. Но судьба фельетона извѣстно какаа: ему назначено жить минутой, жить до-тѣхъ-поръ, пока еще интересуютъ вопросы дня, какого бы рода они ни были. Чтѣ, въ самомъ дѣлѣ, было бы интереснаго, еслибъ появилась теперь книжка, которая заключала бы въ себѣ всё фельетоны какой-нибудь газеты, веденные въ извѣстный періодъ времени, напримѣръ, въ продолженіе зимы или лѣта?.. «Вчера былъ балъ, а нынче будетъ два» и еще что-нибудь въ этомъ родѣ, важное только до окончанія этихъ баловъ... Чтѣ же касается до разныхъ болѣе-серьезныхъ вопро-

совъ, которые войдутъ потомъ въ исторію, то, конечно, очень-любопытно прочесть о нихъ что-нибудь новое въ фельетонѣ журнала, на примѣръ, о дѣлѣ іезуитовъ, когда этого вопросъ былъ въ полномъ разгарѣ: тогда спасибо фельетону, если онъ сообщалъ новость по этому предмету, но черезъ четыре года это извѣстіе не стоитъ того, чтобъ его вносить въ особую книгу, потому что часто оно выйдеть ложно, да и вообще, по прошествіи извѣстнаго времени, историческое событія представляется въ полнотѣ, и отрывочное извѣстіе о немъ вовсе не нужно.

Но г. Гречу угодно было издать свои «Парижскія Письма», или свои парижскіе фельетоны 1843 года, теперь въ 1847 году... Противъ этого нечего говорить—вольному воля!..

Въ особенностяхъ основательно изученъ г. Гречемъ и обстоятельнѣе всего изложено въ этихъ письмахъ—предметъ въ-самомъ-дѣлѣ достойный вниманія и въ Парижѣ существующій въ возможномъ совершенствѣ—именно, парижская полиція. Г. Гречъ занялся этимъ вопросомъ весьма-прилежно. Цѣлыя два письма, 22-е и 23-е, посвящены имъ этому предмету. Онъ подробно рассказываетъ исторію парижской полиціи съ самаго учрежденія званія «королевскаго намѣстника полиціи» (lieutenant général de police), въ 1667 году, при Людовикѣ XIV, до нашихъ временъ, и подробно рассказываетъ составъ, образъ и вругъ дѣйствія нынѣшней полиціи. Эта часть, въ-самомъ-дѣлѣ, превосходно устроена въ Парижѣ, и самъ г. Гречъ отдалъ ей полную справедливость. Такъ-какъ подобный предметъ рѣдко встрѣчается въ письмахъ другихъ путешественниковъ, посѣщающихъ Парижъ, то мы занимаемъ сужденія о немъ у автора «Парижскихъ Писемъ».

«Полиція Парижская стоитъ городу двѣнадцать милліоновъ франковъ. Она имѣетъ въ вѣдомствѣ своемъ особенную стражу въ 2.596 чел. чѣлоты и 647 конницы,

пожарную команду въ 830 чел., 360 городовыхъ сержантовъ и около 300 чиновниковъ, занимающихся въ префектурѣ нѣмь день, иногда и ночь; сверхъ того должно причислить къ нимъ полицейскихъ комиссаровъ, мирныхъ судей, смотрителей и разныхъ чиновниковъ и агентовъ, всего около двухъ тысячъ человекъ. Дѣла префектуры дѣлятся на двѣ части: въ первой заключается полиція политическая, проникающая сквозь мглу и мракъ своими рысьими глазами, для обезпеченія внутреннего спокойствія, для открытія заговоровъ и для предупрежденія разрушительныхъ замысловъ. Вторая полиція есть городская, столь же дѣятельная, проинициальная и неутомимая, но дѣйствующая прямо, явно, гласно. Обѣ содѣйствуютъ къ охраненію безопасности государства: первая охраняя власти и правительство, послѣдняя наблюдая безпрерывно за толпами бродягъ, разбойниковъ и злодѣевъ всякаго рода, угрожающихъ жизни и имуществу гражданъ.—Дѣйствія полиціи политической укрываются отъ глазъ наблюдателя. Притомъ она не имѣетъ постоянныхъ правилъ, ни твердой системы, сообразуясь съ требованіемъ обстоятельствъ. Агенты сей полиціи, неизвѣстные другъ другу, набираются обыкновенно изъ разорившихся свѣтскихъ людей, мотовъ и развратниковъ; изъ женщинъ, не дурныхъ собою, не глухыхъ и сметливыхъ, но не имѣющихъ средствъ для поддержанія себя въ свѣтѣ; изъ молодыхъ людей, которые въ училищахъ, между неопытными товарищами, слыгутъ неугомонными крикунами, а въ самомъ дѣлѣ присматриваютъ за прочими, и доносятъ о ихъ замыслахъ и дѣйствіяхъ.» (Стр. 435).

Это, впрочемъ, тайная, черная сторона парижской полиціи, и если она состоитъ, по свидѣтельству г. Греча, изъ такихъ лицъ, какъ разорившіеся свѣтскія люди, моты и развратники, женщины, неимѣющія средствъ поддержать себя въ свѣтѣ, и мальчики, извѣстные у насъ въ заведеніяхъ подъ позорнымъ именемъ «фискаловъ», за то видимая полиція имѣетъ въ Парижѣ совершенно-другой характеръ. Г. Гречъ, по-видимому, основательно изучившій этотъ вопросъ, говоритъ о ней слѣдующее:

Г. Делессеръ (нынешній префектъ полиціи) заслужилъ одобреніе и благодарность всѣхъ честныхъ людей тѣмъ, что удалялъ отъ службы при полиціи (городской, мятойшей мундиръ, видимой) всѣхъ людей безразличныхъ, уличенныхъ въ поступкахъ предосудительныхъ, какихъ прежде сего... полиція употребляла исключительно, пользуясь ихъ прежними связями и опытностью. Известно, что знаменитый воръ Видокъ былъ въ послѣдствіи полицейскимъ агентомъ. Замѣнивъ всѣ должности по полицейской части людьми честными и благонамѣренными, Г. Делессеръ привелъ ее въ уваженіе въ публикѣ и истребилъ даже въ простомъ народѣ давнѣйшій предрасудокъ противъ благонамѣренности и безкорыстія полицейскихъ, которые прежде сего подвергались ненависти и презрѣнію. Теперь люди всякаго званія охотно содѣйствуютъ полицейскимъ служителямъ въ исполненіи тяжкой ихъ обязанности. Достойны вниманія переѣмны, произведенныя Г. Делессеромъ въ обращеніи съ самыми опасными и законными преступниками, и блага ихъ послѣдствія. Прежде сего старались ихъ принудить къ признанію строгостію, угрозами, страхомъ. Нынѣ достигаютъ сей цѣли убѣжденіемъ, доказываютъ виновному, что искреннее раскаяніе и совершенная откровенность могутъ облегчать судьбу его передъ судомъ. Данныя ему обѣщанія свято исполняются....» (Стр. 439).

Но, къ сожалѣнію, предѣлы статьи не позволяютъ намъ слѣдить за всѣми наблюденіями г. Греча въ Парижѣ по этой части, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы не хотимъ лишиться его книгу главнаго ея интереса, потому что все остальное состоитъ или изъ летучихъ новостей, которыя были новостями въ 1843 году—на-примѣръ, извѣстіе, что Евгений Сю кончалъ Парижскія Тайны, и теперь пишетъ къ нимъ эпилогъ (стр. 223)—или изъ объявленія намѣреній г. Греча, приведенныхъ или не приведенныхъ имъ въ *дѣйство*, какъ онъ выражается, на-примѣръ, что онъ собирается сходить въ маскарадъ Большой или Комической Оперы, гдѣ танцуютъ канканъ (стр. 496), или, наконецъ, изъ отрывочныхъ свѣдѣній о слишкомъ-важныхъ и те-

перь гораздо-обширнѣе развившихся вопросахъ, какъ, на-примѣръ, вопросъ объ іезуитахъ, и т. п.

Въ вышедшемъ нынѣ томѣ Парижскихъ Писемъ заключается тридцатьдва письма: первое писано мая 1843 года, послѣднее отъ $\frac{1}{16}$ марта 1844... Вообще, эта книга запоздалая, и, право, не знаемъ, кому можетъ быть нужна она.

419) Фигурантка. Событіе 1812 и 1813 годовъ. Повѣсть. Сочиненіе А. Соколовскаго. Санктпетербургъ. 1847. Въ типографіи М. Михѣева. Въ 16-ю д. л. 72 стр.

Эта книжечка, какъ видно изъ заглавнаго листка, есть произведеніе не московское, а чисто-санктпетербургское, и отпечатана она въ типографіи М. Михѣева, а не Логинова, въ которой отпечатывается большая часть московскихъ книжечекъ. Не смотря на то, она имѣетъ гораздо-болѣе средствъ съ московскими, нежели съ петербургскими книжечками, хотя въ-сущности не подходитъ ни къ одному изъ существующихъ родовъ литературныхъ произведеній, составляя явленіе совсѣмъ оригинальное; оригинальность его состоитъ не изъ однихъ этимологическихъ, синтаксическихъ, орфографическихъ и риторическихъ особенностей слога г-на Соколовскаго; — у г на Соколовскаго совершенно своя, ему исключительно принадлежащая манера писать. Онъ кратокъ, лакониченъ; онъ не рисуетъ своихъ геросовъ, а заставляетъ читателя рисовать, вмѣсто нихъ, что ему — читателю, а не г-ну Соколовскому — угодно; онъ не рассказываетъ событій 1812 и 1813 годовъ, а намекаетъ читателю на то, чего не могло случиться ни въ 1812, ни въ 12-мъ, просто, отъ Р. Х. или отъ сотворенія міра...

Однимъ словомъ, читая «Фигурантку», вы чувствуете себя, какъ говорится, дома, въ своихъ покойныхъ креслахъ и событія въ 1812 и 1813 года *проходятъ передъ вашими глазами*, какъ проходятъ обыкновенно послѣ обѣда

многія другія событія предъ человѣкомъ, закрывшимъ глаза и погружившимся въ сладкую дремоту. Только по временамъ (изъ сожалѣнію, очень часто) этимологическія, синтаксическія и другія особенности слога г-на Соколовскаго заставляютъ васъ на минуту открывать глаза... но, чтобы соблюсти сладость своей дремоты, вы можете вообразить, что въ сосѣдней комнатѣ милая вашему сердцу дочь или племянница беретъ урокъ музыки, и что вы просыпаетесь отъ особенностей въ ея игрѣ, а не въ слогѣ г-на Соколовскаго...

Вотъ для образца первыя пять страницъ «Фигурантки»... Не бойтесь! на пяти страницахъ напечатано не много. Вообще, все сомненіе можно прочесть въ 15 минутъ.

«Достопамятенъ двѣнадцатый годъ; сколько людей не (г. А. Соколовскій отдѣляетъ частицу не, вѣроятно, для ясности, потому что типографія М. Мпхѣва вообще печатаетъ слыно) извѣстныхъ прославила имя свое. (1.)

«Красавая туча (красавыя тучи иногда грезятся) быстро приближалась къ Смоленску, наконецъ остановилась надъ нимъ. Умыли жители Смоленска, видя неминуемый бѣдствіи(я), стали удаляться (каковъ лаконизмъ?)

«Природа сдѣлалась ирраца; холода до (это «до» отставлено также для ясности) ходили до двадцати градусоув; Французы вошли въ Смоленскъ найдя его пустымъ (замѣтите:—пустымъ), они съ жадностію бросились грабить немущихъ (т. е. людей съ пустыми карманами, и потому немѣшавшихъ Смоленску быть пустымъ); предали ихъ жилища (ща отставлено — для ясности) огню. Терпя голодъ и холодъ (,) французы оставили Смоленскъ.

«Не далеко отъ Смоленска стояло село К..., примѣчательное чистотою и порядкомъ. Проѣжающіе не могли влюбиться на село К... Помѣщикъ села К... отставной генералъ, прослуживъ тридцать лѣтъ въроу, правдою отечеству (,) отдыхалъ на пожатыхъ лаврахъ. Услышавъ о бѣдственномъ положеніи отечества и приближеніи несприятеля, онъ по хотѣлъ находиться безъ дѣйствія и быть не полезнымъ отечеству. Набравъ изъ крестьянъ рать, онъ ждалъ, чтобы встрѣ-

тнны не (и это не отставлено по прямой причинѣ) званыхъ гостей.

«Владиміръ Петровичъ У... (помните — Владиміръ!) (такъ звали помѣщика села К...), имѣлъ отъ роду, (занятая!) около 60 лѣтъ, но бодрал наружность его сродысала ему 20 лѣтъ (точки не достаю).

«Не стану мертвыми (?) словами описывать наружность Владиміра Петровича, а скажу однимъ словомъ: онъ былъ типъ русскаго барина. Его радость, утѣшеніе была дочь Елена, 18 лѣтъ. Она, какъ бѣлая (?) роза цвѣла, хороше(ъ)ла; душа ея (ея) была невинна, чиста... Вся дворня любила справедливо (типическое свойство) барина, а за ангела-барышню, (занятая!) каждый готовъ (былъ) жертвовать всѣмъ... (каковъ лаконизмъ!)

«Всѣ окружающіе (?) помѣщики искали руки Елены Петровны (т. е. дочери Владиміра...), а нѣкоторыя(е) были въ нее влюблены по уши. (Какова краткость!..)

«Я позабылъ сказать, что Владиміръ Петровичъ (т. е. отецъ Елены Петровны) имѣлъ около пяти тысячъ душъ.

«Многіе помѣщики, люди значительные предлагали руки свои (кому и для чего?), но Владиміръ Петровичъ не хотѣлъ разставаться съ Еленой и не находилъ (что-нибудь одно) достойнаго человѣка, (занятая!) столь цѣпной дочери—отказывалъ. (Каковъ лаконизмъ!)

«Черезъ то у него сохранились глаза» (опять лаконизмъ!).

И такимъ образомъ рассказываются слѣдующія XIII событія 1812 и 1813 годовъ:

I. Владиміръ Петровичъ, любившій одну только дочь свою, Елену Петровну («другіе не заслуживали его любви») полюбилъ еще Валеріана Павловича, «поручика гвардейскаго полка, не давно основаннаго (полка?) у него въ домѣ».

«При первомъ свиданіи съ Еленой Петровной, Валеріанъ Павловичъ почувствовалъ что-то необъяснимое...»

«Да какъ не влюбиться въ Елену — идеальную красавицу...» восклицаетъ авторъ.

II. Сосѣдь Владиміра Петровича, отставной капитанъ, Иванъ Осиповичъ, или Осипъ Ивановичъ (какъ случится, Зоркинъ, имѣвшій зѣркскую наружность (высокій ростъ и большое лицо), в

проводивший жизнь в развратъ (даже въ деревнѣ у него ясно видна бѣдность, самыя жилища отвратительны, не говоря уже о жителяхъ), былъ у обѣда, и увидѣвъ Елену Петровну «усердно молчащую».

«Буйное сердце его смягчилось, при видѣ земнаго ангела; мысль достойная (чего?) мелькнула въ головѣ его: перемѣниться и жениться на Еленѣ Петровнѣ. Женщины, чего вы не можете сдѣлать собою...»

«Наконецъ бѣдная дворянка, принявъ роль свахи, отправилась къ Владимиру Петровичу, но не была принята.

«Отказъ возбѣсилъ Ивана Осиповича... онъ поклялся мстить Владимиру Петровичу и взялъ съ своихъ товарищей (когда шла разливная) клятвы въ непримиримой враждѣ.»

III. Въ ту ночь, когда у Ивана Осиповича, или Осипа Ивановича — что все равно — «шла разливная» и когда «воцарилась тишина, прерываемая храпльемъ, достойно проводившихъ людей для насъ драгоцѣнное время (??)... свѣчки тухло юртли отъ не (оставлено опять) вниманія слугъ, которые, подражая господину своему давно уже храпльи.»

«Свѣтильни, нагорѣвъ потеряли равновѣсіе упали на перину» (откуда взялась перина?..)

«Перина тотчасъ за (опять отставлено) тлѣлась, пламя сдѣлалось ужасное.»

Впрочемъ всѣ разливатели повыскакивали въ окно, и Осипъ Ивановичъ (Иванъ Осиповичъ тожъ), не смотря на то, что лица его товарищей были еще блѣды, отератительны, «велѣлъ подать вина, а старость сказалъ: чтобы крестьяне съ собрались, вооружась чѣмъ попало» для отраженія «Хранцузовъ».

IV. Владимиръ Петровичъ также, съ своей стороны, «ободрялъ свою рать, къ которой присоединились добродѣтельные помѣщики (,) и, уповая на промыслъ Всевышняго (,) ждалъ врага.»

«Пробило три часа, весь домъ бодрствовалъ; въ гостиной сидѣли на диванѣ: Владимиръ Петровичъ съ дочерью, съ двухъ сторонъ соединившіеся помѣщики (?).»

За тѣмъ слѣдуетъ сцена удивительная... Выписываемъ ее со всѣми особенностями слога г. А. Соколовскаго.

«—Вдругъ дверь отворилась, вѣжалъ Валеріанъ Павловичъ — французы за двѣ версты! — вскричалъ онъ.

«Всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ, кромѣ Елены, которая смотрѣла на Валеріана Павловича!

«Валеріанъ! ты останешься здѣсь, защищать вѣжству...»

«— Батюшко! онъ хотѣлъ, (запята!) что-то сказать; но Елена устремля на него свои лазоревые глаза, которые выражали — упрекъ (за что?).»

«Валеріанъ побѣждалъ къ ней, взялъ ручку и поцѣловалъ.»

Какое г. А. Сокол..., виноватъ, — Валеріанъ Павловичъ!...

На досугѣ, пока Владимиръ Петровичъ гналъ Французовъ, Елена, между прочими глупостями, рассказываетъ Валеріану ужасный сонъ, тлотившій ея душу:

«—Вчера въ полночь (говоритъ она), тревожная мрачными мыслями (какими?), я заснула и, (запята!) вижу будто у насъ много гостей (никакого знака) всѣ разошты; входятъ со мною (откуда и куда входятъ?) рара (читай rara), всѣ отвернулись и плюютъ, — вдругъ приходятъ какіе-то люди, связываютъ насъ и выводятъ на площадку, съ которой сталкиваются (съ площадки-то?). Мы очутились въ обширномъ полѣ, въ простомъ одѣяніи, гдѣ встрѣчаемъ тебя; но ты тоже отвернулся отъ насъ...»

V-ую главу «Фигурантки» можно назвать: «сонъ въ руку».

«Прошелъ достопамятный двѣнадцатый годъ... Какъ очаровательны были наши холодныя вѣнеры, мимле пламенныхъ италянковъ.» (??)

Владимиръ Петровичъ живетъ съ дочерью гдѣ-то и почему-то въ глуши, на постояломъ дворѣ. «Онъ третій мѣсяцъ не ставалъ съ одра; горе (какое?) со всѣмъ уничтожило его.

«Въ одинъ день на дворъ вѣтали два обоза. Въ комнату, лежащую подле комнаты Владимира Петровича взошла труппа людей, въ которой также (кромѣ людей) находились и женщины. Изъ разго-

вора нтъ можно было узнать: что это были комедіанты, ѣдущіе въ городокъ, къ масляницѣ.»

Между-тѣмъ Леночка ведетъ съ своимъ рара (гага) такой разговоръ, изъ котораго можно узнать степень ея глупости и еще то, что они жадутъ какого-то Коурала.

• Дверь растворилась — вошелъ Коуралаъ .

Онъ принесъ имъ плохія вѣсти. «Вы работали, говорить, мало; надобно по (отставлено) думать чѣмъ жить; сумма наша не велика. Но Владиміръ Петровичъ сталъ засыпать — припадокъ большіи.» (что за умѣние говорить кратко!..)

VI. Владиміръ Петровичъ П(и)ропнулся. Елена подошла къ нему, стараясь разговоромъ замать его; но онъ вдругъ, что навываается, ни съ того, ни съ сего, обратился къ ней съ такою просьбою:

• — Леночка! протанцуй мою любимую...»

• Чтобы угодить отцу, она начала танецъ, выдерживая отлично трудныя позы.»

Директоръ пріѣхавшей труппы комедіантовъ видѣлъ эту продавку сивовъ замочную сважину, пожелалъ имѣть Елену въ своей труппѣ, сдѣлалъ предложеніе, и, послѣ весьма краткихъ переговоровъ, Леночка объявила:

• — Рара! вы знаете меня, прежде я была горда, а теперь, когда бѣдность тяготитъ не одну меня, я на все честное согласна — жертвовать собою...»

• Сцена трогательная продолжалась,» говорить авторъ, оканчивая эту главу.

VII. • Въ 1813 году, жители города П*** не по-прежнему надѣялись провести сырую недѣлю» (прежде она проходила единообразна и скучна).

У сарая, гдѣ была Елена Петровна, почтеннѣйшая публика толпится. Происходятъ сцены невѣроятныя...

VIII-ая глава состоитъ изъ сценъ того же рола.

IX. • Наступила пятница.»

• Тѣснота у сараевъ была необыкновенная.»

Въ сарай вошелъ между прочими военный въ пустыхъ эпагетахъ; лицо его было блѣдно и, (запятая) ясно выражало печаль.»

• Онъ сѣлъ въ кресло, поклонился оенцерамъ, которые встали.

• Поднялась занавѣсь и вылетѣла любяница публики.

• Сарай затрясся отъ хлопанья; букеты цвѣтовъ (видно-что авторъ — житель Петербурга) полетѣли на сцену, но физуратка, взглянувъ на кресла — упала въ обморокъ — занавѣсь опусталась.

• Публика была въ недоумѣніи, думали такъ и сякъ и наконецъ, положила: отъ столь лестнаго прѣма публики (!!).

X. Военный въ пустыхъ эпагетахъ вышелъ, • засунувъ руку въ карманъ (•) вынулъ откуда сторублевую ассигнацію, при видѣ которой затряслись руки у шивратника, • — и такимъ образомъ прошелъ за кулисы.

Вы догадываетесь — это былъ Валеріанъ.»

• Пройдя маленькій корридоръ, онъ вошелъ въ чуланъ... тамъ сидѣла приходившая въ чувство Елена...»

XI. • Не рассчитавшись съ хозяйномъ сарая, она съ милымъ сердцу уѣхала домой.»

Въ слѣдующихъ главахъ, XII и XIII-ой, все устрояется къ лучшему; въ послѣдней особенно такъ хорошо все, что мы выписываемъ ее вполнѣ.

• Пробыло шесть часовъ по полудни; нерозъ подшучивалъ надъ крестьянами (села К***), которые расхаживали по дорогѣ, около разведенныхъ (съ какой стати?) костровъ.

• Фангель, стоящій подлѣ развалинъ (отъ-чего развалины?) дома былъ приготовленъ для пріема Владиміра Петровича.

• Наконецъ, въ дали показались тарантасы; крестьяне поравнялись (вѣроятно — выравнились).

• Вдругъ раздался крикъ, который былъ повторенъ всѣми.

• — Здравствуй отецъ нашъ!!!...»

• Всѣ упали наколѣни.

• Владиміръ Петровичъ, ѣхавшій въ тарантасѣ съ дочерью и Валеріаномъ, вышелъ.

«Встрѣча крестьянъ его разстрогала, глаза (чьи?) медленно увлажнились слезами.»

«—Здравствуйте!... говорилъ Владимиръ Петровичъ, проходя мимо крестьянъ, которые наперерывъ хватали руки его, чтобы поцѣловать.»

Въ заключеніе авторъ прибавляетъ, что Елена вышла за *ею любимаю*. Валеріана; что Иванъ Осиповичъ (Осипъ Ивановичъ тоже) *дошелъ до нищеты* (по дѣломъ ему!...), но Владимиръ Петровичъ *залатилъ ему* (какимъ-то) *доброемъ за* (Богъ вѣсть какое) *зло...*

Согласитесь, что оставить произведеніе г. А. Соколовскаго безъ вниманія, было бы несправедливо: намъ ни разу не удавалось встрѣтить ничего подобнаго... Согласитесь, что «Фигурантка» явленіе совершенно-оригинальное, и что у г-на Соколовскаго совершенно-особая манера писать.

420) Приключенія Розы-Маріи или разнохарактерные родственники. Романъ Поль-де-Кока. Переводъ съ француз-

скаго. Четыре части. Москва. Въ типографіи Н. Степанова. 1847. Въ 12-ю д. л. Въ I-й части — 177, во II-й — 175, въ III-й — 195, въ IV-й — 216 стр.

У Поль-де-Кока—говорятъ французскіе критики—есть особенный классъ читателей и читательницъ. Последнихъ, для отличія отъ не-особенныхъ классовъ женщинъ, называютъ они «почтенными». Поль-де-Кока за это не сердится. Онъ, улыбаясь, замѣчаетъ только, что классъ «почтенныхъ» женщинъ должно быть очень развился въ последнее время, потому что требованія на его сочиненія увеличиваются, и они расходятся десятками тысячъ экземпляровъ. Какъ бы то ни было, Поль-де-Кока всегда читаешь съ удовольствіемъ, благодаря его искренности. Прочитавъ его романъ, всегда составляешь себѣ образъ чего-то смѣшнаго, дурнаго-не-дурнаго, но большею частію пріятнаго ..

II

КНИГИ, ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССИИ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

40) Hydrographie des Russischen Reiches. Ein von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften eines Demidowschen Preises gewürdigtes Werk. Dritter Band. Bassin des Schwarzen Meeres. Von I. Ch. Streckenberg. St.-Petersburg. Aus der Druckerey des Staates der Militair-Lehr-Anstalten. 1847, in 8, 447 стр. (Географія Россійской Имперіи. Сочиненіе, удостоенное демидовской преміи. И. О. Штукенберга. Часть 3. Бассейнъ Чернаго Моря).

Этотъ томъ составляетъ продолженіе обширнаго труда, предпринятаго И. О. Штукенбергомъ о географіи Россіи.

О двухъ первыхъ частяхъ, въ которыхъ разсматриваются бассейны сѣверный и балтійскій, мы говорили подробно, при самомъ выходѣ ихъ въ свѣтъ, и тогда же отдали справедливость неутонному ученому за его огромный и прекрасный - выполненный трудъ. Теперь намъ остается сказать то же. *Бассейнъ Черноморскій*, которому посвященъ вышедшій нынѣ третій томъ, разсмотрѣнъ здѣсь съ большою подробностью и основательно; это настоящій архивъ, въ которомъ тщательно собрано все, что служитъ къ изображенію положенія гидрографической

системы, не только въ нынѣшнее время, но и во времена гораздо - отдаленнѣйшія, даже во времена Плиніевъ и Страбоновъ. Этотъ почтенный трудъ, конечно, не легко читать; но какъ справочная книга, онъ драгоценное пособие для всякаго, занимающагося изученіемъ Россіи. Можно жалѣть объ одномъ, что «Географія» не издана на русскомъ языкѣ. Авторъ, для довершенія своего труда, предполагаетъ издать еще два, такіе же полновѣсные, тома о каспійскомъ бассейнѣ, и наконецъ шестой и послѣдній томъ будетъ заключать въ себѣ добавленія, исправленія и реестры, для легчайшаго приискавія предметовъ во всѣхъ шести томахъ. Желаніе отъ души скорѣе увидѣть въ печати это общающееся окончаніе, и тогда подробнѣе поговоримъ о цѣломъ сочиненіи.

41) LA LANGUE FRANÇAISE (.) enseignée aux russes d'après la méthode Robertson (?) avec une nouvelle méthode pour la conjugaison des verbes. Par Charles Diemer, maître de langue française au cinquième gymnase. Première partie. St.-Petersbourg. 1847. (Французскій Языкъ, преподаваемый Русскимъ по методу Робертсона; съ прибавленіемъ новой методы спряженія глаголовъ. Сочиненіе Карла Димера, учителя французскаго языка въ Пятой Гимназіи. Часть первая. Санктпетербургъ. 1847.) Въ 8-ю д. л. 116 стр.

Метода Робертсона въ изученіи языковъ, кажется, сдѣлалась модною въ наше время, по-крайней-мѣрѣ въ Петербургѣ. Мы худо вѣримъ объявленіямъ, печатаемымъ въ иностранныхъ журналахъ à tant par ligne, хотя тамъ и увѣряютъ, что метода Робертсона единственная, по которой учатся языкамъ съ успѣхомъ почти - баснословнымъ. Ученые, достойные вѣры, не говорятъ о томъ ничего, и все только еще стараются усовершенствовать существующія методы, или изобрѣсти что-нибудь новое, больше прежняго сообразное съ истинными понятіями о языкѣ. Въ Петербургѣ, напротивъ,

открыто нѣсколько публичныхъ курсовъ для обученія иностраннымъ языкамъ по методу Робертсона. Къ числу послѣдователей этой методы принадлежатъ, какъ видно, и сочинители книги, которой заглавіе означили мы выше. Посмотримъ, какъ онъ объясняетъ эту методу.

Читаютъ отрывокъ, составленный изъ нѣсколькихъ французскихъ словъ. Читаютъ всегда громко, чтобы удостовѣриться въ правильности произношенія.

Здѣсь встрѣчаемъ мы первую несообразность: какимъ образомъ читать не умѣя читать на какомъ-нибудь языкѣ? Въ руководствѣ г. Димера приложена азбука, точно какъ и во всѣхъ первоначальныхъ руководствахъ, и отчасти кратко объяснены нѣкоторые звуки; но изъ этого нельзя выучиться читать: откуда же ученіе возьметъ необходимы для того свѣдѣнія и практику? Если предположить, что онъ уже умѣетъ читать, выучившись тому по какой-нибудь другой методѣ, то можно предположить также, что онъ знаетъ и грамматику, умѣетъ писать и сочинять... мало ли что онъ можетъ знать прежде, нежели возьмется за методу Робертсона! Но тогда къ - чему она? Покажите намъ, какъ вы научаете читать и произносить по-французски ученика, неслыхавшаго прежде ни одного французскаго звука? Объясненія нѣтъ. Но ученики уже читаютъ, и вотъ какъ продолжается ихъ ученіе практическое и теоретическое.

Учитель читаетъ текстъ урока; потомъ заставляетъ читать его семерыхъ или восьмерыхъ, одного за другимъ. Когда прочли двое или трое первые, онъ опять читаетъ самъ, чтобы произношеніе тверже было усвоено слушателями. Затѣмъ идетъ буквальный переводъ урока, который произноситъ самъ учитель громкимъ голосомъ, а послѣ него дѣлаютъ то же пять или шесть первыхъ учениковъ, иногда сказывая фразы по порядку, иногда извѣ-

няя порядокъ, иногда говоря отдѣльными словами. Далѣе, учитель произноситъ французскія слова, а ученики переводятъ ихъ по-русски, или наоборотъ. Упражненіе въ разговорахъ производится также. При этомъ, учитель показываетъ имъ разницу въ синтаксисѣ обоихъ языковъ и посреди такихъ упражненій постепенно объясняетъ грамматику. Учитель упражняетъ учениковъ и письменно.

Во всемъ этомъ нѣтъ никакого кореннаго измѣненія прежнихъ методовъ. Для учителя плохого указаны нѣкоторые способы упражнять своихъ учениковъ; но опытный, внимательный къ своему занятію учитель знаетъ все это и безъ Робертсона. Только отчаянные схоластики заставляли, и то въ давніе годы, учить наизусть грамматику по книжкѣ, не дѣлая больше ничего; но въ наше время, вѣроятно, нѣтъ вовсе такихъ учителей, и всѣ, образовавшіеся въ послѣднія двадцать лѣтъ сами учились и учатъ теперь другихъ, приводя въ дѣятельность память, разумокъ и естественную человѣчку переимчивость, на которой основана своя методу Жакото. Множество книгъ, изданныхъ по этой методѣ, книги покойнаго Эртеля, и даже грамматическіе сборники г. Половцова показываютъ, что упражненія, которыми хвалится Робертсонъ, извѣстны и у насъ, а не только у другихъ образованныхъ народовъ. Всего чаще въ Россіи встрѣчаются люди, даже съ ограниченными способностями, знающіе превосходно два-три иностранныхъ языка. Видя такіе примѣры на всякомъ шагѣ, надобно же спросить себя: какимъ образомъ дѣлается это? И не лучшее ли это доказательство, что у насъ употребляются для обученія языкамъ не тѣ методы, о которыхъ г. Димеръ говорить въ своемъ предисловіи: «До сихъ поръ слѣдуютъ методамъ столько несовершеннымъ, что отъ нихъ замедляются успѣхи учениковъ». Если и замедляются успѣхи учениковъ, то ужъ конечно не отъ методъ, а отъ чего-нибудь другаго: отъ распределе-

нія классовъ, отъ недостатка времени, а иногда и отъ самихъ учителей. Разумѣется, мы говоримъ только вообще, потому-что въ частности бываетъ причиною неуспѣховъ тупость и лѣность самихъ учениковъ. Но, за такими исключеніями, можетъ-быть, нигдѣ изученіе языковъ не представляетъ успѣховъ больше, нежели у насъ въ Россіи. Французскій языкъ распространенъ у насъ вообще до такой степени, что въ обществѣ сколько-нибудь образованномъ можете начать французскій разговоръ — его навѣрное поддержать. Конечно, немногіе знаютъ у насъ языкъ французскій какъ Виллменъ или Тьеръ, но всѣ говорятъ на немъ, читаютъ, понимаютъ даже тонкости языка — и дай Богъ, чтобъ ученики Робертсона достигли такой степени совершенства въ знаніи языковъ! Вольтеръ давно сказалъ, что въ пять лѣтъ можно узнать всѣ главнѣйшіе языки, и нельзя никогда въ совершенствѣ узнать роднаго своего языка. Это справедливо, потому-что основано на законахъ самой природы человѣческой. Отъ-чего мы знаемъ свой родной языкъ лучше всякаго иностраннаго? Отъ-того, что въ немъ отражается вся наша жизнь, всѣ впечатлѣнія, всѣ примѣры, всѣ понятія и предметы, окружающіе насъ, тогда-какъ иностранный языкъ мы всегда знаемъ больше или меньше теоретически, въ-слѣдствіе изученія. Какъ ни легко говорилъ бы Русскій на французскомъ языкѣ, но если онъ воспитанъ не во Франціи, то въ конструкціи его фразъ, въ неученой ихъ формѣ, даже въ теченіи мыслей и въ самыхъ понятіяхъ выразится чуждый другаго міра, необладающій французскимъ языкомъ какъ Французъ. Мысль Вольтера въ томъ отношеніи и вѣрна, что не достанетъ дѣлой жизни изучить окружающій насъ міръ, тогда-какъ очень-нетрудно изучить извѣстное число правилъ и вѣскольکو тысячъ словъ съ разными ихъ измѣненіями. Достиженіе къ такой дѣли и составляетъ задачу изученія иностраннаго языка.

Можно облегчить ее въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, можно сократить время изученія равнообразною практикою; но говорить, что *все* прежнія методы затруднительны и только метода Робертсона хороша — это слишкомъ похоже на газетныя объявленія и даже на вывѣски, гдѣ обыкновенно обѣщаютъ больше, нежели могутъ исполнить!

Г. Димеръ прибавляетъ: « Другъ юношей, г. Робертсонъ, изгладилъ *все* затрудненія, и, создавъ свою методу, уничтожилъ въ изученіи языковъ все тягостное и отвращающее ». Такія похвалы нисколько несообразны съ сущностью дѣла, которая вся состоитъ въ томъ, что Робертсонъ, какъ видно, хорошій и сметливый учитель, заставляетъ своихъ учениковъ сколь-

ко можно больше упражняться, особенно въ сравненіи языковъ. Такъ дѣлаютъ и всѣ хорошіе учителя; но та же метода останется безуспѣшна въ рукахъ учителя плохаго. Г. Димеръ хвалитъ предлагаемую имъ методу спряженія французскихъ глаголовъ, заимствованную уже не отъ Робертсона, а изъ какого-то пансіона, гдѣ она употребляется съ успѣхомъ. И все-таки надобно учиться, трудиться, надобно много вниманія и терпѣнія со стороны учителя, много прилежанія и труда со стороны учениковъ. Безъ этихъ необходимыхъ условій, метода Робертсона только собьетъ съ толку и вовсе не поведетъ къ тѣмъ успѣхамъ, какіе обѣщаютъ ея перевозосители.

ГЕРМАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

GESCHICHTE DER REFORMATION IN DEUTSCHLAND bis zum Religionsfrieden zu Augsburg, von Doctor Chr. Wilh. Spieker (Исторія Реформаціи въ Германіи до аугсбургскаго мира, соч. доктора Хр. Вильг. Спикера).

Между-тѣмъ, какъ во Франціи въ полномъ разгарѣ снова поднятый вопросъ объ ультрамонтанизмѣ, въ Германіи и Италіи непрерывно появляются сочиненія, прямо на него отвѣчающія. Итальянцы болѣе образованные, дающіе наряду съ современною наукою, не могутъ рѣшать этого вопроса иначе, какъ отрицаніемъ и съ германской исторической точки зрѣнія; такимъ образомъ, замѣчательнымъ съ этой стороны сочиненіемъ является издавшая въ нынѣшнемъ году на французскомъ языкѣ, въ Лейпцигѣ (потому-то она была бы невозможна въ Италіи и на итальянскомъ языкѣ) книга Лаванни: *de l'Italie dans ses rapports avec la civilisation moderne*, которой замѣшанія положенія слѣдующія:

Исторія въ высшемъ и настоящемъ значеніи начинается только съ христіанствомъ, потому-что только съ его появленія субъективность начинаетъ входить въ міръ; средніе вѣка образуютъ переходъ изъ древняго въ новый, образуютъ *ensemble* въ этотъ новый міръ. Духовное начало уже втѣснилось, но оно не доросло еще до полноты; собственно только въ наше время оно приготовляетъ себѣ возможность къ тому, чтобъ эта полнота могла наступить въ будущемъ. *Католичество же принимаетъ этотъ моментъ развитія за постоянное, вѣчное.* Италія совершенно приковала себя къ католичество, а католичество приковало себя къ Италіи; они, такъ-сказать, сплывались. Средніе вѣка, ничего неслѣвавшее въ Италіи для свободнаго развитія, кончились, потому-что они не могли быть чѣмъ-нибудь инымъ, какъ только законнымъ, необходимымъ пунктомъ всеобщаго развитія. Реформація внесла субъективность въ міръ, и здѣсь ла-

чалась мысль новаго міра. Но мысль новаго міра тѣмъ велика, что она входить въ *самой-себя* свою важность, свое основаніе и свою форму. Католичество, съ наступленіемъ реформаціи, становится въ совершенный разрывъ съ мыслью новаго міра. Оно не можетъ больше произвести ничего новаго. Еслибъ оно могло создать хоть что нибудь, то, конечно, прежде всего создало бы итальянскую національность. — За тѣмъ, описывая царствующее въ Италіи ничтожество, авторъ принужденъ признать необходимость Австріи для Италіи и благотворное ея дѣйствіе. Изъ самихъ Итальянцевъ, говоритъ онъ, не могло бы выйти и того, что вышло, потому что католическій духъ — настоящій національный духъ Италіи, а между-тѣмъ, онъ не можетъ двигаться впередъ, не отрицая самъ себя. Подъ вліяніемъ этой же мысли пишутся исторіи реформаціи, являющіяся теперь въ Германіи въ такомъ множествѣ; эта одна мысль служить объясненіемъ многочисленности подобныхъ сочиненій. Реформація самое рѣзительное и характеристическое событіе въ исторіи Германіи, давшее своимъ проявленіемъ образованіе всему ходу германской національности, вложившей свою печать на последующую исторію Европы. По этому нѣтъ ничего удивительнаго, что къ такому сюжету и къ такому времени постоянно обращаются историческіе писатели съ особенною любовью. «Германія, сердце Европы (говоритъ докторъ Спикеръ въ своемъ предисловіи),—это зрѣна, на которой произошла великая борьба папъ и императоровъ, іерархіи и монархіи, это мать-кормилица, возростившая столько благородныхъ, благочестивыхъ, великихъ сердцемъ мужей, возростившая того мужа изъ мужей, закаленного изъ стали, ту могучую первообразную натуру, которая воспитала, возвысила одно челоуѣчье за другимъ, отъ которой долженъ быть проведенъ прогрессъ жанди».

Вышедшій до-сихъ-поръ въ видѣ

двухъ объемистыхъ отдѣленій первый томъ сочиненія Спикера есть только вступленіе къ самому сочиненію. При видѣ такого огромнаго вступленія, невольно спрашиваешь себя: каково же должно быть самое сочиненіе, если уже во вступленіи, которое авторъ называетъ только предварительнымъ, общимъ обзоромъ, онъ вдается въ самыя далекія развѣтвленія, въ подробности, которыя, кажется, нейдутъ къ сущности самого сочиненія? Это замѣчаніе особенно относится къ первому отдѣленію перваго тома, вышедшему еще въ началѣ нынѣшняго года. Авторъ беретъ христіанство съ самаго его начала, съ самаго зародыша, и не ограничиваясь общими очерками участіе его на Востокѣ и Западѣ, сдѣлать всю исторію разнообразныхъ уклоненій его первообраза въ многочисленныя секты, образовавшіяся одна за другой на Востокѣ и Западѣ, не смотря на то, что исторія этихъ сектъ и положеніе ихъ ученій никакимъ образомъ не связаны съ самимъ будущимъ сочиненіемъ; каждая подобная часть является для того, чтобы больше объ ней не было упомянуто, сходить со сцены не привязавшись къ последующему. Судя по предисловію, авторъ ясно сознаетъ требованія исторіи, ибо говоритъ, что исторія, какъ одно цѣлое, должна имѣть объемъ сжатый и обозрѣваться быстро; искусство историка состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ сокращенія собирать подъ высшее единство безконечныя разности, не вредя особенностямъ. Но именно этого-то равновѣсія въ сочиненіи доктора Спикера и не встрѣтишь: онъ предался богатству матеріала, которое его завлекло, и богатство это пересилило его, такъ-что, располагая общій планъ сочиненія, онъ позволилъ себѣ отступать назадъ необыкновенно-далеко и сбѣгать началомъ своего сочиненія то, что не должно бы было и входить въ книгу.

Второй томъ вступленія (названный вторымъ отдѣленіемъ перваго тома), сравненно-ближе къ сочиненію и

его цѣли, и собственно съ половины этого втораго тома начинается настоящее вступленіе въ сочиненіе Авторъ, принадлежащій къ духовному сословію (онъ суперинтендентъ и обер-пасторъ во Франкфуртѣ-на-Одерѣ), взялся рассмотреть реформацію не какъ всеобщій переворотъ, совершившійся надъ Европою и коснувшійся всѣхъ сторонъ ея жизни, но разобрать реформацію только со стороны религіозной. Слѣдовательно, во введеніи, излагая состояніе Европы до реформации, онъ пропускаетъ все условившее реформацію, исключая сторону религіозной и іерархической, и въ то же время отказывается принимать послѣдствія реформации внѣ сферъ религіи и іерархіи. Сверхъ-того, это сочиненіе лишено критическаго духа, котораго прежде всего, казалось бы, нужно было искать въ трудѣ, дѣйствующемъ посредствомъ безконечнаго множества матеріаловъ, и представляетъ только картину, необыкновенно богатую матеріалами, подтверждающими одну и ту же мысль автора, проведенную сквозь все огромное вступленіе. Что же касается до самой мысли, то она не представляетъ никакого новаго открытія въ области исторіи: она вся состоитъ только въ томъ, что, не смотря на совершенное различіе обонихъ фазовъ исторіи западной іерархіи, смѣнявшихъ одна другую, именно: сначала быстрого возрастанія, а потомъ постояннаго замиранія, іерархія эта уже вскорѣ послѣ рожденія своего повесла въ себѣ зачатки коренной порчи, такъ-что, не смотря на все огромное и пышное развитіе, которое она потомъ получила въ-теченіе періода отъ Григорія VII до времени Бонифація VIII, это снаружи столько мощное тѣло не переставалъ точить внутренній червь, такъ-что, когда пришло время реформации, настоятельно требовавшей выросшимъ духомъ челоувѣчества, іерархія стояла уже безъ всякаго подпора, готовая рухнуть сама собою. Кажется, недостатокъ дальнѣйшаго за тѣмъ историческаго взгляда докторъ Спи-

керъ объясняетъ тѣмъ, что историкъ не долженъ имѣть своего сужденія, а тѣмъ меньше долженъ навязывать его читателямъ, на томъ, будто-бы, основаніи, что когда исторія изрекаетъ свое великое слово, историкъ не долженъ хотѣть выговаривать при этомъ свое слово: все это извѣстно, однакожь, при этомъ нельзя не замѣтить, что невозможно въ дѣйствительности исторія, которая бы совершенно не отражала личности своего автора и не выговаривала настроенія его мыслей, если только самъ историкъ не совершенно безличенъ.

Такимъ образомъ, хотя докторъ Спикеръ и уподобляетъ все взятое имъ для изслѣдованія время Геркулануму, въ которомъ антикварій найдетъ еще безчисленныя подробности для новыхъ своихъ изысканій, не смотря на многочисленныя томы уже написаннаго объ этой сохранившейся въ древности муміи; хотя онъ и говоритъ, что какъ Геркуланума, такъ и эпохи реформации всѣ главные черты уже опредѣлены, такъ-что для будущихъ изыскателей остаются однѣ частныя, мелкія подробности, извлекаемые изъ новыхъ матеріаловъ, хотя этииъ будто-бы назначаетъ свое сочиненіе только для того, чтобъ вывести на свѣтъ новыя, затанувшія въ пыльныхъ источникахъ подробности,—однако легко замѣтить при обзорѣ сочиненія, что, начиная со втораго своего тома, докторъ Спикеръ держится только тѣхъ подробностей, которыя служатъ подтверженіемъ вышеприведенной мысли: до всего прочаго онъ дотрогивается только вскользь; оставляетъ въ тѣни всѣ частности исторіи, какъ бы, впрочемъ, онѣ важны ни были бы и какъ ни односторонне, такимъ образомъ, являлось направленіе всей его книги. Когда дѣло идетъ о вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ цѣлыхъ массъ, тѣхъ переворотахъ, которые должны были совершиться, естественно ждать изображенія самихъ этихъ массъ и внутренней ихъ жизни,—потомъ изображенія движенія, въ нихъ начавшагося; но вмѣ-

сто того, во введеніи въ Исторіи Реформациі не встрѣчается другихъ лицъ на сценѣ, кромѣ іерархіи и реформаторовъ прежде реформациі, которыхъ еще прежде настоящаго реформатора, Лютера, являлась такая многочисленная фаланга. Если же доктору Спикеру случается говорить о проявленіяхъ жизни германскаго народа въ религиозной сферѣ, то онъ охотно дѣлаетъ выписки изъ другихъ историковъ нашего времени, писавшихъ прежде его; впрочемъ, на такихъ предметахъ онъ останавливается весьма-недолго.

Не смотря на то, что докторъ Спикеръ признаетъ себя евангелическимъ христіаниномъ (любимое выраженіе ортодоксальныхъ Германцевъ нашего времени), онъ далеко отъ тѣхъ преувеличеній, въ которыя вдалось нынѣшнее евангелическое направленіе. Извѣстно, что въ Берлинѣ есть большая посредствующая фракція примиренія борящихся нынѣ началъ, обѣщающая водвореніе очищеннаго протестантизма, и именно многіе изъ евангелическихъ членовъ этой партіи явходятъ въ своихъ общаніяхъ слишкомъ-далеко. Такъ, на-примѣръ, одинъ изъ самыхъ энтузіастическихъ писателей этой партіи, докторъ Клее, въ сочиненіи своемъ: «Всеобщая христіанская церковь, или принципы реформациі», изданномъ почти въ одно время со вторымъ томомъ доктора Спикера, предсказываетъ Пруссіи, какъ высшему пункту народнаго нѣмецкаго духа, одну изъ самыхъ блестящихъ частей въ мірѣ: ей назначена Провидѣніемъ доля примирить вадревле существовавшій раздоръ вѣрованія и мысли, изобразить собою христіанскую монархію въ ея единствѣ съ церковью и, наконецъ, быть виновницею возрожденія Германіи къ евангелической свободѣ и политическому единству. Когда бы разъ была признана истина этой свободы, продолжаетъ авторъ, развѣ народы могли бы еще продолжать стремиться за призракомъ ложной свободы? По словамъ Гегеля,

иудейскому народу мировой дух сохранилъ то сознание, что изъ вѣдъ этого народа онъ выхолитъ духомъ новымъ; подобно этому, народъ германскій призванъ быть охранителемъ въ Германіи христіанскаго сознанія въ его чистотѣ и свободѣ. Такимъ образомъ, христіанскій духъ сдѣлался германско-христіанскимъ, то сознание всего, что должно выработаться въ Пруссіи, должно изъ рукъ Германіи быть передано другимъ народамъ міра. Хотя, быть-можетъ, докторъ Спикеръ и раздѣляетъ подобныя же убѣжденія, однакожь онъ такъ далеко нигдѣ не заходитъ въ своей книгѣ; можно даже сказать, что онъ старается быть довольно-безпристрастнымъ излагателемъ до-реформационной исторіи, такъ что при обширномъ его знакомствѣ съ источниками этого періода, книга его должна стоять въ ряду замѣчательныхъ историческихъ произведеній.

Хотя нигдѣ докторъ Спикеръ прямо того не выговорилъ, но изъ внимательнаго разсмотрѣнія его сочиненія необходимо выводится заключеніе, что онъ считаетъ папу Григорія VII самымъ главнымъ, хотя и самымъ отдаленнымъ виновникомъ того состоянія, которое вызвало реформационный духъ Лютера — потому что Григорій VII былъ первый, положившій основаніе безквочному возвышенію католическаго духовенства надъ всѣми прочими элементами средневѣковой жизни.

Конечно, гораздо-прежде Григорія VII духовенство стало пускаться глубокіе корни всюду, гдѣ только возможно было, въ общественную и частную жизнь. Одно учрежденіе орданій (суда Божія) указываетъ на то, какъ могущественно было вліяніе церкви въ тѣ времена. Публичная и домашняя жизнь, счастье и бѣдствіе государства и частнаго лица, судебная власть и наука — все лежало въ рукахъ духовенства. Каково же было это вліяніе, когда всемогущее духовенство католическое, забывъ настоящее великое свое назначеніе и погрузясь въ совсѣмъ иныя стремленія, было занято

побужденіями самыми грубыми? Уже во время Карла Великаго, императора, еще державшаго духовенство въ могучихъ рукахъ, оно далеко отклонилось отъ настоящаго своего характера: значить ли это отказаться отъ міра? говорить Карль въ послѣднемъ своемъ капитуляріи, писанномъ незадолго до смерти: значить ли это отказаться отъ міра, когда кто-нибудь только и думаетъ, какъ бы посредствомъ какого бы то ни было способа увеличивать свое имущество, то обѣщаетъ рай, то грозитъ адомъ, а между-тѣмъ отнимаетъ что только можно у богатыхъ и бѣдныхъ, людей простыхъ и безразсудныхъ, отнимаетъ у настоящихъ наслѣдниковъ то, что имъ приходится заставлять ихъ всѣхъ дѣлаться отъ бѣдныхъ порочными и преступными, заставляя ихъ воровать?

Этому особенному расположенію вскорѣ еще больше стала способствовать щедрость многихъ императоровъ, наслѣдниковъ Карла: они въ этой щедрости такъ много роздали своему духовенству не только денегъ и драгоценностей, но и земель. Все это вмѣстѣ, сближая духовенство съ интересами слишкомъ-мірскими, было особенно вредно не потому только, что по мѣрѣ увеличенія его богатства, въ слѣдствіе извѣстнаго психологическаго закона, только увеличивалась страсть къ еще большому накопленію, но еще потому, что оно побуждало и поддерживало духъ, прямо противный тому, который приличествовалъ бы духовенству. Современникъ Карла Великаго, Хродегангъ, рассказываетъ про современныхъ ему католическихъ духовныхъ, что для очень-многихъ изъ нихъ нѣтъ въ продолженіе дня занятія важнѣе заботы о своемъ туалетѣ. Они всегда надушены разными благовоніями; на башмакахъ не должно быть ни одной складочки; волосы завиваются щипцами въ локоны; на всѣхъ пальцахъ блестятъ перстни; ходя пѣшкомъ, они поминутно прыгаютъ, чтобъ не запачкать своихъ подошвъ. Что же касается до даровъ землями, это имѣло самая ве-

благопріятныя послѣдствія: постепенное пароставіе богатствъ у монастырей и церковей произвело вездѣ зависть у вельможъ и дворянъ, до такой степени, что эти послѣдніе стали искать предлога завладѣть чѣмъ-нибудь изъ этихъ богатствъ. Но это ставилось все труднѣе и труднѣе, потому-что духовенство росло въ своей силѣ, и всѣ эти руки, устремившіяся на отнятіе у него богатства, опускались въ безсиліи. Отсюда начало непрекращавшейся во весь періодъ среднихъ вѣковъ ненависти къ католическому духовенству, на которое приносились жалобы на всѣхъ соборахъ. Но чѣмъ же это сопровождалось? въ народѣ безпокойствомъ, страшною охотою подраться, повоевать; въ монастыряхъ грубостью и невѣжествомъ, механическимъ богослуженіемъ; у духовенства, закоснѣlostью и неподвижностью безвладельными. До какой степени епископы и прочія духовныя лица мало заботились объ условіяхъ своего сана и церкви, доказывается многочисленными примѣрами ссоръ и сраженій, происходившихъ между ними въ самыхъ церквахъ, у самыхъ алтарей.

Когда Григорій VII взомелъ на папскій престолъ, его энергическому уму востершимъ было такое положеніе вещей. Нельзя назвать иначе, какъ энтузіазмомъ, то чувство, которое онъ питалъ къ тайной силѣ, скрытой въ папствѣ и имъ провидѣнной. Этотъ энтузіазмъ стремилъ его поставить папство, и, слѣдовательно, все его духовенство на ту высоту, которая для него была возможна, и дать развернуться въ немъ силѣ, до-тѣхъ-поръ бывшей въ немъ притиснутою. Искреннія письма Григорія VII къ герцогу Готфриду, къ аббату Гуго и къ другимъ лицамъ высказываютъ, какъ онъ скорбилъ при видѣ глубокаго паденія римскаго духовенства; но, кажется, ему гораздо-ближе лежало къ сердцу желаніе дать этому духовенству небывалую силу, чѣмъ то, чтобъ сдѣлать изъ него духовенство истинно-христіанское. Пначе не мо-

гуть объясняться постановленія его, изъ которыхъ одна столько истинны, другія столько ложны. Такой сильный талантъ, какъ Григорій VII, не могъ ошибиться въ послѣдствіяхъ своихъ расчитанныхъ поступковъ; но, кажется, избирая между необходимыми вломъ и силою, онъ не усомнился избрать послѣднюю, только бы парализировавшемъ одной стороны, душевной, дать искусственно (хотя и не долговѣчно) развиться тѣмъ съ болѣею силою другой сторонѣ — силѣ моральнаго вліянія. Олважды рѣшившись, онъ уже болѣе не отступалъ отъ принятой цѣли; при необычайной силѣ таланта, онъ исполнялъ свой задуманный *tour de force*, котораго бы, конечно, не удалось совершить никому другому: въ такомъ рѣзкомъ развогласіи было его намѣреніе со всѣми чловѣческими и социальными понятіями.

Въ первое мгновеніе, законъ Григорія VII о безбрачій духовенства былъ встрѣченъ самымъ отчаяннымъ противодействіемъ во всѣхъ классахъ общества, и это противодействіе было неминуемымъ сопротивленіемъ натуры совершаемому надъ нею насилію: во всѣхъ странахъ оказались насильственные дѣйствія, даже пролитіе крови; всадъ проклинали Григорія VII, который попиралъ священнѣйшія чувства и законы природы; если было говорено много, писано было, конечно, не меньше въ защиту духовенства противъ богоотступническихъ дѣйствій новаго папы, съ доказательствами тѣхъ ужасныхъ послѣдствій, которыя грозили всему міру; въ цѣлой Европѣ, Германіи, Италіи, Франціи, Англіи, Испаніи, поднялся одинъ голосъ духовныхъ, которые вопіяли, что они скорѣе покинутъ свое священство, чѣмъ оставить своихъ женъ и дѣтей. Но въ то же самое время все монашество, на безпорядочную жизнь котораго духовенство часто нападало, было очевидно новой участи, которая ставила ихъ теперь въ уровень и, слѣдовательно, папа не встрѣчалъ съ этой стороны противодействія; между-

тѣмъ, легаты папскіе такъ обрабатывали направленіе народнаго ума, что вскорѣ всѣ толки и возмущенія прекратились, и не прошло еще ста лѣтъ, какъ осуществившійся законъ Григорія VII вошелъ въ составъ общественной жизни такъ твердо и плотно, что необходимости и законности существованія его никто не думалъ больше оспоривать.

Самый важный выигрышъ, ожидаемый Григоріемъ VII отъ его учрежденій касательно духовенства, состоялъ въ томъ, чтобы поставить папу съ его войскомъ, духовенствомъ, особо, разьединивъ его со всѣми въ мірѣ существующими интересами; только посредствомъ этого разьединенія получалось для папы *право критики*, для которой сила и возможность уже существовала въ нихъ. Папа сдѣлался великимъ инквизиторомъ надъ цѣлымъ христіанскимъ міромъ; къ своему судейскому трону онъ могъ теперь призывать все и всѣхъ, между-тѣмъ, какъ надъ нимъ самими переставала существовать всякая высшая инстанція. Но отъ инквизиціи папа отличался тѣмъ, что онъ не у себя дома, не въ тайнѣ произвелъ расправу: у него исполнителями были сами европейскіе народы, которые онъ взволновывалъ обѣщаніями и угрозами въ своихъ буллахъ... Мнѣніе о призваніи папы къ критикѣ надъ жизнью міра пустило всюду такіе глубокіе корни, что папа могъ осуждать даже свои прежнія дѣйствія, и однакожъ, этимъ не терялъ ничего у другихъ; противорѣчій никто не видѣлъ въ его поступкахъ, когда онъ (на примѣръ, какъ Пасхалий на латеранскомъ соборѣ) предавалъ проклятію, вѣчной азаемѣ и некоторыя изъ прежнихъ буллъ своихъ.

Но вскорѣ послѣ одержанныхъ побѣдъ надъ императорами, стали показываться проблески самостоятельности народовъ, и прежде, чѣмъ начали всюду дѣйствовать интересы моральные, аставившіе нарушать слѣбое повиновеніе папѣ, повемногу брали верхъ и силу интересы матеріальныя, какъ и всег-

да бываетъ. Крестовые походы открыли возможность сношеній съ Востокомъ, и изъ Европы начали съ жадностью провозводить торговлю съ народами, съ которыми только что познакомились. Особенно же нѣкоторые города Италіи имѣли больше другихъ выгодъ и способовъ для того, чтобъ быть посредствующими мѣстами между Европой и Востокомъ; съ другой стороны, точно такая же торговля завязалась въ другомъ углу Европы, съ испанскими Сарацинами и съ Африкой. Папахъ казалась вредна эта торговля — и дѣйствительно, опасенія ихъ осуществились въ послѣдствіи, ибо торговля эта сдѣлалась проводникомъ сильнаго развитія и просвѣщенія; она дала толчокъ наукѣ и занятіямъ европейскимъ, между-тѣмъ, какъ папамъ нужна была слѣпота и невѣжество: слѣдовательно, они самыми страшными буллами запрещали эту торговлю. Но вообще завязавшіеся интересы были сильнѣе всякихъ страховъ, и мало-по-малу стали народы пріучаться не слушаться папъ и пропускать мимо ушей ихъ проклятія и угрозы. Другой важный примѣръ начинавшагося неповиновенія папы встрѣтили во всѣхъ сословіяхъ, когда съ отеческою попечительною заботливостію начали запрещать турниры, кончавшіеся иногда слишкомъ кроваво. Власть папы оказалась слишкомъ слаба противъ страсти, одолѣвшей всѣхъ, противъ духа рыцарства, составлявшаго одну изъ характерныхъ чертъ массъ пародныхъ — и папу снова не слушали. Потому стали показываться люди, которые, по благоразумію и доброжелательству, хотѣли прекратить, или, крайней-мѣрѣ, помирить на нѣкоторыхъ условіяхъ давнишній раздоръ папства и императорства. Стали говорить о томъ, что мірская власть точно такого же божественнаго происхожденія, какъ и духовная, и потому онѣ должны въ своемъ управленіи дѣлиться поровну. Сочиненія и мнѣнія подобнаго содержанія прямо указываютъ на совершавшійся переворотъ въ

общественномъ мнѣніи, указываютъ, что папство потеряло добрую половину прежде ни съ чѣмъ несравнимаго своего авторитета. Судя по многочисленнымъ вкладамъ и дарамъ, которые продолжали приноситься въ монастыри и церкви, можно было бы полагать, что отношенія народа къ духовенству были прежнія, даже, что духовенство много выиграло въ уваженіи, силѣ и богатствѣ; но благочестіе вкладчиковъ не мѣшало въ то же время безпрестаннымъ расхищеніямъ, которыми безпрерывно подвергались огромныя сокровища монастырскія и церковныя; ни папы, ни ихъ духовенство не имѣли болѣе столько силы и вліянія, чтобъ удержать публичный грабежъ церковной и монастырской собственности.

Около этого же времени начинаютъ слышаться всеобщія жалобы на жизнь, которую вело духовенство: сначала перестали уважать его, потомъ отовсюду посылалось всеобщее негодованіе. Реформы Григорія VII, наружно казавшіяся будто-бы обращающимися къ преобразованію духовенства, произвели, напротивъ, еще большую въ немъ порчу: онѣ произвели то, что на нѣкоторое время католическое духовенство стало выше всего въ мірѣ и не имѣло надъ собой никакой цензуры, а это обстоятельство, при огромныхъ его богатствахъ, дало только большее развитіе наклонностямъ пышной и развратной жизни, которая однимъ папою была запрещаемая, а всѣми другими была нарушаема. Когда разъ пробудилась въ самомъ народѣ цензура надъ властью, прежде такъ высоко надъ нимъ стоявшею, вся сила папская погибла и быстрыми шагами пошла къ своему паденію. Открытый грабежъ всего католическаго духовенства, простиравшійся даже на церковныя собственности, жизнь, которую вело оно, невѣжество и совершенное равнодушіе къ дѣлу религіи — стали вызывать первыя проявленія мысли съ одной стороны, и начавшееся защищеніе правъ духовенства съ другой.

Совершившееся рождение мысли было страшно для папства; оно пророчило только безчисленные бѣды, и папы стали преслѣдовать, гнать всякое проявленіе мысли; они сдѣлались до того недалековидны въ своей трусливости, что стали недоумчиво смотрѣть и на схоластику, которая въ первоначальномъ своемъ видѣ хотѣла стоять за папъ, потому-что въ началахъ своихъ не имѣла цѣлью сдѣлать сомнительнымъ, посредствомъ рационализма, твердо-поставленные церковью положенія, но хотѣла на основаніяхъ разума утвердить содержаніе вѣрованія. Знаніе, по вмѣренію рационализма, совсѣмъ не желало производить раздора, какъ воображали папы, а хотѣло, напротивъ, подтвердить всѣ положенія вѣрованія. Григорій IX писалъ учителямъ богословія: Боже васъ сохрани предпочитать философію вашей наукѣ; она одна — духъ жизни и предотвращаетъ отъ всѣхъ заблужденій. Не ищите быть жемудрыми, вмѣсто того, чтобы быть богомудрыми, и не отвращайтесь отъ небесныхъ началъ къ низкимъ и скуднымъ началамъ природы міра, которымъ человекъ служилъ только въ своемъ младенествѣ. Тѣ между вами, которые рассказываютъ слушателямъ свою школьную мудрость объ естественныхъ вещахъ, предлагаютъ листья вмѣсто плодовъ; ихъ духъ, останавливающийся при корѣ, остается пустъ и бѣденъ и не пытается отъ полноты истины.

Не смотря на недоумѣріе папъ, которое прежде было бы рѣшительнымъ закономъ, а теперь оставалось безъ послѣдствій и повиновенія, все больше и больше распространялась въ кругу школъ страсть къ метафизическимъ изслѣдованіямъ, къ діалектическимъ диспутамъ и искусственнымъ построеніямъ. Даже при самомъ началѣ схоластики страсть эта стала развиваться въ огромныхъ размѣрахъ; лучше всего свидѣтельствуютъ въ томъ успѣхи схоластиковъ, начиная съ Абеляра, съ которыми не могутъ сравниться никакія

торжества новѣйшаго времени на какомъ-либо изъ общественныхъ поприщъ. Причина этого въ томъ, что рождение мысли было самымъ рѣшительнымъ переломомъ въ жизни европейскихъ народовъ, было тѣмъ драгоцѣннѣйшимъ лакомствомъ, выше котораго ничего не знали. Схоластика имѣла исходнымъ пунктомъ теологію, но она мало-по-малу стала забираться въ кругъ своей элементы совсѣмъ разнородные и многочисленныя массы, пораженные новыми открывшимися видами, находилась точно подъ вліяніемъ какого-то волшебства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно охлаждалось чувство къ религіи и серьезность направленія къ практическому христіанству; притомъ же у схоластики былъ свой кругъ, дальше котораго она не проникала; она не могла войти въ самый народъ, для котораго недоступна спекулятивная мудрость; поэтому, рядомъ съ схоластикой стала мистика, удовлетворявшая второй половинѣ народа, стремившаяся дать теплоту холоднымъ формамъ разума, облечь діалектику въ формы жизни. Много разъ возобновлявшіеся крестовые походы съ ихъ горячимъ стремленіемъ къ чудесамъ святой земли; воодушевленіе къ монашеской жизни, къ монашескимъ добродѣтелямъ, къ тихому самосовершенію — все это питало чувство къ невидимому и святому, таинственному и чудесному. Благочестіе не ослабѣвало во все продолженіе среднихъ вѣковъ; можно съ достовѣрностью сказать, что благочестіе среднихъ вѣковъ могло бы съ честію выдержать сравненіе даже съ благочестіемъ самыхъ первыхъ и строгихъ временъ христіанства; но равница въ томъ, что въ продолженіе среднихъ вѣковъ оно царствовало и все получало большую и большую силу посреди самыхъ массъ народа; между тѣмъ, оно всего больше затихало посреди класса духовенства; фактъ странный, но несомнѣнный, что въ продолженіе среднихъ вѣковъ никто такъ мало не заботился о ре-

лиги, какъ духовенство: кажется, будто духовенство и миряне мѣнялись ролями, оставяя за собою одни только первоначальныя имена. Мистичизмъ и религиозное настроеніе стремили миряны дѣлаться духовенствомъ, и съ конца XI-го столѣтія монахи всѣхъ цѣтвъ и образъ тысячами растутъ точно изъ-подъ земли. Не прошло десяти лѣтъ, чтобъ не появилось новаго монашескаго ордена, который усиливаясь превзойти всѣхъ строгостію. Въ слѣдующихъ столѣтіяхъ, это размноженіе продолжалось бы до безконечности и, можетъ-быть, весь христіанскій міръ сдѣлался бы обширнымъ монастыремъ, еслибъ, наконецъ, энергическій наслѣдникъ Григорія VII, Иннокентій III, не запретилъ дальнѣйшаго размноженія монашескихъ орденовъ.

Но, по-и-рѣ-того, какъ миряне переходили въ образъ духовенства, они подвергались той же порчѣ, которой были подвержены вступившіе прежде ихъ въ монашескій чинъ, и, вмѣсто того, чтобъ служить благочестивымъ цѣлямъ, для которыхъ покидали міръ, превращались въ покорныхъ рабовъ и служителей — не церкви, а папъ, которые употребляли ихъ для своихъ цѣлей. Иерархія, не покидая стремленія своего обладать свѣтскою властію и нисколько не заботясь о дѣйствительномъ своемъ назначеніи, старалась не дать выйдти разуму изъ своей тѣсной сѣти. Дѣйствія церкви, назначенныя для спасенія, обратились въ пустыя привычки, а внѣшние религиозные обряды въ мертвый механизмъ безъ всякаго значенія. Одностороннія и сухія умозрѣнія схоластики не давали удовлетворенія духу народа и только сильнѣе и сильнѣе пробуждали потребность въ чистой, сильной истинѣ. Грубое, глубоко-павшее духовенство, лишившееся всякаго уваженія, представляло только причины соблазна, неудовольствія для всѣхъ, и все-таки хотѣло нить въ своемъ распоряженіи совѣсть каждаго и всѣмъ этимъ приво-

дило только къ заключенію тѣхъ, которые искали помощи религіи, что въ нихъ невозможно найти себѣ успокоенія и подкрѣпленія. Видя такія для себя потери въ общественномъ мнѣніи, папство думало воротить къ себѣ повинновеніе и уваженіе посредствомъ угрозъ и наказаній, и тѣмъ начался бой, гдѣ грубая сила, не смотря на кажущіяся побѣды, все-таки была побѣждаема и уничтожаема. Особенно подверглись преслѣдованіямъ папъ тѣ многочисленныя братства, потомъ превращавшіяся въ секты, которыя искали затерянной чистоты вѣры и ея догматовъ; во всѣхъ концахъ Европы были такія секты; большая часть ихъ была во взаимныхъ сношеніяхъ, и противъ силы этого пробуждавшагося сознанія ничего не могли сдѣлать ни огонь, ни мечъ. Слишкомъ неравенъ былъ бой между старымъ, надыхающимъ полипоиъ, который запустилъ свои безчисленныя руки во всѣ области жизни, противъ свѣжихъ жизненныхъ явленій духа. Ни учрежденная Иннокентіемъ III инквизиція, ни разосланные во всѣ концы монахи не помогли, потому-что вѣдѣ была уже незатушенная жажда къ чему-то лучшему, и, подобно тому, какъ начавшее расти растеніе пронзаетъ темныя оболочки свои и рвется на чистый воздухъ, духъ не могъ остаться покоенъ. Все преобразовывалось: рыцарство забыло свое первоначальное религиозное направленіе, устремилось ко всей полнотѣ жизни и наконецъ рѣшительно отдѣлилось отъ духовенства, лишивъ его тѣмъ еще одной опоры. Авторитетъ іерархій въ мірѣ науки палъ въ то же время. Прежде, учителями въ высшихъ и низшихъ школахъ были исключительно одни монахи, потому-что прежде они одни что-нибудь знали; слѣдовательно, и всякое ученіе служило папѣ и іерархіи на пользу, потому-что могло быть расчитано на надобности духовенства. Первоначально и схоластика дѣйствовала въ этомъ же духѣ. Но теперь духовенство осталось позади сво-

его времени. Крестовые походы, расплывшееся мореплаваніе, усилившееся гражданство, увеличившаяся торговля, публичныя лекціи философъ, толпы странствующих мниневиговъ расширили умственный горизонтъ народовъ и повели ихъ къ болѣе-высокому развитію. Одни двигались впередъ, другіе оставались на прежнемъ пунктѣ; слѣдовательно, духовенство скоро очутилось глубоко-ниже народовъ, все больше и больше обрзавовывавшихся и принужденныхъ болѣе и болѣе отказывать ему въ своемъ уваженіи.

Однажды, папа Каллигъ III вздумалъ-было предложить крестовый походъ противъ Турковъ; но эта попытка, которая прежде была бы въ состояніи отвлечь собиравшіяся тучи, направивъ все вниманіе въ другую сторону, осталась рѣшительно безплодною; потому-что времена были уже не тѣ: каждый былъ занятъ новыми интересами, непохожими на прежніе; притомъ же, теперь знали, что большая часть денегъ, врученныхъ папѣ отъ христіанства для похода, не была бы честно сохранена и употреблена на эту благочестивую цѣль, но пошла бы на папскія вадобности—и ни одна рука не тронулась, чтобъ поднять на первыхъ святое знамя

Что дѣлалось со священнымъ богослуженіемъ? Начиная отъ епископовъ до простыхъ священниковъ, всѣ старались какъ бы избавиться отъ своихъ богослужебныхъ обязанностей и за самую малую плату нанимали вмѣсто себя людей. Безпорядокъ въ церквахъ и непочтеніе къ святымъ доходило до крайнихъ предѣловъ. Не существовало никакого рода чистоты и справедливости въ католической іерархіи, до такой степени, что хвастались своею безчестностью; состояніе это усиливалось по мѣрѣ приближенія къ эпохѣ реформаціи. Многочисленныя подробности о томъ, что дѣлалось посреди духовенства, со-

храненныя путешественниками, могутъ привести въ ужасъ. Когда еще въ 1190 году Климентъ III приглашалъ Ричарда, короля англійскаго, въ Римъ, король отвѣчалъ папѣ прямо въ глаза, что онъ никогда не пойдетъ туда, гдѣ источникъ всѣхъ золъ. Что жъ было послѣ, въ слѣдующихъ трехъ столѣтіяхъ? Описывающіе эти времена утверждаютъ, что никакія времена древности не могутъ сравняться съ этимъ положеніемъ вещей. Мниневиговы и другіе странствующіе музыканты и поэты много способствовали утвержденію общественнаго мнѣнія противъ папъ. Они были сатириками своего времени, которыхъ вліяніе было тѣмъ сильнѣе, что они объѣзжали одну за другою многія страны и всюду разносили свои рассказы и насмѣшки. Скоро народная поэзія покинула всеглашніе свои элементы эпическіе и лирическіе, и все сосредоточилось на одномъ предметѣ — пѣняхъ о духовенствѣ. Любопытно замѣтить, что даже поэты того времени, Данте, Бокаччіо, Петрарка, ежeminутно берутъ себѣ темами жизнь духовенства — потому-что это сдѣлалось самой народной темой, самымъ живымъ интересомъ. Протестовать противъ іерархіи было самымъ современнымъ дѣломъ, и этимъ дѣломъ занялись всѣ. Наконецъ, послѣдовало раздвоеніе папской власти на два отдѣльныя папства, совершенно уподобляющіеся раздвоенію римской имперіи на западную и восточную, и послѣ этого событія, папство быстро стало терять всѣ свои остальные силы, такъ же точно, какъ теряло ихъ вѣкогда римское императорство. Своевольство и буйство преторіанцевъ при избраніи императоровъ повторились въ полной мѣрѣ надъ папами; послѣ этого событія, у папской власти вскорѣ ничего не осталось въ рукахъ; послѣднимъ ударомъ была продажа индульгенцій и требованіе добровольныхъ приношеній за прощеніе грѣховъ. Униженію папства и духовенства въ глазахъ общественнаго мнѣнія не было предѣ-

ловъ въ виду тѣхъ способствъ, которые изобрѣтали папы съ итальянскимъ остроуміемъ. Реформація не столько нужна была, чтобы уничтожить этотъ разслабленный фантомъ — труда въ этомъ одномъ отношеніи было бы немного — сколько для того, чтобы внести начала новой жизни, потому что прежняя была больше невозможна. Вѣрованію и выраженію его въ общественной жизни нужны были новыя формы, свѣжія и сильныя: надобно было дать законное основаніе раціонализму, наполнявшему умы, потому что иначе къ нему оставалась бы недоувѣрчивость въ массахъ, требующихъ всегда положительнаго авторитета. Эту задачу и исполнялъ Лютеръ.

Оканчивая очеркъ сочиненія доктора Спикера, мы по неволѣ возвращаемся къ прежнему вопросу: какой будетъ объемъ самаго сочиненія, обнимающаго только періодъ тридцати-восьми лѣтъ, когда предварительный обзоръ предшествовавшихъ событій занимаетъ цѣлые два тома? А главное: намѣренъ ли авторъ заняться исследованиемъ лютеровою реформы для всей Европы, на что онъ намекалъ въ предисловіи, или онъ только ограничится рассмотрѣніемъ и изложеніемъ событий?..

ДИОГЕНА, *Roman von Iduna Gräfin* Н... Н... (Диогена, романъ графини Идуны Г... Г...)

Сатира на романы графини Идуны Ганъ-Ганъ, появившаяся въ Германіи, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, подъ названіемъ «Диогена», есть очень-пріятный подарокъ для каждаго рецензента. Хотя романы графини Ганъ-Ганъ почти совсѣмъ не читаются въ Россіи, однакожь приходится говорить о многочисленныхъ провведеніяхъ автора, пользующагося въ Германіи чѣмъ-то въ родѣ литературной знаменитости. Говорить приходится потому еще, что всякіе полгода выхо-

дить по новому роману графини Ганъ-Ганъ, и онъ составляетъ очень важную новость германской беллетристики; а говорить про эти романы — задача неблагоприятная и скучная въ высшей степени: въ нихъ нѣтъ ни одной искры чего-нибудь похожаго на талантъ, чего-нибудь выражающаго проявленіе хоть сколько-нибудь отличной отъ прочей толпы личности; авторъ этихъ романовъ женщина вполне *bas bleu*, то-есть женщина, взявшаяся совсѣмъ не за свое дѣло! Какая причина ея извѣстности и знаменитости — Богъ-знаетъ. Между тѣмъ, съ романами графини Ганъ-Ганъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, и нѣмецкая и французская критика самымъ необъяснимымъ образомъ поступала чрезвычайно-неправосудно: она не только не отрѣзывала у графини Ганъ-Ганъ всякую возможность продолжать авторство, но, указавъ всякій разъ, въ новомъ ея произведеніи, на нѣкоторыя *преувеличенія* и *слабыя стороны*, видѣла рядомъ съ ними что-то великое, гигантское, какуто широкую и великолѣпную фантазію, глубину создаваемыхъ образовъ. Доходило до того, что не разъ называли г-жу Ганъ-Ганъ германскимъ Жоржемъ-Зандомъ... Отъ такой вершинности и невѣрности слабыхъ приговоровъ происходило то, что г-жа Ганъ-Ганъ считала все противъ себя сказанное — либо недоброжелательствомъ, либо заговоромъ, а вообще всѣхъ рецензентовъ людьми, слишкомъ нестойкими вниманія. «Я вижу, что для настоящаго пониманія этого романа нужно истолкованіе» говорить она въ одномъ изъ своихъ предисловіи. «Само-собою разумеется, что это относится не къ журнальной критикѣ. Конечно, я не приняла бы на себя этого труда для рецензентовъ нашего времени.» И это потому, что она находитъ себѣ опору въ мнѣніи публики, которая можетъ много и долго интересоваться ея произведеніями.

Но въ публикѣ, конечно, было много людей, которымъ эта игра и неаслу-

женная известность сильно надобно; романы продолжали появляться и не было никакого резона ожидать, что они перестанут появляться, или что автор их перестанет считаться замѣчательнымъ талантомъ. Все это вмѣстѣ вывело наконецъ изъ терѣвнїа одного человѣка въ Германїи, потому-что не вѣстѣ же все равно, что и дѣлается, какъ раздаются титулы на знаменитость, справедливо или несправедливо: есть люди, которыхъ незаслуженная слава оскорбляетъ, потому-что чувство справедливости во всякомъ къ чему-нибудь да направлено, и всякій фальшивый аккордъ на доступныхъ ему струнахъ заставляетъ страдать его. Такъ недавно было и въ русской литературѣ. Врядъ ли можно было бы у насъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, набрать сотню человѣкъ, которые не были бы въ восхищенїи отъ великаго таланта Марлинскаго; никому не приходило и въ голову сомнѣваться въ этомъ талантѣ, и, однакожь, эта ложная слава сильно и неприятно колола глаза немногимъ, понимавшимъ дѣло зараво, и они не остались спокойны до-тѣхъ-поръ, пока не была невозвратно урита эта слава и не измѣнилось мнѣнїе публики. Конечно, литературной участи графини Ганъ-Ганъ никакъ нельзя ставить на одну доску съ участію Марлинскаго: въ нихъ все разница: сходство въ одномъ только, что требовалось уронить существующій авторитетъ и заставить публику видѣть не то, что ей до-тѣхъ-поръ казалось.

Разница была и въ мнѣнїи этомъ, разница и въ самихъ авторахъ, разница и во вліяніи ихъ на общество и, наконецъ, самая огромная разница въ тѣхъ людяхъ, которые взяли на себя, тамъ и здѣсь, злачу перевернуть существовавшій до нихъ порядокъ. У насъ, Марлинскій успѣлъ уже образовать цѣлую школу по своему образцу; слѣдовательно, его дѣятельность успѣла пустить нѣкоторые корни въ русскую

почву; графиня Ганъ-Ганъ стоитъ одиноко, безъ послѣдователей и безъ школы (что, можетъ-быть, доставляетъ ей еще даже особеннаго рода удовольствїе при ея вѣчномъ мечтанїи объ одинокихъ гигантахъ); наконецъ, если никто не высказывалъ настоящей оцѣнки ея, то тѣмъ не менѣе можно было бы найти въ Германїи нѣсколько человѣкъ, которыми ея ложное направленїе и бездарность давно были понятны, между-тѣмъ, какъ съ Марлинскимъ у насъ было совсѣмъ иначе.

Но, не смотря на всю разницу вліянія, направленїе графини Ганъ-Ганъ могло скоро получить вредную силу (какъ и вообще во всякой публикѣ, что чѣмъ ложнѣе, тѣмъ и сильнѣе); если въ Германїи не нашлось у ней послѣдователей, они могли появляться, и несносное зло могло расти все больше и больше. Противъ каждой ложности, вѣтъ, кажется, оружія сильнѣе каррикатуры, потому-что карриатура можетъ если не убить, то по-крайней-мѣрѣ заставить срыгаться, и авторъ «Диогены» не ошибся въ своемъ расчетѣ, выбравъ карриатуру оружіемъ противъ Ганъ-Ганъ. Что онъ не ошибся, это доказывается жадностью, съ которою въ теченїе двухъ-трехъ мѣсяцевъ германская публика прочла цѣлыя два изданїя его каррикатуры. Внутренняго достоинства у «Диогены» никакого нѣтъ; неизвѣстный авторъ ни сколько не художникъ, слѣдовательно, не можетъ быть сатирикомъ, въ немъ ничего нѣтъ, кромѣ ума и довольно-вѣрнаго взгляда, особенно же ловкости, съ которою онъ удерживаетъ на бышующей жилу романовъ графини Ганъ-Ганъ. Если маленькая книжечка его была сколько читана въ послѣднее время, то это рѣшительно указываетъ на то, что Германїя занялась судомъ надъ знаменитымъ своимъ авторомъ; это значитъ, что приговоръ графинѣ Ганъ-Ганъ произнесенъ, и ей больше никогда не встать.

Такимъ-образомъ, «Диогена» является чѣмъ-то въ родѣ посмертной исто-

рін романовъ этого автора, но исторіи не пристрастной, а самой краткой. Надобно было въ самыхъ сжатыхъ рамкахъ выразить физиономію г-жи Ганъ-Ганъ, нарисовать немногія главнѣйшія черты, разбросавшы въ многочисленныхъ ея романахъ, такъ, чтобы это уловенное сходство напечатлѣвалось въ читателѣ судѣ поразительно и неизгладимо. Не смотря на эту краткость, вся сущность романовъ, вся вѣрнѣйшая ихъ характеристика заключилась на немногихъ страницахъ «Диогены», такъ-что разсказать Диогену значить разсказать всѣ романы графини Ганъ-Ганъ.

Имя «Диогена» выбрано по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, оно указываетъ на странную манію графини Ганъ-Ганъ выбирать для своихъ героинь имена самыя удивительныя (такъ-какъ всѣ ея романы имѣютъ главнымъ предметомъ героинь, а не героев; герои, т. е. мужчины, у нея вещь слишкомъ-второстепенная): ей мало такихъ романтическихъ именъ, какъ Фаустина, Сивилла, Клея, она больше любитъ и чаще употребляетъ имена: Ильда, Уника, Астралисъ, Боваventura, Регина, Ундина, Тоска, Аманта, Мелузина и т. д. Но для выбора небывалаго имени «Диогена» есть еще другая причина, тѣсно связанная съ намѣреніемъ самого романа. Авторъ утверждаетъ, что героиня его, т. е. героиня романовъ графини Ганъ-Ганъ, происходитъ по прямой линіи отъ Диогена, который, умирая, благословилъ единственную дочь свою тѣмъ паслѣдіемъ, которое одно у него и было: онъ вручилъ ей фонарь, сказавъ при этомъ: «иди человека, пока ты найдешь настоящаго». Таинственные слова эти сдѣлались блаженствомъ и проклятіемъ всего происшедшаго отъ диогеновой дочери поколѣнія.

«Объ нихъ разбилась самая благороднѣйшая сердца» говоритъ Диогена въ своей автобіографіи. «Вся странствовательная неутомимость, весь циническій идеализмъ,

или, рѣшусь сказать, идеальный привѣтъ и всѣ аномальности въ *behaviour* нашего родоначальника перешли на насъ и до-сихъ-поръ составляютъ характеристическія черты нашего рода, который удивительнымъ образомъ продолжается рожденіями почти все только дочерей.»

Въ этихъ словахъ все намѣреніе романа и опредѣленіе всѣхъ женскихъ характеровъ графини Ганъ-Ганъ. Нѣсколько словъ почти въ концѣ «Диогены» дополняютъ этотъ очеркъ:

«Мы» говорить Диогена про себя и все свое женское поколѣніе: «мы воплощеніе неутомимости, пустоты, празности нашего времени; мы женскіе вѣчные Жиды, на насъ лежитъ проклятіе, мы трагическіе образы, вампиробразныя натуры—и разрушительны вдвойнѣ, потому-что сами сознаемъ это, потому-что ледяной холодъ самаго закоснѣлаго эгоизма дѣлаетъ насъ неуязвимыми. Развѣ вы не видите, все около меня погибаетъ, сердца разрываются и исходятъ кровью вездѣ, куда я ни прийду, и я должна идти, все дальше идти — о! но въ этомъ лежатъ страшное несчастіе!»

Графиня Ганъ-Ганъ представляетъ себѣ, что именно такіе великіе образы женщины съ гигантскимъ, вампирскимъ, пожирающимъ характеромъ выходятъ изъ-подъ пера ея, и она этии гордится; въ предисловіи къ роману «Графиня Фаустина» (кажется, имя это дано для того, чтобы сдѣлать намекъ на характеръ женщины, должествующій идти въ *pendant* къ мужскому характеру гётева Фауста, какъ она его понимаетъ и вообще какъ Фауста большею частію понимаютъ въ Германіи), она говоритъ, что никто лучше не позналъ ее, какъ тотъ, который назвалъ графиню Фаустину *sublime Egoistin*. Къ этому надобно прибавить, что всѣ героини у нея гениальны: мало того, что самъ авторъ называетъ ихъ гениальными, дѣйствующія лица романовъ нисколько не затрудняются при всякомъ разговорѣ такъ прямо и просто говорить въ лицо каждой героинѣ, что она гениальна,

как-будто это какой-нибудь весьма-общепринятый комплиментъ. Гениальность же этихъ необыкновенныхъ женщинъ состоитъ въ томъ, что онѣ владѣютъ всѣми науками, всѣми искусствами, само-собою разумѣется, красавицы, и красота ихъ особенно проявляется въ полномъ блескѣ, когда онѣ предаются эвзическимъ упражненіямъ, въ которыхъ онѣ удивительныя мастерицы; сюда относятся: верховая ѣзда, катанье на конькахъ, плаванье и т. д. Впрочемъ, имъ рѣдко есть случай предаваться этимъ упражненіямъ: онѣ проводятъ почти всю свою жизнь въ томъ, что путешествуютъ нѣз одного мѣста въ другое, нвгдѣ не останавливаются, на каждомъ шагу влюбляются и равлюбляютъ. Красота и гениальность ихъ, въ своемъ совокупномъ дѣйствіи, столько сильны, что съ перваго раза покоряютъ всѣ сердца; мужчины толпами влюбляются и притомъ влюбляются все такою страстью, которая можетъ кончиться только съ жизнью. Между-тѣмъ, сама же героиня влюбляется совѣтъ-иначе, на одно только мгновение, потому что вполне чувствуютъ весь объемъ своей гениальности и безконечное превосходство надъ окружающими ихъ ничтожностями; слѣдовательно, въ самомъ непродолжительномъ времени эти гениальныя натуры бросаютъ тѣхъ несчастливыхъ мужчинъ, которые пылаютъ къ нимъ незатушаемою страстью и которыми, впрочемъ (хотя и на короткое время), эти гениальныя натуры вполне предаются. Покинутые мужчины либо застрѣливаются, либо идутъ на дуэль съ новымъ счастливецемъ, либо рѣшаются молча проглотить эту горькую пилюлю и, вообще говоря, очень скоро какииъ-нибудь способомъ исчезаютъ со страницъ романа; между-тѣмъ, вѣчный Жидъ женскаго пола продолжаетъ свое великолѣпное и поражающее родъ человѣчскій шествіе. Не тотъ, не тотъ, повторяетъ она послѣ самаго короткаго знакомства съ новымъ обожателемъ своимъ, разбиваетъ въ прахъ сердце его

ледянымъ объясненіемъ своего превосходства и невозможности дальнѣйшей дружбы, — и снова пускается въ широкій и великій міръ...

Все это вмѣстѣ необыкновенно пропитано скукой, особливо при безпрерывныхъ повтореніяхъ; но авторъ «Диогены» избѣжалъ этого непремѣннаго свойства романовъ графини Ганъ-Ганъ тѣмъ, что выбралъ изъ каждаго романа по одной особенной чертѣ, такъ-что у него остается только другой ингредиентъ сочиненій графини Ганъ-Ганъ — удивительная ненатуральность и небывалость. Героиня его дѣлаетъ точно такіе же удивительные подвиги, какъ всѣ женщины Ганъ-Ганъ, хотя не именно тѣ же самыя, но очень похожіе, и даже связана родствомъ съ своими предшественницами: нвгдѣ графиня Ганъ-Ганъ не выразилась такъ вполне, какъ въ двухъ своихъ романахъ: «Графиня Фаустина» и «Сивилла»; поэтому-то Диогена утверждаетъ, что Сивилла приходится ей матерью, а Фаустина тѣткою. Диогена графиня, потому-что у г-жи Ганъ-Ганъ никого не бываетъ въ романахъ, кромѣ аристократовъ; немногочисленные ли аристократическія лица, встрѣчающіеся чрезвычайно-рѣдко, поставлены только для того, чтобы хорошенько оттѣнить аристократизмъ и знатность, благородство породы настоящихъ дѣйствующихъ лицъ, женщинъ, именно все только графинь и даже рѣдко баронессъ. «Дя» говоритъ Диогена: «вообще у одной только аристократіи есть дѣйствительно великая судьба! Надоно свободное время на то, чтобы имѣть судьбу. Развѣ вы думаете, что великая, гигантская, исключительно трагическая судьба падетъ на жизнь какого-нибудь ремесленника? Какъ это можетъ быть!»

Слѣдовательно, Диогена, для того, чтобы быть на вышинѣ гигантской судьбы, фаталистической и разрушительной, рождена аристократкой; съ молодости она ничего не дѣлаетъ,

как только катается на коньках и плавает: однажды во время ея плаванія, ее видит кузень, только-что прїѣхавшій съ другомъ своимъ, ея дядей. въ первый разъ въ жизни навѣститъ ее. Здѣсь начинается первая любовь. Въ тотъ же вечеръ они уже палуются, совершенно объясняютъ другъ другу свою любовь, потому-что молодой графъ тотчасъ же допросилъ ее: «Ну, что, любезная Діогена, какъ ты полагаешь, что бы такое была любовь?» а она ему отвѣчаетъ истиннымъ, ни на одну букву непреувеличеннымъ слогомъ женщины г-жи Ганъ-Ганъ:

«Что такое любовь, я знаю это посредствомъ вѣры моего сердца столько же ясно, какъ христіанинъ посредствомъ вѣры знаетъ, что есть вѣчное блаженство и что оно такое. Любовь есть одинокіе двухъ; я перестаю быть, для того, чтобъ начать существовать въ другомъ. Это возрожденіе, это расцвѣтаніе въ возлюбленномъ, за что и все бытіе возлюбленного дѣлается моею собственностью, рѣшительно и совершенно. Одинъ человекъ не можетъ проникнуть тайну бытія; но двое, соединенные въ одну любовь, могутъ это. Они вмѣстѣ съ жаворонкомъ взимаются на встрѣчу солнцу въ лучѣ утренняго свѣта, они во время мечтательной ночи прислушиваются къ умолающему бѣшенію артерій земли; они могущественнымъ чародѣйскимъ желомъ царятъ надъ всей лѣтвницей чувствъ, такъ-что всѣ аккорды человеческого бытія складываются передъ ихъ волей въ настоящую гармонию сѣрѣ, у которой вѣчный текстъ одно слово — любовь! О, любовь! воскликнула я и упала, блѣдная, какъ смерть, на ближайшее кресло.»

Тутъ кузень, пораженный гениальностью, дышащею въ этой диссертациі (потому-что именно точно такіе прекрасные трактаты составляли славу графини Сивиллы, графини Фаустины, графини Ильды Шейгольмъ, графини Регины и прочихъ ганъ-гановскихъ графинь), почувствовалъ себя еще больше покореннымъ: онъ упалъ къ ея ногамъ и, востатически сжимая

руки ея, воскликнулъ, видя, что сила чувства можетъ ее убить: «О, Діогена, не умирай, не умирай! Мой идеалъ! не умирай прежде, чѣмъ ты унесешь меня въ свое небо любовнаго блаженства, гдѣ я вѣки долженъ жить съ тобою, или я низвергнуся въ тартаръ отчаянія!» Слѣдовательно, въ этотъ же вечеръ существоство двухъ этихъ необыкновенныхъ по своей любви существъ рѣшено, и мѣсяца черезъ два оно заключается... Съ этого начинаютъ вообще почти всѣ романы Ганъ-Ганъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ перваго же вечера Діогена чувствуетъ, что кузень ея не то, чего она искала: онъ не *настоящій*; какъ же, послѣ всѣхъ объясненій гругчей любви, онъ не только совершенно спокойно и даже съ жадностью ужиналъ, да еще приглашалъ и ее въ тому же? Это ясно показываетъ, что у него нѣтъ настоящей идеальности чувства...

Поэтому, она тотчасъ же влюбляетъ въ себя одного французскаго виконта, одного англійскаго лорда и одного нѣмецкаго князя. Это персонаификація трехъ націй вообще и отдѣльныхъ характеровъ ганъ-гановскихъ романовъ въ-особенности. Виконтъ кипитъ и клокочетъ какъ котелъ съ горячей водой, или, еще точнѣе, какъ настоящая Эгна, и энергія любви такого характера прежде всего поминалась Діогенѣ достойною того, чтобы ее опробовать. Еще передъ самою свадьбой, вѣрная компаньонка объяснила ей, что такое мужъ и какъ вообще всегда на мужа смотрѣли благородныя родственницы, особливо графини Сивилла и Фаустина:

«Что вы за адорабельное, певинненное существо, графинюшка! Да кто же между знатными заботится о томъ, чтобы любить мужа? Это могло себѣ вообразить только такое кандидатное существо, какъ вы, о прелестная графиня! Выходятъ замужъ за мужчину, дѣлается матерью его дѣтей, но это не развѣ любить его... О, менажируйте себя, продолжала она,

цалуя мой баснословно мадевскія ножки, у жизни есть свои компенсаціи. Правда, это ужасно, что нельзя любить своего мужа на вашей аристократической высотѣ, но есть любезные мужчины, очаровательные мужчины съ совершенно свободнымъ временемъ, которые ничего не дѣлаютъ, ничего, ровно ничего, кромѣ того, что любить, и вотъ такихъ-то любезныхъ мужчинъ любить (*).

Итакъ, Діогена опробовала кипучаго виконта—оказался негоденъ, и его удалили; но онъ продолжалъ приставать и докучать, доказывая свое таинственное присутствие вездѣ, куда ни ѣхала по Европѣ Діогена, и доказывала все одними и тѣми же словами: «о, милан! узнала ли ты меня, чувствуешь ли ты мою любовь?». Когда она оглядывалась на говорящаго, въ Венеціи, въ Парижѣ, она узнавала неотвѣachableго виконта въ какомъ-нибудь садовникѣ, или лакеѣ, который уже нѣсколько мѣсяцевъ жилъ съ нею. Переодѣванья и маскарады виконта не было конца, за тѣмъ не было конца и тонкой изобрѣтательности, съ которою онъ умѣлъ изъ глубины своего переодѣванья дѣлать самыя фантастическія и безврасудно-дорогіе сюрпризы и подарки, такъ что наконецъ Діогена, должно быть, была очень-рада, когда виконтъ пострѣлся съ ея мужемъ и былъ убитъ, а мужъ поскорѣе уѣхалъ послѣ дуэли. Ну, слава Богу, она вдохнула свободно: двумя меньше по-крайней-мѣрѣ.

Послѣ виконта, Діогена опробовала апатическаго лорда, который всегда молчалъ и только зѣвалъ передъ нею, портя при этомъ ея бархатную мѣбель, потому что у него была фешенебельная привычка сидѣть съ ногами на диванѣ. Но именно это его зѣванье и привлекло сначала любопытство, а потомъ любовь всепоглощающей гра-

фини Діогены. Она своимъ гениальнымъ чувствомъ и умомъ понимала, что зѣванье зѣванью ровня.

«Случалось, что лордъ цѣлые полдня не скажетъ ни одного слова, а такъ-какъ я была твердо уѣбрана въ его любовь, то для меня было особенное очарованіе въ томъ, чтобъ доискиваться на его спойномъ, холодномъ лицѣ мыслей и чувствъ, его волновавшихъ. Потому онъ по цѣлымъ часамъ сидѣлъ противъ меня, и только покачивающійся стулъ да тихое зѣванье доказывали мнѣ, что онъ живетъ. Я уважала это зѣванье; это было не то зѣванье, что у моего мужа, послѣ работы и усталости дневной, зѣванье безучастія, которое такъ невыразимо оскорбляло меня въ немъ; это было то высокое зѣванье пресыщенности, пустоты, смертельной скуки, которое было мнѣ симпатично и которое я совершенно понимала. О! притомъ же большая разница между зѣваньемъ любовника и зѣваньемъ мужа. Одно шекотитъ нашу гордость, другое уничтожаетъ ее, одно оживотворяетъ ее, другое—смерть!»

Но и высокое, величественное зѣванье не помогло: она снова увидѣла, что лордъ не тотъ, кого ей надобно, объявила ему это въ глаза, и онъ, чтобъ наказать ее, тотчасъ же застрѣлился при ней, нѣсколько радуясь, что по-крайней-мѣрѣ оставитъ свою скуку. Ни виконтъ, ни лордъ не выдуманы каррикатуристомъ графини Гавъ-Гавъ: первый взятъ съ графа Астрауаъ «Сивиллѣ», молчаливый и застрѣлившійся лордъ съ Клеменса въ «Фаустинѣ». Съ оригиналами у нихъ одно только несовершенство: они меньше времени на сценѣ, и потому меньше скучны; въ «Діогенѣ» они составляютъ по эпизодическому лицу, занимающему каждое съ десятокъ страницъ; въ настоящихъ же своихъ романахъ они берутъ по нѣсколькимъ сотъ страницъ.

Нѣмецкій князь не призывается къ четвертой пробѣ: въ романѣ «Діогена» онъ представляетъ собою видъ безмысленной и покорной дворняжки, которая, опустивъ хвостъ и повѣсивъ уши,

(*) Мы стараемся сохранить и съѣсь нижегородскаго съ французскимъ, который есть отличительная черта слога графини.

похороннымъ маршемъ ходить за своимъ господиномъ: этому князю дана роль очень-многихъ лицъ изъ ганъ-гановскихъ романовъ, тѣхъ именно лицъ, которыя нисколько не дѣйствуютъ, не говорятъ, а только считаются для чего-то.

Первыми тремя пробамъ кончается первое отдѣленіе: въ немъ опробованыя лица были самыя знатныя аристократы; простившись съ ними навсегда и опробовавъ въ Испаніи великое множество гидальговъ, все негодныхъ, которые даже не перечислены одинъ за другимъ, а помянуты всѣ разомъ, *en gros*, должно быть потому - что имъ ихъ *legions*, Диогена продолжаетъ свои поиски въ сферѣ не-аристократовъ, желаетъ опробовать одного молодого монаха, для чего становится передъ нимъ въ особенномъ неглижѣ, въ кокетливомъ, живописномъ положеніи на колѣни, цалуетъ его необыкновенной красоты руки; но этотъ ускользаетъ у ней изъ рукъ, потому-что, какъ и въ инстинктомъ узнавъ въ чемъ сила, благочестивый (хотя и молодой) патеръ прямо изъ Парижа уѣзжаетъ въ пустыни Африки проповѣдывать истинную вѣру посреди львовъ и прочихъ дикихъ животныхъ, какъ говоритъ авторъ. Этотъ отъѣздъ не обезкураживаетъ Диогены: вѣдь не стереть же ей съ своего аристократическаго герба горацийскій фонарь, завѣщанный Диогеномъ: съ которымъ она должна искать *настолицю!* Совершенная случайность доставляетъ ей способъ продолжать поиски: въ первоначальномъ своемъ разочарованіи отъ постоянныхъ горестей, Диогена превращаетъ маленькую свою молебелью сначала въ химическую лабораторію; но ея учитель химіи не молодъ и не хорошъ собою, за то онъ въ скоромъ времени рекомендуетъ ей молодого и прекраснаго учителя анатоміи, слѣдовательно, для дальнѣйшихъ опытовъ химическая лабораторія тотчасъ же превращается въ анатомическій театръ, въ которомъ, впрочемъ, Диогена не разбѣ-

Т. LV. — Отд. VII.

каетъ другихъ тѣлъ, кромѣ аристократическихъ (ученыя занятія героини взяты изъ Сивиллы). По подобію неаристократическихъ героевъ: Полидора въ «Фаустинѣ», Отговъ-Идъ Шенгольмъ и Сигизмунда Форстера въ романѣ того же имени, учитель анатоміи держится на своемъ постѣ довольно-долго; казалось бы, судя по разговору, что Диогена вкислалась нѣмъ настоящую любовь и готова затушить прадѣловскій фонарь, но однажды въ Падуѣ, во ротахъ домой съ долгой лекціи, усталый профессоръ говорилъ-говорилъ съ Диогеной, да и заснулъ, по печальности, у ней на плечѣ. Разумѣется, сейчасъ сцена и разставанье, ибо оказалось ясно, что и профессоръ не тотъ, кому быть слѣдовало.

«О! воскликнула я: мнѣ кажется, что я никогда не любила тебя. Прости мнѣ, Фридрихъ! Ты знаешь, я не могу любить. Ты знаешь сердце, анатомическое сердце въ его самыхъ таинственныхъ развѣтвленіяхъ, но мое сердце осталось тебѣ тайной, оно неиспытано, оно загадка тебѣ, даже мнѣ. Я не такая женщина, какъ всѣ, у меня не такая женская натура, какъ у всѣхъ. О! я вѣдь знала это, когда сказала тебѣ: попробую быть твоею женою; я знала, что мнѣ не перенести смертельную продолжительности брака; вегетативная инертность моей натуры револютируется противъ продолжительности, противъ неизмѣнной вѣрности. О, вѣрность больше ничего, какъ ограниченность, а я неограничена; моя певѣрность возвышенна, божественна. То, что ты называешь измѣной, есть великая страсть исканія адента, который, не смотря ни на что, отдаетъ своему тигло послѣднія деньги, которыя должны бы были спасти его семейство отъ голодной смерти, и это для того, чтобъ найти философскій камень, который оцѣнъ столько же мало знаетъ, какъ сердце, любовь, человѣка, котораго ишу. Мы оба вѣруемъ въ существованіе невозможнаго, чуда, и мы должны его искать, пока найдемъ.»

— Такимъ образомъ, профессоръ анатоміи покидается, и Диогена снова одна

устремляется въ широкій міръ, въ сопровожденіи только своей молчаливой собачки—апатического нѣмецкаго князя.

Этимъ вторымъ отдѣленіемъ кончается вѣрность каррикатуры оригинала: авторъ • Діогены • не захотѣлъ покинуть романовъ графини Ганъ-Ганъ, не прибавивъ собственнаго своего окончанія. Героиня его подлинниковъ обыкновенно остаются на послѣдней страницѣ книги съ разбитыми сердцемъ и надеждою; читателю предлагается, по окончаніи чтенія, задуматься долго-долго надъ этою судьбою и соображать, что было дальше съ этою женщиною, прежде чѣмъ смерть избавила ее отъ пучины бѣдъ и вырвала изъ презрѣннаго міра. Но авторъ • Діогены • не захотѣлъ всего этого: ему показалось, что, спускаясь постепенно съ аристократическихъ высотъ, женщина ганъ-гановская забыла во всѣхъ романахъ еще одно испытаніе, которое необходимо, какъ нѣкоторый пропущенный членъ силлогизма; а потому онъ рѣшился—самъ отъ себя вставить этотъ позабытый членъ и тѣмъ дополнить общій очеркъ, такъ-что, послѣ этого заключенія, читателю не остается больше возможности предложить автору вопросъ, на который не было бы еще отвѣчено, не остается больше возможности для какого-нибудь новаго предположенія. Что же такое этотъ позабытый членъ силлогизма? Это предположеніе невѣстнаго автора • Діогены •, что героиня его, знакомая съ мужчинами образованнаго міра, должна попытаться себѣ счастья въ мужчинахъ міра еще негроутоваго образованія, ибо, послѣ всѣхъ неудачъ, Діогенѣ всего вѣроятнѣе могла придти мысль, что именно въ первобытныхъ, невинныхъ людяхъ, не растлѣнныхъ еще фальшивою образованностью, живетъ возможность для ея счастья. Не больше нѣсколькихъ часовъ Діогена употребляетъ на то, чтобы рѣшиться въ выборѣ: куда ей пустить-

ся, въ Африку или въ Америку? Многія обстоятельства рѣшаютъ ее въ пользу Америки, между прочимъ и то, что она по счастливому случаю знаетъ назвусть американскіе романы Купера, слѣдовательно, знаетъ все, какъ ей нужно обращаться съ Американцемъ, какъ съ нимъ говорить, чтобы понравиться и полонить его сердце, и, слѣдовательно, весь арсеналъ любви въ ея рукахъ Остается прилично случаю одѣться. Въ каждую эпоху своихъ поисковъ, Діогена носила особенный костюмъ: пока дѣло шло съ аристократами и разными испанскими гвдалгями, она одѣвалась постоянно въ атласъ и бархаты свѣтлыхъ цвѣтовъ—свѣтлыхъ потому-что, по ея соображенію, она тогда лучше обрисовывалась на темномъ фонѣ своей бархатной небелы; во вторую эпоху своей жизни, занимаясь разными естественными науками, она носила шерстяное платье темнаго цвѣта, которое закрывало ее до горла (она никогда не считала нужнымъ показывать своимъ нѣщанскимъ любовникамъ прекрасныя формы аристократическихъ плечъ и груди); какое платье теперь ей выбрать, когда встрѣчается обстоятельство особеннаго рода? Соображая всегдашнее искусство Діогены одѣваться какъ-нельзя-больше въ гармоніи съ настоящимъ положеніемъ, авторъ не безъ основательности полагаетъ, что теперь она одѣнется какъ-можно-естественнѣе, ближе къ природѣ, такъ-какъ теперь она не сверхъестественную природу все ей упованіе. Въ слѣдствіе этого, Діогена заказываетъ мокасины у перваго лондонскаго башмачника, самое отличное трико вѣсто платья, и притомъ трико все усланное нарисованными маленькими зажженными фонарями, и прикрѣпивъ къ главу лорнетъ, а въ руки взявъ фонарь, отправляется въ вигваны краснокожихъ. Но здѣсь она претерпѣваетъ самое непріятное пораженіе: до-сихъ-поръ, въ образованныхъ странахъ, ее чествовали и обожали какъ существо гениальное; надобно же было сунуть-

ся въ американскіе лѣса, чтобъ въ первый разъ узнать о себѣ всю горькую истину. Сыны лѣсовъ не хотятъ держать у себя бѣднолицую, которая очень-много говоритъ, что они не повинуютъ, и ничего не умѣютъ дѣлать, и Діогена, наслушавшись ихъ ужъ слишкомъ-нелѣсныхъ и неспритворныхъ рѣчей, должна бѣжать изъ лѣсовъ поскорѣе назадъ въ Европу, счастливая тѣмъ, что ее оставили въ живыхъ. Но вотъ бѣда: люди природы такъ сильно, дали ей почувствовать, что такое ея гениальность и высшая натура, что ей опротивѣло искать *настолицу*, и она оканчиваетъ свою жизнь тамъ, откуда бы не нужно было выпускать ее съ самого младенчества—въ домъ сумасшедшихъ.

Авторъ • Діогены • очень-систематически кончилъ участь своей героини домомъ сумасшедшихъ, но тѣмъ не меньше все третье отдѣленіе его сильно скучновато, потому-что онъ тогда только веселъ и забавенъ, когда держится шагъ за шагомъ за свой подлинникъ и ведетъ одну за другою нелѣпныя подробности изъ многочисленныхъ романовъ графини Ганъ-Ганъ. Оставленный самъ съ собою, онъ терлетъ свою каррикатурную способность и не умѣетъ справиться съ своимъ сюжетомъ. Впрочемъ, вообще надобно замѣтить, каррикатура неизлѣстнаго автора лишена всякаго внутреннего достоинства: ни мастерства, ни бойкости, ни ѣдкости нѣтъ въ ней. Человѣкъ, сдѣлавшій ее, только-что успѣлъ напастъ на существовавшую необходимость смѣхомъ убить нѣсколько плохихъ романовъ, и больше ничего; выполнена же эта задача самымъ дюжиннымъ образомъ. Въ Германіи много заботились о вопросѣ: кто именно авторъ этого каррикатурнаго романа, перебрали очень-много именъ, даже довольно спорили. Намъ кажется, что не стоило труда заниматься серьезно и долго подобными розысками.

Все, что можно сказать про автора — то, что онъ никакъ не женщина, какъ полагали въ Германіи очень-многіе. Каково ни есть начинающееся развитіе женщинъ въ наше время, оба пола до-сихъ-поръ еще слишкомъ не уравнялись, такъ-что слишкомъ — многое, самое обыкновенное для мужскихъ понятій, даже въ посредственнѣйшемъ изъ мужчинъ, какъ-то не выговаривается у лучшихъ женщинъ. Ихъ способъ пониманія загроможденъ по-сихъ-поръ сентиментальностью; многое, сколько бы ни было фантастично и неестественно, находятъ у нихъ незаконное сочувствіе, только бы относилось къ сердечности, къ чувству. Многое имъ кажется благороднымъ или великимъ, въ чемъ мужчина видитъ только ложность и неестественность и не видитъ никакой возвышенности. Къ несчастью, немного женщинъ, которыхъ не казались бы завлекательныя гигантскія, титаническія, трагическія судьбы и которыя, если дать имъ чистосердечно признаться, не выбрали бы себѣ расцвѣтеной воображеніемъ героической участи скорѣе той дѣйствительности и той участи, которая должна имъ принадлежать.

Если очень-многимъ женщинамъ романы Ганъ-Ганъ не нравятся, то ужъ, конечно, не отъ-того, чтобъ онѣ сознавали ложность основы, а можно положительно сказать отъ-того, что у этого автора нѣтъ хоть сколько-нибудь артистическаго дарованія. Еслибъ графиня Ганъ-Ганъ была одною изъ тѣхъ многочисленныхъ натуръ, въ которыхъ ложность содержанія соединяется съ нѣкотораго рода талантливостью и художественностью исполненія, навѣрное большинство женщинъ было бы на ея сторонѣ, потому-что тогда героини графини Ганъ-Ганъ, иначе прибранныя, во въ сущности тѣ же самыя, казались бы имъ глубоко-женственными и человѣческими, благородными и возвышенными натурами, къ которымъ совершенно законно на-

тать искреннѣйшую симпатію. Еслибъ женщина дѣлала карриатуру на рошаны графини Ганъ-Ганъ, она избрала бы другія стороны карриатуристности, а не тѣ существенныя, на которыя довольно-здраво указать нынѣшній карриатуристъ, человекъ, впрочемъ, нисколько не замѣчательный, — или, въ противномъ случаѣ, эта женщина обладала бы истиннымъ талантомъ, и тогда самая карриатура ея сдѣлалась бы произведеніемъ дѣйствительно-художественнымъ, и, слѣдовательно, примѣчательнымъ.

РАЗСКАЗЫ О СИБИРСКИХЪ ЗОЛОТЫХЪ ПРИСКАХЪ.

Статья исстала.

ОТПРАВЛЕНІЕ ВЪ ШУРФОВКУ.—ПРИСКОВЫЕ ПРИКАЩИКИ.—ОТЪИСКИВАНІЕ ПРИСКА.—РАБОЧИЕ.—НАЕМКА И РАСЧЕТЪ ИХЪ.—ШУРФЫ.—ЖАКЪ ИЮТЬ ЗОЛОТО.—ПОИСКОВЫЯ ШАРТИ.—ОГРАЖДЕНІЕ ПРАВЪ НА ЗАВЛЧЕННЫЯ МѢСТА.—КАКЪ ИЩУТЪ ЗОЛОТО.—РАЗЪѢДАКА ПРИСКА.—ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ РАБОТЫ.—ОБЪЯВЛЕНІЕ ПРИСКА.—ПРИСКЪ РАВРАБОТЫВАЮЩІЙСЯ.—ЗАВОТЛИВОСТЬ О РАБОЧЕМЪ КЛАССѢ.—ФАБРИКА ИЛИ ПРОМЫСЛЕНІЕ.

День, проведенный мною на гостеприимномъ приискѣ, посвященъ былъ исключительно отдохновенію.

На слѣдующее утро, мы пустились опять въ путь—отъискивать нашъ приискъ.

Насъ было шестеро: я, управляющій и пять человѣкъ рабочихъ. Съ собою мы взяли, кромѣ нужнаго количества провіанта и фуража, одну палатку, два лома, три кайлы, три желѣзные лопатки, шашертъ — очень простую машину — наклоненную плоскость изъ досокъ съ окранными съ трехъ сторонъ для того, чтобы то, что на этой плоскости положить, не упало,—три желѣзныя трубы или колѣна водоотливной машины, золотопромывательную щетку (она обыкновенно дѣлается впопознну противъ платаной и состоитъ изъ длинной крѣпкой щетины) и еще кой-какія мелочи. Все это мы свалили и навьючили на лошадей и съ разсвѣтомъ отправились въ дорогу.

— Предупреждаю васъ, говорилъ мнѣ управляющій: — это дѣлается, называте за выраженіе, чтобы васъ негнѣшить и удовлетворить ваше любо-

пытство и желаніе сдержатъ слово. Дѣльнаго изъ этой экспедиціи врядъ ли что можетъ выйдти: въ два дня пятью человѣками пемного надѣлаете. Для васъ, однакожъ, это будетъ полезно: вы ознакомятесъ съ дѣломъ; васъ будетъ побуждать то обстоятельство, что это для васъ свое, а не чужое.

— Вотъ я вамъ и про себя скажу, продолжалъ онъ далѣе на мои вопросы, когда я разговорамъ хотѣлъ сократить время и прогнать скуку непріятнаго путешествія.—Когда я былъ сначала на приискахъ, я получалъ-себѣ тыщонки трирублей ассигнаціями жалованья, при всемъ готовомъ содержаніи; ну, и смотрѣлъ, разумѣется, чтобы все шло хорошо; а отъ-чего тутъ такъ было, а тутъ вотъ такъ—мнѣ и въ голову не приходило подумать. Лѣто и безъ того въ тайгѣ намаешься и разрадѣхонекъ, когда прійдетъ десятое сентября, время, когда всякія заботы о чужомъ дѣлѣ можно вонъ изъ головы выкинуть. Кончишь здѣсь всѣ дѣла и прощаешься съ тайгой до будущей весны. Выѣду, бывало, въ резилицу, да чѣмъ бы тутъ же ловить рабочихъ да вербовать ихъ къ себѣ для будущаго лѣта, ѣду въ городъ отдыхать послѣ трудовъ, а наемку рабочихъ предоставляю прикащику. Ужъ конечно, пройдетъ не безъ того, чтобы прикащикъ меня не надулъ: и въ прогонахъ выставитъ лишнее, и въ содержаніи лишнее, и въ угощеніи лишнее, и лишнее покажетъ на волостныхъ писарей или на другіе такъ-называемыя у насъ «непредвидимыя расходы», очень, между нами будь сказано, предвидѣныя. Послѣ все это и обнаружится, можетъ-быть, да ужъ поздно, не поправишь: и прогналъ бы мошенника, да парень-то онъ у меня дѣловой... Гдѣ грѣха не бываетъ! Прійдетъ время хлѣбъ закупать, а то же самъ къ мужику не поѣду. Я, какъ бы то ни было, все-таки его благородіе и съ крестьяниномъ или съ какии-нибудь еще ссыльнымъ калыкать да съ копейки на копейку переколачивать и

торговаться мнѣ не приходится — я опять прикащика посылаю. Этотъ тоже не пропуститъ случая въ прогонахъ и въ содержаніи приписать науютолку, да еще съ мужикомъ стачку слѣдуетъ съ пуда по гривнѣ, по другой напишетъ лишняго въ контрактѣ, да къ себѣ въ карманъ положить. Я и тутъ не привязывался: не стоять, молъ, мнѣ мелочн; и то еще спасибо, что хлѣба въ долгъ закупили: вѣдь у насъ рѣдко на чистыя деньги покупаютъ. А сколько такихъ случаевъ въ году перебивается?—*множество!* Тутъ и инструменты, и канцелярія, и свасты, и сахаръ, и холстъ... чего-чего нѣтъ! Отчетовъ хозяину, бывало, тоже не хочется самому составлять: такъ, маленечко напишешь, а главное все и поручишь прикащику посмышленѣе. Смысленый прикащикъ стакнется съ матеріальнымъ: товарцу равнаго припрятуетъ себѣ тихомолкомъ, да и выведетъ въ расходъ по книгѣ. Такъ и другое-прочее, особенно по провіантской да по комиссаріатской части. По отчету-то приходъ съ расходомъ копейка въ копейку, ни въ одной статьѣ ни сучка, ни задоринки, а сообразишь хорошенько, посмотришь — тысяча-другой и нѣтъ!

— Да чего жь вы-то смотрѣли, спросилъ я съ изумленіемъ:—вѣдь вы сами отчеты подписывали?

— Самъ подписывалъ, но подписывалъ орля, что грѣха тавта! Да я не могъ и вообразить, чтобъ такой, саремный, вельющій молодой паренъ осмѣлился подумать обмануть меня. Провѣрять отчетъ мнѣ бывало все некогда, потому-что и на это нужно столько же трудовъ и времени, сколько на самое составленіе отчета.

— А хозяинъ?

— Да что хозяинъ? Тоже просмотритъ! Провѣрять итоги, и дѣло съ концомъ: благо барыши есть!

— По-крайней-мѣрѣ, компаньоны вашего хозяина замѣтятъ обманъ?

— Гдѣ компаньонамъ замѣтить! и трудно, и тяжело, и надо знать сно-

ровку, да врядъ ли они и видятъ когда отчеты.

— Но куда жь ваши составители отчетовъ дѣваютъ въ дѣсу то, что они излишне выставляютъ по книгамъ?

— Было бы что, а куда? — какъ не найтн мѣста! Мало ли сорѣдей: за полцѣны многіе съ благодарностію купятъ. Если же такого случая не будетъ, то при слѣдующей ко мнѣ доставкѣ кладн или при закункахъ, лишекъ этотъ мнѣ же на счетъ поставятъ: дѣло выйдетъ еще выгодыѣе. Разумѣется, что эти продѣлки я не съ разу поймалъ. А когда поймалъ, то смотрѣлъ на это какъ на неотвратимое зло. Надобно было прогнать всѣхъ прикащиковъ и замѣстить выбылыя мѣста новыми людьми. И тутъ бѣда! Человѣка новаго въ дѣлѣ надлежало учить всему и шагъ за шагомъ опасаться какихъ-нибудь важныхъ опущеній; а набирать прикащиковъ изъ бывалыхъ людей—значило опять стѣснять себя и быть готовымъ на новыя плутовства и обманы, потому-что эти люди ко всему уже присмотрѣлись.

— Не-уже-ли же у васъ таково всеобщее направленіе? Не-уже-ли слово «прикащикъ» у васъ однозначаче со словомъ «ловкій мошенникъ»?

— Я самъ такъ сначала думалъ, но, слава Богу, мысли мои объ этомъ перемѣнились къ лучшему, и вотъ по какому случаю: за одно очень-дѣльное открытіе, которымъ мнѣ удалось услужить своему хозяину, я получилъ двойной окладъ жалованья и участіе въ компаніи. Барыши и желаніе увеличить эти барыши всевозможными способами заставили меня, для собственной моей пользы, ближе присмотрѣться къ дѣлу и позаботиться о сокращеніи расходовъ. Я сталъ держать прикащиковъ втрое меньше, чѣмъ прежде, сталъ имъ вдвое дороже платить, сталъ строго наблюдать за всѣми книгами, самъ сталъ дѣлать заподряды, составлять отчеты по упрощенной методѣ безъ всякихъ запутанностей — и что жь вы думаете? На первый же годъ расходы на все уменьшились де-

сятью процентами при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ, а что касается до непредвидимыхъ издержекъ, то у меня ихъ, почитай, вовсе не бываетъ. Я теперь душа всего дѣла, знаю его самъ что-называется досконально и не могу нахвалиться своими помощниками-приискачами. Я ихъ держу въ рукахъ, слѣжу за всѣми ихъ дѣйствіями, обращаюсь съ ними кротко, честно, учтиво, въискиваю или награждаю ихъ съ самою строгою справедливостію, не подаю повода ни къ какому сблыванью, введу во всемъ гласность — и тотъ, кто прежде безсовѣстно, бывало, меня обчитывалъ, старается теперь заслужить особенное мое вниманіе аккуратностію, трудолюбіемъ, честностію и благороднымъ характеромъ, зная, что теперь никакъ нельзя худыхъ коновцовъ схоронить въ воду и что тотъ ли, другой ли, заговорять громко и уважатъ на невѣрнаго слугу пальцемъ. — Такъ вотъ оно каково! И выходитъ, что все зло не отъ прикащиковъ, а отъ нашей братьи, отъ управляющихъ: вотъ гдѣ корень всего!

«Это такъ же, какъ и во всемъ и вездѣ: продолжалъ словоохотный мой собесѣдникъ. «Вы понимаете, на-примѣръ, что значитъ слѣдователь? Вы знаете, что это корень праваго суда? Точно такъ и въ нашемъ быту. Управляющій — это такая голова, по дудкѣ которой пляшутъ всѣ остальные члены. Захочетъ управляющій изъ какихъ-нибудь видовъ доказать, что приискъ его ховлевъ бѣденъ — рабочіе никакъ не добудутъ ни крохи золота. Захочетъ онъ одурачить своихъ доверителей богатствомъ приобретенаго имъ прииска — пробы золота будутъ у него самыя богатыя. Въ первомъ случаѣ, онъ поведетъ работы пустыми мѣстами и станетъ мыть одну землю; а въ последнемъ случаѣ будетъ скупать мировское золото у сосѣдскихъ рабочихъ! Это просто самовластный предсѣдатель палаты, который допозднательными справками и разнаго рода мерсѣдованіями можетъ затмить дѣло и дать ему направление, какое его

душѣ захочется. Вотъ я вамъ кстати расскажу одинъ случай, бывшій лѣтъ сорокъ назадъ, который я слышалъ отъ покойнаго батюшки и который доказываетъ, что значитъ умѣть повернуть дѣло.

«Былъ у насъ, какъ водится, судья и жилъ еще одинъ купецъ. Купецъ этотъ былъ не то, чтобы въ-самомъ-дѣлѣ купецъ какой-нибудь, а такъ, просто состоялъ по гильдіи и чуть ли еще не по первой. Занимался чѣмъ-нибудь торговымъ — онъ не занимался, а откуда деньги приобрѣлъ — Богъ его вѣдаетъ: изъ людей никто заподлинно того не звалъ, потому-что онъ поселился къ намъ недавно, переписавшись изъ иногородныхъ, и ни съ кѣмъ ни короткаго, ни даже близкаго знакомства не водилъ. Ходили только темныя слухи, что былъ онъ прежде караваннымъ извозникомъ, то-есть, по большимъ дорогамъ чужіе чай возилъ на своей телегѣ, а тамъ вдругъ неожиданно разбогатѣлъ. Рассказывали даже, что онъ сынъ какого-то каторжнаго, выпущеннаго, по окончаніи урочнаго термина, на вольное пропитаніе. Вотъ разбогатѣлъ онъ, да и женился этакиимъ манеромъ въ другомъ городѣ на такой смазливой дѣвушкѣ, что на рѣдкость и поискать. Такая была *благословенная*, сама *корпусна*, *матѣра* — ну, просто кдырь-баба. Самъ онъ старъ былъ, жена-то молода — вотъ дѣло и вышло неладно. Говорятъ, однако, что мужу это только померещилось. Ну, такъ ли, не такъ ли, а совѣта да любви, стало, имъ Богъ не далъ. Началъ онъ ее бѣдную *хлѣстко* бить да мучкарить, а она, горемычная, стала чахнуть да чахнуть, да съ горя и приучилась испивать хмѣльнаго, а какъ *наелозвится* (т. е. шибко напьется), такъ во хмѣлю, бывало, и убѣжить изъ дому, никто не знаетъ куда. Мужъ былъ человекъ пресердитый, съ лица такой страшный, черныя волосы стояли, глаза налились кровью, говоритъ — словно реветъ изъ бочки. Лишь-только бѣдняжка явится домой съ повинною и падетъ мужу въ ноги,

онъ вѣднётся ей въ носу и начнеть таскать по полу: если, говорить, только пикнешь, въ вѣкъ не прошу, замучу тебя до смерти! Бился онъ съ ней такими манерами долго, а отъ хибльнаго да отъ дурнаго никакъ ее отъучить не могъ. И она-то, сердечная, чего только отъ него не натерпѣлась. То онъ ей щеку прокусить зубами, то ущиплетъ всю грудь, то согнетъ объ нее кочергу, то бичкомъ (кнутомъ) всеё ее исхлещетъ: по суткамъ безъ памяти лежала — а все переносила. Наконецъ, и ей не въ силу стало: задумала она разомъ покончить всѣ муки и стала оттачивать ножъ — себѣ или мужу — никто не знаетъ. Недолго мыслы эти были у нея въ голове: мужъ поймалъ ее на дѣлѣ. — А, вариачка (1) сказала онъ: «ты меня ножомъ хочешь шоркнуть — я же тебя теперь доконаю!». Онъ снялъ у нея съ шеи мѣрку, пошелъ къ кузнецу и заказалъ ему ошейникъ, будто-бы для собаки, а цѣпь велѣлъ сдѣлать покороче. Что послѣ этого было — страсти и подумать. Наконецъ, не дальше, какъ черезъ недѣлю стряпка (кухарка) была ночью разбужена ужасными стопами, которые раздавались изъ хозяйской спальни. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, выбѣжалъ хозяинъ бѣдный, съ выкатившимися глазами, схватилъ корыто, утащилъ его къ себѣ, наносилъ самъ воды и заперъ дверь въ снѣцы на крючокъ, не сказавъ ни слова лежавшей тутъ работницѣ. Баба-то была смѣрѣвшая; рѣвъ да стонъ хозяйки были ужъ ей въ привычку; такъ убѣдясь, что въ комнатахъ все давно замкнуло, она перевернулась на другой бокъ и крѣпко проспала всю ночь. Къ утру все было прибрано — корыто стояло на своемъ мѣстѣ, купецъ спокойно сидѣлъ за самоваромъ, а стряпка все еще спала. Наконецъ,

она проснулась и, боясь угрозы хозяйки, вошла къ нему въ комнату. «Чай съ сахаромъ, батюшка Еремей Захаровичъ» сказала она, привѣтствуя его выраженіемъ въ родѣ нашего хлѣбъ да соль! «Виновата, отецъ мой, — заспалась!... А глѣжь хозяйшка?» — Хозяйка приказала долго жить, Аонья! Ни вѣсть ударъ, ни вѣсть что — скончалась! — отвѣчалъ кузнецъ съ печальнымъ видомъ. «Вонъ она лежитъ, голубушка!» — Бѣдная страдальница лежала ужъ не въ спальнѣ, а въ другой комнатѣ на двухъ раздвинутыхъ столахъ. Пестрый очинокъ былъ накутанъ на всю голову покойницы, надивнута ей на самыя брови и совершенно закрывалъ лобъ и виски. Шаль (т. е. шейный платокъ) была надѣта на мертвое тѣло сверхъ прочаго платья и поддернута подъ самый подбородокъ; остывшія руки были перевязаны *рукотеркой* (ручничокъ, полотеяцо). Съ грѣхомъ попоманивъ удаюсъ-таки ему похоронить жену, какъ слѣдовало. Кажись бы и концы въ воду? Такъ нѣтъ же: праведный Богъ не допустилъ этого. На другой же день послѣ похоронъ, на кладбище наѣхали власти, раскопали могилу, вынули гробъ и начали осмотрѣть трупа... Вообразите вы себѣ варварскую жестокость челоуѣка! У бѣдной женщины голова была проломлена, виски изъязвлены, все тѣло въ синакахъ, и въ добавокъ ко всему — найдены мышьякъ въ желудкѣ. Кажется, дѣло ясно? Открыто, что мужъ самъ обижалъ покойницу, самъ одѣвалъ ее наединѣ; нашли палочку, въ руку толщины, которою онъ билъ жену, и ошейникъ, за который жена была прикована въ спальнѣ — такъ по-крайней-мѣрѣ въ городѣ всѣ говорили... Но что жъ бы вы думали?... Э! да вотъ и Мальчикъ-Тюхтегъ, проговорилъ весело рассказчикъ, перемѣнивъ тонъ своего рассказа.

— Вѣрно намъ теперъ ужъ близко? спросилъ я съ участіемъ, потому-что порядочно утомился.

— Однако, не знаю, отвѣчалъ управ-

(1) *Вдринкъ, саридакъ* — воръ и лазурникъ — самая вышшая и самая обидливая брань въ Сибири. Ни природный Сибирякъ, ни поселенецъ не могутъ ее равнодушно перенести.

ляющей, начиная рѣчь, какъ сибирскій простолудникъ, словомъ «однако».— Не худо бы теперь остановиться да пообѣдать. Ну-ка, ребята, расфлаивай да мигомъ разводи костеръ!

— Чѣмъ же дѣло убійцы кончилось?

— Ну, что объ этомъ толковать! Бросите! Впрочемъ, этотъ судья давнымъ-давно умеръ — Богъ разсудитъ это дѣло на томъ свѣтѣ!

Расположившись на берегу рѣчки для отдыха, мы занялись сначала чаемъ, потомъ вкусно пообѣдали, сколько это позволяли санитарскія наши обстоятельства и мѣстные удобства, и совершенно забыли о трагическомъ разсказѣ, навѣявшемъ сначала на насъ самыя грустныя мысли.

Поднявшись снова въ дорогу, мы стали бродить по Малому-Тюхтету, въ мѣстахъ, гдѣ не было уже, никакой дороги, ни даже тропинки. По правому берегу замѣтили мы впаденіе нѣсколькихъ ключей большихъ и малыхъ: это все были «Безъмяки». Которая же наша-то? — Однимъ ручей мы выбрали наудачу: течетъ онъ довольно широко и, въ случаѣ нужды, можетъ носить название рѣчки. Не это ли наша Безъмяка? Попробуемъ что Богъ дастъ!

Мы поднялись вверхъ по этому ручью и по лѣвому его берегу замѣтили затеси на деревьяхъ.

Когда рабочіе идутъ въ поиски и вступаютъ въ мѣста, до-тѣхъ-поръ имъ или предводителю ихъ неизвѣстныя, — они, чтобъ выйти оттуда цѣлыми и невредимыми на прежнюю дорогу, не своротить въ сторону и не заблудиться, дѣлаютъ на тѣхъ деревьяхъ, мимо которыхъ проходить, зарубки — однимъ вшахомъ топора стесываютъ бересту съ корой и такимъ-образомъ обозначаютъ путь, которымъ проходили. Это и есть *затеси*; иногда они дѣлаются по обѣ стороны прокладываемой въ первый разъ тропы, иногда съ одной только правой стороны.

Этихъ затесами, единственными указателями дороги Богъ-знаетъ куда — въ огромной лѣсной пустынѣ, пе-

рѣзанной отрогами высокихъ горъ, мы шли долго и не встрѣчали, разумеется, ни одной души человѣческой. За то бурнудучки, это юрливое животное, поминутно шмыгали подъ ногами нашихъ лошадей, которыя съ трудомъ тащились по сырой, болотистой почвѣ, протираясь сквозь разросшіеся кустарники и пролѣзая между стволами деревь, близко другъ отъ друга росшихъ. Пугливыя бѣлки съ шумомъ и пискомъ быстро забирались по деревьямъ, иногда почти подъ самыя нашия носы, такъ-что ихъ, казалось, не трудно было рукой переловить. Черныя соболи не-временамъ обращали на себя вниманіе вынимавіе наше своимъ роскошнымъ мѣхомъ и такъ часто пробѣгали мимо насъ, что управляющій не разъ приостанавливался, чтобъ схватить у конюха ружье и прицѣлиться въ дорогаго звѣрка. Но всѣ попытки его ограничивались однимъ желаніемъ: соболѣкъ быстро мимо насъ промчится, юркнетъ и пропадетъ въ кустахъ, или подъ кочкой. Передовыя лошади, время-отъ-времени убавляя шага, иногда совсѣмъ останавливались, чуть-ли поводи ухомъ, надували ноздри и, понявъ, что тутъ нѣтъ никакой опасности, спокойно продолжали дорогу. Но когда онѣ, останавливаясь неожиданно, наострали уши, пятились назадъ, тряслись и тяжело дышали, тогда мы понимали, что намъ угрожаетъ близкое и непріятное содѣяніе медвѣдя, слѣды котораго безпрестанно намъ попадались. Въ одномъ мѣстѣ, въ сторонѣ, на горкѣ, одинъ изъ рабочихъ замѣтилъ какъ *сама, сама* и *поступь* спустился въ долину. Однакожъ, не смотря на мѣстную пословицу: «тогъ въ тайгѣ не бывалъ, кто медвѣдя не встрѣчалъ», у насъ встрѣчи съ нимъ близкой не было, хотя мы и были къ ней готовы: длинный ножъ и два двухствольныя ружья, заряженныя жеребьемъ, были припасены управляющимъ, очень-хорошо знавшимъ, что здѣсь рѣдно обходится безъ столкновенія съ лѣснымъ

непріятелю — правда, тихимъ и незадорнымъ, но съ которыми все-таки не слѣдуетъ быть на короткой ногаѣ.

Время быстро шло впередъ, а мы тихо подвигались по образу пѣшаго хождения, сойдя съ коней не столько изъ сожалѣнія къ бѣднымъ животнымъ, сколько для того, чтобы промяться самымъ хорошенько и развиграть кровь въ ошѣблыхъ членахъ. Мы упражнялись здѣсь въ лазаніи и перелазываніи по сваленнымъ бурными деревьямъ, въ скачкахъ и прыжкахъ по болотамъ и кочкамъ лучше, чѣмъ въ любой гимнастической залѣ. Къ счастью нашему, было облачно и прохладно: дождь насъ не мочилъ и солнышко не пекло; одни только комары и мошки не давали намъ ни на минуту покоя, коль-скоро мы позволяли себѣ снѣть сѣтви.

Вечерѣло; но мы все еще безутѣшно бродили, не видя конца нашему пути, устали, измучились и ни слова уже другъ съ другомъ не говорили, изрѣдка развѣ перекидываясь немногими словами о томъ, что наша шурфовочная партія отличается отъ партіи поисковой только меньшимъ количествомъ народа и лошадей и тѣмъ, что мы пошли бродить сюда на определенное, краткое время, между-тѣмъ, какъ поисковая партія уходитъ въ тайгу на цѣлое лѣто и подвергается всѣмъ опасностямъ странствованія въ мѣстахъ невиданныхъ и непріятностямъ не сдѣлать никакого открытія; что здѣшнія окрестности мало обследованы и представляють обширное поле надеждъ для предпринимчивыхъ искателей; что недалеко отсюда есть дорога, конечно таежная же, на западъ черезъ Абаканъ и черезъ всю томскую тайгу въ Барнауль, а на востокъ въ Канскій-Округъ и на бирюсинскіе золотые промыслы, и что мы теперь не далѣе, какъ въ сорока или въ пятидесяти верстахъ отъ китайской границы.

Граница здѣшняя между Россією и Китаемъ определена еще въ 1727 го-

ду (2) и обозначена особенными знаками въ слѣдующихъ мѣстахъ:

1) На хребтѣ Эргин-Тарган-Тайга на вершинѣ рѣчки Уса, близъ рѣчки Кызымеды;

2) На правомъ берегу Уса;

3) На хребтѣ Хонин-Дабага;

4) На устьѣ рѣки Кемкемчила-Бомъ и

5) На хребтѣ Шабни-Дабага.

Наши пограничные знаки состоятъ изъ большихъ крестовъ; китайскіе — изъ высокихъ столбовъ, обложенныхъ камнями.

Границы эти постоянно три раза въ годъ осматриваются нашими пограничными казаками съ сосѣднихъ форпостовъ и китайскими властями вмѣстѣ, въ одно время. Тутъ они сходятся другъ съ другомъ и при исполненіи своей должности начинаютъ оффиціальныи разговоръ, почти всегда одного и того же содержанія:

— Будь здоровъ! говоритъ китайскій предводитель ватаги турецкаго поимѣнія, кочующаго по-ту-сторону Саянскихъ-Горъ.

— Спасибо, спасибо! Я здоровъ, слава Богу! А твое какъ здоровье? говоритъ нашъ дозорщикъ.

— Я тоже здоровъ! Всегда здоровъ! А ты? Всегда ты здоровъ?

— Я всегда здоровъ; будь ты здоровъ!

— Я здоровъ!... А хорошо ты доѣхалъ? спрашиваетъ Китаецъ.

— Я хорошо доѣхалъ. А ты хорошо ли доѣхалъ?

— Я тоже хорошо доѣхалъ. Веселый былъ путь! А тебѣ каковъ путь былъ?

— Мнѣ путь былъ тоже хорошъ!

— Ну, и мнѣ былъ путь хорошъ.... Я радъ, что тебя вижу! продолжаетъ Китаецъ.

— И я радъ, что тебя увидѣлъ, отвѣчаетъ казакъ.

— Ну, что у васъ новаго? Бѣднѣйшій царь вашъ здоровъ ли?

(2) Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи № 3189.

— Государь нашъ, благодаря Господа Бога, живъ и здравъ благополучно, говорятъ казакъ, снявъ шапку и сотворя крестное знаменіе.

— Ну, я очень-радъ, очень-радъ, что онъ живъ и здравъ благополучно, отвѣчаетъ представитель Небесной Имперіи. — А скажи мнѣ, Русскій, весь ли домъ его здоровъ?

— И царица здорова, и наследникъ здоровъ, и весь домъ его здоровъ, отвѣчаетъ чистый Русакъ.

— Ну, что вашъ бѣлый царь подъявается? Что у него новаго?

— Да нашъ батюшка царь-государь вѣчно въ трудахъ и въ работахъ. У батюшки-и-то у нашего хозяйство-то, вишь ты, больно велико: изъ конца въ конецъ въ годъ на рысяхъ не провдешь... А новаго у него то, что Богъ ему внука далъ!

— Какъ такъ? Не-ужь-то вашъ бѣлый царь дѣдомъ сталъ?

— Да такъ! Видно, дѣдомъ сталъ! Вотъ къ намъ вышше недавно вѣсть пришла, что старшому царевичу Богъ послалъ сына. Мы всѣ Богу молились!

— И я буду молиться, отвѣчаетъ Монголь:—и я буду за него молиться! Нашъ великій гдсударь всей подсолнечной вашего великаго блага царя очень любить и большую съ нимъ дружбу ведетъ. И мы его любимъ. Дай Богъ ему счастья! Ну, прощай, прощай! Кланяйся ему-отъ меня! Скажи ему, что я здоровъ и ему здоровья желаю.

— Ну, прощенья просимъ — будемъ кланяться! А вы кланяйтесь своему богдохану, говорить представитель Россіи представителю Китаю.

— Смотри жь, не позабудь!

— Нѣтъ, не забуду, не бойсь!... И ты, смотри, не забудь!... А вотъ тебѣ за любовь да за дружбу подарочекъ.

Затѣмъ Русскій съ Китайцемъ мѣняются подарками и, окончивъ оффиціальныи осмотръ—не взирая на прощанья, слѣзаютъ съ коней и начинаютъ гулять какъ слѣдуетъ.

Наконецъ, вѣтеси привели насъ къ устью ключика, который сочился въ

небольшой ручеекъ. У самого устья стояла одинокая сосна; на стволѣ ея, прямо передъ глазами, мы замѣтили широкій вырубъ съ вырѣзанными буквами З. Е. П. 1840. Наконецъ, мы достигли цѣли своего путешествія!

Осмотрѣвшись хорошенько и пройдя вдоль и поперегъ всю долину, мы убѣдились, что это именно тотъ приискъ, который мы искали: долина довольно-круто шла въ гору и простиралась до вершины не болѣе, какъ на три версты; лѣсъ росъ именно тотъ, который показанъ въ запискѣ; мы нашли даже и шесть шурфовъ — три по правую сторону теченія ключика и три по лѣвую. Но особенностей какихъ-нибудь, то-есть, чего-нибудь такого, что намекало бы непосвященному въ таинства геологій, что вотъ тутъ-то и есть золотая россыпь, видѣсь на мои глаза не было: долина какъ долина; съ обѣихъ сторонъ горы, по узенькому каменнотону ложу струится потоки — и только.

— Такъ это приискъ? спросилъ я съ изумленіемъ.

— Видно-такъ, отвѣчалъ управляющій.

— Тутъ золотая россыпь?

— Это еще Богъ-знаетъ! Теперь-то и нужно пошурфовать, чтобъ узнать, есть ли тутъ золото.

— Я васъ не понимаю, замѣтилъ я своему ментору: — какъ же можно сомнѣваться, когда доказано, что это золотой приискъ?

— Ну, это долгая исторія! А вотъ мы лучше развѣючимся, разведемъ костеръ, раскинемъ палатку, закусимъ, выпьемъ хорошенько, а тамъ ужъ и будемъ толковать про золото.

Такъ мы и слѣзали. На слѣдующее утро, мы были разбужены страшною грозою и прсильнымъ дождемъ, который до самого полудня лилъ на насъ непрерывно. Не смотри однакожь на это, мы съ самаго утра задали рабочимъ урокъ.

Для этого управляющій выбралъ мѣсто близъ крутой извилины ручья въ томъ предположеніи, что тутъ бо-

лѣе прибоя воды, болѣе упора ея на стѣны ложа и, значить, тутъ должно быть болѣе скопленія золотыхъ частичекъ въ наносахъ, если только тутъ были золотыя частицы. Поставили четырехъ человекъ и отиѣрили нѣмъ квадратную сажень земли.

Я усѣлся тутъ же и думалъ, что вотъ-вотъ золото такъ и посыплется. Не тутъ-то было: скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается!

Рабочіе обнажили землю отъ дерна и густой травы, которою она заросла, и стали копать сначала одиѣми лопатками. Сперва шла пустая порода, турфъ, растительная земля. Ее рыли усердно и сбрасывали на стороны шурфа. Прошелъ часъ, другой времени; прошло и три и четыре часа — все еще рыли землю какъ могли. Наконецъ, пришло время обѣда; земля стала измѣнять наружный видъ — стала перемѣшиваться съ глиной, а все еще не было видно конца утомительной работы.

Отдохнувъ часа два, народъ снова принялся за свои орудія.

Распѣвая пѣсни и рассказывая другъ другу разные прибаутки, люди эти, казалось, были чужды всякой усталости. Съ какимъ усердіемъ захватывали они полныя лопатки турфовъ, бодро вскидывали ихъ къ верху змы и одиѣмъ передъ другимъ наперерывъ старались перещеголать товарища, углубляясь далѣе и далѣе внизъ. Работа кипѣла въ ихъ рукахъ. Весело было смотрѣть на эти крѣпкія натуры, когда, стоя по нѣскольку сряду часовъ почти по колѣно въ водѣ, скопившейся въ ямѣ, и время отъ времени утирая жилистою рукою струившійся по лицу потъ, они дружнымъ ударомъ ноги воевали острія лопатокъ въ окрѣпшую глину и въ одно мгновеніе вскидывали огромныя ея глыбы на поверхность, нисколько не скучая однообразіемъ и тягостію труда.

— Лихой народъ! сказалъ я управляющему, отходя отъ шурфа съ напраснымъ оживленіемъ

— Золото, не народъ! одиѣмъ за десятихъ работаетъ!

— Впрочемъ, они выросли на земной работѣ — тутъ, я думаю, нечему удивляться.

— Э, нѣтъ! Напрасно вы такъ думаете. Сегодня онъ славный землекопъ, вчера онъ былъ славнымъ конюхомъ, завтра онъ будетъ у меня славнымъ плотникомъ, а послѣ-завтра я прикажу ему работать въ кузницѣ. Что вы ему ни дайте въ руки, только бы онъ успѣлъ пригладѣться — все сдѣлаетъ отлично: землю ли копать, топоромъ ли ладить, мыть ли золото или стрѣлять въ дѣль — все онъ сумѣетъ сдѣлать. А какими молодцами смотреть! Какъ они неутомимы, безстрашны!... да съ одиѣмъ полкомъ атакихъ лихачей можно разгромить все китайское царство... если кабаковъ не будетъ по дорогѣ!

— А что?

— Да сгубило ихъ вино!

— Но вѣдь это общій порокъ русскаго мужика: Руси есть веселіе пить — не можетъ безъ того быть! Но я думаю, не здѣсь надо искать корня зла, а говорить, ихъ избаловали золотые прииски, хотя тутъ вовсе нѣтъ кабаковъ?

— Да какъ вамъ сказать? Все тутъ виждѣтъ такъ перепуталось: и прииски, и вино, и промышленники, и нужда, и плохое совнаніе долга — словомъ, разные атакія обстоятельства сошлись, что и не разберешь, кто тутъ правъ, кто виноватъ.

— Вотъ видите ли, продолжалъ управляющій, подумавъ немного: — Есть у насъ законъ (3), чтобъ ссыльному, при расчетѣ его съ прииска, не выдавать всѣхъ заработанныхъ имъ денегъ сполна на руки, а отсылать ихъ съ избраннымъ общимъ довѣріемъ артельнымъ старостою въ волостное правленіе. Это сдѣлано въ благихъ видахъ, чтобъ рабочій не прогулялъ

(3) Примѣчаніе къ 2403 статьѣ Св. Зак. Уст. Горн. Т. VII (изданія 1842 г.)

трудоу копейки дорогою, а нѣлъ всѣ способы употребить ее въ дѣло и обзавестись хорошенько хозяйствомъ дома, въ своей деревнѣ, куда онъ осенью возвращается изъ тайги. Законъ этотъ, къ несчастію, на золотыхъ приискахъ рѣдко исполняется по равнымъ причинамъ, а главное потому, что вслѣдѣ бѣдится подать собою первый этому примѣръ, будучи убѣжденъ, что къ подобному исполнителю закона во вѣки вѣковъ ни одинъ ссыльный не пойдетъ въ работу... ну, а однихъ мѣщанъ да крестьянъ на всѣ прииски не наберешься! Хозяева приисковъ боятся этого, и декабря сентября, рассчитываясь до чиста со всѣми рабочими, они и ссыльному выдаютъ всѣ деньги на руки. Иной вынесетъ рубль, иной и нѣсколько сотенъ, смотря по обстоятельствамъ, особенно, когда боленъ не былъ, да на богатомъ приискѣ часто старался, то-есть, кровъ урочной работы занимался старательскою, сверхъштатною: тутъ ужь, кровъ нѣсчаднаго жалованья, платятъ опредѣленную и очень-порядочную сумму—два съ половиной и три рубля, конечно, ассигнаціями, за каждый золотникъ добытаго на такой работѣ золота. Нынче, впрочемъ, цѣны эти подняты: въ случаѣ нужды, платятъ полтора и два рубля серебромъ.

• Вотъ, пришедъ съ денежками за цѣлое лѣто тяжкихъ трудовъ въ резиленцію, или въ городъ, или просто въ деревню, бывшій рабочій, непоклонившійся все это время ни Бахусу, ни Венерѣ, на первомъ же шагу соблазняется запахомъ зеленого вина, привѣтливимъ кровомъ питейныхъ домовъ и самымъ отчаяннымъ разгуломъ своей братіи. Мѣста эти—нѣвѣстныя: въ Томскомъ-Округѣ—село Тюсюль и Кія, въ Ачинскомъ—городъ Ачинскъ, у насъ въ Минусѣ—Каратузъ и Минусинскъ, въ Енисейскомъ-Округѣ—село Рыбное на Ангарѣ, Стрѣлка—при устьѣ Ангары въ Енисей, городъ Енисейскъ, деревня Назимова по дорогѣ оттуда въ Красноярскъ—и мало ли сколь-

ко другихъ мѣстъ! Торопясь скорѣй свидѣться съ семействомъ, добрый мужичокъ сперва и не подойдетъ къ мѣсту общаго сборища. Но прифрантившись въ бархатную куртку, плюсовые штаны и узорчатую шапку, которые продаетъ ему въ три-дорога странствующій офенивъ, и желая прихвастнуть и помолодечествовать передъ пріятелями да пріятельницами, онъ будетъ прогуливаться по главной улицѣ селенія, но все-еще не войдетъ въ пропитанныя виннымъ запахомъ хоромы. Его будутъ звать короткіе знакомые—онъ и ихъ не послушаетъ, вспомнивъ, что дома-жена и дѣти сидятъ, можетъ-быть, безъ куска хлѣба и ждать его какъ ангела-хранителя. Но вся его стойкость и прекрасныя мечты о домѣ скоро разлетаются подъ огуманивающимъ вліаніемъ немолчаемыхъ пѣсень, общаго разгула, насмѣшекъ товарищей и собственной наклонности—гульнуть во всѣ лопатки хоть одинъ разъ въ жизни безъ похѣжи: была не была! гуляй душа на распаху! Начинается съ того, что слабый человѣкъ выпьетъ маленько. Вино не пьяно:—онъ хватать еще, еще... ну, опьянѣетъ наконецъ! Нѣтъ, вѣдь мало: давай еще пить—и напьется! На другой день голова трещитъ—нельзя, чтобъ не опохмѣляться; къ вечеру глядь—онъ опять нарѣзался, или, какъ у насъ говорятъ, *намулындался*. На третій день онъ въ совершенномъ азартѣ и дуритъ такъ, что за него страшно: разбиваетъ цѣлыя бочки вина, требуетъ шампанскаго, по бѣленькой ассигнаціи кидаетъ равнымъ барышнямъ на гостанцы, сыплетъ деньги пригоршнями и пьетъ горькую, не помня самъ себя. Посмотришь—аиъ черезъ недѣлю человѣкъ настоящей скотиной сталъ, валяется около кабака въ одной рубашонкѣ: онъ и деньги и платье—все пропьялъ!

• Вотъ тутъ-то мы ихъ и ловимъ! продолжалъ управляющій, понизивъ голосъ, забывъ свою роль простаго рассказчика и становясь по-прежнему

человѣкомъ по золотой части: тутъ то мы ихъ и хватаемъ! Стережемъ ихъ какъ птичку дорогую, изъ виду не выпускаемъ и наконецъ налетаемъ на нихъ съ задатками: больше бѣленькой рѣдко случится дать на брата; а то красненькая, или три *пятишки* (пятирублевья ассигнаціи; въ картахъ это означаетъ пятерку; далѣе шестятка и пр.)... Тутъ ужъ человѣкъ просто продаетъ себя, на все соглашается, въ кабалу идетъ, только бы теперь ему выпить маленько да пригрѣть хозяйской шубенкой свое нагое тѣло. Тогда мы отбираемъ у нихъ старые билеты, даемъ имъ за свою подписью или свидѣтельства, или проходныя на пріискъ, и летимъ въ волостное правленіе переимѣнить эти билеты на новые, вносимъ въ учрежденную правительствомъ кассу «экономическаго капитала для ссыльныхъ» по полтора рубля серебромъ за каждаго рабочаго, уплачиваемъ за него всѣ подати, заканчиваемъ кой-какія дѣлишки съ многомогущимъ для насъ волостнымъ писаремъ, который въ этихъ случаяхъ играетъ роль чрезвычайно-важную — и вотъ мы обезпечены на будущее лѣто рабочими, затративъ на это довольно-умѣренные капиталы... Попробуй же теперь упустить драгоценное время, время общей попойки; попробуй начать наемку въ февралѣ и въ мартѣ мѣсяцахъ? — самъ волостной писарь врядъ ли чѣмъ помочь сможетъ! Подступу нѣтъ! Или всѣ по рукамъ ужъ разобраны, или требуютъ такіе задатки, что страшно на нихъ рѣшиться, не зная навѣрное, дѣйствительно ли рабочій заработаетъ эти задатки, явится ли даже еще онъ въ своему хозяину, или съ фальшивымъ билетомъ пропадетъ такъ, что его и не отыщешь. Если посудишь въ задатокъ меньше ста или полуторыхъ сотъ рублей, мужикъ и говорить не станетъ: шапку на годову и прощай. Знаешь, бестія, что по-неволѣ вдвое дашь, потому-что руки нужны.

Я хотѣлъ показать разговорившемуся знатоку, что я не совсѣмъ же профанъ въ этомъ дѣлѣ и замѣтилъ,

что правилами о золотопромышленности, то-есть закономъ (4), положительно запрещено давать задатки болѣе двадцати-пяти рублей ассигнаціями.

— Мало ли что запрещено! сказалъ со вздохомъ управляющій.—Мы и сами знаемъ, что запрещено и исполняемъ законъ буквально, потому-что у насъ начальство строго за нами смотритъ, да мы вѣдь не такіе же олухи, чтобъ выказывали свои слабыя стороны или позволили другимъ упрекнуть насъ въ чемъ-нибудь недобромъ. Голь хитра на выдумки, и на все есть своя манера.

— Но вы сами?

— Чтò жъ? я и самъ то же дѣлаю, что другіе. Кто Богу не грѣшенъ? Отмолимся послѣ, а безъ людей намъ нельзя же пріискъ работать... Вотъ видите ли: сказано «не давать задатковъ болѣе семи съ полтиной серебромъ»; но это сказано въ-отношеніи ссыльно-поселенцевъ, а мы нанимаемъ инородцевъ, государственныхъ крестьянъ, мѣщанъ и крѣпостныхъ людей изъ великороссійскихъ губерній. Этими людямъ мы съ радостію дадимъ пять-сотъ рублевъ задатка, потому-что утѣрены, что наемщикъ когда-нибудь да выработаетъ эти деньги: иначе мы его не выпустимъ изъ рукъ. Не успѣлъ въ годъ заработать — работай пять, десять лѣтъ! А вотъ ссыльныхъ мы обязаны распустить непременно въ сентябрѣ, а въ южныхъ тайгахъ около октября, и тутъ многіе изъ нихъ возвращаются во своия, оставшись у насъ завабренные товары въ долгу порядочныя суммы, а въ общемъ итогѣ это составить значительные капиталы. Эти капиталы мы теряемъ не безвозвратно, мы ихъ получимъ послѣ: мы на этотъ счетъ обезпечены, благодаря мѣрамъ начальства; но остаемся въ значительномъ проигрышѣ, во-первыхъ, потому-что ужъ тутъ нельзя, что-называется, на рабочаго сѣсть, да

(4) 2385 статья Св. Зак. Уст. Горн. Т. VII, изд. 1842 г.

поѣхать, т. е. занавалить его себѣ со-
сѣмъ; а во-вторыхъ, деньги намъ до-
роги именно въ то самое время, когда
рабочій оставляетъ насъ съ большимъ
заборомъ. А отъ-чего это все происхо-
дитъ? Именно отъ-того, что мы сами
не исполняемъ закона и выдаемъ ра-
бочимъ огромные задатки. Всѣ ихъ
желанія на этотъ счетъ мы удовлетво-
ряемъ такимъ-образомъ: поселенецъ
требуетъ двѣсти рублей задатка—мы
и даемъ ему двѣсти рублей; но чтобъ
не попасться въ ослушничество зако-
ну, въ расчетномъ листѣ рабочаго
и у себя по книгамъ отмѣчаемъ, что
такому-то Ивану даво «въ задатокъ»
7 р. 50 к. сер., да тутъ же и приба-
вимъ особой статьей, что «на обувь и
одежду», или просто «на надобности»
выдано ему Ивану 49 р. 65 к. — И вы-
шло по закону! Извольте вы тутъ ули-
чить насъ въ ослушничество!

— Но вѣдь это ужасное зло! вскри-
чалъ я, открывъ подобное *fictione juris*
это явно сопротивление благимъ намѣ-
реніямъ правительства улучшить прав-
дивность преступниковъ самыми
вѣрными средствами, успѣхъ кото-
рыхъ доказывается добрымъ поведе-
ніемъ обитателей тѣхъ ссылочныхъ
колоній, которыя раздѣлены дальнимъ
пространствомъ отъ мѣстъ, дышащихъ
воздухомъ золотопромышленности.

— Это-то оно зло — для кого другаго,
а для насъ благо! Мы дадимъ, если
нужно, сто пѣлковыхъ задатка рабо-
чему, только поди ко мнѣ, батюшка!
Мы простимъ ему всѣ долги, да да-
димъ, пожалуй, еще «въ награду»,
только работай у меня, голубчикъ, а
не у другаго! При всѣхъ тратахъ, на-
шѣ бы у насъ ни случились, мы все-
гда въ барышахъ останемся. Рабочіе
намъ нужны, и потому при наймѣ мы
шодѣдыаемся къ нимъ различными
шанерами: и приискъ свой выхваляемъ,
и общаемъ имъ «стараніе» въ бога-
тыхъ мѣстахъ, и увеличиваемъ вдвое и
втрое противъ прежняго плату за ста-
рательское золото, и сулимъ частую вы-
дачу вишнихъ порцій, и тутъ же при-
наимъ поносимъ будущему рабочему

стаканъ трехпробнаго—чего-то не дѣла-
емъ, чтобъ заманить къ себѣ рабочаго:
такъ намъ руки нужны! Прииски раз-
велись, развиты работъ увеличались,
а рукъ все-таки мало! Мы ужъ подка-
рауливаемъ новыя партіи ссыльныхъ;
не успѣютъ они шага ступить въ во-
лость, а у насъ на нихъ и билеты въ
рукахъ—все недостаца. Многіе изъ Си-
баряковъ бросили пашни и пошли на
прииски; много пришло крестьянъ изъ
Вятской, едва ли не больше изъ Яро-
славской и Нижегородской Губерній;
вышче вотъ дошло до того, что явился
новый промыселъ: явились барышав-
ки для снабженія насъ людьми изъ
нехлѣбородныхъ мѣстъ по особымъ
саѣлкамъ, а все рукъ мало!..

— Пески близко! Рѣчники идутъ!
закричалъ одинъ изъ землекоповъ.

Мы вскочили съ своихъ мѣстъ и ви-
нулись къ рабочимъ.

До-сихъ-поръ, рабочіе работали ло-
патою, легко справляясь съ наносами.
Наконецъ, лопата встрѣтила слой вяз-
кой глины и ила, перемѣшанныхъ съ
множествомъ округленныхъ кусковъ
различныхъ горныхъ породъ и пропи-
танныхъ сыростию. Слои турфовъ пре-
кратились. Работать далѣе одной ло-
патою было невозможно: люди приня-
лись за ломъ и за кайлу—железный
инструментъ въ видѣ острога длиннаго
молотка, насаженный на палку. Помо-
щію этихъ только орудій можно ко-
пать ямы въ собственно такъ назы-
ваемыхъ пескахъ и заѣсъ требуется
болѣе усилія со стороны рабочихъ.

Еще заранѣе пятый рабочій, ис-
правлявшій двѣ должности—нашевара
и промывальщика, сдѣлалъ въ одномъ
мѣстѣ по теченію русла маленькую
плотину, употребивъ для устройства
ея стволы упавшихъ деревьевъ и зало-
живъ промежуточныя скражины кам-
нями и мохомъ. Онъ приставилъ сюда
свой вашгертъ и приготовилъ все для
промывки будущаго золота.

Управляющій велѣлъ ему попробо-
вать пески, появившіеся вслѣдъ за
рѣчниками. Промывальщикъ нало-
жилъ ихъ въ железное ведро, вѣ-

щающее въ себѣ обыкновенно около пуда этихъ песковъ и вывалил на вашгертъ.

Пустивъ съ плотники воду, которая легкимъ, ровнымъ слоемъ побѣжала по наклоненной плоскости, промывальщикъ сталъ протирать драгоценную грязь гребкомъ—орудіемъ очень-похожимъ на половую щетку, съ тою разницею, что, вмѣсто щетки, на концѣ длинной палки была насажена тоненькая, длинная соразмѣрной высоты дощечка. Онъ началъ вѣсти ею пески, поднимая ихъ къ верху вашгерта противъ стремленія воды. Вода была навихъ и обмывала; песокъ перетирался между собой и освобождался отъ маселки, вязкаго ила и глины, которыми заключавшіеся въ пескахъ обломки разныхъ камней были со всѣхъ сторонъ обмылены; мутная грязь гущею стекала съ вашгерта.

Сбросивъ осторожно гребкомъ верхніе камни и пересмотрѣвъ внимательно, вся ли глина отъ нихъ отстала и совершенно ли они чисты, промывальщикъ сталъ продолжать свою работу далѣе, перетирая пески болѣе и болѣе и сбрасывая долой крупнѣйшіе камни. Золото, какъ тяжелѣйшая часть, не могло сдвигаться вмѣстѣ съ грязью: оно осаждалось на плоскости и должно было обнаружиться подъ конецъ дѣйствія, когда стекающая муть сѣдается прозрачнѣе, гальки, камешки будутъ совершенно обшорены и когда останутся одни шлихи, мелкій песокъ и желѣзистыя частицы.

До сихъ поръ промывальщикъ работалъ стоя, протирая пески гребкомъ на длинной палкѣ.

— Валий!.. Убавь воды! Отбивай! Гляди въ оба! Не спусти! екомандовалъ управляющій промывальщику.

Промывальщикъ уменьшилъ силу стремленія воды по вашгерту тѣмъ, что по всей длинѣ его поперечной закрывши наложилъ рядъ маленькихъ камешковъ, возвысивъ такимъ образомъ бортъ, черезъ который вода переливалась. Потомъ онъ утѣлся на коротычкѣ и сталъ внимательно подни-

гать осадки къ верху маленькимъ гребкомъ съ коротенькой ручкой. Орудіе это очень-похоже на соколдѣк, дощечку штукатуровъ, которою они затираютъ стѣны; но главную роль тутъ играетъ не плоскость дощечки, а нижнее ея ребро. Наконецъ, отбросивъ въ сторону гребокъ, промывальщикъ сталъ отбивать шлихи щеткой и рассматривать сверкашія на солнцѣ зернышки, опасаясь, чтобъ теченіемъ воды не смесло ни одной золотики.

Я глазъ не могъ оторвать отъ блестѣвшаго на вашгертѣ сора и со страхомъ и трепетомъ ожидалъ ужъ не пригоршни золота, какъ прежде рассчитывалъ, а только хоть нѣсколькихъ золотинокъ. Излишне, я думаю, прибавлять, что сѣтка у меня была неподнята, но я не чувствовалъ ни жужжанія комаровъ, ни жала мошекъ: и комаръ и мошка — все на свѣтѣ было забыто!

Кучка мало-по-малу уменьшалась, сносилась водой. Наконецъ, промывальщикъ и остальные крохи смелъ своей щеткой.

Онъ хладнокровно всталъ и пошелъ готовить ужинъ своимъ товарищамъ.

— А золото? спросилъ я, догнавъ его.

— Ни зерна нѣту-съ!

Какъ я ни былъ приготовленъ ко всѣмъ неприяностямъ, но это нерадостное извѣстіе чрезвычайно меня опечалило.

— Посмотритъ, что Богъ дастъ завтра, говорилъ управляющій, тѣшито повторивъ опытъ надъ песками:— а сегодня вамъ мало утѣшенія.

— Но будемъ ли мы завтра счастливы?

— Богъ вѣсть! Можетъ-быть, мы углубились мало и не дошли до золотого пласта: можетъ-быть, мы напали на совершенно-пустое мѣсто, а золото и есть, да гдѣ-нибудь подальше. Но, чтобъ узнать гдѣ именно оно залегло, на это надо время, а завтрашній день— послѣдній день, который я могу посвятить вамъ. Завтра намъ надо доко-

чить этотъ шурфъ, если будетъ возможность.

— Не-уже-ли мы в завтрашній день весь проведемъ надъ одной и той же ямой, которую копали и сегодня? Значитъ, мы новыхъ шурфовъ не надѣлаемъ?

— Конечно, нѣтъ! Очень можетъ быть, что одинъ этотъ шурфъ потребуетъ нѣсколько времени, чтобъ дойти до плотика—до огромныхъ толщъ глинистаго сланца или известковаго камня, на которыхъ обыкновенно покоятся золотосодержащія, или вовсе пустые пески. Намъ угрожаетъ одно изъ двухъ естественныхъ препятствій: если пески дальше пойдутъ мерзлые...

— Какъ? спросилъ я:—мерзлые пески? въ глубинѣ земли? въ разстояннѣ сколькихъ аршинъ отъ поверхности? когда земля совершенно оттаяла? въ такомъ климатѣ? среди лѣта?

— Въ этомъ вы на многихъ примѣнахъ можете лично убѣдиться и увидѣть въ пескахъ и въ турфахъ довольно-толстыя прослойки льду... такъ, если и насъ завтра та же участь постигнетъ, намъ будутъ хлопоты съ оттаиваньемъ.

— Какъ же вы сами на принскахъ отъ этого избавляетесь?

— Тоже оттаиваемъ ихъ; раскладываемъ въ забояхъ (*) костры. Но, чтобъ избавиться отъ этого вѣрнѣе на будущее время, мы съ осени очищаемъ отъ лѣсу, дерна и верхнихъ турфовъ ту мѣстность, которую предположили разрабатывать слѣдующимъ лѣтомъ:

(*) Работы на принскахъ производятся шагами песковъ. Выемки эти называются разрылами и образуютъ длинными улицъ, или открытые сверху корридоры. Основаніемъ ихъ служитъ твердая сланцевая горнокаменная порода, на которой лежатъ золотосодержащія пласты; верхнюю часть этихъ улицъ составляетъ поверхность земли. Такимъ-образомъ, верхнюю часть стѣнъ будутъ представлять турфы, а нижнюю — золотосодержащія пласты, разныя отдѣленія которыхъ называются жблами.

тогда пески будутъ непремѣнно тальме.

— А если у насъ пески будутъ тальме?

— Тогда насъ ожидаетъ препятствіе другаго рода: тогда надобно ожидать сильнаго скопленія въ шурфѣ воды изъ подземныхъ родниковъ, которые поминутно могутъ заливать яму. Надо будетъ безпрестанно воду откачивать. Часто работа эта бываетъ такъ тягостна, что мы едва можемъ справиться при посредствѣ нашихъ нехитрыхъ водоотливныхъ машинъ. Онѣ у насъ безъ рычага, и вы можете себѣ представить, сколько требуется тутъ усилій человѣка поминутно подымать и опускать поршень, безъ всякаго облегченія и раздѣленія силы. Бываютъ случаи, что мы никакъ неспособны не можемъ: вода насъ такъ одолеваетъ, что хоть всю работу брось!

— Отъ-чего же вы не придѣлаете рычага? Отъ-чего не выпишите себѣ хорошихъ машинъ?

— Ну, вотъ подите же! Вамъ хорошо разсуждать! Какъ намъ тутъ рычагъ придѣлаемъ? всегда ли есть къ этому возможность—хоть бы въ ровныхъ скалахъ, когда мы торопимся все сдѣлать на скорую руку и безпрестанно перемѣняемъ мѣсто. Намъ надо тянъ да лянъ, но походу! а гдѣ тутъ возиться съ деревянными помпанами?.. Ово, пожалуй, можно, если захотѣтъ... да, нѣтъ! какъ тутъ придумаешь! Мы же такъ привыкли къ нашимъ машинкамъ, складнымъ и укладнымъ... А выписывать иностранныя? Врядъ ли будетъ въ этомъ толкъ: или пришлютъ Богъ-знаетъ какія, или мы не сумѣемъ съ ними управиться. Да и чего это будетъ стоить! Говорятъ, есть одна штука очень-хорошая, называется буръ, да мы здѣсь объ ней понятія не имѣемъ.

На слѣдующее утро, предположенія управляющаго подтвердились: весь шурфъ былъ залитъ водой. Употребивъ въ дѣло ковши, ведра и котлы, мы всё привалили за работу и мало-помалу вычерпали почти всю воду. Но она снова стала заливать всю яму и

тѣмъ съ большимъ стремленіемъ, чѣмъ дальше мы углублялись. Въ выемку, сдѣланную на двѣ ямы, мы встали собранныя вмѣстѣ молва желѣзной трубы, величайшей водоотливной машиной и, съ общаго согласія, рѣшили смѣнять другъ друга въ тяжелой работѣ безпрестаннаго опусканія и подъема длиннаго шеста. Придѣланный съ нижняго конца его кожаный стаканъ довольно-часто прорывался и замедлялъ работу. Уродливое насѣдіе допотопныхъ механиковъ жалобою всхлипывало и съ тяжкими муками, но съ продолжительными растановками выцускало изъ себя мутные потоки. Двадцать разъ отливала мы воду, двадцать разъ она снова одолевала насъ, но мы твердо положили добиться хоть до чего-нибудь.

Пробы брались безпрестанно. Пески перестарались со всевозможнымъ тщаніемъ — но золота не было ни пылинки.

Поѣздка моя сюда оказалась неудачною и бесполезною, потому-что на счетъ внутренняго достоинства присска мы остались при прежнемъ невѣдѣніи. Можетъ-быть, онъ богатъ, а можетъ-быть и бѣденъ. Можетъ-быть, въ немъ есть золото, а можетъ-быть, золота въ немъ и нѣтъ.

— Не правда-ли, грустно, что нашъ походъ кончился ни чѣмъ? спросилъ меня управляющій, когда мы на другой день возвращались на гостеприимный пріискъ.

— Да, вѣчному ридоваться! отвѣчалъ я.

— Вотъ такъ-то и въ розьискахъ: ходишь, ходишь глѣбое лѣто, живешь на болотѣ, совершенно омеѣдѣлишься вдали отъ добрыхъ людей, натерпишься всякаго горя, перенесешь тысячи лишей, пройдеши сквозь бездну опасностей, перешурфуешь множество шестностей — и все не патнешься на золото. Съ пустою сумой, съ расстравленнымъ сердцемъ и детьею домой скрыть отъ людей свое отчаяніе! — и вдругъ встрѣчаешь другую партію искателей. Люди съ довольными лицами,

съ радостными взглядами, съ веселыми пѣснями, безъ словъ говорятъ о неожиданномъ счастьи, которое нашъ Богъ послалъ, и наизменю поспатриваютъ на тѣхъ, кого Господь обошелъ благодатью и кто по пустому считался въ глубинѣ нашихъ сибирскихъ тѣсгъ. Сколько неудачный искатель неживетъ въ эти минуты! Сколько неудовольственное чувство стажанія и невольная зависть испортятъ кровь и затронутъ жолчи у несчастливаца, кажется, отъ природы независтливаго! Сколько длинныхъ обидныхъ покажется на голоѣхъ задорнаго упрямца! Онъ, какъ игрокъ, дѣйствуетъ на удачу и на счастье. Онъ входитъ въ азартъ; послѣднее состояніе, всю будущность свою ставитъ онъ на эту томительную ставку, которая день-за-днемъ, часъ-за-часомъ, минута-за-минуткой истощаетъ все его жизненныя и гарманныя силы. Онъ живетъ все время одной надеждой на скорѣе открытіе, летѣетъ безпрестанно одну мечту — найти богатую россыпь, вѣруеть постоянно въ это счастье, съ каждымъ итговеніемъ, шагъ за шагомъ все ближе и ближе къ нему подвигается, протагиваетъ уже къ нему руки — и вдругъ, съ послѣдней сумой ржаваго сухара или валеной говалины убѣждается, что надежда обманула, мечта исчезла, что счастья для него нѣтъ на свѣтѣ! Нѣтъ у человѣка ни россыпи, нѣтъ у него и денегъ, а есть только семья, мать, жена, дѣти, которыя требуютъ у него пищи и которыми онъ не можетъ дать ниущаго куска хлѣба, потому-что все проигралъ въ азартной игрѣ золотыхъ открытій!

— Но люди находятъ же россыпи? Вѣдь открываютъ же они новые присски? спросилъ я, выслушавъ іереміаду человѣка, который бы долженъ былъ поддерживать во мнѣ духъ искательства и надежду на будущее.

— И еще сколько! У насъ теперь нѣсколько тысячъ золотыхъ прискиновъ. А знаете ли, какъ ихъ обыкновенно открываютъ люди, безпрестанно твастающіе, что они обогащаютъ госу-

дарственную казну своими заслугами на поприщѣ золотопромышленности? Одинъ, дѣйствительный труженникъ, пойдетъ, тратить деньги десятками тысячъ, прокладываетъ тропинки и открываетъ россыпь. А за нимъ, между тѣмъ, слѣдуютъ десятки поисковыхъ партій другихъ хозяевъ; онѣ идутъ у него за хвостомъ, преслѣдуютъ его и только-что прослышать, что онъ нашолъ на золото — разомъ занимаютъ всю рѣчку и подають задки, не спрашиваясь хорошенько, есть ли тутъ именно золото. Они обманываютъ и себя и другихъ. Что жь это за открытие? въ чемъ тутъ заслуга? Честь тому, кто первый нашелъ особую россыпь, а кто такъ съ боку присосѣдился, за что тотъ раздѣляетъ съ настоящимъ открывателемъ всѣ выгоды богатства, если слѣбное счастье наведетъ его на хорошее мѣсто?

— Все же таки и этотъ человекъ такъ или иначе трудился; онъ тоже тратилъ огромныя суммы, ходилъ по тайгѣ, рисковалъ капиталами, жертвовалъ здоровьемъ и трудами...

— Бодьшая заслуга! Да вѣдь онъ вовсе не безкорыстно трудился. Почти безкорыстно трудился тотъ, кто, ища золото для себя, первый открывалъ государству новый источникъ богатства, кто первый, послѣ долгихъ исканій, открылъ новую россыпь, не зная напередъ, будетъ ли онъ такъ счастливъ, что ее откроетъ. А кто, какъ паукъ на орляномъ хвостѣ, завладелъ на этой россыпи приискомъ по слѣдамъ перваго открывателя, тотъ шелъ на чужое открытие, тотъ былъ на-вѣрняка.

— Не, иди по слѣдамъ перваго, второй могъ занять мѣсто вовсе безъ золота?

— Такъ! Но что жь изъ этого? Все-таки онъ шелъ по чужому слѣду и лишаетъ казну процентовъ, которые бы должны были принадлежать справедливо съ перваго открывателемъ.

— Да! вотъ къ чему рѣчь пришла. Но видите, когда этотъ случай уже въ виду, законъ увеличилъ подать съ

приискателей удерейскихъ россыпей. А я полагаю, что вы вовсе не хотите признавать подвиготъ и заслугъ всѣхъ золотопромышленниковъ вообще и каждого изъ нихъ въ-особенности...

— Даже кавалера Циварро!? перебилъ меня мой диспутантъ, упомянувъ имя рыцаря, слава котораго прогрямѣла отъ Охотска до Варшавы и отъ Дены до Невы. — Да! этотъ первооткрыватель великаго племени наѣхавшихъ къ намъ съ равнинныхъ степей искателей великихъ приключеній открылъ вѣдь много поучительнаго и ознаменовалъ себя основаніемъ новой науки — разводить прииски какъ цыплятъ и переводить къ себѣ съѣдское золото. Но Христосъ съ нимъ; оставимъ въ покоѣ этотъ живой пасквиль на великую отрасль народной промышленности! Жаль только, что нѣкоторые изъ нашей братьи стали во многомъ примѣръ съ него брать и открывать прииски способомъ, котораго никакіе положительные законы не могутъ предвидѣть и преслѣдовать. На примѣръ: положимъ, вы, да я — оба мы золотопромышленники и оба другъ другу свои люди. Мы знаемъ, что, по закону у одного хозяина не должно быть двухъ приисковъ сряду. Знаемъ и то, что lika бѣда найти одинъ приискъ, другіе рядомъ будутъ почти непремѣнно. Вотъ мы и сооружаемъ партію и мыслиаемъ ее съ двумя или съ однимъ прикащикомъ, который отъ каждаго изъ насъ имѣетъ по особой довѣренности. — Самъ ли собой, или по слѣдамъ другихъ добрыхъ людей, прикащикъ, положимъ, откроетъ намъ богатую рѣчку. Эту рѣчку онъ раздѣляетъ на пятиверстныя участки. Первый участокъ онъ, на основаніи моей довѣренности, завладеетъ на мое имя, второй, слѣдующій — на ваше, потому-что вы тоже дали ему довѣренность; третій тутъ же — опять на мое имя; четвертый опять на ваше, и такъ далѣе, пока отъ устья рѣчки не дойдеть до ея вершинъ и не присвоятъ всѣхъ залегающихъ тутъ исковъ и маленькаго ключиковъ. Что партія была у насъ

общая, объ этомъ никто не узнаеть, потому-что по официальнымъ документамъ она раздѣлена будетъ на участки: Иванъ, Сидоръ и Карпъ — мои рабоче; Кузьма, Фома и Ерешъ ваши. А между собой-то мы ужь сдѣлаемъ сдѣлку! Заберемъ въ руки всю рѣчку, дружно раздѣлимъ всѣ барыши по поламъ и оградимъ себя отъ взаимнаго обмана и отъ законнаго преслѣдованія такими документами, что никакой опытный крючокъ не откроетъ нашей стачки.

Раздѣляя вполне предубѣжденіа своего собесѣдника противъ подобнаго рода открытій, а съ другой стороны приписывая, между прочимъ, и расположеніе присковъ тому, что у насъ до сихъ поръ, по новости дѣла, невозможно еще требовать отъ частныхъ золотопромышленниковъ открытіа единственно новыхъ золотыхъ россыпей, потому-что и законъ дозволяетъ заявку однихъ «присковъ» (которые и донынѣ многими все еще употребляются безразлично въ одномъ значеніи съ «россыпями», тогда-какъ это только часть цѣлаго)—мы расскажемъ теперь о томъ, какимъ образомъ, въ дремучихъ лѣсахъ, удаленныхъ, по-видимому, отъ надзора всякой власти, выпѣ ограждаются права золотопромышленниковъ на открытые ими приски. Что жъ касается до того, какая россыпь и гдѣ именно изъ частныхъ лицъ открыта — объ этомъ мы не упустимъ передать въ одной изъ слѣдующихъ статей, если не о каждой россыпи въ особенности, по крайней-мѣрѣ о значительнѣйшихъ изъ нихъ.

Предводителю поисковой партіи, много самъ золотопромышленникъ, чаще всего его управляющій, или еще чаще простой прикащикъ, весьма рѣдко, почти-никогда незнакомые ни съ геологіей, ни съ геогнозіей, въ открытіяхъ своихъ руководствуются однимъ темнымъ нагляднымъ признакомъ, которые, по ихъ понятію, всегда сопутствуютъ вѣстонахожденію золотыхъ россыпей. Равлоны горъ, широта долины, каменистое

дно протекающей по ней рѣчки, наружный видъ горныхъ породъ по осыпанъ утесовъ, вулканическія произведенія, повсюду разбросанныя по окружающей мѣстности, старое ложе потока, высохшаго или пробившаго себѣ новое русло, наконецъ, и весьма часто, особенный инстинктъ удачи — всеялютъ въ искателя увѣренность и убѣжденіе, что эта мѣстность не должна оставаться безъ изслѣдованія. Онъ ясно видитъ, что здѣсь россыпь; но тайный голосъ, безотчетно основанный на видимыхъ предметахъ, шепчетъ ему: бей тутъ шурѣ! это россыпь не простая, какихъ вездѣ много; это золотая россыпь!

Послушавшись своего тайного голоса и избравъ для изслѣдованій какую-нибудь рѣчку, предводитель поисковой партіи, твердо памятуя правила, которые въ этомъ случаѣ имѣютъ свое приженіе, что *res nullius primo occupandi* и что *non bis in eodem*, — обязанъ выйти долину на пространство пяти верствъ въ длину и ста сажень въ ширину, и высмотрѣть всю мѣстность, чтобъ убѣдиться, что онъ пришелъ на дѣйствительную рѣчку и что до него никто не водружалъ здѣсь дрѣва собственности или заявочнаго столба. Нынѣче, въ слѣдствіе вновь-вышедшаго закона объ остаткахъ, искатель долженъ обокрѣть долину на семь верствъ.

Обезпечивъ себя съ этой стороны, искатель велитъ ударить шурѣ, и если, при промывкѣ изъ него песковъ, на вашгертъ останется хоть одна золотинка, какъ доказательство присутствія здѣсь россыпи, открыватель приступаетъ къ исполненію принятыхъ формальностей и обрядовъ, которые одни, какъ живые караульщики, охраняютъ права его. Съ близстоящаго дерева онъ стѣсываетъ кору, сверху дѣлаетъ широкій вырубъ и пишетъ тутъ карандашомъ «начальный пунктъ приска, принадлежащаго такому-то, открытъ тогда-то». Имя и фамилія хозяина обозначаются одними заглавными литерами, которые, вмѣстѣ

съ цѣрами года, мѣсяца и числа, должны быть непремѣнно вырѣзаны.

Оградить такимъ-образомъ свое право на цѣлыя пять верстъ, считая ихъ отъ данной точки, по обычаю, освященному уже закономъ, всегда вверхъ по теченію—отъ занятія именно этой мѣстности другими искателями, которые могли бы прійти сюда послѣ счастливаго первенца, открыватель обязанъ на пространствѣ этихъ пяти верстъ сдѣлать не менѣ десяти шурфовъ опредѣленной величины—не менѣ трехъ аршинъ въ длину и двухъ аршинъ въ ширину, и непремѣнно пробить ихъ колодеземъ во всю глубину до почвеннаго камня. Не надобно, однакожъ, предполагать, чтобъ это была бездонная пропасть: обыкновенно въ рощахъ, золотыхъ или простыхъ, почвенный камень встрѣчается въ трехъ и не далѣе, какъ въ шести-семи аршинахъ отъ поверхности; о двадцати-аршинныхъ шурфахъ или шахтахъ по маленькой рѣчкѣ говорить, какъ объ исключеніи изъ общаго правила. Наконецъ, у послѣдняго, десятиаго шурфа, открыватель опять дѣлаетъ столбъ и по стесанному пишесть: окончательный пунктъ примѣка, открытаго такимъ-то тогда-то.

Если, занимаясь изслѣдованіемъ, открыватель, идя далѣе вверхъ по теченію, убѣдится, что золотосодержащія пласты за окончательнымъ пунктомъ богаче, нежели въ той мѣстности, которою онъ самъ себя ограничилъ—онъ имѣетъ полное право перенести свой «начальный пунктъ» туда, гдѣ ему покажется выгода; его составить, и такимъ-образомъ замѣнить одну мѣстность другою, равняется, въ томъ только случаѣ, когда ищешь избранная мѣстность не занята кѣмъ-нибудь другимъ.

Изъ заключеніе всего, онъ спѣшитъ заявить въ земскомъ судѣ о своемъ открытій, подавъ объявленіе, въ которомъ долженъ самымъ яснымъ и положительнымъ образомъ описать: изъ сколькихъ человекъ состояла его партія, откуда каждый изъ нихъ пригвоздъ,

по какому именно виду или паспорту былъ нанятъ въ работы, когда партія пришла на открытую рѣчку, какъ широка эта рѣчка противъ каждаго шурфа, какими особенностями и въ какомъ именно мѣстѣ замѣчательна долина, какъ велика толщина турфа и золото-содержащаго пласта въ каждомъ изъ десяти шурфовъ, сколько въ каждомъ изъ нихъ промыто ведеръ (пудовъ) песка и сколько изъ каждаго шурфа добыто золота.

При соблюденіи этихъ условій, право золотопромышленника на добычу золота изъ «прискааннаго» изъ мѣста по «розыскамъ»—неотъемлемо; но за это право разработки и добычи казеннаго имущества въ свою пользу, промышленникъ платитъ казнѣ подать, равную 15, 20 или 24 процентамъ всего количества добытаго тутъ золота. У насъ гер nullius не существуетъ, и все, что не принадлежитъ исключительно кому-нибудь въ частности, составляетъ собственность казны.

Если тайный голосъ напрасно шепталъ предводителю поисковой партіи, если добычи изъ шурфовъ пріизвели изъ неутѣшительному результату, то-есть, что розыскъ оказывалась или вовсе пустою, или очень бѣдною своимъ золотомъ, то на волю изслѣдователя предоставляется объ этомъ пустомъ открытій заявить правительству, или не заявить; но въ послѣднемъ случаѣ открыватель обязанъ оба сдѣланные имъ столба срубить непремѣнно, чтобъ не возмечъ кого-либо въ недоразумѣніе о томъ, что это чужой, завлеченный уже приискъ, и что тутъ нечего искать счастья. И это, такъ-сказать, уничтоженіе сомнѣній тѣмъ болѣе необходимо, что на брошенной мѣстности одинъ промышленникомъ поничтоженнымъ признакамъ золота, другой открывалъ значительное богатство. Признакамъ на дѣлается обыкновенно содержание во стѣ пудахъ песка менѣ $\frac{1}{4}$ золотника золота; но при существующей въ Сибирѣ дороговизнѣ въ иныхъ мѣсткахъ, при извѣстныхъ условіяхъ, и двѣ ух-золотниковое содержаніе прину-

жлены почитать «признаками», потому что расходы на добычу не могут приносить ожидаемых барышей.

Прискъ, заявленный правительству, но брошенный владѣльцемъ безъ вниманія до какихъ бы то ни было причинъ, такимъ образомъ, что нарушеніемъ извѣстныхъ условій промышленникъ потерялъ на него «право пользования», а не «права собственности полной», котораго золотопромышленникъ не имѣетъ — такой прискъ поступаетъ въ разрядъ *тунележащихъ* присконъ, которые раздаются отъ казны кому угодно изъ золотопромышленниковъ для разработки за усиленную двадцати-четыре-процентную подать.

Въ ожиданіи отвода площади, то есть, того времени, когда владѣлецъ можетъ распорядиться добычею на прискѣ золота въ большихъ размѣрахъ по своему благоусмотрѣнію — золотопромышленникъ, зная, что его залочные шурфы вовсе не могутъ служить основаніемъ для опредѣленія относительнаго богатства его приска въ будущемъ, первый работы свои употребляетъ на то, чтобы звать приближительно, чего ему ожидать впередъ. Для этого онъ предпринимаетъ развѣдку приска, начиная съ нижней границы его, съ начальнаго пункта. Работу эту онъ производитъ узенькими канавками вдоль и поперекъ приска, или идетъ шурфами, перекрещивая всю мѣстность ямами въ шахматы, чтобы въ послѣдствіи не ошибиться въ расчетѣ, зная точное направленіе золотой россыпи и зная пустыл мѣста, гдѣ золота нѣтъ и гдѣ онъ уже устроиваетъ постоянныя помѣщенія.

Хорошая, дѣльная развѣдка, не на авось и не на какъ-нибудь, весьма-важная вещь для каждаго золотопромышленника, потому что отъ точности ея въ началѣ зависитъ все будущее благосостояніе хозяина. Мы будемъ постоянно употреблять это слово въ смыслѣ «пользователя» или «временнаго владѣльца приска, который *de jure* и *de facto* — есть собственность казны, а

de jure — составляетъ, на время разработки, — движимое имущество промышленника (6).]

Золотая россыпь идетъ не по всей ширинѣ площади приска, какъ полагаютъ многіе, кому это дѣло не вполнѣ знакомо, а узкою струею, и не по прямой линіи, а разнообразными изворотами и не всегда въ одинаковомъ, равнобѣрномъ отношеніи къ массѣ песковъ, въ которыхъ она сокрыта. Въ одномъ мѣстѣ направленія россыпи — скопленіе золотянокъ бѣдно, въ другомъ, оно богато, въ третьемъ, золота вовсе нѣтъ; наконецъ, есть мѣстности, гдѣ золотосодержащіе пески залегаютъ гнѣздами, такъ что нѣсколько небольшихъ участковъ приска заключаютъ въ себѣ богатое скопленіе золотыхъ частицъ, все же остальное пространство покрыто пустыми песками. Отъискать направленіе золотой струи и звать навѣрное, гдѣ именно золото бѣднѣе и гдѣ богаче — это и составляетъ предметъ развѣдки.

Въ доказательство важности внимательной шурфовки и въ предостереженіе иныхъ хозяевъ отъ неприятныхъ послѣдствій, можно привести безлчу примѣровъ; но мы расскажем только два случая, совершенно однихъ другому противоположные.

Одинъ, кажется, не изъ любителей все дѣлать на авось да какъ-нибудь, приступивъ къ шурфовкѣ открытаго имъ приска, былъ обрадованъ чрезвычайно-богатымъ содержаніемъ золота въ первомъ шурфѣ. Онъ началъ бить другой — тамъ то же обиліе золота. Онъ заложилъ третій шурфъ — въ немъ пласть былъ еще богаче. Четвертый, пятый и шестой шурфы вблизи счастливому хозяину въ голову мысль, что въ его прискѣ столько золота, что его надобно просто загребать руками. Вполнѣ-довольный своими успѣхами владѣлецъ прекратилъ дальнѣйшее изслѣдованіе и не хотѣлъ слушать ш-

(6) Ст. 371, 374 и 392 Св. Зак. Гражд. Т. X, изд. 1842 г. и 2343 и 2374 Св. Зак. Уск. Горн. Т. VII, изд. 1843 г.

какихъ совѣтовъ прикащика, который убѣждалъ его не слишкомъ довѣрять такой находкѣ. Вѣра въ милліоны, которыми приискъ былъ набитъ, промышленникъ приступилъ къ различнымъ постройкамъ, нанявобвалъ въ работу до пятисотъ человекъ рабочихъ, озадачивъ ихъ большими купами, закупилъ сотни лошадей, заготовилъ весь провіантъ и фуражъ на годовое продовольствіе и снабдилъ себя всѣмъ необходимымъ, даже излишнимъ. — Что жъ открылось при дѣйствительной разработкѣ? Что первоначальными шурфами онъ напалъ именно на гѣбада золота, и что, кромѣ нѣсколькихъ десятковъ фунтовъ — золота не было болѣе ни верна! Ожидаемые милліоны канули въ вѣчность, а сотни тысячъ, которыя употребилъ промышленникъ на свои издержки, погибли безвозвратно. «Жалкій случай! Несчастіе! Судьба!» жалуется несчастный, не ставя ни во что собственную олошность.

Другой примѣръ.

Въ одной компаніи было три товарища. Послали они прикащика въ розыски. Прикащикъ нашелъ имъ росысь, срисовалъ имъ плавъ теченія рѣчки, обозначилъ тѣ мѣста, гдѣ у него были шурфы, и, въ доказательство благонадежности своего открытія, представилъ имъ, какъ водится, пробы, то-есть, всѣ верна золота, которыя онъ получилъ изъ шурфовъ. Приискъ по пробамъ дѣйствительно былъ очень-богатъ, а честность прикащика не была подвержена ни малѣйшему сомнѣнію. Къ огорченію хозяевъ, услужливый прикащикъ вскорѣ умеръ. На слѣдующее лѣто компанія назначила развѣдку, распоряженіе которою принялъ на себя одинъ изъ хозяевъ. Можно вообразить себѣ его ужасъ, когда, пробившись цѣлое лѣто надъ проведеніемъ канавъ, штрековъ и тому-подобныхъ хитростей и не успѣвъ во многихъ мѣстахъ хорошенько пробить всѣ пески до твердой породы, довѣренный товарищъ узналъ, что приискъ такъ бѣденъ, что при

обыкновенной въ Сибири дороговизнѣ припасовъ, особенно въ отдаленныхъ предѣлахъ тайги, куда доставка обходится въ невѣроятную для насъ, петербургскихъ жителей, цѣну, его нельзя было съ выгодой разработывать. Компаньоны стали въ тупикъ, не зная что и придумать. Но такъ-какъ денегъ было довольно потрачено, а разница въ результатахъ какого-го года была слишкомъ-велика, то и рѣшили, чтобъ на третье лѣто послать на приискъ удвоенную партію, перерѣзать его по всѣмъ направленіямъ и, во что бы ни стало, добить до почвенного камня непремѣнно. «По-крайней-мѣрѣ» говорили они: «одинъ конецъ будетъ—или панъ, или пропасть!»

Удвоенная партія потребовала удвоенныхъ суммъ на расходы.

Товарищъ, убѣжденный въ безтолковой настойчивости и въ напрасной тратѣ, не хотѣлъ бросить деньги попустому.

Между товарищами завязался споръ. Одна сторона хотѣла непремѣнно поставить на своемъ, упираясь на то, что, потративъ дважды огромныя суммы на открытіе прииска и потомъ на его расшурфовку, не основательно было бы бросить дѣло въ то время, когда стоишь на распутии и не знаешь хорошенько, впередъ ли идти, или назадъ воротиться, а между-тѣмъ, колеблясь сомнѣніемъ, видя, что шурфовка шла не совсемъ-удачно и не совсемъ даже старательно, потому-что тутъ или тамъ были явныя упущенія.

Другая сторона, то-есть, третій товарищъ, не хотѣлъ уступить ни шагу передъ двумя другими, убѣждая ихъ согласиться наконецъ съ нимъ, что онъ самъ былъ на мѣстѣ, самъ онъ такой же хозяинъ, какъ и другіе, что у него нѣтъ никакихъ уважительныхъ причинъ не желать добра самому-себѣ, и что если были кой-какія упущенія, то они такъ мелки и ничтожны, что о нихъ не стѣбитъ и толковать, а не то, чтобъ жертвовать изъ-за нихъ огромными суммами, особенно, когда знаешь, что это ни къ чему не поведетъ.

Различныхъ мѣстѣ никакъ нельзя было согласить. Оставалось одно средство: расчитаться и разойтись.

Въ компаніи, вмѣсто трехъ, оставалось только два товарища. Третій подписалъ документъ такого содержания, что, не участвуя болѣе въ такой-то компаніи, онъ отстраняетъ отъ себя всѣ издержки, которые могли бы падать на его часть въ случаѣ общихъ потерь компаніи, а съ другой стороны отчуждаетъ отъ себя всякое право на барыши, еслибы они приходились на его долю, въ случаѣ выгоднаго развитія компанейской операціи.

Вновь-сформированная шурфовочная партія двухъ хозяевъ отправилась на присскъ, повела дѣло рѣшительно, на задолжніе воды не жаловалась, всѣ планы прошла до почвеннаго камня и доказала существованіе здѣсь одной изъ богатѣйшихъ росыпей.

Говорятъ, что отступившійся отъ дѣла участникъ почелъ себя оскорбленнымъ этою шуткою, привязался къ какой-то формальности, упущенной изъ вида при составленіи акта отреченія, и затѣлъ съ прежними товарищами продолжительный процессъ. Впрочемъ, новый маленький фонтенблосскій герой тоже потерялъ свое затерлооское дѣло.

Приступая къ работамъ, золотопромышленники заботятся объ обезпеченіи себя во всѣхъ возможныхъ потребностяхъ. Жителя присска нельзя сравнить ни съ какими степными, удаленными въ глушь помѣщикамъ. У этого есть, по-крайней-мѣрѣ, своя хата, растетъ свой хлѣбъ, пасутся свои стада, есть на-готовѣ почти все свое, что нужно для потребленія непряхотливаго человѣка. У золотопромышленника ровно ничего нѣтъ; онъ долженъ за одинъ разъ запаснись издали всѣмъ, что нужно для него лично, какъ для человѣка, что необходимо имѣть ему, какъ заводчику, и что можетъ быть потребно для временныхъ обитателей его присска. Начиная съ шампанскаго, которымъ онъ считаетъ себя обязаннымъ поижить европейскій вкусъ почет-

ныхъ своихъ гостей, до соли, необходимой всѣмъ въ пищу, отъ трюфеля до чернаго сухаря, отъ бархата до каната, отъ серебрянаго сервиза до простой хлѣбальной деревянной ложки, отъ наковальни до иглолки, отъ шелка до свиной щетины — все, даже сѣно должно быть имъ заранее закуплено и запасено. Провіантъ, фуражъ, колониальные товары, многообразныя орудія для собственно-золотаго производства, инструменты плотничные, кузнечные, столярные, разные предметы, которые трудно подвести подъ какую-нибудь категорію, посуда, стекло, свѣчи, всѣ принадлежности хозяйства, наконецъ, такъ-называемыя товарныя вещи для обуви и для одежды, однимъ словомъ, все, что только можетъ понадобиться — все должно быть на присскѣ, всѣмъ должно разсчитливо наполнить амбары. Все это закупается въ разныхъ мѣстахъ, везется по дорогамъ, сплавляется по рѣкамъ и стремится въ резиденціи, откуда отправляется на присскъ.

На присскахъ въ это время кипитъ жизнь. Одни срубаютъ въковыя деревья; другіе срубаютъ сучья и отвозятъ сулуги на пильню, третьи строятъ дома; четвертые готовятъ все нужное для фабрики. Здѣсь шурфуютъ, тамъ отводятъ рѣчку въ сторону, тутъ записываютъ разную кладъ въ книги, въ иномъ мѣстѣ солить говядину, тутъ изъ холста шьютъ куди (шѣпки), тамъ подковываютъ лошадей, въ конторѣ расчитываются съ возчиками, на кухнѣ готовятъ въ огромныхъ котлахъ пищу, въ кузницѣ работаютъ разные подѣльи — и работа каждого строго усчитывается, контролируется, проверяется съ заданнымъ урокомъ, отмѣчается письменно въ ежедневномъ журналѣ.

Возвратившись на гостепріимный присскъ, я занялся его обозрѣніемъ.

На этомъ присскѣ я увидѣлъ хорошій домъ для хозяина, порядочныя избы для прикащиковъ, конюшни, амбары, фабрику и другія строенія. Не надобно, однакожъ, предполагать,

чтобъ это были званія — все капиталныя. Совѣтъ итъ: фабрику можно было легко разобрать и перевезти на другой приискъ, а прочія строения сдѣланы на живую нитку и приведены въ близкое соотношеніе съ природою, не хуже нашихъ петербургскихъ загородныхъ дачъ, гдѣ въ комнатахъ грибы растутъ. Шелъ ли дождь на чистомъ воздухѣ, гуаѣли ли съ порывомъ вѣтры въ горахъ — въ то же время и въ домахъ шелъ дождь и вѣтеръ свистѣлъ въ стѣны хоромины. Избушки рабочихъ были маленькія, неуклюжія кѣтки, кое-какъ сложенные изъ разнокалибернаго лѣса, который росъ кругомъ и былъ близко, подъ рукою. Конечно — зимой жить въ этихъ канурахъ не было никакой возможности, но для лѣта — это все-таки было жилище, болѣе-удобное для крова, чѣмъ рогоженныя шалаши, въ которыхъ обыкновенно укрываются наши великороссійскіе крестьяне во время сѣнокоса.

Приискъ былъ населенъ сотней-другой наемныхъ людей, большею частію изъ ссыльнопоселенцевъ. Тутъ былъ, впрочемъ, всякій сбродъ всѣхъ возможныхъ сословій; но они не имѣли тутъ постоянной осѣлости и въ сентябрѣ мѣсяцѣ расходились по домамъ. На приискѣ остаются только караульщики, рѣдко десятковъ-другой рабочихъ для перевозки тяжести изъ ревиденціи и еще рѣже небольшое количество народа для зимнихъ работъ. Вотъ и все население прииска. На слѣдующее лѣто, если будетъ работа, придутъ другіе рабочіе и опять въ сентябрѣ разойдутся по своимъ деревнямъ.

— Ну! не важна же у васъ дорога и не надежная осѣлость рабочихъ! замѣтилъ я управляющему, припомнивъ горделивые возгласы поклонниковъ золотопромышленности о тѣхъ сердце-радующихъ результатахъ, которыми эта заманчивая отрасль облагодѣтельствовала всю страну.

— Чтò жъ намъ дѣлать-то! возразилъ управляющій: — или обдѣлывать дор-

ги, или добывать золото! Гдѣ есть возможность и случай соединить то и другое вмѣстѣ, тамъ мы и соединимъ. Посмотрите вы на томскую тайгу: изъ конца въ конецъ можно почти всю ее въ легкомъ тарантасѣ съ грѣхомъ пополамъ проѣхать, въ немногихъ развѣ мѣстахъ рискуя сломить себѣ шею, и то если только днемъ ѣхать. Но и это слишкомъ-важный шагъ къ усовершенствованію! А отъ-чего такая благодать? Отъ-того, что прииски тамъ гораздо-раньше открыты; тайга не обширна; люди дешевы; подвозъ недалекъ; сообщенія чаще; грунтъ земли крѣпче; надзоръ ближе и строже. А въ другихъ мѣстахъ прииски гораздо-позже открыты, болота встрѣчаются безпрестанно; тайга необъятна; пунктовъ соединенія мало: тутъ обдѣлывать дороги выше силъ человѣческихъ. И надо вамъ замѣтить: что если мы и обдѣлываемъ дороги, такъ это не для того, чтò у васъ называется «общемою потребностію», а для того, что намъ, именно мыѣ, это необходимо, чтобъ провозъ для меня обошелся ближе и дешевле; до другихъ какое миѣ дѣло! Вотъ я вамъ скажу, какой былъ у насъ случай. Горный исправникъ послалъ къ одному довѣренному (7) бумажку, какъ онъ называлъ — предписаніе, а, какъ мы полагаемъ — такъ отношеніе. И пишетъ: черезъ вашъ, молъ, приискъ проѣзжая дорога для всѣхъ; такъ не угодно ли, говорить, вамъ будетъ по долгу христіанскому и по любви къ ближнему, въ такомъ-то мѣстѣ на трясину наиниуть мостокъ, да хоть маленьчю обдѣлать тропу? а то намедни я проѣзжалъ —

(7) Вотъ итъ что въ родѣ іерархіи присковаго люда: хозяинъ, главноуправляющій, упрядяющій, становой, довѣренный, коммисіонеръ «по особымъ порученіямъ» (повѣренный только у откупщиковъ бываетъ), кассиръ, бухгалтеръ, прикащикъ по наемкѣ и закупамъ, матеріальный, просто прикащикъ, смотритель, служитель, штейгеръ, нарядчикъ, староста, десятскій, конюхъ и простыя рабочіе съ многочисленными подраздѣленіями.

чуть-чуть самъ не убился, а лошадь выше брюха заваяла — тутъ и пропала. А довѣренный и отвѣчаетъ: на предписаніе, говорить, вашего высокогородія, свѣшу увѣдомить, что у меня народу, какъ вамъ извѣстно, очень мало, такъ-что если я людей своихъ пушу на дорогу, то останусь безъ золота и разорюсь убытками; да къ-тому жь по этой, говорить, дорогѣ хозяева наши сами не ѣдятъ, а коли я когда вдуваю поѣхать, такъ меня авось Господь и помилуетъ.

— А осѣдлость?—ровно никакой?

— Да изъ чего жь тутъ осѣдлости-то быть? Мы и сами не знаемъ, будетъ ли у насъ на пребудущее лѣто работа и нужно ли тогда нанимать рабочихъ: у инаго пріискъ не расшурфованъ, а у инаго случится, что компанія не вышлетъ денегъ на будущее производство. Осѣдлость на мѣстѣ однихъ и тѣхъ же людей и лѣтомъ и зимою есть очень у немногихъ: у Разановыхъ, у Казанцова, у Зотова, у Асташова, у нѣкоторыхъ другихъ, гдѣ люди и зимой работаютъ. А у насъ... слава-те Господи, что изъ людей никто не жалуется, что ему лѣтомъ жить вѣдѣ: ни на одномъ пріискѣ вы не найдете ни одного чело-вѣка, который не имѣлъ бы надежнаго крова отъ сырости и непогоды. Для этого мы даемъ людямъ, по приходѣ ихъ на пріискъ, по три дня на собственныя ихъ нужды, не требуемъ отъ нихъ въ это время пріисковыхъ работъ, а кормимъ и поимъ ихъ даромъ. А это въ массѣ чего-нибудь очень ст-итъ, особенно если вы прибавите сюда и прокормъ народа во все время переходовъ его по тайгѣ. Люди въ это время строятъ себѣ избушки или каждый для себя, или чело-вѣка два-три вмѣстѣ общими силами. Разница между нашими избушками и вашими будками только та, что послѣднія красивы, удобны и крѣпки, а въ избушки со всѣхъ сторонъ вѣтеръ дуетъ.

— Говорятъ, что на пріискахъ двѣнадцать рабочихъ лѣтъ равны только четверемъ годамъ обыкновеннымъ. Скажите, правда ли это? По-крайней-

мѣрѣ, это напечатано, и публика въ этомъ увѣрена.

— Сказать, что это истинная правда, я не смѣю, потому-что въ подобномъ отвѣтѣ будетъ скрываться явная несправедливость и высшая неблагодарность къ щедротамъ правительства, которое милостиво раздаетъ намъ пріиски на двѣнадцать лѣтъ обыкновенныхъ. А основаніе отвѣчать такъ — есть, потому-что большинство золотопромышленниковъ работаетъ только четыре мѣсяца въ году, а на остальные-то восемь мѣсяцовъ у него не хватаетъ ни капитала, ни обследованной мѣстности, которая, впрочемъ, тотъ же капиталъ. Вѣдь золотопромышленность — это такого рода промышленность, къ которой можно примѣнять пословицу: куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней. Большинство участниковъ въ дѣлахъ этого рода стараются вести свои операціи, что называется, на фую — извините меня за это слово, а оно тутъ у мѣста: отъ того у нихъ весь годъ и состоитъ изъ четырехъ мѣсяцевъ. А посмотрите вы на настоящаго золотопромышленника, на капиталиста, который питаетъ уваженіе и къ своему званію и къ тому дѣлу, которое дало ему вѣсь на семь свѣтѣ — у того дѣла иначе ведутся. Если золотопромышленникъ — хорошій хозяинъ, если пріискъ его благонадеженъ и предварительно хорошо расшурфованъ; если онъ надлежащимъ образомъ озаботится о контрактационіи къ себѣ надлежащаго количества рабочихъ, если онъ дастъ имъ крѣпкое, надежное, приличное помѣщеніе — хоть одну общую казарму, вмѣсто сотни жалкихъ лачугъ, если, наконецъ, у него устроена будетъ теплая промывальня для сохраненія здоровья людей — словомъ, если онъ самъ захочетъ — его двѣнадцать рабочихъ лѣтъ — равны будутъ ровно двѣнадцати годамъ такимъ же, какъ у всѣхъ православныхъ. Чего все это будетъ стоить? — это другой вопросъ. Этими-то вопросомъ и выскажется золотопромышленникъ весь, каковъ онъ есть въ-самомъ-

дѣлѣ съ его желаніемъ пожать тамъ, идѣ же не сѣлѣ.

— Но вы сами? спросилъ я, будучи пораженъ такою откровенностію. — Вы, по-видимому, говорите совершенно противное тому, что я вижу у васъ на приискѣ?

— Я вамъ говорю одно, такъ, какъ самъ думаю, а дѣлаю другое, потому что обстоятельства меня принуждаютъ такъ дѣлать. У насъ съ хозяиномъ нѣтъ большаго капитала: хозяинъ всю жизнь провелъ въ лавкѣ, гдѣ сколотился немножко деньжонками и пустился въ прииски; я лучшіе годы жизни просидѣлъ за протоколами да за резолюціями: значить, не могъ имѣть за душой ни копейки! Золотыя дѣлишки наши были сперва маленькія, ничтожныя. Теперь Господь благословилъ насъ, и мы можемъ расширить кругъ приисковыхъ работъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы и сами начинаемъ жить шире и потребности, о которыхъ мы прежде не имѣли никакого понятія, являются теперь къ намъ гурьбой. И домикъ надобно; въ домѣ надо мѣбель; безъ хорошаго повара житье стало плохое на свѣтѣ; къ хорошему столу надо вино; выѣхать въ люди — надо лошадокъ, экипажъ, порядочный гардеробъ... А тамъ и пошло! и пошло! такъ-что на прииски-то удѣлить почти и вѣчего!

На приискѣ меня поразила та заботливость, которою золотопромышленники окружаютъ своихъ рабочихъ. Каждый изъ нихъ получаетъ значительное жалованье отъ 3 руб. 50 коп. до 7 и до 10 руб. сер. въ мѣсяцъ, смотря по трудности и качеству работы. Плотникъ, промывальщикъ, кузнецъ, коноваль, хлѣбопекъ, конюхъ, нарядчикъ при работахъ обладаютъ спеціальными познаніями своего предмета и составляютъ, такъ-сказать, аристократію рабочихъ, принимая, вмѣстѣ съ прикащиками, служителями и штейгерами, всегда сторону хозяевъ. Пробойщики, забойщики и люди, командированные на шурфы и другія тяжелыя работы, отличаются неутомимостью,

железными здоровьемъ, тѣлесною силою, вѣсомъ въ кругу товарищей и вліаніемъ своимъ на всю массу рабочихъ. Это чистые демократы, готовые вспыхнуть какъ порохъ отъ первой неосторожной искры и явной несправедливости. Прочая сволочъ — партія умѣренныхъ, пристающая всегда къ той сторонѣ, которая сильнѣе. Первые два разряда получаютъ высшую плату. Люди, обладающіе особенными къ чему-нибудь талантами — получаютъ даже слишкомъ-большое жалованье. Я зналъ рабочихъ, то-есть, не совсѣмъ рабочихъ, а лица изъ разряда ссыльнопоселенцевъ, которые получали отъ одной до трехъ тысячъ рублей ассигнаціями жалованья при всемъ готовомъ содержаніи. Хотя немногіе, однакожъ есть люди изъ того же числа, которые приобрѣли правилами новой своей жизни такое участіе и довѣріе къ чистотѣ ихъ дѣйствій, что имъ даютъ порученія, въ которыхъ на инаго изъ обыкновенныхъ людей не всегда положишься. Но все это не то, чего ожидаешь отъ поселенца. Хлѣбопашество они бросили, сдѣлались бездомными; привязанности къ новому пещищу нѣтъ; соблазновъ много: правда, ссыльный здѣсь уже не негодяй: онъ работникъ, и хороший работникъ; но, трудясь полгода золотопромышленнику, — остальные полгода онъ трудится винному откупщику!

Что касается собственно до содержанія рабочихъ, то каждому изъ нихъ положенъ опредѣленный паѣкъ: печеннаго хлѣба и квасу столько, сколько человѣкъ можетъ погребить, что составляетъ круглымъ числомъ два съ половиною пуда муки въ мѣсяцъ на человѣка, включая сюда же расходъ на гостей, волею или неволею посѣщающихъ попавшійся на дорогѣ приискъ, владѣлецъ котораго, по обычаю, имѣющему силу закона, ставитъ себѣ въ обязанность накормить и напоить прохожаго. Кромѣ того, всякій рабочий получаетъ свѣжей говядины, или солонины, или вяленаго мяса по одному фунту въ день и, въ добавокъ, нужно

количество соли, крупъ на кашу и для мяса масла. Дѣйствительно ли рабочій состоитъ на работѣ, съ позволенія ли управляющаго пользуется отдыхомъ, боленъ ли онъ, или самовольно вздумалъ прогулять нѣсколько дней — во всякомъ случаѣ паёкъ идетъ ему неизмѣнно. Можно безъ записки сказать, что народъ въ артели ѣсть не только весьма-сытно, но еще и очень-вкусно. Инымъ, смотря по важности возложенной на нихъ должности, по усиленному труду, или по особенному аппетиту, паёкъ этотъ увеличивается въ полтора и въ два раза. Для постныхъ дней, для немногочисленныхъ охотниковъ, козлева запасаются другими припасами и выдачу мяса замѣняютъ по возможности выдачею картофеля, постнаго масла, капусты и гороха.

Вино на пріискахъ не вездѣ бываетъ; въ послѣдніе годы, кажется, всюду, ввозъ хлѣбнаго вина на пріиски, даже для раздачи порцій рабочимъ, запрещенъ мѣстнымъ начальствомъ, съ цѣлію не подавать повода, подъ видомъ даровой раздачи порцій, продавать вино рабочимъ. Распоряженіе это, не для всѣхъ пріятное въ одномъ отношеніи, то-есть, на счетъ подкрѣпленія силъ рабочаго, изнуреннаго тягостными трудами во всегдашней сырости, имѣетъ съ другой стороны самыя благодѣтельныя послѣдствія: народъ, разумѣется, рабочій, всегда трезвъ и не выходитъ изъ повиновенія.

Однакожь, и тутъ не проходитъ безъ попопозволенія къ тайному провозу вина на пріиски: въ зимовьяхъ, чрезъ которыя проходятъ рабочіе къ мѣсту назначенія, не разъ казаки или доверенные исправникомъ служителя брали въ плѣнъ контрабандистовъ, придумывавшихъ особеннаго вида желѣзныя виѣстительныя посудины, весьма-удобныя для сокрытія тайно-провозимой драгоценности въ шараварахъ, на груди, или подъ-мышками. Въ-отношеніи къ простымъ рабочимъ надзоръ за этицъ очень строгъ. Что

жь касается до другихъ лицъ, то трудно найти хотя одинъ пріискъ, гдѣ бы въ конторѣ или амбарахъ подъ замкомъ матеріальнаго не хранилось нѣсколькихъ ведеръ хлѣбнаго вина. И угладѣть трудно — и нѣтъ надобности преслѣдовать людей, которые, по чувству долга, не доводятъ себя неприличнаго поступка.

Для удовлетворенія многообразныхъ нуждъ пріисковыхъ обитателей, на каждомъ пріискѣ устроиваются магазины, изъ которыхъ, въ счетъ платы, продаютъ прикащикамъ и рабочимъ равныя предметы, необходимые для каждаго. Разумѣется, просьба рабочаго о выдачѣ ему не-киричнаго чая, бархата или другихъ предметовъ роскоши не будетъ исполнена, такъ-какъ это строго запрещается закономъ. Изъ этихъ магазиновъ самое значительное требованіе бываетъ на бродни, чарки, рукавицы, вареги, азамы, полушубки, сукно, холстъ, кожи и черкасскій и русскій табакъ. Первые пять предметовъ составляютъ главнѣйшую статью сбыта: безъ нихъ рабочему невозможно работать; но они требуютъ частой перемѣны, потому-что азамы не долго служатъ и скоро ветшаютъ; рукавицы скоро избиваются отъ тренія о рукоять ломавъ и допатоки; обувь изнашивается въ нѣсколько дней подъ влияніемъ всегдашней сырости и грязи, въ которой человекъ трудится извлекая золото. Забирая у промышленника эти необходимыя для себя статьи, рабочій совершенно увѣренъ, что ему каждую вещь продаютъ за ту только цѣну, чего она именно стоитъ виѣстѣ съ провозомъ, что богатый хозяинъ не пощадитъ на поживу съ бѣднаго мужика какой-нибудь лишней, и что, кромѣ того, правительствомъ строго слѣдуетъ за увѣренною платою, требуя даже въ этомъ отчетности отъ золотопромышленниковъ и устанавливая въ каждомъ округѣ частныхъ золотыхъ промысловъ особую, сообразную съ мѣстными обстоятельствами однообразную таксу.

— Вотъ тутъ тоже пужно неусыпное наблюдение нашего брата, а не то какъ разъ попадешься на замѣчаніе, прибавилъ мнѣ управляющій. У насъ бывали въ старые годы такіе матеріальныя, которые, при слабомъ надзорѣ со стороны главнаго производителя работъ, пользовались его нерадѣніемъ и пристрастіемъ русскаго человѣка къ запрещеннымъ вещамъ. Они, тайкомъ отъ старшихъ, торговали всѣмъ, чѣмъ угодно. Но, чтобъ не замѣтно было ихъ продѣлокъ, въ расчетномъ листѣ рабочаго ставили, вмѣсто восьмушки сахара — пару варегъ, вмѣсто четвертки чая — пару броденъ, и такимъ-образомъ, скрывая всѣ слѣды своего лихошества, наживались въ-тихомолку на-счетъ ближняго. Но подобныя злоупотребленія могутъ сильно повредить золотопромышленнику и подвергнуть его-самого законной отвѣтственности.

Расчетный листъ есть копія со счета изъ общей книги, въ которой записаны всѣ рабочіе. Расчетный листъ пишется такимъ-образомъ, что на верху первой страницы съ одной стороны означается имя и прозваніе рабочаго, его сословіе, номеръ его по общей книгѣ, мѣсто выдачи паспорта и срокъ его, а съ другой — описываются наружныя примѣты наемщика. Внизу сдѣланы три отдѣленія. Въ первомъ, подъ рубрикой «заслуга», означается число дней, проведенныхъ рабочимъ на дѣйствительной работѣ, съ обозначеніемъ особыхъ занятій и командировокъ; во второмъ, подъ рубрикой «выдача», отмѣчается число, качество и цѣнность товаровъ, взятыхъ рабочимъ изъ магазина, и сумма налѣжныхъ денегъ, полученныхъ изъ кассы; въ третьемъ, подъ рубрикой «стараніе», обозначается количество и цѣнность различныхъ трудовъ, понесенныхъ наемщикомъ сверхъ урочной работы. Расчетный листъ хранится всегда у рабочаго и служитъ для него доказательствомъ правъ его на получение слѣдующей ему суммы денегъ. При окончательномъ расчетѣ, раз-

счетный листъ возвращается въ контору, если расчетъ сдѣланъ съ нимъ справедливо. При такомъ порядкѣ дѣлъ невозможны никакія недоразумѣнія между хозяиномъ и работникомъ.

Этотъ превосходный порядокъ, который не мѣшало бы завести на всѣхъ нашихъ великороссійскихъ фабрикахъ, заслуживаетъ особенное вниманіе, при той аккуратности, съ которою эти обоюдные счета ведутся безъ излишней траты бумаги.

Но еще болѣе замѣчательное явленіе въ мѣстахъ, гдѣ, казалось бы, чловѣку нечего было стѣсняться какими-нибудь нравственными обязанностями и филантропическими идеями — представляетъ повсемѣстное заведеніе лазаретовъ для больныхъ рабочихъ, и это самая умилительная черта золотопромышленниковъ, неупускающихъ изъ вида ничего, что можетъ служить для призора и уютокоевія тѣхъ, кто жертвуетъ имъ своими силами и трудами. Обыкновенно, на сто рабочихъ полагается десять кроватей со всѣмъ госпитальнымъ заведеніемъ. Золотопромышленники приглашаютъ къ себѣ опытныхъ и весьма-искусныхъ докторовъ, заключаютъ съ ними на все время контракты, нанимаютъ для каждаго принска особыхъ фельдшеровъ, выписываютъ разные аптекарскіе матеріалы, инструменты и окружаютъ больного всѣми возможными попеченіями. Статья эта весьма-строго решается горнымъ начальствомъ, которое съ своей стороны высылаетъ на прошыслы своихъ медиковъ.

Итакъ, въ мѣстахъ, куда, по выраженію русскихъ людей, воронъ костей не заноситъ — права рабочаго класса и отношенія его къ классу промышленниковъ такъ положительно обезпечены въ маѣйшихъ подробностяхъ, что англійскіе или французскіе филантропы вполнѣ могутъ намъ Русскимъ позавидовать, особенно, если они сравнятъ своихъ манчестерскихъ и тулонскихъ труженниковъ съ нашими

сибирскими работниками, которые и сами по себѣ не позволяютъ, какъ говорится, выжать изъ себя сока, зная, что вездѣ найдутъ себѣ во всемъ управу и законную защиту въ правительственныхъ лицахъ.

Оканчивая обзоръ устройствъ на присѣкѣ заведеній, мы подошли къ пространному деревянному шатру, утвержденному на высокомъ столбѣ и покрытому досчатою крышею. Это фабрика, промывальня.

Часть людей привозила въ двуколесныхъ таратайкахъ золотосодержащія пески, отъ гряски и проникшей ихъ влажности превратившіяся въ коричневую кашу вязкаго свойства. Отступивъ дно таратайки, державшееся въ обычныхъ своихъ границахъ на веревочной петлѣ, возчики высыпали пески на «полдукъ», деревянный помостъ фабрики. Въ полкѣ сдѣланы были «люки», куда особо приставленные люди спихивали пески въ помѣщеніе, устроенное внизу фабрики. Тамъ пески падали прямо на круглыя желѣзныя «чаши», усѣяныя сквозными дырами. Надъ этими скважинами, на столбѣ, приводимомъ въ движеніе особымъ механизмомъ, привѣшены были крестообразно чугуныя тяжести, въ видѣ лапъ, свободно двигавшіяся на стержнѣ. «Лапы» эти, обращаясь кругомъ чаши, тяжестью своею скользя по крупнымъ галькамъ, съ которыми золотосодержащія пески были перемѣшаны.

Пески перетирались между дномъ чаши и плоскостію лапъ и крестовицъ, на которыхъ лапы были навѣшены. Здѣсь особые рабочіе, «пробойщики», при помощи желѣзныхъ скребковъ, разбивали большіе комки слитшею массы песковъ и содѣйствовали безостановочному кругообращенію снаряда, откидывая прочь валуны кварца и известковаго камня. Размельченные такимъ образомъ пески проскакивали въ скважины и упали на уста-

новленные подъ чашею «головки» — наклоненныя плоскости, съ которыхъ скатывались на покато же поставленные у ихъ оконечности «лодки» или длинныя корыта, раздѣленные въ ширину на нѣсколько отдѣленій деревянными плантусами.

Между тѣмъ, вода, проведенная изъ особо-устроеннаго бассейна на фабрику, проливнымъ дождемъ лилась какъ на самыя чаши, такъ и на головки и, слѣдовательно, на лодки, способствуя черезъ это скорѣйшему раздѣленію различныхъ смѣсей золотосодержащихъ песковъ и соединяя процессъ прогиранія съ процессомъ промыванія.

Въ то время, когда проскочившіе черезъ рѣшетчатыя чаши пески густымъ потокомъ текли съ головки по лодкамъ, желѣзныя грабельки, въ два ряда поставленныя по всему протяженію лодокъ, посредствомъ одного и того же механизма, ходили маятникомъ отъ одного бока лодки до другаго и еще болѣе способствовали къ отдѣленію золотыхъ зернышекъ отъ глинистаго состава, который все еще ихъ облекалъ. Вода, играющая самую главную роль въ этомъ процессѣ, вязкою мутью стремилась съ лодокъ въ отводныя канавки, увозя съ собою безвозвратно, вмѣстѣ съ простою грязью, незначительное, какъ увѣряютъ, количество золота, которое или по легкости своей и едва-замѣтнымъ пылинкамъ не могло осѣдать на днѣ лодокъ, или не устояло противъ стремленія безразсчетно-пущенной воды, какъ-нибудь попасть на поверхность галекъ.

Работа при насъ кончилась: послѣдняя урочная таратайка была промыта.

Промытые, то-есть «обогащенные», неуплывшіе въ канаву пески, при насъ сняли съ головки и съ лодокъ, составляющихъ нераздѣльную часть машины, усвоившей себѣ названіе «чаши», и наполнили ими нѣсколько бадей. Пески, собранные съ наклонной плоскости, поставленной подъ

чаши, и съ верхней части лодокъ, называются «головками», а изъ другихъ отдѣленій длиннаго корыта — «хвостами»; въ первыхъ, золото обильнѣе, чѣмъ въ послѣднихъ. Наружный видъ тѣхъ и другихъ почти такой же, какъ видъ обыкновеннаго простаго крупнаго песка, отъ котораго отличается небольшими кусочками разныхъ цвѣтовъ кварца, известковаго камня, глинистаго сланца, разныхъ конгломератовъ, кубиковъ бурога желѣзняка и иногда зернышекъ венясы.

Бадн отнесли въ сторону и высыпали на вашгертъ. Здѣсь ихъ подвергли обыкновенной ручной промывкѣ съ тѣми же приемами, которые я видѣлъ еще при шурфовкѣ.

Не успѣлъ еще промывальщикъ перетереть всѣхъ песковъ на вашгертѣ и скинуть большую часть простыхъ камешковъ, какъ на верхней оконечности слегка наклоненной плоскости по всей ея ширинѣ образовалась ярко-оранжевая полоса. Съ постепеннымъ сбрасываніемъ откидываемыхъ галекъ, или, говоря технически — откидныхъ песковъ, полоса эта становилась шире и шире. Привалившись за маленькій гребокъ и за отбиваніе шлюховъ щеткой, промывальщикъ смелъ всю полосу въ одну кучку.

Это было золото!

Гребочкомъ, щеткой и большимъ пальцемъ правой руки отдѣлялъ онъ это отъ мелкаго сора, сгребалъ его на «сачокъ» — тоненькій желѣзный листочекъ съ закраинами, и высыпалъ въ большую, въ родѣ разливной, желѣзную ложку.

Приставленный къ этому дѣлу особый надзиратель, въ присутствіи штейгера, принималъ ложку съ подобающимъ благоговѣніемъ, стараясь не оступиться по неровному грунту земли и не просыпать вѣренной ему драгоценности по дорогѣ. Потомъ онъ отнесъ ее къ горящему костру и поставилъ на огонь. Вода, которою золотыя песчинки были смочены, испарилась, и мы уви-

дѣли благородный металлъ во всемъ его очаровательномъ блескѣ. Золотыя комочки, кусочки, зернышки горѣли какъ жаръ.

Отъ костра золото тѣмъ же порядкомъ отнесено было въ кофтору. Здѣсь его сбросили на простой листъ бумаги. Управляющій сталъ водить по нему магнитомъ и осбождать отъ легкихъ желѣзныхъ пылянокъ и пластинокъ, извѣстныхъ подъ названіемъ черныхъ шлюховъ. Это не что иное, какъ магнитный песокъ въ тѣсномъ соединеніи съ мельчайшими частицами золота, которое у иныхъ хозяевъ извлекается оттуда посредствомъ амальгамаци.

Послѣ магнита, управляющій принялся за зазачью лапку и, разметывая понемножку золото, началъ выдувать смѣшавшуюся съ нимъ простую пыль, осадокъ отъ воды, насыщенной во все время операціи разнородными поровными частицами.

Затѣмъ золото положено было на вѣсы, взвѣшено и высыпано въ сдѣланную изъ красной мѣди банку съ замочкомъ, ключъ отъ котораго безотлучно хранится у управляющаго. Въ казенной книгѣ, выдаваемой изъ горнаго правленія для записки ежедневной добычи золота на каждомъ приискѣ, безъ промедленія времени было записано, что въ такой то день, при посредствѣ столькихъ-то человекъ народа, добыто и промыто столько-то тысячъ пудовъ песковъ и изъ нихъ получено золота именно столько-то.

Этимъ на первый разъ мое знакомство съ приисками кончилось. На другой день, я пустился въ дальнѣйшій путь...

Посмотримъ, что-то намъ скажетъ наша знаменитая Большая Акціонерная Золотопрмышленная Компанія — въ Загунгуевскомъ-Краю!

П. Н.

КОРСУНСКІЙ СТАРООБРЯДЧЕСКІЙ МОНАСТЫРЬ НА ДИЪПРЪ.

(Изъ «Путевыхъ Записокъ о Крымѣ и его окрестностяхъ».)

Прежде отъѣзда изъ Берислава, я рѣшился съ спутниками своими побывать въ Корсунскомъ Старообрядческомъ Монастырѣ, который находится на лѣвомъ берегу Диѣпра въ 30 верстахъ ниже Берислава. Мы отправились туда 8 мая въ часъ по-полудни, водою, на восьми-весельномъ казенномъ баркасѣ. Погода стояла тихая и ясная. Сопровождающія правый берегъ величественнаго Диѣпра, бывшаго въ это время въ полномъ разливѣ, известковыя горы, увеселяли наше зрѣніе своими фантастическими очертаніями, представляя, разумеется, съ помощію воображенія, то узорчатые фасады домовъ, то колонны съ пилястрами, то рельефы и іероглифическіе знаки. Въ основаніи горъ и на откосахъ Диѣпра, нерѣдко замѣтны были валуны кораллита, имѣющаго цементъ рыхлый известковый камень.

Лѣвый берегъ Диѣпра, начиная отъ селенія Каиры, въ 30 верстахъ выше Берислава, до самаго Чернаго-Моря, образуетъ плоскую равнину, большую частью убѣленную песками, которые далѣе по Книбурнской-Косѣ переходятъ въ значительныя возвышенія (кучугуры), окружающія небольшія пространства, покрытыя зеленью и малорослыми дубами и березами, свидѣтельствующими о бывшей здѣсь некогда Плеѣ (лѣсистой странѣ), прославленной смертію Анахарсиса. На этихъ-то оазисахъ водворены обширныя селенія и съ успѣхомъ разводятся испанскія овцы. Чѣмъ ближе къ Диѣпровскому Лиману, тѣмъ кучугуры становятся возвышеннѣе и чаще, хотя и пельза назначить для нихъ постоянно-опредѣленное положенія, которое зависитъ отъ мѣстности и направленія вѣтровъ, такъ-что эти пес-

чаные пригорки можно счесть нѣкоторымъ-образомъ путешествующими: нынче видишь ихъ въ томъ мѣстѣ, а послѣ въ другомъ. Въ нѣкоторыхъ, однакожь, мѣстахъ, какъ-то при самомъ городѣ Алешкахъ (Диѣпровскѣ), котораго имя производятъ отъ Плеи и признаютъ это мѣсто за Олешье нашихъ лѣтописей — кучугуры эти постоянны и простираются полукружіемъ, наподобіе невысокаго хребта покрытыхъ снѣгомъ горъ, имѣя въ высоту до 30 и болѣе саженъ. Пески дѣлаютъ здѣсь сухопутную дорогу очень-затруднительною, а при маломъ вѣтрѣ воздымаясь, образуютъ, особливо лѣтомъ, песчаную вьюгу, нестерпимую для глазъ и заметающую дорогу.

Въ три часа по-полудни, мы пристали къ крутому берегу возлѣ деревни Каменки, въ 10 верстахъ отъ Берислава, гдѣ нашли добрый пріютъ и остались до слѣдующаго дня.

9-го мая въ 8 часовъ утра, на томъ же баркасѣ, пустились мы прямо къ монастырю, до котораго оставалось еще верстъ съ 15. Вправѣ разстилася заливъ Диѣпра; за нимъ слѣдовалъ косогоръ, покрытый дикимъ виноградомъ и грушами, примыкавшій къ отдѣльной горѣ, съ примѣтными на ней остатками бывшаго укрѣпленія, подобнаго бериславскому. Далѣе, мы продолжали путь, свачала протокомъ Казачимъ, потомъ Хмѣльницкаго, въ него впадающимъ, берега которыхъ обросли вѣтвями, осокорью, вербами и камышомъ, или по-малороссійски очеретью, до 1½ и даже до 2 саженъ вышиною. Эти протоки составляютъ единственные остатки, напоминающіе о существованіи въ соседствѣ ихъ на рѣкѣ Каменкѣ и при Алешкахъ Запорожской-Сѣчи; одинъ изъ протоковъ носить имя, вѣроятно, бывшаго германа Богдана Хмѣльницкаго.

Близъ монастыря, переѣхавъ самый Диѣпръ, вошли мы опять въ узкой протокъ, называемый Каменцею, который привелъ насъ къ стѣнамъ монастыря, откуда звуки благовѣста доносились уже до насъ гораздо-прежде,

чѣмъ мы его увидѣли. Приставъ къ берегу, мы отправились прямо въ церковь, гдѣ началась уже обѣдня. По случаю храмоваго праздника святителя Николая, стеченіе людей было многочисленно. Протяжное, монотонное пѣніе монаховъ не могло не произвести нѣкотораго на насъ впечатлѣнія. Служба окончилась чтеніемъ житія св. Угодника Николая, вмѣсто проповѣди. Послѣ того, приглашены мы были настоятелемъ монастыря, игуменомъ Тихономъ, въ его келью; игуменъ принялъ насъ радушно и сопровождалъ при осмотрѣ монастыря и его окрестностей.

Корсунскій - Монастырь первоначально устроенъ былъ съ разрѣшенія новороссійскаго генерал-губернатора князя Потемкина - Таврическаго, въ 1787 году, архимандритомъ Іоасафомъ (*), близъ Никополя и селенія Большой-Знаменки, откуда, за недостаткомъ потребной земли для монастырскаго обихода, въ 1796 году, по ходатайству его, согласно высочайшему повелѣнію, переведенъ на нынѣшнее мѣсто и снабженъ землею до трехъ тысячъ десятинъ. Въ обширномъ селѣ Большой-Знаменкѣ, состав-

ляющемъ до 400 домовъ и 1501 души жителей, гдѣ существовалъ прежде этотъ монастырь, еще въ 1780 году положено было благое начало обращенія раскольниковъ на путь истины дѣятельнымъ ревнителемъ православія, преосвященнымъ Никифоромъ архіепископомъ херсонскимъ и славянскимъ, что видно, между прочимъ, изъ современнаго письма одного раскольника къ собратіямъ своимъ: «И того жъ іюля мѣсяца (1788 г.) оный архіепископъ Никифоръ, взявъ въ слободу Знаменку, похитилъ тамошнихъ многихъ жителей, ибо они отъ него приняли священника, и освятилъ нѣтъ церковь...» (*). Пастырское посланіе преосвященнаго Никифора къ старообрядцамъ, говоритъ еще болѣе въ пользу ревности его къ преусивленію вѣры. Жаль, что оно сокращенно навѣчато г. Скальковскимъ (**). Для лучшаго благоустройства монастыря, сверхъ отведенной для него земли, по высочайшему указу 28 апрѣля 1808 года пожалованы были въ содержаніе его два кинбурскія соляныя озера, безъ всякаго платежа въ казну за получаемую изъ нихъ соль, ежегодно до 35 тысячъ пудовъ, стоившихъ по существовавшей тогда цѣнѣ около пяти тысячъ рублей; а въ 1811 году, вмѣстѣ съ озеръ, дозволено монастырю довольствоваться солью отъ неремонскихъ, съ платежемъ за нее, чего стоить казнѣ добыча соли. Черезъ это монастырь получилъ приращенія въ доходахъ своихъ до 23 тысячъ рублей.

Корсунскій-Монастырь лежитъ на ровномъ и красивомъ мѣстѣ, подлѣ днѣпровскаго протока Каменницы, обнесенъ каменною оградой, съ четырьмя по угламъ башнями и на святыхъ воротахъ, съ высокою колокольнею и боевыми часами. За оградой его на-

(*) Архимандритъ Іоасафъ — довольно замѣчательное лицо. Онъ постриженъ въ монашество на Афонской-Горѣ, во время путешествія своего изъ Россіи въ Грецію, гдѣ въ 1781 году въ обители Симона Петра, Герасимомъ, епископомъ херсонскимъ и святогорскимъ посвященъ въ іеродіакона и іеромонаха; потомъ, будучи въ Іерусалимѣ, Данииломъ патриархомъ антиохійскимъ рукоположенъ въ санъ архимандрита, и на эти званія даны были ему тамъ и ставлены грамматы на греческомъ языкѣ. По возвращеніи же въ Россію, въ 1784 году, сначала онъ находился въ Никодимовской-Пустынѣ, что въ Черниговской-Губерніи, откуда въ 1787 году перешелъ въ Таврическую-Область, и въ 1791 году, по указу Святѣйшаго Синода, утвержденъ настоятелемъ и игуменомъ устроеннаго имъ старообрядческаго монастыря, а въ 1804 году архимандритомъ.

(*) Хронологическое Обзорѣніе Исторіи Новороссійскаго Края. Одесса. 1836. Ч. I, стр. 279.

(**) Тамъ же, стр. 275 — 276.

ходится роща, посаженная трудолюбивыхъ сланинникомъ Сергіемъ, два сада съ плодовыми деревьями и виноградомъ, разведенные общими трудами братіи, и разныя хозяйственные заведенія, выстроенныя и обнесенныя оградами; также гостинный дворъ съ оградой же и палисадникомъ вокругъ. Внутри монастыря, соборная церковь каменная, о пяти главахъ, во имя пороченскія Божіей Матери, въ память чудотворной иконы, принесенной въ Кіевъ изъ Корсуни, или Херсонеса-Таурическаго св. великимъ княземъ Владиміромъ. Церковный иконостасъ хорошей работы, но во вкусѣ старобрядическомъ; храмосая икона Богонатери въ серебряной позолоченой ризѣ и украшена жемчугомъ; а 8 другихъ иконъ также въ серебряныхъ позолоченныхъ ризахъ, обложены восточнымъ хрусталемъ. Замѣчательна еще плащаница въ серебряномъ ковчегѣ чеканной эмпаграфовой работы, дѣланная въ Москвѣ и стоящая до 15 тысячъ рублей. Самая ризница соответствуетъ великолѣпію храма: однихъ парчевыхъ ризъ 15 в стихарей 10. По словамъ игумена Тихона, благоустройству монастыря, кромѣ предшественниковъ его, архимандритовъ Іоасафа и Кирилла съ братією, много содѣйствовали: покойный Куликовскій, имѣвшій въ сосѣдствѣ свои помѣстья, в купцы—московскій Дмитрій Григорьевичъ Ямщикозъ и санктпетербургскій Михаила Яковлевичъ Шатикинъ. Сверхъ-того, находятся въ монастырѣ церкви каменные же: одна теплая, во имя Михаила-Исповѣдника, съ пристроенными въ ней братскою трапезою и духою; другая, при настоятельскихъ кельяхъ двурядная св. Николая Чудотворца и Іоанна Златоустаго, третья кладбищенская во имя св. Дмитрія Селунскаго. Близъ нея въ особомъ склепѣ погребены тѣла—благоворителя монастыря Дмитрія Куликовскаго, его семейства и нѣкоторыхъ еродниковъ.

Въ соборной церкви покоится мраморная монастырская бібліотека, состоя-

щая изъ небольшого числа книгъ церковной и гражданской печати и изъ нѣсколькихъ рукописей, вообще писанныхъ на бумагѣ. Іеромонахъ Іона (по кончинѣ о. Тихона занявшій его мѣсто при монастырѣ) доставилъ мнѣ опись рукописныхъ и замѣчательныхъ старопечатныхъ книгъ этой бібліотеки, которую сообщамъ здѣсь для нашихъ бібліофиловъ.

А. Рукописи (по старшинству лѣтъ).

1. Похвальныя слова на праздники богородичные и святыхъ, въ листъ, лѣта отъ міроздавія 7059.
2. Евангеліе толковое на воскресные дни, въ листъ, лѣта 7060.
3. Книга о троянской войнѣ, въ поллиста, лѣта 7068.
4. Книга Петра Дамаскина, въ поллиста, лѣта 7070. Умиленіе Души.
5. Напрестольное Евангеліе, въ листъ, лѣта 7076, марта 25.
6. Евангеліе юсовое, старописанное, въ листъ, безъ выхода.
7. Евангеліе поучительное на праздники господскіе и нарочитымъ святымъ, въ листъ, составленное трудолюбиемъ іеромонаха Кирилла Трапезникова, лѣта 7128.
8. Тріодь цвѣтная, въ поллиста, лѣта 7133.
9. Философія Раймунда, въ листъ, безъ выхода.

В. Старопечатныя книги.

1. Библія, въ листъ, лѣта отъ міроздавія 7089, воплощенія Бога-Слова 1581.
2. Новый Заветъ и Псалтырь, лѣта отъ міроздавія 7089, воплощенія Бога-Слова 1581.
3. Тріодей постныхъ 4, изъ нихъ 2 выхода—при благовѣрномъ царѣ и великомъ князѣ Михаилѣ Θεодоровичѣ и при патриархѣ Филаретѣ, лѣта 7128, а прочія при патриархѣ Іосифѣ.
4. Тріодей цвѣтныхъ 3. Изъ нихъ 2 выхода при благовѣрномъ царѣ и великомъ князѣ Михаилѣ Θεодоровичѣ и при патриархѣ Филаретѣ, лѣта 7123, прочія при патриархѣ Іосифѣ.

5. Миней служебныхъ 12 — кругъ называемый, выходу при патриархѣ Іосифѣ, лѣта 7154.

6. Кормчая, въ листъ, повелѣніемъ благовѣрнаго и благороднаго государя царя и великаго князя Алексіа Михайловича, благословеніемъ святѣйшаго Іосифа патриарха московскаго, лѣта 7158.

7. Благовѣстникъ, то есть Евангеліе Толковое, печатано при благовѣрномъ царѣ и великомъ князѣ Алексіи Михайловичѣ и при патриархѣ Іосифѣ, лѣта 7156.

8. Уставъ Церковный, въ листъ, печатанъ при благовѣрномъ царѣ и великомъ князѣ Алексіи Михайловичѣ и при патриархѣ Іосифѣ, лѣта 7159.

9. Потребникъ, въ листъ, выходу при патриархѣ Іосифѣ, лѣта 7159.

10. Катихизисъ, въ четверть листа, лѣта 7184.

11. Четь-минев, мѣсяцы: Декабрь, Генварь и Февраль, выходу при патриархѣ московскомъ Адрианѣ, лѣта 7199.

Въ корсунской обители наблюдаютъ обряды общежительнаго устава, бывшаго при російскихъ патриархахъ Филаретѣ и Іосифѣ. Богослуженіе отправляется по старопечатнымъ книгамъ, а литургія на семи просфорахъ. Пѣніе—такъ-называемое столповое, по крестовымъ нотамъ. Монаховъ построженныхъ 28, бѣльцовъ 26. Первые носятъ обыкновенное монашеское одѣяніе, кромѣ клобука, который у нихъ обхватываетъ темя и всю поверхность головы и оторачивается вокругъ лица шелковою бахромой, или опушкою. Монастырь состоитъ подъ вѣдѣніемъ епархіальнаго архіерея, который иногда его посѣщаетъ, и отъ котораго зависитъ какъ утвержденіе настоятеля, такъ и посвященіе монашествующихъ.

Мы возвратились въ Каменку того жъ числа и тѣми же протоками Днѣпра, откуда тотчасъ отправились въ Бериславъ, уже сухопутною дорогою, которою считается до него 8 верстъ. По обѣимъ сторонамъ дороги

видѣли нѣсколько древнихъ кургановъ, нѣкоторые изъ нихъ большой величины и особенно одинъ въ западной сторонѣ. Вечеромъ пріѣхали въ Бериславъ.

Г. Спасскій.

ТАРАНТЕЛЛА.

(Разсказъ.)

Былъ тихій вечеръ. Морской вѣтерокъ вѣлъ свѣжимъ запахомъ Калабрии, слегка колыша вершины бѣлыхъ тополей, освѣжавшихъ Фрескавалъ, очаровательное мѣстечко, лежащее на востокъ отъ Аппениновъ, недалеко отъ Тарента и Оріо. На площадкѣ, открытой со стороны залива, возвышалось новенькое, бѣлое, только что отстроенное зданіе; вокругъ его были еще разбросаны оставшіеся отъ постройки матеріалы и рабочіе инструменты. Зданіе это, истинный образецъ архитектуры, составляло четверугольникъ, внутри котораго заключался довольно обширный дворъ, съ растущимъ въ среднѣхъ его испанскимъ дубомъ. Въ тотъ день вставлены были богатыя цвѣтныя стекла въ огромныя, сведенныя оживой окна передняго фасада, украшенныя дѣлною работой и тонкими колонками.

Громадная скала стѣной возникала позади строевія; по ней вились пробитыя козами тропинки, а вверху, на страшной высотѣ, какъ-будто висѣла между небомъ и землей дорога для муловъ.

Приходскій священникъ, аббатъ Манфреди, старикъ почтенной наружности, сестра аббата, дородная ключница, да два монаха сосѣдняго монастыря—отдыхали въ разнообразныхъ положеніяхъ, усѣвшись на бревнахъ и мраморныхъ обломкахъ съ дѣловой

сторонѣ зданія. Вокругъ нихъ группировались жители деревеньки, дѣти всѣхъ возрастовъ и кой-какія домашнія животныя, какъ то: ослы, съ полдюжины собакъ и многое множество кошечекъ, съ усердіемъ дождавшихъ остатокъ людскаго ужина.

Недалекѣ рѣвая дѣвушка шалила съ козой, которую держала на ленточкѣ, прирѣвленной къ кожаному ошейнику. Подлѣ нея стоялъ мужчина дѣтъ тридцати и подчивалъ козочку горстію сѣжаго, только-что собраннаго тмиана. Но-сыта ли была Фасмла (имя козочки) или чувствовала антипатію къ этому человѣку, только она не хотѣла ѣсть изъ его рукъ, и на всѣ его ласки грубо отвѣчала рогами. При каждомъ знакѣ упрямства своей любимицы, Лавинія хохотала и всачески глушилась надъ молодымъ человѣкомъ, смущавшимся все больше и больше.

— Полю пытать се, добрый Джіокондо; она, такъ же какъ и ея хозяйка, ничего не приметъ отъ тебя.

— Настоячивость иногда беретъ свое, проворчалъ молодой человѣкъ. — Еслибъ ты знала, какъ я люблю тебя, продолжалъ онъ, какъ-будто обращаясь къ козочкѣ и поднося ей пучокъ травы. На этотъ разъ, по странной прихоти, пучокъ былъ принятъ и въ одно мгновеніе съѣденъ съ жадностію.

Лавинія вспыхнула отъ досады и, дернувъ за ленточку, вскрикнула:

— Бываютъ же такія глупыя созданія!

Въ кого направленъ былъ лестный эпитетъ, въ человѣка или козочку? — вопросъ, оставшійся навсегда неразрѣшеннымъ.

Но Джіокондо всталъ съ лицомъ, слегка-оживленнымъ улыбкой надежды, и обратился къ Фавиллѣ:

— Благодарю, милая козочка, благодарю за предѣщаніе.

— Еще не радуйся, Джіокондо, возразила Лавинія съ неудержимой досадою: — моя коза изъ тѣхъ, которыя любить только одинъ разъ... ея сердце занято.

Послѣднія слова были произнесены съ такой язвительностію, что влюбленный почувствовалъ, какъ оторвалось у него сердце. Задумчиво пообшотрѣлъ онъ на дѣвушку. Лавинія, вѣроливо, ощутила упрекъ совѣсти, потому-что тутъ же, съ порывомъ избалованнаго ребенка, только-что подвергнувшася выговору, она обвила своими прекрасными руками шею козочки и целовала ее, приговаривая:

— Милочка! сокровище мое! ты любишь меня, не правда ли? потому-что я только тебя люблю, одну тебя, не люблю никого, кромѣ тебя!

Эти слова, казалось, не должны были возбудить ревности въ Джіокондо; но, не смотря на то, онъ поблѣднѣлъ и отчаяніе выразилось на его добродушномъ, благородномъ лицѣ... отъ-того, что онъ видѣлъ, какъ глаза Лавиніи устремились на гору, туда, гдѣ вилась тропинка и терялась въ излучинахъ долинъ, подъ тѣнью лѣса. Въ этой тропинкѣ не было ничего замѣчательнаго: то была дорога изъ развѣтыхъ деревень. Она вела также въ Мартино, въ Остини, въ Бриндизи. Но по этой-то дорожкѣ приходилъ и уходилъ красавецъ Фальконе да-Пьетратчіо, когда являлся на праздники Фрескавали.

Почтенная сестрица смущенника, не смотря на принимаемое ею участіе въ разговорѣ, не переставала наблюдать за своей дочерью Лавиніей, и скоро замѣтила смущенный видъ Джіокондо.

— Этой рѣзвухѣ все еще любезно терзать своего жениха, сказала она вполголоса аббату. — Лавинія! ступай въ комнату: ты еще не кончила сегодняшняго урока.

Дѣвушка повиновалась. Но, вмѣсто того, чтобы приняться за работу, какъ приказывала мать, она сѣла среди пола на коверъ и заставила козу повторять уроки, которые давалъ ей Фальконе, красавецъ Пьетратчіо, подарившій смышленное животное своей возлюбленной. Впрочемъ, Лавинія, кромѣ простой привязанности, должна была пріобрѣтуть и къ другимъ привязанностямъ.

чтобъ удержать подлѣ себя легкую обитательницу горъ. Прошло полчаса, и Фавилла выказала всѣ свои знанія: она находила, схватывала, прятала давнюю вещьцу не хуже любой ученой собаки; припрыгивала при имени того или другаго лица, становилась на заднія ножки, танцуетъ въ тактъ, притворилась равенною или мертвою, смотря потому, что ей приказывали. Лавинія была въ восторгѣ. Вдругъ—ковочка бросилась къ окну и оперлась на него передними ножками и тоненькимъ рыльцомъ. Лавинія вздрогнула.

— А! онъ тамъ, мой милый! сказала она. — Оставь, Фавилла; мнѣ нужно расстаться съ тобой. Присутствіе твое можетъ измѣнить мнѣ.

Была уже ночь, когда Лавинія, заперши свою козу, проскользнула въ заднюю дверь дома и побѣжала къ большому лавровому дереву, у котораго стоялъ Фальконе да-Пьетраччио.

— Что слышалъ я? сказалъ онъ, хватая Лавинію за руку: — скоро твоя свадьба съ Джіокондо? Твой дядя аббать ужъ выписалъ изъ Гарента и подарки и приданое? Говори, несчастная!

Лавинія съ минутою стояла какъ будто оглушенная этой грубой выходкой.

— Когда ты перестанешь ревновать, Фальконе? Долго ли тебѣ вѣрить всякимъ пустымъ слухамъ?

— Отвѣчай на мои вопросы, измѣнница!

И онъ сильно тряхнулъ ее за руку.

— Но если я тебя не понимаю, пролетела Лавинія.

— И ты какъ всѣ женщины: первое дѣло — заператься! Но клянусь тебѣ, Лавинія, я разберу это дѣло. Видишь ли, съ-тѣхъ-поръ, какъ я услышалъ то, въ чемъ тебя обвиняю, голова моя — будто Стромболи.

— Тебя обманули, другъ мой..

— Мнѣ сказали правду, но благодарная! невѣрная!! клятвопреступница!!!

— А! такъ-то! Мнѣ бы надо было побольше кокетничать, чтобъ наказать тебя, злой ревнивецъ, недоумѣющій своей подругѣ.

Т. LV. — Отд. VIII.

— Перестань шутить! ребенокъ. крикнулъ Фальконе съ необыкновенной запальчивостью: — говори правду! я хочу знать.

— Правду? Хорошо, слушай. Я никогда не была такъ далека отъ замужства съ Джіокондо, какъ теперь. Скорѣй согласишься умереть, чѣмъ выйти за него. Не выписывали ни приданого, ни свадебныхъ подарковъ.

— А эти ящички, недавно привезенные? это серебро, которое получилъ твой дядя?..

— А! понимаю! вскричала со смѣхомъ Лавинія. — Бѣдный ревнивецъ! Въ этихъ ящичкахъ были вышитыя ризы, серебряные подсвѣчники, кружевные покровы на престолъ, кадилница рѣзнаго золота, и всѣ эти великолѣпные подарки прислала для нашей церкви добрая англійская синьйора.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? проговорилъ Фальконе, и сталъ еще внимательнѣе.

— Ты говорилъ о серебрѣ, а тутъ было золото, и — ужъ признаюсь — побольше, нежели ты думалъ.

— Ба! да для чего же это?

— Чтобъ кончить и обзавести пріютъ престарѣлыхъ и немощныхъ въ нашемъ приходѣ. Все это отъ синьйоры...

— Стало-быть, она очень богата? сказалъ Фальконе въ раздумьи.

— Миллионерка... по-крайней-мѣрѣ, такъ говорятъ.

— Но откуда такая щедрость? спросилъ Фальконе.

Лавинію поразило его разсѣянный видъ.

— Ты не знаешь ея исторіи?

— Нѣтъ... Да... то-есть, я ее знала... Нѣтъ, не то; меня тогда не было.

— Это вѣроятно, потому-что ты не могъ бы забыть этого чуда.

Молодой человекъ не отвѣчалъ: онъ, казалось, мечталъ. Лавинія посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ.

— Фальконе!

— Что, мой ангелъ?

— У тебя какое-то странное выражение; я никогда не видала тебя такимъ.

— Милая моя, сказала молодой человекъ, скрѣпившись:— не могу скрывать отъ тебя: я очень-несчастливъ. Ты не хочешь отказать этому... Джо-кондо; не хочешь уйти со мной въ горы... приподнял онъ, указывая рукою на вершину, рисующуюся какъ темный паръ на черномъ, усыпанномъ искрами небѣ.

— Ты жестокъ, Фальконе! оувѣчала тронутая Лавинія. — Я сказала Джо-кондо, что никогда не буду его женою, но ты долженъ поговорить объ этомъ съ моимъ дядей, съ матушкой; я увѣрена, что они не прочь благословить насъ. Они такъ меня любятъ!

Прекрасное лицо горца отуманилось.

— Лавинія, мы поговоримъ объ этомъ въ другой разъ...

— Ты мнѣ всегда отвѣчаешь одно и то же, сказала съ упрекомъ простодушное дитя.

— Послушай, прервалъ Фальконе съ нетерпѣніемъ: — чѣмъ намъ спорить, лучше расскажи мнѣ исторію этой английской синьйоры.

Лавинія залилась слезами. Ея женское сердце почувало бездну подъ скрытностью и замѣшательствомъ друга; но, чистая, голубиная душа, она не могла понять грозившую ей опасность.

— Теперь слезы! Ну, я уйду, сказалъ отрывисто Фальконе, сблвавъ нѣсколько шаговъ, какъ-бы съ намѣреніемъ удалиться.

— Все кончено! вскрикнуло бѣдное дитя.

— Вотъ такъ-то! Видишь ли, малютка, я люблю жаркіе споры; тогда молвія твоихъ прекрасныхъ глазъ придаетъ красу этому очаровательному личику. Но слезы!.. эи! я ненавижу дождливое время.

Лавинія торопливо утерла глаза; потомъ начала, стараясь улыбаутся:

— Ты меня спрашивалъ, отъ-чего эта прекрасная дама такъ щедря для

нашей бѣдной деревушки? Я тебѣ это расскажу. Сядь и слушай.

Фальконе сѣлъ подѣ своей молодой подруги и нѣжно поцаловалъ ея руку. Она улыбаулась и продолжала:

— Вотъ видишь ли, эта милая путешествовала для здоровья своего сына, хорошенькаго, маленькаго мальчика, бѣлокураго, бѣднаго, слабаго, предъ которымъ она стоя, на колѣнахъ, всегда читала въ глазахъ страданія и все молила Бога лучше отвѣтъ у ней жизнь, чтобы только выгнать жизнь любимаго дитяти. Разъ они были тамъ, наверху, повыше церкви, въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога пересѣкаеть скалу, которая такъ далеко выдается изъ горы, что, кажется, будто сейчасъ готова обрушиться. Синьйора, сѣдя верхомъ на мулѣ, не спускала ни на минуту глазъ съ своего сына. Мальчикъ капризный, какъ вообще всѣ большыя или малобольныя дѣти (а онъ былъ и то и другое), хотѣлъ непременно въ этотъ день попробовать маленькую лошаду, которую подарила ему мать. Однако синьйора упростила его позволить привязать себя къ сѣдлу и дать человекку вести лошада въ поводу... Но ты меня не слушаешь? приподвила вдругъ Лавинія.

— Напротивъ, съ величайшимъ вниманіемъ. Ты говорила, моя милая...

Вотъ въ чемъ состояло продолженіе разсказа.

Когда ребенокъ, сѣдя верхомъ, былъ въ самомъ опасномъ мѣстѣ, на краю обрыва, лошада вдругъ замаривничала: какъ бѣшеная начала скакать, прыгать, становиться на дыбы. Несчастная мать старалась сдерживать вырывающійся изъ груди крикъ, чтобы не испугать животнаго.

Но увидѣвъ, что заднія ноги лошади сорвались въ пропасть, что она держится только передними лапами, которую изъ всѣхъ силъ изтлужив испуганный вожатый— она поблѣдѣла, какъ смерть. Два человека тотчасъ бросились на помощь, и, схвативъ лошада за ноги, подержали ее на нѣ-

сколько секундъ въ этомъ страшномъ положеніи.

— Поручите ребенка Малоннѣ делла-Кверчиа! закричалъ олимпъ изъ бышихъ тутъ Фрескавальскихъ крестьянъ.

Мать подняла руки къ небу и вскрикнула голосомъ, полнымъ любви и отчаянія:

— Господи, спаси его! Пречистая мать, сжапись надъ нимъ!

— Поручите его Мадоннѣ шенской, той, которая тамъ, повторилъ настойчиво крестьянинъ, указывая пальцемъ въ бездну.

Какъ помѣшанная, съ раздирающимъ душу крикомъ, мать исполнила совѣтъ:

— Святая Мадонна делла-Кверчиа! прійми мое дитя подъ свою защиту. Тебѣ поручаю его!

Только-что произнесла она это воззваніе, какъ узла порвалась и лошадь съ ребенкомъ полетѣла въ пропасть... Крестьяне и проводники спустились къ подошвѣ. Тамъ лежалъ трупъ убитшейся лошади. А ребенокъ, по странному случаю, зацѣпился платьемъ и висѣлъ на вѣтви огромнаго дуба. Кромѣ страха, онъ не потерялъ ни малѣйшаго вреда; ни одной парашники не было на его бѣлой, прозрачной кожѣ.

Миледи пришла въ чувство, но еще не совершенно опомнилась, какъ увидѣла свое ненаглядное дѣтище, которое съ торжествомъ несли на плечахъ крестьяне, изумленные могуществомъ обожаемой ими Малонны.

Когда минулъ первый порывъ радости, наступила пора благодарить. Миледи, еще слабая, едва держась на ногахъ, стала на колѣни передъ образомъ Спасителя, вѣзванномъ въ дуплѣ дуба; призывая въ свидѣтели священника и всѣхъ жителей Фрескавала, она возобновила обѣтъ, данный въ минуту опасности, торжественно поручила сына Святой Дѣвѣ делла-Кверчиа, и обѣщалась одѣвать его въ бѣлое платье до десяти-лѣтняго его возраста.

Но, прибавила она, обращаясь къ аббату Монереди: — этого недостаточно. Здѣсь должна быть сооружена церковь и пріютъ; я назначу постоянный доходъ на ихъ содержаніе, чтобы бѣдные и больные всѣхъ возрастовъ и странъ могли найти въ этомъ пріютѣ столъ и поцѣль.

Миледи осталась еще нѣсколько времени въ Фрескавалѣ, чтобъ оправиться отъ недавняго потрясенія и увидѣть начало валоженныхъ строеній, которыми въ послѣдствіи деревня обязана была своимъ благоденствіемъ. Впрочемъ, свѣжій воздухъ, простая, но здоровая пища, минеральныя воды — быстро помогли совершенному выздоровленію слабого потомка древняго аристократическаго рода. Пріятно было смотрѣть на этого хорошенкаго ребенка съ розовыми щечками, въ бѣлой одеждѣ, съ чистыми, какъ его небесная Защитница, взглядомъ, когда онъ, въ толпѣ крестьянскихъ мальчиковъ, катался по усѣянному цвѣтами лугу. Миледи, глядя на него, плакала отъ восторга, и каждый день, утромъ и вечеромъ, водила его молиться къ подножію вѣковаго дуба...

Лавинія уже давно перестала говорить, а Фалькове все еще оставался неподвиженъ. Наконецъ, очнувшись отъ своего раздумья, онъ сказалъ:

— И ты говоришь, что эти драгоценныя дары, это золото... пожертвованное англійской дамой, теперь въ рукахъ твоего дяди?

— Да, пока церковь и пріютъ не готовы; а потомъ — все это пойдетъ на украшеніе ихъ. Но, Фалькове, продолжала Лавинія: — я не могу объяснить тебѣ... только... мнѣ кажется, съ тобою что-нибудь случилось. Скажи мнѣ, другъ мой, отъ-чего ты такъ залуничивъ?

Молодой человѣкъ покачалъ головой и какъ-бы съ сожалѣніемъ оторвался отъ предмета своихъ размышленій.

— Ты меня не понимаешь, душа моя? ты не угадываешь, отъ-чего я печаленъ? Видѣться съ тобой намъ мо-

жно только нервѣлка... и то тайкомъ... а ты дивнисься, что я не веселъ? Никогда въ танцахъ не удавалось мнѣ доказать тебѣ моимъ вниманіемъ, моими взглядами, что ты лучшая изъ всѣхъ красавицъ, моя единственная, незадглядная... Послушай; вотъ тебѣ крестъ и жемчужныя серьги. Возьми ихъ, моя милая, но не носи... Мнѣ не придется увидѣть тебя въ этомъ уборѣ. Впрочемъ, еслибъ ты хотѣла...

— Еслибъ я хотѣла?

— Мы могли бы провести вмѣстѣ еще одинъ такой вечеръ, какъ тотъ, когда я встрѣтилъ тебя въ первый разъ. Я бы опять былъ твоимъ предпочтительнымъ танцоромъ. Твоя мать... женихъ... не могли бы на это жаловаться. Помнишь ли, моя милая, по какому случаю справляли этотъ праздникъ въ деревнѣ Канано?

— Могу ли я забыть что-нибудь изъ этого прекраснаго дня! Тогда праздновали излеченіе Терезины, которую укусила тарантулъ.

— Не говорили ли, однако, что Терезина, какъ многія дѣвушки, умѣетъ предписать себѣ разлеченіе отъ воображаемой болѣзни?

— А! хитрая! она способна на это!

— И такъ, моя милая Лавиньетта, вотъ какое придумалъ я средство повеселиться. Завтра, ты будешь танцата.

— Агать?.. Фальконе!

— Пѣть, просто, хитрость. Въ войнѣ позволяется же это средство! Ты будешь всѣхъ прекраснѣе, я буду всѣхъ счастливѣе. Праздникъ продолжится вѣскольکو дней. Въ это время, я постараюсь понравиться твоей матери и аббату. Упоеніе пиромъ смягчитъ ихъ сердца. Ты увидишь, что все кончится къ нашему счастью. Впрочемъ, приподвигъ онъ, перебивая Лавинію, которая готова была отказаться: — впрочемъ, ты знаешь, что цѣль оправдываетъ средства.

Лавинія не противилась краснорѣчію своего любезнаго. Она обѣщала исполнить все, чего онъ хочетъ. Было положено, что она на другой же день

начнетъ разыгрывать возложенную на нее роль, а затѣмъ послѣдуетъ речитивъ церемоній, которыя, по истиннымъ обычаямъ, считались необходимыми для излеченія *тарантулизма*. Признаки этой таинственной болѣзни, которую одни приписываютъ аду большаго паука, другіе укушенію скорпиона, очень-часто являются въ Калабріи и землѣ *Отранта*. Но насткомое рѣдко бываетъ видимо, даже такъ рѣдко, что многіе сомнѣваются въ его существованіи, и въ жертвахъ тарантула предполагаютъ тѣ самыя причины, которыя Фальконе да-Пьетраччіо приписывалъ Терезинѣ.

На другой день, Лавинія встала рано, чтобъ приняться за свои ежедневныя занятія, отвела коровъ въ ограду, гдѣ имъ предоставлено было пастись на свободѣ, потомъ отправилась съ подругами въ оливковый лѣсъ помогать имъ собирать плоды. Бѣдняжка, заглушая оставшіяся въ ней угрызения совѣсти, проходила съ пасмурнымъ видомъ подъ вѣтвями, съ которыхъ деревенская молодѣжь сыпала изобильный плодъ оливокъ на большія разостланныя по землѣ полотна. Она собирала оливокъ въ корзину, и во всѣхъ движеніяхъ ея выражалась слабость, совершенное изнеможеніе. Эта переишня въ рѣзвомъ ребенкѣ, который, бывало, ни на минуту не переставалъ пѣть и смѣяться, скоро всѣхъ поразила. Лавинію окружили, забросали вопросами. Мать ея, аббатъ, Джюкондо — прибѣжали встревоженные. Тронутая ихъ нѣжностію, слылась обманомъ, до котораго рѣшилась унизиться, Лавинія заплакала... Она ужъ колебалась, не отказаться ли ей отъ несносной роли, какъ вдругъ одинъ изъ присутствующихъ около нея закричалъ, приподнимая ее за руку:

— Держу пари, что малютку укусила тарантулъ! Видите этотъ черносазанный знакъ — ранка!

— Э! да это пустое дѣло! подожди другой:—нужно только заставить побольше танцовать нашу Лавиньетту.

— Хорошо! крикнула молодёжь, а за ней дѣти и даже старики: — это не худо; а вамъ-таки не часто удается повеселиться!

Эти слова заглушили порывъ откровенности въ Лавиніи. Она рѣшилась вполне сдержатъ данное Фальконе обѣщаніе, и потому умолчала, что легкая, недавно открывшаяся у ней на рукахъ рана произошла отъ неосторожнаго прикосновенія къ колючей акаціи. Аббатъ Манѣреди и его сестра увели домой свое дорогое дитя. Весь день прошелъ для Лавиніи въ притворномъ изнеможеніи и въ непритворной тоскѣ. Она не могла не осуждать выдумки Фальконе, и другъ ея, прежній идеалъ совершенства, теперь сталъ проигрывать въ глазахъ дѣвушки, у которой природное шрамотушіе замѣняло недостатокъ опытности.

Вечеромъ, жители Фрескавала занялись приготовленіемъ къ празднику. Повѣщали дровей и родственниковъ по соседнимъ деревнямъ, собрали трупы лучшихъ музыкантовъ. На мѣстѣ, избранномъ для собранія, траву подкосили, вѣтви деревъ подрѣзали. То былъ самую природой устроенный кругъ, примыкавшій къ горѣ, съ которой низвергался ручей пѣнящимися каскадами. Вола, чистая, серебрястая, падала на скалы и мчалась, какъ стрѣла, по кремнистому руслу, вырытому ею посреди луга. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ кругъ приближался къ евавидѣвшемуся Тарентскому - Заливу, зеленъ скрывала постепенное паденіе ручья. Вдали онъ опять показывался и съ яростію несся къ морю, въ которое падали его чистыя волны. Этотъ ручей, съ набросанными на него нѣсколькими досками, долженъ былъ служить границей между танцевальнымъ заломъ и мѣстомъ, назначеннымъ для пира. Съ одной стороны поставлены были скамейки и длинныя столы на подставкахъ; съ другой — устроили родъ возвышенія для оркестра. — На слѣдующій день, Фрескавалъ представлялъ картину необыкновеннаго движенія и веселья. Приглашенные на праз-

дникъ, разоштыя въ лучшее, что только у нихъ было, толпились на церковной паперти, входили къ знакомымъ, или отправлялись къ приготовленному мѣсту, расположенному шагахъ въ пятидесяти. Распорядительницы наблюдали за кухонными приготовленіями; дѣвушки хлопотали надъ своимъ туалетомъ; старики принимали гостей; молодые люди брали на свое попеченіе пожитки и экипажи только-что прибывшихъ сосѣдокъ; наконецъ, вѣшавшіяся въ толпу дѣти бѣгали съ порученіями, отыскивали разныя лакомства и свои геройскія выходы сопровождали радостными криками и воздушными прыжками.

Около пяти часовъ, большая часть гостей собралась на увеселительномъ мѣстѣ. Почтенный аббатъ Манѣреди прочиталъ краткую молитву, напомнивъ мірянамъ, что для успѣха всякаго предпріятія необходимо испрашивать благословеніе Божіе. Онъ просилъ гостей присоединить свои молитвы о выздоровленіи, которое надѣялись исходатайствовать музыкою и танцами. Всѣ преклонили колѣни.

Въ эту минуту, Лавинія, поддерживаемая и окруженная своими молоденькими подругами, оказалась при входѣ въ кругъ. Она была блѣдна; полныя слезъ глаза ея то стыдливо опускались, то блуждали вокругъ, какъ-бы отыскивая того, чье присутствіе было для нея единственнымъ праздникомъ. На ней было бѣлое платье, украшенное зелеными виноградными вѣтвями. Вторая, такая же бѣлая тунника, была приподнята и поддерживалась сзади бантами изъ развопѣтыхъ лентъ. Виноградныя листья и золотыя булавки придерживали на головѣ длинное прозрачное покрывало. Блестящія розетки, драгоцѣнныя украшенія — покрывали грудь и руки прекрасной *тарантеллы*.

— Что тамъ дѣлають? спросила она съ безпокойствомъ, замѣтивъ, что всѣ стоятъ на колѣняхъ.

— Молятся о тебѣ, Лавинія, отвѣчали ей.

— Обо мнѣ? О! я не стою! воскликнула она, упавъ также на колѣни.

— Благочестивая дѣвушка! покорная, кроткая христіанка! зашептали со всѣхъ сторонъ.

— Господи, сжался надо мной! но... это святотатство! повторила Лавинія, заливаясь слезами. — Нѣтъ, не могу ихъ больше обманывать: эта молитва падеть на меня проклятіемъ. И мой добрый дядя! Мать моя!.. Нѣтъ, это невозможно! Я мнѣ все расскажу!..

И она бросилась впередъ, чтобъ тутъ же обвинить себя, рѣшившись лучше подвергнуться стыду всенароднаго признанія, нежели терпѣть муки возмущенной совѣсти. Но желѣзная рука приковала ее къ мѣсту. Фальконе былъ подлѣ. Онъ бросилъ на нее повелительный взглядъ, и она снова стала страждущею, нерѣшительною, снова склонилась предъ волею своего влаго гевія.

Началась церемонія. Тарантатѣ дали въ руку обнаженную шпагу, и присутствующіе составляли около нея широкій кругъ. Раздались первые звуки оркестра. Нѣсколько арій были сыграны безъ всякихъ послѣдствій: Лавинія, казалось, ихъ не слушала; она стояла неподвижно, съ повисшей головой, опираясь на шпагу, конецъ которой былъ погруженъ въ землю.

Фальконе терялъ терпѣніе. Молніи сыпались изъ огненныхъ глазъ его, устремленныхъ съ дьявольскою настойчивостью на тарантату; но она ихъ не видѣла: она, казалось, была въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Начинаясь ропотъ: собраніе устало ждать. Тогда Фальконе незамѣтно пробрался къ оркестру и сказалъ нѣсколько словъ музыкантамъ. Музыканты быстро прервали вачатую арію, и послѣ минутнаго молчанія раздалась тихая мелодія, раздварающая, какъ *терцетъ* Данте, который такъ сильно возбуждаетъ прелчущствія, слываясь съ плачемъ то-скающей Дездемоны: то была горная пѣсня, которую до-сихъ-поръ только олимпъ Фальконе напѣвалъ фрескавальской красавицѣ.

При первыхъ звукахъ, Лавинія двинула три раза намѣтилась въ лицѣ; казалось, она была сильно возволнована; выраженіе радости и грусти разнилось по лицу ея. Глаза ея встрѣтились съ глазами Фальконе, который улыбнулся ей, ободрялъ ее. Она переступила нѣсколько шаговъ, трепещущая, стыдливая, смущенная.

— Bravo, bravo! закричала толпа, хлопая въ ладоши.

Раздался медленный и важный мотивъ танца.

— Предложу свою руку невѣстѣ, сказала мать Лавиніи, обращаясь къ Джюкондо.

Молодой человекъ подошелъ къ тарантатѣ; но она быстро отошла и оглянулась вокругъ, какъ-бы желая удалиться.

— Выбери меня своимъ танцоромъ! сказала ей Фальконе.

— И ты осмѣлишься нанести мнѣ эту обиду? грозно проговорилъ Джюкондо.

Онъ говорилъ Лавиніи; но взглядъ его, полный силы, какого до-сихъ-поръ невѣста и не подозрѣвала у него, обращался прямо на прекраснаго горца. Фальконе отвѣчалъ ему такимъ же смѣлымъ взглядомъ. Всѣ ждали несчастія, какъ вдругъ Лавинія, иррешедъ въ себя, схватила своего жениха за руку и увлекла его въ средину круга. Начался танецъ. Танецъ постепенно оживлялся; присутствующіе били ногами, руками, качали головами; на всѣхъ лицахъ, во всѣхъ движеніяхъ выразилось то чувство живаго наслажденія, которое такъ свойственно Итальянцамъ.

Окончивъ танецъ, Лавинія оглянулась, отыскивая глазами неукротимаго горца, но онъ уже исчезъ. Его отсутствие заронило въ душу бѣдной невѣсты невыносимое безпокойство, которое можно разсвѣтъ развѣ только движеніемъ, и она начала кружиться съ какимъ-то лихорадочнымъ одуршеніемъ. Она даже не оставалась, когда погружала свои прекрасныя руки въ близъ-стоящую воду

съ холодной водой и всырыскивала себѣ голову и лицо. Оркестръ ускорилъ тактъ, достигъ быстроты *hirrica*, ария, подъ которую выполняется *tarentella*, этотъ бѣшеный національный танецъ, получившій, какъ говорятъ, начало отъ описанной церемоніи.

Впрочемъ, неизнеможенная, усталая тарантата раза два или три принуждена была отдыхать. Въ эти промежутки, другіе занимали ея мѣсто, и странная манія, сообщенная тарантуломъ, казалась, овладѣвала всѣми по очередию.

Прошло два часа съ-тѣхъ-поръ, какъ скрылся Фалькопе. За нервическимъ порывомъ олушевленія, въ Лавиніи послѣдовала перемѣна не менѣе ужасная: она выбилась изъ силъ. Мысль, что ея милый ужъ больше не воротится, заставила ее кончить церемонію скорѣе, нежели это обыкновенно дѣлалось.

Лавинія нетвердымъ шагомъ приблизилась къ вазѣ, изъ которой освѣжалась во время танца. По условному знаку, состоявшему въ томъ, чтобы вылить остальную воду ей на голову, водруги должны были отнесть ее дошю и положить въ постель, между тѣмъ, какъ прочимъ гостямъ слѣдовало садиться за столы, обильно уставленные, какъ на свадьбѣ богатаго Гамаша. Въ продолженіе этого времени, пароксизмъ болѣзни долженъ былъ разрѣшиться совершеннымъ расслабленіемъ, за которымъ слѣдовало бы временное облегченіе. Лечение продолжается обыкновенно нѣсколько дней, до совершеннаго выздоровленія больной. Но сценѣ, въ которой Лавинія играла роль героини, не суждено было кончиться обыкновенной развязкой. Тарантата уже схватила вазу и подняла ее надъ своей головою, какъ вдругъ, весь испуганный, махая руками, взбѣжалъ мальчикъ съ крикомъ:

— Господиъ священикъ! Лавиніа! воры, разбойники у насъ!

Ужасъ такъ живо изобразился на лицѣ мальчика, что никто не усомнился въ истинѣ. Быстрѣе молніи, все

общество бросилось къ дому любимаго священника. Самъ аббатъ Манфреди, его сестра и племянница, пораженные страхомъ, спѣшили за толпою. Неаполитанскія горы съ незапамятныхъ временъ служили убежищемъ тѣмъ разбойникамъ, отъ которыхъ теперь остались едва-замѣтные слѣды. Они часто дѣлали набѣги въ долину, но нападали только на путешественниковъ. Никогда не приходило нить на мысль грабить жителей бѣдныхъ деревенекъ, въ родѣ Фрескавала, которые въ особенности были защищены отъ хищныхъ набѣговъ соседствомъ Тарента, отсюда можно было получить скорую помощь. Страхъ окончательно проникъ толпу, когда, проходя черезъ церковную площадь, замѣтили на скатѣ горы собравшихся по тропинкѣ, ведущей въ Остини и Мартино, нѣсколькихъ красивыхъ, исправно-вооруженныхъ всадниковъ, увозившихъ върѣзныя аббату Манфреди сокровища, назначенныя на украшеніе церкви.

Крикъ негодованія раздался въ толпѣ. Разбойники оглянулись. Въ эту минуту, влучина дороги повернула ихъ къ Фрескавалю, и потому легко можно было различить навьюченные у нихъ на сѣдлахъ богатые занавѣсы, пожертвованныя Мадоннѣ де-ла-Кверція. Послѣдніе лучи солнца освѣтили и драгоценныя вазы, и разные другія украшенія, назначенныя для алтаря Богородицы. Вѣхавшій впереди всѣхъ всадникъ казался начальникомъ отряда. Онъ былъ высокъ ростомъ, одѣтъ изысканно. Станъ его казался какъ-будто знакомымъ; Джюкондо, аббатъ, сестра его и кое-кто изъ постороннихъ посмотрѣли на Лавинію съ виднымъ недоумѣніемъ. И она какъ-будто узнавала этого всадника; она всматривалась въ него, дрожа всѣмъ тѣломъ. Но недолго продолжалось это недоумѣніе: всадникъ отбросилъ плащъ, которымъ былъ закутанъ, сваливъ нахлобученную на самые глаза шляпу, и поклонился низко съ засмѣшанной важностью. Лавинія страшно вскрикнула и замертво

упала на руки матери. Начальникъ шайки, совершившей сватогатственное хищничество, былъ — Фальконе да-Пьетраччю.

Когда воротились домой, у Лавиниі открылась сильная горячка; она призвала дядю и мать, и рассказала имъ, какъ Фальконе уговорилъ ее пуститься на обманъ, служившій средствомъ къ злодѣйному имъ преступленію. Раскаленіе бѣдной дѣвочки было такъ глубоко, что ни дядя, ни мать не имѣли силъ упрекать ее. Напротивъ, добрый аббатъ старался ее успокоить и выразился такъ:

— Этотъ страшный урокъ будетъ тебѣ во благо, дитя мое. Оставляю тебя на волю твоихъ собственныхъ размышлений. А самъ подумаю только о средствѣ, какъ поправить зло.

— Я нашелъ средство воротить подаренъ доброй шайки, сказалъ на другой день Джюкондо аббату Манфреди, догнавъ его у рѣшотки, украшавшей фасадъ дома: — но средство мое опасно и трудно.

— Посмотришь, однако, что за средство.

— Вы знаете, что козочка Фавилла подарена Лавиниі тѣмъ самымъ Фальконе, который принадлежитъ къ шайкѣ этихъ разбойниковъ, если даже не начальникъ ихъ.

— Ну!

— Вотъ мой планъ. Мы возьмемъ эту козу. Она всегда порывнется убѣжать въ горы, и, вѣроятно, поминутно убѣжище своего прежняго хозяина; она насъ доведетъ до него.

— Мысль остроумна; но ты не подумаешь, другъ мой, что такимъ образомъ мы можемъ встрѣтить этихъ злодѣевъ?

— Мы будемъ хорошо вооружены; пойдемъ въ такое время, когда ихъ не будетъ на мѣстѣ. А потомъ... съ Божьей помощію!.. Волковъ бояться — въ дѣлѣ не ходитъ.

— Еще одно замѣчаніе. Козочка очень дика, слушается только одной Лавиниі: намъ съ нею не сладить.

— Конечно, не сладить, отвѣчалъ слабый голосъ.

Аббатъ и Джюкондо увидѣли Лавинию, сидѣвшую у окна и слышавшую весь ихъ разговоръ. — Она дала имъ знакъ и сама сошла внизъ. Страшная тоска истомила ее. Глаза у ней распухли отъ слезъ; грудь тяжело дышала. Она почтительно поцаловала руку аббата-дяди и грустно поклонилась Джюкондо.

— Я безъ умысла подслушала вашъ планъ, сказала Лавиниі: — онъ хорошъ; но для вѣрнаго успѣха вамъ надо взять меня съ собою.

— Тебя?

— Васъ! вскрикнули изумленные совѣщатели.

— Я поведу Фавиллу, то-есть, буду ее держать, и она проведетъ меня.

— Въ такомъ случаѣ, должно отказаться отъ нашего плана, возразилъ аббатъ. — Мы никогда не согласимся подвергнуть тебя...

— Никогда! выразительно повторилъ Джюкондо.

— Если вы на это не согласитесь, продолжала Лавиниі: — то я, вѣроятно, умру съ горя. Вы не знаете, что такое угрызеніе совѣсти, а еслибъ знали, вы сжалятся бы надо мной. Ради Бога, позвольте поправить мою ошибку.

— Но, несчастная! произнесъ аббатъ: — если мы встрѣтимъ разбойниковъ?

— Тогда, отвѣчала Лавиниі съ выраженіемъ рѣшимости: — тогда Джюкондо убьетъ меня: это будетъ мое искупленіе.

— Убить мою милую! убить мою невѣсту!

— Твою невѣсту! другъ мой! Ту, которая хотѣла промѣнять тебя на этого...

Голосъ Лавиниі задрожалъ. Джюкондо схватилъ ее за руки, цаловалъ ихъ, и клялся, что никто, кромѣ ея, не будетъ его женою. Лавиниі взглянула на него; въ этомъ взглядѣ мелькнула благодарность... Она продолжала:

— Дядюшка! добрый Джюкондо! исполните мою просьбу...

— По твоя мать, дитя мое!

— О, не говорите ей объ этомъ, ничего не говорите! Я никогда не упрощу ея!

Аббатъ Манфреди и Джіокондо, давно уже привыкшіе исполнять малѣйшія желанія Лавиніи, не могли ей долго противиться. Они согласились взять ее въ опасную экспедицію, и присутствіе ея заставило ихъ усилить осторожность. Джіокондо, вмѣсто слѣдующаго утра, назначилъ тотъ же вечеръ для выполненія предпріятія.

— Темнота намъ поможетъ, сказалъ онъ.

Необходимость дѣйствовать разсѣлала физическую слабость Лавиніи, одушевленной мыслью, что ей выпалъ случай искупить свою горькую ошибку. Въ нѣсколько часовъ снарядились, запаслись провизіею, потому-что не знали, сколько продлится путешествіе и куда поведетъ глухая тропинка, которую, безъ сомнѣній, изберетъ коза. Аббатъ взялся осторожно объяснить сестрѣ отсутствіе Лавиніи и свое собственное, и сдѣлалъ это, не возбудивъ никакого подозрѣнія. Въ десять часовъ вечера, горсть путешественниковъ собралась на назначенномъ мѣстѣ. Она состояла изъ двѣнадцати самыхъ ловкихъ, отважныхъ Фрескавальповъ. Аббатъ, Джіокондо, Лавинія дополняли группу. Лавинія держала на веревочкѣ козу.

Луна вошла во всея своемъ блескѣ, когда путешественники начали подниматься въ гору, предводимые козочкой, которая отъ чего-то вдругъ необыкновенно одичала. Привыкшая въ эти часы спокойно спать, Фавилла вовсе не чувствовала охоты гулять молъ звѣзднымъ небомъ. Упрямая, своенравная, прихотливая, она едва покорялась волѣ своей госпожи.

— Что бы вы стали съ ней дѣлать? спросила Лавинія, указывая Джіокондо на козочку.

— Я бы свернулъ ей шею! Но какъ же вы заставляете ее идти, когда она упрямятся?

— Это мой секретъ.

Еслибъ Джіокондо посмотрѣлъ въ

Т. IV. — Од. VIII.

эту минуту на свою невѣсту, онъ вѣдѣлъ бы, что румянецъ пылалъ у ней на лицѣ и слезы повисли на шелковистыхъ рѣсницахъ. Любопытство молодого человека возбуждалось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что каждый разъ, когда козочка, въ порывѣ упрямыя или ложилась на землю и не хотѣла вставать, или останавливалась какъ вкопанная посреди дороги, или тянулась щипать траву, — Лавинія показывала ей вещицу, которую держала въ рукѣ, и козочка тотчасъ принималась прыгать, скакать, пускалась бѣжать въ извѣстномъ направленіи, обнаруживая совершенное знаніе мѣстности и цѣли розысковъ. Они шли безъ дороги; проходили дремучіе лѣса, перебирались чрезъ опасные рвы, лѣзли по краю черной, неизмѣримой пропасти. Въ два часа пополудни, козочка быстро бросилась впередъ, и, въ первый разъ послѣ ихъ выхода — заблѣла. Джіокондо схватилъ ее за рыльцо.

— Будьте осторожны! прошепталъ онъ отрывисто.

Послышались мѣрные шаги часового.

— Мы дошли, сказалъ Джіокондо. — Теперь, Лавинія, удались съ козочкой и постарайся уговорить ее. Вы четверо, продолжалъ онъ, распредѣляя людей: — ступайте за нею, и въ случаѣ опасности бѣгите, спасайте ее.

Потомъ, оставивъ большую часть отряда на мѣстѣ, онъ приблизился къ краю пропасти, закрытому въ этомъ мѣстѣ густымъ кустарникомъ. Внизу слышались голоса; но разговаривающихъ было не видно, и Джіокондо никакъ не могъ заключить о ихъ числѣ и положеніи.

— Гей! il Biondo! мнѣ послышался шумъ, произнесъ одинъ голосъ, какъ-будто съ просонковъ.

— Ба! отвѣчалъ другой, вѣроятно караульный: — это коза заблѣла.

— Въ два часа утра?

— Случается; когда у нихъ заблудится дѣтенышъ, онъ ищетъ еко цѣлую ночь.

— Да, ужь какъ дѣло зайдетъ о дѣлахъ, мой милый, тутъ для матери нѣтъ ни страха, ни усталости, ни самой смерти. Самка — все самка.

— Ну, не даромъ же прозвали тебя философомъ, сказалъ сѣбѣся другой. — Сколько чувства къ слову о козѣ!

— Потому что коза напоминаетъ мнѣ другую мать. Эта превратится въ фурию, если Фальконе утащитъ ея дѣтеныша...

При этихъ словахъ, сердце Джіокондо забилось такъ сильно, что даже дрожь пробѣжала по всѣмъ его членамъ. Занимательность драмы довершилась.

— Согро ді Вассо! можно надѣяться, что мы отвлечемъ начальника отъ этой сумасбродной затѣи.

— Онъ не прійдется за нее, пока не кончимъ дѣла Бриндизи, которое дьявольски-важно. И отъ сихъ поръ до...

— Сколько это займетъ времени? спросилъ Иль-Біондо. — По-крайней-мѣрѣ десять дней...

— Да, отвѣчалъ другой. — Но если онъ будетъ настаивать?

— Онъ нашъ начальникъ; надо повиноваться. Впрочемъ, это не помѣшаетъ ему поставить насъ въ опасное положеніе.

— А, право! да здравствуетъ опасность! безъ нея чтò за жизнь!..

— Э! Омо, братецъ, хорошо на словахъ, а если эга синьйора Англичанка, такая богатая, вздумаетъ насъ повѣсить, она это сдѣлаетъ! Съ золотомъ чего нельзя? Изъ труса сдѣлаешь храбрца, и хотъ бурю, такъ усмиришь!

Разбойники поговорили еще кое о чемъ, уже невнимательномъ для Джіокондо. Скоро Иль-Біондо сѣвнился съ своего поста. Товарищъ его отпраивлялся спать, и новый часовой молча принялся шагати взадъ и впередъ. Джіокондо тихо приподнялся и отошелъ къ товарищамъ. Онъ повелъ ихъ со всевозможными предосторожностями въ лѣсъ, чрезъ который они уже проходили; потомъ велѣлъ имъ возвратиться на самыя густыя деревья и тамъ ждать чьихъ приказаній. Укрывъ такимъ

образомъ свой отрядъ, Джіокондо гулубился въ лѣсъ, чтобъ найти аббата и Лавинію и посоветоваться съ ними. Вдругъ кто-то сильно толкнулъ его и опрокинулъ на землю. Онъ однако тотчасъ всталъ и бросился искать непріятеля. Чрезъ минуту его задрѣ два или три человѣка, торопливо проходившіе мимо.

— Кто идетъ? послышался голосъ аббата.

— Джіокондо. Но кула вы такъ спѣшите?

— Ковочка убѣжала.

— Diavolo! надобно ее поймать, провнесь молодой человѣкъ. И, вѣстѣ съ другими, онъ побѣжалъ ко входу въ лѣсъ, потому что Фавила галопировала прямо къ притону разбойниковъ.

Достигнувъ площадки, на которую уже не свѣтили лунные луча, они услышали между кустами, оканчивавшимися пропасть, блѣныя козы. Потомъ раздался ружейный выстрѣлъ. Часовой увидѣвъ Фавилу, вспомнилъ о недостаткѣ у нихъ свѣстныхъ припасовъ и выстрѣлилъ въ нее; но ему удалось только ранить бѣдную козочку, и, недовольная приеомомъ друзей, къ которымъ такъ радостно лѣтѣла, Фавила воротилась и, какъ змѣя, проскользнула между ногъ Джіокондо и его товарищей, а между-тѣмъ, часовой, забывъ свой долгъ, пустился догонять ее. Въ это время, разбойники, пробужденные выстрѣломъ и думая, что на нихъ сдѣлано нападеніе, въ одинъ мигъ поднялись, и вслѣдъ за бѣгущимъ часовымъ дали залпъ въ толпу Фрескавальцевъ, которая вѣстѣ съ прибѣжавшими на выстрѣлъ скрытыми въ лѣсу людьми была вся налицо, кромѣ Лавиніи. Джіокондо и его товарищи, какъ ни были храбры, но не могли бороться съ людьми, привывшими къ боевымъ схваткамъ. Аббатъ Манфреди даже не старался защищаться. Послѣ недолгой перестрѣлки, вѣтшей сѣдствіемъ нѣсколько ранъ съ обѣихъ сторонъ, главные Фрескавальцы были захвачены въ плѣнъ и обезоружены; и все

это совершилось не больше, какъ въ десять минутъ. Смущенные своей неудачей, ужасаясь при мысли объ ожившемъ ихъ ищениі разбойниковъ, шли они за своими побѣдителями. А побѣдители завязали имъ глаза и повели къ своему притону неровными и опасными тропинками. Когда повязки были сняты, плѣнники увидѣли себя въ пещерѣ, образованной самой природой, но устроенной и укрѣпленной рукою человека. Единственное видимое отверстіе было между скалъ, на высотѣ около пятнадцати футовъ. Тамъ видѣлся ходившій взадъ и впередъ часовой, одѣтый простымъ разбойникомъ, но вооруженный съ головы до ногъ и зорко слѣдившій за плѣнниками. По временамъ, для развлечения, онъ прицѣплялся въ котораго-нибудь изъ нихъ; потомъ смотрѣлъ на него съ отеческою улыбкою, и, вскинувъ на плечо карабинъ, продолжалъ ходить до-тѣхъ-поръ, пока природная веселость не внушала ему желанія попытаться на другомъ дѣйствіе своей невинной забавы.

Между-тѣмъ, Лавинія оставалась въ страшномъ безпокойствѣ. Она также слышала выстрѣлъ часоваго, потомъ— шумъ схватки, стукъ оружія, раздававшійся эхомъ по гѣсу и окрестнымъ пещерамъ. Когда все замогло, Лавинія обмерла отъ страха: никто не приходилъ къ ней. Что же такое случилось? Ясно, что былъ бой между ея друзьями и разбойниками. Но кто остался побѣдителемъ? Лавинія дрожала при этомъ вопросѣ... Аббатъ, Джіокондо или кто-нибудь изъ Фрескавальцевъ пришелъ бы сказать ей объ успѣхѣ, еслибы побѣда осталась на ихъ сторонѣ... Что таилось въ этомъ мертвомъ молчаніи? Смерть, или, по-крайней мѣрѣ, пораженіе Фрескавальцевъ. Въ этомъ не могло быть сомнѣнія. Одинокость, тишина, прерываемая иногда только гуломъ гѣса да крикомъ птицъ, испуганныхъ небывалымъ шумомъ, возмущившимъ ихъ сонъ, навели на Лавинію невыразимый ужасъ; она же имѣла силъ оставаться дольше въ

этой мучительной невѣдѣнности и наудачу вышла изъ укрывавшихъ ее кустовъ. Сначала, шаги ея были медленны и робки; она останавливалась каждую минуту и, осматриваясь во-кругъ, не рѣшалась подать голосъ своимъ друзьямъ, чтобъ не быть услышанной разбойниками. Страхъ ея росъ по мѣрѣ того, какъ подвигалась она впередъ, не слыша ни голоса, ни шелеста шаговъ между окружающими ея скалами. Долго блуждала Лавинія и, наконецъ, достигла мѣста недавней битвы. Утренняя заря занималась на небѣ. На травѣ виднѣлась еще свѣжая кровь. Обломки оружія, доскуты одежды разбросаны по землѣ; но не было ни одного раненнаго.

Ничто не показывало направленія, по которому удалились уплѣвшіе отъ побойща. Лавинія подошла къ кустамъ, гдѣ недавно Джіокондо подслушивалъ говоръ разбойниковъ... Не было никакихъ признаковъ ихъ близкаго сосѣдства. Испуганная глубокой тишиной, тошная предчувствіемъ, она воротилась въ гѣсъ и сѣла, чтобъ подумать о средствахъ помочь своимъ несчастнымъ друзьямъ.—Какая переимѣна совершилась въ ней! Сколько горькихъ воспоминаній, мучительныхъ сожалѣній проснулось въ душѣ ея! Она, скромная, чистая, могла любить атамана разбойниковъ, покрытаго преступленіями! Она предпочла его Джіокондо, такому добродушному, великодушному, который и въ ту минуту, когда она склонила голову подъ тяжестію стыда, предлагалъ ей свое отвергнутое ею имя.

Одно средство оставалось Лавиніи, и она тутъ же ухватилась за него—возвратиться въ Фрескаваль и просить милости о помощи; умолять ее—освободить достойнаго аббата и товарищей его несчастія, если еще было не поздно.

Первый лучъ солнца, блеснувшій, какъ ракета, на небѣ, освѣтилъ дорогу Лавиніи, когда она старалась отыскать направленіе, ведущее къ родной деревушкѣ. Нѣсколько времени шла

она впередъ, полагаясь на волю Божию, и—не обманулась. При свѣтѣ, слабо проникавшемъ въ густоту зелени, она различила на травѣ и листьяхъ кустовъ капли розоватой крови. Мысль, что тутъ проходитъ бѣглець съ поля битвы, придала бы новыя силы Лавиніи, еслибъ къ этой мысли не прививалась другая: можетъ-быть, эти страшныя слѣды оставлены аббатомъ или Джіокондо. Холодъ проникъ въ ея сердце. Но, о счастье! отыскивая продолженіе кроваваго слѣда, она ясно увидѣла на травѣ отпечатки козыхъ ногъ, запятнанные той же кровью. Далѣе, на вѣтвяхъ терновника висѣли клочки длинной бѣлой шерсти, очень похожей на шерсть ея упрямой любимицы. Долго шла Лавинія; она то теряла, то снова находила красныя капли, которыя, какъ гранатовыя зерна въ восточныхъ сказкахъ, казались, нарочно пролиты на ея дорогѣ. Увѣрившись, что козочка бѣжала по этой тропинкѣ, Лавинія уже не сомнѣвалась, что тропинка ведетъ прямо въ Фрескавалъ. Въ девять часовъ утра, она, изнемогая отъ усталости, дошла до берега ручья, сбѣгавшаго каскадомъ въ долину, гдѣ совершался праваникъ *garantismo*. Не смотря на то, что была она одна, яркій румянецъ вспыхнулъ у ней на щекахъ при мысли о горькомъ проступкѣ; но вдругъ она поблѣднѣла, вспомнивъ, какъ жестоко была наказана вслѣдъ за совершеннымъ преступленіемъ. Въ такомъ настроеніи мыслей, Лавинія перешла ручей по набросаннымъ черезъ него сосновымъ бревнамъ. Въ десяти шагахъ, на краю пропасти, лежала мертвая козочка. Лавинія горько заплакала о своей любимицѣ, потомъ—пошла своей дорогой, и скоро добралась до деревни. Въ короткихъ словахъ рассказала она изумленной матери все случившееся и не успокоилась до тѣхъ-поръ, пока не былъ отправленъ нарочный къ доброй свѣйорѣ Англичанкѣ, съ извѣстіемъ о несчастіи, постигшемъ Фрескавалъ.

Посланный скоро воротился съ доб-

рыми вѣстями. Все, что только могли сдѣлать дьяволы и вѣліе вѣстаетъ женщины, было употреблено въ пользу аббата и его плѣнныхъ товарищей. Дѣйствительно, чрезъ вѣсколько часовъ, отрядъ, присланный изъ Тарентъ, вступилъ въ Фрескавалъ. Лавинія принуждена была провозгласить его на мѣсто битвы. Мать ея также изъявила-было желаніе отправиться; но желаніе, конечно, оказалось неудачнымъ, даже почти неисполнимымъ.

Нѣскольکو Фрескавальцевъ вызвались соупотствовать Лавиніи. Офицеръ, командовавшій отрядомъ, согласился съ мнѣніемъ, что вужно застать разбойниковъ въ-расплохъ, и потому второй походъ Фрескавальцевъ, такъ же какъ и первый, былъ совершенъ ночью.

Два долгіе дня и двѣ мучительныя ночи уже провела плѣнница. Кормили ихъ скуднымъ обѣдомъ изъ чернаго хлѣба и сырой, соленой трески. Ни одинъ звукъ не доходилъ до нихъ, кромѣ мѣрнаго паденія капель воды, стекавшей съ каменнаго свода, да еще другаго, такого же однообразнаго шума шаговъ часоваго. Джіокондо дивился, что позволяютъ имъ такъ долго жить, и каждую минуту ждалъ знака къ общей рѣзнѣ. Разбойники ищли всѣ выгоды на своей сторонѣ относительно расположенія этой пещеры, откуда при малѣйшемъ покушеніи дѣлѣ бѣгству плѣнникъ долженъ былъ опасность прямо подѣ выстрѣлъ.

Джіокондо крѣпко вѣрившись. Самыя мѣтеорологическія туземныя заклятія невольню вылетали у него изъ устъ попеременно съ умилительными молитвами. *Имя Бахуса, кровь Дианы, тронъ Юпитера* странно мѣшались въ воздухѣ съ другими воззваніями. Аббатъ Манфреди, всегда доблестный и строгій, старался внушить своимъ товарищамъ покорность, подавая имъ примѣръ самимъ-собою. Прочіе плѣнники выражали свои чувства, смотря по минутнымъ впечатлѣніямъ. Одни плакали въ углу, другіе хранили грозное молчаніе. Нѣкоторые горячились

съ Джіокондо. Самаа малая часть стояла на колѣняхъ вокругъ аббата.

Однако, на третью ночь, изнуренные долгимъ, томительнымъ ожиданіемъ, они всѣ заснули. Вдругъ, шумъ, въ родѣ подземнаго грома, раздавшійся въ пещерѣ, разбудилъ ихъ...

— Господи! вскрикнули оцѣпенѣвшіе отъ ужаса плѣнники: — итакъ, все кончено!

— Дѣти мои... прощайте!

— Бѣдная жена, не увижу я тебя больше!

— Господи, сжался надъ нами! прошепталъ аббатъ.

— Святая Мадонна делла-Кверчіа, я тебѣ свѣчу поставлю...

— А! еслибъ было оружіе! съ яростію прокричалъ Джіокондо.

Нѣсколько минутъ несчастные были твердо увѣрены, что ихъ взорвутъ на воздухъ вмѣстѣ съ иррачной темницей, стѣны которой тряслись и своды, казалось, готовы были обрушиться. Изгибы подземелья еще оглашались глухимъ отголоскомъ, когда тихій голосъ поразилъ слухъ Джіокондо.

— Дядюшка! послышалось вдали. — Дядюшка! Джіокондо!

Ясно, что это былъ голосъ Лавиніи. Лавинія! и она также въ рукахъ разбойниковъ? Джіокондо согласился бы перенести жесточайшія пытки инквизиціи, лишь бы не знать этой мысли. Онъ вскочилъ какъ бѣшеный и закричалъ:

— Ко мнѣ, друзья! Лавинія зоветъ насъ, спасете ее! И, не ожидая отвѣта, бросился онъ на стѣну сѣвей пещеры, почти увѣренный, что скатится замертво внизъ, пораженный пулей караульнаго. Никакое чувство самохраненія не могло остановить влюбленнаго, летѣвшаго спасать свою невѣсту. Но какъ онъ былъ изумленъ, когда, взобравшись на остроконечныя скалы и достигнувъ выхода, до-сихъ-поръ такъ строго охраняемаго часовымъ, онъ не услышалъ роковаго звука оружія и не встрѣтилъ никого. Вдали, тусклый свѣтъ неровно озарялъ темныя углуб-

ленія, блестящіе сталактитовыя столбы и звучныя своды пещеры. Легкая тѣнь, съ пылающимъ факеломъ въ рукѣ, пробѣгала по безчисленнымъ самороднымъ галереямъ, призывая отчаяннымъ голосомъ:

— Дядюшка! Джіокондо... другъ мой!...

Толпа солдатъ, на штыкахъ которыхъ какъ молнии играли огни факеловъ, помогла дѣвухѣ въ ея розыскахъ. Джіокондо въ мигу узналъ, что значило это неожиданное врѣщаніе. Онъ хотѣлъ броситься на встрѣчу милой, но страхъ, запутавшись въ поворотахъ этого лабиринта, можно забыть мѣсто, гдѣ томилась товарищи, остановилъ его. — Онъ стоялъ неподвижно до-тѣхъ-поръ, пока опять не услышалъ отрадный голосъ Лавиніи. Тогда только онъ отвѣчалъ ей. По его голосу, Лавинія и солдаты скоро отыскали плѣнниковъ.

Пока Лавинія съ радостными слезами обнимала дядю и жала руку восхищенному Джіокондо, плѣнники и небавителя перекидывались взаимнымъ разказами. Послѣдніе, достигнувъ мѣста, гдѣ была схватка, безъ всякаго труда отыскали убѣжище разбойниковъ. Они прошли туда въ молчаніи и застали въ-расплохъ восемь человѣкъ, оставшихся въ пещерѣ. Послѣ недолгаго, по энергическаго сопротивленія, въ которомъ, вѣроятно, и часовой принималъ участіе, оставивъ присмотръ за плѣнниками, разбойники принуждены были сдаться. Они были связаны и отправлены подъ примыгніемъ въ Тарентъ. Между разными сокровищами, отысканы и вещи, пожертвованныя Мадоннѣ делла-Кверчіа между прочими богатствами. Офицеръ все взялъ съ собой именемъ правитель-ства.

Лавинія, сидя на полупрозрачной массѣ сталактита странной формы, рассказывала свое одинокое возвращеніе въ деревню. — Часто прерывала она рѣчь, обнаруживая какое-то нетерпѣливое безпокойство, и жаловалась на медленность сборовъ.

— Боже мой! проговорила она: — если другіе разбойники воротятся!

— Не бойся, моя ненаглядная! отвѣчалъ Джіокондо прохода мимо: — они отправились по-крайней-мѣрѣ дней на восемь. Теперь я понимаю, отъ-чего они не убили насъ. Отъ-того, что эта экспедиція въ Бриндизи... какъ говорилъ одинъ изъ разбойниковъ *Иль-Бюлло*... эта экспедиція чрезвычайно важна. Они, вѣроятно, управившись съ нами и оставивъ для караула восемь человекъ, тотчасъ же и отправились туда. Безъ-сомнѣнія, хотѣли они, воротившись, подумать о томъ, взять ли за насъ выкупъ, или просто отправить всѣхъ на тотъ свѣтъ.

Джіокондо удалился, а Лавинія продолжала свой рассказъ.

Джіокондо помогая офицеру раскладывать добычу по рангу на крѣпкія плечи солдатъ и крестьянъ, какъ вдругъ раздался пронзительный крикъ отчаянія.

— Что это? спросилъ смущенный Джіокондо.

— Лавинія! кричалъ прибѣжавшій аббатъ: — Фальконе!

Больше онъ не могъ произнести ни слова. Но Джіокондо повялъ. Въ десять скачковъ, какъ пантера, у которой похитили дѣтеныша, онъ очутился у входа въ пещеру. Въ ту же минуту, атаманъ, держа на лѣвомъ плечѣ безчувственную Лавинію, появился на площадѣ, гдѣ Бюлло разговаривалъ съ товарищемъ, когда послушивалъ ихъ Джіокондо. Въ отчаяніи схватился молодой человекъ за платье Лавиніи и нанесъ похитителю сильный ударъ кинжаломъ. Фальконе спустил курокъ пистолета. Пуля скользнула по плечу Джіокондо, который отвѣчалъ новымъ ударомъ кинжала. Атаманъ свистнулъ курокъ другаго пистолета — осѣчка. — Онъ схватилъ пистолетъ за дуло, чтобъ раздробить голову противнику; но Фрескавалецъ былъ ловокъ и силенъ; притомъ — ничто не мѣшало его движеніямъ, а Фальконе долженъ былъ поддерживать Лавинію. Началась рукопашная схватка. Джіо-

кондо прижалъ непріятеля къ соснѣ, которая росла надъ самой бездной, между расселинами скалъ. Улучивъ удобную минуту, Джіокондо прилепъ къ себѣ невѣсту и быстрыми движеніемъ толкнулъ атамана назадъ. Фальконе потерялъ равновѣсіе, но въ паденіи встрѣтивъ стволъ сосны, зацѣпился за него ногами и одной рукой не выпуская Лавиніи. Укрѣпившись на этой опорѣ, онъ сильно ударилъ Джіокондо въ голову пистолетомъ. Въ иное время, боль оглушила бы молодого человека; но близкая опасность дада ему сверхъестественную силу.

— Пусть же погибнетъ она со мною! прокричалъ Фальконе задыхающимся голосомъ, напрягая всѣ силы, чтобъ увлечь за собой все еще безчувственную Лавинію.

Подъ судорожными движеніями бойцовъ гнулось и трещало дерево, удерживавшее ихъ отъ паденія. Но любовь и ярость подкрѣпили силы жениха. Прижимая съ нечеловѣческой силой свою подругу, но чувствуя необходимость скорѣе кончить страшную битву, Джіокондо ступилъ ногою на стволъ сосны, быстро нагнулся, размахнулся — и кинжалъ его по самую рукоятку ушелъ въ глазъ несчастнаго атамана... Фальконе захрипѣлъ, но еще держался нѣсколько мгновеній. Наконецъ, онъ выпустилъ изъ рукъ добычу и исчезъ въ бездонной пропасти... Кто будетъ на сторонѣ Джіокондо, кто на сторонѣ Фальконе? — не знаю; но если страшная, раздирающая душу сцена способна вызвать слезу или вздохъ сожалѣнія — эта невозможная дань принесется, конечно, не первому...

Когда Лавинія пришла въ себя, она лежала на плащѣ, подъ густою вѣлвю, на берегу журчащаго ручья. Голова ея покоилась на груди аббата Манфреди. Джіокондо, все еще блѣдный, брызгалъ благовонную горячую воду на лицо невѣсты. Вокругъ привѣтливыхъ лица Фрескавалцевъ улыбались ей.

— Гдѣ я?... Я видѣла страшный

сонъ... проговорила приподнимаясь Лавинія.

— Да, это былъ сонъ, отвѣчалъ аббатъ. — Теперь мы забудемъ прошлое, чтобъ думать только о счастливомъ будущемъ. Въ состояніи ли ты отправиться въ дорогу? приколывай онъ заботливо.

Въ это время, Лавинія, взглянувъ на Джіокондо, замѣтила и страданіе, выражавшееся у него на лицѣ, и шаркъ, подерживавшій его руку. Она вдругъ отъ чего-то поблѣднѣла, но встала съ твердостью.

— Пойдемте, дядюшка! Джіокондо, пойдемте, сказала она.

Такъ оставила она мѣстъ, который наконецъ узнала, и шла все прямо, какъ-будто боясь оглянуться назадъ. Проходя по деревенскому мостику, брошенному чрезъ ручей, близъ того мѣста, гдѣ умерла ея козочка, Лавинія остановилась на минуту, и съ лихорадочной торопливостью бросила далеко въ пѣнящуюся воду вещь, которой Джіокондо не могъ хорошенько разглядѣть.

— Впрочемъ, сказалъ онъ вечеромъ аббату: — кажется, это былъ крестъ и женчужныя серьги.

Приблизившись потомъ къ Джіокондо, Лавинія проговорила торжественно:

— Хотите ли вы имѣть меня женою?

— Я умеръ бы безъ тебя! отвѣчалъ Джіокондо.

— Вотъ вамъ рука моя.

Голосъ ея былъ ровенъ, но лицо нѣдрилось. Въ немъ видна была и тоска и какой-то таинственный страхъ: простодушный ребенокъ, она думала, что принеситъ очистительную жертву...

Черезъ мѣсяцъ, въ Фрескавалѣ праздновали свадьбу Джіокондо и Лавинія... Лавинія никогда не спрашивала объ участи Фальконе и его товарищей... Страшныя происшествія, такъ таинственно связанные съ праздникомъ *marattami*, имѣли слѣдствіемъ паденіе этого древняго обычая. Съ тѣхъ-поръ, тарантула не имѣтъ

зловреднаго вліянія на фрескавалскихъ дѣвушекъ.

НАБЛЮДЕНІЯ НАДЪ ХОЛЕПОЙ.

(Изъ книги Радемахера: «Rechtfertigung der alten scheidekünstigen Geheimkrüge (*). 2-е изд. 1846».)

Изъ числа лекарственныхъ смѣшеній, на особенныя свойства которыхъ меня натолкнулъ столько же случай, сколько собственное мое размышленіе, я считаю особенно нужнымъ говорить съ своими читателями о соединеніи *осеции изъ листьевъ табаку съ уксуко-кислыми натромъ*. Приближаясь къ обыкновенному предѣлу человеческой жизни, я, быть-можетъ, не буду больше имѣть ни случая, ни времени испытывать важность этого соединенія, почему поставлю себя въ обязанность, какъ человекъ и врачъ, предложить его моимъ сотоварищамъ для точнѣйшаго изслѣдованія.

Между прочимъ, читая въ послѣднее время многое о холерѣ, я нашелъ замѣчаніе, что холодный языкъ — вѣрный признакъ, отличающій азиатскую холеру отъ европейской. Признаюсь, я мало обратилъ на это вниманія, и вообще не правятся мнѣ всякія мелочныя формальности въ опредѣленіи какого-либо понятія. Въ 1833 году, посѣтила меня одна богемская баронесса, врачомъ которой былъ я до ея замужства. Теперь она ревностная гомеопатка, и конекъ ея — несчастная холера. Въ мѣтиніи ея, въ Богеміи, былъ врачъ-гомеопатъ, который такъ хорошо лечилъ отъ холеры, что изъ 25 больныхъ ни одинъ не умеръ. Слы-

(* Это сочиненіе промывало сильное дѣйствіе на медицинскую публику въ Германіи; съ 1846 года, книга Радемахера была издана уже два раза. Ред.

шавъ, что я лечилъ также и вылечилъ отъ этой болѣзни одного давнишняго ея знакомаго, тотчасъ сталъ она спрашивать меня, былъ ли у него холодець языка. Я признался, что не щупалъ у него языка, какъ и многихъ другихъ частей тѣла, и что никакъ не могу считать холодный языкъ признакомъ какого-либо особеннаго качества этой болѣзни. Впрочемъ, я добавилъ, что, зная меня, она можетъ мнѣ повѣрить, ибо, ни въ какой случай лечилъ спорадическую (или европейскую) холеру, самую близкую по формѣ съ эпидемическою (или азиатскою) чаще, чѣмъ всякій другой докторъ въ Германіи, я могъ различить одну отъ другой скорѣе, чѣмъ многие врачи, мало видѣвшіе или вовсе не видѣвшіе эту родственную по формѣ болѣзнь. Что я потомъ ей ни говорилъ, она оставалась все-таки при своемъ, т. е. что если у того господина не былъ холодець языка, то у него была европейская, а не азиатская холера. Я это такъ и оставилъ, потому-что совсѣмъ не люблю разыгрывать праваго, особенно передъ дамами; а потомъ пересталъ и думать объ этомъ, такъ-какъ уже и тогда у меня было такое отвращеніе отъ разговоровъ о холерѣ и холерной литературѣ, что мнѣ совсѣмъ не было охоты слушать эту болтовню.

Но въ концѣ лѣта 1834 года, меня позвалъ къ одному вѣдшему 60-лѣтнему ремесленнику, у котораго была холера. Онъ заболѣлъ утромъ, а я увидѣлъ его послѣ полудня. Больной жаловался на стѣсненіе въ головѣ, на непріятное опущеніе въ животѣ, особенно въ верхней его части, извергалъ ртомъ безъ усилія водянистыя, безжелчныя вещества, а низомъ вещества водянистыя, не слизистыя, не кровавыя, въ большомъ количествѣ; между припадками, больше всего мучили его судороги въ икрахъ; пульсъ былъ очень-слабъ и нѣсколько-скоръ, но правиленъ; кожа на мѣстахъ, гдѣ я ее трогалъ, холодна, но не слишкомъ, словомъ, не тепла. Однакоже, она была удруга, ибо когда я сжимаю ее въ

складку, то она тотчасъ выглаживалась. Расположеніе его духа показалось мнѣ очень-похожимъ на то, которое часто встрѣчается въ началѣ первой горячки, а именно, когда эта болѣзнь не начинается сильными головными болями. Этого расположенія духа нельзя назвать собственно ни равнодушнѣе, ни увнѣе, ни забытѣе: оно составляетъ нѣчто среднее между всѣмъ этимъ. Аккуратно изслѣдовавъ всѣ подробности, я вдругъ вспомнилъ о богемской баронессѣ, гомеопатическомъ ея врачѣ и о холодномъ языкѣ. Я просилъ больнаго показать языкъ, и что жь? Въ-самомъ-дѣлѣ, языкъ былъ холодець, какъ и остальная кожа. Не я какъ сказалъ выше, мало обращая вниманія на этотъ признакъ и тотчасъ же прописалъ микстуру: *Rp. Natri acetici ℥ii Gummi arabici ℥ss Solve in aquae ℥vii adde aquae Nicotianae ℥i DS.* Черезъ часъ по ложкѣ (*).

Вечеромъ я снова посѣтилъ больнаго. Рвота прекратилась; первая же ложка лекарства осталась у него въ желудкѣ. Судороги нижнихъ конечностей значительно уменьшились; были еще раза два волянистыя испраженія низомъ; впрочемъ, головная боль все была та же. Я не могъ видѣть мочу, потому-что ея вышло только немного, вмѣстѣ съ испраженіями на низъ; холодець кожи и языка исчезъ, и мѣсто его заступила теплота, которая, казалось, не отличалась отъ естественной.

(*). Препаратъ — «вода изъ табачныхъ листьевъ» находится въ готовности въ аптекѣ аптекаря Феефера, въ Петербургѣ. Желающіе знать способъ приготовленія этой воды, могутъ справиться у г. Феефера, въ Гороховой-Улицѣ, претѣвъ дѣла князя Чернышева. Впрочемъ, здѣсь приводится формула приготовленія воды изъ табачныхъ листьевъ.

Вода изъ табачныхъ листьевъ готовится такъ: «возьми *слезюкъ* (не сухихъ) листьевъ хорошаго табаку 8 фунт. (медичинск.), изрѣжь ихъ и палей на нихъ самаго лучшаго спирта 1½ фунта (медичинск.) и воды сколько угодно, чтобы вышло чрезъ дистилляцію 8 фунтовъ жидкости.»

На слѣдующее утро, состояніе больного значительно улучшилось. Ночью послѣдовало обильное испражненіе ивзомъ, а за тѣмъ исчезло непріятное чувство въ предсердіи. Судороги въ ногахъ не появлялись больше. Моча, которую я теперь видѣлъ, была золотиста и свѣтла, слѣдовательно, немноготемнѣе естественной. Головная боль значительно уменьшилась, но не прошла совершенно. Большой принималъ лекарство всякій часъ; поэтому не могъ я знать, заснулъ ли бы онъ, еслибъ ему не мѣшали всякій часъ, но самъ онъ говорилъ, что въ промежутки времени между приемами лекарства онъ находился въ состояніи сонливости, что значительно сокращало для него время. Это, конечно; значить, что онъ былъ въ состояніи полусна. Я приказалъ продолжать лекарство всякій часъ и назначилъ ему въ обѣдъ нѣсколько жидкаго мяснаго супа съ бѣлымъ хлѣбомъ.

Вечеромъ, найдя, что все болѣзненное состояніе прекратилось, кромѣ головокруженія, я совѣтовалъ давать больному во время ночи лекарство тогда только, когда онъ проснется самъ собою, и не мѣшать ему спать.

На слѣдующее утро, на третій день болѣзни, я нашелъ, что больной совсемъ оправился; онъ спалъ ночью спокойно, и головная боль не только не усилилась, но отъ сна миновала вовсе. Это было вѣрнѣйшимъ признакомъ выздоровленія. Нельзя полагаться на кажущееся выздоровленіе, если послѣ спокойнаго сна увеличивается головная боль; это особливо замѣчалъ я во всѣхъ острыхъ болѣзняхъ мозга, какъ бы ихъ ни вазывали.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того, меня позвали къ одному 60-ти лѣтнему чиновнику. Мнѣ рассказали, что у него постоянная рвота, что онъ необыкновенно-ослабъ, холоденъ всѣмъ тѣломъ, и что у него судороги въ рукахъ и ногахъ, особливо въ ногахъ; все это и заставило меня догадаться, съ какими непріятелемъ мнѣ приходилось сражаться. Я прописалъ выше-

приведенное лекарство и объявилъ, что опять приѣду черезъ два часа, для того, чтобы можно было судить о дѣйствіи лекарства; теперь же мое присутствіе бесполезно и лишь замедляетъ помощь. Только-что прошло два часа, ко мнѣ явился другой посланный съ извѣстіемъ, что лекарство приноситъ больному видимую пользу, что первая ложка осталась въ желудкѣ и что рвота уже не возвращалась, но что онъ желаетъ поскорѣй видѣть меня, для того, чтобы сообщить еще что-то особенное.

Только-что я вошелъ къ нему, онъ спросилъ меня: узналъ ли я изъ описанія, что за болѣзнь у него? знаю ли я, что у него холера? — и прибавилъ, что онъ столько читалъ объ ней въ нѣмецкихъ и голландскихъ газетахъ, что ему весьма въ этомъ ошибиться, и я найду въ немъ всѣ признаки этой болѣзни. Въ - самоздѣлѣ, онъ былъ правъ. Рвота (которая теперь уже прошла), сильный водянистый поносъ (рвота, какъ мнѣ сказали, была также водянистая, безъ желчи), холодная кожа, но не языкъ (теперь мнѣ нельзя было знать, былъ ли языкъ холоденъ прежде), судороги въ конечностяхъ, особливо въ ногахъ, непріятное, томительное ощущеніе въ предсердіи, стѣсненіе въ головѣ безъ боли и слабый скорый пульсъ — вотъ что нашелъ я. Болѣзнь началась понемногу предъ полуднемъ, но послѣ тотчасъ усилилась столько, что надобно было прибѣгнуть къ пособію. Не желая противорѣчить, я отвѣчалъ больному, что забочусь не о названіи болѣзни, а о ея свойствахъ и о томъ, какъ ее уничтожить, что хорошее дѣйствіе на него первыхъ двухъ ложекъ моего лекарства служить ему ручательствомъ полного выздоровленія, и что теперь, по причинѣ слабости его, не могу я много съ нимъ разговаривать, но въ слѣдующіе дни готовъ объяснить ему все, что онъ пожелаетъ. Теперь же ему нужно въ-продолженіе всей ночи принимать лекарство всякій часъ, и если будетъ его слабѣть, то онъ

долженъ садиться на судно не сходивъ съ постели, а для утоленія жажды пить тепловатую воду съ молокомъ; впрочемъ, обратить вниманіе на то, когда будетъ у него снова испражненіе натуральное нивомъ, и, если можно, спрятать мочу до моего прихода.

На слѣдующее утро, состояніе больного значительно измѣнилось. Рвота не возвращалась, холодъ кожи прошелъ, такъ-что, по разсказу его домашнихъ, больной согрѣлся черезъ 1½ часа послѣ моего вчерашняго посѣщенія. Въ полночь было натуральное испражненіе нивомъ, произведшее большое облегченіе и почти совершенно уничтожившее томительное ощущеніе въ предсердіи. Судороги въ ногахъ показывались только изрѣдка и были слабы. Но замѣтно было еще стѣсненіе головы. По желтому цвѣту мочи я заключилъ, что печень была, или и теперь еще сочувственно раздражена. Я совѣтовалъ продолжать лекарство и назначилъ для обѣда немного супа изъ говяжьяго или куринаго мяса.

Къ вечеру, болѣзнь совершенно прошла, кромѣ нѣкотораго стѣсненія въ головѣ, а потому я совѣтовалъ, чтобъ больному давали лекарство до 10 часовъ каждыи часъ, а потомъ не мѣшали ему спать и начали давать лекарство, когда онъ самъ-собою проснется.

На слѣдующее утро, оныявность совершенно миновала, когда больной провелъ ночь спокойно; но моча все была нѣсколько-желтѣе обыкновенной; изъ предосторожности, я совѣтовалъ больному остаться еще въ постели и принимать лекарство.

На другой день больной сталъ разбирать свои бумаги. Теперь у меня была охота поговорить съ нимъ, а у него еще больше разсказать мнѣ все. Но, приваюсь, разказы его были самые нелѣпые, потому-что, желая объяснить равныя странныя ощущенія, онъ старался дать мнѣ понятіе объ нихъ посредствомъ странныхъ же сравненій. Еслибъ отъ времени до времени не мучали его судороги, говорилъ

онъ, то состояніе его было бы довольно-сносно. Рвота не стоила ему никакихъ усилій. Смерти не боялся онъ и даже совсѣмъ объ ней не думалъ (это правда, потому-что когда при первомъ моемъ посѣщеніи онъ объявилъ мнѣ, что у него холера, то не только у него не было ни малѣйшаго страха, но еще, напротивъ, говоря про свою болѣзнь, онъ былъ не болѣе встревоженъ, какъ будто бы говорилъ о болѣзни кого-нибудь изъ своихъ сосѣдей). Мнѣ кажется, что это состояніе равнодушія, беззаботности, или какъ бы его ни называли, нѣрѣдко встрѣчается и при самомъ началѣ острыхъ горячекъ, особенно зависящихъ отъ страданія мозга.

Въ 1834 году, мнѣ встрѣтился еще одинъ случай, который я отношу къ категоріи холеры.

Нѣкто, 35 или 40 лѣтъ, уже давно страдавшій спорадическою холерою и, слѣдовательно, знакомый съ обстоятельствами и ощущеніями этой болѣзни, просилъ меня побывать къ нему вечеромъ; онъ заболѣлъ и слегъ въ постель перелъ обѣдомъ. Пульсъ у него былъ скорый и полный, кожа теплая, но не горячая. Онъ жаловался на особенное неприятное ощущеніе въ предсердіи, но не могъ опредѣлительно назвать его; на вопросъ мой онъ отвѣчалъ, что это ощущеніе не было ни томительное, ни жгучее. У него была постоянно тошнота, но до настоящей рвоты еще не приходило; поносъ, съ обильнымъ изверженіемъ на низъ, только бѣловатыхъ, водянистыхъ веществъ, безъ надути. Въ головѣ чувствовалъ онъ олу-реніе безъ боли, а въ ногахъ, особенно въ икрахъ, судороги съ большою болью. Безъ всякихъ вопросовъ онъ самъ сказалъ мнѣ, что, судя по тому, что болѣзнь его началась поносомъ, и по чувству общаго нездоровья, онъ полагаетъ, что у него спорадическая холера. Но потомъ, судя по обильному поносу, онъ заключилъ, что ошибается: судороги въ ногахъ и странное стѣсненіе въ головѣ привели его къ мы-

сли, что у него не спорадическая холера, но какаа-то другая болѣзнь. О настоящей холерѣ онъ не сказалъ ни слова; разумѣется, и я промолчалъ. Не называя по имени, я принялъ болѣзнь эту за сочувственное страданіе кишокъ и нервовъ, зависящее отъ первоначальной болѣзни мозга, и прописалъ свое вышеупомянутое лекарство.

На слѣдующее утро, неприятное ощущение въ предсердіи прошло, дурнота также, испражнений вывозъ не было. Чувство всеобщаго нездоровья было гораздо-меньше, и пульсъ не такъ скоръ. Судороги въ ногахъ совсѣмъ прекратились, одурѣніе въ головѣ было меньше, но въ такой степени, что больному надобно было остаться въ постели. Моча, которую мнѣ теперь показали, едва отличалась отъ естественной, изъ чего я и заключилъ, что органы, отдающій желчь, не состоятъ въ сочувственномъ страданіи. Я совѣтовалъ продолжать лекарство.

На другое утро мнѣ сказали, что у больного было накануне испражненіе ишвомъ, но испражненія была настоящія, что ночью спалъ онъ хорошо, одурѣніе головы прошло, и нѣтъ болѣзненнаго ощущенія.

Г-жа Н., 60-ти лѣтъ отъ-роду, которая уже много лѣтъ страдала трепетаніемъ сердца, вдругъ заболѣла холерой въ первыхъ числахъ сентября 1840 года. Сначала, болѣзнь была не очень-сильна, но на слѣдующій день усилилась такъ, что женщина эта принуждена была просить моей помощи, но не противъ холеры (потому-что старуха не читаетъ ни газетъ, ни журналовъ и никогда не слыхивала о холерѣ), а противъ рвоты и поноса, сильныхъ судорогъ въ конечностяхъ, особенно въ ногахъ, и чувства разслабленія и одурѣнія. Вещества, цвѣрженныя рвотою и поносомъ, показали, что въ первыхъ не было никакихъ слѣдовъ желчи, а вторыя были совершенно водянисты; слѣдственно,

съ больною было все, что бываетъ при обыкновенной холерѣ. Я прописалъ извѣстное лекарство изъ 7 унцій воды, 1½ драхмы уксусо-вислага натра, одной унціи воды табачныхъ листьевъ и ½ унціи аравійской камеди. Rp. Aq. communis ℥vii Natri acetici ℥i½ Aq. folior. nicotianae ℥i G. arabici ℥½. Дѣйствие лекарства

было такое же, какъ я описалъ выше, только съ тою разницею, что, не смотря на скорое исчезновеніе всѣхъ холерныхъ припадковъ, здоровье все-таки не поправилось, но холера перешла въ нервную горячку. По новѣйшимъ извѣстіямъ о холерѣ, переходъ ея въ тифъ — почти безусловно-смертеленъ; почему настоящій случай, никогда еще не встрѣчавшійся, возбуждиль мою любознательность въ высшей степени. Я принялся за-леченіе болѣзни, почитаемой за отчаянную, слѣдующимъ образомъ и прописалъ лекарство изъ одной унціи желѣзнокислой тинктуры, унціи воды изъ табачныхъ листьевъ (*) шести унціи обыкновенной воды и пол-унціи аравійской камеди, и велѣлъ больной принимать ночью и днемъ чрезъ часъ по столовой ложкѣ. Выздоровленіе слѣдовало безпрепятственно, но не въ три или четыре, а въ восемь дней, и страшный тифъ миновалъ. Хотя больная чувствовала себя хорошо, но, не довѣряя этому, я совѣтовалъ ей принимать то же лекарство изъ предосторожности, только не такъ правильно, какъ это было во время опасности. Очень можетъ быть, что я простеръ предосторожность касательно этой больной слишкомъ-далеко. Но какъ этотъ случай былъ у меня впервые, то я не могъ знать, что, можетъ-быть, у этой старухи была наклонность къ возврату болѣзни (рецидивъ), и мнѣ навалялось лучшимъ усилить предосторожность,

(*) Rp. Tinct. ferri acetic. ℥j Aq. communis destillatae ℥vj aq. foliorum nicotianae ℥i G. arabici ℥½. MDS.

тъмъ болѣе, чтобъ въ случаѣ рецидива не пришлось бы плохо.

Въ половинѣ октября, пришла ко мнѣ поздно вечеромъ дочь этой дамы— просить меня посѣтить ея брата. Этотъ тридцатилѣтній мужчина, хотя и не жившій вмѣстѣ съ своею матерью, но посѣщавшій ее всякій день во время болѣзни, почувствовалъ въ этотъ самый вечеръ судороги въ ногахъ, усилившіяся съ каждымъ часомъ такъ, что принуждены были звать меня даже въ такое позднее время. Онъ жаловался на постоянную тошноту, но не имѣлъ рвоты. Я прописалъ ему лекарство изъ уксусо-кислаго натра и воды изъ табачныхъ листьевъ и велѣлъ ему принимать всякій часъ въ-продолженіе ночи. На другое утро напелъ я, что лекарство произвело волшебное дѣйствіе; а именно, вскорѣ послѣ его употребленія уменьшились судороги и большой чувствовалъ себя такъ хорошо, что остались только самые легкіе припадки судорогъ. Рвоты не было, но показался легкий поносъ, безъ боли. Послѣ трехдневнаго употребленія моего лекарства, этотъ господинъ совершенно выздоровѣлъ. Описание же судорогъ, о которыхъ я слышалъ во время перваго моего визита отъ самого больного, его жены и сосѣдей, было почти баснословно. Ужасно-болѣзненные судороги обнаруживались особенно въ икрахъ и подошвахъ, и лодыжки выворачивались наружу, такъ— что больной, боясь вывиха костей, просилъ сосѣдей помочь ему. При всякомъ припадкѣ, сосѣди должны были держать ему подошвы и порядочно утомились подавая ему эту помощь. Про икры они рассказывали, что при всякомъ припадкѣ судорогъ, ихъ до такой степени сводило къверху, что въ нижней части икры можно было ощупать кость, какъ-будто она была обнажена.

Въ началѣ ноября, меня призвали къ сестрѣ этого господина, пожилой дѣвицѣ. У ней оказались въ ночь первые признаки болѣзни, съ которою она по-чужакомилась при постели своей мате-

ри, а именно: болѣзненные, но сносныя судороги въ ногахъ, непріятное ощущеніе въ верхней части живота и одурѣніе въ головѣ. Наученная примеромъ матери и брата, она не захотѣла ждать, пока изъ легкой болѣзни сдѣлается серьезная, и тотчасъ же послала за мною. До прихода моего, уже была два раза рвота, причемъ изверглась водянистая, безцвѣтная жидкость. Я далъ ей лекарство изъ уксусо-кислаго натра и табачной воды: оно тотчасъ же удержало усиленіе болѣзни, и выздоровленіе послѣдовало безостановочно. Въ этихъ трехъ случаяхъ и было-подумалъ о прилипчивости: конечно, сынъ могъ заразиться отъ матери, сестра отъ брата; но кто можетъ доказать это?

Въ 1842 году, мнѣ случилось лечить еще троихъ холерныхъ больныхъ; изъ нихъ два были сильно поражены, третій менѣе; случай съ этимъ послѣднимъ былъ таковъ, что еслибъ я уже давно и самъ не былъ убѣжденъ, что холера никакимъ образомъ не есть первоначальная болѣзнь брюшныхъ органовъ, но скорѣе первоначальная болѣзнь мозга, то необходимо ролилось бы во мнѣ это убѣжденіе. Больной этотъ былъ человекъ образованный, такъ-что я могъ положиться на слѣдующій его рассказъ: «ночью болѣзнь началась въ головѣ чувствомъ одурѣнія, а въ ногахъ болѣзненными, но сносными судорогами. Впрочемъ, ночью не было ни рвоты, ни тошноты, ни поноса, ни боли въ желудкѣ. Но когда онъ всталъ утромъ, то у него была два раза рвота безъ большаго усилія, также порядочно послабило его, безъ боли; но это нездоровье, назавшееся маловажнымъ, подѣйствовало на него такъ сильно, что онъ тотчасъ опять легъ въ постель и послалъ за мною. Я далъ ему лекарство изъ уксусо-кислаго натра и воды изъ табачныхъ листьевъ, и онъ выздоровѣлъ дня въ два. О другихъ двухъ, болѣе серьезныхъ случаяхъ нечего сказать, кромѣ того, что они также уялились

отъ употребленія вышесказаннаго лекарства.

У эпидемической холеры съ обыкновенною, спорадическою, есть то общее, что при водянистыхъ, болѣе или менѣе частыхъ испраженіяхъ низомъ, въ кишечномъ каналѣ происходитъ стягиваніе, задерживающее отдѣленіе кала; но у ней та разница съ обыкновенной холерой, что это стягиваніе бываетъ въ кишечномъ каналѣ гораздо выше. Впрочемъ, это незначительно въ отношеніи распознаванія и леченія; главное же дѣло въ томъ, чтобъ, принимая болѣзнь эту не за страданіе всего организма, избравшее себѣ мѣстомъ кишечный каналъ, отыскать большой органъ и дѣйствовать на него. Но въ болѣзни нашей первоначально поражается мозгъ—это ужь Богъ-знаетъ отъ-чего: я по крайней мѣрѣ не знаю.

Можетъ-быть, читателямъ покажется страннымъ, что я приписываю микстуру такое почти баснословное дѣйствіе; пожалуй, они пріймутъ это за сказку; поэтому я не столько ради себя, сколько ради человѣчества, долженъ объяснить слѣдующее.

Во все продолженіе моей практики я не видѣлъ ни одного средства, которое имѣло бы такое быстрое, благотворное, почти волшебное дѣйствіе, какъ описанная микстура. Сначала, при первомъ холерномъ случаѣ, я давалъ, какъ средство могущее дѣйствовать противъ болѣзни мозга, *летучій табачный спиртъ*, потому-что никакъ не могъ принять сильнаго раздраженія кишечнаго канала, а еще больше обыкновенно-болѣзненныхъ судорогъ въ ногахъ (которыя принуждали сильнаго, твердаго мужчину кричать) за болѣзнь кишокъ, подолженъ былъ считать это сочувственнымъ припажкомъ страданія мозга. Я прибавилъ уксусо - кислый натръ только для того, чтобъ предварительно унять сильное раздраженіе желудка; иначе, какъ бы дѣйствовалъ на головной или спинной мозгъ *летучій табачный спиртъ*, когда онъ былъ бы тотчасъ же извергнутъ

назадъ? Но, признаюсь, хотъ я и ожидалъ отъ этой микстуры желаемого дѣйствія, но все-таки никакъ не могъ надѣяться такого просто волшебнаго дѣйствія.

Не знаю никакого всеобщаго вѣрнаго средства противъ какой бы то ни было болѣзни, слѣдовательно, и противъ холеры. Но положимъ, что пораженіе нервныхъ и мышечныхъ оболочекъ желудка, образующее холеру, зависитъ отъ первоначальной болѣзни мозга; изъ этого не слѣдуетъ еще, что эта первоначальная болѣзнь мозга можетъ существовать черезъ 3, 4 года, 10 лѣтъ и т. д., и что ее можно лечить *летучимъ табачнымъ спиртомъ*? Вѣдь лечилъ же я одиѣ нервныя горячки тинктурой дурмана, а другія серебромъ (т. е. растворомъ серебро-кислаго серебра, по-просту лаписа); кто поручится мнѣ, что болѣзнь мозга, отъ которой зависитъ форма холеры, не выѣнится такимъ же образомъ? Кто мнѣ поручится, что она не будетъ такого рода, что противъ нея не будетъ и вовсе никакого средства? Не будучи хвастуномъ, можно говорить: *я вылечивалъ такъ*; можно также сказать: *я хочу вылечить такъ или такъ*, потому-что въ этомъ случаѣ воля свободна; но если будешь говорить: *я буду такъ* вылечить, то это будутъ слова послѣдователя Галена, который воображаетъ себѣ въ безумной дерзости, что знаетъ натуру будущихъ болѣзней. Да сохранивъ насъ всѣхъ Богъ отъ такого хвастливаго заблужденія!

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

•Внутреннія Извѣстія! Вѣдь это почти то же, что «фѣлетонъ»! А фѣлетонъ... ну, такъ и хочется сказать про него, какъ Чичиковъ говорилъ про балы (М. Д., стр. 331—2).

•Кричать фѣлетонъ, фѣлетонъ,

прелесть!.. Просто дрянъ фельетонъ, чортъ знаетъ, что такое: взрослый, совершенно-лѣтній десетъ на шести или десяти столбахъ болтовню страшную и по французскому обычаю дѣлаетъ такіе скачки отъ предмета къ предмету, словно старается доказать, что и ему свойственны всякіе *соф à l'âne* и *à propos de bottes*... Иной, чего добраго, знаетъ и грамматику, и рѣчь-то заведетъ о томъ, что Россія велика и обильна, что Сѣверная Пальмира украшается зданіями, одѣлась въ гранитъ и смотрится въ Неву, что человечество развивается... и выскажетъ эти мысли основательно и благородно, и безъ грамматическихъ ошибокъ... да тутъ же, для освѣженія статейки, и пустится въ чувствительный трактатъ о *пильюляж* или о томъ, какъ надо понимать рукопесканія публички Александринскаго-Театра, которымъ черезъ недѣлю дастъ опять новое толкованіе, когда рѣчь заведетъ о какомъ-нибудь фарсѣ въ родѣ «Натуральной Школы», и т. п., коснется мимоходомъ вновь-учрежденнаго пріюта или разыгранной лотереи; съ похвалой отзовется о любви къ ближнему, упомянетъ, что вотъ и въ Европѣ то же... и завершить дѣло остроумнымъ и весьма фдкимъ замѣчаніемъ о петербургскомъ климатѣ; сообщить пріятную новость, что въ Неаполѣ теплѣе... да при сей вѣрной оказіи и ввернетъ что-нибудь и объ черныхъ глазахъ, и объ мантильи, и объ ерашахъ, и Богъ-знаетъ еще о чемъ... Все изъ обезьянства, все изъ обезьянства! Что французскія газеты ведутъ между собою тяжбу за каждую неправдоподобную сплетню, за каждое на-вѣтеръ сказанное слово, такъ давай и мы... что у нихъ пишутъ лѣтопись двадцати-шести театровъ, которые полнехоньки каждый день, такъ давай и мы... Что Жюль Жаневъ, этотъ хамелеонъ-писатель, ни за что крѣпко не держится, и что авторъ «Вагнаве» обратился на путь истины и принялся строчить фельетоны, такъ давай и мы!.. Нѣтъ, право, послѣ каждого фельетона (прочелъ ли, написалъ ли

его) точно какъ-будто какой грѣхъ сдѣлалъ, вспомнить даже объ немъ не хочется. Въ головѣ просто ничего... Все-го-то тамъ понадергано: кое-что изъ книжекъ, кое-что просто со словъ городскихъ трещетокъ и сплетниковъ, а въ головѣ?.. хоть бы что-нибудь изъ того вынесъ, и видишь потомъ, что чтеніе «неофициальной части» «Вѣдомостей Санктпетербургской Полиціи», сообщающей достовѣрныя извѣстія о продажѣ среднихъ лѣтъ *мерина* и о согласной на отъѣздъ среднихъ лѣтъ *домоводки*, несравненно-полезнѣе и утѣшительнѣе... Ну что изъ него выжмешь, изъ этого фельетона?!

Вся эта тирада вырвалась у насъ не безъ нѣкотораго основанія... и даже не потому, что въ нашихъ газетахъ мѣста подъ фельетоны отдаются *точно углы*... За излишествомъ помѣщенія поставятъ ширмы, да и пустятъ туда жильца съ кроватью о трехъ ножкахъ... бѣднякъ вертится на ней пѣлую ночь отъ собственныхъ недуговъ, отъ-того, что ему плохо жить на свѣтѣ, или отъ другихъ ему одному наклѣстныхъ причинъ, а кровать, между тѣмъ, все трещитъ, все трещитъ... Нѣтъ, совсѣмъ не отъ-того вспомнили мы слова Чичикова: мы говоримъ про свои «Внутреннія Извѣстія». Все кажется намъ, что *могъ бы быть и полнѣе и характернѣе* этотъ отдѣлъ... Но какъ же?.. Не разгадаемъ; а научить не у кого... Вотъ, на-примѣръ, какія новости мы знаемъ, и о которыхъ говоримъ теперь только въ доказательство того, что объ нихъ много говорить нечего...

Извѣстія о холѣ холеры, свѣдѣнія о томъ, сколько гдѣ заболѣло холерою, выздоровѣло и умерло отъ холеры, *могли бы* быть любопытны, еслибъ мы знали сколько-въ тѣхъ мѣстахъ заболѣваетъ, выздоравливаетъ и умираетъ изъ заболѣвшихъ—въ обыкновенное, не холерное время. Иначе, съ чѣмъ прикажете сравнивать холерныя цифры?.. и что можно заключить изъ голы, ни къ чему не прилегающей и ничего необъясняющей цифры?.. Тамъ

столько-то, а *здесь* больше или меньше... А сколько населенія *тамъ*, и сколько *здесь*; а какова обыкновенная цифра смертности тамъ и здѣсь?.. Отвѣта нѣтъ. Да, наконецъ, еслибъ и былъ отвѣтъ, то формула для вашихъ свѣдѣній отъ-того нисколько не измѣнится: «тамъ столько-то, а здѣсь больше или меньше...» Вопросъ о причинѣ разности останется неразрѣшеннымъ до-тѣхъ-поръ, пока не рѣшатъ положительно, что такое холера, и потому, до опредѣленія сущности этой болѣзни, свѣдѣнія о ней могутъ имѣть интересъ только для врачей...

Для прочаго населенія, извѣстія о ходѣ холеры не могутъ имѣть никакого смысла. Близко или далеко?—Ну, близко; да васъ не тронетъ, говоритъ каждому его собственный внутренний голосъ...

Хотите слушать новости о погодѣ, о знаменіяхъ небесныхъ, о *природныхъ дѣленіяхъ*, какъ говорить «Иллюстрація?..» Да, о чемъ же тогда будутъ говорить съ вами ваши знакомые?.. Впрочемъ, извольте.

Изъ Мовдока, отъ 28-го сентября, пишутъ: гдѣ у насъ было благодатное; въ-теченіе почти всего іюня перешадали частые дожди, что хотя не много мѣшало сѣнокосу, за то способствовало... и т. д. Въ Ставрополѣ, 25-го и 26-го сентября, стояла самая ненастная погода; ночью, 26-го сентября, шелъ снѣгъ, а на утро *оказался* морозъ до 3 градусовъ. Въ селѣ Черниговѣ (близъ Бердянска) около 8-го октября, дочаи было холодно 0—1° Р., а днемъ до +8° и +10° Р.; вѣтеръ дуетъ то юго-восточный, то юго-западный... и такъ до безконечности.

12-го октября, въ Саратовѣ было видимо сѣверное сіяніе. Явленіе это началось съ одиннадцатаго часа по полудни и кончилось въ четыре часа по полуночи. Первоначально оно показалось на сѣверѣ, въ видѣ густаго зарева отдаленнаго пожара и подвигалось медленно къ сѣверо-востоку, то тускнѣло, то почти вовсе исчезало, то опять вспыхивало. Около двухъ часовъ по

полуночи, багровое зарево вверху раздвоилось. Въ третьемъ часу обѣ массы зарева слились на значительное пространство и въ немъ (?) показались снопы бѣлыхъ лучей, изъ которыхъ одни, склонившись къ сѣверу, другіе къ востоку, *стояли въ заревѣ*, а одинъ бѣлый огромный лучъ свѣта, изъ средины, далеко простирался за предѣлы зарева, и конецъ его постепенно исчезалъ въ лазури неба. Итакъ, до четырехъ часовъ ночи. Во время явленія ртуть въ термометрѣ Реомюра постепенно понижалась отъ 8-ми до 3-хъ градусовъ тепла.

Въ ту же ночь, въ исходѣ одиннадцатаго часа, надъ Казанью явились два столба очень яркаго желтокраснаго цвѣта. Столбы эти, вытягиваясь ежеминутно болѣе и болѣе, расходились далѣе и далѣе другъ отъ друга, и наконецъ разсыпались огромнымъ заревомъ, обхватившимъ всю сѣверо-западную часть неба. Это зарево, то вспыхивая, то затухая *перпендикулярными полосами синевато-розоваго цвѣта*, продолжалось около четырехъ часовъ. Въ исходѣ третьяго часа утра оно постепенно начало сокращаться и снова слилось въ два столба, которые, сгущаясь болѣе и болѣе, приближались другъ къ другу, и наконецъ слились въ одинъ. Вспыхнувъ еще разъ большимъ заревомъ, явленіе кончилось.

10-го ноября въ девятомъ часу вечера надъ Москвою видно было на сѣверѣ яркое зарево съ столпообразными лучами. Ровно въ 11-ть часовъ снова показалось слабое розовое сіяніе въ кругъ южныхъ звѣздъ Большой-Медвѣдицы.

Въ Иркутскѣ тоже что-то видѣли... но всего не перескажешь. Изъ *мелкихъ* послѣдняго времени замѣчательнѣе другихъ явленіе, происшедшее не на небѣ, а на землѣ, и даже не на землѣ, а на водѣ — у насъ на Цейѣ, которая съ каждымъ годомъ дѣлается капризней. Въ ночь на 12-е число ноября остановившійся ледъ *тронулся* было, какъ говоритъ «Полицейская Га-

зета», отъ чего погнбло 67 судовъ съ грузомъ, и 20 порожнихъ — унесло льдомъ. Потонувшій грузъ состоялъ изъ 321,300 пуд. сѣна; 300 кулей муки; 2,627 кулей ржи; 9,325 кул. овса; 11,070 кул. ржаной муки; 670 кул. гороху; 350 кул. гречневыхъ крупъ; 6,600 пуд. желѣза; 130 пуд. щетинны; 129 пуд. коровьяго масла; 500 пуд. *пуху свиного* (?); 3,935 ч. пшеницы; 1,100 кул. ячменя; двухъ барокъ березовыхъ дровъ, да разныхъ вещей и документовъ на 6,000 руб. серебромъ.

Еще некрологи, картофельная зараза, червь капустникъ и прочая дрянь — что вамъ въ нихъ, въ этихъ унылые заводящихъ новостяхъ?... Ни къ чему ихъ нельзя прицѣпить и ничего нельзя изъ нихъ выжать, пока они въ сыромъ видѣ, какъ факты, требующие ученыхъ изслѣдованій, какъ матеріалы для труда.

—...29 октября начался рядъ обыкновенныхъ собраній Русскаго Географическаго Общества, бывающихъ, на основаніи устава, въ теченіе осени и зимы ежемѣсячно. Въ первомъ собраніи (въ присутствіи 83 членовъ, подъ предѣтельствомъ г-на помощника предѣдателя генерал-адъютанта *Т. П. Литке*) читанъ краткій перечень главныхъ дѣйствій Совѣта Общества съ мая по октябрь нынѣшняго года.

Желая, чтобъ Общество получало постоянно новѣйшія свѣдѣнія о всемъ, что совершается важнаго по части географическихъ наукъ за границую, Совѣтъ назначилъ агентомъ Русскаго Географическаго Общества въ Лондонѣ *Джона Шинингау*, учредившаго контору ученаго агентства съ цѣлью устроить постоянныя сношенія между обществами и учеными разныхъ странъ.

Съ Географическимъ Институтомъ Фрарина, въ Веймарѣ, Совѣтъ заключилъ условіе объ изданіи тамъ на нѣмецкомъ языкѣ сочиненій Общества, являющихся въ Петербургѣ по-русски.

Наконецъ, однимъ изъ главныхъ предметовъ занятій Совѣта и особой

Коммисіи, учрежденной въ Отдѣленіи Географіи Россіи подъ предѣтельствомъ *М. Н. Муравьева*, въ теченіе прошедшаго лѣта, было приведеніе въ дѣйствіе предположенія объ исправленіи и сочиненіи губернскихъ атласовъ, составляемыхъ межевымъ ведомствомъ. По утвержденіи подробнаго плана работъ и техническаго наставленія, отправлены, для опредѣленія географическаго положенія мѣстъ (въ губерніяхъ Владимірской, Рязанской, Тамбовской, Тульской, Воронежской и Орловской) дѣйствительные члены Общества *М. П. Вронченко* и *А. Н. Драпусовъ*, изъ которыхъ первый опредѣлилъ 67, а второй 7 пунктовъ. Для геодезическихъ работъ, производимыхъ межевыми чинами подъ наблюденіемъ генерал-майора *Мендѣ*, избранъ на нынѣшній годъ Тверская Губернія.

Что же касается до дѣйствій уральской экспедиціи, то отъ начальника ея, г. *Гофмана*, кромѣ свѣдѣній, сообщенныхъ въ послѣдней книжкѣ нашего журнала, получены (отъ 20 августа и 1 сентября) слѣдующія извѣстія:

«Оставивъ истокъ Печоры 20 іюля, г. *Гофманъ* отправился по р. Егрѣ, Иличу и Кошемѣ, располагая перейти волокомъ въ Почерему. Стеченіе неблагоприятныхъ обстоятельствъ, особенно же напавъ лѣса въ рѣкахъ, не допустившій идти впередъ, не дозволило ему исполнить своего намѣренія и онъ принужденъ былъ возвратиться тѣмъ же путемъ и слѣдовать уже Печерой до деревни Усть-Щугоръ, куда онъ прибылъ 19 августа и откуда вышелъ на другой день, слѣдуя вверхъ по р. Щугору.

«31 августа г. *Гофманъ* прибылъ къ подошвѣ горы Тель-Поссе на берегахъ Щугора, гдѣ нашелъ майора *Стражевскаго*, прибывшаго за нѣсколькими часами. Отправивъ на другой же день въ Чердынъ съ возвращающимися лодками г. *Ковалевскаго* и астрономическіе инструменты, г. *Гофманъ* успѣлъ написать только нѣсколько строкъ о главныхъ результатахъ пяти-

недѣльнаго слѣдованія Стражевскаго по горамъ. Къ истокамъ Печоры, говорить онъ, горы понижаются, а въ Шугору возвышаются и достигаютъ наибольшей высоты, видѣнной экспедицею на Уралѣ, въ горѣ *Тѣль-Поссы*. Подъ этимъ названіемъ она известна у Зырянъ. Остатки называютъ ее *Нелуби*. Впрочемъ, и эта гора не достигаетъ высоты нетающего снѣга, ибо хотя г. Гофманъ и видѣлъ на ней мѣстами снѣгъ, но онъ полагаетъ, что еслибъ лѣто было теплѣе и дождливѣе, то онъ бы, конечно, растаялъ. Хребетъ развѣтвляется на два и на три параллельныхъ кряжа, которые потомъ опять соединяются. Гг. Стражевскій и Брандтъ опредѣляли барометрически высоту весьма значительнаго числа горъ, г. Стражевскій сдѣлалъ весьма любопытныя геогностическія наблюденія. Г. Ковалевскій опредѣлилъ географическое положеніе 21 пункта. Топографъ Юрьевъ сдѣлалъ съемку пути, пройденнаго Экспедицею. Г. Брандтъ удвоилъ свое собраніе предметовъ естественной исторіи.

Г. Гофманъ, увѣдомляя о произведенной съемкѣ рѣкамъ, по которымъ онъ проходилъ, и о своихъ геогностическихъ изслѣдованіяхъ, сообщаетъ также нѣкоторые общія свѣдѣнія о Географіи того края. При сѣверныхъ истокахъ Печоры, говорить онъ, отдѣляется отъ Урала вѣтъ къ сѣверу, идущая параллельно главному хребту и она вмѣняющая съ запада широкую долину верхняго Илича. Иличъ представляетъ то же явленіе, какое при южномъ Уралѣ представляютъ рѣки Уралъ и Сакмара, т. е. онъ направляется сначала прямо къ югу между двумя параллельными кряжами, потомъ круто поворачиваетъ къ западу, прорываетъ западный кряжъ и устремляется въ равнину. Какъ при рѣкѣ Уралѣ Общій Сыртъ пересѣкаетъ по мѣстамъ равнину, такъ здѣсь она перерѣзывается многими лѣсистыми предгорьями, называемыми на мѣстѣ *пармами*. Пармы идутъ обыкновенно въ направленіи съ сѣвера на югъ; г.

Гофманъ встрѣчалъ ихъ: на р. Увѣ и на Верхней Печорѣ — *Высокую Парму*; на Нижнемъ Иличѣ и Почеремѣ — *Большую Парму*; также на Печорѣ — нѣсколько выше Боярскаго Яра. Зыряне утверждаютъ, что Чердынъ расположена на продолженіи Пармы и г. Гофманъ находитъ предположеніе это весьма вѣроятнымъ. («Санктпетербургскія Вѣдомости» № 232).

Работы общества по многимъ другимъ предпріятіямъ продолжались въ теченіе минувшаго лѣта. Оригиналъ этнографической карты Европейской Россіи почти готовъ; по предмету разработыванія географической терминологіи, учрежденная Обществомъ коммисія собрала уже болѣе 200 мѣстныхъ географическихъ терминовъ и составляетъ инструкцію для желающихъ заняться этимъ предметомъ.

Въ томъ же собраніи Географическаго Общества дѣйствительный членъ его А. П. *Заблочкин-Десатовскій* изложилъ слѣдующее замѣчаніе о смертности въ *Петербургѣ*.

«Первыя изслѣдованія по этому предмету,» говоритъ онъ, «были сдѣланы академикомъ Крафтомъ съ 1764 по 1790 годъ. Затѣмъ собственныя мои изслѣдованія о смертности съ 1790 по 1831 годъ заключаются въ книгѣ: «*Статистическія свѣдѣнія о Санктпетербургѣ*» изд. при Минист. Вн. Дѣлъ въ 1836 г. Эти исчисленія, основанныя на свѣдѣніяхъ, доставленныхъ отъ духовнаго вѣдомства, представляютъ слѣдующіе выводы:

Годы.	Среднее число умершихъ.	Отношеніе числа умерш. къ числу жителей.
1764—1780	4,486	1: 35
1780—1785	6,270	1: 37
1786—1790		1: 29
1791—1800		1: 31
1801—1810	9,313	1: 29
1810—1820	10,641	1: 34
1820—1830	10,304	1: 42

Съ 1831 года не было производимо систематическаго изысканія о движеніи народонаселенія въ Санктпетербургѣ; показанія же о числѣ умершихъ печатались въ Академическомъ Календарѣ, а свѣдѣнія о числѣ жителей заключаются въ отчетѣ г. обер-полицеймейстера. Вотъ извлеченныя изъ этихъ источниковъ данныя:

Годы.	Число умерш.	Число жит.	Отношеніе умершихъ къ числу жит.
1837	13,521	468,625	1: 34
1838	14,304	—	—
1839	18,459	476,386	1: 29
1840	19,538	470,000	1: 24
1841	15,984	—	—
1842	свѣдѣній нѣтъ	—	—
1843	—	443,360	—
1844	13,771	451,246	1: 32
1845	25,086	464,275	1: 18
1846	свѣдѣній нѣтъ	481,352	—

По изслѣдованіямъ Кетле смертность въ Лондонѣ 1: 37, въ Парижѣ 1: 36, въ Брюсселѣ 1: 31, въ Женевѣ 1: 49 (*).

Ясно, что въ нѣкоторые годы смертность въ Петербургѣ превосходитъ смертность этихъ городовъ. Но всего поразительнѣе смертность 1845 г., когда умирали 18-ый человекъ. Известно, что вездѣ бѣднѣйшіе классы подвержены большей смертности, нежели зажиточные, или по-крайней-мѣрѣ имѣющіе достатокъ, обезпеченіе. Примѣняя этотъ законъ къ нашей столицѣ въ предположеніи, что число умершихъ въ 1845 г. показано хотя приблизительно-но-вѣрно, отношеніе 1: 18 должно еще уменьшить для классовъ нуждающихся.

Если этотъ выводъ, или лучше сказать данныя, на которыхъ онъ основанъ, имѣютъ приблизительную вѣрность, то должно заключить, что въ послѣдніе годы смертность въ Санкт-

петербургѣ была безпримѣрная, по-крайней-мѣрѣ между нѣкоторыми классами. Но это заключеніе столь печально, что его никакъ нельзя принять безъ удостовѣренія въ точности показаній. Здѣсь прежде всего рождается вопросъ: до какой степени точны показанія о движеніи народонаселенія въ Санктпетербургѣ? Если они *вѣрны*, то отъ какихъ причинъ это зависитъ? Если же, на-примѣръ, *свѣдѣнія эти имѣютъ хотя приблизительную точность*, то является другой вопросъ еще большей важности: *отъ какихъ причинъ зависитъ обнаружившаяся въ послѣдніе годы необыкновенная смертность въ Петербургѣ*. Не имѣя возможности отвѣчать на эти вопросы, я считаю долгомъ обратиться на нихъ вниманіе нашего общества; быть-можетъ, нѣкоторые изъ гг. членовъ могутъ представить по этому свои замѣчанія и соображенія.

За тѣмъ прочитано было въ собраніи извлеченіе изъ статьи дѣйствительнаго члена П. С. Савельева объ изученіи Средней Азій преимущественно со стороны Россіи. Г. Савельевъ доказываетъ въ этой статьѣ, что Россія издавна обладала многими драгоценными свѣдѣніями о странахъ Средней Азій, и указавъ на главнѣйшіе источники по этому предмету, полагаетъ, что Географическое Общество должно бы собрать ихъ и издать въ видѣ особыхъ сборниковъ. Тогда только они будутъ доступны трудамъ ученыхъ.

Вслѣдъ за отечественною географіею, говоритъ онъ, географіи Средней Азій должно принадлежать первое мѣсто въ кругу ученыхъ занятій Общества, какъ по массѣ уже имѣющихся для нея русскихъ матеріаловъ, такъ и по самымъ отношеніямъ нашего отечества къ Востоку.

Сверхъ-того, г. Савельевъ полагалъ необходимымъ составить инструкцію для путешественниковъ по Средней Азій и изъявилъ готовность представить Обществу подробный планъ изданія предполагаемыхъ сборниковъ географическихъ свѣдѣній о Средней Азій.

(*) Изъ отчета г. московскаго обер-полицеймейстера за 1846 г. видно, что для Москвы отношеніе умершихъ въ томъ году къ числу жит. было 1: 38.

— Въ VII-мъ собраніи Минералогическаго Общества знаменитый естествоиспытатель нашъ, директоръ Общества, С. С. Кургора, изложили результаты своихъ изслѣдованій, произведенныхъ имъ въ теченіи прошлаго лѣта съ цѣлью подробнаго опредѣленія геогностическихъ и палеонтологическихъ отношеній Санктпетербургской-Губерніи.

Главнѣйшіе изъ этихъ результатовъ слѣдующіе:

1) Опредѣлены точныя границы девонской и силурійской почвы по рѣкамъ Ижорѣ, Славянкѣ и Сюидѣ съ ихъ притоками. Такимъ-образомъ, изслѣдованіями прежними и нынѣшняго лѣта, граница девонской и силурійской системы проведена по всѣмъ ея разнообразнымъ изгибамъ отъ рѣки Наровы до Ижоры.

2) Обслѣдована площадь, занимаемая пудостскимъ третичнымъ туфомъ, изъ котораго построены Исакиевскій-Соборъ, и изучены всѣ подобныя известковые туфы отъ Ропши до рѣки Луги.

3) Проѣзжая по царскосельской желѣзной дорогѣ, легко замѣтить, что она тянется по плоской болотистой равнинѣ, надъ которою Царское-Село даруя подымается на обрывистой возвышенности. Точно такой же видъ представляетъ вся сѣверная полоса Санктпетербургской-Губерніи, или другими словами, отъ какой бы точки Финскаго-Залива мы ни отправились на югъ, всегда бы прошли сначала разнообразную, низменную, болотистую равнину, и потомъ встрѣтили бы обрывистую возвышенность. Эти возвышенности состоятъ изъ всѣхъ членовъ нашей силурійской системы, т. е. сверху лежатъ пласты известняковаго лигняка, употребляемаго у насъ на фотуары и разныя постройки; подъ ними залегаетъ хлоритовый зеленый песчаникъ; потомъ къ низу—горючій глинистый сланецъ (шиферъ); подъ нимъ толщи унгулитоваго песчаника (песчаника бѣлаго и сѣрватаго цвѣта), вовсе безъ окаменѣлостей (одно-

значущаго съ тѣмъ, который приводится изъ Эстляндіи). Наконецъ, вся эта огромная толща покоится на чистѣйшей лепной глинѣ, прекраснаго голубаго цвѣта, которая такимъ-образомъ составляетъ собою подошву силурійской системы, и образуетъ ту низменную равнину, которая тянется отъ обрывистыхъ возвышенностей къ Финскому-Заливу, будучи прикрыта только наноснымъ пескомъ и гранитными валунами. Эта глина не пропускаетъ сквозь себя воды, а потому вся полоса ея обильна болотами, озерами и рѣчками.

4) Изучены окрестности Царскаго-Села, по радіусамъ до 20 верстъ и прослѣдованы рѣчки: Пулковка, Кузминка, Гумолосаровка, Кошелова и Поповка. Въ одномъ изъ прежнихъ собраній Общества, С. С. Кургора говорилъ уже о томъ, что пласты нашей силурійской системы выдвинуты были подземными силами изъ глубины первобытнаго моря чрезвычайно равномерно, такъ-что они остались почти въ томъ же горизонтальномъ положеніи, въ какомъ прежде образовались надъ моремъ, и такъ слегка наклонились къ югу, что клинометръ не въ состояніи показать этого наклона. При этомъ подъемѣ, пласты въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ треснули съ верху до низу, образовавъ рывины и овраги, въ которые стянулись текуція воды; въ нѣкоторыхъ изъ такихъ разрывовъ пласты приподняты очень косвенно къ горизонту, часто до 38 градусовъ, являясь въ разнообразныхъ выдвигахъ и сочетаніяхъ, въ особенности по рѣкамъ Кошеловѣ и Поповкѣ.

Царское-Село стоитъ на силурійскихъ известнякахъ, слѣдовательно, на мѣстности по преимуществу безводной и въ высшей степени сухой и здоровой. Павловскъ, напротивъ того, лежитъ несравненно ниже на подошвѣ этой системы, т. е. на голубой глинѣ, которую такъ любятъ болота, поддерживающія вѣчный туманъ и сырость.

Замѣчательно, что Пулковская-Гора (на которой обсерваторія), возвыша-

ющаяся надъ шоссе до 26 сажени, состоитъ въ основаніи своемъ изъ чистой голубой глины, а къ верху изъ той же глины, смѣшанной съ наноснымъ пескомъ и валунами. Однимъ словомъ, она есть наносный бугоръ, подобно холмамъ Токсова и Парголова. Въ этомъ убѣждаетъ уже одиночное положеніе этой горы на площади голубой силурійской глины, и разрѣзы рѣчки Пулковки, которые не только здѣсь, но и гораздо-выше представляютъ одну голубую глину.

— Не угодно ли взглянуть, какою жизнью живетъ теперь Москва? Попробуемъ рѣшить эту задачу, основываясь на данныхъ Отчета г. московскаго обер-полицеймейстера за 1846 годъ.

Общественная жизнь Москвы разлагается на 366,093 жителя. Болѣе трети всего населенія (125,812) составляютъ *крестьяне*, изъ которыхъ *болѣе половины* (69,172) помѣщичьихъ, и *около трети* (40,375) государственныхъ. Къ нимъ же надо причислить 62,187 человекъ дворовыхъ, 2,517 свободныхъ хлѣбопашцевъ и 1,498 ямщиковъ. Въ суммѣ получимъ 192,014, т. е. гораздо болѣе половины всей массы населенія. Прибавимъ къ этому числу 68,840 мѣщанъ, 13,789 цеховыхъ, 130 однодворцевъ, 9,437 вольноотпущенныхъ, 1,085 приписанныхъ къ фабрикамъ, заводамъ и больницамъ, 22,336 солдатъ отставныхъ, безсрочныхъ и годового отпуску, и 11,674 солдата — получимъ въ итогѣ, для опредѣленія *нижняго класса* московскаго населенія, цифру — 319,305.

Прочія сословія распределяются слѣдующимъ образомъ:

Разночинцевъ 6,520. Купцовъ 3-й гильдіи 12,159. Купцовъ 1-й и 2-й гильдіи и почетныхъ гражданъ 3,272. Духовенства (чернаго 1,521 и бѣлаго 4,879) 6,400. Дворянъ личныхъ 9,401. Дворянъ потомственныхъ 8,583. Итого 46,335. Что составляетъ почти одну осмью всего населенія.

Но, чтобы опредѣлить отношеніе *нижняго класса* къ высшему и среднему, необходимо принять въ соображеніе распределеніе въ нихъ лицъ по полу и возрасту. Въ послѣднихъ, это распределеніе правильно: за исключеніемъ чернаго духовенства, на 13,062 взрослыхъ мужчинъ приходится 11,952 взрослыхъ женщинъ и 19,860 дѣтей (9,812 м. 10,048 ж.). Въ писемѣ влассѣ такое правильное отношеніе держится между мѣщанами, цеховыми и вольноотпущенными. Изъ нихъ на 36,176 мужчинъ приходится 31,141 женщина и 24,791 дѣтей (12,082 муж., 12,709 жен.). Прочее населеніе состоитъ: изъ 134,131 взрослога мужчины, 70,711 женщинъ и 22,868 дѣтей (11,833 муж., 11,015 жен.). Главныя цифры этой статьи распределяются такимъ образомъ:

Помѣщичьихъ крестьянъ взрослыхъ 48,569 м. п., 17,207 ж. п., 3,396 дѣтей. Государственныхъ крестьянъ взрослыхъ 27,423 м. п., 10,225 ж. п., 2,700 дѣтей. Дворовыхъ людей по паспортамъ взрослыхъ 24,012 м. п., 12,214 ж. п., 3,848 дѣтей. Солдатокъ 11,593 ж. 79 дѣтей. Дворовыхъ людей при господахъ взрослыхъ 9,663 м. п., 7,011 ж. п., 5,732 дѣтей.

Послѣднія цифры особенно замѣчательны: 22,413 дворовыхъ людей живетъ при господахъ, которыхъ можно считать не болѣе 2,200 семействъ. На каждый *господскій домъ* болѣе нежели по 10 человекъ...

Въ 70-ти судебныхъ и административныхъ присутственныхъ мѣстахъ столицы состоитъ на службѣ около 4,390 человекъ.

Черное духовенство находится въ 17-ти монастыряхъ: 606 взрослыхъ и малолѣтнихъ — въ 10-ти мужскихъ монастыряхъ; 754 взрослыхъ и 79 малолѣтнихъ — въ 7-ми женскихъ монастыряхъ. 1,141 человекъ изъ сословія бѣлаго православнаго духовенства состоитъ изъ священниковъ, диаконовъ, монаховъ, женани и дѣтши — 4,833), состоитъ при 5 соборахъ и 252 церквяхъ.

О дѣятельности торговаго сословія состоящаго съ мѣщанами и цеховыми

—слишкомъ изъ 98,000 человекъ (около 35,000 семействъ), можно судить по слѣдующимъ цифрамъ:

На 479 фабрикахъ количество годового производства достигаетъ 20,581,813 р. с., на 162 заводахъ выработывается на 3,689,255 р. с.; 2,564 ремесленные заведенія производятъ на 3,955,393 р. с. Собственно торговля ведется въ 413 магазинахъ и 7,353 лавкахъ. Въ первыхъ продано товару на 8,217,430 р. с., а въ лавкахъ, на 22,291,439 р. с. Слѣдовательно, на 35,000 семействъ торгового сословія столицы можно считать приблизительно то до 11,000 хозяевъ фабрикъ, заводовъ, различныхъ заведеній, магазиновъ и лавокъ.

На фабрикахъ, заводахъ и ремесленныхъ заведеніяхъ занимаются работами 58,651 мужчина и 2,903 женщины; извозчиковъ въ Москвѣ 10,480; въ услуженіи у своихъ господъ, какъ мы видали, 22,413 человекъ. Для прочихъ достаточныхъ сословій (за исключеніемъ потомственныхъ дворянъ), а именно: для личныхъ дворянъ, разночинцевъ, блага духовенства, почетныхъ гражданъ и купечества — всего около 10,700 семействъ, количество находящейся при нихъ услуги можно позавать приблизительно до 40,000 человекъ. Въ итогъ получимъ 62,413 человекъ, болѣе одной шестой всего населенія, въ званіи домашней прислуги.

Скота домашняго находится въ городѣ:

Лошадей 25,159, быковъ 95, воловъ 14, коровъ 4,465, телятъ 496, барановъ 337, овецъ 208, козловъ 203, козъ 278, свиней 758, всего 32,013 головъ.

Размѣщались жители въ 17,419 частныхъ домахъ, изъ которыхъ только 5,529 каменныхъ. Казенныхъ зданій — 455. Въ томъ числѣ 4 дворца и 9 казармъ. Большихъ улицъ въ Москвѣ 97, меньшихъ 137, переулковъ 513, площадей 54 (кромя четырехъ большихъ полей), въ томъ числѣ торговыхъ 41. Цекаренъ: нѣмецкихъ 68, русскихъ 150. Кондитерскихъ лавокъ 27, въ которыхъ продано 19,646 пудовъ варе-

нья на 91,735 р. с. Трактировъ, рестораций и харчевень 288. Въ нихъ израсходовано чая 197,130 фун., сахара 38,017 пудовъ; всего на 827,035 р. с.; и прочихъ припасовъ на 514,540 р. с. Кромя того, крѣпкіе папки продавались въ 600 погребахъ, питейныхъ домахъ и т. п. заведеніяхъ.

Для общественнаго омовенія имѣлось 5 городскихъ и 30 торговыхъ бань, въ которыхъ перебивало въ теченіе 1846 года 3,487,544 человека... Если даже не принимать въ соображеніе дѣтняго купанья и множества частныхъ домашнихъ бань, то оказывается, что каждый Москвичъ ходитъ въ баню круглымъ числомъ 10 разъ въ годъ...

Въ прочихъ общественныхъ увеселительныхъ мѣстахъ посѣтителей было: въ театрахъ въ дни спектаклей — 201,916 человекъ; такъ-что, если даже предположить, что ни одинъ изъ Москвичей не посѣщаетъ театра болѣе одного раза въ годъ, то и тогда на 366,093 жителей, придется 164,177 человекъ не бывшихъ ни разу. А если допустить, что изъ дворянства, почетныхъ гражданъ и купечества первыхъ двухъ гильдій (27,776 человекъ), каждый побывалъ въ спектаклѣ по 5 разъ, то окажется, что изъ прочаго населенія, 63,036 человекъ были по разу, а 275 281 — никогда не были въ театрѣ.

Въ концертахъ Благороднаго Собранія и двухъ театровъ перебивало въ теченіе года 8,705 слушателей и слушательницъ...

На балахъ и маскарадахъ того же Собранія и одного Большаго Театра присутствовало 26,594 человека. Въ Купеческомъ Собраніи: въ обыкновенные дни — 51,576, во время баловъ и маскарадовъ — 4,933. Въ клубахъ (англійскомъ, дворянскомъ и нѣмецкомъ) и въ воксалѣ — 213,278 человекъ. Кромя того, гуляли жители Москвы по 19 бульварамъ и въ 5 публичныхъ садахъ; присутствовали на 30 народныхъ правдествахъ, на 17 скачкахъ и на 16 бѣгахъ. Въ разныхъ мѣстахъ

столицы производились волтижерскія и акробатическія представленія.

Въ 95 богадельняхъ призрѣно было въ 1846 году 7,178 престарѣлыхъ и увѣчныхъ. Въ 56 больницахъ, устроенныхъ на 5,298 кроватей, больныхъ принято было 41,959; т. е. изъ каждыхъ 9 жителей 1 былъ въ больницѣ. Медиковъ 323: — по 1 на 1,133 жителей. Повивальныхъ бабокъ 128: — по 1 на 894 взрослыхъ женщинъ.

Изъ 38,829 дѣтей муж. пола и 33,841 женскаго всего московскаго населенія, въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ воспитывалось 10,666 м. п. и 3,093 ж. м. Такихъ заведеній насчитывается до 105-ти. Изъ нихъ для начального обученія — 94, съ 1,703 учениками и 905 ученицами.

Типографіи въ Москвѣ—8 частныхъ и 8 казенныхъ. Книжныхъ лавокъ: съ русскими книгами — 28, съ иностранскими—7.

О патріархальности московскихъ нравовъ можно судить уже по составу самаго населенія, т. е. по отношенію высшаго и средняго сословія къ низшему и по существующему въ послѣднемъ отношенію половъ. Неблаговидная сторона столичной нравственности выразилась въ 1846 году цифрами: 2,387-ми преступленій, по которымъ производились слѣдственные дѣла и 21,526-ти человекъ, подвергшихся арестованію въ полиціи.

Различные виды преступленій распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Противъ личности другаго — убійство (5), посягательство на жизнь другаго (6), отравленіе (4), членовредительство (10), торговля охотниками въ рекруты (3), присвоеніе въ рабство (1), личные обиды (121). Всего 150.

Противъ чужаго имущества — святотатство (1), грабежи и разбои (2), зажигательство (6), по подозрѣнію въ поджогъ (5), воровство-мошенничество (365), воровство-кража (642), по подозрѣнію въ кражъ (23), ковокрадство (12), подлогъ по документамъ купленными, проданными, займами и довѣренностямъ (30), преступленія по дол-

жности (19), взятіе дивы (1). Всего 1,106.

Противу полицейскихъ мѣръ — должное составленіе актовъ (57), неимѣніе письменныхъ выдочъ и бродяжничество (496), слушаніе противъ распорядженій начальства (17), перелержательство бѣглыхъ (36), корчемство (36), контрабанды (18), буйство (6), ложное о себѣ наименованіе (2), утрата документовъ (1), имѣніе фальшивыхъ выдочъ (21), составленіе фальшивыхъ выдочъ (9), неявка въ полицію выдочъ (1), невыбраніе въ законный срокъ рода жизни (3), въ четвертый разъ заѣченный въпускъ людей въ трактиры въ неприличной одеждѣ (1), побѣгъ арестантовъ (5), нарушеніе устава торговаго (21). Всего 730.

Преступленія противъ... чистоты нравовъ — изнасилованіе и растлѣніе (5), мужеложство (2), скотоложество (5), скотчество (3), подкупленіе владельцевъ (12), блудъ и прелюбодиніе (22), оскорбленіе отеческой власти (20), преступленіе противъ семейства (5). Всего 74.

Сверхъ-того, производились слѣдственные дѣла: по самоубійству (20), по посягательству на собственную жизнь (1), о скоропостижно-умершихъ (246), объ утонувшихъ (8), по дѣлацію фальшивой монеты (9), по разнымъ другимъ случаямъ (41). Всего 305.

Подверглись арестованію въ полиціи за проступки:

Противъ личности другаго — за буйство, драку, причиненіе обидъ и побоевъ 1,909 мужчинъ и 301 женщина!..

Противъ чужаго имущества — заѣреніе слѣзлатъ кражу, продажа и приемъ краденаго (1,970 муж. и 408 жев.); обманъ (102 м. и 10 ж.), неплатежъ денегъ извозчикамъ (13 м.). Всего 2,085 мужчинъ и 418 женщинъ.

Противъ полицейскихъ мѣръ — выпускъ на воцлгъ неавѣстныхъ людей (48 м. и 8 ж.); неимѣніе выдочъ, по недоразумѣнію (860 м. и 241 ж.); непредъявленіе выдочъ въ свое время (72 м. и 12 ж.), неимѣніе приставаща, воцлгъ безъ вида, и спанье на улицѣ (19 м. и

7 ж.); правдоштанье (543 м. и 184 ж.); прошеніе милостыни (1,694 м. и 1,597 ж.); вылитіе на лицу нечистоты (10 м.); намѣреніе сдѣлать публично неблагопристойность (2 м. и 14 ж.); намѣреніе играть въ орлянку (8 м.); ѣзда безъ значковъ (8 м.); скорая ѣзда (10 м.); неприличные поступки (3 м. и 2 ж.); наименованіе себя различными именами изъ шалости (6 м.); неприличіе, сдѣланное на проѣзжихъ мѣстахъ (7 м.). Всего 3,290 мужчинъ и 2,065 женщинъ.

Противъ... чистоты нравственности
— за пьянство 6,105 муж. и 1,319 женщинъ!..

Кромѣ того, подверглись полицейскому аресту: за грубость и ослушаніе 1,909 м. и 301 женщ.; за другіе маловажные проступки 473 м. и 73 ж.; по волѣ родителей 5 м.; по просьбѣ господъ 1,243 м. и 247 ж.; по просьбѣ хозяевъ 679 м. и 110 женщинъ.

Общественная безопасность и порядокъ въ городѣ охраняются 40 военными гауптвахтами и 364 такими же будками, кромѣ 386 будокъ полицейскихъ. Число чиновниковъ и служителей городской полиціи простирается до 3,726 человекъ.

— Журналъ Мануфактуръ и Внутренней Торговли сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о состояніи нашихъ фабрикъ и мануфактуръ: къ 1-му января 1846 года находилось въ дѣйствиіи фабрикъ и заводовъ 8,302

Изъ нихъ мастеровыхъ и рабочихъ 507,577

Противъ предшествовавшаго года было:

Фабрикъ и заводовъ 903

Мастеровыхъ и рабочихъ 38,366

Этотъ перевѣсъ произошелъ болѣею частью въ маловажныхъ сельскихъ заведеніяхъ: кожевенныхъ, трепальныхъ, салоточенныхъ, свѣчныхъ, шляпныхъ, кирпичныхъ, гончарныхъ, солодовенныхъ, маслобойныхъ и сахарныхъ.

Торговое сословіе въ теченіе 1846 года состояло изъ

Купцовъ 1-ой гильдіи	865
— 2-ой —	2,283
— 3-ей —	37,031

Иностранныхъ гостей 34

Крестьянъ торгующихъ по свидѣтельствамъ:

1-го разряда	3
2-го —	36
3-го —	2,881
4-го —	4,225

Торговыхъ капиталовъ объявлено было при взысканіи свидѣтельствъ:

По 1-ой гильдіи	12,900,000
— 2-ой —	13,688,000
— 3-ей —	88,922,400

По свидѣтельствамъ, выданнымъ иностраннымъ гостямъ 310,000

Всего, за исключеніемъ торгующихъ крестьянъ, которые капиталовъ не объявляютъ 116,030,400

Въ сорокъ пятый году эта сумма достигла до 116,457,000

— Изъ свѣдѣній, объявленныхъ Россійскою Американскою Компаніею о дѣйствіяхъ ея въ американскихъ владѣніяхъ за 1845, а въ Россіи за 1846 годъ, видно, что населеніе американскихъ колоній состоитъ изъ 560 Русскихъ, 1,491 креола, 4,207 Алеутовъ, 817 Кенайцевъ, 608 Чугачъ и 100 Курильцевъ. Всего 7,785 душъ обоаго пола.

Лицъ духовнаго званія въ колоніяхъ 30, въ томъ числѣ: 1 епископъ, 10 священниковъ, 8 діаконъ и 16 причетниковъ; гражданскій чиновникъ 1, 2 лекаря и 2 повивальныхъ бабъ; морскихъ штаб- и обер-офицеровъ 6, матросовъ 41; воющихъ мореходцевъ 23, матросовъ и судорабочихъ 731, разныхъ мастеровыхъ и ремесленниковъ 261, правителей конторъ Компаніи 4, начальниковъ редутовъ и отдѣльныхъ командъ 16 и 595 служителей.

Церквей православныхъ 8 и 1 евангелическая. Часовенъ 13.

Школъ 3: одна мужская съ 32-ми мальчиками, одна женская съ 47-ю дѣвочками, и одно духовное училище, въ которомъ 35 учениковъ.

Въ 13-ти больницахъ въ-теченіе 1845 года пользовалось 616 человекъ; оспа принята 47 младенцѣмъ.

Мукомольныхъ, кожевенныхъ, куорныхъ, прядильныхъ, скорняжныхъ, шильныхъ, кирпичныхъ, плавильныхъ и мыловаренныхъ заведеній всего 24.

Кроме того въ колоніяхъ есть каменные и деревянные зданія для жительства и хозяйства, торговля лавки съ товарами и припасами, потребными для жителей, общественныя бани и складочныя магазины!

Есть еще 1 корабль, 6 бриговъ, 1 шкуна, 2 парохода и 260 гребныхъ судовъ.

Продовольствіе колоній всѣми необходимыми для нихъ потребностями обеспечено; миръ и спокойствіе въ колоніяхъ не нарушалось, и при распоряженіяхъ Россійско-Американской Компаніи по сближенію и усиленію торговыхъ связей съ независимыми туземцами сохранились дружескія сношенія.

Что же касается до промысловъ, то въ-теченіе 1846 привезено изъ колоній къ Алясскому Порту (гдѣ находится перенесенная въ 1845 году изъ Охотска главная факторія Компаніи) на 356,166 руб. сереб. мѣховъ бобровыхъ, котиковыхъ, рысьихъ, медвѣжьихъ, волчьихъ, выдровыхъ, песцовыхъ и соболевыхъ. Часть этихъ мѣховъ отправлена въ Кяхту для выкупа въ 1847 году на чай, а остальные мѣха доставлены въ Россію для продажи. Чаю, выкупеннаго въ 1846 году въ Кяхтѣ на мѣха, вывезенные изъ колоній въ 1845 году, продано въ Москвѣ и на нижегородской ярмаркѣ на 762,456 руб. сер.; мѣховъ же, доставленныхъ въ 1845 году изъ колоній, продано въ 1846 году въ Россіи на 172,732 р. сер. и въ Лондонѣ на 4,430 р. сер.; а всего выручено за чай и мѣха въ 1846 году 939,618 руб. серебромъ.

Изъ приобретенныхъ Конвасіею прибылей назначено въ разладу акціонерамъ на акцію (стоющую 150 руб. сер.)—по 15 р. серебромъ.

— Дѣятельность одесскаго порта растетъ не только съ каждымъ годомъ, но съ каждымъ мѣсяцемъ. До-сихъ-поръ, въ его торговыхъ лѣтоислѣхъ 1845-й годъ занималъ первое мѣсто по количеству *привоза* изъ-за границы, а 1846-й — по количеству *отпуска*. Благополучно текущій 1847 й годъ въ итогахъ за первые *десять* мѣсяцевъ успѣлъ уже превзойти полные годовые итоги обоихъ своихъ предшественниковъ. Съ 1-го января по 1-е октября сумма привоза достигла 8,282,543 руб. сер., а сумма отпуска — 26,015,643 р. сер. Перевѣсъ первой суммы привоза отъ большаго количества звонкой монеты, которой доставлено въ Одессу въ нынѣшнемъ году на 3,541,056 р. с.; а перевѣсъ въ итогѣ отпуска надо отнести къ необычному до-сихъ-поръ количеству отпуска шеницы, которой вывезено до 2,086,775 четвертей, на сумму 19,691,638 р. сер.

Послѣдствія укажутъ, въ чемъ заключаются причины такого быстрого прогресса, и можно ли *разсчитывать* на продолжительность дѣйствія этихъ причинъ... Какъ бы то ни было и отъ чего бы то ни было,—а мысль *объ упроченіи за Одессою первенства между русскими хлѣбными рынками*—весьма основательная и заслуживающая особеннаго напряженія со стороны русскихъ умовъ: потому—что, если, положимъ, в случай такъ благоприятствовалъ въ послѣдніе годы развитію одесской хлѣбной торговлѣ, то почему же не предположить, что этотъ случай можетъ случиться и еще разъ, два, или что онъ можетъ повторяться довольно часто? И дѣйствительно, нашлись люди, которые подумали *объ упроченіи за Одессою первенства между русскими хлѣбными рынками*; подумали, и—привели *лесть*...

Сырость хлѣба въ зернѣ, привозимаго изъ внутреннихъ губерній въ Оде-

су для продажи, часто привозила убытки и производителям и покупателям, и, кроме того, служила однимъ изъ главныхъ препятствій къ упроченію весьма важной отрасли хлѣбной промышленности — *отправки за границу муки*. Для того, чтобъ мука могла безъ порчи выдержать дальнюю морскую перевозку, необходимо, чтобъ она была приготовлена изъ совершенно сухаго хлѣба; а этого условія нельзя ожидать отъ нея при существующемъ у насъ обычаѣ просушивать зерновой хлѣбъ съ помощью солнечныхъ лучей и свѣжаго воздуха... Чтобы устроить такое неудобство, князь *Щербатовъ* и графъ *Долонъ* устроили въ Одессѣ изобрѣтенную графомъ *В. А. Бобринскимъ* сушильню, которая, по произведенію надъ нею испытанію, удостоилась слѣдующаго лестнаго отзыва *многихъ сведущихъ людей (экспертовъ) изъ торговаго сословія*:

«Пшеница сырая вышла изъ цилиндра (сушильни) совершенно сухая, безъ потери цвѣта въ сравненіи съ прежнимъ образцомъ сухой.

«Пшеница очень мокрая, полчетверти которой впитали въ себя два ведра воды, вышла изъ цилиндра почти совершенно сухая, и нѣтъ сомнѣнія, что при второмъ пропускѣ не окажется въ ней ни малѣйшей сырости. Эта пшеница равномерно потеряла первоначальнаго цвѣта и нѣкоторые эксперты замѣтили при этомъ опытѣ, что пшеница, высушенная на солнцѣ, болѣе теряетъ своего первоначальнаго цвѣта.

«Эти двѣ пшеницы вышли изъ цилиндра чище, чѣмъ были прежде, потому что нѣкоторые изъ тяжеловатыхъ нечистотъ отлетѣли.

«Третій опытъ былъ произведенъ съ пшеницею весьма дурнаго качества, полною мошекъ. Эта пшеница вышла изъ цилиндра совершенно сухая, съ лучшимъ цвѣтомъ и вовсе безъ мошекъ.»

Что касается до самаго механизма, то онъ состоитъ: изъ желѣзнаго цилиндра $8\frac{1}{2}$ арш. длины и 2 вер. въ діаметрѣ; изъ трехъ трубъ — паровой, дымовой и отводной; трехъ шкаповъ для отбѣиванія головы и другихъ носторож-

ныхъ веществъ; изъ большаго рукава, чрезъ который зерна идутъ въ цилиндръ, и задвижки, усиливающей или ослабляющей дѣйствіе огня. Всѣ эти сваряды вдѣланы въ большую печь о 13-ти проводникахъ.

Цилиндръ высушивается отъ 200 до 300 четвертей въ 24 часа. Кроме выгоды, замѣченныхъ экспертами, новая сушильня даетъ 7 фунтовъ припека на каждый пудъ муки противъ овиноваго. Зерно, высушенное такимъ-образомъ и обращенное въ муку, выдерживаетъ весьма-долго и безъ всякаго поврежденія сырое помѣщеніе, почему и перевозка его водою удобна и безопасна.

Учредители общаются прилѣзать къ этой сушильнѣ новаго изобрѣтенія рѣшета, и тогда на нихъ заведенію можно будетъ въ одно время сушить и чистить всякаго рода пшеницу.

— Въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (ноябрь, 1847, стр. 308—313) помѣщено извѣстіе о пожарахъ, происшедшихъ въ Россіи въ *августъ, сентябрь и октябрь* мѣсяцахъ нынѣшняго года. Исчислены *только тѣ пожары*, убытокъ отъ которыхъ простирается *свыше 1000 рублей серебромъ*. Сумма понесенныхъ убытковъ возходитъ до 545,488 рублей сер. (1,909,208 руб. асс.), — но въ этотъ итогъ не вошли 12 пожаровъ изъ самыхъ значительныхъ (*), количество убытковъ

(*) На-прим.: 1) Пензенской-Губерніи, Нижне-Домовскаго-Уѣзда, въ государственномъ селѣ *Кевдѣ* Мельятовой сгорѣло 236 домовъ крестьянскихъ, 8 священнослужительскихъ, 8 солдатскихъ, церковь, питейный домъ, сельская расправа, 3 магазинна съ запаснымъ хлѣбомъ и базарная лавка; 2) той же губерніи, Керескаго-Уѣзда, въ государственномъ селѣ *Вяземкѣ* сгорѣло 3 солдатскихъ и 99 крестьянскихъ домовъ, съ надворными строениями и хлѣбомъ; 3) Казанской-Губерніи, Чебоксарскаго-Уѣзда, въ государственномъ селѣ *Сундырѣ* сгорѣло 132 обывательскіе дома, 4 священнослужительскихъ, питейный домъ и мельница; а въ сосѣдней, тоже государственной, деревнѣ *Коловаловой*

отъ которыхъ еще не приведено въ извѣстность.

— Господинъ А. Хомяковъ сообщаетъ (М. В.) любопытное замѣчаніе насчетъ улучшенія нашихъ изстари-прославленныхъ, а въ послѣднее время потерявшихъ свою поэтическую прелесть — зимнихъ дорогъ. Онъ производилъ первый опытъ на проселочной дорогѣ, которая отъ прилегающихъ ложбинъ и заборовъ портилась скорѣе всѣхъ окрестныхъ дорогъ и дѣлалась обыкновенно непроходимую уже въ концѣ января. Тройка лошадей укатывала дорогу ежедневно не болѣе одного раза простыми сѣловымъ каткомъ (3-хъ аршинъ шир. и въ 40 пудъ вѣсу), передъ которымъ привязана была борона для разровненія и разрыхленія снѣга. Послѣ большихъ наваловъ снѣга, или во время оттепели, когда прокатываніе каткомъ дѣлалось невозможнымъ отъ упора или налипанія снѣга на катокъ — дорога углаживалась утюгомъ, т. е. станомъ, составленнымъ изъ трехъ полозьевъ, обшитыхъ по наружной сторонѣ лубками и сверхъ того листовымъ желѣзомъ по ваголовкамъ. На этотъ станъ накладывался тотъ же самый катокъ и впередъ привязывалась та же самая борона, но такъ, чтобы ея зубья не слишкомъ далеко уходили въ снѣгъ. (Прошлаго года пришлось употребить утюгъ не болѣе десяти разъ во всю зиму). Этотъ опытъ имѣлъ слѣдствіемъ то, что, не смотря на глубину снѣга, которая мѣстами доходила до 1½ аршина слишкомъ, не смотря на ежедневный проѣздъ отъ 200 до 500 подводъ съ клажею или порожнемъ, на всемъ протяженіи дороги (3 версты) до самой весны не оказалось не только ни одного

30 домовъ со службами и хлѣбомъ, бывшимъ на гумнѣ; 4) Нижегородской-Губерніи, Макарьевского-Уѣзда, въ разноимѣнномъ селѣ Чернукѣ, во время армарки сгорѣло 55 домовъ съ пристройками, 12 амбаровъ съ хлѣбомъ и гостиный дворъ съ товарами, — и мн. др.

ухаба, но ни малѣйшаго шибля или неровности.

Говорить о пользѣ такого улучшенія, кажется, нечего. Кто не испыталъ бѣды по ухабамъ большихъ дорогъ; многими ли не удавалось проводить безпокойныхъ ночей въ сугробахъ по проселочнымъ дорогамъ?..

— Г. Гилью извѣщаетъ о продолженіи въ 1848 году своего заданія: *L'artiste russe, revue encyclopédique des beaux arts*. Это обзорніе изящныхъ искусствъ будетъ продолжаться въ той же формѣ и на тѣхъ же условіяхъ, какъ прежде (*). Мы такъ бѣды подобнаго рода изданіями, исключительно посвященными изящнымъ искусствамъ, что не можемъ не желать успѣха Русскому Художнику. г. Гилью тѣмъ болѣе; что цѣль его такая важная, задача такая трудная, требующая большихъ силъ и продолжительной стойкости. Распространять вкусъ къ изящнымъ искусствамъ во всей Россіи, знакомить Европу съ именами и произведеніями русскихъ художниковъ (для послѣдней цѣли и заданіе предпринято на французскомъ языкѣ)... назначеніе какъ-нибудь болѣе полезно и похвально... Если сообразить положеніе издателя при этой точкѣ зрѣнія, то нельзя не удовлетвориться в той заботливостию, какая видна въ появившихся въ нынѣшнемъ году десяти выпускахъ, не смотря слишкомъ-строга на нѣкоторые несовершенства, неизбежныя въ дѣлахъ человѣческихъ.

Къ этимъ выпускамъ приложены 24 рисунка, частію съ картинъ русскихъ художниковъ, частію съ иконъ древней живописи. Большая часть этихъ рисунковъ отличаются чистотой, отливой литографіей и даютъ, по возможности, ясное понятіе о красотѣ картинниковъ. Что касается до выбора самыхъ картинъ, то... мы не знаемъ.

(*). Дѣвнадцать выпусковъ, составлявшихъ до 240 стр. in-4°, съ 85-ю гравюрами, стоить 12 руб. сер.

чьимъ именно руководствуется тутъ надатель; но во всякомъ случаѣ, если одинъ изъ нихъ могли бы быть и не быть, на то другія достойны не одного маленькаго литографированнаго снимка, а капитальныхъ гравюръ, въ которыхъ не потерялась бы ни одна дорогая черта. Начиная съ первой тетради, вотъ на чемъ не можетъ не остановиться вниманіе:

Картина Бруни, изображающая символъ божества, съ тремя группами ангеловъ. Здѣсь четыре ангельскія фигуры такъ выразительны, что помѣщенный въ текстѣ переводъ оды Державина: *Боги*, представляется уже чрезвычайною роскошью.

Съ картины Штейбена: «Христосъ на Голгоѣ». Картина эта поразительна; она представляетъ ту минуту, когда Христа привели на мѣсто казни, гдѣ все готово: и лежащій на землѣ крестъ, и гвозди, и молотъ въ рукѣ одного палача, и буравъ въ рукахъ другого, надвертывающаго имъ дыру на крестѣ, для вбитія гвоздя. Съ Христа срываютъ одежды; вблизи на конѣ извѣстный по Евангелію римскій сотникъ; въ сторонѣ чудная группа лежащей безъ чувствъ Маріи, поддерживаемой полною глубочаго отчаянія Магдалиной, Іоанна и оцѣпенѣвшей отъ ужаса матери его Соломонъ. Столько лицъ, и столько въ каждомъ изъ нихъ содержанія, что невольно рождаются сожалѣнія, зачѣмъ снимокъ не вышелъ отчетливѣе, удовлетворительнѣе. Еще одно: въ текстѣ сказано: «въ первомъ эскизѣ мы видѣли терновый вѣнецъ лежащимъ на землѣ; то было больше нежели промахъ... Мы, съ своей стороны, видѣли гравюру, гдѣ терновый вѣнецъ дѣйствительно былъ на землѣ. Если это было историческій промахъ и если теперь онъ поправленъ, то прекрасно; но тамъ была совсѣмъ иная фигура Христа: тамъ она господствовала надъ всей картиной и поражала своей истинностію; теперь — она измѣнилась и — не къ лучшему.

Съ картины К. Брюлова: «Христосъ во гробѣ». За этотъ снимокъ нельзя не

благодарить надателя и рисовальщика. Во всѣхъ десяти выпускахъ, это единственная картина, принадлежащая К. П. Брюлову, и снимокъ съ нея едва ли не всѣхъ живѣй напоминаетъ оригиналъ. Лежащее на камнѣ тѣло Спасителя, покрытое тонкой пеленой, и склонившійся надъ нимъ ангелъ — облиты чуднымъ свѣтомъ; и безплотныя формы ангела какъ-будто всѣ образовались изъ этого свѣта, и фигура Христа будто проникается имъ. Въ текстѣ разсказывается исторія этой картины. Г. Н. А....-гъ былъ въ Иерусалимѣ и привезъ оттуда много древнихъ памятниконъ святыхъ. Здѣсь онъ помѣстилъ ихъ въ маленькой домашней церкви и, чтобъ все въ ней напоминало ему его набожное странствованіе, предложилъ К. П. Брюлову написать для этой церкви Христа во гробѣ. — «Отъ меня требуютъ подумалъ художникъ: изображенія Христа во гробѣ, въ натуральную величину, на такомъ тѣсномъ пространствѣ хотѣть, чтобъ картина представляла такое мѣсто, куда дневной свѣтъ не проникаетъ? Хорошо! по-крайней-мѣрѣ, требованіе кажется рѣшительно неисполнимымъ; а потому... я создамъ имъ гениальную картину...»

И Брюловъ создалъ гениальную картину!

Фигура Христа, изображающая величественный ростъ, положена въ ракурсѣ съ замечательнымъ искусствомъ и недостатокъ мѣста устраненъ. Что касается до недостатка свѣта, то мы уже сказали, какъ поэтически уничтожено это препятствіе.

Затѣмъ назовемъ еще удачныя литографіи съ картинъ: *Афонская Гора Айвазовскаго*, *Покровъ Богородицы Нефа*, копии съ двухъ иконъ Спасителя: *адесской* и *русской XVII вѣка*. Наконецъ — съ трехъ чудесныхъ статуй апостоловъ, изготовляемыхъ г-номъ Витали для Исакийскаго Собора.

Эти снимки оживляются дѣльнымъ текстомъ, который, сверхъ-того, и развобразенъ. Тамъ есть исторія живописи въ Россіи, есть необыкновенныя

статьи; сообщаются новости, относящіяся къ изящнымъ искусствамъ; есть наконецъ — лирическія стихотворенія. Все это хорошо; но лиризмъ... лиризмъ могъ бы, кажется, оставаться въ однихъ стихотвореніяхъ, не распространяясь на другія статьи, особливо на тѣ, гдѣ господствующій предметъ — пластика...

— В. Даль просилъ насъ объявить искреннюю его признательность лицамъ, удостоившимъ вызовъ его вниманія и сообщившимъ ему народные сказки и преданія, послышцы и поговорки, мѣстные выраженія и образчики народного говора, а именно: г-жамъ Ю. В. Жадовской, въ Ярославль, и В. В. Тиміанской, въ Санктпетербургъ; князю Эристову, гг. Бартоломею, Гребенкѣ, Головинну, Гуляшъ, въ Петербургъ; Аевнасьеву, Голяшкину, въ Москвѣ; Глиэкѣ, въ Сибирскѣ; Григоровичу, въ Рязани; Палаванову, въ Архангельскѣ; Журавлеву, въ Нижнемъ; Н. Степанову, въ Костромѣ; Харитонову, въ Шенкурскѣ; Сергачеву, въ Черни.

ЗАГРАНИЧНЫЯ НОВОСТИ.

— Въ ученomъ мѣрѣ говорятъ теперь много объ употребленіи химическаго агента, который успѣшилъ эвѣра уничтожаетъ чувствительность на время сомнительныхъ хирургическихъ операцій. Сообщаемъ извѣстіе, помѣщенное въ *Union médicale*, заключающее въ себѣ любопытныя подробности объ открытіи и свойствахъ этого вещества, не новаго въ химіи, но въ первый разъ съ несомнѣннымъ успѣхомъ примененнаго шотландскимъ докторомъ Симпсономъ къ хирургической практикѣ.

Когда въ началѣ января нынѣшняго года *Union médicale* обратила вниманіе всего медицинскаго сословія Франціи на замѣчательное дѣйствіе вдыханія эвѣра, кто могъ предвидѣть, что не пройдетъ года, какъ эвѣръ, едва получившій право устранять жестокую и бесполезную боль при ощущеніяхъ, — будетъ замѣненъ другимъ, еще болѣе благотвѣльнымъ веществомъ? Новое открытіе обыкновенно производитъ на умъ такое же дѣйствіе, какъ ударъ стали на камень: они слѣдуютъ другъ за другомъ, сближаются одно другимъ съ быстротою молніи.

Извѣстный своимъ любопытными трудами эдмбургскій профессоръ Симпсонъ, послѣ многихъ строгихъ и въ то же время успѣшныхъ опытовъ, объявилъ о чрезвычайно-важномъ открытіи, подтвержденномъ уже во Франціи г. Флураномъ; открытіе это заключается въ анестезическомъ (производящемъ нечувствительность) свойствѣ хлороформа (*chloroforme* ou *perchlorure de formule*).

Въ доказательство того, что открытіе это сдѣлано во Франціи, и притомъ французскимъ врачомъ, прежде г. Симпсона, приведемъ выписку изъ *Comptes rendus de l'Académie des Sciences*, за сѣданія 8 марта, 1847 года, тома XXIV, стр. 342. Г. Флуранъ говоритъ: «Хлорастый эвѣръ даетъ тѣ же результаты, какъ сѣрный эвѣръ. Онъ подастъ мнѣ поводъ испытать новое тѣло, извѣстное подъ именемъ хлороформа: въ нѣсколько минутъ (въ шесть при первомъ опытѣ, въ четыре при второмъ и третьемъ), животное, подвергнутое вдыханію хлороформа, было совершенно *натерпизовано*.

Ему вскрывали *спинной мозгъ*: задняя сторона и задніе корешки остались нечувствительны и когда дотронулись до заднихъ пяти корешковъ, только два изъ нихъ сохранили раздражительность, остальные три утратили ее.

Слѣдовательно, ясно, что Флуранъ первый началъ употреблять хлороформъ; но Симпсону, какъ сейчасъ

увидимъ, принадлежитъ честь приложенія этого способа къ человѣку въ довольно-полномъ видѣ.

При введеніи употребленія эфирныхъ паровъ, сильный, острый и не-приятный запахъ сѣрнаго эфира, раздраженіе, которое онъ часто производитъ на дыхательное горло при первоначальномъ вдыханіи, значительное количество жидкости, потребное иногда для достиженія цѣли, особенно при продолжительномъ разрѣшеніи отъ бремени, и т. д.; все это внушило г. Симпсону желаніе отыскать какое-нибудь улетучивающееся вещество, которое доставило бы тѣ же выгоды, какъ эфиръ, но съ устраненіемъ сказанныхъ неудобствъ. Во время этихъ разысканій, онъ перепробовалъ множество химическихъ продуктовъ, имѣющихъ болѣе-приятный запахъ, именно: солянокислый хлористый ацетиленъ или голландскій спиртъ, ацетонъ или пиро-ацетическій спиртъ, азотио-кислородокись этила или азотистый эфиръ, бензонъ, и др.,—наконецъ, хлороформъ, вознаградившій всѣ труды искателя.

По совѣту г. Вальдика, онъ началъ изучать свойства этого послѣдняго агента. Хлороформъ—жидкость прозрачная и безцвѣтная, весьма летучая; запахъ ея приятенъ, вкусъ—сахаристый. Онъ открытъ и описанъ въ 1831 году Субераномъ, а потомъ въ 1832 году—Дибихомъ. Въ 1835 г. Дюма опредѣлилъ его составъ. Нѣкоторые врачи употребляли хлороформъ какъ внутреннее средство; докторъ Гилло рекомендовалъ его какъ антиспазматическое средство отъ удущья, но только въ малыхъ дозахъ и разведеннымъ во ста частяхъ другой жидкости.

До обнаруженія своего открытія, г. Симпсонъ сперва изслѣдовалъ дѣйствіе новаго анестезическаго агента во многихъ разнообразныхъ случаяхъ. На его счастье, профессоръ Дюма былъ въ Единбургѣ въ то самое время, когда въ первый разъ сдѣланы были публично хирургическія операціи при помощи вдыханія хлороформа. Они-

ты эти подтвердили дѣйствительность способа и, по словамъ г. Симпсона, Дюма съ живымъ участіемъ наблюдалъ удивительное дѣйствіе вещества, химическая исторія котораго тѣсно связана съ его собственнымъ именемъ. Опыты эти дѣлались въ Единбургской королевской больницѣ.

Прежде всего дѣйствіе вдыханія хлороформа испытали на ребенкѣ—четырёхъ или пяти лѣтъ, страдавшемъ ожертьвѣемъ одного изъ предплечій. Мальчику не могли объяснить, что съ нимъ хотятъ дѣлать, и потому, когда поднесли ему къ лицу платокъ, напитанный небольшимъ количествомъ хлороформа, онъ испугался и хотѣлъ убѣжать. Докторъ Симпсонъ ласками удержалъ его и заставилъ вдыхать подымавшіяся отъ платка пары. Послѣ нѣсколькихъ вдыханій ребенокъ замолчалъ, пересталъ двигаться, потомъ уснулъ и захрапѣлъ. Тогда профессоръ Миллеръ сдѣлалъ глубокой разрѣзъ надъ большой костью, и вытащилъ пяцетомъ лучевую кость, почти всю иссохшую. Во время операціи и при ошущиваніи раны пальцемъ, ребенокъ не обваружилъ ни малѣйшаго признака боли. Онъ по-прежнему вѣжливо спалъ и былъ въ такомъ положеніи отнесенъ въ постель. Проснувшись черезъ полчаса, онъ смотрѣлъ весело и бодро, какъ-будто послѣ сладкаго сна,—явленіе, не замѣченное при атеризаціи.

Послѣ этого приступлено было къ солдату, имѣвшему на щекѣ рану, отъ расщепленія челюстной кости. Ему поднесли къ носу хлороформъ на вогнутой губкѣ. Сначала онъ зашевелилъ руками, но скоро такъ же, какъ мальчикъ, уснулъ и захрапѣлъ. Г. Миллеръ сдѣлалъ широкій разрѣзъ поперекъ челюсти, обрѣзалъ огрубѣлую кожу, которая пристала къ кости, что продолжалось довольно-долго; края раны были оживлены и весь разрѣзъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ спитъ.

Третій больной, выдержавшій операцію, былъ молодой человѣкъ, страдавшій отъ ожертьвѣнія пераго ряда

суставовъ на большомъ пальцѣ ноги. При вдыханіи больной почти внезапно (въ пол-минуты) сдѣлалась нечувствительнымъ и оставалась спокойнѣе все время, пока отнимали, посредствомъ ампутаціи, омертвѣвшую часть пальца до втораго сустава. Операцию дѣлалъ докторъ Дунканъ.

Во всѣхъ трехъ случаяхъ, хлороформа употреблено не болѣе пятнадцати гранмовъ; по замѣчанію г. Мюллера, для произведенія такого же дѣйствія, сѣрнаго эвэра потребовалось бы нѣскольکو унцій.

Г. Симпсонъ, употреблявшій уже болѣе полугода эвэрные вдыханія, признаетъ новый анестетическій агентъ, съ весьма немногими исключеніями, въ роженицамъ. Женщина, надъ которой прежде всѣхъ испытанъ новый способъ, родила уже во второй разъ: при первыхъ родахъ, страданія ея могли прекратить только цесарскимъ сѣченіемъ. При вторыхъ, черезъ три съ половиною часа послѣ началія болей, до истеченія перваго періода родильн., г. Симпсонъ подвергъ ее вдыханію хлороформа. Для этого, онъ свернулъ восовой платокъ такъ, что посередѣ оставалась впадина, на края которой вылилъ пол-чайной ложки жидкости, и наложилъ платокъ на носъ и ротъ пациентки; черезъ десять или двѣнадцать минутъ, онъ снова долженъ былъ намочить платокъ, потому-что жидкость испарилась. Черезъ двадцать пять минутъ вдыханія, женщина родила. Послѣ того она долго спала (при эгеризаціи сонъ продолжается не такъ долго), крики младенца не разбудили ее; это не разъ замѣчено при употребленіи хлороформа. Проснувшись она уже черезъ нѣсколько минутъ послѣ выхода послѣла, когда младенецъ былъ увнесенъ изъ комнаты. Осмотрѣвшись вкругомъ, больная сказала, что хорошо услала, и что теперь у ней будетъ больше силы для предстоящихъ страданій. Черезъ нѣсколько времени, не чувствуя никакой боли, она изъявила опасеніе, не замедлилъ ли сонъ ея разрѣшенія. Съ трудомъ

могли увѣрить ее, что она уже родила и что ребенокъ, котораго ей показывали, точно ея.

Изъ сообщенныхъ нами фактовъ читатели могутъ составить себѣ вѣрное понятіе о дѣйствіи вдыханія хлороформа и оцѣнить преимущество новаго способа. Г. Симпсонъ произвелъ уже болѣе пятидесяти опытовъ, изъ которыхъ сдѣлалъ слѣдующіе выводы:

1) Для произведенія нечувствительности, хлороформа требуется гораздо меньше, чѣмъ эвэра; достаточно отъ ста до ста-двадцати капель, а иногда и того менѣе.

2) Дѣйствіе его быстрѣе и полнѣе, и вліяніе продолжительнѣе. Обыкновенно достаточно бываетъ отъ десяти до двадцати полныхъ вдыханій; поэтому меньше нужно времени на усыпленіе; кромѣ того, такъ-какъ періодъ раздрѣженія, происходящаго отъ употребленія наркотическаго средства короче, а съ практической стороны совершенно даже не существуетъ, то въ больномъ не обнаруживается такой веселости и болтливости, какъ при вдыханіи эвэра.

3) Хлороформъ пріятнѣе для вдыханія, чѣмъ эвэръ.

4) По незначительности нужнаго для вдыханія количества хлороформа, употребленіе его обойдется дешевле эвэра, тѣмъ болѣе, что, вѣроятно, скоро упростятъ способъ добыванія его.

5) Запахъ его далеко не неприятенъ, не остается въ платьѣ и не пронзодитъ потомъ неприятной отдышки изъ груди, что не разъ случалось при употребленіи эвэра.

6) Его нужно меньше, и потову легче переносить, чѣмъ эвэръ.

7) Не нужно для него никакого прибора, никакого инструмента. Вообще, чтобъ произвести желаемое дѣйствіе въ одну или двѣ минуты, стоитъ только влить немного жидкости на внутреннюю губку, или кусокъ бумаги и приложить ко рту и повдирать, такъ, чтобъ можно было удобно дышать.

Ученые, говоритъ г. Симпсонъ, которыми мы обязаны знаніемъ хлороформа, совсѣмъ не думали, что предметъ ихъ изысканій, по-видимому; вполнѣ спекулятивныхъ, принесетъ практическую пользу. Не служить ли это лучшимъ отвѣтомъ тѣмъ, которые всякое открытіе цѣнятъ по мѣрѣ непосредственной практической пользы и пренебрегаютъ всякимъ разысканіемъ изъ одной любви къ наукѣ? Вотъ тѣло, которое прежде было замѣчательно только какъ предметъ любопытный для науки, и вдругъ получаетъ огромную важность по благотѣльному дѣйствию на организмъ чловѣка!

— Часто стѣдуетъ сдѣлать одинъ шагъ, чтобъ перейти изъ области чистыхъ умозрѣній къ примѣненіямъ самымъ полезнымъ для чловѣчества. Г. Исидоръ Жоффруа Сент-Илеръ, вдохновенный еще гевіемъ своего отца, употребляетъ, какъ извѣстно, всѣ силы обширнаго ума на защиту и развитіе теоріи перерожденія одной породы животныхъ въ другую. Въ слѣдствіе этой замысловатой теоріи, вѣдшая, постоянно дѣйствующая сила въ состояніи произвести всѣ видоизмѣненія, которыми различныя породы отличаются одна отъ другихъ. Между этими видоизмѣняющими силами Жоффруа почитаетъ самую могущественною то вліяніе, которое чловѣкъ производитъ на дикія породы, дѣлая ихъ домашними. Дѣйствія этого вліянія составляютъ главный предметъ его настоящихъ изслѣдованій. Проведенные имъ опыты можно раздѣлить на три рода: 1) акклиматизированіе и обращеніе въ домашнюю породу, которая до-сихъ-поръ оставалась дикою; 2) акклиматизированіе во Франціи породъ, сдѣлавшихся уже домашними въ другихъ странахъ, и 3) акклиматизированіе дикихъ породъ, не дѣлая ихъ ручными.

Опыты перваго рода, безъ сомнѣнія, самые трудные, но они особенно хорошо удались на одной лапчатоногой птицѣ, называемой египетскими гу-

семь. Пара этихъ птицъ привезена была въ Парижскій Ботаническій Садъ. Тамъ она не только размножилась, но порола ея измѣнилась соотвѣтственно климату. Въ настоящее время, Ботаническій Садъ обладаетъ значительнымъ количествомъ этихъ птицъ, представляющихъ совершенно домашній характеръ, т. е. породу совершенно особенную, можно сказать—породу французскую. Эта порода сохранила, хотя и не столь яркими, всѣ богатства цвѣта, которыя дѣлаютъ изъ египетскаго гуся одну изъ самыхъ красивыхъ и вѣстныхъ намъ лапчатоногихъ птицъ, и сверхъ-того, она сдѣлалась гораздо рослѣе и крѣпче. Въ своемъ отечествѣ, этотъ гусь кладетъ яйца около новаго года. Первые привезенные во Францію клали яйца по-прежнему, въ началѣ января, или даже въ концѣ декабря; въ 1844 г., они сами и ихъ потомки клали яйца уже въ февралѣ; въ 1845 г., въ мартѣ; а съ того времени, въ апрѣлѣ, такъ-что высиживаніе цыплятъ происходитъ теперь въ самое благоприятное время года, и можно надѣяться, что знаменитый греческій *кеналопексъ*, священная птица Египтянъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ окончательно займетъ мѣсто между французскими домашними птицами, служащими для украшеній, а въ-послѣдствіе (такъ же, какъ нѣкогда случилось съ канадскими гусемъ) между птицами, употребляемыми въ пищу.

Джигетай (*hemionus*) тоже прекрасное животное, составляющее нѣчто среднее между ослонъ и лошадыю. Въ Индостанѣ онъ обращенъ совершенно въ домашнее животное и употребляется для паханія земли. Джигетай эти различныя половъ произвели въ зѣринцѣ жеребятъ здоровыхъ и сильныхъ. Надѣются, что всѣ, даже до ублюковъ, будутъ плодососными. Но побѣда всеякомъ случаѣ еще не окончательная, потому-что до-сихъ-поръ эти животныя должны были проволить ночи въ теплыхъ конюшняхъ. Со временемъ, эта предосторожность сдѣлается излишнею и все заставляетъ

думать, что джигетай совершенно при-
выкнеть къ новому климату.

Опыты третьяго рода, стремящіяся къ акклиматизированію извѣстныхъ видовъ породъ безъ обращенія ихъ въ домашнихъ животныхъ, не менѣе полезны, потому что они обогащаютъ мѣ-
са животными, замѣчательными или по качеству своего мяса и красотѣ мѣ-
ха, или по какому-нибудь другому продукту.

Два индійскіе олени, приобретеніемъ которыхъ взриненецъ такъ же, какъ и джигетасвъ, обязанъ работамъ г. Дюссюмъ, уже акклиматизировались. Благодаря нѣкоторымъ предосторожностямъ, принятымъ въ теченіе первыхъ зимъ, они сдѣлались подлѣ французскимъ небомъ такъ же сильны и такъ же плодоносны, какъ туземные олени.

— Пищеварительная система комара свѣдѣтъ не такъ проста, какъ можно предполагать. Ротъ у него состоитъ изъ двухъ челюстей (*mandibulae*) вооруженныхъ рядомъ жѣлѣзныхъ и неподвижныхъ волосковъ, и изъ двухъ жвалъ (*maxillae*) съ подвижными щетинками наполовину опахала, которыя служатъ для собиранія раздробленной пищи. Но особенно замѣчательно то, что вокругъ кишечнаго канала симметрически расположены восемь пувиревидныхъ, уединенныхъ, яйцеобразныхъ, толстыхъ желудочковъ, изъ которыхъ каждый соединенъ съ главнымъ каналомъ посредствомъ коротенькаго канала, находящагося при соединеніи передней трети съ двумя задними третями внутренней ихъ стороны. Эти восемь полостей не могутъ быть принимаемы за дыхательныя пузырьки, замѣчательны у нѣкоторыхъ насѣкомыхъ двукрылыхъ (*Diptera*) или чешуекрылыхъ (*Lepidoptera*). При внимательномъ наблюденіи легко замѣтить, что эти желудочковыя полости болѣе или менѣе наполнены пищею, подобною той, которая находится въ остальной части кишечнаго канала; даже замѣтно, какъ отъ времени до

времени пузырьки эти сжимаются и какъ отъ этого послѣдствительнаго сжиманія питательное вещество проходить въ кишки. Сжиманіе повторяется отъ двадцати-пяти до тридцати разъ въ секунду. Погруживъ комара въ жидкость, окрашенную карминомъ или Индиго, увидимъ черезъ полчаса, а иногда и раньше, всѣ его восемь желудочковъ уже наполненными этими веществами. Нѣкоторые наблюдатели, какъ, на примѣръ, Свамердамъ и Леоувъ Дюбуръ утверждаютъ, что ипотія насѣкомыхъ отгрыгаютъ жвачку; хотя у насѣкомаго, о которомъ идетъ рѣчь, нельзя признавать дѣйствія, совершенно подобнаго происходящему у двукрылыхъ животныхъ, однакожь многочисленныя желудочки комара по ихъ устройству, по ихъ физиологическому дѣйствию и по ихъ развитію напоминаютъ, хотя въ чрезвычайно маломъ видѣ, то, что замѣчаютъ надъ желудочными рукавомъ и чепчикомъ у животныхъ отгрыгающихъ жвачку.

Въ-самомъ-дѣлѣ, ихъ внутренняя оболочка покрыта маленькими ячеями, какъ и у тѣхъ большихъ животныхъ; и пища не вливается въ эти пузырьки, какъ въ пустой каналъ, но проникаетъ въ нихъ особеннымъ путемъ, остается въ нихъ болѣе или менѣе значительное время, перерабатывается и наконецъ изгоняется чрезъ тотъ каналъ и входитъ въ кишечную трубу. Пища, правда, не возвращается назадъ въ ротъ, но она подвергается въ желудкахъ нѣкоторому замѣненію, потому что частицы переваренныя въ кишкѣ гораздо менѣе, чѣмъ находящіяся въ желудочныхъ пузырькахъ. Въ первомъ возрастѣ животныхъ, отгрыгающихъ жвачку, питаются только молокомъ, способности отгрыгать у нихъ еще не существуетъ, и въ то время два первые желудка ихъ относительно очень малы. То же самое бываетъ и у личинки комара; такъ-какъ она тотчасъ по выходѣ изъ яйца всасываетъ только пищу самую нѣжную и почти совершенно жидкую, то желудка не производить ника-

кого отправления, и органы эти въ то время еще просто не развиты и совершенно непроницаемы; самая грудная полость, заключающая ихъ, пропорционально гораздо менѣе, чѣмъ у комаровъ взрослыхъ.

— Г. Гумбольдтъ, присутствующій уже нѣсколько недель при занятіяхъ Парижской Академіи Наукъ, сообщилъ нѣкоторыя подробности относительно аэролита, упавшаго въ Браунау, въ Богеміи, 14-го іюля 1847 года. Достали два главныхъ куска, одинъ вѣсомъ въ сорокъ два фунта съ половиною, а другой въ тридцать фунтовъ. По изслѣдованію Фишера, профессора химіи въ Бреслау, оказывается, что масса эта металлическаго вида содержитъ въ себѣ, кромѣ сѣрнистаго желѣза, углеродъ, фосфоръ и — что всего страннѣе — бромъ. При пиленіи массы замѣтили искры, которыя бросали яркій свѣтъ; падала на бумагу, отъ прожигала ее... Замѣчательно, что масса въ тридцать фунтовъ, упавшая въ жилище бѣднаго крестьянина, проложила себѣ дорогу сквозь соломенную кровлю, нисколько не обуглила этой соломы; не почервѣла даже и солома, приставшая къ корѣ, покрывающей эту массу. У большей части аэролитовъ отколовшіеся отъ нихъ отломки представляютъ форму призматическую съ острыми углами; упавшій же въ Браунау имѣетъ видъ полушара, что и позволяетъ думать, что масса первоначально была сферическая.

— Въ послѣдніе годы, въ промышленности, и особенно въ строительномъ дѣлѣ, употребленіе листового желѣза распространяется болѣе и болѣе. Листовое кровельное желѣзо было въ большомъ употребленіи и прежде, но по тонкости своей не представляла достаточной прочности для сопротивленія разнымъ механическимъ силамъ, оно весьма-натурально употреблялось только тамъ, гдѣ нужна была покрывка, легкая защита и проч. Но листовое желѣзо болѣе толстое, или такъ назы-

ваемое *котельное*, прежде мало употреблялось. между-тѣмъ, какъ по крѣпости своей оно способно къ безчисленному множеству приложений. Изъ двухъ кругляковъ, одного *трубчатого*, а другаго *цѣльнаго*, при равномъ количествѣ массы или матеріи и при равной длинѣ обохъ, первый *трубчатый* представляетъ болѣе сопротивленія; сама природа производитъ всѣ органическіе остовы трубчатыми. По этому, замѣненіе *цѣльныхъ* металлическихъ частей трубчатыми какъ-вѣльза-болѣе естественно. Есть проекты для дѣланія и обыкновенныхъ и купольныхъ строеній изъ котельнаго желѣза; дѣлаютъ даже и цѣлыя крыши изъ сплошныхъ, борозчатыхъ листовъ котельнаго желѣза и притомъ вовсе безъ стропилъ; вездѣ, гдѣ употреблялись массивныя металлическія части — вездѣ есть болѣе или менѣе выгодная возможность замѣнить массивность легкостію трубъ изъ котельнаго желѣза. Словомъ, котельному желѣзу предстоитъ обширное поле въ домашнемъ хозяйствѣ, въ ремеслахъ и вообще во всякой промышленности — упростить и удешевить орудія, машины, части разныхъ построекъ, зданий и проч. Въ настоящее время, дешезизна еще не сопровождается попытки дѣлать все изъ этого сорта желѣза; но это потому-что желѣзодѣлательная заводская промышленность еще не знаетъ, какого рода требованія могутъ быть на этотъ предметъ; когда требованіе опредѣлитъ толщину разныхъ сортовъ котельнаго желѣза, чаще другихъ илучшихъ въ дѣло, то-есть, когда требованіе опредѣлится и установится, тогда и владѣтели желѣзныхъ заводовъ будутъ доставлять на рынки, а строители будутъ находить въ продажѣ прямо готовое котельное желѣзо требуемой толщины, такъ же какъ теперь находятъ и плоское, и круглое, и брусковое или гранное разныхъ размѣровъ.

Вотъ новое и замѣчательное употребленіе котельнаго желѣза. Мюльгаузенскій инженеръ Дениемъ сдѣлалъ

изъ него *шлюзныя ворота* на каналѣ, соединяющемъ Рону съ Рейномъ. Русская внутренняя промышленность знаетъ, что такое *ворота* въ шлюзахъ, чрезъ которые проходятъ баржи, знаютъ и важность ихъ; но, можетъ-быть, многіе не знаютъ, что какъ составленіе проента, такъ и самая постройка и навѣшиваніе *полотна* этихъ воротъ есть одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ инженернаго искусства. Крѣпость для сопротивленія сильному напору воды, неизвѣняемость всей системы скрѣпленій во время заправки и отпирания и легкость всего корпуса *полотна*—условія совершенно необходимы. Воротаыя подотна дѣлались прежде деревянными; потомъ, для уменьшенія массы и большей прочности, стали дѣлать чугуныя. Г. Детцёмъ построилъ воротаыя подотна изъ листового желѣза и нѣстное нижеверное начальство нашло ихъ не только исполнѣ удовлетворяющими своей дѣлу, но и доказавшими на опытѣ свое превосходство надъ прежними системами постройки воротъ.

Ворота г. Детцёна устроиваются слѣдующимъ образомъ. Одно воротное полотно состоитъ: 1) изъ *верем* или *вереллянаго столба*, сдѣланнаго изъ котельнаго желѣза съ пустою внутренностію и представляющаго въ поперечномъ сѣченіи полукругъ, примкнутый къ прямогольнику; полукруглая сторона *вереллянаго столба* будетъ вращаться въ *выкружкѣ* шлюзной стѣны. 2) Изъ *створнаго бруса*, состоящаго изъ прямогольно-перегнутаго листа желѣза и вставленнаго въ него во всю длину дубоваго бруса; и 3) изъ нѣсколькихъ *горизонтальныхъ брусьевъ* или *распорокъ* между *верелляными столбами* и *створными брусьями*; распорки эти пущы внутри и имѣютъ въ поперечномъ разрѣзѣ одну малую и двѣ большія стороны прямогольника. На каждомъ концѣ своемъ распорки эти нѣсколько надрѣзаны по длинѣ реберъ, а образовавшіеся отъ-того три *уха* загнуты, чтобъ посредствомъ этихъ *ушей* прикрѣпить распорки *болтами* и къ

верелляному столбу, и къ *створному брусу*. Двѣ верхнія *распорки* связаны между собой вертикальными *стойками*, сдѣланными совершенно подобно первымъ. Двѣ нижнія *распорки* соединены такими же *стойками*, но на послѣднихъ кромѣ того сдѣланы *фалцы* для хода *воротнаго щита*, те-есть, для поднятія его при пропускѣ воды. Со стороны напора воды, вся эта рама обшита плоскимъ листовымъ котельнымъ желѣзомъ. Къ верхнимъ *стойкамъ* прикрѣплены *кронштейны*, и на нихъ съ легкими *перилами* мостикъ для перехода чрезъ *шлюзную камеру* и для дѣйствія *домкратовъ* при подавтіи *щита*. Замѣчательно, что въ новыхъ воротахъ нѣтъ не только никакихъ горизонтальныхъ брусьевъ, связывающихъ непосредственно *створный брусъ* или *горизонтальныя распорки* со стѣнами шлюза, но даже нѣтъ и *перевалъ* или *диагональнаго* въ рамѣ *полотна бруса*. Построенныя г. Детцёмъ ворота служатъ уже десять лѣтъ, подвергались всякаго рода ударамъ отъ судовъ и не показали ни малѣйшаго измѣненія въ системахъ; они легче вслѣдствіе прежнихъ воротъ и потому, вѣроятно, *диагональная связь* небужна; они крѣпче и деревянныхъ в чугуныхъ, и не подвергаются, какъ послѣднія, опасности отъ ударовъ и мороза. Божалѣемъ, что не можемъ показать ширныи шлюзной камеры, высоту подпорной и камерной воды, и ширины и высоты самого полотна воротъ, построенныхъ г. Детцёмомъ; мы не нашли этого и въ томъ источникѣ, изъ котораго заимствовали сообщаемое извѣстіе; тамъ сказано только, что ворота стѣили 12,000 франковъ; дорого, но это первый опытъ.

Мы упомянули выше о *бороздчатыхъ* или *желобчатыхъ* изъ котельнаго желѣза крышахъ безъ стропилъ. Такъ-какъ это вещь совершенно новая, то кстати скажемъ и о ней нѣсколько словъ. Съ перваго взгляда кажется, что крыша безъ стропилъ невозможна, между-тѣмъ, какъ за границей есть уже довольно этому привѣровъ. Въ-самомъ-

дѣлѣ, еслибъ крышу безъ строицъ сдѣлать изъ гладкаго листоваго желѣза, то, конечно, она не могла бы держаться, такъ же какъ и гладкій листъ бумаги не имѣетъ никакой *самостоятельности* и гнется во всѣ стороны; но если вы, положимъ, хоть этотъ листъ бумаги будете перегибать параллельно и всегда на равныя разстоянія то въ ту, то въ другую сторону, однимъ словомъ, если вы *сплдите* его бороздками, какъ прежде дамы плели свои воротнички, то и листъ бумаги не будетъ гнуться и получить нѣкоторую *самостоятельность*. То же самое дѣлаютъ и съ листовымъ котельнымъ желѣзомъ, съ тою только разницею, что бороздки дѣлаютъ полукруглыми, то есть *желобчатыми*. Крыша въ этомъ случаѣ не имѣетъ *кома* или не раздѣляется имъ на скаты, но дѣлается дугою или аркою; строицъ вовсе не нужно: ихъ замѣняютъ тонкія, также дугообразныя желѣзныя полосы. Мы видѣли уже здѣсь, въ Петербургѣ; образцы подобныхъ *желобчатыхъ котельныхъ листовъ*, видѣли образецъ и небольшой подобной крыши и не сомнѣваемся, что эта европейская новизна обратитъ на себя вниманіе и нашихъ архитекторовъ.

— 10 октября въ парижской церкви Saint-Thomas d'Aquin происходило погребеніе г. Александра Броньяра. Въ церкви не достало мѣста для всѣхъ собравшихся на печальную церемонію; вся академія наукъ, главнѣйшіе члены академіи художествъ, всѣ парижскіе ученые хотѣли отдать послѣдній долгъ знаменитому человѣку, котораго Франція потеряла и которымъ имѣетъ право гордиться. Всѣ живописники, художники и работники севрской мануфактуры такіе явились выказать скорбь свою о потерѣ начальника, который сорокъ-семь лѣтъ управлялъ этимъ заведеніемъ самымъ блестящимъ и въ то же время самымъ отеческимъ образомъ.

Всѣ были огорчены, у всѣхъ были на глазахъ слезы; одно и то же чувст-

во сожалѣнія и скорби волновало душу его собратьевъ, его друзей: Араго, Тенара, Эли де-Бомона, Серра, Ораса Верне, графа Турнена, Генрикѣ Дюшона, Одіе, Фѣльбе де-Канша, и послѣдняго изъ работниковъ мануфактуры.

Могила готовилась принять въ себя остатки человѣка, который въ одно и то же время былъ однимъ изъ первыхъ геологовъ нашего времени, почти универсальный ученый, рѣдкій администраторъ, отецъ семейства, испытывавшій всякій почетъ, наконецъ, человѣкъ съ состояніемъ въ полномъ значеніи слова. Шестьдесятъ лѣтъ жизни, до того полной, что ея хватило бы для дѣятельности 3 или 4 человѣкъ самыхъ способныхъ къ труду; самое щекотливое положеніе, самыя сложныя отношенія, все прошелъ онъ, не оставивъ за собой ни малѣйшаго неудовольствія. Г. Броньяръ былъ любимъ и уважаемъ тамъ даже, гдѣ другіе встрѣчаютъ часто ненависть и неблагодарность.

Броньяръ родился въ Парижѣ въ 1770 году. Отецъ его, членъ института и знаменитый архитекторъ, построилъ бижу и церковь Pègre-Lachaise. Сынъ его получилъ воспитаніе въ Ecole des Mines, гдѣ профессоромъ минералогіи былъ Сажъ. Послѣ этого онъ прослушалъ курсъ въ Ecole de Médecine и получилъ мѣсто аптекаря при пиренейской арміи. По подоврѣнію въ содѣйствіи къ побѣгу ученаго натуралиста Бруссоне, онъ посаженъ былъ въ тюрьму, откуда освобожденъ 9 термидора. Вскорѣ онъ былъ сдѣланъ профессоромъ естественной исторіи въ Ecole centrale des Quatre Nations, а въ 1800 директоромъ севрской фарфоровой мануфактуры, по рекомендаціи Бертолета, который оцѣнилъ его за первый мемуаръ, посвященный эмальерному искусству.

При основаніи Université impériale, Броньяру поручено было составить начальное руководство къ минералогіи. Сочиненіе это появилось въ 1807 году и было лучшимъ, въ особенности по ясности и практическимъ примѣненіямъ, изъ всѣхъ сочиненій о наукѣ

этой, столь мало еще доступной. Оно служило важнымъ пособіемъ для учащихся и сдѣлалось надолго текстомъ постоянно совершенствуемыхъ лекцій Броньяра, сначала въ *Faculté des sciences* въ званіи адъюнкта г. Гаю. а послѣ въ *Museum d'histoire naturelle*, когда онъ занялъ мѣсто этого знаменитаго ученаго.

Но онъ не ограничился одной минералогіей. Онъ продолжалъ заниматься зоологіей. Ему обяваны раздѣленіемъ пресмыкающихся на четыре порядка и натуральныя всего свѣта приняты, по призыву Кювьё, установленныя Броньяромъ названія: *Sauriens, Batraciens, Cheloniens* и *Ophidiens*; названія, до того теперь извѣстныя, что ихъ приводить, не думая о томъ, кто далъ ихъ. Позже, онъ ввелъ названіе *Trilobites* и положилъ основаніе классификаціи этихъ странныхъ лучистыхъ животныхъ.

Въ это время началось знакомство его съ Кювьё. Въ 1808 году, Броньяръ сдѣлалъ путешествіе въ Овернь, гдѣ онъ нашелъ слонъ, въ которыхъ не было другихъ окаменѣлостей, кромѣ рѣчныхъ раковинъ, образовавшихся въ прѣсной водѣ. Открытіе это было совершенно новымъ приложеніемъ зоологіи къ изученію минеральныхъ пластовъ. Кювьё окончательно призналъ въ немъ сотрудника, назначеннаго ему самой судьбою. Уже прежде Броньяръ ознакомился съ этимъ предметомъ, занимаясь изслѣдованіемъ известняковъ Монмартра и кремнезема въ Шампани; сдѣлавшись потомъ профессоромъ, онъ продолжалъ свои изысканія при помощи учениковъ своихъ, въ то время еще юныхъ, въ послѣдствіи сдѣлавшихся знаменитыми профессорами: Бедана, Констана Прево, Демаре-сына, такъ что въ апрѣлѣ 1810 года онъ, вмѣстѣ съ Кювьё, представилъ въ 1-е отдѣленіе института *Essai sur la géographie minéralogique des environs de Paris*, которое появилось первоначально въ *Journal des Mines* и скоро сдѣлалось извѣстнымъ. Сочиненіе это, заключающее въ себѣ начальныя

правила приложенія зоологическихъ опредѣленій къ геологическимъ формациямъ, издано вновь въ 1811 г. съ замѣчательными улучшеніями, и открыло автору, въ 1815 г., путь въ *Académie des sciences*, гдѣ онъ занялъ мѣсто Демаре, неутомимо занимавшагося изслѣдованіемъ оверньскихъ volcanовъ.

Броньяръ не зналъ покоя. Поступивъ въ академію, онъ усилилъ свою дѣятельность и чрезъ нѣсколько лѣтъ сталъ во главѣ ученыхъ, занимавшихся этой новою еще и чрезвычайно-важною отраслю геологіи. Нѣсколько поѣздокъ въ Швейцарію, Италію, Норвегію и Швецію дали ему случай собрать съ удивительнымъ искусствомъ матеріалы, частію для пополненія первыхъ его трудовъ, частію для изданія новыхъ, каковы мемуары: *sur les blocs erratiques, sur les ophiolites des Apennins, sur les volcans* и пр.

Однако Броньяръ неограничился одною отраслю науки, не ограничился теоретическими соображеніями. Ему же обязана Франція основаніемъ серапическаго кабинета, совершенно отличнаго отъ кабинетовъ другихъ странъ. Столько же замѣчательно и появившееся въ 1845 г. *Traité des Arts céramiques*. Сочиненіе это—трудъ капитальный; оно заключаетъ въ себѣ всё предшествующія произведенія автора по этой отрасли и результаты множества опытовъ, сдѣланныхъ самимъ имъ или подъ его руководствомъ, плодъ его многочисленныхъ путешествій по всей почти Европѣ и сороча мѣтъ практикѣ и постоянныхъ трудовъ.

Сынъ г. Александра Броньяра, г. Адольфъ Броньяръ, важными трудами въ ботаникѣ достигъ мѣста въ *Académie des sciences* и въ настоящее время онъ президентъ ея.

— Въ кантонѣ Ааргау много замѣтныхъ фабрикантовъ (100—120); но въ Базельскомъ Кантонѣ этотъ родъ фабрикаціи, вспомоствуемый большими капиталами и правильнымъ распредѣленіемъ работъ, достигъ высшей

степени развитія и постоянно развивается, пользуясь содѣйствіемъ Франціи, отъ которой заимствуется рисунками тамъ сочиненными, усовершенствованіями, тамъ же придуманными. — При томъ ленточная промышленность такъ давно господствуетъ въ Базелѣ и такъ глубоко пустила корни, что другую, новую поважише вѣтвь промышленности трудно тамъ распространить по причинѣ дороговизны работниковъ и помѣщеній. Такъ, на-примѣръ, не пошло въ ходъ производство суконъ только потому-что работники, не желая оставить шелковой работы, требовали слишкомъ-высокой платы. Съ другой стороны, шелковая работа имѣетъ ту выгоду, что ее предпочитаютъ работники, а особенно работницы: — она требуетъ болѣе ловкости, чѣмъ физической силы, производится въ комнатахъ чистыхъ и теплыхъ, и, наконецъ, не прерываетъ семейныхъ отношеній, не притупляетъ способностей...

Итакъ, ленточная промышленность, встрѣчая въ Базелѣ всѣ способствующіе элементы, значительно распространилась, и постепенно уничтожаетъ тѣ роды промышленности, которые не вжуются съ нею какимъ-нибудь прямымъ или косвеннымъ образомъ.

Введеніе ткацкихъ станковъ особенно развило фабрикацію лентъ, позволяя работнику дѣлать въ-сколько разныхъ кусковъ вдругъ. Изобрѣтатель этихъ станковъ неизвѣстенъ; но по названію голландскаго станка, даннаго машинамъ, можно заключить, что они происходятъ изъ Голландіи.

Мы встрѣчаемъ здѣсь многочисленныя и любопытныя примѣры препятствій, которыя рутинный и тѣсный умъ противооставлялъ всѣмъ усовершенствованіямъ работы, всѣмъ успіямъ достигнуть болѣе и болѣе полного господства надъ матеріемъ.

Строгіе законы въ видахъ покровительства ручной работѣ запрещали введеніе станковъ. Одинъ писатель 1638 года говоритъ объ этихъ станкахъ, какъ объ изобрѣтеніи совершенно без-

полезномъ и прибавляетъ, что изобрѣтатель его скрылся, чтобъ уйдти отъ мести тѣхъ, которымъ вредило его открытіе, или подлинно сдѣлался ихъ жертвою.

Въ 1643 году, въ Лейденѣ, законъ запретилъ употребленіе *станковъ, производящихъ четыре куска лентъ вдругъ*. То же было въ Нюренбергѣ въ 1664 году, въ Кельнѣ въ 1676, въ Австрійской Имперіи въ 1685, и въ Саксоніи даже въ началѣ XVIII-го столѣтія. — Въ Гамбургѣ, роковая машина была сожжена рукою палача... И не смотря на то, успѣхъ одержалъ верхъ надъ этими слѣпыми и тщетными сопротивленіями. Станки для ткавы въ-сколькихъ лентъ вдругъ были введены въ Англию, въ Глазгоу, въ 1732 году, Англичанами, употреблявшимъ ихъ въ Голландіи.

Но возвратимся къ фактамъ, ознаменовавшимъ исторію промышленности лентъ въ Базелѣ; извѣстно, что въ началѣ XVII-го столѣтія эта промышленность приобрѣла тамъ большую важность; городъ употреблялъ для ленточнаго производства — сиротъ.

Въ 1660, введены были усовершенствованныя станки, а въ 1670 ленточныя фабриканты жаловались на быстрое увеличеніе новаго образа производства, которое они считали опаснымъ для своего существованія.

Тогда возникъ горячій споръ между фабрикантами и корпораціей работниковъ, требовавшихъ запрещенія усовершенствованныхъ машинъ. Послѣ долгой борьбы, правительство перешло на сторону новыхъ станковъ; но это рѣшеніе не долго держалось, потому-что протесты становились все сильнѣе и сильнѣе. Правительство имѣло слабость взять назадъ свое первое рѣшеніе. Но и отъ запрещенія новыхъ машинъ оно также отказалось въ февралѣ мѣсяцѣ 1681 года.

Съ-тѣхъ-поръ, базельская фабричная промышленность уже не останавливалась въ своемъ нормальномъ развитіи. Она много выиграла отъ ввѣненія нантскаго эдикта, навесшаго ужасный

ударъ французской промышленности и послужившаго сигналомъ къ первому переселенію самыхъ искусныхъ французскихъ работниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ были приняты въ Базель, и если не ввели тамъ фабрикаціи, давно уже существовавшей, то способствовали ея распространенію и благосостоянію.

Два оффиціальныя выписки показываютъ число ленточныхъ станковъ, дѣйствовавшихъ въ 1754 и 1786 годахъ въ Базельскомъ-Кантонѣ.

Въ 1754 г. считали 1238 станковъ, изъ которыхъ 837 принадлежали городскимъ фабрикантамъ, 118 самимъ ткачамъ и гражданамъ другихъ кантоновъ.

По исчисленію 1786 г., было около 2,380 станковъ, изъ которыхъ 1,893 принадлежали фабрикантамъ, 312 работникамъ и 116 иностранцамъ. Впрочемъ, что и тогда, какъ теперь, фабрикантъ доставлялъ станокъ вмѣстѣ съ матеріаломъ.

Смѣтени 1830, раздѣлившія Базель городъ отъ Базеля-округа, нѣсколько измѣнили организацію ленточной промышленности. Работники до 1830 года (какъ это еще и теперь дѣлается въ Цюрихскомъ Кантонѣ) раздѣляли труды свои между земледѣіемъ и работою на фабрикѣ. Но умноженіе заказовъ и улучшеніе машинъ, съ одной стороны, и враждебныя отношенія между земледѣльческими и промышленными классами съ другой, точнѣе опредѣлили черту разграниченія.

Число фабричныхъ работниковъ, однако, не уменьшилось, потому-что они за свой трудъ получали большую плату, чѣмъ за полевые работы. Промышленность возрасла; и съ 1736 года фабрикація усилилась по-крайней-мѣрѣ на одну пятую.

Этотъ успѣхъ не былъ останавливаемъ тѣми неудачами, которыми такъ часто сопровождается въ другихъ мѣстахъ слишкомъ-быстрое развитіе промышленности. Благоразуміе капиталистовъ, управлявшихъ этимъ родомъ производства, и просвѣщеніе рабочаго класса поставили тому счастли-

вую преграду. Здѣсь нельзя умолчать о томъ, что швейцарская торговля принуждена сама наблюдать за своею безопасностію:—она въ этомъ не можетъ положиться на правительство, такъ-что вегоціанты швейцарскіе сдѣлались самыми расчетливыми и ловкими спекуляторами по необходимости. Отъ-того въ-продолженіи тридцати лѣтъ ни одна ленточная фабрика въ Базелѣ не обанкрутилась; древніе дома, не сумѣвшіе встать на современный уровень, сошли со сцены по собственному произволу, чтобъ дать мѣсто новымъ, болѣе-дѣятельнымъ и свѣдущимъ фабрикантамъ.

Гизъ насчитывалъ въ Базелѣ, въ концѣ послѣдняго столѣтія, до 3,000 станковъ. Фабрики тогда процвѣтали, потому-что политическія смѣненія Франціи доставили Базелю многія мѣста сбыта, открытыя сначала Ліону, потомъ Сент-Этьену. Но войны имперіи и суровость континентальной системы нѣмѣли вредное вліаніе на торговлю Швейцаріи. Она начала жить новою жизнью въ 1815 году и успѣхъ, медленный до 1822 года, сталъ быстро возрастать. Въ 1836 году, число станковъ доходило до 3,500. Теперь эта сумма простирается отъ 4 до 5,000 и въ томъ числѣ отъ 7 до 800 станковъ жакардовыхъ.

Въ 1835 г., вывозъ лентъ доходилъ до суммы около десяти милліоновъ франковъ. Г. Гизъ полагалъ, что этотъ товаръ былъ на половину отосланъ въ Соединенные-Штаты, а на половину въ Германію, Францію, Голландію, Англію, Швецію, Россію и т. д.

Большое количество лентъ ткется въ деревняхъ, хотя съ 1830 г. число станковъ, работающих въ городѣ, значительно возрасло; мужчины въ Базелѣ, какъ и въ Цюрихѣ, занимаютъ болѣе земледѣіемъ, чѣмъ ткаемъ; этой работою преимущественно занимаются женщины и дѣвушки. На дѣтей возлагаются мелкія постороннія подѣлки. Считаютъ обыкновенно по два человѣка на обыкновенный станокъ. Работники, употребленные на

станкамъ, могутъ получать въ недѣлю: за ткань отъ 9 до 25 фр., за снованіе отъ 7 до 15 фр., за отдѣлку отъ 10 до 15 фр., красильщикъ получаетъ отъ 12 до 18 фр.

И потому рабочіе классы живутъ здѣсь въ довольствіи, и по многимъ отношеніямъ лучше, чѣмъ въ другихъ государствахъ, и имѣютъ возможность сберегать нѣкоторую сумму. Въ Базелѣ никогда не было смятеній, возбужденныхъ скудостью платы; даже, во время отдѣленія сельскихъ жителей отъ города, отношенія между подрядчиками и работниками не испугались.

Число работниковъ, живущихъ частью въ Базелѣ-городѣ и большею частью въ Базелѣ-округѣ и кантонахъ Бернѣ и Арагау, на радіусѣ восьми или десяти лѣтъ, простирается — считая и дѣтей — отъ двѣнадцати до пятнадцати тысячъ. Почти всѣ владѣютъ нѣкоторою частью земли и переходятъ поочередно то къ земледѣлю, то къ ткачеству. Часто хозяинъ дома не принимаетъ никакого участія въ занятіяхъ на фабрикѣ, которыя предоставляются женамъ, дѣвцамъ и работникамъ. Стяжки почти всѣ принадлежатъ самимъ фабрикантамъ, крашеные и приготовительныя подѣлки производятся въ городѣ.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ Базель посвятилъ себя особенно произведенію узорчатыхъ лентъ болѣе высокой цѣны, фабрики начали умножаться въ самомъ городѣ, какъ по причинѣ болѣе удобнаго наблюденія за работниками, такъ и для сохраненія въ тайнѣ образцовъ, которые не обезпечиваются никакимъ правомъ собственности.

Франція доставляетъ Базелю много образцовъ для подражанія; но въ послѣднее время швейцарскія ленточныя фабрики рѣшительно сами составляютъ оригиналы. — Двадцать рисовальщиковъ занимаютъ измѣненіемъ соединеній цвѣтовъ и рисунковъ. Свободный привозъ сент-этьенскихъ лентъ возбуждалъ въ жителяхъ Базеля соревнованіе и уже заштыны значительные

успѣхи въ качествѣ и разборѣ произведеній.

Производство узорчатыхъ лентъ не оригинальнымъ рисункамъ слишкомъ новая вещь въ Базелѣ, чтобъ можно было установить законъ на-счетъ собственности узоровъ. Сверхъ-того, подражаніе превосходитъ всегда изобрѣтеніе. Хотя всякая фабрика теперь имѣетъ своихъ рисовальщиковъ, но они не слишкомъ заботятся о составленіи рисунковъ новыхъ, а приравниваютъ заимствованнымъ къ особенному вкусу тѣхъ странъ, для которыхъ назначаются произведенія. Это стремленіе изучать нужды и прихоти потребителей есть тайна благосостоянія швейцарской торговли, незнающей правительственныхъ обезпеченій. Тамъ нѣтъ никакого устава на-счетъ фабричныхъ клеймъ, нѣтъ закона на привилегіи изобрѣтенія.

Но чувства истинны и справедливости глубоко проникли въ просвѣщенный умъ этого народа; онъ не отказался бы составить нѣчто въ родѣ лиги для обузданія поддѣлки, особенно въ отношеніи шедковыхъ надѣлій...

Отсутствіе промышленнаго законодательства относительно правъ изобрѣтателей удивляетъ еще меньше, чѣмъ отсутствіе всякаго постановленія на-счетъ работы дѣтей; но это послѣднее обстоятельство весьма-легко объясняется самыми правами и степенью просвѣщенія. Притомъ, въ Швейцаріи почти во всѣхъ кантонахъ давно существуетъ законъ, обязывающій родителей посылать дѣтей въ школу до шестнадцатилѣтняго возраста, до окончанія предписаннаго курса, расчисленнаго такимъ образомъ, чтобъ ученики послѣдняго класса не могли выходить изъ школы раньше двѣнадцати лѣтъ. Что изъ этого вышло? То, что на фабрикахъ дѣтей моложе тринадцати или четырнадцати лѣтъ почти не бываетъ. Лучшій законъ относительно работы дѣтей, — это принужденное образованіе, нравственная организація первоначальныхъ школъ.

Государство не должно избѣгать никакой жертвы, чтобъ достигнуть высокой цѣли, которая имѣетъ въ виду развитіе духовное и нравственное, и обезпечиваетъ физическое развитіе народа. И въ Швейцаріи школы имѣютъ значительную долю въ расколахъ общинъ. Самый родъ промышленности Базельскаго Кантона устраиваетъ жалобы на употребленіе дѣтей въ слишкомъ - тяжелую работу. О Цюрихѣ этого нельзя сказать: пряжа хлопчатой бумаги вездѣ влечетъ за собою подобное злоупотребленіе. Есть фабрики, которые, чтобъ согласить исполненіе закона касательно школъ съ видами корыстолюбія, продолжаютъ работу ночью.

Главнѣйшіе рынки, на которые вывозятся произведенія базельскихъ фабрикъ, суть Германія, Сѣверная Америка, Франція и Англія.

Базельскіе фабриканты надѣются на еще-обширѣйшій сбытъ, сколько для Англіи столько и для странъ по ту сторону океана, когда падетъ совершенно охранительная система Великобританіи, чего еще далеко имѣть теперь, особенно въ-отношеніи лентъ, которыя обложены пошлиною пятнадцати процентовъ. Швейцарцы надѣются, что такое положеніе дѣлъ не долго продолжится, что Англія сдѣлаетъ точнѣйшее примѣненіе принципа коммерческой свободы, который одинъ согласенъ съ общей пользой. Когда Англичане вкусятъ отъ этого плода свободы, они ужъ не захотятъ другого.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія, когда особенно усилились запретительныя востановленія, Швейцарія въ-которое время терпѣла отъ прекращенія своихъ прежнихъ сношеній съ Франціею, Германіею и Италіею. Но ея фабриканты, утомленные соперничествомъ, видя себя исключенными изъ стараго свѣта, начали посылать свои произведенія за предѣлы Европы, въ страны отдаленныя. Они прииоронили свои статьи къ нуждамъ и вкусу сво-

ихъ новыхъ покупателей и перестали дѣлать тѣ товары, которые своимъ объемомъ или вѣсомъ затрудняли перевозку и не такъ удобны для контрабандной торговли.

Надо признаться, что контрабанда была однимъ изъ энергическихъ средствъ сбыта швейцарскихъ товаровъ.

Такова, безъ всякаго сомнѣнія, причина, по которой самыя цвѣтущія вѣтви швейцарской промышленности заключаются въ произведеніяхъ, которыя имѣютъ болѣе цѣнности въ меньшемъ объемѣ, частію по причинѣ тщательнѣйшей отдѣлки. Такъ, напримѣръ, шелковыя матеріи, часовое производство, галантерейныя вещи, кисей, вышиванье, печатанье на шѣжныхъ тканяхъ и проч., тогда-какъ грубыя шерстяныя и бумажныя матеріи, кожи, бумага и проч. назначаются исключительно на внутреннее употребленіе. Запрещая швейцарскія бумажныя ткани, Франція способствовала развитію фабрикаціи шелковыхъ матерій у своихъ сосѣдей и такимъ образомъ создала себѣ грознаго соперника на рынкахъ всего свѣта въ-отношеніи главнаго предмета своей торговли.

Этотъ фактъ ясно доказываетъ, какъ дорого обходятся выгоды, доставляемыя запретительною системою... Равновѣсіе труда мало-по-малу востановляется между народами и самая торговая статистика повинуется точнымъ, неуловимымъ законамъ. Польза, доставляемая исключительно ми мѣрами, неразрывно вѣжется съ потерями на самыхъ дѣвнихъ, самыхъ доходныхъ промыслахъ, которые не требуютъ для своего обезпеченія никакой привилегіи.

Однимъ словомъ, Швейцарія составляетъ родъ порто-франко въ среднѣй Европѣ, и выгоды, получаемыя ею отъ полной свободы привоза и производства достаточны, чтобъ уравновѣшивать тягость, которую налагаютъ

на нее ограничительныя мѣры ея со-
сѣдей.

Въ этомъ-то и заключается нѣкото-
рымъ образомъ тайна истинно-замѣ-
чательнаго благосостоянія этого ма-
ленькаго государства, которому пред-
стояло столько затрудненій на пути
развитія. Швейцарцы обрабатываютъ
почву неплодую; неровности ея пре-
рываютъ безпрестанно сношенія; су-
ровость климата присоединяется къ
препятствіямъ, представляемымъ пе-
докорною природою, и, не смотря на
то, народъ этотъ умѣлъ упрочить себѣ
выгодное мѣсто въ свѣтѣ.

Еще одно замѣчаніе; обыкновенно
говорятъ, что Швейцарія не знаетъ
налоговъ: это справедливо только от-
части, потому-что есть косвенные на-
логи, которые ускользаютъ изъ вида.
Въ 1844, расходы Базеля-города воз-
высились до 800,000 франковъ. Наро-
донаселеніе этого кантона прости-
рается не свыше 25,000. Слѣдовательно,
приходится среднимъ числомъ по
32 фр., т. е. почти столько же, какъ и
во Франціи.

— По введенному порядку, мы дол-
жны сообщить читателямъ о вновь-
вышедшихъ за границею книгахъ...

По части исторической литературы
едва ли удастся намъ наименовать и
четверть сочиненій, вышедшихъ въ
свѣтъ въ послѣднее время. Достаточно
сказать, что въ теченіе вышшняго го-
да издано до двадцати-пяти сочине-
ній, имѣющихъ предметомъ исторію
послѣднихъ годовъ XVIII столѣтія.
Вотъ оно, что значить историческая
дѣятельность!.. О сочиненіи Луи Бла-
на мы уже не разъ говорили и, вѣро-
ятно, будемъ еще много говорить,
сколько удастся, по-крайней-мѣрѣ... А
теперь ограничимся спискомъ сочине-
ній, которыя или по предмету или по
имени автора - вызываютъ на размы-
шленіе..

Histoire des deux restaurations (Исто-

рія двухъ реставрацій), соч. Ашилла
Волабель. До-сихъ-поръ вышло только
четыре тома этого сочиненія, отла-
чающагося, по словамъ газеты «*Sid-
cle*», отъиынымъ безпристрастіемъ;
по самымъ отзывамъ можно заклю-
чить, что авторъ придерживается си-
стемы самаго строгаго модерантизма.

Histoire de Napoléon (Исторія Напо-
леона), соч. Эліа Ренью. Прекрасное,
щеголеватое изданіе Перротена и
Паньерра. Въ немъ можно найти нѣ-
которыя донинѣ-неизвѣстныя по-
дробности о частной жизни Напо-
леона.

*Histoire universelle, depuis les premiers
ages du monde jusqu'à l'époque actuelle*
(Всемирная исторія съ древнѣйшихъ
временъ до настоящей эпохи), соч.
Лаповирѣ. Авторъ извѣстенъ въ исто-
рической литературѣ по многимъ сочи-
неніямъ, между-прочимъ по «Исторіи
Революціи» и по изданію «Сочиненій
Робессьера» съ предисловіемъ Арманъ-
Карреля.

*Histoire de France, depuis les tems
les plus reculés jusqu'en 1841* (Исторія
Франціи съ древнѣйшихъ временъ до
1841 года), составленная по Сисмонди,
Огюстеву Тьерри, Гиво, де-Баранту,
Машлѣ и Аври Мартену. Сочиненіе
того же автора.

Souvenirs du directoire et de l'empire
(Воспоминанія о директоріи и импе-
ріи), соч. баронессы В***.

Histoire de la révolution et de l'Empire,
соч. Амеда Габура. Вышелъ томъ, со-
держащій въ себѣ исторію директоріи.

*Histoire de la rivalité des Français et
des Anglais dans l'Inde* (Исторія сопер-
ничества Французовъ и Англичанъ въ
Индіи), соч. Луи Германа, почерпну-
тое изъ бумагъ министерства ино-
странныхъ дѣлъ.

*Les corsaires Français sous la républi-
que et l'empire* (Французскіе корсары

во времена республики и имперіи), соч. Наполеона Галлуа, 2 тома, въ 8-ю д. 1.

Études sur l'histoire de la Lombardie dans les trentes dernières années, ou Des causes du défaut d'énergie chez les Lombards (Опытъ исторіи Ломбардіи за послѣднія тридцать лѣтъ или изложеніе причинъ отсутствія энергіи у Ломбардцевъ), рукопись одного Итальянца, изданная г. Лева де-Пентъ. 2 издавіе, въ 8-ю д. 1.

Essai sur l'histoire des Arabes avant l'islamisme, pendant l'époque de Mahomet et jusqu'à la réduction de toutes les tribus sous la loi musulmane (Опытъ исторіи Аравитянъ до исламизма, во времена Мухаммеда и до повсемѣстнаго водворенія закона мусульманскаго), соч. Коссепа де-Персевала, томъ I.

Documents historiques inédits (Неизданные историческіе документы), вывеченные изъ рукописей королевской бібліотеки и департаментскихъ архивовъ, издаваемые Шамполлюномъ-Фижа, вышло три тома въ 4-ю д.

De la France, de son génie et de ses destinées (Франція, ея геній и назначеніе), соч. Анри Мартена.

Histoire des mœurs et de la vie privée des Français. Исторія нравовъ и частной жизни Французовъ, со времени основанія монархіи до настоящей эпохи, соч. де-ла-Бедолльера. До сихъ поръ вышло только два тома этого въ высшей степени интереснаго сочиненія.

Léon X (Біографія папы Льва X), соч. Одена.

Histoire de la Gaule sous la domination romaine (Исторія Галліи во времена римскаго владычества), Амедѣ Тьерри, томъ III.

Plutarque français, томъ шестой и послѣдній. Сюда вошли періоды революціи, имперіи и современной эпохи, и біографіи Мирабо, Ковдорсе, Лудовика XVI, Наполеона, Гома, Клебе-

ра, Дезе, Моро, Массены, Сюше, Богарне, Талейрана, Лавуазье, Биша, Кювье, Бернардень де-Сен-Пьера, Деллала, Андрѣ Шенье, мадамъ Сталь, Давида, Прудона, Гро, Гретри, Мегюля, Тальмы. Въ составленіи этого тома принимали между прочимъ участіе: Ниваръ, Пелльтанъ, Монти, Александръ Дюма (?!), Журданъ... Флуранъ, Жерюзе, Эженъ Делакура и ии. др. Превосходные гравированные портреты, приложенные къ біографіямъ, дѣланы знаменитѣйшими художниками: Поля Делароша, Раффе, Ораса Верне, Тонни Жоанно и др. Этотъ великолѣпный волюмъ продается отдѣльно, равно какъ и предшествовавшіе томы, въ которые входятъ средніе вѣки, эпоха возрожденія, вѣкъ Лудовика XIV и XVIII столѣтіе...

— Вышелъ второй томъ *Исторіи Французской Революціи* Луи Блана. Эженъ Пелльтанъ слышалъ судъ надъ этой книгой, безпристрастіе котораго уже не можетъ быть, потому что онъ произнесенъ существомъ не отъ міра сего. А кто не вѣритъ въ явленіе духовъ, тому, конечно, пріятно будетъ приписать этотъ судъ самому г. Пелльтану, современнику, такъ вѣрно, такъ строго повѣшшему памятную эпоху и ея представителей. Г. Пелльтанъ слѣдующимъ образомъ рассказываетъ свое видѣніе:

«Онъ такъ быстро ходилъ по галереѣ Пале-Рояля, что, я думаю, онъ пошибаетъ съ ногъ встрѣчавшіяся ему лица. Но никто не ощущалъ его прикосновенія: онъ, казалось, проникалъ сквозь тѣла. Лицо его какъ-будто осыпало вѣтромъ, платье распахнулось, полы откинулись назадъ; на немъ были короткіе штаны, башмаки съ пряжками, круглая шляпа съ широкими полями и распушавшейся на правой сторонѣ трепѣвѣтной кокардой. Дивится я, отъ чего никто не оглядывался, никто не обращалъ на него вниманія.

И было что-то странное въ явленіи этого выходца минувшаго вѣка. Вне-

реди у него висѣла цѣлая связка печатокъ, которыя всѣ стучались и гремѣли какъ звонки. Въ рукахъ держалъ онъ книгу и перелистывалъ ее, быстро пробѣгая страницы. Иногда онъ останавливался, прикладывая палецъ ко лбу, какъ-будто припоминая что-то, и опять начиналъ ходить.

Послѣ одного изъ такихъ припоминаній, онъ вдругъ замѣтилъ меня, подошелъ ко мнѣ и, положивъ руку мнѣ на плечо, сказалъ:

— Съ виду, ты долженъ быть журналистъ.

— Благодарю за вниманіе, а вы?

— Я я отчасти мараль летучіе листки, навадь тому лѣтъ пятьдесятъ.

Я посмотрѣлъ на моего незнакомца; казалось, ему не больше тридцати лѣтъ.

— Тебя это удивляетъ? спросилъ онъ.

— Немножко; по вашему расчету, надо полагать, что вы взяли за перо прежде нежели родились.

— О нѣтъ! тогда я былъ такихъ же лѣтъ, какъ теперь... Тебѣ, конечно, известна моя исторія?

— Стало-быть, вы...?

— Ты уже произнесъ въ умѣ мое имя: Камилль Демуленъ

— Я считалъ васъ...

— Гильйотинированнымъ? примолвилъ онъ улыбувшись. Да, тутъ есть маленькое затрудненіе; впрочемъ, это не мѣшаетъ иногда видѣться мертвымъ съ живыми.

• Въ наказаніе за кое-какіе поступки, которые я совершилъ въ припадкѣ энтузіазма, мнѣ велѣно являться сюда, въ Пале-Рояль, первый театръ моей славы, и покупать здѣсь всѣ выходящія въ свѣтъ сочиненія о революціи. Потому я несу ихъ къ тѣмъ, которые были моими соучастниками, и мы читаемъ... То была намъ нѣкогда кара; и подѣломъ! Не поняли мы своего времени и наше время не поняло насъ.

• Но теперь—срокъ очищенія исполнился. Исторія начинаетъ воздавать намъ должное. Но это должное не всегда кладется на вѣрныя вѣсы; да-

же у тѣхъ, которые, среди круглаго сиротства нашего дѣла, хотѣли намъ наслѣдовать, даже у этихъ дѣтей нашихъ, дѣтей не по плоти, а по духу, еще много, много заблужденій: они ошибаются, какъ мы ошибались. Вотъ, напримѣръ, второй томъ Луи Блана. Если бы я хотѣлъ заранѣе отдѣлать для кого-нибудь самую лучшую, самую дорогую долю моей симпатіи, то конечно отдѣлилъ бы ее для этого молодого писателя, гибкаго, ловкаго, такъ быстро схватывающаго сходства челоуѣка съ челоуѣкомъ, факта съ фактомъ, доктрины съ доктриною. Люблю я его за любовь, которую онъ, глубоко, краснорѣчивый, питаетъ къ рабочему классу народа. Охотно признаю его чудное умѣнье изображать событія, признаю и этотъ непрерывно слышимый звукъ электрическаго тока, брызжущаго изъ каждой его строки, и огненный блескъ слога, всегда живаго, неуловимо-быстраго, какъ отраженіе солнца на военныхъ доспѣхахъ;—онъ свергаетъ, онъ движется, похожъ на тѣ мѣдныя привидѣнія, что живутъ горячимъ угольемъ и носятся теперь по вашимъ дорогамъ.

• Есть тамъ страницы, гдѣ говорится о магнетизмѣ и иллюминизмѣ, страницы таинственныя, какъ ихъ предметъ, захватывающія духъ, какъ неизвѣстность;—онъ вбодаетъ васъ, съ завязанными глазами, испуганныхъ или наумленныхъ, въ безъизвѣстный міръ. Кажется, будто чрезъ таинственныя двери Данта вступаешь въ предѣлы революціи. Но, я долженъ сказать, что въ этой революціи, которую онъ любить; которую защищаетъ всеми силами и хочетъ объяснить, Луи Бланъ видитъ скорѣй свои, нежели наши идеи, а между-тѣмъ—мы ее приготовили, мы совершили и вмѣстѣ съ собою увлекли на ступени гильйотины.

• Когда онъ говоритъ, что въ концѣ восемнадцатаго вѣка Франція была раздѣлена на двѣ школы: одну—школу Вольтера, школу буржуазизма, эгоизма, матеріализма, меркантилизма и неслаженностей; другую—школу Руссо, школу

народа, преданности, спиритуализма и братства;—когда онъ на первой страницѣ своего втораго тома показываеъ намъ умирающаго Вольтера въ лаврахъ, а Руссо въ забытїи и отверженїи;—тогда онъ для насъ создаетъ такія категорїи, которыхъ никто изъ насъ и не подозревалъ.

• То его вѣкъ отражается въ нашемъ вѣкѣ. Мы можно повѣрить на слово, потому-что я тамъ былъ, я видѣлъ то, о чемъ онъ рассказываетъ: въ минуту, когда разразилась гроза, вѣсь не было двухъ отдѣльныхъ націй, изъ которыхъ бы одна вытекала изъ Руссо, какъ браминъ изъ головы Брамъ, другая—изъ Вольтера, какъ Вейссія изъ чрева Брамъ. У насъ въ головѣ было то, что говорилось и думалось прежде насъ, среди насъ—Вольтеромъ и Руссо, Монтескьё и Кондорсё, Неккеромъ и Турго, а главное говорилось у Плутарха и въ *De Viris*; все слылось и слышалось, въ большихъ или меньшихъ дозахъ, смотря по темпераменту каждаго. Всѣ держались всѣхъ, и всѣ, изъ одной общей чаши, пили это безконечно-сложное питье восемнадцатаго вѣка; а восемнадцатый вѣкъ былъ—не одинъ человекъ, не два человека, а мїръ цѣлый. Тысячи потоковъ идей лились черезъ наши умы, и въ этой химической смѣси, въ этомъ осадкѣ, лежащемъ на двѣ чаши, невозможно было намъ отыскать и отдѣлить на чисто того или другаго мыслителя.

• И были мы—ни народъ, ни буржуа, не были мы вполнѣ, исключительно—ни тѣмъ, ни другимъ; мы были, или намъ казалось, что мы были, всѣ, дружнымъ хоромъ, не различая ни фрака, ни карманной сумки, работники революціи, и только! Но не было у насъ отдѣльных, исключительныхъ сторонъ преданности или эгоизма, спиритуализма или матеріализма. Спиритуализма въ буржуазїи было столько же, какъ въ народѣ. Повѣрь, ихъ очень занимали подобныя вещи, которыя въ ту пору охватили головы девяносто девяти сотыхъ всей націи. Большая часть даже и не открывала ни одной изъ

тѣхъ книгъ, ученїя которыхъ принимается имъ Луи Бланъ. Жиромисты, конечно, не думали осуществлять идеи Вольтера, когда пытались остановить революцію на берегу *Краснаго моря*; а монтаньяры не думали осуществлять мысли Руссо, бросая революцію въ кровавыя волны, въ которыхъ она и захлебнулась. Ничто не было систематизировано ни съ той, ни съ другой стороны. Одни такъ же мало думали утвердить буржуазїю, какъ другїе—общину (*communauté*). Мы не пускались въ разбирательство символовъ; мы ратовали больше за наши дѣйствїя, нежели за принципы. Мы составляли партїи, а не секты; стремились не опровергнуть, а уничтожить, и—были задушены во мракѣ собственныхъ идей.

• Слушай, молодой человекъ! смерть научаетъ не меньше жизни. Загробная жизнь есть продолжающееся воспитанїе. Съ высоты далекой, данной намъ обители, мы живемъ въ васъ, или учимся съ вами, изъ вашихъ идей. Всякій разъ, когда вы поднимаетесь ступеню выше въ наукѣ и истинѣ, поднимаете и насъ ступеню выше. Каждое ваше новое знанїе извлекаетъ чью нибудь душу изъ чистилища. Вотъ въ этомъ-то и есть та связь, которую провидѣнію угодно было положить между мертвыми и живыми: много между нами такихъ, которые трудятся безплодно для васъ, представителями новаго поколѣнїя; за-то плоды вашихъ трудовъ восходятъ до насъ, блѣднѣе работниковъ, неполучившихъ заработной платы.

• Ну, вотъ, въ силу такого-то важнаго очищенїя моихъ идей чрезъ ваши успѣхи и развивающуюся смелость, которыя долетаютъ до моего Элизея, я долженъ сказать тебѣ совершенно, положи руку на сердце, что въ этомъ юномъ историкѣ, который теперь у меня въ рукахъ, есть два духа—однѣй—безпристрастный, прощительный, чистосердечный,—то духъ человека; другой—суровый, жест-

растный, безопадный, — то духъ партіи.

• На каждомъ шагѣ встрѣчаешь борьбу этихъ двухъ началъ. Когда, на-примѣръ, я вижу, какъ Луи-Бланъ отъжикаетъ, въ двусмысленномъ арсеналѣ преходящей злобы людей той эпохи, всё замѣтки, документы, авекдоты болѣе или менѣе доказанные, которые могли бы очернить Марію-Антуанетту, набираетъ, копить все это въ память, какъ-будто съ какимъ-то удовольствіемъ; не обнаруживаетъ ни малѣйшей пощады ни сомнѣніемъ, ни подозрѣніемъ; не хочетъ извинить ни голосомъ молвы, ни легкомысліемъ; — тогда я останавливаюсь и думаю: это говорить духъ партіи. И я также, и я впадаю въ такую же неправду; въ пылу дѣятельности я не думалъ доказывать свои пасквили. Но теперь, когда остыла ненависть, еще ли пойдти разрывать пепель, искать подъ нимъ послѣднихъ искръ?

• За то, когда нашъ историкъ, въ порывѣ истиннаго вдохновенія, мимоходомъ бросаетъ горькій упрекъ Жозефу, — зачѣмъ онъ хотѣлъ зволновать все до основанія обширное государство, передѣлать народъ по произволу, зачѣмъ то, что самъ Богъ совершаетъ въ теченіи вѣковъ, хотѣлъ онъ кончить однимъ днемъ и втереться на страницы исторіи, — тогда говорить въ немъ духъ человѣка. Тутъ узнаю я мыслителя, который чувствуетъ и знаетъ, что однѣ системы не создаютъ общества; что общества, не менѣе того, развиваются и по закону внутренней фязіологической жизни; что движутся они и влекутъ за собой свои преданія, своихъ предшественниковъ; что совершаютъ они въ тайнѣ свое личное дѣло, часто недоступное самому прозорливому прорицателю, дѣло, которое все будетъ шире нашихъ частныхъ выводовъ и положеній, о которое разобьются и смѣшаются въ пѣну всѣ волны нашихъ теорій.

• Когда Луи Бланъ олицетворяетъ въ буржуазіи генія зла, постоянно стремящагося удержать революцію и об-

ратить ее въ пользу своего эгоизма, когда онъ, среди широкой сцены убійствъ, указываетъ намъ пальцемъ на нее, какъ на главную виновницу страшнаго вѣрства *фонаря*, — тогда опять говорить въ немъ духъ партіи.

• Но когда, по поводу того торжественнаго сожженія, которому дворянство, въ ночь на 4 августа, предало свои привилегіи, разомъ, въ одинъ часъ разбивъ о мраморъ трибуны цѣлыя десять вѣковъ, Луи-Бланъ, взволнованный и пораженный, вдругъ останавливается и предается такому размышленію: • Писали, что въ этой рѣшимости не было ничего произвольнаго; что внушилъ ее страхъ, а довершила необходимость. Что касается до насъ, мы на столько уважаемъ челоѣческую природу, что не хотимъ блистательные историческіе факты выводить изъ униженныхъ источниковъ. Намъ стыдно признать; что справедливость всегда и ненабѣжно покорна вліанію эгоизма или страха; — это прекрасно, это истинно, это благородно! Тутъ снова говорить духъ челоѣка. Далѣе онъ прибавляетъ: • Въ ночь на 4-е августа, въ минуту вдохновенія, въ минуту, достойную вѣчной памяти, Малюэ заклиналъ своихъ товарищей подумать объ участи рабочаго класса, открыть благотворительные комитеты, основать общія мастерскія; — поднялся глухой ропотъ и все предложеніе оставили безъ вниманія. Говоря это, Луи Бланъ отсылаетъ насъ за болѣе полными свѣдѣніями къ *Монитѣру*. Между-тѣмъ, *Монитѣръ* не совершенно того же мнѣнія. Онъ говорить: • Это предложеніе возбудило нѣкоторый ропотъ, и дѣло отослано въ *bureaux* на разсмотрѣніе.

• Малюэ только вызвалъ распоряженія, и этотъ вызовъ, ни сколько не отвергнутый, былъ, напротивъ, представленъ правительству на разсмотрѣніе. Тутъ говорить духъ партіи.

• Когда Луи Бланъ говорить: • Бѣдность сродняетъ не только съ горемъ, но и съ преступленіемъ. Вотъ, на-

• прии́брь, несчастный, который за-
 • родился въ безнадежности и порокѣ;
 • умъ его не выбрался изъ темницы;
 • нужда подсказывала ему роковыя
 • попытки. Дружеская рука ни разу не
 • сжимала руки его; ни чей голосъ не
 • пробуждалъ въ немъ отголоска нѣж-
 • ности или любви. Въ молодости онъ
 • не насладился порой цвѣтовъ и солн-
 • ца; а теперь, когда сталъ онъ пре-
 • ступникомъ, взовите на помощь пра-
 • восудіе: того требуетъ наша безопа-
 • сность; но не забудьте, что вашъ об-
 • щественный порядокъ не предлагалъ
 • ему того покровительства, котораго
 • въ правѣ требовать слабость; не за-
 • забудьте, что его воля развращалась съ
 • самой колыбели; что злая доля гру-
 • зомъ лежала у него на душѣ; что
 • былъ онъ голодець и холодець; что
 • не учился онъ благости. — Здѣсь го-
 • верить человѣкъ, и душа дрожитъ отъ
 • его проникающаго голоса. Но почему
 • этотъ человѣкъ не обратится къ пар-
 • тии съ такими словами: «этотъ классъ
 • народа не знаетъ любви и благости,
 • онъ очерствѣлъ и унивился: потому-
 • то и не должно давать ему полного
 • произвола въ минуты волненій, не да-
 • вать ему украситься кровавымъ вѣн-
 • комъ въ видѣ извѣстной красной ша-
 • почки. Ибо тогда онъ не могъ бы со-
 • дѣйствовать ни собственному улучше-
 • нію, ни усовершенствованію человѣ-
 • чества; онъ повлекъ бы его все глуб-
 • же, отъ преступленія къ преступле-
 • нію, въ самую бездну нищеты.»

• Когда, наконецъ, пишетъ Луи Бланъ:
 • Что жъ? Развѣ высшій, неумолимый
 • законъ не связалъ зла съ добромъ въ
 • видѣ неизбежнаго условія? Что такое
 • одушевленный міръ? Театръ беско-
 • нечной борьбы... Въ природѣ возни-
 • каютъ виды не иначе, какъ чрезъ
 • разрушеніе другихъ нисшихъ ви-
 • довъ. — Тутъ опять узнаю я голосъ
 • марти, вѣчно голосъ партіи!

• Но человѣкъ скоро отвергъ эту тео-
 • рію общественнаго *манхвизма*, пред-
 • вида ея неисчислимыя слѣдствія. Въ
 • самомъ дѣлѣ, если міръ — борьба, а не
 • гармонія, если виды *разрушаютъ* ви-

ды... что я говорю? — если, какъ въ
 • минуты народныхъ волненій, виды
 • пожираютъ самихъ себя, — ясно, что
 • весь міръ близится къ ничтожеству.
 • Если нѣтъ прогресса, если зло не вы-
 • тѣняется добромъ, то какъ ни тру-
 • дись человѣкъ, онъ будетъ только мѣ-
 • нять зло на зло, подобно раненому съ
 • двухъ сторонъ, который, переворачи-
 • ваясь съ одного бока на другой, толь-
 • ко мѣняетъ одну боль на другую.

• Луи Бланъ чувствовалъ опасность и
 • потому въ другомъ мѣстѣ сказалъ:
 • Не спѣшите заключеніемъ! пламен-
 • ный, неотразимый протестъ, исходя-
 • щій изъ глубины человеческого со-
 • знанія, говорить противъ необходи-
 • мости зла.

• Это новое положеніе, конечно, спра-
 • ведливо; но какимъ образомъ необхо-
 • димость зла, существуя въ фактахъ,
 • не существуетъ въ сознаніи? Что за
 • причина этого дуализма? Причина та,
 • что съ помощію первой теоріи вы хо-
 • тите оправдать *terror*, а съ помощію
 • второй — успокоиться на счетъ буду-
 • щаго.

• Нѣтъ! нѣтъ оправданія въ бесполе-
 • но-пролитой крови женъ и дѣтей, ари-
 • стократовъ и буржуа, гебертистовъ и
 • файетистовъ, бриссотиновъ и орлеани-
 • стовъ, — нѣтъ оправданія преступлені-
 • ямъ, которыя всѣ назвались именами
 • извѣстныхъ лицъ, потому-что не мог-
 • ли назваться именами вещей. Нѣчего
 • пытаться уменьшить ихъ, — уменьшить
 • ихъ нѣчимъ. Горе мнѣ, внутреннему
 • ребенку, мнѣ, прозванному *фоларинусъ*
прокуроромъ (*procurateur de la lanterne*),
 • — потому-что смерть моя еще не иску-
 • пила этого прозвища. Но вы, ста-
 • рливцы, принадлежащіе къ позднему
 • поколѣнію, зачѣмъ хотите вы об-
 • новить споръ, угасшій вѣсть въ
 • нашей жизни, испарившійся вѣсть
 • съ нашимъ вѣкомъ; зачѣмъ хотите вы
 • восстановить раздѣленіе, которое ро-
 • дили событія и умчали событія? Ва-
 • ше дѣло — не раздѣлять, а соединять.
 • Любовью, а не ненавистью призовете
 • вы разныя политическія вѣрованія къ
 • единому общенію. Будьте же хлѣбны

и виномъ для народа, и не будьте для него желчью и уксусомъ.

• Богъ видитъ жизнь мою и прошлую и настоящую; Онъ знаетъ, вѣрную ли я всѣмъ моимъ существомъ въ искупленіе народа, въ развитие его благосостоянія, въ его нравственное усовершенствованіе. Но я не признаю разединенія народа и буржуазіи. Не могу я признать въ послѣдней безусловнаго характера эгоизма, зарывшагося въ самоуслажденіе. Буржуазія не преграда, а средство къ желаемой цѣли; и я могу тебѣ доказать это. Какимъ образомъ эти пятнадцать вѣковъ, помогавшіе буржуазіи утвердиться, могли образовывать изъ нея только новое гнетущее начало, только одну вопіющую неправду, трудно, болѣзненно воздвигнутую на развалинахъ всѣхъ другихъ неправдъ?

• Фактъ, начавшійся такъ издавѣка, прошедшій черезъ столько событій и переворотовъ, не исчезаетъ такъ быстро. Онъ возникъ и развился не для того, чтобъ отяготить надъ народомъ, но чтобъ поднять его въ уровень съ собой.

• Съ которыхъ же поръ возникли эти вопросы о бѣдныхъ классахъ народа, объ отношеніяхъ къ нимъ, сочувствованіи имъ, и кто задалъ эти вопросы? Не съ тѣхъ ли поръ, какъ возвысилась буржуазія? Не она ли, буржуазія, поднала ихъ? Такъ-называемыя *асли*, приюты, сберегательныя кассы, колоніи преступниковъ или земледѣльческія колоніи, благотворительныя учрежденія, не все ли это совершила буржуазія съ-тѣхъ-поръ, какъ потеряла первенство въ обществѣ; т. е. преимущественно въ свои послѣдніе годы? И самыя доктрины, всего сильнѣй сочувствующія рабочему классу, гдѣ нашли своихъ первыхъ подвижниковъ? Анфантэмъ, Фуррьё, Баррô, Викторъ Консидеранъ, Дюверье, Луи Бланъ, Видадь, да и мы всѣ — вышли развѣ не изъ рядовъ буржуазіи, развѣ не

она возвысила насъ своей исторической силой до пониманья идей, до любви общечеловѣчной? Не потому ли, что мы избранныки, вызванные тридцатью предшествовавшими поколѣніями на подвигъ, не потому ли мы можемъ судить о началахъ справедливости, открывать ихъ путемъ науки, и потомъ наклонять какъ урны и вливать въ запекшіяся отъ жажды уста?

• Зачѣмъ же изводить на буржуазію всѣ неправды, вытекающія исторически изъ медленныхъ, послѣдовательныхъ вѣковыхъ трудовъ, которые призываютъ не всѣхъ людей разомъ, въ одинъ день, къ полному обладанію ихъ способностей, но постепенно, по одному.

• Люди тревожные говорятъ, что буржуазія задерживаетъ ходъ общаго дѣла; а но моему, тутъ не ея вина. Развѣ народъ, непостоянный и слѣпой, дѣйствуетъ по избранной теоріи? Онъ идетъ, куда его толкнутъ, часто въ противоположную сторону. Тотъ же народъ, который произвелъ революцію въ Парижѣ, въ Вандеѣ произвелъ контр-революцію; а когда въ Неаполѣ, въ 1796 г., буржуазія основала новый порядокъ дѣла, развѣ не толпы народа, предводимыя кардиналомъ Руффо, утопили въ крови самихъ основателей?

• Отвергнемъ же этотъ антагонизмъ сословій, который въ будущемъ ничего не обѣщаетъ, кромѣ разлада, отнимаетъ собственность у однихъ, томитъ другихъ, вооружаетъ всѣхъ другъ на друга, въ ущербъ истинному прогрессу. Я говорю это для Луи Блана, потому-что уважаю его произведеніе, потому-что сочувствую его побужденіямъ, потому-что такая мысль, облеченная такимъ могуществомъ поэзіи, не создава для того, чтобъ жить вънутренней жизнью партій...

• Общество дошло до послѣдняго предѣла раздробленности. Раздробленность мѣтній, раздробленность интересовъ. Нужно ли еще подражать то,

что и безъ того раздѣлено? Нужно ли, чтобы преемники монтаньяровъ, представители такого исключительнаго союза, возстановили федерализмъ и приложили его теперь уже не къ провинціямъ, а къ сословіямъ, не къ территориямъ, а къ населенію. Не слѣдуетъ вамъ поддерживать ни буржуазію противъ народа, ни народъ противъ буржуазіи, но одинаково помогать ихъ общими, тѣсно-связанными интересами. Это — ученіе Луи Блана, а знаю; но нужно помнить. Задача состоитъ не въ томъ, чтобы втиснуть буржуазію въ непосредственную работу, раздѣляя произведенное богатство по равну между всѣми; но въ томъ, чтобы постепенно, все больше и больше освобождать пролетаріевъ отъ университетально-грубыхъ работъ, создавая новые богатства!

«Слушай меня, дитя мое! трудитесь всѣ для всѣхъ, не различая ни партій, ни костюма, ни цвѣта, ни ливреи; трудитесь на общее благо и миръ. Поступайте такъ въ память нашу: ибо то намъ добро — и намъ мертвымъ, и вамъ живымъ. А чтобы объяснить тебѣ это, позволь, я расскажу печальную легенду нашего искупленія.

«Послѣ смерти, мы всѣ соединились, мы, дѣйствующія лица драмы, болѣе или менѣе преступныя, каждый съ своими заблужденіями. Мы были заброшены въ мрачное мѣсто, тѣсное, на колеблющейся въ пространствѣ планету, которая реела, какъ отнесенная вѣтромъ, ни къ чему не тяготеющая лодка.

«Этотъ движущійся, блуждающій адъ, носимый вѣтрами въ пространствѣ, освѣщался однимъ запавшимъ на него лучомъ, проходившимъ сквозь кровавый туманъ. Былъ тамъ Робеспьеръ, былъ Маря, Верньо, Дантанъ, Барбару, Сен-Жюсть; я тоже былъ. Ты бы подумалъ, что это дантовскія созданія, потому что каждый изъ насъ держалъ въ рукѣ свою голову, какъ фонарь. Знаешь ли, въ чемъ состояла наша вина? Мы продолжали ненавидѣть другъ друга. Не можетъ быть ужаснѣе муки, какъ когда касаешься другъ

друга, чувствуешь, что связанъ неодолимой потребностью природы, и въ то же время, взгляды возмущаются, отталкиваются взглядомъ. И это еще не все. Мы осуждены были слушать хоръ проклятій, который преслѣдовалъ насъ пятьдесятъ лѣтъ. За тѣмъ-то поручено мнѣ было всякій годъ являться сюда и покупать здѣсь исторіи революцій.

«Наказаніе наше должно было длиться до-тѣхъ-поръ, когда явится любящее существо и скажетъ: жертвы ливы или палачи, побѣдители или побѣжденные, простите другъ друга, соляемся въ общей симпатіи, воспримемъ теперь уже очищенный подвигъ. Это земное прощеніе должно было разрѣшить насъ въ нашемъ пустынномъ чистилищѣ. Оно было произнесено, это прощеніе, и въ тотъ день, когда вырвалось оно изъ устъ Ламартина, совершилось странное дѣло: наша планета вдругъ пригнулась къ другой планетѣ, цвѣтущей, дышащей благоуханіемъ невѣдомыхъ растений. Мы возникли и преобразились. Не стало ни каменныхъ, ни враговъ. Мы дружно обнялись и рассказали въ свѣтъ заблужденія. Ангелъ небеснаго прощенія пролетѣлъ надъ нами и уловилъ на насъ лучъ своей улыбки. Маря плакала отъ стыда, Робеспьеръ — отъ раскаянія, Верньо — отъ энтузіазма, и всѣ мы хоромъ возгласили: *Marseillais de l'amour*.

«Вотъ почему, съ той поры, такъ много написано въ память нашу исторіи. Но — берегитесь! не будите старой не лавины, потому что тогда мы опять будемъ брошены на нашъ блуждающій адъ. Правосудіе хочетъ, чтобы мы намъ прощеніе въ то время, когда насъ прославляютъ; а безъ того, неслуженныя похвалы падаютъ на насъ новымъ періодомъ очищенія.

Голосъ умолкъ. Мнѣ что-то пахнуло въ лицо и какъ-будто вѣтерокъ пробѣжалъ по волосамъ, а надъ головой слышалось бряканье печатокъ.

То Каньяль Демуленъ улеталъ въ свою планету.

Не признавая благороднаго, дышащаго любовью отзывъ Пелльтана абсолютно-справедливымъ, мы рѣшаемся привести письмо самого Лун-Блана, напечатанное въ газетѣ «La Presse», въ отвѣтъ на нѣкоторыя замѣчанія критика.

• М. г. По поводу II-го тома моего сочиненія, вы помѣстили статью, въ которой, не смотря на благосклонный отзывъ о трудѣ моемъ, замѣшался упрекъ въ томъ, что затрогиваетъ самыя чувствительныя струны моей совѣсти.

• Дѣйствительно, я принадлежу къ партіи и не имѣю причины въ томъ оправдываться, потому что нахожу истиннѣ этой партіи справедливыми. Я робко люблю правду, тотъ оскорбляетъ правду. Еслибъ, вмѣсто того, чтобъ вывести изъ фактовъ прошедшаго полезное назиданіе, я сталъ искать въ нихъ только начало радости, еслибъ, объясняя причины перерота, я умолчалъ о томъ, что породило эти причины, еслибъ, говоря о королевѣ, я исполнилъ долгъ историка и забылъ о свисхожденіи къ женщинѣ; еслибъ отказалъ я великому страданію въ томъ уваженіи, котораго не заслуживаютъ по моему мнѣнію люди, окруженные искусственнымъ, поддѣльнымъ величіемъ; еслибъ для узнанія прошедшаго воцарилась я ненависть... то не осталась бы вѣрность, но былъ бы отступникъ своей партіи.

• По словамъ автора статьи «въ арсеналѣ преходящей злобы людей той эпохи почерпнуты мною сказанія о Маріи Антуанеттѣ. Важное заблужденіе, которое тѣмъ боже удивляетъ меня, что впалъ въ него человекъ, представившій мою книгу. Многочисленные пасквили, направленные на Марію Антуанетту, были не только мною переняты, но и поражены презрѣніемъ, какъ дѣло тогдашнихъ привилегій, а не народа. Авторитеты, которыхъ я основывался во всемъ, касаясь королевы, были писаны родными: баронъ Беанваль,

принцъ де-Линъ, графъ де-Тилли, г-жа Кампанъ, Монжуа, Веберъ, молочный братъ Маріи Антуанетты.

• Что касается до процесса кардинала де-Рогана (affaire du collier), то я извлекъ свои доказательства изъ официальныхъ, непогрѣшимыхъ бумагъ слѣдственнаго дѣла; объ *оправдательныхъ запискахъ* г-жи де-Ламоттѣ я отошелся, какъ о книжонкѣ подозрительной и вымышленной клеветой.

• Забѣйте, впрочемъ, м. г., что дѣлу этому нѣтъ возможности сдѣлать положительное заключеніе; и потому я отказался отъ всякаго личнаго мнѣнія по этому предмету. Я въ точности передалъ факты, случилъ противорѣчащія мнѣнія того времени, предоставляя публикѣ положить заключеніе. Наконецъ, было ли хотя одно обстоятельство, благопріятное для королевы, которое бы я прешелъ молчаніемъ, упустилъ изъ виду и не выставилъ ярко и рельефно въ исторіи процесса. Смѣю увѣрить, что такого обстоятельства не отыщется.

• У меня сказано, что наканунѣ 4-го августа, когда Малюэ убѣждалъ своихъ товарищей основать общія мастерскія, послышался глухой ропотъ, и собраніе оставило предложеніе безъ вниманія. Авторъ статьи, въ опроверженіе моихъ словъ ссылается на Монитѣра. Раскройте его и вы прочтете слова: «Это предложеніе возбудило нѣкоторый ропотъ и дѣло отослано въ Вигеаухъ». Къ тому авторъ произвольно прибавляетъ «на разсмотрѣніе». Справедливо было бы сказать «для преданія забвенію», потому что это предложеніе, не смотря на свою важность, не вызвало не только разсмотрѣнія, но и краткаго донесенія. Итакъ, совершенно справедливо, что оно было оставлено безъ вниманія.

• Еще слово, м. г.; предметъ моего сочиненія, слава Богу, такъ важенъ, что не нуждается въ пристрастномъ сужденіи того или другаго писателя. Страстное сочувствіе эпохъ возноситъ ея приверженцевъ въ ту сферу, гдѣ

нѣтъ мѣста для мелкаго пристрастія и ненависти.

«Что касается до меня самого, то трудно было бы мнѣ отыскать въ сердцахъ своемъ чувствъ ненависти къ людямъ, которые страдали и погибли въ это страшное время: только изгнание спасло отца моего отъ смерти, а дѣлъ погибъ на эшафотѣ.»

Это письмо живо тронуло добраго г. Пелльтана, и что главное — суровая сдержанность «молодаго историка», какъ называетъ онъ Луи Блана, несклонность послѣдняго къ сердечнымъ изліаніямъ такъ подѣйствовали на почтеннаго критика, что онъ взялся во второй разъ за перо уже не съ прежнимъ яснымъ сознаніемъ той идеи, которая была положена въ основаніе его первой статьи; чувство огорченнаго доброжелателя просвѣчиваетъ въ его возраженіяхъ, и Камилль Демулень говорить далеко не такъ убѣдительно, какъ въ первый разъ. Старый кордельеръ какъ-будто неохотно затащень въ Пале-Рояль съ своей далекой планеты, изъ своего славнаго кружка, въ которомъ ему есть о чемъ поговорить, и гдѣ вѣрно уже давно перестали спорить объ *Affaire du Collier*.

«То былъ снова Камилль Демулень, говорить г-нъ Пелльтанъ, во неподвижный, съ сложенными на груди руками, съ поникшею головою, невидимый среди толпы. Его задѣвали локтями, толкали, проходили черезъ него, какъ сквозь облако пара. Какъ-будто это было тѣло, воротнившееся изъ горна огромной алхимической лабораторіи, — отъ него оставалась только невѣсомая фигура. Впечатлѣнія, не проходя чрезъ чувственные органы, отъ всѣхъ точекъ окружности, проникали прямо въ умъ. Онъ стоялъ ко мнѣ спиною, но не смотря на то, замѣтилъ меня, и, не поднимая головы, сказалъ мнѣ:

— Я давно жду тебя.

— А я полеталъ, что и одного вашего посѣщенія для меня уже было довольно.

— «Одного, несчастный? Такъ ты думалъ, что я вовлеку тебя въ тѣмбру, и я оставлю? Тебя вывели на судъ публики за то, что ты передалъ ей мои слова. Ты долженъ оправдываться въ томъ, что отказался указать дѣйствительныя ошибки. Я почувствовалъ, что во мнѣ возродился старый кордельеръ. Но нѣтъ, мы, мертвецы, добродушны: нѣтъ въ насъ ни рѣзкости, ни общечеловѣчности, ни свариливости, даже съ тѣми, кого случится намъ неволью огорчить. Будемъ же продолжать споръ и добромъ согласіи.»

«Луи Бланъ составилъ историческую теорію, которою доказываетъ, что конституціонное собраніе состояло исключительно изъ однихъ интересовъ, страстей и эгоизма буржуазіи. По его мнѣнію, буржуазія трахнула древо приношеній для того только, чтобы плоды с него посыпались на ея собственную шапку. Она призывала народъ къ борьбѣ для того только, чтобы послѣ дать ему доли въ побѣдѣ. Историкъ необходимо нужно было показать намъ въ конституціонномъ собраніи, олицетворенной буржуазіи, страшную безчуждость къ имущимъ классамъ народа, и вотъ онъ говоритъ: «Въ ночь на 4-е августа, Маргузъ заималъ товарищей подумать объ участіи рабочаго класса, открыть благотворительныя комитеты, завести общія мастерскія.»

Потомъ прибавляетъ: «Полная глухой ропотъ; предложеніе оставлено безъ вниманія.»

«Обвиненіе жестоко: собранію приписали буквально безчуждность къ положенію бѣдныхъ работниковъ.»

«Да, дѣйствительно! если такъ раздражать конституціонное собраніе, и вѣденіе его возмутительно, такъ возмутительно, что я невольно, въ глубинѣ моего существа, усомнился. Тогда это сомнѣніе, истиннонравственное, немое, неодолимое, заставило меня послать на *Moniteur*, потому что жители того свѣта, удержали *Moniteur* только въ воспоминаніи.»

«Что жь мы видѣли? Мы видѣли, что ва предложеніемъ Малуэ, напечатаннымъ *in extenso*, крупнымъ шрифтомъ, съ видными уваженіемъ, слѣдуетъ — не «поддаться *люхой ропотъ*», что означало бы общее неодобрение; но слова: «это предложеніе вызвало *нѣкоторый ропотъ*», что означает неодобрение частное; не «собраніе оставило предложеніе безъ вниманія», что означало бы непосредственное отвергнутіе предложенія; но «предложеніе было отослано въ *bureaux*», что означает первую степень принятія.

Луи Бланъ упрекаетъ насъ, зачѣмъ мы произвольно прибавили, что предложеніе было отослано въ *bureaux* для разсмотрѣнія. Но я это сказалъ, и не ты; мы въ этомъ не повинны; не будемъ чужое выдавать за свое. Нѣкто поспѣшущѣ насъ первый сказали тѣ слова; и этотъ нѣкто былъ — ты понимаешь? — уставъ (*).

Итакъ, обвиненіе, введеное Луи Бланомъ на конституціонное собраніе, относительно поступка его вечеромъ 3-го августа, совершенно несправедливо. Не обнаруживъ ни малѣйшей неприязни къ сочувствію Малуэ рабочему классу, собраніе скорѣй само явилось сочувствующимъ ему.

Теперь, чтобъ поправить это несчастное обвиненіе, Луи Бланъ говоритъ намъ: но тутъ слѣдовало бы тотчасъ, немедленно издать необходимый законъ.

Какъ! отвѣчаешь ты ему. Вы бы хотѣли, чтобъ собраніе тутъ же, во время самаго засѣданія, *ex abrupto*, сѣмпровизировало всемірную организацію благотворительности; чтобъ оно, напримеръ, какъ требовалъ Малуэ, раздѣлило бродягъ на роты и заставило ихъ работать на большихъ дорогахъ? Вы бы хотѣли, чтобъ подобный законъ, задѣвающимъ столько сложныхъ, трудныхъ вопросовъ о заработной пла-

тъ, о раздѣленіи работъ, о полиціи, объ уголовныхъ наказаніяхъ, о личной и административной свободѣ, — чтобъ этотъ законъ, варужъ создали и утвердили въ одну минуту, вмѣсто того, чтобъ мудро обдумать его, изучить, выработать всею силою разума и утвердить уже зрѣлымъ, оконченнымъ?

«Но это предложеніе», прибавляетъ историкъ: «не было предметомъ ни «разсматриваній, ни изслѣдованій, ни «даже какихъ-либо донесеній, слѣдовательно, исполнѣ справедливо, что «предложеніе оставлено безъ вниманія.»

Надо согласиться, что рукъ Луи Блана не счастливится перелистывать *Moniteur*; потому-что мысль Малуэ — открыть благотворительные комитеты и завести общія мастерскія, воспринятая, разсмотрѣнная, смягченная и развитая въ конституціонныхъ *bureaux*, была предметомъ многихъ изслѣдованій, многихъ донесеній.

Вотъ отрывокъ изъ донесенія Ларошфуко-Ланкура: «Общество обязано всѣмъ своимъ членамъ доставлять «средства существованія и работу. «оставляя работу тѣмъ, у которыхъ ея «нѣтъ, оно уничтожитъ нищету. Такъ «будутъ обогораживаться — и благо- «творящее общество, и благотворимое «несчастіе.»

А вотъ и декретъ, послѣдовавшій по этому донесенію:

Ст. I. Независимо отъ мастерскихъ, уже открытыхъ въ Парижѣ, будутъ еще открыты такія же въ городѣ и окрестностяхъ, какъ мужскія для земляныхъ работъ, такъ равно и рукодѣльня для женщинъ и дѣтей, куда будутъ принимаемы всѣ бѣдные семейства, какъ постоянно живущія въ Парижѣ, такъ и стороннія, но не иначе, какъ Французы...

Ст. 5. На каждый образованныйся департаментъ ассигнуется сумма въ 30,000 ливровъ, для употребленія на полезныя работы.

Ст. 11. Неимущіе больные; женщины и дѣти, немогущіе работать, поступившіе въ госпитали и дома

(*) Тамъ сказано: «l'assemblée se divise en bureaux, où les motions seront discutées». Ch. 6, art. 1-er.

• призрачїя, во все время ихъ пребы-
• ванїя тамъ, должны пользоваться за-
• богливымъ уходомъ, на который имъ
• есть право страждущее человѣче-
• ство. •

А знаешь ли, какъ приняло консти-
туціонное собраніе этотъ проектъ?
Вотъ, что говорить еще *Moniteur*:

• Довесеніе г-на Ланкура встрѣчено
• громкими рукоплесканїями и пункты
• предложенїя единодушно утвержде-
• ны. •

• Вскорѣ послѣ этого перваго декре-
та, конституціонное собраніе издало
другой, которымъ бюджетъ общихъ
мастерскихъ назначенъ въ пятнадцать
милліоновъ.

• Итакъ, предложеніе Малуэ было пе-
редано въ *«bureau»* не «для забве-
нїя», а именно: «для разсмотрѣнїя»; и
я рѣшительно не повиненъ ни въ ка-
комъ самовольствѣ.

• Такъ вотъ видишь ли, куда духъ си-
стемы можетъ увлечь человѣка съ са-
мымъ лучшимъ, съ самымъ свѣтлымъ
умомъ!

• Система Луи Блана стремится про-
тивопоставить буржуазію народу, кон-
ституціонное собраніе конвенту, хо-
четъ видѣть въ собранїи эгоизмъ, въ
конвентѣ, любовь и благодать, и — Луи
Бланъ принужденъ слѣдовать своей
системѣ, принужденъ упрекать въ без-
чувственности славное національное
собраніе, когда оно-то именно и про-
стирало руку благодати всѣмъ несча-
стнымъ. Ты простишь мнѣ, что я такъ
настаиваю въ этомъ; ибо я говорю ве-
ликія гѣхъ благородныхъ предтечей
свѣтлой будущности. Они, среди сво-
ей славы, возмущены этимъ обвине-
нїемъ, они поручили мнѣ опровергнуть
его, — и свято для меня ихъ порученіе,
потому-что меня непрерывно чаруетъ
ихъ чудесный разумъ. Скоро ворочусь
я къ нимъ, къ этимъ братьямъ лучшей
жизни, и скажу имъ: теперь смыто
пятно, брошенное на вашу память.

• И они благословятъ меня. •

Камилль Демулень остановился на
минуто.

— Я молчу, сказалъ онъ потомъ: —

ибо чувствую, что олушевился: олу-
шевленіе мѣшаетъ истинѣ. Не хочу я
камень недостойной распри пасть
между вами съ высоты милліоновъ
взвѣдъ. Внесемъ въ этотъ трудный
споръ великій духъ согласїа и — мо-
жетъ-быть, кончимъ согласїемъ.

• Я упрекнулъ Луи Блана за то, что
онъ почерпнулъ кой-какія свидѣтель-
ства противъ Марїи Антуанетты въ
«арсеналѣ преходящихъ ненавистей
той эпохи». Ему не понравилось это
выраженіе, — я беру его назадъ. Онъ
въ свою очередь говорить, что нашъ
упрекъ удивляетъ его. Это немножко
не дружелюбно; впрочемъ, въ такомъ
случаѣ, если онъ не остережется, ему
прїдется переходить отъ удивленїа
къ удивленїю, потому-что его упрек-
нули и другіе критики, столько же
расположенныя къ нему, столько же
уважающіе его талантъ, столько же
безпристрастные въ этомъ вопросѣ. Я
не приверженецъ устарѣлыхъ формъ,
и ты тоже, и Улиссъ Ладэ, величавый,
добросовѣстный историкъ революціи,
и Викторъ Эвекенъ, краснорѣчивый
защитникъ Фаланстера: отъ-чего же
вы всѣ трое, не питая къ Луи Блану
никакого чувства, кромѣ глубокой
симпатїи, отъ-чего вы одинаково уви-
дѣли въ этой исторїи несправедли-
вость, которой юный историкъ не на-
ходитъ въ ней.

• Кто ошибся? Критика? вѣроятно. Я
покоряюсь, я готовъ принять приго-
воръ.

• Но пусть же осмотрится и Луи Бланъ.
Пусть спроситъ внутреннюю свидѣлу.
Можетъ-быть, въ заключеніе онъ ска-
жетъ самому себѣ: «когда я съ такимъ
жаромъ разбиралъ дѣло о кардиналѣ
де-Роанъ, меня увлекло и поглотило
медленное упоенїе палеографа, съ на-
слажденїемъ перелистывающаго дре-
внїя письма. Что жъ! я открылъ и
поднял на свѣтъ столько неизвѣстна-
го, въ сущности, признаюсь, только
для того, чтобъ не прїйти ни къ ка-
кому рѣшительному заключенїю. Къ-
чему же рисую я слѣзаться неспра-
ведливымъ къ Марїи Антуанеттѣ, стать

гомерическимъ героизмъ и неварокомъ поразить закрытую облакомъ *боинию*?

«Дѣло было темное, оставимъ его темнымъ (?); притомъ — посвятить дѣлу главу — сомнѣнiямъ! Что за роскошь? Да если и можно видѣть въ этомъ несчастномъ дѣлѣ одну изъ второстепенныхъ причинъ революцiи, то въ первомъ томѣ моей исторiи столько приведено основныхъ причинъ переворота, что можно бы, безъ убытка, пожертвовать одною изъ второстепенныхъ (*).

«Произведенiе мое выиграло бы отъ этого во всѣхъ отношенiяхъ, особенно въ-равсужденiи арифметическаго расчета. Я посвятилъ сорокъ страницъ процессу кардинала де-Роана, тогда какъ объ американской войнѣ, эпохѣ возрожденiя славы нашего флота, этой высокой амвистiи Лудовика XVI предъ лицомъ потомства, войнѣ, которая могла служить краснорѣчивымъ доказательствомъ сочувствiя Францiи къ общему дѣлу, войнѣ, которая была могучимъ толчкомъ къ освобожденiю умовъ, громкимъ протестомъ о правѣ народовъ, провозглашенномъ и принятомъ съ восторгомъ по ту и по сю сторону Океана... объ этой войнѣ говорится у меня на трехъ страницахъ?

— Продолжать ли, сказалъ Камилль Демуленъ послѣ новаго молчанiя. — Надобно продолжать, потому-что письмо г-на Луи Блана вызываетъ отвѣтъ. Ты долженъ покориться необходимости.

«Молодой историкъ поставляетъ мнѣ въ достоинство то, что портретъ Ма-

рин Антуанетты писанъ имъ по показанiямъ только роялистскихъ писателей. Высшаго безпристрастiя нельзя предположить. Быть такъ, принимаю возраженiе!

«И такъ, г. Луи Бланъ устраненъ, мы видимъ предъ собою писателей-роялистовъ. У одного изъ этихъ писателей онъ почерпнулъ слѣдующiй разсказъ:

«Развѣ не извѣстно, что она (королева) страстно любила гибельные балы «оперы, часто, радостная или трепещущая подъ маской, отраживалась теряться въ толпѣ? А въ эти лѣтнiя ночи, которыя она шила привычку проводить на террасѣ, въ толпѣ гуляющихъ, въ эти благоуханныя, полновыя томленья ночи, обаянiя которыхъ дополнялись гвардейской музыкой, — развѣ не случалось ей уходить въ бѣломъ перкалезовѣ платьѣцѣ и простой соломенной шляпкѣ къ «уединенной, скрытой въ тѣни садовой скамьѣ, для того, чтобъ уловить мгновенiе новаго, неожиданнаго ощущенiя?...»

«Какъ же это г. Луи Бланъ упустилъ случай показать свое великодушiе, возвысить голосъ въ защиту женщiны противъ ея достойныхъ рыцарей? Какъ не отвѣтилъ онъ мнѣ съ истинно-республиканскимъ прямодушiемъ:

«Что понимаете вы подъ *прелестью* «внезапности, подъ ощущенiемъ неожиданнымъ? Исторiя не намекаетъ, а свидѣтельствуетъ. Объяснитесь же такъ, чтобы знали отнынѣ, должно ли Марию-Антуанетту, на основанiи показанiй ея защитниковъ, поставить наряду съ Мессалиной, которая тоже «подъ галльскимъ капюшономъ пробиралась въ Субуррскую-Улицу ловить «внезапныя впечатлѣнiя, извѣдывать «прелесть неожиданности». У г. Луи Блана не достало на это мужества. Онъ принялъ анекдотъ безразлично и оставляетъ читателя въ сумеркахъ, которыя даютъ возможность каждому видѣть все, что угодно...

«Мы сожалѣемъ, что въ его сужденiи о королевѣ не видно той готовности оправдать, того желанiя видѣть въ

(*) Уваженiе къ полемикѣ извѣстныхъ французскихъ литераторовъ, возникшей по поводу такого замѣчательнаго произведенiя, какъ исторiя Луи Блана, заставляетъ насъ привести въ точности слова Пеллътана. Да не подумаетъ читатель, что мы раздѣляемъ мнѣнiе автора, что за обилiемъ причинъ главныхъ, слѣдуетъ оставить безъ вниманiя причину второстепенную, и что *темному дѣлу* о коллѣе слѣдовало оставаться *темнымъ*, потому-что другое многое и безъ того оказалось яснымъ... Что жъ дѣлать! И на умныхъ людей бываютъ темныя минуты!

фактъ скорѣе хорошую, нежели дурную сторону (*), той высокой благости историка, которую обнаруживаетъ онъ, на-пр., въ сужденіи о смерти Бертье.

По поводу этого убійства г. Луи Бланъ предварительно говоритъ: «что Бертье былъ умный и справедливый администраторъ, но что его жестокость, надменность, грубость рѣчи и обращенія вооружило противъ него многихъ. По словамъ Монжуа, прибавляетъ онъ, разъ какъ-то старый венсенскій поселянинъ пришелъ въ Парижъ, явился къ интенданту съ просьбою освободить отъ рекрутства его сына; получивъ грубый отказъ, не смотря на предложеніе маленькой суммы денегъ, которыя у него нашлись, и послѣ долгихъ, слезныхъ просьбъ, онъ сказалъ Бертье: сынъ мой пойдетъ въ службу, но ты, жестокій человѣкъ, каменное сердце, даю тебѣ что и у тебя есть семейство, — не забудь проклятіе, которое посылаеть тебѣ отецъ семейства. Ты умрешь жалкимъ образомъ на Гревской Площади, и близокъ этотъ часъ.»

«Дѣйствительно, Бертье былъ убитъ на Гревской Площади. Онъ упалъ, продолжаетъ Луи Бланъ, пораженный тысячею ударовъ. Одинъ драгунъ, хотѣвшій отmistить за своего отца, *вролтно* сынъ старика, о которомъ мы говорили, подошелъ къ трупу Бертье, вскрылъ внутренности, вырвалъ сердце и отнесъ его, дымящееся кровью, въ Отель-де-Виль, съ восклицаніями: вотъ сердце Бертье! Отъ этого страшнаго зрѣлища одинъ изъ избирателей упалъ въ обморокъ, Байльнъ въ ужасѣ стоялъ какъ пораженный громомъ, а Лафайетъ вскричалъ: Увольте меня отъ должности, которая заставляетъ быть свидѣтелемъ такихъ возмутительныхъ поступковъ. Трепетъ негодованія про-

бѣжалъ въ народъ и свирѣпый солдатъ былъ убитъ на дуэли въ ту же ночь товарищами, которые поставили его въ необходимость умереть.»

«Весь этотъ анекдотъ есть не что иное, какъ заблужденіе. Но я очевидно хорошо понимаю, какииъ-образомъ г. Луи Бланъ, увлеченный добрымъ чувствомъ и похвальнымъ намѣреніемъ, впалъ въ ошибку. Онъ полагалъ возможнымъ, помощію неудачно-подобранныхъ доказательствъ и основываясь на авторитетѣ чьей-то исторіи революціи, возвысить идею падшаго человечества. Въ поступкѣ, достойномъ Каннибала, онъ думалъ найти не безыраственную кровожадность, а простой фактъ мести, — стараясь снять съ народа обвиненіе въ участіи въ этой страшной бойнѣ. Слишкомъ много чести дѣлалъ онъ этому народу! потому-что драгунъ, будто бы мстившій за отца своего, вѣроятно, сынъ того именна старика и проч., и проч., никогда не существовалъ, и, по этой довольно-забавной причинѣ, никогда не погибалъ отъ руки товарищей.»

«Человѣкъ, который свесъ въ Отель-де-Виль сердце Бертье, былъ схваченъ, отведенъ въ Шатлѣ и подвергнутъ допросу. Изъ его сохранилось, равно какъ и допросъ и данные имъ отвѣты. Его звали Франсуа Дендъ, ремесломъ онъ былъ козаръ, родомъ Парижанинъ. Онъ отрѣзалъ головы Делоне, Фулону и Бертье, а такъ-какъ во время этого кроваваго занятія на немъ была каска, то народъ, и Байльнъ первый, приняли его за драгуна.»

«Въ Монитѣрѣ (изд. Пюна) помѣщенъ допросъ по этому дѣлу и слѣдующее замѣчаніе: «Такъ-какъ возмутительныя показанія этого головорѣза не подлежатъ сомнѣнію, то и слѣдуетъ заключить, что дѣло о драгунѣ, убитомъ товарищами, выдуманно.»

«И такъ должно признать этотъ возмутительный фактъ такимъ, какъ онъ есть. Напрасны будутъ оправданія, неумѣстна свисходительность. Народъ не пришелъ въ ужасъ, въ драгунскомъ полку не пробудилось негодованія. За

(*) Кажется, всего справедливѣе желаніе видѣть фактъ во всей его подлинности, видѣть и добрую и дурную сторону поступка.

то г. Бюше, который первый внесъ въ исторію ученіе о буржуазіи и братствѣ, не прибираетъ никакого побудительнаго повода къ убійству Бертье. Онъ открыто говоритъ, что народъ спокойно смотрѣлъ на эту рѣзню. Слова свои онъ скрѣпляетъ доказательствами, по моему мнѣнію, неопровержимыми. Притомъ онъ признаетъ безусловную законность фанаря (lanterne). «Въ то время,» говоритъ г. Бюше, «въ этихъ фактахъ видѣли дѣло правосудія, конечно, строгаго, но почти слоснаю (рѣзаніе головъ, вскрытіе внутренностей, вырываніе сердца!), потому что глаза были приучены къ зрѣлищамъ иного рода, иначе ужаснымъ... Въ-сущности, никто не смѣлъ сказать, что дѣянія эти несправедливы: господствующая мысль была та, что справедливость исходитъ изъ народа.»

Я предпочитаю заблужденіе г. Луи Блана этому кровавому парадоксу: оно дѣлаетъ ему несравненно болѣе чести (*).

Я оправдалъ тебя и спѣшу кончить завязавшійся споръ и уронить господствующую въ немъ мысль. При первомъ появленіи, совѣтовалъ ли я тебѣ — обнаружить заблужденіе г. Луи Блана единственно съ цѣлію затронуть его совѣсть, заподозрить его благородство? Нѣтъ! нѣтъ, то не было наше дѣло, на то не имѣли мы права. Богъ одинъ читаетъ въ сердцахъ. Ты старался различить простую ошибку отъ умысленной: не могу упрекнуть тебя въ суетной мелочности. Ты привыкъ вѣрить добрымъ движеніямъ, и лучшимъ тому доказательствомъ можетъ послужить этотъ споръ. Къ чему вступили бы мы въ преніе съ авторомъ, еслибъ сомнѣвались въ его прямодушіи? Не значило ли бы это попусту терять время?

(*). Еще разъ замѣтимъ: мы вовсе не думаемъ признавать слова г. Пелльтана абсолютно-справедливыми. Онъ видимо растрогающъ... и многія его замѣчанія имѣютъ характеръ лирическій...

«Когда-то люди продавали душу демону и съ того дня утрачивали свободу поступковъ; въ наше время продаютъ душу системѣ и съ того дня лишаются свободы мысли. Хотите ли доказательства? Посмотрите, чьи исторіи преимущественно наполнены заблужденіями? Не тѣ ли, въ которыхъ наиболѣе преобладаютъ системы. Кто болѣе искажалъ историческія истины, какъ не Дюбо, Буленвиллѣ, Мабли, Монлозье? А почему? потому ли, что не доставало имъ добросовѣстности? Нѣтъ, то были честные люди, но поработанные системой.»

«Мы указали Луи Блану опасность его методы, во-первыхъ, потому-что таково наше убѣжденіе, а во-вторыхъ... да проститъ намъ философъ братской любви наше желаніе! Мы хотѣли быть ему полезны.»

«Теперь родилось у меня одно воспоминаніе: скоро минетъ годъ, какъ принесли тебѣ первый томъ «Исторіи Революціи». То былъ, я знаю, твой другъ и учитель; ты читалъ его за ту дивную науку, которая сдѣлала изъ него воплощенную исторію, притокъ вѣковъ въ одномъ умѣ; ты благоговѣшь предъ нимъ за его пророческіе порывы, пробивающіеся въ отрывочныхъ словахъ, часто нестройныхъ, какъ вѣщанія пифіи... за его всегда любящее сердце. И—помнишь? когда увидѣлъ ты въ его книгѣ то, что казалось тебѣ неправдой, когда замѣтилъ, что въ ней колоссальная статуя Мирабо какъ-то странно уменьшилась, ты не колебался ни минуты, ты громко проговорилъ, что революція обезглавлена. И что сдѣлалъ Мишлѣ? Онъ сурово отблагодарилъ тебя за похвалы и упреки, а въ слѣдующемъ томѣ статуя Мирабо поднялась на вѣскольکو футовъ.»

«Не буду льстить тебѣ; не скажу, что бы ты одинъ произвелъ этотъ переворотъ въ благородномъ умѣ. Этого я не думаю; но, можетъ-быть, не повредилъ ты...»

Я ждалъ заключенія; но до меня долетѣлъ только слабый, умирающій голосъ, исчезнувшій въ воздухахъ, какъ

пѣсня жаворонка, съ послѣднимъ звукомъ: до воскресенья!

— Джени Линдъ и Альбони, Альбони и Джени Линдъ! вотъ два имени, которыя въ послѣднее время съ какой-то особенной энергіей произносятся въ парижскихъ театральныхъ фельетонахъ. Восторга полные энтузіазма — одной, язвительныя какъ иглы насмѣшки, съ проступающей сквозь нихъ досадой — другой. Кому восторга, и кому насмѣшки — угадать не трудно, если вспомнить, что Альбони недавно пропѣла нѣсколько концертовъ въ Парижѣ, а Джени Линдъ отказалась быть тамъ, да еще на бѣду свою проговорила о причинѣ этого отказа, обнаруживъ при этомъ немножко смѣшныхъ опасеній. «Возбуждая совершенно эпидемическій энтузіазмъ въ Лондонѣ и главнѣйшихъ музыкальныхъ и мануфактурныхъ городахъ (такъ говорится въ одномъ фельетонѣ), украсивъ своимъ именемъ бездну выѣсокъ, матерій, всякихъ бездлушекъ, даже питій и яствъ (самъ картофель, не смотря на свою болѣзнь, удостоился этой чести), — Джени Линдъ прослѣдовала въ Германію, гдѣ триумфальныя арки, украшенныя цвѣтами и бургомистрами, ожидали ее во всю длину пути. Наконецъ — она авилась въ Вѣнѣ въ *Дочери Полка*, въ самой неизбѣжной изъ трехъ ея любимыхъ ролей; затѣмъ будутъ *Норма* и *Робертъ*; потомъ, для легковаго разнообразія, Джени пропоетъ *Роберта*, *Дочь Полка* и *Норму*; а наконецъ, чтобъ избѣгнуть всякой монотонности, она будетъ прощаться съ Германіей въ *Нормѣ*, *Робертѣ* и *Дочери Полка*. Не слышно, будетъ ли Мейерберъ по обыкновенію управлять репетиціями своего *chef d'oeuvre*; но... вѣроятно будетъ. Въ такомъ-то тонѣ разсуждаютъ о Джени Линдъ; и хотя между ею и Альбони общаго только и есть, что обѣ онѣ пѣвицы, но — поостривъ надъ Джени, тутъ же, непосредственно, переходятъ къ Альбони, какъ-будто въ душѣ у нихъ шевелится такая мысль: «вы не

хотите къ намъ ѣхать, мадемуазель Джени? Хорошо!.. а у васъ есть Альбони! что? угровили?» И ужъ точно, что не угровила: Альбони стала ихъ idolомъ; годось ей, этотъ обольстительный контраalto, наполнивъ все существо ихъ и они восклицаютъ: «слыхали мы — говоря объ однихъ отсутствующихъ — Пасту, Малибранъ, Мовбелли, Зонтагъ, Пазарони, Фальконъ, Даморо, слышали всѣхъ этихъ сиренъ, чаровавшихъ Европу въ продолженіи послѣднихъ двадцати лѣтъ; но... не слыхали ничего подобнаго Альбони, не слыхали такого широкаго голоса, такой мягкости, прелести и изящества звука, чистоты интонаціи, гибкости, легкости, граціи, оконченности, совершенства методы!»

Пославъ въ слѣдъ уѣзжавшей на время Альбони такіе громкіе, восторженные крики, въ ожиданіи ея возвращенія, Парижане стали слушать открывшуюся италянскую оперу: *Донъ Джовани*, *Лючію*, *Сомнамбулу*, *Пуританъ*, *Норму*. Извѣстная намъ г-жа Кастелланъ, какъ мы уже упоминали въ прошломъ мѣсяцѣ, пѣла «Лючію», и, кажется, произвела такое же впечатленіе тамъ, какое производила у насъ. Да оно и понятно: въ-самомъ-дѣлѣ, трудно придумать другую болѣе родственную г-жѣ Кастелланъ роль, какъ роль Лючіи; кажется, ей только бы Лючіей и быть.

А балетъ, между-тѣмъ, процвѣтаетъ самъ-по-себѣ. Читали мы параллель между Карлоттой Гриси и Фанни Черрито, и поняли наконецъ, отъ чего сладкогласный Жюль Жавенъ назвалъ Фанни «кумушкой». Вотъ эта параллель: Карлотта и Черрито могутъ соперничествовать въ легкости, гибкости и граціи; но у одной больше чистоты, у другой — больше живости; одна поэтичнѣе, другая обольстительнѣе; первая больше сиренида, вторая — больше женщина. Изъ этого видно, что много различія въ самомъ сходствѣ ихъ, а потому обѣ онѣ могутъ попеременно рѣять на одной и той же сценѣ, не опасаясь однообразія. Карлоттъ — миръ фантазіи, Черрито — миръ дѣйствитель-

ности; одной — любовь неземная, другой — любовь простых смертных: одной — область идеаловъ, другой — земля. Итакъ, публика «Оперы» не имѣетъ нужды раздѣляться на Гвельфовъ и Гибеллиновъ, на Капулети и Монтеги, на бѣлую и алую розы, на *тризистовъ* и *черритистовъ*, какъ бывало, и какъ, можетъ-быть, къ сожалѣнію, будетъ».

Послѣ этой характеристики легко можно представить, какъ шла къ Фанни Черрито роль въ новомъ балетѣ *Fille de Marbre*, сочиненномъ г-омъ Сен-Леономъ. Надо предварительно замѣтить, что, судя по описаніямъ, наружность и вся фигура Фанни вполне соответствуетъ ея артистическому характеру: формы ея превосходно образованы и развиты, такъ-сказать, до скульптурнаго совершенства. А содержаніе сказаннаго балета слѣдующее. Скульпторъ Манассія (почему скульпторъ носилъ еврейское имя Манассія — неизвестно) влюбился въ изсѣченную изъ мрамора женскую статую, и страдаетъ отъ-того, что она — статуя, а не женщина. Готовый на всякія услуги Сатана, узнавъ объ этомъ, беретъ помочь горю: общается выхлопотать у знакомаго ему князя саламавровъ жизненную искру и, съ помощью ея, оживить *Фатму* (имя статуи). Новый Прометей отъ радости чуть не скомпрометтировался, бросившись на нечистую шею искусителя. Тотчасъ же ударили по рукамъ и заключили письменное условіе. Плата за труды известная: известно, чѣмъ съ незапамятныхъ временъ побирается Сатана, не развившій въ себѣ до-сихъ-поръ никакихъ иныхъ потребностей. Все бы это ничего, но ловкій аферистъ безжалостно схитрилъ надъ влюбленнымъ, вернувъ въ контрактъ одинъ замысловатый пунктъ, гдѣ было сказано, что Фатма, внушая всѣмъ смертнымъ пламенные страсти, влюбляя въ себя каждого встрѣчнаго, — будетъ оставаться живою женщиной только до-тѣхъ-поръ, пока сама никого не полюбитъ... Условіе дикое; но простодушный Ма-

нассія не возражилъ и сѣло расчеркнулся на адскомъ листѣ. Дѣло закипѣло: подрядившій и подрядившійся отъправился въ подземное царство саламавровъ — путешествіе, доставившее балету удивительно-эффектную сцену, съ пламеняющей металлической пещерой и цѣлымъ сонмомъ саламандръ. Наконецъ, въ глубинѣ театра появляется стоящая неподвижно на своемъ пьедесталѣ статуя. Послѣ кое-какихъ закливаній, она вдругъ отдѣляется отъ подножія и весело, въ два-три прыжка, перелетаетъ на авансцену, радостно расправляя вышедшія изъ оцѣпившія стройныя ножки. Начинается мучительное положеніе Манассія: онъ любитъ и долженъ притворяться равнодушнымъ, чтобъ не пробудить любви въ Фатмѣ, ревнуетъ и сторожитъ, чтобъ не полюбила она кого другаго; а дальновидный Сатана внутренно хохочетъ, понимая всю несообразность такого положенія. Послѣ разныхъ похожденій, Манассія съ своей ненаглядной Фатмой какъ-то переносится въ Алгамбру — новое раздолье декоратору! Тамъ есть молодой мавръ Аліатаръ, родомъ принцъ, будущій халифъ. Онъ увидѣлъ Фатму, Фатма увидѣла его и — опасенія оправдались. Въ Фатмѣ забилось сердце и при первомъ его ударѣ краски сбѣгаютъ съ ея лица, одушевленный жестъ застываетъ, фигура, выразившая первый моментъ любви, остается неизмѣнной: Фатма по прежнему статуя. Является торжествующій Сатана и отправляетъ роль командора въ «Донъ-Хуанъ», т. е. тащить Манассію подъ полъ.

Это въ Оперѣ; а въ Théâtre Français есть своего рода новости, изъ которыхъ самыя почтенныя — двѣ старыя новости съ однимъ очень не почтеннымъ новымъ фактомъ: недавно давали *Les Femmes Savantes* и *Le Malade imaginaire* Мольера, по поводу чего фельетонъ газеты «La Presse» говоритъ: «Впечатлѣніе, произведенное этими представленіями, было — стыдно сказать — холодно. Ныѣшняя публика не любитъ Мольера; привыкшій къ

взбитымъ сливкамъ производителей, желудокъ ея не варитъ львиного мюга — Буржуа находятъ его не довольно серьёзнымъ, женщины называютъ вслухъ «непристойнымъ»....

Послѣ того, дана была новая комедія въ пяти актахъ, въ стихахъ: *Les Aristocraties*, соч. Этьенна Араго. Эта комедія навела фельетониста газеты «Le Siècle» на размышленіе о комедіи старой и новой. «Прежде» говоритъ онъ: «было у насъ два рода комедіи: характерная и комедія интриги (*la comédie d'intrigue*). Первая состояла въ изображеніи вѣчныхъ типовъ — сына и отца, смиренницы и кокетки, ханжи и нивантропа;—она приписывала себѣ цѣль исправленія нравовъ. Вторая была—просто путаница, сплетенная изъ безконечно-разнообразныхъ житейскихъ случаевъ, сдѣлений и неожиданностей, что, все вмѣстѣ, плелось на общую потѣху, безъ всякой претензіи на мораль. Въ обоихъ родахъ были капитальные произведенія и долго публика удовлетворялась ими вполне. Въ послѣдствіи, нвыя времена, нвыя событія породили третій родъ комедіи, который можно назвать *общественнымъ*. Общественная комедія взяла себѣ задачей — изображать характеристическія черты разныхъ классовъ общества, осмѣивать смѣшныя, преслѣдовать темныя стороны этихъ классовъ. Обстоятельства и вытекшее изъ нихъ направленіе нашего вѣка помогли развиться этому третьему роду комедіи, къ которому принадлежитъ и настоящее произведеніе г-на Араго. Вотъ, сюжетъ этой комедіи.

Банкиръ Вердѣ владѣетъ замкомъ Франквилъ, который прежде принадлежалъ фамиліи Ларріоль, незадолго вышедшей въ званіе военнымъ счастье-емъ, а еще прежде — фамиліи Терси, неуступающей въ аристократической древности самимъ Монморанси. У Вердѣ есть хорошенькая дочка — Лоранса. Два молодые франта, представители двухъ аристократическихъ фамилій Терси и Ларріоль, оба имѣютъ сильное желаніе воротить дорогое на-

слѣдіе, родовой замокъ Франквилъ, и для этой цѣли хлопочуть о приобретеніи руки Лорансы; а въ то же время, оба крѣпко ухаживаютъ за одной весьма-соблазнительной танцовщицей Камиллой Лоранса, замѣтивъ мимоходомъ, не хочетъ аристократовъ: она любитъ молодого фабриканта Валентина. Аристократы, будучи друзьями, сообразили наконецъ излишнюю совѣстность своихъ цѣлей и рѣшились сладить дѣло такимъ-образомъ: помогать другъ другу въ исканіи руки Лорансы и—кто будетъ прелпочтѣнъ или кому скорѣй удастся успѣть, тому пусть и достается невѣста съ замкомъ; за то сей счастливецъ долженъ будетъ безирекословно уступить другому Камиллу. Они начали съ того, что принялись хвалить другъ друга старому Вердѣ и чуть-было не свертѣли ему головы. Но случилось такое обстоятельство: Камилла знала замыслы искателей и чувствовала приязнь къ семейству Вердѣ, потому-что первыми уроками танцованія была обязана мамзель Вердѣ, сестрѣ банкира. Камилла является къ Вердѣ и устроиваетъ такъ, что на бывшемъ у него въ тотъ же день балѣ выводитъ молодыхъ людей на чистую воду, а старику Вердѣ, на-счетъ нѣкоторыхъ господъ, открываетъ глаза. Въ такомъ неловкомъ положеніи было дѣло, когда вдругъ, совершенно-неожиданно для зрителей и актѣровъ, является Валентинъ и, безъ всякаго влаго умысла, со всей индустриальной положительностью, покупаетъ у Вердѣ замокъ Франквилъ, съ тѣмъ, чтобъ устроить тамъ фабрику. Все кончено! интрига распалась, потому-что уничтожился скрѣплявшій ее цементъ — родовой замокъ. Пораженные такимъ нежданнымъ испрїателемъ, совзники-аристократы отступились; Вердѣ овладѣваетъ замкомъ и рукою Лорансы.

Ясно, что положеніе лицъ отчасти каррикатурно, слѣдовательно, преувеличено; но комедія, ловко веденная, полная остроумія и меткихъ колкостей, имѣла рѣшительный успѣхъ.

Объ этомъ успѣхѣ пишутъ такъ: «Авторъ встрѣчалъ живѣйшее сочувствіе публики всякій разъ, когда прекрасными стихами заливалось его негодование на современные пороки и злоупотребленія. Можетъ-быть, ни одна эпоха не имѣла столько причинъ, какъ наша — краснѣть за грѣшныя скандалѣвыя исторіи, особенно съ нѣкотораго времени, и — сознаніе публики дружно откликалось на звѣстельныя рѣчи поэта.»

Изъ послѣднихъ извѣстій узнали мы о бывшемъ на Théâtre Français представленіи еще одной значительной пьесы. Это — *Клеопатра*, трагедія въ пяти актахъ г-жи Эмиль Жирарденъ. Въ сюжетѣ этой пьесы столько содержанія, столько разъ вдохновлялъ онъ великихъ и не-великихъ людей, что говорить о немъ вѣ-ско-ро и слегка мы не рѣшаемся. Обратимся лучше въ другой разъ къ произведенію г-жи Жирарденъ, которое, кажется, не безъ достоинствъ. Оно напечатано въ послѣднихъ нумерахъ газеты «*Presse*», издаваемой мужемъ г-жи Жирарденъ.

— Утромъ, 18-го іюля, въ скульптурной мастерской въ улицѣ des Lions Saint-Paul, въ Парижѣ, были два человека: одинъ изъ нихъ сидѣлъ за столомъ, другой стоялъ съ блуждающими взорами, съ разстроеннымъ лицомъ, держа въ обѣихъ рукахъ по пистолету. — На колѣни, каналья, закричалъ послѣдній. — На колѣни! Откажись отъ своихъ словъ и проси пощады! — Объяснись, отвѣчалъ первый. — Но онъ не успѣлъ ничего болѣе сказать; раздался выстрѣлъ и пуля поразила его смертельно.

Выстрѣлъ сдѣланъ былъ Эдуардомъ Васмусомъ красноречивомъ; убить имъ Ж. Делормъ, скульпторъ. Долгое время соединяла ихъ тѣсная дружба. Живя въ одномъ и томъ же кругу, они дѣлили вѣстѣ заботы и удовольствія, горе и радость. Случилось, что Васмусъ вздумалъ жениться; Делормъ раздѣлялъ его мысль. До женитьбы, они

вмѣстѣ веселились и горевали; собираясь жениться, ожидали того же въ будущемъ. Васмусъ женился на дѣвицѣ Шарланъ и съ трудомъ уговорилъ своихъ родственниковъ выдать за Делорма свою родную сестру. Эта двойная женитьба примыкаетъ къ катастрофѣ 18-го іюля. Сестра Васмуса скоро была оставлена мужемъ, который сосредоточилъ всю заботливость, вниманіе и предусмотрительность на женѣ своего друга. У нея родились подошрвѣя, но тщетно старалась она внушить ихъ своему брату. Ревность томилъ ее, она начала чахнуть и умерла въ сентябрѣ 1845 г. Черезъ восемь-надцать мѣсяцевъ послѣ ея смерти, Васмусъ, нераздѣлявшій прежде полорѣднѣй своей сестры, убѣдился въ ихъ основательности. Въ февралѣ 1847 года онъ нашель у себя въ квартирѣ на столѣ письмо Делорма къ своей женѣ: несчастіе его было несомнѣнно...

Супруги разошлись. Жена Васмуса наняла квартиру около заставы de l'Etoile; самъ онъ остался на прежней квартирѣ, въ улицѣ des Lions Saint-Paul, въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ и Делормъ.

Мы объяснили главную причину, по которой Васмусъ приведенъ былъ въ судъ по обвиненію въ убійствѣ. Теперь перейдемъ къ обстоятельствамъ, сопровождавшимъ его преступленіе.

Въ четверть одиннадцатаго вводятъ обвиняемаго. Это молодой человекъ, двадцати-двѣнадцати лѣтъ; видъ его различенъ; лицо, осыпанное длинными русыми волосами, чрезвычайно блѣдно.

Генеральный адвокатъ г. Делійонъ де-Ториньи занялъ свое мѣсто.

Со стороны обвиняемаго г. Буллошъ. Отецъ Делорма, въ качествѣ гражданского истца за свою внучку, помѣстился близъ судейскаго стола, рядомъ съ своимъ адвокатомъ, г. Лашо.

Президентъ приступилъ къ допросу.

В. До іюля мѣсяца вы давно знали Делорма? — От. Давно. — В. Правда ли, что послѣ упорныхъ споровъ съ своими родственниками, не смотря на ихъ нерасположеніе къ нему, вы уби-

длих ихъ выдать за него свою сестру? — *Оте.* Правда... (со вздохомъ). Я любилъ Делорма и надѣялся, что сестра моя будетъ съ нимъ счастлива. — *Вопр.* Послѣ женитьбы вы дружно съ нимъ жили? — *Оте.* Нѣсколько времени семейство мое подозрѣвало его въ связь съ моей женой, но я этому не вѣрилъ, да и не могъ ожидать такой измѣны... Сестра моя первая подала мнѣ поводъ къ сомнѣніямъ; бѣдняжка была уже нездорова. Разъ, нашедши ее въ слезахъ, я старался утѣшить ее, и она открыла мнѣ свое горе. Она жаловалась, что мужъ оставилъ ее, ухаживаетъ за моей женой и постоянно ищетъ случая бранить ее. Не смотря на то, я такъ любилъ Делорма, что не хотѣлъ вѣрить словамъ сестры, которая говорила даже, что видѣла, какъ онъ обнималъ въ кухнѣ мою жену... Взаимная привязанность между зятемъ и невесткой такъ естественна, что не для чего было и остерегаться поцалу! — *Вопр.* По смерти сестры вашей, вы не подозрѣвали своего несчастія? — *Оте.* Узнавъ о безпокойствѣ сестры, я не рѣшился думать, что Делормъ меня обманываетъ и повѣрилъ этому тогда только, когда увидѣлъ ясное доказательство. — *Вопр.* Чѣмъ именно васъ убѣдило въ томъ? — *Оте.* Жена моя постоянно оставалась у Делорма, чтобы читать газеты; я хотѣлъ отклонить этотъ предлогъ и подписался на *Constitutionnel*. По сообщеніи не прекращались и что-то такое было у меня тутъ... (обвиняемый положить руку на сердце), чтó говорило мнѣ, что все это неестественно и что дѣла идутъ не такъ, какъ бы слѣдовало... — *Вопр.* Скажите же, однако, какъ родилось въ васъ убѣжденіе? — *Оте.* Постепенно. Сначала я не вѣрилъ такой измѣнѣ; однако страшная мысль о ней не оставляла меня. Разъ Делормъ, видя, что я слышкомъ мраченъ, спросилъ: что со мной? «Тебѣ хочется знать...» сказалъ я съ усміемъ: «мнѣ кажется, что вы съ моей женой обманываете меня.» На это онъ отвѣчалъ мнѣ: — какъ могъ ты это подумать? Я, твой зять и другъ,

первый, напротивъ, стану заботиться о твоей чести. Хочешь ли, я поклянусь тебѣ на могилѣ моей бѣдной жены? Я схватилъ его руку и сомнѣніе исчезло. Къ несчастію, Делормъ постоянно былъ съ моей женой; ихъ увлекала сама судьба. Всѣ въ домѣ знали объ ихъ связи, одинъ я не зналъ.

Какъ-то вечеромъ, поцаловавъ своего ребенка, лежавшаго на колѣняхъ у матери, пошелъ я въ столовую и нашелъ на столѣ письмо несчастной, изъ котораго узналъ о всемъ позорѣ. Трудно сказать, чтó происходило тогда во мнѣ. — Слезы выступили на глазахъ и я закричалъ: «и этотъ человѣкъ клался на могилу моей сестры, что охраняетъ мою честь!...»

(Волненіе, овладѣвшее обвиненнымъ при началѣ разсказа, мѣшаетъ ему продолжать; слова его заглушаются рыданіями.) — *Вопр.* Какъ же вы поступили послѣ этого несчастнаго открытія? Подсудимый съ трудомъ отвѣчаетъ. — Ужасныя мысли путались у меня въ головѣ; никогда я не былъ способенъ надѣлать шушу. Довольно уже тяжело было мнѣ ошибиться въ самой нѣжной привязанности. — Я уналъ на колѣни, проси Бога подкрѣпить меня въ несчастіи. Пришла жена, просила простить ее. Я сказалъ ей, что нельзя простить ее, потому-что она заплатила жесточайшей измѣной за всѣ жертвованія, на которыя я обрекъ себя для своего семейства.

Я пошелъ къ отцу; онъ былъ въ мастерской; слезы у меня текли ручьемъ (съ чувствомъ). Я такъ любилъ мою жену! (всеобщее движеніе) и она могла обмануть меня вмѣстѣ съ тѣмъ, котораго я взялъ себѣ зятемъ! (Снова сильное движеніе). Долго бродилъ я по Парижу и вернулся въ полночь; жена почивала въ столовой, а я въ спальней, на стулѣ.

Полутру пришелъ ко мнѣ отецъ; я былъ такъ разстроенъ, что онъ спросилъ: «не умеръ ли мой сынъ!» — Нѣтъ, отвѣчалъ я, бросившись къ нему на грудь: нѣтъ, батюшка, но мнѣ

еще хуже: теперь у меня на землѣ только одинъ другъ... это — вы!

Жену я отослалъ, возвративъ ей приданое; сыну назначилъ въ мѣсяцъ по 25, а потомъ по 30 франковъ.

Оставшись одинъ въ квартирѣ, я получалъ каждый день ругательныя письма; жизнь моя сдѣлалась невыносима. Я потерялъ жену, которую любилъ и не могъ уже приласкать своего ребенка (движеніе)... началъ сомнѣваться, мой ли это сынъ (съ отчаяніемъ). Я говорилъ своей женѣ: «Ты меня не любила, а любишь моего сына, вѣрно онъ не мой...» (сильное волненіе).

Вопр. Жена ваша поселилась у заставы de l'Étoile, разстояніе ея жилища отъ квартиры Делорма, вѣроятно, подавало вамъ надежду, что преступныя сношенія ихъ прекратятся.

Отв. Правда; но къ несчастію, мои надежды не оправдались: жена моя ниѣла безстыдство посылать сына не ко мнѣ, а къ Делорму.

Вопр. Что подвинуло васъ къ послѣднему поступку?

Отв. Этотъ поступокъ я сдѣлалъ противъ воли; правда, я часто думалъ о смерти, долго удерживался, но думалъ я только о своей смерти, потому что мнѣ оставалось только умереть: безъ жены, безъ счастья и семейныхъ радостей, смерть не пугала меня. Но я хотѣлъ прежде объясниться съ нимъ передъ отцомъ. Увидѣвъ зятя, я сказалъ ему: «Мѣсяцъ назадъ, всякій, встрѣчая васъ вѣсть, говорилъ: вотъ братья, которые истинно любятъ другъ друга. Но это можно было сказать только про одного изъ насъ, про меня. Что жъ бы ты отвѣчалъ теперь этимъ людямъ, еслибъ они были здѣсь и я сказалъ бы имъ, что тотъ, котораго я любилъ, что зять, котораго я самъ выбралъ, разрушилъ мою будущность, разорвалъ сердце и поправилъ мою честь?.. Чтобы ты отвѣчалъ имъ?... И... какъ же жестокъ былъ, господа, его отвѣтъ. «Еслибъ не я, то другой,» отвѣчалъ онъ (слабымъ отъ страданія голосомъ). О! еслибъ небо попустило не его, а другаго: тогда, по-крайней-мѣ-

ръ, у меня остался бы другъ, которому бы я могъ пожалть руку... я ушелъ съ отчаяніемъ въ груди (рыданія мѣшajúтъ ему говорить).

Воп. Не было ли еще причинъ несчастнаго случая?

Отв. Домовая хозяйка, г-жа Шмэнъ, повзвала меня 17 числа вечеромъ, часу въ десятомъ, къ себѣ. Она спросила меня, писалъ ли я къ ней; я отвѣчалъ: «нѣтъ...» Ну», сказала она, «объясняться намъ нѣ для чего, вы можете искать квартиры. Вы сами знаете отъ-чего.» — Не за то ли, что я отослалъ жену, которая меня обезчестила? Она отвѣчала, что не за то, и показала безъименное письмо, которое получила. Я объявилъ ей, что письмо это не отъ меня и что я не могу ей сказать, кто писалъ его. Я не рѣшаюсь обвинять зятя, который обрекъ меня слезамъ на всю жизнь. Тогда г-жа Шмэнъ сказала: «Вы вѣжливые своего зятя.» и подала мнѣ письмо Делорма, въ которомъ онъ поноситъ моего отца и обвиняетъ меня въ намѣреніи волочатся за г-жею Шмэнъ, сдѣлаться ея любовникомъ и получать отъ нея деньги.

Ничего подобнаго не испытывалъ я до-тѣхъ-поръ... Обезчестивъ меня, эти люди-выгнали меня изъ дома, чтобъ продолжать тамъ преступную жизнь... Я жестоко страдалъ...

Президентъ читаетъ письмо Делорма, о которомъ говорилъ обвиненный. Въ немъ Делормъ пишетъ, что все преступленіе его состоитъ въ томъ, что его полюбила жена Васмуса, которому онъ не давалъ денегъ.

Вопр. Что же, г-жа Шмэнъ, все-таки вамъ отказала отъ квартиры?

Отв. Да.

Вопр. Въ которомъ часу вы ушли отъ нея?

Отв. Послѣ полуночи.

Вопр. Какъ провели вы ночь?

Отв. Кровь во мнѣ кипѣла, я лишился чувствъ, и, очнувшись, молилъ Бога прекратить мою жизнь, потому что одно горе и отчаяніе оставалось мнѣ на землѣ. Съ разсвѣтомъ, я рѣшился на самоубійство... приготовилъ писто-

леты и пошелъ къ Потру, чтобъ взять пороху... Нерѣшаась открыть ему своего намѣренія, потому-что иначе опять пришлось бы краснѣть, я сказалъ ему, что пролаю пистолеты и нужно два зарада для пробы.

Отъ Потра пошелъ я къ отцу. Какъ я страдалъ, никто того не знаетъ! День этотъ долженъ былъ быть для меня послѣднимъ; я сказалъ отцу: «Пойду къ виновнику моихъ несчастій, выскажу ему его позоръ и умру...» Отъ отца я пришелъ домой.

Немного спустя, кто-то постучался у дверей; то былъ мой дядя; онъ хотѣлъ утѣшить меня... Не помню, что я говорилъ ему. Онъ пошелъ переодѣться, чтобъ потомъ пройти съ мною. Выходя, наказывалъ дворнику присматривать за мной.

Я обезумѣлъ; побѣжалъ къ нему какъ молнія; онъ сѣлъ у стола въ своей мастерской. Я сказалъ ему: «Еще позоръ; еще не кончилась эта преслѣдованія!.. Какъ? Кто-то написалъ къ жещинѣ безъименное письмо ты обвиняешь меня въ этой подлости?» — Да кто жь, какъ не ты, писалъ его? отвѣчалъ онъ, указывая на меня съ усмѣшкой, какъ-бы говоря: кто же писалъ его, какъ не ты, безмозглый, презрѣнное существо, обманутый мужъ! (съ увлеченіемъ). О! господа, чаша была полна; отъ капли, она перелилась бы черезъ край. Я страдалъ; я сказалъ ему: «Откажись отъ своихъ словъ, или мы оба погибнемъ...» Не помню, какъ обошелъ я вокругъ стола и приготовлялся... Я былъ въ болѣзненномъ состояніи; передъ глазами блещли огни, я вскрикнулъ: «На колѣни, каналья! ты, который разрушилъ мое счастье, откажись и проси пощады...» Я выстрѣлилъ... (Въ изнеможеніи, обвиненный падаетъ на скамью и закрываетъ лицо руками). Глубокое молчаніе въ застѣвѣ; слышны только рыданія Васмуса. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ поднимается и продолжаетъ:

— Не хотѣлъ бы я убить его... молю Бога о прощеніи... меня увлекла судба...

Какъ безумный бросился я въ мастерскую; неволью рука упала на другой пистолетъ. О! однимъ утѣшеніемъ оставалась мнѣ — смерть; я хотѣлъ застрѣлиться, но мнѣ помѣшали; я еще живъ, и нѣтъ человека несчастнѣе меня... (Лицо обвиненнаго облилось слезами, онъ снова падаетъ на скамью. Сильное, продолжительное движеніе въ залѣ).

Выслушиваютъ обвинителей; показанія ихъ подтверждаютъ слова подсудимаго. Что касается до свидѣтелей-защитниковъ виновнаго, то они всѣ единодушно признаютъ его вротость, человѣчность и умъ. Президиумъ. Теперь очередь за адвокатомъ со стороны гражданской. — Г. Лашо. Я забочусь только о дочери убитаго, племянницѣ обвиняемаго; я пришелъ, на то что еще не рѣшившись; я видѣлъ, слушалъ, растроганъ какъ и всѣ, и у меня не достаетъ силъ говорить.

Скажу только одно слово обвиненному: Дочь его сестры лишилась отца; если онъ человекъ съ сердцемъ, съ честью, пусть усыновитъ этого ребенка, пусть заставитъ забыть несчастное происшествіе, которое будетъ самъ оплакивать всю жизнь. Отъ имени семейства Делормовъ мнѣ нѣчего больше говорить. — Генеральный адвокатъ. Заключение сдѣлано, остается гражданскій вопросъ. — Г. Лашо. Точно такъ, г. генеральный адвокатъ, но гражданская сторона безмолвствуетъ.

Жюри удаляются въ совѣщательную залу и возвращаются черезъ четверть часа съ заключеніемъ о виновности преступленія.

Однимъ словомъ, судъ освобождаетъ Васмуса.

Загнѣвъ, приступивъ къ обсужденію гражданской стороны дѣла, судъ дѣлаетъ постановленія: чтобъ Васмусъ давалъ дочери Делорма содержаніе по 300 франковъ въ годъ до 18 лѣтняго ея возраста,

— Вотъ черта изъ жизни Піа IX, заслуживающая вниманія. Въ 1824 году, аббатъ Матаин-Ферретти (нынѣ на-

па) объѣзжалъ миссіи въ Южной Америкѣ. Однажды, на пути изъ Вальпараисо въ Лиму, на чилийской гондеттѣ, онъ былъ застигнутъ сильною бурей; судно несло на подводные камни, гибель его была неизбежна... Бѣдственное положеніе гондетты замѣтили на другомъ суднѣ, державшемся на парусахъ. Хозяинъ его, негръ, отправился въ лодкѣ съ нѣсколькими матросами на помощь погибающимъ. Подплывъ къ гондеттѣ, онъ убѣдилъ капитана пустить его на мѣсто рулевого и такъ ловко повелъ судно, что послѣ большихъ усилій успѣлъ ввести его въ гавань Арики, лежащую на южномъ берегу. Аббатъ Ферретти узналъ имя своего избавителя: то былъ бѣдный рыбакъ по имени Бако. На другой день, онъ отправился въ его хижины, построенную на берегу моря, и оставилъ ему кошелекъ съ 400 піастровъ.

На высотѣ величія, на папскомъ престолѣ, кардиналъ Мастав-Ферретти не забылъ Бако и послалъ ему черезъ начальника миссій свой портретъ и еще 400 піастровъ. Но съ 1824 года дѣла измѣнились. Трудолюбивый и дѣятельный Бако употребилъ въ пользу оказавное ему благодѣаніе: онъ первый началъ разрабатывать селитру, которой много въ Америкѣ, разбогатѣлъ и на мѣстѣ бѣдной его хижины стоитъ теперь великолѣпный домъ. Бако сохранилъ навсегда безпредѣльное уваженіе къ высокому пастырю. Онъ устроилъ у себя въ домѣ капеллу, и въ ней помѣстилъ теперь портретъ папы. Капелла эта возвышается надъ моремъ и издали видна путешественникамъ.

— Кардиналъ Ламбружини, бывшій министръ Григорія XVI, разослалъ письма ко многимъ религіознымъ братствамъ, въ которыхъ убѣждалъ ихъ молиться, да введетъ Господь Богъ нынѣшняго папу изъ страшнаго заблужденія и направитъ на благую стезю его предшественниковъ.

Одно изъ этихъ писемъ представлено было Пію IX. Онъ пригласилъ къ

T. LV. — Отд. VIII.

себѣ кардинала, но тотъ отказался, подл предлогомъ болѣзни, и объявилъ, что не можетъ явиться раньше слѣдующаго дня. Тогда папа велѣлъ сказать ему, что онъ самъ будетъ къ нему, и потому кардиналъ посѣщилъ явиться къ его святѣйшеству.

Папа подаль ему письмо его, адресованное къ братствамъ, и когда онъ началъ читать его: «Согласитесь», сказалъ Пію, «что я не могу лечь спать, не простивъ васъ».

— По послѣднему исчисленію, въ апрѣлѣ нынѣшняго года, населеніе Рима, не считая Ghetto, простирается до 175,883 ч. (28,880 чел. больше, чѣмъ въ 1838 г.). Въ этомъ числѣ лицъ духовнаго званія 6,299, изъ которыхъ 2,471 монахи и 1,754 монахини.

— Въ Алжирѣ, съ 15-го сентября (5-го числа мѣсяца шавала 1263-й годъ хиджры) издается, по распоряженію правительства, журналъ на арабскомъ языкѣ, подл названіемъ *Мубешширъ* (*). Онъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ, 15-го и 30-го числа. Цѣль его—содѣйствовать цивилизаціи туземцевъ. Въ немъ будутъ помѣщаться внутреннія и внѣшнія извѣстія, любопытныя для Арабовъ—читателей, новости о движеніи торговли внутренней и внѣшней, о состояніи главныхъ рынковъ Алжира и приморскихъ городовъ Средиземнаго-Моря, о сношеніяхъ съ Константинополемъ, Персіей, Сиріей, Египтомъ, Тунисомъ, Триполи и Марокко,—о важныхъ ремесленныхъ открытіяхъ и развитіи искусствъ, ученые толкованія въ возможно-упрощенномъ видѣ. Въ газету войдутъ также литература, въ особенности арабская, исторія, астрономія и даже поэзія,—законодательство Франціи и Алжира. Особенное вниманіе редакціи журнала будетъ обращено на сельское хозяйство. Къ-сожалѣнію, самое изда-

(* *Мубешширъ* равносильно европейскому *Нувеллисте*, но съ эпитетомъ—полезный, точнѣе говоря: «Сборникъ Полезныхъ Новостей».)

ніе дурно, — журналъ печатается не столбцами, а во всю страницу, что неудобно для чтенія. Буквы отлиты хорошо, но шрифтъ не сохранилъ арабскаго характера.

— Извѣстіе о картинѣ Рафаэля «Лореттская Богоматерь» (*) оказалось несправедливымъ. Въ 4186 № газеты *La Presse* (26/11 окт.) помѣщено слѣдующее письмо какого-то г. Фанъ-Куика (*Van Cuick*) къ редактору:

«М. Г., 8 октября напечатано было въ вашей газетѣ извѣстіе о найденной будто-бы въ Генуѣ оригинальной картинѣ Рафаэля «Лореттская Богоматерь.»

«Еслибъ туринскіе художники увидѣли эту картину рядомъ съ подлинными произведеніями Рафаэля, а не подлѣ слабой копіи, купленной въ Ливорно, они не впали бы въ такое необъяснимое заблужденіе.

«Настоящая картина, о которой говорилъ Ланци и которую восхищались въ Лоретто, находится въ Парижѣ, у меня. Тутъ по-крайней-мѣрѣ неоспоримая генеалогія могла доказать подлинность картины, даже въ томъ случаѣ, если бы по отзывамъ г. Энгра (*Ingres*) и извѣстнѣйшихъ французскихъ писателей и тысячи почитателей въ продолженіи двухъ-мѣсячной выставкѣ не была признана эта картина однимъ изъ превосходнѣйшихъ произведеній дивнаго Санціо.

«Имѣю честь быть и проч.
Фонъ-Куикъ.»

Такъ вотъ какія бываютъ правдоподобныя извѣстія! Вотъ и *Journal des Débats* возвѣстилъ какъ-то недавно о смерти композитора Эжена Дежазе, тогда какъ умеръ уже 3 недѣли тому назадъ Эрнестъ Дежазе, профессоръ музыки, его двоюродный дядя. Хорошо, если у редакторовъ найдется столько увѣренности, какъ у Собакевича, который, проговорившись, что

продалъ каретника Михѣева, на замѣчаніе председателя, что кажется умеръ Михѣевъ, преспокойно отвѣчалъ: «кто, Михѣевъ умеръ? это братъ его умеръ, а онъ преживехонькій и сталъ здоровѣе прежняго; на дняхъ такую бричку наладилъ, что и въ Москвѣ не сдѣлать. Ему, по настоящему, только на «одного Государя и работать» (*).

За то есть добрые люди, осторожность которыхъ, чтобъ не дать повода къ недоразумѣнію, доходить до напвности. Вотъ примѣръ довольно трогательный.

Мирный житель великаго города Парижа, г. Гейгеръ, занимающійся приготовленіемъ спасительныхъ охотничьихъ кожаныхъ брюкъ, рейтузъ, штиблетовъ и иныхъ принадлежностей мужскаго туалета, жительство имѣющій въ улицѣ Ришльѣ, № 42, извѣщаетъ (въ 4188 № *Presse*), что между имъ Гейгеромъ и портнымъ Гейгеромъ, живущимъ въ той же улицѣ Ришльѣ, № 74 (который можетъ-быть, кроить рейтузы, штиблеты и всякія фантастическія куртки) не существуетъ никакихъ узъ родства, ни малѣйшаго единства интересовъ.

Кто поручится, что подлѣ этимъ скромнымъ, законическимъ объявленіемъ не кроется цѣлая драма! что портной Гейгеръ № 74 не сдѣлался кошмаромъ Гейгера № 42!..

— Никогда еще переселеніе въ Соединенные Штаты не было такъ значительно, какъ въ нынѣшнемъ году. — Въ одинъ іюль мѣсяцъ 20,000 еврейскихъ переселенцевъ прибыло въ Нью-Йоркъ. Съ апрѣля по октябрь таможня осмотрѣла 80,000 пассажировъ. Въ штатахъ особенной смертности между переселенцами не замѣтно, за то въ Канадѣ умерло изъ нихъ до 700 человекъ въ четыре недѣли

— Какой-то англійскій спекуляторъ придумалъ отправить въ Индію грузъ

(*) См. послѣднюю книжку О. З.

(*) Мертв. Души, гл. VII, стр. 278.

съ тробами развозить ихъ на мортавъ малабарскаго берега во время свирѣпствования лихорадокъ. Бѣдность рабочаго класса и нездоровый климатъ удивительно помогли этой торговой операци, которая, говорятъ, еще повторится и составитъ такимъ-образомъ новый источникъ сбыта въ британской торговлѣ.

— Въ Штири, гдѣ открыты огромныя торфяники, пробовали недавно топить локомотивы торфомъ. Употребленіе этого топлива вполнѣ удалось.

— Въ Германіи употребленіе лошадинаго мяса распространяется болѣе и болѣе. Мясники начали продавать конину въ нѣкоторыхъ городахъ Пруссіи. Говорятъ, что въ Веймарѣ пробовали ее на публичныхъ бойняхъ, и сначала раздавали даромъ, но и тутъ нѣкуда было ее дѣвать, за то теперь товаръ этотъ продается за деньги и запросъ на него великъ. Говорятъ еще, что нѣкоторыя семейства изъ высшаго класса рѣшились употреблять конину...

— Изъ послѣднихъ извѣстій объ оспопрививаніи во Франціи, за 1844 годъ видно, что изъ 924,000 родившихся оспа привита была 582,000 (что обошлось департаментамъ и коммунамъ въ 217,618 франковъ); 8,812 оспа привилась, изъ числа ихъ 1,139 обезображено, а 1,175 умерло отъ дѣйствія оспы. Департаменты Майены, Вьенны и Роны не вошли въ списки.

— 8 ноября въ Гамбургѣ произошло заочная казнь преступника. Съ утра поставленъ былъ противъ главнаго фасада биржи эшафотъ, въ полдень развели на немъ въ жаровнѣ огонь и ударили на городской думѣ въ колоколъ, что обыкновенно дѣлается при исполненіи тяжкихъ приговоровъ; въ часъ, когда всѣ купцы бывають на биржѣ, палачъ съ двумя помощниками взобралъ на эшафотъ, и вслѣдъ за барабаннымъ боемъ громко объя-

вить имя купца, признаннаго виновнымъ въ злостномъ банкротствѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ скрывшагося, — потомъ выставилъ доску съ именемъ виновнаго, подписанными огромными буквами; вновь ударили въ барабаны и доска полетѣла въ огонь.

Уже двадцать три года не происходило въ Гамбургѣ такой казни.

По законамъ города за злостное банкротство виновный наказывается заключеніемъ отъ 10 до 20 лѣтъ и выставляется у морского столба. Въ случаѣ побѣга, палачъ всенародно сжигаетъ его имя.

— Въ г. Бар-ле-Дюкъ (въ департаментѣ Мёзы) открыта подписка на сооруженіе памятника маршалу Удино, герцогу Редюю. — Национальная гвардія приняла дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ и пожертвованія собираются даже въ Парижѣ.

— Если вѣрять газетамъ, въ Суспензионс-бриджскомъ звѣриницѣ близъ Калькутты накопится въ настоящее время взрослая обезьяна о двухъ головахъ совершенно-одинакой величины. Бѣтъ она безразлично и тѣмъ и другимъ ртомъ (каково!..); пищеварительныя отправления не представляютъ ничего аномальнаго, равно какъ и система кровообращенія. Полагаютъ, что не смотря на такое неслыханное уродство, животное это можетъ прожить довольно долго.

— Самые грязныя и сирадные кварталы Лондона становятся поопрятнѣе. Въ Glasshouse-yard, East-Smithfield, въ двухъ шагахъ отъ лондонскаго дока, находится общественное заведеніе для мытья; оно раздѣлено пополамъ на баню и прачешную. Всякій можетъ бесплатно войти туда и получить ванну, горячей воды и мыла; вымыть свое бѣлье онъ можетъ, не простужаясь, въ прачешной, потомъ высушить его съ небольшимъ въ пол-часа въ паровой сушильнѣ, послѣ этого идетъ въ гладильню и разглаживаетъ бѣлье уют-

гомъ. Заведеніе это устроено частными лицами. Въ первый годъ 35,480 ч. приходили туда мыть свое бѣлье, а 27,622 ч. мыться. Число посѣтителей постоянно увеличивается. Кроме этого заведенія, въ Лондонѣ недавно открыто нѣсколько дешевыхъ бань для рабочаго класса. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что въ Англіи вообще бани очень рѣдки. Причину должно искать въ общемъ убѣжденіи, что у всякаго есть свое у себя (*son chez soi*) и *à home!*. Вотъ она, потребность комфорта, вотъ развитіе личности... И то правда, по словамъ одного англійскаго журнала, число нищихъ въ Лондонѣ простирается до 60,000 чел., а сумма собираемой ими ежегодно милостыни до 30 миліонновъ франковъ. Слѣдовательно, кругомъ приходится по 500 франковъ на каждаго нищаго. Какъ же тутъ не подумать объ своемъ *chez soi!*..

— Вотъ еще полезное учрежденіе: Общество школъ для бѣдныхъ устроило въ улицѣ Rue-Street, близъ Уестминстерскаго Аббатства, школу въ которой учатся читать и писать сто двадцать чел. дѣтей, родители которыхъ некогда, внесенные въ полицейскіе списки. Общество, удостовѣрившись, что дома ихъ худо кормятъ, даетъ имъ сытный обѣдъ; кроме того, для немѣющихся пристанища устроены снѣлки. — Недавно къ учителю школы явился какой-то оборвышъ и объявилъ, что онъ занимается воровствомъ. «Я велъ до-сихъ-поръ, да и теперь веду собачью жизнь; мнѣ хочется сберечь отъ этого своего сына, — самому мнѣ повдно переимѣниться. Если бы во время моей молодости были такія школы, не тѣмъ бы я теперь былъ; я готовъ давать по стерлингу въ годъ на поддержаніе заведенія.»

По увѣренію учителя этой школы, прихвѣръ находищихся въ ней дѣтей

подѣйствовало уже и на родителей нѣкоторыхъ изъ нихъ.

— Нѣсколько человѣколюбивыхъ особъ, подѣ председательствомъ лорда Квинерда, устроили въ улицѣ Peter-street ночной пріютъ. Заведеніе помѣщается въ двухъ домахъ, — опрятныхъ и устроенныхъ какъ гостиницы. Въ одномъ домѣ постели для одинокихъ мужчинъ, въ другомъ для семействъ; оба отдѣленія вмѣщаютъ до семидесяти человѣкъ, не считая дѣтей. За постель для одного платится 3 пенса, для мужа и жены 6 пенсовъ. Постели — опрятны, семейныя постели съ занавѣсами. Въ каждомъ изъ домовъ — кухня, умывальня и общая зала, въ залѣ круглый столъ и на немъ книги духовнаго содержанія, учебники, недорогіе журналы (*Magazines*). Учредители заведенія не имѣли въ виду выгоды, тѣмъ менѣе за вычетомъ годовыхъ издержекъ и процентовъ съ капитала (всего 150 ф. стерл.), изъ годоваго сбора (250 ф. стерл.; еженедѣльный сборъ отъ 4 до 5 ф.) остается чистой прибылью 100 ф. стерл.

— Изъ недавно напечатанныхъ извѣстій о развитіи первоначальныхъ школъ въ Ирландіи видно, что съ 1833 года число школъ изъ 789 возрасло до 3,637, а число учащихся изъ 170,042 до 436,410 чел.

— Въ Балтиморѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ, говоритъ одна газета, основанъ пріютъ (*crèche*), въ которомъ дѣти убаюкиваются машинкой, приводящей въ движеніе и качающей люльку. Многіе смѣялись надъ этимъ нововведеніемъ и даже сомнѣвались въ дѣятельности такихъ слуховъ. Не можемъ утверждать, точно ли Американцы привели этотъ планъ въ исполненіе, но знаемъ, что въ Парижѣ вопросъ этотъ былъ строго обдуманъ и у изобрѣтателя не хватало только денегъ на осуществленіе своей странной мысли

М О Д Ы.

Прежде всего скажемъ о бальныхъ платьяхъ, какъ о предметѣ занимающемъ теперь всѣхъ дамъ. Конечно, большіе балы еще не начались, но есть вечера съ танцами, на которыхъ наряды бываютъ такъ же великолѣпны и красивы, какъ и на большихъ балахъ. Вотъ, на-примѣръ, что можетъ быть нарядѣе такого костюма: платье изъ розоваго неразрѣзаннаго бархата съ тюникомъ, которая такъ же, какъ и нижняя юбка, обшита широкими бѣлыми кружевами? Лишь со шнуркомъ и съ кружевной маленькой беретой. Уборка головы: изъ бѣлыхъ кружевъ и двухъ большихъ кокардъ изъ бархата; прибавьте еще къ этому брилліантовые шпильки, поддерживающія кружево на головѣ, и два золотые браслета съ опалами.—Мы видѣли также платье изъ розоваго неразрѣзаннаго бархата, съ тремя біе изъ розоваго разрѣзаннаго бархата; это платье было очень оригинально. Вообще для уборки платья много употребляютъ кружевъ и бахрому, но такъ искусно сдѣланную, что съ перваго взгляда можно ее принять за перья; особенно эта бахрома была хороша на бѣломъ платьѣ изъ неразрѣзаннаго бархата. Букеты розовыя, на которыхъ блеститъ роса, перемѣшивались съ бахромою, и это производило эффектъ удивительный. Цвѣты, на которыхъ блеститъ роса, въ большой модѣ, и дѣйствительно, вечеромъ или даже поутру, эта роса придаетъ много жизни цвѣтамъ, особенно если она хорошо сдѣлана.

Для уборки платья очень-многія упо-

требляютъ атласныя ленты одинаково цвѣта съ платьемъ; эти ленты собираются какъ рюшъ и пришиваются на юбку въ нѣсколько рядовъ, также на рукава и на лифъ.—Лифы все еще большею частію дѣлаются закрытые и гладкіе; иногда на нихъ бываютъ маленькіе отвороты, которые начинаются отъ кушачка и кончатся сзади у проймы. Рукава дѣлаются съ браслетами, узкіе и широкіе; но на платья для выѣздовъ больше всего идутъ рукава гладкіе, недоходящіе до кисти, съ прорѣзомъ почти до локтя. Жокеи дѣлаются только на узкихъ рукавахъ, которые у кисти застегиваются на нѣсколько пуговицъ.

Манто для разѣздовъ послѣ спектакля дѣлаются гладкіе или сборчатые, но непременно съ капишномъ, который почти всегда бываетъ острый, подбитый атласомъ, если манто бархатное, или бархатомъ, если манто атласное. Рукава должны быть соединены съ пелеринкой, но если ея нѣтъ, то рукава дѣлаются венеціанскіе, то-есть, довольно-широкіе и скругленные.

Всѣ манто для гулянья, какого бы фасона они ни были, дѣлаются со швами на бокахъ и съ мѣшкомъ; но если нѣтъ мѣшка, то непременно дѣлаются двѣ пелеринки въ родѣ тѣхъ, которыя показаны на картинкѣ моды, приложенной къ этой книжкѣ нашего журнала; только не такъ длинны и скруглены сзади. Этотъ фасонъ еще не дѣлали пелеринокъ, но вѣрно скоро начнутъ дѣлать, потому что онъ похожъ на косынку, а косынки съ каждымъ

днемъ болѣе и болѣе становятся необходими. Рукава должны идти отъ пелеринки, какъ показано на картинкѣ. Уборки на шерстяныхъ манто употребляются изъ агрананта, а на атласныхъ и бархатныхъ изъ кружева. Цвѣтъ же предпочитается болѣе черный, или самый темно-синій.

Шляпки дѣлаются все еще съ выпуклыми донышками и болѣеючастью украшены кружевами. Перья приназываются такъ, какъ означено на прилагаемой при семъ картинкѣ. Цвѣты должны состоять изъ одного большаго цвѣтка съ бутонами и густой зеленью. Вотъ еще новость на нашей картинкѣ: кружева пришиты подъ поля шляпки, какъ носили назадь тому лѣтъ десять; но это не красиво и не думаемъ, чтобъ снова вошло въ моду.

Чепчики чрезвычайно-красивы, когда они дѣлаются изъ кружева и убаваются цвѣтнымиъ тюлемъ, на-примѣръ,

такъ: чепчикъ весь состоитъ изъ нѣсколькихъ рядовъ кружевъ; каждый рядъ отдѣляется бізъ розоваго тѣла, отъ котораго кружева принимаютъ необыкновенно-красивый розоватый цвѣтъ; на бокахъ чепчика букеты изъ розововъ, сдѣланныхъ изъ бархата съ бархатными же розовыми листьями. Лопастн на чепчикахъ изъ большой модѣ; иногда они опускаются прямо на плеча, а иногда подбираются наверхъ, гдѣ ихъ скрѣпляетъ розанъ изъ бархата самаго ярнаго цвѣта и багтъ съ опущенными по обѣимъ сторонамъ концами. Многіе чепчики убаваются рюшемъ изъ лентъ, которыя вырѣзаны зубцами. Чепчики для утреннаго неглиже непременно должны быть вышиты—будь они изъ кисеи, или батиста, все равно.

Вышивки изъ большой модѣ; гдѣ бы онѣ ни были, на платьѣ ли, на платкѣ ли, на манишкѣ ли—ведѣ онѣ кстати.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

ПОЛУЧЕННЫЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ КОММИССІОНЕРА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ И ГВАРДЕЙСКАГО КОРПУСА

М. А. ЖДАРОВА.

Въ Санктпетербургѣ, въ Гостиномъ-Дворѣ, № 22.

(Цѣны означены на серебро, безъ пересылки.)

	P. K.		P. K.
TRAITÉ DE LA POLICE MUNICIPALE, ou de l'autorité des maires, de l'administration et du gouvernement en matière réglementaire, par Champagny. 3 vol. 8. Paris, 1847.	5 15	perge, etc., par Loisel. Un vol. 12. Paris, 1847.	43
PARIS, ou les sciences, les institutions et les mœurs au 19 ^e siècle, par Esquiros. 2 vol. 8. Paris, 1847.	4 25	TRAITÉ DES VACHES LAITIÈRES, par Guenon. Un vol. 8. Paris.	2 .
PSYCHOLOGIE, — opuscules, par Aristote; trad. en français pour la première fois par St. Hilaire. Un fort vol. 8. 1847.	2 15	ABRÉGÉ PRATIQUE DES MALADIES DE LA PEAU, par Cazenave. Un fort vol. avec fig. Paris, 1847.	3 .
HISTOIRE DU TARIF, — les feres et les houilles, par Molinari. 8. Paris. 1847. 55	L'ART DE VIVRE LONGTEMPS et en parfaite santé, par Cornaro. Un vol. 12. Paris, 1847.	1 .
ESSAI SUR L'ÉTAT DU PAUPERISME EN FRANCE, et sur le moyen d'y remédier, par Robert-Guyard. Un vol. 8. Paris, 1847.	1 15	RECUEIL DES MÉMOIRES ET OBSERVATIONS SUR L'HYGIÈNE et la médecine vétérinaire militaire, publié par l'ordre du ministre; tome 1-r in.8., avec pl. color. Paris, 1847.	3 40
DES VÉGÉTAUX QUI CROISSENT SUR L'HOMME et sur les animaux vivans, par Robin. Un vol. 8. Paris, 1847.	1 15	MANUEL DE DISSECTION, ou élémens d'anatomie générale, descriptive et topographique, par Coste. Un vol. 8. Paris, 1847.	2 25
DE L'INDUSTRIE CHEVALINE EN FRANCE, et des moyens pratiques d'en assurer la prospérité, par le Comte d'Aure. Un vol. 8. Paris, 1847.	1 40	NOUVEAU MANUEL POUR LA FABRICATION DES ALLUMETTES CHIMIQUES, du coton et papier-poudre, etc., par Roussel. in 18. Paris, 1847.	
MANUEL PRATIQUE DU JARDINAGE, ouvrage spécialement destiné aux amateurs d'Horticulture, etc., par Courtois-Gerard. Un vol. 12. Paris, 1847. 85	DOCUMENTS RELATIFS AU COTON DÉTONANT. Un vol. 8. Paris, 1847.	1 .
TRAITÉ complet de la culture naturelle et artificielle de l'as-		EXPERIENCES CHIMIQUES ET AGRONOMIQUES, par F. Kuhlmann. Un vol. 8. Paris, 1847.	1 .
		JOURNAL DES OPERATIONS MILITAIRES et administratives des sièges et blocus de gène, par Thibault. 2 vol. 8. Paris, 1847.	4 50
		MANUEL DE L'HISTOIRE DE L'ART	

<p>CHEZ LES ANCIENS—Catalogue Chronologique des artistes, écrivains et personnages célèbres, etc., par le C-te de Clarac. 2 forts vol. 12. Paris, 1847</p> <p>COURS DE LANGUE ALLEMANDE avec des exercices gradués, conversations, phrases et locutions usuelles, etc., d'après la méthode Robertson, par Savoye. 4-e édition. Un vol. 8. Paris, 1848.</p> <p>RUEMENS DE LA LANGUE HINDOUI, par Garcin de Tassy. Un vol. 8. Paris, 1847</p> <p>SAINT LOUIS ET SON SIÈCLE, par Walsh, magnifique vol. gr. in 8. orné de gravures. Paris, 1847</p> <p>HISTOIRE DES PRISONNIERS FRANÇAIS EN AFRIQUE depuis</p>	<p>P. K.</p> <p>2 85</p> <p>2 15</p> <p>2 85</p> <p>3 40</p>	<p>la conquête, par Alby. 2 vol. 8. Paris 1847 4 .</p> <p>LETTRÉS SUR L'ALGERIE, par Marmier. Un vol. 12. Paris, 1847 . 85</p> <p>OLIVIER CROMWELL, sa vie privée, ses discours publics, sa correspondance particulière, etc., par Ph. Chasles. 1 vol. 12. 1847 1 .</p> <p>ALMANACH DE GOTHA POUR 1848 Relié en maroquin 2 .</p> <p>CONSEILS AUX MÈRES sur l'allaitement et sur la manière d'élever les enfants nouveau-nés, par Donné. Un vol. in 12. Paris, 1846. 85</p> <p>GUIDE DU MÉDECIN PRATICIEN, ou résumé général de pathologie interne et de thérapeutique appliquée, par Valleix; tome 19-e. in 8. Paris, 1847 2 43</p>	<p>P. K.</p>
--	--	--	--------------

Печатать позволено, 27 ноября, 1847. Старшии цензоръ Речевтъ.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ У М. БЕРНАРДА,

На Невскомъ-Проектѣ, противъ Малой - Морской,
въ домѣ Паскаля № 11.

Серебромъ Р. К.

Оперы для фортепьяно и пѣнія.

(Полное изданіе въ маленькомъ форматѣ).

АДАМ. Le Chalet (Швейцарская хижина) Opéra Comique, paroles françaises	4
АУБЕР. La muette de Portici (Fenella) Opera paroles françaises et allemandes	4 29
BELLINI. Beatrice di Tenda (4 29), J Capuleti ed i Montecchi (4 29), Norma (4 29), Il Pirata (4 29), I Puritani (4 29), La Sonnambula (4 29), La Straniera	4 29
(Tous ces operas sont avec texte italien).	
DOMIZETTI. Anna Bolena (4 29), Don Pasquale Opera buffa (5 p.), L'Elisir d'amore opera (4 29), La figlia del reggimento (4 29), Il furioso (4 29), Gemma di Vergy (4 29), Linda di Chamounix (4 29), Lucia di Lammermour (4 29), Lucrezia Borgia (4 29), Maria di Rohan (4 29), I Martiri	4
(Tous ces Opéras sont avec texte italien).	
— La Favorite Opéra paroles françaises	5 72
HALEVY. Les mousquetaires de la reine Opera paroles françaises	7
MERCADANTE. La Vestale Opéra italien	4 29
NICOLAI. Il templario Opéra italien	5 72
PACINI. La Fidanzata corsa Opera italien	5
ROSSINI. Il barbiere di Seviglia (4 29), La cenerentola (4 29), La gazza ladra (6 p.), L'italiana in Algieri (4 20), Mosé in Egitto (4 29), Otello (4 29), Roberto Bruce (5 p.), Semiramida (6 p.), Tancredi (4 29), Il turco in Italia	4 29
(Tous ces Opéras sont avec texte italien).	
VERDI. Attila Opera italien (5 p.), Ernani (6 p.), I due Foscari (6 p.), I Lombardi alla prima crociata (6 p.), Nabucodonosor	5

Оперы для одного фортепьяно.

(Полное изданіе въ маленькомъ форматѣ).

АУБЕР. Fra Diavolo (2 p. 85 к.), La muette de Portici (Fenella)	2 85
BALFE. Les quatre filles d'Haymon	3
BELLINI. Beatrice di Tenda (2 p. 85 к.), I Montecchi ed i Capuleti (3 p.), Norma (3 p.), Il Pirata (3 p.), La Sonnambula (3 p.), La Straniera	2 85
BOIELDIEU. La dame blanche	2 85
CIMAROSA. Il matrimonio sergeto	3 —
DOMIZETTI. Anna Bolena (4 p.), L'Elisir d'amore	3 —
— Lucia di Lammermour	3 —
HEROLD. Zampa	2 85
MEHUL. Joseph	2 29
MOZART. Così fan tutte (2 p. 85 к.), Don Juan (2 p. 85 к.), L'Enlèvement au Sérail (2 p.), Figaro (2 p. 85 к.), La jardinière (2 p. 85 к.), Idomeneo (2 p. 29 к.), Titus (2 p.), La flûte magique	2 29
— Всѣ семь оперъ въ переплетѣ, съ портретомъ Моцарта, предѣльными заглавными листомъ и либретто	11 50
ROSSINI. Il barbiere di Seviglia (2 p.), Cenerentola (3 p.), La donna del lago (2 p. 85 к.), La gazza ladra (2 p. 85 к.), Mosé in Egitto	

(2 p. 85 к.), Otello (2 p. 85 к.), Le Siège de Corinthe (3 p.), Tancred	2 85
SPONTINI. La Vestale	2 85
WEIGL. La famille suisse	2
WINTER. Le sacrifice interrompu	2 85

Оперы для фортепьяно въ четыре руки.

(Полное издание въ маленькомъ форматѣ.)

AUBER. La muette de Portici (Fenella)	5 15
BELLINI. Norma	5 15
— La Sonnambula	5 15
BOIELDIEU. La dame blanche	5 15
DONIZETTI. Lucia di Lammermoor	5 15
HEWOLD. Zampa ou la fiancée de marbre	4 29
MOZART. Così fan tutte (5 p. 15 к.), Don Juan (5 p. 72 к.), L'Enlèvement au serail (5 p. 15 к.), Figaro (5 p. 72 в.), La flûte magique (5 p. 15 к.), Titus	5 15
ROSSINI. Il barbiere di Seviglia	5 15

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе *трехъ руб. сер.*, получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на *дванадцать руб. сер.*, пользуясь означенною уступкою, кромѣ того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только особы, которыя обратятся съ своими требованіями *непосредственно* въ магазинъ *М. Бернарда*. На этихъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всѣ музыкальныя сочиненія, къ которымъ они не были изданы и объявлены въ какомъ-либо каталогѣ.

Въ магазинѣ г. Бернарда получены на двѣхъ превосходныхъ итальянскихъ струны, которыя продаются по слѣдующимъ цѣнамъ: бунтъ (30 струнъ) лучшихъ четырехъ жильныхъ и четырехъ извѣстныхъ *кэмбъ* (6 р.), одна струна изъ такого бунта (25 коп.), бунтъ лучшихъ *секундъ* (5 р.), одна струна изъ такого бунта (20 к.), бунтъ лучшихъ *терцій* (7 р.), одна струна изъ такого бунта (30 к.), одинъ скрипичный *басокъ* (25 к.), одинъ скрипичный басокъ, серебряный шлифованный (60 к.), одинъ аккордъ *виолончельныхъ* струнъ (1 р. 75 коп.), одна струна А для виолончеля (30 к.), одна струна D для виолончеля (50 коп.), одна струна G для виолончеля (50 к.), одна струна C для виолончеля (75 к.), одинъ аккордъ *альтовскихъ* струнъ (1 р.), одна струна G для *альта* (25 коп.), одна струна C для *альта* (30 к.), одинъ аккордъ для *шестиструнной гитары* (1 р. 50 к.), одинъ аккордъ для *семиструнной гитары* (1 р. 70 к.), одинъ басокъ (вѣнскій) для гитары (25 к.), одинъ фунтъ американскаго камыша (2 р. 80 к.), одинъ кусокъ парижской *канифоли*, отличной доброты (50 к.), парижскій метрономъ (15 р.), метрономъ съ колокольчикомъ (20 р.), одинъ фунтъ английскихъ стальныхъ струнъ (2 р.).

Въ этомъ же магазинѣ вышла двѣнадцатая тетрадь «НУВЕЛИСТА», которая содержитъ въ себѣ: *Osborne, La pluie de perles, Grande valse. Reissiger, Les balançaires.—Chopin valse nouvelle. Holmann, le camp des gardes russes, Divertissement. Magazzari, Hymne populaire.—Gospfert, Seraphine mélodie.—Ferrero, Quadrille.—Czerny Rondo sur l'opéra Belisario. — Hüntten Bolero sur l'opéra Ne touchez pas à la reine.—Гензельма Стоунъ Паикты, романсъ.—David Dormez Marie, Berceuse.—Музыкально-литературное Прибавленіе.*

Годовая подписка 10 руб. сер., съ пересылкою 11 руб. 50 коп. сер.

J

145

JUN 15 1937

